

Роберт Брындза

**ДЕТЕКТИВ
ЭРИКА ФОСТЕР**

Книги 1-7

Annotation

Дебютный роман «Не очень секретные электронные письма Коко Пинчард» Брындза опубликовал в 2010 году. Первая проба пера не была замечена критиками, хотя хорошо продавалась на Amazon. Автор собирался бросить писательство, но друг уговорил его попробовать силы в другом жанре. Так появилась «Девушка во льду». За считанные дни детективный роман попал в списки бестселлеров The Wall Street Journal и USA Today и обеспечил прозаику международное признание. История рассказывает о жестких убийствах в Лондоне, за расследование которых берется женщина-детектив. Книга была продана тиражом более миллиона экземпляров. Вдохновленный ее успехом, автор продолжил работу и создал серию романов о детективе Эрике Фостер. Стоит отметить, что романист решил получить второе образование – криминалиста. Эти знания помогут ему детально прорабатывать сюжет, исключить неточности. Сейчас в творческой копилке Роберта Брындзы более десятка книг. Его работы проданы тиражом в три миллиона экземпляров и переведены на двадцать девять языков. Помимо детективов и триллеров, автор работает над серией романтических комедийных историй.

Содержание:

"ЭРИКА ФОСТЕР":

1. Девушка во льду (*Перевод: Ирина Новоселецкая*).
2. Ночной Охотник (*Перевод: Ирина Новоселецкая*).
3. Темные воды (*Перевод: Ирина Новоселецкая*).
4. Последнее дыхание (*Перевод: Светлана Хатуева*).
5. Холодная кровь (*Перевод: Ирина Новоселецкая*).
6. Смертельные тайны (*Перевод: Светлана Хатуева*).
7. Девять вязов (*Перевод: Екатерина Казарова*).

Отдельные детективы:

- 1-Девять вязов.

-
- [Роберт Брындза](#)

o

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)

- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)

- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Эпилог](#)
- [К читателю](#)
- [От автора](#)
- [Роберт Брындза](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)

- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Эпилог](#)
- [К читателю](#)
- [От автора](#)
- [Роберт Брындза Темные воды](#)
 -
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)

- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)

- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Эпилог](#)
- [К читателю](#)
- [От автора](#)
- [Роберт Брындза](#)
 -
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)

- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Глава 86](#)
- [Глава 87](#)
- [Глава 88](#)
- [Глава 89](#)
- [Глава 90](#)
- [Глава 91](#)
- [Эпилог](#)
- [От автора](#)
- [Благодарности](#)
- [Роберт Брындза](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)

- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)

- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Эпилог](#)
- [К читателю](#)
- [Благодарности](#)
- [Роберт Брындза](#)
 - [Осень 1995](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Пятнадцать лет спустя](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)

- [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
 - [149](#)
 - [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
 - [156](#)
 - [157](#)
 - [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
 - [164](#)
 - [165](#)
 - [166](#)
-

Роберт Брындза
Девушка во льду

*Посвящается
Яну,
который
помогает мне
писать комедии,
а теперь и
детективы*

© Robert Bryndza, 2016.
© Новоселецкая И., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Андреа Дуглас-Браун торопливо шла по безлюдной торговой улице, тихо постукивая каблучками по поблескивающему в лунном свете тротуару. Цоканье ее шпилек то и дело сбивалось с ритма – слишком много водки выпила. Морозный январский воздух обжигал ее голые ноги. Рождество и Новый год наступили и прошли, оставив после себя стылую стерильную пустоту. Мимо тянулись витрины магазинов, погруженных в темноту, которую разрывал только один грязный паб, стоявший под мигающим уличным фонарем. Внутри сидел, сгорбившись над ноутбуком со светящимся экраном, какой-то индеец, но он не обратил на нее внимания.

Андреа душил гнев, ей не терпелось подальше умчаться от паба, и потому она задумалась о том, куда направляется, лишь тогда, когда витрины магазинов сменили большие дома, стоявшие чуть в глубине от тротуара. Над ней раскинулись голые костлявые ветви вяза, сливавшиеся с беззвездным небом. Она остановилась и прислонилась к стене, чтобы перевести дух. Кровь с гудением пульсировала по телу, и с каждым вдохом легкие обжигал ледяной воздух. Обернувшись, она увидела, что ушла довольно далеко, находится на полпути к вершине холма. Позади пролегла дорога, убегающая вниз, гладкая и тягучая, как патока, полоса, омываемая оранжево-желтым сиянием. У ее оконечности кутался во мглу железнодорожный вокзал. Андреа обволакивали безмолвие и холод. Казалось, все вокруг замерло, и только пар ее дыхания поднимался в студеном воздухе. Она сунула под мышку розовый клатч, удостоверилась, что поблизости никого нет, затем задрала свое короткое платье и вытащила из-под подола айфон. На чехле в оранжевом свете уличных фонарей слабо мерцали кристаллы *Swarovski*. Дисплей показывал, что сигнал отсутствует. Выругавшись, Андреа снова спрятала мобильник под подол и расстегнула маленькую розовую сумочку, в которой лежал старый айфон, как и первый, украшенный кристаллами, – правда, некоторые из них отсутствовали. Он тоже показывал, что сигнала нет.

Андреа огляделась, чувствуя, как грудь сдавило от паники. Дома стояли в стороне от дороги, за высокими оградами с железными воротами. Надо подняться на холм, рассудила она. Там связь наверняка

будет. И, была не была, она позвонит водителю отца. Придумает, как объяснить, почему она оказалась к югу от реки. Андреа застегнула на все пуговицы свою коротенькую кожаную куртку, обхватила себя руками, по-прежнему сжимая в ладони, словно талисман, старый айфон, и быстро зашагала к вершине.

За спиной послышался рокот автомобиля. Она повернула на звук голову, прищурилась, глядя на фары. Их яркие лучи запрыгали по ее голым ногам, отчего она почувствовала себя еще более обнаженной. Надежда на то, что это такси, мгновенно угасла, едва она заметила, что крыша у машины низкая и над ветровым стеклом не горит надпись «свободно». Андреа отвернулась, продолжая подъем. Автомобиль урчал все громче и громче, а потом свет фар накрыл ее, отбросив белое пятно на тротуар прямо перед ней. Миновало несколько секунд, а она по-прежнему шла в круге света, почти ощущая его жар. Андреаглянула через плечо на слепящие фары. Машина замедлила ход и теперь ползла по дороге буквально по пятам.

Андреа рассвирепела, сообразив, чей это автомобиль. Тряхнув длинными волосами, она отвернулась и пошла дальше. Машина поехала чуть быстрее, поравнялась с ней. Темные тонированные стекла не позволяли заглянуть в салон, из которого неслась громкая музыка, отчего у Андреа защекотало в горле и в ушах появился зуд. Она резко остановилась. Через несколько секунд машина тоже встала, но потом чуть-чуть откатила назад, так, чтобы окно со стороны водителя находилось вровень с ней. Музыка умолкла. Мотор тихо жужжал.

Наклонившись, Андреа попыталась рассмотреть водителя через чернильное стекло тонированного окна, но увидела только свое отражение. Она нагнулась ниже и попробовала открыть дверцу, но тщетно. Андреа стукнула по стеклу розовым клатчем и снова дернула за ручку.

– Я не шучу! – крикнула она. – Я говорила вполне серьезно! Открой дверцу, а то... а то...

Автомобиль стоял на месте, мотор урчал.

А то что? – словно спрашивал он.

Андреа сунула сумочку под мышку, показала тонированному стеклу средний палец и пошла дальше, преодолевая последний участок подъема. На краю тротуара высилось огромное дерево. Спрятавшись

за его толстым стволом от автомобильных фар, она подняла над головой телефон, снова проверяя, не появился ли сигнал. На небе ни звездочки; оранжево-коричневое облако висело так низко, что, казалось, можно дотянуться рукой. Машина медленно подползла к дереву и остановилась.

Андреа почувствовала, как внутри нее зашевелился страх. Стоя под сенью дерева, она осмотрелась вокруг. Густая живая изгородь обрамляла тротуары по обе стороны от дороги, которая убегала вдаль, исчезая среди неясных очертаний окутанного полумраком пригорода. Потом она бросила взгляд через дорогу и заметила улочку меж двумя большими зданиями. И даже разглядела указатель с надписью «Далидж – 1¼ мили».

– Поймай меня, если сможешь, – пробормотала Андреа. Сделав глубокий вдох, она кинулась бегом через дорогу, но споткнулась о толстый корень дерева, торчавший из асфальта. Лодыжку пронзила острая боль. Не устояв на ногах, Андреа грохнулась на дорогу. Сумочка и телефон отлетели в сторону. При падении она бедром и головой ударилась о край бордюрного камня, с глухим стуком, о гудронированное покрытие шоссе. Ошеломленная, она лежала на дороге в слепящем сиянии фар.

Свет погас, погрузив ее в темноту.

Услышав, как открылась дверца, Андреа попыталась подняться, но дорога под ней кренилась и вращалась. В поле ее зрения появились ноги, синие джинсы... Пара дорогих кроссовок расплылась перед глазами, двоилась. Она протянула руку, ожидая, что знакомая фигура поможет ей встать, но вместо этого одна ладонь в кожаной перчатке накрыла ее рот и нос, а вторая, так же стремительно, схватила обе руки Андреа и крепко прижала их к ее телу. Сама перчатка была мягкой и теплой, но мощная хватка пальцев повергла Андреа в шок. Ее рывком оторвали от земли, быстро подтащили к задней дверце автомобиля и втокнули в салон. Она ничком упала на заднее сиденье. Дверца захлопнулась, и стало теплее. Потрясенная, Андреа лежала в машине, не совсем понимая, что сейчас произошло.

Автомобиль качнуло, когда его хозяин сел на переднее пассажирское кресло и закрыл за собой дверцу. Щелкнул центральный замок, и заблокировались все двери автомобиля. Андреа услышала, как откинулась крышка бардачка. Потом шуршание. Бардачок

захлопнулся. Машина снова закачалась: мужчина перебрался через брешь между передними креслами назад и уселся ей на спину, выдавливая воздух из ее легких. Мгновением позже он завел ее руки за спину и туго связал их пластиковой лентой, которая впиалась в запястья. Мужчина, быстрый и гибкий, переместился на ее теле, теперь мускулистыми ногами давя на ее связанные руки. Раздался треск разматываемого толстого скотча. Андреа почувствовала, как ей связывают лодыжки, отчего боль в вывихнутой щиколотке усилилась. К резкому аромату елового освежителя воздуха примешивался острый медистый запах, и она поняла, что у нее разбит нос.

От гнева в крови забурлил адреналин, в голове прояснилось.

– Ты что, рехнулся?! – взвизгнула Андреа. – Я закричу! А кричу я громко, ты знаешь!

Мужчина повернулся и придавил ее коленями, так что она едва могла дышать. Краем глаза Андреа заметила какую-то тень, а в следующую секунду на затылок ей обрушилось что-то твердое и тяжелое. Снова пронзительная боль, из глаз посыпались искры. Мужчина еще раз со всего размаху припечатал ее по голове. Она потеряла сознание.

На дороге было все так же тихо и пустынно. С неба посыпались первые снежинки. Лениво кружась в воздухе, они медленно опускались на землю. Шикарный автомобиль с тонированными стеклами почти бесшумно тронулся с места и укатил в ночь.

Глава 1

Ли Кинни вышел из небольшого дома в конце квартала, где он жил с матерью, и оглядел улицу: всюду белым-бело. Из кармана тренировочных штанов он достал пачку сигарет и закурил. Снег, валивший все выходные, и теперь еще падал, облагораживая тротуары и дорогу, на которых уже отпечатались следы ног и автомобильных шин. От железнодорожной станции Форест-Хилл, стоявшей у подножия холма, не доносилось ни звука. Местные жители, что обычно в ранние часы по понедельникам непрерывным потоком спешили мимо него на электричку, чтобы добраться до места работы в центральной части Лондона, наверняка все еще нежились в тепле и уюте, встречая столь нечаянно свободное утро в постели вместе со своими вторыми половинами.

Везет же людям.

Ли был безработным вот уже шесть лет, с тех самых пор, как окончил школу, но прежним халявным денькам, когда он припеваючи жил на пособие по безработице, пришел конец. Новое правительство тори ужесточило меры в отношении тех, кто благополучно бездельничал на протяжении многих лет, и Ли теперь приходилось трудиться полный рабочий день, чтобы сохранить пособие. Работу ему нашли вполне себе непыльную – садовником в музее Хорнимана^[1], который находился всего в десяти минутах ходьбы от его дома. Сегодня он тоже хотел остаться дома, как и многие другие, но из Центра занятости не поступило уведомления о том, что ему разрешено не выходить на работу. В результате он поскандалил с мамой, и та в пылу спора заметила, что, если он не явится на свое рабочее место, его лишат пособия и пусть тогда он подыскивает себе другое жилье.

Стук по стеклу. В окне показалось раскрасневшееся лицо мамы. Она прогоняла его прочь. Ли отмахнулся от нее непристойным жестом и зашагал на холм.

Навстречу ему шли четыре симпатичные девчонки в красных блейзерах, коротких юбочках и гольфах. Ученицы Далиджской женской школы. Громкими голосами они обсуждали радостное событие – отмену занятий в школе – и одновременно тыкали пальцами в свои мобильники – айфоны, сообразил Ли, заметив характерные

белые наушники, болтавшиеся у карманов их блейзеров. Девочки шли, растянувшись на всю ширину тротуара, и по приближении Ли даже не подумали расступиться. Ему пришлось сойти в грязную слякотную жижу на обочине, оставленную солепескоразбрасывательной техникой. Нижние края его новых спортивных штанов мгновенно пропитались ледяной водой. Он бросил на девочек злобный взгляд, но те, визгливо смеясь, были слишком увлечены своей болтовней.

Кичливые богатенькие стервы, подумал Ли. Поднявшись на холм, сквозь голые сучья вязов он разглядел часовую башню музея Хорнимана. Местами ее стены засыпало снегом, который лип к кирпичам из гладкого желтого песчаника, словно клочья мокрой туалетной бумаги.

Ли свернул направо, на улицу с жилыми домами, тянущуюся параллельно железной ограде, которой была обнесена территория музея. Дорога круто шла вверх, каждый следующий дом был импозантнее предыдущего. Взойдя на самую вершину, Ли на мгновение остановился, чтобы перевести дух. Снег, холодный и колючий, летел прямо в глаза. В ясный день с этого места весь Лондон виден как на ладони, до самого «чертова колеса» на берегу Темзы, но сегодня сквозь густое белое облако Ли различал лишь силуэты разлапистых громадин жилого массива Оверхилл на противоположном холме.

Калитка в железной ограде оказалась заперта. Ли дрожал на ветру, который теперь дул горизонтально, пробирая его до костей. Музейные садовники работали под началом некоего жалкого старикашки. Ли полагалось дожидаться, когда тот придет и впустит его, однако улица была безлюдна. Он огляделся и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, перемахнул через маленькую калитку на территорию музея и пошел по узенькой дорожке, что тянулась меж высокими вечнозелеными кустарниками, которые образовывали живую изгородь.

Наконец-то он укрылся от свистящего ветра, и его обступила неестественная тишина, которую нарушал лишь скрип его шагов. Вихрящийся снег быстро заметал следы, что он оставлял на тропинке, пробираясь меж зелеными ограждениями. Музей Хорнимана и его сады занимали площадь в семнадцать акров, и хозяйственные постройки для садового инвентаря и обслуживающего персонала находились в самой глубине, у высокой стены с криволинейным

верхом. Куда ни кинь взгляд, всюду слепящая белизна. Ли заблудился и сообразил, где он находится, только тогда, когда перед ним выросла оранжерея: он зашел гораздо дальше, чем планировал. При виде вычурного здания из металла и стекла Ли опешил от неожиданности. Повернул назад, но через несколько минут снова оказался в незнакомом месте – на развилке троп.

Сколько раз я бродил здесь по парку, будь он проклят! – ругался про себя Ли. Он пошел по аллее, что уходила вправо и вела в утопленный сад^[2]. На заснеженных кирпичных постаментах застыли мраморные херувимы. Между ними с завыванием носился ветер. Шагая мимо ангелочков, Ли не мог избавиться от ощущения, что они не сводят с него своих пустых белесых глаз. Он остановился и, рукой прикрыв лицо от безжалостного снега, попытался сообразить, как быстрее выйти к зданию музея. Садовым работникам заходить в музей не разрешалось, но ведь на улице собачий холод, а кафе наверняка уже открыто. Плевать на запреты. Он зайдет и погрееется, как любой нормальный человек.

В кармане зажужжал мобильник. Ли достал телефон. Центр занятости уведомлял, что сегодня «из-за плохих погодных условий» ему позволено «не выходить на работу». Ли снова убрал мобильник в карман. Казалось, лица всех херувимов обращены в его сторону. Они и раньше смотрели на него? Ли представил, как ангелочки медленно поворачивают свои отливающие перламутром маленькие головки, наблюдая, как он идет по саду. Отмахнувшись от этой мысли, глядя под ноги на заснеженную землю, Ли быстрее зашагал мимо пустых глаз и вскоре вышел на тихую поляну, окружавшую заброшенное озеро, где в другое время катались на лодках.

Он остановился и прищурился, глядя сквозь пелену кружащихся хлопьев. Скованное морозом озеро укрывал снег, и на самой середине его кипенно-белого овала стояла поблекшая синяя лодка. На противоположной стороне озера находился крошечный ветхий эллинг. Ли едва-едва различил под его навесом чехол какого-то старого гребного судна.

Снег просачивался в его уже намокшие спортивные штаны, холод проникал под куртку, опоясывая торс. Со стыдом он осознал, что ему страшно. Нужно убираться отсюда, решил Ли. Если вернуться к утопленному саду и пойти по его периметру, он наверняка найдет

аллею, которая выведет его на Лондон-роуд. Заправочная станция открыта, он купит там сигареты и шоколад.

Ли уже собрался было повернуть назад, но тут в тишину вторгся какой-то звук. Писклявый и искаженный, он доносился откуда-то со стороны эллинга.

– Эй! Кто там? – закричал Ли паническим пронзительным голосом. И только когда звук стих, а через несколько секунд возобновился, он сообразил, что это звонит мобильный телефон, возможно, кого-то из его коллег.

Из-за того, что земля была укрыта снегом, Ли затруднялся определить, где кончается тропинка и начинается вода, поэтому, держась деревьев, высившихся по краю поляны, что окружала озеро, он, ступая осторожно, направился вдоль водоема туда, откуда раздавался трезвон, похожий на некое воздушное треньканье, которое исходило, как он понял, когда подошел ближе, из эллинга.

Ухватившись рукой за низкую крышу, Ли нырнул в проем и увидел, как за маленькой лодкой что-то светится, рассеивая мглу. Трезвон прекратился, а следом погас и свет. Ли обрадовался, что это всего лишь телефон. Наркоманы и бродяги по ночам постоянно перелезали через стену в сад, и садовники на территории музея часто находили пустые бумажники, выброшенные после того, как из них вытащили все кредитные карты и наличность, использованные презервативы и шприцы. Телефон, должно быть, тоже выбросили... *Однако зачем выбрасывать телефон... если только это не раздолбанная дешевка?*

Ли стал обходить элинг. На улице из снега торчали сваи крошечного причала, вдававшегося под низкую крышу лодочного гаража. Он обратил внимание, что деревянный настил, там, где он не был засыпан снегом, прогнил. Пригибаясь под низкой крышей, Ли пошел вдоль причала. Деревянный потолок над его головой, с которого клочьями свисала паутина, тоже прогнил и расщепился. Добравшись до лодки, Ли увидел айфон, лежавший на маленькой деревянной приступке у противоположной стены эллинга.

В груди поднялось радостное волнение. Он запросто продаст айфон в пабе. Ли толкнул лодку ногой, но та даже не покачнулась: вмерзла в лед. Он обошел лодку с носа, остановился на противоположном краю причала, опустил на корточки и, всем

туловищем наклонившись вперед, рукавом куртки расчистил снег, обнажив толстый слой льда. Вода под ледяной коркой была прозрачная, и в глубине он различил лениво плывущих двух рыбок в красно-черную крапинку. Крошечные пузырьки, поднимавшиеся от их ртов, достигали нижней части ледяного слоя и рассеивались в разных направлениях.

Снова зазвонил телефон. Ли вздрогнул от неожиданности, едва не соскользнув с причала. Противное треньканье эхом рикошетило по эллингу. Ли теперь ясно видел у противоположной стены светящийся айфон. В чехле, украшенном сверкающими камнями, телефон лежал на боку на деревянном выступе сразу же над замерзшей водой. Ли подошел к лодке и занес в суденышко одну ногу, поставив ее на деревянное сиденье. Затем перенес на эту ногу всю тяжесть своего тела, не отрывая второй ноги от причала. Лодка не покачнулась.

Он залез в лодку обеими ногами, но дотянуться до телефона все равно не смог. Подстегиваемый мыслью о толстой пачке купюр, которые скоро окажутся в кармане его тренировочных штанов, Ли осторожно поставил одну ногу на лед по другую сторону лодки. Надавил на него, рискуя промочить обувь. Лед не проломился. Он выбрался из лодки и встал на лед обеими ногами, прислушиваясь, не раздастся ли характерный треск. Ни звука. Он сделал маленький шагок, потом еще один. Казалось, он идет по бетонному полу.

Свес деревянной крыши клонился вниз. Чтобы дотянуться до айфона, необходимо опуститься на корточки.

Светящийся экран телефона озарял пространство вокруг, и, присев, в его сиянии Ли заметил торчавшие изо льда две старые пластиковые бутылки, всякий разный мусор и... – он замер —... нечто похожее на кончик пальца.

С гулко бьющимся сердцем Ли дотянулся до пальца и осторожно его сжал. Палец был холодный и на ощупь резиновый. Ноготь, покрытый фиолетовым лаком, заиндевел. Рукавом куртки, который он натянул на ладонь, Ли протер лед вокруг пальца. В сиянии айфона ледяная корка имела мутно-зеленый цвет, и под ней он разглядел ладонь, продолжением которой и был торчавший изо льда палец. Сама рука, должно быть, пряталась где-то в глубине.

Телефон перестал звонить, и воцарилась оглушительная тишина. А потом он увидел... Прямо под тем местом, на котором он сидел на

корточках, находилось лицо девушки, безучастно смотревшей на него вспухшими белесо-карими глазами. Прядь ее спутанных темных волос вмерзла в лед. Рыба, лениво проплывавшая мимо, хвостом скользнула по губам девушки, которые были приоткрыты, словно она собиралась заговорить.

Ли с криком отпрянул, вскочил на ноги, врезавшись головой в низкий потолок эллинга. От удара его швырнуло вниз, он поскользнулся и растянулся на льду.

С минуту он лежал ошеломленный. Потом услышал тихий скрипучий треск. В панике Ли стал карабкаться и брыкаться, пытаясь встать и убежать куда подальше от мертвой девушки, но ноги предательски скользили по льду. И он провалился сквозь лед в студеную воду. Почувствовал, как безвольные руки девушки переплелись с его руками, ощутив прикосновение ее холодного тела. Чем больше он барахтался, тем крепче его конечности переплетались с руками и ногами девушки. Тело сковывал парализующий умопомрачительный холод. Глотая грязную воду, Ли изо всех сил старался выбраться на сушу. Каким-то чудом ему удалось уцепиться за край лодки. Пыхтя и икая, он жалел, что не сумел достать тот телефон, но не потому, что лишился возможности его продать.

Сейчас Ли хотел только одного – позвать на помощь.

Глава 2

Эрика Фостер уже полчаса ждала в неопрятном помещении дежурной части отделения полиции Луишем-Роу. Сидя на зеленом пластиковом стуле, одном из тех, что стояли в ряд, привинченные к полу, она неловко поменяла положение. Вытершиеся сиденья, за многие годы отполированные задницами дрожащих от страха нарушителей закона, отливали блеском. В выходящее на парковку большое окно, за которым мела метель, Эрика едва различала очертания кольцевой дороги, высокого серого офисного здания и вытянутого торгового центра. От главного входа к стойке, за которой перед компьютером сидел дежурный по отделению, пялившийся в монитор мутным взглядом, вела цепочка мокрых следов. У сержанта было крупное лицо с отвисшим подбородком. С рассеянным видом он ковырялся в зубах, время от времени вытаскивая изо рта палец, чтобы рассмотреть очередную находку, которую он затем снова клал в рот.

– Шеф скоро подойдет, – сказал дежурный.

Его взгляд заскользил по стройной фигуре Эрики, одетой в потертые синие джинсы, шерстяной джемпер и фиолетовую дутую короткую куртку с резинками на поясе и рукавах, и остановился на небольшом чемодане на колесах, что стоял у ее ног. Эрика сердито посмотрела на него, и они оба отвели глаза. Стена, у которой она сидела, была увешана плакатами с информацией для населения. «НЕ БУДЬ ЖЕРТВОЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ!» – призывал один из них. Эрика подумала, что глупо вешивать подобные плакаты в помещении дежурной части полицейского участка на окраине Лондона.

Дверь за стойкой дежурного открылась, и в приемную вышел старший суперинтендант Марш. Со времени их последней встречи прошло немало лет, и за это время его коротко остриженные волосы поседели, но лицо, хоть и изможденное, не утратило привлекательности. Эрика встала, пожала ему руку.

– Старший инспектор Фостер. Простите, что заставил вас ждать. Хорошо долетели? – осведомился Марш, обратив внимание на ее наряд.

– Рейс задержали, сэра... Потому и в гражданке, – ответила она оправдывающимся тоном.

– Этот чертов снег сейчас совсем некстати, – заметил Марш. – Сержант Вулф, – обратился он затем к дежурному, – представляю вам старшего инспектора Фостер. Она приехала к нам из Манчестера. Найдите для нее машину, и как можно скорее...

– Есть, сэр, – кивнул Вулф.

– И еще мне понадобится телефон, – добавила Эрика. – Желательно что-нибудь не очень современное, если найдете. С нормальными кнопками. Терпеть не могу сенсорные экраны.

– Что ж, тогда за дело, – сказал Марш. – Он провел своим пропуском по специальному устройству на двери. Та издала сигнал и открылась.

– Спесивая корова, – буркнул себе под нос Вулф, когда дверь за ними затворилась.

* * *

Эрика следовала за Маршем по длинному коридору с низким потолком. Звонили телефоны. Навстречу им шли непрерывным потоком полицейские в форме и сотрудники вспомогательных служб, все с по-январски бледными лицами, в которых застыли напряженность и озабоченность. Они миновали висевшую на стене доску с результатами матчей футбольной фэнтези-лиги[3], а через несколько секунд – еще одну, с фотографиями под заголовком: ПОГИБЛИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА. Эрика зажмурилась и открыла глаза только тогда, когда была уверена, что доска осталась позади. Она едва не налетела на Марша, который внезапно остановился у двери с табличкой «ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ». Через полуоткрытые жалюзи на стеклянной перегородке Эрика увидела, что в комнате полно народу. К горлу подступил страх. Под теплой курткой с нее градом лил пот. Марш взялся за дверную ручку.

– Сэр, вы собирались ввести меня в курс дела перед... – начала Эрика.

– Нет времени, – перебил он ее и, не давая ей возможности ответить, открыл дверь, пропуская Эрику вперед.

Оперативный отдел представлял собой большое открытое помещение. При их появлении два десятка сотрудников полиции, находившиеся в нем, мгновенно затихли, выжидательно глядя на вошедших. Их лица озарял яркий свет люминесцентных ламп.

Помещение с двух сторон от коридоров отделяли стеклянные стены, и у одной стояли в ряд принтеры и копировальные аппараты, перед которыми на истончавшем ковровом покрытии были протоптаны дорожки следов. Такие же дорожки вели от столов к демонстрационным доскам у задней стены. Марш прошел вперед, а Эрика быстро поставила чемодан у одного из аппаратов, множившего какие-то документы, и присела на стол.

– Приветствую всех, – поздоровался Марш. – Как нам известно, четыре дня назад поступило заявление об исчезновении двадцатитрехлетней Андреа Дуглас-Браун. И сразу же в СМИ поднялась бешеная шумиха, которая не стихает до сих пор. А сегодня утром, в самом начале десятого, на территории музея Хорнимана в Форест-Хилл было обнаружено тело девушки, по описанию похожей на Андреа. Предварительно ее личность была установлена по номеру телефона, зарегистрированному на Андреа, но это еще необходимо подтвердить официально. Криминалисты уже работают, только вот снег, будь он проклят, стопорит работу... – Речь Марша прервал телефонный звонок. Он умолк. Телефон продолжал звонить. – Что сидите? Здесь оперативный отдел. Ответьте же кто-нибудь!

Один из полицейских, находившийся в конце комнаты, снял трубку и стал что-то тихо в нее говорить.

– Если личность жертвы установлена верно, значит, мы имеем дело с убийством девушки, принадлежащей к одной из очень могущественных и влиятельных семей, и от нас ждут скорейших результатов. Пресса и прочие, кого ни назови. Если что не так, много голов полетит.

На соседнем столе перед Эрикой лежали утренние газеты с кричащими заголовками: **ИСЧЕЗЛА ДОЧЬ ЧЛЕНА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ ОТ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ; ЭНДИ ПОХИЩЕНА ТЕРРОРИСТАМИ?** Под третьим, самым ярким, – **ЗАЛОЖНИЦА?** – была помещена на всю страницу фотография Андреа.

– А теперь позвольте представить вам старшего инспектора Фостер. Ее откомандировали к нам из полиции Манчестера, – закончил свою речь Марш. Эрика почувствовала на себе взгляды всех присутствующих в комнате.

– Доброе утро. Я рада, что... – начала она, но ее перебил офицер с сальными черными волосами.

– Шеф, я вел дело об исчезновении Дуглас-Браун, и...
– И что, старший инспектор Спаркс? – спросил Марш.
– И... моя команда работает как часы. Я отрабатываю несколько версий. Держу связь с семьей...
– У старшего инспектора Фостер большой опыт в расследовании убийств деликатного характера...

– Но...
– Спаркс, это не обсуждается. С этой минуты расследованием руководит старший инспектор Фостер. Она немедленно приступит к делу, но вы, я знаю, будете оказывать ей всяческую поддержку, – сказал Марш.

Воцарилось неловкое молчание. Спаркс опустил на свое место, неприязненно глядя на Эрику. Она выдержала его взгляд.

– И не болтайте лишнего. Это ко всем относится. Я говорю серьезно. Никаких контактов с журналистами, никаких сплетен. Ясно? – Офицеры тихо загудели, выражая согласие.

– Старший инспектор Фостер, жду вас у себя в кабинете.

* * *

Эрика стояла в кабинете Марша на верхнем этаже отделения полиции. Сам он рылся в бумагах на своем столе. Она смотрела в окно, из которого открывалась более зрелищная панорама Луишема. За торговым центром и железнодорожной станцией до самого Блэкхита тянулись неровные ряды домиков из красного кирпича. Обстановка в кабинете Марша отличалась от той, какую ожидаешь увидеть в кабинете старшего суперинтенданта. Ни тебе коллекционных машинок на подоконнике, ни семейных фотографий на полках. Рабочий стол завален бумагами, на полках у окна – то, что не уместилось на столе: пухлые папки, нескрытая корреспонденция, старые рождественские открытки, скрученные клейкие листочки, исписанные мелким неразборчивым почерком Марша. В одном углу на стуле – парадная форма с фуражкой; на мятых брюках заряжается его «Блэкберри» с мигающим красным огоньком. Комната подростка и высокого начальника в одном флаконе.

Марш наконец нашел маленький толстый конверт и вручил его Эрике. Она вскрыла конверт и извлекла из него футляр с полицейским значком и служебным удостоверением на свое имя.

– Надо же, какой карьерный взлет, – усмехнулась она, вертя в руке значок.

– Дело не в вас, старший инспектор Фостер. Вы должны радоваться, – заметил Марш. Он обошел свой стол и грузно опустился в кресло.

– Сэр, мне было заявлено вполне определенно, что по возвращении на службу я как минимум полгода буду заниматься бумажной работой.

Марш жестом предложил ей занять кресло напротив.

– Фостер, когда я позвонил вам, мы расследовали дело об исчезновении человека. Теперь мы знаем, что это убийство. Мне напомнить вам, кто ее отец?

– Лорд Дуглас-Браун. Кажется, он был одним из главных государственных подрядчиков, выполнявших заказы правительства для ведения войны в Ираке, одновременно оставаясь членом кабинета...

– Политика здесь ни при чем.

– Да я не о политике, сэр.

– Андреа Дуглас-Браун пропала без вести на вверенной мне территории. Лорд Дуглас-Браун очень сильно давит на нас. Он пользуется огромным влиянием, способен любого возвысить или погубить его карьеру. Сегодня я встречаюсь с помощником комиссара и с кем-то из правительства, будь оно неладно...

– То есть вы за карьеру свою переживаете?

Марш посмотрел на нее.

– Мне нужно, чтобы установили личности погибшей и подозреваемого. И как можно скорее.

– Есть, сэр. – Эрика помедлила в нерешительности. – Позвольте спросить, почему именно я? Или вы планируете бросить меня на амбразуру в качестве козла отпущения? А потом в игру вступит Спаркс, доведет дело до победного конца и станет героем? Я вправе это знать, если...

– Мать Андреа из Словакии. Как и вы... Я подумал, будет лучше, если расследование возглавит человек, с которым у ее матери есть нечто общее...

– То есть меня привлекли для налаживания связей с населением?

– Если угодно, можно и так сказать. Я также знаю, что вы – превосходный полицейский. Да, в последнее время вас преследуют

неприятности, но ваши достижения затмевают...

– Давайте обойдемся без этой фигни, сэр, – отрубил Эрика.

– Фостер, вы не умеете выстраивать служебные отношения в своих интересах. А если бы умели, возможно, сейчас вы сидели бы на моем месте, а я – на вашем.

– Да. У меня свои принципы. – Эрика пристально посмотрела на него. Оба на время умолкли.

– Эрика... Я вызвал вас сюда, так как считаю, что вам нужно дать еще один шанс. Не надо отказываться от задания, даже не приступив к работе.

– Слушаюсь, сэр.

– Вот и славно. А теперь езжайте-ка на место происшествия. Как только появится какая-то информация, сразу мне докладывайте. Если это все же Андреа Дуглас-Браун, нужно будет провести официальное опознание с привлечением родственников.

Эрика встала и направилась к выходу.

– Мне так и не предоставилась возможность, – продолжал Марш более мягким тоном, – на похоронах выразить свои соболезнования. Мне очень жаль, что так случилось с Марком... Он был отличный полицейский и хороший друг.

– Спасибо, сэр. – Эрика уткнулась взглядом в ковер. Ей до сих пор было больно слышать его имя. Усилием воли она сдержала слезы.

Марш прокашлялся, придал своему голосу прежний официальный тон.

– Уверен, я могу рассчитывать на то, что вы быстро найдете преступника и посадите его. Докладывайте о каждом шаге расследования.

– Есть, сэр.

– И еще... старший инспектор Фостер!

– Да, сэр?

– Переоденьтесь.

Глава 3

Эрика нашла женскую раздевалку и быстро переоделась в позабытый, но привычный наряд – черные брюки, белую блузку, темный свитер и длинную кожаную куртку.

Убирая в шкафчик гражданскую одежду, она заметила на краю одной из длинных деревянных скамеек измятый номер «Дейли мейл». Эрика пододвинула газету к себе, разгладила ее. Под жирным заголовком **«ИСЧЕЗЛА ДОЧЬ ЧЛЕНА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ ОТ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ»** была помещена фотография Андреа Дуглас-Браун, с которой на Эрику смотрела красивая ухоженная девушка с длинными каштановыми волосами, полными губами и сияющими карими глазами. Загорелая, в открытом коротеньком топе. Плечи отведены назад, подчеркивая пышность ее груди. Она пристально смотрела в объектив уверенным взглядом. Снимок был сделан на яхте, на фоне сочной синевы неба и моря, искрящегося на солнце. С обеих сторон Андреа кто-то обнимал, но виднелись только широкие мужские плечи, повыше и пониже их обладателей, кто бы они ни были, обрезали.

«Дейли мейл» характеризовала Андреа как «светскую львицу», что Андреа, прочитай она это, вряд ли бы понравилось, подумала Эрика, но, по крайней мере, газета не называла ее фамильярно «Энди», как другие таблоиды. В статье пересказывались интервью, взятые у лорда и леди Дуглас-Браун и у жениха Андреа. Все они умоляли ее связаться с ними.

Эрика проверила карманы кожаной куртки и в одном обнаружила свой блокнот, который до сих пор, по прошествии многих месяцев, все еще лежал там. Она записала имя жениха – Джайлз Осборн и ниже начеркала: «Может, Андреа сбежала?». С минуту смотрела на запись, а потом стала яростно ее зачеркивать, так что порвала бумагу. Эрика сунула блокнот в задний карман брюк и собралась уже положить в свободный карман свое удостоверение, но потом помедлила, несколько мгновений держа его в руке: знакомая тяжесть, кожаная обложка потерлась на сгибе за долгие годы, что она носила его в заднем кармане брюк.

Эрика подошла к зеркалу над раковинами, открыла удостоверение и вытянула его на руке перед собой. На вклеенной фотографии была запечатлена уверенная женщина с зачесанными назад белокурыми волосами, которая с вызовом смотрела в объектив. А женщина в зеркале, с удостоверением в руке, была сухопарой и бледной. Ее короткие светлые волосы, с сединой у корней, были всклокочены. С минуту Эрика смотрела на свою дрожащую руку, затем закрыла удостоверение.

Ей необходимо сделать новое фото на документ.

Глава 4

Когда Эрика вышла из раздевалки, дежурный по отделению Вулф ждал ее в коридоре. Он зашагал вперевалку рядом с ней, отметив про себя, что она на голову выше него.

– Вот ваш телефон. Заряжен, можно пользоваться, – сказал сержант, отдавая ей прозрачный пластиковый пакет с телефоном и зарядным устройством. – Машина для вас будет готова после обеда.

– А с кнопками ничего не нашлось? – вспыхнула Эрика, увидев, что в пакете лежит смартфон.

– Одна кнопка есть: «включить/выключить», – огрызнулся дежурный.

– Когда подъедет мой автомобиль, будьте добры, положите это в багажник, – распорядилась Эрика, показывая на свой чемодан. Она обошла Вулфа и открыла дверь оперативного отдела. При ее появлении разговор моментально стих. К ней приблизилась полноватая женщина маленького росточка.

– Я – инспектор Мосс. Мы как раз пытаемся оборудовать для вас кабинет. – Волосы у женщины были рыжие и жесткие, как проволока, а лицо так густо усеяно веснушками, что казалось, оно покрыто пятнами. – Вся информация, – продолжала Мосс, – поступает на информационные табло. По мере поступления я буду распечатывать сводки и класть на стол в вашем кабинете, когда...

– Мне хватит рабочего стола, – перебила ее Эрика. Она подошла к электронным доскам, где была выведена большая карта территории музея имени Хорнимана и ниже фото Андреа с камеры видеонаблюдения.

– Ее последнее известное нам фото, сделанное камерой наблюдения на станции Лондон-бридж, когда она в 8.47 садилась в поезд, который шел в Форест-Хилл, – объяснила Мосс, следуя за Эрикой. Камера зафиксировала, как Андреа ступает в вагон стройной ногой. Лицо ее сердито. Одетая она была по последней моде: облегающая кожаная куртка, короткое черное платье, розовые туфли на шпильке. В руке – клатч под цвет туфель.

– Она была одна, когда садилась в поезд? – уточнила Эрика.

– Да. У меня есть видео с той самой камеры наблюдения, с которой мы сделали снимок, – ответила Мосс, хватая ноутбук и возвращаясь с ним к Эрике. Она поставила компьютер на стопку папок и расширила видеоокно на весь экран. Они просмотрели запись в режиме замедленной съемки: вид платформы сбоку; Андреа входит в зону видимости камеры и затем в поезд. Запись длилась всего несколько секунд, и Мосс включила режим многократного повтора.

– Злитесь на что-то, – заметила Эрика.

– Да, – согласилась Мосс. – Как будто намерена кого-то отчитать.

– Где был ее жених?

– У него железное алиби. Он был на каком-то мероприятии в центральном Лондоне.

Еще несколько раз они просмотрели, как Андреа идет по платформе и садится в поезд. На видео, кроме нее, других людей не было; вся остальная платформа оставалась пуста.

– А это наш «хозяин лавки», сержант Крейн. – Мосс показала на парня с коротко стриженными светлыми волосами, который одновременно висел на телефоне, рылся в папках и закидывал в рот шоколадный батончик «Марс». Он стал давиться, пытаясь побыстрее проглотить то, что уже успел сунуть в рот. Краем глаза Эрика увидела, что Спаркс положил трубку телефона, надел пальто и направился к выходу.

– Вы куда? – осведомилась она. Спаркс остановился, повернулся к ней.

– На место происшествия. Криминалисты только что дали нам добро. Нам нужно как можно скорее установить личность жертвы, если вы еще не забыли, мэм.

– Я хочу, чтобы вы остались здесь, Спаркс. Инспектор Мосс, сегодня со мной поедете вы. И вы. Как вас зовут? – спросила она высокого симпатичного чернокожего полицейского, который разговаривал по телефону за ближайшим столом.

– Инспектор Питерсон, – ответил тот, ладонью прикрыв трубку.

– Так вот, инспектор Питерсон, вы тоже едете со мной.

– А мне что прикажете делать – сидеть здесь и бить баклуши? – с претензией в голосе спросил Спаркс.

– Нет. Мне нужен доступ ко всем камерам видеонаблюдения на территории музея Хорнимана и окрестных улиц...

– У нас это есть, – перебил ее Спаркс.

– Нет, я хочу, чтобы вы расширили зону поисков. Просмотрите записи со всех видеокамер в диапазоне сорока восьми часов до исчезновения Андреа и после. Опросите жителей всех домов и работников всех заведений вокруг музея. Также узнайте все, что можно, об Андреа. Родственники, друзья; информация по банковским счетам, медицинским картам; распечатки телефонных звонков, электронной почты; светская хроника. Кому она нравилась? Кто ее ненавидел? Я хочу знать все. У нее был компьютер, ноутбук? Наверняка. Достаньте его.

– Мне сказали, что ноутбук нам не отдадут. Лорд Дуглас-Браун дал ясно понять... – начал Спаркс.

– А я говорю достаньте. – В комнате наступила тишина. – И чтобы никто – слышите, никто – не смел общаться с прессой и вообще говорить что-либо об этом деле, даже «Без комментариев». Это ясно? Всем языки держать за зубами... Старший инспектор Спаркс, вам этого задания достаточно?

– Да, – буркнул тот, зло глядя на Эрику.

– Крейн, вы остаетесь на хозяйстве, обеспечиваете четкую работу оперативного отдела.

– Уже обеспечиваю, – сказал сержант, дожевывая батончик.

– Вот и хорошо. Встречаемся здесь же в четыре.

Эрика покинула кабинет. Мосс и Питерсон вышли следом. Спаркс снял пальто.

– Стерва, – пробормотал он себе под нос, снова усаживаясь за компьютер.

Глава 5

Мосс вела машину, не сводя глаз с заснеженной дороги. Эрика сидела рядом в пассажирском кресле, Питерсон – сзади. Напряженную тишину то и дело нарушали визг и скрежет расчищающих ветровое стекло дворников, которые, словно были забиты кокосовой стружкой.

На юге Лондона господствовала грязно-серая палитра. Мимо проплывали ряды обшарпанных стандартных домиков ленточной застройки с мощеными палисадниками, служащими парковками. Серость расцветивали только тут и там стоявшие кучками черно-зелено-синие мусорные контейнеры на колесах.

Дорога круто повернула влево, и они встали в хвосте вереницы машин, вытянувшихся вдоль первого изгиба Кэтфордской кольцевой развязки с односторонним движением. Мосс включила сирену, и машины принялись заезжать на тротуар, открывая для них путь. Печка в полицейском автомобиле не работала – вполне оправдывающее обстоятельство для Эрики, державшей трясущиеся руки глубоко в карманах своей длинной кожаной куртки. Она надеялась, что руки у нее дрожат от голода, а не от волнения, что она вдруг не справится с возложенной на нее задачей. Из щели над радио торчала пачка красных лакричных жгутиков.

– Можно? – нарушила неловкое молчание Эрика.

– Да, угощайтесь, – разрешила Мосс. Она надавила на газ, и они помчались по освобожденному для них коридору; задние колеса автомобиля заносило в бок на обледенелой дороге. Эрика взяла из пакета один жгутик, сунула его в рот и стала жевать, глядя на Питерсона в зеркало заднего обзора. Тот склонился над айподом. Высокий, худощавый, с овальным мальчишеским лицом, он напоминал ей игрушечного деревянного солдата. Питерсон поднял голову и перехватил ее взгляд.

– Итак, что вы можете рассказать мне об Андреа Дуглас-Браун? – спросила Эрика, проглатывая конфету и беря другую.

– А начальство вас разве не просветило, босс? – вопросом на вопрос ответил Питерсон.

– Просветило. Но исходите из того, что не просветило. Я каждый случай начинаю рассматривать с позиции полного отсутствия

информации. Вы не поверите, сколько новых нюансов это помогает выявить.

– Ей двадцать три года, – начал Питерсон.

– Она работала?

– Трудового стажа не имела...

– Почему?

– А зачем ей работать? – пожал плечами Питерсон. – Лорд Дуглас-Браун – владелец «СэмТек», частной военно-промышленной компании. Они разрабатывали системы GPS и компьютерные программы для правительства. По последним сведениям, его капитал составляет тридцать миллионов.

– Братья и сестры есть? – спросила Эрика.

– Есть. Младший брат Дэвид и старшая сестра Линда.

– То есть Андреа и ее брат с сестрой живут на деньги трастового фонда? – уточнила Эрика.

– И да, и нет. Сестра, Линда, работает у матери. Леди Дуглас-Браун принадлежит элитный цветочный салон. Дэвид учится в магистратуре университета.

Они ехали по Кэтфорд-Хай-стрит, где дорога была посыпана песком и потому транспорт двигался нормально. Мимо мелькали магазины дешевых товаров по цене одного фунта, лавки ростовщиков, выдающих «кредиты до зарплаты», и частные супермаркеты, выставившие на улицу прилавки, на которых громоздились экзотические овощи и фрукты, едва не скатывавшиеся в грязь на тротуары.

– Что известно о женихе Андреа, Джайлзе Осборне?

– Летом у них намечается... *намечалась* грандиозная свадьба, – ответила Мосс.

– Чем он занимается? – спросила Эрика.

– У него компания по организации мероприятий высшего пошиба: Хенлейская регата, презентации новых изделий, VIP-свадьбы.

– Андреа жила у него?

– Нет. С родителями в Чизике.

– Это на западе Лондона, да? – уточнила Эрика. Питерсон кивнул ей в зеркало заднего обзора.

– Видели бы вы их дворец! – продолжала Мосс. – Они объединили четыре дома, вырыли подземный этаж. Наверно, не один

миллион угрожали.

Они миновали магазин «Топпс тайлс», по всей видимости, закрытый, так как его большая парковка была пуста и запорошена свежим слоем снега; потом – ресторан «Харвестер», возле которого мужчина в наушниках рубильным станком мельчил на щепки большую рождественскую елку. Вибрацию от тарахтения его двигателя они ощутили в своем салоне, но вскоре дрожь улеглась, и в поле их зрения выплыли захудалые пабы. Перед одним, под названием «Олень», стояла, прислонившись к облезлой зеленой двери, и курила пожилая женщина с осунувшимся лицом. Рядом с ней валялся мешок с мусором, в котором рылась какая-то собака. Заснеженный тротуар был усеян объедками.

– Интересно, что Андреа Дуглас-Браун делала здесь, да еще одна? – задалась вопросом Эрика. – Не совсем подходящее место для дочери миллионера из Чизика, вы не находите?

На несколько мгновений их автомобиль накрыл снежный шквал, а когда белая пелена рассеялась, они увидели музей имени Хорнимана. С обеих сторон его здание из песчаника обрамляли юкки и пальмы. Заснеженные, они представляли собой диковинное зрелище.

У железных ворот Мосс сбавила ход и затормозила рядом с молодым полицейским в форме. Эрика опустила боковое стекло. Полицейский наклонился, положив на дверцу руку в кожаной перчатке. В окно полетели снежинки, оседавшие на обивке сидений. Эрика показала свое удостоверение.

– Следующий поворот налево. Подъем крутой. Мы отправили вверх пескоразбрасыватель, но все равно ежайте помедленней, – посоветовал полицейский. Эрика кивнула и подняла стекло. Мосс повернула налево, и они поехали по дороге, круто поднимавшейся вверх. По приближении к вершине они увидели блокпост, возле которого нес караул еще один полицейский в форме. Слева на тротуаре толпились одетые по-зимнему журналисты. Прибывший полицейский автомобиль вызвал у них интерес, на ветровом стекле засверкали вспышки фотоаппаратов.

– Отвалите, – рывкнула Мосс, пытаясь переключиться на третью скорость. В коробке передач раздался треск, машина рванула вперед и заглохла. – Черт! – вскричала Мосс, стискивая руль. Она нажала на тормоза, но машина продолжала сползать. В зеркало заднего обзора

Эрика увидела, как дорога за ними резко уходит вниз. Фоторепортеры, реагируя на драматичную ситуацию, снова защелкали фотоаппаратами.

– Резко влево давай! – крикнул Питерсон. Он быстро опустил стекло на своем окне и, выворачивая шею, посмотрел назад. Эрика сцепилась в приборную панель. Мосс всем телом налегла на руль, сумев остановить скольжение и направить машину на недавно освободившееся парковочное место у обочины, которое не было занесено снегом. Колеса коснулись голого асфальта, и они резко остановились.

– Повезло, – заметил Питерсон, сдержанно усмехнувшись. Снег залетал в открытое окно и ложился на его короткие дреды.

– Чертов лед, – буркнула Мосс, делая глубокий вдох.

Эрика отстегнула ремень безопасности, стыдясь того, что у нее дрожат ноги. Они все выбрались из машины. Фоторепортеры, язвительно посмеиваясь, стали засыпать их вопросами о личности жертвы. Снег летел параллельно земле. Они показали свои удостоверения, и их пропустили за оградительную ленту. Подлезая под нее, Эрика испытывала радостное волнение: она снова в деле, ее пустили за полицейское ограждение, в руке – служебное удостоверение. Еще один полицейский в форме направил их к железным воротам, которые вели на территорию музея.

Эллинг теперь накрывала огромная белая палатка, которая у основания сливалась со снежными сугробами. Один из помощников криминалистов приготовил для группы следователей спецодежду. Эрика, Мосс и Питерсон надели комбинезоны, перед тем как войти в палатку.

Свет ламп, отражаясь от снега, озарял гниющее дерево низкой крыши. Они заглянули под нее. Три криминалиста под началом руководителя группы прочесывали каждый дюйм эллинга. На маленьком деревянном причале поблескивала лодка. Из ледяной воды вынырнул, подняв рой брызг, полицейский-водолаз в черном гладком костюме, принесший с собой теплый желчный запах затхлого пруда. Вокруг него, там, где жаркие лучи прожекторов растопили лед, чернела вода, в которой плавал мусор.

– Старший инспектор Фостер, – окликнул Эрику густой мужской голос. В кои-то веки ей пришлось задрать голову, чтобы увидеть рослого мужчину, появившегося из-за эллинга. Он снял маску,

обнажив горделивое красивое лицо с большими темными глазами. Его брови были тщательно выщипаны в две безукоризненно прямые линии. – Айзек Стронг, судмедэксперт, – представился мужчина. – Мосс и Питерсона я знаю, – добавил он. Те оба кивнули. Вслед за Айзеком Стронгом они обогнули эллинг вдоль его внешней стены. За палаткой на земле лежали металлические носилки, а на них – мертвая девушка, фактически голая. Ее наготу прикрывали лишь ключья изодранного платья, собравшегося вокруг талии, и черные минитрусики, тоже порванные. Полные губы чуть приоткрыты, один передний зуб сломан почти до самой десны. В широко распахнутых глазах застыл мутный безжизненный взгляд; в длинных волосах застряли листья и прочий мусор.

– Это она, да? – тихо спросила Эрика. Мосс и Питерсон кивнули.

– Итак, – произнес Айзек, нарушив молчание. – Ее тело было найдено вмерзшим в лед. На основании первичного осмотра выводы делать рано, но я допускаю – повторяю: *допускаю*, – что она находилась в воде не менее семидесяти двух часов. Минусовая температура установилась три дня назад. Когда ее нашли, ее телефон еще работал; парень, что работает здесь, услышал, как он звонит. – Стронг передал Эрике прозрачный полиэтиленовый пакет с айфоном. Его чехол украшали кристаллы *Swarovski*.

– Нам известно, кто звонил? – спросила Эрика в надежде, что сходу появилась зацепка.

– Нет. Батарейка разрядилась вскоре после того, как телефон достали из воды. С него, конечно, попытались снять отпечатки, но я бы на это не рассчитывал.

– Где парень, который ее обнаружил?

– В «скорой» у музея. С ним врачи. Он был невменяем, когда полиция прибыла на место происшествия. Он провалился под лед и прямо на труп; от полученного шока его стошнило, у него произошли непроизвольное мочеиспускание и дефекация, так что мы теперь пытаемся побыстрее выделить его ДНК, – объяснил Айзек. Он подошел к телу на носилках.

– Отечность лица и странгуляционные борозды на шее могут указывать на удушение. Левая ключица сломана, – продолжал он, рукой в резиновой перчатке осторожно поворачивая голову мертвой

девушки. – Часть волос выдрана, примерно по одинаковому количеству прядей у каждого виска.

– Тот, кто это сделал, находился у нее за спиной, когда дергал за волосы, – заключила Мосс.

– Признаки сексуального насилия? – спросила Эрика.

– Об этом я скажу после более тщательного осмотра. Есть ссадины и царапины на внутренней стороне бедер, в области ребер и груди...

Айзек обратил внимание следователей на багровые полосы под каждой грудью, затем осторожно положил на тело девушки свою ладонь, показывая следы от пальцев на грудной клетке.

– На запястьях ссадины, – возможно, ей связывали руки, но они не были связаны, когда она ушла под воду. Также есть ушиб на затылке, и мы обнаружили фрагменты зубной эмали на одной из передних свай причала... Остатки зуба ищем. Не исключено, что она его проглотила, – значит, возможно, я найду его позже.

– В день исчезновения на ней были розовые туфли на шпильке и с собой розовая сумочка. Нашли? – спросила Мосс.

– На ней были только платье и нижнее белье, однако бюстгальтер отсутствовал. И туфли тоже... – Айзек осторожно приподнял ноги девушки. – Пятки сильно изранены.

– Тащили волоком босую, – сделала вывод Эрика, отпрянув при виде ступней жертвы, стесанных и разбитых чуть ли не до мяса.

– А вот это один из наших водолазов выудил из воды. – Айзек вручил Эрике маленький прозрачный полиэтиленовый пакет с водительскими правами. С минуту они все молча смотрели на фото.

– Выразительная фотография, – заметил Питерсон. – Как будто она там смотрит на нас с того света.

Эрика подумала, что он прав. Часто на документах взгляд у людей остекленелый или оторопелый, будто им в лицо неожиданно направили свет фар. Однако у Андреа взгляд был уверенный.

– Боже мой, – промолвила Эрика, переводя взгляд с фотографии Андреа на тело мертвой девушки, которая лежала на носилках, грязная, с широко открытыми глазами. – Как скоро вы сумеете установить точную причину смерти?

– Я дал вам достаточно сведений для продолжения расследования. Остальное после вскрытия, – ощетинился Айзек.

– Которое вы проведете сегодня же, – сказала Эрика, остановив на нем твердый взгляд.

– Да. Сегодня, – пообещал Айзек.

* * *

Вокруг палатки криминалистов стояла тишь. Снегопад прекратился. Группа полицейских в форме прочесывала территорию вокруг озера, пробираясь по глубокому снегу, налипавшему на их темные ноги.

Эрика вытасила телефон и позвонила Маршу.

– Сэр. Это – Андреа Дуглас-Браун, – доложила она.

Сначала ответом ей было молчание, потом:

– Черт.

– Я сейчас допрошу парня, который ее нашел, затем поеду к ее родителям, сообщу им, – сказала Эрика.

– Какие есть соображения, Фостер?

– Это, вне сомнения, убийство, возможно, изнасилование с удушением или утоплением. Все вещественные доказательства уже отправлены на экспертизу в отделение.

– Подозреваемые есть?

– Нет, сэр. Но я рою землю. Нужно организовать официальное опознание в присутствии родных. Судмедэксперты сразу же с места преступления везут тело на вскрытие. Я буду держать вас в курсе.

– Если б я мог сказать СМИ, что у нас есть подозреваемый... – начал Марш.

– Да, сэр, я понимаю. В первую очередь нам необходимо пообщаться с ее родными. Вполне вероятно, что она знала убийцу. Свидетелей ее исчезновения нет, никто не видел, чтобы ее похитили. Возможно, здесь она встречалась с убийцей.

– Полегче, Фостер. Не надо лезть на рожон, сразу выдвигать версию о том, что Андреа отправилась туда на некую непристойную оргию.

– Я ничего не говорила про посещение непристойных...

– Не забывайте, это уважаемая семья.

– Мне не впервой, сэр.

– Да. Но помните, с кем вы имеете дело.

– Помню. Со скорбящими родственниками. И мне придется задать им традиционные вопросы, сэр.

– Да, но это приказ. Не прите на пролом.

Эрика отключила трубку, злясь на Марша. Что всегда ее возмущало в Британии, так это здешняя классовая система. Марш требовал, чтобы даже при расследовании убийства к родным погибшей девушки относились как к VIP-персонам.

Из палатки вышли Мосс, Питерсон и еще один полицейский в форме, и все вчетвером они, обойдя озеро, вышли к утопленному саду. Видели ли эти пустоглазые статуи, размышляла Эрика, как мимо волокли Андреа, взывавшую о помощи что было мочи?

На отвороте куртки сопровождавшего их полицейского затрещала рация.

– В кустах на Лондон-роуд мы только что нашли маленькую розовую сумочку, – сообщил металлический голос.

– В какой стороне Лондон-роуд? – спросила Эрика.

– Это – центральная улица. – Полицейский показал куда-то за деревья.

После долгих месяцев бездействия Эрика силилась настроить мозг на рабочий лад. Каждый раз, закрывая глаза, она видела в воображении истерзанную, избитую Андреа с пустотой в широко открытых глазах. Расследование убийства – это бездна различных вариаций и тонкостей. На полный осмотр среднестатистического дома у криминалистов порой уходило несколько дней, а здесь площадь места происшествия составляла семнадцать акров, вещественные доказательства были разбросаны по общественной территории, укрыты толстым слоем снега.

– Принесите ее к туристическому центру, к «скорой», – велела Эрика полицейскому, и тот поспешил прочь. Спустя несколько мгновений из-за живой изгороди появились Мосс и Питерсон. У подножия покатога, занесенного снегом склона высилась футуристическая стеклянная коробка туристического центра. Двор перед зданием центра был исполосован колесами машины «скорой помощи», стоявшей с открытыми задними дверцами. В машине, укутанный в одеяла, сидел парень лет двадцати с небольшим. Лицо у него было посеревшее, сам он дрожал. У открытых дверей «скорой» стояла невысокая женщина, наблюдавшая, как один из криминалистов в резиновых перчатках обрабатывал одежду парня, маркируя и рассовывая по специальным прозрачным пакетам его грязные вещи –

теплый спортивный костюм, свитер и кроссовки. Брови у женщины были такие же лохматые, как и у парня, а вот лицо – с кулачок, с заостренными чертами.

– Дайте мне расписку, – требовала она, – и чтобы каждая вещь была указана. Спортивные штаны Ли купил только в ноябре, и кроссовки тоже новые – нам еще платить за них тринадцать недель. Надолго вы забираете его вещи?

– Все это теперь вещественные доказательства в деле об убийстве, – сказала Эрика, когда они подошли к машине «скорой помощи». – Я – старший инспектор Фостер, а это – инспекторы Мосс и Питерсон. – Все трое раскрыли перед женщиной свои удостоверения. Та пристально воззрилась на их фото глазами-бусинками.

– Как вас зовут? – осведомилась Эрика.

– Грейс Кинни. А мой Ли, он ведь ничего плохого не сделал – просто пришел на работу. И из-за того, что ему приходится ждать на холоде, он заболел, и ему перестанут платить пособие.

– Ли, ты можешь рассказать нам, что произошло?

Парень, бледный, с обезумевшим взглядом, кивнул. Он объяснил, что явился на работу, а потом услышал телефонный звонок, пошел на звук и обнаружил подо льдом тело Андреа. Его рассказ прервал полицейский, возникший у дверей «скорой» с маленькой розовой сумочкой в прозрачном полиэтиленовом пакете. В другом таком же пакете лежало содержимое сумочки: шесть банкнот по пятьдесят фунтов, два вагинальных тампона, тушь, помада и духи-спрей.

– Это вещи той девушки? – спросила Грейс, глядя на пакеты. Полицейский поспешил спрятать их за спину.

– Она уже увидела, – отчитала его Эрика. – Мисс Кинни, – обратилась она к матери Ли. – Вы должны понимать, что это вещественные доказательства в расследовании по весьма деликатному делу, и...

– Не волнуйтесь, я буду держать рот на замке, – пообещала Грейс. – Хотя одному богу известно, что тут забыла девушка с модной сумочкой и пачкой пятидесяток.

– Как вы думаете, что она тут забыла? – осведомилась Эрика.

– Я не собираюсь делать за вас вашу работу, – отвечала Грейс. – Только ведь и так ясно, что она проститутка. Не нужно быть Шерлоком

Холмсом, чтобы это понять. Клиента, наверно, с собой привела, а потом у них что-то не заладилось.

– Ли, ты узнал мертвую девушку?

– С какой стати мой Ли должен узнавать проститутку?

– Мы не думаем... мы не думаем, что она была проституткой.

Грейс, казалось, не замечала страданий сына. Ли плотнее укутался в одеяло и наморщил лоб, сдвинув густые брови.

– Она была прекрасна, – тихо произнес он. – Даже мертвая, подо льдом... Ее настигла страшная смерть, да?

Эрика кивнула.

– Я увидел это в ее лице, – сказал Ли. – Простите, что вы спросили?

– Ты узнал ее, Ли? – повторила свой вопрос Эрика. – Видел ее здесь раньше?

– Нет. Прежде я никогда ее не видел, – ответил парень.

– Мы думаем, что в день исчезновения она приходила в один из пабов на центральной улице. Какие из здешних пабов привлекают молодежь? – спросил Питерсон.

Ли пожал плечами.

– По выходным в «Уэзерспунсе» много народу... в «Свинье и свистке». Это недалеко от станции.

– Ты часто навещаешь пабы, Ли? – осведомился Питерсон. Ли снова пожал плечами, и Питерсон продолжал: – «Уэзерспунс», «Свинья и свисток». Еще какие?

– Он не шастает по значным местам, правда? – Грейс бросила на сына многозначительный взгляд.

– Да, да. То есть нет. Я в такие места не хожу, – подтвердил Ли.

– Раньше здесь был хороший район, – продолжала Грейс. – Не шикарный, но милый. На месте дрянного старого «Уэзерспунса» стоял чудесный кинотеатр «Одеон». Самые мерзкие – «Клееварка» и «Олень». Я так скажу: если случится всемирный потоп и на поверхности останутся только те две пивнушки, меня вы ни там, ни там не найдете. Они кишат иммигрантами, чтобы им пусто было, – без обид, лапочка, – добавила Грейс, обращаясь к Питерсону. Эрика увидела, что Мосс подавила усмешку.

По-прежнему не замечая плачевного состояния сына, Грейс продолжала:

– Говорю вам, идешь по главной улице и чувствуешь себя иностранкой в родной стране: поляки, румыны, украинцы, русские, индийцы, африканцы... А Ли говорит, что они все толкуются у центра занятости с протянутой рукой, соглашаются на любую работу. Устроили бы рейд по тем пабам на главной улице. Они все там работают за стойкой, а в перерыв бегут в центр занятости, чтобы зарегистрироваться. Но нет, этого никто не видит. Зато моему Ли приходится ишачить на улице в любую погоду сорок часов в неделю, чтобы его не лишили пособия в шестьдесят фунтов. Безобразие.

– Ты давно работаешь в музее? – спросила Эрика парня.

Ли пожал плечами: – Начал за месяц до Рождества.

– Так что же, он теперь и работать не сможет? И все потому, что какая-то шлюха...

– Прекратите, – одернула женщину Эрика.

Грейс, казалось, устыдилась своего поведения.

– Ну да, она ведь тоже чья-то дочь. Вы знаете, кто она?

– Пока не знаем.

Это подстегнуло интерес Грейс.

– Случаем, эта не та девушка, из богатеньких, что пропала? Как ее звали, Ли? Энджела? Она похожа на ту девушку из газеты?

Ли невидящим взглядом смотрел перед собой, вероятно, заново переживая тот момент, когда он вдруг лицом к лицу столкнулся с Андреа, застывшей подо льдом.

– Как я уже сказала, личность жертвы устанавливается. – Эрика обратилась к парню: – Ли, мы свяжемся с центром занятости, объясним, что произошло. Из города не уезжай. Возможно, нам придется еще раз тебя допросить.

– По-вашему, он из страны собрался уехать? – вспыхнула Грейс. – Эх, если бы была такая возможность... хотя из всех здешних, пожалуй, мы только бы одни и уехали!

Бригада «скорой помощи» собиралась к отъезду; Эрика, Мосс и Питерсон пошли прочь.

– Боевая старушка, – усмехнулась Мосс.

– Зато сообщила нам гораздо больше, чем Ли, – заметила Эрика. – Давайте-ка проверим те пабы. «Клееварку», «Оленя». Может быть, Андреа заходила в один из них в день своего исчезновения?

Глава 6

Когда они вышли с территории музея, снова повалил снег, поэтому они бросили машину и на электричке доехали до Лондон-бридж, где пересели на метро до Чизика. В вагоне было тесно и жарко, им пришлось стоять всю дорогу в плотной толпе. Эрика была зажата между своими новыми коллегами. Худощавая фигура Питерсона являла собой разительный контраст с кряжистой пухлой Мосс, прилипшей к ней с другого бока. Эрика жалела, что не может хотя бы пять минут побыть одна. Ей нужны были пространство, свежий воздух, чтобы собраться с мыслями. За двадцать пять лет службы в полиции она, наверно, сотням людей сообщила о смерти их близких, но с тех пор, как сама потеряла любимого человека, к этой обязанности стала относиться по-другому. Боль утраты все еще была острой. И вот совсем скоро ей придется уведомить о гибели Андреа ее родителей и смотреть, как их поглощает теперь уже знакомое ей горе.

Они вышли на станции «Тернэм-Грин». Снегопад прекратился. В сравнении с южным Лондоном улица Чизик-Хай-роуд была ухожена. На тротуарах и дорогах ни соринки, почтовые ящики подновлены свежей краской, викторианские дома с безукоризненно чистыми подъемными окнами перемежаются мясными лавками и магазинами фермерской продукции. В сияющих банках и супермаркетах царит оживление. Здесь даже снег был белее.

Дом Дуглас-Браунов находился в большом широком глухом переулке, ответвлявшемся от многолюдной центральной улицы. Огромный особняк в георгианском стиле после пескоструйной обработки был очищен от многолетней копоти, и теперь кирпичная кладка имела цвет сливочного масла. Своим величием он затмевал все остальные дома вокруг, хотя был частично спрятан за высокими деревьями, что росли в небольшом сквере в центре переулка. Неподалеку дежурила группа фоторепортеров в теплых зимних куртках. Они бесцельно слонялись, оставляя на снегу дорожки следов. У каждого на шее висел фотоаппарат, в руках дымились стаканчики с кофе. Когда Эрика, Мосс и Питерсон приблизились к дому Дуглас-Браунов и вошли в ворота, журналисты встрепенулись. Защелкали фотоаппараты, засверкали вспышки, отражавшиеся от глянцевой

черной массивной двери особняка. Сделав глубокий вдох, Эрика надавила на кнопку звонка. Из глубины дома донесся звучный мелодичный перезвон.

– Вы из полиции? – крикнул сзади чей-то голос.

– Тот труп – это Энди? – крикнул другой. Эрика на мгновение закрыла глаза, спиной ощущая назойливое присутствие фоторепортеров. *Какое они имеют право называть ее Энди? Даже родители не зовут ее так.*

Входная дверь отворилась, но лишь частично, и в образовавшемся узком проеме они увидели миниатюрную темноволосую пожилую женщину. Она смотрела на них, рукой прикрывая глаза от вспышек фотокамер, которые защелкали еще быстрее.

– Доброе утро. Нам нужно поговорить с Саймоном и Дианой Дуглас-Браун, – обратилась к ней Эрика, и все трое показали свои удостоверения. Они ожидали, что женщина впустит их в дом, но та продолжала пристально рассматривать полицейских из-под нависших век. В ее черных глазах отражались блики вспышек.

– Вы спрашиваете лорда и леди Дуглас-Браун?

– Да. Это касается исчезновения их дочери Андреа, – тихо произнесла Эрика.

– Я – экономка Дуглас-Браунов, – представилась щуплая женщина. – Пожалуйста, дайте мне ваши удостоверения и ждите здесь, пока я проверю документы. – Она забрала у них удостоверения и закрыла дверь. На ее крашеной панели вновь заплясали блики вспышек.

– Вы можете подтвердить, что ее изнасиловали? – крикнул голос.

– Вы можете подтвердить, что это убийство? – выкрикнул другой. – И, если это так, считаете ли вы, что оно совершено по политическим мотивам?

Эрика искоса глянула на Мосс и Питерсона, и все трое продолжали упорно смотреть в дверь. Секунды шли. Они почти ощущали жар вспышек на своих спинах.

– За кого она нас принимает? Думает, мы хотим раскрутить их на установку пластиковых окон, что ли? – тихо прошипела Мосс.

– В прошлом году лорд Дуглас стал фигурантом скандальной истории со скрытой камерой, – краем рта произнес Питерсон. – *News*

of the World сняла на пленку, как он пытался всучить взятку оборонному подрядчику из Тегерана.

– Фальшивому шейху? – шепотом уточнила Эрика. Она собралась было сказать что-то еще, но тут дверь отворилась, на этот раз шире. Фотокамеры яростно защелкали.

– Да, документы вроде бы в порядке, – сказала маленькая женщина, возвращая им удостоверения. Она жестом пригласила их в дом. Они вошли, и экономка тут же закрыла дверь, отгораживаясь от холода и фоторепортеров.

Узкий коридор переходил в галерею, где устланная ковром элегантная деревянная лестница змейкой обвивала три этажа. Высоко над головой – витражный потолок, отбрасывавший мягкие разноцветные блики на кремовые стены. У подножия лестницы – высокие напольные часы в полированном деревянном корпусе с беззвучно качающимся маятником. Экономка повела их по коридору. Они миновали проход, в который мельком увидели большую кухню из металла и гранита, затем – огромное зеркало в золоченой раме со столь же внушительной вазой со свежими цветами, что стояла под ним, и подошли к дубовой двери. Их завели в кабинет с видом на заснеженный сад.

– Пожалуйста, подождите здесь. – Смерив полицейских пристальным взглядом, экономка вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. У окна стоял массивный стол из темного дерева. На его обтянутой кожей поверхности лежал только гладкий серебристый ноутбук. Всю стену по левую сторону занимал книжный шкаф, справа стояли большой кожаный диван со стеганой спинкой и два кресла. Над ними на стене висели в рамках фотографии Саймона Дуглас-Брауна, которого Эрика узнала по снимкам из газет, писавших об исчезновении Андреа. На вид это был невысокий сильный мужчина с пронизывающим взглядом карих глаз.

Фотографии в хронологическом порядке иллюстрировали историю его успехов. На самой ранней, сделанной в 1987 году, когда его компания по разработке технологий была зарегистрирована на Лондонской фондовой бирже, у Саймона еще пышная шевелюра. На последующих, где он запечатлен с королевой, Маргарет Тэтчер, Джоном Мейджором и Тони Блэром, волосы у него постепенно редели. Эрика отметила, что Ее Величество на добрых полголовы выше лорда

Дуглас-Брауна. Четыре снимка, на которых он был сфотографирован с Тони Блэром, свидетельствовали о его тесных связях с правительством лейбористов.

Центральное место на стене занимали две фотографии, которые были крупнее, чем остальные. Первая представляла собой парадный портрет Дуглас-Брауна: в горностаевой мантии он стоял на красном ковре на фоне стен, обшитых деревянными панелями. Подпись внизу гласила, что снимок был сделан в тот знаменательный для него день, когда ему пожаловали рыцарское звание и он стал бароном Саймоном Дуглас-Брауном Ханстантонским. На втором фото он был запечатлен в той же величавой позе, но только теперь в обществе супруги, Дианы, в элегантном белом платье, которая в сравнении с ним казалась миниатюрной и хрупкой. С темными длинными волосами, внешне она была похожа на Андреа, но выглядела старше и казалась бледной и утомленной.

– А где находится Ханстантон? – поинтересовалась Эрика.

– На побережье в Норфолке, – ответила Мосс, с невозмутимым видом наклоняясь к фотографии. – Там есть чудесный океанариум.

– Значит, жена его стала *леди Дианой*, – произнес Питерсон.

– Да, – хмыкнула Мосс. – И ей, похоже, титул тоже счастья не принес!

– Вам смешно? – разозлилась Эрика. – Не припомню я, чтобы тело Андреа, когда его выудили из воды, настраивало на веселый лад.

Мосс с Питерсоном поспешно извинились. Все трое в неловком молчании продолжали рассматривать последнюю из фотографий, на которой лорд и леди Дуглас-Браун были запечатлены с президентом Бараком Обамой и его супругой Мишель. Чета Обама возвышалась над Дуглас-Браунами, у которых от восторга лица расплылись в широченные улыбки. Вне сомнения, за кадром выстроилась длинная вереница лордов, леди, дипломатов, промышленных магнатов и их тощих жен, с нетерпением ожидавших своей очереди встать перед объективом. Секундная встреча, увековеченная на стене славы.

От созерцания фотографий их отвлекло покашливание. Они повернулись и увидели в дверях кабинета Саймона и Диану Дуглас-Браун. Эрике мгновенно стало стыдно своей предвзятости, ведь два человека, что стояли перед ними с напряженными лицами, были просто-напросто перепуганные родители.

– Пожалуйста, скажите сразу, что случилось. Это Андреа? – умоляющим тоном обратилась к ним Диана. Эрика различила легкий акцент в безупречном английском миссис Дуглас-Браун, такой же, как у нее самой.

– Прошу вас, присядьте, – предложила она.

Увидев их мрачные лица, Диана свое закрыла руками.

– Нет, нет, нет, нет, нет! Это не она. Не моя девочка. Прошу вас, скажите, что это не моя девочка!

Саймон обнял жену одной рукой.

– Как это ни прискорбно, но я вынуждена сообщить, что сегодня утром тело вашей дочери было обнаружено на территории музея имени Хорнимана в южной части Лондона, – сказала Эрика.

– Вы уверены, что это она? – осведомился Саймон.

– Да. На месте происшествия мы нашли водительские права на ее имя и мобильный телефон, зарегистрированный на Андреа, – объяснила Эрика. – Мы делаем все возможное, чтобы установить причину ее смерти, но должна сказать, что умерла она при подозрительных обстоятельствах. Мы считаем, что Андреа убили.

– Убили? – Все так же закрывая ладонями лицо, Диана отстранилась от мужа и грузно опустилась на диван у книжного шкафа. Саймон побледнел, его оливковая кожа приобрела зеленоватый оттенок. – Андреа... убили? – повторила Диана. – Кому понадобилось ее убивать?

– Боюсь, вам придется поехать и официально опознать Андреа, – помедлив, произнесла Эрика.

Снова молчание. Где-то в глубине дома пробили часы. Диана отняла руки от лица и внимательно посмотрела на Эрику.

– *Odkial ste?* – спросила она.

– *Narodila som sa v Nitre,* – ответила Эрика.

– Не надо по-словацки, не сейчас. Давайте говорить по-английски, – осадил их Саймон.

– Почему о смерти дочери мне сообщает какая-то женщина из Нитры? – возмутилась Диана, остановив на Эрике взгляд, в котором сквозил вызов.

– Как и вы, в Англии я прожила дольше, чем в Словакии, – объяснила Эрика.

– Не сравнивайте себя со мной! Где другой офицер, тот, что уже был здесь... Спаркс? Я не желаю, чтобы судьба нашей дочери зависела от квалификации какой-то там словачки.

– Миссис Дуглас-Браун. – Эрика почувствовала, как в ней всколыхнулся гнев.

– *Леди* Дуглас-Браун.

– Я служу в полиции двадцать пять лет, – вскипела Эрика. – Старший инспектор...

– Уверю вас, мы делаем все возможное, чтобы найти того, кто это сделал, – вмешался Питерсон, взглядом предостерегая Эрику.

Она взяла себя в руки и, вытащив блокнот, открыла его на пустой странице.

– Леди Диана, с вашего позволения, я хотела бы задать вам несколько вопросов?

– Нет. Я не позволяю, – заявил Саймон. Взгляд его темных глаз посуrowел. – Неужели вы не видите, что моя жена... что мы... Мне нужно позвонить. Еще раз: откуда вы?

– Нитра находится на западе Словакии, но, как я уже объяснила, в Англии я живу более двадцати лет.

– Меня не интересует ваша биография. Я спрашиваю: вы из столичной полиции?

– Да, мы из отделения полиции Луишем-Роу, – подтвердила Эрика.

– Хорошо. Мне нужно сделать несколько звонков. Прояснить ситуацию. Я общаюсь непосредственно с помощником комиссара Оукли...

– Сэр. Расследование веду я...

– И вместе с комиссаром Клайвом Робинсоном принимал участие в работе нескольких комитетов по координации деятельности с полицией...

– При всем моем уважении, сэр, вы должны понять, что расследование веду я, и мне необходимо задать вам вопросы! – Слишком поздно Эрика осознала, что повысила голос до крика. На несколько мгновений воцарилась тишина.

– Босс, можно вас на пару слов? – обратился к ней Питерсон. Он глянул на Мосс. Та едва заметно кивнула. Эрика почувствовала, что краснеет. – Босс, на пару слов, – настойчиво повторил Питерсон. –

Давайте отойдем. – Эрика встала и последовала за ним в коридор. Питерсон закрыл дверь. Эрика прислонилась к стене, пытаясь дышать медленнее.

– Знаю, – сказала она.

– Послушайте, босс, я не собираюсь вам перечить. Согласен, ситуация неприятная, но нельзя проявлять агрессивность по отношению к родителям жертвы. Ведь в данный момент они именно родители. И ничто иное. Пусть порисуетя. Мы-то знаем, что будет дальше.

– Да понимаю я все. Черт, – промолвила Эрика. – О, черт...

– Почему мать девушки спросила, где вы жили в Словении?

– В Словакии, – поправила его Эрика. – Среди словаков это довольно распространенная установка. Уроженцы Братиславы считают, что они лучше всех остальных... Полагаю, она как раз оттуда.

– И она считает, что вы ей в подметки не годитесь, – закончил Питерсон. Эрика сделала глубокий вдох и кивнула, пытаясь унять свой гнев.

С другого конца коридора к ним приближались двое мужчин в рабочих комбинезонах, тащивших огромную новогоднюю елку. Эрика с Питерсоном расступились, пропуская их. Елка высохла, местами побурела; с веток, задевавших стены, на толстый сине-зеленый ковер сыпались иголки.

Питерсон как будто хотел сказать что-то еще, но потом передумал, прибегнув к другой тактике.

– Обед давно закончился. А вам, по-моему, не мешает подкрепиться сладеньким, – заметил он, внимательно глядя на бледное лицо Эрики. – Босс, я знаю, что вы босс, но, может, лучше вы уйдете и подождете нас в пабе или в кафе за углом.

– Я пойду извинюсь.

– Босс. Пусть пыль уляжется, ладно? Мы выясним все, что можно, а потом найдем вас.

– Да. Хорошо. Только постарайтесь...

– Я договорюсь, чтобы они пришли на опознание. Да.

– И еще нам нужен ноутбук Андреа... и... Ладно. Постарайтесь добыть все, что можно.

Питерсон кивнул и вернулся в кабинет. Эрика с минуту стояла на месте. Она все испортила и осталась ни с чем.

Эрика собралась было осмотреть дом, но тут снова появилась экономка с нависшими веками.

– Позвольте я вас провожу, – с настойчивостью в голосе сказала она.

По дорожке из осыпавшихся елочных иголок они проследовали к выходу. Когда Эрика шагнула за дверь под вспышки фотокамер, ей пришлось до боли прикусить нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

Глава 7

Смеркалось, когда Мосс и Питерсон нашли Эрику в кофейне на Чизик-Хай-роуд. Удрученная, она целый час просидела одна у окна, наблюдая, как угасает день, который для нее выдался ужасно долгим и неудачным. Вообще-то ей было не свойственно поднимать ор и срывать допрос, тем более кричать на родителей жертвы.

Когда Эрика зашла в кафе, там было тихо, но теперь стоял гвалт, посетителей заметно прибавилось: тут и там сидели в одиночестве мужчины и женщины светского вида, компания модных мамочек заставила один угол дорогими детскими прогулочными колясками.

Питерсон и Мосс, купив кофе с бутербродами, подсели за столик к Эрике.

– Спасибо, что выручили. Не знаю, что на меня нашло. Совершенно утратила благоразумие, – смущенно объяснила Эрика.

– Ерунда. – Питерсон достал из пакета бутерброд и откусил от него огромный кусок.

– Диана Дуглас-Браун повела себя неприлично, – заметила Мосс, – хотя, с другой стороны, это был не лучший день в ее жизни, ведь... – Она тоже откусила сэндвич.

– Да, но мне не следовало... Ладно. Что еще вы выяснили? – осведомилась Эрика, дожидаясь, пока Мосс с Питерсоном закончат жевать.

– Саймон с Дианой понятия не имеют, каким ветром Андреа занесло в южный Лондон, – отвечала Мосс. – Она условилась пойти в кино с Дэвидом и Линдой – с братом и сестрой. Те ждали ее у «Одеона» в Хаммерсмите, но она так и не появилась.

– Брат с сестрой были дома?

– Да. Дэвид... он спал наверху. Леди Диана не захотела его будить.

– Будить? – удивилась Эрика. – Ему ведь вроде уже за двадцать?

– Дэвид на ногах с раннего утра, – объяснила Мосс. – Они всю ночь по очереди дежурили у телефонов на тот случай, если Андреа позвонит. Похоже, она и раньше пропадала.

– Когда? У нас есть сведения?

– Нет. Они не заявляли в полицию. Пару лет назад она исчезла без предупреждения на удлиненные выходные[4]. Оказалось, отправилась

во Францию с неким парнем, с которым познакомилась в баре. Вернулась, когда исчерпала лимит по кредитной карте.

– Вы выяснили фамилию парня, с которым она сбежала?

– Да. Некий Карл Майклс, – ответила Мосс. – Он в ту пору был студентом. Никакого криминала. Сексуальный уик-энд с дополнительным бонусом – платиновой *Visa* Андреа.

– Сестру ее, Линду, видели? – спросила Эрика.

– Она чай принесла. Мы ее приняли за горничную. На Андреа совсем не похожа: невзрачная, полноватая. Работает в цветочном салоне матери, – сказал Питерсон.

– И как она отреагировала на известие? – поинтересовалась Эрика.

– Выронила поднос, хотя... – Мосс запнулась.

– Что? – спросила Эрика, жалея, что ей приходится довольствоваться рассказом из чужих уст.

Мосс посмотрела на Питерсона.

– Как-то неестественно это выглядело, – объяснил он.

– Неестественно? – уточнила Эрика.

– Как игра плохой актрисы. Даже не знаю... Люди по-всякому реагируют, иногда очень странно. У них вся семья какая-то ненормальная, если хотите знать мое мнение.

– Хотя в любой семье есть свои тараканы, – рассудила Мосс. – А если еще в семье есть большие деньги, все проблемы становятся намного острее.

Засигналил телефон. Эрика не сразу сообразила, что это у нее. Она достала свой мобильный, ответила. Звонил Айзек. Он уведомил ее, что из-за плохой погоды они не успевают и результаты вскрытия будут готовы утром.

– А я ведь так хотела, чтобы тело опознали уже сегодня вечером, – посетовала Эрика, кладя трубку.

– Для вас так, может, оно даже и лучше. Глядишь, сэр Саймон остынет до завтра, – заметил Питерсон.

– Он еще что-нибудь сказал? – спросила Эрика.

– Да. Хочет, чтобы расследование снова возглавил Спаркс, – ответила Мосс.

Они продолжали молча жевать. Стемнело. Мимо ползли машины с включенными фарами, освещавшими беспрестанно падающий снег.

Глава 8

Эрика, Мосс и Питерсон прибыли в отделение полиции Луишем-Роу в самом начале восьмого. Они сразу прошли в оперативный отдел, где уже собралась почти все сотрудники следственной группы, которым не терпелось поделиться результатами проделанной за день работы. Эрика скинула с себя длинную кожаную куртку и направилась к демонстрационным экранам в задней части помещения.

– Итак, прошу внимания. Я понимаю, день был долгий, однако что мы имеем?

– Как прошла встреча с родными потерпевшей, старший инспектор Фостер? Как вам сэр Саймон? – с усмешкой полюбопытствовал Спаркс, развалившись на стуле в вальяжной позе.

Дверь словно по сигналу отворилась, и в оперативный отдел заглянул суперинтендант Марш.

– Фостер. На два слова.

– Сэр, я как раз подвожу итоги за день...

– Ладно. Как только закончите, сразу ко мне, – рявкнул он и со стуком закрыл дверь.

– Значит, встреча прошла хорошо, как я понимаю? – съязвил Спаркс. Светящийся монитор его компьютера окрашивал его противную ухмылку в голубоватый цвет. Не отвечая ему, Эрика повернулась к одной из демонстрационных досок, на которой рядом с фотографией Андреа висели фото Линды и Дэвида. Она с интересом отметила, что Андреа и Дэвид внешне очень привлекательны, а вот Линда, походившая на матрону, имела избыточный вес, острый нос и более светлый цвет кожи, чем ее брат и сестра.

– А дети, все трое, от одних и тех же родителей? – спросила Эрика, постучав по доске маркером, чем вызвала недоумение у всего оперативного отдела.

Сержант Крейн в удивлении огляделся.

– Мы полагаем, что да...

– Почему вы так решили? – спросила Эрика.

– Ну, на вид они...

– Аристократичные? – уточнила Эрика. – Всегда помните, что в качестве подозреваемых мы прежде всего рассматриваем членов

семьи. Пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что они живут в престижном районе Лондона, имеют влияние и власть. Крейн, узнайте все, что можно, о детях, но, разумеется, действуйте деликатно. Идем дальше. Нам известно, что в минувший четверг, восьмого числа, Андреа должна была встретиться с Дэвидом и Линдой у кинотеатра, но там так и не появилась. Куда она пошла? На встречу с подругой, с тайным возлюбленным? Кто собирал сведения о жизни Андреа?

Со своего места поднялась маленькая индианка лет двадцати пяти.

– Констебль Сингх, – представилась она. Индианка подошла к Эрике, и та отдала ей маркер. – Последние восемь месяцев Андреа встречалась с двадцатисемилетним Джэйлзом Осборном. Недавно они обручились. Ему принадлежит компания «Якка-праздники», занимающаяся организацией мероприятий и банкетов премиум-класса. Штаб-квартира в Кенсингтоне.

– «Якка-праздники». Что означает «якка»? – полюбопытствовала Эрика.

– На языке австралийских аборигенов – «работа». На сайте компании говорится, что свой академический отпуск он провел в Австралии.

– Учился у аборигенов подавать канапе и шампанское? – пошутила Эрика. По лицам ее коллег скользнули улыбки.

– Он из богатой семьи. Образование получил в частных учебных заведениях. На тот вечер, когда исчезла Андреа, у него алиби.

– Я уже его допросил, – вставил Спаркс. – Мы выяснили это на прошлой неделе.

– Распечатки звонков с телефона Андреа, записи в соцсетях? Полагаю, вы их запросили?

– Да, – подтвердила Сингх.

– Где они?

– Я над этим работаю. Запросил сегодня утром, надеюсь получить в следующие двадцать четыре часа, – ответил Крейн.

– Почему не запросили раньше, когда в полицию поступило заявление об ее исчезновении? – осведомилась Эрика.

Молчание.

– Побоялись сунуть нос в частную жизнь богатой влиятельной семьи?

– Это было мое распоряжение, – сказал Спаркс. – Родные Андреа тогда еще думали, что она просто сбежала. Они мониторили ее странички в соцсетях и делились информацией с нами.

Эрика закатила глаза.

– Как только получите распечатки, сразу мне на стол. А также то, что удастся снять с жесткого диска ее телефона, – велела она Крейну. – Спаркс, пора бы вам очнуться от зимней спячки. Есть информация по видеокамерам?

Старший инспектор Спаркс откинулся на спинку стула, который под ним скрипнул.

– К сожалению, новости неутешительные. До позавчерашнего дня три видеокамеры на Лондон-роуд не работали. Соответственно у нас нет ничего по привокзальной площади и центральной улице, ведущей к музею Хорнимана. Переулки, разумеется, тоже не охвачены. Так что мы абсолютно слепы относительно того, что происходило там вечером восьмого числа.

– Черт, – выругалась Эрика.

– У нас есть запись с видеокамеры, которая зафиксировала, как она сходит с поезда на станции Форест-Хилл в... – Спаркс пролистал свои записи, – в 9.06 вечера. Сходит с поезда, идет по платформе мимо билетной кассы, там только автоматы. В это же время с ней из метро выходили всего два-три человека.

– Мы можем установить, кто эти люди? Возможно, они шли в том же направлении, что и она.

– Я уже над этим работаю, – закончил Спаркс.

– Поквартирный опрос?

– Ничего не дал, босс, – ответил Крейн, выдвигаясь вперед в своем кресле. – Многие жители либо еще не вернулись с рождественских каникул, либо спали.

– Пабы?

– В «Уэзерспунсе» и «Свинье и свистке» видеокамеры есть, но она ни туда, ни туда не заходила. На центральной улице находятся еще четыре паба.

– Грейс Кинни упомянула два: «Клееварка» и «Олень».

– Мы во всех побывали. Также те еще притоны, босс. Правда, никто из персонала ее не вспомнил.

– Проверьте график работы персонала, узнайте, кто из них местные. Снова расспросите. Она была одета нарядно, для выхода в свет. Велика вероятность, что она все-таки наведалась в один из тех пабов.

– А если она шла на частную вечеринку у кого-то в доме? – предположила Сингх.

– Допустим. Тогда что по винным барам? Заходила она в какой-нибудь за сигаретами или спиртным?

– Та же ситуация. В винных барах камеры есть, но запись ведется не непрерывно, и она ни на одной не засветилась, – объяснил Крейн.

– А тот дом, возле которого была найдена ее сумочка?

– Да, номер сорок девять. К сожалению, там тоже ничего. Хозяйка – слабоумная старушка, живет вместе с сиделкой, которая за ней ухаживает. Обе ничего не видели и не слышали.

В комнате повисла напряженная тишина.

– Отпустили бы уже команду, дали народу отдохнуть. Долгий ведь был день, – нарушил молчание Спаркс.

– Да. Все свободны. Завтра жду вас всех в девять. К тому времени мы уже получим результаты вскрытия, а также сведения по телефону и соцсетям.

Эрика попрощалась с подчиненными и, когда осталась одна в оперативном отделе, в тишине повернулась к демонстрационным доскам, остановив взгляд на фотографии Андреа.

– Смотри, ты такая молодая, всего двадцать три. Впереди у тебя была целая жизнь. – Андреа с фотографии отвечала ей дерзким, почти издевательским взглядом.

Зазвонил телефон. Эрика вздрогнула.

– Долго мне вас еще ждать? – рявкнул в трубку Марш.

– Черт. Простите, сэр. Бегу.

Глава 9

– То есть результатов ноль? – возмутился Марш. Побагровевший, он мерил шагами свой кабинет. Эрика только что доложила ему об итогах первого дня расследования.

– Я только сегодня приступила к расследованию, сэр. И, как я сказала, мы установили личность жертвы. Прессу я об этом не оповещала. Думаю, есть один-два паба, в которые Андреа, возможно, наведывалась в вечер исчезновения.

– *Возможно, наведывалась.* Что это значит?

– Это значит, что из-за отсутствия камер наблюдения на Лондон-роуд и вокруг вокзала вся эта зона для нас – «белое пятно». Нам нужны ресурсы и время, чтобы найти и допросить людей, которые, возможно, что-то видели или слышали. Все работают на износ, тем более что погода не дает разбежаться...

– Какого черта вы вступили в перепалку с Дуглас-Браунами? О чем вы думали?

Стараясь сохранить самообладание, Эрика сделала глубокий вдох.

– Виновата, сэр. Мне следовало вести себя более деликатно с родителями жертвы.

– Вот именно: «следовало». Я надеялся, что леди Диана проникнется к вам доверием, раз вы словачка.

– В этом как раз и проблема. Она сочла, что я простолюдинка. Не мне с моим рылом расследовать убийство.

– Вы пришли в полицию не для того, чтобы перед вами все расшаркивались, старший инспектор Фостер. Надо уметь находить общий язык с населением.

– В том-то и дело. Мы их воспринимаем не как обычных членов общества. У нас что, сэр Саймон руководит расследованием? Во всяком случае, он, видимо, считает, что главный здесь он... И вообще, кто вам рассказал про перепалку? Он вам позвонил, да? Он знает ваш прямой номер?

– Полегче, старший инспектор Фостер, – заметил Марш. – Вообще-то он позвонил старшему инспектору Спарксу, а тот доложил мне.

– Как любезно с его стороны.

Марш бросил на нее быстрый взгляд.

– Я себя поставил под удар, добиваясь, чтобы вам разрешили вести это дело...

– А ваша жалость, сэр, мне не нужна!

– ...и если не будете осторожны, вас отстранят раньше, чем вы успеете что-то начать. Учитесь держать язык за зубами. Я поставил вас на это дело, потому что вы чертовски хороший сыщик. Лучший из всех, кого я знаю. Хотя теперь уже сомневаюсь в своей оценке.

– Простите, сэр. Просто долгий был день – суровые условия, бессонная ночь. Но вы же меня знаете. Я не даю себе поблажки и преступника обязательно вычислю.

– Ладно, – произнес Марш, успокаиваясь. – Но вы должны искренне извиниться перед четой Дуглас-Браун.

– Слушаюсь, сэр.

– И выспитесь как следует. А то видок у вас...

– Спасибо, сэр.

– Где остановились?

– В гостинице.

– Вот и хорошо. Все, бегите, завтра жду вас на работе со свежей головой, – сказал Марш, взмахом руки отсылая ее.

* * *

Эрика кипела от злости, покидая кабинет Марша. Злилась потому, что ее отчитали, злилась на себя – за то, что напортачила. Она вернулась в оперативный отдел, взяла куртку. Андреа нагло смотрела на нее с фотографии, висевшей в самом центре демонстрационной доски. Записи, сделанные от руки, расплывались при ярком свете. Эрика потеряла усталые глаза. Ей казалось, что она смотрит на все через мутное стекло. Не способна рассмотреть детали. На нее снова накатили усталость и гнев. Она надела куртку и, погасив свет, покинула комнату. Навстречу ей по коридору шел дежурный по отделению сержант Вулф.

– А я к вам. Хотел сказать, что машину для вас подготовили. Синий «Форд Мондео», – доложил он, вручая ей брелок с ключами. Его лицо с отвисшим подбородком сейчас было еще угрюмее, чем утром.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика, забирая ключи. Они направились к выходу. Вулф старался подстроиться под ее шаг.

– Правда, ваши вещи я не положил в багажник. Несколько лет назад мне делали операцию на спине. Удаляли межпозвоночный диск. Чемодан за моим столом...

Они вышли в приемную, где худая замызганная женщина, склонившись над столом Вулфа, звонила по его телефону. На ней были грязные драные джинсы и старая длинная куртка с капюшоном, вся в пятнах, в дырках от сигарет. Ее длинные седые волосы были стянуты в хвост аптечной резинкой, под глазами – темные круги. Рядом с ней топтались две неопрятные маленькие девочки. Они визгливо кричали, подбадривая остриженного под «ежик» маленького мальчика в грязных белых спортивных штанах. Тот сидел верхом на чемодане Эрики и, одной рукой держась за ручку, второй размахивая в воздухе, подпрыгивал на нем, словно объезжая мустанга. Вулф поспешно прошел за свой стол и пальцем надавил на рычаг, прерывая звонок.

– Блин, я же разговаривала! – с негодованием оскалилась на него женщина, обнажив полный рот кривых коричневых зубов.

– Айви, это служебный телефон, – урезонил ее Вулф.

– Ну и что? Последние десять минут он не звонил. Считаю, тебе повезло, у преступников перерыв!

– Кому ты хочешь позвонить? Я наберу, – сказал Вулф.

– Я умею пользоваться телефоном!

– Кто эта женщина? – спросила Эрика.

Айви отвела трубку подальше от Вулфа и смерила Эрику оценивающим взглядом с ног до головы.

– Мы с Мордастиком давние знакомые, да, Мордастик? Я зову его Мордастиком. Уродина он, да?

– Ну-ка слезай с моего чемодана, – велела Эрика мальчику, которому на вид было лет семь-восемь, не больше. Тот, не обращая на нее внимания, продолжал с улюлюканьем подпрыгивать на чемодане. Вулф принялся отнимать у Айви телефонную трубку, и в конце концов ему это удалось.

– Я имею право звонить с этого телефона. Я же на местный номер звоню. И к тому же я плачу тебе зарплату!

– Каким это образом? – усмехнулся Вулф.

– У меня есть деньги. Я плачу налоги, а ты получаешь зарплату из моих налогов!

Эрика попыталась снять мальчика со своего чемодана, но тот, наклонившись, впился зубами в тыльную сторону ее ладони. Она оторопела от неожиданности и резкой боли.

– Сейчас же отпусти, – сказала Эрика, силясь сохранять хладнокровие. Мальчик глянул на нее со злобной улыбкой и еще глубже вонзил зубы в ее ладонь. Руку прострелила острая боль, и Эрика, не выдержав, отвесила ему подзатыльник. Вскрикнув, мальчик выпустил руку Эрики и с глухим стуком свалился на пол с чемодана.

– Ты кто такая, чтобы руки распускать, черт возьми?! – взревела Айви, бросаясь к ней.

Эрика попыталась увернуться, но оказалась прижатой к стене. Вулф поймал Айви как раз в тот момент, когда перед лицом Эрики сверкнуло длинное лезвие ножа.

– Айви, остынь... – начал он, схватив ее за подмышки и силясь оттащить от Эрики.

– Не указывай мне, вонючий жирдяй! – угрожающе прорычала Айви. – А ты, гадина, только тронь еще раз моих детей, всю рожу твою исполосую! Мне терять нечего!

Видя, что острие ножа на дюйм приблизилось к ее лицу, Эрика пыталась контролировать свое дыхание.

– Брось нож. Брось, – настаивал Вулф, наконец-то стиснув запястье Айви так, что она выпустила из руки свое оружие. Пружинный нож со стуком упал на пол, и Вулф придавил его ногой.

– Больно же, Мордастик, – сказала Айви, потирая запястье. Не спуская с нее глаз, Вулф нагнулся и поднял с пола нож. Нащупал на нем маленькую кнопку, и лезвие исчезло в рукоятке. Мальчик и девочки перестали хулиганить и притихнув, стали обычными детьми. Казалось, они больше боялись того, что собиралась сделать Айви. Эрика даже представить не могла, как они живут. Она остановила взгляд на мальчике. Тот держался за голову.

– Прости, прости, пожалуйста... Как тебя зовут?

Он отпрянул от нее. Что она могла ему сказать? Что у нее был тяжелый день? Эрика внимательно посмотрела на детей – грязные, тощие...

– Я хочу подать жалобу, – со вкусом заявила Айви.

– Неужели? – фыркнул Вулф, подталкивая Айви к выходу.

– Да. *Жестокость полиции...* убери от меня руки... жестокость полиции по отношению к малолетним.

– В таком случае тебе придется заполнить заявление, – сказал Вулф. – После того как проведешь ночь в камере за нападение с ножом на офицера полиции.

Айви прищурилась.

– Нет, у меня нет времени... Дети, за мной. БЫСТРО! – Она напоследок взглянула на Эрику и вместе с детьми вышла на улицу. В окне, мимо которого они проходили, мелькнули их куртки.

– Черт, – произнесла Эрика. Потирая укус на руке, она осела на стол. – Нельзя было бить ребенка.

На ее коже виднелись глубокие ребристые бело-лиловые вмятины от зубов, в которых проступившая кровь смешивалась со слюной мальчика. Вулф подошел к ящику с пометкой «Добровольно сданное холодное оружие» и убрал в него пружинный нож Айви. Потом обошел стол, достал аптечку, поставил ее рядом с Эрикой и откинул крышку.

– Вы ее знаете? – спросила Эрика.

– О да. Айви Норрис, она же Джин Макардл, Бет Кросби – иногда называет себя Полетт О’Брайан. Своего рода местная знаменитость. – Вулф смочил в спиртовом растворе стерильный тампон и прижал его к месту укуса на руке Эрики. Успокаивающий запах ментола позволял не так остро ощущать неприятное жжение. – Наркоманка со стажем, проститутка, – продолжал Вулф, – в общем, «послужной список» длиной с Великую китайскую стену. Работала в паре с дочерью, – если вы понимаете, о чем я, – пока дочь не скончалась от передозировки.

– А отцы детей?

– Вообще-то они ей внуки. Да кто их знает? Ткните пальцем в телефонный справочник – не ошибетесь.

Вулф выбросил грязный тампон, взял чистый и принялся обрабатывать кровоточащий укус.

– Они бездомные?

Вулф кивнул.

– Нельзя ли их поместить в какой-нибудь приют, в ночлежку с завтраком? – спросила Эрика. В окно она видела Айви. Та стояла у парковки под ярким фонарем, курила и разглагольствовала сама с

собой. Дети жались к ней, вздрагивая каждый раз, когда она размахивала руками.

Вулф мрачно рассмеялся.

– Почти все приюты и ночлежки уже отказываются ее принимать. Слишком назойливо навязывает свои услуги.

Он убрал с руки Эрики марлевый тампон и залепил рану большим квадратом бактерицидного пластыря.

– Спасибо, – поблагодарила его Эрика, разминая пальцы.

Вулф стал укладывать медикаменты в аптечку.

– Я вот что вам скажу. Укус нужно показать врачу. Пусть сделают укол от столбняка, а то знаете... уличные дети... в них ведь какой только заразы нет.

– Да, – согласилась Эрика.

– И мне придется составить протокол. Внести в него все, что случилось. Она угрожала вам ножом. Он вас укусил...

– Да, а я его ударила. Ударила несчастного ребенка, черт бы меня побрал... Ничего. Выполняйте свою работу. И... спасибо вам.

Вулф кивнул, снова сел за стол и занялся оформлением документов. Эрика посмотрела в окно, но Айви с детьми уже исчезла.

Глава 10

На улице свирепствовал лютый холод. Центральный вход отделения полиции Луишем-Роу был освещен, но парковка утопала в темноте. Длинные ряды заиндевевших машин слабо поблескивали в свете уличных фонарей, за ними виднелся неиссякаемый поток автотранспорта, медленно катившего по дороге. Эрика все еще ощущала пульсацию в руке. Она направила ключ-брелок влево, щелкнула им. Потом вправо, снова щелкнула. Машина на дальнем краю парковки дважды прорезала темноту оранжевыми пучками света. Чертыхнувшись, Эрика поплелась к ней, волоча за собой чемодан по глубокому снегу.

Она положила вещи в багажник и села за руль. В салоне было зябко, но чувствовалось, что здесь все новое. Эрика завела мотор и заблокировала двери через центральный замок. Когда машина чуть прогрелась, она выехала с парковочного места и медленно покатила к выходу.

Айви стояла на тротуаре, обнимая детей. Те жались к ней, безудержно дрожа. Эрика притормозила возле них и опустила стекло машины.

– Вам куда, Айви? – спросила она. Айви повернулась. Ветер подхватил прядь ее длинных седых волос и прижал к лицу.

– Тебе какое дело? – огрызнулась она.

– Могу подвезти.

– Думаешь, мы сядем в машину к чувырле, которая лупит детей?

– Простите. Я была сама не своя. День выдался тяжелый.

– День у нее выдался тяжелый! Пожила бы ты, как я, милочка, – фыркнула Айви.

– Я отвезу вас, куда скажете, да и дети погрются, – пообещала Эрика, заметив, что из-под тонких платяшек девочек торчат голые ноги.

Айви прищурилась.

– А что взамен?

– Просто садитесь в машину, – сказала Эрика, доставая двадцатифунтовую купюру. Айви хотела взять деньги, но Эрика отвела

руку с двадцаткой. – Получите, когда я вас высажу, при условии, что вы не будете кидаться с ножами и кусаться.

Айви глянула на мальчика, тот послушно кивнул.

– Ладно. – Она открыла заднюю дверцу, и дети, забравшись в машину, расползлись по заднему сиденью. Айви, сев рядом с Эрикой, издала безобразный выдох с протяжным присвистом. Близость Айви пугала Эрику, но она проглотила свой страх.

– Пристегнитесь, – велела Эрика, подумав, что ей будет спокойнее, если они все будут пристегнуты.

– Ага. Не станем же мы закон нарушать, – рассмеялась Айви. Она набросила на себя ремень безопасности, щелкнул замок.

– Куда вас отвезти?

– В Кэтфорд, – ответила Айви. Эрика достала телефон, вывела на экран навигатор.

– Блин, ну ты даешь! – воскликнула Айви. – Я покажу. Давай налево.

Автомобиль плавно катил по дороге, на ветровом стекле мерцали блики уличных фонарей, и вся их необычная компания – Айви, ее внуки, Эрика – погрузилась в молчание. Как ни странно, в этой тишине ехать было вполне комфортно.

– А что, дети у тебя есть? – спросила вдруг Айви.

– Нет, – ответила Эрика. Снег залеплял ветровое стекло, и она включила дворники.

– Лесби, что ли?

– Нет.

– А-а, мне все равно. Я против лесби ничего не имею. С лесби иногда приятно выпить, да и рукастые они, мастерают хорошо... Знаешь, я однажды попробовала. Не понравилось.

– Что? Мастерить? – пошутила Эрика.

– Очень смешно. Кстати, я подумываю о том, чтобы снова заделаться лесби. Деньги придется делить, но меня уже тошнит от членов.

Эрика посмотрела на нее.

– Ой, только не надо так зыркать, лапочка. Ты же не думаешь, что я работала в *Marks&Spenser*?

– Где вы живете? – спросила Эрика.

– С какой стати я должна сообщать тебе свой адрес? – Айви рванулась к ней, но застегнутый ремень безопасности удержал ее на месте.

– Полегче... Вы же только что сказали, что вас «тошнит от членов». Я подумала, не будет невежливо, если я спрошу у вас адрес.

– Ты давай не умничай. Знаю я тебя. Любишь свою работу, да? А друзья есть? – Ответом ей было молчание. – Так я и думала. Днюешь и ночуешь на работе, да? Мать родную продашь... Здесь налево.

Эрика включила поворотник и повернула.

– Я нигде не живу... сейчас, – произнесла она, прикинув, что можно немного рассказать о себе. – У меня недавно умер муж, я уезжала и...

– И свихнулась, да?

– Нет, но была близка к тому, – ответила Эрика.

– Моего мужа зарезали. Давно уже. Истек кровью прямо у меня на руках... Здесь направо. Но теперь-то у тебя все в порядке, да? Работа хорошая. Я тоже могла бы служить в полиции или еще где получше, – усмехнулась Айви.

– Значит, вы хорошо знаете этот район? – спросила Эрика.

– Да. Всю жизнь здесь обитаю.

– Какие бары порекомендуете?

– *Какие бары порекомендуете?* – передразнила она Эрику.

– Ну хорошо, какие бары вы знаете?

– Все. Я же сказала: я тут сто лет живу. Видела, как заведения открывались и закрывались. Самые дурные дольше всех существуют.

Они миновали театр «Кэтфордский Бродвей» с освещенным фасадом, на котором все еще висела афиша рождественского представления.

– Высади нас здесь, – указала Айви.

Кэтфорд-Хай-стрит была пустынна. Эрика затормозила у пешеходного перехода, рядом с букмекерской конторой «Лэдброукс» и отделением банка «Галифакс».

– Здесь нет жилых домов, – заметила Эрика.

– Я же сказала: у меня нет дома!

– Где же вы ночуете?

– Все, некогда мне болтать. Давай, буди их, – рывкнула Айви мальчику. Эрика глянула в зеркало заднего обзора. Девочки спали,

склонив головы друг к другу. Мальчик, белый, как полотно, таращился на нее.

– Прости, что я тебя ударила, – извинилась Эрика. Его лицо оставалось безучастным.

– Забудь. Просто дай мне денег и все, – сказала Айви, отстегивая ремень безопасности и открывая дверцу машины. Эрика порылась в куртке и вытащила двадцатку. Айви взяла купюру, сунула ее куда-то в складки своей парки.

– Айви, пока вы не ушли, скажите, что вам известно про пабы в Форест-Хилл. Про «Оленя»?

– Там стриптизерша одна работает. За кружку фунтовых монет сделает что угодно, – ответила Айви.

– А «Клееварка»? – спросила Эрика.

Айви напряглась, переменилась в лице, выпучила глаза.

– Про это место я ничего не знаю, – хрипло произнесла она.

– Вы же говорили, что знаете все бары в округе. Ну же, расскажите мне про «Клееварку».

– Я там не бываю, – прошептала Айви. – И мне ничего не известно, поняла?

– Почему не бываете?

Айви молчала, глядя на Эрику. Потом добавила:

– Ты показала бы свою руку врачу. Малыш Майк... у него ВИЧ...

Айви вылезла из машины, хлопнула дверцей и вместе с детьми, которые плелись за ней, исчезла между магазинами. Пораженная реакцией Айви на упоминание «Клееварки», Эрика не обратила внимания на ее последние слова. Она быстро открыла дверцу со своей стороны и последовала за ними к какому-то темному переулку. Присмотрелась, но так и не смогла различить их во мраке.

– Айви! – крикнула Эрика. – Почему вы там не бываете? Что вы имели в виду?

Она пошла по переулку, свет уличных фонарей за ее спиной быстро померк. Под ногами она ощущала что-то мягкое и хлюпающее.

– Айви. Я дам вам денег, только скажите, что вам известно...

Эрика достала телефон, включила фонарик. Весь переулок был устлан использованными шприцами, презервативами, разорванными упаковками и ценниками.

– Я расследую убийство, – продолжала она. – Ту девушку последний раз видели в «Клееварке»...

Ее голос эхом разносился по переулку. Ответа не было. Эрика дошла до проволочного ограждения с металлическими зубцами по верху. В высоту оно достигало десяти футов. За забором Эрика различила какой-то жалкий двор с брошенными канистрами. Она огляделась, пробормотала себе под нос:

– Куда, черт возьми, они подевались?

Эрика повернула обратно, но по пути к дороге не увидела ни одного бокового прохода: по обеим сторонам высились только кирпичные стены зданий.

Дверца машины, когда она добралась до нее, все еще была распахнута. Тихо мяукал сигнал тревоги. Бросив взгляд вокруг, Эрика села за руль. Неужели они ей привиделись? Несколько секунд она переживала, что последние события – Айви, дети – были игрой ее воображения, но потом почувствовала пульсирующую боль в руке, увидев наклепленный на укус пластырь.

Она быстро заблокировала двери и машина с визгом рванула с места. В крови гудел адреналин. Очень странно Айви отреагировала на «Клееварку», размышляла Эрика. Женщина была напугана. Почему?

Ей было плевать на поздний час, на то, что она вторые сутки на ногах. Эрика решила во что бы то ни стало наведаться в тот паб.

Глава 11

Эрика вернулась в Форест-Хилл и припарковалась за две улицы до центральной, в тихом жилом квартале. Нужный ей паб, двухэтажное кирпичное здание с фасадом винного цвета, находился на середине главной улицы. Название «Клееварка» было выведено белой краской. Хвостик последней «а» переходил в рисунок кисти, зависшей над котлом с белым клеем. Вывеска, одновременно глупая и бессмысленная, раздражала Эрику. Она увидела четыре окна, по два на каждом этаже, с толстыми каменными карнизами. В окнах верхнего этажа было темно. Из двух нижних одно заколочено, второе тускло светило за тюлевой занавеской.

Несмотря на холод, дверь была распахнута. Рекламное объявление на ней гласило, что если заказать два бокала домашнего вина, то, что останется в бутылке, нальют бесплатно. Эрика вошла и увидела, что в бар ведет еще одна дверь с армированным стеклом, которое было все в трещинах.

В баре почти никого не было. Только два молодых парня сидели и курили за одним из множества столиков с покрытием из «формайки»^[5]. Они глянули на Эрику, обратив внимание на ее длинные ноги, когда она проходила мимо, и снова уткнулись в свои бокалы с пивом. С одной стороны находилась маленькая танцплощадка, на которой громоздились наставленные один на другой старые стулья. Из колонок звучала передача *Magic FM* – начало песни *Careless Whisper*^[6]. Эрика направилась в глубь бара, к длинной низкой стойке, над которой висели бокалы. Сидевшая за стойкой коренастая девушка смотрела по крошечному портативному телевизору реалити-шоу «Большой брат» с участием знаменитостей.

– Двойную водку с тоником, пожалуйста, – заказала Эрика.

Не отрывая глаз от экрана, барменша неуклюже приподнялась, сняла с подвесного держателя бокал для вина и поставила его под оптический дозатор. На ней была застиранная футболка с символикой концертного турне Кайли Миноуг под названием *Showgirl*, которая обтягивала полноватую фигуру девушки, едва не лопааясь на ее пышной груди. Она поправила сзади футболку, ниже натянув ее на свой широкий зад.

– Ищете место домработницы? Няни? – спросила барменша, очевидно, уловив слабый акцент Эрики. Эрика тоже различила в ее речи нотки иноязычного выговора. Кто она: полька, русская? Эрика затруднялась определить. Барменша снова поставила бокал под дозатор.

– Да, – ответила Эрика, решив подыграть. Девушка взяла пластиковую бутылку с тоником, наполнила им винный бокал до краев и поставила напиток на стойку, затем пододвинула к Эрике бланк объявления и шариковую ручку.

– За двадцать фунтов можете повесить свое объявление на доску. Новые объявления забирают каждый четверг. С вас двадцать три пятьдесят – за это и водку, – сказала она.

Эрика заплатила и села, глотнув из бокала. Коктейль был теплый и выдохшийся.

– Почему мужа не послали? – любопытствовала барменша, наблюдая за тем, что пишет Эрика.

– Да ну, напьется еще!

Девушка кивнула с понимающей усмешкой. Эрика подошла к висевшей на стене возле стойки пробковой доске, на которую показала девушка. Она была обклеена сотнями объявлений, наклеенных одно на другое. Все написаны от руки – по-словацки, по-польски, по-русски, по-румынски; во всех заявителя предлагали услуги в строительстве, уходе за детьми или по ведению хозяйства.

– Здесь всегда так спокойно? – спросила Эрика, обводя взглядом пустой бар.

– Январь, – пожалала плечами барменша, вытирая поднос старой тряпкой. – И футбол не показывают.

– Моя подруга нашла место домработницы, оставив тут объявление, – объяснила Эрика, возвращаясь на свой табурет. – К вам много женщин заглядывает? Девушек, которым нужна работа?

– Бывает.

– Подруга сказала, что у вас я могу встретить одну девушку, которая искала работу?

Барменша перестала вытирать поднос и пристально посмотрела на Эрику. Та снова пригубила бокал, затем достала свой телефон, нашла в нем фотографию Андреа и показала барменше.

– Вот она.

– Никогда не видела, – произнесла девушка слишком поспешно.

– Правда? А подруга утверждает, что она была здесь всего несколько дней назад...

– Я ее не видела. – Барменша подняла проволочный поднос, наполовину заставленный пустыми бокалами, собираясь уйти.

– Я еще не закончила, – сказала Эрика, кладя на стойку свое удостоверение.

Барменша помедлила и поставила поднос на место. Повернувшись, она увидела полицейское удостоверение, и в ее лице отразилась паника.

– Не бойся. Мне просто нужно, чтобы ты ответила на мои вопросы. Как тебя зовут?

– Кристина.

– Кристина...?

– Просто Кристина.

– Ну хорошо, просто Кристина. Спрашиваю еще раз: ты видела здесь эту девушку?

Барменша взглянула на фотографию Андреа в телефоне и замотала головой, да так яростно, что у нее затряслись щеки.

– Ты работала здесь вечером восьмого? Это был четверг, чуть больше недели назад.

Девушка подумала и снова покачала головой.

– Точно? Сегодня ее нашли мертвой.

Барменша закусил губу.

– Это твое заведение?

– Нет.

– Просто работаешь здесь?

– Да.

– Кто хозяйка или хозяин?

Кристина пожала плечами.

– Не дури, Кристина. Это я легко выясню через пивоварню. Вон парни у вас сидят здесь дымят, несмотря на запрет. Знаешь, какой штраф придется заплатить? Тысячи фунтов. У вас здесь нелегальное бюро по трудоустройству. Ты только что взяла с меня двадцать фунтов за объявление. Один звонок, и через пять минут здесь будет бригада полицейских. И ты понесешь ответственность...

Кристина расплакалась. Ее необъятная грудь вздымалась, лицо покраснелось. Уголком полотенца она терла свои маленькие глазки-бусинки.

– Просто ответь мне на пару вопросов, – сказала Эрика. – И я позабочусь, чтобы к тебе не было претензий.

Кристина перестала плакать и перевела дух.

– Успокойся... Все нормально, Кристина. Ничего плохого не случится. А теперь взгляни еще раз на фото. Ты видела здесь эту девушку вечером восьмого числа? В прошлый четверг. Ее похитили и убили. Расскажи, что знаешь, и ты сможешь мне найти убийцу.

Опухшими глазами барменша посмотрела на фото Андреа.

– Она сидела там, в углу, – наконец заговорила она. Эрика повернулась и увидела столик у танцплощадки. Она также отметила, что парни, которые потягивали пиво, ушли, оставив недопитые кружки.

– Ты уверена, что там была именно эта девушка? – Эрика снова показала Кристине фотографию на телефоне.

– Да. Красивая такая. Я помню.

– Она сидела одна? Или с кем-то встречалась?

Кристина кивнула.

– С ней была молодая женщина. Короткие светлые волосы.

– Короткие, как у меня? – уточнила Эрика.

Барменша кивнула.

– Что еще?

– Они выпили по бокалу, может, по два, не знаю. Народу было много в тот вечер... и... и...

Эрика видела, что Кристина все больше волнуется и дрожит от страха.

– Продолжай, Кристина. Все будет хорошо, я обещаю.

– Потом она ушла... ее подруга – я не заметила, в какой момент. Но когда я снова туда посмотрела, с ней уже сидел мужчина.

– Как он выглядел?

Барменша пожала плечами.

– Высокий, темный... Они ругались.

– Что значит «высокий, темный»? Можно чуть поконкретнее? – попросила Эрика, пытаясь скрыть досаду. Это был настоящий прорыв,

но Кристина отделивалась неопределенными фразами. Эрика приняла решение и взялась за телефон.

– Кристина, я хочу, чтобы ты поехала со мной в отделение и составила так называемые фотороботы женщины и мужчины, которых ты видела вместе с Андреа.

– Нет, нет, нет, нет. – Кристина попятилась.

Эрика набрала номер дежурного по отделению полиции Луишем-Роу. Пошел вызов.

– Твоя информация поможет нам найти того, кто убил эту женщину, Андреа.

– Но я на работе... и...

– Я вызову группу сюда. Сделаем это прямо сейчас. – Дежурный ответил. – Старший инспектор Эрика Фостер. Пришлите группу в паб «Клееварка» на Лондон-роуд в Форест-Хилл и полицейский автомобиль заодно. Да, и еще. Сегодня есть дежурный эксперт, который мог бы составить фоторобот?

Какое-то движение. Эрика сообразила, что Кристина метнулась в дверь за стойкой бара.

– Черт! Подождите. Я перезвоню. – Эрика перемахнула через стойку, выскочила в дверной проем и оказалась в грязной маленькой кухне. Дверь, что вела на улицу, была распахнута. Она ступила за порог. В обоих направлениях тянулась длинная узкая улица. Сыпал мелкий снег. Было неестественно тихо.

Эрика прошла по улице в обе стороны. Дома, выходящие на нее, обволакивала темнота; дороги, с которыми улица сочленялась с обоих концов, тоже были пустынные. Вовсю валил снег, между домами завывал ветер. Стараясь защититься от колючего холода, Эрика плотнее закуталась в куртку.

Она не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают.

Глава 12

В «Клееварку» прибыли двое полицейских, но тщательные поиски ни к чему не привели. Кристина исчезла. Квартира над пабом, заваленная мусором и старой сломанной мебелью, оказалась нежилой. В полночь полицейские посоветовали Эрике ехать домой и поспать. Они пообещали, что останутся в пабе и на рассвете примутся за поиски владельца заведения. А если Кристина вернется, они отвезут ее в отделение.

Эрикой по-прежнему владел страх, когда она возвращалась к машине, припаркованной за несколько улиц от паба. В окружавшем ее безмолвии слышался малейший шорох; ветер, гулявший между домами, свистел особенно пронзительно; китайские колокольчики на крыльце какого-то дома звякали слишком громко... Она почти кожей ощущала на себе все тот же взгляд, следивший за ней из черных окон стоявших вокруг домов.

Краем глаза Эрика заметила, как в одном из них мелькнула тень. Она резко повернулась. Никого. Просто темный эркер. Неужели за ней кто-то наблюдает из темноты? Эрика осознала, что изнемогает от усталости. Она решила, что заселится в первый попавшийся отель. Эрика открыла машину, села за руль, изнутри запершись на все замки, устроилась поудобнее в комфортном кресле, откинувшись назад, и закрыла глаза.

Захудалая улица в Рочдейле. Нестерпимо знойный день. Защитное полицейское снаряжение липнет к телу Эрики. Она неловко поменяла положение, притаившись у низкой стены стандартного домика ленточной застройки, что грозно высится над ней на жаре. Рядом два офицера полиции, еще трое – по другую сторону главного входа. Среди них – Марк. Второй по счету.

Этот дом, за которым они вели наблюдение несколько недель, впечатался в ее сознание. Вместо палисадника голый бетон, переполненные мусорные баки на колесиках. На стене счетчики на газ и электроэнергию с отодранными крышками. Как войдешь через главный вход, сразу надо вверх по лестнице. Слева от нее дверь, что ведет в дальнюю комнату. Именно там производят метамфетамин. Недавно в дом вошла женщина с маленьким ребенком. Риск большой,

но они готовы. Своей команде из восьми человек Эрика вдолбила ход операции до мельчайших подробностей. Но теперь они на месте. И опасность реальная. Страх сковывал Эрику, но она упорно боролась с ним.

Кивком подала сигнал, и ее команда в черном, пригибаясь, ринулась к главному входу. Солнце отражалось от вращающегося диска счетчика. Бум, бум... как грохот стенобитного орудия. С третьего удара дерево затрещало, и входная дверь с громким клацаньем рухнула в дом.

А потом началось светопреставление.

Выстрелы. Окно над электросчетчиком взорвалось, влетело внутрь. Стреляли из дома напротив. Эрика резко обернулась. Милый домик на противоположной стороне улицы. Подъемные окна. Медная табличка с номером на двери. Стены внутри декорированы красками компании Farrow & Ball. Проживавшая там чета вела себя так приветливо, так скромно, когда полиция вела наблюдение.

Взгляд Эрики падает на их окно верхнего этажа, и ей все становится ясно. Она видит темный силуэт, потом шею разрывает боль, во рту – вкус крови. Марк вдруг возле нее опускается на колени, чтобы помочь ей. Она пытается его предупредить: «Берегись, сзади...», – но в горле булькает кровь. Даже смешно. Потом выстрел, и часть головы Марка превращается в месиво...

Эрика очнулась с судорожным вздохом, хватая ртом воздух. Вокруг – какая-то неестественная гнетущая яркость. Она протяжно выдохнула. И, только увидев перед собой руль, сообразила, где находится. Она в настоящем. Сидит в машине. Свежевыпавший снег почти полностью залепил окна.

Это ей снилось не впервые. И сон всегда обрывался на одном и том же месте. Порой во сне всё было в черно-белых тонах, и кровь Марка походила на расплавленный шоколад.

Эрика постаралась дышать размеренно, сердце постепенно успокаивалось, окружавшая ее действительность возвращалась. Она слышала приглушенные голоса и шаги: мимо ее автомобиля шли люди. Голоса зазвучали громче, а затем стали удаляться, затихая.

Она глянула на часы на приборной доске. Почти пять утра. Она проспала несколько часов, но отдохнувшей себя не чувствовала. Эрика

поменяла положение в кресле: тело затекло и окоченело. Она завела мотор. Из печки повеяло ледяным холодом.

Когда в салоне потеплело, Эрика включила дворники на ветровом стекле. Вскоре за окном проступила белая дорога, запорошенная свежим слоем снега. Заметив пластырь на руке, Эрика вспомнила, что нужно показать рану врачу, однако события минувшего вечера еще не позволяли отвлечься от расследования.

Андреа была в том пабе... Кто те женщина и мужчина, с которыми она разговаривала? И почему исчезла барменша?

Теперь, когда Эрика четко составила план дальнейших действий, ей стало легче. Она тронулась с места и поехала в отделение полиции.

Глава 13

В половине шестого утра в отделении полиции Луишем-Роу было тихо. Лишь из глубины коридора, оттуда, где находились камеры, доносился стук. В женской раздевалке еще пусто. Эрика сняла с себя грязную одежду, прошла в огромную общественную душевую и включила обжигающе горячую воду – только-только можно терпеть. Она встала под душ, наслаждаясь теплом. Вокруг поднимался пар, в котором вскоре исчезла выложенная кафелем душевая в викторианском стиле, а вместе с ней и сама Эрика.

К шести, одетая во все чистое, со стаканчиком кофе и плиткой шоколада из автомата она стояла в пустом оперативном отделе. Со стены на нее смотрела с непревзойденной самоуверенностью во взгляде Андреа Дуглас-Браун.

Эрика села за отведенный для нее стол, ввела свой пароль и вошла во внутреннюю сеть. Восемь месяцев она не заглядывала в свою служебную электронную почту не по доброй воле – ее лишили доступа. Сейчас, просматривая почту, она увидела сообщения от своих бывших коллег, информационные бюллетени, рекламную корреспонденцию и уведомление об официальном слушании, на котором ей полагалось присутствовать. Эрика едва не расхохоталась: ее приглашали на дисциплинарную комиссию по системе внутренней связи, в которую у нее не было доступа.

«Мышкой» она выделила все старые письма и нажала на «удалить».

В почте осталось только одно сообщение, присланное накануне вечером сержантом Крейном:

«Во вложении вся переписка Андреа на Фейсбуке за 2007–2014 гг., а также распечатка звонков с ее телефона, найденного на месте преступления.

КРЕЙН»

Эрика открыла вложенный файл и отправила на «печать». Спустя мгновения принтер у двери ожил, зажужжал, быстро выплевывая бумагу. Эрика взяла кипу распечатанных листов и отправилась в

столовую, надеясь, что та открыта и ей там удастся выпить приличный кофе. В столовой было темно. Она нашла стул в глубине зала, включила свет и принялась просматривать историю общения Андреа Дуглас-Браун в Фейсбуке.

Вся жизнь Андреа помещалась на 217 страницах и охватывала почти девять лет, показывая превращение из четырнадцатилетнего подростка с румянцем на щеках в двадцатитрехлетнюю соблазнительную диву. На ранних постах она представляла вполне скромной молодой женщиной, но с появлением в ее жизни парней Андреа начала одеваться более провокационно.

Посты, которые она семь лет размещала на своей страничке в Фейсбуке, представляли собой бесконечную череду снимков с вечеринок и селфи. Сотни фотографий, на которых она запечатлена в обществе красивых парней и девушек, почти всегда разных. По-видимому, Андреа была тусовщицей, завсегдаем самых элитных светских мероприятий. Клубы, в которые она часто навещалась, входили в ту категорию, где столики нужно заказывать заранее, да и сами столы на фотографиях были заставлены бутылками шампанского.

Все эти годы старшая сестра и младший брат Андреа редко заходили на ее страничку в Фейсбуке. За все время Линда, да и Дэвид тоже, кажется, лайкали всего несколько постов, имевших отношение ко всей их семье. Это были фотографии, сделанные во время ежегодного отдыха Дуглас-Браунов в Греции и в более поздние годы – на вилле в Дубровнике.

Как раз отпускные фотографии и вызвали у Эрики наибольший интерес. Семья ежегодно ездила в отпуск на три недели в августе, и эти отпуска проходили по одной и той же схеме. В первые дни Андреа выкладывала семейные снимки – групповые фото, на которых ее семья либо ужинала в каком-нибудь дорогом ресторане, либо обедала прямо в купальных костюмах возле пляжного домика. На этих дневных трапезах Андреа всегда в бикини, в эффектной позе – грациозно ест, свесив волосы через одно плечо. Линда, в отличие от младшей сестры, горбится над тарелкой, полной еды, и вид у нее чуть раздраженный от того, что ей не дают спокойно поесть. С каждым годом Линда, казалось, прибавляла в весе, пряча свои телеса под длинными футболками с леггинсами. Дэвид же из невероятно тощего

тринадцатилетнего паренька в очках, жмущегося к матери, постепенно трансформировался в красивого молодого человека.

Андреа, по-видимому, была более близка с Дэвидом: на многих фотографиях она крепко обнимает брата, перекосячив очки на его лице. Снимков Линды с Дэвидом фактически не было. Сэр Саймон и леди Диана на фотографиях о себе ничего не выдавали: из года в год на их лицах все те же широкие улыбки. Вот леди Диана в купальнике и юбке-саронг. Вот сэр Саймон в мешковатых пляжных шортах, слишком высоко натянутых на его волосатый живот.

На отдыхе Андреа быстро теряла интерес к времяпрепровождению в кругу семьи и постепенно выкладывала снимки местных парней. На первых порах как будто украдкой. Вот компания парней, которые курят или с обнаженными торсами играют в футбол на пляже, не подозревая, что их снимают. Потом Андреа сосредоточивалась на каком-то одном парне и всю последнюю неделю отдыха, словно одержимая, щелкала только его. Ей явно нравились «плохие парни»: более взрослые, смуглые, мускулистые, с татуировками и пирсингом. На одной фотографии, сделанной в 2009 году, Андреа в очень откровенном бикини позировала, сидя на огромном «Харли Дэвидсоне», изображая мотоциклистку. А за спиной у нее сидел темноволосый парень, предположительно хозяин байка, которого на минуту пересадили на заднее сиденье. Одна его ладонь лежала на ее трусиках. В руке он держал сигарету, едва не касаясь горящим кончиком загорелой кожи девушки. А Андреа смотрела в объектив с явным вызовом.

Эрика записала на полях: *«Кто фотографировал?»*.

Открылась раздаточная, в столовую на завтрак хлынули полицейские еще с полусонными глазами, но Эрика едва ли обратила на это внимание. Она продолжала читать, поглощенная жизнью Андреа.

В 2012 году у нее появилась новая подруга – девушка по имени Барбора Кардошова.

«Словацкое имя»? – пометила Эрика на полях.

Красивая брюнетка, как и Андреа, Барбора, по-видимому, быстро с ней сблизилась и даже ездила с ее семьей на отдых в 2012 и 2013 годах. Вероятно, в Барборе Андреа нашла партнершу по «охоте на парней». Правда, теперь, они вели охоту более виртуозными

способами, фотографируясь с разными темноволосыми мачо в дорогих ночных клубах или в не менее дорогих соляриях.

По-видимому, Андреа по-настоящему привязалась к Барборе, проводила с ней время и в домашней обстановке. На таких фотографиях Андреа была без макияжа и не столь усердно «работала» на камеру. Без своей «боевой раскраски» она выглядела гораздо симпатичнее, дурачилась и резвилась с искренней улыбкой на лице. На одной фотографии девушки позировали бок о бок перед зеркалом, одетые в свитера до колен, которые им были велики. В «бабушкиных» свитерах. На свитере Барборы были вывязаны котятка, гонящиеся за шерстяным клубком; на свитере Андреа – огромный рыжий котятка, почивающий в корзине. В верхнем углу зеркала отразилась вспышка фотокамеры телефона. Сестра Андреа, Линда, под снимком написала: *«Убирайся из моей комнаты, трахнутая корова!»*.

Андреа комментарий понравился, и она рядом с ним поместила улыбающуюся рожицу.

Затем в конце 2013 года Барбора вдруг исчезла без всяких объяснений и вычеркнула Андреа из списка своих «друзей». Эрика вернулась к уже просмотренным страницам, проверяя, что она пропустила. Но с того времени Барбора больше не появлялась ни на одном фото. И даже лайком не отметила ни один пост. А еще где-то через полгода, в июне 2014-го, Андреа закрыла свою страничку в Фейсбуке без всякого объяснения, без каких-либо намеков своим друзьям на то, что она намерена выйти из соцсети.

Эрика переключила внимание на распечатки телефонных звонков. Эта информация оказалась менее эпатажной и объемной. Крейн сделал примечания к номерам. Андреа регулярно звонила своему жениху Джайлзу Осборну по субботам в местное китайское кафе, торгующее едой «на вынос»; и в те же семь суббот перед Рождеством – в студию телепередачи «Х-фактор», отдавая свой голос за того или иного участника. В числе остальных ее контактов были члены семьи, цветочный салон ее матери в Кенсингтоне и секретарь отца. В вечер своего исчезновения по этому телефону Андреа никуда не звонила, хотя телефон нашли неподалеку от нее на месте преступления. Распечатки телефонных звонков охватывали период в восемь месяцев, начиная лишь с июня 2014 года.

Раздался звон бьющейся посуды: кто-то уронил на каменный пол чашку. Подняв голову, Эрика увидела, что уже рассвело и столовая заполняется народом. Она глянула на часы: без десяти девять. Не желая опаздывать на оперативное совещание, Эрика собрала в стопку листы и покинула столовую. В коридоре она наткнулась на суперинтенданта Марша.

– Я читал протокол вчерашнего происшествия, – сказал он, вскидывая брови.

– Да, сэр. Я все объясню. У меня появилась хорошая зацепка.

– Поконкретнее?

– На совещании расскажу. – Они как раз подошли к оперативному отделу. Открыв дверь, Эрика увидела, что команда уже в сборе, сидит на своих местах. При ее появлении все умолкли.

– Итак. Всем доброе утро. Начну с того, что сержанту Крейну удалось вытащить полную историю общения Андреа на Фейсбуке, а также достать распечатки звонков с ее телефона. Быстро сработано. Отлично. Андреа весьма активно общалась в соцсети, но в июне прошлого года удалила свою страничку. История ее разговоров по телефону начинается лишь с июня 2014 года. Почему? Она поменяла телефон?

– В июне прошлого года она познакомилась с Джайлзом Осборном, – подал голос старший инспектор Спаркс.

– Совершенно верно. Но почему она в это же время поменяла телефон и ушла из соцсети?

– Возможно, решила перевернуть ту страницу своей жизни, – предположила Сингх. – Некоторые мужчины ревнуют своих возлюбленных к их бывшим и к прошлому.

– На Фейсбуке она явно заводила знакомства с мужиками, а когда обручилась, необходимость отпала, – рассудил Спаркс.

– А ее телефонные звонки... как будто робот разговаривал. То есть вы утверждаете, что, встретив мужчину своей мечты, она поставила крест на своей жизни? Что у нее отпала потребность в широком общении?

– Я этого не говорил, – возразил Спаркс.

– Нет. Но что-то здесь нечисто. Она никому не звонила в вечер своего исчезновения. Давайте покопаем. Найдите ее старый телефон, достаньте распечатки звонков с него и выясните, был ли у нее второй

телефон, о котором нам неизвестно. Также узнайте все, что можно, о девушке по имени Барбора Кардошова. Произносится «Кардош-ова». Она тесно дружила с Андреа в 2012–2013 годах, а потом исчезла. Они поссорились? Где она теперь? Мы можем ее допросить? Проверьте. Найдите ее. А также бывших бойфрендов Андреа. Она не была обделена мужским вниманием. Попробуйте глубже покопаться.

– Только аккуратно, – добавил Марш из глубины комнаты.

– Минувшим вечером я наведалься в паб «Клееварка», – продолжила Эрика. – Барменша по имени Кристина подтвердила, что Андреа была там в вечер исчезновения. По ее словам, она беседовала с блондинкой, у которой была короткая стрижка, а потом – с темноволосым мужчиной.

– Вы намерены вызвать сюда эту Кристину, чтобы она составила фотороботы? – спросил Спаркс.

– Она до смерти испугалась, когда я ей это предложила.

– Как ее фамилия? – допытывался Спаркс.

– Я не успела выяснить...

Спаркс фыркнул, кивая головой.

– Еще одна женщина, с которой я беседовала, Айви Норрис...

– Боже, – перебил Эрику Спаркс. – Айви Норрис верить вообще нельзя, ни одному слову. Эта старая кошелка только и знает что трепаться да смутьянить.

– Да, но Айви Норрис отреагировала очень странно, когда я упомянула «Клееварку». Она была напугана. Теперь я хочу, чтобы вы узнали об этом пабе все. Найдите барменшу, допросите владельца. Уверена, здесь есть какая-то связь с убийством Андреа, и мы должны ее установить, и как можно скорее, пока ниточка не оборвалась.

– Старший инспектор Фостер. Можно вас на два слова? – попросил Марш.

– Да, сэр... Мосс и Питерсон, вы сегодня со мной. Заберем результаты вскрытия и проведем процедуру официального опознания тела в присутствии Дуглас-Браунов.

В оперативном отделе мгновенно поднялись гомон и деловая суэта. Эрика последовала за Маршем в его кабинет. Она закрыла дверь и села напротив него.

– Дуглас-Брауны придут на официальное опознание сегодня?

– Да. В половине одиннадцатого.

– Как раз в это время мы выступим с официальным заявлением. Коллин, наша пресс-секретарь, очень толковая. Мы, конечно, особо подчеркнем, что совершено убийство ни в чем не повинной девушки. Однако нужно быть готовым к тому, что пресса усмотрит в этом политическую подоплеку, – удрученно заключил Марш.

– Что ж, им нужно, чтобы их газеты раскупались, – сказала Эрика. Повисла пауза, Марш барабанил пальцами по столу.

– Хотелось бы знать, под каким углом вы ведете расследование, – наконец произнес он.

– Я ищу убийцу, сэр.

– Не умничайте.

– Ну вы же присутствовали на оперативном совещании, сами все слышали. Эта свидетельница, Кристина, видела Андреа в «Клееварке» в тот вечер, когда она пропала. Утверждает, что она разговаривала с белокурой женщиной и темноволосым мужчиной. Я ищу этих людей.

– И где же она сейчас? Эта Кристина?

– Сбежала. Других подробностей я выяснить не успела.

– Она поняла, что вы из полиции?

– Да.

– А вы не думаете, что она «узнала» Андреа в одной из посетительниц бара из каких-то своих соображений?

– Как это?

– Послушайте, Эрика. Она, как пить дать, нелегальная иммигрантка, до ужаса боится, что ее депортируют. Она вам подтвердила бы, что и Элвиса видела у музыкального автомата, если бы думала, что это спасет ее задницу.

– Нет, сэр, думаю, это ниточка. Да и другая женщина, Айви Норрис... Ее реакция на «Клееварку»...

– Я читал вчерашний рапорт дежурного, Эрика. В нем сказано, что вы ударили внука Айви Норрис и она бросилась на вас с ножом.

– Да, мальчик укусил меня, и я не сдержалась. Но речь не об этом. Сэр, Айви Норрис знает этот район, и тот паб чем-то ее пугает.

– Вам известно, что в прошлом месяце в «Приюте бродяги» в Сиднэме были обезглавлены четыре человека? Туда она тоже вряд ли пойдет.

– Сэр!

– С меня спрашивает помощник комиссара; я должен докладывать о ходе расследования сотруднику аппарата правительства, чтобы ему пусто было. Они требуют гарантий того, что неприглядные или неподтвержденные факты, касающиеся семьи Дуглас-Браун, не будут обнародованы и не попадут в СМИ.

– СМИ я не контролирую. Информацию им не сливаю. И вы это знаете, сэр.

– Да, но мне нужно, чтобы вы...

– Сэр, я должна делать свою работу. Не надо ходить вокруг да около. Вы хотите сказать, что есть вещи, которые я не вправе расследовать?

– Нет! – поморщился Марш.

– Тогда что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, чтобы вы придерживались фактов. Мы давно подозреваем, что «Клееварка» действует как подпольная биржа труда для нелегальных иммигрантов и служит местом сбора проституток. Нужны конкретные факты, прежде чем вы начнете говорить, что Андреа Дуглас-Браун находилась там в день своего исчезновения.

– А если я найду барменшу, заставлю ее составить фотороботы и запротоколирую ее показания?

– Что ж, флаг вам в руки. Только она уже наверняка в какой-нибудь фуре мчится в Кале!

– Сэр! Андреа зафиксировали камеры видеонаблюдения. Она действительно в вечер своего исчезновения села в поезд, следовавший в Форест-Хилл, и ее тело обнаружили неподалеку от центральной улицы. Черт, разве это не говорит о том, что я, возможно, права?

– Ладно, – буркнул Марш с недовольством в лице. – Только не прите буром, деликатно ведите расследование. Пресса следит за нами.

– Я буду сама деликатность, сэр.

– И держите меня в курсе. Докладывайте о каждом шаге. Ясно?

– Да, сэр.

Марш бросил на Эрику суровый взгляд, и она покинула его кабинет.

Глава 14

Морг, казалось, выщелачивал то небольшое тепло, что еще оставалось в теле Эрики, когда они шли по длинному коридору, где горели лампы дневного света. У одной из железных дверей они остановились, Мосс позвонила, и судмедэксперт Айзек Стронг их впустил.

– Доброе утро, – тихо поздоровался Айзек, всем своим видом излучая ауру спокойствия и порядка. Белый лабораторный халат, под которым пряталась его рослая фигура, безукоризненно чистый и отглаженный; из верхнего кармана выглядывал мобильный телефон в темном кожаном чехле. На Айзеке были черные узкие джинсы и кроксы. Свои темные волосы он зачесал назад, обнажив высокий лоб. Эрика снова обратила внимание на его теплые карие глаза под почти прямыми бровями. Секционный зал представлял собой дурманящее сочетание металла и викторианской мозаично-керамической плитки. Вдоль одной стены – ряд дверей из нержавеющей стали; в центре помещения – три секционных стола, тоже из нержавеющей стали, со стоками по краям. Андреа Дуглас-Браун лежала под белой простыней на столе, который был ближе остальных к двери. Ее глаза теперь были закрыты, волосы вымыты и аккуратно убраны со лба. Синяки потемнели, но отечность лица еще оставалась. Эрика надеялась – ради семьи Андреа, – что мертвая девушка будет выглядеть спящей, но, несмотря на все усилия привести ее в надлежащий вид, было заметно, что она изувечена.

Айзек обошел секционный стол и осторожно откинул простыню. Помимо синяков и рваных ран, покрывавших голое тело Андреа, на туловище теперь еще появился и ядреный аккуратный шов от Y-образного разреза, который начинался от передней части каждого плеча, сходил в одну точку в области грудины и затем меж ее полными грудями опускался до пупка.

– Жидкости в легких нет, значит, в воду она попала уже мертвой, – начал Айзек. – Лед воспрепятствовал разложению, но, судя по обесцвеченному тону кожи, тело довольно долго находилось в воде. Странгуляционные борозды на шее и сломанная ключица указывают на то, что смерть наступила в результате удушения. Как я и

предполагал, синяки на шее свидетельствуют о том, что ее задушил человек с рукой среднего размера без каких-либо особых примет вроде отсутствующих пальцев.

Айзек помолчал.

– Результаты токсикологической экспертизы говорят о наличии в крови довольно большого количества алкоголя и небольшого количества кокаина. К моменту смерти она не ела несколько часов: желудок пустой, не считая сломанного зуба, который она, вероятно, машинально проглотила, когда на нее было совершено нападение.

Айзек взял маленький пластиковый контейнер со сломанным зубом и поднес его к свету.

– На губах и зубах я обнаружил следы клейкого химического вещества, которое присутствует в составе покрытия на многих видах маскировочной ленты.

– Значит, ей залепляли рот? – спросила Эрика.

– Все указывает на это. Признаков того, что над ней было совершено сексуальное насилие, нет. Однако незадолго до смерти она занималась анальным сексом, причем по доброй воле. Я обследовал анальное отверстие на наличие семени и крови – таковых выявлено не было. Зато обнаружены следы латекса и небольшое количество лубриканта.

– Она использовала презерватив? – спросила Эрика.

– Презерватив использовал тот, с кем она занималась анальным сексом, – поправил ее Айзек.

– Но почему вы уверены, что анальный половой акт был совершен по взаимному согласию?

Возникла неловкая пауза.

– Половой акт с проникновением по согласию и без – это две большие разницы, – начал объяснять Айзек. – При половом акте по согласию тело обычно находится в расслабленном состоянии. Насильственный половой акт зачастую сопряжен с сильным стрессом, паникой и противодействием, что, в свою очередь, может привести к кровоподтекам и ссадинам на внутренних тканях. В данном случае никаких повреждений слизистой прямой кишки не выявлено. Конечно, не исключено, что совокупление с жертвой произошло уже после наступления смерти.

– Боже, только не это, – произнесла Эрика. – Надеюсь, что нет.

– Это возможно, да, но маловероятно. Судя по всему, нападение было яростным, исступленным. Убийца набросился на нее как зверь. На обоих висках у нее выдраны волосы. Хватило бы ему силы воли и самоконтроля, чтобы остановиться и надеть презерватив?

– На месте происшествия нашли презервативы? – спросила Эрика.

– Презервативы валялись на всей территории вокруг эллинга и озера. Мы все их собрали и взяли на экспертизу, но на ее проведение требуется время.

Они с минуту помолчали.

– Думаете, Андреа была из тех девушек, которые занимаются подобным – анальным сексом? – спросил Питерсон.

– Пожалуй, это несколько категоричный вопрос, – заметил Айзек.

– Ну, можно соблюдать политкорректность, а можно называть вещи своими именами. Анальным сексом занимаются женщины определенного типа, разве нет? – спросил Питерсон.

– Мне не нравятся такие рассуждения, – сказала Эрика.

– Но мы не можем не принимать это в расчет, – возразил Питерсон.

– То есть, по-твоему, задницу любят подставлять только распущенные женщины. Те, кто подвергает себя опасности? – спросила Мосс.

– Думаете, это был «уличный» секс, который вышел из-под контроля? – спросила Эрика у Айзека.

– Как я уже говорил, в мои обязанности не входит строить гипотезы относительно характера той или иной жертвы. Когда они попадают ко мне на стол, я должен дать заключение относительно причин их смерти. А здесь мы видим, что руки у нее были связаны кабельной стяжкой, которая довольно глубоко врезалась в кожу. Ноги тоже были связаны. На лодыжке левой ноги имеется нитевидная трещина.

– Это были не сексуальные забавы на свежем воздухе, которые зашли слишком далеко. Ее похитили, – сказала Эрика. – На ней вообще было обнаружено ДНК другого человека?

– Если что и было, вода смыла, пока она находилась подо льдом, – ответил Айзек.

* * *

После ознакомления с результатами аутопсии у них оставалось еще несколько минут до прибытия Дуглас-Браунов, которым предстояло официально опознать тело Андреа. Мосс и Питерсон, воспользовавшись коротким перерывом, решили устроить перекур. Они позвали с собой и Эрику, и она, неожиданно для себя, приняла их приглашение, хотя давно бросила курить. Они стояли у пожарного выхода, глядя на тыл автомастерской. Внутри они видели длинный ряд гаражей, а в них – приподнятые над полом машины и рабочих, копошившихся под ними в освещенных ямах.

За свою жизнь Эрике пришлось расследовать столько преступлений, связанных с изнасилованием и убийствами, что все и не упомнить. Пока они все трое молча дымили сигаретами, она смотрела на мужчин, работавших напротив. Все они были молоды и сильны. Насколько близок среднестатистический мужчина к тому, чтобы стать насильником и убийцей женщин? Как часто он сдерживается? Сколько преступлений ему сходит с рук?

– Ключ к разгадке – сама Андреа. Возможно, ее убил кто-то из знакомых, – размышляла Эрика. Выдыхая в холодный воздух сигаретный дым, она испытывала давно позабытое ощущение бурления никотина в крови.

– Думаете, ее заманили в музей или она пошла по доброй воле? – спросил Питерсон.

– Фактов очень мало. Чужого ДНК нет. Камеры видеонаблюдения не работали.

– Может, это специально было подстроено? – предположила Мосс. – С камерами. И это сделал кто-то из их окружения? Тот, кто затаил злобу на сэра Саймона или на его семью?

– Ненадежные камеры видеонаблюдения – результат сокращения бюджетных расходов. И если бы это было профессиональное похищение с целью убийства, зачем тогда оставлять на месте преступления ее телефон и документ, удостоверяющий личность? Ерунда какая-то, – рассудил Питерсон.

– Возможно, хотели, чтобы ее сразу опознали, – предположила Мосс. – Весточку послали, так сказать.

– Она не знала недостатка в мужском внимании. Может, это получивший отставку любовник?

– Может быть. Но кто? Она была помолвлена. С тех пор, как познакомилась с этим Джайлзом Осборном, как будто в монахиню превратилась. Нужно с ним поговорить, – сказала Мосс.

В дверях появился Айзек.

– Дуглас-Брауны только что въехали на парковку, – сообщил он.

– Терпеть не могу этот момент нашей работы, – произнесла Мосс. Она затушила недокуренную сигарету о подошву и сунула бычок в пачку.

Саймон и Диана Дуглас-Браун прибыли с дочерью Линдой и сыном Дэвидом. Эрике было странно, что она впервые видит брата и сестру Андреа, ведь она столько знала о них из записей Андреа в Фейсбуке.

Диана и Саймон были одеты с иголочки в траур. Диана, казалось, не в состоянии и шагу ступить без поддержки мужа и сына. Дэвид, высокий и худой, в зауженном по последней моде черном костюме и очках. Линда, выступавшая рядом с отцом, походила на матрону в черной юбке-трапеции и теплой зимней куртке. У всех глаза покраснели от слез.

– Доброе утро, – поприветствовала их Эрика. – Мы все подготовили. – Она подвела их к двери помещения, где обычно проводилось опознание.

Саймон обнял жену за плечи.

– Дэвид, останься здесь. Линда, ты тоже. Я сам.

– Папа, мы с тобой. Все вместе, – возразил Дэвид. У него был густой командный голос, как у отца, что плохо вязалось с его чудаковатым видом. Линда, закусив губу, и мгновение помедлив, согласно кивнула. Эрика завела их в помещение для опознания – маленькую казенную комнату с двумя стульями и деревянным столом, на котором стоял ужасный «веселенький» букетик пластмассовых нарциссов.

– Посмотрите внимательно, пожалуйста, – сказала Эрика, подводя их к стеклянной перегородке. Штора за стеклом была задвинута. Эрика отметила, что она висит к ним изнаночной стороной – пожелтевшей подкладкой с распускающимися стежками в верхней части. «Смешно, – подумала она, – что к мертвым штора обращена лицом, а родственники и друзья должны ждать по другую сторону, словно за кулисами».

Диана заметно напряглась, когда санитар отодвинул штору, показывая Андреа, которая лежала на белом ложе под белой простыней. На деревянных панелях смотровой мерцали блики мягкого желтого света. У Эрики всегда создавалось впечатление, что процесс опознания тела – это некое умозрительное, театральное действие. Некоторые родственники сохраняли бесстрастность, другие – безутешно рыдали. Один мужчина, вспомнилось ей, так сильно стал колотить кулаками по стеклу, что оно треснуло.

– Да. Это она. Это Андреа, – подтвердила Диана, судорожно вздохнув. Ее глаза наполнились слезами, и она прижала безукоризненно чистый белый носовой платок к своему лицу с восхитительным макияжем. Линда не моргнула, даже не вздрогнула. Склонив набок голову, она с нездоровым любопытством разглядывала мертвую сестру широко распахнутыми глазами. Дэвид смотрел на нее мрачно, борясь со слезами.

Самообладание потерял Саймон. Издав вопль, он разрыдался. Дэвид поспешил обнять отца, но тот яростно его оттолкнул. И Дэвид тоже не выдержал. Согнувшись, он заплакал навзрыд.

– Я оставлю вас. Не торопитесь, – сказала Эрика. Диана кивнула, и Эрика покинула комнату.

Спустя пять минут вся семья с опухшими глазами наконец-то вышла в коридор, где их ждали Эрика, Мосс и Питерсон.

– Спасибо, что приехали, – тихо поблагодарила Эрика. – Могли бы мы поговорить со всеми вами сегодня во второй половине дня?

– О чем вы хотите поговорить? – спросил Саймон. В его воспаленных глазах сквозили настороженность и смущение.

– Нам бы хотелось узнать чуть больше об Андреа. Чтобы понять, была ли она знакома с убийцей.

– Откуда она могла знать убийцу? Вы думаете, такие девушки, как Андреа, якшаются с убийцами? – возмутился Саймон.

– Нет, сэр, не думаю. Но мы обязаны задать эти вопросы.

– Где жених Андреа? – осведомилась Мосс.

– Джайлз понимает, что мы хотели бы побыть своей семьей. Уверена, он засвидетельствует свое почтение, когда... – Голос леди Дианы сошел на нет, наверно, она осознала, что теперь ей придется заниматься организацией похорон.

* * *

Они смотрели, как семья Дуглас-Браун медленно идет по заснеженной парковке к ожидавшему их автомобилю. У машины сэр Саймон остановился и обратил взгляд на Эрику, буквально впился в нее взглядом покрасневших глаз. Потом он сел в автомобиль, и они уехали, исчезли за пеленой снега.

Глава 15

Компания «Якка-праздники» размещалась на жилой улице в Кенсингтоне, в футуристическом офисном здании, которое высилось над рядами стандартных домиков, словно претенциозная скульптура, доставленная не по адресу. Чтобы получить доступ в приемную, Эрике с Мосс и Питерсоном пришлось звонить в две разные двери из дымчатого стекла. В приемной молодая секретарша в наушниках что-то печатала, сидя за компьютером. Она увидела их, но, ничего не сказав, продолжала печатать. Эрика перегнулась через стойку и вытащила из ее уха один наушник.

– Старший инспектор Фостер. Со мной инспекторы Мосс и Питерсон. Нам бы хотелось пообщаться с Джайлзом Осборном.

– Мистер Осборн занят. Минуточку. Сейчас закончу это и запишу вас на прием, – отозвалась секретарша, демонстративно надевая наушник.

Эрика снова перегнулась через стойку и, дернув за провод, вытащила из ушей девушки оба наушника.

– Я не прошу, я просто информирую. Нам нужно поговорить с Джайлзом Осборном.

Они показали свои удостоверения. Приветливее девушка не стала, но сняла трубку телефона, стоявшего на ее столе.

– По какому вопросу?

– По вопросу гибели его невесты, – ответила Эрика. Секретарша набрала номер.

– А она думала, зачем мы здесь? Чтобы кошку с дерева снять? – проворчал Питерсон. Эрика бросила на него укоризненный взгляд.

Секретарь приемной положила трубку.

– Мистер Осборн сейчас выйдет. Подождите вон там.

Они прошли в зону отдыха, где стояли диваны и журнальный столик, на котором аккуратно ввером были разложены журналы по дизайну. В углу – небольшой бар и огромный освещенный холодильник с рядами бутылок пива. Рядом – огромная серебристая кофе машина. Стена увешана фотографиями, сделанными на различных мероприятиях, организованных фирмой. На них, главных

образом, эффектные девушки и парни, бесплатно угощающие шампанским.

– Меня с моей задницей он ни за что не взял бы на работу, – пробормотала Мосс. Они сели. Эрика искоса глянула на нее и увидела впервые, как Мосс улыбается. Эрика улыбнулась ей в ответ.

Спустя несколько мгновений дверь из дымчатого стекла возле бара отворилась, и к ним вышел Джайлз Осборн. Низенький, толстый, с темными сальными волосами, зачесанными на косо́й пробор. Близко посаженные глаза-бусинки, большой нос, подбородок скошенный. Он втиснул себя в узкие джинсы и футболку с V-образным вырезом, обтягивавшую его выпирающий живот. Облик довершали странные остроносые ботинки маленького размера, придававшие ему схожесть с Шалтай-Болтаем. Эрика удивилась, что Андреа выбрала себе в мужья человека с такой наружностью.

– Приветствую вас. Я – Джайлз Осборн. Чем могу служить? – Голос у него был уверенный и зычный.

Эрика представила всех, добавив:

– Перво-наперво мы хотели бы выразить вам свои соболезнования.

– Да. Благодарю вас. Это ужасно. До сих пор не могу поверить. Даже не знаю, сумею ли я когда-нибудь... – В лице Джайлза отразилась боль, но он не предложил им пройти в кабинет.

– Мы могли бы побеседовать где-нибудь в более тихом месте? Нам нужно задать вам несколько вопросов, – объяснила Эрика.

– Я уже имел долгую беседу вчера со старшим инспектором Спарксом, – ответил Джайлз, сузив глаза в подозрительном прищуре.

– Да, и мы ценим ваше время, но поймите: мы расследуем убийство и должны быть уверены, что у нас есть полная информация...

Джайлз с минуту смотрел на них, а потом, казалось, отбросил сомнения.

– Конечно. Позвольте предложить вам что-нибудь выпить? Капучино? Эспрессо? Макиато?

– Капучино, пожалуйста, – попросила Мосс. Питерсон согласно кивнул.

– Да, спасибо, – поблагодарила Эрика.

– Мишель, мы в конференц-зале, – сказал Джайлз секретарю в приемной. Он открыл для них стеклянную дверь, и они пошли через большое помещение, где работали за компьютерами шесть-семь молодых женщин и мужчин. Всем на вид не больше двадцати пяти лет. Джайлз открыл еще одну стеклянную дверь, которая вела в конференц-зал с длинным стеклянным столом и стульями. На экране большого плазменного телевизора на стене была выведена страничка какого-то Интернет-сайта с рядами крошечных картинок. Присмотревшись, Эрика сообразила, что это изображения гробов. Джайлз поспешил к ноутбуку на стеклянном столе и свернул страничку. На экране высветился логотип компании «Якка-праздники».

– Даже представить нельзя, что чувствуют лорд и леди Дуглас-Браун. Я подумал, что нужно сделать кое-какие наметки по организации похорон Андреа, – объяснил он.

– Но ведь Андреа официально опознали всего час назад, – заметила Мосс.

– Да, но вы же установили личность Андреа, верно? – ответил он.

– Да, – подтвердила Эрика.

– Никогда не знаешь, как реагировать на известие о тяжелой утрате. Вам, должно быть, кажется странным... – Утратив самообладание, он закрыл ладонью лицо. – Простите. Мне просто нужно на чем-то сосредоточиться... Нужно что-то делать, а организация мероприятий, должно быть, у меня в крови. Просто в голове не укладывается...

Эрика вытащила салфетку из коробки на столе и дала ее Джайлзу.

– Спасибо, – поблагодарил он, беря салфетку и сморкаясь в нее.

– Ваша компания, насколько я понимаю, процветает? – спросила Эрика, меняя тему разговора. Они все расселись за большим столом.

– Да, не жалуюсь. Всегда находятся люди, которые хотят рассказать миру о своей новой продукции. Экономические кризисы приходят и уходят, но всегда есть потребность и желание представить обществу какую-то концепцию, бренд, информацию о важном событии. И я помогаю донести эту информацию.

– Какую информацию вы надеетесь донести, организовав панихиду по Андреа? – спросила Мосс. В это самое мгновение секретарша принесла кофе и поставила перед ними чашки.

– Спасибо, Мишель. Вы ангел, – сказал Джайлз ей в спину, когда она выходила из комнаты. – М-м-м, очень хороший вопрос. Я хочу, чтобы Андреа запомнили такой, какой она была, – юной красавицей, целостной натурой, чистой, непорочной девушкой, у которой вся жизнь была впереди...

С минуту Эрика прокручивала его слова в голове. Мосс и Питерсон, она видела, делали то же самое.

– Очень вкусный кофе, – похвалила Мосс.

– Спасибо. Мы организовали презентацию этой марки кофе. Производство ведется в полном соответствии с принципами справедливой торговли. Фермеры за свой труд получают компенсацию гораздо выше рыночной стоимости того, что они выращивают. Их детей устраивают в школу. Для них созданы хорошие санитарные условия, они имеют доступ к чистой воде. Полный пакет медицинских услуг.

– Я и не знал, что приношу столь огромную пользу, потребляя капучино, – съязвил Питерсон с нескрываемым сарказмом в голосе. Эрика видела, что Питерсону и Мосс, как и ей самой, Джайлз Осборн неприятен. Если он тоже это чувствует, разговора у них не получится.

– Наш сегодняшний визит связан с тем, – начала Эрика, – что мы пытаемся составить портрет Андреа. По нашему мнению, чтобы поймать преступника, мы должны иметь представление о том, как она жила, о ее последних передвижениях.

– Конечно, – произнес Джайлз. – Это такой шок, ужасный шок. – На его глаза снова навернулись слезы, и он принялся сердито тереть их скомканной салфеткой. Раз или два шмыгнул носом. – Мы собирались пожениться летом. Она была вся в предвкушении. Уже начала подбирать свадебное платье. Хотела что-нибудь из коллекции Веры Вонг. А я никогда ни в чем не отказывал Андреа...

– А родители ее не проявили желания заплатить? – спросила Эрика.

– Нет. По словацкой традиции семья с каждой стороны вносит половину... Вы словачка? Мне кажется, я слышу акцент? – любопытствовал Джайлз.

– Да.

– Вы замужем?

– Нет. Позвольте узнать, где вы с Андреа познакомились?

– Она устроилась ко мне на работу в июне прошлого года.

– В качестве кого?

– В качестве одной из сотрудниц по работе с клиентами. Хотя сомневаюсь, что она понимала истинное значение слова «работа». К тому времени леди Диану я знал уже несколько лет. Мы часто сотрудничали с ее цветочным салоном. Она сказала, что у нее есть дочь, которая ищет работу. Потом показала ее фото, вот и все.

– Что значит «вот и все»? – спросил Питерсон.

– Ну, она была прекрасна. Именно таких девушек мы обычно нанимаем на работу. Ну и, разумеется, очень скоро я влюбился.

– И долго она проработала в вашей компании до того, как у вас завязались отношения? – допытывался Питерсон.

– Нет... ну, любовь расцвела чуть дольше. Она отработала всего одну смену, предлагала гостям попробовать «Моэт». Работала ужасно: вела себя так, будто она гостья на вечеринке. Напилась в стельку! В общем, как сотрудница компании она не состоялась, а вот *мы* с ней... – Джайлз умолк на полуслове. – Послушайте, зачем вам это все? Мне казалось, вы ищете убийцу.

– Значит, ваши отношения развивались стремительно. Ведь вы познакомились лишь восемь месяцев назад, в июне прошлого года? – уточнила Эрика.

– Да.

– И очень скоро вы сделали ей предложение.

– Как я сказал, это была любовь с первого взгляда.

– Как думаете, Андреа тоже влюбилась в вас с первого взгляда? – поинтересовалась Мосс.

– Послушайте, меня в чем-то подозревают? – спросил Джайлз, заерзав на стуле.

– Почему вы решили, что вас в чем-то подозревают? Мы сказали, что у нас к вам есть вопросы, – ответила Эрика.

– Но я все это уже рассказывал. Чтобы не ходить вокруг да около, давайте объясню, где я был в тот вечер, когда исчезла Андреа. В четверг восьмого января с трех часов дня я находился в «Ро спайс» по адресу Бик-стрит, 106. Это в Сохо. Проводил там презентацию новой продукции. Мероприятие окончилось в три часа ночи девятого числа, после чего вместе со своей командой я вернулся сюда в офис. Мы выпили – отметили завершение проекта. Все это зафиксировали наши

камеры видеонаблюдения. Затем в шесть утра мы пошли завтракать в «Макдоналдс» на Кенсингтон-Хай-стрит. Со мной были более десяти человек моих сотрудников, они это подтвердят. Да и камеры видеонаблюдения всюду развешаны. Швейцар в моем доме видел, как я вернулся к себе в семь утра и не покидал свое жилище до полудня.

– «Ро спайс» – что это? – осведомился Питерсон.

– Суши-бар в стиле фьюжн.

– Фьюжн?

– Я и не ожидал, что такие, как вы, что-нибудь слышали об этом, – раздраженно бросил Джайлз.

– Такие, как я? – переспросил Питерсон, затеребив одну из своих коротких косичек.

– Нет, нет, нет. Я имел в виду, что те... кто не возвращается в обществе центрального Лондона...

– Да, это все хорошо, – вмешалась Эрика. – Послушайте, мистер Осборн...

– Можно просто Джайлз. У нас здесь принято без официоза.

– Джайлз, вы зарегистрированы в Фейсбуке?

– Конечно, зарегистрирован, – ощетинился он. – Моя компания занимается организацией мероприятий. Мы очень активно позиционируем себя во всех соцсетях.

– А Андреа?

– Нет. Из всех, кого я знаю, она одна из немногих, кто не имеет странички в Фейсбуке. Я пытался... пытался пару раз убедить ее, что нужно зарегистрироваться в Инстаграм, но она... она совершенно беспомощна в таких вещах.

Эрика встала, вытащила пару скриншотов со странички Андреа в Фейсбуке и положила их на стеклянный стол перед Джайлзом.

– Андреа была зарегистрирована в Фейсбуке. Свою страничку она удалила в июне 2014 года. Полагаю, примерно в то самое время, как вы с ней познакомились?

Джайлз пододвинул к себе распечатки.

– Может, она хотела начать жизнь с чистого листа? – предположил он смущенно, явно пытаясь не реагировать на фотографию Андреа, повисшей на красивом молодом парне, который тискал одну ее грудь через ткань белого топа с перекинутой через шею бретелькой.

– Выходит, она солгала вам о том, что у нее не было странички в Фейсбуке.

– Ну, по-моему, «ложь» – слишком сильное слово, вы не находите?

– Но почему она утаила это от вас?

– Не... не знаю.

– Джайлз. Вы знаете «Клееварку» в Форест-Хилл? – спросил Питерсон.

– Нет, не думаю. А что это такое?

– Паб.

– Тогда точно не знаю. На самом деле я вообще не бываю на том берегу реки.

– Последний раз Андреа видели в том пабе в тот вечер, когда она исчезла. Она была в компании девушки с короткими светлыми волосами, чуть позже – темноволосого мужчины. Вы не догадываетесь, кто эти люди? У нее были друзья в южной части Лондона, в Форест-Хилл?

– Нет. Я таких не знаю.

– Вы знаете людей, которые хотели бы причинить ей зло? Может быть, она задолжала кому-нибудь денег?

– Нет! Нет. Мы с сэром Саймоном заботились о том, чтобы Андреа ни в чем не нуждалась. В вечер своего исчезновения она сказала мне, что идет в кино с Линдой и Дэвидом. Я всегда старался, чтобы она больше времени проводила с братом и сестрой – они были не очень близки.

– Почему?

– Ну, вы знаете, как бывает в богатых семьях. Родители поручают заботу о детях нянькам и учителям. Дети всегда борются между собой за любовь родителей... Мне кажется, Дэвиду и Андреа родительского внимания доставалось гораздо больше, чем Линде. Мне повезло. Я – единственный ребенок в семье.

В воображении Эрики снова возник образ Шалтая-Болтая. Джайлз, толстый коротышка, сидит один на стене, свесив ноги, которые не достают до земли.

– Вы были знакомы с девушкой по имени Барбора Кардошова? Она дружила с Андреа. – Эрика пододвинула к нему по столу фотографию Барборы.

Джайлз наклонился, рассматривая снимок.

– Нет. Хотя Андреа про нее упоминала. Кажется, она бросила Андреа самым жестоким образом. Это случилось незадолго до того, как мы с ней познакомились.

– Вы хорошо знаете подруг Андреа?

– У нее было мало подруг. Она пыталась сблизиться с другими девушками, но они начинали завидовать ей. Она... она была... так очаровательна.

– Вас с Андреа связывали сексуальные отношения? – спросил Питерсон.

– Что? Да. Мы ведь недавно обручились...

– У вас с Андреа была интимная близость в день ее исчезновения?

– При чем тут... – начал Джайлз.

– Пожалуйста, ответьте на вопрос, – попросила Эрика.

– М-м-м, кажется, да. После обеда... Послушайте, я не понимаю, как это связано с ее исчезновением. При чем тут наши сексуальные отношения?! Это не ваше собачье дело! – Джайлз покраснел как рак.

– Вы занимались как вагинальным, так и анальным сексом? – спросил Питерсон.

Джайлз столь стремительно вскочил на ноги, что его кофе расплескался, а стул опрокинулся.

– Ну все, хватит! Уходите! Слышите? У нас с вами беседа в неофициальном порядке, да? Я не обязан с вами разговаривать. Я делаю это по доброй воле.

– Конечно, – сказала Эрика. – Но прошу вас, ответьте на этот вопрос. Перед смертью Андреа в течение долгого времени подвергалась жестоким истязаниям. Мы задаем эти вопросы не из праздного любопытства.

– Что? Были ли... были ли у нас половые сношения противозачаточного характера? Нет. НЕТ! Я ни за что не женился бы на девушке, которая... – Джайлз, не в силах закончить фразу, стал терзать ворот своей футболки. – Извините, но я попрошу вас уйти. Если у вас ко мне еще есть вопросы, задайте их в присутствии моего адвоката. Это совершенно неприемлемо, возмутительно.

Кофейная лужица на столе доползла до края стеклянного стола и теперь капала на ковер – *кап-кап*.

– Над ней надругались? Она сильно мучилась? – спросил Джайлз теперь уже тихо. Из глаз его заструились слезы. Опершись о стол, он

всхлипывал в рукав своей футболки.

– Мы не думаем, что над Андреа было совершено сексуальное насилие, но она в течение продолжительного времени подвергалась жестоким истязаниям, – мягким тоном ответила Эрика.

– О Боже. – Сделав глубокий вдох, Джайлз снова принялся тереть глаза. – Подумать страшно... представить не могу, через что она прошла.

Эрика помолчала, давая ему возможность прийти в себя, затем продолжала:

– Джайлз, скажите, пожалуйста, у Андреа был еще какой-то телефон?

Джайлз поднял голову, глядя на нее в замешательстве.

– Нет. Нет, только айфон с кристаллами *Swarovski*. Счет пополняла секретарь сэра Саймона. И ее, и Линды, и Дэвида.

Эрика взглядом подала знак Мосс и Питерсону, и те встали.

– Пожалуй, мы на этом закончим, мистер Осборн. Спасибо. Простите за неприятные вопросы, но ваши ответы на них очень помогут следствию. – Эрика коснулась его рукава и добавила: – Не провожайте.

Они миновали Мишель, которая несла в конференц-зал большую стопку салфеток. Та наградила их неодобрительным взглядом.

– Что скажете? – спросила Эрика, когда они вышли на улицу.

– Давайте я скажу. То, что мы все думаем. Какого черта она с ним связалась? Совершенно не ее уровень! – заметил Питерсон.

– И, по-моему, он вообще ее не знал, – заключила Мосс.

– Либо она позволяла ему знать только то, что считала нужным, – добавил Питерсон.

Глава 16

К полудню все средства массовой информации уже муссировали официальное сообщение о гибели Андреа. На газоне перед домом Дуглас-Браунов, когда Эрика, Мосс и Питерсон приблизились к нему, по-прежнему топтали тающий снег фоторепортеры, только теперь их заметно прибавилось. На этот раз полицейским не пришлось ждать на крыльце. Их сразу же провели в просторную гостиную с окнами, выходящими на деревья со стороны главного фасада и сад за домом. Вокруг длинного журнального столика стояли два больших дивана и несколько кресел со светлой обивкой. Камин был облицован белым мрамором; угол занимал кабинетный рояль, уставленный фотографиями в рамках.

– Здравствуйте, господа, – поприветствовал их Саймон Дуглас-Браун. Поднявшись с одного из диванов, он пожал им руки. Диана Дуглас-Браун, сидевшая рядом с ним, не встала. Глаза ее покраснели и опухли, лицо было без макияжа. Дэвид и Линда сидели по обе стороны от родителей. Саймон, Диана и Дэвид все еще были в черном, но Линда сменила траурный наряд на клетчатую юбку и мешковатый белый шерстяной джемпер, который спереди украшал рисунок – котят, играющие с клубком. Эрика узнала джемпер: в нем позировала Барбора на той фотографии из Фейсбука, где она была запечатлена с Андреа.

– Спасибо, что согласились нас принять, – сказала Эрика. – Прежде всего я хотела бы извиниться за свое грубое поведение вчера. Это получилось неумышленно, и я приношу свои глубочайшие извинения, если ненароком оскорбила вас.

В лице Саймона отразилось удивление.

– Да, конечно. Мы уже забыли. Спасибо.

– Да, спасибо, – хрипло вторила ему Диана.

– Нам хотелось бы узнать чуть больше о жизни Андреа, – сказала Эрика, присаживаясь на диван напротив семьи. Питерсон и Мосс сели по обе стороны от нее. – Вы позволите задать вам несколько вопросов?

Дуглас-Брауны кивнули.

Эрика обратила взгляд на Дэвида и Линду.

– Насколько я понимаю, Андреа планировала встретиться с вами в вечер своего исчезновения?

– Да, мы условились встретиться у «Одеона» в Хаммерсмите. Собирались пойти в кино, – ответила Линда.

– На какой фильм?

Дэвид пожал плечами и взглянул на сестру.

– «Гравитация»^[7], – сказала Линда. – Андреа все твердила, что она очень хочет посмотреть его.

– Она объяснила, почему не придет?

– Она ничего не объясняла – просто не пришла, – ответила Линда.

– Ладно. У нас есть свидетель, который видел Андреа в одном из пабов в южном Лондоне – в «Клееварке». Вам это о чем-нибудь говорит?

Все члены семьи покачали головами.

– Вообще-то Андреа в подобные заведения не ходила, – промолвила Диана. Голос у нее был пьяный и какой-то выхолощенный.

– Могла она там встречаться с кем-то? У Андреа в том районе были друзья?

– Что вы, нет! – воскликнула Диана.

– Андреа подруг меняла как перчатки, – заявила Линда, потрянув головой, чтобы убрать с глаз короткую челку.

– Линда, ты несправедлива, – слабым голосом укорила ее мать.

– Но так и было. Она вечно знакомилась с кем-то в барах и клубах – у нее была куча членских карточек. Сначала души в них не чают, а потом вдруг – от ворот поворот. Из-за всякого пустяка.

– Например? – спросила Эрика.

– Ну, например, ее новая знакомая выглядит лучше, чем она, или болтает с парнем, которого она приглядела для себя. Или слишком много болтает о себе...

– Линда, – предостерегающе произнес ее отец.

– Я правду говорю!

– Нет, ты поносишь свою сестру, умершую сестру. А ведь она больше не может постоять за себя... – Голос Саймона сорвался.

– Вы посещали вместе с Андреа бары и клубы? – спросила Мосс.

– Нет, – подчеркнуто произнесла Линда.

– Говоря про «членские карточки», что вы имели в виду?

– Членство в клубах. Сомневаюсь, что *вы* в такие ходите, – добавила Линда, смерив Мосс презрительным взглядом.

– *Линда*, – одернул ее Саймон.

Линда неуклюже поменяла положение: ее задница не помещалась на диване, нависала над краем.

– Простите за грубость, – извинилась она, снова тряхнув челкой. Эрика подумала, что это у нее, возможно, нервный тик.

– Пустяки, – дружелюбно ответила Мосс. – Это не вопрос. Нам просто нужна информация, которая поможет поймать убийцу Андреа.

– Я дам вам список клубов, которые посещала Андреа. Попрошу секретаря, чтобы она выслала вам его по электронной почте, – сказал Саймон.

– Линда, вы работаете в цветочном салоне, да? – спросил Питерсон.

Линда оценивающе оглядела Питерсона, словно только-только его заметила.

– Да. У мамы. Заместителем директора. У вас есть девушка?

– М-м-м, нет, – ответил Питерсон.

– Жаль, – неубедительно сказала Линда. – У нас в продаже есть милые вещички ко дню святого Валентина.

– А вы, Дэвид? – обратился к парню Питерсон.

Тот развалился на диване и глядел куда-то в пустоту, натянув до нижней губы ворот своего свитера. Потом ответил:

– Учусь в магистратуре.

– Где?

– Здесь в Лондоне, в университетском колледже.

– Что изучаете?

– Историю архитектуры.

– Он всегда хотел быть архитектором, – с гордостью доложила его мать, кладя руку ему на плечо. Дэвид дернул плечом, смахивая ее руку. На мгновение показалось, что Диана вот-вот снова расплачется.

– Когда последний раз вы видели Андреа? – спросила Эрика.

– В тот день, когда мы собирались вместе в кино, после обеда, – ответил Дэвид.

– Вы часто ходили развлекаться вместе с Андреа?

– Нет. Ее больше привлекал блеск бирюлек Кардашьян, а я Шордич предпочитаю, понимаете, да?

– Бары и клубы в Шордиче? – уточнил Питерсон. Дэвид кивнул, и Питерсон добавил: – Я живу в Шордиче. Оформил ипотеку незадолго до того, как взлетели цены на недвижимость.

Линда взглядом облизывала Питерсона, как кремовое пирожное, которым ей не терпится насладиться.

– Да, – продолжал Дэвид. – Я тоже куплю себе дом в Шордиче, когда наконец получу доступ к своему трастовому фонду.

– Дэвид, – одернул его отец.

– А что такого? Он спросил – я ответил.

Настроение в комнате едва ощутимо переменялось. Саймон с Дианой переглянулись, затем наступила тишина.

– Значит, Линда, вы – флорист, Дэвид учится. А чем занималась Андреа? – спросила Мосс.

– Андреа была помолвлена, готовилась выйти замуж, – с нескрываемой иронией в голосе ответила Линда.

– Довольно! – взревел Саймон. – Я не желаю слышать, как вы двое злословите, это невыносимо! Андреа погибла. Ее убили! А вы здесь остриете на ее счет!

– Я тут при чем? Это Линда, – сказал Дэвид.

– Ну да, всегда я крайняя. Всегда Линда...

– Андреа была красавица, – произнес Саймон, не обращая внимания на детей. – Но дело даже не в этом. Всюду, где бы она ни появилась, все вокруг начинало сиять. Она была прекрасной, чувствительной девочкой, и... и... свет ушел из нашей жизни.

Атмосфера в комнате снова изменилась. Семья, казалось, сплотилась, стала единым целым.

– Что вы можете рассказать нам о подруге Андреа Барборе Кардошовой? – спросила Эрика.

– Думаю, ближе подруги у Андреа не было ни до, ни после, – отвечала Диана. – Она даже ездила с нами на отдых. Какое-то время они были близки, а потом она исчезла. Андреа сказала, что Барбора просто уехала.

– Вам известно куда?

– Нет. Она не оставила адреса, не отвечала на письма Андреа по электронной почте, – объяснила Диана.

– Вам не кажется это странным?

– Конечно, это странно. Кажется, она из неполной семьи. Мама у нее болела. Ну и, конечно, людям свойственно рано или поздно не оправдывать ваши ожидания...

– Они поссорились?

– Возможно. Хотя Андреа... она не стала бы лгать о таких вещах. Сказала бы нам. Андреа думает... думала... что Барбора ей завидовала.

– Распечатки звонков с телефона Андреа охватывают период только с июня 2014 года, – заметила Эрика.

– Да, свой прежний телефон она потеряла. Тем она пользовалась с тринадцати или четырнадцати лет, – объяснил Саймон.

– Вы ей купили новый?

– Да.

– У вас есть номер ее прежнего телефона?

– Зачем он вам?

– Так положено.

– В самом деле? Мне казалось, распечаток за восемь месяцев вполне хватило бы... – Они видели, что Саймон начинает нервничать.

– У Андреа был второй телефон?

– Нет.

– Могло быть так, что второй телефон у нее был, а вы о нем не знали?

– Исключено. Трастовый фонд на ее имя находится в управлении семьи. Она, как правило, платила кредитными картами. Если бы она купила телефон, мы бы об этом знали. Только зачем он ей?

– Если бы мы знали номер ее прежнего телефона, нам бы это очень помогло.

Саймон посмотрел на Эрику.

– Да, хорошо. Я поговорю с моим секретарем. Она найдет данные.

Эрика собралась было задать следующий вопрос, но тут заговорила Диана.

– Не понимаю, зачем Андреа отправилась за реку! А потом ее кто-то похитил и убил. Моя девочка... *Моя девочка. Ее больше нет!* – Диана забилась в истерике, хватая ртом воздух и давясь рыданиями. Саймон с Дэвидом стали успокаивать ее, а Линда лишь снова тряхнула челкой, снимая пушинку со своего кошачьего свитера.

– Господа, прошу вас, хватит вопросов, – сказал Саймон.

Эрика с трудом скрывала отчаяние.

– Можно взглянуть на комнату Андреа?

– Что? Сейчас? Ваши люди уже там были и все осмотрели.

– Прошу вас. В интересах следствия, – не сдавалась Эрика.

– Я их отведу, папа, – вызвалась Линда. – Прошу за мной, господа.

Они пошли следом за Линдой мимо Дианы, которая все еще истерично рыдала. Дэвид кивнул сестре, слабо улыбнулся и вновь принялся успокаивать мать. По пути к выходу они миновали рояль, уставленный семейными фотографиями, на которых были запечатлены чета Дуглас-Браун и трое их детей – все улыбающиеся, все счастливые.

Глава 17

Комната Андреа была большая и, как и весь дом, прекрасно обставленная. Три подъемных окна на одной стене выходили на тот самый газон, где фланировали журналисты. Линда вошла первой и сразу бросилась опускать жалюзи. Фоторепортеры внизу встрепенулись, защелкали фотокамерами. Линда рывком опускала шторы. Те закрывались со стуком.

– Сволочи. Мы ничего не можем поделать. Сидим тут, как в тюрьме. Дэвид ноет, что даже сигарету на террасе выкурить не может. Папа говорит, лучше не надо.

Жалюзи были плотные, и комната погрузилась во мрак. Линда включила свет. Среднее окно было самым большим. Под ним стоял огромный стол из полированного дерева, на котором в немыслимом количестве аккуратно были выставлены средства макияжа: большой горшок с кистями и подводкой для глаз, лак для ногтей разных цветов, стопки компактной пудры, ряды коробочек с губной помадой. На одном углу зеркала висели браслетки и билеты с концертов Мадонны, Кэти Перри, Леди Гаги, Рианны, Робби Уильямса.

Всю стену справа занимал гардероб. Эрика раздвинула зеркальные двери, и на нее пахнуло духами. В шкафу висели дорогие наряды авторских моделей – главным образом короткие юбки и платья. Все дно было заставлено обувными коробками.

– Значит, Андреа выделяли деньги на расходы? – спросила Эрика, перебирая вешалки с одеждой.

– Когда ей исполнился двадцать один год, она, как и я, получила доступ к своему трастовому фонду. А вот Дэвиду приходится ждать, что вызывает... определенные проблемы, – сообщила Линда.

– Что вы имеете в виду?

– В нашей семье сыновьям приходится ждать до двадцати пяти лет.

– Почему?

– Дэвид, как и все парни в двадцать один год, хочет тратить деньги на девочек, автомобили и выпивку. Правда, он более заботлив, чем Андреа, хоть денег у него и меньше. На день рождения дарит мне

более приличные подарки. – Линда снова потрянула челкой, складывая руки на своей объемной груди, на которой шалили вывязанные котята.

– А вы на что деньги тратите? – поинтересовалась Мосс.

– Бестактный вопрос. Я не обязана на него отвечать, – огрызнулась Линда.

С одной стороны от гардероба стояла аккуратно заправленная кровать с пологом на четырех столбиках, устланная сине-белым одеялом; на подушке сидели в ряд мягкие игрушки. Над кроватью висел плакат группы *One Direction*.

– Вообще-то она к ним охладела, – доложила Линда, проследив за направлением их взглядов. – Сказала, что они просто сопливые мальчишки, а ей нравятся мужчины.

– Она ведь была помолвлена? – задала наводящий вопрос Эрика. Линда издала презрительный смешок. – Что вас рассмешило, Линда?

– Вы видели Джайлза? Он похож на утку, откормленную на фуа-гра...

– Как вы думаете, почему Андреа выбрала Джайлза?

– Ну, вы даете, господа! Неужели не ясно? Из-за денег, конечно. Он – наследник сказочного поместья в Уилтшире и дома на Барбадосе. Его родители баснословно богаты и уже на ладан дышат. Он у них поздний ребенок. Мама приняла его за менопаузу.

– Андреа изменяла Джайлзу? – осведомилась Мосс.

– К Андреа парни всегда липли. В ее присутствии они превращались в жалких губошлепов, пускающих слюни. Она балдела от мужского внимания.

– И все же. У Андреа был роман с кем-то еще? – допытывалась Мосс.

– Я мало что знаю про ее дела. Мы не были близки. Но я любила сестру и потрясена ее гибелью... – Впервые Линда изобразила скорбь на грани слез.

– А вы, Линда? – спросила Мосс.

– Что я? Хотите знать, пускают ли парни слюни при виде меня? А вы как думаете? – вспыхнула Линда, затыкая ей рот.

– Я хотела узнать, есть ли у вас парень, – объяснила Мосс.

– Не ваше дело. У *вас* есть парень?

– Нет. Я замужем, – ответила Мосс.

– Чем он занимается? – спросила Линда.

– Она. Она – учительница, – без тени смущения ответила Мосс. Эрика постаралась не выдать своего удивления.

– Нет, у меня нет парня, – сказала Линда.

– Окна здесь полностью открываются? – спросил Питерсон. Он подошел к среднему подъемному окну и, нагнувшись, заглянул за опущенные жалюзи. – На них стоят блокираторы?

– Нет, они до конца открываются, – ответила Линда, не сводя восхищенного взгляда с зада Питерсона. Эрика тоже подошла к окну и увидела, что от него вниз до самой земли спускается пожарная лестница.

– Андреа выбиралась из дома через окно, чтобы встретиться с друзьями, если ее сажали под домашний арест? – осведомилась Эрика.

– Мама с папой не имели ни времени, ни склонности сажать нас под домашний арест. Если нам нужно куда-то пойти, мы пользуемся входной дверью, – ответила Линда.

– Вам дозволено приходить и уходить, когда вздумается?

– Конечно.

Эрика опустилась на колени и заглянула под кровать. На полированном деревянном полу лежали комки пыли, но один участок был чуть чище. Она переключила внимание на комод, взялась за ручку верхнего ящика, якобы собираясь его выдвинуть.

– Линда, будьте так добры, подождите за дверью, – попросила она.

– Почему? Я думала, вы пришли сюда просто поболтать.

– Линда, у вас есть фотографии Андреа? Я бы хотел посмотреть. Это нам поможет, – поспешил на помощь Питерсон. Он подошел к Линде и легонько тронул ее за плечо. На ее круглом белом лице проступил яркий румянец.

– М-м-м, да, кажется, есть какие-то, – ответила она, с улыбкой глядя на Питерсона. Они вышли, и Эрика закрыла дверь.

– Молодчина Питерсон, принял удар на себя, – пошутила Мосс, добавив: – Что там?

Эрика вернулась к кровати.

– Криминалисты проводили здесь осмотр, когда поступило заявление о пропаже?

– Нет. Спаркс здесь был, осматривал. Думаю, в присутствии Саймона и Дианы, так что вряд ли тщательно.

– Под кроватью что-то подозрительное, – сообщила Эрика.

Они обе опустились на колени, надели резиновые перчатки, которые вытащили из курток. Эрика легла на живот и заползла под кровать. Мосс стала светить ей фонарем. Эрика обследовала половицу, которая была чище других, осмотрела швы с обеих сторон. Затем, достав ключи от машины, один сунула в щель между половицами и попробовала приподнять доску. Это оказалось непросто: половица была длинная, а кровать низкая. Эрика опустила ее на место и вылезла из-под кровати. Вдвоем с Мосс они взяли кровать с двух сторон и с огромным трудом сдвинули ее на несколько футов.

– Фу ты, это вам не дерьмо из ИКЕА, – поморщилась Мосс. Эрика обошла кровать и подняла половицу.

В углублении лежала коробка от мобильного телефона. Эрика осторожно взяла ее, открыла. Картонная подложка с выемками находилась на месте, но самого телефона не было. Вместо него там лежали пакетик с маленькими таблетками, завернутый в липкую пленку небольшой темный кубик какого-то вещества, похожего на смолу каннабиса, упаковка широкой папиросной бумаги *Rizla* и коробочка фильтров *Swan Vesta*, а также книжечка-инструкция к айфону 5S и комплект гарнитуры в целлофановом пакетике, запечатанный. Эрика вытащила картонную подложку. На дне коробки лежал чек, напечатанный на тонкой белой лощеной бумаге. Весь край с одного боку был замазан каким-то липким желтым веществом, которое смазало чернила. На обороте было пусто, не считая надписи, сделанной синими чернилами детским почерком: «*ты мая детка х*».

– Это квитанция о пополнении баланса мобильного телефона, – сказала Эрика, переворачивая чек.

– Номер операции виден только наполовину, – заметила Мосс. – Чем измазано?

Эрика поднесла чек к носу.

– Засохший яичный желток.

– А что за дурь? – спросила Мосс, снова заглядывая в коробку от мобильного телефона.

– Трудно сказать. К сожалению, стандартный набор. Шесть таблеток – это, возможно, экстази. Одна-две унции смолы каннабиса? Для личного пользования, – заключила Эрика. – Давай это все по пакетам, и вызываем криминалистов. Пусть проверят здесь остальное.

Спустившись вниз, они увидели, что Саймон с Дэвидом провожают врача.

– Все хорошо? – поинтересовалась Эрика. Саймон поблагодарил врача и открыл дверь. С кожаным саквояжем в руке доктор торопливо зашагал по дорожке под ливнем вспышек фотокамер, стремясь скорее убраться с «линии огня». Саймон закрыл входную дверь. В это самое время подошли Питерсон с Линдой.

– Нет, *ничего хорошего*. У моей жены тяжелое эмоциональное расстройство. Не обессудьте, но я попросил бы вас уйти.

– Вот это мы нашли под кроватью Андреа, – сообщила Эрика, показывая ему целлофановые пакеты с коробкой от мобильного телефона и наркотиками.

– Что? Нет, нет и еще раз нет, – отрезал Саймон. – Мои дети не употребляют наркотики! Откуда мне знать, может, вы их сами подложили!

– Сэр, нам нет дела до наркотиков. Нас больше интересует то, что у Андреа, как мы думаем, был второй телефон. В этой коробке лежала квитанция о пополнении баланса мобильного телефона, выданная четыре месяца назад. Вы знали о его существовании?

– Нет. Дайте-ка взглянуть... – Сэр Саймон взял чек в тонком целлофановом пакетике, изучил его. Дэвид и Линда наблюдали с любопытством.

– Кто это написал?

– Понятия не имеем. Может, Джайлз?

– Он окончил Гордонстон[8]. И сумел бы правильно написать слово «моя». Почему вы вообще решили, что это принадлежит ей? Может быть, какая-нибудь старая коробка.

– Ваш секретарь могла приобрести для Андреа второй телефон?

– Нет! Без моего ведома – нет, – отрезал Саймон. – Вы двое... что вам об этом известно? Андреа принимала наркотики? – обратился он к Дэвиду и Линде.

– Мы не в курсе, папа, – ответила Линда, тряхнув волосами. Дэвид тоже покачал головой.

– Понятно. Спасибо, сэр. Если узнаете что-то еще, пожалуйста, сообщите нам. А пока я попросила группу криминалистов произвести осмотр в комнате Андреа.

– Что? Вы спрашиваете у меня разрешения?

– Я довожу до вашего сведения, сэр, что в интересах следствия и в целях скорейшей поимки убийцы Андреа необходимо, чтобы группа криминалистов произвела тщательный осмотр комнаты Андреа, – объяснила Эрика.

– Делайте что хотите, – рявкнул Саймон и скрылся в своем кабинете, хлопнув дверью.

Когда они подходили к машине Эрики на Чизик-Хай-роуд, зазвонил ее телефон.

– Старший инспектор Спаркс. Я сейчас в «Клееварке». Звоню вам по поводу той свидетельницы, Кристины, которая должна была составить фотороботы.

– И? Вы нашли ее? – У Эрики в груди всколыхнулась надежда.

– Нет. И, по словам владельца заведения, никакая Кристина у него не работает.

– Где вы нашли владельца?

– Он живет за два дома от паба.

– Тогда кто была та девушка, с которой я беседовала?

– Я расспросил персонал. Девушка, по описанию похожая на ту, что представилась вам Кристиной, работает здесь от случая к случаю, с посуточной оплатой, подменяя кого-нибудь из сотрудников, когда у тех выходной. Один из них дал ее адрес. Мы проверили. Это однокомнатная квартира у вокзала, но там никого нет.

– Кому принадлежит квартира? – спросила Эрика.

– Хозяин живет в Испании. Он сам и его риелтор утверждают, что квартира три месяца стоит без жильцов. Значит, эта Кристина либо легла на дно, либо дала фальшивый адрес.

– Черт. Направьте туда криминалистов, пусть снимут отпечатки. Пока она единственная, кто видел Андреа с этими таинственными мужчиной и женщиной.

Глава 18

В отделение полиции Луишем-Роу они прибыли в начале шестого. К их возвращению сотрудники оперативного отдела уже заметно подустали, но, учуяв запах кофе, приободрились.

– Кофе и пончики. Разбирайте, – объявила Эрика. По пути в отделение они остановились у «Старбакса». Потягиваясь, полицейские повставали со своих мест. Крейн, просматривавший записи с камер видеонаблюдения, тоже подошел.

– Вы гений, босс. Приличный кофе! – воскликнул он, потирая глаза.

– Надеюсь, у вас есть хорошие новости по видеокамерам на Лондон-роуд? – спросила Эрика с надеждой, подставляя ему пакет с пончиками.

– Мы сопоставляем расписание и маршруты автобусов, запросили в «Лондонском транспорте» записи с видеокамер во всех автобусах, следовавших по Лондон-роуд мимо музея и вокзала в тот вечер, когда исчезла Андреа. Кроме того, сейчас многие такси ездят с видеорегистраторами, мы пытаемся их вычислить. Однако записи с автобусных видеокамер нам предоставят в лучшем случае завтра. – Рука Крейна зависла над пакетом с пончиками.

– Угощайтесь, – сказала Эрика, и он запустил руку в пакет. – Поторопите их, часики тикают. Полагаю, все слышали про исчезновение барменши Кристины?

Полицейские закивали, запивая пончики кофе.

– Что по телефону и ноутбуку Андреа? Нарыли что-нибудь интересное? – спросила Эрика.

– Нет. Почти все фотографии, что там были, мы уже видели: они с ее странички в Фейсбуке. А еще там бессчетное количество игр *Candy Crush Saga*. Она, видать, помешана была на этой игре. Вообще, судя по всему, ноутбук ей служил для игр и воспроизведения обычного контента *iTunes*. Айфон, что был обнаружен на месте преступления, фактически пуст. Ни фото, ни видео – несколько эсэмэсок, и все.

В дверь просунул голову суперинтендант Марш.

– Старший инспектор Фостер, можно вас на пару слов?

– Да, сэр. Мосс, Питерсон... пожалуйста, проинформируйте всех о том, что мы нашли под кроватью Андреа, – попросила Эрика. Она сунула в рот остатки пончика и, покинув оперативный отдел, последовала за Маршем в его кабинет, где сообщила ему о найденной под кроватью коробке от мобильного телефона с чеком о пополнении баланса и исчезновении барменши из «Клееварки».

Когда она закончила, Марш устремил взгляд в темноту за окном.

– Только не загоняйте свою команду. Договорились, Фостер?

Сейчас Марш был чуть более спокоен. Эрика подумала, что это, возможно, благодаря заголовкам в газетах, которые переключили свое внимание с полиции, ведущей расследование, на трагическую гибель Андреа. Во всяком случае, сегодня все писали о прекрасной девушке, чья жизнь была прервана самым жестоким образом.

– Наша пресс-служба великолепно потрудилась, направив освещение событий в нужное нам русло, – произнес Марш, словно читая мысли Эрики.

– Это так теперь называется? *Направить в нужное русло?* – усмехнулась Эрика.

– О вас там тоже немного есть, – сказал он и зачитал: – *«Расследование ведет опытный сотрудник полиции старший инспектор Эрика Фостер. Благодаря ее усилиям был привлечен к суду серийный убийца Барри Патон. Также велика ее заслуга в обеспечении высокого процента обвинительных приговоров, вынесенных по делам об убийствах, совершенных во имя чести в мусульманской общине Манчестера...»*. И фото хорошее поместили: один из нас на судебном процессе по делу Патона.

– Вы бы уж сразу и адрес мой дали, – рассердилась Эрика. – А то я уже несколько месяцев не получала писем от Барри Патона. Впрочем, одно письмо он мне прислал – поздравил со смертью мужа.

Молчание.

– Простите, – наконец произнес Марш. – Хотел сделать вам приятное. Не подумал. Простите, Эрика.

– Я не в обиде, сэр. Просто долгий был день.

– Отдел кадров на меня насадет. Говорят, вы до сих пор не предоставили им свой адрес, – сказал Марш, меняя тему разговора.

– Вы теперь на посылках у кадровиков?

– Кроме того, вам необходимо показаться врачу, вчера вы подверглись воздействию биологических жидкостей чужого организма, – добавил Марш, кивая на теперь уже неопрятную повязку на руке Эрики. Впервые она задумалась о словах Айви – о том, что у ее внука ВИЧ-инфекция. Эрика и сама поразилась, насколько мало ее это волнует.

– Времени не было, сэр.

– На что? К врачу сходить? Или жилье найти?

– Я покажусь врачу, – пообещала Эрика.

– Где вы остановились? – спросил Марш. – Мы должны знать, где вас искать.

– У вас есть мой мобильный...

– Эрика. Где вы остановились?

Неловкая пауза.

– Пока еще нигде.

– Чем же вы занимались вчера ночью?

– Работала.

– Вы возглавляете расследование громкого убийства. Не гоните лошадей. Сегодня только второй день. Если будете продолжать в том же духе, что от вас останется к седьмому?

– До седьмого дня дело не дойдет, пока я этим занимаюсь, – с вызовом ответствовала Эрика.

Марш дал ей какую-то карточку.

– Это координаты клиники, принимающей без предварительной записи. И еще. У нас есть квартира, которая Марси досталась от родителей. Жильцы как раз съехали. Это рядом с отделением, и вы будете избавлены от волокиты оформления аренды. Если это вас интересует, приезжайте ко мне домой чуть позже. Заберете ключи.

– Хорошо. Спасибо, сэр. Только доделаю тут кое-что.

– До девяти, если можно. В будни я стараюсь ложиться пораньше.

...Эрика вернулась в оперативный отдел, где она была встречена констеблем Сингх, которая с торжествующим видом протягивала ей листок бумаги.

– Секретарь Саймона Дуглас-Брауна только что по факсу передала договор на прежний телефон Андреа. Тот, что она потеряла в июне. Мы отправили запрос оператору. Завтра утром должны получить распечатку.

– Пожалуй, за это можно еще по пончику, – сказала Эрика, встряхивая пакет и предлагая его всем.

– И тот чек на пополнение баланса, что вы нашли в коробке под кроватью Андреа... Оплата по нему была внесена в супермаркете «Косткаттер» близ Лондонского моста, – доложил Крейн. – На нем стоят дата и время. Я только что говорил по телефону с директором магазина. Он обещал проверить записи с камер видеонаблюдения. Правда, записи у него только за последние четыре месяца, в самый притык. Будем надеяться, что повезет.

– Фантастика! – воскликнула Эрика. Широко улыбаясь, Крейн схватил из пакета пончик.

– Может, Спарксу хотя бы один оставим? – предложила Мосс.

– Ну, не знаю. По-моему, он и так уже достаточно сахарный, – пошутила Эрика. Ее коллеги от души расхохотались. Сейчас в оперативном отделе ей было комфортно – дружеская атмосфера, дух товарищества, но, сознавая, что ее команда на ногах с раннего утра, она велела всем расходиться по домам.

– Доброй ночи, босс, – один за другим прощались с ней сотрудники, хватая свои куртки и сумки. Оперативный отдел постепенно опустел, и Эрика осталась одна. Она сняла трубку стоявшего на столе телефона и позвонила по номеру, который дал ей Марш. Автоответчик сообщил, что клиника уже закрыта и начнет принимать пациентов в семь часов утра следующего дня.

Эрика положила трубку и, морщась, отлепила с руки грязный пластырь. Рана быстро заживала: синяк почти исчез, от зубов мальчика остались закругленные бледные рубцы.

Эрика выбросила пластырь в урну и подошла к демонстрационным доскам в глубине комнаты. Возбуждение, владевшее ею некоторое время назад, улеглось. Она чувствовала себя выжатой как лимон. В затылке ощущалась ноющая боль. Эрика смотрела на материалы следствия: карты и снимки; фото живой Андреа на водительских правах; фото мертвой Андреа – глаза вытаращены, в спутанных волосах по одну сторону лица застряли листья. Обычно она с первых шагов брала верный след, но это дело раскрывалось все шире и шире, противоречивые факты вызревали и множились, как клетки раковой опухоли.

Ей нужно было выспаться, а для этого, осознала Эрика, ей нужен ночлег.

Глава 19

Эрика умирала с голоду, когда уезжала с работы, поэтому она остановилась у итальянского ресторана в квартале Нью-Кросс, где, к собственному изумлению, умяла огромную тарелку спагетти карбонара и на десерт – большой кусок тирамису. В самом начале десятого она свернула на улицу, где жил Марш, – в зеленом зажиточном уголке южного Лондона.

Припарковав машину, Эрика отыскивала дом Марша – № 11. Обрадовалась, увидев, что свет в нем не горит. Она предпочла бы несколько дней пожить в гостинице, пока будет искать квартиру: не хотела, чтобы Марш ее жалел. Большое эркерное окно на первом этаже не было зашторено, и в него Эрика увидела противоположное окно комнаты, а за ним – парк Хилли-Филдс и дальше – огни Лондона.

Она уже собралась было вернуться к машине, но тут услышала шум хлынувшей вниз воды в вычурной железной водосточной трубе на фасаде дома. Небольшое окно на верхнем этаже озарилось, и Эрика прищурилась, стоя в безупречно ровном квадрате света. Марш из окна бросил взгляд вниз и, увидев ее, смущенно помахал. Эрика махнула ему в ответ и стала ждать у входной двери.

Марш вышел к ней в клетчатых пижамных брюках и застиранной футболке с изображением Гомера Симпсона. На розовом полотенце, о которое он вытирал руки, красовалась Барби.

- Простите, сэр, что так поздно, – извинилась Эрика.
- Да нет, в самый раз. У нас вечерние водные процедуры.
- Симпатичное полотенце, – заметила Эрика.
- Водные процедуры *не у меня*...
- Да я пошутила, сэр.

– А-а, тогда ладно, – улыбнулся Марш. Словно по сигналу раздался визг, и в прихожую, смеясь, выбежали две крошечные девочки с длинными темными волосами. На одной – только розовый свитерок, трусики и носки. На другой – все то же самое и еще джинсы, спущенные до лодыжек. Малышка проковыляла несколько шагов, потом потеряла равновесие и с глухим стуком плюхнулась на деревянный пол. Она обратила на Марша свои большие карие глаза, пытаясь решить, стоит ли заплакать. Следом за девочками в прихожую

выбежала темноволосая женщина лет тридцати пяти. На ней был повседневный наряд – облегающие брюки зеленовато-голубого цвета и белая блузка с закатанными рукавами, – подчеркивавший пышность ее груди и точеную фигуру в виде песочных часов. Ее обнаженные до локтей руки облепляла пена. Она была столь же прелестна, как и ее дочери-двойняшки.

– Ну вот, – произнесла женщина, деловито кладя руки на свою тонкую талию. – Ушиблась?

Малышка решила, что все гораздо серьезнее, и, скривив личико, завывала.

– Привет, Эрика, – поздоровалась женщина. – Добро пожаловать в сумасшедший дом.

– Привет, Марси... Выглядишь потрясающе, – сделала ей комплимент Эрика.

Марш подхватил на руки плачущую девочку, поцеловал ее личико, которое теперь было красным и мокрым от слез. Марси взяла на руки вторую дочку – та тарасилась на Эрику – и посадила ее на изгиб своего бедра.

– Seriously? Твоими бы устами... Весь мой уход за собой – это беготня за девочками. – Марси сдула прядь волос со своей гладкой кремовой кожи. – Если остаешься, давай дверь закроем? А то холод в дом идет.

– Да, конечно. Прошу прощения, – извинилась Эрика, входя в прихожую и закрывая за собой дверь.

– Это Софи, – сказал Марш, укачивая плачущую дочку.

– А это Мия, – представила вторую малышку Марси.

– Привет, – поздоровалась с девочками Эрика. Те тарасились на нее. – Какие же вы обе красавицы!

Эрика так и не научилась общаться с детьми. С насильниками и убийцами она знала, как себя вести, а перед детьми тушевалась.

Софи перестала плакать и, как и ее сестра, теперь с интересом разглядывала Эрику.

– Простите, я не вовремя, – смущенно проговорила Эрика.

– Все нормально, – успокоил ее Марш.

Марси забрала у него Софи и посадила ее на изгиб второго бедра.

– Так, девочки. Пожелайте спокойной ночи Эрике.

– Спокойной ночи, – хором пискнули малышки.

– Спокойной ночи! – попрощалась с ними Эрика.

– Рада была видеть тебя, Эрика, – добавила Марси и пошла прочь. Эрика с Маршем с минуту смотрели на ее виляющий зад.

– Налить вам бокал вина? – предложил Марш, переводя взгляд на Эрику.

– Нет. Я на минутку. Хотела сказать, что согласна на ваше предложение по поводу квартиры...

– Да, проходите. Только обувь снимите.

Марш направился к двери в конце коридора. Эрика расшнуровала ботинки и пошла следом. Деревянный пол был холодным, и, ступая по нему в одних носках, она, как ни странно, чувствовала себя незащищенной. Дверь в конце коридора вела на кухню, оформленную в деревенском стиле. Длинный деревянный стол со стульями. В углу – источавшая тепло красная плита «Ага». Большой холодильник у двери увешан прицепленными магнитами, аляпистыми рисунками, которые представляли собой мазню из разноцветных пятен. Столь же аляпистая картина висела на стене над деревянным кухонным шкафом.

– Это одна из работ Марси, – похвастался Марш, проследив за взглядом Эрики. – Она очень талантлива, только времени на живопись больше нет.

– На холодильнике тоже ее работы? – спросила Эрика и тотчас же пожалела о своих словах.

– Нет. Это девочки рисовали, – ответил Марш.

Возникло неловкое молчание.

– Вот, держите, здесь все. – Марш протянул ей большой конверт, который он взял с кухонного стола. – Квартира не очень далеко – на Фоксберри-роуд в Брокли, рядом с железнодорожной станцией. Тут договор найма на месяц с возможностью продления, так что там видно будет, в зависимости от обстоятельств. Просто на днях принеси мне чек, и все.

Эрика открыла конверт, достала из него связку ключей, довольная, что со стороны Марша это не любезность.

– Спасибо, сэр.

– Поздно уже, – заметил Марш.

– Конечно. Мне пора. Поеду устраиваться, – сказала Эрика.

– Да, и вот еще что. Сэр Саймон связался с Коллин из нашей пресс-службы. Хочет выступить с обращением в прессе, пока фото

Андреа, помещенные на первых страницах газет, еще свежи в памяти людей.

– Конечно, хорошая идея.

– Да. Завтра после обеда мы вместе накатаем что-нибудь, чтобы обращение попало в вечерние новости и газеты.

– Очень хорошо, сэр. Надеюсь, завтра мы получим новую информацию, которая нам пригодится.

* * *

Когда дверь за Эрикой закрылась, она направилась к своей машине, удаляясь от домашнего тепла Марша. Шла она с опущенной головой и кусала губы, силясь сдержать слезы. Та уютная жизнь, с любящим мужем и детьми, была у нее почти в руках. А она несколько раз отказывалась от тихого семейного счастья – к великому неудовольствию Марка.

Теперь с мечтами о той жизни можно расстаться навсегда.

Глава 20

Эрика свернула на Фоксберри-роуд. Вокруг царил тишина и покой. Она миновала железнодорожную станцию Брокли: на ярко освещенной платформе – ни души. Поезд, пронесшийся под пешеходным мостом, прогромыхал в направлении центра Лондона. Эрика медленно ехала вдоль длинного ряда низких стандартных домиков. Дом, где находилась нужная ей квартира, стоял на самом углу улицы, там, где дорога резко уходила вправо. На стоянке пустовало одно свободное парковочное место, но ее радость быстро угасла, когда она увидела, что парковка предназначалась только для местных жителей. Ей придется получить разрешение. «Черт с ним», – решила она. И все равно припарковалась.

Открывая дверь в подъезд, Эрика сдвинула громоздившийся за ней ворох макулатурной почты. Свет включился автоматически. Лампа тихо жужжала, пока она взбиралась по узкой лестнице, таща за собой подпрыгивавший на ступеньках чемодан.

Квартира находилась на верхнем этаже и, поднявшись на лестничную площадку, Эрика увидела, что у нее есть соседи: напротив находилась еще одна дверь.

Чувствовалось, что квартиру давно не обогревали. Электричества, похоже, тоже не было. Включив встроенный в телефон фонарь, Эрика долго бродила по холодной квартире в поисках электрощитка и, наконец, обнаружив его в глубине стенового шкафа в коридоре, зажгла свет.

Первая дверь вела из коридора в ванную – маленькую, белую, чистую, с одной только душевой кабинкой. Рядом находилась небольшая спальня с двуспальной кроватью из сосны и шатким шифоньером из ИКЕА. Над кроватью висела еще одна аляпистая картина. Эрика закурила, вглядываясь в подпись у нижнего края холста, где мелким почерком было выведено «МАРСИ СЕНТ-КЛЭР». Зажав сигарету в зубах, она сняла картину со стены и сунула ее за пластиковые ведра в стенном шкафу в коридоре.

В конце коридора находилась гостиная-кухня – крошечная, но современно обставленная, в безликом стиле ИКЕА. Сейчас безликость

Эрику вполне устраивала. Она принялась открывать кухонные шкафы, ища пепельницу. Не найдя таковой, взяла чайную чашку.

У эркерного окна стояли журнальный столик и небольшой синий диван. Эрика грузно опустилась на него, глядя на крошечный телевизор с покрытым пылью экраном. Вилка из розетки была вытащена, шнур и антенна валялись на полу рядом с тумбочкой, на которой восседал телевизор.

Эрика перевела взгляд на окно, на темноту за стеклом, но увидела в нем лишь отражение скудно обставленной комнаты и свое собственное. Докурив сигарету, она затушила ее в чашке и закурила другую.

Глава 21

В конце переулка, за несколько домов до того, где поселилась Эрика, в доме, притулившемся на крутом изгибе дороги, притаилась фигура в черном, сливаясь с темнотой. Этот человек смотрел в окно, в котором виднелась Эрика, наблюдал, как она прикурила вторую сигарету и выпустила дым, закрубившийся вокруг голой лампочки, что висела у нее над головой.

Мне казалось, найти ее будет труднее, размышлял наблюдатель, а она вон тебе, старший инспектор Фостер, сидит на свету, выставив себя в окне на всеобщее обозрение, как проститутка в районе «красных фонарей».

На фотографии, помещенной в газете, у Эрики лицо более свежее, молодое; здесь же в окне она выглядела очень худой, изможденной... почти как подросток.

Склонив голову набок, подбородком упираясь в плечо, Эрика смотрела в сторону наблюдателя. Сигарета дымила буквально в нескольких сантиметрах от ее лица.

Интересно, она меня видит? Фигура в черном чуть глубже ушла в тень. Может, наблюдает сейчас за мной, как я – за ней? Нет. Исключено. Эта стерва не столь проницательна. Она смотрит на свое отражение в окне, и вряд ли оно ей нравится.

Привлечение к расследованию убийства Андреа старшего инспектора Фостер взбудоражило общественность. По сведениям из Интернета, в период службы в манчестерской полиции ее считали восходящей звездой отечественного сыска. В тридцать девять лет она уже получила звание старшего инспектора за поимку Барри Патона, молодого парня, который работал уборщиком в одном из клубов и убил шестерых девушек.

Но Барри Патон хотел, чтобы его поймали. Меня она не поймают. Формально она завершила свою карьеру. Поставила на ней крест. По вине Фостер погибли пять сотрудников полиции, в том числе ее гребаный муженек. А на это дело ее назначили специально, зная, что она завалит расследование. Им нужен козел отпущения.

Мороз быстро крепчал. Ожидалась очередная студеной ночь. Но наблюдать за старшим инспектором Фостер, да еще с такого близкого

расстояния, было крайне волнительно.

На дороге появилась машина, и фигура в черном еще глубже ушла в тень, ожидая, когда удалится свет фар. Послышалось тихое урчание: по стене, крадучись, ступала черная кошка. Заметив человека, она остановилась и замерла.

– Мы с тобой почти близняшки, – прошептал наблюдатель. Подняв руку в перчатке, он осторожно придвинулся к кошке. Та позволила себя погладить. – Хороший котик... хороший.

Кошка пристально посмотрела в человечьи глаза, затем бесшумно спрыгнула со стены и исчезла по другую ее сторону. Наблюдатель разглядывал свои руки в кожаных перчатках, поворачивая ладони, разминая пальцы.

Андреа слишком долго испытывала мое терпение, но мне даже в голову не приходило, что когда-нибудь я решусь на это. Осуществлю свои фантазии – задушю ее, выдавлю из нее жизнь...

Шли дни, и в убийце все больше крепла уверенность на грани самодовольства, что тело Андреа не найдут. Что она останется замороженной во льду. Зима кончится, и с наступлением весны Андреа сгниет – будет разлагаться, пока с нее не сойдет маска красоты и не обнажится ее истинное лицо.

Но через четыре дня ее нашли. Не тронутую тленом...

Хлопнула дверь. Вновь обратив взгляд на дом, наблюдатель увидел, что свет в окне старшего инспектора Фостер погас. Та покинула квартиру и теперь шла по тротуару к своей машине.

Наблюдатель улыбнулся и, опустив голову, быстро ретировался, растворившись в темноте.

Глава 22

Эрика любила водить машину. Причем это мог быть автомобиль любой марки – не обязательно что-то сногшибательное. Лишь бы в нем было тепло и безопасно. Сейчас, колеся по пустынным улицам южной части Лондона, она чувствовала себя в полицейском автомобиле, как в коконе, в котором ей было уютнее, чем в квартире.

Проезжая мимо кладбища Брокли с поблескивающими в свете уличных фонарей надгробиями, Эрика чуть отвлеклась. Машину повело вправо, и она поняла, что нужно сбавить ход. В течение дня снег подтаивал, но к ночи ударил мороз, и дороги обледенели.

Эрика переключила телефон в режим громкой связи и позвонила в отделение полиции. Ей ответил сержант Вулф. Она попросила у него список самых значных пабов в районе.

– Позвольте узнать, зачем это вам? – Его голос, доносившийся с другого конца линии связи, имел металлический призыв.

– Выпить хочу.

– Понятно, – произнес Вулф, помолчав. – «Русалка», «Синица в руке», «Олень», «Корона» – не та, что принадлежит «Уэзерспунс»^[9]; есть еще одна «Корона» – возле старого пивзавода, который вот-вот закроется. Находится в конце Гант-роуд. Ну и, конечно, «Клееварка».

– Спасибо.

– Старший инспектор Фостер, сообщайте мне, где вы находитесь. Если нужно подстраховать...

Эрика прервала звонок, не дослушав Вулфа.

Следующие три часа она объезжала самые гнусные пабы, какие только ей случалось видеть за свою долгую службу в полиции. Ее шокировали не столько убожество, грязь и пьянство, сколько отчаяние на лицах людей, которые нетвердым шагом отходили от стойки. Безысходность в их глазах, когда они тяжело опускались за какой-нибудь столик в углу или скармливали последние деньги игральным автоматам.

Еще больше поражало, что эти пабы находились не за десятки миль от зажиточных предместий. Мерзкий притон под названием «Русалка» располагался близ индийского ресторана с кухней в стиле фьюжн, извещавшего посетителей и прохожих, что недавно ему

присвоили звезду «Мишлен». В его роскошном зале, что прекрасно просматривался с улицы, ужинали компании счастливых людей в дорогих костюмах. «Синица в руках», где Эрика отдала двадцатку похожей на привидение девушке с младенцем на руках, соседствовала рядом с дорогим винным баром, в котором отдыхали гламурные женщины со своими богатенькими мужьями.

Неужели никто этого не видит?

В полночь Эрика прибыла в «Корону» на Гант-роуд. На вид это был традиционный паб с медными лампами и красным фасадом. Новых посетителей уже не пускали, но Эрика сумела войти, дав парню, охранявшему вход, хрустящую двадцатифунтовую купюру.

В зале ступить было негде, стоял невообразимый ор. Окна запотели, запах пива смешивался со зловонием пота и дешевых духов. Публика здесь собралась нерафинированная, но все постарались вырядиться кто как мог. Расспрашивая, по какому случаю вечеринка, Эрика наконец-то углядела того, кого искала.

Айви притулилась на табурете в самом конце барной стойки, у сверкающего игрового автомата. Рядом с ней сидела дородная молодая женщина с черными у корней осветленными волосами и пирсингом на губе. Эрика медленно шла к Айви, протискиваясь меж пьяными посетителями. Когда добралась до нее, увидела, что зрачки у Айви расширены. Теперь глаза ее походили на два пугающих черных озера.

– Какого хрена приперлась? – спросила Айви, сияясь сосредоточить взгляд.

– Поговорить надо, – объяснила Эрика, перекрикивая шум.

– Я за все это заплатила, – крикнула Айви, пальцем обводя вокруг себя. Эрика заметила возле табуретов несколько сумок с покупками.

– Я не об этом, – успокоила ее Эрика.

Женщина рядом с Айви сверлила Эрику злобным взглядом.

– Все хок'кей, Айв? – Она ближе придвинулась к ним, не сводя глаз с Эрики.

– Да, – ответила Айви. – Она угощает.

Эрика дала женщине двадцатку, осознав, что за вечер она потратила кучу наличных. Та поднялась с табурета и исчезла в толпе.

– Где дети? – поинтересовалась Эрика.

– А?

– Ну, внуки ваши?

– Наверху. Спят. А что? Хочешь их отлупасить?

– Айви...

– Вставай в очередь, милочка. Они сегодня целый день меня достают.

– Айви, мне нужно расспросить вас про «Клееварку», – сказала Эрика, усаживаясь на освободившийся теплый табурет.

– Что? – переспросила Айви, пытаюсь сосредоточиться.

– Помните? Тот паб, про который мы говорили. «Клееварка», на Лондон-роуд.

– Я туда не хожу, – заплетающимся языком буркнула Айви.

– Я знаю, что вы там не бываете. Но *почему*?

– Потому что...

– Прошу вас. Мне нужно знать больше. Почему вы туда не ходите, Айви?

– Отвали!

Эрика вытащила еще одну двадцатку. Айви все пыталась сосредоточить взгляд, а потом выхватила у нее деньги и сунула их за пояс своих грязных джинсов.

– О чем ты хочешь поговорить?

– О «Клееварке».

– Гиблое место. Плохой человек... плохой... – произнесла Айви, качая головой.

– Там есть плохой человек?

– Да... – Айви теперь вращала глазами, словно увидела что-то, но не здесь, не в этом баре. Ее голова завалилась набок.

– Айви. Плохой человек. Как его зовут?

– Плохой он человек, милочка...

– Вы слышали про погибшую девушку, Андреа? – Эрика достала свой телефон, нашла фото Андреа. – Вот она, Айви. Ее звали Андреа. Красивая, темноволосая. Думаете, Андреа была знакома с тем плохим человеком?

На пару секунд Айви удалось сосредоточить взгляд на фото в телефоне.

– Да. Красивая... была.

– Вы видели ее?

– Несколько раз.

– Вы видели эту девушку несколько раз в «Клееварке»? – уточнила Эрика, держа телефон перед Айви.

– Я тоже была красивая... когда-то... – Айви снова завращала глазами и стала сползать с табурета.

– Ну же, Айви. Не отключайтесь, – потребовала Эрика, хватая ее и снова усаживая ровно на табурете. – Пожалуйста, взгляните еще раз.

Айви посмотрела на снимок.

– Плохие всегда самые худшие, но и самые лучшие. Ты позволяешь им делать с тобой что угодно, даже если больно, даже если не хочешь...

Эрика бросила взгляд на бар и увидела, что дородная девица с пирсингом на губе не выпивку покупает, а разговаривает с мужиками, и те поглядывают на Эрику с Айви.

– Айви, это важно. Вы говорили про Андреа? Она встречалась в «Клееварке» с тем плохим человеком? У него темные волосы. Пожалуйста. Мне нужна любая информация, имя...

Айви пускала слюни, выдувая из них пузыри, которые тут же лопались. Она облизала языком подбородок, и в глаза Эрике бросились ее гнилые зубы.

– Я видела ее с ним и какой-то белобрысой сучкой. Дуры девки, слишком крепко с ним спутались, – сказала Айви.

– Что? Айви? Брюнет и блондинка?

– Вы здесь находитесь официально? – раздался над ухом Эрики чей-то голос. Она подняла голову и увидела рослого мужчину могучего телосложения с рыжеватобелокурыми волосами.

– Я ее не приглашала, – заявила Айви и добавила: – Легавая она.

– Нет, я здесь неофициально, – ответила Эрика.

– Тогда я попрошу вас уйти, – сказал мужчина угрожающе спокойным тихим голосом.

– Айви, если вспомните еще что, увидите что-нибудь, вот мой телефон. – Эрика вытащила из кожаной куртки ручку и клочок бумаги, начеркала номер своего мобильного телефона и сунула листочек в карман джинсов Айви. Мужчина взял Эрику под руку. – Прошу прощения, – возмутилась она, – что вы себе позволяете? Вы кто такой?

– Я – хозяин заведения. Все присутствующие здесь приглашены мною, и я их угощаю напитками. Вас я *не* приглашал, так что шли бы вы отсюда по доброй воле, пока я не нарушил закон.

– Я же объяснила, что я здесь неофициально, но мой визит в любой момент может стать официальным, – пригрозила Эрика.

– Мы отмечаем поминки, – сказал мужчина сухим тоном. – И легавым сюда вход воспрещен.

– Как вы только что меня назвали? – Эрика силилась сохранять спокойствие. К ним подошел коротышка с чудным лицом – как у гнома.

– Ты знала мою мамашку? – спросил он задиристо.

– Вашу мать? – уточнила Эрика.

– Да, именно это я и сказал. Мою мамашку, Перл.

– Вы кто?

– Да ты кто такая, чтобы спрашивать меня, кто я такой, на поминках по моей родной мамашке?!

– Значит, вы отмечаете поминки по вашей матери Перл, так? – допытывалась Эрика.

– Да. А тебе какое дело?

Эрика обвела взглядом паб: их перепалка уже начинала привлекать внимание.

– Остынь, Майкл, – обратился к коротышке хозяин заведения.

– Мне не нравится ее отношение. Ишь дылда спесивая выискалась, – презрительно бросил Майкл, смерив Эрику взглядом с головы до ног.

– Успокойтесь, сэр, – сказала Эрика.

– Сэр? Издеваешься?

– Нет. Я – офицер полиции, – представилась Эрика, вытаскивая свое удостоверение.

– Откуда здесь легавая? Ты же сказал, что договоришься...

– Я и договорился, Майкл. *Офицер полиции* уже уходит.

– Здесь вшивая легавая! – заорала худосочная рыжая женщина, подковылявшая к ним всего лишь в одной розовой спортивной тапочке. Раздался звон бьющегося стекла, двое парней сцепились в драке. Рыжая выплеснула на Эрику свою пинту пива и показала ей кукиш – «на-ка, выкуси». Эрика почувствовала, как ее обхватили за талию. Сначала подумала, что на нее напали, но потом поняла, что это хозяин заведения оторвал ее от пола и куда-то понес. На нее со всех сторон сыпались брань и плевки. Лишь благодаря своей массе и

рослости владельцу паба удалось протащить ее сквозь толпу за стойку бара.

– Убирайтесь живо. Туда, через кухню. Задняя дверь ведет на улицу за пабом, – сказал он, выставляя вперед ладонь, чтобы остановить шустриков, которые пытались протиснуться в узкие дверцы за стойку бара. Над головой Эрики вдребезги разлетелось стекло, осколками покорежив оптический дозатор водки. Женщина, выплеснувшая на Эрику пиво, отперла дверцы на дальнем краю барной стойки, и толпа хлынула к Эрике.

– Уходите! – велел хозяин паба. Он вытолкнул Эрику за вонючие занавески, закрывавшие проем. Неуверенным шагом она пошла по тусклому коридору, натываясь на коробки с чипсами, на ящики с пустыми бутылками. Гремевшая в зале музыка не заглушала шум беспорядка и бьющегося стекла. Эрика видела, что толпа насаждает на хозяина паба, пытавшегося загородить проход. Она нашла дверь на замызанную кухню, где на всем лежал налет жирной грязи, и, пройдя в самый ее конец, открыла пожарный выход. Мокрую, липкую от пива кожу обжег холод, и Эрика увидела, что находится в переулке.

Она помчалась к дороге. Из окон бара вырывались пар и грохот. Ее автомобиль, слава богу, по-прежнему стоял недалеко от паба.

Эрика села за руль и с визгом рванула с места. Она испытывала облегчение и возбуждение; в крови бурлил адреналин. А потом она вспомнила, что Айви осталась в пабе. А Айви видела Андреа вместе с темноволосым мужчиной и белокурой женщиной.

Была ли Айви в «Клееварке» в вечер исчезновения Андреа? Выходит, барменша из «Клееварки» сказала правду?

Глава 23

На следующее утро, едва Эрика приехала в отделение полиции, ее вызвали к суперинтенданту Маршу. Она привезла с собой подписанный договор на аренду квартиры и чек на оплату. Эрика немало удивилась, когда, войдя в кабинет начальника, увидела, что напротив Марша сидит старший инспектор Спаркс, и лицо его пышет самодовольством.

– Сэр?

– Что за игру вы ведете? Какого черта поперлись вчера вечером в «Корону»? – сразу же накинулся на нее Марш.

Эрика переводила взгляд с Марша на Спаркса и обратно.

– Да я сок пила, апельсиновый...

– Не смешно! Вы заявили без приглашения на поминки по Перл Гадд и своим приходом посеяли там хаос. Вы знаете семью Гадд?

– Нет. А что, их надо знать?

– Это кучка подонков, которой принадлежит обширная сеть по грузоперевозкам на юге Англии. Как бы то ни было, они работают с нами.

– Работают *с нами*, сэр? Вы предлагаете мне посадить одного из них за стол в оперативном отделе?

– Не дерзите.

Спаркс сидел, подперев ладонью подбородок, и, наблюдая за их перебранкой, старался скрыть свою радость. Эрика обратила внимание, что он отрастил длинные ногти на указательных пальцах обеих рук.

– Сэр, если вы вызвали меня сюда, чтобы устроить мне головомойку, могли бы это сделать и без свидетелей.

– По рангу вы не выше старшего инспектора Спаркса, и он является членом следственной группы. Вы должны работать вместе. Полагаю, вы посетили «Корону» в интересах следствия?

Помедлив, Эрика села рядом со Спарксом.

– Ладно. Если это совещание, так и быть. Расскажите мне про наших коллег из преступного подполья южного Лондона.

Спаркс убрал руку с подбородка.

– Последние восемь месяцев семья Гадд снабжает нас информацией, которая, мы надеемся, позволит произвести конфискацию нелегальной табачной и алкогольной продукции на миллионы фунтов стерлингов.

– В обмен на что?

– Я не обязан рассказывать все в деталях, Фостер, – вмешался Марш. – У нас крайне ограниченные возможности в плане того, что можно и что нельзя. Вам известно, какая хрупкая экосистема сложилась здесь, в южном Лондоне? В обмен на информацию мы вынуждены закрывать глаза на... «ночные мероприятия» за закрытыми дверями и прочее. А вы ворвались туда вчера вечером, стали размахивать удостоверением.

– Мне сказали, что это поминки, сэр.

– Это и были поминки, черт бы их побрал!

– Хорошо, простите. По-видимому, здесь полиция работает несколько иначе, чем у нас в Манчестере.

– Мы работаем не иначе, – возразил Спаркс с раздражающим спокойствием в голосе. – Но тщательно проверяем информацию, прежде чем сделать какой-то шаг.

– Что вы сказали? – спросила Эрика.

– Я говорю про вчерашний вечер.

– Ну-ну.

– Хватит! – рявкнул Марш, грохнув кулаком по столу, и вскочил с места.

Эрику душили гнев и ненависть к Спарксу, но она постаралась скрыть свои чувства.

– Сэр. Визит в «Корону» я нанесла с определенной целью. И мне удалось получить новую информацию об убийце Андреа.

– Продолжайте, – сказал Марш, снова усаживаясь за стол.

– Теперь у меня есть еще один свидетель, который видел Андреа в «Клееварке» в тот вечер, когда она погибла. Она там беседовала с высоким брюнетом и блондинкой. Этот новый свидетель даже намекнул, что, возможно, у Андреа с этим мужчиной была любовная связь.

– И кто же этот новый свидетель?

– Айви Норрис.

Спаркс закатил глаза и затем глянул на Марша.

– Ой, я вас умоляю! Айви Норрис? Она же Джин Макардл, Бет Кросби, Полетт О’Брайан?

– Сэр, она...

– Всегда несет что попало, – отрезал Марш.

– Но, сэр, когда я расспрашивала ее об этом человеке, у меня создалось впечатление, что она напугана. Очень. Я также считаю, особенно с учетом того, что мы нашли под кроватью Андреа коробку от телефона, что у Андреа был второй мобильный телефон, о котором она никому не сказала. Думаю, у нее были друзья, которых она хотела скрыть от своего жениха, Джайлза Осборна...

– Вчера вечером пришли распечатки звонков с прежнего телефона Андреа, с того, который она потеряла в прошлом году, – сообщил Спаркс.

– Нет, я думаю, у Андреа был еще один телефон. Тот, которым она пользовалась до последнего дня. Четыре месяца назад она пополнила его баланс, мы нашли чек в коробке под ее кроватью, – объяснила Эрика.

– Это ничего не значит. Может, она внесла деньги за подругу, – предположил Спаркс. – Лучше давайте вернемся к распечаткам звонков с ее прежнего телефона, который точно существовал. Вчера вечером, воспользовавшись удобным случаем, я их просмотрел, и обнаружилась весьма интересная информация.

– Какая? – осведомилась Эрика.

– Я сверил телефонные контакты Андреа с теми, с кем она общалась в Фейсбуке, и выплыли несколько имен. Одно из них – некий Марко Фрост... Говорит о чем-нибудь?

Марш посмотрел на Эрику.

– Да. Бариста, с которым Андреа, скажем так, встречалась некоторое время назад. Итальянец, работает в одной из кофеен в Сохо.

Спаркс кивнул и продолжал:

– Он сотни раз звонил на прежний телефон Андреа. В течение десяти месяцев – с мая 2013-го по март 2014-го.

– Почему меня не уведомили о том, что пришли распечатки? – строго спросила Эрика.

– Мы получили их вчера поздно вечером. Я подумал, что вам нужно выспаться, – ответил Спаркс.

– Продолжайте, Спаркс – сказал Марш.

– Итак. Я просмотрел протокол самого первого допроса Дуглас-Браунов, когда они заявили об исчезновении Андреа. Они упоминали этого Марко Фроста. Андреа действительно встречалась с ним с месяц в начале 2013 года. Потом она его бросила, и начались звонки. Он и домой к ним приходил несколько раз. Слушать ничего не хотел – подавай ему Андреа, и все. По просьбе сэра Саймона к Марко Фросту даже полицейский приходил, чтобы поговорить с ним о его нездоровом интересе к Андреа.

– Почему меня об этом раньше не проинформировали? – спросила Эрика.

– Все мои записи есть в деле.

– Я их не видела.

– Они там есть.

– Ну все, все. Давайте вести себя как взрослые люди, – раздраженно отчитал их Марш. – Продолжайте, старший инспектор Спаркс.

– Слушаюсь. Так вот. Я снова взялся за распечатки звонков с нового телефона Андреа, в котором, как вам известно, информации почти ноль. С этого телефона она также проверяла свою электронную почту, в которой полно приглашений на всевозможные вечеринки и мероприятия...

– Да, ребята изучили эти приглашения, их сотни. Андреа была членом многих частных клубов, – вставила Эрика.

– В числе прочих там было приглашение в танцевальный зал «Риволи» на четверг 8 января – на вечер того дня, когда она пропала. В этом зале проходило какое-то новомодное бурлескное шоу, организованное одним из клубов, в котором Андреа имела членскую карточку.

– Да, и в этот же самый вечер она была приглашена на несколько других вечеринок в Лондоне. Как я уже говорила, она фигурировала в адресных списках многих заведений... И в этот же вечер она условилась пойти в кино с братом и сестрой.

– Но вся семья утверждает, что она была сумасбродкой. Делала все, что ей в голову взбредет. Она вполне могла передумать, это было в ее характере, – заметил Спаркс.

Эрика была вынуждена нехотя согласиться с ним.

– Танцевальный зал «Риволи», – продолжал Спаркс, – находится прямо напротив железнодорожной станции Крофтон-парк. Если смотреть по карте, так это совсем близко от станции Форест-Хилл – если точно, между ними не более двух миль. Чтобы доехать до Форест-Хилл или Крофтон-парк, нужно сесть в поезд на станции Лондон-бридж, но эти две станции находятся на разных линиях. Что, если Андреа села не в тот поезд? Она редко пользовалась общественным транспортом. Возможно, поэтому она, вся такая расфуфыренная, и оказалась в Форест-Хилл.

Эрика и Марш молчали.

– А напоследок я приберег самое интересное, – сказал Спаркс. – Вчера вечером я связался с организатором той бурлескной вечеринки в «Риволи», и он прислал мне их адресный список. В нем есть и Марко Фрост, ему было отправлено такое же приглашение. Так что у нас есть шанс...

Молчание. Эрика видела, что Марш обдумывает полученную информацию.

– Неплохая версия, – наконец произнес он, вставая и меряя шагами комнату. – Тогда у меня следующий вопрос: где этот Марко Фрост?

– Не знаю. Я всю ночь сопоставлял факты, – ответил Спаркс.

– Послушайте, Спаркс, несмотря на наши с вами разногласия, я бы очень хотела, чтобы ваша версия подтвердилась. Но вы же понимаете, что на мотив это вряд ли тянет. Сколько человек были приглашены по тому адресному списку? – спросила Эрика.

– Три тысячи.

– Три тысячи. И почему вы решили, что Андреа отправилась в «Риволи»? Ее тело нашли в полумиле от станции Форест-Хилл, где она сошла с поезда.

Марш продолжал кружить по комнате, размышляя.

– У меня теперь два свидетеля, которые видели Андреа в «Клееварке» в тот вечер, когда она пропала, – не сдавалась Эрика.

– Одна из них исчезла, вторая – наркоманка, алкоголичка и проститутка, – указал Марш.

– Но, сэр, я думаю, что Айви Норрис...

– Айви Норрис – отребье, – перебил ее Спаркс. – Один из ее коронных номеров – гадить на капоты полицейских автомобилей на

стоянке.

– Сэр, по крайней мере, признайте, что следствие разрабатывает две версии, – сказала Эрика. – Если моя, на ваш взгляд, сомнительная, тогда вы должны признать, что версия Спаркса строится на косвенных уликах! Я думаю, на сегодняшней пресс-конференции мы могли бы упомянуть, что Андреа видели в «Клееварке» в обществе неизвестных мужчины и женщины.

Марш покачал головой.

– Старший инспектор Фостер, речь идет о людях, которых пресса мечтает разорвать на куски. Это – лорд Дуглас-Браун, его жена, семья и, конечно, Андреа, которая, к сожалению, уже не может сама защитить себя от подобных нападков.

– Сэр, это не нападки!

– Сэр, «Клееварка» всем известна как пристанище проституток, – сказал Спаркс. – Полиция регулярно навещается туда с рейдами. Там был задержан подонок, который в квартире на верхнем этаже снимал детское порно.

– Я согласен со Спарксом, – произнес Марш. – Стоит нам хоть как-то связать Андреа Дуглас-Браун с этим заведением, пресса мгновенно перекрутит информацию на свой лад и раздует из этого бог весть что. Мы должны оперировать достоверными фактами.

– А если я приведу сюда Айви Норрис и она даст показания?

– Ей нельзя доверять. Она и прежде давала ложные показания, – отверг предложение Эрики Марш.

– Но сэр!

– Это не обсуждается, старший инспектор Фостер. Вместе со старшим инспектором Спарксом вы будете разрабатывать версию Марко Фроста, который, как и Андреа, получил приглашение на вечеринку в танцевальном зале «Риволи». Это ясно?

– Да, сэр, – просиял Спаркс.

Эрика кивнула.

– Спаркс, я вас больше не задерживаю. И не очень-то радуйтесь. Убийство девушки еще не раскрыто. – Спаркс, изобразив пристыженный вид, удалился.

Марш с минуту пристально смотрел на Эрику.

– Эрика, попытайтесь наладить хоть некое подобие личной жизни. Я полностью за то, чтобы мои сотрудники проявляли инициативу, но

вы должны работать по правилам и сообщать мне о своих действиях. Устройте себе свободный вечер, одежду хотя бы постирайте.

Эрика осознала, что на ее кожаной куртке до сих пор липкий налет от пива, которое выплеснули на нее минувшим вечером.

– У врача были? – спросил Марш.

– Нет.

– Вечером после работы сходите на прием к дежурному врачу. Это приказ.

– Слушаюсь, сэр, – пообещала Эрика. – Вот договор на квартиру.

– Отлично. Ну, как вам квартира? Нормально устроились?

– Да.

Эрика вышла из кабинета Марша. В коридоре ее ждал Вулф.

– Я вас не сдавал. Ему позвонил хозяин «Короны». И тогда он затребовал у меня регистрационный журнал.

– Не переживайте. Спасибо.

Вулф пошел сдавать дежурство и собираться домой после долгой ночной смены, а Эрика задумалась о том, кто еще из преступного мира Лондона считает себя вправе снять трубку и позвонить напрямую старшему суперинтенданту Маршу.

Глава 24

Часам к десяти утра оперативный отдел отделения полиции Луишем-Роу уже походил на разворошенный улей. Звонили телефоны, жужжали факсы и принтеры, полицейские сновали туда-сюда. Эрика и Спаркс сидели в углу с Маршем и Коллин Скэнлан, суровой и степенной, как матрона, сотрудницей пресс-службы полиции – решали, кто что будет говорить на пресс-конференции.

– Мое вступительное слово, затем обращение сэра Саймона, – сказал Марш. – Кажется, он просил, чтобы был телесуфлер. Мы сможем это организовать?

– Проблем быть не должно. В ближайшие два часа мы должны подготовить окончательный вариант его выступления, отправим текст по электронной почте, и его загрузят, – успокоила начальника Коллин.

– Ладно, – продолжал Марш. – Значит, сэр Саймон скажет: «Андреа было всего двадцать три года. Невинная, веселая девушка, вся жизнь была у нее впереди...». Потом на экране за нами появляется ее фотография. «Она никому не делала зла, никому не причиняла боли, и вот я, убитый горем отец, теперь стою перед вами, взывая к свидетелям этого ужасающего преступления, убийства моей дочери...». Может, лучше «особо тяжкого преступления»?

– Мы же хотим, чтобы эта пресс-конференция стала открытым, доступным обращением к народу, – сердито бросила Эрика. – Так давайте обойдемся без казенщины!

– Хорошо, пусть будет «ужасающее преступление», – согласился Марш.

Эрику огорчало, что пресс-конференция строится на уликах, которые, по ее мнению, были косвенными. Ей было обидно, что команда, с которой, как ей казалось, она нашла взаимопонимание, с радостью ухватилась за хлипкую версию Спаркса. Правда, приходилось признать, что у непосвященного человека версия с танцевальным залом «Риволи» вызывала больше доверия. Эрика проклинала себя, что по глупости в одиночку отправилась на поиски барменши из «Клееварки» и Айви Норрис. Ей следовало взять с собой Мосс и Питерсона. Она взглянула на них. Оба сидели на телефонах, пытаюсь отыскать Марко Фроста.

Анализируя версию с Фростом, Эрика начала сомневаться в логичности собственных рассуждений, но как быть с ее внутренним чутьем. Оно подсказывало, что Андреа действительно была в «Клееварке» и встречалась там с брюнетом и блондинкой. Даже если ее свидетели ненадежны, почему тогда они утверждают одно и то же? И Айви, и Кристина – люди, ведущие опасное существование по другую сторону закона. Им было бы проще сказать, что они ничего не знают, никакую Андреа в глаза не видели... Эрика встрепенулась, вдруг осознав, что к ней обращается Марш.

– Старший инспектор Фостер, ваше мнение? Должны мы упомянуть про видео Тины Тернер? Коллин считает, что должны.

– Что?

– «Риволи» – знаменитый старинный танцевальный зал, и Коллин считает, что столь яркое событие отложится в памяти народа, а вместе с ним – и наше обращение, которое будет передаваться из уст в уста.

В лице Эрики по-прежнему отражалось недоумение.

– В 1984 году в «Риволи» Тина Тернер записала видеоролик на свою песню *Private Dancer*, – объяснила Коллин.

– Вот как? – отозвалась Эрика.

– Да. Так будем упоминать это в обращении с демонстрацией фото зала?

Эрика кивнула и пробежала глазами программу пресс-конференции.

– А где мы скажем, что Андреа находилась в Форест-Хилл? Ее сумочка была найдена на Лондон-роуд.

– Делая заявление в прессе, лучше не расплываться. Обращение должно быть сжатым и четким. Если мы скажем, что она была в одном месте, а потом в другом, многих это приведет в замешательство. Здесь нужна последовательность, – объяснила Коллин с нотками снисходительности в голосе.

– Механизм мне знаком, спасибо. Но мы делаем заявление в прессе, в том числе и с целью получения информации. А в этом тексте совершенно не упоминаются важнейшие факты, приведшие к исчезновению Андреа, – заметила Эрика.

– Не исключено, что она действительно была в том районе, о котором идет речь, но у нас нет твердых доказательств. Ни записей с камер видеонаблюдения, ни свидетелей. Убийца, вероятно, был на

машине. Он мог просто выбросить ее сумочку из окна автомобиля на Лондон-роуд, – указал Марш.

– Мне известны подробности дела, которое я расследую, сэр!

Через час они завершили подготовку к пресс-конференции, и Эрика нехотя одобрила содержание обращения, в котором про «Клееварку» вообще не упоминалось, а то, что Андреа, возможно, была на Лондон-роуд, говорилось лишь вскользь.

Выйдя из отдела к торговому автомату, Эрика увидела сержанта Крейна. Тот покупал капучино.

– Все нормально, босс? Мы получили записи с автобусных видеокамер от «Лондонского транспорта» и парочки такси, которые проезжали по Лондон-роуд, – сообщил Крейн. Автомат запикал. Нагнувшись, Крейн забрал из него пластиковый стаканчик с кофе, сдул пену.

– Дай-ка угадаю. Ничего?

Крейн глотнул кофе и покачал головой.

– Но, скажу я вам, этого Марко Фроста нелегко найти. Его последнее место работы, которое нам удалось установить, это кафе «Неро» на Олд-Комптон-стрит, но он оттуда уволился. Мобильный его тоже отключен.

– Продолжайте искать. Может, он уехал с Барборой Кардошовой.

– Ха! Еще одна версия, босс.

– Да, можешь записать, – мрачно сказала Эрика. Она кинула в автомат несколько монет и выбрала большой стакан эспрессо.

Глава 25

Пресс-конференцию должны были транслировать многие информационные телеканалы, в том числе Би-би-си и «Скай». В помещении оперативного отдела отделения полиции Луишем-Роу устроили колл-центр, в который дополнительно направили еще шестерых полицейских, чтобы те отвечали на звонки зрителей.

Часом раньше Эрика, Спаркс, Марш и Коллин покинули отделение полиции и направились к месту проведения пресс-конференции – в отель «Фисл», расположенный близ Мраморной арки[10].

Мосс и Питерсон все оставшееся время до начала пресс-конференции пытались установить местонахождение главного подозреваемого – Марко Фроста. Они узнали точный адрес кафе «Неро» на Олд-Комптон-стрит – его последнего известного им места работы, проверили зарплатные ведомости. Это ничего не дало: Марко уволился из кафе год назад. Они проверили адрес его родителей: оказалось, что те умерли один за другим с разницей в шесть месяцев в минувшем году. Марко жил вместе с родителями на съемной квартире, но потом переселился к тете с дядей. Владелец квартиры только что дал Мосс их телефон. Мосс позвонила по указанному номеру, и дядя Марко снял трубку после второго гудка.

* * *

В огромном конференц-зале отеля «Фисл» близ Мраморной арки окон не было. Пол покрывал узорчатый ковер без конца и без края. Перед небольшим возвышением стояли ряды стульев, которые были почти все заняты. Представители СМИ держали наготове фото- и телекамеры. В зале устанавливали свет, и двое-трое тележурналистов репетировали свои реплики перед камерами. С одной стороны на подставках стояли два больших телевизора, настроенных на каналы «Би-би-си ньюс» и «Скай ньюс», которые уже вели прямую трансляцию из зала. Звук был приглушен, но бегущая строка на обоих экранах информировала телезрителей, что скоро начнется пресс-конференция и полиция выступит с заявлением об убийстве Андреа Дуглас-Браун.

На возвышении стоял длинный стол с микрофонами, расставленными через определенные интервалы. Вдоль стола женщина из числа гостиничного персонала с подносом в руках расставляла перед каждым стулом маленький графинчик с водой и бокал. За столом висели три видеозащита, на каждом – заставка с синей эмблемой столичной полиции на белом фоне.

Взаимоотношения между полицией и СМИ у Эрики всегда вызывали неловкость. Полиция то отталкивала журналистов, обвиняя их в бесцеремонности и извращении фактов, то приглашала на пресс-конференции, походившие на театральные представления.

Словно по сигналу, рядом с Эрикой выросла Коллин, попросившая ее пройти за сцену и отдаться в руки гримеру.

– Вас немного припудрят, чтобы лицо не блестело, – добавила она и посмотрела на часы, из чего Эрика заключила, что, по мнению Коллин, гримеру, возможно, придется гораздо дольше и основательнее потрудиться над ней, чтобы она хотя бы сносно смотрелась под объективами телекамер.

* * *

Рядом с конференц-залом находился зал заседаний поменьше, который персонал отеля отдал в распоряжение сотрудников полиции и членов семьи жертвы. Там стояли сдвинутые вместе диваны и стол с водой и апельсиновым соком.

На одном из диванов сидел Марш в форме со знаками отличия старшего суперинтенданта. Молодая женщина с тубиком крем-пудры и треугольным спонжиком в руках приводила в порядок его лицо. Рядом другая молодая женщина гримировала старшего инспектора Спаркса. Марш со Спарксом увлеченно беседовали с Саймоном и Дианой, которые сидели напротив. Родители Андреа пришли на пресс-конференцию в траурной одежде. Говорил в основном Саймон. Диана, держа его за руку, кивала и платком промокала глаза. При появлении Эрики они оба взглянули на нее. Эрика кивнула каждому из них в знак приветствия. Диана кивнула в ответ, но Саймон, демонстративно проигнорировав ее, снова повернулся к Маршу и Спарксу.

– С ними сейчас закончат, и потом ваша очередь, – сказала Коллин. Эрика подошла к столу, чтобы взять стакан воды. Стол стоял у окна с видом на Мраморную арку, вокруг которой медленно ползли

машины. Из двери в глубине комнаты появились Линда с Дэвидом. Они тоже подошли к столу.

– Привет, – поздоровалась с ними Эрика, наливая себе воды.

– Привет, – откликнулся Дэвид, подставляя под графин свой бокал. Эрика и ему налила воды. Дэвид, бледный, как полотно, был в джинсах и синем джемпере. Линда нарядилась в длинную черную юбку и ярко-красный свитер с аппликацией из термотрансферной пленки, изображавшей стоящих в ряд на задних лапках белых котят в платьях, как у исполнительниц канкана. Надпись над рисунком гласила: «КИС-КИС-МЯУ!». На взгляд Эрики, Линда была одета вульгарно и не к месту.

Коллин, вернувшись к Эрике, сказала, что гример освобождается.

– Я тоже терпеть не могу макияж, – заявила Линда, наливая себе бокал апельсинового сока.

– Тебя же по телику не будут показывать, – заметил Дэвид, маленькими глоточками потягивая из бокала воду.

– Между прочим, Джимми Сэвил^[11] всегда отказывался гримироваться перед телеэфиром. Говорил, он хочет, чтобы зрители видели его таким, какой он есть... Ужасно забавно, да? – Линда потрянула головой, убирая с глаз челку. Не зная, что сказать, Эрика просто кивнула. – Однажды, когда мне было семь лет, я написала на его передачу, – продолжала Линда. – Просила, чтобы он организовал мне визит на Диснеевскую студию, где я могла бы нарисовать кошку для мультфильма. Знаете, для создания мультфильма нужно сделать кучу рисунков с едва заметными различиями...

– Старший инспектор Фостер наверняка знает, как создаются мультфильмы, – перебил сестру Дэвид. Он заговорщицки посмотрел на Эрику, вращая глазами.

– Правда, ответа я так и не получила... Даже Джимми Сэвил отверг меня. – Линда сухо рассмеялась.

– Господи помилуй. Хоть раз попытайся быть нормальной, а? Приперлась сюда в дурацком свитере, отпускаешь тупые шуточки! – рассердился Дэвид. Линда вздрогнула, когда он со стуком поставил бокал на стол и зашагал прочь.

– Я не шутила. Я правда хотела попасть на Диснеевскую студию. – Густо покраснев, Линда резким движением смахнула со лба

волосы. Эрика обрадовалась, увидев, что Коллин зовет ее гримироваться.

Марш и Спаркс вместе с Саймоном и Дианой теперь уже стояли у входа в большой конференц-зал. Гримерша быстро подкрасила Эрику, и, только она закончила, молодой парень в наушниках подошел и предупредил, что до начала пресс-конференции осталось две минуты. Зазвонил телефон Эрики.

– Простите, но я попрошу вас отключить телефон – создает помехи в эфире, – потребовал парень.

– Я только на этот звонок быстро отвечу, – сказала Эрика, увидев, что на дисплее высветилось имя Мосс. Она отошла к окну и приняла звонок.

– Босс, это я, – услышала Эрика голос Мосс. – Шеф и Спаркс с вами? Я пыталась дозвониться до них...

– Они отключили телефоны – это вроде как мешает работе микрофонов и создает помехи в эфире, – объяснила Эрика, отметив про себя, что в списке Мосс она оказалась третьей.

– Мы отследили Марко Фроста. Он живет с дядей на севере Лондона.

Эрика видела, что пресс-конференция вот-вот начнется.

– Еще два дня назад Марко Фрост находился в Апулии, в Италии. Ездил туда с дядей и тетей на Рождество навестить родственников. Они путешествовали на машине его дяди. Дядя держит магазинчик близ Энджела, и они привезли с собой уйму оливкового масла, мясной продукции и прочего.

– Выходит, у Марко Фроста есть алиби, – заключила Эрика, чувствуя, как в груди поднимается волнение.

– Да. За границей он даже кредитной картой пользовался. Андреа он убить не мог.

Рядом с Эрикой появилась Коллин.

– Старший инспектор Фостер, нам пора. И телефон придется отключить, – сказала она.

– Отличная работа, Мосс.

– Думаете? Мы ведь вернулись к тому, с чего начали, относительно убийцы Андреа... Впрочем, есть еще ваша версия.

– Мне пора, Мосс. Позже поговорим. – Отключив телефон, она увидела, что остальные уже переходят в конференц-зал. Саймон шел

первым, за ним – Марш, следом – Спаркс.

Значит, Марко Фрост не убивал Андреа, подумала Эрика. Версия Спаркса только что развалилась. Ей не давали покоя показания барменши из «Клееварки» и Айви. Андреа видели с неким брюнетом и некой блондинкой... Их так и не нашли. Убийца или убийцы на свободе.

Марш, Спаркс и Саймон скрылись в конференц-зале. Диана осталась сидеть на диване. Она снова плакала. Линда с Дэвидом ее утешали.

– Идите в зал *сейчас же*, – шикнула на Эрику Коллин.

В дверь, что находилась в глубине комнаты, влетел Джайлз Осборн в широком зимнем пальто. Снимая на ходу шарф и извиняясь за опоздание, он кинулся к Диане.

– Я пропустил выступление? – спросил он. Диана, заливаясь слезами, покачала головой.

– Старший инспектор Фостер, на выход! – рявкнула Коллин.

Эрика приняла решение – решение, которое будет иметь далеко идущие последствия... Она сделала глубокий вдох, пригладила волосы и вышла в конференц-зал.

Глава 26

В отделении полиции Луишем-Роу перед большим телевизором собрались Мосс, Питерсон, Крейн и все остальные члены следственной группы. На канале «Би-би-си ньюс» шел обратный отсчет времени до ежечасной программы новостей, потом на экране появился общий план конференц-зала. За длинным столом сидели старший инспектор Спаркс, старший инспектор Фостер и суперинтендант Марш. По другую руку от Марша сидел со страдальческим видом осунувшийся Саймон Дуглас-Браун.

Саймон начал зачитывать подготовленное заявление. Периодически его изображение на экране сменяли фотография Андреа с водительских прав, опубликованная во всех газетах, и более поздний снимок, на котором Андреа была запечатлена вместе с Линдой, Дэвидом и родителями во время последнего семейного отдыха Дуглас-Браунов. Все улыбались в объектив, позируя на фоне моря. На лице Дэвида играла застенчивая улыбка; толстощекая Линда, как всегда, хмурилась.

– Старший инспектор Фостер была права, – заметил Крейн, – все это очень трогательно, но похоже на постановочный спектакль – горе напоказ. Разве кто-нибудь позвонит нам после такого шоу?

Саймон Дуглас-Браун закончил свою речь, и камера снова показала зал. Слово собрался было взять суперинтендант Марш, но Эрика вдруг наклонилась над столом, придвинула микрофон к себе и, глядя в телекамеру, заговорила:

– В цепочке событий, приведших к исчезновению Андреа, много неясного, и нам нужна ваша помощь. Если кто-то видел Андреа вечером восьмого февраля, пожалуйста, сообщите нам. Мы будем очень признательны. Это был четверг. Мы полагаем, что Андреа какое-то время между восьмью часами вечера и полуночью находилась в пабе под названием «Клееварка» – это в южной части Лондона, в Форест-Хилл. По словам одной из работниц паба, Андреа там беседовала с темноволосым мужчиной и белокурой женщиной. Также, возможно, кто-то видел, как в период между восьмью часами вечера и полуночью Андреа шла по Лондон-роуд в направлении музея Хорнимана, где было обнаружено ее тело. Если вы располагаете какой-

либо информацией, даже самой несущественной, пожалуйста, сообщите нам. Звоните в оперативный отдел по телефону, который сейчас появится на экране.

– Это было запланировано? – спросил Питерсон. Они с Мосс смотрели трансляцию в оперативном отделе.

– Не-а, – ответила Мосс.

На экране крупным планом показали растерянного суперинтенданта Марша, на мгновение утратившего дар речи. Он бросил взгляд на Эрику и снова придвинул к себе микрофон.

– Мы хотели бы... э... добавить, что это... э... одна из версий... Мы также полагаем, что Андреа могла направляться на мероприятие, проводившееся в танцевальном зале «Риволи», который находится недалеко от станции Форест-Хилл, где она сошла с поезда вечером восьмого января, – уже более уверенным тоном произнес он, противореча Эрике. Последовало минутное молчание. Камера снова показала зал.

– Черт, он все портит. Создается впечатление, что это он выдумывает, а не Фостер, – заметила Мосс.

На экране происходила быстрая смена изображений – то общий план зала, то представители прессы крупным планом, – что лишь усугубляло всеобщее замешательство. Потом на экране вновь появился суперинтендант Марш. Он уже полностью овладел собой и зачитывал заранее составленный текст обращения, который он завершил словами:

– Наши сотрудники уже готовы ответить на ваши звонки и сообщения по электронной почте. Спасибо.

Затем камера из конференц-зала переместилась в студию «Би-би-си ньюс». На экране за спиной ведущей высвечивались контактный телефон и адрес электронной почты оперативного отдела. Она озвучила эту информацию, еще раз попросила всех, кто располагает какими-либо сведениями об Андреа, обратиться в полицию, повторила названия «Клееварки» и «Риволи» и извинилась за то, что они могут показать только фото танцевального зала.

Полицейские в оперативном отделе отделения полиции Луишем-Роу с беспокойством смотрели друг на друга. А потом стали звонить телефоны.

Глава 27

По окончании пресс-конференции и прямой телетрансляции Эрика с гулко бьющимся сердцем поднялась из-за стола. Журналисты и фоторепортеры гурьбой устремились к выходам. Саймон, с бешенством в карих глазах, повернулся к Маршу.

– Что за балаган вы здесь устроили? – прошипел он. – Мне казалось, мы четко обо всем договорились. – Почти в отчаянии он посмотрел на покидающую зал прессу.

Марш со Спарксом тоже встали.

– Старший инспектор Фостер, на два слова, прямо сейчас, – обратился к Эрике Марш. Сделав глубокий вдох, она сошла со сцены и, игнорируя голоса за спиной, быстро зашагала по ковру к дверям в глубине конференц-зала. Покинув его, она нашла пожарный выход, спустилась вниз, бегом преодолев три лестничных марша, и выскочила в переулок.

Эрика стояла под дождем, щипавшим ее липкую кожу, и пыталась отдышаться. Она знала, что ее выходка не останется без последствий, но ведь она всегда отстаивала свои убеждения. И сейчас ее убеждения подсказывали, что она поступила правильно. Повела себя благородно, заступившись за Андреа, у которой отняли право защитить себя.

Не обращая внимания на дождь, погруженная в свои мысли, Эрика вышла на Оксфорд-стрит и влилась в бурлящий суматошный поток людей, которые двигались в обоих направлениях по улице. Интуиция и твердая уверенность, еще недавно владевшие ею, уступали место сомнениям. Ей следовало остаться и ответить за свои слова. В ее отсутствие коллеги будут обсуждать ее действия, делать выводы. Будут без нее принимать решения и строить дальнейшие планы.

Эрика замедлила шаг, остановилась. По тротуару барабанил дождь. Прохожие, с раскрытыми зонтами, в капюшонах, торопливо шли мимо, опустив головы. Уже наступил вечерний час пик, и они бранились и чертыхались, если на их пути к автобусу или станции метро вдруг возникало препятствие. Эрике требовалось подумать, решить, как быть дальше. Если она вернется, это воспримут как слабость. И она снова зашагала вместе с толпой.

* * *

Следом за Эрикой, прячась за спинами нескольких прохожих, шел незнакомец. Тот самый, что наблюдал за ней, когда она курила у окна. На этот раз он был не в черном и сливался с толпой людей в капюшонах и с зонтами. А толпа по мере приближения к станции метро «Марбл-арч», казалось, разбухала и двигалась медленнее. От Эрики незнакомца отделяли всего двое прохожих.

Она одна из немногих на улице была без капюшона. Просто подняла воротник кожаной куртки и шла, опустив голову.

А ведь ее и впрямь стоит опасаться. Она ходила в тот чертов паб, говорила там с персоналом. Ей известно гораздо больше, чем мне представлялось. Неужели весь этот страх, отчаяние – обычное притворство? До этой пресс-конференции мне казалось, что она – испорченный товар. Обгоревшие останки некогда блестящего копа.

Теперь незнакомец находился совсем близко от Эрики. Между ними шел всего один человек – грузный бизнесмен в светлом плаще, забрызганном каплями дождя. Эрика повыше подняла воротник, так что сзади он касался ее светлых волос.

Семьи у нее нет, она одинока. Все еще разбита горем. Вполне могла бы покончить с собой. Таких уйма. Хорошо бы нанести визит этой тощей сучке – нагрянуть внезапно, когда она будет в постели. Стиснуть ее костлявую шею, сдавить выпирающие сухожилия и смотреть, как стекленеют ее глаза. Но прежде нужно навестить еще кое-кого...

Толпа подкатила к станции метро «Бонд-стрит» и застопорилась. Эрика мало-помалу протиснулась под большой козырек и встала, дожидаясь, когда толпа тронется с места. Незнакомец в давке подобрался к ней вплотную и сунул в карман ее кожаной куртки аккуратный белый конверт. Через несколько секунд затор у входа на станцию рассосался. Незнакомец отошел от Эрики и смешался с толпой: обычный человек, спешащий по своим делам.

Глава 28

Эрика вышла из вестибюля железнодорожной станции Брокли и растерялась, впервые увидев свой новый дом при дневном свете. На улице было оживленно. Фургон национальной почтовой службы, проехав мимо, остановился у одного из почтовых ящиков. Из фургона вылез розовощекий молодой почтальон. Он открыл почтовый ящик, из которого вывалился целый мешок писем. За уличным столиком перед кафе напротив сидели две женщины. Кутаясь на холоде в теплые куртки, они курили. На краях их чашек из белого фарфора виднелись следы красной губной помады. К женщинам подошел симпатичный молодой официант с пирсингом на губе. Забирая с их столика пустую посуду, он что-то сказал, и женщины визгливо засмеялись.

Эрика, порывшись в сумке, достала сигареты. Закурила, руки от холода дрожали. Пока она ехала в поезде, чувство тревоги усилилось. Сердце грохотало в груди, и на все вокруг она смотрела будто через мутное стекло. Симпатичный официант все еще болтал с женщинами, те непринужденно флиртовали с ним.

– Ой, нет, нет, нельзя, – раздался рядом чей-то голос.

Эрика оглянулась. Возле нее стоял мужчина с брюшком и седоватыми усами. На нем была форма сотрудника компании «Юго-Западные железные дороги».

– Простите, вы это мне? – осведомилась Эрика.

– Надеюсь, милая, вы не хотите раскошелиться на штраф в тысячу фунтов?

– Что? – переспросила она, чувствуя головокружение.

– На вокзалах курить запрещено. Но я знаю, как решить вашу проблему. Вам нужно просто отойти на один шаг. Ну же, вперед.

Озадаченная, Эрика шагнула вперед.

– Ну вот, милая, проблема решена, вы больше не на территории вокзала! – Железнодорожник показал ей куда-то под ноги. Эрика увидела, что она теперь стоит на гладком асфальтированном тротуаре, который тянулся мимо вокзала.

– А-а, ну да, – смущенно произнесла она.

Железнодорожник рассматривал ее настороженным взглядом. Когда она сообразила, что он оказал ей любезность, было поздно: он

уже удалялся, что-то бормоча себе под нос. Затыгиваясь сигаретой, Эрика нетвердой походкой потащила прочь. Сердце стучало все быстрее и быстрее. Женщины в кафе теперь изучали винную карту, смеясь и переговариваясь с симпатичным официантом. Какой-то старик у газетного киоска на углу улицы вращал металлическую стойку с поздравительными открытками. По тротуару медленно шли, о чем-то увлеченно беседуя, две старушки с тяжелыми хозяйственными сумками.

Чтобы не упасть, Эрика ухватилась за низкую ограду у одного из домов. Ей вдруг пришло в голову, что она понятия не имеет, как быть «нормальным» человеком. Она не боялась трупов, умела допрашивать насильников, знала, как реагировать на плевки и отражать нападение с ножом, но вот жизнь в реальном мире в качестве обычного члена общества ее пугала. Она не представляла, как можно жить в одиночестве, без семьи и без друзей.

Эрика с новой силой осознала всю грандиозную значимость своего поступка. Она фактически сорвала пресс-конференцию, созванную в связи с расследованием громкого убийства. А вдруг она ошибается? Эрика поспешила домой. Головокружение усиливалось, шея под воротником куртки покрылась каплями холодного пота.

Поднявшись в свое новое жилище, Эрика рухнула на диван. Комната вращалась, на глаза с боков начинали наползать размытые пятна. Она проморгалась, обвела взглядом маленькую гостиную. Пятна скользили вместе со взглядом. Ощувив спазм в желудке, Эрика кинулась в ванную. Едва успела добежать до туалета, как ее тут же стошнило. Опустившись на колени перед унитазом, она тужилась и тужилась, давясь рвотой. Потом спустила воду, прополоскала рот, держась за края раковины, потому что пол под ногами кренился и качался. Из зеркала на нее смотрело жуткое отражение: запавшие глаза, бледно-зеленая кожа. Плавающие пятна множились, затуманивая зрение. Лицо в зеркале превратилось в размытую кляксу. Что с ней происходит? Держась за стену, потом за дверной косяк, она проковыляла в гостиную и от двери метнулась к дивану. Перед глазами теперь уже висела пелена. Эрика наклонила голову, периферийным зрением пытаясь отыскать свою кожаную куртку, которая свисала с подлокотника. В одном из карманов нашла свой мобильный телефон.

Все так же клоня голову, рассмотрела, что аппарат выключен – она так и не включила его по окончании пресс-конференции.

В голове шумело, к горлу подступала тошнота. Эрику охватила паника. Она умирает. Она умрет в одиночестве. Эрика нащупала кнопку в верхней части телефона, нажала на нее, но крутящийся диск на дисплее показывал, что идет загрузка. Она упала на диван лицом вниз. Ею владел ужас. В затылке появилась острая боль. Эрика поняла, что у нее, возможно, начинается мигрень. В этот момент комната завертелась, как шальная, а потом она провалилась в черноту.

Глава 29

Эрика барахталась в темноте, ощупью пробираясь к источнику звучавшего вдалеке звона. Казалось, трезвон приближался, а потом в ушах раздался хлопок, и зазвенело где-то совсем рядом с ее головой. Щекой она прижималась к чему-то мягкому, источавшему слабый запах жареной пищи и сигарет. Колени упирались в жесткий деревянный пол. Она села на корточки, подняла голову, сообразив, что находится в своем новом жилище. Звонил телефон. Стемнело. В голое окно светили уличные фонари.

Телефон продолжал мигать и вибрировать на журнальном столике, а потом затих. Во рту пересохло, голова ужасно болела. Эрика с трудом поднялась на ноги и подошла к раковине. Выпив большой стакан воды, она поставила его на стол и сразу вспомнила все, что с ней произошло. Обнадеживало лишь то, что к ней вернулось нормальное зрение. Телефон опять зазвонил, и, подумав, что это Марш, она ответила, желая покончить с этим раз и навсегда.

– Эрика? – раздался в трубке знакомый голос. – Это ты?

Она еле сдержала слезы. Звонил отец Марка, Эдвард. Она и забыла, как похожи их голоса. У него тоже был теплый йоркширский выговор.

– Да, я, – наконец промолвила она.

– Я знаю, много времени прошло... в общем, я звоню, чтобы извиниться, – сказал Эдвард.

– За что?

– Много чего наговорил тебе. Теперь жалею.

– Ты имел на то полное право, Эдвард. Видеть себя не могу... – Непроизвольное сокращение диафрагмы, и вот она уже всхлипывает, икает, захлебывается словами, пытаясь объяснить человеку, которого она любила как родного отца, что она горько сожалеет о том, что ей не удалось защитить его сына.

– Эрика, девочка, ты не виновата... Я читал протокол слушания, – сказал он.

– Где ты его взял?

– Запросил. Есть «Закон о свободе информации»... Тебя протащили по всем кругам ада.

– Я это заслужила. Я должна была копать глубже, мне следовало трижды перепроверить... – начала она.

– «Должна была», «следовало»... Эрика, нельзя жить прошлым.

– Никогда себе не прощу. Если бы можно было повернуть время вспять, если бы... Я никогда бы... – лепетала она, подушечкой ладони вытирая жгучие слезы.

– Ну все, хватит об этом. Больше не хочу слышать ни слова. А то накажу! – пошутил Эдвард. Чувствовалось, что через силу.

Они оба на какое-то время умолкли.

– Как ты? – наконец спросила Эрика, а сама подумала: «Глупый вопрос».

– О! Стараюсь не сидеть без дела... В лоун-боулз[12] теперь играю. Кто бы мог подумать? Но... нужно занимать себя. Для старого хрыча боулер я, конечно, никакой... – Он опять умолк. – Эрика, девочка. Там теперь есть надгробие. Я поставил на могиле Марка плиту. Благородно так смотрится.

– Правда? – Эрика закрыла глаза, представляя под землей Марка. Ей до боли хотелось знать, как он выглядит. Скелет в элегантном костюме.

– Приезжай, сама увидишь. В любое время, родная. Как ты думаешь, когда сможешь приехать домой?

Домой. Он назвал это домом. Эрика теперь уже и не знала, где ее дом.

– Я вернулась на работу. Сейчас я в Лондоне, – сообщила она.

– А-а, понятно.

– Я обязательно приеду. Но не сейчас. Пока у меня дела.

– Это хорошо, родная. Что за работа? – спросил Эдвард. Эрика не могла ему сказать, что она ищет жестокого убийцу. Интересно, видел ли он в новостях пресс-конференцию?

– Я в столичной полиции, у меня новая команда.

– Замечательно, девочка. Работай... Как только сумеешь вырваться в отпуск, я буду рад тебя видеть.

– Обязательно.

– Я часто прохожу мимо вашего дома. Его теперь снимает молодая пара. На вид приятные ребята, хотя я к ним не заходил и вообще... Не знаю, как бы я объяснил, кто я такой.

– Эдвард, все вещи в кладовке. Я ничего не выбросила. Нам нужно разобрать коробки. Наверняка что-нибудь...

– Давай не все сразу, – перебил ее Эдвард.

– Откуда у тебя мой телефон? – спросила Эрика, сообразив, что он звонит ей на новый номер.

– Сестре твоей позвонил. Она сказала, что ты жила у нее. Дала твой номер. Надеюсь, ты не сердишься?

– Нет, конечно. Прости. Это во мне ищейка говорит, всегда хочет знать, что, зачем и почему...

– Эрика, главное, помни – ты не одинока. С тобой, я знаю, здесь круто обошлись, и многих за это нельзя осуждать, но ты тоже его потеряла... – Голос Эдварда сорвался. – Я не хочу, чтобы ты думала, будто ты одна, – продолжал он. – У тебя есть я, родная. Какой-никакой...

– Спасибо, – тихо проронила Эрика.

– Ой, этот звонок в Лондон обойдется мне в целое состояние, так что пока... Рад был услышать твой голос, Эрика. Не пропадай.

– Ты тоже... то есть, нет, не буду.

В трубке послышался щелчок, потом гудок – связь прервалась. С глубоким вздохом Эрика прижала руку к груди. На душе потеплело. Она сморгнула слезы.

Телефон в ее руке снова зазвонил. Это была Мосс.

– Босс. Вы где? – спросила она.

– Дома.

– Вы не поверите. Обнаружен еще один труп. На этот раз в бассейне парка Брокуэлл.

– Документы есть? – спросила Эрика.

– Да. Это Айви Норрис.

Глава 30

Парк Брокуэлл и бассейн на его территории находились менее чем в трех милях от музея имени Хорнимана, в районе которого был обнаружен труп Андреа. Эрика пронеслась мимо освещенной башни с часами, которые показывали четверть одиннадцатого. На лобовое стекло плюхались крупные капли дождя, который вскоре полил как из ведра. Эрика включила дворники и всем телом подалась вперед за рулем, всматриваясь в пелену дождя за окном. В поле ее видимости всплыли двое полицейских в форме, стоявших у входа в бассейн. Эрика резко затормозила и вышла под дождь, барабанивший по припаркованным вокруг машинам.

– Старший инспектор Фостер, – представилась она, перекрикивая шум дождя, и показала удостоверение. Полицейские приподняли оградительную ленту, пропуская ее к месту происшествия.

Летом парк и бассейн пользовались популярностью у горожан, которые любили здесь купаться и устраивать пикники, но в темноте дождливого январского вечера зона отдыха производила унылое, гнетущее впечатление. Мосс и Питерсон пропустили за ленту полицейского ограждения сразу же вслед за Эрикой. У них был с собой мощный фонарь, которым они освещали путь, идя по дорожкам с бетонным покрытием, мимо заколоченного досками ларька, где летом продавали мороженое, и беседки с облезающей краской. Скоро они вышли на лужайку. Различить чтолибо вокруг было невозможно. Вдалеке гремел гром, молнии озаряли огромный плавательный бассейн под открытым небом. Впереди вырисовывались очертания большой белой палатки экспертов-криминалистов. По краю воды была проложена дорожка из полиэтилена. Трое помощников криминалистов в белых комбинезонах, стоя на коленях в грязи, сноровисто снимали отпечатки чьих-то ног. У палатки их встретил один из сотрудников группы экспертов, и они быстро натянули на себя спецодежду под шум дождя, громко стучавшего по парусине.

Яркая галогеновая лампа светила прямо на труп Айви Норрис. Она лежала на спине в грязи, во вспененной бурой жиже, в которой были измазаны ее одежда и тело.

– Пожалуйста, стойте на ящиках, – попросил один из криминалистов, показав на настил, который выложили вокруг трупа, чтобы не затоптать место происшествия.

Перешагивая с ящика на ящик, они приблизились к телу Айви. Ее сальные волосы были стянуты назад. На желтушном лице с вытаращенными глазами, как и у Андреа, застыл страх. Расплющенный нос покрывали сгустки запекшейся крови. На Айви были куртка и свитер, те самые, в которых Эрика видела ее несколько дней назад, но вся нижняя часть тела от самого пояса была оголена. Ноги худые, в шрамах, синяках и отметилах от уколов – смотреть больно. Седые волосы на лобке всклокочены.

Фотограф из группы криминалистов защелкал фотоаппаратом, и в палатке засверкали вспышки, сопровождаемые пронзительным визгом. Айзек, стоявший на одном из ящиков, молча кивнул им.

– Кто ее обнаружил? – спросила Эрика.

– Какие-то ребята. Они решили на спор перелезть через забор.

– Где они сейчас?

– С вашими сотрудниками в районном доме культуры, это здесь, через дорогу. ДНК на анализ мы уже взяли.

– Они что-нибудь видели? – спросила Эрика.

– Нет. Темно было. Один из мальчишек споткнулся об нее и упал.

– Должно быть, перепугался до смерти, – предположила Мосс, глядя на Айви.

– У нее сломан нос. Думаю, и скула тоже. На шее обширные странгуляционные борозды, – сообщил Айзек. Опустившись на корточки, он осторожно оттянул ворот свитера Айви. – Думаю, также сломаны четыре ребра. Более полное представление о внутренних повреждениях даст вскрытие. При ней нашли сто фунтов наличными. Свернутые купюры лежали в бюстгальтере.

– То есть случайное нападение или ограбление можно исключить? – спросила Мосс.

– До вскрытия я не хотел бы делать никаких выводов. Но в принципе, если деньги не тронуты, значит, нападавший думал не об ограблении. Он думал о сексе. Наружный осмотр показал, что во влагалище присутствует семенная жидкость.

– Айви занималась проституцией, – объяснила Мосс.

– Может, убийца заманил ее сюда деньгами? – добавил Питерсон.

– На данном основании мы не вправе делать вывод, что половой акт был осуществлен по взаимному согласию, – твердо сказал Айзек. – Область таза сильно травмирована.

– Где ее руки? – спросила Эрика, со страхом подумав, что Айви отрубили верхние конечности.

– У нее за спиной, – ответил Айзек. Один из его ассистентов подошел и осторожно приподнял Айви с земли: обе ее руки, с налипшей на них грязью и камешками, были туго связаны под ее телом. Айзек, работавший в перчатках, пальцем счистил грязь с запястий Айви.

– Видите? Связаны пластиковой веревкой, которую часто используют в промышленности или при упаковке продукции.

– Что с ее обувью? – спросила Эрика, глядя на ступни Айви, – заляпанные глиной, отекающие, с лопнувшими сосудами и длинными грязными ногтями.

– Ее ботинки валялись в грязи, – ответил Айзек. – Выдраны волосы на висках. С корнем.

Он чуть повернул голову Айви сначала в одну сторону, потом в другую, показывая большие ядреные ссадины, усеянные капельками засохшей крови. Фотограф, присев на корточки, защелкал фотоаппаратом. При свете вспышки ее кожа казалась почти прозрачной, с сеточкой голубых вен на лбу.

– У Андреа тоже были выдраны волосы, – тихо произнесла Эрика.

– Время смерти? – спросил Питерсон.

– Судя по температуре внутренней среды организма, умерла она не очень давно. Однако тело лежало на холоде, под дождем, поэтому точнее скажу позже.

– Наши сотрудники уже проводят поквартирный обход и прочесывают территорию, – сообщил Питерсон.

Они наблюдали за работой фотографа, снимавшего Айви со всех ракурсов. Молодая женщина, помогавшая Айзеку, аккуратно зачехлила руки Айви в пластиковые пакеты, чтобы сохранить ДНК, если что-то осталось. Айзек торопливо отошел к скамейке в углу палатки и вернулся с прозрачным полиэтиленовым пакетом.

– Это то, что мы при ней нашли: связка ключей, шесть презервативов, сто фунтов, кредитная карта на имя Мэтью Стивенса и клочок бумаги с номером телефона.

– Это ваш номер, – заметила Мосс, глянув на Эрику.

– Я беседовала с Айви на днях вечером в связи с убийством Андреа. Она выдала мне кое-какие сведения, но, думаю, она была напугана. Я сказала, чтобы она мне позвонила... – Голос Эрики сошел на нет. Она осознала, что вся информация, какую знала Айви, умерла вместе с ней.

– Она пыталась вам позвонить? – спросил Питерсон.

– Не знаю. Нужно проверить автоответчик.

После пресс-конференции она не проверяла сообщения. Извинившись, Эрика направилась к выходу из палатки. Вдоль берега кто-то шел. Когда этот человек приблизился, Эрика узнала старшего инспектора Спаркса.

– А вы что здесь делаете? – осведомилась она. – Вы же не входите в группу немедленного реагирования.

– Старший суперинтендант Марш поручил мне возглавить расследование, – заявил Спаркс. Несмотря на всю серьезность ситуации, он едва скрывал свое ликование.

– Что? Прямо в одиннадцать часов вечера на месте убийства? – спросила Эрика.

– Нужно отвечать на звонки. Шеф пытался с вами связаться, – ответил Спаркс.

– Я еще здесь не закончила. Завтра с Маршем мы это обсудим, – сказала Эрика.

– У меня четкие указания. Меня назначили руководить расследованием, и я хотел бы попросить вас покинуть место преступления.

– Хотели бы попросить?

– Нет. Я приказываю вам покинуть место происшествия.

– Старший инспектор Спаркс, я только что обследовала место преступления, и есть вещи... – начала Эрика.

– А я говорю, что теперь я – главный на месте происшествия, и я приказываю вам уйти! – заорал Спаркс, утратив самообладание.

– Если вы имеете хоть какое-то представление о процедуре осмотра места преступления, тогда советую вам вспомнить, что главный на месте происшествия – судмедэксперт и именно он отдает распоряжения, – сказал Айзек, вместе с Мосс и Питерсоном появляясь за спиной у Эрики. – Старший инспектор Фостер прибыла сюда в

качестве руководителя следственной группы, и я закончу осмотр в ее присутствии и о результатах доложу ей как руководителю следственной группы. Старший инспектор Спаркс, вы рискуете наследить на месте происшествия. Если намерены остаться и продолжить наблюдение за работой экспертов, я попрошу вас вести себя в соответствии с установленными требованиями, одеться как подобает и заткнуть рот.

Спаркс хотел что-то сказать, но Айзек, вскинув свои безукоризненно ровные брови, смотрел на него свысока, словно бросал вызов – попробуй возрази.

– Завтра в восемь утра в отделении совещание, – обратился Спаркс к Мосс и Питерсону. – Будем пересматривать ход расследования. Извольте присутствовать. – Они кивнули. Спаркс наградил Эрику долгим недобрим взглядом и в сопровождении одного из полицейских в форме зашагал прочь.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика Айзека.

– Я старался не ради благодарности. Мне нет дела до ваших разборок. Для меня важно одно – обеспечить неприкосновенность места происшествия, чтобы вы могли выполнить свою работу – найти преступника, – ответил Айзек.

Эрика сняла комбинезон, который тут же упаковали в мешок для отправки в лабораторию. Укрывшись от дождя под облезлой беседкой, она закурила и стала прослушивать голосовые сообщения. Четыре были от Марша, одно гневнее другого. По его словам, Саймон и Диана «были шокированы» тем, что Эрика на пресс-конференции «перехватила инициативу и вылезла со своей версией». И Марш разделял их негодование. Он велел ей утром явиться к нему «на ковер» и в заключение пригрозил: «Игнорирование моих звонков будет расценено как нарушение субординации и открытое неповиновение».

Последнее сообщение начиналось какофонией звуков; она услышала брань, затем стук падающих в таксофон монет.

– Да, это Айви... Айви Норрис. Если дашь мне денег, я расскажу то, что ты хочешь знать. Мне нужна сотня... – Три быстрых коротких сигнала, снова брань, связь прервалась. Эрика еще раз прослушала сообщение. Оно было получено семь часов назад. Эрика позвонила сержанту Крейну. Голос у него был усталый.

– Привет, Крейн. Старший инспектор Фостер. Вы еще в отделении?

– Да, босс, – устало отозвался он.

– Есть реакция на обращение?

– Нам позвонили двадцать пять человек, босс. Со времени последнего звонка прошло несколько часов. Теперь сидим и ждем. Может, в вечерних новостях еще раз покажут номера телефонов.

– Есть что-нибудь толковое? – спросила Эрика с надеждой в голосе.

– Четырнадцать звонков от известных нам психов и выдумщиков – они сознаются в каждом преступлении, о котором слышат в телеобращениях. Один из них до сих пор талдычит, что это он убил принцессу Диану. Но нам все равно приходится проверять их заявления, а это отнимает время. Еще десять звонков поступили от журналистов; те, по сути, выуживали информацию.

– Я насчитала двадцать четыре.

– Последний звонок был от Айви Норрис. Она позвонила нам через пару часов после пресс-конференции. Мы отследили ее звонок. Она звонила с таксофона, что стоит в пабе «Корона». Она несла какую-то бессвязную чушь, но в принципе назвалась и сказала, что хочет поговорить с вами лично. Вы проверяли свои сообщения? Я пытался до вас дозвониться, но вы не ответили.

– Она тоже пыталась мне дозвониться. Мы только что обнаружили ее труп.

– Вот черт, – воскликнул Крейн.

– Не то слово. Послушайте, завтра с утра я сразу в отделение. Дайте знать, если будут еще какие сведения.

– Э... босс...

– Что?

– Я получил распоряжение всю новую инфу предоставлять старшему инспектору Спарксу.

– Ясно. Но все, что касается Айви, это еще и личный интерес.

– Я вас понял, босс.

Только Эрика положила трубку, к ней подошли Мосс и Питерсон. Она рассказала им о сообщении от Айви.

– Она столько раз поднимала ложную тревогу, – сказала Мосс. – Вообще, рано или поздно ее все равно бы убили.

– Тело собираются увозить. Нужно поскорее освободить место для криминалистов. Тем и так придется поторопиться, дождь ведь идет, – сказал Питерсон. – Значит, мы теперь подчиняемся старшему инспектору Спарксу?

– Выходит, что так, – ответила Эрика. Все трое на время замолчали. Казалось, Питерсон и Мосс разочарованы.

– Ладно, до скорой встречи, – попрощалась Эрика.

Вернувшись к своей машине, она несколько минут сидела в темноте, слушая, как по крыше стучит дождь. Мосс и Питерсон проехали мимо, фарами осветив салон ее автомобиля, а потом Эрику снова окутал мрак. Смерть Айви произвела на нее тяжелое впечатление. Она высвободила из рукава куртки запястье и включила свет над зеркалом. Отметины от зубов почти исчезли, ранки быстро заживали. Что предприняла Айви в последние дни? Кто заманил ее к бассейну в парке Брокуэлл? Или она пришла по собственной воле? Что теперь будет с ее внуками?

Эрика завела двигатель и тронула машину с места. А дождь все лил и лил.

Глава 31

Незнакомец сдернул с головы толстую балаклаву и согнулся, извергая содержимое желудка. Рвотные массы плюхались в чернильную воду со звонким шлепком, звучащим даже громче, чем стук дождя, который ливнем обрушивался на поверхность бассейна. После убийства хочется очиститься – обычное дело. Он повалился на мокрую землю, с наслаждением подставляя лицо под дождь.

Выследить Айви Норрис оказалось проще простого. Старая грымза не изменяла своим привычкам – торчала под уличным фонарем в начале Кэтфорд-Хай-стрит. Выглядела еще омерзительнее, чем обычно: в меховой опушке застряли ошметки чего-то вонючего – вероятно, блевотины; ноздри по краям покрывала короста запекшейся крови.

– Меня зовут Полетт. Тебе отсосать или по полной программе? – спросила Айви. Глаза ее вспыхнули, когда она увидела, что рядом затормозила дорогая машина. И только усевшись на пассажирское кресло, услышав щелчок центрального запора дверей, она разглядела водителя.

– Привет, Айви... Мне кое-что нужно от тебя, – вкрадчиво произнес он.

Айви запаниковала, стала умолять, извиняться, клясться, что этого больше не повторится, лопотала и лопотала, брызгая слюной, которая оседала на приборной панели дорогого автомобиля.

– Пойми, у меня не было выбора. Легавая мне угрожала. Сказала, что отнимет у меня детей... Да ей толком ничего и не известно. Знает только, что та девчонка, Андреа, встречалась с каким-то брюнетом и светловолосой девицей... И от меня она больше слова не услышит!

И тогда водитель протянул Айви две пятидесятифунтовые купюры.

– Что ты за это хочешь? – неуверенно спросила она.

И она взяла деньги – может, была просто побита жизнью или надеялась, что после я все-таки ее отпущу.

Айви не спросила, зачем ее тащат в глухое место, и, когда они остановились, она позволила, чтобы ей связали руки за спиной. Даже не предложила кодового стоп-слова.

– Только не по лицу, – попросила она. – Я, конечно, не красавица, но с непобитым лицом жить проще...

И вот тогда нервы мои сдали, и я заехал ей кулаком в лицо. Она не выразила удивления – просто огорчилась. Когда я снова ударил ее, сильнее, она, казалось, смирилась с судьбой. Еще одно разочарование в довесок ко всем остальным. Я выдрал у нее две пригоршни волос... Сломал ей нос... В ее глазах читалось одно лишь удивление, когда мои руки продолжали сдавливать ее шею дольше минуты. Вот тогда-то она и поняла, что умрет.

* * *

Вдалеке, где-то за парком Пекам-Рай, проехал полицейский автомобиль с включенной сиреной. Он лежал в кустах возле водоема, наслаждаясь ощущением чистоты, которое даровал дождь.

Мой автомобиль в нескольких кварталах отсюда, но возвращаться к нему пока нельзя.

Сейчас нельзя.

Когда рассветет.

Когда с меня сойдет вся грязь.

Глава 32

Эрика долго не засыпала. Лежала без сна, слушая шум дождя, неустанно стучавшего в окно. Ей никак не удавалось забыть образ Айви. Остекленевшие глаза, в которых застыл ужас, словно она все еще смотрела в лицо убийце. «Интересно, – думала Эрика, – какое это лицо? Старое или молодое? Смуглое или светложее? Какой он – похож на громилу или внешне самый обычный человек, не выделяющийся из толпы?»

* * *

Она не заметила, как погрузилась в сон. Когда открыла глаза, в окно спальни через занавески сочился мягкий свет: значит, наступило утро. Впервые за долгое время она спала без сновидений. Эрика отодвинула занавеску: дождь прекратился, но небо было светло-серым. Рассвело. Она нагнулась к прикроватной тумбочке, взяла телефон, чтобы узнать, который час. Телефон стоял на подзарядке, но признаков жизни не подавал.

Выругавшись, она пошла в кухню-гостиную: цифры электронных часов на плите не светились. Эрика открыла маленький стенной шкаф, где размещался электрощиток, вытащила оттуда пятнистую картину Марси и щелкнула туда-сюда центральным автоматом. Безрезультатно. Глядя в эркерное окно на лежащую внизу безлюдную улицу, она понятия не имела, который теперь час. Эрика вышла на лестницу и постучала в дверь соседей. Через несколько секунд она услышала, как повернулся в замке ключ, загремели отодвигаемые запоры и звякнула цепочка. Дверь приотворилась на несколько дюймов. В щель на нее смотрела маленькая пожилая женщина с белыми взбитыми, как меренга, волосами.

– Прошу прощения за беспокойство, – обратилась к ней Эрика. – Вы не подскажете, который час?

– Кто вы такая? Зачем вам нужно знать время? – подозрительным тоном осведомилась старушка.

– Я ваша новая соседка. По-моему, нам отключили электричество, а у меня часы только на телефоне, и он тоже не работает.

Старушка оттянула вверх тонкий рукав своего кардигана и стала всматриваться в циферблат крошечных золотых часов, туго

обвивавших ее запястье.

– Двадцать минут одиннадцатого, – сообщила она.

– Десять двадцать утра?

– Да.

– Точно? – ужаснулась Эрика.

– Точно, дорогая. Я же на часы смотрю. Кстати, с электричеством у меня тоже все в порядке, – сказала она, щелкнув выключателем. – Думаю, вам нужно заплатить за свет. У прежних жильцов была большая задолженность. Один раз к ним даже полиция приходила – непонятно, почему полиция-то тратит время на должников. Хотя хозяин квартиры, что вы снимаете, довольно высокопоставленный полицейский, так что на вашем месте я была бы осторожней...

* * *

Без четверти одиннадцать Эрика, ни жива ни мертва, прибыла в отделение полиции Луишем-Роу. Дежурил Вулф. Он поднялся из-за стола и подошел к ней.

– Старший инспектор Фостер, у меня распоряжение проводить вас к старшему суперинтенданту Маршу. Это срочно.

– Я знаю, где он сидит, – отрезала Эрика. Она дошла до кабинета Марша и постучалась. Марш открыл дверь.

– Проходите, садитесь, – холодно произнес он. На законном месте Марша сидел помощник комиссара Оукли. Маршу пришлось занять место рядом со своим собственным столом. Было видно, что его кабинет в спешке приводили в порядок. Из-за дверцы одного из шкафов выглядывал уголок рождественской открытки.

– Доброе утро, старший инспектор Фостер. Присаживайтесь, пожалуйста, – обратился к ней Оукли спокойным отрывистым тоном. Выглядел он безукоризненно: отутюженная форма, седая шевелюра разделена аккуратным, идеальным пробором. Загорелая кожа лоснится. Он чем-то походил на холеную лису. Впечатление сексуального мужчины Оукли не производил, зато от его безупречно ухоженного вида веяло коварством. Она где-то читала, вспомнилось Эрике, что у лис, если их кормить отменной пищей, потрясающе роскошный шелковистый мех. Она села и заметила, что Марш натягивает резиновые перчатки.

– Позвольте взглянуть на ваш телефон, – попросил Оукли.

– Зачем?

– Вы – последний человек, которому звонила погибшая Айви Норрис. Оставленное ею сообщение и ваш телефон теперь являются вещественными доказательствами в деле об убийстве. – Это было сказано категоричным тоном, пресекающим дальнейшие вопросы. Эрика достала свой телефон и передала его Маршу.

– Не включается, – сказал Марш, вертя в руках телефон и пытаясь его включить.

– Разрядился, – ответила Эрика.

– Это ваш служебный телефон, выданный вам для служебного пользования, и вы не удосужились его зарядить? – спросил Оукли.

– Позвольте объяснить...

– Прочтите, пожалуйста, серийный номер, – обратился Оукли к Маршу, не обращая внимания на Эрику. Марш быстро снял заднюю крышку телефона и стал зачитывать номер, Оукли его записал.

– Доступ к моей голосовой почте возможен и без телефона, – сказала Эрика. Марш положил ее телефон в новый полиэтиленовый пакет и запечатал его.

По-прежнему игнорируя Эрику, Оукли открыл какую-то папку.

– Старший инспектор Фостер, вам известно, почему вы здесь?

– Думаю, да, сэр. Правда, мне не совсем понятно, что привело сюда вас?

– Три дня назад дежурный по отделению сержант Вулф составил протокол, в котором детально воспроизвел подробности инцидента, произошедшего между вами и Мэтью Полсоном, семилетним внуком Айви Норрис. Той самой Айви Норрис, чье тело было обнаружено минувшим вечером.

– Я в курсе, сэр. Меня вызывали на место происшествия, – сказала Эрика.

– В отчете Вулфа говорится, что во время инцидента в дежурной части отделения вы дали мальчику подзатыльник. Что вы на это скажете? – Помощник комиссара поднял голову от папки и посмотрел на нее.

– В отчете также упоминается, что в то время мальчик зубами вцепился мне в руку, – заметила Эрика.

– Что вы делали в столь непосредственной близости от этого ребенка?

– Он сидел на моем чемодане, сэр. И не хотел с него слезать.

– *Он сидел на вашем чемодане*, – повторил Оукли, откидываясь на спинку кресла. Ручкой он постучал по своим зубам. – Вы были травмированы, когда семилетний мальчик напал на вас?

– Да, он прокусил мне руку, – ответила Эрика.

– Однако в отчете нет записей о дальнейшем развитии событий. Согласно протоколу, вы должны были показаться врачу, который подтвердил бы наличие травмы. Вы были у врача?

– Нет.

– Почему?

– Это не представляло угрозы для жизни. В отличие от некоторых я предпочитаю заниматься своими непосредственными обязанностями, а не бумажной волокитой.

– Не представляло угрозы для жизни. Зато теперь это может быстро обернуться *угрозой для вашей карьеры*, – заявил Оукли. Эрика посмотрела на Марша, тот промолчал.

Оукли пролистал бумаги в папке.

– У меня здесь фотоматериалы с камер видеонаблюдения в дежурной части, на которых отражена целиком вся стычка. Айви Норрис угрожала вам ножом, сержант вмешался и погасил ссору. Однако буквально шесть минут спустя камеры зафиксировали, как на парковке вы сажаете в свою машину Айви Норрис и трех ее внуков.

Оукли придвинул к ней по столу большое фото с поразительно четким изображением Айви и ее внуков, стоящих у машины Эрики. На следующем снимке показано, как Эрика протягивает что-то через опущенное стекло. На следующем – Айви и дети садятся в машину Эрики.

– Было очень холодно. Я их пожалела, вызвалась подвезти.

– Что вы протягиваете Айви на фотографии?

– Деньги.

– Вы их подвезли? Куда?

– На Кэтфорд-Хай-стрит.

– А потом?

– Высадила их там, где они попросили.

– И где же?

– У букмекерской конторы «Лэдброукс». Айви не хотела, чтобы я узнала, где она живет. Они вышли из машины и скрылись между магазинами.

– Вышли из машины или сбежали от вас? Что происходило, когда они сидели у вас в машине? Применялось ли физическое насилие с той или другой стороны?

– Нет.

– Сутки спустя вас снова видели с Айви Норрис. На этот раз вы терроризировали ее на поминках, устроенных частными лицами.

– Это была типичная вечеринка после закрытия заведения, сэр, и Айви находилась в общественном месте. Я ее не терроризировала.

– Вам известно, что хозяин «Короны» подал официальную жалобу на неправомерные действия полиции?

– Вот как? Несмотря на то, что он является полицейским осведомителем? Или именно *потому*, что является полицейским осведомителем?

– На вашем месте я вел бы себя поскромнее, старший инспектор Фостер, – ледяным тоном произнес Оукли. – Против вас слишком много фактов. Ваш номер телефона обнаружили на месте происшествия, у убитой Айви Норрис. Также мы нашли при ней сто фунтов наличными. А на этой фотографии вы даете ей деньги...

– Я дала ей свой телефон и попросила позвонить, если у нее появится какая-то информация.

– У нас есть расшифровка сообщения, которое она оставила вам на автоответчике. Цитирую: «Если дашь мне денег, я расскажу то, что ты хочешь знать. Мне нужна сотня».

– Стоп. Так вы уже залезли в мою личную почту на мобильном телефоне? Выходит, я, что ли, убила Айви Норрис?

Эрика посмотрела на Марша. У того хватило приличия отвести взгляд.

– Нет, вас не подозревают в убийстве Айви Норрис, старший инспектор Фостер. Но все эти факты говорят о том, что мы имеем дело с очень проблемным, неуправляемым сотрудником, – сказал Оукли.

– Сэр, не секрет, что у каждого из нас свои стукачи. Осведомители, которых мы приглашаем выпить и поговорить в неформальной обстановке, покупаем у них информацию за небольшое вознаграждение. Но Айви Норрис сто фунтов я не давала.

– Старший инспектор Фостер, позвольте напомнить, что получение информации за деньги не является официальной политикой

правоохранительных органов, – наконец подал голос Марш. Эрика только рассмеялась в ответ.

Марш повысил голос на октаву.

– Вы также открыто проигнорировали мое распоряжение относительно официального обращения. Вмешались, выступив с неодобренным неподготовленным текстом заявления. Использовали пресс-конференцию как трибуну для изложения своих безумных идей. Еще неизвестно, какой вред вы нанесли...

– Безумных идей? Сэр, я ищу человека, которого видели с Андреа Дуглас-Браун буквально за несколько часов до убийства. Свидетелями их встречи были официантка и Айви Норрис.

– Ну да, несуществующая официантка и ненадежный свидетель, который теперь мертв, – заметил помощник комиссара Оукли, оставаясь раздражающе спокойным. – Ваша задача – дискредитировать лорда Дуглас-Брауна?

– Нет!

– Его деятельность в связи с оборонными подрядами вызывает вопросы; в той или иной степени она повлияла на развитие всех структур полицейских и вооруженных сил.

– Сэр, у меня только одна задача – поймать убийцу Андреа Дуглас-Браун и Айви Норрис. Или я первая вам говорю, что они обе погибли при весьма схожих обстоятельствах?

– То есть теперь вы считаете, что эти два убийства как-то связаны? – уточнил помощник комиссара.

– Я только хочу добавить, сэр, что следствие разрабатывает не эту версию, – смалодушничал Марш.

Эрика помолчала. Потом:

– Да, я считаю, что эти убийства связаны. И считаю, что в интересах следствия необходимо разрабатывать мою версию, если мы хотим поймать убийцу.

– Я повторяю, следствие разрабатывает не эту версию, – сказал Марш.

– И какую же версию мы разрабатываем? – спросила Эрика, остановив на Марше пристальный взгляд. – У человека, которого старший инспектор Спаркс определил в главные подозреваемые, через три часа появилось алиби!

– У вас не возникло бы такого вопроса, если бы вы, старший инспектор Фостер, потрудились сегодня быть здесь на совещании в восемь часов утра, – ответил Марш.

– У меня в квартире отключили электричество, а телефон мой был не заряжен. Поэтому я не имела доступа ни к сообщениям, ни к уведомлениям. Из моего личного дела вам известно, что ничего подобного я прежде себе не позволяла.

Молчание.

– Как ваше самочувствие? Как здоровье, старший инспектор Фостер? – поинтересовался помощник комиссара Оукли.

– Прекрасно. Какое это имеет отношение к делу? – спросила Эрика.

– То, что вы пережили за последние месяцы, любого могло бы свести с ума. В Рочдейле во главе группы из двенадцати человек вы проводили рейд по захвату нарколаборатории; только семеро вернулись...

– Я в курсе, – перебила Оукли Эрика.

– Вы проводили рейд, не имея достаточной информации... – продолжал тот. – Но вы *настойчиво гнули свою линию*, так же, как сейчас. Неужели непонятно, что это может быть расценено как импульсивное поведение с вашей стороны?

Эрика вцепилась в подлокотники кресла; она пыталась сохранить самообладание.

– В тот день погибли пятеро сотрудников полиции, – говорил помощник комиссара, – в том числе, как это ни прискорбно, ваш супруг, инспектор полиции Марк Фостер. Как следствие, вас временно отстранили от должности. Казалось бы, вы должны усвоить столь ценный урок, но, к сожалению...

Не отдавая себе отчета, Эрика поднялась с кресла, перегнулась над столом, схватила папку, разорвала ее надвое и швырнула опять на стол.

– Бред собачий. Вчера я перехватила инициативу, потому что уверена: Андреа видели в обществе двух человек, которым, возможно, что-то известно об ее убийце. Саймону Дуглас-Брауну это не понравилось, и теперь он диктует, в каком направлении мы должны вести расследование!

Шокированная собственным поступком, она продолжала стоять.

Помощник комиссара Оукли подался вперед за столом и отработанным тоном произнес:

– Старший инспектор Фостер, я официально отстраняю вас от должности на время проведения внутреннего расследования в связи с вашим поведением и нового психиатрического освидетельствования, которое должно установить, способны ли вы продолжать службу в органах полиции Англии и Уэльса. Вы обязаны сдать оружие, служебное удостоверение, все служебные технические средства вплоть до особого уведомления. Пока ведется расследование, вы будете получать полную зарплату. По первому требованию вы обязаны явиться для освидетельствования официальным полицейским психиатром.

Эрика до боли прикусила изнутри щеку, заставляя себя молчать.

– Я хочу одного – найти убийцу. Но вы оба, очевидно, ставите перед собой другую цель. – Она отдала свое удостоверение, повернулась и вышла из кабинета.

Вулф с двумя полицейскими в форме ждал ее у двери.

– Простите. Нам придется вас проводить, – сказал он понуро, с виноватым выражением на мордастом лице.

Эрика направилась вместе с ним к выходу. По пути они миновали оперативный отдел. Старший инспектор Спаркс, стоя у демонстрационных досок, проводил инструктаж. Мосс и Питерсон подняли головы и, увидев, что Эрику выводят из отделения, отвели глаза.

– Все, меня стерли, – пробормотала Эрика себе под нос. Они дошли до дежурной части, где Вулф попросил ее сдать ключи от машины.

– Прямо сейчас?

– Простите, да.

– Да вы что, Вулф! А как же я домой поеду?

– Давайте я поручу отвезти вас одному из наших сотрудников.

– Отвезти меня? Еще чего! – Эрика положила ключи на стол и покинула отделение полиции Луишем-Роу.

* * *

Выйдя на улицу, Эрика попыталась найти остановку автобуса или такси, но на оживленной кольцевой дороге ни того ни другого не увидела. Она зашагала к железнодорожной станции Луишем, на ходу

роясь в сумке, – надеялась найти мелочь, но, кроме кредитных карт, ничего не обнаружила. Эрика стала рыться в карманах кожаной куртки, набитых грязными салфетками и прочим хламом, и вдруг рука ее наткнулась на что-то твердое и квадратное. Она вытащила небольшой белый конверт из плотной бумаги, на вид дорогой и без каких-либо надписей. Она повернула его обратной стороной, сунула палец под клапан, вскрыла. Внутри лежал сложенный листок бумаги.

Эрика остановилась как вкопанная, не обращая внимания на пронесившиеся мимо машины. Это была распечатка газетной статьи о проводимой полицейскими операции, в ходе которой Марк и еще четверо ее коллег расстались с жизнью. На одном фото была изображена дорожка, ведущая к дому в Рочдейле, где в лужах крови на усеянном разбитым стеклом земле лежали накрытые трупы; над домом завис один из полицейских вертолетов, поднимавший на борт двух ее коллег, которые позже скончались в больнице. На другом фото, зернистом черно-белом снимке, лежал на носилках с трудом узнаваемый окровавленный офицер, обессиленно приподнимавший руку с обмякшими пальцами. Это была последняя фотография еще живого Марка. Над снимком красным маркером было выведено: **МЫ С ВАМИ ПОХОЖИ, СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ФОСТЕР. И ВЫ, И Я УБИЛИ ПО ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК.**

Глава 33

За следующие несколько дней заметно изменился характер сообщений в СМИ относительно убийства Андреа: выступление Эрики перед журналистами спровоцировало более негативную реакцию прессы. Поначалу газеты просто пускали дым, намекая на то, что у Андреа до помолвки были отношения с другими мужчинами, затем постепенно разгорелось пламя скандальных откровений о многочисленных любовниках Андреа; высказывались предположения, что ей одинаково нравилось проводить время с партнерами обоих полов. К концу недели таблоиды запустили огненный шар разоблачений. Один из бывших бойфрендов Андреа, представившийся артистом в жанре перформанса, продал свою историю одной из желтых газетенки, и та поместила на своих страницах кадры с видео, на которых они занимаются оральным и анальным сексом, и связанная Андреа, в прозрачном платье из полиэтилена и с шариковым кляпом во рту, подвергается порке в секс-темнице. Таблоиды ханжески пикселизировали изображения, но у читателя не оставалось сомнений в том, чем она занималась. Широкополосные газеты порицали таблоиды, но сами при этом подливали масло в огонь, излагая собственные суждения и мнения. Газеты правого толка нашли новый способ нападок на Саймона Дуглас-Брауна, не исключая того, что, *возможно*, Андреа сама полезла на рожон.

Четыре долгих дня Эрика провела в одиночестве в своей новой квартире, пытаясь обустроиться. Разобралась со счетами за электричество, следила за эпопеей, разворачивающейся в прессе. Съездила на медосмотр, на автобусе добравшись до Луишемской больницы, где объяснила, что она сотрудник полиции и контактировала с кровью и жидкостями организма другого лица. У нее взяли на анализ кровь и мочу, ей было предписано через три месяца снова сдать кровь. Обстановка в больнице была стерильно-бездушной, и она чувствовала себя ничтожной и незначительной. Одна дома она все смотрела на записку, пытаясь вычислить, как конверт попал ей в карман. Неужели она теряет хватку? Как она могла ничего не заметить? Эрика перебирала в голове события тех дней, которые привели к обнаружению конверта, вспоминала все места, которые

посещала, и пришла к выводу, что конверт могли подсунуть где угодно. Сейчас он лежал в прозрачном полиэтиленовом пакете. Эрика понимала, что должна отдать записку в полицию, но что-то ее удерживало.

На пятое утро она пришла за свежими газетами в киоск у станции Брокли и на первой полосе «Дейли мейл» увидела заголовок: **РУКОВОДИТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ ОТСТРАНЕНА ОТ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВА АНДРЕА.**

В статье подробно рассказывалось, как после целого ряда серьезных ошибок и просчетов следствия по делу об убийстве Андреа Дуглас-Браун старшего инспектора Эрику Фостер отстранили от должности на время проведения внутреннего расследования. Сообщалось, что Фостер обвиняют в неадекватном поведении, разглашении тайн следствия СМИ и несоблюдении конфиденциальности об осведомителях, что, «по всей вероятности», и привело к гибели Айви Норрис.

Рядом со статьей было помещено фото Эрики, заснятой через стекло автомобиля со стороны пассажирского кресла: с вытаращенными глазами и перекошенным ртом она хватается за приборную панель. Под фотографией – подпись: **БЕСТОЛКОВЫЙ КОП ЭРИКА ФОСТЕР.** Снимок был сделан фоторепортерами неподалеку от места преступления на территории музея имени Хорнимана в тот самый момент, когда автомобиль Мосс заскользил по льду.

Эрика швырнула газету обратно на прилавок и ушла, ничего не купив.

По возвращении домой она сварила крепкий кофе и включила телевизор. На канале «Би-би-си ньюс» шел обратный отсчет времени до начала ежечасного выпуска новостей, затем на экране появилось лицо Андреа Дуглас-Браун, и закадровый голос сообщил, что в связи с ее убийством полиция арестовала некоего Марко Фроста.

Камеры переключились на ведущего программы новостей.

– Первоначально полиция не рассматривала двадцативосьмилетнего Марко Фроста в качестве подозреваемого, но позже выяснилось, что в момент убийства Андреа Дуглас-Браун он не находился за границей, как это утверждал сам Марко.

Камеры показали симпатичного темноволосого парня. Закованный в наручники, он вышел из подъезда многоквартирного дома и, опустив голову, в сопровождении двух стражей порядка направился к полицейскому автомобилю. Пригнув его голову, они усадили Марко в машину, и та умчалась прочь.

На экране появились Саймон Дуглас-Браун и Джайлз Осборн. Они стояли вместе с Маршем под вращающейся вывеской Скотланд-Ярда.

– Сегодня утром полиция провела обыск в доме Марко Фроста и обнаружила материалы весьма тревожного характера, касающиеся жертвы. Есть все основания полагать, что за несколько месяцев у подозреваемого развилось нездоровое влечение к Андреа Дуглас-Браун, что в конечном итоге привело к ее похищению и убийству, – заявил Марш.

Затем вперед выступил Саймон. В лице его застыла боль, руки конвульсивно подергивались у карманов пиджака.

– Я хотел бы выразить признательность сотрудникам столичной полиции за упорство и неустанные усилия в расследовании этого столь сложного дела. Я хотел бы сказать, что полностью доверяю новой следственной группе и благодарю их за то, что они не щадили ни сил, ни времени, стремясь отыскать убийцу Андреа. Конечно, мы и впредь будем тесно сотрудничать с полицией. Спасибо.

Камеры переключились на изображение диктора, начался другой репортаж. Эрика схватила новый телефон, который купила вчера днем, и позвонила в отделение полиции Луишем-Роу. Трубку снял Вулф.

– Это Фостер. Соедините меня, пожалуйста, с сержантом Крейном.

– Босс, мне не полагается...

– Очень прошу. Это важно.

В трубке раздался гудок, затем – голос Крейна.

– У вас же наверняка нет достаточных оснований для ареста этого Марко Фроста! – с ходу перешла к делу Эрика.

– Продиктуйте свой номер, и я перезвоню, – сказал Крейн. Он повесил трубку. Прошло десять минут. Эрика уже решила, что он просто отшил ее, но тут зазвонил телефон.

– Простите, босс. Долго говорить не могу, вышел на стоянку, а тут холодрыга. Марко Фрост солгал про Италию. Это выяснилось после

того, как мы прошерстили записи с видеокамер на станции Лондон-бридж за тот вечер, когда пропала Андреа. Он сел в поезд, следовавший в Форест-Хилл через двадцать минут после Андреа. Правда, нет видеозаписей, которые доказывали бы, что он находился в районе места происшествия, но он сам подвел себя под монастырь, солгав про Италию и заставив дядю с тетей подтвердить его фальшивое алиби.

– Это могло быть просто неудачное совпадение, – заметила Эрика.

– Его подружка – она живет в Кенте – обеспечила ему другое алиби, но теперь, поскольку он солгал, у нас есть повод его задержать на три дня.

– Что по убийству Айви Норрис?

– Его теперь расследует отдел нравов, – сообщил Крейн. – Послушайте, босс. Факты говорят не в пользу вашей теории.

– Ха, теперь это уже теория? – усмехнулась Эрика. Крейн промолчал. Эрика слышала в трубке шум машин, проносившихся мимо стоянки отделения полиции.

– Вы как, босс?

– Нормально. Так всем и передайте. Газеты ж наверняка читали.

– Я не знал про вашего мужа. Соболезную.

– Спасибо.

– Я чем-то еще могу помочь?

– Держите меня в курсе. Даже если вам придется мерзнуть на стоянке.

– Непременно, босс, – рассмеялся Крейн. – Вы будете в курсе всех событий.

– Спасибо, Крейн, – поблагодарила Эрика. Она повесила трубку и взялась за куртку. Пришла пора нанести визит Айзеку Стронгу.

Глава 34

Был ранний вечер, Айзек Стронг сидел в своем кабинете рядом с моргом. Слушая альбом Ширли Бэсси[13] *Performance*, он готовился писать отчет о вскрытии тела Айви Норрис. Стронг ценил это спокойное время. Любимая музыка, свет в кабинете приглушен. Эта атмосфера являла собой яркий контраст с брутальностью секционной, где приходилось вскрывать труп, взвешивать органы, изучать содержимое кишечника и желудка, брать материал на анализ ДНК, устанавливая причины повреждений у погибшего, чтобы затем составить целостное описание – хронику его кончины.

У компьютерного монитора слегка дымилась чашка чая, заваренного с листиком мяты, который все еще кружился на поверхности горячей жидкости. Раздалось тихое пиканье, на экране компьютера всплыло окно – сине-серое изображение старшего инспектора Эрики Фостер, передаваемое камерой видеонаблюдения. Она стояла в коридоре у двери лаборатории и смотрела в камеру. Его рука на мгновение застыла в нерешительности, и он ее впустил.

– Вы с официальным визитом? – спросил Айзек, встретив Эрику у входа в лабораторию.

– Нет, – ответила она, поправив на плече сумку. Эрика пришла в джинсах и свитере, на усталом лице – ни следа косметики. Она обвела взглядом выскобленные дочиста секционные столы из нержавеющей стали.

– Формально вы не имеете права находиться здесь. Вас отстранили от дела.

– Да. У меня ни удостоверения, ни машины. Перед вами рядовой член общества.

Айзек помолчал, с минуту разглядывая ее.

– Чаю не хотите? – предложил он.

Айзек привел Эрику в свой кабинет, где тихо звучала музыкальная композиция «Девушка из Тигровой бухты»[14]. Эрика устроилась в удобном кресле рядом с его столом. Айзек подошел к столу в углу, где стоял чайник. Его опрятный кабинет был уставлен книжными полками. Эрика заметила светящийся айпод, подключенный к акустической системе *Bose*. Полка рядом с акустической системой отличалась от остальных, занятых медицинскими справочниками. На

ней стояли художественные книги – главным образом детективные триллеры.

– Неужели в свободное время вы читаете полицейские детективы? – удивилась Эрика.

Айзек включил чайник и, повернувшись к ней, сдержанно рассмеялся.

– Нет. Это дарственные экземпляры от издателя. Я консультировал автора нескольких детективов, изданных «Бартоломью»... Как бы вы отнеслись к чаю с мятой? Я стараюсь избегать кофеина.

– Не откажусь. Сегодня мне тоже следовало бы избегать кофеина, – сказала она, выдув ранее четыре чашки кофе.

Возле узкого вертикального окошка стоял цветочный горшок с комнатной мятой. Айзек повернул его, выбрал пару листиков.

– Мой бывший партнер – Стивен Линли, автор детективов, изданных «Бартоломью», – сообщил он.

– О.

– «О» – потому что я гей, или вам удивительно, что можно завести роман с тем, кто сочиняет детективные триллеры?

– Ни то ни другое.

Дожидаюсь, когда закипит чайник, Айзек бросил в чашку листик мяты.

– Вообще-то немного странно, что вы встречались с человеком, который пишет детективные триллеры, – призналась Эрика.

Чайник закипел, Айзек налил в чашку воду.

– Он сделал меня прототипом одного из своих судебных психологов. Потом, когда мы расстались, убил этого персонажа.

– Каким образом?

– Гея избили и сбросили в Темзу.

– Грустно, что перо страшнее пистолета, – промолвила Эрика, беря в руки дымящуюся чашку.

Айзек сел за стол, развернулся на стуле к ней лицом.

– Во влагилице Айви Норрис обнаружены два вида семенной жидкости. Руки ее были связаны, сама она задушена. Убийца ушел с места преступления незадолго до того, как ее нашли. Со времени наступления смерти прошло меньше часа.

– По базе ДНК есть какие-то совпадения?

– Мы проверили оба образца спермы – ничего.

Кивнув, Эрика почти неосознанно глянула на укушенную руку.

– След от укуса? – спросил Айзек.

– Да. Внук Айви постарался.

– Анализ крови Айви уже пришел. Она сидела на героине и была ВИЧ-инфицирована. Не исключено, что она заразила и внука.

– Он прокусил мне руку, – сказала Эрика, маленькими глотками отпивая чай из чашки.

– Тогда я посоветовал бы сдать анализ на ВИЧ. – Айзек записал какой-то номер на листке бумаге и вручил ей. – Здесь телефон клиники, где принимают без предварительной записи. Я сам там сдаю анализы. Делают быстро, аккуратно и анонимно. Вирус может проявить себя, так сказать, через шесть-девять месяцев. Вам придется повторить анализы.

– Спасибо.

– Что намерены делать?

– Сначала слушание. Психиатрическая экспертиза. Наверняка медицинское освидетельствование.

– Если у вас обнаружат ВИЧ...

– Буду решать проблемы по мере их поступления. В данный момент я меньше всего боюсь умереть.

Альбом доиграл, воцарилось молчание, которое обоих не тяготило. Айзек смотрел на Эрику, решая про себя, нужно ли сказать ей кое-что еще.

– Не бросайте это дело, – наконец произнес он.

– По-моему, дело само меня бросило, – ответила Эрика.

– Я просматривал свои отчеты. Есть еще три случая – трупы, которые я вскрывал. Все три жертвы – девушки из Восточной Европы, нелегально переправленные в Великобританию. Все трое были изнасилованы, задушены и со связанными руками брошены в воду в разных районах Лондона. У всех выдраны волосы и никакой одежды ниже пояса.

– Что? Когда? – встрепенулась Эрика.

– Первая найдена в марте 2013-го, вторая – в ноябре того же года, третья – в феврале 2014-го. Чуть меньше года назад.

– Что? Почему же никто не обратил на это внимания?

– Обстоятельства зачастую складываются так, что между похожими убийствами связь не усматривается. К несчастью, все три

девушки занимались проституцией – уж не знаю, по своей воле или нет. Они затерялись среди других убийств: проститутки погибают сплошь и рядом. Никому не пришло в голову связать эти три убийства, и они остались нераскрытыми.

– Проститутка из Восточной Европы, влачившая нищенское существование, найдена задушенной – что ж, бывает. Юная дочь знатного миллионера найдена задушенной...

– Вот-вот, звучит иначе, да? – согласился Айзек.

– Почему вы раньше об этом не упоминали? – спросила Эрика.

– Я вспомнил про них в связи с гибелью Айви. Конечно, случай Андреа несколько иной: она не была изнасилована. Все-таки. Трупы тех трех девушек, когда их обнаружили, находились на стадии разложения, и они были труженицами панели. Возможно, они подверглись сексуальному насилию, но не в то самое время, когда были убиты. Айви Норрис – тоже проститутка, и в ее влагалище присутствовали два вида спермы. Возможно, ее убийца тоже не насиловал.

– Господи! – воскликнула Эрика, поднимаясь с кресла. – Это же настоящий прорыв. Теперь у нас четыре убийства, связанные с Андреа.

– Разумеется, я передал эту информацию старшему инспектору Спарксу сразу же, как сделал свое открытие.

– Когда?

– Вчера утром.

– И что он сказал?

– Он со мной не связывался. Думаю, он сосредоточился на своем главном подозреваемом – итальянце.

– Он должен был хотя бы сопоставить даты, проверить, где находился Марко Фрост в то время, когда были совершены убийства. Боже! Можно ознакомиться с документом?

– Нет.

– Нет?

– Я думал о том, чтобы вам сказать. Но не собирался. А потом вы сами пришли... у меня нюх на людей... – Взгляд Айзека скользнул на полку с детективными триллерами. – На всех, кроме возлюбленных.

– И все же позвольте взглянуть на документ? Ну пожалуйста.

– Не обижайтесь, но нет. Я считаю, что с вами обошлись несправедливо... то, что про вас написала пресса. Но вам нужно

остыть. Нужно выработать тактику. Кто-нибудь из коллег не мог бы снабжать вас информацией?

– Возможно. А сами вы больше ничего мне не скажете?

Айзек взял листок бумаги.

– Я напишу вам имена и даты рождения. Но я вам ничего не говорил. Это ясно?

– Обещаю, – сказала Эрика.

* * *

Айзек следил по монитору камер видеонаблюдения, как Эрика торопливо идет по коридору, сжимая в руке список имен. Он надеялся, что она сдержит свое слово.

Глава 35

Выйдя со станции Брокли, Эрика напрямик направилась в кофейню. Она заказала кофе, включила свой ноутбук и стала рыться в Интернете. Зная имена и даты, она быстро нашла информацию о погибших девушках. Первая жертва – девятнадцатилетняя Татьяна Иванова из Словакии. Какой-то мужчина решил искупаться в одном из прудов Хампстед-Хит и обнаружил ее труп; это было в марте 2013 года. Начало весны выдалось теплым, и ее тело уже сильно разложилось. Газеты на своих страницах поместили фото Татьяны на конкурсе бальных танцев: в черном трико с серебристой бахромой, стоит в эффектной позе, положив руку на бедро. Должно быть, она выступала в составе танцевальной труппы, но других участниц на фото обрезали. Татьяна была темноволосой, очень красивой и выглядела моложе своих лет.

Второй жертвой была Мирка Братова – девушка восемнадцати лет, родом из Чехии. Ее труп обнаружили в ноябре 2013 года, через восемь месяцев после ее исчезновения. Один из работников парка, следивший за порядком у озера Серпентайн, увидел ее тело у шлюза, где оно покачивалось на воде вместе с листьями и прочим мусором. На фото, опубликованном в прессе, была запечатлена тоже очень красивая брюнетка с котенком в руках, стоявшая на солнечном балконе. У нее за спиной простирались вдаль жилые многоэтажные дома.

Третьей жертве, Каролине Тодоровой, тоже было всего восемнадцать лет. Ее тело обнаружили в феврале 2014 года. Какой-то мужчина рано утром выгуливал собаку, и та нашла труп у берега одного из озер в Риджентс-парке. Каролина приехала из Болгарии. Пресса опубликовала снимок, сделанный в фотокабинке. На фотографии она одета для выхода в свет: в белую блузку с низким вырезом; одна прядь ее темных волос выкрашена в розовый цвет.

Эрика расстроилась, что сведений очень мало: о гибели каждой девушки СМИ сообщали буквально в двух словах, как о чем-то не стоящем внимания.

Судя по информации в прессе, все три жертвы объединяло то, что они приехали в Англию в качестве домработниц, а кончили тем, что «занялись» проституцией. «Интересно, насколько “постепенным” был

этот процесс? – размышляла Эрика. – Как девушек заманили в Англию? Пообещали лучшую жизнь, хорошую работу? Соблазнили возможностью выучить английский?»

Эрика устремила взгляд в окно кафе. На улице лил дождь, барабана по навесу перед входом, под которым укрывались от непогоды несколько человек. Она глотнула кофе – он уже остыл.

Эрика покинула Словакию в восемнадцать лет по той же причине – чтобы работать здесь помощницей по хозяйству в какой-нибудь семье. Пасмурным ноябрьским утром, плохо зная английский, она села в автобус на Братиславском автовокзале и отправилась в Англию, в Манчестер.

Эрика попала в неплохую семью, дети были милые, но вот мать семейства относилась к ней с чопорным высокомерием: видимо, считала выходцев из Восточной Европы людьми низшего сорта. Улица, на которой они жили на окраине города, производила на Эрику зловещее впечатление, да и в самом доме отношения между мужем и женой были напряженными. В то первое Рождество они не отпустили ее домой пораньше, хотя знали, что у матери Эрики диагностировали цирроз печени, а через полтора года, решив, что домработница им больше не нужна, они сообщили, что отказываются от ее услуг, всего за три дня до увольнения. И даже не поинтересовались, где она будет жить.

Теперь Эрика понимала, что ей крупно повезло в сравнении со многими другими. Интересно, Татьяна, Мирка, Каролина прощались со своими родными так же, как она сама когда-то? Эрика хорошо помнила захудалый автовокзал в Братиславе, бесконечные ряды перронов. На каждом – ржавые металлические шесты, на которых держался огромный длинный навес. И все перроны мокрые. Ей тогда подумалось, что, возможно, они мокрые от слез всех тех юных девушек, которым приходилось прощаться с родителями, покидать прекрасную родную страну, где единственный способ выбиться в люди – это уехать за границу.

Плакали ли родители этих трех убитых девушек? Они ведь тогда не знали, что их дочери никогда не вернутся. И как складывалась судьба этих девушек, когда они приехали в Лондон? Как они превратились в проституток?

Слезы струились по лицу Эрики, и, когда к ее столику подошел официант, чтобы забрать кофейную чашку, она отвернулась и сердито отерла глаза.

Она уже столько слез выплакала – хватит на целую жизнь вперед. Пора действовать.

Глава 36

На следующий день после обеда Эрика была вынуждена признать, что она исчерпала все возможности как частное лицо. Она сварила себе еще кофе и сидела, раздумывая, как ей быть дальше. Вдруг раздался звонок. Эрика не сразу сообразила, что звонят в дверь. Она вышла из квартиры и спустилась вниз. Открыв дверь подъезда, увидела Мосс. Та ждала на крыльце с непроницаемым выражением на лице.

– По домам ходишь? – спросила Эрика.

– Ага, торгую косметикой «Эйвон», – криво усмехнулась Мосс.

Эрика отступила на шаг, пропуская ее в дом. Гостей она не ждала, поэтому на скорую руку убрала с дивана вещи, чтобы Мосс могла сесть, и принялась расчищать журнальный столик, на котором громоздились грязные тарелки за несколько дней и чайные чашки, доверху набитые окурками. Мосс, не комментируя ее беспорядок, стряхнула с себя рюкзак и села.

– Хотите чаю? – предложила Эрика.

– Да, пожалуйста, босс.

– Я вам больше не босс. Зовите меня Эрика, – сказала она, сгружая в раковину грязную посуду.

– Давайте придерживаться старых привычек. Обращаться по именам как-то не с руки. Я бы не хотела, чтобы вы звали меня Кейт.

Эрика замерла, ее рука зависла над коробкой с чайными пакетиками.

– Вы – *Кейт Мосс*? – Она повернулась к гостье, думая, что та, может быть, шутит, но Мосс уныло кивнула. – Мама назвала вас Кейт Мосс?

– Когда меня нарекли Кейт, та, чуть более стройная...

– Чуть более! – невольно рассмеялась Эрика.

– Да, *чуть более* стройная Кейт Мосс еще не была знаменитой супермоделью.

– С молоком? – спросила Эрика, улыбаясь.

– Да, и два сахара.

Пока она готовила чай, Мосс достала из рюкзака какие-то документы. Эрика вернулась к ней с чашками и печеньем.

– Вкусный чай, – похвалила Мосс, глотнув из чашки. – Где вы научились так вкусно заваривать чай? Неужели в Словакии?

– Нет, это все Марк, мой муж. Он вдолбил в меня правила чайного ритуала, и свекор мой тоже...

Мосс смутилась оттого, что завела разговор в это русло.

– Черт, простите, босс. Послушайте, никому из команды не понравилось то, что написали о... о... ну, вы понимаете. И мы не знали про...

– Про Марка. Рано или поздно я должна начать говорить о нем. Когда теряешь дорогого человека, мало того, что его больше нет, так еще и все вокруг стараются о нем не упоминать. Меня это сводило с ума. Как будто его стерли... Ладно. Так что вас привело сюда, Мосс?

– Мне кажется, вы что-то нащупали, босс. Стронг прислал нам кое-какие дела. Спаркс отказывается видеть связь между ними и нашим делом, а речь идет о трех девушках, которые погибли при обстоятельствах, схожих с убийством Андреа и Айви. Все три были найдены в воде со связанными руками и выдранными волосами. Все три были задушены. Есть следы изнасилования, но они были проститутками.

– Да, я знаю про них, – сказала Эрика.

– Есть еще кое-что. Та коробочка от телефона, что мы нашли под кроватью Андреа... Крейн запросил информацию по коду IMEI, указанному на коробке. Он совпадает с IMEI-кодом старого айфона Андреа – того, что она якобы потеряла. Крейн связался с поставщиками доступа к сети и дал им этот IMEI-код. Они подтвердили, что устройство все еще активно.

– Так и знала! Значит, Андреа сказала, что потеряла телефон, а сама просто вставила в него новую SIM-карту, – заключила Эрика торжествующим тоном.

– Да. Последний раз этот телефон подавал сигнал с места близ Лондон-роуд 12 января, – сообщила Мосс.

– Кто-то его стырил и стал пользоваться?

– Нет. – Мосс вытащила подробную карту города и стала ее разворачивать. – Сигнал исходил из коллектора ливневой канализации, пролегающего под землей на глубине двадцать футов. Он отходит от Лондон-роуд, рядом с железнодорожными путями, идущими к станции

Форест-Хилл, и затем тянется к следующей станции на линии – Онор-Оук-парк.

Эрика внимательно изучала карту.

– Этот коллектор имеет большую площадь стока, – продолжала Мосс, – а за последние дни в землю просочилось огромное количество талой и дождевой воды, которая хлынет в этот коллектор.

– И унесет с собой все, что там есть, включая телефон, – подытожила Эрика.

– Да.

– Батарейка, очевидно, разрядилась?

– Сигнала нет. Это айфон 5S, который, по информации сетевого оператора, передает сигнал с места своего нахождения на вышки сотовой связи еще пять дней после того, как батарея разрядилась. Естественно, все сроки уже вышли.

Эрика смотрела на карту и видела, что Мосс на ней провела красную линию от Лондон-роуд до Онор-Оук-парк, охватив расстояние чуть более полутора миль.

– Так что? Какая версия? Телефон бросили или уронили в водосток, когда Андреа была похищена?

– Да. Только старший инспектор Спаркс и суперинтендант Марш даже слышать об этом не хотят. Они уверены, что нашли убийцу – Марко Фроста. Оукли и прочие давят на них, требуют, чтобы они предъявили обвинение. Они прошерстили его ноутбук. Там полно информации об Андреа: фото, письма, что он ей писал, история поиска в *Google* тех мест, где она бывала и которые собиралась посетить...

– Что ж, это прорыв. Так с какой целью вы ко мне-то приехали, Мосс? – спросила Эрика, вставая, чтобы налить еще чаю.

– Я присутствовала на допросе Марко, и он без ума... то есть был без ума от Андреа. Но не производит впечатление человека, который мог бы убить. К тому же у него очень большие руки. Айзек показывал нам отпечатки на Андреа. В общем, не знаю, что-то тут не так.

– Вы не думаете, что это он.

– Сомневаюсь, но это просто мои догадки. Думаю, будь у нас тот телефон, многое бы разъяснилось, – сказала Мосс.

– Ну, значит, нужно направить команду в тот коллектор, хотя бы посмотреть, – посоветовала Эрика.

– Да, но кто отдаст распоряжение, босс? У меня полномочий нет. И у вас руки связаны. А это не дешевое предприятие, плюс нужны люди. Кто сейчас даст отмашку на то и другое? Вся команда сосредоточила силы на сборе доказательств, на основании которых можно будет привлечь к суду Марко Фроста.

Эрика задумалась.

– Кто-нибудь еще разделяет ваши сомнения относительно Марко Фроста?

Мосс кивнула.

– Питерсон? Крейн?

– И остальные. Мы скопировали дела по убийствам Татьяны Ивановой, Мирки Братовой и Каролины Тодоровой.

Она передала их Эрике. Та стала листать следственные материалы, рассматривая фотографии девушек. Каждая лежала на спине, была голая до пояса. У каждой на бледное лицо налипли волосы. У каждой в глазах застыл страх.

– Думаете, он специально оставлял их глаза открытыми? – спросила Эрика.

– Возможно.

– Если убийца *один и тот же*, как Андреа вписывается во все это?

– Кто бы ни был этот убийца, он рискнул выйти за пределы своей зоны комфорта? Она ведь из другой категории девушек, – заметила Мосс.

– Ее отличие лишь в том, что она была из богатой семьи. Все девушки похожи. Темноволосые, красивые, стройные.

– Думаете, Андреа занималась проституцией? Читали, что о ней писали в газетах?

– В деньгах она не нуждалась. Думаю, секс для нее был, в первую очередь, волнующим приключением, – рассудила Эрика.

– Искала острых ощущений, – заключила Мосс.

– Что, если Андреа влюбилась в убийцу? Ей нравились красивые брюнеты.

– А как быть с Айви Норрис? Обстоятельства ее гибели схожи с предыдущими убийствами, но сама она не соответствует шаблону. Она не была молода. Не была привлекательна, как другие девушки.

– Может, дело не в этом? Общее с ними у нее то, что она была проституткой. Может, она видела Андреа с убийцей в пабе? И ее убили, чтобы навсегда заткнуть ей рот.

Мосс не нашлась, что ответить.

Эрика заметила, что солнце скрылось и они теперь сидят в темноте. Она прошла к кухонному шкафу, достала из выдвижного ящика полученную записку, вернулась на место и положила ее на журнальный столик перед Мосс.

– Черт. Откуда это у вас? – спросила Мосс.

– Нашла в кармане.

– Когда?

– Сразу же после того, как меня отстранили.

– Почему не отдали?

– Вот теперь и отдаю.

Мосс взглянула на Эрику.

– Да-да, понимаю. Мы имеем дело с серийным убийцей, – произнесла Эрика.

– С серийным убийцей, который подобрался к вам настолько близко, что сумел сунуть это в ваш карман. Хотите, я организую, чтобы у вашего дома дежурила машина?

– Нет. Меня и так считают сумасшедшей. Велели пройти освидетельствование у психиатра. Зачем подливать масло в огонь? Говорить, что за мной следят... – Эрика увидела лицо Мосс. – За годы работы я всяких гадостей повидала.

– Но разве собственноручно записки вам кто-нибудь доставлял?

– Ничего со мной не случится, Мосс. Давайте лучше подумаем, что нам делать дальше.

– Что ж, ладно... Я поручу Крейну сопоставить даты с передвижениями Марко Фроста, но нам не известно точное время смерти ни одной из этих девушек.

– Нужно добыть тот телефон. Возможно, Андреа контактировала с этим типом. Может быть, в телефоне есть его номер, голосовые сообщения, электронная почта. Даже фотографии. Этот телефон – ключ к разгадке, – сказала Эрика.

– Нужны ресурсы, чтобы его достать, – напомнила Мосс.

– Я поговорю с Маршем.

– Уверены? Не слишком рискованно?

– Я давно его знаю.

– Ваш бывший?

– Что вы, нет. Мы учились вместе, и я познакомила его с его женой. Это что-то да значит, – сказала Эрика. – Ну, а если нет, что я теряю?

Глава 37

Старший суперинтендант Марш впихивал в себя вторую порцию крем-брюле. Он уже насытился сверх меры, но очень уж вкусный был десерт. Он взял керамическую формочку и погрузил в нее ложку, со вкусом проломив хрустящую карамелизированную корочку. Марси давно просила его купить ей на Рождество специальную кулинарную горелку – пообещала, что будет готовить ему крем-брюле каждую неделю. И почти держала слово.

Он смотрел на жену, омываемую сиянием свеч в их столовой. Она сидела рядом с ним за длинным обеденным столом, увлеченно беседуя с круглолицым темноволосым мужчиной, имя которого Марш не запомнил. Он весь вечер прислушивался к их разговору, надеясь, что Марси обратится по имени к своему собеседнику, но пока ждал тщетно. Если он не вспомнит имя этого человека, значит, позже в спальне ему ничего не светит, а Марш страстно желал жену. Ее длинные темные распущенные волосы падали ей на плечи, лиф длинного струящегося белого платья соблазнительно облегал ее грудь. Марш посмотрел на трех других гостей за столом, подумав, что в сравнении с Марси они ужасно непривлекательны: с алой помадой на губах женщина средних лет, которой удавалось выглядеть одновременно неряшливой и элегантной; старик с клочковатой бородой и длинными ногтями, который, по мнению Марша, просто пришел поесть на халяву; и худой женоподобный парень с волосами мышиного цвета, собранными в «конский хвостик». Они увлеченно беседовали о Сальвадоре Дали.

Марш пытался решить, не поступит ли он невежливо, если предложит гостям кофе, пока еще не доеден десерт, и вдруг раздался стук дверного молотка. Марси повернулась к Маршу и нахмурилась.

– Сиди, сиди, я открою, – сказал он.

Эрика в нетерпении взялась за молоточек и снова постучала. Она видела, что хозяева дома: сквозь зашторенное большое эркерное окно пробивались мягкий свет и смех. Спустя мгновения свет зажегся и в прихожей. Марш открыл дверь.

– Старший инспектор Фостер. Что вам угодно?

Она отметила, что он очень хорош собой, в хрустящих на вид бежевых чиносах и голубой рубашке с засученными рукавами.

– Сэр, вы не отвечаете на мои звонки, а мне необходимо с вами поговорить.

– Неужели нельзя подождать? У нас гости, – заявил Марш. Он заметил в руках у Эрики стопку документов, похожих на следственные дела.

– Сэр, я считаю, что убийства Андреа Дуглас-Браун и Айви Норрис связаны с тремя другими. Это – молодые девушки, которые погибли при тех же обстоятельствах, что и Андреа. Убийства совершались регулярно с 2013 года. Все жертвы были обнаружены в водоемах на территории Большого Лондона...

Марш раздраженно покачал головой.

– Не могу поверить, старший инспектор Фостер...

– Сэр. Все трое – молодые девушки из Восточной Европы, – перебила его Эрика. Она открыла одну папку и показала ему фото мертвой Каролины Тодоровой, сфотографированной на месте происшествия. – Взгляните. Этой девушке было всего восемнадцать. Задушена, руки связаны за спиной пластиковым шнуром, волосы на висках выдраны. Ее сбросили в воду, как мусор.

– Я прошу вас уйти, – сказал Марш.

Проигнорировав его слова, Эрика вытащила еще две фотографии.

– Татьяна Иванова, девятнадцати лет, Мирка Братова, восемнадцати. Картина та же: задущены, руки связаны за спиной тем же способом, волосы выдраны, сброшены в воду. Все тела найдены в радиусе десяти миль от центра Лондона. Все девушки одного типа: длинноволосые брюнетки, стройные, с осиной талией... Сэр, старшему инспектору Спарксу эти материалы были переданы два дня назад. Сходство очевидно, даже полицейскому, который...

Дверь в прихожую отворилась, вынеся из глубины дома взрыв смеха. К мужу подошла Марси.

– Том, кто это? – спросила она. А потом увидела фотографию, которую показывала Эрика, – снимок полуголой разлагающейся Каролины в воде.

– В чем дело? – Марси переводила взгляд с Эрики на Марша.

– Марси, возвращайся к гостям. Я разберусь...

– А что скажет Марси? – Эрика открыла еще одну папку, показывая большое фото трупы Мирки Братовой, сфотографированного во всю длину. Лицо девушки представляло собой гримасу ужаса; на бледную кожу налипли листья и прочая растительность; на лобке запеклась кровь.

– Как ты смеешь! Это мой дом! – вскричала Марси, зажимая ладонью рот. Эрика и не подумала закрыть папку.

– Этой девушке было всего восемнадцать лет, Марси. Восемнадцать. Она приехала в Англию, думая, что будет работать здесь в какой-нибудь семье помощницей по хозяйству, а ее принудили заниматься проституцией, наверняка регулярно насильовали, а потом она была зверски задушена одним из клиентов. А время не стоит на месте, верно? Сколько сейчас вашим малышам? Оглянуться не успеете, как им исполнится восемнадцать...

– Зачем она сюда пришла? Почему ты не разбираешься с этим на работе? – крикнула Марси.

– Все, Эрика, хватит! – рявкнул Марш.

– А на работе он не хочет этим заниматься! – сказала Эрика. – Прошу вас, сэр. Я знаю, что недавно зафиксировали сигнал с телефона, принадлежавшего Андреа Дуглас-Браун. Выделите мне людей, чтобы отыскать тот телефон. В нем информация о жизни Андреа. Информация, которую она держала в секрете. Я уверена, что эти сведения помогут нам установить личность того, кто убил ее и этих девушек. Взгляните еще раз на фото. Вот, смотрите!

– Да что же это такое? Том? – спросила Марси.

– Марси, иди в дом. СЕЙЧАС ЖЕ.

Марси еще раз напоследок взглянула на снимки и ушла. Из глубины дома снова донесся громкий смех, который резко оборвался, когда она закрыла за собой дверь.

– Ты что себе позволяешь, Эрика?!

– Нет, сэр, как *мы* себе это позволяем? Речь не обо мне. Да, я переступила грань дозволенного, заявившись к вам домой, – это неслыханная наглость. Можете считать меня дрянью, кем угодно – я переживу. Но я не могу жить с тем, что произошло с этими девушками. Вы сможете сегодня спать спокойно, зная, что мы не попытались хоть что-то сделать? Вспомните то время, когда мы только-только пришли в полицию. У нас не было полномочий. Теперь у вас достаточно власти,

чтобы принять это решение, сэр. Именно у вас. Черт, хотите, выставьте мне счет за работу поисковой команды, хотите, отдавайте под трибунал, увольняйте – сейчас мне это абсолютно все равно. Но вы взгляните на это еще раз, взгляните! – Эрика снова показала ему снимки.

– *Довольно!* – заорал Марш. Он захлопнул дверь, Эрика услышала скрежет запирающихся замков.

– Что ж, по крайней мере, я попыталась, – сказала она мертвым девушкам на фотографиях. Потом закрыла папку, аккуратно убрала ее в сумку и пошла прочь от дома.

Глава 38

Едва стемнело, в переулке напротив дома, где жила Эрика, материализовался все тот же незнакомец. Буквально через несколько минут из подъезда вышла инспектор Мосс. Она села в свой автомобиль и укатила.

Откуда здесь эта жирная лесба? Это что-то новенькое.

Наблюдение за старшим инспектором Фостер превратилось почти в нездоровое влечение. Следить за ней не представляло труда, особенно под проливным дождем: голова опущена, лицо прячется в складках капюшона, в рюкзаке на спине три разные куртки из водоотталкивающей ткани.

Самый верный способ смешаться с толпой – не пытаться с ней слиться. Все заняты только собой.

Глаза незнакомца были прикованы к Эрике. Та курила, глядя в окно.

О чем она думает? И зачем приходила та другая легавая, Мосс? Фостер вроде бы отстранили от расследования...

Эрика внезапно встала и закрыла жалюзи. Спустя мгновения она вышла из подъезда и с сумкой в руке зашагала в направлении железнодорожной станции. Незнакомец отступил в глубь переулка, затем развернулся и бегом бросился к своей машине, потом вырулил на центральную дорогу, стараясь ехать медленно, не привлекать к себе внимания, быть таким, как все.

Эрика как раз зашла на станцию Брокли, когда к ней подкатила машина незнакомца. Автомобиль впереди начал выруливать на дорогу, и незнакомец, воспользовавшись удачной возможностью, остановил машину, наблюдая, как Эрика идет по мосту на дальнюю платформу. Водитель выехал с парковочного места и махнул рукой в знак благодарности. Улыбаясь, незнакомец помахал в ответ, потом помчался назад к дому Эрики и припарковался за три улицы от него.

* * *

Заглушив двигатель, незнакомец с минуту рассматривал задний фасад дома, где поселилась Эрика. Сзади его охватывала стена, за которой тянулся переулок. После того как этот большой дом разделили

на квартиры, его задний фасад стал представлять собой сочетание старых и новых окон, водосточных труб и желобов.

Незнакомец вылез из машины и достал из багажника рюкзак.

Я не собирался делать это сейчас, но, похоже, развитие событий ускоряется. Одного наблюдения недостаточно...

По дороге к дому Фостер ему встретились двое прохожих. Они шли с электрички и, увлеченные разговором, не обратили на него внимания. Дойдя до дома Эрики, незнакомец вскарабкался на обнимавшую его стену. В голове уже сложился план, как добраться до верхнего этажа.

Шаг за шагом пройти по стене за домом, шагнуть на карниз, ухватиться за водосточную трубу, занести одну ногу на карниз повыше, подняться на него, держась за трубу.

Карнизы были из гладкого камня, и незнакомец на минуту остановился, переводя дух. Пока все получается...

Подтягивайся, опираясь на громоотвод, на толстую водосточную трубу, потом три окна в шахматном порядке. Крестики-нолики...

Обливаясь потом, незнакомец добрался до окна ванной в квартире Эрики. Как и ожидалось, оно было закрыто. Но рядом с окном находилась вытяжка – к счастью, дешевая и плохо прилаженная.

Рукой в перчатке он накрыл квадратную пластмассовую вентиляционную решетку, ухватил ее за края и дернул. Решетка с треском выдвинулась наружу, открыв доступ к серебристой вентиляционной трубе. Он просунул в нее руку, зачехленными в кожу костяшками пальцев нащупал стенку пластикового корпуса вытяжки, выходящего в ванную. Резким тычком выбил корпус внутрь. Тот загремел, раскачиваясь на проводе и задевая о стену ванной.

Незнакомец вытащил из бокового кармана рюкзака кусок проволоки и одним концом просунул ее в вентиляционную трубу. Несколько неловких попыток, наконец, проволока зацепилась за ручку окна изнутри, и та со щелчком повернулась. Он быстро пролез головой вперед в открывшееся окно, руками ухватился за сиденье унитаза.

Вот я и проник в дом.

Он так долго наблюдал за Фостер издалека, что теперь пребывал в эйфории. Ванная была маленькая и без излишеств. В шкафчике лежали

упаковка тампонов, противогрибковая мазь и пыльная упаковка восковых полосок. Просроченных.

Как трогательно. Она носит с собой упаковку просроченных восковых полосок.

Он выгреб содержимое шкафчика и перешел в просторную спальню почти без мебели. Принюхался – ничего особенного. От одних женщин веет чем-то интересным и экзотическим. От других исходит тошнотворная вонь...

А здесь только застоялый запах табачного дыма... жареной пищи. Едва уловимый аромат дешевых духов.

Он отвернул край одеяла, аккуратно разложил на кровати содержимое шкафчика из ванной, расправил одеяло и перешел в гостиную, где темноту рассеивало только сияние уличного фонаря. На журнальном столике среди грязных чашек и подноса лежали копии следственных материалов.

Не снимая перчаток, он взял один документ, и в нем заклокотал гнев. Это были фотографии Мирки Братовой. На одной Мирка Братова была живая, на другой – мертвая, разлагающийся труп в воде.

Значит, Фостер вышла на след. Сообразила, причем не без помощи этой жирной лесбы!

С лестницы донесся шум, скрип ступенек. Он подкрался к входной двери и посмотрел в глазок.

На лестничной площадке показалась седая старушка. Она приблизилась к двери, за которой он притаился. Через глазок казалось, что у нее безобразно деформированное лицо. С минуту она прислушивалась, затем повернулась и пошла к своей двери.

Его внезапно охватило желание поскорее убраться отсюда, уехать подальше и составить план действий.

Фостер не оставила мне выбора.

Придется ее убить.

Глава 39

Вернувшись домой, Эрика долго стояла под горячим душем. После обернувшись полотенцем, прошла в спальню и села на кровать, анализируя события минувшего вечера. Ничего нового она не надумала, впечатления были те же.

Она собралась было поставить на подзарядку телефон и вдруг замерла. Отвернула пуховое одеяло. Под ним на матрасе лежало содержимое шкафчика из ванной.

Эрика быстро встала и подошла к окну спальни. Оно было закрыто и к тому же находилось высоко от земли: переулок лежал далеко внизу. Она вышла в гостиную, включила свет. В комнате все оставалось так, как было до ее ухода: жалюзи закрыты, на столе – папки и кофейные чашки. Эрика прошла мимо входной двери. Почтового ящика на ней не было. Может, она дверь не заперла? Да нет, заперла. Она вернулась в ванную, открыла шкафчик над раковиной. Он был пуст.

Окно было закрыто, когда она принимала душ, она его не открывала. Нет, решила Эрика: она просто утомлена и рассеянна. Должно быть, сама опорожнила шкафчик. Эрика заметила, что ванная вся запотела, и дернула за шнур крошечной вытяжки. Еще раз дернула. Никакой реакции.

– Черт, – выругалась она, тыльной стороной ладони вытирая с зеркала конденсат. И ведь надо же! – владельцем квартиры является Марш. У нее нет ни малейшего желания связываться с ним. Она погасила свет, вернулась в спальню и убрала с постели вещи, которые обычно держала в ванной. Ей стало не по себе. Неужели она сама принесла их сюда? Еще эта записка, что ей подсунули.

Но каким образом чужой человек проник к ней в дом? Ведь для этого нужны ключи.

* * *

На следующее утро, прибравшись в квартире, Эрика подумывала о том, чтобы позвонить в полицию и заявить, что у нее, возможно – именно что «возможно», – был незваный гость, и вдруг услышала, как на коврик внизу бросили почтовую корреспонденцию. Среди счетов для соседей – их она оставила на столе у двери – Эрика нашла письмо

на свое имя. Первое, что ей доставили по новому адресу. В конверте лежало уведомление от столичной полиции о том, что она должна пройти освидетельствование у психиатра в недельный срок.

– Разве я сумасшедшая? – спросила себя Эрика полушутя-полусерьезно. Только она поднялась к себе домой, зазвонил телефон.

– Эрика, это Марш. У вас шесть часов. Работаете с бригадой из «Темз Уотер»[\[15\]](#). Не найдете телефон, значит, все. Это ясно?

В душе у Эрики всколыхнулась надежда.

– Да. Спасибо, сэр.

– Шансов практически никаких. Видели, какой ливень?

Эрика бросила взгляд на окно, по которому барабанил дождь.

– Знаю, сэр. Но я рискну. И не такие дела раскрывала.

– Но вы по этому делу не работаете. Вас отстранили. Или запомнили? Поэтому все, что найдете, передадите старшему инспектору Спарксу. Сразу же.

– Да, сэр.

– С вами свяжется Мосс, введет в курс дела.

– Очень хорошо, сэр.

– И если еще раз выкинете такое, явитесь ко мне домой и станете тыкать в нос моей жене фотографии с места преступления... Вас не просто отстроят. Вашей карьере конец.

– Этого больше не повторится, сэр, – пообещала Эрика. В телефоне раздался щелчок, и Марш положил трубку. Эрика улыбнулась. – За спиной у каждого влиятельного мужчины стоит женщина, которая знает, на какой рычаг надавить. Молодчина, Марси.

Эрика отправилась на встречу с Мосс и Питерсоном. Колодец, обеспечивавший доступ в коллектор, находился возле кладбища при приходской церкви в районе Онор-Оук-парк, всего лишь в двух милях от дома Эрики. Церковь стояла на холме за станцией, на удалении нескольких ярдов. Дождь прекратился, в тучах появился просвет, когда Эрика подошла к большому микроавтобусу с эмблемой «Темз Уотер», где ее ждала Мосс. Питерсон держал в руках поднос со стаканами кофе, которым он угощал группу мужчин в рабочих комбинезонах.

– Это Майк. Его бригада будет координировать поиски, – представила их Мосс.

– Эрика Фостер. – Она пожала всем руки. Рабочие не лодырничали. Быстро выпив кофе, они в считанные минуты

приподняли крышку огромного люка и откатали ее в сторону. Та со звонким звяканьем упала на землю.

– Рад видеть вас, босс, – сказал Питерсон, с улыбкой вручая ей кофе.

Майк завел их в тесный микроавтобус, оборудованный мониторами, маленькой душевой кабиной и подставкой с рациями для всех рабочих, которые спускались под землю. На одном из мониторов постоянно обновлялась спутниковая метеокарта, показывавшая прожилки и скопления темно-серых масс на карте Большого Лондона.

– А ведь это вопрос жизни и смерти, – сказал Майк, постучав по экрану шариковой ручкой. – В подземные коллекторы стекают как ливневые, так и канализационные воды. При внезапном сильном дожде коллекторы затопляются, и вода мощным потоком устремляется к Темзе.

– И как вы работали, пока не появилась вся эта техника? – любопытствовал Питерсон, показывая на телеэкраны и спутниковые метеокарты.

– Подавали сигнал добрым дедовским методом, – отвечал Майк. – Как только начиналась гроза, мы приподнимали на шесть дюймов крышку ближайшего колодца и с размаху опускали ее. Лязг эхом разносился по туннелям, предупреждая работавших внизу парней о том, чтобы они скорее выбирались на поверхность.

– В туннелях только парни работают? – спросила Мосс.

– А что? Хотите устроиться к нам? – сострил Майк.

– Очень смешно, – фыркнула Мосс.

Они вышли из микроавтобуса и посмотрели вверх. Тучи, казалось, рассеивались, но на горизонте небо еще больше потемнело.

– Надо поторопиться, – сказал Майк. Он подошел к колодцу, над которым четверо его людей установили подъемник и теперь прилаживали на себе страховочное снаряжение. Эрика тоже подошла к ним и заглянула в шахту, где куда-то в темноту спускалась железная лестница.

– Так что мы ищем – телефон? – уточнил Майк.

– Айфон 5S. Видимо, белого цвета, но, может быть, и черного, – объяснила Мосс, раздавая членам бригады ламинированные фото.

– Мы понимаем, что телефон пролежал там почти две недели, но, если он вам попадется, пожалуйста, постарайтесь не трогать его

голыми руками. Чтобы не затереть отпечатки, которые, возможно, на нем остались. Я дам каждому по специальному пакетику, в который нужно будет сразу же положить телефон, – сказала Эрика.

Рабочие разобрали прозрачные полиэтиленовые пакеты. На их лицах читался скепсис.

– Так что? Мы должны достать этот телефон из дерьма? – спросил один из парней.

– Ребята, мы крайне признательны вам за то, что вы согласились помочь, – сказал Питерсон. – Вы подключились к нам на важном этапе расследования чудовищного преступления, связанного с убийством молодых женщин. Если найдем этот телефон, получим ответы на многие вопросы. Просто постарайтесь не трогать его голыми руками.

Отношение рабочих мгновенно изменилось. Они быстро надели каски и принялись проверять работу фонарей и раций. Приготовившись, встали вокруг колодца, в который Майк опустил зонд.

– Проверка на наличие отравляющих газов, – объяснил он. – Под землей опасность представляют не только экскременты. Там, бывает, скапливается углекислый газ, который горняки называют «мертвым воздухом»; светильный газ – он взрывается; сероводород – выделяется при гниении продуктов разложения... Парни, химические детекторы у всех есть?

Рабочие кивнули.

– Черт, неужели эта работа вам нравится больше, чем в супермаркете? – спросила Мосс.

– За это платят гораздо больше, – ответил самый молодой из парней, первым берясь за трос. Его медленно опустили в колодец.

Они наблюдали, как следом один за другим в темноту погрузились остальные трое рабочих, фонарями освещавшие грязное бурое нутро шахты. Эрика посмотрела на Мосс и Питерсона, склонившихся над колодцем. Втроем они обменялись напряженными взглядами.

– Все равно что иголку искать в стоге сена, – заметил Питерсон. Свет фонарей постепенно исчез, и их теперь окружало безмолвие. Майк пошел в микроавтобус наблюдать за ходом поисков.

Прошел час, новостей не было. Они приплясывали на месте, пытаясь согреться на холоде. Потом поступил вызов по полицейской

радиосвязи. Происшествие в одном из супермаркетов Сиднэма. Какой-то мужчина открыл стрельбу из пистолета.

– Сегодня наше дежурство, – сообщила Мосс, взглянув на Питерсона. – Нам нужно ехать туда. Марш сказал, здесь – задача не первой важности.

– Так вы ежайте, – отпустила их Эрика. – Я останусь, подожду. – Мосс с Питерсоном поспешили прочь. Эрика осталась одна, сознавая, что у нее нет ни удостоверения, ни полномочий. Так, обычная женщина, торчащая у открытого колодца. Она зашла в микроавтобус и спросила у Майка, как идут поиски.

– Пока ничего. Они почти у того места, дальше которого я не хотел бы их пускать. Сеть разветвляется на несколько рукавов в направлении центральной части Лондона.

– И куда они все выходят? – спросила Эрика.

– В канализационные очистные сооружения в разных местах Лондона.

– То есть...

– То есть шансы, что крошечный телефон где-нибудь всплывет, ничтожны, – закончил за нее Майк. – Это ж не собака, проглотившая бриллиант, а вы...

– Да, я поняла, – перебила его Эрика. Она вышла из микроавтобуса, села на пень и закурила. Над ней высилась церковь, вдалеке прогрохотал поезд. Через полтора часа из колодца вылезли рабочие – грязные, усталые и потные. Они покачали головами.

– Как я и думал. Теперь телефон может быть где угодно. Даже в море. С 12 января коллекторы дважды открывали. Из туннелей все, что было в них, вынесло. Под давлением такой огромной массы воды ничего не задерживается, – сказал Майк.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. – Что ж, мы попытались.

– Нет. Это они попытались, – поправил ее Майк, показывая на рабочих. – Я предупреждал вашего босса, что это безнадежно, напрасная затея.

Эрика подумала, что Марш, наверно, потому и дал согласие на поиски. Идя домой под дождем, она пребывала в твердой уверенности, что телефон Андреа необходимо найти. Она вспомнила про записку, что ей подсунули, про вещи из шкафчика в ванной, разложенные на ее кровати.

У нее было такое чувство, будто только она одна знает, что полиция арестовала невиновного.

Глава 40

Прошло три дня. От Мосс с Питерсоном ни слова. Энтузиазм и позитивный настрой Эрики постепенно улетучивались, тем более что занять ей себя было нечем. На третий день, когда она уже хотела позвонить Эдварду и предупредить, что она готова навестить могилу Марка, посмотреть надгробие, телефон в ее руке вдруг проснулся.

– Босс, вы не поверите, – услышала она голос Мосс. – Нашелся телефон Андреа.

– Что? В коллекторе? – спросила Эрика, стискивая в ладони ручку.

– Нет. В магазине подержанных мобильных телефонов в Анерли.

– Так это ж совсем близко, в нескольких милях от нас, – заметила Эрика.

– Да. Крейн распространил IMEI-код ее айфона среди местных торговцев подержанных мобильных телефонов, сказав, чтобы они срочно связались с нашим оперативным отделом, если у них появится аппарат с этим номером.

– Неужели связались?

– Он их простимулировал, пообещав, что они получат вознаграждение в размере стоимости нового разблокированного айфона 5S.

– Как телефон оказался в Анерли? – спросила Эрика.

– Его нашла одна женщина. На прошлой неделе дождевая и талая вода затопила водостоки в нижнем конце Форест-Хилл-роуд. Канализационная сеть не выдержала столь мощного давления, трубы прорвало, и вода вышла на поверхность, разворотив асфальт. Наверно, тогда и вынесло на поверхность телефон. Женщина увидела его, подобрала, подумав, что ей дадут за него немного денег, хоть вид у него и не товарный.

– Так он живой? Работает?

– Нет, и дисплей сильно разбит, но мы отдали его компьютерщикам, и они сразу же им занялись. Пытаются вытащить все, что можно, со встроенной памяти.

– Мосс, я приеду.

– Нет, босс, сейчас не надо. Если уж намерены появиться здесь, так дождитесь, пока у вас появятся основания ворваться в отделение и

зачитать им закон об охране общественного спокойствия и порядка.

Эрика начала возражать.

– Босс, я серьезно. Как только узнаю что-нибудь, сразу вам позвоню. Обещаю. – Она повесила трубку.

Через долгих шесть часов напряженного ожидания Мосс позвонила и сообщила, что Отдел по борьбе с киберпреступностью извлек из телефона Андреа большой объем данных.

Эрика на такси приехала по адресу, который дала ей Мосс. Они встретились у входа в безликое офисное здание возле Тауэрского моста, в котором располагался центральный Лондонский отдел по борьбе с киберпреступностью, на лифте поднялись на самый верхний этаж и оказались в огромном офисном помещении открытой планировки. За каждым столом кипела работа; за каждым сидел усталый сотрудник полиции, сосредоточенно смотревший в мониторы; рядом с каждым – телефон или ноутбук в разобранном виде, либо спутанные провода и монтажные платы.

В самой глубине у дальней стены располагались в ряд кабинки с затемненными окнами – по-видимому, просмотровые залы. Эрика содрогнулась: даже подумать страшно, какие кадры здешним полицейским приходится просматривать за теми затемненными окнами.

У кулера их встретил невысокий мужчина приятной наружности в изрядно поношенном шерстяном джемпере. Он представился Ли Грэмом. Они пошли вслед за ним через офис к большому хранилищу, забитому полками с компьютерами, телефонами и планшетами; все были запечатаны в прозрачные упаковки. По пути миновали одну низкую полку, где лежал обернутый в пленку ноутбук, на котором запеклась чья-то кровь.

Грэм подвел их к заваленному всякой всячиной столу в дальнем углу, где лежал телефон Андреа – разбитый, весь в трещинах. Задняя крышка на телефоне была снята, а он подсоединен к большому компьютеру с двумя мониторами.

– Мы вытащили из него кучу информации. Жесткий диск не поврежден.

Мосс придвинула к столу пару стульев, и они сели.

– Триста двенадцать фотографий, – продолжал Ли, – шестнадцать видео и сотни текстовых сообщений, отправленных в период между

маем 2012 года и июнем 2014-го. Я прогнал все фотографии через программу идентификации людей по их лицам. Нашлось одно совпадение.

Эрика и Мосс взволнованно переглянулись.

– Как его зовут? – спросила Эрика с надеждой в голосе.

Ли застучал по клавиатуре, потом ответил:

– Это не он, а она.

– Что?! – в унисон воскликнули Эрика и Мосс. Ли пролистал на экране несколько изображений отпечатков большого пальца, затем щелкнул по одному: знакомое лицо.

– Линда Дуглас-Браун есть в полицейской базе данных? – изумилась Мосс. На фотографии Линда и Андреа сидели за столиком в каком-то баре. Андреа, безукоризненно элегантная в кремовой блузке, уверенно смотрела в объектив. Верхние пуговицы на ее блузке были расстегнуты, обнажая ложбинку меж полными грудями, в которой угнездилось серебряное кольцо. У Линды, напротив, лицо было красное, волосы неухоженные. Высокий отворачивающийся ворот черного джемпера, расшитого подпрыгивающими маленькими пудельками, врезался в ее двойной подбородок. На шее висел большой золотой крест. Одну руку она перекинула через плечо Андреа, лицо ее расплывалось в пьяной улыбке.

– Это мать жертвы? – поинтересовался Ли.

– Нет, сестра; у них разница четыре года, – ответила Эрика. На минуту все трое замолчали.

– Что ж, ладно, – произнес потом Ли. – Я вытащил ее досье, оно сейчас распечатывается.

Глава 41

Ли нашел для них рабочее место, и они принялись изучать досье Линды.

– Черт, Линда уже несколько лет на учете в полиции, у нее не слабое уголовное прошлое. Поджог, воровство, магазинная кража... – произнесла Эрика. – С июля по ноябрь прошлого года жених Андреа, Джайлз Осборн, трижды заявлял на нее в полицию, жалуясь, что Линда изводит его, угрожает ему по электронной почте.

– Все три раза сотрудники полиции беседовали с ней, – сообщила Мосс, читая досье.

– Да, обошлось без ареста. Первое заявление от Джайлза Осборна поступило в июле 2014 года в связи с оскорбительными письмами, которые Линда присылала ему на электронную почту. В одном она грозилась сначала убить его кошку, потом его самого. Второе заявление поступило месяцем позже. Кто-то вломился в его квартиру и *отравил* его кошку. В квартире повсюду были найдены ее отпечатки, но адвокат Линды резонно указал, что их и *не могло там не быть*, ведь недавно она в числе приглашенных присутствовала на торжественном ужине, который он устроил у себя дома по случаю помолвки с Андреа.

– Линда также засветилась на камерах видеонаблюдения на соседней улице с той, где живет Джайлз Осборн, буквально за несколько минут до того, как было совершено проникновение в его квартиру. Тогда она перестала упираться и призналась, что заходила к нему *после* того, как его квартиру вскрыли, – якобы пыталась спасти кошку, потому что увидела в окно, как та умирает.

– Видать, у нее чертовски хороший адвокат, – заключила Мосс.

– Возможно, хотя не удалось найти достаточно доказательств, подтверждающих или опровергающих ее показания. Третье заявление Осборн написал в прошлом году, когда Линда разгромила его офис, причинив ущерб на восемь тысяч фунтов. Бросила кирпич в одно из больших окон. Вот, она попала в зону видимости камер.

Черно-белый снимок был передержан, но на нем четко просматривалась неуклюжая фигура в длинном пальто и бейсболке, надвинутой на лицо. Когда она замахивалась, пальто распахнулось и

стало видно, что под ним свитер с изображением танцующих пудельков.

Мосс принесла с собой ноутбук. Она достала его из сумки и включила.

– Давайте посмотрим фотографии с телефона Андреа. – Мосс подключила к компьютеру внешний диск с содержимым телефона Андреа. Ноутбук зажужжал, загудел. Они дождались, пока компьютер загрузится. На внешнем диске замигал крошечный огонек, и затем на экране замелькали фотографии.

Это были снимки Андреа с нескольких вечеринок, среди них – много селфи, фото Андреа с обнаженной грудью перед зеркалом в ванной, на которых она, запрокинув назад голову, обольстительно тискает в ладони одну свою округлость. Потом пошли фотографии Андреа в каком-то баре. Похоже, в том самом, где она сфотографировалась с Линдой.

– Стоп, назад! – потребовала Эрика.

– Я не могу остановить, нужно, чтобы они загрузились, – объяснила Мосс.

– Ну же, – нетерпеливо произнесла Эрика, когда на экране застряло размытое, почти черное изображение, явно бракованный снимок. Потом загрузка продолжилась и наконец завершилась. Эрика принялась листать фотографии.

– Да, вот, это самые последние, из того бара, – сказала она.

– Кто это, как думаете? – спросила Мосс, вместе с Эрикой глядя на экран. Рядом с Андреа позировал рослый широкоплечий мужчина лет тридцати с небольшим. Темноволосый, с большими карими глазами и короткой щетиной на красивом лице с точеными чертами.

На первых нескольких снимках было заметно, что Андреа фотографирует, держа телефон на вытянутой руке. На всех этих фото она склонялась на грудь мужчины. Он был невероятно хорош собой.

– Темноволосый мужчина, – тихо произнесла Эрика взволнованно.

– Давайте дальше смотреть по порядку, – сказала Мосс тоже взволнованным тоном. Эрика листала фотографии. Все они, по-видимому, были сделаны на одной и той же вечеринке: в глубине кадров – люди, танцующие или сидящие за столиками. Андреа, как одержимая, фотографировала и фотографировала себя с этим

мужчиной, и он, похоже, ничуть не противился. На экране замелькали фотографии, на которых они стояли бок о бок, и Андреа смотрела на него влюбленными глазами. На следующих снимках он уже целовал Андреа: меж их соприкасающимися губами виднелся краешек языка; ногтями, покрытыми красным лаком, она трогала его резко очерченный щетинистый подбородок.

– Все это снято 23 декабря прошлого года, – констатировала Мосс, обратив внимание на даты, что отпечатались на фотографиях.

– Тот снимок, где Линда с Андреа... Он сделан в тот же вечер. На той же вечеринке...

На экране снова появилось фото, по которому ее удалось найти в Национальной базе данных преступников.

– Судя по их виду, снимок сделан ближе к концу вечера: вид у обоих потрепанный, – заметила Эрика.

– Выходит, Линда была там в то же время, что и тот мужик. Может, как раз он их и сфотографировал, – предположила Мосс.

Они быстро листали фотографии. В датах на несколько дней наступил перерыв, потом пошли постельные сцены. Андреа, лежа на светлых простынях с темноволосым мужчиной, фотографирует их, держа телефон на вытянутой руке. На мускулистой груди мужчины темная поросль. Андреа согнутой в локте рукой подпирает свои обнаженные груди. Потом фотографии стали более откровенными: крупным планом нижняя часть лица мужчины, зажавшего в белых зубах один сосок Андреа; фронтальное изображение во весь рост улыбающейся Андреа, лежащей на кровати. Затем на весь кадр лицо Андреа, обхватившей губами мужской пенис. Ее партнер, похоже, заключил в ладонь подбородок Андреа: один его крупный большой палец покоится на ее скуле.

Следующее фото вдруг оказалось куда более пристойным. Андреа с тем же мужчиной 30 декабря. Они стоят рука об руку на улице. Оба одеты по-зимнему. За ними высится знакомая часовая башня.

– Черт. Это же музей Хорнимана, – сказала Мосс.

– И снимок сделан за четыре дня до ее исчезновения, – добавила Эрика.

– Думаете, это тот самый человек, с которым ее видели в пабе? – спросила Мосс.

– Возможно, это тот самый человек, который ее убил, – ответила Эрика.

– Но он по нашим базам нигде не проходит. Программа Национальной базы данных преступников его не выявила...

– На вид он русский или... даже не знаю... румын? Серб? Возможно, он имел судимости за границей.

– Но мы не знаем его фамилии, и на то, чтобы выяснить это, уйдет время, – рассудила Мосс.

– Зато мы знаем того, кто, возможно, с ним знаком. Линда Дуглас-Браун, – сказала Эрика. – Она сфотографирована тем же вечером. В том же самом баре, что и он.

– Задерживаем? – предложила Мосс.

– Нет, не спешите, – урезонила ее Эрика.

– Что значит «не спешите»? Она же утаила от следствия информацию, босс.

– Действовать нужно очень аккуратно. Как только мы что-то предпримем, Дуглас-Брауны сразу же подключат адвоката. Похоже, они тратят немалые суммы на то, чтобы удержать Линду на стезе добродетели.

Мосс задумалась.

– А знаете, босс, чего не хватает в вашей квартире?

– Чего?

– Свежих красивых цветов.

– Точно. Нужно посетить цветочный салон, – согласилась Эрика.

Глава 42

Цветочный салон «Иокаста» находился на Кенсингтон-Хай-стрит, между элегантным ювелирным магазином и офисным зданием, облицованным гладким гранитом. Витрина была оформлена повесенному. Ковер из настоящей травы; нарциссы, тюльпаны и крокусы в красно-розово-сине-желтых горшочках. Фарфоровые пасхальные кролики тут и там: сидят на траве, выглядывают из-за мухоморов и огромных крапчатых яиц. На переднем плане, почти у самого стекла, небольшая фотография улыбающейся Андреа на красной бархатной подушке...

Мосс взялась за ручку стеклянной двери, но увидела рядом маленький белый колокольчик и под ним лаконичное объявление: ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ.

Эрика позвонила. Спустя несколько мгновений они увидели маленькую старушку с туго зачесанными назад волосами, которая смотрела на них из-под нависших век. Эта была та же пожилая женщина, что впускала их в дом Дуглас-Браунов. Она небрежно махнула рукой, отсылая их прочь. Эрика снова позвонила. Дверь была из очень толстого стекла, но это они поняли только тогда, когда женщина открыла ее и колокольчик зазвенел гораздо громче.

– Вам чего? – недовольно спросила старушка. – Нам сообщили из полиции, что виновный арестован. Мы готовимся к похоронам! – Она стала закрывать дверь, но Мосс ее придержала.

– Будьте добры, нам хотелось бы поговорить с Линдой. Она здесь?

– Вы ведь уже кого-то арестовали, да? Что еще вам нужно от семьи? – не уступала старушка.

– Следствие еще не закончено, мадам. Мы уверены, что Линда могла бы помочь нам прояснить кое-какие факты, которые позволят в скором времени предъявить обвинение, – объяснила Мосс.

Пожилая женщина подозрительно смотрела на них, туда-сюда водя глазами из-под нависших век, кожа которых морщилась и колыхалась. «Как у хамелеона», – подумала Эрика. Старушка распахнула дверь и отступила в сторону, впуская их в салон.

– Вытирайте ноги, – велела она, бросив взгляд на мокрый тротуар.

Они проследовали за ней в светлый просторный зал для посетителей. У дальней стены блестел и переливался огромный стол из прозрачного стекла. На стенах висели фотографии реализованных проектов «Иокасты» – со свадеб и презентаций, для которых салон составлял цветочные композиции. Пожилая женщина скрылась за дверью в глубине зала, а в следующее мгновение оттуда вышла Линда с охапкой нарциссов в руках. На ней были длинная черная юбка-трапеция и очередной джемпер с котом, выглядывавшим из-под белого передника. На этот раз это был полосатый великан с потухшими глазами.

– Мамы здесь нет. Она заболела, – сообщила Линда. Тон ее подразумевал, что, по ее мнению, мать просто отлынивает от работы. Линда прошла к большому столу, разложила на его стеклянной поверхности нарциссы и принялась их сортировать. Эрика с Мосс тоже подошли к столу.

– А вы почему здесь, инспектор Фостер? Я думала, вас отстранили от дела...

– Уж кому, как не вам, знать, что не следует верить всему, что читаешь в прессе, – сказала Эрика.

– Да уж. Эти журналисты... Звери, а не люди. Одна из желтых газетенок обозвала меня «круглолицей старой девой».

– Мне жаль это слышать, Линда.

– Неужели? – сердито бросила Линда, обратив на них пристальный взгляд. Эрика сделала глубокий вдох.

– В прошлый раз, беседуя с вами, мы спросили, есть ли у вас информация, которая помогла бы следствию. Вы забыли упомянуть, что у Андреа был второй телефон, – сказала Эрика.

Линда снова занялась сортировкой нарциссов.

– Ну так что? – подначила ее Мосс.

– Вы же не спрашиваете, а утверждаете, – указала Линда.

– Ладно. У Андреа был второй телефон? – спросила Эрика.

– Нет. Я, во всяком случае, об этом не знала, – ответила Линда.

– В июне 2014 года она заявила, что этот телефон у нее украли, а сама просто поменяла в нем SIM-карту, – сказала Мосс.

– И что? Вы по поручению страховой компании расследуете факты мошенничества?

– Мы нашли ваше полицейское досье, Линда. У вас завидный послужной список: оскорбления с угрозами, кражи из магазинов, мошенничество с кредитными картами, вандализм, – перечислила Эрика.

Линда отвлеклась от нарциссов и посмотрела на них.

– Это я раньше такой была. Теперь я обрела Бога, – ответила она. – Теперь я стала другой. Если присмотреться, у каждого из нас есть прошлое, которого мы стыдимся.

– И когда же вы обрели Бога? – поинтересовалась Мосс.

– Прошу прощения? – растерялась Линда.

– У вас еще не вышел срок условного осуждения, четыре месяца назад вы устроили погром в офисе Джайлза Осборна, причинив ущерб в размере восьми тысяч фунтов стерлингов. Зачем вы это сделали?

– Из зависти, – ответила Линда. – Из зависти к Андреа, к Джайлзу. Она нашла себе жениха, а я, как вы понимаете, все еще нахожусь в поисках.

– Как Андреа с Джайлзом отреагировали на ваш поступок?

– Я извинилась, пообещала, что больше не стану им досаждать, и мы помирились.

– Он и убийство кошки вам простил? – спросила Мосс.

– Я ЕГО КОШКУ НЕ УБИВАЛА! – крикнула Линда. – Я никогда бы этого не сделала. Кошки – самые красивые, умные существа... Смотришь им в глаза и понимаешь, что им известны все ответы... Если бы еще они могли говорить.

Эрика предостерегающе глянула на Мосс.

Рыхлое лицо Линды омрачилось, она хлопнула рукой по стеклянному столу.

– Я ее не убивала. Правда!

– Хорошо, хорошо, – произнесла Мосс. – Скажите, пожалуйста, кто рядом с Андреа на этой фотографии? – Она положила на стол рядом с горкой нарциссов фото с вечеринки, на котором Андреа была запечатлена с темноволосым мужчиной.

– Не знаю, – буркнула Линда, бросив беглый взгляд на снимок.

– Линда, посмотрите, пожалуйста, повнимательнее, – настаивала Мосс, поднеся фотографию прямо под нос Линде.

Та посмотрела на фото, потом снова на Мосс.

– Я же сказала: не знаю.

– А про это что скажете? – не отступала Мосс, вытаскивая снимок, на котором Линда была сфотографирована с Андреа. – Это фото, где вы с Андреа, было сделано в тот же вечер, в том же баре. Возможно, это он вас снимал.

Линда снова посмотрела на снимок и, казалось, успокоилась.

– Видите ли, офицер, слово «возможно» в вашей фразе ключевое. Я зашла в тот бар выпить буквально за несколько минут до закрытия. Весь вечер я работала здесь. Андреа, когда я там появилась, сидела одна. Те, с кем она там отдыхала, уже ушли. Она специально дождалась меня. Мы хотели вместе выпить и поболтать, а то ведь потом Рождество, уже не до разговоров. Вполне вероятно, что этот человек был там, но не в то же время, что и я.

– Андреа упоминала про него?

– На вечеринках Андреа всегда в центре мужского внимания. Я согласилась с ней встретиться только на том условии, что она не будет весь вечер верещать про парней.

– Вам не нравятся парни?

– *Парни*, – фыркнула Линда. – По-вашему, двум умным, образованным женщинам больше не о чем поговорить?

– Как назывался тот бар? – спросила Эрика.

– М-м-м... Кажется, «Зараза».

– С кем там была Андреа?

– Я же сказала: не знаю. Андреа партнеров по вечеринкам меняет, как перчатки.

– Где был Джайлз?

– Наверно, ушел пораньше, чтобы не встречаться со мной.

– Потому что вы донимали его, устроили погром в его офисе и убили его... – закончила Мосс.

– Да сколько ж можно! Я не убивала Клару! – вскричала Линда. Ее глаза наполнились слезами. Оттянув вниз рукав полосатого джемпера, она отерла им глаза. – Клара... она была такая лапочка. Позволяла мне брать себя на руки. Она почти никому это не позволяла, даже Джайлзу.

– Тогда кто же ее отравил?

– Не знаю, – тихо ответила Линда. Из кармана джемпера она вытащила скомканную бумажную салфетку и принялась тереть ею глаза, пока они не покраснели.

– А что можете сказать вот про это? – спросила Мосс, положив на стол прозрачный пакетик с запиской, которую подсунули Эрике.

– Что это? Нет, нет, нет. Я ничего не знаю! – По красному лицу Линды снова заструились слезы.

– Мне кажется, Линда уже достаточно удовлетворила ваше любопытство, – произнес голос из глубины зала. К ним направлялась непонятно откуда появившаяся экономка Дуглас-Браунов с нависающими на глаза веками. – Если у вас еще остались к ней вопросы, давайте организуем более официальную встречу, на которой будет присутствовать семейный адвокат?

– Линда, – обратилась к девушке Мосс, ткнув пальцем в мужчину рядом с Андреа на фотографии. – Этот человек также подозревается в изнасиловании и убийстве трех молодых женщин из Восточной Европы, погибших за последние два года, и в совершенном на днях убийстве одной пожилой женщины.

Линда выпучила глаза. Экономка указывала им на дверь.

– Линда. Если вспомните что-нибудь, даже какую-нибудь мелочь, пожалуйста, свяжитесь с нами, – попросила Эрика.

* * *

– Она либо не знает этого типа, либо очень уж хорошо притворяется, – рассудила Мосс, когда они вышли на улицу.

– По-моему, не лгала она только про кошку. Кошку убила не она, – заключила Эрика.

– Но мы не расследуем убийства кошек.

– Думаю, надо нанести визит Джайлзу Осборну, – сказала Эрика. – Посмотрим, что он скажет про Линду и эти снимки.

Глава 43

– Да она вообще ненормальная, – заявил Джайлз Осборн. – Я ее просто боюсь, да и многие мои сотрудники тоже.

Мосс с Эрикой сидели в стеклянном офисе Джайлза, из которого открывался вид на сады за стандартными домиками рядовой застройки. Где-то за этими домами проклацал поезд. На территории промышленного комплекса, что находился по одну сторону, вздымались мокрые от дождя топливные резервуары. Казалось бы, глупо возводить столь элегантное современное здание с видом на такое тоскливое место.

Создавалось впечатление, что Джайлз давно не высыпается. Кожа на его осунувшемся лице обвисла. Эрика также отметила, что он похудел за две недели с тех пор, как обнаружили тело Андреа.

– Родные Линды, конечно, знают про ее проблемы, – продолжал Джайлз. – Для них она давно уже – паршивая овца. В какую бы школу Линду ни устроили, ее отовсюду исключали. Когда ей было девять, она воткнула циркуль в лицо учительнице. Бедная женщина лишилась глаза.

– То есть вы считаете, что у Линды проблемы психологического характера? – спросила Эрика.

– Господи, как загадочно и витиевато вы выражаетесь. Да она просто сумасшедшая. В принципе довольно обычный, нудный случай помешательства. Но она из богатой влиятельной семьи, и это усугубляет все проблемы. Беда в том, что Линда знает: любой ее проступок останется безнаказанным.

– И тем не менее, – заметила Мосс.

Джайлз пожал плечами.

– Сэр Саймон любые проблемы решает с помощью денег или влиятельных знакомых... Той учительнице он в итоге купил дом, и она теперь живет на верхнем этаже, а нижний сдает. Ради этого можно и глазом пожертвовать, верно?

Ответом ему было молчание. Вдалеке, сигналив, промчался еще один поезд.

– Простите, я не хотел показаться бессердечным. Вот, занимаюсь похоронами Андреа. А думал, что буду устраивать нашу свадьбу. Даже

представить себе не мог... Линда взяла на себя цветочное оформление. Настояла, чтобы отпевание проходило в той церкви в Чизике, которую она посещает. И я теперь сижу и смотрю на пустой экран, пытаюсь написать надгробную речь.

– Нужно хорошо знать человека, чтобы сказать о нем надгробное слово, – промолвила Мосс.

– Да, – согласился Джайлз.

– Андреа была религиозна? – спросила Эрика, уводя разговор в сторону от щекотливой темы.

– Нет.

– А Дэвид?

– Если бы все монахини имели большую грудь и ходили бы с декольте, он перешел бы в католичество, – сухо хохотнул Джайлз.

– Это вы о чем?

– Боже, ну зачем воспринимать все так буквально? Это шутка. Дэвиду нравятся девушки. Он молод. Абсолютно нормальный парень. Больше на мать похож, чем...

– Линда, – закончила за него Мосс.

– Да, теперь остались только он и Линда, – произнес Джайлз, смахивая слезу.

– А Линда церковь регулярно посещает?

– Да. И Бог, я уверен, не в восторге от того, что Ему каждый вечер приходится выслушивать ее извращенные молитвы, – сказал Джайлз.

– Линда часто бывала у вас в офисе? – спросила Эрика.

– Один раз приходила с Андреа – просто посмотреть. Потом пару раз одна.

– Когда это было? – спросила Мосс.

– В июле, в августе – в прошлом году.

– А зачем она приходила одна?

– Ко мне. И очень быстро стало ясно, что она хочет... хочет... В общем, она хотела, чтобы я занялся с ней сексом.

– И каким образом она выразила свое желание? – осведомилась Мосс.

– Черт, а вы как думаете?! – воскликнул Джайлз, густо краснея. Он завертел головой по сторонам, не зная, куда деть себя от смущения. – Задрала на себе свитер, демонстрируя свои прелести. Сказала, что никто не узнает.

– И как вы поступили?

– Прогнал ее. Даже если бы Линда не была сестрой Андреа, она не очень...

– Не очень?

– Ну... не очень привлекательна, ведь так?

Мосс с Эрикой промолчали.

– Насколько мне известно, – продолжал Джайлз, – это не преступление – считать кого-то...

– Омерзительным? – подсказала Эрика.

– Ну, я не стал бы выражаться так грубо, – запротестовал Джайлз.

– А потом ситуация приняла угрожающий характер. Согласно полицейским протоколам, Линда устроила погром в вашем офисе, вломилась к вам в дом и отравила вашу кошку.

– Ну да... даже не знаю... Так вы знакомы с подробностями этих дел?

Эрика с Мосс кивнули.

– Линда поставила меня в затруднительное положение. Сэр Саймон попросил, чтобы я забрал заявления. А что мне оставалось?

– Простите за бестактность, Джайлз, но вы знали, что, кроме вас, у Андреа в это же время были другие мужчины? – спросила Эрика.

– Теперь знаю, – не сразу ответил Джайлз.

– И как вы к этому относитесь?

– Черт, как, по-вашему, я могу к этому относиться? Мы были помолвлены. Я думал, она – моя вторая половинка. Конечно, ей нравилось кокетничать, флиртовать, и мне следовало бы обратить на это внимание, но я думал, она успокоится, когда мы поженимся и у нас появится прибавление.

– Прибавление? То есть дети? – уточнила Эрика.

– Да. Я понятия не имел, что она встречается сразу с несколькими. Зачем-то по глупости связалась с этим подонком Марко Фростом. Он пугал Андреа своей *одержимостью*. Думаете, у вас достаточно доказательств, чтобы посадить его?

Эрика посмотрела на Мосс.

– Мистер Осборн, взгляните, пожалуйста, на это фото. – Она положила на стол фотографию Андреа с темноволосым мужчиной. Джайлз скользнул по ней взглядом.

– Нет, я его не знаю.

– Я не спрашивала, знаете ли вы его. Пожалуйста, посмотрите внимательнее. Этот снимок был сделан за четыре дня до исчезновения Андреа.

Джайлз снова посмотрел на фотографию.

– Что вы хотите от меня услышать? Наверно, это один из многих ее поклонников, которые строили ей глазки.

– А на это что скажете? Или на это... или на это? – Эрика разложила перед Джайлзом целый комплект фотографий: Андреа в постели с брюнетом, обнаженная, он тербит в зубах ее сосок, она обнимает губами его пенис.

– Что вы себе позволяете? – вскричал Джайлз. Он резко отодвинулся на стуле от стола и вскочил на ноги. В глазах его стояли слезы. – Кто дал вам право являться сюда и злоупотреблять моим добрым расположением?!

– Сэр, эти снимки со второго мобильного телефона Андреа, который мы недавно нашли. Мы их показали вам не просто так. Они были сделаны всего за несколько дней до ее исчезновения.

Джайлз направился к стеклянной двери.

– Благодарю вас, господа, но сегодня я пришел сюда, чтобы вспомнить Андреа и написать о ее жизни. Меня попросили выступить на ее похоронах, а вы являетесь ко мне и мараете мои воспоминания о ней этой откровенной порнографией! – Он открыл дверь и жестом попросил их уйти.

– Сэр, мы считаем, что мужчина, сфотографированный с Андреа, причастен к убийствам трех девушек из Восточной Европы, которые занимались проституцией, и одной немолодой женщины. Мы также считаем, что Андреа встречалась с этим мужчиной в тот вечер, когда она погибла, – объяснила Эрика, посмотрев на Мосс. Джайлз заметил, как они переглянулись.

– Постойте. А как же Марко Фрост? Я думал, вы взяли убийцу. Старший суперинтендант Марш заверил меня... и помощник комиссара Оукли тоже... – начал Джайлз.

– Мы разрабатываем еще одну версию, – сообщила Эрика.

– Так вы понятия не имеете, кто убил Андреа? Вы пришли сюда и докучаете мне своими фантазиями? У Андреа были свои недостатки и свои секреты. Но ее вина лишь в том, что она любила и хотела быть любимой... – Потеряв самообладание, Джайлз разрыдался, прикрыв

ладонью рот. – Все, у меня больше нет сил это выносить. Прошу вас! Уйдите!

Эрика с Мосс собрали со стола фотографии и ушли, покинув всхлипывающего Джайлза.

* * *

– Вот черт, – выругалась Мосс, когда они направлялись к машине, припаркованной за несколько улиц от той, где находился офис компании Джайлза.

– Заметьте, вы это сказали – не я, – подчеркнула Эрика.

– Босс, мне придется доложить обо всем этом старшему инспектору Спарку и Маршу.

– Понимаю. Нужно, значит, докладывайте.

Мосс довезла Эрику до дома. Несмотря на все произошедшее, на все разоблачения, Эрика чувствовала, что она ни на шаг не приблизилась к истине и уж тем более к тому, чтобы восстановиться на службе и получить назад свое удостоверение. Войдя в гостиную, она включила свет и в окне увидела отражение свое собственное и комнаты. Эрика погасила свет и посмотрела из окна на пустынную улицу, но все было спокойно. И тихо.

Глава 44

В следующие два дня Мосс и Питерсон были вынуждены посещать судебные заседания, давая показания по делу о вооруженном преступнике, открывшем стрельбу в одном из супермаркетов Сиднэма. Поскольку Марко Фросту было предъявлено обвинение в убийстве, многих из следственной группы перебросили на другие дела. Эрика пребывала в подвешенном состоянии, ожидая, когда ее вызовут на дисциплинарную комиссию. А потом утром ей позвонил Марш.

– Вы с Мосс нанесли визит Линде Дуглас-Браун и Джайлзу Осборну? – начал он.

– Да, сэр.

– Мне поступили жалобы от обоих, а сэр Саймон пригрозил, что подаст официальную жалобу.

Значит, на их звонки вы отвечаете, а на мои – нет? – хотела связвить Эрика, но вовремя прикусила губу.

– Сэр, я ходила с Мосс в качестве консультанта. В обоих случаях меня не попросили предъявить удостоверение.

– Ладно, хватит, Эрика.

– Сэр, вы в курсе, что мы нашли второй мобильный телефон Андреа?

– Да. Мосс представила отчет.

– И?

– *И* вы утаили вещественное доказательство. Ту записку, что получили.

– Но эта записка, сэр...

– Записку мог прислать кто угодно. Вспомните хотя бы своих коллег из Манчестера. Вас там до сих пор поминают недобрым словом... – Марш резко замолчал. – Извините. Зря я это сказал... Эрика, выкиньте вы все это из головы.

– Что? Сэр, вы видели фотографии?

– Да, я видел фотографии. И очень внимательно ознакомился с отчетом Мосс. Хотя, читая его, слышал ваш голос. Все равно это ничего не доказывает. У вас нет оснований предполагать, что этот... человек, кто бы он ни был, причастен к гибели Андреа или Айви.

– Или Татьяны, или Каролины, или Мирки?

– Вы преуспели лишь в одном – разозлили массу народа и, фигурально выражаясь, загадили память Андреа Дуглас-Браун.

– Сэр, не я же ее фотографировала...

– Она снимала на свой тайный телефон, во имя всего святого! У каждого есть секреты.

– Полагаю, у нас с вами неофициальный разговор?

– Да, Эрика, неофициальный. И, смею напомнить, *вы* теперь неофициальное лицо. Вас отстранили от должности. Так что проявите благоразумие. Радуйтесь, что вам платят полную зарплату. Мне известно из достоверных источников, что, если вы не будете высовываться и болтать лишнего, в следующем месяце в должности вас восстановят.

– Не высовываться? До каких пор? Пока Марко Фроста не осудят за преступление, которое он не совершал?

– Вам приказано...

– От кого исходит приказ? – перебила она его. – От вас? Или от помощника комиссара Оукли? Или от сэра Саймона Дуглас-Брауна?

Марш пару секунд помолчал.

– Завтра похороны Андреа Дуглас-Браун. На церемонии я видеть вас не желаю. И не желаю слышать, что вы суете свой нос куда не следует. А когда это закончится, и *если* вы будете восстановлены в должности, я позабочусь о том, чтобы вас перевели в какое-нибудь отделение за тридевять земель отсюда. Я ясно выразился?

– Более чем, сэр.

Марш повесил трубку. Эрика снова опустилась на диван. Она кипела от гнева. Проклинала Марша, потом себя. Неужели она ошибается? Неужели на этот раз чутье ее подвело?

Нет. Не подвело.

Она выкурила сигарету, затем стала подбирать подходящий наряд для похорон.

Глава 45

Эрика проснулась до рассвета и, потягивая кофе, сидела и курила у окна. Впереди ее ждал день, полный препятствий, которые ей предстояло обойти как можно аккуратнее. Она приняла душ и, когда в начале девятого вышла из ванной, небо все еще было серо-синим. «Ужасно, что приходится хоронить таких молодых, – думала она. – Может, потому и день не хочет начинаться – выражает свой протест».

Перерыв свой чемодан в поисках наряда, в котором можно было бы пойти на похороны Андреа, Эрика пришла к выводу, что у нее почти все туалеты траурные – выбирай любой. На дне лежало элегантное черное платье, которое она надевала более года назад на рождественский вечер, организованный для сотрудников управлением полиции Манчестера. Она хорошо помнила тот вечер и его преддверие – томные послеполуденные часы, когда они с Марком предавались любви. Потом он сделал ей горячую ванну, налив в воду, от которой поднимался пар, ее любимое сандаловое масло. Пока она лежала в ванне, Марк сидел рядом на бортике, и они болтали, пили вино. Когда пришло время надевать платье, Эрике показалось, что оно слишком плотно ее облегает. Она расстроилась, сетуя на то, что растолстела. А Марк обнял ее за талию, привлек к себе и сказал, что она – само совершенство. А на вечере ее распирала гордость оттого, что рядом с ней такой мужчина, особенный, который дарит ее теплом своей любви.

Теперь, надев на себя это платье перед крошечным зеркалом в голой сырой спальне, она увидела, что оно висит на ее худосочной фигуре. Эрика закрыла глаза, пытаясь вообразить, что Марк рядом с ней, притягивает ее к себе, обнимает. Тщетно. Она была одна. Эрика смотрела на свое отражение.

– Без тебя ничего у меня не складывается. Жизнь... И вообще... – промолвила она. А потом в голове зазвучал голос Марка: «Слезай с креста, нужны дрова». Эту фразу он всегда повторял, когда считал, что она слишком драматизирует ситуацию.

Несмотря на слезы в глазах, Эрика невольно рассмеялась:

– Предлагаешь, чтобы я взяла себя в руки?

Она отерла глаза и потянулась за косметичкой, к которой не прикасалась многие месяцы. Обычно Эрика предпочитала обходиться

без косметики, но сегодня она облагородила лицо тональным кремом и подкрасила губы. Глядя на себя в зеркало, Эрика задавалась вопросом: зачем она собралась на похороны, зачем снова бросает вызов начальству? Она делала это ради Андреа, ради Каролины, ради Мирки... ради Татьяны.

И ради Марка. Как и в случае с девушками, убийца, лишивший его жизни, не был найден.

* * *

Церковь Милосердной Богоматери и святого Эдуарда на Чизик-Хай-роуд походила на промышленное строение. Ее прямоугольный силуэт из красного кирпича скорее напоминал насосную станцию викторианской эпохи, чем храм божий. На незатейливой высокой башне звонил колокол, но мимо непрерывным потоком проезжал автотранспорт. В сером утреннем свете поблескивал катафалк, окна на заднем фасаде украшали радуги из цветов. Эрика остановилась на противоположной стороне улицы, через дорогу, по которой ехали машины, наблюдая, как в церковь стекаются те, кто пришел проводить Андреа в последний путь.

В затемненной глубине центрального входа она едва различала силуэты Саймона, Джайлза и Дэвида. Одетые в траур, они встречали посетителей и разъясняли им порядок заупокойной службы. Все скорбящие, в дорогих элегантных платьях и костюмах, были гораздо старше Андреа. На глазах у Эрики из глянцевого «мерседеса» выбрались три бывших члена кабинета Тони Блэра, которых Саймон тепло поприветствовал, когда они вошли в церковь. На некотором удалении на тротуаре толпилась небольшая группа фоторепортеров, которым разрешили присутствовать на похоронах. Все они почти с благоговением щелкали затворами.

Это было одно из тех представлений, которое не нуждалось ни в постановке, ни в суфлерах. Безвременно скончалась совсем еще молодая женщина, и люди пришли попрощаться с ней. Конечно, это был еще не последний акт. В один из последующих месяцев Марко Фрост предстанет перед судом, и запутанные грязные подробности жизни Андреа, вне всякого сомнения, будут снова воспроизведены, переkreены и представлены в новом свете. Ну а сегодня близилось к завершению первое действие.

У обочины затормозил роскошный БМВ, из которого выбрались Марш и помощник комиссара Оукли в черных костюмах. Следом, тоже в черном, вышли Марси и изысканная женщина средних лет – супруга помощника комиссара. Быстрым шагом они направились к воротам церкви, остановившись у входа, обменялись парой слов с Саймоном и Джайлзом, обняли Дэвида, который казался жалким и беспомощным, хотя был выше ростом, нежели Джайлз и отец.

Последними прибыли мать Андреа, Линда и пожилая дама с нависающими на глаза веками. Едва лимузин подкатил к тротуару, Линда быстро выскочила из машины, обежала ее и, открыв дверцу с противоположной стороны, помогла Диане выйти из автомобиля. Диана и экономка, имени которой Эрика так и не знала, выглядели в своих траурных туалетах болезненно худыми, эффектными и элегантными. Линда же нарядилась на похороны в бесформенный черный балахон и темный шерстяной пиджак, а на шею повесила большое деревянное распятие. Ее мышиного цвета волосы были аккуратно уложены, но создавалось впечатление, что она острижена под горшок. Лицо без макияжа лоснилось даже на холоде. Фоторепортеры еще больше оживились, защелкали фотоаппаратами. Диана и пожилая дама нагнули головы, но Линда с вызовом смотрела в объективы. Эрика подождала еще несколько минут, пока последние скорбящие не скрылись в церкви, затем перешла через дорогу и тоже вошла.

* * *

В церковь набилось много народу. Эрика села с краю на последнем ряду. Перед алтарем на возвышении стоял усыпанный белыми цветами красивый орнаментированный деревянный гроб. Семья Дуглас-Браун сидела на первом ряду. Едва смолк орган и в церкви водворилась тишина, Диана, заметила Эрика, словно безумная, стала озираться по сторонам. Викарий в накрахмаленном белом облачении, выдвинувшись вперед, ждал сигнала, чтобы начать церемонию. Но Саймон покачал головой. Он склонился под широченные поля шляпы Дианы, и они начали о чем-то совещаться. Линда, склонившись к матери с другой стороны, подключилась к обсуждению. Эрика поняла, о чем они шепчутся: на скамье рядом с ними не было Дэвида. Линда поднялась со своего места, встала перед всем честным народом, буквально в нескольких шагах от гроба, и

поднесла к уху телефон. Викарий со смятенным видом ждал у алтаря. Линда сказала несколько слов в телефон, а потом, очевидно, абонент на другом конце линии связи повесил трубку. Она снова набрала номер и протянула телефон отцу.

– Линда... *Линда*. – Саймон поманил к себе дочь. Раздраженно пыхтя, Линда стояла на своем, но потом все же повиновалась. Отец взял у нее телефон и о чем-то сердито заговорил в трубку. Слов Эрика не могла разобрать, но его гневное гудение эхом разносилось по всей церкви. Публика беспокойно заерзала на скамьях. Вся эта суета, происходившая в непосредственной близости от полированного, усыпанного цветами гроба, плохо вязалась с торжественностью момента. Приглушенный голос Саймона внезапно стих, и Эрика сдвинулась на скамье, пытаясь разглядеть, что происходит.

И вдруг со своего места у двери она услышала тихий звонок мобильного телефона. Саймон встал и, держа телефон у уха, пошел к боковому проходу. Эрика поднялась со скамьи и выскользнула из церкви.

К церкви, задней стороной примыкавшей к высокой стене, со всех сторон подступали дома и магазины. Лишь спереди оставалось место для двора и с одной стороны – для выложенного плитняком узкого тротуара. Дэвид стоял у высокой стены, держа в зубах незажженную сигарету. Телефон он убрал в карман пиджака.

Эрика подошла к нему.

– Огоньку? – предложила она, доставая сигареты и зажигалку.

Несколько мгновений Дэвид пристально смотрел на нее, затем наклонился к зажигалке, ладонями прикрывая пламя, и яростно затащился. На кончике сигареты засветился красный огонек. Эрика тоже закурила и сделала затяжку.

– Вы как? – спросила она, убирая пачку в карман пальто. Дэвид был невероятно худ, с запавшими щеками. Кожа его имела медовый оттенок, под скулами лицо покрывала угревая сыпь, которая, однако, его не уродовала: он был очень даже недурен собой. Природа наградила его такими же карими глазами и полными губами, как у Андреа. Прищурившись, он посмотрел на Эрику и пожал плечами.

– Почему не на церемонии? – спросила Эрика.

– Ерунда это все... Эта показуха, которую спланировали родители, к Андреа не имеет *ни малейшего* отношения. Она была

крикливой, развязной потаскухой, ни на чем не могла сосредоточиться. Но с ней было чертовски интересно, весело. «С ее появлением в комнате становилось светлее». Терпеть не могу эту затасканную фразу, но она точно про нее. Боже, ну почему Андреа, а не Лин... – Дэвид резко замолчал, устыдившись своих слов.

– Линда?

– Нет. Я не то хотел сказать. Хотя Линда так отчаянно стремится быть в центре внимания, что, думаю, она даже готова на то, чтобы быть зверски убитой. Тогда на ее страничке в Фейсбуке появилась бы куда более интересная новость, чем «Я работаю в цветочном салоне и люблю кошек...» – Дэвид расплакался. – Черт, черт, черт! Я же поклялся себе, что мне это не понадобится, – сказал он, вытаскивая из кармана маленькую упаковку салфеток.

– Дэвид, послушайте. Вы будете сожалеть о том, что пропустили службу. Поверьте, это нужно испытать, вам станет легче. Да, понимаю, еще одна избитая фраза.

Дэвид высморкался и достал из пачки новую салфетку.

– А вы зачем пришли? – спросил он.

– Проводить в последний путь.

– Между прочим, родители именно вас винят в том, как освещает события пресса.

– А вы что думаете?

– Я думаю, что Андреа всегда честно признавала, что ей нравится зажигать с мужиками, нравится секс.

– А как же Джайлз?

– В ней он видел ценную добычу. Хотел заполучить в ее лице породистую жену, которая улучшила бы его генофонд. У них в роду слишком много родственных браков. Вы же, наверно, обратили внимание, что он на уродца смахивает.

– На уродца?

– На карнавального шута...

– Ну да.

– Простите, я веду себя как скотина.

– Имеете право. Во всяком случае, сегодня, – сказала Эрика.

– Да. А убийцу вы поймали. Марко Фроста.

Эрика затянулась сигаретой.

– Вы не верите, что это он убил, да?

– Как мама ваша? – спросила Эрика.

– Если хотите увести разговор в сторону, могли бы задать менее глупый вопрос. Вы ведь на вид далеко не глупая женщина, – заметил Дэвид, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Ладно. – Эрика достала копию фотографии Андреа с темноволосым мужчиной в баре. – Видели этого человека?

– Плавный переход, – съязвил Дэвид.

– Дэвид. Прошу вас. Это очень важно, – сказала Эрика, наблюдая за его лицом. Он взял у нее фотографию и стал рассматривать, покусывая губу.

– Нет.

– Вы уверены?

– Да.

– Линда в тот вечер тоже там была.

– А я нет, – заявил Дэвид.

– Глазам своим не верю. – Эрика повернулась на голос и увидела, что к ним по двору направляется Саймон. Голова его клонила набок, глаза сверкали гневом. Следом на высоких каблуках семенила Диана. Ее лицо пряталось в тени широких полей шляпы.

– У вас вообще нет совести? – Саймон остановился прямо перед Эрикой, приблизив к ней свое лицо. Она не отступила, смело встретив его взгляд.

– Дэвид, почему ты не в церкви? – спросила Диана срывающимся голосом, тоже подходя к ним.

– Я спрашивала у Дэвида, не знает ли он этого человека. Этот человек, я считаю... – начала Эрика. Саймон вырвал у нее фото, скомкал его и швырнул на землю. Потом схватил Эрику за локоть и потащил через двор.

– Меня уже тошнит от вас. Что вы все суете нос в мои дела?! – орал он. – Эрика попыталась высвободиться, но он крепко держал ее, таща к дороге.

– Я стараюсь ради вас, ради Андреа... – сказала Эрика.

– Нет. Вы стараетесь ради собственной вонючей карьеры. Еще раз увижу вас рядом с кем-то из членов моей семьи, добьюсь, чтобы вас приструнили запретительным судебным приказом. Мой адвокат утверждает, что у меня есть на то все основания!

Они дошли до дороги. Мимо как раз проезжало такси. Саймон поднял руку, и такси, подкатив к обочине, остановилось прямо возле них. Саймон рывком открыл дверь и грубо втокнул Эрику в салон, так что она ударилась головой о дверцу.

– Увезите эту дрянь подальше отсюда, – рявкнул он в окно водителю, кинув ему купюру в пятьдесят фунтов.

Эрика смотрела на Саймона. Его карие глаза пылали бешенством.

– С вами все хорошо, милая? – спросил таксист, глядя на нее в зеркало заднего обзора.

– Да, езжайте, – ответила она.

Такси влилось в поток движения. Эрика обернулась. Саймон провожал ее злым взглядом. Дэвид, под руку с матерью, медленно направлялся к церкви.

Через кожаную ткань куртки Эрика потерла свою руку, которая все еще горела после жесткой хватки Саймона.

Глава 46

Спустя несколько часов Эрика прибыла к крематорию Брокли. Он располагался на небольшой жилой улице, в стороне от центральной дороги и в шаговой доступности от ее квартиры. Эрика пошла по извилистой подъездной аллее, мимо высоких вечнозеленых деревьев, и у двустворчатых стеклянных дверей крематория увидела сержанта Вулфа. Тот был в несуразном костюме; его дряблые щеки покраснели от холода.

– Спасибо, что пришли, босс, – поблагодарил он.

– Вы это хорошо придумали. – Эрика взяла его под руку, и они вошли в здание. Часовня, даром что на вид немного казенная, оставляла благоприятное впечатление. Занавеси из ткани спокойного красного цвета, выцветший ковер, ряды деревянных скамеек со щербинами.

Впереди на обшитом деревом коробе, который при близком рассмотрении оказался транспортером, стоял небольшой картонный гроб.

На скамье в первом ряду с тремя внуками Айви сидела социальный работник – индианка средних лет. Детей умыли, искупали, привели в порядок: девочек нарядили в одинаковые синие платьица, мальчика – в костюм, который был ему великоват. Все трое встретили Эрику с Вулфом настороженными взглядами исподлобья, какими взирали на весь остальной мир. Ближе к выходу сидели еще три человека, пришедшие проводить покойную в последний путь: крупная женщина, которую Эрика видела с Айви в пабе, и еще одна – худая крашенная блондинка с черными у корней волосами и обветренным лицом. За ними сидел владелец «Короны» – рыжеватый блондин с прилизанными волосами, который и в элегантном костюме казался таким же огромным и внушительным. Он кивнул Эрике, когда они с Вулфом сели на скамью у самой двери.

Священник поднялся и почтительно-бесстрастным тоном забубнил молебен, на протяжении всей службы называя покойную Айви Нортон. Затем всех попросили произнести молитву «Отче наш», а после, к удивлению Эрики, со скамьи встал Вулф. Протиснувшись

мимо нее, он прошел к кафедре, надел очки, сделал глубокий вдох и стал читать:

*Когда я уйду, ты меня отпусти,
Впереди у меня много дел.
Не тоскуй и не плачь обо мне,
Лучше радуйся счастью, что было и есть.*

*Я любила тебя, и за всю нашу жизнь
Столько счастья ты мне подарил.
За любовь и за радость спасибо тебе,
Только дальше пойду я одна.*

*Горе будет, но горе пройдет,
Ведь расстались мы не навсегда.
Ты меня вспоминай, и тогда
Буду жить я рядом с тобой.*

*Я рядом, пока продолжается жизнь,
Позови, и я появлюсь.*

*Ты не видишь меня, но я здесь,
Ты услышь меня сердцем своим,
И почувствуй любовь, что чиста и нежна.*

*Придет время, мы встретимся вновь,
И вечной станет любовь.*

К концу выступления Вулфа у Эрики по лицу струились слезы, и она почти злилась на себя. Ожидала, что ей придется сидеть на печальной церемонии, с которой нельзя уйти, а тут такое трогательное красивое стихотворение. Оно глубоко взволновало ее, перенесло туда, где она не хотела быть. Вернувшись на свое место и увидев, что Эрика плачет, Вулф смущенно кивнул ей и вышел из часовни. Заиграла музыка, гроб с Айви покатали к занавесям, которые с жужжанием раздвинулись и снова закрылись.

* * *

Вулф ждал Эрику у разбитых кругом небольших пустых клумб близ центрального входа.

– Все нормально, босс? – спросил он, когда она вышла на улицу.

– Да, вполне. Красивое стихотворение, – сказала Эрика.

– Только что нашел в Интернете. Называется «Тем, кого я люблю и кто любит меня». Неизвестного автора. Я подумал, Айви заслужила, чтобы ее проводили добрым словом, – смущенно объяснил Вулф.

– На поминки идете? – Они обернулись на голос и увидели хозяина «Короны».

– А вы поминки устраиваете? – спросила Эрика.

– Да так, выпьем по чуть-чуть. Айви была у нас завсегдаем.

Взгляд Эрики упал на двух женщин – толстую и худую. Они курили под деревом в небольшом мемориальном садике.

– Подождите, я сейчас. – Эрика поспешила прочь, на ходу доставая из сумки копию фото Андреа с брюнетом.

– Ну ты и наглая баба, – сказала Эрике крупная женщина, когда она подошла к ним.

– Мне нужно кое-что у вас спросить... – начала Эрика, а женщина вдруг отклонила назад голову и плюнула ей в лицо.

– Ишь, явилась сюда, слезы лила крокодиловы. А ведь это из-за тебя Айви убили, гадина!

Важно ступая, она зашагала прочь. Потасканная блондинка осталась стоять на месте, глядя на потрясенную Эрику.

– Да-да, из-за тебя, – подтвердила она и добавила: – И нам ничего не известно. – Бросив мимолетный взгляд на фото, блондинка последовала за своей толстой товаркой. Эрика нашла в сумке салфетку и вытерла лицо.

* * *

Вернувшись, она увидела, что Вулфа нет, но хозяин «Короны» все еще ждет ее.

– Приятеля вашего вызвали по телефону, и он ушел, – сообщил тот. – Выпить не желаете?

– Вы действительно хотите – после того, что было в прошлый раз, – чтобы я пришла к вам в паб?

– Ну, как вам сказать? Мне импонируют упрямые блондинки. – Широко улыбаясь, он пожал плечами. – Пойдемте, вы у меня в долгу.

Я спас вам жизнь.

– Свидание на поминках. Что может быть соблазнительнее... простите, мне надо бежать.

– Как угодно, – сказал он. – Это тот, кого вы ищете? Джордж Митчелл?

Эрика замерла.

– Что?

– Я про фото, – объяснил хозяин «Короны». – Что еще там Джордж натворил?

– Вы знаете этого человека?

– Слышал, – рассмеялся он. – Правда, другом я бы его не назвал.

Эрика показала ему фото.

– Этого человека зовут Джордж Митчелл?

– Да. Теперь вы меня пугаете. С ним ведь шутки плохи. Мне это никак не повредит?

– Нет. Вы знаете, где он живет?

– Нет, и это мое последнее слово. Больше я ничего не знаю. И вам я ничего не говорил, ладно? Слышите, я серьезно?

– Да. Хорошо, – пообещала Эрика. Забыв про свое приглашение, хозяин «Короны» покинул крематорий, сел в свою машину и покатил прочь. Эрика проводила его взглядом, потом снова повернулась лицом к низкому зданию. Территория вокруг него была идеально ухожена. Из длинной высокой трубы вилась струйка черного дыма.

– Прощай, Айви. Теперь ты свободна, лети на все четыре стороны, – взволнованно произнесла Эрика. – Кажется, я только что нашла негодяя, который тебя убил.

Глава 47

Шел одиннадцатый час. Эрика оставила несколько сообщений Мосс, Питерсону, Крейну и даже Вулфу. Она пыталась дозвониться им в отделение, но поскольку никого из них на месте не оказалось, она отправила им эсэмэски на мобильные телефоны.

Она понятия не имела, на службе они в этот час или нет, но догадывалась, что в отличие от нее у каждого из них есть личная жизнь. По возвращении с похорон она отправилась в кофейню и там попыталась в Интернете отыскать информацию о Джордже Митчелле. Ничего стоящего или интересного не нашла.

Эрика прошла к холодильнику, хотела налить себе еще бокал вина, но увидела, что бутылка пуста. Внезапно она почувствовала, что смертельно устала. Ей нужно выспаться.

Она погасила свет, прошла в ванную и долго стояла там под горячим душем. Когда выключила воду, ее окутали холодный воздух и клубившийся пар, что вызвало у нее раздражение. Она скучала по роскошной ванной в своем доме, который теперь сдавался в наем, и вообще скучала по своему дому. По своей мебели, по старой кровати, по саду. Она снова попыталась включить вытяжку и в итоге просто вытерла запотевшее зеркало. Если к утру никто из коллег не объявится, она нанесет визит в отделение полиции Луишем-Роу, решила Эрика.

Забравшись в постель, она снова попыталась вызвонить Питерсона, потом Мосс. Каждому из них она оставила сообщение, повторив, что ей известно имя мужчины с фотографии. Потом, раздосадованная и расстроенная, Эрика погасила свет.

* * *

Близилась полночь, Эрика спокойно спала. Мимо ее дома прошли пассажиры с последнего поезда, и на улице снова все стихло. В окно гостиной проникал свет уличных фонарей, добивая до стены ванной. Эрика повернулась во сне, сдвинула голову на подушке. Она не слышала, как вентилятор в ванной вывалился из отдушины и повис на шнуре, раскачиваясь и задевая стену.

* * *

Эрика внезапно проснулась, хотя ей ничего не снилось. В темноте на тумбочке светились красным цифры на часах: 00:13. Она поправила подушку и только собралась закрыть глаза, как услышала очень тихий скрип. Эрика задержала дыхание. Скрип повторился. Спустя несколько секунд зашелестели бумаги в гостиной, потом, тихо-тихо, выдвинулся ящик в шкафу. Ее взгляд заметался по комнате в поисках оружия, какого-нибудь предмета, который можно было бы использовать для защиты.

Ничего подходящего. Но потом взгляд упал на лампу, что стояла на тумбочке. Она была металлическая и тяжелая, как подсвечник. Не сводя глаз с двери, Эрика очень медленно и беззвучно перегнулась на кровати и вытащила шнур из розетки. С затаенным дыханием она намотала шнур на ножку лампы и услышала слабый скрип прямо за дверью спальни.

Сжимая в руке лампу, Эрика осторожно встала с кровати. Снова скрип, теперь где-то дальше по коридору. Она замерла, прислушиваясь. Тишина. На цыпочках Эрика прокралась к стене, туда, где на полу заряжался ее мобильник. Включила его, жалея, что в квартире нет стационарного проводного телефона. Снова послышался скрип, на этот раз доносившийся от ванной. Она надеялась, что человек, проникший в квартиру, уже понял, что брать здесь нечего, и скоро уйдет. Все так же крадучись, Эрика пошла к двери, стараясь бесшумно ступать голыми ногами по деревянному полу, и вдруг тишину пронзил сигнал телефона, оповещавший о том, что аппарат загрузился.

Черт, надо ж так по-глупому подставиться. У нее участилось сердцебиение. Тишина, потом шаги, приближающиеся к ее спальне. Теперь уже не крадущиеся, а полновесные, уверенные. Незванный гость больше не боялся, что его услышат.

Все произошло внезапно: дверь распахнулась, и на нее набросилась черная с ног до головы фигура, рукой в черной перчатке схватившая ее за горло. В прорезях балаклавы блестели глаза. Эрику шокировала сила, заключенная в руке, которая плющила ее гортань и трахею. Она попыталась схватить лампу, но та выскользнула из руки на постель. Продолжая стискивать ее горло, мужчина толкнул Эрику на кровать.

Она брыкалась, дрыгала ногой, но мужчина ловко извернулся боком и бедром прижал к кровати обе ее ноги. Эрика попыталась сдернуть с его головы балаклаву и почувствовала, как острые локти пригвоздили к кровати ее плечи.

Руки все туже смыкались на ее шее. Она не могла дышать, вообще ничего не могла. Из ее открытого рта на подбородок стекала слюна. Казалось, кровь прилила к голове и к лицу, а его руки продолжали сдавливать шею – сильнее и сильнее. Эрика боялась, что голова ее взорвется до того, как ее задушат. Мужчина не издавал ни звука. Действовал с полнейшим самообладанием: дыхание ритмичное, руки чуть дрожат от напряжения.

Боль становилась невыносимой. Большие пальцы впивались, вминались в горло. У Эрики перед глазами замелькали черные точки. Они множились, уплотнялись.

И вдруг – звонок в дверь. Давление на дыхательные пути усилилось, в глазах темнело. Снова звонок, более продолжительный. Потом громкий стук в дверь и голос Мосс:

– Босс, вы дома? Простите, что так поздно. Нужно поговорить...

Эрика знала, что умрет. Она не могла противостоять такой мощной силе. Она пальцами нащупала лампу, что лежала рядом с ней на кровати. Глаза заволакивала чернота. Собрав остатки сил, она толкнула пальцами лампу. Та чуть сдвинулась с места. Мосс снова забарабанила в дверь. Из последних сил Эрика пихнула лампу. Та соскользнула с кровати и с грохотом свалилась на пол, лампочка разбилась.

– Босс? – Мосс заколотила в дверь. – Босс? Что там у вас? Я выбью дверь!

Внезапно давление на горло прекратилось, мужчина выскочил из спальни.

Эрика лежала, конвульсивно открывая рот, пытаясь пропихнуть в легкие через измочаленное горло хотя бы капельку воздуха. Глухой стук. Мосс пыталась выбить дверь. Эрика поднатужилась – один раз, второй – и наконец вздохнула. Организм стал постепенно наполняться кислородом, к ней вернулось зрение. Нечеловеческим усилием воли она заставила себя подползти к краю кровати и оттуда бухнулась на деревянный пол. В руку вонзились осколки разбитой лампочки. Она

поползла к двери, совершенно не думая о том, что незваный гость, возможно, еще в квартире. Ей было абсолютно все равно.

Снова удар в дверь, сильнее: Мосс с разбегу попыталась выбить ее плечом. С третьей попытки ей это удалось. Дверь с треском распахнулась.

– Боже мой, босс! – вскричала Мосс, ринувшись к лежавшей на полу Эрике. Та все еще хватала ртом воздух, держась за горло. Из глубокого пореза на руке хлестала кровь, заливавшая ее подбородок и шею. С посеревшим лицом она обмякла на полу в дверном проеме спальни.

– Босс, черт, что случилось?

– Кровь... только рука, – прохрипела Эрика. – Кто-то... был... здесь...

Глава 48

Мосс, не медля, вызвала подкрепление, и в считанные минуты квартира Эрики наполнилась полицейскими. Потом прибыли эксперты-криминалисты. Они взяли соскобы из-под ее ногтей и с шеи и сказали, что им необходимо забрать всю ее одежду.

Пожилая дама из соседней квартиры поначалу не хотела открывать дверь Мосс, но, увидев снующих по лестнице полицейских, врачей «скорой помощи» и криминалистов, смягчилась ипустила их.

На Эрику надели белый комбинезон, так как теперь каждая ее вещь, каждый пяточок в ее квартире являлись частью места преступления. Два врача «скорой помощи», поднявшись в квартиру ее соседки, принялись перевязывать Эрике порезанную руку. Сама она в это время сидела на маленьком диване в гостиной старушки. На стене в клетке порхали и клевали зернышки два волнистых попугайчика.

– Милочка, давайте я налью вам чаю? – предложила старушка.

– Горячий чай ей нельзя, – сказал врач-мужчина, вместе со своей коллегой осматривавший Эрику.

Над каминной полкой висело под наклоном зеркало в золоченой оправе, в котором отражалась вся гостиная. Эрика увидела свое отражение. На шее у нее багровели воспаленные рубцы, белки глаз покрывала сеточка розовых прожилок. В углу левого глаза расплывалось красное пятнышко.

– В левом глазу у вас лопнул сосуд, – подтвердил врач, посветив ей фонариком в глаза. – Откройте рот. Будет больно, но вы уж постарайтесь как можно шире.

Эрика с трудом проглотила слюну и открыла рот.

Врач посветил фонариком ей в горло.

– Так, хорошо. Теперь, не закрывая рот, сделайте вдох...

Эрика попыталась, но начала давиться.

– Так, спокойнее... Хрящи гортани целы, отека верхних дыхательных путей я тоже не вижу.

– Это ведь хорошо, да? – спросила Мосс, появившись в дверях. Врач кивнул.

– Тогда, может, выпьете чего-нибудь холодненького? У меня в холодильнике есть приятный напиток из черной смородины, –

предложила пожилая дама. На ней был длинный халат, а на голове, под сеточкой – ровные рядочки синих папилюток.

– Дайте немного обычной воды, – посоветовала женщина-врач. – Вы еще что-то повредили? Помимо руки, – добавила она, поворачиваясь к Эрике. Та, морщась, покачала головой.

– Босс, побудьте пока здесь. Я схожу поговорю с ребятами, что работают у вас в квартире. – Мосс ушла.

– Мы подождем внизу, вам на руку надо швы наложить, – сказала женщина-врач, наложив на порез тугую повязку. Эрика кивнула. Врачи «скорой помощи» закрыли свой чемоданчик и ушли. В гостиную со стаканом воды вернулась пожилая соседка. Эрика с благодарностью взяла у нее стакан и осторожно отпила глоток. Поперхнулась, закашлялась. Старушка бросилась к ней с салфеткой.

– Попробуйте еще раз, ма-а-аленькими глоточками, – произнесла она, держа салфетку у Эрики под подбородком. Эрике удалось проглотить немного воды, но в горле ощущалось мучительное жжение.

– Наш район... – продолжала женщина. – Я переехала сюда в 1957 году. Тогда все знали друг друга. Двери можно было не закрывать. Жили как одна большая община. А сегодня что... Недели не проходит, чтобы кого-нибудь не ограбили, к кому-то не залезли... Видите, я даже решетки на окна поставила, и у меня есть личная «тревожная» кнопка.

Она показала на маленькую красную пуговку, висевшую у нее на шее. В дверь постучали. Старушка пошла открывать и через минуту вернулась.

– Здесь высокий чернокожий парень. Говорит, он сотрудник полиции, – доложила она, с опаской входя в гостиную в сопровождении Питерсона.

– Бог мой, босс! – воскликнул тот.

Эрика слабо улыбнулась.

– Вы его босс? – удивилась старушка. Эрика пожала плечами, потом кивнула.

– Вы работаете в полиции?

– В должности старшего инспектора, – ответил за Эрику Питерсон. – Мы задействовали кучу народу на поквартирный обход. Пока ничего... Кто бы это ни был, он смылся.

– *Боже мой.* Подумать только! Если уж такое случилось со старшим инспектором полиции, что же тогда говорить о нас, простых

смертных?! А вы кто? – спросила старушка Питерсона.

– Сотрудник полиции.

– Это понятно, дорогой. По должности вы кто?

– Инспектор, – ответил Питерсон.

– Знаете, кого вы мне напоминаете? – спросила старушка. – Как называется та передача про чернокожего полицейского?

– «Лютер»^[16], – ответил Питерсон, сиюсь скрывать свое раздражение.

– Ах да, «Лютер». Он очень хорош. Вам кто-нибудь говорил, что вы немного похожи на него?

Несмотря на все произошедшее, Эрика улыбнулась.

– Говорили и говорят. Обычно такие, как вы, – сказал Питерсон.

– О, спасибо, – поблагодарила старушка, не поняв его иронии. – Я стараюсь смотреть по телевизору только качественную драму, а не эти так называемые реалити-шоу. А Лютер в какой должности?

– Кажется, старший инспектор. Послушайте...

– Ну, раз он дослужился до старшего инспектора, значит, и вы дослужитесь, – заключила пожилая дама, потрепав его по плечу.

– Прошу прощения, мэм, но не могли бы вы на минутку оставить нас одних? – попросил Питерсон. Женщина кивнула и вышла из комнаты. Питерсон закатил глаза. Эрика попыталась улыбнуться, но всякое движение лицевых мышц отдавалось болью.

– Вот черт. Простите, босс. – Питерсон вытащил свой блокнот, пролистал его до чистой страницы. – Что-нибудь взяли?

Эрика покачала головой, потом пожала плечами. Питерсон задавал ей стандартные вопросы, в ответ на которые она только могла кивать или тряссти головой, но в принципе, кроме того, что нападавший был рослым и сильным, никакой другой информацией она не располагала.

– Обидно. – Превозмогая боль, Эрика сдавленно сглотнула слюну. – Надо было... – Она жестами показала, что ей следовало сдержнуть с нападавшего балаклаву.

– Босс, не корите себя. Задним числом всегда легко судить, – заметил Питерсон. Вернулась Мосс с коробом от вытяжки в руках.

– Он проник через вентиляционную трубу, – сообщила она.

– Это был... не знаю... мне кажется, это был он, – прохрипела Эрика.

– Босс, эксперты будут здесь работать всю ночь. Вам есть где остановиться? – спросил Питерсон.

– В отеле, – просипела Эрика.

– Нет, босс, вы поедете со мной, – заявила Мосс. – У меня есть свободная комната. Подберу вам кое-что из одежды... В таких нарядах, как у вас, стилиги конца 90-х щеголяли по клубам.

Эрика снова попыталась рассмеяться, но помешала боль. Как это ни парадоксально, но она была довольна. Он пришел, чтобы ее убить. Значит, она на верном пути.

Глава 49

Незнакомец, вопя и беснуясь в машине, мчался по Камберуэлл-Хай-стрит, не заботясь о том, что превышает скорость.

У меня ведь почти получилось. ПОЧТИ!

У него раздувались ноздри, из глаз струились слезы. Слезы ярости и боли. Вспомнить страшно, как он выбирался из квартиры Фостер. Чуть не рухнул вниз с задней стены дома – еле удержался. Потом неудачно прыгнул на кирпичную стенку, оттуда скатился на тротуар. Не обращая внимания на боль, бежал в темноте на свет уличных фонарей. Бежал и бежал, обливаясь потом, не заботясь о том, что кто-то может его увидеть. Страх и боль придавали сил, выливаясь в последний всплеск безумной энергии.

Он ведь подобрался к ней вплотную. Свет в ее глазах только-только начал меркнуть, и вдруг...

На лобовое стекло неслись красные огни светофоров. Незнакомец нажал на тормоза, машина с визгом остановилась, чуть наехав на перекресток. На углу одной из улиц стоял паб, из которого вывалилась компания студентов. Они облепили машину, смеясь и показывая пальцами.

Черт, я не снял балаклаву.

Несколько студентов, проходя мимо, постучали по задку машины. Девушки, проходя перед машиной, приковались взглядами к лобовому стеклу.

Успокойся, открой лицо, веди себя как они – как обычный безбашенный студент.

Незнакомец церемонным движением стянул с головы балаклаву и стал корчить рожи студентам, смотревшим на него через стекло. Должно быть, в его лице все еще просвечивало безумие, потому что девушки завизжали, отпрянули от машины, а один парень согнулся, и его стошнило прямо у окна.

Загорелся зеленый свет, незнакомец с визгом рванул с места и помчался в сторону стадиона «Овал» и моста Блэкфрайарз.

Она ничего не видела, не могла видеть. Лица не было видно. Оно было скрыто...

Страх сменился гневом.

Она не дала мне совершить убийство.

Глава 50

Мосс отвезла Эрику в Луишемскую больницу, где ей сделали рентген горла и на порезанную руку наложили двенадцать швов. Эрике предписали неделю соблюдать покой и – самое главное – не разговаривать.

В пятом часу утра они приехали домой к Мосс. Возбуждение постепенно улеглось, и Эрику сковала усталость. Сотрясаясь мелкой дрожью, она вслед за Мосс прошла через калитку к опрятному домику в Лейдиуэлле. Дверь им открыла миловидная блондинка, баюкавшая на руках темноволосого малыша в голубой пижаме.

– Он проснулся. Так что по-быстренькому поздоровайся с ним, и я снова его уложу, – сказала она.

– Прости, не успела приехать ко сну. – Мосс взяла мальчика на руки, и они вошли в дом. Она смачно поцеловала малыша в щеку. Тот потер глаза, робко улыбнулся. – Моя жена Силия и наш сын Джейкоб, – представила Мосс свою семью, когда они ступили в уютную прихожую.

– Привет, Эрика, – поздоровалась Силия, не зная, как реагировать на ее травмированную шею, розовые глаза и бесформенный комбинезон для осмотра места преступления.

– Ты прилетела из космоса? – спросил Джейкоб с абсолютно серьезным выражением на маленьком личике. Эрика слабо улыбнулась, и они все рассмеялись. Лед был сломан.

– Нет... – просипела Эрика.

– В космосе преступников нет. Там, я уверена, все очень спокойно, – сказала Силия. – Я пойду уложу малыша. А вы, Эрика, располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Душ хотите принять?

Эрика кивнула.

– Кейт, возьми в шкафу полотенце для Эрики, пока я буду укладывать Джейкоба. Пожелай спокойной ночи, Джейкоб.

– Спокойной ночи, Джейкоб, – повторил мальчик с улыбкой.

– Постель в гостевой готова, я положила туда грелку, – добавила Силия.

Мосс поцеловала Силию с Джейкобом, и они ушли.

– Хорошая у вас семья, – прохрипела Эрика. Не зная, куда себя деть, она присела на краешек дивана.

– Врач велел вам молчать, босс... Спасибо. Мне очень повезло. Джейкоб появился несколько лет назад. Силия его родила. Я бы хотела иметь дочку. Мы всегда говорили, что каждая родит по одному. Но... работа, работа.

Эрика что-то квакнула.

– Вы что-то сказали?

Эрика досадливо затрясла головой, потом просипела:

– Не затягивайте... с детьми.

Понимающе кивнув, Мосс вышла на кухню и вернулась с двумя бокалами апельсинового сока. В том, что предназначался для Эрики, была соломинка.

– Вам нужно подпитать организм сладеньким.

Какое-то время они молча потягивали сок.

– Я поручила одному из ночных дежурных поискать в базе данных Джорджа Митчелла. Пусто.

Эрика сглотнула сок и покачала головой.

– Босс, вас только что пытались убить. Думаете, здесь есть связь?

Эрика почувствовала, что силы ее иссякли. И не важно, что было тому причиной – шок или изнурение. Ей было все равно. Она хотела спать. Она кивнула, затем, глянув на свой комбинезон, спросила:

– Душ?

– Да, босс, конечно, – ответила Мосс. С минуту она смотрела на Эрику. С тревогой и жалостью во взгляде.

* * *

Эрика долго стояла под душем, вытянув в сторону перевязанную руку, чтобы не намочить. Вдыхала пар в надежде, что это хоть как-то уймёт дикое жжение в горле. После душа она надела пижаму, что одолжила ей Мосс, и посмотрела на себя в зеркало в ванной. Глаза на выкате, белки розовые, шея спереди вспухла, как у жабы. Она открыла аптечку, рассчитывая найти там что-нибудь успокоительное или снотворное, но в шкафчике лежали только болеутоляющие средства и еще упаковка *Night Nurse* [17]. Морщась от нестерпимой боли, Эрика осторожно проглотила одну таблетку.

Когда она вышла из ванной, в доме уже было темно и тихо. Лишь в коридоре горел ночник. По пути в гостевую она остановилась у

приоткрытой двери в комнату Джейкоба. Мальчик крепко спал под синим одеялом. Над его кроватью вращалась, отбрасывая на стены мягкий свет, подвесная музыкальная карусель, наигрывавшая колыбельную.

Мосс почти каждый день рисковала жизнью, имела дело с психами, которые пускали в ход холодное и огнестрельное оружие, с мстителями и обиженными. Джейкоб спал, мирно посапывая в своей кровати. Его мир состоял из двух мамочек, игрушек, подвесной карусели, которая размеренно вращалась над его головой, убаюкивая своей затихающей мелодией. Впервые Эрика задумалась, а стоит ли оно того. Арестовываешь одного преступника, его место занимают десять новых.

Крошечная гостевая комната находилась в самой глубине дома. Эрика забралась в односпальную кровать, укрылась с головой и попыталась заснуть. Каждый раз, закрывая глаза, она видела нависший над ней грозный силуэт, который выдавливал из нее жизнь. Непроницаемое лицо под шерстяной маской, два глаза, поблескивающих в полумраке.

Судьба ли так распорядилась, что Мосс постучала к ней в дверь в самый критический момент? Почему Эрика избежала смерти? Марк был гораздо лучше нее во всех отношениях. Добрый, терпеливый. Блестящий полицейский. Он завоевал себе особое место в этом мире. Сделал много хорошего и мог бы сделать еще больше.

Почему его смерть забрала, а ее пощадила?

Глава 51

Эрика гостила у Мосс и Силии несколько дней. Поначалу, изнуренная донельзя, она еще умудрялась спать. Но вскоре ее стали донимать боль в горле и в руке, невозможность общения и крошечная гостевая комната в доме Мосс, где у нее начинала развиваться клаустрофобия.

Силия старалась изо всех сил: приносила Эрике на подносе теплые супы и журналы. И малыш Джейкоб ее навещал, когда возвращался домой из детского сада. Пару раз он приносил с собой маленький DVD-проигрыватель, и они, сидя в кровати, смотрели мультфильмы «Миньоны» и «Отель “Трансильвания”»[\[18\]](#).

Эрика снова и снова анализировала подробности дела, которое она расследовала. Вспоминала, как было обнаружено тело Андреа, потом встречу с ее родными – с Саймоном и Дианой, которые так были заняты своими делами, что детей воспитывали опосредованно, на расстоянии вытянутой руки. Между Линдой и Дэвидом не было ничего общего, и с Андреа их связывали совершенно разные отношения, но ни тот ни другая понятия не имели, чем занималась их сестра в вечер своего исчезновения. Им было неизвестно, зачем Андреа отправилась в помоечный сомнительный паб в южной части Лондона на встречу с Джорджем Митчеллом и некой, пока еще неустановленной блондинкой. Правда, в тот роковой вечер Андреа и ее собеседников случайно увидела Айви Норрис. И еще барменша Кристина. Но от них уже толку мало, они ничего не расскажут.

Есть еще три убитые девушки. Все мигрантки, как и она сама. Поэтому Эрика отказывалась называть их проститутками. Есть какая-то связь между ними и Андреа? Или они просто оказались не в том месте не в то время? Есть еще Марко Фрост, которого старший инспектор Спаркс определил в главные подозреваемые на основании косвенных, но правдоподобных улик, которые связали его с Андреа.

Детали дела в голове Эрики переплетались и скручивались в некую гигантскую «кошкину люльку»[\[19\]](#). Но где-то отсутствовало одно звено. Что-то такое, что могло связать человека, который пытался убить Эрику, с остальными убийствами.

Этот человек во сне навещал Эрику, но когда он хватал ее за горло, ей удавалось сорвать с его головы балаклаву и увидеть лицо.

И каждый раз это было другое лицо: Джорджа Митчелла, Саймона Дуглас-Брауна, Марка, Дэвида, Джайлза Осборна, даже Линды. В своем последнем сне, сдернув балаклаву с нападавшего, Эрика увидела Андреа такой, какой ее выловили из-под льда: глаза вытаращены, зубы оскалены, в мокрых длинных темных волосах застряли листья.

Шли дни. Марш все не звонил. Мосс была занята на работе – ходила на судебные заседания, принимала участие в других расследованиях, и лишь вечерами ей удавалось немного поговорить с Эрикой. В полицейской базе данных на Джорджа Митчелла ничего не нашлось, его фамилия не значилась ни в списках избирателей, ни в базах данных финансовых организаций. Правда, появилась одна маленькая зацепка: фолликул волоса, обнаруженный на пижаме Эрики. Не исключено, что он принадлежал нападавшему, но в базе данных ДНК совпадений не нашли.

На четвертое утро горло у Эрики стало заживать, она начала разговаривать. Эрика понимала, что рано или поздно ей придется вернуться в свою квартиру. Она поблагодарила Силию, обняла на прощание маленького Джейкоба. Тот подарил ей свой рисунок, на котором изобразил Эрику в белом защитном балахоне, она поднималась на борт «летающей тарелки», чтобы отправиться в космос вместе с миньонами.

Рисунок Джейкоба в полной мере отражал ее нынешнее состояние.

Они ехали в тишине. Мосс со своего места за рулем искоса поглядывала на Эрику. Та была в одежде, позаимствованной у Силии.

– Босс, вы как?

– Нормально.

– Что намерены делать?

– Не знаю. Смотаю оградительную ленту, потом поеду навещу свекра.

– А что с расследованием?

– Найдите Джорджа Митчелла, Мосс. Он – ключ к разгадке.

– Но как же вы?

– А что я? Меня отстранили. Самое разумное – дожидаться слушания, на котором, бог даст, я сумею вернуть себе удостоверение, не потеряв собственного достоинства. Впрочем, на достоинство мне плевать, но вот без удостоверения я как без рук.

Они подъехали к дому Эрики.

– Спасибо за все. Я очень вам благодарна, – сказала Эрика.

– Хотите, я зайду с вами?

– Не надо. Вам надо на работу.

– Я не брошу это дело, босс, – пообещала Мосс.

– Знаю. Только ведь у вас семья. Делайте то, что должны.

* * *

В квартире, когда Эрика поднялась туда, царил беспорядок. На всех поверхностях лежал слой магнитного порошка, который используют для снятия отпечатков пальцев. Поперек входной двери все еще была натянута оградительная лента. Эрика прошла в спальню и остановила взгляд на кровати. На пуховом одеяле сохранились очертания ее тела и длинных ног нападавшего. Под коленями, которые он прижимал тяжестью своего тела, вмятины были глубже. Эрика дернула за край одеяла, и отпечаток разгладился. Она быстро собрала чемодан и прошла в ванную за туалетными принадлежностями. На зеркале тоже темнел слой дактилоскопического порошка; отдушина, где прежде находилась вытяжка, была перетянута лентой. Она покинула дом и покатила чемодан к станции. День выдался холодным и ясным. Она остановилась у кофейни напротив станции, решив, что попробует выпить кофе, даже если будет больно.

– С сахаром, или вы и без того сладкая? – уточнил, улыбаясь, симпатичный официант с пирсингом на губе, принимая у нее заказ.

– Мне надо подсластиться, – ответила Эрика.

– Устроим.

Она наблюдала за тем, как официант готовит кофе. Подавая стакан, он подмигнул ей. Эрика улыбнулась в ответ и пошла через дорогу к станции.

– Доброе утро. Надеюсь, вы не станете курить на моей платформе, – обратился к Эрике уже знакомый ей работник станции, открывая билетный автомат рядом с тем, у которого она остановилась.

– Нет, я бросила, – ответила Эрика. Она выбрала билет в одну сторону до станции Манчестер Пикадилли и сунула в автомат

кредитную карту.

– Вот это вы молодец, милая, – похвалил ее железнодорожник, закрывая билетный автомат. Широко улыбнувшись, он зашагал в вестибюль. В маленький металлический кармашек упал билет Эрики.

На платформе народу было не очень много. Она достала телефон и позвонила Эдварду. Он снял трубку после нескольких гудков. Узнав ее, мгновенно оживился. Объяснив, что она едет к нему в гости, Эрика добавила:

– Надеюсь, я не слишком внезапно?

– Нет, ну что ты, родная. Постель в гостевой приготовлю, и все дела. – Голос его наполнился счастьем. – Звякни нам, когда будешь на подъезде, я чайник поставлю.

– Я всего на пару дней...

– Живи у нас сколько захочешь.

Впереди показался поезд. Эрика попрощалась с ним, допила кофе и огляделась, ища урну. Зазвонил ее телефон.

– Босс, это я, – услышала она в трубке возбужденный голос Мосс. – Только что отпустили Марко Фроста.

Поезд проехал под пешеходным мостом, мимо замелькали вагоны.

– Отпустили? Почему?

– Адвокат Марко искал подтверждения его алиби. Нашел камеру видеонаблюдения на одном из газетных киосков в Мичелдевере.

Поезд уже замедлял ход. Эрика различала в вагонах пассажиров.

– А где это – Мичелдевер? – спросила она, чувствуя, как в животе заняло от волнения.

– В часе езды к югу от станции Лондон-бридж. Марко утверждал в своем новом алиби, что именно туда он направлялся вечером восьмого января. Как вам известно, доказательства, подтверждающие его слова, сочли недостаточными. Мичелдевер – крохотная станция, где нет камер видеонаблюдения... Это был главный аргумент – отсутствие видеокамер, – объяснила Мосс.

Поезд остановился. Отъезжающие ринулись к вагонам.

– На записи с видеокамеры на киоске видно, что в 8.50 Марко Фрост остановился возле него, закуривая сигарету. Газетный киоск стоит в тридцати пяти минутах ходьбы от железнодорожной станции. Значит, он действительно прибыл туда в 8.10 вечера поездом, который шел от станции Лондон-бридж.

Двери поезда, запищав, открылись, и вокруг Эрики стали сновать пассажиры.

– Теперь можно с уверенностью сказать, – продолжала Мосс, – что в момент пропажи Андреа Марко Фрост находился в часе тридцати пяти минутах езды от Лондона. Маловероятно, что он тем же вечером успел бы вернуться в Лондон на последнем поезде. Так что он чист.

Пассажиры садились в вагоны. Проводник, стоя на краю платформы, ждал, когда электронные часы отсчитают последние секунды до отхода поезда.

– Марш теперь, конечно, пишет кипятком. Прокуратура прокукарекала прессе, что мы поймали убийцу Андреа, а тут какой-то там бесплатный адвокатишка позвонил в киоск, попросил копию видеозаписи и развалил все дело... Вы слушаете, босс?

– Слушаю, – отозвалась Эрика.

Проводник дал свисток.

– Если не садитесь, отойдите от поезда! – крикнул он, жестом показывая Эрике, чтобы она отступила за желтую линию. Эрика заглянула в вагон. Прямо у входа было одно свободное место. На нее пахло теплом. На дверях загорелись огоньки, они предупредительно запищали.

– Я думала, вы обрадуетесь, босс?

– Да, я рада. Это значит...

– Я хотела вас предупредить. Марш, я думаю, вам позвонит.

Двери поезда начали закрываться. В это самое мгновение какой-то мужчина в кожаной куртке сбежал с моста на платформу и нырнул в вагон, застряв между закрывающимися дверями. Двери, запищав, снова открылись, освобождая его.

Эрика услышала в телефоне короткое «бип» и увидела, что к ней прорывается Марш.

– Вот он как раз звонит.

– Ладно, не буду занимать линию, – сказала Мосс. – Дайте знать, что там дальше будет.

Двери поезда закрывались. Она упускала свой последний шанс сесть в поезд и уехать на север. Двери закрылись. Эрика ответила на звонок.

– Старший инспектор Фостер, как самочувствие? – спросил Марш совершенно неискренне, с паникой в голосе.

– Теперь я знаю, что чувствует цыпленок за несколько секунд до смерти, – съязвила она.

Поезд клацнул, задрезжал и покотился мимо платформы.

– Извините, что не связался с вами раньше, как-то...

– Да, я слышала, что вам пришлось отпустить Марко Фроста.

– Может, согласитесь подъехать в отделение? Надо поговорить, – сказал Марш.

Эрика помолчала, провожая взглядом удаляющийся поезд, который постепенно скрывался за поворотом.

– Буду через пятнадцать минут, сэр. – Она подняла чемодан, посмотрела вокруг, прощаясь с реальным миром, к которому, как ей ненадолго показалось, она могла бы приобщиться, и поспешила со станции.

Глава 52

В дежурной части отделения полиции Луишем-Роу Эрика застала драку. Два подростка, сцепившись, с глухим стуком повалились на бетонный пол и принялись кататься по нему, подстрекаемые другими детьми и их столь же юными мамашами. Мальчик покрупнее оседлал своего менее рослого противника и принялся кулаками мутузить его по лицу. У того зубы порозовели от крови. Вулф и еще двое полицейских бросились разнимать драчунов. Уворачиваясь от размахивающих рук, Эрика прошла к двери, что вела во внутренний коридор, и Мосс впустила ее.

– Черт, как же я рада, что вы вернулись, – сказала она, когда они пошли по коридору.

– Рано радуешься. Меня просто вызвали, а не пригласили, – охладила ее пыл Эрика, сама нервничая от волнения.

– Марш теперь рвет и мечет, – объяснила Мосс.

– Вполне закономерный результат, когда позволяешь сторонним лицам руководить следствием, – заметила Эрика.

Они остановились перед кабинетом Марша. Мосс постучала, и они сразу вошли. Марш, бледный, как полотно, стоял у компьютера и смотрел на сайте «Би-би-си ньюс» сенсационный репортаж об освобождении Марко Фроста.

– Благодарю вас, инспектор Мосс. Старший инспектор Фостер, присаживайтесь, пожалуйста.

– Сэр, я бы хотела, чтобы Мосс осталась. Она работала над этим делом, пока я...

– Мне известно про ваше *расследование*.

Раздался бойкий стук в дверь, и в кабинет заглянула секретарша Марша.

– Сэр Саймон Дуглас-Браун на проводе. Говорит, по срочному делу.

Марш провел рукой по своим коротким волосам. Вид у него был утомленно-встревоженный.

– Передайте, пожалуйста, что у меня важное совещание и я перезвоню, как только освобожусь. Спасибо.

Секретарша кивнула и удалилась, закрыв дверь.

– Это со мной, что ли, важное совещание? – спросила Эрика. Марш обошел вокруг стола и сел. Эрика с Мосс выдвинули стулья.

Марш натянуто улыбнулся.

– Послушайте, старший инспектор Фостер... Эрика. В том, что произошло, приятного, конечно, мало. Признаю, наверно, с вами обошлись несправедливо, и в ближайшее время я непременно подниму этот вопрос. Но сейчас мы внезапно оказались в критическом положении. Вернулись туда, с чего начали. Мне нужна вся информация и все выводы, к которым вы пришли, отработывая свою альтернативную версию.

– Которая, я надеюсь, теперь станет вашей основной версией?

– Это я сам решу. Просто сообщите все, что вам известно, – потребовал Марш.

– Нет, – ответила Эрика.

– Нет?

– Босс, я все вам расскажу и изложу свои доводы, когда вы вернете мне удостоверение и восстановите в должности руководителя следственной группы по данному делу. – Эрика откинулась на стуле, глядя на Марша.

– Кем вы себя возомнили? Пришли сюда... – начал он.

– Ладно. Не буду мешать вашему общению с сэром Саймоном. Передавайте ему от меня привет. – Эрика встала, намереваясь уйти.

– Вы требуете практически невозможного. Против вас, старший инспектор Фостер, выдвинуто серьезное обвинение в жестоком обращении с несовершеннолетними!

– Это чушь собачья, а не обвинение. Помощник комиссара Оукли получил указание от Саймона Дуглас-Брауна убрать меня с этого дела. Маленький Мэтью Норрис постоянно попадает в изолятор для несовершеннолетних преступников. Он неоднократно нападал на социальных работников, и, повторяю, я его ударила потому, что он зубами впился мне в руку. Если все дело в этом, что ж... тогда вам придется попроситься с человеком, который способен найти убийцу. И, разумеется, все это я повторю прессе. Молчать не стану.

Марш провел рукой по волосам.

– Сэр, Марко Фрост только что представил железное алиби и выставил вас шайкой некомпетентных шутов. Неужели старшему инспектору Спарксу не пришло в голову перепроверить факты? Как

можно было не посмотреть запись с видеокамеры на газетном киоске?! Дурдом! Да, и еще я ясно дам понять прессе, что убийца до сих пор на свободе благодаря вам, старшему инспектору Спарксу, ну и, конечно, лично самому помощнику комиссара Оукли, этому лощеному прохвосту.

У Марша вид был такой, будто он сейчас взорвется. Эрика открыто смотрела ему в лицо, не думая отводить взгляд.

– Поставьте меня снова на это дело, и я посажу подонка, – пообещала она.

Марш встал и отошел к окну, глядя на унылый январский пейзаж. Потом снова повернулся к ней.

– Ладно, черт возьми. Но вы на коротком поводке. Это вам понятно, старший инспектор Фостер?

Мосс, с торжествующим блеском в глазах, едва заметно улыбнулась Эрике.

– Понятно. Спасибо, сэр.

Марш снова сел за стол.

– А теперь выкладывайте, что вы намерены предпринять?

– Конечно. Я предлагаю снова обратиться к общественности. Подготовить новое обращение. Если можете использовать свое влияние, хорошо бы сделать телевизионную инсценировку обстоятельств преступления. Нас будут ругать за Марко Фроста, и мы должны быть готовы четко изложить те меры, которые мы принимаем, чтобы пресса сосредоточилась именно на этом, а не на наших просчетах.

Марш смотрел на Эрику, а она продолжала:

– Мы уже один раз рапортовали, что поймали убийцу. Еще раз этого делать нельзя, пока действительно не поймем настоящего убийцу. Мы должны вести прессу за собой. Все внимание – на Джорджа Митчелла. Мы должны разместить в СМИ фотографии, на которых он запечатлен с Андреа... Нам понадобится козел отпущения. Пресса потребует представить им виновника всей этой лажи. И у меня есть подходящая кандидатура.

Глава 53

Эрика сделала глубокий вдох и открыла дверь в оперативный отдел. Старший инспектор Спаркс что-то говорил, стоя перед пустыми демонстрационными досками. Остальные члены следственной группы внимали ему со смурными лицами из разных концов комнаты.

Спаркс выглядел злым и осунувшимся. Его длинные темные волосы были зачесаны назад, и там, где они касались воротника, расплывались сальные пятна.

– У меня будет отдельный разговор с каждым из вас, и спрашивать я буду строго. Мы проведем доскональный анализ с самых первых шагов и установим того, кто именно не удосужился элементарно сопоставить время отъезда Марко Фроста со станции Лондон-бридж с...

Спаркс умолк на полуслове, увидев, что в отдел вошли Эрика с Мосс.

– Обходной пришли подписать, Фостер? – усмехнулся он. Остальные полицейские сидели с каменными лицами.

– Вообще-то я пришла за своим удостоверением, – ответила Эрика, показав документ Спарксу. Тот растерялся. – Вам известны должностные обязанности руководителя следственной группы, старший инспектор Спаркс?

– Разумеется, тем более что руководитель следственной группы здесь один, – сказал он. – Простите, что вам угодно? Я провожу совещание.

– Руководитель следственной группы – это человек, который организует работу и руководит действиями следственной группы. Причем слово «руководитель» означает не то, что вы старше своих подчиненных и вправе запугивать их, когда что-то пошло не так. Руководитель – это тот, кто несет ответственность за свои ошибки.

– Я вас не понимаю, – произнес Спаркс менее уверенным тоном.

– В том-то и беда. Меня восстановили в должности. И как руководитель следственной группы я отдаю свое первое распоряжение: отправляйтесь-ка в кабинет Марша.

Спаркс оцепенел.

– Прямо сейчас, старший инспектор Спаркс.

Он посмотрел на Эрику, на остальных, кто был в комнате, затем медленным шагом прошел к своему столу, взял пальто и покинул отдел. Спаркс еще не успел скрыться за дверью, как Крейн стал аплодировать. Остальные поддержали его, а Питерсон приставил ко рту два пальца и свистнул. Эрика была тронута, покраснев, опустила глаза.

– Но все, успокойтесь, – сказала она. – Я вам очень признательна, но убийца еще на свободе. – Аплодисменты стихли. Эрика подошла к одной из демонстрационных досок и прикрепила на нее фотографию Андреа с Джорджем Митчеллом.

– Это – наш главный подозреваемый. Джордж Митчелл. Любовник Андреа Дуглас-Браун и в конечном итоге ее убийца. Он также подозревается в изнасиловании и убийстве Татьяны Ивановой, Мирки Братовой, Каролины Тодоровой и Айви Норрис.

Эрику слушали в полнейшей тишине.

– До сего дня в центре внимания было убийство Андреа Дуглас-Браун. Ее лицо не сходило с первых полос газет, новостных Интернет-сайтов и телеэкранов, оно впечаталось в сознание общественности. Да, она была богата, принадлежала к элите общества. Но умерла ужасной смертью: в одиночестве, страхе и беспомощности. Татьяна Иванова, Мирка Братова, Каролина Тодорова и Айви Норрис считались проститутками, но, уверяю вас, они избрали этот путь не по своей воле. При других обстоятельствах жизнь каждой из них могла бы сложиться столь же удачно, как у Андреа. Их тоже настигла мучительная смерть. А говорю я это вот зачем: хочу, чтобы вы забыли о социальном положении этих женщин. Отвлекитесь от того, что у нас в стране все мы делаем изо дня в день – делим людей на социальные классы. Они все равны, все жертвы и заслуживают того, чтобы им было уделено одинаковое внимание.

Эрика умолкла на время. Крейн принялся прикреплять фотографии жертв.

– Итак, это человек, представляющий для нас чрезвычайный интерес, основная цель нашего расследования. – Эрика показала на фото Джорджа Митчелла. – Он состоял в сексуальной связи с Андреа, они фотографировались вместе за четыре дня до ее исчезновения. Я также считаю, что она встречалась с ним и с некой неопознанной блондинкой в тот вечер, когда ее похитили. Прошу всех еще раз

полностью просмотреть содержимое второго телефона Андреа Дуглас-Браун. Оно размещено в служебной сети. Прошу вас оценить материал свежим взглядом. Глупых вопросов не бывает. Я уверена: найдем его – раскроем убийство.

Сотрудники оперативного отдела кивнули в унисон.

– Сегодня во второй половине дня, – продолжала Эрика, – мы выступим с новым обращением перед прессой с целью получения дополнительной информации. Расскажем все, что знаем, сообщим, что главный подозреваемый – Джордж Митчелл. Надеюсь, это поможет нам получить новые сведения или согнать его с того места, где он скрывается.

Эрика помолчала, проверяя, обеспечено ли ей полное внимание аудитории, и продолжала:

– Прошу уделить особое внимание остальным жертвам. Нераскрытые убийства Татьяны Ивановой, Мирки Братовой и Каролины Тодоровой раньше никогда не связывали одно с другим. Еще раз внимательно изучите все материалы по этим трем делам. Ищите любую связь, любое сходство. Были ли жертвы знакомы между собой? Если да, как познакомились, зачем?

Раздался стук в дверь, и в оперативный отдел вошла сотрудник пресс-службы Коллин.

– Простите за вторжение, старший инспектор Фостер. С минуты на минуту должны позвонить из агентства «Рейтер», чтобы взять интервью по телефону. Я подумала, вы тоже захотите поприсутствовать, – сказала она.

– Да, иду. Благодарю за внимание. Мы должны продвинуться в этом расследовании. Забудьте про Марко Фроста. Забудьте про прессу. Отбросьте свои предубеждения. Сосредоточьтесь на тех задачах, что стоят перед нами здесь и сейчас. Будем опережать журналистов, начнем выигрывать.

Эрика встала и вышла из оперативного отдела, где уже закипела активная деятельность.

Глава 54

Эта пресс-конференция разительно отличалась от той, что была организована в гостинице близ Мраморной арки. Эрика настояла, чтобы встреча с журналистами проходила перед зданием отделения полиции Луишем-Роу и носила более искренний и убедительный характер, чем предыдущее помпезное мероприятие с видеоэкранами и элегантным конференц-залом.

Она также настояла на том, чтобы Марш на пресс-конференции не присутствовал. Он встретил ее предложение в штыки, но в конце концов согласился. Смеркалось, когда Эрика, Мосс и Питерсон вышли на крыльцо отделения полиции Луишем-Роу, перед которым собрались представители различных телевизионных компаний и печатных СМИ. На них направили яркий свет, отражавшийся от поцарапанной двери центрального входа, служившей им фоном.

– Спасибо, что пришли, – вознесся над толпой голос Эрики. Она видела перед собой море объективов. Телекамеры снимали лестницу, на которой они стояли, сверкали вспышки фотоаппаратов. Мосс и Питерсон смотрели строго перед собой.

– Полагаю, у многих из вас уже, наверно, готовы комментарии об этой пресс-конференции, – продолжала Эрика, – о том, что я намерена сказать. Но прежде чем ваше внимание рассеется и вы мысленно начнете составлять текст своих статей и репортажей, в которых красноречиво заклейте некомпетентность полиции, или прежде чем вы решите, что смерть Андреа более достойна освещения в СМИ, чем трагическая гибель выходцев из непривилегированных слоев общества, подумайте о том, зачем мы сегодня здесь собрались. Наша работа – ловить преступников, ваша – освещать нашу работу со всей объективностью. Да, мы используем друг друга. Полиция использует прессу, чтобы продвинуться в расследовании, распространить информацию. Вы, освещая ход следствия, зарабатываете на нас. Поэтому, господа журналисты, я прошу вас, чтобы сегодня мы объединили усилия. Если позволите, я дам вам новый материал для ваших обзоров.

Эрика умолкла на несколько секунд.

– Сегодня Марко Фроста освободили из-под стражи за недостаточностью улик. Ему удалось представить нам алиби, и мы были вынуждены его отпустить. Он невиновен. Но это – не главное в ваших статьях. Главное то, что убийца Андреа по-прежнему на свободе, где-то среди нас. После того как мы тщательно изучили все материалы и изменили основное направление расследования, у нас появились все основания полагать, что убийство Андреа – не единичный случай. Человек, которого мы разыскиваем, и раньше совершал убийства. Мы считаем, что он виновен в гибели трех молодых женщин из Восточной Европы: Татьяны Ивановой, Мирки Братовой и Каролины Тодоровой. Они все приехали в Лондон в надежде на то, что здесь им найдут хорошую работу. Однако их переправили в страну нелегально для занятия проституцией и заставили отрабатывать долг. Мы также считаем, что этот же человек виновен в убийстве сорокасемилетней Айви Норрис. А теперь, пожалуйста, взгляните на фото нашего главного подозреваемого. Его зовут Джордж Митчелл...

* * *

В оперативном отделе суперинтендант Марш вместе с Коллин следил за ходом пресс-конференции по каналу «Би-би-си ньюс».

– Как-то по-дилетантски это выглядит, да и вещает она как учительница, – высказался он, когда Эрику, Мосс и Питерсона на экране сменила фотография Джорджа Митчелла.

– Ну конечно, если женщина уверена в своем мнении, значит, она *вещает как учительница*, – заметила Коллин.

Внизу экрана высветились телефон и адрес электронной почты. Через несколько мгновений в кадре снова появилась Эрика.

– Если вы располагаете какой-либо информацией об этом человеке, просим связаться с нами по координатам, которые указаны на экране. Конфиденциальность гарантируется. Мы также советуем всем, кто увидит этого человека, не приближаться к нему. Я благодарю представителей прессы за то, что уделили нам время, и за содействие.

С минуту на экране ничего не происходило, потом журналисты разразились вопросами.

– Марко Фросту выплатят компенсацию? – выкрикнул чей-то голос.

– Дело Марко Фроста будет рассмотрено в соответствии с законом. Прокуратура рассмотрит его в срочном порядке, – ответила Эрика.

Журналисты продолжали засыпать ее вопросами.

– Эти убийства связаны с предпринимательской деятельностью сэра Саймона Дуглас-Брауна?

– Думаю, мы должны помнить, что сэр Саймон – отец жертвы. Его дочь настигла ужасная смерть. Как и других девушек. И у них тоже есть родные, которые оплакивают свою утрату каждый день. Расследование данного дела затруднялось тем, что велось по шаблонным направлениям. Теперь мы точно знаем, что секреты Андреа – это те самые ниточки, которые выведут нас на убийцу. Пожалуйста, не осуждайте ни ее, ни ее родных.

– Черт, ведь знал же, что это плохая идея, – произнес Марш.

– Нет. Все хорошо. Она установила контакт с людьми. Эта пресс-конференция гораздо более толковая и человечная, чем прошлая, – возразила Коллин. Марш искоса посмотрел на нее, но она не отрывала глаз от телевизора.

На экране появился общий план. Эрика, Мосс и Питерсон поднялись по ступенькам к входу в отделение полиции и скрылись за дверью. Затем камеры показали студию «Би-би-си ньюс». Ведущий попросил корреспондента канала, который вел репортаж с места событий, дать свои комментарии.

– Со стороны полиции это смелый шаг, тем более что после нескольких недель следствия у них по-прежнему очень мало улик. Подозреваемый на свободе, а времени все меньше.

– Что значит «меньше»? О чем это он? – пробурчал Марш.

А телерепортер на экране продолжал:

– В печати появились новые разоблачительные материалы о сэре Саймоне Дуглас-Брауне. Речь идет о его причастности к сделкам по поставкам оружия Саудовской Аравии. Появились и намеки на внебрачные связи.

Камеры снова переключились на ведущего программы новостей.

– Эта пресс-конференция ознаменовала заметный сдвиг в полицейском расследовании. Если в предыдущие недели столичная полиция, похоже, плясала под дудку семьи Дуглас-Браун, то теперь, судя по всему, они выдвигают реальную версию, основанную на

фактах, которые родные жертвы, очевидно, предпочли бы скрыть от прессы.

Камера показала телерепортера перед зданием отделения полиции Луишем-Роу.

– Думаю, да. Полагаю, что эта пресс-конференция вобьет клин в отношениях между истеблишментом и службой полиции, зато она повысит авторитет полиции и обеспечит ей самостоятельность, что, я уверен, поможет ей вернуть поддержку общества.

– Вот, видите? Как раз то, чего мы добиваемся. Я сделаю несколько звонков и распространю запись с этими комментариями, – сказала Коллин.

Марш почувствовал, как его лоб покрывается испариной, ощутил, как в кармане завибрировал телефон. Он вытащил аппарат: ему звонил Саймон Дуглас-Браун.

Глава 55

Последние несколько дней прошли в тумане досады и раздражения. Подобраться так близко, а потом отступить! – бесился незнакомец. Старший инспектор Фостер не просто выжила – она стала сильнее.

И снова возглавляет это чертово расследование!

Он смотрел пресс-конференцию, на которой Фостер во всеуслышание заявила, что все убийства совершены одним и тем же лицом, и теперь его раздирали противоречивые чувства. Инстинкт подсказывал, что нужно бежать, начать жизнь с чистого листа, но что-то зудело в нем, не давая покоя. Да, связь установлена, но у полиции на него ничего нет. В этом он уверен.

И в шесть часов вечера он подъехал к вокзалу Паддингтон, туда, где такси высаживают и забирают пассажиров, туда, где «дежурят» девицы...

Он притормозил возле симпатичной девушки; та, казалось, пришла в замешательство. Она стояла чуть поодаль, в конце грязной объездной дороги, куда таксисты заезжают, чтобы развернуться, или заглядывают те, кому приспичило «хорошо провести время».

– Отдохнуть не желаете? Могу устроить, – произнесла девица заученную фразу. В ее речи слышался сильный восточноевропейский акцент. Худенькая, в обтягивающих леггинсах и блузке на тонких лямках, поверх которой был надет объемный затасканный полушубок из искусственного меха, она ежилась на холоде. Бледное лицо с заостренными чертами, абсолютно прямые волосы до плеч, вокруг глаз наложены тени с блёстками. Перекатывая во рту жвачку, в ожидании ответа девица прислонилась к мусорному контейнеру.

– Желаю... Только мне нужно нечто особенное, менее традиционное.

– Вот как? Менее традиционное стоит дороже.

– Я знаю твоего босса, – сказал незнакомец.

– Ну да, все так говорят... – усмехнулась она. – Если на скидку рассчитываете, можете убираться ко всем чертям. – Она отвернулась.

Мужчина чуть высунул голову из окна и назвал имя. Девушка остановилась, подошла к машине, оставив всякие потуги казаться

соблазнительной. В ее глазах сквозил испуг. Страх в окаймлении блеска.

– Это он вас прислал? – спросила она, глядя на машины, что с ревом неслись мимо.

– Нет. Но он знает, что я даю ему заработать... И рассчитывает, что я получу то, чего хочу.

Девушка прищурилась. Чутье у нее было хорошее. Не так-то просто ее уговорить.

– Ну и..? Вы приезжаете сюда, называете имя моего босса. От меня-то что надо?

– Мне нравится секс на природе, – ответил незнакомец.

– Ладно.

– И еще мне нравится, когда девушка изображает страх...

– То есть хотите поиграть в изнасилование? – прямо спросила она, закатывая глаза. Осмотревшись, девица оттянула вниз верх майки, обнажив маленькие упругие грудки. – Это будет стоить дороже.

– Не обеднею, – ответил незнакомец.

Она поправила на себе топ.

– Да? Покажите.

Мужчина вытащил бумажник, раскрыл его и сунул девушке под нос. В свете уличных фонарей замерцала толстая пачка хрустящих купюр.

– Полторы штуки. И у нас будет кодовое слово, – сказала девица, вытаскивая из леггинсов мобильный телефон, но мужчина тут же накрыл его рукой.

– Нет, нет, нет. Я хочу, чтобы все было как можно правдоподобней. Как в сказке... А сообщать никому не надо.

– Я должна позвонить.

– Даю еще пять сотен. Босс ничего не должен знать.

– Исключено. Он узнает. К тому же у меня нет кодового слова.

– Так и быть. Плачу еще сверху. Две штуки. Кодовое слово – «Эрика».

– Эрика?

– Да. Эрика.

Девушка смотрела по сторонам, кусая губу.

– Ладно, – наконец согласилась она, открывая дверцу и садясь в машину. Автомобиль тронулся с места. Мужчина заблокировал

систему в машине двери, сказав, что это тоже часть игры.

Глава 56

После пресс-конференции в оперативном отделе было относительно тихо. Сотрудники слонялись по комнате, иногда отвечая на звонки. Ожидание затягивалось, а все жаждали услышать что-то стоящее. Но пока позвонили только несколько фантазеров.

– Кошмар. Неужели ни у кого никакой информации?! – кипятилась Эрика, поглядывая на часы. – Сил моих больше нет. Пойду перекурю.

Только она вышла на крыльцо отделения полиции, как следом за ней появился сержант Крейн.

– Босс, интересный звонок, – сообщил он. – Поговорите сами.

– Кто звонит? – спросила Эрика.

– Некая молодая женщина. Говорит, что она – Барбора Кардошова. Пропавшая лучшая подруга Андреа.

Эрика быстро вернулась в оперативный отдел и взяла трубку.

– Я говорю с сотрудником полиции, которая выступала сегодня по телевидению? – спросил молодой женский голос с восточноевропейским акцентом.

– Да. Со старшим инспектором Эрикой Фостер. У вас есть информация о Джордже Митчелле?

– Да, – ответила девушка и, помолчав, добавила: – Но по телефону я ничего не скажу.

– Мы гарантируем вам конфиденциальность. Все останется между нами, – заверила ее Эрика. Глянув на дисплей, она увидела, что звонят со скрытого номера. Эрика посмотрела на Крейна. Тот кивнул, давая понять, что уже отслеживает звонок.

– Простите, по телефону я говорить не стану, – повторила девушка дрожащим голосом.

– Хорошо, хорошо. Можно с вами встретиться? – спросила Эрика. – В любом месте, где вам удобно.

Питерсон что-то быстро начеркал на листочке и показал Эрике. «ПУСТЬ ПРИЕДЕТ СЮДА!» – прочитала она.

– Вы в Лондоне? Может, подъедете к нам сюда в отделение, в Луишем-Роу?

– Нет... Нет-нет... – В голосе девушки слышалась паника. Она умолкла. Эрика посмотрела на Крейна. Тот одними губами прошептал, что это телефон с посуточной оплатой.

– Алло, Барбора, вы слушаете?

– Да. По телефону я больше ничего не скажу. Мне нужно вам кое-что рассказать. Я могу встретиться с вами завтра в одиннадцать. Запишите адрес...

Эрика быстро записала адрес и хотела задавать следующий вопрос, но в трубке пошли гудки.

– Это был номер с посуточной оплатой, босс. Увы, – доложил Крейн.

– Судя по голосу, она очень напугана, – сказала Эрика, положив трубку.

– Где она хочет встретиться? – спросил Питерсон. Эрика набрала адрес в поисковике. На экране выскочила карта. Огромный лесной массив.

– В Норфолке, – ответила Эрика.

– В Норфолке? Во куда забралась! – удивилась Мосс.

Засигналил мобильный телефон Эрики. Она увидела, что звонит Эдвард.

– Простите, мне нужно принять этот звонок. Проложите маршрут, и, когда я вернусь, мы решим, как действовать, – распорядилась она, выходя из комнаты.

В коридоре было тихо, и она ответила на звонок.

– Ну что, девонька, я так понимаю, ты не приедешь? – спросил Эдвард. Эрика увидела, что уже пять минут шестого.

– Прости... Неужели ты все еще ждешь там? На платформе?

– Нет, девонька. Я видел тебя сегодня по телевизору и подумал, что ты вряд ли будешь здесь в пять часов, ведь ты же не птичка.

Эрика вспомнила все, что случилось за день. Сегодняшнее утро казалось таким далеким, как будто миллион лет прошло.

– Ты здорово выступила на пресс-конференции, родная, – сказал Эдвард. – Заставила меня пожалеть ту девушку, Андреа. Ведь газеты писали о ней не очень хорошие вещи, да?

– Спасибо. Все произошло так внезапно. Сегодня утром меня вызвали на службу. Я как раз садилась в поезд, чтобы ехать к тебе, и...

– И ты про меня забыла, да?

– Да, – тихо произнесла Эрика.

– Послушай, родная. Делай то, что должна делать. А я никуда не денусь.

Мосс, появившись в дверях, знаком сообщила Эрике, что хочет с ней поговорить.

– Извини, мне пора. Можно, я тебе позже перезвоню? – спросила Эрика.

– Конечно, родная. Береги себя, ладно? Поймай того негодяя и посади его на веки вечные.

– Непременно, – пообещала Эрика. В телефоне раздался щелчок, и Эдвард повесил трубку. – Непременно, – повторила она. – Клянусь.

Глубоко вздохнув, Эрика вернулась в оперативный отдел. Когда она сможет выполнить свое обещание?

Глава 57

На следующий день рано утром Эрика, Мосс и Питерсон отправились из Лондона на встречу с Барборой Кардошовой. Они несколько раз пытались найти о ней хоть какие-то сведения, но поиск ничего не дал. Ее страховка, паспорт и счета в банке были аннулированы более года назад. Мать Барборы умерла двумя годами ранее, и других живых родственников у нее не было.

Едва солнце пробилось сквозь облака, они нырнули во мглу туннеля Блэкуолл. Когда, спустя несколько минут, выехали на свет, солнце уже снова скрылось за скоплениями свинцовых туч, затянувших небо.

– Реку мы проехали, босс, теперь ищем шоссе A12, – сказала Мосс. Питерсон сидел на заднем сиденье, уткнувшись в свой телефон. Перед самым Гринвичем они сделали остановку на автозаправке, наполнили бак. Мосс, потакая своему пристрастию к сладкому, запаслась пакетиками красных лакричных жгутиков.

Вскоре Лондон с его огромными застроенными пригородами остался позади, и они покатали по автостраде A12, которая на некоторых участках была разбита и нуждалась в ремонте. Они отметили, что по обе стороны от них простирается совершенно ровная земля. Мимо мелькали бурые поля с голыми деревьями. По приближении к Ипсуичу они свернули с автострады на дорогу с односторонним движением и поехали медленнее.

– Жутко как-то, да? Прямая дорога, прорезающая пустоту, – подал голос Питерсон впервые за все время пути, хотя они проехали уже миль сто. Дорога пролегла через обширные равнинные поля. Ветер, завывая, хлестал голую землю, бился в машину. Дорога отлого пошла вверх, и вскоре они достигли железного моста, наведенного через покрытый рябью канал. По берегам до самого горизонта серели засохшие камышовые заросли. Эрика представила, как вода на дальнем конце русла низвергается в никуда.

– A12 – старая древнеримская дорога, – сказала Мосс, кладя в рот очередной красный жгутик.

– В Суффолке и Норфолке ведьм сжигали сотнями, – добавил Питерсон. Они проехали мимо заброшенной мельницы, стоявшей на

самом краю поля у воды.

– Нет уж, лучше высокие цены, пробки, смог и переполненные «Нандос» [20], чем это. – Поежившись, Мосс включила печку. – Далеко еще?

– Миль шесть, – ответил Питерсон, сверившись с навигатором в своем айфоне.

Деревья стали встречаться чаще, и вскоре голые поля сменила лесистая местность. Машина мчалась под сводом голых сучьев. Эрика замедлила ход, увидев стоянку на обочине с оборудованным участком для пикника – небольшой пятачок со скамейкой. На деревянном указателе краской была выведена цифра «14».

– Как она сказала – участок для пикника № 17? – уточнила Эрика.

– Да, босс, – ответил Питерсон, потыкав по клавиатуре айфона. Они поехали дальше. Лес становился гуще, дорога виляла слева направо. Они миновали участок № 15. За крутым поворотом увидели участок № 16 – заросшую поляну со сгнившей развалившейся скамейкой.

Полицейская радиостанция на приборной панели затрещала, и сквозь помехи в эфире прорвался голос сержанта Крейна:

– Доложите обстановку.

– Будем на месте через несколько минут, – ответила Мосс.

– Ясно. Линию не занимайте. Приказ шефа, – сказал Крейн.

Суперинтендант Марш был категорически против, чтобы трое из его подчиненных ехали в Норфолк, – считал, что это пустая затея.

– Босс, Барбора Кардошова была одной из самых близких друзей Андреа, она говорит, что знает Джорджа Митчелла, – аргументировала Эрика, когда сидела у него в кабинете.

– Почему она раньше не объявлялась? Имя Андреа с газетных полос не сходит несколько недель. И почему нельзя поручить местной полиции взять у нее показания? Это – поездка на целый день. А вы только что своим обращением весь Лондон на уши поставили, – резонно заметил Марш.

– Сэр, зацепка очень хорошая, такую упускать нельзя. Мы выедем пораньше, все время будем на связи. Прошу дать возможность проверить мое чутье еще раз.

– Почему она звонила с анонимного номера? Мы понятия не имеем, где она находится. – Марш откинулся на стуле, потирая глаза.

– Может, она не хочет, чтобы ее нашли. Разве это преступление? – спросила Эрика.

– Куда проще было бы, если бы к каждому при рождении прикрепляли датчик слежения GPS. Сэкономили бы целое состояние...

– Я непременно передам ваше пожелание первому же журналисту, который со мной свяжется, – сказала Эрика.

– Докладывайте о каждом своем шаге, – раздраженно бросил Марш, взмахом руки отсылая ее прочь.

* * *

Небо потемнело, и Мосс пришлось включить фары. Их теперь окружал густой лес, в голых сучьях, казалось, вообще нет просвета. Впереди появился указатель с цифрой «17», и они остановились у голой поляны. На том месте, где когда-то стояла скамейка, остались лишь четыре глубокие вмятины в земле. Мосс заглушила мотор, погасила фары, и их окутала тишина. Эрика открыла дверцу машины. Холодный ветер принес запах сырости и гниющей листвы. Она застегнула куртку на все пуговицы. Питерсон и Мосс тоже вышли из машины.

– Что теперь? – спросила Мосс.

– Она сказала, что встретится с нами здесь. Назвала именно это место, – ответила Эрика, вытаскивая клочок бумаги, на котором записала адрес. Они оглядели дорогу, что проходила мимо них. Она была пуста в обоих направлениях.

– Вон впереди нечто вроде тропинки, – заметила Мосс. Они направились к просвету в засохших зарослях куманики и подлеска. Несколько метров они продирались сквозь кустарники и наконец выбрались на пешеходную тропинку. Ухоженная, она тянулась под высоким сводом, образуемым кронами деревьев, до угла и там исчезала из вида. Эрика подумала, что, наверно, летом этот мрачный пугающий уголок леса производит совершенно иное впечатление.

Они ждали уже почти сорок минут. Рация пищала и щелкала: Крейн из Лондона уточнял обстановку.

– Чистой воды подстава, – произнес Питерсон. – Наверняка это была та женщина, что сказала... – Его голос внезапно оборвался, ибо они услышали треск сломавшейся ветки и шорох потревоженных листьев. Эрика прижала палец к губам. Шуршание. Из подлеска вышла женщина с короткими светлыми волосами. На ней были

розовая куртка из водоотталкивающей ткани и черные леггинсы. В одной руке она держала нож, в другой – нечто похожее на газовый баллончик. Женщина остановилась метрах в пятидесяти от них.

– Что за черт? – возмутилась Мосс.

Эрика предостерегающе глянула на нее.

– Барбора? Барбора Кардошова? Я – старший инспектор Эрика Фостер. Это мои коллеги – инспектор Мосс и инспектор Питерсон.

– Достаньте свои удостоверения и бросьте сюда, – потребовала Барбора. Голос ее дрожал от страха, и, когда она подошла чуть ближе, они заметили, что ее руки трясутся.

– Мы так не договаривались, – начала Мосс, но Эрика вытащила из кармана свое удостоверение и бросила Барборе. Оно упало в нескольких шагах от нее. Мосс с Питерсоном неохотно последовали примеру Эрики. Женщина подняла с земли документы и проверила их, все время направляя на полицейских газовый баллончик.

– Убедились, что мы те, за кого себя выдаем? Тогда, будьте добры, уберите нож и газовый баллончик, – попросила Эрика. Барбора положила на землю свои средства самозащиты и осторожно приблизилась к ним. Эрика едва различала черты лица, которые она видела на фотографиях в Фейсбуке. Оно все так же поражало красотой, только нос стал меньше и прямее. Само лицо теперь стало полнее, а длинные темные волосы превратились в короткие и светлые.

Темноволосый мужчина и светловолосая девушка... – вспомнила Эрика.

– Зачем вы притащили нас бог знает куда? Просто чтобы поговорить с вами? – начала Мосс. – Вы же понимаете, мы могли бы вас задержать за то, что вы тут размахиваете ножом. Лезвие более семи дюймов длиной, про баллончик я уж молчу...

У Барборы в глазах стояли слезы.

– Мне очень страшно, но я должна поговорить с вами. Должна кое-что рассказать. Иначе я никогда себе не прощу... Мне нельзя было связываться с вами под своим настоящим именем, – сказала она. – Я в программе защиты свидетелей.

Глава 58

Все трое – Мосс, Питерсон и Эрика – на мгновение оцепенели. В голых кронах над их головами шумел ветер.

– Свое новое имя я вам не скажу, – дрожащим голосом заявила Барбора.

– И не надо. – Эрика выставила вперед ладонь. – Больше ничего не говорите.

– Черт, как же мы сразу не догадались, – произнесла Мосс. Из открытой дверцы машины донесся слабый сигнал, и они услышали голос Крейна, просившего, чтобы они доложили обстановку. – Мы обязаны об этом доложить, босс... Если кто-то из программы защиты свидетелей обнаружил себя или его обнаружили, мы обязаны доложить.

– Вам понадобятся новые документы, – сказал Питерсон, сиюсь скрывать досаду.

– Подождите. Прошу вас. Я должна кое-что рассказать, – взмолилась Барбора. – Про Джорджа Митчелла. Только поэтому я согласилась встретиться с вами... – Дрожа все сильнее, она проглотила комок в горле. – Я должна назвать его настоящее имя.

– Как его настоящее имя? – спросила Эрика.

Барбора набрала полные легкие воздуха.

– Игорь Кучеров, – наконец с трудом выдавила она из себя.

Питерсон направился к машине, где находилась рация.

– Прошу вас! Давайте я сначала все расскажу, а потом вы... Потом вы доложите официально.

Ей никто не ответил. Вдалеке звучал металлический голос Крейна, требовавшего, чтобы они доложили обстановку.

– Питерсон. Скажите ему, что мы все еще ждем. Все нормально... И еще, Питерсон, пожалуйста, ни слова об этом, пока мы ее не выслушаем, – распорядилась Эрика.

Он кивнул и бегом бросился к машине.

– Мы не хотим знать ни ваше новое имя, ни где вы здесь живете, – сказала Эрика.

– Я живу далеко отсюда. Если что, я потеряю гораздо больше, чем вы все, вместе взятые. Но я приняла решение. Не могу больше

молчать, – ответила Барбора. – Давайте немного пройдем, там впереди есть место для пикника.

Эрика с Мосс последовали за Барборой, оставив Питерсона дежурить в машине у рации. Через пять минут они вышли на поляну, где было оборудовано место для пикника. Свет с трудом проникал через навес, что образовывали кроны деревьев в вышине. Эрике опять подумалось, что в летний день здесь, должно быть, прекрасно, но сейчас холод и сумрак создавали гнетущую атмосферу. Отмахнувшись от этой мысли, она вместе с Мосс села на скамейку напротив Барборы, которая устроилась по другую сторону стола.

Эрика протянула Барборе пачку сигарет. Та с благодарностью взяла одну, нагнув голову, прикурила дрожащими руками, ладонью прикрывая от ветра пламя. Эрика тоже закурила, потом поднесла зажигалку Мосс, и они втроем затянулись в унисон.

У Барборы вид был нездоровый. Казалось, ее вот-вот стошнит. Она провела рукой по своим коротким белокурым волосам. Судя по их невзрачному соломенному оттенку, она явно осветлялась не в дорогом салоне. Барбора сделала глубокий вдох и заговорила дрожащим голосом:

– С Джорджем Митчеллом... *Игорем Кучеровым...* я познакомилась три года назад. Мне тогда было двадцать, я жила в Лондоне, работала в двух местах. В закрытом клубе под названием «Дебюсси» в центральной части Лондона. – Она снова затянулась и продолжала: – Там я работала по сменам. И одновременно в кафе «Перекресток» в Нью-Кросс. Это было живое, шумное заведение, где собирались местные художники и поэты. Там я впервые увидела Игоря. Он был в том кафе завсегдатаем, и каждый раз, когда приходил, мы с ним общались. Тогда он мне казался невероятно восхитительным, юморным. Мне льстило, что он тратит время на разговоры со мной... Однажды я пришла на работу в расстроенных чувствах. Мой маленький айпод сломался, а в нем были песни и фотки, которые я не могла восстановить. Он посочувствовал мне, но я не придавала этому значения. А через несколько дней, когда я снова заступила на смену, он уже ждал меня в кафе с коробкой в подарочной упаковке, в которой лежал новенький айпод... Не такой, как мой прежний, крошечный, а самой последней модели, очень дорогой, за несколько сотен фунтов.

– И именно тогда у вас завязались серьезные отношения с Джорджем-Игорем? – уточнила Мосс.

Барбара кивнула. Смеркалось, над ними висела туча.

– Поначалу он был такой замечательный. Я думала, что люблю его, что нашла мужчину, с которым буду жить долго и счастливо.

– Как восприняли его ваши родные?

– Из родных у меня была только мама. Она приехала в Англию, когда ей было немного за двадцать. Мечтала познакомиться с хорошим человеком, жить с ним в уюте, как представители среднего класса. Но потом забеременела мной. Ее тогдашний бойфренд ничего не хотел слышать, и она растила меня одна как мать-одиночка. Ей пришлось нелегко. Потом, когда мне исполнилось десять лет, у нее обнаружили рассеянный склероз. Поначалу болезнь развивалась медленно, но, когда мне стукнуло шестнадцать, она стала резко прогрессировать. Я была вынуждена бросить школу и ухаживать за мамой. Устроилась на две работы: по утрам работала в кафе, вечерами – в клубе.

– Долго длился ваш роман с Игорем? – спросила Мосс, ненавязчиво предлагая Барборе продолжить рассказ.

– Примерно с год. Он тогда так много для нас делал. Всячески помогал. Заплатил за то, чтобы для мамы оборудовали специальную ванную. Гасил задолженности по моим кредитным картам... – Барбора улыбнулась своим воспоминаниям, которые, видимо, все еще волновали. Она затянулась сигаретой, и лицо ее омрачилось.

– Потом однажды вечером – к тому времени я с ним встречалась уже несколько месяцев – мы пошли в кино в Бромли... Когда покупали билеты, какие-то парни стали отпускать замечания в мой адрес, обсуждая мою фигуру. Игорь разозлился, но я попросила, чтобы он не связывался. Мы зашли в кинотеатр, посмотрели фильм, и я подумала, что он забыл про тот инцидент. Кино кончилось поздно, когда мы вышли на улицу, народу вокруг было мало. Игорь увидел одного из тех парней. Тот шел перед нами к парковке. Мы были почти у нашей машины, как Игорь вдруг накинулся на него и стал бить руками и ногами. Как зверь. Парень упал, а Игорь продолжал пинать его, ногами припечатывая его голову к земле. Таким я его никогда не видела, это был такой шок... Я попыталась оттащить его, а он и мне в лицо заехал кулаком. Наконец, выбившись из сил, он просто взял и ушел. Оставил парня лежать на земле в темноте...

Барбора заплакала. Мосс вытасила небольшую пачку салфеток, предложила их Барборе, и та взяла одну. Сделав глубокий вдох, она вытерла лицо.

– И я пошла за ним, – продолжала Барбора. Мы просто оставили того парня на земле между двумя машинами... Игорь велел мне сесть за руль, хотя у меня не было страховки на вождение его машины. Я повиновалась. Он схватил мою сумку, нашел салфетки для снятия макияжа и вытер кровь с костяшек пальцев и с лица. Затем завез меня домой. Я не видела его несколько дней, а потом он явился с подарком. Мама так ему обрадовалась. А я просто приняла подарок и продолжала вести себя как ни в чем не бывало.

– Что стало с тем парнем? – спросила Эрика. Барбора пожала плечами. Вдалеке громыхнул гром, сверкнула молния.

– А в какой момент возникла Андреа? – спросила Мосс.

– Через несколько недель после того, как я начала работать в «Дебюсси» за стойкой бара, Андреа зашла туда выпить. Народу было мало, я ее обслужила, мы разговорились. Она стала приходить чаще, и постепенно мы познакомились поближе. Она говорила, что ненавидит чванливых богатеньких девчонок, с которыми ей пришлось учиться в школе. Узнав, что я живу к югу от реки, она сказала, что хотела бы побывать у меня в гостях. Сказала, что для нее это будет нечто вроде турпоездки... хотя с Чаринг-Кросса до Нью-Кросса на поезде ехать всего десять минут. – Барбора с горечью рассмеялась.

– Значит, Андреа бывала у вас дома?

– Нет, – покачала головой Барбора. – Обычно она приходила в «Перекресток», в кафе, где я работала. Ей там нравилось. Богемная атмосфера, всегда есть интересные люди. Люди, которые живут на воле, а не в клетке, как она говорила... Я сказала, что у нее клетка золоченая, но она не поняла. Думаю, она просто не знала этого выражения.

– Когда она сообщила, кто ее отец?

– Не сразу. Сначала делала из этого великую тайну. Но потом, все больше времени проводя в кафе, чтобы заткнуть за пояс девчонок, которые крутились возле художников и артистов, стала во время разговора вставлять намеки.

– И как народ реагировал? – спросила Эрика.

– Большинство – никак, их этим не удивишь... а вот Джордж-Игорь заинтересовался. Когда узнал, сразу как будто обратил внимание на Андреа...

– У него был роман с Андреа?

Барбора кивнула.

– У них закрутилось так быстро, я и опомниться не успела.

– К этому времени он уже бил вас, Барбора?

– Нет... иногда. Скорее угрожал насильем, подчинял своей воле...

Когда я узнала про Андреа, вот тогда он меня впервые по-настоящему ударил.

– Где это случилось? – спросила Эрика.

– Дома. Воскресным вечером. Мама принимала ванну. Не помню, с чего вдруг возник этот разговор, но он возник, и я сказала, что все знаю.

– Что было дальше?

– Он ударил меня в живот. Так сильно, что меня стошнило. А потом запер меня в чулане под лестницей.

– Надолго?

– Нет. Я упростила его выпустить меня. Мама в ванне замерзала. Нужно было помочь ей выбраться из ванны. Он сказал, что выпустит меня только при условии, что я пообещаю никогда больше не упоминать про него и Андреа.

– И вы не упоминали?

Барбора мотнула головой.

– Что было потом? – спросила Эрика.

– На какое-то время все нормализовалось. Страсти улеглись. Потом однажды, когда я была дома, Игорь заявился к нам на кухню через заднюю дверь. С ним была юная девушка. На вид лет восемнадцати, не больше. Она едва держалась на ногах. Была одета в облегающие джинсы и футболку. Все ее лицо было в крови – засохшей и свежей, которая капала на футболку. Она плакала и... что мне оставалось? Я их впустила. Но Игорь и не думал ей помогать. Он подтащил ее к чулану под лестницей, впихнул туда и запер. Он был вне себя от ярости, ругался, все требовал свой телефон. Сказал, что его стащила эта девушка...

Надвигался ураган, в лесу стало совсем темно.

– Что случилось с той девушкой? – тихо спросила Эрика.

– Игорь отправил меня наверх. Сказал, чтобы я сидела в своей комнате и не рыпалась, а то мне не поздоровится. Я слышала, как девушка кричала и плакала. Это продолжалось, как мне казалось, несколько часов... Потом наступила тишина. Игорь открыл дверь и велел идти в комнату мамы. Она заулыбалась, увидев его. Весь этот кошмар она проспала. Он попросил мою спортивную сумку, большую, которую я обычно брала в поездки. Я прошла к гардеробу, достала сумку, он ее забрал... Спокойный такой. Через несколько минут я спустилась вниз. Он как раз уходил с сумкой через плечо.

– Что было в сумке? – спросила Мосс, хотя и сама уже догадалась.

– Та девушка, – ответила Барбора. – Она была в сумке, и он ее куда-то унес.

– И как вы поступили? – спросила Эрика.

– Убралась в чулане. Там была кровь и вообще...

– А потом?

– Позже он вернулся, похвалил меня. Даже денег дал... – Голос Барборы наполнился отвращением к самой себе. – И мы продолжали встречаться, как будто ничего не случилось. Правда, теперь он начал рассказывать мне про свою работу. Как он встречал девушек, которые сходили с автобусов на автовокзале Виктория; как они работали на него.

– Работали? – спросила Эрика.

– Проститутками. Чем больше я узнавала, тем больше денег давал мне Игорь. Он купил для мамы инвалидную электроколяску, чтобы она могла передвигаться без посторонней помощи. Ее больше не приходилось возить. Ее жизнь изменилась.

– И какова во всем этом роль Андреа?

– От того, что я постоянно находилась в состоянии сильнейшего стресса, я не могла есть, у меня прекратились месячные. Игоря я перестала интересоваться как женщина, и мое место заняла Андреа. Теперь она его обслуживала.

– Все это продолжалось, когда вы ездили на отдых с Андреа и ее семьей?

– Да.

– Вам известно, что позже она обручилась?

Барбора кивнула и взяла еще одну предложенную ей сигарету.

– Андреа знала про Игоря? Была в курсе, чем он занимается? – спросила Эрика.

– Не знаю. Я с ней это никогда не обсуждала. Поначалу мы были близки. И, как ни странно, оставались близки и на отдыхе вместе с ее семьей, но я замкнулась в себе. Думаю, у Андреа об Игоре были романтические представления. Она видела в нем некоего лондонского гангстера-авантюриста, как в дурацких фильмах Гая Ричи.

– Как вы оказались в программе защиты свидетелей? – спросила Мосс.

– Через несколько месяцев была обнаружена моя сумка с телом той девушки.

– Где?

– На мусорной свалке в Восточном Лондоне. Во внутреннем кармане сумки лежала принадлежавшая мне старая скидочная карта из магазина. По ней полиция и вышла на меня. Они сказали, что давно следят за мной и готовы пойти мне навстречу, если я дам показания.

– И вы согласились?

– Да. Мама как раз недавно умерла. Слава богу. Она так ни о чем и не узнала... Игорь к тому времени вроде бы уже полностью доверял мне. Он хотел, чтобы я ездила на автовокзал Виктория встречать девушек. Они думали, что едут в Англию, чтобы работать домработницами. Он решил, что я вызову у них доверие, и они сядут в машину...

– То есть Игорь нелегально переправлял женщин в Лондон и обращал их в проститутки? – уточнила Эрика.

– Да.

– Он работал один?

– Нет. Не знаю. Сложная была схема. Там были задействованы другие мужчины и их подружки.

– Куда отвозили девушек? Сколько их было? – спросила Мосс.

– Не знаю, – вздрогнула Барбора. Потеряв самообладание, она разрыдалась.

– Успокойтесь. – Эрика протянула руку через темный стол и коснулась ладони Барборы. Та, поморщившись, отдернула руку.

– Что было потом? – допытывалась Эрика. – Игоря арестовали?

– Да. Дело дошло до суда, – ответила Барбора. Эрика глянула на Мосс. Даже в темноте она увидела, что у той лицо вытянулось от

изумления.

– До суда? Какого суда? У нас нет сведений... Что произошло?

– Обвинение развалилось. Не было веских доказательств. Присяжные не смогли вынести вердикт... Думаю, Игорь оказал давление на свидетелей. Он... у него много влиятельных знакомых. – Лицо Барборы вдруг стало безжизненным. – Теперь я понимаю, какое произвожу впечатление. Я совершила много ужасного. Превратилась в чудовище. Все из-за любви к мужчине, – заключила она. Эрика с Мосс молчали. – Увидев в новостях ваше обращение и тех девушек, я вспомнила одну из них – Татьяну. Она так радовалась, когда приехала в Лондон, и... Я поняла, что должна поговорить с вами. Вы должны поймать этого зверя.

– После вы встречались с Андреа? – спросила Мосс.

Барбора заерзала на скамейке.

– Да.

– Вечером восьмого января в пабе под названием «Клееварка»? – уточнила Эрика.

– Да.

– Игорь был с ней?

– Что? Нет! Я бы близко к ней не подошла, если бы... А что, он был там?

– Нет, – ответила Эрика. Мосс посмотрела на нее. – Что вы делали в Лондоне? Вы же включены в программу защиты свидетелей.

– Я приезжаю в Лондон каждый месяц на могилу мамы. Прибираю там, кладу свежие цветы. Знаете, как тяжело быть неизвестно кем, жить по чужим документам? Я отправила Андреа эсэмэску, предложила встретиться, попить кофе. Да, знаю, глупо с моей стороны. Тем более что Андреа никак не могла определиться с местом встречи. Называла то одно, то другое... Мне, конечно, не следовало приходить, но я по ней скучала.

Мосс с трудом скрывала свое удивление.

– Мы встретились совсем ненадолго. Она была одна. Сказала, что позже у нее встреча с новым парнем... Казалось, с нее все как с гуся вода. Ее не удивило, что я исчезла и теперь вот вернулась. Ей было все равно.

– Когда вы ушли из «Клееварки»?

– Точно не скажу. Еще не было восьми. Я знала, что около девяти с Ливерпуль-стрит отходит поезд.

– И вы больше никого не видели?

– Нет. Андреа сказала, что еще выпьет в баре. Там работала одна девушка... Я хотела предостеречь ее, объяснить, что я тоже такой была когда-то, но в результате ничего ей не сказала.

– Нам нужно, чтобы вы дали официальные показания, Барбора.

Барбора внезапно умолкла. Когда снова заговорила, голос у нее был отрешенный:

– Я записала наш разговор на свой мобильный. – Она отдала Эрике свой телефон. – Мне еще осталось кое-что рассказать, но сначала я хочу сходить в туалет.

– Да вы что? Темно ведь, и...

– Прошу вас, мне очень нужно, – настойчиво повторила Барбора.

– Ладно. Только далеко не отходите... Мы здесь будем, – сказала Эрика.

– Вот, возьмите фонарик. – Мосс достала из кармана куртки фонарь. Барбора взяла его, встала и удалилась в подлесок. Громовые раскаты участились. Поляну озарила вспышка молнии.

– Я звоню Питерсону, – произнесла Эрика. – Как только она вернется, сразу поедem. Отвезем ее в Лондон. Она только что раскрыла себя, так что ее новая личность теперь бесполезна. Я не знаю, какая на этот случай предусмотрена процедура.

– Слушайте, босс, а что за суд-то? У нас нет сведений ни о Джордже Митчелле, ни об Игоре Кучерове. Его фото пробили через национальную базу данных – тоже пусто... Мне это совсем не нравится; как-то странно все.

Эрика кивнула и закурила.

– Нужно убедиться, что ей действительно выдали новые документы. Потом проверить все, что она рассказала...

– Очередной извилистый поворот в деле об убийстве Андреа Дуглас-Браун, – заметила Мосс. Эрика впервые посмотрела на телефон, что оставила ей Барбора. Пощелкав кнопками, она сумела воспроизвести запись с голосом Барборы.

– Ее показания у нас есть. Этого достаточно, чтобы задержать Джорджа Митчелла или Игоря Кучерова. Как вернется, спросим у нее адрес, – сказала Эрика.

Мосс попыталась позвонить Питерсону, чтобы объяснить, где они находятся, но связь была плохая.

– Звонок срывается, не могу связаться. – Громыхал гром, в небе сверкнула молния. – Черт! – вскричала Мосс. – Я не стану использовать мобильник, пока над нами сверкает молния. Питерсон подождет.

– Ну все, все, уймись. Давай я попробую, – раздраженно произнесла Эрика. Она попыталась прозвониться со своего телефона, потом с телефона Мосс, но связи не было, даже гудки не шли после набора номера. Ее охватывало странное тревожное чувство.

– Что-то долго она, – спохватилась Мосс. Подсветка на телефоне Эрики окрашивала их лица в красноватый цвет.

Они обе вскочили одновременно и, поднырнув под большую ветку, пошли в том направлении, в котором скрылась Барбора. Продравшись сквозь засохшие заросли куманики, они снова оказались на длинной тропинке.

Стоило им выйти из-под навеса деревьев, как на них обрушились струи дождя. Сверкала молния. А потом они увидели впереди высокое дерево с длинными ветвями.

На одном суке висела, скрипя и раскачиваясь, веревка, а в петле болталась Барбора. Ноги неподвижны, тело мерно колеблется на ветру.

Глава 59

Дождь теперь лил как из ведра, барабанил по макушкам деревьев и превращая глинистую тропинку в белое пенистое месиво. Гремел гром, вспышки молнии освещали Барбору, болтавшуюся на суке с открытыми глазами. Ее шею под подбородком перерезала веревка, на которую нависали складки кожи. Мосс пыталась залезть на дерево, но из-за ливня это было нелегко.

– Хватит, спускайся! – велела Эрика, перекрикивая шум дождя. – Поздно... Она мертва. Иди к Питерсону и вызывайте подмогу. Я останусь здесь.

– Уверены, босс? – тоже крикнула Мосс, чтобы ее голос не потонул в реве ливня.

– Да, иди!

Мосс скрылась за деревьями, Эрика осталась ждать. Она вышагивала взад-вперед, хлюпая по грязи, и ей было все равно, что она насквозь промокла. Голова гудела от разных мыслей. Чем глубже они копали в этом деле, тем сложнее оно становилось.

Ураган, казалось, бушевал прямо у нее над головой. Дождь шумел, в воздухе трещали электрические разряды. Эрике пришлось укрыться под деревом, стволом отгородившись от трупа.

Ливень постепенно затихал, ураган двинулся дальше. Пытаясь поймать телефоном сигнал, Эрика услышала вой сирены. Вдалеке на тропинке появился полицейский автомобиль. Машина медленно ехала к ней, колесами вспенивая полузатопленную землю. Из нее выбрались двое молодых полицейских. Эрика пошла им навстречу, держа в вытянутой перед собой руке раскрытое удостоверение. Полицейские посмотрели на труп Барборы.

– Вы ничего здесь не трогали? Нужно оцепить место происшествия, – сказал один из них.

– Она покончила с собой, – сообщила Эрика. – До этого была с нами.

Прошло несколько часов, прежде чем Эрике, Мосс и Питерсону разрешили покинуть место происшествия. Поскольку Барбора была включена в программу защиты свидетелей, это существенно усложняло задачу установления ее новой личности. Сумерки

сгущались, когда они ехали назад в Лондон. Эрика с Мосс рассказали Питерсону все, что успели выяснить.

– То есть этот Игорь Кучеров причастен к гибели Андреа, трех девушек из Восточной Европы и Айви? – подытожил Питерсон.

– И еще той девушки, которую он убил в доме Барборы. Той, что он вынес в спортивной сумке.

– Его за это арестовали, предали суду, но сведений о нем нет ни в одной из наших систем и баз данных?

– О нем нет сведений как о Джордже Митчелле, – сказала Эрика. Словно по сигналу, зашипела и запыкала рация: на связь вышел Крейн.

– Босс, мы нашли адрес Игоря Кучерова в базе данных муниципальной налоговой инспекции. Он живет в Килберне, ему тридцать семь лет, румынско-русского происхождения. Женат. Дом на имя жены, Ребекки Кучеровой. У них пятилетний сын.

– Боже, – вздохнула Мосс.

– Давно он женат? – спросила Эрика.

– Десять лет, – ответил Крейн.

– Трудовая деятельность?

– Он руководит компанией по ландшафтному дизайну и обслуживанию садов. Числится директором, но сама компания записана на имя жены. Мы как раз проверяем по базам данных, имел ли он контракты в тех районах, где были обнаружены трупы девушек.

Пауза.

– Хотите, чтобы мы его задержали? – спросил Крейн. Эрика глянула на светящийся циферблат на приборной панели: шестой час вечера.

– Мы должны быть в Лондоне часа через два, – сказал Питерсон, прочитав ее мысли.

– Нет. Пока не задерживайте. Мне нужно подготовиться для встречи с ним. Организуйте наружку у его дома. Да так, чтобы он не заметил, что за ним следят. И глаз с него не спускайте.

– Есть, босс.

– Мы будем в Луишем-Роу через пару часов. Тем временем постарайтесь выяснить о нем все, что можно: банковские счета, электронная почта, компании, которыми он владеет, банкротства. Соберите информацию о его жене – полные сведения. Наверняка все, что он хочет скрыть, зарегистрировано на нее. И попытайтесь

установить новое имя Барборы Кардошовой. Теперь, когда ее нет в живых, это сделать должно быть легче.

– Мы уже над этим работаем, – сказал Крейн и спросил: – Сами вы как? Мы слышали, она повесилась чуть ли не у вас на глазах.

– С нами все нормально, – ответила Эрика. – Все, конец связи. Сосредоточьтесь на Игоре Кучерове.

* * *

За окнами машины было черным-черно. Поля и болота, через которые тянулась дорога, тонули в темноте. На небе – ни луны, ни звезд; даже световая реклама попадалась редко. Они видели лишь небольшой участок шоссе впереди, озаряемый фарами автомобиля. Эрике не терпелось уехать как можно дальше от унылых низинных болот, от того места, где повесилась Барбора. Она мечтала поскорее оказаться в городе, где всюду высятся здания, стоят шум и гам, ощущается ход времени.

Эрика опустила зеркало над пассажирским креслом, оно осветилось. Она увидела грязь на своем лице. На нее смотрело омываемое сиянием отражение Питерсона, который сидел на заднем сиденье.

– К трупам трудно привыкнуть, правда, босс? – произнес он.

– Да, – согласилась Эрика. Она вытерла салфеткой грязь и подняла зеркало, погрузив салон в темноту.

Остаток пути они проехали в молчании – берегли силы для предстоящего вечера.

Глава 60

Эрика, Мосс и Питерсон прибыли в отделение Луишем-Роу в начале восьмого вечера. Проливной дождь вместе с ними переместился из Норфолка в Лондон и теперь колошматил по парковке. Они бегом кинулись от машины в дежурную часть. Дверь им открыл Крейн. Эрику поразило, что вся команда в сборе и в оперативном отделе кипит бурная деятельность.

– Всем добрый вечер. Полагаю, Крейн ввел вас в курс дела? – спросила Эрика. Сотрудники в ответ закивали, вполголоса подтверждая, что ввел. – Отлично. Тогда что вы можете мне сообщить?

Один из полицейских принес полотенца из спортзала, что находился в подвальном помещении, и бросил по одному Мосс, Питерсону и Эрике. Они с благодарностью взяли их.

– Мы просмотрели отчетные материалы и выяснили, что труп, найденный в спортивной сумке, принадлежал семнадцатилетней Наде Греко. Суд состоялся в уголовном суде присяжных Саутуорка, – объяснил Крейн.

– И? – спросила Эрика, вытирая полотенцем голову.

– И вот здесь начинаются странности, босс. Материалы судебного дела засекречены.

– Что? – изумилась Эрика. – Почему судебные материалы по делу Игоря Кучерова засекречены, словно речь идет о шпионаже?

– Не знаю. Как я уже говорил, в открытом доступе почти ничего нет. Расшифровки стенограмм даны в кратком изложении, имена вымараны, – сказал Крейн.

– Тогда откуда мы знаем, что это именно его дело?

– Я производил поиск по ключевым словам, когда искал материалы по этому убийству. Нашлись совпадения: место, где было обнаружено тело, и сведения о жертве не засекречены.

– Что-нибудь есть по решению присяжных? – спросила Эрика.

– Говорится, что обвинение развалилось в силу недостаточности улик.

– И никаких данных об аресте Игоря Кучерова или Джорджа Митчелла?

– Нет. Мы задали в *Google* поиск на Игоря Кучерова. Некоторые результаты поиска были удалены на основании Европейского закона о защите данных. Если у Игоря Кучерова и были судимости, вся информация об этом удалена. Ни на него, ни на Джорджа Митчелла вообще ничего нет в базе данных.

– Мне это совсем не нравится.

– Будем копать дальше, босс.

– Что по поводу нынешнего имени Барборы Кардошовой?

– Работаем. Но суды откроются не раньше девяти утра завтрашнего дня. Защита свидетелей – сфера строжайшей секретности. У них отдельная база данных.

В комнате на время воцарилось молчание. Эрика подошла к демонстрационным доскам, где были развешаны фотографии жертв. Там же висели последние снимки Андреа с камер видеонаблюдения, зафиксировавших, как она садится в поезд, и рядом фотография, на которой она запечатлена с Джорджем Митчеллом, теперь известным как Игорь Кучеров. Было еще новое фото Игоря Кучерова – с его водительских прав, и в конце – семейные фотографии Дуглас-Браунов на отдыхе вместе с Барборой Кардошовой до того, как она постриглась, перекрасилась в блондинку и исчезла, попав в программу защиты свидетелей.

– Итак. Я понимаю, сегодня у всех был трудный долгий день, – сказала Эрика, поворачиваясь лицом к членам следственной группы. – Но нужно еще поднапрячься. Я прошу вас всех об огромной услуге – поработать еще несколько часов. Мы должны еще раз внимательно изучить все материалы этого дела, с самого начала. Проработать все факты, все до единого. Мы закажем сюда еду, кофе – я угощаю. Мы просто обязаны *что-то найти*. Между Андреа, Игорем Кучеровым и остальными убийствами существует какая-то связь. Мы должны ее установить. Это может быть какая-то крошечная деталь, которую мы упустили из виду. Как я не устаю говорить, глупых вопросов не бывает. Далее. Раз все судебные материалы по данному делу засекречены, значит, мы ступаем на опасную территорию. Однако не бойтесь копать глубоко, особенно в том, что касается сэра Саймона. Прежде он считался неприкосновенной особой, теперь уже – нет. У нас есть запись показаний Барборы Кардошовой, я загружу ее во внутреннюю сеть. Итак, кто готов остаться?

Эрика с надеждой смотрела на полную комнату. Люди медленно, по одному, поднимали руки. Она взглянула на Мосс. Та, широко улыбаясь, тоже вытянула руку. Ее примеру последовал Питерсон.

– Не будь я сварливой старой каргой, всех бы вас расцеловала. Спасибо. Итак, – ближайшие несколько часов должны стать решающими. За работу.

Сотрудники оперативного отдела засуетились.

– Где вы покупали пончики, что приносили сюда в прошлый раз? – спросил Крейн, подходя к Эрике с грудой папок.

– В *Krispy Kreme*. Можешь сделать заказ, – ответила Эрика. – Где Марш?

– Он рано ушел. Взял тайм-аут на выходные. Вместе со своей миссис едет в какой-то дом отдыха для художников, – сообщил Крейн.

– Я и не знала, что он тоже увлекается живописью, – сказала Эрика.

– Нет, он просто ее отвозит. Это где-то в Корнуолле. Хотя, думаю, сегодня вечером он тоже «оторвется»: сказал, чтобы мы его не беспокоили... ни при каких обстоятельствах.

– Вот молодец. Расследование вошло в критическую фазу, а он решил устроить себе краткий отпуск.

– Позвонить ему? – спросил Крейн.

– Не надо. Суперинтенданта Марша мы пока трогать не будем, – рассудила Эрика, сообразив, что ей это даже на руку.

Глава 61

Утром следующего дня старший суперинтендант Марш лежал с Марси в номере чудесного отеля – его название он не запомнил, но знал, что гостиница находится далеко от Лондона и из окна открывается широкий вид на просторы Дартмура. Голова жены покоилась на его голой груди, по телу разливалось тепло острого наслаждения, какое испытываешь после соития. Его пьянили близость жены, аромат ее кожи. Уже рассвело, они проснулись после ночи непрерывных любовных утех, чего с ними не случалось с тех пор, как появились двойняшки.

Тишину нарушил звонок телефона, стоявшего возле кровати. Марш повернулся на бок и увидел, что уже половина десятого утра. Он снял трубку и снова положил ее на рычаг.

– Ты просил, чтобы нас разбудили? – пробормотала Марси.

– Да нет, – ответил он.

– Ууф. Меня так заводит, когда ты сбрасываешь звонки, – промурлыкала Марси, ладонью ведя вниз по его животу...

Телефон снова зазвонил. Выругавшись, Марш повернулся на бок и выдернул шнур из розетки на стене. Потом снова лег на спину и широко улыбнулся.

– По-моему, ты была где-то здесь. – Он положил ее руку на свою возбуждающуюся плоть.

– *Опять?* Старший суперинтендант, – произнесла Марси с улыбкой.

Внезапно в дверь номера громко постучали.

– Простите... это портье, – послышался голос.

– Что за черт! – воскликнул Марш. Марси как раз собиралась надеть презерватив на его затвердевший пенис.

– Отправь его куда подальше. Это последний в пачке, – сказала она.

Стук повторился.

– Сэр, сэр? – звал дрожащий голос молодого портье. – Я знаю, что вы просили вас не тревожить ни при каких обстоятельствах, но вам звонит помощник комиссара Оукли. Ждет на вашей линии... Сэр? Он

говорит, что вам несдобровать, если вы не возьмете трубку... Это я его процитировал... он так сказал.

Марш соскочил с постели и вставил телефонный шнур в розетку на стене.

– Марш, где вас черти носят? У нас ЧП! – заорал Оукли, когда Марш взял трубку.

– Простите, сэр, я не знал, что это вы...

– Один из твоих сотрудников, эта чертова Фостер, в пять утра заявила домой к сэру Саймону Дуглас-Брауну в сопровождении вооруженной опергруппы. Арестовала его и его дочь Линду. А также Джайлза Осборна.

– Что за черт?

– Я сейчас в Шотландии, Марш, на отдыхе, который мне чертовски необходим, и не хочу возвращаться в Лондон. Надеюсь, ты сам разберешься.

– Непременно, сэр.

– Уж постарайся. Меня не часто будят раньше девяти утра звонком из кабинета министров, чтобы ему пусто было. Если мы не будем действовать осторожно, Марш, немало голов слетят с плеч.

Связь внезапно оборвалась. Марш, голый, стоял посреди комнаты; эрекции как не бывало. Он снова снял трубку, набрал номер и заорал, требуя к телефону старшего инспектора Фостер. Немедленно. Марси, едва сдерживая слезы, натянула на себя одеяло. Еще один отпуск испорчен из-за работы мужа.

Глава 62

Эрика и остальные члены следственной группы ночью не выспались и теперь пытались взбодриться. Накануне они работали до глубокой ночи, соединяя в одно целое уже имевшиеся факты с новой информацией, и в час ночи у них наметился прорыв. В спешке был составлен план действий, и в три часа ночи Эрика отпустила всех по домам. С первыми проблесками рассвета команда должна была вернуться и приступить к осуществлению первого этапа ее плана.

В одиннадцать часов утра Эрика, Мосс, Питерсон и Крейн сидели в мониторной в отделении Луишем-Роу. Перед ними стояли четыре монитора. На каждом – одна из комнат для допроса.

В кабинете для допросов № 1 Линда Дуглас-Браун, в длинной темной юбке и широком белом джемпере с черными котятками и пятнами от чая, в волнении ходила из угла в угол. На соседнем экране, в кабинете № 2, ее отец, Саймон Дуглас-Браун, сидел с безучастным видом, держа руки на столе, и смотрел прямо перед собой. Группа вооруженных полицейских в спецснаряжении подняла его с постели, но одет он был с иголки – в черные слаксы, отглаженную синюю рубашку и джемпер с V-образным вырезом.

Следующий монитор показывал кабинет для допросов № 3, где находился Джайлз Осборн. Он представлял собой весьма курьезное зрелище: узкие джинсы бутылочного цвета, из которых вываливается живот, обтянутый облегающей футболкой с принтом в виде пальм; сальные волосы с боковым пробором. Джайлз смотрел в камеру.

– Уже двадцать минут не отводит глаз от камеры, – сказал Крейн, ручкой постучав по экрану.

– Один только Игорь Кучеров держится так, будто ему плевать на весь белый свет, – заметила Эрика, глядя на монитор, показывавший кабинет № 4.

Игорь отодвинулся от стола и сидел, развалившись на стуле, широко расставив ноги. Когда полиция приехала за ним в его дом на фешенебельной улице в Килберне, облюбованной представителями среднего класса, он делал зарядку. Поджарый и мускулистый, он был в облегающей белой футболке с логотипом фирмы *Nike* на груди, в черных шортах и кроссовках – тоже фирмы *Nike*. Его кожа имела

оттенок запеченных оливок. На лице нет ни щетинки, как на тех фотографиях, где он снимался с Андреа. Игорь резко поднял черные глаза к камере.

– Начнем с него, – сказала Эрика. Она и Питерсон вышли, Мосс и Крейн остались в мониторинговой. В коридоре они встретили адвоката Игоря – худого сидящего мужчину с аккуратными маленькими усиками. Он начал выражать им свой протест по поводу задержания его клиента.

– Я буду рекомендовать своему клиенту не отвечать на ваши вопросы, пока у вас не будет убедительных...

Они прошли мимо него и открыли дверь в кабинет для допросов № 4. Игорь как сидел, развалившись, так и продолжал сидеть. Его черные глаза оглядели Эрику с ног до головы, когда она и Питерсон вошли в кабинет. Длинный гудок оповестил о готовности записывающего устройства.

– Двадцать четвертое января, первая половина дня, одиннадцать часов пять минут. Я – старший инспектор Фостер, со мной – инспектор Питерсон. Также присутствует адвокат Джон Стивенс.

Эрика и Питерсон сели напротив Игоря и его адвоката. Несколько минут Эрика просматривала материалы дела, затем подняла глаза на Игоря.

– Итак, мистер Кучеров. Или я должна вас называть Джорджем Митчеллом?

– Называйте как хотите, дорогая, – улыбнулся он. В его густом голосе слышался русский акцент.

– Объясните, пожалуйста, почему у вас две фамилии?

Он пожал плечами.

– Вы работаете на МІ-5 или МІ-6? Или вы секретный агент, занимающийся шпионажем? Может, вы давали подписку о неразглашении государственной тайны?

Игорь криво усмехнулся и потер подбородок.

– Нет, – наконец ответил он.

– Простите, но вы задаете нелепые вопросы, – вмешался адвокат.

– Нет, вопросы по существу. Мистер Стивенс, вам известно, что вашего клиента судили за убийство молодой женщины по имени Надя Греко? Ее разлагающийся труп был найден в карьере, куда его сбросили в застегнутой сумке.

Эрика пододвинула по столу фото Нади. В складках расстегнутой сумки виднелось ее раздутое почерневшее тело.

– Выяснилось, что сумка принадлежала тогдашней подружке мистера Кучерова Барборе Кардошовой. Надя Греко была забита до смерти в доме Барборы. На месте преступления обнаружено ДНК Игоря. Состоялся суд, на котором Барбора дала показания против него. Однако присяжные не сумели вынести вердикт, и судебное дело развалилось.

Адвокат посмотрел на Игоря, сидевшего к нему боком.

– Это надо доказать, – бросил тот, пожимая плечами.

– В том-то и дело, Игорь. Судебные протоколы и расшифровки стенограмм по вашему делу имеют гриф «закрытые материалы». А такой гриф секретности присваивается только судебным материалам, разглашение которых может нанести ущерб национальной безопасности. Вам это известно, мистер Стивенс?

– Да, мне известно, что означает гриф «закрытые материалы», – ответил адвокат, покраснев от волнения.

– Значит, вы должны понимать, насколько необычно то, что данное ограничение наложено на судебные материалы по делу вашего клиента, который не имеет отношения к секретной службе, – заключила Эрика. Игорь потянулся, потом повертел шеей, так что захрустели сухожилия.

– Может, я немного похож на Джеймса Бонда, – сыронизировал он.

– Нет, не похож, – холодно парировал Питерсон.

– А ты не кисни, приятель. Постоянно ведь идут разговоры о том, чтобы взять в Джеймсы Бонды черного. У тебя еще не все потеряно, – ответил Игорь.

Помолчав, Питерсон ближе придвинул к Игорю снимок с телом Нади Греко.

– Пожалуйста, посмотрите на фотографию. Вы узнаете эту девушку? – спросил он.

– Я советую своему клиенту не отвечать на этот вопрос, – сказал Стивенс.

– Ладно. Как насчет этого фото? Здесь вы с Андреа Дуглас-Браун. Вам известно об убийстве Дуглас-Браун? Этот снимок был сделан за четыре дня до ее гибели. И этот, и этот...

Питерсон одну за другой разложил на столе серию фотографий. Сначала ту, на которой Игорь и Андреа стоят перед музеем имени Хорнимана; затем – более откровенные снимки плотских утех. Игорь, поджав губы, откинулся на спинку стула.

– Это та самая Андреа Дуглас-Браун, которую нашли убитой.

– Да, нам всем известно, кто она такая, – вспыхнул адвокат. – Вы обвиняете моего клиента в ее убийстве?

Эрика проигнорировала вопрос.

– Вас видели вместе с Андреа за несколько часов до ее гибели, в пабе «Клееварка», что находится в Форест-Хилл...

– Я не обязан отвечать на ваши вопросы. Я хочу уйти. – Игорь стал подниматься со стула.

– Сядьте, – потребовала Эрика. Поджав губы, он сложил на груди руки, но не сел. – И вы обязаны отвечать на мои вопросы. Как я сказала, вас видели с Андреа.

– Нет. Меня нигде не видели, потому что в тот вечер, когда пропала Андреа, я находился за пределами Великобритании. С 31 декабря по 15 января я был в Румынии. У меня сохранились билеты, и вы можете проверить отметки в моем паспорте.

– В паспорте на ваше имя или Джорджа Митчелла?

– Между прочим, закон не запрещает менять фамилию, – заметил Игорь. – Вот вы ведь словачка, да? А носите фамилию Фостер?

– Это моя фамилия по мужу, – ответила Эрика.

– По мужу? – Игорь вскинул брови. – Ну и как ваше замужество?

– Я прошу вас сесть, – крикнула Эрика, стукнув кулаком по столу.

– Если вы намерены предъявить моему клиенту обвинение... – начал мистер Стивенс.

Эрика встала и вышла из комнаты.

– Старший инспектор Фостер только что покинула кабинет для допросов. Я прекращаю допрос в одиннадцать часов двенадцать минут, – сказал в микрофон Питерсон, потом встал и вышел следом за Эрикой.

* * *

– Каков мерзавец! – возмущенно произнесла Эрика, когда Питерсон нагнал ее в коридоре. Ее трясло от гнева. – Нельзя было терять самообладание. Но он держится так нагло... Попроси Крейна проверить его алиби – что его не было в стране?

– Есть, босс. Не позволяйте, чтобы он действовал вам на нервы.
Мы же только начали. Вернемся?

Глубоко вздохнув, Эрика покачала головой.

– Нет. Попробуем допросить Саймона Дуглас-Брауна.

Глава 63

Адвокат Саймона Дуглас-Брауна, такой же седой, как и мистер Стивенс, пришел в дорогом костюме. Он ждал у входа в кабинет, поправляя на себе галстук.

– Нам сюда, – сказала Эрика, показав на дверь кабинета № 1.

– Я буду рекомендовать своему клиенту не отвечать на ваши вопросы, пока... – начал он, но Эрика с Питерсоном прошли мимо.

Саймон встретил их сердитым взглядом.

– Предупреждаю сразу, когда я здесь с вами закончу, вы будете патрулировать дорожное движение на Олд-Кент-роуд. До конца своей службы в полиции!

Не реагируя на его угрозу, Эрика с Питерсоном сели за стол. Она наговорила в микрофон стандартную информацию, затем раскрыла папку, что лежала перед ней на столе.

– Где Линда? – спросил Саймон. Эрика промолчала. – Я вправе знать, где моя дочь!

– Линда задержана, находится здесь под арестом, – сообщил Питерсон.

– Линду вы не троньте, слышите? Она нездорова! – заорал Саймон.

– Нездорова?

– Она переживает тяжелейший стресс, ее нельзя допрашивать.

– Кто вам сказал, что ее будут допрашивать? – спросила Эрика.

– Ваши люди, заявившись в мой дом на рассвете при полном вооружении и снаряжении, были не очень разговорчивы. Естественно, я предположил... И предупреждаю...

– Ваша жена находится здесь в приемной. Где ваш сын Дэвид? – спросила Эрика.

– Уехал на выходные в Прагу с друзьями.

– Где он там остановился?

– Не знаю. В пабе или в гостинице, может, в молодежном хостеле.

Они же на мальчишник туда отправились.

– Чей мальчишник? – спросил Питерсон.

– Один из его университетских приятелей женится. Я могу запросить информацию у моего секретаря. Она все заказывала.

– Мы сами запросим, – сказал Питерсон. На какое-то время возникла пауза, пока Эрика просматривала документы.

– У вас несколько компаний, которые занимаются коммерческой деятельностью и решают вопросы личного характера. Это так? – уточнила Эрика.

– Что за глупый вопрос. Разумеется, так.

– Одна из них – «Миллгейт лимитед», так?

– Так.

– Также вам принадлежит... «Пеккинпат».

– Да.

– А также «Квантум», «Бербридж», «Ньютон куори»...

Адвокат наклонился над столом к Эрике.

– Не понимаю, зачем вы перечисляете все это моему клиенту, старший инспектор Фостер. Он прекрасно осведомлен о своих деловых интересах. Это все открытые компании с ограниченной ответственностью, и информация о них имеется в публичном доступе.

Саймон, настороженный, но злой, откинулся на спинку стула.

– Да, совершенно верно, – подтвердила Эрика. – Но прежде чем я продолжу, мне нужно, чтобы это было зафиксировано на пленке. Простите, что трачу *драгоценное время* вашего клиента... Итак, я повторяю свой вопрос.

– Да, да, да. Достаточно громко для вашей чертовой пленки?

– Хотела бы обратить ваше внимание на выписку с одного из ваших банковских счетов за сентябрь прошлого года. – Эрика достала из папки документ и положила его на стол. Саймон подался вперед.

– Подождите, откуда у вас это? Кто отдал распоряжение?

– Распоряжение отдала я, – ответила Эрика. – Вы перечислили средства на счет «Косгроув холдингс лимитед» – под этим наименованием зарегистрирована фирма «Якка-праздники», которая принадлежит Джайлзу Осборну. Сумма – сорок шесть тысяч фунтов стерлингов. – Эрика пальцем постучала по цифре на банковском документе.

– Да, я инвестировал средства в эту компанию. – Саймон снова откинулся на спинку стула, пристально глядя на Эрику.

Она вытащила еще один финансовый документ.

– А это – выписка с банковского счета фирмы Джайлза Осборна. В ней указано, что в тот же день фирма «Косгроув холдингс лимитед»

перечислила сорок шесть тысяч фунтов стерлингов на счет...

– К чему это все? – проговорил адвокат. Эрика выставила вперед ладонь и продолжала:

– В тот же день ваши сорок шесть тысяч фунтов снова ушли.

Саймон захохотал, обводя взглядом комнату, словно проверял, не смеется ли кто вместе с ним. Питерсон сохранял невозмутимость.

– Может, спросите у самого Джайлза? Я же не управляю повседневной деятельностью его компании. Я – пассивный компаньон.

– Но вы инвестировали сорок шесть тысяч фунтов. Не слишком ли крупная сумма для пассивного компаньона?

– Что такое «крупная сумма»? Для меня сорок шесть тысяч фунтов – не такие уж большие деньги... Для вас, с вашим полицейским жалованием, конечно, очень большие.

– Даже учитывая сказанное, вы с Джайлзом наверняка хотя бы согласовали, на какие цели пойдут ваши деньги? – заметила Эрика.

– Я доверяю Джайлзу и, если помните, до жестокого убийства моей дочери считал его своим будущим зятем.

На мгновение маска гнева сошла с лица Саймона, и они увидели, что под ней он скрывает боль убитого горем отца.

– Допустим. Значит, как будущий зять, Джайлз объяснил вам, почему сорок шесть тысяч фунтов сразу ушли на счет компании под названием «Меркури инвестментс лимитед»?

Саймон обратил взгляд на адвоката.

– Да или нет? Простой вопрос, – сказала Эрика. – Да или нет? Джайлз объяснил, почему он перевел сорок шесть тысяч в компанию «Меркури инвестментс лимитед»?

– Нет.

– Вам известна компания под названием «Меркури инвестментс лимитед»?

– Нет.

– Она зарегистрирована на Ребекку Кучерову, жену этого человека – Игоря Кучерова. На всякий случай напоминаю, что мы обнаружили второй мобильный телефон Андреа вот с этими снимками.

Эрика достала из папки откровенные фотографии и разложила их перед Саймоном. Он глянул на них, закрыл глаза, и его стала бить дрожь.

Адвокат спешно принялся собирать снимки.

– Я возражаю против того, чтобы моему клиенту показывали столь ужасные фотографии его дочери, которую только что похоронили...

– Но что ваш клиент может сказать по поводу сорока шести тысяч фунтов? Мы считаем, что этот человек, Игорь Кучеров, связан с незаконным ввозом в Великобританию молодых женщин из Восточной Европы. Его также судили за убийство девушки по имени Надя Греко.

– Он был осужден? – резко спросил Саймон.

– Нет, но ясно, что он был причастен к этому делу. Итак, я спрашиваю еще раз. Вам известно, почему Джайлз перевел сорок шесть тысяч фунтов стерлингов Игорю Кучерову?

Саймон, явно нервничая, откинулся на спинку стула.

– Моему клиенту нечего сказать.

– Понятно. – Эрика глянула на Питерсона, и они оба встали.

– И что теперь? – спросил адвокат.

– Мы на время приостанавливаем допрос, – ответила Эрика.

– Который час, вы сказали? – осведомился Саймон.

– Двенадцать пятнадцать, – ответила Эрика.

– Я хотел бы поговорить с Линдой. ПРЯМО СЕЙЧАС, – потребовал Саймон.

Оставив его просьбу без внимания, Эрика с Питерсоном вышли из кабинета.

Глава 64

– Он как будто с ума там сходит, – прокомментировала Мосс, когда они вернулись в мониториную. Они посмотрели на четыре монитора. Саймон рвал и метал, вопя, что «эта стерва полицейская» не вправе запрещать ему увидеться с дочерью.

– Ничего, пусть немного поволнуются, – предложил Питерсон.

– Да, только помните, что у нас всего двадцать четыре часа. Если не сможем предъявить им обвинение, придется отпустить.

– Вот если бы Кучерова повторно арестовать за убийство Нади Греко, – промолвила Мосс.

– У нас нет новых доказательств. Их поиск займет много времени, а у нас его нет. Мы должны доказать, что он получал деньги от Саймона и Джайлза, – рассудила Эрика. – А Линда – наш шанс доказать связь между Андреа и Игорем.

На соседнем экране Линда сидела, положив голову на стол, и рассеянно выводила круги на его поцарапанной поверхности.

На нижнем мониторе Игорь сидел на стуле, широко расставив ноги и головой прислонившись к стене. Джайлз тоже был спокоен. Он сидел на стуле и смотрел по сторонам, словно искал глазами официанта, позабывшего про его заказ.

– Перерыв на несколько минут, – сказала Эрика. Она схватила сигареты и покинула комнату.

Выйдя на крыльцо центрального входа, Эрика увидела Диану Дуглас-Браун. В длинной черной шубе, та стояла у подножия лестницы и курила сигарету. Овал ее осунувшегося лица обрамляли неровные пряди идеально уложенных волос.

Эрика хотела повернуть назад, но Диана ее заметила.

– Старший инспектор Фостер, что происходит?

– Проводим допросы, – ответила Эрика категоричным тоном.

Она взялась за ручку двери, однако Диана ее остановила.

– Прошу вас, передайте это Линде, пожалуйста. – Диана достала из складок шубы брелок с крошечным тряпичным котенком и протянула его Эрике. Котенок был черный, с коричневыми глазками мягкого оттенка и малюсеньким язычком из блеклой розовой ткани.

– Боюсь, это невозможно. Простите, – отказала ей Эрика.

– Умоляю... вы не понимаете. Ей необходимо иметь при себе что-то знакомое. – Диана затащила сигаретку. – У меня были тяжелые роды: кислородное голодание... Она страдает от эмоциональных проблем. Ей трудно совладать с тем, что ее окружает! – Последние слова Диана почти выкрикнула.

– При необходимости дежурный по отделению вызовет врача, и он будет здесь через несколько минут. Но с Линдой все хорошо, уверяю вас. Мы просто хотим задать ей кое-какие вопросы.

Диана расплакалась. Она наклонила голову, и ее волосы свесились вперед, спрятав ее лицо, к которому она, рыдая, прижимала маленького тряпичного котенка. Эрика повернулась и вошла в дежурную часть.

– Алиби подтвердилось, – доложил Крейн, встретив Эрику, когда она вернулась в оперативный отдел. – У меня на руках список пассажиров, согласно которому Игорь Кучеров покинул страну 31 декабря. Он вылетел из лондонского аэропорта Лутон в Румынию. Вернулся 15 января.

– Черт! – выругалась Эрика. Все взгляды обратились на нее. – А в период между этими датами? Есть запись с видеокamer, на которой видно, как он проходит на посадку? – добавила она.

– Босс, это информация с паспортного контроля.

– Знаю. Но мы уже имеем засекреченные материалы и сокращенные судебные протоколы. Это говорит о том, что к Игорю Кучерову на суде было особое отношение! Кто-то внес изменения в официальную документацию... Мог он вернуться в Англию автобусом, поездом, на автомобиле, а потом снова уехать и...

Крейн почесал голову.

– Полагаю, это возможно.

– Давайте перестанем полагать и выясним точно. Мне нужны снимки с паспортного контроля, записи с камер видеонаблюдения, на которых видно, когда он прибыл в Румынию, данные службы пограничного контроля, подтверждающие, что Игорь Кучеров выехал из страны 31 декабря и вернулся 15 января.

– Есть, босс.

– И помните, время идет, – сказала Эрика, глянув на часы. – В нашем распоряжении девятнадцать часов.

Эрика покинула оперативный отдел и в коридоре встретила Питерсона с Мосс. Она сообщила им, что Игорь Кучеров, возможно, находился за пределами страны в то время, когда пропала Андреа.

– Выходит, он не убивал ни Андреа, ни Айви. Мы не можем привлечь его именно за эти убийства, – рассудила Мосс.

Эрика покачала головой.

– А за убийство других девушек? Татьяны Ивановой, Мирки Братовой, Каролины Тодоровой? Нам ведь известно, когда конкретно их обнаружили. Можно узнать, где он был в это время? – спросил Питерсон.

– По первым трем девушкам данные экспертизы неполные, время их исчезновения – самое приблизительное. К тому же я публично увязала те три убийства с гибелью Андреа и Айви. И я уверена, что связь между ними есть. Если только работал не имитатор? Боже, как все сложно. – Эрика потерла лицо и заметила, как Мосс с Питерсоном переглянулись. – В чем дело? Выкладывайте.

– Адвокат Саймона Дуглас-Брауна бьет копытом. Пытается дозвониться до помощника комиссара, – объяснила Мосс.

– Пытается дозвониться до Оукли?

– Да. Причем не через коммутатор. У него есть прямой номер Оукли.

– Дозвонился?

– Пока нет. Оукли в отъезде, взял краткий отпуск.

– У него краткий отпуск. Марш пьет вино и ужинает с женой на тусовке художников... Черт возьми, здесь осталось какое-нибудь начальство?

– Фактически сейчас главная здесь вы, босс, – объяснил Питерсон.

– Так это хорошо. Ладно, попробуем расколоть Джайлза Осборна, – решительно произнесла Эрика.

Глава 65

Джайлз Осборн сидел в кабинете для допросов обиженный и злой. В кабинет вошли Эрика с Питерсоном, а также адвокат Осборна Филипп Сондерс, седовласый мужчина в дорогом костюме.

Наговорив на пленку стандартную информацию о времени проведения допроса и о тех, кто на нем присутствует, Эрика задала Джайлзу те же вопросы – о сорока шести тысячах фунтов стерлингов, которые он получил от Саймона Дуглас-Брауна и перевел на счет компании «Меркури инвестментс», принадлежавшей Игорю Кучерову.

Джайлз наклонился к адвокату и что-то прошептал ему на ухо.

– Чтобы ответить по существу, мой клиент должен иметь перед собой полную картину движения денежных средств по своим счетам, – сказал адвокат.

– Вот выписка с банковского счета. – Эрика пододвинула им по столу документ. – Здесь четко показано, что деньги пришли на один счет и ушли на другой. Что еще вы хотите видеть? «Меркури инвестментс» занимается ландшафтным дизайном и обслуживанием садов. «Якка-праздники» к садоводству отношения не имеет.

Джайлз молчал, постукивая пальцем по губам, и наконец произнес:

– Полагаю, эти деньги ушли на приобретение редкого дерева из Новой Зеландии.

– Что? – спросил Питерсон.

– Я хотел, чтобы оно, это дерево, стало главным украшением моего двора. Название его позабыл, – без запинки объяснил Джайлз. – В подтверждение этой сделки я могу в надлежащем порядке представить вам соответствующий счет-фактуру. Вам ведь известно, что компания мистера Кучерова занимается декоративным садоводством?

– Да, – ответила Эрика.

– В таком случае загадка решена. Именно поэтому я перевел на его счет сорок шесть тысяч фунтов стерлингов.

– Его компания подстригает зеленые изгороди и косит газоны, разве что в больших масштабах, – заметила Эрика.

– И Саймон Дуглас-Браун ничего не знал об этой сделке? – уточнил Питерсон.

– А почему он должен знать? Он – пассивный компаньон. Мы договорились, что он приобретает некоторое количество акций моей компании и становится совладельцем «Якка-праздники». По-моему, сейчас его доля составляет 13,8 %. Как вы понимаете, в данный момент у меня нет доступа к этой информации, поскольку вы чуть свет подняли меня с постели и конфисковали мои средства связи. – Джайлз саркастически улыбнулся Эрике.

– Как вы познакомились с Игорем Кучеровым? – спросила она.

– Через Андреа.

– И вы были в курсе, что у Андреа сексуальные отношения с Кучеровым?

– В то время нет. Пока вы не показали мне фотографии.

– Вам известно, как Андреа познакомилась с Игорем Кучеровым?

– Кажется, она говорила что-то... м-м-м... про подругу... какая-то Барбора...

– Кардошова, Барбора Кардошова?

– Кажется, да.

– И вы знали, что Барбора Кардошова встречалась с Игорем Кучеровым?

Джайлз, придя в смятение, покачал головой.

– Мой клиент ответил на ваши вопросы относительно вложения сорока шести тысяч фунтов стерлингов. Но он не обязан отвечать на вопросы по поводу личной жизни подружки его невесты. Для этого нет оснований, – указал адвокат.

Эрика с Питерсоном смотрели на Джайлза.

– Пока это все, – сказала Эрика.

– И мой клиент может уйти? – осведомился адвокат.

– Я этого не говорила. – Эрика и Питерсон встали.

– И что теперь? – спросил адвокат.

– Мы еще вернемся, – ответила Эрика.

* * *

Они вышли в коридор и вернулись в мониторную.

– Вот засада, – промолвила Эрика, глядя на Мосс с Питерсоном.

– Думаете, эта фигня с редким деревом прокатит в суде, если мы сумеем передать туда дело? – спросила Мосс, внимательно следившая

за тем, что происходит на мониторах.

– Мы же видели его офис, там полно вычурных изысков. Вполне соответствует его словам, – вздохнул Питерсон.

– Ну да. Но где же это дерево? – задалась вопросом Эрика. – Деньги были уплачены более года назад.

– Наверно, ждут, когда вырастет, – съязвила Мосс.

В дверь постучали, и в комнату заглянул Вулф.

– Босс, Марш на проводе. Требуется вас к телефону. Он в своей машине, возвращается в Лондон.

– Он сообщил, где сейчас находится?

– Сейчас в Девоне, – ответил Вулф.

– Скажите ему, что не нашли меня.

– Босс, он знает, что вы их всех допрашиваете.

– Включите мозги, Вулф. Придумайте что-нибудь. За последствия я отвечу. Просто выиграйте для нас чуть больше времени.

– Слушаюсь, босс. – Вулф вышел, и они снова обратили взгляды на мониторы.

– Давайте посмотрим, что скажет на это Кучеров, – произнесла Эрика. – А потом допросим Линду.

Глава 66

– Он просил найти дерево для его офиса, – ответил Кучеров. Он откинулся на спинку стула и потянулся, подняв руки над головой. Эрика заметила у него под мышками желтые пятна. В комнате для допросов стоял застоявшийся запах пота.

– И у вас, как владельца компании по декоративному садоводству, есть такая возможность? – спросила Эрика.

– Это Лондон. Здесь многие стремятся украсить свой сад экзотикой, и Интернет значительно облегчает эту задачу.

– Почему компания записана на вашу жену?

– Записана и все.

– Кто познакомил вас с Осборном? – спросил Питерсон, хотя ответ они знали.

– Андреа, конечно, – улыбнулся Игорь.

– Ваша жена знает об Андреа?

– А вы как думаете?

– Она знала о ваших отношениях с Барборой Кардошовой?

– Моя жена – добропорядочная женщина!

– И что это значит? Она знает, когда нужно промолчать? Закрывать глаза? Ей известно, что вы занимаетесь нелегальным ввозом в Лондон девушек из Восточной Европы? Что вы подбираете их на автовокзале Виктория? – спросила Эрика.

– Мой клиент не обязан отвечать на эти вопросы. Это сущие домыслы. У вас нет доказательств, – вмешался адвокат.

– У нас есть запись разговора с Барборой Кардошовой, в котором она утверждает все это и то, что вы убили Надю Греко.

– И где эта ваша свидетельница?

– Она совершила самоубийство вскоре после дачи показаний, – ответила Эрика, наблюдая за Игорем. – Так боялась рассказать о вас правду, что покончила с собой.

– Женщину-самоубийцу вряд ли можно считать свидетелем, заслуживающим доверия. Тем более это не письменные показания, данные под присягой, – указал адвокат.

Игорь, самодовольный, уверенный в себе, снова развалился на стуле.

– Пока вы тут бегали из кабинета в кабинет, – продолжал его адвокат, – у меня была возможность просмотреть судебные материалы, о которых шла речь. Все ваши заявления – не более чем заявления. Из протоколов судебных заседаний удалены большие объемы информации. С точки зрения закона они не существуют. Вы сознаете, что очень скоро вы должны предъявить обвинение моему клиенту? Время идет, мисс Фостер.

– Старший инспектор Фостер, – поправила его Эрика, сиюсь скрывать досаду. Она добавила, что приостанавливает допрос, указала время, и они с Питерсоном покинули кабинет.

Глава 67

Эрика, Мосс и Питерсон собирались войти в кабинет для допросов № 3, где находилась Линда, но ее адвокат напомнил им, что по закону они обязаны предоставить подозреваемым перерыв на обед. Прошел еще час, наступал вечер. Казалось, время утекает на глазах.

– Линда, вам известно, почему вас задержали? – спросила Эрика.

Линда, чопорная и собранная, сидела, откинувшись на спинку стула.

– Вы думаете, что я владею какой-то информацией. Вы думаете, что я знаю того, кто убил Андреа? Вы думаете, что это я убила Андреа или, может, что я застрелила Джей Ара[21]? Или президента Кеннеди?

– Это не шутки, Линда. Вот это – Игорь Кучеров, он же – Джордж Митчелл. Андреа с ним связывали сексуальные отношения до и во время ее романа с Джайлзом, – сказала Эрика, пододвигая по столу его фото.

Линда смотрела на разложенные перед ней снимки, в том числе на откровенные, с непроницаемым выражением на лице.

– Мы знаем, что этот снимок, на котором вы сфотографированы с Андреа, сделал он, – добавила Эрика.

– Вы этого не знаете, – фыркнула Линда, скользя взглядом по сотрудникам полиции. – Откуда вам это знать?

– Мы арестовали Игоря Кучерова по подозрению в убийстве Андреа, а также Татьяны Ивановой, Мирки Братовой, Каролины Тодоровой и Айви Норрис. Сейчас его допрашивают в соседнем кабинете, – сообщила Эрика.

– Вы лжете, а я не люблю лжецов. Я обязана разговаривать с лжецами? – Линда посмотрела на адвоката.

– У вас есть доказательства, что этот снимок моей клиентки сделан человеком, о котором вы говорите? – спросил тот.

Эрика не ответила.

– Вы помните девушку по имени Барбора? Она была подругой Андреа.

– Да.

– Она пару раз ездила с вашей семьей на летний отдых?

– Она была мила, пожалуй, даже слишком, и жизнерадостна. И все равно, слишком хороша, на взгляд Андреа, и Андреа – кто бы мог подумать?! – прогнала ее.

– Как она ее прогнала?

– Да как обычно. Поначалу она восторгалась Барборой, потом ее восхищение улеглось, и она стала относиться к ней как к бедной родственнице. Когда Барбора последний раз поехала с нами отдохнуть, она уже сильно похудела, прямо высохла. Андреа сочла, что это – последний писк моды. И, видимо, этого оказалось достаточно, чтобы отвергнуть бедняжку.

– Андреа сказала, куда уехала Барбора?

– Она просто сказала, что та переехала. А что? – спросила Линда, сощутив глаза.

Эрика объяснила, что Барбора знала Кучерова и имела с ним сексуальные отношения в то же время, что и Андреа.

– Позвольте напомнить, что это удаленная информация, – заметил адвокат.

– То, что Барбора имела сексуальную связь с Кучеровым, была включена в программу защиты свидетелей и покончила с собой, не является удаленной информацией, – возразила Эрика. Она увидела, что Линда задрожала, слезы наворачиваются ей на глаза и текут по щекам.

– Как она погибла? – спросила Линда.

– Повесилась. Она была очень напугана. Теперь вы понимаете, как нам важно выяснить всю правду о Кучерове? Он был непосредственно связан с Андреа.

Линда отерла слезы.

– Я встречала его раз или два в одном клубе в Кенсингтоне и в пабе в Чизике. Как я уже говорила, Андреа пользовалась успехом у мужчин; всегда водила их за нос. Мужчины для нее были как тампоны: попользуется и выбрасывает.

Возникло молчание. Адвокат не скрывал своего недовольства. Эрика открыла папку, достала записку, которую ей сунули в карман куртки, и положила ее перед Линдой.

– Что вы можете сказать об этом? – спросила Эрика, наблюдая за лицом Линды.

– Вы уже показывали мне эту записку. Когда приходили в цветочный салон. – Она посмотрела на Эрику. – Это вам прислали?

– Да. Как видите, автор этой записки насмехается не только надо мной лично, но и над полицией в связи с гибелью Андреа и других жертв.

– И зачем вы мне ее показываете? – спросила Линда ледяным тоном.

– Линда, мы читали ваше досье. Вы имели привычку посылать письма с угрозами. Прежде вы посылали письма Джайлзу и многим другим. Учителям, врачу, подругам Андреа. Вы посылали письма даже Барборе. Она упомянула об этом в своих показаниях, запись которых у нас есть.

– Старший инспектор Фостер, это все косвенные улики, – заметил адвокат. – Вы грубо пытаетесь свести концы с концами, чтобы обманом разговорить мою клиентку. Она ничего не скажет.

– Может, и скажет, а если будет молчать – значит, ей есть что скрывать. Линда, вы, ваш отец, Джайлз, Барбора, Кучеров – вы все взаимосвязаны. У нас есть ваш ноутбук, и мы сейчас изучаем информацию на жестком диске. Мы также изъяли компьютеры вашего отца и Джайлза. Рано или поздно мы сведем все воедино – это вопрос времени. Линда, расскажите мне все, что знаете, и я вам помогу.

– И не подумайте, – заявила Линда, выпрямившись на стуле. Она сняла пушинку со своего джемпера и посмотрела на полицейских. Казалось, теперь она полностью контролирует свои эмоции. Эрика с трудом скрывала досаду.

– Вы любите кошек? – спросил Питерсон.

– Ой-ой, мы в отчаянии, не правда ли? – Линда кокетливо улыбнулась. – Мистер Ллойд, можно мне ответить на этот вопрос? Мне не хотелось бы оказаться замешанной еще и в кошачьем скандале.

Адвокат, закатив глаза, кивнул.

– Да, инспектор Питерсон, я люблю кошек.

– У вас есть кошка?

– Сейчас – нет, – холодно ответила Линда.

– У вас есть еще вопросы *по существу*? – осведомился мистер Ллойд.

– Нет. Других вопросов пока нет, – ответила Эрика, пытаясь сохранять невозмутимость. В коридоре, когда они вышли туда, их ждал Вулф.

– Что еще? – сердито спросила она.

- Марш.
- Не сейчас. Я ему перезвоню.
- Он здесь, в своем кабинете, и требует вас к себе.

Глава 68

Эрика постучала в кабинет Марша. Тот вышагивал перед окном, но, когда она вошла, остановился и обратил на нее взгляд. На нем были свежие белые брюки из хлопчатобумажной ткани, рубашка с открытым воротом и экстравагантная шляпа с низкой тульей. Несмотря на всю серьезность положения, Эрика подавила невольную улыбку.

– Хотите походить на Дэвида Бекхэма, сэр? Или это ваш художнический прикид?

– Садитесь. – Он снял шляпу и бросил ее на груды бумаг, наваленных на его столе. – Вы в своем уме, Фостер? Вы вообще представляете, какую кашу заварили, арестовав Дуглас-Браунов? Мне звонят из кабинета министров.

Марш выглядел утомленным, смертельно уставшим от происходящего.

– Сэр, если вы выслушаете...

– Нет. Я приказываю вам освободить из-под стражи сэра Саймона, Линду, Джайлза и Игоря Кучерова, это ясно? Вы раскрыли человека, находившегося под охраной государства по программе защиты свидетелей; вы открыто обсуждали информацию из закрытых судебных материалов...

– Сэр, Барбора Кардошова покончила с собой, а значит, она больше не участвует в программе защиты свидетелей. – Далее Эрика объяснила про движение денежных средств на счетах, принадлежавших Саймону, Джайлзу и Кучерову, изложила суть показаний Барборы, подчеркнув, что Кучеров занимается нелегальным ввозом в Великобританию женщин из Восточной Европы. О том, что его, возможно, не было в стране во время убийства Андреа, она умолчала. – Признайте, сэр, что все это дурно пахнет, даже если предположить, что это случайное стечение обстоятельств.

Марш слушал внимательно. Он тяжело дышал, продолжая мерить шагами комнату. Эрика видела, что Марш усиленно думает.

– Который час? – спросил он.

– Скоро пять, – ответила она.

– Когда истекают двадцать четыре часа, на которые их задержали?

– Завтра в девять.

– Им уже предоставили перерыв на ужин?

– Еще нет.

– Кроме того, они имеют право на восемь часов непрерывного отдыха.

– Знаю, сэр. Мне нужно больше времени. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы срок их задержания продлили еще на двенадцать часов. У меня на это нет полномочий, а у вас они есть. Я жду результатов криминалистической экспертизы. Эксперты занимаются ноутбуками Саймона и Линды. Мы изучаем выписки с банковских счетов.

– Нет, продлить срок задержания я не могу. – Марш сел за стол. – Послушайте, Эрика. Вы – блестящий следователь...

– Сэр, вы всегда так говорите перед тем, как собираетесь что-то запретить.

Марш помолчал.

– Я говорю это, потому что это истинная правда. И еще потому, что знаю, чем это кончится. Вы замахнулись на влиятельных людей, и шансы на успех не в вашу пользу.

– Прямо как в «Голодных играх»...

– Я не шучу, Эрика. Отпустите подозреваемых, и я сделаю все, чтобы вас защитить.

– Защитить меня? – изумилась Эрика.

– Эрика, вы что – слепы, не видите, как работает система? Истеблишмент всегда побеждает. Мы оба не раз это наблюдали. У вас ведь нет железных доказательств. Прошу вас. Отступитесь. Не губите свою карьеру. Порой, хочешь не хочешь, а приходится отступить – просто нет другого выхода.

– Нет. Простите, сэр. Это тоже не выход. Убиты пять женщин. *Пять.* Какое право имеют представители так называемого истеблишмента покрывать преступления? Чтобы заработать больше денег? Иметь возможность и далее наслаждаться своим благополучием как ни в чем не бывало?

– Вы ведь понимаете, чем все кончится? Вам придется положить на стол свое удостоверение, вы лишитесь доброго имени.

– Сэр, у меня отняли почти все. Марка, счастливую жизнь, что я вела на севере в окружении друзей, место, которое я называла домом. У меня ничего не осталось, кроме моральных принципов и надежды на

то, что до девяти часов завтрашнего дня я, возможно, сумею восстановить справедливость и отомстить за этих женщин. Только это еще и поддерживает меня.

Марш смотрел на нее. Они больше не злились друг на друга. Все, что их разделяло, – это только заваленный бумагами стол, но они как будто сидели по разные стороны широченного каньона. И Эрика находилась на том краю, который грозил обвалиться.

– Ладно. У вас есть время до девяти часов утра завтрашнего дня. И вам придется ответить за последствия.

– Спасибо, сэр.

Эрика встала и пошла из кабинета Марша, заметив, что он провожает ее с грустью во взгляде.

Глава 69

Эрика и ее группа продолжали допрашивать задержанных. Вечерние часы пролетали один за другим, а вместе с ними улетучивалась надежда на то, что они раскроют убийства. Кучеров, Саймон, Джайлз и Линда, догадываясь, что у полиции нет доказательств, держались все более уверенно – либо отмалчивались, либо давали уклончивые ответы. Их адвокаты оторопели, когда Эрика объявила, что задержанных оставляют на ночь в отделении, чтобы утром снова допросить.

Близилась полночь. Крейн с Эрикой последними покидали оперативный отдел.

– Я еще могу чем-нибудь помочь, босс? – спросил Крейн, вырастая у ее плеча. – Мы пока ждем записи с камер видеонаблюдения в аэропортах по Игорю Кучерову, но вряд ли получим их в ближайшие несколько часов.

Эрика в очередной раз изучала материалы по делу Андреа за весь период следствия – с момента ее похищения. Экран монитора расплывался перед глазами.

– Нет, – ответила она. – Идите домой, отдохните.

– Вам бы тоже не помешало. Вы вернулись к себе в квартиру?

– Нет. Полиция раскошелилась на номер в отеле. Пока со мной не разберутся.

– Где вы остановились?

– В отеле «Парк-Хилл».

Крейн присвистнул.

– Хороший отель. Бабушка моя справляла там девяностолетие. Там хорошая площадка для гольфа. Доброй ночи.

– До завтра. Приходите пораньше и в бодром расположении духа, – попрощалась Эрика, и Крейн ушел.

* * *

В гостиницу она приехала за полночь. Войдя в свой роскошный элегантный номер, Эрика почувствовала себя за миллионы миль от расследуемого дела. Но все равно думала только о нем.

Проснувшись она в холодном поту в половине пятого утра. Ей снился все тот же сон: вокруг стрельба, Марк падает на землю. Эрика

закрыла глаза. Последняя картина, где ему выстрелом разносит затылок, врезалась в сознание.

В номере было душно. Она встала с постели и подошла к окну, под которым жарила батарея. Ее номер находился на шестом этаже. За чернильно-черной площадкой для гольфа виднелись дома – ряды сгруппированных зданий, убегавшие в сторону Луишема. В некоторых горел свет, но большинство утопали в темноте. Окно открывалось всего на пару дюймов – шире не позволял блокиратор против самоубийц.

– Мне просто нужен свежий воздух, – сказала она. – Я не собираюсь выбрасываться из окна.

Эрика оделась и спустилась в просторный, стильно оформленный вестибюль, где было безлюдно. Лишь за стойкой регистрации сидел дежурный с усталыми глазами, раскладывавший на компьютере пасьянс. Он кивнул ей, подняв голову от монитора.

Выйдя на улицу, Эрика с наслаждением вдохнула морозный воздух. Перед зданием гостиницы стояли в ряд скамейки. Она села на ближайшую ко входу, вытащила из пачки сигарету, закурила и выпустила в ночное небо струйку дыма. Ежась, она пыталась стряхнуть с себя кошмарный сон и сосредоточиться мыслями на расследовании.

Может, это будет как раз тот случай. Еще одно нераскрытое дело. У каждого следователя есть свое нераскрытое дело, которое еще долго не дает ему покоя. Эрика стряхнула пепел на гравий и услышала мяуканье. Из-под скамейки вылезла большая черная кошка и потерлась о ее ноги.

– Привет. – Эрика нагнулась и погладила кошку. Та, мурлыча, с важным видом направилась к мискам под одним из эркерных окон. Полакав из одной миски воду, она понюхала соседнюю, но та оказалась пуста.

На ум Эрике пришла Линда Дуглас-Браун. *Линда – кошатница*. К ней тянется много ниточек. В вечер исчезновения Андреа Линда должна была встретиться с сестрой, но не встретила. Пошла в кино с Дэвидом. Это им известно, а вот что было потом... Линда одержима кошками. А что вообще им известно о Линде? Видимо, по жизни она – жертва. И в семье явно не всеобщая любимица. Линда озлоблена и завистлива. Она *могла бы* убить Андреа, но как тогда быть с другими

женщинами? С проститутками, что были связаны с Кучеровым? Линда знала Кучерова, встречалась с ним. А если она в курсе, что Кучеров убил трех проституток? И, воспользовавшись удобным случаем, убила Андреа тем же способом, каким были убиты те девушки? Сымитировала почерк серийного убийцы. И еще: Линда любит кошек.

Эта мысль не давала покоя Эрике. Линда любит кошек, но кошки у нее нет. Питерсон во время допроса поинтересовался, есть ли у нее кошка. Она ответила загадочно: «Сейчас – нет». И нечто непонятное промелькнуло в ее лице. Эрика тогда не придала этому значения, но теперь ей стало очевидно, что в странной реакции Линды кроется какой-то смысл.

Эрика вернулась в номер, быстро переоделась и, во второй раз пройдя мимо скучающего портье, поехала в отделение полиции Луишем-Роу. Был шестой час утра. С сержантом, заступившим на ночное дежурство, она не была знакома, но он выдал ей ключи от дома Дуглас-Браунов.

В Чизик она ехала по пустым дорогам – через площадь Слон и замок, через Темзу и мост Блэкфрайарс, потом вдоль набережной. По сторонам высились темные офисные здания. Над рекой стелился туман. Светало, и сквозь дымку было видно, как вода в ее берегах приобретает синий оттенок.

Эрика позвонила Мосс, но у той включился автоответчик.

– Привет, это Эрика. Сейчас почти пять тридцать. Я еду к Дуглас-Браунам. Меня что-то смущает в поведении Линды. Хочу взглянуть на ее комнату. Если не вернусь к семи, допросите ее снова. Пусть это сделает Питерсон – похоже, она к нему не ровно дышит. Разговорите ее про кошек. Я понимаю, это звучит дико, но мне кажется, с кошками что-то нечисто – пока не пойму, что... Она – заядлая кошатница, а кошки у нее нет...

Телефон Эрики три раза пискнул и отключился.

– Черт! – вскричала она, глядя на неработающий телефон, который она не успела зарядить, потому что мало времени находилась в отеле.

Вот и Чизик-Хай-роуд. Эрика сунула телефон в карман и припарковалась в одном из переулков, сознавая, что ей нужно действовать быстро и что в отделение придется возвращаться на

метро, если она хочет добраться туда до того, как истекут двадцать четыре часа, на которые они задержали подозреваемых.

Глава 70

Дом Дуглас-Браунов, лоснящийся, как глыба сливочного масла, стоял в конце глухого переулочка, своим великолепием затмевая все вокруг. В воздухе висела легкая дымка. Только она приблизилась к дому, как уличные фонари погасли. Хорошо смазанные ворота открылись бесшумно. Эркерные окна безучастно смотрели на Эрику. Она подошла к центральному входу и позвонила в дверь, услышав, как трель звонка разносится по дому. Она немного подождала, затем достала связку ключей и принялась по очереди вставлять их в замок. Третий ключ подошел, дверь открылась. С минуту Эрика прислушивалась, затем шагнула в дом и закрыла за собой дверь.

Она пошла по коридору, миновала высокие напольные часы с раскачивающимся маятником и ступила в просторную кухню, где царили тишина и безупречный порядок. Над большим кухонным «островком» из черного гранита висели медные горшки, задняя стена от пола до потолка была полностью стеклянной. За ней Эрика увидела декоративный сад. На ухоженный газон сел черный дрозд. Заметив Эрику за стеклянной стеной, он вспорхнул с травы и улетел.

Эрика покинула кухню и по широкой лестнице поднялась на второй этаж. Миновав элегантные безликие гостевые спальни и мраморную ванную, в дальнем конце коридора, в самой глубине дома, она нашла комнату Линды. На закрытой двери висело объявление: *ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КОМНАТУ ЛИНДЫ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОСТУЧИТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЙТИ.* Ниже, почти вымаранная, стояла приписка: *А то может случиться так, что на мне нет трусиков.* Эрика невольно улыбнулась, подумав, что это, должно быть, Дэвид постарался. Младшие братья любят доводить сестер. Она открыла дверь и вошла.

Глава 71

– Босс оставила сообщение, – доложила Мосс, войдя в оперативный отдел. Питерсон, прибывший одновременно с ней, держал в руках поднос с кофе. Он стал раздавать кофе коллегам, снимавшим верхнюю одежду. Глаза у всех были сонные. – Она хочет, чтобы мы первым делом допросили Линду.

– Ее адвокат уже пришел? – спросил Питерсон.

– Да, только что видела его в дежурке. Вид у него не радостный. Кому понравится, когда тебя вытаскивают с постели ни свет ни заря.

– Ничего, к девяти все кончится, – сказала констебль Сингх, подходя и беря последний стакан кофе.

– Извини, это мой, – рявкнула Мосс. – Иди налей себе из автомата.

– Сурово ты с ней, – заметил Питерсон, когда Сингх пошла прочь.

– Послушать ее, так мы все здесь только и делаем, что ждем, когда стукнет девять... Как будто это формальность.

– Разве нет? – спросил Питерсон, сконфузившись.

– Нет, – подчеркнула Мосс. – Теперь слушай. У босса появилась идея...

Глава 72

Комната Линды была тесной и мрачной. Подъемное окно, под которым стоял мягкий диванчик, выходило в сад. Сверху Эрика увидела, что на отдельных участках газона еще лежит грязный снег. Рядом с окном стоял массивный темный гардероб. Когда Эрика открывала его, скрипнула дверца. С одной стороны висели темные объемистые юбки, рядом – отглаженные белые блузки, некоторые – с кружевной отделкой на вороте. Остальное пространство занимали джемпера с кошками, немислимое количество джемперов, все толстые и тяжелые. На дне стояли несколько пар лодочек и удобных сандалий, пара кроссовок зеленовато-голубого цвета, запылившиеся коньки и розовый тренажер для бедер.

Угол у дальней стены занимала односпальная кровать из темного дерева. Над ее фигурным деревянным изголовьем висело толстое металлическое распятие. На аккуратно застеленном лоскутном покрывале сидели в ряд игрушечные кошки, выстроенные по размеру. Их лупоглазые мордочки казались трогательно оптимистичными в печальной унылости комнаты. Эрика отметила про себя, что Линда не позабыла заправить кровать и расставить по росту кошек перед тем, как ее запахнули в полицейский автомобиль.

На тумбочке у кровати стояли лампа в стиле Тиффани, фигурная пластмассовая коробочка с каплями из прозрачного пластика, а также небольшая фотография в рамке, сделанная несколько лет назад. На снимке – Линда сидит на качелях в саду с красивым черным котом, развалившимся у нее на коленях. Лапы у кота белые. Эрика взяла рамку с фотографией, повернув ее, отстегнула металлические застежки и вытащила картонную подложку. На оборотной стороне фото четким почерком было написано:

Мой любимый котик Баумачок и я.

С фотографией в руке Эрика продолжала осматривать комнату. Рядом с кроватью у стены стоял старинный секретер из такого же дерева, заполненный ручками и девчачьими канцелярскими принадлежностями. На запыленной поверхности стола – большой чистый квадрат, где лежал ноутбук Линды, который изъяла полиция. На туалетном столике, втиснутом между окном и секретером, – кое-что

из косметики, большая банка крема E45 и упаковка ватных шариков. С краю лежала щетка, в которой застряли мышинные волосы Линды, поблескивавшие на свету, что падал из окна. Рядом с дверью высился большой книжный шкаф, забитый произведениями Джеки Коллинз и Джудит Кранц, а также историческими любовными романами. На полках – несколько снимков, сделанных во время отдыха семьи в Хорватии, Португалии и Словакии. В основном это были фото Линды и Андреа, позировавших с разными кошками, но среди них затесалась одна фотография, на которой Линда стоит у подножия скалы с каким-то рослым загорелым блондином. На Линде альпинистское снаряжение и красный пластмассовый шлем. Она улыбается во весь рот, так что подбородочный ремень врежется в ее сияющее загорелое лицо. На обороте фотографии надписи не оказалось.

На стене у двери висела большая доска с фотоколлажем. Снимки были прикреплены так, что наплзали один на другой, и на всех присутствовал Башмачок – роскошный черный кот с белыми лапами: Башмачок на одеяле в плетеной корзине, стоящей на велосипеде, на котором восседает Линда; Башмачок на коленях у Линды, сидящей на качелях в саду; Башмачок с тостом в белых лапах на кухонном столе, за которым завтракают Андреа и Линда. Девочки хохочут, запрокинув головы. На одной фотографии Башмачок развалился на столе Саймона, прямо на ворохе бумаг. Саймон, видимо, был очень занят, но позволил Линде оторвать его от работы. Эрика принялась снимать с доски фотографии. На некоторых, в той части, где они были закрыты другими снимками, был кто-то вырезан; другие – частично обрезаны, неровно, с той или с другой стороны. Просматривая семейные фотографии, Эрика поняла, кто на них отсутствует.

Глава 73

Войдя в комнату для допросов, Питерсон отметил, что Линда выглядит изможденной и растрепанной, – вероятно, ей плохо спалось в камере. Адвокат закончил протирать свои очки и снова надел их.

– Вот, я принес вам кофе, Линда. – Питерсон сел напротив нее и пододвинул к ней стакан с кофе, что купил по дороге в отделение. Адвокат, увидев, что у Питерсона тоже есть кофе, недовольно поморщился – обиделся, что его не угостили.

Питерсон наклонил стакан к свету.

– Видите, вечно мою фамилию пишут как бог на душу положит. Я сказал, что меня зовут Питерсон. А они написали «Петерсан».

Линда с минуту смотрела на него, потом взяла свой стакан и проверила надпись.

– Мое имя правильно написали. – Она повернула стакан и просияла. – Ой, тут даже котенка нарисовали! Смотрите! – Она развернула стакан, показывая рисунок Питерсону.

– Я подумал, что вам понравится, – улыбнулся он.

Линда сощурила глаза.

– Думаете, я не понимаю, зачем вы так стараетесь? – Она выпрямилась за столом, отодвинув от себя стакан. – Со мной этот номер не пройдет.

– Я и не рассчитывал, – сказал Питерсон. Он назвал свою фамилию, текущее время, и запись допроса началась.

– Линда, вчера вы сказали, что у вас нет кошки.

– Сказала. Кошки у меня нет, – ответила она, осторожно глотнув из стакана кофе.

– А раньше была?

– Да, была, – тихо промолвила она. – Его звали Башмачок.

– Башмачок?

– Да. Он сам был весь черный, но с белыми лапами, как будто в башмачках...

Минуты текли. Линда оживилась, увлеченно рассказывая Питерсону про Башмачка, – про то, как он спал с ней под одеялом, положив голову на подушку.

– Послушайте, инспектор Питерсон, – вмешался ее адвокат, – какое отношение это имеет к вашему расследованию?

– Помолчите, пожалуйста. Я рассказываю про своего кота, – одернула его Линда.

– Я здесь ради вас, мисс Дуглас-Браун...

– Вот именно. А я рассказываю про своего кота, понятно?

– Да, более чем, – сказал адвокат.

Линда отвернулась от него к Питерсону.

– Меня тошнит от людей, которые к кошкам относятся как к безмозглым зверушкам. Они не безмозглые. Это самые умные, самые красивые существа...

* * *

Мосс с Крейном наблюдали за ходом допроса из мониторинной.

– Продолжай спрашивать ее про Башмачка, – посоветовала в микрофон Мосс. Ее голос тихо отозвался в наушнике, что был на Питерсоне.

– У Башмачка было второе имя? Например, мою собаку звали Барнаби Клайв, – сказал Питерсон.

– Нет. Он был просто Башмачок Дуглас-Браун, и этого было вполне достаточно. Жаль вот только, что у меня нет второго имени. Или хотя бы мне дали более красивое имя, чем это дурацкое старомодное Линда.

– Ну, не знаю... Мне имя Линда нравится, – сказал Питерсон.

– Башмачок куда экзотичнее...

– И что случилось с вашим Башмачком? Умерла ваша кошка, да? – спросил Питерсон.

– Башмачок – кот... ОН... Да, он умер, – ответила Линда, обеими руками хватаясь за край стола.

– Вам плохо? Вам больно говорить про то, как умер Башмачок? – не унимался Питерсон.

– Конечно, больно. Его больше НЕТ! – крикнула Линда.

В комнате для допросов воцарилась тишина.

– Молодец, Питерсон, продолжай давить на нее. Она почти сломалась, – проговорила Мосс в наушники.

Глава 74

Дом Дуглас-Браунов с его тайнами и вопросами без ответов застыл в гнетущем давящем безмолвии. Эрика не обратила внимания, сколько времени она пробыла в комнате Линды, рассматривая семейные фотографии и вбирая в себя печаль, которой веяло от вещей Линды. Теперь, сжимая в руке фотографии с котом Башмачком, она шла по коридору, проверяя, что находится за той или иной дверью. Она миновала пустые гостевые комнаты, большую ванную, огромный бельевой шкаф, два венецианских окна в коридоре, выходявших на глухую заднюю стену соседнего дома.

На другой стороне этажа, строго на противоположном конце от того, где находилась комната Линды, Эрика нашла комнату Дэвида. Дверь была отворена.

Эта комната, в сравнении с той, что принадлежала Линде, была светлой и стильной. Большая двуспальная кровать с металлической рамой, длинный гардероб с зеркальными дверцами. На стене в рамке плакат с изображением Че Гевары. Рядом – календарь «Пирелли», открытый на странице января с фото прекрасной блондинки, которая прикрывала руками обнаженную грудь. В комнате стоял слабый аромат дорогого лосьона после бритья. На большом столе лежал открытый «Макбук», возле него – айпод, подсоединенный к большому динамику. Над столом на полке висели шесть пар наушников *Skullcandy* разных цветов. Заметив, что из-из стола выглядывает зарядное устройство, Эрика достала свой айпод и вставила в него шнур. Через пару минут, увидев, что телефон начал заряжаться, она включила его. Подошла к ноутбуку и провела пальцами по сенсорной панели. Экран осветился, и на нем появилась табличка с просьбой ввести пароль. Остальное пространство на стенах занимали большие черно-белые эстампы с изображениями электростанции Баттерси, Национального театра и рыбного рынка Биллингзит. Многие полки были заставлены книгами по архитектуре – от справочников в мягком переплете до крупноформатных фотоальбомов.

Эрика окинула взглядом полку, и ее внимание привлек ярко-голубой корешок с названием «Плавательный Лондон: 50 лучших мест для купания». Эрика взяла книгу и стала листать фотографии

плавательных бассейнов и водоемов Лондона. И ее постепенно охватывало жуткое предчувствие.

Глава 75

В отделении полиции Луишем-Роу Мосс и Крейн следили за ходом допроса по видеоэкрану. Линда с упоением рассказывала о своем любимом коте Башмачке. Питерсон ее внимательно слушал. Раздался стук, в дверь просунул голову Вулф.

– Только что передали для старшего инспектора Фостер. – Вулф вручил Мосс какой-то документ. Она быстро пробежала его глазами.

– Это от частнопрактикующего врача с Харли-стрит, наблюдающего Линду. Он утверждает, что она психически неуравновешенный человек и ее нельзя допрашивать.

– Блин, во что мы вляпались? – произнес Крейн.

– Кто это принес? – спросила Мосс.

– Диана Дуглас-Браун. С ней пришел еще один адвокат, – ответил Вулф. – Вы должны прекратить допрос.

– Нам сказали, что ей ничего не известно, однако этот документ доставили собственноручно еще до семи утра? – хмыкнула Мосс.

– Я, естественно, тебя прикрою, но теперь задействованы большие люди. Истеблишмент. Я прямо вижу, как мы подбираемся к краю пропасти, – сказал Крейн.

– Еще чуть-чуть, Вулф. Приходи через десять минут.

Вулф неохотно кивнул и ушел.

– Питерсон, давай-ка поднажми на нее, – сказала в микрофон Мосс.

– Линда, как умерла ваша кошка? – спросил Питерсон в комнате для допроса. – Как умер Башмачок?

У Линды дрожала нижняя губа, она крепко сжимала в руках стакан, пальцем поглаживая нарисованного котенка.

– Не ваше дело.

– Ваши родные расстроились, когда умер Башмачок?

– Да.

– Андреа и Дэвид? Они ведь тогда, наверно, были моложе?

– Конечно, моложе! Андреа расстроилась. А Дэвид... – Лицо Линды омрачилось, она впилась зубами в губу.

– Что Дэвид? – спросил Питерсон.

– Ничего. Он тоже расстроился, – ответила Линда сдавленным голосом.

– Как-то неубедительно вы это говорите. Так Дэвид расстроился или нет, Линда?

У нее участилось дыхание. Она втягивала в себя воздух и отдувалась, как при гипервентиляции.

– Он... тоже... рас... стро... ил... ся, – повторила Линда. Тараща глаза, она смотрела в пол.

– Дэвид расстроился? – допытывался Питерсон.

– Я ЖЕ СКАЗАЛА! ОН БЫЛ РАССТРОЕН! – крикнула Линда.

– Мне кажется... – попытался вмешаться адвокат, но Питерсон его перебил:

– Линда, Дэвид уехал на мальчишник, да?

– Да. Так было трудно его отпускать, я даже сама удивилась. – Она замерла, хмурясь.

– Он ведь уехал всего на несколько дней, да? – уточнил Питерсон.

Линда теперь плакала, по ее щекам текли слезы.

– Линда, вы не переживайте... он вернется... Дэвид вернется, – стал успокаивать ее Питерсон. А она, красная, как рак, с перекошенным ртом, сидела, вцепившись в край стола.

– Моя клиентка... – начал адвокат.

– Я не хочу, чтобы он возвращался, – прошипела Линда.

– Линда, почему вы не хотите, чтобы Дэвид возвращался? Не бойтесь, я с вами, мне вы можете рассказать, – уговаривал ее Питерсон, чувствуя, как воздух в комнате трещит от напряжения.

– Подальше, – мрачно произнесла Линда. – Я хочу, чтобы он убрался куда подальше... Уехал... ИСЧЕЗ!

– Почему, Линда? Объясните мне, почему? Почему вы хотите, чтобы Дэвид уехал куда подальше?

– ПОТОМУ ЧТО ЭТО ОН УБИЛ МОЕГО КОТА! – внезапно закричала она. – ОН УБИЛ БАШМАЧКА! Убил Башмачка! Мне никто не поверил! Все решили, что я сочиняю. А это он убил моего котика. И кошку Джайлза тоже он убил, а свалил на меня! Сволочь...

– Дэвид? Дэвид убил вашего кота? – наседал Питерсон.

– Да!

– Как он его убил? – спросил Питерсон.

Линда, теперь багровая, крепко держалась за стол, пытаясь его раскачать, но стол был привинчен к полу.

– Он его задушил... – захлебываясь словами, отвечала она. – Он его задушил... Как, как... – Линда так сильно прикусила губу, что на ней выступила кровь.

– Как кого, Линда?

– Как тех девушек, – мучительным шепотом закончила она.

Глава 76

Дрожащими руками Эрика листала книгу в комнате Дэвида. Переворачивая страницы, она чувствовала, как у нее все быстрее колотится сердце. Вот раздел об озере Серпентайн, этот – о бассейне в парке Брокуэлл, этот посвящен прудам в лесопарке Хампстед-Хит, этот – водоемам в Риджентс-парке. Все – места преступлений. Нет только музея имени Хорнимана. В каждом разделе вокруг фото и текста записи, сделанные почерком маньяка. На некоторых страницах полностью исписано все пустое пространство вокруг фотографий. Указывалось, где находятся входы и выходы, есть ли камеры видеонаблюдения, в какие часы работает тот или иной объект, где лучше поблизости поставить машину так, чтобы она не бросалась в глаза.

В самом конце книги на развороте Эрика увидела карту, на которой некоторые объекты были отмечены и обведены. Эта карта была идентична той, что висела в оперативном отделе. Эрика выронила из рук книгу, упавшую на пол с глухим стуком, и подошла к столу, где заряжался теперь уже включенный ее телефон. Она взяла телефон и принялась листать контакты, ища добавочный номер Мосс и Крейна в отделении Луишем-Роу.

Потом почувствовала движение тени за спиной. Чья-то рука накрыла ее руки и вырвала телефон.

Глава 77

Старший суперинтендант Марш вошел в мониторную как раз в тот момент, когда Линда сломалась, проболтавшись, что Дэвид – убийца. Все трое – он, Мосс и Крейн, – шокированные, молча наблюдали, как Линда теряет контроль над собой. Пунцовая, она бесновалась, рвала на себе волосы, брызгала слюной.

– Дэвид убил Башмачка у меня на глазах. Задушил его! Мне никто не поверил, когда я сказала, что это он! Никто! Все подумали, что я лгу! Что это я сама сделала!

– Вы сказали, что Дэвид убил тех девушек? Каких девушек? – спросил Питерсон.

– Девушек... Которых покупают. Он так много тратил на них...

– Чего много тратил?

– Денег, придурок! – заорала Линда. – Причем не своих собственных. Нет, не своих! Папочка платил. Папочка за все платил, а мне даже котенка другого не купил... Потому что я якобы оговорила Дэвида, сказав, что это он убил моего кота. Они ЕМУ поверили, а не МНЕ. Убийца, будь он проклят. Неужели я хуже убийцы? ХУЖЕ? Папа тысячи только так тратил. ТЫСЯЧИ!

– На что он тратил тысячи, Линда? Кому он платил тысячи? – спросил Питерсон.

– Игорю, долбаному любовничку Андреа! За тех девушек.

– Ваш отец платил ему? – наседал Питерсон.

– Он дал деньги Джайлзу, чтобы тот расплатился! И Дэвиду дал денег, чтобы он покинул страну. БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ! А МНЕ ДАЖЕ КОТЕНОЧКА НЕ КУПИЛ!

Линда запрокинула назад голову и со всего размаху опустила ее на стол. Подняла и снова с размаху опустила.

– Прекратите! Остановитесь! – вскричал Питерсон. Адвокат ретировался в угол комнаты. Питерсон подошел к стене и включил сигнал тревоги. Отделение огласил вой сирены. Он повернулся и посмотрел прямо в видеокамеру: – Мне нужна помощь. БЫСТРО!

* * *

– Где Фостер? – спросил Марш, находясь в мониторной.

Мосс застыла, кровь отлила от ее лица.

– Господи боже мой. Она же поехала домой к Дуглас-Браунам.

Глава 78

Эрика резко повернулась и столкнулась лицом к лицу с Дэвидом, одетым в джинсы, зеленый свитер и темную дутую безрукавку. Он вытащил из ее телефона SIM-карту и с тихим щелчком разломил ее пополам. Сам телефон бросил на ковер и раздавил каблуком сапога, оглашая комнату треском и хрустом.

Эрика не сводила взгляда с лица Дэвида. С него словно спала маска молодости и привлекательной самоуверенности. Ноздри его раздувались, глаза сверкали. Он являл собой воплощение зла. И как она раньше не догадалась? Надо же быть такой дурой.

– Я думала, вы в отъезде, Дэвид? – промолвила Эрика.

– Все так думают. Я на *мальчишнике*...

Эрика глянула на книгу, лежавшую на полу. Та была раскрыта на карте Лондона.

– В книге это не отмечено, но Андреа ведь тоже вы убили, да? – спросила она как можно спокойнее.

– Да, я. Жаль, конечно. Она была куда интереснее, чем Линда, – ответил Дэвид. – Я вижу, что вы думаете, почему Андреа, а не Линда?

– Это вы так думаете, Дэвид?

– Нет. Линда мне пригодится. Ее обвинят в убийстве Андреа. Игорь Кучеров сядет за своих шлюх – в конце концов, это же *его* шлюхи. А Айви Норрис – это вообще кусок дерьма, ей и так место на свалке.

– Вы хоть слышите, что говорите?

– Конечно, – ухмыльнулся Дэвид.

– Зачем вы это делали?

Дэвид пожал плечами.

– А вы просто пожимаете плечами? Поверить не могу, – сказала Эрика.

– Придется поверить, – прошипел сквозь зубы Дэвид. – Вам кажется, что вы способны проанализировать меня. Найти разумное объяснение тому, зачем я убивал? Да потому, что я МОГУ.

– Нет, не можете, Дэвид. Вам это с рук не сойдет. Вам придется ответить за свои преступления.

– Вам не понять, что значит с детства быть на особом положении. Видеть, как люди пресмыкаются перед тобой, перед твоими родителями. Это чертовски пьянит. Власть сочится из твоих пор, заражая всех вокруг. Власть развращает, поглощает, завораживает... Чем больше влияния у отца, тем сильнее он боится его потерять.

– То есть он знал, что вы убили Мирку, Татьяну, Каролину?

– Естественно... В восторге он, конечно, не был, но ведь эти девки приехали из Восточной Европы. Им всем кажется, что, торгуя своими прелестями, они смогут проторить себе дорожку к величию.

– А как же Андреа? Это же ваша сестра! Любимица отца!

– Она пригрозила, что расскажет маме, обратится в гребаную прессу! Дура набитая! Первая заповедь истеблишмента: держи рот на замке. Иначе тебе его заткнут навсегда.

– Я не верю, что ваш отец даже такое готов был простить, закрыть глаза на то, что вы убили его любимую дочь.

– Заткнитесь. Вы не понимаете. Больше всего на свете он боится впасть в немилость. Боится, что другие волки накинутся на него и разорвут... Страх сильнее, чем любовь. Ему пришлось выбирать – спасти Линду или меня. Линда все равно полоумная, да и Андреа она так сильно ненавидела, что, возможно, и сама бы ее убила.

– Линда не убила бы Андреа, – возразила Эрика.

– Теперь вы ее защищаете? Ах-ах. Впрочем, многие ее начинают жалеть после того, как побывали в ее комнате... Знаете, когда друзья оставались у меня ночевать, мы находили ее кота и запирали его в один из больших ящичков для денег в кабинете отца... И она делала все, что мы хотели, лишь бы заполучить от него ключ.

Эрика заставляла себя смотреть в глаза Дэвиду.

– Башмачок. Так звали ее кота.

– Да, милашка Башмачок... Линда приходила в ярость, если не получала того, что хотела. А я в порыве ярости избавился от Башмачка... Задушил, если вам это любопытно знать. Вы когда-нибудь пробовали задушить кошку?

– Нет.

– А кролика убивали? Вы словаки любите крольчатину, да?

– Нет.

– У кошек весь кайф в *когтях*. Они их мгновенно выпускают. Так отчаянно борются за жизнь – любо-дорого посмотреть.

– Ваши родители – умные люди. Они наверняка знали, что это вы убили кота? – рассудила Эрика.

– Что можно знать о своих детях, если поручаешь их воспитание чужим людям? Нанимаешь нянь, а сам берешь на себя роль статиста. Зайдешь посмотреть на них перед вечерним купанием, уделишь им часок время от времени. *Не приближайся, дорогой, я уже оделась для выхода в свет...* Твой ребенок превращается для тебя в совокупность статистических данных: у него «отлично» по математике, он играет на фортепиано «К Элизе»... Давай купим ему полопони, чтобы он стал своим среди любителей конного поло...

Дэвид, казалось, на мгновение забылся, но тут же очнулся от своих дум.

– Ладно. Полагаю, ваши допросы не принесли ощутимых результатов? Отец хорошо заплатил всем, кому нужно. Линда возьмет на себя убийство Андреа – она мне пообещала.

– Почему она вам это пообещала?

– Я сказал, что куплю ей другую кошку и ей не придется бояться, что я от нее избавлюсь.

– Шутите?

– Ничуть. Ее признают невменяемой, поместят на несколько лет в дорогую клинику. Отец, возможно, даст несколько штук какому-нибудь санитару, чтобы тот время от времени трахал ее... Может, ей даже позволят кошку завести. Будет расплачиваться своей киской за киску... – Дэвид зашелся визгливым истерическим хохотом.

Увидев, что он на нее не смотрит, Эрика бросилась к выходу, но Дэвид оказался проворнее. Он схватил ее за горло и швырнул на книжный шкаф, выбивая из нее дух. На этот раз Эрика была готова к его натиску: она резко подняла вверх руку и подушечкой ладони ударила его в нос. Она с удовлетворением услышала хруст сломанного хряща, и Дэвид ослабил хватку. Эрика сумела оттолкнуть его и устремилась к двери, но он поймал ее за руку и рывком развернул. Она врезалась в стол. Он снова бросился на нее. По его подбородку текла кровь, ярость искажала лицо. Эрика пиналась и брыкалась, судорожно открывая рот, чтобы вдохнуть в легкие хоть чуточку воздуха. Вертела головой, дергаясь из стороны в сторону, но Дэвид, пытаясь удержать ее, забрался на нее верхом и придавил коленом.

Свободной рукой Эрика нашарила на столе пресспапье, схватила его и ударила им Дэвида в ухо. Он отпустил ее горло. Ей удалось выбраться из-под него, и она снова кинулась к выходу, но Дэвид, быстро оправившись, сделал подножку. Эрика споткнулась и упала. Над ней нависло его окровавленное лицо, обнаженные в безумном оскале окровавленные зубы. Она отбивалась, царапалась, пиналась, боролась, как зверь, пытаясь выбраться из-под него, но он прижал ее к полу и с размаху ударил кулаком в лицо – один раз, второй. После третьего удара Эрика почувствовала в горле один из своих зубов и потеряла сознание.

Глава 79

– Полчаса назад включился телефон Фостер. Сигнал исходил из дома Дуглас-Браунов, – доложил Питерсон. Теперь все сотрудники оперативного отдела были на ногах, носились, как угорелые, организуя поиски Дэвида Дуглас-Брауна.

– Немедленно отправить одну группу в дом. Произвести полномасштабные поиски с оружием. Перекрыть все дороги в радиусе пяти миль от дома. Выписать ордер на арест Дэвида Дуглас-Брауна. Разослать его фото.

– Сэр, по словам Саймона и Дианы Дуглас-Браун, Дэвид покинул страну и находится на мальчишнике в Праге. По данным паспортного контроля он еще в Англии. Границу не пересекал, – сообщил Крейн.

– Найдите его. Как можно скорее. Инспектор Фостер может быть в опасности, – сказал Марш. – Саймона Дуглас-Брауна в кабинет для допросов...

* * *

– Надеюсь, вы понимаете, что совершаете большую ошибку, – заявил Саймон двадцать минут спустя, когда Марш вкратце передал ему содержание признания Линды. – Мой адвокат уведомил меня, что вам по факсу было передано заявление лечащего врача Линды, которое, по сути, сводится к тому, что любое слово из ее уст не имеет законной силы. Она слабоумная, такой родилась. Что касается Дэвида, он изменил свои планы, не предупредив меня, – это не преступление. Вероятно, они перенесли мальчишник на другое время или в другое место.

Саймон поднялся со своего места.

– Позже я позвоню помощнику комиссара Оукли и порекомендую...

– Замолчите, Саймон, – велел ему Марш.

– Прошу прощения?

– Замолчите и сядьте. Вы – задержанный, любые ваши слова могут повлиять на ход расследования, и допрос не окончен. Сядьте.

В лице Саймона отразилось потрясение, и он медленно опустился на стул.

– А теперь слушайте. Выписан ордер на арест вашего сына, который, мы полагаем, виновен в гибели пяти женщин, в том числе вашей дочери.

Саймон молчал.

– Мы также установили, что телефон, который Андреа якобы потеряла и за который вы получили страховку, был куплен на ваше имя. Андреа солгала, что телефон украли, и в доказательство мы можем его предъявить. – Марш открыл пакет и вывалил на стол обернутый в полиэтилен разбитый аппарат. – В общем, я это вижу так. В лучшем случае вас привлекут к суду за мошенничество со страховкой. Сами знаете, как активно правительство лоббировало суровые санкции за такие преступления. Вас могут посадить, ну а поскольку человек вы очень непопулярный, на вас, несомненно, обрушат свое негодование все, кому не лень. Журналисты, политики. И если к этому добавить то, что ваш собственный сын убил вашу дочь, а вы, зная это, велели ему покинуть страну, а сами подставили свою вторую дочь...

– Хорошо. ХОРОШО! – закричал Саймон. – Хорошо. Я расскажу...

– Саймон Дуглас-Браун, барон Ханстантон, вы арестованы по обвинению в попытке направить следствие по ложному следу и сокрытии преступной деятельности. Мы также подозреваем, что вы использовали свое положение во власти, чтобы повлиять на исход одного или нескольких судебных процессов. Вот так. Начинайте говорить, и побыстрее, – проговорил четко Марш.

Глава 80

Дэвид в ванной быстро привел себя в порядок, запихнув в нос салфетки, чтобы остановить кровотечение. Потом схватил сумку, паспорт, деньги, перекинул Эрику через плечо и понес ее вниз. При всей ее тщедушности она оказалась на удивление тяжелой. Едва он ступил в подземный гараж, там зажегся свет. Дэвид подошел к багажнику автомобиля, где лежала проститутка с длинными темными волосами, которую он подцепил на вокзале Паддингтон.

Ранее он какое-то время кружил с ней по городу. Девушка, сунув руку ему в брюки, все пыталась его возбудить, но он не был настроен на секс. В этот вечер всюду было полно народу. Во всех облюбованных ими местах, в парках и возле водоемов, было оживленно: всюду ходили люди, патрулировали полицейские автомобили.

Ему пришлось привезти ее домой. Она очень обрадовалась, когда он приехал с ней в родительский дом. Посмотрелась в небольшое зеркальце над пассажирским креслом. Как будто ее наняли не для сексуальных забав! Видимо, решила, что он познакомит ее с родителями. «Интересно, сколько раз она смотрела “Красотку”»? – подумалось ему тогда. От этой мысли он рассмеялся, и она подхватила его смех.

Идиотка тупорылая.

Как только они въехали в подземный гараж и вышли из машины, он приложил ее лицом о бетонную стену. Больше она так и не очнулась. Испортила ему все удовольствие от убийства.

Зато теперь в награду ему достался вождь трофей.
Старший инспектор Фостер.

Дэвид открыл багажник. Мертвая девушка лежала на спине. Он трижды приходил посмотреть на нее после того, как задушил, и каждый раз его завораживали произошедшие в ней перемены: сначала это был просто окоченевший труп с вытаращенными глазами; потом ее кожа приобрела лиловатый оттенок, так что создавалось впечатление, будто она спит; теперь ее резко очерченные скулы потонули под вспухшей раздутой плотью, на которой темные синяки расплывались как чернильные пятна. Он рассмеялся в ее обезображенное лицо: она

не была бы в восторге от того, что так распухла. Дэвид сгрузил к ней обмякшее тело Эрики, затем закрыл и запер багажник.

* * *

Было еще самое начало утра, когда он выехал из подземного гаража на улицу. Пару миль, до въезда на М4, он катил медленно. Потом на окружной дороге М25, пролегающей по предместьям Лондона, влился в плотный поток автотранспорта, который образовывается на дороге в утренний час пик.

* * *

Очнулась Эрика в кромешной темноте. Лицом она прижималась к чему-то шершавому. Одна рука была неудобно подогнута под спину. Она подняла другую руку к лицу, но ладонь наткнулась на что-то твердое и массивное в нескольких сантиметрах у нее над головой. Эрика сдвинулась. Лицо пронзила боль. Не без труда она проглотила скопившуюся во рту кровь. Под ней что-то покачивалось и урчало. Она ощупала изогнутые контуры тесного пространства, вверху над собой что-то металлическое, механизм внутреннего замка и поняла, что находится в багажнике автомобиля. Потом в нос ударил едкий зловонный запах с примесью гнили. К горлу подступила тошнота. Надолго задержать дыхание не удалось, и ей пришлось вдохнуть смрад, скопившийся в закрытом пространстве. Машина поехала быстрее, повернула, начала подпрыгивать на неровной дороге. При очередном толчке Эрику швырнуло к стенке багажника, и что-то тяжелое скатилось на нее.

Тогда-то она и поняла, что лежит в багажнике вместе с трупом.

Глава 81

В оперативный отдел отовсюду поступала информация. Мосс и Питерсон с ужасом осознали, что Фостер может стать следующей жертвой. Дом Дуглас-Браунов обыскали, но ничего не нашли. Автомобиль Эрики обнаружили за две улицы от него. Камеры видеонаблюдения засекли машину Дэвида на выезде из западной части платной зоны Лондона.

– Секретарь Саймона Дуглас-Брауна купила Дэвиду билет на «Евростар» в один конец до Парижа.

– Значит, не Прага, – заключила Мосс.

– Черт. Что по Фостер? – спросил Питерсон.

– В доме ее нет. В ее машине тоже. Должно быть, она в его машине, – рассудила Мосс. – Крейн, как быстро мы сможем поднять в воздух вертолет?

– Через четыре минуты после того, как старший суперинтендант Марш отдаст распоряжение, – ответил тот.

– Хорошо. Я звоню Маршу, – сказала Мосс.

Глава 82

Впереди на пересечении дорог замаячил указатель на международный железнодорожный вокзал Эббсфлит. Дэвид включил поворотник и сбавил скорость, съезжая с шоссе M25. Он проехал по кольцу и свернул на дорогу с односторонним движением. На A2 машин было много, но в основном они направлялись к торговому центру «Блюотер», что раскинулся на дне бывшего мелового карьера, откуда теперь вздымались его футуристические стеклянные шпили. Дэвид мчался мимо промышленных пустырей, мимо участков, поросших травой и кустарниками, среди которых тут и там стояли одинокие деревья. Впереди показалась придорожная площадка для остановки автотранспорта. Он замедлил ход, затем повернул и затормозил. Ему пришлось выйти из машины, чтобы снять цепь, перегораживавшую въезд на узкую грунтовую дорогу.

* * *

Эрика силилась контролировать душившую ее панику. Ее пугало, что она заперта в багажнике вместе с трупом. Она боялась того, что произойдет, когда они достигнут места назначения. Она заставила себя проверить, есть ли признаки жизни у ее соседки, и в ходе осмотра обнаружила, что тело принадлежит девушке с длинными волосами, которая давно умерла. Глаза привыкли к темноте, и она различила две точки света в замке. Эрика провела обеими ладонями по запорному механизму, сначала медленно, ощупывая его острые масляные контуры, – искала слабые места, способ открыть его. Машина подпрыгнула, и тело снова подкатилось к ней. На мгновение она запаниковала, пальцами вцепившись в замок, так что до мяса сломала два ногтя. Боль вернула ей здравомыслие, и она заставила себя думать. Надо сохранять спокойствие.

Чтобы выжить.

Эрика нашла в ковровой подстилке под собой маленькую дырочку. Под ковриком лежали инструменты и запасное колесо. Она старалась приподнять коврик. Ей пришлось лечь на бок, на мертвую девушку, чтобы отогнуть коврик, просунуть под него руку и нащупать гаечный ключ. Она взяла его в руки. Ключ был холодный, но ладони у нее вспотели. Почувствовав, что машина остановилась, Эрика

приготовилась дать бой. Дверца открылась, машина осела на одну сторону. Мгновением позже автомобиль снова качнулся: Дэвид сел за руль. Она услышала, как вновь хлопнула дверца, и машина, кренясь из стороны в сторону, скрипя подвесками, медленно тронулась с места. Труп закачался, подкатился к ней; волосы мертвой девушки налипли на ее голову. Эрика закрыла глаза, пытаясь думать, сосредоточиться на том, что ей предстояло сделать.

* * *

Дэвид вел машину на малой скорости по ухабистой дороге, которая вела в обширный заброшенный меловой карьер. В середине находился глубокий котлован, заполненный водой. Он остановился в двадцати ярдах от котлована и заглушил мотор. Затем выбрался из машины и подошел к краю. Из гладких стенок карьера пробивались пучки травы, в одном месте из расщелины в камне торчало небольшое деревце. Внизу, в пятидесяти футах, лежала водная гладь, местами затянута тусклой пленкой льда, от которой отражался неяркий утренний солнечный свет. Слева на горизонте стелился низкий силуэт торгового центра «Блюоутер». В другой стороне, в нескольких милях от карьера, скоростной поезд, отъехавший от международного вокзала Эббсфлит, бесшумно мчался мимо, направляясь к Евротуннелю, в Париж.

Дэвид глянул на часы: как раз успеет. Он снял рюкзак и бросил его на землю в нескольких шагах от машины. Затем открыл заднюю дверцу, активировал систему ее блокировки, схватил тяжелый замок рулевого механизма, лежавший в углублении для ног, и подошел к багажнику. С минуту прислушивался, держа наготове замок, потом открыл багажник.

В районе карьера воздух был чистый, и потому зловоние ощущалось сильнее. Гнилостный смрад ударил ему в лицо. Оба тела были неподвижны. Он нагнулся, собираясь вытащить Эрику, но она вдруг выкинула руку и гаечным ключом ударила его в висок.

Дэвид отшатнулся, из глаз посыпались искры, но, когда она стала вылезать из багажника, замком рулевого механизма он нанес ей удар по левому колену. Она со стоном рухнула на землю. А он ударил ее еще раз по правому колену. Она опять вскрикнула. Дэвид схватил ее и поволок к задней дверце автомобиля.

– Не отбивайся, – сказал он.

– Дэвид, не надо, вам же хуже будет, – сквозь боль выдохнула Эрика, увидев внизу водную ширь. Она не могла пошевелить ногами, одна рука онемела от того, что она долго лежала на ней в багажнике. Голова от удара все еще была как ватная, она через силу соображала. Когда Дэвид затаскивал ее в машину, она стукнулась головой о дверцу. Дверца захлопнулась. Эрика огляделась. Она сидела на заднем сиденье, за креслом водителя. В зеркале она увидела свое отражение. Ее белокурые волосы с одного бока лоснились от крови и липли к голове. Один глаз почернел и заплыл так, что не открывался. Эрика подергала дверцу с той стороны, где она сидела, – не открывается. Постанывая от боли, она дотянулась до дверцы с другой стороны, и попробовала открыть ее. Тщетно.

Дверца со стороны переднего пассажирского сиденья открылась, и в салон дохнуло запахом смерти. Дэвид нес мертвую девушку, которая выглядела еще ужаснее, чем ей представлялось. У нее были длинные темные волосы, но лицо со множественными порезами раздулось, вокруг глаз – чернота. Пряди волос на висках выдернуты. Эрика глянула на себя и увидела на своей куртке ее налипшие волосы.

Дэвид запихнул девушку на переднее пассажирское кресло, и ее голова свесилась набок. Эрика увидела, что глаза у нее белесо-мутные, язык разбух и торчит изо рта, словно огромная фиолетово-черная пробка.

– Дэвид, послушайте. Я не знаю, что вы задумали, но вам это с рук не сойдет... Если сдадитесь, я...

– Надо ж, какая бóрзая баба, – произнес он, глянув на нее в просвет между креслами. – Еле дышишь, места живого нет, заперта в машине, в пустынном месте, где никого не бывает, и еще надеешься, что я сдамся?

– Дэвид!

Он перегнулся и кулаком ударил в лицо. Ее голова дернулась, ударилась о боковое стекло. В глазах потемнело. Придя в себя, Эрика почувствовала, как на ней с щелчком застегнулся ремень безопасности. Дэвид, посматривая на нее в брешь между креслами, отпустил ручной тормоз. Колеса вздрогнули.

– Ночью опять мороз обещают, – сказал Дэвид. Дверца со стороны водительского кресла захлопнулась, и спустя несколько секунд машина покатила вперед, к краю карьера.

Автомобиль быстро набирал скорость. Дэвид, толкая его, перешел на бег. За несколько метров до края он остановился, а машина полетела вниз.

* * *

Эрика почувствовала, как колеса оторвались от земли. Горизонт, казалось, взметнулся вверх и сменился яркой голубизной, ринувшейся на лобовое стекло. Дэвид пристегнул и ее, и труп, но Эрику все равно резко трянуло при столкновении с водой. Машина на мгновение носом погрузилась в яркую голубизну, потом выровнялась, всплыв на поверхность, и салон наполнился естественным светом. Эрика судорожно пыталась отстегнуться – замок не поддавался. Стекла были опущены на несколько дюймов. В машину хлынула ледяная вода, быстро заполняя салон. Эрика надеялась, что у нее будет время отреагировать. Она силилась открыть дверцу, но та была заблокирована. Вода продолжала заливаться и в считанные секунды затопила Эрику по грудь. В панике она набрала полные легкие воздуха, а в следующее мгновение вода накрыла ее с головой, и наступила тишина. Тяжелая машина тонула с ужасающей скоростью – погружалась все глубже и глубже в темноту, пока не ударилась о дно карьера.

* * *

Полицейский вертолет долетел до карьера, и они увидели, как автомобиль Дэвида, далеко внизу, перевалился через край и упал в воду. В вертолете вместе с пилотом находились Мосс и Питерсон. У них была установлена постоянная радиосвязь с оперативным отделом в Луишем-Роу. На помощь им спешили полицейские автомобили и машина «скорой помощи».

– Подозреваемый пытается скрыться, – доложила Мосс. Она навела на объект вмонтированную в днище вертолета гироскопическую видеокамеру, передавая изображение в оперативный отдел. – Предупредите полицию. Подозреваемый пытается скрыться с места преступления, бежит на север, к вокзалу Эббсфлит.

– Черт, а если она в той машине? Наши далеко? – спросил Питерсон.

– Машины подкрепления в четырех-пяти милях езды, – ответил Марш по радио.

– Старший инспектор Фостер, должно быть, в той машине. Садимся, живо! – закричала Мосс по радио. Вертолет стал быстро снижаться. На них несся белый меловой карьер. Едва вертолет коснулся земли, Мосс с Питерсоном выпрыгнули из него, пригибаясь под вращающимися лопастями, руками прикрываясь от летящей в лицо пыли. Секунды быстро утекали. Внизу на поверхность воды поднимались пузыри, расходившиеся большими кругами.

– Вы уполномочены стрелять, но нам он нужен живым, – услышали они по рации голос Марша.

Питерсон мчался по скату к воде. Мосс бежала следом, крича в рацию.

– Мы думаем, что в машине, которая упала в воду, находится офицер полиции. Повторяю, в машине под водой офицер полиции.

– Будем через три минуты, – ответил чей-то голос.

– Черт, у нас нет трех минут! – вскричала Мосс.

Вертолет поднялся в воздух, полетел над водой и завис ровно в том месте, где на ее поверхности расходились круги. Питерсон был уже у воды. Не раздумывая, он сорвал с себя куртку, оружие, вошел в воду и поплыл, выкидывая вперед то одну руку, то другую. Добравшись до того места, где затонула машина, он нырнул.

– Докладывайте? Подозреваемый в бегах. У нас есть наряды на вокзале Эббсфлит? Повторяю, у нас есть поддержка? Если он сядет на этот чертов поезд... – звучал в рации голос Марша.

– Подкрепление на подходе, вокзал закрывают, – сообщил чей-то голос.

– Мосс, что у вас? Мы видим, что Питерсон в воде.

– Да, сэр. Инспектор Питерсон нырнул в карьер. Повторяю, инспектор Питерсон под водой, – ответила Мосс. Сама она стояла у кромки воды.

– Боже! – воскликнул Марш.

На время в эфире наступила тишина. Вертолет тарахтел над водой, отбрасывая на ее поверхность овальную тень. Секунды текли.

– Ну же, давай, всплывай! – призывала Мосс. Она уже хотела нырнуть вслед за Питерсоном, но тот наконец показался из воды, держа на руках бесчувственное тело Эрики.

Карьер вдруг огласился воем сирен «скорой помощи», пожарной машины и полицейских автомобилей. С вертолета, зависшего над

водой, выкинули спасательный трос. Питерсону удалось пристегнуть к нему себя и Эрику. Он жестом показал, что они готовы. Вертолет вытащил их из воды и понес к берегу, где стояла Мосс. Они висели на тросе, ногами загребая воду.

– Старший инспектор Фостер тяжело ранена, кажется, без сознания, – доложила по рации Мосс. – Слева от дороги, по которой вы приехали, подъездной спуск. Мы у воды. Повторяю, старший инспектор Фостер не подает признаков жизни! – крикнула Мосс.

Питерсон с Эрикой достигли края воды, и вертолет опустил их на землю. По спуску к ним мчались четыре врача. Они отстегнули Эрику от троса и аккуратно положили на землю.

На мокрого Питерсона, которого била дрожь, быстро накинули термоодеяло. Врачи принялись откачивать Эрику. Через несколько напряженных мгновений она судорожно вдохнула и стала откашливать воду.

– Так, хорошо, теперь на бок, – сказал один из врачей, поворачивая ее. Она закашлялась, изо рта у нее снова хлынула вода. Наконец она вдохнула, наполняя легкие чистым холодным воздухом.

– Старший инспектор Фостер вытащили из воды, она жива, – доложила Мосс. – Слава богу, жива!

Глава 83

Эрика услышала тихое шипение и ритмичное пиканье. Ее зрение постепенно обрело четкость. Она находилась в больничной палате, лежала возле окна. Жалюзи были закрыты, и комнату наполнял мягкий ночной свет. Краем глаза она увидела еще одну койку, на которой одеяло размеренно вздымалось и опускалось в такт шипению. Пациент на соседней койке подключен к аппарату искусственной вентиляции легких, поняла она.

Эрика провела языком по пересохшим губам. Сама она лежала под голубым одеялом, огромные участки тела полностью онемели: ноги, одна рука, левая сторона лица. Она не чувствовала боли – было только неприятное ощущение, что боль где-то рядом. Сейчас она парила над болью, зная, что скоро боль вернется и придется как-то ее терпеть. А пока она просто плыла над болью, наблюдая: онемелое тело, онемелые чувства.

Эрика закрыла глаза и провалилась в забытие.

* * *

Когда она снова очнулась, было темно. Возле ее койки сидел Марш. В модной рубашке, в кожаном пиджаке. Боль постепенно охватывала тело: лицо, ноги, руку. Оживали эмоции – прежде всего страх. И воспоминания. Как она думала, что умрет. Как горели легкие, когда она больше не могла задерживать дыхание и в нее хлынула вода... Мертвая девушка с ней в автомобиле, а потом, когда машина пошла ко дну, ее расплывающееся лицо, темные волосы, веером развернувшиеся вокруг ее головы, словно гало.

– Вы поправитесь, – произнес Марш, осторожно тронув Эрику за правую руку. Она заметила, что ее левая рука забинтована и что слышит она только одним ухом – тем, что дальше от Марша.

– Вам сделали операцию. У вас штифт в одной ноге, сломана скула... – Марш умолк. Он держал на коленях гроздь винограда – комическое зрелище. – Вы полностью выздоровеете... Я положил на тумбочку открытку. На ней расписалось все отделение... Вы молодец, Эрика. Я вами горжусь.

Эрика пыталась что-то сказать. С третьей попытки ей удалось произнести:

– Дэвид?

– Его задержали в Эббсфлите. Он под арестом, равно как его отец, Джайлз Осборн и Игорь Кучеров. Исаак заново проверил данные всех экспертиз и нашел соответствие. На теле второй жертвы, Мирки Братовой, были обнаружены волоски. Их ДНК сравнили с ДНК Дэвида. Они совпали. И еще у нас есть показания Линды. А криминалисты сейчас занимаются его машиной. Ее вытащили из карьера с... с трупом девушки в салоне...

Марш смущенно улыбнулся, взял руку Эрики.

– Еще будет время все вам рассказать. Но я хочу, чтобы вы знали: если что-то понадобится, я всегда к вашим услугам. Как друг... Марси передает привет. Она купила вам кое-что из туалетных принадлежностей. Я их положил в ваш шкафчик.

Эрика попыталась улыбнуться, но боль резко усилилась. В палате появилась медсестра. Она заглянула в историю болезни Эрики, затем подошла к капельнице и нажала кнопку.

– Питерсон... я хочу поблагодарить Питерсона, – сказала Эрика.

Раздался звуковой сигнал, и Эрика почувствовала, как в руку просачивается холод. Марш и больничная палата растворились в безболезненной белизне.

Эпилог

Эрика глубоко вздохнула, чувствуя, как легкие заполняет чистый воздух. Эдвард, сидевший рядом с ней на деревянной скамейке, сделал то же самое. Оба молчали, но это их не тяготило. Перед ними простирались зелено-бурые вересковые пустоши. На горизонте клубились облака, собиравшиеся в сплошную сине-черную массу, которая плыла прямо на них.

– Гроза надвигается, – произнес Эдвард.

– Посидим еще минутку... Мне так здесь нравится. Здесь, на севере, даже трава зеленее, – сказала Эрика.

– Это метафора, девонька? – рассмеялся Эдвард.

– Нет, правда, зеленее, – улыбнулась Эрика. Она оторвала взгляд от красивого зрелища и посмотрела на Эдварда, сидевшего подле нее в теплом зимнем пальто. От могилы Марка их отделяла узкая гравийная дорожка.

– Мне теперь легче приходиться сюда, – признался Эдвард. – Как только привыкнешь смотреть на те золотые буквы, на дату рождения и дату его... Я часто прихожу сюда, разговариваю с ним.

Эрика снова расплакалась.

– А я не знаю, с чего начать, – всхлипывала она, роясь в карманах пальто в поисках салфеток.

– А ты просто начни, – посоветовал Эдвард, подавая ей маленькую пачку салфеток. Он повернул ее лицо к себе. В области виска, от которого тянулся длинный ряд стежков, волосы уже начали отрастать.

– Попробую. – Эрика вытащила из пачки салфетку и вытерла лицо.

– А знаешь что? Пойду-ка я домой, чайник поставлю. А ты поговори. Конечно, сначала будет не по себе, но вокруг никого...

Эдвард потрепал Эрику по плечу и зашагал по дорожке. Она провожала его взглядом. Он обернулся, улыбнулся и пошел дальше, осторожно пробираясь между могилами в направлении к городу. Она обратила внимание, что походка, движения у него такие же, как у Марка. Эрика повернулась к могиле и начала:

– В общем, так. Я раскрыла пять убийств... И сама едва избежала смерти дважды. Но я не это хотела тебе сказать...

В кармане засигналил телефон. Она достала его. Звонила Мосс.

– Привет, босс. Я подумала, что надо бы вам позвонить. Два месяца прошло...

– Привет, – поздоровалась Эрика.

– Я не вовремя?

– Да нет, просто я... я на могиле Марка.

– О черт, попозже позвоню.

– Нет, не кладите трубку. Я пытаюсь с ним поговорить. Свекор настаивает. По его словам, это помогает. Но я не знаю, что сказать...

– Скажите ему, что в мае ваш убийца предстанет перед судом. Видели сегодняшние новости? Дэвид Дуглас-Браун признан виновным. Сэра Саймона исключили из палаты лордов... А Кучерова, похоже, повторно будут судить за убийство Нади Греко. Ждем решения прокуратуры по Джайлзу Осборну. Я уверена, он получит срок за воспрепятствование осуществлению правосудия... Вы слушаете, босс?

– Да. Я слушаю. А вот Марк вряд ли захочет это слышать.

– Если бы я лежала в земле, мне хотелось бы, чтобы мои близкие держали меня в курсе событий...

Эрика молчала. Ветер всколыхнул траву. Свинцовая туча уже почти доплыла до нее.

– Простите за бестактность, – извинилась Мосс.

– Нет, вы хотя бы откровенны, а это куда лучше. Питерсон получил мою открытку?

– Да. Но вы же его знаете. Молчун, кремень. Он приходил к вам потом, в больницу, но вы были в отключке.

– Знаю.

Они снова помолчали.

– Босс, так вы когда назад?

– Не знаю. Скоро. Марш сказал, что я могу отдыхать, сколько хочу. Побуду здесь немного с Эдвардом.

– Мы ждем вас, босс. Вы ведь вернетесь, да?

– Да, вернусь, – ответила Эрика. – Я позвоню.

– Вот и отлично. Удачи вам, и когда... в общем... когда будете беседовать с Марком, передавайте ему привет от меня.

– Более странной просьбы я еще не слышала, – криво усмехнулась Эрика.

– Жаль, что я не была с ним знакома, – сказала Мосс.

Только Эрика положила трубку, над головой пронесся раскат грома. Она повернулась к могиле, глядя на надпись, высеченную золотом на черном граните:

В ПАМЯТЬ
О МАРКЕ ФОСТЕРЕ
1 АВГУСТА 1970 Г. – 8 ИЮЛЯ 2014 Г.
ВСЕГДА ЛЮБИМ И ПОМНИМ

– «Всегда» – такое жестокое слово, Марк, – начала Эрика. – Я всегда буду без тебя. Я не знаю, как жить без тебя, но другого не дано. Я вынуждена жить дальше. И когда-нибудь мне придется тебя отпустить. Я должна жить дальше, Марк. Должна работать. Идти своей дорогой. Что ни день, мне кажется, без тебя я шагу не сделаю, но я иду. В мире столько зла, и, думаю, чтобы совладать с ним, нужно продолжать работать. Пытаться изменить мир к лучшему. Только так и не иначе.

На щеку Эрики упала капля, и в кои-то веки это была не слеза. Полил дождь, забрызгивая гравий и надгробие на могиле Марка.

– Твой папа заваривает для меня чай... Так что мне пора. Но я еще буду приходить, обещаю, – сказала Эрика. Она встала, прижала пальцы к губам, а затем – к холодному камню, прямо под именем Марка.

Эрика повесила на плечо сумку и пошла с кладбища, туда, где ее ждали чай с пирогом и тепло кухни Эдварда.

КОНЕЦ

К читателю

Прежде всего я хочу сказать вам огромное спасибо за то, что вы выбрали для чтения книгу «Девушка во льду». Если она вам понравилась, оставьте отзыв – я буду вам крайне признателен. Много писать не нужно – всего несколько слов. Ваши отклики имеют большое значение, и они будут способствовать тому, чтобы другие читатели тоже открыли для себя одну из моих книг.

Мне самому тоже интересно ваше мнение. Что вы думаете о старшем инспекторе Эрике Фостер? Какого бы продолжения вы хотели? Эрика скоро вернется. В данный момент я работаю над второй книгой из этой серии, которая будет называться «Ночной охотник».

Вы можете связаться со мной, написав на мою страничку в *Facebook* или *Twitter*, а также через Интернет-портал *Goodread* или мой личный сайт www.robertbryndza.com. Я читаю все сообщения и непременно отвечу вам. Я намерен издать еще много книг и надеюсь, что вы составите мне компанию в этом путешествии!

Роберт Брындза

P.S. Если хотите, чтобы вам на электронную почту пришло уведомление о выходе в свет моей новой книги, подпишитесь на мою рассылку по адресам, указанным ниже. Конфиденциальность адреса вашей электронной почты гарантирована, и вы в любой момент можете аннулировать свою подписку.

www.bookouture.com/robert-bryndza

www.twitter.com/robertbryndza

www.facebook.com/bryndzarobert

От автора

Я выражаю благодарность Оливеру Роудзу, Клэр Борд, Кешини Найду, Ким Нэш и замечательной команде издательства *Bookouture*. Вы – потрясающие ребята, и я счастлив, что мне выпала возможность работать с вами. (И спасибо, что не высмеяли меня, когда я первый раз по электронной почте сообщил вам о своем желании написать детектив!)

Моя особая благодарность Клэр Бонд – за то, что подбадривала меня, побуждая работать над книгой со всей отдачей, так что роман получился даже лучше, чем я смел надеяться.

Спасибо Генри Стедману за великолепную обложку и Габриэль Чант – за аккуратную тщательную редактуру рукописи. Спасибо Анджеле Марсонс – за дружбу, за поддержку, за то, что поверила в меня. И, как всегда, спасибо Стефани Дэгг.

Я искренне благодарен своей свекрови Вьерке – за чуткость: когда работа над книгой идет со скрипом и есть риск, что я не уложусь в срок, она всегда появляется на пороге моего дома со вкусной горячей пищей, даря меня своей любовью и добротой, что неизменно меня воодушевляет.

Я благодарен своему Яну. В нужную минуту он меня всегда похвалит и подбодрит, но может и накричать, если видит, что я тяну волюнку. Продолжай превозносить меня и подбадривать, и кричать, если без этого нельзя. Без твоей суровой любви и твердой поддержки я по сей день занимался бы работой, к которой у меня не лежит душа, и только бы мечтал о том, чтобы стать писателем.

И наконец, я хочу выразить признательность всем своим чудесным читателям и блогерам – и тем, кто лишь недавно познакомился с моими книгами, и тем, кто следит за моим творчеством с самых моих первых книг о Коко Пинчард до детективов. Отзывы живых людей – большое дело. Если бы вы не обсуждали мои книги, в том числе и в блогах, у меня было бы гораздо меньше читателей. Спасибо. Я же обещал, что это будет волнующее приключение!

Роберт Брындза

Ночной Охотник

*Посвящается
Яну, Рики и Лоле*

*День благодатный,
задремав, затих;
Мрак на добычу
выслал слуг своих.*

*У. Шекспир.
«Макбет» [\[22\]](#).*

© Robert Bryndza, 2016
© Новоселецкая И., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Вечер на исходе июня выдался знойным и душным. По узкой тропинке бежал человек в черном – мчался бесшумно сквозь темноту, ногами едва касаясь земли, грациозно лавируя меж плотно стоящими деревьями и кустами, ловко подныривая под ветки. Словно по листве скользила бесплотная тень.

Вверху между кронами виднелась лишь тонкая полоска вечернего неба, в укрытом смогом мелколесье царила сумеречная мгла. Человек – маленький призрачный силуэт – резко остановился у бреши в кустах с правой стороны: собранный, запыхавшийся, с гулко бьющимся сердцем.

Округу осветил сине-белый луч. Это поезд, отправившийся в 19.39 к станции «Лондон-бридж», переключился с дизелей на электротягу, зацепившись металлическими лапами за проходившую поверху линию электропередачи. Тень пригнулась, пережидая, когда мимо прогрохочут освещенные вагоны. Еще две вспышки, и поезд исчез вдали. Узкая полоса мелколесья вновь погрузилась в темноту.

Тень снова сорвалась с места и беззвучно заскользила по тропинке, которая постепенно отклонялась от железнодорожных путей. Слева деревья начали редеть, открывая взору ряд стандартных домиков, построенных вдоль дороги. Мимо замелькали задние дворы – чистенькие темные участки с садовой мебелью, сараями для инвентаря и качелями, замершие в вязком вечернем воздухе.

Наконец показался тот самый дом. В викторианском стиле, как и все остальные в длинном ряду – трехэтажное здание из светлого кирпича, – но с большой стеклянной пристройкой на уровне первого этажа, которую владелец дома добавил к его заднему фасаду. Миниатюрная Тень про хозяина знала абсолютно все. Знала планировку дома. Знала распорядок дня хозяина. И – самое главное – знала, что сегодня вечером он будет в доме один.

Тень остановилась на краю сада. У проволочного ограждения, к которому подступала тропинка, стояло большое дерево. В одном месте в ствол врос металлический столбик, и складки древесины вгрызались в ржавую подпорку, словно огромный безгубый рот. Разлапистая крона в ореоле густой листвы раскинула свои ветви во всех направлениях,

заслоняя от дома железную дорогу. Несколько дней назад, вечером, Тень, пробравшись к дому тем же путем, аккуратно подрезала по краям участок проволочного ограждения и затем приставила его на место. Теперь проволочная сетка легко отгибалась. Пригнувшись, Тень пролезла в дыру. Трава была сухая, земля растрескалась: дождя не было уже несколько недель. Тень под деревом выпрямилась во весь рост и метнулась к дому, словно черный сгусток прокатился по газону.

Кондиционер, вмонтированный в заднюю стену, громко урчал, заглушая тихий хруст шагов по гравию, что покрывал узкую дорожку, отделявшую стеклянную пристройку от соседнего дома. Тень добралась до низкого подъемного окна и пригнулась под широким карнизом. Освещенное окно отбрасывало желтое квадратное пятно на кирпичную стену соседнего дома. Натянув на голову капюшон спортивной кофты, Тень осторожно приподняла лицо над широким карнизом и заглянула в окно.

В доме находился высокий статный мужчина лет тридцати пяти. В брюках песочного цвета и белой рубашке с закатанными рукавами, он расхаживал по просторной кухне открытой планировки. Достал из шкафа бокал, налил красного вина, отпил большой глоток, плеснул еще. На столе стоял лоток с готовым ужином из магазина. Мужчина вытащил его из картонной упаковки, штопором поддел пластиковую крышку.

Тень захлестнула ненависть. Зная, что сейчас произойдет с этим человеком, она испытывала пьянящее чувство, наблюдая за ним.

Мужчина запрограммировал микроволновку и поставил в нее лоток с ужином. Раздался сигнал, цифры на дисплее замелькали в обратном порядке.

Шесть минут.

Глотнув из бокала вина, мужчина вышел из кухни. Спустя мгновения зажегся свет в окне ванной, находившемся прямо над тем местом, где притаилась Тень. Окно чуть приоткрылось, взвизгнул кран, заработал душ.

Тень за окном, слыша, как в груди грохочет сердце, быстро принялась за дело: расстегнула поясной кошелек, достала маленькую плоскую отвертку и просунула ее в щель между рамой и карнизом. Чуть поднадавила, и окно поддалось, плавно приподнявшись вверх.

Тень скользнула в образовавшийся проем. Наконец-то. Несколько лет тщательного планирования, мук и сомнений...

Четыре минуты.

Тень шагнула на кухню, подскочила к столу и, вытащив маленький пластмассовый шприц, впрыснула в бокал с красным вином прозрачную жидкость. Затем осторожно взболтала вино и снова поставила бокал на стол с черной гранитной поверхностью.

С минуту Тень стояла, прислушиваясь, наслаждаясь прохладой из кондиционера. Черная гранитная столешница искрилась в свете ламп.

Три минуты.

Тень быстро прошла через кухню, мимо деревянных перил у подножия лестницы и нырнула в темный угол за дверью гостиной. Мгновением позже по лестнице стал спускаться мужчина. Его наготу прикрывало лишь полотенце. Микроволновка три раза громко пикнула, оповещая о том, что ужин подогрет. Босоногий мужчина прошлепал мимо. Тень уловила запах чистого тела, потом услышала звяканье доставаемых из выдвижного ящика столовых приборов и царапанье ножек стула по деревянному полу. Мужчина сел ужинать.

Протяжно выдохнув, Тень выступила из темноты и бесшумно поднялась по лестнице на верхний этаж.

Чтобы наблюдать.

Чтобы ждать.

Чтобы привести в исполнение план долгожданной мести.

Глава 2

Четыре дня спустя

На тихой улице в южной части Лондона было душно и влажно. В оранжевом сиянии уличного фонаря, освещавшего типовые домики, что стояли в ряд вдоль дороги, роились мошки. Эстель Манро ковыляла по тротуару, еле тащилась из-за артрита. Возле фонаря она сошла с тротуара на проезжую часть. Переступая через бордюр, Эстель издала страдальческий стон, но боязнь мотыльков возобладала над болью в пораженных артритом коленях.

Эстель протиснулась между двумя припаркованными машинами и вышла чуть ли не на середину дороги, обходя уличный фонарь. От асфальтового покрытия исходил жар, накопившийся от солнца за день. Зной держался уже вторую неделю, мучая всех жителей Лондона и юго-восточной Англии, и сердце Эстель, как и тысяч других людей, выражало свой протест. Где-то вдалеке, словно отзываясь на ее мысли, завывла сирена «скорой помощи». Два следующих уличных фонаря, слава богу, были разбиты, и Эстель, протиснувшись меж двумя другими припаркованными машинами, благополучно вернулась на тротуар.

Она сама вызвалась кормить кошку своего сына Грегори в его отсутствие. Кошек Эстель не любила и услуги свои предложила лишь затем, чтобы разнюхать, как поживает ее сын с тех пор, как от него ушла жена Пенни, забрав с собой пятилетнего Питера, внука Эстель.

И вот, наконец, запыхавшаяся, потная, она остановилась у калитки перед домом Грегори – самым красивым на всей улице, на ее взгляд. Эстель вытащила из-под лямки бюстгальтера большой носовой платок и промокнула с лица пот.

По стеклянной двери струились отблески уличного фонаря. Эстель достала ключ, отперла дверь и неохотно ступила через порог, прямо на письма, что лежали на коврик. В лицо ударила волна удушающе жаркого воздуха. Она щелкнула выключателем у двери, но свет не зажегся.

– Черт, опять, – буркнула Эстель, закрывая за собой дверь. Подбирая в темноте почту, она вдруг подумала, что за время

отсутствия Грегори электричество в его доме отключается уже в третий раз. Один раз замкнуло из-за аквариумного освещения, в другой раз Пенни забыла выключить свет в ванной, и лампочка лопнула.

Эстель выудила из сумки мобильный телефон и узловатыми пальцами неловко разблокировала дисплей, который отбросил неяркий круг света на пол в нескольких шагах перед ней, озарив светлый ковер и стены узкого коридора. Она вздрогнула, заметив свое призрачное отражение в большом зеркале, висевшем слева от нее. Тусклый свет придал лилиям на ее блузке без рукавов ядовитый чернильный оттенок. Эстель направила светящийся экран телефона на ковер перед собой, прошаркала к гостинной и стала нащупывать выключатель на стене – хотела убедиться, что это не лампочка в коридоре перегорела. Щелкнула выключателем туда-сюда. Свет не зажегся.

Потом дисплей погас, и Эстель окутал крошечный мрак. Тишину дома нарушал лишь присвист ее тяжелого дыхания. Она запаниковала, судорожно пытаясь разблокировать телефон. Поначалу скрюченные пальцы не повиновались, но в конце концов ей удалось отключить блокировку, и экран снова засветился, озарив гостинную мглистым голубым сиянием.

В доме стояла жуткая духота; жара стискивала ее, забивалась в уши. Словно находишься под водой. В воздухе мельтешили пылинки. Над большим декоративным фарфоровым блюдом с коричневыми деревянными мячиками, что стояло на журнальном столике, плавно кружило облако мошек.

– Просто пробки выбило! – сердито воскликнула Эстель. Ее голос резко отрикошетил от железного камина. Ей было досадно, что она паникует. В доме выбило автомат, вот и все. И чтобы доказать самой себе, что бояться нечего, сначала она выпьет холодной воды, а потом включит автомат. Эстель повернулась и, держа на вытянутой руке телефон, решительно заковыляла на кухню.

В тусклом сиянии дисплея стеклянная кухня, простирившаяся в сад, походила на пещеру. Эстель казалось, что она вся на виду, и оттого чувствовала себя незащищенной. По железной дороге, проходившей недалеко от сада, со свистом и клацаньем пронесся поезд. Эстель подошла к буфету, достала стеклянный бокал. В глазах щипало от

затекавших в них капель пота. Ладонью она вытерла лицо, подошла к раковине, наполнила бокал и, морщась, выпила теплую воду.

Экран телефона снова погас. Тишину разрубил грохот, раздавшийся на верхнем этаже. Эстель выронила бокал. Тот разбился, осколками усыпав деревянный пол. У нее участился пульс, сердце заходилось в груди. Стоя в темноте, она прислушалась. Сверху донесся шорох. Эстель схватила со стола скалку, стоявшую в горшке с утварью, и подошла к подножию лестницы.

– Кто здесь? У меня газовый баллончик, и я набираю «999»! – крикнула она в темноту.

Ответом ей было молчание. Гнетущая жара становилась невыносимой. У Эстель пропала всякая охота обследовать жилище сына. Ей хотелось одного – вернуться в свой уютный светлый дом, сесть перед телевизором и смотреть лучшие моменты матчей Уимблдонского турнира.

Что-то выскочило из темноты наверху и помчалось по лестнице прямо на нее. Эстель в ужасе попятилась, едва не выронив телефон. Потом увидела, что это кошка. Та остановилась и стала тереться об ее ноги.

– Ах негодница, как же ты меня напугала! – Эстель вздохнула с облегчением, сердце забило ровнее. С верхней площадки лестницы исходил смердящий запах. – Этого мне только не хватало. Нагадила там, да? Для тебя же приготовлен специальный лоток, да и на улицу могла бы выйти через свою дверцу.

Кошка равнодушно смотрела на Эстель. В кои-то веки она была рада ее присутствию.

– Пойдем, покормлю.

Эстель направилась к стенному шкафу под лестницей. Кошка следовала за ней, и ее это успокаивало. Животное терлось об ее ноги, пока она искала электрощиток. Открыв его маленькую пластиковую крышку, Эстель увидела, что выключен основной рубильник. *Странно*. Она щелкнула автоматом, и коридор наполнился светом. Где-то в доме пикнуло, зажужжал кондиционер.

Эстель вернулась на кухню, включила свет и в огромных окнах увидела отражение комнаты и свое собственное. Кошка запрыгнула на стол, с любопытством наблюдая, как она сметает осколки разбитого бокала. Управившись со стеклом, Эстель вскрыла упаковку с кошачьим

кормом и выложила его на блюдец, которое поставила на каменный кухонный пол. Кондиционер быстро охладил дом. С минуту она стояла под потоком прохладного воздуха, глядя, как кошка маленьким розовым язычком изящно лижет и кусает желеобразный кубик.

Кондиционер гонял воздух по дому, и зловоние усиливалось, добираясь до кухни. Кошка звонко зацокала языком по пустому блюдцу, долизывая остатки корма, затем метнулась к стеклянной стене и нырнула в кошачью дверцу.

– Поела и убежала. А мне теперь убирать, – пробурчала Эстель. Она взяла тряпку, старую газету, прошла к лестнице и стала медленно взбираться вверх, преодолевая боль в коленях. Чем выше она поднималась, тем сильнее ощущала жару и смрад. Наконец она ступила на ярко освещенную лестничную площадку и принялась методично обыскивать все помещения: проверила пустую ванную, комнату для гостей, заглянула под стол в небольшом кабинете. Кошачьих «сюрпризов» нигде не было видно.

Возле спальни вообще стало трудно дышать от вони, которая застревала в горле. *Ничто не пахнет так отвратительно, как кошачьи испражнения*, подумала Эстель.

Она вошла в спальню, зажгла свет. По комнате с заунывным жужжанием летали мухи. На двуспальной кровати лежало темно-синее пуховое одеяло, а на нем на спине голый человек с полиэтиленовым пакетом на голове. Его руки были привязаны к изголовью, открытые глаза под прозрачной пленкой вылезали из орбит. Эстель не сразу его узнала.

Это был Грегори.

Ее сын.

А потом она сделала то, чего не делала много лет.

Издавала душераздирающий крик.

Глава 3

Старший инспектор Фостер давно не бывала на столь неприятном ужине. Хозяин дома, Айзек Стронг, открыл посудомоечную машину и принялся загружать в нее тарелки и столовые приборы. Неловкое молчание нарушало только жужжание стоявшего в углу электровентилятора, толку от которого было немного: он лишь гонял по кухне теплый воздух.

– Спасибо. Лазанья получилась изумительная, – похвалила Эрика, когда Айзек стал забирать у нее грязную тарелку.

– Я для соуса бешамель использовал полужирные сливки, – объяснил он. – Заметила?

– Нет.

Айзек вернулся к посудомоечной машине, а Эрика обвела взглядом кухню, оформленную элегантно, в стиле французской рустики: расписанные вручную белые шкафы, рабочие поверхности из светлого дерева, массивная белая керамическая мойка. Эрика решила, что Айзек, будучи судмедэкспертом, наверно, умышленно не использовал в интерьере кухни металл. Ее взгляд упал на бывшего возлюбленного Айзека, Стивена Линли. Тот сидел за большим кухонным столом напротив Эрики и, поджав губы, наблюдал за ней с подозрением. Он был моложе Эрики и Айзека. Она предположила, что ему, должно быть, лет тридцать пять. Рослый красивый Адонис, но с хитрецой в чертах, что Эрику настораживало. Чтобы умаслить его, она заставила себя улыбнуться, затем глотнула вина, думая, что надо бы что-нибудь сказать. Затянувшееся молчание у всех вызывало дискомфорт.

Обычно, когда она ужинала с Айзеком, такого не случалось. За минувший год они несколько раз делили трапезу в его уютной французской кухне. За столом они смеялись, откровенничали. Эрика чувствовала, что между ними крепнет дружба. Айзеку, более чем кому-либо, она сумела рассказать о своих переживаниях в связи со смертью мужа Марка, скончавшегося менее двух лет назад. А он, в свою очередь, поведал ей о собственной личной драме – о том, что потерял любовь всей своей жизни, Стивена.

Правда, если Марк трагически погиб при исполнении служебного долга во время рейда по захвату нарколаборатории, то Стивен разбил сердце Айзеку, бросив его ради другого мужчины.

Вот почему присутствие Стивена в доме Айзека, когда она пришла к нему в гости сегодня вечером, стало для нее сюрпризом. Впрочем, даже не столько сюрпризом...

Ощущение было такое, что она угодила в западню.

В Великобритании Эрика жила уже более двадцати пяти лет, но сейчас она жалела, что этот ужин проходит не в ее родной Словакии. В Словакии народ более прямодушный.

Что за подстава? Почему не предупредил?! Почему не сообщил, что здесь будет твой придурочный бывший? Ты рехнулся, снова впустив его в свою жизнь после того, как он с тобой поступил?

Ей хотелось закричать от досады, когда она вошла в кухню и увидела, что Стивен, в шортах и футболке, сидит там в томной позе. Эрике было неловко, но правила английской вежливости требовали, чтобы они постарались сгладить несуразность ситуации, притворяясь, будто все так, как должно быть.

– Кому кофе? – предложил Айзек, закрывая посудомоечную машину и поворачиваясь к ним. Рослый красивый мужчина, свои густые темные волосы он зачесывал назад, открывая высокий лоб. Над большими карими глазами – тонкие линии выщипанных бровей, которые могли изгибаться или сдвигаться, выражая разнообразные оттенки его иронии. Сегодня, правда, он не знал, куда себя деть от смущения.

Стивен, болтая в бокале белое вино, перевел взгляд с Эрики на Айзека.

– Кофе? *Уже?* Айзек, еще только восемь, и жара несусветная. Лучше еще вина открой.

– Нет, я за кофе. Спасибо, – сказала Эрика.

– Если кофе собрались пить, тогда уж машину заряди, – распорядился Стивен и по-хозяйски добавил: – Он тебе говорил? Это я ему *Nespresso* купил. Стоит бешеные деньги. Почти весь свой аванс за последнюю книгу потратил.

Улыбнувшись из вежливости, Эрика взяла жареный миндаль из чашки, что стояла в центре стола. Тишину кухни огласил хруст орешка. За ужином, проходившим в атмосфере неловкости, в основном

говорил Стивен, рассказывая им во всех подробностях о своем новом детективном романе, над которым он теперь работал. Без капли смущения он разглагольствовал о тонкостях судебной медицины, что, на взгляд Эрики, было по меньшей мере бестактно, если учесть, что Айзек считался одним из ведущих судмедэкспертов в стране, да и сама Эрика, как старший инспектор Столичной полиции, успешно раскрыла не одно убийство в реальном мире.

Айзек, готовя кофе, включил радио. В кухне зазвучала песня *Like a Prayer* в исполнении Мадонны.

– Сделай громче! – попросил Стивен. – Обожаю Мэдж.

– Лучше послушаем что-то более мягкое, – сказал Айзек. Он стал перебирать радиостанции, пока визгливый голос Мадонны не сменил благозвучный плач скрипок.

– А еще *гей* называется, – фыркнул Стивен, закатывая глаза к потолку.

– Стиви, просто, по-моему, сейчас уместнее что-то не столь задорное, – объяснил Айзек.

– Господи помилуй. Нам же не по восемьдесят лет! Давайте веселиться. Чем ты хочешь заняться, Эрика? Как ты развлекаешься?

Стивен, на взгляд Эрики, был полон противоречий. Одевался он как самый настоящий натурал – подобно американским спортсменам из «Лиги плюща», – но в его движениях сквозила жеманность. Сейчас, в ожидании ответа, он сидел нога на ногу, поджав губы.

– Пожалуй... пойду выкурю сигарету, – промолвила Эрика, протягивая руку к своей сумке.

– Дверь наверху не заперта, – сообщил Айзек, виновато взглянув на нее. Она натянуто улыбнулась и покинула кухню.

Айзек жил в доме, расположенном в Блэкхите, близ Гринвича. В спальне для гостей имелся небольшой балкон. Эрика открыла стеклянную дверь, вышла на балкон, закурила и выпустила дым в темное небо. Было жарко. Летний вечер выдался ясным, но свет звезд едва пробивался сквозь марево смога, висевшего над городом. Вытягивая шею, Эрика проследила за направлением лазерного луча Гринвичской обсерватории, который терялся в вышине среди звезд. Она снова глубоко затянулась сигаретой. Внизу в темном саду пели сверчки. Их стрекот сливался с гудением транспорта на проходившей неподалеку оживленной автомагистрали.

Может, она слишком строго судит Айзека за то, что он снова сошелся со Стивеном? Неужели в ней говорит ревность, ведь теперь ее единственный друг больше не один? Нет. Она желает Айзеку добра, а Стивен Линли – ядовитая особь. Ей с грустью подумалось, что теперь, возможно, в жизни Айзека не найдется места для них обоих – для нее и Стивена.

Эрика представила маленькую, скудно обставленную квартирку, которую она силилась называть своим домом; ночи, которые она проводила в одиночестве в постели, глядя в темноту. С Марком ее связывали не только супружеские отношения. Они были коллегами, работали вместе в полиции Манчестера, куда поступили на службу, когда обоим было едва за двадцать. Эрика там слыла восходящей звездой, быстро дослужилась до должности старшего инспектора, значительно выше, чем та, которую занимал Марк. И за это муж любил ее еще больше.

Потом – теперь уже почти два года назад – отряд полиции под руководством Эрики проводил злополучную операцию по захвату нарколаборатории, в ходе которой погибли Марк и еще четверо сотрудников. С тех пор, одолеваемая горем и чувством вины, которые порой становились невыносимы, она старалась научиться жить без мужа. Приехала в Лондон, чтобы начать новую жизнь. Для нее это стало суровым испытанием. Но работа в Отделе по расследованию убийств и тяжких преступлений – единственное, во что ей удавалось вкладывать силы. Однако если раньше она считалась перспективным сотрудником полиции, то теперь на ней лежало клеймо, ее карьерный рост застопорился. Прямолинейный, преданный своему делу блестящий офицер, который не терпит дураков, она не тратила время на интриги и постоянно конфликтовала с начальством, наживая себе могущественных врагов.

Эрика закурила новую сигарету, подумывая о том, чтобы извиниться и уйти. Внезапно стеклянная дверь за ее спиной открылась. Сначала показалась голова Айзека, потом он шагнул на балкон.

– Я бы тоже покурил. – Айзек закрыл дверь и подошел к тому месту у перил, где стояла Эрика. Улыбнувшись, она протянула ему пачку. Он выудил одну сигарету длинными изящными пальцами и наклонился, прикуривая от ее зажигалки.

– Прости, испортил вечер. – Айзек выпрямился, выпуская изо рта дым.

– Это твоя жизнь, – заметила Эрика. – Но мог бы и предупредить.

– Да как-то быстро все произошло. Он заявился с утра, и мы весь день болтали и... даже не знаю, как бы поточнее сказать. В общем, отменять что-либо было поздно, да я и не хотел.

Он явно нервничал.

– Айзек, ты не обязан ничего объяснять. Хотя на твоём месте в качестве причины я назвала бы страсть. Ты сгорал от страсти. И это куда простительнее.

– Стивен – сложный человек, я понимаю, но когда мы вдвоем, он совсем другой. Ранимый, чувствительный. Думаешь, если я поведу себя правильно, установлю определенные рамки, на этот раз у нас с ним что-то получится?

– Возможно... По крайней мере, второй раз он тебя уже убить не сможет, – сыронизировала Эрика.

В одном из своих романов Стивен вывел Айзека в образе одного из персонажей – тоже судмедэксперта и гея, который под его пером погиб в весьма красочно описанной драке.

– Я же серьезно. Скажи, что мне делать? – спросил Айзек с тревогой во взгляде.

Эрика со вздохом взяла его руку в свои ладони.

– Тебе вряд ли понравится то, что я думаю. А я не хочу терять друга.

– Эрика, я ценю твое мнение. Пожалуйста, скажи, что мне делать...

Стеклянная дверь со скрипом отворилась. На балкон вышел Стивен. Он был босиком, в руке держал полный бокал виски со льдом.

– Скажи ему, что делать? По поводу чего? – раздраженно поинтересовался он.

Неловкое молчание нарушило пиканье, оповещавшее о том, что поступило сообщение на телефон Эрики, который лежал у нее в сумке. Она достала телефон и, хмурясь, прочитала сообщение.

– Что-то случилось? – спросил Айзек.

– В доме на Лорел-роуд в районе Онор-Оук-Парк обнаружено тело белого мужчины. Смерть наступила при подозрительных

обстоятельствах, – объяснила Эрика, добавив: – Черт, я не на машине. На такси приехала.

– Вам понадобится судмедэксперт. Поедем вместе на моей? – предложил Айзек.

– А я думал, у тебя свободный вечер? – возмутился Стивен.

– Я всегда на службе, Стиви, – ответил Айзек. Было видно, что ему не терпится уехать.

– Ладно, тогда помчали, – сказала Эрика и, не удержавшись, заметила Стивену: – Похоже, кофе из твоей машины придется попробовать в другой раз.

Глава 4

Полчаса спустя Эрика с Айзеком подъехали к дому на Лорел-роуд. Про неудавшийся ужин они теперь и не вспоминали. Участок дороги перед домом был перетянут лентами ограждения в обоих направлениях. Оцепление также обеспечивали автомобили: полицейский фургон, патрульные машины и «скорая помощь». Блики их синих мигающих огней плясали на домах, что тянулись в ряд вдоль улицы. В окнах и дверях некоторых из них стояли жители, с интересом наблюдавшие за происходящим.

Они остановились в сотне ярдов от полицейского кордона, и к ним тут же направилась инспектор Мосс, одна из тех коллег Эрики, с которыми у нее установились наиболее доверительные отношения. Невысокая полноватая женщина, она обливалась потом на жару, хотя одета была в юбку до колен и тонкую блузку. Свои рыжие волосы она убрала с лица, усыпанного веснушками, густое скопление которых под одним ее глазом по форме напоминало слезу. Однако, несмотря ни на что, вид у нее был жизнерадостный. Она насмешливо улыбнулась Эрике и Айзеку, подойдя к их машине.

– Босс, доктор Стронг, добрый вечер.

– Добрый вечер, Мосс, – поздоровался Айзек.

– Привет. Кто все эти люди? – спросила Эрика, когда они приблизились к ленте полицейского ограждения, у которой собралась небольшая толпа усталых мужчин и женщин.

– Местные жители. Вернулись домой из центра Лондона и увидели, что их улица превратилась в место преступления, – ответила Мосс.

– Но я здесь живу, вон там, – настаивал один мужчина, портфелем показывая на дом, что стоял через два здания от того, где был обнаружен труп. Его изможденное лицо покраснелось, редущие волосы прилипли к голове. Когда Мосс, Эрика и Айзек поравнялись с ним у ленты ограждения, он обратил на них взгляд, надеясь услышать более приятные новости.

– Старший инспектор Фостер, руководитель следственной группы. Это – доктор Стронг, наш судмедэксперт. – Эрика показала

удостоверение полицейскому. – Свяжитесь с муниципалитетом. Пусть организуют ночлег для этих людей.

– Слушаюсь, мэ. – Полицейский отметил их в списке, и они поднырнули под ленту, игнорируя протесты местных жителей, которых не радовала перспектива провести ночь на походных кроватях.

...Дверь дома № 14 по улице Лорел-роуд была широко распахнута. В ярко освещенном коридоре работали криминалисты в синих комбинезонах и масках. Эрика, Айзек и Мосс, получив спецодежду, принялись облачаться в нее на гравийном пяточке в крошечном палисаде.

– Труп наверху, в спальне, – сообщила Мосс. – Мать жертвы пришла сюда, чтобы покормить кошку. Думала, сын отдыхает на юге Франции, но, как вам предстоит убедиться, до аэропорта он так и не доехал.

– Где сейчас его мать? – спросила Эрика, надевая комбинезон.

– Ей стало плохо, не вынесла потрясения и жары. Один из наших повез ее в Луишемскую университетскую больницу. Когда придет в себя, нужно будет взять у нее показания, – сказала Мосс, застегивая комбинезон.

– Дайте мне несколько минут. Осмотрю место преступления. – Айзек нахлобучил капюшон своего комбинезона. Эрика кивнула, и он вошел в дом.

* * *

Из-за жары, скопления людей и яркого освещения температура в спальне на верхнем этаже поднималась выше сорока градусов. Айзек и его команда из трех помощников и фотографа профессионально делали свое дело, сохраняя почтительное молчание.

Погибший, высокий мужчина спортивного телосложения, лежал голый на спине на двуспальной кровати. Руки были привязаны к спинке изголовья тонкой веревкой, которая врезалась в запястья, ноги раздвинуты, вывернуты носками наружу. На голову надет прозрачный полиэтиленовый пакет, на лице застыла чудовищная гримаса.

Осматривать нагие трупы Эрике всегда было гораздо тяжелее. Смерть сама по себе непристойное зрелище, а жертва, раздетая догола, производит особенно гнетущее впечатление. Она с трудом сдерживала порыв накрыть простыней нижнюю часть его тела.

– Погибший – доктор Грегори Манро, сорока шести лет, – доложила Мосс, когда они встали вокруг кровати. Широко раскрытые карие глаза мужчины были на удивление ясными под полиэтиленовой пленкой, но язык уже начал взбухать и торчал изо рта.

– Что за доктор? – уточнила Эрика.

– Местный терапевт. Владелец клиники «Хиллтоп» на Крофтон-Парк-роуд, – ответила Мосс. Эрика глянула на Айзека. Тот стоял с другой стороны кровати, осматривая тело.

– Можешь назвать причину смерти? – спросила Эрика. – Полагаю, асфиксия, но...

Айзек снял пакет с головы жертвы, и подбородок мужчины упал на его голую грудь.

– Все указывает на асфиксию, но я должен убедиться, что пакет ему на голову натянули не после смерти.

– Смерть по неосторожности во время сексуальных игр? Аутоасфиксия? – предположила Мосс.

– Гипотетически, да. Но нельзя исключать и умышленное нарушение правил.

– Время смерти? – с надеждой в голосе спросила Эрика. Под комбинезоном с нее градом лил пот.

– Не торопись, – сказал Айзек. – Точное время смерти я смогу назвать только после более тщательного обследования и вскрытия. Сильная жара и холод замедляют процесс разложения. При высокой температуре воздуха, как в этой комнате, труп высыхает. Видно, что тело уже начало менять цвет. – Он показал на область живота, где на коже расплывались зеленоватые пятна. – Это свидетельствует о том, что он находится здесь уже несколько дней, но, как я сказал, необходимо произвести вскрытие.

Эрика обвела взглядом комнату. Вдоль стены, что начиналась от двери, стоял длинный платяной шкаф из массивного дерева. В углублении эркерного окна она увидела туалетный столик с зеркалом из того же гарнитура, слева от окна – высокий комод. Все поверхности были абсолютно пустыми – ни книг, ни декоративных вещей, ни какого-либо хлама, который обычно скапливается в спальне. Чистота и порядок. *Слишком* идеальный порядок.

– Он был женат? – спросила Эрика.

– Да. Но жена с ним не живет. Они расстались несколько месяцев назад, – ответила Мосс.

– Слишком опрятно здесь для мужчины, который недавно стал холостяком, – заметила Эрика. – Если только это убийца не навел порядок, – добавила она.

– Что? Пропылесосил и смылся? – хмыкнула Мосс. – Хоть бы ко мне заглянул. Видели бы вы мое жилище.

Эрика заметила, что двое из криминалистов, обследовавших труп, несмотря на жару, подавили улыбки.

– Мосс, шуточки сейчас не к месту.

– Простите, босс.

– Думаю, руки ему связали уже после наступления смерти, – заключил Айзек. Работая в латексных перчатках, он пальцем осторожно показал на область запястья. Кожа на подмышках натянулась белыми полосами, меж которыми проступали участки воскового цвета. – На запястьях почти нет ссадин.

– То есть он уже был в постели, когда на него напали? – спросила Эрика.

– Возможно, – ответил Айзек.

– Одежда нигде не валяется. Наверно, он, как обычно, разделся, готовясь ко сну, одежду аккуратно сложил и убрал, – рассудила Мосс.

– Значит, кто-то мог прятаться под кроватью или в шкафу, либо проник через окно? – спросила Эрика, смаргивая с ресниц пот, который струился по лбу и затекал в глаза.

– Это уж вам выяснять, – сказал Айзек.

– Ну да. Кому же еще, – буркнула Эрика.

* * *

Эрика и Мосс спустились вниз, в жилое помещение открытой планировки, где работала команда криминалистов, обследовавшая весь остальной дом. Один из криминалистов направился к ним. Эрика видела его впервые. Ему было едва за тридцать. Красивое лицо, высокий нордический лоб. В белокурых волосах блестели капельки пота. Подойдя к Эрике, он поднял голову, только теперь сообразив, какая она дылда – более шести футов ростом.

– Старший инспектор Фостер? Нилз Акерман, руководитель группы криминалистов, – представился он. В его безупречном английском слышался едва уловимый шведский акцент.

– Новенький? – поинтересовалась Мосс.

– В Лондоне? Да. А с убийствами и увечьями не раз имел дело. – Нилз обладал приятной красивой внешностью. Как и многие, кто ежедневно сталкивается со смертью и трагедиями, он держался с почтительной отстраненностью, оценивая происходящее с мрачным юмором.

– Рада знакомству, – сказала Эрика. Они обменялись рукопожатием, щелкнув латексными перчатками, что были на них.

– Что вам уже известно? – спросил Нилз.

– Рассказывайте все по порядку, – распорядилась Эрика.

– Ладно. Мать погибшего явилась сюда в семь тридцать, чтобы накормить кошку. У нее свой ключ от дома. Электричество было полностью отключено. И видимо, уже несколько дней. Все продукты в холодильнике и морозилке протухли.

Эрика окинула взглядом большой холодильник металлического цвета, на который магнитиками были прикреплены два ярких детских рисунка, сделанных пальцами.

– Интернет и телефон тоже были отключены, – добавил Нилз.

– Из-за неуплаты? – спросила Эрика.

– Нет. Интернетный провод был выдернут. – Нилз подошел к кухонному столу и взял прозрачный пакет, в котором лежали два куска провода. Один был подсоединен к небольшому модему. Нилз показал еще один пакет. – А это мобильный телефон жертвы. SIM-карта и батарея отсутствуют.

– Где его нашли? – спросила Эрика.

– На прикроватной тумбочке. Был подсоединен к зарядному устройству, вставленному в розетку.

– Другие телефоны в доме есть?

– Только стационарный на нижнем этаже.

– То есть убийца извлек SIM-карту и батарейку уже после того, как телефон поставили заряжаться? – уточнила Мосс.

– Возможно, – кивнул Нилз.

– Так, погодите, – вмешалась Эрика. – На прикроватной тумбочке еще что-нибудь лежало? Спальня на вид совершенно голая.

– Кроме телефона – ничего, – ответил Нилз. – Правда, в выдвижном ящике тумбочки мы нашли вот это. – Он поднял еще один

прозрачный пакет с четырьмя порножурналами для геев. Это были номера *Black Inches*, *Ebony* и *Latino Males*.

– Он был гей? – спросила Эрика.

– И женат, – добавила Мосс.

– Напомните – сколько ему было?

– Сорок шесть, – ответила Мосс. – С женой расстался. Но журналы старые. Вон, видите, 2001 года. Зачем бы он стал держать их здесь?

– То есть журналы эти были спрятаны, а сам он тайный гей? – уточнила Эрика.

– Может быть, они годами лежали где-нибудь в укромном уголке. Может быть, он достал их с чердака, когда его брак распался, – предположил Нилз.

– Слишком много «может быть», на мой вкус, – заметила Эрика.

– На кухонном «островке» мы нашли упаковку от лазаньи, которую нужно разогревать в микроволновке. Сама лазанья лежала на тарелке, рядом стояли пустой бокал и полбутылки красного вина. Все это мы отправим на экспертизу, – доложил Нилз. – И хочу показать вам кое-что еще.

Он повел их через просторную кухню, мимо большого продавленного дивана, на котором виднелись отметины от фломастера и огромное чайное пятно. Между диваном и стеклянной стеной, за которой начинался сад, стоял полный ящик с игрушками. Стекло было задвинуто, и они ступили на деревянный настил террасы. Эрика обрадовалась, что на улице хоть чуть-чуть прохладнее. Яркие огни заливали задний двор, который простирался до мглистой гущи деревьев, где несколько человек в комбинезонах ползали на карачках, обследуя траву.

По узкой гравийной дорожке они пошли назад вдоль стеклянной стены и остановились у подъемного окна, которое находилось на уровне кухонной мойки. Из водостока внизу исходил мерзкий тошнотворный запах.

– Мы сняли отпечатки с окна, водосточных труб и окна соседнего дома, – сказал Нилз. – Ничего. Правда, обнаружили вот это. – Он обратил их внимание на основание оконной рамы, выкрашенной в белый цвет. – Видите вот здесь, в дереве? – Один его палец в латексе – он по-прежнему был в резиновых перчатках – завис над маленькой

квадратной вмятиной в слое глянцевой краски, которая была не более полусантиметра шириной. – Окно открыли с помощью тупого плоского инструмента, возможно, отвертки.

– Когда вы прибыли, это окно было закрыто? – спросила Эрика.

– Да.

– Отличная работа, – заметила она, разглядывая крошечную вмятинку в слое краски. – Удалось снять с гравия отпечатки каких-нибудь следов?

– На гравии остались слабые следы, возможно, от ног небольшого размера, но слепки сделать не получилось. А теперь давайте вернемся в дом, – предложил Нилз. Они последовали за ним вокруг дома, шагнули на кухню через стеклянные двери и прошли к подъемному окну.

– Смотрите, вот здесь должны быть оконные блокираторы. – Нилз показал на две маленькие дырочки по обеим сторонам оконной рамы.

– Что они собой представляют? – спросила Мосс.

– Два маленьких пластмассовых крючка с пружинным механизмом с внутренней стороны окна, приделываются к верхней раме. Препятствуют принудительному поднятию нижней рамы извне. Так вот – их сняли.

– Эти блокираторы мог снять сам Грегори Манро? – спросила Эрика.

– Нет, если он не хотел, чтобы в дом забрались грабители, а я думаю, он этого не хотел. Дом оборудован суперсовременной охранной системой. На заднем дворе установлены датчики на движение. Когда вырубил электричество, должна была сработать сигнализация – это их основная функция. Однако ничего не произошло.

– Значит, убийца, кто бы он ни был, снял с окна блокираторы и знал код охранной сигнализации? – заключила Эрика.

– Теоретически да, – подтвердил Нилз. – Есть еще кое-что. – Он снова вывел их во двор через стеклянные двери. Дойдя до края сада, они остановились под деревом и наклонились, разглядывая лаз в проволочном ограждении.

– За садом проходит железная дорога и простирается парк Онор-Оук, – сказал Нилз. – Думаю, убийца проник на территорию дома вот через этот лаз. Проволока в заборе обрезана кусачками.

– Блин, – ругнулась Мосс. – И кто, по-вашему, это сделал, черт возьми?

– Нужно узнать как можно больше об этом докторе Грегори Манро, – сказала Эрика, глядя на дом. – Тогда и получим ответы на наши вопросы.

Глава 5

В скромном домике под лестницей восседал на большой скрипучей подставке на колесиках старенький настольный компьютер. На экране выскочила домашняя страница чата. Примитивная, без всякой забубенной графики. Традиционные чаты контролировались модераторами, но этот размещался на периферии Интернета, где тусовалась всякая нечисть.

Компьютер пикнул, на экране всплыло имя пользователя по прозвищу Герцог, который начал печатать.

ГЕРЦОГ: Кто-нибудь не спит?

Пальцы, радуясь возможности общения, быстро забегали по клавиатуре.

СОВА: Герцог, я всегда бодрствую.

ГЕРЦОГ: Где пропадала, Сова?

СОВА: Дела. Три дня глаз не смыкаю. Почти личный рекорд.

ГЕРЦОГ: Мой рекорд – четыре. Но оно того стоит. Офигенно шикарные глюки. Голые девочки. Как наяву ***зашибись***

СОВА: Ха! У меня таких приятных грез не бывает. Не выношу яркого света, глаза режет... С другой стороны, в сумраке тени как будто оживают. Пустые безглазые лица наблюдают за мной уголками моих глаз. И я вижу его.

ГЕРЦОГ: Что, сильно достает?

СОВА: Привыкла уже...

ГЕРЦОГ: Ну да, понимаю.

ГЕРЦОГ: Ну что? Сделала?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Seriously?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: С помощью пакета?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Сколько времени ушло?

СОВА: Почти четыре минуты. Сопrotивлялся, хоть и принял транквилизатор.

Пауза. На экране забегала надпись: «ГЕРЦОГ печатает...» Потом на мгновение все замерло.

СОВА: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ: Да. Не думал, что ты решишься.

СОВА: По-твоему, я трепло, как и многие в Сети?

ГЕРЦОГ: Нет.

СОВА: Думаешь, у меня кишка тонка?

ГЕРЦОГ: НЕТ!

СОВА: Вот и отлично. А то ведь я не шучу. Меня слишком долго недооценивали. Думали, что я размазня. Переступали через меня. Издевались надо мной. А я НЕ РАЗМАЗНЯ. Я – СИЛЬНЫЙ человек. Обладаю СИЛОЙ умственной и физической и больше не сдерживаю ее.

ГЕРЦОГ: Не сомневаюсь.

СОВА: Даже не думай.

ГЕРЦОГ: Прости. Я никогда в тебе не сомневался. Никогда.

ГЕРЦОГ: Каковы ощущения?

СОВА: Божественные.

ГЕРЦОГ: Мы не верим в Бога.

СОВА: А если я и есть Бог?

На несколько минут переписка прекратилась, потом Герцог спросил:

ГЕРЦОГ: Что теперь?

СОВА: Это только начало. Доктор был первый в моем списке. Теперь займусь следующим.

Глава 6

На следующее утро около восьми Эрика въехала на парковку отделения полиции Луишем-Роу. Работа на месте происшествия продолжалась далеко за полночь, и ей удалось поспать лишь пару часов и принять душ перед тем, как снова прибыть в отделение. Едва она вышла из машины, ее окутал горячий воздух, пропитанный смрадом выхлопных газов. По кольцевой дороге, гроыхая, ползли грузовики. Издалека доносились жужжание и клацанье подъемных кранов, работавших на нескольких строительных площадках, где возводили многоэтажные дома. В сравнении с ними приземистое бетонное здание отделения полиции казалось совсем маленьким. Эрика заперла автомобиль и направилась по парковке к центральному входу. Настроение у нее было ворчливое – от недосыпа, от того, что она уже вспотела и мечтала о холодном напитке.

В дежурной части было прохладнее, но дышать все равно было нечем: к теплу примешивался омерзительный коктейль из блевотины и дезинфицирующих средств. За своим столом горбился, заполняя какой-то бланк, сержант Вулф. Живот вываливался у него из брюк, круглое лицо с двойным подбородком покраснелось и блестело от пота. Рядом стоял в ожидании высокий тощий парень в грязном спортивном костюме. Он не сводил глаз со своих вещей – новенького айфона и двух пачек сигарет в полиэтиленовом пакете, – лежавших в пластмассовом лотке. Его изможденное голодное лицо никак не вязалось с дорогими вещами, которые ему не терпелось забрать, и чутье подсказывало Эрике, что этот парень станет постоянным клиентом полиции.

– Доброе утро. А нет ли у нас в столовой охлажденного кофе со льдом? – спросила Эрика.

– И не мечтайте. – Волосатой рукой Вулф отер лицо. – Холодная еда – пожалуйста. С этим у них проблем нет. Непонятно, что им мешает кофе остудить.

Эрика улыбнулась. Дохлый парень закатил глаза.

– Ага, болтайте, болтайте, мне ведь торопиться некуда. Я просто хочу забрать свой айфон. Это – моя собственность.

– Твою собственность четыре месяца назад обнаружили на месте преступления. Так что подождешь минут десять. – Наградив парня суровым взглядом, Вулф положил ручку и нажал кнопку, открывая для Эрики дверь в ту часть отделения, где находились кабинеты сотрудников. – Марш уже на месте. Сказал, что хочет видеть вас, как только вы появитесь.

– Понятно. – Эрика прошла в дверь, и та, закрывшись за ней, прекратила жужжать. Она зашагала мимо пустых кабинетов по душному коридору, освещенному лампами дневного света. Было еще рано, многие сотрудники находились в отпусках или в отгулах, и оттого казалось, что жизнь в отделении замерла.

На лифте Эрика поднялась на верхний этаж, где находился кабинет ее начальника, постучала и, услышав, приглушенный отклик, вошла. Старший суперинтендант Марш стоял к ней спиной у окна, глядя на простирающиеся перед ним бетонные джунгли, среди которых высились строительные краны и ползли машины. Он был рослый, широкоплечий, с сильной проседью в коротко остриженных волосах. Когда он повернулся, Эрика увидела, что его губы сомкнуты вокруг ярко-зеленой соломинки, опущенной в большой стакан с охлажденным кофе из «Старбакса». Красивый мужчина, несмотря на усталый вид. Марш вскинул брови, сглотнув кофе.

– Доброе утро, сэр.

– Доброе утро, Эрика. Вот, подумал, что вы не откажетесь. – Марш подошел к своему захламленному столу, взял еще один стакан с охлажденным кофе и дал Эрике вместе с завернутой в бумагу соломинкой. Стакан оставил большое мокрое кольцо на распечатке предварительного отчета по делу об убийстве Грегори Манро, который Эрика направила Маршу по электронной почте рано утром.

– Спасибо, сэр. – Она взяла стакан и, извлекая из обертки соломинку, окинула взглядом кабинет: полнейший бардак. Комната подростка и высокого начальника в одном флаконе, как она всегда говорила себе. Стена увешана дипломами, на полках большой мебельной стенки беспорядочно напиханы папки с уголовными делами, из забитых выдвижных ящиков торчат края бумаги. Урна переполнена, но Марш, вместо того чтобы опустошить ее, сверху на мусор положил еще две пластиковые коробки из-под сэндвичей и пустые стаканы из-под кофе, которые теперь балансировали на куче,

возвышаясь на целый фут над краем. На подоконнике стояли горшки с засохшими комнатными цветами, у одной стены лежали обломки вешалки для верхней одежды. То ли она сама сломалась под тяжестью навешанных на нее вещей, то ли Марш ее сломал в приступе гневного раздражения, которого, к счастью для Эрики, не довелось наблюдать.

Она извлекла из тонкой бумажной упаковки зеленую соломинку, сунула ее в отверстие в крышке стакана и с наслаждением глотнула глясе, чувствуя, как по пищеводу растекается приятная прохлада.

– Итак, сэр, чем вызвана такая любезность – приличный кофе? По случаю ухода в отпуск?

Марш улыбнулся и сел, жестом предлагая ей тоже присесть.

– Да, две недели на юге Франции. Жду не дождусь. Ладно, к делу. Я прочел ваш отчет. Очередное убийство гея. Поганое дело.

– Сэр, я сильно сомневаюсь, что убитый стал жертвой *гомофобии*...

– Дело ясное: жертва – мужчина, порно для геев, асфиксия. Он – врач, хорошо зарабатывал. Должно быть, пригласил мальчика по вызову. Они заигрались. Парень перестарался. Что-нибудь пропало?

– Нет. Сэр, как я сказала, я не думаю, что это убийство на почве *гомофобии*. В своем предварительном отчете такой оценки я не давала. – Увидев, что Марш смотрит на нее в замешательстве, Эрика спросила: – Сэр, вы читали мой отчет?

– Разумеется, читал, – сердито ответил он.

Эрика взяла с его стола свой отчет, где на мокром кольце, оставленном стаканом, теперь уже расплывались чернила, и увидела, что страница всего одна. Она встала, подошла к принтеру в кабинете Марша, выдвинула ящик с бумагой, взяла пачку листов, положила ее в принтер и закрыла ящик.

– Что такое? – спросил Марш. Раздался щелчок, потом – жужжание, из принтера выползла вторая страница. Эрика вручила листок Маршу и снова села. Он пробежал глазами вторую страницу отчета и посерел.

– Сэр, есть признаки, указывающие на то, что убийство было спланировано заранее. Охранная сигнализация отключена, телефонный провод перерезан, и мы не нашли ни отпечатков, ни следов биологических жидкостей, которые принадлежали бы не жертве, а какому-то другому лицу.

– Проклятье, только этого нам не хватало. Я думал, это просто нападение на гомосексуалиста.

– *Просто* нападение на гомосексуалиста, сэр?

– Вы знаете, что я имею в виду. Нападения на гомосексуалистов... в общем, они не получают широкого резонанса в прессе. – Марш снова пробежал глазами отчет. – Черт возьми, Грегори Манро – местный терапевт, семейный человек. А адрес?

– Лорел-роуд. Онор-Оук-Парк.

– И район хороший. Простите, Эрика. Такая тяжелая неделя... А страницы могли бы и пронумеровать.

– Они *пронумерованы*, сэр. Я жду результатов вскрытия и криминалистической экспертизы от Айзека Стронга. Мы прошерстим жесткий диск компьютера и телефон жертвы. Сейчас я иду инструктировать свою команду.

– Хорошо. Держите меня в курсе. Как только будут новые сведения – сразу докладывайте. Не нравится мне все это, Эрика. Чем скорее поймаем подонка, тем лучше.

Глава 7

Оперативный отдел отделения полиции Луишем-Роу размещался в большом душном помещении. С потолка на полицейских лился яркий слепящий свет люминесцентных ламп. Комнату с двух сторон от коридоров отделяли стеклянные стены, вдоль одной расположились в ряд принтеры и копировальные аппараты. Эрика, стоя возле принтера, знакомилась с предварительными результатами вскрытия Грегори Манро. Она ощущала знакомое покалывание в теле, вызванное предвкушением, ужасом и возбуждением. Листы, один за другим выползавшие из принтера, были теплыми на ощупь.

Ее команда уже трудилась в поте лица. Многие сотрудники, присутствовавшие на месте преступления, успели вздремнуть лишь пару часов и снова пришли на работу. Светловолосый сержант Крейн – «вечный двигатель» оперативного отдела – разносил распечатанные документы для совещания. Мосс и констебль Сингх, невысокая симпатичная женщина с острым умом, отвечали на телефонные звонки. Новый член команды, констебль Уоррен, – красивый энергичный молодой человек – прикреплял на демонстрационные доски, что стояли у задней стены, собранные по делу материалы.

Инспектор Питерсон, войдя в оперативный отдел, обвел взглядом комнату, где кипела работа. Высокий красивый чернокожий офицер с короткими дредами, он, наряду с Мосс, являлся одним из самых доверенных коллег Эрики. Своей сдержанной, щеголеватой, изысканной манерой поведения он великолепно сглаживал житейскую грубоватость Мосс.

– Хорошо отдохнули, Питерсон? – спросила Эрика, поднимая голову от отчета.

– Да. На Барбадосе. Мир, покой, песчаные пляжи... Не то что здесь, – ответил он с тоской в голосе, но Эрика уже снова уткнулась в отчет. Питерсон сел за свой стол, глядя на унылую убогость оперативного отдела.

– Ты точно ездил на море? – спросила Мосс, ладонью прикрывая трубку телефона. – Что-то не загорел совсем...

– Ха-ха. Сегодня на завтрак я ел овсянку, так она и то была не такая бледная, как ты, – улыбнулся Питерсон.

– Рада, что ты вернулся. – Мосс подмигнула ему и продолжала разговор по телефону.

– Итак, всем доброе утро, – поприветствовала коллег Эрика, выдвигаясь в переднюю часть комнаты. Она достала комплект снимков, сделанных на месте преступления, и принялась развешивать их на демонстрационной доске.

– Жертва – сорокашестилетний Грегори Манро. Местный врач-терапевт. – Разговоры в оперативном отделе стихли, все рассматривали фотографии. – Я знаю, что некоторые из вас были вчера вечером на месте преступления, но для тех, кого там не было, я изложу суть дела.

Подчиненные Эрики молча выслушали ее рассказ о событиях минувшего вечера.

– Нам только что прислали результаты токсикологической экспертизы и вскрытия. В крови жертвы обнаружено небольшое количество алкоголя и очень высокий уровень флунитразепама: 98 микрограммов на литр. Флунитразепам – обиходное название рогипнола, известного также как руфиз.

– Любимый «дружок насильников», – сухо прокомментировал Питерсон.

– Да. Остатки препарата были обнаружены в винном бокале на месте преступления, на кухне, – добавила Эрика.

– Должно быть, в вино подсыпали. Если только он не собирался покончить с собой? Как врач он должен был знать, что столь большая доза может его убить, – заметила Мосс.

– Да, но не убила. Он умер от асфиксии. Вы видите, что на голову ему надет прозрачный полиэтиленовый пакет, затянутый тонкой белой веревкой. – Эрика показала на снимок, на котором Манро смотрел безучастными глазами через прозрачную пленку. – Руки ему связали после смерти. В ящике прикроватной тумбочки были найдены порножурналы для геев. Таким образом, журналы, асфиксия с помощью пакета и транквилизатор наводят на мысль о том, что элемент сексуальной активности следует исключить. Признаков того, что его изнасиловали, нет; волосы и биологические жидкости, которые принадлежали бы не хозяину, в доме не обнаружены... – Эрика помолчала, глядя на своих подчиненных, которые смотрели на нее. – Итак, на мой взгляд, нужно исходить из предположения, что кто-то проник в дом Грегори Манро, напоил его транквилизатором и затем

задушил. Я также считаю, что это не случайный грабитель. Из дома ничего не пропало – ни деньги, ни ценности. Телефон и электричество были отключены, и это указывает на то, что преступление было спланировано. И тому, кто его совершил, нужно было *прежде* отключить охранную сигнализацию, а потом уже электричество. Действуем по обычной схеме: необходимо провести поквартирный опрос на Лорел-роуд и прилежащих улицах. Местные полицейские уже опросили часть людей, но мы должны опросить всех, кто живет на той улице или находился в данном квартале. Соберите полное досье на Грегори Манро: банковские счета, телефон, электронная почта, соцсети, друзья, родные. С женой он расстался, значит, наверняка обращался к адвокату: проверьте. Выясните, был ли он зарегистрирован на каком-либо из сайтов знакомств для геев. Достаньте жесткий диск его телефона, проверьте, есть ли на нем мобильные приложения для гей-знакомств. Возможно, он нанял мальчика по вызову. Далее. Он – врач, работал в местной клинике; узнайте все, что можно, о его работе. Были ли у него проблемы с коллегами и пациентами?

Эрика подошла к демонстрационной доске и показала на фотографии сада.

– Убийца проник на территорию дома через забор, за которым проходит железная дорога и лежит небольшой парк. Достаньте записи с камер видеонаблюдения на железной дороге и вблизи путей, а также на ближайших станциях и прилегающих улицах. Крейн, вы остаетесь здесь, будете координировать работу оперативного отдела.

– Слушаюсь, босс, – ответил Крейн.

– Думаю, Грегори Манро был знаком с убийцей. Чем больше мы будем знать о его жизни, тем больше вероятность установить местонахождение убийцы. А теперь за работу. В шесть встречаемся здесь, поделимся добытой информацией.

Сотрудники оперативного отдела оживились.

– Есть новости о матери Грегори Манро? – осведомилась Эрика, подходя к Мосс и Питерсону.

– Она все еще в Луишемской больнице. Очухалась довольно быстро, но ее пока не выписывают, ждут врача, – ответила Мосс.

– Ладно. Давайте ее навестим. Питерсон, вы едете с нами.

– Надеюсь, вы ее не подозреваете? – спросила Мосс.

– Нет, но зачастую матери – кладезь информации, – объяснила Эрика.

– Да, понимаю. Моя мать всюду свой нос сует, – усмехнулся Питерсон, поднимаясь из-за стола и хватая пиджак.

– Тогда будем надеяться, что Эстель Манро такая же, – сказала Эрика.

Глава 8

Луишемская университетская больница занимала большую территорию и размещалась в нескольких корпусах. Некоторые из них были старые, кирпичные, другие представляли собой футуристические сооружения из стекла. Новое крыло было облицовано сине-желтым пластиком. Парковка была забита машинами, к отделению «неотложной помощи» то и дело подъезжали «скорые». Эрика, Мосс и Питерсон припарковались и пешком направились к центральному входу – большой коробке из стекла и металла напротив отделения «неотложки». По приближении они увидели перед входом пожилую женщину в инвалидном кресле, кричавшую на медсестру, которая стояла рядом с ней, согнувшись в три погибели.

– Безобразия! – ругалась женщина, тыкая в медсестру крючковатым пальцем с покрытым красным лаком ногтем. – Сначала вы заставили меня ждать, а теперь, когда выписали, я уже больше часа сижу здесь на жаре! У меня нет при себе ни сумки, ни телефона, а вы ничего не делаете!

Несколько человек, выходявших из больницы, обратили на нее внимание, но ни одна из стайки медсестер, входивших в здание, даже бровью не повела.

– Это она – Эстель Манро, мать Грегори Манро, – сказала Мосс. Они поравнялись с инвалидным креслом, и медсестра с добрым, но усталым лицом – на вид ей было под пятьдесят, – заметив их, выпрямилась. Эрика, Мосс и Питерсон представились, предъявили удостоверения.

– У вас здесь все хорошо? – спросила Эрика. Эстель, прищурившись, уставилась на них с инвалидного кресла. Ей, наверно, было лет шестьдесят пять, и, видимо, она старалась одеваться элегантно, но после ночи, проведенной в больнице, ее светлые брюки и цветастая блузка сильно измялись, макияж вместе с потом размазался по лицу, а короткие рыжие волосы были всклокочены. На коленях она держала пластиковый пакет с черными лакированными кожаными туфлями-лодочками.

– Нет! *Здесь* ничего хорошего... – начала Эстель.

– Утром к Эстель приезжали полицейские, – перебила ее медсестра, упершись руками в свои широкие бедра, – брали у нее показания. Они предложили отвезти ее домой, но она отказалась.

– Разумеется, отказалась! Не хватало еще, чтобы меня у моего дома высаживала полицейская машина! Я хочу поехать домой на такси... Я знаю, что так положено. Вы обязаны вызвать мне такси. Вы просто хитрите...

Эрика по опыту знала, что люди по-разному реагируют на горе и потрясение. Одни обливаются слезами, другие цепенеют, теряют дар речи, третьи злятся. Эстель Манро, судя по всему, относилась к последней категории.

– Меня всю ночь продержали в этой адской дыре под названием отделение «неотложной помощи». А у меня просто голова закружилась, вот и все. Но нет, мне пришлось дожидаться, пока врачи осмотрят всех алкоголиков и наркоманов! – Эстель сосредоточила внимание на Эрике, Мосс и Питерсоне. – А потом заявили ваши, замучили вопросами. Будто я преступница! Вот вам что от меня надо? Мой мальчик умер... Его убили!

Эстель окончательно утратила самообладание. Она вцепилась руками в подлокотники кресла, заскрипела зубами и крикнула:

– Не приставайте ко мне, отстаньте, вы все!

– У нас машина без опознавательных знаков полиции. Можем отвезти вас домой, миссис Манро, – ласково произнес Питерсон. Он присел на корточки перед несчастной женщиной и дал ей салфетку из небольшой пачки, которую вытащил из кармана.

– Правда? – сказала она, смотря на него полными слез глазами.

Питерсон кивнул.

– Тогда, прошу вас, отвезите меня домой. Я просто хочу быть дома, одна. – Она взяла салфетку и вытерла лицо.

Спасибо, одними губами поблагодарила медсестра.

Питерсон снял кресло с тормоза и покатил Эстель к парковке.

– Ее сюда доставили в тяжелом состоянии – она была в шоке, организм обезвожен, – сообщила медсестра Эрике и Мосс. – Звонить никому не хотела. Я даже не знаю, есть ли у нее соседи или дочь, может быть? Дома ей нужно обеспечить покой, отдых.

– Питерсон сотворит чудо, старики его любят, – проговорила Мосс, вместе с Эрикой и медсестрой наблюдая, как Питерсон вкатил

инвалидное кресло на парковку. Медсестра улыбнулась и вернулась в отделение.

– Черт, а ключи-то от машины у меня, пойдем скорей! – опомнилась Эрика. Они поспешили за Питерсоном.

* * *

– Уф, ну и пекло... – с отчаянием в голосе посетовала Эстель, когда они все сели в машину. В салоне было жарко, как в печке. – Все жарит и жарит, конца-краю нет! – Она занимала пассажирское кресло рядом с Эрикой. Мосс и Питерсон устроились на заднем сиденье.

Эрика перегнулась и помогла Эстель застегнуть ремень безопасности, потом завела мотор.

– Сейчас заработает кондиционер.

– Долго вы здесь простояли? – спросила Эстель, когда Эрика показала свое удостоверение работнику парковки, открывавшему шлагбаум. Тот их пропустил.

– Пятнадцать минут, – ответила Эрика.

– Не будь вы из полиции, вам пришлось бы заплатить полтора фунта. Хотя вы и не целый час стояли. Я все просила Грегори сделать что-нибудь, чтобы пациентам не приходилось платить. Он обещал написать нашему депутату парламента. Он ведь встречался с ней несколько раз – на официальных обедах... – Ее голос сошел на нет. Она взяла с колен салфетку и промокнула глаза.

– Эстель, хотите воды? – предложила Мосс. Она купила несколько бутылок в торговом автомате в Луишем-Роу.

– Да, будьте добры. И, если вы не против, обращайтесь ко мне «миссис Манро».

– Конечно, миссис Манро. – Через брешь между сиденьями Мосс передала пожилой женщине запотевшую бутылку. Эстель с трудом отвинтила крышку и надолго приникла к бутылке. Они ехали через Лейдиуэлл, мимо большого парка близ больницы, где под палящим утренним солнцем несколько подростков играли в футбол.

– Слава богу, теперь намного лучше, – вздохнула с облегчением Эстель, откидываясь в кресле: кондиционер уже начал охлаждать салон.

– Вы позволите задать вам несколько вопросов? – попросила Эрика.

– А позже нельзя?

– Позже мы официально возьмем у вас показания, но сейчас мне хотелось бы задать вам несколько вопросов... Прошу вас, миссис Манро, это очень важно.

– Что ж, задавайте.

– Вы говорили, что Грегори собирался ехать на отдых?

– Да, во Францию. Он должен был выступить на конференции БМА, Британской медицинской ассоциации.

– И он не сообщил о том, что добрался до места?

– Ясно, что нет.

– Вас это не насторожило?

– Нет. Мы без дела не надоедали друг другу. Я знала, что рано или поздно он мне оттуда позвонит.

– Грегори разошелся с женой?

– Да, с Пенни. – Произнося имя бывшей невестки, Эстель злобно скривила губы.

– Можно спросить, почему?

– *Можно спросить почему...* Вы уже спрашиваете, разве нет? По инициативе Пенни. Это она подала на развод. А если кто-то и должен был подать на развод, так это Грегори, – отвечала Эстель, качая головой.

– Почему?

– Она превратила его жизнь в кошмар. И это после всего того, что он для нее сделал. Обеспечил ей достойную жизнь. До замужества, до тридцати пяти лет, Пенни жила со своей ужасной мамашей. Перспектив – почти никаких. Работала в регистратуре в клинике Грегори. Только они стали встречаться, она забеременела. Поставила его в безвыходное положение, и ему пришлось на ней жениться.

– А разве это обязательно? – спросила Мосс.

– Я знаю, теперь модно рожать внебрачных детей, но мой внук не должен был стать незаконнорожденным!

– То есть это вы заставили их пожениться? – уточнила Мосс.

Эстель повернулась к ней.

– Нет. Грегори сам так решил. Он – благородный человек.

– До этого он был женат? – осведомилась Эрика.

– Нет, что вы.

– Пенни и Грегори были женаты четыре года. Значит, женился он в сорок два года? – спросила Мосс.

– Да, – подтвердила Эстель.

– До женитьбы у него было много женщин? – подал голос Питерсон.

– Женщины были. Но так, ничего серьезного. Он был увлечен медициной – сначала институт, потом практика. Среди его подружек встречались хорошие девушки, было из чего выбирать. А он позарился на эту алчную бабу из регистратуры...

– Вам она не нравилась? – спросил Питерсон.

– А вы как думаете? – вопросом на вопрос отвечала Эстель, глядя на него в зеркало заднего вида. – Она его не любила, ей только деньги нужны были. Я ведь его сразу предупредила, но он и слушать не хотел. А потом началось... в общем, я оказалась права.

– Что произошло? – спросила Эрика.

– Еще не высохли чернила на брачном свидетельстве, а она уже стала требовать, чтобы Грегори записал на нее недвижимость. У него в собственности есть... было несколько домов для сдачи в аренду. Он ведь всего добился сам, понимаете? Трудился как вол. Один дом он оформил на мое имя, чтобы у меня было немного денег на старость. Так вот, она хотела, чтобы он этот дом переписал на нее! Естественно, он отказался. Она обратилась за помощью к брату... – Эстель в отвращении покачала головой. – Словом, негодяи они, вся их семейка – Пенни, ее брат Гэри. Гнусный скинхед, все время попадает в полицию. А Пенни ему предана. Странно, что вы его не знаете. Гэри Уилмслоу.

Эрика переглянулась с Мосс и Питерсоном, а Эстель продолжала:

– А в прошлом году, когда Гэри стал угрожать Грегори, они и вовсе вдрызг разругались.

– Как он ему угрожал? – спросила Эрика.

– Это все из-за школы Питера. Грегори настаивал на пансионе, и тогда мальчика пришлось бы отправить из дома. Пенни привлекла Гэри, чтобы тот запугал Грегори, но Грегори не дал ему спуска, а мало кто не спасует перед Гэри Уилмслоу. Грегори устроил ему хорошую взбучку, – с гордостью доложила Эстель.

– И что было потом?

– Разразился скандал. Грегори даже слышать не хотел о Гэри, но Пенни не желала изгонять его из своей жизни. Да и Гэри не понравилось, что ему дали отпор. Молва-то пошла, как пить дать.

Смерть Грегори выгодна Пенни и Гэри. Она теперь наследница. Я так скажу: вы сэкономите кучу денег налогоплательщиков, если арестуете ее брата. Гэри Уилмслоу. Он способен на убийство, вы уж поверьте. Вон на прошлой неделе он снова взялся за свое – угрожал Грегори. Ворвался в его кабинет в клинике, где наверняка было полно пациентов.

– Почему он ему угрожал?

– Не успела выяснить. Мне об этом рассказала администратор. Я собиралась расспросить Грегори, когда он вернется с отдыха, но... – Эстель снова заплакала. Показалась таверна «Форест-Хилл», стоявшая на углу улицы. Эстель подняла голову. – Здесь налево, мой дом в самом конце.

Эрика затормозила возле нарядного дома в конце улицы, жалея, что они приехали так быстро.

– Хотите, мы зайдем к вам? – предложила Эрика.

– Нет, не надо. Какое-то время я хочу побыть дома одна, спасибо. Мне столько всего пришлось пережить. Вы должны проявить понимание... На вашем месте я прямо сейчас поехала бы и арестовала ее брата. Говорю вам, это Гэри. – Погрозив крючковатым пальцем, Эстель с трудом отстегнула ремень безопасности и достала из пакета туфли.

– Миссис Манро, мы пришлем к вам наших сотрудников, они возьмут у вас показания. И еще: необходимо, чтобы кто-нибудь опознал тело, – тихо произнесла Эрика.

– Один раз я уже видела его... таким. Больше не хочу. Попросите ее, попросите Пенни, – отказалась Эстель.

– Хорошо, – промолвила Эрика.

Питерсон вылез из машины и обошел ее, остановившись у дверцы со стороны пассажирского кресла. Он взял у Эстель туфли, обул ее, затем помог ей выбраться из машины и дойти до двери.

– Дело принимает интересный оборот, – тихо заметила Мосс Эрике. – Деньги, недвижимость, война семей – не жди ничего хорошего.

Они смотрели, как Питерсон помогает Эстель подняться на крыльцо. Она открыла дверь и исчезла в доме.

– Что верно, то верно, – согласилась Эрика. – Я, пожалуй, поговорю с Пенни. Да и с этим Гэри Уилмслоу.

Глава 9

Дом, в котором жила Пенни Манро, находился в Шерли, в районе на юго-востоке Лондона, буквально в нескольких милях от того места, где они высадили Эстель. В прошлом муниципальное жилье, теперь это было современное здание с декоративной «каменной» штукатуркой серовато-коричневого цвета и новыми пластиковыми окнами, которые украшали фигурные решетки. Палисадник ухоженный, аккуратно подстриженный газон покрывала, несмотря на засуху, сочно-зеленая трава. В накрытом сеткой небольшом пруду плавали распустившиеся кувшинки. Большая пластмассовая цапля стояла на одной ноге в окружении огромных розовощеких гномов.

Когда они позвонили в дверь, зазвучала электронная мелодия песни «Край надежды и славы»^[23]. Мосс удивленно вскинула брови, глядя на Эрику с Питерсоном. Им долго никто не открывал. Звонок проиграл целый куплет и затих. Дверная ручка повернулась, дверь медленно приотворилась – всего на несколько дюймов. В узкий проем на них застенчиво смотрел крошечный темноволосый мальчик с карими глазами. В его маленьком личике Эрика увидела черты Грегори Манро – глаза, высокий горделивый лоб. Аж жутко стало. Из-за закрытой двери в коридоре орал телевизор.

– Привет, ты Питер? – спросила Эрика. Малыш кивнул. – Здравствуй, Питер. Мама дома?

– Да. Она наверху, плачет, – ответил мальчик.

– О, мне очень жаль. Пожалуйста, узнай у мамы, сможет она с нами поговорить?

Взгляд мальчика заскользил по Эрике, по Мосс и, наконец, остановился на Питерсоне. Он кивнул и, запрокинув голову, пронзительно крикнул:

– Мам, к тебе пришли!

Послышалось звяканье, затем – шум воды, спущенной в унитаз, и на лестнице появилась молодая женщина с красными опухшими глазами. Она была стройная и привлекательная, с белокурыми волосами до плеч и аккуратным острым носиком.

– Пенни Манро? – спросила Эрика. Женщина кивнула. – Здравствуйте. Старший инспектор Фостер. Это – инспекторы

Питерсон и Мосс. Примите наши соболезнования...

Пенни яростно затрясла головой.

– Нет. Он не знает... Я не... – зашептала она, показывая на сына. Тот во весь рот улыбался Питерсону, который, скосив глаза, показывал ему язык.

– Можно побеседовать с вами наедине? – спросила Эрика.

– Я уже имела беседу с полицией.

– Миссис Манро, это очень важно.

Пенни высморкнулась и кивнула, закричав:

– Мама! Маааама! Боже, опять этот телевизор... – Она открыла дверь комнаты, выходящей в коридор, и телевизор завопил громче, так что тонкая рама зеркала, висевшего у дверного проема, задрезжала. Играла музыка к телепередаче «Сегодня утром». Спустя несколько мгновений в дверях гостиной появилась крупная пожилая женщина с облаком взбитых сальных седых волос на голове и комичными очками в толстой оправе. На ней был странный зеленый наряд – то ли мужской, то ли женский: зеленый джемпер и коротковатые брюки. Нижние края штанов топорщились над ее отекавшими лодыжками, раздувавшимися над клетчатыми тапками. Женщина близоруко прищурила глаза под грязными стеклами очков.

– ЧТО ЕЩЕ ИМ НАДО? – заорала она раздраженно.

– НИЧЕГО. ПРОСТО ЗАБЕРИ ПИТЕРА, – крикнула в ответ Пенни.

Пожилая женщина подозрительно покосилась на полицейских и кивнула.

– ПИТИ, ИДЕМ. – Голос у нее был резкий и пронзительный. Питер взял бабушку за пухлую руку и, взглянув еще раз на гостей, исчез вместе с ней в гостиной. Дверь в комнату закрылась, приглушив ор телевизора.

– Мама глухая, живет в своем мире, – объяснила Пенни. На улице затарахтела машина, выпустив выхлопные газы. Пенни вздрогнула, ее затрясло. Вытянув шею, она в обе стороны оглядела улицу, по которой с ревом пронесся старенький красный «фиат». За рулем сидел парень в солнцезащитных очках и без футболки.

– Что вас беспокоило, миссис Манро? – спросила Эрика.

– Ничего... Ничего, – ответила Пенни не очень убедительным тоном. – Проходите на кухню.

Глава 10

Они сидели в тесной душной кухне, заставленной и увешанной декоративными вещами и вычурными полотенцами с рюшами. Окно выходило в сад за домом, где гномов было еще больше, чем в палисаде. Их розовые лица, как у маньяков, вызывали у Эрики дрожь. Наверно, они здесь такие большие потому, предположила она, чтобы мать Пенни не перепутала, кто есть кто.

– Последний раз я говорила с ним... с Грегори... три дня назад, – сообщила Пенни. Она стояла, прислонившись к мойке, с выражением неверия на лице. Закурив сигарету, взяла с подоконника наполненную окурками пепельницу.

– О чем вы говорили? – спросила Эрика.

– Да так. Он собирался во Францию на какую-то конференцию.

– Британской медицинской ассоциации? – подсказала Мосс.

– Он – один из самых авторитетных членов этой организации.

– Он никак не дал знать о том, что благополучно добрался до места. Вас это не удивило? – спросила Эрика.

– Мы разводились. Созванивались только по необходимости... Я позвонила ему, чтобы уточнить, не отменилась ли поездка и остается ли Питер у меня. Мы условились... У нас *была* договоренность, что по субботам он остается у отца.

– Что еще он сказал?

– Ничего особенного.

– Как вы думаете, кто мог убить вашего мужа? Вы подозреваете кого-нибудь?

Глядя в окно, Пенни стряхнула пепел в мойку.

– Нет... Есть люди, с которыми он был в плохих отношениях, но с кем не бывает. Не знаю никого, кто мог ненавидеть его настолько, чтобы проникнуть в дом и... задушить. – Она заплакала. Мосс взяла со стола коробку с салфетками и одну протянула ей.

– Спасибо, – поблагодарила Пенни.

– Дом оборудован системой охранной сигнализации. Когда ее установили? – спросила Эрика.

– Пару лет назад, после того, как сделали пристройку.

– Вы всегда ею пользовались?

– Да. Грегори всегда ставил дом на сигнализацию, когда мы куда-то уходили. Раньше и на ночь тоже ее включал, но, когда Питер научился ходить, несколько раз бывало, что он спускался вниз попить и сигнализация срабатывала, поэтому мы перестали... Но на окна и двери он поставил дополнительные замки.

– Помните название фирмы, которая ставила сигнализацию?

– Нет. Этим Грег занимался. Как... тот, кто это сделал... проник в дом?

– Как раз это мы и пытаемся выяснить, – ответила Эрика. – Можно узнать, почему вы с Грегори расстались?

– Я стала вызывать у него отторжение. Ему все во мне не нравилось: как я одеваюсь, разговариваю, общаюсь с людьми. Он обвинил меня в том, что я слишком много кокетничаю с мужчинами в магазинах; презирал моих друзей, считая, что они не заслуживают уважения. Пытался разлучить меня с мамой. Зато его мама всегда желанна, всегда на первом месте. И еще он не ладил с моим братом, Гэри...

– Он проявлял агрессию?

– Гэри не был агрессивен, – ответила Пенни, пожалуй, слишком быстро.

– Я имела в виду Грегори, – поправилась Эрика.

Мосс с Питерсоном переглянулись, что не укрылось от взгляда Пенни.

– Простите, я сама не своя. Нет. Грегори не был агрессивен. Он бывал страшен в гневе, это да, но меня никогда не бил... Я не дура. У нас не всегда были плохие отношения. Когда мы познакомились, он считал, что я для него глоток свежего воздуха – волнующая, немного болтливая, смешная.

Эрика посмотрела на Пенни и поняла, чем та привлекает мужчин: она была миловидной и простой.

– А такие девушки мужчинам нужны только для веселого времяпрепровождения, – продолжала Пенни. – Когда мы поженились, он думал, что я изменюсь. Я – его жена, его представитель, говорил он. Я представляю его в обществе! Но я не собиралась становиться такой женой. Думаю, он понял это уже потом....

– А что мать Грегори?

– О, это долгая история. Их отношения – это нечто, «Царь Эдип» по сравнению – просто мыльная опера. Она сразу меня возненавидела. Это ведь она его обнаружила, да?

Эрика кивнула.

Пенни нахмурилась.

– А мне даже не позвонила. Я узнала, когда к нам пришел полицейский. Это многое о ней говорит, да?

– Ей было не до вас, – возразила Мосс. – Она находилась в состоянии шока, ее забрали в больницу.

– Она говорила, что между Грегори и вашим братом, Гэри, произошла ссора, – сказал Питерсон.

При упоминании Гэри Пенни на мгновение замерла.

– Просто повздорили. Обычный семейный скандал, – быстро произнесла она.

– Она сказала, что они подрались.

– Да, мальчишки – они и есть мальчишки, – вздохнула Пенни.

– Но они не мальчишки, а взрослые люди. Ваш брат и раньше имел проблемы с полицией, – добавил Питерсон.

У Пенни забегали глазки. Она быстро переводила взгляд с одного офицера на другого. Потом затушила сигарету в пепельнице, полной старых окурков.

– Мой брат находится на пробации[24] за нападение на одного типа в Нью-Кроссе, – стала объяснять она, закурив снова и выпуская в потолок сигаретный дым, а затем опять затушила недокуренную сигарету. – Он работает вышибалой в одном клубе. Тот тип перебрал наркотиков, вообще ничего не соображал, так что это была самооборона. Но Гэри немного переусердствовал. В это дело вы его не втягивайте. Мой брат – не святой, я знаю, но к этому он вообще не имеет отношения, вы слышите?

– Поэтому вы так занервничали, когда мы стояли у двери? Думали, это Гэри? – спросила Эрика.

– Послушайте, что вам здесь нужно? – Пенни прищурилась, скрестив на груди руки. – Ко мне уже приходил полицейский, обо всем расспрашивал. Лучше бы ловили того типа.

– Мы не говорили, что это был тип, – заметила Мосс.

– Не умничайте. Сами знаете, что большинство убийц – мужчины, – заявила Пенни.

Эрика многозначительно посмотрела на Мосс: она видела, что Пенни от них закрывается.

– Хорошо, хорошо, миссис Манро. Простите. Вашего брата ни в чем не обвиняют. Мы вынуждены задать эти вопросы, чтобы составить полную картину – это поможет нам поймать убийцу.

Пенни снова закурила.

– Хотите? – предложила она. Мосс и Питерсон покачали головами, но Эрика взяла из пачки одну сигарету. Пенни дала ей прикурить.

– Грегори хотел определить Питера в школу-интернат, – объяснила Пенни. – Отправить из дома, маленького мальчика! Я топнула ногой, сказала «нет». В выходные, накануне того дня, когда он должен был пойти в местную начальную школу, я узнала, что Грегори отказался от нее и записал его в закрытую школу!

– Когда это было?

– На Пасху. Я позвонила Грегори, а он заявил, что Питер пойдет туда с понедельника и я не помешаю ему дать сыну достойное образование. Это было все равно что похищение! И Гэри решил его забрать. Пришел, ворвался в дом. Но он не... Но он не лез в драку, ясно? Там была Эстель. Она запустила в Гэри стеклянной пепельницей, и началось... Но об этом она умолчала, не так ли?

– Значит, вы утверждаете, что вы с Эстель не были в дружеских отношениях?

Пенни с горечью рассмеялась.

– Она – жуткая стерва. Чего только не выдумает, лишь бы найти оправдание поведению сына. Она возненавидела меня с первой же минуты, как только мы начали встречаться... Все испортила: вечеринку по поводу нашей помолвки, свадьбу. Отец Грегори умер, когда он был еще маленький. Грегори у нее единственный ребенок, и потому они очень зависели друг от друга, он и его мама. Как это называется? *Взаимозависимость*. Когда мы только поженились, я надеялась, что сумею завоевать его или хотя бы стать для него самым близким человеком, но она все сделала для того, чтобы я оставалась на вторых ролях. Жалкая я дура, да? Вот слышу себя и понимаю, что говорю как жалкая дура.

Эрика посмотрела на Мосс и Питерсона, сознавая, что она обязана задать еще один важный вопрос.

– Миссис Манро, у вашего мужа были отношения с мужчинами? Простите, что спрашиваю об этом.

– Это вы про что? Про друзей? Друзей у него было мало.

– Я имею в виду сексуальные связи с мужчинами.

Пенни устремила взгляд куда-то между ними. На стене тикали часы. Дверь на кухню внезапно распахнулась, ударившись о стоявший сбоку от нее холодильник, и в комнату ворвался невысокий плотный лысый мужчина в джинсах, футболке и черных ботинках на шнурках. На лбу у него блестела испарина, под мышками и на груди расплывались мокрые пятна. Он принес с собой влажный потный запах агрессии. Лицо его искажала гримаса смятения и ярости.

– Сексуальные связи с мужчинами? Что за черт? – возмутился он.

– Вы Гэри Уилмслоу? – осведомилась Эрика.

– Да. А вы кто такие?

– Сэр, я – старший инспектор Фостер, это – инспектор Мосс и инспектор Питерсон, – представила всех Эрика. Втроем они встали, показывая свои удостоверения.

– Пенни, что здесь происходит, черт возьми?

– Они просто спрашивают про Грега, задают обычные вопросы, – устало произнесла Пенни, словно привыкла утихомиривать брата.

– И вы спрашиваете, был ли он гомиком? – изумился Гэри. – Это все, на что вы способны? Может, Грег и скотина...

– Гэри!

– Но он не гомик. Ясно? – Для пущей убедительности Гэри со всей силы разрубил пальцем воздух.

– Сэр, пожалуйста, подождите за дверью, пока мы не закончим, – начал Питерсон.

– Я вам не «сэр». Не хрен строить из себя вежливых! – огрызнулся Гэри. Он открыл холодильник и, засунув в него голову, буркнул: – *Козел черномазый.*

– Что вы сказали? – спросил Питерсон. Эрика видела, что у него участилось дыхание.

Гэри выпрямился, держа в руке банку пива, и захлопнул дверцу.

– Ничего.

– Я все слышала, – сказала Эрика.

– И я, – подтвердила Мосс. – Вы назвали моего коллегу «черномазым козлом».

– Ничего подобного. А даже если и назвал, это – мой дом. Здесь я что *хочу*, то и говорю. Не нравится, проваливайте к чертям собачьим... И без ордера не приходите.

– Мистер Уилмслоу, мы задаем стандартные вопросы в связи с расследованием убийства... – начала Эрика.

– Ерундой вы занимаетесь. Вместо того чтобы убийцу ловить, сидите тут, мурыжите нас, а у нас в семье, между прочим, горе.

– Позвольте напомнить, что оскорбление сотрудника полиции по расовому признаку – это уголовно наказуемое преступление. – Питерсон подступил к Гэри, глядя ему прямо в глаза.

– Как и убийство. Но если вы намерены применить ко мне силу, я вправе защищаться, потому что я у себя дома.

– ГЭРИ! – крикнула Пенни. – Прекрати. Иди проверь, как там мама с Питером... Сейчас же!

Гэри открыл банку, брызнув пивом в лицо Питерсону. Возникла напряженная пауза, потом Гэри глотнул пива из банки и ушел, хлопнув за собой дверь.

– Простите. Пожалуйста, простите... Он не любит полицию, – проговорила Пенни. Она оторвала кусок от рулона бумажного полотенца и трясущейся рукой подала его Питерсону. Тот вытер лицо.

– Вы готовы продолжить? – спросила Эрика. – Мы почти закончили. – Пенни кивнула. – Мы ведь не просто так спрашиваем. В ящике прикроватной тумбочки в спальне вашего мужа были обнаружены порножурналы для геев.

– Серьезно?

– Да. Нам нужно знать, как они там оказались. Возможно, это ничего не значит, ему просто было любопытно. Но я обязана спросить, известно ли вам что-нибудь о том, что ваш муж был бисексуалом или, поддавшись порыву, искал встреч, или встречался с мужчинами? Это поможет следствию. Если ваш муж вел тайную жизнь, встречаясь с мужчинами или приглашая мужчин...

– Все, хватит, поняла! – резко перебила Эрику Пенни. – Я все поняла! – Она закурила очередную сигарету и выпустила дым, швырнув зажигалку на сушку. Вид у нее был растерянный, словно она никак не могла осмыслить полученную информацию. Пауза затягивалась. Наконец: – Даже не знаю... Однажды... В один из тех редких случаев, когда мы выпили вместе, Грегори завел разговор о

том, чтобы попробовать секс втроем. Мы отдыхали в Греции, чудесно проводили время... Я подумала, он имел в виду себя и еще одну девушку, но он хотел... Он хотел, чтобы к нам присоединился парень.

– Вас это удивило? – спросила Эрика.

– Еще бы! Он всегда был крайне традиционен – обычная поза, все такое.

– А что было потом?

– Ничего. В последний момент он спасовал, сказал, что пошутил, хотел посмотреть, как я отреагирую. – Пенни скрестила руки на груди.

– И как же вы отреагировали на его предложение?

– Ну... Остров был роскошный, отдых прекрасный. Там встречались сексуальные греки. Я подумала, что это может быть прикольно. Такое веселое сумасбродство. Мы никогда не веселились.

– И вас не смутило, что он вам это предложил?

– Нет. Я любила его. Тогда – любила. А он во всем был пуританином, и мне было приятно, что он поделился со мной чем-то таким... – Не выдержав, она расплакалась.

– То есть вы думаете, что ваш муж, возможно, был геем?

– Нет, не думаю. – Пенни подняла голову и сурово посмотрела на Эрику. – У вас все?

– Да, спасибо. Позже мы придем за вами одного из наших сотрудников. Нужно, чтобы вы опознали тело мужа, – сказала Эрика.

Пенни, со слезами на глазах, кивнула и устремила взгляд на безвкусно украшенный садик.

– Если выясните что-то еще про Грега, про то, что он гей... Я не хочу об этом знать. Ясно?

– Да, ясно, – кивнула Эрика.

* * *

Когда они вышли на улицу и направились к своей машине, припаркованной у тротуара, уже нещадно пекло. Они на время оставили дверцы открытыми, чтобы выпустить из салона жар. Эрика, порывшись в сумке, достала телефон и позвонила в отделение Луишем-Роу.

– Крейн, привет. Старший инспектор Фостер. Проверь одного человека, пожалуйста. Гэри Уилмслоу, Херефорд-стрит, 14, Шерли. Все, что у нас есть на него. Это брат Пенни Манро, супруги

погибшего. Также организуй официальный допрос Эстель Манро и прикрепи к ней и Пенни сотрудников по связям с родными[25].

Только они стали садиться в машину, из дома вышел Гэри. Он держал за руку Питера.

– Мистер Уилмслоу. – Эрика вернулась к калитке. – Скажите, пожалуйста, где вы находились в четверг с шести часов вечера до часу ночи?

Гэри подошел к поливочному шлангу, висевшему на кране под окном гостиной, размотал его и дал мальчику.

– Здесь. Смотрел «Игру престолов» с Пенни и мамой, – ответил он.

– Весь вечер?

– Да, весь вечер. У нас есть все сезоны.

Питер взял шланг и направил его на траву, приготовившись поливать, потом поднял голову и широко заулыбался, показывая брешь в зубах. Гэри открыл кран, и струя брызнула на газон.

– И они могут это подтвердить?

– Да. – Он одарил Эрику ледяным взглядом. – Они *могут* это подтвердить.

– Спасибо.

Эрика вернулась к коллегам. Втроем они сели в машину. Она завела мотор, включив кондиционер.

– Между прочим, мы могли бы его арестовать прямо здесь и сейчас. За нарушение запрета на использование шлангов для полива, – заметил Питерсон.

– Да, но шланг-то в руках у ребенка, – указала Мосс.

– Скользкий тип, – удрученно произнес Питерсон.

– Увы, – согласилась Эрика. Они смотрели, как Гэри курит, а Питер поливает траву. Гэри не сводил с них глаз.

– Пока не будем его трогать, – решила Эрика. – Посмотрим, что он станет делать. Он – возможный подозреваемый, но нужна дополнительная информация.

Глава 11

Близился вечер. Сиделка Симона Мэтьюз дежурила в одной из немногочисленных одноместных палат гериатрического отделения лондонской больницы имени королевы Анны. Рядом с ней на больничной койке спала старушка по имени Мэри. Очертания ее тощего тела едва проступали из-под аккуратно подоткнутого под нее синего одеяла. Изможденное лицо желтушного цвета, из дряблого рта вырывается прерывистое дыхание.

Ее часы были сочтены.

Больница имени королевы Анны размещалась в хиреющем здании из красного кирпича, а гериатрическое отделение было местом мрачным и шокирующим. Наблюдать за тем, как люди умственно и физически распадаются на твоих глазах, – суровое испытание для психики. Два дня назад Симоне поручили вечером искупать старика, который до той поры считался образцовым пациентом. Ни с того ни с сего он заехал ей кулаком в лицо. Ее послали на рентген. К счастью, оказалось, что челюсть не сломана. Старшая медсестра велела ей на два дня взять отгулы, чтобы отдохнуть и оправиться от потрясения. Но Симона, стойкая женщина, настояла на том, чтобы выйти на работу уже в следующую смену.

Для Симоны в работе заключался весь смысл жизни, и она хотела быть рядом с Мэри, сидеть подле нее до самого конца. Они ни разу не разговаривали. Мэри лежала в отделении уже десять дней, время от времени впадая в забытие. У нее отказывали внутренние органы, она медленно угасала. Ее не навещали ни друзья, ни родные, но Симона составила представление о ней по ее личным вещам, что хранились в небольшом шкафчике у кровати.

Мэри, в поношенном платье и старых резиновых тапочках, доставили в больницу из супермаркета, где она упала, потеряв сознание. При ней была маленькая черная сумочка, в которой лежали лишь баночка мятных леденцов и проездной на автобус. Правда, во внутреннем кармашке, застегнутом на молнию, Симона еще нашла маленькое измятое черно-белое фото.

Снимок был сделан в каком-то парке солнечным днем. Под деревом на клетчатом пледе сидела красивая молодая женщина в

длинной юбке, собравшейся в сборки вокруг ее ног. Тонкая талия, аккуратная грудь под накрахмаленной белой блузкой... По всему видно, что у нее завидная фигура в форме песочных часов. Хотя фотография была не цветной, Симона предположила, что в молодости Мэри была рыжей – как-то по-особенному блестели на солнце ее длинные волнистые волосы. Рядом с Мэри сидел темноволосый мужчина – симпатичный, волнуемый и на вид опасный. Он щурился на солнце, одной рукой обвивая Мэри за тонкую талию, словно оберегал ее. Надпись на обратной стороне снимка гласила: «С моим любимым Джорджем. Бромли, июнь 1961 г.».

Была еще одна фотография Мэри – на автобусном проездом, – сделанная три года назад. Мэри, на белом фоне, смотрит со страхом в объектив – кролик, пойманный в перекрестье лучей прожекторов: обвислые седые волосы, лицо морщинистое, скукоженное.

«Как жила Мэри в период с 1961 года по 2013-й? – размышляла Симона. – И куда делся этот Джордж?» Насколько она могла судить, их роман не имел счастливого продолжения. Записи в медицинской карте свидетельствовали о том, что Мэри так и не вышла замуж. У нее не было ни детей, ни родственников.

Мэри на койке что-то бессвязно залопотала. Ее впалый рот медленно открылся и закрылся, дыхание на мгновение застопорилось и снова возобновилось в своем прерывистом ритме.

– Все хорошо, Мэри, я здесь, – сказала Симона, беря ее ладонь. Рука у старушки была худая, с дряблой кожей, на которой темнели, похожие на пятна, синяки от постоянных попыток найти вену, когда ей ставили капельницу.

Симона глянула на маленькие серебряные часики, прицепленные спереди на униформе, и увидела, что ее смена подходит к концу. Из шкафчика возле койки она достала щетку для волос и принялась расчесывать Мэри. Начинала от высокого лба и затем, поддерживая голову старушки, водила щеткой по всей длине ее волос. Серебристые пряди переливались в лучах солнца, проникавших в палату через маленькое окно.

Симона расчесывала Мэри, и ей хотелось, чтобы та была ее матерью, чтобы она открыла глаза и сказала, что любит ее. По фотографии Симона видела, что Мэри любила Джорджа, и Симона

была уверена, что она и ее смогла бы любить. По-другому, конечно. Как мать любит дочь.

В памяти промелькнуло лицо матери, и у Симоны задрожали руки так сильно, что она выронила щетку.

«ВОПИЮЩИЙ СЛУЧАЙ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ!» – кричали газетные заголовки. Мать Симоны уехала на отдых, а десятилетнюю дочь оставила дома, пристегнув ее к радиатору в ванной, где девочку и нашла соседка. Соседка и журналист, с которым та связалась, думали, что они спасли Симоне жизнь, но в детском доме жить было еще хуже. Когда мать наконец-то вернулась домой нежданно-негаданно, соседи вызвали полицию, но она успела сбежать до ареста. В тот же вечер она сиганула в холодную Темзу с Тауэрского моста и утонула. Симоне хотелось думать, что мать покончила с собой из чувства вины, но вообще-то это было маловероятно.

Симона подняла щетку и усилием воли расслабила дрожащие руки.

– Ну вот, теперь ты у нас красавица, Мэри. – Она отступила на шаг, восхищаясь своей работой. Тонкие волосы Мэри серебристым веером лежали на накрахмаленной белой подушке. Симона убрала щетку в шкафчик.

– А сейчас я тебе почитаю. – Из своей сумки, что стояла за пластмассовым стулом, на котором она сидела, Симона вытащила местную газету.

Начала она с гороскопа – из медицинской карты Мэри она знала, что та родилась под знаком Льва, затем прочитала свой собственный: знаком Симоны были Весы. Потом она вернулась на первую полосу и стала читать статью про врача из южной части Лондона, который был задушен в своей постели. Закончив, Симона положила газету на колени.

– Мэри, я никогда не понимала мужчин. Я не знаю, о чем думает мой муж, Стэн... Стэн – это сокращенно от Стэнли. Он как закрытая книга. Из-за этого я чувствую себя одинокой. Я рада, что у меня есть ты... Ты ведь меня понимаешь, да?

Мэри продолжала спать. Она была далеко, в том солнечном парке. Сидела на пледе с Джорджем, мужчиной, который разбил ей сердце.

Глава 12

Около шести вечера Эрика, Мосс и Питерсон вернулись в отделение полиции Луишем-Роу и напрямик направились в оперативный отдел, где уже собрались остальные члены следственной группы.

– Итак, Грегори Манро. Непонятная личность, – начала Эрика, обращаясь к своей команде. Она стояла перед демонстрационными досками. – Мать считает его святым; жена характеризует его как крайне закрытого человека, не определившегося со своими сексуальными наклонностями. Мы посетили его клинику, где столкнулись с двумя из его пациентов. У тех о его отношении к больным радикально противоположные мнения... Я полчаса провела на телефоне, беседуя с администратором клиники. Та, узнав, что ее босс умер, отправилась на день в Брайтон – шататься по барам под солнышком. Она проработала с ним пятнадцать лет, но понятия не имела, что он разводится с женой, что та ушла от него три месяца назад.

– То есть он четко разграничивал работу и личную жизнь? – заметил Крейн.

– Можно и так сказать, – согласилась Эрика. – Мы запросили информацию по отзывам и жалобам на него со стороны пациентов. Администратор поначалу уперлась, но я пригрозила ордером, и она сменила тон. Должна все прислать до завтрашнего утра.

Эрика повернулась к демонстрационной доске, на которой теперь появился дополнительный материал. Фото Гэри Уилмслоу. На снимке волос у него на голове чуть больше, взгляд злой, под глазами мешки.

– Итак, пока у нас единственный подозреваемый – шурин жертвы, Гэри Уилмслоу. Мотив есть: он ненавидел Грегори, они несколько раз ссорились. Его сестра унаследует значительное состояние Грегори. Как семья Гэри, Пенни и их мать крепко держатся друг за друга – неразлейвода, если можно так выразиться. Что у нас есть на Гэри?

В комнату вошел старший суперинтендант Марш, и атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Сотрудники приосанились, встрепенулись. Марш присел за длинный стол с принтерами и жестом велел Эрике продолжать.

Поднялся Крейн.

– Итак, Гэри Уилмслоу, тридцати семи лет. Родился в Шерли, на юге Лондона. В настоящее время работает по шестнадцать часов в неделю вышибалой в ночном клубе в Пекаме... Так что еще и пособие по безработице получает[26]. Очаровательный типчик. Послужной список как у участницы конкурса «Мисс Вселенная», – сухо доложил Крейн. Зажав в зубах ручку, он, порывшись на столе, нашел пухлую папку с досье, открыл ее. – Первый раз Уилмслоу предстал перед судом в несовершеннолетнем возрасте, в 1993 году за нападение на старика на автобусной остановке на Низден-Хай-стрит. Старик впал в кому на три дня, но потом пришел в себя и дал показания. За это преступление Гэри три года провел в тюрьме для малолетних преступников Фелтем. В 1999 году его привлекли к суду и признали виновным в нанесении тяжких телесных повреждений и нападении при отягчающих обстоятельствах – отсидел полтора года. Следующий раз он отбыл двухлетний срок, с 2004-го по 2006-й, за торговлю наркотиками. – Крейн листал толстое досье. – В 2006-м загремел на полтора года за избивание человека кием в бильярдной в Сиднэме. В 2008-м его обвинили в изнасиловании, но обвинения были сняты за недостаточностью улик. В прошлом году его снова судили за непредумышленное убийство.

– Это уже когда он стал работать вышибалой? – уточнила Эрика.

– Да, он работает в одном из ночных клубов Пекама – «Н2О» или «Эйч двадцать», как называют его патрульные, – особый объект их ненависти по выходным. Адвокат Гэри Уилмслоу доказал, что его подзащитный действовал в целях самообороны, и Гэри осудили на два года. Через год он вышел по условно-досрочному... Что интересно, адвоката ему нанял не кто иной, как Грегори Манро.

Эрика повернулась к демонстрационной доске, глядя на фото Гэри. Остальные, откинувшись на спинки стульев, тоже молчали, осмысливая информацию.

– Ладно. Мы выяснили, что Гэри Уилмслоу – подонок. Судимостей у него выше крыши. Но он ли убийца? – спросила Эрика, показывая на фотографии с места преступления, на которых Грегори Манро лежал мертвый на кровати: руки привязаны к спинке изголовья, голова под полиэтиленовым пакетом неопределенной формы.

– Гэри Уилмслоу представил нам алиби, – сообщил Крейн.

– Свое алиби пусть в задницу засунет. Они все вместе смотрели дома телевизор! – язвительно произнес Питерсон, едва скрывая свою неприязнь.

– Да, но помните, что он находится на пробации, и Пенни стоит за него горой. Давайте не будем делать скоропалительных выводов, – сказала Эрика.

– Босс! Да вы посмотрите его досье! Он запросто мог убить. Я считаю, что нужно его арестовать.

– Я поняла вас, Питерсон, но это убийство было тщательно спланировано и столь же ювелирно исполнено – ни одной улики. Гэри Уилмслоу – злобный отморозок. – Эрика взяла у Крейна досье и пролиставала его. – Все эти преступления совершены из внезапно возникшей неприязни – в порыве исступленной ярости.

– Наследование денег Грегори – очень серьезный мотив, – не сдавался Питерсон. – Три дома в Лондоне, медицинская практика. А страховку его видели? Грегори Манро наверняка застраховал свою жизнь на кругленькую сумму. К тому же Гэри его ненавидел. А способ проникновения можно было *инсценировать*.

– Хорошо, поняла, – сказала Эрика. – Но для его ареста у нас должно быть больше оснований.

Поднялся констебль Уоррен.

– Да. Что у вас? – спросила Эрика.

– Босс. Из лаборатории пришли дополнительные результаты. Четыре нитки, что сняли с проволочного ограждения в глубине сада... они с одежды черного цвета, хлопок с добавлением лайкры. К сожалению, биологического материала обнаружить не удалось.

– А что за домом? Железная дорога?

– Э... парк, – с запинкой отвечал Уоррен, нервничая из-за того, что Марш, сидя в конце комнаты, молча наблюдал за ходом совещания. – Небольшой. Местные жители разбили семь лет назад. С четверть мили он тянется вдоль железнодорожных путей в сторону центра Лондона, кончается перед железнодорожной станцией у Онок-Оук-роуд... Я уже запросил в компании «Юго-Западные железные дороги» записи с камер видеонаблюдения за тот вечер, когда произошло убийство.

– А какова протяженность парка в противоположном направлении? – спросила Эрика.

– От дома Грегори Манро парк простирается ярдов на сто и там упирается в тупик. Я запросил записи с видеокамер на прилегающих улицах, но несколько из них давно отключили.

– В целях экономии, очевидно? – предположила Эрика.

– Э... – замычал констебль Уоррен, – я точно не знаю...

– Вот не пойму, почему эти идиоты в правительстве решили, что отключение камер видеонаблюдения каким-то образом поможет сэкономить деньги... – начала Эрика.

– Старший инспектор Фостер, – перебил ее Марш, – камеры отключают не только здесь – по всему Лондону. В столице тысячи камер. У правительства просто не хватает ресурсов на то, чтобы все их обслуживать.

– Да, полтора года назад, когда мы пытались выследить убийцу, эти же камеры тоже не работали. Если бы мы имели доступ к записи хотя бы с одной из них, полиции это сэкономило массу денег и времени...

– Я вас понимаю, но здесь не место для обсуждения данной проблемы, – заметил Марш. – Продолжайте, пожалуйста.

Возникла неловкая пауза. Полицейские смотрели в пол.

– Ладно. Достаньте все записи, какие можно. Посмотрите, не засветился ли на них кто-то подозрительный. Нужна любая информация: рост, вес... Прибыл на поезде, на велосипеде, на автобусе, на машине...

– Слушаюсь, босс, – сказал констебль Уоррен.

– Что с поквартирным опросом? Удалось достать выписки с банковских счетов и информацию с телефона жертвы? – спросила Эрика.

Поднялась констебль Сингх.

– Многие из тех, кто живет на Лорел-роуд, сейчас находятся в отпусках, многих в вечер убийства не было дома. В такую погоду народ после работы идет в парки и пабы, гуляет допоздна. Соседи Грегори Манро из домов, что стоят по обе стороны от его дома, до выходных на отдыхе.

– Значит, никто ничего не видел? – нетерпеливо произнесла Эрика.

– Э... нет.

– Проклятье. Что еще?

– Годовая зарплата Грегори Манро составляла £200 000. Отчасти благодаря тому, что он руководил одной из крупнейших и прибыльных клиник широкого профиля в южной части Англии. Долгов нет, не считая закладной на восемьдесят тысяч на дом, где он жил на Лорел-роуд. Ему также принадлежат дом в районе Нью-Кросс-Гейт, который он сдает студентам, и дом в Шерли, где сейчас живет Пенни Манро. В распечатках с его телефона все довольно прозрачно, ничего необычного. Как и показала его жена, он действительно звонил ей три дня назад, накануне своего запланированного отъезда. По документам все сходится. Он действительно собирался лететь в Ниццу на конференцию БМА.

– Он зарегистрирован на каком-нибудь сайте или в приложении для геев?

– Месяц назад он загрузил «Грайндр»^[27] – мы нашли это приложение в его телефоне, – но профиль свой не завел.

– Что с его адвокатом? С тем, что занимается разводом?

– Я оставила ему несколько сообщений, но он пока не откликнулся.

– Хорошо, не оставляйте попыток связаться с ним.

– Слушаюсь, босс. – Сингх, расстроенная, села на место.

Члены следственной группы смотрели, как Эрика вышагивает перед демонстрационными досками.

– Это Гэри Уилмслоу, босс. Думаю, хочешь не хочешь, а мы должны его арестовать, – настаивал Питерсон.

– Нет. Он – подонок, не спорю, но это недостаточное основание для ареста.

– Босс!

– Нет, Питерсон. Если и когда мы его арестуем, я хочу быть уверена, что у нас есть веские доказательства для обоснования его задержания, ясно?

Питерсон откинулся на спинку стула, качая головой.

– Сколько угодно можете качать головой. Но не позволяйте чувствам влиять на ваше суждение. Когда придет время – если оно придет, – мы его возьмем. Ясно?

Питерсон кивнул.

– Вот и отлично. Так, у кого-нибудь еще что-то есть для меня?

Молчание. Эрика глянула на часы.

– Ладно... Давайте займемся Гэри Уилмслоу, но без предубеждения. Свяжитесь с его работодателем, покопайте. Пообщайтесь с осведомителями.

В оперативном отделе мгновенно поднялся гомон. К Эрике подошел Марш.

– Эрика, когда закончите здесь, у вас найдется время поговорить?

– Да, думаю, мы пробудем здесь еще несколько часов, сэр.

– Не дергайтесь. Когда освободитесь, скажите. Выпьем кофе. – Марш направился к выходу.

– *Дважды* за день угощать меня кофе? – с подозрительностью пробормотала себе под нос Эрика. – Что бы это значило?

Глава 13

К удивлению Эрики, Марш повел ее в кафе, специализировавшееся на йогуртовом мороженом. Оно находилось недалеко от отделения Луишем-Роу, открылось несколько дней назад, и народу там было много.

– Я обещал Марси посмотреть, что это за место, – объяснил Марш, вместе с Эрикой вставая в очередь. Интерьер кафе был оформлен в кричащих ярких розово-желтых красках.

– Подбодрить меня хотите? Или показываете, что полиция экономит не на всем? – пошутила Эрика.

– Мой кабинет под самой крышей. Мне нужно охладиться, – ответил Марш. Они дошли до молодой продавщицы, стоявшей перед гудящим раздаточным устройством, и Марш заказал себе и Эрике большие порции. Девушка дала им по бумажному стакану с йогуртовым мороженым, и они перешли к прилавку самообслуживания, заставленному тарелочками со сладостями, фруктами и шоколадом. Марш с серьезным видом принялся рассматривать ассортимент и в конце концов выбрал «мармеладных мишек». Эрика, подавив улыбку, взяла салат из свежих фруктов.

– Как устроились в новой квартире? – любопытствовал Марш, когда они нашли два свободных местечка у большого окна и взгромоздились на высокие табуреты. В зале стоял оживленный гул. Мимо по дороге ползли машины, на солнце мерцал плавящийся от жары асфальт. Из вестибюля железнодорожной станции, что находилась на другой стороне улицы, высыпали пассажиры.

– Я уже полгода там живу. Тихое место, мне нравится, – ответила Эрика, кладя в рот ложку холодного йогурта.

– Не думали о том, чтобы купить жилье в Лондоне? – спросил Марш.

– Не знаю. Вроде бы уже привыкаю здесь и на работе тоже, но цены бешеные. Ведь здесь даже самая вшивая дыра стоит двести штук.

– Снимая квартиру, вы бросаете деньги на ветер, а цены так и будут расти, Эрика. Если намерены приобрести здесь жилье, не тяните. У вас в Манчестере есть дом. Выпроваживайте своих жильцов и

продавайте. Займите свою нишу в здешней иерархии собственников жилья.

– Вы по вопросам недвижимости тоже консультируете? – улыbnулась Эрика.

Марш не рассмеялся. Он сунул в рот очередную ложку мороженого. В чашке мерцали на солнце разноцветные «мармеладные мишки».

– Гэри Уилмслоу трогать не надо, – сказал Марш, внезапно меняя тему разговора.

– Вы же присутствовали на совещании в оперативном отделе, сэр, – удивилась Эрика. – Я не собираюсь преследовать его, пока у нас нет неопровержимых доказательств.

– Не трогайте его. Вообще. Он неприкосновенен. – Марш чуть опустил голову, глядя на Эрику поверх солнцезащитных очков.

– Можно узнать, почему, сэр?

– Нет. Я ваш начальник и отдаю вам приказ.

– Вы же знаете, со мной такие номера не проходят. Оставьте меня в темноте, и я обязательно отыщу выключатель.

Марш сунул в рот еще одну большую ложку мороженого и подержал немного, прежде чем проглотить. Потом снял очки и положил их на стол.

– Господи. Ну хорошо. Слышали про операцию «Хемслоу»?

– Нет.

– Операция «Хемслоу» направлена на борьбу с известными нам лицами, которые занимаются финансированием и распространением детской порнографии. Гэри Уилмслоу – одно из звеньев порнопедофильной цепи, и дело у них поставлено с размахом: распространение цифровых записей через веб-сайты, в меньшей степени – изготовление DVD. Последние восемь месяцев мы следим за ним, но он скользкий тип. Последние пять недель он постоянно находится под нашим наблюдением 24 часа в сутки.

– И вам нужно, чтобы он оставался на свободе и делал свое дело, чтобы взять его с поличным?

– Правильно мыслите.

– Но Питер – его племянник! Он живет с ним под одной крышей!

– Все нормально. Мы уверены, сам Уилмслоу не занимается поставкой детей для видео.

– Вы уверены?

– На сто процентов.

– Боже, – промолвила Эрика, отодвигая от себя мороженое.

– Я доверил вам секретную информацию, Эрика. Надеюсь, дальше вас это никуда не пойдет.

– Хорошо, хорошо. Но нельзя ли как-то убрать оттуда Питера, да и Пенни тоже?

– Вы знаете, что в таких случаях мы стараемся свести риск до минимума при обеспечении безопасности, но у нас пока мало конкретных фактов, которые дали бы основание взять Питера под опеку. Как я уже сказал, Гэри находится под круглосуточным наблюдением. Мы будем знать, если он заберет ребенка.

– То есть, раз Гэри находится под наблюдением, вы точно знаете, что он не убивал Грегори Манро?

– Да. Его алиби подтверждается. Он весь вечер сидел дома.

– И вы уверены, что Гэри Уилмслоу не имеет отношения к убийству Грегори Манро, и оно никак не связано с операцией «Хемслоу»?

– Абсолютно. Грегори Манро вообще никогда не всплывал на нашем горизонте. Надеюсь, вы найдете способ увести свою команду в другом направлении. На вашем месте я рассматривал бы версию ненависти к гомосексуалистам. Слили бы это дело одной из следственных групп, которые занимаются расследованием убийств на сексуальной почве.

– Кто вам сказал, что убийство Грегори Манро совершено на сексуальной почве? Пока что у нас только косвенные улики.

– Но этими косвенными уликами вполне можно воспользоваться, Эрика. Конечно, вам решать, но вы оказали бы себе услугу, если бы сбагрили это дело.

– По-моему, у них своих забот хватает, сэр.

– А у кого их мало? – Марш выскреб из чашки остатки мороженого.

– В общем, пришли к тому, с чего начали. – С минуту Эрика сидела в угрюмом молчании, наблюдая за прохожими, что шли мимо окна. Все они казались счастливыми, радуясь солнечному дню.

– Кстати, появилась вакансия суперинтенданта, – сообщил Марш, проглотив мороженое.

Эрика снова обратила на него взгляд.

– Надеюсь, сэр, вы подадите на повышение мою кандидатуру, если уже не подали? Засиделась я в старших инспекторах, и я заслуживаю...

– Пойдите, пойдите, вы ведь даже не знаете, где это, – заметил Марш.

– Мне все равно, где.

– Вы же только что сказали, что уже привыкли жить здесь!

– Привыкла, но в последнее время у меня такое ощущение, что про меня забыли. В прошлом году была должность суперинтенданта, ее отдали другому, и вы не...

– Я считал, что вы еще не готовы.

– И что дает вам право принимать такое решение, Пол? – вспыхнула Эрика.

Брови Марша взвились над темными очками.

– Эрика, вы тогда только-только вернулись на службу после тяжелого ранения, перенесли сложную операцию, не говоря уже про психологическую травму...

– А еще я успешно вычислила преступника, совершившего четыре убийства, и на блюде преподнесла столичной полиции главаря румынской банды, нелегально поставлявшей в Англию проституток из Восточной Европы!

– Эрика, никто вас не поддерживает так, как я, но надо овладеть навыками тактического лавирования. Для продвижения по служебной лестнице в полиции недостаточно быть гениальным сыщиком – нужно еще обладать служебным чутьем. Было бы неплохо, если бы вы наладили отношения с помощником комиссара Оукли.

– Моих достижений должно быть достаточно. У меня нет ни времени, ни желания лизать задницы начальству.

– Да не надо ничего лизать. Просто будьте немного... покладистее.

– Так где освобождается должность суперинтенданта?

– Здесь, в столичной полиции, в Скотленд-Ярде, в Отделе расследования нераскрытых преступлений.

– Так вы выдвинете меня, да? – настаивала Эрика.

– Да.

Эрика пристально посмотрела на Марша.

– Я *подам* вашу кандидатуру, – повторил он.

– Спасибо. Значит, у меня тем более есть основания не трогать Гэри Уилмслоу?

– Да. – Марш постучал ложкой в пустой чашке. – Хотя из эгоистических соображений мне жалко вас терять.

– Уверена, вы это переживете, – криво усмехнулась Эрика.

У Марша в кармане зазвонил телефон. Он вытер рот, достал аппарат. Когда ответил, сразу стало ясно, что ему звонит жена, Марси.

– Черт, – выругался он, положив трубку. – Совсем потерял счет времени. Сегодня мы планировали провести вечер вдвоем. Мама Марси забрала детей.

– Понятно. Марси привет. Мне тоже пора бежать, – солгала Эрика.

– Ладно, завтра состыкуемся, – сказал Марш. Эрика смотрела, как он вышел из кафе и остановил ехавшее мимо такси. Не отнимая телефона от уха, Марш сел в машину, и такси тронулось с места.

Люди вокруг наслаждались солнечной погодой, гуляя парами или в компании друзей. Эрика положила в рот большую ложку йогуртового мороженого и задумалась. Интересно, Марш специально ляпнул про повышение, чтобы задобрить ее, или его обещание было искренним? Она вспомнила дело Грегори Манро и про то, что она вернулась к тому, с чего начала.

– Черт! – громко произнесла Эрика.

Две девушки, сидевшие рядом у окна, переглянулись и, взяв свои стаканы с мороженым, перешли за другой столик.

Глава 14

СОВА: Привет, Герцог.

ГЕРЦОГ: Слава богу. Ты долго молчала. Я уж стал волноваться.

СОВА: Волноваться?

ГЕРЦОГ: Да. Ты не появлялась в Сети. Я подумал, что тебя...

СОВА: Что?

ГЕРЦОГ: Сама знаешь. Не хочу печатать.

СОВА: Арестовали?

ГЕРЦОГ: Будь осторожна.

СОВА: У нас криптографическая защита. Непрошибаемая.

ГЕРЦОГ: Никогда не знаешь, кто за тобой наблюдает.

СОВА: У тебя паранойя.

ГЕРЦОГ: Это еще не самое страшное.

СОВА: Что ты имеешь в виду?

ГЕРЦОГ: Ничего. Просто соблюдаю осторожность. И тебе советую.

СОВА: Я слежу за новостями, просматриваю газеты. Им ничего неизвестно.

ГЕРЦОГ: Будем надеяться, что они не догадаются.

СОВА: Хочу еще одного убрать.

ГЕРЦОГ: Уже?

СОВА: Да. Времени мало. Я уже веду наблюдение за следующим в своем списке. Скоро приступлю к исполнению.

ГЕРЦОГ: Уверена?

СОВА: На все сто. Организуешь кое-что для меня?

Герцог молчал. На экране запузырелись точки, выстраивавшиеся в запись: ГЕРЦОГ печатает...» Вскоре запись исчезла.

СОВА: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ: Да, сделаю.

СОВА: Отлично. Буду ждать. Этот опомниться не успеет.

Глава 15

Когда Эрика вышла из душа, уже сгущались сумерки. Завернувшись в полотенце, она босиком прошлепала в спальню и включила свет. Она снимала небольшую квартиру на первом этаже старого жилого дома в Форест-Хилл, стоявшего на зеленой улице чуть в стороне от центральной дороги. Эрика жила здесь уже полгода, но квартира по-прежнему оставалась голой, словно она только что переехала. В чистой спальне царила спартанская обстановка.

Эрика прошла к комоду, над которым висело зеркало в золоченой раме, и глянула на свое отражение. Лицо, смотревшее на нее, не дышало уверенностью. Короткие светлые волосы с проседью всклокочены. В молодости Эрика никогда не переживала за свою внешность. Природа наградила ее привлекательным славянским лицом с высокими скулами, гладкой кожей и миндалевидными зелеными глазами. Но теперь в уголках этих самых глаз собирались морщинки, да и на лбу морщин было много, а кожа лица утратила упругость.

Эрика перевела взгляд на стоявшую у зеркала фотографию в рамке, с которой ей улыбался красивый темноволосый мужчина – ее покойный муж Марк. Ей казалось, она никогда не свыкнется с мыслью, что его больше нет. Горе усугубляло чувство вины – ответственность за его гибель лежала на ней, – по нескольку раз на день пронзавшее ее сердце. Неожиданностью для Эрики стало ее отношение к старению. В ее восприятии каждый минувший год еще больше отдалял их друг от друга. В ее воспоминаниях, на фотографиях Марк оставался таким, каким был до смерти. Она с течением времени превратится в старуху, а Марк всегда будет молодым и красивым.

Несколько дней назад по дороге на работу она услышала по радио песню «Вечно молодые» в исполнении группы «Альфавиль»[\[28\]](#). Ей пришлось остановить машину, чтобы совладать со своими эмоциями.

Эрика провела пальцами по рамке с фотографией, потом – по линиям волевого подбородка Марка, его носа, теплых карих глаз. Взяла фото, подержала в руке, ощущая тяжесть рамки. Выдвинув верхний ящик комода, она глянула на аккуратно сложенное нижнее белье, затем приподняла одну стопку, намереваясь положить под нее снимок. Пару секунд помедлила и убрала руку. Ящик задвинула, а

фото в рамке снова поставила на полированную деревянную поверхность.

Через пару недель исполнится два года со дня смерти Марка. Из глаза выкатилась слеза, с тихим шлепком упавшая на комод. Эрика не была готова отпустить его. Ее страшило, что однажды такой день настанет.

Она отерла лицо и прошла в гостиную. Как и спальня, эта комната была чистая и функциональная. Диван, журнальный столик, перед ними – небольшой телевизор. Книжные полки вдоль стены по левую сторону от окон, выходящих во внутренний дворик. На подоконниках – рекламные листки кафе, отпускающих обеды на дом, телефонные справочники и роман «Пятьдесят оттенков серого» в мягкой обложке, забытый предыдущим жильцом. На диване лежали открытые папки с копиями досье Гэри Уилмслоу и материалами дела по убийству Грегори Манро, на журнальном столике светился экран ноутбука. Чем больше она читала о Гэри Уилмслоу, тем больше досадовала и раздражалась. Питерсон был прав: у Гэри был веский мотив для убийства Грегори Манро, а ей вот теперь велено оставить его в покое.

Эрика взяла сигареты и открыла дверь, что вела во двор. Луна освещала небольшой общий садик – квадратик ухоженного газона с силуэтом яблони на дальнем краю. Соседи, как и она, работали с утра до вечера и жили замкнуто. Эрика вытащила из пачки сигарету и запрокинула голову, проверяя, горит ли свет в верхних окнах. От кирпичной стены, поднимавшейся вверх на четыре этажа, прямо в лицо ей веяло жаром. Закуривая, она помедлила, обратив внимание на большую белую коробку на стене с красной маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ».

Что-то сверкнуло в глубине сознания. Эрика поспешила в дом. Зажав меж зубами сигарету, она схватила папку с материалами дела Грегори Манро и принялась листать ее, пропуская свидетельские показания и фотографии. Зазвонил телефон. Она ответила, подбородком подпирая телефон у уха, чтобы не занимать руку, и продолжала рыться в папке.

– Привет, Эрика, это я, – зазвучал в трубке голос Айзека.

– Да? – рассеянно отозвалась Эрика. Сейчас ей было не до разговоров по телефону – ее больше интересовали материалы дела. – Что-то новое по убийству Грегори Манро?

– Нет, я не по работе. Просто хотел извиниться за вчерашний вечер... Конечно, я должен был предупредить, что на ужине будет Стивен. Знаю, я тебя пригласил, и ты подумала...

– Айзек, твоя личная жизнь – это твое дело, – машинально перебила его Эрика. Она толком и не вникала в разговор, продолжая просматривать снимки комнат в доме Грегори Манро. Крупным планом кухня, еда на столе... Она *знала*, что на одном из фото заметила что-то, но что именно, никак не могла сообразить.

– Да, но я хотел бы загладить вину, – сказал Айзек. – Придешь на ужин в четверг?

Эрика перевернула страницу и замерла, рассматривая снимок.

– Ты слушаешь? – спросил Айзек.

– Да... Да, с удовольствием. Мне пора. – Не дожидаясь ответа от Айзека, Эрика повесила трубку и кинулась в спальню одеваться.

Глава 16

Айзек разговаривал с Эрикой, стоя у кровати. Когда в трубке зазвучали гудки, он сел и с минуту смотрел на телефон.

– Бросила трубку. Ну, может, и не бросила, но как-то резко оборвала разговор, – сказал он.

Стивен, лежа рядом, работал на своем ноутбуке.

– Я же говорил: синий чулок, – отозвался он, продолжая печатать.

Айзек наблюдал, как на светящемся экране одно за другим струятся слова.

– Ты несправедлив, Стиви. Она – несчастная женщина. Все еще скорбит по мужу, мучается чувством вины за его смерть. К тому же она работает не в той среде, которая располагает к проявлению чувств.

– Предсказуемо. Банально. Пережившая трагедию женщина-полицейский не видит никого и ничего, кроме своей работы, – прокомментировал Стивен, продолжая печатать.

– Ты слишком суров, Стиви.

– *Жизнь* сурова.

– А как же книги, что ты пишешь? Твой старший инспектор Бартоломью тоже с прибабахом.

Стивен поднял голову от экрана.

– Да, но старший инспектор Бартоломью далеко не банален. Он куда более многослойная личность, чем как ее там...

– Эрика.

– Он – антигерой. Меня хвалят за то, что я создал столь оригинальный образ порочного гения. Я, черт возьми, на «Кинжал»[\[29\]](#) номинирован!

– Стиви, я тебя не критикую.

– Не приплетай к моей работе свою несчастную подругу-сыщицу.

Последовало неловкое молчание. Айзек принялся собирать обертки от шоколадных конфет, валявшиеся на одеяле вокруг Стивена.

– Я хочу, чтобы ты узнал ее получше, – произнес Айзек. – Вне работы она совсем другая. Я хочу, чтобы вы подружились. Ты ведь слышал, что я пригласил ее на ужин.

– Айзек, меня сроки поджимают. Вот сдам книгу, тогда, конечно, наверно, я мог бы выпить с ней кофе, – ответил Стивен, стуча по

клавиатуре. – Прошлый раз она не очень-то приветлива была со мной. Это она должна сделать шаг навстречу, а не я.

Айзек кивнул, глядя на красивое лицо Стивена и его обнаженный торс. Кожа у него была безупречно гладкая. Мерцала в мягком сиянии, отбрасываемом светящимся экраном ноутбука. В глубине души Айзек понимал, что он одержим Стивеном, и что эта одержимость губительна и опасна, но без Стивена ему было невыносимо. Невыносимо просыпаться по утрам и видеть рядом с собой в постели пустое место.

Стивен, печатая, морщил лоб.

– Чем ты занят, Стиви?

– Провожу кое-какие изыскания. Сижусь в чате, обсуждая способы самоубийства. – Он поднял глаза на Айзека. – Не волнуйся. Я просто собираю материал для новой книги.

– Народ в соцсетях обсуждает способы самоубийства? – Айзек приковался взглядом к экрану, сминая в комочек обертки от шоколада.

– Да. В Интернете есть чаты, посвященные всем мыслимым и немыслимым причудам и фетишам, хотя самоубийство – не обязательно фетишизм. Здесь люди на полном серьезе обсуждают, как лучше свести счеты с жизнью – самые надежные способы, чтобы никто и ничто не могло помешать. Вот послушай...

– Не хочу, – отказался Айзек. – Я видел слишком много самоубийц: передозировки, повешение, перерезанные вены, отравления бог знает чем. Самые жуткие – прыгуны. На прошлой неделе возился с девочкой-подростком, нырнувшей с эстакады Хаммерсмит. Она ударилась об асфальт с такой силой, что челюсть вдавилась в мозг.

– Боже, – протянул Стивен, снова посмотрев на него. – Можно я это использую?

– Что?

– Отличная история. Я мог бы использовать ее в своей книге.

– Нет! – Айзек почувствовал себя уязвленным.

Стивен снова застучал по клавиатуре.

– Да, и не заглядывай в мою историю поиска в *Google*. Там полно вопросов типа: «За какое время кожа истлевает, если труп похоронен в свинцовом гробу?»

– Я и так мог бы тебе сказать.

– Ты только что заявил, что не желаешь говорить о работе!

– Помочь я могу. Я не сказал, что не буду помогать. Просто не хочу говорить об этом *сейчас*.

Вздыхнув, Стивен положил ноутбук на прикроватную тумбочку.

– Пойду перекурю. – Он взял сигареты и направился к балконной двери.

– Если идешь на балкон, надень что-нибудь, – бросил ему вслед Айзек, глядя на узкие черные плавки, что были на Стивене.

– Зачем? Уже поздно. И темно.

– Затем... Это Блэкхит. Мои соседи – уважаемые люди. – Здесь он немного покривил душой. Недавно рядом поселился парень, который, как подозревал Айзек, был гей. Он страшно боялся, что его сосед и Стивен познакомятся. В конце концов Стивен раз уже бросал его.

– Внешне, может, и уважаемые. А кто знает, что происходит за закрытыми дверями? – поддразнивающим тоном произнес Стивен.

– Прошу тебя... – Айзек попытался его обнять, но Стивен, закатив глаза, увернулся и натянул на себя футболку. Сунув в зубы сигарету, он пошел на балкон. Айзек провожал его взглядом, любясь высокой атлетичной фигурой Стивена, его упругими ягодицами, обтянутыми плавками, его капризными губами, из которых свисала сигарета.

Как профессионал Айзек не имел себе равных: высококвалифицированный судмедэксперт, он сделал блестящую карьеру. Он досконально знал свое ремесло и руководствовался только собственным мнением. Однако в личной жизни Айзек был абсолютно беспомощен. Стивен Линли перевернул его мир вверх тормашками. Стивен задавал тон в их отношениях и манипулировал его чувствами. Айзека это одновременно волновало и нервировало.

Он взял ноутбук Стивена. На экране участники чата вели активную переписку. Он минимизировал окно сайта, и на экране появился текст нового романа, над которым работал Стивен. В книгах Стивена властвовала мрачная атмосфера жестокости. Читать их было неприятно, но Айзека влекло к ним, и ему стыдно было признать, что его воображение волнуют зло и насилие и то, как Стивену удается проникать в темные закоулки сознания серийных убийц с садистскими наклонностями.

Он уже хотел приступить к чтению, но потом опомнился: ведь он обещал не читать роман, пока тот не будет закончен. Айзек положил ноутбук на место и пошел на балкон, как верный пес, скучающий по хозяину.

Глава 17

На Лорел-роуд было тихо и спокойно. Эрика вставила ключ в замок входной двери дома Грегори Манро и сорвала с нее печать. Она повернула ключ, толкнула дверь, содрав остатки липкой печати, и ступила в прихожую. Послышалось тревожное пиканье, и она увидела светящуюся в темноте панель системы охранной сигнализации.

– Черт, – пробормотала Эрика. Она не предвидела, что криминалисты после осмотра снова поставят дом на сигнализацию. Эрика смотрела на панель, зная, что в запасе у нее всего несколько секунд: потом будут оповещены полицейские, начнется отвлекающая от дел бумажная волокита, ей придется объяснять свое присутствие в доме жертвы. Она набрала комбинацию цифр «4291», и пиканье прекратилось. Это был дежурный код, который часто использовали, сдавая на охрану дом, в котором было совершено преступление. Конечно, это было рискованно, зато полиция сэкономила целое состояние на штрафах за ложные вызовы службы охраны.

В доме стояла удушающая жара, в темноте все еще витал едва ощутимый гнилостный трупный запах от тела Грегори Манро. Эрика щелкнула выключателем, и прихожую озарил свет, едва добивавший до лестницы, поднимавшейся в темноту. Интересно, подумалось ей, что почувствовал бы здесь человек, который не знает, что это – место преступления? Ей самой казалось, что в доме по-прежнему живет дух насилия.

Она прошла мимо лестницы в кухню, включила свет. Нашла то, что увидела на фото: пробковую доску возле холодильника, на которую были прикреплены меню из нескольких ресторанов, отпускающих еду на дом, написанный от руки список покупок и рекламный листок некой охранной компании: «ДОМ ПОД ОХРАНОЙ».

Эрика сняла листок с пробковой доски. Дизайн был профессиональный, но использовалась бумага для печати на обычном струйном принтере. На черном фоне – название фирмы, исполненное красным цветом: «Дом под охраной». Буква «о» постепенно трансформировалась в образ свирепой немецкой овчарки. Под названием – номер телефона и адрес электронной почты. Эрика

перевернула листок. На обратной стороне внизу синей шариковой ручкой была сделана надпись: МАЙК, 21 ИЮНЯ, 18.30.

Эрика вытащила свой мобильный и набрала номер, указанный на рекламном листке. Сначала в трубке было глухо, потом раздался пронзительный гудок и следом автоответчик сообщил ей, что данный номер больше не обслуживается. Эрика прошла к большой раздвижной стеклянной двери в глубине дома и открыла ее, подергав ручку туда-сюда. Дверь с шумом раздвинулась. Эрика шагнула на террасу. На задней стене дома над стеклом висела белая коробочка с красной маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ» – такая же, как на стене дома, в котором она снимала квартиру.

Эрика вернулась в дом и позвонила Крейну. Когда он ответил, его голос звучал на фоне орущего телевизора.

– Прошу прощения за поздний звонок. Это старший инспектор Фостер. Вы можете говорить? – спросила она.

– Подождите минутку, – послышался шорох, и затем ор телевизора удалился.

– Простите. Я вас с постели подняла, Крейн?

– Нет, все нормально. Вы как раз вовремя – спасли меня от «Настоящих домохозяек Беверли-Хиллз». Карен, подружка моя, это шоу обожает, а я и так на работе целыми днями имею дело с агрессией. Мне совершенно не улыбается по возвращении домой смотреть, как бесятся какие-то чокнутые домохозяйки. Так чем обязан, босс?

– Я по поводу Грегори Манро. Я просматривала распечатки с его телефона и обратила внимание, что 19 июня он звонил в некую фирму по обслуживанию систем охранной сигнализации – «Дом под охраной».

– Подождите, сейчас включу компьютер. Ну да, точно, «Дом под охраной». Один из номеров, которые я проверял сегодня утром.

– И что?

– Оставил сообщение на их автоответчике, потом какой-то парень перезвонил и подтвердил, что некто по имени Майк приходил к Манро по заявке. Проверил систему. Все датчики и сигнальные устройства были в норме, работали исправно.

– Как вам этот парень по голосу?

– Да вроде нормальный. Гнусавил малость, знаете, как это делают спесивые умники. А что?

– Я сейчас звонила по этому номеру. Его не существует. Отключили, – объяснила Эрика.

– Что? – Эрика услышала, как Крейн застучал по клавиатуре, потом до нее донеслось звонкое «бип».

– Я только что послал сообщение на электронный адрес, что указан в рекламе. Оно вернулось. Ошибка подсистемы доставки почты. Сообщение не может быть доставлено, – сказал Крейн.

Эрика снова вышла в темный сад и устремила взгляд на белеющую в ночной мгле коробку с маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ».

– Боже, босс. Думаете, это был убийца?

– Да. Рекламный листок, вероятно, ему дали прямо в руки, и, предположительно Грегори Манро позвонил по указанному телефону и договорился, чтобы этот Майк пришел...

– Майка пригласили в дом, и он разведал обстановку: расположение комнат, систему сигнализации, охранное освещение, все, – закончил Крейн.

– И скорей всего сегодня ты говорил с этим Майком. Он перезвонил тебе с номера фирмы «Дом под охраной».

– Черт. Что я должен сделать, босс?

– Нужно отследить тот телефон и адрес электронной почты. Как можно быстрее.

– Номер наверняка одноразовый, но я попробую.

– Также нужно еще раз опросить жителей на Лорел-роуд, подробно расспросить обо всех курьерах и экспедиторах, которых там видели. В частности, видел ли кто-нибудь этого Майка 21 июня.

– Хорошо, босс. Я прямо сейчас могу прогнать кое-что через компьютер. Буду держать вас в курсе.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. В телефоне раздался щелчок: Крейн положил трубку. Она пошла к забору, огораживавшему двор с задней стороны дома. Под ее ногами шуршала сухая трава. По-прежнему было тихо и спокойно. Откуда-то издали донесся едва слышный рокот проехавшего автомобиля, стрекотали сверчки. Эрика вздрогнула от неожиданности, когда окружавшее ее безмолвие сотрясло громыхание поезда, мчавшегося по железной дороге, что пролегла за садом.

Она приблизилась к забору и присела на корточки под деревом, рассматривая то место в ограждении, где проволока была аккуратно

разрезана. Отогнув ее, Эрика пролезла в дыру и через высокую сухую траву выбралась на тропинку. С минуту постояла, обволакиваемая теплом вечера, пока глаза не привыкли к темноте. Потом пересекла узкую тропинку и через брешь в высоких деревьях вышла к железной дороге, убегавшей вдаль. Эрика вернулась на тропинку, достала телефон, включила встроенный в него фонарик, направляя луч вправо и влево. Фонарик освещал тропинку на несколько шагов, а потом та терялась в темноте среди деревьев. Эрика присела под деревом на краю сада и обратила взгляд на дом. Казалось, он смотрит на нее: два темных окна на верхнем этаже были похожи на глаза.

– Так ты наблюдал отсюда? – тихо промолвила Эрика, разговаривая сама с собой. – Сколько времени ты провел здесь? Что видел? Тебе это не сойдет с рук. Я тебя найду.

Глава 18

Утро еще только началось, а солнце уже палило нещадно. Выжженные газоны перед домами из красного кирпича, что стояли в ряд вдоль улицы, переливались всеми оттенками желтого. Час пик миновал, на дороге было пустынно. Лишь в ясном голубом небе летел самолет, оставляя за собой след.

По пути домой после ночной смены в больнице Симона зашла в супермаркет и теперь, нагруженная пакетами, еле-еле тащила по тротуару. Пластиковые ручки впивались в ладони, причиняя почти нестерпимую боль; под плотным жакетом с нее градом лил пот, разъедавший воспаленный рубец на животе, который саднил и горел еще и от того, что об него терлась ткань униформы. Симона добрела до обветшавшего дома в конце улицы и толкнула калитку. Та нижним краем упиралась в бетонную дорожку. Симона яростно налегла на нее раз, второй. Калитка внезапно распахнулась, и она буквально влетела во двор, едва устояв на ногах.

Тихо бранясь, Симона быстрым шагом дошла до входа и со стуком опустила пакеты на крыльцо. Посмотрела на свои ладони, иссеченные глубокими красными бороздами. Из дома по соседству появилась пожилая женщина в элегантном платье. Запирая входную дверь, она поглядывала на Симону. Та рылась в карманах жакета, ища ключи. Взгляд соседки скользнул по покосившемуся забору между их участками, по выжженному газону, захламленному старой стиральной машиной, пустыми банками из-под краски и кучей гниющей ежевики, и снова остановился на Симоне, которая теперь стояла неподвижно, глядя на нее.

– О, миссис Мэтьюз, доброе утро, – поздоровалась соседка. Симона не ответила – молча смотрела на нее большими голубыми глазами. Соседку ее взгляд нервировал. Он был мертвенный, в широко расставленных глазах – ни проблеска чувств. – Чудесный день...

Симона продолжала сверлить ее злобным взглядом, пока та не поспешила прочь.

– Вечно нос свой всюду сует, стерва, – пробормотала Симона, затем повернулась и вставила ключ в замок. В замызганной прихожей громоздились кипы старых газет. Симона втащила пакеты с покупками

в дом и бросила ключи на старый деревянный стол. Потом повернулась, закрыла входную дверь. Некогда она была красивой, эта дверь, украшена витражом с ромбовидным узором. В солнечные дни витраж отбрасывал мозаику мягких красок на выцветший ковер в прихожей. Теперь он был заколочен; над доской, прибитой к дверной раме, виднелись лишь несколько синих ромбиков.

Симона заперла дверь, повернулась, и у нее от страха сдавило горло. Посреди коридора стоял мужчина с открытым ртом и глазами, затынутыми белой пеленой. Он был голый, по его рыхлому дебелому телу стекали капли воды.

Она попятилась, почувствовала, что в спину вдавилась дверная ручка. Зажмурилась, снова открыла глаза. Он по-прежнему был там. Теперь вода лилась с него тонкими ручейками – струилась по огромному волосатому животу, по светлой поросли вокруг гениталий. На ковре под ним расплывалось темное круглое пятно от воды, которая стекала с него все быстрее и быстрее. Симона снова зажмурилась и разжала веки. Пошатываясь, он двинулся на нее, длинными желтыми ногтями на пальцах ног цепляясь за ковер. Она ощущала его дыхание. Вонь лука в смеси с перегаром.

– Нет! – крикнула Симона. Она закрыла глаза, вдавливая кулаки в лицо. – ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРИЧИНИТЬ МНЕ БОЛЬ, СТЭН! ТЫ УМЕР!

Она открыла глаза.

Коридор был такой, как прежде: обшарпанный и сумрачный, но пустой. С улицы донеслось тихое гудение еще одного самолета, летящего в вышине. Она слышала собственное учащенное дыхание.

Он исчез.

На время.

Глава 19

Через неделю, после того как было обнаружено тело Грегори Манро, после обеда – в этот день стояла одуряющая жара – Эрику вызвали на совещание по делу Грегори Манро, которое проводилось в отделении Луишем-Роу. Идя на совещание, она чувствовала себя неуверенно: расследование застопорилось, и она начинала сомневаться в собственном профессионализме.

Совещание проходило в стильно оформленном конференц-зале. На нем присутствовали старший суперинтендант Марш, Коллин Скэнлан, степенная и почтенная, как матрона, пресс-секретарь столичной полиции, Тим Эйкен, молодой психолог-криминалист, и помощник комиссара Оукли, величаво восседавший во главе длинного стола. Оукли никогда не пытался скрывать своей неприязни к Эрике. Ей он напоминал холеную лису: в его тонких чертах сквозило коварство, а волосы стального цвета всегда были безукоризненно уложены. Правда, сегодня из-за жары он выглядел не столь холеным. Его обычно тщательно ухоженные волосы взмокли от пота; он был вынужден снять свой форменный мундир с эполетами, на которых были изящно вышиты знаки отличия его звания, и теперь сидел в рубашке с засученными рукавами.

Первой выступила Эрика, подробно рассказывая о ходе расследования.

– Выяснив, что убийца нанес предварительный визит в дом Грегори Манро, мои сотрудники стали просматривать записи с камер видеонаблюдения на железнодорожной станции Оноп-Оук-Парк и в окрестностях. Работают круглые сутки: материала на несколько сотен часов. Повторно были опрошены жители Лорел-роуд. Никто не помнит, чтобы они видели представителя фиктивной компании «Дом под охраной». Ее не существует. Адрес электронной почты, указанный на рекламном листке, ложный; номер телефона – одноразовый, отследить невозможно.

Эрика обвела взглядом сидящих за столом, сознавая, что от ее выступления зависит, удастся ли ей сохранить в своем подчинении следственную группу. Она чувствовала большую ответственность, да

еще в конференц-зале сломался кондиционер, и атмосфера была неуютно душной.

– Я активно изучаю подробности личной жизни Грегори Манро, – продолжала Эрика. – По моему мнению, он знал или прежде встречал нападавшего и, имея информацию о его личной жизни, мы могли бы установить личность убийцы. Но дело это сложное, и мне нужно больше времени.

– Шурин жертвы, Гэри Уилмслоу, тоже находится под следствием за другие преступления, которые расследуются в рамках операции «Хемслоу», – перебил ее Оукли. – Надеюсь, вы не намерены объединять эти два дела, и сотрудники, занимающиеся убийством Манро, не станут вмешиваться в ход операции «Хемслоу»?

– Нет, сэр. На этот счет даны четкие указания, – ответил Марш, многозначительно посмотрев на Эрику. Воцарилось молчание. Взгляды всех присутствующих обратились на Эрику. Марш перевел разговор на другую тему. – Что удалось выяснить относительно гей-порнографии, обнаруженной на месте убийства? Насколько я понимаю, Грегори Манро загрузил в свой мобильный некое приложение для геев?

Этот вопрос Эрика с Маршем уже обсуждали. Она поняла, что он задал его для Оукли.

– Да, сэр. На месте преступления были найдены порножурналы для геев, и он загрузил в свой телефон «Грайндр», но не активировал его. В приложении нет ни контактов, ни сообщений, – ответила Эрика.

– Значит, жертва, возможно, имел гомосексуальные наклонности и тайком встречался с мужчинами? – заключил Оукли.

– Не считая нескольких потрепанных порножурналов для геев, нет никаких доказательств того, что Грегори Манро был подвержен гомосексуальным порывам, – возразила Эрика.

– Почему вы не подумали о том, чтобы проверить места сборищ гомосексуалистов в Лондоне? Общественные туалеты? Парки? – давил Оукли.

– Я *подумала* об этом, сэр. Нам известны несколько таких мест, но они не охвачены камерами видеонаблюдения. Мои люди работают на износ, разбираясь с тем материалом, который у нас *есть*. И наводить справки, шастая по кустам...

– Он был женатый человек с гомосексуальными наклонностями. Не понимаю, почему вы не рассматриваете это как основную версию, старший инспектор Фостер?

– Как я уже сказала, сэр, мы ведем расследование в нескольких направлениях. Мне нужно больше людей, чтобы...

– У вас и без того большая команда, старший инспектор Фостер. Может, прежде чем просить дополнительные ресурсы, объясните, как вы используете те, что уже имеются в вашем распоряжении?

– Сэр, уверяю вас, все члены следственной группы работают на пределе своих возможностей.

Оукли взял одну из фотографий Грегори Манро, сделанных на месте происшествия, и стал внимательно ее рассматривать.

– Насилие в гей-сообществе зачастую неразрывно связано с сексуальностью. Разве такие люди не ищут тайных встреч с объектами своего вожделения? Не приглашают домой опасных мужчин?

– Сэр, гомосексуалисты разные бывают, – парировала Эрика. За столом повисла тишина.

– Это все из-за жары, сэр. Жара всем действует на нервы, – произнес Марш, сердито зыркнув на Эрику.

Оукли, раздраженно хмурясь, достал из кармана аккуратно сложенный носовой платок и прижал его к лицу, промокая потный лоб. При этом он весьма осторожно приподнял челку, и Эрике вдруг подумалось, что помощник комиссара носит парик. «Сироп, – внезапно пришло ей на ум. – Сироп... Сироп из фиг... парик...»[\[30\]](#) Ей вспомнилось, как Марк рассказывал ей про рифмованный сленг кокни, когда она только-только приехала в Англию. Она хохотала до упаду.

– Вас что-то развеселило, старший инспектор Фостер? – спросил Оукли, убирая в карман носовой платок.

– Нет, сэр, – ответила Эрика, беря себя в руки.

– Да, веселого мало. Нехватка людей – не единственная ваша проблема. Из-за того, что вы не в состоянии найти подозреваемого, СМИ в очередной раз устроили столичной полиции хорошую взбучку. Сначала местные, а теперь уже и национальные издания. – Оукли показал на газеты в центре стола, пестревшие заголовками: **«ПЕРВОКЛАССНЫЙ ДОКТОР УБИТ В СОБСТВЕННОЙ ПОСТЕЛИ»**, **«ПОЛИЦИЯ ВСЕ ЕЩЕ РАЗЫСКИВАЕТ УБИЙЦУ**

ВЫДАЮЩЕГОСЯ ВРАЧА». – А вы что молчите, Коллин? Вам есть что добавить?

– Я работаю... – начала Коллин и замялась.

Сейчас скажет: «не покладая рук», подумала Эрика.

– Я делаю все возможное, чтобы моя команда пресс-службы направляла СМИ в верное русло. Правда, нам пока особо нечем их попотчевать – фактов мало, – добавила она, пытаясь свалить вину на Эрику.

– Мы не обязаны кормить с ложечки журналистов. По-моему, несколько преждевременно оглашать какие-либо сведения на столь раннем этапе следствия, – заметила Эрика. – Мы должны опережать журналистов хотя бы на пару шагов и иметь наготове больше информации. В результате они сделали то, что я и ожидала: нашли свой собственный ракурс, увязав данное дело с урезанием бюджетного финансирования в целях экономии.

– Вот-вот, интересно, кого они здесь цитируют, старший инспектор Фостер? – Оукли взял одну из газет. – «По всему Лондону отключены в общей сложности 14 000 камер видеонаблюдения. У полиции недостаточно людских ресурсов для эффективного обеспечения безопасности жителей столицы». Кажется, это вы громко сетовали на нехватку видеокамер?

– Сэр, вы полагаете, что я информирую прессу о ходе следствия?

– Нет, помощник комиссара совсем не это имел в виду, – поспешил вмешаться Марш.

– Пол, я сам за себя в состоянии ответить, – рявкнул Оукли. – Я хотел сказать, что не нужно сеять панику. Вашей команде предоставлены огромные людские ресурсы для расследования этого убийства. И вряд ли ваше вечное нытье по поводу нехватки того-сего поднимает боевой дух. Как по-вашему, сколько еще вам нужно сотрудников?

– Сэр, я не сею панику и не ною, – возразила Эрика.

– Сколько?

– Пять. Я приготовила для вас документ, в котором четко расписано, как я буду использовать...

– Со дня убийства Грегори Манро прошла неделя, и мне нужны гарантии, что вашим сотрудникам найдено надлежащее применение, – перебил Оукли.

– Разумеется, сэр, только...

– Фостер, я бы настойчиво рекомендовал сосредоточиться на версии о том, что Грегори Манро пригласил к себе домой мужчину с целью полового сношения, и этот человек, кто бы он ни был, воспользовавшись удобным случаем, убил его. Преступление по страсти.

– Убийство на почве гомофобии? – уточнила Эрика.

– Мне не нравится это выражение, Фостер.

– Зато оно нравится прессе. И если мы станем вести расследование в данном ключе, на гей-сообщество, вне сомнения, обрушится новая волна негатива. Мы также обнаружили следы незаконного проникновения в дом через кухонное окно, а в проволочном заборе со стороны заднего фасада была аккуратно прорезана дырка. Непохоже, чтобы Грегори Манро пригласил в свой дом убийцу. Самая реальная зацепка – рекламный листок фиктивной фирмы по установке и обслуживанию систем охранной сигнализации. Сейчас сезон летних отпусков. Мы опросили не всех жителей Лорел-роуд, так как некоторые из них в отъезде. Мы также обрабатываем список жалоб в адрес Грегори Манро от его пациентов. И это тоже занимает время.

– Какие-нибудь из жалоб заслуживают внимания? – осведомился Оукли.

– Таких пока не нашлось, но...

– Я хотел бы послушать нашего специалиста по поведенческой психологии, – в очередной раз бесцеремонно перебил Эрику Оукли. – Тим?

Тим Эйкен, психолог-криминалист, до сей минуты хранил молчание. Его коротко стриженные густые волосы отливали здоровым блеском, на лице – модная щетина, и, несмотря на то что одет он был по-деловому – в рубашку с галстуком, – запястье его обвивала толстая связка разноцветных плетеных браслетов. Он поднял голову от блокнота, в котором вычерчивал кубики.

– Я думаю, что мы имеем дело с индивидом, наделенным чувством жесткого самоконтроля. Он тщательно планирует каждый свой шаг. Физически он силен. Грегори Манро был не субтильного телосложения, однако следов борьбы мы не обнаружили.

– Грегори Манро опоили седативным средством; в его крови обнаружена огромная доза флунитразепама. Флунитразепам – препарат, который используют с целью совершения насилия над жертвой. Преступник, проникший в дом, нашел возможность подсыпать ему наркотик, а потом дождался, когда транквилизатор подействует, – добавила Эрика.

– Да. Флунитразепам также широко используют в среде гей-сообщества для повышения сексуального возбуждения и получения удовольствия, – сказал Тим.

– Сомневаюсь, что многие, кому в баре подмешивали его в напитки, получали удовольствие, – заметила Эрика.

– У убийцы, должно быть, сильно развита интуиция, раз он сумел подбросить рекламную листовку с контактами охранной фирмы и заставить жертву позвонить ему. Принимая во внимание использование седативного препарата, мы не должны исключать фактор гомосексуальности.

– Грегори Манро не подвергался сексуальному насилию, – указала Эрика.

– Да, верно. Но, возможно, у нашего убийцы проблемное отношение к мужчинам с ярко выраженными мужскими качествами, и прежде он имел печальный опыт общения с типом А, то есть альфа-самцами. Возможно, у него склонность к подавлению маскулинных особей.

* * *

– Господи помилуй. Во сколько он нам обходится? – спросила Эрика по окончании совещания, которое тянулось целых сорок минут в атмосфере духоты и дискомфорта. Она покинула конференц-зал и спускалась по лестнице вместе с Маршем.

– Не жалуете криминальную психологию?

– Почему же? Полезная штука. Просто зачастую на психологов-криминалистов, когда к ним обращаются, смотрят как на волшебников. Но не они ведь ловят преступников, а мы.

– Не жалуйтесь. Не забывайте, он работает на вас. Уговорил Оукли не урезать ваш бюджет.

– Задав его наукой.

– Вы недовольны?

– Я буду довольна, когда мы поймем убийцу, – ответила Эрика. – Тим не сказал ничего такого, чего мы не знаем. Теория об альфа-самцах сама по себе интересна. Только как бы ей найти толковое применение? Это очень обширная сфера. Мы не можем взять под наблюдение каждого агрессивного доминирующего самца. В мире таких полно.

Марш закатил глаза.

– Вы бы лучше попытались навести мосты с Оукли. Ради собственного блага.

– Я ведь не стала его критиковать за гомофобское высказывание. Это уже кое-что. И потом, какой смысл? Он никогда не воспылет ко мне любовью. Никогда не внесет меня в список людей, которых он поздравляет открытками на Рождество.

Они спустились до этажа, на котором находился кабинет Марша.

– Держите меня в курсе, хорошо? – попросил он, шагнув к двухпольной двери.

– Пока вы не ушли, сэр. Есть новости о вакансии суперинтенданта?

Марш остановился и повернулся к ней лицом.

– Эрика, я же обещал, что подам вашу кандидатуру.

– Вы проинформировали Оукли о том, что намерены повысить меня?

– Да.

– И что он сказал?

– Вы же понимаете, я не вправе обсуждать подробности процесса назначения. Ладно, мне пора. – Марш повернулся, собираясь пройти в дверь.

– Еще вопрос, сэр. Что с Питером Манро? Он ведь живет под одной крышей с Гэри Уилмслоу. Меня беспокоит его судьба.

Марш снова остановился, повернулся.

– За минувшую неделю Питер уходил из дома только с матерью в школу. В нескольких комнатах мы поставили «жучки». Насколько мне известно, с ним все в порядке. А Гэри Уилмслоу – представитель рабочего класса старой закваски. Честь, семья, все такое – для него не пустые слова. К своей родне он никого не подпустит.

– «Жителей Ист-Энда»[\[31\]](#) насмотрелись, сэр? Надеюсь, вы правы.

– Я прав, – ледяным тоном отвечивал Марш. И исчез за дверью.

– Как же меня все *обожают*. А я ведь просто пытаюсь делать свою работу, – буркнула себе под нос Эрика, спускаясь дальше по лестнице.

В оперативном отделе потолочные вентиляторы работали на износ, но, казалось, они просто гоняют по помещению жаркий воздух, запахи кофе и потных тел.

– Босс, я только что говорил с районными полицейскими. Соседи, живущие напротив дома Грегори, вернулись из отпуска, – сообщил Питерсон, кладя трубку.

Мосс, сидевшая напротив Питерсона, тоже с кем-то закончила говорить по телефону. Лицо ее покраснелось от жары.

– Звонила Эстель Манро, – доложила она. – Говорит, из дома на Лорел-роуд, 14 исчез сертификат, выданный Грегори Манро Генеральным медицинским советом[32].

– Когда мы вернули дом семье? – спросила Эрика.

– Вчера. Я просмотрела записи криминалистов и перечень всего, что мы изъяли. Про сертификат ГМС там ни слова.

– Значит, его мог взять убийца. Черт. Как мы это упустили?

Глава 20

Эрика, Мосс и Питерсон приехали на Лорел-роуд. Погода была теплая и тихая. Солнце опустилось довольно низко, и та сторона улицы, на которой стоял дом Грегори Манро, находилась в тени.

В конце дороги на улицу сворачивала группа мужчин и женщин в деловых костюмах. У всех лица раскрасневшиеся; мужчины, сняв пиджаки, шли в рубашках с засученными рукавами. Часы показывали чуть больше половины шестого, и Эрика сообразила, что это с электрички сошла первая волна пассажиров, возвращающихся домой из центра Лондона.

Она позвонила в дом № 14. Спустя пару минут дверь им открыла Эстель Манро – в светлых брюках, элегантной белой блузке с узором из роз и желтых резиновых перчатках.

– Здравствуйте, миссис Манро. Мы по поводу медицинского сертификата, – объяснила Эрика.

– Да, – только и произнесла та в ответ. Она отступила в сторону, пропуская их в дом. Эрика узнала острый лимонный запах чистящих средств, к которому примешивался резкий аромат освежителя воздуха. Правда, в доме было прохладно. Все окна были закрыты, жужжал кондиционер.

– Сертификат висел в кабинете Грегори, – сообщила Эстель, закрывая и запирая входную дверь. Эрика отметила, что та поменяла замки – поставила новенький блестящий «Йель» и два новых запора.

Вслед за Эстель, которую мучила одышка, они стали медленно подниматься по лестнице.

– Как справляетесь? – спросила Эрика.

– Да вот, все убираю бардак, что ваши здесь оставили, – сердито отвечала Эстель.

– Мы стараемся как можно аккуратнее работать на месте преступления, но задействовано слишком много людей, и они все одновременно проводят осмотр, – объяснила Мосс.

– Так эти ваши люди... они хоть как-то продвинулись в поиске убийцы моего сына?

– Мы рассматриваем несколько версий, – ответила Эрика.

Они поднялись на верхний этаж. Эстель одной рукой в резиновой перчатке уперлась в бедро и остановилась, переводя дух. Тяжелые портьеры, занавешивавшие окно в холле, были сняты, отчего на лестничной площадке теперь стало гораздо светлее.

– Инспектор Фоссет, когда отдадут тело моего сына? – спросила Эстель.

– Фостер...

– Мне же похоронами заниматься надо, – сказала Эстель, палец за пальцем стягивая с рук резиновые перчатки.

– Боюсь, прежде нам придется уточнить, с кем из родственников мы должны связаться в первую очередь, – объяснила Мосс.

Лицо Эстель еще больше омрачилось.

– Грегори – мой сын. Я девять месяцев вынашивала его в своем чреве. Первой вы позвоните *мне*, это ясно? Пенни состояла с ним в браке всего четыре года. А я была ему матерью сорок шесть лет... – Эстель сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Она позвонила мне... Пенни. Потребовала, чтобы я ей сказала, когда отдадут *тело*. «Тело»! Не «Грегори», не «Грег»... он не любил, чтобы его называли Грегом. Для панихиды Пенни хочет арендовать футбольный клуб «Шерли». Футбольный клуб! На радость Гэри и его дружкам-бандитам!

– Мне жаль это слышать, миссис Манро.

Эстель прошла в ванную, сполоснула руки и, вытирая их о маленькое полотенце, вернулась к ним.

– Сегодня звонил Гэри, угрожал.

– Угрожал? – переспросила Эрика.

– Расставшись с Пенни, Грегори изменил завещание. Мы только что узнали, что этот дом он оставил мне, а свои дома, которые он сдавал в аренду, Грегори оформил в доверительное управление в интересах Питера.

– А Пенни?

Эстель посмотрела на Эрику.

– А что Пенни? Ей достанется четырехкомнатный дом в Шерли. Он дорого стоит. Гэри на чем свет бранился в телефон, сказал, что этот дом по праву должен принадлежать Пенни и что я должна переписать его на нее, *иначе*...

– Иначе что? – спросила Эрика.

– О, а вы включите воображение, инспектор Фоссет. Иначе мне не поздоровится. Подошлет ко мне своих дружков. Под машину попаду, возвращаясь домой из магазина. Полагаю, вы читали его досье?

Эрика, Мосс и Питерсон переглянулись.

– Я сменила замки, – продолжала Эстель, – но мне все равно тревожно.

– Уверяю вас, Гэри Уилмслоу не причинит вам зла, – успокоила старушку Эрика.

Глаза Эстель наполнились слезами, она стала искать салфетку. На помощь опять пришел Питерсон. Он достал из кармана пачку салфеток и протянул ей.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она.

Эрика подала знак Мосс, и они, оставив Эстель на попечение Питерсона, направились по коридору к маленькой комнатке, которая Грегори Манро служила домашним кабинетом.

У окна был втиснут массивный письменный стол из темного дерева, напротив стояли такие же полки с книгами по медицине и романами в мягкой обложке, среди которых Эрика заметила три детектива Стивена Линли о старшем инспекторе Бартоломью.

– Черт! – воскликнула она.

– Что случилось, босс?

– Ничего... – Эрика вспомнила свой разговор с Айзеком на минувшей неделе: они условились, что сегодня она придет к нему на ужин. Эрика глянула на часы: почти шесть.

В кабинет в сопровождении Питерсона приковыляла Эстель.

– Вот здесь он был. – Она показала на стену за столом, где висели две золоченые картинные рамы. Одна была заполнена фотографиями: Грегори и Пенни разрезают свадебный торт; Пенни придерживает солнцезащитные очки на невозмутимой мордочке их кота; Пенни на больничной койке с каким-то свертком в руках – должно быть, с новорожденным Питером, а по обе стороны от нее в неловких позах стоят Гэри, Эстель и мать Пенни в очках. Вторая рама была пуста.

– Я спросила у Пенни, не она ли это забрала. Она ответила, что не она – думаю, в кои-то веки не солгала, – говорила Эстель, показывая на пустую раму. – Телевизор или DVD-проигрыватель она бы взяла, а это – нет.

Натянув латексные перчатки, Эрика подошла к пустой раме и сняла ее со стены. Рама оказалась легкой, из пластика.

– Вы к ней прикасались, миссис Манро?

– Нет.

Эрика повернула раму обратной стороной, но сзади ничего не увидела.

– Нужно вызвать дактилоскописта. Шансов мало, но...

– Будет исполнено, босс. – Мосс взяла рацию, сделала заявку. Чей-то голос ответил, что свободных сотрудников нет.

Эрика выхватила у Мосс рацию.

– Говорит старший инспектор Фостер. Мне нужен кто-нибудь сегодня же, сейчас, как можно скорее. Мы нашли новые улики на месте преступления. Лорел-роуд, 14, SE23.

Пауза, затем – «бип-бип».

– Один из наших экспертов работает по краже со взломом в районе Телеграф-Хилл. Уже заканчивает. Я сообщу ей, чтобы она пришла к вам, как только освободится. У вас есть полномочия санкционировать сверхурочную работу? – спросил по рации оловянный голос.

– Да, есть, – рявкнула Эрика.

– Хорошо, – ответил голос.

Эрика повесила раму на место и сняла перчатки.

– Что ж, немного подождем. Мосс, вы со мной. Поговорим с соседями, которые вернулись из отпуска. Миссис Манро, вы позволите инспектору Питерсону подождать с вами?

– Да. Хотите чаю, дорогой? – спросила Эстель.

Питерсон кивнул.

* * *

Через улицу, напротив дома № 14, жила супружеская чета – женщина-европейка Мари и чернокожий мужчина по имени Клод. Обоим было под сорок. Дом их отличали элегантность и этакая модная щеголеватость, а на них самих лежал налет урбанистского шика. В передней все еще стояли несколько чемоданов ярких цветов, и хозяйка пригласила Эрику с Мосс в кухню. Мари взяла несколько бокалов, наполнила их водой со льдом из краника в дверце большого холодильника из нержавеющей стали. Два бокала она дала Эрике и

Мосс. Эрика сделала большой глоток, наслаждаясь холодной свежестью напитка.

– Мы были потрясены, узнав о том, что случилось с доктором Манро, – сказала Мари, когда они все расселись вокруг кухонного стола. – У нас, конечно, не самый благополучный район, но убийство! – Клод сел рядом с женой, и она взяла его за руку. Он в ответ ободряюще стиснул ее ладонь.

– Мне понятна ваша тревога, но должна подчеркнуть, что, согласно статистическим данным, убийства происходят крайне редко, – заверила их Эрика.

– По статистике и одно убийство – перебор, если в собственной постели замочили мужика, который жил с вами почти что дверь в дверь, – возразил Клод, вращая глазами.

– Не спорю, – согласилась Эрика.

– Нас интересует, не заметили ли вы, чтобы на вашей улице ошивался кто-то подозрительный? – спросила Мосс. – Может, какие-то странные вещи, любая мелочь... В частности, 21 июня между пятью и семью часами вечера.

– У нас здесь не такая улица, милая, – отвечала Мари. – Мы не подглядываем в окна за соседями. Все заняты работой и личной жизнью.

– Вы были дома в тот день, между пятью и семью часами вечера? – спросила Эрика.

– То есть примерно месяц назад... – начала Мари.

– Да, во вторник, – вставила Мосс.

– Я скорей всего еще не вернулась с работы. Я служу бухгалтером в Сити, – ответила Мари.

– Я заканчиваю раньше. Работаю в местном муниципалитете, – добавил Клод. – Если это был вторник, значит, я занимался в спортзале. Он называется «Будь здоров». Это дальше по дороге, в Сиднэме. Там это могут подтвердить. Вход в зал по электронным пропускам.

– Не волнуйтесь, вас никто не подозревает, – успокоила их Эрика. – Вы хорошо знали Грегори Манро?

Они покачали головами.

– Хотя с нами он всегда был приветлив и учтив, – добавил Клод. – Он считался нашим врачом, но мы к нему ни разу не обращались.

Пожалуй, только раз были у него в клинике, несколько лет назад, когда заводили карточки.

Эрика с Мосс обменялись унылыми взглядами.

– Да, вот еще что, – начал Клод. Он глотнул ледяной воды и стал в задумчивости перекачивать ее во рту. С его бокала на деревянный стол стекали капли конденсата.

– Нам важна любая мелочь, – повторила Мосс.

– Ах, ну да, – согласилась Мари. – Я тоже их видела.

– Кого? – спросила Эрика.

– В последнее время к доктору Манро заходили симпатичные молодые люди, – сообщил Клод.

Эрика посмотрела на Мосс.

– Можно поточнее?

– Ну знаете, такие мускулистые, – объяснила Мари. – Первый на вид был сексапильный работяга, и я подумала, что доктор Манро нанял его для какой-то работы. Но на следующий день в дом к нему постучал молодой человек совершенно другого типа. Очень красивый. Модельной внешности, если вы понимаете, о чем я.

– Как мальчик по вызову?

– Да. И он пробыл там где-то с час, – добавил Клод.

– В котором часу это было?

– Первые двое приходили в будни. В какие дни, точно не помню. Я с работы возвращалась, – значит, примерно в половине восьмого... Первого парня доктор Манро поспешил впустить в дом, когда увидел, что я иду. Мне только бросил «привет» и все. А где-то через час – мы как раз ужинали в гостиной – я увидела, как тот парень уходит, – сказала Мари.

– А остальные? – спросила Эрика.

– Один был в субботу утром, кажется. Ты ведь видел, как он рано уходил, да, Клод? – спросила у мужа Мари.

– Да, у нас окно туалета наверху выходит на улицу. Я стоял перед унитазом и увидел, как этот парень вышел из его дома, рано, примерно в семь, – подтвердил Клод.

– И вам это не показалось странным? – спросила Мосс.

– Странным? В Лондоне всякое бывает. И потом, мы тогда еще не знали, что он расстался с женой... Это мог быть друг, коллега, студент-медик или даже нянька, вернее, нянь, – ответил Клод.

– Думаете, его убил кто-то из этих мужчин? – поллюбопытствовала Мари.

– Я буду с вами откровенна: мы пока не знаем. Это одна из нескольких версий.

На какое-то время все умолкли. Мари стирала конденсат с бокала. Клод обнял жену одной рукой.

– Вы сможете составить фотороботы? Нам очень важно знать, как выглядят эти люди хотя бы приблизительно, – произнесла Эрика. – Чтобы не доставлять вам лишних неудобств, мы могли бы прислать нашего специалиста к вам прямо сюда, домой?

– Да, конечно, – согласился Клод. – Если это поможет поймать убийцу.

* * *

Мосс и Эрика вышли на улицу под палящее солнце и поспешили на теневую сторону.

– Я считаю, что это результат, – сказала Мосс.

– И, если повезет, уже сегодня вечером, у нас будет фоторобот, – согласилась с ней Эрика. Она вытащила телефон и позвонила Питерсону, чтобы прояснить обстановку.

– Пока ничего, босс, – ответил он. – Дактилоскопист еще не закончила в Телеграф-Хилл. Эстель Манро пошла за молоком... Ключа от дома у меня нет, закрыть его я не могу.

– Ладно, мы идем. – Эрика отключилась, убрала телефон в сумку и посмотрела на часы: начало восьмого.

– Куда-то торопитесь, босс? – спросила Мосс.

– У меня ужин на вечер запланирован, с Айзеком Стронгом.

– Я могу остаться здесь с Питерсоном, если вам нужно бежать. Похоже, мы тут застрянем надолго. Маловероятно, что на раме есть отпечатки, но я сразу же вам сообщу. И по фотороботу тоже.

– А вам разве домой не нужно, Мосс?

– За меня не переживайте. Силия Джейкоба в бассейн повезла, так что на весь вечер я предоставлена сама себе. Вы, я знаю, редко... – Мосс осеклась.

– Редко куда-нибудь хожу?

– Я не хотела вас обидеть, босс, – сказала Мосс, покраснев еще больше.

– Знаю. Все нормально. – Покусывая губу и щурясь на солнце, Эрика смотрела на Мосс.

– Честно, босс, я позвоню в ту же секунду, как снимут отпечатки. А на составление фотороботов может уйти несколько часов. Что Айзек готовит на ужин?

– Не знаю.

– К тому времени, как вы поедите, мы уже получим какие-то ответы.

– Ладно. Спасибо, Мосс. Я ваша должница. Звоните сразу же, как что-то прояснится, любая мелочь, хорошо?

– Обещаю, босс.

Эрика села в машину и уехала. Мосс смотрела ей вслед, надеясь, что найдутся новые улики, которые дадут толчок расследованию.

Старший инспектор Фостер остро нуждалась в зацепках, которые помогли бы выйти на след убийцы.

Глава 21

– На следующей неделе наступит самый длинный день в году, а потом ночи начнут прибывать, – сказала Симона. Она стояла у маленького окошка в палате Мэри с видом на промышленные мусорные баки и мусоросжигательную печь. Со всех сторон к ним подступали стены высоких кирпичных зданий, но наверху в просвете сверкал кусочек лондонского неба. Солнечный шар, казалось, был насажен на шпиль часовой башни, торчавшей над вокзалом Кингз-Кросс.

Симона подошла к кровати, где с закрытыми глазами лежала Мэри, до подбородка укрытая одеялом, которое едва-едва шевелилось от ее поверхностного дыхания, да и тело под ним, казалось, усохло. Смена Симоны окончилась час назад, но она решила задержаться. Мэри угасала. Ждать осталось недолго.

Симона взяла из шкафчика черно-белую фотографию Мэри и Джорджа и прислонила ее к графину с водой.

– Вот, мы здесь все вместе. Я, ты и Джордж, – промолвила Симона. Она просунула руку под оградительную штангу и взяла ладонь Мэри в свою. – Ты выглядишь счастливой на фото, Мэри. Жаль, что не можешь рассказать мне о нем. На вид он настоящий мужчина... У меня никогда не было близкой подруги. Мама о сексе со мной никогда не разговаривала, только все твердила, что секс – дело грязное. Я знаю, что она ошибалась. Секс – не грязное дело. Секс, если он освящен любовью, прекрасен... Тебе было хорошо с Джорджем?

Симона посмотрела на снимок. Красавчик Джордж щурился на солнце, крепкой рукой обнимая Мэри за тонкую талию.

– Тебе нравились вечера, когда вы ходили вместе куда-нибудь? Он водил тебя на танцы? Провожал вечером до дома?

Симона взяла щетку для волос и принялась бережно расчесывать Мэри.

– Меня темнота пугает, Мэри. В эти часы мне особенно одиноко.

Шершаво-свистящие звуки, что издавала щетка, скользя по тонким серебристым волосам Мэри, успокаивали. Кожа у старушки была бледная, местами почти прозрачная. От виска к кромке волос

тянулась тонкая голубая вена. Симона приподняла ее голову, чтобы подлезть щеткой под затылок.

Вишиих, вишиих, вишиих.

– Я несчастна в браке. Мы никогда особо не ладили, но несколько лет назад стало совсем худо. И я перебралась в гостевую...

Вишиих, вишиих, вишиих.

– Его это не остановило. Он приходит ко мне по ночам. Я баррикадирую дверь, но он врывается...

Вишиих, вишиих.

– Силой меня берет.

Вишиих.

– Это больно. Он причиняет мне боль...

Вишиих, вишиих.

– Ему нравится мучить меня, и он никогда не останавливается. Никогда. Не. Останавливается. Пока. Не. Удовлетворится!

Раздавалось ритмичное глухое постукивание. Симона не сразу сообразила, что щетка застряла в спутанных волосах. Пытаясь расчесать узел, она яростно дергала за щетку, и голова Мэри билась о металлическую оградительную штангу.

Симона выпустила из руки щетку и отступила на шаг. В голове у нее шумела кровь, руки тряслись. Мэри лежала, словно пьяная, на боку; с той стороны, где ее голова упиралась в штангу, глаз был приоткрыт.

– О, Мэри! – Симона наклонилась, отцепила щетку от свалывшихся волос на затылке Мэри, затем бережно повернула старушку на спину и подоткнула под нее одеяло. На виске под тонкой кожей Мэри проявлялся кровоподтек.

– Прости, Мэри, прости меня. – Симона нежно провела пальцем по синяку. – Пожалуйста, прости... – Она еще раз поправила одеяло. Солнце скрылось за другими корпусами больницы, и в палате стало сумрачно и холодно. – Я что угодно готова для тебя сделать... Ты очень много для меня значишь, и в доказательство я покажу тебе кое-что...

Симона шагнула к двери, отворила ее, проверила, нет ли кого в коридоре. Затем нагнулась, взялась за подол своего форменного платья и стала медленно тянуть его вверх, выставляя напоказ плотные темные колготки, через которые просвечивала бледная кожа ее толстых ног.

Она задирала платье все выше и выше. Вот показался пояс колготок, трусы, врезающиеся в белый живот. Симона чуть поменяла позу, задрав платье до самой шеи, так что материя сбилась в кучу над ее грудью. Весь участок тела под грудной клеткой, включая то место, где некогда был пупок, покрывал ядрено-розовый морщинистый крапчатый шрам, исчезавший под мягкой сероватой тканью бюстгальтера. Симона подошла к старушке, взяла ее руку, прижала к шраму и стала безвольной старческой ладонью поглаживать свою обезображенную кожу.

– Чувствуешь, Мэри? Это он сделал. Он меня обжег... Я нуждаюсь в тебе не меньше, чем ты – во мне.

С минуту Симона постояла у кровати, ощущая на своей изуродованной покрытой рубцами коже прикосновение прохладного воздуха и тепло ладони Мэри, потом осторожно положила старческую руку на койку, опустила подол, расправила на себе платье. Затем нагнулась к своей сумке, что стояла на полу у кровати, и вытащила из нее конверт.

– Чуть не забыла. Я принесла тебе открытку! Хочешь покажу? – Симона просунула палец под клапан плотного конверта, вскрыла его и достала открытку. – Смотри. Это акварель, тутовое дерево... Вы ведь с Джорджем сидите как раз под тутовником. Хочешь прочитаю, что я написала на открытке? «Моей лучшей подруге Мэри. Поправляйся скорее. С любовью от сестры Симоны Мэтьюз».

Симона поставила открытку на шкафчик рядом с фотографией и графином, включила лампу над кроватью, потом села и взяла руку Мэри в свои ладони.

– Ты не поправишься, я знаю. Абсолютно в этом уверена. Но важно ведь то, что я желаю тебе добра, правда? – Она потрепала Мэри по руке. – Ну вот, и нам снова стало уютно. Если не возражаешь, я побуду еще здесь с тобой, ладно? Не хочу идти домой. Дождусь, пока он заснет.

Глава 22

Айзек встретил ее на пороге в шортах и футболке без рукавов. Из кухни неслись ароматные запахи его стряпни.

– Боже, кто эта элегантная красавица, что явилась моему взору? – произнес он, оглядывая Эрику с ног до головы: ее длинное летнее платье, стильно уложенные волосы, длинные серебряные подвески в ушах.

– Послушать тебя, так я всегда одеваюсь как бомжиха, – сказала она.

– Вовсе нет, но ты неплохо поработала над собой, – улыбнулся он. Они обнялись. Эрика ступила в дом и вручила ему запотевшую бутылку белого вина. Они прошли на кухню. Эрика обрадовалась, увидев, что других гостей нет.

– Стивен занят, работает... Просил передать, что любит тебя и приносит свои извинения. Ему скоро новую книгу сдавать, сроки поджимают, – объяснил Айзек. Он откупорил бутылку, пробка вытащилась с благозвучным хлопком. – Не против, если мы для начала выпьем вина с сигаретой на балконе?

Они вышли на балкон с бокалами, закурили. Низкое солнце отбрасывало длинные бархатные тени на простирившийся перед ними город.

– Красота какая, – восхитилась Эрика, пригубив бокал.

– Пока не забыл. Стивен просил передать тебе кое-что. – Айзек исчез за дверью и вскоре вернулся с книгой. – Его последний роман. Точнее, последний опубликованный...

– «Из моих охладевших рук», – прочитала Эрика название. На обложке был изображен гроб, из которого высовывалась мертвенно-бледная рука, приподнимавшая крышку. В руке было письмо, с которого капала кровь.

– Это четвертый роман о следователе Бартоломью, но все они самостоятельные произведения. Читать предыдущие не обязательно. Кстати, он его подписал. – Айзек забрал у Эрики бокал с вином, чтобы она могла открыть книгу.

– «Эрикке, из моих теплых, живых рук, с наилучшими пожеланиями. Стивен», – прочитала она. Ее имя он написал с двумя

«к». Она взглянула на Айзека, собираясь отговориться дежурной фразой, и увидела тревогу в его лице: ему отчаянно хотелось, чтобы она приняла подарок и подружилась со Стивенем. – Ой, как здорово! Непременно поблагодарю его при встрече. – Эрика сунула книгу в сумку и забрала у Айзека свой бокал.

– Ты не сердишься? – спросил он. – На прошлой неделе я напортачил с ужином, и...

– Ты уже три раза извинялся. Все нормально. – Она собралась было добавить что-то еще, но тут зазвонил ее телефон.

– Подожди, извини. – Порывшись в сумке, Эрика достала свой мобильник. Звонил Марш. – Прости, я должна ответить.

– Не буду мешать. – Айзек ушел с балкона.

– Сэр? – сказала в трубку Эрика.

– Кто, черт возьми, позволил Питерсону арестовать Гэри Уилмслоу?! – заорал Марш.

– Что?

– Час назад Питерсон задержал Уилмслоу, притащил его в отделение! Вулф уже его оформил, и он теперь в камере, ожидает допроса!

– Где он его задержал? – спросила Эрика, холодея.

– На Лорел-роуд...

– Я была там совсем недавно.

– Вот и нечего было уезжать. Гэри Уилмслоу вломился в дом, сказал, что ему надо забрать свои вещи. Привел Питерсона к тайнику с сигаретами.

– С сигаретами?

– Да – ерунда, нелегальный товар.

– Черт.

– Эрика, если он сядет за несколько пачек контрабандных сигарет, на операции «Хемслоу» можно ставить крест. Оборвется наша единственная прямая ниточка... Все многомесячные труды насмарку!

– Да, сэр, понимаю.

– Вряд ли. Зачем Питерсон его арестовал, черт возьми? Вы же слышали, что говорил Оукли на совещании. Вы расследуете убийство Грегори Манро, к которому Гэри Уилмслоу не имеет отношения! Я еду из Манчестера, возвращаюсь с конференции. Немедленно отправляйтесь в отделение и приструните своих подчиненных.

Выпустите Уилмслоу под залог или, еще лучше, найдите способ обойтись официальным предупреждением и освободите его! – Марш повесил трубку.

– Проблемы? – спросил Айзек, возвращаясь на балкон с большим фарфоровым блюдом, на котором были красиво разложены сыр и оливки. Эрика с тоской посмотрела на угощение.

– Звонил Марш. Питерсон не сдержался. Поеду в отделение разбираться. – Она глотнула напоследок вина и отдала бокал Айзеку.

– Прямо сейчас?

– Да. Прелести моей работы. Извини. Не знаю, сколько там проторчу. Я позвоню, – пообещала Эрика и поспешила к своей машине.

Айзек остался на балконе. Он смотрел на город, думая, что, возможно, в ближайшее время она не даст о себе знать, если только не обнаружат очередной труп.

Глава 23

Эрика вошла в отделение Луишем-Роу. В приемной никого, кроме дежурного. Вулф, сидя за своим столом, расправлялся с едой из китайского ресторана.

– Для Гэри Уилмслоу принарядились? – пошутил он, обратив внимание на ее летнее платье свободного покроя на тонких ляпочках.

– Где он? – сердито спросила Эрика.

– В третьей допросной.

– Пропустите меня.

Вулф нажал на кнопку, дверь открылась. Эрика прошла мимо него в коридор. Вулф проводил ее взглядом, впервые заметив, что у нее, оказывается, неплохая фигура и довольно стройные ноги.

* * *

Эрика прошла в массивную стальную дверь, отделявшую блок с камерами для задержанных от помещений, где работали сотрудники полиции, и направилась в комнату, из которой велось наблюдение за ходом допросов. Там перед огромной панелью с видеоэкранами сидели констебль Уоррен и один из полицейских в форме. Один из экранов показывал с верхнего ракурса голый кабинет для допросов № 3, где посередине стояли стол и два стула. Один занимал Питерсон, на втором сидел Гэри Уилмслоу со сложенными на груди руками и самодовольной ухмылкой. В углу за Питерсоном сидела на стуле незнакомая Эрике молодая женщина.

– Кто это? – спросила она.

– Констебль Райан, – ответил Уоррен.

– Давай, Гэри, рассказывай. Где ты взял сигареты? – спросил Питерсон в допросной. В наблюдательской динамике придали его голосу металлический призыв.

– Они не мои, – пожал плечами Гэри. В ярком свете его бледная лысина блестела.

– Ты ведь знал, что они там, Гэри.

– Они не мои.

– Грегори Манро зарабатывал более двухсот тысяч в год. Плюс доход от аренды домов...

– Они не мои, – повторил Гэри скучным голосом.

– Он не стал бы рисковать своей карьерой из-за блока контрабандных сигарет...

– Они. Не. МОИ, – повторил Гэри, оскалившись.

– Ты за ними явился в дом? Узнал, что он перешел к Эстель Манро?

Гэри сидел, все также со сложенными на груди руками, и смотрел перед собой.

– Не прикидывайся шлангом, Гэри. Мы были наверху и слышали, как ты угрожал Эстель. Нравится стращать старушек? – не унимался Питерсон.

– Я ей не угрожал, – злобно отвечал Гэри. – Я ее защищал.

– Защищал? От чего?

Гэри рассмеялся, подаваясь вперед за столом.

– От тебя, чумазый. Знаю я таких. При виде белых женщин возбуждаются, как кобели. Даже дряхлые кошелки вроде Эстель вас заводят. – Он откинулся на стуле, ухмыляясь.

– Где ты взял сигареты, Гэри? – заорал Питерсон, явно теряя самообладание.

– Не понимаю, о чем ты, – ответил Гэри.

– Мы ясно слышали, как ты сказал, что пришел за *своими* сигаретами. А потом на чердаке мы нашли двадцать тысяч испанских «Мальборо Лайтс». Упакованных в пластик.

– Мне повезло, я несколько раз отдыхал в Испании, – отвечал Гэри с издевательской улыбкой на лице. – Сигареты тут ни при чем, я просто из вежливости поддерживаю разговор.

Питерсон, глядя на Гэри, придвинул к нему свое лицо почти нос к носу.

– Убери свою рожу от меня... Убери свою рожу...

Питерсон не шелохнулся, продолжая взглядом буравить Гэри.

– Убери от меня свою грязную рожу! – Гэри отклонил назад голову и со всей силы врезал ею Питерсону в лоб.

– Боже! – вскричала Эрика. Она выскочила из наблюдательской и в коридоре налетела на Мосс.

– Чем вы занимаетесь, черт возьми? Почему не там?

– Я пытаюсь разобраться с адвокатом Уилмслоу... – начала Мосс.

Эрика метнулась мимо нее к кабинету для допросов № 3 и рывком открыла дверь. Питерсон с Уилмслоу были на полу. Гэри сидел на нем

верхом и кулаком бил его в лицо. Питерсон сбросил его с себя, отшвырнул к стене. Гэри быстро оправился и снова рванулся к Питерсону. Констебль Райан, увидев Эрику, кинулась помогать.

– Быстро! Нужна поддержка. Сюда, живо! – крикнула Эрика, глядя в камеру. Эрика, Мосс и Райан оторвали Гэри Уилмслоу от Питерсона и сумели заковать его в наручники. Губа у него была разбита, он харкал на пол. В этот момент в дверях появились трое полицейских в форме.

– Проснулись? В камеру его. Живо, – распорядилась Эрика.

– Всегда к твоим услугам, чумазик. – Гэри нахально улыбнулся Питерсону окровавленным ртом, и его потащили прочь. Питерсон медленно поднялся с грязного пола. Две пуговицы на его рубашке были оторваны, нос кровоточил.

– Что вы тут устроили? – спросила Эрика.

– Босс, он...

– Рот закрыть и привести себя в порядок. Потом поговорим.

Питерсон вытер рот тыльной стороной ладони и покинул кабинет для допросов.

– Босс, мы нашли у него уйму сигарет... – начала Мосс. Эрика жестом велела ей молчать.

– Я знаю, что произошло. А вот чего я не хочу знать, так это почему два моих лучших сотрудника не соблюдают процедуру допроса.

– Я пыталась связаться с его адвокатом.

– Выйдем, – сказала Эрика, заметив, что камеры все еще ведут запись их разговора.

* * *

– Вы же знаете, что у Питерсона зуб на Уилмслоу, – продолжала Эрика, когда они вышли в коридор. – Он – подонок, но к убийству Грегори Манро он не причастен, у него алиби. Ваша задача – расследовать убийство, а не тащить в участок всех подряд, кто вам не понравился.

– Дело не в том, что он нам не нравится...

– Идите домой, Мосс. Я все улажу.

– Но...

– Домой. Сейчас же!

– Слушаюсь, босс. – Вытирая со лба пот, Мосс пошла прочь. Эрика осталась одна в коридоре, под жгуче-ярким светом флуоресцентных ламп.

Часом позже она нашла Питерсона в мужской раздевалке на цокольном этаже отделения. Здесь смешивались запахи напольного воска и людских тел. Питерсон сидел на лавке, прислонившись к шкафчикам. На одной из металлических дверей шкафчиков, что стояли напротив, красовалась вмятина, а рука Питерсона была обмотана окровавленной тряпкой.

– Он специально нарывался, босс, – произнес Питерсон, поднимая глаза на Эрику. – Вломился в дом, сшиб с ног Эстель. Нас послал куда подальше.

– Он, конечно, мразь, Питерсон. Но если бы я арестовывала каждого, кто меня посылает, тюрем бы не хватило.

Окон в раздевалке не было, свет горел только над раковинами, окутывая все помещение сумеречным сиянием. В тонком летнем платье Эрика чувствовала себя почти что обнаженной; серебряные подвески в ушах шлепали по щекам. Она сложила на груди руки.

– За что конкретно вы его арестовали, Питерсон?

– У него были контрабандные сигареты, которые он планировал продать!

– И у вас есть доказательства того, что он планировал их продать?

– Ну как же, босс! Там ведь тысячи сигарет!

– Допустим, он собирался их продать, но какое отношение это имеет к нашему убийству? – спросила Эрика.

– Босс, Уилмслоу находится на пробации, – отвечал Питерсон. – Не просто же так. И мы до сих пор не знаем, причастен ли он к убийству Грегори Манро. Зато теперь у нас есть время, чтобы копнуть поглубже.

– Он не причастен к убийству Грегори Манро! – раздраженно бросила Эрика.

– Мы этого не знаем, босс. Его алиби подтверждают только сестра и мать, которые...

Эрика прошла к раковине, включила холодную воду. Сполоснув лицо, она набрала в ладони воды и напилась. Потом закрыла кран и промокнула рот бумажным полотенцем.

– Питерсон...

– Что?

– Гэри Уилмслоу находится под следствием за изготовление и распространение детской порнопродукции. Потенциально он является ключевым игроком в обширной подпольной сети педофилов. Полиция ведет за ним скрытое наблюдение. Именно поэтому мы *точно знаем*, что он не убивал Грегори Манро. У него железное алиби.

Питерсон в шоке вытаращился на нее.

– Вы это серьезно?

– Да, серьезно. И я не должна была вам это говорить.

Питерсон грузно наклонился вперед и опустил голову в ладони.

– *Нельзя* поддаваться на провокации сволочей вроде Уилмслоу. Вы же знаете, что это за типы. Он умеет выводить из себя. С детства научен. Я считала вас более умным человеком. Жажда мщения затмевает разум.

– И когда его арестуют? – сипло выдавил из себя Питерсон, словно борясь со слезами.

– Не знаю. Марш сообщил мне об этом пару дней назад, когда я хотела взяться за Уилмслоу. Эта операция называется «Хемслоу». Полиция считает, что есть фабрика по производству DVD-дисков и отснятый материал... на сотни часов, который загружают в Сеть.

Ее слова повисли в воздухе. Питерсон выпрямился, прижал к глазам ладони.

– Нет, нет, нет, нет... – произнес он. Эрику потрясла его реакция. Он не пытался снять с себя вину или оправдаться. Питерсон отнял руки от лица. – Что же теперь будет?

– Неведение не может служить оправданием, а вы совершили глупость... Но вы не знали об Уилмслоу. Просто выполняли свою работу, хоть и действовали небезупречно. Ваше счастье, что драку в допросной начал Уилмслоу. Я скажу Маршу, что выпала вам по первое число.

Питерсон смотрел на Эрику, пораженный ее спокойным тоном.

– Я имел в виду, что теперь будет с операцией «Хемслоу»?

– Не знаю.

– Вы не требуете, чтобы я сдал свое удостоверение? – тихо спросил он.

– Нет, Питерсон. Я вижу, что вы и так потрясены.

– Да уж.

– Теперь идите домой. Жду вас здесь завтра с ясной головой. Вам будет объявлено официальное предупреждение. К счастью, оно у вас первое.

Питерсон встал, взял куртку и, больше не сказав ни слова, ушел. Эрика озабоченно смотрела на закрывшуюся за ним дверь. Еще час она провела в отделении, улаживая инцидент. Гэри Уилмслоу было сделано официальное предостережение за оскорбительные расистские речи в адрес сотрудника полиции.

* * *

Эрика курила на крыльце. Из отделения в сопровождении своего адвоката, холеного мужчины в сером костюме из ткани в тонкую полоску, вышел Гэри. Он задержался на верхней ступеньке и, убедившись, что адвокат отошел довольно далеко и не услышит его, сказал:

– Спасибо, что отпустили. Кстати, раз теперь я на свободе, может, пойдем позажигаем? Видок у тебя аппетитный.

Эрика повернулась, посмотрела на него. Гэри пожирал ее вожделенным взглядом. Она поднялась на верхнюю ступеньку, где он стоял, поравнялась с ним.

– Дальше неудачной попытки изнасилования дело у нас не пойдет. Впрочем, с другими женщинами, я уверена, ты тоже на большее не способен, – ответила она, приблизив свое лицо к его.

Адвокат заметил, что Гэри не идет за ним, когда уже находился на полпути к машине.

– Мистер Уилмслоу, – окликнул он своего подопечного, обернувшись.

– Тварь, – буркнул Гэри.

– Кто бы говорил, – ответила Эрика, выдержав его взгляд. Он повернулся, спустился с крыльца и поспешил за своим адвокатом.

Перед входом остановился автомобиль Марша. Тот выбрался из машины. Вид у него был не радостный.

– Нужно поговорить. У меня в кабинете. Прямо сейчас! – Он решительным шагом прошел мимо нее.

Эрика смотрела, как Гэри с адвокатом выехали со стоянки на черном БМВ. Ее не покидало ужасное чувство, что она выпустила из клетки дикого зверя.

Глава 24

– Эрика, вы обязаны контролировать своих подчиненных. Что заставило вас покинуть место происхождения? – спросил Марш, вышагивая по кабинету. Эрика выслушивала его стоя.

– Сэр, когда я уходила, там не было никакого происшествия. Питерсон и Мосс вместе с Эстель Манро ждали дактилоскописта... Уилмслоу уже после моего ухода ворвался в дом.

– Я только что из СОУ, где Оукли устроил мне разнос.

– В Следственно-оперативном управлении знают, что по нашему делу у нас с ними возможен конфликт интересов.

– Да, и благодаря инспектору Питерсону столкновение произошло.

– Сэр, ни Уилмслоу, ни его адвокату ни словом не было упомянуто про операцию «Хемслоу». Никто из моих сотрудников о ней не знает. Поэтому Питерсон...

– Совершил глупость. Идиот.

– Я отпустила Уилмслоу, сделав ему официальное предостережение, – сказала Эрика.

– И, думаете, у него это не вызовет подозрений? Мы применяем суровые меры к тем, кто провозит контрабандой сигареты и пускает их на черный рынок. Его задержали за хранение двадцати тысяч контрабандных сигарет, он ударил сотрудника полиции. Разве его не насторожит, что за все это ему позволили отделаться предостережением?

– В голову к нему залезть я не могу, но он профессиональный преступник. Такие всю жизнь существуют на грани паранойи и экзальтации.

– Эрика, Уилмслоу – единственное звено в обширной сети преступников, участвующих в совершении насилия над детьми, к которому нам удалось подобраться. На операцию «Хемслоу» потрачены миллионы, и если его потеряют...

– Его не потеряют, сэр.

– Вы теперь руководите операцией «Хемслоу», Эрика?

– Нет, сэр. Все еще жду вестей о своем повышении...

Марш мерил шагами кабинет. Эрика прикусила губу. «Почему порой я никак не могу удержать язык за зубами?» – укорила она себя.

– Есть подвижки в расследовании убийства Грегори Манро? – наконец спросил Марш.

– В доме Манро сняли отпечатки с одной из картинных рам. Я жду результатов дактилоскопии. Похоже, преступник, проникнув к нему в дом, забрал его сертификат ГМС. Об этом стало известно лишь после того, как криминалисты произвели осмотр и вернули дом Эстель Манро. Также соседи из дома напротив возвратились из отпуска. По их словам, за две недели до убийства они видели, как в дом Манро в разное время входили молодые люди. На вид «мальчики по вызову». Завтра у меня будут их фотороботы.

Марш остановился и посмотрел на нее.

– Передайте все материалы дела одной из групп, специализирующихся на расследовании убийств на сексуальной почве.

– Что?

– На месте убийства обнаружено гей-порно, в его телефон загружено приложение, обеспечивающее доступ к геосоциальной сети для геев, теперь еще и соседи утверждают, что видели, как к нему домой приходили мальчики по вызову...

– Личности этих молодых людей еще не установлены, – заметила Эрика, жалея, что упомянула мальчиков по вызову. – Если мы передадим это дело, оно затеряется в море других дел. А я уже близка...

– Близки к тому, чтобы провалить многомиллионную операцию, вызвать подозрение у опасного преступника, что за ним ведется скрытое наблюдение?

– Сэр, вы несправедливы.

– Послушайте, Эрика. Я настоятельно советую вам отказаться от расследования этого дела и передать его другим службам. А я позабочусь о том, чтобы это не выглядело как провал с вашей стороны.

– Сэр, прошу вас...

– Все, это не обсуждается. Скомпонуйте все материалы по убийству Грегори Манро и будьте готовы передать дело завтра к обеду.

– Слушаюсь, сэр. – Эрика хотела добавить что-то еще, но передумала. Она повесила на плечо сумку и вышла из кабинета Марша, еле сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверь.

* * *

Эрика припарковалась возле своего дома и заглушила мотор. При мысли о том, что надо идти домой, ей стало еще тоскливее. Она опустила стекло и закурила. Дымила сигаретой, вслушиваясь в шум дорожного движения на Лондон-роуд и стрекот сверчков в кустах.

Что-то в этом деле ускользало от нее. Кто убийца – Гэри Уилмслоу? Или один из мальчиков по вызову, навещавших Грегори Манро? Может, у Грегори что-то было на Гэри, поэтому от него и избавились? Эрику не покидало ощущение, что ответ где-то рядом. Простой ответ. Обычно это маленькая зацепка вроде пропущенного стежка на одеяле. Нужно только найти эту зацепку, потянуть за нее, и клубок распутается сам собой.

Эрике было обидно, что не она найдет убийцу Грегори Манро. Завтра придет на работу и скажет своим коллегам, что дело передается другой следственной группе, как раз в тот момент, когда начинается самое интересное.

Глава 25

ГЕРЦОГ: Получила?

СОВА: Да. Только что. Пропустила доставку почты. Пришлось забирать из отделения... Если бы они знали, что внутри.

ГЕРЦОГ: Все было запечатано?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: ТОЧНО?

СОВА: Точнее некуда. Ножом пакет вскрывала.

ГЕРЦОГ: Тогда ладно.

СОВА: Ты что так дергаешься?

ГЕРЦОГ: Думаешь, они вскрывают почту?

СОВА: Кто?

ГЕРЦОГ: Почтовая служба.

СОВА: Нет. Это противозаконно. Если только ты не террорист.

ГЕРЦОГ: Понятно.

СОВА: А я разве террорист?

ГЕРЦОГ: Конечно, нет.

СОВА: То-то же. Я делаю это на благо общества.

ГЕРЦОГ: Знаю. И общество будет тебе благодарно. Я благодарен.

ГЕРЦОГ: И все же может быть так, что пакет вскрыли, а потом снова запечатали?

СОВА: Но это же я делаю – НЕ ТЫ.

ГЕРЦОГ: Все равно я рискую. В инвойсе указана моя фамилия.

СОВА: Боже, Герцог. Ну ты и бздун.

ГЕРЦОГ: Я не бздун.

СОВА: Тогда заткнись.

Переписка на время прекратилась. Текст застыл на экране.

СОВА: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ: Ничего не принимай как должное. Будь осторожна.

СОВА: Он это заслужил.

ГЕРЦОГ: Заслужил.

СОВА: Моя ненависть столь сильна, что меня саму приводит в трепет, вдохновляет.

ГЕРЦОГ: Ты меня вдохновляешь.

СОВА: И он будет трепетать.

ГЕРЦОГ: Сообщишь, когда будет кончено?

СОВА: Ты узнаешь первым.

Глава 26

Сова катила по пустынным улицам зажиточного квартала Лордшип-лейн в южной части Лондона. Мимо мелькали окутанные темнотой частные магазинчики. Было тихо, слышались только поскрипывание колес горного велосипеда и отдаленный гул города.

Близилась полночь, но от асфальта по-прежнему исходил жар, и Сова, в черном спортивном костюме, обливалась потом. На машине было бы быстрее, но на каждом углу висели камеры видеонаблюдения, фотографировавшие людей и номерные знаки. Риск был слишком велик.

Установить адрес по Интернету оказалось совсем нетрудно. Он был личность известная, любил кричать о своей личной жизни в светской хронике. Сова обнажила в улыбке ряд мелких кривых зубов.

Слишком много болтает о себе.

Поскольку следующая намеченная жертва была публичной фигурой, к тому же нередко попадавшей в скандальные ситуации, Сова опасалась, что его дом находится под защитой надежной системы охранной сигнализации, однако одного простого визита в ясный жаркий день на минувшей неделе оказалось достаточно: один телефонный звонок с одноразового телефона, самодельный рекламный листок несуществующей компании «Белл. Надежные сейфы» – и все дела. Сова была шокирована тем, что увидела его лицо так близко. Ей было трудно скрывать свою ненависть, вести себя легко и непринужденно.

Сова свернула с Лордшип-лейн и остановилась у высокой стены. Тормоза горного велосипеда издали сдавленный визг, прозвучавший слишком громко в тиши улицы.

Вдоль дороги стояли в ряд красивые элегантные дома. За каждым домом был сад. Высокая стена служила боковым ограждением крайнего из них. Сова поставила велосипед за почтовым ящиком, стоявшим близко у стены, затем, используя его как опору, перелезла в сад. Четыре дома были оснащены системой охранной сигнализации. Все шесть садов сзади были обнесены единой высокой стеной, за которой находился автовокзал.

Перебраться через первый сад не представляло труда. Он был заросший, а в окнах большого дома, в котором обитала пожилая дама, свет не горел. Сова почти бесшумно перебежала сквозь двор и через низкий забор перелезла в соседний сад.

Охранное освещение включено не было, но владелец этого дома сделал к нему огромную пристройку, из-за которой площадь сада сократилась до полоски травы у высокой задней стены. Первое окно нижнего этажа затемнено, но второе оказалось приоткрытым на несколько дюймов и из него сочилось мягкое многоцветное сияние. Это была просторная детская, где из мебели ближе к окну стояла только большая деревянная колыбель.

В колыбели стоял, вцепившись пухлыми ручонками в планки высокой боковины кровати, маленький ребенок с огромными глазищами и взлохмаченными черными пушистыми волосами. Он смотрел в сад. Мягкий свет исходил от медленно вращающегося ночника. Сова приблизилась к открытому окну и прошептала:

– Привет.

Малыш переступил с ноги на ногу, хватаясь за край колыбели. Это оказалась девочка. В розовом комбинезоне и в розовой вязаной кофточке. Было душно, кирпичная стена дышала жаром.

– Тебе жарко и скучно? – шепотом произнесла Сова с улыбкой. Малышка улыбнулась в ответ, покачнулась. Потянув за кофточку, она тихо захныкала.

Сове предстояло пройти еще через три сада, но ей стало жалко невинное дитя, изнывавшее от духоты в жаркой комнате. Окно поддавалось легко. Сова перенесла ногу через подоконник и залезла в дом. Девочка таранилась на гостью большими круглыми глазенками, не зная, как реагировать на человека, забравшегося в ее комнату.

– Не бойся... не бойся, – прошептала Сова. – Ты – невинное дитя. Еще не имела возможности посеять хаос в этом мире. – Быстрым движением Сова взяла малышку из колыбели, вытянула ее на руках. Та засмеялась. Сова снова поставила девочку в кроватку и, поддерживая одной рукой, чтобы она не упала, другой проворно расстегнула крохотные пуговицы, отцепила каждый рукавчик и сняла кофточку.

– Ну вот, так лучше? – воркующим голосом произнесла Сова. Малышка безропотно позволила, чтобы ее приподняли и положили на крохотный матрас, застеленный белой простышкой с узором в виде

серых слоников. Она подняла вверх свои ручонки, а Сова медленно крутанула музыкальный мобиль, что висел над кроватью.

Заиграла тихая мелодия «Ты мигай, звезда ночная»[\[33\]](#), и Сова отступила из поля зрения девочки.

* * *

В третьем саду прожектор охранного освещения светил с задней стены, и перебраться через двор было непросто: пришлось идти по самому краю, чтобы не попасть в его луч.

Четвертый сад оказался несколько неухоженным: высокая трава, пышные клумбы. Сова скользнула мимо пластиковых качелей и заросшей песочницы и притаилась у двери хозяйственной постройки.

Спрятав лицо в капюшоне, так что из-под него виднелся только блеск пары глаз, Сова приставила ухо к двери и прислушалась, затем вытащила длинный кусок тонкой проволоки и вставила его в замочную скважину.

Глава 27

Телеведущий Джек Харт вышел из бара закрытого клуба на Шарлотт-стрит в центральной части Лондона и остановился у входа, наслаждаясь приятным теплом летнего вечера. Несмотря на поздний час на тротуаре толпилась в ожидании большая группа фоторепортеров. Вспышки их фотокамер быстро засверкали, когда Джек сбегал по ступенькам к ним навстречу.

Стройный, поджарый, Джек был хорош собой, с белыми, как снег, волосами. Он носил модную стрижку – подбритые виски и затылок, гладко зачесанная вверх челка. Зубы у него были такие же белые, как и волосы. Сшитый на заказ модный костюм идеально сидел на его высокой фигуре. Он обрадовался, увидев, что его ждут журналисты с Би-би-си, Ай-ти-ви[34] и «Скай ньюс»[35], а также традиционная компания представителей желтой прессы, в числе которых находились и его бывшие коллеги. Правда, радость свою он постарался замаскировать на своем красивом лице выражением серьезной задумчивости.

– Вы считаете себя ответственным за смерть Миган Фэрчайлд? – крикнул репортер одной из широкополосных газет.

– Как вы думаете, вашу программу снимут с эфира? – крикнул другой.

– Признайтесь, Джек. Это ведь вы ее убили, да? – промурлыкал один из папарацци, близко подойдя к нему. Вспышка его фотокамеры ослепляла Джека.

Не отвечая, он протиснулся сквозь толпу, сел в черное такси, ожидавшее его у обочины, и захлопнул дверцу. Машина медленно тронулась с места. Репортеры не отставали, объективами фотокамер прижимаясь к стеклу, наполняя салон яркими вспышками света. Наконец они завернули за угол Шарлотт-стрит, и водителю удалось прибавить скорость.

– Моя жена обожает ваше шоу, приятель, – сказал таксист, глядя на Джека в зеркало заднего обзора. – Ведь у вас всё специально подстроено, да?

– Это прямой эфир, здесь может случиться что угодно, – возразил Джек, повторив заученную фразу, которой он начинал каждую свою

передачу.

– Говорят, у девушки с вашего шоу, у той, что покончила с собой... Миган... с головой было не все в порядке. Готов поспорить, она так и так порешила бы себя, приятель, – сказал таксист, снова поймав его взгляд в зеркале заднего обзора.

– Не старайтесь. Я и так собирался дать вам хорошие чаевые. – Джек откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, умиротворяемый мягким покачиванием такси, катившего по улицам Центрального Лондона.

– Как вам будет угодно, приятель, – буркнул водитель.

«Шоу Джека Харта» транслировали по телевидению в утренние часы пять дней в неделю. За последний год рейтинг передачи сильно вырос, но по популярности ей все еще было далеко до основного конкурента – «Шоу Джереми Кайла»[\[36\]](#).

Джек Харт гордился тем, что его программа идет в прямом эфире. Это придавало шоу остроту, привлекало к нему внимание прессы. Пять дней в неделю его гости в «добрых» традициях «Шоу Джерри Спрингера»[\[37\]](#) боролись и добивались своих пятнадцати минут славы, полоща собственное грязное белье перед телекамерами, и зрителям это нравилось.

Начинал Джек журналистом на Флит-стрит[\[38\]](#) и тонкости своего гнусного ремесла постигал в качестве репортера, собиравшего конфиденциальную информацию. Он предавал огласке романы знаменитостей, изобличал бесчестных политиков, писал сенсационные газетные очерки. «Шоу Джека Харта» он часто характеризовал как таблоид, размазанный на объективе камеры.

Случай Миган Фэрчайлд мог служить ярким тому примером: молодая женщина, носившая под сердцем ребенка, отец которого спал с ее собственным отцом. К сожалению, создатели шоу не удосужились выяснить, что отец Миган насиловал дочь на протяжении всего ее детства. На следующий день после выхода в эфир провокационной передачи Миган покончила с собой и со своим нерожденным ребенком, выпив литр гербицида.

На публике Джек демонстрировал раскаяние, и в общем-то вполне искренне: он еще не окончательно очерствел душой, и эти две смерти его печалили. Но за закрытыми дверями Джек и его продюсеры млели

от внимания прессы, надеясь, что благодаря шумихе в СМИ рейтинг их передачи взметнется до небес.

Джек открыл глаза и, вытащив телефон, подключился к своему каналу в *Twitter*. Люди до сих пор говорили о смерти Миган, что его немало обрадовало. Еще кое-кто из знаменитостей средней руки прислал сердечные соболезнования. Джек ответил им и затем загрузил страничку *Go Fund Me* – кампании по сбору средств в память о Миган. Сумма пожертвований только что достигла £100 000. Он поблагодарил всех и снова развалился на сиденье, тихо напевая слова песни *And the Money Kept Rolling In* («И деньги текут рекой») из своего любимого мюзикла «Эвита».

* * *

Спустя сорок пять минут такси затормозило у большого красивого дома в Далидже, где жил Джек. Он поблагодарил водителя, испытывая одновременно облегчение и разочарование от того, что на улице его поджидало мало фоторепортеров. Он насчитал всего пятерых. «Наверно, получили то, что хотели, возле бара. Зачем же еще тащиться за реку?», – рассудил Джек. Он выбрался из машины, расплатился с таксистом через окно со стороны пассажирского кресла. Репортеры защелкали фотоаппаратами. На черном такси и окружающих домах замелькали яркие вспышки.

Джек протолкнулся через небольшую группу фоторепортеров и открыл калитку дома, думая о том, что скоро эта эксцентричная сцена, имевшая место в тихом уголке Далиджа на юге Лондона, будет растиражирована в СМИ по всей стране.

– Вам есть что передать матери Миган Фэрчайлд? – спросил один из журналистов.

Джек остановился перед входной дверью и, повернувшись к репортерам, сказал:

– Вы бы лучше беспокоились о собственной дочери. – С минуту он стоял, задумчиво глядя в объективы, затем развернулся на каблуках, отпер входную дверь, вошел в дом и закрылся от сверкающих вспышек.

Зазвенела охранная сигнализация. Джек быстро набрал четырехзначный код. Экран прибора осветился зеленым, и звонок умолк. Джек снял тонкий пиджак, достал из карманов бумажник с ключами и положил их на столик в прихожей, затем прошел в жилую

комнату открытой планировки с видом на темный сад и включил свет. Взору его предстало огромное пустое пространство. Джек подошел к холодильнику, на мгновение остановился перед ним, глядя на рисунки, висевшие на дверце, – рисунки его маленьких детей: сына и дочери. Он открыл холодильник, достал бутылку пива, откупорил ее. Пиво не зашипело: крышка бесшумно слетела с бутылки, звякнув лишь при падении на стол.

Джек глотнул пива. Оно было холодное, но как будто чуть выдохшееся. Он снова открыл холодильник и увидел, что пива там больше нет. Он точно помнил, что оставалось еще три бутылки... В недоумении он постоял пару секунд, затем погасил свет и пошел наверх.

Жилую комнату на мгновение окутала тишина. Из ванной на верхнем этаже доносились стук и хлопанье, потом зашумел душ. Из двери хозяйственного помещения медленно выскользнула маленькая сбитая фигурка в черном – тень в темноте. Она прошмыгнула через кухню к лестнице и принялась подниматься наверх, полной стопой становясь на каждую ступеньку, чтобы не производить скрипа.

На лестничной площадке было темно, лишь из ванной на ковер падала полоска света. Сова – пара глаз, поблескивающих из глубины капюшона, – подкралась к двери ванной.

Крепкий, гибкий, Джек сложен был великолепно. Сова наблюдала, как он намыливается под душем, как пенится шампунь на его мокрых волосах. Струя мыльной воды текла по его мускулистой спине и меж ягодицами. Купаясь, Джек что-то тихо и монотонно напевал себе под нос.

– Меня тошнит от тебя, – прошептала Сова. Пение прекратилось. Джек с прилизанными, как мех котика, мокрыми волосами убрал голову из-под душа.

Стоять и незаметно наблюдать... как же это пьянит! Подумать только! Вся страна говорит об этом человеке... об этом спесивом, эгоистичном ублюдке! Металлический скрежет. Шум воды прекратился. И Сова снова быстро растворилась в темноте.

* * *

Джек вышел из душа, миновал спальни сына и дочери. Двери пустых детских он держал постоянно закрытыми. Только мимо закрытых дверей каждый вечер он мог проходить, не испытывая тоски

и сожаления. С бутылкой пива в одной руке, другой полотенцем вытирая волосы, Джек прошлепал в свою элегантную спальню. Голый опустился на край кровати, уронив на ковер полотенце. Пиво быстро теплело и выдыхалось, поэтому он залпом допил бутылку и поставил ее на тумбочку с другой стороны кровати.

Ему вспомнилось теплое уютное тело жены. Как она часто сидела с книгой в руках, делая вид, что читает, когда он поздно возвращался домой. Книга всегда была всего лишь реквизитом, служила оправданием тому, что она еще не спит и может выразить свое недовольство.

Джек хотел встать и спуститься вниз еще за каким-нибудь напитком, но голова внезапно отяжелела. И руки-ноги тоже. Все тело сковала усталость. Он лег, переместился на кровати так, чтобы голова лежала на подушке, взял с тумбочки пульт и включил телевизор. Канал «Скай» показывал, как он час назад выходил из клуба на Шарлотт-стрит. В нижней части экрана под красным заголовком «НОВОСТИ» он прочитал: «Орган по надзору за СМИ проведет расследование в связи со скандальной передачей Джека Харта».

Взгляд его блуждал по спальне, снова остановился на телевизоре: краски на экране, казалось, выщелачивались полосами. Джек приподнял голову от подушки, и комната стала кружиться перед глазами. Он опять бухнулся на подушку. Несмотря на жару, его знобило. Он сумел вытащить из-под себя одеяло и укрыться, наслаждаясь теплом.

– Постой, постой, – пробормотал Джек, едва вникая в смысл слов, что ползли по экрану. Шум телевизора обволакивал, комната вращалась. Он дернул головой, и ему показалось, что возле кровати движется некое черное пятно. Оно мелькнуло у двери и исчезло. Где-то в глубине сознания Джек понимал, что с ним происходит нечто нехорошее. Возможно, у него некий суточный грипп. *Постой, если будут проводить расследование, нужно ведь кому-нибудь позвонить,* подумал он.

* * *

Сова не тратила впустую ни секунды: быстро спустилась вниз и заблокировала изнутри входную дверь, затем, взяв маленький аккуратный секатор, перерезала провода интернет-модема и телефонной связи. Огоньки на модеме мигнули и погасли. Из тонкого

пиджака Джека, который он повесил в прихожей, Сова вытащила «Блэкберри», извлекла из аппарата SIM-карту, бросила его на пол и раздавила пяткой, покорежив растрескавшийся дисплей.

Осталось отключить энергоснабжение. Прибор охранной сигнализации запищал. Сова ввела PIN-код, и наступила тишина. Сверху донесся тихий стон. Сова взялась за перила и стала медленно подниматься по лестнице.

* * *

Комната теперь вращалась, как сумасшедшая. Джек, лежа на кровати, не сразу сообразил, что телевизор умолк, а экран его потемнел. Впрочем, как и спальня. Ощущение панического ужаса присутствовало, но оно было далеким и размытым, Джек не мог в полной мере его прочувствовать. Ему снова вспомнилась жена, Мари. В темноте он положил руку на вторую половину кровати и пришел в недоумение. Где же она?

Джек почувствовал, как матрас возле него колыхнулся, просел: кто-то забрался в постель. Его ладонь коснулась теплого тела.

– Мари? – прохрипел он в тишине, нащупав плоть под тонкой тканью одежды. – Мари? Когда ты вернулась? – Несмотря на наркотики в крови, он помнил, что расстался с женой. Она его бросила. Ушла и забрала с собой детей. Джек замер, потом попытался отодвинуться.

– Тсссс... Расслабься, – произнес чей-то голос. Принадлежавший не Мари. Этот голос был резкий и до странного высокий.

Джек попытался встать с кровати, но та под ним кренилась и заваливалась. В руках и ногах сил не осталось, координация движений была нарушена. Он схватился за телефон на тумбочке, но только сшиб его на пол. Потом он почувствовал, что незваный гость залез на него и перевернул на живот. Беспомощно взмахивая конечностями, он силился сопротивляться, но сильные руки проворно сцепили его запястья и рывком перевернули его на спину.

– Хшоо ффыы? – Джек пытался кричать, но язык заплетался.

– Тот, кто жаждет своих пятнадцати минут славы, – рассмеялся голос. Джек услышал, как расстегнулась молния, потом хруст. Кто-то медленно стал надевать ему на голову полиэтиленовый пакет. Руки двигались быстро, дергая за нечто похожее на шнурок, который затягивался у него на шее. У Джека участилось дыхание. Полиэтилен

трещал, лип к голове, все плотнее и плотнее приставая к лицу. Один глаз оказался закрытым, а другой, прижатый полиэтиленом, оставался открытым. А потом в пакете кончился воздух.

Сова крепко держала затянутый шнурок, наслаждаясь звуками удушья: клокочущими хрипами и мычанием. Джек продолжал метаться, воля к жизни прибавляла сил. Он дернул вверх голову, лбом врезавшись Сове в лицо. У той от боли из глаз посыпались искры. Сова усилила давление, туже затянув на шее Джека шнурок, и с размаху кулаком ударила по его сплюсненному искаженному лицу.

Напоследок в сознании Джека промелькнуло, что возле его дома, наверно, все еще дежурят фоторепортеры и что это будет сенсация.

Наконец он содрогнулся, издал слабый писк и застыл. Сова еще несколько минут полежала рядом с телом Джека, наблюдая, дрожа и хватая ртом воздух от возбуждения и эйфории.

Потом бесшумно поднялась с кровати и, словно тень, выскользнула из дома.

Глава 28

Утро следующего дня, несмотря на ранний час, выдалось еще более знойным. Казалось, жар просачивается сквозь стены отделения полиции Луишем-Роу. В оперативном отделе вентиляторы работали на всю мощь, но комната раскалилась, как духовка. Мосс стояла перед демонстрационными досками, докладывала Эрике и остальным коллегам информацию о ходе расследования.

– На картинной раме, что висела на Лорел-роуд, 14, отпечатков не обнаружено, но соседи из дома напротив Грегори Манро опознали одного из молодых людей, которые к нему приходили, – докладывала она. – Вчера вечером Мари и Клод Моррис сумели составить вот этот фоторобот.

Эрика и остальные рассматривали портрет рядом с фотографиями Грегори Манро и Гэри Уилмслоу. Это был молодой парень с худощавым красивым лицом и зачесанными назад темными волосами, открывавшими высокий лоб.

– Констебль Уоррен решил расширить свои горизонты, – продолжала Мосс, – и почти всю ночь провел на веб-сайтах с мальчиками по вызову...

Несколько человек заулюлюкали, и Уоррен покраснел, закатив глаза.

– И теперь мы имеем вот это...

Мосс прикрепила фото с сайта под названием «Мальчики по найму». Сходство с фотороботом было очевидно. Оказалось, что у красивого молодого парня, смотревшего в объектив, были также зеленые глаза и модная небритость на лице. Мосс, умолкнув, закатанным рукавом рубашки отерла лоб и кивнула Уоррену.

Тот встал, несколько тушуясь.

– М-м-м... в общем, так. Зарегистрирован он под именем Джорди Леви. Ему восемнадцать лет, живет в Лондоне. Берет в час £250; за хорошие деньги, похоже, готов на многое. Разумеется, свое настоящее имя и адрес он не указал. Я связался с администратором сайта. Тот сказал, что регистрация анонимная, так что здесь ловить нечего, но я продолжаю над этим работать.

Мосс подмигнула Уоррену, и тот снова сел.

– Полагаю, все согласны, что по виду это один и тот же парень. – Она показала на фоторобот и фото ДжордиЛеви, которое тот разместил на сайте. – По-моему, это прорыв.

Раздались аплодисменты. Эрика с тяжелым сердцем, встала со стола с принтерами, на который она присела, слушая доклады коллег.

– Мосс, Уоррен, отличная работа. Спасибо. Однако вынуждена сообщить, что после тщательного анализа дела вместе со старшим суперинтендантом Маршем и помощником комиссара было решено, что расследование данного преступления относится к компетенции одной из следственных групп, специализирующихся на убийствах на сексуальной почве, – объяснила Эрика. – Сегодня во второй половине дня дело будет передано им. Прошу всех к этому времени скомпоновать собранные материалы и подготовить соответствующие документы.

– Босс, вы же понимаете, что мы вышли на след. Если найдем этого ДжордиЛеви, он выведет нас на убийцу Грегори Манро. Возможно, он что-то видел! – воскликнула Мосс.

– Нам просто нужно время, босс, – добавил Крейн, – причем немного. Поместим на сайт «Мальчики по найму» анкету подставного гомосека и договоримся о встрече с этим ДжордиЛеви. Возможно, он опишет того, кто приходил в дом Грегори Манро, и у нас появится подозреваемый.

– Мне очень жаль, но вопрос решен, – сказала Эрика. Мосс опустила на стул и в расстройстве сложила руки на груди. – Мне это нравится не больше, чем вам. Прошу всех к полудню подготовить сводки и материалы по данному делу.

Под аккомпанемент протестующих голосов Эрика покинула оперативный отдел. В коридоре она направилась к торговому автомату, опустила в него нужное количество монет и нажала кнопку с истершейся блеклой надписью «капучино». Никакой реакции. Она ударила кулаком по автомату, потом еще раз и еще, срывая свое раздражение на бездушной машине. Она не слышала, как к ней приблизилась Мосс.

– Все нормально, босс? Организм требует кофеина?

Эрика обернулась, кивнула.

– Отойдите.

Эрика отступила в сторону, а Мосс вскинула ногу в ботинке и пнула автомат чуть ниже того места, где находилась картинка с дымящейся кофейной чашкой. Автомат пикнул, и под разливное устройство опустился стакан, в который полился кофе.

– Нужно метить в блюдце, – объяснила Мосс.

– Блестящая работа, инспектор, – похвалила Эрика. – Есть ли предел вашим талантам?

– Кстати, это также работает с чаем и супом.

– А в этом автомате есть и суп?

– Угу, из бычьих хвостов. Я бы не стала рисковать.

Слабо улыбнувшись, Эрика взяла из автомата стакан с кофе.

– Босс, можно спросить вас кое о чем? Вы действительно считаете, что это дело должна расследовать другая группа?

Эрика подула на кофе.

– Да, считаю. – Ее огорчало, что она не может быть откровенной с Мосс. Та всегда была ее верным и рассудительным союзником.

– Говорят, появилась вакансия суперинтенданта, – сказала Мосс. – Вы ведь не потому хотите сплавить это запутанное дело?

– Мне казалось, вы знаете меня, Мосс. Не мой стиль.

– Хорошо. Тогда почему? Я знаю вас. Вы не сдаетесь без борьбы. Упорствуете до последнего, как Чарлтон Хестон[\[39\]](#).

– Что?

– «Только через мой труп»[\[40\]](#), – произнесла Мосс с плохим американским акцентом. Помолчав, она добавила: – Босс, как же так? Мы столько времени бились башкой об стену, и вот, когда мы почти у цели...

– Мосс, я сказала все, что хотела сказать. Мое решение окончательное.

– Ну хорошо, хорошо. Вы не можете об этом говорить. Тогда просто моргните один раз, если «да», и два – если «нет».

– Мосс... – Эрика покачала головой.

– Раз вы не можете объяснить, в чем дело, тогда хотя бы мне позвольте высказать свое мнение?

– Разве у меня есть выбор?

– Я думаю, что мы завалены делами, а Маршу необходимо пригладить цифры. Это дело становится все более замысловатым и проблемным. И он решил его сплавить.

– Мосс...

– Думаю, мотив мы определим, когда сложится схема действий убийцы. А чтобы сложилась схема, должен появиться еще один труп.

– Разумно.

– И я точно знаю, как все будет, когда дело у нас заберут. Если появится еще один труп, это снова расценят как «убийство гомосека», в гей-сообществе возникнет эпидемия страха и большая шумиха. Натуралы совершают убийств в десять раз больше. Мужчин, насилующих и убивающих женщин, считают злом. Но когда такое же преступление совершают геи, это воспринимается как естественная составляющая их натуры! И их образа жизни в целом!

Мосс распалялась все больше и больше. Эрика молча наблюдала за ней.

– Извините, босс... Просто... достало все это. Мы только-только вышли на след. Если мы завалены делами, что, у другой следственной группы работы меньше? И пока следствие возглавляли вы, я знала, что это дело в надежных руках. Уже сейчас вижу заголовки: «Разборки между гомосексуалистами в пригороде», «Гей-террор в пригороде Лондона!»

– Я не знала, что для вас это столь личный вопрос.

– Да не совсем... Тут как-то – на той неделе или на позапрошлой – у Джейкоба в школе было занятие, на котором они делали открытки ко Дню отца[41]. Так его дебильная училка – она ко всему прочему еще и жена приходского священника – никак не могла взять в толк, что у него две мамы. Заставила его сделать открытку для папы, который «где-то есть». Я хотела пойти и дать ей пинка, да Силия меня остановила.

– Мне жаль это слышать.

– Да всякого дерьма хватает. Просто я надеялась, что мы доведем это дело до конца. Надеялась, что и вы к этому стремитесь. Вы умеете противостоять давлению и всегда поступаете по совести. Во всяком случае, так...

Эрика видела, что Мосс хотела сказать «так было до сих пор», но вовремя осеклась. С минуту они стояли в молчании.

– Вам известно, где сегодня Питерсон? – спросила Эрика.

– Он сообщил по телефону, что заболел.

– Не сказал, что с ним?

Мосс помедлила, давая понять Эрике, что ей что-то известно, потом ответила:

– Нет, босс. Я прослежу, чтобы все подготовили отчеты к полудню.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Мосс направилась в оперативный отдел. Эрика провожала ее взглядом, раздумывая над ее словами.

Глава 29

Остаток утра прошел в гнетущем дурмане жаркого помещения оперативного отдела и подготовке к передаче следственных материалов по делу, к которому Эрика уже прикипела душой.

Из головы не шли слова Мосс. *Только через мой труп...* И вот вам пожалуйста. У нее в руках потрясающая зацепка, ее команда горит энтузиазмом, а она собирается отказаться от дела! Около часу дня, когда Эрика все еще сидела за своим столом, глядя в монитор компьютера, к ней подошла Мосс.

– Босс...

– Да?

– Вы уже передали дело?

– Нет. А что? – Эрика посмотрела на нее.

– Позвонили из местного отделения. В одном из домов Далиджа обнаружен труп. Белый мужчина, голый, задушен в кровати. Признаков насильственного проникновения или борьбы нет. По предварительным данным это Джек Харт.

– Что-то знакомое.

– Он ведет «Шоу Джека Харта» для безработных и неработающих родителей, у которых маленькие дети. Силия его смотрит.

– И местные полицейские считают, это тот же тип, который убил Грегори Манро?

– Местные полицейские ждут кого-нибудь из отдела убийств, но в принципе да, похоже, что это он. Это все еще наше дело?

– Да. Официально это пока наше расследование. Едем, – сказала Эрика.

Глава 30

Джек Харт жил в престижном районе Далиджа на юге Лондона. Дорога круто шла вверх, а затем резко уходила вниз. Проезжую часть перед домом перекрыли, дальше за ограждением стояли пять патрульных автомобилей, машина «скорой помощи» и два больших микроавтобуса службы технической поддержки, блокировавшие проезд с другой стороны улицы. Эрика припарковалась неподалеку от троих полицейских, следивших за тем, чтобы посторонние не пролезли за ленту ограждения. На тротуаре перед домом росла толпа, из которой тянулись вверх фотоаппараты и телефоны.

– Черт, быстро же разлетаются слухи, – заметила Эрика. Они с Мосс вышли из машины и стали протискиваться сквозь толпу, состоявшую в основном из подростков, небольшой группы старушек и женщины, прижимавшей к груди крохотного темноволосого малыша.

– Это Джек Харт? – выкрикнул рыжий парень.

– Это дом Джека Харта. Я видела его здесь, – добавила юная девушка с пирсингом на губе.

– Это – место преступления, выключите камеры в телефонах, – приказала Эрика.

– В общественном месте снимать не запрещено, – возразила ей невысокая девушка с растрепанными волосами и с ворсистой розовой сумочкой. В подтверждение своих слов она поднесла телефон к лицу Эрики. – Улыбнитесь: вас показывают по *YouTube*.

– Вообще-то не мешало бы проявить уважение. Здесь было совершено преступление, – ответила Мосс ровным тоном. Пожилые женщины молчали – просто наблюдали.

– Сволочь он был самая настоящая, этот Джек Харт. По его вине погибла Миган Фэрчайлд. Он использовал людей в своих интересах, так почему я теперь не могу использовать его в своих? – спросил бритоголовый парень. Другие подростки, осмелев после его слов, тоже повытягивали вверх телефоны.

– Уберите их подальше, – велела Эрика одному из полицейских.

– Так они же за оцеплением стоят, – ответил тот.

– Тогда включите мозги: передвиньте подальше оцепление! – рявкнула Эрика.

В эту минуту подъехал фургон «Скай ньюс» с большой спутниковой тарелкой на крыше и припарковался на противоположной стороне дороги.

– Если в помощь нужны еще люди, это не проблема. Выполняйте, – распорядилась Эрика.

– Слушаюсь, мэ, – ответил полицейский.

Эрика и Мосс зарегистрировались в журнале, поднырнули под ленту и пошли к дому.

* * *

Еще один полицейский встретил Эрику с Мосс и провел их в дом. В передней оказалось прохладнее. Убрана передняя была со вкусом: на стене большое зеркало в золоченой раме, на полу – кремовый ковер до самой лестницы с перилами из полированного темного дерева. Вслед за полицейским они поднялись на верхнюю длинную лестничную площадку, где тоже лежал кремовый ковер. В доме стояла неестественная тишина. Эрика сообразила, что здесь, вероятно, хорошая звукоизоляция, блокирующая уличные шумы. Спальня находилась в конце лестничной площадки. В открытую дверь струился солнечный свет, в воздухе лениво кружили пылинки.

– Боже, – выдохнула Мосс, когда они обогнули дверь спальни. На кровати было распростерто голое тело мертвого мужчины. На вид он был рослый, со светлой кожей, гладкой и почти без волос. Лежал на спине, с полиэтиленовым пакетом на голове, туго затянутым на шее. Рот открыт, открыт и один глаз с приплюснутым полиэтиленом веком. Другой, сильно подбитый, полностью заплыл. Зубы обнажены, словно он скалился.

– Кто обнаружил тело? – осведомилась Эрика.

– Одна из продюсеров его шоу, – объяснил полицейский. – Она залезла наверх, разбила окно, что находится сзади вас, и пробралась в дом.

Они обернулись и увидели большое окно, выходившее в сад. В стекле была дыра в окружении трещин. Кремовый ковер под окном усеивали осколки.

– Значит, она подтвердила, что это Джек Харт? – уточнила Эрика.

– Да, – кивнул полицейский.

– Я думала, его шоу идет в прямом эфире по будням каждый день.

А сегодня пятница, – заметила Мосс.

Они поразмыслили об этом с минуту.

– Ладно. Нужно скорее вызвать сюда криминалистов, – сказала Эрика, берясь за телефон.

* * *

Айзек Стронг и группа экспертов-криминалистов прибыли быстро. Облачившись в синие комбинезоны, они принялись за работу. Через пару часов Эрика и Мосс, тоже в синих комбинезонах, снова поднялись в спальню. Для тех, кто обследовал место преступления, вокруг кровати расставили железные ящики, по которым они должны были ступать, чтобы не затоптать улики.

– Ну что, Айзек? Думаешь, это тот же, кто убил Грегори Манро? Полиэтиленовый пакет, жертва – одинокий мужчина, голый... – начала Эрика.

– Не будем спешить с выводами, – сказал Айзек, глянув на нее и на Мосс с противоположной стороны двуспальной кровати. Один из экспертов, вклинившись между ними, сфотографировал тело. – Смерть наступила менее суток назад. В стиснутых кулаках, в области рта и глаз еще заметны признаки трупного окоченения. Дом фасадом смотрит на восток; эта комната, в частности, весь день находится в тени, поэтому температура обеспечила относительно хрестоматийный процесс разложения. Его возвращение домой вчера поздно вечером зафиксировали фоторепортеры, так что здесь мы руководствуемся скорее здравым смыслом, чем наукой. Полиэтиленовый пакет туго затянут под подбородком... – Айзек показал на шнурок, впившийся в кожу. – Возможно, жертва сопротивлялась; левый глаз сильно подбит, удар нанесен тупым предметом – наверно, рукой или кулаком. На тумбочке порожняя бутылка из-под пива, которую мы возьмем на токсикологическую экспертизу. Опять-таки следы борьбы на кровати и в комнате практически отсутствуют: везде полный порядок. Вероятно, убитый был в беспомощном состоянии... убийца лишил его возможности сопротивляться. Признаков сексуального насилия нет. Остальное, как всегда, после вскрытия.

– Что это на простыне? – спросила Эрика, показывая на сероватый налет на темно-голубой простыне рядом с трупом. Она опустила на корточки и заглянула под кровать: пара грязных носков и толстый, местами неровный слой пыли.

– Пыль, – сказала она, отвечая на свой вопрос. – Кто-то испачкался в пыли под кроватью и перенес ее на матрас.

– Черт, значит, кто-то прятался под кроватью, – заключила Мосс. Полицейский фотограф, склонившись над трупом, снимал тело жертвы крупным планом. При каждом щелчке его фотокамера испускала яркую вспышку света. Неожиданно у них за спинами тоже сверкнула вспышка. Эрика повернулась и увидела худого мужчину с ярко-синим ирокезом на голове, притаившегося на участке плоской крыши за окном спальни. Он просунул объектив в дыру в стекле и сделал еще два снимка.

– Эй! – крикнула Эрика, стягивая с лица защитную маску. Она подошла к окну, но мужчина, в джинсовых шортах и черной футболке с символикой группы *AC/DC*, нагнулся и сделал еще пару снимков. Он метнулся к краю плоской крыши и, раздавив ногами осколки стекла, принялся спускаться вниз, цепляясь за пышные кисти глицинии, маскировавшие водосточный желоб.

– Это еще кто такой? – спросила Эрика.

– Похож на папарацци, – предположила Мосс.

Они выглянули из окна. Мужчина уже спустился на газон. Полицейских в саду за домом не было. Эрика посмотрела на Мосс, и они бросились из комнаты.

Глава 31

Эрика с Мосс помчались к лестнице, едва не сбив с ног эксперта, державшего в руках хрупкий поднос, на котором лежали упакованные в прозрачные пакеты предметы, изъятые с места преступления. Бегом они спустились в жилую комнату открытой планировки и подскочили к окну от пола до потолка, выходявшему во внутренний двор. Эрика попыталась открыть его. Фотограф с синим ирокезом бежал к забору с правой стороны сада.

– Откройте, быстро! – заорала Эрика. Криминалисты в синих комбинезонах обратили на нее взгляды, но их лиц под масками она не различала – видела только блеск любопытных глаз.

– Босс, сюда! – крикнула Мосс, появляясь из двери, что находилась рядом с холодильником металлического цвета. Эрика кинулась за ней. Дверь вела в хозяйственное помещение, где стояли большая стиральная машина и сушка. Узкое вытянутое вверх окно выходило в ухоженный благоустроенный сад, но фотографа нигде не было. Мосс подергала ручку крепкой деревянной двери. – Заперто! И ключа нет, черт возьми! – в досаде воскликнула она.

Они глянули из окна в сад и увидели, что фотограф уже перелезает через забор. Над стиральной машиной и сушкой висели полки с упаковками бытовой химии. На нижней Эрика заметила тяжелый железный ключ. Она взяла его, вставила в замочную скважину. Дверь открылась, и они выскочили в сад. Эрика рванула вправо, ухватила за верх деревянного забора, подтянулась, перелезла в соседний сад. Мосс не отставала. Эрика приземлилась на выжженную траву, на бегу вытащила рацию.

– Он выскочит на Данэм-роуд, – крикнула сзади Мосс.

– Преследуем подозреваемого. Он бежит через сад, который граничит с Данэм-роуд в Далидже. Нужно его перехватить. Пришлите подкрепление. – Эрика достигла забора на противоположной стороне сада, снова подтянулась, перемахнула через стену, легко приземлившись в соседнем дворе. Впереди она увидела фотографа, его синий ирокез исчезал за следующим забором. *Нельзя, чтобы он ушел со снимками места преступления. Их в считанные минуты загрузят в Интернет, думала Эрика.*

Она бросилась через следующий сад, по пути обогнув пластмассовые качели, и, перепрыгнув через забор, бултыхнулась в пруд, где больно приземлилась на колени.

– Эй, вы нарушили границы частных владений! Там же карпы мои! – крикнула молодая женщина в коротком летнем платье и солнцезащитных очках, появившись на террасе.

– Полиция! – крикнула в ответ Эрика. Мокрая, она с хлопаньем выбралась из пруда и помчалась к очередному забору, видя, что нагоняет фотографа. Тот уже добежал до края следующего сада и закидывал на стену ногу.

– Держи его! – крикнула Эрика. Этот вполне уместный возглас прозвучал нелепо. Она обернулась и увидела, что у нее за спиной Мосс, перевалившись через забор, ничком упала в пруд, подняв сноп брызг. Женщина на террасе закричала еще громче.

Зной стоял невыносимый. Эрика выбилась из сил и изнывала от жары во всей своей одежде, поверх которой на ней еще был надет синий комбинезон. Мосс выбралась из воды с водорослями в волосах.

– Я цела, босс. ЗА НИМ! – крикнула она. Эрика продолжила погоню. Перелезла через очередной забор, чувствуя, как ноги карябают щепки, проткнувшие комбинезон и одежду. Она увидела, что фотограф уже подбежал к краю последнего двора, огороженного высокой стеной из светлого кирпича.

– Стоять! – заорала она.

Фотограф обернулся. Он покраснелся, синий ирокез торчал на его голове как плавник. Он поправил фотокамеру на плече, показал неприличный жест, подпрыгнул, хватаясь за верхушку стены, и подтянулся.

Эрика побежала через последний – голый и пыльный – двор, где стояли только растрескавшиеся, покрытые лишайником купалки для птиц. Мужчина, пытаясь взобраться на стену, чуть сполз вниз, и Эрике удалось схватить его за ногу. Он отбрыкнулся, задев ее по лицу, и, хотя на нем были всего лишь кроссовки, ее щеку пронзила боль. Она снова поймала его за ногу и сумела стащить с нее кроссовок, но он вырвался и перевалился через волнистый верх стены. Эрика услышала глухой стук и вскрик.

Благодаря высокому росту она с легкостью взобралась на стену. Сидя на ней верхом, Эрика увидела, что с другой стороны до тротуара

не так далеко. Фотограф неудачно приземлился на босую ногу и теперь ковылял прочь, возясь с фотокамерой. Эрика спрыгнула на тротуар. Без труда приземлившись на обе ноги, она сумела быстро догнать мужчину и схватить его за руку. Он сопротивлялся, пытаясь вырваться.

– Не... уй... дешь... – выдохнула она, отдуваясь. Спустя мгновения на верхушке стены появилась Мосс. Она сползла на тротуар и подбежала к ним. С помощью Эрики ей удалось завести мужчине руки за спину и защелкнуть наручники.

– Проклятые сучки! – орал тот.

– Успокойтесь, – сказала Эрика.

– С какой стати? Я арестован?

– Задержан, – ответила Мосс.

– На каком основании?

– На том основании, что вы не остановились, сбежали с места преступления, а мы хотели с вами просто поговорить. Вы лягнули мою коллегу в лицо, – перечислила его прегрешения Мосс.

– Закон не запрещает фотографировать! – возразил он, пытаясь стряхнуть с себя полицейских.

– Вы фотографировали место преступления, – указала Эрика.

– Фотографировать место преступления законом тоже не запрещено!

– Да, но я изымаю у вас фотоаппарат как вещественное доказательство. Не исключено, что в нем содержится информация, которая поможет нам раскрыть дело, – заявила Эрика, пытаясь отдышаться. Она никогда не видела Мосс такой злой. У той волосы и комбинезон были мокрые, сама она обливалась потом. Эрика взяла в руки фотоаппарат, который все еще висел на плече репортера, открыла сбоку крышку, заглянула в гнездо.

– Где карта памяти? – спросила она.

– Понятия не имею. – Репортер с вызовом смотрел на нее маленькими глазками-бусинками.

– Где карта памяти? Выбросили? Мы обыщем все сады, – сказала Мосс.

– Ищите, – ухмыльнулся он, пожимая плечами.

– Как вас зовут?

Мужчина снова пожал плечами.

Эрика просунула ладонь между его сцепленными руками, вытащила из заднего кармана бумажник, открыла его, достала водительские права и прочитала:

– Марк Руни, тридцать девять лет. На кого вы работаете?

– Я – свободный художник.

– Зачем вы фотографировали?

– Глупый вопрос. Это же *Джек Харт*. Я же не знал, что он погиб.

– Где гарантия, что вы не повинны в его гибели? Официально о его смерти не объявляли. Официальное опознание не проводилось.

– Я же сказал: я не знал, что он умер. Вчера вечером он был жив-здоров.

– Вы были здесь вчера вечером? Зачем? – спросила Эрика.

– После того как та девушка покончила с собой, о нем вся пресса гудит.

– Что вы снимали вчера вечером?

– Как он приехал домой на такси. Потом сделал несколько снимков, когда он был в спальне.

– В котором часу это было? – спросила Мосс.

– Точно не скажу. В половине первого, в час.

– И вы здесь находились всю ночь?

– Нет.

– Почему?

– Мне дали наводку. Одна из Кардашьян сейчас в Лондоне. Сказали, что она будет тусить всю ночь. А снимки Кардашьян стоят куда дороже, чем фото Джека Харта...

– Ладно, поговорили и будет. А теперь – карту памяти, – велела Эрика.

– Я же сказал: у меня ее нет!

– Пять минут назад была.

– Должно быть, я забыл вставить ее в фотокамеру, – ухмыльнулся репортер. – Так бывает. Карты памяти – маленькие такие штучки. Да-да, теперь припоминаю, совсем из головы вылетело. Я забыл ее вставить.

– Ну все, мое терпение лопнуло, – сказала Мосс. Она выпустила руку фотографа, расстегнула комбинезон и достала из кармана брюк одну резиновую перчатку. Закатала рукав комбинезона, натянула

перчатку. Свободной рукой схватила Марка за синий ирокез и запрокинула назад его голову.

– Эй! Вы чего? Ой! – вскричал тот. Мосс сунула два пальца в перчатке глубоко ему в рот. Он согнулся, и его стошнило на тротуар. Эрика с Мосс успели чуть отскочить в сторону.

– Приходится и такое делать, – произнесла Мосс. Мужчина откашливался, давился, плевался. Эрика развернула его лицом к стене.

– Так я и думала. Проглотил, гаденыш, – сказала Мосс. Из лужи рвотной массы на тротуаре она извлекла маленькую черную мокрую карту памяти и аккуратно положила ее в чистый прозрачный пакетик. – Как говаривала моя мама, не суй в рот что попало.

– Тварь! Я подам жалобу на жестокое обращение! – ругался Марк. Все еще кашляя, он сполз по стене.

– Не скули. Перчатка была чистая. – Мосс стянула с руки перчатку и бросила ее в стоявшую рядом урну. Из-за угла выехала с включенной сиреной патрульная машина и остановилась у обочины подле них.

– Не прошло и года, – сказала Эрика, когда из автомобиля вылезли те же двое полицейских, что обеспечивали оцепление.

– Простите, босс, мы не предусмотрели, что здесь одностороннее движение, – объяснил один.

– Они напали на меня, совершили противоправные действия! – крикнул Марк.

– Отвезите его на ближайшую железнодорожную станцию и высадите, – распорядилась Эрика.

Полицейские затолкали мужчину в машину и уехали. Мосс с Эрикой все еще пытались отдышаться.

– Отличная работа, – похвалила Эрика. Она взяла у Мосс пакетик с грязной картой памяти и подняла его к свету.

– Я не переборщила? Что сунула пальцы ему в глотку? – спросила Мосс.

– Не понимаю, о чем вы, – ответила Эрика. – Давайте вернемся в дом.

Глава 32

Когда Эрика с Мосс вернулись к месту преступления, толпа на дороге у дома заметно выросла. Рядом с фургоном «Скай ньюс» появились микроавтобусы съемочных групп Би-би-си и Ай-ти-эн[42]. Их встретил руководитель группы криминалистов Нилз Акерман, вручивший им чистую спецодежду.

– Телефонная линия перерезана, как и на Лорел-роуд, – сообщил он, пока Эрика с Мосс переодевались.

– Убийца тот же. Наверняка, – сказала Мосс, застегивая на себе синий комбинезон и накидывая на голову капюшон. Эрика промолчала, тоже застегивая молнию комбинезона. Они отдали свои грязные спецкостюмы одному из экспертов, и тот поместил их в прозрачный пакет.

– Попробуйте вытащить из этого все, что можно, – распорядилась Эрика, отдавая Нилзу маленький прозрачный пакетик с картой памяти. – Ее проглотили, но в желудке она пробыла недолго.

– Проблем быть не должно, – рассудил он, забирая пакетик. – Но прежде я хочу вам кое-что показать.

Они проследовали за ним в дом, прошли через застеленную кремовым ковром прихожую, где все еще работали криминалисты, через гостиную открытой планировки, и Акерман завел их в хозяйственное помещение, выходящее на задний двор. Дверь была распахнута. Они снова ступили под солнце. Где-то вдалеке жужжала газонокосилка.

– Мы проверили все окна в доме. Они пластиковые, тройные стеклопакеты. Просто так через них не заберешься – нужно разбить. Все окна заперты изнутри, за исключением того, что в спальне. Его разбила коллега Джека Харта, когда обнаружила его тело, – доложил Нилз. Эрика и Мосс проследили за его взглядом, направленным на разбитое окно в задней части дома. – Отпечатков и других следов насильственного проникновения не обнаружено.

– А входная дверь? – спросила Эрика.

– Заперта изнутри на «Йель» и запор, – ответил Нилз. – Остается это – дверь хозяйственного помещения, которая и послужила местом проникновения.

Дверь была деревянная, толстая, выкрашенная в синий цвет. Ручка из тяжелого металла; массивный железный ключ, который Эрика нашла на полке, был вставлен в замочную скважину.

– Она была на замке. Мне пришлось ее отпирать, когда мы погнались за фоторепортером, – сообщила Эрика.

– Сейчас, одну минутку, – пообещал Нилз. Он закрыл дверь. – Если приглядеться сюда с наружной стороны, в самом низу можно увидеть тонкую полоску с более старой краской. – Они припали к траве с наружной стороны двери и заметили, что дверная панель по нижнему краю на сантиметр зеленая. – Когда дверь была зеленой, к ней внизу приклеили уплотнитель. Недавно этот уплотнитель отодрали; мы нашли его за стиральной машиной и сушикой. – Нилз открыл дверь, шагнул в хозяйственное помещение и взял со стиральной машины тонкую резиновую прокладку, которую он на несколько секунд приставил к зеленой полоске в нижней части дверной панели и снова убрал. – Видите то место, где ее содрали? Она прикрывала щель под дверью шириной с четверть дюйма.

Эрика посмотрела на Мосс.

– Ну и что? Как он мог через нее залезть? Он же не Плоский Стэнли[43], – заметила Мосс.

– Сейчас покажу, – сказал Нилз. Он жестом подозвал одного из дактилоскопистов. Тот пришел из кухни, принес с собой длинный кусок проволоки и газету, затем закрыл и запер дверь, оставив их в саду. Нилз опустился на колени, развернул газетный лист и просунул его в щель под дверью. Потом взял проволоку, вставил в замочную скважину и принялся осторожно проталкивать ее и вращать. Эрика с Мосс, наблюдая в окно, увидели, как ключ зашевелился, выскочил из замка и, звякнув, упал на лежащую внизу газету. Нилз затем аккуратно вытащил из-под двери газету вместе с ключом, который он вставил в замок, и открыл с улицы хозяйственное помещение.

– *Вуаля!* – Он торжествующе улыбнулся.

Они смотрели на него. В канализационной трубе рядом с дверью забулькало.

– Зря вы пошли в судмедэксперты. Вы же настоящий фокусник, – заметила Мосс.

– Великолепно придумано. Но почему вы решили, что именно этим способом преступник проник в дом? – спросила Эрика.

– Мы нашли в замке кусочек отломившейся проволоки и клочок газеты, зацепившийся за дерево под дверью, – объяснил Нилз, со всей церемонностью доставая из кармана прозрачный пакет, в котором лежали огрызок серебристой проволоки и газетный обрывок.

Из глубин памяти Эрики всплыла картина: наполненная паром ванная; Марк, в одном лишь полотенце, обернутом вокруг пояса, прижимает к порезу от бритвы такой же крошечный клочок туалетной бумаги, на котором проступает кровь.

Жужжание вновь заработавшей газонокосилки вернуло Эрику в реальность.

– На уплотнителе есть отпечатки? – спрашивала Мосс. Нилз покачал головой.

– Если убийца проник в дом, используя трюк с газетой, как же тогда он вышел – запер дверь и ключ положил на полку?

– Нет. Как и в случае с Грегори Манро, он мог нанести визит предварительно. Взял ключ, сделал с него оттиск, положил на место, – сказала Мосс.

– Логично. Немного сложно, но логично, – рассудила Эрика. – А суд примет подобные доказательства?

– Примет. Вкупе с отпечатком, что мы сняли с наружной стороны этой двери, в нижней половине, – ответил Нилз, показывая на покрытие из глянцевой синей краски.

– Вы сняли отпечаток пальца? – обрадовалась Эрика.

Нилз вновь подозвал дактилоскописта.

– Это отпечаток не пальца... – Он показал им лист белого картона с четким контуром уха. – Убийца приставил ухо к двери, прислушивался, – объяснил Нилз.

Это был отпечаток маленького уха, почти как у ребенка. Несмотря на изнуряющий зной в саду, Эрика зябко поежилась.

Глава 33

Эрика с Мосс перебрались в один из больших полицейских микроавтобусов службы технической поддержки, которые были припаркованы перед домом. Напротив них за пластмассовым столиком сидела Данута Макбрайд, женщина, обнаружившая тело Джека Харта. Один из полицейских принес три пластиковых стакана с чаем и поставил перед ними. Они все взяли по стакану, глотнули чаю.

Эрика решила, что Дануте, должно быть, под пятьдесят. Выглядела она бледной и потрясенной. Длинные темные гладкие волосы, прямая челка. На крупной фигуре – цветастое платье-халат, перетянутое в талии широким ремнем. На шее висел большой смартфон, на ногах – спортивные тапочки с ярко-розовыми носами.

– Откуда вы знали Джека? – спросила Эрика.

– М-м-м, я исполнительный продюсер его передачи. Мы – компаньоны. Нам принадлежит компания «ХартБрайд медиа», которая делает это шоу.

– Вы давно знакомы?

– Да, вместе учились в университете. Изучали журналистику. – Данута посмотрела на них с недоверием во взгляде. – Можно мне сигарету? Я прошу об этом ваших коллег последние два часа. – Она показала на двух молодых полицейских у входа.

– Конечно. Я тоже покурю, – сказала Эрика, доставая сигареты и зажигалку.

– Простите, здесь нельзя курить – техника безопасности, – вмешался один из полицейских, темноволосый парень.

– А вы идите подышите свежим воздухом. Мы постараемся не сжечь мебель. – Эрика сунула сигарету в рот и протянула пачку Дануте. Та с благодарностью взяла одну сигарету. Эрика поднесла зажигалку к своей сигарете, давая прикурить Дануте. Полицейский хотел еще что-то сказать, но передумал.

– Как вы думаете, кто хотел убить Джека? – спросила Эрика, кладя пачку сигарет на столик. В салоне работали потолочные вентиляторы, но все равно было жарко.

– Да кто угодно, – ответила Данута. Уткнувшись взглядом в пластмассовый столик, она выпустила дым.

– Можно поконкретнее? – попросила Мосс.

– Он такой... опереточный злодей... Он был как «Мармайт»[\[44\]](#). Его в равной степени любят и ненавидят миллионы. Он многие годы работал в *The Sun*, потом в *Mirror* и *Express*, в *News of the World*[\[45\]](#), проводил репортерские расследования. И был чертовски хорош в своем деле. Всегда раскопает какую-нибудь историю, чего бы это ни стоило. Несколько месяцев назад он развелся с женой из-за того, что она застала его с одной из наших сотрудниц. Делая карьеру, он нажил немало врагов, но у кого их нет? Однако я даже представить не могу, кто бы решиться... на *такое*... – На глаза Дануты навернулись слезы, она отерла их тыльной стороной ладони. – С тех пор как Миган Фэрчайлд покончила с собой, он получал массу злобных писем. Не писем, а просто ругательств от интернет-троллей.

– Как он отреагировал на смерть Миган?

– А вы как думаете?! – сердито воскликнула Данута. – Мы оба были подавлены. И ведь эта Миган *сама* нам написала. Она приезжала в Лондон на пробы. Дважды. Мы каждому объясняем, что это за шоу. Предупреждаем про освещение в прессе, про вторжение в личную жизнь, но они все равно хотят побыть пятнадцать минут в ореоле славы. Да какие там пятнадцать – дай бог пять! Джек жалел, что Энди Уорхолла уже нет в живых, а то бы он посмотрел, на что готовы пойти эти безумцы, лишь бы оказаться на телевидении.

– В котором часу вы приехали к дому Джека?

– Не знаю. Где-то в одиннадцать. У нас было назначено совещание по разрешению кризисной ситуации, возникшей в связи с гибелью Миган. На нем должны были присутствовать также продюсеры и руководство канала.

– Я думала, шоу идет в прямом эфире каждое утро в девять часов? А сегодня пятница, – заметила Эрика.

– В прямом эфире оно с понедельника по среду. Остальные два мы записываем, как «прямой эфир» в среду, после прямого эфира. Экономим студийное время.

– И вы не видели, чтобы кто-то крутился у дома?

– Нет, я только увидела спальню и перепугалась. Сразу спустилась на задний двор и позвонила в службу «999».

– Вы знакомы с женой Джека?

– Да. С Клэр. Она ушла от него пару месяцев назад. И детей забрала.

– Сколько лет его детям?

– Девять и семь.

– Я читала в прессе, что у нее диагностировали рак? – сказала Мосс.

– Этот диагноз ей поставили через месяц после того, как она ушла от него. Он просил ее вернуться, пытался помириться, но она отказалась. Пресса об этом умолчала. Они предпочитают выставлять его злодеем, трубят, что он изменял больной женщине. Клэр теперь живет у матери в Уитстейбле, на берегу моря.

– Вас с Джеком когда-нибудь связывали романтические отношения? – спросила Эрика.

– Переспали раз или два в студенческие годы. Я теперь замужем и к Джеку относилась как к брату. – Сигарета Дануты догорела до фильтра. Эрика пододвинула на середину стола пластиковый стакан для окурков.

– Как вы проникли в дом? – спросила Мосс. – Вы говорили, что залезли на верхний этаж?

– Да. Я вскарабкалась к окну спальни со стороны заднего фасада.

– Вы часто так делали?

– Нет. До этого только раз, когда он проспал прямой эфир. Правда, накануне он сутки вел двадцатичетырехчасовой благотворительный марафон «Напишите Санте». Он был в отключке... спал, как убитый. Я забралась на крышу и стала барабанить в окно, пока он не проснулся.

– А сегодня вы разбили окно?

– Да.

– Почему? Думали, он еще жив?

– Нет... Да... Не знаю. У него на голове был пакет. Я подумала, что, может быть, сумею спасти его. На крыше есть маленькая каменная пепельница. Джек выходил туда курить. Этой пепельницей я и разбила окно. А потом, когда залезла в дом, увидела, что помочь ему уже нельзя...

– Думаете, он пытался покончить с собой?

– Нет.

– Тогда что, по-вашему, произошло?

– Не знаю.

– Джек был гетеросексуалом? – спросила Мосс.

– Разумеется, черт возьми! И гомофобом он не был. В нашей команде есть геи, и он с ними прекрасно ладит. Ладил.

– Он злоупотреблял спиртным, наркотиками?

Данута обратила взор в маленькое окно микроавтобуса, глядя на дом, где сновали туда-сюда криминалисты.

– Мы спрашиваем в конфиденциальном порядке. Это поможет следствию, – объяснила Эрика.

– Он любил курить...

– Марихуану?

Данута кивнула.

– И однажды, много лет назад, когда делал документальный фильм о «Горящем человеке»[\[46\]](#), принял экстази. Так мы ведь все баловались. Он любил оторваться, но я бы не сказала, что у него были проблемы с алкоголем или наркотиками.

– Понятно.

– Дом принадлежит ему? – спросила Мосс.

– Да.

– Что еще вы могли бы добавить?

– Проявите деликатность, когда будете сообщать его жене, ладно?

Ей в последнее время нелегко.

Эрика кивнула. Они увидели в окно, как из дома показались носилки с трупом в черном мешке, который понесли в машину «скорой помощи». Толпа на улице все увеличивалась. Вспышки фотокамер сверкали, словно крошечные яркие булабочные головки.

В открытую дверь микроавтобуса постучали, в салон просунул голову Крейн.

– Босс, можно вас на два слова?

– Спасибо, Данута. Домой вас отвезут, – сказала Эрика. Данута едва заметно кивнула. Эрика с Мосс извинились и вышли из микроавтобуса.

– Тут одна соседка желает с вами побеседовать. Говорит, вчера вечером кто-то пробрался к ней в дом и выкрал детскую одежду, – сообщил Крейн.

– Почему она в этом так уверена? – спросила Эрика.

– Одежду сняли прямо с ребенка.

Глава 34

– И больше ничего не пропало? – спросила Эрика, подходя к окнам в детской. Комната находилась на первом этаже. Из нее открывался вид на пожелтевший газон с неухоженными клумбами. В окна светило солнце, на новом бежевом ковре лежали две квадратные тени. Стены не так давно были освежены белой краской и украшены бордюром в виде шагающих разноцветных слоников.

– Нет. Ничего... – ответила молодая женщина, жившая через два дома от Джека Харта. Бледная, изможденная, она крепко прижимала к груди свою маленькую темноволосую дочку. У обеих были короткие густые волосы и большие карие глаза.

Мосс отошла от стоявшей в середине комнаты деревянной кровати к высокому комоду у стены по левую сторону, на котором лежали пеленальный матрасик, большая бутылка жидкого крема и «радионяня».

– «Радионяня» была включена? – спросила Мосс.

– Да.

– «Радионяня» работает всю ночь, миссис Мерфи? – уточнила Эрика.

– Можно просто Кэт. Она включена всю ночь. Мы спим в соседней комнате. Я часто захожу к Саманте.

– Как часто?

– Каждые три часа. Будильник ставлю.

– Вы знаете, в котором часу исчезла одежда?

– Точно не скажу. Я заметила только утром.

– И вы не слышали ничего необычного по «радионяне»? Ничего, что теперь, после того, что произошло, кажется вам странным? – допытывалась Мосс. Она подошла к малышке и протянула ей палец. Та поймала его в свою крошечную ладошку и засмеялась.

– Нет. Саманта – очень спокойный ребенок. Я не сообразила, что к чему, пока не услышала шум на улице. Это правда, что Джека Харта задушили? Как того доктора недели две назад?

– Мы не даем комментариев по данному делу, – сказала Эрика.

– Это мой дом! Я имею право знать!

– Мы считаем, что он умер при подозрительных обстоятельствах. Это все, что мы можем сказать.

– Он был хороший человек. Джек Харт. Единственный со всей улицы, кто всегда здоровался. Спрашивал про Саманту. Присылал поздравительные открытки. Он был совсем не такой, как по телевизору.

– В последние две недели здесь появлялся кто-нибудь чужой, ходил по домам, может быть, расспрашивал про охранную сигнализацию? – осведомилась Мосс.

– Ни о чем таком не слышала. Могу у мужа спросить, когда он вернется домой.

– А когда он вернется?

– Поздно, сегодня вечером. Он в центре работает.

– Хорошо. Одно из окон в этой комнате было открыто вчера вечером? Следов насильственного проникновения не обнаружено.

Женщина приняла виноватый вид.

– Да, но совсем чуть-чуть. Обычно в нашем районе спокойно, а наш дом зажат между другими домами. Вчера вечером было очень жарко. Я не знала, что делать. Хотела, чтобы ей было тепло, но чтобы она не перегрелась. На этот счет столько разных мнений... – Женщина заплакала, крепче прижимая к себе малышку.

– Саманта у вас первый ребенок? – спросила Мосс. Девочка все еще держала ее палец в своем крошечном кулачке. – Трудно быть матерью, – продолжала Мосс. – Все растят детей, но никто не хочет признать, как это трудно. И я сейчас говорю не как сотрудник полиции.

Кэт немного расслабилась, улыбнулась. Эрика рассматривала недавно отремонтированную детскую, вполуха слушая беседу Мосс и хозяйки дома о детях. Глубоко упрятав свои материнские чувства, она подошла к окну и устремила взгляд на газон.

– Вы уверены, что кофточку не бросили в стирку ваш муж или няня?

– Няни у нас нет. Я обыскала дом, перерыла грязное белье. Только я встаю к дочке по ночам, а она сама слишком мала, чтобы расстегнуть пуговицы... – Кэт снова умолкла, крепко прижимая к груди малышку. – Зачем надо было это делать? Это же мерзко, отвратительно. Специально людей пугают. Я запираю все окна. Никогда больше их не открою!

* * *

Спустя несколько минут Эрика и Мосс вышли из дома Кэт.

– Всю детскую обследовать на отпечатки пальцев. Все сады тщательно прочесать, – распорядилась Эрика. – Преступник, кто бы он ни был, рано или поздно совершит ошибку. Он повинен в гибели двух человек.

– Значит, все-таки серийный убийца? – спросила Мосс.

– Не знаю. Зачем забирать одежду у ребенка, а самого ребенка не трогать? Что-то тут не вяжется. Кроме того, он предварительно наносил визит жертвам среди бела дня, а у нас ничего нет.

– Есть отпечаток уха, – напомнила Мосс.

Эрика снова подумала про отпечаток уха, представила его черный контур на бумаге. И похолодела.

Глава 35

Домой Эрика вернулась поздно. Когда отперла входную дверь, в лицо ей ударили жар и темнота. Она щелкнула выключателем в прихожей, но свет не зажегся. С минуту Эрика постояла в темноте на пороге, потом погасло и освещение в подъезде, регулировавшееся таймером. Ее окутал крошечный мрак.

В воображении всплыло лицо Джека Харта. Открытый глаз, прижатый пленкой. Беззвучный крик.

Эрика несколько раз глубоко вздохнула, затем вернулась к подъездной двери и включила таймер. Лампочка снова засияла, таймер затикал. Она возвратилась на порог своего жилища, достала мобильный телефон, активировала в нем фонарь, отбросивший в квартиру яркую световую дугу. Осторожно передвигаясь по темному коридору, она дошла до спальни. Нашупала на стене выключатель. Ничего. Эрика провела рукой слева направо, озаряя углы комнаты. Присев на корточки, посветила под кроватью. Открыла шкаф.

Ничего.

Новые образы заполнили сознание: Грегори Манро, Джек Харт. Голые, на кровати. Лежат на спине. Их обнаженные тела выставлены на всеобщее обозрение. Обезображенные лица под прозрачной пленкой надетых на головы полиэтиленовых пакетов.

Входная дверь с щелчком захлопнулась.

– Черт, – выдохнула под нос Эрика, чувствуя, как заходило в груди сердце. Она все еще ощущала липкий запах прудовой воды на своем потном теле. Эрика выскочила из спальни и, не сводя глаз с входной двери, прошла к ванной. Дернула за шнурок выключателя. Свет не загорелся. Она шагнула в ванную, посветила фонарем. Никого. Только белый унитаз, белая ванная, белая раковина. Эрика рывком отодвинула белую занавеску душевой. Никого. Свет фонаря, отразившись от зеркала, на мгновение ослепил ее. Жмурясь, чтобы избавиться от рези в глазах, она поспешила из ванной в гостиную-кухню мимо входной двери.

Попыталась включить свет. Снова никакой реакции. В гостиной все было так, как она оставила: беспорядок. Над грязными чашками из-под кофе, стоявшими на кухонном столе, кружили две мухи. Эрика

вздохнула свободнее. Чужих в квартире не было. Она вернулась к входной двери, закрыла ее на цепочку и возвратилась в гостиную. Потянула за шнурок жалюзи на большом окне, выходявшем на террасу. Они со свистом поднялись вверх.

В окне высился силуэт рослого мужчины. Эрика вскрикнула, попятилась, споткнувшись о журнальный столик, на котором задребезжали чашки.

Она выронила телефон, и ее вновь поглотила темнота.

Глава 36

Эрика лежала на полу. Несколько мгновений высокий силуэт стоял неподвижно, потом чуть качнулся, и она через стекло услышала его голос:

– Босс? Вы дома? Это я, Питерсон. – Он чашкой приставил ладони к стеклу, вглядываясь в комнату. – Босс?

– Какого черта вы здесь делаете? – спросила Эрика, поднимаясь с пола и открывая дверь на террасу. Свечение ночного неба, в котором рассеивались огни города, омывал Питерсона оранжевым сиянием.

– Простите, не смог найти входную дверь. Не знал, что она сбоку.

– Вот это опер! – сыронизировала Эрика. – Подождите секунду.

В темноте она нашла телефон под журнальным столиком, снова включила фонарик, подставила к стене стул и полезла к щитку, висевшему высоко над телевизором. Открыла щиток, включила автомат. Во всех комнатах, кроме прихожей, зажегся свет.

Теперь она ясно видела Питерсона в открытых дверях, выходящих на террасу. На нем были синие джинсы и старая футболка «Адидас», на лице – двухдневная щетина. Он потер красные глаза.

– Лампочка перегорела, – сказала Эрика, скорее, успокаивая себя, чем давая объяснения. Она сошла со стула, пригладила волосы, сознавая, что, должно быть, вид у нее несколько диковатый. – Почему вас сегодня не было? – спросила она, смерив Питерсона взглядом. От него разило спиртным.

– Можно войти? Поговорить?

– Поздно уже.

– Прошу вас, босс.

– Ладно, входите.

Питерсон шагнул в гостиную. С улицы в комнату ворвался легкий ветерок.

– У вас... уютно, – произнес Питерсон.

– Все нет, – возразила Эрика, направляясь в зону кухни. – Налить вам чего-нибудь?

– Что у вас есть?

– Спиртного не получите. Судя по запаху, вам уже хватит.

Эрика пробежала глазами почти что голые полки буфета. У нее имелась бутылка хорошего виски *Glenmorangie*, непочатая. В холодильнике стояла давняя бутылка белого вина, которого оставалось на доньшке. Банка кофе была почти пуста.

– Либо вода из-под крана, либо... «Ам Бонго», – сухо предложила Эрика, найдя две маленькие упаковки сока из тропических фруктов под заплесневелым латуком в ящике для овощей.

– Лучше сок, – выбрал Питерсон.

Эрика закрыла холодильник и дала ему одну из упаковок сока, потом достала из сумки сигареты, и вдвоем они вышли в мощный внутренний дворик. Стульев не было, они взгромоздились на низкую стенку, к которой подступала трава.

– Я не знал, что «Ам Бонго» еще продается. – Питерсон оторвал от упаковки пластиковую соломинку и просунул ее в маленькое отверстие, затянутое фольгой.

– Несколько месяцев назад ко мне приезжали гости: сестра с детьми, – объяснила Эрика, закуривая сигарету.

– Не знал, что у вас есть сестра.

Эрика плохо зажгла сигарету и теперь попыхивала ею, пытаясь раскурить. Наконец она выпустила дым и кивнула.

– Сколько у нее детей?

– Двое. И скоро еще один родится.

– Мальчики или девочки?

– Мальчик и девочка, а третий... Она еще не знает.

– Мальчик и девочка маленькие?

– Который час? Черт, последние новости хотела посмотреть, – сказала Эрика. Она спрыгнула со стенки и вернулась в дом. Питерсон, войдя следом, увидел, что Эрика что-то ищет на диване под подушками.

– Это ищите? – спросил он, выживая пульт из-под валявшейся на журнальном столике открытой коробки для еды из ресторана. Эрика взяла его и включила телевизор.

Канал «Ай-ти-ви ньюс» показывал вращающуюся вывеску Скотленд-Ярда и конец выступления Марша, который выглядел усталым.

– ...оно является приоритетным в работе нашего Отдела по расследованию убийств и тяжких преступлений, – говорил он. – Мы

разрабатываем несколько версий.

Затем на экране пошел отрывок из «Шоу Джека Харта». Камера скользила по шумной аудитории, собравшейся в телестудии. Приглашенные, вскочив на ноги, кричали, вопили, свистели. На несколько мгновений в кадр попала молодая женщина, сидевшая на сцене вместе с парнем в спортивном костюме и бейсболке. Сопроводительная надпись в нижней части экрана гласила: Я СДЕЛАЛА АБОРТ, ИЗБАВИВШИСЬ ОТ ТРОЙНИ, РАДИ ОПЕРАЦИИ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ГРУДИ.

– Это – моя жизнь. Что хочу, то и делаю, – заявила девушка ничуть не раскаивающимся тоном.

Камера показала крупным планом Джека Харта, сидевшего по одну сторону от молодой пары. Красивый, холеный, в синем костюме, он, как и требовали обстоятельства, хмурился.

– Речь идет не только о вашей жизни. А как же те неродившиеся малыши? – промурлыкал он.

Зазвучал закадровый голос:

– Джек Харт слыл противоречивой фигурой, многие его боготворили, другие ненавидели, а сегодня его обнаружили мертвым в его доме в Далидже на юге Лондона. Никакой другой информации полиция не дает, но они подтвердили, что, по их мнению, скончался он при подозрительных обстоятельствах.

– Боже, его убили? – воскликнул Питерсон.

– Где вы были весь день? – спросила Эрика. Питерсон молчал. – Его убили точно так же, как Грегори Манро. Мы пока ждем результаты токсикологической экспертизы.

На экране аудитория в студии скандировала:

– Убийца! Убийца! Убийца!

Парень в бейсболке, вскочив на ноги, стал угрожать людям, сидевшим в первом ряду.

– По-вашему, сколько у нас времени до того, как пресса свяжет его убийство с гибелью Грегори Манро? – спросил Питерсон.

– Не знаю. Сутки. Но я надеюсь, что будет чуть больше.

– Вы говорили с Маршем?

– Да. Пару часов назад, ввела его в курс дела, – ответила Эрика.

В новостях теперь показывали материал, отснятый днем: толпы народу вокруг полицейского оцепления у дома Джека Харта; потом

крупным планом – мешок с трупом на носилках, который выносили из дома, – нерезкие кадры, сделанные с использованием длиннофокусного объектива.

– Айзек Стронг сейчас проводит вскрытие. Рано утром станут известны результаты.

Последние новости на экране сменил прогноз погоды. Эрика убавила звук и повернулась к Питерсону. Тот молча смотрел телевизор, зажав в уголке рта соломинку, – допивал остатки сока из коробки.

– Питерсон, вы являетесь ко мне домой, подглядываете в окно. Что происходит? Почему вас не было сегодня на работе?

Он проглотил комок в горле.

– Мне нужно было подумать.

– Вам нужно было подумать. Понятно. И почему вы решили «подумать» за счет налогоплательщиков? На это есть выходные.

– Простите, босс. Вся эта история с Гэри Уилмслоу выбила меня из колеи...

Эрика закурила новую сигарету. Столько всего случилось за последние дни, что события, связанные с Гэри Уилмслоу, отошли на второй план, казались такими далекими.

– Как подумаю, что чуть не сорвал операцию по раскрытию обширной сети педофилов... – продолжал Питерсон срывающимся от волнения голосом. – Вдруг я его спугнул? Что, если они соберут свои манатки и исчезнут, будут продолжать издеваться над детьми, снимать эти тошнотворные фильмы? Получается, что я лично несу ответственность за всех тех детей, за те страшные издевательства, которым они подвергаются. – Он прижал пальцы к глазам, его нижняя губа задрожала.

– Ну, ну! Питерсон... – Эрика обняла его одной рукой, трепля за плечи. – Ну все, прекратите. Слышите?

Он несколько раз глубоко вздохнул, отирая глаза подушечками ладоней.

– Питерсон, он по-прежнему под наблюдением. Вы ничего не сорвали. Завтра попробую узнать еще что-нибудь. – Эрика с минуту смотрела на него. Взгляд Питерсона остекленел. – Питерсон, что с вами?

Он сдавленно сглотнул, сделал глубокий вдох.

– Мою сестру изнасиловали, когда мы были детьми. Вернее, это она была ребенком, а я уже был достаточно большой и не представлял... *интереса*.

– Кто это сделал?

– Один тип, заведовал нашей воскресной школой. Мистер Симмонс. Старый хлыщ, белый. Сестра рассказала нам только в прошлом году. После того, как попыталась покончить с собой. Выпила кучу таблеток. Слава богу, мама ее вовремя обнаружила.

– Его поймали?

Питерсон мотнул головой.

– Он уже на том свете. Она от страха боялась слово об этом сказать. Он пригрозил, что, если она проболтается, ей не жить. Он проберется в ее комнату и перережет ей горло. Она много лет мочилась в постели. А я смеялся над ней. Если бы только я знал... Когда мистер Симмонс умер, мои родители ходили на панихиду, устроенную в нашей приходской церкви в Пекаме, где его восхваляли за добрую службу нашей общине.

– Мне очень жаль, Питерсон.

– Сейчас моей сестре почти сорок. Ее всю жизнь преследует этот ужас. А мне что делать?

– Вернуться на работу. Вы можете стать лучшим сотрудником полиции и... На свете полно мерзавцев, которых вам предстоит поймать.

– Мне хотелось бы добраться до этого негодяя Гэри Уилмслоу, – процедил сквозь зубы Питерсон. – Дали бы мне его на час...

– Никто вам его не отдаст, вы же понимаете. А если вам все же удастся заполучить его... Поверьте, Питерсон, вам это совершенно ни к чему.

– Меня просто злость распирает. – Он стукнул кулаком по столу. Эрика даже не вздрогнула. С минуту они сидели в молчании и слушали стрекот сверчков, доносившийся из темноты от яблони. Эрика встала, прошла к буфету и взяла два бокала с бутылкой *Glenmorangie*. Плеснув в каждый бокал немало виски, она вернулась с ними к дивану, один вручила Питерсону, а сама села рядом.

– Гнев – одна из самых нездоровых эмоций. – Эрика поставила бокал на столик и закурила. – При имени Джером Гудмэн у меня до сих пор закипает кровь. Я часами представляю, как убиваю его.

Придумываю для него самые изощренные и мучительные способы убийства...

– Это тот...

– Тот, кто убил моего мужа и четырех моих коллег. Тот, кто разрушил мою жизнь. Мою прежнюю жизнь. И чуть не уничтожил меня. Но не уничтожил. И я ему этого не позволю.

Питерсон молчал.

– Это я к тому говорю, что негодяев полно. На свете есть много хорошего, но и много плохого. Люди, которые сеют ужас и зло. Нужно сосредоточиться на том, что ты *можешь* сделать, на что *можешь* повлиять. На тех, кого можно поймать. Да, звучит примитивно. Но мне понадобилось много времени, чтобы это понять. И тогда я немного успокоилась.

– Где теперь Джером Гудмэн? – спросил Питерсон.

– Исчез с лица земли после перестрелки... Не знаю, может, кто из полиции помог или ему просто повезло. Но его так и не нашли. Пока. Я верю в судьбу, – продолжала Эрика. – Знаю, что однажды в будущем я снова встречу Джерома Гудмэна, и тогда он от меня не уйдет. Будет сидеть за решеткой до конца своих дней. – Произнося последнюю фразу, она, для пущего эффекта, потрясла кулаком.

– А если не выйдет?

– Что не выйдет?

– Посадить его?

Эрика обратила на Питерсона немигающий взгляд широко раскрытых глаз.

– Единственное, что мне может помешать его посадить, – это смерть. Его или моя. – Она отвела глаза и отпила большой глоток виски.

– Мне жаль. Жаль, что с вами это случилось, босс... Эрика...

– Мне жаль вашу сестру.

Она повернулась к нему, их глаза на мгновение встретились. Питерсон наклонился, собираясь ее поцеловать. Она ладонью накрыла его рот.

– Не надо.

Питерсон выпрямился.

– Черт, простите.

– Не извиняйтесь. Прошу, не надо, – сказала Эрика. Она встала и вышла, а через несколько минут вернулась с одеялом и подушкой в руках.

– Ложитесь на диване. Не надо вам сейчас за руль.

– Босс, простите, ради бога.

– Питерсон, прошу вас. Вы же меня знаете. Все забыли, ладно? – Он кивнул. – Спасибо, что рассказали про вашу сестру. Я глубоко вам сочувствую. Но вы помогли мне многое понять. А теперь немного поспите.

* * *

Эрика долго не засыпала – лежала в постели, глядя в темноту. Думала о Марке, рисуя в воображении его лицо. Чтобы он жил в ее памяти. Она едва не ответила на поцелуй Питерсона, но Марк ее удержал. В душе она желала, чтобы рядом с ней в постели был мужчина, который согревал бы ее теплом своего тела, но сейчас это был бы слишком большой шаг.

Шаг в сторону от ее прежней жизни, в которой был Марк.

Глава 37

Проснулась Эрика около шести утра. В окна светило солнце. Она вышла в гостиную. Питерсон уже ушел, прицепив к холодильнику записку:

Спасибо, босс. Простите, если вел себя как свинья.

Спасибо, что позволили переночевать у вас на диване.

До встречи на работе. Джеймс (Питерсон)

Она была рада, что он не завершил свое послание поцелуем, и надеялась, что их рабочие отношения не будут осложняться напряженностью. На работе напряженности и без того достаточно. Не хватало еще привносить в нее проблемы личной жизни.

* * *

Эрика шла к моргу по длинному коридору, где было прохладно и тихо. Она нажала кнопку звонка и подняла лицо к маленькой видеокамере, что висела над дверью. Раздалось пиканье, большая стальная дверь с шипением отворилась. На Эрику выплыли клочья пара.

– Доброе утро, – поприветствовал Эрику Айзек, встречая ее в дверях. Он все еще был в синей униформе, местами испачканной в крови.

Они пошли через большое помещение секционной. На полу – черно-белая плитка викторианской эпохи, выложенная геометрическим ромбовидным узором. Потолок высокий, окон нет, на стенах белый кафель. Вдоль одной стены – ряд металлических дверей, в центре помещения – четыре секционных стола из нержавеющей стали. Три, пустые, блестели в ярком свете флуоресцентных ламп. На столе, что стоял ближе других к входу, лежало тело Джека Харта.

Миниатюрная молодая китаянка – одна из ассистенток Айзека – зашивала длинный Y-образный разрез, начинавшийся под пупком. Она уже выполнила половину работы, дошла до грудины, и теперь осторожно сшивала кожный покров, подбираясь к той точке, где разрез

расходился к плечам. Стежки были аккуратные, но крупные и выпуклые.

– Как и в случае с Грегори Манро, в крови обнаружен высокий уровень флунитразепама, – сообщил Айзек. – Препарат он принял в жидкой форме. В пивной бутылке, что стояла на его тумбочке, тоже содержалось большое количество флунитразепама.

– Значит, его накачали наркотиками? – спросила Эрика.

– В его крови уровень препарата выше, чем у Грегори Манро. Случайно это вышло или так было задумано, не могу сказать. В отличие от Грегори Манро Джек был моложе и находился на пике физической формы: крайне мало телесного жира, хорошо развитая мускулатура.

– Возможно, убийца счел, что нужна более сильная доза, чтобы обездвигнуть его, – рассудила Эрика. Они обратили взгляды на ассистентку. Та сшивала грудь, стягивая воедино грудные мышцы.

– Думаешь, убийца один и тот же человек?

– Я этого не говорил. Почерк очень похож, но делать выводы – ваша работа.

– Хорошо. Причина смерти? – спросила Эрика.

– Асфиксия. Задохнулся в полиэтиленовом пакете, туго стянутым вокруг его головы.

– Лицо у него не такое, как было у Грегори Манро. Оно все в красных отметинах, да и кожа имеет какой-то странный оттенок.

– Грегори Манро задохнулся быстро – за одну-две минуты. Джек Харт, благодаря натренированным легким, способен был в состоянии стресса задерживать кислород, поэтому признаки и симптомы асфиксии выражены очень ярко. Красные крапинки на его лице свидетельствуют о петехиальном кровоизлиянии. Синюшность кожных покровов – проявление цианоза: кожа изменила цвет вследствие нарушения кровообращения. Внутренние органы тоже испещрены точечными кровоизлияниями.

– Как по-твоему, сколько времени он умирал?

– Четыре, пять... может, шесть минут. Руки у него были связаны за спиной, но не исключено, что он метался и сопротивлялся, вынудив убийцу ударить его. Удар был нанесен по лицу, о чем свидетельствует подбитый левый глаз. Ссадины в области губ и десен также позволяют предположить, что лицо подверглось внешнему давлению. А еще

взгляните вот на это. – Айзек приблизился к труп. Его ассистентка отступила в сторону, и он осторожно открыл рот мертвеца.

– Боже, – выдохнула Эрика.

– Он почти откусил себе язык, – подтвердил Айзек. – Это была ужасающе долгая, затяжная и мучительная смерть.

– Есть признаки сексуального насилия?

– Нет.

Айзек кивнул, и его ассистентка снова взялась за работу. Безжизненное тело чуть дернулось, когда она пропустила нитку сквозь кожу и туго затянула петлю. Эрика отметила, что распоротая кожа с изнанки больше похожа на крашеный пластик, чем на человеческую плоть.

– Еще кое-что хочу тебе показать. Пройдем в мой кабинет, – пригласил ее Айзек.

В его кабинете в сравнении с помещением морга было тепло. В окно, что находилось высоко на стене, струился солнечный свет. Сама комната была уставлена книжными полками с медицинскими справочниками. К акустической системе *Bose* был подключен светящийся айпод. На столе – полный порядок. На экране ноутбука – заставка в виде вращающихся кубиков.

– Джека Харта задушили таким же пакетом, что и Грегори Манро, – сообщил Айзек, беря со стола прозрачный пакет с вещественным доказательством. В нем лежал измятый полиэтиленовый пакет с крапинками засохшей крови и какого-то белесоватого вещества. На белом шнурке тоже запеклась кровь.

– Что это значит? Из одного и того же супермаркета? – спросила Эрика, забирая у него пакет.

– Нет, эти пакеты изготавливают специально в помощь самоубийцам. Так называемые «суицидальные» пакеты, или «пакеты смерти». Мне следовало сообразить это еще в первом случае, с Грегори Манро. А меня осенило лишь тогда, когда я снова увидел такой пакет на голове Джека Харта.

– А что в нем особенного? Почему нельзя воспользоваться обычным полиэтиленовым пакетом из магазина?

– Не так-то просто натянуть пакет на голову и ждать, когда задохнешься. В нас заложен инстинкт не дать себе задохнуться. Мы называем это гиперкапнической тревожной реакцией. Человек,

лишенный поступления в организм кислорода, в панике разрывает пакет. Как видите, «суицидальный» пакет длинный, не прилегает плотно к голове, в нем еще остается пространство. Идея состоит в следующем: надеваете пакет на голову, вставляете под шнурок трубку и затягиваете его на шее, но не очень туго, ведь через трубку нужно закачать инертный газ либо азот. Люди канистрами покупают гелий для надувания воздушных шаров. Газ при вдыхании гасит панику, ощущение нехватки воздуха и рефлекторное сопротивление в бессознательном состоянии.

– То есть убийца должен был специально купить именно такой пакет? – уточнила Эрика.

– Да.

– Где?

– Полагаю, по Интернету, на специальных сайтах, – ответил Айзек.

– То есть в принципе, мы можем достать список людей, которые покупали такие пакеты? – спросила Эрика.

– Ну, это как вы решите, – сказал Айзек.

* * *

Когда они закончили, Айзек проводил Эрику к выходу.

– Тебе надо выспаться. Вид у тебя измотанный, – заметила Эрика.

– Посплю. – Айзек нажал на кнопку, и железная дверь открылась. – Э... Я знаю, что на следующей неделе двухлетняя годовщина...

Эрика остановилась, повернулась.

– Гибели Марка, – докончила она за Айзека, глядя ему в глаза.

– Да, гибели Марка. Если захочешь отметить, я к твоим услугам. Не захочешь – тоже не беда. Можем пойти куда-нибудь или побыть дома. Я просто не хочу, чтобы в этот день ты была одна.

Эрика улыбнулась.

– Надеюсь, я буду расследовать данное дело. Это меня отвлечет.

– Конечно. Просто знай, что я всегда рядом.

– Спасибо. Как дела со Стивеном?

Айзек виновато уставился в пол.

– Хорошо. Переезжает ко мне.

Эрика кивнула.

– Не осуждай меня, – добавил он.

– Не мне тебя судить, – сказала Эрика, выставляя вперед ладони. – До встречи. – Она широко улыбнулась ему и зашагала прочь по длинному коридору.

Глава 38

Рабочий день только начался, Эрика созвала всю свою команду на инструктаж. Она стояла перед демонстрационными досками, на которых рядом с фотографиями Грегори Манро с места преступления появились снимки с Джеком Хартом. Перед самым совещанием прибыл Питерсон.

– Питерсон вернулся, и кофе приличный принес, – сказала Мосс, увидев, как он входит в оперативный отдел с большим подносом, на котором стояли стаканы с кофе.

– Угощайтесь, босс. – Питерсон протянул Эрике поднос со стаканами кофе из «Старбакса».

– Где вы были вчера? – осведомилась она, беря стакан.

– Отходил после китайских «деликатесов», – ответил он, глазом не моргнув.

– Ладно. Хорошо. Я рада, что вы вернулись. – Эрика улыбнулась ему.

– Спасибо, босс, – поблагодарил Питерсон с явным облегчением. Он пошел по кругу, предлагая кофе остальным коллегам.

– Значит, китайские деликатесы. И где ты с ней познакомился? – спросила Мосс с озорной улыбкой, потянувшись за стаканом с быстро пустеющего подноса.

– Это была курица «гунбао», – сказал Питерсон.

– О, ты даже знаешь, как ее зовут. Классное имечко: двойное.

– Отвали, Мосс, – рассмеялся Питерсон.

– Итак, прошу внимания, – громко произнесла Эрика. Все стихли. – Что мы имеем? У нас два убийства, совершенные с разницей в две недели. Обе жертвы живут в радиусе пятнадцати миль. Могу подтвердить, что обе убиты одним и тем же способом: опоены наркотическим средством и задушены полиэтиленовым пакетом.

Она умолкла, ожидая, когда уляжется гомон.

– Одна жертва – обычный семейный доктор. Вторая – одно из самых узнаваемых лиц британского телевидения. Поэтому, как я всегда говорю, начнем сначала. Помните, глупых вопросов не бывает.

– Обе жертвы – мужчины, – высказался констебль Уоррен.

– Да, мы это видим по снимкам с мест преступлений, – согласилась Эрика, показывая на фотографии двух обнаженных мужчин, лежавших на кроватях. – И?

– Их усмирили с помощью «дружка насильников», подмешанного в алкогольные напитки у них дома, и затем задушили полиэтиленовыми пакетами, – добавила Сингх.

– Да, причем в обоих случаях это один и тот же особый тип пакетов. «Суицидальный» пакет, или «пакет смерти». Их приобретают по Интернету, на специальных сайтах. Необходимо выяснить, какие сайты ими торгуют, взять у них историю продаж со списками операций по кредитным картам и адресами.

– Они оба одного роста, – сказала Мосс. – Грегори Манро был старше, не такой крепкий и здоровый, как Джек Харт.

– Убийца подобрал дозы наркотика в соответствии с физическими данными каждой жертвы. Джек Харт получил более сильную дозу, чем Грегори Манро, значит, можно допустить, что он их изучал, – сделала вывод Эрика.

– За ними обоими следили ночью, – добавил Питерсон.

– Почему вы решили, что именно «следили»?

– Возможно, убийца уже был дома у каждого из них, когда они вернулись... Возможно, он следил за ними дома, наблюдал. И скорей всего не в первый раз, – ответил Питерсон.

– Да, убийства были спланированы. Он заранее разузнал все про оба дома. Грегори Манро подсунул самодельный рекламный листок несуществующей фирмы охранной сигнализации; знал, как проникнуть в жилище Джека Харта, – добавила Мосс.

– Может, он из бывших военных? – предположила Сингх. – Он нигде не оставил свою ДНК.

– Работает либо в больнице, либо в аптеке. Он сумел достать жидкий флунизепам и шприц... Колпачок от шприца мы нашли под кроватью Джека Харта. Хотя сегодня все это можно приобрести через Интернет, – сказал констебль Уоррен.

– Это указывает на то, что, возможно, между ним и Грегори Манро существует некая связь, – заключил Питерсон.

– Но что связывает его с Джеком Хартом? – задалась вопросом Эрика.

– Есть сведения о том, что Джек Харт имел гомосексуальные отношения теперь или в прошлом? – спросил Питерсон.

– Таких сведений у нас нет, – ответила Эрика. – Сегодня мы собираемся провести официальное опознание в присутствии его жены, но нам, разумеется, придется проявить предельную деликатность, допрашивая ее. У Грегори Манро есть сын, у Джека Харта – двое маленьких детей. Они оба расстались с матерями своих отпрысков. У кого-нибудь есть что сказать по этому поводу?

Ответом ей было молчание.

– Не просто же так этот тип нацелился именно на этих двух мужчин. Должна быть какая-то причина! – воскликнула Эрика, обводя фотографии двух жертв на доске в большой черный круг.

– Но что, черт возьми, может быть общего между районным терапевтом и ведущим скандального шоу? – спросила Мосс.

– Это мы и должны выяснить, причем быстро, – сказала Эрика. – Это выведет нас на убийцу. Преступник, кто бы он ни был, *выбирал* своих жертв. Следил за ними на протяжении какого-то времени, прежде чем убить. В обоих случаях на месте преступления не обнаружено отпечатков пальцев. Таковые не найдены и в комнате дочери соседки Джека Харта, где побывал преступник. Однако у нас есть отпечаток уха, снятый с наружной части задней двери дома Джека Харта. Крейн, есть результаты экспертизы из... – напомните еще раз, куда мы это передали?

– В Национальный учебный центр научного обеспечения уголовных расследований, – ответил Крейн. – Я слышал, они собирались прогнать его через базу данных, в которой более двух тысяч ушных отпечатков. Так что, нам могут позвонить с минуты на минуту.

– Я особых надежд не питаю, но две тысячи ушей... шансов больше, чем я думала, – промолвила Эрика.

– Мне только что переслали фотографии с карты памяти, которую мы изъяли у репортера, – сообщила Мосс, глядя в свой компьютер.

– Почему так долго? – спросила Эрика.

– Металлические контакты погнулись; вероятно, репортер покорежил, когда выдернул карту из фотокамеры и проглотил ее, – объяснила Мосс.

– Ладно, давайте их в проектор, – распорядилась Эрика. Констебль Уоррен взял проектор с полки в глубине оперативного отдела, подключил его к компьютеру Мосс. Еще пару минут он возился с аппаратом и, наконец, навел его на демонстрационную доску.

Эрика погасила свет, погрузив комнату в темноту, потом на задней стене появилось изображение машины в окружении людей на оживленной улице.

– Босс, первые кадры я просто пролистаю, – сказала Мосс, щелкая мышкой. На доске замелькали однообразные снимки, затем фотографии какой-то знаменитости, отъезжающей от ресторана «Айви» в машине с тонированными стеклами.

– Ага, вот. Дом Джека Харта.

На первой фотографии Джек Харт подъезжает к дому в ночь убийства. Мосс листала снимки, сделанные в быстрой последовательности, так что они походили на прерывистое видео: Джек выбирается из черного такси, идет к калитке, открывает ее, останавливается на мгновение, поворачивается, что-то говорит, идет к дому, лезет в карман за ключами, открывает дверь, исчезает за ней

– В общем, папарацци проводили его до двери, – подытожила Мосс. – Последний кадр сделан... в 12.57 ночи.

Она продолжала листать снимки, теперь уже сделанные со стороны сада за домом Джека Харта. Остановилась на фотографии освещенного окна спальни, снятого с нижней точки.

– Боже. Этот чертов репортер находился в саду прямо перед тем, как убили Джека Харта, – произнесла Эрика.

Затем пошли снимки, сделанные с плоской крыши прямо у окна спальни: шторы раздвинуты, виднеется кровать, снятая с бокового ракурса. Потом снова череда кадров, как при мультипликационной съемке: в спальне появляется голый Джек Харт. В одной руке у него полотенце, в другой – бутылка пива. Он подходит к тумбочке у противоположного окна на переднем фасаде дома, ставит на нее бутылку, опускается на край кровати.

– Стоп! Что это?! – вскричала Эрика. – Вернитесь назад, на два кадра.

– Черт, смотрите! Там, под кроватью, – указал Питерсон.

Джек сидел на кровати голой спиной к фотокамере. Под кроватью виднелся отчетливый силуэт притаившейся фигуры.

– Подождите, сейчас увеличу изображение. – Мосс быстро защелкала мышкой, двигая ее по коврику. Фотография укрупнилась, расширилась, так что демонстрационную доску заполнило темное зернистое изображение фигуры, спрятавшейся под кроватью. Едва различимы были две ладони с растопыренными на ковре пальцами и попавшая в зону света нижняя часть лица – кончик носа и рот.

Эрику особенно поразил рот. Он широко улыбался, оскалив зубы.

– Господи помилуй. Он уже был в доме, ждал его.

В оперативном отделе наступила тишина, которую внезапно взорвала трель телефонного звонка. Крейн схватил трубку и начал что-то говорить тихим голосом.

– Можно еще увеличить, Мосс? – попросила Эрика. Изображение детализировалось на фигуре под кроватью, но получилось слишком размытым и зернистым.

– Отдам компьютерщикам. Может, им удастся добиться большей четкости, – сказала Мосс.

– Босс, интересные новости, – взволнованно произнес Крейн, закончив говорить по телефону.

– Неужели появился какой-то факт относительно личности преступника? – с надеждой в голосе спросила Эрика.

– Появился. Это не мужчина.

– Что?

– Нилз Акерман исследовал небольшое количество ДНК, что ему удалось соскрести с отпечатка уха на внешней стороне задней двери дома Джека Харта, и образцы кожных клеток, обнаруженных на внешней стороне «суицидального» пакета, которым его задушили. Преступник – женщина.

– Что?

– Белая женщина. Нилз сравнил ДНК с образцами в национальной базе преступников. Совпадений не найдено, у убийцы прежде не было судимостей. Но ДНК женская. Убийства совершила женщина.

По комнате прокатился ропот.

– Но как же быть с тем, что мы установили взаимосвязь между двумя убийствами? – спросил Питерсон.

– Взаимосвязь *существует*, – сказала Эрика. – Что? Или теперь она поставлена под сомнение из-за того, что убийцей оказалась женщина?

– Черт. Кто бы ни была эта женщина, она нас провела. Ведь мы искали мужчину, – заметила Мосс.

Все с минуту осмысливали этот факт. Эрика вернулась к демонстрационной доске, пристально глядя на фигуру под кроватью, на выступающую из темноты нижнюю часть лица с оскаленным в улыбке ртом.

– Ладно. Начнем все сначала. Заново исследуем все вещественные доказательства. Снова опрашиваем местных жителей. И вызовите на допрос этого чокнутого репортера. Мы ищем женщину. Серийного убийцу женского пола.

Глава 39

Симона вернулась домой после долгого дежурства и закрыла за собой входную дверь. Выпроставшись из жакета, она прошла к компьютеру, стоявшему в уголке под лестницей, запустила его, загрузила страничку чата и начала печатать:

СОВА: Герцог, привет. Ты здесь?

Спустя несколько мгновений Герцог откликнулся.

ГЕРЦОГ: Привет, СОВА. Что стряслось?

СОВА: Я опять его видела. Стэна. Мужа моего.

ГЕРЦОГ: Серьезно? И как ты?

СОВА: Так себе. Я знала, что он не настоящий, но он стоял перед глазами как живой.

ГЕРЦОГ: Начала принимать новые лекарства?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Какие?

СОВА: Хальцион.

ГЕРЦОГ: Доза? 0,125 мг?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Галлюцинации – побочный эффект.

СОВА: А то я не знаю!

ГЕРЦОГ: Я через это прошел. Мне давали по 0,5 мг, и все равно толку никакого: что ни день, сна ни в одном глазу – и так до бесконечности... Какие планы?

Симона смотрела на экран. Текст на нем расплывался, и она потерла усталые зудящие глаза. Бессонница ее мучила уже много лет. Началось это с тех пор, как ее взяли под опеку и поместили в детский приют, где она по ночам, когда ее укладывали спать, боялась закрыть глаза.

В последующие годы, за двадцать с лишним лет, она научилась справляться с бессонницей, мириться с чувством цепящего изнеможения, ощущением, что ее тело медленно гниет изнутри. Она научилась функционировать как нормальный человек.

Она жаждала сна – это желание постоянно присутствовало в ее мыслях, но когда наступала пора *ложиться спать* – фраза, всякий раз казавшаяся ей дурной шуткой, – все ее существо холодело от паники. Ее страшило, что она опять не сможет уснуть, что будет бесконечными часами лежать в постели, глядя на светящиеся красные цифры на циферблате электронных часов, прислушиваясь к мыслям, которые бесконтрольно мельтешили в ее голове.

Страх, Симона знала, особенно бесчинствовал по ночам. Когда все остальные, казалось, покинули этот мир, люди, страдающие бессонницей, оставались в одиночестве, на грани тьмы и света. Эта бессонная безысходность заставила Симону выйти за грубияна-садиста и привела к незапланированной беременности. Ребенка она потеряла вскоре после вынужденного бракосочетания со Стэном. Случай вполне типичный, сказал доктор. Женщинам часто не удается выносить ребенка во время первой беременности. Но Симона не могла примириться с потерей. Она была подавлена. Ведь она надеялась, что ее жизнь наконец-то наладилась, с волнением ждала появления на свет маленького существа, что формировался в ее чреве.

На первых порах супружества Симона думала, что присутствие мужа в ее постели поможет ей избавиться от бессонницы, но, как оказалось, она снова лежала по ночам без сна, глядя в темноту. Наблюдала за движениями Стэна на разных стадиях сна – как ритмично вздымается и опускается его грудь, как дергаются веки и поблескивают под ними глаза.

Порой внезапно ритм его тяжелого дыхания сбивался, глаза открывались, наполненные пустотой и голодом. И потом в ночи, когда Симона чувствовала себя особенно уязвимой, изнуренной и непривлекательной, он молча взбирался на нее и тыльной стороной ладони раздвигал ее ноги пренебрежительно, словно ее ноги были надоевшим препятствием, мешавшим ему получить удовлетворение.

Поначалу она просто терпела. Секс зачастую был грубым, нередко причинял ей боль, но она думала, что он теряет контроль над собой из-за того, что страстно желает ее. И потом, она считала своим долгом быть хорошей женой. Считала своим долгом издавать правильные звуки, изображать удовольствие.

Она надеялась, что ее страдания будут вознаграждены: она снова забеременеет, у нее появится еще один шанс стать матерью.

Потом однажды ночью, насилуя ее, муж укусил Симону за грудь. Она была шокирована. Шок почти затмил боль. А он поднял голову с окровавленным ртом и просто продолжил свое дело.

На следующее утро Стэн рассыпался в извинениях. Со слезами на глазах клялся, что такого больше не повторится, и на какое-то время ночной секс прекратился.

Потом постепенно все вернулось на круги своя. К тому времени Симона уже и вовсе перестала спать, не забывалась сном даже на несколько коротких минут. Она ослабела, отчаялась и полностью покорила мужу. Шли месяцы, годы, дух борьбы в ней угас, что, казалось, лишь распалило темные желания мужа. Симона недоумевала, как она могла докатиться до такой жизни? Ведь когда-то она о чем-то мечтала! Хотела иначе построить свою жизнь: путешествовать, обрести свободу, стать другой.

Она была уверена, что ее спасением мог бы стать ребенок, но она больше не беременела, и в конце концов анализы показали, что в результате осложнений вследствие первой беременности она теперь не способна к зачатию. Из-за того, что внутренне она была опустошена, ее и без того проблемные взаимоотношения с мужем обострились до предела. Он постоянно насиловал ее, а потом она лежала в темноте, страдая от боли. Каждый раз Стэн покидал ее, возвращаясь в страну сна.

Порой ей казалось, что она сумела бы противостоять насилию и жестокости, если бы ей удавалось хоть немного поспать. Бессонница превратилась в пытку. Это была неведомая злоеющая сила. Собственный мозг восставал против нее, удерживая в действительности, когда другие преспокойно погружались в мир своих грез.

К тому времени, когда Симоне исполнилось тридцать пять, ее муж уже сильно пил, они погрязли в долгах. Примерно в ту же пору им провели Интернет, и ее бессонные ночи осветила точка света – чаты. Поначалу она тяготела к группам поддержки, общаясь с такими же побитыми оскорбленными женами, которые могли дать выход своим страхам, только делясь личным опытом. Но, читая их посты, она словно читала про саму себя и поняла, что со стороны ее ситуация может вызывать одну лишь жалость.

Потом она познакомилась с Герцогом.

Герцог, как и она, страдал бессонницей. Он слушал ее, не критикуя. Они обсуждали и обычные вещи: любимые телепередачи, всякие курьезные ситуации. Флиртовали.

Герцог представился ей рослым брюнетом (в чем Симона сомневалась), она описывала себя как высокую блондинку (что тоже было ложью). Они уединялись в уютных виртуальных уголках, где вели частные беседы, которые порой принимали страстный, пылкий характер. Он во всех подробностях рассказывал, как хотел бы доставить ей сексуальное наслаждение. Она отвечала тем же. Он заставлял ее чувствовать себя любимой и желанной.

Она рассказывала ему о своей жизни. Повела про жестокого мужа, никогда не называя его по имени. Рассказала о себе все без утайки. Свои самые сокровенные тайны, желания и фантазии. Он был с ней столь же откровенен. Умолчали они только о том, где живут, и как их зовут. Он был ГЕРЦОГ, она – СОВА.

Симона не могла точно вспомнить, когда их беседы приняли более зловещий оборот. Это произошло однажды ночью, после того как над ней надругались. Близость с мужем она теперь характеризовала только так – *надругательство*, а никакой не секс. Она пожаловалась, что доктор прописал ей кучу новых таблеток, которые не помогают от бессонницы. И Герцог написал:

ГЕРЦОГ: Может, эти таблетки лучше подействуют на твоего мужа?

Она долго смотрела на экран. Потом продолжила беседу.

Лишь на третий день Симона набралась смелости. Приготовила для Стэна спагетти по-болонски, и, когда томатный соус закипел на плите, взяла одну из капсул зопиклона, последнего снотворного препарата, который ей прописали. Она вскрыла капсулу и ее содержимое высыпала в большую дымящуюся кастрюлю... Потом размешала белый порошок в вареве.

С волнением она наблюдала, как Стэн уплетает огромную тарелку спагетти. Наевшись, он с бутылкой пива уселся на диван, закинул назад голову и в считанные минуты заснул.

Ее эйфория быстро сменилась страхом. Симона осознала, что повела себя неосмотрительно. Думала лишь о том, чтобы усыпить

мужа. А если он проваляется на диване всю ночь? Если утром он проснется и увидит, что сидит на диване? Он ведь заподозрит неладное.

Ей пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы поднять Стэна с дивана и отвести наверх, таща его на себе, словно пьяного. Она была уверена, что выдала себя, и всю ночь тряслась от страха, наблюдая за ним. В голову приходили безумные мысли: сбежать, покончить с собой. А потом взошло солнце, он проснулся. Раздраженный, недовольный. Но, уходя на работу, лишь сказал, что он, должно быть, слишком утомлен.

«Неужели это так легко?» – подумала она тогда.

Прошел месяц, издевательства продолжались, становились все более жестокими. Однажды ужасным вечером они смотрели телевизор, и Стэн вдруг ни с того ни с сего заявил, что он ее ненавидит, что она испортила ему жизнь. Он стал ее избивать. Ей удалось вырваться от него и запереться в ванной.

Она сидела, съежившись в ванной, слушая, как он бранится и бушует на кухне. Потом он выломал дверь и ввалился в ванную с кастрюлей в руках. Сорвал с нее одежду и, прижимая к ванне, облил ее голое тело кипятком.

У нее были сильно обожжены грудь и живот. Ожоги начали гноиться, ее терзала нестерпимая боль, и Стэну ничего не оставалось, как отвести жену к врачу. Симона увидела в этом возможность рассказать кому-нибудь о том, что она подвергается жестокому насилию. Но Грегори Манро принял ее жалобы за симптом паранойи и психоза, вызванных бессонницей. Он посчитал, что она лжет! Тем более что Стэн великолепно сыграл роль заботливого мужа.

Да, прежде бывало, что она утрачивала связь с реальностью, у нее случались галлюцинации, и раньше она рассказывала доктору Манро о том, что видела и слышала. Но теперь, даже видя ее ожоги и горькие слезы, доктор Манро усомнился в ее словах. Она доверилась ему, а он не оправдал ее надежд. Принял сторону Стэна, едва ли не жалея его за то, что ему досталась в жены сумасшедшая, и распорядился положить Симону в больницу.

Через неделю ее выписали, и через некоторое время издевательства возобновились. Но Симона все равно боялась уйти от

мужа. Доведенная до отчаяния, она не видела выхода из сложившейся ситуации.

Она опять опоила его снотворным, на этот раз положив две таблетки в пиво, что он выпил в постели. В считанные минуты Стэн отключился. Она даже пыталась разбудить мужа – тыкала его, трясла. Безуспешно. Утром он снова проснулся, ни о чем не догадываясь, и, как всегда, пожаловался, что чувствует себя неважно.

Примерно к тому времени Герцог и вовсе перестал спать. Он начал поговаривать, что намерен свести счеты с жизнью, и поведал о том, как он собирается это сделать.

ГЕРЦОГ: Воспользуюсь «суицидальным» пакетом.

СОВА: А что это такое – «суицидальный» пакет?

ГЕРЦОГ: Их еще называют «пакетами смерти»...

СОВА:???

ГЕРЦОГ: Это большой полиэтиленовый пакет со шнурком. С его помощью совершают самоубийство.

СОВА: Мучительная смерть.

ГЕРЦОГ: Нет, если использовать газ – гелий или азот. С гелием проще. Его канистрами покупают на праздники в честь дня рождения детей. Надеваешь на голову мешок и начинаешь наполнять его газом... И никакой паники, просто засыпаешь. Вечным сном. Благодать.

СОВА: Так просто?

ГЕРЦОГ: Да, если решил воспользоваться «суицидальным» пакетом. Я посещал один интернет-форум, на котором обсуждают способы покончить с собой. Знаешь, если мешок с головы снят и нет следов борьбы, трудно определить, как человек задохнулся и даже что послужило причиной смерти.

СОВА: Не надо, прошу тебя.

ГЕРЦОГ: Почему?

СОВА: Ты нужен мне.

ГЕРЦОГ: Нужен?

СОВА: Да... Я читала о восточной мифологии...

ГЕРЦОГ: Ура! Говори, говори! Я наконец-то засыпаю!

СОВА: Ха-ха. Я же серьезно. Я читала про Инь и Янь. Это две противоположности, дополняющие друг друга. Представь, что мы вместе в постели.

ГЕРЦОГ: Я слушаю. Обнаженные?

СОВА: Возможно... Но я говорю про сон. Представь, что мы оба где-то далеко отсюда, спим вместе в одной постели.

ГЕРЦОГ: Где?

СОВА: Не знаю. Где-нибудь далеко. Прижимаемся друг к другу и засыпаем.

ГЕРЦОГ: Здорово. А потом пробуждаемся – выпавшиеся, отдохнувшие.

Тогда-то на Симону и снизошло озарение. Она решила, что не хочет умирать. И не желает быть жертвой. Она подробнее расспросила Герцога о «суицидальном» пакете, а потом стерла из компьютера всю свою историю общения в соцсетях. Он заказал для нее один пакет и отослал в больницу, где она работала.

Разумеется, «суицидальный» пакет предназначался не для нее. Для Стэна. Симона сообразила, что гелий ей не понадобится: у нее полно снотворного.

Последний раз Стэн изнасиловал ее с особой жестокостью. Словно чувствовал, что это в последний раз. Это укрепило ее решимость.

На следующее утро, когда Стэн мылся в душе, Симона решила, что осуществит свой план вечером, когда муж придет с работы. Поглядывая на аптечку, стоявшую на микроволновке, она заваривала чай и вдруг услышала грохот, донесшийся с верхнего этажа. Она взбежала по лестнице и увидела, что Стэн распластался под душем. Он был белый как полотно.

Она, почти не раздумывая, вызвала «скорую». Врачи по прибытии констатировали смерть. Ее муж скончался от сердечного приступа в возрасте тридцати семи лет.

Жизнь изменилась. Симона стала скорбящей вдовой, а Стэн после смерти превратился в трагического героя. Он так и не заплатил за свои зверства. Она должна была бы испытывать облегчение, но чувствовала один лишь гнев. Набухающий комок ярости, что какой-то мужчина отнял у нее столько лет. Ею овладела одержимость. Она совсем перестала спать, обессилела. Ей нравилось представлять, что Стэн по-прежнему жив. Живой Стэн не мог рассчитывать на сочувствие.

* * *

Симона осознала, что задумалась. Расплывающийся экран компьютера снова обрел четкость. Герцог ей писал и писал, спрашивая, куда она подевалась.

ГЕРЦОГ: Сова?

ГЕРЦОГ: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ:???????

СОВА: Извини, Герцог, грезила наяву.

ГЕРЦОГ: Ну? Что дальше? Мы с тобой наконец-то встретимся? Будем лежать вместе в постели? Далеко-далеко?

СОВА: Скоро. Очень скоро. Вот только разберусь еще с одним именем в своем списке.

Симона подумала про список. Он существовал только у нее в голове. Однако был вполне реальным. Убив доктора Грегори Манро – врача, который поверил Стэну, а не ей, – она перечеркнула его имя жирной черной линией. То же самое она сделала с Джеком Хартом. Харта выследить оказалось сложнее. В ту пору, много лет назад, когда он написал статью о ее жестокой нерадивой матери, он был честолюбивым журналистом. Из того, что произошло с ней, он раздул сенсацию, и это помогло ему продвинуться по карьерной лестнице... А Симона оказалась в детском приюте, одна-одинешенька, перед лицом новых ужасов. Джек Харт отнял у нее мать.

Симона подумала про свою следующую жертву и улыбнулась себе. Это будет ее лучшее убийство!

Глава 40

На следующий день в половине восьмого утра Эрика приехала в отделение Луишем-Роу. Ее вызвали на очередное совещание по выработке стратегии, которое было назначено в срочном порядке после того, как она накануне доложила Маршу, что продолжает работать по данному делу и что теперь они ищут серийного убийцу-женщину.

Она припарковалась и выбралась из машины на утренний зной. Вокруг на строительных площадках, где возводились здания, клацали и громыхали подъемные краны. Небо хмурилось, в воздухе висела влага. Собиравшиеся тучи блестели на солнце как сталь. Эрика заперла машину и направилась к главному входу. Надвигалась буря – и на улице, и на работе.

– Доброе утро, босс, – поприветствовал ее Вулф, когда она вошла в отделение. Он сидел, склонившись над утренней газетой, держа в левой руке надкусанную булочку из слоеного теста. Читал в «Дейли стар» статью о Джеке Харте – **«ДЖЕК ХАРТ – ЖЕРТВА НЕОБЫЧНОГО СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ»**, – которая вся была усыпана крошками.

– Черт, – воскликнула Эрика. Склонившись над столом, она пробежала глазами статью.

– Смотрите, они даже приложение выпустили. – Вулф вытащил из газеты глянецовый черный журнал с огромной фотографией Джека Харта, смотрящего в объектив. Над его головой стояла надпись: «ПОКОЙСЯ С МИРОМ». – Даже в руки взять нельзя, измажешься, как черт, – простонал Вулф, показывая ладонь со следами черной краски.

– Может, это специально. Метафора такая, – сказала Эрика, проводя пропуском по электронному замку.

– Вы и правда считаете, что убийца *женщина*? – спросил Вулф, морща лоб.

– Да. – Эрика открыла дверь и прошла в отделение.

* * *

В конференц-зале работал кондиционер, лишь привнося зябкость в неприветливую атмосферу. Вокруг длинного стола сидели Эрика, старший суперинтендант Марш, Коллин Скэнлан, криминалист-психолог Тим Эйкен и помощник комиссара Оукли.

– Старший инспектор Фостер, – сразу перешел к делу Оукли, – меня крайне тревожит, что вы пришли к заключению, будто эти убийства совершены женщиной.

– Сэр, серийными убийцами бывают и женщины, – ответила Эрика.

– Знаю! Но в данном случае доказательств – кот наплакал. Мы имеем лишь ДНК с отпечатка уха, снятого с задней двери дома Джека Харта...

– Сэр, нам также удалось соскоблить клетки кожи с пакета, надетого на голову Джека Харта. Он задыхался несколько минут, очевидно, метался, ударив убийцу по лицу.

Оукли молчал, склонив набок голову. Эрика знала, что он специально держит паузу, тем самым вынуждая тех, кому он задавал вопросы, лепетать или сболтнуть что-то такое, что позже Оукли мог использовать для укрепления своей позиции. Эрика хранила молчание.

– Мне бы хотелось услышать, что скажет Тим. – Оукли перевел взгляд на криминалиста-психолога. Тим поднял глаза от записей в своем блокноте. Волосы у него на голове стояли торчком, лицо покрывала трехдневная щетина.

– Веские факты, указывающие на то, что преступник – женщина, происходят лишь из двух источников. Это – отпечаток уха с задней двери и полиэтиленовый пакет. Их появлению есть множество объяснений. Дверь недавно перекрашивали – за полтора месяца до убийства: отпечаток могла оставить одна из рабочих. Несколько лет назад был случай, когда суд принял отпечаток уха в качестве доказательства по делу о противоправном вторжении в дом, которое привело к гибели супружеской четы. На основании отпечатка уха осудили человека, который, как позже выяснилось, в этом доме вполне законно выполнял работу сантехника.

– А как вы объясните наличие той же ДНК на полиэтиленовом пакете? – спросила Эрика.

– В хозяйственном помещении Джек Харт хранил бытовые инструменты и садовый инвентарь. В протоколе осмотра места преступления говорится, что в двух выдвижных ящиках были обнаружены мешки для мусора, полиэтиленовые пакеты для заморозки и старые газеты. Вполне вероятно, что та же самая малярша открывала эти ящики и оставила на полиэтиленовом пакете свою ДНК.

– Орудием убийства был не обычный полиэтиленовый пакет. Такой пакет называют «суицидальным», или «пакетом смерти». Особый товар, который нужно заказывать через Интернет.

– Да, и этот «суицидальный» пакет мало чем отличается от обычных полиэтиленовых мешков или пакетов на молнии, которые используются для бытовых нужд. Если не принимать во внимание вещественные доказательства, вся схема преступления говорит в пользу убийцы-мужчины. И нельзя забывать, что в убийстве первой жертвы, Грегори Манро, присутствовал гомосексуальный элемент... Обе жертвы были найдены голыми в постели. Не хотелось бы скатываться на стереотипы, но среди женщин редко встречаются серийные убийцы, и нужно иметь больше конкретных фактов, чтобы отказаться от версии о том, что эти убийства совершил в одиночку некий белый мужчина.

– То есть вы предлагаете проигнорировать улики и сосредоточиться на статистике? – спросила Эрика.

– Пресса активно обсуждает эти убийства, – вмешалась Коллин, перед которой на столе лежала стопка свежих газет. – Мы должны выступить с заявлением. Сейчас, по выражению журналистов, мертвый сезон. В свете мало что происходит; кроме жары, писать не о чем. А тут, нате вам, серийный убийца... шумиха вокруг него еще долго не уляжется.

– Я считаю, что эти убийства совершены женщиной, – стояла на своем Эрика. – Если бы источником ДНК был только отпечаток уха с задней двери дома, я предложила бы не делать скоропалительных выводов. Но ДНК женщины также обнаружена на пакете, в котором задохнулся Джек Харт, и в скором времени у нас будет больше подробностей о поставщике этого пакета: веб-сайт согласился предоставить нам информацию о покупателях. У нас появится больше шансов поймать убийцу, если мы сосредоточим усилия на поиске женщины. Я предлагаю сделать реконструкцию. Пусть Коллин свяжется с создателями программы «Внимание, розыск!»[\[47\]](#), что идет по Би-би-си. Через несколько дней они дают в эфир свой ежемесячный выпуск. Мы можем воссоздать последние шаги Грегори Манро и Джека Харта, которые привели их к гибели.

Ответом ей было молчание. Коллин переводила взгляд с Марша на Оукли.

– Вы еще не произнесли ни слова, Пол, – заметил Оукли Маршу.

– Я поддерживаю позицию старшего инспектора Фостер, – сказал Марш. – На мой взгляд, это уникальный случай, и с учетом анализа ДНК было бы целесообразно сосредоточиться на поиске этой женщины. Только я еще посоветовал бы Эрике не исключать возможность того, что эта женщина действует в паре с мужчиной. И сориентировать на это общественность.

– Но это неслыханно, – воскликнул Оукли. – За все годы, что я служу в полиции, еще не было случая, чтобы мы ловили серийного убийцу-женщину.

– А вы бы чаще общались с рядовыми следователями, сэр, – съязвила Эрика. Марш бросил на нее предостерегающий взгляд.

– Что ж, Эрика, будь по-вашему. Но учтите: я буду пристально следить за ходом следствия, – предупредил Оукли.

* * *

Эрика вышла из конференц-зала и, вдохновленная своей победой, стала спускаться по лестнице, направляясь в оперативный отдел. Этажом выше отворилась дверь. Она глянула наверх и, увидев Марша, остановилась, дожидаясь, когда он нагонит ее. Они встретились на лестничной площадке, где из огромного окна открывалась панорама лондонского пригорода. На горизонте собирались тучи.

– Спасибо за поддержку, сэр, – поблагодарила Марша Эрика. – Мы сейчас же приступим к реконструкции на передаче «Внимание, розыск!».

– Телереконструкция откроет перед вами большие возможности. Не упустите их.

– Не упустим, сэр.

– Эрика, лично я ставлю пятьдесят на пятьдесят, что убийца – женщина, но, как я говорю, теперь дело за вами.

– На моем счету много раскрытых преступлений, сэр. Я редко ошибаюсь в таких вещах, вы же знаете. Всегда даю результат.

– Знаю.

– К слову, о моих заслугах, есть новости о повышении по службе?

– Вот поймаете эту чокнутую стерву, потом и поговорим о продвижении, – ответил Марш. – Ладно, мне пора. Держите меня в курсе.

Он ушел, а Эрика осталась стоять на лестнице, глядя в окно на город.

Забавно, что у нас так много общего, у убийцы и у меня, думала она. Нас обеих недооценивают, потому что мы женщины.

Глава 41

Спустя несколько дней Эрика и Мосс находились на Лорел-роуд, наблюдая за работой съемочной группы телепрограммы «Внимание, розыск!». Разразившаяся утром гроза положила конец периоду сильной жары, и теперь проливной дождь с грохотом колошматил по крышам двух больших микроавтобусов Би-би-си, припаркованных в начале улицы.

Эрика с Мосс, укрывшись от ливня под огромным зонтом, что поставили перед одним из микроавтобусов, смотрели, как актер, которому поручили исполнять роль Грегори Манро, идет по улице и заходит в дом № 14. За ним следовал оператор в просторном прозрачном дождевике-пончо, к телу которого черными металлическими ремнями крепился «Стэдикам». Остальные члены съемочной группы кучковались под зонтами у противоположной стены. Жители соседних домов, которые не были на работе, с любопытством наблюдали за происходящим, прячась от дождя под навесами у дверей своих домов.

В конце улицы поставили ограждение, вдоль которого выстроились журналисты и зеваки, следившие за съемочным процессом.

По словам продюсера и режиссера, дождь не должен быть замечен в кадрах, если только он не льет стеной, но Мосс с Эрикой, наблюдая за репетицией, видели, как дождевая вода бурлит на дороге и пузырится у обочины, с бульканьем сливаясь в канализационные стоки.

– Погодка не из тех, что поможет вспомнить подробности жаркого летнего вечера, – заметила Эрика, затягиваясь сигаретой. К ним подошел один из ассистентов съемочной группы, тоже в просторном прозрачном дождевике. В руке он держал планшет с зажимом. С ним была невысокая темноволосая девушка в черных спортивных штанах и черном джемпере. Они оба ежились под большим зонтом.

– Здравствуйте, кто из вас старший инспектор Фостер? – спросил парень.

– Я, – ответила Эрика и добавила: – А это инспектор Мосс.

Они все обменялись рукопожатиями.

– Меня зовут Том, а это Лотти Мари Харпер, исполнительница роли убийцы.

Молодая женщина была миниатюрной, с мелкими чертами лица и прямыми волосами. Она открыла в улыбке свой маленький ротик, обнажив нижний ряд зубов, и произнесла с безупречно правильным английским выговором:

– Для меня это так необычно. – Она поднесла к голове руку, проверяя, не выбились ли из пучка волосы. – Прежде мне не доводилось играть настоящих убийц. Что еще вы можете рассказать? Мой агент не вдавался в подробности...

Эрика глянула на молодого координатора.

– Не волнуйтесь, с нее взяли подписку о неразглашении конфиденциальной информации, – объяснил он.

Эрика кивнула.

– Хорошо. Она действует очень методично. Мы считаем, что она тщательно готовит свои преступления, заблаговременно проводя осмотр жилищ намеченных жертв. В обоих случаях она проникала в дома до возвращения хозяев и, затаившись там, ждала, когда они выпьют или съедят то, что она сдобрила транквилизатором.

– Что вы говорите! – воскликнула Лотти, прикрыв свой маленький ротик изящной рукой с безукоризненным маникюром.

– Да, это так, – ответила Мосс.

– Даже представить себе не могу, чтобы кто-то проник в мою квартиру, причем не один раз, чтобы узнать что-то обо мне...

Мосс вытащила из подмышки пластиковую папку и нашла в ней фотографию убийцы, прятанного под кроватью Джека Харта. Изображение увеличили, выделив крупным планом, насколько это было возможно, притаившуюся под кроватью фигуру, от которой бросало в дрожь. Нижняя часть ее лица была видна, но все остальное от носа и выше исчезало в тени. Маленький рот был почти один в один, как у молодой актрисы.

– Нижнюю часть лица подобрали правильно, – сказала Эрика, поднимая фотографию к лицу Лотти. – Полагаю, будут сделаны несколько снимков крупным планом?

– Да, режиссер сделает, – ответил молодой ассистент.

Лотти взяла фотографию и с минуту молча рассматривала ее. Было слышно, как дождь барабанит по зонтам.

– И это все произошло на самом деле в том доме, – проронила она, глянув через плечо на дом № 14.

– Да. И мы намерены поймать ее с вашей помощью, – сказала Мосс. – Вы уверены, что сумеете сыграть эту роль? Вы слишком милы и добры, чтобы быть убийцей.

– Я училась актерскому мастерству в Королевской академии драматического искусства, – сообщила Лотти несколько высокомерным тоном, возвращая фотографию Мосс. Возникла заминка. Неловкость сгладил подошедший к ним режиссер, высокий энергичный мужчина с красным лицом.

– Ну все, мы готовы. Три часа снимаем здесь, потом перебираемся в Далидж и воссоздаем картину второго убийства.

Они пошли прочь, оставив Эрику с Мосс под зонтом. Дождь застучал настойчивее по крыше стоявшего за ними микроавтобуса.

– Вас не беспокоит, что мы подозреваем в убийстве такую миниатюрную женщину, как наша актриса? – спросила Мосс. – Видели, наверно, что пишут газеты.

– Вот что удивительно: если мы расследуем изнасилование или убийство, совершенное мужчиной, это нормально. Мужчины насилюют женщин и убивают их тоже, но почему-то никто не считает, что у них на это должен быть «мотив»... А вот если подобные преступления совершает женщина, в обществе поднимается шумиха, начинаются бесконечные разговоры, почему, да зачем...

Мосс кивнула.

– А схема этих преступлений соответствует психологии серийного убийцы женского пола. Убийства, совершенные женщиной, обычно куда более продуманные и тщательно спланированные. И в качестве способа убийства женщины часто выбирают отравление.

– Хотя в данном случае отравление сопровождается насилием, и она выслеживает свои жертвы по ночам, – добавила Эрика.

– Ночной Охотник... Так написала сегодня *The Sun*.

– Видела, – сказала Эрика, взглянув на Мосс.

– Меткое прозвище. Как я сама не додумалась, – улыбнулась та.

– Ну-ну, я напомню вам об этом в будущем, когда нас начнут преследовать кошмары, – усмехнулась Эрика.

Они посмотрели в ту сторону, где Лотти с оператором и режиссером начали репетировать. Вдалеке снова загрохотал гром.

Репортеры и зеваки, собравшиеся за ограждениями в конце улицы, щелкали фотокамерами и снимали на телефоны происходящее. Плюс актеры и съемочная группа – все это зрелище походило на пантомимический фарс.

– Вас не беспокоит, что мы можем оказаться не правы? – спросила Мосс.

– Беспокоит, – ответила Эрика. – Меня все беспокоит. И я вынуждена полагаться на интуицию. А моя интуиция подсказывает, что это и есть наш убийца. И, увидев себя на экране, она, возможно, совершит какую-то глупость и допустит оплошность.

Зазвонил ее телефон. Она вытащила его из сумки, ответила.

– Босс, это Крейн... Есть минутка?

– В чем дело?

– Помните мальчика по вызову, который навещал Грегори Манро? Джорди Леви?

– Да.

– В общем, я связался с одним из наших специалистов по тайным расследованиям в Интернете, и тот разместил анкету подставного лица на сайте «Мальчики по найму». Вступил с ним в переписку, выдавая себя за гомосека. Тот предложил встретиться. Сегодня.

– Где?

– В пабе «Железнодорожный» в Форест-Хилл, в четыре часа дня.

– Отличная работа, Крейн. Встречаемся там без четверти четыре, – сказала Эрика. Она положила трубку и передала содержание разговора Мосс.

– Я останусь здесь, присмотрю за нашим серийным убийцей. – Мосс бросила взгляд на Лотти, которая теперь ждала под зонтом, когда женщина в дождевике закончит ее гримировать.

– Не сомневаюсь, у вас получится, – улыбнулась Эрика, закатив глаза.

Глава 42

Паб «Железнодорожный» в Форест-Хилл находился рядом с домом Эстель, матери Грегори Манро. Эрика оценила этот ход, въезжая на его парковку. Внешне паб представлял собой заведение в старомодном стиле: облицовка мозаичной керамической плиткой, начищенные медные лампы над каждым окном, над парковкой высоко на шесте раскачивается вывеска.

На летней террасе, вдававшейся на территорию парковки, Эрика заметила за одним из столиков Крейна. Тот сидел один, стараясь не выделяться среди посетителей, которые наслаждались напитками под слепополуденным солнцем.

– Он вошел в паб пару минут назад, – доложил Крейн, поднимаясь, когда Эрика подошла к его столику.

– Отлично. Чье фото поместили на сайт? Кого он ждет? – спросила она, когда вдвоем они стали пробираться между столиками к главному входу.

– Уоррена... Я подумал, это должен быть кто-то посимпатичнее меня!

– Не прибедняйтесь, – сказала Эрика. – Как говаривал мой муж, для каждой кастрюли своя крышка.

– Приму это за комплимент... пожалуй, – улыбнулся Крейн.

В самом пабе имелось все традиционное оборудование английских пивных, но стены были выкрашены в белый цвет, добавлено мягкое атмосферное освещение и над барной стойкой висело дорогое меню, в котором присутствовали традиционные блюда высокого качества. Народу было немного, и молодого парня Эрика заметила сразу. Он сидел в угловой кабинке, перед ним на столе стояли полпинты пива и стопка какого-то крепкого напитка.

– Как будем действовать? – тихо спросил Крейн.

– Без лишнего шума, – ответила Эрика. – Хорошо, что он выбрал кабинку.

Они подошли к столику, за которым сидел парень, и встали по обе стороны от сиденья с изогнутой спинкой, преграждая ему пути к бегству. На нем был красно-черный спортивный костюм из блестящей ткани; длинные волосы до плеч посередине разделял пробор.

Они показали свои удостоверения.

– Джорди Леви? – обратилась к нему Эрика. – Я – старший инспектор Фостер, со мной сержант Крейн.

– В чем дело? Я просто сижу и пью, никого не трогаю. Законом это не запрещено...

– И ждете вот этого парня, с которым договорились здесь встретиться, – сказал Крейн, доставая фото Уоррена.

– Кто вам сказал?

– Я и сам знаю. Это я договаривался с вами о встрече, – отвечал Крейн.

Парень поджал губы и затем осушил стопку.

– Ну и что? Закон не запрещает встречаться с кем-то в пабе. – Он со стуком поставил стаканчик на стол.

– Нет, все нормально, – подтвердила Эрика. – Мы просто хотим с вами поговорить? Что пьете?

– Двойную порцию водки. И картофельные чипсы.

Эрика кивнула Крейну, и тот направился к бару. Она села за столик.

– Джорди. Вам известно, о чем мы хотим с вами поговорить?

– Могу попробовать угадать. – Парень допил пиво и поставил бокал на стол.

– Мы не из полиции нравов. Нас не интересует, как вы зарабатываете на жизнь, – объяснила Эрика.

– Как я зарабатываю на жизнь! Я не стоматолог-гигиенист...

– Я расследую убийство Грегори Манро, местного врача. Его убили десять дней назад. – Эрика вытащила из сумки фотографию Грегори Манро. – Вот он.

– Я его не убивал, – заявил Джорди, лишь мельком глянув на фото.

– Мы вас не подозреваем. Но соседи видели, как вы выходили из его дома за несколько дней до его гибели. Вы подтверждаете, что были у него дома?

Джорди откинулся на спинку сиденья и пожал плечами.

– Я не веду календарь, для меня все дни похожи один на другой.

– Мы просто хотим знать, что произошло, возможно, вы что-то видели. Ваши показания помогут следствию. Сами вы вне подозрения. Пожалуйста, взгляните еще раз на фото. Вы узнаете его?

Джорди посмотрел на снимок и кивнул.

– Да, узнаю.

Вернулся Крейн с подносом, на котором стояли напитки. Парню он дал водку и чипсы, Эрике – один из бокалов с кока-колой, а сам сел напротив. Джорди убрал за уши волосы и открыл пачку чипсов. От него несло потом, ногти были грязные.

– Итак, нам нужно знать, приходили ли вы домой к Грегори Манро в период с понедельника по понедельник между 20 и 27 июня? – спросила Эрика.

– Кажется, приходил, – пожал он плечами.

Эрика глотнула кока-колу.

– По-вашему, Грегори Манро был геем?

– Свое настоящее имя он не называл, а геем он был, да, – отвечал

Джорди, жуя чипсы.

– И вы это знаете наверняка?

– Ну, если он был не гей, тогда что мой член делал в его заднице?

Крейн вскинул брови.

– Как вы договорились о встрече? – продолжала Эрика.

– Через «Крейгслист»[\[48\]](#). Поместил туда объявление.

– Что за объявление?

– Что готов встречаться с мужчинами за денежное пожертвование.

Делать пожертвования не противозаконно.

– И Грегори Манро жертвовал вам деньги?

– Да.

– Сколько?

– Сотню.

– Вы провели у него ночь?

– Да.

– О чем вы говорили, Джорди?

– Мы почти не разговаривали. Большую часть времени рот мой был занят... – ухмыльнулся он.

Эрика вытащила из сумки один из снимков места преступления и положила его перед Джорди на полированную поверхность деревянного стола.

– По-вашему, это смешно? Взгляните. Здесь Грегори Манро лежит на кровати с привязанными руками и полиэтиленовым пакетом на голове.

Джорди охнул при виде фото, побелел как снег, хотя и так был бледен.

– А теперь, прошу вас, расскажите все, что вам известно о Грегори Манро. Это очень важно, – произнесла Эрика.

Джорди выпил водки.

– Да он был такой же, как все женатики, стыдящиеся своих наклонностей. Умоляют, чтобы их трахнули как следует, а потом слезы льют от стыда. Во второй мой приход он особенно сильно нервничал. Все спрашивал, не брал ли я ключи.

– Что за ключи?

– От входной двери.

– Почему?

– Он думал, что я промышляю воровством. Многие так думают. Но потом он спросил, не заходил ли я к нему домой в его отсутствие.

Эрика посмотрела на Крейна.

– А вы бывали у него дома в его отсутствие?

Джорди покачал головой.

– Он сказал, что вещи его не на месте.

– Какие вещи?

– Нательное белье лежало на кровати... Его это ужасно напугало.

– Он разводился с женой, – сказала Эрика, чувствуя, как в душе поднимается волнение. – Может быть, это жена приходила?

– Он утверждал, что это не может быть она. Он только-только сменил все замки. Ключи были только у него. Он вызвал женщину из какой-то охранной компании, чтобы она все проверила.

Эрика с Крейном переглянулись.

– Вы видели эту женщину?

– Нет.

– Он описывал ее внешность?

– Нет.

– Хорошо, тогда припомните, говорил ли он, *когда именно* эта женщина приходила к нему домой?

Джорди поджал губы, задумавшись.

– Не знаю. Постойте: это было в мой второй приход. Она ушла как раз передо мной. Он, казалось, успокоился после того, как она все проверила.

– Не помните, это было в понедельник? Если в понедельник, значит, 21 июня.

Джорди скривился, снова посмотрев на фото, и прикусил губу.

– М-м-м, да... Да, точно, в понедельник.

Эрика достала из сумки три двадцатки и протянула их Джорди.

– Что это? – спросил он, глядя на деньги.

– Пожертвование, – ответила Эрика.

– Я договорился на сотню.

– Торг здесь неуместен.

Джорди взял деньги, поднял с пола из-под стола рюкзачок и протиснулся мимо них.

– Ближко мы подобрались, – произнес Крейн через несколько минут после ухода Джорди. – Думаете, она подстроила проникновение, а потом вернулась в понедельник 21 июня, выдавая себя за представителя фирмы «Дом под охраной»?

– Да. Проклятье! Если бы Джорди видел ее, мы могли бы составить фоторобот и представить его в программу «Внимание, розыск!», – сказала Эрика. Дверь в паб отворилась, и Эрика мгновенно выпрямилась на сиденье. В зал вошел Гэри Уилмслоу в сопровождении высокого bruneta в джинсах и футболке с эмблемой футбольного клуба «Миллуолл» и маленького мальчика, в котором Эрика узнала Питера, сына Грегори Манро.

– Черт, этого нам только не хватало, – пробормотал Крейн. Вошедшие направились к барной стойке, а потом Гэри заметил их. Он сказал что-то brunету и вместе с Питером подошел к Эрике и Крейну.

– Привет, легавые, – глумливо произнес он.

– Здравствуйте, – ответила Эрика. – Здравствуйте, Питер. Как твои дела?

Мальчик, бледный и осунувшийся, поднял глаза на Эрику.

– Мой папа умер... Вчера в земле выкопали яму и положили его туда, – безжизненным тоном доложил он.

– Я тебе сочувствую, – сказала Эрика.

– Ваш бойфренд? – полюбопытствовал Гэри, кивнув на Крейна.

– Нет. Я – сержант Крейн, – представился тот, показав удостоверение.

– Ой-ой, чо корочками-то размахался? – спросил Гэри.

– Вы хотели знать, кто он такой, – объяснила Эрика.

Атмосфера накалялась. Гэри переводил взгляд с Эрики на Крейна.

– Ну и каким ветром вас сюда занесло? Просто зашли выпить в паб у моего дома?

– В вашем районе много пабов, Гэри, – заметил Крейн.

– А кто этот ваш друг? – осведомилась Эрика. Спутник Гэри у барной стойки расплачивался за напитки.

– Деловой партнер... Ладно, заболтался я с вами.

– Питер, ты как? У тебя все хорошо? – выпалила Эрика, глядя на апатичного мальчика.

– Его отца только что похоронили. Что за глупый вопрос? – рявкнул Гэри.

– Эй, полегче, – предупредил его Крейн.

– Я – сама любезность, – огрызнулся Гэри. – Все, мне пора.

Он пошел прочь, уводя за собой Питера. Эрике хотелось схватить мальчика и бежать с ним из паба, но она понимала, что это было бы безумием. Как бы она объяснила свой поступок, не рискуя провалить важную операцию?

Эрика с Крейном покинули паб и вышли на солнце. Теперь все столики на террасе были заняты. За одним Эрика заметила высокого сухопарого темноволосого мужчину, сидевшего рядом с худой длинноносой женщиной в футболке на ляпочках. Та, склонившись над телефоном, что-то в нем писала. Ее светлые волосы были собраны в конский хвостик. Его бледное лицо покрывали оспины от угрей, свои длинные до плеч черные сальные волосы он зачесал назад, обнажив высокий лоб. Наряд его состоял из обычной футболки и бежевых шортов.

Эрика, пробираясь между столиками впереди Крейна, прямой наводкой направилась к ним.

– Старший инспектор Спаркс? – окликнула она мужчину, приблизившись к их столику.

– Старший инспектор Фостер, – удивился тот. Его спутница выпрямилась, ее взгляд метнулся к окну паба.

– Отдыхаете? Освежаетесь напитками? – спросила Эрика, проследив за взглядом женщины.

– В некотором роде, – ответил Спаркс. Следом за Эрикой к столику подоспел Крейн.

– Привет, Спаркс, давно не виделись... Где вы теперь? – любопытствовал он.

– М-м-м, возглавляю один из отделов по расследованию убийств на севере Лондона. – Спаркс переводил взгляд с Эрики на Крейна. – А это инспектор Пауэлл, – представил он свою спутницу. Они все обменялись любезностями.

– Крейн, подождите меня в машине, – попросила сержанта Эрика.

– Хорошо. – Крейн озадаченно посмотрел на Эрику и зашагал прочь.

– Значит, вы оба здесь, в южном Лондоне, отдыхаете с выпивкой в будний день, стараясь не привлекать к себе внимания. Это как-то связано с Гэри Уилмслоу? – спросила она, когда Крейн отошел достаточно далеко.

– Простите, а вы кто? – поинтересовалась женщина.

– Старший инспектор Фостер, бывшая коллега Спаркса, – тихо представилась Эрика. – В этом пабе находятся без присмотра два типа, принимающие активное участие в производстве детского порновидео, а с ними ребенок.

– Мы знаем... – начала женщина.

Спаркс навалился на стол.

– Фостер, вам лучше удалиться. Мы ведем скрытое наблюдение.

– Операция «Хемслоу», да? – уточнила Эрика.

Спаркс и Пауэлл переглянулись.

– Да, Эрика. Нас подключили в порядке усиления, – объяснил Спаркс, не сводя глаз с окон паба. – Уходите, пока не выдали нас.

– Да вы и так тут торчите, как два дерева в чистом поле. Вы вообще понимаете, насколько незащищен сейчас там этот ребенок? Его зовут Питер.

– Мы знаем. И если вы немедленно не уберетесь и раскроете нас, я доложу об этом вашему начальству, – пригрозил Спаркс.

Эрика посмотрела на них долгим взглядом и пошла к машине.

– В чем там было дело, босс? – спросил Крейн, когда она села за руль.

– Ни в чем, – отрезала Эрика. Ее до сих пор всю трясло.

– Я не видел Спаркса с тех пор, как вы отстранили его от дела об убийстве Андреа Дуглас-Браун[49]... Не самый лучший сыщик в мире, да? Дотошным его не назовешь.

– Да, – согласилась Эрика.

– Это была его подружка?

– Не думаю.

– Оно и видно. Она не его уровня. Впрочем, как и большинство женщин, – подытожил Крейн. – Как бы то ни было, мы получили еще одно подтверждение, что в доме Грегори Манро находилась женщина. Я считаю, что это результат!

– Да, – кивнула Эрика.

Они поехали. По дороге она думала о маленьком Питере, который остался с Гэри Уилмслоу и его темноволосым «деловым партнером», и чувствовала себя беспомощной.

Глава 43

Вечером следующего дня, по окончании долгой рабочей недели, Айзек Стронг лежал на диване со Стивеном Линли. Он только что приготовил для них праздничный ужин: Стивен закончил работу над своим последним романом и сдал рукопись издателю.

– Шампанского еще хочешь, Стиви? – спросил Айзек.

– Из бутылки, что стоит в ведерке со льдом, с белой салфеткой вокруг горлышка? – уточнил Стивен, приподняв голову с груди Айзека.

– А почему бы не сделать, как положено? – промурлыкал Айзек, чмокнув Стивена в лоб.

– Я не знаю никого, кто дома подавал бы шампанское, как в ресторане, – рассмеялся Стивен. Он чуть отодвинулся, давая Айзеку встать с дивана. – И где ты это достал? – спросил Стивен, протягивая свой бокал и показывая на ведерко со льдом, которое стояло на металлической подставке возле дивана.

– Заказал по каталогу *Lakeland*. – Айзек взял бутылку из ведерка, в котором загремел лед, и наполнил их бокалы.

– А подставку?

– Это из морга. Обычно на ней лежат пила и мои скальпели... Я подумал, такая жуть вполне уместна на торжестве в честь твоей новой книги.

– Мистер Безупречный стащил вещь с работы! Я польщен. – Стивен глотнул холодного бодрящего шампанского. Айзек вернулся на диван, но, услышав, как в кухне запикал таймер, снова встал, чтобы отключить его.

– Неужели еще одно блюдо? – прорычал Стивен.

– Нет. Я поставил его, чтобы не пропустить «Внимание, розыск!».

– Господи, помилуй. Опять эта твоя ужасная подружка-ищейка с ужасными манерами... и ужасной стрижкой?!

– У Эрики нормальные манеры. И стрижка нормальная.

– Согласись, прическа у нее утилитарная. Она лесбиянка?

– Нет, – вздохнул Айзек, – она была замужем, я же говорил... Теперь вдова.

– Он повесился, что ли, ее муж?

– Погиб при исполнении служебного долга...

– Ах да, припоминаю. – Стивен снова глотнул шампанского. – Рейд по захвату нарколаборатории. По ее вине погибли и муж ее, и еще четверо других членов группы... А знаешь, отличный сюжет для книги.

– Стивен, ты жесток. Мне это совсем не по нраву.

– Сам подписался, – усмехнулся Стивен. – Да, я – безжалостный стервец... Имя я изменю.

– Не смей об этом писать... Все, мы смотрим «Внимание, розыск!». Передача посвящена делу, над которым я работаю. У меня к ней как профессиональный интерес, так и личный.

Айзек взял пульт и включил телевизор. Пошли начальные титры программы «Внимание, розыск!».

– Значит, двойное убийство, серийный убийца? Да?

– Да.

– Жуткая история. С Джеком Хартом, да? – не унимался Стивен.

– Тсс! – шикнул на него Айзек. Они молча смотрели, как ведущий программы излагает подробности дела.

– Первой жертвой стал доктор Грегори Манро, врач общей практики из Омор-Оук-Парк на юге Лондона. Последний раз его видели, когда он возвращался домой с работы около семи часов вечера 27 июня...

На экране актер, исполнявший роль Грегори, шел по Лорел-роуд к своему дому. Еще было светло, на улице дети прыгали через скакалку.

– А вот это уже сказки, – начал Стивен, потягивая шампанское. – Кто сегодня выпускает детей поиграть на улицу? Они сидят взаперти. Родители держат их дома, где они развлекаются за компьютерами или с телефонами... А как педофилы подбираются к детям в наши дни? Через Интернет. Ужас какой-то...

– Помолчи, – одернул его Айзек.

На экране молодая актриса в черном кралась по темной тропинке меж кустами за домом. Камера крупным планом показала ее лицо, которое осветил проезжавший мимо поезд.

– Миленькая, – заметил Айзек.

– Как эльф, – согласился Стивен. – Они и впрямь думают, что это женщина? Она же такая хрупкая...

На экране появилось изображение участка за задним фасадом дома, где на тропинке стояла девушка. Она пригнула рукой ветку

дерева, и они увидели, как актер в роли Грегори Манро ходит по кухне. Девушка спрятала лицо в капюшоне, присела и через дыру в заборе пролезла в сад.

– Откуда им все это известно? – спросил Стивен.

– Ты же знаешь, я не могу обсуждать с тобой подробности дела, – ответил Айзек.

– В пятничный вечер канал Би-би-си-1 вместе с нами смотрят миллионы других придурков. Какие тут могут быть секреты? – фыркнул Стивен, закатив глаза. – Давай лучше включим порно, и ты меня трахнешь. Я чертовски пьян...

– Стивен, мне нужно это посмотреть!

На экране женщина перебежала через двор, залезла в дом через боковое окно и ступила в кухню.

– Даже подумать страшно, – промолвил Стивен. – Кто-то крадетсЯ за тобой, лазает всюду в твоём доме, а ты ни сном ни духом...

Глава 44

Рабочий день у Симоны выдался удачным: ей удалось побыть с Мэри, с пользой провести время в ее палате. Заходил доктор, сказал, что состояние больной улучшается, и, возможно, она очнется. Слава богу, он не стал допытываться, откуда у Мэри синяк: очевидно, решил, что ссадина появилась у старушки до того, как ее доставили в больницу. В общем, сплошь хорошие новости. Мэри не умрет, и, когда ее выпишут, Симона заберет ее к себе. У нее две свободные комнаты. Она покрасит обе в пастельные тона, и пусть потом Мэри выбирает, какая ей больше по нраву. Правда, Симона надеялась, что Мэри все же не слишком быстро встанет на ноги. Ведь в ее списке есть еще одна кандидатура, и нужно сделать соответствующие приготовления.

Перед тем как выйти из дома, Симона решила приготовить свое любимое блюдо: консервированные макароны в сырном соусе с особой присыпкой – раскрошенным черствым хлебом и тертым сыром. Она принесла поднос с дымящейся горячей тарелкой в гостиную, где на продавленных креслах валялись в беспорядке газеты и журналы, села на диван и, включив телевизор, стала щелкать пультом, ища «Улицу Коронации»[\[50\]](#). На одном канале она остановилась и с недоумением вперилась в экран, думая, что у нее опять начались галлюцинации.

Нет, это было что-то другое.

Галлюцинации воспроизводил ее телевизор. Словно зачарованная, смотрела она, как похожая на нее женщина расхаживает по дому Джека Харта.

Симона в растерянности склонила набок голову.

Женщина на экране была миниатюрной, с мелкими привлекательными чертами лица. Симона в сравнении с ней казалась толстой коротышкой. Ее высокий широкий лоб бороздили морщины, даже когда она не хмурилась, а голубые глаза были тусклыми и не сияли, как у симпатичной женщины на экране.

Та теперь наблюдала за мужчиной, похожим на Джека Харта, – смотрела, как он моется в душе через неплотно прикрытую дверь ванной. Потом перешла в его спальню. Природа наделила ее точеной фигурой с тонкой талией. У Симоны талия отсутствовала, к тому же немного был искривлен позвоночник.

Заиграла мелодия передачи «Внимание, розыск!», на экране появилась телестудия.

– Как я уже говорил, – начал ведущий, – мы опустили наиболее ужасные подробности реконструкции. Сегодня у нас в гостях старший инспектор Эрика Фостер. Добрый вечер...

Симона всем телом подалась к экрану, разглядывая сотрудницу полиции, которая вела расследование. *Это была женщина.* Бледная, худая, с короткими белокурыми волосами и мягкими карими глазами. На мгновение Симона обрадовалась: женщина поймет ее, посочувствует ее страданиям. Но, слушая речь старшего инспектора Фостер, Симона ощутила, как в ней закипает гнев, а в ушах зашумела кровь.

– Нам нужна информация. Если вы видели эту женщину или в тот вечер, когда были совершены убийства, находились где-то поблизости от мест преступлений, пожалуйста, свяжитесь с нами. Мы полагаем, что преступница хрупкого телосложения, но советуем не приближаться к ней: она опасна и крайне неуравновешенна.

Симону пронзила боль. Она глянула на свои руки и увидела, что сжимает-разжимает кулаки в тарелке с обжигающе горячими макаронами, а между пальцами сочится сырный соус. Она снова подняла глаза к телевизору. Стерва на экране повторяла, что они разыскивают неуравновешенную женщину, которая, возможно, психически нездорова. Симона смела с подноса тарелку, которая разбилась о стену.

– Я – жертва! – взвизгнула она, вскакивая на ноги. – ЖЕРТВА, слышишь, ты, сволочь! Ты понятия не имеешь, что значит долгие годы изо дня в день подвергаться насилию! Ты не знаешь, что он со мной вытворял! – Она ткнула пальцем в потолок, в ту сторону, где этажом выше стояло ее брачное ложе. – Ты не знаешь НИЧЕГО! – орала Симона. На лице старшего инспектора Фостер на экране оседали брызги жидкого синтетического сырного соуса.

– Если вы располагаете какими-либо сведениями, просим связаться с нами по телефону или по электронной почте. Конфиденциальность гарантируется. Контакты вы видите в нижней части экрана, – закончил ведущий.

Симона встала и, вся дрожа, направилась к компьютеру, стоявшему в каморке под лестницей. Там она села, пододвинула к себе

клавиатуру, не замечая, что руки измазаны в соусе, а обожженная кожа на пальцах сморщилась и покраснела.

В поисковой строке *Google* Симона набрала «СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ЭРИКА ФОСТЕР» и принялась читать результаты. Дыхание ее постепенно выравнивалось, а в голове формировался план.

Глава 45

Поздно вечером автомобиль, принадлежавший телестудии, высадил Эрику у ее дома в Форест-Хилл. Когда она вошла к себе и увидела свою гостиную, ее охватила тоска. Она и прежде выступала по телевидению с обращением к гражданам, но сегодня все было по-другому. Ее снимали в телестудии, и она очень нервничала. Мосс посоветовала, чтобы Эрика вообразила, будто она беседует с какой-то семьей и мысленно представляла, что сидит с ними в их гостиной.

Но воображение рисовало Эрике только Марка: как он обычно сидел, развалившись на диване, и обнимал ее одной рукой. Именно это она и представляла, выступая в прямом эфире. И вот теперь, придя домой, она осознала, что у нее появился еще один повод тосковать по нему. Она скучала по той поре, когда по возвращении домой видела Марка на диване перед телевизором. Ей так не хватало родной души, человека, с которым можно поговорить, который отвлек бы ее от проблем и навязчивых мыслей. А здесь были только голые стены, сдвигающиеся вокруг нее.

Зазвонил ее мобильный телефон. Она полезла в сумку, достала его, ответила. Звонил отец Марка.

– Ты не предупредила, что тебя будут показывать по телику, – сказал Эдвард.

Они не общались уже несколько недель, виновато осознала Эрика. На секунду горло сдавило от волнения. Голос у Эдварда был очень похож на голос Марка.

– Решение было принято в последнюю минуту... Я сама еще не смотрела. Надеюсь, я вещала не как менторша?

– Нет, девонька, – хмыкнул Эдвард, – ты выступила отлично. Хотя, как я понял, у вас там опять псих разгуливает на свободе. Надеюсь, ты осторожна?

– Эта предпочитает мужчин, – отвечала Эрика. – Нет, я, конечно, не беспечна. Но она пока охотится на мужчин.

– Да, я смотрел передачу, – сказал Эдвард. – Ты и впрямь считаешь, что женщина способна на такое?

– Поработай ты со мной пару дней, таких бы психов увидел – не приведи Господи...

– Охотно верю. Но, как я всегда говорю: будь храброй, но не глупой.

– Постараюсь.

– Я так и так собирался тебе звякнуть, и твоя мордашка в телике лишь подстегнула меня. Хотел узнать у тебя адрес твоей сестры, Ленки.

– Постой, где-то был. – Подбородком прижимая телефон к плечу, Эрика подошла к полкам и, перевернув рекламные листки кафе, отпускающих еду на дом, нашла тонкую записную книжку.

– Зачем тебе адрес Ленки? – любопытствовала она, листая блокнот.

– Ей ведь скоро рожать?

– Ах, ну да, чуть не забыла. Через несколько недель.

– Время быстро летит, когда гоняешься за преступниками, да?

– Очень смешно! Тебе бы в стендап-комедиях играть, – рассмеялась Эрика.

– У нее чудесные малыши, мальчик с девочкой. Я ни черта не понимал, что там лопотали они, да и сестра твоя тоже, но мы прекрасно ладили!

Когда сестра Эрики гостила у нее, Эдвард поездом приехал в Лондон на день, и они все вместе пошли в Тауэр. Для Эрики это был утомительный день. Ленка по-английски не говорила, и ей пришлось выступить в роли переводчика сестры и ее детей, Каролины и Якуба.

– Как ты думаешь, Тауэр им понравился? – спросил Эдвард.

– Нет. Кажется, Ленка немного скучала. Ей хотелось поскорее попасть в *Primark* и купить там новой одежды, – сухо ответила Эрика.

– Слушай, а билеты в крепость дорогие, да? Интересно, какой процент с них получает королева?

Эрика улыбнулась. Эдварда ей не хватало. Жаль, что они живут так далеко друг от друга.

– Ага, вот. – Эрика назвала ему адрес.

– Спасибо, родная. Отправлю ей немного евро, на ребенка, если доберусь до почтамта в Уэйкфилде. А то в нашем местном отделении обменник закрыли, представляешь?

– Мы живем в век жесткой экономии, – заметила Эрика.

Возникла пауза. Эдвард кашлянул, тихо произнес:

– Вот и еще год пролетел, да? – Он имел в виду годовщину смерти Марка.

– Да. Два года уж будет.

– Хочешь, я приеду? Поживу у тебя несколько дней. Диван у тебя удобный.

– Не стоит, спасибо. Очень много работы. Вот доведу до конца это дело, тогда и отметим по-человечески. С удовольствием проведу несколько деньков на севере... Чем займешься?

– Меня попросили создать команду по боулзу[51]. Наверно, понимают, что мне необходимо отвлечься.

– Так принимайся за дело, – сказала Эрика. – И береги себя.

– Ты тоже себя береги, девонька.

Эдвард повесил трубку, и Эрика включила телевизор, как раз ко времени своего выступления в программе «Внимание, розыск!». Она пришла в ужас, увидев на экране свое четкое изображение: на ее лице выделялись каждая черточка, каждая морщинка, мешки под глазами. Когда в конце передачи на экране высветилась контактная информация, ее телефон снова зазвонил. Она ответила.

– Старший инспектор Фостер? – раздался в трубке приглушенный резкий голос.

– Да?

– Я смотрела передачу и слышала, как вы говорили обо мне по телевизору... Вы ничего про меня не знаете, – спокойно произнес голос.

Эрика на мгновение оцепенела. Потом стала судорожно соображать. Вскочила на ноги, погасила свет и подошла к окну, выходящему на террасу. В саду было темно, на ветру колыхались ветви яблони.

– Успокойтесь. Я далеко, – сказал голос.

– Хорошо. Тогда где вы? – спросила Эрика с гулко бьющимся сердцем.

– Там, где вы меня не найдете, – ответил голос. Очередная пауза. Эрика пыталась придумать, как ей быть. Посмотрела на свой телефон, но она понятия не имела, как записать разговор.

– Это еще не всё, – заявил голос.

– И что это значит? – спросила Эрика.

– А то не понимаете. Я ведь только что читала про вас, старший инспектор Фостер. Вы были восходящей звездой в полиции. У вас диплом криминалиста-психолога. Имеете благодарности. Ну, и мы с вами кое в чем похожи.

– В чем же?

– Мой муж тоже умер, хотя, к сожалению, в отличие от вас я не повинна в его смерти.

Эрика закрыла глаза, стискивая в руке телефон.

– Он же погиб по вашей вине, да?

– Да, по моей, – подтвердила Эрика.

– Спасибо за откровенность, – сказал голос. – Мой муж был жестоким садистом. Любил меня мучить. И тому доказательство – мои шрамы.

– Что случилось с вашим мужем?

– Я планировала его убить. И если бы мне предоставилась такая возможность, ничего этого теперь бы не было. Но он умер сам, случайно. И я стала веселой вдовой.

– Что вы имели в виду, сказав, что это еще не всё?

– Я имела в виду, что среди мужчин будут еще жертвы.

– Ничем хорошим для вас это не кончится, вы уж поверьте мне, – предупредила Эрика. – На чем-нибудь вы обязательно проколется. У нас есть свидетели, которые вас видели. Скоро у нас будет ваш фоторобот...

– Думаю, на сегодня достаточно, Эрика. Я прошу об одном: оставьте меня в покое, – сказал голос.

Раздался щелчок, и в трубке наступила тишина.

Эрика быстро набрала «1471», но автоответчик сообщил ей, что данный номер недоступен. Она проверила, заперты ли раздвижные стеклянные двери и, вытащив из замка ключ, убрала его в карман. Потом прошла к входной двери, проверила, заблокирован ли замок. Затем стала ходить по комнатам, опуская жалюзи и запирая остальные окна.

При закрытых окнах в квартире быстро скапливалась духота. Начиная обливаться потом, Эрика позвонила в отделение Луишем-Роу.

Ответил Вулф.

– Ах, это новое лицо столичной полиции. Вы классно выступили по телику.

– Вулф, на мое имя поступали звонки? – осведомилась Эрика.

– Да, прямо сейчас на линии *Playboy*, просят, чтобы вы снялись на вкладку. Я сказал им: только в том случае, если они проявят высший профессионализм. Не хочу, чтобы ваши прелести затерялись в складках бумаги...

– Вулф, я же серьезно!

– Простите, босс, раздухарился. Подождите... – Эрика услышала, как он листает журнал.

– Был один звонок от продюсера «Внимание, розыск!». Она вернула вам вашу сумку?

– Моя сумка со мной, – ответила Эрика, глянув на журнальный столик, куда она скинула сумку.

– Она позвонила и сказала, что вы забыли свою сумку в телестудии, попросила ваш телефон... Значит, вы не оставляли там сумку?

– Нет. А номер, с которого звонили, очевидно, не определился?

– Э...да... – начал Вулф. – Если звонила не продюсер, тогда кто?

– Я только что разговаривала с Ночным Охотником, – сообщила Эрика.

Глава 46

Поговорив по телефону с Эрикой Фостер, Симона вернулась домой. С порога в нос ей ударил омерзительный запах. Она увидела, что зеркало в прихожей и компьютер в холле измазаны сырным соусом. Она прошла в гостиную, и там тоже все было забрызгано соусом: стены, телевизор.

Убирая, Симона размышляла. Как полиция узнала, что это она? Как они догадались, что убийства совершает женщина?

Ведь она действовала хитро, осторожно.

Незаметно, словно тень.

Симона чистила в гостиной ковер и вдруг краем глаза заметила какое-то движение. Она замерла. *Шлеп, шлеп, шлеп*, слышалось сзади. Стиснув в руке деревянную щетку, она повернулась.

В дверях гостиной стоял Стэн – голый. С его рыхлого белесого тела на чистый ковер стекала вода. Он открыл рот, обнажив ряд черных зубов. Симону удивило, что она не испугалась. Она стала медленно выпрямляться, слыша хруст в коленях.

– *Гр... цах*, – произнес Стэн. Даже не произнес, а как будто выдохнул. Прохрипел. – *Гр... цах, Гр... цах*. – Рука его упала вниз, повисла вдоль тела, губы раздвинулись в ухмылке. Эту его ухмылку, голодную, нависающую над ее лицом, сопровождаемую болью, она хорошо помнила. Он направился к ней, хлюпая по мокрому ковру, в который впитывалась струившаяся с него вода. Вот теперь она испугалась. Закричала:

– НЕТ! НЕТ! – И запустила в него тяжелой деревянной щеткой. Он растворился, а щетка угодила в зеркало, висевшее в прихожей. На пол посыпались осколки.

Стэн исчез. Ковер был сухой. И она вдруг поняла, что он сказал.

Герцог. Он произнес: *Герцог*.

Симона поспешила к компьютеру, стоявшему под лестницей, включила его.

СОВА: Герцог?

Спустя пару минут Герцог появился в Сети.

ГЕРЦОГ: Сова, привет! Тяжелая ночка?

СОВА: С чего ты взял?

ГЕРЦОГ: Я знаю тебя. Лучше, чем ты сама.

Руки Симоны застыли над клавиатурой.

СОВА: Знаешь ли? Ты уверен, что и в самом деле ЗНАЕШЬ меня?

На этот раз пауза затянулась. Симона смотрела на мигающий курсор и воображала, как Герцог сидит где-то, расставив пальцы над клавиатурой, и пытается придумать, что напечатать. Значит, он догадался?

Впервые она задалась вопросом о том, где живет Герцог. В ее представлении он существовал здесь, в ее компьютере. Последние годы она о чем только с ним ни говорила: о своих планах, о фантазиях, о том, как она расправится со своим врачом, с телеведущим, с другими. Герцог всегда ее поддерживал. И рассказывал ей о своих страхах – о боязни темноты, о неудавшихся попытках самоубийства. Она помнила его душераздирающий рассказ о том, как он пытался покончить с собой с помощью «суицидального» пакета без использования газа. Надел пакет на голову, затянул на шее шнурок, а потом, когда начал задыхаться, запаниковал, ногтями разорвал полиэтилен, с горем пополам содрал его с головы. Только вот шнурок зацепился за левый глаз и вспорол веко, оголив глазное яблоко.

Герцог сказал, что умрет без нее, и она ему поверила.

Симона моргнула. Курсор снова побежал по экрану.

ГЕРЦОГ: Конечно, я знаю тебя, Сова. Знаю лучше, чем все остальные. Я люблю тебя. И, клянусь, твои тайны умрут вместе со мной.

Глава 47

Эрика с Крейном находились в одном из тесных технических помещений, отходивших от комнаты, в которой располагался оперативный отдел.

– Так, вот ваш новый телефон, – сказал Крейн. – Прежний пусть будет при вас, регулярно его заряжайте, но используйте только в том случае, если она снова вам позвонит. Номер стоит на прослушке. Если она позвонит, отслеживающая аппаратура автоматически включится. Сразу же. Помните об этом. А то я знаю наших ребят, которые по забывчивости звонили по своим личным делам, и их разговоры, естественно, записывались.

– Не беспокойся. Не забуду. Впрочем, моя личная жизнь скучна, – отвечала Эрика, беря телефоны. – Постой, так здесь же сенсорный экран, – добавила она, разглядывая новый аппарат, что он ей вручил. – А с кнопками ничего не нашлось?

– По сути, босс, это модернизированная модель вашего прежнего мобильного, – объяснил Крейн.

Раздался стук в дверь, в комнату просунула голову Мосс.

– Босс, есть минутка? – спросила она.

– Да.

– Постараюсь достать для вас старый *Nokia*, – пообещал Крейн.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Она вышла в оперативный отдел, где царил суев, и проследовала за Мосс к огромной карте Большого Лондона, которая занимала на стене шесть квадратных футов и представляла собой лабиринт улиц. Скопления зеленого указывали на то, что столицу окружают множество парков, но в глаза сразу бросалась река Темза – извилистая голубая линия, разрезающая город через центр.

– Она позвонила вам с таксофона, – сообщила Мосс. – Мы его отследили. Он находится в жилом квартале в Балэме – на Ризердон-роуд. Это примерно в четырех милях от вашего дома в Форест-Хилл. Таксофоном почти никто не пользуется. За последние три месяца с него позвонили первый раз. «Бритиш телеком» планирует убрать его в конце месяца.

– Почему она позвонила с таксофона? У нее что, нет мобильного? – спросил Питерсон, красной булавкой отмечая точку на Ризердон-роуд в нижней части карты.

– Нет, она осторожничает, – возразила Эрика. – Знает, что мы можем отследить мобильный телефон. Даже если бы она позвонила с одноразового номера, мы все равно сумели бы определить, близ какой вышки сотовой связи был сделан звонок, установили бы IMEI-код и всю информацию по устройству. А так она сохраняет анонимность. А камер видеонаблюдения там случайно нет?

– Значит, так. Телефонная будка находится вот здесь, – Мосс показала на красный значок на карте, – первая камера видеонаблюдения находится на удалении четверти мили. – Она провела пальцем до той точки, где Ризердон-роуд смыкалась с Балэм-Хай-роуд. – На углу Балэм-Хай-роуд, известной также как А24, – магазин *Tesco Metro*, от которого на А24 в обоих направлениях через определенные интервалы развешаны камеры видеонаблюдения. Констебль Уоррен сейчас по телефону запрашивает видеозаписи с камер на парковке *Tesco* и тех, что развешаны на А24 в обоих направлениях...

– Да, но вы взгляните, где стоит таксофон на карте. Она могла пойти в противоположную сторону и через паутину жилых улиц, где нет камер видеонаблюдения, добраться куда угодно, – закончила Эрика. – Что еще?

– Главная новость – таксофон, – отвечала Мосс, подходя к принтерам, у которых стояла Сингх, – мы наконец-то получили данные от трех веб-сайтов, торгующих «суицидальными» пакетами на территории Великобритании.

– И?

– И, как видите, работы выше крыши. Три тысячи имен, – сказала Сингх. – Их списки нам, конечно, предоставили очень неохотно. Кроме того, насколько я могу судить, зачастую покупки оплачивались через *PayPal*, а значит, отследить покупателей гораздо сложнее.

– Черт, – выругалась Эрика. – Что ж, тогда для начала отметем всех покупателей, проживающих за пределами Большого Лондона. И нужно исходить из того, что она увидела меня в передаче «Внимание, розыск!», это ее разозлило, она пошла к таксофону и позвонила мне.

– Ясно, босс, – сказала Сингх.

– Есть отклики на телеобращение?

– Да так, всякая ерунда, – ответил Питерсон. – Мы обрабатываем телефонные звонки, но, думаю, передача многих настроила на тревожный лад. Некий мужчина из северной части Лондона позвонил прямо во время прямого эфира и сообщил, что он спугнул грабителя, который пытался проникнуть к нему в дом через окно первого этажа. Одна женщина из Бекенэма уверяет, что вскоре по окончании передачи она видела, как через ее двор пробирается щуплая фигурка... Старушка, живущая близ Лорел-роуд, проснулась и спугнула незваного гостя, который через окно залез к ней в спальню... Да, и теперь трое жителей с Лорел-роуд говорят, что видели на улице миниатюрную женщину, внешне схожую с той, что участвовала в реконструкции: она доставляла в их районе овощи. Нам потребуется время, чтобы проверить всю эту информацию.

– У нас есть видеозапись этого выпуска «Внимание, розыск!»? – спросила Эрика. – Мне хотелось бы еще раз посмотреть передачу. Возможно, я сказала что-то такое, что заставило ее найти меня, узнать мой телефон и позвонить. Свяжитесь от моего имени с Тимом Эйкенем. Как знать, может, в кои-то веки он скажет что-нибудь умное.

Она обратила взгляд на большую карту Лондона, висевшую на стене.

Словно прочитав ее мысли, Мосс промолвила:

– Столько мест, где можно спрятаться в темноте.

Глава 48

Эрика, Питерсон, Мосс, Марш и Тим Эйкен сидели, сгрудившись вокруг телемонитора, в одном из просмотровых залов отделения полиции. Смотрели выступление Эрики в передаче «Внимание, розыск!».

Эрика не нравилась сама себе на экране: голос более высокий, визгливый. Радовало, правда, что столичная полиция еще не удосужилась сменить мониторы на экраны с высоким разрешением. Однако это были мимолетные мысли, сидевшие в глубине сознания. Ее интересовало, почему убийца именно так отреагировала на передачу, если она действительно смотрела этот выпуск.

Они дошли до последней части, когда у Эрики стали брать интервью в телестудии. *«Мы полагаем, что преступница хрупкого телосложения, но советуем не приближаться к ней: она опасна и крайне неуравновешенна»*, – сказала Эрика на экране.

Ведущий затем начал зачитывать контактную информацию – телефоны и адрес электронной почты, – высветившуюся внизу экрана.

– Итак? – спросила Эрика, поворачиваясь к Тиму Эйкену.

– Вариантов много, – отвечал Тим, потирая щетинистый подбородок. Разноцветные плетеные браслеты заиграли на его запястье, когда он вскинул руку.

– Если убийца смотрела передачу, какова могла быть ее реакция на то, что совершенные ею преступления воссозданы на экране?

– Это могло потешить ее эго. Серийные убийцы, как правило, самолюбивые тщеславные особи, – сказал Тим.

– То есть, возможно, ей польстило, что ее роль поручили исполнить привлекательной сексапильной молодой женщине? – уточнила Мосс.

– Это зависит от того, что вы подразумеваете под понятиями *сексапильная* или *привлекательная*, – заметил Тим.

– Ну, лично я не прогнала бы ее из своей постели. Питерсон? Сэр? – спросила Мосс.

Питерсон хотел ответить, но Марш его перебил:

– Давайте не будем обсуждать внешние данные актрисы, – раздраженно бросил он.

– Или, возможно, она физически непривлекательна, – продолжал Тим, – и ей не понравилось, как ее изобразили. Или, допустим, она физически гораздо крепче, и ей не понравилось, что ее роль в реконструкции исполнила миниатюрная девушка... Следует помнить, что дело не в том, какая она, а в том, что она делает и зачем это делает. Она убивает мужчин. Обе жертвы – рослые и мускулистые, атлетичного телосложения. Возможно, она подвергалась насилию со стороны мужчины или мужчин – супруга, отца...

– Нужно составить психологический портрет, – попросил Марш.

– Я уже представлял один психологический портрет, исходя из того, что преступник – мужчина-гомосексуалист с хищническими задатками...

– Но эта версия уже исключена, – заметил Марш.

– Серийные убийцы женского пола встречаются крайне редко и мало изучены. Составить их психологический портрет чрезвычайно сложно. У нас очень мало данных.

– Мы платим вам достаточно. Постарайтесь, – распорядился Марш.

– Тим, что-нибудь еще вы почерпнули из видео? – спросила Эрика.

– Не исключено, что она сопоставляет себя с вами, старший инспектор Фостер, в смысле самооценки. Выступив по телевидению, вы позиционировали себя как человека, который твердо намерен ее арестовать, и она не учитывает, что вы руководите целой следственной группой. Возможно, она расценивает это как борьбу за превосходство. Вы также назвали ее опасным и крайне неуравновешенным человеком.

– А она скорей всего считает себя жертвой, – заключила Эрика.

– Да. И вы бросили ей вызов в прямом эфире. Наверняка это ее задело. И она наверняка попытается вас разыскать.

По окончании совещания Марш попросил Эрику задержаться.

– Не нравится мне все это, – сказал он. – Я уже отчитал Вулфа за то, что он раздает телефоны сотрудников направо и налево.

– Он же не знал.

– Если хотите, я распоряжусь, чтобы у вашего дома дежурила машина. Скрытно. У меня есть возможность выделить пару сотрудников.

– Не надо, сэр. Ей просто повезло, что она заполучила мой телефон, а машина у дома мне не нужна. Я буду бдительна.

– Эрика. – Вид у Марша был расстроенный.

– Сэр. Спасибо, но ничего такого не нужно. Ладно, мне пора. Буду держать вас в курсе. – Эрика вышла из просмотрового зала.

Марш с минуту еще постоял на месте, глядя на пустые экраны. Его терзала тревога.

Глава 49

За этим мужчиной Симона вела наблюдение почти всю вторую половину дня, следуя за ним на некотором удалении. Его квартира находилась в жилом комплексе Бауэри-Лейн близ Олд-стрит в центральной части Лондона. Вскоре после полудня он вышел из дома и по улицам финансово-делового района направился к вокзалу Ливерпуль-стрит. Симона была озадачена, недоумевая, куда он едет, ведь сумки при нем не было, а одет он был в модные джинсовые шорты и футболку. Она шла за ним на удалении двадцати метров. Толпы народа устремлялись к турникетам, и людская волна чуть не унесла ее с собой, однако мужчина пошел в другую сторону, и на мгновение Симона потеряла его из виду.

Ее взгляд метнулся к эскалаторам у дальней стены, которые вели к галерее с магазинами. Выше простирался стеклянный купол здания вокзала. Симона приподнялась на цыпочках, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь поверх голов, а потом увидела его. Он направлялся к двойному эскалатору, ведущему к общественным туалетам. Она подошла к большому книжному магазину *WHSmith*, что находился у эскалаторов, и вместе с другими потенциальными покупателями – их было несколько человек – стала рассматривать стойку с журналами, но на самом деле наблюдала за входом в туалеты.

В ожидании она листала газеты. Почти во всех публиковались аналитические статьи и заметки о шокирующем известии, что Ночной Охотник – женщина. Она даже взвизгнула от радости, увидев, что журналист *Independent* назвал ее «гением изворотливости». Стоявшая рядом женщина в недоумении посмотрела на нее. Симона отвечала ей злобным взглядом, пока та не положила на место журнал и не поспешила прочь со своим чемоданом.

Прошло десять минут, потом двадцать... Симона поглядывала на эскалаторы, ведущие к общественным туалетам. Ему стало плохо? Или она его пропустила? Она ведь ни на секунду не отводила глаз от эскалаторов, за исключением тех мгновений, когда та глупая женщина посмотрела на нее. И лишь теперь, обратив внимание на количество одиноких мужчин, спускающихся по эскалатору, и длительность их

пребывания в туалете, Симона сообразила, что он ищет партнера. Пошел в туалет, чтобы заняться там сексом.

У Симоны многое в мужчинах вызывало неприятие: раздражительность, сексуальные извращения, склонность прибегать к насилию, чтобы утвердить свою власть или добиться желаемого. И *это* ее не удивило – еще один порок в длинном списке гнусных недостатков, – и лишь укрепило в ней решимость. Симона всегда вела долгую игру с мужчинами, за которыми следила. Она была готова ждать неделями, затаившись и составляя портрет каждой намеченной жертвы. Именно так она выпасала Грегори и Джека.

Симона глянула на номер *Independent* в своей руке, снова прочитала характеризующую ее фразу: *гений изворотливости*. Придется купить газету, подумала она. Впервые за многие годы Симона услышала в свой адрес столь лестный отзыв.

Только она собралась подойти к кассе, как он появился на эскалаторе... чуть покрасневший, разморенный, с поволокой во взгляде. Симона положила газету на место, пропустила его вперед и пошла следом. Он направился в глубь зала и свернул в «Старбакс».

Она выждала несколько минут и тоже встала в очередь. Искося наблюдала за ним, одновременно рассматривая пирожные и выпечку на витрине. Так близко к нему она еще не подбиралась: их отделяли всего три человека.

Да, он был молод, должно быть, занимался спортом. Наверное, силен. Хотя и худощав, и не прочь полюбоваться собой.

Подошла его очередь делать заказ, и он стал флиртовать с симпатичным молодым чернокожим бариста. Склонившись, положил ладонь на руку негра, следя, чтобы тот правильно написал его имя на стакане.

Скоро этот губошлеп испустит последний вздох, подумала Симона. Потом, улыбнувшись бариста, заказала аппетитный кекс с цукатами и орехами и капучино.

– Как тебя зовут, лапочка? – спросил бариста.

– Мэри, – ответила Симона. – Скучное, наверно, имя, в сравнении с экзотическими, что вам случается слышать.

– Мэри мне нравится, – заверил ее бариста.

– Меня в честь мамы назвали. Она тоже Мэри. Сейчас она в больнице. У нее тяжелая болезнь. Я – все, что у нее есть.

– Сочувствую, – сказал бариста. – Что-нибудь еще?

– Возьму еще номер «Индепендент». Почитаю ей. Маму интересует все, что происходит в мире.

Симона взяла газету и кофе с кексом и села за свободный столик.

По-прежнему не выпуская из виду свою будущую жертву.

Глава 50

Зной отступил ненадолго. В последующие дни солнце снова стало нещадно жарить, а следствие, казалось, застопорилось.

Последний выпуск «Внимание, розыск!» оставался на сайте Би-би-си еще неделю для тех, кто не видел передачу в прямом эфире. С увеличением количества просмотров в полицию поступали новые телефонные звонки и сообщения по электронной почте, которые требовалось отработать.

Возвращавшиеся из отпусков жители Лорел-роуд узнавали, что на их улице проводились телесъемки реконструкции, которую показывали по всей стране. Некоторые из них теперь вспомнили, что видели молодую брюнетку, которая ходила от дома к дому, раздавая рекламные листки. Другие припоминали молодую женщину, которая доставляла коробки с фруктами и овощами, а также молодую женщину, приехавшую в машине сантехнической службы, которая проводила ремонтные работы в канализационном колодце близ дома Грегори Манро.

В связи с обилием этих новых свидетельств значительно увеличилась нагрузка на членов команды Эрики. Они нашли сантехника, который оказался румяным молодым парнем, и брюнетку, еженедельно развозившую коробки с сезонными фруктами и овощами компании *Nature's Finest*. Они оба добровольно явились в полицию, дали показания и даже согласились, чтобы у них взяли образцы на анализ ДНК. После двенадцати часов напряженного ожидания результаты были получены. Они оказались отрицательными: ДНК сантехника и брюнетки не соответствовала образцам, взятым с задней двери дома Джека Харта и «суицидального» пакета.

Двое жителей Лорел-роуд и один из соседей Джека Харта пришли в отделение Луишем-Роу, чтобы помочь составить фоторобот женщины, которая разносила рекламные листки. Эрика надеялась, что благодаря этому фотороботу следствие сдвинется с мертвой точки, но все составленные портреты очень напоминали Лотти, актрису, исполнившую роль преступницы в передаче «Внимание, розыск!».

Однако самым тягостным оказалось найти обитателей Лондона, которые приобрели «суицидальные» пакеты через три веб-сайта. В

полицию поступало множество звонков от убитых горем родителей и супругов, которые сообщали, что их родные действительно купили «суицидальные» пакеты и, к несчастью, их попытки суицида увенчались успехом.

15 июля во второй половине дня атмосфера в оперативном отделе была гнетущая. Предыдущим днем шесть человек из команды Эрики передали в другую следственную группу, занимавшуюся делом о контрабанде наркотиков, а сама Эрика только что закончила беседовать с разгневанным отцом троих детей. Его жена покончила с собой, а обнаружила ее с пакетом на голове его маленькая дочь.

Была пятница, и Эрика видела, что остальным членам команды не терпится уйти домой и выходные посвятить отдыху и развлечениям. Она их не осуждала: они работали на износ. Правда, результаты их упорного труда были невелики. А газеты пестрели снимками людей, отдыхающих на пляжах и в городских парках.

Мосс и Питерсон сидели за своими столами, рядом с ними – Крейн и Сингх. Эрика уже, наверно, в тысячный раз обратила взгляд на демонстрационные доски, на снимки Грегори Манро и Джека Харта. Теперь к ним добавилась еще и фотография с одного из сайтов, посвященных теме самоубийства. На ней в грязной спальне лежал лысый, светло-коричневый манекен с лиловыми веками и длинными ресницами. На голове у него был «суицидальный» пакет, соединенный трубкой с газовым баллоном.

– Босс, вам звонит Марш, – доложила Мосс, ладонью зажимая трубку.

– Скажите, что я вышла, – попросила Эрика, подумав, что у нее хотят забрать еще часть команды. Сейчас у нее не было ни сил, ни желания ругаться с начальством.

– Он просит вас зайти к нему. Говорит, по важному делу.

– Может, хочет сообщить, что нам наконец-то поставят приличный кондиционер, – усмехнулся Питерсон.

– Мечтать не вредно, – сказала Эрика. Она поправила на себе блузку, надела пиджак и, выйдя из оперативного отдела, поднялась на четыре лестничных пролета к кабинету Марша.

Она постучала. Он крикнул: «Войдите». Эрику удивило, что Марш прибрался в своем кабинете: куда-то исчезли ненужные папки и

одежда, а также сломанная вешалка. На столе стояла бутылка *Chivas Regal* восемнадцатилетней выдержки.

– Выпьете? – предложил Марш.

– Не откажусь. Как-никак пятница.

Марш прошел в угол кабинета, и Эрика увидела, что там, где прежде громоздились документы и одежда, теперь стоял маленький холодильник. Марш открыл его, достал из морозилки лоточек с кубиками льда. Эрика смотрела, как он положил в два пластиковых стакана лед и затем налил в них виски – довольно много.

– Вам ведь со льдом? – уточнил он.

– Да, спасибо.

Марш закрыл бутылку, поставил ее на стол и дал Эрике один из стаканов.

– Завтра, я знаю, вторая годовщина, – тихо произнес он. – Просто хотел выпить с вами. Чтобы вы знали: я не забыл. За Марка.

Он поднял стакан, она чокнулась с ним. Оба глотнули виски.

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Они оба сели. Эрика смотрела на янтарную жидкость в стакане, в которой быстро таял лед. Она была тронута, но решительно сдерживала слезы.

– Он был хороший человек, Эрика.

– Уже два года. Даже не верится, – промолвила она. – Первый год просыпалась по утрам и забывала, что он умер. А теперь более-менее привыкла, что его нет рядом, – что еще хуже.

– Марси просила передать, что она скорбит вместе с вами.

– Спасибо... – Рукавом отерев глаза, Эрика заговорила о другом: – Мы составили фотороботы по описаниям жителей. Все они похожи на актрису из передачи «Внимание, розыск!».

– Да, видел, – кивнул Марш.

– Боюсь, что дополнительная существенная информация о ней появится тогда, когда она совершит очередное убийство. Но работа не прекращается. На следующей неделе я поручу своим заново изучить все материалы дела. Начнем с самого начала. Всегда найдется что-то, какая-нибудь крошечная деталь...

Марш откинулся на стуле. У него был озабоченный вид.

– Вы ведь знаете, Эрика, как это бывает. Она может нанести удар через несколько недель или дней... А может, и через несколько

месяцев. Я принимал участие в операции «Минстед». Так вот, преступник, за которым мы гонялись, в какой-то момент залег на дно и не давал о себе знать целых семь лет.

– Это вы так мягко намекаете, что следствие пора завершать?

– Нет. Я рад, что могу дать вам больше времени, но должен напомнить, что наши ресурсы не безграничны.

– Так по какому поводу виски?

– Это просто от души. Работа тут ни при чем.

С минуты они сидели в молчании. Эрика потягивала виски, глядя в окно за спиной Марша: синее небо, дома, убегающие вдаль и растворяющиеся в зелени на горизонте.

– Какие планы на завтра? С вами будет кто-нибудь? – спросил Марш.

– Отец Марка вызвался приехать в Лондон, но я подумала, что с этим делом... – Она умолкла.

– Возьмите отгул, Эрика. Вы без отдыха уже три недели.

– Слушаюсь, сэр.

Она допила виски и поставила стакан на стол.

– Думаю, она планирует следующее убийство, сэр. Она не собирается «залечь на дно». Она совершит убийство совсем скоро – не через семь лет и даже не через семь недель.

Глава 51

Симона еще три раза следила за тем мужчиной. Тот любил днем проводить время в сауне для геев за вокзалом Ватерлоо. Дважды она провожала его туда, а потом ждала в интернет-кафе, расположенном неподалеку на той же улице. Его визиты длились несколько часов. А как-то утром он сел в метро на станции «Барбикан». Она поехала с ним в одном вагоне – сидела в другом конце среди других пассажиров, делая вид, будто читает «Метро», пока поезд, покачиваясь, катил по кольцевой линии. Он вышел на станции «Глостер-роуд».

Она испытывала дискомфорт, следуя за ним по Западному Лондону. Для нее это был чужеродный район. Район больших денег, где стояли фешенебельные дома в георгианском стиле, а за столиками уличных кафе сидели необычные люди. Он зашел в элегантный офис на жилой улице и скрылся из вида, даже не оглянувшись.

В тот день она вернулась к дому, где он жил. Жилой комплекс Бауэри-Лейн представлял собой довольно мрачное, большое шестиэтажное многоквартирное здание U-образной формы с овальным травяным газоном в центре «подковы». Бетонное сооружение в стиле брутализма, оно возводилось как муниципальное жилье по окончании Второй мировой войны, когда почти весь Лондон лежал в руинах после бомбежек. Теперь, спустя шестьдесят лет, его объявили памятником архитектуры, оно находилось под охраной государства, каждая квартира в нем стоила более полумиллиона фунтов стерлингов, и новые богатые жильцы здесь обитали в неуютном соседстве с арендаторами муниципального жилья.

Некогда в центральный подъезд и на центральную лестницу имелся доступ с улицы, но после вооруженного нападения в конце восьмидесятых главный вход облачили в коробку из армированного стекла; большая цельностеклянная дверь была оборудована системой видеодомофона.

Наблюдая за домом из интернет-кафе на противоположной стороне улицы, Симона пыталась придумать, как пробраться в подъезд. Казалось бы, самое очевидное – пройти с кем-то из жильцов, когда они будут заходить или выходить. Но у посторонних это редко получалось: дважды она видела, как пожилые жильцы при входе в

подъезд не пропустили курьеров. Сами жильцы пользовались электронными ключами на пластмассовых брелоках, приставляя их к контактной подушечке, что располагалась под решеткой дверных звонков.

Симону это беспокоило. Она умела взламывать замки, но трудно заполучить электронный ключ, не вызвав лишних вопросов. И без применения насилия.

Потом в два часа дня она увидела, как из подъезда вывалилась толпа старушек с банными полотенцами в руках. Они заковыляли по газону к двери на задней стороне фасада подковообразного дома. Часом позже, с влажными волосами, они снова появились. Переговариваясь между собой, старушки прогулочным шагом пересекли залитый солнцем газон, подошли к подъезду и одним из электронных ключей открыли центральную стеклянную дверь.

В поисковой строке *Google* Симона набрала «Бауэри-Лейн» и выяснила, что на первом этаже этого жилого комплекса находится небольшой муниципальный бассейн, где четыре дня в неделю проводятся занятия для тех, кому за шестьдесят.

Памятуя об этом, Симона стала ждать удобного случая. И вот однажды проводила своего объекта до сауны у вокзала Ватерлоо, куда он регулярно навещался, и вернулась к Бауэри-Лейн, как раз к тому времени, когда старушки высыпали из дома, чтобы пойти в бассейн.

Симона не раз убеждалась, что самый простой вариант есть и самый надежный. Посему, надев медсестринскую униформу и короткий темный парик, изъятый из шкафчика одной пациентки, которая скончалась от рака, она подошла к стеклянной двери как раз в тот момент, когда из нее вышли пожилые женщины.

Многого от нее не потребовалось: она улыбнулась, виновато объяснила, что потеряла ключи, и старушки ее пропустили. Порой невзрачность и непримечательность только на руку.

Его квартира, номер тридцать семь, располагалась на втором этаже. Каждый этаж представлял собой длинную бетонную открытую галерею, вдоль которой находились входные двери. Симона уверенно шла по галерее, минуя окна каждой квартиры, которые, как она осознала, были окнами кухонь. В одном пожилая женщина мыла посуду; в другом она углядела видневшийся в кухонном дверном

проеме кусочек гостиной, где на ковре сидели, забавляясь с игрушками, двое малышей.

Симона дошла до двери с номером «37» – третьей с конца. В руке она держала наготове отмычку, сделав ставку на то, что дверь запирается на цилиндрический замок – самый распространенный тип замка, который открывается с помощью тонкого ключа. Герцог во всех подробностях описал ей методику взлома замка путем удара по ключу, который должен быть особой формы – с зазубренным краем. Проблема только в том, что процесс этот довольно шумный. После того как ключ вставлен в замок, его чуть вытягивают и затем резко ударяют по нему молотком или тупым предметом, в результате чего пять маленьких штифтов, образующих механизм запора, принимают отмычку за «родной» ключ.

Отмычку вместе с «суицидальными» пакетами Герцог заказал для нее по Интернету. Навыки взлома с ее помощью Симона отработала, вскрывая заднюю дверь своего дома, но теперь, когда она подошла к квартире мужчины, у нее едва не выпрыгивало из груди сердце. Она обрадовалась, увидев, что на его двери действительно стоит цилиндрический замок, в который она и вставила отмычку. В другой руке она держала маленький гладкий камешек, которым она резко ударила по ключу... один раз, второй... и повернула ручку.

Дверь открылась. Все ее естество переполнило ликование. При наличии в замке защелки вскрыть его было бы фактически невозможно, однако теперь дверь была отперта, и Симона бесшумно скользнула в квартиру. Огляделась, проверяя, есть ли охранная сигнализация. Сигнализации, слава богу, не было. Вероятно, видеодомофон усыпил его бдительность, и он счел, что его жилище в дополнительной защите не нуждается.

С минуту она стояла спиной к двери, пока не выровнялось дыхание.

Потом принялась быстро осматривать квартиру. Первая дверь слева вела на кухню – маленькую, но современную. Прямо перед Симоной вход из прихожей открывался в просторную гостиную. В большое окно она видела высокую башню корпорации «Ллойд», на фоне которой другие дома-башни казались коротышками. В самой комнате находились телевизор с плоским экраном и большой диван L-образной формы. С висевшей над диваном огромной фотографии на

нее недобро смотрел обнаженный мужчина. Вся стена была уставлена полками с книгами. Нижняя полка предназначалась исключительно для спиртных напитков: бутылок пятьдесят, может, больше.

Слишком много бутылок, задумалась Симона. Стоит ли использовать шприц?

Витая металлическая лестница в дальнем углу уходила под потолок. Симона поднялась по ней и увидела, что наверху места мало: прятаться здесь рискованно.

От волнения и предвкушения у нее участился пульс. Новая задача, что она перед собой поставила, возбуждала еще больше, чем предыдущие. Симона посмотрела, где находятся электрощиток и телефонные провода, и, удовлетворив свое любопытство, вернулась к входной двери. На стене висели в ряд самые разнообразные пальто: длинные, короткие, теплые, демисезонные. К стене была прикручена маленькая дощечка, на которой висело несколько ключей. Она стала снимать их по очереди и вставлять в замок, пока не нашла тот, который подошел.

Чему быть, того не миновать, подумала она, выходя из квартиры и закрывая за собой дверь.

Глава 52

На день годовщины гибели Марка Мосс пригласила Эрику к себе домой на барбекю, сказав, что Питерсон тоже придет. Эрика была благодарна коллегам за чуткость, но от приглашения отказалась, объяснив, что хочет провести этот день одна.

Ее удивляло, что Айзек не давал о себе знать. На минувшей неделе он с ней не связывался, и она вспомнила, что последний раз видела его в морге, когда они обсуждали результаты вскрытия тела Джека Харта. Может быть, его дружеские чувства к ней охладели из-за того, что она не очень жалуется Стивена.

Эрика проснулась рано и первым делом сняла настенные часы в кухне и спальне. Телевизор, ноутбук и мобильный телефон она не включала. Четыре тридцать пополудни навечно было выжжено в ее мозгу. Именно в это время два года назад она отдала приказ о начале операции по захвату дома Джерома Гудмэна.

Стоял очередной знойный денек, но Эрика все равно отправилась на пробежку, изматывая себя на жаре. Сначала трусила по городским улицам, потом стала кружить по парку Хилли-Филдс, где выгуливали своих питомцев собачники, на свободных кортах играли теннисисты и резвились дети. Именно резвящиеся дети доконали ее. Пробежав два круга, она остановилась и отправилась домой.

А дома принялась напиваться, опустошая бутылку *Glenmorangie*, которую она откупорила для Питерсона.

По комнатам гулял горячий воздух, а она сидела на диване и напивалась под гнусавый аккомпанемент газонокосилки, жужжавшей на улице. Как Эрика ни убеждала себя, что прошлое нужно оставить в прошлом и продолжать жить, ее снова затягивало в тот испепеляюще жаркий день на той захудалой улице в Рочдейле...

Защитное снаряжение липло к телу даже через блузку. Она сидела, притаившись у низкой стены стандартного домика ленточной застройки, чувствуя, как в подбородок врежется жесткий острый верхний край бронезилета из кевлара.

Ее команда состояла из шести человек, и они тоже притаились у стены – по трое с каждой стороны от главного входа. Рядом с ней –

инспектор Том Брэдбери (Брэд), офицер, с которым она работала вместе с самых первых дней службы в манчестерской полиции. Он дышал медленно, жуя жвачку. Беспокойно ерзал, по его лицу струился пот.

Рядом с Брэдом примостился Джим Блэк (Лыбастик). От случая к случаю его серьезное лицо преображала широченная улыбка, отсюда и прозвище. Эрику всегда смешило, когда он вдруг расплывался в ослепительной улыбке, потому что в работе Лыбастик был суровым и строгим полицейским. Они с Марком тесно сдружились с Лыбастиком и его женой Мишель, которая входила в состав дружинников их отделения[52].

По другую сторону ворот находился Тим Джеймс, новенький в ее команде, перспективный сотрудник. Блестящий полицейский. Высокий, стройный и абсолютно неотразимый. Днем он арестовывал brutальных парней, а вечерами в барах «снял» таких же на ночь. Тима Джеймса, когда он только пришел к ним, нарекли Красавчиком, но потом коллеги, узнав, что он падок до «мальчиков», стали звать его Сосуном – правда, с любовью, и у него хватало ума это понять.

Рядом с Сосуном сидел Салман Дхумал (Сал), потрясающе эрудированный индеец с черными, как смоль, волосами и такими же черными глазами. Он был родом из Брадфорда, где его семья жила уже на протяжении четырех поколений, но во время дежурства ему до сих пор приходилось слышать в свой адрес глумливое «убирайся туда, откуда пришел» от подонков всяких мастей. Его жена, Мира, занималась воспитанием их троих детей и являлась одним из ведущих представителей фирмы «Энн Саммерс»[53] на северо-западе страны.

Ну и, наконец, тройку замыкал Марк. Он всегда был просто Марк. Не потому что слыл скучным неинтересным человеком. Благодушный и исключительно верный товарищ, он для всех был другом. У Марка находилось время для каждого, и Эрика знала, что именно ему она обязана тем, что у нее так много друзей. Он скрадывал ее еришность, смягчал ее жесткость, а она, в свою очередь, учила его не принимать все подряд близко к сердцу.

И вот 25 июля в 4.25 дня они все обливались потом, притаившись у дома наркоторговца Джерома Гудмэна. Тот находился в поле зрения полиции на протяжении нескольких лет. В последние полгода они установили его причастность к убийству крупного наркоторговца в

одном из пабов Мосс-сайда, что привело к переделу сфер влияния, в результате которого Джером взял под контроль поставки и производство метамфетамина и экстази. И в тот жаркий день на захудалой улице в Рочдейле они готовились штурмовать этот большой дом – одну из его твердынь.

В помощь Эрике и ее команде отделение выделило многочисленную группу поддержки. На протяжении многих недель за домом велось круглосуточное наблюдение, и каждая его грань впечаталась в ее сознание. Вместо палисадника голый бетон, переполненные мусорные баки на колесиках. На стене счетчики на газ и электроэнергию с отодранными крышками.

Внедрившийся в банду полицейский разведкал расположение помещений. Они разработали четкий план штурма: как войдешь через главный вход, сразу вверх по лестнице. Слева от нее дверь, что ведет в дальнюю комнату. Именно там, они полагали, и производили метамфетамин.

Скрытое наблюдение зафиксировало, что в последние дни в дом часто заходила женщина с маленьким мальчиком. Это был риск. Существовала опасность, что Джером станет прикрываться ребенком как щитом, возьмет его в заложники или, в худшем случае, пригрозит убить малыша, – но они были готовы к такому развитию событий. Своей команде Эрика вдолбила ход операции до мельчайших подробностей. Все действовали слаженно.

Часы показали 4.30. Эрикой владел страх. Она подняла голову и отдала приказ, наблюдая, как ее коллеги ринулись через ворота к главному входу. Она шла последней, двигаясь крадучись мимо воротных столбов. Что-то сверкнуло, ослепив ее. Она сообразила, что это солнце отражается от вращающегося диска электросчетчика. Счетчик сверкал и сверкал, почти что в такт глухим ударам по двери. С третьего удара дерево затрещало, и входная дверь с громким кляцаньем рухнула в дом.

Почти сразу стало ясно, что Джерома предупредили. Несколько судьбоносных минут, и вот уже Брэд, Лыбастик и Сал лежат на земле мертвые. Одна пуля попала Эрике в бронежилет, сбив ее с ног, вторая прошла сквозь шею, не задев важные сосуды. Марк, находившийся поблизости, увидел, как она схватилась за шею и через ее пальцы полилась кровь.

С ужасом в глазах он смотрел на нее, осознав, что происходит, а потом будто замер.

И только тогда Эрика заметила, что у него разворочен затылок.

Эрику и инспектора Тима Джеймса, тяжелораненых, подняли на вертолете с места происшествия. Ее погибшие коллеги – друзья и муж – остались лежать на земле.

В действительности все произошедшее заняло несколько минут, но с четырех тридцати того рокового дня жизнь Эрики замедлилась. С той поры ее не покидало ощущение, что она живет в кошмарном сне, от которого никогда не пробудится.

Глава 53

Симона отступила на пару шагов, глядя на Мэри. Та, в наполовину надетой на нее цветастой ночной сорочке, лежала на кровати в неловкой позе. Тяжело отдуваясь, Симона пыхтела от злости.

Эту сорочку она увидела в благотворительном магазине в Бекенэме и решила купить ее для Мэри. В том магазине было выгодно покупать дешевый товар: в Бекенэме люди, жертвовавшие вещи на благотворительные цели, были куда более состоятельными, чем в том районе, где жила она, и там случалось найти весьма неплохие изделия.

Ночная сорочка облегчила ее кошелек на двенадцать фунтов. Поначалу Симона колебалась, не решаясь потратить так много, но ей понравился рисунок – вишенки на белом фоне, и она считала, что эта расцветка как раз для Мэри.

К сожалению, сорочка Мэри не подошла. У нее были слишком широкие плечи, и Симона целых пятнадцать минут пыталась втиснуть безвольное тело старушки в рубашку, а та в ней застряла. И вот теперь Мэри лежала с сорочкой на голове, стиснутыми в ней плечами и торчащими вверх обмякшими руками.

Симона мерила шагами маленькую комнату. Через несколько минут наступит время обеда, когда медсестры ходят по палатам и кормят пациентов. Мэри пищу не принимала, но ведь кто-нибудь наверняка заглянет в дверь.

– Почему ты не сказала, что твой размер больше, чем двенадцатый? – горячилась Симона. – Ты ведь ничего не ешь. Я угрохала на нее кучу денег!

Она схватила сорочку за ворот и стала тянуть. Голова Мэри, утратившая точку опоры, поскольку ее туловище было приподнято с матраса, завалилась вперед, потом назад. Симона продолжала бороться с сорочкой, пока не раздался треск рвущейся ткани и та внезапно не оказалась у нее в руках. Мэри бухнулась на бок, головой ударившись об оградительную штангу.

– Смотри, что ты наделала, – ругалась Симона, протягивая Мэри порванную ночную сорочку. – Ее теперь даже в магазин нельзя вернуть! – Она приподняла с постели щуплое безвольное тело

старушки, встряхнула ее и снова швырнула на кровать. – И почему только от людей мне одно разочарование?

Не церемонясь, Симона грубо надела на Мэри ее больничную сорочку с открытой спиной и опять запихнула ее под одеяло.

– Я с тобой больше не разговариваю, – заявила Симона, сворачивая ночную сорочку и убирая ее в свою сумку. – Ты не оправдала моих надежд. Ты просто толстая старуха, да еще и неблагодарная. Я потратила на красивую обновку для тебя свои тяжким трудом заработанные деньги, а ты даже не соизволила в нее влезть!

Симона повесила сумку на плечо и открыла дверь. По коридору эхом разносились стоны.

Она повернулась к Мэри.

– Неудивительно, что Джордж тебя бросил... Ладно, мне нужно еще кое-кого навестить.

Глава 54

Эрика открыла глаза. В гостиной висела сумеречная мгла. На улице стемнело, в открытую дверь, что вела во внутренний дворик, дул ветерок. Она встала и ощутила пульсацию в голове: после выпитого виски у нее начиналось похмелье.

В открытую дверь террасы надуло небольшой ворох листьев, которые теперь от ветра трепыхались на ковре. Эрика наклонилась, подняла их. Они были длинные и как будто воощенные на ощупь. Она признала в них листья эвкалипта. Эрика поднесла их к носу, вдыхая медово-мятный аромат, свежий и теплый. Ей сразу вспомнился Марк, и в груди потеплело. Эвкалиптовый запах был его любимым. Она покупала маленькие флакончики с эвкалиптовым маслом и наливала его в воду, когда делала мужу ванну. Зарывшись носом в листья, Эрика через открытую дверь террасы ступила в темный сад. Налетавший порывами прохладный ветер лохматил ее волосы. На дороге за домами темнел силуэт огромного эвкалипта.

Грянул гром, и на ногу Эрике упала огромная капля. Потом еще и еще, и вдруг дождь с ревом хлынул как из ведра. С минуту она стояла, подставляя лицо дождевым струям, наслаждаясь ощущением льющейся на нее холодной воды. Грозовые раскаты продолжались, дождь лил все сильнее, обрушивался стеной, напрочь смывая с нее соль слез и дневного пота, так что на ней нитки сухой не осталось.

А потом до нее дошло. Когда она уснула, сидя на диване, дверь, ведущая во двор, была заперта. Эрика обернулась, глядя на чернеющий проем открытой двери, в котором ничего нельзя было различить. Она двинулась к краю сада, с узкой клумбы, что тянулась вдоль забора, подняла большой камень и, чуть встряхивая его в руке, чтобы оценить увесистость, вернулась в дом.

Включила свет. В гостиной было пусто. Она вышла в коридор, включила свет, держа камень наготове, чтобы при случае ударить им, зажгла свет в ванной. Никого. Она дошла до спальни, включила свет. Тоже никого. Она опустилась на колени и заглянула под кровать, а потом увидела.

На ее подушке лежал толстый кремовый конверт. На нем синими чернилами было выведено: СТАРШЕМУ ИНСПЕКТОРУ ЭРИКЕ

ФОСТЕР.

С гулко бьющимся сердцем Эрика смотрела на письмо. Не выпуская из руки камня, она прошла в гостиную. Захлопнула дверь во двор, заперла ее. На улице было черным-черно, и только дождь колошматил по стеклу. Она взяла свою сумку, нашла в ней пару латексных перчаток. Надела не с первой попытки: руки дрожали. Эрика вернулась в спальню и, осторожно приблизившись к конверту, подняла его с подушки.

Она была здесь... у нее дома. Эрика не сомневалась, что это Ночной Охотник. Она отнесла письмо на кухню и положила его на стол. Дождь продолжал стучать по окнам. Эрика аккуратно вскрыла ножом конверт и вытащила из него открытку с изображением заката над морем. Солнце разливалось на горизонте, словно громадный кроваво-оранжевый яичный желток. Сделав глубокий вдох, Эрика осторожно развернула письмо. В нем четким почерком синими чернилами было написано:

Не стой у могилы моей, не рыдай,
Ведь нет меня в ней, я не умер.
Я стал буйным ветром, сверкающим льдом
И солнцем на спелых колосьях.
Я – ласковый дождик осенней порой,
И звездная пыль темной ночи,
А ранней зарей ты услышишь меня,
В порхании птиц в поднебесье.
Не плачь у могилы моей, не скорби,
Ведь нет меня в ней, я не умер. [54]

Под стихотворением стояла приписка:

Ты должна отпустить его, Эрика...
От одной вдовы другой. НОЧНОЙ ОХОТНИК

Эрика выронила открытку на кухонный стол и, отступив на шаг, сняла перчатки с трясущихся рук. Снова обошла все комнаты, проверяя, заперты ли окна и двери. Убийца была у нее в квартире в то

самое время, пока она спала. Долго она пробыла здесь? Смотрела, как Эрика спит?

Она обвела взглядом гостиную и поежилась. Убийца пробралась не только к ней домой, но еще и проникла в ее мозг. Стихотворение было прекрасно. Оно не оставило Эрику равнодушной, затронуло ее чувства утраты и скорби. И как только этой больной извращенке удалось задеть самые глубинные струны ее души?

Глава 55

Симона мчалась по глухим улицам, которых в центральной части Лондона было мало. Хлестал дождь; она чувствовала, как сбоку по шее струится кровь. Рот онемел, верхнюю губу мучительно засасывала кровь. Ее план провалился. Она все испортила.

* * *

Начиналось все гладко. Благодаря своей униформе медсестры она проникла в дом на Бауэри-Лейн. На галерее второго этажа люди ей не встретились. Она крадучись шла мимо распахнутых окон кухонь. В одно увидела мужчину, спавшего перед включенным телевизором. Симона на мгновение остановилась, глядя на него. Он лежал, чуть расставив ноги, одна его рука покоилась на груди, которая вздымалась и опускалась в мерцающем сиянии телевизора...

Симона заставила себя идти дальше по сумрачной галерее, дошла до квартиры № 37, где жил Стивен Линли. Приложила ухо к красной двери, ничего не услышала. Она вставила в замок ключ, и дверь с тихим щелчком открылась.

Стивен Линли вернулся домой часом позже. Она выжидала, затаившись в темном уголке на нижнем этаже, слушала, как он ходит по кухне. Через окошко между кухней и гостиной она видела, как он налил большой бокал сока, в котором она растворила транквилизатор. Он быстро осушил бокал, снова наполнил его соком и взял с собой наверх.

Прошел так близко от того места, где ждала Симона – за складками плотной портьеры, висевшей на большом окне, – что она почувствовала, как всколыхнулся воздух, ощутила его запах – резкий сладковатый аромат одеколona, смрад влажного пота и секса. Это лишь усилило ее ненависть к нему.

Она услышала, что он зашел в ванную, и последовала за ним в темноте, бесшумно ступая по мягкому ковру. Дверь в ванную была прикрыта, и до нее донеслось звяканье расстегиваемого ремня и журчание струи, льющейся в унитаз.

Подержись, подержись за свою штуковину, она служит тебе в последний раз, подумала Симона. Она прошла в спальню, тихо

расстегнула сумочку, висевшую у нее на поясе, и вытащила из нее аккуратно сложенный полиэтиленовый пакет.

Потом легла на ковер у кровати, залезла под нее. Эта часть – ожидание – нравилась ей больше всего. Сразу вспоминалось, как в детстве она боялась привидений под кроватью, монстров, притаившихся в темных шкафах. Симона знала, что она и сама монстр, и балдела от этого.

Она прислушивалась к звукам, доносившимся из ванной, где находился Стивен. Шум включенной воды, шуршание задвигаемой шторы на ванне.

Наконец, по истечении нескольких минут, он пришел в спальню. Сначала в поле ее зрения появились его ноги, которые он неуверенно переставлял, шаткой походкой обходя кровать. Зазвонил его телефон. Он выругался, шаря в карманах брюк. Раздался щелчок: он сбросил вызов. Телефон, со светящимся экраном, упал на ковер возле нее. Потом Стивен потерял равновесие и рухнул на кровать. Симона глубже залезла под кровать, совсем ушла в тень. Матрас над ней шевельнулся.

– Черт, сколько же я выпил? – услышала она его бормотание. Симона выждала еще минуту, потом подобралась ближе к телефону, лежащему на ковре, протянула к нему руку, пододвинула к себе и выключила. Затем медленно, бесшумно выползла из-под кровати. Стивен лежал на боку, к ней спиной, и дрожащей рукой водил по лицу. С минуту она постояла, наблюдая за ним, слушая его стоны, затем тихо выскользнула из спальни и спустилась вниз. Электрощиток находился в небольшом стенном шкафу под лестницей. Она открыла его, отключила электричество.

Глаза привыкли к полумгле. Она скользнула взглядом по полкам, где стояли написанные им книги: «Сошествие во мрак», «Из моих охладевших рук», «Девушка в подвале». Именно манера мышления Стивена Линли особенно была ей ненавистна и вызывала страх. Ее мужу нравились его книги, нравились ужасы и пытки, которые он описывал. Симоне вспомнилось, как Стэн лил кипяток на ее голое тело... Об этой пытке он вычитал в романе «Из моих охладевших рук».

С минуту она помедлила, упиваясь тишиной, которую нарушало лишь доносившееся сверху бормотание Стивена.

– Я иду за тобой. Иду за тобой, мерзкий извращенец, – прошептала Симона. Она стремительно взбежала наверх и вошла в спальню.

Кровать скрипнула, просела, когда Симона взобралась к Стивену на постель и стала натягивать ему на голову тихо потрескивающий полиэтиленовый пакет.

Стивен в панике резко выбросил руку, кулаком заехав ей по скуле. У нее из глаз посыпались искры. Пытаясь не обращать внимания на боль, Симона дернула за шнурок, туго затягивая его на шее Стивена. Он стал сопротивляться еще яростнее, снова ударил ее, на этот раз попав по губам. Ее поразила сила его удара. Она-то полагала, что к этому времени транквилизатор уже оказал достаточное воздействие и Стивен должен быть заторможенным и вялым. Симона грубо рванула за шнурок, который еще туго затянулся на его шее, врезаясь в кожу. Он начал метаться на кровати, стараясь отодвинуться от нее. Она решила, что он пытается сбежать, и сообразила, что он задумал, лишь тогда, когда он выкинул руку и со всего размаху опустил ей на затылок что-то тяжелое. Правда, серьезно покалечить ее он не смог, силы уже были не те, и тяжелый предмет, отскочив от ее головы, покатился по матрасу.

Полиэтиленовый пакет, туго затянутый на его голове, начал вздуваться над его лицом и испускающим стоны ртом. Одной рукой держа шнурок, второй Симона нащупывала то, чем он ее стукнул. Стивен локтем больно ударил ее в висок, а ее ладонь наконец-то наткнулась на большую тяжелую мраморную пепельницу. Задыхаясь, разевая рот, он отчаянно царапал по полиэтилену. Выгибался, упираясь ногами в матрас. Симона почувствовала, как его голова отодвигается от нее. Она размахнулась пепельницей и со всей силы припечатала его по голове. Раздался тошнотворно глухой стук, лицо вдавилось внутрь. Она снова размахнулась пепельницей и ударила – еще и еще. После третьего удара полиэтилен лопнул, и его кровь с ошметками костей брызнула на стену.

Сотрясаясь всем телом, Симона сидела на кровати. Все! Дело сделано. Хотя и очень коряво. При этой мысли она вылетела из спальни, побежала к выходу, на середине лестницы упала и, кубарем скатившись вниз, выскочила из квартиры. Она неслась и неслась, не

останавливаясь, пока не убежала достаточно далеко, спрятавшись под покровом темноты и проливного дождя.

Глава 56

В шум дождя врезался трезвон стационарного телефона. Эрика вздрогнула. Она не знала, сколько времени смотрит на открытку, исписанную аккуратным почерком. Она схватила трубку телефона, стоявшего возле нее на полу у входной двери, ответила.

– Эрика, помоги мне, он мертв! – Она едва узнала голос.

– Айзек, это ты?

– Да! Эрика, ты должна мне помочь. Это Стивен... Я только что пришел к нему домой и нашел его... О боже... Здесь кровь всюду...

– Ты вызвал полицию? – спросила Эрика.

– Нет, я не знал, кому еще позвонить... Он лежит на кровати голый...

– Айзек, послушай, набери «999».

– Эрика... Он мертв, и на голове у него полиэтиленовый пакет...

* * *

Эрика подъехала к жилому комплексу на Бауэри-Лейн. Дождь лил стенами. Дворники на ветровом стекле работали во всю мощь. У главного входа она увидела несколько полицейских автомобилей. Их синие огни, казалось, растворяются в дождевых струях. Эрика припарковалась за одним из больших микроавтобусов службы технической поддержки и вышла под ливень.

– Мэм, уберите машину, здесь нельзя парковаться! – крикнул какой-то полицейский, подбегая к ней. Эрика показала ему удостоверение.

– Старший инспектор Фостер. Приехала по вызову, – солгала она.

– Вы – руководитель следственной группы? – уточнил полицейский, козырьком приставляя ладонь ко лбу, чтобы дождь не заливал глаза. Натянутый на шлем капюшон плаща захрустел, когда его коснулась рука.

– Сначала мне нужно осмотреть место происшествия, – сказала Эрика. Он махнул рукой, пропуская ее. Она направилась к полицейскому кордону. Полицейские автомобили стояли на тротуаре. Заехавшая на газон во дворе машина «скорой помощи» тоже переливалась огнями, внося свою лепту в симфонию сине-красных бликов, прыгающих по жилому зданию.

Эрика обвела взглядом дом, заметив, что во многих окнах загорается свет. Один из полицейских кричал жильцам, чтобы возвращались по квартирам. Эрика увидела группу девочек-подростков в пижамах, которых загоняла домой мать.

У оградительной ленты Эрика показала свое удостоверение.

– Вас нет в списке, – заявил ей полицейский, перекрикивая шум дождя и вой сирен.

– Я вхожу в группу экстренного реагирования. Старший инспектор Фостер, – прокричала она в ответ, показав ему свое удостоверение. Полицейский кивнул, она расписалась в журнале, и он пропустил ее за ленту.

Большая стеклянная дверь была распахнута, Эрика прошла в голый лестничный колодец. Серый бетон был испещрен грязными пятнами, осевшими на нем за многие годы. В квартире Стивена Линли, когда она добралась туда, было полно народу. Эрика махнула удостоверением, и ей выдали спецодежду, маску и бахилы. Все это она быстро натянула на себя в коридоре. В маленькой квартирке с каждого доступного пятка снимали отпечатки, каждый уголок фотографировали. Криминалисты работали молча, на нее не обратили внимания. С замиранием сердца она стала подниматься по винтовой лестнице. Сверху доносился тихий говор, слышалось щелканье фотоаппарата.

В спальне Эрику ожидало еще более ужасающее зрелище, чем она могла себе представить. На матрасе, застеленном белой простыней, которая теперь пропиталась кровью, лежал голый мужчина. Тело его оставалось относительно невредимым, а вот голова в полиэтиленовом пакете была неузнаваема. Белая стена за кроватью была забрызгана кровью. В комнате толпились сотрудники полиции... и один из них сразу привлек внимание Эрики своим высоким ростом. Рядом с ним стоял полицейский, который был гораздо меньше ростом и полнее. Он выдвинул один из ящиков большого комода и теперь вытаскивал из него различные секс-приспособления: фаллоимитаторы, кожаную сбрую и нечто похожее на шлемы. Один из черных пластиковых шлемов он поднял на вытянутой руке.

– Похоже на приспособление для задержки дыхания, – произнес он.

– Черт, неудивительно, что он плохо кончил, – сказал высокий полицейский. У Эрики замерло сердце, когда она поняла, кому принадлежит этот голос. – Старший инспектор Фостер, а вы что здесь делаете? – спросил Спаркс.

Толстяк – он работал в перчатках – положил шлем в прозрачный пакет и повернулся. У него были длинные щетинистые брови и колючий взгляд.

– Я... мне позвонили, – ответила Эрика.

– Кто? Первой отреагировала полиция Лондонского Сити. Они вызвали мою группу, – возразил Спаркс. – А это суперинтендант Никсон.

Спаркс и Никсон, оба в масках, пристально смотрели на нее. Дважды сверкнула ослепляющая вспышка.

– Ведь это вроде не ваш участок, – добавил Никсон с нотками нетерпимости в грубоватом голосе.

– Я... э... Мне позвонил судмедэксперт, Айзек Стронг, – объяснила Эрика несколько неуверенным тоном.

– Судмедэксперт здесь я – Дункан Мастерс, – заявил мужчина маленького росточка с пронизывающим взглядом, работавший в углу комнаты. – Доктора Стронга сейчас допрашивают. Он здесь не в качестве эксперта.

– Здравствуйте, доктор Мастерс, – сказала Эрика. – Я расследую двойное убийство – Джека Харта и Грегори Манро. Оба скончались от асфиксии. Так что я здесь как раз по долгу службы. Полагаю, что это убийство совершил тот же преступник.

– Почему вы так решили? Вы только что явились на место происшествия, осмотр которого провожу я, – указал доктор Мастерс.

– Этого человека забили до смерти мраморной пепельницей, и в заднице у него полно спермы, – добавил Спаркс. – Похоже, это как раз наш клиент. А дальше мы сами разберемся. – Он подозвал одного из полицейских. – Пожалуйста, проводите эту женщину к одному из микроавтобусов. Ее необходимо допросить в связи с тем, что ей, очевидно, сообщили о данном преступлении.

– Я – старший инспектор Фостер и... – начала Эрика. Чья-то рука крепко взяла ее за плечо. – Хорошо, хорошо. Можно без рук. Я знаю, где выход. Я ухожу.

Полицейский в синем спецкомбинезоне повел ее из комнаты. И хотя окружающие могли видеть только ее глаза, Эрика знала, что все заметили ее унижение.

Глава 57

Когда опытный врач становится пациентом, это непривычно и неприятно. Эрике Фостер тоже не понравилось, что в полицейском микроавтобусе ее допрашивают местные полицейские. Неутрахающий дождь с ревом колотил по железной крыше фургона.

Двое мужчин-полицейских, инспекторы Уилкинсон и Робертс, сидели напротив нее за столом, молодая женщина-полицейский с зачесанными назад каштановыми волосами наблюдала за допросом от открытой двери.

– Почему Айзек Стронг первым делом позвонил вам, а потом уже в службу «999»? – осведомился инспектор Уилкинсон. У него было вытянутое лицо с заостренными чертами, как у крысы, и такие же крысиные зубы.

– Он испугался. Был шокирован, – ответила Эрика.

– Значит, вы близки? У вас роман с Айзеком Стронгом? – спросил инспектор Робертс – белокурый и симпатичный в сравнении со своим коллегой.

– Нет, мы просто друзья.

– Просто хорошие друзья? – уточнил Робертс, вскинув брови. – И не более того?

– А ваша главная забота как следователя выяснить, кто с кем трахается?

– Отвечайте на вопрос, мисс Фостер, – потребовал Уилкинсон.

– Я уже говорила вам два раза: я – старший инспектор Фостер. – Эрика со стуком положила на стол перед ними свое удостоверение. – Я расследую двойное убийство. В обоих случаях преступник проник в дом и задушил своих жертв, надев им на головы полиэтиленовые пакеты. Обе жертвы – мужчины: доктор Грегори Манро и Джек Харт. Наверняка вы об этом слышали. Я возглавляю следствие по этим делам, а доктор Айзек Стронг принимает в них участие в качестве судмедэксперта. Доктора Стронга я также знаю и не как специалиста. Мы иногда общаемся вне работы как друзья, и мне известно, что он гей. Теперь, похоже, наши личные и профессиональные отношения переплелись, поскольку убитым оказался партнер Айзека, Стивен Линли, который сейчас лежит наверху с проломленным черепом.

Понятно, что доктор Стронг был потрясен, когда обнаружил его тело, и позвонил мне. Ознакомившись с расшифровкой его звонка, вы убедитесь, что я велела ему немедленно позвонить в службу «999». Затем я положила трубку и приехала на место происшествия. Сразу скажу, что пакеты, использовавшиеся в предыдущих убийствах, – это особые приспособления, и, думаю, такой же тип пакета был использован при убийстве Стивена Линли. Так что советую прислушаться к моим словам и вести себя более уважительно, потому что через несколько часов, если вы по-прежнему будете заниматься этим делом, приказы будете получать от меня.

Эрика откинулась на спинку стула, с вызовом глядя на полицейских. Те растерянно переглянулись.

– Очень хорошо, мэм, – произнес Уилкинсон со смущенным видом.

– У вас есть ко мне еще вопросы?

– Думаю, на сегодня достаточно, – ответил Робертс.

– Спасибо. Мне бы хотелось побеседовать с доктором Стронгом. Где он? – спросила Эрика.

Сотрудница полиции у двери, говорившая по рации, подняла голову.

– Это был дежурный, – сказала она. – Мне только что сообщили, что старший инспектор Спаркс оставил Никсона за старшего на месте преступления, а сам повез доктора Айзека Стронга в отделение Чаринг-Кросс.

– Как это повез? – переспросила Эрика. – Его задержали? Или он поехал добровольно?

Женщина повторила вопрос по рации, из которой затем послышались треск и пиканье. Наконец, через пару минут голос в рации подтвердил, что Айзека арестовали по подозрению в убийстве Стивена Линли.

Глава 58

Помедлив в нерешительности, Эрика взялась за медный дверной молоток и постучала, потом отступила на несколько шагов и окинула взглядом темный дом. Дождь прекратился, зато теперь дул холодный ветер, и, хотя она промокла насквозь, ее радовало, что на смену жаре пришла прохлада. Она запахнула на себе полы джинсовой куртки и уже хотела еще раз постучать, как увидела, что маленькое окошко у входной двери осветилось.

– Кто там? – послышался раздраженный голос Марша.

– Босс, это Эрика, старший инспектор Фостер.

– Какого черта? – пробормотал он. Лязгнули несколько задвижек, звякнули два открываемых замка, и дверь наконец-то отворилась. Марш стоял на пороге в одних трусах-боксерах.

– У меня есть очень веская причина, – сказала Эрика, выставя вперед ладони.

* * *

Двадцать минут спустя Эрика с Маршем сидели за начисто выскобленным длинным кухонным столом из дубовой древесины. От ее джинсовой куртки, сушившейся у плиты, поднимался пар. Марш уже надел тренировочные штаны, а его жена, Марси, без макияжа, со взъерошенными длинными темными волосами, чайной ложкой накладывала чайные листья в заварочный чайник, пока кипятилась вода.

– Боже, – выдохнул Марш, когда Эрика сообщила ему про Стивена Линли.

– Простите, что ворвалась к вам среди ночи, но я просто опасаясь звонить вам со своего мобильного, – объяснила Эрика.

– А личного мобильного у вас нет? – спросил Марш.

– Нет.

– Как же вы обходитесь, если нужно позвонить по личному делу?

– У меня мало личных дел, – ответила Эрика. Возникло неловкое молчание. Чайник закипел, и Марси заварила чай. – Дело в том, – продолжала Эрика, – что мой телефонный разговор с Айзеком станет вещественным доказательством в нашем деле, раз он теперь

подозреваемый. Но, сэр, он не убивал. Я видела место преступления. Это дело рук Ночного Охотника, я в этом уверена.

– Вы ведь сказали, что Стивену Линли размозжили голову пепельницей?

– На нем был такой же полиэтиленовый пакет – «суицидальный» пакет; он лежал голый на кровати. Вероятно, что-то пошло не так, и убийца запаниковала. Скорей всего он оказал сопротивление.

– Вы и впрямь считаете, что это женщина? – спросила Марси с недоверием в голосе.

– Да, мы так считаем, – подтвердила Эрика. Марси поставила перед ними чашки с чаем. Зазвонил лежавший на столе телефон Марша.

– Суперинтендант Никсон, – сообщил Марш, глянув на дисплей, прежде чем ответить.

– Он был на месте преступления вместе со старшим инспектором Спарксом, – доложила Эрика.

– Алло? Джон, это Пол Марш... – Он вышел из кухни и прикрыл за собой дверь. Эрика слушала, как его голос затихает в коридоре. Марси подошла к столу и села напротив нее.

– Угощайся, – предложила она, открыв банку с печеньем и поставив ее на стол между ними. – А то на тебе лица нет.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Они взяли по печенью и стали молча жевать.

– Сегодня... годовщина, я помню, – нарушила молчание Марси. – Мне очень жаль. Ты и сама знаешь, как я тебе сочувствую. Тебе нелегко.

– Спасибо. – Эрика взяла еще одно печенье. – Но, думаю, сегодня вечером я в каком-то смысле смирилась. Как бы это тебе объяснить. Я по-прежнему постоянно думаю о нем, но я смирилась с тем, что его не вернешь.

Марси кивнула. Эрика отметила, как мила она сейчас, без обычной своей «боевой раскраски». Красота ее сразу обрела мягкость.

– Думаешь осесть здесь, на юге? – спросила Марси, беря еще одно печенье и изящно макая его в чай.

– Не знаю. Последние два года я как будто заново училась жить. Сначала день после гибели Марка, потом неделя, месяц, год...

– В общем, планировать что-либо невозможно, – заключила Марси.

– Да.

– У тебя на севере остался дом, на Рёскин-роуд?

– Да.

– Очень хороший дом, такой уютный.

– Я с тех пор туда не возвращалась. Наняла профессиональных рабочих-упаковщиков, они уложили все вещи, поместили на хранение. Сейчас дом в аренде, – объяснила Эрика, с унылым видом откусывая печенье.

– Продай его, Эрика. Помнишь наш дом в Маунтвью-Террас? Я недавно узнала, что его продали за пятьсот тысяч фунтов! Я знала, что цены в Манчестере выросли, но это ж просто безумие. Шесть лет назад, переезжая сюда, мы его продали за триста тысяч. Ты могла бы купить что-нибудь в Лондоне. В районе Хилли-Филдс есть симпатичные домики... И я видела чудесный дом в Форест-Хилл. Он, конечно, нуждается в ремонте...

Эрика напрягала слух, пытаясь разобрать, что говорит Марш в коридоре.

– Марси, я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать цены на жилье, – перебила она его жену.

Та заметно напряглась.

– Но ты заявила к нам домой в три часа ночи. По крайней мере, могла бы вести себя вежливо.

– Марси, у меня был долгий и ужасный день.

– У тебя каждый день долгий и ужасный, Эрика. – Марси поднялась из-за стола и вылила остатки чая в раковину, забрызгав кафель.

– Прости.

– Никто из отделения Пола не считает себя вправе врывать к нам домой посреди ночи.

– Я не...

– А ты чем лучше?

– Ничем. Просто мы давно знаем друг друга, и я не хотела обсуждать с ним это по телефону, – объяснила Эрика.

Марш, вернувшись в кухню, увидел там живописную сцену: Марси стояла перед Эрикой, тыча в нее пальцем и собираясь что-то

сказать.

– Марси, пожалуйста, не могла бы ты оставить нас?

– Конечно, конечно. Раз *твоей* сотруднице так угодно. Увидимся утром, – сердито бросила она.

Непонятное выражение скользнуло по лицу Марша. *Они что – спят в разных комнатах?* – подумала Эрика.

Марш закрыл за женой дверь и быстро взял себя в руки.

– Айзека пока задержали до утра. Ждут результатов анализа ДНК.

– Чего?

– У Стивена Линли, похоже, было довольно... много партнеров. В его квартире нашли разные кожаные вещицы, аксессуары для связывания, а также весьма экстремальное порно.

– Например?

– Да в общем-то ничего противозаконного, всяческие фетиши, в том числе те, что используют для удушения... Они прослушали автоответчик Линли. Судя по всему, они с Айзеком сильно повздорили. Айзек оставил ему несколько сообщений с угрозами, сказав – я цитирую – «Я убью тебя, сволочь».

– Я тоже оставляла такие сообщения, сэр.

– Эрика...

– Нет, вы же знаете, как бывает. Если очень захотеть, любого можно привлечь к ответственности, опираясь на его частную корреспонденцию. Айзек не убивал.

– И что вы хотите от меня услышать, Эрика? Предлагаете прекратить процедуру на основании того, что вы считаете его невиновным?

– Мы оба знаем, что после такого отмыться потом трудно! У него есть адвокат?

– Да, наверно.

– Могли бы вы обеспечить к нему доступ? Если его собираются допрашивать, я предпочла бы это сделать сама.

– Вы же понимаете, что это невозможно...

Эрика достала из сумки открытку.

– Вот, смотрите. – Она пододвинула к нему по столу прозрачный пакет с развернутой открыткой. Марш прошел за очками к кухонному столу, вернулся к обеденному, за которым сидела Эрика, и сначала долго смотрел на открытку. Потом перевернул ее, прочитал.

– Откуда это у вас?

– Сегодня днем я была дома и заснула. Когда проснулась, дверь во двор была открыта, а это лежало на подушке.

– На подушке! Почему же сразу не сообщили?

– Теперь вот сообщаю! Я проснулась, нашла записку – голыми руками я к ней не прикасалась, надела латексные перчатки, – потом мне позвонил Айзек. Я прямиком поехала на квартиру Стивена Линли, затем – сюда.

– Это уже слишком, – произнес Марш. – Утром первым делом собираем совещание. Я позвоню, распоряджусь, чтобы криминалисты обследовали вашу квартиру.

– Отлично.

– Может, заночуете здесь на диване?

– Нет, сэр. Уже почти четыре часа утра. Сниму номер в отеле, посплю пару часов.

– Ладно. Завтра жду вас в отделении ровно в девять.

Глава 59

Снова лил дождь. Эрика бегом помчалась от машины к главному входу отделения Луишем-Роу. Дежурил Вулф. В дежурной части сидела на пластиковых стульях компания молодых женщин с угрюмыми лицами. Две из них укачивали в прогулочных колясках плачущих малышей. Трое маленьких детишек – два мальчика и девочка – забрались на стулья с одного края. Топая босыми ногами по зеленым пластиковым сиденьям, они смеялись и пальцами рисовали на запотевшем окне. Высоко у них над головами кто-то сальным пальцем вывел надпись: **ЧТОБ ВСЕ СВИНЬИ ЗДОХЛИ**. Дети были чумадые и шумные, но Эрику тронуло до глубины души, что на бетонном полу у стульев, на которых они плясали, аккуратно стояли в ряд три пары шлепанцев.

– Доброе утро, – поздоровался Вулф, глянув на нее из-за стола. – Марш велел всем собраться в оперативном отделе.

– А зачем – не сказал? В девять я должна проводить инструктаж.

Вулф перегнулся над столом и ответил тихо:

– Это в связи с арестом доктора Стронга. Говорят, он пепельницей убил своего бойфренда... Я и не знал, что он курит, тем более что подставляет свою задницу!

– Вам больше делать нечего, как сплетни собирать? И вы что у нас – вечный дежурный? – Наградив Вулфа суровым взглядом, Эрика пропуском открыла дверь и со стуком закрыла ее за собой.

Вулф следил по монитору, как она идет по коридору.

– Эй! Долго мне еще ждать? – крикнула одна из женщин.

– Очень скоро вы воссоединитесь со своим возлюбленным, – ответил Вулф. – И все остальные тоже. Как только им откатают пальчики и предъявят обвинение в нанесении тяжких телесных.

Женщины сердито посмотрели на него и продолжали свой разговор.

– Сегодня утром никто не понимает юмора, – пробормотал Вулф, открывая газету и кусая булочку из слоеного дрожжевого теста.

* * *

В оперативном отделе все уже были в сборе, сидели в тишине. Марш стоял перед собравшимися и в ожидании пил кофе.

– А, Эрика, садитесь, прошу вас.

– Мне казалось, утром я должна проводить инструктаж, сэр?

– Я тоже так думал, но произошли изменения. Присаживайтесь, пожалуйста.

Эрика примостилась на одном из столов, стоявших в ряд в глубине комнаты. Непривычно было не слышать гудения установленных на них принтеров.

– Вчера вечером, – начал Марш, – доктору Айзеку Стронгу, принимавшему участие в расследовании этого и нескольких других дел в качестве судмедэксперта, было предъявлено обвинение в убийстве его партнера, писателя Стивена Линли.

Марш умолк, давая своим сотрудникам время на осмысление информации.

– Это поставило нас в весьма затруднительное положение. Экспертизу многих вещественных доказательств по делу об убийстве Грегори Манро и Джека Харта проводил доктор Стронг, и его находки помогли нам составить психологический портрет убийцы. Убийство Стивена Линли во многом схоже с тем, как были убиты Грегори Манро и Джек Харт. В крови Стивена Линли обнаружен высокий уровень флунитразепама. Также его душили с помощью «суицидального» пакета того же типа, но он, очевидно, оказал сопротивление нападавшему. Вскрытие и токсикологическая экспертиза показали, что Линли регулярно употреблял рекреационные наркотики – бензодиазепины и рогипнол (торговое название флунитразепама) и обладал более высокой устойчивостью к действию таких препаратов. На месте преступления обнаружена только мужская ДНК.

Марш снова сделал паузу, чтобы сотрудники усвоили полученную информацию, затем продолжал:

– Как выяснилось, Стивен имел много сексуальных партнеров, и минувшим вечером он посетил сауну для геев. Камеры видеонаблюдения зафиксировали, что с шести до десяти вечера он находился в сауне «Фаэтон» близ вокзала Ватерлоо. Следует добавить, что убийство Стивена Линли совершено в жилом комплексе Бауэри-Лейн, в районе ЕС1, который находится в юрисдикции полиции Лондонского Сити. Соответственно мало того что это не наша территория, она вообще не входит в сферу юрисдикции столичной полиции.

– Сэр, не могут же они всерьез полагать, что Айзек Стронг является серийным убийцей? – спросила Эрика.

– Позвольте мне закончить, прошу вас.

– Я была бы вам крайне признательна, если бы вы уведомили меня об этом заранее, сэр. Я возглавляю следствие по данному делу, а все это слышу впервые.

Сотрудники оперативного отдела неловко заерзали на стульях.

– Эрика, меня самого помощник комиссара поставил в известность лишь двадцать минут назад, – объяснил Марш. – Можно я продолжу?

– Да, конечно, сэр, – сказала Эрика.

– Доктора Стронга застали на месте преступления. Поначалу он подвергся обычной процедуре допроса, поскольку, по его словам, именно он обнаружил тело Стивена. Теперь начали поступать результаты осмотра места преступления. В ноутбуке Стивена Линли было много фотографий, и на них опознали Джорди Леви.

– «Мальчик по вызову», которого мы допрашивали. Он приходил домой к Грегори Манро за несколько дней до его убийства, – вставил Крейн.

– Да, на нескольких снимках, что были в ноутбуке, Джорди Леви запечатлен вместе со Стивеном Линли и Айзеком Стронгом: они занимаются сексом. Полиция произвела обыск в доме доктора Стронга и обнаружила небольшое количество экстази, марихуану и флунитразепам – препарат, применявшийся при совершении всех трех убийств. Также были найдены несколько предметов фетиша: маски и пакеты, типы приспособлений, используемых при эротической асфиксии или в играх с контролем дыхания – полуудушение себя или своего партнера для получения сексуального наслаждения...

У Эрики, сидевшей в конце комнаты, кровь стыла в жилах. Она судорожно вспоминала подробности своих визитов в дом Айзека, и какие только мысли не лезли в голову. Неужели это правда?

– Разумеется, – продолжал Марш, – как всегда, человек невиновен, пока его вина не доказана, к тому же это – особый случай, ведь доктор Стронг – сотрудник полиции, прекрасный судмедэксперт с безупречной репутацией. Однако против него слишком много улик, поэтому полиции Сити ничего не оставалось как арестовать его за

убийство Стивена Линли. Айзека Стронга теперь также подозревают в убийстве Грегори Манро и Джека Харта.

– И каковы теперь наши действия, действия следственной группы? – спросила Эрика.

– Как вы понимаете, – отвечал Марш, помедлив, – в нашей работе важна прозрачность. Вы все потрудились на славу, большое вам за это спасибо. Старший инспектор Фостер, вы работали в тесной связке с доктором Стронгом, и теперь мы должны заново проанализировать его отчеты, проверить, не оказал ли он какого-либо ненадлежащего влияния на ход расследования. К тому же с места преступления доктор Стронг первым делом позвонил вам, а не в полицию...

Взгляды всех, кто был в оперативном отделе, обратились на Эрику.

– Мы с Айзеком... доктором Стронгом... поддерживаем дружеские отношения, – объяснила Эрика. – Он пришел и увидел, что его партнер убит.

– Эрика, я ни в чем вас не обвиняю. Но он переступил черту, позвонив вам. Мы не можем допустить, чтобы следствие по делу об убийстве возглавлял человек, которому с места преступления звонил подозреваемый. Вчера вечером на место преступления выезжал один из наших бывших коллег, старший инспектор Спаркс, и, принимая во внимание то, что теперь он является руководителем Отдела по расследованию убийств, возглавлять следствие по этому делу поручено ему.

Несколько сотрудников оперативного отдела посмотрели на Эрику. Она под их взглядами силилась сохранять самообладание.

А Марш продолжал:

– Я благодарю вас всех за проделанную работу, но прошу сегодня утром как можно скорее подготовить все материалы по делу для передачи другой следственной группе. Возможно, старший инспектор Спаркс кого-то из вас пригласит в свою команду.

Эрика встала.

– Сэр, можно с вами поговорить? Прошу вас.

– Эрика...

– Я хотела бы поговорить с вами у вас в кабинете. Прямо сейчас.

Глава 60

– Эрика, мне очень жаль.

Она стояла напротив Марша в его кабинете.

– Как же так? Вы даже не сочли нужным предупредить меня заранее – поставили в известность на глазах у моей группы. Уму непостижимо.

– Как я сказал, Оукли только-только мне позвонил. Это было дело решенное. Меня просто проинформировали.

– Оукли. Тогда понятно...

– Ничего личного. Вы же слышали, что я говорил в оперативном отделе.

– Вы считаете, что это он убил? Айзек? – спросила Эрика, сев напротив стола Марша.

Марш подошел к своему креслу и тоже сел.

– Не спрашивайте меня. Я его почти не знаю. Он – отличный судмедэксперт. Вы с ним якшались – вот вы и скажите.

– Я с ним не *якшалась*. Мы несколько раз вместе ужинали. – Осознав, что она отрекается от своей дружбы с Айзеком, Эрика резко умолкла. *Ну и стерва же я бесчеловечная!* – подумала она. *Ведь он один из моих самых близких друзей.* Но приходилось признать: представленные улики против него ее шокировали.

– А что его бойфренд? Какое впечатление у вас складывалось, когда вы видели их вместе? – спросил Марш.

– Я знала, что у Айзека со Стивеном Линли отношения были неустойчивые. Он в подробности не вдавался, но мне известно, что Стивен ему изменял, и они расстались. А потом однажды я прихожу к нему на ужин, а там снова Стивен. Свалился как снег на голову. Не думаю, что Стивен проникся ко мне симпатией. Хотя, с другой стороны, в последнее время с первого взгляда в меня никто не влюбляется.

– В последнее время? – усмехнулся Марш. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, Эрика невольно тоже улыбнулась.

– Вы читали что-нибудь из книг Стивена Линли? – спросил Марш.

– Нет.

– Марси загрузила один из его романов, «С наступлением ночи», когда мы последний раз были в отпуске... И четырех глав не осилила.

– Почему?

– Видимо, ему очень нравилось истязать женщин.

– Так это ведь *криминальные триллеры*, сэр.

– Вот и я ей сказал то же самое. И посоветовал читать романтические комедии... Как бы то ни было, я вынужден проследить, чтобы все материалы по убийствам Грегори Манро и Джека Харта были переданы старшему инспектору Спарксу и его команде. Они поручат другому судмедэксперту перепроверить результаты всех экспертиз.

Эрика встала и устремила взгляд в окно, на панораму Луишема, поблескивающего под покровом туч.

– И как так получилось, что мое дело досталось этому пройдохе Спарксу? Какой смачный плевок мне в лицо!

– Так и бывает, когда наживаешь себе врагов, Эрика. Они начинают плести интриги, строить козни и зачастую процветают, не привлекая к себе особого внимания. У Спаркса дела идут вполне успешно.

– Насколько успешно? – спросила Эрика. – Видно, что он из кожи вон лезет... У него своя команда, его привлекли к участию в операции «Хемслоу».

Марш молчал.

– Сэр, только не говорите, что он тоже претендует на должность суперинтенданта?

– На эту должность многие претендуют. Не только вы двое.

– И что я имею в сухом остатке?

– Дело у вас забрали. И на мой взгляд, причина только одна – конфликт интересов. Вы близко общались с судмедэкспертом, который теперь является подозреваемым.

– Хорошо, пусть это дело у меня забрали, задействуйте меня в другом. Я с радостью поучаствую в операции «Хемслоу». Спаркса с него сняли. Еще один старший инспектор им не помешает.

– Суперинтендант Никсон не был в восторге от вашего появления на месте преступления вчера вечером... И от того, как вы повели себя с его людьми. – От взгляда Марша не укрылось выражение, скользнувшее по лицу Эрики. – Да, я об этом слышал. И Оукли тоже.

– Сэр, я, конечно, виновата, но поверьте, я всего лишь стараюсь хорошо выполнять свою работу. Я не ставлю перед собой цели кого-то разозлить, но...

– Любви с первого взгляда вы не вызываете, – закончил Марш. – Послушайте, у вас три недели неиспользованного отпуска. Поехали бы куда-нибудь, позагорали на солнышке. Порой не вредно уйти в тень.

– Сэр, валяться на пляже – не для меня.

– А вы попробуйте. Купите крем от загара и отправляйтесь куда-нибудь в уютное местечко. А из-за этого дела с Ночным Охотником вы отделаетесь малой кровью, обещаю.

– Ясно, сэр.

– Да, и вот еще что, Эрика. Если я узнаю, что вы суете нос куда не следует, с мечтой о повышении можете сразу распрощаться.

– Это не мечта...

– В общем, возьмите отпуск.

– Слушаюсь, сэр. – Эрика кивнула Маршу и покинула его кабинет.

* * *

В оперативном отделе никого не было, но свет горел. С минуту Эрика стояла в тишине, глядя на демонстрационные доски, на которых были прикреплены следственные материалы, наработанные за последние три суматошные недели. Упорный труд ее команды.

В дверь постучали, и в комнату вошла женщина. Одна из сотрудниц общественной поддержки полиции. Имени ее Эрика не знала.

– Простите, мэ, мы можем начать процесс передачи материалов следствия? – спросила женщина, обведя взглядом пустые столы.

Эрика кивнула и покинула помещение. В коридоре она столкнулась с Вулфом.

– Простите за мою болтовню сегодня утром... Вы хорошо знали доктора Стронга? – поинтересовался он.

– Да, хотя теперь сомневаюсь...

– Ничего, все перемелется, мука будет, – усмехнулся Вулф.

– И что она означает, эта поговорка?

– Да я и сам не знаю! Мама всегда так говорила, упокой, Господи, ее душу. Старая кошелка. Кстати, мне удалось найти для вас вот это. – Он протянул ей мобильный телефон *Nokia* старой модели. – Все еще фурычит, работает без проблем.

– Вы не забыли, – произнесла Эрика, забирая у него телефон.

– Это первое, что вы мне сказали, когда пришли в Луишем-Роу.
«Достань мне телефон с кнопками, жирная свинья!»

– Только я не говорила «жирная свинья», – улыбнулась Эрика.

– Ну да, это я сочинил, – согласился Вулф. Через стеклянную перегородку они смотрели, как сотрудники службы поддержки снимают фотографии с демонстрационных досок.

– Куда все подевались? – спросила Эрика.

– Многим было велено ехать домой и ждать нового назначения. К тому же сегодня воскресенье. Думаю, ребята решили воспользоваться неожиданно выпавшим выходным и отдохнуть перед следующей рабочей неделей.

Эрика испытала разочарование, и ей было немного обидно: все ее бросили. Но потом она осознала, что ее претензии неуместны. Это же работа.

– Чем теперь займетесь, босс?

– Уйду в отпуск на три недели.

– Здорово. Что бы я сейчас не отдал за три недели отпуска! Желая хорошо отдохнуть! – Вулф похлопал ее по плечу и пошел в дежурную часть.

Хорошо отдохнуть... Эрика и не помнила, когда она в последний раз хорошо отдыхала. Через стекло она бросила взгляд на демонстрационные доски: теперь они были почти пусты. Она повесила сумку на плечо и пошла из отделения, не зная, как ей быть дальше.

Глава 61

Остаток утра, чувствуя себя подавленной и бессильной, Эрика бесцельно колесила по городу. Проехала мимо дома Айзека в Блэкхите, увидела, что там проводят обыск. В дверях нес караул полицейский, вход был перетянут желтой лентой. Зная, что Айзек арестован, со странными чувствами смотрела она на его дом со сверкающими подъемными окнами и двумя юкками в кадках, стоявших перед черной блестящей входной дверью.

Затем она направилась в Шерли, проехала мимо дома Пенни Манро. На улице было тихо, в нескольких домах жильцы опустили на окнах жалюзи, защищаясь от жары. Дом Пенни выделялся своим сочно-зеленым газоном в палисаде. Видимо, Гэри продолжал благополучно попира́ть запрет на полив из шланга. Желая знать, чем еще он занимается, она замедлила ход у его жилища, но потом здравомыслие возобладало. Она развернулась и поехала назад в Форест-Хилл.

Когда она вернулась домой, снова пошел дождь. Эрика хлопала дверцами шкафов, ища что-нибудь выпить, но всюду было пусто, впрочем, как и в холодильнике.

Она рыскала по квартире, чувствуя себя словно зверь в клетке, потом включила компьютер и, оставив его на кухонном столе, вылила в бокал остатки найденного виски. Обвела взглядом комнату, ненавидя свою жизнь, свою работу, ненавидя все. Дождь усилился. Она открыла дверь во двор и, укрываясь от ливня в дверном проеме, закурила. Из-за спины донеслось нечто похожее на всплеск: это загрузился *Skype*. Загрузился и стал звонить. Эрика кинулась в дом, думая, что это, возможно, Ночной Охотник.

Ее вызывала из Словакии сестра Ленка.

– Я с ума схожу, – пробормотала Эрика, осознав, что она разочарована. – Меня больше бы порадовал звонок от серийного убийцы, а не от родной сестры. – Она сделала глубокий вдох и ответила.

– *Ahoj zlatko* [55]! – весело чирикнула ее сестра. Ленка сидела в гостиной на большом кожаном диване, застеленном пледом из овчины. У нее за спиной на стене ужасного оранжевого цвета висело несколько

фотографий ее детей, Каролины и Якуба. Свои длинные белокурые волосы Ленка стянула на макушке в тугий узел и, несмотря на огромный живот, вырядилась в ярко-розовый топ на ляпочках.

– Привет, Ленка, – улыбнулась Эрика, переходя на словацкий. – Ты вот-вот лопнешь!

– Да. Недолго уже, – отвечала ее сестра. – Я вот чего звоню. У меня новости. Недавно сделала УЗИ. У меня мальчик!

– Здорово. Поздравляю.

– Марек в восторге. Только что водил меня в ювелирный магазин – помнишь, роскошный такой на главной улице – и купил мне браслет на щиколотку.

Марек, муж Ленки, недавно получил срок за скупку краденого.

– На какие шиши? – спросила Эрика.

– Он снова работает.

– Работает? А я думала, он в тюрьме?

– Месяц назад его освободили по условно-досрочному.

– Как ему удалось так внезапно заслужить условно-досрочное? Его же посадили на четыре года.

– Эрика, вот ты всегда так... Он кое-что вспомнил. Полиция сочла его информацию полезной, и его отпустили... И я хочу сказать, что больше не нужно присылать мне деньги. Спасибо.

– Ленка...

– Не надо, Эрика, у меня все хорошо. Марек вернулся, все наладилось.

– Открыла бы еще один счет в банке? Я по-прежнему буду присылать деньги, а ты их откладывай, держи для себя.

– Эрика, ты не обязана обо мне заботиться.

– Обязана. Ты же знаешь: те, кто связан с мафией, всегда плохо кончают – их либо убивают, либо сажают до конца жизни. Хочешь остаться матерью-одиночкой с двумя детьми, точнее, уже почти с тремя?

– Он очень старается быть честным и порядочным, и его выпустили, – сердито сказала Ленка, подчеркнув свои слова жестами обеих рук, будто условно-досрочное освобождение обеспечивало ее мужу преимущество перед другими отцами. – Эрика, здесь жизнь совсем другая.

– Другая не значит правильная.

– Да что ты понимаешь?! Лучше бы порадовалась за меня. Марек о нас заботится. Дети хорошо одеты, у них есть айфоны. Этот малыш ни в чем не будет нуждаться. Наши дети будут учиться в хороших школах...

– Боже упаси! Ведь тогда им придется усердно трудиться – какая скукота! – да и зачем это, если Марек может просто пригрозить, что даст учительнице в морду!

– Эрика, я не хочу больше это обсуждать. Я позвонила тебе не для того, чтобы ругаться. – Ленка поправила на голове узел, решительно кладя конец неприятному разговору. – Лучше скажи, как ты сама? Я пыталась дозвониться тебе по *Skype*. Четыре раза вызывала в день годовщины Марка.

– Нормально.

– Картины бы, что ли, повесила, – посоветовала Ленка, пристально разглядывая на своем экране ее комнату. – А то похоже на тюремную камеру.

– Я оставлю все как есть до вашего с Марексом приезда. Чтобы он чувствовал себя как дома.

Несмотря на ее саркастический тон, они обе захохотали.

– Дети передают тебе привет, – сказала Ленка, когда они успокоились. – Они сейчас в бассейне с друзьями.

– Поцелуй их за меня. И дай знать, когда начнутся роды, ладно?

– Ладно... Сообщи. Я люблю тебя. – Ленка приложила к губам пальцы и выдула воздушный поцелуй. Эрика ответила тем же, и экран затем почернел.

После разговора по *Skype* Эрику окутала звенящая тишина. Ее взгляд заскользил по голым стенам и остановился на книжной полке со всякой всячиной. Рядом с книгой «50 оттенков серого» стоял роман, подаренный ей Стивеном Линли, с его автографом. Эрика взяла с полки детектив «Из моих охладевших рук» и принялась читать.

Глава 62

Неожиданно освободившееся воскресенье Мосс провела с пользой. Она была рада, что наконец-то ей выпала возможность самой искупать и уложить спать сына Джейкоба. Читая ему сказку, она увидела, что он заснул. Она поцеловала его спящее личико и крутанула музыкальный вращающийся ночник, чтобы еще какое-то время звучала колыбельная и мерцал свет.

Выйдя из детской, она увидела жену, Силию. Та протянула ей телефон.

– Эрика Фостер, – сообщила Силия. Мосс взяла телефон, прошла в маленькую комнату, которая служила им кабинетом, и закрыла за собой дверь.

– Простите, что звоню вам домой, Мосс, – извинилась Эрика.

– Да все нормально, босс. Что-то случилось?

– Сегодня все куда-то разбежались.

– Ну да, – отвечала Мосс, помедлив в смущении. – Извините, что так вышло. Я думала, вы будете заняты с Маршем.

– Так и было. Хорошо провели день?

– Да. Сходили в Сент-Джеймский парк. Там чудесно.

– Говорить можете?

– Да. Только что закончила читать Джейкобу «Голодную гусеницу»^[56], и теперь страсть как хочу салата – такого со мной еще не бывало.

– А я читаю один из романов о старшем инспекторе Бартоломью, о котором пишет... писал Стивен Линли.

– Хотите организовать клуб книголюбов? – спросила Мосс.

– Очень смешно. Нет, я начала читать «Из моих охладевших рук», и, знаете, очень неприятная книга...

– В каком смысле?

– Я спокойно отношусь к кровавым сценам, но здесь просто жуть. Серийный убийца по ночам похищает женщин, запирает их в подвале и там истязает.

– Нечто вроде «Молчания ягнят»?

– Нет, в «Молчании ягнят» насилие описывается элегантно и сдержанно. А здесь сплошной порносадизм. Я только что с трудом

продралась через многостраничную серию длительных, затяжных красочных изнасилований, в промежутках между которыми убийца льет кипятком на голые тела своих жертв.

– Ни фиги себе.

– Такое впечатление, что он тащится, описывая все это... Вот мне и подумалось, а что, если Ночной Охотник убил Стивена из-за его отношения к женщинам?

– Мне казалось, согласно новой версии, Стивена убил Айзек Стронг? И вас вроде бы отстранили от этого дела?

– Мосс, а вы сами-то верите, что Айзек может быть убийцей?

– Нет. Хотя я его не так хорошо знаю.

– Мосс, я ведь была на месте преступления. И там все указывало на то, что убийца тот же. Я только что в *Google* задала поиск на Стивена Линли и выяснила, что его книги продаются бешеными тиражами, но в литературных кругах отношение к нему очень неоднозначное. Многих возмущают его описания насилия по отношению к женщинам; раздаются призывы к бойкоту его книг. А может, это и есть та самая ниточка? Что, если какая-то из его книг вдохновила кого-то на насилие над Ночным Охотником? По телефону она мне сказала, что ее истязал муж, и она собиралась его убить, но он умер сам.

– Хорошая версия, босс. Значит, вы пытаетесь вычислить убийцу по детективу? – спросила Мосс.

– Просто получается, что мы толком не задумывались о мотиве преступлений. Потратили впустую время, считая, что с Грегори Манро расправился отвергнутый любовник; в случае с Джеком Хартом нам затмила глаза его публичность.

– Да, но есть одна проблема, босс. *Нас отстранили от расследования данного дела.* Меня временно откомандировали в отдел по размещению камер видеонаблюдения, – сообщила Мосс.

– А Питерсон?

– Не знаю. Слышала, его тоже куда-то направили, но куда – точно не знаю.

– Ну, а я в отпуске, – сыронизировала Эрика.

– Тогда, может, займетесь тем, что обычно делают на отдыхе? Навестите друзей... Например, повидайтесь с Айзеком. Если не можете сейчас быть полицейским, будьте другом.

Глава 63

Эрика стояла в очереди на досмотр в центре для посетителей тюрьмы Белмарш, размещавшемся в длинном низком сыром бетонном здании. Для сорока человек, столпившихся перед металлодетекторами, здесь было тесно. На улице лил дождь; высокие узкие окна запотели. Зловоние влажных потных тел и аромат духов смешивались с едким запахом шампуня для пола. Из посетителей очень немногие пришли по одному. В лицах некоторых, впервые пришедших навестить друзей или любимых, читалось потрясение. Шумная группа жен арестантов с орущими детьми выкладывала перед металлодетекторами принесенные вещи. Одну из мамаш охранник попросил снять с ребенка подгузник – вдруг там что-то спрятано. Она отказалась.

После того как все прошли досмотр, какое-то время они снова ждали в длинной приемной. Затем посетителей провели в помещение, похожее на огромный спортзал, где стояли ряды пластиковых столов и стульев. Когда Эрика вошла туда, все арестанты сидели неподвижно. На них были желтые пояса, чтобы они после свидания не сбежали, смешавшись с посетителями.

Айзека она нашла за столом в конце третьего ряда. Его внешний вид ее шокировал: глаза воспаленные, в обрамлении темных кругов. Его обычно прилизанные волосы были всклокочены, на лице – порезы от бритвы.

– Я так рад тебя видеть, – произнес он.

– Мне очень жаль, что Стивен погиб. Соболезную, – сказала Эрика.

Айзек пытливо смотрел ей в глаза.

– Спасибо. Что привело тебя сюда?

– Я пришла как друг. – Эрика накрыла ладонью его руку. Она была холодная и влажная, а сам Айзек дрожал. – Прости, что не навестила раньше.

– Здесь сущий кошмар. Грязь, крики, постоянные угрозы насилия, все время чувствую себя в опасности, – прошептал он. – Я не убивал. Поверь, прошу тебя, я не убивал... Ты ведь мне веришь, да?

– Да, верю, – чуть помедлив, ответила Эрика.

– Я узнал, что он ходит в сауну для геев у Ватерлоо. Сношается с парнями просто так – не предохраняясь. Я это подозревал и припер его к стенке, а он сказал, что посещает тренажерный зал. Потом этот идиот взял мой айпод и забыл его в сауне, в шкафчике оставил. И мне оттуда позвонили... Полагаю, тебе известно, что я по телефону грозился его убить?

– Да.

– Но я не убивал. Я его не убивал. Я пришел к Стивену, чтобы устроить ему взбучку, открыл дверь своим ключом и... – Голос Айзека сорвался, глаза наполнились слезами, и на стол с тихими шлепками упало несколько капель. Он вытер их рукавом.

– Постой, так ты открыл дверь ключом?

– Да, у меня был ключ от его квартиры. Между нами сложились доверительные отношения, и он дал мне ключ. Я был так тронут, так чертовски ему благодарен.

– Его квартира на втором этаже, балкона нет?

Айзек кивнул.

– Если дверь была заперта, когда ты пришел, значит, это был не взлом. Он либо сам впустил убийцу, либо у того был ключ.

– Так ты для этого сюда пришла? Продолжаешь расследование?

Эрика вкратце поведала ему о том, что произошло, что ее отстранили от дела.

– Значит, ведешь собственное расследование? Думаешь, сумеешь мне помочь?

– Айзек, я не знаю, смогу ли что-то сделать.

– Прошу тебя. Я... здесь не выдержу.

Эрика увидела, что десять минут свидания уже прошли, а всего ей отведено только полчаса.

– Айзек, хочу спросить: почему Стивен? У тебя такая упорядоченная жизнь: престижная работа, дом, друзья. Что привлекло тебя к нему? Он регулярно употреблял наркотики, нанимал парней-проституток.

– Он будоражил меня, Эрика. Он был плохиш, а я пай-мальчик. Рос неспортивным очкариком на тощих ногах, носил скобки. До двадцати трех лет, пока не окончил медицинский, оставался девственником. Я всегда все делал по правилам, усердно трудился, а Стивен был сексуальный, опасный, непредсказуемый. Ему была

присуща некая провоцирующая эксцентричность... – Айзек пожал плечами. – Он был потрясающе хорош в постели. Я понимал, что он непорядочный человек, что он не вписывается в мою жизнь... Но я снова принял его, а тебя оттолкнул... Прости, Эрика. Ты ведь нуждалась во мне, да? Я даже забыл про Марка, про годовщину его смерти. Прости.

Эрика перегнулась через стол и взяла его за руку.

– Я не в обиде, Айзек, не кори себя. Я здесь, и ты – мой друг.

Он посмотрел на нее, слабо улыбнулся.

– Послушай, хотела спросить, – сказала Эрика. – Я прочитала две книги Стивена: «Из моих охладевших рук» и «Девушка в подвале»...

– Знаю, – перебил ее Айзек, словно читая ее мысли. – Он писал шокирующие вещи.

– Там столько сцен истязания женщин... и потом этот старший инспектор Бартоломью... Главный герой, а бьет жену?

– Антигерой, – поправил ее Айзек, пожимая плечами. – Издержки его работы, как объяснял Стивен. Так он выплескивал всю свою дурную энергию. Возьмем авторов ужастиков: они не обязательно делают то, о чем пишут. Ну а нас возьми. Вот я, например, чем занимаюсь? Зарабатываю хлеб насущный тем, что режу людей. Вскрываю их тела. Копаюсь в их мозгах. Чем это не насилие?

– Айзек, не сравнивай себя с ними. Ты помогаешь ловить преступников. А Стивен их создавал, пусть и в книгах, – заметила Эрика.

– Для его поклонников созданные им персонажи столь же реальны, как ты и я.

– У Стивена были чокнутые поклонники? Может быть, кто-то из его фанатов присылал ему по почте послания тревожного содержания?

Айзек рукавом отер нос.

– Не знаю. По почте ему никто ничего не присылал. Насколько мне известно, многие поклонники его творчества писали ему на его страничку в *Facebook*.

– Агент Стивена мог получать письма поклонников, адресованные на его имя?

– Да. Возможно. Офис его агента находится где-то в Западном Лондоне... У меня была нормальная жизнь, Эрика... Думаешь, я смогу вернуться к той жизни? Я ведь знаю, как работает наша система. Мое

имя запятнано. Я занимал ответственную должность, а теперь лишился доверия. – Айзек заплакал.

– Айзек, прекрати, здесь нельзя, – сказала Эрика, заметив, что другие заключенные поглядывают на него. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вытащить тебя отсюда, – пообещала она. – Клянусь.

Он поднял на нее глаза.

– Спасибо. Если кто и сможет мне помочь, то только ты.

Глава 64

Таксофон находился на окраине Лондона, на территории парка Барнс. Симона его помнила. Таксофон был частью воспоминаний о давних счастливых временах, когда мама брала ее с собой в Кью-Гарденз. Ей приходилось прятаться под полами пальто матери, пока они шли мимо билетной кассы, но, оказавшись в саду, Симона любовалась цветами и деревьями. Мама спешила в тропический павильон, похожий на гигантскую оранжерею, где было тепло и росли растения со всего мира. Симона хорошо помнила вывеску: «Редкие виды флоры и фауны».

Мама, конечно, приходила в Кью-Гарденз лишь для встречи с очередным клиентом. Они удалялись в заросли, где занимались взрослыми делами. А Симона пару часов наслаждалась свободой, гуляя по парку. И она знала, что, если мама будет довольна, то и ей самой будет хорошо.

Симона возвращалась домой на автобусе. Лицом прижимаясь к окну, она заметила на фоне растительности Барнса красное пятно – телефонную будку. Казалось, за прошедшие годы здесь ничего не изменилось. Разве что зелень из-за засухи пожелтела, да с таксофона облупливалась краска. Зато вокруг не было ни души.

Эрика Фостер ответила после нескольких гудков.

– Вы получили мою открытку, инспектор Фостер?

Секундная пауза.

– Да. Спасибо. Хотя большинство людей обычно бросают письма в почтовый ящик, – указала Эрика.

– Я – не большинство, инспектор Фостер, – заявила Симона. Сжимая в руке трубку, через грязное стекло она смотрела на безлюдный парк.

– Считаете себя особенной? – спросила Эрика. – Думаете, вас прислали сюда с некой высокой миссией?

– Нет, отнюдь. Я – самая обыкновенная. Не красивая и не умная, но меня переполняют гнев и горе... А именно горе придает силы, не так ли?

– Да, – согласилась Эрика.

– Я решила направить эту силу на то, чтобы отомстить... Я читала про вас. О том, как вы старались делать свою работу, пытаясь поймать наркоторговца, и у вас вышла осечка. Мало того что вы потеряли друзей и мужа, на вас ополчились те самые люди, которым вы служили. Во всем обвинили вас.

– А если я скажу: остановитесь, и вам помогут? – перебила ее Эрика.

– А если я скажу: остановитесь, и *вам* помогут? – парировала Симона.

– Это вы о чем?

– Я видела, как вы живете. Жалкая квартирка. Пожитков кот заплакал. Вы посвятили свою жизнь службе в полиции, и что вам это дало? Не проще ли бы вам жилось, если бы вы перестали пытаться спасти мир?

Помолчав, Эрика отвечала дрожащим голосом:

– Я обязательно вас найду. И посмотрю вам в глаза, вот тогда и поумничаете.

– Поймайте, если сможете. Это еще не конец, – предупредила Симона.

Она услышала в трубке щелчок, затем гудки.

Симона поморщилась, но не от страха. Больно улыбаться, если тебя треснули пепельницей.

Глава 65

Свободной рукой Мосс постучала в дверь. В другой она держала коробку с пиццей. Спустя мгновения дверь отворилась. На пороге стояла Эрика с взъерошенными волосами.

– Я подумала, вы не откажетесь от пиццы, – сказала Мосс, протягивая коробку. – С пепперони?

– Спасибо, входите. – Эрика отступила в сторону, пропуская гостью. Дождь прекратился, облака рассеялись. В окно, что выходило во двор, можно было наблюдать восхитительный закат: солнце медленно опускалось за горизонт, расцветивая мягкую синеву оранжевыми языками.

– Отвезла Силию с Джейкобом в бассейн в Лейдиуэлле и решила вас проведать, посмотреть, как вы отдыхаете...

– Поставьте коробку куда-нибудь, – попросила Эрика, доставая из буфета тарелки.

Мосс кинула взгляд вокруг и увидела, что на всех доступных поверхностях, в том числе на полу, разложены следственные материалы по делу о Ночном Охотнике.

– Вам разрешили забрать все это с собой?

– Нет, загрузила в свой компьютер.

– То есть отпуск вы проводите на всю катушку? – Мосс сдвинула в сторону пару серых папок на журнальном столике и поставила на край коробку с пиццей.

– Она еще раз позвонила.

– Ночной Охотник?

– Да.

– Что сказала?

– Позвонила, чтобы нервы мне пощекотать. Заявила, что это еще не конец.

– Звонок отследили?

– Да. Мне позвонил Крейн. По просьбе Спаркса его откомандировали к нему в команду. Они отследили таксофон в Западном Лондоне. И опять никаких видеокамер... Больше он сказать мне не мог... Как ей удастся не оступиться? Как? Я распечатала все

материалы по делу. С бумажными документами работать удобнее. Я тщательно изучила каждую бумажку.

Эрика дала Мосс тарелку с салфеткой и открыла коробку. От тонкого хрустящего коржа идеально приготовленной пиццы поднимался пар. Они принялись есть. Эрика поведала Мосс о свидании с Айзеком и в подробностях рассказала, как после звонка убийцы она стала заново анализировать следственные материалы.

– Мне просто кажется, что мы по-настоящему никогда и не пробовали разгадать ее, Ночного Охотника. Вот, например, открытка, что она мне прислала. – Эрика вручила Мосс распечатку отсканированной открытки. – Почему она выбрала именно это стихотворение?

– Она – жестокий серийный убийца. С какой стати она должна обладать более богатым воображением, чем другие? – рассудила Мосс. – Стихотворение «Над могилой ты слез не лей» найти нетрудно. Его часто читают на похоронах. Это как с книгами: мы все просматриваем списки бестселлеров, слушаем критиков, советующих нам прочесть то или иное произведение, и покупаем их, чтобы казаться умнее в собственных глазах. Я – одна из миллионов, кто прочел половину «Щегла»[\[57\]](#).

– Вот и Ночной Охотник сказала мне то же самое по телефону.

– Что она прочитала половину «Щегла»?

Эрика сердито взглянула на Мосс.

– Простите, босс, просто пытаюсь поднять настроение...

– Она сказала мне по телефону, что не считает себя умной, – объяснила Эрика.

– Но она умна. Или ей чертовски везет. Три трупа и фактически никаких улик. Она заходит и выходит незамеченной, – возразила Мосс, откусывая пиццу.

Эрика покачала головой.

– Не пойму, зачем тратить столько сил, чтобы узнать, где я живу, проникнуть в дом и оставить открытку? Да еще и подписаться: «Ночной Охотник».

– Босс, возможно, она думает, что нашла в вас новую подругу или союзницу.

– Тогда почему не подписалась своим настоящим именем, если так уверена в себе? Серийные убийцы ненавидят прозвища, которыми

нарекают их журналисты. Считают, что они дают о них неверное представление. Они убеждены, что выполняют важную миссию: делают благородное дело, служат обществу.

– Возможно, она просто хочет сбить вас с толку, – предположила Мосс.

– Я заново изучила личности жертв, пытаюсь понять, что их связывает, но они абсолютно разные люди. Общего между ними только то, что они все мужчины и были убиты одним и тем же способом, разве что Стивену, ко всему прочему еще, и голову размозжили. А еще я снова просмотрела список людей, которые приобретали «суицидальные» пакеты через Интернет.

– Я тоже его просматривала. Очень много женщин из числа жительниц Лондона, которые их купили, действительно покончили с собой, – сказала Мосс.

– Сегодня утром во время свидания Айзек сообщил мне кое-что интересное. Когда он обнаружил тело Стивена, дверь в его квартиру он открыл своим ключом. Она была закрыта и заперта на замок. Никакого насильственного проникновения. Квартира расположена на втором этаже, не имеет ни балкона, ни других дверей.

– То есть у Ночного Охотника был ключ? – уточнила Мосс.

– Да. Я получила отчет о результатах осмотра места преступления. Замок был взломан. На внутреннем механизме есть царапины от отмычки.

– Отмычки часто используют при кражах со взломом. Сегодня их за бесценок можно купить через Интернет, – заметила Мосс.

– Вот именно. И в списке покупателей «суицидальных» пакетов есть человек, который приобрел и отмычку, – сообщила Эрика.

– Вот как?

– Да. Отрабатывая имена по списку, мы проверили банковские счета этих людей, их банковские операции. Этот человек три года назад приобрел один «суицидальный» пакет, а в последние три месяца – еще пять. Кому могут понадобиться пять «суицидальных» пакетов? И три месяца назад он приобрел через Интернет и отмычку.

– Проклятье! Как же мы раньше не заметили? – удивилась Мосс.

– Видать, просмотрели. Мы не искали отмычку и были сосредоточены на женщинах. А этот человек – мужчина тридцати пяти

лет. Инвалид с детства, колясочник. Живет в Уэртинге, на южном побережье, недалеко от Лондона.

– Маршу сообщили?

– Пока нет.

– И что намерены делать? На денек съездите к морю? – спросила Мосс.

– А вы не хотите провести денек у моря? – вопросом на вопрос ответила Эрика.

Мосс помолчала.

– Простите, но завтра я должна быть в отделе по размещению камер видеонаблюдения. Не могу... Нет, рисковать не могу.

– Ничего страшного, – улыбнулась Эрика.

– Но я готова помочь. Буду делать все, что нужно, не привлекая внимания.

– Спасибо.

– Только будьте осторожны, босс, ладно? Вы уже разозлили очень многих.

– А людей часто приходится злить, чтобы докопаться до правды. Но я это делаю не для того, чтобы потешить собственное эго, – сказала Эрика. – Видели бы вы Айзека. Он не убивал. И я это докажу.

Глава 66

Сбежав с места убийства Стивена Линли, Симона затаилась. От удара пепельницей у нее распухла губа, на щеке остался безобразный синяк. А еще она повредила зуб: левый резец сломался почти до десны. Симона не знала, проглотила его или зуб отскочил куда-то в темный уголок в квартире Стивена Линли. Оголенные нервы причиняли жуткую боль, но к стоматологу идти она боялась. Наверняка он сделает ей рентген зубов, и эти снимки попадут в базу данных.

Симона пыталась вспомнить, делали ли ей снимки зубов в прошлом. Она смутно припоминала, как однажды ее оставили одну в большой комнате с изоляционной обшивкой на стенах и велели лежать неподвижно. Мама тогда ждала за дверью. Значит, ей делали рентген? Трудно сказать. Она точно знала, что у нее никогда не снимали отпечатки пальцев и не брали образец на анализ ДНК.

Поначалу она была уверена, что все кончено. Она совершила ошибку, убийство пошло не по плану. Сказавшись больной, Симона не вышла на работу. Она совсем не могла спать. Никакое снотворное не помогало, даже в больших дозах.

На третью бессонную ночь в начале первого, лежа в постели, она услышала тихое *шлеп-шлеп*, доносившееся из-за двери в спальню. Будто вода капала на ковер. Капанье сопровождалось затрудненным дыханием, словно через зажатый нос.

Симона вскочила с кровати и втиснула под дверь стул, что обычно стоял перед туалетным столиком. Тревожные звуки не затихали: *шлеп, шлеп, шлеп, шлеп, шлеп... Вдох, выдох.*

Она зажала ладонями ноющие пульсирующие виски. *Это галлюцинация.* Однако шум не прекращался.

Шлеп, шлеп. Вдох, выдох. Мокрый клокочущий кашель.

– Ты не настоящий! – крикнула она. – Уйди отсюда, Стэн!

Шлеп, шлеп, шлеп, шлеп, шлеп... Вдох, выдох.

Симона убрала стул и, повернув ручку, открыла дверь. Горло сдавило, когда она увидела, что в коридоре стоит не мокрый Стэн.

Это был Стивен Линли. В кроссовках, синих джинсах, белой футболке и тонком черном пиджаке. С пластиковым пакетом на голове,

наполовину наполненным слизью и кровью, которая сочилась из-под туго затянутого на шее шнура и, стекая по одежде, капала на светлый ковер.

Шлеп, шлеп, шлеп...

Его лоб, по которому Симона заехала пепельницей, был вдавлен, лицо обезображено почти до неузнаваемости. А рот под полиэтиленом шевелился. Разбитое лицо пыталось дышать.

– НЕТ! – крикнула Симона. – ТЫ УМЕР! – С каждым словом она подступала на шаг к уродливому труп, тыкая в него пальцем. Тот, взмахивая руками, попятился к лестнице.

– ТЫ ЗАСЛУЖИЛ СМЕРТЬ! – заорала она. Они дошли до лестницы. Симона толкнула труп. Тот опрокинулся, покатился вниз, подпрыгивая на ступеньках, и бесформенной грудой осел у подножия лестницы.

Она зажмурилась, досчитала до десяти, затем открыла глаза. Труп исчез. Все вернулось на круги своя. Она была одна. Дрожа, Симона спустилась вниз, проверила гостиную и кухню. Никого и ничего. Она подошла к компьютеру, включила его. Когда он загрузился, она начала печатать:

СОВА: Ты здесь?

Несколько минут ответа не было, и только Симона хотела пойти налить себе что-нибудь, как Герцог вышел на связь.

ГЕРЦОГ: Привет, Сова, что новенького?

СОВА: Я соскучилась по тебе.

ГЕРЦОГ: Я тоже по тебе соскучился.

СОВА: Мне страшно. У меня снова видения.

ГЕРЦОГ: Новые таблетки принимаешь?

СОВА: Нет, я перестала их принимать.

ГЕРЦОГ: Я боялся, что с тобой что-то случилось.

СОВА: Да все нормально.

ГЕРЦОГ: Получилось?

СОВА: И да, и нет. По морде схлопотала. Губы распухли.

ГЕРЦОГ: Врешь ты все. Поди, готовишься к нашему совместному путешествию, губы надуваешь! Коллагеном. Ха-ха.

СОВА: Распухла только нижняя губа.

ГЕРЦОГ: Весьма разумно. Значит, теперь копишь на верхнюю.

Рассмеявшись, Симона тронула руками лицо. До сих пор малейшее прикосновение к нему отзывалось болью. Она соскучилась по общению с Герцогом. Компьютер пикнул, и она увидела на экране бегущий текст.

ГЕРЦОГ: Ну как, Сова? Едем?

СОВА: Куда?

ГЕРЦОГ: В путешествие. Мы так много говорили об этом. Пора претворить наш план в жизнь!

ГЕРЦОГ: Ты ведь не раздумала, нет?

ГЕРЦОГ: Сова?

СОВА: Я здесь.

ГЕРЦОГ: Так что скажешь?

СОВА: У меня в списке еще одно имя.

ГЕРЦОГ: Я ждал, пока ты разберешься с тремя. Что ж, подожду еще. Но я хочу знать, когда.

СОВА: Как только, так сразу.

ГЕРЦОГ: Как только!

СОВА: Через неделю, через месяц. Через год... Не знаю! Не гони меня, Герцог, слышишь?

ГЕРЦОГ: Прости. Мне просто нужно знать...

ГЕРЦОГ:...но это будет раньше, чем через год?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Уфф! ***Отирает со лба пот***

СОВА: Я скоро сообщу. Обещаю. А потом мы уедем и будем вместе.

ГЕРЦОГ: О'кей. Я люблю тебя.

Симона долго смотрела на экран. Она несколько лет общалась с Герцогом, и за это время чего только он ей не рассказывал – раскрыл свои самые заветные, самые страшные секреты, и она была с ним столь же откровенна. Но в любви он признался ей впервые. У нее словно выросли крылья.

Она вышла из чата и отправилась спать. Чувствовала она себя гораздо лучше. Она вернется на работу. Потом начнет готовить расправу над четвертым. Четвертым и последним.

Глава 67

– Итак, босс, куда мы все-таки едем? – спросил Питерсон, усаживаясь в пассажирское кресло. Одет он был просто – в джинсы и футболку, с собой небольшой рюкзак. Эрика заехала за ним около девяти утра. Квартира, в которой он жил, находилась в элегантном приземистом здании на тихой тенистой улице в Бекенэме. На опрятном газоне табличка: «Тейвисток-Хаус».

– В Уэртинг. – Эрика дала Питерсону сложенную карту. В окне первого этажа чуть отодвинулась занавеска, и показались лицо и обнаженное плечо хрупкой симпатичной блондинки. Она помахала Питерсону, одновременно смерив Эрику оценивающим взглядом. Он небрежно махнул ей в ответ и из рюкзака вытащил солнцезащитные очки *Ray-Ban*.

– Подружка ваша? – любопытствовала Эрика. Питерсон протер стекла маленькой квадратной серой салфеткой и надел очки. Девушка наблюдала за ними из окна.

Он пожал плечами и произнес со смущенным видом:

– Поехали, босс. Поехали.

Они тронулись с места и с минуту молчали. На лобовое стекло падала тень листвы.

– Нам нужна M23, потом – A23, – сказала Эрика, сообразив, что Питерсон не желает вдаваться в подробности о своей гостье.

– Почему вы обратились ко мне? – Он развернул карту и стал рассматривать ее поверх очков.

– Мосс получила другое назначение, а вы, когда я вам позвонила, сказали, что свободны... А почему вы согласились?

– Вы меня заинтриговали, – улыбнулся Питерсон.

Эрика отвечала ему улыбкой.

– Я тоже получил другое назначение, – сообщил он.

– Какое?

– Операция «Хемслоу».

Эрика резко повернулась к нему, и автомобиль швырнуло к правой полосе. Перегнувшись в бок, Питерсон выровнял руль.

– Не раскатывайте губу. Я всего лишь в группе наблюдения. А это скучная работа: главным образом, веду наблюдение за Пенни Манро и

Питером.

– И?

– Они в безопасности... Мальчик ходит в школу, возвращается домой, раз в неделю посещает бассейн, любит кормить уток... – Питерсон надул щеки. – Они очень близки к тому, чтобы арестовать Гэри Уилмслоу. Сейчас в центре внимания одно помещение на территории Кристал-Пэлас. Задача в том, чтобы заманить туда Уилмслоу. Но это не так-то легко. Между ним и производством видео, поставкой детей целых три звена... Неизвестно, правда, сколько нам еще ждать, прежде чем мы начнем действовать и закроем эту контору.

– Вы *должны* поймать Уилмслоу, – сказала Эрика.

– Никто так сильно не хочет упечь его за решетку, как я... Между прочим, босс, я не вправе вам все это рассказывать.

– Знаю. Спасибо.

– Вы в курсе, что Спаркс вот-вот предъявит Айзеку обвинение в убийстве Грегори Манро и Джека Харта в довесок к убийству Стивена Линли?

– Черт.

– Почему вы об этом им не сообщили? О том, что мы делаем сегодня? – спросил Питерсон.

– Потому что я хочу сама разобраться. Они для себя уже все решили. Проще всего обвинить Айзека... Аккуратненько подогнать все одно к одному, и дело закрыто.

– Вы не верите, что это он убил, да?

Эрика посмотрела на Питерсона.

– Нет, не верю. Мне просто надо самой убедиться. Может, конечно, я и не права, но мне кажется, передай я по телефону эту информацию, ее запихнут под ворох бумаг и, пока кто-нибудь до нее докопается, будет уже поздно. Вас это не напрягает?

Питерсон улыбнулся, пожимая плечами.

– Босс, как я сказал по телефону, это всего лишь денек у моря.

– Спасибо.

Эрика подумала о том, как быстро все изменилось. Ее отстранили от расследования. Она принялась вводить Питерсона в курс дела, рассказывая о своих изысканиях и о том, как намерена действовать.

Спустя полтора часа они съехали с автострады с двусторонним движением и покатали к Уэртингу по невзрачным однополосным

дорогам, замысловато переплетавшимся одна с другой. Правда, сам этот старинный приморский городок оказался довольно живописным. В разгар лета он выглядел не убогим захолустьем, а роскошным курортом. Эрика поехала по набережной. Пляж был переполнен отдыхающими, которые загорали и принимали солнечные ванны, сидя в старомодных шезлонгах. Вдоль набережной тянулись в ряд дома ленточной застройки, многоквартирные жилые здания и разнообразные магазины. Эрика припарковалась, и они вышли из машины на оживленный приморский бульвар, по которому прогуливались люди, лакомящиеся мороженым и наслаждавшиеся солнечной погодой.

– Как будем действовать? – спросил Питерсон, подходя к ней у счетчика платы за парковку.

– У нас нет полномочий находиться здесь, но он этого не знает, – отвечала Эрика, бросая монеты в автомат. – Надеюсь, эффект неожиданности сработает в нашу пользу.

Она взяла талон и заперла машину. Дом, который они искали, находился дальше по набережной, там, где сувенирные лавки и кафе встречались уже крайне редко. Сами стандартные домики здесь были более захудалыми и переоборудованы в многоквартирные жилища, причем некоторые квартиры состояли всего из одной комнаты.

– Вот, это здесь, – сказала Эрика, когда они подошли к большому пятиэтажному зданию с маленьким забетонированным палисадником, где стояли пять черных мусорных контейнеров на колесиках с номерами квартир, выведенными на крышках белой краской. Все окна были распахнуты. Из окна верхнего этажа гремела музыка.

– Чую травку, – произнес Питерсон, приняв хавшись.

– Мы приехали не за этим, – урезонила его Эрика.

Они поднялись по ступенькам, Эрика позвонила в квартиру на первом этаже, и они стали ждать. Музыка на минуту стихла, затем заиграла композиция *Smells Like Teen Spirit* («Повеяло юностью») группы «Нирвана».

В окне нижнего этажа с видом на мусорные баки, частично завешанном одеждой, горел свет. Эрика снова позвонила и сквозь матированное стекло на двери увидела, как из сумрака выдвинулся большой громоздкий темный силуэт. Дверь открылась на пару

сантиметров, потом, после того как раздалось жужжание, медленно распахнулась.

Громоздким темным силуэтом оказалось огромное моторизованное инвалидное кресло с мощными колесами и кислородными баллонами, закрепленными на спинке. Механизм в виде гармошки зажужжал, поднимая сиденье, на котором расположился коротышка с мелкими пухлыми чертами лица, в очках с толстыми стеклами и с жидкими волосами, липнувшими к его почти лысой голове. Под носом у него висела кислородная трубка. Тело у коротышки было плотное – они видели, что он страдает карликовостью, – в сравнении с которым его еще более короткие усохшие ноги, едва дотягивавшие до края сиденья, были похожи на ниточки. Одну руку карлик сунул под боковину кресла, в другой держал кусок проволоки, с помощью которой он открыл входную дверь. Карлик выпустил струну, взял пульт, лежавший рядом с инвалидным креслом, и выехал на порог, блокируя проход.

– Вы Кит Харди? – спросила Эрика.

– Да, – ответил он, переводя взгляд с одного посетителя на другого. Голос у него был пронзительный.

Эрика с Питерсоном показали свои удостоверения.

– Старший инспектор Эрика Фостер. А это мой коллега инспектор Питерсон. Можно с вами поговорить?

– О чем?

Эрика посмотрела на Питерсона.

– Мы предпочли бы обсудить это не на улице.

– В дом я вас не пущу.

– Мистер Харди, мы не отнимем у вас много времени, – сказала Эрика.

– Вы нисколько не отнимите.

– Мистер Харди... – начал Питерсон.

– У вас есть ордер?

– Нет.

– Тогда уходите и без ордера здесь не появляйтесь. – Карлик ухватился за проволоку, присоединенную к замку на внутренней стороне двери. Эрика перегнулась и выдернула струну у него из руки.

– Мистер Харди, мы расследуем тройное убийство. Убийца использовал «суицидальные» пакеты... Мы проверили ваши

банковские счета и установили, что вы купили пять таких пакетов, но до сих пор живы. Мы просто хотим устранить недоразумение.

Кит поморщил нос и, подняв на лоб очки, отъехал на кресле назад, пропуская их в квартиру.

Глава 68

Пол во всем жилище Кита Харди устилал ковролин с немодным узором в виде шестиугольников лимонно-зеленого, желтого и красного цветов. Эрика с Питерсоном последовали за ним по коридору. Из-за высокой спинки жужжащего инвалидного кресла они едва видели его макушку с прилизанными жиденькими волосами. Первая дверь налево вела в его спальню. У задней стены, напротив эркерного окна, стояла большая медицинская кровать на колесиках с гидравлическим приводом, рядом – старый полированный комод с трехстворчатым зеркалом, уставленный медикаментами: большими тюбиками с мазями, лекарственными препаратами и рулоном ваты. На оконном карнизе висела одежда. Само эркерное окно выходило на набережную, где прогуливались люди. С моря доносился отдаленный крик чаек. На потолке сияла люстра, лампы на прикроватной тумбочке и на комодке тоже горели.

Они миновали еще одну, крошечную, комнату, заваленную всяким хламом. Среди прочего они там увидели старое инвалидное кресло с ручным приводом, кипы книг и еще одну инвалидную коляску с электроприводом. Задняя панель с нее была снята, и из спинки торчали провода и внутренности. Еще одна дверь справа по коридору вела в просторную ванную, оборудованную специально для инвалида.

Кит доехал до конца коридора, где находилась дверь с вставками из шероховатого непрозрачного стекла, повернул в нее, и они вслед за ним вошли в замызганную кухню-гостиную с видом на крошечный задний дворик и стену высокого кирпичного здания. Кухня была старая и грязная, со специально приспособленной низкой рабочей поверхностью, где вонь канализации смешивалась с запахом жареной пищи.

В другой половине комнаты три стены от пола до потолка были заставлены стеллажами с сотнями книг, видеокассет и DVD-дисков. Над выступом небольшого газового камина тоже висели полки с книгами, какими-то бумагами и целым набором разнокалиберных ламп. Все они были зажжены, так что маленькая тесная комната была ярко освещена. В одном углу на старой металлической подставке

примостился включенный компьютер с разноцветными шариками, прыгающими по экрану.

– У меня гости бывают редко, – объяснил Кит, показав на небольшое кресло по другую сторону камина, заваленное газетами и журналами. – В углу возле холодильника два складных стула, – добавил он. Питерсон их принес.

Кит подъехал к компьютеру в углу, используя джойстик, развернул кресло, чтобы находиться к ним лицом. Затем снова водрузил очки на нос и забегал большими глазами из стороны в сторону, пристально разглядывая их через мутные линзы. Эрика представила, как мимо летит муха и он ловит ее, выстреливая языком.

– За что вы хотите меня арестовать? – выпалил Кит. – Я не выхожу из дома. Я ничего не сделал.

Эрика вытащила из сумки бумаги, развернула их, разглаживая листы.

– Вот выписка из вашего банковского счета в «Сантандере». Вы подтверждаете, что это номер вашего счета и код вашего банка? – Она передала ему документ. Кит мельком глянул на него и вернул.

– Да.

– Здесь указано, что за последние три месяца вы заказали пять предметов на сайте *Allantoin.co.uk*. Пять «суицидальных» пакетов. Я выделила эти операции в документе... – Эрика наклонилась вперед, протягивая выписку Киту.

– Не нужно, я и так знаю, – сказал он.

– То есть вы подтверждаете, что это выписка с вашего банковского счета и данные финансовые операции были произведены?

– Да, – ответил он, кусая губу.

– Вы также заказали особый ключ – отмычку. Это тоже выделено в выписке...

– Я купил его через *eBay*, это не противозаконно, – заявил Кит, откидываясь в кресле и складывая на груди короткие руки.

– Не противозаконно, – согласилась Эрика. – Однако у нас нарисовалась очень серьезная проблема. Я расследую три убийства, совершенные в Лондоне и его пригородах кем-то, кто: а) задушил свои жертвы «суицидальными» пакетами и б) проник в дом одной из жертв с помощью отмычки.

Эрика достала из сумки фото с изображением убитого Стивена Линли, сделанное на месте преступления, и показала снимок Киту. Тот поморщился.

– Как видите, в данном случае «суицидальный» пакет лопнул... Убийца проник в дом с помощью отмычки.

Эрика убрала фотографию Стивена Линли и вытащила снимки Грегори Манро и Джека Харта, лежавших с «суицидальными» пакетами на головах.

– В этих двух случаях пакеты остались целы, но дело свое они сделали...

Беззвучно охнув, Кит отвел глаза от снимков.

– Не только я покупал эти вещи, – произнес он.

– Нам предоставили список людей, которые приобрели «суицидальные» пакеты за последние три месяца. Большинство купили их с целью свести счеты с жизнью и, к несчастью, уже не смогут нам ничего рассказать. Вы один из немногих, кто приобрел несколько «суицидальных» пакетов и все еще живы.

– Я склонен к суициду, – объяснил Кит.

– Жаль это слышать. Вы пытались покончить с собой?

– Да.

– Вы можете предъявить эти пять пакетов? Если предъявите, мы со спокойной совестью вычеркнем вас из списка подозреваемых.

– Я их выбросил.

– Почему? – спросил Питерсон.

– Не знаю.

– А отмычка вам зачем?

Кит отер со лба пот.

– Ее я купил на тот случай, если окажусь запертым.

– Минуту назад вы сказали нам, что никогда не покидаете своего жилища? – заметил Питерсон.

– За мной женщина одна ухаживает, приходит три раза в неделю. Я купил для нее.

– Почему не дать ей нормальный ключ? – тут же спросил Питерсон. – Или сделать дубликат? Зачем пускаться во все тяжкие, заказывая отмычку через Интернет?

Кит сдавленно сглотнул слюну и облизал вспотевшую верхнюю губу, переводя взгляд с Эрики на Питерсона и обратно. За стеклами

очков глаза его казались огромными.

– И к чему только катится наша страна? Я не сделал ничего противозаконного. – К Киту внезапно вернулось самообладание. – Я не выхожу из дома, вы ничего не докажете. Вы ведете себя нагло и недопустимо. Покиньте мой дом, не то я позвоню вашему начальству.

Эрика посмотрела на Питерсона, и они оба встали.

– Что ж, ладно, – произнесла она. Собрав снимки и банковские документы, Эрика сунула их в сумку. Питерсон сложил стулья и запихнул их в угол возле холодильника. Кит поехал вперед. Надвигаясь на них, он вынудил Эрику с Питерсоном выйти через дверь с шершавым непрозрачным стеклом в коридор.

– Я буду жаловаться. Скажу, что вы меня запугивали! – пригрозил Кит.

– Как видите, мы уже уходим, – сказала Эрика. Она остановилась у большой ванной и, открыв дверь, вошла туда. Питерсон – следом.

– Ну что еще? – спросил Кит, останавливая кресло у дверного проема, в который виднелись большая белая ванна, оснащенная электроподъемником, низкая раковина с зеркалом и унитаз для инвалидов. Рядом к стене на петле крепился длинный металлический поручень, который при необходимости можно было откинуть в сторону.

– Кто реагирует, если вы подаете сигнал тревоги? – осведомилась Эрика, тронув красный шнур, свисавший с потолка к унитазу.

– Полиция, социальная служба. Вызов поступает в диспетчерский центр, – объяснил Кит. Эрика вышла из ванной и обратила взгляд на маленькое помещение с барахлом, что находилось напротив.

– А это что? – спросила она.

– Кладовка, – ответил Кит.

– Вы хотели сказать: вторая комната?

– Это кладовка, – процедил сквозь зубы Кит.

– Нет, Кит, это вторая комната, – стояла на своем Эрика.

– Кладовка, – упирался Кит.

– Нет, я бы определенно назвал это второй комнатой, – сказал Питерсон, выходя из ванной. Кит разволновался, вцепившись в подлокотники кресла.

– Сюда можно спокойно поставить большую кровать... Это явно вторая комната, – рассудила Эрика.

– Да, вторая комната, – поддержал ее Питерсон.

– Это НЕ комната! Вы ничего не знаете! – заорал Кит.

– О, мы много чего знаем! – возразила Эрика, подступая к Киту. –

Мы ехали сюда за тридевять земель не для того, чтобы вы просто выставили нас вон! Нам известно, что правительство урезало вам пособие по нетрудоспособности из-за того, что у вас есть вторая комната... Нам также известно, что вам не удастся ее сдать, и скоро жить здесь вам будет не по карману. И когда вас выселят отсюда, а вас выселят, куда вы пойдете? Полагаю, единственное жилье, которое вы сможете себе позволить, – это какой-нибудь приют в сельской глуши, вдали от магазинов, банков и врачей. С вонючими лифтами и мрачными аллеями, кишущими наркодилерами.

– И жизнь в таких приютах не сахар, тем более для такого бедолаги, как вы, – добавил Питерсон.

– Или сядете в тюрьму за препятствование правосудию, за помощь и содействие убийце. А тюрьма – не курорт. – Эрика помолчала для пущего эффекта. – Конечно, если вы перестанете лгать и будете сотрудничать со следствием, мы постараемся вам помочь.

– Ладно! – крикнул Кит. – Хорошо! – Он был весь в слезах, в возбуждении рвал на себе редкие волосы.

– Что «хорошо»? – спросила Эрика.

– Я расскажу. Расскажу все, что знаю... Думаю, это с ней я общаюсь в чате. С убийцей...

– Как ее зовут? – спросила Эрика.

– Не знаю... Ее настоящее имя мне неизвестно, а ей неизвестно мое. Она знает меня как Герцога.

Глава 69

– С Совой я познакомился в инете несколько лет назад, – рассказывал Кит. – Они снова сидели в его ярко освещенной тесной гостиной.

– С Совой? – переспросила Эрика.

– Да, это ее ник – имя, под которым она выступает в чатах. Я мало сплю, вот и общаюсь с людьми, у которых аналогичный склад ума.

Кит заметил, что Питерсон посмотрел на Эрику.

– Нет, у меня не такой склад ума, как у Совы... Просто со мной она другая. Нас связывает родство душ. Мы можем говорить друг другу все что угодно.

– Она назвала вам свое настоящее имя? – спросила Эрика.

– Нет, я знаю ее только как Сову... Но это не значит, что мы не близки. Я люблю ее.

Эрика поняла, что речь идет о чем-то очень сокровенном. Кит увяз по уши.

– О чем конкретно вы с ней говорили? – осведомился Питерсон.

– Обо всем. Сначала просто болтали – на протяжении многих месяцев – о любимых телепередачах, блюдах... А потом однажды в чате собралось слишком много народу, в наш разговор постоянно кто-то вмешивался, и я пригласил ее в отдельную «комнату», куда другим вход был заказан. И там пошел... откровенный разговор.

– Что значит «откровенный»? Киберсекс? – уточнил Питерсон.

– Не говорите «киберсекс» – это было нечто большее, – ответил Кит, смущенно заерзав в кресле.

– Понимаю, – сказала Эрика. – Что-то еще случилось в ту ночь?

– Она стала рассказывать про мужа, про то, как он ее насилует.

– Насилует? Где?

– Дома, в постели, по ночам... Просыпается и насилует. Она сказала, что многие не считают это изнасилованием, но ведь это изнасилование, верно?

– Да, – согласилась Эрика.

Кит помолчал, осмысливая ее ответ.

– Я просто слушал – то есть читал то, что она писала на экране. Она поведала мне все без утайки. Он был с ней груб и жесток, и она

чувствовала себя в ловушке. Хуже того, она не могла спать. У нее бессонница. Как и у меня.

– Когда это было? – осведомилась Эрика.

– Четыре года назад.

– Вы общаетесь с ней четыре года? – уточнил Питерсон.

– Бывает, что она исчезает, и я, бывает, тоже, но в принципе мы переписываемся почти каждую ночь. Мы будем вместе. Она хочет убежать со мной... – Кит глянул на свои ноги, осознав, сколь нелепо это прозвучало. – Во всяком случае, такой был план.

– Что вы рассказали ей о себе? – спросила Эрика.

Кит несколько раз открывал рот и снова закрывал, не зная, что ответить.

– Она думает, что у меня свой бизнес, благотворительная компания по производству чистой питьевой воды. Она думает, что я несчастлив в браке. Что моя жена не понимает меня так, как она.

– А вы, насколько я понимаю, не женаты? Разведены? – поинтересовался Питерсон, обведя взглядом крошечную зону гостиной.

– Никогда не был женат и не разводился, – ответил Кит.

– Как вы описали себя – свою внешность? – спросил Питерсон. Эрика предостерегающе посмотрела на него. Она не хотела, чтобы Кит снова закрылся от них. Возникла неловкая пауза.

– Не хотите – не отвечайте. Очевидно, вы не были до конца правдивы с ней. Что было потом? – продолжала допытываться Эрика.

– Она сказала, что мечтает убить мужа... А я тогда переживал очень тяжелый период в жизни и искал способ покончить с собой. Видите ли, состояние моего здоровья таково, что я максимум проживу еще несколько лет. Меня часто мучают боли... Я посещал форум, где объяснялось, что можно купить «суицидальный» пакет и с помощью газового баллона совершить самоубийство. Никакой боли, просто засыпаешь и все.

Эрика с Питерсоном переглянулись.

– И вы рассказали ей про пакет и объяснили, как убить мужа?

Кит кивнул.

– И она попросила вас купить для нее один из таких пакетов?

– Нет. В ту пору у меня был один пакет. Я отправил его ей по почте.

– По почте?

– Поручил своей сиделке отнести его на почту и отправить на адрес почтового ящика в Аксбридже на западе Лондона. Она сказала, что специально завела его, этот почтовый ящик, чтобы муж не узнал. Он и не узнал. Но она не успела его убить, он сам умер.

– От чего? – спросила Эрика.

– Сердечный приступ. Я думал, она обрадуется, а она сочла себя обманутой из-за того, что лишилась возможности отомстить. Злилась на свою жизнь. Стала какой-то одержимой. Казалась растерянной. Начала говорить про всех мужчин, которых она хотела бы убить. Первым назвала своего врача: она пожаловалась ему на мужа, который стал всячески издеваться над ней. Облил ее кипятком.

– Боже. Это было в одном из романов Стивена Линли, – сообщила Эрика Питерсону.

– Потому он и стал ее третьей жертвой, – сказал Кит. – Она ненавидела Стивена Линли. Ее муж обожал его книги и разыгрывал многие из описанных в них сцен.

– А вы не подумали о том, чтобы сообщить об этом кому-то, поставить в известность полицию?

– Вы должны понимать... я вкратце передаю вам содержание нашей переписки, которую мы вели многие годы, многие часы.

– Кит, отвечайте!

– Я люблю ее! – вскричал он. – Вы не понимаете! Мы... мы собирались убежать вместе. Она должна была вытащить меня из... из... ЭТОГО!

Кит расплакался, рыдал, опустив голову на грудь. Эрика подошла к нему, обняла его за плечи.

– Кит, мне очень жаль. Вы до сих пор общаетесь с ней?

Он поднял голову и кивнул. Мутные линзы его очков были мокры от слез.

– И что же? Вы по-прежнему планируете уехать вместе?

Питерсон достал небольшую пачку салфеток и одну протянул Киту.

– Спасибо, – поблагодарил он сквозь всхлипы. – Мы планировали сесть на поезд до Франции. В «Евростаре» есть специальный вход для инвалидов. Я узнавал. А потом мы собирались, пересаживаясь с поезда

на поезд, останавливаясь во французских замках, постепенно добраться до Испании и поселиться там у моря.

Эрика заметила над подставкой для компьютера фотографии Барселоны и какого-то испанского приморского города.

– Когда вы планировали уехать? – задал вопрос Питерсон.

– Когда она закончит свои дела, – пожал плечами Кит.

– Какие дела? – спросила Эрика.

– Дела... Она должна покончить с именами в ее списке.

– Сколько в ее списке имен?

– Сказала четыре.

– И она не намекала, кто станет четвертой жертвой? – допытывалась Эрика.

– Нет. Я только знаю, что, когда она закончит, мы будем вместе. – Кусая губу, Кит переводил взгляд с Эрики на Питерсона. Потом снова заплакал. – Это ПРАВДА. Она меня любит. Пусть она не знает, какой я, но между нами установилась подлинная близость! – Он несколько раз глубоко вздохнул и, сняв очки, принялся протирать стекла краем футболки.

– Кит, вы же понимаете, что теперь, после того, как мы с вами поговорили, последствий не избежать? Эта женщина разыскивается за убийство трех человек.

Кит снова надел очки, и лицо его скукожилось.

Голос Эрики смягчился.

– Вы уверены, что она ни разу не назвала вам своего настоящего имени или места, где она проживает? Может, она хоть как-то намекнула, кто она такая?

Кит покачал головой.

– Однажды она упомянула Лондон, а почтовый ящик зарегистрирован на анонимное лицо – я проверял.

– Вы когда-либо пытались отследить ее по IP-адресу? – спросил Питерсон.

– Пытался, но безуспешно. Вероятно, она использует «Тор». Я тоже его использую.

– Что за «Тор»?

– Кодированная программа, обеспечивает анонимность пользователю Интернета.

Эрика поднесла руку к виску.

– То есть вы хотите сказать, что, когда она входит в чат, установить ее местонахождение невозможно.

– Да, – кивнул Кит. – Невозможно.

Глава 70

Эрика с Питерсоном на время покинули жилище Кита и пошли через улицу к набережной. Гальку на берегу облизывали мелкие волны, с пляжа доносились гомон и смех.

– Я знаю, что не должен ему сочувствовать, но мне его жаль, – произнес Питерсон.

– И мне жаль, что его жизнь заканчивается так нелепо, – согласилась с ним Эрика. – Но он прикрывал эту женщину, Сову, или как ее там.

– Нельзя оставлять его надолго, – забеспокоился Питерсон, глянув на дом, где жил Кит. – Как знать, что он еще задумал?

– Быстро он никуда не доберется, – рассудила Эрика. – Как же нам поступить?

– Мы *обязаны* передать эту информацию руководителю следственной группы по данному делу, то бишь Спарксу, – ответил Питерсон.

– А Спаркс убежден, что Стивена убил Айзек Стронг, и он уверен, что сумеет связать Айзека с двумя другими убийствами, – сказала Эрика. – Если я поставлю в известность Спаркса или Марша, от меня потребуют, чтобы я передала все материалы и не лезла в это дело, и, если я продолжу расследование, значит, я ослушаюсь прямого приказа.

– Значит, сейчас мы... – начал Питерсон.

– Сейчас мы навещаем знакомого в Уэртинге, – перебила его Эрика.

– Нашего доброго приятеля Кита... – закончил Питерсон.

Эрика посмотрела на театр «Павильон», развалившийся, словно гигантский кусок формованного желе перед пристанью, которая за ним тянулась в море. На ее дальнем краю сидела нахохлившись стая чаек, зарывшихся головами в перья.

– А что, если устроить встречу Кита и Совы? – предложила Эрика.

– Где? И как мы его туда доставим? К тому же не исключено, что увидев его, она просто развернется и...

– Нет, Питерсон. Не Кит ее будет ждать, а мы. Вместе с половиной состава столичной полиции.

Глава 71

В тот же день Эрика сумела «взыскать долг» – за оказанную услугу – с Ли Грэма, одного ее давнего коллеги по столичной полиции, который теперь служил в полиции Суссекса. Замечательный молодой компьютерщик, хотя и немного нервный, по ее просьбе он приехал в Уэртинг и занялся компьютером Кита.

Спустя два часа Ли, Эрика, Питерсон и Кит сгрудились в крошечной гостиной Кита.

– Итак, теперь его компьютер... – начал Ли.

– Меня зовут Кит, – перебил его Кит, подозрительно глядя на Ли.

– Да, теперь компьютер Кита подсоединен к этим. – Ли дал Эрике два ноутбука. – Вы будете видеть все, что происходит, в реальном времени и при необходимости сможете сами вмешаться в разговор и что-нибудь напечатать. Собеседник Кита ни о чем не догадается.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика.

– Мой компьютер тоже будет постоянно включен, и я буду мониторить чат удаленно из своего офиса. Попробую установить местонахождение этой Совы, но если она использует сеть «Тор», это будет практически невозможно.

– Как вообще работает этот «Тор»? – спросил Питерсон.

– Допустим, вы используете Интернет стандартным способом, например, посылаете мне письмо по электронной почте. Оно идет от вашего компьютера на мой через сервер. И вы, и я с легкостью установим местонахождение наших компьютеров по IP-адресу. IP-адрес – это уникальная цепочка цифр, разделенных точками. Идентифицирует каждый компьютер с помощью интернет-протокола, обеспечивающего доставку пакетов данных от узла к узлу в сети. Программа «Тор», если она установлена на вашем компьютере, направляет интернет-трафик через бесплатную всемирную Сеть компьютеров добровольных участников. Таких компьютеров более 7 тысяч, и они действуют как ретрансляторы данных, что позволяет скрывать информацию о местонахождении пользователя и его работе в Интернете от любых органов, осуществляющих наблюдение за компьютерными сетями, и анализом трафика.

– Это называется луковой маршрутизацией, потому что «ретрансляторы» имеют очень много слоев, – добавил Кит.

– Верно, – подтвердил Ли. – Если на компьютере стоит «Тор», очень трудно увязать пользователя с какой-либо его деятельностью в Интернете, будь то посещение сайтов, размещение постов, обмен мгновенными сообщениями или любые другие формы коммуникации.

– И эту программу «Тор» может загрузить любой? – спросила Эрика.

– Да. Ее можно бесплатно скачать из Интернета, – ответил Ли. – Что чертовски осложняет нам жизнь.

– Если нельзя отследить Сову, зачем тогда вы собираетесь подслушивать наши разговоры? – удивился Кит.

Эрика с Питерсоном переглянулись.

– Мы хотим, чтобы вы договорились с ней о встрече, – сказала Эрика.

– Я не могу с ней встретиться. Я не готов. Мне нужно настроиться!

– А вы и не будете с ней встречаться, – объяснила Эрика.

– Нет, нет, не могу... Простите. Нет.

– Сможете, – отчеканил Питерсон, кладя конец пререканиям.

– Вокзал Ватерлоо в Лондоне, – сказала Эрика.

– Как я вдруг вытащу ее на встречу ни с того ни с сего? – в панике вскричал Кит.

– Придумайте что-нибудь, – велел Питерсон.

– Я видел, вы сохранили всю вашу переписку с Совой, – сказал Ли. – Я скопировал ее на ваши ноутбуки, – сообщил он Эрике с Питерсоном.

– Но... это же личная переписка! – возмутился Кит.

– У нас с вами уговор. Помните? – заметила ему Эрика.

Кит нервно кивнул.

Когда все было устроено, Эрика и Питерсон пошли провожать Ли. На улице было все еще тепло и безветренно, откуда-то издалека, с пляжа, доносились визгливые голоса Панча и Джуди[58].

– Я также скопировал себе его жесткий диск. Пороюсь в нем. Если найду что-то интересное для нас, дам знать, – сказал Ли, направляясь к своей машине, которую он припарковал у обочины. Ли открыл багажник и положил туда свою сумку. – Порой я жалею, что

изобрели Интернет. Слишком много людей, у которых полно свободного времени, дают волю своим тошнотворным фантазиям.

– Так получается, что, каждый раз, встречаясь с тобой, я прошу тебя покопаться в каком-нибудь грязном деле, – посетовала Эрика. – Спасибо за помощь.

– Бог даст, следующий раз встретимся не по работе, – улыбнулся Ли.

Питерсон смотрел на них. Эрика покраснела, не зная, что сказать.

– Еще раз спасибо! – наконец произнесла она.

– Не за что. Надеюсь, это поможет вам поймать вашу прибабахнутую извращенку. Я буду на связи. Войдете в сеть, увидите меня. – Ли сел в машину.

– Я не знал, что вы близко знакомы, – сказал Питерсон, вместе с Эрикой глядя вслед автомобилю Ли, катившему вдоль набережной.

– А вам-то что? – спросила Эрика.

– Да так, ничего, – пожал плечами Питерсон.

– Пойдемте-ка в дом. А то как бы Кит не кинул нас.

Глава 72

По дороге на работу Симона вся трепетала от возбуждения. На автобусе она доехала до Кингз-Кросс и теперь петляла по глухим переулкам за зданием вокзала, шагая к больнице имени королевы Анны. Она любила ночные смены, любила идти на работу, когда большинство людей возвращались домой. Она чувствовала себя как лосось, плывущий против течения. Работая по ночам, Симона забывала про бессонницу, про одиночество и страх, терзавшие ее дома.

На работе ее не мучили видения.

Вечер выдался бархатно-теплым. Ожидая на светофоре, Симона осознала, что ей не терпится увидеть Мэри. Старушка – истинный боец. Симона не сомневалась, что та еще жива. Она несла Мэри подарки: рамку для фотографии, на которой та была запечатлена с Джорджем, и щетку для волос. Она была уверена, что в ее отсутствие Мэри никто не расчесывал.

Длинный коридор, по которому Симона шла к палате Мэри, провонял отвратительно теплыми запахами мочи и грязных пеленок. Некоторые медсестры приветствовали ее кивками. Она кивала в ответ, обменивалась с ними любезностями. Многих удивило, что ее обычно хмурое лицо озаряет широкая улыбка.

Дойдя до палаты Мэри, Симона без стука открыла дверь и остолбенела, увидев, что у кровати Мэри, на *ее* стуле, сидит элегантная пожилая женщина с коротко стриженными, гладкими седыми волосами, в свежих белых брюках, черных лакированных туфлях-лодочках и шелковой цветастой блузке. Кровать Мэри была пуста, а сама она, опрятная, в модных брюках угольного цвета и жакете с рисунком в ломаную клетку, сидела в инвалидном кресле рядом с женщиной. Ее волосы были аккуратно перевязаны сзади красной лентой. Женщина, наклонившись, надевала на ноги Мэри новые туфли.

– Вы кто? – спросила Симона, глядя на них. Женщина надела туфлю на вторую ногу Мэри и выпрямилась. Она была очень высокой.

– Здравствуйте, сестра, – поздоровалась женщина с тягучим американским акцентом.

– Что здесь происходит? – сердито продолжала Симона. – Доктор знает, что вы здесь?

– Да, милая. Меня зовут Дороти Ван Ласт. Я – сестра Мэри. Приехала, чтобы забрать ее домой.

– Сестра? Я не знала, что у Мэри есть сестра. Вы же американка!

– А родилась я здесь, милая. Просто много лет не жила в Англии. – Дороти обвела взглядом мрачную больничную палату. – За это время, похоже, мало что изменилось.

– Но Мэри, – произнесла Симона, – ваше место здесь, с... с нами...

Мэри прочистила горло.

– Кто вы, дорогая? – спросила она, пытливая глядя в лицо Симоне. Ее слабый голос дрожал.

– Сестра Симона. Я ухаживала за вами.

– Ухаживали? Моя соседка сообщила сестре, что я здесь. И она прилетела из Бостона. Не знаю, что бы я делала, если бы она не приехала, – все тем же немощным голосом пролепетала Мэри.

– Но вы... моя... Я собиралась... – начала Симона, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Доктор говорит, она *быстро* идет на поправку, – перебила ее Дороти. – Я останусь здесь, пока ей не станет лучше. – Она сняла с тормоза кресло Мэри и покатила его вокруг кровати.

– Но Мэри... – не сдавалась Симона.

Мэри пристально посмотрела на нее из кресла.

– Кто это? – спросила она сестру.

– Это сиделка, Мэри. Они все на одно лицо. Не обижайтесь, милая.

Дороти провезла кресло мимо Симоны и вытолкала его в коридор. Симона встала в дверях, глядя, как удаляется Мэри. Та даже не попыталась обернуться. Потом они завернули за угол и исчезли из вида.

Симона заперлась в одной из уборных для инвалидов. С минуту стояла там, сотрясаясь всем телом. Потом открыла свою сумку, вытащила рамку для фотографии, что купила в подарок Мэри, и принялась колотить ею по краю раковины, пока та не разбилась. Симона посмотрела на свое отражение в зеркале. В ней закипал гнев. Ее бросили. Снова бросили.

Глава 73

Эрика сняла два номера в гостинице «Морской бриз», вполне оправдывавшей свое название. Дешевая и светлая, она находилась недалеко от дома Кита. Номера располагались дверь в дверь. Маленькие и тесные, окнами они выходили на задний двор, забитый мусорными баками. Перекусив в гостиничном ресторане на нижнем этаже, Эрика с Питерсоном затем поднялись в ее номер и приготовились ждать.

Чтобы убить время до наступления ночи, они стали просматривать колоссальное количество сообщений, которые Ли перегрузил в их ноутбуки с компьютера Кита. В общем и целом они составляли четыре года регулярной переписки, и прочитать все от строчки до строчки было невыносимо. Эрика с Питерсоном рассортировали сообщения по годам, и переписку за каждый год перевели в документ *Word*. Потом в списке ключевых слов выбрали те, по которым можно найти особенно интересовавшие их темы обсуждений.

– Кошмар, – произнес Питерсон, сидевший на стуле у небольшого окна. – Я только что задал поиск на «самоубийство», и компьютер выдал мне горы страниц, на которых Кит пишет о желании покончить с собой и о том, как именно он намерен это сделать. Вот, послушайте: «Выключу свет во всей квартире и останусь в темноте в кои-то веки. Открою баллон с газом, надену на голову пакет и наполню его газом, чтобы заглушить панику. Затем туго затяну шнурок и буду глубоко вдыхать газ, пока не потеряю сознание. Уйду легко, без боли... просто засну вечным сном».

– Когда это было? – спросила Эрика.

– Три года назад, в первые недели их общения, – ответил Питерсон.

– Я задала поиск на «инвалидную коляску» и «инвалид», – доложила Эрика, работая на ноутбуке. – Эти слова лишь мельком упоминаются в сообщениях Софы: один раз она увидела инвалида на улице и пожалела его. Ну и еще одно косвенное упоминание. Он ей не признался.

Несколько минут они читали молча, потом Питерсон сообщил:

– Она рассказывает о том, как муж ошпарил ее кипятком. Примерно в тот же период. Он пытался ее изнасиловать. Она убежала и заперлась в ванной. Он вломился к ней туда с кастрюлей кипятка, заехал кулаком по лицу, потом засунул в ванну – она была в полубессознательном состоянии, – раздел и стал медленно лить кипяток на ее голое тело. Она говорит, что ожог был очень сильный, но к врачу она обратилась только через неделю и то лишь потому, что раны начали гноиться.

– Она сказала, кто он? Назвала имя врача? – спросила Эрика.

– Нет, но говорит, что доктор не поверил, когда она сказала, что муж умышленно ее обжег.

Эрика в ужасе посмотрела на Питерсона.

– По ее словам, доктор решил, что препараты, которые она принимала при хронической бессоннице, вызвали у нее галлюцинации... Она прежде уже обращалась к нему с подобными ожогами, когда случайно наполнила ванну кипятком и залезла в нее. Муж уже раньше рассказывал врачу про ненормальные выходки жены, которые довели ее до психушки.

– Боже, – выдохнула Эрика. – Он поверил мужу, а не ей...

На улице стемнело, в открытое окно доносился тихий плеск прибоя.

– В прессе людей всегда называют чудовищами, и мы тоже оперируем этим словом, – сказала Эрика. – Но ведь чудовищами не рождаются. Крошечное дитя не может быть чудовищем. Человек появляется на свет добрым и хорошим. Это жизнь и обстоятельства превращают его в монстра.

Ноутбук Питерсона пикнул.

– Это Кит. Он начал переписываться с Совой.

Глава 74

Кит сидел за компьютером в своей крошечной гостиной. Включенные лампы, казалось, светили прямо на него, и он обливался потом, стекавшим с его жиденьких волос на черное сиденье из поливинилхлорида. Эрика с Питерсоном сидели на складных стульях у него за спиной.

– Я не знаю, что писать, – сказал он, оборачиваясь к ним.

– Немного поговорите с ней о том о сем, как обычно. Чтобы у нее не возникло подозрений, – посоветовала Эрика.

Кит кивнул, повернулся к компьютеру и принялся печатать.

ГЕРЦОГ: Привет, Сова. Как дела?

СОВА: Привет.

ГЕРЦОГ: Какие новости?

Минуты шли. Эрика расстегнула еще одну пуговку на блузке, несколько раз быстро оттянула на себе ткань, обдуваясь. Она посмотрела на Питерсона. Тот тоже блестел от пота.

– Можно выключить какие-то лампы? – спросил он, рукавом отирая мокрый лоб.

– Нет! – вскричал Кит. – Нет, я не люблю темноту. Сумрак. Лучше окно откройте, если хотите.

Питерсон прошел в маленькую кухню и распахнул окно над раковиной. Над ковролином вульгарной расцветки поплыл запах засорившейся канализации, зато стало прохладнее.

– Не отвечает, – сказал Кит, снова оборачиваясь к Эрике и Питерсону.

– Это нормально? – спросил Питерсон, снова усаживаясь на складной стул.

– Не знаю... Обычно я общаюсь без свидетелей. Никто не дышит мне в затылок. А вдруг она догадалась?

– Нет, не догадалась, – заверила его Эрика. Они посидели в молчании еще несколько минут.

– Можно воспользоваться вашей ванной? – спросила Эрика. Кит кивнул и повернулся к экрану. Она вышла из гостиной в коридор.

Сверху доносился монотонный гудеж музыки, сверкали лампы. Эрика закрылась в ванной.

Зависнув в полусидячей позе над грязным унитазом, она быстро справила нужду. Когда потянулась за туалетной бумагой, плечом больно ударилась о длинный поручень. Она отпихнула его, и тот взлетел к потолку, словно некая причудливая гильотина, устремившаяся не вниз, а вверх. Эрика быстро доделала свои дела, вымыла руки. Ванная производила гнетущее впечатление, почти как больница. Ей пришлось опуститься на корточки, чтобы увидеть себя в зеркало. Лучше бы не смотрелась. Выглядела она изнуренной.

В гостиной, когда она вернулась туда, казалось, стало еще жарче от пылающих ламп. Питерсон рылся на полках с DVD-дисками.

– Печатает, – сообщил Кит, наклоняясь к экрану. Эрика с Питерсоном поспешили к его компьютеру.

СОВА: Извини, у меня варилось кое-что на плите.

ГЕРЦОГ: Что едим?

СОВА: Яйцо-пашот на тосте.

ГЕРЦОГ: Кайф! А мне тоже можно одно? И обязательно с коричневым соусом?

СОВА: Да, специально для тебя купила.

– Молодец, – похвалила Эрика. Сидя за спиной у Кита, они с Питерсоном следили за перепиской.

– Пожалуй, впервые наблюдаю, как серийный убийца жалуется на то, что у нее выдался неудачный день на работе, и объясняет, как она готовит яйца-пашот, – тихо сказал Питерсон. Подперев ладонью подбородок, он не отрывал глаз от монитора. – Который час?

– Полтретьего, – ответила Эрика, глянув на часы.

* * *

В половине шестого забрезжил рассвет, а разговор все еще продолжался. Двор за кухонным окном начал окрашиваться в голубоватый цвет.

Эрика пихнула локтем Питерсона. Тот, запрокинув голову, сумел заснуть на складном стуле. Он встрепенулся, протер глаза.

– По-моему, он наконец дошел до дела, – прошептала Эрика. Они приковались взглядами к экрану.

ГЕРЦОГ: Знаешь... давно хотел сказать тебе кое-что.

СОВА: Ну и?

ГЕРЦОГ: Я тут на днях к врачу ходил.

СОВА: Вот как?

ГЕРЦОГ: Ты ненавидишь докторов, я знаю.

СОВА: Терпеть не могу.

ГЕРЦОГ: Мой врач – женщина. Она нормальная.

СОВА: Ты изменяешь мне?

ГЕРЦОГ: Нет, что ты. Она сказала, у меня высокий холестерин. Очень устаю на работе... Нужно больше отдыхать, иначе...

СОВА: Иначе?

ГЕРЦОГ: Иначе сердце не выдержит. Я так перепугался. Задумался о жизни.

СОВА: Я думала, ты хочешь умереть. Поставить крест.

ГЕРЦОГ: Да, такое бывает. Но сейчас за окном солнце встает, а жизнь коротка... И я люблю тебя.

ГЕРЦОГ: В общем, я хотел предложить... я знаю, что прошу слишком много. Может, давай встретимся? По-настоящему. Как нормальные люди.

Ответа долго не было.

– Ну все, я ее спугнул. – В утомленных глазах Кита появилась паника. – Но я пытался. Вы же видели. Всю ночь пытался!

– Успокойтесь. Смотрите, – сказала Эрика.

Кит повернулся к экрану.

СОВА: Ладно, давай.

– Боже, – выдохнул Кит, начиная быстро печатать.

ГЕРЦОГ: ЗДОРОВО!!!

СОВА: Только я не хочу, чтобы ты был разочарован.

ГЕРЦОГ: Никогда. Никогда. НИКОГДА!

СОВА: Где?

СОВА: И когда?

– Где? Что мне написать? – спросил Кит.

– Скажите, что хотите встретиться на вокзале Ватерлоо, в Лондоне, – ответила Эрика.

– Нет, сначала у нее спросите, предложите этот вариант, – добавил Питерсон. – А потом, если она согласится, договоритесь на сегодня, на пять вечера, под часами в здании вокзала.

Кит кивнул и снова застучал по клавиатуре:

ГЕРЦОГ: Может, на вокзале Ватерлоо в Лондоне?

СОВА: Хорошо. Когда?

ГЕРЦОГ: Завтра. Точнее уже сегодня. В пять, под часами.

СОВА: О'кей.

ГЕРЦОГ: Ураааа!!! Я так счастлив!!! Как я тебя узнаю?

СОВА: Не волнуйся.

СОВА: Узнаешь.

Сова вышла из чата. С минуту они сидели в молчании. Кит улыбался. Его мокрые волосы были взъерошены, от него разило потом.

* * *

– 17.00 – час пик на вокзале Ватерлоо, – заметил Питерсон. – Зря мы не сказали, чтобы он назначил встречу пораньше.

– Да, в это время поймать ее будет труднее, – согласилась Эрика. – Зато меньше пространства для маневра.

– Босс, вы должны поставить в известность Марша. Нужно ведь организовать наблюдение... Будем надеяться, что он санкционирует эту операцию.

– Да. – Эрика глянула на часы: без четверти шесть. – Пойдемте перекусим. Пусть Марш сначала проснется.

– Мне пора ехать. Через два часа заступаю на смену, – сообщил Питерсон.

– Конечно, – сказала Эрика. – Простите. Вы езжайте. Не хочу, чтобы у вас были неприятности. И... э... вас здесь не было. То есть в случае провала операции вас здесь не было. Ну, а если успех, то, разумеется, с вашим участием.

Глава 75

В 6.30 утра Эрика прощалась с Питерсоном на улице у дома Кита. К своему удивлению, она поняла, что ей грустно с ним расставаться. Когда такси затормозило у обочины, Питерсон неожиданно для Эрики крепко обнял ее.

– Всего на одну секундочку! – улыбнулся он. – А то от меня воняет!

– Да нет... разве что немного. От меня тоже, – улыбкой отвечала она ему.

Питерсон покачал головой.

– Держите меня в курсе, босс.

– Непременно, – пообещала Эрика. Питерсон скрестил пальцы, желая ей удачи, и сел в машину. Она проводила взглядом увозившее его такси.

Эрика перешла через дорогу и зашагала к морю. Занимался чудесный день: раннее утреннее солнце, воздух свежий, на пляже пустынно, не считая двух собачников, выгуливающих своих питомцев, и молодого парня, расставляющего шезлонги напрокат. Она села на берегу буквально в нескольких футах от воды, облизывающей гальку, сделала глубокий вдох и позвонила Маршу. Сначала на домашний телефон. Ответила Марси. Услышав голос Эрики, она не выразила особой радости. Любезностями обмениваться не стала – просто бросила трубку на стол и крикнула мужа, вероятно, находившегося на верхнем этаже. Эрика услышала топот его шагов, сбегających по лестнице. Он взял трубку.

– Эрика, надеюсь, вы на отдыхе и хотите уточнить мой адрес, чтобы прислать открытку? – произнес он.

– Что касается отдыха, сэр... Я сейчас не в Лондоне. В Уэртинге.

– В Уэртинге? Какого черта вас туда занесло?

Без лишних слов Эрика объяснила ему суть дела, сообщив, что она вышла на Ночного Охотника и организовала встречу с убийцей, которая должна состояться сегодня ближе к вечеру на вокзале Ватерлоо.

– Значит, вы опять нарушили мой приказ? – возмутился Марш.

– Это все, что вы можете сказать, сэр? Это же настоящий ПРОРЫВ. Да, я должна была поставить вас в известность, но вы знаете, что я следую своей интуиции. Теперь необходимо организовать наблюдение и как можно скорее. На вокзале и в районе вокзала. Я уверена, она явится на встречу, и мы должны быть там, чтобы ее задержать. У меня есть переписка, которую она вела с этим парнем, Китом Харди. Он входит в чат под прозвищем Герцог. Она называет себя Совой.

– Где Мосс и Питерсон?

– Им дали новое предписание. Я здесь одна, сэр.

Марш надолго замолчал.

– Эрика, до чего же вы наивны. Ведете себя так, будто не существует никаких правил, никаких авторитетов.

– Но, сэр, я ведь вышла на след, на верный след. Сейчас вернусь в гостиницу и перешлю вам все – переписку, детали встречи. Мы затронули только верхушку айсберга. Этот парень, Кит... он общается с ней в Сети четыре года. У нас есть вся их переписка. Кстати, я полагаю, что она была пациенткой Грегори Манро. У нее был сильный ожог. Нужно проверить медицинскую документацию.

– Ладно, пришлите мне все это сразу же, как положите трубку.

– Непременно.

– И вот еще что, Эрика. Я настоятельно рекомендую вам использовать свой отпуск и подумать на досуге о своем положении в структуре полиции. Если увижу вас возле отделения, любого отделения, вы будете отстранены от работы. Сомневаюсь, что в четвертый раз вам удастся легко вернуть себе удостоверение! А если замечу вас возле вокзала Ватерлоо, вы не просто расстанетесь с удостоверением. Вас уволят со службы. Это ясно?

– Значит, вы намерены действовать, сэр?

– Я вам позвоню. – Марш повесил трубку.

Хоть он и ругался, Эрика услышала в его голосе возбуждение.

– Мы достанем тебя, Ночной Охотник. Достанем, – произнесла Эрика. Она сидела на берегу, смотрела на необъятную ширь горизонта и чувствовала, как в крови начинает гудеть адреналин.

Глава 76

– Не понимаю, зачем это надо, – негодовал Кит. Эрика, забравшись под компьютерную подставку, выдергивала провода и штепсельные вилки, которые, казалось, все были воткнуты в один удлинитель. Пыль, толстым слоем лежавшая на ковролине с узором из шестиугольников лимонно-зеленого, желтого и красного цветов, теперь поднялась в воздух и липла к ней с треском под воздействием статического электричества.

– Как можно совать все в одну розетку? Это же небезопасно, – пожурела Кита Эрика, выползая из-под подставки.

Кит, потянув на себя рычаг управления креслом, отъехал к книжным полкам, освобождая для Эрики место, чтобы она могла встать.

– Ерунда, – ответил он.

Часы над грязной кухонной плитой показывали три.

– Те часы точно идут? – спросила Эрика, вытаскивая мобильный телефон.

– Да. Что теперь? – поинтересовался Кит, глядя на Эрику сквозь мутные стекла очков. Внезапно он показался ей совершенно незащитным.

– На встречу с Совой придет сотрудник полиции, задержит ее для допроса...

Эрика ответила честно, но в подробности не вдавалась. На основании переписки, которую она переслала Маршу по электронной почте, в срочном порядке была разработана операция по наблюдению на вокзале Ватерлоо с целью задержания Ночного Охотника в пять часов вечера. Эрика обводила взглядом тесную, ярко освещенную комнату, убеждая себя, что она тоже участвует в этой операции. И выполняет важную задачу: следит за тем, чтобы Кит не предупредил убийцу.

– Я спрашивал про себя: что будет со мной?

– Вы будете проходить по делу как свидетель. Не исключено, что вас арестуют за помощь и содействие преступнику, а также за сокрытие улик, но, учитывая ваши обстоятельства и тот факт, что вы готовы сотрудничать с полицией, вряд ли уголовный суд сочтет

необходимым подвергать вас уголовному преследованию. При условии, что вы будете оказывать полное содействие следствию. И еще: мы решим ваши жилищные проблемы. Я хочу помочь вам хотя бы в этом.

– Спасибо, – поблагодарил Кит.

Несколько минут они сидели в тишине. Часы над грязной плитой тикали.

– Вы, должно быть, бог весть что обо мне думаете? – предположил Кит.

– О вас я ничего не думаю. Я думаю о жертвах. И о том, как ее обезвредить, – ответила Эрика.

– Мой самый близкий друг оказался серийным убийцей. А я ведь люблю ее... Что это обо мне говорит?

Эрика наклонилась и взяла в свои ладони его маленькую ручку.

– На свете много людей, которых обманывают друзья, возлюбленные, супруги. Вы познакомились в соцсетях, где многие выдают себя за других. Они часто придумывают себе другую жизнь. Чтобы в них видели не тех, кто они есть на самом деле.

– В Сети я могу быть тем, кем хочу быть. Я не скован своей... – Кит поправил трубочку под носом и посмотрел на свое кресло. – Хотите посмотреть DVD? Я покажу вам свою любимую серию «Доктора Кто», ту, в которой Том Бейкер «регенерирует».

– Да, давайте, – согласилась Эрика. Ждать оставалось два часа, которые, она знала, будут тянуться как вечность.

Глава 77

На лондонском вокзале Ватерлоо, крупнейшем в Великобритании, оживление царит с раннего утра до позднего вечера. Из центрального зала длиной более восьмисот футов, с магазинами и ресторанами на верхнем этаже, выход на двадцать с лишним платформ. Ежегодно через его двери проходит более ста миллионов пассажиров.

Старший суперинтендант Марш вместе со старшим инспектором Спарксом находились в просторной аппаратной, которая представляла собой квадратное бетонное помещение без окон, расположенное высоко над вокзалом. Одну стену занимала панель с двадцатью восемью мониторами, показывавшими все входы и помещения вокзала. Тридцать пять сотрудников полиции – большинство в штатском – осуществляли наблюдение за выходами и патрулировали зал. У северного, южного и западного выходов дежурили микроавтобусы службы поддержки в сопровождении трех патрульных автомобилей каждый. Сотрудники транспортной полиции, некоторые с оружием, тоже патрулировали вокзал по периметру.

В 4.50 на вокзале началось столпотворение, словно сюда стеклись сразу все сто миллионов человек. Мраморный пол центрального зала исчез под толпами пассажиров. Они непрерывным потоком поднимались по эскалаторам со станции метро, шли через все четыре входа и выхода, слонялись под гигантским электронным табло, висевшим над выходом на двадцать две платформы, где яблоку негде было упасть, скапливались у магазинов, образовывали очереди в вытянутом кассовом зале напротив платформ.

– Это будет суший кошмар, сэр, – произнес Спаркс, прислоняясь к стене с мониторами, по которым сотрудники «Лондонского транспорта» спокойно наблюдали за обстановкой на вокзале. На его изрытом оспинами лице блестел пот.

– Более глазастого места в Лондоне не сыскать. Как только она объявится, мы тут же ее возьмем, – сказал Марш, просматривая мониторы.

– Думаете, чутье не подвело Фостер, сэр?

– Это не чутье, Спаркс. Вы же видели материалы, которые она прислала.

– Видел. Но ни в одном сообщении эта женщина ни имени своего не назвала, ни описала свою внешность. В любом случае затраты будут бешеные.

– Позвольте мне об этом побеспокоиться. А вы делайте свою работу, – сказал Марш.

К ним подошел молодой азиат.

– Меня зовут Танвир, – представился он. – Сегодня я здесь начальник смены. Вот эти четыре экрана будут охватывать вашу ключевую зону. – словно по команде, на обозначенных мониторах высветился общий план центральной части зала с часами, под которыми стоял сержант Крейн в джинсах и светлом пиджаке. В руках он сжимал дешевый букет роз.

– Крейн, как слышите? – спросил Спаркс по рации. – Если слышите, коснитесь уха.

На изображении общего плана Крейн, казалось, стоял как стоял. Но на другом мониторе, показывавшем его крупным планом, было видно, что он чуть склонил набок голову к лацкану пиджака и свободной рукой трогает левое ухо.

– Я точно не выделяюсь из толпы? Я ведь здесь один в пиджаке – жара несусветная! – раздался из рации его голос.

– Все нормально, Крейн. Кит договорился встретиться с ней через полчаса. Это романтическое свидание. Естественно, он приоделся, – сказал Марш в рацию и добавил: – Зато не видно, что вы опутаны проводами. Так, а теперь хватит болтать... мы по рации будем держать вас в курсе.

– Который час? – спросил Крейн.

– Ну и ну, он же под часами стоит, – изумился Спаркс. Он взял рацию. – Сейчас четыре тридцать. Следующий раз захочешь узнать время, подними голову.

Марш обратился к Танвиру:

– Какая камера дает обзор бокового входа, ведущего от часов?

– Дайте на эти экраны камеру номер семнадцать, – велел Танвир женщине в наушниках, сидевшей за компьютером в углу комнаты. Появилось еще одно изображение Крейна, со спины, – с камеры над эскалатором за часами.

Марш снова взял рацию.

– Крейн, вы в поле нашего зрения со всех ракурсов. Сохраняйте спокойствие. Когда она появится, мы вас предупредим. Не подходите к ней слишком близко, если она придет раньше. Вас страхуют со всех сторон. Стоит ей сделать шаг, и мы будем на месте в считанные секунды.

– Который час? – снова нервно спросил Крейн.

– Он же под часами стоит, черт возьми, – пробормотал Спаркс.

– Четыре тридцать три, – ответил Марш. – Мы постоянно на связи.

Глава 78

Эрика присела на изгородь у мусорных баков и закурила. Кит не разрешил ей курить в квартире, а она сказала, что не оставит его одного, поэтому в качестве компромисса он выехал на порог.

– Не хотите прогуляться по бульвару – *проехаться*? – предложила Эрика. – Погода хорошая, солнечная.

– Я этого не люблю, выходить из дома, – отказался Кит. Он вытянул шею, подозрительно поглядывая на ясное голубое небо.

Попыхивая сигаретой, Эрика смотрела на спокойное море, поблескивавшее на солнце. На берегу группа детишек строила замки из песка под надзором родителей, отдохавших в шезлонгах. Мимо покатило розово-белый разрисованный туристический поезд, управляемый смурным машинистом, над головой которого позвякивал колокольчик. В вагончиках сидели дети, лакомившиеся мороженым и сахарной ватой. Проезжая мимо, они махали руками из-за мутных пластиковых окон.

Кит помахал им в ответ. Эрику его жест растрогал. Она посмотрела на часы: почти 4.50. Она проверила телефон: сигнал был уверенный, батарея – полная.

– Это как над чайником стоять, – заметил Кит. – Никогда не закипит.

Эрика уныло покачала головой и закурила другую сигарету. Ей хотелось кричать от досады, от того, что она так далеко от места проведения операции. Она подумала о Спарксе. Тот руководил следственной группой, отдавал распоряжения и праздновал победу.

Помимо досады, у нее было такое чувство, что ее ограбили.

Глава 79

Часы уже показывали 5.20, а к Крейну, все еще стоявшему под часами на вокзале Ватерлоо, так никто и не подошел.

Марш со Спарксом в аппаратной наблюдали, как толпа в центральном зале густеет. Стало трудно удерживать Крейна в поле зрения на мониторе с изображением крупного плана, поэтому они теперь следили за ним по камере, снимавшей общий план зала. Изображение с нее, увеличенное до гигантских размеров, выводилось на центральный экран.

– Крейн, ты как? Не сходи с места. Хоть пятками к полу прирасти, – приказал Спаркс по рации. На мониторе, показывающем общий план зала, они видели, что толпа затирает Крейна.

– Есть, сэр, – тихо ответил Крейн с паникой в голосе.

– Мы вас видим, Крейн, – сказал Марш по рации, посмотрев на мониторы. Вокруг вас шесть наших сотрудников в штатском, они подскочат к вам в считанные секунды. За спиной у вас в проходе еще двое вооруженных сотрудников транспортной полиции... Главное – сохраняйте спокойствие... Как и всякая женщина, она просто решила по старинке немного опоздать, – добавил он, пытаясь разрядить атмосферу.

– Да не появится она, черт возьми, – раздраженно рявкнул Спаркс. – Надо было дожимать Айзека Стронга, а не распылать ресурсы на непонятное свидание вслепую. – Марш глянул на него сурово, и он добавил: – Сэр.

И тут на большом мониторе они увидели, как толпа вокруг Крейна заколыхалась и стала напирать на группу женщин, что приближалась к нему. Одна из них упала, спровоцировав давку. Крейна толкнули, выбили букет из его руки.

– Что там у вас? – спросил Марш. – Крейн, отвечайте.

– Подождите, сэр, – отозвался Крейн, пытаясь устоять на ногах под натиском толпы.

– Смотрите, драка. Драка. Вот гадство. – Спаркс ткнул пальцем на монитор, показывающий эскалатор за часами. На нем появилась компания молодых парней в бейсболках, которые, крича и улюлюкая, ломились сквозь толпу, расступавшуюся перед ними, словно воды

Красного моря. Двое парней, брюнет и блондин, затеяли драку. Мутузя друг друга, они повалились на пол. Брюнет кулаком заехал блондину по лицу, которое быстро превратилось в кровавое месиво. Толпа отхлынула от них во всех направлениях. К драчунам прорывались сотрудники транспортной полиции с оружием в руках, что вызвало еще более громкий ор и суматоху.

Крейну удалось укрыться в дверях магазина *Marks&Spencer*. Из своего убежища он наблюдал, как полицейские, скопившись под часами, где он ждал убийцу, наводят там порядок. Обоих драчунов заковали в наручники, и полиция приступила к выполнению утомительной задачи оформления задержания.

– Что за хрень! – заорал в рацию Марш. – Уберите их оттуда к чертям собачьим. Они нам всю операцию завалят.

– Даже если она появится, к нему все равно не подойдет! Не настолько же она сумасшедшая! – воскликнул Спаркс.

– Крейн, вы меня слышите? – спросил Марш, не обращая внимания на Спаркса.

– Да, сэр. Жарковато там. – Крейн выступил из двери магазина *Marks&Spencer*.

– Мы по-прежнему видим вас, Крейн. Все нормально?

– Цветы выронил, – доложил он.

– Не волнуйтесь. Сейчас уберем наших, и вы вернетесь на свое место, – сказал Марш.

– А это что за черт? Миссис Швабра? – произнес Спаркс, глядя на монитор, на котором отображался участок под вокзальными часами. Пожилая морщинистая уборщица остановила свою тележку возле того места, где пол был забрызган кровью из носа блондина, и теперь со всей решимостью окунала грязную швабру в ведро с серой водой. Один из парней, которых допрашивали, начал что-то насмешливо кричать ей, но она, то ли не слыша, то ли не обращая внимания, с бесстрастным видом принялась возить шваброй по полу.

– Где Уоррен? – спросил Спаркс. Рация пикнула, и затем послышался голос констебля Уоррена:

– Слушаю, сэр.

– Ваша позиция?

– У книжного магазина *WHSmith* на противоположной стороне зала.

– Уберите эту старушенцию. И проследите, чтобы она не поставила оградительную желтую табличку под часами, – распорядился он.

– Так, стоп, стоп, – быстро произнес Марш. Он смотрел на монитор, на котором Крейн стоял в ожидании близ часов. К нему приближалась невысокая темноволосая женщина в элегантном черном пиджаке. Марш схватил рацию. – Черт! Внимание всем постам: к сержанту Крейну подходит темноволосая женщина. Повторяю: к сержанту Крейну подходит темноволосая женщина. Готовность номер один.

– Подтверждаем: готовность номер один, – ответил голос по рации. Два больших экрана на стене показали Крейна с верхнего ракурса и под углом с другой стороны. Женщина что-то говорила ему, вопросительно глядя на него. Они побеседовали с минуту, потом Крейн сказал ей что-то в ответ, и она ушла.

– Крейн, докладывайте, что у вас? – потребовал Марш.

– Простите, босс, ложная тревога. Она предлагала оформить страховку на машину.

– Проклятье! – выругался Марш, хлопнув ладонью по одному из столов. – Черт! Спаркс, все равно допросите ее. Задержите, установите личность, узнайте все, что можно.

– Сдается мне, не удастся ей сегодня выполнить план, – сказал Спаркс, увидев, как женщину окружили три сотрудника полиции в штатском.

Глава 80

В половине седьмого вечера Эрика уже готова был лезть на стену в крошечной квартирке Кита. В сумке пикнул ее телефон, она достала его. Пришло сообщение от Марша:

МЫ СВОРАЧИВАЕМСЯ. ОНА НЕ ЯВИЛАСЬ.
НУЖНО ПОГОВОРИТЬ. ПОЗЖЕ ВЕЧЕРОМ
ПОЗВОНЮ.

– Что там? – спросил Кит, в смятении глядя на Эрику, опустившую голову в ладони.

– Не пришла... – ответила Эрика. – Вам она ничего не написала? В чате сообщений не оставила?

Кит покачал головой.

– Точно?

– Да, точно. Вы же видите, компьютер включен...

Эрика ощущала в груди ужасающую тяжесть, словно огромное ядро тянуло ее вниз. Она потерла потное лицо.

– Кит, давайте погасим хотя бы часть ламп. Здесь невыносимо...

– Нет! Простите, не могу. Я же объяснял, я не люблю темноту...

Эрика посмотрела на часы. Она чувствовала себя опустошенной.

– Что теперь? – спросил Кит.

– Буду ждать звонка от своего начальника... Он сказал, что позже свяжется со мной...

– А со мной что будет?

– М-м-м, не знаю. Но наш уговор остается в силе. – Эрика посмотрела на Кита, утопавшего в огромном инвалидном кресле. Недавно она помогла ему сменить кислородный баллон.

Она приняла решение.

– Мне нужно отойти на часок... Вам можно доверять? Ваш компьютер по-прежнему мониторят. Полагаю, вы не сбежите?

– А вы как думаете?

– Хорошо. Вот номер моего мобильного. – Она начеркала свой телефон на листке бумаги. – Пойду подышу свежим воздухом... Вам принести что-нибудь поесть? Ну, не знаю... Картошку будете?

Кит просиял.

– Колбасу в кляре, картошку и гороховое пюре, пожалуйста. Это лучше всего готовят в кафе напротив пристани. Моя сиделка там всегда покупает.

* * *

Эрика вышла на бульвар. Было прохладно. Солнце опускалось в море, дул прибрежный бриз. Она еще раз прочитала сообщение Марша и попыталась позвонить ему. Ее вызов был отклонен, включился автоответчик.

– Черт, – пробормотала Эрика. Она зашагала к бару, который заметила на бульваре. Фасадные окна были распахнуты, зал заполняли шумные краснолицые пожилые мужчины и пьяные женщины. Из акустической системы гремела «Макарена». Эрика протолкалась к стойке бара и заказала большой бокал вина. Барменша, сбиваясь с ног, быстро ее обслужила, со стуком поставив бокал на стойку перед Эрикой.

– Можно взять это с собой на улицу? – спросила она. Девушка закатила глаза и, не отвечая, перелила вино в пластиковый стакан емкостью в одну пинту.

– И лед, пожалуйста, – попросила Эрика.

Она взяла вино, купила в торговом автомате сигареты и спустилась на пляж. Был отлив, и вода ушла довольно далеко от берега. Эрика села на гальку, глядя на широкую полосу обнажившегося мокрого песка. Когда закуривала сигарету, зазвонил ее телефон. Сунув стакан с вином в гальку, она ответила. И вытаращила глаза, услышав голос на другом конце линии.

Глава 81

Солнце опустилось за горизонт, по улице гулял прохладный ветерок. Симона быстро шла по тротуару, тянувшемуся вдоль стоявших в ряд стандартных домиков. На спине она несла небольшой рюкзак, одета была в свой черный спортивный костюм.

Несколько уличных фонарей были разбиты. Проходя под теми, что отбрасывали дугу оранжевого света, Симона ускоряла шаг и, лишь снова оказавшись в сумраке, вздыхала свободнее. Она нервничала. Был ранний вечер, в домах, что стояли вдоль улицы, казалось, жизнь бьет ключом. Светились окна, играла музыка. В одном окне верхнего этажа, где шторы были раздвинуты, а с потолка свисала голая лампочка, кто-то громко скандалил.

Симона увидела, что навстречу ей приближается мужчина, и опустила голову. Высокий и худой, мужчина шел очень быстро. У нее участился пульс и, очевидно, поднялось давление. Мужчина буквально летел прямо на нее. У нее даже шрам стал пульсировать, будто налившись кровью. И лишь когда мужчина был совсем рядом, она увидела, что на нем спортивный костюм. Он протрусил мимо, даже не глянув в ее сторону; из его наушников доносилось оловянное треньканье музыки. Она поняла, что должна успокоиться, взять себя в руки.

Симона знала номер дома, который она искала, но ей не приходилось напрягать зрение, чтобы рассмотреть цифры на кирпичных стенах. Номера были написаны яркой краской на мусорных баках, стоявших в палисадах с бетонированным покрытием.

Отсчитывая номера в обратном порядке, она не испытывала знакомого возбуждения – не чувствовала ни гнева, ни волнения.

Вот он, нужный ей дом. Она подошла к окну, глубоко вздохнула и положила маленькие ладони на карниз. Потом огляделась и, подтянувшись, залезла в дом.

Глава 82

– Эрика! Я родила. Они ошиблись: это девочка! – кричала в трубку Ленка, тяжело дыша, как будто от изнеможения. Эрика не сразу сообразила, что ей звонит сестра.

– Ленка! Вот здорово! Как же так? Я думала, тебе еще две недели ходить?

– Ну да. Марек повел меня обедать в ресторан, и, только мы заказали, у меня отошли воды. Ты же знаешь, какой он – настоял, чтобы нам упаковали заказ, но все произошло так быстро... Начались схватки, и, когда в больницу приехали, даже обезболивания не потребовалось: она сразу выскочила.

– Как назвали?

– Эрикой, в честь тебя. Ну, и в честь мамы, разумеется, – ответила Ленка.

Эрика почувствовала, как ее переполняют эмоции, и испачканной в песке рукой отерла лицо.

– Ой, Ленка! Какая же ты умница! Спасибо. – Эрику душили слезы и захлестывало изнеможение.

– Жаль, что мамы нет рядом, и тебя, конечно, – сказала сестра, тоже со слезами в голосе.

– Да у меня тут небольшая запарка...

В трубке послышался шорох, потом телефон взял зять Эрики, Марек. Она поболтала с ним несколько минут. Ее поражала абсурдность ситуации: сама она сидела на темном берегу, а за сотни миль отсюда ее родные праздновали. Ленка снова взяла трубку и сказала, что ей нужно идти.

– Клянусь, как только закончу это дело, сразу приеду посмотреть на малышку, – пообещала Эрика.

– Ты всегда так говоришь! Не затягивай, – устало произнесла Ленка. Послышался плач младенца, и в трубке зазвучали гудки.

Эрика долго сидела на берегу – курила и пила вино, за здоровье сестры и племянницы. Небо темнело, и настроение у Эрики портилось. Она была тетей, и, хоть с сестрой они не были близки, она была счастлива за Ленку. Счастлива и в то же время расстроена, что жизнь развела их в разные стороны.

Лишь холодный ветер и мысль о том, что Кит ждет ее в квартире, заставили Эрику подняться с остывшей земли.

Идя вдоль берега, она смотрела на дома и гостиницы, тянувшиеся до самого конца бульвара, где стоял ее отель. Она поднялась с пляжа по лестнице и остановилась перед домом, где жил Кит. Из озаренных окон верхнего этажа доносились брэнчание ситара и запах марихуаны, однако в окнах Кита было темно. Эрика уже хотела постучать в дверь, но вдруг отдернула руку. Кит никогда не выключал свет. Он боялся темноты.

Эрика сошла с дорожки, что вела ко входу, на бетонированное покрытие палисада, где стояли мусорные баки, и приблизилась к эркерному окну. Оно было открыто. Она стала всматриваться в темноту, из которой выплывали запахи сырости и моющих средств.

Эрика приняла решение. Она подтянулась на карнизе и залезла в окно.

Глава 83

Эрика стояла в темной спальне Кита и прислушивалась. Здесь было душно и пыльно. Она пыталась отвлечься от приглушенной музыки, доносившейся из квартиры этажом выше, но все равно не различала шумов за дверью спальни. Крадучись, она двинулась мимо темной громады медицинской кровати Кита и ступила в коридор, куда через стекло входной двери сочился свет. Эрика на цыпочках пошла по коридору, стараясь оставаться в тени. Минуя вторую спальню, в открытую дверь увидела две инвалидные коляски – пустые, застывшие. Две большие инвалидные коляски, неясно вырисовывавшиеся в темноте.

Музыка на мгновение смолкла, и в тишине Эрика напрягла слух. Монотонный немелодичный ритм возобновился. Не теряя бдительности, она прокралась мимо распахнутой настежь двери ванной. С набережной в крошечное окошко над раковиной лился мглистый свет, помогая ее глазам привыкнуть к темноте.

В биение музыки врезались посторонние шумы: сопение и треск. В конце коридора Эрика осторожно приблизилась к двери с непрозрачным рифленным стеклом, вытащила свой мобильный телефон и, включив встроенный в него фонарик, свернула в гостиную.

И едва не вскрикнула. В середине комнаты стояла женщина. Невысокая, с призрачно бледной кожей и неровно подстриженными короткими жесткими черными волосами. Ее черные глаза мгновенно сузились до размера булавочной головки, когда Эрика навела на нее луч фонаря. Рядом с женщиной она увидела обмякшего в кресле Кита с безвольно раскинутыми руками. На голове у него был полиэтиленовый пакет, до того туго натянутый, что толстые линзы его очков буквально вдавились в глазницы.

– Вы кто?

– Меня зовут Симона. – Женщина шмыгнула носом, вытирая выкатившуюся из глаза слезу. – Я не хотела его убивать.

– Боже, – дрожащим голосом выдохнула Эрика. Она отвела луч фонаря от тела Кита и нацелила его прямо в лицо Симоны, пытаясь ослепить ее, чтобы выиграть время. Но Симона оказалась проворнее, и

Эрика вдруг оказалась прижатой спиной к стене с приставленным к горлу ножом.

– Давай сюда телефон, – спокойно сказала Симона до странного высоким голосом. Эрика ощущала прикосновение холодного металла, карябавшего кожу на шее. – Ты видела, на что я способна. Я не блефую.

Эрика медленно протянула руку, отдавая телефон. Ей стоило больших усилий, чтобы не закрыть глаза. Симона была мала ростом, но смотрела на нее с леденящей жестокостью. Свободной рукой она быстро выключила фонарь. Эрика услышала, как батарея с глухим стуком упала на пол. В темноте зрачки Симоны расширились, как у наркоманки. Она бросила телефон, Эрика услышала, как аппарат захрустел под ее ногой.

– Зачем ты явилась сюда, Эрика Фостер? Я собиралась сделать это и исчезнуть с лица земли. Больше вы обо мне никогда бы не слышали.

Эрика обвела взглядом комнату.

– Нет, нет, нет, в глаза мне смотри, – потребовала Симона. – Сейчас мы пройдем туда, – добавила она, кивком показывая на обмякшего в кресле неподвижного Кита. Симона чуть ослабила хватку, но нож по-прежнему держала у горла Эрики. Они пошли, вихляя из стороны в стороны, словно исполняли некий причудливый танец. Наконец Эрика поравнялась с инвалидным креслом.

– Так, теперь я отступлю на шаг, но не вздумай выкинуть что-нибудь – порежу. Полосну по глазам и по горлу. Это ясно?

– Да, – выдавила из себя Эрика. Покрываясь испариной, она ощутила смердящий дух, исходивший от Кита – запах пота, к которому примешивалась вонь испражнений. Симона отошла к дверному проему и включила свет. Стало светло как днем. Вернувшись к Эрике, она нацелила острие ножа на Эрику и приказала:

– Снимай пакет с его головы.

– Что?

– Что слышала. Снимай. – Она двинулась на Эрику с ножом, от лезвия которого отражался свет.

– Хорошо, хорошо, – произнесла Эрика, поднимая руки. Медленно она стянула пакет с головы Кита. Шея у него была все еще

мокрая от пота, и на мгновение ей подумалось, что он жив. Однако лицо его уже распухло и посинело.

– Живей давай, – сказала Симона. Эрика принялась развязывать шнурок. Распутывая его, она паниковала, потому что узел, казалось, затягивается еще туже. Наконец, ей удалось расслабить его и растянуть шнурок. Голова Кита дернулась вверх, и Эрика стала осторожно снимать с его головы пакет, издавший чмокающий звук. Вместе с пакетом она прихватила и его очки, которые соскользнули вверх с его носа, затем пробороzdили его лоб. Голова Кита откинулась на спинку кресла. Симона внезапно подскочила к Эрике, и она отпрянула, отведя в сторону руку с пакетом, который она успела сдернуть с Кита.

– Возьми очки, надень на него, – велела Симона. Эрика повиновалась, бережно надев очки на нос Кита и дужки заправив ему за уши.

– За что вы его убили? – спросила Эрика.

– Он должен был умереть. Он ведь меня вычислил. И вам сообщил.

– Он ничего не сообщал. Я сама вас вычислила.

– Он захотел встретиться. А прежде никогда не настаивал на встрече. Я пыталась его выманить, но он упорно отказывался. Вот я и подумала, что ты, видимо, сообразила, как выйти на меня. Паранойя меня не подвела... А отношения между людьми не должна омрачать паранойя, – закончила она, посмотрев на Кита.

– Он вас любил, – сказала Эрика, переводя взгляд с тела Кита на Симону.

– Ага, это как раз то, что мне нужно, любовь мужчины. – Симона скривила рот в саркастической усмешке.

– Что плохого в том, чтобы быть любимой? – спросила Эрика, судорожно соображая. Она пыталась определить, каков будет следующий шаг убийцы, и до тех пор стремилась ее разговорить.

– От тех, кто должен любить тебя, ответной любви сроду не дождешься! – фыркнула Симона. – От матерей. От мужей. От тех, кому доверяешь. Они не оправдывают твоих надежд! И стоит кому-то одному обмануть тебя, начинается цепная реакция по принципу домино... Ты становишься уязвимой, тебя используют, давят на слабые места.

– Мне очень жаль, – произнесла Эрика, видя, что Симона распаляется все сильнее.

– Да ни черта тебе не жаль. Но ты, должно быть, меня понимаешь, да? Вспомни, как изменилось к тебе отношение окружающих после смерти мужа. Они увидели твою слабость. Одни от тебя отвернулись, другие стали использовать в своих интересах.

– Симона... я понимаю.

– Серьезно?

– Да.

– Ну... тогда ты понимаешь и то, почему я на это решилась. Почему убила врача, который не поверил мне, когда меня терзали боль и ужас; писателя, который своим извращенным умом изобретал новые оригинальные способы истязаний, вдохновлявшие моего мучителя; журналиста, из-за которого меня отняли у матери, когда мне было девять лет...

– Джека Харта?

– Джека Харта. Несмотря на свою говорящую фамилию[\[59\]](#), сердца у него нет! Его я убивала с особым удовольствием. Он строил свою карьеру на несчастьях других, зарабатывал деньги на чужих слезах и горе. Он считал себя героем, написав о моей матери... о моем тяжелом детстве... Но я умела выживать рядом с ней, потому что в глубине души она меня любила, *любила*... И когда жизнь становилась по-настоящему невыносимой, я цеплялась за ту любовь... Больше я ее никогда не видела, меня поместили в детский приют! А знаешь, что бывает с детьми, когда они попадают в такие учреждения?

– Могу себе представить, – ответила Эрика, вновь отпрянув, поскольку Симона истерично рассекла воздух острием ножа.

– НЕТ, не можешь!

Эрика прижала ладони к лицу.

– Простите, и вправду не могу. Прошу вас, Симона. Все кончено, позвольте помочь вам.

– По-твоему, *мне* нужна помощь, да? Я вполне здоровый нормальный человек! Просто перестала жрать все то дерьмо, что мне швыряли! Я же не родилась такой! Я была чиста и невинна, но меня той невинности безжалостно лишили!

– Успокойтесь. – Эрика выставила вперед ладони, пытаясь защититься от ножа Симоны, которым та размахивала почти перед

самым ее носом.

– Ну же, будь честной, Эрика. Разве ты отказалась бы от возможности уничтожить всех тех мужчин, которые стали архитекторами твоего будущего? Мужчин, которые испортили тебе жизнь? Джерома Гудмэна, например? Наркоторговца, который убил твоего мужа и твоих друзей? Посмотри мне в глаза и скажи, что ты не поступила бы так же, как я. Взяла бы дело в свои руки и отомстила!

Эрика судорожно вздохнула. Она почувствовала, как пот, стекая со лба, разъедает глаза.

– Скажи! Скажи, что ты поступила бы так же!

– Да, я поступила бы так же. – Эрика сознавала, что говорит это в угоду Симоне, чтобы остаться в живых, но сознавала и то, что отчасти понимает Симону, и это потрясло ее до глубины души. Она заскользила взглядом по комнате, пытаясь придумать, как ей вырваться.

– Не отводи глаза! – заорала Симона.

– Простите, – извинилась Эрика, изо всех стараясь не утратить способность мыслить здраво. Она понимала, что находится на волосок от смерти. – Симона, я знаю, что он обварил вас кипятком. Ваш муж. И я пытаюсь понять вашу боль, ваш гнев. Помогите мне понять больше. Покажите, что он сделал с вами.

Симона задрожала, по щекам ее потекли слезы.

– Он изувечил меня. Изувечил мое тело. – Она схватила нижний край футболки и задрала ее. Эрика охнула, увидев ядреный закручивавшийся шрам во весь живот и грудную клетку Симоны. То место, где некогда был пупок, стягивала лоснящаяся кожа.

– Я так вам сочувствую, Симона, – произнесла Эрика. – Я вас так понимаю. Смотрите... Смотрите: вы такая храбрая, мужественная женщина.

– Да, я храбрая... – всхлипывала Симона.

– Да, вы храбрая. И вы с гордостью показываете свои шрамы, – сказала Эрика.

Симона выше задрала футболку, и в ту же секунду, как ткань поднялась к ее лицу, Эрика отклонилась назад и ногой ударила Симону в обезображенный живот. Симона согнулась, вскрикнув от боли. Эрика метнулась к выходу, но Симона быстро оправилась и вцепилась в нее. Они врезались в дверь с непрозрачным стеклом. Эрика брыкалась,

отбивалась. Ей удалось оторваться от Симоны и пробежать до середины коридора, где та снова ее нагнала.

– Ах ты дрянь! – заорала Симона, бросаясь на Эрику. Они упали на бетонный пол в дверях ванной. Эрика перевернулась на спину, и Симона, нависнув над ней, ударила ее кулаком в лицо. Потом еще раз. Из глаз Эрики посыпались искры, она начала терять сознание.

– Лживая тварь, – прошипела Симона. Эрика почувствовала, как ее поволокли по холодному полу ванной и потом подтянули вверх, усадив спиной к холодному фаянсу унитаза. Она увидела над собой маленькое личико Симоны с заостренными чертами лица, а в следующее мгновение глаза затмила пелена: у нее на голове оказался полиэтиленовый пакет. Тот самый пакет, с помощью которого Симона убила Кита.

Эрика слышала, как полиэтилен затрещал от ее дыхания, в ушах у нее зашумела кровь, и затем почувствовала, как на шее у нее затягивается шнурок. Симона сидела на крышке унитаза и, обеими ногами зажимая Эрику, так что та не могла пошевелить руками и подняться с пола, продолжала затягивать шнурок. Эрика давилась, разевала рот, а пакет вокруг ее головы раздувался.

– Ты сдохнешь здесь, а я уйду. И ты останешься тут гнить одна-одинешенька, – шипела Симона, крепко держа Эрику.

Эрика беспомощно била руками по полу. Ладонью она задела стену за унитазом. А потом коснулась полосы толстой ткани, колыхавшейся над плинтусом. Та крепилась к длинному откидывающемуся поручню. Эрика скреблась пальцами о ткань и наконец сумела ее ухватить. В глазах быстро темнело. Почувствовав прилив адреналина, она рванулась вперед, стащив Симону с унитаза, и одновременно дернула вниз за полоску ткани. Огромный поручень резко опустился, ударив Симону по голове.

Выпустив Эрику, Симона рухнула на пол. Эрика схватилась за шнурок на шее, растянула его и, исступленно царапая по полиэтилену, наконец сумела стянуть пакет с головы. Глотая столь желанный свежий воздух, она дернула за красный шнур у унитаза, и раздался сигнал тревоги.

Симона, лежавшая ничком на полу ванной, зашевелилась и застонала. Эрика еще раз дернула за красный шнур, и он оторвался.

Она села на ноги Симоны, прижала ее руки за спиной и стала связывать их красным шнуром.

– Симона, вы арестованы, – с трудом произнесла Эрика, тяжело дыша, – за убийство Грегори Манро, Джека Харта, Стивена Линли и Кита Харди... А также за попытку убийства полицейского. Вы имеете право хранить молчание, но вы можете повредить доводам защиты в вашу пользу, если во время допроса утаите факты, которые впоследствии могут быть использованы вами в суде. Все ваши показания могут быть представлены в суде в качестве доказательств.

Эрика откинулась назад, по-прежнему сидя на ногах Симоны и крепко держа ее связанные руки. Лицо ее все еще горело от ударов Симоны. Дыхание постепенно выравнивалось. Вдали послышался вой сирен полицейских машин.

Глава 84

Ранним утром моросил дождь, небо было серое. Мосс, Питерсон и Эрика стояли у стеклянных дверей, выходящих во внутренний дворик, и пили кофе с круассанами.

Вокруг на полу валялись газеты.

– Вот вам настоящее британское лето: торчим в помещении, смотрим на дождь и делаем вид, что нам весело, – сказала Мосс. Впервые с момента ареста Симоны, задержанной четыре дня назад, они с Питерсоном встретились с Эрикой. – Насчет «весело» я пошутила, – добавила она.

– Спасибо за угощение, – поблагодарила Эрика, поднимая стакан с кофе.

– Слава богу, вы целы и невредимы. – Питерсон чокнулся с ней.

– Разве что побили немного. Но бывало и хуже, – сказала Эрика.

– Да, фингал у вас славный, – заметила Мосс, взглянув на большой лиловый синяк, украшавший глаз и щеку Эрики.

– Никогда еще я не испытывала столь двойственных, противоречивых чувств в отношении убийцы, – призналась Эрика. – Когда ее понесли на носилках, она стала звать меня... Ее глаза наполнились страхом. Она умоляла, чтобы я села с ней в «скорую» и держала ее за руку. И я чуть не согласилась. Безумие...

Они потягивали кофе.

– И хорошо, что не сели, босс, – сказала Мосс. – Помните, что случилось в конце «Молчания ягнят»? С теми, кто сел в «скорую» вместе с Ганнибалом Лектером?

Питерсон многозначительно посмотрел на нее.

– Что? Я просто пытаюсь поднять нам всем настроение, – объяснила Мосс.

Эрика улыбнулась.

– Теперь все словно на спор придумывают прозвища для Симоны Мэтьюз, – сказал Питерсон, хватая с полу одну из газет. – «Ангел Смерти»... «Ночной Охотник»... «Сова».

– Да какой же она ангел, – фыркнула Мосс, глотнув кофе.

– *The Sun* поместила ее фото в халате медсестры. – Питерсон показал фотографию, на которой Симона позировала с группой

медсестер в кухне для персонала. Медсестры в первом ряду держали огромный чек на триста фунтов – деньги, собранные по призыву телепрограммы «Дети в нужде» [60]. Симона с широкой улыбкой на лице стояла слева, держась за чек. – Руководители национальной системы здравоохранения в панике, подозревают, что она и пациентов убивала. Опасаются судебных исков.

– Пациентов – это вряд ли, – возразила Эрика. – Она преследовала тех, кто, по ее мнению, заслуживал смерти. – Эрика взяла *Daily Express* и пробежала глазами публикацию, которая ее особенно взволновала. В ней приводилась статья Джека Харта о матери Симоны и излагались подробности преступлений, совершенных самой Симоной.

Симона выросла в Кэтфорде, жила с матерью в обшарпанной квартире на верхнем этаже. Ее мать, тоже Симона, была проституткой и наркоманкой. Обеспокоенные соседи несколько раз звонили в полицию. Те наконец приехали, вскрыли квартиру и увидели, что мать Симоны привязала дочь к радиатору в ванной. Вместе с сотрудниками полиции на место происшествия прибыл Джек Харт. На снимке, который потряс Эрику, была запечатлена маленькая, осунувшаяся, босая девочка, одетая в нечто, напоминавшее грязную наволочку. Одна ее тонкая ручонка была привязана к засаленной пожелтевшей батарее. Огромные глаза растерянно смотрят в объектив.

– У нее не было шансов, да? А она просто хотела быть любимой... И любить.

– Ой, босс, не надо, а то расплачусь. – Мосс взяла Эрику за руку. Питерсон полез в карман, достал из него пачку салфеток, протянул Эрике.

– У вас всегда с собой салфетки, – заметила Эрика, вытирая глаза.

– Он специально их носит, чтобы был повод подкатить к слезливым женщинам, – рассудила Мосс.

Питерсон широко улыбнулся, закатив глаза.

– Но вообще-то, – произнесла Эрика, вновь обретая хладнокровие, – не так уж все и плохо. Вы взяли Гэри Уилмслоу...

– Я его не брал. В это время я находился в аппаратной, – возразил Питерсон. – Вооруженная полиция ворвалась в их логово в Бектоне и арестовала Уилмслоу вместе с шестью его сообщниками, которые готовили к отправке жесткие диски с фото и видео, а также двенадцать тысяч DVD-дисков детского порно четвертого уровня.

– Думаешь, удастся их посадить? – спросила Мосс.
– Надеюсь, – отвечал Питерсон.
– А как поживает Пенни Манро? – спросила Эрика.
– Ей наверняка тяжело. Сначала муж и все это, потом братец, – сказал Питерсон.
– А маленький Питер? Как это отразится на его будущем? – размышляла Эрика. Они снова посмотрели на фотографии юной и взрослой Симоны.
Мосс глянула на часы.
– Вообще-то нам пора. А то опоздаем на совещание, – улыбнулась она.
– Марш не намекнул, зачем нас всех собирают?
– Нет. Наверно, объявит окончательные результаты по делу Симоны Мэтьюз, – предположила Эрика.
– Сдается мне, там будет еще кое-что, – сказал Питерсон. – Думаю, вас ждет похвала от могущественных и великих!

* * *

Когда они прибыли в отделение полиции Луишем-Роу, их пригласили в оперативный отдел. Там было полно народу. Только Эрика, Мосс и Питерсон успели поздороваться кое с кем из коллег и найти местечко в задней части комнаты, появились Спаркс и Марш. Последним вошел помощник комиссара Оукли в сопровождении трех сотрудников полиции, которые несли бутылки с безалкогольными напитками и пластиковые стаканчики.

– ПРОШУ внимания! – крикнул Оукли. Внешне безукоризненный, в отутюженной форме, с аккуратно уложенными волосами, он стоял перед собравшимися, держа у груди форменную фуражку. Демонстрационные доски у него за спиной были пусты. Комната затихла. – Для столичной полиции эта неделя выдалась крайне напряженной. Вчера утром сотрудники полиции, задействованные в операции «Хемслоу», обезвредили одну из крупнейших в Великобритании сетей распространителей детской порнографии. Были изъяты более шестидесяти семи тысяч фотографий и двенадцать тысяч DVD-дисков, на которых запечатлены дети, подвергающиеся сексуальному насилию. Также были арестованы Гэри Уилмслоу и шестеро его сообщников, за которыми полиция следила более года.

Раздались радостные восклицания и аплодисменты. Мосс, улыбаясь, хлопнула Питерсона по спине.

– Но это еще не все! – сказал Оукли. – Благодаря стараниям команды старшего инспектора Спаркса, работавшей в тесном взаимодействии с подразделением старшего суперинтенданта Марша, мы поймали Ночного Охотника! Это Симона Мэтьюз, она арестована за убийство Грегори Манро, Джека Харта, Стивена Линли и Кита Харди.

Снова раздались аплодисменты. Эрика перехватила взгляд Марша. Он наклонился к Оукли, что-то сказал ему, и тот добавил:

– И конечно, мы очень признательны старшему инспектору Эрике Фостер, которая оказалась в нужном месте в нужное время – точнее, там, где ей не положено было находиться! Мы надеемся, что вы окончательно поправитесь. – Он бросил мутный взгляд в ее сторону. Присутствовавшие на собрании начали оборачиваться к Эрике, но Оукли уже продолжал:

– И наконец, я рад сообщить, что в свете этих блестящих успехов несколько наших сотрудников получают повышение по службе. В-первых, я хочу представить вам нашего нового командера. Командер Пол Марш!

Взрыв аплодисментов. Марш, изображая смущение, пробормотал слова благодарности.

Оукли снова выступил вперед.

– Я также с радостью сообщаю о повышении по службе еще одного нашего сотрудника. Принимая во внимание его многочисленные успехи – при расследовании данного дела и других преступлений – старший инспектор Спаркс назначен суперинтендантом.

Оукли захлопал первым, подавая пример остальным. Спаркс, с сияющей улыбкой на лице, выступил вперед и в шуточной манере отвесил низкий поклон. Кто-то сунул в руку Эрике пластиковый стакан. Она посмотрела на Мосс и Питерсона. В их лицах читалось смятение.

– Предлагаю тост. За успехи, – провозгласил Оукли.

– За успехи, – повторили все в комнате, поднимая пластиковые стаканы.

– А теперь, пожалуйста, ешьте, пейте, веселитесь! – крикнул Оукли.

Народ засвистел, захлопал в ладоши, но Эрика не присоединилась ко всеобщему ликованию. Охваченная яростью, она протолкнулась сквозь толпу к Маршу и сердито обратилась к нему:

– Сэр, можно вас на пару слов?

– Эрика, а попозже нельзя? – спросил Марш.

– Нельзя, – громко ответила она. Оукли и Спаркс отвлеклись от разговора и посмотрели на нее. Спаркс поднял стакан, приветствуя ее с глумливой усмешкой.

* * *

Марш последовал за Эрикой из оперативного отдела, они зашли в соседний кабинет, где никого не было.

– Это что за фигня?

– Вы о чем?

– Ведь это я выследила Симону Мэтьюз. Я сама выполнила всю работу по этому делу. А старшего инспектора Спаркса – ох, простите, *суперинтенданта* Спаркса, – позвольте вам напомнить, не так давно отстранили от расследования тяжкого убийства причем за некомпетентность! Дело раскрыла я!

– Я не имею возможности влиять на решения Оукли.

– Но вы же знали, что готовится повышение по службе, так? И вы специально отстранили меня от расследования дела. Отослали с глаз долой, водили за нос, сделали так, что всю грязную работу пришлось выполнять мне!

Тут Марш не выдержал.

– Эрика, знаешь, какое раздражение вызывает твой стиль работы?

– Не надо называть меня Эрикой, мы с вами не друзья-приятели, я – сотрудник полиции...

– И вы были отличным сотрудником полиции, Эрика, просто великолепным когда-то. Но вы по-прежнему позволяете себе действовать в нарушение приказов, правил... Да вы...

– Что я?

Марш молча посмотрел на нее.

– Вы считаете, что у вас потрясающее чутье. А это просто везенье и дурь. Вы действуете по собственной инициативе, никто вам не указ. В полиции вы так долго не протянете. И поэтому вы по-прежнему

старший инспектор Фостер. В свете последних событий – неподчинения, отказа уйти в отпуск, несмотря на мое прямое распоряжение, – я не мог рекомендовать вас на повышение.

Эрика посмотрела на него долгим, тяжелым взглядом.

– Под началом суперинтенданта Спаркса работать я не стану. Завтра утром мой рапорт о переводе в другое отделение будет у вас на столе.

– Постойте... как о переводе? Эрика! – воскликнул Марш, но она развернулась, вышла из кабинета и по коридорам направилась к выходу из отделения полиции Луишем-Роу.

Эпилог

На улице было тепло и солнечно. Эрика вышла из машины, сняла солнцезащитные очки и посмотрела на калитку в огромных воротах тюрьмы Белмарш, размещавшейся в здании викторианской эпохи.

Она оперлась на крышу автомобиля и посмотрела на часы: 11.12. Он задерживался.

Через минуту калитка со скрипом открылась. Из нее вышел Айзек и осмотрелся, привыкая к новой обстановке: безоблачное синее небо, тишина, Эрика.

В одной руке он держал бумажный пакет, через другую руку был перекинут пиджак. Айзек ступил из ворот на улицу и двинулся к Эрике. Они обнялись и долго не разнимали объятий, молча, без слов.

– Все обвинения сняли, – сообщила Эрика, с улыбкой глядя на него. – Я же говорила.

– Да нет, не говорила, – хмуро ответил он. – А что так долго?

– Это из-за экспертов-криминалистов. Знаешь ведь, как работают твои коллеги. Пока все проверят, перепроверят. Симона Мэтьюз во всем созналась, но им нужно было точно установить, что ДНК, обнаруженная на месте убийства Джека Харта, принадлежит ей. Мосс и Питерсон держали меня в курсе событий.

– Мне все кажется, сейчас кто-нибудь выйдет и скажет, что произошла ужасная ошибка и я... – Айзек закрыл ладонью лицо.

– Все кончено. Ты не виновен. И твоя лицензия на медицинскую практику по-прежнему действительна.

Айзек немного постоял, вдыхая свежий воздух, затем открыл дверцу и залез в машину. Эрика обошла автомобиль и уселась за руль.

– А почему ты сказала, что Мосс и Питерсон держали тебя в курсе событий? – спросил Айзек. – Ты же вроде раскрыла эти преступления?

– Раскрыла. Это долго рассказывать. Если коротко, я подала рапорт о переводе в другое отделение. А сейчас я в отпуске.

– Рапорт о переводе? Куда?

– Пока не знаю. Марш пытается меня отговорить. Поэтому я в отпуске... Впервые за несколько лет, – ответила Эрика. – Хочу немного притормозить, осмотреться. Попытаюсь понять, что такое жизнь нормального человека.

– Поделись, когда поймешь, – кисло промолвил Айзек.

Дальше они ехали молча. Айзек откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Вскоре он заметил, что они катят по главной улице района Шерли.

– Зачем мы здесь? – спросил он.

Эрика припарковала автомобиль на свободном месте неподалеку от дома Пенни Манро. В палисаднике они увидели бледную, осунувшуюся, Пенни; рядом Питер поливал из шланга клумбу. Он заткнул пальцем шланг и обдал себя и мать сильной струей воды, хохоча от радости и удовольствия.

– Чудесный мальчик, – промолвила Эрика. – Как думаешь, он сможет стать хорошим человеком?

– Вообще-то этого никто не знает, – ответил Айзек. – Но надо верить в то, что добро победит.

– Совсем еще малыш, а уже потерял отца, теперь и дядю, о котором лучше не вспоминать.

Айзек накрыл ее руку своей ладонью.

– Эрика, весь мир спасти невозможно.

– Но ведь нужно пытаться, – ответила она, смахивая слезу.

– Ты спасла меня, – отозвался Айзек. – И за это я буду тебе вечно благодарен.

Они несколько минут молча наблюдали, как Питер гоняется по палисаднику за Пенни, пытаясь облить ее из шланга. Наконец она расхохоталась, крепко обняла сына и стала осыпать его поцелуями.

– Какие у тебя планы? – поинтересовался Айзек.

– У сестры недавно ребенок родился. Так что у меня теперь еще одна племянница.

– Поздравляю. Это которая в Словакии?

– Да. Она назвала ее в честь меня и нашей мамы. Хочу съездить к ним.

– Всегда хотел побывать в Словакии, – заметил Айзек.

– Поехали со мной. Познакомишься с моей чокнутой сестрицей и ее мужем-бандитом. Погостим немного, пока не надоест, а потом махнем в Высокие Татры. Там есть горячие источники, напьемся в стельку и на время забудем обо всем.

– Просто райский вариант, – с усмешкой отозвался Айзек.

Эрика тронулась с места, и они покатили прочь, не думая ни о прошлом, ни о будущем. А просто наслаждаясь настоящим.

К читателю

В первую очередь огромное спасибо вам за то, что вы прочли мой роман «Ночной Охотник». Если он вам понравился, напишите отзыв, я буду очень благодарен. Пусть небольшой, всего несколько слов, он сыграет важную роль и будет способствовать тому, чтобы другие читатели тоже открыли для себя одну из моих книг.

В конце моего предыдущего романа об Эрике Фостер, «Девушка во льду», я написал, что хотел бы услышать ваши отклики. Спасибо всем за ваши прекрасные отзывы. Я рад был каждому письму, рад, что вам понравились мои персонажи, сюжет книги, благодарен за ваши советы о том, каким вы видите дальнейшее развитие этой серии романов. Особенно хочу отметить очень смешной отзыв одной дамы: она написала, что ей очень понравился роман, но не нравится, что Эрика курит и тушит окурки в чайной чашке! В новом романе я постарался сделать так, чтобы Эрика по возможности пользовалась пепельницей. Жду дальнейших отзывов и советов и заранее всех благодарю.

Вы можете связаться со мной, написав на мою страничку в *Facebook*, а также через интернет-портал *Goodreads* или на мой личный сайт *www.robertbryndza.com*. Я читаю все сообщения и непременно отвечу вам. Я намерен издать еще много книг и надеюсь, что вы составите мне компанию в этом путешествии!

Роберт Брындза

P.S. Если хотите, чтобы вам на электронную почту пришло уведомление о выходе в свет моей новой книги, подпишитесь на мою рассылку, воспользовавшись приведенной ниже электронной ссылкой. Конфиденциальность адреса вашей электронной почты гарантирована, и вы в любой момент можете аннулировать свою подписку.

www.bookouture.com/robert-bryndza

[@robertbryndza](https://twitter.com/robertbryndza)

 bryndzarobert
www.robertbryndza.com

От автора

Я благодарю Оливера Роудза и замечательную команду издательства *Bookouture*. Вы – потрясающие ребята, и я счастлив, что мне выпала возможность работать с вами. Моя особая благодарность Клэр Бонд. Работать с вами – истинное удовольствие. Вы выделяете самое лучшее в моих произведениях, заставляете меня работать со всей отдачей. А кроме того, что тоже немаловажно, вы всегда рекомендуете самые лучшие телевизионные передачи!

Спасибо Генри Стедману за великолепную обложку и Габриэль Чант – за аккуратную и тщательную редактуру рукописи. Благодарю Кэролайн Митчелл за ответы на вопросы о работе полиции, а также Ким Нэш за рекламу и популяризацию наших книг в издательстве *Bookouture*.

Особая благодарность Грэму Бартлетту, старшему суперинтенданту в отставке, ныне работающему в фирме *South Downs Leadership and Management Services Ltd.*, которая занимается оказанием услуг по организации руководства и управления. Он давал бесценные советы по работе полиции, что позволило мне описать события в книге как можно достовернее.

Я благодарю свою свекровь Вьерку. Она не смогла прочесть мои слова благодарности к первой книге, поэтому пишу специально для нее по-словацки: «*Mojej svokre Vierke, ktorá má talent vystihnúť tie najdôležitejšie chvíle. Keď ide písanie ťažko a pracujem do neskorých nočných hodín, zjaví sa pri dverách s úžasným domácim jedlom a láskou, čo ma vždy dokonale povzbudí*».

(Благодарю мою свекровь Вьерку за ее талант почувствовать самый важный момент: когда работа над книгой идет со скрипом, когда приходится сидеть до глубокой ночи, она всегда появляется у двери моей комнаты со вкусной горячей пищей, даря меня своей любовью, что неизменно меня воодушевляет).

Огромное спасибо моему Яну. Без его любви и поддержки я ничего не смог бы написать. Ты – лучший! Команда Брындза сильнее всех!

И наконец, я хочу выразить признательность всем своим чудесным читателям, читательским клубам и блогерам. Я всегда это

подчеркиваю, но это – истинная правда: отзывы живых людей – большое дело. Без вашей непростой работы, без вашей страсти, без обсуждения моих книг, в том числе и в блогах, у меня было бы гораздо меньше читателей.

Роберт Брындза Темные воды

Robert Bryndza
DARK WATER

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency and Synopsis
Literary Agency

© Robert Bryndza, 2017
© Новоселецкая И., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Посвящается
Марте*

*О господи, она
давно без жизни!
Всё кончено!
Как на поле мороз,
Смерть
пеленой лежит на
этом теле!*

*У. Шекспир.
«Ромео и
Джюльетта» [\[61\]](#).*

Пролог

Осень 1990 года

Однажды холодной ночью поздней осенью они сбросили труп в заброшенный карьер. Они знали, что место это уединенное и очень глубокое. Не знали они, что за ними наблюдают.

Они прибыли туда под покровом темноты в начале четвертого утра – отъехав от домов на окраине поселка, миновали пустынный участок с гравийным покрытием, где пешие туристы оставляли свой транспорт, и покатали по обширной пустоши. Машина, двигаясь с выключенными фарами, подпрыгивала и кренилась на ухабах. От пустоши тянулась тропинка, которую вскоре с обеих сторон обступил густой лес. В плотный вязкий мрак свет проникал лишь сверху, из-за макушек деревьев.

Не сказать, что они старались ехать скрытно: мотор ревел, подвеска скрипела от тряски. Наконец деревья расступились, показался наполненный водой карьер, и они, замедлив ход, остановились.

Не знали они, что рядом с карьером жил отшельником старик, самовольно поселившийся в старой заброшенной хижине, которую почти поглотил подлесок. Он был у хижины, смотрел на небо, любясь его красотой, когда машина, перевалившись через гребень, затормозила. Насторожившись, он зашел за кусты и стал наблюдать. Сюда часто ночами являлись местная детвора, наркоманы и парочки, искавшие острых ощущений, и ему удавалось пугать их, так чтобы они больше не возвращались.

Из-за облаков ненадолго выглянула луна. Два человека, выйдя из машины, вытащили из багажника что-то большое и со своим грузом направились к стоявшей у воды лодке. Один залез в нее, второй передал ему длинный сверток, который как-то странно изогнулся и плюхнулся на дно. Старик с ужасом догадался, что это труп.

Послышался тихий плеск от весел. Старик прижал ко рту ладонь. Он понимал, что ему лучше уйти, но словно прирос к земле. Лодка доплыла до середины карьера, и плеск прекратился. Ломтик луны,

снова показавшейся в просвете между облаками, озарил рябь на воде, расходившуюся от лодки.

Старик затаил дыхание. Двое в лодке что-то увлеченно обсуждали; над водой разносился тихий ритмичный гомон их голосов. Потом наступила тишина. Они встали в лодке во весь рост, та накренилась, и один из них едва не опрокинулся за борт. Приняв устойчивое положение, они взяли сверток и сбросили его в воду. Раздался всплеск, бряцанье цепей. Луна выплыла из-за облака, ярко осветив лодку и круги на воде, разбежавшиеся от того места, куда бултыхнулся сверток.

Теперь старик ясно видел тех двоих в лодке и их лица.

Он, доселе наблюдавший за происходящим не дыша, протяжно выдохнул. Руки у него дрожали. Неприятности ему были не нужны; всю жизнь он старался их избегать, но они, казалось, всегда его находили. Холодный ветерок всколыхнул сухую листву у его ног. Он почувствовал, как в носу резко защекотало и, не сдержавшись, чихнул. Его чих эхом огласил карьер. Двое в лодке вскинули головы, стали озираться по сторонам, взглядами прочесывая берега. А потом заметили его. Он повернулся, бросился бежать, но споткнулся о корень дерева и со всего размаху грохнулся на землю, так что из груди чуть весь дух не вышибло.

Под водой заброшенного карьера было тихо, холодно и очень темно. Отягощенное грузом тело быстро тонуло, погружаясь все глубже и глубже, пока наконец не ударилось о дно и не осело в рыхлом стылом иле.

Никем не тревожимое, оно пролежит там много лет – почти в полном покое. Но над ним, на суше, кошмар только начинался.

Глава 1

28 октября 2016 года, пятница

Старший инспектор Эрика Фостер обняла себя, пытаясь согреться на ледяном ветру. На ней был громоздкий спасательный жилет, и она жалела, что не оделась теплее. Небольшое надувное судно речной службы Столичной полиции вспенивало воды Хейзского карьера, таща за собой компактный эхолот, который сканировал дно глубокого водоема. Зброшенный карьер находился в самом центре природного парка Хейз, состоявшего из лесов и вересковых пустошей, что раскинулись на участке площадью 225 акров близ поселка Хейз на южной окраине Лондона.

– Глубина воды – двадцать три и семь десятых метра, – доложила сержант Лорна Крозье, возглавлявшая команду водолазов. Она сидела в носовой части судна, сгорбившись над монитором, на котором высвечивались результаты сканирования – чернильно-фиолетовые разводы, расплывающиеся на экране, как синяк.

– Значит, трудно будет поднять то, что мы ищем? – спросила Эрика, обратив внимание на ее тон.

Лорна кивнула.

– Все, что лежит глубже тридцати метров, доставать трудно. Мои водолазы не могут долго оставаться под водой. Глубина стандартного пруда или канала – обычно метра два. Глубина Темзы даже во время прилива составляет от десяти до двадцати метров.

– Да там внизу может быть что угодно, – заметил констебль Джон Макгорри, съездившись на небольшом пластиковом сиденье подле Эрики. Она проследила за взглядом своего молодого коллеги, всматривавшегося в покрытую рябью поверхность воды. Вглубь было видно всего на пару футов; дальше – колышущаяся чернота.

– Вы пытаетесь усесться мне на колени? – вспылила Эрика, когда он перегнулся через нее, чтобы заглянуть за борт.

– Простите, босс. – Улыбнувшись, Макгорри отодвинулся от нее. – Я смотрел одну передачу по каналу «Дискавери». Вам известно, что закартировано всего пять процентов дна Мирового океана? А Мировой океан, между прочим, занимает семьдесят процентов земной

поверхности. Значит, шестьдесят пять процентов Земли, не считая суши, *не исследованы...*

На удалении двадцати метров, у кромки воды, покачивались на ветру пожухлые камыши. На поросшем травой берегу стоял большой фургон службы технической поддержки, рядом несколько человек готовили водолазное снаряжение. Только их оранжевые спасательные жилеты и расцветивали унылый осенний день. За ними простирался серо-бурый ковер из утесника и вереска, и вдалеке маячили купы голых деревьев. Лодка достигла конца карьера и замедлила ход.

– Разворачиваемся, – предупредил констебль Баркер, молодой сотрудник полиции, сидевший у рулевого управления подвесного мотора. Он резко повернул, и они поплыли назад, уже по шестому разу объезжая карьер.

– Как по-вашему, здесь какая-нибудь рыба или угри могли бы вырасти до суперкрупных размеров? – обратился Джон к Лорне; его глаза все еще горели энтузиазмом.

– Во время погружения я видела довольно крупных речных раков. Хотя карьер этот с другими водоемами не сообщается, поэтому все, что в нем есть, попало в него сверху, – ответила Лорна, одним глазом следя за монитором.

– Я вырос здесь неподалеку, в Сент-Мэри-Крей. Рядом с нами был зоомагазин, где продавали – представляете? – маленьких крокодилчиков... – Джон осекся, увидев, что Эрика недовольно вскинула брови.

Он никогда не унывал и был болтлив; это она с трудом, но могла пережить. А вот если придется дежурить с ним в утреннюю смену – это кошмар.

– Мы ищем не крокодила, Джон, а десять килограммов героина, упакованного в водонепроницаемый контейнер.

– Простите, босс, – кивнул Джон, посмотрев на нее.

Эрика глянула на часы: почти три тридцать.

– Сколько стоит на черном рынке десять кило? – полюбопытствовал констебль Баркер со своего места у руля.

– Четыре миллиона фунтов стерлингов, – ответила Эрика, вновь обратив взор на меняющееся изображение на дисплее сонара.

Он присвистнул.

– Надо полагать, контейнер сбросили сюда намеренно?

Эрика кивнула.

– Джейсон Тайлер, тот тип, что сидит у нас под стражей, ждал, пока шум уляжется, чтобы потом вернуться за ним...

Она не добавила, что срок задержания подозреваемого истекает в полночь.

– Он и впрямь рассчитывал, что сумеет забрать свой груз? – хмыкнула Лорна. – Мы – команда опытных водолазов – выловим его контейнер непременно, как бы туго ни пришлось.

– Когда речь идет о четырех миллионах? Да, думаю, он собирался вернуться за ним, – ответила Эрика. – Мы надеемся обнаружить его отпечатки на целлофановой упаковке внутри контейнера.

– Как вы узнали, что он скинул его здесь? – спросил констебль Баркер.

– От жены, – ответил Джон.

Баркер бросил на него многозначительный взгляд, который мог бы понять только мужчина, и присвистнул.

– Стоп. Кажется, что-то есть. Глуши мотор, – велела Лорна, склоняясь к крошечному экрану.

В фиолетовых завихрениях на дисплее проступили черные очертания какого-то небольшого предмета. Баркер заглушил подвесной мотор, и наступила звенящая тишина, в которую врезался свистящий шум воды, рассекаемой замедлившим ход судном. Он встал и подошел к Лорне.

– Мы сканируем участок площадью четыре метра с каждой стороны от лодки, – сказала она, маленькой рукой проведя по черному пятну на экране.

– По размеру подходит, – согласился Баркер.

– Думаете, это контейнер? – спросила Эрика, чувствуя, как в груди всколыхнулась надежда.

– Возможно, – ответила Лорна. – А может, и старый холодильник. Пока не спустимся туда, точно не узнаем.

– Вы сегодня будете погружаться? – осведомилась Эрика, стараясь сохранять позитивный настрой.

– Сегодня я работаю на суше. Вчера ныряла, а нам полагается делать перерыв, – объяснила Лорна.

– А где вы работали вчера? – поинтересовался Джон.

– В Ротерхите. Доставали самоубийцу из озера на территории заповедника.

– Не слабо. Наверно, вообще страсть, когда ищешь под водой труп?

Лорна кивнула.

– И я его нашла. На глубине десяти футов. Работала в условиях нулевой видимости, и вдруг мои руки обхватили лодыжки. Я стала ощупывать находку – оказалось, что это ноги. Он стоял на дне.

– Ни фиги себе. Стоял, под водой? – изумился Джон.

– Так бывает. Это как-то связано с уровнем газов в теле в сочетании с определенной степенью разложения.

– Должно быть, это потрясающе. Я служу в полиции несколько лет. С водолазами работаю впервые, – признался Джон.

– Мы находим тонны всякой жути. Самый ужас, когда поднимаешь из воды мешок со щенятами, – добавил констебль Баркер.

– Вот нелюди. Я в полиции уже четверть века и каждый божий день узнаю что-то новое о зверствах людей. – Эрика заметила, как все, кто был в лодке, посмотрели на нее. Она видела, что мысленно они пытаются прикинуть, сколько ей может быть лет. – Так что с этой аномалией? Когда вы за ней полезете? – спросила она, переключая их внимание на дисплей сонара.

– Думаю, сейчас пометим место буйком и еще раз пройдемся по нему. – Лорна передвинулась к борту и приготовила небольшой оранжевый маркерный буй на шнуре с грузилом. Она бросила грузило за борт, и оно быстро исчезло в глубине темных вод, разматывая тонкую веревку. Буй закачался на воде, а констебль Баркер завел подвесной мотор, и судно снова заскользило по воде.

* * *

Через час с небольшим, идентифицировав три возможные аномалии, они закончили объезжать карьер. Эрика с Джоном вышли на берег погреться. День на исходе октября угасал. Притулившись у фургона с пластиковыми стаканами чая, они наблюдали за работой водолазов.

Лорна стояла на берегу, держа один конец утяжеленной веревки, называемой леерным шнуром, который уходил в воду, шел по дну и поднимался на поверхность в двадцати футах от берега. Судном, стоявшим на якоре у первого маркерного буйка, управлял констебль Баркер. Он держал второй конец туго натянутого леерного шнура. Миновало десять минут с тех пор, как два водолаза ушли под воду. Они начали поиски от противоположных концов шнура и, обследуя дно карьера, шли навстречу друг другу, намереваясь встретиться на середине. Рядом с Лорной сидел на корточках, склонившись над приемником размером с кожаный чемоданчик, еще один член водолазной команды. До Эрики доносились голоса водолазов, переговаривающихся по рациям, вмонтированным в их подводные маски.

– Видимость нулевая, пока ничего... Должно быть, мы близки к середине... – звучал из рации металлический голос.

Эрика нервно затянулась электронной сигаретой, на кончике которой краснел светодиодный огонек, и выдохнула белый пар.

В отделение полиции Бромли ее перевели три месяца назад, и она все еще пыталась освоиться на новом месте, притиралась к своей новой команде. Всего несколько миль от ее прежнего места службы в Луишеме в южной части Лондона, но какая ж огромная разница между столичными предместьями и окраиной графства Кент, где пахло провинцией. Хотя она уже начинала к этому привыкать.

Эрика взглянула на Джона. Тот, стоя шагах в двадцати от нее, беседовал по телефону и при этом лыбился во весь рот. Джон при всяком удобном случае звонил своей подружке. Мгновением позже он закончил разговор и, вернувшись к ней, спросил:

– Водолазы все еще ищут?

Эрика кивнула.

– Отсутствие новостей – хорошие новости... Но если я правильно понимаю, этот гаденыш...

Гаденышем, о котором шла речь, был Джейсон Тайлер – наркодилер мелкого пошиба, который стремительно выбился в авторитеты, стал контролировать сеть наркоторговцев, что опутала весь Южный Лондон до самых границ Кента.

– Натягивай трос, я провисаю... – раздался из рации голос одного из водолазов.

– Босс? – смущенно обратился к ней Джон.

– Да?

– Я сейчас с девушкой своей говорил, с Моникой, по телефону...

Она... мы хотели пригласить вас на ужин.

Эрика посмотрела на него, краем глаза по-прежнему наблюдая за Лорной. Та, упершись ногами в берег, немного смотала шнур.

– Что? – отозвалась Эрика.

– Я много рассказывал о вас Монике... Только хорошее, разумеется. Я столькому научился с тех пор, как вы здесь. Благодаря вам работать стало гораздо интереснее. И мне хочется работать лучше... В общем, она хотела бы угостить вас лазаньей. У нее это блюдо очень вкусно получается. И я это говорю не только потому, что она моя девушка. Правда вкусно... – Его голос постепенно стих.

Эрика смотрела на двадцатифутовый промежуток между Лорной на берегу и судном на воде. Быстро смеркалось. Она подумала, что водолазы вот-вот должны встретиться на середине, и если они встретились, значит, ничего не нашли.

– Так что скажете, босс?

– Джон, мы на пороге раскрытия серьезного преступления, – вскипела она.

– Но я же не говорю, что прямо сегодня. В какой-нибудь другой день? Моника будет рада с вами познакомиться. И если есть кто-то, кого бы вы хотели пригласить, это было бы здорово. Вы замужем?

Эрика повернулась к нему. Последние года два она только и слышала, как коллеги перемывают ей кости, и ее удивило, что Джон пребывает в неведении. Она собралась было ему ответить, но раздался крик одного из членов вспомогательной команды у кромки воды.

Они подскочили к Лорне и водолазу, что горбился над приемником, и услышали, как один из водолазов под водой говорит:

– В иле какой-то сверток... Один я не достану, мне нужна помощь... Сколько у меня времени? – К металлическому голосу, прорезавшему холодный воздух, примешивались какие-то помехи. Эрика сообразила, что это выходят пузырьки из трубки водолаза на глубине тридцать футов, которому отвечал сотрудник полиции из катера.

Лорна повернулась к Эрике.

– Кажется, нашли. Должно быть, то самое.

Глава 2

Сумерки сгущались, и температура у воды резко понизилась. Эрика и Джон вышагивали в дуге света, отбрасываемой фарами машин технических служб. Деревья за ними растворялись в темноте, которая, казалось, придавливала их.

На крутой стене карьера наконец-то появился один из водолазов. Гидрокостюм на нем лоснился, в руке он нес нечто похожее на большой чемодан из формованного пластика, весь измазанный в иле. Эрика и Джон вместе с остальными членами водолазной команды помогли ему выбраться на берег. У Джона была с собой маленькая цифровая видеокамера, и он стал снимать водолаза с контейнером, который положили на пленку, расстеленную на траве. Все отошли назад, Джон сделал несколько фотоснимков контейнера в том виде, в каком его подняли со дна.

– О'кей, босс, – произнес он. – Я снимаю.

Эрика уже натянула пару латексных перчаток и теперь держала в руке болторез. Опустившись на колени перед контейнером, она принялась его осматривать.

– С каждой стороны от ручки защелки, запертые на висячие замки, есть клапан выравнивания давления. – Она показала на покрытую грязью заглушку под ручкой и срезала оба замка болторезами. Джон снимал ее действия на видеокамеру. Команда водолазов, озаряемая лучом света, исходящим от цифровой видеокамеры, наблюдала за ней, стоя чуть поодаль.

Эрика осторожно повернула клапан, послышалось шипение. Она открыла обе защелки и подняла крышку контейнера. Луч видеокамеры запрыгал по рядам аккуратно уложенных пакетов с розовато-серым порошком.

У Эрики радостно екнуло в груди.

– Героин стоимостью четыре миллиона фунтов стерлингов по ценам наркоторговцев, – провозгласила она.

– Это ужасно, но я не могу отвести взгляд, – пробормотал Джон, склоняясь над контейнером, чтобы заснять его содержимое крупным планом.

– Всем спасибо, – сказала Эрика, повернувшись к застывшим в молчании водолазам, которые стояли полукругом. Их усталые лица озарили улыбки.

Послышался треск эфирных помех. Их по рации вызывал один из водолазов, все еще находившийся под водой. Лорна отошла к приемнику и стала беседовать с ним по рации.

Эрика осторожно опустила крышку контейнера.

– Так, Джон, звони диспетчеру. Это нужно безопасно транспортировать в отделение. И скажи суперинтенданту Йелю, пусть распорядится насчет дактилоскопистов, чтобы они сразу исследовали пакеты на пальчики, как только мы вернемся. Мы глаз не спустим с героя, пока его надежно не запрут, это ясно?

– Да, босс.

– И принеси из машины один из больших пакетов для вещественных доказательств.

Джон удалился, а Эрика выпрямилась, глядя сверху вниз на чемодан.

– Все, ты мой, Джейсон Тайлер, – пробормотала она. – Прищучила я тебя, теперь получишь по полной.

– Старший инспектор Фостер, – обратилась к ней Лорна, поговорив по рации. – Один из наших водолазов, обследуя дно, обнаружил кое-что еще.

* * *

Пятнадцать минут спустя Эрика убрала в пакет пластиковый контейнер с героином, а Джон снова включил цифровую видеокамеру, снимая второго водолаза, выходящего из воды. Тот нес на руках что-то темное и бесформенное, направляясь к чистой целлофановой пленке, что расстелили на траве. Грязный сверток обвивали тонкие ржавые цепи, к которым был подвешен груз – нечто похожее на гантели. В длину сверток не превышал пяти футов и складывался сам по себе. Целлофан был старый, хрупкий и как будто обесцветившийся.

– Это нашли в четырех футах от контейнера. Сверток частично утопал в грунте на дне карьера, – сообщила Лорна.

– Не тяжелый. Внутри что-то маленькое, ерзает, – добавил водолаз.

Он положил свою находку на пленку. Все затихли. В безмолвие вторгался только треск сучьев стоявших вдалеке деревьев, в которых гулял ветер.

Эрика похолодела от дурного предчувствия.

– Дайте мне болторез, – нарушила она тишину, шагнув вперед.

Зажав инструмент под мышкой, она вытащила новую пару латексных перчаток, затем подступила к свертку и принялась за работу, осторожно перекусывая ржавые цепи, тонкие, но многократного плетения. Целлофан, хрупкий и оттого негибкий, стал ломаться, когда она начала разматывать цепи и на траву из свертка полилась вода.

Эрика осознала, что, несмотря на холод, она покрывается испариной. Пленка была намотана в несколько слоев, и, разворачивая ее, она подумала, что в свертке лежит что-то небольшое. От него исходил только запах прудовой воды, застоялый и немного неприятный, что ее насторожило.

Добравшись до последнего слоя, Эрика увидела, что вся команда вокруг нее замерла. Она и сама затаила дыхание. Сделав глубокий вдох, Эрика отвернула последний слой хрупкого целлофана.

Луч видеокамеры осветил содержимое свертка. Это был небольшой скелет: грудa костей в слое дисперсного ила. От одежды осталось немного – несколько клочков коричневой ткани, прилипшей к грудной клетке; маленький тонкий ремешок с ржавой пряжкой, болтавшийся на позвоночнике, который все еще соединялся с почечной лоханкой. Череп отвалился, угнездившись во впадинах реберных дуг. На макушке еще виднелось несколько темных прядей волос.

– О боже, – выдохнула Лорна.

– Очень маленький... Похож на скелет ребенка, – тихо проронила Эрика.

Внезапно их накрыла темнота, потому что Джон вместе со своей видеокамерой метнулся на край берега, где рухнул на колени, и его стошнило в воду.

Глава 3

Эрика села за руль своего автомобиля. Шел сильный дождь, барабанивший по крыше; на ветровом стекле виднелись капли в свете синих огней патрульных машин и фургона водолазов.

Первым от карьера отъехал микроавтобус патологоанатома. Черный мешок с останками казался таким маленьким, когда его грузили в машину. Несмотря на долгие годы службы в полиции, Эрика была потрясена. Перед ее глазами всплывал крошечный череп с ключьями волос и пустыми глазницами. *Кому понадобилось сбрасывать в карьер труп ребенка? Какой-нибудь банде? Но ведь Хейз – зажиточный район, и уровень преступности здесь относительно низкий.* Эти вопросы не давали ей покоя.

Она провела ладонями по мокрым волосам и повернулась к Джону.

– Вы как, пришли в себя?

– Простите, босс. Сам не понимаю, почему... Я ведь немало трупов перевидел... А здесь даже крови не было.

– За это не переживайте, Джон.

Эрика завела мотор. От карьера отъехали автомобиль с контейнером и две машины сопровождения. Она тронулась с места и покатила следом. Они молча ехали; безрадостный свет многочисленных фар освещал густой лес, перекатывавшийся по обеим сторонам гравийной дороги. Эрику кольнуло острое сожаление: плохо, что она больше не работает в отделе по расследованию убийств в Луишем-Роу. Теперь она в отделе специальных расследований, боровшемся с организованной преступностью. Какой-то другой сотрудник полиции будет выяснять, как маленький скелет оказался под водой на глубине тридцати футов, в ледяном мраке.

– Контейнер мы нашли. Именно там, где сказала жена Джейсона Тайлера, – произнес Джон, стараясь придать уверенность своему тону.

– Нужно, чтоб совпали его отпечатки; без них у нас ничего нет, – охладила его пыл Эрика.

Они покинули территорию парка и покатили через Хейз. Ярко светились окна супермаркета, дешевого кафе и газетного киоска, где

висели в ряд дряблые резиновые маски для Хеллоуина – все с дырками вместо глаз и крючковатыми носами.

Да, контейнер с героином они нашли, но заставить себя радоваться и ликовать Эрика не могла. Все ее мысли занимал тот крошечный скелет. За время службы в полиции она несколько лет возглавляла отделы по борьбе с наркоторговлей. Их названия видоизменялись – Центральное подразделение по борьбе с наркотиками, отдел по борьбе с наркотиками и организованной преступностью, теперь вот отдел специальных расследований, – а война с наркоторговлей все продолжалась, и победить в ней не представлялось возможным. Стоило убрать одного поставщика, наготове уже был другой, жаждавший занять его место, и он заполнял образовавшуюся пустоту, действуя еще более ловко и хитро. В свое время Джейсон Тайлер заполнил пустоту, а вскоре кто-то еще займет его место. В общем, каждый раз начинай сначала...

А вот убийцы – другое дело. Их можно поймать и посадить за решетку.

Ехавшие впереди патрульные машины остановились на светофоре у железнодорожной станции Хейз. Сошедшие с электрички пассажиры, прячась от непогоды под зонтами, переходили дорогу.

Дождь колошматил по крыше автомобиля. Эрика на мгновение закрыла глаза и вспомнила маленький скелет, лежавший на берегу карьера. Сзади засигналила машина. Вздрогнув, она разжала веки.

– Зеленый, босс, – тихо сказал Джон.

Они медленно ползли вперед: на кольцевой транспортной развязке все еще был затор. Эрика смотрела на спешащих мимо людей, пытливо вглядываясь в их лица.

Кто это сделал? Кто совершил это преступление? – думала она. – *Я должна тебя найти. И найду. Найду и посажу в тюрьму на веки вечные...*

Катившая за ней машина дважды просигналила. Эрика увидела, что пробка рассосалась, и поехала по кольцу.

– Вы недавно спрашивали, замужем ли я, – произнесла она.

– Просто хотел узнать, может, вы хотите прийти на ужин не одна...

– Мой муж служил в полиции. Два с половиной года назад он погиб во время операции по захвату нарколаборатории.

– Черт. Я не знал. Иначе ничего такого не сказал бы... Простите.
– Ничего. Я думала, все уже знают.
– Я не любитель сплетен. Но вы все равно приходите к нам на ужин. Правда. Моника очень вкусно готовит лазанью.
– Спасибо, – улыбнулась Эрика. – Вот закончим это дело, тогда может быть.

Джон кивнул и спросил тихо:

– Тот скелет... это ведь скелет ребенка, да?

Эрика кивнула. На съезде с кольцевой развязки микроавтобус патологоанатома отделился от них и повернул направо. Они смотрели, как он удаляется, исчезая среди домов. Полицейские автомобили, что везли героин, свернули налево, и Эрика неохотно поехала следом за ними.

* * *

Отделение полиции Бромли размещалось в современном трехэтажном кирпичном здании в конце Бромли-Хай-стрит, напротив железнодорожной станции. Часы показывали начало восьмого, и пассажиры, сошедшие с электрички, торопливо шли под навесом на станции Бромли-Саут, подгоняемые проливным дождем и близостью выходных. Первые группы любителей пятничных вечерних гулянок двигались в обратном направлении. Девушки держали над головами расправленные короткие курточки, стараясь не замочить свои еще более короткие платья; парни, в рубашках и модных брюках, укрывались от дождя бесплатной газетой «Ивнинг Стандарт».

Эрика миновала железнодорожную станцию и, следуя за двумя патрульными машинами с включенными мигалками, что сопровождали автомобиль с контейнером, свернула на подъездную дорогу, которая вела к подземной парковке отделения полиции.

Первый этаж полицейского участка Бромли занимала патрульная служба. В коридоре толпились полицейские, заступавшие в ночную смену. Лица у всех были задумчиво-угрюмые: никого не радовала перспектива всю ночь разбираться с пьяными подростками. Эрику, Джона и шестерых полицейских, сопровождавших контейнер до центральной лестницы, что вела в Управление по расследованию

уголовных дел, встретил ее начальник, суперинтендант Йель. Вместе с ними он поднялся наверх. Лицо у него было красное, на голове – копна жестких рыжих волос, и он всегда выглядел так, будто его втиснули в форму, которая была на размер мала для его грузной фигуры.

– Отлично, Эрика, – похвалил Йель, с улыбкой кивая на пакет с контейнером. – Дактилоскописты уже ждут наверху.

– Сэр, помимо контейнера мы нашли... – начала Эрика.

– Да, бранные останки, – нахмурился Йель. – Об этом потом.

– Сэр. Скелет был завернут в целлофан. Это скелет ребенка...

– Эрика, расследование по делу о наркотиках вступило в решающую фазу. Не разбрасывайтесь.

Они дошли до кабинета, где ждал сотрудник полиции в штатском. Глаза его загорелись, когда он увидел в руке патрульного контейнер.

– Вот, держите. Давайте попробуем снять отпечатки и прижать Джейсона Тайлера! – сказал суперинтендант Йель. Он оттянул рукав мундира и посмотрел на часы, прятаясь в поросли его волосатого запястья. – Нужно управиться до восьми тридцати завтрашнего утра. Времени впрыток, прохладиться некогда.

Глава 4

В час ночи пришли результаты экспертизы отпечатков пальцев, обнаруженных на одном из пакетиков с героином, коими был набит контейнер. Они совпали с отпечатками Джейсона Тайлера. Эта новость была встречена всеобщим ликованием и вздохами облегчения.

Команда Эрики трудилась все выходные. В понедельник утром Тайлер предстал перед судом, где ему предъявили обвинение, просьба о залоге была отклонена.

В понедельник после обеда Эрика постучалась в кабинет Йеля. Тот как раз надевал пальто, собираясь уходить.

– Идем выпьем, Эрика? Вы это заслужили. Сначала я угощаю, – заулыбался он.

– Я только что ознакомилась с заявлением для прессы по поводу Джейсона Тайлера, сэр, – сказала она. – Вы не упомянули про найденные останки.

– Не хочу, чтобы это отвлекало внимание от нашего расследования по делу Тайлера, и, судя по тому, что вы нашли, это дела давно минувших дней. К нему не имеет отношения. Слава богу, что теперь это не наша проблема. Останками поручили заниматься одному из отделов по расследованию убийств.

Он надел пальто, подошел к картотечному шкафу, на котором клейкой лентой было прилеплено маленькое ручное зеркальце, и посмотрев в отражение, расческой провел по своей непослушной рыжей шевелюре.

Эрика понимала, что с его стороны это не равнодушие и не жестокость; он просто был реалистом.

– Ну что, пить пойдем? – спросил Йель, поворачиваясь к ней.

– Нет, спасибо. Что-то я устала. Пожалуй, поеду домой, – отказалась она.

– Как вам угодно. Вы – молодец. – Он потрепал Эрику по плечу, вместе с ней выходя за дверь.

Эрика вернулась в свою квартиру в Форест-Хилл и приняла душ. Обернувшись в полотенце, она вышла из ванной и бросила взгляд в окно: на улице было серо и мрачно, ее маленький садик заволокло

туманом. Эрика задвинула шторы, включила телевизор и устроилась на диване.

Следующие несколько часов она думала об останках маленькой девочки, снова и снова вспоминая, как отворачивала последний слой полиэтилена и увидела череп с остатками длинных волос... тонкий ремешок, опоясывающий позвоночный столб...

Разбудил ее телефонный звонок.

– Эрика, привет. Это Айзек, – прозвучал в трубке мягкий мужской голос. – Ты занята?

В Лондон она переехала два с половиной года назад, и за это время судмедэксперт Айзек Стронг стал ей близким другом и коллегой, которому она всецело доверяла.

– Нет, телик смотрю. – Она потеряла глаза, изображение на экране обрело четкость. – Сара Джессика Паркер и Бетт Мидлер на метлах, за ними – еще одна ведьма на пылесосе.

– А-а, «Фокус-покус». Даже не верится, что уже снова Хеллоуин.

– Мой первый Хеллоуин в Форест-Хилл. А я ведь живу на первом этаже, так что наверняка ряженые замучают. – Свободной рукой Эрика стянула с головы полотенце. Волосы почти высохли.

– Вообще-то, я не просто так звоню, – помолчав, сказал Айзек. – Я по поводу останков, что вы выудили в пятницу из Хейзского карьера.

Эрика застыла с полотенцем в руке.

– И что же?

– В субботу утром меня вызвали на работу. Нужно было срочно произвести вскрытие трупа. А когда закончил, увидел эти останки и твое имя в документах. Ну, и посмотрел.

– Но ведь это дело передали в один из отделов по расследованию убийств?

– Так и есть. И я с ними работаю. Но сейчас никто не отвечает на мои звонки. Я подумал, что ты-то ответишь и тебя заинтересует то, что я обнаружил.

– Заинтересует. И что же это?

– Я сейчас в морге в Пендже. Когда ты сможешь сюда приехать? – спросил Айзек.

– Уже еду. – Эрика бросила полотенце и побежала одеваться.

Глава 5

Шаги Эрики по каменному полу гулким эхом разносились по длинному коридору морга, ведущему к секционной. Она остановилась у последней двери; видеокамера высоко на стене, застрекотав, повернулась, словно приветствуя ее. Толстая железная дверь зажуужжала и со щелчком отворилась. Эрика вошла.

В помещении было холодно, естественное освещение отсутствовало. У одной стены стояли в ряд холодильники из нержавеющей стали, в центре блестели под флуоресцентными лампами четыре секционных стола. Самый ближний к двери был накрыт голубой простыней, и на ней лежал маленький темно-коричневый скелет – целый, сложенный косточка к косточке.

Доктор Айзек Стронг стоял спиной к Эрике. Услышав, как она вошла, он выпрямился и повернулся к ней. Высокий, худощавый, он был в синей униформе, с белой маской на лице и в голубой шапочке, плотно сидевшей на его голове. На скамейке за металлическим секционным столом со скелетом лежали пакетики с пробами и образцами, с которыми работала спокойно, аккуратно обращаясь с останками, ассистентка Стронга, молодая китайка. Ее латексные перчатки характерно заскрипели, когда она взяла небольшой пакетик с волосами и сверила надпись на ярлыке со своим списком.

– Привет, Эрика, – поздоровался Айзек.

– Спасибо, что позвонил, – поблагодарила она, глядя мимо него на скелет.

В секционной витал неприятный запах затхлой воды в сочетании со смрадом гнили и мясного духа костного мозга. Эрика обратила взгляд на бледное усталое лицо Айзека. Он снял белую маску и, вскинув свои безукоризненно ухоженные брови, улыбнулся – тепло и радостно, хотя они находились в морге. По ее губам скользнула ответная улыбка. Они не виделись несколько недель, их связывала крепкая дружба, но перед лицом смерти, в этой служебной обстановке, они должны были соблюдать нормы профессионального поведения. Кивнув друг другу, они вернулись к своим ролям судмедэксперта и старшего инспектора.

– Как и требует процедура, я позвонил руководителям отделов по расследованию убийств и нераскрытых преступлений в Скотленд-Ярде, но я подумал, что ты захочешь узнать о моих изысканиях.

– Ты связался с отделом по расследованию нераскрытых преступлений? Значит, останки идентифицированы? – спросила Эрика.

Айзек вскинул ладонь.

– Позволь начать с самого начала, – урезонил он ее. Они подошли вплотную к секционному столу. Поскольку аккуратно скомпонованный скелет лежал на стерильно чистой простыне, вьевшаяся грязь на костях особенно бросалась в глаза. – Это Лань, мой новый ассистент, – представил он элегантную молодую женщину. Та повернулась и кивнула. Все ее лицо, за исключением глаз, скрывала маска.

– Итак. Череп, как видишь, в целости и сохранности – ни проломов, ни царапин. – Айзек осторожно приподнял и отвел в сторону тусклый завиток жестких бурых волос, обнажив гладкую кость черепа. – Один зуб – передний резец вверху слева – отсутствует. – Свою руку в перчатке он сдвинул до уровня верхнего ряда коричнево-желтых зубов. – Три верхних ребра слева, у самого сердца, сломаны. – Его рука переместилась еще ниже, к сложенным обломкам трех ребер. – Тело было туго замотано в полиэтилен, поэтому почти весь скелет хорошо сохранился. Обычно в водоемах – озерах, карьерах – водятся щуки, пресноводные раки, угри, всякие бактерии и микробы, которые бы обглодали и разрушили труп. Полиэтилен защитил скелет от всего, кроме мельчайших микробов, которые и съели тело.

Айзек пододвинул маленький металлический столик на колесах. На нем лежали частички личных вещей, помещенных в целлофановые пакеты.

– Мы нашли несколько клочков шерстяной одежды и комплект одинаковых пуговиц, – вероятно, с жакета. – Айзек поднял один из пакетов, показывая кусочки истончившейся коричневой ткани, составленные в некую конфигурацию неопределенной формы. Потом положил его и взял другой пакет. – А также ремешок из смеси пластика на основе синтетических смол. Как видишь, он обесцветился, но пряжка осталась застегнутой. – Эрика отметила про себя, что талия, которую некогда обвивал этот ремешок, наверно, была очень тонкой. – И еще клочок нейлона на волосах; думаю, это была

лента... – Его голос сошел на нет. Он взял самый маленький пакет, в котором лежала прядь жестких бурых волос, перевязанных тонкой полоской ткани.

Эрика помедлила, скользнув взглядом по находкам. Скелет, маленький и беззащитный, смотрел на нее пустыми глазницами.

– Когда мне было восемь лет, у меня был точно такой же ремешок. Значит, это вещи маленькой девочки? – спросила Эрика, показывая на пакет с ремешком.

– Да, – тихо подтвердил Айзек.

– Про возраст что-нибудь можно сказать? – Эрика посмотрела на него, ожидая, что он, как обычно, в резкой форме, заявит, что пока рано говорить о чем-то наверняка.

– Полагаю, это скелет семилетней девочки по имени Джессика Коллинз.

Эрика в немом изумлении переводила взгляд с Айзека на Лань.

– Что-о? Как вы узнали?

– По скелету пол трудно определить, особенно если смерть случилась до пубертатного периода. Узнав, что сохранились клочки одежды, руководитель следственной группы на всякий случай запросил информацию о пропавших без вести девочках в возрасте от шести до десяти лет за последние четверть века. Мы сосредоточились на заявлениях о детях, пропавших в южной части Лондона и в районе границы Кента. Да, конечно, дети пропадают ежедневно, но большинство из них, слава богу, находятся. Когда пришел список, были запрошены стоматологические карты этих детей, которые внимательно изучил стоматолог-криминалист. Зубы скелета соответствуют стоматологическому статусу девочки, пропавшей в августе тысяча девятьсот девяностого года. Ее звали Джессика Коллинз.

Лань прошла к скамейке и вернулась с папкой. Айзек взял ее, вытащил рентгеновский снимок и поднял его к свету.

– Этот снимок прислали с документами от судебного стоматолога. Светового короба у меня больше нет; старый вышел из строя, жду новые лампы, – с сожалением произнес он. – Один из недостатков цифровой рентгенографии... Снимок был сделан в июле восьмидеятого года. Джессика Коллинз играла в саду в крокет, и мяч угодил ей в челюсть. Ей было шесть лет. Здесь, если видишь, ничего не

сломано, но снимок показал, что передние зубы вдавлены и чуть искривлены; нижние тоже неровные. Совпадение по всем параметрам.

Они посмотрели на скелет: верхние зубы коричневые и искривленные; рядом аккуратно приставлена челюстная кость, выдающая секреты личности скелета.

– Во время вскрытия мне удалось извлечь небольшое количество костного мозга, и скоро я отправлю его в лабораторию, – но это только для того, чтобы подстраховаться со всех сторон. Уже сейчас могу подтвердить, что это Джессика Коллинз. – Айзек замолчал.

Эрика провела рукой по волосам.

– Есть мысли по поводу причины смерти?

– Мы имеем три сломанных ребра в левой части грудной клетки, все три с полным нарушением целостности костей, что указывает на травму от удара тупым предметом в область сердца или легких. На костях отметин или царапин нет, а значит, нож или какой-то другой острый предмет не использовались. Мы также имеем отсутствие переднего левого резца, но зуб не был сломан – выпал полностью. Однако я не могу сказать, каким образом он был утрачен. В принципе, у семилетних детей выпадают молочные зубы...

– Значит, зуб тут ни при чем?

– Совершенно верно. Но учитывая, что тело было завернуто в пленку и сброшено в воду с грузом, нельзя исключать убийство.

– Разумеется.

– Когда ты приехала в Великобританию, в каком году? – спросил Айзек.

– В сентябре девяностого, – ответила Эрика.

– Помнишь дело Джессики Коллинз?

Эрика задумалась, роясь в воспоминаниях о том времени, когда она приехала в Англию из Словакии. Ей тогда было восемнадцать, она устроилась домработницей в семью с двумя детьми, проживавшую в Манчестере.

– Не знаю. Я плохо говорила по-английски и вообще была растеряна – культурный шок. Первые несколько месяцев работала у них в доме, в свободное время сидела в своей комнате, без телевизора... – Эрика резко замолчала, заметив, что ассистентка Айзека пытливо смотрит на нее. – Нет, не помню.

– Джессика Коллинз исчезла седьмого августа девяностого года во второй половине дня. Отправилась из родительского дома на день рождения подруги, жившей на соседней улице, куда так и не дошла. Пропала без вести. Как будто в воздухе растворилась. Об этом писали все газеты, – просветил ее Айзек.

Он вытащил из папки еще один документ. Это была фотография белокурой девочки в нарядном розовом платье с тоненьким ремешком в тон, синем жакете и белых сандалиях с красочным цветочным узором. Широко улыбаясь, она позировала перед темной деревянной дверью – очевидно, гостиной.

Чем-то ее улыбка во весь рот с неровными нижними зубами напоминала челюстную кость, что лежала на секционном столе. Эрика даже охнула.

– Да, вспомнила, – тихо проронила она, узнав фотографию. – Этот снимок помещали в каждой статье про пропавшую девочку.

– И теперь только мы трое на всем белом свете знаем, что с ней случилось, – впервые подала голос Лань.

Глава 6

Домой из морга в Пендже Эрика возвращалась в сгущающихся сумерках. Машин на дороге оказалось немного. Стемнело, низко стелился туман, образуя навес между домами и магазинами по обеим сторонам дороги. На душе было погано. За годы службы в полиции она расследовала множество преступлений, но всегда находилось особое дело, что задевало ее за живое. Джессике исполнилось всего семь лет, когда ее настигла смерть.

В конце 2008 года Эрика забеременела, совершенно случайно. Она повздорила с мужем, Марком: он просил, чтобы она оставила ребенка, но Эрика не захотела и прервала беременность. Марк не дал ей своего благословения и сказал, что примет любое ее решение. Аборт она сделала на ранней стадии беременности, но Эрика была уверена, что зачала девочку. Если б она сохранила ребенка, ее дочери теперь было бы семь лет.

Мимо ускользали грязные серые дороги, а по щекам Эрики струились слезы. После она целый год мучилась, раздираемая чувствами облегчения и отвращения. Ругала себя, корила Марка за то, что не настоял. Ребенок многое изменил бы в ее жизни. Марк намеревался сам сидеть с ребенком. Если бы муж оставил службу, он не принял бы участия в той роковой операции, во время которой его застрелили.

Она всхлипывала, глотая слезы. И только убрала с руля руку, чтобы отереть глаза, из-за машин, припаркованных вдоль обочины, на дорогу внезапно выскочила женщина с ребенком. Эрика резко нажала на тормоза, и ее автомобиль с визгом остановился.

Женщина – молодая, в приталенной теплой розовой куртке – махнула ей, извиняясь, и, крепче схватив за руку малыша, по случаю Хеллоуина одетого в маскарадный костюм скелета, потащила его с дороги. Он повернул маленькую головку, и в ярком свете фар Эрика увидела обращенное к ней крошечное лицо скелета. Она закрыла глаза, и, когда их вновь открыла, женщина с ребенком уже исчезли.

По прибытии домой Эрика включила центральное отопление, не снимая куртки, сварила себе большую чашку кофе и затем села на диван с ноутбуком. Сразу вывела *Google* и в поисковой строке набрала: «Джессика Коллинз, пропала без вести». Программа выдала целую страницу результатов. Она открыла первый сайт: статью «Википедии».

«Джессика Мари Коллинз (род. 11 апреля 1983 г.) пропала без вести 7 августа 1990 г., вскоре после того, как вышла из родительского дома на Эйвондейл-роуд (Хейз, графство Кент), отправившись на день рождения одной из школьных подруг.

7 августа в 13.45 пополудни Джессика вышла из дома № 7 по Эйвондейл-роуд, одна, и отправилась в соседний дом, № 27, по этой же улице, где отмечали день рождения ее подруги. Там она так и не появилась. Ее хватились только в 16.30, когда родители девочки, Мартин и Марианна Коллинз, пришли за ней. Они-то и забили тревогу.

Исчезновение Джессики Коллинз получило широкое освещение в английской прессе.

25 августа 1990 г. полиция задержала и допросила 33-летнего Тревора Марксмэна. Через четыре дня его отпустили без предъявления обвинения. Полиция продолжала поиски на протяжении 1991 и 1992 гг. С конца 1993 г. следствие по делу о пропавшей девочке уже велось не столь активно.

Новые аресты не производились, следствие по делу не завершено. Тело Джессики Коллинз обнаружено не было, преступление остается нераскрытым».

По карте «Google Планета Земля» Эрика проверила местоположение Хейзского карьера. Он находился менее чем в двух милях от Эйвондейл-роуд, где пропала Джессика.

– Карьер ведь наверняка должны были обыскать? – рассуждала она сама с собой. Эрика задала в *Google* поиск изображений и нашла снимок с пресс-конференции в августе 1990 года, на которой Столичная полиция выступила с обращением к гражданам. На заднем плане за столом сидели бледные и осунувшиеся родители Джессики, по обе стороны от них – сотрудники Столичной полиции.

– Двадцать шесть лет, – промолвила Эрика. Она закрыла глаза, и перед ней мгновенно возник детский скелет. Череп и пустые глазницы, челюсть и обнаженные зубы.

Она встала, чтобы сварить себе еще кофе. Засигналил ее мобильный телефон. Звонил суперинтендант Йель.

– Простите, что нарушаю покой вашего вечера, Эрика, но у меня только что состоялся интересный разговор с адвокатом Джейсона Тайлера. Тайлер согласился назвать четырех своих подельников, а также передать нам переписку по электронной почте и документы банковских перечислений.

– Вы так говорите, будто он дом у нас покупает!

– Эрика, вы же понимаете. Мы передадим дело в уголовный суд со спокойным сердцем, зная наверняка, что получим желаемый результат: его скорее всего осудят. Таким результатом можно гордиться.

– Спасибо, сэр. Но я совершенно не испытываю гордости, ведь Тайлер получит меньший срок.

– Но все же его посадят в тюрьму.

– А потом, когда он выйдет на свободу, чем, по-вашему, он станет заниматься? Организует свечной бизнес? Нет, он примется за старое, будет торговать наркотиками.

– Эрика, откуда такие настроения? Мы добились того, чего хотели. Он вне игры; мы доберемся до его подельников, перекроем каналы поставки дури.

– А что будет с его женой и детьми?

– Они дадут показания, скорее всего, по видеоканалу и получат новые имена.

– У его жены престарелая мать и две пожилые тети.

– И это очень печально, Эрика, но она же наверняка понимала, на что идет, связываясь с Джейсоном Тайлером. Или она думала, что деньги в их роскошный дом поступают от свечного бизнеса?

– Вы правы. Простите, сэр.

– Ничего.

Эрика помолчала, пролистывая статью «Википедии», которую она недавно читала.

– Кстати, тот скелет, что мы нашли в Хейзском карьере... Его идентифицировали. Это семилетняя девочка по имени Джессика Коллинз. Пропала в тысяча девятьсот девяностом году.

Йель присвистнул.

– Боже, так вот, значит, кого вы нашли?

– Да. Я знакома с судебным патологоанатомом; это он мне сообщил.

– И кто тот бедняга, которому передали дело?

– Не знаю, но я хотела бы сама возглавить это расследование. – С языка Эрики это сорвалось само собой.

Ответом ей было молчание.

– Эрика, о чем вы говорите? – наконец проговорил Йель. – Вас направили ко мне для работы в составе целевой бригады – по линии отдела нераскрытых преступлений, борьбы с организованной преступностью и экономическими преступлениями.

– Но, сэр, останки обнаружила я. На нашей территории. И следствие по делу о пропавшей девочке изначально велось в нашем районе...

– Эрика, с девяностых годов многое изменилось. Вы прекрасно знаете, что мы не занимаемся похищениями и убийствами. Наша специализация – наемные убийцы, крупные наркоторговцы, преступные группировки широкого профиля, в том числе этнические банды и незаконная торговля оружием в больших масштабах...

– И когда я пришла в вашу команду, вы сказали, что меня навязали вам как тетку, которую никто не желает видеть у себя на Рождество!

– Допустим, я не совсем так сказал, Эрика, однако теперь вы – *ценный* сотрудник моей команды.

– Сэр, я могу раскрыть это дело. Вы же знаете, что на моем счету много успешно раскрытых сложных дел. Я обладаю уникальными способностями, которые пригодились бы при расследовании давнего убийства...

– Тем не менее, несмотря на ваш многолетний успешный опыт, вы все еще старший инспектор. Никогда не задумывались почему?

Эрика молчала в трубку.

– Я неправильно выразился, простите, – извинился Йель. – Но все равно мой ответ – нет.

Глава 7

Около девяти часов вечера Эрика припарковалась напротив дома командера Марша и перешла через дорогу. Марш жил недалеко от Эрики, но в престижном дорогом районе в южной части Лондона, близ парка Хилли-Филдс. Его дом, из которого открывался вид на Лондон, сиял в темноте. По улице прогуливались вместе с родителями небольшие группы детей в маскарадных костюмах, до Эрики долетали их гомон и смех. Она отворила калитку палисадника перед домом Марша и тяжелым железным молоточком постучала в дверь. Еще два месяца назад Эрика работала в отделении Луишем-Роу, где Пол Марш был ее непосредственным начальником; она ушла оттуда со скандалом. Пытаясь придумать, что она скажет Маршу, Эрика увидела его жену Марси. Та появилась в воротах вместе со своими двойняшками Ребеккой и Софией. На девочках были одинаковые костюмы сказочных принцесс, и каждая несла в руке пластиковую тыковку. Сама Марси была одета в черные легинсы и черную облегающую куртку; на голове у нее торчали острые уши, лицо было разрисовано под кошку. У Эрики ее наряд невольно вызвал раздражение.

– Эрика, что привело тебя сюда? – спросила Марси. Обе темноволосые девочки уставились на гостью. Сколько им: пять лет или шесть? Эрика не могла вспомнить.

– Извини, Марси. Тебе, я знаю, не нравится, когда я заявляюсь к вам домой, но у меня очень важное дело. Мне необходимо переговорить с Полом. Он не берет трубку.

– А в отделение ему звонила? – спросила Марси, протискиваясь мимо нее к двери. Эрика посторонилась.

– Там он тоже не отвечает.

– Что ж, здесь его нет.

– Жизнь или кошелек?! – крикнула одна малышка, поднимая свою тыковку.

– Жизнь или кошелек?! Сегодня нам можно не ложиться спать допоздна! – крикнула другая, своей тыковкой отталкивая первую. Марси открыла дверь и посмотрела на дочерей.

– Ой, вот беда. У меня нет с собой гостинцев, – сказала Эрика, роясь в карманах. – Зато есть то, на что вы купите себе еще

сладостей! – Она достала две пятифунтовые купюры и по одной положила в каждую тыковку. Девочки переводили взгляды с Эрики на мать, не зная, можно ли им взять деньги.

– Ого! Вон какая добрая тетя Эрика! Поблагодарите ее, девочки! – воскликнула Марси. Правда, в лице ее не отразилось того воодушевления, что она вложила в свои слова.

– Спасибо, Эрика, – пискнули девочки. Они были очень милы, и Эрика улыбнулась им.

– Только не забудьте почистить зубы после сладостей.

Малышки кивнули с серьезным видом. Эрика снова переключила внимание на Марси:

– Извини. Мне действительно нужно поговорить с Полом. Тебе известно, где он?

– Подожди... – Марси завела в дом своих крошечных принцесс, сказав, чтобы они шли и готовились ко сну. Те помахали Эрике, и Марси прикрыла дверь.

– Разве он тебе не сказал?

– Что? – удивилась Эрика.

– Мы расстались. Он ушел три недели назад. – Марси сложила на груди руки. Эрика заметила, что сзади к ее легинсам прицеплен длинный черный хвост, раскачивающийся на ветру.

– Нет, не говорил. Мне очень жаль. Я правда не знала... Я же с ним больше не работаю.

– Где ты теперь?

– В Бромли.

– Он мне никогда ничего не рассказывает.

– Так где он?

– Переселился в квартиру на Фоксберри-роуд, пока мы не разберемся...

С минуту они молчали, глядя друг на друга. Эрике было трудно воспринимать Марси в костюме кошки. Из-за угла дома на них налетел порыв холодного ветра. Девочки наверху взвизгнули.

– Мне нужно идти, Эрика.

– Мне очень жаль, Марси.

– Прямо-таки жаль? – язвительно отозвалась та.

– Конечно.

– Ладно, пока, – попрощалась Марси. Взмахнув хвостом, она вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Вернувшись к машине, Эрика посмотрела на красивый дом. В окнах верхнего этажа горел свет.

– Ну ты и дурак, Пол. Ну и дурак! – пробормотала она себе под нос, усаживаясь за руль.

Глава 8

Эрика затормозила у дома № 85 по Фоксберри-роуд, замыкавшего длинный ряд стандартных домиков, тянувшихся от железнодорожной станции Брокли. Трехэтажное здание грозно высилось над ней.

Она глянула на окно верхнего этажа. Два года назад Эрика сняла ту квартиру у Марша и прожила в ней долгую холодную зиму. Мало того что ей пришлось привыкать к шокирующему новому городу и мириться с одиночеством в скудно обставленной квартире, так еще однажды к ней ворвался незванный гость в маске и чуть ее не убил[62].

– Ты мог бы избавить себя от лишних хлопот, если б отвечал на телефонные звонки, – сказала Эрика, когда Марш открыл дверь, встречая ее в теплых клетчатых пижамных брюках и застиранной футболке с изображением Гомера Симпсона. Выглядел он изнуренным, его рыжеватые волосы на макушке, казалось, поредели.

– И тебе не хворать, – отозвался он. – По работе или бутылку принесла?

– На первый вопрос – да, на второй – нет.

Он повел глазами.

– Что ж, заходи.

* * *

В крошечной квартирке, с тех пор как Эрика освободила ее полтора года назад, мало что изменилось. Та же типовая мебель из *ИКЕА*, создающая эффект элегантной безликости. Идя по коридору в гостиную, она старалась не смотреть в открытую ванную. Именно оттуда незванный гость в маске проник в квартиру: вскарабкался по стене дома, выбил вентиляционную решетку и открыл окно. В ту ночь, когда его пальцы сомкнулись на ее шее, Эрика почти распрощалась с жизнью. Спасла ее коллега, инспектор Мосс. Эрика подумала про Мосс. Ей очень не хватало ее и остальных сослуживцев из отдела по расследованию убийств в отделении полиции Луишем-Роу.

Это воспоминание укрепило ее решимость. Марш жестом предложил ей присесть на небольшой диван, а сам включил телефон, прошел к раковине, где громоздилась грязная посуда, и вымыл две чашки.

– В пятницу вечером я выудила со дна Хейзского карьера ценный трофей – героин на четыре миллиона фунтов стерлингов. По нашим сведениям, его туда спрятал...

– Джейсон Тайлер. Да, я видел. Всего пару месяцев на новом месте – и такой результат. Молодчина.

– Спасибо. А еще водолазы нашли на дне карьера, в грунте, останки человека. К делу Тайлера они не имеют отношения... – Эрика коротко рассказала Маршу все, что знала.

– Боже. Вы нашли Джессику Коллинз? – уточнил он. Эрика кивнула. – Ага, чует мое сердце, ты уже готова пуститься по следу, – добавил он, открывая маленький холодильник и доставая пакет молока.

– Да. И мне нужна твоя помощь. Я хочу возглавить расследование по делу Джессики Коллинз.

Марш помедлил с молоком в руке, потом не торопясь вскрыл пакет и плеснул из него в две чашки.

– Со своим суперинтендантом говорила?

– Да.

– И он, очевидно, отказал, так?

Эрика кивнула.

– Пол, ты бы видел ее... скелет. Такой маленький, беззащитный. Три ребра сломаны. Ее завернули в пленку и утопили. Мы даже не знаем, дышала ли она еще, когда уходила под воду. А ее убийца все еще на свободе.

Марш налил кипяток в небольшой заварочный чайник.

– Я знаю, что дело передали одному из отделов по расследованию убийств, но следствие еще толком не началось. Это мой район.

– Учитывая, что идут сокращения, твой суперинтендант наверняка и так не знает, за что хвататься.

– Во всех отделениях Столичной полиции работы выше крыши, но ведь это дело все равно кто-то должен расследовать. У нас в Бромли есть и люди, и ресурсы. Труп обнаружила я, и поскольку я – старший

офицер, это было бы вполне логично. Ты теперь командер. Можешь посодействовать.

Марш убрал пакет с молоком в холодильник.

– Тебе известно, что помощник комиссара Оукли только что досрочно вышел на пенсию? Я еще не навел мосты с его преемником.

– И кто теперь вместо него? – спросила Эрика.

– Официально объявят завтра утром.

– Но мне-то ты можешь сказать. Я же не собираюсь подстеречь его у дома... – Марш вскинул брови. – Обещаю.

– Не его, а ее. Новый помощник комиссара – Камилла Брейс-Козуорси. – Марш взболтал чай в чайнике и затем разлил его по чашкам, добавив: – Эрика, твое лицо само все за тебя сказало.

– Дай угадаю. Училась в Оксфорде?

– В Кембридже. Пришла в полицию на условиях ускоренного продвижения по службе.

– То есть у нее фактически нет опыта службы в полиции?

– Теперь это не главное.

– Как это? В полиции полно сотрудников, которые каждый день несут службу, разгребая дерьмо и решая проблемы, а начальником опять назначают человека, который ни черта не знает о жизни за пределами крошечного мирка частных школ и светских тусовок в Лондоне и прилегающих графствах.

– Ты несправедлива. Ты ведь ее не знаешь. – Марш дал ей чашку с чаем, добавив: – Это в тебе обида говорит.

– И что дальше?

– И мне нравятся твои пламенные речи. Очень даже забавно их слушать, когда они направлены не на меня. – Он улыбнулся.

– Послушай, Пол. Я знаю, что иногда веду себя как идиотка. Не будь я временами полной дурой, давно бы дослужилась до суперинтенданта, а то и до старшего суперинтенданта...

– Но-но, полегче.

– Урок усвоен. Прошу тебя, замолви словечко кому надо, пусть меня назначат руководителем следственной группы по делу Джессики Коллинз. Помогите, пожалуйста. Я уверена, что сумею поймать эту сволочь. Преступник – он или она – до сих пор на свободе и думает, что раз его за столько лет не вычислили, ему это сошло с рук. Но я его достану.

Марш сел на небольшой диван подле Эрики и глотнул чаю.

– Слышала, что случилось с руководителем следственной группы, работавшей по делу о пропавшей девочке? Со старшим инспектором Амандой Бейкер? Ее отстранили от этого дела.

– Меня трижды отстраняли от резонансных дел, но я добивалась возвращения и успешно их раскрывала.

– Аманда – не ты. Нет-нет, ее считали блестящим профи, только вот здесь, – Марш постучал по лбу, – у нее не все было в порядке. Она первой из женщин в Столичной полиции дослужилась до чина старшего инспектора и первой возглавила следствие по столь громкому делу. Ей с лихвой доставалось и от коллег, и от начальства, и от прессы. Женщина – и вдруг руководитель следственной группы... подозрительно.

– Ну и как ей удалось получить это назначение?

– Высокое начальство стремилось спасти репутацию полиции. В первые дни после исчезновения Джессики было допущено слишком много ошибок, у общественности к полиции возникла масса вопросов. Решение назначить женщину руководителем следственной группы был умный ход, призванный отвлечь внимание от промахов полиции, выставить ее в благоприятном свете.

– Но высокое начальство верило, что она способна раскрыть это преступление?

– Да, только они не знали, что последние месяцы перед назначением она посещала психотерапевта.

– Почему?

– Тогда, в конце восьмидесятых, преступления, связанные с изнасилованием, как правило, поручали расследовать женщинам. Аманда снимала свидетельские показания и оказывала поддержку пострадавшим на протяжении всего этого ужасного процесса. Ее единственная проблема состояла в том, что она не умела дистанцироваться, отделять себя от работы. Она поддерживала связь с жертвами еще многие недели, месяцы и даже годы после происшествия. Не одну женщину увела от края пропасти. Это отнимало у нее массу душевных сил, а о ней самой никто не заботился. Аманда собиралась уволиться по болезни, и тут ей позвонили и сказали, что она будет вести следствие по делу Джессики Коллинз. Расследование становилось все сложнее, версии и улики таяли на

глазах. Джессика Коллинз как будто испарилась. В конце концов Аманда не выдержала давления. Это отравленная чаша, Эрика. Поверь, лучше тебе ее не пить.

– Ты же меня знаешь. Я выдержу любое давление, – тихо произнесла Эрика. – Скорее, сломаюсь, если еще несколько лет буду кружить на карусели, сажая наркоторговцев, место которых тут же будут занимать другие.

С минуту они молча пили чай.

– Пол, прошу тебя. Речь идет о семилетней девочке, ее похитили прямо на улице. Одному богу известно, что с ней случилось, что с ней сделали. А потом похоронили на дне карьера на целых двадцать шесть лет. Представь, если бы это была София или Ребекка...

– Не смей! Эрика, *не смей* трогать моих дочерей! – предупредил Марш.

– Джессика тоже была чьей-то дочерью... Ты наделен властью. Помоги.

Марш потер глаза, встал и отошел к окну.

– Я замолвлю словечко, но это все. Обещать ничего не обещаю.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. – Что касается суперинтенданта Йеля, я к тебе не приходила, с тобой не говорила.

– Про Марси спросить не хочешь? – промолвил он, помолчав.

– Нет. Я подумала, ты бы сам рассказал, если б хотел.

Марш, с выражением муки на лице, прислонился к стене.

– Спасибо. Мы пытаемся разобраться в себе, в наших отношениях. Взяли паузу. – Эрика вскинула брови. – Это ее слова – не мои. Она решила «взять паузу», пока не поймет... – Его голос сорвался. – В общем, она встретила другого.

– Так это она тебе изменила? – удивилась Эрика.

– Да. С каким-то типом, который посещает вместе с ней занятия по искусству. Ему двадцать девять лет. Ходит в тренажерный зал. Разве могу я?..

– Пол, Марси тебя любит. Не торопись, не дай ей забыть, что ты тоже любишь ее.

– А ты подумала, что это я ей изменил? – вдруг спросил он. – Что это я завел интрижку?

– Да. – Он принял обиженный вид. – Брось, Пол. Ты же понимаешь, о чем я. Ты занимаешь высокое положение. В отделении

полно молоденьких сотрудниц, а власть, какой наделен ты, – мощный афродизиак.

– В самом деле? – Он взглянул на нее.

– На некоторых женщин власть действует... как афродизиак.

Неужели не знал?

Марш кивнул.

– Еще чаю или что-нибудь покрепче?

– Нет. Я, пожалуй, пойду.

– Оставайся, если хочешь, – тихо предложил он.

– Что? Да мне ехать всего ничего...

– Просто уже поздно и...

– Нет, Пол. Я не останусь. – Эрика встала и со спинки дивана схватила свою куртку.

– Могла бы быть и повежливей!

– У тебя двое маленьких детей. И если Марси вздумалось поколобродить, это не значит, что ты должен следовать ее примеру.

Марш покраснел, рассердился.

– Я совсем не это имел в виду! Я предлагал тебе переночевать на диване.

– Я *знаю*, что ты мне предлагал. Этот диван в длину не более четырех футов, а спальня в твоей квартире одна...

– Черт возьми! – заорал Марш. – Это было дружеское предложение...

– Я не дура, Пол.

– Дура. Еще какая! Вот объясни, как можно быть гением на службе и полной тупицей – в обычной жизни?

Эрика бросилась вон из его квартиры... Она бегом спустилась вниз по общей лестнице и, выйдя из подъезда, хлопнула за собой дверь. Подскочив к машине, стала копошиться в кармане, так как ключи зацепились за подкладку.

– Черт! – выругалась она, дергая за ключи. – Черт, черт, черт! – Наконец, порвав подкладку, Эрика вытащила ключи из кармана, отперла автомобиль и села за руль. Ударив ладонью по рулевому колесу, она откинулась в кресле и пробормотала:

– Можно было бы отреагировать гораздо дипломатичнее. Должно быть, я и впрямь дура.

Глава 9

Во вторник рано утром по прибытии в отделение полиции Бромли Эрика на первом этаже столкнулась с суперинтендантом Йелем. Он выходил из мужского туалета с номером «Обсервера» под мышкой.

– Эрика, можно вас на два слова? – спросил он.

Она кивнула и проследовала за ним в его кабинет. Он закрыл дверь, одергивая рубашку на своем выпирающем животе, подошел к столу и жестом пригласил ее сесть. Затем, побарабанив пальцами по столу, поправил фотографию в рамке, на которой были запечатлены его супруга и двое маленький сыновей. Его жена была миниатюрной блондинкой, но оба сына унаследовали от отца непослушные рыжие волосы, курчавившиеся у них на головах, как у сиротки Энни[63].

– Мне только что звонила наш новый помощник комиссара, – помолчав, сообщил Йель.

– Камилла Брейс-Козуорси? – спросила Эрика, силясь не выдать своего волнения.

– Да. Я думал, она позвонила, чтобы представиться, но нет...

– И зачем же она звонила?

– Она хочет познакомиться с вами.

– Со мной? В самом деле? – Эрика была в затруднении. Как реагировать? Изобразить потрясение? До какой степени? Все знали, что она не склонна к театральной демонстрации своих чувств. В итоге она приняла удивленный вид, вытаращив глаза.

– Да. В самом деле. Я ей ничего про вас не говорил. Она в должности всего один день, но уже пожелала видеть вас по поводу дела Джессики Коллинз... Вам известно что-то такое, о чем не знаю я? Не старайтесь, никто не присудит вам «Оскар» за вашу реакцию.

– Нет, сэр, – ответила Эрика, сознавая, что отчасти он прав.

– Эрика, я – ваш начальник, и мы с вами это обсуждали! Я объяснил, что у нас нет ни ресурсов, ни времени расследовать дела давно минувших дней, тем более таких резонансных, как это. Мой ответ, очевидно, вас не удовлетворил, и теперь мне ни с того ни с сего звонит помощник комиссара. – Йель гневался, и его лицо, само по себе красное, теперь и вовсе побагровело.

– Я к ней не обращалась.

– А к кому вы обращались?

– Ни к кому.

Йель откинулся в кресле.

– У вас как будто девять жизней, Эрика. Коммандер Марш очень меня просил, умолял найти вам место в моей команде, из чего я заключил, что вас с ним связывают некие *особые* отношения.

Эрика тоже откинулась на спинку стула, стараясь сохранять спокойствие.

– Мы вместе проходили подготовку для службы в полиции, в одно и то же время были патрульными; он дружил с моим покойным мужем. И он женат.

– Ну так вот. Коммандер Марш тоже приглашен на эту встречу. Вы в курсе?

– Нет, сэр. И надеюсь, вы понимаете, что я очень благодарна вам за предоставленную возможность.

Йель кивнул, всем своим видом выражая сомнение.

– Вас ждут в одиннадцать. У нее в кабинете в Скотленд-Ярде. – Не дожидаясь от Эрики ответа, он уткнулся носом в компьютер. Она поняла, что разговор окончен.

– Спасибо, сэр.

– К концу дня итоговый отчет по делу Джейсона Тайлера должен лежать на моем столе.

– Непременно. Спасибо, сэр. – Эрика встала, собираясь уходить.

– Эрика, даже кошки рано или поздно умирают. Постарайтесь мудро распорядиться теми жизнями, что у вас остались, – напутствовал ее Йель, на мгновение отвлекшись от работы, и снова уткнулся в компьютер.

Глава 10

Помощник комиссара Камилла Брейс-Козуорси сидела за столом, прямо держа спину, всем своим видом показывая, что она готова приступить к делу. Элегантная женщина пятидесяти пяти лет, несмотря на возраст, выглядела она великолепно. На ней была форма чиновника Столичной полиции: юбка, белая блузка, клетчатый шейный платок. Белокурые волосы до плеч безупречно уложены, на лице – безукоризненный макияж, словно она собиралась позировать перед кинокамерой.

– Входите, Эрика. Присаживайтесь, прошу вас, – пригласила она, аристократичной интонацией выделив последние два слова. – С командером Маршем вы, разумеется, знакомы, – добавила она, указав в его сторону – он сидел рядом – рукой с ухоженными ногтями, покрытыми красным лаком.

– Да, здравствуйте, сэр. – Эрика заняла стул, что стоял перед столом. – Поздравляю вас с новым назначением, мэм.

Не отвечая на ее любезность, Камилла надела большие очки в модной черной оправе.

– Время покажет, удастся ли мне оправдать ожидания, – сказала она, глядя на Эрику сквозь линзы очков, увеличивавшие ее глаза. – Итак, дело Джессики Коллинз. В пятницу вы обнаружили ее останки и их официально идентифицировали?

– Да, мэм.

Эрика увидела, что Камилла просматривает какую-то папку с документами, лежавшую перед ней на столе.

– Вы работали в составе нескольких отделов по расследованию убийств – как в Лондоне, так и в Манчестере?

– Да, мэм.

Камилла закрыла папку, сняла очки и в задумчивости дужкой очков постучала по зубам.

– Ваш перевод в Бромли иначе как понижением в должности не назовешь. С чем это было связано?

– Эрика сочла, что ее недооценивают, – объяснил Марш.

– Была возможность повысить меня до суперинтенданта, но должность я не получила – на мой взгляд, несправедливо, – поправила

его Эрика. – По указанию вашего предшественника, мэм. Это произошло в то время, когда я поймала Ночного Охотника[64], который...

– Да! *Много* бед натворил, – воскликнула Камилла в ужасе или в восхищении, Эрика затруднялась определить.

– Узнав, что мне отказали в повышении, я потребовала объяснения у командера Марша – в ту пору он был моим непосредственным начальником, – пригрозила, что уйду. Он дал согласие на мой перевод.

Эрика посмотрела на Марша. Тот хмурился. Она сообразила, что выставляет себя не в лучшем свете.

– Но именно командер Марш настаивает, чтобы вас назначили руководителем следственной группы, которая будет заниматься делом Джессики Коллинз, – заметила Камилла.

– Я считаю, что Эрика обладает большими способностями... – начал Марш.

Камилла вновь надела очки и заглянула в досье.

– Я смотрю, Эрика, карьера ваша по-разному складывалась. Помимо Ночного Охотника, вы вычислили и задержали убийцу Барри Патона, лишившего жизни несколько человек...

– Йоркского Душителя, мэм.

– Да, в досье все это есть. Йоркский Душитель убил восьмерых школьников, и вы совершили невозможное, установив его личность по отражению в витрине магазина напротив банкомата, попавшей в зону обзора камеры видеонаблюдения.

– Да, и он до сих пор благодарит меня каждое Рождество и в день рождения.

Марш улыбнулся, но Камилла даже бровью не повела.

– С другими делами вам повезло меньше. Вас на два года отстранили от работы, пока велось внутреннее расследование.

– Но в итоге меня оправдали, мэм...

– Позвольте мне закончить. Вас на два года отстранили от работы, пока велось внутреннее расследование. Вы возглавили операцию по захвату нарколаборатории в Большом Манчестере, которая завершилась гибелью пяти офицеров, в том числе вашего мужа.

Эрика кивнула.

– Как вы это пережили? – спросила Камилла, внимательно наблюдая за ней.

– Посещала психолога. Едва не потеряла себя, сомневаясь, что хочу служить в полиции. Но в итоге я вернулась, и результаты моего возвращения в досье, что лежит перед вами.

– Мне нужен надежный человек, который мог бы разобраться в материалах дела и возобновить расследование. Почему вы считаете, что подходите для этой работы?

– Я не карьеристка. Всю себя отдаю работе. Речь идет о несчастной семилетней девочке, которую похитили, а потом сбросили в карьер, как мешок с мусором. Я должна найти того, кто это сделал. Хочу, чтобы свершилось правосудие ради Джессики. Хочу, чтобы родные смогли оплакать ее и жить дальше.

Обливаясь потом, Эрика откинулась на спинку стула.

– Правосудие ради Джессики. Мы могли бы это использовать, – заметил Марш.

– Нет. – Камилла бросила на него испепеляющий взгляд. – Эрика, подождите за дверью, пожалуйста. Спасибо.

* * *

Эрика вышла в приемную и села. Сколько раз она думала, что ее карьере конец, и вот она снова стоит на пороге чего-то волнующего. *Что это будет – шаг вверх или падение в пропасть?* Спустя несколько минут зазвонил телефон на столе секретаря, и ее снова пригласили в кабинет.

* * *

Камилла надевала форменный пиджак и поправляла прическу. Марш терпеливо ждал, стоя у стола.

– Эрика, рада вам сообщить, что я поручаю вам возглавить следствие по делу Джессики Коллинз, – сказала она.

– Спасибо, мэм. Вы не пожалеете о своем решении.

Камилла аккуратно приладила на голове форменную фуражку.

– Надеюсь. – Она обошла стол и протянула Эрике руку. – Боже. Ну вы и дылда. Не трудно подбирать по росту брюки?

Эрика на мгновение опешила.

– Э... вообще-то, трудно, но интернет-магазины облегчают задачу...

– И то верно. – Камилла взяла руку Эрики в обе свои ладони и сердечно ее пожала. – Ладно. Мне нужно бежать на встречу с комиссаром. Коммандер Марш подробно вас проинструктирует.

– Пожалуйста, передайте мое почтение сэру Брайану, – попросил Марш.

Камилла кивнула и проводила их к выходу.

* * *

Эрика с Маршем спускались на лифте в молчании.

– Уж больно легко все получилось, – наконец произнесла она.

– Этим делом никто не хочет заниматься, – отвечал Марш. – Отдел по расследованию убийств, которому его изначально передали, был рад избавиться от него. Ваш оперативный отдел будет находиться в Бромли; я буду курировать следствие, отчитываться будете передо мной.

– А суперинтендант Йель?

– У него что, своих забот мало?

– Он думает, что я действовала за его спиной.

– Так и было.

– Но не потому, что я что-то имею против него лично.

– Эрика, все, что касается вашей деятельности, всегда приобретает личный характер.

– Что вы имеете в виду?

Марш надул щеки.

– Я никогда не знаю, о чем вы думаете. Вы прямолинейны до неприличия. Мало кому доверяете.

– И что?

– С вами трудно работать.

– Будь я старшим инспектором мужского пола, сейчас мы с вами вели бы этот разговор в лифте? Вы спрашивали бы меня, о чем я думаю?

Сердито насупившись, Марш отвел глаза.

– Что вообще происходит? Это из-за того вечера?

На несколько секунд Марш приклеился взглядом к полу, потом снова посмотрел на нее.

– Вам придется постараться, Эрика, как следует постараться.

– Слушаюсь, сэр.

– Я распоряджусь, чтобы в Бромли прислали все материалы двух предыдущих расследований, – сказал Марш, теперь уже деловым тоном. – Наладьте работу оперативного отдела, завтра в три часа дня я проведу инструктаж вашей команды.

– Так кто будет вести следствие: вы или я?

– Вы. Но докладывать о его ходе вы обязаны мне, а я в свою очередь буду держать ответ перед помощником комиссара. Вам также необходимо тесно взаимодействовать с суперинтендантом Йелем, поскольку вы используете его ресурсы.

– Я вправе сама подобрать свою команду?

– В пределах разумного.

– Хорошо. Мне нужны инспекторы Мосс и Питерсон. Они оба толковые следователи.

Марш кивнул. Лифт как раз опустился на первый этаж, и его двери раздвинулись. Они вышли в просторный вестибюль.

– Эрика, в предыдущие разы были допущены вопиющие ошибки. Один из подозреваемых подал в суд на полицию и отсудил компенсацию в размере трехсот тысяч... Мы чудом избежали официального расследования.

– Да, я знаю, как это бывает.

– Не подведите, Эрика. Выясните, что случилось с Джессикой Коллинз. С чего намерены начать?

– Первым делом я должна сообщить семейству Коллинз, что мы нашли Джессику, – ответила Эрика, чувствуя, как у нее сжалось сердце.

Глава 11

Марианна Коллинз отперла входную дверь и с продуктовыми пакетами и маленьким черным чехлом для одежды прошаркала в прихожую. Поставив сумки на темно-красный ковер у большой деревянной лестницы, она на мгновение остановилась, чтобы перевести дух. День выдался тусклый и сумеречный. Уходя, она оставила лампы включенными, но по возвращении ярко освещенная передняя встретила ее глухой тишиной, которую разбавляло лишь тиканье часов, доносившееся из гостиной. Огромный дом, казалось, обволакивал ее холодным унынием.

Марианна повесила чехол на вешалку у двери и осторожно расстегнула на нем молнию. Ткань чехла зашуршала, выпуская синтетический запах. С благоговением она перевесила маленькое красное пальтишко на белые плечики. Некогда оно имело густой алый цвет, но со временем поблекло, подвергаясь химической чистке по несколько раз за год.

Марианна посмотрела на фото в рамке, висевшее на стене между вешалкой и зеркалом во весь рост. Снимок был сделан 11 апреля 1990 года: Джессика сидит на качелях в местном парке, ее длинные белокурые волосы сияют на солнце; на ней это самое красное пальтишко, надетое поверх джинсов и джемпера с «Заботливыми мишками»[\[65\]](#). Аккуратно расправив пальто на вешалке, Марианна провела пальцами по пуговицам, не утратившим свой алый блеск, и затем, шагнув ближе, зарылась лицом в красную ткань. Пальто подарили Джессике на ее седьмой день рождения – последний день рождения, который они отмечали.

Прошло двадцать шесть лет, и как она ни старалась, память о дочери тускнела. Наверху в комодке она хранила в вакуумной упаковке одну из футболок Джессики, но за долгие годы вещь потеряла свежесть и пропахла ароматом крема для рук, которым пользовалась Марианна. Казалось, время задалось целью стереть все, кроме ее собственных воспоминаний.

Она отстранилась от пальто, на глаза навернулись слезы. Марианна вытерла их и сняла нарядные черные туфли, которые она всегда надевала, когда шла в супермаркет. Поймала в зеркале свое

отражение: длинные седые волосы, разделенные пробором, туго стянуты на затылке, как будто с обеих сторон оттягивая вниз изборожденное глубокими морщинами лицо. Марианна сняла с себя куртку и повесила ее подле детского красного пальто. За ее спиной висела тоже отражавшаяся в зеркале большая картина с изображением святой Девы Марии. Марианна сунула руку в карман и, нащупав четки, намотала их на свои узловатые пальцы. Губы сами собой зашевелились в молитве, но тут ее взгляд упал на мороженое в пакете, которое следовало убрать в морозильник.

Перекрестившись, Марианна взяла сумки с продуктами и отнесла их на кухню, где налила воду в чайник и положила чайный пакетик в свою любимую белую кружку. За минувшие двадцать шесть лет в кухне мало что изменилось: время от времени ее освежали краской и дополняли чем-нибудь из новой техники. Например, сейчас здесь стоял уже третий холодильник. На его дверце висел большой лист белой бумаги, покрытый цветными пятнами – рисунок пальцами, сделанный Джессикой в детском саду, когда ей было четыре года.

Марианна открыла холодильник и убрала в него ветчину, сыр и мороженое. Захлопнув дверцу, она помедлила, разглядывая рисунок – отпечатки маленьких ладошек желтого, красного и зеленого цветов. Каждую ладошку перечеркивали белые линии и бороздки, в которые не проникла краска. Оригинал, завернутый в папиросную бумагу, убрали в ящик комода. Через несколько лет, к ужасу и смятению Марианны, краска начала тускнеть, и ей пришлось отсканировать рисунок. Но даже скан оригинала перепечатывался несколько раз. Марианна провела пальцем по рисунку, отметив, что края листа начали закручиваться.

Горе срослось с ней, стало частью ее существа. Она по-прежнему плакала, но научилась жить со своей болью, ставшей ее постоянной спутницей. Идя мимо своей спальни в ванную, она скользила взглядом по пальто, по рисунку, по фотографиям Джессики – все это было частью ее повседневного бытия, как и боль.

Чайник закипел, она налила кипятка в кружку, поболтала в нем чайным пакетиком, который затем положила на раковину. Только хотела плеснуть молока, как дом огласила трель дверного звонка. Марианна глянула на часы: начало пятого.

Она никого не ждала, да и теперь редко кто к ней приходил без предупреждения.

Глава 12

Эрика нервно переминалась с ноги на ногу перед солидной деревянной входной дверью дома № 7 по Эйвондейл-роуд. С ней были Джон и констебль в отставке Нэнси Грин – невысокая темпераментная женщина с коротко остриженными седыми волосами. Оставив машину на дороге, они пешком прошли по длинной отлогой подъездной аллее, которая привела их в маленький двор, заставленный большими терракотовыми горшками. В каждом шелестела на ветру гортензия, теперь побуревшая и высохшая. От дороги дом отгораживали кусты, посаженные по краю палисадника. В голых сучьях живой изгороди мерцали уличные огни.

– Как рано стало темнеть, – нарушила молчание Нэнси, добавив: – Дома кто-то есть; в окно видно, что в глубине горит свет.

Только она второй раз нажала на кнопку звонка, дверь отворилась.

– Здравствуйте, Марианна. – Нэнси слабо улыбнулась.

Эрика никогда еще не видела столь бледной изможденной женщины. Ее задубелая кожа имела нездоровый цвет; серые глаза утопали в темных кругах; седые волосы с голубоватым отливом, опускавшиеся до самого пояса, были разделены на пробор и зачесаны назад, прикрывая уши. Она была в серой водолазке с длинным рукавом, черном шерстяном кардигане и черной юбке-трапеции. На груди у нее висело большое деревянное распятие. Она перевела взгляд с Нэнси на Эрику, потом на Джона.

– Марианна, познакомьтесь: старший инспектор Эрика Фостер и констебль Джон, – представила своих спутников Нэнси.

Джон с Эрикой показали свои удостоверения. Марианна едва взглянула на них.

– Нэнси? Зачем вы пришли? Что-то с Лорой или Тоби?.. С ними что-то случилось? – Голос у нее был резкий, в речи слышался слабый ирландский акцент.

– Нет-нет, все хорошо, – поспешила успокоить женщину Нэнси. – Только...

– Миссис Коллинз, вы позволите нам войти? – спросила Эрика. – Нам необходимо побеседовать с вами наедине. Это очень важно.

Констебль Грин... Нэнси любезно согласилась сопровождать нас, поскольку она как сотрудник полиции занималась вашей семьей... когда исчезла ваша дочь...

– В чем дело? Вы объясните? – допытывалась Марианна, протягивая руку Нэнси.

– Марианна, пожалуйста, позвольте нам войти, – сказала Нэнси, пожимая протянутую руку.

Женщина кивнула и отступила на шаг, пропуская их в дом. Она провела их в большую гостиную, элегантную, но неуютную, с мебелью из темного дерева, темно-красными обоями и плотными шторами темно-зеленого цвета, гармонизировавшими с обстановкой.

– Присаживайтесь, прошу вас. Хотите чаю? Я только что себе заварила, – предложила Марианна наигранно оживленным, беспечным тоном.

– Нет, спасибо, – поблагодарила Нэнси.

Они опустились на большой диван, что стоял у окна. Эрика обратила внимание на большую картину с изображением Девы Марии, висевшую над резным деревянным камином, и, обведя взглядом комнату, насчитала на стенах четыре распятия разных размеров. На всех поверхностях стояли фотографии Джессики в золоченых рамках: на журнальных столиках, расставленных тут и там, на подоконнике, на кабинетном рояле в углу, где снимков было особенно много. В остальном комната имела нежилой вид. Ни журналов, ни телевизора, ни книг. Марианна стояла, перебирая пальцами четки.

– Мы пытались дозвониться до ваших родных, но нам это не удалось, – сказала Нэнси.

– Они все в Испании. Тоби и Лора поехали навестить отца и его новую... она ему не жена...

– Нам нужно с ними поговорить... – начала Нэнси.

Пальцы Марианны, перебиравшие четки, задвигались быстрее, бусинки застучали; свисавший с них маленький серебряный крестик раскачивался у ее юбки. Нижняя губа женщины задрожала, глаза наполнились слезами.

– Я налью вам чаю. Хотите чаю?

– Марианна, сядьте, прошу вас, – сказала Нэнси.

– Не указывайте! Я у себя дома и буду делать что захочу! – внезапно заорала она.

– Разумеется. Марианна, успокойтесь, прошу вас. Выслушайте меня. – Нэнси встала с дивана и взяла Марианну за руки.

– Нет! Нет! НЕТ!

– Старший инспектор Фостер позвонила мне сегодня, потому что я была здесь с вами, когда...

– Нет!

– Когда Джессика...

– Нет. Не смейте произносить ее имя. Вы не имеете права!

Эрика посмотрела на Джона. Тот побелел, едва сдерживая волнение.

– Когда Джессика пропала, – мягко закончила Нэнси.

– Нет. Нет...

Нэнси оглянулась и кивнула, предлагая Эрике продолжить.

– Миссис Коллинз, в пятницу вечером мы с констеблем Макгорри в рамках одной операции производили поиски в Хейзском карьере и нашли останки человека. Скелет.

Марианна молчала. Взгляд ее вытаращенных глаз остекленел. Качая головой, она попятилась, пока спиной не уперлась в стену. Нэнси не отходила от нее.

– Этот скелет принадлежит... это скелет Джессики, – тихо произнесла Эрика.

Марианна качала головой; по ее щекам катились слезы.

– Не может быть. Вы ошиблись. Она вернется, ее найдут. Она жива. Наверно, просто не помнит, где ее настоящая семья. Я только сегодня забрала из химчистки ее пальто...

Эрика и Джон не поднимались с дивана.

– Мне очень жаль, Марианна. Это ее останки. – В глазах Нэнси тоже стояли слезы. – Ее опознали по стоматологическим рентгеновским снимкам.

Марианна все качала головой, по лицу ее ручьем лились безмолвные слезы.

– Миссис Коллинз, – тихо продолжала Эрика. – Мы должны поставить в известность вашего мужа, вашу дочь, Лору, и вашего сына, Тоби. Они все сейчас в Испании, верно? Вы могли бы дать нам телефон, по которому можно с ними связаться? Мы хотели бы поставить в известность всю семью до того, как сделаем заявление для прессы.

– Да, – тихо отозвалась Марианна с неверием в широко раскрытых глазах.

– Марианна, чем я могу вам помочь? – спросила Нэнси.

Марианна повернула голову к Нэнси, а затем вдруг размахнулась и кулаком ударила ее в лицо. Из носа Нэнси полилась кровь. Она пошатнулась, отпрянула и рухнула на журнальный столик.

– Вон из моего дома! Все! – завизжала Марианна. – Вон! УБИРАЙТЕСЬ!

Джон с Эрикой подскочили к Нэнси. У той лицо превратилось в кровавое месиво. Продолжая вопить, Марианна сползла по стене на пол.

Через эркерное окно с улицы донесся рокот подъезжающих машин, по комнате забегали отсветы фар. Журналисты, прослышав новость, снова слетались к дому.

Глава 13

На удалении десяти миль, в небольшом типовом домике на тихой жилой улице в Балэме на юго-востоке Лондона, в углу неприбранной гостиной гудел и мерцал телевизор. Небо, затянутое низкими серыми облаками, темнело, день угасал, а Аманда Бейкер, старший инспектор полиции в отставке, сидела развалившись в продавленном кресле и, свесив голову на грудь, спала. Свет в комнате не горел, и отблески телеэкрана прыгали по ее дряблему лицу с двойным подбородком; аудитория в телестудии хохотала, но Аманда не просыпалась. На журнальном столике под ее рукой стояли пепельница с окурками и наполненный наполовину бокал белого вина – все, что осталось от второй бутылки, которую она открыла. Первую Аманда откупорила в половине десятого утра, когда посуда из-под завтрака была свалена в раковину, а трясушка вкупе с чрезмерным потоотделением стали невыносимы.

Некогда ее дом отличала щеголеватость. Обставленный в сдержанно-изысканном стиле, он поражал элегантностью, как и его хозяйка, а теперь, подобно ей, был жалким и убогим. В камине буйствовали красно-оранжевые языки ненастоящего огня, на собачьей корзине, что стояла подле него, лежал толстый слой пыли.

В холле, перекрывая шум телевизора, пронзительно засигналил телефон. Трезвон продолжался, пока не включился автоответчик. Тогда-то Аманда и проснулась.

– Что такое? – растерянно произнесла она.

Услышав лай, она потерла лицо, неуклюже поднялась с кресла и потащила на кухню. Голова была ватная, глаза заволакивала мутная пелена. Минут пять она шарила в шкафах, забитых консервами, а потом вспомнила: ее собака, Сэнди, умерла несколько месяцев назад. Аманда опустила руки, навалилась на стол. На его усыпанную крошками поверхность с тихими шлепками падали слезы. Рукавом она отерла лицо, уловив несвежий запах собственного дыхания.

Телефон снова разразился трезвоном. Она проковыляла в холл и, сняв трубку, прислонилась к перилам, чтобы не упасть.

– Это бывший старший инспектор Аманда Бейкер? – раздался в телефоне резкий молодой женский голос.

– Кто это?

– Я хотела бы услышать ваш комментарий по делу Джессики Коллинз. Полиция обнаружила ее тело.

Аманда покачнулась, утратив дар речи.

– Алло? – нетерпеливо взывал к ней голос. – Вы возглавляли следствие, пока вас не отстранили от дела...

– Я досрочно вышла на пенсию...

– В пятницу в Хейзском карьере был найден скелет Джессики Коллинз...

– Мы обыскали карьер через несколько недель после исчезновения девочки. Ее там не было, – произнесла Аманда, скорее рассуждая сама с собой, нежели отвечая позвонившей ей женщине.

Со своего места у перил в холле она видела телевизор в гостиной. На экране плыла надпись: НОВОСТИ. Внизу шла бегущая строка: НАЙДЕНЫ ОСТАНКИ ПРОПАВШЕЙ ДЕВОЧКИ – ДЖЕССИКИ КОЛЛИНЗ. Телевизор показывал кадры пресс-конференции, организованной полицией в 1990 году: Марианна и Мартин Коллинз при ее поддержке – только там она гораздо моложе – говорили что-то в микрофон; за ними на белом фоне – старый логотип Столичной полиции.

– Так что вы можете сказать? – не унимался в трубке голос. Чувствовалось, что звонившую раздирает любопытство, она предвкушает сенсацию. На телеэкране высокая блондинка – сотрудник полиции – зачитывала заявление. В нижней части высветилось ее имя: СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ЭРИКА ФОСТЕР.

– ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ? – отчеканила в трубке девушка, явно раздосадованная молчанием Аманды. – В доме местного насильника были найдены фотографии Джессики. Вы его арестовали, но потом отпустили, так ведь?

– У меня не было выбора! Улик против него оказалось недостаточно.

– Он до сих пор на свободе. По-вашему, это он убил Джессику Коллинз? Судя по вашим действиям в последующие месяцы, вы считали его виновным. Думаете, на ваших руках есть кровь?

– Оставьте меня в покое! – взвизгнула Аманда, со стуком положив телефон.

Едва трубка легла на рычаг, телефон снова зазвонил. Она опустилась на колени и, распахивая груды старых газет, журналов и почтовой макулатуры, нащупала телефонный шнур и выдернула его из розетки. Телефон умолк. Аманда поспешила в гостиную и добавила звук.

– Мы хотели бы выразить соболезнования семье Коллинз. Расследование возобновлено, мы рассматриваем несколько новых версий. Спасибо.

Камера отъехала от Эрики Фостер, показывая, как она в сопровождении двух своих коллег через центральный вход удаляется в здание отделения полиции Бромли. На экране снова появилась студия Би-би-си, зазвучало новое сообщение.

Аманда опять села, стараясь дышать глубоко. Ее всю трясло.

– Нет-нет-нет... не может быть, – простонала она.

В куче ненужного старого хлама она вдруг заметила маленького белого пищащего кролика. Это была игрушка Сэнди. Аманда взяла кролика, прижала его к груди и разрыдалась, оплакивая Джессику, любимую Сэнди и свою неудавшуюся жизнь.

Когда слезы наконец иссякли, она рукавом вытерла лицо, прошла на кухню и откупорила третью бутылку вина.

Глава 14

Стемнело, лил дождь. Эрика подъехала к центральному входу отделения неотложной помощи Луишемской больницы. День выдался долгим, напряженным, и ей казалось, что она никак не может остановиться.

В лобовое стекло, расчищаемое дворниками, она увидели констебля Нэнси Грин. Та ждала под козырьком. От входа только что отъехала машина «скорой помощи», доставившая пожилую женщину, которую понесли на носилках через автоматически открывающуюся дверь. Из-под красного одеяла торчала вскинутая от боли старческая рука.

Эрика притормозила и опустила стекло со стороны пассажирского кресла.

– Садитесь скорей. Следом едет еще одна «скорая».

Нэнси на нос наложили толстую квадратную повязку, на которой проступали пятна крови. Она открыла дверцу и села, прижимая к себе небольшой белый бумажный пакет.

– Нос сломан. В двух местах. Наложили шесть швов. – Она осторожно потрогала повязку, удобнее устраиваясь в кресле.

С повязкой нос Нэнси стал похож на орлиный клюв, и, поскольку у нее были большие карие глаза, Эрике она напомнила сову. Она помогла Нэнси пристегнуть ремень безопасности, затем тронулась с места и покатила прочь.

– Спасибо, что заехали. Кого-кого, а вас я ждала меньше всего. Такая каша заварилась, – сказала Нэнси.

– Я хотела удостовериться, что вам была оказана надлежащая помощь. Это ведь была моя идея взять вас с собой к Марианне; как оказалось, не самая удачная...

Нэнси чуть поменяла положение в кресле и откинула на спинку голову.

– Вы так думаете? – Она невесело рассмеялась. – Я смотрела ваше выступление по телевидению, пока ждала в приемной. Откуда вы родом? В вашей речи прослеживается северный акцент, но похожи вы... даже не знаю... на польку?

– Я словачка, – объяснила Эрика, пытаясь скрыть раздражение: ей было неприятно, что ее приняли за другую. – Английский выучила в Манчестере...

– А я ни за что не смогла бы жить на севере. Я родилась и выросла в Лондоне. Получасовую серию «Улицы Коронации»^[66] кое-как могу посмотреть, но всегда вздыхаю с облегчением, когда начинают идти титры. – Прикусив губу, Эрика включила быстрее дворники, борющиеся с проливным дождем. – Как Марианна? – спросила Нэнси.

– Констебль Макгорри вызвал врача, ей прописали успокаивающее. Ее родные уже заказали билеты на самолет, сегодня вечером должны прилететь. Пришлось сообщить им по телефону, хотя я делать этого не хотела. Но журналисты уже обо всем пронюхали. – Они подкатили к выходу с территории больницы и остановились за машиной, ожидавшей возможности выехать за ворота.

– Нэнси, куда вас отвезти?

– Я живу в другом конце Далиджа. Езжайте через Форест-Хилл.

Машина перед ними тронулась с места, и они увидели, что на дороге, как и полагается в час пик, столпотворение. Какой-то фургон притормозил, пропуская Эрику. Она поблагодарила водителя взмахом руки. Дождь усилился, колотя по крышам автомобилей, что вереницей растянулись на дороге.

– Я подумала, вы тоже не откажетесь мне помочь. Услуга за услугу, – сказала Эрика.

– Значит, вы не просто по доброте душевной вызвали меня подвезти? – хмыкнула Нэнси. Она попыталась повернуть голову и поморщилась.

– Я стараюсь ускорить расследование. Вы ведь от полиции опекали семью, когда пропала Джессика?

– Да, и очень долго, если честно. Все это задокументировано, но я готова рассказать, что знаю... Черт, болит, – скривилась Нэнси. Она открыла бумажный пакет, выдавила из блистера одну таблетку и проглотила ее, не запивая.

– Я должна спросить: намерены вы подать в суд? – спросила Эрика, медленно продвигаясь вперед в потоке автотранспорта.

– На Марианну? Что вы, конечно, нет. Бедняжка и без того настрадалась. – Нэнси откинула голову на подголовник. – А вот на

врачей – чтоб им икалось – охотно написала бы жалобу: пожалели болеутоляющих...

– Она вас ударила, а на кулаке у нее были намотаны четки.

– Католический кастет, – улыбнулась Нэнси. – За все те годы, пребывая в большом горе, Марианна никогда не проявляла агрессии. Порой, работая сотрудником по связям с родными[67], чувствуешь себя запаской. Тебе хочется быть в гуще событий, обеспечивать правопорядок, а приходится подавать чай и отвечать на телефонные звонки.

– Сотрудники по связям с родными выполняют важную работу.

– Знаю. И как ни странно, я рада, что пошла с вами и она меня ударила. В полицейских отчетах никогда не упоминается про чашки чая, что ты налила, про советы, которые дала. А это официально зафиксировано. Черта подведена.

– Долго вы опекали семью Джессики после ее исчезновения?

– Первые несколько месяцев, с августа девяностого года, практически поселилась у них в доме. Марианна с Мартином были тогда еще вместе.

– Когда они развелись?

– Они не разводились. Вы же видели четки на кулаке Марианны. В ее мире развода не существует. Они расстались в девяносто седьмом. Протянули дольше, чем я ожидала. С потерей ребенка в отношениях между супругами всегда нарастает напряженность и они отдаляются друг от друга. Но они растили маленького Тоби, ему было всего четыре года, когда исчезла Джессика, и какое-то время для них он был связующим раствором, не позволявшим им распасться. Лора гораздо старше. Она к тому времени уже год отучилась в университете. На второй курс она вернулась с задержкой, но лучше бы сразу уехала в университет. Они с Марианной сводили друг друга с ума. И Марианна в конце концов ото всех и от всего отвернулась, все силы бросив на поиски Джессики. Тоби тогда был совсем малыш, и Лоре пришлось заботу о нем взять на себя.

– Сколько теперь Тоби?

– Двадцать девять. Он – гей. Неудивительно, что Марианна так и не смогла с этим смириться.

– Тоби где-то здесь живет?

– Нет. В Эдинбурге. Лора замужем, у нее двое маленьких сынишек, живет с семьей на севере Лондона. Мартин – в Испании. Дом он оставил Марианне. Он – миллионер. Думаю, следит за тем, чтобы жена его была под присмотром. Она просто бродит по своему большому дому все дни напролет, как мисс Хэвишем[68]. Убитая горем. Хотя в отличие от мисс Хэвишем у Марианны всегда в ходу пылесос. Вы же сами видели: в доме ни соринки.

– Чем Мартин занимается в Испании?

– Строит дома отдыха для богатых иностранцев. Зарабатывает большие деньги. Живет в Малаге со своей подружкой – она моложе него – и их двумя детьми.

Эрику радовало, что они еле-еле ползли в пробке. Нэнси была кладезь информации.

– Вам известно, как Мартин и Марианна познакомились? – спросила она.

– В Ирландии. Он – ирландец; Марианна – британка, но выросла в Голуэе. Они познакомились, когда им было лет по шестнадцать, в одном католическом молодежном клубе. В семнадцать она забеременела, и им пришлось пожениться... Когда Марианна стала рассказывать мне о себе, я поняла, что она прониклась ко мне доверием. Они сочетались браком в Ирландии в конце семидесятых. Поначалу едва сводили концы с концами, но он сумел подняться, работая в строительном бизнесе, и в восемьдесят седьмом году, сразу после рождения Джессики, они переехали в Лондон. Время выбрали подходящее: тогда активно велось жилищное строительство, и они очень выгодно приобрели жилье. Лоре было четырнадцать, когда они переехали, и, думаю, для нее это был стресс: в Ирландии остались и ее друзья, и дом родной.

– Тогда у них и начались проблемы?

Нэнси кивнула и поморщилась, вспомнив, что у нее на носу повязка. Пробка рассасывалась, они поехали чуть быстрее, минуя ряд светофоров.

– Думаю, когда они перебрались сюда, Лоре было трудно обрести почву под ногами. Все ее детство их семья жила в нищете. Только на исходе ее отрочества они начали богатеть. Денег у них было достаточно на то, чтобы баловать Джессику и Тоби. Те посещали

множество разных кружков, Джессика занималась балетом... Она была такая лапочка, Джессика.

В потоке машин они медленно катили мимо закрытых магазинов на Кэтфорд-Хай-стрит. Работали только вест-индский супермаркет и рядом с ним – ломбард. В ярко освещенном запотевшем окне они увидели группу стариков, смотревших на какой-то экран.

– Вы действительно думаете, что вам удастся раскрыть это дело, по прошествии стольких лет? – спросила Нэнси.

Если у Эрики и были сомнения на сей счет, делиться ими она не собиралась.

– Я всегда раскрываю все дела, которые веду, – ответила она.

– Что ж, удачи вам... Только будьте осторожны. Она ведь рассудком тронулась... та женщина, что раньше вела дело... Аманда Бейкер.

– Как это случилось?

– Как сотрудник отдела по расследованию преступлений в Боро она многие годы имела дело с жертвами сексуального насилия. Даром это не прошло. А потом дело Джессики. Свидетелей не было. Во второй половине дня Джессика вышла из дома, отправившись на день рождения к подруге, которая жила неподалеку, на той же улице, и словно исчезла с лица земли. До подруги она не дошла, никто ничего не видел. Был один-единственный подозреваемый – Тревор Марксман, местный насильник. У него нашли снимки и видео с Джессикой, которые он сделал несколькими неделями раньше, когда она с Марианной и Лорой гуляла в парке.

– И его арестовали?

– Да. Но у него оказалось алиби. Железное. Он только-только вышел из тюрьмы и проживал в социально-реабилитационном центре[69]. Седьмого августа он целый день находился там. И тому было много свидетелей, в том числе два сотрудника службы надзора. Но мотив у него имелся. Он отбывал срок за похищение девочки в парке. Та тоже была белокурой и очень походила на Джессику. В итоге Аманде ничего не оставалось, как отпустить его. За ним установили наблюдение. Но время шло, она все больше нервничала, начала преследовать его. Он в ответ глумился над ней, смеялся, что она не может раскрыть дело. В конце концов дошло до того, что она подговорила группу местных женщин, чинивших самосуд. Посреди

ночи они сунули бутылку с бензином в его почтовый ящик. Он выжил, но получил сильные ожоги.

– И Аманде это аукнулось?

Нэнси кивнула.

– Тревор Марксмэн нашел хорошего адвоката и предъявил иск Столичной полиции. Отсудил триста тысяч. И перебрался, кажется, во Вьетнам, грязный мерзавец. Аманду досрочно спровадили на пенсию, на мой взгляд, незаслуженно, и в историю она вошла как бесчестный полицейский. По последним сведениям, она фактически умирает от цирроза печени... Так, здесь налево.

Эрика пожалела, что они уже приехали. Она свернула с автострады на дорогу, где движение было нормальное. Они миновали большой паб, несколько кафе, специализировавшихся на кебабе, и только потом появились жилые дома.

– Приехали, вон в том доме я и живу, – сказала Нэнси.

В одном месте между типовыми коттеджами на одну семью, что тянулись вдоль дороги в обоих направлениях, примостился серый приземистый многоквартирный дом из бетона. Эрика затормозила у обочины.

– Спасибо, что подвезли. Дома выпью еще одну из этих сильнодействующих таблеток. – Нэнси отстегнула ремень безопасности. По-прежнему лил дождь. Надевая капюшон, она задела повязку и поморщилась.

– Как по-вашему, кто это сделал? Кто убил Джессику? – спросила Эрика, перегнувшись к дверце со стороны пассажирского кресла, чтобы видеть Нэнси.

– Бог его знает... может, ее кто-то просто схватил на улице и увез, – ответила та, наклонившись, а потом добавила: – Тело Джессики вы нашли. Возможно, бесследно исчез только тот... кто ее похитил.

Глава 15

В отделение Бромли Эрика прибыла поздно вечером. Для оперативного отдела ей выделили большое помещение открытой планировки на верхнем этаже. Из головы у нее не шли слова Нэнси: «Тело Джессики вы нашли. Возможно, бесследно исчез только тот... кто ее похитил».

Войдя в оперативный отдел, Эрика увидела, что в комнату принесли столы и техник подключает компьютеры к сетевой системе «Холмес»^[70], через розетки подсоединяя их к проводам, проложенным под полом. Несколько полицейских, которых ей пока не представили, говорили по телефону. Еще двое, мужчина и женщина, размещали на демонстрационных досках, занимавших все пространство вдоль задней стены, собранные на данный момент следственные материалы.

В одном углу висела огромная карта южной части Лондона до самой границы Кента, и худенькая сотрудница полиции с короткими черными волосами прищипливала около нее фотографии, в том числе снимки Хейзского карьера и дома № 7 по Эйвондейл-роуд. Рядом толстый полицейский с рыжеватыми волосами и кроличьими зубами разбирал на столе фотографии – снимки Джессики Коллинз. На одном она позировала в нарядном платье, в котором отправилась на день рождения; на другом – ее останки в морге; еще на одном были показаны коричневые лохмотья – все, что осталось от ее одежды после долгих лет нахождения под водой.

– Здравствуйте, – обратилась к присутствующим Эрика. – Старший инспектор Фостер.

– Констебль Найт, – представилась женщина, пожимая ей руку. – А это – констебль Крофорд.

– Я сам за себя могу сказать, – сердито бросил тот. Перегнувшись через стол, он тоже обменялся рукопожатием с Эрикой. Ладонь у него была холодная и влажная.

Проигнорировав его реплику, Найт продолжала:

– Мы составляем хронологию событий: передвижения Джессики на протяжении нескольких дней вплоть до седьмого августа, когда она вышла из дома № 7 по Эйвондейл-роуд. Я работаю с первоначальным

отчетом о пропавшей без вести девочке и свидетельскими показаниями, но в системе «Холмес» не все материалы.

Компьютерная система «Холмес» использовалась службой полиции по всей стране для регистрации и учета криминалистически значимой информации. Систему ввели в 1985 году, но прошло еще несколько лет, прежде чем она целиком и полностью утвердилась во всех полицейских подразделениях и ведомствах.

– Констебль Макгори принес материалы следствия на бумажных носителях. Он должен скоро быть. Перекусить, наверно, пошел.

– Это кто? – спросила Эрика, показывая на один пожелтевший снимок – фото на документы тридцатипятилетнего мужчины с холодными голубыми глазами, сальными светлыми волосами и пухлым лицом.

– Тревор Марксмэн, – ответил Крофорд. Наклонившись к ним, он взял фотографию. – Ну и мерзкая рожа у этого детолюбца, а? Хотя теперь он выглядит вот так.

Порывшись в куче снимков, Крофорд вытащил фото человека с безобразными ожогами на лице и шее. Кожа у того была красная и блестяла. Он смотрел в объектив. Единственным сходством с первой фотографией были холодные голубые глаза, выглядывавшие из-под маски пересаженной кожи. Ни волос, ни бровей, ни ресниц.

– Живет он во Вьетнаме, – промолвила Эрика. Она взяла снимок, держа его за самые края, чтобы не касаться лица.

– Да, у нас есть его адрес в Дурбане, только не знаю, актуален ли он теперь, – сказала Найт. – Я уточню информацию.

– Я тоже над этим работаю; мы вместе работаем. – Крофорд произнес это как-то по-детски, словно хотел убедить Эрику в том, что он трудится столь же усердно.

Она вернула ему снимок.

– Слово «детолюб» неуместно. О таких вещах не шутят. Говорите «насильник» или «педофил». Ясно? – Крофорд кивнул, забирая у нее фото. Щеки его покрылись красными пятнами. – Думаете, к завтрашнему утру успеете?

– Да, мэм, – ответила Найт.

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне «босс».

– Слушаюсь, босс.

В дверях показался Джон с упаковкой еды из кафе и банкой кока-колы. Запихивая в рот несколько ломтиков жареного картофеля, он направился к Эрике.

– Джон, мне сказали, у нас есть печатные материалы по делу Джессики Коллинз?

Джон замахал рукой перед своим лицом.

– Ой, простите, горячо, – объяснил он с набитым ртом, затем проглотил картошку, запивая кока-колой. – Простите, босс. Целый день не ел. Да. И еще официальный отчет о вскрытии от доктора Стронга. Я положил вам на стол.

– А где мой стол?

– В вашем кабинете.

– У меня есть кабинет?

– Вон там, сзади, – показал он ломтиком жареного картофеля.

Эрика обернулась и увидела в глубине большой закуток за стеклянной панелью. Он был забит белыми коробками с документацией, которые штабелями громоздились одна на другой, доходя ей по самую грудь. Она подошла к двери, Джон – следом за ней. Среди коробок она едва различила стол.

– Кто придумал сложить все это здесь? Даже в дверь не войти! – раздраженно воскликнула Эрика.

– Я не знал, что их так много. Просто сказал, чтобы принесли к вам в кабинет...

– И это абсолютно все материалы? – уточнила она.

– Да. Принесли из архива все, что там было по этому делу. Некоторые коробки промаркированы по годам с девяносто первого по девяносто пятый, другие – по названию мест, и целая куча вообще без опознавательных знаков – в них складывали все без разбору...

В кабинете Эрики зазвонил телефон. Джон помог ей быстро отодвинуть часть коробок, чтобы она смогла пробраться к аппарату. Звонил Марш.

– Ну, что накопили в старых материалах? – спросил он без предисловий.

– Сэр, я буквально только что их получила.

– Список подозреваемых составляете? Я хочу увидеть его как можно скорее.

– Я побеседовала с констеблем Грин, она в свое время опекала семью жертвы и рассказала много любопытных подробностей. Но мне нужно больше людей, чтобы перепахать всю эту гору. – Эрика уныло обвела взглядом коробки.

– Хорошо, что-нибудь придумаем. Газеты сегодняшние видели?

В эту же секунду Джон дал ей чуть забрызганный дождем номер «Ивнинг Стандарт», и Эрика увидела, что новость об обнаружении останков Джессики Коллинз напечатана на первой полосе вечернего выпуска.

– Да, у меня есть.

– По какой-то причине забыли опубликовать телефон оперативного отдела. Но Коллин Скэнлан и наша пресс-служба уже работают над этим, с минуты на минуту добавят эту информацию в интернет-версию. Мартин Коллинз вместе с остальными родственниками прилетает сюда поздно вечером. Просил утром сразу встретиться с руководителем следственной группы и представителями пресс-службы.

– Сначала я должна провести инструктаж, сэр, – ошетинилась Эрика. – Потом планирую встретиться с родными...

– Мартин Коллинз хочет убедиться, что нынешнее расследование не обернется фиаско, как в прошлый раз. Эрика, нам нужны результаты.

– Сэр, я ведь распутываю паутину. Мне действительно нужны люди. Необходимо быстро просмотреть все материалы. Только потом я смогу представить вам список подозреваемых.

– Хорошо, оставь это мне. – Марш повесил трубку.

Перегнувшись через коробки, Эрика положила трубку на рычаг. Джон, видя, что она раздражена, нервно покусывал губу.

– Звонил суперинтендант Йель. Он ждет от вас отчет по делу Джейсона Тайлера... Говорит, вы ему вчера обещали?

– Черт!

– Точно не хотите картошки? – спросил Джон, протягивая ей картонный коробок. Эрика взяла ломтик, сунула его в рот, затем выдвинула одну из коробок с пометкой «7 августа 1990 г.».

– Что ж, начнем с самого начала, – со страхом в душе произнесла она.

Глава 16

На следующее утро, когда Эрика прибыла в отделение Бромли, глаза у нее были покрасневшие и мутные. Прошлым днем она засиделась на работе допоздна, знакомясь с материалами об исчезновении Джессики Коллинз и заканчивая отчет по делу Джейсона Тайлера, и успела ухватить всего несколько часов сна.

Выбираясь из машины на подземной парковке, она услышала свист и увидела идущие к ней два знакомых лица.

– Босс! Как же я рада вас видеть! – вскричала инспектор Мосс – невысокая плотная женщина с убранными за уши короткими рыжими волосами и бледным веснушчатым лицом. Она подскочила к Эрике и крепко ее обняла.

– Очень уж соскучилась она по вас, – прокомментировал высокий темнокожий полицейский, мгновением позже подходя к ним. Это был инспектор Питерсон, невозмутимый и статный, в щегольском черном костюме.

– Ну все, все, задушите, – рассмеялась Эрика. Мосс разжала объятия и отступила на шаг.

– Я думала, вы уж забыли нас!

– Замоталась. Меня прислали сюда в качестве запчасти, а потом вдруг завалили делами, – объяснила Эрика, чувствуя себя виноватой из-за того, что не поддерживала связь с бывшими коллегами.

– Питерсон, а ты что стоишь? Обними босса, – пошутила Мосс.

Тот повел глазами.

– Рад видеть вас, босс. – Улыбаясь, он дотянулся до Эрики и похлопал ее по плечу.

Она улыбнулась в ответ, и затем возникло неловкое молчание.

– Вам нужны разрешения на парковку? – спросила Эрика.

– Одно. Мы на моей машине. Питерсон ждет, когда ему новую дадут, – сказала Мосс.

– Моя сдохла на прошлой неделе на развязке Сан-ин-зе-сэндс, – сообщил он. – Кошмар: час пик, машины сигналият как сумасшедшие, а у меня из капота дым валит.

– Видели бы вы его капот [71], босс. Он в нем такой красавчик. Я ему сказала, чтоб сегодня он его не надевал.

– Уймись, Мосс, – одернул ее Питерсон.

– Он просто скромничает, босс. Лицо в обрамлении рюшек... Похож на маленького Идриса Эльбу[72].

Эрика прыснула со смеху.

– Простите, Питерсон, – извинилась она.

– Я не в обиде, – улыбнулся он.

Эрика уже и забыла, как ей комфортно работалось с Мосс и Питерсоном; их ей так не хватало. Они дошли до лифта в конце парковки, она нажала кнопку вызова.

– Здорово, что вы оба здесь. Спасибо. Хотя сегодня нам вряд ли придется еще посмеяться. Дело обещает быть очень трудным.

* * *

Они поднялись на верхний этаж. В оперативном отделе было полно народу. Эрика представила Мосс и Питерсона, довольно отметив про себя, что из Управления уголовных расследований ей прислали дополнительно шесть сотрудников для работы с архивными следственными материалами.

Эрика обвела взглядом застывшие в ожидании лица.

– Приветствую всех. Спасибо, что так скоро собрались... – Она коротко обрисовала обстоятельства дела Джессики Коллинз, рассказала о том, что удалось выяснить на настоящий момент. – Берясь за расследование этого дела, мы открываем ящик Пандоры, точнее, множество ящиков, – добавила она, намекая на коробки со следственными материалами, что теперь громоздились вдоль задней стены. – Нам необходимо сосредоточиться на фактах, имеющих отношение к исчезновению Джессики. Догадки и домыслы в расчет не принимаются. Мы не можем предвидеть, какое освещение в прессе получит обнаружение останков Джессики Коллинз, но мы обязаны опережать журналистов. И по сравнению с девяностыми для нас это, пожалуй, даже еще более сложная задача. Теперь есть и круглосуточные новостные каналы, и соцсети, и блоги, и интернет-форумы, и все они будут что-то выкапывать и выдавать двадцать четыре часа в сутки. А значит, те следственные материалы, что лежат вдоль стены, необходимо заново просмотреть, от первой до последней

страницы, причем быстро. Внимательно прочитайте все свидетельские показания, проведите перекрестную сверку. Я хочу знать все про Хейзский карьер. Как его использовали все прошлые годы? Почему тело Джессики так и не нашли? Прямо отсюда я еду на встречу с Коллинзами, и у них, вне сомнения, будет ко мне много вопросов. Приступайте к работе без промедления.

Затем встала констебль Найт. Она изложила хронологию событий, приведших к исчезновению Джессики Коллинз.

– Сколь широко я должна представить информацию о месте происшествия, босс? – спросила она.

– Исходите из того, что мы не знаем ничего. Мы не живем близ Хейза. Мы никогда не слышали о Джессике Коллинз. Слушаем об этом впервые... И помните, – добавила Эрика, – глупых вопросов не бывает. Если что-нибудь не ясно, сразу кричите.

Она присела на стол, а Найт подошла к огромной карте размером четыре квадратных метра, что висела на задней стене.

– На карте охвачена территория площадью двадцать миль сверху донизу. В середине – центральная часть Лондона, внизу, на юге, – граница Кента, а вот здесь, в Бромли, – мы. – Найт показала на большой красный крест, отмеченный на карте. – Мы находимся в двух и шести десятых мили от поселка Хейз. Это популярный спальный район: многие из живущих там работают в Лондоне, дорога на электричке до центра занимает полчаса. Процент проживающих там пенсионеров выше среднего, цены на жилье высокие, преобладает белое население.

Найт кивнула Кроффорду. Тот подошел к столу, на котором стоял ноутбук, и включил проектор. На белой демонстрационной доске высветилась карта более крупного масштаба. Найт встала сбоку от нее и продолжала:

– Это – крупномасштабная карта природного парка Хейз и одноименного поселка. Вы видите центральную улицу и железнодорожный вокзал. Обширная площадь зеленого цвета – природный парк Хейз, зона лесов и вересковых пустошей, иссеченная вьючными и пешеходными тропами, а также несколькими дорогами. Это один из крупнейших природный парков в Большом Лондоне, раскинувшийся на площади двести двадцать пять акров. Имеется несколько въездов: Престонс-роуд, Уэст-Коммон-роуд, Файв-Элмс-

роуд, Кройдон-роуд, Бастон-роуд, Бастон-Мэнор-роуд и Коммонсайд. Хейзский карьер, где были найдены останки Джессики, находится здесь. – Найт сдвинула руку к юго-восточной части парка, где дороги Кройдон-роуд, Бастон-роуд и Коммонсайд прорезали зеленую зону, образуя большой перевернутый треугольник. – Карьер вырыли в 1906–1914 годах, когда здесь добывали песок и гравий. За минувшие годы его дважды заваливали и расчищали. Во время Второй мировой войны в парке Хейз располагались военная база и зенитная артиллерия. В восьмидесятом году карьер во второй раз расчистили археологи, которые проводили здесь раскопки, выискивая артефакты бронзового века. После его оставили заполняться водой. Районный совет Бромли дважды ходатайствовал, чтобы им разрешили использовать карьер в целях промыслового рыболовства, но оба раза эта идея не получила поддержки, поскольку данная территория является природным заказником и охраняется государством.

Умолкнув, она перешла к другому краю карты; на ее усталом лице, словно артерии, пролегли линии отображавшихся дорог.

– Теперь хронология событий, которые привели к исчезновению Джессики Коллинз. Вместе с семьей она жила здесь, в доме № 7 по Эйвондейл-роуд. Это меньше чем в миле от Хейзского карьера; ближайшая точка доступа здесь – с Бастон-роуд. Вы видите, что все дома на Эйвондейл-роуд имеют большие сады и стоят за заборами. Это зажиточный район. В субботу, седьмого августа тысяча девятьсот девяностого года в час сорок пять Джессика вышла из родительского дома, направляясь на день рождения к школьной подруге, Келли Моррисон, которая жила в доме № 27 по Эйвондейл-роуд. Идти было недалеко, метров пятьсот всего, но она туда не дошла. Тревогу подняли только в три тридцать, когда мать Келли позвонила Марианне, чтобы узнать, где Джессика.

Найт кивнула Кроффорду. Тот подошел к ноутбуку и щелкнул мышкой. На демонстрационной доске появилась веб-страница «Перес Хилтон»^[73] с фотографией Ким Кардашьян, выходящей из «Старбакса».

– Опа! – хохотнул он. – Лажанулся. Но готов поспорить, я здесь не единственный, кто следит за личной жизнью семейства Кардашьян!

Ответом ему было гробовое молчание. Кое-где в комнате раздались смешки. Мосс, поймав взгляд Эрики, вскинула брови.

– Вот, пожалуйста, – сказал он, покраснев. Страничку блогера сменило изображение в режиме «просмотра улиц». Найт взглянула на Крофорда и продолжала:

– Здесь Бастон-роуд покидает зону парка и переходит в Эйвондейл-роуд. – На экране замелькала череда размытых снимков улицы – дом за домом на Эйвондейл-роуд. – Как видите, все дома большие, в два-три этажа. Все стоят в глубине, многие отделены от дороги высокой живой изгородью или деревьями... Вот мы минуем дом № 7, где живут Коллинзы... и движемся к дому № 27 по Эйвондейл-роуд. Я пытаюсь выводить изображения улицы двадцатишестилетней давности.

Теперь пошли снимки более богатых домов. Вот почтальон с затертым лицом застыл на ходу, держа руку глубоко в своей сумке. Чуть дальше женщина с маленькой собачкой появилась на выходе с одной из подъездных аллей. Она была заснята со спины, и они заметили, что у нее короткие кудрявые светлые волосы.

– Мы минуем дом № 27, где жила подруга Джессики, Келли Моррисон. Вы видите, что Эйвондейл-роуд резко поворачивает влево, переходя в Марсден-роуд. – Снова быстрая смена размытых снимков и затем четкое изображение большого особняка цвета сливочного масла с колоннами, украшающими главный вход. – Теперь это Дом престарелых Суонн, частный интернат-лечебница, а двадцать шесть лет назад в этом здании размещался социально-реабилитационный центр для осужденных насильников. Широкой публике о существовании центра не было известно, он попал в поле зрения общественности только после исчезновения Джессики. Один из его обитателей, Тревор Марксман, стал главным подозреваемым. В его комнате на верхнем этаже были найдены фотографии и домашнее видео с Джессикой. Кто-то из соседей также видел его у дома жертвы во второй половине дня пятого августа, примерно в это же время – шестого и утром седьмого. Через две недели его арестовали и допросили, но кроме сделанных им фотографий и видео с Джессикой других улик, указывающих на его причастность к ее исчезновению, обнаружено не было.

– Но ведь в социально-реабилитационном центре проживало *много* осужденных насильников. Подозреваемых должно было быть больше, – заметила Мосс.

– Да, но социально-реабилитационный центр – режимный объект, и седьмого августа в час тридцать все его обитатели и сотрудники службы надзора были созваны на еженедельное собрание. В половине второго была проведена переключка. Все поднадзорные были на месте. Собрание продолжалось два часа и закончилось вскоре после половины четвертого. За это время никто из поднадзорных центр не покидал. В три тридцать мать Келли Моррисон позвонила Марианне Коллинз, чтобы узнать, где Джессика. Вскоре после этого начались поиски девочки.

– И теперь у нас есть ее останки, – подытожила Мосс.

– Мы нашли останки Джессики, но они пролежали на дне двадцать шесть лет, и улики у нас фактически нет, – указала Эрика.

– У всех ближайших родственников Джессики имеется алиби. Марианна и Мартин были дома с Тоби. К ним в час сорок заходили пожилая соседка и ее муж, некие мистер и миссис О’Шей, ныне покойные. Они находились дома, когда Джессика уходила, и оставались там, пока не подняли тревогу. Их старшая дочь Лора находилась за двести сорок миль от дома, на полуострове Гауэр в Уэльсе, куда она отправилась в турпоход вместе со своим парнем Оскаром Брауном. Они уехали рано утром днем раньше.

Найт обвела взглядом комнату.

– Поквартирный опрос ничего не дал: многих соседей дома не оказалось, а у тех, кто был дома, имеется железное алиби. Как вы видели по карте *Google*, из большинства домов Эйвондейл-роуд не просматривается, соответственно, мы имеем двухчасовой период, за который могло произойти все что угодно. Уличных торговцев было мало, почту в субботу после обеда не разносили. В девяностых очень мало зон в этом районе было охвачено камерами видеонаблюдения. Автобусы по Эйвондейл-роуд не ходят.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Потом Крофорд включил свет, и Эрика, выйдя вперед, встала у карты заметно побледневшей в освещении потолочных ламп.

– Спасибо. Крофорд, у меня к вам большая просьба: впредь постарайтесь использовать свой ноутбук только для работы.

– Да, простите. Такого больше не повторится, – промямлил он.

– Я прошу всех сконцентрироваться. Если чувствуете, что внимание уходит, посмотрите на эту фотографию. – Эрика показала на

снимок, сделанный в морге, – фото скелета Джессики, который лежал на голубой простыне, словно собранный пазл. – В нашем распоряжении огромное количество архивных следственных материалов, и с их штудирования мы и начнем расследование. Это скорее плюс, чем минус: в этих материалах содержится масса скрытой информации. У нас есть еще одно преимущество: мы имеем возможность взглянуть на ситуацию с позиции прошедших лет. Для начала распределите между собой коробки. Ответственным назначаю инспектора Мосс. Тщательно изучите и проанализируйте все данные по Тревору Марксмену и также обратите внимание на роль руководителя прежней следственной группы – старшего инспектора Аманду Бейкер...

– Я знал Аманду, – перебил Эрику Крофорд. – Работал по этому делу в ее группе в девяностом, когда был простым констеблем.

– Почему вы раньше об этом не упомянули? – спросила Эрика. Взгляды всех, кто был в комнате, обратились на Крофорда. Тот стоял у двери, раздувая щеки.

– Ну, я подумал, что скажу, когда будет подходящий момент, а то ведь была такая запарка...

– Я беседовала с вами и констеблем Найт вчера, когда вы готовили это выступление. Вы сочли, что это несущественная информация? Не подумали, что могли бы поделиться с нами важными подробностями?

Теперь все смотрели на Крофорда. Он снова надул щеки. Эта его привычка начинала действовать Эрике на нервы.

– О старшем инспекторе Бейкер много всего сказано... – начал он. – На мой взгляд, ей приходилось держать удар с обеих сторон. С одной – Коллинзы на нее наседали, с другой – начальство вело мышиную возню за ее спиной. Так не должно быть.

– Нам это известно. Что-нибудь еще?

– М-м-м. Я принимал участие в поисках в парке Хейз и в карьере, что велись в августе и сентябре девяностого года. Водолазы обследовали карьер. Мы... Они ничего не нашли, – сообщил Крофорд.

– Значит, Джессика тогда была еще жива, и ее где-то прятали либо убили в другом месте и позже сбросили в воду, – заключила Эрика.

– Я не имел доступа ко всему, что происходило в оперативном отделе. В ту пору я был обычным патрульным, рвался в бой... Жизнь меня еще не обтесала, – смущенно хмыкнул Крофорд.

На мгновение его смешок словно завис в воздухе. Он неловко переступил с ноги на ногу. Его лицо все еще покрывали красные пятна. Эрика мысленно отметила, что надо бы ознакомиться с его досье. По ее прикидкам, Крофорду было под пятьдесят. За те три месяца, что она работала в отделении Бромли, он ни разу не попадался ей на глаза.

– Итак, ваша главная задача, – обратилась она к своей следственной группе, – тщательно изучить вещественные доказательства. Как только пойдем, что лежит в этих коробках, сможем двигаться дальше. Завтра утром встречаемся здесь для подведения промежуточных итогов.

В оперативном отделе поднялся галдеж, все засуетились. Эрика подошла к Мосс и Питерсону, сидевшим рядом с ее кабинетом.

– Питерсон, вы со мной. Мы едем к Коллинзам. Мосс, на вас работа оперативного отдела, и... – Она кивнула в сторону Крофорда, пытавшегося распутать скрутившийся в узлы шнур зарядного устройства от ноутбука.

– Хотите, чтоб я достала его досье? – тихо уточнила Мосс.

– Да. Только без шума...

Мосс кивнула, и Эрика вместе с Питерсоном покинула оперативный отдел, где уже вовсю кипела работа.

Глава 17

Дверь дома № 7 по Эйвондейл-роуд открыл высокий поджарый загорелый мужчина. Он был обрит наголо, но чуть пробивающиеся волосы свидетельствовали о том, что лысая у него только макушка; подбородок и щеки покрывала черная с проседью щетина. Одет он был в черные брюки, синюю рубашку с закатанными рукавами, обнажавшими его жилистые руки, и дорогие туфли из мягкой черной кожи. Эрика обалдела, когда он представился Мартином Коллинзом. Моложавый холеный мужчина шестидесяти с чем-то лет. В сравнении с ним Марианна выглядела дряхлой старухой.

– Мы в гостинной, – ворчливо произнес он; в его речи по-прежнему слышался сильный ирландский акцент.

Они последовали за Мартином. За ним тянулся шлейф дорогого лосьона после бритья, прорезавшего церковную затхлость дома.

Эрика представила себя и Питерсона. Марианна сидела на конце длинного дивана, ближе к камину. Одета она была в черное с ног до головы, и траурный наряд лишь подчеркивал ее мертвенную бледность. В правой руке она сжимала четки, так туго намотанные на пальцы, что они впивались в кожу. Рядом с ней сидела привлекательная темноволосая женщина лет сорока пяти в модном черном брючном костюме с белой блузкой. На лице – густой макияж, глаза воспаленные, взгляд отрешенный.

– Здравствуйте, господа. Моя дочь Лора. – Марианна показала на брюнетку.

Лора поднялась с дивана и пожала руки Эрике и Питерсону. В кресле, стоявшем подле длинного дивана, сидел интересный смуглый молодой мужчина. Он был в черном костюме, тоже элегантном. Мужчина встал и представился Тоби. Рядом с ним сидел худой симпатичный индеец с черными волосами до плеч. На нем был черный шелковый костюм.

– А это мой жених, Танвир, – добавил Тоби.

Они все обменялись рукопожатиями. Марианна, прикусив губу, посмотрела на Мартина.

– Что опять не так? – спросил Тоби.

– Тоб, мама просила, чтобы мы собрались только своей семьей, – объяснил Мартин.

– Танвир – близкий мне человек, и я хотел, чтобы он приехал со мной. Наверно, если б Лора приехала с мужем или с детьми...

– Но я не взяла с собой Тодда, – сердито перебила брата Лора. – Он остался с Томасом и Майклом.

Она взяла мать за руку. Тоби собрался было что-то ответить, но Эрика поспешила вмешаться:

– Примите наши соболезнования. Мы понимаем, что сейчас вам очень тяжело.

Встреча с остальными членами семьи Коллинз потрясла Эрику: они казались такими изысканными и полными жизни в сравнении с Марианной.

– Да. Садитесь, прошу вас, господа. – Марианна жестом показала на два стула с высокими спинками, что стояли перед диваном. Эрика с Питерсоном сели. – Я хотела бы извиниться за вчерашний инцидент. Сама не знаю, что на меня нашло.

– Я разговаривала с Нэнси. Конечно, нападение на полицейского считается преступлением, но она не станет подавать в суд. Обстоятельства были исключительные, – объяснила Эрика.

– Мне так стыдно...

– Могу я предложить всем чаю? – перебил ее Танвир, поднимаясь с дивана. Все замерли.

– С удовольствием, – сказал Питерсон.

– Ты не знаешь, где что лежит! – вскипела Марианна.

– Чайником он пользоваться умеет, а чашки наверняка стоят все там же, над микроволновкой, – заступился за своего возлюбленного Тоби.

Танвир смущенно переминался с ноги на ногу.

– Да, я тоже не откажусь, – улыбнулась ему Эрика.

– Позвольте, я сама приготовлю чай, – вызвалась Марианна, вставая с дивана.

– Он не заразный, мама, – сказал Тоби.

– Тоби! Ради бога! – вспыхнул Мартин.

– Танвир, я уверена, ты очень хороший парень, но... – начала Марианна.

– Прекрати! – рявкнул Мартин. – Или ты хочешь и сына потерять, как и дочь? Пусть Тан пойдет и заварит чай, черт возьми!

Танвир покинул гостиную. Марианна прижала к лицу скомканную салфетку. Лора наклонилась к матери, взяла обе ее руки в свои.

– Мартин, как ты можешь так говорить? – шикнула на него Марианна.

– Могу! – огрызнулся Мартин.

Он не садился, вышагивая перед занавешенным шторами окном. Эрика поняла, что пора брать ситуацию в свои руки.

– Успокойтесь, – произнесла она. – Я понимаю, для вас это трудное время.

– Слышишь, Тоби, – обратился к сыну Мартин. – Трудное время. Сегодня мы должны быть здесь только своей семьей. Я хотел, чтобы мы хоть раз собрались все вместе, без...

– Мартин, как ты можешь так говорить? Мы никогда не будем *все* вместе. Как ты мог забыть Джессику? – вскричала Марианна.

– Боже. Я не это имел в виду. Ты и впрямь думаешь, что я ее забыл? – заорал Мартин. – Не у тебя одной горе... Господи помилуй. Мы все скорбим каждый по-своему...

– Не смей упоминать всуе имя Господа!

– Папа, – вмешалась Лора.

– Нет. Я больше не желаю слышать, что я мало лью слез, что я не так скорблю! – Он подошел к дивану и наставил палец в лицо Марианне. – Я любил нашу малышку и готов землю свернуть, лишь бы побыть с ней хотя бы минутку, лишь бы она снова была с нами... и мы видели, как она росла и выросла все те минувшие... – Его голос сорвался, он повернулся ко всем спиной.

– Послушайте, мы не хотим досаждать вам своим присутствием больше, чем это необходимо, – сказала Эрика. – Вы изъявили желание побеседовать с нами. Так прошу вас, давайте сосредоточимся на том, зачем мы здесь собрались, ведь наша задача – найти преступника.

Лора теперь плакала, равно как и ее мать, но Тоби сохранял самообладание. Сложив руки на широкой груди, он с каменным лицом сидел в кресле.

– Да знаю я, кто преступник, – заявила Марианна. – Тот развратный негодяй, Тревор Марксмэн. Вы его арестовали?

– На данном этапе мы изучаем все аспекты дела, – начала Эрика.

– Не морочьте нам головы своей казенщиной, – сказал Мартин. – Говорите по-человечески!

– Хорошо, мистер Коллинз. Дело, что досталось нам в наследство, весьма запутанное. Джессика пропала двадцать шесть лет назад, свидетелей ее исчезновения немного. Нам приходится заново изучать и анализировать все материалы прежнего расследования, в котором, как вам известно, множество изъянов.

– Где он? Марксмэн?

– По последним данным, он жил во Вьетнаме.

– Во Вьетнаме, да? Развращает детишек. Вы только представьте, сколько всего там можно купить за триста-то тысяч! – воскликнул Мартин.

– Негодяй, мерзавец. Как получилось, что он отсудил у полиции такую уйму денег и уехал, не понеся наказания? Это же несправедливо! – возмутилась Марианна.

– В то время у следствия против него не было достаточно улик, – объяснила Эрика.

– Я ведь смотрю телевизор и знаю, что у криминалистов теперь куда больше возможностей, – заметил Мартин. – Не то что раньше.

– Когда мы обнаружили останки Джессики... В общем, она пробыла под водой много лет. Мало что можно выжать из вещественных доказательств.

Коллинзы смотрели на нее, осмысливая информацию о том, что Джессика была сброшена в воду.

– Я успешно раскрыла два дела о давних похищениях и сейчас собрала в свою команду лучших специалистов. Я знаю, что многие уже поставили крест на деле Джессики, но я не из их числа. Я обязательно найду преступника и отдам его под суд. Обещаю.

Мартин посмотрел на Эрику с Питерсоном и кивнул.

– Ладно, ловлю на слове. – В его глазах заблестели слезы. – Вы вызываете у меня доверие. – Отвернувшись, он извлек из кармана пачку сигарет и закурил.

– Ее ты тоже оприходуешь? – спросила Марианна. Молчание. – Вы не знали? Он греховодничал с той блудливой следовательшей – с Амандой Бейкер.

– Марианна, прекрати... – начал Мартин.

– И не подумаю. Почему я должна молчать? Ты спал с той женщиной. С женщиной, которая утешала меня, с которой я делилась сокровенными чувствами.

– Но это же было через сто лет после того, как она подключилась к расследованию! – заорал Мартин.

– По-твоему, это может служить оправданием? – Марианна стояла, покачиваясь.

– И меня еще считают позором семьи, – произнес Тоби как будто в сторону, обращаясь к Эрике и Питерсону.

– Заткнитесь! – крикнула Лора. – Все. Речь идет о Джессике! О моей... О нашей сестре. Ее нет с нами, ей не довелось вырасти, стать взрослой! А вы только и можете, что ссориться и пререкаться! – Слезы струились по ее щекам, оставляя бороздки в толстом слое крем-пудры, а она вытирала их тыльной стороной ладони.

– Успокойся, дорогая. – Марианна обняла дочь. Та стряхнула с себя ее руки.

– Когда можно ее увидеть? – спросила Лора. – Я хочу ее увидеть.

– Я бы тоже хотела ее увидеть, – сказала Марианна.

– И я, – вторил им Тоби.

– Разумеется, это можно устроить, но сначала судебный патологоанатом должен закончить свою работу. Только потом вам вернут останки Джессики, – объяснила Эрика.

– А что он с ней делает? – осведомилась Лора.

– Он проводит экспертизы, пытаюсь получить как можно больше информации, чтобы установить причину смерти.

– Она страдала? Пожалуйста, скажите, что она не мучилась, – умоляюще произнесла Марианна.

Эрика сделала глубокий вдох.

– Айзек Стронг – один из лучших судмедэкспертов в стране и с уважением относится к мертвым. Джессика в хороших руках.

Марианна кивнула и взглянула на Мартина. Он стоял к ним спиной, прислонившись к стене и опустив голову. Сигарета в его руке дотлела до фильтра.

– Мартин, иди сюда, милый, – окликнула она мужа. Он подошел к дивану, сел на подлокотник рядом с Марианной и, уткнувшись лицом ей в шею, издал приглушенный всхлип. – Поплачь, легче станет. – Она

положила свободную руку ему на спину и притянула к себе. Лора тоже прижалась к матери, и все втроем они зарыдали.

– Я ее почти не помню, – промолвил Тоби со слезами на глазах, глядя на Эрику и Питерсона.

В гостиную вернулся Танвир. Он принес поднос с чаем, который поставил на большой журнальный столик. Эрике же просто хотелось покинуть этот гнетущий дом с темной мебелью и изображениями Девы Марии, которым царившая здесь ужасная атмосфера придавала налет зловещей мрачности.

– Мы бы хотели выступить с новым обращением в прессе, – сказала она. – Согласитесь ли вы присутствовать на пресс-конференции – как единая семья? – Коллинзы закивали. – Наша пресс-служба сообщит вам, когда и как это произойдет.

– У вас есть новые подозреваемые? – поинтересовалась Лора.

– Пока нет, но мы работаем с новой информацией.

– Что это за информация? – резко спросила Лора.

– Ну, прежде всего самая очевидная: мы нашли Джессику в Хейзском карьере. Можно узнать, что вам о нем известно? Вы проводили там время своей семьей или с Джессикой?

– На что нам сдался этот старый карьер? – отвечала Марианна. – Джессика любила танцевать, посещать живой уголок...

– Я раньше ловил там рыбу, – сказал Тоби. – Когда мне было лет двенадцать-тринадцать... О боже. Она ведь, наверно, была там. Мы удили с лодки. А она все время была там. – Танвир сел на подлокотник его кресла и взял Тоби за руку.

Марианна, увидев это, отвела взгляд.

– Я понимаю, вам тяжело отвечать на наши вопросы, – заговорил Питерсон, – но все же чья это была лодка? Кто из ваших знакомых имел к ней доступ?

– Мой друг Карл. Это была надувная резиновая лодка, – отвечал Тоби. – Но нам с Карлом было тогда по тринадцать лет. А Джессика пропала, когда мне было четыре.

– Все указывает на Тревора Марксмэна, – подал голос Мартин, поднимая голову и вытирая глаза. – Муниципалитет почему-то счел целесообразным разместить тот проклятый исправительный центр прямо на нашей улице! Вы видели ее фото, что он наснимал. А видео? *Видео*, на котором она гуляет в парке с Марианной и Лорой!

– Он первый в нашем списке подозреваемых, и его снова задержат для допроса, – сказала Эрика.

Мартин покачал головой.

– Я ведь написал нашему депутату в парламенте, спрашивал, нельзя ли провести проверку первого расследования. Знаете, что она сделала?

– Нет, не знаю, – ответила Эрика.

– Прислала мне шаблонную отписку. Даже не удосужилась от руки что-то написать. В моей строительной фирме работают секретари со школьным образованием, но даже они умеют составить грамотный рукописный ответ, а тут член парламента! Вам известно, что члену парламента вовсе не обязательно иметь образование? – Мартин теперь расхаживал по гостиной. Марианна, Тоби и Лора наблюдали за ним. – Вот у вас обоих какое образование?

– Мы – офицеры полиции, – ответил Питерсон.

– Да? Так вот, Марксмэн, невежественный подонок, заручившись поддержкой известного адвоката и пользуясь бесплатной юридической помощью, отсудил у вас триста тысяч.

– Прискорбный случай. – Едва эти слова слетели с ее языка, Эрика поняла, что своей фразой разозлила его еще больше.

– Что ж, у меня есть деньги, и я вполне обойдусь без бесплатной юридической помощи. Вам известно, что бывший парень Лоры теперь сам чертовски хороший адвокат?

– Папа. – Лора бросила на отца укоризненный взгляд.

– Оскар Браун – партнер в фирме «Фортитудо чамберз», и он уже сказал, что готов работать на меня.

– Оскар Браун, – произнесла Эрика, вспомнив, что видела это имя в архивных материалах следствия. – Вы с ним встречались в ту пору, когда пропала Джессика?

– Да, – подтвердила Лора, вытирая глаза.

– И вы находились с ним в турпоходе в Уэльсе в момент исчезновения Джессики?

– Да. Как только узнали, сразу поехали домой. В новостях увидели... – У нее задрожала нижняя губа.

– И вы поддерживаете связь с Оскаром?

– Как и я, он теперь женат, имеет детей, но мы общаемся. Когда вместе с кем-то переживаешь такое горе, между вами возникает

неразрывная связь.

Эрика видела, что Мартин теперь побагровел, продолжая мерить шагами гостиную.

– Убийца Джессики на свободе, смеется про себя все эти двадцать шесть лет, потому что вы, никчемные людишки, ничего не предпринимаете. Вы ни за чем не способны уследить. Как она могла исчезнуть? Ей пройти нужно было всего ничего, по прямой дороге, нисколько времени не занимает. И НИКТО НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ!

С этими словами он смел поднос со стола; чашки и блюда разбились о пол.

– Сэр, успокойтесь, прошу вас, – сказал Питерсон, быстро шагнув к Мартину.

– Не смейте мне указывать! В моем собственном доме...

– Это больше не твой дом, Мартин, – пронзительно прокричала Марианна. – И нечего устраивать тут погром. – Опустившись на колени, она принялась собирать осколки фарфора.

– Мама, порежешься, – мягко произнес Тоби. Присев на корточки подле Марианны, он бережно отвел ее руки от битой посуды.

Лора беспомощно смотрела на брата и мать; ее отец, красный как рак, продолжал расхаживать по комнате.

Мартин стал пинать стену. Марианна кричала, чтобы он прекратил.

– Мистер Коллинз, если вы сейчас же не успокоитесь, я надену на вас наручники и посажу в полицейский автомобиль, – пригрозила Эрика, повышая голос. – Вы этого хотите? Возле дома толкуются журналисты, им ох как нужна сенсация, и виновный отец устроит их во всех отношениях. – Мартин остановился как вкопанный и посмотрел на Эрику. – Перестаньте буянить, прошу вас.

– Извините. – Пристыженный, он кивнул и потер лоб.

– Мне даже представить трудно, что вы пережили, – сказала Эрика.

– Горе раздавило нас. – Он снова заплакал. Марианна подошла к нему, стала утешать. Тоби с Лорой подскочили следом. Танвир стоял в стороне, наблюдая за ними вместе с Питерсоном.

– Ладно, на этом пока остановимся. Вам нужно побыть вместе. Мы заново изучим все свидетельские показания и, возможно, захотим

поговорить с вами, чтобы кое-что уточнить. Кто-нибудь из моих сотрудников с вами свяжется, – сказала Эрика.

Она подала знак Питерсону, и они поспешили прочь.

Глава 18

После встречи с Коллинзами Эрика с Питерсоном какое-то время просто сидели в своей машине у дома № 7 по Эйвондейл-роуд.

– Это было... ужасно, – произнес Питерсон, устало потирая глаза. – Наш приход сюда... что это дало?

– Горе связало их в единый узел. Я даже не могла сказать этим людям, когда им покажут останки Джессики. Да, дело... – «неразрешимое», едва не сорвалось у нее с языка, но она вовремя осеклась. – Значит, Мартин Коллинз спал с Амандой Бейкер...

– Что еще больше... усложняет дело, – согласился Питерсон.

– Вы, должно быть, до чертиков рады, что я попросила привлечь вас к этому расследованию, – удрученно пошутила Эрика.

– Мне вас не хватало... То есть я скучал по работе с вами, в связке с Мосс, конечно, – быстро поправился Питерсон. Эрика посмотрела на него и затем устремила взгляд через лобовое стекло.

– Джессика пропала прямо здесь. – Она показала на улицу, вдоль которой высились огромные дубы, раскинувшие голые сучья на фоне серого неба. – Холодно, да?

– Печку включить? – спросил Питерсон.

– Нет. Я про улицу. Про район. Здесь холодно и неприветливо. Сплошь шикарные дорогие дома, и все скрыты из виду.

На краю газона топталась группа фоторепортеров. Они сфотографировали Эрику с Питерсоном, когда те входили в дом и потом выходили на улицу. Один из них, сидящий коротышка, направился к дому Коллинзов, но Эрика быстро включила мигалку и сирену. Тот отпрыгнул назад, заметив их в автомобиле без опознавательных знаков полиции. Не выключая мигалки, Эрика позвонила в отделение и попросила прислать к дому патрульного. Фоторепортеры взяли в объективы их машину, пощелкали с минуту и затем снова переключили свое внимание на дом.

– Вам не показалось, что Мартин Коллинз вел себя несколько театрально?

– Вы о чем? – спросила Эрика.

– Да как-то уж больно наигранно перевернул поднос. Если б он швырнул что-то или... ну, не знаю, ударил одного из нас, это было бы

ожидаемо.

– Думаете, он что-то скрывает?

Питерсон покачал головой.

– В ходе последнего расследования его тщательно проверяли? А его деловые связи?

– Он быстро разбогател на строительном буме восьмидесятых. Коллинзы приехали сюда из Ирландии в восемьдесят седьмом году, фактически без гроша за душой, а в девяностом уже жили здесь...

– Думаете, Джессику похитили с целью выкупа?

– Не знаю. О выкупе что-нибудь упоминалось?

– Нет. Она просто исчезла, и после все развалилось. И семья ее, и само следствие...

Эрика оглядела улицу и отстегнула ремень безопасности.

– Давайте пройдемся.

Они выбрались из машины, чем снова обратили на себя внимание журналистов. Те принялись их снимать. Эрика с Питерсоном зашагали в направлении дома № 27. Дома по левой стороне находились ниже уровня дороги, и подъездные аллеи, что вели к ним, отлого уходили вниз. Дома справа стояли на возвышении, и подъездные аллеи тянулись вверх.

– Ну вот, мы на месте. Две минуты, – сказал Питерсон. Они остановились у дома № 27. Это было двухэтажное здание кремового цвета с четырьмя ложными колоннами по фасаду. Подъездную аллею недавно заново заасфальтировали, и дождевые капли поблескивали на ее гладком покрытии, словно шарики ртути.

– С девяностого года здесь живут уже вторые владельцы, – сообщила Эрика. Они постояли с минуту, оглядывая улицу в обе стороны. – Социально-реабилитационный центр, где жил Тревор Марксмен, находится неподалеку, – добавила она.

Они продолжили путь и через несколько минут дошли до того места, где дорога резко поворачивала влево. На противоположной стороне во впадине стоял большой трехэтажный особняк – желтый, как сливочное масло, с белыми оконными рамами и колоннами. На ухоженном газоне покачивался белый щит, и надпись на нем, сделанная большими черными буквами, сообщала, что теперь это Дом престарелых Суонн. Сверкающие окна, в которых отражалось серое небо, создавали впечатление, что дом смотрит на вас пустыми

глазницами. Большой черный ворон – его оперение блестело так же, как буквы, – усевшись на щит, издал скорбное карканье.

Они повернулись, и их взорам открылась вся улица от начала до конца, волной убегающая вдаль, туда, где на обочине стоял их автомобиль и топтались фоторепортеры. Высокие живые изгороди складывались в длинные стены по обеим сторонам дороги.

– Представляю здесь Джессику: дом в двух шагах, а она все равно совсем одна. Возможно, она кричала. Кто-нибудь за этими толстыми изгородями слышал крики девочки, когда ее похищали? – размышляла Эрика.

– Зачем нужно было сбрасывать ее в воду буквально в миле от дома? А если это сделал кто-то из соседей? Дома вон какие огромные. Наверняка в каждом есть подвал.

– В материалах следствия я читала, что все дома на этой и близлежащих улицах обыскали. Никто из жильцов не возражал.

– Выходит, она просто исчезла, – подытожил Питерсон. Ворон снова закаркал, словно соглашаясь с ним. – Что теперь, босс?

– Думаю, пора нанести визит Аманде Бейкер, – ответила Эрика.

Они зашагали назад. Когда уже были у своей машины, на обочине рядом с ними остановился автомобиль патрульного, которого вызвала Эрика. Он опустил стекло, и Эрика с Питерсоном подошли к нему, чтобы дать указания.

* * *

Они не заметили, что среди журналистов затесался высокий темноволосый мужчина в длинной вошеной куртке. На шее у него висела фотокамера, но он, в отличие от других фоторепортеров, не проявлял интереса к дому Коллинзов. Он пристально наблюдал за Эрикой с Питерсоном, пытаясь предугадать их следующий шаг.

Глава 19

Аманда Бейкер жила в крайнем доме на жилой улице в Балэме на юго-западе Лондона. Маленький заросший палисадник был захламлен и запущен, на рамах подъемных окон облезала посеревшая краска. На улице было тихо. Только Эрика с Питерсоном припарковались, как начался дождь.

На дорожке валялась сломанная калитка, и им пришлось переступить через нее, чтобы пробраться к входной двери. Они позвонили в дом и стали ждать. Им никто не открывал. Эрика прошла к грязному окну на фасаде дома и заглянула в гостиную. Она с трудом различила в углу комнаты телевизор: показывали какое-то дневное шоу-аукцион. Внезапно перед ней возникла пара глаз с нависшими веками в обрамлении длинных седых прядей. Она отпрянула от неожиданности. Ладонью, утопавшей в длинном шерстяном рукаве, женщина погнала ее прочь.

– Здравствуйте. Аманда Бейкер? Я – старший инспектор Фостер. – Эрика быстро достала из куртки удостоверение и прижала его к стеклу. – Со мной мой коллега инспектор Питерсон. Мы хотели бы поговорить с вами о деле Джессики Коллинз.

Лицо приблизилось к стеклу, всматриваясь в ее удостоверение.

– Нет, извините. – Женщина задвинула шторы.

Эрика постучала в окно.

– Старший инспектор Бейкер. Мы пришли к вам за помощью. Нам очень важно знать, что вы думаете об этом деле.

Шторы чуть раздвинулись, снова появилось лицо.

– Покажите удостоверения, оба, – потребовала женщина.

Питерсон встал рядом с Эрикой и прижал к окну свое удостоверение. Аманда прищурилась, вглядываясь в него через мутное стекло. Губы ее обрамляли глубокие морщинки курильщицы.

– Пройдите к боковой калитке, – наконец произнесла она, и шторы снова задвинулись.

– А входная-то дверь чем ее не устраивает? – простонал Питерсон, выходя из-под козырька над крыльцом под проливной дождь.

Они торопливо пошли вдоль пораженного плесенью забора, огибавшего палисадник. В дальнем конце над забором взметнулась

рука, и затем одна из панелей открылась во двор.

Бывший старший инспектор полиции Аманда Бейкер была крупной женщиной. Она встретила их в длинном неопрятном кардигане, надетом поверх черной футболки, темных легинсах и толстых серых шерстяных носках, сунутых в черные кроксы. Лицо обрюзгшее, красное, с широким двойным подбородком. Сальные седые длинные волосы стянуты на затылке резинкой.

– Тридцать фунтов, – потребовала она, протягивая руку.

– Мы хотели бы поговорить с вами о деле, что вы вели, – сказала Эрика.

– А мне нужно тридцать фунтов, – повторила Аманда. – Расценки мне известны. Вы же платите за информацию проституткам и воришкам. А я много чего знаю про это дело. – Она подставила ладонь, пошевив пальцами.

– Вы же в прошлом офицер полиции, – укорил ее Питерсон.

Аманда оценивающе смерила его взглядом с ног до головы.

– Именно что в прошлом, лапочка. А теперь я просто старая кошелка, которой нечего терять.

Она попыталась закрывать калитку.

– Хорошо, – остановила ее Эрика, выставляя вперед ладонь, и кивнула Питерсону.

Тот, закатив глаза, достал бумажник и дал Аманде десятку и двадцатку.

Она кивнула, сунула деньги в бюстгальтер и жестом велела им идти за ней по коротенькому узкому проходу, где было особенно промозгло и сыро. Они миновали окно ванной, в котором лениво вращался маленький вентилятор, выдувая вонь мочи в смеси с запахом чистящего средства для унитаза. Они вышли в заросший внутренний двор, где в углу громоздились мешки с мусором.

У задней двери Аманда вытерла кроксы о тонкий драный коврик, что рассмешило Эрику: судя по состоянию дома, ноги здесь следовало вытирать при выходе, а не на входе. Кухня, некогда довольно изысканная, заросла грязью и была завалена невымытой посудой и переполненными пакетами с мусором. Возле дребезжащей стиральной машины, работавшей в режиме отжима, они увидели собачью постель, но самой собаки не было.

– Идите в переднюю комнату. Чаю хотите? – спросила Аманда скрипучим прокуренным голосом.

Эрика с Питерсоном взглянули на замызганную кухню и кивнули.

Они пошли по коридору, минуя крутую деревянную лестницу, ведущую на сумрачную площадку верхнего этажа. В прихожей у входной двери вздымались кипы газет в половину человеческого роста. Гостиная была забита мебелью, стены и потолок пожелтели от никотинового дыма.

– Вы действительно хотите пить ее чай? – прошипел Питерсон.

– Нет, но если это даст нам возможность подольше поговорить с ней... – шепотом ответила Эрика.

– За тридцать фунтов она должна уделить нам как минимум час... – начал Питерсон.

Его речь прервал стук в окно, и к запыленному стеклу прижалось чье-то лицо. Аманда, влетев в гостиную откуда-то сзади, торопливо подошла к окну и приподняла раму.

– Все путем, Том? – спросила она.

Чья-то рука передала ей несколько писем и затем две бутылки «Пино Гриджо». Эрика шагнула к окну и увидела почтальона. Аманда вытащила из бюстгальтера тридцать фунтов и отдала ему двадцатку. Насвистывая, он пошел из палисадника.

– Что? – с вызовом произнесла Аманда. – В Америке это называется службой доставки спиртного.

– Но не почтальоны же его доставляют, – заметил Питерсон.

– Выпьете бокал?

– Я на службе, – холодно отказался он.

– Тогда сделаю вам чай, – сказала она. – Присаживайтесь.

– Теперь понятно, зачем она потащила нас к боковой калитке, – пробурчал Питерсон, когда Аманда вышла из комнаты.

– Могли бы вести себя поприветливее, – отчитала его Эрика.

– Что? Может, мне напиться пьяным ее же вином, от почтальона?

Даже в такой ситуации Эрика рассмеялась.

– Нет. Просто высокомерия чуть-чуть поубавьте. Можно и полюбезничать малость – не повредит. Смотрите шире.

Питерсон убрал с дивана ворох газет и фантиков от шоколадных батончиков и сел. Обстановку гостиной составляли два продавленных дивана, обеденный стол и стулья. Одну стену занимал стеллаж с

телевизором на одной из полок, остальные были забиты книгами и бумагами. В глаза Эрике бросилась висевшая на стене фотография в дешевой золоченой рамке с узором в виде косички. Потускневшая фотография, в нижней части, затронутой сыростью, и вовсе блеклая. Фотография молодой Аманды Бейкер в форме констебля полиции старого образца: плотные черные колготки, юбка, пиджак, форменный головной убор, из-под которого выглядывают черные блестящие волосы. Она позировала перед зданием полицейского училища в Хендоне. Рядом с ней стоял молодой полицейский с непокрытой головой – свою фуражку он держал под мышкой. Показывая удостоверения, они широко улыбались в объектив.

– Так и думала, что вы прямой наводкой направитесь к ней, – раздался голос Аманды. Шаркая, она внесла в гостиную поднос с дымящимися чашками и большим бокалом вина.

– Знакомое лицо. – Эрика взяла с подноса чашку и вновь обратила взгляд на фото.

– Констебль Гарет Оукли. В семидесятых мы вместе работали в Управлении уголовных расследований. Мы с Оукли тогда были в одном звании. Теперь он вам известен как помощник комиссара Оукли в отставке.

– Женщина в Управлении уголовных расследований в семидесятых... Интересно, наверно, было?

Аманда в ответ лишь вскинула брови.

– Да, похож на Оукли. Волос, правда, меньше, чем теперь. Сколько ему здесь? – спросила Эрика, всматриваясь в его лысеющую голову.

– Двадцать три, – хмыкнула Аманда. – Парик он начал носить, когда его повысили до старшего инспектора.

– Так это помощник комиссара Оукли? – спохватился Питерсон.

– Мы вместе учились в Хендоне, выпустились в семьдесят восьмом. – Аманда грузно, неуклюже уселась в большое кресло у окна. Эрика устроилась рядом с Питерсоном.

– Оукли только что вышел на пенсию, с огромным выходным пособием, – произнес он. Какое-то время они сидели молча, пока не затихло эхо его слов.

– Что ж, – заговорила Эрика. – Мы пришли к вам с неофициальным визитом, чтобы расспросить про дело Джессики

Коллинз. Расследование поручили вести мне.

– Кому ж вы так насолили? – Мрачно усмехнувшись, Аманда отпила из бокала большой глоток вина и вытащила из кармана кардигана пачку сигарет. – Это отравленная чаша. Я всегда думала, что ее утопили в карьере... хотя мы дважды обыскивали его и ничего не нашли... – Она закурила и глубоко затянулась сигаретой. – Значит, либо ее где-то держали, либо перевезли тело позднее. Теперь вам придется это выяснять, да?

– Вы были уверены, что ее похитил Тревор Марксмэн?

– Да, – кивнула Аманда, выдержав взгляд Эрики. – И он за это погорел. И знаете что? Я бы опять это сделала.

– То есть вы открыто признаете, что наняли людей, дабы те подсунули ему в дверь бутылку с зажигательной смесью?

– А вам никогда не хотелось свершить правосудие своими руками?

– Нет.

– Не лгите, Эрика. Я читала о вас. Ваш муж погиб от рук наркоторговца, вместе с ним еще четверо ваших коллег, а сами вы были тяжело ранены. Не хотелось бы вам на часок оказаться с ним в одной комнате, только вы и он, вдвоем, а в руке у вас бейсбольная бита, утыканная гвоздями? – Не отводя взгляда от Эрики, Аманда стряхнула пепел в большую переполненную окурками пепельницу, что стояла на столе подле нее.

– Да, хотелось бы, – призналась Эрика.

– Ну вот видите.

– Но я бы никогда на это не пошла. Наша обязанность как сотрудников полиции – стоять на страже закона, а не совершать правосудие. У вас был роман с Мартином Коллинзом?

– Да. Между ним и Марианной все было кончено; это произошло через полтора года после исчезновения Джессики. Мы сблизились. Об этом я сожалею больше, чем о Марксмэне, но я влюбилась.

– А он вас любил? – спросил Питерсон.

Аманда пожала плечами и снова глотнула из бокала вина.

– Я часто думаю: это – единственное по-настоящему хорошее, что я сделала для той семьи. Я не смогла вернуть им дочь. Но я заставила Мартина отвлечься от горя, по крайней мере, когда он был со мной.

– Теперь, когда мы нашли останки Джессики, вы по-прежнему считаете, что преступление совершил Тревор Марксмэн? – спросила Эрика.

Аманда снова затянулась сигаретой.

– Я всегда считала, если что-то столь очевидно, значит, так оно и есть... У него был сообщник, и, думаю, похитив девочку, он где-то ее спрятал.

– Вы взяли его под наблюдение? – осведомился Питерсон.

– Да, но только через неделю после ее исчезновения... Тогда я считала, что это сделал он.

– Я заглядывала в ваше досье... – начала Эрика.

– В самом деле? – Щурясь, Аманда смотрела на нее сквозь дым.

– После дела Джессики вас перевели в отдел по борьбе с наркотиками, а потом обвинили в торговле кокаином.

– Я была чертовски хорошим полицейским. Проторила тропу для таких женщин, как вы. А вас двадцать лет назад считали бы типичным уличным негром, зато теперь вы служитель закона, пользуетесь уважением. Вы забываете, кто отвоевал для вас место в полиции.

– Выходит, все это благодаря вам? Вы – Роза Паркс[74] Столичной полиции? – съязвил Питерсон. Возникло неловкое молчание. Эрика бросила на него предостерегающий взгляд.

– Мы здесь лишь для того, чтобы узнать вашу версию событий, – сказала она.

– Мою версию?

– Да. Как вам работалось по этому делу, ваш взгляд изнутри. У меня только горы архивных материалов, и я барахтаюсь в них, как слепая.

– В Управлении уголовных расследований, – не сразу ответила Аманда, закурив очередную сигарету, – я была единственной женщиной, и все дела об изнасилованиях поручали вести мне. Я возилась с пострадавшими, нянчилась с ними, собирала вещественные доказательства. Я никогда не игнорировала их звонки, оказывала им поддержку все те месяцы ожидания, пока подонки, надругавшиеся над ними, находились под следствием. Потом каждую держала за руку во время суда. А мне никто не помогал. Мои так называемые коллеги, имевшие обыкновение пораньше сваливать с работы в пабы и требовать бесплатных секс-услуг от тружениц панели, получали

повышение. А потом, когда меня поставили во главе следствия по делу Джессики Коллинз, мне дали понять, что я слишком высоко прыгнула, забыла свое место.

– Сочувствую, – сказала Эрика.

– Не стоит. А вот судить меня не надо. Просто наступает такой момент, когда понимаешь, что, играя по правилам, ты ничего не добьешься... – Тлеющим окурком в руке она показала на фото, что висело на стене. – Вон Оукли, полный идиот, а до помощника комиссара поднялся. – Она тщательно затушила окурочек в переполненной пепельнице. – В прежние дни мы с ним часто вместе ходили в патруль. Как-то в три часа ночи патрулировали Кэтфорд-Хай-стрит, и в одном из переулков на нас парень один пошел с ножом. Обкурился или обпился чего-то, был не в себе... Он схватил Оукли и приставил ему к горлу нож, так тот обоссрался. В самом прямом смысле слова: нагадил в штаны. Так у парня с ножом... он и без того был взвинчен и на рогах... от воницы этой и вовсе крышу снесло, и он деру дал. Оукли спасло его собственное дерьмо. По иронии судьбы через много лет его наградят орденом Британской империи за доблестное искоренение преступлений, связанных с поножовщиной... В тот вечер я помогла ему – привела его в порядок и потом язык держала за зубами. В ту пору мы были неразлейвода. А спустя годы, когда у меня начались неприятности на службе, а он уже ходил в старших суперинтендантах, он все пофигил. Предал меня!

Трясаясь от гнева, Аманда закурила очередную сигарету. Какое-то время они сидели в молчании. Громко тикали часы, мимо по улице пронеслась машина, небо, казалось, потемнело еще больше. Эрика глянула на Питерсона, намекая, что им пора уходить.

– Да, вот еще что. – Аманда потерла лицо. – Тело вы нашли в Хейзском карьере. Мы этот карьер дважды обследовали – в августе и в конце сентября девяностого, и, конечно, ничего не нашли. Там неподалеку стояла лачуга, в ней жил один старик, самовольно поселился. Домик был маленький, с погребом. У него мы, естественно, тоже ничего не нашли. А через несколько месяцев этот старик повесился.

– И что? – спросила Эрика.

– Не знаю. Если Тревор Марксман действовал не один, возможно, это и был его сообщник.

– Как звали его, помните?

– Старый Боб – так он себя называл. С головой у него было не все в порядке, но признаков агрессии он не проявлял. За пару лет до этого закрыли одну из местных психиатрических лечебниц, и его вышвырнули на улицу. На вид такой малость блаженный, глуповатый старикашка. А потом вдруг взял, выпил яду и повесился. Меня это насторожило.

– Так он еще и отравился? – уточнила Эрика.

– Да.

Зазвонил телефон Эрики. Она извинилась, ответила и стала о чем-то говорить.

– Может быть, я все-таки угощу вас бокалом вина? Или пивом? – предложила Аманда, с прищуром глядя на Питерсона сквозь сигаретный дым.

– Нет, я на службе, – отказался он.

– И вы не хотите *выкачать* из меня больше информации? – спросила Аманда, якобы в изумлении выпучив глаза.

Питерсон обрадовался, когда Эрика положила трубку.

– Звонил Крофорд, – сообщила она.

– Крофорд? Констебль? – оживилась Аманда.

– Да. Он ведь работал с вами по этому делу в девяностом, так?

– Ну да. Жуткий зануда. Любит напрашиваться на похвалу, а сам ни черта не делает, чтобы ее заслужить. Только изображает активную деятельность...

– Что ж, спасибо за информацию. Мы больше не станем отнимать у вас время, – сказала Эрика. – Вы не возражаете, если я еще загляну к вам как-нибудь? Мы сейчас изучаем материалы следствия, и, возможно, мне придется что-то у вас уточнить или прояснить. Если у вас будет время.

– Обращайтесь. Всегда к вашим услугам, – ответила Аманда, стряхивая пепел. При этом она смотрела на Питерсона.

* * *

– Ну, что скажете? – спросила Эрика, когда они сели в машину. – Домик у карьера – перспективная зацепка. Дает нам еще одного

подозреваемого. И это не Тревор Марксмэн.

– Но ведь его нет в живых, босс.

Они оба задумались.

– Если честно, – добавил Питерсон, – мне хочется принять душ. Сексуальные домогательства в чистом виде.

– Ужасно, да? Зато приобрели полезный опыт. Теперь вы знаете, что значит быть женщиной, – рассудила Эрика.

– А что Крофорд? – спросил Питерсон. Эрика завела мотор.

– Коллинзам разрешено увидеть останки Джессики.

– Думаете, стоит им показывать? Это же просто...

– Скелет, да. Но они имеют право. И Марианна настаивала, чтобы ей показали дочь.

Эрика тронула машину с места, и они покатали прочь от дома Аманды.

* * *

На той же улице, на удалении сотни ярдов, в ряду машин, припаркованных вдоль тротуара, стоял синий автомобиль. За рулем сидел темноволосый мужчина. Он следовал за Эрикой и Питерсоном от дома Коллинзов, стараясь, чтобы его не заметили, и теперь наблюдал, как они уезжают.

Из длинной вощенной куртки мужчина достал телефон и кому-то позвонил.

– Это Джерри, – назвался он, разговаривая с едва уловимым ирландским акцентом. – Офицер, что командует парадом, старший инспектор Фостер, только что вышла из дома Аманды Бейкер. С ней чернокожий полицейский, имени его не знаю.

Голос на другом конце линии стал что-то ему говорить. Он послушал, потом перебил:

– Остынь, ладно? Мы ведь предполагали, что она навестит Аманду... Все зависит от того, насколько стухли ее мозги от спиртного и наркотиков. Не исключено, что она еще способна соображать, тем более что тело нашли. А эта баба, Фостер, хороша, настоящий профи. – Он закатил глаза. – Послушай, я могу ездить за ними целую неделю, но этого мало: нужно слушать телефоны, иметь доступ к

электронке... Нужны глаза изнутри... Ладно, я буду сидеть и ждать. Только имей в виду, время поджимает, во многих отношениях. Главное, помни это.

Джерри повесил трубку. Из дома, на уровне которого он припарковался, вышла симпатичная молодая блондинка. Она толкала перед собой коляску с малышом. Несмотря на дождь, одета она была в облегающие легинсы, и между полами незастегнутой куртки виднелся топ с низким вырезом. Джерри смерил взглядом женщину и подмигнул ей. Она застенчиво улыбнулась в ответ.

Он завел машину и поехал.

Глава 20

Тем же вечером, некоторое время спустя, Эрика и Мосс стояли в конце небольшого помещения в пенджском морге, где обычно проводилось опознание. Перед зашторенной стеклянной панелью застыли в ожидании Марианна Коллинз, Лора, Мартин и Тоби.

На свидание с останками дочери и сестры они пришли нарядными, все в черном; единственным цветовым пятном была красная роза в руке Марианны. Мосс, хмурясь, посмотрела на Эрику. Секунды текли нестерпимо медленно; им сказали, что останки подготовлены к показу. В комнате стояла тишина, лишь из-за стекла доносилось тихое жужжание ярких ламп. Только Эрика собралась нарушить молчание, штора медленно поползла в сторону. На мгновение она зацепилась обо что-то на карнизе, а потом отодвинулась, открыв их взорам скелет Джессики Коллинз.

Марианна всхлипнула и вплотную подступила к стеклу, прижавшись к нему всем телом. Скелет Джессики, идеально собранный от первой до последней косточки, лежал на синей простыне. Айзек объяснил Эрике, что синий фон предпочтительнее. На белом было бы слишком заметно, что кости изменили цвет.

– Здравствуй, дорогая. Мы с тобой. Теперь мы позаботимся о тебе, – произнесла Марианна, прижимая ладонь к стеклу. – Здесь и папа, и Тоби, и Лора, и я, твоя мама. – Она повернулась к Мартину. – Я узнаю ее, это она. Смотри, Мартин, смотри, это ее волосы. Волосы моей малышки.

Айзек устроил так, что маленький череп покоился на плоской белой подушке и тонкая прядь жестких волос падала на стол. Сам скелет, сложенный из отдельных костей, производил впечатление целостности, так что казалось, будто Джессика лежит тихо и безмятежно.

Лора, разрыдавшись, выбежала из комнаты. Тоби с Мартином проводили ее взглядами, затем встали у окна рядом с Марианной. Та теперь шептала молитву, своим дыханием оставляя след на стекле. Эрика кивком велела Мосс оставаться с Коллинзами и вышла следом за Лорой.

Муж Лоры, Тодд, ждал в коридоре с двумя маленькими сынишками, сидя на одном из стульев. Приятный мужчина с темными волосами и мягкими карими глазами. Лора, опустившись на корточки спиной к Эрике, обнимала малышей, одной рукой обхватив одного, второй – другого. Плача, она целовала их и приговаривала:

– Вам ничто не грозит. Вы мои. Я не позволю, чтобы с вами что-то случилось. Обещаю. – Мальчики под натиском материнской любви растерянно таращились на Эрику.

Возлюбленный Тоби, Танвир, вернулся со стаканчиками кофе, которые он купил в торговом автомате, и один дал Тодду. Тот поблагодарил его улыбкой.

– Я никогда не выпущу вас из виду. Вы – мои сокровища, – бормотала Лора, крепче прижимая к себе сыновей.

– Лора. – Тодд наклонился, требуя, чтобы она отпустила малышей. – Осторожней. Напугаешь ведь их.

По его акценту Эрика поняла, что он американец. Лора выпустила сыновей из своих объятий и заметила в коридоре Эрику.

– Мама, а что в той комнате? – спросил один из мальчиков. Эрика увидела, что они двойняшки.

– Полиция нашла Джессику, ее оста...

– Лора, без лишних деталей, – перебил жену Тодд. – Мы же договорились.

– Без лишних деталей? Тодд. Без *деталей*? Джессика – не набор деталей! Мы не можем просто взять и стереть ее из жизни! – вскричала Лора, выпрямляясь.

– Милая, я же не об этом. – Тодд встал и заключил Лору в объятия. Она уткнулась лицом в его грудь и завывала. Мальчики испуганно главели на Эрику.

Она опустилась на корточки перед ними и улыбнулась.

– Привет. Я – Эрика. А вас как зовут?

– Томас и Майкл, – ответил один из них. – Я – Томас, а это Майкл. Он стеснительный. – Они оба важно кивнули, а потом посмотрели на отца. На обоих были одинаковые синие джинсы и зеленые джемпера.

– Не бойтесь, мальчики. Мама очень расстроена, но у нас все хорошо, – успокоил детей Тодд, поглаживая Лору по затылку.

– Ребятки, вы любите шоколад? За углом есть торговый автомат, – сказала Эрика. Тодд поблагодарил ее кивком из-за спины жены.

– Да, я видел этот автомат. Там столько вкусного шоколада, – поддержал Эрику Танвир.

Они пошли по узкому коридору и завернули за угол. Там тоже стояли стулья и еще – торговый автомат. Близнецы подскочили к нему и стали выбирать шоколадки.

– Я буду «Марс». Это номер «В4», – сказал Томас.

– Я тоже, – вторил брату Майкл.

Танвир опустил монетки в автомат и нажал нужные кнопки.

– Не самое лучшее время для знакомства с родней возлюбленного, – проронил он.

– Вы прежде не встречались с семьей Тоби?

– В Испании я познакомился с Лорой, Мартином, Келли и их детьми...

– Келли – любовница Мартина?

– Да... Она очень хорошая. Они хотели бы пожениться, но Марианна... вы же ее видели. Ревностная католичка.

– Позвольте спросить, что Тоби рассказывал вам про Джессику?

Танвир нагнулся, забирая батончики из нижнего отсека торгового автомата, и по одной шоколадке дал детям.

– Его мучает чувство вины.

– Так ему же было всего четыре года, когда она пропала?

– Ему стыдно, что он ее почти не помнит. Зато прекрасно помнит ссоры между Лорой и матерью. Безобразные скандалы, порой с применением насилия.

– Кто применял насилие?

– Да обе. Видели кухню у них в доме?

– Мельком.

– Там в глубине есть кладовка. Раньше она была оборудована холодильной установкой и служила большим таким холодильником. Тоби говорит, что однажды вечером он спустился вниз, чтобы воды попить, и услышал шум, исходящий из холодильника. Открыл его и увидел Лору. Ее там заперла Марианна.

– Это точно?

Танвир пожал плечами.

– Он разоткровенничался со мной однажды вечером, примерно год назад. Мы немного выпили, и он стал рассказывать мне о своих родителях.

– А с отцом у него хорошие отношения?

– Да. Очень. Глядя на Мартина, даже не скажешь. На вид ведь ярый гомофоб, футбольный фанат, а ко мне хорошо относится, и к Тоби тоже. И подружка у него замечательная.

– Почему вы мне это рассказываете? – спросила Эрика.

– Сам не знаю. Наверно, меня достало, что Марианна, в силу свои религиозных воззрений, считает мой – *наш* – образ жизни низменным. Мнит себя высшим существом в сравнении с нами.

– Она когда-нибудь была жестока с Тоби?

– Что вы, нет! Он был – и остается – ее сыночком...

– В чем дело? – раздался чей-то голос. Тоби, появившись из-за угла, наблюдал за Танвиром и Эрикой. Мальчики теперь сидели на скамейке чуть дальше по коридору и, пачкаясь в шоколаде, ели свои батончики.

– Старший инспектор Фостер спрашивала про твою маму – как она это переживет. Полиция беспокоится, что у нее может случиться нервный срыв.

Эрику поразило, что Танвир солгал, но она, не выдавая своего удивления, подыграла ему:

– Существуют группы поддержки. Я могу дать координаты.

– У мамы есть церковь; ничего другого ей не нужно... Тан, пойдем посмотришь на Джессику? Прошу тебя.

– Ладно. А как же твоя мама?

– Джессика – наша общая утрата, не только ее одной, – ответил Тоби.

Они ушли, но за мальчиками вернулись Тодд с Лорой, глаза у нее были вспухшие и красные.

Чем больше я копаюсь в этом деле, тем больше появляется секретов, – подумала Эрика.

Глава 21

Час был поздний, но Аманде Бейкер не спалось. Она сидела в кресле с ручкой и блокнотом формата А4. После визита следователей она снова задумалась о деле Джессики Коллинз – не обиду свою пережевывая, а решая, как распутать преступление. Начала она с записывания всего, что могла вспомнить, и уже исписала половину блокнота. Телевизор работал, но без звука. Впервые за много лет Аманда чувствовала себя живой и целеустремленной. Она вспомнила почти абсолютно все, что происходило в ту пору, когда она вела дело. Куда труднее вспоминались события последних пятнадцати лет, которые прошли в тумане алкогольных паров, а зачастую и наркотического опьянения. А сейчас она даже на вино не насадала, отметила Аманда, когда, подняв голову от блокнота, увидела, что пьет пока лишь только третий бокал.

В окно гостиной постучали. Она сняла очки и неловко поднялась с кресла. Подойдя к окну, Аманда отодвинула штору и увидела за стеклом знакомое лицо. Щурясь от света, льющегося из гостиной, на нее смотрел Крофорд.

– Я получил твое голосовое сообщение, – сказал он.

– Дерьмово выглядишь, – ответила она с усмешкой.

– На себя посмотри.

Аманда сипло рассмеялась и протянула ему руку.

– Залезай. Входная дверь завалена.

Крофорд взялся за ее руку, багровея от напряжения, забрался на карниз и протиснулся в окно. С минуту он стоял на середине гостиной, силясь отдышаться.

– Давненько не виделись, – произнес он. – Сто лет прошло с тех пор, как мы...

Аманда кивнула в знак согласия. Свет падал на его макушку, к которой, она заметила, липли, словно волокна сахарной ваты, скудные остатки рыжеватых волос.

– Выпить хочешь? – предложила Аманда.

– Да, не откажусь. Адский был денек. – Крофорд нервно потер лицо.

Аманда вышла из гостиной и вскоре вернулась с бутылкой и еще одним бокалом.

– Запустила ты свой дом, – заметил он, беря бокал.

– А ты себя запустил, – парировала Аманда. Чокнувшись с ним, она одним глотком осушила свой бокал. Он согласно кивнул и тоже выпил вино до дна. Она забрала у него бокал и вместе со своим поставила на маленький журнальный столик у кресла, затем повернулась и остановила на нем взгляд.

– Жена от меня ушла, – сообщил он.

– Сочувствую.

– Детей забрала. Дом...

– Тсс, не порти настроение. – Шагнув к нему, Аманда приложила палец к его губам. Затем наполовину стянула куртку с Крофорда, так что его руки оказались прижатыми к бокам. Он смотрел на нее, разинув рот от вожделения. Она провела ладонями по его выпирающему животу и расстегнула на нем ремень.

– О, – выдохнул Крофорд. Аманда расстегнула молнию на его брюках и сунула руку ему в трусы. Он закрыл глаза и содрогнулся. – О, Аманда...

Она стянула с него трусы и толкнула его на диван.

– Сиди и молчи. – Аманда опустилась на колени между его ног.

Крофорд запрокинул назад голову и прерывисто задышал. В считанные минуты все было кончено. Аманда с трудом поднялась с ковра и взяла со стола сигареты.

– Кайф, то что нужно. А ты молодец, не утратила сноровки. Отсасываешь лучше всех, – сказал Крофорд, натягивая трусы и брюки. – Вино еще есть?

– Конечно. – Аманда взяла бутылку, наполнила его бокал.

Удовлетворенный, он забрал у нее вино, отпил большой глоток.

– Говорят, ты занимаешься делом Коллинзов, – произнесла Аманда, закуривая сигарету.

– Видать, за грехи мои. – Крофорд повел глазами, вновь прикладываясь к бокалу. – А мне у тебя нравится, Аманда. Я прям душой отдыхаю. Моя жена... она повернута на чистоте и порядке.

– Ну и как продвигается расследование? – спросила Аманда.

– Ты же знаешь, с тобой я это обсуждать не могу, – рассмеялся Крофорд.

Аманда сделала очередную затяжку.

– Еще как можешь.

Крофорд выпрямился на стуле.

– Постой, так ты пригласила меня для...

– Для чего? Чтобы потрахаться по-стариковски? И для этого тоже.

– Поверить не могу. – Он со стуком поставил бокал на стол, поднялся и схватил с пола куртку.

– Я просто хочу знать, как продвигается расследование по делу Коллинзов. Только и всего, Крофорд.

– И когда только я поумнею? Ну и стерва же ты коварная.

– Ну вот, теперь я стала стервой, а минуту назад была «лучше всех».

– Угу, я малость прозрел.

– Ну да, у тебя после оргазма мозги прочистились. А как же я, Крофорд?

– А что ты?

– Я все еще не получила удовлетворения. Во многих смыслах.

Крофорд шагнул к окну, но Аманда, сложив на груди руки, преградила ему дорогу.

– Не спеши. Ты забываешь, что мне известны твои маленькие секреты...

– Наши общие секреты, Аманда. Ты тоже занималась сбытом дури, что мы экспроприировали на улице, – прошипел он.

Аманда равнодушно пожала плечами.

– Но когда нечего терять, это неважно. Я, конечно, говорю про себя. У тебя же маячит развод; с того времени, когда ушла жена, твои расходы возросли: надо платить алименты, снимать квартиру. К тому же придется договариваться по поводу опеки над детьми. Тебе твоя работа *нужна*.

– Чего ты хочешь? – Багровея, он сжал кулаки.

– Я же сказала. Мне нужно одно: чтобы ты информировал меня о ходе следствия... Если понадобятся копии материалов – добудешь.

Крофорд с минуту смотрел на нее с ненавистью во взгляде.

– Ладно. Договорились. Теперь все?

– Не совсем. Я должна быть удовлетворена тем, что мы заключили соглашение.

– Я же пообещал.

– Я сказала *«удовлетворена»*, – повторила Аманда. Она стянула с себя легинсы до самых лодыжек.

– Ты же знаешь, мне это не нравится, – сказал Крофорд, глядя на ее голый низ. На дебетое тело. Темные волосы внизу.

– Порой приходится делать то, что не нравится, Крофорд. Иначе не выживешь, – заметила она, силком заставляя его опуститься на колени. – Приступай.

Глава 22

Гость Аманды Бейкер покинул ее дом уже поздно ночью. Из своего автомобиля Джерри наблюдал, как Крофорд неуклюже вывалился из фасадного окна, с понурым видом доплелся до своей машины и уехал.

Он подождал еще немного и затем приблизился к дому. Луну заслонило плотное облако, а ближний уличный фонарь был разбит, и потому дом окутывала темнота.

Неслышно ступая по дорожке палисадника, Джерри пробрался к фасадному окну и заглянул в комнату. Аманда развалилась в кресле, ее голова явно неудобно прислонялась к его спинке. Она спала. В углу работал телевизор, показывали документальный фильм о природе. Просторы океана бороздили гигантские скаты под аккомпанемент размеренного авторитетного голоса рассказчика.

Джерри взялся за нижний край рамы подъемного окна, надавил на нее. Окно не было заперто. Оно легко поддалось, поехав вверх. Он занес ногу на карниз и скользнул в дом. Закрыл за собой окно, задвинул шторы.

Теперь он стоял над Амандой, глядя на ее обмякшее во сне лицо, на поблескивающую слюну, вытекающую из уголка ее рта. Рядом на ковре валялись две порожние бутылки вина. Она зашевелилась в кресле, шлепая губами. Он потянулся к стоявшей подле нее тяжелой пепельнице, приготовившись ударить ее по голове, но она снова ритмично захрапела.

Вариантов было два: спрятать в комнате маленькое подслушивающее устройство, работающее на батарейке, или найти скрытую розетку для крошечного «жучка» с SIM-картой, представляющего собой крошечный черный коробок. Джерри оглядел стеллаж, ломившийся от книг и бумаг: розетки за ним наверняка есть, но до них не доберешься. Комната провоняла дымом, однако на потолке он заметил на вид недееспособный датчик дыма. Он встал на диван, дотянулся до пластикового корпуса датчика и быстро вмонтировал в него маленький «жучок», который реагировал на голос и имел батарейку, обеспечивающую ему работу в течение нескольких дней.

Сойдя с дивана, Джерри прошел в переднюю, где на столе стоял стационарный телефон со светящейся в темноте красной лампочкой. Только он собрался снять с рычага трубку, как заскрипели половицы. Джерри замер, а потом быстро нырнул в дверь напротив перил, оказавшись в комнате, забитой ненужным хламом.

Тяжелой поступью Аманда проковыляла мимо него в кухню. Зажегся свет, из крана полилась вода, зашуршали блистеры с таблетками. Щелчок выключателя, свет погас. Аманда прошлепала мимо, на этот раз к лестнице, и стала медленно взбираться наверх.

Джерри вышел из своего укрытия и, не теряя ни секунды, быстро разобрал телефонную трубку и вставил в нее миниатюрное подслушивающее устройство.

Заслышав скрип матрасных пружин, он остановился в коридоре. Глаза уже привыкли к темноте. У него возникла мысль подняться на верхний этаж и позабавиться с Амандой, ведь она в таком состоянии, что и не почувствует ничего. Нет, надо сохранять хладнокровие, урезонил он себя. Как-нибудь потом позабавится. Он осторожно прошел мимо подножия лестницы, увидев, что она слишком круто уходит вверх.

Джерри отметил это про себя и затем покинул дом через фасадное окно, растворившись в темноте.

Глава 23

Утро следующего дня выдалось ясным и серым, но очень холодным. Эрика с Питерсоном припарковались на небольшой гравийной площадке у въезда в парк Хейз со стороны Кройдон-роуд. Застегнувшись на все пуговицы, они выбрались из машины и зашагали по гравийной тропинке, которая резко уходила влево, огибая ряд деревьев, и затем поворачивала направо. Теперь парковка, дома и дорога были скрыты от них за деревьями, а перед ними простирались холмистые общинные земли.

– Боже мой, два шага, и ты уже как будто у черта на рогах, – произнес Питерсон.

– Шум от дороги заглушают деревья, – заметила Эрика, обратив внимание на неестественную тишину. С хрустом ступая по гравию, они шли мимо высоких голых деревьев, с обеих сторон обступивших тропинку, причем стояли они так плотно, что в густую чащу даже свет не проникал.

– Здесь так и кажется, что за нами из темного бора следят красные глаза, – добавил Питерсон, – как в сказке «Ветер в ивах».

Солнце еще не вошло над деревьями, и потому роса, лежащая на траве и вереске, не успела испариться. Навстречу им плыли клочья тумана, низко стелившегося над землей.

– Что, если Джессику несли этим же путем? – задалась вопросом Эрика. Они задумались об этом, ступая по гравию, скрипевшему под их ногами.

– Она была уже завернута в целлофан? Или ее завернули у воды?

– Въезд с Кройдон-роуд, где мы припарковались, ближайший к карьере, а идем мы... – Эрика глянула на часы. – Пять минут.

– Может, это был не один человек, – рассудительно предположил Питерсон, в задумчивости глубоко сунув руки в карманы.

Деревья, казалось, расступались; гравийная тропинка, плавно изгибаясь, вывела их к карьере, который находился чуть ниже под ними. На неподвижной глади воды, укрытой туманной дымкой, отражалось серое небо. Не доходя ста ярдов до края воды, тропинка обрывалась, и дальше к каменистому берегу карьера они пошли по мягкому неровному мшистому покрытию. Эрике казалось, что

миновало куда больше, чем неделя, с тех пор, как она была здесь с командой водолазов.

– Тому, кто ее утопил, требовалась лодка, – произнесла она. – Джессику нашли примерно ярдах в ста от берега.

Питерсон подобрал с земли камешек и, присев, пустил его по воде.

– Шесть. Неплохо, – похвалила его Эрика, вместе с ним наблюдая, как по воде расходятся круги.

– Невозможно забросить тело ребенка так далеко от берега, – заключил Питерсон.

Они двинулись вдоль берега, шагая в ногу. Столь же согласны были и их мысли. Тропинка, огибавшая карьер, местами сильно сужалась, а в промежутках им попадались каменистые выступы, через которые приходилось перелезать, и небольшие искривленные деревья со свешивающимися в воду ветвями, под которые приходилось подлезать.

– Что-то не вижу я той лачуги, – сказала Эрика, доставая карту.

– За двадцать шесть лет деревья выросли и... – начал Питерсон.

– Подожди-ка, – перебила его Эрика. Они как раз поравнялись с густыми зарослями куманики и камышей. – По-моему, вон там торчит крыша, да? – Она показала на уголок красной черепицы, проглядывавшей сквозь кусты куманики и высохших плетей вьюнка.

Они приблизились к зарослям, которые мало того что кололись и местами представлялись непролазными, так еще и были скользкими от росы. Теперь, когда они подошли ближе, Эрика увидела разбитое стекло, поблескивавшее в неярком свете. Они стали пробираться к лачуге, но не так-то просто было продраться через метровые кусты куманики, деревья и густой подлесок, которые казались непроходимыми.

– Черт, босс, нам бы лучше подготовиться для этого: взять людей побольше, рукавицы. – Питерсон поморщился, вытаскивая большую колючку из подушечки большого пальца.

– Вы правы: все это нужно вырубить, – согласилась Эрика, глядя на клинышек крыши лачуги, выглядывавшей из-за зарослей.

Отряхиваясь на ходу, они выбрались из подлеска. К ним подбежал палевый лабрадор с мокрым теннисным мячиком в зубах. Пес сел и положил лапу на свою игрушку.

Эрика взяла мячик и швырнула его к дальним деревьям. Собака радостно помчалась за ним и принесла его назад. Какая-то женщина, появившись из леса, неторопливо направилась к ним по кромке берега.

– Местная старая кумушка. Неплохо бы с ней поговорить, – сказал Питерсон.

– На вид несколько эксцентричная, – заметила Эрика, когда женщина подошла ближе.

Та была одета в растянутый старый зеленый спортивный костюм, трикотажную шапку плотной вязки с эмблемой футбольного клуба «Челси», из-под которой торчали длинные седые волосы, и шарф с эмблемой «Манчестер Юнайтед».

Эрика еще пару раз бросила мячик, который собака неизменно приносила назад. Женщина приблизилась, и они увидели, что на ней фиолетовые кроссовки; на одном подошва наполовину оторвалась и шлепала при каждом ее шаге. Она несла потрепанную хозяйственную сумку, набитую съедобными каштанами. Лицо у нее было обветренное, изборожденное глубокими морщинами; правый уголок рта украшал уродливый шрам некогда плохо зашитой раны, который стягивал губу, отчего создавалось впечатление, что к ее лицу прилипла маска злобного оскала.

– Серж, к ноге! – повелительно окликнула женщина лабрадора. – Он вас беспокоит? – Речь у нее была культурная, аристократическая, но она немного шепелявила. Пес подбежал к хозяйке, пытливо рассматривавшей Эрику с Питерсоном.

– Нет, что вы, у вас чудесная собака. Здравствуйте. Я – старший инспектор Фостер, – представилась Эрика, показывая свое удостоверение. – А это инспектор Питерсон.

– *Подбирать* каштаны законом не запрещено, – ошетибилась женщина. – Какого черта вы сюда явились?

– Мы не... – начала Эрика.

– Тут человек один ежевику с кустов собирал, так тоже полицию вызвали, будь она неладна. Слышали об этом? Да что же это такое?! Ягоды – плоды Господа, и Он позволяет им расти на земле нам на пропитание.

– Мы здесь не по поводу каштанов и прочих плодов, которые вы могли бы собирать, – успокоила ее Эрика.

– Ничего *не могла бы*. Я собираю. И собрала. Вот, смотрите! – Женщина распахнула сумку, в которой были утрамбованы блестящие коричневые каштаны.

– Мы расследуем гибель Джессики Коллинз, – объяснила Эрика. – Видели, наверно, в новостях, что в здешнем карьере были найдены ее останки?

– У меня нет телевизора, – отвечала женщина. – А вот «Радио-4» я слушаю. И новость эту слышала. Безобразие. Вы вот там ее нашли, – добавила она, кивком показав в сторону карьера.

– Да. Вы давно живете в этой местности?

– Я живу здесь всю жизнь: восемьдесят четыре года.

– Мои поздравления, – сказал Питерсон, но в ответ заслужил лишь злобный взгляд.

– Что вы можете рассказать про тот домик в зарослях? – спросила Эрика.

Прищурившись, отчего ее лицо еще больше сморщилось, женщина устремила взгляд мимо Эрики.

– Во время Второй мировой там размещалась авиабаза: казарма, склад. Засекреченная. Думаю, после войны там кто-то еще оставался, а потом домик опустел и пустовал долгие годы... Старый Боб там долго жил, неофициально. Хотя, пожалуй, не очень долго: не успел получить на него права собственности по приобретательной давности[75].

Эрика с Питерсоном переглянулись.

– Вам известно, где он теперь? – спросила Эрика, стараясь выудить как можно больше информации.

– Несколько лет назад. Его нашли там. Мертвым. – Старушка качнула головой в сторону лачуги.

– Вы знаете, как его звали?

– Я же сказала: Старый Боб.

– По паспорту?

– Боб Дженнингс.

– А вас как зовут? – осведомилась Эрика.

– На кой ляд вам сдалось мое имя? Я и так отвечаю на ваши вопросы.

– Очень мало свидетелей гибели Джессики Коллинз, если таковые вообще есть. Ей было всего семь лет, когда ее утопили. Ее тело, завернутое в полиэтилен, утяжеленное грузом, пролежало на дне

двадцать шесть лет. Мы даже не знаем, была ли она еще жива, когда ее бросили в воду...

Старушка оторопела.

– Бедное дитя...

Питерсон, шагнув вперед, обаятельно улыбнулся женщине.

– Возможно, у нас возникнут еще вопросы, мэм. Вы хорошо знаете здешний район, и в расследовании ваши обширные познания нам очень быгодились.

Она посмотрела на него внимательно и спросила у Эрики:

– Он со мной флиртует?

– Ну что вы, вовсе нет, – смутился Питерсон.

– Надеюсь, что нет, молодой человек! Или вам в полиции больше заняться нечем?

– Уверяю вас, – поспешила вмешаться Эрика, подавив улыбку, – мы очень серьезно относимся к своей работе и к данному расследованию в частности, и ваша информация об этом районе была бы нам крайне полезна...

Старушка, поморщившись еще больше, смерила их быстрым взглядом с головы до ног.

– Есть сведения, что в день исчезновения Джессики возле ее дома видели темноволосого мужчину. Полиция его так и не выследила, но после того, как в карьере нашли останки девочки, у нас есть все основания полагать, что это мог быть Боб Дженнингс.

– Боб? Причастен к убийству? Нет-нет-нет. Он был чудаковат, глуповат, но чтобы убить ребенка... Нет. Исключено.

– Откуда такая уверенность? – спросила Эрика.

– Потому что я живу здесь всю жизнь. И могу отличить тухлое яйцо от свежего. На этом закончим, господа. Доброго вам дня.

Она свистнула собаке и загашала прочь. Лабрадор засеменил за хозяйкой.

– Так вы готовы помочь нам, раз вы так хорошо знаете здешних людей и местность? – крикнула ей вслед Эрика, но старушка даже не обернулась, продолжая удаляться от них.

Они смотрели, как она, хлюпая кроссовкой с надорванной подошвой, исчезает за деревьями.

– Флиртует... – проворчал Питерсон. – Много о себе возомнила.

– Нет. Ей известно больше того, что она выдала нам, – заметила Эрика. Она поспешила к деревьям, Питерсон – за ней. Когда они завернули за угол, там никого не оказалось.

– Куда она делась-то? – удивилась Эрика. Перед ними меж деревьями тянулась узкая тропа, в воздухе все еще висели клочья тумана, и их снова окутала неестественная тишина.

– Может, это был призрак, – предположил Питерсон.

– И собака тоже?

Они остановились на минуту. Эрика вытасила телефон.

– Мосс, это я. Попробуйте узнать, держал ли кто на карьере лодку, проверьте, не задокументировано ли где, что местный совет убрал с карьера какое-либо судно. Они очень педантичны в этом плане, любят все регистрировать... Также выясните, для чего конкретно использовался карьер; разновидность песка или гравия, что в нем добывали. Может быть, история подкинет нам какую-то зацепку... Чем черт не шутит.

– Порой только и нужно, чтоб черт пошутил, – прокомментировал Питерсон, когда Эрика отключила трубку. Он повернулся, глядя в ту сторону, где простирался карьер, замаскированный вереском и травой. – Подумать только, что все это время она была здесь, меньше чем в миле от дома, – промолвил он.

Глава 24

В ту ночь Эрика спала беспокойно. Ей снилось, что она тонет в ледяной темной воде Хейзского карьера. Светила полная луна, а она медленно опускалась на простирившееся под ней дно, подсвеченное, будто лунный ландшафт. Она плыла параллельно дну, не чувствуя онемевших рук и ног; легкие разрывались от боли. Вокруг нее вздымался ил, заслоняя видимость. Но потом муть улеглась, и она увидела Джессику, стоявшую на дне карьера, – девочку, а не ее скелет. Она была нарядно одета, явно для похода в гости на день рождения подруги; ее длинные белокурые волосы веером струились вокруг ее головы; ткань розового платья лениво раздувалась в слабых потоках подводных течений. Ее ноги в украшенных узором сандалиях не утопали в грунте, а будто парили над ним. Под мышкой она держала подарок – маленький квадратный сверток с рисунком в черно-белый горошек.

Джессика улыбнулась, выпустив струйку крошечных пузырьков через дырочку на месте отсутствующего переднего зуба. Не двигая ни руками, ни ногами, все так же с подарком под мышкой, она тронулась с места и поплыла.

На некотором удалении на дне карьера Эрика теперь видела ряд знакомых домов, вереницу дубов, образующих темную размытую линию. Это была улица Эйвондейл-роуд в саване из илестых отложений. Далеко впереди мигнул свет – один раз, второй, и Джессика быстрее заскользила по подводной улице. Пытаясь нагнать ее, Эрика изо всех сил дрыгала руками и ногами, но только будоражила донный песок. Наконец она все же настигла Джессику, схватила ее за руку и начала подниматься на поверхность. Но стоило ее пальцам сомкнуться вокруг крошечной ручки Джессики, как кожа на ней стала отслаиваться, оголяя кости. Потом облезла кожа с лица, оголив череп и зияющие глазницы. К тому времени, когда Эрика вынырнула из воды, Джессика превратилась в скелет.

Пытаясь отдышаться, Эрика хватала ртом холодный ночной воздух, и когда ее зрение обрело четкость, она увидела на краю карьера две фигуры.

* * *

Эрика пробудилась с криком. Простыни пропитались потом, но саму ее бил озноб. За окном ее спальни все еще было темно, часы у кровати показывали 4.30 утра. Она встала и залезла под душ. Долго стояла под горячей водой, чтобы прогреть кости, заледеневшие в холодной воде карьера. Наконец, когда душевая вода стала остывать, она укуталась в толстый халат и прошла на кухню. В эти дни она знакомилась со следственными материалами, что отобрал для нее Джон, и сейчас, приготовив кофе, она принялась просматривать стопку архивной документации, которую принесла домой с работы.

* * *

Около восьми утра Эрика прибыла в отделение полиции Бромли и, выйдя из лифта на первом этаже, увидела весьма занятную сцену. Группа патрульных стояла вокруг старой магазинной тележки с чучелом, которое они изготовили для сжигания в Ночь Гая Фокса[76], набив старыми газетами форму карикатурного полицейского. Вместо головы – воздушный шарик, на котором стойким маркером нарисовано скорбное лицо с большими глазами. На макушке – полицейский шлем, из-под которого торчат кудри рыжего парика. По-видимому, патрульных остановил суперинтендант Йель, который теперь распекал их, стоя перед тележкой.

– Уровень террористической угрозы повышен до серьезного[77], а вы, вместо того чтобы бдительно нести службу, решили поразвлечься?

– Сэр, сегодня Ночь Гая Фокса, и мы собираем средства для детской больницы на Грейт-Ормонд-стрит, – объяснила невысокая женщина-констебль в бронежилете и светоотражающей куртке.

– А если высокое начальство нагрянет с проверкой? И увидит, как вы тут стоите веселитесь?

– Так мы все только что сменились с дежурства, сэр. Подумали, что, если останемся в форме, соберем больше денег, – сказал другой патрульный.

– А вы успеете все это объяснить?

Эрика сообразила, что Гай имеет невероятное сходство с суперинтендантом Йелем.

– Разве Гай Фокс был не террорист? – спросил высокий худой полицейский с мальчишеским лицом, сунув обе руки под бронежилет. – Мы и про терроризм могли бы лекцию прочитать, провести, так сказать учебное занятие.

– По предупреждению соскучились? – рявкнул Йель. – Ну-ка, вон отсюда, и пугало с собой заберите!

Патрульные развернули тележку и поспешили из отделения.

– Гай Фокс пытался взорвать здание Парламента, – ворчал высокий полицейский.

– Доброе утро, сэр, – поприветствовала Йеля Эрика, стараясь сохранять каменное лицо.

– Какое ж доброе? – Она собралась было ответить, но он, не давая ей открыть рот, сообщил: – Адвокаты Джейсона Тайлера нам и суду выкручивают руки. Теперь он отказывается говорить, где хранятся компьютерные файлы, пока мы не обязуемся выступить в суде с ходатайством об отсрочке исполнения наказания.

– Какой гад, – в сердцах произнесла Эрика. Вот что получается, хотелось напомнить ей Йелю, когда вступаешь в сделку с наркодилерами, но она промолчала. Тот покачал головой и, бормоча себе под нос, пошел прочь по коридору.

Эрика поднялась по лестнице на верхний этаж, где расположился оперативный отдел. Ее поразило, что почти все члены следственной группы уже находились на своих рабочих местах. Была пятница, и она понимала, что прошла неделя со времени обнаружения останков Джессики, на протяжении которой ее команда трудилась на износ. Звонили телефоны, все столы были завалены бумагами. Констебль Найт обновляла на демонстрационной доске уголок, где были размещены все данные по расследуемому делу, а также сведения об Аманде Бейкер.

– Доброе утро, босс. Можно вас на два слова? – спросила Мосс. Выскочив из-за стола, она перехватила Эрику на пути к ее кабинету за стеклом и последовала за ней туда, на ходу запихивая в рот булочку и запивая ее кофе.

Эрика положила сумку на стол, отметив, что на нем уже громоздится новая стопка приготовленных для нее материалов, с

которыми ей требовалось ознакомиться.

– Как команда, Мосс?

– Хорошие ребята. Разве что констебль Крофорд сиськами трясет.

Но я видала сиськи и побольше.

Эрика закатила глаза.

– Не в настроении шутить, босс?

– Не совсем, – улыбнулась она.

– Вчера вечером секретарь некоего королевского адвоката по имени Оскар Браун оставил вам пару сообщений. Он хочет встретиться с вами на своей территории.

– По какому вопросу? – спросила Эрика, усаживаясь за стол.

– По делу Джессики Коллинз, босс.

– Постой, – осенило Эрику. – Оскар Браун. Бывший парень Лоры Коллинз? Тот, с кем она путешествовала, когда исчезла Джессика?

– Да. Они вместе учились в университете. Но потом он уехал, теперь известный барристер[78].

– Что ему от меня нужно?

– Хочет с вами побеседовать.

– О чем?

– Он спрашивал, можно ли поговорить с вами лично. Я пыталась выяснить подробности, но он больше ничего не сказал.

Из своего кабинета Эрика обвела взглядом оперативный отдел. Ей казалось, что она зашла в тупик, а новая груда материалов на ее столе, она не сомневалась, лишь будет издеваться над ней, насмехаясь над ее неспособностью установить подозреваемого.

– Узнайте, готов ли он встретиться со мной в ближайшие часы. Принесите мне все, что у нас есть на него в архивных материалах. В свое время он наверняка давал показания. Алиби он представил?

– Представил. Вместе с Лорой он путешествовал по Уэльсу. Марианна проводила их за день до исчезновения Джессики. Есть показания одного работника кемпинга, который видел, как они прибыли. Он говорит, что Оскар был единственным чернокожим парнем, которого он видел за все лето, потому он его и запомнил.

Эрика вскинула брови. В дверь постучали, вошел Джон с какими-то документами.

– Доброе утро, босс. Я узнал кое-что о Бобе Дженнингсе, о старике, что жил в лачуге у Хейзского карьера. Он всю жизнь обитал в

Бромли, время от времени попадал в различные психиатрические больницы в Кенте. Судимости у него тоже есть, но, главным образом за мелкое воровство, совсем мелкое. В восемьдесят шестом году стащил из овощной лавки шесть бананов, в восемьдесят восьмом украл ожерелье с витрины в магазине «Рэтнерс». О случаях насилия с его стороны данных нет. Муниципалитет трижды предлагал поместить его в приют, но он каждый раз отказывался.

– Из чего следует, что он предпочел поселиться в домике у карьера? – предположила Эрика.

– Я постараюсь еще что-нибудь накопать, – пообещал Джон.

– Это и есть наш подозреваемый? Умерший старик, свистнувший шесть бананов и паршивое ожерелье? – спросила Мосс. Эрика промолчала. – Ладно, босс, пойду устраивать вашу встречу с Оскаром Брауном. А вам, по-моему, не мешает выпить кофе.

– Спасибо, Мосс. – Эрика откинулась на спинку стула и потеряла глаза. Дело Джессики Коллинз, казалось, бесконтрольно расплзлось по всем направлениям.

Глава 25

После полудня Эрика села на станции Бромли на скоростной поезд и получасом позже прибыла на лондонский вокзал Виктория. Адвокатская фирма «Фортитудо» размещалась в здании из красного кирпича, расположенного в нескольких минутах ходьбы от вокзала, близ театра «Аполло».

На вид это была серьезная контора. Строгая женщина за стойкой в приемной; величаво роскошный вестибюль: отделка из резного камня, высокие потолки с лепниной. Эрику проводили в кабинет Оскара Брауна на верхнем этаже, откуда открывалась широкая панорама Лондона.

– Старший инспектор. – Он поднялся из-за стола, обошел его, чтобы пожать ей руку. – Что желаете? Чай? Кофе? Или, может, воды?

– Нет, спасибо, ничего, – поблагодарила Эрика.

Оскар Браун был высоким представительным мужчиной с проседью в темных волосах. Одет изысканно: дорогой английский костюм, дорогие туфли. Оскару было восемнадцать, когда исчезла Джессика; значит, теперь ему сорок четыре, прикинула Эрика, опускаясь в удобное кресло перед его столом. По всему было заметно, что это офис дорогого адвоката: толстые ковры, темное полированное дерево, бдительная секретарша. Видать, отбирали ее со всей тщательностью, рассудила Эрика: у нее не столь яркая внешность, чтобы отвлекать внимание деловых мужчин, но достаточно привлекательная: сразу видно, что в компании работают молодые энергичные люди. Оскар дождался, когда секретарша уйдет, и лишь потом продолжил разговор.

– Я был крайне огорчен, когда узнал, что обнаружили останки Джессики. С одной стороны, двадцать шесть лет пролетели слишком быстро, с другой – все это словно вчера произошло. – Голос у него был звучный и хорошо поставленный, как у актера. Эрика не сомневалась, что на судебных заседаниях Оскар максимально использует его природные качества для достижения нужного эффекта.

– Не думаю, что для Коллинзов эти годы пролетели быстро, – ответила она.

– Нет, конечно, нет. У вас есть зацепки? Подозреваемые?

Склонив набок голову, Эрика прямо посмотрела ему в лицо.

– Мистер Браун, я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать с вами версии или подозреваемых. Так зачем вы хотели меня видеть?

Он улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами.

– Я по сей день поддерживаю связь с семьей Коллинзов и лично был свидетелем того, как велось предыдущее расследование. Оно причинило им много горя и нанесло большой вред.

– Мне известно, что произошло.

– Коллинзы попросили меня выступить их представителем.

– Но ведь вы адвокат, а не пресс-секретарь их семьи?

– Совершенно верно.

– Тогда вы должны понимать, что здесь возникает конфликт интересов. Вы – потенциальный свидетель событий, имевших место двадцать шесть лет назад...

– И я также мог бы оказаться в списке подозреваемых, – закончил он.

Эрика молчала.

– Так вы меня подозреваете? – улыбнулся он.

– Мистер Браун, я не намерена обсуждать с вами это дело.

– В таком случае могу я говорить с вами как сознательный гражданин? – спросил он.

– Разумеется.

– Первое расследование, которое проводила Столичная полиция, привело к плачевным результатам. Злодеи победили, а у семьи остались вопросы. Правильно ли велось следствие? Все ли было учтено?

– Вы были в отъезде вместе с Лорой Коллинз? Значит, алиби у вас есть?

– Алиби? – вспыхнул он, но потом сел и обезоруживающе улыбнулся Эрике. – В свое время я дал следователю все необходимые показания, вместе с Лорой. Мы с ней были в турпоходе.

– Путешествовали по полуострову Гауэр в Уэльсе?

– Да, это чудесный край.

– Почему вы остановили свой выбор на Уэльсе?

– Мы оба были студентами университета в Суонси. А это совсем рядом. В предыдущий год на Пасху мы ездили туда с друзьями, а

потом решили устроить себе настоящее путешествие вдвоем – только я и она.

– Вы до сих пор близки с Лорой?

– Я не сказал бы, что мы близки. Наш роман продлился недолго. Мы расстались в начале девяносто первого.

– Почему?

– В сентябре девяностого нам предстояло начать учебу на втором курсе. Я изучал юриспруденцию, она – математику. Естественно, на занятия она не вернулась. Вы учились в университете?

– Нет, не училась, – ответила Эрика враждебнее, чем намеревалась.

– Тогда позвольте объяснить: университет – это обособленный мир, в котором жизнь бьет ключом. Я встретил другую девушку. Лора была расстроена, я тоже, но расстались мы по-дружески, и я всегда готов был подставить ей плечо.

– То есть вы ее бросили?

– Я бы выразился иначе. Лора и сама вам скажет, что для нее это был тяжелейший период. Она не знала, как ей жить дальше. С ней...

– Что?

– С ней стало невыносимо находиться рядом. И я ее ничуть не осуждаю. – Последние три слова он подчеркнул ударами ладони по полированной поверхности стола.

– Вы отдыхали на лоне природы, вдали от благ цивилизации. Как вы так скоро узнали о пропаже Джессики?

– Это вопрос?

– Мне казалось, я беседую с сознательным гражданином?

Оскар широко улыбнулся.

– В кемпинге был кафе-бар. На следующий день мы зашли туда выпить и увидели репортаж в вечерних новостях. Мы сразу же поехали назад... Как я говорил, все это я засвидетельствовал в своих показаниях.

– Все это вы могли бы сообщить мне и по телефону. Приезжать к вам мне было совершенно не обязательно.

– Я предпочитаю личное общение... Несколько раз я говорил с Марианной по телефону. Ее беспокоит, что вы не захотите перепроверять роль Тревожа Марксмена в исчезновении Джессики.

Она боится, что вы испугаетесь трогать его, поскольку один раз он уже выиграл гражданский иск у Столичной полиции.

– Я сама позвоню Марианне и лично заверю ее, что мы тщательно рассматриваем все возможные версии. Тревор Марксман теперь живет во Вьетнаме.

– Вот как? Где именно?

Эрика напрягла память, вспоминая точный адрес.

– У нас есть его координаты в Ханое.

– И вам также известно, что недавно он отсидел полтора года во вьетнамской тюрьме за растление несовершеннолетних?

– Мы пока работаем с архивной документацией, – не сразу отвечала Эрика, пытаясь скрыть досаду. – Этой информации у нас еще нет.

– И вам также известно, что Марксман вернулся в Великобританию и сейчас живет в Лондоне?

– Что?

– Значит, вы не знали?

Эрика силилась сохранять самообладание. Оскар полез в выдвижной ящик, вытащил большой конверт из оберточной бумаги и бросил его на полированный стол перед Эрикой.

– Здесь все: его адреса – здешний и временный в Ханое; недавно он учредил новую компанию, которая должна заниматься его активами в сфере недвижимости. Он ведь довольно богатый человек.

Эрика придвинула к себе конверт.

– Как вы это узнали?

– Я провел кое-какие изыскания. Я ведь адвокат, это мой хлеб... Теперь понимаете, почему я настаивал на личной встрече с вами? Но если вам потребуется связаться со мной, я дам вам свой прямой телефон. – Оскар взял со стола небольшой листок бумаги с наименованием и координатами его фирмы и дорогой черной авторучкой подчеркнул номер телефона, что стоял в его кабинете. Двумя линиями. Эрика с трудом скрыла свое раздражение. Несколько секунд он смотрел ей в глаза, затем протянул руку.

– Благодарю, что уделили мне время, мэм. Надеюсь, я и впредь смогу вам помогать, представляя новую информацию.

– Да, спасибо, – поблагодарила она.

Оскар сверкнул обаятельной улыбкой, но она, не меняя выражения лица, покинула его офис.

* * *

Выйдя на улицу, Эрика нырнула в пустой дверной проем и, вскрыв конверт, бегло просмотрела лежавшие в нем бумаги. А потом позвонила в оперативный отдел. Трубку взял Питерсон, и она сердито поведала ему о случившемся.

– Как получилось, что мы об этом ничего не знали? – гневно спросила она. – Я выглядела полной идиоткой.

– Босс, мы изучаем архивные материалы, а их уйма. На столе у меня лежит напоминка, что нужно собрать о нем новую информацию, но мы зашиваемся.

– Да знаю я, – сказала она. – Вы не поверите. Тревор Марксмэн живет в пентхаусе на Боро-Хай-стрит!

– Хотите его навестить?

– Пока нет. Мне нужно все обдумать, – ответила она.

– Что мне сказать команде? Мы завтра выходим на работу?

– Да, – распорядилась она. – Придется поднапрячься. У нас пока нет ни одного подозреваемого.

Закончив телефонный разговор, Эрика направилась на вокзал. Она решила нанести визит тому, кто поймет ее душевное состояние.

Глава 26

Смеркалось, когда Эрика постучала в окно Аманды Бейкер. Спустя мгновение штора отодвинулась, подъемное окно открылось. Появление Эрики, да еще с бутылкой белого вина, удивило Аманду.

– Вот, решила поработать вашим курьером, – сказала Эрика, приподнимая бутылку.

Аманда склонила набок голову, подозрительно глядя на нее.

– В некотором роде это светский визит, – объяснила Эрика.

– В некотором роде? Ладно. Обойдете? – спросила Аманда.

– Я лучше через окно.

Аманда протянула руку, помогая Эрике забраться на карниз и перелезть в дом. Эрика присела на диван, Аманда пошла заваривать чай. Когда она вернулась с двумя дымящимися чашками, Эрика отметила, что в ней произошли перемены. Шаг стал пружинистый, одежда чистая, голова вымыта, и длинные седеющие волосы скручены в узел, заколотый двумя карандашами. В гостиной было прибрано, на журнальном столике возле кресла стояла чистая пепельница и лежала стопка блокнотов. Один был открыт, листки исписаны черной ручкой, тонким неразборчивым почерком.

– Может, все-таки что-нибудь покрепче? Вы ведь не на службе?

– Нет, спасибо, – поблагодарила Эрика, беря чашку с чаем. – Мне кажется, я круглые сутки на службе.

– А я сегодня выпила всего два бокала, хотя обычно к этому времени опорожняю уже вторую бутылку, – призналась Аманда, усаживаясь в свое кресло.

– И что же случилось?

– Вы нашли останки Джессики. Мне это помогло. Как ни странно.

– Как вам это помогло?

– Мне не давало покоя, что она исчезла бесследно. Шли недели, месяцы, годы, а у меня не было ничего, ни одной улики, дело стало разваливаться. В какой-то момент я подумала, что все это чья-то изощренная шутка. Смотрели передачу «Скрытая камера», в которой подшучивают над людьми?

Эрика кивнула.

– Порой мне казалось, что в один прекрасный день откуда-нибудь выскочит мужик с микрофоном, а за ним – Джессика, и они хором запоют: «Ля-ля-ля, старший инспектор Бейкер, а мы вас провели!» И она обнимет меня, а вокруг соберутся ребята из отделения, и мы все посмеемся от души, а потом пойдем в паб. Ну а Джессика, конечно, отправится домой к Мартину и Марианне.

– Наверно, это самое трудное дело в моей практике. Я умею распутывать сложные дела, отслеживать преступников. Но здесь – *ничего*. Я читала ваши следственные материалы. На Эйвондейл-роуд шестьдесят домов. На момент исчезновения Джессики седьмого августа обитатели двадцати девяти из них находились в отъезде на отдыхе, жители еще тринадцати где-то гуляли. Остальные соседи, сидевшие дома в тот день, ничего не видели.

Аманда кивнула, взяла блокнот и вытащила из волос один из карандашей.

– Я тут много всего написала; взгляните, может, натолкнет на какую мысль. Мне это помогает. У меня всколыхнулась часть мозга, которую я не задействовала много лет.

– Мозг следователя, – согласилась Эрика.

– Мы ведь обыскали все палисадники и внутренние дворы на Эйвондейл-роуд, смотрели, нет ли недавно вскопанных участков. – Аманда пролистала свои записи. – Тринадцатого августа мы взяли пробу почвы на наличие метана в саду дома № 34.

– Постойте, в деле об этом ни слова, – встрепенулась Эрика.

– Неудивительно. Дом принадлежал Джону Марри, который тогда был главой муниципалитета Бромли.

– Что заставило вас обыскать его сад?

– В глубине двора мы увидели вскопанный участок. Нас это насторожило.

– Почему это не отражено в материалах дела?

– Прodelки муниципалитета. У него больше власти, чем кажется. Кое-что «потерялось».

– Думаете, Джон Марри был причастен к исчезновению Джессики?

– Нет. Он пытался защитить свою репутацию. Экспертиза почвы на метан вызывала подозрения, и я распорядилась перекопать весь сад. Мы нашли только разлагающийся кошачий труп. Бродячей кошки,

которую экономка похоронила там тремя неделями раньше без ведома хозяев. Газеты за это ухватились. Напечатали фото землекопа в его саду. Нам пришлось поднимать тротуарную плитку, беседку. А его жена только что благоустроила участок. – Аманда закурила. – Им удалось вытребовать компенсацию по страховке, но его имя навечно связали с исчезновением Джессики. Боб Дженнингс тоже дал слово местным властям не распространяться о социально-реабилитационном центре. И молчал.

– В имеющихся у нас документах о нем нет ничего.

– Его не считали подозреваемым. Но своим молчанием он нанес непоправимый вред. Подробности я выяснила только через несколько дней, и еще пару дней ушло на то, чтобы вычислить Тревора Марксмэна. Вот это и не дает мне покоя. Алиби он представил, но ведь у него мог быть подельник, и имелось окно в несколько дней, пока мы на него вышли.

Эрика глотнула чаю, думая про конверт со сведениями о Марксмэне, вернувшемся в Великобританию.

– На допросе он насмеялся надо мной, после ареста... Я места себе не находила, когда пришлось его отпустить.

– Но вы не оставили его в покое? – уточнила Эрика. В комнате внезапно стало зябко.

Аманда кивнула, впившись в нее взглядом.

– Ну нет, я продолжала его *доставать*, – прорычала она.

Глава 27

В шести милях от дома Аманды Бейкер, в квартире на верхнем этаже одного из небоскребов в Мордене на юге Лондона, Джерри, сидя за компьютером в дальней тесной комнате, слушал разговор женщин.

В наушниках звучал сиплый голос Аманды, звучал громко, непривычно близко, будто она орала ему в ухо. Он предположил, что она сидит в кресле прямо под датчиком дыма.

– Пару недель Марксмэн находился у нас под наблюдением. У него был автобусный проездной, и он целыми днями кружил по Лондону, пересаживаясь с автобуса на автобус. Мы быстро сообразили, что он заметил слежку... Теперь я понимаю, что он отвлекал наше внимание от Хейза...

Речь умолкла. Джерри услышал звяканье чашки о блюде – видимо, ее поставили на стол.

– И что же вы предприняли? – Это был голос Эрики.

– Я старалась поддерживать боевой дух. Никто из моих сотрудников не хотел гоняться за Марксмэном, но нельзя было упускать его из виду, мы должны были убедиться, что он колесит по городу не для того, чтобы отделаться от нас... Вам известно, за что его посадили?

– Нет.

– Когда Марксмэн жил в западной части Лондона, – продолжала Аманда, – возле Эрлз-Корт, он похитил пятилетнюю девочку. Шел как-то раз по Кромвель-роуд, недалеко от станции метро. А там полно старых четырехэтажных домов. И в окне одного он увидел играющую маленькую девочку. Он остановился, завел с ней разговор и убедил пойти с ним. Сказал, что он друг ее мамы и живет по соседству. Сказал, что у него есть щенок. И она пошла с ним. А он усыпил ее и отнес в сарай на садовом участке в миле от ее дома. Она пробыла там три дня. Он ее насиловал. Ей было всего пять лет. Стоял январь, холод собачий. И он решил, что в это время туда никто не сунется. На земле лежал снег, место пустынное. А через несколько дней какой-то мужчина выгуливал там собаку и увидел, как Марксмэн заходит в сарай с пакетом игрушек... Он поднял тревогу. Девочка, когда ее

нашли, была в одной ночной сорочке. Перепуганная до смерти, с пневмонией...

– Что с ней случилось?

– Выжила. Где она теперь, я не знаю. Сумела ли оправиться от того, что с ней произошло, и жить, как все нормальные люди?!

На некоторое время разговор прекратился. Джерри смотрел на монитор. Цветной индикатор звука на экране застыл.

– Вот почему я на это решилась, – нарушила молчание Аманда. – Взяла правосудие в свои руки. Я хотела, чтобы этот подонок сгорел заживо. Пылал жарче, чем солнце, и испытал адскую боль... Меня чуть кондрашка нехватила, когда я узнала, что он выкарабкается, что огонь его не уничтожил. А теперь думаю, что это даже к лучшему. Видели, какой он стал?

– Да. – Голос Эрики, тихий.

– Жуткий уродец. А прежде внешность у него была вполне обычная. По крайней мере, теперь он к детям просто так не подойдет, они от одного его вида шарахаются.

Джерри увидел, что на столе рядом с ноутбуком засветился дисплей его мобильного телефона. Убедившись, что запись идет, он снял наушники и ответил на звонок.

– Все работает. Звуковой сигнал из дома Аманды Бейкер доходит отлично. У нее сейчас Эрика Фостер, – доложил он.

– Что она там делает? Что происходит? – встревожился голос на другом конце линии.

– Остынь. Она в полной растерянности. Ничего не раскопала. Пришла к Аманде просто так – видимо, чтобы поговорить, почувствовать себя уверенней.

– Что с телефонами? – спросил голос.

– В Амандин я внедрился без проблем. У нее простейшая модель на базе *Android*, и доступ я получил, послав ей эсэмэс с «тройном». В ее аппарате полно игр, и она участвует во многих телефонных телеконкурсах. Она не обратила внимания на пустое сообщение, а я его удалил. То же самое я только что проделал с телефоном Крофорда.

– А телефон Фостер? Ее тоже нужно слушать.

– Рискованно. Она бдительна и умна. Если засечет попытку взлома...

– Мне нужно знать, что происходит.

– Говорю тебе, черт побери: у нее ничего нет.

– Полегче. Не забывай, с кем говоришь, – ледяным тоном предупредил голос.

Джерри откинулся на спинку стула и забросил ноги на стол.

– Я – твои глаза и уши.

Пауза.

– Внедрись в телефон Фостер. Если тебя отследят, я устрою так, что ты будешь ни при чем. Обещаю.

– Ладно, – сказал Джерри. – Попробую.

Глава 28

От Аманды Бейкер Эрика вышла поздно вечером. Ей казалось, она стала несколько лучше понимать эту женщину, но она по-прежнему осуждала Аманду за то, что группа «активистов» по ее указке бросила зажигательную бомбу в дом Тренора Марксмэна. Дойдя до своей машины, которая стояла чуть поодаль на темной улице, Эрика села за руль, заперлась изнутри и включила свет.

Вскрыв толстый конверт, она достала бумаги, бегло просмотрела их. Тревор Марксмэн был очень богатым человеком. В 1993 году суд вынес решение о возмещении ему ущерба в размере почти трехсот тысяч фунтов. Эти деньги он инвестировал с умом и теперь был миллионером. Эрика глянула на распечатку с его лондонским адресом. Марксмэн жил в элитном многоквартирном доме в Боро, близ Лондонского моста.

Она вытащила телефон и позвонила Маршу. Он ответил почти сразу.

– Прошу прощения за поздний звонок.

– Еще только девять. Я не ложился, – сказал он.

– Что-то случилось? Голос у тебя какой-то подавленный?

Марш вздохнул.

– Сплю плохо... Марси хочет, чтобы были официально установлены часы, в которые я могу видеться с дочками. Ей не нравится, что я являюсь, когда захочу. *Являюсь*. Вообще-то это мой дом, черт возьми!

– Мне очень жаль, Пол...

– Да сам виноват. Слишком много работаю. Ладно, я ответил на твой звонок. Ты же звонишь не для того, чтобы расспросить меня про мой брак?

– М-м, нет...

– В чем дело?

– Тревор Марксмэн. Что происходило после того, как суд рассмотрел его иск?

– Ему присудили компенсацию. Столичной полиции пришлось раскошелиться на огромную сумму по меркам начала девяностых. И

принести извинения. По этому поводу в прессе разгорелась полемика: этично ли извиняться перед насильником?

– Я хочу поговорить с ним.

– Исключено, Эрика. Арестовав его, ты откроешь адскую банку с тараканами.

– Я не собираюсь допрашивать его в качестве подозреваемого. Хочу побеседовать с ним как со свидетелем.

– Со свидетелем?

– Да. Никто ведь ничего не видел: ни соседи, ни местные жители, никто. Единственным человеком, кто, по нашим сведениям, наблюдал за ней в последние дни перед ее исчезновением, был Тревор Марксмэн. Он извращенец, не спорю, но если на минутку забыть об этом, вполне вероятно, что он видел и слышал что-нибудь.

– Ничего такого он не говорил.

– А его спрашивали?

Марш медлил с ответом.

– Ладно, – наконец произнес он. – Но ты должна прежде спросить, согласен ли он побеседовать с тобой. Прояви дипломатичность. Конечно, раз он живет во Вьетнаме, нужно подумать, как с ним общаться... ну, не знаю, по скайпу, что ли...

– Он не во Вьетнаме. Он вернулся. Живет в Лондоне.

– Что за черт? Почему мы об этом не знали?

– Он не обязан отчитываться перед нами. Он был осужден и отсидел за изнасилование девочки до того, как в девяносто седьмом году был принят закон о сексуальных преступлениях. Как тебе известно, этот закон не имеет обратной силы и не касается осужденных до девяносто седьмого года.

– Значит, ты хочешь просто побеседовать с ним?

– Да.

– И ставишь меня в известность?

– Я теперь другая. Все делаю по правилам, докладываю начальству о каждом своем шаге.

– Рассказывай эти сказки кому другому. Ну и насмешила.

– Хоть настроение тебе подняла...

– Эрика...

– Что?

На другом конце провода молчали. Наверно, собирается что-то спросить, решила Эрика.

– Ничего. Держи меня в курсе. И смотри не напортачь. – Марш повесил трубку.

Глава 29

Эрика встретила с Питерсоном в электричке, отходившей в 9.30 утра в направлении вокзала Лондон-бридж. Он сел в Сиднэме, на предыдущей остановке, и занял ей место. Эрика вошла в вагон на станции Форест-Хилл. Питерсон, с угрюмым видом, сидел у окна и, казалось, не был расположен к общению. Эрику это вполне устраивало, ведь она и сама не выпалась. Она подумывала о том, чтобы взять с собой к Марксмэну Мосс, но та, на взгляд Эрики, была незаменима в оперативном отделе, работу которого она координировала с поразительной эффективностью. Эрика также подумала о Джоне, но его болтовня с утра пораньше свела бы ее с ума, а Питерсон, как ни крути, все же слыл более опытным сотрудником.

– Зима будет чертовски долгой, – произнес он. После станции Нью-Кросс-Гейт поезд замедлил ход, проезжая мимо гигантского мусоросжигательного завода. Небо висело низко, и многоквартирные дома, казалось, смыкались вокруг железнодорожных путей.

На вокзале Лондон-бридж они сошли с поезда и направились к выходу на Боро-Хай-стрит. На улице непрерывным потоком катили машины, туристы заполняли рынок Боро. Вдоль тротуаров уже выстроились торговые палатки с рождественскими украшениями; в морозном воздухе витал аромат глинтвейна, доносившийся до них через дорогу. Они прошли под железнодорожным мостом, пересекли проезжую часть и несколько минут пробирались сквозь плотные толпы людей, пока не остановились перед высокими черными железными воротами.

– Как же получилось, что Тревор Марксмэн живет теперь в таком доме? – промолвила Эрика. Сквозь щель в воротах она увидела мощный двор. Питерсон нашел номер квартиры и нажал кнопку звонка.

– Вот-вот, порой начинаешь сомневаться, а есть ли на свете Бог, – мрачно отозвался он.

Эрика осознала, что сама она редко задавалась этим вопросом.

– Мы встречаемся с ним как со свидетелем, – напомнила коллеге Эрика, заметив гнев в его лице. – Возможно, он располагает ценной информацией.

Питерсон хотел ответить, но в домофоне раздался треск, и чей-то голос попросил их показать в камеру удостоверения. Они вытащили документы и по очереди приставили их к крошечному объективу. В следующее мгновение огромные ворота бесшумно распахнулись вовнутрь.

Они шагнули в большой двор, окруженный ухоженными газонами. Ворота за ними закрылись, и они сразу оказались отрезанными от шума оживленной улицы.

– Это не он там нас ждет? – спросила Эрика. Они направились к высокому зданию из красного кирпича с большим стеклянным входом, возле которого их ждал рослый лысеющий мужчина.

– Нет, не он. Его помощник, – определил Питерсон.

Они поравнялись с мужчиной, тот сдержанно им кивнул. Кожа его имела восковой оттенок, на голове сияла лысина. Лоб пересекал розовый шрам, исчезавший за левым ухом.

– Доброе утро, господа. Можно еще раз взглянуть на ваши документы? – учтиво попросил он. В его отрывистой речи слышался южноафриканский акцент. Эрика обратила внимание, что под его костюмом скрывается довольно накачанное тело. Они показали свои удостоверения, которые он внимательно изучил, время от времени поглядывая на них. Затем, удовлетворенный, улыбнулся и кивнул:

– Прошу вас.

На лифте они поднялись на верхний этаж и вышли в небольшой коридор. Между двумя блестящими синими дверями стоял большой черный стол с лаковым покрытием. На столе – высокая изящная ваза с красивым рисунком в виде роз. В элегантности коридора сквозило нечто зловещее, и Эрика с любовью вспомнила подъезд в своем доме: маленький столик, заваленный номерами бесплатных газет и рекламными листовками кафе, торгующих едой на вынос.

– Как вас зовут? – обратилась она к мужчине, который молчал, пока они ехали в лифте.

– Джоэл, – ответил тот. Глаза у него были серые, взгляд – спокойно-сдержанный. – Снимите обувь, пожалуйста, – добавил он, распахивая синюю дверь справа.

Из коридора они попали сразу в просторную гостиную открытой планировки. На полу лежал голубой ковер, окаймленный орнаментом в виде кремовых и белых роз. В комнате было очень тепло, стоял резкий

навязчивый запах освежителя воздуха, работавшего от розетки. Джоэл не отходил от них, пока они снимали обувь. Эрика заметила, что Питерсон излишне скован и напряжен.

– Пожалуйста, проходите.

Они двинулись через гостиную с книжными полками по стенам и светлыми диванами, расставленными вокруг большого низкого журнального столика, на котором лежали фотоальбомы с детскими фотографиями. На одной, в частности, была запечатлена девочка в красном купальнике, строившая замок из песка на берегу моря. Надув губы, она с серьезным видом смотрела в объектив большими голубыми глазами. Стены украшали несколько больших фотографий с изображениями маленьких детей. Плененные щелчком фотозатвора мгновения детской чистоты, которые развесили в этой квартире для услаждения взора ее хозяина, подумала Эрика. Снимки были вполне безобидные, но в контексте обстоятельств жизни Тревоора Марксмэна они вызывали тревогу.

Комната загибалась влево, и, завернув туда, они увидели человека, сидевшего в кресле у огромного венецианского окна. Он смотрел на Темзу, на низкое серое небо. Небольшое буксирное судно тянуло за собой по пенящейся воде длинную баржу. Других судов на реке не было.

– Тревор Марксмэн? – окликнул мужчину Питерсон.

Тот обернулся, и Эрика на несколько секунд онемела. Его череп покрывала кожа, но как будто не своя – чужая. Словно кто-то раскатал большой кусок кожного покрова и затем небрежно насадил ему на голову. Вокруг глаз кожа была так туго натянута, что даже век не было. Губ вообще не существовало.

– Присаживайтесь, прошу вас, – произнес Марксмэн. Взрывной звук «п» давался ему с трудом. На нем были свободные брюки и рубашка с расстегнутым воротом, в котором виднелась изуродованная шрамами шея. Ядрено-красные руки походили на когтистые лапы. Остатки ногтей имелись только на левом большом пальце и правом указательном.

– Спасибо, что согласились нас принять, – сказала Эрика, кладя сумку на пол и снимая пальто. Она взглянула на Питерсона. Его лицо, обращенное на Марксмэна, искажала жгучая ярость. Она тоже испытывала отвращение, но взглядом велела ему взять себя в руки и

сосредоточиться. Повесив пальто на спинку стула, она села. Питерсон сел рядом.

– Чаю или кофе? – предложил Тревор. Глаза у него были яркосиние и холодные; Эрика помнила их по первому снимку, который был сделан в августе девяностого года, когда его задержали для допроса. Казалось, они смотрят из глубины уродливой маски, что надевают на Хеллоуин.

– Мы будем кофе, – ответила Эрика.

– Джоэл, будь так любезен, – попросил Марксмэн. Говорил он с мучительной надрывом в голосе. Джоэл улыбнулся и скрылся за углом – там, очевидно, находилась кухня, предположила Эрика.

– Не знаю, как бы я обходился без Джоэла. У меня больное сердце. Два шага сделаю и отдыхаю.

– Значит, больше не рыскаете вокруг детских площадок. Или это он для вас делает? – спросил Питерсон.

– Мы знакомы с вашим досье, но пришли к вам поговорить не об этом, – вмешалась Эрика, бросив на Питерсона предостерегающий взгляд.

– Меня признали виновным только в одном преступлении... – заметил Марксмэн.

– Да. В похищении и изнасиловании маленькой девочки, – отчеканил Питерсон. – Вы накачали ее наркотиками.

– За это я отсидел семь лет и теперь каждый день сожалею о содеянном, – хрипло ответил Марксмэн. Он закашлялся, прикрывая безгубый рот красной когтистой лапой. Кивком показал на бокал с соломинкой, что стоял на подоконнике рядом с Питерсоном. Тот демонстративно откинулся на спинку стула, сложив на груди руки. Эрика встала, взяла бокал и поднесла его ко рту Марксмэна. Комнату огласили звуки всасывания жидкости через соломинку и затем бульканье пузырьков в опустевшем стакане.

– Спасибо, – поблагодарил он, откидываясь в кресле. – Голос и горло так и не восстановились после дыма. – Врач сказал, я как будто за один раз выкурил десять тысяч сигарет.

Эрика поставила бокал на место и села. Марксмэн взял салфетку, лежавшую сбоку в его кресле, и вытер лицо. Увидев, что Питерсон буравит его злым взглядом, он положил салфетку и поднял руки к груди. Затем медленно, пересиливая боль, расстегнул три пуговицы на

рубашке, оголив обожженную грудь, на которой висело красивое серебряное распятие. Эрика обратила внимание, что у него нет сосков.

– Я вымаливал у Господа прощение. Вымаливал, и Он простил меня. Вы верите в прощение, детектив Питерсон?

– Я – инспектор полиции, – холодно ответил тот.

– Вы – инспектор полиции, но вы верите в прощение?

– Я верю в прощение, но считаю, что есть вещи, которые прощать нельзя.

– Очевидно, это вы о таких, как я.

– Именно. – Эрика взглядом велела Питерсону замолчать, но он продолжал: – Наш местный священник изнасиловал мою сестру, когда ей было шесть лет. Он пригрозил, что убьет ее, если она кому-нибудь расскажет.

Марксмэн задумчиво кивнул.

– Духовенство привлекает все самое лучшее и самое худшее. Он раскаялся?

– Раскаялся?

– Он молил о прощении...

– Мне известно, что это значит! – заорал Питерсон. – Раскаялся! Он изнасиловал мою сестру, когда она была ребенком. И этого не исправить словами и молитвами! – Марксмэн хотел что-то сказать, но Питерсона уже было не остановить. – Он умер своей смертью, по естественным причинам; перед судом он так и не предстал. А моя сестра... ей не посчастливилось умереть в мире и покое. Она покончила с собой...

– Питерсон, мы здесь, чтобы задать вопросы мистеру Марксмэну как свидетелю, – ровно произнесла Эрика. – Сядьте на место.

Перед встречей с Марксмэном она провела с ним беседу, просила сохранять хладнокровие. Тяжело дыша, Питерсон с ненавистью смотрел на Тревора Марксмэна. Тот, маленький и сгорбленный, утопал в кресле.

– Соболезную. – Его невозмутимость сводила с ума. Как и на фото Марксмэна, что видела Эрика, пересаженная кожа на его лице походила на маску, в глубине которой синели холодные глаза. Кожа над одним глазом сморщилась, и Эрика сообразила, что он вскинул отсутствующую бровь.

Питерсон вскочил на ноги, со стуком опрокинув стул и, прежде чем Эрика успела среагировать, схватил Марксмэна за грудки, подняв его с кресла. Тот, безвольно болтаясь в руках Питерсона, не выказывал страха.

– Как ее звали? – тихо спросил Марксмэн у самого лица Питерсона.

– Что?

– Вашу сестру? Как ее звали? – повторил Марксмэн с приводящим в бешенство спокойствием.

– Не смей спрашивать ее имя! – взревел Питерсон, с силой встряхнув Марксмэна. – НЕ. СМЕЙ. СПРАШИВАТЬ. КАК. ЕЕ. ЗОВУТ. ГРЕБАНЬЙ ИЗВРАЩЕНЕЦ!

– Питерсон! Джеймс. Отпустите его! СЕЙЧАС ЖЕ! – приказала Эрика, хватая его за руки. Но он продолжал трясти Марксмэна.

– Вы поймите, мы же такие не по своей воле, – прохрипел Марксмэн. От тряски его голова болталась взад-вперед.

Джоэл, внезапно появившись рядом с Эрикой, мускулистой рукой обхватил Питерсона за торс.

– Отпусти его. Или я шею тебе сверну, – негромко пригрозил он.

– Мы – офицеры полиции. Прошу всех успокоиться, – сказала Эрика, встав так, чтобы смотреть Питерсону в лицо.

– Вы совершили нападение, я вправе защищаться, – заявил Джоэл.

– Никто ничего не предпринимает. Питерсон, прекратите, а вы – уберите от него руки, – распорядилась Эрика. С минуту длилась немая сцена, потом Питерсон выпустил из рук Марксмэна, и тот рухнул в кресло. Джоэл отпустил Питерсона, но стоял рядом, раздувая ноздри.

– Отойди! – рявкнул Питерсон.

– Ну уж нет, приятель, – отказался Джоэл.

– Питерсон. Уйдите, прошу вас. Я вам позвоню... УХОДИТЕ! – повысила голос Эрика.

Питерсон обвел всех сердитым взглядом и вышел. Мгновением позже дверь за ним захлопнулась.

Страсти улеглись. Джоэл шагнул к Марксмэну, застегнул на нем рубашку, помог ему удобнее устроиться в кресле, после чего Марксмэн жестом отослал его прочь.

– Прошу прощения за случившееся, – извинилась Эрика. – Я пришла сюда, чтобы расспросить вас как свидетеля, и ожидала, что к

вам будет соответствующее отношение.

– Вы очень любезны, – кивнул он.

– Нет. Я выполняю свою работу... Я просмотрела ваши показания и протоколы допросов от августа девяностого года. Вы утверждали, что следили за Джессикой пятого и шестого августа и вели за ней наблюдение возле ее дома утром седьмого числа.

– Да.

– Зачем?

Марксмэн прерывисто вздохнул.

– Я был влюблен в нее... Я вижу, вы кривитесь. Но вы должны понять: я не в состоянии контролировать свои чувства. Меня воротит от собственных желаний, но я не в силах их контролировать. Она была прелестной девочкой. Впервые я увидел ее у газетного киоска в Хейзе, вскоре после того, как освободился из заключения. Она была с матерью. Это случилось, должно быть, в начале весны девяностого. Джессика была в голубом платье, такой же лентой были завязаны сзади ее волосы. От волос исходило сияние. Она держала за руку младшего брата, щекотала его и смеялась. Ее смех. Он звучал как музыка. Я услышал, как ее мать, расплачиваясь за газету, назвала их домашний адрес. Ну и стал... следить за ними.

– И какое впечатление производили на вас Коллинзы как семья?

– Они казались беззаботными. Хотя...

– Что?

– Пару раз я наблюдал за Джессикой в парке, где она гуляла с матерью и сестрой.

– С Лорой?

– Она такая темноволосая? – уточнил Марксмэн.

– Да, это была Лора.

– Джессика качалась на качелях, а мать с Лорой сидели на скамейке и все время ругались.

– Из-за чего?

– Не знаю. Издалека я не слышал.

– Где это было?

– Скамейка стояла на противоположной стороне парка.

– Там, где вы сфотографировали Джессику?

– И на видео заснял. Я выиграл видеокамеру на конкурсе, проводимом Кооперативом[79]... – Марксмэн улыбнулся своим

воспоминаниям. Глаза его просияли, кожа вокруг них натянулась. – Ссора приняла ожесточенный характер. Марианна залепила Лоре пощечину. Я также видел, что Марианна и Джессику била по ногам, довольно часто. Но, полагаю, тогда время было другое. Теперь бы люди за головы схватились. А в ту пору любой родитель считал, что он вправе отшлепать своего ребенка. Ну а католики... те наказывать умеют.

– Лоре уже исполнилось двадцать, и мать ударила ее по лицу?

Марксмэн кивнул, а потом опустил на грудь подбородок, на котором обожженная кожа сморщилась, как креповая бумага.

– Правда, та тоже в долгу не осталась – сдачи дала будь здоров. – При этом воспоминании он с присвистом рассмеялся.

– А куда делись ваши видеозаписи и фотографии?

– Их изъяла полиция.

– Копии вы сделали? – спросила Эрика.

– Нет. А мне их так и не вернули. Непонятно почему. Это ведь просто видеосъемка парка.

– Вы не замечали кого-то еще подозрительного?

– Помимо меня? – рассмеялся он.

– Тревор. Я прошу у вас помощи.

– Не знаю. В том парке всегда полно было народу – родители, дети. От случая к случаю ниггеры забредали, но те сразу понимали что к чему...

– Давайте без оскорбительных словечек.

– Вы видели Хейз? Очень зажиточный район и, наверно, такой же молочно-белый, каким был в девяностых.

– Прошу вас...

– Там был один местный дурачок. Боб Дженнингс.

Эрика чуть не подпрыгнула на стуле.

– Боб Дженнингс?

Тревор кивнул.

– Что он там делал?

– Вы о нем слышали?

– Просто скажите, чем он занимался. Пожалуйста!

– Он был муниципальным садовником. Немного заторможенный, так что муниципалитет мало ему платил как пить дать. – Марксмэн снова зашелся свистящим смехом.

– Что в этом смешного?

– Он имел привычку мастурбировать в кустах парка. Питал слабость к старым матронам с большими буферами.

– Его арестовывали?

– Да бог его знает, – пожал плечами Тревор. – Муниципалитет раза три-четыре назначал его на разные должности. Он работал дворником, мусорщиком. Его кислорожая сестрица, старая стерва, всегда знала, кому надо на ушко шепнуть, чтобы скандал замяли. Их семья из поместного дворянства, из тех, кто манерно говорит, как будто у них слива во рту.

– Кто его сестра?

– Достопочтенная[80] Розмари Хули. Поганка из консерваторов. Не знаю, жива ли она еще. Скорей всего, жива. Эти сволочи с голубой кровью подолгу землю топчут.

Эрика на мгновение замерла.

– Постойте, она жила в Хейзе?

Тревор кивнул.

– У нее был шрам на губе?

– Это она и есть. У нее была овчарка, давно уже, в рожу ее цапнула. Помнится, Боб очень переживал, а я предположил, что она своему псу попробовала отсосать... Есть люди, которым это нравится... отсасывать у животных. – Эрика видела, что Марксман провоцирует ее, хочет вывести из себя. Он рассмеялся и зашелся кашлем. Тут же появился Джоэл со стаканом воды.

– Думаю, ему нужно передохнуть, – сказал он.

– Не надо. Я уже закончила. – Эрика встала, взяла пальто и сумку. – Спасибо.

Она поспешила из пентхауса, подошла к лифту и, вытащив телефон, позвонила Питерсону.

Глава 30

Эрика нашла Питерсона на набережной Темзы. Прислонившись к перилам, он держал стакан кофе и курил. Маленький в сравнении с «Золотой ланью»^[81], кораблем-музеем, который вздымался из дока, отсвечивая чернью и золотом на фоне серой реки. Свирепствовал холодный ветер, но после липкой, клейкой атмосферы квартиры Тревоора Марксмэна это было даже приятно.

– Я взял вам кофе. – Питерсон нагнулся и, подняв стакан, что он держал между ног у самой земли, дал его Эрике. – Остыл уже, наверно.

– Спасибо, – поблагодарила она, отпивая глоток.

– Вы пили его кофе? У Марксмэна?

– Нет.

– Слава богу.

– Угостите сигаретой, пожалуйста.

– Я думал, вы бросили, – сказал он.

– Снова начинаю.

Питерсон протянул ей пачку сигарет. Она закурила.

– Простите. Не следовало брать вас с собой. Не подумала, – извинилась она.

– Ерунда. Он того не стоит.

– Да нет. Он дал нам зацепку, причем сам о том не подозревая.

Питерсон повернулся к ней, и впервые за все утро его взгляд просветлел.

Они пошли по набережной. Эрика передала ему свой разговор с Марксмэном. На Чаринг-Кросс они перехватили по сэндвичу и сели на прямой поезд до Хейза. Железнодорожная компания, как всегда, подала состав из двух вагонов.

– Почему же та старушка скрыла, что Боб Дженнингс ее брат? – вполголоса задалась вопросом Эрика. Все сидячие места были заняты, и им пришлось встать в самом конце переполненного вагона.

– Она и представиться не пожелала, – напомнил Питерсон.

– Но ведь она была в курсе, что мы недавно нашли скелет... сами знаете кого сами знаете где, – сказала Эрика.

Рядом с ними вплотную стояла невысокая женщина. В руках у нее был журнал, но она смотрела на них. Женщина отвела взгляд, как только они повернулись к ней.

– Я хочу поговорить с ней, и плевать мне, что она из поместного дворянства. Терпеть не могу всю эту бредятину, – заявила Эрика. – В Словакии полно проблем, но, к счастью, мы избавлены от дурацкой классовой системы.

* * *

От вокзала Хейза до дома по адресу, который им сообщили из диспетчерской, идти было недолго. Розмари Хули жила в одном из претенциозных домиков, что стояли в ряд близ въезда в природный парк Хейз с Кройдон-роуд. Все они фасадными окнами выходили на гравийную стоянку и парк, все были отделены от тихой дороги большими садами. В воздухе носился слабый запах древесного дыма, который усиливался по приближении к «Старому дому священника», где обитала Розмари. Эрика отворила маленькую белую калитку. Дом имел тростниковую крышу, фасад – в идеальном состоянии, ухоженный мшистый газон усеивали опавшие листья. Одно из окон давало обзор на две стороны, и сквозь уютную маленькую комнату они увидели на заднем дворе Розмари Хули, сгребавшую в кучу пожухлые листья. На ней были все тот же старый спортивный костюм, спортивная шапочка с символикой футбольного клуба «Челси» и шарф «Манчестер Юнайтед». Палевый лабрадор, должно быть, услышав их, с лаем выскочил из-за угла.

– Серж! – крикнула Розмари, а в следующую минуту и сама появилась из боковой калитки. При виде Эрики с Питерсоном она протяжно вздохнула и оперлась на грабли. – А... Так и думала, что еще раз встречу вас. Хотите чаю?

– Да, спасибо, – ответила Эрика.

Розмари сняла изношенные перчатки и жестом пригласила их следовать за ней.

* * *

В кухне доминировала блестящая зеленая печь «Ага», которая создавала в помещении атмосферу тепла и уюта, защищая дом от холода извне. Розмари стянула с себя шапку, но, не снимая пальто и резиновых сапог, принялась хозяйничать, доставая чашки, молоко, сахар и бисквитный торт «Виктория» на старинном блюде с синим узором в китайском стиле. Эрика с Питерсоном, испытывая неловкость, сидели за деревянным столом, на котором лежали старые номера *Radio Times* [82] и автомобильный радиоприемник с торчащими сзади проводами, а также стояла чаша с почерневшими бананами. На самой середине дремали две тощие кошки. У одной в шерсти на голове Эрика заметила огромного клеща.

Розмари подошла к столу, всучила блюдо с тортом Эрике, а сама взяла одну кошку и сбросила ее на пол. Та ловко приземлилась на все четыре лапы. Потом она взяла вторую кошку, с клещом, и одним резким движением вывернула его из головы животного. После чего кинула кошку на пол, а клеща поднесла к свету, зажимая его меж пальцев.

– Вот видите, как надо вытаскивать – чтоб целехонький остался... – Она протянула Питерсону клеща, дрыгающего черными мохнатыми лапками. Тот отвернулся, содрогнувшись от омерзения.

Розмари прошла к раковине и опустила клеща в слив, включив взревевший измельчитель пищевых отходов. Эрика отметила, что она не вымыла руки перед тем, как вернулась к столу с подносом, на котором стояли принадлежности для чаепития, и принялась резать торт.

– Н-да. Мертвая девочка на дне карьера... Ужас... Кошмар, – произнесла Розмари, отхлебнув из чашки чай. Обмочив подбородок, она вытерла его рукавом пальто.

– Несколько дней назад мы спрашивали вас про дом у карьера... – начал Питерсон.

– Да, помню.

– Вы сказали, что там обитал один человек... Боб Дженнингс. Почему вы не упомянули, что он ваш брат? – осведомилась Эрика.

– Так вы не спрашивали, – спокойно ответила Розмари.

– А теперь спрашиваем. И нам нужна вся информация. Карьер теперь рассматривается как место преступления, а ваш брат жил

рядом. Сколько времени он прожил в том домике? – поинтересовалась Эрика.

Розмари, как будто немного пристыженная, снова глотнула чаю.

– Долго... не знаю, наверно, одиннадцать лет. Еще несколько месяцев – и он вступил бы в права собственности. А он, несчастный горемыка, умер.

– Конкретно с какого по какой год он жил там? – допытывалась Эрика.

Розмари откинулась на спинку стула и на мгновение задумалась.

– С семьдесят девятого, надо полагать, по октябрь девяностого.

– И когда он умер?

– Он скончался в конце октября девяностого. – Заметив, что Эрика с Питерсоном переглянулись, она спросила: – Это имеет значение?

– У вас есть свидетельство о смерти?

– Под рукой нет. – Она сложила на груди руки.

– Что вы можете сказать о психическом состоянии вашего брата? – задал вопрос Питерсон.

Розмари медлила с ответом. Впервые ее морщинистое лицо чуть смягчилось.

– Мой брат был пропащий человек. Один из тех, кому не находится места в обществе.

– Он испытывал трудности в учебе?

– Точный диагноз ему никогда не ставили. Он был старше меня, а в те годы такие, как он, обормоты просто просиживали штаны на последней парте, детских психологов ведь не было. Работу ему только муниципалитет предоставлял... Я пыталась держать его здесь, со мной, но он бродил по ночам, исчезал в любое время суток, оставив дверь открытой. Тогда муж мой был еще жив и дочка была маленькая. Мы не могли позволить, чтобы он жил с нами. Он неделями где-то пропадал, а потом неожиданно появлялся здесь у задней двери. Я кормила его, давала ему денег. Он дважды сидел в тюрьме за воровство – крал сущие пустяки. Увидит в магазине что-нибудь блестящее, вещь ему понравится, и он сунет ее в карман. Без всякого злого умысла.

– Заранее прошу прощения за свой вопрос, но его когда-либо подозревали в причастности к исчезновению Джессики Коллинз? – спросила Эрика.

При этом предположении поведение Розмари резко изменилось.

– Да как вы смеете?! Моего брата можно назвать кем угодно, но детоубийцей?! Нет. Никогда. В нем не было злого начала, но даже будь у него приступы агрессии, такого он ни за что не смог бы спланировать.

– Спланировать? – переспросил Питерсон.

Розмари разволновалась, утратив самообладание.

– Это ведь был сложный случай, да? Она исчезла без следа... Я входила в число волонтеров, помогавших в те дни полиции. Мы прочесали весь парк, обыскали все сады.

– Полиция его допрашивала?

– Не знаю. Нет! Разве не вы должны это знать?

– Как я сказала, мне жаль, что мы вынуждены спрашивать об этом...

– Расследование было проведено самым тщательным образом! И теперь, двадцать шесть лет спустя, вы спрашиваете, не мой ли брат убил семилетнюю девочку?

– Миссис Хули, мы просто задаем вопросы, только и всего, – сказал Питерсон. – И честно говоря, нам непонятно, почему при первой встрече, в парке, вы вели себя скрытно.

– Скрытно? В чем проявилась моя скрытность? Вы спросили, кто жил в доме у карьера, и я ответила, что это был Боб Дженнингс... С какой стати я должна была перед вами исповедоваться? Я вам не лгала. Просто ответила на те вопросы, что вы задали.

– Но вы ведь знали, что мы обнаружили останки Джессики?

– А моего брата давно нет в живых. И мне простительно... Я страдаю старческой забывчивостью. Так это теперь называется?

– Ваш брат был знаком или общался с Тревором Марксмэном? Его арестовывали в девятностом в связи с исчезновением Джессики.

– Нет. Мой брат не «общался» с осужденными педофилами.

– У вас есть ключ от дома у карьера?

Розмари закатила глаза.

– Нет. Сомневаюсь, что у него вообще был ключ. Он ведь жил там на птичьих правах.

– Как вы поступили с личными вещами брата?

– А он таковых практически не имел. То, что было, я сдала в местные благотворительные лавки. У него было серебряное ожерелье со святым Христофором, так оно похоронено вместе с ним.

– По-вашему, он был склонен к самоубийству?

Розмари глубоко вздохнула, лицо ее немного обмякло.

– Нет. Не было у него такой склонности. Что же касается повешения, он жутко боялся что-либо вешать себе на шею. В детстве он отказывался носить галстук и застегивать рубашку. Это одна из причин, по которой он остался неучем. Его исключали из всех школ, в которые ему случалось ходить. Святого Христофора, которого я упомянула, он носил на запястье. Поэтому, чтобы он сделал петлю и повесился... – Ее глаза заволокли слезы, и она вытащила из рукава салфетку. – Думаю, вы злоупотребляете моим временем и гостеприимством... Будут еще вопросы – приходите с адвокатом.

* * *

На улице заметно похолодало. Эрика с Питерсоном, выйдя за калитку, в окно с обзором на две стороны увидели, что Розмари вернулась на задний двор. Груда листьев теперь пылала. В руке старушка держала банку – по-видимому, с бензином. На дорогу падали оранжевые отблески.

– Думаете, это Боб Дженнингс? – спросил Питерсон, когда они зашагали к вокзалу.

– Не знаю. Может быть, – ответила Эрика. – Нужно найти видео, которое Марксман сделал в парке. Не исключено, что на пленках есть и Боб Дженнингс. Шансы невелики, но, возможно, у нас появится зацепка. И мы бы использовали ее, выступая с обращением в прессе.

– Если это он, придется доказывать, что Джессику убил мертвец, – заметил Питерсон.

– Я хочу выяснить, когда он умер. Хочу увидеть его свидетельство о смерти.

– Думаете, он еще жив?

– Я не знаю, что думать, – ответила Эрика.

Глава 31

Следственная группа под руководством Эрики больше недели усердно трудилась без отдыха, и в воскресенье она предоставила своей команде первый выходной. Сама она тоже попыталась расслабиться дома, понимая, что даже после короткой передышки будет чувствовать себя посвежевшей, но к полудню уже чуть не лезла на стену. Сразу же после обеда она прибыла в отделение Бромли и принялась искать видеозаписи, изъятые у Тренора Марксмена. Несколько часов она рылась в архивных папках, надеясь найти пленки, DVD-диски или хотя бы флешку, но все было тщетно. Потом спустилась в громадное хранилище вещественных доказательств отделения Бромли. Пленки изымала местная полиция, и не исключено, что они могли пылиться где-нибудь в подвале отделения. Она знала только регистрационный номер видеозаписей.

Эрика уже хотела пойти вниз, но тут явился Крофорд.

– Не ожидал увидеть вас здесь, – произнес он.

– А я – вас, – парировала Эрика, смерив его взглядом. Одет он был в джинсы, джемпер и пальто. Она стояла, ожидая объяснения.

У него на лбу выступила испарина.

– Мобильник забыл... – И только эти слова сорвались с его губ, засигналил телефон в кармане его пальто. Крофорд вытащил его, сбросил звонок. – Другой свой сотовый, – добавил он.

– Понятно.

Эрика взяла чай и направилась в оперативный отдел. Крофорд пошел следом. Она стала возиться с бумагами, краем глаза наблюдая, как он ищет телефон на полу под своим столом.

– Я подумал, что выронил телефон здесь, но его тут нет.

– Техничка утром убиралась. Что за телефон?

– М-м, *Samsung*. Смартфон. Одна из старых моделей. Сзади на корпусе трещина.

– Я посмотрю.

Крофорд постоял с минуту и удалился. Эрика встала у окна, наблюдая, как он покинул отделение и перешел через дорогу, все это время о чем-то увлеченно разговаривая по телефону. Она отметила про себя, что надо бы за ним понаблюдать.

В начале седьмого Эрика тоже уехала из отделения. Долгие поиски в пыльном хранилище ни к чему не привели. Она позвонила в отдел по расследованию нераскрытых преступлений. Ей ответила молодая женщина, и Эрика назвала регистрационный номер пленок, фигурировавший в одной из архивных папок, но та ее не обнадежила, сказала, что поищет.

Эрика ненадолго заскочила домой, где приняла душ и переоделась, а потом отправилась на традиционную встречу, которую она с нетерпением ждала. На ужин к Айзеку Стронгу.

* * *

К Айзеку она прибыла около восьми. Он жил в красивом доме в Блэкхите, отличавшемся неброской изысканностью обстановки, которая на Эрику всегда действовала умиротворяюще. Она планировала заночевать у него, чтобы они могли спокойно посидеть, выпить и от души наговориться. Айзек встретил ее в джинсах, футболке и синем фартуке. Из кухни выплывал аппетитный запах жарящегося цыпленка в сочетании с ароматом розмарина.

– Привет. Так, дай-ка я сначала на тебя посмотрю, потом впущу, – улыбнулся он. Эрика протянула ему две бутылки красного вина, которые купила заранее. Щурясь, он посмотрел на этикетки. – Словацкое. Интересно. Я еще такого не пробовал.

– С Радошинского виноградника. Приятное и весьма уважаемое британской королевской семьей. Так что для старой королевы вроде тебя в самый раз!

– Вот нахалка. – Он обнял ее.

Она проследовала за ним в кухню, светлую и изысканную, в стиле французской рустики: расписанные вручную белые шкафы, рабочие поверхности из светлого дерева. Из массивной белой керамической мойки он взял ведро со льдом, в котором охлаждалась бутылка просекко.

– Давай для начала что-нибудь игристое, – предложил Айзек, наполняя ее бокал.

Эрика обвела взглядом кухню и, как всегда, подумала, что Айзек, будучи судмедэкспертом, наверно, умышленно не использовал в

интерьере металл. Она пытливо всматривалась в его лицо, пока он наливал вино.

– Как дела? – спросила Эрика. У нее еще не было времени поговорить с ним о чем-то другом, кроме расследования.

– Отлично, – машинально ответил он и добавил: – За дружбу. – Они чокнулись.

– Точно? Нельзя держать все в себе. – Она имела в виду гибель возлюбленного Айзека, Стивена, убитого несколько месяцев назад.

– Мне трудно скорбеть о нем, не испытывая гнева... Это была игра в одни ворота. Я любил его, а он... Не знаю, были ли у него ко мне вообще какие-то чувства, – тихо произнес Айзек.

– Думаю, ты привносил в его жизнь стабильность, наполнял ее любовью – давал то, в чем он нуждался, – ответила Эрика.

– Именно что «давал». Я только и делал, что давал, ничего не получая взамен.

Возникло неловкое молчание. Айзек шагнул к плите, поставил на газовую конфорку кастрюлю.

– Я ценю, что ты не кормишь меня дребеденью, но я предпочитаю вообще не говорить об этом... хотя понимаю, что так и с ума сойти недолго.

– На этот счет правил не существует, – заметила Эрика. – Просто помни, что я всегда готова тебя выслушать.

– Спасибо... А теперь давай сменим тему.

– Ладно. О чем хочешь поговорить?

Айзек помешал в кастрюле и положил ложку на специальную подставку.

– Я не хотел сегодня говорить о работе, но экспертиза образца костного мозга, который я взял у Джессики Коллинз, выявила кое-что любопытное.

– Что именно? – Эрика поставила бокал на стол.

– В образце костного мозга, что я взял из правой большеберцовой кости, обнаружен высокий уровень химического соединения под названием тетраэтилсвинец.

– Еще раз – как?

– Тетраэтилсвинец. Это органическое соединение свинца, компонент, добавляемый в бензин для повышения его октанового

числа. Теперь использование ТЭС запрещено, его перестали добавлять в бензин с девяносто второго года.

– Когда бензин стал неэтилированным, – закончила Эрика.

– Да. Я знаю, голова у тебя круглые сутки занята работой, но это, мне подумалось, должно тебя заинтересовать. – Айзек вернулся к столу и долил вина в ее бокал.

– Как тебе так много удалось выяснить по анализу костного мозга?

– У меня, естественно, не было возможности поработать с образцами ткани или крови, но условия, в которых находилось тело – завернутое в пленку, на дне озера, – обеспечило сохранность костей.

– Она была здоровым ребенком, хорошо питалась, и заботились о ней хорошо, насколько я могу судить.

– Уровень концентрации ТЭС позволяет предположить, что она подвергалась воздействию этилированного бензина перед смертью или что это вещество способствовало ее гибели.

– А это говорит в пользу моей версии о том, что ее похитили и держали в плену несколько недель до того, как утопили в карьере... Возможно, она подвергалась воздействию ядовитых газов, пока находилась в плену, – заключила Эрика.

– Ну, это уж тебе выяснять.

– Терпеть не могу, когда ты так говоришь.

– Всегда рад помочь, – криво усмехнулся Айзек.

Эрика отпила большой глоток вина, поставила бокал на стол и пальцем смазала конденсат на стекле.

– А вообще, в каком состоянии находится труп через двадцать шесть лет после захоронения?

– Смотря как он был захоронен, – заметил Айзек.

– Ну, как обычно – в могиле, в гробу.

– Зависит от обстоятельств.

– От каких?

– От разновидности гроба, условий захоронения. Порой можно видеть трупы, которые, пролежав много лет под землей, сохранились в удивительно хорошем состоянии. Процесс разложения замедляется, если тело похоронено в оцинкованном гробу из красного дерева. Дешевые гробы разрушаются, оставляя труп на милость земли и микроорганизмов. А что? Собираешься кого-то выкапывать? – Айзек

встал, прошел к кухонному столу и вернулся с чашкой жареного миндаля.

– Не знаю. Может быть. Прежде, разумеется, мне придется дать обоснование. Я буду искать доказательство причины смерти. – Эрика взяла горсть миндаля и сунула его в рот, с наслаждением грызя орешки и смакуя на языке соль.

– А причина смерти установлена?

– Пока жду свидетельства о смерти. У меня есть подозреваемый, скончавшийся двадцать шесть лет назад... – В двух словах она рассказала Айзеку о Бобе Дженнингсе. – Причиной смерти называют суицид, но сестра говорит, ее удивило, что он покончил с собой.

– Если был задействован яд или смерть наступила в результате перелома костей, тогда следы могут остаться, но по прошествии двадцати шести лет, боюсь, ты просто рискуешь расстроить его родных.

– Он повесился, по документам это и есть причина смерти.

– В этом случае после стольких лет мало что можно обнаружить. От внутренних органов почти ничего не осталось. Правда, если шея была сломана, я это увижу.

– А кости? Что, если у него тоже в костях высокая концентрация тетраэтилсвинца?

– Ну и как ты увяжешь это непосредственно с Джессикой Коллинз?

– Да, ты прав, – вздохнула Эрика.

– И помни, чтобы эксгумировать тело, тем более по прошествии многих лет, нужно представить суду конкретные факты. Одним чутьем тут не обойдешься... Так, теперь совершенно другой вопрос: ты есть хочешь?

– Я голодна как волк, – с улыбкой ответила она.

– И от десерта не откажешься?

– Десерт я ем всегда. На данный момент только в этом я уверена абсолютно.

Глава 32

Перескакивая сразу через две ступеньки, Эрика поднималась на второй этаж отделения Бромли. В руках она сжимала толстую папку с материалами дела, на ходу уже в пятый раз проверяя, все ли бумаги уложены в должном порядке.

Был понедельник, ранний послеполуденный час. Более десяти дней назад были обнаружены останки Джессики, и теперь ей предстояло выступить перед высоким начальством с докладом о ходе расследования.

Пройдя через двустворчатые двери, она столкнулась с суперинтендантом Йелем. Тот держал в руке чашку с надписью «Кто здесь босс?», из которой чуть не выплеснулся чай.

– Уфф! Осторожней, Эрика! – воскликнул он, отпрыгивая назад, чтобы чай, если уж выльется из чашки, закапал не его туфли, а ковер.

– Простите, сэр! – извинилась она.

– Отлично выглядите, – похвалил он, заметив, что на ней черный костюм. – Кавалерия в полном сборе: командер Марш, помощник комиссара Брейс-Козуорси и пресс-секретарь с бегающими глазками...

– Коллин Скэнлан. Простите за чай, – еще раз извинилась Эрика, протягивая Йелю салфетку. – Мне жаль, что вас выставили из вашего кабинета, сэр. Командер Марш только час назад позвонил и предупредил, что помощник комиссара собирается быть у нас, хочет узнать, как продвигается следствие...

– Жарковато здесь, да? У вас вон верхняя губа вспотела, – указал он, промокая капли на чашке.

Эрика вытерла рот и двинулась дальше.

– Простите, сэр, мне нужно бежать...

– Сегодня взяли прихвостней Джейсона Тайлера! – крикнул он ей вслед. – Мы как следует его прижали. Пригрозили отнять детей у его жены. Он слил нам информацию на шестерых своих поделщиков, а также указал доступ к счетам в *PayPal*, которыми они пользовались. Скоро можно будет дело закрывать!

– Поздравляю, сэр. Великолепная новость. Только давайте потом...

Йель смотрел, как Эрика исчезает в дверях.

– «Потом»? Ха! Эх, Эрика. Продолжала бы вести это дело, так вся слава досталась бы тебе. А может, и повышение заслужила бы, – сочувственно пробормотал он. Потом, глотнув еще чаю, пошел вниз.

* * *

Эрика постучала в дверь кабинета Йеля. За его столом в накрахмаленной белой рубашке сидела Камилла – помощник комиссара. Ее белокурые волосы до плеч были разделены пробором на левую сторону, открывая высокий лоб. Бледное лицо изборождено морщинами, ярко-красная помада наложена столь густым слоем, что на стене, если б Камиллу отшвырнули к ней, остался бы отпечаток ее губ, подумала Эрика. Марш примостился на низеньком столике, стоявшем слева. Глаза усталые, рубашка мятая. Значит, все еще живет отдельно от Марси, сделала вывод Эрика. Колин Скэнлан, пресс-секретарь Столичной полиции, сидела справа, положив свои бумаги на краешек стола. Ее взгляд скользил по Эрике, Маршу и Камилле. На ней был строгий серый костюм, и, как многие женщины старше пятидесяти лет, она носила экстремально короткую стрижку, так что волосы торчали на ее голове каштановыми пучками.

– Простите, немного опоздала, – извинилась Эрика.

– Присаживайтесь, старший инспектор Фостер, – сказала Камилла. – Пока мы здесь прохлаждались, у меня заодно и кофе остыл. А то прям кипяток был, правда, Пол? – Она взяла стакан с кофе и отпила глоток, оставив на ободке алый отпечаток своих губ.

– Да, на вокзале готовят отменный кофе, – подтвердил Марш.

– Кто бы мог подумать, – согласилась она.

Эрика затруднялась определить, язвит Камилла или ведет светскую беседу. Коллин осторожно отпила из своего стакана и согласно кивнула.

– Итак, – произнесла Камилла, наблюдая за Эрикой. Та села за стол и принялась раскладывать материалы дела. – Вы подготовили для меня список подозреваемых? – Она протянула руку с безупречным маникюром, в ожидании пошевеливая пальцами с длинными красными ногтями.

– Прежде чем составить этот список, мне хотелось бы обсудить с вами возможных подозреваемых, – ответила Эрика.

– Понятно, – проговорила Камилла. – То есть вы предлагаете нам выполнить за вас вашу работу?

– Я этого не говорила, мэм.

– А о чем вы говорите? Обрисуйте же нам ситуацию... – Камилла имела привычку каждую свою фразу пропитывать наигранной учтивостью, что сбивало Эрику с мысли.

– За то короткое время, что я занимаюсь этим делом, мне удалось установить возможного подозреваемого. Это Боб Дженнингс, одинокий старик, обитавший в хижине близ Хейзского карьера, где он поселился самовольно.

– Хорошие новости. И почему же вы не спешите вносить его в список?

– Роберт Дженнингс умер двадцать шесть лет назад, через три месяца после исчезновения Джессики. Повесился в хижине у Хейзского карьера.

– Думаете, его замучило чувство вины?

– Возможно. Я также подозреваю, что это был не суицид, потому и не спешу записывать его в подозреваемые. – И Эрика рассказала начальству то, что ей сообщила о самоубийстве брата Розмари Хули.

– После исчезновения Джессики карьер обследовали дважды. Скончался он через несколько дней после вторых поисков.

– Но ведь полиция обыскивала его дом?

– Да, одновременно с карьером. Но Джессика могла находиться в его хижине какое-то время в период с седьмого августа девяностого года до того дня, когда ее сбросили в воду. Сегодня утром из архива муниципалитета Бромли мне прислали вот это фото. – Эрика вынула из папки снимок.

Камилла взяла его, надела очки с тонкой золотой цепочкой, которая покачивалась, пока она рассматривала на фотографии лицо, как у гнома, с красными прожилками, крупный красный нос и копну темных волос с проседью.

– Я получила результаты токсикологической экспертизы останков Джессики Коллинз. В образцах костного мозга высокая концентрация химического соединения под названием тетраэтилсвинец. Это органическое соединение свинца...

– ...которое добавляли в бензин для повышения его октанового числа, таким образом получая этилированный бензин, – закончила за Эрику Камилла.

– Да, мэм. Сегодня утром я разговаривала с Розмари Хули, и она подтвердила, что в хижине Боба имелся генератор, работавший на бензине. Это свидетельствует в пользу моей версии о том, что Джессику, возможно, держали в том доме, где она подвергалась воздействию бензиновых паров.

Камилла с минуту поразмыслила над ее словами, затем передала фото Маршу.

– Как я понимаю, вы встречались с Тревором Марксмэном?

– Да, и Тревор сообщил, что он знал Боба Дженнинга. Может, конечно, он мутил воду или подливал масло в огонь, однако имя его он упомянул сам. Как нам известно, на седьмое августа девяностого года у Тревога железное алиби, а где-то через неделю за ним установили наблюдение. С Бобом Дженнингом его никогда не связывали. Однако, возможно, Боб был подельником Тревога и помог ему похитить Джессику. – Далее Эрика сообщила, что пытается найти пленки, изъятые из видеокамеры Марксмэна.

– Я вижу, что работа проведена большая, Эрика, – сказала Камилла. – Но остается слишком много если и но, а мужчина тот умер, и, разумеется, допросить его не представляется возможным.

– Мэм, я хотела бы взять людей и обыскать хижину, пусть бы эксперты там поработали. Я видела план дома, там есть подвал. Шансы невелики, но вдруг мы обнаружим ДНК Джессики. И если найдем, тогда можно будет подать ходатайство об эксгумации тела Боба Дженнинга. Возможно, это позволит получить какую-то информацию. В обоих случаях шансов на успех очень мало.

– В последнем случае особенно, Эрика, но держите меня в курсе. Обыщите дом. И не тяните с расследованием. – Камилла переключила внимание на Коллин, которая сидела прямо и выглядела взволнованной. – В ближайшие дни организуйте пресс-конференцию с участием родных жертвы. Подготовьте новое обращение. Попробуйте встряхнуть людскую память. Эрика, желательно найти утерянные видеозаписи Тревога Марксмэна до пресс-конференции, при обращении они окажутся ценным подспорьем.

– Слушаюсь, мэм.

– Коллин, вы сумеете провести пресс-конференцию вместе с командером Маршем? Меня здесь не будет следующие несколько дней. Желательно, чтобы он погладил рубашку, прежде чем появиться перед камерами.

Марш, опустив глаза, разгладил на себе рубашку.

– Слушаюсь, мэ, – ответила Коллин. – Я планирую привлечь всю семью Коллинзов.

– Великолепно. Сплоченность и семейные ценности всегда производят хорошее впечатление. Я буду в отъезде, но пресс-конференцию посмотрю.

* * *

По окончании совещания Эрика спустилась с Маршем на подземную парковку. Они мирно беседовали и вдруг увидели, как из лифта выходит Камилла – вся в рокерской коже, с портфелем в руке. Они оба рты разинули от изумления. Камилла подошла к блестящему серебристо-черному мотоциклу «Ямаха», положила портфель в корзину на багажнике, надела серебристо-черный шлем и толстые перчатки. Затем опустила визор и перекинула ногу через сиденье.

– Зато без пробок! – крикнула она. Взревел мотор. Махнув им на прощание, Камилла промчалась мимо к пандусу и оттуда выскочила на подъездную дорогу.

– Тебе не предложила прокатиться с ней на заднем сиденье, – заметила Эрика.

– Очень смешно. Если б предложила, это означало бы повышение. Весьма оригинальная женщина, – ответил он.

– Есть в ней что-то хищническое. Так и вижу, как она устраивает шумные вечеринки, на которых бросают ключи в фруктовую вазу на середине ковра.

– Она замужем за судьей одного из высших судов, – сообщил Марш, отпирая машину и открывая дверцу.

– Тогда, должно быть, они точно дают приемы.

– Ты бы делом лучше занялась. С ней ведь шутки плохи, Эрика.

– Слушаюсь, сэ. Я сообщу вам о результатах обследования домика у Хейзского карьера. И в следующий раз поглажу вам рубашку.

Марш повел глазами, сел за руль и тронул машину с места, выехав с парковки отнюдь не столь эффектно, как Камилла.

Глава 33

– Почему ты живешь здесь, на самом конце линии? – любопытствовала темноволосая девушка. С сигаретой в руке она стояла, опершись на перила балкона. Перекинув через плечо длинные темные волосы, она повернулась к Джерри. В одних спортивных штанах, он стоял у перил на другом краю балкона. Оценивающим взглядом она скользнула по его голому торсу – от мускулистой груди до пупка, тонувшего в темной поросли. – В Мордене. Это ведь самый конец линии метро, – добавила она.

– Нет, не конец, – возразил он тихо, с угрозой в голосе. – Это как посмотреть. Для кого-то конец, для кого-то – исходная точка множества направлений.

Джерри посмотрел на девушку, которую подцепил в супермаркете на Морден-Хай-стрит. Он надеялся, что она совершеннолетняя, во всяком случае, она не выглядела малолеткой. На ней была только его белая футболка, едва прикрывавшая ее ягодицы. А задница у нее хороша, подумал он, глядя на девушку. Она во всем была чертовски хороша. И знала это. Он почувствовал, что возбуждается.

– Ты всегда говоришь загадками? – улыбнулась она. – Чем ты занимаешься? Кем работаешь? – Сделав последнюю затяжку, девушка бросила окурочек с балкона. Они смотрели, как тот медленно летит вниз и, все еще тлея, падает на крышу «БМВ». – Черт, это не твоя? – спросила она со смехом, снова тряхнув длинными волосами.

– Нет, не моя.

Она подошла к нему. Если ее голые ступни и мерзли на бетонном полу, виду она не подавала. Он не предложил ей ни туфель, ни тапочек. Девушка повернулась к нему и стала медленно стягивать с себя футболку. Ее груди поднялись, когда она вскинула руки, снимая футболку через голову. На одном ее соске висела металлическая пластинка. На втором виднелись проколы от пирсинга и маленький шрам. Он подумал, что ей, возможно, нравится грубый секс.

Она улыбалась ему, довольная, что он пожирает глазами ее обнаженное тело, потом протянула руку с футболкой через перила и разжала пальцы.

– Это моя вещь, – возмутился Джерри. Футболка плавно опустилась на крышу «БМВ» рядом с окурком.

– Это же просто футболка.

Он ударил ее по лицу.

– Это не просто футболка.

Она поднесла ладонь к губе, но страх ее быстро исчез.

– Трахни меня здесь, – прошипела она, прижавшись к нему.

– Нет.

– Нет? – вздохнула она. – Ты уверен? – Она развернулась и ягодицами прижалась к его паху. – Ты можешь делать со мной что захочешь... – Она схватила его руку и сунула ее себе между ног. Он даже пальцем не пошевелил, но едва его ладонь коснулась ее лобковых волос, девушка принялась вскрикивать и извиваться. Он убрал от нее руку.

– В чем дело? – спросила она.

– Вскрики, стоны – все это дурацкое дерьмо из порнухи. Фальшь. Вызывает у меня только одно желание – снова ударить тебя.

Она повернулась, сложила на груди руки, ее сексуальный пыл угас. Теперь это была просто голая мерзнущая девушка на балконе.

– Хочешь, чтобы я сходила за твоей футболкой? – спросила она.

– Я хочу, чтобы ты ушла.

Она посмотрела на его грудь, прильнула к его теплomu телу. Он видел, что она одинока и хочет остаться.

– Но я же только пришла... – жалобно произнесла она.

Он ударил ее кулаком в лицо, потом схватил за волосы и притянул ее лицо к своему. Учащенно дыша, она смотрела на него ошеломленно. Из носа у нее сочилась кровь.

– Намеков не понимаешь?

Он оттолкнул ее, она кинулась в комнату. Он закурил сигарету, через открытую дверь наблюдая, как она, обливаясь слезами, быстро одевается, подбирая с дивана джинсы и нижнее белье, что были там разбросаны. Напоследок она испуганно взглянула на него и ушла, хлопнув дверью.

Он шагнул к перилам, подождал несколько минут. Она показалась внизу, сойдя с лестницы, и убежала в темноту. Цокот ее каблучков постепенно затих.

– Черт, – выругался он. Было четыре часа утра. Он надеялся, что ему это не аукнется – что эта глупая девица доберется до дому без приключений.

Докурив сигарету, он неспешно спустился вниз по вонючей лестнице многоквартирного дома, минуя граффити на стенах, разбитые окна и мусор на лестничных площадках, и забрал с крыши «БМВ» свою футболку. Это была невзрачная белая футболка, но он носил ее во время двух командировок в Ирак. Эта футболка приносила ему удачу. Он надел ее и поплелся наверх.

Добравшись до своей квартиры, он открыл дверь и прошел в спальню. Разбудил свой ноутбук, пошевелив мышкой.

Нашел программу с «троянским конем» и в половине пятого утра отправил эсэмэску с вирусом.

Глава 34

На следующий день в сумраке раннего утра по гравийной дороге, пересекавшей пустошь Хейзского парка, катил караван полицейских машин. Эрика вместе со своей командой и группой патрульных ехала обследовать заброшенную хижину у карьера. Автомобили припарковались почти у самой воды, там, где около двух недель назад она останавливалась вместе с сотрудниками Речной службы. Утро выдалось морозным, все были одеты по-зимнему.

Ее команда, всего десять человек, встала кругом, и Эрика провела инструктаж. Потом они взяли стаканы с чаем и кофе, наблюдая, как рассеивается темнота: чернильная синева постепенно светлела, пока на широкой водной глади не появилось отражение серого неба.

Несколько собачников, выгуливавших на пустоши своих питомцев, остановились и стали с любопытством наблюдать за действиями полицейских, но патрульный, занявший пост на удалении нескольких сот ярдов от каравана машин, велел им идти своей дорогой. Был установлен полицейский кордон, огорожен по периметру большой участок парка – кусок травянистой пустоши, подступающей к карьере, а также подлесок с той стороны и заросли вокруг хижины.

Первую половину утра расчищали мелколесье и срезали кусты куманики вокруг заброшенного домика. Холодный воздух полнился заунывным визгом электрокосилок.

Вместе с Джоном, Мосс и Питерсоном Эрика нетерпеливо ждала у одного из фургонов служб технической поддержки. Чтобы не замерзнуть, они пили чай и пританцовывали на месте. В начале десятого у Эрики зазвонил телефон, но только она достала его из кармана, он умолк.

– Уже третий такой звонок за утро, номер не определяется, – сообщила она, раздраженно глядя на дисплей.

– Рекламщики, – предположила Мосс, дую на чай. – Меня они атакуют каждый вечер, как только сажусь ужинать. Силию это сводит с ума.

– В половине пятого мне пришло пустое сообщение. Номер не определился, – сказала Эрика.

– Это сообщение надо бы проверить, босс. Вы его не открывали?

Эрика покачала головой.

– А я никогда не получал эсмэсок с закрытых номеров, – доложил Питерсон.

– Значит, твои подружки предпочитают оставлять на автоответчике пикантные сообщения? – усмехнулась Мосс.

– Отвали, – рассмеялся Питерсон.

К ним подошел Крофорд.

– Над чем смеемся? – спросил он, желая присоединиться к разговору.

– Над Питерсоном и его сексуальными цыпочками, – ответила Мосс.

– Я не прочь пошутить, но сегодня, вот честно, совсем не до вашего тупого юмора, – вспылила Эрика.

Они все уткнулись взглядами в землю. Крофорд нервно рассмеялся.

– В девяностом я оба раза принимал участие в обследовании карьера. – Театрально надув щеки, он кивнул в сторону водоема. – Сразу понимаешь, как быстро проходит жизнь. На следующий год мне исполняется сорок семь, – сказал он.

– А хижина? В ней оба раза искали? – спросила Эрика.

– Мы ничего не нашли. Решили, что она пустует.

– Но ведь Боб Дженнингс-то в ней жил, – заметил Питерсон, подув на чай.

– Зачастую трудно определить, занят кем-то заброшенный дом или нет. Самовольные поселенцы, они ведь в грязи живут, в нищете. Потому их и зовут скваттерами. – Повернувшись к Мосс, он возвел глаза к небу, рассчитывая на ее поддержку. – Кому-нибудь еще чаю? А то я собрался себе налить.

Они покачали головами, и Крофорд зашагал прочь. Жужжание электрокос продолжалось.

– Он меня бесит, – признался Питерсон.

– Со мной разговаривает свысока, хотя мы в одном звании, – сообщил Джон.

– Не волнуйся, приятель. Повышение не за горами, скоро ты его переплюнешь, – успокоил его Питерсон.

– А меня раздражает его манера шутить. Вечно пытается умничать, да еще таким веселенько-жизнерадостным тоном, –

добавила Мосс.

Эрика умолчала, что в воскресенье видела Крофорда в отделении и вел он себя подозрительно. За ним следует понаблюдать, решила она.

Визг электропилы, треск дерева – и несколько кустарников в подлеске упали, обнажив половину хижины со стороны воды. Они повернулись, наблюдая, как оттаскивают прочь поваленную растительность.

– А дом в более приличном состоянии, чем я думал, – произнес Питерсон. Дымовая труба обрушилась, но крыша на вид была целой и невредимой. Почти все окна были разбиты, однако сами рамы уцелели.

– Какие сведения от коммунальных компаний? – спросила Эрика.

– К энергокомпаниям дом не подключен, электроэнергии нет. Водопровод был, и септик тоже есть. Канализации нет, – ответил Питерсон.

– Возможно, в септике сохранились какие-нибудь улики, – встрял в разговор Крофорд, подходя к ним сзади со стаканом горячего чая в руке. – Если, конечно, его не опорожнили.

– Вы правы. Не возражаете, если я поручу вам найти септик и исследовать его содержимое? – спросила Эрика.

– Э-э... ну, вообще-то я надеялся принять участие в обследовании внутренних помещений дома... – начал Крофорд.

– Нет, я хотела бы, чтобы вы занялись септиком. Возьмите себе в помощь двух патрульных. Перчатки и защитная одежда в фургоне службы технической поддержки.

– Слушаюсь, босс. – С кислым выражением на лице Крофорд направился к фургону.

Мосс и Питерсон отвели глаза, едва сдерживая улыбки.

Глава 35

Продираясь сквозь заросли, окружавшие хижину, в сопровождении двух молодых патрульных, Крофорд размышлял о своей жизни. Он был неплохим полицейским. Трудился усердно, порой – не жалея себя, но так и не достиг высот, к которым стремился, которых, по его мнению, заслужил. Он мечтал о звании суперинтенданта или даже старшего суперинтенданта, но мечты его разбились в пух и прах, и в сорок семь лет он по-прежнему оставался констеблем.

Совсем недавно он принимал участие в расследовании одного убийства, выполняя приказы старшего инспектора, который был на пятнадцать лет моложе, что приводило его в бешенство. А теперь вот ищет отстойник. Увидев на земле гребень борозды, однородную длинную выпуклость, что тянулась рядом с тонким стволом срубленного дерева, на мясистом срезе которого блестела влага, Крофорд остановился, пнул ногой грунт, думая, что нашел край септика, но бугор осел под его ботинком.

Вздыхнув, он оглянулся на фургон, у которого стояли Мосс, Питерсон, констебль Макгорри и старший инспектор Фостер. Джон Макгорри был на двадцать лет моложе него, но в скором времени, по всей видимости, этого парня ждало повышение.

Сам Крофорд давно утратил интерес к службе, особо не усердствовал – лишь бы претензий к нему не было, но все равно считал, что он достоин большего.

Много лет он занимался сбытом наркотиков, изъятых на черном рынке. Неплохой приработок, рассуждал Крофорд, один из способов получить то, что ему причиталось. Но он не зарывался, зарабатывал на стороне лишь столько, чтобы немного улучшить свое материальное положение, не вызывая подозрений. В этот бизнес втянула его Аманда Бейкер еще лет пятнадцать назад. Жена его не догадывалась, что он спал с Амандой, а потом их отношения выдохлись сами по себе. Но теперь Аманда снова объявилась, напоминала о себе, как колючка в боку, угрожая выдать его, если он не окажет ей ту или иную услугу. За минувшие годы он несколько раз помогал ей избавиться от штрафов за неправильную парковку и дважды аннулировал протоколы,

составленные на нее за вождение в нетрезвом виде, иначе она попросту лишилась бы водительских прав.

В кармане у Крофорда зазвонил телефон, он вытащил свой мобильник. Увидел, что он достаточно далеко отошел от своих помощников, производивших поиски ближе к хижине, и теперь находился на более ровной, каменистой поверхности. На дисплее высвечивался номер Аманды Бейкер.

– Ты где? Что там за шум? – спросила она. Ни здравствуйте, ни как дела. Ни капли уважительности в тоне. Она по-прежнему разговаривала с ним, как начальник.

– Я на работе, – шикнул он в трубку. – Не могу сейчас говорить.

– Она рядом, старший инспектор Фостер?

– Нет.

– Тогда можешь. Мне нужны видеозаписи, те, что изъяли у Тренора Марксмена.

– Нам не удалось их найти.

– Затем я и звоню. Я тут перебирала в уме события того времени и кое-что вспомнила. Я просила кое-кого в Кройдонском отделении посмотреть эти пленки, и их отправили туда. Организуй, чтоб кто-нибудь порылся у них на складе вещдоков. Возможно, пленки все еще там. Только сначала сделай с них копии, а потом уж отдавай Фостер.

– На что они тебе? – спросил он.

– У меня чутье. Пока ничего объяснять не буду, а вот докопаюсь до сути, дам тебе эксклюзив, и вся слава достанется тебе... Может, наконец получишь долгожданное повышение, – добавила она, издав издевательский клокочущий смешок.

Крофорд оглянулся на хижину. Подступы к дому расчистили, прибывшая группа экспертов-криминалистов обменивалась рукопожатиями с Фостер, Мосс и Питерсоном. *Даже этот debilный молокосос Джон Макгорри в самом центре событий,* – подумал он, – *а мне она поручила искать чертов отстойник.*

Сжимая в руке телефон, он повернулся к ним спиной.

– Ладно. Пленки постараюсь достать, – шепотом ответил он. – Надеюсь, буду стараться не зря.

Глава 36

Первыми в дом вошли эксперты-криминалисты. Эрика ждала, расхаживая по берегу карьера. Утренние часы сменяли один другой. Солнце оставалось за облаками, но водоем, окаймленный сухими камышами и кое-где – голыми деревьями, поражал удивительной красотой. Она смотрела, как легкий ветерок бережит воду, образуя на ее поверхности рябь. Шесть уток стайкой одновременно опустились на воду и поплыли, оставляя за собой на ее глади двенадцать ровных полос. Эрике стало стыдно, что она любит красоту карьера.

– Нас просят подойти: в доме что-то нашли, – раздался у нее за спиной голос Мосс. Эрика быстро смахнула с глаз слезы и повернулась.

Возле хижины они втроем – Эрика, Мосс и Питерсон – залезли в синие бумажные комбинезоны и надели на лица маски. Руководитель группы криминалистов Нилз Акерман, молодой мужчина чуть старше тридцати лет, с красивым лицом и высоким нордическим лбом, откинул на одну сторону длинную полиэтиленовую простыню, что укрывала входную дверь. Он с улыбкой кивнул, пропуская их в дом.

В хижине было сумрачно, что Эрику поразило. Дверь открывалась прямо в тесную комнатку; в нос ей сразу ударил сладковато-кислый запах запустения. Оглянувшись на Мосс с Питерсоном, Эрика поняла, что вонь им тоже противна. Пол представлял собой покрытие с черно-белым узором, усеянное битым стеклом.

– Пол – птичье дерьмо, его здесь тонны, – сообщил Нилз. – Мы поскребли немного по краям: ниже паркет. – В его безупречном английском слышался едва уловимый шведский акцент.

– Некоторые платят огромные деньги, чтобы так украсить пол, – пробормотала Мосс.

В обсыпающемся потолке виднелись гнилые балки, на штукатурке расплывались водяные разводы, усугублявшие атмосферу сырости. Посреди комнаты громоздилась обмякшая груда, заляпанная птичьим пометом и заваленная старыми газетами и осколками стекла. В нескольких местах из нее торчали ржавые пружины, указывавшие на то, что это были остатки дивана. Одна из криминалистов старательно трудилась под ярким светом: сняв слой помета и обивку с истончавшей

подушки, она пыталась исследовать наполнитель – поропласт. От жара лампы диван испускал пар.

В углу у грязного растрескавшегося окна находился стол со старыми кружками и следами попыток развести огонь. В комнате были еще два пепелища: одно у задней стены, второе – у входной двери. У испачканной в саже стены валялся мусор, оставленный наркоманами: обрывки почерневшей фольги, шприц, согнутые чайные ложки. Эрика прошла к участку стены, испещренному коричневыми точками.

– Брызги крови, скорей всего, наркоманов, но образцы мы взяли, – сказал Нилз.

– Что наверху? – поинтересовалась Мосс, взглянув на оседающий потолок.

– Там еще никто не был. Лестница сгнила и обрушилась. Нужно проверить, насколько надежны элементы конструкции, только потом будет ясно, можно ли туда подняться.

Мимо окна с потрескавшимся стеклом скользнула тень. Эрика вздрогнула.

– Черт, – выругалась она, сообразив, что это всего лишь силуэт одного из патрульных, работавших снаружи.

Нилз повел их через низкий дверной проем вглубь хижины. Кухня была старой и такой же грязной, как жилая комната. Вдоль одной стены тянулся низкий рабочий стол со шкафами без дверец, в которых, кроме парочки пыльных кастрюль и в одном месте – черной подпалины, ничего не было. Такие же шкафы некогда висели и над столом, но теперь, разломанные, они валялись посреди комнаты. В стене от них остался один крепеж – дыры с дюбелями. На потолке вместо светильника – дырка с торчащими из нее проводами.

– Что это за запах? – спросил Питерсон, ладонью в перчатке зажимая спрятанный под маской нос.

Нилз кивком показал на небольшое окно над каменной мойкой. В стекле была порядочная дыра, измазанная засохшей кровью и забитая разлагающимся трупом голубя, который, видимо, пытался через нее вылететь.

Эрика шагнула к мойке. Вонь усилилась.

– Это... – начала она, заметив в раковине засохшие бурые кучки.

– Дерьмо, – подтвердил Нилз. – Возможно, наркоманы навалили.

По потолку, который был чуть выше, чем в жилой комнате, проходила опорная балка.

– Боб Дженнингс случайно не на ней повесился? – спросила Мосс.

– Трудно сказать. Зато я нашел вот это, – ответил Нилз.

Он подвел их к высокому дверному проему в углу помещения; сама дверь, гнилая, лежала на полу. Яркая лампа, прикрепленная к косяку, освещала узкую грязную лестницу, убегавшую в темноту, где клубилась пыль. Несколько ступенек покрывали затвердевшие коричневые кучки, птичий помет и мусор.

Нилз шагнул на лестницу и рукой в перчатке показал вверх. С крюка на потолке над лестницей свисал обрывок истлевшей веревки.

– Возможно, это от петли, – сказал Нилз. – Все, что осталось от веревки, я возьму на экспертизу. – При обнаружении висельника полиция всегда следила за тем, чтобы петлю как вещественное доказательство снимали, не нарушив узел. – Пожалуйста, идите за мной, – продолжал Нилз. – Только под ноги смотрите и ступайте по краю ступенек. – Вслед за ним они шагнули на лестницу и стали спускаться вниз по скрипучим ступенькам.

Подвал был маленький, тесный, с низким потолком, и Эрика почувствовала, как ее охватывает паника. В углу на подставке стояла еще одна лампа, и хотя светила она ярко, местами подвал оставался в тени. Его стены имели темно-коричневый цвет, углы заросли паутиной, пол был земляной, неровный. Сверху, где работали люди Нилза, доносился приглушенный скрип.

– А здесь тепло, – заметила Мосс.

– С приближением зимы земля отдает запасенное тепло, – объяснил Нилз.

Как и в верхних помещениях, здесь тоже виднелись несколько маленьких пепелищ с горстками горелой фольги и сожженного дерева. На утрамбованном светло-коричневом полу выделялись большие участки черного цвета. Эксперты, стоя на коленях, внимательно исследовали выкопанные комки почерневшей земли.

– Эти участки грунта пропитаны жидкостью, – доложил Нилз.

Он взял прозрачный пакет, в который была насыпана земля, и дал его Эрике. Она понюхала грунт и, хоть и была в маске, запах узнала сразу.

– Бензин, – произнесла она, отдавая пакет Питерсону. – Думаете, здесь находился генератор?

– Возможно. Судя по всему, наркоманы и тут огонь разводили, так что это может быть и жидкость для розжига, – сказал Нилз. Питерсон передал пакет с землей Мосс. – Вентиляции здесь нет, и если генератор стоял в подвале, концентрация отработанных газов тут была высокая.

Они втроем переглянулись.

– Кажется, я что-то нашел, – раздался приглушенный маской голос одного из криминалистов. Он повернулся к ним, держа пинцет с каким-то мелким предметом. – В землю был втопан.

У Нилза был наготове маленький целлофановый пакетик, в который и положили находку. Он поднял пакетик к свету, и они все вытянули шеи, разглядывая его содержимое.

Это был маленький зуб. Несколько мгновений длилось молчание. Эрика посмотрела на Мосс и Питерсона.

– У Джессики Коллинз, когда мы обнаружили ее скелет, отсутствовал один передний зуб... Срочно на токсикологический анализ, – распорядилась Эрика, стараясь говорить спокойно. Нилз кивнул. – Если подтвердится, что зуб принадлежит Джессике, значит, дело почти раскрыто.

Глава 37

Когда эйфория, вызванная находкой зуба, улеглась, они поднялись наверх и присоединились к группе Крофорда, занятой поисками отстойника, но его так и не нашли. Дом стоял в густых зарослях, куда многие годы сбрасывали землю и всяческий мусор, поверх которых разрастались деревья и кустарники.

Нилз уехал вместе со своей командой экспертов-криминалистов, забрав с собой зуб, найденный в подвале. Эрике казалось, что они близки к разгадке и в то же время бесконечно далеки от нее. Зуб мог предвещать скорое раскрытие преступления, но где гарантия, что он не принадлежал кому-то из наркоманов или самовольных поселенцев, ютившихся в этой жуткой хижине за последние двадцать шесть лет? Оставалось только ждать результатов экспертизы.

В половине восьмого вечера операция по обследованию дома была прекращена. Полицейские упаковали свои вещи, расселись по машинам и караваном покатали прочь от карьера. Эрика ехала в микроавтобусе с Мосс, Питерсоном, Джоном, Крофордом и еще двумя сотрудниками отдела по раскрытию преступлений, принявших участие в поисках. Снова засигналил ее телефон. Она достала его и увидела, что звонят с анонимного номера. Сбросив звонок, Эрика прислонилась головой к окну, не обращая внимания ни на то, что стекло холодное, ни на тряску, которой сопровождалось их медленное продвижение к выезду из парка. Мимо проплывали голые деревья.

* * *

По прибытии в отделение Бромли Эрика пригласила свою команду в один из пабов на центральной улице, где они заняли длинный стол. В зале было оживленно, шумно, многие посетители пришли сюда расслабиться после тяжелого трудового дня.

– Скорей всего, ее держали в той хижине у карьера... – промолвила Эрика, пальцем рисуя на запотевшем бокале. Вместе с Мосс и Питерсоном она сидела на одном конце длинного стола. – У

того, кто похитил Джессику, времени было мало. Не исключено, что сначала ее похоронили там, в подвале.

– И криминалисты это раскопают, босс. Нужно просто немножко подождать, – сказала Мосс.

Глянув на остальных своих сотрудников, которые болтали и смеялись, Эрика понизила голос:

– Завтра хочу поговорить с Крофордом. Он принимал участие в первом расследовании и, вероятно, мог бы ответить на многие наши вопросы относительно пропавших документов и вещественных доказательств. Проблема в том, что тех людей, которых не воспринимаешь всерьез, зачастую просто не замечаешь. И в этом я не оригинальна.

– Не надо есть себя поедом, босс.

– Вы достали его досье?

– Да. Заурядный полицейский, без взлетов и падений. Нудный, инертный, но черных пометок напротив его фамилии нет.

Эрика отпила большой глоток пива.

– Если выяснится, что зуб принадлежит не Джессике, мы сядем в лужу. Но даже если зуб ее, мне придется доказывать, что девочку убил человек, прежде не имевший склонности к агрессии и к тому же скончавшийся двадцать шесть лет назад.

– Если это он, вы только представьте, сколько денег вы сэкономите тюремной службе, – заметил Питерсон. – С минуту они молча потягивали пиво. – Простите, босс. Неудачно пошутил.

– Ерунда. Нам всем хотя бы на пару часиков нужно попытаться расслабиться. От меня толку мало, не умею я веселиться.

– Что верно, то верно, – подтвердила Мосс. – И за это я вас люблю. И нам не обязательно веселиться. Я готова поскучать рядом с вами. Благодаря вам я избавлена от морщин. На три года моложе выгляжу из-за того, что мало улыбаюсь. – Эрика рассмеялась. – Ну вот, теперь и морщины появятся, – со смехом добавила Мосс. Зазвонил ее телефон, она достала его. – О. Это Силия. Извините, но я должна ответить.

Она протиснулась мимо них и вышла на улицу.

– Хотите верьте, хотите нет, но мне нравится работать с вами. Я скучал по вас, – признался Питерсон. Эрика посмотрела на него,

испытывая легкое головокружение, и отметила, что пьет уже третий бокал.

– Неужели? Не может быть!

– Ну разве что чуть-чуть. – Питерсон подмигнул ей. Задержал взгляд на ее лице. Она улыбнулась в ответ. Он стал говорить что-то еще, но Эрика, вдруг запаниковав, его перебила:

– Я в уборную.

Она протиснулась мимо него, прошла в туалет и заперлась в одной из кабинок. Сидя на опущенной крышке унитаза, сделала глубокий вдох. Ей было стыдно, что она отдыхает в пабе, в то время как убийца Джессики Коллинз все еще разгуливает на свободе. Стыдно, что не может напасть на след убийцы. Ей было неловко, что Питерсон флиртовал с ней... А он с ней флиртовал? Или она втайне надеялась, что он флиртовал?

– Соберись, – вслух велела себе Эрика.

– Что? – спросили из соседней кабинки.

– Ничего, простите, – пробормотала Эрика. Она вытащила свой телефон и увидела, что на автоответчик поступили еще два сообщения с анонимного номера. – Кто бы это мог быть? – буркнула она себе под нос. Хотела проверить свой автоответчик, но сигнала не было. Несколько минут она еще посидела в кабинке. Где-то рядом смыли унитаз, затем зашумела сушилка для рук.

Мысли Эрики снова переключились на Джессику Коллинз. Будь та жива, теперь бы ей было тридцать три года. А что, если б она не отправилась на тот злополучный день рождения много лет назад? Что, если б она вышла из дома на несколько минут раньше или позже? Возможно, сейчас она была бы одной из тех женщин в баре – развлекалась, играла в «Кто хочет стать миллионером?» на игровом автомате, смеялась с подругами.

А потом Эрика задумалась о своем прошлом. Что, если б они с Марком решили остаться в постели в тот роковой день, когда проводилась операция по захвату нарколаборатории? Ее жизнь сложилась бы иначе. Сейчас она была бы с ним дома, они смотрели бы телевизор, или предавались любовным утехам, или обсуждали ее рабочий день... *Я – вдова, – думала она. – Но мне только сорок четыре... Я могла бы иметь детей. Почему бы нет? Ведь есть же женщины, которые благополучно рожают и на пятом десятке.*

От рулона туалетной бумаги она оторвала листик и промокнула глаза, решив, что ей пора домой. Три бокала – это ее предел.

Выйдя из уборной, она увидела, что Питерсон сидит один за длинным столом, охраняя их напитки.

– Долго я отсутствовала? Надолго потеряла счет времени? – спросила она.

– Нет. Джону позвонила его подружка, интересовалась, где он пропадает. Мосс позвонила Силия: у Джейкоба температура и она переживает за него... Патрульные только что свалили в «Уэзерспунс»[\[83\]](#).

– Понятно. – Эрика села напротив Питерсона. Возникло неловкое молчание.

– Надеюсь, я не очень вас смутил. – В рубашке с закатанными рукавами, с кривой улыбкой на красивом лице, он откинулся на спинку стула. – Я просто хотел сказать, что мне вас не хватало. Я не ждал какой-то особенной реакции. Просто хотел, чтобы вы это знали.

– Нет, ничуть. На самом деле это комплимент, так что спасибо. – Она приподняла бокал, они чокнулись и допили свое пиво.

– Еще по одному? – спросил Питерсон.

– Нет, мне пора. Завтра хочу пораньше быть на работе. Нужно найти видеопленки, поторопить криминалистов с экспертизой зуба...

– И то верно.

Только они встали, собираясь уйти, от стойки бара, у которой толпились посетители, к столу вернулся Крофорд с подносом, полным напитков.

– Куда народ подевался? Я три часа в очереди стоял, чтобы всех угостить.

– Все ушли, приятель, – ответил Питерсон.

Все трое смущенно топтались на месте.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. – Вы уж извините, я не могу остаться.

– Я тоже, – вторил ей Питерсон. – Спасибо, приятель, не обижайся. – Они попрощались и ушли, оставив его одного с подносом напитков.

– Вот сволочи, – буркнул Крофорд. Он сел за пустой стол и взял один из бокалов.

Глава 38

Эрика с Питерсоном вышли на центральную улицу, по которой разгуливали компании, переходившие из паба в паб. В молчании они направились к железнодорожной станции, там стояло единственное такси с работавшим вхолостую мотором.

– На такси? – спросил Питерсон.

– Да. Сил нет.

– У меня тоже.

Они оглядели дорогу из конца в конец. Других машин не было. Закапал дождь, быстро превратившийся в ливень.

– Едете или нет? – спросил водитель, опуская стекло. За рулем сидел старик, на вид довольно жалкий, с редкими седыми волосами, едва прикрывавшими его голову. Питерсон открыл дверцу, они оба сели на заднее сиденье, оставив между собой зазор.

– Куда? – спросил таксист.

– Сначала ее, в Форест-Хилл, потом в Сиднэм, – ответил Питерсон.

– Нет, сначала тебя. В Форест-Хилл ехать через Сиднэм, – сказал старик.

– Нет уж, сперва ее завезем, она – мой босс, – пошутил Питерсон.

Закатив глаза, старик тронул машину с места. Они ехали в молчании; по крыше автомобиля стучал дождь; мимо скользила темнота. Машин на дорогах было мало. Эрика украдкой посмотрела на Питерсона. В кои-то веки ей не хотелось быть придавленной грузом жизни, горя и ответственности. Хотелось заснуть в объятиях мужчины. Хотелось по пробуждении увидеть рядом кого-нибудь, чтобы не чувствовать себя несчастной и одинокой.

Питерсон повернул к ней голову, их взгляды встретились, и они оба тотчас же отвели глаза. У Эрики гулко стучало сердце. Такси свернуло на Манор-Маунт и стало взбираться на крутой холм к ее дому. Мимо промелькнули здания, и вот они уже на месте.

– Первая остановка, – объявил водитель, затормозив. На дверцах щелкнули автоматические замки.

– Хотите глотнуть кофе? У меня дома? – предложила Эрика.

В лице Питерсона отразилось удивление.

– Не откажусь... Было бы здорово.

Они расплатились с расстроенным таксистом, выбрались из машины и бегом кинулись через парковку к дому. Эрика увидела свет в подъезде и белокурую женщину с детьми.

У двери она стала рыться в сумочке, доставая ключи. Питерсон обнял ее одной рукой, привлек к себе и чмокнул в щеку. Эрика повернулась к нему, улыбнулась. Хотела что-то сказать, но услышала возглас:

– Эрика!

Дверь распахнулась, и из подъезда выскочила высокая блондинка. Копия Эрики. С милovidным славянским лицом и миндалевидными глазами. На плечи ей падали длинные влажные светлые волосы. Она была в длинном черном пальто, надетом поверх облегающих синих джинсов и кофточки с глубоким вырезом. За ней Эрика увидела маленького темноволосого мальчика и девочку, тоже с темными волосами, а еще дорожную детскую коляску, в которой спала малышка. Блондинка крепко обняла Эрику и затем отступила от нее на шаг.

– Как же я рада видеть тебя. Целый день названиваю! – вскричала она.

– Кто это? – опешил Питерсон.

– Моя сестра, Ленка, – ответила Эрика.

Глава 39

Эрика помогла Ленке занести в квартиру чемоданы, коляску и племянника с племянницей. В окно подъезда она видела Питерсона. Тот, натянув на голову куртку, стоял на обочине под проливным дождем, пытаясь поймать такси. Она предложила ему зайти к ней, вызвать по телефону такси и в квартире дожидаться его приезда, но Ленка что-то тараторила ей по-словацки, а потом заплакала малышка, и он ушел, на прощание смущенно махнув ей рукой.

Ее племянник и племянница, Якуб и Каролина, выглядели очень утомленными, но, несмотря на обстоятельства, при виде них она почувствовала, как ее сердце наполнилось радостью. Теперь им было пять и семь лет. Эрика с изумлением отметила, что дети сильно подросли. Она включила свет, центральное отопление и попросила гостей пройти в гостиную, сказав, что скоро вернется.

А сама выскочила в подъезд, оттуда – под дождь и, опустив голову, помчалась по гравийной тропинке. На тротуаре было пусто. Она различила вдали задние красные огни такси, заворачивавшего за угол у подножия холма. С минуту Эрика постояла под дождем, заливавшим ее лицо. У нее было такое чувство, будто она кого-то потеряла. Но ведь это же Питерсон, напомнила себе Эрика. Завтра она его увидит.

Эрика вернулась в дом. Дверь в ванную была плотно закрыта. Якуб с Каролиной сидели на диване, малышка – между ними. Сжимая в кулачке указательный палец Каролины, беззубым ртом она улыбалась брату и сестре. Головку ее покрывала розовая шапочка, спереди украшенная разноцветными пуговками.

– Как маленькая Эрика?

– Мы зовем ее Эвой, – сообщил Якуб. Вцепившись в свою футболку с символикой футбольного клуба «Манчестер Юнайтед», он откинулся на спинку дивана.

– Мама в туалете, – доложила Каролина, робко поднимая на нее глаза.

– Ну, и как у нас дела? – спросила Эрика, подходя к детям. Каролина позволила ей поцеловать себя, но Якуб со смехом увернулся. – Я скучала по вас.

– В Лондоне всегда так дождливо? – спросила Каролина.

– Да, – улыбнулась ей Эрика, пощекотав под подбородком ее маленькую сестричку. Якуб достал свой мобильный телефон и принялся умело просматривать игры.

– Новый? – любопытствовала Эрика.

– Да, последняя модель, – беспечно бросил он. – Какой у тебя пароль вай-фая?

– Пока не заплатишь, – не скажу, – заявила Эрика. – Два поцелуя за час доступа.

– Что? – рассмеялся он.

– Цена пароля...

Якуб закатил глаза, подставляя ей свое лицо.

– Чмок-чмок! – произнесла Эрика, целуя его. – Пароль – «Я-Диббл1972»[\[84\]](#).

Мальчик поморщился, и она помогла ему набрать незнакомое слово. Каролина тоже достала свой айфон, тоже последней модели. Эрика и ей помогла завести пароль.

– Пить хотите?

Дети кивнули. Эрика прошла к буфету, нашла сок черной смородины, который она купила для племянников в их предыдущий приезд, налила каждому по бокалу. Ставя сок на журнальный столик, Эрика увидела, что на нем все еще лежат снимки скелета Джессики Коллинз. Она успела убрать папку до того, как дети заметили фотографии. Послышался шум воды, спускаемой в унитаз. Из ванной вышла Ленка. Бледная и озабоченная.

– Ты почему не сообщила, что приезжаешь? – спросила Эрика, беря на руки малышку и прижимая ее к себе.

– Я пыталась – звонила тебе, оставляла сообщения, а ты трубку не брала!

– Постой, так это у тебя анонимный номер?

– Да...

– Почему?

– Я теперь таким пользуюсь, – уклончиво ответила Ленка.

– Я работаю. Работа у меня нервная, и я была бы очень признательна, если б ты заранее предупредила о своем приезде. Ты же видишь, какая крошечная у меня квартирка, и...

– Я хотела предупредить, но ты не отвечала!

– Даже если б я ответила, ты все равно поставила меня в известность в последний момент!

– Но я же твоя сестра!

Раздалось хлюпанье: Якуб допивал сок, не отрываясь от айфона. Каролина на секунду отвлеклась от своего телефона и спросила:

– Кто был тот большущий негр?

– Что? А-а, коллега. Сотрудник полиции. Мы с ним вместе работаем...

Каролина посмотрела на Ленку. Та, вскинув брови, заметила:

– Он обнимал тебя. А было почти десять часов...

– Ленка, давай позже об этом поговорим, – серьезно произнесла Эрика.

– Непременно. Я все хочу о нем знать.

Эрика улыбнулась. В душе она была рада встрече с сестрой.

– Итак. Кто хочет есть? – спросила она. – Кому пиццу? – Дети заулыбались, вытянули вверх руки. – Отлично. В выдвижном ящике есть меню.

Они заказали пиццу, потом, пока Ленка купала детей, Эрика прибралась в гостиной, постелила на диване постель. Всякое раздражение на сестру улетучилось, когда она услышала пронзительный смех племянника и племянницы, помогавших матери купать малышку. С появлением родных ее квартира преобразилась. Пахло духами ее сестры. Пахло домом.

Через час доставили пиццу. Дети набросились на нее, хватая горячие куски, подбирая губами волокна расплавленного сыра. Ленка привезла с собой DVD-диск с мультфильмом «Рапунцель: Запутанная история». Она поставила его и, сидя в кресле у окна, что выходило во двор, стала кормить малышку.

Дети, насытившись, устроились на диване перед телевизором и заснули прямо на середине фильма.

– Я ведь видела их несколько месяцев назад, а они вон уже как повзрослели, – промолвила Эрика, глядя на порозовевшие спящие лица. Эва после кормления тоже заснула, и Ленка положила ее в коляску под одеяло. Эрика поцеловала детей, накрыла одеялом Якуба и Каролину.

– Каролина такая высокая стала, – заметила она.

– Знаю. Уже ругаюсь с ней из-за губной помады. Малюется, а ведь ей только семь.

– Ты себя вспомни. Краситься начала, едва научилась ходить, – сказала Эрика. – Только выпустила изо рта мамкину сиську и сразу за «Макс Фактор».

Ленка рассмеялась, но потом сникла.

– Мы можем поговорить?

– Конечно. – Эрика открыла дверь во двор и увидела, что дождь прекратился. Они надели пальто и вышли на холод.

– Это твой сад? – спросила Ленка, всматриваясь в темноту.

– Квартиру я снимаю, но, в принципе, да. Так ты объяснишь, почему явилась в Лондон, ко мне домой, неожиданно-негаданно?

– Я же объясняла. Я пыталась дозвониться до тебя, но ты не брала трубку и сообщений моих не слушала.

– Виновата, извини. Почему ты звонишь с анонимного номера?

Ленка прикусила губу.

– Дома все сложно. Нужно было уехать. Да и дети давно не видели Лондон.

– Ну-ну. Учебный год идет. И ты забрала их из школы, чтобы они погуляли по Лондону в начале ноября? Где Марек?

– Он... э-э... – Глаза Ленки наполнились слезами. – У Марека небольшие неприятности, в бизнесе.

– Его бизнес – организованная преступность.

– Не говори так!

– А как, по-твоему, я должна говорить? Мафия? Или прикажешь сделать вид, что он владеет самым прибыльным киоском мороженого во всей Восточной Европе?

– Эрика, у него настоящее коммерческое предприятие.

– Знаю. И почему вы оба не можете этим удовольствоваться?

– Ты же знаешь, какая жизнь дома. Сама ты давным-давно уехала и назад не возвращалась.

– Где Марек?

– Уехал.

– Куда?

– В Высокие Татры. Один из местных парней считает, что Марек его обкрадывает.

– Из местных мафиози?

Ленка кивнула.

– А он обкрадывает?

– Не знаю... он ничего мне не рассказывает. На прошлой неделе заставил меня сменить симку в телефоне. А сегодня утром велел уехать, скрыться и не возвращаться, пока все не утрясется. – Ленка теперь плакала, по ее лицу струились слезы.

– О, мне очень жаль... иди ко мне... – Эрика обняла всхлипывающую сестру. – Не расстраивайся, поживете пока у меня. Здесь вам ничто не грозит, а мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо, – поблагодарила Ленка.

* * *

Чуть позже они лежали бок о бок в кровати Эрики. Якуб и Каролина крепко спали в гостиной. Эрика устроилась у окна, чтобы Ленка была ближе к малышке в коляске, которую она поставила рядом.

– Тот парень, которого ты видела... это мой коллега. Питерсон. Зовут его Джеймс. Я собиралась пригласить его на кофе, – сказала Эрика.

– Только на кофе? – уточнила Ленка.

– Да. Может быть... Не знаю.

– Симпатичный.

– Да. Но дело не в этом... не только в этом. Мне хотелось, чтобы рядом со мной был кто-то, когда я проснусь, чтобы не пробуждаться в одиночестве каждое утро. Я немного выпила. Хорошо, что ты оказалась здесь. Было бы глупо прыгать с ним в койку. Нам работать вместе.

– Ты и с Марком вместе работала.

– Это другое. Мы уже были вместе, когда пришли в полицию. Уже состояли в браке, когда оба начинали службу с констеблей. Все принимали это как данность... Теперь же я расследую убийство. Под моим началом люди. Незачем бегать на свидания и вступать в случайные связи на одну ночь с кем-то из своих подчиненных.

– Я скучаю по Марку, – сказала Ленка. – Он был хороший человек. Лучший.

– Да. – Тыльной стороной ладони Эрика вытерла слезы.

– А вот Марек не очень хороший.

– Он любит тебя и детей. Заботится о вас. От бед никто не застрахован, но падать духом нельзя.

– Может, и хорошо, что я здесь. Скрашу твоё одиночество. По крайней мере, завтра утром, когда ты проснешься, рядом с тобой буду я, – улыбнулась Ленка.

– Вот и верь после этого людям. Любую ситуацию обернешь в свою пользу, – рассмеялась Эрика. Повернув голову, она посмотрела в темноте на сестру. Они во многом были схожи, но Ленка не боялась экспериментировать со своей внешностью. Она всю пользовалась косметикой, и волосы у неё были длинные – не то что у Эрики, носившей короткую стрижку.

– Что за преступление ты расследуешь?

Эрика в двух словах рассказала ей о деле, которое она вела, о Джессике Коллинз.

– Каролине столько же лет. Даже представить не могу, что было бы, если б её похитили, – промолвила Ленка.

Слова сестры, казалось, повисли в воздухе. Эрике ещё долго не удавалось заснуть.

Глава 40

Дождь не утихал, поливая Манор-Маунт. Вода хлестала в водостоках, текла по обочинам, ускоряющимися потоками устремляясь с холма, гулко гремела в канализационных люках.

Джерри стоял в темноте на противоположной стороне дороги, прячась под большим деревом и лесами строящегося здания. Его могучий мускулистый торс укрывала длинная вошенная куртка, лицо утопало в натянутом на голову капюшоне.

Вечером он на своих двоих обследовал квартал, где она жила, придумывая план. Найти ее адрес не составило труда. В списке избирателей, к которому он получил доступ через Интернет, фигурировала только одна Эрика Фостер. Над Амандой Бейкер наблюдение он установил. Важной информацией о ходе расследования ее снабжал констебль Крофорд. Однако Джерри, неплохо разбираясь в людях, сразу понял, что Крофорд идиот и не входит в круг доверенных лиц старшего инспектора Фостер.

Доступ к ее мобильному телефону он получил. Отправленное им эсэмэс тревоги не вызвало: ему крупно повезло, что ее сестра оставила ей на автоответчике сообщения с анонимного номера. Теперь нужно было как-то добраться до ее стационарного телефона, чтобы знать, о чем она говорит дома.

Некоторое время назад он заметил, как в такси сел чернокожий парень, работавший в ее команде. И сразу же после его отъезда Джерри, словно в награду, довелось лицезреть и саму Эрику Фостер, выскочившую из дома с выражением огорчения на лице. Когда она увидела, что такси заворачивает за угол, плечи ее опустились. С минуту она стояла на дороге со смеженными веками, обратив к небу гладкое бледное лицо.

Джерри тогда почувствовал, что возбуждается. Мука в ее чертах, бархатистая кожа, приоткрытые алые губы... Под проливным дождем блузка на ней быстро промокла и прилипла к телу. Грудь у нее была небольшая, но соблазнительная.

Джерри закрыл глаза, прогоняя воспоминание. Он должен быть сосредоточен, должен найти способ проникнуть к ней дом – такой, чтоб можно было быстро войти и выйти. Но на многих окнах нижнего

этажа этого старого здания стояли решетки, вход в квартиры лежал через общее парадное.

Эрика вернулась в дом, а он, укрываясь под лесами, продолжал наблюдение, пока в окнах ее квартиры на нижнем этаже не погас свет. Ему это нравилось: темнота, стук дождя на пустынной улице, ощущение, что он затаился, прячется.

В кармане завибрировал телефон. Он достал его, засветил экран.

– Ты вообще, что ль, никогда не спишь? – спросил Джерри.

– Поставил на прослушку мобильник Эрики Фостер? – осведомился голос.

– Да.

– Что у нее есть?

– В подвале хижины у карьера криминалисты раскопали зуб и обнаружили участки грунта, пропитанного бензином...

– Зуб человека? – уточнил звонивший после нескольких секунд молчания.

– Естественно.

– Чей?

– Они не знают. Криминалисты над ним колдуют... Это не важно. Может быть, Боб Дженнингс шалил в своем подвале с местными детишками... Нам это только на руку.

– Ты ведешь себя так, будто это игра, – с тихой угрозой произнес голос.

– Натура у меня такая. Я ведь ирландец, бесшабашный парень, – невозмутимо отвечал Джерри. – И я знаю, что это не игра.

– Ты, главное, помни: если меня спалят, тебе тоже крышка... И денег не получишь. Думаю, последнее для тебя особенно важно.

Звонивший положил трубку.

– Иди ты к черту, – сплюнул Джерри. Убрав телефон в карман, он вышел из-под густых ветвей дерева. Поднял вверх лицо, наслаждаясь ощущением покалывания на коже.

Затем повернулся и ушел под дождь.

Глава 41

Когда Эрика проснулась, было еще темно. Увидев Ленку, расхаживающую по маленькой спальне с Эвой на руках, она опешила, не сразу сообразив, где находится.

– Который час? – спросила Эрика, включая свет. Эва чихнула, почмокивая.

– Половина шестого, – ответила Ленка. – Извини. Я не хотела тебя будить.

– Пустяки. Мне все равно рано вставать. – Эрика села в кровати, потерла лицо. – Какие планы на сегодня? Я буду по горло занята на работе.

– Ключи запасные есть?

– Да.

– А какой-нибудь парк поблизости?

– Тут недалеко музей Хорнимана. Там приятно гулять.

– Это где вы нашли девушку[85]?

– Ну да. Но там огромный парк и музей, чудесное кафе... Или езжайте в центр, посмотрите, как украшен Лондон к Рождеству... – Эрика подумала, что она – безнадежно плохая хозяйка.

– Не волнуйся за нас. Думаю, дети сегодня захотят выспаться, вчера очень устали. Подержи Эву пару минут, ладно? Душ приму, пока все спокойно.

Ленка передала Эрике свой сверток из одеял и пошла в ванную. От Эвы исходило тепло. Она подняла крошечную ручонку и чихнула, глядя на Эрику большими карими глазами. Эрика бережно промокнула маленькое личико муслиновым платком, и ее захлестнула волна любви и грусти. Любви к своей восхитительной племяннице, грусти – из-за того, что у нее самой, вероятно, никогда не будет детей.

Эрика оставила Ленке свой рабочий телефон, ключи и показала на карте, где что находится. Потом поцеловала спящие головки Каролины и Якуба и тихонько вышла из дома. Брезжил рассвет.

В отделение Бромли она прибыла около половины восьмого и сразу же поднялась в оперативный отдел. С кофе в руках встала перед демонстрационными досками, глядя на следственные материалы. После обнаружения зуба фотографии Боба Дженнингса и Тревора Марксмена она прикрепила по обе стороны от снимка с хижинкой и маркером провела между ними линию, объединив в одно целое.

Зазвонил ее телефон. Она увидела, что это Нилз Акерман.

– Нам удалось провести сравнительный анализ зуба, найденного в подвале, по медицинским документам в стоматологической карте Джессики Коллинз, – начал он без предисловий. – Мне очень жаль. Совпадений не выявлено. Это зуб не Джессики.

У Эрики сжалось сердце. Ей пришлось присесть на край стола.

– Это точно?

– Абсолютно. Я начал с простого: приставил зуб к слому в челюсти скелета. Он не подошел ни по одному параметру. Тогда я стал искать совпадения по медицинской карте, ведь могло случиться так, что зуб подвергся воздействию огня и обгорел, но ничего такого выявлено не было. Я отдал зуб одному своему коллеге с просьбой постараться извлечь из него пульпу и выделить из нее ДНК, но это зуб не Джессики. Мы также вернулись в подвал, взяли образцы почвы и проверили на метан: ничего, это просто грязь.

– Проклятье!

– Мне очень жаль.

– Да вы-то тут при чем? Теперь у меня больше вопросов, чем ответов... Как детский зуб оказался в подвале Боба Дженнингса?

На другом конце провода молчали.

– Простите, Нилз. Я знаю, что выяснять это – не ваша работа...

– Я вам не завидую, – сказал он.

– В любом случае спасибо, что известили, – унылым тоном поблагодарила его Эрика.

Закончив разговор по телефону, она подошла к демонстрационной доске, на которой рядом с картой природного парка была прикреплена информация о карьере. В нем добывали еще и глину. Эрика шагнула к ближайшему столу, загрузила «Википедию», в поисковой строке набрала «глиняный карьер, кент» и нашла короткую статью:

«Лондонская глина – это твердая горная порода голубоватого цвета, при выветривании обретающая коричневый оттенок. Эта глина до сих пор используется в коммерческих целях для производства кирпичей, плитки и гончарной керамики. Как почва она неплодородна, не подходит для разведения садов и выращивания урожая».

Эрика продолжила поиск и выяснила, что Кент стоит на отложениях мела, песчаника и глины.

– Чем я занимаюсь? Никакой конкретики, все равно что тыкать пальцем в небо, – пробормотала она.

– Да, Кент – огромное графство, – раздался сзади голос. Вздвогнув, Эрика резко обернулась и увидела за спиной Крофорда, смотревшего на экран ее компьютера. – Прошу прощения, – добавил он.

– Никогда больше так не подкрадывайтесь! – рявкнула Эрика.

– Я думал, нам известно, в каких целях использовали карьер?

– Известно. Я просто пытаюсь установить связь, выявить точки соприкосновения...

– Такие длинные слова с утра пораньше, – пошутил он. Она не улыбнулась.

– Джессика пропала много лет назад, а теперь ее останки обнаружили буквально в миле от ее дома. – Эрика стала пересказывать свой разговор с Нилзом. Крофорд, присев на угол ее стола, слушал и кивал. Когда она закончила, он немного помолчал. Потом произнес:

– Вам известно, что побережье Кента, Дуврский пролив, лежит всего в двадцати одной миле от Европы?

– Да. Только что прочитала на экране, – раздраженно бросила Эрика.

– Пойдите. – Крофорд встал. – Вы сейчас говорили, что глину используют в коммерческих целях для изготовления кирпичей и керамической плитки. Вам не кажется, что это может быть ниточка, ведущая к Мартину Коллинзу? Он ведь строитель.

Его кивание Эрику бесило.

– Крофорд, глину в карьере перестали добывать еще перед Первой мировой войной. Мартин Коллинз с семьей переехал сюда в восемьдесят третьем. И это общинные земли; карьер – местная достопримечательность.

– О, – произнес Крофорд, краснея.

В оперативный отдел вошли несколько офицеров, следом за ними Мосс и Питерсон. Эрика вдруг почувствовала, как в ней бурлят, ища выхода, гнев и досада. На кого же их излить, как не на Крофорда? Идеальная кандидатура.

– Это и без того сложное дело, а тут вы еще подкрадываетесь сзади и выдвигаете тупые версии, ни на чем не основанные. Умнее от этого выглядеть вы не стали, только злите меня. Если ничего толкового сказать не можете, тогда не мешайте работать.

Остальные сотрудники на цыпочках разбрелись по своим столам, снимая верхнюю одежду. Крофорд теперь заливался румянцем, глаза его покраснели.

– Только реветь не надо, на это у нас нет времени, – добавила она. – Что с септиком?

– Э-э... жду информацию, – промямлил Крофорд, сиюсь совладать с собой.

– В таком случае хватит умничать. Идите и ищите. Выполняйте свою работу! – заорала Эрика. Оперативный отдел наполнился полицейскими. В неловком молчании они снимали куртки и пальто и садились за свои компьютеры. – У кого-то еще есть нелепые версии о том, кто убил Джессику Коллинз? – обратилась Эрика ко всей комнате. Ей никто не ответил. – Вот и славно. Мне только что сообщили, что зуб, найденный в подвале хижины у Хейзского карьера, принадлежит не Джессике.

Несколько человек тяжело вздохнули.

– Да, приятного мало. Поэтому мы обязаны удвоить наши усилия.

Она прошла в свой кабинет и захлопнула за собой стеклянную дверь, но все равно оставалась на виду у подчиненных, что ее удручало. Сев за стол, она стала изучать документы, а их становилось все больше, обновила информацию по делу в системе «Холмес».

Часом позже к ней в кабинет постучали. За стеклом стояла Мосс, размахивая маленькой белой салфеткой.

– Я пришла с миром, – сказала она, открывая дверь.

– В чем дело?

– Ребятам в Кройдонском отделении удалось найти на своем складе вещдоков пленки из видеокамеры Тренора Марксмена, –

сообщила Мосс. — Их только что прислали с курьером. Джон пытается найти аппаратуру, на которой их можно посмотреть.

Глава 42

Крофорд стоял у мусорных баков на задворках отделения Бромли, укрываясь от дождя под небольшим пластиковым навесом. Он незаметно покинул оперативный отдел и теперь возбужденно беседовал по телефону с Аmandой Фостер, напрягая слух, чтобы слышать ее голос, заглушаемый стуком дождя по навесу.

– А ты не подумал прийти на работу пораньше? Или хотя бы постараться перехватить пленки? – ругалась Аманда.

– Я пришел рано, – проскрежетал Крофорд сквозь стиснутые зубы.

– Видимо, недостаточно рано. Чем занимался вчера вечером?

– Не твоего ума дело! – с негодованием огрызнулся Крофорд. После ухода коллег он остался пить в пабе один и теперь мучился жутким похмельем.

– Пленки мне нужны, Крофорд.

– Трудновато будет их достать. Это теперь самое важное вещественное доказательство. Старший инспектор Фостер сейчас их изучает в одной из просмотровых. Я не могу к ним подобраться.

Он услышал в трубке, как Аманда щелкнула зажигалкой, закуривая сигарету.

– По ходу просмотра пленки будут оцифровывать. Тебе нужно просто скопировать их на флешку. Вставил – и готово.

– Легко сказать, – пробормотал он.

– Вообще-то, я думала, что это ты обращался с просьбой поискать пленки. Так почему ты не в просмотровой? Ты должен быть там.

Как же надоело мне быть на побегушках у этих чертовых баб, – чертыхнулся про себя Крофорд. Ветер изменил направление и теперь гнал дождь по косо́й, так что Крофорда даже навес не спасал: он промок насквозь.

– У меня другие дела, – заявил он, прижимаясь к одному из вонючих синих мусорных контейнеров.

– Например?

Не отвечая на ее вопрос, Крофорд сообщил, что зуб, найденный в подвале, принадлежит не Джессике.

– Детский зуб в подвале бросает подозрение на Боба Дженнингса; он мог быть одним из поделщиков Тренора. Не исключено, что до Джессики они затаскивали туда и других детей.

Аманда молчала. Он почти слышал, как в голове у нее шевелятся извилины.

– На тех видео, я помню, есть что-то... – наконец произнесла она. – Нутром чую, а понять не могу, никак не ухвачу. Ты давай-ка возвращайся, чтоб не вызвать подозрения, и сделай мне копии.

Аманда отключилась.

– Сейчас тебе есть что ухватить, как пить дать. Поди лакаешь уже третий бокал вина, – сварливо произнес он, заметив, что на его пиджак с мусорного контейнера перекечевало что-то жирное и бурое.

* * *

Джерри сидел в своей маленькой квартирке в Мордене. Шторы он задвинул, отгородившись от ветра и дождя.

На столе перед ним стоял открытый ноутбук. Он снял наушники и включил запись разговора. Маленькую комнату эхом огласил скрипучий голос Аманды:

– На тех видео, я помню, есть что-то... Нутром чую, а понять не могу, никак не ухвачу.

Джерри взял телефон, позвонил:

– Аманда Бейкер нашла на след. Переходим к более жестким действиям? – спросил Джерри.

– Нет. Продолжай слушать, – велел голос. – Если уж действовать, мы должны знать это наверняка.

Глава 43

Эрика и Джон сидели бок о бок в одной из тесных просмотровых кабинок в отделении Бромли. В целях экономии Тревор Марксмэн использовал 120-минутную видеокассету *Hi8* в долгоиграющем режиме, и это означало, что каждая запись длилась четыре часа.

– Теперь кассета номер два, – объявил Джон, собираясь заменить в видеомагнитофоне кассету.

Эрика выпрямилась на стуле, потянулась.

– Он сам-то когда-нибудь собирался просматривать то, что снимал? – зевнула она.

– Босс, да о чем вы говорите?! Четыре часа извилистых аллей в унылых пустынных парках, движение транспорта на кольцевой дороге, нечеткие кадры с фейерверками, снятыми из окна спальни... – это ж настоящий блокбастер, – съязвил Джон. Работая в латексных перчатках, он вытащил из видака первую кассету и взял другую.

– Что там написано? – спросила Эрика. Джон задержал кассету в руках.

– «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГЭРИ, АПРЕЛЬ 1990 Г.», – прочитал он. Затем извлек ее из коробки и поднял к свету. – Магнитная лента на вид в хорошем состоянии.

Джон вставил кассету в адаптер VHS и затем – в видеомагнитофон. Проверив, поступает ли сигнал на ноутбук, он нажал кнопку воспроизведения.

Маленький экран перед ними на столе ожил с треском, показывая телевизионный зал в социально-реабилитационном центре. Черно-белое изображение запрыгало и стало цветным. На полированном деревянном полу стояли кто где двадцать мужчин разного возраста, почти все одетые неряшливо. Тут и там – несколько старых драных диванов, высоко на стене привинчен маленький телевизор. В большом венецианском окне виднелись серое небо и клочок травянистого газона. На несколько мгновений свет извне ослепил камеру. Они услышали голоса, объектив нацелился на зеркало, в котором отражался Тревор Марксмэн, державший в руках видеокамеру. Кожа у него была гладкая, еще не обожженная.

– Сегодня, второго апреля, мы отмечаем двадцать четвертый день рождения Гэри Ланди! – сообщил он своему отражению.

Камера резко развернулась, показывая худого мужчину, который сидел на протертом диване. У него были удлиненные черты лица и сальные волосы, прилизанные на левую сторону. Огромный нос, один палец по самую костяшку зарылся в левую ноздрю.

– Ты что делаешь? – спросил голос Тревор из-за видеокамеры.

– Ищу пожрать что-нибудь приличное, – ответил Гэри, вытаскивая палец из ноздри. – Не приставай! – прорычал он.

Камера двинулась по залу, разворачивая изображение. В кадре появилась группа жалких омерзительных мужчин, толпившихся вокруг потертого стола, на котором стояли пластиковые миски с чипсами и глазированный торт, украшенный разноцветными шоколадными пуговками. Один толстый коротышка был в бумажном колпаке, из-под которого торчали длинные седые волосы. Резинка, благодаря которой колпак держался на голове, врезалась в его тройной подбородок.

– Боже, и ведь вся эта нечисть жила в двух шагах от Коллинзов, – произнес Джон, не отрывая глаз от монитора.

На экране толстый коротышка в колпаке, глядя в объектив, попросил:

– Дай мне. – Открыв в улыбке рот, в котором было всего два зуба, он потянулся к видеокамере.

– Нет, – отрезал Тревор. Его ладонь, на мгновение появившись в кадре, хлестнула коротышку по руке, схватившей видеокамеру.

– Ну дай, я никогда такой не видел...

– Убери свои поганые лапы! – взвыл Тревор.

Его рука взметнулась и отвесила коротышке смачную затрещину. Тот упал, резинка под его подбородком лопнула. Коротышка поднялся с пола и бросился к видеокамере. Изображение задержалось и исчезло.

– Блин, нам что, всю эту их вечеринку смотреть? – возмутился Джон.

Эрика мрачно кивнула. Экран просветлел, показывая продолжение вечеринки, уже некоторое время спустя. Играла музыка, некоторые мужчины неуклюже танцевали. Камера снова взяла в объектив Гэри. Тот по-прежнему сидел в углу, ковыряя в носу. Вытащив из ноздри палец, он сунул его в рот.

– Фу, мерзость какая. – Джон отвел взгляд от монитора.

– Можете смотреть, его уже нет, – сказала Эрика.

Камера повернулась, снимая толстого коротышку. Тот, уже в новом колпаке, сидел в углу у старого пианино, с жадностью опустошая полную еды тарелку. Еще одна, такая же полная, ждала своей очереди рядом с ним на пианино.

– Что он натворил? – спросил чей-то голос за кадром.

– Да козел он вонючий. На камеру мою губу раскатал, – ответил голос Тревоора, безжалостно показывавшего крупным планом жующий маленький рот толстого коротышки. – Еще чего не хватало! Я никому не позволю даже пальцем к ней прикоснуться.

Коротышка запихивал вилкой в рот кусок киша, крошками засыпая бороду. Его изображение то расплывалось, то снова обретало четкость.

Раздался визгливый девчачий смех. Камера очертила дугу, взяв крупным планом высокого лысого мужчину с красным лицом и кривыми кроличьими зубами.

– А мне ты ведь дашь поснимать, да? – спросил он.

– НЕТ!

По-видимому, последовала очередная драка, и когда изображение восстановилось, это были уже более поздние кадры. Теперь в комнате отдыха смеркалось, свет исходил только от свечей на торте, который нес какой-то высокий мужчина в сопровождении Тревоора. Они поднесли торт к Гэри, все так же сидевшему в кресле.

– Дуй давай! – крикнул чей-то голос. Гэри сначала воспротивился, но потом все же задул свечи.

– Что ты загадал? – крикнул еще чей-то голос.

– Чтобы сдохнуть, – ответил Гэри. Он откинулся в кресле, сложив на груди руки.

Мужчина, державший торт, на мгновение повернулся к камере и затем вышел из кадра.

– Стоп, – встрепенулась Эрика. – Давай-ка назад.

– Не могу. Оцифровка же идет, – ответил Джон.

Тревоор проследовал за мужчиной к длинному столу.

– Я знаю этого человека, – сказала Эрика. – На днях видела его у Тревоора Марксмена. На паузу, быстро!

* * *

Эрика выскочила из просмотровой и бегом поднялась по лестнице в оперативный отдел. Питерсон только что закончил говорить с кем-то по телефону. Она схватила его за руку и велела идти с ней вниз. Вместе они спустились в комнату, где ждал Джон, и продолжили просмотр. Тревор теперь снимал человека, который был им знаком. Тот вещал в камеру с шутками-прибаутками, словно вел некую торжественную церемонию на красной дорожке.

– Это тот самый парень, которого мы видели у Марксмэна: Джоэл, кажется? Ну да, Джоэл. На видео он с волосами, но у него все тот же южноафриканский акцент, – заметила Эрика.

– И те же необычные белесо-голубые глаза, – добавил Питерсон. – И шрам, идущий от виска за ухо.

– Он представился Джоэлом, но фамилии не назвал. Мне нужен список всех, кто содержался в том социально-реабилитационном центре в девяностом году, – сказала Эрика.

Они снова обратили взгляды на экран. Из магнитофона зазвучала песня *Careless Whisper*^[86], и Тревор, отдав свою видеокамеру одному из мужчин, соединился в медленном танце с Джоэлом.

Глава 44

После обеда Эрика с Джоном просмотрели еще две видеопленки. Они оказались короче, поскольку съемка велась в стандартном режиме. На них были запечатлены несколько весенних дней, проведенных в парке близ Эйвондейл-роуд. Тревор Марксмэн снимал много местных детишек, причем родители, раскачивая своих чад на качелях или лоя внизу при скате с горок, просили их улыбаться и махать в объектив.

Джессика Коллинз впервые появилась в видеоклипе, помеченном датой «11.06.1990 г.». Она качалась на качелях-весах с некой темноволосой девочкой. Обе заливались смехом, попеременно взмывая вверх и опускаясь к земле. Неподалеку на скамейке под сенью большого дуба сидели более молодые Марианна и Лора. Последняя курила, вполуха слушая мать, которая что-то настойчиво говорила дочери, наклоняясь к ней.

Несколько минут камера вела наблюдение за Джессикой, снимая ее в режиме приближенной съемки с противоположной стороны парка. Эрику поразили красота и беззаботность девочки, танцевавшей с подругой, раскачивавшейся на лазилках... Однако умиление быстро сменилось отвращением, едва она вспомнила, что смотрит на нее глазами Тревора Марксмэна.

Затем на экране появилось дрожащее изображение узкой тропинки в глубине парка. Видеокамера, двигаясь вдоль нее, миновала помятую урну, старую скамейку и остановилась на мужчине, пытавшемся запихнуть в мусорный мешок полную лопату опавших листьев. На ветру ему это никак не удавалось.

– Развлекаемся? – спросил голос. Мужчина обернулся, и они увидели растрепанные каштановые волосы и лицо, как у гнома, – лицо Боба Дженнинга.

– Аатвалиите, сволочи, – буркнул Боб, состроив гротескную гримасу.

В углу экрана замигал красный индикатор, указывавший на то, что заряд на исходе. Кто-то чертыхнулся. Изображение колыхнулось, потому что камеру передали из рук в руки, и в последний момент, перед тем как батарея полностью разрядилась и экран потемнел, на нем мелькнуло знакомое лицо.

– Черт возьми, это ж был Боб Дженнингс и еще кто-то, на самых последних секундах... Можно промотать назад?

Джон извлек кассету и пододвинул к себе ноутбук. У них теперь имелась цифровая запись. Он нашел последние несколько минут съемки, включил воспроизведение: встреча с Бобом, мигающий красный значок разряжающейся батареи. Им понадобилось несколько попыток, чтобы «поймать» лицо, которое находилось в кадре всего долю секунды. Это был Тревор Марксмэн.

С минуты они молча смотрели на него.

– Это значит, что кто-то передал камеру Тревору; он не все время вел съемку в парке. А на допросе в ходе предыдущего следствия он утверждал, что всегда снимал сам, – сказала Эрика.

– И на вечеринке заявил, что никого не подпустит к своей камере, – вспомнил Джон.

Он снова включил запись последнего отрывка: камера приближается к воротам, мелькает лицо Джоэла.

– Слышите? Чей-то голос говорит: «Давай». С южноафриканским акцентом.

В дверь постучали. Это вернулся Питерсон.

– Босс, я нашел Джоэла Майклса. Пришлось поднимать досье на его настоящее имя. Он – Питер Майклс. Имя изменил на Джоэла в девяносто пятом году. Ему пятьдесят три. По выходе из тюрьмы пребывал в социально-реабилитационном центре. Сидел шесть лет – с февраля восемьдесят четвертого по март девяностого года за похищение и изнасилование девятилетнего мальчика.

Эрика с Джоном переглянулись.

– В девяностом, – продолжал Питерсон, – Питера Майклса допрашивали наряду с остальными обитателями центра, и, как и у Марксмэна, на седьмое августа девяностого года у него имелось алиби. Однако в последующие недели после исчезновения Джессики наблюдение за ним не вели.

– Как и за Бобом Дженнингсом, – добавил Джон. – Я ничего не могу найти о нем в архивных материалах. Его не допрашивали, не считали подозреваемым...

– А здесь, на пленке, они втроем общаются. Они знали друг друга, – подытожила Эрика.

Глава 45

Поздно вечером Эрика позвонила командеру Маршу из оперативного отдела. Свою команду после долгого трудового дня она отпустила по домам.

– Эрика, я же предупреждал, чтобы ты не трогала Тревор Марксмэна, – сказал Марш. – Еще один судебный иск нам совершенно ни к чему.

– Позвольте сказать, сэр, вы меня не слушаете. Я не собираюсь задерживать Марксмэна. Я намерена арестовать и допросить Джоэла Майклса: пусть объяснит, что связывало его с Тревором и Бобом Дженнингсом, имя которого постоянно всплывает в ходе следствия. Он обитал в той хижине, где в подвале мы нашли зуб ребенка.

– Личность которого пока не установлена.

– Тем не менее это не может не вызывать подозрения!

– Да, но за минувшие двадцать шесть лет в том доме могли обитать другие люди, наркоманы, у которых были дети, а у тех в свою очередь выпадали молочные зубы.

– В подвале хижины мы также обнаружили участки грунта, пропитанного бензином. Сестра Боба Дженнингса подтвердила, что он использовал генератор, работавший на этилированном бензине, а в костях Джессики обнаружена высокая концентрация тетраэтилсвинца, указывающая на то, что она подвергалась воздействию бензиновых паров. Теперь у нас имеются видеоматериалы, из которых явствует, что Тревор, Боб и Джоэл знали друг друга...

Марш молчал на другом конце провода.

– Сэр, Боба нет в живых, – продолжала Эрика. – Тревора трогать нельзя. Попробуем допросить Джоэла Майклса.

– Разумеется, это тебе решать, Эрика, – сказал он.

– Знаю, Пол. Но мне нужна твоя поддержка. Твой совет. Если я права, возможно, мы имеем дело с бандой педофилов.

– Когда ты хочешь это сделать?

– Скоро.

– Завтра утром похороны Джессики Коллинз. До того времени лучше ничего не предпринимать. Я буду на похоронах и думаю, тебе

тоже не мешает прийти. Это способствует созданию положительной репутации. Что, как нам известно, имеет большое значение.

– Ладно.

– Ты также должна понимать, что Тревор Марксмэн теперь очень богатый человек. Полагаю, у него найдется хороший адвокат, который поможет его другу, когда ты произведешь арест.

– Меня не это волнует. Я больше обеспокоена тем, что целый день потратила на просмотр многочасового видео, в котором показано, как осужденные педофилы устраивают вечеринки и ездят к морю, а также видео, на которое Марксмэн снимал Джессику Коллинз и других местных детей. Меня гложет, что Джессика теперь – просто груда костей, а ее убийца разгуливает на свободе. Я хочу допросить Джоэла Майклса, и все. И у меня есть улики, подтверждающие мои подозрения.

– Держи меня в курсе, – не сразу ответил Марш. – Но сначала похороны. Увидимся там завтра.

– Хорошо, спасибо. – Положив трубку, Эрика стала собираться домой. Она прошла в кабинет, сложила в сумку свои вещи, а потом вспомнила, что в просмотровой оставила свой блокнот.

Глава 46

Коллеги Крофорда разбрелись по домам, но сам он задержался в отделении – спрятался в мужском туалете и двадцать минут просидел в кабинке, обливаясь потом. Потом он вымыл руки и вышел. Убедившись, что за ним никто не следит, Крофорд спустился по лестнице в просмотровую, где Эрика с Джоном целый день изучали видеопленки Тревора Марксмена.

Просмотровая находилась на втором этаже в конце длинного коридора, в самой глубине здания. От этой комнаты имелось несколько экземпляров ключей, и днем Крофорд стащил ключ со стола Джона, когда тот разговаривал с кем-то по телефону. Крофорд вставил ключ в замок и вздохнул с облегчением, когда дверь открылась. Он включил свет и увидел, что ноутбук все еще на столе и подсоединен к видеомэгнитофону. Он закрыл дверь и заперся изнутри. Комната была маленькая, тесная и без окон. На стеллаже лежали шнуры и провода, руководства по использованию DVD- и видеоаппаратуры и даже одна инструкция от проигрывателя лазерных компакт-дисков.

Не медля ни секунды, Крофорд запустил ноутбук и достал флешки, которые приобрел в магазине электроники «Мэплин» на центральной улице. Его беспокоило, что памяти не хватит. Объем каждой флешки составлял всего 16 гигабайтов, поэтому он купил три. Крофорд стал возиться с большой квадратной упаковкой из формованного пластика, пытаясь извлечь из нее крошечное устройство. От усердия по его лицу катился пот.

Он пробежал взглядом по полкам, но ножниц не увидел. Тогда он вытащил из кармана ключи от машины и принялся ими ковырять пластик. Спустя несколько минут его старания увенчались успехом. Он вытер с глаз пот и вставил одну флешку в USB-порт на боковине ноутбука.

Компьютер зажужжал. Крофорд вывел на экран рабочий стол *Windows*. Наконец появился значок USB-драйвера. Крофорд стал пролистывать видеофайлы, созданные Джоном некоторое время назад, выбрал первый и перенес его на рабочий стол флешки.

Жесткий диск снова зашумел, когда маленькая коробочка стала считывать информацию и на экране появилась надпись:

*Копирование двух файлов на USB-драйв 1
11.8 Мбайт из 3.1 Гбайт – ок. 9 мин.*

– Ну же, давай, – шепотом подгонял компьютер Крофорд. На клавиатуру с него упала капля пота. И вдруг он услышал, как дернулась запертая дверь и повернулась дверная ручка.

Глава 47

Эрика нажала вниз ручку двери просмотровой, но комната оказалась заперта. Она достала связку ключей, попыталась вставить ключ в замочную скважину – безуспешно. Изнутри его что-то не пускало. Она собралась было снова надавить на дверную ручку, но тут ее кто-то окликнул. По коридору к ней направлялся Питерсон.

– Босс, ваш блокнот у меня, – сказал он, протягивая его ей.

– Спасибо, – поблагодарила она, забирая блокнот, когда Питерсон поравнялся с ней. – Я думала, все ушли домой.

– Да. Я просто ходил в *Waitrose*[\[87\]](#), нужно было кое-что прикупить, а вернувшись на парковку, увидел, что прихватил это по ошибке, – объяснил он.

– Спасибо.

Они оба смущенно замолчали.

– По поводу вчерашнего вечера... я правда не знала, что объявится моя сестра, – произнесла Эрика.

– Ничего. Как ее дела?

– Прекрасно.

– Отлично, – улыбнулся он. Снова возникла неловкая пауза. – Ладно, завтра увидимся, – попрощался Питерсон.

– До завтра.

Он кивнул и зашагал к выходу. Эрика сделала вид, будто ищет ключи, и, когда Питерсон удалился, прислонилась к двери. Подождав несколько минут, она пошла прочь от просмотровой, собираясь ехать домой.

Крофорд, приложив ухо к двери, силился расслышать разговор, происходивший в коридоре, но голоса стихли. Он быстро поменял флешки и принялся копировать оставшиеся видеоматериалы.

Его рубашка взмокла от пота.

Глава 48

Эрика прибыла домой сразу после половины десятого. Открыв дверь в квартиру, она увидела в коридоре Ленку. Эрика хотела что-то сказать, но сестра прижала палец к губам.

– Каролина с Якубом спят, – шепотом сообщила она. – Уже так поздно. Ты где была?

– На работе, – также шепотом ответила Эрика, снимая обувь и кладя сумку.

– Все хорошо?

– Да, конечно.

– Ты ушла в семь утра!

Эрика сняла пальто.

– Я всегда так работаю.

– И как Марк на это реагировал?

– Ленка, ты позволишь мне войти?!

– Тсс! Я только что их успокоила.

Эрика заглянула в гостиную. На диване из-под одеяла виднелись только макушки спящих детей.

– Ленка, мой компьютер почти разрядился, а зарядка там, – шепотом объяснила она.

– Как она выглядит?

– Что значит «как выглядит»? Зарядка – она и есть зарядка, – прошипела Эрика, шагнув в гостиную, но Ленка ее остановила:

– Не ходи туда. Детей разбудишь. Каролина целый день капризничала, я только-только их уложила.

– Ленка, мне нужна моя зарядка.

– Ты ела?

– Обедала.

Сложив на груди руки, Ленка закатила вверх глаза.

– Поешь хотя бы. Я приготовила. Иди прими душ, а я поищу твою зарядку.

Эрика начала возражать, но Ленка втолкнула ее в ванную и закрыла дверь.

* * *

Едва Эрика ступила из душа в коридор, ее окутал аппетитный аромат копченого мяса, картофеля и маринада. Пикнула микроволновка, и Ленка вышла к ней с дымящейся тарелкой *Francúzske Zemiaky*^[88] – блюда из мелко нарезанных картофеля, яиц, корнишонов и копченой колбасы, запеченных в горшочке.

– Вот это да! Запах обалденный. Прямо как мама готовила. – У Эрики потекли слюнки.

Они прошли в спальню, где теперь разместилась коляска Эвы и высилась гора пеленок, а комод превратился в пеленальный столик. Фотография Марка в золоченой рамке была задвинута назад. Его красивое лицо смотрело на Эрику с неувядающей улыбкой. Она села на кровать и принялась поглощать еду с горячей тарелки.

– Вкуснотища! Спасибо.

– Я прошлась по магазинам, – доложила Ленка. – Район здесь милый, только много всякого разного народу – индийцы, негры, китайцы. Дети были немного напуганы... Садик у тебя чудесный, и мы познакомились кое с кем из соседей. С женщиной и двумя ее маленькими дочками с верхнего этажа. Якуб во все двери стучался, пока не нашел их. Потом они вместе играли.

– В самом деле? И как же вы общались с ними?

– Я знаю несколько слов по-английски. Мать – очень приятная женщина. Как ее зовут?

Эрика пожала плечами.

– Ты живешь здесь пять месяцев и не знаешь своих соседей?

– Я все время занята, – промычала Эрика с набитым ртом.

– Как у тебя дела с тем симпатичным парнем, Питерсоном?

– Никак. Мы об этом не говорили.

– Думаешь, у тебя с ним будет что-нибудь? Он славный.

В ответ Эрика лишь повела плечами.

– Пригласила бы его к нам. Я бы что-нибудь приготовила...

Эрика, взглянув на сестру, пробурчала с набитым ртом:

– Давай сменим тему.

Ленка подошла к комоду, выдвинула верхний ящик и принялась укладывать туда матрасик с пеленального столика и несколько одеял.

– Какой-то мужчина сегодня приходил, чтобы снять показания счетчика. Я так поняла. Я с детьми была занята, бегала туда-сюда. Девочки соседские как раз в это время здесь были. Он вон то письмо оставил. – Ленка кивнула на листок бумаги, лежавший на подоконнике.

Эрика пробежала его глазами. Это было уведомление от агентства недвижимости о необходимости проверки линии газоснабжения и оформлении нового сертификата.

– Продукты питания здесь очень дорогие. Что ты обычно покупаешь?

– Ленка, дай мне минутку передохнуть, пожалуйста! У меня был тяжелый день, а ты все трындишь и трындишь!

Ленка продолжала разглаживать одеяла в ящике комода.

– Ты что делаешь?

– Постель для Эвы готовлю.

– В ящике комода?

Эва в коляске проснулась и заплакала.

– Ну вот, разбудила. – Ленка протиснулась мимо Эрики и взяла дочь на руки. – Ну все, все, успокойся. Тсс, тсс. – Ленка оттянула вниз сорочку и дала малышке грудь, но та завопила еще громче. – Выйди, пожалуйста, и дверь в гостиную закрой, ладно?

Эрика сунула в рот еще картошки с колбасой, с тарелкой в руках протиснулась мимо сестры, вышла в коридор и закрыла дверь в гостиную. Эва заходилась пронзительным криком, и Эрика закрыла дверь и в спальню, а сама села на коврик у входа, поставила тарелку на пол и доела свой ужин.

Только вот не заметила она, что в щиток, где находился электросчетчик, вмонтировано крошечное подслушивающее устройство.

* * *

В начале двенадцатого ночи Аманда Бейкер дремала в своем кресле. Рядом на столе среди вороха распечаток и двух блокнотов стояла недопитая чашка чая. Стена гостиной над диваном теперь была увешана прицепленными вкривь и вкось листками, которые она исписала черной ручкой своим убористым почерком. В самом центре

Аманда поместила распечатанную на листе формата А4 фотографию Тревора Марксмена, а также снимки Джоэла Майклса и Боба Дженнингса. На противоположной стене рядом с телевизором находилась фотография Джессики Коллинз.

Тихий стук вывел ее из неглубокого забытья. Неуклюже поднявшись с кресла, Аманда подошла к окну и увидела Крофорда с красным, лоснящимся от пота лица. Она подняла раму, и в комнату ворвался холодный воздух.

– Записи у меня. – Он обернулся, оглядывая дорогу. Она была пустынна.

– Все принес? – спросила Аманда.

Крофорд кивнул, переступив с ноги на ногу.

– Можно войти?

– Поздно уже, мне нужно выспаться, – не разрешила она. – Завтра похороны Джессики Коллинз.

Крофорд устремил взгляд в комнату мимо нее и увидел на задней стороне двери гостиной вешалку с черным платьем.

– Пойдешь?

– Да, – подтвердила Аманда, протягивая к нему руку.

– Можно я войду, просто чтобы выпить... Адский был день, – сказал он.

– Я не пью и не хочу, чтобы ты меня искушал, – ответила она, по-прежнему не опуская руки.

– Шутишь? Неужели бросила?

– Уже три дня не пью.

Из внутреннего кармана куртки Крофорд достал небольшой конверт и отдал ей.

– Спасибо, – поблагодарила Аманда, забирая конверт. Она опустила раму подъемного окна и задвинула шторы.

Крофорд еще немного постоял под окном, глядя на закрытые шторы, затем поплелся к своей машине.

Глава 49

Прощание с Джессикой Коллинз проходило в церкви Святой Девы Марии в Бромли. Маленький зал был убран просто; пахло благовониями и мастикой для пола; в полумраке мерцали свечи.

Джессика лежала в гробу из красного дерева, самого лучшего, какой удалось найти Марианне и Мартину. Он стоял на деревянной подставке. Не совсем маленький, как для младенца, но и не большой, как для взрослого.

Марианна прибыла с первыми проблесками рассвета, чтобы быть уже в церкви, когда гроб доставят из похоронного бюро. Она сидела и смотрела на останки дочери. Скелет, маленький и беззащитный, сложенный в безупречно точном порядке, покоился на атласной подложке, накрытый тонким кружевным тюлем. Красное пальтишко, когда-то подаренное Джессике на день рождения, аккуратно свернутое, лежало рядом с ней на атласной подушке.

Мартин, Лора и Тоби пришли чуть позже. Они тихо постучали в массивную деревянную дверь. Марианна встала ипустила их.

Они замерли в дверном проеме, словно остолбенели.

– Почему гроб открыт? – удивился Мартин, глядя на скелет, который был собран так, будто кости Джессики только что забрались в гроб и улеглись спать. – Мне казалось, мы договорились, что будем хоронить в закрытом гробу.

– Мы не договаривались. Ты высказал свое мнение, – мрачно произнесла Марианна. – А я хочу видеть свое дитя. Хочу прикоснуться к ней. Хочу быть здесь с ней.

Тоби посмотрел на отца, потом на Лору.

– Папа, это нехорошо, – заметил он. Они подошли к гробу с останками Джессики, накрытыми прозрачным кружевом, и Мартин протянул к нему руку.

– О, Джессика. – Он положил ладонь на череп под покровом тюля.

Лора стояла в дверях, зажимая рукою рот; ее глаза наполнились ужасом.

– Иди сюда. Прикоснись к ней, – велела Марианна. – Это Джессика... Твоя сестра.

Лора, все так же тараща глаза, подошла ближе. Марианна, перегнувшись к ней, взяла дочь за руку. Та попыталась высвободиться, но Марианна, крепко держа ее, притянула ладонь старшей дочери к черепу Джессики.

– Потрогай ее волосы, Лора. Помнишь, какие они были, когда их расчесывали?

– Нет! – крикнула Лора, отдергивая руку. Она выбежала из комнаты. Марианна, едва ли обратив на это внимание, не сводила глаз с гроба.

– Тоби, я хочу, чтобы ты прикоснулся к ней. Прикоснись к своей сестре, – потребовала она.

– Нет, мама... Я хочу помнить ее другой. Прости, – отказался он. Тоби взглянул на отца – тот замороженно смотрел на скелет в гробу – и следом за сестрой вышел в коридор.

– Я только хотела, чтобы у нас была еще одна дочь. Чтобы она жила в благополучии и счастье, – сказала Марианна, поднимая глаза на Мартина. – Это нам наказание за то, что мы сделали?

– Мы ведь условились, что никогда не будем об этом говорить, – напомнил Мартин, глядя на нее.

– Согласна. Но ведь это конец, да?

– Нет. Ее отняли у нас, но она с Господом. И мы с ней встретимся. Мы не должны спрашивать, почему Он забрал ее. Просто нужно утешиться тем, что мы нашли ее и она теперь может упокоиться с миром.

– О, Мартин, – всхлипнула Марианна. Он шагнул к ней, крепко обнял, так, как давно не обнимал, и они вместе заплакали, скорбя о своей утрате, заливая слезами чувство вины.

После ухода Мартина Марианна осталась у гроба одна. Свечи догорели, по стене медленно перемещался квадратик разноцветных бликов, отбрасываемых небольшим витражным окном.

Целый день она провела в молитвах, склонившись над маленьким скелетом дочери. Произносила их без запинки, почти машинально, за многие годы заучив наизусть обращения к Господу. Но когда молвила «Прости меня, Отче, я согрешила», создавалось впечатление, что из уст ее эти слова звучат впервые.

Глава 50

После богослужения прихожане и гроб переместились на большое кладбище, где должно было состояться погребение.

Эрика с Маршем присутствовали только на этой завершающей части церемонии, присоединившись к большой группе скорбящих у свежевырытой могилы. В холодном воздухе носилось предвестие бури. Небо на горизонте постепенно чернело.

На похоронах жертв убийств Эрика всегда испытывала неловкость. Формально они находились на службе и должны были наблюдать за собравшимися, но при этом вести себя крайне почтительно, что являлось непростой задачей. Зачастую только на похоронах и удавалось встретить сразу в одном месте всех близких и знакомых жертвы.

Священник встал у могилы, в которую предстояло опустить усыпанный лилиями гроб, и начал:

– Отче наш, сущий на небесах, чрез неповиновение Твоим законам мы теряем Твою милость, и смерть входит в этот мир...

Марианна, вся в черном, в черной шляпе с широкими полями, сидела у могилы в центре полукруга скорбящих. Она не скрывала слез – тихо плакала, сжимая в одной руке четки. Мартин держал ее за другую руку, которую она время от времени высвобождала, чтобы промокнуть глаза белым носовым платком. По другую сторону сидел Тоби. Рядом с ним – Лора, затем – ее муж и двое сынишек. Танвира, заметила Эрика, отослали в задний ряд.

Во втором ряду сидела сотрудник полиции по связям с семьей Нэнси Грин. Она была в черном с ног до головы, и лишь на заживающем носу все еще белела небольшая повязка – единственное цветное пятно в ее внешности. Чуть поодаль сидел Оскар Браун в паре с высокой элегантной чернокожей женщиной. Встретившись взглядом с Эрикой, он чуть дернул головой. Не зная, что означает его телодвижение, она тоже отвела назад голову.

Над ними взмывал густой голос священника:

– В духе покаяния мы страстно молим Тебя: с высоты Своей узри эту могилу и благослови ее...

Эрика взглянула на Марша – заметил ли он Оскара? – но тот зачарованно смотрел на увеличенную фотографию, что стояла на деревянной подставке рядом с горой цветов – фотопортрет Джессики в красном, что Марианна вывешивала дома в коридоре. Это было не в традиции английских похорон.

– А я все думаю, что это могла бы быть одна из моих девочек, – прошептал Марш. – Все думаю, как бы я реагировал.

На похороны они приехали вместе, и в машине Марш сообщил Эрике, что адвокат Марси предложил дату судебного заседания по вопросу установления попечения над детьми.

В воображении Эрики мелькнула картина похорон Марка: тот момент, когда гроб грузили в катафалк и он сместился под тяжестью находившегося в нем тела...

Она повернулась к Маршу, схватила его за руку. И в это самое мгновение заметила Аманду Бейкер, сидевшую в их ряду на самом краю. Та наблюдала за ней и проследила взглядом за ее рукой, лежавшей на ладони Марша.

Эрика кивнула ей в знак приветствия и попыталась резко убрать свою руку с ладони Марша, но тот удержал ее. Аманда и это заметила и вскинула брови. В ней что-то изменилось. Лицо стало менее обрюзгшим и одутловатым, наряд элегантный, макияж, волосы покрашены в мягкий каштановый цвет.

Священник завершал надгробную речь:

– Мы предаем земле тело рабы Твоей, Джессики. Пусть ее душа вознесется в рай. Мы обращаемся к Тебе через Христа Господа нашего. Аминь.

– Аминь, – вторили ему собравшиеся.

Эрика снова перевела взгляд на Марианну и увидела, что ее черты искажает боль: осознание, что пришло время попрощаться с Джессикой. Мартин стискивал руку Марианны, а Эрика впервые заметила его подружку. Та сидела через два места от Мартина, которые занимали двое их маленьких детей, словно служившие барьером между ними. Девочка, елозя на стуле, задрала на себе пышную юбку своего черного платья, показывая черные колготки. Ее маленький брат, в опрятном костюме, смотрел на небо. Послышались раскаты грома.

Марианна поднялась со стула и, пошатываясь, шагнула к могиле, в которую медленно опустили гроб. Она взяла горсть земли и стояла,

держа ее в руке. Снова гроыхнуло, закапал дождь, который в считанные секунды усилился. Марианна погрозила кулаком небу, а потом ее тело как будто обмякло, и она рухнула в могилу.

Дождь теперь лил как из ведра, кладбище озаряли вспышки молнии. Все, кто пришел на похороны, беспорядочной толпой с криками ринулись к могиле, возле которой выкопанная земля быстро превращалась в трясину.

Глава 51

Дождь не утихал, колотя по крыше машины Эрики, в которой она сидела вместе с Маршем и Амандой Бейкер. Из-за того, что на похороны пришло много народу, да еще и дождь лил, такси у кладбища поймать было трудно, и Эрика вызвалась подвезти Аманду. Они заскочили в «Макдоналдс», чтобы взять чего-нибудь перекусить, и теперь сидели в машине на парковке, в молчании потягивая кофе. Аманда находилась на заднем сиденье.

– Боже всемогущий. Прямо черная комедия, – нарушила она тишину. Марш обернулся, посмотрел на нее. – Ну а что? Так и есть. Она падает в могилу, и ее, вопящую, заляпанную грязью, вытаскивает из ямы священник. Как в фильме ужасов... Она многие годы потратила на то, чтобы стать ближе к небесам, а в результате оказалась на глубине шести футов под землей! – Аманда захохотала. Смех у нее был низкий, утробный. Эрика взглянула на Марша. У того лицо оставалось каменным. – Черт, простите, – извинилась Аманда, смахивая крошки с черного жакета. – Это из меня прут безысходность и отчаяние, копившиеся много лет. – Увидев выражение лица Марша, она снова зашлась смехом. Эрика отвернулась, прикусив губу.

На кладбище в возникшей сумятице все, кто явился на церемонию погребения, столпились у могилы под проливным дождем. Марианну вытащили из ямы, священник и родные отвели ее в церковь. Все остальные попрятались от дождя кто куда.

И лишь выезжая с парковки, Эрика увидела, что Лора и Оскар остались на улице. Они о чем-то горячо спорили, стоя под большим деревом в стороне от церкви.

– Что ж, старший инспектор Бейкер в отставке, я рада, что *вы* от души повеселились... Правда, некоторые из нас еще расследуют это дело, и с моей точки зрения ничего забавного в том нет.

– Нет, конечно, это не смешно, – согласилась Аманда, успокаиваясь и платком вытирая глаза.

Марш посмотрел на часы.

– Да-да, Эрика. Уже половина первого, нам пора на... – Не докончив фразы, он открыл дверцу и кинулся к своей машине.

– Куда вас подвезти? – спросила Эрика.

– На вокзал Бромли. Можно мне пересесть вперед? А то неизвестно, что люди подумают, – сказала Аманда.

Когда она устроилась на переднем сиденье, Эрика тронулась с места и выехала на дорогу.

– Так куда вы направляетесь? Что у вас за дела с Маршем? Свидание в отеле?

– Нет. – Эрика стрельнула в нее взглядом.

– Я видела, что вы держали его за руку...

– Это не то, что вы думаете. И мне ваше мнение безразлично.

– Никому не безразлично, что о них думают окружающие. Вы арестуете Марксмэна?

– Нет.

– Тогда кого? Вы можете мне доверять.

– Нет. Мы не обсуждаем ход следствия с гражданскими лицами.

– Уф. – Аманда протерла запотевшее стекло со своей стороны. – Между прочим, я по-прежнему разделяю ваши идеалы. По-прежнему хочу, чтобы закон восторжествовал и преступники были наказаны... Скажите хотя бы, как вы считаете, вы близки к раскрытию преступления? У вас есть подозреваемые?

– Что вы думаете о Лоре и Оскаре Брауне? – спросила Эрика. Они остановились на светофоре, впереди она видела автомобиль Марша.

– Вы их подозреваете?

– Нет. Просто пытаюсь понять, что они за люди.

– Желаю удачи. Лично мне так и не удалось определить, встречалась ли Лора с Оскаром, чтобы позлить родителей, или она действительно его любила... Хотя они расстались в ту же минуту, как пропала Джессика. Он сразу ее бросил. По словам Нэнси Грин.

– Вы его подозревали?

– Нет. У него, как и у Лоры, имелось алиби, и Мартину с Марианной Оскар нравился. Перспективный молодой адвокат. Получил персональную стипендию. Думаю, бросить Лору его заставило стремление к успеху. То, что произошло, было ужасно, но ведь началось сущее светопреставление. Горе семьи, внимание прессы. Он не хотел быть причастным ко всему этому.

Они подъехали к железнодорожной станции. Эрика затормозила на стоянке такси.

– Спасибо, – поблагодарила Аманда, отстегивая ремень безопасности. – Знаете, теперь я припоминаю, что на видеокассетах, изъятых у Марксмена, есть что-то настораживающее. Если угодно, я могла бы подключиться к расследованию в качестве бесплатного консультанта. Готова подписать необходимые бумаги. Мне хотелось бы помочь вам распутать это дело.

Эрика остановила взгляд на Аманде – та горела энтузиазмом.

– Сегодня не самый подходящий день. Дайте мне время подумать.

– Ладно. Спасибо. И спасибо, что подвезли. – Аманда взяла сумку и вышла из машины.

Эрика смотрела, как она идет в здание вокзала, а сама думала, не будет ли сумасшествием принять ее помощь. И как она объяснит это Маршу?

Она выехала со стоянки такси и покатила к отделению полиции, настраиваясь на напряженные послеобеденные часы работы.

Глава 52

Эрика постучала в пентхаус Тревора Марксмэна. Дверь открыл Джоэл Майклс. В модных джинсах и рубашке, со стаканом кофе, в который была вставлена соломинка, и грязной тарелкой в руках. В глубине комнаты она увидела Марксмэна. Тот лежал в кресле с откидной спинкой у одного из окон от пола до потолка – видимо, дремал после обеда.

– В чем дело? – спросил Джоэл, глядя на Эрику, Мосс и еще двух полицейских в форме. – Почему вы не позвонили в домофон? Кто вас впустил?

Эрика шагнула вперед.

– Джоэл Майклс, вы задержаны по подозрению в похищении и убийстве Джессики Коллинз. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Джоэл пробежал глазами ордер на арест, который показала ему Эрика. Марксмэн шевельнулся под одеялом и проснулся.

– Что происходит? – спросил он, с трудом выбираясь из-под одеяла и неровным шагом подходя к ним.

Джоэл поставил тарелку со стаканом на журнальный столик и взял Тревора под руку. Один из полицейских схватил Джоэла. Тот повернулся и оттолкнул его.

– Эй-эй, полегче, – вмешалась Мосс.

– Я ухаживаю за ним, – объяснил Джоэл. Его лысина блестела от пота; шрам, уходящий за ухо, приобрел ядрено-красный цвет.

– Джоэл ничего не сделал, арестуйте меня вместо него. – Марксмэн теперь поравнялся с ними и, чтобы не упасть, держался за спинку дивана. Он посмотрел на Эрику. – Я серьезно говорю. Лучше меня заберите. – Обезображенная кожа вокруг его глаз сморщилась от боли. – Я готов сделать признание. Это я убил Джессику. Похитил ее, когда она шла на день рождения. Схватил на улице и...

– Тревор, прекрати. – Джоэл ласково положил руку ему на грудь. – Позвони Марселу, прямо сейчас... Скажи, что меня арестовали. Куда вы меня повезете?

– В отделение Бромли, – ответила Мосс.

– Скажи, пусть встречает меня там.

– Но это безумие! – вскричал Тревор. – Вам, полиции, лишь бы крайнего найти. – Он смотрел, как двое полицейских надели на Джоэла наручники и вывели его из квартиры. – Почему вы меня не арестуете? Боитесь?!

– Мы с вами свяжемся, – сказала Эрика, и они ушли.

* * *

Когда они прибыли в полицейский участок Бромли, уже смеркалось. После оформления протокола задержания Джоэла Майклса поместили в камеру. Вскоре приехал его адвокат – седовласый пожилой мужчина в огромных очках. Ему объяснили, на каком основании задержан Джоэл, и затем провели его в комнату для допросов.

* * *

– Все нормально, босс? – спросила Мосс. Они находились в мониторинной, ведя наблюдение за Джоэлом Майклсом и его адвокатом, ожидавшими в допросной. Джоэл, казалось, был невозмутим, сидел за пустым столом, сложив на груди руки. Его адвокат сидел рядом, разложив на столе папку и какие-то бумаги. Наклоняясь к своему клиенту, он что-то серьезно ему говорил, размахивая ручкой.

– Да. Только что-то не нравится мне все это. Я не уверена, что, идя на допрос, имею достаточно...

– А кто из нас когда-то был в том уверен? – перебила ее Мосс. – Будем надеяться, что мы застали его врасплох. Этот подонок много лет не имел дел с полицией, не отмечался в журнале учета сексуальных насильников. Никогда не испытывал на себе такого давления.

– До сего времени, – кивнула Эрика.

Они прошли в допросную. Мосс села напротив адвоката, Эрика заняла место напротив Джоэла, положив на стол свою папку.

– Сегодня четверг, десятое ноября, пять часов вечера. Допрос проводят старший инспектор Фостер и инспектор Мосс, – начала

Эрика. Откинувшись на спинку стула, она внимательно посмотрела на Джоэла.

Он не моргая встретил ее взгляд.

– Сегодня я присутствовала на похоронах Джессики Коллинз. Будь она жива, теперь ей было бы тридцать два года.

– Это очень печально, – прокомментировал Джоэл.

Эрика открыла папку, взяла фотографию Боба Дженнинга и пододвинула ее по столу к Джоэлу.

– Что вам известно об этом человеке? – Джоэл продолжал смотреть на Эрику. – Взгляните на фото.

Джоэл скользнул взглядом по снимку.

– Впервые его вижу.

– Вы уверены?

– Да.

– Его зовут Боб Дженнингс. Он жил в хижине у Хейзского карьера в ту пору, когда исчезла Джессика.

– Интересно, – промолвил Джоэл.

– Я располагаю видеокассетами, принадлежащими Тревору Марксмену. Он ведь любил снимать видео, да?

– Без комментариев.

– Он выиграл видеокамеру на конкурсе. И ему нравилось снимать детей в Хейзском парке.

– Без комментариев.

– Вы тоже снимали детей на видео для него и, как и он, снимали и Джессику Коллинз. Причем она не случайно попала один раз в кадр. Вы снимали ее по нескольку часов. Одержимо следили за семилетней девочкой.

– Без комментариев.

– На видео, что вы сняли камерой Тревор Марксмена, также присутствует Боб Дженнингс. Боб Дженнингс, с которым вы поздоровались, назвав его по имени.

Джоэл, поменяв положение на стуле, поднял вверх глаза.

– Без комментариев.

– На допросе в августе девяностого года вы заявили, что не знакомы с Тревором Марксменом.

– Без комментариев.

– По поводу данного факта я все же хотела бы услышать ваш комментарий. Вы солгали полиции.

– Должно быть, я ошибся.

– Вам нравятся маленькие дети, верно? Вы находите их сексуально привлекательными.

– Нам обоим известно, что мой клиент был осужден за растление несовершеннолетних. И отбыл срок наказания, – вставил адвокат.

– И как же ему повезло, что ему не пришлось регистрироваться в журнале учета сексуальных преступников...

– А это уже не вопрос, – усмехнулся Джоэл.

Эрика снова откинулась на спинку стула, стараясь сохранять спокойствие.

* * *

Три часа спустя Эрика и Мосс вышли из допросной, глядя вслед Джоэлу, которого повели по коридору в противоположном направлении, обратно в камеру.

– Черт, – выругалась Эрика. – У нас есть все и ничего... У меня недостаточно доказательств, чтобы подступиться к Марксману; Боба Дженнингса нет в живых. Проклятье.

– Уже почти половина девятого, – сообщила Мосс, глянув на часы. – Пусть посидит ночь здесь, в «Хилтоне» Бромли. А завтра повторим попытку.

Эрика кивнула. Она видела, что Мосс тоже пытается хорохориться, но согласна с ней. У них ничего нет на преступников.

Глава 53

Эрика провела дома мучительную ночь. Ей никак не удавалось уснуть, она металась и ворочалась в постели, задыхаясь от тесноты. Она любила Ленку и ее детей, но ютиться с ними друг на друге в крошечной квартирке было выше ее сил. Утром следующего дня она уехала на работу рано, пока все еще спали. По пути в отделение купила шоколадный круассан с кофе и со своим завтраком поднялась в оперативный отдел.

Потом уселась за один из столов, стала изучать материалы следствия. Фотографии Джессики, карьера, Боба Дженнинга. Ей казалось, что она еще более, чем прежде, далека от разгадки.

Около девяти оперативный отдел стал заполняться сотрудниками, и Эрика пересела за компьютер в свой кабинет, куда без стука влетела Мосс.

– Простите, босс, – выпалила она, задыхаясь. – Вы должны спуститься вниз.

– Черт. Джоэл Майклс? Я думала, он находится под неусыпным наблюдением в целях недопущения самоубийства.

– Нет, не Джоэл. Тревор Марксмэн.

Эрика встала и последовала за Мосс вниз.

Спустившись в вестибюль, они увидели большой черный автомобиль-фургон, в нарушение правил припаркованный у отделения прямо на двойной желтой полосе. Эрика и Мосс вышли на крыльцо. Вскоре стало ясно, что кто-то оповестил прессу. У подножия лестницы, ведущей к главному входу, собралась большая толпа журналистов и фоторепортеров. У черного автомобиля стоял, опираясь на трость с золотым набалдашником, Тревор Марксмэн в длинном черном пальто и черной фетровой шляпе. Скрипучим голосом он обращался к представителям прессы:

– Арестовав Джоэла Майклса только потому, что он ухаживает за мной, Столичная полиция в очередной раз прибегла к тактике запугивания... Джоэл невиновен, но, как вы понимаете, для Столичной полиции это не аргумент. В девяносто пятом году, после того, как одна из их сотрудниц сообщила мой домашний адрес группе «активистов»,

которые подбросили в мой дом зажигательную бомбу, я призвал их к ответу. И суд встал на мою сторону...

С театральной размашистостью он снял шляпу, обнажив лысую голову, скроенную из лоскутов пересаженной кожи.

– Что за черт?! – воскликнула Эрика, вместе с Мосс наблюдая скандальное зрелище у входа в отделение. – Это надо пресечь!

– Я вынужден жить с таким лицом до конца своих дней! – кричал Марксмэн, морща кожу вокруг глаз. – Гибель Джессики Коллинз – это трагедия, но я доказал свою невиновность! Меня отпустили без предъявления обвинения. Я к ней непричастен. Теперь полиция арестовала Джоэла Майклса, человека, который поддерживал меня двадцать шесть лет. Он осуществляет за мной уход двадцать четыре часа в сутки. Он невиновен, и со стороны полиции это отчаянный шаг, попытка запугать меня, отомстить мне за то, что суд удовлетворил мой иск против полиции.

И вдруг из толпы зевак и журналистов, скопившихся на тротуаре, раздался чей-то голос, а потом появилась Марианна в длинном зимнем пальто. Пошатываясь, в сопровождении Лоры она проталкивалась вперед.

– Детоубийца! – кричала Марианна. – Гнусный лживый убийца!

Она продолжала протискиваться к Тревору мимо телеоператоров и журналистов. Возникла суматоха.

Эрика кинулась к стойке дежурного, схватила трубку телефона.

– У главного входа чрезвычайная ситуация... да, здесь, в Бромли. Все, кто есть в отделении, немедленно сюда.

Положив трубку, Эрика вернулась на крыльцо. Марианна и Тревор теперь стояли неподвижно в нескольких шагах друг от друга. Выпученные глаза Марианны пылали ненавистью. Тревор в знак примирения выставил перед собой свои когтистые руки.

Толпа заметно увеличилась. Помимо журналистов, на видеокамеры в своих телефонах происходящее снимали многие зевачи.

– Ты отнял у меня дочь, убил ее вместе со своими паскудными друзьями, а теперь еще и смеешься над нами! – кричала Марианна срывающимся голосом.

– Прошу вас, выслушайте меня, – просил Тревор. – Я всегда искал возможности поговорить с вами...

– Не указывай мне! Тебе нечего мне сказать! – вопила Марианна. – Ты убил ее, подонок! Убил мою девочку и утопил! Вчера мне пришлось хоронить ее, а от нее остался один скелет!

По лицу Марианны струились слезы. Толпа застыла в парализующем молчании. Народ все прибывал, занимая проезжую часть, поскольку на тротуаре места всем не хватало. Машины сигналили, требуя, чтобы их пропустили, ведь заблокированы были обе полосы.

– Скорей! Где патрульные, черт бы их побрал?! – крикнула Эрика. Дежурная за стойкой снова подняла трубку телефона. Эрика повернулась к толпе и заметила Лору у машины Тревора Марксмэна. По ее лицу текли безмолвные слезы.

Внезапно в руке Марианны сверкнул большой кухонный нож. Настроение толпы изменилось. Народ хлынул на дорогу, прямо под колеса машин, которые теперь иступленно сигналили на все лады.

Марианна ринулась на Тревора Марксмэна, полоснула его ножом, вонзая острие в его руки, которые он инстинктивно поднял, пытаясь защититься от ударов. Лора, вытаращив глаза, кричала матери, чтобы та прекратила.

– Черт! – громко выругалась Эрика. – Где же патрульные?

Вместе с Мосс они выскочили на улицу, сбежали по лестнице. Следом за ними через несколько секунд примчались шестеро патрульных.

Им удалось схватить Марианну Коллинз и повалить ее на землю лицом вниз. Ее обезумевшее лицо усеивали брызги крови, кровью была измазана и ее левая щека; на белой блузке женщины расплывались три огромных красных пятна. Молодой констебль в бронежилете сумел поймать руку Марианны и вывернуть ее так, что она выронила нож. Носком ботинка он отшвырнул его в сторону, под ноги своему коллеге.

Марианна захлебывалась истошным хриплым криком. Женщина-констебль, повалив, коленом придавила ее к земле. Та продолжала сопротивляться, пока ей не завели руки за спину и не надели наручники.

Эрика подбежала к лежащему на тротуаре Тревору Марксмэну. Он был весь в крови, хлеставшей из трех глубоких ран на его руках. Она увидела, что в одном месте порез уходил до самой кости. Эрика

быстро сняла с себя тонкий пиджак и, опустившись на колени рядом с раненым, принялась обматывать им его кровоточащие руки.

– «Скорую», быстро! – крикнула она, перекрывая гомон. – Человек истекает кровью! – Разыгравшаяся перед полицейским участком драма привлекала внимание людей, выходявших из здания железнодорожной станции на противоположной стороне улицы, и толпа на тротуаре стремительно увеличивалась и уплотнялась.

Окровавленную и воющую Марианну потащили прочь. Из главного входа отделения выскочил полицейский с аптечкой.

А телеоператоры и фоторепортеры продолжали снимать весь этот хаос на видео.

Глава 54

Помощник комиссара Камилла Брейс-Козуорси отвела взгляд от большого телевизора, что висел на стене в ее кабинете, и повернулась к Эрике, стоявшей перед ее столом.

Встреча происходила ранним утром следующего дня. Камилла только что показала Эрике и Маршу двухминутный обзор событий предыдущего дня. Марш сидел в гробовом молчании по одну сторону от нее.

Накануне вечером инцидент у отделения полиции Бромли стал главной новостью во всех средствах массовой информации. Двухминутный обзор представлял собой смонтированную телеканалом *Sky News*^[89] нарезку кадров с основными моментами происшествия, призванных максимально подробно продемонстрировать весь ужас случившегося. Профессиональное видео с выступлением Тревор Марксмэна перед отделением Бромли дополняли кадры любительской съемки на мобильные телефоны, на которых крупным планом было показано, как Марианна Коллинз орудует ножом, и затем ее задержание: как ее повалили лицом вниз на тротуар, залитый кровью Тревор Марксмэна, и заковали в наручники.

Эрика неловко переступила с ноги на ногу. Сесть ей не предложили, а это не сулило ничего хорошего.

– Вам была поставлена задача доставить Джоэла Майклса в отделение для допроса без лишней шумихи. На каком этапе вы пренебрегли осторожностью? – спросила Камилла, глядя на Эрику поверх очков. – Ведь именно это мы посоветовали вам, когда вы поставили вопрос о его аресте.

– Да, мэм. Мы не могли предвидеть такое развитие событий. Совершенно очевидно, что кто-то предупредил Марианну Коллинз, равно как и прессу, – ответила Эрика.

– Вы должны найти утечку и ликвидировать ее, решительно и беспощадно.

– Слушаюсь, мэм. Мои сотрудники проводят тщательную проверку.

– Что мы имеем в сухом остатке?

– Тревор Марксмэн госпитализирован; он потерял много крови, но должен полностью восстановиться. В силу характера его кожных трансплантатов ему придется какое-то время провести в отделении интенсивной терапии.

– Что с Марианной Коллинз?

– Она была арестована, ей предъявили обвинение. Теперь она отпущена под залог.

– А Джоэл Майклс?

– Я вправе удерживать его под арестом еще два дня, – ответила Эрика.

Камилла откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на нее.

– Разумеется, старший инспектор Фостер, расследованием руководите вы, но на вашем месте я отпустила бы Джоэла Майклса.

– Но, мэм, у меня есть доказательства, что он следил за Джессикой, снимал ее на видео. Он был осужден за растление несовершеннолетних. Он солгал о своем знакомстве с Бобом Дженнингсом. Я считаю, что Джессику прятали в подвале хижины у Хейзского карьера.

– Зуб, найденный в том подвале, принадлежит не Джессике Коллинз.

– Совершенно верно. Однако это детский зуб. И пол в подвале пропитан этилированным бензином. А в костях Джессики обнаружена высокая концентрация свинца.

Камилла вскинула ладонь.

– Вам нужны неоспоримые улики. Вы можете с полной уверенностью утверждать, что Джоэл Майклс или Тревор Марксмэн бывали в том подвале?

– Нет, но...

– Вы можете с полной уверенностью утверждать, что Джессику Коллинз держали в том подвале?

– Нет. – Эрика старалась не опускать глаза, старалась выдержать взгляд Камиллы.

– Мы планировали выступить с телеобращением вместе с семьей Коллинз, – впервые подал голос Марш. – Но, думаю, теперь это неуместно. Образ Марианны Коллинз с ножом засел в людской памяти...

– Да, нам нужна скорбящая мать, а не размахивающая ножом маньячка, – согласилась Камилла. Она сняла очки и сунула в рот кончик дужки.

Эрика чувствовала, как у нее по спине струится пот.

– Ну что, опять то же самое, старший инспектор Фостер?

– Что именно, мэм?

– Не понимаете! – вспыхнула Камилла. – Вы балансируете на грани блестящей рассудительности и полного тупизма.

– В свою защиту могу сказать, что я немедленно вызвала сотрудников на место происшествия, когда Марианна выхватила нож...

– Это произошло на ступеньках вашего отделения, где ежедневно находятся от пяти до пятидесяти полицейских. И не надо мне сказки рассказывать! – рявкнула Камилла, хлопнув ладонью по столу. – На этих самых ступеньках, где суперинтендант Йель озвучил свою инициативу по искоренению преступлений, связанных с поножовщиной, и объявил акцию по сдаче колюще-режущих предметов!

Камилла успокоилась и снова надела очки. Эрика собралась было что-то сказать, но та выставила вперед ладонь.

– Я не сомневаюсь, что вы хороший полицейский, старший инспектор Фостер, но теперь все внимание прессы приковано к этому щекотливому делу. Вы уверены, что смогли бы собрать достаточно доказательств против Джоэла Майклса, Тревоора Марксмэна или Боба Дженнинга, чтобы обвинить их в убийстве Джессики Коллинз?

– Да. Я предлагаю эксгумировать тело Дженнинга.

– Исключено, – отрезала Камилла. – Прошло двадцать шесть лет. Что вы надеетесь найти?

– Наличие вредных веществ, переломы, следы преступления, доказывающие, что он не покончил с собой.

– А дальше что? Доказательств будет ничтожно мало. И к тому же криминалисты уже обследовали коттедж и практически ничего не обнаружили.

– Мы нашли зуб, – возразила Эрика. Она понимала, что проиграла – просто не могла остановиться и отступить.

– Его могли выбить, или он выпал. Люди, самовольно поселяющиеся в заброшенных домах, обычно не придают большого

значения гигиене полости рта. Я настоятельно рекомендую вам отпустить Джоэла Майклса. Продолжайте расследование, а я тем временем поищу вам подходящую замену. Возможно, вас это подстегнет. Похоже, в критической ситуации вы добиваетесь лучших результатов.

* * *

По окончании встречи Марш нагнал Эрику у лифтов.

– Могло быть и хуже.

– Куда уж хуже? – усмехнулась Эрика, поворачиваясь к нему.

– На ее месте мог быть Оукли, – с улыбкой заметил он, пожимая плечами.

– С помощником комиссара Оукли я знала, как себя вести. Тип он неприятный, но заглатывал наживку. Его можно было перехитрить. А она... Она чертовски умна.

– Да. В ее присутствии у меня душа уходит в пятки. Говорю это тебе как друг, а не как начальник.

Двери лифта отворились, и они шагнули в кабинку. Марш нажал кнопку с цифрой «1», и лифт стрелой понесся вниз с двенадцатого этажа здания Скотленд-Ярда. Эрика почувствовала, как у нее закрутило в животе.

– Пол. В моей практике это первое дело, которое... – Она осеклась, опустив в пол глаза.

– Что? – спросил он.

– У меня такое чувство, что я не смогу его раскрыть.

Марш, казалось, хотел обнять ее, но лифт остановился, и в кабинку вошли несколько сотрудников полиции. Эрика отвернулась к стене, стараясь сдержать свои эмоции.

Они вышли на улицу. Мимо с ревом проносились машины. Небо опять грозило дождем. Они зашагали к станции метро.

– Я снова и снова возвращаюсь к тому дню много лет назад: к седьмому августа, – заговорила Эрика. – Снова и снова изучаю свидетельские показания сотен людей, живших в том районе, оставшихся соседей. Как может ребенок исчезнуть без следа?

– Дети пропадают постоянно, каждый день, во всех странах, – отвечал Марш, застегивая пальто на холодном ветру. – В девяностом году в Кенте пропало шестьсот детей. Почти все были найдены живыми. Восемь до сих пор числятся пропавшими без вести.

– И, по-твоему, все это как-то связано с моим делом?

Полил дождь. Они спрятались в дверном проеме пустого административного здания.

– Нет, Эрика. Я просто хочу сказать, что это – не единичный случай. В том же году исчезло еще восемь детей. Кто их ищет? Джессика была белокурой европейкой из среднего класса. Пресса ухватилась за ее историю, играя на наших чувствах, раздула ее, и это правильно. Но как же те остальные дети? Подобно Мэдлин Макканн^[90], Джессика из тех девочек, которые западают в души людей. К сожалению, есть преступления, которые раскрыть не удастся. Очень тебя прошу, если не сумеешь раскрыть это преступление – не надо считать это личной неудачей.

Марш с улыбкой обнял ее за плечи.

– Легко сказать, Пол. Единственное, что я умею, это расследовать преступления. Я – не жена, никогда не стану матерью. Служба в полиции – это моя жизнь.

– Эрика, а что будет через десять лет, когда тебе придется выйти на пенсию? – спросил Марш. – Тебе необходимо найти свое место в этом мире, место, где ты можешь быть счастлива и без службы в полиции.

Глава 55

Из окна оперативного отдела Эрика смотрела, как Джоэл Майклс выходит из отделения на свободу. Он перешел дорогу, остановился на тротуаре перед железнодорожной станцией, повернулся и посмотрел на окно, у которого она стояла. Эрика подавила порыв метнуться в сторону и выдержала его взгляд. Усмехнувшись, он развернулся и смешался с толпой, хлынувшей из-под навеса станции. Интересно, подумала Эрика, куда он направляется? *К Тревору в больницу?*

– Вы по-прежнему считаете, что это он? – спросила Мосс, вставая рядом с ней у окна.

– Да в том-то и беда – я не уверена, – ответила Эрика.

До конца рабочего дня она просидела в своем кабинете, пытаясь сосредоточиться, разобраться в этом сложном деле, если в нем вообще можно было разобраться. Два часа она апатично пролистывала на компьютере следственные материалы, и в половине шестого надела пальто и покинула отделение.

* * *

Неожиданно для себя Эрика осознала, что она едет в Хейз. Она свернула на Эйвондейл-роуд. На улице царил безмолвие, вокруг ни души, припарковано всего две-три машины. Она затормозила у дома № 7. Заперев автомобиль, зашагала по длинной пологой подъездной аллее и у входа увидела невысокую круглолицую женщину и седовласого мужчину с фотокамерой на шее. Приглушенный голос из-за двери требовал, чтобы они ушли.

– Это частная собственность. Вы кто? – осведомилась Эрика, показывая свое удостоверение.

Мужчина и женщина обернулись на ее голос.

– Эва Касл, из *Daily Mail*, – представилась женщина, окинув Эрику взглядом. – Мы просто хотим узнать оценку случившегося с точки зрения ее матери...

Дверь, закрытая изнутри на цепочку, на дюйм приотворилась.

– Мамы дома нет! Она в больнице, – прозвучал ответ. Эрика узнала голос Лоры.

– Она пырнула ножом местного педофила на глазах десятков людей... – сказала Эва, наклоняясь к щели в двери. – Где она? В психбольнице? Вы имеете возможность рассказать ее версию случившегося. Мы заплатим.

– Так, уходите, – велела Эрика, жестом предлагая журналистам удалиться.

Фоторепортер взял камеру и принялся делать снимки. Недолго думая, Эрика протянула к нему руку и отвела в сторону объектив.

– Ваши действия можно расценивать как жестокое обращение со стороны сотрудника полиции! – заявил фоторепортер с блеском в глазах. У него был неприятно резкий скрежещущий голос.

– Я могла бы арестовать вас обоих за причинение беспокойства. Вы нарушили границы частного владения, – сказала Эрика, по-прежнему наклоняя вниз объектив. – И я могу сделать так, что вам придется проторчать в участке довольно долгое время: пока будет оформлен протокол задержания, пока у вас возьмут образцы ДНК и т. д. и т. п. Я также конфискую вашу фотокамеру. И, учитывая все бюрократические проволочки, вернут вам ее отнюдь не сразу.

– Пойдем, Дейв, – презрительно усмехнулась Эва. Она достала визитку и сунула ее в дверную щель. – Лора, позвоните мне, если передумаете.

Они пошли к дороге. Эрика проводила их взглядом и затем повернулась к двери. В узком проеме виднелось лицо Лоры.

– Вы позволите войти? Можно с вами поговорить?

Лора сняла цепочку и открыла дверь.

– О чем? – со страхом спросила она. В белой блузке, заправленной в синие облегающие джинсы, Лора демонстрировала весьма завидную фигуру. Но Эрику потрясло, что она выглядит старше без макияжа.

– О вашей маме, о том, что случилось у отделения полиции.

– Я уже дала показания.

– Лора, прошу вас. Это могло бы помочь следствию. Мне только что пришлось отпустить Джоэла Майклса.

– Хорошо. – Она отступила в сторону.

Эрика вытерла ноги и вошла в дом.

Лора провела ее через коридор в кухню.

– Чаю хотите?

Эрика кивнула. Трясущимися руками Лора налила воду в чайник.

– Что будет с мамой?

– Ей предъявлено обвинение в попытке совершения убийства, но, как вам известно, в соответствии с законом «Об охране психического здоровья» ее поместили в Луишемскую больницу. Она должна пройти медицинское освидетельствование. Судимостей у нее нет, так что ее могут привлечь к суду за нанесение тяжких телесных повреждений или увечий. Мне кажется, суд должен проявить к ней снисхождение. Плохо, что все это случилось.

Лора продолжала заваривать чай.

– А где остальные родственники?

– Папа со своей подружкой и детьми сейчас у меня дома на севере Лондона. Я просто пришла, чтобы до конца убраться после поминок.

– Лора, кто предупредил вас о том, что Тревор Марксман собирается быть в Бромли?

– Маме позвонили, – ответила Лора, ставя чайник.

– Когда?

– Вчера рано утром.

– Кто звонил?

– Не знаю. Я была в саду.

– То есть трубку сняла ваша мама?

– Да, она ответила на телефонный звонок, а потом пришла сюда за мной. – Лора открыла буфет и взяла оттуда две чашки.

– А вы же сказали, что находились в саду?

Лора выронила одну из чашек на пол, и та разбилась.

– Простите...

– Ничего страшного. – Узрев у батареи возле двери совок и щетку, Эрика взяла их и опустилась на корточки, помогая собирать осколки.

– Так и есть, я была в саду. Я хотела сказать, что она туда за мной пришла, – объяснила Лора, осторожно поднимая с пола два больших осколка разбитого фарфора.

– Это была ее идея прийти к отделению на встречу с Тревором? – спросила Эрика, сметая мелкие осколки чашки в совок.

Лора кивнула. Она подняла последние крупные осколки и, выпрямившись во весь рост, отошла к мусорному бачку с крышкой и педалью.

– Вы одобрили эту ее идею?

– Конечно, нет!

– Она сказала, кто ей позвонил?

– Сказала, что какой-то журналист, – ответила Лора, выбросив осколки в мусорный бачок. – Фамилии его я не знаю.

– Так это был мужчина?

Лора снова разволновалась.

– Фамилии журналиста она мне не называла и не говорила, мужчина это был или женщина... Их так много было за минувшие годы, и все шпионили, что-то выпытывали. И обычно это были мужчины.

Стоя спиной к Эрике, Лора налила кипяток в заварочный чайник.

– Мама сказала вам, что конкретно она намерена делать?

– Она сказала, что хочет увидеть Тревора, хочет выяснить у него раз и навсегда, его ли это рук дело.

– Лора, вы понимали, что это плохая затея?

Лора уперлась руками в стол и, опустив голову, кивнула.

– Это случилось на следующий день после похорон и поминок...

Она много выпила накануне и сказала, что поедет в город, со мной или без меня.

– Где были остальные?

– Ушли домой с вечера. Я осталась с мамой, чтобы она была дома не одна.

– Вы знали, что ваша мама взяла с собой нож?

– Нет. Я никуда бы ее не повезла, если б знала, что она задумала! Я ясно выразилась? Что теперь с ней будет? – Лора заплакала.

– Вы связывались с Оскаром Брауном?

– Что вы имеете в виду? – резко спросила она.

– Он – блестящий адвокат. Полагаю, он мог бы помочь вашей маме в суде.

– Да, я вас поняла, – сказала Лора. У нее по-прежнему дрожали руки. – Нет, он не давал о себе знать. На похоронах я его, конечно, видела.

– В каких вы отношениях по прошествии стольких лет?

– Да нет у нас никаких отношений. Мы расстались, он исчез из моей жизни. У меня дети, муж. У него тоже...

– Ладно. Я запрошу распечатку ваших звонков. Попробуем найти этого журналиста, – сказала Эрика.

Лора кивнула, нахмурившись.

– Вы все еще хотите чаю?

– Нет, спасибо. Мне пора.

Они пошли к выходу через гостиную с зашторенными окнами. Лора открыла дверь. На пороге стоял Оскар Браун, как раз собираясь позвонить в дверь. Присутствие Эрики его удивило.

– Старший инспектор Фостер пришла расспросить про маму, – быстро объяснила Лора.

– А-а. Ну да, конечно. – Казалось, он приосанился, принял более чопорный вид. – Я здесь как раз по этому поводу. Лора попросила, чтобы я защищал ее маму в суде.

– Да, – быстро подтвердила Лора. – Простите, у меня сейчас не голова, а сито.

Возникла неловкая пауза.

– Ладно, берегите себя, – попрощалась Эрика.

– Спасибо, что навестили ее, старший инспектор Фостер, – сказал Оскар. Он шагнул в дом и придержал дверь, выпуская Эрику на улицу.

Она вернулась к машине и села за руль. Поведение Лоры и Оскара привело ее в замешательство. Даже голова разболелась. Со всех сторон на нее сыпалась новая информация, и осмыслить ее, увязать все факты воедино она никак не могла. Нужно выпить чего-нибудь и хорошенько выспаться, решила Эрика.

Она тронула машину с места и поехала домой.

Глава 56

Эрика переступила порог своей квартиры и увидела, что Якуб и Каролина с воплями носятся по комнатам, играя в догонялки.

– Привет, тетя Эрика! – прокричали они, пробегая мимо. Младшая голосила в унисон с работающей стиральной машиной; на всю громкость орал телевизор, настроенный на *MTV*. Ленка вытанцовывала с Эвой на руках – прижимая малышку к плечу, пыталась ее успокоить.

Эрика пригорюнилась. У нее был ужасный день, и сейчас ей хотелось одного – тишины и покоя.

– *Zlatko!* Ты сегодня рано! – воскликнула Ленка. – Хоть раз меня послушала.

Эрика подошла к холодильнику, открыла морозилку. Каролина с Якубом завертелись вокруг Эрики, хватали ее за ноги, пытаясь поймать друг друга.

– Где моя водка? – спросила Эрика.

– Я ее вытащила, освободила место для замороженных овощей. Побоялась, что бутылка лопнет, – ответила Ленка, перекладывая плачущую Эву на другое плечо. Канал *MTV* стал показывать видеоклип с песней *Spice Up Your Life*. Дети бегом кинулись к дивану, запрыгнули на него.

– Пожалуйста, успокой их! – попросила Эрика.

– Ты их тетя, хоть бы пообщалась с ними немного, а то тебя вообще дома не бывает! – вспылила Ленка.

– Я работаю! И почему они скачут по мебели?

– Это постель, а на постели детям можно прыгать...

– Ленка, это диван, а не кровать.

– Раз он раздвинут, значит, это постель, Эрика.

Дети как угорелые продолжали прыгать на диване под музыку.

– А лед зачем вытащила? – спросила Эрика, увидев в раковине лоток для кубиков льда.

– На что тебе лед в середине ноября? – огрызнулась Ленка, снова перекладывая Эву на другое плечо.

– Я просто хотела выпить чего-нибудь холодного. Всего один бокал! – Глубоко вздохнув, Эрика прошла в спальню. Комната походила на мусорную свалку: постельное белье скомкано, всюду на

полу игрушки, у батареи сушится пакет с грязными пеленками, источающими тошнотворную вонь.

Эрика протиснулась мимо детской коляски, почти полностью перегораживающей дверной проем, и увидела, что фото Марка лежит плашмя на комод, а на нем стоит бутылочка с детским маслом. Она взяла рамку, отстегнула задник. Масло просочилось вовнутрь и испачкало верхнюю часть снимка: над головой Марка до самых его волос расплывалось жирное пятно.

С фотографией в руках Эрика ринулась в гостиную, едва не налетев на детей, пробежавших мимо.

– Ты что тут вытворяешь, черт возьми? – заорала она.

Ленка с Эвой на руках повернулась и воззрилась на фото.

– А что такое?

– Ты поставила бутылочку с детским маслом на фотографию Марка...

– Прости, Эрика. Я другую тебе напечатаю. Она есть у тебя на флешке?

– Ленка, у меня нет этой фотографии на флешке... Я делала снимок пленочным фотоаппаратом, – объяснила Эрика надтреснутым голосом.

– То есть ты хочешь сказать, что фотография мужа, которого ты любишь больше жизни, существует у тебя в единственном экземпляре?! Почему же ты ее не отсканировала?

Эрика застыла на месте. Ленка была права. Почему не отсканировала? Это же так просто.

– Ты вообще ничего в голову не берешь, только грязь умеешь разводить! – гневно бросила она.

– Зато ты у нас супердетектив с понтом дела! Что же ты не додумалась сделать копию фотографии, которой так сильно дорожишь?! Я убрала ее с пеленального столика, так ты обратно поставила! Ты же знала, что на комод я переодеваю ребенка! Сама же разрешила нам пожить здесь, а теперь тыкаешь постоянно, что это твой дом!

– Я только попросила не трогать мою фотографию! И посмотри, во что вы превратили квартиру! Это теперь уже не мой дом, а ТВОЙ!

Ленка отвернулась к телевизору. Эва, перестав плакать, таранилась на нее огромными глазами.

– Долго вы еще намерены здесь торчать? Или это все зависит от твоего придурочного муженька?

– Мой муженек хоть и придурочный, зато со мной! – крикнула Ленка.

Неожиданно все замолчали.

– Что ты сказала?

– Эрика, я не хотела. – Ленка повернулась к ней с виноватым выражением на лице.

– Значит, так. Чтобы к завтрашнему утру вас и вашего хлама здесь не было. Это ясно?! – гаркнула Эрика. Она вышла из гостиной, унося с собой фотографию Марка, схватила ключи от машины и покинула квартиру.

Лил дождь. Эрика села в машину, завела мотор и поехала куда глаза глядят.

Глава 57

Аманда Бейкер не замечала, что за окном лупит дождь. Она с головой ушла в компьютер, просматривая и пересматривая видео, снятое Тревором Марксмэном. Крофорд потрудился на славу – предоставил копии архивных материалов следствия, которые помогли ей восполнить пробелы памяти.

На стене гостиной над диваном исписанных листков заметно прибавилось.

Аманде всегда нравилось анализировать и сопоставлять факты, разгадывать головоломки, выстраивая связную цепочку развития событий. Сейчас, не испытывая давления начальства и даже необходимости выйти из дома, она чувствовала себя совершенной хозяйкой положения. Как будто это она сама руководила следствием.

Аманда ближе наклонилась к ноутбуку, освещаемая сиянием экрана. Она дошла до той части видео, где фигурировали вместе Марианна и Лора Коллинзы. Ясным солнечным днем они сидели на скамейке под сенью огромного раскидистого дуба. Камера, снимавшая Джессику и еще одну девочку, которые качались на качелях, взлетая все выше и выше, так что у обеих развевались длинные волосы, панорамировала, плавно приближаясь к Марианне с Лорой. Они о чем-то горячо спорили, и снимавший, заинтересовавшись, задержал на женщинах объектив, взяв их крупным планом. На мгновение изображение утратило резкость, но в следующую секунду обрело четкие очертания. Шум ветра несколько заглушал голоса, но Аманда отчетливо слышала все, что они говорили. Она поставила видео на паузу и опустила руку к чаше с карамельным попкорном, что стояла на полу возле ее кресла. Там было пусто.

Она с трудом поднялась с кресла и потащилась на кухню. Аманда упорно воздерживалась от употребления спиртного, а сладкое помогало не впасть в искушение. Открыв холодильник, она увидела, что все мороженое съедено; в шкафах, где она обычно держала печенье и шоколад, тоже ничего не осталось. Аманда открыла дверь кладовой и, экраном смартфона освещая каморку, заскользила взглядом по полкам, высматривая что-нибудь съедобное. Луч прыгал по консервным банкам, приправам, пакетам риса и макаронных

изделий. Она была уверена, что в темных уголках непременно заваялось что-нибудь сладкое.

Аманда посмотрела в окно на задний двор. Дождь хлестал по стеклу, неухоженный газон озаряли вспышки молний. В такую погоду за шоколадом она уж точно никуда не побежит, рассудила Аманда.

Она подтащила к двери кладовой стул, что стоял у кухонного стола, и встала на него. Светя смартфоном, осмотрела верхние полки. Опять консервные банки, просроченная упаковка *Weetabix*^[91]. Луч телефона упал на коробку, стоявшую за небольшой горкой бульонных кубиков «Оксо». Это была очень давняя упаковка апельсинового шоколада *Terry's*. Синяя коробочка запылилась, и через затянутое прозрачным пластиком круглое окошко было видно, что шоколадный шар в фольге растрескался и просыпался сквозь обертку. Однако не это привлекло внимание Аманды, а надпись на коробке. У нее аж дух захватило.

«Это не Терри, это – мое», – произнесла она, читая рекламный слоган. Аманда взяла коробку, спустилась со стула и вернулась в гостиную. – Это не Терри, это – мое... – повторяла она словно в трансе. Она снова села за компьютер, и пару раз просмотрела кусочек видео с кадрами, на которых Марианна бьет Лору по лицу. При этом она внимательно вслушивалась в слова, которые та кричала.

Аманда взяла телефон, набрала номер, но включился автоответчик.

– Крофорд, это я, – сказала она. – Убийца Джессики Коллинз... Кажется, я поняла... Перезвони, как получишь мое сообщение. Мне нужна помощь, чтобы кое-что проверить.

* * *

В другом конце города, в Мордене, Джерри лежал перед телевизором у себя в квартире, располагавшейся в одном из высотных жилых зданий. Раздался ставший уже привычным предупредительный сигнал. Джерри поставил на паузу шоу, что он смотрел, и, сев за компьютер, стал слушать.

Глава 58

Питерсон в одном лишь маленьком полотенце, обернутом вокруг пояса, стоял у себя на кухне и смотрел в холодильник. Все, что он увидел, – полбанки консервированных макаронных колечек в томатном соусе и несвежий хлеб.

Он снимал небольшую квартиру на первом этаже в приличном районе Сиднэма. Соседями его были в основном конторские служащие да еще пара старушек, у которых при встрече с ним всякий раз загорались глаза. Через несколько недель после того, как он поселился здесь, они выяснили, что он служит в полиции. Видимо, они чувствовали себя спокойнее, зная, что рядом живет страж порядка, ну и, как предположил его приятель Дуэйн, вероятно, они ему симпатизировали.

Питерсон со вздохом закрыл холодильник и услышал звонок в дверь. Он подумал, что это, возможно, пришла как раз одна из тех старушек. Под дверью он нашел записку с приглашением на собрание жильцов.

Однако, открыв дверь, он увидел на пороге насквозь промокшую Эрику.

– Привет, босс, – поздоровался Питерсон, подбирая трусы и носки, валявшиеся на полу у ванной.

– Простите, вы не один? – спросила она. Ее взгляд скользнул по серебряному медальону с изображением святого Христофора на его мускулистой груди, по кубикам пресса на его животе, присыпанным мягкой порослью.

– Нет, это просто я такой разгильдяй, – улыбнулся он. – Только что из душа. Извините. – Он натянул белую футболку, при этом едва не потеряв свое полотенце. – Войдете?

– Простите, зря я приехала. – Эрика повернулась, собираясь уйти.

– Босс, на вас же нитки сухой нет, а на улице холодно. Позвольте я хотя бы дам вам полотенце... У меня другое есть, – добавил он, глянув на то, что было обернуто вокруг его пояса.

Питерсон провел Эрику в гостиную, а сам удалился в спальню. Она огляделась и увидела, что попала в берлогу холостяка. На низком столике стоял большой телевизор с плоским экраном и игровой

приставкой, к которой были подключены два контроллера. Две стены занимали книжные полки, беспорядочно заставленные книгами и DVD-дисками. Черная кожаная мебель, на стене – календарь Пирелли, все еще открытый на октябре. Вернулся Питерсон – в белой футболке и свободных спортивных штанах. Эрика отметила, что от него исходит приятный запах.

– Что за календарь? – спросила она, показывая на черно-белую фотографию Йоко Оно, сидящую на стуле в колготках, пиджаке и цилиндре.

– А, ну да, это приятели каждый год дарят мне Пирелли... В этом году у них другая концепция, с претензией на художественность.

– Значит, ни одной цыпочки с обнаженной грудью? – улыбнулась Эрика.

– Увы, ни одной, – усмехнулся он. Питерсон взглянул на ее блузку, и Эрика, проследив за его взглядом, пришла в ужас, увидев, что через мокрую ткань у нее просвечивается бюстгальтер.

– О боже. – Она поспешила прикрыться полотенцем.

– Классно, – прокомментировал Питерсон. – Футболку дать? А блузку я повешу сушиться на радиатор.

Он принес сухую футболку и прошел на кухню, давая ей возможность переодеться. Эрика уединилась в уголке и быстро расстегнула мокрую блузку. Бюстгальтер тоже промок, и несколько минут она пыталась решить, снимать его или нет. В конце концов сняла и надела футболку. Пока прятала влажный бюстгальтер под блузкой на батарее у окна, к ней вернулся Питерсон с двумя бокалами виски. В небе сверкала молния, ветер швырял на стекло струи дождя.

– Вот, согрейтесь. Здесь одна порция – не опьянеете, – сказал он. Эрика взяла виски, они оба пригубили бокалы. Питерсон жестом предложил ей сесть вместе с ним на диван.

– Что по делу? Все нормально? Я знаю, что сегодня был хреновый день, – произнес он.

– Нормально... в принципе...

– Но?

– Да сама не знаю, зачем я здесь, – промолвила она, глядя в бокал с янтарной жидкостью. – Сестра все еще гостит... вы ее видели.

– Разве у вас не одна спальня? – спросил Питерсон, потягивая виски.

Эрика кивнула.

– Сегодня вечером напряжение достигло точки кипения, я взяла и ушла.

– Жаль.

Они оба глотнули виски. Алкоголь теплом разливался по телу, Эрика чуть расслабилась.

– Стерва я, да?

Питерсон раздул щеки.

– В вашем подчинении люди, вам приходится быть жесткой.

– Значит, стерва. Спасибо.

– Да нет, я не то хотел сказать, босс.

– Не называйте меня «босс», зовите...

– ...мисс Росс^[92], – закончил за нее Питерсон.

Эрика прыснула от смеха, он тоже расхохотался. Она опустила взгляд в бокал и, когда снова подняла на него глаза, он придвинулся к ней ближе. Забрал у нее бокал и поставил его на стол, что стоял перед ними. Затем наклонился к ней, бережно взял в ладонь ее подбородок и поцеловал. Губы у него были мягкие, теплые, чувственные. Она ощутила слабые движения его языка. От него пахло виски и мужским естественным, и она растаяла.

Эрика обняла его. Ее ладони поползли вниз по его каменной мускулистой спине, пальцы проникли под футболку. Кожа у него была теплая и гладкая. Его руки пробрались к ней под футболку, пальцы медленно заскользили вверх по ее спине.

– Ты приехала сюда без лифчика? – проурчал Питерсон.

– Он на батарее! – негодуяще воскликнула она.

Питерсон перенес ладонь на ее грудь и осторожно стиснул один сосок. Эрика застонала, откинулась на спину. Он наклонился к ней, прижимаясь губами к ее губам.

Внезапно в ее сознании всплыло лицо Марка. Она увидела его так отчетливо, что аж вскрикнула.

– Что? Что с тобой? Я причинил тебе боль? – спросил Питерсон, отстраняясь от нее.

Глядя в его красивые карие глаза, она расплакалась. Вскочила с дивана, убежала в его крошечную ванную и заперлась изнутри. Сидела на бортике ванной и рыдала, сотрясаясь всем телом. Так горько она

давно не плакала. Это приносило одновременно облегчение и боль. Успокоившись, она услышала тихий стук в дверь.

– Босс... Эрика. Ты как? Прости, если я позволил себе лишнего, – донесся голос Питерсона.

Эрика шагнула к зеркалу, вытерла лицо и открыла дверь.

– Ты тут ни при чем...

– Ну как же?! Я схватил тебя за грудь.

– Да ну тебя, я же серьезно. – Эрика прижала к носу салфетку. – Трудно быть вдовой. В Марке была вся моя жизнь. Я души в нем не чаяла, а он погиб. Он никогда ко мне не вернется, а я думаю о нем каждый божий день... и это ужасно изматывает, неизбывное горе опустошает. В моей жизни образовалась огромная брешь, и с этим очень тяжело жить. Но я всего лишь человек, и мне больше всего на свете хочется просто... ну, ты понимаешь... быть с тобой, но меня не отпускает чувство вины. Марк был очень хорошим человеком, верным мужем. – Пожав плечами, она вытерла слезы.

– Эрика, давай просто спустим все на тормозах. Дай мне минутку. Я пойду и подрочу на то фото Йоко Оно...

Она подняла на него глаза.

– Шутить еще не время? – спросил Питерсон.

– Нет, – улыбнулась она. – Мне как раз хохмы не хватало.

Эрика встала, все так же с улыбкой глядя на него. Он стоял, прислонившись к дверному косяку. Она прильнула к нему, снова стала целовать. Они двинулись по коридору от ванной. Он пятился, увлекая ее за собой. Спотыкаясь и оступаясь, они на ощупь добрались до спальни и повалились на кровать. И на этот раз она не дала ему остановиться.

Глава 59

Ленка лежала с открытыми глазами в темноте квартиры Эрики, смотрела в потолок спальни, прислушиваясь к шуму дождя за окном. Рядом с ней в кровати чмокала и посапывала во сне Эва. Ленка протянула к дочери руку, потрогала ее, погладила по головке, покрытой шелковистыми волосиками.

Она сильно переживала из-за ссоры с сестрой. Далеко за полночь ждала ее возвращения, сидя в темной гостиной, где спали старшие дети. Потом попробовала позвонить Эрике. Ее телефон отозвался приглушенным звонком из пальто сестры, висевшего на спинке стула. Ленка выудила его из кармана, но батарейка села прямо во время вызова, а в темноте она не смогла найти зарядное устройство.

Ленка снова села, глядя на Якуба с Каролиной. Она чувствовала себя бесконечно далеко от дома. Она знала, что у Эрики есть друг-судмедэксперт, а также что отца Марка зовут Эдвард Фостер и он живет близ Манчестера. Ленка волновалась за сестру. Уйти и не сказать куда... такая беспечность ей была совершенно не свойственна.

* * *

Голова Эрики покоилась на груди Питерсона, она ощущала тепло и спокойное ритмичное биение его сердца. Он шевельнулся во сне, сильной рукой теснее прижал ее к себе.

Она пребывала в шоке, одолеваемая одновременно волнением и чувством вины из-за того, что между ними произошла сексуальная близость. Дважды. Первый раз судорожно и быстро, а потом почти сразу они снова переплелись, предаваясь наслаждению с неспешной чувственностью. После они заснули, но час назад она пробудилась и с тех пор беспрестанно размышляла, глядя на электронные часы в спальне Питерсона.

Теперь они показывали 3.04 утра. Эрика устроилась поудобнее в кольце его руки и закрыла глаза, заставляя себя заснуть.

* * *

Ленка повернулась на бок, привстала на кровати, взяла с прикроватной тумбочки телефон и увидела, что уже пять минут четвертого утра. Она снова легла, проверила, крепко ли спит Эва. Малышка тихо посапывала, держа во рту крошечный большой пальчик.

И вдруг Ленка замерла. Она услышала шум, как будто треснул пластик. Звук повторился, а потом раздалось звяканье, словно что-то упало на ковер в гостиной. Ленка быстро вскочила с постели и обвела взглядом комнату. В углу стоял пылесос со скрученным шлангом и отсоединенной металлической трубкой. Она схватила эту трубку и бегом кинулась в гостиную.

Дверь во двор была распахнута, в одном месте пластмассовая панель была оторвана. В проем врвался ветер, раздувая занавески. Не выпуская из руки металлическую трубку, Ленка завертела головой, оглядывая темную комнату: дети, как это ни невероятно, по-прежнему спали под одеялами.

Послышался тихий скрип, и Ленка почувствовала, как ее шею стиснули две сильные ладони. Не раздумывая, она взмахнула металлической трубкой, занеся ее за правое плечо. Шлепок, вскрик. Дети проснулись, завизжали. Ленка повернулась и увидела, что на нее надвигается силуэт огромного мужчины. Она взмахнула трубкой и ударила его в пах. Не сильно, но он застонал, и это дало ей время отступить на шаг, размахнуться как следует и ударить его трубкой по голове со всей силы – один раз, второй. Он повалился на пол, а она продолжала его дубасить. После третьего удара он обмяк и затих.

Якуб с Каролиной ревели, заходясь криком. Ленка велела им идти в спальню и взять Эву. Ей не удавалось как следует рассмотреть мужчину на полу. Она видела только, что он крупный и с густой черной кудрявой шевелюрой. Не сводя с него глаз, она схватила комплект ножей из той части комнаты, что была отведена под кухню, и с базы стационарного телефона – переносную трубку, сунула ее в карман. Не выпуская из руки металлическую трубку от пылесоса, она вышла в коридор.

– В ванную, быстро, – велела она детям, появившимся из спальни. Каролина несла Эву. Малышка, как это ни удивительно, не просыпалась. Все вместе они забились в ванную, и Ленка заперла дверь, поставив перед ней стул. Она видела, что спинка у него низкая, не воспрепятствует повороту дверной ручки.

– Не бойтесь, – успокоила она Каролину и Якуба, которые, словно перепуганные зверьки, съезжившись, жались к стене. – Все будет хорошо. Каролина, помогай мне, держи Эву. – Девочка, прерывисто вздохнув, кивнула.

Ленка растерянно смотрела на телефон. Она не знала ни одного номера. Не знала, как позвонить в полицию, как объяснить по-английски, что им нужна помощь. Она знала только телефон Марека.

Она села под дверь и позвонила мужу в Словакию на мобильный телефон. Якуб, белый как полотно, дергал ее за рукав.

– В чем дело? – спросила она.

– Мама, замок не работает, – прошептал он, весь дрожа. – Тетя Эрика сказала, что он сломан...

Только в трубке пошел вызов, Ленка услышала визгливый скрежет и подняла голову. Дверная ручка у нее над головой поворачивалась. Она почувствовала, как дверь за ее спиной поддалась.

В образовавшуюся щель просунулась большая рука, и на этот раз Ленка завопила вместе с детьми.

Глава 60

Проснувшись утром, Эрика увидела, что Питерсон, ночью отодвинувшись от нее, спит лежа на боку, стянув к своим голым ногам все простыни. Часы показывали 6.01. Столько разных эмоций захлестнуло ее: чувство вины – из-за того, что ей нравилось быть с Питерсоном; глубокая печаль – оттого, что она еще больше отдалилась от Марка. Память о нем немного померкла, затуманилась, растворяясь в прошлом, после новых впечатлений, что она получила в объятиях другого мужчины. Эрика представила, как встретится с Питерсоном сегодня на работе, и у нее упало сердце. Она спустила ноги с кровати, подобрала с пола одежду, надела нижнее белье. Потом отодвинула штору на окне. Еще не рассвело. Питерсон повернулся к ней.

– Доброе утро. Останешься на завтрак?

– Нет. Мне пора, – отказалась она.

– Иди сюда.

– Зачем?

Он приподнялся в постели.

– Что значит «зачем»? Я хочу тебя поцеловать.

Эрика подошла к кровати и села на краешек подле него. Он обнял ее одной рукой.

– Нам надо установить определенные границы, – произнесла она.

Он вскинул брови.

– Ночью я что-то не заметил между нами каких-либо границ.

– Я не шучу. Ведь я твой начальник. Будет проще, если мы не станем говорить об этом на работе.

– Проклятье. А я так хотел встать посреди отдела и всем объявить, что ты чертовски великолепна в постели...

– Питерсон.

– И ведь ты чертовски великолепна в постели, – повторил он, подмигнув ей. Она смотрела на него. – Разумеется, я не стану ничего говорить...

– Вот и хорошо.

– Не хочешь еще раз?

– Не знаю. Давай так: мы провели вместе прекрасную ночь. Провели и забыли, хорошо?

– Забыли?

Эрика встала, высматривая на полу свои носки.

– А что ты хочешь? Завести со мной роман?

– Нет.

– Вот и чудесно. Мне романы совершенно ни к чему.

– Ты это ясно дала понять. – Он сел в постели.

– Отлично. Это был разовый случай, мы получили удовольствие, и все вернулось на круги своя...

– Ладно. Хорошо. Увидимся на работе. – Он слез с кровати и прошел мимо нее в ванную, захлопнув за собой дверь.

Эрика последовала за ним из спальни и в нерешительности остановилась перед ванной, собираясь постучать. Потом, передумав, отправилась в гостиную, взяла там блузку и бюстгальтер. Она аккуратно сложила футболку, что дал ей Питерсон, положила ее на спинку дивана и покинула его жилище.

Глава 61

По дороге из Сиднэма Эрика заехала в «Макдоналдс», заказала сэндвич с яйцом и колбасой и стакан кофе. Когда хотела расплатиться, увидела, что у нее с собой нет ни телефона, ни бумажника. Пришлось лезть в бардачок за мелочью, которую она держала для оплаты парковки.

Брезжил холодный синий рассвет. В начале восьмого Эрика свернула на Манор-Маунт и, заметив у своего дома два полицейских автомобиля, почувствовала, как у нее участился пульс. Она припарковалась на гравии рядом с ними и бегом кинулась в подъезд. Сердце все сильнее билось в груди, когда она увидела, что дверь в ее квартиру открыта и вход охраняет патрульный.

Из квартиры появился высокий эксперт-криминалист в синем комбинезоне. Он нес длинный прозрачный пакет с металлической трубкой от пылесоса, на которой запеклась кровь, измазавшая изнутри и сам полиэтилен. В другой руке он держал одно из ее гостевых полотенец, тоже в пятнах крови.

– Простите, вы кто? – спросил патрульный, рукой перегораживая ей проход в квартиру. Эрика увидела, что он очень молод, с худощавым лицом и сильным раздражением на коже от бритвы.

– Я здесь живу. Где моя сестра и ее дети? – Сама не своя от беспокойства, она попыталась протиснуться мимо него.

– Это место преступления, – сказал он, по-прежнему не давая ей пройти.

– Я – сотрудник полиции, только сейчас при себе у меня нет удостоверения. Откуда здесь кровь? Где моя сестра и ее дети? – Охваченная безумной паникой, она напрочь утратила самообладание. Сердце бешено колотилось, глаза щипало от слез. Поразительно, как быстро она примерила на себя роль жертвы.

А потом из ее квартиры вышел полицейский, которого она меньше всего хотела бы видеть. Суперинтендант Спаркс откинул капюшон синего комбинезона и обнажил голову с зачесанными назад сальными волосами, открывавшими его высокий лоб. Он обратил к ней свое изрытое оспинами лицо.

– Эрика?

– Спаркс, что происходит? Это – моя квартира. Где моя сестра и трое детей? – со слезами в голосе спросила она, забыв про их прежние разногласия. Сейчас ей хотелось одного – узнать правду.

– Сестра и ее дети живы-здоровы, – ответил он. – Они у соседей наверху. Полчаса назад нам удалось найти переводчика. Они перепуганы, но не пострадали.

– Слава богу, – выдохнула Эрика, смахивая слезы. – Что случилось?

Спаркс отвел ее в сторону.

– В половине четвертого утра с вашего домашнего телефона поступил экстренный вызов... Диспетчер сначала не понял, что говорят, но, к счастью, один из его коллег знал словацкий.

Спаркс затем сообщил, что злоумышленник пробрался в дом через стеклянную дверь, ведущую во внутренний дворик, но Ленка отбилась от него металлической трубкой от пылесоса.

– Вместе с детьми она заперлась в ванной и набрала номер службы спасения «112», с которого, к счастью, вызов передается в экстренные службы «999». Тот, кто залез к вам, истекал кровью. Он попытался проникнуть в ванную – дверь сильно измазана его кровью. Но потом почему-то убежал. Мы прибыли в начале пятого, здесь уже никого не было.

Эрика сползла по стене на пол.

– Что-нибудь взяли? – спросила она.

– Нет, насколько мы можем судить.

– Спаркс, в квартире остались мой мобильник, удостоверение, сумка... Ноутбук. – Сидя на корточках, она опустила голову в ладони. Он возвышался над ней, не зная, что сказать.

– Порядок вы знаете. Это место преступления...

– Спаркс, не спорю, у нас с вами есть определенные разногласия, но прошу вас, давайте забудем о них на пару часов? Я бы обязательно пошла вам навстречу. Можно как-то поскорее вернуть мне мои вещи?

– Я же сказал. Это – место преступления. Никто не пострадал. Подождете.

– А вы-то вообще как здесь оказались? – любопытствовала Эрика. – Такая мелочь вам вроде как не по рангу.

– Я приехал, потому что поступило сообщение о незаконном вторжении, предположительно с убийством. Нападение на женщину из

Восточной Европы.

– Все за громкими делами гоняетесь? Ну-ну. Как был лентяй, так им и остался.

– По-моему, вы не совсем корректно ведете себя по отношению к старшему по званию, старший инспектор Фостер, – осклабился Спаркс, отступая от нее на шаг.

– Сегодня утром я просто мисс Фостер. Пострадавшая, из налогов которой вы получаете свое жалованье. Где моя сестра?

* * *

Эрика прежде ни разу не встречала свою соседку с верхнего этажа – жизнерадостную неухоженную женщину сорока пяти лет с массой спутанных кудряшек на голове. Ее звали Элисон.

– Привет, – поздоровалась она, открыв дверь Спарксу и Эрике. – Ваша сестра и дети в гостиной. Они очень перепугались. – В ее голосе слышался едва уловимый уэльсский акцент. На ней было цветастое платье. Квартира ее – просторнее, чем та, что снимала Эрика, – была уютно обставлена деревянной мебелью в стиле рустики; на стенах висели полки с книгами и семейные фотографии. Элисон провела их в гостиную, где на диване сидела Ленка со спящей Эвой на руках. Она беседовала по-словацки с высоким худым мужчиной в зеленом вельветовом костюме, сидевшим на журнальном столике напротив нее.

Каролина с Якубом устроились на разных концах длинного дивана. Между ними разлегся огромный старый ротвейлер. Пес дремал, положив морду Каролине на колени.

– Эрика! – воскликнула Ленка, увидев сестру.

Эрика кинулась к ней, обняла.

– Прости. Прости, что бросила вас – ушла и не вернулась, – извинилась она.

– Это ты меня прости. Наговорила тебе бог знает чего. Я не хотела...

– Не бери в голову. Главное – мы все целы, значит, все хорошо, и я люблю тебя, – успокоила сестру Эрика. Они снова обнялись. Потом Эрика подошла к детям, спросила, хорошо ли они себя чувствуют. Они кивнули с серьезным видом. Каролина почесывала за ухом большой

собаке. Якуб наклонился в сторону, чтобы видеть мультик по телевизору: Эрика заслоняла собой экран.

– Кто тот противный тип? Похожий на вампира? – спросила Ленка по-словацки, дернув головой в сторону Спаркса. Тот, в черном костюме, стоял в углу с враждебным выражением на лице.

– Как в «Отеле “Трансильвания”», – добавил Якуб.

– Что они говорят? – рявкнул Спаркс.

Переводчик собрался было перевести, но Эрика положила руку ему на плечо.

– Не беспокойтесь. Теперь я сама разберусь... Я просто поинтересовалась, как у них самочувствие. – Она повернулась к Ленке и, перейдя на словацкий, объяснила: – Это тот говнюк, про которого я тебе говорила.

– Мы находимся в Англии, так что, будьте добры, говорите по-английски, – потребовал Спаркс.

– *Kokot*, – произнесла Ленка, согласно кивнув.

– Я не дурак, могу отличить плохое слово от хорошего, – заявил Спаркс. – Вы, я вижу, пришли в себя. Мои сотрудники показания взяли. Ну и будьте здоровы. – Спаркс извинился и ушел. Ленка поблагодарила переводчика, и тот вскоре тоже откланялся.

– Чаю, милочка? – предложила Элисон.

– Спасибо, не откажусь, – ответила Эрика.

– Если хотите сесть на диван, Герцога просто пихните, и он сам уйдет, – добавила Элисон, показывая на ротвейлера. – Он безобидный. Целыми днями только спит и газы пускает... Вашего незваного гостя он не слышал.

– Спасибо, что приютили их, – поблагодарила Эрика. – Вы уж простите, что раньше не удосужилась познакомиться с вами...

Элисон добродушно отмахнулась от ее извинений:

– Так всегда бывает. Пока гром не грянет, каждый сам по себе. Пойду принесу вам чаю.

Она вышла из комнаты, а Эрика села на журнальный столик и взяла Ленку за руку.

– Ты разглядела, кто это был?

– Мельком видела лицо. Здоровый, гад, и лохматый, – ответила Ленка. Вздохнув, она хотела продолжить свой рассказ и вдруг замерла.

– Что? Что-то вспомнила? Все выкладывай, важна каждая мелочь...

– Помнишь, на днях я говорила, что мужик какой-то приходил, счетчики проверял – на газ и электричество?

– Да.

– Я, конечно, не могу утверждать с точностью, темно ведь было, но, по-моему, это был он.

Глава 62

Квартира Эрики, после того как в нее вторгся злоумышленник, превратилась в место преступления, поэтому им пришлось переехать в гостиницу на окраине Бромли.

Прежде ей уже случалось останавливаться в этом отеле. Он располагался недалеко от районного центра, но стоял в полях, рядом с площадкой для гольфа. Ленка сняла люкс для себя и детей и соседний номер – для Эрики, хоть та и возражала.

– Нет, за мой счет, – настояла Ленка. – Я не могу пользоваться кредитной картой Марека. Но он вполне способен оплатить несколько ночей в хорошем номере. Я тебе говорила, что позвонила ему из ванной в ту ночь, когда тот псих влез к нам? Так вот он только утром перезвонил!

– Так ведь глубокая ночь была, – заметила Эрика.

– Я сплю с телефоном под ухом – вдруг ему понадобится. Думала, и он также. Если не за меня, то хотя бы за детей должен же переживать...

– Ты сообщила ему о случившемся?

– Да. Он обеспокоился, но прилететь не обещал. Слишком занят со своими адвокатами да все от пулю пытается увернуться – в прямом и переносном смысле.

– Гости, останавливающиеся в люксе, по желанию могут воспользоваться индивидуальным обслуживанием, – уведомила их администратор. Эрика перевела.

– Да, беру. И какая у вас самая дорогая спа-процедура? – спросила Ленка.

– Она говорит, что гидроколонотерапия, – перевела Эрика.

– Отлично. Закажи для меня по одной каждый день на следующей неделе!

– Она возьмет только индивидуальное обслуживание, – сказала Эрика администратору. Они забрали ключи и пошли заселяться. Номера оказались шикарными.

Эрике удалось немного поспать, но она не разделяла возбуждения Ленки и детей. Все ее мысли по-прежнему занимало расследуемое дело, и в понедельник утром она была рада вернуться на работу.

Она поднялась в оперативный отдел. Остальные сотрудники прибыли незадолго до нее. Снимая верхнюю одежду, они делились впечатлениями о проведенных выходных. При ее появлении все мгновенно умолкли.

– Наверно, все слышали, что у меня выдались занятные выходные. Никто не пострадал, не считая незваного гостя, которого мастерски отвадила моя сестра. Это у нас семейное...

Она обвела взглядом комнату, своих сотрудников, Джона, Мосс, констебля Найт – ей все кивали с улыбкой, – а потом увидела Питерсона: он просто смотрел на нее.

– Работаем, как всегда. Нам поручено расследовать преступление, так что приступаем к работе.

Она прошла в свой кабинет. Мосс последовала за ней.

– Босс, эксперты вернули ваш айфон, а также ноутбук и удостоверение. Ничего на них не обнаружили – отпечатков нет. Да, и привет от Спаркса. – Эрика подняла на нее глаза. – Шучу, босс.

– Очень смешно. Я думала, суперинтендант Спаркс уже работает над каким-то громким делом в Луишем-Роу.

– Да в том-то и беда. Он гоняется за громкими делами. Как актер, который стремится сниматься только в фильмах, претендующих на престижные награды...

– То есть по-прежнему ловко отфутболивает дела, которые не представляют для него интереса?

Мосс кивнула.

– Наверно, когда ехал по экстренному вызову вашей сестры, надеялся, что ему перепадет что-то забористое, а...

– А наткнулся на мою сестру, – улыбнулась Эрика. – Кстати, отправьте-ка к ней вместе с переводчиком одного из наших «художников». Пусть составят фоторобот. Смущает меня что-то в этом незаконном вторжении.

– Слушаюсь, босс.

Мосс ушла, а Эрика вскрыла прозрачный пакет, в котором лежали ее вещи. Извлекла удостоверение и сунула его в карман. Батарея в ее мобильном села, и она поставила его заряжаться, подсоединив к

зарядному устройству, которое держала у себя в кабинете. На экране высветились оставленные голосовые сообщения и пропущенные звонки. Несколько звонков от Ленки, но первое голосовое сообщение – что ее немало удивило – пришло от Аманды Бейкер. Та сказала, что у нее есть важная информация по делу Джессики Коллинз, и просила срочно перезвонить.

Аманда звонила еще пять раз, оставив другие сообщения. Эрика позвонила ей на мобильный телефон. Включился автоответчик. Она загрузила компьютер, нашла телефонный справочник и в нем – адрес Аманды. Эрика попыталась связаться с ней по домашнему телефону, но никто не отвечал.

Она открыла дверь своего кабинета и окликнула Джона.

– Звоните на эти два номера. Оба принадлежат Аманде Бейкер. Как только она ответит, сразу же переведите ее на меня.

– Слушаюсь, босс, – сказал Джон, забирая листок, на котором Эрика начеркала два телефонных номера.

Она снова села за стол и попыталась с головой уйти в работу, разбираясь с материалами по делу Джессики Коллинз. Просматривала записи, сделанные за последние несколько дней, размышляла об аресте Джоэла Майклса.

Раздался стук по стеклу, и в кабинет вошел Питерсон. В руках он держал картонный поднос с двумя стаканами кофе из «Старбакса», что находился в начале центральной улицы. Питерсон шагнул к столу и один стакан поставил перед Эрикой.

– Что это? – спросила она.

– Кофе для тебя.

– Я не просила.

– Судя по твоему виду, кофе тебе не помешает...

Эрика отодвинула от себя стакан.

– Питерсон, ну вот что ты делаешь?

– Я что – не могу принести тебе кофе?

Эрика понизила голос:

– Ты принес мне кофе как своему боссу или как... как бы точнее выразиться... любовнице на одну ночь?

– Так нечестно. Я просто принес тебе кофе, и думай что хочешь. Между прочим, та ночь была особенной.

– Мы не обсуждаем это здесь, в оперативном отделе!

Стук по стеклу. В дверях появилась Мосс.

– Я собираюсь за кофе сбежать через дорогу. На вас, ребята... – Она умолкла на полуслове. – О. Без меня, что ль, уже сбежали?

– Только что, – подтвердил Питерсон.

– До самого «Старбакса» добежал? – удивилась она, увидев фирменные стаканы. Потом, посмотрев на Эрику и Питерсона, расплылась в улыбке. – А-а... понятно. Так вы?..

– Мосс, войдите, пожалуйста, и закройте дверь, – велела Эрика.

Она дождалась, пока закроется дверь.

– Не знаю, что сказал вам Питерсон, но мы здесь не на шоу «Выбери меня». Я не желаю, чтобы сотрудники отдела перемывали кости мне или Питерсону, обсуждая личную жизнь каждого из нас. Нет и не может быть никакого служебного романа...

Молчание.

– Питерсон ничего мне не говорил, но теперь я вижу, что между вами *что-то произошло*.

– Ничего не произошло, – опроверг Питерсон.

– Неужели? Мало того, что ты сбежал за кофе в «Старбакс», так ты еще не поленился сахар прихватить, белый и коричневый, и салфетку в придачу. И даже вон мешалку на крышку положил. Очень мило.

– Отвали, Мосс, – огрызнулся Питерсон.

– Со мной ваш секрет все равно что в могиле... но, кстати, я за вас очень рада.

– Идите-ка работайте, оба, – велела Эрика. После их ухода она какое-то время смотрела на кофе, но потом смилостивилась и отпила глоток.

В дверь снова постучали. Это был Джон.

– Что? Дозвонились до Аманды Бейкер? – спросила она.

– Нет, босс. Но к дому Аманды Бейкер вызвали полицию. Почтальон. Это он позвонил в службу «999». Говорит, заглянул к ней в окно и увидел там что-то...

– Что?

Джон нервно сглотнул слюну.

– Он думает, что увидел ее ноги, болтающиеся на весу в коридоре.

Глава 63

Эрика с Джоном прибыли к дому Аманды Бейкер, возле которого уже стоял полицейский автомобиль. Двое патрульных, мужчина и женщина, беседовали с почтальоном, которого Эрика видела, когда приходила к Аманде в первый раз. Тот выглядел потрясенным.

– Здравствуйте. Старший инспектор Фостер. Это – констебль Макгорри, – представила Эрика себя и Джона. Они показали свои удостоверения. Дальше по улице у своих калиток стояли, наблюдая за происходящим, соседи из двух домов.

– Констебль Десмонд, это – констебль Хьюитт, – в свою очередь представила себя и своего напарника молодая женщина. – В дом мы не заходили. Попытались открыть входную дверь, но она не поддается.

– Дверь с обратной стороны заложена кипами газет, – объяснил бледный как смерть почтальон.

Эрика подошла к фасадному окну и заглянула в щель между шторами. В глубине она различила дверной проем, ведущий в коридор, и в нем – две свисающие ноги в носках. Она похолодела от дурного предчувствия.

– Обычно я отдаю ей почту через окно, оно не запирается. Ведь говорил я ей, чтобы она починила замок, – посетовал почтальон.

– Возможно, отсюда и было совершено проникновение. До приезда криминалистов здесь лучше ничего не трогать, – шепнула Эрика Джону.

– Но, босс, ведь все указывает на то, что она покончила с собой.

Эрика снова заглянула в окно. Что-то здесь не так, решила она. Аманда не показалась ей склонной к суициду. После похорон, когда она подвозила ее, Аманда была воодушевлена, производила впечатление человека, который любит жизнь.

– Давай попробуем зайти сзади, – предложила Эрика.

Им удалось открыть боковую калитку, и затем по проходу они прошли в сад.

Задняя дверь была распахнута настежь.

– Черт, – тихо выругалась Эрика.

Она первой шагнула в дом, Джон и патрульные – следом. Они вошли в кухню. В ней был наведен порядок. Все блестит, на своих

местах. Дверь в коридор закрыта. Они стали осторожно подступать к ней. Скрип половицы заставил их остановиться. Шум исходил из-за закрытой двери. Патрульные взяли наизготовку дубинки.

– Полиция. Выходите с поднятыми руками! – крикнула Эрика.

В ответ – тишина. Затем скрип повторился, громче. Потом треск чего-то рвущегося, щелчок, и пол сотряс жуткий грохот. Что-то посыпалось на лестницу.

Они не двигались, пока не наступила звенящая тишина. Эрика обернулась, кивнула и быстро открыла дверь.

На полу у подножия лестницы лежало тело Аманды Бейкер в неестественной позе. На ней были только белая ночная сорочка с узором и синие носки. Левая рука и плечо застряли у нее за спиной; правая нога вывернута в колене. Ее тело покрывали пыль и ошметки штукатурки. Рядом лежал тонкий квадратный кусок дерева. Это была крышка чердачного люка. В воздухе вихрились пылинки.

– От потолка оторвалось, – произнес Джон. Прикрывая рукой рот, он показал на дыру, зияющую в потолке над верхней лестничной площадкой. Эрика козырьком приставила ко лбу ладонь, защищая глаза от пыли и крошек все еще осыпающейся штукатурки. Она приблизилась к Аманде и увидела, что лицо ее посинело и раздулось, на шее петля, а глаза открыты.

Глава 64

– Думаешь, самоубийство? – спросила Эрика. Миновало несколько часов. За это время на место происшествия приехали Айзек Стронг и Нилз Акерман с командой экспертов-криминалистов.

Эрика и Джон стояли в коридоре с Айзеком.

– Смерть наступила от асфиксии. Шея вытянута, на ней видна глубокая борозда, – отвечал Айзек, аккуратно повернув на бок голову Аманды. – Но вот что интересно: наверху на ковре у лестницы валяется бокал с остатками жидкости, по запаху напоминающей кока-колу. На стене – брызги такого же цвета, – продолжал он. – Если она собиралась повеситься, не стала бы она держать в руке бокал. Нужно проверить его; возможно, в напитке растворили какой-то наркотик...

– Возможно, кто-то неожиданно напал на нее на лестнице, – предположила Эрика. – На ней ночная сорочка, а значит, она поднялась наверх, чтобы лечь спать. А здесь кто-то притаился в темноте, и она шагнула прямо в ловушку?

– Это тебе выяснять, – сказал Айзек. Эрика от усталости прикрыла глаза. – Ты считаешь, что это не самоубийство? – добавил он.

– Она была одной из нас, – тихо произнесла Эрика. – И не производила впечатление...

– Эрика, одному Богу известно, что происходит в головах у людей.

Джон подошел к крышке чердачного люка, лежавшей на ковре на середине лестницы. К ней все еще был привязан обрывок веревки.

– Веревку привязали к металлическому стержню с внутренней стороны люка, – сказал он.

Эрика посмотрела на усыпанный пылью и штукатуркой коридор.

– Время смерти можно определить?

– Более тщательный осмотр проведу, тогда буду знать больше, – ответил Айзек.

Один из экспертов, появившись из гостиной, принялся делать снимки. В открытых глазах Аманды отражались блики вспышки.

Вслед за фотографом показался Нилз.

– Думаю, вам нужно взглянуть на это, – сказал он.

Они пошли за ним и увидели, что в гостиной прибрано, но стена за диваном увешана распечатками. Там были карты из *Google*, фотографии Джессики, Тревор Марксмэна и несколько снимков Марианны с Лорой, сидящих на скамейке в парке.

– Это видео, кадры из видео, что наснимал Тревор Марксмэн, – определила Эрика, взглянув на Джона. – Откуда они у нее? Где ее компьютер?

– Здесь стоял, – ответил Нилз, подходя к металлической подставке для компьютера в углу комнаты. – Остались только чемоданчик от ноутбука и зарядка. Внизу – струйный принтер. – Он показал на нижнюю полку подставки. – Мобильного телефона нигде нет, стационарный в коридоре отключен, – добавил он. – Кошелек на столе в кухне, рядом с чайником. В нем двести фунтов и все ее кредитные карты.

– Значит, не ограбление.

– Следов насильственного проникновения нет, – добавил Нилз.

– Дверь из кухни была распахнута настежь, когда мы приехали, – доложил Джон.

– Злоумышленник, если он проник через кухню, обязательно увидел бы кошелек.

На компьютерной стойке что-то лежало. Эрика подошла, натягивая латексные перчатки, что носила с собой в кармане. Это была маленькая упаковка апельсинового шоколада *Terry's*. Эрика увидела, что шоколад давно просрочен. Он затвердел и крошился, просыпаясь из оранжевой фольги.

– Она его не вскрывала, – заметила Эрика. – И смотрите, слоган на коробочке подчеркнут маркером.

– «Это не Терри, это – мое», – прочитал Нилз, заглядывая через плечо Эрики. – Очень старый шоколад. Этот слоган уже не используют... Я съедаю как минимум по одной упаковке апельсинового шоколада в неделю. Мое любимое лакомство.

– Как же вам удается не толстеть? – спросил Джон, окидывая взглядом высокую стройную фигуру Нилза.

– У меня очень быстрый обмен веществ, – пожал плечами Нилз.

Не обращая на них внимания, Эрика вертела в руках упаковку с шоколадом.

– «Срок годности: до 11 ноября 2006 г.», – прочитала она. – Зачем подчеркивать надпись на коробке?

Джон с Нилзом посмотрели на нее и пожали плечами.

* * *

Эрика с Джоном вернулись к машине и какое-то время просто сидели в ней, наблюдая, как из дома Аманды на металлических носилках выносят ее труп в черном мешке.

– Мне нужны данные о ее работе в Интернете и распечатка телефонных звонков. Надо понять, что она искала и с кем общалась перед смертью, – сказала Эрика. – И я хочу знать обо всех, кто имел доступ к видео Тренора Марксмэна. Выясните, кто переслал ей эти снимки по электронке или передал сами записи.

– Слушаюсь, босс.

Эрика посмотрела на упаковку апельсинового шоколада *Terry's*, что лежала в прозрачном пакете у нее на коленях.

– «Это не Терри, это – мое»... – повторила она, глядя на выделенную маркером надпись. – Что-то здесь не так. Аманда звонила мне, несколько раз. Оставляла сообщения, говорила, что обнаружила что-то интересное и я должна срочно с ней связаться.

Эрика достала телефон, набрала свой автоответчик.

– У вас нет новых сообщений, – доложил ей механический голос.

– Что за черт? – Эрика еще раз проверила автоответчик и услышала то же самое. – Несколько часов назад у меня в телефоне было три сообщения от Аманды.

– Может, по ошибке удалили? – предположил Джон.

– Нет. Я не удаляла. Кто-то это сделал за меня.

Глава 65

Во второй половине дня Эрика вернулась в оперативный отдел. Ее мобильный телефон полицейский-мотоциклист отвез на проверку в отдел по борьбе с киберпреступностью, располагавшийся в здании у Тауэрского моста; была запрошена информация о телефонных разговорах Аманды Бейкер и о ее работе в Интернете.

Вместе с Мосс и Питерсоном Эрика стояла у ноутбука, просматривая записи с камер видеонаблюдения.

– Это за девятое ноября. Среда на прошлой неделе, вторая половина дня, – констатировала Мосс. На экране высветилось зернистое черно-белое изображение коридора, где находилась просмотровая. – Это вы, босс, и констебль Макгорри, идете смотреть пленки, – добавила она, ускоряя видео. Они промелькнули в кадре и исчезли. – Спустя несколько часов эпизодическое появление Питерсона, – продолжала Мосс, пролистывая вперед запись. – А вот около семи вы уходите и запираете дверь.

– Незадолго до того, как я всех отпустила по домам, – вставила Эрика.

– Так, теперь начало восьмого вечера того же дня, – сказала Мосс, проигрывая видеозапись в режиме нормальной скорости. Сначала коридор был пуст, но потом в кадр вошел Крофорд, озираясь по сторонам. У просмотровой комнаты он остановился и прислушался. Затем отпер дверь и скрылся за ней.

– Возможно, он зашел туда без злого умысла? – спросила Эрика.

– Так, вот он вошел, – продолжала Мосс, – и я промотаю несколько минут... А вот вы, босс, в 7.12. Подходите, дергаете дверь...

– А Крофорд заперся изнутри, – dokonчила Эрика, глядя на свое изображение на экране.

– О, снова Питерсон. Уже успел сбежать в магазин и несет...

– Мой блокнот, – объяснила Эрика. Они смотрели, как Эрика с Питерсоном беседуют, оба в смущении. – Можно это промотать? – попросила Эрика.

– Без проблем. – Мосс быстро взглянула на нее.

Фигура Питерсона замелькала на экране, удаляясь в ускоренном режиме, затем через несколько минут ушла и Эрика.

– И вот вам, пожалуйста. В 7.36, почти двадцать минут спустя, из комнаты выходит Крофорд, – прокомментировала Мосс. На экране сначала дверь чуть приоткрылась, высунулась голова Крофорда, затем он быстро выскользнул из просмотровой, запер комнату и поспешил прочь по коридору.

С минуту они размышляли об увиденном. Потом из глубины оперативного отдела появился Джон.

– Босс, я только что просмотрел распечатки телефонных звонков Аманды Бейкер. Номеров там немного; видимо, она мало кому звонила, но вот телефон Крофорда там встречается часто. Последние две недели она связывалась с ним по несколько раз на дню.

– Отсюда вопрос: где констебль Крофорд? – подытожила Эрика, обводя взглядом своих подчиненных.

– Не знаю, босс, – пожал плечами Джон.

– А позвонить ему ума не хватает? – сердито спросила она.

* * *

Снова лил дождь, небо темнело, когда Эрика и Мосс выехали из Бромли, направляясь домой к Крофорду, жившему между Бекенэмом и Сиднэмом. Они пытались дозвониться ему и на мобильный телефон, и на домашний, но он так и не ответил. Они связались с его женой, но это ничего не дало: она не видела его несколько дней.

– Нехорошее у меня предчувствие, – поделилась с Эрикой Мосс, когда они затормозили у дома, где располагалась квартира Крофорда.

– Это здесь? – спросила Эрика, разглядывая улицу через ветровое стекло, вдоль которой жались друг к другу магазины дешевых товаров за один фунт, газетные киоски, ломбарды, несколько замызганных прачечных и супермаркет *Iceland*^[93]. Движение на дороге было интенсивное. – Припарковаться я тут не могу, за мной едут два автобуса, – сказала Эрика. Она проехала чуть дальше и свернула на стоянку «Макдоналдса».

Они поспешили к дому Крофорда, но пару минут простояли на переходе через запруженную машинами дорогу. Крофорд жил в квартире над ростовщической лавкой, где выдавали «кредиты до зарплаты». Белая дверь парадного открывалась прямо на улицу. В

длинном ряду звонков они отыскивали кнопку с номером его квартиры и позвонили. Никто не отозвался. Какой-то мужчина, выйдя из подъезда, придержал дверь, пропуская в дом Эрику и Мосс.

Они увидели застеленную грязной дорожкой витую лестницу, поднимавшуюся на четыре этажа. Крофорд жил на последнем. На третьем этаже, когда они поднялись туда, дверь была открыта, и из квартиры доносился возмущенный крик китаянки. В следующую минуту в дверях появился седой мужчина. За ним семенила маленькая разъяренная женщина.

– Вы сантехник, а течь не устранили?

– Я же сказал: вас заливают из верхней квартиры, а там никого нет, – устало объяснил ей мужчина.

– Здравствуйте, я – старший инспектор Фостер, это – инспектор Мосс, – обратилась к ним Эрика. Они с Мосс показали свои удостоверения. – Наверху никто не открывает?

– Это он так говорит, – сердито отвечала китаянка. – У меня на кухне течет со вчерашнего вечера. Весь потолок уже мокрый...

Эрика глянула на Мосс, и они бросились наверх.

Со второй попытки им удалось выбить дверь. Крофорд жил в однокомнатной квартире. У окна с видом на центральную улицу стояла незаправленная кровать; в уголке, отведенном под кухню, над грязными кастрюлями и сковородками жужжали мухи. Одну стену занимал фотоколлаж. На снимках Крофорд был запечатлен с двумя детьми, мальчиком и девочкой, лет десяти-двенадцати.

В углу у двери на ковре расплывалось большое мокрое пятно. Сама дверь была чуть приоткрыта, и они осторожно двинулись к ней.

Эрика распахнула ее. За дверью находилась крошечная убогая ванная. В воде, окрашенной в розовый цвет, плавало голое тело Крофорда. Стена за ванной на четыре фута вверх была обильно забрызгана кровью. В крови была измазана и сама ванна с другой стороны, там, где рука Крофорда свешивалась через бортик. Вода заливала пол.

Крофорд перерезал себе вены.

Глава 66

На следующий день Эрика приехала в морг, располагавшийся в Пендже. Ей показалось, что сегодня здесь холоднее, чем обычно, и флуоресцентные лампы слепят сильнее; их яркий свет резал глаза. Аманда Бейкер и Крофорд лежали рядом на двух секционных столах из нержавеющей стали, и стоило Эрике увидеть их, двух сотрудников полиции, на нее нахлынули воспоминания, которые она предпочла бы забыть: ее муж Марк и еще четверо полицейских, погибшие в тот роковой день.

Она прерывисто вздохнула, осознав, что Айзек обращается к ней.

– Знаешь, что настораживает меня в их гибели? Тот, кто отправил их на тот свет, сделал весьма неубедительную попытку обставить их смерть как самоубийство.

– Ты не думаешь, что Крофорд покончил с собой? – уточнила Эрика.

– Нет, не думаю.

Айзек сначала подошел к Аманде и осторожно откинул белую простыню, укрывавшую ее тело. Она лежала на животе, лицом к Эрике, щекой прижимаясь к металлу. Длинные седые волосы были зачесаны на одну сторону и перекинуты через другое плечо, открывая ее шею с ядреным рубцом и кровоподтеками. Эрика до сих пор пребывала в шоке, ведь еще несколько дней назад она общалась с Амандой.

– Такое повреждение кожного покрова образуется в результате удушения петлей, – объяснял Айзек. – Веревка глубоко врежется в шею, оставляя на коже характерную четко выраженную борозду. – Рукой в перчатке он показал на багровый рубец, опоясывавший шею. – Но посмотри вот сюда: в дополнение к борозде есть маленькие округлые кровоподтеки на задней части шеи. Мне это говорит о том, что петлю накинута через голову и стали затягивать, а она боролась или сопротивлялась. Узел петли во время борьбы перемещался, образуя вот это кольцо рубцов... Также обрати внимание на синяк на середине спины.

Эрика увидела темное пятно продолговатой формы.

– Этот ушиб мог появиться, когда ее столкнули с лестницы. Шея сломана, а значит, вероятно, она слетела с верхней ступеньки, при этом

веревка натянулась, и произошел разрыв хрящей... Не исключено, что она оказала сопротивление нападавшему. Мне удалось взять образцы кожи из-под ногтей. Они отправлены в лабораторию.

– Она без боя не сдавалась, – промолвила Эрика.

Помедлив, Айзек перешел к другому столу, с телом Крофорда. Тот лежал на спине. Волосы его были зачесаны назад, лоб открыт, и если бы не бледно-желтушный тон кожи, можно было бы подумать, что он спит.

Айзек откинул на нем простыню с боков, обнажив руки Крофорда, потом взглянул на Эрику и увидел, что по ее лицу текут слезы.

– Можно продолжать?

– Да. – Эрика взяла салфетку и промокнула глаза. – Печально, когда это один из наших, а тут сразу двое...

– Может, прервемся?

– Нет, я в порядке. – Проглотив слезы, Эрика усилием воли заставила себя успокоиться.

– Ладно, тогда идем дальше. Если посмотреть на руки, мы увидим два длинных разреза, по одному на каждом предплечье. Оба длиной около тридцати сантиметров, вертикальные, доходят до середины руки, а не горизонтальные на запястьях. Каждый разрез повредил лучевую артерию, основную артерию, что снабжает кровью предплечье и кисть. Это было сделано опасной бритвой, той, что издавна повсеместно использовали в парикмахерских.

Эрика поморщилась при виде двух длинных разрезов на руках Крофорда, которые теперь были аккуратно зашиты.

– Глубина и длина этих разрезов вызвали катастрофически стремительную кровопотерю. В его крови также обнаружены высокое содержание алкоголя и следы кокаина...

– Да, мы нашли небольшое количество кокаина в его квартире... Айзек, вот как раз он, на мой взгляд, был в большей степени склонен к суициду, чем Аманда. Последние дни на работе был сам не свой, как на иголках. Я не знала, что он, оказывается, переживал тяжелый бракоразводный процесс; предполагалось, что детей – у него их двое – отдадут на попечение жены. По ее словам, он был в депрессии.

– Он не вскрывал себе вены, – сказал Айзек.

– Из чего ты это заключил?

– Опасная бритва, с открытым лезвием, лежала на раковине. Ее вытерли начисто, мы вообще не нашли на ней отпечатков.

– Сам бы он явно этого сделать не мог, да? – спросила Эрика.

– Мог бы. Но при вскрытии лучевых артерий на руках кровь из него лилась потоком.

Эрика снова закрыла глаза, вспоминая место происшествия, забрызганную кровью белую плитку в ванной.

– Ему пришлось бы использовать тряпку либо салфетку, чтобы вытереть бритву, а потом положить ее на край раковины. Но в ванной мы не нашли ни окровавленной тряпки, ни салфетки. Кровопускание происходило в ванне: кровью окрашена вода и забрызгана плитка вокруг нее. Раковина, не считая маленькой капельки на ней, была чистой. Убийца хотел обставить его смерть как суицид.

Эрика смотрела на два тела, лежащие рядом.

– Перед тем как их убили, они обсуждали дело Джессики Коллинз. Аманда Бейкер что-то нашла. То ли убийцу вычислила, то ли обнаружила какое-то новое доказательство. Она пыталась связаться со мной, – сказала Эрика.

– И это было в ту самую ночь, когда кто-то проник в твой дом.

– Да. Думаю, это приходили по мою душу.

Глава 67

Джерри, в одних трусах, сидел на диване и смотрел телешоу *Deal or No Deal*^[94]. Рядом, прижимаясь к нему, притулилась та самая темноволосая девушка. Она была в его белой футболке. На этот раз он смилостивился и впустил ее. Она сказала, что ее зовут Триш. Его имени она так и не спросила.

Триш постучалась к нему на следующий день после того, как он едва унес ноги из квартиры Эрики Фостер, где потерял сознание от удара по голове. Она отказывалась уйти, ждала, пока он откроет дверь и впустит ее в дом. Они стояли друг против друга через порог. В сравнении с его кровоподтеком от ее синяка под глазом, можно сказать, осталась лишь бледная тень.

– Неважно выглядишь, – заметила она, тонкой рукой касаясь вздутия на его лбу, покрытого запекшейся кровью. Он кое-как соединил края трехдюймового пореза хирургическим клеем, и йод, которым он обработал рану, имел зеленоватый оттенок на фоне его кожи цвета капучино.

Джерри перехватил руку девушки, рывком затащил ее в квартиру и захлопнул дверь. Затем подхватил ее на руки и отнес в спальню, где они провели остаток вечера.

На экране участник телеигры, худой мужчина с лицом как картошка и глазами-бусинками, открывал последний чемодан.

– Как его зовут? – спросил Джерри.

– У него ж на бейджике написано, – улыбнулась Триш, приподнимая голову с его груди. Она хотела поцеловать его, но он ее оттолкнул.

– У меня вся рожа разворочена! Думаешь, я что-нибудь вижу?! – рявкнул Джерри, показывая на свое распухшее лицо.

– Его зовут Дэниэл, – поспешно ответила Триш.

На телеэкране смолкли все звуки. Дэниэл подошел к своему чемодану и содрал с него клейкую ленту. Камера выхватила из зрительской аудитории его жену – плохо одетую женщину, которой, по-видимому, не очень везло в жизни, – и затем снова взяла в объектив Дэниэла. Тот поднял крышку чемодана и вскричал:

– Нет! – Схватившись за голову, он рухнул на колени. Камера показала содержимое чемодана, в котором лежал £1.

– Ну и болван, – прокомментировал Джерри.

На телеэкране жене Дэниэла предложили подойти к мужу. Она храбрилась.

– А от чего он отказался?

– Банкир предлагал ему пятнадцать тысяч, – объяснила Триш, сунув в рот большой палец.

Джерри встал и пошел к холодильнику. Триш села ровнее на диване и, прислонившись головой к спинке, вытащила изо рта палец.

– У тебя сок есть? – спросила она.

Открыв холодильник, Джерри достал банку пива и бутылку сока. Между ним и Триш стоял круглый деревянный журнальный столик, на котором лежали пистолет «Глок-17» и двадцать пять тысяч фунтов мелкими купюрами.

С минуту он стоял с напитками в руках, наблюдая за ней. Ее взгляд упал на оружие и деньги, но она быстро отвела глаза.

– Молодец, – сказал Джерри. – На меня лучше смотри.

Он вернулся на диван, бросил сок на подушку возле нее и открыл банку пива. Триш выпрямилась и надолго приникла к бутылке с соком.

– А потом давай *Hollyoaks*[\[95\]](#) посмотрим? – предложила она.

Зазвонил его мобильный телефон. Он взял аппарат с журнального столика и вышел на балкон, закрыв за собой дверь.

– Где тебя черти носят? – раздался в трубке знакомый голос. Джерри молчал. – Ты слушаешь?

– Слушаю, – ответил он. На город опускалась ночь, далеко внизу улицы расчерчивала решетка оранжевых огней.

– Ты должен был разобраться со всеми тремя. Два суицида и противоправное вторжение в дом. А эта баба, Фостер, все еще жива.

Джерри медлил с ответом. Ему вспомнилось лицо Дэниэла из телешоу.

– Я выхожу из игры, – заявил он.

– Что значит «выхожу из игры»? Как это? Ты еще не доделал свою работу. Я больше ни пенса тебе не заплачу.

– Остальные деньги можешь оставить себе. Я – вне игры.

– Ты же понимаешь, дело не только в деньгах.

– А знаешь что? Я от тебя постоянно это слышу. Достало уже. Или ты не соображаешь, что происходит? Тебе не удастся сохранить это в тайне. Завеса приподнята. И если меня повяжут, тебе тоже конец. Я только теперь понял, что ничего не потеряю, если просто возьму и уйду.

С этими словами Джерри положил трубку. Он перевернул телефон, вытащил из него SIM-карту и аккуратно разломал ее на четыре части.

Теперь нужно было действовать быстро. У него в запасе, прикинул Джерри, максимум один день, а то и меньше. Он допил пиво и вернулся в комнату.

Глава 68

В конце рабочего дня Эрика сидела перед суперинтендантом Йелем в его кабинете. Выглядел он изможденным: лицо бледное, под глазами – большие темные круги. Они ждали Марша. Тот по телефону сообщил, что немного задержится.

– Сэр. Не стоит тратить на меня дополнительные ресурсы, – сказала она.

Он выставил вперед ладонь.

– Эрика, я не думаю, что полиция разорится, если у вашего отеля будет дежурить патрульная машина. Мы уже имеем поножовщину среди бела дня перед нашим отделением, один из моих сотрудников скончался при подозрительных обстоятельствах.

– Двое сотрудников, – поправила его Эрика. – Один бывший, Аманда Бейкер.

– Двое, – неохотно согласился Йель, потирая глаза. – Полагаю, вы слышали про Джейсона Тайлера?

– Что случилось?

– После того, как ему отказали в освобождении под залог, его поместили в Белмарш с условиями содержания по категории А[96]. Народ прознал, что он намерен пойти на сделку о признании вины и дать показания, и его убрали. Вчера вечером прирезали в душевой.

– А где взяли нож?

– Не поверишь. «Кит-Каты».

– Это что – какой-то новый уличный сленг?

– Да нет же, – раздраженно отвечал Йель. – Самые обычные батончики «Кит-Кат». Точнее, фольга, в которую их заворачивают. Какой-то светлый ум на пожизненном копил ее месяцами, а потом сделал заточку, на которую, наверно, ушло несколько сотен оберток. Тайлер получил удар в бедро, истек кровью в душе, и теперь его империя умирает вместе с ним.

Раздался стук в дверь, в кабинет вошла секретарша. Она принесла поднос с чаем. Перед Йелем поставила его чашку с надписью «Кто здесь босс?», перед Эрикой – чашку с изображением Коржика[97].

– Пожалуйста, – произнесла она. – И, возможно, вы не откажетесь от чего-нибудь сладкого. – Она положила на стол рядом с чашками

горячего чая два батончика «Кит-Кат» и удалилась.

– Вот засада, мать твою! – взревел Йель.

Эрика едва сдержала смех; невероятным усилием воли она старалась сохранять серьезное лицо, наблюдая, как он смел батончики со стола в мусорную корзину.

В дверь постучали. Вошел Марш.

– Простите, опоздал, – извинился он.

– Ничего, присаживайтесь.

– Плохо дело. Потеря сотрудника не лучшим образом сказывается на состоянии морально-боевого духа, – заметил Марш.

– Двоих сотрудников, – подчеркнула Эрика.

– Да, конечно, – согласился Марш.

Далее Эрика сообщила о последних результатах расследования.

– Мы получили распечатки звонков с телефона Крофорда; из них видно, что в последние недели он плотно контактировал с Амандой Бейкер. Нам удалось найти телефон Аманды Бейкер. Он завалился за боковину кресла, и преступник его не нашел. Ребята из отдела по борьбе с киберпреступностью проверили ее телефон и обнаружили, что последние две недели он прослушивался с помощью «трояна». Равно как мобильник Крофорда и мой. Кто-то слушал нас и мониторил звонки. Также были внесены изменения в статистику телефонных переговоров и сообщений. В вечер своей гибели Аманда звонила мне на мобильный и оставила сообщение, она и Крофорду тоже звонила. Кто-то удаленно стер эти голосовые сообщения с обоих телефонов.

– Боже, Эрика! – воскликнул Марш. – Значит, все наше расследование, возможно, находится под угрозой?

– Да, сэр.

– Я обязан доложить помощнику комиссара...

– Простите, сэр, но мне теперь приходится жить в гостинице, потому что кто-то проник в мой дом. Мы имеем дело с преступником, который опережает нас и постоянно опережал последние недели.

– То есть вы не думаете, что к этому каким-то боком причастен Джоэл Майклс?

– Джоэл Майклс последние дни провел у постели Тренора Марксмэна, который все еще находится в отделении интенсивной терапии. По словам медсестер, он отходил от него разве что в туалет. Марианна Коллинз, поскольку она оказалась маньячкой и с ножом

напала на человека, в соответствии с законом «Об охране психического здоровья» помещена в психбольницу и находится под стражей. Мне к ней не подступиться. Допросить ее я не могу... А единственный человек, который, вероятно, напал на верный след... она погибла. И, как я уже говорила, преступник, кто бы он ни был, опережает нас на несколько шагов.

Йель с Маршем молчали.

– Да, и еще. Я приказала своим сотрудникам еще раз произвести обыск в доме Аманды Бейкер. По-видимому, она вела самостоятельное расследование: у нее обнаружено много записей и распечаток. Сейчас мы тщательно все это изучаем. В датчике дыма у нее дома найдено миниатюрное подслушивающее устройство.

– Черт возьми, кто ж они такие, эти Коллинзы? – воскликнул Марш.

– Я не собираюсь сдаваться, – заявила Эрика. – И надеюсь, вы и помощник комиссара позволите мне продолжить работу и скорректировать ход расследования.

Марш на мгновение откинулся на спинку стула.

– Пока продолжайте. Но вскоре я намерен проинформировать помощника комиссара и сообщу о ее решении.

* * *

После совещания Эрика отправилась в уборную. Она умылась холодной водой и посмотрела на свое уставшее лицо в зеркале. Заработал сливной бачок. Молодая женщина, выйдя из кабинки, подошла к раковине. Эрика узнала в ней одну из патрульных, собиравших деньги в День Гая Фокса. На ней был бронежилет – видимо, она готовилась выйти на дежурство.

– Вам плохо, мэм? – спросила женщина, моя руки.

Заметив бронежилет, Эрика мгновенно перестала жалеть себя.

– Нет. Просто день выдался долгим и тяжелым.

– Да вся неделя такая, мэм, долгая и тяжелая. – Женщина вытерла руки и шагнула к выходу.

– Вы уж повнимательнее будьте на дежурстве... – неожиданно для самой себя напутствовала ее Эрика.

- Констебль Клэрмонт.
 - Не теряйте бдительности, констебль Клэрмонт.
 - Да я всегда начеку. Спасибо, мэм, – ответила та и вышла.
- Эрика вымыла руки и вернулась в оперативный отдел.

Глава 69

Рано вечером Эрика ненадолго заскочила в отель, чтобы принять душ и переодеться. После она постучала в соседний номер. Дверь открыла Ленка с Эвой на руках.

– У вас все хорошо? – спросила Эрика. – Прости, что совсем не видимся в последние дни.

– Дети в своей стихии. Номер обслуживается, бассейн есть, и постояльцев немного. Я почти не вспоминаю, что дома меня ждет муж, – ответила Ленка и в свою очередь поинтересовалась: – А ты как?

– Все нормально. Сделала небольшой перерывчик и теперь снова в отделение. Надеюсь, ты настороже, смотришь в оба? – спросила Эрика.

– Да, мы здесь чувствуем себя в полной безопасности. И это вот на всякий случай. – Она показала на фоторобот, который составила вместе с экспертом-криминалистом.

– На стену-то зачем повесила? – удивилась Эрика, рассматривая составной портрет пугающего мужчины с кустистыми бровями, злыми глазами и густой курчавой шевелюрой.

– Чтобы дети точно знали, какой он, как выглядит. Эти фотки есть и на стойке администратора, и в комнате для персонала, и на кухне.

– Ему была нужна я, – заметила Эрика.

– Так мы же с тобой похожи, просто я чуть-чуть симпатичнее, – улыбнулась Ленка.

– Вот нахалка. Я буду на работе допоздна, когда вернусь – не знаю. На парковке дежурит патрульный.

Эрика поцеловала сестру и Эву, попросила передать привет Якубу и Каролине, когда те прибегут из бассейна.

* * *

По прибытии в отделение Эрика поднялась в оперативный отдел, где Питерсон и Мосс выгружали из пакета упаковки с едой.

– Китайская? – любопытствовала она, открывая дверь.

Мосс кивнула, приподнимая раздутый белый пакет.

– Все отличные вещи. Жареный рис с говядиной, курица с лапшой и овощами, жареная капуста, креветочные чипсы.

– Как вы узнали, что я приду голодная?

* * *

Часом позже, насытившись, они сидели за одним из длинных столов. Перед ними лежали распечатки звонков с телефона Аманды Бейкер, история ее запросов в Интернете и листы с записями, что висели на стене в ее доме.

Следующие несколько часов они тщательно изучали все эти материалы.

– В глаза бросаются две вещи. Она сделала скриншот с одного из видео, снятых Тревором Марксманом, – подытожила Эрика, показывая распечатанный кадр с Марианной и Лорой, сидящими на скамейке. – И лично мне не дает покоя упаковка с апельсиновым шоколадом, на которой подчеркнут слоган «Это не Терри, это – мое».

Все трое переглянулись.

– Я бы сейчас с таким кайфом уничтожила апельсиновый шоколад, – тоскливо протянула Мосс.

– Ну и словечки у тебя, – укорил ее Питерсон. – И потом, ты только что набила пузо китайской едой.

– Не отвлекайтесь, – одернула их Эрика. – Я хочу посмотреть ту часть видео, с которой она сделала распечатку.

Они загрузили видеозаписи на ноутбук Эрики и после кропотливых поисков нашли нужные файлы. На обоих видео Марианна и Лора о чем-то спорили, но голоса их были едва различимы. Эрика промотала запись назад и включила звук на полную громкость. Крики и смех детей, играющих в парке, скрип качелей. Они напрягали слух, пытаясь разобрать, о чем говорят Лора с Марианной.

– Это сейчас Лора говорила? «Ты давай не командуй мной... и ею тоже»? – уточнила Эрика.

– Да, ее голос громче, Марианну вообще не слышно, – согласился Питерсон.

Они снова вернули запись к началу сцены.

– «Ты давай не командуй мной... не твоя... моя...» – раздался из динамика голос Лоры.

– Еще раз, – велела Эрика. – И погромче.

Мосс снова запустила тот же кусочек записи. Из динамика загремели шумы парка и голос Лоры:

– «Ты давай не командуй мной... Она не твоя... она – моя...»

Эрика остановила видео и встала, напряженно размышляя.

– В чем дело? – спросил Питерсон.

– Она не твоя, она – моя... Она не твоя, она – моя... Упаковка апельсинового шоколада *Terry's* у компьютера Аманды.

Эрика принялась перебирать фотографии с места преступления.

– Она ведь зачем-то подчеркнула тот рекламный слоган: «Это не Терри, это – мое».

– Думаете, к этому причастен некий Терри? – спросил Питерсон, наблюдая за Эрикой. Та, погруженная в раздумья, вышагивала по комнате.

И вдруг остановилась как вкопанная.

– А что, если Лора имела в виду Джессику, когда говорила: «Она не твоя, она – моя»? – Эрика повернулась к Мосс и Питерсону. – Какая разница в возрасте между Лорой и Джессикой?

– Джессике было семь; Лоре – двадцать, когда Джессика... – отвечал Питерсон. – Пойдите, уж не думаете ли вы...

Эрика стала рыться в бумагах на столе.

– Что вы ищете, босс? – спросила Мосс.

– Я видела кое-что в распечатке интернет-истории Аманды Бейкер. Веб-адрес какого-то ирландского сайта.

– Дайте мне часть бумаг, – вызвался помочь Питерсон.

Они разделили материалы и несколько минут внимательно просматривали каждую страницу, распечатанную мелким шрифтом.

– Есть, – объявила Эрика. Она подошла к ноутбуку и набрала веб-адрес: <http://www.hse.ie/eng/services/list/1/bdm/Certificates/>

– Аманда искала свидетельство о рождении, выданное в Ирландии. Прямого доступа, как у нас, к архивам загса у нее не было, поэтому ей пришлось подавать заявку на выдачу копии свидетельства о рождении.

Глядя на экран, на котором была выведена страничка веб-сайта, Мосс прочитала:

«В связи с недавним референдумом в Великобритании существенно возросло количество запросов на свидетельства о рождении. Поэтому срок выполнения заявок данной службой составит до тридцати (30) дней со дня их подачи».

– Аманде пришлось бы ждать тридцать дней. Думаете, тогда она вам и позвонила?

– По-вашему, мы здесь одни такие шустрые? Думаете, другие не догадались бы, в чем дело? – прокомментировала Эрика.

– Первое расследование было неудачным, и кому могло прийти в голову проверить свидетельство о рождении Джессики? Когда мы проверяем свидетельства о рождении или смерти? Только в тех случаях, когда подозреваем что-то сомнительное.

– Думаете, такое возможно? – Лицо Эрики покраснело от возбуждения. – Что Лора Коллинз не сестра Джессики, а ее мать?

Глава 70

– Итак, прошу вашего полнейшего внимания, – обратилась Эрика к своей команде, когда на следующий день рано утром ее подчиненные собрались в оперативном отделе. Установилась тишина, и Эрика сообщила о том, к каким выводам они пришли накануне вечером и что у них есть основания подозревать, что Лора Коллинз – не сестра Джессики, а ее мать.

– Мы направили в ирландский архив запрос о предоставлении копии свидетельства о рождении Джессики Коллинз и попросили прислать ответ сразу же, как откроется загс.

– Босс, на ваше имя поступил факс, – доложил Джон, кивая на экран своего компьютера.

– Что ж ты сидишь, распечатай! – велела Эрика.

– Слушаюсь, босс.

Эрика прошла к принтеру в глубине оперативного отдела, ощущая на себе взгляды всех, кто был в комнате. Казалось, миновала целая вечность, прежде чем принтер зажужжал и начал печатать. Из аппарата медленно выползал скан свидетельства о рождении. Оно было выдано в восемьдесят третьем году, и в нем... вот оно, черным по белому, четким разборчивым почерком... Эрика не верила своим глазам. Она повернулась к своим сотрудникам и с торжествующими нотками в голосе прочитала:

– Мать – Лора Коллинз... и, постойте, отец здесь тоже указан. Это Джерри О'Райли. Проживал по адресу: Голуэй, Дорчестер-Корт, 4.

Мосс уже стояла у одной из демонстрационных досок, записывая новую информацию.

– Итак, нужно выяснить все что можно об этом Джерри О'Райли. Обстоятельства нам неизвестны, мы не знаем, старый он или молодой, но у нас есть фамилия и адрес.

Сотрудники оперативного отдела засуетились.

Через полтора часа им удалось установить, что по адресу Дорчестер-Корт, 4, были зарегистрированы два человека по имени Джерри О'Райли.

– Это отец и сын, полные тезки, – сообщила Мосс.

– Хорошо, но как узнать, кто из них отец Джессики? – спросила Эрика.

– Джерри О’Райли-старший родился 19 ноября 1941 года, значит, ему было... – начала Мосс.

– В апреле 1983-го, когда родилась Джессика, ему было сорок два года – закончил Джон.

– Быстро считаешь, – с улыбкой похвалила его Эрика.

– Джерри-младший, – продолжала Мосс, – родился в том же году, что и Лора, в 1970-м. Когда Джессика появилась на свет, ему было тринадцать лет.

– Проклятье. Ее отцом может быть и тот, и другой, – заключила Эрика.

Глава 71

Приготовления у Джерри О'Райли заняли чуть больше времени, чем ему хотелось бы. Он оценил степень риска, прикинул, какие улики против него могли быть у полиции, и пришел к выводу, что женщина, на которую он напал в квартире Эрики Фостер, вряд ли сумеет его опознать. Только она одна его и видела, и то во время короткой драки в темноте.

Двое полицейских, которые тоже его видели, были мертвы.

Джерри подумывал о том, чтобы убить и Триш, несколько минут наблюдал за ней – она сидела на диване перед телевизором, – взвешивая все за и против. Потом, приняв решение, прошел к кухонным шкафам и вытащил резиновые перчатки с большим пластиковым пакетом.

– Что ты делаешь? – испуганно спросила она при его приближении.

– Поможешь мне убрать квартиру. Вытри начисто все поверхности. Чтоб ни волоска, ни соринки не осталось.

– Съезжаешь?

– Да. И залог еще нужно забрать.

Квартиру они покинули поздно вечером. Джерри с сожалением попрощался с Триш на железнодорожном мосту в Мордене. Она стояла на холоде и смотрела ему вслед, из ее рта и ноздрей шел пар. Жаль, что он не встретил ее раньше: пригодилась бы в работе.

Низко надвинув на лицо козырек бейсболки, он сел в метро и по Северной линии доехал до «Чаринг-Кросс», потом добрался до Гудж-стрит, где заселился в молодежный хостел. Все, что ему требовалось, это ночлег и приличный вай-фай.

До глубокой ночи Джерри просидел в небольшом кофе-баре, работая за компьютером. На следующий день рано утром принял душ, начисто побрился. Потом отправился в Сохо, где приобрел черный костюм облегающего кроя, приталенную белую сорочку и дорогие черные туфли. Его следующей остановкой стал салон-парикмахерская в Нилс-Ярд, где он заплатил за то, чтобы его буйную кудрявую шевелюру коротко остригли и уложили в модную прическу. Затем в универмаге *Selfridge's* он купил дорожную сумку и вместе с ней

заперся в туалетной кабинке для инвалидов, откуда вышел через несколько минут – уже в новом костюме, с новой сумкой, в которой лежали его вещи. Старую одежду и обувь он запихнул на самое дно урны.

Спустившись на нижний этаж, Джерри зашагал мимо витрин с косметикой, пока не увидел молодого стройного парня с рыжими волосами, работающего в отделе продукции фирмы «МАС».

– Привет, – поздоровался Джерри, сверкнув лучезарной улыбкой.

– Привет, – ответил парень, смерив его взглядом с головы до ног.

Джерри извлек из кармана фотографию американского певца Адама Ламберта.

– Можешь накрасить меня под него? – спросил он, глядя парню прямо в глаза, умышленно флиртуя с ним.

Тот глянул на фотографию, снова поднял глаза на Джерри. На его узких бедрах сидел небольшой кожаный фартук, из кармашков которого торчали несколько макияжных кистей.

– Конечно, – кокетливо улыбнулся в ответ парень, выбирая карандаш для подводки глаз. – Мне нравится твой ирландский акцент. Каким ветром тебя занесло так далеко от родины?

– Да так. Думаешь, сумеешь замаскировать мои синяки? А то у меня собеседование. Устраиваюсь на работу. В кинокомпанию.

– Хочешь произвести впечатление?

– Что-то вроде. Ты уж постарайся, а я в долгу не останусь, – с улыбкой сказал Джерри.

* * *

В четверг около одиннадцати часов дня Джерри сидел в «Старбаксе» на вокзале Сент-Панкрас. Перед ним на столе лежал открытый ноутбук. Он допил кофе, дописал сообщение, что собирался послать по электронной почте, прикрепил файл и затем, активировав фотокамеру, раздвинул губы в широкой улыбке, поднял вверх средний палец и сфотографировал себя. Снимок вложил в сообщение, которое запрограммировал на отправку тем же вечером.

Выбросив пустой стакан из-под кофе в урну, Джерри покинул кафе, пересек зал в здании вокзала и по эскалатору, перескакивая сразу

через две ступеньки, поднялся к платформе, с которой отходили поезда «Евростар». Его поезд отправлялся через семь минут. Теперь или никогда, решил Джерри. Ощущая гудение адреналина в крови, он поставил сумку на поддон для прохождения досмотра. Двадцать пять тысяч, что лежали на кухонном столе, он обменял на купюры по €100 и €500. Часть из них убрал в сумку, часть – в бумажник, часть – в карман пиджака.

Он протянул свой паспорт какой-то надутой корове. Та взяла его, внимательно посмотрела на фото, сделанное несколько лет назад. На снимке он выглядел не столь благообразным, но она даже бровью не повела. Она приложила паспорт к сканеру и, держа его открытым в своей маленькой ручке, на долгое ужасное мгновение приковалась взглядом к экрану. Экран пикнул, и она, с восковой улыбкой на лице, вернула ему документ и пожелала доброго пути. Далее ему предстояло пройти контроль безопасности. Он встал в конец короткой очереди, состоявшей в основном из командированных, и посмотрел, кто осуществляет проверку пассажиров у металлодетекторов.

Ага, вон тот парень – типичный гомик, – определил Джерри, приближаясь к металлодетекторам. Укладывая сумку, он постарался исключить все, что могло бы вызвать подозрения, а также заранее снял с себя ремень и выложил в поддон все, что у него было металлического. Фактически он не нарушал закона, везя через границу двадцать пять тысяч евро, поскольку ехал из одной страны Евросоюза в другую, но ему не хотелось, чтобы его остановили пограничники.

Наконец подошла и его очередь. Он с легкостью проскочил через сканеры и еще минуту ждал, когда из рентгено-инспекционной установки выползет его сумка.

– Доброго пути, – с улыбкой напутствовал его парень на контроле. Джерри подмигнул ему, взял сумку и поспешил к поезду, до отхода которого оставалось три минуты.

Только он отыскал свое место, поезд тронулся, а через полчаса покинул пределы Великобритании и помчался по подводному тоннелю к материковой Европе.

Глава 72

В то время как «Евростар» с Джерри покинул пределы Великобритании и покатил по Евротоннелю, преодолевая расстояние в двадцать шесть миль, Эрика, Мосс и Питерсон изнывали от нетерпения, стоя у принтеров в глубине оперативного отдела в Бромли. Они выяснили, что старший Джерри О'Райли скончался перед самым Рождеством в 1982 году, за год с небольшим до рождения Джессики. Жужжание, гудок, а потом замигала красная лампочка.

– Кто знает, как заправить бумагу в эту чертову машину? – крикнула Эрика.

Джон подскочил к ним, быстро загрузил бумагу в лоток. Принтер снова заработал, выталкивая лист с фотографией на паспорт Джерри О'Райли.

Эрика взяла снимок, стала рассматривать лицо: злые глаза под кустистыми бровями, густая курчавая шевелюра темных волос. Она взглянула на Мосс и Питерсона.

– А где фоторобот того, кто влез ко мне домой?

Констебль Найт принесла Эрике фоторобот, который та поставила на одном из столов рядом с распечатанным изображением.

– Боже. Это он. Одно лицо! – присвистнул Питерсон.

– Итак, внимание. – Эрика вышла вперед, показывая всем распечатки фоторобота и снимка на паспорт, которые она затем прикрепила на демонстрационную доску. – Вот наш главный подозреваемый: Джерри О'Райли, сорока шести лет. Необходимо выписать ордер на его арест, связаться с транспортной полицией, пограничниками, аэропортами, проверить активность по его дебетовым и кредитным картам и так далее. Мы должны его найти, причем быстро. Он убил двух наших коллег. Мы также считаем, что он – биологический отец Джессики Коллинз. Я хочу знать, чем он занимался последние двадцать шесть лет. Знал ли он, что у него есть ребенок? Лора Коллинз родила в Ирландии в начале восьмидесятых, в среде ревностных католиков. Я не утверждаю, что у Джерри О'Райли имелся мотив убить родную дочь, но на данный момент это самая толковая версия. Если он и не убивал свою дочь, то, вне сомнения,

пытался всячески помешать нам найти ее убийцу. Поймаем его – раскроем эту тайну. За работу.

В оперативном отделе мгновенно закипела бурная деятельность. Полицейские уселись за компьютеры, схватились за телефоны. Вскоре в кабинет Эрики пришла Мосс с папкой в руках.

– Досье на Джерри, – доложила она. – Только что передали по факсу. Весьма впечатляет.

– Удиви меня, – сказала Эрика.

– Ладно. Первый раз он нарушил закон в восьмидесятом году, когда ему было десять лет, – начала читать Мосс. – В составе банды из шести детишек совершил нападение на пожилую женщину и отобрал у нее кошелек. Арест и предупреждение... В одиннадцать и двенадцать его снова арестовывали – за магазинную кражу, поджог и поножовщину: порезал ногу одному из ребят в школе. В семнадцать его осудили за нанесение тяжких телесных: во время драки в пабе запустил бокалом в барменшу и выбил ей глаз. Полтора года оттрубил в колонии Святого Патрика в Дублине... Потом вроде как круто изменил свою жизнь – в девяносто первом записался в вооруженные силы Ирландии. Два года воевал на Ближнем Востоке: Кувейт, война в Персидском заливе, затем еще год в Эритрее; после какое-то время воевал в составе миротворческих сил в Боснии... Потом, в девяносто седьмом году, подрался с офицером, чуть не убил его, за что был уволен из армии с лишением прав и привилегий. В последующие годы подвизался в разных компаниях охранником и, не считая предупреждения за употребление марихуаны, особо не высывался и ни в чем противоправном уличен не был.

– Неслабо.

– Ну да.

– Все это хорошо, но возникает самый главный вопрос: где он находился летом девяностого года, когда пропала Джессика?

– Джон ждет информацию по его паспорту... Что вы намерены со всем этим делать? Пригласите в отделение Лору Коллинз для допроса?

– Нет. Я планирую вылепить ей все эти факты без предупреждения, чтобы застать ее врасплох.

Глава 73

Эрика, Мосс и Питерсон ехали в Хейз, находившийся неподалеку от отделения полиции Бромли. Все трое напряженно размышляли о том, что выяснилось за последние несколько часов.

Они свернули на Эйвондейл-роуд, где не увидели ни машин, ни людей. Тишину нарушал лишь шорох листьев, которые ветер медленно гнал им под колеса. Эрика говорила с мужем Лоры, и тот сообщил, что предыдущим вечером его жена решила остаться в доме на Эйвондейл-роуд: якобы ей нужно что-то уладить для матери.

По его тону они поняли, что решение жены его удивило, но Эрика не стала выпытывать подробности. Перед самым отъездом из отделения им также стало известно, что Джерри О'Райли последние несколько недель снимал квартиру в Мордене, но два дня назад уведомил хозяина о том, что выселяется.

Эрика затормозила у обочины неподалеку от дома № 7. Мосс сидела рядом, Питерсон – сзади.

– Так. Здесь нужно соблюдать осторожность, – сказала Эрика, обращаясь к обоим. – Лора – не подозреваемая, но с ней необходимо побеседовать. Нельзя исключать, что с ней сейчас Джерри О'Райли... Будем действовать аккуратно.

В это самое мгновение с подъездной аллеи дома № 7 вырулил большой черный «Рейндж Ровер» с тонированными стеклами. Автомобиль повернул налево и с визгом помчался прочь по Эйвондейл-роуд. В считанные секунды он скрылся за гребнем холма.

– Кто это, черт побери? – недоуменно спросила Эрика.

– Не увидела, окна затемнены. Но номер я срисовала, – ответила Мосс, записывая в блокнот номерной знак.

Спустя мгновения от дома № 7 на дорогу выехал серебристый «Рейндж Ровер» и повернул направо, в их сторону. Они увидели, что за рулем сидит Лора.

Эрика мигнула фарами, открыла дверцу, ступила на дорогу и жестом велела ей остановиться. Лора на секунду сбавила ход, а потом рванула мимо них и с визгом шин понеслась к концу улицы.

– Что за черт?! – воскликнула Эрика. Она быстро села в машину, завела двигатель, сделала резкий разворот и рванула следом.

«Рейндж Ровер» ждал на перекрестке в конце дороги, но при их приближении внезапно газанул, чуть не врезавшись во встречный автомобиль, который едва успел увернуться.

– Она что – спятила? – озадаченно произнесла Мосс. И она, и Питерсон подались вперед, к ветровому стеклу.

Дорога была с односторонним движением. Мимо струились дома, промелькнул небольшой паб, затем газетный киоск. «Рейндж Ровер» по-прежнему набирал скорость, мчался вверх по крутому склону, что тянулся впереди на четверть мили. Эрика надавила на газ, нагоняя Лору. По противоположной полосе катил вниз плотный поток машин, поэтому Эрика включила мигалку и сирену. Автомобиль перед ними быстро прижался к обочине, и Эрике удалось сократить отставание. «Рейндж Ровер» Лоры достиг вершины холма и исчез за ним.

– Почему она пытается скрыться? – изумился Питерсон.

На скорости восемьдесят миль в час они влетели на гребень холма и на противоположной стороне склона ненадолго съехали с асфальтового покрытия, поскольку дорога, окаймленная с обеих сторон деревьями, резко уходила вниз. Вдалеке маячила машина Лоры. Эрика по рации передала, что они преследуют серебристый «Рейндж Ровер» на Уэст-Коммон-роуд.

– Она не сбавляет скорость, – заметила Мосс.

Сквозь деревья Эрика видела простиравшийся в обе стороны парк.

– Куда ведет эта дорога? – спросила она, давя на педаль акселератора.

Питерсон на заднем сиденье уже рылся в телефоне.

– Пересекает парк и тянется до самого вокзала, – ответил он.

Впереди «Рейндж Ровер» замедлял ход. Пару раз мигнули тормозные огни, затем зажегся поворотник.

– Налево сворачивает, – произнесла Эрика.

– Там дорога пересекается с Кройдон-роуд, – сообщил Питерсон.

Машина Лоры скользнула влево и опять исчезла из виду.

С включенной сиреной Эрика приближалась к перекрестку, лишь чуть-чуть притормозив. Мосс с Питерсоном схватились за поручни, когда Эрика на полном ходу бросила машину влево, так что шины завизжали.

– Вижу, вон она, – сказала Эрика, снова набирая скорость.

– Если мы ее потеряем... – начала Мосс.

– Не потеряем, – процедила сквозь зубы Эрика. Впереди «Рейндж Ровер» замедлил ход, мигнул поворотником и вновь исчез за деревьями.

– Куда она теперь?

– Заезжает на стоянку парка, – ответила Мосс.

Они домчались до стоянки с гравийным покрытием и сбавили скорость. Кроме серебристого «Рейндж Ровера» Лоры, других машин на парковке не было. Они увидели, что она остановилась и выбирается из автомобиля.

Эрика влетела на стоянку.

– Она убегает, – поразился Питерсон. Лора бежала по поросшей травой и вереском пустоши в сторону карьера. На ней были теплое черное пальто, легинсы и черные сапоги до колен со шнуровкой.

Они резко затормозили, выбивая из-под колес фонтан камешков, и Эрика выскочила из машины.

– Лора! Остановитесь! – крикнула она, но ветер унес ее голос в другую сторону.

– Куда она бежит? – спросила Мосс, быстро вылезая из машины. Следом выпрыгнул Питерсон.

Они помчались за ней. Питерсон бежал впереди. Размашисто перескакивая через кусты вереска, ветки и камни, он постепенно нагонял ее. Эрика не отставала.

– Боже Всемогущий! – возопила сзади Мосс. Она задыхалась, прижимая к груди ладони. – Надо было надеть спортивный лифчик!

– Лора! – крикнул Питерсон. – Лора, стойте! Вы что – с ума сошли?

Лора обернулась, ветер швырнул ей на лицо ее длинные волосы. Она смахнула их набок и вновь бросилась бежать – сначала вверх по холму, затем вниз. Питерсона с Эрикой теперь отделяли от нее всего несколько метров. Они достигли вершины холма, и их взорам открылся карьер. От ветра вода покрылась рябью.

– Лора! Стоять! – Питерсон догнал ее, поймал за руку. Она крутанулась вокруг себя и, не устояв на ногах, повалилась на гравий. Питерсон с глухим стуком рухнул вместе с ней, и Эрика едва не налетела на них. Она резко остановилась, ощущая боль в легких оттого, что заглывала ледяной воздух.

Лора вырывалась и брыкалась. Легинсы на одном колене разодрались, и в прорехе кровоточила ссадина.

– Лора! Лора! – кричала Эрика. Ей удалось утихомирить ее и завести ей за спину руки. – Боже, Лора, зачем вы так... Вы не оставили мне выбора. Я вынуждена арестовать вас за попытку скрыться от сотрудника полиции.

– От троих сотрудников полиции, – поправила ее запыхавшаяся Мосс, подбегая к ним. Она достала наручники. Питерсон взял их и надел на руки Лоры за ее спиной.

– Вы арестованы по подозрению в содействии преступнику, – тяжело отдуваясь, начал он. – Вы имеете право хранить молчание, но вы можете повредить доводам защиты в вашу пользу, если во время допроса утаите факты, которые впоследствии могут быть использованы вами в суде. Все ваши показания могут быть представлены в суде в качестве доказательств...

Лора обмякла и, уткнувшись взглядом в гравий, заплакала.

Глава 74

Они привезли Лору в отделение полиции Бромли, где ей обработали ссадину на ноге. После ее провели в допросную.

Эрика, Мосс и Питерсон наблюдали за ней из другой комнаты. Лора казалась маленькой и незащищенной, сидя в одиночестве за пустым столом. В дверь постучали, вошел Джон.

– Ну, что сказала Лора Коллинз? – спросил он.

– Ничего, – ответила Эрика, глядя на мониторы. – В машине она не сказала ничего. И от адвоката отказалась.

– Думаете, потребуется освидетельствование психиатра? – спросил Питерсон.

– Если вызовем врача, придется отложить допрос, – вспыхнула Эрика. – А мы только подобралась...

– К чему? Она явно не в себе. И то, что она устроила так, что ее мать среди бела дня с ножом набросилась на Тренора Марксмена, тоже нельзя назвать поведением вменяемого человека.

– Питерсон, в прошлую субботу я беседовала с ней, и, по ее словам, она понятия не имела о том, что ее мать прихватит с собой нож... Мне показалось, что она в ясном уме и в общении со мной была вполне адекватна, до самого моего ухода, когда прибыл Оскар Браун... – Эрика запнулась. – От адвоката она отказалась, но знает Оскара?

Снова стук в дверь. Вошла констебль Найт с листочком в руке.

– Босс, пришел ответ по черному «Рейндж Роверу», который на ваших глазах отъехал от дома № 7 по Эйвондейл-роуд. Автомобиль зарегистрирован на королевского адвоката Оскара Брауна.

Эрика, Мосс и Питерсон переглянулись.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарила Эрика.

– Босс, так когда вы видели Оскара Брауна у Лоры? – спросил Питерсон.

– В субботу. Я поинтересовалась у нее, будет ли он защищать Марианну, она сказала, что нет, а потом, прощаясь с ней, на пороге я столкнулась с ним, и он опроверг ее слова. Я хочу с ним поговорить. Найт, выясните, пожалуйста, где он находится.

– Слушаюсь, босс. – Констебль Найт удалилась.

Эрика посмотрела на изображение Лоры на мониторе.
– Что ж, попробуем разговорить Лору.

* * *

Эрика и Мосс отправились в допросную; Питерсон и Джон остались наблюдать за ходом допроса из мониторинной. Лора никак не отреагировала на появление полицейских. Эрика с Мосс заняли места за столом напротив нее. Ссутулившись, она сидела, сложив на груди руки, и смотрела прямо перед собой.

Эрика наговорила под запись дату и время проведения допроса, перечислила присутствующих и напоследок добавила, что Лора отказалась от услуг адвоката.

Лора не шелохнулась, упорно глядя в стол.

– Лора, как получилось, что вы оказались здесь? – спросила Эрика. – Вы не оставили мне выбора. Я была вынуждена вас арестовать. Почему вы пытались скрыться?

Молчание.

– В тот день, когда ваша мама набросилась с ножом на Тренора Марксмэна, вы сообщили мне, что о его намерении устроить акцию протеста у отделения полиции ее уведомил по телефону некий журналист. Мы проверили статистику звонков на ваш домашний телефон. В тот день поступили три звонка. Два с мобильного телефона вашего супруга и один, около часа дня, от Оскара Брауна.

Лора все так же молчала, глядя прямо перед собой. Эрика раскрыла папку, что лежала перед ней, взяла из нее копию свидетельства о рождении Джессики и пододвинула ее по столу к Лоре. Та, взглянув на свидетельство, вытаращила глаза.

– Нам известно, что Джессика ваша дочь. Почему ваша семья это скрывала?

Молчание.

Эрика достала фотографию Джерри О'Райли и его фоторобот.

– Нам известно, что этот человек, Джерри О'Райли, отец Джессики. Мы также подозреваем, что он виновен в убийстве двух сотрудников полиции. Что вы можете о нем сообщить?

По щеке Лоры покатила слеза. Она вытерла ее рукавом.

Молчание.

– Вы встречались с ним в последнее время?.. Почему вы отказались от услуг адвоката?

Лора прикусила губу и почти с вызовом посмотрела на Эрику.

– Без комментариев.

– А знаете что, Лора? Я устала. Мы все устали. Долгие годы сотрудники полиции работали сутки напролет, пытаясь привлечь к судебной ответственности убийцу вашей дочери. Хотя тогда им внушили, что она ваша сестра. Сотрудники полиции трудились, не жалея себя, жертвуя многим; они искренне старались найти ее убийцу. Двое из них поплатились за это жизнью... а вы здесь сидите, скрывая важную информацию, и заявляете нам: «Без комментариев»! – Эрика хлопнула ладонью по столу.

– Без. Комментариев, – повторила Лора.

– Ясно. В молчанку решили поиграть, да? Отведите ее в камеру.

Глава 75

Когда Эрика вышла из комнаты для допросов, Питерсон стоял в коридоре. Следом за ней через пару минут появилась Лора, накупленная, в наручниках, в сопровождении Мосс. Питерсон дождался, когда ее уведут подальше, и сообщил:

– Босс, Джерри О’Райли незадолго до полудня сел в поезд «Евростар», следовавший из Лондона.

– Черт! – вскричала Эрика, ударив ладонью по стене.

– А Оскар Браун куда-то исчез. Сегодня после обеда он должен был выступить в суде, но на процесс не явился. Секретарь говорит, что на него это не похоже. Он защищает интересы какого-то высокопоставленного клиента в деле о мошенничестве. Она не знает, где он может быть, и его жена тоже...

Эрика взглянула на часы.

– Выясните, сошел ли О’Райли в Париже или поехал дальше, бог знает куда, да хоть бы в Диснейленд. Свяжитесь с Интерполом. Объявите его в международный розыск.

– Слушаюсь, босс.

– И предупредите все британские аэропорты и железнодорожные вокзалы – на тот случай, если Оскар Браун попытается выехать из страны.

– Думаете, он намерен покинуть страну?

– Да бог его знает. Нам ничего не известно, но об этом, естественно, молчок. Лора Коллинз что-то знает, и она не выйдет отсюда, пока я не вытрясу из нее информацию. Даже если мне придется просить санкции на то, чтобы продержат ее здесь дольше четырех дней. Пусть посидит подумает.

– Да, и еще, босс... Только что пришел ее муж с детьми. Он в дежурке, требует начальника.

* * *

Эрика с Питерсоном поспешили вниз. В дежурной части было тихо. Дежурный работал за своим столом. Пластиковые стулья, выставленные в длинный ряд, занимали только муж Лоры Тодд и двое их маленьких сыновей. Вокруг них громоздилось несколько пакетов с покупками из универмага «ТК Махх». Мальчики, сидя на корточках, играли с детскими машинками.

Увидев Эрику с Питерсоном, Тодд встал.

– Что все это значит? – спросил он с негодованием в голосе, в котором явственно прослеживался гнусавый американский акцент. – Мне позвонили соседи с Эйвондейл-роуд, сказали, что была погоня на машинах. С участием Лоры? Я в это время ходил по магазинам. Попытался дозвониться ей на мобильный, а трубку снял ваш дежурный и сообщил, что вы задержали мою жену!

– Совершенно верно.

– А как же ее право на телефонный звонок? И не смейте допрашивать ее, пока у нее не будет приличного адвоката...

Мальчики отвлеклись от игры и подняли глаза на отца.

– Маму арестовали? – спросил один. Тодд не ответил.

– У Лоры никто не отнимал право на телефонный звонок и на адвоката. Все это ей было предложено, но она отклонила и то, и другое, – объяснил Питерсон.

– Вы что – издеваетесь? – сердито спросил Тодд, взлохматив свои волосы. – За что ее арестовали?

– Сегодня, некоторое время назад, мы приехали на Эйвондейл-роуд, чтобы побеседовать с Лорой, но она от нас умчалась. Нам ничего не оставалось, как задержать ее за попытку скрыться от сотрудников полиции, – ответила Эрика.

– О чем вы хотели с ней побеседовать? Вы уверены, что она знала о вашем намерении?

– Мы преследовали ее несколько миль, с мигалками и сиренами, – сказал Питерсон.

Тодд, покрывшись восковой бледностью, покачал головой.

– Но она никогда не привлекалась к суду. Ей даже ни разу не выписывали штраф за неправильную парковку.

– Папа, мне страшно, – пролепетал один из мальчиков. Тодд нагнулся, поднял обоих сынишек с пола, одного посадив на одну руку,

второго – на другую. На Эрику с Питерсоном теперь смотрели три пары растерянных карих глаз.

– Тодд, что Лора рассказывала вам про Джессику? – осведомилась Эрика.

– Что ее сестра пропала без вести. Мне известна вся эта печальная история, и мы не раз обсуждали...

Эрика с Питерсоном переглянулись. *Он ничего не знает.*

– Я попрошу вас подождать здесь, сэр, – сказала Эрика и вместе с Питерсоном покинула дежурную часть.

– Эй! Вы не можете держать ее под стражей безо всяких на то оснований. Вы обязаны предъявить обвинение! – крикнул им вслед Тодд, по-прежнему держа мальчиков на руках.

– Каковы наши дальнейшие действия? – спросил Питерсон, когда они, проведя пропусками по считывающему устройству на двери, прошли в закрытую для посторонних часть отделения.

– Посмотрим, может, она готова дать показания, – ответила Эрика.

Они направились к камерам, размещавшимся в подвальном этаже, получили доступ за толстую стальную дверь. Внезапно взвыла сирена. Они посмотрели друг на друга и кинулись к камерам.

* * *

В длинном коридоре горели лампы дневного света. По стенам располагались обшарпанные исцарапанные железные двери, некогда выкрашенные в зеленый цвет. Все камеры были закрыты, кроме одной – в самом конце. Когда Эрика с Питерсоном подбежали туда, они увидели лежащую на полу Лору и рядом с ней сидящих на корточках двоих полицейских. Один из них отчаянно пытался развязать тонкий черный шнурок, затянутый у нее на шее. Одним концом шнурок был закреплен петлей на маленькой ручке небольшого окошка в двери.

Лора внезапно вздохнула и закашлялась, брызгая слюной; к ее лицу снова прилила кровь. Эрика подскочила к ней, опустилась рядом на колени и взяла ее за руку.

– Лора, все хорошо. С вами все будет хорошо, – произнесла она. Лора с жадностью заглотнула воздух, снова закашлялась и затем хрипло прошептала:

– Ладно, я расскажу. Расскажу, как все было...

Глава 76

Чуть позже Эрика, Мосс и Питерсон снова были в мониторинговой, наблюдая за Лорой, к которой вызвали дежурного адвоката.

– Думаете, даст показания? – спросила Мосс.

– Когда я сообщила ей, что муж и сыновья ищут ее и им еще ничего не известно, она вроде как передумала. Наверно, хочет сама им рассказать.

– Что именно? – спросил Питерсон.

– Надеюсь, сейчас узнаем, – ответила Эрика.

* * *

Эрика и Мосс вернулись в допросную, где рядом с Лорой теперь сидела молодая женщина – дежурный адвокат. Перед обеими стояли чашки с горячим чаем. Пальто Лора сняла, но шея ее была обмотана шарфом. Эрика назвала дату и время, которые зафиксировали аудио– и видеозаписывающие устройства, а потом протянула руку через стол и заключила ладонь Лоры в свою.

– Не волнуйтесь, мы с вами, все будет хорошо, – произнесла она.

Мосс, скрывая свой скептицизм, кивнула с улыбкой.

– Не будет! – воскликнула Лора. По ее щекам потекли слезы. – Хорошо – не будет.

– Начните с самого начала, – предложила Эрика.

Мосс подала Лоре салфетку. Та взяла ее, вытерла лицо и судорожно вздохнула, после чего как будто успокоилась и начала свой рассказ:

– Я любила Ирландию. У нас был небольшой домик в Голуэе, близ моря. Жили мы очень скромно. Папа работал на разных стройках, мама сидела дома со мной, но мы были счастливы. Джерри О’Райли я встретила, когда мне было тринадцать.

– Где вы познакомились? – спросила Эрика.

– В местном католическом молодежном клубе. Он размещался в небольшой хижине на холме, почти у самого берега. Та хижина... она

была как маленькая церковь, с изображениями Девы Марии. Мы там играли в разные игры; иногда нам выкатывали старенький телевизор и показывали мультфильмы. Дети постарше бегали парочками на пляж и прятались там за дюнами. Мне просто не повезло, и я забеременела.

– От Джерри?

Лора кивнула и, глотнув чаю, поморщилась от боли.

– Что было потом?

– Бог мой, так давно это было, – продолжала Лора. – Ирландия в начале восьмидесятых была, наверно, как Англия в шестидесятых. Мама *просто обезумела*. Мне довольно долго удавалось скрывать от нее свое положение, но однажды вечером, когда я стояла перед телевизором, она увидела мой силуэт, и детство мое закончилось...

– Ваша мама тогда была еще более религиозна, чем теперь? – спросила Мосс.

Лора кивнула.

– В Ирландии католицизм как азартная игра. Каждый старается перещеголять остальных в религиозности, чтобы быть не хуже других. Только выражается это не в престижных марках стиральных машин и площади дома, а в количестве религиозной атрибутики и времени, проведенного в церкви. Меня отправили к тетке... Тетя Мэри. Злая, жестокая старая карга. Бывают такие, знаете, наверно. Для нее весь Второй Ватиканский собор[98] – скверна. Ее уже нет в живых, так что вам не придется перепроверять у нее мои показания, тем более что вы и так знаете: это был мой ребенок. Моя Джессика... – Лора снова утратила самообладание, а они не торопили ее, ждали, когда она успокоится. Адвокат слушала и наблюдала с не меньшим интересом, чем Эрика и Мосс.

– Через несколько месяцев после моего возвращения с так называемых каникул, проведенных у тети Мэри, мы переехали в Англию.

– Что стало с отцом Джессики? С Джерри О'Райли? – спросила Мосс.

– Ничего. Он жил как жил, гулял с девчонками. Он не знал, что я забеременела. О детях он не помышлял. Поэтому я ему ничего не сказала. Мы уехали из Ирландии тайком, все равно что сбежали среди ночи. Никого не предупредили, ни с кем не попрощались. Шел восемьдесят третий год, тогда не было ни электронной почты, ни

Facebook, ни мобильных телефонов; мама с папой недавно потеряли своих родителей. Они обрубали все концы. Настроились все забыть. Предполагалось, что мы начнем новую жизнь, и для моих родителей это так и было. В Лондон мы приехали почти без ничего, поселились в молодежном хостеле возле Лондонского моста, где прожили две недели. Мы всем говорили одно и то же: мама родила Джессику несколько месяцев назад. Она – ее дочь, моя сестра. Тот хостел был жуткой дырой. Там никто не молился перед сном, все сплошь богохульствовали, некоторые женщины распутничали... И знаете, что особенно бесило? Родители там были счастливы как никогда! Всем было плевать, что я в тринадцать лет стала матерью-одиночкой! Они ведь могли оставить ее мне. У меня бы тоже началась новая жизнь.

– Как вам всем удалось из хостела близ Лондонского моста перебраться в тот дом в Хейзе? – спросила Эрика.

– Через несколько недель после приезда в Лондон отец устроился работать на стройку. Возводили офисное здание. Компания не укладывалась в сроки и платила немереные деньги за то, чтобы объект был сдан вовремя. Сверхурочные. Отец получал в четыре-пять раз больше, чем в Ирландии. Стал завязывать контакты, и работа потекла рекой. Таких деньжищ он сроду не зарабатывал. В считанные недели мы переселились в съемный дом в восточной части Лондона.

– И все это время вы выдавали Джессику за свою сестру?

– Я боролась с ними, – отвечала Лора, глядя Эрике в глаза с ожесточенностью в лице. – Боролась отчаянно и думала, что добьюсь своего...

– Но не добились.

Лора покачала головой, на глаза ее снова навернулись слезы.

– Я отчетливо помню тот день. Мне было почти четырнадцать, и в тот день папа взял меня с собой на работу. Джессика осталась с мамой. Он работал на строительстве большого жилого комплекса, возводил многоквартирные дома для яппи. Было снесено очень много старых зданий, и на их месте теперь зияла огромная яма – вырытый котлован. Земля была сухая, и можно было по лестнице спуститься в котлован и бродить на тех участках, где еще не начались работы. Папа на время отошел, предоставив меня самой себе, и я познакомилась с одним парнем. Он красивый был, цыган. Искал в земле металлолом. Я украдкой от отца закурила, ему предложила сигарету, мы

разговорились. Он умным оказался, объяснил мне, что означает «яппи»: преуспевающий молодой бизнесмен. Я этого не знала. Сказала ему, что у меня есть дочь и я намерена вырастить ее хорошим человеком. Парень пожелал мне удачи, сказал, что из меня выйдет отличная мать, а потом папа меня позвал. Он сказал, что договорился о покупке земельного участка под строительство дома для нас. Мы отправились домой, чтобы сообщить маме эту новость; папа ликовал. По возвращении я узнала, что мама записала Джессику в детский сад, поставила на учет в детской и стоматологической поликлиниках. И везде указала в качестве ее матери себя. Она сделала так, что по всем документам Джессика официально считалась ее дочерью. И после я уже никому не говорила, что матерью Джессики являюсь я.

Лора умолкла, глотнула чаю. Эрика и Мосс терпеливо ждали, когда она продолжит рассказ.

– Земельный участок, что купил отец... на нем и стоит наш дом на Эйвондейл-роуд. После события стали развиваться стремительно. Жизнь изменилась, я едва успевала принаравливаться к новым обстоятельствам. Мы переехали в тот большой дом, потом родился Тоби. Помнится, я смотрела на маму и папу с Джессикой и Тоби – идеальная маленькая семья; как и полагается, две целых четыре десятых ребенка – и чувствовала себя лишней. Мама не давала мне забыть, что я грешница, падшая женщина. Но лишь когда я стала студенткой университета в Суонси, я поняла, что моя мать религиозный фанатик. В девяностом году по окончании первого курса я приехала домой и узнала, что мама готовит Джессику и Тоби к первому причастию. Но Джессика была *моей* дочерью, и я не хотела, чтобы ее мучили всей этой чепухой – с детства заставляли ходить на исповедь, заучивать всякую дрянь про первородный грех... Примерно тогда же я встретила Оскара – на первом курсе университета в Суонси. Он был красив, умен, любил меня... чем-то напоминал мне отца: всего добивался сам. Он учился на персональную стипендию и упорно трудился, чтобы сохранить право на нее.

– Это с ним вы путешествовали, когда пропала Джессика? – уточнила Эрика.

Лора надолго уткнулась взглядом в стол. Прошла минута, вторая. Наконец она подняла глаза и произнесла:

– Джессика не пропала. Это я ее забрала.

Глава 77

Вторник, 7 августа 1990 г.

Лора и Оскар Браун, обдуваемые морским ветерком, сидели на песке у трепещущего костра, согревавшего воздух. Ночь выдалась холодная. Над ними простиралось звездное небо. Они находились на берегу небольшой укромной бухты на полуострове Гауэр, близ Суонси. Кроме них на многие мили окрест ни души.

– Очаровашка она, твоя сестренка, – произнес Оскар, палкой вороша раскаленные угольки.

– Джессика всегда была очаровательна. Даже в младенчестве. А почти все младенцы жутко страшенькие.

– Возражаю, ваша честь! – игриво воскликнул Оскар. – Лично я был прелестным малышом.

– Не сомневаюсь. А теперь ты потрясающе красивый, сильный, сексуальный мужчина...

Оскар привлек к себе Лору, и они поцеловались.

– Ты хочешь иметь детей? – спросила она, глядя на него.

– Конечно. Когда-нибудь. – Он потянулся к бутылке вина, стоявшей на небольшом камне. – Подлить? – спросил Оскар, взяв бутылку. Лора нагнулась к нему, подставляя под горлышко свою кружку. *В сиянии костра он великолепен*, – восхищенно подумала она. Оскар встал, потянулся и пошел к груде плавника, который он насобиравал днем вместе с Джессикой.

– А ты меня не спросил.

– О чем? – Порывшись в небольшой куче древесных обломков, он выбрал гладкую плоскую деревяшку, обесцвеченную до белизны.

– Хочу ли я иметь детей?

– Хочешь, насколько я могу судить, – улыбнулся он, кинул деревяшку в огонь.

– Конечно.

– Скажем так: вот примут меня в адвокатуру, тогда и подумаем о детях, – хмыкнул Оскар.

Лора смотрела на море. Тон у него был шутливый, но говорил он вполне серьезно.

* * *

Когда они прибыли в уединенную маленькую бухточку, Джессика пришла в замешательство, но при виде сверкающего на солнце трейлера ее охватило радостное возбуждение. Полуостров Гауэр поражал красотой, а эта маленькая бухта и вовсе была похожа на земной рай: волны травы и вереска с проглядывающими тут и там валунами, сбегаящие на широкий песчаный пляж; вдалеке солнце искрится на морской глади; мокрый песок усеян скалистыми бассейнами.

– А мы будем искать здесь крабов и морских звезд? – Джессика раздвинула губы в счастливой улыбке, демонстрируя дырку в том месте, где у нее недавно выпал первый молочный зуб.

– Конечно. Ты беги с Оскаром, а я пока в трейлере уют для нас наведу, – сказала Лора.

Она хотела, чтобы все было идеально, и только Джессика с Оскаром, прихватив с собой зеленый сачок, стали спускаться к берегу, Лора быстро принялась за работу, превращая трейлер в уютный дом. Приготовила для Джессики маленькое спальное место в передней части трейлера, под окном, из которого она могла бы смотреть на море, а ночью – на звезды. Под одеяло сунула ее любимого плюшевого мишку.

Оскар арендовал трейлер у компании, поместившей свою рекламу на задней обложке одного путеводителя, и, будучи женщиной, ценившей земные блага, Лора немало обрадовалась, узнав, что их дом на колесах оборудован электричеством. Однако, когда они приехали на место, с запасом мороженого и замороженных гамбургеров, которые купили неподалеку, выяснилось, что электричеством трейлер снабжает работающий на бензине шумный генератор, и, когда его включили и он заревел, это несколько подпортило атмосферу романтики. Но внутри, как ни странно, рокот почти не ощущался.

По окончании уборки трейлер стал походить на вполне комфортное жилище, и в глубине души Лора уже с нетерпением ждала наступления ночи, представляя, с каким удовольствием она будет здесь спать. Она выпрямилась, убрала с глаз волосы и выглянула в окно.

Далеко внизу на берегу Оскар с Джессикой, босоногие, осторожно ступали по дну одного скалистого бассейна.

Джессика с визгом отпрыгнула и рассмеялась, поднимая сачок, в котором сидел большой краб... Лора улыбнулась. Потом она обратила внимание, что на Джессике все то же нарядное платье, которое она надела, собираясь к подруге на день рождения, и ее кольнуло чувство вины.

Джессике нужно бы переодеться. Лора жалела, что не взяла с собой кое-что из ее вещей, но она не хотела, чтобы мама поймала их с поличным и испортила их планы.

Лора солгала родителям, что они с Оскаром отправляются на лоно природы шестого августа. И солгала Оскару, что родители знают, что они берут с собой Джессику. За ложь ей стыдно не было; она переживала, что похитила Джессику.

Хотя разве она ее *похитила*? Просто забрала. Седьмого числа после полудня они подъехали к дому и стали ждать Джессику.

Лора знала, что та к двум часам собиралась на день рождения подруги. Она была самостоятельной малышкой, непременно захотела бы пойти без провожатых, как взрослая. Когда Джессика появилась на выходе с подъездной аллеи, Лора уже ждала ее с наигранно беспечным видом, прислонившись к капоту автомобиля. Оскар сидел в машине, изучая карту.

– Привет! Сюрприз! – воскликнула Лора.

– Разве ты не уехала? – удивилась Джессика. Прищурившись, она смотрела на нее, держа под мышкой небольшой подарок.

– Я приготовила для тебя сюрприз. Мы едем к морю!

– Но я иду на день рождения...

– На море куда веселее. Мы будем плавать, есть мороженое, строить из песка замки. А жить будем в трейлере почти у самого берега. Будем встречать рассветы. Как только проснемся утром, спустимся на пляж и будем смотреть, как встает солнце...

Лора старалась не допустить, чтобы в ее голосе слышалось отчаяние.

– А мама знает? – спросила Джессика, переложив подарок в другую руку.

– Конечно, знает! Я ей сказала, что хочу устроить для тебя сюрприз. Побаловать тебя. А подарок Келли ты вручишь, когда мы

вернемся. Я ее предупредила, что ты к ней не придешь, и она не возражала. Это особенная поездка... Сегодня вечером мы разведем на берегу большой костер и будем жарить маршмеллоу.

Джессика наконец-то уступила, загорелась. Залезла в машину. Оскар обернулся, улыбнулся ей, и они поехали.

Их никто не видел.

Я ее не похищала, я – ее мать, – снова и снова твердила себе Лора. Завтра они съезжают в Суонси и купят Джессике еще что-нибудь из одежды, это совершенно не проблема. Главное, что она целую неделю проведет с дочерью – как мать. В этой роли ей было отказано, отчего она многие годы чувствовала себя виноватой.

* * *

Месяцем раньше, когда Лора вернулась домой из университета, мощный материнский инстинкт вспыхнул в ней с новой силой. Она жаждала летом хоть немного побыть вместе с дочерью, и однажды, оставшись дома вдвоем с матерью, она подняла этот вопрос. Марианна занималась стиркой в прачечной, находившейся в глубине дома. Лора пришла к ней и сказала, что хотела бы завтра взять Джессику и погулять с ней по Лондону.

– Нет! Свыкнись уже! – рявкнула Марианна, доставая выстиранное белье из барабанной сушки. – Она счастлива и куда-то ездить гулять может только с матерью, а ее мать, если ты забыла, я!

– Ты ей не мать.

– Мать, – расвирепела Марианна. – Все скулишь, стонешь, как ты по ней скучаешь, а сама все эти годы наслаждалась свободой, гуляла днями и ночами, блудила с парнями...

– Я не...

– Джессике сейчас чуть-чуть меньше лет, чем было тебе, когда ты согрешила, но она не совершит твоих глупых ошибок. Ты ничем не лучше обычной шлюхи. Я надеялась, что это было просто заблуждение, единичный случай, но твое поведение все эти годы доказывает, что ты насквозь порочна.

– Послушать тебя, так и Джессика – ошибка! Если я совершила ошибку, значит, Джессика и есть эта ошибка!

Марианна повернулась к ней, гневно сверкая глазами, и со всей силы ударила ее по лицу. Лора отлетела назад и упала, головой врезавшись в дверной косяк прачечной. С минуту она лежала, пребывая в шоке, потом потрогала голову. На пальцах была кровь. Она посмотрела на мать. Та как ни в чем не бывало продолжала выгружать из сушки белье, и при этом еще что-то мурлыкала себе под нос – беззаботно напевала.

Вот тогда-то у Лоры и созрел план взять с собой Джессику, когда они с Оскаром поедут отдыхать. Она обманула Марианну, сказав, что они уезжают шестого августа. На самом деле они планировали ехать днем позже.

Оскар у нее тоже всей правды не открыл. Он думал, ее родители в курсе, что они берут с собой Джессику, потому убедить его не составило труда. Он любил детей.

* * *

Оскар с Лорой лежали в темноте у костра на сухом прибрежном песке. У их ног потрескивал огонь, пахло морем, издали доносился плеск приливной волны.

Одной рукой он обнимал ее за шею, и она почувствовала, как его ладонь поползла по ее плечу и проникла в ворот блузки.

– Что это? – Она отстранилась от него и села.

– Что? Я ничего не слышу. – Он снова притянул ее к себе. – Не отвлекайся. Я хочу, чтоб мы с тобой здесь, на пляже... Вокруг ведь никого.

– Джессика... она в трейлере, а свет не горит. – Лора показала в ту сторону, где стоял трейлер.

Оскар посмотрел туда: и впрямь темно.

– Ну и что? Генератор заглох. Бензин, наверно, кончился.

– Но она боится темноты. Она одна, в темноте! – Лора вскочила на ноги, отыскивая туфли.

– Да не волнуйся ты так. Она уже крепко спит. Умаялась за день на свежем воздухе...

– Нельзя было оставлять ее там одну! – вскричала Лора.

Оскар выставил вперед ладони.

– Эй! Я-то в чем виноват? Успокойся. Будь она напугана, уже спустилась бы к нам. И ты сама велела ей запереть дверь. – Оскар достал из кармана ключ.

– Не умничай. Пойду посмотрю. – Лора уже обулась и по узкой тропинке торопливо стала подниматься к трейлеру.

Оскар пустился следом, нагнал ее. Они дошли до трейлера, он вставил ключ в замок.

– Ну и вонища от этого генератора, – сказала Лора.

– Бензиновые пары, – объяснил Оскар. Когда он открыл дверь, запах усилился, и на них повалил густой дым.

Глава 78

Вторник, 17 ноября 2016 г.

Эрика и Мосс цепенели от ужаса, слушая рассказ Лоры.

– В трейлере висел густой дым, сильно воняло бензином... Кто-то из нас двоих передвинул генератор, чтобы тот стоял ровнее: мы не хотели, чтобы его повалило ветром или он сам опрокинулся. Но мы не сообразили, что поставили движок рядом с вентиляционной отдушиной в передней части трейлера. Как раз напротив того места, где спала Джессика. Она оказалась запертой в помещении с закрытыми окнами, и трейлер наполнился дымом и газами. Оскар распахнул все окна и двери, пытаясь проветрить трейлер, но когда я подошла к Джессике... Она не дышала. Лежала все так же под одеялом. Кожа ее имела жуткий лилово-серый оттенок. Она была мертва.

Последовала длинная пауза. Адвокат, сняв очки, вытерла слезы.

– Значит, это был несчастный случай? – ошеломленно промолвила Эрика.

– Да. Мы должны были все проверить. Я обязана была проверить и вентиляцию, и окна.

– А что было потом? – спросила Мосс.

– Мы оба ополоумели. Не могли вспомнить, кто из нас переставил генератор. Я думала, что Оскар, он думал, что я... Потом я сообщила ему, что Джессика моя дочь, и его понесло. Он стал кричать про похищение, про обвинение в непредумышленном убийстве, что это он подписал договор на аренду трейлера и использование генератора. Что он молодой чернокожий парень, которого ждет блестящее будущее... «А тебе известно отношение судебной системы к молодым чернокожим парням?» – все вопил он. Тогда я схватила Джессику и убежала с ней на берег, и там просидела всю ночь, держа ее на руках. Просто держа на руках. Она была так прекрасна... Оскар за мной не пошел. Следующее, что я помню, это как рассвело и завелась машина. Оскар уехал, через некоторое время вернулся. Сказал, что заходил в один из магазинов на территории кемпинга, расположенного на удалении нескольких миль, и во всех новостях только и разговоров,

что о похищении Джессики. Он и вовсе очумел, узнав, что я ему солгала.

– И как же вы поступили? – спросила Эрика, страшась услышать ответ.

– Мы похоронили ее... похоронили мою девочку... вырыли яму и положили ее туда. Под деревом, откуда она могла бы видеть море. Мы были очень напуганы. Я перестала спать...

И тут Лора не выдержала. Эрика обошла стол и обняла ее. Взглянув на Мосс, она увидела, что у той тоже в глазах блестят слезы. Лоре удалось взять себя в руки, и она оттолкнула Эрику.

– Оскар сумел отрешиться от того, что случилось. Мы вернулись в Бромли, и он загнал произошедшее в дальний уголок сознания, а я носила в себе эту кошмарную тайну. Она тяжким грузом давила на меня, и сама мысль о том, что я бросила там свою доченьку... Мою Джессику. И знаете, что самое ужасное? Мне нравилось держать в неведении мать. Эта дрянь отняла у меня дочь, и теперь она на собственной шкуре испытала, что значит потерять ребенка! Так ей и надо! – крикнула Лора, стукнув кулаком по столу. – Ненавижу ее!

– Как Джессика оказалась на дне Хейзского карьера, если вы похоронили ее за сотни миль от дома? – осведомилась Мосс.

– Я сходила с ума. Полиция искала ее, а потом арестовала Тревора Марксмэна – подарок небес. Он педофил, и я была рада, что его обвинили в гибели Джессики... Но мне невыносима была мысль, что она похоронена так далеко от дома, лежит там в полном одиночестве. И я сделала то, чего делать не следовало: написала Джерри. Решила, что он имеет право знать... Я отправила ему письмо.

– Джерри О'Райли? Отцу Джессики?

Лора кивнула.

– Попросила, чтобы он мне позвонил. Мы поговорили. Он сказал, что будет в Лондоне, хочет повидать друзей перед командировкой в Ирак. Я пришла к нему в гостиницу, осталась на ночь. И все ему рассказала. Думала, он взбесится. Но я должна была поставить его в известность, ведь он отец Джессики.

– Что произошло?

– А произошло то, что я поняла: он – гнусный мерзавец. Знаете, что его больше заинтересовало? Что к этому причастен студент

юрфака, будущий адвокат с большими перспективами... Он заставил меня дать ему телефон Оскара. Сказал, что обо всем позаботится...

– И позаботился?

– После он сказал мне, что все устроил. Что она в карьере.

– А Боб Дженнингс? Человек, что жил в хижине у карьера?

– Джерри сказал, что их заметили, но с этим он тоже разобрался.

Сказал, чтобы я молчала, и тогда мне будет обеспечена благополучная жизнь. Будущее.

– Боб Дженнингс не заслуживал смерти. Его убийство обставили так, будто он повесился, – сообщила ей Мосс.

В тишине слышалось тиканье часов.

– Я приходила туда иногда, – снова заговорила Лора. – Меня утешало, что она там. Ни семье, ни мужу, никому из друзей я ничего не сказала. Вытеснила из своего сознания. Когда постоянно живешь во лжи, эта ложь настолько укореняется в тебе, что ты и сам начинаешь в нее верить. Пока вы не нашли ее, я жила в убеждении, что она пропала без вести в тот роковой день, когда отправилась на день рождения подруги.

– Лора, так почему Джерри снова объявился? – спросила Эрика.

– Из-за Оскара. Все из-за него. Вы же видели, какой он стал – известный адвокат. Поговаривают, что скоро его назначат судьей.

– Что заставило его согласиться?

– Через несколько лет после смерти Джессики Джерри угодил в неприятную историю, его обвинили в попытке совершения убийства. Он вынудил Оскара представлять его в суде. И тот его вытащил, уж не знаю, как ему это удалось. А потом они начали... сотрудничать. Власть все больше и больше развращала Оскара. Джерри решал его дела. Выполнял грязную работу. Поэтому, когда нашли Джессику, Оскар снова привлек Джерри, чтобы тот мониторил ход расследования...

– И когда Аманда Бейкер оказалась близка к разгадке, он симитировал ее самоубийство. Но поскольку она ввела в курс дела детектива Крофорда, его тоже пришлось убрать. К тому же она собиралась поделиться информацией со мной. Так? – уточнила Эрика.

Лора посмотрела на нее. Ее глаза наполнились печалью и ненавистью к себе.

– Планировалось, что это должно выглядеть как кража со взломом. Вы помешали грабителю, он разозлился и убил вас.

– Дома была моя сестра, с двумя маленькими детьми и грудным ребенком. Вы ни перед чем не хотели остановиться, чтобы сохранить свою тайну. Неужели вы и впрямь рассчитывали, что вам это сойдет с рук?

– Сходило же двадцать шесть лет, – ответила Лора.

Эрика и Мосс откинулись на спинки стульев. Жалости к Лоре как не бывало.

– Вам известно, куда направляется Джерри О’Райли? – осведомилась Мосс. – Сегодня он сел на поезд до Парижа.

– Он всегда говорил, что когда-нибудь уедет... Возьмет, что ему причитается, и только его и видели.

– А поконкретнее? – допытывалась Эрика.

– Он говорил про Марокко.

– Почему Марокко? – спросила Мосс, взглянув на Эрику.

– У них нет договора с Великобританией о взаимной выдаче преступников, – объяснила Лора.

Глава 79

Джерри ехал в «Евростаре» уже больше шести часов, и им овладевало нетерпение. Мимо проносились зеленые поля, за окном начали попадаться отдельные здания. Он посмотрел на часы.

Семь минут. Через семь минут они придут на марсельский вокзал Сен-Шарль. Джерри почувствовал, как чья-то нога прижалась к его ноге, и взглянул на кареглазого парня, что сидел напротив. Тот был худой, с тонкими чертами лица, на губе – пирсинг. Звали его Пьер. Джерри едва не расхохотался. «Пьер из Парижа». Ну прямо типичный француз, типичнее некуда. Однако воспоминание об их свидании в тесном туалете отбило всякую охоту смеяться. Он и прежде, бывало, флиртовал с мужчинами, даже целовался с несколькими по пьяни и на спор. Но полноценный секс оставил ощущение омерзения и злости. А Пьер блаженствовал, согнувшись над грязной раковиной... задрал одну ногу на унитаз. И чем безжалостнее и яростнее Джерри вонзался в него, тем сильнее он балдел.

– Мой отель рядом с вокзалом, – сказал Пьер, теснее прижимаясь к нему ногой под столом.

– Отлично, – улыбнулся Джерри. Он прикинул, что если сойдет с поезда под ручку с Пьером, это будет удобным прикрытием. Выглядели они вполне подходящей парой. Джерри надеялся, что при расставании тот не закатит ему сцену.

В порту Марсея его ждало рыбацкое судно. Приятель одного приятеля, который был перед ним в долгу, доставит его по Средиземному морю из главного марсельского порта в Рабат. Скорее всего, путешествие будет долгим и трудным, но, по крайней мере, он доберется спокойно, не привлекая к себе внимания.

Джерри снова посмотрел на часы. Четыре минуты. Лучше бы самолетом полетел, подумал он. Хотя, с другой стороны, если его уже ищут, то наверняка в аэропортах, где власти особенно бдительны.

По приближении к центру Марсея застройка становилась плотнее, за окном поезда смеркалось, а потом замаячила переливающаяся огнями огромная стеклянная крыша железнодорожного вокзала.

Расплывшись в улыбке, Пьер поднялся со своего места и с багажной полки над головой снял свою сумку. Потом, все так же улыбаясь, спустил сумку Джерри и отдал ему.

– Мне нравится, – промурлыкал он.

Джерри кивнул ему с улыбкой. По-видимому, это была одна из немногих английских фраз, которые выучил Пьер, и он употреблял ее к месту и не к месту: описывая свой бутерброд, облако в форме кролика, цвет обивки сиденья. И постоянно – в туалете, согнувшись над раковиной, головой прижимаясь к сушилке для рук, пока Джерри его дрючил.

Джерри встал, и они направились в конец вагона. Поезд въехал под громадный стеклянный свод, мимо медленно ползла платформа. Джерри выглянул в окно: кое-где стояли пассажиры, но полиции видно не было.

Они сошли с поезда в обволакивающее тепло Средиземноморья.

– *Vive la France*. – Пьер широко улыбался, его карие глаза сияли. Он взял Джерри за руку, и они зашагали по платформе к огромному залу прибытия. В вышине в стеклянном своде теперь виднелось потемневшее небо густого синего оттенка, на котором зажигались первые звездочки.

Казалось, они уже целую вечность идут через громадный мраморный зал – мимо гигантского электронного табло прибытия, элегантной женщины с пуделем, двух молодых парней, уткнувшихся в свои айфоны.

– Поедем ко мне в гостиницу на такси? – предложил Пьер.

– Да, – ответил Джерри, взглядом шныряя из стороны в сторону по приближении к выходу.

– Тебе не нравится? – спросил Пьер.

– Нравится...

Они ступили на улицу, и Джерри наконец-то перевел дух. Ничего подозрительного – едут машины, люди бегут по своим делам. Они подошли к стоянке такси. Джерри остановился и повернулся к Пьеру. Хотел сказать ему, что был рад знакомству, но теперь ему надо идти, как вдруг раздался крик, и из грузовых фургонов, припаркованных по обе стороны такси, высыпали *gendarmes*. Они хлынули к нему, наставляя на него автоматы. Он не успел оказать сопротивление, даже

шелохнуться не успел. Его повалили на землю вместе с Пьером. Тот начал что-то кричать по-французски. Джерри не понял ни слова.

Он ощутил дуло автомата на своей щеке. Щеголеватый *gendarme* с аккуратными усиками ботинком придавил его к тротуару.

– Джерри О’Райли? ДЖЕРРИ О’РАЙЛИ! – прогремел голос. Давление ботинка усилилось.

– Да, – прохрипел Джерри.

– У нас ордер на ваш арест. Очевидно, вы тот, кого называют английской мразью. Английская мразь, убийца.

– Я – ирландец, французское ты дерьмо! – огрызнулся он, вдыхая полный рот пыли.

– Да хоть сам черт. Ты все равно арестован.

Джерри подняли с земли и затолкали в полицейский фургон. Перед тем как дверцы перед ним закрыли, он увидел напоследок Пьера, беседующего с одним из жандармов. В руке он держал его сумку с двадцатью пятью тысячами евро.

Глава 80

В то время как Джерри загребал носом пыль у здания железнодорожного вокзала в Марселе, королевский адвокат Оскар Браун сидел за столом в офисе своей юридической конторы и смотрел на панораму Лондона. Темнело, по большим окнам от пола до потолка стучал дождь.

Он взял телефон и попробовал позвонить Лоре. Включился автоответчик. Он швырнул аппарат на стол и принялся вышагивать по кабинету, чувствуя, как взмокающая спина зудит от пота и страха. Уезжая с Эйвондейл-роуд, он увидел полицейских и запаниковал. Теперь он проклинал себя за ту роковую ошибку, за то, что у него сдали нервы. Несколько часов он колесил по городу и, к своему ужасу, пропустил судебное заседание.

В его офисе безопасно, решил Оскар, а ему нужно подумать. Личного секретаря он отпустил домой, а внизу в приемной сказал, чтобы его не беспокоили ни при каких обстоятельствах... Это было полтора часа назад.

Тишина вселяла тревогу... Нет, он ехал быстро, погони за ним не было. И впервые за свою адвокатскую деятельность не явился в суд.

Но где же Лора? Где Джерри?

Сигнал электронной почты оповестил о поступлении нового сообщения, и Оскар вернулся к столу. Адрес был незнакомый, в строке «Тема» – *«ОТ СОЗНАТЕЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА»*.

Он открыл письмо и в ужасе прочитал:

*«ОСКАР,
ДОСЬЕ НА ВСЕ ТВОИ МОШЕННИЧЕСКИЕ
ДЕЛИШКИ СЕГОДНЯ ОТПРАВЛЕНО ПО
ЭЛЕКТРОНКЕ ШИШКАРЯМ СТОЛИЧНОЙ
ПОЛИЦИИ. А ТАКЖЕ ВСЕ, ЧТО МНЕ
ИЗВЕСТНО О ДЖЕССИКЕ КОЛЛИНЗ.*

*ЕСЛИ КОПЫ ЗНАЮТ СВОЮ РАБОТУ, ЖДИ
ИХ ВИЗИТА С МИНУТЫ НА МИНУТУ.*

*А Я СХОЖУ С ДИСТАНЦИИ. БУДЬ ЗДОРОВ,
НЕ ХВОРАЙ.*

*Я ВСЕГДА ГОВОРИЛ, ЧТО ОДНАЖДЫ
РАСТАЮ, КАК ДЫМ.*

ДЖЕРРИ»

Оскара прошиб холодный пот. Потом зазвонил телефон. Он схватил трубку.

– В чем дело? Я же сказал, чтобы меня не отвлекали...

– Сэр, я знаю, что вы просили вас не беспокоить. Но к вам поднимается группа полицейских. Они даже слушать не стали... Я проверила у них документы и...

Рука его ослабла, он выронил трубку, упавшую на рычаг. Посмотрел на фото жены и двоих детей, обвел взглядом кабинет. Он ведь сделал блестящую карьеру.

Двухстворчатые двери распахнулись. На пороге стояли старший инспектор Фостер, инспектор Питерсон и еще трое полицейских. Прежде чем они успели что-то сказать, Оскар схватил бумажник, ключи и телефон, метнулся в дверь с правой стороны и запер ее.

Эрика подскочила к двери, ударила по ней кулаком.

– Оскар, откройте. Все кончено. Нам все известно. Мы беседовали с Лорой. Она задержана, находится в отделении... Джерри О'Райли арестован за убийство Боба Дженнингса, Аманды Бейкер и констебля Крофорда. – Она снова заколотила в дверь. – Оскар, с каждой минутой ваше будущее становится все более незавидным.

Следом за ними в кабинет Оскара влетела запыхавшаяся секретарь.

– Куда ведет эта дверь? – спросила Эрика.

– Э... я...

– Куда?

– В небольшую ванную с гардеробной... и на маленький балкон, – ответила она.

Эрика взглянула на одного из патрульных, кивнула ему. Тот подошел, навалился на дверь. Она поддалась легко – затрещала, открылась. Они двинулись через красиво обустроенную ванную, из которой другая дверь вела в маленькую комнату с раковиной, холодильником, низким диваном и застекленными двухстворчатыми

дверями, выходящими на балкон. Эти двери были распахнуты, и створки раскачивались от ветра и дождя.

Они вышли на балкон, Эрика перегнулась через перила: высоко. Тринадцать этажей отделяли их от заливаемой дождем дороги, которую освещали фары машин, двигавшихся плотным потоком, как это бывает в час пик. Они подняли глаза вверх и увидели прикрепленную к стене балкона железную лестницу, поднимающуюся на два этажа. Оскар был уже на середине лестницы – взбирался на крышу.

– Боже, как же я не выношу высоты, – произнесла Эрика. Она посмотрела на Питерсона, и они кинулись к лестнице. Эрика полезла первой, он – за ней.

Один из патрульных последовал за Питерсоном; второй остался с секретарем.

– Он почти на крыше, – крикнула Эрика, пытаясь подниматься быстрее, но подошвы ее черных туфель скользили, и ей приходилось проявлять крайнюю осторожность. Далеко внизу в обе стороны растилался ковер огней. Громовой раскат, небо прорезал зигзаг молнии.

– Только грома с молнией нам не хватало! Черт, ведь по железной лестнице же лезем, на крышу небоскреба! – прокричал Питерсон.

– Это не небоскреб, обычное офисное здание! – крикнула ему сверху Эрика.

– Все равно высоко! – крикнул он в ответ.

Эрика посмотрела на Питерсона, и ее взгляд упал на видневшуюся далеко внизу дорогу. Она сморгнула с ресниц воду и отвернулась, силясь унять дрожь в руках и ногах.

Оскар докарабкался до конца лестницы и, перебравшись на крышу, исчез из виду. Это подхлестнуло Эрику. Спустя мгновения она тоже достигла конца лестницы и, перемахнув через бетонный выступ здания, ступила на плоскую крышу.

Оскар отдышал у пожарного выхода на середине крыши. При виде Эрики он вскочил на ноги.

– Оскар, все кончено, – сказала она. Вскоре на крыше появился Питерсон и, наконец, патрульный.

– Ну и куда тебя понесло, братан? Куда ты собрался? Нам все известно: про гибель Джессики в трейлере, про тебя и Джерри.

Угомонись и пойдём с нами.

– Тоже мне брат выискался! – прорычал Оскар. – Думаешь, раз мы оба черные, я так просто сдамся, из солидарности?

– Ну да. Потому что мы оба с тобой дураки, – ответил Питерсон.

Внезапно Оскар сорвался с места, по мокрой крыше промчался на противоположный край и занес ногу на бортик.

– Стойте! – крикнула Эрика, подбираясь к нему вместе с Питерсоном.

– Жизнь моя кончена! – заорал он. – Чего мне еще ждать?

– У вас дети, жена! – напомнил Питерсон.

Оскар как-то вдруг обмяк всем телом.

– Жена, дети, – повторил он. Нагнув голову, он потер глаза. – Дети...

– Пойдемте с нами, прошу вас, – сказала Эрика, шаг за шагом приближаясь к нему с вытянутой рукой.

– Я не хотел, чтобы так вышло, – крикнул Оскар, перекрывая шум дождя и грома. – Как бы банально это ни звучало, но я... Я – не убийца. Просто так сложились обстоятельства.

Посмотрев вниз, он убрал ногу с бортика и повернулся к ним.

– Ладно. Хорошо.

– Вот и славно. Подойдите к нам, – начала Эрика. Патрульный приготовил наручники.

Неожиданно Оскар схватился за бортик, поднялся на него и встал, раскинув руки.

– Моя жена, дети... передайте им, что я глубоко сожалею, что я люблю их. – Он чуть отклонился назад и затем бросился вниз.

– Боже! Нет! – вскричала Эрика. Они подскочили к краю крыши и посмотрели на простирившуюся далеко внизу улицу.

Дорожное движение застопорилось, машины сигналили, до них донесся слабый вскрик. Они увидели крошечное изуродованное тело Оскара, лежавшего на дороге в неестественной позе.

Эпилог

Две недели спустя

Эрика, Мосс и Питерсон вышли из церкви на Онор-Оук-Парк. В первых числах декабря стоял чудесный зимний денек: ярко светило солнце, над головами голубело ясное небо, свежий воздух бодрил.

Это были уже вторые похороны, на которых они присутствовали в этот день. Первые состоялись в Бромли, где они попрощались с Крофордом. Тогда-то они и узнали, что звали его Десмонд и что до развода он увлекался черепахами. Была организована скромная панихида, и в последний путь его проводили достойно, хоть народу пришло и немного.

С надгробной речью выступил суперинтендант Йель. Правда, рисуя портрет Крофорда, он временами терялся, не зная, что сказать. Потом к кафедре вышла дочь Крофорда – ей было не больше десяти лет – и прочла стихотворение. Ее мать и младший брат смотрели на нее, в безмолвии переживая свое горе.

*Если завтра я в вечность уйду,
Не надо по мне горевать,
Я оставлю вам сердце своё,
Оно будет жить среди вас.
И любовь, что в душе моей,
Будет для вас сиять,
Освещать вашу жизнь с небес,
Утоляя вашу печаль.*

Эти пронзительные строки неожиданно взволновали Эрику. Ее глубоко тронуло, что маленькая девочка сумела выразить так много чувств в столь коротком поэтическом отрывке.

Церемония вторых похорон проходила в более оживленной атмосфере. Сама церковь на Онор-Оук-Парк восхищала красотой, и служба здесь была более торжественной. Под аккомпанемент органа

они все исполнили англиканский гимн «Весь мир земных творений», который неизменно наполнял восторгом сердце Эрика.

Оказалось, что Аманда Бейкер была личностью более популярной, чем они думали, и попрощаться с ней пришло много народу: давние друзья, коллеги. Эрика была растрогана, увидев на похоронах недавно вышедшего в отставку помощника комиссара Оукли, как всегда прилизанного и щеголеватого, а также его преемницу Камиллу Брейс-Козуорси, которая выступила с удивительно проникновенным надгробным словом. В завершение своей речи она сказала:

– Карьера Аманды Бейкер на службе в Столичной полиции не всегда складывалась удачно, но, к сожалению, самые славные ее мгновения пришлось на последние дни перед ее безвременной кончиной. Мы должны быть благодарны Аманде за то, что она не проигнорировала дело Джессики Коллинз, работала над ним даже тогда, когда все остальные поставили на нем крест. Она продолжала искать, задавать вопросы и в конце концов нашла важное доказательство, которое в итоге и помогло раскрыть дело. Я хотела бы публично воздать должное Аманде за годы ее верной службы в Столичной полиции.

Собравшиеся разразились аплодисментами. Эрика устремила взгляд на гроб, воображая, что сейчас Аманда испытывает невероятную гордость.

* * *

По окончании похорон Эрика, Мосс и Питерсон пошли через кладбище к дороге.

– Ну и дело, – промолвила Мосс. – Три трупа, самоубийство, и все ради того, чтобы скрыть обстоятельства гибели Джессики Коллинз. Почему они просто не рассказали все как было?

– Испугались, – ответил Питерсон. – А потом страх обратился против них, заставил делать то, о чем они даже помыслить не могли.

– Какая нелепость, – согласилась Эрика.

Они достигли ворот, вышли на дорогу и с удивлением увидели Тоби Коллинза. Тот ожидал их вместе с Танвиром. Оба были в черных

костюмах, Тоби держал в руках букет красных гвоздик. Выглядел он юным и незащищенным.

– Привет. – Тоби слабо улыбнулся.

– Здравствуйте, Тоби, – поприветствовала его Эрика. – Вы немного опоздали. Пропустили службу.

– Нет. Я подумал, что наше присутствие там будет неуместно. Вот, мы принесли цветы... – Он внезапно умолк, но эхо его голоса какое-то время еще резонировало в воздухе. – Я правда не знал, – добавил Тоби со слезами на глазах. – Вот дурак, да? Что теперь будет с моей сестрой?

Эрика, Мосс и Питерсон переглянулись.

– Не знаю, – ответила Эрика. – Суд решит. Мы записали ее показания. Совершенно очевидно, что Джессика умерла в результате несчастного случая. Но вот оценку ее дальнейшим действиям, при участии Джерри, даст суд.

Тоби кивнул.

– Я потерял всю свою семью. Тан – все, что у меня есть. – Тан взял Тоби за руку. – Мама все еще в психушке... Прогнозы неутешительные. Папа зарылся головой в песок – уехал в Испанию со своей новой семьей... Лора в Холлоуэе[99], ждет суда. Раньше чем через две недели я не смогу с ней увидеться, но я даже не знаю, хочу ли.

– Вашему отцу придется вернуться. Мы с ним тоже хотим побеседовать.

Тоби кивнул.

– Как мне теперь быть? – спросил он, столь пристально глядя на Эрику, что она растерялась.

– Родных не выбирают. Держитесь друг за друга, да покрепче, – посоветовала Мосс, положив руку ему на плечо.

– Хорошо. Постараемся. Спасибо, – поблагодарил он.

Танвир и Тоби пошли прочь от кладбища в направлении станции. Они смотрели им вслед.

Улицу огласил исступленный автомобильный гудок, и на перекресток из-за поворота выехала машина Эрики, причем не по той стороне дороги.

– Это ваша сестра? – спросила Мосс, приглядевшись. – Она знает, что едет не по той стороне?

Снова гудок. Машина, катившая им навстречу, с визгом затормозила. Потом Ленка резко переместилась на нужную полосу.

– Теперь знает, – ответила Эрика.

Ленка остановилась на обочине возле них и опустила стекло. Они заглянули в салон и увидели на заднем сиденье Якуба с Каролиной, а между ними в детском кресле – малышку Эву.

– Всем привет! – поздоровалась Ленка, старательно выговаривая английские слова.

Мосс и Питерсон ответили на ее приветствие, помахали детям.

– Вы сейчас куда, босс? – полюбопытствовала Мосс.

– В «Зимнюю Страну чудес» в Блэкхите. Через пару дней Ленка возвращается домой, там вроде все уладилось, – ответила Эрика, поведя глазами.

– Грустно будет расставаться с ними, – заметила Мосс, бросив взгляд на Питерсона. Тот корчил смешные рожи Якубу и Каролине, дети хохотали.

– Грустно, – с улыбкой согласилась Эрика. Ленка посигналила, и Эрика села в машину, добавив: – До скорой встречи. Давайте соберемся вместе на Рождество, выпьем.

– Позвоните нам, – сказал Питерсон.

Автомобиль рванул с места, лихо метнулся на другую сторону дороги и затем снова вернулся на левую полосу. Мосс посмотрела на Питерсона. Тот провожал взглядом машину Эрики, исчезающую за углом.

– Вряд ли она позвонит, – произнесла Мосс.

– Как знать.

– Запал ты, что ли, на нее, Питерсон?

Он кивнул со вздохом.

– Дуралей ты несчастный. Пойдем хоть пивом тебя угощу, – предложила она.

Мосс взяла его под руку, и они, в поисках тепла и дешевого пива, отправились в ближайший паб.

КОНЕЦ

К читателю

Прежде всего, огромное спасибо вам за то, что вы прочли мой роман «Темные воды». Если он вам понравился, напишите отзыв, я буду очень благодарен. Пусть небольшой, всего несколько слов, он сыграет важную роль и будет способствовать тому, чтобы другие читатели тоже открыли для себя одну из моих книг.

В конце своих предыдущих романов об Эрике Фостер, «Девушка во льду» и «Ночной Охотник», я написал, что хотел бы услышать ваши отклики, и вы не подкачали. Я потрясен! Спасибо всем за ваши отзывы, что вы присылаете на мой личный сайт, на мои странички в *Facebook* и *Twitter*. Мне поступают письма со всех уголков мира, и я с удовольствием читаю ваши суждения о моих книгах, а также безумно рад фотографиям собак, что мне присылают. У меня две мальтийские болонки, и они рады знакомству с новыми друзьями!

Вы можете связаться со мной, написав на мою страничку в *Facebook*, а также через приложение *Instagram*, интернет-портал *Goodreads* или мой личный сайт www.robertbryndza.com. Я читаю все сообщения и непременно отвечу вам.

Я намерен издать еще много книг и надеюсь, что вы составите мне компанию в этом приключении!

Роберт Брындза

P.S. Если хотите, чтобы вам на электронную почту пришло уведомление о выходе в свет моей новой книги, подпишитесь на мою рассылку, воспользовавшись приведенной ниже электронной ссылкой. Конфиденциальность адреса вашей электронной почты гарантирована, и вы в любой момент можете аннулировать свою подписку.

www.bookouture.com/robert-bryndza

@robertbryndza

bryndzarobert

xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink"
l:id20200717221602_100www.robertbryndza.com

От автора

Я выражаю признательность Оливеру Роудзу, Наташе Ходжсон, Натали Батлин, Кейт Баркер и замечательной команде издательства *Bookouture*. Спасибо Ким Нэш – представителю *Bookouture* по связям с общественностью, специалисту по рекламе и большому знатоку джина, она великолепна в своем деле продвижения и популяризации наших книг. Особая благодарность моему блестящему редактору/подельнику Клэр Борд, которая всегда мастерски направляет меня на протяжении всего писательского процесса.

Спасибо Генри Стедману за очередную прекрасную обложку для моей книги. Я благодарю сержанта Лорну Деннисон-Уилкинс за то, что она терпеливо отвечала на все мои вопросы о работе полицейских водолазов и поведала множество историй из своей практики руководителя особого поискового отдела полиции Суссекса.

Особая благодарность Грэму Бартлетту, старшему суперинтенданту в отставке, а ныне консультанту по вопросам полицейского протокола – <http://www.policeadvisor.co.uk> – за его бесценные советы, которые позволили мне передать события как можно достовернее. И прошу заметить, что всякие вольности в обращении с фактами на моей совести.

Я крайне признателен Лорелле Белли из *LBLA*. Она сотворила чудо, способствуя распространению по всему миру книг об Эрике Фостер, которые уже переведены на двадцать языков, и это число растет.

Хочу сказать спасибо своей свекрови Вьерке – за чуткость: когда я начинаю буксовать на последних главах, она всегда спешит угостить меня жареным цыпленком. И я безмерно благодарен своему Яну, а также Рики и Лоле. Без их любви и поддержки у меня ничего бы не получилось. Команде Брындзы нет равных!

И наконец, я хочу выразить признательность всем своим чудесным читателям, читательским клубам и блогерам. Я всегда это подчеркиваю, но это – истинная правда: отзывы живых людей – большое дело. Без вашей непростой работы, без страстной оценки, без обсуждения моих книг, в том числе и в блогах, у меня было бы гораздо меньше читателей.

Роберт Брындза

Последнее дыхание

© Robert Bryndza, 2017

© Хатуева С., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Посвящается
Веронике, Филипу и
Эви*

*Самые
страшные
чудовища живут у
нас в душах.*

Эдгар Аллан По

Пролог

Понедельник, 29 августа 2016 года

Три часа ночи. Весь салон пропитался трупным запахом. Жара все не спадала, и даже включенный на полную мощность кондиционер не справлялся с невыносимой вонью из багажника. Тело разлагалось очень быстро.

Он положил ее в машину два часа назад. Мухи кружили по салону в поисках тела, и приходилось то и дело от них отмахиваться. Его забавляли собственные беспорядочные хлопки и размахивания руками. Будь она жива, может, посмеялась бы вместе с ним.

Несмотря на очевидный риск, эти ночные поездки в Лондон по пустой дороге через пригороды доставляли ему удовольствие. За несколько улиц до пункта назначения он выключил фары и, свернув на нисходящую дорогу, заглушил двигатель. Машина катилась мимо темных домов в абсолютной тишине. В самом низу улицы стояло здание маленькой заброшенной типографии. От проезжей части здание отделяла парковка, а ряд высоких деревьев прятал его в тень. В ночном небе виднелись оранжевые проблески – следы выбросов какого-то предприятия. Из-под асфальта на парковке пробивались корни деревьев, на которых машину подбрасывало вверх.

Подъехав к мусорным бакам у входа в типографию, он резко повернул руль влево и остановился, почти прижавшись багажником к самому последнему баку. Дома напротив были скрыты за деревьями, а от ближайших к парковке его отделяла кирпичная стена. Посидев несколько минут в тишине, он достал из бардачка пару латексных перчаток, открыл дверь и нырнул в духоту и испарения от потрескавшегося асфальта. В перчатках руки вспотели за считанные секунды. Как только он открыл багажник, оттуда вылетела трупная муха и попыталась сесть ему на лицо. Снова пришлось отмахиваться и отплевываться.

Он откинул крышку мусорного бака, и в нос ударил гнилостный запах. Из бака вылетела новая партия проклятых мух, отложивших свои яйца в теплых и зловонных мусорных массах. Отогнав их от себя, он снова повернулся к багажнику.

Она была очень красива – до самого конца, даже когда и волосы, и одежда пропитались потом и кровью. Еще несколько часов назад она плакала и умоляла его о пощаде. Сейчас же ее тело – лишь отработанный материал, не нужный никому – ни ей, ни ему.

Он осторожно вынул труп из багажника и положил горизонтально на кучу черных мешков, которыми был наполнен бак. Закрыв крышку, оглянулся. Вокруг не было ни души – особенно теперь, без нее. Он вернулся в машину и отправился в долгий обратный путь.

Ранним утром следующего дня из близлежащего дома вышла женщина с черным переполненным мешком. Накануне был выходной. Мусор не вывозили, а с ее новорожденным малышом оставались родители мужа. Она открыла крышку ближайшего бака, и оттуда ураганом вырвалась целая стая мух. Отпрянув, она стала отмахиваться от них. А потом поверх черных мусорных мешков она увидела тело молодой девушки – жестоко избитой, с заплывшим глазом и рассеченным черепом. Тело было сплошь покрыто мухами.

Следом в нос ударил запах. Руки разжались, мешок выпал, и женщину вырвало прямо на горячий асфальт.

Глава 1

Понедельник, 9 января 2017 года

Старший инспектор Эрика Фостер наблюдала за тем, как инспектор Джеймс Питерсон сушит полотенцем промокшие под снегом короткие дреды. Он был высок, строен и обладал самоуверенностью и обаянием в идеальных пропорциях. Шторы в комнате были плотно задернуты, чтобы ничего не напоминало о сильной метели на улице. Фоном тихо работал телевизор, а в маленькой гостиной, совмещенной с кухней, от двух новых ламп шел теплый и мягкий свет. После тяжелого рабочего дня Эрика собиралась принять горячую ванну и пораньше лечь спать, но вдруг из ближайшей забегаловки позвонил Питерсон и спросил, не голодна ли она. Не успев придумать причину для отказа, она ответила утвердительно. Во времена, когда Питерсон был ее подчиненным, они вместе успешно расследовали несколько убийств. Сейчас же их разбросало по разным отделам: Питерсон так и занимался убийствами, а Эрика перешла на бумажную работу, которую очень быстро возненавидела.

Питерсон подошел к батарее, аккуратно повесил полотенце и, улыбнувшись, повернулся к Эрике.

– Там настоящий буран, – сказал он, сложив ладони лодочкой и дуя в них, чтобы согреться.

– Как Рождество? – спросила она.

– Нормально, были только мама и папа. Сестра двоюродная замуж выходит, – ответил он, снимая кожаную куртку.

– Поздравляю... – Эрика пыталась вспомнить, говорил ли он ей когда-нибудь про сестру.

– А ты? Ездила в Словакию?

– Да, с сестрой и ее семьей. Спали на одной кровати вместе с племянницей... Пиво будешь?

– С удовольствием, – с энтузиазмом откликнулся Питерсон.

Положив куртку на спинку дивана, он сел. Эрика открыла дверцу холодильника и заглянула внутрь. Упаковка пива занимала все отделение для овощей, а из съедобного был только суп многодневной давности в кастрюле на верхней полке. Она попыталась рассмотреть

свое отражение в стальной поверхности кастрюли, но округлая форма искажала пропорции: ее лицо сделалось нереально узким, лоб выпирал словно шар, – будто в кривом зеркале. Надо было просто вежливо соврать, что она уже поела.

Несколько месяцев назад, выпив в баре с коллегами, Эрика и Питерсон оказались в одной постели. Они оба чувствовали, что это не просто банальный секс на одну ночь, но с тех пор общались только в рабочей обстановке. До Рождества они провели вместе еще две ночи, и оба раза она не осталась на завтрак. Сейчас она была у себя дома, они были трезвы, а на книжной полке у окна стояла фотография ее умершего мужа Марка, в ореоле из ее чувства вины.

Она постаралась унять и беспокойство, и чувство вины, достала две банки пива и закрыла дверцу холодильника. Полосатый красно-белый пластиковый пакет с рыбой и картошкой лежал на разделочном столе, и от аромата у нее потекли слюнки.

– Будешь есть с бумаги? – спросила она, открывая банки с пивом.

– А как еще?! – воскликнул Питерсон.

Он сидел, закинув ногу на ногу и вытянув руку вдоль спинки дивана. Всем своим видом он показывал, насколько уверенно и комфортно себя здесь чувствует.

Эрика понимала, что только испортит вечер, но поговорить было необходимо. Ей было нужно очертить границы. Она достала две тарелки, взяла пиво и пакет с едой и перенесла все на кухонный столик. Молча раскрыв бумажные упаковки с дымящейся рыбой с аппетитной корочкой и золотистой мягкой картошкой, они начали есть.

– Слушай, Питерсон... Джеймс... – начала Эрика.

У него зазвонил телефон.

– Извини, я должен ответить, – сказал он, доставая его из кармана.

Эрика кивнула. Он принял вызов и стал слушать, нахмурившись.

– Правда? Хорошо, без проблем, какой адрес? – он взял со стола ручку и начал что-то записывать на краешке бумаги от картошки. – Я рядом. Могу выехать сейчас и держать оборону, пока ты не подъедешь... Главное, не торопись, раз такие дороги.

Он положил трубку, засунул в рот картошку и встал.

– Что случилось? – спросила Эрика.

– Какие-то студенты нашли изувеченное тело девушки в мусорном баке.

– Где?

– На Татерсол-роуд, это в Нью-Кросс... Черт, какая вкусная картошка, – он запихнул в рот еще несколько штук, взял кожаную куртку и проверил удостоверение, бумажник и ключи от машины. Эрика в очередной раз пожалела, что ушла из следственного отдела.

– Извини, Эрика. Придется отложить до следующего раза. Вообще-то предполагалось, что сегодня вечером я буду свободен. Кстати, что ты собиралась сказать?

– Да ничего. А кто звонил?

– Старший инспектор Хадсон. Она застряла в снегу. То есть не то чтобы застряла, но она едет из центра Лондона, а дороги в плохом состоянии.

– Нью-Кросс близко, я поеду с тобой, – сказала Эрика, отодвигая тарелку и схватив со столешницы свою сумку и удостоверение.

Он прошел за ней в прихожую, на ходу надевая куртку. Эрика посмотрела на себя в маленькое зеркало, отерла жир у рта и провела рукой по коротким светлым волосам. На лице не было косметики, и она заметила, что за неделю рождественского отпуска, даже при ее высоких скулах, оно успело округлиться. Поймав его взгляд в зеркале, она увидела, что он помрачнел.

– Ты против?

– Нет. Но поедем в моей машине, – сказал он.

– Нет, я еду на своей.

– Ты и сейчас будешь навязывать мне субординацию?

– О чем ты? Ты едешь на своей машине, я на своей. Поедем колонной.

– Эрика, я к тебе пришел рыбу с картошкой поесть...

– Просто поесть?

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего. Тебе позвонили по работе, и мне кажется совершенно логичным, что я как старшее должностное лицо буду присутствовать на месте происшествия. Особенно учитывая, что старший инспектор Хадсон задерживается... – на этой фразе ее голос оборвался. Она поняла, что перегнула палку.

– «Старшее должностное лицо». Ты так и будешь мне об этом напоминать, да?

– Надеюсь, ты и сам не забудешь, – отрезала она, надевая куртку и выключая свет. Из квартиры они вышли в напряженном молчании.

Глава 2

Подсвечивая фарами валивший с неба снег, Эрика свернула с загруженной дороги на Татерсол-роуд. Через мгновение за ней последовал Питерсон. На углу был расположен салон кухонной мебели, перед ним была большая парковка. На заснеженном асфальте голубыми бликами мерцали сирены трех патрульных машин. В горку шел сплошной ряд таунхаусов. Жильцы высовывались из дверных проемов и с любопытством наблюдали, как полиция разматывает оградительную ленту и обносит ею парковку салона. Сам салон примыкал торцом к первому жилому дому и был началом длинной цепочки зданий. К радости Эрики, около патрульных машин она увидела инспектора Мосс, о чем-то беседующую с полицейским. Эрика знала, что ей можно доверять. Когда-то они вместе расследовали несколько убийств. Припарковавшись на противоположной стороне улицы, Эрика и Питерсон перешли дорогу.

– Рада встрече, шеф, – приветствовала Эрику Мосс, зябко кутаясь в куртку и поднимая повыше воротник, чтобы защититься от летящего снега. Она была невысокого роста и крепкого телосложения, с короткими рыжими волосами и веснушчатым лицом. – Ты здесь в официальном статусе?

Эрика и Питерсон ответили одновременно. Она сказала «Да», а он – «Нет».

– Подождите нас несколько минут, – обратилась Мосс к полицейскому. Тот кивнул и направился к машине.

– Я была с Питерсоном, когда ему позвонили, – объяснила Эрика.

– Всегда рады твоему присутствию, босс. Я просто думала, что это дело возьмет старший инспектор Хадсон.

– Я побуду здесь до ее прибытия, – сказала Эрика, часто моргая, чтобы снег не попал в глаза.

Мосс смотрела куда-то в сторону. Возникла неловкая пауза.

– Могу я увидеть тело? – нарушила тишину Эрика.

– Это молодая женщина, со следами жестоких побоев, – начала рассказывать Мосс. – Студент из крайнего таунхауса пошел выбрасывать мусор и обнаружил тело. Сообщение принял один из

наших сотрудников. Следователи и криминалисты еще не приехали – мешает погода.

– Найдутся лишние комбезы? – спросила Эрика.

Мосс кивнула. Они направились к заградительной ленте, растянутой по периметру парковки. Эрика несколько нарочито остановилась, ожидая, что Питерсон поднимет ленту для нее. Она бросила на него выразительный взгляд, он поднял ленту, и она ступила на парковку.

«Черт возьми, они теперь пара, что ли, – пробормотала себе под нос Мосс. – Говорят же, никогда не работай с детьми и животными. Еще про парочки забыли».

Она пошла за ними и тоже надела спецкомбинезон. Нырнув под ленту, они подошли к большому контейнеру со строительным мусором, прицепленному к стене. Полукруглая крышка была откинута назад. Мосс направила внутрь мощный фонарь.

– Боже, – выдохнул Питерсон и, закрыв рот рукой, отступил назад.

Эрика не отвела взгляд и смотрела не моргая.

На стопке аккуратно сложенных разобранных картонных коробок на правом боку лежало тело жестоко избитой молодой женщины с длинными темными спутанными волосами. Глаза распухли, на голове – следы запекшейся крови. Скрещенные ноги – в ранах и порезах. Из одежды на ней была только маленькая футболка, пропитанная кровью настолько, что невозможно было определить ее изначальный цвет. Ниже пояса она была голая.

– И посмотрите на это, – тихо сказала Мосс и направила фонарь на макушку с проломленным черепом.

– Ее нашли студенты? – переспросила Эрика.

– Да. Они ждали полицию на улице. Их дверь выходит на парковку, поэтому мы уже не могли впустить их внутрь, когда огородили место происшествия.

– Где они сейчас?

– Их посадили в патрульную машину чуть дальше по улице.

– Давайте закроем до прибытия криминалистов, – сказала Эрика, заметив, что снег уже лег тонким слоем на труп и картонные коробки.

Питерсон медленно опустил крышку.

Со стороны полицейского кордона слышались голоса и сигналы радиации. Старший инспектор Хадсон, миниатюрная блондинка с

короткими волосами, стояла рядом с высоким худым мужчиной с бледным вытянутым лицом. Это был старший офицер Спаркс. На нем был плохо сидящий и неопрятный костюм, жирные черные волосы были откинuty со лба.

– Эрика, а ты что здесь делаешь? Я думал, ты уже в другой галактике, – вместо приветствия сказал он.

– Я теперь в Бромли, – ответила она.

– И я там же.

Хадсон усмехнулась.

– Да. Все это очень смешно, – заметила Эрика. – Как и труп избитой до смерти девушки в мусорном баке.

Хадсон и Спаркс приняли серьезный вид.

– Эрика просто приехала помочь. Погода замедляет все процессы, а она живет рядом, – объяснила Мосс.

– Она была со мной, когда мне позвонили. Я тоже рядом живу, – вступил Питерсон, но Эрика бросила на него предостерегающий взгляд.

– Понятно, – сказал Спаркс, перехватив ее взгляд. Он замолчал, как бы мысленно сохраняя его в памяти для последующего использования против нее, а затем пошел к ограничительной ленте и поднял ее рукой в черной перчатке.

– Эрика, сдай комбинезон. И подожди меня за кордоном. Нам нужно поговорить.

Мосс и Питерсон хотели было что-то сказать, но Эрика покачала головой и пошла в сторону улицы.

Глава 3

Выйдя за пределы огороженной зоны, она принялась ходить взад-вперед по улице в оранжевом свете уличного фонаря. Спасаясь от порывов ветра, она подняла ворот куртки, засунула руки поглубже в карманы и вся сжалась. Когда к кордону подъехал черный микроавтобус с криминалистами, ее охватило чувство бессилия. Несмотря на мороз, возвращаться в машину не хотелось. В бардачке лежала пачка сигарет, предназначенная для экстренных случаев. Курить она бросила несколько месяцев назад, но в моменты стресса ее снова настигала жажда никотина. Тем не менее из-за Спаркса она срываться не собиралась. Через несколько минут он появился у выезда с парковки и подошел к ней.

– Эрика, зачем ты здесь? – спросил он ее. В свете фонаря она заметила его седину и изможденный вид.

– Я же уже объяснила: узнала, что инспектор Хадсон задерживается.

– А откуда ты узнала?

– Я была с Питерсоном, когда ему позвонили, – чуть помедлив, продолжила Эрика, – но хочу подчеркнуть, что он ни в чем не виноват. Я не дала ему выбора.

– Ты была с ним?

– Да...

– Несколько странный выбор, не считаешь? – спросил он с усмешкой, и, несмотря на мороз, Эрика почувствовала, как у нее загорелись щеки.

– Это не твое дело.

– А мое место происхождения – не твое. Я руковожу отделом расследования убийств. Ты у нас не работаешь, и тебе здесь не место. Поэтому вали отсюда.

Эрика сделала шаг вперед и посмотрела ему прямо в глаза.

– Что ты только что сказал?

– Ты прекрасно меня слышала, Эрика, – его дыхание было несвежим. – Ты сюда приехала не помогать, а мешаться под ногами. Я знаю, что ты подала прошение и хочешь снова вернуться в наш отдел.

Какая ирония судьбы! Ты же ушла, как только меня поставили над тобой.

Эрика не отводила взгляд. Она знала, что он ненавидит ее, но в прошлом им удавалось держаться на грани вежливости.

– Только попробуй еще раз мне такое сказать.

– «Только попробуйте еще раз мне такое сказать, сэр».

– Знаешь, Спаркс, я понимаю, что ты подмазался к кому нужно и получил должность, но ведь нужно еще заработать авторитет, – смотря на него в упор, продолжала Эрика. Снег повалил еще сильнее, тяжелыми крупинками, которые оседали на его пиджаке. Она твердо решила не моргать и не отводить взгляд. К ним подошел полицейский, и Спарксу пришлось повернуться к нему.

– В чем дело? – выпалил он.

– Сэр, приехал главный криминалист, и владелец кухонного салона тоже уже в пути.

– Уходи с моей территории, – сказал Спаркс и вместе с полицейским пошел за заградительную ленту, оставляя на снегу свежие следы.

Эрика сделала глубокий вдох и постаралась взять себя в руки. Она еле сдерживала подступившие слезы.

«Перестань. Это же просто очередной мудака с работы, – ругала она саму себя. – Радуйся, что это не ты лежишь в мусорном баке».

Вытерев слезы, она отправилась к своей машине. На пути стоял патрульный автомобиль, в салоне горел свет. Окна немного запотели, но она смогла рассмотреть сидевших в машине троих молодых людей. Сзади сидели две девушки, а на пассажирском сиденье – молодой светловолосый парень. Он развернулся к девушкам, все трое были поглощены беседой. Эрика замедлила шаг и остановилась.

«Да и черт с ним», – решила она, развернулась и подошла к машине. Убедившись, что рядом никого нет, она постучала в окно и открыла дверь, предъявив ребятам свое удостоверение.

– Это вы нашли тело? – спросила она. Они посмотрели на нее и кивнули. По выражению их лиц было очевидно, что они еще не отошли от шока. На вид им было не больше восемнадцати.

– С вами уже говорил сотрудник полиции? – спросила она, подавшись немного глубже в салон.

– Нет, хотя мы давным-давно тут сидим. Нам было сказано ждать, но мы уже замерзли, – ответил парень.

– Моя машина через дорогу. Давайте поговорим там, я включу обогрев, – сказала Эрика.

Глава 4

Эрика включила печку на полную, и скоро изо всех решеток пошел горячий воздух. Парень сел рядом с ней, растирая руки. Он был светленький, худой, с проблемной кожей. Из одежды на нем была только футболка, джинсы и тонкая куртка. Девушки разместились на заднем сиденье. За спиной у Эрики оказалась смуглая красавица в джинсах, красном свитере и фиолетовом хиджабе, застегнутом слева на брошку в виде серебряной бабочки. Вторая девушка была невысокая, упитанная, с короткими темно-русыми волосами. Два передних зуба у нее выдавались вперед, что делало ее похожей на кролика. На ней был поношенный банный халат персикового цвета.

– Назовите мне свои имена, – попросила Эрика, доставая из сумки блокнот и расположив его на руле.

– Я Джош Маккол, – сказал парень.

Она царапала по бумаге, но ручка не писала.

– Можешь поискать в бардачке другую ручку? – попросила Эрика парня.

Он подался вперед, футболка задралась, и на копчике открылась татуировка в виде листа марихуаны. Он пошарил рукой среди старых шоколадок и «пожарной» пачки «Мальборо-лайтс» и протянул ей шариковую ручку.

– Можно мне? – спросил он, показывая на полупустую упаковку мини-шоколадок «Марс».

– Угощайся, – разрешила Эрика. – Вы, девочки, хотите?

– Нет, – ответила девушка в хиджабе, добавив, что ее зовут Ааширия Хан. Ее подруга тоже отказалась.

– Я Рэйчел Докес, но без «е».

– Она сейчас говорит про имя, а не про фамилию. Для нее это очень важно, – объяснил Джош, открывая вторую шоколадку.

Рэйчел неодобрительно сжала губы и поправила полы халата.

– Вы вместе снимаете квартиру рядом с салоном? – спросила Эрика.

– Да, мы учимся в университете Голдсмита, – ответила Рэйчел. – Я и Ааширия – на филфаке. Джош – на искусствоведческом.

– Вы что-то видели или слышали подозрительное за последние несколько дней? Может, кто-то ходил около этих баков или на парковке салона?

Ааширия заерзала и обхватила руками колени. Она смотрела, как криминалисты шли мимо их дома на парковку.

– Здесь неблагополучный район, всегда кто-то кричит или визжит по ночам, – сказала она и заплакала.

Рэйчел повернулась к ней и обняла подругу. Джош дожевал шоколадку и с трудом проглотил.

– В смысле – кричит или визжит? – переспросила Эрика.

– Здесь рядом четыре бара, толпы студентов и сплошное бюджетное кооперативное жилье, – важно проговорила Рэйчел. – Это же юг Лондона. За каждым углом – уголовщина.

Окна в машине запотели. Эрика убавила нагрев.

– Кто обнаружил тело?

– Джош, – снова ответила Рэйчел. – Он написал мне, чтобы я вышла на улицу.

– Написал?

– Сообщение на телефон отправил, – пояснил Джош, словно Эрика была умственно отсталой. Она мигмом ощутила разницу в возрасте. Она бы первым делом побежала домой рассказать, а Джош схватился за телефон. – Наш бак был переполнен, а те, что на парковке, вряд ли использовались в праздники, так что я подумал, что они пустые.

– Мы все вышли на улицу, – добавила Ааширия.

– Во сколько это было? – спросила Эрика.

– Где-то в полвосьмого, – вспомнил Джош.

– А во сколько закрывается салон?

– Он закрыт с нового года. Мы слышали, что владелец обанкротился, – сказал Джош.

– То есть там в последние дни было тихо?

Все кивнули.

– Вы не узнали жертву? Может, это кто-то из студентов или из местных?

Они замотали головами, морщась при воспоминании о трупе.

– Мы здесь только с сентября, мы первокурсники.

– Когда мы сможем вернуться в квартиру? – спросила Рэйчел.

– Ваша квартира теперь часть места происшествия, а значит, еще не скоро.

– Вы не могли бы поточнее сориентировать?

– К сожалению, не могу.

– Скорее всего, девушка работала проституткой, – снова экспертно заявила Рэйчел, поправляя халат. – Такой уж здесь район.

– А ты знаешь здешних проституток? – спросила Эрика.

– Нет!

– Тогда откуда ты знаешь, что она была проституткой?

– Ну а как еще девушка может оказаться... Как еще такое может случиться?

– Рэйчел, твоя наивность и категоричность ни до чего хорошего не доведут, – сказала Эрика.

Рэйчел сжала губы и уставилась в запотевшее окно.

– Что-то еще можете мне рассказать? Важно все, любые детали. Помимо привычных для этого места странных личностей, не было никого подозрительного?

Они покачали головами.

– А соседи напротив? Кто там живет? – спросила Эрика, указывая на ряд темных домов с другой стороны улицы.

– Мы их не знаем. Там тоже студенты и несколько бабушек, – сказал Джош.

– Где мы будем теперь жить? – пропищала Аширия.

– Мне друг отдал ключи от своей квартиры, чтобы я кормил кошку. Может, поедem туда? – предложил Джош.

– А где это? – спросила Эрика.

– В Ледиуэлл.

– Скажите, что с нами будет дальше? – спросила Рэйчел. – Нас вызовут в суд или на опознание?

Эрике стало их жалко. В конце концов, это сущие дети, всего несколько месяцев назад уехавшие от родителей в один из самых неблагополучных районов Лондона.

– Возможно, вас вызовут в суд, но это будет еще нескоро, – успокоила их Эрика. – Пока мы сможем организовать для вас беседу с психологом. Я узнаю насчет временного размещения, но это тоже займет время. Если дадите мне адрес вашего друга, я попробую

договориться, чтобы вас туда отвезли. И нам еще раз нужно будет с вами побеседовать и подписать официальные заявления.

Ааширия немного пришла в себя и вытирала слезы тыльной стороной ладони. Эрика пошарила рукой в сумке в поисках бумажной салфетки.

– Кому-нибудь нужно позвонить родителям?

– Мой телефон со мной, – ответила Рэйчел, похлопав себя по карману.

– У меня мама в ночную смену работает, – сказал Джош.

– Мой телефон остался в квартире. Я хочу позвонить папе, – сказала Ааширия, взяв салфетку, протянутую Эрикой.

– Бери мой телефон, – сказал Джош.

Ааширия набрала номер и стала ждать соединения, прижимая трубку к хиджабу. Джош вытер конденсат со своего окна. Приехал микроавтобус патологоанатомической службы, из которого вывезли носилки и покатали на парковку.

– Ее выбросили, как мешок с мусором, – проговорил Джош. – Кто же на такое способен?

Эрика смотрела в окно и страстно желала знать ответ на тот же самый вопрос. У ворот появился Спаркс в комбинезоне, и она поняла, что сейчас ей остается только уехать.

Глава 5

На следующее утро Эрика проснулась в одиночестве. Засыпая, она надеялась, что Питерсон позвонит и сообщит какую-то информацию с места событий, но пропущенных звонков не было.

Дорога на работу заняла дольше обычного. Машины с реагентами ездили всю ночь, и теперь вместо дорог была грязная жижа. В Бромли все было серым, а утреннее солнце с трудом пробивалось сквозь низкие облака. Снег так и продолжал идти. На проезжей части, покрытой реагентами, он таял, а на тротуарах оставался лежать. Полицейский участок Бромли находился в самом конце главной улицы города, напротив железнодорожного вокзала и крупного супермаркета «Уэйтроуз». Бледные завсегдатаи лондонских электричек массово шли на станцию мимо любителей кофе, нетерпеливо ждущих своей очереди в маленькой кофейне.

Она оставила машину на подземной парковке и на лифте доехала до первого этажа. Отдельные полицейские возвращались с ночной смены и здоровались с ней, пока она шла через прихожую в маленькую кухню. Там она сделала себе чашку чая и взяла ее с собой наверх, в свой угловой кабинет. При виде горы новых папок на столе она вздохнула. Пока она перебирала их, кто-то постучал в дверь. Подняв глаза, она увидела Джона МакГорри, красивого молодого брүнета из уголовного розыска.

– Все в порядке, босс?

– Доброе утро, Джон. С чем пришел?

– У вас было время взглянуть на мое заявление?

В конце прошлого года Джон работал в следственной группе Эрики по громкому делу об исчезновении человека. После того как дело успешно завершилось, он попросил рассмотреть возможность повышения его в звании до сержанта полиции.

– Извини, Джон. Посмотрю сегодня. Знаешь, не успела, Рождество и все такое.

– Спасибо, босс, – сказал он, улыбнувшись.

Эрике стало стыдно. Его заявление пришло к ней на почту еще за неделю до Рождества. Она села за стол и начала искать его в почте, но отвлеклась на новое сообщение:

Старший инспектор Фостер,
в ответ на Ваш запрос о переводе в отдел по
расследованию убийств с сожалением сообщаем,
что на данный момент он не может быть
удовлетворен.

С уважением,
Бэрри МакГу,
Отдел кадров Главного полицейского
управления.

Дело рук Спаркса, сразу поняла она. Откинувшись на спинку
стула, Эрика достала телефон и набрала Питерсона. Он ответил не
сразу и очень сонным голосом.

– Черт. Я тебя разбудила.

– Да, – сказал он, откашливаясь. – Вчера там торчали до двух
ночи.

– Что-то удалось обнаружить?

– Ничего особенного. Мелани Хадсон заставила меня и Мосс
обойти все дома на улице. Никто из соседей ничего не видел.

– Слушай. Извини, что навязалась с тобой вчера.

– А зачем тебе понадобилось?

– Я никому не говорила еще, но я попросилась назад, в убойный.

– Хочешь работать со Спарксом?

– Нет, хочу раскрывать убийства. Последние пару месяцев только
и делаю, что сижу за столом и пишу эти чертовы отчеты. Ладно.
Сейчас это все уже неважно. Мне отказали.

– Сочувствую. Чем-то мотивировали?

– Нет.

– Эрика, при прочих равных твое звание и уровень заработной
платы играют против тебя.

– Думаю, моя личность играет против меня. И, уверена, Спаркс
приложил к этому руку. Вот почему они не посмотрели на количество
дел, которые я раскрыла, или убийц, которых упекла за решетку.

– То, что ты их сажаешь, бюджет не экономит. Ты знаешь, что
определение в тюрьму стоит столько же, сколько ночь в «Ритце»?

– Да ты что?

– Для человека с твоими мозгами ты слишком наивна, Эрика.

– Но нельзя же все сводить к бюджету. Из-за этого у нас столько проблем, слишком для многих деньги стоят во главе угла.

Питерсон вздохнул.

– Слушай, я спал всего три часа. Согласен с тобой, но не готов сейчас вступать в дебаты, мне нужно еще поспать.

– Хорошо. Извини еще раз за вчера.

– Ладно. Не дрейфь, что-нибудь всплывет.

– Знаю. Просто надоело отсиживаться здесь и перебирать бесконечные бумажки для Роналда Макдоналда.

Вдруг рядом кто-то кашлянул, Эрика подняла взгляд и увидела в проеме своего рыжеволосого начальника – того самого «Роналда Макдоналда», суперинтенданта по фамилии Йель.

– Не могу больше говорить, – бросила она в трубку. – Доброе утро, босс! Вам что-то нужно? – выдавила из себя она.

– Эрика, можно тебя на пару слов?

Старший офицер Йель был крупным, высоким и грузным, с густой рыжей бородой под стать волосам и влажными голубыми глазами. Лицо у него было красным и в каких-то пятнах. Он всегда выглядел так, словно у него аллергия на то, что он только что съел.

– Да, сэр. Вы насчет отчета о поножовщине?

– Нет, – он закрыл дверь и сел на стул перед ее столом. – Мне звонил старший офицер Спаркс...

Йель имел привычку не заканчивать предложение, ожидая, что собеседник сам вынесет себе обвинительный приговор и засунет голову в петлю.

– Как у него дела? – как ни в чем не бывало спросила Эрика.

– Он сказал, что вчера ты вторглась к нему на место происшествия.

– Я приехала с инспектором Питерсоном, потому что присутствовала рядом, когда его вызвали на работу. Из-за погодных условий прибытие других сотрудников откладывалось, поэтому я решила протянуть руку помощи и поехала с ним.

– Спаркс сказал, что был вынужден приказать тебе покинуть место происшествия.

– Разве формулировку «вали отсюда» можно воспринимать как приказ официального лица? Это точная цитата, между прочим.

– Затем ты осталась на месте и опросила троих студентов, которые обнаружили тело Лейси Грин.

– Жертву уже идентифицировали? – удивленно спросила Эрика.

Йель прикусил губу, поняв, что выдал больше информации, чем планировалось.

– Господи, Эрика. Ты все пытаешься добиться повышения, а ведешь себя, как подросток.

– Трое свидетелей были оставлены одни в необогреваемой патрульной машине. Татерсол-роуд находится в крайне неблагополучном районе. Было уже поздно, и, хотя на улице было ниже нуля, они были практически раздеты. Одна из девушек была в халате, вторая – в хиджабе. – Эрика сделала паузу. – Сэр, речь о двух незащищенных молодых девушках, а в обстановке повысившейся исламофобии, особенно в бедных районах...

Йель удивленно повел бровями и стал стучать пальцами по столу. Они оба понимали, что Эрику понесло, но по факту она была права.

– Я опросила троих свидетелей, организовала для них безопасное место временного проживания и отправила Спарксу по электронной почте детальный отчет со всей информацией.

– Эрика, я знаю, тебе здесь не нравится. Я все понимаю. Мне тоже не очень приятно так работать.

– Я подала прошение о переводе, но мне отказали.

Йель поднялся.

– Значит, придется нам довольствоваться тем, что есть. Мне нужна статистика по преступлениям с применением холодного оружия в округе до конца сегодняшнего дня.

– Конечно, сэр.

Он хотел было сказать что-то еще, но только кивнул и вышел. Эрика откинулась на спинку стула и выглянула в окно. Центральная улица продолжалась до перекрестка, дальше начиналась пешеходная зона. У магазина «Все за один фунт» стояла огромная очередь. Из двери вышел молодой азиат, поднял ворота, и толпа хлынула внутрь.

Эрика хотела пойти за второй чашкой чая, но у нее зазвонил телефон.

– Это детектив Эрика Фостер? – спросил молодой мужской голос.

– Старший инспектор Фостер, да.

– Здравствуйте. Это Джош МакКол, мы говорили с вами вчера, – голос оборвался, и она услышала шум кофемашины где-то на заднем плане. – Можно с вами поговорить?

– Джош, с тобой свяжется мой коллега и оформит официальное заявление.

– Но до официального заявления мне нужно поговорить с вами.

– О чем?

– О жертве, – тихо сказал он.

– Ты же сказал, что не знаешь ее.

– Ее я не знаю, – сказал он после долгой паузы. – Но, мне кажется, я знаю, кто ее убил.

Глава 6

Эрика договорилась встретиться с Джошем в пабе «Брокли Джек» на оживленной Брокли-роуд. Раньше это был обычный пивной бар, но не так давно его превратили в закусочную. В одиннадцать утра бар был почти пуст, за исключением двух потрепанных пожилых мужчин с кружками пива. Перед каждым на очереди стояла и вторая.

Джош в черной футболке с длинными рукавами расставлял чистую посуду на большой серебристой кофемашине за барной стойкой. Он выглядел испуганным.

– Привет. Где ты хочешь поговорить? – спросила его Эрика.

– Вы не против, если мы выйдем на веранду? Мне нужно покурить.

Женщина средних лет с ярким макияжем и в красной блузке с рюшами вышла из задней двери и пристально посмотрела на Эрику.

– Я так полагаю, вам кофе?

– Черный, без сахара.

– Принесу. Джош, включи обогреватель, если там холодно.

Небольшой дворик был отгорожен от соседних домов высокой стеной. Они сели за столик под навесом. Джош щелкнул выключателем и подвинул обогреватель поближе. Эрику обдало теплым воздухом. Суровая женщина принесла кофе и пепельницу.

– Я в баре, если понадобится. Джош, помни: это он тебе позвонил, – зловеще сказала она перед уходом.

– Она кусается или только лает? – спросила Эрика, сделав глоток кофе.

– Сандра хорошая. Она мне как вторая мать, – ответил Джош, вытаскивая из пачки сигарету. – А вы откуда? У вас странный акцент.

– Из Словакии, но я живу в Британии уже 25 лет.

Джош склонил голову и присмотрелся к Эрике, затягиваясь сигаретой.

– Ваш акцент похож на северный, с примесью иностранного.

Эрика заметила, насколько бледным и больным он выглядел на слабом январском солнце.

– Да, я учила английский в Манчестере, где познакомилась с мужем.

- Сколько вы женаты?
- Он умер несколько лет назад.
- Сочувствую.

Обогреватель работал на совесть, и стало жарко, несмотря на холодную погоду. Джош закатал рукава и только потом додумался проверить руки. Эрика уже успела увидеть следы от уколов на сгибе локтя.

– Джош, не я веду это дело. Тебе нужно было поговорить со старшим офицером Спарксом.

– Это с тем мерзким типом, похожим на вампира с геморроем?

Эрика с трудом сдержала улыбку.

– С ним.

Джош затушил сигарету, тут же зажег следующую, затянулся и выдохнул, закусив губу.

– Мне кажется, я что-то знаю про эту мертвую девушку. Но если я скажу вам, мне придется признаться, что и я нарушил закон.

– Ты пока говори гипотетически, – посоветовала ему Эрика, ободряюще положив руку ему на плечо.

Он немного отодвинулся.

– Предположим, есть человек, который брал у дилера наркотики, а потом видел этого дилера на месте происшествия.

– Что за наркотики? Марихуана?

– Намного серьезнее, – покачал он головой.

– У этого человека были судимости?

– Нет, у него не было. То есть, у меня не было, – тихо признался он, глядя в пол.

– Тогда я сомневаюсь, что прокуратура будет настаивать на привлечении тебя к ответственности. Тебе нужна помощь?

– У меня есть все телефоны. Мне просто нужно набраться смелости, – Джош затушил третью сигарету и часто заморгал, чтобы не заплакать.

– Джош, ты же помнишь, как выглядела девушка в баке. Ее забили до смерти.

Он кивнул и вытер глаза.

– Хорошо. Этот дилер постоянно ошивается около студенческого профсоюза. Я вышел выкинуть мусор раньше, чем сказал вам. В первый раз, когда я вышел, он там был. И я вернулся домой.

– Во сколько?

– В пять-полшестого.

– Почему ты вернулся, когда увидел его?

– Я ему денег должен... немного, но он такой говнюк. Я подумал, он пришел за мной.

– Что он делал?

– Он просто, как бы это сказать, стоял около этого бака.

– Просто стоял?

– Рука у него была внутри. А потом он отошел и просто стоял и смотрел.

– Ты знаешь, как его зовут?

– Стивен Пирсон.

– Адрес?

– Насколько знаю, он бездомный.

– Джош, ты обнаружил тело в половине восьмого вечера, как и сказал мне?

– Да, в этом плане все правда. Я снова вышел на улицу около 7.30, когда он ушел.

– Ты согласишься дать официальные показания?

– А я могу отказаться?

– Если откажешься, у тебя будут проблемы с наркотиками плюс убийство девушки на твоей совести.

Джош посмотрел вниз и кивнул.

– Хорошо.

Вернувшись в машину, Эрика позвонила Джону в Бромли и узнала номер Хадсон. На ее номере был включен автоответчик, и Эрика оставила короткое сообщение с данными Джоша и информацией о том, что он видел.

Она посмотрела в окно на парковку. Снова повалил снег. Сандра вышла из запасного выхода с мешком мусора и выкинула его в открытый бак.

Затем Эрика сделала еще один звонок, чтобы узнать, кто будет проводить вскрытие Лейси Грин.

Глава 7

На следующий день в начале двенадцатого Эрика приехала в морг в районе Луишем, где ее встретил патологоанатом Даг Кернон. Это был весельчак за шестьдесят с коротким ежиком седых волос и багрово-красным лицом.

– Эрика Фостер, рад наконец-то познакомиться с вами. Много о вас наслышан! – громогласно провозгласил он, трясая ей руку и жестом приглашая пройти в маленький кабинет рядом с моргом.

– Хорошего или плохого?

– И того, и другого, – усмехнулся он и поправил очки. По телефону Эрика соврала ему, сказав, что она расследует убийство Лейси Грин. Ее звание и репутация не оставляли собеседнику возможности сомневаться в ее словах, но она прекрасно понимала, что так себя вести нельзя, с ее-то званием и репутацией.

– Вы только что разминулись с инспектором Хадсон. Я предполагал, что как старший следователь она передаст вам всю информацию.

– Она хочет услышать мою точку зрения, – соврала Эрика. – Надеюсь, вы не против повторить процедуру для меня?

– Нет, конечно, – взмахнул он рукой. Его кабинет был завален медицинскими книжками и всем, чем за годы работы обрастают медики. Лавовая лампа, беговая дорожка перед маленьким окном, работающая подставкой для горшков с рассадой салатных листьев. Судя по тому, что в кабинете висело девять фотографий британской актрисы Кейт Бекинсейл в разных амплуа, Даг был ее ярким фанатом. На столе лежали свертки пергаментной бумаги с мясной и сырной нарезками, а на деревянной доске – батон фермерского хлеба.

– Вы случайно не голодны? – спросил он, проследив за ее взглядом. – Я как раз собирался перекусить и открыть банку соленых огурчиков, жена сама сделала.

– Нет, спасибо. Мне нужно скоро возвращаться в участок, – сказала Эрика. Несмотря на годы работы в непосредственной близости к смерти, она не могла гарантировать, что колбаса и сыр не попросятся обратно во время осмотра трупа.

– Конечно, тогда давайте приступим.

Он стал совсем другим, как только они перешли из уютного кабинета в холодный морг. Он подошел к стене и потянул на себя одну из ячеек, в которой лежал черный мешок с телом. Она подалась с характерным лязгом.

Эрика подошла к монитору в углу, на который был выведен отчет Дага и фотография Лейси с водительских прав. Она была очень привлекательна. Среднего роста, с длинными блестящими русыми волосами и овальным лицом. В ней было что-то невинное, почти ангельское, и даже неудачное фото с документов передавало ее очарование. Наверняка в реальной жизни она была еще красивее.

Позади Эрика услышала звук расстегивающейся молнии и дождалась, пока Даг откинет верх мешка. Тогда она сделала глубокий вдох и повернулась.

С тела смыли кровь, но все равно ее было совершенно невозможно узнать по фотографии. Вместо глаз – два вздувшихся синяка. В баке Лейси лежала на боку, а сейчас, когда ее перевернули на спину, Эрика увидела, что левая скула ее ангельского лица сломана. Глубокие порезы покрывали грудь, плечи и бедра.

Даг дал Эрике время привыкнуть к непростому зрелищу, а затем начал озвучивать свои выводы.

– Все порезы имеют одну и ту же глубину и ровный след, что позволяет сделать вывод, что ей нанесли множественные удары острым режущим предметом. На затылочной области черепа есть травма от удара тупым предметом. Левая орбитальная и скуловая кости сломаны. Видно, что ее уши были проколоты, и из левого уха вырвана сережка, – он указал на порванную мочку.

– Она была изнасилована?

– Следов спермы и латекса не обнаружено. Но есть внутренние повреждения на стенках влагалища. Порезы небольшие и, как и прочие раны, они могли быть нанесены небольшим острым лезвием, которое вставили внутрь. Возможно, складным ножом или скальпелем.

– Ее пытали, – закончила его мысль Эрика.

– Думаю, да. Также обратите внимание на запястья. Синяки позволяют заключить, что ее связывали. Скорее всего, в данном случае запястья связали тонкой цепью: посмотрите на форму синяков. Точно такая же характерная форма на шее.

– Ее к чему-то привязывали. Не удалось ли что-то извлечь из-под ногтей?

– Посмотрите на пальцы, – ответил он, осторожно подняв ее руку.

У Эрики екнуло сердце. Ногти были вырваны.

– Когда я увидела ее в баке, пальцы были согнуты и прижаты к щеке. Я не заметила ногти... Может, она поцарапала его, и он не хотел оставлять следов своей ДНК у нее на ногтях.

Даг кивнул.

– Правая рука сломана в двух местах. Пальцы на правой ноге перебиты.

– Причина смерти?

– Несмотря на все эти раны, причина смерти – сильная кровопотеря после пореза артерии на левом бедре, – он подошел к краю стола и аккуратно раздвинул ей ноги, чтобы продемонстрировать небольшой порез на внутренней поверхности бедра почти у самого паха.

Эрика заметила, что лобковые волосы были сбриты почти полностью.

– Волосы в лобковой зоне сбрили во время вскрытия? – спросила она.

– Нет.

Эрика не хотела делать скоропалительных выводов, но не могло ли это говорить о легком поведении девушки? Она посмотрела на Дага.

– Я не стал бы руководствоваться этим фактом и характеризовать бедную девушку в терминах аморальности, – сказал он, словно читая ее мысли. – Может, она сделала неправильный выбор? Или с ней просто произошло что-то страшное, и она уже не была в состоянии влиять на ситуацию? Это вы должны найти ответы на эти вопросы.

– О ее пропаже заявили на прошлой неделе, а тело нашли через несколько дней.

– Да, думаю, раны наносились в течение нескольких дней. Некоторые из них даже начали заживать. Но как только ей перерезали бедренную артерию, все закончилось очень быстро. Вероятнее всего, она просто истекла кровью и умерла в считанные минуты.

– То есть вы считаете, что ее могли где-то держать и издеваться?

– Все, что я могу сказать, это что раны были нанесены в интервале от двух до трех дней.

– Я удивилась, что вы так быстро ее идентифицировали.

– Когда при жертве находят сумку, кошелек и документы, это достаточно просто... А что, вы не в курсе? – спросил он с подозрением.

– Да. В курсе, конечно.

Он не поверил, но все же продолжил:

– Порез на внутренней артерии очень точный. Он знал, куда направлять нож.

– Думаете, убийца обязательно «он»?

– Вы от меня требуете политкорректности, Эрика?

– Нет. Но я видела, что женщины могут наносить травмы с не меньшей жестокостью и силой.

Он подвел ее к облицованной плиткой стене, на которой висел большой анатомический плакат. Тело неопределенного пола было изображено в лежачем положении с вывернутыми наружу руками с указанием всех основных органов и артерий.

– Посмотрите, где находится бедренная артерия, – он показал ручкой на нужное место. – Она спрятана за складками жировой ткани. Эта артерия используется при проведении процедур на сердце. Например, когда ставят стент, чтобы расширить сердечный клапан. В этом случае вмешательство гораздо менее инвазивно – нет необходимости вскрывать грудную клетку и можно добраться до нужного места через паховую область.

– Думаете, у убийцы были знания в области медицины?

– Это вопрос к вам и вашим коллегам.

– Когда наступила смерть?

– Судя по стадии окоченения, я бы сказал, что она мертва более 48 часов.

«Четыре дня с момента пропажи, – подумала Эрика. – Четыре дня страха, агонии и боли».

Она отвернулась от плаката и снова подошла к столу посмотреть на Лейси и порез на левом бедре.

– Могло ли это получиться случайно? То, что убийца попал в артерию?

– Да, но это должно очень повезти – найти ее и с первой попытки сделать точный порез. Если бы девушка была без сознания, тогда это проще, но здесь очевидно, что она активно сопротивлялась.

Эрика смотрела на избитое и переломанное тело Лейси. Длинный аккуратный шов от пупка до груди, сделанный после вскрытия, контрастировал с рассеянными по телу следами жестоких ударов и порезов. Эрике захотелось, чтобы и остальные порезы тоже были зашиты. Словно сейчас они оголяли ее тело еще больше.

– Было бы очень хорошо, если бы вы смогли его поймать, – сказал помрачневший и погрузневший Даг.

– Поймаю, – кивнула Эрика. – Как и всегда.

Глава 8

Эрика вернулась в участок в Бромли и провела остаток рабочего дня, уставившись в таблицу на мониторе. У нее никак не получалось сконцентрироваться на расплывающихся цифрах. Вместо них она видела замученное тело Лейси, лежащее в морге.

Около пяти она решила выйти за кофе, но вместо этого собралась с духом и снова позвонила Мелани Хадсон. На этот раз та взяла трубку.

– Ты получила мое сообщение? – спросила Эрика. – Джош МакКол, который живет в доме за салоном кухни, утверждает, что видел подозрительного мужчину по имени Стивен Пирсон за несколько часов до того, как обнаружил тело Лейси Грин...

– Я получила твоё сообщение, – раздраженно ответила Мелани. – Мы арестовали Стивена Пирсона.

– Уже?

– Да. Пару часов назад. Мы еще раз прошлись по домам, и один из соседей подтвердил, что видел его. Он также хорошо известен в районной полиции: привлекался за нанесение тяжких телесных повреждений, побоев, попытку изнасилования. При задержании у него был обнаружен кошелек Лейси Грин с деньгами и банковскими карточками и хирургический скальпель. Руки и лицо у него исцарапаны.

– А её мобильный у него был?

– Нет... Слушай, Эрика, я тебе благодарна за информацию, но старший инспектор Спаркс лично приказал тебе не влезать в это расследование.

– Да, но...

– Я просто хочу нормально делать свою работу, Эрика. Убийца Лейси Грин задержан, и, судя по всему, дело движется к успешному завершению. Держись от него подальше, или мне придется принять меры, – и она дала отбой.

Эрика в бешенстве отбросила телефон. За окном кружил снег, укрывая в белое центральную улицу Бромли. Обычно очищающий эффект снега повышал Эрике настроение, но сейчас ее охватил гнев, и она чувствовала себя совершенно изолированной в своем маленьком

кабинете. Вернувшись к таблицам, она снова попыталась сосредоточиться на цифрах.

Лейси Грин похитили, четыре дня где-то держали, пытали, а потом разрезали труднодоступную бедренную артерию с хирургической точностью.

Способен ли это сделать бездомный наркоман? Хватило бы у него для этого ума и возможностей? И зачем ему понадобилось болтаться рядом с выброшенным телом и попадаться на глаза двум свидетелям?

Глава 9

В эту ночь Эрика не сомкнула глаз. Устав лежать в темноте, она встала и подошла к окну, из которого была хорошо видна маленькая парковка перед домом. Снег все падал, и машины превратились в сугробы. В углу, у высокой кирпичной стены, стояли три мусорных бака, предназначенные для жителей ее дома. Было тихо, и только снег мягко стучал о стекло. Тело Лейси Грин по-прежнему стояло у нее перед глазами. Всего двадцать два года. Вся жизнь впереди.

Из опыта расследований Эрика знала, как много значит стечение обстоятельств. Если бы жертва вышла из бара на десять минут позже, или не забыла заблокировать двери машины, или поехала немного другим путем, осталась бы жива.

Отойдя от окна, Эрика пошла в душ и долго стояла там под струями горячей воды. Она думала о том, сколько раз сама в свои двадцать два года чудом избегала смерти. Сколько раз она могла в темноте проходить мимо насильника, которому сущая мелочь мешала схватить ее.

В шесть утра, когда она вышла из квартиры, было еще темно. На оранжевом от света фонаря снегу не было никаких следов. Она шла первая. Захватив с собой мусор из своего маленького кухонного ведра, Эрика направилась через парковку к мусорным бакам. Под ногами в утренней тишине громко скрипел снег. Она остановилась у черного бака с полукруглой синей крышкой. С оживленной улицы за домом не доносилось ни звука. Снег словно заключил ее в капсулу и заглушил все звуки окружающего мира. Она долго стояла между двух припаркованных автомобилей и была уже совершенно уверена, что в черном баке лежит труп. Закрывая глаза, она видела Лейси Грин – грязную, со следами запекшейся крови, с искаженным лицом. Тонкий слой снега покрывал ее тело и делал похожей на призрака.

– Разрешите, – вдруг послышалось откуда-то сзади, и она чуть было не вскрикнула от ужаса.

Мужчина средних лет откинул покрытую снегом крышку бака и бросил внутрь черный мешок с мусором. Было слышно, как он с глухим звуком упал на дно.

– Доброе утро, – сказала она в ответ, пытаясь унять сердцебиение.

Сосед нахмурился и поплелся к своей машине.

Эрика повернулась к контейнеру и заглянула внутрь. Он был явно пуст, и только что упавший туда мешок был первым. Она осторожно опустила в него свой мусор и закрыла крышку. Потом открыла крышки соседних баков: один – для бумаги и пластика, второй – для стекла. Они тоже были пусты.

Наконец она медленно пошла к машине. Сосед заканчивал очищать от снега свой маленький фургон и недоуменно посмотрел на нее.

Приехав в тихий участок в Бромли, она сделала чай и понесла его к себе в кабинет. Завтраком послужила недоеденная упаковка крекеров, которую удалось отыскать в шкафу. Она ела их, макая в чай, и так ей удалось немножко взбодриться. Параллельно включив компьютер, она нашла аккаунт Лейси Грин на «Фейсбуке», но он был доступен только для друзей. Она несколько мгновений смотрела на кнопку «добавить в друзья», и ее охватила грусть от того, что Лейси больше не сможет принять ничей запрос. Подняв голову, она увидела, что начало светать и центральная улица обрела неприятный бледно-голубой оттенок. Суровый мороз – так называли сегодняшнюю погоду в прогнозе по радио.

Эрика никак не могла смириться с тем, что ее оставили за бортом расследования убийства Лейси Грин. У нее даже не было достаточно прав, чтобы посмотреть детали дела в полицейской базе данных. Удалось лишь найти сведения о прежних судимостях Стивена Пирсона в общей базе уголовных дел. Его путь в системе уголовных наказаний начался в 1980 году. С тех пор его 25 раз арестовывали за кражи, манипуляции с кредитными картами, изнасилование, побои и попытку убийства. Он отсидел три тюремных срока, последний из которых начался в 2003 году. Тогда за изнасилование и попытку убийства ему дали десять лет, которые он провел в тюрьме Бландестон.

Эрика чуть не подпрыгнула от неожиданности, услышав за спиной чей-то свист. Она обернулась и увидела Джона с пачкой бумаг.

– Красавчик, – сказал он, посмотрев на экран.

У Стивена Пирсона была маленькая голова, узкий подбородок и плохая кожа. Он был почти полностью лысый – лишь по бокам оставались островки русых волос. Под маленькими глазками висели

большие мешки, и он выглядел гораздо старше своих пятидесяти с небольшим.

– Его только что арестовали по делу об убийстве Лейси Грин в Нью-Кроссе, – сказала Эрика.

– Повезло. Быстро поймали.

Эрика снова подумала о том же, что и вчера: как бездомный наркоман может спланировать похищение и совершить такое профессиональное убийство?

– У тебя какое-то дело, Джон?

– Йель прочитал ваш отчет и дал свои правки, – сказал он, передавая ей пачку распечаток. Первая страница была испещрена красными каракулями Йеля. – Он хочет встретиться с вами после обеда.

Эрика положила бумаги на стол и снова погрузилась в монитор.

– Джон, а у твоего дома стоят баки для раздельного сбора мусора?

– Боже, – закатил он глаза. – Моя девушка с ума сошла с этим мусором. Если я не в тот бак выброшу бумагу, металл, пластик, мне несдобровать. Если придется выбрасывать труп, ей будет важнее всего, чтобы я поместил его в правильный бак.

Эрика бросила на него укоризненный взгляд.

– Прошу прощения, плохая шутка.

– На той парковке было три бака. Лейси нашли в баке для несортируемого мусора. Почему именно в нем?

– Такой мусор вывозят на свалку. Там ее было бы гораздо сложнее найти и опознать, если вообще возможно. Эта свалка – огромных размеров, она находится в Рейнеме. А все отходы, отправляемые на переработку, едут в высокотехнологичный сортировочный завод в Восточном Лондоне. Моя девушка знает об этом все.

– Что-то все-таки не сходится. Несколько ран на теле Лейси уже начали заживать, то есть в течение четырех дней ее где-то держали и истязали. А все преступления Стивена Пирсона совершены либо в состоянии аффекта, либо алкогольного или наркотического опьянения. Он мог убить Лейси, но судя по его прошлому, его схема – это просто прийти и сделать.

– Даже если убийца – не он, хорошо, что такого человека убрали с улиц этого города.

– Это обывательский подход, Джон.

– Кроме того, вы всегда говорите, что не стоит недооценивать людей. Даже если он никогда не делал этого раньше, это не значит, что он на это неспособен.

Эрика кивнула и снова задумчиво посмотрела на экран.

– Не знаю... это ведь даже не мое расследование.

– Босс, не хочу надоедать, но вам удалось посмотреть мое заявление?

– Прости, Джон. Это в моих планах на сегодня. Обещаю.

Джон неуверенно кивнул и вышел из кабинета.

Эрика покопалась в сумке и вытащила свои записи, сделанные после поездки в морг. В базе данных по видам преступлений она задала поиск по жертвам с перерезанной бедренной артерией с описанием места преступления, возраста и пола жертв.

Увидев результаты, она остолбенела.

Глава 10

Патологоанатом Айзек Стронг жил в красивом таунхаусе на тихой улице в районе Блэкхит, на юге Лондона. Когда Эрика постучала в дверь его дома, было уже темно, и на улице снова шел снег. От нетерпения она даже начала притопывать ногами. К счастью, вскоре скрипнула половица, и через несколько секунд дверь открылась. Перед Эрикой стоял рослый красивый брюнет с короткой стрижкой, высоким лбом и тонкими полукруглыми бровями. Айзек выглядел загорелым и отдохнувшим.

– Документы у меня, – выпалила Эрика, стремительно пролетев мимо него в теплый холл. – Мне пришлось поехать в Кройдон, в тюрьму, где хранятся оригиналы. А там кошмарное одностороннее движение, и все эти люди, едущие из чертовой «Икеи»... – Она сбросила куртку и повесила ее на полированные перила. Айзек смотрел на нее иронически.

– Что?

– «Привет, Айзек». – ты могла бы начать так. А потом можно, к примеру, спросить, как я провел Рождество.

– Прости, – сказала она, отдышавшись и сбрасывая обувь. – Привет. Как Рождество? – Она подошла и обняла его. Он был очень худой, настолько, что прощупывались ребра.

– Не очень. В следующий раз напомни мне никогда не ездить отдыхать в такое... м-м... отдаленное место.

Они пошли на кухню, и Эрика села за маленький обеденный стол. Айзек подошел к темно-синей духовке, взял полотенце, сел на корточки и приоткрыл дверцу. Оттуда сразу повалил пар, и ему снова пришлось выпрямиться.

– Напомни, где ты был в этот раз? Таиланд?

– Нет. Мальдивы. Шесть маленьких хижин на кусочке земли размером с палец и километры океана вокруг. Через несколько дней уже не осталось ни одной нечитанной книжки.

– Там совсем не с кем было поговорить?

Он покачал головой.

– Только семейные пары. Пять русских бизнесменов с женами. Причем у жен столько пластических операций, что, когда они

выходили загорать, их хотелось проколоть вилкой.

Эрика рассмеялась. Он закрыл печь и достал два винных бокала.

– Красное или белое?

– Красное, – сказала Эрика, положив папку на кухонный стол.

– А как ты провела Рождество?

– Хорошо. Приятно было увидеть сестру и племянников. Ее муж так и занимается всякими грязными делишками, и сестра чувствует, что попала в ловушку. Но не думаю, что Ленка от него когда-нибудь уйдет.

– А его не смущает, что у него свояченица – сотрудник полиции?

– Вообще, у нас нормальные отношения. Дома я обычный человек, и для него я лишь женщина, у которой получается лучшая kapustnica.

– Что это?

– Традиционный суп с мясом и капустой, который мы едим в Словакии на Рождество. Без супа у нас никуда.

– Приготовила бы его мне как-нибудь, – улыбнулся Айзек, ставя перед ней бокал красного вина. Она сделала глоток и почувствовала, как оно обожгло внутренности. – Как Джеймс?

– Думаю, ничего серьезного не получится. Отношения – это слишком сложно, – покачала она головой. – В общем, как я тебе и сказала по телефону... – сменила она тему, положив руку на серую папку рядом с бокалом.

– Эрика. Ты когда ела в последний раз?

– Утром.

– А что ела?

– Крекеры.

Он сокрушенно покачал головой.

– Армия должна быть сыта. Ты, по всей видимости, решила выступать одна за целую армию, а раз так, ты должна есть полноценно. Поужинаем, а потом поговорим про дело.

– Но Айзек, это дело...

– Может подождать. Я голоден, и ты, судя по всему, тоже. Поедим, а потом я буду готов поговорить о деле.

Он протянул руку, чтобы забрать у нее папку, а взамен подал тарелку с горячей едой.

– Хорошо, но ты сам знаешь, ем я быстро, – с улыбкой произнесла она.

После вкусного ужина из мясной запеканки с картофелем и овощей на пару Айзек убрал тарелки, и Эрика вновь обрела доступ к заветной папке. Они устроились за столом, и она быстро рассказала ему основные факты.

– Я вбила информацию по убийству Лейси Грин в систему, надеясь найти какие-то пересечения, и вот что обнаружилось: 29 августа прошлого года в Кройдоне на Чичестер-роуд было найдено тело двадцатилетней Джанель Робинсон. – Эрика достала фотографию с места, где было обнаружено тело, и подвинула ее Айзеку. Девушка, голая до пояса, лежала на боку в мусорном баке. Как и у Лейси, у нее были длинные русые волосы, и она была жестоко избита – настолько, что вместо глаз были синяки.

– Подожди, я помню это дело.

– Должен. Ты делал вскрытие.

Он задумчиво посмотрел на Эрику, взял у нее папку и начал листать документы.

– Да, помню. Тупая затылочная травма, сломана скуловая кость, изрезано влагалище, перерезанная бедренная артерия. Я бы даже сказал, искромсанная. Там, где она заходит в паховую зону и соединяется с подвздошной артерией, словно кто-то ставил зарубки.

– Однако в полицейском отчете написано, что речь может идти о вышедшей из-под контроля сексуальной игре.

– Я такого не писал.

– Это написал тогдашний старший следователь – старший инспектор Бентон. Ушел на пенсию спустя три недели.

Айзек удивленно посмотрел на нее и взял в руки школьное фото 16-летней Джанель Робинсон. С него улыбалась розовощекая молодая девушка с маленькими голубыми глазами, внимательным взглядом и длинными русыми волосами. На ней была голубая блузка от школьной формы Солт-академии, в которой она училась. На эмблеме вышитый школьный крест был заключен в круг из листьев чертополоха.

– А разве дело Джанель не всплыло в системе при создании дела Лейси Грин?

– Нет, – покачала головой Эрика. – О пропаже Джанель Робинсон никто не заявлял.

– Почему?

– Некому было. Она сирота. Выросла в детском доме под Бирмингемом и после окончания школы переехала в Лондон. Последний год работала и жила в хостеле в центре Лондона. Менеджера хостела разыскали и допросили через неделю после обнаружения тела. Она сказала, что для Джанель прогулы были в порядке вещей. Также в отчете ошибочно указано, что тело Джанель было обнаружено на парковке. Согласно фотографиям, она, как и Лейси, лежала в мусорном баке на парковке.

Они внимательно рассматривали фотографии, разложенные на столе.

– Одежда, в которой нашли Джанель – топ с глубоким вырезом и прозрачный черный кружевной бюстгальтер, – в отчете описана как «соблазняющая», то есть продвигается теория, что она работала проституткой и погибла, подцепив не того клиента...

– В отличие от Лейси Грин, которая принадлежала к среднему классу, имела высшее образование и о пропаже которой заявили родные, – закончил Айзек.

Они снова посмотрели на тело Джанель в мусорном баке. Черный кружевной бюстгальтер, маленький топик с тонкими бретельками были испачканы и пропитаны кровью. Ниже пояса одежды не было и, как у Лейси, ее ноги тоже были изрезаны и в кровоподтеках.

– А свидетели на Чичестер-роуд были? – спросил Айзек.

– Нет. Но есть явное сходство с местом, где нашли Лейси Грин. В тот раз бак находился на парковке старой типографии в конце жилой улицы. Парковка огорожена деревьями. Соседка обнаружила тело, когда вышла выбросить мусор.

– Эрика, а старший следователь в курсе всего этого?

– Я надеюсь. Я оставила Мелани Хадсон три сообщения: два утром и одно днем. Я также позвонила в тюрьму и сказала им, что оставила для нее сообщения. Она мне не перезвонила.

– Ты знаешь, насколько сумасшедший график у следователей.

– Айзек, если бы это было мое дело, я бы схватилась за эту информацию. Она бы сразу стала приоритетом.

Айзек читал отчет.

– Помню, что она была вся в мухах. В ранах было много личинок.

– Есть еще кое-что. Твой отчет о вскрытии приведен не полностью.

– Не полностью?

– Посмотри, документ явно урезан. Я пыталась связаться с инспектором Бентоном, но он надолго уехал отдыхать куда-то в австралийскую глушь.

Айзек повнимательнее посмотрел на распечатанные страницы со своим отчетом.

– Да, не хватает одной страницы. Думаешь, кто-то кого-то покрывает?

– Нет, я проверила Бентона. У него долгий и достойный карьерный путь. Такое ощущение, что в данном случае он просто проявил невнимательность.

– Возможно, больше думал о своей приближающейся пенсии.

– Мне нужно знать, что содержалось в той части твоего отчета, которой здесь нет. А именно: начали ли заживать раны Джанель и можно ли было сказать по форме синяков на запястьях и шее, что ее связывали?

– Подожди, я проверю. Я храню все свои отчеты, – сказал Айзек, вставая. Он пошел наверх и через несколько минут вернулся с распечаткой. – Да, раны начали заживать, и я указал, что синяки на запястьях и шее – от цепи с мелкими звеньями.

Эрика взяла у него распечатку и прочитала отчет.

– Сколько ты еще сможешь работать над этим делом со скамейки запасных?

– Недолго.

– Тебе придется передать эту информацию и отпустить процесс, Эрика.

– Не могу.

– Но Спаркс возглавляет отдел расследований, и Хадсон подчиняется ему. Неужели ты думаешь, что он передаст дело тебе?

– Айзек, я подумала, что, возможно, мне стоит извиниться перед Спарксом, – сказала она, помедлив.

– Ты в своем уме?

– Да. Я могу пойти к нему и выложить карты на стол. Извиниться и попросить забыть о прошлом. Скажу, что я готова проглотить обиду и работать с ним.

Брови Айзека взлетели вверх.

– Никогда не видел, чтобы ты глотала обиду. После всего, что произошло, ты готова перед ним извиниться? Это так не похоже на тебя, Эрика.

Она вздохнула.

– Может, мне нужно так поступить. Я слишком упряма и прямолинейна с людьми. Возможно, пришло время измениться. Не могу забыть это дело. Мне нужно над ним работать. Моя гордость и упрямство привели к тому, что сейчас я похоронила себя в офисе и просто перебираю бумаги.

– И ты всерьез надеешься, что Спаркс забудет о прошлом? Когда-то из-за тебя его сняли с дела Андреа Дуглас-Браун. Ты тогда действовала жестко.

– Но я должна хотя бы попробовать. Мне важно найти того, кто убил этих двух девушек. Убийства садистские и хорошо спланированные. Не думаю, что это сделал Стивен Пирсон. А значит, проблема не только в том, что полиция арестовала не того человека, но еще и тот ублюдок, который совершил убийства, по-прежнему на свободе, ждет, пока пыль уляжется, чтобы сделать это снова.

Глава 11

Дэрил Брэдли вышел из электрички уже под вечер. Нередко он оказывался единственным, для кого эта маленькая станция в пригороде Лондона была конечной точкой ежедневного маршрута. От вокзала он направился к своей машине, припаркованной в обычном месте – у железного забора и ряда заснеженных деревьев, за которыми начиналось поле.

В машине было холодно. Путь домой пролегал через небольшую деревню, и он, не превышая разрешенной скорости, ехал мимо домов и магазинов, уже закрытых на ночь. В конце деревни был перекресток. Дэрил остановился на красный свет и бросил взгляд на паб «Золотой лев» на зеленом островке справа от дороги. Окна паба запотели и призывно горели мягким светом. К парковке заведения подъехало такси, из которого вышли две привлекательные молодые девушки – брюнетка и блондинка. Одеты они были на выход – в обтягивающие джинсы и стильные короткие куртки.

Вдруг сзади с ревом подкатил еще один автомобиль, объехал Дэрила и встал с ним вровень на встречной полосе. За рулем был Морис Картрайт, работник с фермы отца Дэрила. Ему было под тридцать, он был худой, носил длинные сальные волосы и строил из себя крутого мужика. Через открытое окно Морис дал знак, чтобы тот открыл свое. Крайне нехотя Дэрил подчинился.

– Как жизнь, планктон? – усмехнулся он, обнажив розовые влажные десны и желтеющие зубы. В окрестных деревнях Мориса знали все. У него было темное прошлое, но, несмотря на это, он всегда легко находил себе женщин. Впрочем, и высокими требованиями он не отличался.

– Добрый вечер, – поздоровался Дэрил и с надеждой на зеленый свет взглянул на светофор. По-прежнему горел красный.

Тут в поле зрения Мориса попала парковка и две девушки. В тот момент брюнетка наклонилась, чтобы расплатиться с таксистом, и куртка задралась вверх, обнажив упругую красивую кожу и черную татуировку в виде китайского иероглифа на копчике. Блондинка терпеливо ждала в стороне. Она заметила, что их рассматривает Морис.

– Тебе что, автограф дать? – крикнула ему она.

– Не, я любовался татуировкой твоей подружки. Что она означает?

Такси отъехало, и брюнетка повернулась на голос Мориса. Оценивающе взглянув на него, она классифицировала его как неудачника.

– Это «мир» по-китайски, – ответила она.

– Это хорошо. Я люблю почитать что-нибудь в сортире, – выдал Морис и, высунув язык, совершил несколько возвратно-поступательных движений по направлению к рулю. Светофор загорелся зеленым, и он рванул вперед с диким хохотом и под визг шин.

Дэрил замороженно смотрел на девушек.

– А ты чего уставился? Лох несчастный, – вывела его из оцепенения брюнетка и направилась ко входу в паб. Блондинка показала ему средний палец и пошла за подругой.

К этому моменту Дэрил и так был готов сгореть от стыда, а когда сзади начали сигналить, он чуть не подпрыгнул на своем сиденье. Белый фургон вырулил за ним и унесся вперед, оставляя за собой затухающее эхо возмущенных криков водителя.

И светофор снова загорелся красным.

Перекресток погрузился во тьму. Нигде не было видно света фар, но Дэрил предпочел подождать. Взглянув на себя в зеркало заднего вида, он вынес приговор: бледный, опухший, с поросычьими глазами. Еще и волосы мышинного цвета – словно не его. Не его настоящего: интересного, мужественного молодого мужчины, который живет где-то глубоко внутри, под маской этого ничего из себя не представляющего человека. Он снова подумал о брюнетке: такой тип красоты он находил грубым, но фигура у нее очень сексуальная.

Как-то Дэрил спросил отца, почему он взял на работу Мориса. Это было несколько лет назад, Дэрил тогда и сам работал на ферме. У Мориса постоянно были проблемы с полицией, и его тогда только что выпустили под залог по подозрению в изнасиловании нескольких молодых полечек, занятых на сборе клубники.

– Он хороший человек, на самом деле, и отличный работник. А какой дояр! – как ни в чем не бывало ответил его отец. – Тебе бы брать с него пример.

– Но он же пытался изнасиловать тех девушек!

– Дэрил, все было совсем не так. Он просто вел себя как мужчина. А молодые мужчины совершают ошибки.

Дэрилу было обидно, что его собственный отец восхищается силой и мужественностью Мориса, а в сыне видит неудачника.

И парковка и дорога опустели. Светофор загорелся зеленым. Дэрил нажал на газ и поехал. Последняя часть пути пролегла по темным петляющим деревенским дорогам. Впервые за много дней небо было безоблачным, и луна, освещающая заснеженные поля, была потрясающе красива. Он выключил фары и замедлил ход, любясь видом. Через два дома, в которых уже не горел свет, начался подъем на крутой холм, и дорога здесь уходила влево. Перед большими железными воротами он остановился, дожидаясь, когда они откроются. Снова пошел снег. Он медленно ехал мимо декоративного пруда к их большому дому. В окнах уютно горел теплый свет. Как и всегда, он остановил машину под пластиковым навесом.

Увидев рядом с «Ягуаром» матери и замызганным джипом отца машину Мориса, Дэрил застыл на месте. Он запер машину и пошел к задней двери, из-за которой раздался лай. Он вошел в прихожую, и огромная белая собака с черными пятнами выскочила ему навстречу.

– Привет, Грендель, – поздоровался он со своей любимицей, принявшей лизать ему руку. Грендель была помесью далматинца и стаффордширского терьера и обладала соответствующими ростом, силой, мощной широкой мордой и челюстью. У нее были прозрачные голубые глаза, будто бы стеклянные.

За стеной кто-то спустил воду в бачке, и из туалета вышла его мать – приземистая пухлая женщина с короткой стрижкой и красными глазами. Цвет ее крашенных волос был слегка слишком темным для ее возраста.

– Все хорошо на работе? – зашебетала она, пока Дэрил аккуратно ставил свою обувь у стены. Его чистые ботинки контрастировали с остальными парами, забрызганными грязью.

– Почему Морис здесь? – спросил он.

– По каким-то делам фермы, – сказала она, пожимая плечами, и, обогнув Грендель, устало отправилась в большую неубранную кухню. Из-за закрытой двери, ведущей из кухни в кабинет, раздался раскатистый хохот.

– Есть будешь? – спросила она, открывая ящик со столовыми приборами.

– Да, я проголодался, – ответил Дэрил. Грендель пошла к своей миске, гремя чипом на ошейнике, и начала пить. Дверь кабинета открылась, оттуда вышел отец Дэрила, Джон, и Морис. Оба смеялись.

– Мэри, дай-ка Морису остаток пирога, – скомандовал Джон, не обратив на Дэрила никакого внимания. Отец был высоким, крупным мужчиной с обветренным лицом и шапкой седых волос. Дэрил посмотрел на мать – она уже доставала из духовки блюдо с дымящимся пирогом с мясом и картошкой.

– Морису нужно хорошо поесть, он работал на земле у Колина Харпера весь день, – добавил Джон.

Морис недобро усмехнулся и повыше натянул джинсы на свои худые бедра.

– И миссис Харпер нас не угощает так, как вы.

– Но у нее есть другие достоинства, – подмигнул Джон, и они оба снова засмеялись.

– Это мой ужин, – тихо сказал Дэрил.

– Ты весь день сидишь на своей толстой заднице, а Морис пашет на четырех фермах, – заявил Джон, пригвождая его холодным взглядом голубых глаз.

– Отнесу тебе тарелку на стол, Морис, – сказала Мэри. Дэрил посмотрел на мать, но она, избегая его взгляда, понесла дымящееся блюдо в столовую.

– Кто это у нас тут с таким обиженным маленьким личиком, – принялся издеваться Морис, подойдя к Дэрилу и схватив его за щеки.

– Весь в мать, – пробормотал Джон, и отправился вслед за Мэри в столовую.

Морис все не отпускал Дэрила. Тот запаниковал и попробовал разжать его руки, но хватка у противника была сильная.

– Со мной так все время в детстве делал брат. Хватаешь за щеки тут, а язык у тебя вылезает в-о-от здесь!

– Иди, Морис, пирог стынет! – прокричал Джон из столовой.

– Уже иду, Джон, – отозвался Морис и снова повернулся к Дэрилу, стоявшему с высунутым языком. – А потом он заставлял меня пробовать свой палец на вкус, – добавил он, прикоснувшись своим грязным указательным пальцем к языку Дэрила. Морис подошел еще

ближе, и Дэрил ощутил его зловонное дыхание. – Чувствуешь? Этим пальцем я вытирал себе зад.

Тут Грендель отвернулась от своей миски, бросилась к Морису и схватила его зубами за левую голень. Морис заорал и отпустил щеки Дэрила. Дэрил перегнулся через столешницу, сплевывая в раковину и изо всех сил вытирая рот. На крики Мориса прибежал Джон.

– Дэрил! Убери от него собаку сейчас же! – заорал он. Грендель и не собиралась разжимать челюсть и не сводила с Мориса своих стеклянных глаз. – Дэрил, скажи ей!

– Грендель, девочка моя, лежать, – сказал он ей. Она отпустила ногу и начала лаять. Морис заорал и схватился за ногу. Через ткань сочилась кровь.

– Забери это проклятое животное отсюда. Мэри, быстро иди сюда и дай Морису какой-нибудь антисептик! – командовал Джон.

Дэрил потащил лающую Грендель в прихожую, и, как только он закрыл за собой дверь, она успокоилась. Было слышно, как в кухне его отец кричит на мать. Дэрил подошел к курткам, висящим на стене, и достал из кармана колбаску. Грендель проглотила ее не жуя и тут же залаяла, требуя добавки.

– Тихо, тихо, Грендель, хорошая девочка, – ласкал ее Дэрил, скармливая вторую порцию. Он гладил ее большую белую голову, а она смотрела на него и лизала ему руку своим шершавым языком.

– Смотри, осторожнее с Морисом. Он плохой. Будь внимательна.

Глава 12

Эрика вышла от Айзека без чего-то девять. Снегопад закончился, но было очень холодно, так что она еще несколько минут просидела в машине, ожидая, пока печка разогреется. Они договорились, что по дороге она никуда не будет заезжать, а поедет прямо домой и сразу ляжет спать. Однако в машине к ней снова пришла мысль поговорить со Спарксом. Она где-то слышала, что они с женой купили новое жилье в Гринвиче, ехать до которого совсем недалеко.

Она обернулась и увидела, что Айзек смотрит на нее из окна, проверяя, что с ней всё в порядке. Эрика завела двигатель и помахала ему на прощание. Повернув за угол, она сделала контрольный звонок в Бромли.

«Терять мне нечего», – сказала она сама себе, задумчиво глядя на часы на приборной панели. Решение было принято.

Старший офицер Спаркс жил в обшарпанном доме, но в хорошем районе. Эрика оставила машину в конце улицы и решила пройти сто метров пешком. Оказавшись у ворот, она увидела, что в гостиной пусто. Вместо люстры с потолка свисала голая лампочка, а у стены, частично покрашенной в голубой цвет, стояла стремянка и кюветка с валиком. К входной двери вела дорожка, частично освещенная эркерным окном. У двери и в прихожей было темно. Эрика уже подняла руку, чтобы нажать на кнопку звонка, когда вдруг услышала крики, доносящиеся из дома.

– Он ушел давно. С какой стати ему здесь оставаться? – кричал женский голос.

– Значит, это было. Ты подтверждаешь? – вторил мужской. Это был Спаркс.

– Да! Было! И это было прекрасно!

– Как же у тебя все тривиально!

– У меня что?

– Тривиально! Переспать с декоратором!

– И что? Зато я почувствовала, что живу! То, что ты дипломированный следователь, еще не означает, что ты умеешь трахаться! А он меня трахал как мужчина! – заходила в истерике женщина.

Эрика поморщилась, но не двинулась с места. Голоса почти стихли, и стало трудно что-то расслышать.

– Сколько ты уже сегодня? – спросил Спаркс.

– Сколько что я уже сегодня – трахалась? – заорала она. – Много! В нашей постели. В твоей постели!

– Почему эта бутылка пустая?

– Что? Я не собираюсь кончать с собой. И не думаю!

– Тебе только на прошлой неделе выписали это, – расстроено сказал Спаркс.

– Я не жалею. Слышишь? Я не жалею! И я не люблю тебя больше, Энди.

Стало тихо. Эрика впервые услышала имя Спаркса. Она понимала, что ей нужно уходить, но вдруг что-то очень громко упало и разбилось, и следом распахнулась входная дверь.

– Чертова сука! – обернувшись, прокричал Спаркс. Тут он увидел Эрику и встал как вкопанный. На нем были свитер, джинсы и черная кожаная куртка, которая была испачкана на плече чем-то похожим на молоко. За ним, спотыкаясь, вышла маленькая темноволосая женщина с расфокусированным взглядом и взлохмаченными волосами. В руках у нее был пакет с мукой, который она бросила в него, но промахнулась, и он ударился о стену и рассыпался.

– А это что за костлявая курица тут стоит? – спросила она, показывая пальцем на Эрику, которая уже отходила к воротам. – Да, давай, иди, трахай ее.

Женщина подбежала к Спарксу, толкнула его в спину и захлопнула дверь. Было слышно, как она запирает дверь изнутри и набрасывает цепочку.

Спаркс прошел мимо Эрики и вышел на улицу.

– Ты в порядке? – она пошла за ним. Молоко на куртке блестело в свете фонарей и капало на асфальт.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросил он, не останавливаясь.

– Я пришла поговорить про одно расследование.

– И тебе кажется, что сейчас подходящее время?

– Нет, не кажется. Я не знала, что у вас...

Он резко остановился и повернулся к ней. От неожиданности Эрика чуть не налетела на него.

– Наверное, тебе смешно, Эрика. Да?

– Нет, совсем нет. Мне абсолютно искренне жаль.

Пошарив рукой в сумке, она достала бумажные салфетки и показала ему на те места, где было молоко.

Он взял салфетку и попытался вытереть плечо другой рукой, но не смог достать. Эрика вытащила еще одну салфетку и стала вытирать куртку. К ее удивлению, он ей не препятствовал.

– У нее проблемы с алкоголем, давно, много лет. Это все сейчас не она, – сказал он. В свете фонарей он напоминал вампира. Под глазами – темные круги, впавшие щеки. Эрика продолжала вытирать низ куртки. – Ты понимаешь? Она больна.

Закончив с курткой, Эрика собрала мокрые салфетки и кивнула.

– Я понимаю.

Из-за поворота показался свет фар, и мимо них медленно проехала машина. Спарк отвернулся от слепящего света.

– Почему ты пришла сюда? – спросил он, снова повернувшись к ней.

– Хочу поговорить про убийство Лейси Грин.

– Что?

– Про девушку, которую нашли в баке в Нью-Кроссе.

– Мелани арестовала какого-то бродягу. При нем был ее кошелек, у нас два свидетеля.

– Да, но я нашла другое дело, с которым очень много сходств. Речь даже не о сходствах. Способ убийства точно такой же. – Она снова запустила руку в сумку и достала папку. – Я серьезно. Мы могли бы поговорить где-то в другом месте?

Он долго молча смотрел на нее.

– Пожалуйста. Я просто хочу передать информацию, чтобы раскрыть дело.

– В конце улицы есть паб. За твой счет, – сказал он, повернулся и пошел.

Эрика двинулась за ним, понимая, что ему больше нужен повод выпить, чем разговор с ней.

Глава 13

Паб был маленький и уютный – с потертой мебелью и медными бляхами на темных стенах. Они нашли тихий угол, подальше от игроков в дартс и монитора со спортивной трансляцией. Эрика оплатила две кружки пива и принялась рассказывать. К ее удивлению, Спаркс внимательно слушал. Когда она закончила, он просмотрел отчет, который она положила перед ним, и предусмотрительно прикрыл фотографии тела, когда мимо них прошел в туалет один из игравших в дартс парней.

– Прежде всего, нужно установить, где находился Стивен Пирсон, когда исчезла Джанель Робинсон, – сказала Эрика. – Нужно исключить его из списка подозреваемых. Повторюсь, я не думаю, что он способен спланировать и осуществить такое похищение. Мне нужен доступ ко всем записям разговоров Лейси и ее аккаунтам в соцсетях.

– Минуточку, минуточку. Старшим следователем по этому делу назначена Мелани, и я не собираюсь ее менять. Она уже немало сделала и полностью меня устраивает. Я всего-навсего согласился выпить и выслушать тебя, – кивнул он в сторону почти допитого пива.

– Хорошо. Но я хочу помогать, быть консультантом. Ты же знаешь, у меня есть опыт расследования подобных дел.

Спаркс откинулся назад и провел рукой по волосам.

– У тебя что, совсем гордости нет? – спросил он.

– Я совершила много ошибок и теперь сижу в болоте. Звание мне нужно только затем, чтобы ни от кого не зависеть в принятии решений и двигать процесс вперед, – заявила она, осушив свою кружку.

Спаркс усмехнулся, обнажив мелкие кривые зубы, и на мгновение его лицо приняло ребячливое озорное выражение.

– Ну ты даешь! – беззлобно воскликнул он. – Ты же готова была меня убить, когда меня поставили над тобой.

– Да, это правда.

Спаркс допил пиво и откинулся назад, сложив руки на животе.

– Не уверен, что оно того стоит...

– Я все сделаю, чтобы ты изменил свое мнение. Буду работать с Мелани, не поднимая головы, тише воды, ниже травы.

– Я не об этом, – покачал он головой. – Я про звание старшего офицера. Не уверен, что оно того стоит. Например, сейчас я контролирую восемнадцать дел. Руководство режет сметы до плинтуса, и все, что мы делаем, принадлежит обществу.

– Но мы же его слуги...

– Слуги? Избавь меня от этого бреда! – сказал он, стукнув рукой по столу. – Ты же знаешь, как все работает. Наше дело розами не пахнет, а делать его надо. Плюс приходится рассчитывать на помощь обычных людей. По-другому нам не справиться. Но ведь сейчас у каждой собаки есть мобильник с камерой. Все вывешивается в интернет на суд диванных критиков. В прошлом месяце на моего сотрудника напали, когда он остановил машину для осмотра. В бардачке у водителя был килограмм героина. И тогда этот молодчик бьет моего офицера монтировкой, ломает ему руку и уже собирается уезжать, забыв, правда, что ключи от машины остались у полицейского, которому он сломал руку. Поняв, что он в ловушке, он начинает снимать, как офицер вырезает стекло со стороны водительского сиденья и вытаскивает его из машины. Размещает именно эту часть инцидента на «Ютьюбе», и я получаю от руководства нагоняй, так как люди в интернете жалуются на жестокость полиции! Мой сотрудник прекрасно работает, всегда все делает по правилам, но правда о том, что произошло, никого не интересует. Они посмотрели зернистую непонятную съемку с телефона на «Ютьюбе», и это все, что им важно. Знаешь, что сказала замкомиссара? – спросил Спаркс, сжав кулаки от ярости.

– Наверное, ничего хорошего? – предположила Эрика.

– Ты права, черт возьми, ничего хорошего. Она сказала: «Видео получило пятьдесят тысяч лайков и комментариев, тысячи репостов в “Твиттере”», – передразнил он ее тонким голосом. – Куда катится этот мир, если всякие мудаки, которые способны только драть на порно и шататься по магазинам, формируют общественное мнение? Хуже того – влияют на мнение наших руководителей и искажают реальность!

Спаркс снова откинулся на спинку стула. Его трясло от злости. На бледных щеках появился слабый румянец. Он закашлялся и, морщась, допил последние капли пива.

Эрика встала и купила еще две кружки. Когда она вернулась, он снова попытался откашляться.

– Спасибо, – поблагодарил он, сразу сделав глоток.

– Я хочу извиниться, – сказала Эрика, изрядно удивив Спаркса. – За все, что было плохого между нами. Я была неправа, когда, только приехав в Лондон, присвоила себе дело Андреа Дуглас-Браун. Это было твое дело. Я повела себя, как последняя дрянь.

– Ты повела себя, как дрянь, а я – как сволочь, – печально усмехнулся он. – Такими людьми и полон этот мир.

– Я хочу поймать этого убийцу, Энди. А гордость у меня есть. Я горжусь тем, что принуждаю преступников представлять перед правосудием. Сейчас я готова работать в команде, оставив личные амбиции. Мы можем ввести испытательный срок, я могу быть в подчинении у Мелани, несмотря на то что мы в одном звании. Но я больше не могу работать в управлении проектами и перебирать бумаги.

Спаркс еще выпил пива и уставился на двух крупных мужчин, поглощенных поединком в дартс.

– Честно говоря, у меня ощущение, что я кучу сил положил на то, чтобы выиграть приз, а он оказался никудышным.

– Зато зарплата хорошая.

– Да, но скоро и от нее ничего не останется. Развод, битва за ребенка...

– Сочувствую.

– Ты тут ни при чем. Слушай, я что-нибудь придумаю с Мелани, ладно?

– Ладно, – кивнула Эрика.

– Теперь мне пора домой, – сказал он, допив пиво.

На улице снова начался снегопад. Спаркс поднял воротник.

– Приходи завтра на утренний брифинг, – сказал он. – От тебя тоже много зависит. Не знаю, захочет ли Мелани работать с тобой.

– Я смогу сделать так, чтобы наша работа строилась эффективно.

Мимо них медленно проехала машина с грязными от слякоти брызговиками. Спаркс отвернулся и не поворачивал голову, пока машина не отъехала довольно далеко.

– Что такое?

– Ты видела эту машину?

– Нет.

– До того, как мы пошли в паб?

– Не думаю, а что?

Он поморщился, глядя на то место, где машина свернула с улицы.

– У меня такое ощущение... Я видел ее трижды за последние несколько дней.

– Думаешь, за тобой следят?

Сейчас он выглядел еще более бледным и уставшим, чем до паба. Его глаза напряженно сканировали пустую улицу. Он почувствовал, что Эрика внимательно смотрит на него, и сменил тему.

– Твой босс тебя отпустит? У меня нет времени отмазывать тебя от начальника.

– Мне кажется, ему абсолютно все равно.

– Ладно, – кивнул он. – Центральный участок, девять утра завтра.

– Спасибо, Энди.

– Не так быстро. Не хотелось бы становиться друзьями, знаешь ли, – он кивнул ей на прощанье и пошел в сторону своего несчастного дома. Эрика провожала его взглядом со смесью злости и облегчения. Ответного извинения она не дождалась, но ее радовал явный прогресс и очевидная успешность попытки примкнуть к следствию.

Глава 14

Следующим утром Эрика села на электричку до Чаринг-Кросс и вместе с толпой пассажиров, ежедневно приезжающих сюда на работу, вышла на холод. Людской поток рассосался уже после Трафальгарской площади, которую полностью очистили от снега, оставив лишь маленькие белые хохолки у гигантских бронзовых львов. На Лестерсквер и в Чайна-тауне то тут, то там появлялись горстки туристов – ранних пташек, они добавляли цвета серому и тусклому утру. Центральный полицейский участок в Вест-Энде представлял собой бетонное квадратное здание послевоенной постройки, затерянное в переулках на окраине Сохо. В офисных зданиях по соседству шла реставрация. На входе Эрика показала свое удостоверение и поднялась на пятый этаж. Двери лифта раскрылись прямо напротив двери с надписью: «Отдел по расследованию убийств».

Глубоко вздохнув, она остановилась. Готова ли она войти в эти двери? Накануне она сказала, что равнодушна к званиям, но не слишком ли многим ей придется пожертвовать ради совместной работы со Спарксом? Этот вопрос занимал ее большую часть ночи. Из головы не шли тела Лейси Грин и Джанель Робинсон, выброшенные как мусор. Кроме того, обстоятельства жизни Джанель задели ее за живое. Девушка пришла в этот мир ни с чем, прожила жизнь, не имея ничего, и после смерти к ней отнеслись так, словно она ничто.

«Что ж, очередная беглянка найдена мертвой, все это страшно-ужасно, но такова жизнь. Конец истории». С таким подходом она смириться не могла.

Она страдала от похожего отношения, когда только приехала в Великобританию по визе, дающей право помогать по хозяйству в семье. Ей платили гроши и везде давали понять, что люди из Восточной Европы ценятся меньше, чем люди с Запада. «Есть дешевая одноразовая посуда, а мы – такие же одноразовые люди», – сказала ей одна полячка, с которой они вместе ехали в поезде через всю Европу. Именно поэтому, через много лет, Эрика изо всех сил старалась построить карьеру в полиции и добиться звания – чтобы показать, что она чего-то стоит, что она – не одноразовая.

В этом состоянии неуверенности она и вошла внутрь. Перед собой она увидела огромный оупенспейс. Стеклопанные стенки отгораживали несколько рабочих столов в отдельные зоны. Таких зон было много. Она шла мимо них и по пути наблюдала за работой следственных групп. В одной из них сотрудник проводил брифинг – на доске за его спиной были развешены фотографии сожженных тел, включая крупные планы с искаженными от боли лицами.

Увидев молодую женщину в форме около ксерокса, Эрика направилась к ней.

– Где мне найти старшего офицера Спаркса?

– Прямо до конца.

Эрика поблагодарила ее и пошла дальше. Из окон открывался вид на заснеженные крыши и низкое небо, серой простыней висящее над зданиями. Наконец она увидела Спаркса. Он стоял перед большими маркерными досками в окружении десятка сотрудников. За его спиной угрожающе возвышалась горка толстых папок. Эрика поняла, что брифинг касается тройного убийства в пабе на севере Лондона. Выглядел Спаркс ужасно – у него был крайне уставший и измученный вид. Одной рукой он держался за край стола, а другой – жестикулировал, помогая себе излагать мысль. Увидев Эрику, он коротко кивнул, но речь не прервал.

– Повторяю еще раз: семья сейчас быстро сомкнет ряды, объединится в своих показаниях, а история у них – черт ногу сломит. Нужно отследить все их передвижения и допросить каждого по отдельности.

Когда он пошел к дверям, за его спиной началось оживленное обсуждение. Эрика поспешила его перехватить.

– Я поговорил с Мелани вчера и передал ей все, о чем мы говорили. Сейчас она поднимает информацию по убийству... как же ее...

– Джанель Робинсон, – подсказала Эрика.

– Да. Она поехала в Кройдон посмотреть место, где нашли тело, и поговорить с соседями.

– Ты сообщишь следственной группе о том, что я к ним примкну?

– Да, сегодня днем. Информацию, которую ты дала, нужно проверить, поэтому мы перенесли брифинг на попозже. Приходи в четыре.

Он открыл стеклянную дверь своего кабинета, вошел и уже собирался закрыть ее, но Эрика жестом остановила его.

– Энди, я вчера говорила всерьез. Я буду работать с тобой, но, пожалуйста, без игр.

Он посмотрел на нее уставшими красными глазами.

– Я тебе сказал вчера, что зашиваюсь. Ты знаешь, как здесь все постоянно меняется. Крайне важно, чтобы Мелани и ее люди проверили ту информацию, которую ты передала. Мы не имеем права удерживать Стивена Пирсона дольше суток. Через сутки мы либо предъявляем ему обвинение, либо выпускаем.

– Но могла же она позвонить мне до того, как я приехала в центр? – выпалила Эрика.

– Что ты от меня хочешь?

– Займи меня чем-нибудь. Не хочу бездельничать весь день.

Он снова уставился на нее воспаленными глазами и жестом пригласил ее войти в его кабинет.

– Спасибо, – поблагодарила она, вошла и закрыла за собой дверь.

Спарк подошел к полкам, забитым папками, потер левую руку и стал искать болеутоляющие. Казалось, его и без того бледная кожа совсем побелела и покрылась испариной. Спарк щелкнул блистером, выдавливая таблетки, и, сморщившись, проглотил две, даже не запивая водой. Двинулся к телефону, но так и не смог взять трубку, стиснув зубы от боли.

– Ты в порядке? – спросила Эрика, подойдя к его столу.

– Господи! Неужели похоже, что я в порядке? – он повис над телефоном, пытаясь дышать глубже. – Напомни ее номер.

Он попробовал выйти из-за стола, но споткнулся. Попытался ухватиться за край стола, но промахнулся и упал лицом на ковровое покрытие.

– Черт! – закричала Эрика и бросилась к нему. Когда она перевернула его на спину, он с трудом и шумно дышал, посеревшее лицо покрылось потом. Он сжимал левую руку, а правой держался за воротник.

– Грудь... Не могу дышать... рука... больно, – хрипел он. Глаза налились кровью так, что было страшно смотреть.

Эрика быстро расстегнула воротник его рубашки и ослабила галстук. Затем аккуратно посадила его, прислонив спиной к столу.

– Дыши нормально.

Дрожа и обливаясь потом, он схватился за левое предплечье. Эрика сняла с себя длинное кожаное пальто и накинула на него. Он застонал и захрипел. В уголках рта появилась пена.

– Пожалуйста, помоги мне, – выдохнул он.

Эрика обошла стол и сняла трубку рабочего телефона. Как же странно вызывать «скорую помощь» в полицейский участок в самом центре Лондона.

– Нужна помощь сотруднику полиции, – сказала она оператору. – Предполагаю, что у него сердечный приступ.

Сообщив всю необходимую информацию, она поспешила вернуться к Спарксу, который сидел с совершенно серым лицом и пеной у рта.

– Аспирин, Энди. У тебя есть аспирин?

В ответ он закашлялся, и воздух наполнился капельками влаги. Эрика подошла к полке, с которой он брал болеутоляющие, но обнаружила там только парацетамол. В ящиках стола тоже ничего не было. Спаркс сделал попытку встать, но ноги не держали, и он снова упал, ударившись головой об угол стола.

– Пожалуйста, не двигайся, «скорая» скоро приедет, – сев на корточки рядом с ним, сказала Эрика. Снова накинув на него пальто, она пошла к двери, распахнула ее и закричала:

– Мне нужна помощь! У него сердечный приступ.

Люди повернулись на крик и с любопытством смотрели на нее.

– Спарксу плохо. У него сердечный приступ. Мне нужна помощь!

После этой фразы люди встрепенулись, два человека побежали к кабинету. За ними подошел еще один сотрудник из группы, перед которой Спаркс выступал буквально несколько минут назад.

Эрика вернулась в кабинет и почувствовала, как у нее горят уши. Увидев, что Спаркс перевернулся и лежит на боку, она опустилась на колени и аккуратно перевернула его на спину. У него начали синеть губы и в глазах, когда он посмотрел на нее, был страх.

– Моя жена... скажи ей... я люблю ее... деньги с нашего счета... их теперь заморозят... – хрипел он.

– Энди, с тобой все будет хорошо. Слышишь?

Кабинет наполнился людьми, которые толкались в кабинете, но ничего не делали. Спаркс протянул руку Эрике, но она бессильно

упала и ударилась о пол.

– Нет! – закричала она, увидев, что Спаркс перестал подавать признаки жизни. – Кто-нибудь, узнайте, где «скорая».

Быстро расстегнув еще несколько пуговиц на его рубашке и отведя назад голову, она стала делать искусственное дыхание.

– Он давно говорил, что плохо себя чувствует, – слышалось за спиной Эрики, пока она ритмично нажимала ему на грудную клетку.

– Я знаю его больше года, и он всегда плохо выглядел, – отозвался кто-то еще.

Когда Эрика стала вдвухать воздух ему в рот, грудная клетка пришла в движение, но лицо оставалось мертвенно-бледным и безжизненным. В кабинете стояла напряженная тишина. Все смотрели на нее.

– Давай, ты же боец... бейся... не останавливайся, – умоляла она.

Спаркс не открывал глаза. Пока она делала массаж сердца и считала – тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, – его голова сваливалась вбок.

Краем глаза Эрика увидела на столе семейную фотографию. Спаркс с женой сидели на корточках на траве вместе с маленькой улыбающейся девочкой с розовым игрушечным скутером.

Она продолжала попеременно делать массаж сердца и искусственное дыхание, не позволяя себе остановиться. С лица уже начал капать пот, и казалось, что это длится бесконечно. А люди в кабинете просто стояли и молча смотрели на нее.

Наконец вошли два медика с чемоданчиками и сменили ее, но было слишком поздно. В 9.47 им оставалось лишь констатировать смерть старшего офицера Спаркса. Эрика вспомнила, что была пятница, тринадцатое.

Глава 15

Эрика смотрела, как тело Спаркса в блестящем черном мешке вывозят из кабинета. У нее затряслись ноги, и отвечать на вопросы полицейского, прибывшего на место смерти, ей пришлось сидя. Во время допроса коллеги она чувствовала себя не в своей тарелке и все не могла понять, как же отнестись к произошедшей трагедии. Энди Спарксу был всего сорок один, и до вчерашнего вечера он был ее злейшим врагом. И вот – он мертв.

Выйдя из здания, она не знала, что делать и что чувствовать. Знакомых у нее здесь не было, и поговорить о случившемся было не с кем. Дул пронизывающий холодный ветер, под его порывами шумела огромная зеленая сетка, закрывающая строительные леса у здания напротив. Чтобы немного согреться, она скрестила на груди руки, но через тонкий свитер ветер продувал ее насквозь. Когда тело Спаркса перекладывали в мешок, на нем осталось ее пальто, и Эрике показалось неудобным просить вернуть его. Она достала телефон и позвонила Питерсону. Тот велел ей садиться в такси и ехать к нему.

Через час он встретил ее у порога своей квартиры. Эрика дрожала, и от холода у нее зуб на зуб не попадал. Он проводил ее в гостиную и обнял, и они долго стояли молча, слушая звук воды, наполняющей ванну.

– Надо же, Спаркс умер, – нарушил тишину Питерсон. – Я думал, он с нами надолго.

– У него маленькая дочь и жена, которой он очень нужен. А последним человеком, с которым он говорил, оказалась я.

– Ты сказала, что пыталась спасти его жизнь.

– Да. Но представь, каково это – умирать, когда некому руку подать, кроме злейшего врага.

Эрика перестала дрожать и вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Ты хороший человек, Эрика. Ты на стороне добра, – сказал Питерсон, немного отстранившись и заглянув ей в глаза.

Она снова начала плакать.

– Джеймс, уже столько молодых людей умерло при мне – мой муж, коллеги... Почему они, а не я?

– Это не твоя вина.

– Но я чувствую, что моя.

– Иди, тебя ждет горячая ванна. А я пока налью нам что-нибудь выпить.

Она долго лежала в ванне, держа в руках большой стакан с виски. Питерсон сидел рядом, на крышке унитаза. Эрика рассказала, что произошло накануне вечером.

– Почему, как тебе кажется, он согласился работать с тобой?

– Может, потому что я увидела его с другой стороны, – пожалала плечами Эрика. – Я подслушала их ссору с женой, а потом он защищал ее передо мной. А ведь я давным-давно сформировала мнение о нем и не собиралась его пересматривать. А возможно, он был просто...

– Эрика. Он был козел.

– Да, на работе.

– Но мы-то должны были работать с ним. Мы не видели ту, другую сторону, для нас ее просто не существовало.

– Но она была.

– Хорошо, была, но начни ты с ним работать по этому делу, думаешь, он бы сдержал свое слово? И что бы тогда стало с твоей репутацией?

– Мне плевать на репутацию.

– Какая глупость.

– Да, ты прав, – через силу улыбнулась Эрика.

– Что теперь будет с расследованием?

– Не знаю. Они будут вынуждены выпустить Стивена Пирсона завтра до обеда. У Мелани Хадсон есть вся информация по Джанель Робинсон. И, конечно, теперь она не захочет со мной работать.

– Потому что этого требовал Спаркс, – закончил за нее Питерсон. Некоторое время они молчали. Эрика снова задрожала, и Питерсон повернул кран с горячей водой. – Эрика, я знаю, что никогда не заменю Марка. И это нормально. Я тебя не тороплю.

Он перегнулся через ванну и закрыл кран. Она посмотрела на его красивое лицо, коротко стриженные волосы и потянулась рукой к его щеке.

– Я не смогу найти замену тому, кого больше нет. Марка больше нет, Джеймс. И мне нужно продолжать жить. Он всегда говорил, что

если он умрет, то я должна... – она не смогла договорить из-за душивших ее слез.

– Продолжать жить?

Она кивнула.

– Но это самое трудное. Просто жить. Учиться жить одной, а потом с кем-то еще.

Питерсон взял ее за руку, наклонился и поцеловал в мокрые волосы.

Когда Эрика вышла из ванной и села на диван в большом мягком халате, за окном уже стемнело. Питерсон включил новости. Главной темой на канале Би-би-си-Лондон было освобождение Стивена Пирсона за отсутствием оснований.

– Это должно означать, что они серьезно отнеслись к твоей информации, – заключил Питерсон, подливая ей виски.

– Выходит, так, – ответила Эрика, не сводя глаз с журналиста, стоящего перед вращающимся логотипом Скотланд-Ярда.

– Но ни слова не говорят про убийство Джанель Робинсон.

– Не только убийство, но и похищение. Ведь несколько дней до убийства она была жива, и никто не знал, где она. То, что о пропаже бедной девушки некому было заявить, не означает, что этого не было.

– Я знаю. Расслабься, я на твоей стороне.

– Извини. Просто меня так это раздражает. Мелани Хадсон готова была обвинить Пирсона и закрыть дело. Теперь же ей придется разбираться во всем этом, и, думаю, она спустит все на тормозах.

В сумке Эрики зазвонил телефон. Номер был незнакомый. Питерсон смотрел, как она говорит, и задумчиво покачивал стакан с виски. В новостях сменилась тема, и теперь речь шла о том, как живет жителям олимпийской деревни в восточной части Лондона.

– Кто звонил? – спросил Питерсон, когда она закончила говорить.

Эрика беспокойно стучала телефоном об зубы.

– Камилла Брейс-Косворти, заместитель комиссара. Она хочет, чтобы я забежала поболтать с ней утром в понедельник.

– Поболтать? Неожиданно...

– Так она сказала. Поболтать. Видимо, со смертью Спаркса не все так очевидно.

– Не очевидно? Что-то вызвало подозрения?

– Она не раскрыла подробности... Видимо, хочет, чтобы я думала об этом все выходные. Пригласила меня в свой кабинет в Скотланд-Ярде.

Эрика вспомнила о подозрениях Спаркса, что за ним следят, и стала гадать, во что он мог влипнуть.

Глава 16

В субботу Дэрил проснулся рано. За окном было темно, шел снег. Через стенку он услышал, как скрипнула пружина кровати, когда с нее вставал отец, и как он сказал несколько резких слов матери. Дэрил не расслышал, что именно, но узнал хорошо знакомый гавкающий тон. В их деревенском коттедже вместо ручек на дверях были крючки, и когда отец выходил в прихожую, скрипя половицами, было слышно, как крючок подняли и опустили.

Как только затихли шаги отца, Дэрил услышал, как перевернулась в кровати мать, – и это был недобрый знак. В следующую секунду скрипнула нижняя дверца ее прикроватной тумбы. В это время она по обыкновению в первый раз за день прикладывалась к бутылке. Обычно это была водка, хотя, как и большинство алкоголиков, привередливостью мать не отличалась. Пила она с самого детства Дэрила. После смерти его младшего брата Джо одиннадцать лет назад проблема только усугубилась.

Дэрил перевернулся на другой бок, но, услышав, как снова скрипнула дверца, решил встать. Всю жизнь он жил в своей детской комнате с высокими потолками, деревянным полом и темной громоздкой мебелью, которая контрастировала своей мрачностью с Винни-Пухом на обоях. Когда он в тапочках спустился вниз, на улице по-прежнему было темно. В кухне было тепло и хорошо. Грендель лежала в темноте около печки и грелась. Когда он включил свет, она моргнула, встала и принялась обнюхивать его ноги.

Когда окружающие вели себя сдержанно, Грендель тоже вела себя хорошо. Главное – не делать резких движений, иначе она впадала в панику и начинала бросаться на людей. Прошлым летом она напала на молодую, активно жестикулирующую девушку из Польши, которая работала в поле на сборе клубники. Ей пришлось накладывать семь швов, и она чуть не потеряла глаз.

– Слава богу, Грендель напала на полячку, а не на кого-то из местных, – шутил отец, вернувшись из больницы. Девушка работала нелегально, поэтому у нее не было возможности подать в суд. Джон разрешил оставить Грендель, потому что она хорошо охраняла дом. По тем же прагматическим причинам он держал и Мориса – тот был

хороший дояр. Вообще Дэрил подозревал, что и Морис, и Грендель появились на свет в результате кровосмешения.

Дэрил съел тарелку хлопьев с молоком, покормил Грендель, и вместе они пошли во двор. Когда они выходили из-под навеса – Грендель, покачиваясь, трусила по спрессованному снегу, – только-только начинало светать. Они миновали огромный ангар, где хранилось сено. На нем и на крышах остальных построек лежал снег. Воздух был морозный и чистый, но и за его свежестью ощущался никогда не исчезающий на ферме запах навоза и гниющего сена.

В коровниках горел яркий свет и кипела жизнь – оттуда доносилось мычание, стук копыт и ритмичный шум доильных аппаратов. Грендель уловила запах скота и задрала вверх свой бледно-розовый нос. Рабочие равнодушно посмотрели на проходящего мимо Дэрила. Джон, как раз выходящий из сарая, где стояли гигантские серебристые цистерны для молока, еле заметно кивнул ему, и его взгляд упал на чистую зимнюю куртку сына. Он неодобрительно покачал головой. Дэрил купил ее себе сам и теперь с трудом удерживался от желания немного ее запачкать.

Когда все постройки остались позади, они оказались перед широкими воротами, выходящими в поле. Выйдя за пределы участка, Дэрил отпустил Грендель с поводка, и она побежала вперед по автомобильной колее, радостно спугнув стайку птиц, вжавшихся в снег. С гамом они поднялись в воздух под громкий лай Грендель.

Через восемьсот метров они подошли к длинному невысокому зданию с круглой башней и крышей в форме изогнутой воронки. Только начинало светать, и очертания здания зловеще чернели в синем небе. Когда-то здесь была сушильня. Ее построили в начале девятнадцатого века для сушки хмеля, когда он был основной специализацией фермы. Сколько Дэрил себя помнил, здание всегда было заброшенным. Идеальное место для детских игр. Летними вечерами они с Джо, забыв обо всем, лазили по всем трем уровням, на которых когда-то выкладывали сушиться хмель. В самом низу башни раньше была печь, а над ней – балки, на которые можно было усесться и смотреть сквозь окна дымохода на открывающийся на многие километры вид на окрестные поля и деревни. Зимой этот вид нагонял страх и отчаяние, и вечерами иногда было слышно, как воет ветер в вентиляции их дома.

А еще здесь повесился Джо. Ему было пятнадцать.

Дэрил замедлил шаг и остановился. Налетевший вдруг порыв ветра сдул несколько крупинок снега и засвистел в вентиляционных отверстиях башни.

– Джо... – прошептал Дэрил и пошел дальше.

Когда большое кирпичное здание осталось позади, он прибавил шагу и около полутора километров шел по заснеженному полю мимо голых деревьев. Бледно-голубой горизонт сменился розовым, и невдалеке показалось широкое замерзшее озеро. Дэрил подозвал Грендель, и она понеслась к нему, высунув язык и мелко моргая от летевшего в глаза снега. Почесав ее за ухом, Дэрил наградил ее подачкой. Пока они пробирались к озеру, она послушно шла рядом. Бетонный барьер отделял пешеходную дорожку от замерзшего водоема. Его поверхность была покрыта снегом, на котором виднелись отпечатки лап гусей и птичек помельче. Грендель запрыгнула на барьер и уверенно спрыгнула на лед, оборачиваясь и давая понять, что это безопасно. Дэрил робко последовал за ней, медленно ступая по льду, прислушиваясь, не захрустит ли он где: это означало бы, что корка слишком тонка. Но она была как бетон. Грендель лаяла и бегала вокруг огромного куска дерева, вмерзшего в лед.

– Все в порядке, моя девочка, – сказал Дэрил, подойдя к коряге, и осторожно протянул к ней руку. Грендель застыла, оскалившись и глядя на него бешеными глазами. Он продолжал медленно приближать руку, пока не дотронулся до мягкой мохнатой морды. – Это просто дерево. Помнишь, оно плавало здесь пару дней назад.

Она позволила погладить себя, потом наклонила голову, легла на лед, и он начал щекотать ей живот. Потом Дэрил сел на вмерзший в лед ствол и достал шоколадку. Наблюдая, как Грендель бегают за птицами по краю заледеневшего участка озера, он проверил почту и соцсети.

Когда они вернулись на ферму, было уже светло. Под навесом на багажнике своей машины сидел Морис в одном резиновом сапоге и натягивал второй прямо на босую ногу с длинными желтыми ногтями. Дэрил потуже натянул поводок Грендель.

– Держи крепче эту чертову псину, – отодвигаясь подальше от рычавшей Грендель, сказал Морис, когда Дэрил протискивался мимо него.

Дэрил заглянул в багажник и увидел моток тонкой цепи и кожаную маску с прорезью для глаз. Морис повернулся и поспешно захлопнул багажник.

– Что-то не так? – спросил он.

– Нет, – ответил Дэрил, как можно скорее пробираясь к задней двери.

– Я и... м-м... подруга, она любит всякие извращения, – пояснил Морис, кивая на закрытый багажник.

– Это не мое дело, – пожал плечами Дэрил.

– Не твое. Только нас касается, чем мы занимаемся в спальне.

Мориса трясло – возможно, от страха.

– Я ничего не видел, – сказал Дэрил. Он добрался до задней двери и уже готов был войти внутрь. Морис подошел к ступенькам, и Грендель тут же приготовилась к нападению.

– Хорошо. Так и говори. И помни, что эта твоя сука не везде сможет тебя защитить.

Он долго сверлил Дэрила взглядом, а потом запер машину и, хромая, пошел во двор.

Дэрил смотрел на него и не мог отделаться от нехорошего предчувствия. Наконец, отцепив поводок, он впустил Грендель в теплый дом.

Глава 17

В понедельник утром, когда Эрика приехала в Скотланд-Ярд, ее сразу же провели в кабинет заместителя комиссара. Камилла Брейс-Косворти не предложила Эрике стул у рабочего стола, а подвела к паре кресел у большого панорамного окна с видом на Темзу. Ее личный помощник принес поднос с кофе и печеньем. Эрика села спиной к окну. Она обратила внимание, насколько измученный вид был у Камиллы. Светлые волосы по плечи лежали безупречно, но бледное лицо без грамма косметики казалось осунувшимся. Помощник – проворный молодой человек с ярко-голубыми глазами – кивнул ей, улыбнулся и вышел.

«Вряд ли меня сюда позвали, чтобы угощать кофе с печеньем. Что ж, интересно».

– Поухаживать за вами? – спросила Камилла, взяв в руки кофейник. Она говорила с аристократическим произношением, характерным для элиты британского общества. Эрика сразу же вспомнила, что сама она не совсем правильно произносит гласные. – Вдруг совершенно беспричинно напомнила о себе детская экзема, – добавила хозяйка кабинета, заметив, что Эрика рассматривает ее лицо. – Пришлось на несколько дней отказаться от боевой раскраски. Сливки?

– Нет, спасибо.

Они сели и взяли кружки с кофе. Эрика голодными глазами смотрела на дорогое имбирное печенье, разложенное на трехуровневой фарфоровой конфетнице. Изысканно тонкое, наполовину покрытое темным шоколадом. Есть хотелось очень сильно, но чутье подсказывало Эрике, что, возьми она сейчас хоть одно печенье, Камилла решит, что она купилась на всю эту инсценировку со светской беседой за чашкой кофе.

– Как вы, Эрика?

– Прекрасно, спасибо.

– Прекрасно? Но ведь только что умер ваш коллега. Вы пытались спасти ему жизнь, но сделать это не удалось... – Она наклонила голову, демонстрируя сочувствие.

– Это ужасная трагедия, но я лишь сделала то, чему меня учили. И на самом деле я не настолько хорошо знала старшего офицера Спаркса. Я бы не сказала, что мне что-то не удалось. Все же у него случился обширный инфаркт.

– Да, конечно... но вместе вы расследовали не одно дело. Сразу после того, как вас назначили в участок Луишем-роу, вы сменили его в расследовании убийства Андреа Дуглас-Браун.

Это дело было самым громким за всю карьеру Эрики. Тело Андреа было обнаружено подо льдом озера в парке на юге Лондона.

– Я попросила, чтобы Спаркса перевели с этого дела.

– Почему?

– Все описано в документации.

– Да. Вы сочли, что он безалаберно ведет дело и способствует сокрытию улик, – сказала Камилла и сделала глоток кофе.

– Нет. Отец Андреа принадлежал к политической элите. И, как мне показалось, Спаркс попал под его влияние и позволил ему диктовать нам, что делать.

– Вы общались с ним в последнее время?

– С Саймоном Дуглас-Брауном? Нет. Он в тюрьме.

– Я говорю про Спаркса. И в частности про встречу, которая была у вас в Гринвиче, в пабе «Краун» накануне его смерти.

Эрике удалось скрыть свое удивление.

– Встреча в пабе несколько необычна, Эрика, учитывая, что, как вы утверждаете, между вами не было особенной симпатии.

– Я приехала поговорить с ним насчет совместной работы по одному делу и просто подкараулила его у дома. Кстати, он упомянул, что за ним могут следить. Я еще подумала, что у него паранойя, но, видимо, я ошиблась, – Камилла откинула голову назад и не отрываясь смотрела на Эрику. – Простите. У нас официальный разговор? Судя по кофе и печенью, нет, но тогда зачем я здесь?

– Эрика, могу подтвердить, что старший офицер Спаркс был объектом негласного расследования.

– Чьего?

– Кто его инициировал? Этой информации я не могу раскрыть. Могу лишь сообщить: есть основания считать, что мы – не единственные его работодатели.

– Могу ли узнать, на кого он работал помимо нас?

– Нет, не можете.

– Мы со Спарксом были врагами. Я не знаю ничего ни про его рабочие отношения, ни про его личную жизнь. Знаю лишь только, что у него и его жены были проблемы.

– Какие проблемы?

Эрика вкратце описала, что она подслушала около дома Спаркса. Когда она закончила, Камилла встала, подошла к окну и стала смотреть на Темзу. Повисла долгая тишина.

– Эрика, во время работы над делом Андреа Дуглас-Браун вы присутствовали при встречах старшего офицера Спаркса и сэра Саймона Дуглас-Брауна?

– Вы хотите сказать, Саймона Дуглас-Брауна. Его лишили титула. Давайте не будем об этом забывать.

– Ответьте на вопрос, пожалуйста.

– С самого начала расследования меня не допускали до встреч с членами семьи. Саймон хотел, чтобы дело вел Спаркс. Его жена также мне не симпатизировала.

– Почему же?

– Она из Словакии, как и я. Думаю, что я напоминала ей о ее корнях.

– А где они?

– Не там, где нужно. В семье из рабочего класса. Послушайте, я совершенно не тот человек, кто может пролить свет на коррупцию в полиции. Я концентрируюсь на работе, а не на политике.

Камилла повернулась к ней и рассмеялась.

– Хотите сказать, что вы – образец добродетели?

– Я добродетельнее многих, мэм. Я не боюсь говорить то, что думаю. Поэтому, когда встал вопрос о повышении в должности, меня и обошел ваш предшественник.

Камилла вернулась к своему креслу и села.

– Эрика, знаете ли вы что-то о семье Гэд?

– Да, они хорошо известны полиции на юге Лондона. Им разрешили вести бизнес в сфере импорта-экспорта так, как они хотят, в обмен на обеспечение порядка в округе.

– Откуда вы это знаете?

– Это всем известный секрет. Даже не секрет, а, скорее, неофициальная политика. Это они платили Спарксу?

– Я так думаю. И сейчас я также проверяю дела, которые вел Спаркс. Его отношения с Саймоном Дуглас-Брауном могут всплыть на поверхность, и тогда, конечно же, пресса раздует это насколько возможно.

– Саймон Дуглас-Браун – лучший ньюсмейкер из всех возможных.

– Да. Первосортная знаменитость.

– Почему вы расследуете это сейчас? Семья Гэд многие годы неофициально сотрудничает с полицией Лондона. Они остановили поток наркотиков в столицу.

Камилла холодно и серьезно смотрела на Эрику.

– Вы близки с капитаном Маршем, так?

У Эрики все сжалось внутри. Марш был старшим суперинтендантом в Луишеме, когда она и Спаркс работали вместе.

– Я и мой покойный муж учились у Пола Марша в Хендоне, но, даже сдружившись, мы общались в прошлом только в связи с моими расследованиями.

– Вы снимали квартиру вместе, присутствовали на его свадьбе и крещении его близнецов.

– А также он участвовал в решении повесить Энди Спаркса и поставить его надо мной.

– Вы отрицаете близкие отношения с ним? – резко бросила Камилла.

Эрика не могла понять, есть ли у нее факты или она пытается вытянуть их сейчас. Очевидно, разворачивалась какая-то серьезная кампания. Стоит задача искоренить коррупцию? Или речь идет о личной мести? Может, сейчас лучший момент, чтобы свалить все на погибшего сотрудника? В любом случае эта встреча начинала казаться бессмысленной, это время она могла бы посвятить работе. Вдруг ее осенило:

– Я хочу сказать, что да, мы друзья. Но я сохраняю свой профессионализм и непредвзятое отношение. Я аутсайдер, но в этом есть немало преимуществ. Мне нечего терять. Я готова сообщить то небольшое количество информации, которое у меня есть. И, конечно, не скажу ни слова, когда проснется пресса. Вы же знаете, как они любят взбаламутить общественное мнение. Людям только дай возможность позлиться и начать обсасывать все в соцсетях. Уже

предвижу заголовки: «После 25 лет крепкой дружбы с криминальной семьей Гэд полиция Лондона вдруг решила вспомнить о совести».

Камилла забарабанила пальцами по подлокотнику.

– А что вы хотите взамен того, что будете следовать линии партии, Эрика?

– Я бы хотела, чтобы мою кандидатуру рассмотрели на пост суперинтенданта. И не просто рассмотрели. Также я хочу возглавить следствие по делу об убийстве Лейси Грин.

– Я позвала вас сюда сегодня, чтобы поговорить, Эрика.

– При всем уважении, вы позвали меня, чтобы вытянуть из меня компромат на моих коллег, один из которых умер, когда я пыталась его откачать. Если вы хотели получить от меня информацию по коррупции в полиции, значит, все совсем грустно. Будь я на вашем месте, я бы сконцентрировалась на вашем предшественнике.

Сердце Эрики билось так громко, что она была уверена, что и Камила его слышит.

Та долго вглядывалась в Эрику, пытаясь понять, на что она способна. А Эрика впервые обратила внимание, насколько голубые глаза у Камиллы. Холодно-голубые, как осколки стекла.

Глава 18

Эрика вышла из здания Скотланд-Ярда и зашла в кофейню на Виктория-стрит. Она заказала большой латте, села за угловой столик и набрала номер Марша. Трубку он не взял, и она оставила сообщение с просьбой перезвонить ей как можно скорее насчет ее встречи с заместителем комиссара.

Затем она увидела, что на почту пришло новое письмо, в котором ее приглашали завтра утром прийти в центральный полицейский участок Вест-Энда, чтобы принять руководство расследованием убийства Лейси Грин.

«Быстро работаешь, Камилла», – подумала Эрика. Через мгновение телефон снова уведомил о новом письме. На этот раз это было письмо от суперинтенданта Йеля, с вопросом, куда она подевалась, черт возьми. В водовороте событий последних нескольких дней она забыла поставить его в известность о своих передвижениях.

Эрика выпила остаток кофе и побежала на станцию Виктория.

Через час она была в Бромли. Не доходя до кабинета Йеля, она увидела его в кухонном уголке. Он делал себе чай.

– Босс, я получила ваше письмо, простите меня за отсутствие, – сказала она. Он еще несколько секунд макал в кипяток пакетик чая. – Вы слышали про суперинтенданта Спаркса?

– Да. Ты была с ним, когда он умер?

– Да...

– А потом встречалась с Камиллой, чтобы обсудить твое повышение.

Эрике не понравился его обвинительный тон. Он открыл холодильник и вытащил упаковку молока. Впервые Эрика обратила внимание на то, какая маленькая была здесь кухня, какой маленький холодильник и мини-чайник, который принес кто-то из сотрудников, когда сломался большой. Грузный Йель в этой крохотной кухне был похож на медведя в посудной лавке. Однако его манера помешивать ложкой чай, держа ее огромными пальцами-колбасками, была не лишена изящества.

– Я была обязана попытаться спасти жизнь коллеги. Надеюсь, вы бы сделали то же самое на моем месте, – сказала Эрика.

Он взял чашку и вышел из кухни в коридор. Она последовала за ним.

– Мне нужно кое-что с вами обсудить. Меня перевели. Мне нужно передать дела человеку, который будет работать вместо меня.

– Эрика, тебе никогда не нравилось здесь работать. Множество раз ты принимала решения у меня за спиной и не выполняла моих инструкций. Ты договорилась, что будешь снова работать в убойном, даже не поговорив со мной. Просто уходи, – сказал он и пошел к дверям.

Эрика открыла рот, привычно намереваясь спорить, и впервые сдержалась.

Она поднялась наверх и осмотрела свой маленький и такой нелюбимый кабинет. Из личных вещей здесь была только торчащая в розетке зарядка и одиноко лежащее на краю клавиатуры песочное печенье. Она откусила от него кусочек, но оно уже успело размякнуть, и пришлось выплюнуть его и выбросить остатки в мусор.

После краткого стука в дверь в кабинет просунул голову Джон.

– Простите, босс, я просто узнать, прочитали ли вы...

– Нет.

– О. Ладно. Слышал про суперинтенданта Спаркса. Сочувствую.

– Спасибо.

– Жизнь слишком коротка, правда? Можно вот так вот упасть замертво в собственном кабинете. Я хочу умереть или занимаясь каким-нибудь экстремальным видом спорта, или смеясь до смерти, или во время секса со своей девушкой. Сейчас, конечно, не время об этом говорить, но я столько раз просил вас посмотреть заявление, а вы меня все время отфутболиваете. Если не хотите его читать, ладно, но хотя бы не врите мне.

Эрика видела, что он изо всех сил старается сохранять спокойствие, но его выдавали дрожащие руки.

– Меня переводят в отдел расследований убийств, и я буду теперь работать в центральном участке в Вест-Энде.

– А, – протянул он, пытаясь скрыть разочарование.

– Я приглашаю тебя в свою команду для расследования убийства Лейси Грин. Ты смог бы проявить себя и показать, что ты достоин повышения. В прошлом году во время следствия по делу Джессики Коллинз у меня была возможность убедиться, что у тебя есть

потенциал, и сейчас мне не помешало бы твое чутье. Мне нужны люди, которым я могу доверять. Я могу дать тебе время подумать, – сказала Эрика, посмотрев на удивленное лицо Джона.

– Нет, я бы с радостью. Было бы круто. А что скажет Йель?

– У меня есть разрешение формировать собственную команду. Проблем быть не должно, но если будут, дай мне знать. Тебе нужно быть в центральном участке в девять утра завтра.

– Спасибо, босс, – сказал он и кинулся обнимать Эрику. Она была не готова к такой реакции.

– Полегче, тигр, – осадил ее он, но в душе ей было приятно, что в нее кто-то верит, пусть даже этот кто-то молод и самонадеян.

Когда она вышла из участка Бромли, снова пошел снег. Ей почти не с кем было прощаться, и она с радостью закрыла дверь за этим непростым периодом в ее карьере. Не оборачиваясь, Эрика перешла дорогу и села в электричку.

Глава 19

На следующее утро волей судьбы ей снова пришлось отправиться в кабинет Спаркса. Дверь была приоткрыта, поэтому она постучала и сразу вошла. Мелани Хадсон сидела за столом Спаркса и напряженно что-то говорила в трубку. Увидев Эрику, она жестом пригласила ее подойти. Эрика невольно обошла то место на ковре, где четыре дня назад лежал Спаркс. За это время здесь почти ничего не изменилось. За окном виднелось то же серое небо и те же покрытые снегом крыши. Мелани назначили исполняющей обязанности суперинтенданта, о чем она не преминула написать на листочке, который прилепила скотчем поверх именной таблички Спаркса. В этом действии не было ничего предосудительного, и Эрика, возможно, поступила бы так же, но нельзя было не отметить цинизм, свойственный сотрудникам полиции.

– Эрика, я надеюсь, ты сможешь максимально быстро включиться в работу, – сказала Мелани, кладя трубку и потирая виски. – Спаркс оставил мне кучу запутанных дел, потерянных документов и невыполнимых обещаний, которые просто нельзя было... – она оборвала себя на полуслове. – Извини, наверное, тебе нелегко снова здесь очутиться. Пялился на тебя народ?

– Нет.

И правда, несколько человек поспешили отвести глаза в сторону, когда она проходила мимо. Их не в чем было обвинить. Вероятно, она сделала бы то же самое.

– Хорошо. Я организовала сбор денег для Спаркса: посмотри, там где-то стоит желтое ведерко. Купим большой красивый букет цветов, а остаток суммы отдадим на благотворительность.

– Уже известно, когда похороны? – спросила Эрика. Мелани покачала головой. – А куда жертвуем на благотворительность?

– Что-то там для инвалидов, по-моему. На ведерке есть бумажка, на ней написано. Ты получила мои записи и документы по Лейси Грин и Джанель Робинсон?

– Да, и я уже... – у Мелани зазвонил телефон, но она попросила звонившего подождать несколько секунд. Прикрыв динамик ладонью, она вернулась к разговору с Эрикой.

– Эрика, я бы не стала так быстро связывать два убийства. Нужно еще хорошенько покопаться и найти факты.

– Доказательства очевидны. Я не хочу ничего выносить на публику, но пришло время задавать вопросы.

– Задавать вопросы – да, конечно, но только осторожно. Я подготовила для тебя помещение на противоположном конце и согласовала все, что ты запросила для своей команды.

– Они здесь со всеми сработаются и...

– Закрой дверь, когда будешь выходить, – сказала Мелани и вернулась к телефонному разговору.

«По крайней мере, она не попросила обращаться к ней на вы», – подумала Эрика, выйдя из кабинета. Радовало, что Мелани активно включилась в дела и от нее не веяло никакой враждебностью. Эрика старалась не думать о том, что скоро, возможно, именно она станет полноценным суперинтендантом, без приставки «и. о».

В отделе расследований всю кипела работа и стоял гул от десятков разговоров и звонков. Эрика пошла на другой конец и увидела место для своей команды, о котором говорила Мелани, – маленькую тесную каморку за двумя перегородками из матового стекла. Низкий потолок только усугублял ощущение замкнутого пространства.

Через несколько минут появились Мосс и Питерсон.

– Все в порядке, босс? – спросила Мосс, сбрасывая с себя огромный пуховик. – Значит, здесь теперь наша берлога?

– Она еще меньше, чем я рассчитывала, – ответила Эрика.

– Это же Сохо. Здесь каждый сантиметр на счету, – включился Питерсон.

– Спасибо вам обоим, что согласились войти в мою команду.

Мосс и Питерсон переглянулись.

– Что?

– Мы просто хотели удостовериться, что с тобой все в порядке, – начала Мосс и продолжила почти шепотом: – Я больше всех хотела смерти Спаркса, но одно дело хотеть, а другое – когда это случается в реальности... – повисла неловкая тишина, и Питерсон покачал головой. – Что такого? Я просто говорю, как есть.

– Спасибо за заботу, я в порядке. Хочу как можно скорее начать, – сказала Эрика.

Мосс кивнула и отошла в угол повесить куртку.

– У нас все хорошо? – спросил Питерсон, подходя поближе.

– Конечно.

– Ты не позвонила, – вглядываясь в ее лицо, сказал он.

– А я разве обещала позвонить?

– Нет. Но я думал, ты позвонишь мне лично и пригласишь в команду.

– Я решила не выходить за рамки рабочих отношений, – ответила Эрика, избегая его взгляда и явно испытывая дискомфорт.

– Хочешь ты того или нет, Эрика, но между нами что-то есть. Я не знаю что, но это выходит за рамки наших рабочих отношений.

Эрика видела, что Мосс пытается притвориться, что чем-то занята в углу, чтобы не мешать им.

– Да, Джеймс. Но много чего случилось, и мне нужно сконцентрироваться на работе. Хорошо?

Он ничего не успел ответить, потому что в этот момент появился Джон – запыхавшийся и закутанный в пуховик, шапку и перчатки.

– Доброе утро, босс, – поздоровался он и расплылся в широкой улыбке, увидев Мосс и Питерсона. – Здорово, очень буду рад снова с вами поработать, – сказал он, пожав руку Питерсону и обняв Мосс.

– Встретимся без десяти девять. Я отойду позвонить. На брифинг должны подойти еще пять человек, – сказала Эрика, выходя из их комнатки.

Мосс посмотрела на Питерсона. Тот сложил свою куртку и сел за стол.

– Все будет хорошо. Она бы не позвала тебя в команду, если бы не хотела видеть тебя среди нас.

– Я просто хочу быть уверен, что я здесь не просто так.

– Так и есть. Она смотрит на тебя не как на человека, с которым у нее личные отношения, а как на ценного сотрудника. И она видит то же, что и я, – Мосс присела на край его стола. Стол накренился, и монитор начал падать. – Ой, у кого-то слишком толстый зад! – засмеялась она и рванула вперед, едва успев подхватить монитор в нескольких сантиметрах от пола. – Какой же шаткий, ненадежный!

– Это ты по-прежнему про свой зад? – засмеялся Питерсон.

Мосс взяла со стола папку и стукнула его по голове.

В девять вся команда Эрики была в сборе. Помимо Питерсона, Мосс и Джона, она вызвала светловолосого и улыбчивого сержанта Крейна, с которым они вместе работали в Луишеме по делу Андреа Дуглас-Браун. Также к ним примкнули два констебля – Энди Карр и Дженнифер Хаус. Они были молоды, стильно одеты и горели желанием произвести благоприятное впечатление. Наконец, еще три молодые женщины вызвались поддерживать команду со стороны Гражданской полиции. Готовясь начать речь, Эрика вдруг осознала, что Энди, Дженнифер и трем гражданским было лет по пять, когда она выпустилась из Хендона. Мелани Хадсон была на десять лет ее младше, но при этом в самой ближайшей перспективе могла стать ее начальником. Отбросив эти мысли, Эрика повернулась к стендам с фотографиями тел Лейси Грин и Джанель Робинсон.

– Всем доброе утро и спасибо за пунктуальность, – поприветствовала она свою команду под одобрительный гул голосов. – Для тех из вас, кому нужно ознакомиться с деталями дела, сержант Крейн раздаст информационные листки. – Эрика постучала по фотографиям изувеченных тел девушек в мусорных баках. – Джанель Робинсон, двадцать один год. Лейси Грин, двадцать два года. Тело Джанель было обнаружено 29 августа, в понедельник, в мусорном баке рядом с небольшой типографией на Чичестер-роуд в Кройдоне, на юге Лондона. Лейси Грин нашли 9 января, в понедельник, в мусорном баке рядом с салоном кухни на Татерсол-роуд в Нью-Кроссе. Насколько нам известно, жертвы и места, где их нашли, никак не связаны, но эти два убийства имеют ряд общих черт. Подтверждено, что обе девушки подвергались пыткам на протяжении трех-пяти дней, и их половые органы изрезаны скальпелем. У обеих жертв перерезана бедренная артерия. С такой травмой человек быстро теряет очень много крови и умирает. Речь идет о трех – трех с половиной литрах крови, которые выливаются за несколько минут. На месте обнаружения тел крови не было.

Эрика взяла в руки паспортные фото Джанель и Лейси, на которых обе девушки смотрели в камеру.

– О пропаже Лейси Грин было заявлено 5 января, в четверг. Она жила на севере Лондона и не вернулась домой вечером 4 января. В восемь вечера у нее было назначено первое свидание с женщиной в

пабе «Голубой кабан» на Уидмор-роуд в районе Саутгейт. Мы запросили съемку с видеокамер, но еще не получили ее.

Крейн ходил между столами и раздавал распечатки с информацией по убийствам.

– Об обстоятельствах исчезновения Джанель известно меньше. В августе о ее пропаже никто не заявлял, поэтому пока мы ничего не можем сказать о ее последних действиях. Она жила и работала в хостеле рядом с районом Барбикан в Сити. Согласно материалам дела, ей было свойственно иногда пойти развеяться...

– Что значит «развеяться»? – спросил Питерсон.

– Думаю, предполагается, что она уходила с работы, исчезала без предупреждения, особенно если знакоилась с новым парнем. Меня попросили с осторожностью связывать эти два убийства, но обстоятельства этих двух смертей очевидно схожи.

В комнате воцарилась тишина. Сотрудники познакомились с документами.

– По убийству Лейси Грин арестовали Стивена Пирсона, но несколько дней назад его освободили за отсутствием улик. Стивен – бездомный наркоман, который последние три месяца жил то на улице, то в приютах для бездомных. Я не верю, что у него достаточно возможностей и ума организовать эти похищения. Когда было обнаружено тело Джанель, он досиживал долгий срок в Пентонвиле, его выпустили только 15 сентября. Он не мог убить Джанель, а я убеждена, что это сделал тот же человек, что позже убил Лейси. Нам нужно будет начать все сначала. Восстановить биографию обеих девушек – все, что мы можем про них раскопать. Детальные описания мест, где были обнаружены тела. Съемка с камер, которая поможет выявить их последние действия. Нужно проверить их телефоны, компьютеры, поведение в интернете. Лэптоп Лейси уже у цифровых криминалистов. Последний раз сигнал с ее телефона смогли поймать рядом с местом ее похищения, но сам телефон так и не нашли. Энди и Дженнифер, займитесь этим вместе с Крейном. Питерсон, вы с Джоном сходите в хостел в Барбикан-эстейт. Попробуем что-то разузнать о Джанель. Мосс, ты остаешься со мной. Мы поедem к родителям Лейси Грин. Встречаемся здесь в четыре.

Глава 20

Через час, когда Эрика и Мосс вышли со станции Саутгейт на севере Лондона, их уже ждала патрульная машина. Со стороны казалось, что круглое здание станции из стекла и бетона парит над оживленным перекрестком. Через окна проникал свет неяркого январского солнца, и невозможно было не любоваться его необычной красотой. Семья Лейси Грин жила в трех километрах от станции, в большом доме на тихой обсаженной деревьями улице.

Эрика позвонила в дверь, и вскоре послышалось, как изнутри отпирают замки.

Перед ними стояла Шарлотта Грин, мать Лейси. Ей было чуть за пятьдесят, и ее можно было бы назвать копией дочери, если бы не волосы с проседью и обезумевшие от горя глаза. За ее спиной показалась констебль Мелисса Бейтс – сотрудник полиции, закрепленная за семьей на время следствия.

– Здравствуйте, миссис Грин. Разрешите войти? – спросила Эрика, после того как они с Мосс показали свои удостоверения.

Шарлотта рассеянно кивнула, и они прошли за ней в прекрасно обставленную гостиную с эркерами, выходящими на улицу и на задний двор. Около большого кирпичного камина все еще стояла елка, наряженная, но уже без иголок. Они облетели и толстым слоем лежали вокруг на ковре. Перед камином, в котором почти угас огонь, на коленях стоял коренастый мужчина с намечающейся залысиной и осторожно переворачивал свежее полено кочергой. Когда он поднялся и повернулся к ним, его облик дополнился очками и бородой.

– Здравствуйте, мистер Грин, – поприветствовала его Эрика.

Он вытер ладони и протянул ей руку.

– Зовите меня Дон, – попросил он. В его глазах было то же застывшее выражение, что и у жены.

Все сели, и Эрика объяснила, что теперь расследование будет вести она.

– Почему убрали Мелани? Она нам понравилась. Это она поймала *того человека*, – расстроено сказала Шарлотта, переводя взгляд с Эрики на Мосс.

– Боюсь, в полиции такая же текучка, как и везде, – ответила Эрика, и сразу же поняла, насколько жалким было ее объяснение.

– По какой причине его отпустили? – спросил Дон, обняв жену за плечи.

– Мы считаем, что Стивен Пирсон не мог убить вашу дочь.

– Откуда у вас такая уверенность? Вы же и пяти минут не разбирались в этом деле.

– Мы считаем, что убийство вашей дочери связано со смертью еще одной молодой девушки, – объяснила Эрика.

– Что значит «еще одной молодой девушки»? Кого? – Дон недоуменно переводил взгляд с Эрики на Мосс, поправляя свободной рукой очки на носу.

Эрика вкратце рассказала об обстоятельствах смерти Джанель, не упоминая ее имени и места обнаружения тела.

– Я сейчас сообщая вам конфиденциальную информацию. Мы ее пока нигде не озвучиваем и в ближайшее время не собираемся. Я лишь хотела объяснить вам причины, по которым был отпущен Стивен Пирсон.

Дон убрал руку с плеча жены и подался вперед.

– Вы хотите сказать, что знали об этом ублюдке с августа и ничего не делали?

– Мистер Грин, – вмешалась Мосс, – та девушка была беглянкой. У нее не было семьи, и никто даже не заявил в полицию об ее исчезновении. Довольно долго ее тело оставалось неопознанным...

Она не стала говорить о безобразно проведенном следствии и об искаженной информации в отчетах.

– Мы делаем все, что можем, мистер Грин. Это шаблонная фраза, я понимаю, но мы просим вас помочь нам восстановить картину событий, предшествующих исчезновению Лейси, – добавила Эрика.

– Мы уже все это рассказывали Мелани, а теперь вы хотите, чтобы мы снова через это прошли! – сердито воскликнула Шарлотта.

Дон поднял руку, стараясь успокоить жену.

– Четвертого января, в четверг, Лейси вышла из дома в семь вечера, чтобы встретиться с мужчиной. Это было свидание вслепую – так она сказала нам. До этого они пару недель переписывались. Его звали Нико.

– Она познакомилась с Нико в интернете? – спросила Эрика.

– Да, через сайт знакомств, – ответил Дон.

– Дон, это было приложение. Приложение, а не сайт, – перебила Шарлотта.

– Приложение, сайт – какая разница?

– Что значит «какая разница»? Им нужно владеть точной информацией. Приложение называется Match.com.

– До этого она с кем-то встречалась через это приложение или соцсети? – спросила Эрика.

– Нет. Никогда, – уверенно ответила Шарлотта.

– А этот Нико – вы знаете, сколько ему было лет? Где он жил? Адреса или фамилии его нет? – спросила Мосс.

– Нет, и вы уже должны все это знать, так как обо всем этом мы уже рассказывали Мелани, – повторила Шарлотта. – Я была против этого свидания, но этот парень казался... ну, то есть она сказала, что говорила с ним по телефону. Он есть на «Фейсбуке».

– Я тоже был против, – вставил Дон.

– Да ты все время пялишься в телевизор, тебе было все равно!

– Ей всего двадцать два. Было двадцать два, – чуть не плача, сказал Дон и снял очки, чтобы вытереть глаза.

– Я была против этого свидания, – еще раз сказала Шарлотта, не скрывая злобы. – Но она сказала, что этот бар – «Голубой кабан» – буквально за углом и что они будут в общественном месте... Когда она не вернулась, сначала я подумала, что она просто опаздывает, такое бывало, и не раз. Но потом настало два, три ночи, четыре утра, а ее все не было. Я высматривала ее вот из этого окна. Я всегда ее жду у окна, когда она опаздывает, и я всегда ее дожидалась. Но не в этот раз. Мы звонили ей на мобильный, но он был выключен. И... – Она снова рухнула в объятия мужа. Дон обнял ее, сам еле справляясь со своими эмоциями.

– И тогда мы поняли, что нужно звонить в полицию, – продолжил он. – Она только летом выпустилась из Университета Нортамберленд. С красным дипломом. У нее там было столько друзей, ей там было так хорошо! А сюда, в реальный мир, вернуться было очень тяжело. Мы говорили между собой, что наш дом для нее – это отель под названием «Мама-папа». Она немного платила нам за содержание, жила в своей детской комнате. Она не сидела на месте, ей не терпелось начать самостоятельную жизнь. Она не должна была умереть. Невозможно

поверить, что это случилось с ней. Всегда кажется, что такое бывает только с кем-то другим.

Эрика и Мосс кивали и терпеливо ждали, пока супруги справятся с эмоциями и смогут продолжить.

– Лейси где-то работала? – продолжила задавать вопросы Мосс.

– Устраивалась временно в разные места через агентство, на административные позиции. Чуть ли не каждую неделю меняла работу, – сказал Дон.

– В последнее время никого не появилось в ее жизни? Может, она рассказывала про новых друзей?

– Здесь друзей у нее не было, – сказала Шарлотта. – В школе ее жестоко травили, и она с радостью уехала из Саутгейта. В университете она расцвела. После выпуска продолжала общаться с теми, с кем училась. У них в следующем месяце запланирована встреча, – она взглянула на Эрику из-под распухших век. – Они все приедут на похороны. Звонят, спрашивают, когда... Хотят, чтобы мы оставили ее аккаунт на «Фейсбуке», просто изменили его на памятный. Я не смогу это вынести... – Она снова заплакала и спрятала лицо на груди Дона.

– У нее был парень до того, как она уехала учиться? – спросила Эрика.

– Нет. Я же сказала вам, здесь она была несчастна. В университете был парень, хороший, приезжал к нам в гости один раз, но их отношения сошли на нет. Она была сосредоточена на учебе. У нее был красный диплом. Перед ней был открыт весь мир, все... – сказала Шарлотта и закусила губу. – Как вы думаете, она страдала перед смертью?

– Вы видели тело Лейси? – спросила Эрика.

Они кивнули.

– Значит, вы видели, что с ней случилось. В моей команде суперпрофессионалы. Я даю вам слово, что найду того, кто это сделал. Он не избежит наказания.

Шарлотта продолжала плакать, и Дон прижал ее к себе. У него тоже не получалось сдерживать слезы, которые под линзами очков казались огромными. Эрика и Мосс взглянули на коллегу, которая курировала эту семью. Все время, пока шла беседа, она не проронила ни слова. Сейчас же она еле заметно кивнула.

– Вы не возражаете, если мы осмотрим комнату Лейси? – спросила Мосс.

– Только, пожалуйста, ничего там не переставляйте. Лейси убралась перед своим уходом, и пусть все будет так, как она оставила, – попросила Шарлотта.

– Конечно, – уверила ее Эрика, и они с Мосс вышли из комнаты, оставив супругов Грин у камина, в котором снова разгорелся огонь.

Глава 21

Спальня Лейси находилась в дальнем конце дома. Окна выходили на сад и небольшую террасу со столом. У стены лежала стопка складных стульев, а из-под бежевого чехла выглядывала ножка большой газовой барбекюшницы. На дальнем краю сада находился бассейн с полукруглой складной крышей, за которым высилась каменная стена, отделяющая участок от лесополосы. Где-то вдалеке слышался шум проходящего поезда.

– Да они богачи! – воскликнула Мосс. – Посмотри на этот шкаф. Они на него явно не по крохам собирали. И на кровать тоже. И на стол.

Судя по обстановке, комната принадлежала 16-летнему подростку: на кровати в ряд сидели мягкие игрушки, а на стенах висели постеры с певицами Лили Аллен и Даффи. Стол был заставлен косметикой и пузырьками духов, у стены стояло большое зеркало.

– Как бы я хотела знать, что у нее в ноутбуке, – сказала Эрика, показывая на чистый прямоугольник на пыльном столе. – Надо насесть на айтишников.

– Если она знакомилась через приложение, то все осталось в телефоне.

Эрика подошла к шкафу-купе и отодвинула зеркальную дверь. На вешалках висело огромное количество одежды – как повседневной, так и весьма откровенной. Вся она была качественной, присутствовали и дизайнерские марки. Мосс подошла к книжной полке, достала тяжелый коричневый фотоальбом и принялась его листать. Эрика снова выглянула из окна. В сад вышла Шарлотта в длинном черном пуховике и стала бросать в снег кусочки зачерствевшего хлеба. К ней сразу же слетелась стайка птиц.

– Босс, взгляни, – позвала Эрику Мосс, склонившаяся над альбомом с полароидными фото.

На всех фотографиях Лейси была снята с одной и той же девочкой с пухлыми губами и длинными русыми волосами. На одной из них они были сняты в бикини у бассейна за домом Лейси. На другой – позировали у статуи Эроса на площади Пикадилли. Третья была сделана под водой, и они смеялись, выпучив глаза. Их длинные волосы напоминали нимб, а из носа шли пузырьки.

– Тебе не кажется, что они больше, чем подруги? – спросила Мосс. Она перевернула страницу. Там были фотографии той же самой парочки – на одной они пели перед зеркалом, держа расчески так, будто это были микрофоны, на другой лежали вместе на кровати, при этом девушка с русыми волосами уткнулась в плечо Лейси.

– Как-то эти фотографии толще, чем обычно, не думаешь? – спросила Эрика, проведя пальцем по защитной пленке.

Мосс аккуратно отклеила липкий целлофан и вытащила фотографию, которая была толще других. Под ней оказался еще один снимок, на нем девочки были голые. Они стояли боком, прижавшись друг к другу и повернув голову к камере. Под этой фотографией нашлась еще одна, где они, также голые, стояли лицом к камере, обхватив себя руками за плечи.

– Это фото сделано у шкафа в этой самой комнате, – узнала обстановку Мосс. – Почему Шарлотта и Дон не сказали об этой подруге, когда ты спросила про отношения Лейси? Очевидно, что здесь что-то большее, чем дружба.

Эрика снова посмотрела на фото девушек, где они прижимались друг к другу.

– Надо узнать, кто это и общалась ли с ней Лейси последнее время. Вдруг она что-то знает.

Глава 22

– Понимаю, почему этот стиль называют бруталистическим, – заметил Джон, бросив взгляд на Питерсона из-под шерстяной шапки, когда они вышли из метро к кварталу Барбикан. Яркостью эти здания похвастаться не могли – серое небо сливалось с серыми блочными строениями. Прямо перед ними возвышался 17-этажный Блейк-тауэр – в нем располагались хостел, спортзал и небольшое кафе.

Они вошли внутрь, радуясь возможности снова оказаться в тепле. В хостеле было тихо и светло. Перед ними стояла длинная полированная стойка регистрации в окружении голых бетонных стен. За стойкой сидела молодая девушка с рыжими длинными волосами в толстых черных очках, в которых отражался ее монитор. За ее спиной располагались ряды сейфовых ящиков, некоторые из них были приоткрыты, и в них висели ключи. Пахло потными кроссовками, чистящими средствами и воском для пола.

– Здравствуйте. Вы Садэ Пенс? – спросил Питерсон.

– Шадэ, а не Садэ, – без всякого интереса ответила девушка, не отрывая глаз от монитора.

Питерсон и Джон достали свои удостоверения и представились, объяснив, что они пришли поговорить об убийстве Джанель Робинсон.

– Я уже говорила с полицией, – заявила она, продолжая что-то печатать. У нее был легкий северный акцент.

– Мы хотим еще раз с вами поговорить, – настаивал Питерсон.

– Так говорите, – бросила Шадэ, скрестила руки и, скрипнув стулом, откинулась на спинку.

– Сколько здесь жила Джанель Робинсон?

– Девять или десять месяцев, – пожав плечами, снисходительно сказала Шадэ.

– Значит, она заехала в конце 2015 года?

– Примерно так, в ноябре. Сначала она платила за проживание, но к Рождеству у нее закончились деньги, и она попросилась работать в обмен на жилье.

– И это нормально? – спросил Джон.

– В зависимости от того, что для вас нормально. Вы похожи на людей, кто может себе позволить жить в Лондоне.

– Я живу около Бромли, – сказал Джон.

– Просто ответьте на вопрос, пожалуйста, – попросил Питерсон.

– Решение принимала не я, а управляющий. Она ему понравилась, и он сжалился, – снова выпрямилась она. – Ходили слухи, что она у него сосала, но я не в курсе.

– Джанель работала здесь до самого исчезновения?

– Нет, после Рождества она снова стала платить.

– Как ей это удалось? – спросил Джон.

– Когда потеплело, она стала зарабатывать на кофе-велике.

– Кофе-велике?

– Ну, есть такие маленькие кофемашины, которые крепятся на багажник велосипеда. Она ездила по округе и продавала кофе. Так у нее появились деньги.

– Вы знаете, где она продавала кофе?

– Да везде: в Ковент-гарден, на Лондонском мосту, на Набережной. Но у нее не было официального разрешения, поэтому она никогда не стояла на одном месте.

– А где она взяла велосипед? – спросил Джон.

Девушка улыбнулась. Один из передних зубов у нее был серый.

– Я не спрашивала. Не задавай вопросов – и не услышишь вранья. Велосипед у нее был хороший, хромированный, стильный. У нее была мечта – открыть собственную кофейню.

– Думаете, она его украла?

Шадэ усмехнулась и пожала плечами.

– Управляющий разрешал ей хранить его здесь, в кладовке для велосипедов, когда постояльцев было мало.

– Вы когда-нибудь видели кого-то из ее друзей или родственников?

– Родственников – нет. Мама Джанель умерла, когда она была маленькой. Отца она не знала. Она выросла в детском доме, но перед своим шестнадцатилетием сбежала.

– Почему?

– Пара мужчин, которые там работали, распускали руки, – сказала она, поджав губы.

– Она когда-нибудь рассказывала о мужчинах, с которыми встречалась? – спросил Питерсон.

– Иногда, мимоходом. Но мужчин было много. Ей нравились мужчины и секс. Она меняла их как перчатки.

Питерсону пришло смс. Он увидел, что оно от Эрики, и прочитал.

– Она не упоминала мужчину по имени Нико?

Шадэ покачала головой.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Мы поссорились. Это было 23 или 24 августа. Сюда заехала большая группа велосипедистов из Голландии, и я сказала, что она не сможет здесь хранить велосипед, потому что в кладовке не будет места. Тем утром она послала меня подальше и ушла вместе с велосипедом. Тогда я видела ее в последний раз. – Шадэ вытерла набежавшую слезу. – Так и вижу, как она катит велосипед по площадке перед входом. День был тогда хороший, солнечный.

– Значит, это было 24 августа. Можете вспомнить, во сколько?

– Не знаю, может, в девять утра.

– Она не сказала, куда поедет? – спросил Джон.

– Я же сказала, мы поссорились.

– Что вы сделали, когда она не приехала ночевать? И что стало с ее личными вещами?

– У нее было мало вещей, и она обычно все возила с собой. Я же говорю, мы поссорились, и я подумала, что она просто свалила отсюда навсегда, потому что я ее достала.

Шадэ достала салфетку и высморкалась.

– Вы совсем ничего про нее не знаете, так? – спросила она. – Вы ведь и меня смогли вычислить только потому, что Джанель сдавала кровь в мобильном донорском пункте и указала меня как ближайшего родственника и этот адрес как место жительства. Когда я ходила ее опознавать в морг, у меня сложилось ощущение, что она истекла кровью. Она была как восковая фигура. Даже порезы и царапины обесцветились... Я собирала деньги, чтобы оплатить ее похороны.

– Спасибо, – сказал Питерсон. – Еще пара вопросов. Она была в соцсетях?

– Думаю, да.

– А вы где-то есть? – спросил Джон.

– Нет.

– Серьезно? Даже на «Фейсбуке» вас нет?

Она покачала головой.

– Я считаю, что «Фейсбук» используют для слежки. У моего друга айфон, и он есть в соцсетях. Он говорит, что, когда он с друзьями что-то обсуждает, например марку телевизора или пива, тут же в телефоне появляется реклама этих вещей. А он не гуглил их и нигде не забивал в поиске. Так что я не в сети. По крайней мере, когда я не работаю, – уточнила она, взглянув на свой компьютер.

Джон и Питерсон переглянулись.

– Можно нам список всех, кто здесь останавливался за месяц до исчезновения Джанель? – попросил Питерсон.

– Что?! Это же все очень долго!

– Мне нужно это быстро, а то придется прийти с обыском, и босс вряд ли будет рад, – сказал Питерсон, оставляя на стойке свою визитку.

Она взяла визитку и кивнула.

Через час Джон и Питерсон снова вышли на холод.

– А в чем связь? – спросил Джон. – Не вижу ничего общего между убийствами Лейси и Джанель.

– Обе симпатичные. У обеих работа была связана с передвижениями по Лондону. Лейси работала на подхвате, Джанель развозила кофе. Убийца может жить где угодно и увидеть их мог где угодно...

– В городе с населением 9 миллионов, – добавил Джон. Снова пошел снег, задул холодный ветер. – Пойдем возьмем кофе и поехали отсюда.

Глава 23

Когда Эрика и Мосс спустились в гостиную и спросили Шарлотту и Дона про девушку на фотографиях, возникла некоторая неловкость. К их удивлению, Шарлотта выскочила из комнаты и заперлась в ванной. Дону пришлось сказать, что девушку зовут Джеральдин Корн.

– Мы знали, что Лейси и Джеральдин близкие подруги. Они познакомились в школе, которую Лейси терпеть не могла, и Джеральдин была ее единственной подругой там. Какое-то время они очень часто приходили к нам домой после уроков. Джеральдин оставалась на ужин... и на ночь.

– Когда вы узнали, что они больше чем подруги? – спросила Мосс.

Дон снял очки и стал тереть лицо руками.

– Как-то вечером Шарлотта их застала. Они были вместе в постели.

– И что случилось?

– Шарлотта была вне себя. Она запретила Джеральдин приходить к нам в дом. По ее словам, если бы она застала Лейси с мальчиком, то среагировала бы так же. Но то, что это была девочка, ее очень расстроило.

– Лейси продолжала встречаться с Джеральдин? – спросила Эрика.

– Думаю, да. Сюда она ее больше приводить не могла, но они виделись в школе и, я уверен, по выходным тоже. Шарлотта не хотела ничего об этом знать, и мы все делали вид, будто ничего не было. В нашем доме Джеральдин больше не появлялась. Я говорил Шарлотте, что это лишь этап, и я был прав. Когда Лейси уехала в университет, она отдалилась от Джеральдин, и у нее там появился мальчик, хороший, но их отношения сошли на нет.

– А вы уверены, что на то свидание Лейси шла к мужчине? – спросила Мосс.

Он посмотрел на них и снова надел очки.

– Ну, да. Так она сказала. А вы сомневаетесь?

– Мы не знаем. Мы еще не получили данные с телефона и компьютера Лейси, – сказала Эрика. – Спасибо вам, мистер Грин. Мы

расспрашиваем вас об этом, потому что нам нужно поговорить с Джеральдин. Очень жаль, что вы сами не рассказали о ней, когда мы спрашивали вас о людях, с которыми общалась Лейси.

– Но это же было много лет назад!

– Нам нужно знать. Скрывая правду, вы вставляете нам палки в колеса. Пожалуйста, давайте обойдемся без секретов. Я пообещала вам, что найду того, кто это сделал, но мне нужно, чтобы вы были открыты и честны с нами.

Дон кивнул, спрятал голову в ладони и начал всхлипывать. Эрика дотронулась до его плеча, и они тихо ушли.

– ...Босс, не стоит давать таких обещаний, – сказала Мосс, когда они вышли из дома и сели в машину.

– Каких обещаний?

– Что ты найдешь убийцу Лейси.

– Я их даю, потому что беру на себя ответственность. И я еще никогда не нарушала обещаний.

– Ты – нет, но вот тебя твои обещания чуть не убили.

В этот момент Эрике позвонил Питерсон и доложил, что удалось узнать у Шадэ. Выслушав новости, Эрика поделилась ими с Мосс.

– Нам нужно связаться с транспортной полицией: судя по всему, Джанель где-то «раздобыла» этот кофе-велосипед. Может, он значится среди украденных. Получается, Джанель могли похитить откуда угодно, – заключила Эрика.

– Я нашла, где нам искать Джеральдин Корн, – ответила Мосс, глядя в телефон. – Она работает в аптеке в этом районе, всего полтора километра отсюда.

– Отлично. Поехали поговорим с ней.

Глава 24

Маленькая обшарпанная аптека располагалась на краю торгового квартала. Когда они вошли, зазвенел колокольчик на двери. Внутри было тихо, стояла рабочая атмосфера. Все полки были забиты медикаментами, пахло антисептиками и пылью. За поцарапанным прилавком Эрика и Мосс сразу же узнали Джеральдин. Она обслуживала пожилую женщину с белой повязкой на глазу. Из подростка в фотоальбоме Джеральдин превратилась в серьезную молодую женщину в белоснежной накрахмаленной форме, с идеальной бледной кожей и аккуратно убранными назад длинными волосами.

В окошке за ее спиной мелькнул невысокий индеец, и на металлическую чашу весов упала упаковка таблеток. Эрика и Мосс дождались, пока пожилая дама уйдет, подошли к прилавку, представились и показали удостоверения.

– Ну наконец-то, – сказала Джеральдин.

– Вы нас ожидали? – отозвалась Мосс.

– Мне даже никто не сообщил. Я узнала из местных новостей. А ведь я была ее лучшей подругой, – обиженно произнесла она, словно ей отказали в законном статусе.

Дверь открылась, и в аптеку вошел пожилой мужчина.

– Подождите минуту, – попросила Джеральдин, намереваясь обслужить его.

– Нет, это ему придется подождать. Мы хотим поговорить с вами. Сейчас, – настояла Эрика.

Джеральдин оглянулась на мужчину за окошком, и он кивнул. Она провела их мимо переполненных полок к маленькой двери, за которой оказался не менее переполненный склад. Здесь стояли стол, стулья и маленькая раковина с чайником.

– Сочувствуем в связи с гибелью Лейси, – начала Эрика, когда они сели за стол. – Вы были близки.

Джеральдин заерзала на стуле и пожала плечами.

– Разве вы не сказали нам две минуты назад, что были ее лучшей подругой? – переспросила Мосс.

– Была. То была, то не была. Все было сложно.

– Мы знаем, что у вас были любовные отношения. Мы нашли фотографии в альбоме, снятые на полароид. Лейси прятала их под другими снимками, – объяснила Мосс.

– Прятала под другими снимками... вот в этом – вся суть наших отношений. Лейси уехала в университет и бросила меня.

– А вы сами не хотели учиться?

– Моим родителям не по карману платить за мое обучение. Но у меня хорошая работа, стабильная. Люди ведь всегда будут болеть, – не без грусти констатировала она.

– Что вы знаете о друзьях и личной жизни Лейси? – спросила Эрика.

– У нее была я. Трое или четверо парней в университете. Да много кого, – неодобрительно заметила Джеральдин. – Она была очень красивая. А красивые, они такие.

– Когда закончились ваши отношения? – спросила Мосс.

– По сути, они так и не закончились. Когда она приезжала домой на каникулы, ей становилось грустно, она звонила мне, и мы встречались.

– Где?

– У меня дома. Моя мама нормально к этому относилась. Думаю, Лейси была рада, что у меня дома можно не напрягаться. Шарлотта всех строит, Дон – подкаблучник.

– Мы увидели лишь убитых горем родителей, – заметила Эрика.

– Они стерли меня из жизни Лейси, – обиженно сказала Джеральдин, скрестив руки.

– Вы видели Лейси в месяцы, предшествовавшие ее исчезновению?

– Да. У нас снова все закрутилось с сентября.

– Что значит «закрутилось»?

– Ну, мы снова стали подругами. Подругами, которые иногда спят вместе. Но все было уже не так, как прежде. Ей важнее было другое. А со мной она просто время проводила.

– А что ей было важно? – переспросила Мосс.

– Она пыталась найти работу. Ей хотелось работать в Совете по искусствам или в благотворительном фонде, помогать Африке. Обычная фигня для богатых. И она зарегистрировалась в приложении,

надеясь найти своего принца, – Джеральдин поморщилась, словно эта мысль доставляла ей боль.

– Нельзя зарегистрироваться в приложении, – поправила ее Мосс. – Его можно скачать, а регистрируются на сайтах знакомств.

– Меня нет в сетях. Я просто пытаюсь что-то отвечать на ваши вопросы.

– Как вы думаете, вы по этой причине отдалились друг от друга? Иногда, если кого-то из друзей нет в сети, он выпадает из общения, потому что сейчас все всегда онлайн, – предположила Эрика.

– Я знаю, как все работает, – отрезала Джеральдин.

– Как вы думаете, Лейси была лесбиянкой? – спросила Мосс.

– Вы же тоже лесбиянка, вы и скажите, – парировала Джеральдин.

– Я спрашиваю вас, – как ни в чем не бывало ответила Мосс.

– Иногда мне кажется, она была послана в этот мир, чтобы я пережила весь доступный спектр человеческих чувств.

– Вы любили ее?

– И любила, и ненавидела. Но сейчас, когда ее больше нет, я жалею, что не любила ее еще сильнее. Жалею, что не отговорила ее встречаться с этим типом.

Джеральдин вытащила из кармана упаковку салфеток, достала одну и приложила к глазам.

– Каким типом? – спросила Эрика, переглянувшись с Мосс.

– Когда мы в последний раз встречались с Лейси, она просила у меня совета по поводу нового мужчины. Мне казалось, она спрашивает, просто чтобы сделать мне больно. И я сказала ей: иди встречайся, – призналась она, вытирая слезы.

Эрика и Мосс снова переглянулись.

– Когда это было? – спросила Эрика.

– За несколько дней до Нового года. Она с ним несколько недель переписывалась, и он захотел встретиться. Она считала, что он очень красив. А мне показалось, он какой-то мутный.

– В смысле? Вы видели его фотографию? – уточнила Эрика.

– Да, она показывала мне на телефоне.

– А что значит «мутный»?

– Темный. Черные волосы, зализанные назад, худое мрачное лицо. И на большинстве фотографий он был голый ниже пояса, – она

закатила глаза. – Думаю, она хотела вызвать у меня ревность, так что все-таки я ей была небезразлична.

– Когда точно это было? – спросила Эрика.

– В понедельник перед Новым годом, тридцатого. Мы встретились попить кофе. Она сказала мне, что собирается встретиться с этим Нико в среду.

– Значит, его звали Нико, – повторила Эрика.

Джеральдин терла глаза скомканной салфеткой.

– Я пыталась сообщить об этом полиции.

– Как?

– Я набрала 999, и они мне сказали звонить на номер 101. Я так и сделала и оставила сообщение. Это было две недели назад. Две недели!

– А вы пробовали поставить об этом в известность родителей Лейси? – спросила Эрика.

– Я им позвонила, но Шарлотта бросила трубку.

Эрика посмотрела на Мосс. Нужно будет проверить эту информацию, мысленно дала она поручение себе.

– Джеральдин, если мы привлечем фотохудожника, вы можете ему воссоздать лицо человека с фотографии Нико, которую вы видели на телефоне Лейси?

– Да, конечно. Как она умерла?

– К сожалению, мы не можем раскрывать подробности, – сказала Эрика.

– Но это была насильственная смерть?

Эрика кивнула. Джеральдин снова заплакала, и Мосс положила руку ей на плечо.

Глава 25

Уже через несколько часов за тем же столиком в маленькой аптечной кладовке Джеральдин работала с фотохудожником. Эрика вышла на улицу, чтобы поговорить по телефону с Питерсоном. Начало темнеть, и в старой химчистке по соседству с аптекой зажегся свет.

– Мосс поехала к вам, в участок. Она должна получить данные с компьютера и телефона Лейси.

– А тебе есть смысл оставаться там? – спросил Питерсон. На фоне Эрика услышала голос Крейна.

– С исчезновения Лейси прошло уже две недели, а я только сейчас узнаю о том, что ее ближайшая подруга пыталась сообщить полиции важную информацию. Она единственная, кто видел фото человека, с которым уехала встречаться Лейси. Представь, насколько иначе все сложилось бы, если бы у нас был фоторобот две недели назад.

– Не будем говорить в сослагательном наклонении...

– Повезло, что фотохудожник смог так быстро приехать сюда. Как только у меня будет портрет, сразу же пришлю его тебе на почту. Что-то удалось выжать из камер наблюдения?

– Напротив паба, где Лейси встречалась с этим Нико, есть банкомат. Крейн пытается выяснить, есть ли на нем камера. Мы прорабатываем гипотезу, что Лейси могли похитить в пабе или около него, а значит, камеры могли что-то засечь. Пытаемся вычислить и проверить все возможные пути выхода из паба.

– Хорошо. А кофе-велик?

– Я связался с транспортной полицией насчет того, не числится ли он в кражах...

Эрика услышала стук и подняла голову. Художник, молодой брюнет, стучал ей в окно.

– Извини, мне надо идти, – попрощалась Эрика.

Было приятно вернуться в теплую аптеку. Управляющий смотрел на нее из окошка. Он был не в восторге от того, что его аптечный пункт превратили в полицейский участок. Джеральдин и художник сидели у компьютера. У нее был изможденный вид, но она нашла в себе силы улыбнуться Эрике.

– Вот что получилось, – сказал он, разворачивая ноутбук к Эрике.

На экране она увидела вытянутое, худое лицо мужчины около тридцати лет с широким носом, выраженными скулами и карими глазами. В глаза бросались глубокие залысины на лбу и гладкая, практически без щетины, кожа. Длинные черные волосы были зачесаны назад. Портрет вызывал смешанные чувства и казался непохожим на реального человека.

– И вы уверены, что это он? – переспросила Эрика.

– Да, – ответила Джеральдин, скрестив руки на коленях. – А эти штуки вообще работают? Фоторобот поможет поймать убийцу?

Художник взглянул на Эрику.

– Да, поможет. Спасибо вам, Джеральдин.

На улице дул пронизывающий ветер. Подойдя к машине, Эрика снова набрала Питерсона.

– Я отправила картинку. Как только получишь, разошли во все районные отделения. И в СМИ. Надо поймать этого ублюдка.

Глава 26

В тот день путь из Лондона домой превратился для Дэрила в сущий кошмар. Когда он зашел в электричку на станции Восточный Ватерлоо, сидячих мест не было, вагон был переполнен, и ему пришлось почти час ехать прижатым к двери, среди беспрестанно чихающих и кашляющих людей. Когда же он сел в свою машину, снова пошел снег, и дорога к дому заняла дольше обычного.

В полвосьмого он, наконец, въехал на холм, на котором стояла их ферма, и увидел свет фар из-за ворот. Он снизил скорость, ожидая, что встречная машина проедет мимо, но та не двигалась. Подъехав ближе, он увидел, что одну створку железных ворот заклинило. Дэрил остановился и вышел. Валил снег, у ворот стоял человек, одетый во что-то синее, и пытался справиться с ними. Только подойдя ближе и выйдя из-под слепящего света фар, Дэрил увидел, что машина – полицейская, а ворота толкает сотрудник в форме.

– Добрый вечер. Нужна помощь? – спросил Дэрил, рукой закрывая лицо от снега и яркого света фар.

– А вы кто? – взглянул на него офицер.

– Это ферма моих родителей.

– Видимо, заклинило механизм, – ответил полицейский. У него было мальчишеское лицо и темная козлиная бородка.

– Иногда бывает. Постоянно говорю отцу, чтобы починил. Если возьмемся посередине и поднимем немного, ход восстановится.

Дэрил встал с одной стороны ворот, сказал офицеру встать с другой, и они на несколько сантиметров подняли ворота вверх. Механизм зашумел, и створка тут же пошла внутрь. Дэрил и полицейский сделали несколько шагов назад.

– Спасибо, – поблагодарил полицейский, и, взглянув на свои грязные руки, обтер их о брюки. – Скажите отцу, пусть починит ворота. Что он будет делать, если что случится? Они же весят под тонну.

– Да, скажу. А у нас все в порядке? – спросил Дэрил, оборачиваясь на патрульную машину. Впереди сидел еще один сотрудник в форме, а на заднем сиденье виднелся чей-то темный силуэт.

– Нам пришлось арестовать работника вашего отца.

– Кого?

– Мориса Картрайта.

У Дэрила забилося сердце.

– Что-то серьезное?

– Можно и так сказать, – подняв брови, ответил полицейский. –

Не могу разглашать подробности, спросите у отца. Еще раз спасибо.

Он быстро вернулся в машину, обойдя заледенелую рытвину.

Дэрил отошел в сторону и пропустил их. Он смог разглядеть вытянутое худое лицо Мориса и наручники. Тот тоже посмотрел на Дэрила, и в его взгляде не отразилось никаких эмоций.

Дэрил дождался, пока полиция отъедет подальше, и только потом вернулся в машину и проехал в ворота. Его сердце продолжало колотиться. Подъехав к дому, он увидел свет в гостиной. Как обычно, оставив машину под навесом, он подошел к машине Мориса и попытался открыть багажник. Он был заперт. Тогда он подошел к капоту и положил на него руку. Капот был холодный.

Дома Грендель встретила его радостным лаем и принялась лизать руки. Пока он вешал куртку и разувался, через стену до него доносились приглушенные голоса отца и матери. Они были в кабинете.

Джон сидел за заваленным бумагами столом, над которым возвышался старый стационарный компьютер. Мэри стояла рядом, опершись на стол. Оба они были чем-то обеспокоены. Стены от пола до потолка были заставлены открытыми шкафами с документами. На задней стене висела старая карта, составленная по снимкам с воздуха. На ней была изображена местность, какой она была двенадцать лет назад. Деревья вокруг бассейна были только что высажены, и им было еще далеко до своей нынешней гигантской высоты.

– Я только что видел полицию. Что наделал Морис? – спросил Дэрил.

– Чертов придурок, – расстроено покачал головой Джон. – Стырил у нас удобрения и попытался продать их на соседние фермы.

Мэри положила руку ему на плечо, но он стряхнул ее.

– Проблема в том, что при попытке воспользоваться той комбинацией химикатов, которую украл Морис, звучит сигнал и просьба связаться с полицией. Потому что эти ингредиенты могут применяться террористами для изготовления бомб.

– Полиция сочла Мориса угрозой национальной безопасности, – сказал Дэрил, не в силах сдержать улыбку.

– Это не смешно! – зашипела на него мать.

– Ну ладно, смешно же. Полиция всерьез думает, что Морис – террорист? Да он же воздушный шарик не сможет проколоть нормально, – Дэрил еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Он бы в лучшем случае пару сотен заработал. Лучше бы пришел ко мне за этими деньгами. Теперь я остался без дояра.

– Ну ладно, Джон, может, это все ненадолго, – попыталась успокоить мужа Мэри и снова положила руку ему на плечо.

– Давай, накрывай ужин. Дэрил дома, – резко сказал он, смахивая ее руку. Она послушно кивнула и пошла в кухню.

– И что будет дальше? – спросил Дэрил.

– У Мориса уже есть судимость, и в таких случаях вряд ли можно рассчитывать на снисхождение. Он может и сесть.

Дэрил вдруг представил себе, как маленького худого Мориса насилуют в камере трое крупных мужиков. Не удержавшись, он хрюкнул от смеха, и Джон неодобрительно взглянул на него.

– Прости, пап. Пойду помою руки.

Дэрил прошел через кухню и поднялся к себе в комнату. Закрыв дверь и включив свет, он расхохотался до слез. Бесконтрольный приступ смеха не отпускал его несколько минут.

Успокоившись, он подошел к окну и задернул шторы. За столом у компьютера он тронул мышку и, когда экран загорелся, ввел пароль. Фоном для рабочего стола служило гигантское изображение Грендель. Активировав VPN, скрывающую его реальное местоположение, он зашел в свой недавно созданный аккаунт на «Фейсбуке». Тихонько тренькнуло уведомление – пришло новое сообщение. К его радости, оно было от девушки, с которой он флиртовал. Она написала, что ей очень понравилось его фото.

Дэрил решил, что после Лейси и Джанель больше не будет использовать аккаунт Нико. Он и так прибег к нему дважды, что уже было слишком рискованно. В третий раз он искушать судьбу не хотел. Неизвестно, насколько продвинулась полиция в расследовании, вычислила ли этот аккаунт. Пока, судя по всему, они блуждают в потемках. Также он обратил внимание, что фотография в профиле

напоминает Мориса. Не настолько, чтобы подумать, что это один и тот же человек, но сегодня, когда он увидел Мориса в машине, ему вдруг стало страшно.

Бедный глупый Морис. Дэрил снова представил его в тюремной камере, но на этот раз к очереди желающих терзать его костлявую скорченную задницу он добавил еще двоих.

Затем он сел поудобнее и начал писать ответ девушке. Ее звали Элла, и перед тем, как пригласить ее на встречу, нужно было подготовить почву.

Глава 27

Эрика проснулась на диване, не понимая, сколько времени. Решив, что уже утро, она резко встала и отправилась в душ. Проходя мимо телевизора, по которому шли новости Би-би-си, она увидела, что время 2:16. В кухне она выпила стакан воды и проверила телефон. С тех пор, как вечером она позвонила Маршу и оставила сообщение, от него не было никаких вестей. А это было совсем на него не похоже.

Вернувшись к дивану, Эрика взяла с журнального столика ноутбук. Фоторобот Нико появился на сайте полиции районов Луишем и Кройдон. Под ним была опубликована просьба к гражданам сообщить любую информацию об этом человеке. Это же обращение было продублировано в их твиттерах. Эрика захотела проверить, не появилось ли комментариев. Был всего один, в аккаунте района Луишем. Какая-то девушка написала, что не отпустила бы его из своей постели.

– Твою мать, – выругалась Эрика.

Она снова открыла фоторобот и увеличила изображение на всю ширину экрана. Лицо было страшным. Полным решимости. Беспощадным. Резким. Эрика решила, что у него британские или французские корни в смеси с южноафриканскими. Похож ли он на все остальные фотороботы? Лицо каждого человека уникально, но все фотороботы имеют сходное тупое и зловещее выражение. Она часто задавалась вопросом – может, стоит рядом с нейтральным выражением помещать улыбающееся? Особенно когда речь идет о насильниках. Может, тогда будет больше вероятности, что их узнают? Ведь они всегда сначала пытаются очаровать своих жертв. И только когда это не удается, маска дамского угодника падает.

Помедитировав на него еще несколько минут, она захлопнула крышку и пошла в спальню.

Утром ее команда снова встретилась в участке. Крейн смог получить записи с камеры банкомата напротив паба «Голубой кабан». Они выключили свет и сели смотреть зернистую черно-белую съемку, спроецированную на белую маркерную доску.

– Проблема в том, что встроенная камера в банкомате установлена сверху и направлена под углом вниз, – сказал Крейн. – И людей на той стороне улицы, где расположен паб, видно в полный рост, только когда они подходят к пабу, а потом верхняя часть тела пропадает из кадра.

И действительно, они увидели, как мимо идет мужчина с собакой. Как только он подошел к пабу, верхняя часть его тела исчезла, и рядом с черным лабрадором осталась лишь пара ног.

– То есть это все совершенно бессмысленно, – заключила Эрика.

– Не совершенно, – возразил Крейн. – У нас есть съемка всего дня четвертого января с временными отсечками. Это среда. Лейси Грин должна была встретиться с этим Нико в восемь, – он поставил трансляцию на ускоренное воспроизведение и замедлил его на 18 часах. – С отметки в 19 часов посмотрим в 12-кратном ускорении. Никого нет, только машины. Час пик спадает. Но эта машина проезжает здесь трижды в течение пяти минут, – он нажал на паузу, когда справа налево проехала маленькая машина. – Вот. Первый раз – 19:55, – он снова запустил трансляцию. – Через минуту она снова попадает в кадр, уже в противоположном направлении. И вот в 19:58 проезжает мимо паба в третий раз.

На мониторе появилось размытое изображение молодой девушки в высоких сапогах-ботфортах, темной куртке, с развевающимися на ветру волосами. Она шла к пабу.

– А вот и Лейси Грин, – Крейн нажал на паузу.

У Эрики замерло сердце, когда она увидела ее живой и здоровой. Они знали, что с ней случится через несколько минут, но сама девушка на экране не имела ни малейшего представления о том, что ее ожидает. Скорее всего, она с волнением предвкушала встречу. Крейн нажал на воспроизведение, и Лейси продолжила свой путь, но около паба в кадре остались только ее ноги.

– Мы уверены, что это Лейси? – спросила Эрика.

– Это единственная женщина подходящего роста и внешности, которая прошла мимо паба за весь вечер, – сказал Крейн, глядя на пустое изображение на доске.

– Даже входа в чертов паб не видно. Получается, мы даже не можем уверенно утверждать, вошла ли она туда? – спросила Эрика.

– Не вошла, – подключилась к разговору Дженнифер. – Я говорила с парнем, который работал за стойкой в среду, четвертого

января. Он сказал, что народу в пабе не было, поскольку это были первые дни после Нового года, и за весь вечер объявилась лишь горстка завсегдатаев. Лейси среди них не было. Еще одна девушка, его коллега, подтвердила его слова.

– То есть она куда-то исчезает – например, проходит мимо паба – в 19:59, – подытожила Эрика. – А что же с этой машиной? Изображение нечеткое, еще и черно-белое. Мы можем отсюда достать номер?

– Нет. Я уже говорил с айтишниками. Они могут увеличить изображение, но оригинал должен быть четким. А здесь у нас одни пиксели. И невозможно сказать, какого цвета машина, так как изображение черно-белое.

– А модель? – вопросительно посмотрела Эрика на свою команду.

– Похоже на «Фиат» или «Рено», – предположил Джон.

– Еще может быть «Форд Киа» или «Ситроен», – добавил Крейн.

– Нет, так дело не пойдет, – недовольно заявила Эрика. – Можем ли мы отследить дальнейшие передвижения этого автомобиля с соседних камер?

– Эту съемку нам дали вчера поздно вечером, – сказал Крейн. – Ближайшая камера наблюдения – у метро «Саутгейт». Я ее, конечно же, запросил, и мы держим руку на пульсе.

– Есть новости по телефону Лейси?

– Нам дали отчет с вышек мобильного оператора, – сказала Мосс. Она включила свет и пошла за свой стол за распечаткой. – В районе паба «Голубой кабан» три вышки, и мы вычислили, что последний сигнал с телефона Лейси зарегистрирован в 20:21 четвертого января. Позднее этого времени больше ничего не было.

– Как далеко друг от друга эти вышки? – спросила Эрика.

– Все они находятся в пределах полутора километров от паба.

– Понятно. Нужно будет еще раз обойти дома и магазины в этом районе. Спросить, не видел ли кто чего.

– Сбоку от паба – большая парковка. За ней – автобусный парк, и он плохо освещен. – Крейн вывел на белую доску еще одно изображение со своего лэптопа – вид на парковку с карт «Гугл». Фото было сделано в летний день, деревья стояли зеленые, а на проезжей части было много машин.

– Он мог похитить ее на этой парковке, в темноте, – предположил Питерсон.

– И сразу выключить ее телефон, чтобы невозможно было отследить ее перемещения, – закончила Эрика.

Крейн открыл следующее фото с карт «Гугл» – на этот раз с видом на соседнюю улицу Уидмор-роуд. На одном из фото по дороге ехал автобус.

– В автобусах есть камеры наблюдения. Узнайте, какие маршруты курсируют мимо этого места, запросите съемку. Конечно, маловероятно, но в какую-то камеру могло что-то попасть. Есть ли новости по ноутбуку Лейси?

– Он в приоритете, но мне сказали ждать еще сутки, – ответила Дженнифер.

– Я с ними поговорю.

Эрике показалось, что ее команда упала духом.

– Нам нужно продолжать задавать вопросы, даже если они кажутся глупыми. Ответы помогают раскрывать дела. Этот дьявол, кем бы он ни был, кроется в деталях. Поговорю с и.о. суперинтенданта, попрошу дать нам еще людей для опроса жителей. Хорошо бы еще максимально распространить фоторобот. Сейчас это изображение есть на сайтах районных участков полиции, но этого недостаточно. Также нужно выложить съемку с Лейси, спросить, не видел ли кто ее или машину. Есть ли новости по Джанель Робинсон? Получилось достать съемку с камер в Кройдоне на парковке, где было обнаружено ее тело?

– Плохие новости, босс. Там глухая зона в плане съемки – жилая застройка, нет ни одного магазина, и автобусные маршруты там не проходят.

– Ладно. Продолжаем работать. Мы все равно найдем его, у меня нет никаких сомнений.

Глава 28

В общем офисе, где работал Дэрил, наступило обеденное время. С 11:30 до 14:00 это безжизненное пространство несколько оживлялось: все открывали принесенную из дома еду, восхищались ее вкусом и обсуждали, в каких кафе и ресторанах лучше всего кормят.

Самыми популярными темами для разговоров днем были предстоящий обед и телепередачи. Работа зачастую уходила на второй план.

Дэрил был оператором базы данных в отделе, где помимо него работали еще трое: постоянно мерзнущая худосочная блондинка Тери, которой было около сорока; занудный лысеющий Дерек – ему было под шестьдесят, и Брайони, их руководитель, – полная женщина тридцати пяти лет, которая в любую погоду и время года носила черные леггинсы и толстый акриловый джемпер с принтами. Любовь к синтетическим материалам не дополнялась у нее соблюдением личной гигиены, поэтому густой и резкий запах пота всегда витал над их отделом, занимавшим квадрат в центральной части большого офиса.

Дэрил работал в этой компании почти три года, но мало с кем общался. Изначально он не рассчитывал оставаться здесь надолго, но лень и удобство постоянного источника дохода сделали свое дело. Высшего образования у него не было, а после нескольких ужасающих попыток поработать на отцовской ферме это место стало для него убежищем и способом продемонстрировать свое неповиновение отцу. После смерти брата Дэрил стал единственным наследником фермы и принял твердое решение никогда не становиться фермером.

Все утро ушло на вбивание в компьютер результатов опроса покупателей, и увидев, что уже без семи час, он свернул экран. Дэрил всегда уходил обедать в час, деля день на две равные части. Напротив него, по другую сторону невысокой офисной перегородки, Брайони что-то читала на мониторе и, как корова, ритмично жевала «Биг-мак». В другой руке она держала чашку дымящегося кофе.

Высокая, привлекательная девушка с бумажным пакетом из кафе в руках подошла к соседнему рабочему месту, сняла куртку и тряхнула длинными темными волосами. Ее звали Катрина, она была новенькая, пришла работать всего неделю назад.

– Это про ту девушку, которую нашли в мусорном баке? – спросила она, показывая на монитор Брайони, которая быстро проглотила то, что жевала.

– Да. Выложили фоторобот убийцы, – сказала она и засунула в рот остаток бургера.

– Где вы это смотрите? – спросил Дэрил, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

Брайони не могла ничего сказать с полным ртом и замахала рукой.

– На главной странице Би-би-си, надо пролистать до середины, – ответила за нее Катрина.

Дэрил загрузил сайт. Он был шокирован тем, что появился фоторобот и подробности дела. Ему-то казалось, что полиция им не занимается! Когда он увидел изображение на экране, ему стало страшно. Страшно и немного интересно. «Кто выдал им Нико?» – подумал он. Сам он всегда был предельно осторожен, включал VPN, чтобы не наследить в интернете. У них не должно быть никаких зацепок. Неужели они нашли телефон Лейси? Или зашли в компьютер? Он глубоко вздохнул. Все в порядке. Если речь только про телефон или компьютер, тогда все в порядке. Он прочитал статью до конца.

– Они арестовали кого-то, но потом его отпустили, – начала рассказывать Брайони, стряхивая крошки с джемпера. – А ведь я сама живу недалеко от Нью-Кросса.

– Да? Где? – спросила Катрина, склонив голову в притворном сочувствии.

– Ну, в паре километров. Дальше по дороге, около Бермондси.

– Не волнуйся. Не думаю, что он нападет на тебя, – сказала Катрина, похлопывая ее по плечу. Брайони посмотрела на нее, изобразив благодарность.

Из статьи Дэрил понял, что составить фоторобот полиции помогла подруга Лейси. Значит, Лейси показывала ей фотографию Нико.

– А ты где живешь, Катрина? – спросила Брайони.

– На западе, – ответила та, садясь и доставая из пакета контейнер с салатом и бутылку воды.

– На твоем фоне я выгляжу крайне невыгодно, – заметила Брайони, посмотрев на свой пакет из «Макдоналдса», весь в жирных пятнах.

– Не говори глупостей. Я сама все время хомячу, – заявила Катрина, откинув прядь идеально лежащих волос.

«Вот заливает!» – подумал Дэрил.

– Я слышала, что на западе очень хорошо, – заметила Брайони.

Катрина кивнула.

– Значит, ты едешь на работу по зеленой ветке? – спросил Дэрил. Катрина посмотрела на него через перегородку, словно впервые заметив.

– М-м-м, иногда, – неуверенно ответила она, заправляя длинную прядь волос за ухо и открывая контейнер с салатом.

Он смотрел ей в глаза и улыбался.

– Дэрил, время час. Разве тебе не пора на обед? – спросила Брайони, стуча по часам.

– Ах, да. «Макдоналдс» или салат... «Макдоналдс» или салат? Ты то, что ты ешь.

Он выключил компьютер и встал, надевая куртку. К краю монитора у него была прикреплена фотография Грендель. Он поправил ее, взял кошелек и телефон, краем глаза наблюдая за Катриной. Он точно знал, где она живет: в маленькой квартирке на Чисвик-Хай-роуд. Она не посчитала нужным ограничить доступ к своему аккаунту на «Фейсбуке». Еще она пользовалась «Инстаграмом» и «Форсквером». Он знал, что у нее никого нет и за прошедший месяц она побывала на двух ужасных свиданиях. На первом она пошла в кино с мужчиной, у которого «руки, как у осьминога». А второй раз отправилась в бар в деловом квартале Кэннери-Уорф с богатым мужчиной из Сити. Там она выпила два коктейля Лонг-айленд. Первый – в 19:30, а второй – в 19:53, если верить отметкам в «Инстаграме». Тогда же она написала, что сомневается, пить ли третий коктейль. Ей не хотелось показаться легкодоступной для нового кавалера. Однако, судя по сотням фотографий, которые Дэрил скачал с ее страницы в «Фейсбуке» на свой жесткий диск, Катрина относилась как раз к легкодоступным.

Накануне он пару часов мастурбировал на ее фото с Хеллоуина в школьной форме и на пляжный снимок в бикини с Ибицы.

Катрина поймала на себе его взгляд и неуверенно улыбнулась. Он улыбнулся в ответ и вышел.

– Время 13:02. Не забудь вписать в график, – крикнула вслед Брайони.

Дэрил вышел из здания и смешался с толпой людей, направлявшихся пообедать на уличную ярмарку Боро-маркет. В приличном костюме и черной куртке он совершенно ничем не отличался от сотен других офисных сотрудников. Его не интересовала Катрина. Вернее, интересовала, но коллега не могла быть подходящей мишенью. Слишком близко, на него могли выйти.

Зато он нацелился на другую девушку, по имени Элла. Ее он нашел несколько месяцев назад. Она работала в кафе «Бэй-Органик» на соседней с Боро-маркет улице, куда он как-то пришел пообедать. Она была красива и чувственна – с длинными темными волосами, оливковой кожей и потрясной фигурой.

Он стал часто заходить туда в обед, чтобы понять ее график работы. Прорыв произошел на шестой раз, когда он платил за салат. Народу почти не было, Элла сидела за кассой и смотрела в телефон. Она улыбнулась ему и, пробивая чек, положила телефон рядом с собой экраном вверх. Там был открыт ее аккаунт на «Фейсбуке», и так он узнал, что ее имя – Элла Уилкинсон.

Он заплатил наличными, и она улыбнулась ему снова – так, как улыбаются младшему брату, и за это он ее возненавидел. Вернувшись на ферму в тот вечер, он заперся у себя в комнате, нашел Эллу в «Фейсбуке» и перетащил ее фотографию к себе на рабочий стол. Прогнав фотографию через программу поиска людей в соцсетях, через несколько минут он уже знал адрес ее электронной почты, где она живет и в каких соцсетях зарегистрирована. Она жила на севере, заочно училась в Сент-Мартинс и имела профиль на сайте знакомств Match.com. Дэрил решил, что все складывается как нельзя более удачно.

Следующие два месяца он посвятил наполнению контентом нового аккаунта на «Фейсбуке»: добавлял друзей, публикации, правдоподобную историю жизни. Также он создал аккаунт на сайте знакомств с такими же предпочтениями, что и у Эллы. Перед ним стояла сложная задача – выбрать человека, чью идентичность он смог бы использовать для своих целей. Наконец, перелопатив множество вариантов, он понял, что оптимальным решением будут профили мертвых людей. В итоге он создал аккаунт под именем Гарри Гордона – красивого блондина, который только что вернулся из-за границы.

Фотографию он взял у Джейсона Уайна из ЮАР, который погиб годом ранее, прыгая с парашютом.

На создание фальшивого аккаунта ушло несколько недель, после чего он начал искать возможность пересечься с Эллоу в сетях. На «Фейсбуке» у нее было 650 друзей, и он изучил их всех, чтобы понять, к кому из них он может постучаться в друзья, не вызывая подозрений. Двое приняли его запрос, и теперь у него и Эллы появились общие друзья.

На следующий день после Рождества Дэрил, то есть Гарри Гордон, отправил Элле сообщение на сайте знакомств. Она заглотнула наживку, и тогда он начал медленно ее раскручивать в мессенджере сайта. Он вел себя совершенно ненавязчиво и отвечал с задержками. Он понял, что она клюнула, когда она добавила Гарри Гордона в друзья на «Фейсбуке». Флирт стал более выраженным, и теперь ему осталось сделать всего один, самый важный, шаг. Гарри Гордон должен был поговорить с Эллоу по телефону.

Дэрил дошел до кафе «Бэй-Органик». Народу было очень много. Элла сидела за кассой, к которой стояла огромная очередь. Он посмотрел на нее и пошел дальше, решив сегодня съесть сэндвич в «Сейнсбери». С сыром и зеленью. Дэрил не расстроился из-за того, что с кафе не получилось. Он поговорит с Эллоу позже, когда ему не придется делить ее ни с кем.

Глава 29

В четверг утром Эрика и ее команда снова собрались в своей рабочей каморке. Усталый Крейн был вынужден признать, что, несмотря на тщательное изучение многочасовой съемки с разных мест, ему не удалось отследить последующие передвижения машины, которая была замечена у паба «Голубой кабан».

– Что ж такое! – воскликнула Эрика. – Этот ублюдок на редкость везуч! Мне дважды начисляли штрафные баллы в права, когда камеры максимально четко засняли, что я одним колесом случайно выехала на выделенную полосу.

– Вот-вот! – поддержал ее Питерсон. – Мою маму тоже поймали в тот самый момент, когда рука у ней была в тубе с чипсами «Принглс» и она съехала на выделенку. Ей дали три балла и оштрафовали на сто двадцать фунтов. На фото даже было видно, что чипсы со вкусом соли и уксуса.

Эрика не смогла сдержать улыбку.

– А что, в реальности вкус был другой?

– Нет, этот! Если тебе доведется познакомиться с моей мамой, ты сразу поймешь почему, – сказал он, откидываясь на спинку стула и потирая глаза от усталости. Повисла неловкая тишина.

– Я благодарю тебя за время, которое ты потратил, Крейн, но у нас по-прежнему нет никакой информации об автомобиле убийцы, – подытожила Эрика. – У кого-нибудь есть для меня хорошие новости?

Джон встал со стула и пошел к маркерной доске с какой-то распечаткой.

– У нас есть сообщение по поводу фоторобота от некоего Джованни Манрика. Он сам из Эквадора, а сейчас живет в районе Илинг.

Джон прикрепил к доске фотографию улыбающегося молодого человека, как две капли воды похожего на фоторобот. Снимок был сделан на пляже.

– Это Сонни Сармиенто. Девятнадцать лет, фанат экстремальных видов спорта из Амбато, города в центре Эквадора. Сонни погиб два года назад, сорвавшись с горы. Джованни – друг семьи, часто ездит на родину. Он узнал лицо Сонни по фотороботу. Также нам ответили

айтишники. Они посмотрели ноутбук Лейси и проанализировали ее активность на «Фейсбуке».

Он разместил на доске скриншот фотографии Сонни, которую Нико Браунли использовал как свое фото профиля.

– Как видите, убийца воспользовался чужой фотографией. Более того, он взял еще шестнадцать фотографий из аккаунта Сонни Сармиенто, в том числе из его поездки с друзьями в Лондон. Аккаунт Нико Браунли был создан 24 сентября прошлого года. Судя по всему, убийца не пожалел времени и сделал его максимально похожим на настоящий: добавил немало друзей, создал ленту публикаций.

– А они могут взломать аккаунт Нико?

– Нет, он его удалил. И IP-адрес тоже не проследить, потому что он использовал VPN. Невозможно определить, из какого места был создан аккаунт.

В комнате воцарилась тишина. Зазвонил телефон, и Мосс взяла трубку.

– Есть информация по мобильному Лейси? – спросила Эрика.

– Ожидаем после обеда, – ответил Джон.

– Что ж, это уже что-то. Изучите активность Лейси на «Фейсбуке» – переписку, публикации. Интересно все, что может пролить свет на то, кто создал этот фальшивый аккаунт под именем Нико Браунли. У кого еще он в друзьях? Свяжитесь с ними.

– Босс, звонили из транспортной полиции, – сообщила Мосс, положив трубку. – Они нашли кофе-велосипед, брошенный у Лондонского моста. Это редкая находка, и они предполагают, что он мог принадлежать Джанель.

Глава 30

Через час Эрика и Мосс были на железнодорожной станции «Лондон-бридж». В переходе их ждал бодрый молодой человек по имени Алан Леонард – проект-менеджер по реновации станции. Он был тепло одет, а с поясной сумки у него свисал защитный шлем. Утренний час пик закончился, и в переходе было немногочисленно.

Эрика представилась.

– А что именно предполагается реновировать?

– Саму станцию, арки под мостом и, конечно, небоскреб «Осколок».

Они задрали головы. Перед ними возвышалась огромная башня из стекла. Одна из ее гигантских чугунных ног-опор стояла на краю пешеходной зоны неподалеку от них.

– Девяносто пять этажей, – Алан попытался перекричать оглушительный бой дрелей, которыми как раз начали что-то штробить. Ощущение было такое, что штробят повсюду. – Высота 309,6 метра.

– Большая часть пустует. И так и будет пустовать, поскольку их выкупят иностранные инвесторы? – прокричала в ответ Мосс.

– Всегда приятно поговорить с живым социалистом.

– Позвольте представиться, инспектор Кейт Мосс, – сказала она, протягивая руку. – И... да, меня правда так мама назвала. И... нет, меня никогда с ней не путают.

Он засмеялся.

– Я все равно скажу друзьям, что жал руку Кейт Мосс. Хотите ли вы прокатиться наверх?

У Эрики начало складываться ощущение, что они на экскурсии, поэтому она решила вернуть беседу к цели их приезда.

– Спасибо, но нам нужно посмотреть на этот кофейный транспорт.

– Пойдемте, и по дороге я все расскажу, – предложил он и сразу направился поперек пешеходной зоны в сторону Тули-стрит.

– Да, большая часть компаний освободили помещения. Основные работы ведутся сейчас под землей. А вообще – это один из самых крупных в Европе проектов гражданского строительства.

Они прошли под нависающим железнодорожным мостом около «Боро-маркет», и перед ними во всей красе предстал оживленный

Саутваркский мост, сразу за которым возвышался одноименный собор. Казалось, его дорисовали позже, решив, что этому городскому пейзажу чего-то не хватает.

– Мы работаем строго по инструкции, – начал рассказывать Алан. – Когда мы что-то рушим, расчищаем или раскапываем, в обязательном порядке составляется опись всего, что было найдено. Утилизация тоже происходит в соответствии с правилами. А ваш велосипед там уже несколько месяцев валяется.

– Где его нашли? – спросила Эрика, когда они обходили перекопанный участок дороги и тротуара. В вырытой яме виднелись невероятно старые проржавевшие трубы.

– А вот и «Лондонская темница». Вернее, здесь этот музей был раньше. Сейчас его перенесли на Южный берег, – пояснил Алан.

Они продолжили путь по Тули-стрит, то и дело штурмуя временные мостки над разрытыми участками тротуара. Проезжая часть была перегорожена, повсюду работали экскаваторы, лежали электрические кабели, а строителям приходилось кричать, чтобы услышать друг друга за шумом оборудования. Пройдя мимо входа на станцию, они подошли к большой заколоченной двери. Над колоннами все еще можно было прочесть надпись «Вход на свой страх и риск».

– Здесь был главный вход в «Темницу», но теперь попасть внутрь можно только через другую дверь, – прокричал Алан.

Они пошли дальше, миновали бар и магазин велосипедов – тоже с заколоченными окнами. Зона проведения работ заканчивалась у перекрестка с тоннелем. Алан отодвинул перегородку, и они ступили на тротуар.

– Нам нужно пройти до середины тоннеля, – сказал он.

Они двинулись вдоль голых и влажных бетонных стен с качающимися лампами. По пути им встретился всего один человек: закутанный в зимнюю одежду мужчина на горном велосипеде.

Алан остановился около проржавевшей служебной двери и достал из поясной сумки ключ. Скрипнув, замок открылся, и они ступили во мрак. Внутри их взорам предстало необычное зрелище: по всей длине помещения – около двенадцати метров – тянулась вымощенная камнями улица викторианской эпохи. Тротуар освещала кованая лампа, отбрасывая вокруг слабый мерцающий свет. Рядом с лампой лежал кофе-велосипед – хитроумное приспособление серебристого цвета с

деревянным ящиком сзади. Перед ним на мостовой валялась куча непонятных вещей, больше похожих на мусор.

– Нужно надеть шлемы, – сказал Алан, взяв два из горки в углу. Эрике и Мосс также досталось по фонарю.

Слева стояла массивная деревянная дверь, закрытая на засов. Было холодно, как в морозильнике.

– Господи! – воскликнула Мосс, направив свой фонарь на кучу, которую они приняли за мусор.

Это был труп женщины, замотанной в грязную одежду. Лицо ее застыло в гримасе боли. Мосс невольно потянулась за рацией, чтобы вызвать наряд, но Эрика положила руку ей на плечо, направив свой фонарь на женщину.

– Мосс. Она не настоящая. Смотри, это восковая фигура.

Они подошли ближе.

– А так похожа на настоящую, – протянула Мосс, вглядываясь в искаженное болью лицо. Из рта у нее торчал гнилой зуб, а из-под серого берета выглядывала прядь волос.

– Здесь располагалась зона, посвященная Джеку-Потрошителю, – объяснил Алан. – Актер в полицейской форме приводил сюда экскурсионную группу и рассказывал про первую жертву этого серийного убийцы. Это – труп Мэри Николз, которую нашли на Бакс-роу в Уайтчепеле.

Эрика перевела фонарь на стену, и они увидели черный дорожный указатель. Даже понимание того, что это всего лишь музей, не помогало Эрике унять волнение. Сердце билось сильнее обычного.

– Это восковая фигура, но ее прототип, сама эта женщина, – реальный человек, – сказала Мосс. – Так же, как и Лейси Грин и Джанель Робертсон.

– Почему все это так здесь и лежит? – спросила Эрика.

– Поскольку в этом районе ведутся строительные работы, музей переместили на Южный берег. А все это будет разрушено на следующей неделе.

Эрике было холодно. Сделав усилие, она сконцентрировала внимание на велосипеде.

– Я ежедневно на связи с транспортной полицией, – продолжил Алан. – Потому что метро и электрички должны нормально

функционировать в течение всего периода строительных работ. Я услышал, что они ищут кофе-велосипед, и вспомнил про этот.

– У вас есть болторез? – спросила Эрика.

Алан пошел в угол и принес оттуда нужный инструмент. Эрика перерезала замок, Мосс открепила его, и они аккуратно открыли деревянный ящик на багажнике. Верхняя его часть откидывалась на сиденье, а два торца раскрывались в стороны, свисая по бокам от заднего колеса. С внутренней стороны на них был напечатан прайс-лист. Внутри ящика на маленькой полочке стояла металлическая кофемашина, мини-холодильник, бумажные стаканчики, специи и коробочка для наличных.

– Ого, – Мосс открыла холодильник и тут же его закрыла. – Молоко здесь явно перележало.

Эрике стало дурно от резкого кислого запаха. Она сглотнула и провела рукой по сторонам кофемашины. Нащупав что-то, она достала айфон.

– Телефон Джанель? – оживилась Мосс.

Под кофеваркой оказалось отделение с аккуратно сложенной одеждой. Там поместилась пара джинсов, несколько топиков и пар нижнего белья. И маленькая сумка для стирки.

– Можно ключ к этому ящику для денег? – спросила Мосс, взяв его с багажника. – Он явно принадлежал Джанель.

Алан наблюдал за происходящим, стоя около запасного выхода.

– А у кого есть доступ к этому помещению? – спросила Эрика.

– Раз в сутки оно патрулируется службой безопасности. Но, поскольку это не самое обычное место и здесь много чего осталось от музея, сотрудники решили, что велосипед – часть экспозиции, как труп женщины и вымощенная улица.

– Они решили, что во времена Джека-Потрошителя можно было купить на улице латте в пластиковом стаканчике? – съязвила Мосс.

– У нас много иностранцев работает, – устало кивнул Алан.

– Вы можете узнать, когда этот велосипед здесь появился? – спросила Эрика.

– Не уверен. Текучка огромная, и мы работаем с разными охранными агентствами. Но я попробую.

– Спасибо.

Эрика оглядела помещение и снова вернулась к фигуре Мэри Николз, лежащей у лестницы.

– Закрываем эту зону. Нужно, чтобы всю ее огородили, а велосипед проверили с особой тщательностью.

Глава 31

Эрика вернулась в Вест-Энд и пришла в кабинет Мелани. На улице уже стемнело.

– Велосипед принадлежал Джанель Робинсон, – доложила Эрика. – Это подтвердила ее подруга, которая работает в молодежном хостеле, где жила Джанель. Также мы нашли ее мобильный, одежду и туалетные принадлежности.

Мелани устало откинулась на спинку стула.

– Подожди, подожди, – остановила она Эрику, подняв руку. – Почему она таскала с собой одежду и гигиенические принадлежности?

– По словам подруги...

– Которую зовут...

– Шадэ Пенс. Она говорит, что у Джанель был бзик, и она нигде не оставляла свои вещи. Это у нее с детского дома осталось.

– Понятно. А что удалось найти на ее телефоне?

– Он сейчас у техников. Мне только что сказали, что и телефон Лейси Грин тоже нашли.

– Где?

– В кустах в пятистах метрах от паба «Голубой кабан». Похоже, его там просто выбросили. Он был выключен. Сейчас его проверяют на отпечатки пальцев.

– Все еще думаешь, что между этими двумя убийствами есть связь? – спросила Мелани.

– Конечно!

На Эрику накатила усталость – и из-за событий последних дней, и из-за неверия Мелани в то, что убийства – звенья одной цепи.

– У тебя есть какие-то доказательства этой теории?

– Мы сейчас прорабатываем версию, что Джанель похитили около тоннеля на Тули-стрит.

– Но нет ничего конкретного, что указывало бы на это? Съёмки с камеры, свидетели?

– Пока нет.

– Этот велосипед могли украсть. Она могла оставить его в тоннеле.

– Это был ее основной источник дохода.

– Да, но пока у нас нет четких доказательств, что ее похитили...

– Ее похитили, Мелани. Джанель и Лейси умерли совершенно одинаково. Их травмы говорят о том, что их мучили несколько дней. Обе потеряли в весе, обе умерли от сильнейшей кровопотери из перерезанной бедренной артерии... Мне нужно больше сотрудников. Если бы у меня были люди, телефон Лейси Грин могли бы найти гораздо раньше. А так его нашли только потому, что сегодня днем сотрудник полиции арестовал двух подростков, которые кололись в этих кустах. И мне пришлось долго уговаривать наших коллег из Кройдона и Саутгейта обойти дома.

– Эрика, у тебя шесть сотрудников и еще четверо помощников в команде.

– Их недостаточно.

– Ты хоть представляешь себе, каково мне? – не в силах скрыть злость, воскликнула Мелани. – Наши ресурсы ограничены. Ты, видимо, думаешь, что я против тебя, но это не так. Сегодня я отстояла Джона МакГори, не дала забрать его из твоей команды.

– Джона? Почему? Что случилось?

– Суперинтендант Йель звонил и просил его вернуть. Все решилось, он остается здесь, но тебе придется работать с тем, что есть.

– А если этот человек снова похитит кого-нибудь?

– Тогда, конечно, Эрика, я все ресурсы брошу на твое направление, – сказала она и повернулась к компьютеру. – На этом все.

Эрика пошла к двери, но снова вернулась.

– Мелани, я уже много подобных дел раскрыла. Не настаиваю, что речь идет о серийном убийце, но здесь явно прослеживается паттерн. Два убийства с интервалом в пять месяцев. А ведь могут быть еще, про которые мы не знаем...

– И мы обе знаем, как это бывает. Он может вдруг исчезнуть. Или убить в следующий раз только через год. Да, я допускаю вероятность, что он может снова похитить девушку, но я не могу планировать бюджет, исходя из если бы да кабы.

– Но это же бред! Целое подразделение по борьбе с терроризмом работает по этому принципу!

– Ну а мы не можем.

Эрика начала ходить взад-вперед перед окном.

– Я прошу согласовать пресс-конференцию, в ходе которой я обращусь к населению и попрошу помощи.

– Фоторобот уже размещен в разделе новостей и в «Твиттере».

– Да разве кто-то ходит на чертов «Твиттер», чтобы помочь полиции раскрыть дело? – закричала Эрика.

– Не забывай, с кем ты говоришь. Я в старшем звании. Пусть я и.о., но...

– Извини. Прошу тебя рассмотреть вопрос о размещении информации не в электронных СМИ.

– Информации о ком? – поинтересовалась Мелани.

– Джанель и Лейси. Я не призываю снимать специальную программу про эти убийства. Достаточно будет пресс-конференции и репортажа в новостях. Если у нас не хватает своих ресурсов, давайте призовем на помощь население. Дадим людям пищу для ума. Попросим проявлять бдительность.

– И предоставим возможность СМИ спекулировать на том, что мы не можем поймать очередного серийного убийцу.

– Я не думала упоминать серийного убийцу. Сейчас и так в СМИ много всего. Людям важнее, кого выберут президентом США. Вряд ли они обратят внимание на еще одну страшилку.

Мелани рассмеялась.

– Я знаю, на тебя сейчас отовсюду сыпятся проблемы, – продолжила Эрика. – Но не будем забывать, что одна из задач полиции – предотвращать преступления. Помоги мне сделать так, чтобы этот козел больше никого не убил.

– Хорошо, хорошо. Подумаю, что можно будет сделать.

– Спасибо.

– Кстати. Похороны Спаркса – в следующий четверг в два. Храм Святого Михаила в Гринвиче.

– Он был верующим? Будет погребение?

– Да, он был католиком, – кивнула Мелани. – Думаю, людей будет много. Многие просят их отпустить в этот день. Ты пойдешь?

– Подумаю, – ответила Эрика, отводя глаза от того места на ковре у стола, где он упал. – И еще одно. Ты случайно не связывалась с Маршем?

– Нет. Но брифовала и.о. капитана Мейсона. Его назначили временным исполняющим.

– В смысле – «его назначили»?

– После отставки Марша. Ты не в курсе?

– Нет. Я пыталась до него дозвониться. Почему его отправили в отставку?

У Мелани зазвонил телефон.

– Извини, я не знаю. Мне нужно ответить. Закроешь дверь, когда будешь выходить?

Эрика вышла в общее помещение, где, несмотря на поздний час, многие по-прежнему были на рабочих местах. Значит, Марша уволили. Почему он ей не сказал? Она достала телефон и снова набрала его номер, и снова услышала автоответчик.

Глава 32

Вечер субботы. После телефонного разговора с Эллоу события стали развиваться стремительно. Она поверила, что говорит с Гарри Гордоном, и сказала, что очень хочет встретиться вживую. Дэрил понимал, что нужно пользоваться коротким всплеском ее энтузиазма. Пока она на эмоциях, ей легче управлять. Он предложил ей встретиться недалеко от ее дома, в районе станции метро «Энджел» на севере Лондона. Место было подходящее – здесь модные бары и рестораны соседствовали с жилой застройкой. Близость к центру означала нешуточные риски, но Дэрил считал, что у него замечательные перспективы. В результате его манипуляций Элла пребывала в иллюзии, что это она инициирует все процессы и контролирует ситуацию: сама добавила его в друзья, сама предложила поговорить по телефону, а затем встретиться. А если место встречи будет в ее районе, то она совсем расслабится.

В 19:40 он повернул на Уэстон-стрит и обрадовался, увидев, что улица почти безлюдна. От этой тихой улочки было недалеко до станции метро «Энджел», и в ее конце располагался трендовый инди-бар. Именно такое классное молодежное место для первого свидания выбрал бы привлекательный мужчина по имени Гарри Гордон. Снег начинал таять, колеса ехали по жиже. Дэрил заранее проверил, где расположены камеры наблюдения, и построил маршрут так, чтобы их избежать. Ему удалось объехать все, кроме камер на въезде в платную зону. Но они представляют угрозу, только если его машину будут прицельно искать. На той улице, где он договорился встретиться с Эллоу, и на соседних улицах камер не было. Если никто не увидит, как он кладет ее в багажник, то до самого дома он в безопасности.

Дэрил проехал мимо бара, около которого они договорились встретиться, на углу главной дороги и тихой жилой улицы. Во многих домах горел свет, но на улице было холодно, и в субботу вечером, когда погода плохая, у людей есть занятия поинтереснее, чем смотреть в окно. Увидев в зеркало заднего вида такси, он замедлил ход и остановился, чтобы пропустить его. Улица снова опустела. Он вцепился в руль руками в перчатках и сделал несколько глубоких вдохов.

У него будет только один шанс. Объехав квартал несколько раз, Дэрил припарковался за сто метров до бара, выключил фары и заглушил двигатель. В баре играла музыка, но все равно было довольно тихо. Окна, подсвеченные красным, отбрасывали блики на заснеженный тротуар. На входе дежурил огромный охранник в толстом пуховике и шерстяной шапке, но он не отрывал глаз от телефона.

Шли минуты. Дэрил ждал в темноте. Машина остывала, на холоде от дыхания шел пар. И вот появилась она.

Элла Уилкинсон шла по улице. Она была в длинной шубе и в сапогах. На плече висела сумка. По спине струились длинные темные волосы. Деловой походкой она шла в сторону бара. На ней не было ни шарфа, ни шапки. Было очевидно, что она хочет продемонстрировать свое тело, хочет, чтобы его высоко оценили.

Он завел машину и подъехал к углу, у которого стояла Элла. Сердце готово было выскочить из груди. «Она пришла! Она пришла встретиться со мной!» – подумал он и тут же разозлился: ведь это с Гарри Гордоном она пришла встретиться. Включив правый поворотник, Дэрил свернул в переулок и остановился. Вход в бар был прямо за углом, красный свет окон освещал Эллу, одиноко стоящую в темноте на заснеженном тротуаре. Ее шуба была из искусственного меха – он это знал точно, потому что она была противницей натуральных мехов. На плече висела черно-белая сумочка. Длинные волосы закрывали спину. Она перенесла вес на другую ногу и посмотрела на часы. От ее красоты захватывало дух. Дэрил вспотел даже в холодной машине.

Из-за поворота показалось такси. Пока оно проезжало мимо, Дэрил потянулся к бардачку и достал карту. Под ней был слеппер – обтянутая кожей дубинка с белыми швами. Достаточно тяжелая. Он проверил дорогу. Его машина стояла в неосвещенной зоне всего в нескольких метрах от угла. Ни в одном из соседних домов не было света в окнах.

Он глубоко вздохнул. Оставалось совсем немного времени... Нужно просто встать и пойти. Сердце забило, ему стало дурно от зашкаливающего адреналина. Дэрил взглянул на Эллу и, спрятав слеппер под картой, открыл дверь и вышел.

Глава 33

Элла посмотрела на часы. Было пятнадцать минут девятого. Гарри сказал, что будет в восемь. Она уже очень замерзла. Вдобавок ко всему улица была безлюдная. За ее спиной у входа в бар стоял охранник, но он был поглощен игрой и почти не отрывался от экрана телефона. Слышался тихий гул голосов и стук бильярдных шаров. Она повернулась к бару, и охранник оценивающе окинул ее взглядом с ног до головы, уделив особое внимание обтягивающим джинсам и глубокому вырезу черного топа. Она снова отвернулась и застегнула шубу. В сердце нарастала тревога.

Пока Элла собиралась на свидание, ее соседка Мэгги лежала в пижаме перед телевизором и ждала, когда начнется программа «Голос».

– Элла, надень хотя бы шарф и шапку. Ни один мужчина не стоит воспаления легких, – наставляла подруга, глядя поверх маленьких круглых очков.

– Сегодня он впервые увидит меня вживую. Хочу выглядеть еще лучше, чем на фотках, – ответила она, прикрывая рукой ложбинку в вырезу топа. – Первое впечатление – самое важное.

– Его первое впечатление будет такое, что тебя можно брать голыми руками, – заметила Мэгги. – Напиши мне, когда придешь туда. И напиши, если не придешь ночевать.

– Конечно.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Почувствовав на себе взгляд охранника, Элла открыла сумку и стала искать телефон.

– Прошу прощения, – послышалось за спиной. Она обернулась. У угла здания в темноте стоял мужчина, похожий на типичного ботаника-неудачника. На нем был плохо сидящий черный костюм и бабочка в горошек. Она проигнорировала его и углубилась в телефон.

– Прошу прощения, эй! Вы не могли бы мне помочь?

Он сделал шаг к фонарю, и она снова повернулась к нему. В руке у него была карта.

– Я ищу тематический паб «Хулиганы». Пою там сегодня на вечеринке в честь дня рождения.

«Ты больше похож на плохого комика, чем на певца», – подумала она.

– «Хулиганы» дальше, в сторону метро, – сказала она, небрежно махнув рукой в нужном направлении. Руки у нее онемели от холода. Она вернулась к телефону и открыла сообщения.

– Извините за навязчивость, но я совсем не знаю Лондон. Можете показать на карте? – попросил он. Он стоял, развернув карту на крыше собственной машины, и нелепо пытался справиться с ней на холодном ветру. – Мне нужно уже на сцене стоять. Имениннице девяносто лет. Надеюсь, она не умрет до моего прихода! – он улыбнулся и посмотрел на Эллу.

Вопреки всему, она тоже улыбнулась.

– Ладно. Но только быстро. Я замерзла, – сказала она, возвращая телефон в сумку и направляясь в его сторону. – У вас разве нет GPS?

– Наверное, есть, но я не в ладах с техникой, – объяснил он, складывая карту. – Я не здешний. Могли бы вы мне показать... я опаздываю...

– Зачем вы убираете карту? – в недоумении спросила она.

Он свернул карту в маленький квадрат и положил на крышу.

– Гарри не придет.

– Что?

Он не сводил с нее глаз, и простоватое дружелюбное выражение его лица вдруг сделалось жестоким. Она не успела произнести и слова, как он поднял руку, и она почувствовала удар в затылок. Дальше наступила темнота.

Глава 34

Дэрил успел поймать Эллу, прежде чем она упала на мостовую. Не теряя ни секунды, он подтащил ее к багажнику, открыл его и аккуратно положил ее на темно-зеленые полотенца, заранее расстеленные на дне.

В баре по-прежнему было тихо, но улочка осветилась светом фар, и он быстро захлопнул багажник. Мимо пронеслась машина, свернула на ближайшем перекрестке и исчезла из вида. Тут Дэрил заметил туфлю Эллы на дороге. Он поднял ее и сел в машину.

Его охватили противоречивые чувства. Казалось бы – нужно было просто быстро ударить ее, положить в машину и уехать, но он не мог не полюбоваться ее красотой. Никогда еще он не видел так близко ее зеленые кошачьи глаза, не вдыхал аромат ее духов, смешанный с запахом шампуня. Он пах манго. Очевидно, она готова была из кожи вон вылезти ради Гарри.

Дэрил завел двигатель и поехал – прямо и налево, в конец тупикового проезда, где стоял гаражный комплекс. Остановившись на неосвещенном участке, он вышел и открыл багажник. Элла лежала на боку и стонала, закатив глаза. Он ударил ее по лицу – дважды. Из носа потекла кровь, и в третий раз он бить не стал. Достав фланелевый платок с вышитыми на нем собственными инициалами, он засунул его ей в рот и заклеил малярной лентой, дважды обернув вокруг затылка. Туго связал ее запястья и щиколотки, надел на голову холщовый мешок и замотал на шее. Пошарив в карманах шубы и в сумке, которая все еще болталась на руке, он нашел ее телефон, выключил его и снова положил в сумку. Накрыл ее одеялом и закрыл багажник, предварительно бросив туда туфлю.

Дэрил огляделся. В одном доме на втором этаже горел свет. Он прошелся до конца гаражей и выкинул ее сумку на узеньком замусоренном проулке. После чего вернулся в машину, отрегулировал зеркало заднего вида, развернулся и отправился в долгий путь на ферму.

Глава 35

Когда он выехал на шоссе M25, снова пошел снег. Несмотря на поздний час, машин было много. Сам он держал дистанцию, но маленькая голубая «Хонда» сзади так и норовила прижаться поближе. Видимо, водителю не терпелось добраться домой, как и самому Дэрилу. Каждый раз, когда скорость потока увеличивалась, он опасался, что автомобиль за ним не учтет состояния дороги и въедет ему в зад.

Расслабиться он смог только на перекрестке с M20. Трасса была пуста, за исключением пескорозбрасывающей машины на второстепенной дороге. Он миновал ворота на ферму и еще несколько минут двигался по тихой безлюдной колее. Стеклоочистители старались изо всех сил, но шел такой сильный снег, что почти ничего не было видно, и он чуть не проехал нужные ворота. Вывернув руль, он ударил по тормозам. Машина замедлила ход, но избежать удара о металлические прутья забора не удалось.

– Черт! – выругался Дэрил и выскочил из машины. Бампер был немного деформирован и поцарапан. – Черт!

Проехав за ворота, Дэрил их снова закрыл.

Он планировал преодолеть оставшиеся восемьсот метров с выключенными фарами, но видимость была ужасная, а застрять в канаве не хотелось. Эти последние сотни метров показались ему бесконечными – машину подкидывало, колеса залипали и прокручивали на снегу. Наконец, за деревьями показалось здание сушильни. В свете фар круглая башня с трубой выглядела серой и враждебной. Подъехав к ней, он выключил фары и заглушил двигатель.

Ветер носился по полю и завывал, продираясь сквозь узкие отверстия трубы. Дэрил дождался, пока глаза привыкнут к темноте, и взял с заднего сиденья металлический блокиратор руля. Когда-то Джанель Робинсон застала его врасплох, начав биться и царапаться в тот момент, когда он открыл багажник и попытался ее достать. В августе, когда он похитил ее, у него не было четкой схемы действий, а она вдруг оказала сильное сопротивление и чуть не вырвалась.

Он подошел к багажнику, смел снег и прислушался. Ни звука. Сжав блокиратор в руке, он открыл дверцу. Снег сразу же начал запорошивать одеяло. Откинув его, Дэрил не сразу понял, дышит она или нет. Он снял с ее головы мешок и увидел, что Элла очень бледна. Когда он нажал блокиратором на ребра, она слабо застонала.

– Сейчас я тебя вытащу, – громко сказал он, стараясь перекричать завывания ветра. – Если будешь вести себя хорошо, получишь ночлег и немного воды.

Просунув одну руку ей под шею, а вторую – под ноги, он вытащил ее. Она была выше и тяжелее, чем он ожидал. По глубокому снегу он с трудом прошел к массивной металлической двери. Опустив Эллу на землю, он вытащил связку ключей, нашел нужный и открыл навесной замок. Внутри было холодно, но все-таки выше нуля. Снова подняв Эллу на руки, он вошел и локтем включил свет.

В центре круглого помещения стояла истопочная камера с маленькой дверью. Когда-то в ней разжигали огонь. Ее стены поднимались вверх на высоту около двух метров, а к потолку расширялись, как воронка. Дэрил открыл дверь ногой. Внутри камеры стоял куб из красного выжженного огнем кирпича без окон, размером три на три метра. На нем лежала толстая металлическая решетка, за которой начиналась кирпичная воронка. Через нее поднимался жар, сушивший хмель в маленькой камере наверху. Над камерой располагались вентиляционные отверстия и колпак.

В центре камеры Дэрил поместил большую клетку, которую когда-то использовали, чтобы возить Грендель к ветеринару. Дно было выстлано полотенцами. Нагнувшись, он положил Эллу в эту клетку и отодрал от ее рта скотч. В темноте он смог рассмотреть, что ее нос покрыт запекшейся кровью. Она застонала.

«Еще жива», – понял он.

С одной стороны клетки висели две цепи и два замка. Одну он надел ей на шею, обмотал вокруг прутьев и запер на замок. Затем взял из угла клетки двухлитровую бутылку воды и поставил рядом с ней.

Выйдя из клетки, он подошел к столу и открыл маленький оранжевый пластиковый контейнер. Набрав в 10-миллиметровый шприц кеталар, он вернулся и увидел, что Элла открыла глаза и водит ими вокруг, не понимая, где она. Попытка что-то сказать не удалась – во рту пересохло. Он открыл бутылку воды и дал ей попить.

– Давай, пей, это вода.

Она сделала глоток.

– Кто ты? – прохрипела Элла. – Где я?

– Я сейчас задеру рукав, – предупредил он, закатывая вверх толстый рукав ее шубы.

– Где я? – повторила она. – Пожалуйста. Почему вы это делаете?

Он придавил своими коленями ее согнутые ноги, и она пискнула. Свободной рукой прижав ее к металлическим прутьям, Дэрил медленно ввел препарат в вену. Вытащив иглу, он зажал вену большим пальцем. Она застонала и закатила глаза.

Когда Элла обмякла, он убрал палец, слизав с него каплю ее крови. Взяв вторую цепь, он обвязал ее запястья и приковал к противоположной стене клетки. Снова заклеил рот скотчем и подоткнул одеяла.

– Вот. Отдыхай. Собирайся с мыслями. Ты на свидании с Гарри. Гарри Гордоном, – улыбнулся он.

Выйдя из камеры, он закрыл за собой дверь, повесил замок и поехал домой.

В прихожей к нему подбежала Грендель и лизнула ему руку. Родители смотрели телевизор в гостиной. Отец сидел с прямой спиной в своем кресле у окна, а мать лежала на диване с большим стаканом джина с тоником. Они смотрели сериал «Инспектор Морс».

– Все в порядке, дорогой? – спросила Мэри, не отрывая взгляда от экрана. В камине горел искусственный огонь, отбрасывая красные отблески на стену с телевизором. Вдруг картинка на экране исчезла и экран почернел.

– Что ж такое! – воскликнула она.

– Так, посмотрим, кого принесло, – сказал Джон, взяв в руки пульт и с интересом подавшись вперед.

Мэри неуверенно встала и нетвердой походкой пошла к маленькому бару у окна. Камеры наблюдения на главных воротах и на участке активировались датчиками движения, и картинка с них сразу же передавалась на экран телевизора в гостиной.

– Дорогой, наполни, пожалуйста, – попросила Мэри, протягивая Дэрилу небольшое ведерко для льда.

Белый микроавтобус остановился перед воротами на ферму. Джон еще сильнее наклонился вперед. Ворота стали открываться. План

сменился, и на экране появился вид сбоку. Водитель и пассажир вглядывались вперед, пытаясь различить дорогу и решая, что делать дальше. Камера ночного видения отображала их в зеленом цвете, а вместо глаз были два белых круга.

– Лучше им будет поехать своей дорогой, – сказал Джон.

Микроавтобус остановился, медленно подал назад и уехал. Ворота захлопнулись. На экране возобновился «Инспектор Морс».

– Гастарбайтеры, – презрительно сказал Джон. – И чего их сюда принесло?

– Может, они потерялись, – отозвалась Мэри, укладываясь на диван.

– Ничего странного не видел, когда возвращался? – спросил Джон у Дэрила, который пошел за льдом.

– Ничего.

– Хорошо провел время в пабе? – спросила Мэри.

– Да, встретились с товарищами...

Он не стал продолжать. Оба родителя были увлечены сериалом с придуманным убийством и совершенно не подозревали о страшной реальности за оградой их собственного участка.

Глава 36

Ранним воскресным утром Эрику разбудил телефон. Она открыла глаза и увидела рядом с собой мускулистую спину Питерсона. Она осталась ночевать у него во второй раз, и не сразу вспомнила, что ее телефон заряжается не рядом с кроватью, а на кухне. Как только она подошла и взяла его в руки, он перестал звонить. Это был Крейн. Она перезвонила.

– Босс, я нашел Джанель Робинсон на записи с камеры наблюдения. Думаю, именно тем вечером она и исчезла.

– Ты где?

– В участке, я не уходил со вчерашнего дня.

– Хорошо, еду к тебе. Привезу завтрак.

Питерсон зашел в кухню, с сонным видом надевая пижаму.

– Кто это был?

– Крейн. Говорит, что у него есть видео похищения Джанель. Поеду туда, – сказала Эрика, поворачивая кран в раковине. Она налила воды и уже начала пить, когда заметила, что шторы не задернуты. Две старушки стояли на остановке прямо перед окнами, смотрели на нее и что-то оживленно обсуждали. Взглянув вниз, она поняла, что на ней только трусы.

– Черт! – выругалась она и пригнулась. Питерсон подошел к окну и, смеясь, задернул шторы.

– Не смешно!

– Это миссис Харпер, соседка. Скорее всего, едет в церковь продавать цветы.

– Отлично. Теперь мне будет стыдно ей в глаза посмотреть.

– Ну, в целом, она уже все видела, – смеялся Питерсон. Он подошел к Эрике, забрал у нее стакан и поцеловал. – Я рад, что ты осталась.

– Я тоже.

Эрика изо всех сил старалась побороть чувство вины. Вины за то, что ей было хорошо. За то, что на несколько часов она забыла о Марке. Взглянув на Питерсона, она поняла, что он читает ее мысли.

– Поехали, – сказал он.

Через час они уже входили в участок, неся горячий кофе и выпечку. Их встретил Крейн с всклокоченными волосами и двухдневной щетиной.

– Спасибо, очень хочется есть, – сказал он, доставая из пакета круассан с шоколадом и откусывая сразу половину. Он подвел их к своему лэптопу и открыл видео.

– Это камера на крыше одного из домов на Бермондси-стрит. А это – улица, которая ведет в тоннель с противоположной стороны от Тули-стрит. Съемка сделана в среду, двадцать четвертого августа.

Он нажал на воспроизведение. Сначала они видели только пустую дорогу, а потом в кадр на кофе-велосипеде въехала девушка с длинными русыми волосами. Через мгновение она исчезла в тоннеле. Согласно временной отметке на видео, было 19:32. Через несколько секунд за ней в тоннель въехала красная машина.

– Вернись на секунду, – попросила Эрика.

Крейн отмотал видео до момента, когда машина приближалась к тоннелю.

– Стоп, вот здесь.

– Черт, номера не видны, – сказал Питерсон.

– Да. Машина и номер грязные.

– Твою мать! И никто его не остановил? – воскликнула Эрика.

– Подожди, смотрим дальше, – сказал Крейн. Когда машина на видео въехала в тоннель, он открыл на экране лэптопа еще одно окно воспроизведения. – Это – съемка камеры с противоположной стороны тоннеля. Я ставлю оба видео на одну и ту же отсечку – 19:31.

На видео слева Джанель въехала в тоннель, и через несколько мгновений за ней проследовала машина. Они переключились на видео справа. Крейн включил ускоренный просмотр до 19:48. Красная машина выехала из тоннеля. Одна.

Эрика не сводила глаз с монитора. По спине у нее бежали мурашки.

– Сколько еще времени ты отсмотрел с обеих камер?

– Двадцать четыре часа. Ни девушка, ни велосипед не выезжали ни с одной, ни с другой стороны тоннеля.

– Значит, этот урод положил ее на заднее сиденье или в багажник, – заключила Эрика.

– А куда дальше едет машина? – спросил Питерсон.

– Водитель старается объезжать камеры на въезде в платную зону. Попробую проследить его передвижения в Лондоне, но это займет время. Будем надеяться, что его где-то останавливала полиция за езду с нечитаемыми номерами и выписывала штраф.

– Ему везет, ведь в центре Лондона избежать камер практически невозможно, – сказала Эрика.

– А он уже дважды умудрился въехать и выехать из него так, что мы не можем засечь номера, – сказал Питерсон.

– Специально пачкает номер, да? Рисковый, – отметила Эрика.

– Но он занимается похищением женщин, а это гораздо больший риск. Адреналин у него должен зашкаливать. Но пока ему везет, – признал Питерсон.

– Рано или поздно везение закончится. И в этот момент мы должны будем стоять в нужном месте и ждать.

Эрика снова и снова смотрела, как вслед за Джанель в тоннель въезжает красный автомобиль. Они уже никогда не узнают, что было с ней в эти семнадцать минут. Она словно испарилась.

Глава 37

В воскресенье Мэгги, соседка Эллы Уилкинсон, проснулась поздно. Накануне она легла рано, но все равно проспала все утро. Когда она вышла из своей комнаты в коридор, везде было тихо. Для воскресного утра это было абсолютно нормально, если бы не тот факт, что на ее телефоне не было пропущенных звонков и сообщений и дверь в комнату Эллы была открыта. Мэгги прошла мимо деревянной стойки с полотенцами, которые они обычно брали, когда шли в душ. Комната Эллы была рядом с ванной. Мэгги постучала и заглянула в комнату. Постель была заправлена, и на ней так и валялась одежда, которую Элла примеряла накануне вечером, решая, что надеть на свидание. Дуг, третий сосед, уехал на выходные со своей девушкой, и дверь его комнаты тоже была открыта. Мэгги встала наверху лестницы, и ее охватило дурное предчувствие. Она постаралась выбросить его из головы и спустилась в кухню.

Утром и днем она несколько раз звонила Элле, и, когда та продолжила не брать трубку, ее предчувствие сменилось паникой. Обычно Элла не отлипала от телефона. И она бы написала ей, что не приедет ночевать.

В пять вечера, когда стало смеркаться, Мэгги надела пуховик и пошла в бар. Дверь была заперта, но она посмотрела в окно и увидела, как женщина в желтых перчатках моет пол, а молодой человек ставит бутылки в холодильник. Она постучала в окно. Сначала они намеренно не обращали на нее внимания, но она продолжила настойчиво стучать, и тогда женщина подошла и открыла дверь.

– В чем дело? – резко спросила она.

– Прошу прощения. Я живу рядом. Моя подруга приходила к вам вчера вечером и до сих пор не вернулась домой.

– Сколько ей лет? – спросила женщина. У нее было сморщенное, как бывает у курильщиков, лицо и короткие седые волосы.

– Двадцать.

Женщина усмехнулась.

– Наверняка с кем-то познакомилась. Все, мне пора работать.

Она уже хотела закрыть дверь, но Мэгги подняла руку.

– Нет. Так не пойдет. Можно я спрошу у бармена? У меня есть фото подруги.

Женщина недоверчиво оглядела Мэгги, но, решив, что девушка в пуховике и пижамных штанах угрозы не представляет, открыла ей дверь.

Сейчас, на закате дня, в этом обычно многолюдном баре было тоскливо. На столах стояли перевернутые стулья, и везде пахло моющим средством.

– Сэм, девушка хочет у тебя кое-что спросить, – коротко сказала женщина и, взяв в руки пластиковое ведро, пошла с ним к двери за баром.

Сэм оказался симпатичным парнем с кольцом в носу и выбеленными волосами. Он приветливо улыбнулся Мэгги.

– Как выглядит ваша подруга? – спросил он с мягким австралийским акцентом.

– Вот, это она, Элла Уилкинсон, – Мэгги показала ему телефон с фейсбучной фотографией Эллы. Она смутилась, осознав, что говорит с красивым барменом, стоя в пуховике и пижаме. – Она должна была прийти сюда вчера в восемь вечера. Она здесь была?

Он посмотрел на фото и покачал головой.

– Нет. Она красивая, я бы ее запомнил.

– Вы уверены, что ее здесь не было?

– Да, – он взглянул на ее встревоженное лицо и взлохмаченные волосы. – Охранник, который вчера работал, только что пришел. Подождите, я его позову.

Сэм подошел к двери, за которой исчезла уборщица, и позвал некоего Романа. Через некоторое время показался крупный мужчина со сросшимися бровями и бритой головой. В руках он нес дымящуюся тарелку с лапшой.

– Чта? – спросил он с ярко выраженным русским акцентом.

Сэм объяснил ситуацию и подвел его к Мэгги. Роман взял телефон большой волосатой рукой и внимательно посмотрел на фотографию.

– Да, она шдала на улице фчера.

– А внутрь не заходила? – спросила Мэгги.

– Не знау. Я работал.

Он сунул в рот вилку с лапшой и ушел. Сэм виновато улыбнулся.

Мэгги вышла из бара. Темнело. Она оглянулась вправо и влево, не зная, что делать дальше. Еще раз набрав номер Эллы, она услышала автоответчик. Увидев, что соседняя с баром улица – тупиковая, Мэгги пошла по ней и оказалась у гаражей. Подняв повыше воротник пуховика, она не останавливаясь дошла до последнего.

– Это глупо. Она, наверное, сексом весь день занимается, – пробормотала Мэгги.

Уже собираясь повернуть домой, она увидела что-то белое на земле у деревьев. Переступая через старые кирпичи и мусор, Мэгги подошла ближе и увидела сумку. Сумку Эллы. Спереди на ней была кровь. Открыв сумку, она нашла там кошелек, ключи и телефон подруги.

Она прижала сумку к груди и заплакала.

Глава 38

В понедельник Дэрил проснулся рано утром и повел Грендель на прогулку. Было темно, дул легкий ветер, сдувающий сухие, как песок, крупинки снега. Дойдя до сушильни, он отпер дверь, и Грендель ворвалась внутрь, обнюхивая холодный воздух у входа в камеру. Теперь завывания ветра доносились откуда-то сверху.

Он включил свет и открыл дверь в камеру. Элла пошевелилась, моргнула и начала выть в унисон с ветром. Она дрожала, один глаз распух и не открывался. Грендель обежала клетку и стала нюхать голову Эллы. Девушка, прикованная к клетке за шею и запястья, попыталась отдернуть голову от решетки, и Грендель зарычала.

– Пожалуйста, не надо... – застонала она.

– Все нормально. Она ничего не сделает, – сказал Дэрил.

Элла следила за ним взглядом, с трудом поворачивая голову. Он подошел к Грендель и потрепал ее по холке.

– Подними руки.

– Нет, нет, нет, больше не надо, пожалуйста.

– Я не сделаю тебе больно. Подними руки. Сейчас же.

Она подняла окровавленные руки с грязными ногтями и подпрыгнула от неожиданности, когда он бросил в клетку маленькую бутылку воды.

– Возьми и выпей.

Связанными руками Элла взяла бутылку и убедилась, что пробка не вскрывалась. Зажав воду между коленями, она, морщась от боли, начала ее открывать. Цепь впивалась в кожу от каждого движения.

– Спасибо, – выдохнула она, напившись. Дэрил встал напротив. – У моих родителей есть деньги. Они заплатят.

Он сел на корточки и посмотрел на нее. Свет из внешнего помещения попадал и сюда, и решетки клетки отбрасывали тени ей на лицо.

– Мне не нужны деньги. Твоя подруга о тебе беспокоится.

– Подруга?

– Блондинистая шлюха, с которой ты работаешь в кафе. С пошлыми татушками на запястьях.

– Сериз? Откуда ты ее знаешь?

– Я знаю ее, потому что знаю тебя. Ты думаешь, я тебя случайно с улицы забрал? Совсем меня не помнишь, да?

Она стала водить своим единственным здоровым глазом, пытаясь вспомнить, где она его могла видеть.

– Я столько раз приходил в кафе обедать. Ты всегда мне улыбалась, спрашивала, как у меня дела.

– А, да. Теперь вспомнила.

– Как меня зовут?

– Я, я... – Она замотала головой, и из глаз потекли слезы.

– Давай, Элла. Ты столько раз писала мое имя на стакане с кофе. Столько раз...

– Я знаю. Просто я устала и хочу есть...

– Врешь! – закричал он, стукнув кулаком по верху клетки. – Чертова врушка! Не знаешь ты меня! Тебе плевать на меня!

Грендель начала лаять и бегать вокруг клетки.

– Мне не плевать. Я могу узнать тебя получше и почувствовать что-то к тебе, если ты дашь мне шанс. Я могу, я уверена...

Дэрил вскочил и заходил вокруг клетки, как Грендель.

– Мы разговаривали с тобой, Элла. Я говорил тебе, что живу на ферме, что у нас молоко настоящее. Рассказывал тебе про свою собаку. Но ты – такая же, как все.

– Нет. Клянусь, я не такая.

– Такая. Еще одна красивая сучка, которая только играет с мужчинами. Ты делаешь вид, что мы тебе нравимся, но это не так. Ты просто хочешь поиграть. Использовать нас! – орал он на нее, выпучив свинячьи глаза. Грендель лаяла в унисон. Наконец Дэрил замолчал, успокоился и снова сел на корточки рядом с клеткой. Казалось, он полностью овладел собой.

– Элла, – сказал он, подавшись к ней. – Если бы ты хотя бы вспомнила, как меня зовут, я бы тебя отпустил. Но нет. Ты умрешь, Элла.

Она плюнула ему в лицо.

– Чертов уродец. К тебе ни одна женщина никогда не подойдет! – закричала она.

Он подошел к ней сзади и потянул на себя цепь. Шея Эллы прижалась к прутьям клетки, и она начала задыхаться. Ослабить цепь не удавалось – оковы на запястьях не давали рукам дотянуться до шеи,

не хватало всего нескольких сантиметров. Когда ее лицо стало синеть, Дэрил ослабил хватку, и она упала на пол, кашляя и задыхаясь. Он пошел к двери, открыл ее, и Грендель выбежала наружу.

– Никто тебя не ищет. Ты никому не нужна, – бросил он ей на прощанье. Он вышел, выключил свет, закрыл входную дверь, повесил на нее замок и пошел за Грендель к озеру.

На ферму Дэрил вернулся в семь, позавтракал и сел на восьмичасовую электричку до Лондона.

В обед он отправился в кафе «Бэй-Органик». У салат-бара было многолюдно. Он задержался около корзинок с хлебом, подслушивая, как, сидя за кассой, Сериз разговаривает с мужчиной, которого Дэрил принял за управляющего.

– Сложно что ли трубку взять? – говорила она.

Сериз была немного похожа на Эллу, но сильно уступала ей в привлекательности. Управляющий, с небрежно спадающими на лицо темными волосами, был красив. Он менял чековую ленту в кассовом аппарате и что-то промычал ей в ответ.

– Элла безответственная, – не успокаивалась Сериз. – Студенты живут в иллюзорном мире вечеринок и выпивки. Я даже слышала, что она что-то говорила про наркотики.

Сериз положила одну руку на бедро, а другой теребила прядь светлых волос. «У нее один интерес – залезть к нему в штаны», – подумал Дэрил и подошел к кассе. Управляющий как раз закончил с лентой.

– Мне порекомендовал Эллу друг ее семьи, – сказал он Сериз. – Она ответственная. Не понимаю, почему она не позвонила. Я их наберу.

Сериз повернулась к Дэрилу, не в силах отвести взгляд от начальника, который направился в подсобное помещение.

– Можно мне маленький капучино? – попросил Дэрил.

– Как вас зовут? – спросила она, взяв бумажный стаканчик и черный маркер.

– Шлюха.

Она начала писать, а затем недоуменно взглянула на него.

– Прошу прощения, как вас зовут?

– Фамилия – шлюха, а имя – Сериз.

Она застыла с маркером, не понимая, что происходит, и впервые осмысленно взглянула на него.

– Только я ошибся, это твое имя. Шлюха Сериз. Твой управляющий – женат. У него двое маленьких детей. Подумай об этом.

Дэрил вышел на улицу, оставив ее с открытым ртом. Он понимал, что только что совершил идиотский поступок, но выражение ее лица стоило того. Все женщины – шлюхи, и с ними нужно вести себя соответствующе.

Он подумал об Элле. Все случится этой ночью.

Глава 39

Эрике выделили маленький отдельный кабинет в самом конце этажа. Туда поместился только стол, стул и небольшой шкаф для документов. Узкое окно выходило во двор. Она не проводила в кабинете много времени, предпочитая находиться со своей командой в их комнатке со стеклянными перегородками, но сейчас, когда на носу была пресс-конференция, ей понадобилось личное пространство, чтобы продумать свою речь. Ей были глубоко небезразличны жертвы. Как и во многих других убийствах, которые она расследовала в прошлом, ее возмущали не только страшные обстоятельства смертей, но и то, что у жертв были украдены жизни. Молодые женщины навсегда и так преждевременно лишались возможности иметь карьеру, детей, наслаждаться праздниками и всеми радостями жизни.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошел Питерсон. Он посмотрел на Эрику и заваленный бумагами стол.

– Мне только что звонила Колин из отдела по СМИ. Она ожидает наплыв прессы, поэтому будет бронировать большой конференц-зал в отеле «Тисл» в Мэрилебон.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Питерсон закрыл за собой дверь, встал у нее за спиной и начал массировать ей шею.

– Очень приятно, но не сейчас, – сказала она, убирая его руки.

– Эрика. Ты вся в напряжении.

– А ты на работе. Мы на работе, – она выскользнула из-под его рук и развернулась к нему лицом.

– Мы же у тебя в кабинете, дверь закрыта, – прищурился он, развернул ее назад и снова положил ей руки на плечи.

– Это все из-за твоей кровати. Я не привыкла спать на таком мягком матрасе, – пожаловалась она, запрокидывая голову и чувствуя, как плечи расслабляются.

– Эрика, это очень дорогой матрас с эффектом памяти.

Как раз когда Эрика отвечала, что ему не хватает упругости, в комнату, постучав, вошла Мосс.

– Прощу прощения, я не вовремя? – спросила она, переводя взгляд с Эрики на Питерсона, который поспешил опустить руки.

– Нет, мы... все хорошо, – смутилась Эрика, схватившись за бумаги на столе.

– Мы говорили про мой матрас. Который недостаточно упруг, – пояснил Питерсон, выходя из-за стола.

– Он с эффектом памяти... матрас... очень мягкий, – добавила Эрика.

Повисла неловкая пауза.

– Слава богу! – усмехнулась Мосс. – А то у меня есть друг, который попробовал виагру и говорит, что она изменила его жизнь. А еще один друг считает, что смех – лучшее лекарство. Хотя вряд ли он поможет с упругостью.

– Мягкий матрас очень полезен для спины, – оправдывался Питерсон. Эрика и Мосс засмеялись. – Но это же правда!

– Перестань, я шучу, – Мосс ткнула Питерсона в бок.

– Дура, – засмеялся он. Эрика была рада, что они нашли возможность посмеяться хотя бы несколько минут. Этот смех разрядил обстановку.

– Ладно, мы на работе. Будем вести себя соответственно, – сказала она.

– Конечно, – согласилась Мосс. – Так вот. Я пришла спросить, будет ли на пресс-конференции выступать Шадэ Пенс, подруга Джанель из хостела.

– Когда я с ней общался, у меня сложилось впечатление, что ближе нее у Джанель никого не было, – сказал Питерсон.

– Колин только что выяснила, что Шадэ подрабатывает частными танцами в одном из самых элитных клубов в Сохо.

– Черт! Если мы выставим ее перед камерами, пресса раскопает это и вывернет эту информацию как захочет.

– Подруга жертвы ведет двойную жизнь, танцуя в элитных местах, – на ходу придумал заголовок Питерсон.

– У нас и так есть слабое место – отношения Лейси с Джеральдин Корн, – добавила Мосс. – Сами знаете, как все работает. Ладно бы она была лесбиянкой – проблем было бы меньше. Но то, что она встречалась и с мужчинами, и с женщинами, – этого наша пуританская пресса не потерпит. Сразу включатся высокие моральные принципы, и каждый получит по полной программе.

– Ладно. Что-нибудь добавлю в свою речь и сама выступлю от лица Джанель, – решила Эрика. – Передай Колин, что через двадцать минут пришлю ей текст.

– Да, шеф, – ответила Мосс и вышла.

Эрика повернулась к окну и посмотрела на маленький квадратный двор из бетона.

– У нее ведь никого не было. Ни в жизни, ни в смерти. Почему так происходит? Кто-то проживает жизнь в окружении друзей и родственников, а кто-то проходит через нее один.

– У тебя есть я, – сказал Питерсон. – Ты ведь знаешь это, да?

– Я не про себя...

– Я знаю.

– Спасибо, Джеймс. Но мне нужно работать, – сказала она, не отрывая взгляда от окна.

Питерсон вышел и закрыл дверь. Только тогда Эрика разрешила себе повернуться и вытереть слезу.

Глава 40

Днем она поехала в отель, где была запланирована пресс-конференция. Огромные окна конференц-зала выходили на автомобильную пробку, медленно огибающую Мраморную арку под серым небом. Ее провели в маленькую смежную комнату, где уже ждали Шарлотта и Дон, родители Лейси. Казалось, за эти дни они стали меньше ростом и как-то сгорбились. С ними за столом сидела Колин, упитанная женщина с короткими темными волосами. Колин была мастером своего дела, а это требовало отстраненности от ситуации, отсутствия человеческих переживаний.

Когда Эрика подошла к столу, все трое смотрели в айпад, на котором Колин листала фотографии Лейси, отобранные для пресс-конференции. Снимки были невинные и радостные: на одной Лейси сидела в обнимку с полосатой кошкой в саду рядом с клумбой нарциссов. Еще было фото с выпускного, где она с сияющим лицом улыбается в камеру, и еще одно, на котором она с голыми ногами сидит на диване в голубом халатике.

– Вот эта отличная, – сказала Колин, вытягивая голову, чтобы получше рассмотреть фотографию. – Я бы все отдала за такие густые блестящие волосы.

Увидев Эрику, она поздоровалась и вышла ответить на телефонный звонок.

Дон и Шарлотта смотрели ей вслед.

– Эта женщина не умеет себя вести, – сказала Шарлотта.

– Да, я с ней поговорю, – согласилась Эрика. Было слышно, как в коридоре Колин по телефону торопит какого-то журналиста, потому что она сберегла для него «место в первом ряду».

– Спасибо, что согласились прийти, мистер и миссис Грин, – сказала Эрика, садясь на освободившийся стул. – Не буду вас спрашивать, как вы держитесь. Понимаю, что это должно быть невероятно тяжело.

– Для всех это все шоу, да? – с горечью воскликнул Дон. – У меня такое чувство, что мы здесь для всеобщего развлечения.

– Уверяю вас, что это даже близко не так, – сказала Эрика. – Поведение Колин грубое, но она все это делает, чтобы как можно

больше новостных служб распространили информацию о вашей дочери.

Они молчали.

– А что с другой девушкой? Где ее родственники? – спросила Шарлотта. Эрика вкратце рассказала об обстоятельствах Джанель. – Знаю, что это звучит ужасно, но я очень рассчитывала поговорить с мамой Джанель. Я чувствую, что никто не понимает, что мне приходится выносить. Я думала, что она сможет...

– Вы нам обещали поймать человека, который сделал это с нашей Лейси, – напирал Дон. – Так в чем дело?

– Не буду скрывать, этому человеку очень хорошо удается заметать следы. Он хорошо знает Лондон, и пока удача на его стороне.

– Вы уверены, что это мужчина? – спросила Шарлотта.

– Да. Мы получили анализы ДНК по результатам вскрытия Джанель и Лейси.

– Что за анализы?

– Волосы. У нас есть два маленьких волоска. Мы смогли установить, что они принадлежат белому мужчине. Но его нет в нашей базе данных ДНК. Я уже очень много убийств расследовала, они всегда в какой-то момент ошибаются. Теперь у нас есть его ДНК. Мы знаем, что он ездит на «Ситроен С3», уже дважды он приезжал на этой машине с грязными номерами.

– Почему бы не запросить имена всех владельцев этих машин? – требовал Дон.

– Можно, но это распространенная модель. В нашей стране их тысячи.

– Он недостоин жить в этом мире после того, что он сделал! – с горечью воскликнул Дон, ударив рукой по столу.

– Мне невыносимо думать, что он может смотреть нас по телевизору. Я не буду плакать. Не хочу доставить ему это удовольствие, – Шарлотта явно держалась из последних сил. Дон обнял ее.

– Я сам все скажу, дорогая. – И он снова переключился на Эрику: – Вы считаете, это принесет результат?

– В прошлом публичные обращения позволяли сделать прорыв в расследованиях подобных дел, – ответила Эрика.

– Подобных дел. Вы имеете в виду серийных убийц?

– Я не утверждаю, что это именно серийный убийца. Они встречаются довольно редко, и мы не хотели бы делать скоропалительных выводов. Наша задача – держаться фактов следствия.

– Не пытайтесь меня заговорить, – сказал Дон, глядя ей прямо в глаза.

– Я и не пыталась.

В комнату вернулась Колин.

– Что ж, мистер и миссис Грин, у нас двенадцать минут до начала. Почти вся пресса в сборе, и у нас аншлаг.

Сказав это, она куда-то заторопилась, оставив родителей Лейси переваривать слово «аншлаг».

У Эрики зазвонил телефон, и она вышла. Пройдя по коридору, она нашла укромный угол вдали от людского потока. Мимо пробежал техник с половиной пончика во рту. Он нес осветительный прибор на высокой стойке.

– Босс, можете говорить? – спросил Джон.

– Недолго. Что у тебя?

– Только что пришло сообщение, что пропал еще один человек. Все похоже на наш случай.

– Похоже на нашего убийцу?

– Да. Пропала двадцатилетняя студентка по имени Элла Уилкинсон. В субботу вечером она должна была встретиться с мужчиной с сайта, в первый раз, в баре около станции метро «Энджел» на севере. Из дома вышла одна чуть раньше восьми. Не вернулась. В воскресенье вечером соседка по дому нашла ее сумку на земле неподалеку от бара. Элла общалась с этим мужчиной в интернете. Охранник в клубе говорит, что видел ее около бара, и вскоре мимо проехала красная машина. Потом он отвлекся, и она исчезла.

– Черт! – Эрика почувствовала, что сердце уходит в пятки. Она посмотрела на часы: до начала конференции оставалось менее десяти минут. – А раньше она не пропадала? Что-то известно про нее?

– Нет. Она студентка в Сент-Мартинс, ответственная на работе, из благополучной семьи. Я вам прислал ее фотографию и данные. Думаете, стоит о ней упомянуть?

– Упомянуть?

– На пресс-конференции. Посмотрите на фото – она очень похожа на Джанель Робинсон и Лейси Грин. И упоминается красная машина.

– Номеров нет?

– Нет. Она пропала три дня назад. Официальное заявление в полицию сделано сорок восемь часов назад. Если исходить из того, что он держит их где-то от трех до пяти дней...

В коридор вышла Колин и стала жестами подзывать Эрику.

– Джон, больше не могу говорить, начинается пресс-конференция, – мимо пронесли большой стол, Эрика прикрыла трубку рукой.

– Вдруг эта Элла – жертва номер три, босс? И она, скорее всего, все еще жива.

Эрику раздирали противоречия. Из конференц-зала доносился шум голосов, Колин приветствовала журналистку средних лет и ее седого оператора.

– Черт! Семью уведомили?

– Сейчас к ним едут сотрудники, чтобы официально уведомить их, но, судя по всему, им уже все рассказала соседка Эллы.

Сердце рвалось из груди. Времени больше не было.

– Джон, эта пресс-конференция готовилась для двух установленных жертв. Если начинать говорить о похищении еще одной девушки, мы должны быть абсолютно уверены, что это та же самая история. Мелани у себя? Что она думает?

– Я оставил ей сообщение, но она сегодня где-то на выездной конференции.

Журналисты начали заполнять конференц-зал, и к Эрике подошла Колин.

– Эрика, нужно наложить тебе тон, чтобы ты не выглядела слишком бледной на экране.

– Джон, выясни как можно больше, найди Мелани. Мне нужно идти.

Эрика завершила вызов, глубоко вздохнула и пошла за Колин в конференц-зал. Ей было дурно.

Глава 41

К трем часам конференция подошла к завершению. Прямая трансляция шла по Би-би-си-Ньюз, а аналитическое освещение ожидалось в вечерних выпусках теленовостей и бесплатных лондонских газет.

Эрика вернулась в участок совершенно обессиленная. Ее команда по крупицам собирала информацию о пропавшей девушке, Элле Уилкинсон. Мосс, Питерсон, Джон и остальные отвечали на звонки.

– Поздравляю, босс, – подошел к ней Крейн. – Отличное выступление.

– Были перспективные звонки? – спросила Эрика. Стеклопанель их рабочей каморки, претенциозно именуемой «комплексом», отодвинули и посадили туда четырех сотрудников отвечать на звонки по итогам пресс-конференции. Они сидели в абсолютной тишине и работали за компьютерами.

– Пока ничего. Думаю, что-то может всплыть вечером, когда по телевизору снова покажут телефон горячей линии.

– Дай знать, если что-то появится.

Эрика пошла в свой кабинет. Ей нужно было совершить несколько звонков и выйти на связь с Мелани, которая была где-то в Бирмингеме и по-прежнему не брала трубку.

Ближе к пяти к ней постучал Крейн.

– Звонит мужчина, хочет поговорить с тобой. Говорит, что он отец Эллы Уилкинсон.

Эрика отложила ручку и пошла за ним к телефонам. Операторы оторвались от работы и смотрели на нее. Один из них протянул ей гарнитуру.

– Это Эрика Фостер? – строго спросил мужской голос с северным акцентом.

– Да. А кто это?

– Разве вам не рассказали? Это Майкл Уилкинсон. Элла – моя дочь.

– Здравствуйте, мистер Уилкинсон. Сожалею о пропаже вашей дочери.

Эрика поняла, что новость о звонке распространилась, потому что Мосс, Питерсон и Джон подошли к перегородке и смотрели, как она говорит. Она дала сигнал Мосс, и та взяла еще одну гарнитуру и подключила ее к телефону.

– Я смотрел пресс-конференцию, старший инспектор Фостер. Не могу понять, почему вы не упомянули Эллу.

– Мистер Уилкинсон, мы ждем подтверждения, что исчезновение вашей дочери связано с...

– Не ври мне, женщина! – закричал он. – Я старший суперинтендант в отставке!

Эрика выразительно посмотрела на Мосс. Та схватилась за клавиатуру и стала вбивать его имя.

– Я не знала, сэр. Прошу прощения.

Мосс показала на экран компьютера с фотографией старшего суперинтенданта Майкла Уилкинсона – худого седого мужчины с добрыми карими глазами. Он был снят в парадном костюме на каком-то официальном мероприятии. Одними губами Эрика произнесла: «Черт».

– Я последние несколько часов пытаюсь в полиции найти хотя бы одного человека, который что-то знает! Меня передают по рукам, – говорил он срывающимся голосом. – Полный бардак! И вот, черт подери, я докатился до того, что звоню на эту проклятую горячую линию из новостей.

– Я могу вам перезвонить, сэр, если...

– И зачем мне, чтобы вы мне перезванивали? Мы уже разговариваем! Говорите мне все, что знаете.

– Сэр, мы не...

– Избавьте меня от чухни! Я посмотрел материалы дела двух пропавших девушек, и у меня есть информация о пропаже моей дочери. Говорите правду. Это все, чего я прошу, и я считаю, что я имею право ее знать.

Сотрудники, принимающие звонки, закончили разговоры и уставились на нее.

– Сэр, подождите на линии тридцать секунд. Я переведу звонок в свой кабинет, и мы поговорим.

Эрика, Мосс и Питерсон быстро переместились к ней в кабинет, закрыли дверь, и разговор продолжился там. Она рассказала все, что

знала, упомянув, что ей сообщили о пропаже Эллы всего за несколько минут до начала пресс-конференции.

Он немного успокоился.

– Не могу похвастаться вниманием нашей местной полиции. Как раз когда началась пресс-конференция, к нам в дом пришли двое... и, мне показалось, Эллу просто добавили в длинный список беглянок и пропавших. Мне пришлось доктора для жены вызывать... Столько лет проработал в органах, а теперь я по другую сторону баррикад. И совершенно беспомощен.

Эрика дала ему свой личный номер и пообещала закрепить за ним отдельного сотрудника. После завершения звонка воцарилась тишина. Мосс сидела за компьютером.

– Бедняга, – сказал Питерсон.

Эрика кивнула.

– У него есть все основания так орать. И мне даже нечего было ему сказать, мы ничего не знаем. Убийца сейчас смеется над нами. – Она присела на край стола и стала тереть глаза. – Надо было все-таки включить информацию по Элле в пресс-релиз, несмотря на возможные последствия.

– Мы ведь так и не уверены, что ее похитил тот же самый человек, – сказала Мосс. – Крейн снова ищет по камерам, но это займет время.

– Давайте запросим имена и адреса всех владельцев красных «Ситроенов С3» в Лондоне и на юго-востоке, – приняла решение Эрика.

– Их будут сотни, если не тысячи, – предупредил Питерсон.

– Ну а что еще делать? Машина – единственное, что объединяет все эти случаи. Так что свяжись с дорожной инспекцией.

– Хорошо, будет сделано.

Эрика сняла со спинки свою куртку и вышла. Она спустилась по лестнице до первого этажа и вышла на улицу. На тротуаре у входа курила женщина из соседнего отдела.

– Не могли бы вы... – начала Эрика.

Женщина молча протянула ей пачку. Эрика взяла сигарету, женщина предложила ей зажигалку.

– Спасибо, – поблагодарила она, выдыхая дым в холодный воздух. В свете огней города темно-коричневое небо казалось особенно

мрачным. Было слышно, как на соседней улице веселые компании перебираются из одного паба в другой. – Моя первая сигарета за много месяцев.

Женщина докурила свою, бросила окурочок на асфальт и растерла его в пыль.

– Все равно все умрем. Надо хотя бы получить удовольствие в процессе, – сказала она и вернулась в участок.

Эрика курила и думала над ее словами. Теперь, когда тяга к никотину на время ослабла, появилось чувство недовольства собой. Достав из кармана телефон, она позвонила Маршу. На этот раз номер оказался заблокирован. Она попробовала позвонить его жене, но в списке контактов ее не оказалось. Тогда Эрика подумала, не поехать ли к нему домой, но было уже поздно, и у нее не было на это сил.

«Где ты, Пол Марш?» – спросила Эрика, задумчиво глядя на свой телефон.

Глава 42

Через несколько часов после обеда Дэрил обвел взглядом весь их большой офис. Было тихо, все сотрудники выглядели очень занятыми. Он знал, что результативность труда при этом стремилась к нулю.

– Можешь идти, – услышал он позади себя голос Брайони. Она подошла и встала за его стулом со стопкой папок в руках.

– Хорошо, спасибо. И спасибо, что отпустила меня пораньше, Брайони.

– У тебя есть часы переработки. Планируешь чем-то интересным заняться?

Ее лицо приняло снисходительное выражение. Оно всегда появлялось, когда она ожидала ответа на свой вопрос. Как-то он подслушал, как ребята на другом конце офиса шутили, что с таким выражением лица она и сексом занимается. Дэрил еле сдержал смехок.

– Ничего особенного. Телик посмотрим. Мы подключили «Нетфликс».

На самом деле он собирался провести вечер с Эллой. Ее последний вечер. Ее последнее дыхание.

– Мы? – оживившись, спросила Брайони.

– С мамой и папой. Я живу дома.

– Значит, девушки нет?

С ее лица тут же сошло снисходительное выражение, и она перенесла вес тела на другую ногу.

– Девушки нет, – подтвердил он. Она еще ненадолго задержалась у него за спиной, но он уже отвернулся, чтобы выключить компьютер.

Домой Дэрил приехал к половине пятого. У ворот он обратил внимание, что только начинает темнеть. В прихожей его встретила Грендель. Он обнял ее и сел на корточки, чтобы она могла лизнуть ему лицо, а потом прошел на кухню. Там было очень жарко – мать пекла печенье. Ее щеки покраснелись от жара.

– Дорогой, будешь чай? – спросила она, когда он подошел и поцеловал ее в щеку. От нее пахло джином. Он кивнул. – Я принесу тебе чай с печеньем.

Дэрил пошел в гостиную. Там он включил искусственный камин и телевизор и сел в красное обшарпанное кресло. Пока он переключал каналы, Мэри трясущимися руками поставила перед ним полную чашку чая и тарелку с печеньем.

– В шесть хочу посмотреть «Умников», – предупредила она.

– А где детские программы? – спросил он.

– Их несколько лет назад перевели в пакет Би-би-си для детей. Хочешь посмотреть «Голубого Питера»?

– Конечно, нет! С чего бы? Просто спросил, – недовольно ответил Дэрил. Взяв чашку в руку, он увидел, что мать расплескала чай на блюдец.

– Кажется, что еще вчера вы с Джо приходили домой и садились здесь. Помнишь, как вы дрались за это кресло?

– Уже нет, – отрезал Дэрил, громко отхлебывая чай из блюда.

На глаза Мэри набежали слезы, и она вышла из комнаты. Через некоторое время она вернулась в еще худшем состоянии, шатаясь. Они начали смотреть викторину «Умники».

В полседьмого, когда она уже заканчивалась, в гостиную вошел отец, одетый в свою лучшую рубашку и брюки и аккуратно причесанный. От него воняло «Олд спайсом».

– Ладно, я поехал переговорить насчет собаки, – объявил он.

Дэрил бросил взгляд на мать, которая затуманенными глазами смотрела на экран.

– Передавай привет «собаке», не забудь потрепать ее за загривок от нас, – сказал Дэрил.

Отец прищурился, но ушел, не сказав ни слова. Упомянутую «собаку» звали Дирдра Мастер, это была замужняя женщина с соседней фермы. Их связь с Джоном длилась многие годы. В детстве Дэрил часто задавался вопросом, где отец проводит всю ночь, если последние заказы в барах принимают в 22:45. Потом как-то раз Джо рассказал ему, как он подслушал телефонный разговор отца с Дирдрой.

– Папа приходит к ней, и они всю ночь трахаются, – сказал Джо. – Ты знаешь, что это такое?

Дэрил сказал, что не знает. Джо объяснил. Дэрилу пришлось бежать в туалет в раздевалке, там его вырвало.

Мать никогда не подавала виду, что знает о том, что каждую неделю ночь с понедельника на вторник ее муж проводит с Дирдрой.

Не знать об этом было невозможно, потому что слухи ходили. Когда Джон уходил, она готовила Дэрилу и Джо ужин, который они ели с подносов перед телевизором, – это всегда были рыбные палочки, жареная картошка и бобы.

В этот понедельник все было так же, как всегда. Только когда Дэрил и Мэри усаживались перед телевизором с подносами с едой, начались новости на четвертом канале. Полиция обращалась к гражданам за помощью в поиске свидетелей убийств Лейси Грин и Джанель Робинсон.

От неожиданности Дэрил уронил вилку и еду на ковер. Он так привык к тому, что о его тайной жизни никто не знает, что для него стало настоящим шоком увидеть за длинным столом высокую женщину из полиции с короткими светлыми волосами, по обеим сторонам от которой сидели родители Лейси Грин. Судя по подписи, выступала старший инспектор Эрика Фостер.

– Лондонская полиция обращается к свидетелям этих жестоких преступлений с просьбой связаться с нами, – говорила она. За ее спиной висел логотип полиции.

Сердце Дэрила забилось еще сильнее, когда он увидел свою собственную машину на кадрах зернистой съемки около Тули-стрит, где он похитил Джанель, и у паба «Голубой кабан», откуда он увез Лейси. В ушах набатом пульсировала кровь, у него затряслись ноги – да так сильно, что стопы ходили ходуном на ковре. К горлу подступила тошнота, и ему пришлось сглатывать, чтобы его не вырвало прямо в гостиную. Трясущейся рукой он взял с подноса стакан апельсинового сока и сделал глоток.

Способность слышать к нему вернулась не сразу.

– Все наши налоговые деньги они тратят на камеры, чтобы следить за нами же, и даже не могут номер рассмотреть, – говорила мать. – С тем же успехом это может быть и твоя машина.

Она пристально посмотрела на него, а потом поднялась с дивана и направилась к барной стойке.

– Что? – спросил он.

На экране плакала мать Лейси, а ее отец читал заранее написанный текст. Линзы его очков бликовали от яркого света ламп.

– Лейси была счастливой девушкой, у нее не было врагов. У нее вся жизнь была впереди. Нас интересуют две даты, и мы призываем

свидетелей рассказать нам об увиденном в эти дни. В среду, четвертого января, Лейси похитил водитель красного «Ситроена» около паба «Голубой кабан» в районе Саутгейт около 20 часов вечера. Ее тело было найдено в понедельник, девятого января, на Татерсол-роуд в районе Нью-Кросс. Мы считаем, что ее...

Его голос сорвался, и он опустил глаза. Жена сжала его руку. Он сглотнул и продолжил.

– Ее выбросили в мусорные баки рано утром в понедельник, девятого января. Если у вас есть какая-нибудь информация, пожалуйста, позвоните на горячую линию. Любая, даже самая незначительная информация поможет нам узнать, кто сделал это.

На экране снова появилась трансляция с камеры, где его машина подъехала к пабу, а затем показали, как Лейси идет по улице с развевающимися длинными волосами. Также были показаны фотографии мест, где были обнаружены тела. Под конец экран занял фоторобот. Это было лицо Нико из фальшивого профиля на «Фейсбуке», который он создал. Сходство было неточным – лоб был слишком высоким и с морщинами, нос – шире, чем нужно.

Блондинка на экране тем временем начала рассказывать, что подозреваемый прятался под маской погибшего девятнадцатилетнего Сонни Сармиенто из Эквадора.

– Мы просим всех проявить бдительность. Этот человек вступает в общение с молодыми девушками из Лондона под вымышленным именем и под чужой фотографией. Постепенно он создает иллюзию дружбы и приглашает на встречу.

Дэрила охватила паника. Он посмотрел на мать. Она доставала щипцами лед из ведерка и перекладывала кубики себе в стакан. При этом она не сводила с него глаз. Можно даже сказать, изучала его.

– Какой ужас, – сказал он.

– Да, ужас, – согласилась она, не отводя взгляда.

Он снова сглотнул и взял себя в руки. Если бы полиция знала номер его машины или имя, они бы уже были на ферме. Но они ничего не знают. Просто собрали воедино обрывочную информацию. Мэри наконец перестала напряженно всматриваться в Дэрила и перевела взгляд на телевизор. Обращение было закончено, и ведущая стала зачитывать номер, по которому люди могут позвонить в полицию и сообщить, что им известно.

– Думаю, нам надо купить телевизор с высоким разрешением, – сказала Мэри, с трудом передвигая ноги от бара. – Мне даже не видно номер.

Плюхнувшись на диван, она попыталась отдышаться.

– Доедай. Я сделала желе на десерт.

Дэрил увидел хорошо ему знакомый замутненный алкоголем взгляд, в котором не осталось ни тени от напряженного любопытства. Он улыбнулся.

– Папа не даст тебе денег на телевизор?

– Я уже давно откладываю понемногу из тех денег, которые он дает на хозяйство, – сказала она, потянувшись к Дэрилу и погладив его по по-прежнему дрожавшей ноге.

– Я могу поискать хорошую модель в интернете, – сказал он, натужно улыбаясь.

– Спасибо, дорогой. А теперь доедай.

Усилив воли он продолжил пустой разговор и доел пресную еду. Только когда в новостях начали рассказывать о кризисе в Европе из-за наплыва мигрантов, пульс у него начал понемногу замедляться. Они ничего не сказали про Эллу. Если бы у них был номер машины, они бы уже стучали в дверь. Дэрил очень постарался, чтобы номера не было видно. Когда он поехал за Джанель, ему повезло – номера сильно испачкались после летних дождей и его поездок вокруг фермы. Зимой погода тоже преподнесла подарок. В свое время, начав присматриваться, Дэрил с удивлением обнаружил, что очень многие водители ездят с настолько грязными номерами, что их невозможно определить.

Бросив взгляд на мать, он убедился, что джин начал работать. У нее закрывались глаза, и она с трудом фокусировала взгляд.

– Давай, – сказал он, поднимаясь и забирая у нее стакан. – Налью тебе еще.

Когда часом позже он вышел из дома, шел сильный снег. Мать отрубилась на диване, отец был у любовницы. Он был предоставлен самому себе. Грендель недовольно залаяла, увидев, что он уходит без нее, но Дэрил бросил ей колбаску и закрыл за собой дверь.

Он пошел вдоль сада так, чтобы не активировать камеру и освещение, а подойдя к воротам, просто перепрыгнул через них. Пока он шел по полю, под ногами хрустел снег. Наконец впереди замаячили

очертания сушильни. Глаза уже привыкли к темноте, поэтому он не стал включать фонарь. Он открыл дверь и скользнул внутрь. В кромешной тьме он ощутил ее запах. Мягкий аромат свежесмытых волос и духов сменился на затхлый запах пота, мочи и кала. Она тихо плакала.

– Хорошо, я рад, что ты продержалась.

Он закрыл дверь, и через считанные секунды Элла начала кричать.

Глава 43

Телефоны в штабе зазвонили почти сразу после вечерних новостей. Среди звонящих были в том числе психи и люди с приветом. Конечно, эти термины не входят в профессиональный лексикон полицейских, но между собой их называли именно так.

Один из звонков Крейн выделил особо и, проработав его вместе с Питерсоном и Мосс, они доложили о нем Эрике.

– Откуда мы знаем, что это не тот случай, когда человек не в себе начинает думать, что он что-то видел? – спросила Эрика.

– Звонила миссис Марина Лонг. Замужем, двое маленьких сыновей, – начала Мосс. – Живут в деревне Торнтон Мэсси, рядом с М20, около Мейдстоуна. И она, и ее муж преподают в местной начальной школе. Их дом граничит с фермой и старой сушильной.

– Что такое сушильная? – переспросила Эрика.

– Раньше там сушили хмель, – пояснил Питерсон. – В графстве Кент раньше были тысячи ферм, на которых выращивали хмель, а в сушильных есть печь и подвесные полки, где хмель сушится, а потом используется для пивоварения.

– Ладно. Какое это имеет отношение к нашему обращению?

– Марина Лонг утверждает, что несколько раз за последние месяцы поздно ночью видела в полях маленькую красную машину, и эта машина ехала к сушильне, – вступил Крейн.

– Как она могла увидеть, что машина красная, если дело было ночью?

– Она говорит, что машина стояла там и на следующее утро. Также она помнит, что видела эту машину в выходной день 24 августа, когда похитили Джанель, и 4 января, когда исчезла Лейси, – добавил Крейн.

– Мы знаем, кому принадлежит эта земля?

– Ферме Оуквуд. Там живет фермер с женой и их взрослый сын, – ответил Питерсон. – И – внимание! На имя сына зарегистрирован красный «Ситроен С3».

Эрика молча прокручивала эту информацию в голове. На часах было 20:15.

– Наша рабочая гипотеза – что он похищает их, держит где-то несколько дней, а потом убивает. Эта отдаленная постройка, сушильня, соответствует нашей теории, – сказала она, откинувшись на спинку стула и проведя рукой по волосам. – Но это очень далеко от Лондона. Зачем похищать их из такой дали? Рисковать попаданием в камеры на въезде и выезде из города? Почему не брать местных девушек?

Зазвонил телефон, и она взяла трубку. Это была Мелани Хадсон. Прикрыв рукой динамик, Эрика попросила Мосс, Питерсона и Крейна подождать снаружи. Когда они вышли, Эрика быстро рассказала ей об обращении к гражданам и о том, что пропавшая дочь полицейского, скорее всего, была похищена тем же самым человеком.

– Если все будет, как с предыдущими двумя жертвами, то Элла у него уже три дня. Нам нужно действовать быстро, – сказала Эрика.

Глава 44

В 00:30 следующего дня черный микроавтобус с сотрудниками спецназа полиции округа Кент подъехал к большим железным воротам фермы Оуквуд. Водитель выключил фары и оставил двигатель работать на малых оборотах. Место было безлюдное и почти незаселенное – по соседству стояло только два дома. Слева тянулись пустые поля, в окне фермерского дома одиноко горел свет. Шесть бойцов во главе с сержантом Портманом скуренно сидели сзади. Они привыкли к долгому ожиданию. Несмотря на холодную погоду, в пуленепробиваемых жилетах и защитной форме было очень жарко.

В 25 километрах оттуда Эрика и ее команда собрались в участке перед экраном компьютера. Эрика не ожидала, что Мелани всерьез воспримет ее слова и подключит к работе все свои ресурсы. Не так-то легко экстренно поднять на ноги два наряда спецназа округа Кент, и Эрика понимала, как много стоит на кону. Координация осуществлялась из участка Мейдстоун, но они, в Вест-Энде, могли слушать все переговоры через аудиоподкаст. Кроме них в отделе никого не было, все давно ушли домой. Весь этаж был погружен во мрак.

– Мы у объекта, – доложил сержант Портман из первого наряда.

– Наряд два, слышите меня? – донесся женский голос инспектора Кендал из пункта управления. Второй наряд спецназа должен был подъехать ко второму выезду с фермы, который, согласно карте, находился в четырехстах метрах от сушильни.

– Слышимость отличная. Мы на Барнз-лейн, будем у ворот через несколько минут, – ответил сержант Спектор, возглавлявший второй наряд.

Эрика бросила взгляд на Мосс и почувствовала, насколько та напряжена. Это было непохоже на нее. Целую минуту из радиации не доносилось ни звука. И уже когда все решили, что что-то случилось со связью, они снова услышали голос сержанта Спектора.

– Мы у ворот, они открыты. Похоже, сенсорного освещения нет.

– Хорошо, осторожно продвигайтесь вперед с выключенными фарами, – скомандовала Кендал. – Наряд один, вы готовы выходить на позицию?

– Да, мы наготове, – отозвался сержант Портман.

– Соседка сказала, что ворота открываются автоматически, когда кто-то подъезжает. Наряд два должен стоять у входа в сушильню до того, как я дам команду подъехать к главным воротам.

– Мы ждем.

– Черт, это невыносимо, – не выдержал Питерсон. С виска у него текла капля пота, и он вытер ее рукавом.

Глава 45

Второй наряд медленно подъезжал к сушильне по промерзшей земле, и по мере приближения она казалась все выше. Сержант Спектор сидел сзади в крошечной тьме вместе с тремя бойцами мужского пола и двумя – женского. Было очень жарко, и все вспотели. Из-за нехватки места они были вынуждены сидеть вплотную друг к другу. Несмотря на многие годы службы, каждый раз он испытывал волнение и страх. Благодаря этому инстинкты не притуплялись. Руки в перчатках вспотели, но за штурмовую винтовку «Хеклер и Кох Г36» он держался крепко.

Машина замедлила ход и остановилась.

– Это Спектор. Мы около сушильни, – сказал он в рацию и услышал, как Кендал дала команду первому наряду переходить в наступление.

– Ворота и сенсорное освещение активировались, – доложил сержант Портман. – Мы подъезжаем к дому.

– Соблюдайте осторожность. Наряд номер два, выходите, соблюдайте осторожность.

Спектор принял на себя дальнейшее управление, и по его команде дверь микроавтобуса открылась. Холодный воздух ворвался внутрь, и бойцы слаженно выскочили из автомобиля и рассеялись вокруг сушильни с высокой башней. Под ногами хрустел снег и лед. Спектор подошел к большой металлической двери и прислушался. Изнутри не доносилось ни звука. А потом подул ветер, и послышался тихий стон.

– Слышу то ли визг, то ли стон, доложите. Прием, – услышал он в наушнике голос Кендал.

Спектор поднял голову и посмотрел на вышку в черном небе. Когда налетал порыв ветра, стон усиливался.

– Я думаю, это вентиляция на крыше. Прием.

Его люди ждали с оружием наготове, расставив ноги, готовые в любой момент перейти в наступление. В наушниках каждый мог слышать голос сержанта Портмана – он докладывал о продвижениях своего наряда.

– Мы подъехали к дому. Кажется, здесь никого нет.

Через секунду наряд один услышал, как открылась дверь микроавтобуса второго наряда. Было нелегко прислушиваться к событиям в наушниках и сохранять концентрацию на своей задаче. Ветер приносил снег с окрестных полей и бросал его в лицо, как сахар. В вентиляционных отверстиях завывал ветер, и откуда-то доносился скрип металла.

Спектор посмотрел на своих людей и дал им приказ наступать. С помощью болторезов один из бойцов срезал замок с огромной сдвижной двери. Все включили фонари на своих шлемах, и командир отодвинул дверь.

– Полиция! Всем лечь! – закричал Спектор. Фонари осветили внутренности сушильни.

Что-то вспыхнуло, и показалось лицо – парализованное и недвижимое.

– Это полиция! Руки вверх! – прокричал Спектор.

Но человек не двигался. Затем во вспышке света Спектор увидел руку с пистолетом, лицо двинулось на него, и он выстрелил.

Глава 46

В это время наряд номер один занял позицию у заднего входа в дом. Сержант Портман постучал в дверь, но ответа не было. Когда двое бойцов уже приготовились выбить ее тараном, над их головами зажегся свет.

– Подожди, малышка, иди сюда, – послышался мужской голос с той стороны двери, – нет. Не знаю, кого принесло в этот час, но еще не хватало, чтобы ты выбежала на мороз!

– Это полиция! Отойдите от двери! – закричал Портман.

– Что? Я же пытаюсь ее открыть! – ответил голос.

Бойцы с тараном отошли в стороны, и дверь взяли под прицел винтовок. Было слышно, как отодвигаются засовы, дверь открылась, и они увидели стройного мужчину средних лет со светлыми волосами до плеч в шелковом халате в красных розах. У него был нос с горбинкой и небольшое косоглазие. В руках он держал малюсенького белого мяукающего котенка, который изо всех сил пытался вырваться и сбежать. Мужчина отступил, но не было похоже, чтобы его сильно испугал вид шести вооруженных полицейских.

– Руки вверх! – кричал Портман.

Мужчина поднял руки вместе с котенком. Тот жмурился от яркого света фонаря и отчаянно мяукал.

– У меня нет оружия, уверяю вас! У матери тоже. Она наверху, спит, – сказал он.

– А где третий член вашей семьи, который здесь живет? – допрашивал его Портман.

– Мой отец? Он умер. Месяц назад, от воспаления легких... – до него, наконец, стало доходить, что перед ним – вооруженные люди. Котенок запаниковал и начал царапать ему руки. – Пожалуйста, можно опустить руки? Она меня в клочья разорвет.

В участке Эрика и ее команда со всевозрастающим смущением прислушивались к происходящему на ферме Оуквуд. Когда они услышали выстрел в сушильне, Кендал из пункта управления начала громко требовать отчета о происходящем и спрашивать, есть ли раненые. Несколько мгновений царил хаос и неизвестность, а затем заговорил сержант Спектор.

– Все в порядке. Никто не ранен. Повторяю. Раненых бойцов нет. Внутри постройки манекены. Вся сушильня набита магазинными манекенами, мать их.

– Проясните, почему произошел выстрел? Прием.

– Мы решили, что подозреваемый вооружен, но вместо него тут оказался манекен с пластиковым пистолетом, – отчитался Спектор.

– Повторите. Прием.

– Здание сушильни заполнено пластиковыми манекенами в одежде. Есть просто торсы, а некоторые – в полный рост, прислонены к стенам. И здесь целая костюмерная. Мы проверили все строение, угрозы нет. Здесь никого нет. Прием, – голос Спектора выдавал его смущение и расстройство.

Эрика, Мосс и Питерсон переглянулись. Джон закатил глаза и спрятал голову в ладони.

– На всякий случай мы проверим все строения вокруг сушильни и машину, – сказал Спектор.

Прошел час, а за ним и второй. Все внимательно следили за передвижениями двух нарядов по фермерским постройкам. Нигде не было и следа Эллы Уилкинсон.

– Посмотри, – сказал Крейн, подавая Эрике распечатку из бизнес-поисковика Yelp.

Мистер Боджанглз, крупнейший в графстве Кент поставщик высококачественных театральных и исторических костюмов. Доставка в Ирландию и по всей Великобритании. Адрес: ферма Оуквуд, Мейдстоун, Кент.

– Компания зарегистрирована на Дариуса Кифа. Он владеет красным «Ситроеном», но модель не та, что была заснята камерами, – сказал Крейн.

– Твою мать! – Эрика в сердцах стукнула рукой по столу.

В половине третьего ночи Эрика и ее люди вышли из участка. Они заранее вызвали такси, которые уже стояли у выхода, готовые развезти всех домой. Поезда начнут ходить только через три часа.

Настроения разговаривать не было, и все, тихо прощаясь, рассаживались по машинам.

– Спокойной ночи, босс, желаю немного отдохнуть, – сказала Мосс, сжимая руку Эрики.

Та проводила все машины и заметила рядом Питерсона.

– А это кому? – спросил он, указывая на два оставшихся такси.

– Я просто хочу сегодня поспать у себя дома, одна, – сказала Эрика, доставая пачку сигарет и обрывая упаковочный целлофан.

– Нет, нет, не начинай снова курить, – протянул руку Питерсон, намереваясь забрать у нее пачку.

Она отдернула руку.

– Пожалуйста, просто оставь меня.

– Но ты так хорошо справлялась...

– Считаешь, то, что случилось сегодня, это я хорошо справилась? – сорвалась на повышенный тон Эрика.

Питерсон с беспокойством смотрел, как она открывает пачку, выдергивает фольгу, зажигает сигарету и выдыхает клуб дыма.

– Я имел в виду, что ты долго не курила. И ты не могла заранее знать, что это не тот адрес.

– Тебе нужно домой, Джеймс, – сказала она.

– Я на твоей стороне, – не скрывая раздражения, наклонился он к ней. – Не забывай.

– Я знаю. Просто хочу побыть одна.

– Да. Возможно, так для тебя будет лучше.

Он подошел к такси и сел. Эрика проводила его взглядом и выкурила еще две сигареты. Здание напротив было огорожено сеткой и освещалось ярким прожектором. На мостовой лежала гигантская клетчатая тень – словно ее личная камера. Она подумала об Элле Уилкинсон, которая сейчас где-то в плену.

Эрика знала, что ей сильно попадет за то, что случилось. Убийца по-прежнему на свободе. Она затушила сигарету об асфальт и села в такси. Ей предстояла ночь в холодной пустой квартире.

Глава 47

Вся жизнь 38-летнего Мартина Лейкерсфилда была посвящена уходу за женой Шейлой. У нее был рассеянный склероз. Всего четыре года назад они счастливо жили и много работали, Шейла в рекламной сфере, а он – в Ситибанке. Они часто говорили про себя, что расходятся на целый день, как в море корабли. Теперь же они оказались пленниками своей квартиры на третьем этаже в Бекенхеме, в нескольких километрах от Луишема. Район был достаточно приличный, и им повезло, что квартира была в их собственности. Конечно же, не так они представляли себе свою совместную жизнь. Последние месяцы Шейле все тяжелее было спать вместе с Мартином, и поэтому он принял решение ночевать в соседней комнате. Это разбивало ему сердце.

Во вторник Мартин проснулся в три часа ночи и никак не мог заснуть. Проверив Шейлу и убедившись, что она крепко спит, он пошел в гостиную посмотреть телевизор. В половине четвертого у него уже болели глаза от усталости, но сон не шел. Тогда он решил вынести мусор – не успел сделать это днем.

Он вышел из подъезда и остановился на ступеньках, вдыхая холодный воздух. Потом он направился к мусорным бакам, которые стояли слева от парковки между его домом и проезжей частью. К его удивлению, кто-то еще из соседей вышел в столь ранний час выбросить мусор и стоял у черного бака. Мартин не узнал этого невысокого человека. Было невозможно рассмотреть его лицо – из-за бейсболки, натянутой почти на брови. Когда он подходил ближе, человек у баков услышал его шаги и повернулся. Несколько секунд он неподвижно стоял с опущенными руками, а затем вдруг рванул со всех ног на улицу, пробежал под горящим фонарем и исчез за деревьями.

Что-то в его поведении заставило Мартина остановиться. Тот человек смотрел на него так, словно решал – бежать или нападать. Мартин медленно опустил на пол свой пакет с мусором и, не отрывая взгляда от парковки, присел и взял с земли большой булыжник, которыми была выложена дорожка. Быстро подойдя к парковке и сжимая в руке камень, он огляделся. На дороге никого не было, везде

было тихо. По обе стороны улицы вдаль уходили пучки рыжего света фонарей. В окнах везде было темно.

Мартин почувствовал облегчение от того, что тот человек все-таки решил убежать. Он вернулся к своему мешку и, не выпуская из руки камень, пошел к мусорному баку.

Крышка была открыта. Увидев, что внутри, Мартин закричал от ужаса. Он отпрянул и упал на холодный твердый асфальт.

Глава 48

Эрику разбудил телефон. Она попыталась нащупать его в темноте на кровати. Рядом никого не было, матрас был жесткий. Она дома. Ей приснилось, что она снова в Манчестере, снова в спецназе. Уже давно этот знакомый сон не беспокоил ее. Сон, в котором ей снова и снова приходилось проживать смерть мужа и пятерых коллег во время того злосчастливого рейда на наркопритон.

Она была рада, что ее разбудили, но радость улетучилась, как только она увидела, кто звонит.

– Крейн, что случилось? Полшестого утра...

Она села и щелкнула выключателем прикроватного светильника. Когда она перестала жмуриться от яркого света, она увидела, что заснула прямо в одежде.

– Босс, в Бекенхеме только что было обнаружено тело молодой девушки. В мусорном баке. У нее темные волосы.

– Это Элла Уилкинсон?

– Мы еще не знаем, но все указывает на это.

Эрика почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Ей пришлось держаться за матрас, чтобы не упасть.

– Выезжаю.

Когда Эрика свернула на Коуперс-коуп-роуд в Бекенхеме, только начинало светать. Улица была широкая и зеленая, современные жилые комплексы соседствовали здесь с более старыми домами. Она проехала мимо двух старых домов с большими эркерными окнами, замедлила ход и увидела многоквартирный дом. Со стороны улицы уже выстроились патрульные автомобили с включенными маячками, сервисный автобус и минивэн судмедэкспертов. Эрика припарковалась в конце этой очереди и вышла из машины.

Дом из красного кирпича, рядом с которым нашли Эллу, был новостройкой. От проезжей части его отделял широкий вымощенный камнем проезд. Тротуар со стороны улицы огородили. От шумного бензинового генератора работали два больших прожектора. Справа от дороги была небольшая лужайка с насаждениями, а слева поставили огромный белый шатер, ограждающий место происшествия. Внутри горел свет. Эрика подняла голову и увидела, что точка, где она стоит,

просматривается с двух сторон. В некоторых окнах горел свет и виднелись бледные лица жильцов, подглядывающих за происходящим.

Эрика предъявила удостоверение, надела голубой комбинезон и нырнула под ограждение. Первым она увидела Крейна, чей изможденный вид полностью отражал ее душевное состояние. Молча они подошли к шатру.

Внутри было жарко и тесно. Три мусорных бака под маленьким деревянным навесом освещали два мощных прожектора. На месте работал Айзек Стронг – он и два его помощника были одеты в комбинезоны и маски. Запах из мусорных баков, разогретых прожекторами, вызывал тошноту.

– Привет, – тихо поздоровался Айзек и показал на средний, черный, бак. Полукруглая голубая крышка была откинута назад.

Эрика и Крейн подошли ближе и заглянули внутрь. На спине лежала молодая жестоко избитая девушка – вся в грязи и засохшей крови. Темные длинные волосы висели паклями. Как и на предыдущих жертвах, ниже пояса одежды на ней не было. Темный топ прилип к телу и был пропитан кровью. На лбу была глубокая вмятина, левая скула пробита. Крейн отвернулся и закрыл рот рукой. Эрика заставила себя смотреть на несчастную жертву и впитывать в себя все произошедшее с ней.

– Это она. Это Элла Уилкинсон.

Глава 49

Когда они вышли из шатра сдавать комбинезоны, Эрика жадно вдохнула холодный воздух.

– Можем поговорить с Мартином Лейкерсфилдом, который ее нашел, – предложил Крейн, когда они вынырнули из-под оградительной ленты.

За патрульными машинами стояла «скорая помощь» с открытыми задними дверями. В ней кутался в красное одеяло Мартин – в джинсах и несвежей футболке «Манчестер Юнайтед» под джинсовой курткой. Эрика отметила, что выглядит он крайне подавленным: мешки под глазами, опухшее, небритое лицо.

– Я так понимаю, это вы нашли тело? – спросила она.

Мартин посмотрел на нее и кивнул.

– Я пошел выносить мусор и увидел его.

– Увидели его? – Эрика удивленно посмотрела на Крейна.

– Я плохо сплю. Всегда выхожу, когда тихо, и раскладываю мусор по контейнерам. Обычно в это время никого на улице не бывает.

– Кого вы видели на этот раз?

– Мужчину, как мне кажется, но он был в бейсболке.

– Какого роста?

– Невысокого. Кажется... плотного телосложения. Хотя все произошло очень быстро. Что-то в нем было странное.

– В смысле?

– Спокойствие, уверенность. Что-то пугающее.

– Вы уверены, что не видели его лицо?

– Уверен. Он убежал, но перед этим, мне показалось, он решал, не остаться ли ему и... не убрать ли меня.

– Он был на машине? – спросил Крейн.

– Он скрылся за углом. Кажется, я слышал звук двигателя. Он мог запарковаться за деревьями.

– Вы видели машину?

– Нет.

Эрика в бессилии провела рукой по волосам – как это возможно, чтобы убийца и на этот раз улизнул незамеченным?

– В какой квартире вы живете? – спросила она.

– Вот там, на третьем этаже. – Он указал на окно в левой половине дома.

– Это окно спальни или кухни?

– Ванной. Все эти окна на фасаде – окна ванных комнат.

Эрика насчитала три этажа по шесть окон.

– Вы не знаете, все ли квартиры окнами на улицу заселены?

– На первом этаже живет женщина, пожилая. Квартиру на втором этаже пытаются сдать. Я это знаю, потому что в прошлом месяце оттуда выехали шумные беспардонные жильцы. Девушка в мусорном баке совсем молодая...

Он закрыл рот рукой, чувствуя подступающую рвоту.

– Спасибо. Сейчас вам принесут чашку чая, и я кого-нибудь пришлю. У вас примут заявление.

Эрика и Крейн пошли назад, к бакам.

– Нужно поговорить со всеми, чьи окна выходят на парковку, и обойти квартиры рядом. Этот двор просматривается отовсюду. Не может быть, чтобы никто ничего не видел.

На тротуаре с другой стороны улицы начали собираться зеваки.

– Камер на этой улице нет, – сказал Крейн. – Чуть дальше есть частная камера спортивного клуба «Фитнес Ферст». Еще через четыреста метров – станция «Нью-Бекенхем», но ее камеры покрывают только подход к самой станции, до дороги не дотягиваются.

– Если он поехал в ту сторону, эти камеры тоже могли его засечь. Либо ему редкостно везет, либо он очень тщательно выбирает места, куда выбрасывает тела.

Глава 50

Когда Дэрил закончил с Эллой, она была почти неузнаваема. От побоев на ней не было живого места, и она кричала, как животное. Из-за сломанной челюсти этот крик был больше похож на крик пьяницы. К его крайнему удивлению, она все еще пыталась сопротивляться.

На этом этапе он посчитал, что время пришло, и достал скальпель, чтобы перерезать артерию. Он смотрел, как из раны вытекает кровь, и это зрелище доставляло ему самое невероятное наслаждение – словно электрические волны шли по венам. Наконец глаза Эллы потухли и она затихла.

Шатаясь, он вышел из сушильни в темную холодную ночь. Ноги сильно дрожали, и его начало рвать на снег рядом с замерзшим ручьем. Когда в желудке ничего не осталось, он лег лицом в снег. Уткнуться в холод разгоряченной кожей было необычайно приятно, и он лежал так долгое время, пока у него не успокоилось дыхание и снег не добрался до него сквозь одежду. По подземной трубе в сушильню поступала вода. К счастью, она не замерзла. Перетащив тело Эллы в машину, Дэрил вымылся под ледяной водой из шланга в печной камере, морщась от холода, и поехал по полю к воротам – и в Бекенхем, сбросить тело.

На ферму Дэрил вернулся незадолго до пяти, когда начинался утренний подой. Ему повезло, и он не столкнулся ни с кем из работников. Он поставил машину, принял долгий горячий душ и свалился в постель.

Проснулся он в час. Через голубые задернутые шторы светило яркое солнце. Тело ломило. В горле першило. Он потянулся к тумбочке за стаканом с водой. Между штор проник луч света и лег на потрепанный голубой ковер. Дэрил задумчиво смотрел, как в воздухе кружатся пылинки.

Вдруг тишину нарушил громкий звук, похожий на металлический перезвон, и Дэрил напрягся. Вскоре звук, похожий на тихий бой часов, повторился, и стало понятно, что он доносится из шкафа. Дэрил отбросил одеяло, спустил голые ноги на ковер и пошел к шкафу. Мебель в комнате не менялась с тех пор, как его прадед по отцовской

линии построил этот дом. И кровать, и стол, и шкаф были из темного массива. Двустворчатый шкаф имел больше двух метров в высоту и возвышался почти до потолка. В левую дверь было встроено зеркало, покрывшееся черными пятнами, а в правой торчал маленький ключик с кельтским рисунком.

На третий раз Дэрил узнал звук – это был лязг металлических вешалок. Он остановился перед дверью и посмотрел на свое отражение. Бледные голые ноги в трусах, волосатое пузо. И тут он услышал скрип туго натянутой веревки.

– Нет, – прошептал он, отпрянув от шкафа.

Звук повторился, а за ним последовали удушливые хрипы и попытки откашляться.

– Нет. Это все происходит не на самом деле, это не правда, – убеждал себя Дэрил.

Маленький ключ в кельтском стиле повернулся, удушливые хрипы стали явственнее, и дверь с зеркалом стала медленно открываться.

Внутри, между длинными зимними куртками и офисной рубашкой Дэрила, в петле висел его брат Джо – в синих джинсах, белой футболке и кроссовках Nike. При жизни Джо был красив, но сейчас его лицо посерело и опухло, глаза с остановившимся взглядом наполнились кровью, а рот был растянут в широкой улыбке. Дэрил закрыл глаза, но это не помогло. Когда он их открыл, Джо продолжал висеть на туго натянутой скрипящей веревке. Ноги в кроссовках висели где-то в метре над дном шкафа. Вдруг из его неподвижного растянутого рта вырвался ужасающий смех, и Дэрил почувствовал, как что-то теплое и мокрое льется ему на трусы. Он посмотрел вниз. Джинсы Джо были расстегнуты, он держал в руках член и писал на Дэрила.

Вдруг лицо Джо оживилось, и он открыл рот.

– Обоссался, обоссался! – зашипел он, улыбаясь еще шире.

Дэрил резко проснулся и сел. В комнате было темно, в дверь громко колотили. Нетвердой походкой он подошел и открыл дверь. За ней стояли родители.

– Время полпервого, мать твою, – начал Джон. – Какого черта ты спишь?

– Я взял больничный, – ответил Дэрил, протирая глаза.

– Не взял, – вступила мать. – Только что звонила некая Брайони, сказала, что она твоя начальница, и спрашивала, где ты.

– Работа делает из обезьяны человека, – Джон тряс пальцем для пущей убедительности. – Работа есть работа, миллионы людей не могут ее найти.

– Я разберусь, пап.

Джон опустил взгляд.

– Да ты обос-с-сался!

Дэрил посмотрел вниз и, к своему ужасу, увидел, что все трусы у него мокрые.

– О, нет...

– Сколько ж тебе лет? Господи! – воскликнул Джон и, качая головой, пошел к лестнице.

– Мам, я не... я... – начал бормотать Дэрил, все еще во власти ночного кошмара.

Мэри обеспокоенно посмотрела на него, а потом нагнулась и начала стаскивать с него трусы.

– Нет! – запротестовал Дэрил, пытаясь отойти в комнату, но она уже схватилась за резинку.

– Перестань, мне надо их в стирку положить.

– Мама, пожалуйста.

В итоге мокрые трусы болтались у него где-то в области колен, и он задом пятился в комнату.

Мэри не сдавалась.

– Чего я там не видела. Положу их в стирку, – повторяла она, стаскивая их с его расставленных ног.

Дэрил оглянулся в поисках одежды. Ему ничего не оставалось, кроме как прикрыть наготу руками. Мать прошла мимо него в комнату, неся в руках трусы, с которых капало, и раздвинула шторы.

– Мам, уйди, – умолял Дэрил.

Она оглядела комнату – стол с компьютером, огромную ламинированную карту Большого Лондона на стене и большое желтое мокрое пятно на простыне. Дэрил лег на пол, прикрывая руками пах.

– Вымойся. Похоже, снова придется доставать пеленки, – бросила она, выходя из комнаты и на ходу размахивая мокрыми трусами.

Когда мать вышла, Дэрил встал и схватил со спинки стула полотенце. Его охватили стыд и смущение. Он посмотрел на шкаф. Последний раз он описался в шестнадцать лет, когда повесился Джо.

Глава 51

Поквартирный обход был проведен в полном объеме, но не принес никаких результатов. Никто не вспомнил ничего необычного за последние недели и никто ничего не видел в ночь происшествия. Камеры фитнес-клуба и железнодорожной станции не захватывали проезжую часть. А значит, убийце в очередной раз удалось приехать и уехать, не оставив и следа.

Эрика вернулась домой во второй половине дня и рухнула на диван в надежде поспать хотя бы несколько часов, но сон ее был беспокойен: ей снились побитые лица Джанель, Лейси и Эллы, а потом она оказалась на парковке, огороженной высоким забором. Дело было ночью, парковка была совершенно пустая, только в дальнем углу стоял черный мусорный бак. Над ним склонился мужчина невысокого роста в бейсболке. Она побежала к нему, поскользнувшись на снегу, схватила его за плечо, развернула к себе и сбросила кепку. Вместо лица у него было расплывчатое пятно. Она отпрянула и заглянула в бак. В нем лежала она сама – избитая, в крови, на мешках с мусором, в окружении яичной скорлупы и гниющей пищевой массы.

Эрику снова разбудил звонок. В темноте она нащупала телефон. Это был Айзек.

– Вскрытие завершено.

– Выезжаю.

Когда она подъехала к моргу в районе Пендж, шел мелкий дождь, и Эрика поскорее вбежала внутрь. На улице потеплело, мокрый снег перемежался с дождем. Айзек встретил ее у двери, и вместе они сразу пошли к телу Эллы. Его бригада – инспектор, криминалист, фотограф и хранитель личных вещей жертвы – уже собиралась уходить. Они кивнули Эрике, проходя мимо. Тело Эллы лежало на стальном столе под чистой белой простыней. Голова была открыта.

Эрика не находила в себе сил снова пройти через эту процедуру. Она уже знала, что ее ждет, знала, что эту девушку замучили самым жестоким образом.

– Постараюсь как можно быстрее, – тихо сказал Айзек, читая ее мысли. Он подошел к телу и снял простыню.

– Как и у Лейси Грин и Джанель Робинсон, у нее множество порезов, некоторые из них на момент смерти начали заживать. Рядом с левым соском рана, похожая на укусы.

– Укусы? Ведь предыдущих жертв он не кусал?

– Нет. К сожалению, след недостаточно четкий для более детального исследования. Левая скула, череп и правое запястье сломаны. Также сломано три левых ребра. На правом бедре перерезана артерия. Это и стало причиной смерти, как и в предыдущие разы.

Эрика закрыла глаза и положила руку себе на лоб. Когда она снова нашла в себе силы посмотреть на косой разрез на груди Эллы, аккуратно, но жестоко зашитый крупными стежками, у нее закружилась голова, и ей пришлось схватиться за край стола. Колени подкосились, и Айзек еле успел подхватить ее.

– Все хорошо, – ободряюще сказал он, крепко ее держа. Два ассистента недоуменно посмотрели на Эрику.

– Я в порядке, – сказала она. Но как только он ее отпустил, колени снова затряслись.

– Так, пойдём ко мне в кабинет, выпьешь стакан воды.

По сравнению с холодным моргом в кабинете Айзека было тепло и уютно. Эрика села в удобное кресло. Он подошел к маленькому холодильнику и достал бутылку воды. Она щедро отпила и откинулась на спинку.

– Ты бледная.

– Я всегда бледная, – пошутила Эрика.

Он взял ее запястье и стал считать удары.

– Какой у тебя пульс в состоянии покоя?

– Я не знаю.

– Спортом занимаешься?

– Я всегда куда-то бегу.

– Когда в последний раз здоровье проверяла?

– Где-то пару лет назад. Помнишь, когда меня ребенок укусил на Луишем-роу? Мне пришлось делать рентген, сдавать кровь и все остальное.

– И?

– Все нормально.

Айзек сел в кресло напротив.

– Ты нормально спишь?

– Иногда, но с этим расследованием не могу себе позволить такую роскошь.

– Так жить нельзя.

– А вот я так живу, – отрезала она и сделала еще несколько глотков воды. – Прости.

Тут, к своему ужасу, Эрика заплакала.

Айзек взял ее руку в свою, и она не стала ее отдергивать.

– Еще раз говорю, так жить нельзя, Эрика.

– Я больше не знаю, как надо жить. Когда я познакомилась с Марком, я отталкивала его. Не потому, что я не хотела быть с ним. Я быстро почувствовала, что мы стали одним целым. И у меня всегда было к кому вернуться домой. С кем куда-то пойти, с кем поделиться... Мне нужно это все, но даже тогда мне казалось это слабостью. Не знаю, понятно ли я говорю.

– Тебе казалось, что влюбиться – это слабость? – удивленно спросил Айзек, поведя бровью.

Эрика кивнула.

– Разве не проще, в итоге, быть одной? Ты неуязвима, никто не может у тебя ничего отнять.

– Это очень депрессивный взгляд на жизнь, Эрика.

– Ты же знаешь, каково это – терять близких. Стивен умер в прошлом году. Разве после этого ты можешь чувствовать себя в безопасности?

Айзек немного выпрямился, как будто его застали врасплох, и уже не выглядел так уверенно.

– Я любил Стивена, но мы были вместе всего пару лет, и, как ты помнишь, все было... бурно.

– Неважно, сколько времени ты его любил. От этого же ты не меньше скучаешь по нему.

Он кивнул. Эрика вытерла слезу.

– В том числе поэтому я и не хотела детей с Марком. То и дело откладывала... А он хотел детей.

Айзек сидел и молча слушал.

– А когда Марк умер, я пыталась просто жить. Мне казалось, если я проживу день, неделю, месяц, год, станет легче. Но легче не становится. И приходится смиряться не только с потерей – а она

подтачивает меня каждый день, – но еще и как-то проживать всю эту жизнь, которая осталась впереди. Одной. И об этом никто ведь не хочет говорить?

Айзек кивнул.

– Люди как-то способны посочувствовать и понять, что ты пытаешься справиться с потерей. Но когда ты пытаешься заполнить пустоту, которую оставила потеря, – это просто невозможно. Знаешь, я где-то с Рождества встречаюсь с Питерсоном... то есть с Джеймсом.

– Он тебе нравится?

Эрика кивнула и потянулась за упаковкой бумажных платочков на столе.

– Он просто хочет быть со мной, а я его все время отталкиваю. Он такой хороший человек... как Марк – его все любили. Не понимаю, почему Марк должен был умереть, а я все еще здесь. Он был таким прекрасным человеком, а я просто сука.

Айзек засмеялся.

– Так и есть, ничего смешного.

– Ты не сука, но иногда тебе приходится ею казаться. Чтобы делать работу.

– Айзек, это дело... оно останется нераскрытым. Я это знаю. У меня нет ничего. И мне нужно везти сюда родителей Эллы Уилкинсон на опознание. А завтра надо ехать на похороны Спаркса. У него двое маленьких детей.

– Эрика, тебе нужно держаться. Хочешь у меня пожить несколько дней? Можешь уходить и приходить, когда захочешь. Иногда же нужно, чтобы кто-то был дома, когда ты возвращаешься. Я обещаю – руки распускать не буду.

Эрика засмеялась.

– Нет, спасибо, я просто хочу побыть одна.

– Нет, не хочешь. Я вскрываю людей каждый день, и многие из них очень молоды, им еще жить бы и жить. Я думаю, что, умирая, они жалели о многом, думали, что надо было быть добрее, больше любить, не так сильно нервничать. Езжай к Джеймсу. Кто знает – может, завтра ты уже будешь мертвая на том столе лежать.

– Жестко, но это правда, – сказала Эрика. – Тебе стоит чаще давать советы.

– Я так и делаю, но по большей части люди уже не могут воспользоваться моими советами. Они мертвы.

Эрика подошла к нему и от всего сердца обняла.

Глава 52

Питерсон сидел дома и смотрел телевизор. Около восьми вечера в дверь позвонили. Он выключил звук и пошел к двери. Увидев вымокшую насквозь Эрику с прилипшими к лицу волосами, он очень удивился. Несколько мгновений они стояли и молча смотрели друг на друга, только дождь барабанил по окнам.

– Дождь на улице? – спросил он.

– Немножко накрапывает, – ответила Эрика, и они оба рассмеялись.

– Заходи, женщина, а то замерзнешь насмерть, – отошел он в сторону, пропуская ее.

– Прости за то, что я сказала тогда.

Как только он закрыл дверь, она взяла его лицо в свои руки и поцеловала. От неожиданности Питерсон не сразу ответил ей. Стягивая друг с друга одежду, они добрались до спальни и упали на кровать.

– У тебя столько еды в шкафах, – удивилась Эрика, когда через пару часов они, проголодавшись, выползли из постели и взяли по холодному пиву.

Она ходила в его безразмерной футболке с истершимся изображением Скуби-Ду.

– Да? – переспросил он, сев в одних трусах на столешницу.

– У тебя тут даже есть листья кафир-лайма. Из них что – можно что-то приготовить?

– Карри. Блюда с лапшой. Кучу всего, – усмехнулся он и отхлебнул пиво.

– Видимо, мы зря заказали пиццу.

– В следующий раз я приготовлю тебе что-нибудь, – сказал он и спрыгнул, чтобы ее обнять.

Эрика провела руками по его гладкой мускулистой спине и ощутила тепло его кожи.

– Было бы здорово, – сказала она, положив подбородок ему на плечо. – Жаль, я такая высокая. Классно, когда можно положить голову на грудь мужчине. Это успокаивает.

– Хочешь, я положу свою голову тебе на грудь?

– Ха-ха, очень смешно.

Они стояли обнявшись, и Эрика рассматривала его квартиру. Это была классическая мужская берлога с черной кожаной мебелью и гигантским телевизором с игровой приставкой на ковре. Еще была его фотография в подростковом возрасте в окружении родителей, сестры и бабушек с дедушками. Когда-то он рассказывал, что его сестра покончила с собой, когда была подростком. Значит, она не единственная в этом мире потеряла близкого человека.

– Марк был немного ниже меня. И очень переживал из-за этого. Терпеть не мог, когда я носила каблуки. Я и так-то почти не носила, но иногда хотелось.

– Я не пытаюсь его заменить, – сказал Питерсон, заглядывая ей в глаза. – Я знаю, что это невозможно.

– Я знаю, что не пытаешься, но мне нужно жить дальше, и ты мне очень нравишься. И Марку бы ты понравился, мне кажется.

Питерсон снова прильнул к ней и поцеловал. В дверь позвонили.

– Это, наверное, пицца, – сказал он.

Они сели с горячей пиццей смотреть вечерние новости, открыв по новой бутылке пива. В национальных новостях не было упоминания о гибели Эллы Уилкинсон, но в новостях Лондона ее смерть стала темой номер один. Были и кадры из Бекенхема. К счастью, репортеры приехали на место уже после того, как судмедэксперты завершили свою работу, и засняли только полицейский кордон на парковке и одну-единственную патрульную машину. Им пришлось довольствоваться парой коротких интервью с жильцами – молодой женщиной с двумя маленькими детьми и пожилым мужчиной в кепке.

– Теперь я боюсь отпускать детей гулять одних, – сетовала женщина, держа за руки непоседливого сына и дочь.

– Это же ужас. Не ожидал, что такое может произойти в нашем районе, – жаловался пожилой мужчина в очках с толстыми линзами, жмурясь на камеру.

После этого показали женщину на фоне железных ворот. Вдали виднелся дом и дорога к нему. Дорога была в тени, а женщина, наоборот, попала под яркий свет прожектора. От порыва ветра ее волосы закрыли лицо, и она стала их убирать.

– Ночью полиция совершила рейд на ферму в тридцати километрах от Лондона, – с выражением докладывала корреспондентка. – Никого не арестовали, но местные жители недоумевают, связана ли гибель Эллы Уилкинсон со смертями Лейси Грин на севере Лондона и Джанель Робинсон – бездомной девушки, тело которой было найдено прошлым летом. Все жертвы были обнаружены в мусорных баках. Мы связывались с Лондонской полицией, но не смогли найти никого, кто мог бы это прокомментировать.

Дальше новости переключились на студию, где начался репортаж о нехватке велодорожек в районе Айлингтон.

– Терпеть не могу местные новости. Вроде бы им и сказать-то нечего, информации нет, но людей пугают изо всех сил.

– Может, людям как раз и нужно испугаться.

– И Мелани ведет себя непоследовательно... Мы сейчас чисто подружески беседуем, ладно? – оговорила Эрика. Питерсон кивнул. – Сначала она активно включилась в дело, устроила для нас рейд, а сейчас опять куда-то запропастилась, и я не могу до нее дозвониться.

Словно в ответ на эту претензию у Эрики зазвонил телефон. Она вытерла руки и пошла к куртке, в которой он лежал.

– Не к ночи была помянута... – сказала она, показывая на телефон.

– Эрика, ты видела новости? – не здороваясь, спросила Мелани.

– Смотрю.

– Почему там сказали, что в полиции никто не смог прокомментировать?

– Потому что так и было. Я пыталась до тебя дозвониться. Колин все еще разгребает пресс-конференцию, а родители Эллы Уилкинсон только два часа назад опознали тело.

Мелани была вне себя от ярости.

– Нас вызывают завтра к заместителю комиссара в девять утра. Надо быть готовыми.

– Я готова. Это ты недоступна последние два дня, – выпалила Эрика. Питерсон поморщился и покачал головой, услышав ее слова.

– Я и.о. суперинтенданта, Эрика, и, пока ты не поняла, что это означает, держи свое мнение при себе. Завтра в девять, Скотланд-Ярд.

Она положила трубку. Питерсон продолжал качать головой.

– Зачем ты так на нее набросилась?
– Я в бешенстве.
– И чем тебе поможет срыв на собственного босса?
– Полегче. Я – твой босс, например.
– Прямо сейчас – нет. Сейчас ты просто симпатичная девчонка, которая у меня в квартире пиццу ест, – улыбнулся он.
– Симпатичная девчонка?
– А что – нет?
– Ну, я уж точно не девчонка.
– Значит, ты моя женщина?
Эрика взяла из коробки еще один кусок пиццы.
– Ну... наверное... Однозначно не девчонка.
– Хорошо, значит, не симпатичная и не девчонка. Но тебя бесит твоя начальница. Хотя бы в этом мы можем согласиться?
– Да, – засмеялась Эрика.
– Но это может помешать тебе в работе, – сказал Питерсон, посерьезнев. Она перестала улыбаться и кивнула.
– Но я ведь не выслуживаюсь перед начальством?
– Нет. А теперь ешь. И пусть твой дерзкий рот помолчит.
Эрика кивнула и стала есть.
– Может, мне стоит пойти завтра на встречу с полным ртом пиццы. Это избавит меня от проблем.

Глава 53

Дэрил не выходил из комнаты весь день. Он боялся уснуть и опасался родителей. В голове у него все перемешалось. Похищать женщин ему было не страшно, но, после того как он их убивал и избавлялся от тел, вся его смелость куда-то девалась, и он ощущал себя испуганным, незначительным, слабым неудачником, каким он всегда и был. Днем он принялся за новый поиск на «Фейсбуке» и Match.com. Он всегда находился в поиске. Для него это стало потребностью, привычкой. Ему нравились девушки с длинными темными волосами, и он скопировал себе на рабочий стол несколько вариантов, которые ему приглянулись. «Я просто смотрю», – уверял он сам себя.

Спуститься вниз он отважился, только когда услышал скрип родительской кровати, что означало, что они улеглись спать. Грендель лежала в своей огромной корзинке в прихожей, и, увидев его, радостно застучала хвостом. Он достал из холодильника запеченный с медом окорок, и они вместе его съели. Дэрил не сводил глаз с ее огромной белой пасти. Они прекрасно поместились на ее лежаке, и только тогда Дэрил смог заснуть.

Проснувшись он около пяти. Он лежал, прижавшись к ее мягкой мохнатой спине, чтобы не замерзнуть. Получается, Грендель была единственным близким ему живым существом. С облегчением он увидел, что в эту ночь штаны от спортивного костюма, в которых он спал, остались сухими.

Дэрил принял душ и уехал на работу пораньше. Обыденность офисной обстановки окончательно успокоила его, и утренние часы не были отмечены ничем примечательным. Он рано ушел на обед в «Макдоналдс» рядом с больницей Гай-энд-Сент-Томас. Когда он вернулся, людей в офисе было совсем немного. В их отсеке сидела одна лишь Брайони и ела у себя за столом.

Он сел и начал распаковывать свой пакет. Почувствовав на себе ее взгляд, Дэрил поднял голову. Брайони ритмично жевала и немигающим взглядом смотрела на монитор. За грязными линзами очков ее глаза казались непропорционально большими. Присмотревшись и принюхавшись, он понял, что на обед она принесла

остатки какого-то индийского блюда в контейнере. Он посмотрел ей в глаза и улыбнулся. На губе у нее висел маленький кусочек чеснока.

– Ты не захотел пойти в паб с остальными?

– А я и сейчас там. Это просто моя голограмма, – ответил он, взмахнув рукой над головой. Брайони недоуменно смотрела на него. – Брайони, это шутка.

– А, – хохотнула она, выплюнув себе на подбородок наполовину пережеванный кусочек бхаджи. – Ой, я такая свинья.

Она покраснела, вытерла пальцем подбородок и засунула кусочек обратно в рот.

Дэрил повернулся к своему компьютеру и начал есть. Он зашел на сайт Би-би-си и уже собрался искать информацию по Элле Уилкинсон, как вдруг услышал, как Брайони откашливается рядом с ним, и чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Хочешь луковый бхаджи?

Он обернулся. Брайони стояла рядом и протягивала ему свой контейнер. В нем на бумажном полотенце были аккуратно выложены темные бхаджи. Что-то было ребяческое в том, как она протягивала контейнер, – как будто они были в детском саду и она угощала его печеньем. Пахли они аппетитно. Он посмотрел на свой обед из «Макдоналдса», который успел вспотеть в пакете и остыть по дороге.

– Спасибо, – сказал он и взял один оладушек, который оказался очень вкусным.

– У меня отец заказывает много индийской еды, – сказала она, аккуратно запуская в контейнер свои пальцы-колбаски.

– Я люблю индийскую кухню. Но у нас рядом с домом нет хорошей доставки, – ответил он с полным ртом.

Брайони робко кивнула, тоже положила в рот бхаджи и стала жевать.

– В обед разрешено сидеть в интернете, так что не волнуйся, – сказала она.

– Какая-то сплошная безнадега в новостях.

Брайони кивнула.

– Хочешь еще один?

Она поставила свой контейнер прямо ему под нос, радуясь, что ее новый друг по песочнице захотел с ней поиграть. Он взял два.

– Это твоя собака? – спросила она, наклонившись к фотографии Грендель, прикрепленной к монитору.

– Да.

– Это он или она?

– Она.

– Красивая. По-своему.

– Да. Это смесь стаффордширского терьера и далматинца, – ответил Дэрил, взяв фото в руку. – Ее зовут Грендель.

Брайони вытерла руки об джинсы и взяла фотографию.

– Грендель? Это французское имя?

– Нет. Знаешь сюжет «Беовульфа»? – спросил Дэрил, забирая Грендель из ее жирных пальцев.

– Прости, – Брайони смотрела, как он аккуратно вытирает фото салфеткой. – Я видела фильм «Беовульф». То есть мультфильм.

– Фильм снят не по оригинальному сюжету. Изначально это эпическая поэма, очень древняя. Грендель – это чудовище.

– Зачем называть собаку именем чудовища?

– Ну, не всем Грендель кажется чудовищем. Для кого-то такое чудовище – лучший друг.

Брайони в задумчивости прожевала и проглотила последний кусок. На мониторе Дэрила была открыта страница новостей Би-би-си со статьей про Эллу.

– Я слежу за этой историей. Девушек, которых убили. Я живу рядом с Ватерлоо, там недалеко пропала первая девушка.

– Тебя он бы не похитил, – сказал Дэрил, откусывая бхаджи. У Брайони задрожали губы. – Я имею в виду, что ты слишком умна, чтобы потерять голову из-за какого-то чувака с сайта знакомств.

– Я пробовала сайты знакомств. Но ничего не получилось, – смущенно призналась она.

«Это потому, что ты выставляла свое настоящее фото!» – воскликнул он про себя, но вслух ничего не сказал, а лишь доел бхаджи.

– Первая жертва продавала кофе, но вторая работала в офисе. У нее даже должность была такая же, как у меня, – администратор, – сказала она, натягивая кофту на попу своими большими, но нежными руками.

– Просто будь бдительна. Предупреждай близких, где ты будешь, – стал советовать Дэрил.

Он представил, каково бы это было – убить ее. Нож бы наверняка отскакивал от ее жирных ляжек. Ему не удалось сдержать смешок. Он тут же закрыл рот рукой и притворился, что закашлялся.

– Все в порядке, – отмахнулся он, когда она попыталась ему помочь.

Брайони начала стучать ему по спине.

– Лучше?

Он кивнул и отпил кока-колы.

– Дэрил...

– Да?

– Я смотрела «Беовульф», когда он шел в ИМАХ. Кстати, у меня есть два билета в кино, в ИМАХ рядом с Ватерлоо. Мне их на день рождения подарили.

– Когда у тебя был день рождения?

– Сегодня, – сказала она, потупив взгляд.

– Ой. С днем рождения.

Он посмотрел на нее. Брайони схватила еще один бхаджи и засунула его в рот.

ИМАХ в Ватерлоо стоял на месте бывшего кругового перекрестка Булринг рядом с железнодорожной станцией. Пройти к нему можно только через один из четырех отсыревших, темных бетонных подземных переходов, в которых всегда много бездомных. Он давно хотел похитить бездомную девушку. Что-то есть особенное в их отчаянной решимости перед лицом смерти... Дэрил поднял взгляд и понял, что Брайони сказала что-то еще, а он не слышал.

– Ну так ты хотел бы пойти, Дэрил?

– Куда?

– В ИМАХ со мной. Завтра вечером. На «Стражей Галактики».

Дэрил задумался. Это отличная возможность осмотреться. Просто посмотреть. Он уже не мог остановиться – его словно комар укусил, и эту ранку хотелось теперь чесать постоянно. Кинотеатр – огромный, в самом центре, а Брайони – лучшее прикрытие.

– Хорошо, – сказал он.

– Значит, у нас свидание? – спросила она, дожевывая последний бхаджи.

– Да. Свидание, – ответил Дэрил, натужно улыбаясь, пока она не отошла к своему рабочему месту, краснея от смущения.

Он снова вытер фотографию Грендель и прикрепил ее к монитору, который успел перейти в спящий режим и превратился в черное зеркало, напомнившее Дэрилу, как он выглядит. Внутри он ощущал себя сильным непобедимым бойцом – настоящим Беовульфом, но с экрана на него смотрело самое обычное рыхлое лицо с круглым подбородком и маленькими глазками.

Он откинулся на спинку стула, и тут до него дошло: Брайони на самом деле решила, что у нее есть шанс с ним. У нее – с ним!

Остаток дня он с трудом мог концентрироваться на работе. Сидящая напротив Брайони постоянно смотрела на него и улыбалась, а в четыре даже принесла ему кофе из «Старбакса».

Улыбнувшись, он взял стакан, но внутри все бушевало. Он ей покажет. Она еще пожалеет, что ей пришло в голову, что они на одном уровне.

Глава 54

На следующее утро Эрика и Мелани встретились у здания Скотланд-Ярда. Не обменявшись ни единым словом, они двадцать минут просидели у дверей кабинета заместителя комиссара, пока наконец ее секретарь не прервал напряженную тишину и не пригласил их войти.

Камилла, в черном брючном костюме и белой шелковой блузке, выглядела убийственно, или, по крайней мере, травмоопасно. Она заняла место во главе длинного стола в углу своего кабинета. Справа от нее сел миниатюрный мужчина с серьезным пухлым лицом, а слева – молодой сотрудник в форме, исполняющий функции секретаря. Мелани села на противоположном конце стола, Эрика – рядом с ней.

– Спасибо, что пришли, – начала Камилла. – Я позвала вас на эту встречу, чтобы обсудить тройное убийство. В присутствии и.о. командира Мейсона.

Миниатюрный мужчина кивнул. Камилла демонстративно открыла лежащую перед ней папку и надела очки, висящие у нее на груди на золотой цепочке.

– И.о. суперинтенданта Хадсон, какое обращение вы предпочитаете – Мел или Мелани?

– Мелани.

– Хорошо, это очень мудро, – заметила она, просматривая бумаги.

Мелани заерзала, и Эрика краем глаза посмотрела на нее. Камилле доставляло особое удовольствие смущать людей своими неожиданными комментариями.

– Мелани, я пригласила вас сюда вместе с Эрикой, чтобы получить общее представление о расследовании. Родители Эллы Уилкинсон обратились в независимый комитет, занимающийся претензиями в адрес полиции, и готовят официальную жалобу на вас и полицию Лондона, и мы бы хотели узнать ваше с Эрикой видение ситуации. На этом этапе пока неофициально.

– Тут нет никакого видения. Есть факты. Вы хотите знать факты? – вмешалась Эрика.

Мелани, казалось, не возражала против такой активности.

Камилла кивнула.

– Я держала Мелани в курсе происходящего на всех этапах расследования. Мы заканчивали подготовку к пресс-конференции по поводу Джанель Робинсон и Лейси Грин, когда услышали о пропаже Эллы Уилкинсон. У меня было менее десяти минут, чтобы принять решение, включать информацию о ее похищении в текст своей речи или нет. На том этапе мне было известно только то, что Элла похожа по возрасту и типу внешности на Лейси и Джанель и что она пропала примерно при тех же самых обстоятельствах. Я приняла решение не включать ее имя, чтобы не отвлекать внимание от жертв, про которых мы все знали точно. Кроме того, я не хотела подпитывать слухи, что речь идет о серийном убийце.

– Я не получала всю информацию о развитии событий, – возразила Мелани.

– Получала, – повернулась к ней Эрика. – Но ты была где-то на конференции, и мы не могли поговорить.

– Это была конференция по расовой осознанности, мэм.

Камилла предупредительно подняла вверх руку с идеальным маникюром.

– При чем здесь это?

Мелани только открывала и закрывала рот. Она была совершенно сбита с толку.

– Если бы это была конференция по яблочным воришкам, вы бы с тем же пафосом мне об этом сообщили?

– Я просто информирую, – уязвленно ответила Мелани.

– Мне нужна полезная информация, а не пиар.

– Да, мэм, – выговорила Мелани, пытаясь справиться с лицом.

Эрике было ее почти жалко.

Камилла снова уставилась в папку.

– Вы в курсе, что журналист из одной национальной газеты приезжал к родителям Эллы Уилкинсон, коими являются отставной старший суперинтендант Уилкинсон с женой, и проинформировал их о вашей спецоперации на ферме?

– Нет, – ответила Мелани и посмотрела на Эрику, которая тоже покачала головой.

– Им рассказали, как вы в срочном порядке подняли два наряда спецназа и направили их в дом мистера Дариуса О'Кифа и его престарелой недавно овдовевшей матери. По чистой случайности

мистер О'Киф оказался еще и известным трансвеститом, он выступает под именем Магические Яйца.

Камилла сделала театральную паузу, и Эрика заметила, как на лице молодого сотрудника, который вел протокол, проскользнула улыбка. И.о. командира Мейсон продолжал сидеть со строгим выражением лица, разместив на столе свои маленькие аккуратные руки.

– Мистер О'Киф также изъявил желание подать официальную претензию, – продолжила Камила. – По его словам, полиция вела себя вежливо, но в принадлежащем ему магазине костюмов был произведен выстрел винтовкой Heckler&Koch G36, в результате чего получил повреждения пластиковый манекен с пластиковым пистолетом в руках. На него был надет инкрустированный кристаллами Swarovski бюстгальтер стоимостью семнадцать тысяч фунтов. Остается только ждать, когда вся эта информация всплывет в масштабе всей страны. И кульминацией истории будет то, что через считанные часы после этого дочь бывшего старшего суперинтенданта Уилкинсона была найдена мертвой.

Эрика взглянула на Мелани, но та лишь вжалась в стул и смотрела в одну точку на полированном столе.

– Мэм, вы знаете, что в прессе факты искажаются так, чтобы выставить нас некомпетентными, – вступила Эрика. – Мы перешли к действиям, получив информацию из – как нам показалось – заслуживающего доверия источника, который среагировал на наше телевизионное обращение. Я знала, что Элла Уилкинсон числится пропавшей уже три дня и что время истекает. Нашим долгом было поехать туда и проверить потенциально опасного человека, который вполне мог оказаться тем самым убийцей, уже расправившимся с двумя девушками. Очень легко сейчас сидеть здесь и пересказывать эту историю, как смешной анекдот.

– Я не нахожу это смешным, – отрезала Камила.

– У нас было очень мало времени на принятие решения, и я считаю, что я сделала все, что могла, в этой сложной ситуации.

Повисла холодная тишина. Эрика посмотрела на Мелани в надежде, что та вставит хоть слово, но та молчала.

– Дело не в том, что мы считаем, Эрика, – ответила Камила. – Дело в том, каким образом формируется общественное мнение. А в

наше время многие наши действия и решения продиктованы общественным мнением. Оно влияет и на бюджеты, и на стратегии. Пресса сейчас все выставит так, что мы напали на гомосексуала, нанесли ему ущерб, и не забудет упомянуть, во сколько налогоплательщикам обходится срочный выезд двух нарядов спецназа.

– Какой вообще был смысл устраивать эту встречу? – воскликнула Эрика. – Ведь вы уже сами разделяете этот зашоренный взгляд на факты и видите их через призму таблоидов.

– Эрика, что за тон, – попыталась урезонить ее Мелани.

– Значит, теперь ты, наконец, решила высказаться и показать, кто здесь начальник, – Эрику несло.

– Мелани – ваш суперинтендант, – впервые подал голос Мейсон.

– И.о. суперинтенданта, – поправила его Эрика. – И, прошу прощения, сэр, но вы принимали непосредственное участие в принятии этого решения. Может, добавьте что-нибудь?

Мейсон поежился.

– Мне не нравится, когда меня пытаются поймать с поличным.

– Поймать с поличным! – вскричала Эрика. – Мы на совещании касательно операции спецназа, которую утвердили лично вы, сэр!

– Пожалуйста, подождите за дверью, Эрика, – вмешалась Камилла.

Эрика вспомнила, как накануне дня своей смерти Спаркс говорил о несправедливости претензий Камиллы в его сторону. Ей захотелось, чтобы он был сейчас здесь. Просто потому, что он не боялся ей возражать. Мелани же сидела тихо, как трусливая мышь.

– Я бы только хотела кое-что добавить к протоколу. Несмотря на то, что полиции действительно необходима поддержка общества, у общества нет и не может быть полной картины расследования.

– Эрика.

– И прошу вас не допускать, чтобы ходом расследования управлял родственник одной из жертв. Мои люди день и ночь работают и ищут убийцу этих трех женщин. Это наш приоритет, мэм.

Камилла растянула губы в еле заметной улыбке.

– Спасибо, Эрика, на этом все, – сказала она.

Когда Эрика выходила из комнаты, у нее пар валил из ноздрей. Мелани так и продолжала смотреть в одну точку.

Глава 55

Эрика ждала Мелани в полицейской машине без опознавательных знаков. Еще до встречи они договорились, что потом вместе поедут на похороны Спаркса. Через десять минут Мелани вышла из здания Скотланд-Ярда и села на заднем сиденье рядом с Эрикой. Было видно, что она крайне раздражена.

– С этого момента я хочу знать обо всем, что происходит, – холодно сказала она, когда машина тронулась. – Хочу, чтобы ты информировала меня о каждом своем решении.

– Значит, я лишь продолжу делать то, что и так делала. А уже от тебя зависит, будешь ты отвечать на сообщения, которые я тебе оставляю, или нет, – парировала Эрика.

– Я твой начальник! – закричала Мелани, повернувшись к ней.

– Тогда так себя и веди! – в тон ей крикнула Эрика.

Они впились друг в друга глазами, а затем отвернулись каждая к своему окну и стали смотреть на проплывающие мимо здания.

– Прошу прощения, напомните, во сколько похороны? – спросил водитель.

– Через час, так что лучше надавите на газ, – откликнулась Эрика.

– В случае необходимости разрешаю включить мигалку, – добавила Мелани.

Водитель взглянул на Эрику в зеркало заднего вида.

– Ты знаешь, это вообще-то незаконно. У нас нет никакого основания включать мигалку, если мы просто опаздываем на похороны, – заметила Эрика.

– Да. Просто хотела, чтобы мы не опоздали на прощание с коллегой.

– Постараюсь побыстрее, – ответил водитель.

– Спасибо, – сказала Эрика.

Остаток пути они проехали молча.

Похороны суперинтенданта Спаркса проходили в маленькой церкви в Гринвиче, расположенной на небольшом холме с видом на Королевский военно-морской колледж и на город. Они приехали как раз к самому началу службы и пробрались на один из последних рядов.

Народу пришло много, учитывая, что Спаркса нельзя было назвать миролюбивым и дружелюбным коллегой. Эрика подумала, что многие пришли просто по долгу службы. На переднем ряду сидела его жена с пожилой супружеской четой и маленькой девочкой в черном бархатном платье и с черной лентой в волосах. Гроб сиял в ярком свете ламп. Он был покрыт цветочной композицией из белых и красных роз и гипсофил.

«Интересно, любил ли Спаркс розы, – думала Эрика. – Ходил ли в церковь? Сколько людей из общины в самом деле его знали?» Все эти мысли потоком проплывали у нее в голове. На похоронах полагается думать об умершем, но очень часто возможности для этого просто нет. Эрика вспомнила похороны Марка и то, как ей пришлось заниматься выбором цветов, музыки, речами. Все это казалось совершенно непохожим на Марка и ненужным ему – молодому, энергичному человеку.

Самым проникновенным моментом службы стало выступление друга детства Спаркса. Он рассказал, как они росли вместе, были лучшими друзьями и после школы уехали на год в путешествие.

– Энди был моим лучшим другом. Он был сложным человеком, но с чутким и отзывчивым, неравнодушным сердцем. Обстоятельства жизни и работы повлияли на него под конец... Я сейчас жалею, что мы так мало разговаривали в последнее время. Спи спокойно, дружище...

Эрика посмотрела на Мелани, которая сидела рядом с ней, и увидела, что у нее по щеке течет слеза. Она взяла ее за руку и пожала. Мелани кивнула, и Эрика отпустила руку. Когда включилась музыка и они встали почтить память Спаркса, Эрика увидела Марша. Он сидел на несколько рядов впереди с другими старшими полицейскими чинами. Она знала их только в лицо, не по имени. Надеясь поймать его взгляд, она подалась вперед, но в этот момент заиграл национальный гимн.

Служба закончилась через час. Эрика и Мелани вышли из церкви и встали около выхода, в стороне от людского потока. Между ними стояла стена недоговоренности, и Эрика не знала, как сломать ее.

– Подойду к вдове Спаркса, – сказала Мелани, высмотрев ее через дверь церкви. Она стояла в окружении людей, пожелавших выразить ей свои соболезнования.

– Мелани, слушай... я была не в себе у Камиллы. Прости.

– Все в порядке. Как сказал друг Спаркса, эта работа, она... – Мелани хотела сказать что-то еще, но решила не заканчивать фразу.

– Мешает иногда достойно себя вести. Это я про себя сейчас.

– Давай попробуем связываться пару раз в день. Я буду следить за тем, чтобы быть на связи, когда я не в участке.

– Конечно, – улыбнулась Эрика и кивнула.

Мелани пошла назад в церковь, пробираясь сквозь встречный поток, а Эрика подождала еще несколько минут. Наконец появился Марш. Он выглядел очень уставшим, но не потерял привлекательности – постригся и похудел. Волевой подбородок стал еще более выраженным. Сейчас он напоминал того человека, у которого она и Марк много лет назад учились в Манчестере. А затем его честолюбивые планы проложили между ними пропасть.

– Ну наконец-то я смогу с тобой поговорить, – вместо приветствия обратилась к нему Эрика. Он наклонился к ней, и она поцеловала его в щеку. – Почему ты не отвечал на телефон?

– Прости, Эрика, последнее время все не очень хорошо.

– Да, слышала. И когда ты собирался мне рассказать о своем увольнении?

– Ты не могла бы потише говорить? – закатил он глаза.

– А ты не мог бы перезванивать, чтобы мне не пришлось вылавливать тебя на похоронах?

Он провел пальцем по воротнику рубашки.

– Ты едешь на погребение?

– Не знаю. Не планировала.

Они отошли в сторону, пропуская людей, вышедших пожать руку священнику, и двинулись к воротам.

– Я слышал, ты была с ним, когда он умер?

– Да, была в его кабинете со своими требованиями, когда он упал.

– Значит, запилила его до смерти? – невозмутимо спросил Марш.

– Очень смешно.

Они подошли к воротам, и Эрика увидела машину, на которой они с Мелани должны были вернуться в участок.

– Пойдем пообедаем, я приглашаю, – сказала она, беря его под руку. – Хочу услышать все новости, а также узнать твое мнение насчет одного расследования.

Глава 56

Они прошлись до центра Гринвича и нашли уютное маленькое кафе, где заказали по большому кофе и полному английскому завтраку.

– Я знаю, что ты не любишь делиться подробностями, но я в шоке, что тебя уволили, – сказала Эрика, когда они уселись за угловым столиком.

– Ты, как всегда, не выбираешь выражения, – ответил он, смущенно поправляя приборы.

– Что же все-таки произошло?

Он глубоко вздохнул.

– Меня уволили, потому что полиция Лондона внезапно решила прижать семью Гэд за отмывание денег на их экспортно-импортных операциях. Помнишь эту семью? Мы имели с ними дело, когда работали на Луишем-роу.

– Я прекрасно помню, как мне перепало за тот поминальный обед по матери Пола Гэда, когда я пыталась вычислить свидетеля и все им испортила, – сказала Эрика.

Марш горько усмехнулся.

– Да. Я тоже об этом не забыл. Тяжело было заглядывать тот инцидент.

– Так что стряслось с семьей?

– Последние двадцать пять лет полиция закрывала глаза на некоторые направления их деятельности в обмен на информацию. По документам семья Гэд осуществляет переработку бумаги и пластика в Лондоне и его окрестностях. Также они владеют складским комплексом на Собачьем острове, он нужен для импорта и экспорта.

– То есть они – мафия?

– Они не занимаются наркотиками и оружием. В основном под ними черный рынок сигарет и алкоголя.

– А переработка отходов?

– Это на сто процентов законный бизнес. И очень прибыльный. Они собирают весь лондонский мусор, сортируют и отправляют в Китай.

Пока официант расставлял на столе тарелки, им пришлось прервать беседу. Английский завтрак был роскошно сервирован,

жареные бобы подали в отдельном горшочке, и некоторое время они молча ели.

– Хорошо, но тебя-то в чем обвиняют? Взятки? – спросила Эрика, намазывая маслом тост.

– Нет-нет, – он отпил кофе, демонстрируя явное беспокойство. – Не забывай: когда меня назначили старшим суперинтендантом, мне в наследство достался персонал, инфраструктура, бюджеты...

– Да, я знаю, как все работает.

– А также я унаследовал отношения моего предшественника с Полом Гэдом. Сейчас ему семьдесят, но он по-прежнему принимает активное участие в семейном бизнесе. И была договоренность, что на определенные грузы, которые будут поступать к ним на склад, таможня и акцизное управление закроют глаза.

– Но ты же не работаешь на таможню и управление.

– Но я мог инструктировать своих людей, чтобы они помогали маскировать некоторые моменты или отвлекать от них внимание. Ничего масштабного, просто небольшая помощь в сокрытии их дел от назойливых глаз.

– Ясно.

– Эрика, все об этом знали. Это был секрет, известный всем. Но, как ты знаешь, ничто не вечно под луной, и, когда Камилла стала замкомиссара, ей захотелось оставить след, снискать расположение верхушки госслужащих и правительства. Ее муж – близкий друг канцлера казначейства, и Камилла увидела возможность отхватить полмиллиарда неуплаченного налога семьи Гэд. Началось расследование, и покатились головы. В том числе моя.

– А семья может заплатить полмиллиарда?

– Если им удалось договориться с таможней Ее Величества и акцизным управлением, значит, они могут позволить себе если не всю сумму, то большую ее часть. Камилла поставила целью вырвать жирную победу для полиции.

– Но только на самом деле это же не будет победой?

Марш покачал головой.

– Обратная сторона нашего с ними соглашения состояла в том, что мы могли контролировать, что приходит в Лондон по реке. Они помогали нам держать дверь закрытой для многомиллиардного потока наркотиков. Теперь с этим покончено, и полиции придется напрячь все

свои силы – и физические, и финансовые, – чтобы решать эту проблему.

– Больше половины миллиарда... – протянула Эрика, и они замолчали. – Ты в порядке, Пол?

– Не совсем. Пока я отстранен от работы на время расследования. Марси увезла двойняшек во Францию, к матери. Они живут в нашем доме, потому что здесь ей стыдно смотреть в лицо другим женщинам.

– Она все еще хочет развестись?

– Да.

– Сочувствую, – сказала Эрика, отправляя в рот очередную порцию. – А каково место Спаркса во всем этом?

– Спаркса?

– Он также был под колпаком у Камиллы. Она считала, что он берет взятки. В частности всплывало имя Саймона Дуглас-Брауна.

– Черт возьми, это какая-то охота на ведьм, – качал он головой.

– И что теперь будет?

– Я жду трибунала, он может занять не один месяц.

– Сочувствую.

Они снова замолчали, глядя на улицу. Внезапно Эрику осенило, и у нее забилось сердце.

– Когда ты работал с семьей Гэд, у тебя же был контакт на их стороне?

– Да. А что?

– Ты слышал про дело, которое я сейчас расследую?

– Убийства девушек, которых потом находят в мусорных баках?

– Да. Я пытаюсь найти какую-то связь между этими случаями. Тела всегда сбрасываются в одинаковые баки, и я думаю, может, убийца работает на компанию, которая ими владеет? Тогда это объяснило бы хаотичный разброс мест, куда он их выбрасывает. Как называется компания?

– Я не знаю. У Гэдов зонтичная структура.

– Ты сможешь добыть эту информацию?

– Я и сейчас могу сказать тебе, но это строго не для протокола.

– Ладно, что мне это будет стоить?

– Отдаешь мне свой тост, и мы квиты.

Эрика улыбнулась и передала ему хлеб. Он улыбнулся в ответ и подумал, уже в который раз, что она единственная, кто легко

отделался.

Глава 57

Следующий рабочий день у Дэрила выдался крайне необычным. Брайони, сидя напротив, мучила его своим назойливым вниманием. Каждый раз, поднимая голову от компьютера, он натыкался на ее взгляд. В обед она ушла рано, а вернулась с бутербродами и кофе для них обоих. Ему она купила с яйцом и кресс-салатом, который он ненавидел, а себе – с сыром и луком, что шло вразрез с предстоящим вечерним «свиданием».

На послеобеденное время было назначено еженедельное совещание всего их подразделения, и в конференц-зале она заняла ему место рядом с собой. Через некоторое время после начала она передала ему через стол записку: «Скорей бы вечер. Брайони. Целую».

Он посмотрел на нее. В глазах Брайони читалось желание, даже за толстыми линзами очков. Он неловко улыбнулся и отвел взгляд, заметив усмешку на лицах двух молодых и популярных парней. В конце рабочего дня он подумал, что сейчас Брайони спросит его, не голоден ли он, но, к его облегчению, этого не случилось. Она предложила встретиться прямо в IMAX за пять минут до начала сеанса.

Он пошел прогуляться по южному берегу Темзы и зашел поесть в новый тайский ресторан рядом с концертным залом «Роял Фестивал Холл». В ресторане почти не было посетителей, и Дэрил выбрал себе место в конце длинного ряда столиков с видом на реку. К нему подошла стройная брюнетка по имени Кайла и, широко улыбнувшись, приняла заказ. Вернувшись с дымящейся тарелкой лапши рамен, она наклонилась, чтобы поставить ее на стол. Обтягивающая футболка задралась, обнажив кубики пресса с татуировкой, на которой во множестве разных завитков боролись два дракона. Дэрил почувствовал, как у него начинает твердеть пенис, и вдохнул сильный и терпкий аромат ее духов. «Пахнет как шлюха», – подумал он и пришел в полный восторг. Во время еды он был не в силах оторвать от нее глаз и следил, как она ходит между столами, рассаживая гостей и принося им тарелки с дымящейся едой. Пару раз она ощутила на себе его взгляд и посмотрела в его сторону, но в ответ не улыбалась. Когда

Дэрил доел, к нему подошел высокий худой официант и забрал тарелку.

– Десерт? – холодно спросил он.

– Нет, только счет.

Кайла вышла из кухни на другом конце ресторана и бросила на него настороженный взгляд. Официант вернулся с терминалом для оплаты картой.

– Я думал, у вас за каждым официантом закреплены свои столики, – вопросительно произнес Дэрил, протягивая кредитку.

– Да, – коротко ответил официант, вставляя карту в терминал и вбивая данные платежа. – Пин-код, пожалуйста, – сказал он, сунув терминал под нос Дэрилу.

– А почему же Кайла не обслужила меня до конца? Я хотел оставить ей чаевые.

– Вы напугали ее, сэр. Ваша карта, – положил он ее на стол вместе с чеком, уходя.

– Мудак, – пробормотал Дэрил, забирая карту.

– Как вы меня назвали? – снова повернулся к нему официант.

– Я НАЗВАЛ ТЕБЯ МУДАК! – закричал Дэрил, вскочив на ноги. – Я КЛИЕНТ. И Я ВСЕГДА ПРАВ!

В ресторане повисла тишина. Только где-то в кухне бряцнула вилка.

– Уходите, пока я не вызвал полицию, – сказал официант, делая шаг назад. Он был намного выше Дэрила, но сейчас выглядел испуганным.

– Ухожу. Еда у вас все равно дерьмовая, – бросил он на ходу.

Дэрил был вне себя от ярости, но холодный воздух с реки постепенно успокоил его нервы. Он не позволит какому-то официанту испортить ему вечер.

В районе станции «Ватерлоо» он свернул с набережной и вошел в сырой и холодный переход. К его разочарованию, там не оказалось ни одного бездомного, и ему ничего не оставалось, как дойти до выхода в огромный круглый кинотеатр IMAX. Через стекло было видно, что внутри многолюдно. Из остальных трех переходов внутрь тоже втекал людской поток.

Брайони ждала его рядом с главным входом, около маленького столика с рекламными листовками. Он пришел в той же одежде, в которой был на работе. Не думала же она, что он переоденется? На ней было фиолетовое полупрозрачное платье почти до пят, из-под которого выглядывали носки серебристых туфель. Рыхлые плечи были спрятаны под шерстяной шалью. Еще она сделала нечто странное с волосами. Они по-прежнему были забраны сзади в хвост, но спереди к нему добавился небольшой начес, и теперь, в сочетании с большим носом, она стала похожа на инопланетянку из фильмов с Сигурни Уивер.

– Привет, Дэрил, – при виде него лицо Брайони засветилось от радости.

В правой руке она держала маленькую серебристую сумку на цепочке, которую затем смущенно перевесила на сгиб локтя. Он чувствовал, насколько странна эта встреча, но наклонился и поцеловал ее в щеку. От нее пахло алкоголем – виски или бренди. Видимо, она махнула рюмочку для храбрости. Наверное, даже больше, чем рюмочку. Ее немного шатало, и она обняла его. Краем глаза он увидел группу подростков в очереди за билетами. Одна из девочек тайком сфотографировала их неловкие объятия, и все засмеялись. Он отстранился от нее и улыбнулся.

– Я нормально выгляжу? – спросила она, тронув волосы.

– Да. Отлично.

Она снова улыбнулась, обнажив десну над верхними зубами.

– Билеты у меня. Хочешь что-то купить из еды?

– Попкорн?

Она кивнула и снова улыбнулась.

В ее улыбке было столько... чего? Восхищения? Изумления? Опьянения? Или же она смогла рассмотреть его нутро? Настоящую личность, скрытую за неприглядной оболочкой? Внезапно рядом с ней он ощутил силу. Как будто от него исходил свет, в лучах которого она грелась. У него промелькнула мысль, что ей он сможет сказать то, что невозможно открыть никому больше, и что, услышав это, она не убежит.

Они купили попкорн, и Брайони повела его к лифту.

– У нас места на самом верху, – радостно объявила она.

Выйдя из лифта, они направились в зрительный зал. Дэрил никогда не был в IMAX. И вообще в кино он был лишь однажды, в девятилетнем возрасте, с мамой и Джо. Но Джо объелся попкорном, и его вырвало еще до того, как закончились трейлеры. Тогда им пришлось уйти. Размеры экрана и зрительного зала потрясли его.

– Этот экран высотой с пять двухэтажных автобусов, – гордо сказала Брайони, по-детски радуясь его ошеломленному выражению лица. Последний ряд был пуст. Они сели, и он осмотрелся. Свет приглушили, начались трейлеры. Первые минуты фильма они ели попкорн – у каждого было свое ведерко. На последний ряд так никто и не пришел, только маленький мальчик сел с самого края.

Неожиданно Брайони поставила свое ведерко на пол и забрала его попкорн.

– Что ты делаешь? – прошептал он.

Она приблизила свое лицо к нему, и на него снова пахло алкоголем.

– Просто расслабься, – сказала она. Оглянувшись по сторонам, она положила руку ему на пах и начала его массировать.

– Брайони... Что ты делаешь? – поморщился он.

– Тихо, не говори ничего, – прошептала она и принялась тереть еще сильнее. Он поежился от дискомфорта.

– Ты не обязана...

– Я хочу, – прошептала она. – Ты не против? Я все правильно делаю?

Прощупав пенис, она переключилась на яйца. Дэрил посмотрел вокруг. Все по-прежнему сидели затылками к ним и были поглощены происходящим на огромном экране. Он представил себе Кайлу – девушку с татуировками, сдался и откинулся назад.

– О-о, я чувствую, он твердеет, – зашептала Брайони и икнула. Дэрил открыл один глаз. – Прости, я немного выпила перед нашей встречей, – сказала она, отдернув руку.

– Нет. Не останавливайся, Брайони. Все хорошо, – он взял ее руку и вернул на прежнее место.

Она кивнула и улыбнулась. В ее огромных очках отражался экран. Он закрыл глаза, и Брайони снова начала тереть. Дэрил думал о Кайле, вспоминая ее аромат и смуглую кожу с татуировкой. Он расстегнул

штаны и приспустил трусы. Почувствовав холод, он снова открыл глаза.

– Давай. Возьми его в рот.

– О-о, – Брайони потупила взгляд и тяжело дышала. В ее глазах читалось крайнее изумление.

«Она никогда не видела пениса», – подумал Дэрил и возбудился еще больше.

– У тебя такие красивые губы, – сказал он.

– Спасибо, – Брайони смущенно дотронулась рукой до своего рта.

– Давай, сожми мой член своими красивыми губами.

Брайони кивнула и неуклюже сползла с кресла на колени. Когда она бережно взяла его пенис в рот, Дэрил почувствовал и возбуждение, и отвращение одновременно. Он схватил ее за затылок и пригнул к себе. Ей стало трудно дышать, и она инстинктивно подалась назад, но он крепко держал ее за уши, и его член входил и выходил у нее изо рта. Через несколько минут хлюпаний и причмокиваний он кончил, схватив ее за затылок. Брайони громко сглотнула и, тяжело дыша, села на пол между креслами, шокированная произошедшим. Дэрил засунул член в трусы и застегнул брюки.

– Было нормально? – спросила она, вытирая рот.

– Было очень хорошо, – уверил он ее, подняв вверх большие пальцы рук.

Ее лицо озарилось широкой улыбкой.

– О, я так рада! – она попыталась подняться с пола и опрокинула ведерки с попкорном. – Ой, у меня, кажется, ногу свело.

– Ничего, – успокоил он ее, вставая и поднимая с пола ведра. – Ты садись. Я пойду куплю нам еще.

– Спасибо, – сказала она, неловко села и начала тереть ногу.

– У тебя был соленый или сладкий?

– Соленый. Но сейчас, мне кажется, я хочу сладкий, – сказала она. – И можешь купить что-нибудь попить?

Дэрил усмехнулся и пошел вниз.

Глава 58

После обеда с Маршем Эрика вернулась в участок. До конца дня она прорабатывала предоставленную им информацию. В половине девятого вернулась Мелани, и Эрика пришла к ней в кабинет.

– Я хочу запросить информацию по мужчинам в возрасте от двадцати одного до тридцати пяти лет, которые работают в компании и живут в окрестностях Большого Лондона.

– Речь про компанию «Генезис», которая занимается обработкой мусора? – спросила Мелани, просматривая подготовленный Эрикой файл. – Какие у тебя основания для такого рода запроса?

– Мы тщательно проанализировали места, где были выброшены тела, пытались найти поведенческий паттерн, повторяющиеся элементы. Мы знаем, что он выбирает один и тот же тип внешности. Единственное, что еще объединяет эти случаи, – это то, что он всегда выбирал баки для несортируемого мусора, обслуживаемые компанией «Генезис».

– Эрика, ты действительно считаешь, что это можно считать общей чертой? Знаешь, сколько квартир в Лондоне?

– Рискну предположить, что...

– Сегодня днем я высидела три совещания, на которых обсуждалась статистика по преступлениям и взломам. В Большом Лондоне живет 886 тысяч человек, у которых есть жилье в ипотеку. Около 862 тысяч человек снимают квартиры. Социальное жилье – это еще 786 тысяч, и 690 тысяч имеют жилье в собственности.

– И ты запомнила все эти цифры?

– Нам их повторили много раз. Но к чему я это все: обслуживание отходов жизнедеятельности, или, проще говоря, сбор их мусора осуществляет компания «Генезис». Речь идет о 2,6 миллиона квартир. К этому добавь миллионы коммерческих компаний. «Генезис» – один из крупнейших мусорных операторов в Европе. В компании работает 400 тысяч человек. И ты считаешь, нам просто надо к ним заявиться и запросить данные по сотрудникам?

– Мы знаем, что он ездит на «Ситроен С3», – сделала последнюю попытку Эрика.

– Это не особенно поможет. Эта модель – одна из самых популярных в последние пять лет. Думаешь, «Генезис» хранит информацию о машинах, на которых ездят сотрудники? Или нам еще параллельно запросить данные у транспортной инспекции на всех, кто водит «Ситроен С3» в Большом Лондоне?

Эрика помолчала.

– Я это уже сделала, и мы сейчас прорабатываем огромное количество имен. Первыми проверяем тех, кто был ранее судим.

– Но ведь мы знаем, что его нет в базе? У нас есть его ДНК, и совпадений по базе преступников нет, что наводит на мысль, что его ни разу не арестовывали.

Эрика вздохнула.

– Мелани, мне нужно откуда-то начать. Мы пытались отсматривать его машину по камерам и проследить траекторию его движения, но, не имея номеров и учитывая огромное количество «Ситроенов» на улицах, это просто невозможно.

Мелани откинулась на стуле и глотнула кофе.

– Я знаю, Эрика. Не забывай, что любое твоё действие должно быть легитимным перед судом. Есть законы о защите информации, о защите сотрудников. Ты в курсе, что, помимо наших проблем с семьей Гэд, которая держит акции «Генезиса», два других крупных акционера – в совете директоров независимой претензионной комиссии, которая уже рассматривает жалобу родителей Эллы Уилкинсон?

Эрика кивнула.

– Но нельзя исключать возможность прорыва. Во всей этой информации может найтись что-то, что позволит нам его поймать до того, как он похитит следующую жертву.

– Мы не знаем, что он...

– Он уже убил троих, и с каждым разом с момента похищения до убийства проходит все меньше времени. Мелани, я действую по интуиции.

– Прямо как диктаторы и люди с манией величия, – сказала она беззлобно. – Приноси мне что-то более конкретное и целенаправленное. Тебе надо сузить область поисков среди сотрудников – например, по району. У «Генезиса» семнадцать офисов в Лондоне. И еще сорок шесть в других городах. Я, конечно же, подключу абсолютно все доступные мне ресурсы, но я не могу дать

добро на то, чтобы ты забросила наудачу крупную сеть, стояла и смотрела, кто в нее попадет.

Эрика с унылым видом посмотрела на нее и кивнула.

– Держи меня в курсе. Закрой дверь, когда будешь выходить.

Питерсон ждал внизу в фойе. Эрика вышла из лифта и рассказала ему про разговор с Мелани.

– Что будешь делать? – спросил он.

– Не знаю. Мне надо подумать. Нужно понять, как найти иголку в стоге сена.

– Пицца и пиво у меня дома помогут? – спросил он, когда они вышли на улицу.

– Да, – засмеялась она. – Помогут.

Глава 59

После того как Дэрил вернулся в зал со свежим попкорном, Брайони уже не отлипала от него и настояла, чтобы остаток фильма они держались за руки. Это напрягало его гораздо больше, чем то, что она сделала с ним ранее.

Как только фильм закончился, Дэрил вскочил и заторопился уходить. Пока они ждали лифт в толпе людей, он подслушал, как молодая симпатичная девушка-билетер с копной вьющихся волос рассказывала своей напарнице о предстоящем свидании с директором по кастингу. Он понял, что она – актриса, мужчину не знает, но готова пойти на все, чтобы он ее заметил.

Пока они ехали вниз, Дэрил почти не слушал, что говорила Брайони. На улице она повернулась к нему.

– Пойдем посидим где-нибудь или погуляем по набережной.

– Я поеду, мне еще нужно успеть на электричку до дома.

– Мы можем остаться у меня, – предложила она, сверкая голодными глазами.

– Извини, мне нужно домой, покормить Грендель.

– О, – разочарованно протянула она. – Тогда увидимся на работе? Завтра конференция. На выезде. Думаю, будет весело.

– Да, увидимся.

Брайони потянулась к нему, чтобы обнять, но он лишь кивнул и двинулся в сторону подземного перехода, оставив ее стоять в ярком свете огней кинотеатра.

Следующим утром все сотрудники компании, где работали Дэрил и Брайони, должны были присутствовать на ежегодной конференции для персонала. Корпорация была большая, и поэтому был забронирован дорогостоящий зал «Роял Фестивал Холл». Всех, кто работал вместе с Дэрилом в одном здании, перевезли на автобусах на южный берег Темзы первыми.

Дэрил изо всех сил избегал Брайони. Он прошел мимо нее в автобусе, хотя она заняла ему место рядом с собой. Когда они приехали, он вышел через боковую дверь и переждал время до начала

программы в туалете. В зал он вошел непосредственно перед первым выступлением.

Его пленила роскошь зала на три тысячи мест с мебелью из темного дерева и высокими потолками, усыпанными точечными светильниками. Послушать речи спикеров и обращение одного из директоров собрались почти три тысячи сотрудников из двенадцати лондонских офисов корпорации «Генезис».

Дэрил сел с краю длинного ряда вместе с незнакомыми ему коллегами с другого этажа. В обед он решил держаться подальше от огромного кафетерия. Взяв там сэндвич, он съел его на улице, глядя на реку.

Он понял, что совершил большую ошибку, сходяв на свидание с Брайони. Она заинтересовалась им и теперь будет следить за каждым его движением. Все это нужно пресечь на корню.

После обеда, когда дело дошло до речи директора, Брайони не вытерпела. Когда Дэрил вернулся в зал и сел в кресло, она появилась из ниоткуда и решительно уселась рядом, не дав ему возможности улизнуть.

Свет выключился, и директор, высокий лысый мужчина, начал речь.

– Эй, у тебя все нормально? – прошептала она и прижала к нему свою толстую ляжку, как он ни старался отвернуться в другую сторону.

– Все отлично, – кивнул он, глядя прямо перед собой.

Директор бубнил что-то, уверенный, что рядовым сотрудникам есть дело до квартальных итогов и финансовых параметров. Он говорил, что их изделиями пользуется каждая британская семья и что компания вносит значительный вклад в развитие возобновляемых источников энергии. Пока он нудно перечислял весь длинный список достижений компании, Дэрил боролся с желанием встать и объявить, что как минимум три семьи обнаружили, что их дочерей безо всяких церемоний сунули в брендированный мусорный бак «Генезиса». В итоге он не смог сдержать нелепого девчачьего хихиканья.

– Почему ты смеешься? – спросила Брайони, положив свою руку на его.

– Просто так, – Дэрил отдернул руку.

– Он что, сказал что-то смешное?

– Нет.

Она начала его раздражать. Еще больше он разозлился, когда она стала гладить его руку и прижиматься к нему.

– Почему ты смеялся? Скажи мне. Я тоже хочу посмеяться.

– Ты уверена, что хочешь знать? – повернулся он к ней.

– Да, – улыбнулась она.

– Точно?

– Да.

– Я подумал, что вряд ли смогу тебя трахнуть, – зашептал он ей в ухо. – Наверное, придется обвалить тебя в муке. Ты вызываешь у меня омерзение. Вчерашний вечер был ошибкой.

Директор поклонился, и зал взорвался аплодисментами. Все встали, и Дэрил тоже поднялся и начал активно хлопать. Сверху он посмотрел на Брайони. Она была убита его словами и сидела, глядя в одну точку, словно в транс. Аплодисменты все не заканчивались. Она поднялась на ноги и прошла мимо него, наталкиваясь на коллег, сбивая некоторых с ног назад в кресла.

Дэрил смотрел ей вслед и размышлял, будут ли последствия. Она дошла до конца ряда и начала спускаться вниз. Люди смотрели на нее и обменивались гримасами недоумения.

Дэрил выбросил ее из головы и начал думать о молодой девушке – нигде не занятой актрисе, которую он выбрал в качестве следующей жертвы и недавно добавил в друзья.

Глава 60

Бет Роуз училась на втором курсе Центра драматического искусства на западе Лондона. С самого детства в Саффолке она хотела стать актрисой и решила, что известной станет в любом случае – даже если с актерством что-то не сложится. У Бет были длинные темные волосы, большие карие глаза и стройная, почти долговязая фигура. Некоторая неуклюжесть не портила ее красоту. Скорее, наоборот – еще больше располагала к ней друзей и сверстников. В учебные месяцы она жила у своей тети, с радостью меняя комнату в маленьком приморском городке, в которой кроме нее жили еще две сестры, на большую спальню на втором этаже таунхауса в центре Лондона. Ее тетя Мэри была замужем трижды, но бездетна во всех браках – по собственному желанию, как утверждала она.

– Повзрослев, ты стала намного интереснее, – сказала тетя, когда Бет приехала в Лондон полтора года назад, чтобы начать обучение. Третий муж тети Мэри занимался банковскими инвестициями, и после развода она получила роскошный дом на Тайберн-роуд, по соседству с эксклюзивными домами на Нью-Оксфорд-стрит.

В четверг вечером, устав после учебного дня, Бет покрывала ногти ярко-зеленым лаком в своей комнате наверху. Тетя внизу, как обычно, смотрела сериал «Полдарк».

«Похотливая корова», – подумала о ней Бет. Пока она любовалась маникюром, на телефон пришло оповещение. Подув на ногти, Бет аккуратно разблокировала экран и увидела, что на «Фейсбуке» к ней попросился в друзья кастинг-директор по имени Роберт Бейкер. Она тут же приняла приглашение, пока он не понял, что ошибся, и не отозвал его. Торопливо подув на ногти, она вбила его имя в «Гугл».

– Черт подери! – не поверила она своим глазам, увидев результаты поиска. Это был *известный* кастинг-директор – Роберт Бейкер с аббревиатурой ГКД. Она не могла вспомнить, как расшифровывается это сокращение после его имени. Ей хотелось, чтобы это было «генеральный кастинг-директор», но что-то в этом словосочетании было не так. В любом случае он имел отношение к какой-то ассоциации, он был настоящий! Она прочитала, что он занимается

подбором актеров для фильмов и телепроектов и работает в студии «Кокрейн-стрит» рядом с Тотенхем-корт-роуд.

В профиле Бет было четко указано, что она – актриса. «А зачем же еще ему добавлять меня в друзья?» Она загрузила на «Фейсбук» свой демо-ролик, несколько профессиональных снимков и написала, что учится в одном из лучших актерских учебных заведений страны.

Бет чувствовала, что в ее жизни начинается новый, перспективный период, и перед ней открываются безграничные возможности. Что-то плохое всегда происходит с другими, а ее ждет нечто судьбоносное. Ей всегда нравилось вспоминать, где она была, когда в ее жизни случалось что-то судьбоносное. И сейчас предстояло именно оно. Бет свернула экран приложения и позвонила своей подруге, Хезер.

– Ты никогда не догадаешься, кто только что постучался ко мне в друзья на «Фейсбуке», – начала хвастаться она.

Глава 61

На следующий день, в пятницу, Дэрил попал в пробку по пути в центр Лондона.

Как ни странно, Бет Роуз очень быстро и с энтузиазмом заговорила с ним. У него был подготовлен очередной фальшивый аккаунт на «Фейсбуке», который он вел несколько месяцев от имени Роберта Картера. Для новой жертвы потребовалось лишь сменить фамилию и фото – и вот он уже кастинг-директор Роберт Бейкер ГКД. Роберт Бейкер был реальным человеком, с реальным аккаунтом на «Фейсбуке», только на фото у него был черный лабрадор. Дэрил понимал, что рискует в очередной раз, но тем не менее нашел фотографию Роберта Бейкера на сайте его кастинг-студии и загрузил в свой фальшивый профиль, не забывая при этом все делать через VPN.

Бет Роуз он нашел почти случайно, просматривая базу данных студентов-актеров. Актеры регистрировались в этой базе, чтобы их могли увидеть директора по кастингу. Под каждой фотографией было приведено имя, цвет глаз, рост, вес и другие параметры. У кого-то были даже записи голоса и демо-ролики. Дэрилу очень понравилась Бет. В своем коротком ролике она играла избитую жену в сценке с молодым высоким мужчиной. На кусок из реальной театральной постановки или телешоу похоже не было. Скорее, она воспользовалась платной услугой по съемке демо-материала, которую предоставляют начинающим актерам агентства. Качество материала было низкое. Бет выглядела слишком холено, чтобы можно было поверить, что она – жертва домашнего насилия. Тем не менее она очень старалась, и Дэрилу понравилось, как она кричала и плакала. «Для моего театра подойдет», – решил он.

Она невероятно быстро попала на крючок – приняла его запрос менее, чем через две минуты. Весь вечер они обменивались сообщениями, а позже даже поговорили по телефону. И вот этим вечером он уже ехал на встречу с ней.

Поскольку красный «Ситроен» уже засветился на камерах, Дэрил решил взять синий «Форд» Мориса. Он стоял около их дома с тех пор, как Мориса арестовали, а затем выпустили под залог. Отец предположил, что Морису слишком стыдно приезжать за своей

машиной, но, тем не менее, добросовестно присматривал за ней – еженедельно заводил ее и проверял масло. С машиной Дэрила он никогда не делал ничего подобного. «Ну конечно, ведь Морис – отличный дояр», – с горечью вспомнил Дэрил.

Он въехал в город в самом начале восьмого. В машине Мориса пахло лошадьми и сеном, и этот запах хорошо сочетался с его гелем для душа и пеной для бритья. Хоть Дэрил и знал, что предстоящее свидание не будет иметь романтического завершения, ему нравилось притворяться, что это так. Строго соблюдая ограничения скорости, он двигался в центр. В это время платить за въезд уже не требовалось, но он все равно опасался камер, которые сканируют номера. Он не знал, включены ли они в вечерний период или нет. Расположение камер было заранее тщательно изучено. Объехать их все возможности не было, но он старался избегать мест их наибольшего скопления.

Пока он ехал по Камбервеллу, лежащий на приборной панели телефон зазвонил. Это была Бет. Нужно было где-то остановиться, но сзади ехало много машин, и остановка была запрещена. Тогда он посмотрел, нет ли рядом полицейских машин, и взял трубку.

– Привет-привет, – проговорил он низким голосом, решив, что у Роберта Бейкера ГКД должен быть глубокий, уверенный голос с легкой гнусавостью. В конце концов, он же подбирает актеров на американские проекты.

– Привет. Извини. Звоню сказать, что могу на несколько минут опоздать, – взволнованно сказала она. Но за волнением слышалась уверенность.

Дэрил заскрежетал зубами, но выдавил из себя улыбку.

– Нет проблем. Тогда во сколько, в 8:15?

– Да, у меня тут небольшая проблема с волосами.

– Волосами на голове?

На другом конце повисла тишина. Он тут же обругал себя за то, что забылся и глупо пошутил в стиле Дэрила. Когда он извинился, Бет неуверенно рассмеялась, быстро попрощалась и повесила трубку. Он бросил телефон на панель.

– Тупой, тупой ИДИОТ! – бичевал он себя и в сердцах стукнул по рулю.

Он посмотрел вбок и увидел во встречной машине женщину и мужчину. Женщина на пассажирском сиденье недоуменно таращилась на него. Он показал ей средний палец, нажал на газ и проехал мимо.

Встреча с Бет была запланирована около кастинг-студии, где работал настоящий Роберт Бейкер. Она располагалась на Латимер-роуд – тихой улице в Саутуарке, по соседству с большим стеклянным бизнес-центром. Рискованно, но он посчитал, что необходимо встретиться именно здесь, чтобы она не сомневалась в его легенде.

Медленно пробираясь в центр Лондона, он приехал на нужную улицу в начале девятого. Большое, продолговатое стеклянное здание своим масштабом подчеркивало миниатюрность соседнего дома из красного кирпича. Из бизнес-центра еще выходили отдельные сотрудники, но, подняв голову, Дэрил увидел, что сами офисы уже пусты. Не останавливаясь, он проехал мимо и повернул на ближайшую улицу, где нашел парковочное место у заколоченных магазинов.

Он глубоко вздохнул. Постепенно окна начали запотевать от холода, изо рта шел пар. Он пошевелил пальцами на ногах и потянулся, чтобы не затекли мышцы.

Хорошо, что она опаздывала. Он с наслаждением представлял себе ее длинные волосы, кожу и тело. Картинки того, что он с ней сделает, то и дело вспыхивали в голове.

В десять минут девятого он запустил двигатель, и поток горячего воздуха осушил конденсат на окнах. Дэрил проверил карту и слеппер в бардачке, посмотрел на себя в зеркало. Изо рта текла слюна. Он вытер губы рукавом, объехал квартал и вернулся на Латимер-роуд. Проезжая вход в офисный центр, он увидел Бет.

Она стояла, опершись на металлический столбик и уткнувшись в телефон. На ней было длинное коричневое пальто и черные туфли на высоких каблуках. Распущенные длинные волосы. Дэрил проехал несколько метров и остановился. Бет оказалась в считанных метрах от багажника его машины. Улица была пуста.

Достав из бардачка слеппер, Дэрил потянул на себя рычаг и открыл багажник. Выйдя из машины, он разыграл целый спектакль – не торопясь заправил рубашку в брюки, подошел к дорожному знаку парковки и начал жмуриться, подражая полуслепому герою фильма

«Мистер Магу» – то подходя поближе к нему, то отходя и смотря на часы.

– Простите, я слеп, как летучая мышь, – обратился он к Бет. – Это парковка для резидентов?

Бет оторвалась от телефона и пожала плечами. Обернувшись, посмотрела на здание из красного кирпича, нахмурилась и снова уткнулась в телефон.

Вдруг в кармане у Дэрила зазвонил телефон. Он обернулся и увидел, что Бет прислонила свой аппарат к уху. Она пыталась дозвониться до Роберта Бейкера. Дэрил осмотрел дорогу: ни людей, ни машин не было.

Бет подняла глаза на Дэрила. Почему у него звонит телефон? Он не мешкая налетел на нее и ударил слеппером в область затылка. У Бет подкосились ноги, Дэрил подхватил ее и потащил к багажнику. С величайшим трудом ему удалось открыть его ногой, не уронив Бет. Телефон, повисший у нее на проводе от наушников, то и дело бился о бампер. Как только он засунул ее в багажник и бросил сверху телефон, из офисного здания вышла женщина и пошла в его сторону.

Он хотел связать Бет по рукам и ногам, но времени на это не оставалось. Пришлось захлопнуть багажник. Женщина приближалась, цокая каблучками по тротуару. Дэрил знал, что сейчас нельзя останавливаться. Это привлекло бы ее внимание, а ему нужно слиться с уличным пейзажем. Опустив голову, он подошел к водительской двери и сел за руль.

Женщина средних лет с седыми волосами прошла мимо. Она была погружена в свои мысли и шагала, засунув руки в карманы элегантного пальто. Дэрил немного расслабился: она его не заметила. Он включил зажигание и нажал на газ.

Глава 62

Обратный путь пролегал по закоулкам за Саутваркским мостом. Он заранее спланировал маршрут, позволяющий по максимуму избежать камер наблюдения. Как минимум, полиции будет сложно проследить траекторию его движения. Видела ли его та женщина? Не на этой ли дороге висят камеры? На его беду, в теперешнем нервном состоянии он свернул не туда. А еще после нескольких поворотов череда мелькавших за окном офисов и кофеен слилась в одно расплывчатое пятно. В конце концов он оказался на Лондонском мосту, где ветер с реки чувствовался даже в машине.

– Черт! – воскликнул он и со всей силы ударил по рулю. Он ехал прямо на перекресток у железнодорожной станции, битком набитый камерами.

Нужно найти тихое место, остановиться и связать ее. После моста он увидел съезд в районе небоскреба «Осколок», где шли строительные работы. И вместо того, чтобы повернуть влево, он выбрал длинную петлю в объезд станции.

Впереди и сзади него ехали минивэны. По бокам – пластиковые ограждения. Остановиться возможности не было, и ему пришлось продолжить движение. Через несколько минут он оказался на плохо освещенных улицах, которые совсем не узнавал. Сначала было здание, обтянутое сеткой, потом какие-то заброшенные офисы с побелкой на окнах, а дальше дорога резко ушла вправо, выбросив его в каком-то обшарпанном жилом районе Бермондси, где дома перемежались с букмекерскими конторами.

Он продолжал ехать, надеясь сделать остановку на виднеющемся пустыре, но вдруг откуда ни возьмись за спиной появился автобус со слепящими фарами, и он проехал дальше. Увидев стоянку автобусов, он был готов повернуть на нее, но из-за угла на встречную полосу выехал другой автобус. Дэрил закрыл глаза, чтобы не ослепнуть от света фар, и ему пришлось резко затормозить, потому что водитель подрезал его, повернув на стоянку прямо перед ним.

Дэрил застыл, у него затряслись руки. Он потерялся и не мог понять, как ему вернуться на Олд-Кент-роуд, с которой через Нью-Кросс можно попасть на Южное кольцо.

Он нажал на газ и поехал к светофору. На его счастье, впереди висел указатель, обещающий Нью-Кросс прямо по курсу. Загорелся желтый, а затем красный. Дэрил остановился и сделал несколько глубоких вдохов. По сторонам от дороги было много жилых домов и офисных зданий, а у светофора он заметил супермаркет и винный магазин.

Несколько человек ждали возможности перейти дорогу, и, как только им загорелся зеленый, они двинулись вперед. Походка одного из пешеходов показалась знакомой, но Дэрил думал только о том, чтобы поскорее поехать. Он посмотрел в зеркало заднего вида проверить обстановку сзади, а потом открыл бардачок, чтобы убедиться, что вернул слеппер на место. Когда же Дэрил снова посмотрел вперед, то чуть не закричал от ужаса. В свете фар лицом к нему стояла Брайони с двумя полными пакетами продуктов.

Глава 63

Бет очнулась в каком-то темном и холодном месте. Постепенно из глубины сознания пришло ощущение, что она в автомобиле. Она узнала густой теплый запах машинного масла и нащупала пыльный старый ковер.

Лежала она на чем-то жестком и неровном. Голова раскалывалась, но сушняка не было. Она попыталась вспомнить, где она могла так сильно загулять. От тела пахло, как после душа. Она потрогала ногти – лак еще не высох до конца. Она стала вспоминать, что ждала Роберта возле студии. На фотографии он был очень красив. В самом соку, как сказала про него тетя Мэри. Но затем случилось что-то странное: он сказал, что будет работать в студии, но в окнах его здания было темно. Тогда она позвонила ему. В этот момент рядом возник какой-то нелепый маленький мужчина и устроил целый спектакль с парковкой. Он о чем-то ее спросил...

И тут она поняла, где находится. Голова раскалывалась, малейшее движение причиняло боль. Она постаралась не паниковать. Чтобы понять, связан он ее или нет, она попробовала изменить положение своего тела. Руки и ноги двигались, хотя места было совсем мало. Она лежала на каком-то проводе. Подумав, она догадалась, что это провод наушников, который подключен к ее айфону. Она пошарила рядом с собой свободной рукой и, нащупав провод, стала осторожно тянуть его на себя. Он казался бесконечным и шел легко. Бет опасалась, что на другом конце провода ничего нет. К счастью, вскоре ей все же удалось подтянуть к себе телефон. В темноте дрожащей рукой она попыталась разблокировать экран, но безуспешно. Сломался? Нет, она держит его вверх ногами. Когда она его перевернула, экран зажегся, и она увидела, где лежит. В багажнике был ковер, провода прикуривателя, моток кабеля и какое-то количество женского белья.

– О боже, – чуть не закричала она, но тут же закрыла рот, ощутив резкую боль в челюсти, которая шла до самого виска. В глазах плыло. С очередной попытки ей удалось ввести пин-код к телефону. Все шло очень медленно. Место, куда пришелся удар, каким-то образом было связано с ее зрением и ориентацией. Наконец, ей удалось найти контакт своей подруги Хезер, и она нажала на кнопку вызова. Звук

гудков в телефоне причинял невыносимую боль, и когда у Хезер включился автоответчик, Бет почти что вырвало. Она оставила невнятное сообщение, попытавшись рассказать, что с ней случилось.

Машина остановилась. Она убрала телефон от уха и попыталась услышать, что происходит.

Глава 64

Дать по газам и уехать Дэрил не успел. Брайони молнией метнулась к пассажирской двери и, распахнув ее, бросила сумки на пол, а сама села в машину и захлопнула дверь.

У Дэрила пропал дар речи. Брайони с блестящим от пота лицом смотрела на него дикими и бешеными глазами.

– Скажи, что это неправда, – безо всяких предисловий налетела она, убирая с лица прилипшие волосы. – Скажи, что это просто шутка, которую я не поняла... про тебя и меня, и муку... или что ты ошибся, – она ткнула пальцем ему в грудь. – Пожалуйста, скажи это сейчас же, Дэрил, или я не знаю, что с тобой сделаю.

– Брайони, какого черта? – заорал он.

Ему начали сигналить сзади. Светофор загорелся зеленым, а за ним стояла целая очередь машин.

– Как ты мог мне такое сказать?! Я пригласила тебя на день рождения в кино. Я сделала все, чтобы тебе было хорошо. Разве мужчины это не любят?

– Брайони, выходи из машины.

Машины сигналили и громко газовали. С перекрестка на него удивленно смотрела пожилая пара.

– Я никуда не пойду, пока ты не объяснишь мне! – закричала она и заблокировала дверь. Глаза у нее горели злобой, и Дэрилу стало страшно.

«Не дури, это всего лишь Брайони, тупая овца с работы, – сказал он сам себе. – Вези ее домой и выкидывай из машины».

Дэрил нехотя нажал на газ, проехал светофор и убрался с глаз любопытствующих зевак.

– Где ты живешь? – бросил он.

– Что?

– Я спрашиваю, где ты живешь! Отвезу тебя домой, там мы сможем поговорить. Я так понимаю, ты живешь рядом?

Она вытерла слюну с губ и, окрылившись надеждой, кивнула.

– Я живу на Друид-стрит, через четыреста метров.

Дэрил прибавил скорости. Мимо пролетали магазины и кафе. И тут, безо всякого предупреждения, Брайони вдруг начала бить его,

осыпая ударами голову и шею.

– Почему? У нас же было идеальное свидание, разве нет? Я купила нам попкорн! Ты был добр ко мне, я – к тебе, и потом ты вдруг стал вести себя так мерзко. Почему? Почему? Почему?

Она так сильно стукнула по панели, что из руки потекла кровь. Она засунула ее в рот и стала сосать рану.

– Я не хотел... Я просто... Ты поранила руку, – сказал Дэрил, чтобы успокоить ее, и выставил руку, желая держать ее на дистанции и одновременно следить за дорогой.

– Ты не хотел? Правда? – по ее щекам текли слезы.

– Правда. Извини.

Он увидел поворот направо на Друид-стрит, и вошел в него на четвертой передаче. Брайони была не пристегнута, и ее бросило на лобовое стекло.

– Ой! – запищала она, ударившись головой о ручку.

Друид-стрит оказалась тупиковой жилой улицей, на которой стояли маленькие новые дома.

– Какой из них?

– Третий, – ответила она, держась за голову и не сводя глаз с Дэрила.

Он остановил машину. Большая часть улицы была не освещена. Фонарь горел только в самом ее конце. Дэрил отдышался и начал думать, как от нее избавиться.

– Брайони, иди в дом, приготовь нам чай.

– Дэрил, пожалуйста, не надо. Я тебя люблю, – бросилась она к нему. Он повернулся, и ее рот попал ему в щеку. Она снова выпрямилась на сиденье.

– Я люблю тебя, Дэрил, я так тебя люблю...

Из руки у нее текла кровь, и Брайони изо всех сил сдавила кожу и стала высасывать кровь из раны.

– Я тоже тебя люблю, но нам нужно кое о чем поговорить.

– Ты меня любишь? – переспросила она, сложив руки под подбородком.

Ужасное чувство начало охватывать Дэрила. «Неужели это нормально? Неужели так себя ведут влюбленные женщины?»

– Давай ты пойдешь в дом. А я принесу сумки, – предложил он, оглядывая пустую улицу.

– Да. Я купила еды. Мы можем поужинать, – улыбнулась она. – Ты любишь торт-мороженое?

Дэрил кивнул, и она улыбнулась.

– Со вкусом шоколада и мяты. Нормально? Я знаю, что не все любят...

Вдруг из багажника донесся стук, и Брайони замерла.

– Что это было? – повернулась она к Дэрилу.

– Я ничего не слышал.

Стук повторился, и машина чуть покачнулась.

– У тебя кто-то есть в багажнике? – спросила Брайони, повернувшись назад.

– Конечно, нет! – засмеялся он.

– Помогите! Помогите мне! Кто-нибудь, пожалуйста! Он напал на меня! – послышался приглушенный голос Бет, и она начала изо всех сил долбить по двери багажника так, что машину затрясло.

Брайони медленно повернулась к Дэрилу, но выражение его лица было уже не тем, которое она привыкла видеть. Из багажника продолжали доноситься удары и крики.

– Вот зачем ты села в мою машину? – спокойно спросил он. – Теперь мне придется тебя убить.

Брайони схватилась за ручку двери. Выбираясь из машины, она запуталась в ремне, поскользнулась и упала, ударившись головой об асфальт.

Дэрил открыл дверь и обошел машину сзади, проверяя улицу. Машина тряслась, Бет громко кричала. Он не знал, что ему делать.

Увидев, что Брайони лежит на дороге и пытается достать отлетевший телефон, он подошел к ней и пнул ее по лицу. Потом поднял телефон и бросил в сточную решетку у заднего колеса.

По улице, с которой он свернул, ездили машины. Прохожий перешел на их сторону дороги, но он был поглощен телефоном, а в ушах торчали наушники. Дэрил достал из бардачка слеппер и пошел к багажнику.

Как только он его открыл, Бет вслепую лягнула ногой воздух. Из носа у нее текла кровь, но глаза горели огнем, и она пыталась сопротивляться. Он ударил ее по голове слеппером, послышался неприятный треск, и она затихла. Дэрил взглянул на Брайони. Без

очков, вслепую, она двигалась к дому, на ходу шаря в сумке в поисках ключей.

Он захлопнул багажник и побежал за ней. Она успела войти в ворота и уже даже вставила ключ в дверь. Когда она ее открыла, он налетел на нее, и они оба упали на пол в прихожей. Он захлопнул дверь, и между ними началась странная борьба. Брайони пыталась сбросить его с себя, но он залезал обратно.

Он схватил ее за горло и начал давить на него большими пальцами. Она вцепилась ему в руки, поцарапала его, а потом подняла колено и дала ему по яйцам. Дэрил согнулся от боли, и Брайони поднялась, отбросила его к стене и побежала по темному коридору.

Дэрил лежал, корчась от боли, и пытался отдышаться. Его глаза привыкли к темноте, и он увидел, что лежит у подножья лестницы. Брайони издавала странные скулящие звуки. Он услышал, что она открыла кухонный шкаф и достает нож.

Дэрил с трудом поднялся на ноги, держась за стену, и нашел выключатель. Когда зажегся свет, Брайони двинулась на него с кухонным ножом, выпучив глаза. Улучив момент, он отошел в сторону и, как это бывает в комедиях, она врезалась во входную дверь. Он подошел сзади, схватил руку, в которой она держала нож, и стал стучать ей по дверной раме до тех пор, пока она его не уронила. Взяв ее за волосы, он дважды ударил ее лицом об дверь. Она упала на спину и осталась без движения.

Дэрила всего трясло, с него ручьями лился пот. Увидев на журнальном столике домашний телефон, он выдернул из стены провод и притащил Брайони к лестнице. У нее был сломан нос, из раны на лбу текла кровь. Он стал обвинять провод вокруг ее шеи. Она открыла глаза и начала сопротивляться, но Дэрил уперся коленями ей прямо в живот и начал затягивать провод, держа его концы, как вожжи. Она хрипела и пищала, пытаясь ослабить натяжение. Дэрил еще сильнее нажал коленями, сломал ей ребра и потянул провод вверх. Лицо Брайони посинело, ноги расслабились. Жизнь ушла из нее.

Дэрил встал и отпустил провод. Ему нужно было отдышаться. В прихожей он увидел свое отражение в большом настенном зеркале. У него был растрепанный вид и дикие глаза. На часах, висевших у входа в гостиную, было девять вечера. Он проверил, не осталось ли где его вещей, и вытер провод краем рубашки. За руки он перетащил тело

Брайони в гостиную и оставил ее за большим диваном. Если кто-то заглянет внутрь через окно входной двери или гостиной, то не увидит ничего необычного.

Он вышел на улицу. Следы его ДНК теперь были по всей прихожей, но сделать с этим уже ничего было нельзя. Ранее он ни разу не привлекался к уголовной ответственности, и, значит, у полиции нет шансов связать его с мертвыми девушками. Дело было плохо. Он убил ее. Убил Брайони, которая сидела напротив него на работе. Коллеги видели их вместе.

Дэрил сел в машину и всю дорогу до дома ехал, не превышая скорости. Остановился он лишь однажды, на стоянке для грузовиков, где его вырвало. Он выставил руки вперед, когда мимо проезжала машина, и в свете фар увидел, что на левой осталась кровь Брайони. Он вытер ее о штаны.

Только сейчас он вспомнил, что у Бет остался телефон, и бросился к багажнику. Бет лежала неподвижно. Пошарив под ее ногами, он нашел его. Снова показалась машина, и он захлопнул багажник, пригнув голову. Когда она проехала, он бросил телефон на землю, разбил ногой экран и выкинул его за деревья. Остаток пути до фермы он проделал без остановок.

Глава 65

Хезер Кокрейн проснулась по будильнику в половине восьмого. На батарее сушились танцевальные трико. Маленькое окно ее комнатки запотело, и через него с трудом пробивался бледный утренний свет. Она сбросила одеяло и посмотрела на свою лодыжку, которую она вчера растянула на уроке танцев. Чтобы зафиксировать ногу ночью, под матрас она положила стопку учебников.

Хезер осторожно подтянула ногу и, морщась от боли, стащила плотный фиксирующий носок. Поперек кости был темный синяк.

– Черт, – расстроилась она и откинулась на подушку. Придется идти к доктору. А если не удастся попасть на прием к травматологу, придется вызывать скорую. Снизу доносился смех ее соседей по дому, а также голоса из радио. Где-то по трубам бежала вода. Сев на край кровати, она попробовала перенести вес на больную ногу, но даже малейшее нажатие вызывало резкую боль. Похоже, о работе в выходные тоже придется забыть.

Она дотянулась до телефона на прикроватном столике и подождала, пока он включится. На автоответчике было одно новое сообщение, и Хезер стала его слушать. Звук был странный и приглушенный. На фоне как будто работал двигатель.

– Хезер, это Бет. Этот мужчина. Он схватил меня. Когда я ждала Роберта. Он схватил меня на улице. Темные волосы, толстый и низкого роста, с поросычьими глазами... Я в его... – послышался скрип и нарастающий звук приближающегося автомобиля. – Я в его багажнике... – потом связь прервалась и слышно было только, как работает двигатель.

Хезер дослушала сообщение до конца: было слышно проезжающие машины, их сигналы, но больше ее подруга ничего не сказала. Она посмотрела на телефон и увидела, что пропущенный звонок поступил накануне в 20:51. Она снова прижала телефон к уху, но сообщение закончилось. Автоответчик предложил ей нажать 1, чтобы перезвонить абоненту. Она так и сделала, но услышала лишь, что абонент недоступен.

Глава 66

Около девяти утра Эрика и Питерсон на его машине ехали в участок. Ночевали они в квартире Эрики. Питерсон был за рулем, а она откинулась на сиденье и ехала, полузакрыв глаза. Снег практически растаял, но на улице было холодно и серо, шел небольшой дождь.

– Ты не спала ночью? – спросил Питерсон.

– Не особенно. А ты?

– Несколько часов, ты все время ворочалась.

– Надо было разбудить меня. Я бы перешла на диван.

Впереди показались арки «Макдоналдса», и Эрика посмотрела на часы.

– Проедешь через «Макавто»? Хочу чего-нибудь жирного и кофе.

– С радостью, – ответил Питерсон и включил поворотник.

В очереди перед ними стояло пять машин, и за ними тут же встал минивэн. Они сделали заказ и медленно продвигались к окну выдачи, когда в сумке у Эрики зазвонил телефон.

– Шеф, ты где? – спросила Мосс.

– В Камбервелле, беру завтрак на вынос.

– Нам позвонила студентка Хезер Кокрейн. Говорит, что ее подруга, Бет Роуз, должна была вчера вечером встретиться с мужчиной в Саутварке. А утром она проснулась и нашла на автоответчике сообщение от Бет, из которого ясно, что ее похитили и увезли в багажнике.

– Подожди, подруга позвонила этой девушке?

– Да, на автоответчике Хезер есть сообщение от Бет, в котором она говорит, что ее похитил странный мужчина низкого роста с темными волосами. Крейн сейчас говорит с ней по телефону.

– Хорошо, мчимся к вам, – сказала Эрика, хотя они были зажаты с двух сторон и выехать возможности не было. – Надо выбираться отсюда, Джеймс, похищена еще одна девушка.

Питерсон включил мигалку, но никто не двинулся. Сзади за минивэном стояло еще две машины. Тогда он забрался на бордюр и с трудом втиснулся сбоку от очереди. С парковки они выехали под визг резины и сирены.

В участок они добрались, когда Мосс, Крейн и Джон уже сидели перед ноутбуком, а остальные подтягивались на свои рабочие места.

– Мелани на месте? – спросила Эрика, влетая в их каморку.

– У нее сегодня до обеда встречи, – ответил Джон.

– Позвони ей, нужно ее вернуть.

– Босс, нам только что переслали сообщение с автоответчика, – сказала Мосс.

Все сгрудились вокруг компьютера.

– Надо определить местоположение телефона.

– Я только что отправил срочный запрос мобильным операторам, – отчитался Крейн.

Мосс нажала на воспроизведение, и они стали слушать сообщение. На записи было много фонового шума, а голос девушки звучал так, словно она пьяна и проглатывает половину звуков.

– Хезер, это Бет. Этот мужчина. Он схватил меня. Когда я ждала Роберта. Он схватил меня на улице. Темные волосы, толстый и низкого роста, с поросячьими глазами... Я в его... – слышался скрип и нарастающий звук приближающегося автомобиля. – Я в его багажнике... – потом связь прервалась и слышно было только, как работает двигатель.

Эрика ходила взад-вперед, слушая запись. Сквозь шум слышался звук проезжающего автомобиля, а затем скрип, как будто что-то прижали к динамику телефона. Сообщение закончилось, и снова включился автоответчик.

Все молчали.

– Босс... – начал Джон.

– Я знаю. Это наш шанс, – ответила Эрика. – Но нужно все сделать правильно. Запросите местоположение телефона. Съемку с камер, где она должна была встретиться с этим человеком. Нужно связаться с ее родственниками.

– Да, босс.

– И включите сообщение еще раз. Там может быть что-то, что поможет нам понять, куда он ее везет.

Глава 67

Дэрил склонился над унитазом, и его вырвало в третий раз. Нутро горело, и наружу выходила только желчь. Он вытер рот, спустил воду и посмотрел на свое отражение. Серое лицо, огромные мешки под глазами. Заснуть не удалось. Его преследовал один и тот же сон: как он находит у себя в шкафу повесившегося Джо. Он посмотрел на трусы. Они вновь были мокрые. Он снял их, смял и бросил в корзину для тряпья. В дверь постучали.

– Что?

– У тебя все в порядке? – спросила мать.

– Все нормально. Просто съел что-то не то.

– Чего?

– Что-то не то съел! – крикнул Дэрил.

Он подошел к раковине, умылся холодной водой и выглянул в окно. Поля были покрыты дымкой, серое небо наполняло сердце недобрим предчувствием. Он выключил воду и вспомнил, что не слышал скрипа половиц, а значит, мать так и стоит под дверью.

– Что тебе нужно?

– Мне нужно в магазин, но машина Мориса загораживает мне выезд.

Дэрил вытер лицо, обернул полотенце вокруг пояса и открыл дверь. Мать стояла, одетая для выезда в город. На ней был фиолетовый брючный костюм и черные лакированные туфли-лодочки. Через плечо висела белая сумка.

– Ключи в зажигании. Передвинь ее.

Она внимательно посмотрела на его лицо.

– Ты же знаешь, что я умею водить только автомат. А у него там передачи.

– У всех машин передачи, мама.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать. Так что передвинь ее, пожалуйста.

Он пошел в комнату, надел старый спортивный костюм и вышел к машине. Мать стояла около нее и вглядывалась в салон. Когда он подошел, она рассматривала большое пятно крови на ручке

пассажирского сиденья, а потом повернулась и внимательно посмотрела на него.

– Ты заболел.

– Я сегодня не пойду на работу. У меня расстройство желудка.

– Сегодня суббота.

– А, да...

Она снова посмотрела на кровь.

– Наверное, кто-то из рабочих порезался, – сказал Дэрил, садясь за руль.

– Кто? Они обязаны подойти ко мне и отметить в журнале травм.

Дэрил ничего не ответил. Мэри пошла к своей машине и разблокировала ее. Он дал задний ход, заметив, что мать, сдвывая назад, наблюдает за ним. Когда она уехала, он поставил машину Мориса на место и осмотрел пятно. Это была кровь Брайони. Вчера она осталась и у него на руке, когда он ехал домой. Он взял салфетку и тщательно все вытер.

В прихожей его затрясло. Грендель подошла и лизнула его руку. Под ногами закричала половица. Знакомые звуки. Вдруг он подумал о будущем: а что бы было, живи он не на ферме? Что будет, если его поймут? Он попытался подумать, как нужно будет себя вести в таком случае. Если пойти на работу в понедельник, там повсюду будет полиция. Это если они нашли тело Брайони. Но, насколько ему было известно, она жила одна. До понедельника на работе ее никто не хватится, да и тогда они могут решить, что она заболела. Тело могут не обнаружить еще несколько дней. Ему просто нужно время, время подумать. Полиция не знает, на какой машине он приезжал. Никто его не видел. Надо было оглянуться, когда Брайони села к нему в машину, и посмотреть, был ли рядом банкомат. Если да, то на нем могла быть камера. Все ли светофоры оснащены камерами? Он был на машине Мориса. Надо было надеть перчатки. Теперь его ДНК повсюду в доме. Дэрил запаниковал.

А потом по телу разлилось спокойствие. Да, один раз они вместе сходили на свидание. Этот факт давал повод для подозрений, но ведь оно было больше недели назад. Можно будет сказать, что после кино он зашел к ней на кофе, поэтому его следы и остались у нее дома.

И тут его охватила эйфория, ему стало легко и хорошо. Он потрепал Грендель и пошел наверх принять ванну. А потом он позавтракает и пойдет в сушильню навестить свою узницу.

Глава 68

Через несколько часов Мелани вернулась в участок и погрузилась в работу вместе с командой Эрики. Они потушили свет и через проектор отсматривали на маркерной доске видео с камер наблюдения.

– Вот съемка с зоны ресепшен бизнес-центра «Пюрсел» на Латимер-роуд. Это следующее здание от кастинг-студии, у которой Бет договорилась встретиться с Робертом Бейкером в 20:15. И это ближайшая камера к тому месту, откуда была похищена Бет. Ничего ближе найти пока не удалось. На Латимер-роуд камер нет.

– Я так поняла, Бет должна была встретиться с ним в восемь вечера? – переспросила Эрика.

– Бет написала Хезер, что опаздывает, потому что не может решить, что надеть и что сделать с волосами, – объяснил Крейн.

– А получилось найти реального Роберта Бейкера?

– Он в Шотландии, в гостях у брата. Кастинг-студия закрыта до середины февраля, – ответил Джон.

– Хорошо, значит, мы точно знаем, что она встречалась не с ним, – сказала Эрика. – Будем считать, что она должна была подойти в 20:15 или около того.

В кадре показалась зона ресепшен: два охранника за стойкой и три лифта в углу.

– Вот, это вчера, время 20:09, – комментировал Крейн. – Видно, что на улице темно, и поэтому в стеклянных дверях отражается внутренняя обстановка. Но двери открываются автоматически, и через них просматривается улица. Бет, кстати, тоже активировала двери, проходя мимо.

Он остановил воспроизведение на том моменте, когда двери открылись, среагировав на Бет. Эрика оглядела лица своих людей в бледном свете проектора. Джон вывел рядом еще два изображения – фотографию Бет с водительских прав и ее снимок для актерского портфолио.

– Все согласны, что это Бет Роуз?

Все кивнули.

– Мне не очень нравится, что мы работаем на догадках, – вступила Мелани.

– Больше у нас ничего нет, – ответила Эрика.

– Есть, – возразил Крейн. – Я отправлял фотографии Бет охранникам из бизнес-центра, когда запрашивал видео. Вечерняя смена ответила, что помнит ее и что она – бомба.

– Ну хоть какая-то польза от сексизма, – съязвила Мосс.

Мелани улыбнулась и кивнула.

– Мы просмотрели съемку с 19:30 до 20:25, – продолжил Крейн. – За это время мимо проехали только грузовик, мотоцикл, два белых минивэна и синяя машина.

– А красного «Ситроена» не было? – упавшим голосом спросила Эрика.

– Нет, босс.

– Можно увидеть съемку? – попросила Мелани.

– Конечно.

Крейн поставил ее на ускоренное воспроизведение, замедляясь и проигрывая заново те места, когда в кадр попадал автомобиль.

– И вот, наконец, синяя машина. Мы предположили, что это старый «Форд».

На отметке 20:15 женщина в длинном пальто с короткими седыми волосами вышла из лифта в зону ресепшен и прошла мимо стойки.

– Подожди, замедли здесь, – попросила Эрика.

Крейн вернул видео к естественному темпу, и они увидели, как женщина вышла из дверей и повернула налево, исчезнув из кадра.

– Эта женщина... она вышла налево, в сторону кастинг-студии, – сказала Эрика.

– Как раз в то время, когда Бет должна была встретиться с Робертом Бейкером, – подхватил Питерсон.

– Крейн. Свяжись с охраной. Узнай, кто эта женщина. Я хочу с ней поговорить, – сказала Эрика.

Глава 69

После отъезда Мэри Дэрил взял Грендель и отправился в сушильную. Он закрыл за собой тяжелую стальную дверь и подождал несколько минут, пока глаза не привыкнут к темноте. Грендель водила носом у двери в печную камеру. Дэрил просунул палец под толстый кожаный ошейник, свободной рукой включил свет и запер входную дверь. Только тогда он открыл дверь в камеру, и в нос тут же ударил зловонный запах. Бет сидела съежившись в углу большой металлической клетки. Ее, как и остальных девушек, он приковал цепью за шею и руки и заклеил скотчем рот.

Грендель подошла к клетке и обнюхала ее. Глаза Бет наполнились страхом, и она попыталась отклонить голову от прутьев. Грендель зарычала и начала с лаем бросаться на нее, брызгая слюной.

Бет кидалась из стороны в сторону. Кричать с заклеенным ртом она не могла. Огромная псина бегала вокруг клетки, бросаясь на нее и пытаясь прогрызть проволочную сетку.

Дэрил с улыбкой смотрел на происходящее.

– Ладно, ладно, тише, моя девочка.

Он достал говяжью кость, швырнул ее к стене, и Грендель бросилась за ней.

Дэрил подошел к клетке и улыбнулся.

– Все в порядке. Я не причиню тебе вреда, – тихо сказал он. У Бет потекли слезы, и она попыталась что-то прокричать.

– Я могу снять скотч. Обещай, что не будешь кричать.

Он присел рядом с ней, по-прежнему улыбаясь. Бет посмотрела на его зубы и содрогнулась. Они были маленькие и кривые. Настолько маленькие, что походили на молочные.

– Обещаешь?

Она кивнула.

– Подставь лицо поближе. Иначе я не дотянусь. Давай, хорошая девочка... Запрокинь голову.

Бет дрожала, одним глазом продолжая следить за увлекшейся костью Грендель. Когда она села ближе и повернулась, Дэрил просунул пальцы внутрь решетки и взялся за скотч. Отлепив его, он отер ей губы.

– Вот. Теперь выплевывай.

Не сводя с него глаз, Бет выплюнула свернутый кляп, который он засунул ей в рот. Она сглотнула и сделала несколько глубоких вдохов. Дэрил вытащил из кармана бутылку воды, отвернул крышку и поднес ее к решетке.

– Это вода, смотри, – сказал он, сделав глоток и снова просунув ей бутылку. Она пила, не отрывая взгляда от Дэрила.

– Только не забывай, дела тебе тоже придется делать здесь. Под ковром решетка, так что ты не утонешь, – захихикал он. Бет вытаращила глаза от удивления и перестала пить. Сглотнув, она сделала несколько глубоких вдохов.

– Кто ты? – охрипшим голосом спросила она.

У нее были карие глаза, пронизательный взгляд и глубокий приятный голос.

– Просто человек. Джо Джонс.

– Значит, тебя зовут Джо?

– Нет, так звали моего брата.

– Звали?

– Да, он умер, – с деловым видом закручивая крышку пластиковой бутылки, сказал Дэрил. – Ну, если честно, я его убил... Билл – еще одно мое имя, – и он снова захихикал. – Почему Джо Джонс? Ты никогда не слышала, что джонсами называют самых обычных людей?

Бет покачала головой, и по ее щекам снова покатались слезы.

– Ну вот, это и есть я. Самый обычный Джо Джонс. Обычный, но я мог бы столько дать, а девушки, как ты... Такие, как ТЫ, – вдруг истошно заорал он, тыкая в нее пальцем, – суки, как ты, такие поверхностные... Тебе нужна только внешность, деньги и человек, который, как тебе кажется, подходит тебе. Но откуда тебе знать, что я тебе не подхожу? – Бет смотрела на него, и даже сквозь весь свой страх и ужас она не могла всерьез воспринимать то, что он говорил. Только сейчас до нее дошло, что он и в самом деле псих. – Сучки, как ты, всегда смотрят на меня с таким презрением. С таким бесконечным презрением!

Дэрил все распалялся, изо рта летела слюна, он бил рукой по верху клетки.

– Прости. Я очень, очень извиняюсь. Я уверена, ты милый, – она сглотнула и поморщилась, поняв, что выбрала не те слова. – Не милый.

Красивый и сексуальный.

– О, а теперь я, значит, сексуальный? Знаешь что, сука? Слишком поздно! Я видел, как ты посмотрела на меня вчера вечером. Всего секунда – и ты меня тут же обесценила! Знаешь, если бы ты просто улыбнулась мне в ответ и проявила дружелюбие... тогда всего этого, вот ЭТОГО, не было бы!

Грендель залаяла и побежала к нему. Он схватил ее за загривок и подтолкнул к клетке. Она зарычала, обнажив блестящие белые зубы.

– Нет! Пожалуйста! – закричала Бет.

– Да. Познакомься-ка с моей собакой, как полагается, – сказал он, подтаскивая Грендель к входу в клетку.

– Что ты делаешь? Я все сделаю, я сделаю все что угодно, пожалуйста! – кричала Бет, съежившись, когда Грендель начала лаять и рычать.

Одной рукой Дэрил отпер клетку и открыл дверь. Грендель попыталась укусить его за руку. Он взял ее за шкуру и толкнул внутрь.

Грендель бросилась на Бет, и та закричала.

Глава 70

Мэри съездила в магазин и возвращалась на ферму. Впереди дорогу перекрыло стадо упрямых овец. Она узнала желтое клеймо на спинах и поняла, что они принадлежат их соседу, Джиму Мерфи. Ее муж и Джим по-доброму соперничали, к тому же она давно его не видела. Мэри терпеливо переждала, пока все овцы выйдут из ворот и перейдут дорогу. Вслед за ними появился и Джим. Он шел, сильно сутулясь и опираясь на посох, а штаны и куртка на нем, казалось, вот-вот развалятся от старости. Повернув голову, он сначала решил, что это кто-то из деревенских, но потом узнал Мэри, остановился и поднял руку в знак приветствия. Она подъехала к нему.

– Приветствую, – сказал он. Лицо у него было обветренное, поперек виска тянулся шрам.

Мэри кивнула и улыбнулась.

– Скоро весна, – сказала она, глядя на удаляющихся вдоль дороги овец.

Он задумчиво кивнул.

– Куда ездила?

– В магазин, закупились на неделю, – сказала она и вспомнила, что заднее сиденье у нее забито коробками с вином и водкой. Ей понравилось, что, увидев их, он и глазом не моргнул.

– Жалко, что у меня теперь некому ездить закупаться, – грустно сказал он.

Его жена умерла два года назад.

– Знаешь, – сказала Мэри, взявшись за руль, – приходи как-нибудь на ужин.

– Что может быть хуже, чем сидеть весь вечер напротив Джона и смотреть, как у него из рук валится еда, – отмахнулся он.

Мэри засмеялась.

– Кстати, – начал он, облокотившись о крышу ее машины. – У вас кто-то новенький работает?

– Нет.

– Я к тому, что несколько раз видел, что нижние ворота у вас открыты. Знаю, что они ведут только к сушильне, но замка на них не было.

Мэри недоуменно смотрела на него.

– Конечно, я просто каждый раз закрывал их, но подумал, что стоит тебе сказать, вдруг кто-то взял ключ... Я знаю, что ты вряд ли там бываешь после того, как... – он потупился.

«После того, как там повесился твой Джо», – хотел он сказать. Мэри прикусила губу, чтобы не расплакаться.

– Спасибо, Джим. Скажу Джону.

Джим кивнул, по-прежнему не поднимая взгляд. Сзади показалась машина.

– Поеду, – сказала она. Он кивнул и дотронулся до своей кепки. Мэри улыбнулась ему и уехала.

Последние овцы заходили в ворота с другой стороны дороги, и помощник Джима поднял руку, приветствуя ее. Мэри помахала ему в ответ и поехала дальше, продолжая хмуриться. Ни у кого из работников не было ключа от тех ворот. Единственный экземпляр висел дома в кабинете.

Приехав домой, она позвала Дэрила, чтобы он помог ей с сумками, но его дома не было, как и Грендель. Она прошла в кабинет и проверила доску, на которой висели ключи. Комплект для ворот был на месте. Она потянулась к ним, но убрала руку, решив сначала внести в дом сумки с покупками и налить себе выпить.

Глава 71

Когда Грендель с рыком и лаем вбежала в клетку, Бет поняла, что сейчас ее разорвут, и закрыла глаза. Где-то в глубине души она надеялась, что собака все сделает максимально быстро. Она сжалась, зажмурилась и приготовилась к самому страшному, но ничего не произошло. Сначала послышались странные причмокивания, а потом она ощутила на своей коже что-то жесткое и теплое – собака начала лизать ей лицо. Бет сидела не двигаясь, скованная страхом. Только потом она поняла, что она чистит ей рану на лбу и слизывает засохшую кровь вокруг носа. Когда Грендель закончила, Бет решилась открыть глаза и увидела около себя огромную белую морду, с которой прямо на нее смотрели маленькие глаза-бусинки. Вскоре собака повернулась и выбежала из клетки.

Не говоря ни слова, Дэрил закрыл дверь и повесил на нее большой серый замок. Бет поежилась, тут же ощутив на шее давление цепи. Грендель направилась к двери камеры и улеглась на неровный кирпичный пол.

– Ты понравилась Грендель.

– Что?

– Собаку зовут Грендель. Обычно она терпеть не может женщин.

– Она... она милая.

– На самом деле ты так не считаешь.

Дэрил не сводил с нее глаз и думал, что делать дальше. Бет отметила, что у Дэрила какой-то странный вид. Из-за глубокой посадки его маленькие карие глаза были похожи на пороссячи. Круглое небольшое лицо, тонкие губы. Подбородок, казалось, отсутствовал – вместо него на участке от нижней губы до шеи виднелась мясистая выпуклость, покрытая кожей. Но больше всего ее пугали его зубы – неестественно мелкие и острые.

Он вышел через низкую дверь печной камеры и вернулся с черным рюкзаком. Поставил его на пол и начал в нем что-то искать, стоя спиной к ней. Неизвестность была невыносима – ей захотелось крикнуть и спросить, что он там делает.

Закончив, Дэрил подошел к клетке с зубастой улыбкой, держа руки за спиной.

Она вздрогнула.

– Пожалуйста. Нет.

– Ты же даже не знаешь, что я собираюсь делать. Как ты можешь говорить «нет» не зная чему? Может, у меня для тебя подарок за спиной.

– Подарок?

– Да. Теперь выбирай – в правой или в левой руке.

Он подошел ближе. Она закрыла глаза, и из левого глаза покатилась слеза.

– Я сказал, в правой или левой, **ВЫБИРАЙ!**

– Нет.

– Не будешь выбирать – тебе же будет хуже. Гарантирую. **ВЫБИРАЙ!**

Бет открыла глаза. Он настолько зловеще улыбался, что от страха у нее сжался желудок.

– Выбирай или умрешь! – заорал он.

– Левая... левая рука, – запинаясь, пробормотала она.

Он в мгновение ока выставил вперед левую руку. В ней оказался маленький блестящий скальпель. По-девчачьи хихикая, он показал ей и правую руку с идентичным скальпелем. Приблизившись к клетке, он просунул левую руку через решетку и провел скальпелем по руке Бет. Она изумленно следила за его рукой, и через мгновение ее прожгла боль. Рука словно загорелась, из раны потекла кровь и начала капать на пол. Бет попыталась отдалиться от него, но со связанными руками она была скована в движениях, и он еще несколько раз провел скальпелем по ее дергающейся руке. Тогда она ударила его, и он выронил скальпель. Она тут же его схватила и направила на Дэрила.

– Еще подойдешь ко мне, больной ублюдок, – и я тебя изрежу! – закричала она. Грендель подняла голову и зарычала. – И твою собаку тоже.

Дэрил засмеялся, пошел к рюкзаку и вернулся оттуда, что-то пряча в руке. Его несколько не волновало, что из ее ран течет кровь.

– Смотри, какая нужная вещь, – показал он ей моток лейкопластыря. – Выброси скальпель, и я тебе его дам.

Она еще крепче схватилась за скальпель. Ручейки крови потекли по ее ногам.

– Пластырем сможешь перекрыть кровотечение. Я серьезно, Бет. Отдавай скальпель, и я все забуду.

– Нет.

– Бет, бери пластырь. У меня есть еще один скальпель. Более того, у меня их полный рюкзак, я их сейчас могу достать и всю тебя исполосовать, включая твое красивое личико. А кому нужна актриса с изуродованным лицом?

Бет взвыла от боли и отчаяния и выбросила скальпель из клетки. Бряцнув, он приземлился на кирпичный пол. Дэрил поднял его и бросил пластырь через сетку над ее головой.

– Ну и тупая же ты! Со скальпелем твое положение было более выгодным. Как ты спасешь себя этим жалким мотком пластыря? Я и других девушек тоже резал – трусы с них срезал, а это не так-то просто сделать, не изрезав их самих.

Дэрил подхватил рюкзак и вышел. Грендель – за ним.

Дверь печной камеры захлопнулась, и Бет осталась в темноте. Через несколько секунд она услышала, как открылась и закрылась внешняя дверь.

Зубами она разодрала упаковочный пластик и кое-как обмотала лейкопластырь вокруг порезов. Теперь, когда раны не соприкасались с воздухом, боль уменьшилась, но пластырь быстро пропитался кровью. Когда она размотала его до конца, ее рука наткнулась на что-то маленькое и твердое. Это была небольшая английская булавка. Бет быстро открепила ее от ленты. Булавка была маленькая, но достаточно прочная. Она зажала ее между пальцами. В голове пронеслись слова «другие девушки». Она поняла, кто именно ее похитил.

Глава 72

В воскресенье Эрика вызвала свою команду на работу к десяти утра. Первая половина дня прошла без особых событий. Около трех раздался стук, и внутрь заглянула Мосс. Эрика подняла голову от документов.

– Босс, получилось найти ту женщину, которая выходила из здания на Латимер-роуд. Ее зовут Линн Холбрук, она на первой линии.

– Отлично, заходи. Включу громкую связь.

Мосс вошла, закрыла дверь и села напротив Эрики.

– Здравствуйте, Линн, это старший инспектор Эрика Фостер. Можно обращаться к вам по имени?

– Нет, я предпочитаю «мисс Холбрук», – высокомерно ответила та. Мосс закатила глаза. – Почему меня оторвали от дел?

– Вас оторвали от дел, потому что есть основания считать, что в пятницу вечером вы могли быть свидетелем похищения молодой девушки, – объяснила Эрика.

– Это какая-то ошибка.

– В пятницу вечером, когда вы выходили из офиса, около него похитили девушку.

– Что?

– У нас есть съемка, на которой вы выходите из здания на Латимер-роуд в 20:13. Вы подтверждаете это?

– Я не знаю, во сколько я вышла, с точностью до минуты, – ответила она после паузы, – но если есть данные с камеры...

– Есть, миссис Холбрук.

– Мисс. Если вы не против.

Мосс покачала головой и покрутила пальцем у виска. Эрика кивнула.

– Мисс Холбрук, вы вышли из главного входа в 20:13 и повернули налево на Латимер-роуд. Вы видели на тротуаре молодую девушку с длинными темно-русыми волосами?

Молчание.

– Нет... не думаю.

– Вы не уверены? Или все же вы утверждаете, что не видели молодую девушку с длинными темно-русыми волосами? На ней было

длинное коричневое пальто и черные туфли на каблуках.

– Нет, – сказала она более уверенно. – Нет, девушки точно не было – ни на моей, ни на противоположной стороне улицы. Улица была почти пуста.

Эрика откинулась на спинку стула и провела руками по волосам.

– Что значит «почти пуста»?

– Там был человек, который рылся в багажнике своей машины...

Мосс вскинула голову, а Эрика подалась вперед.

– Как он выглядел?

Мосс написала что-то на бумажке и показала Эрике: «КАКОГО ЦВЕТА БЫЛА МАШИНА?»

Эрика кивнула.

– Какой-то несурзанный, я бы даже сказала, странноватый. Он сел в машину и уехал.

Эрика стала рыться в своих бумагах и нашла фотографию синего «Форда».

– Какого цвета была машина, мисс Холбрук?

– Гм-м, синяя.

В воздухе Мосс нанесла удар воображаемому противнику и запрыгала от радости.

– А можете вспомнить, какой марки была машина?

– У меня нет машины, и я не обращаю внимания на марки...

– Это мог быть «Форд»?

– Да. Мог. Автомобиль был старый и грязный.

Мосс пустилась в пляс, и Эрика жестом попросила ее сесть.

– Спасибо, мисс Холбрук. Думаю, на настоящий момент вы единственный свидетель, кто сможет идентифицировать похитителя и убийцу женщин на юге Лондона.

– О боже, – воскликнула она. – Правда?

– Что вы еще можете о нем сказать? Опишите его внешность.

– Ну, я действительно его видела. Но только сзади и сбоку. И я в тот момент думала о других вещах... Коренастый, с темными волосами. Среднего роста.

– Вы случайно номер машины не увидели?

– Нет, к сожалению. Я никогда их не запоминаю.

– А что конкретно он делал, когда вы шли мимо?

– Он шел к водительской двери от багажника, подтягивая штаны. Помню, что на них было коричневое пятно сзади. А сами они были грязно-зеленые. Он открыл дверь и сел.

Мосс написала следующую фразу: «А ДЕВУШКА ОТ МАШИНЫ НЕ ОТХОДИЛА?»

– Не видели ли вы девушку, отходящую от этой машины? Она должна была идти впереди вас.

Молчание.

– Нет. Нет. Латимер-роуд – улица длинная и прямая. Пока не дойдешь до конца, повернуть никуда нельзя. В конце улицы железнодорожные пути. С другой стороны улицы все здания реставрируются и покрыты сеткой.

Эрика вцепилась в трубку.

– А сколько времени требуется, чтобы дойти до конца улицы?

– Не знаю... Четыре-пять минут.

– Хорошо, спасибо.

Эрика положила трубку. Мосс издала победный клич и снова начала прыгать.

– Синий «Форд»! Этот черт сменил машину! – кричала она.

– Да. Мы его засекали. Осталось найти.

Глава 73

После новостей о синей машине команда Эрики с новыми силами взялась за отслеживание траектории перемещения автомобиля. Наконец, уже в девять вечера, им прислали съемку с камер, которая позволила сделать еще один прорыв.

– Смотрите! – закричал Крейн, показывая пальцем на монитор. – Вот он! Вот он! Это съемка с соседнего от бизнес-центра здания. Это многоквартирный дом, и там есть консьерж и охрана.

Эрика и остальные собрались вокруг компьютера Крейна.

– В 20:11 проезжает наш синий «Форд», а через двенадцать секунд попадает в камеры бизнес-центра.

Он еще раз проиграл видео, выведя его на маркерную доску.

– Поставь на паузу, когда он посередине кадра, – попросила Эрика и встала рядом с изображением. Мосс подошла к ней. Крейн отмотал запись и нажал на паузу в нужный момент. Все рассматривали машину.

– Черт, номер виден только частично – J892, – сказала Мосс. – Половина его грязная, но все равно, другая половина – наша! – она радостно обняла Эрику. – Прости, от меня, наверное, воняет. Я весь день в жарком переполненном кабинете.

Эрика засмеялась.

– Ну что ж, сегодня прекрасный день. Всем большое спасибо, что вышли на работу в выходные. Знаю, что вам пришлось вкалывать последние дни, но теперь, когда у нас есть половина номера, я попрошу вас еще немного поднапрячься. Нужно выяснить, куда он поехал после похищения Бет. Давайте подключим все наши контакты, – сказала Эрика, посмотрев на часы. – Свяжемся с Департаментом транспорта. Зная часть номера, они смогут прогнать машину через свою систему распознавания.

Через два часа Департамент транспорта прислал несколько видеофайлов.

– Ну что ж, посмотрим, – сказал Крейн, скачав материал. Все собрались вокруг его компьютера. – Вот он, в 20:28.

Первый файл представлял собой нечеткую покадровую съемку. На ней было видно, как синяя машина едет мимо заправочной станции. Крейн открыл следующее видео. В этот раз машину было видно

спереди, съемка велась со светофора. Было даже видно, что лицо водителя – белое, но черты рассмотреть было невозможно.

– Значит, здесь он едет в половине девятого, и мы снова видим J892, – улыбаясь, взглянул на Эрику Крейн.

– Он снова испачкал номера.

– Но на этот раз недостаточно хорошо, – включился Питерсон.

– Крейн, куда он едет дальше?

Крейн открыл третий видеофайл, на котором машина была снята сзади. Съемка велась с камеры, подвешенной высоко над дорогой, и автомобилю было видно долго, пока они не превращались в точку вдалеке.

– Куда он едет? Поворачивает направо? – спросил Питерсон.

– Или въезжает в горку? – спросила Мосс.

– Здесь нет горки, – ответила Эрика. – Смотрите на следующую за ним машину, она включила правый поворот.

Они еще несколько раз просмотрели файл.

– А это все еще Тауэр-бридж-роуд? – спросила Эрика.

– Да, – ответил Крейн.

Мосс подошла к ближайшему компьютеру.

– На какую улицу ведет правый поворот? – спросил Питерсон.

– С Тауэр-бридж-роуд поворот направо на Друид-стрит, и это тупик, – сказала Мосс, ориентируясь по карте.

– А какой хронометраж каждого из этих файлов? – спросила Эрика.

– Всего по две минуты каждый.

– Если Друид-стрит – тупик, то в какой-то момент он же должен по ней проехать в обратном направлении, – сказала Эрика.

– Или его машина так там и стоит, – предположил Питерсон.

– Нужно, чтобы кто-то из полицейских поехал туда и проверил улицу, – сказала Эрика. – Вряд ли, конечно, что-то найдется, но нужно проверить, есть там сейчас машина или нет. А пока запросите съемку с этой камеры на Тауэр-бридж за следующие 24 часа. На всякий случай.

– Подожди, шеф. Полицию слать нет необходимости, – сказала Мосс, отрываясь от компьютера.

– Почему нет? – удивилась Эрика.

– Они уже там. Там обнаружено тело женщины. Полиция уже на месте.

Глава 74

В половине третьего ночи Эрика, Мосс и Питерсон свернули на Друид-стрит. Дежурные сотрудники махнули им, пропуская через кордон, и они остановились за двумя патрульными машинами и сервисным минивэном. Уличного освещения не было, а домов Эрика насчитала всего шесть. Из четвертого дома входили и выходили полицейские, и из открытой двери бил яркий свет. В остальных домах его не было, за исключением самого последнего. Там, на крыльце, стояла молодая пара и наблюдала за происходящим.

Эрика и ее люди подошли к ограждению и предъявили свои удостоверения. Они объяснили, что произошедшее может быть связано с их расследованием. Им выдали спецкомбинезоны, и в них они нырнули под ленту и подошли к дому. В переполненной людьми прихожей их встретил седовласый старший инспектор Мортимер, с которым Эрика не была знакома лично. Разговаривал он приветливо, но несколько устало.

– У нас нет цели вмешиваться в ваше дело, – объяснила она. – Мне просто нужно знать, идентифицирована ли жертва. Мы расследуем похищение девятнадцатилетней Бет Роуз.

– Официально жертва еще не опознана, но это не Бет Роуз, – уверил ее Мортимер. – По нашим данным, это тридцатисемилетняя Брайони Уилсон. По крайней мере, так написано в ее документах.

Он провел их по коридору в небольшую гостиную. Диван стоял посередине комнаты, а за ним лежало тело толстой женщины. Шея была обмотана телефонным проводом, распухшее лицо посинело.

Два криминалиста, сидя на корточках, забирали материал из-под ее черных ногтей.

– Томми, можешь снять крупным планом лицо и шею? – услышала Эрика знакомый голос. Фотограф снял нужный кадр и отошел. За ним оказался Айзек.

– Привет, – поздоровался он. – Не думал, что это имеет отношение к твоему расследованию.

Эрика вкратце объяснила, почему они здесь.

– Эту бедную женщину задушили, – сказал Айзек. – Сомневаюсь, что все случилось в этой комнате. Ковер достаточно новый, а там, где

ее тащили, остались пятна. Также на задней части бедер стерта кожа, а значит, в это время она все еще была жива. Хоть и еле-еле... Синяки на лице и запястьях. На правой руке – следы от нажатий.

Фотограф наклонился и сделал еще один кадр. Вспышка ослепила Эрику, и несколько секунд она видела только застилающий все белый свет. Она улыбнулась Айзеку, он кивнул, и они вместе вернулись в коридор, к Мортимеру.

– А кто ее нашел? – спросил Питерсон.

– Ее домработница, – ответил он. – Здесь на полу лежал кухонный нож, но крови не было. Думаю, она пыталась защищаться. Нужно будет снять с него отпечатки пальцев.

Мортимер указал рукой в сторону кухни, и они пошли за ним.

– Сумка была при ней. Наличные и карты на месте, поэтому нет оснований подозревать, что это ограбление.

Кухня была маленькая и уютная, с видом на малюсенький садик. Уличные фонари освещали четыре большие газовые башни. На маленьком кухонном столе с двумя стульями было разложено содержимое сумки Брайони.

– Домработница убрала весь дом, и только потом зашла в гостиную, – сказал Мортимер.

– Значит, вместе с грязью она вычистила и все улики? – спросила Мосс. Мортимер кивнул.

Эрика подошла посмотреть вещи из сумки. Каждая была вложена в прозрачный пакет и подписана. Внимание Эрики привлек рабочий пропуск Брайони. Она взяла пакетик и стала крутить его в руках.

– Что это? – спросила Мосс.

– Пропуск. Смотри. Брайони Уилсон работала на «Генезис».

– Если это так, то вот и связь, – заключил Питерсон.

– Но в чем именно она состоит? – задала Мосс вопрос без ответа.

Глава 75

Выйдя из дома Брайони, Эрика, Мосс и Питерсон сдали комбинезоны. Мортимер проводил их на улицу, и у ворот они столкнулись с идущим навстречу криминалистом.

– Посмотрите вот на это, сэр.

Они подошли к дороге, где был припаркован сервисный минивэн с включенными фарами. Рядом с ним, у сточного колодца стоял сотрудник в форме. Решетка была отодвинута. Он светил фонарем своей коллеге в синем комбинезоне, которая, засунув руку вниз, пыталась лежачим образом достать из водостока. Когда они подошли, она вытащила руку. Рукав ее комбинезона был черным от грязи, а в перчатке она держала треснувший мобильный телефон, который тут же отправился в чистый пластиковый пакет.

– Все запутывается еще больше, – сказал Питерсон. – Если синий «Форд» свернул на эту улицу или когда он на нее свернул, он должен был встать на этой стороне дороги.

– Нужно выяснить, чей это телефон, – сказала Эрика.

– Если это телефон Бет, то зачем ему хватать ее там, где мы думаем, а телефон выбрасывать здесь? – недоумевала Мосс.

– И как со всем этим связана Брайони? – спросил Питерсон.

– Если вы здесь закончили, то я прощаюсь, мне нужно вернуться в дом. Будем на связи по телефону, – сказал Мортимер.

Они поблагодарили его и вернулись к своей машине.

Эрика включила обогрев, и некоторое время все молчали. Часы на панели показывали почти четыре утра.

– Что мы в итоге имеем? – спросила Эрика, повернувшись к Мосс, которая сидела на заднем сиденье. Питерсон тоже обернулся, схватившись длинной рукой за спинку сиденья.

– Так. Брайони Уилсон работала на «Генезис». Все наши жертвы были обнаружены в баках, принадлежавших и обслуживаемых «Генезисом». Она должна быть как-то связана с убийцей, – заключила Мосс.

– Думаешь, она причастна к убийствам? – спросил Питерсон.

– Бет Роуз была похищена в 20:15. Через двадцать минут машина приезжает сюда. Брайони могла быть причастна, – заметила Эрика.

– То есть они работали в паре? – предположила Мосс.

Эрика барабанила пальцами по стеклу.

– Нужно тщательнейшим образом проверить ее дом. Искать любую зацепку – в данных вскрытия, опросить ее знакомых. Хочу сходить в отделение, где она работала. В одном только Лондоне их семнадцать. Но теперь наш поиск сузился до одного. Как думаете, во сколько он откроется?

– Думаю, не раньше половины девятого или в девять, – предположил Питерсон. – То есть часа через четыре или пять.

– Успеем метнуться домой и обратно? С учетом часа пик.

– Может, нам найти где-нибудь место и поспать пару часов? – предложила Мосс.

Питерсон кивнул. Эрика смотрела в темные окна, за окном начинался дождь.

– Спасибо вам обоим. Понимаю, мы уже столько без перерыва работаем, но процесс идет. Сколько часов прошло с похищения Бет?

– Почти пятьдесят семь, – ответила Мосс.

– Черт. Лишь бы не опоздать.

Глава 76

Бет лежала на холодном полу, проваливаясь в сон и просыпаясь. К этому моменту она уже потеряла счет времени. Холод и отсутствие еды высосали из нее все силы. Кровь из ран продолжала течь, пластырь был весь мокрый. Джинсы тоже были мокрые – в темноте Бет не могла понять, кровь это или моча.

Она уже знала, кто ее здесь держит, и ругала себя за то, что не обращала внимания на новости. На учебе она слышала, как друзья говорили про девушек, которых похищали, а потом выбрасывали в мусорные баки. За время, проведенное в клетке, Бет уже прошла стадии паники, крика и спокойной решимости. В какой-то момент она начала плакать от мысли, что теперь ее мечта о славе сбудется, но только прославится она как жертва маньяка.

В темноте она несколько раз ощупывала замок, к которому была прикована цепь на шее, но, поднимая руки, она каждый раз заново травмировала порезы. Они снова начинали кровоточить, и мокрые от крови руки начинали скользить.

Один или два раза, услышав дребезжание и стуки, она думала, что он вернулся. А потом раздался ужасающий вой. «Он что, держит здесь еще одну девушку?»

– Эй! – крикнула она. – Здесь кто-то есть?

В ответ снова раздался вой.

– Не бойся! Я тоже здесь! Меня зовут Бет. А тебя? Ты можешь говорить?

И снова ей послышался то ли вой, то ли крик – протяжный и низкий, почти мужской. Он длился целую минуту, и Бет поняла, что это ветер дует через какую-то полость. Сверху при этом доносился металлический лязг, как будто колыхалась какая-то металлическая рама.

– Это вентиляция, – сказала себе Бет, и на сердце стало легче. Теперь она прислушивалась к нарастающему вою ветра и грохоту металла.

Она начала шарить по ковру, пока не нащупала выступ, под который она спрятала маленькую булавку. Пальцы застыли от холода, и ей не сразу удалось ее расстегнуть. Она завела руки за голову,

схватила за замок и, после нескольких попыток, перевернула его вверх ногами. Нащупав скважину для ключа, она засунула туда булавку.

– И что теперь? – сухо и словно не своим голосом рассмеялась она. Вставив булавку на всю глубину скважины, она пыталась как-то подвигать ее, но безрезультатно.

– Давай, – шептала она. Вдруг булавка отлетела, и в руках у нее остался только один обломок.

– Нет! – закричала она. – Нет, нет, нет!

Она ощупала замок, но другой части булавки в замке не было. Бет тщательно ощупала весь замок и цепь, но ничего не обнаружила. Она ощупала пол вокруг себя, но тоже ничего не нашла. Звук падения на пол она не слышала. Но тогда где булавка? Вдруг он найдет ее, когда вернется?

Ощущение отчаяния и паники снова захватило ее. Следующие несколько часов она пыталась отыскать булавку, но безуспешно. Руки потеряли чувствительность, и она изнемогла от слабости. Она так здесь и умрет. Она умрет. Бет трясло, и она потянула тонкое сырое одеяло, на котором сидела. От долгого сидения с неподвижной шеей начинало сводить ноги. Бет постаралась свернуться, насколько позволяли цепи, чтобы согреться. Согреться и ждать смерти.

Глава 77

В то время как Бет забылась беспокойным сном, Эрика и Мосс сидели в машине на передних сиденьях. Питерсон храпел на заднем. Было полшестого утра, и они ждали начала рабочего дня на нижнем уровне многоэтажной парковки на Тули-стрит, напротив станции «Лондон-бридж». Им открывался вид на Темзу, которая в подсветке зданий на набережной приобрела коричневый оттенок. Мимо плыл большой буксир с ярким прожектором. Из трубы валил густой дым. Он тянул длинную плоскую баржу, вспенивающую за собой воду.

– Он всегда так храпит? – спросила Мосс, ерзая на пассажирском сиденье.

Эрика кивнула и отхлебнула кофе из стакана, который она держала на руле.

– Мосс, а ты есть на «Фейсбуке»?

– Да. А что?

– Я просто никогда особо не вникала в соцсети...

– Я там есть, потому что там есть Силия. А Силия там есть, потому что у нее брат живет в Канаде, и мы можем видеть фотографии их детей, а они – нашего Джейкоба. Хотя я говорила Силии, чтобы она не выкладывала их так часто.

– Почему?

Мосс пожала плечами.

– Я знаю, что она гордится нашим сынишкой, и я тоже, но мы же его не спрашивали, хочет ли он иметь свои фотографии в сети, это не его выбор. И неизвестно, кто еще видит эти фотографии.

– Вот именно. Люди не понимают, что значит слово «поделиться».

– Это не такое уж трудное слово, шеф.

– Нет, но значение слова «делиться» – разделить что-то между некоторым количеством людей.

– Как-то так, да.

– Но когда ты «делишься» в соцсетях, разве ты не отдаешь что-то и от себя лично? Свою личную жизнь. Информацию. Соцсети бесплатны?

– Да. В том числе поэтому мы ими и пользуемся: мы можем общаться с братом Силии, с моей матерью. Хотя Силия разговаривает с

этой старой каргой чаще, чем я.

– Возможность общаться – это здорово, но в обмен на эту бесплатную возможность не хотят ли они выведать о нас все что можно? Ведь этому убийце, наверное, даже из дома или из комнаты не пришлось выйти вплоть до самого момента похищения. О жертвах он узнавал все онлайн: куда они ходят, что любят, какие у них привычки. И люди даже не понимают, что они все это выкладывают сами. Если к тебе на улице подойдет незнакомый человек и захочет узнать, куда ты идешь или какие фильмы любишь, замужем ты или нет, где ты училась, где работаешь, это же будет странно очень или даже страшно... И то же самое с фотографиями – будет странно, если кто-то подойдет и попросит на несколько минут твой телефон, чтобы взглянуть на фотографии. А люди так беспечно выкладывают все на всеобщее обозрение.

– Конечно, никто ведь об этом не задумывается в таком ключе, – согласилась Мосс. – В соцсетях выкладывают фото, чтобы порисоваться. Вот какая у меня новая машина. А взгляните-ка на мой дом.

– И посмотрите-ка на моего сынишку, – закончила Эрика. Мосс печально кивнула.

– Ничего удивительного, что звезды через суд добиваются, чтобы на фотографиях папарацци лица их детей были затушеваны. Правда, я не думаю, что это все из-за людской глупости. Думаю, большинству жизнь кажется скучной, и они выкладывают свои достижения, поводы для гордости. Так они повышают собственную ценность.

– Они не задумываются, кто смотрит эти фотографии, – сказала Эрика. – Интересно, Джанель и Лейси, Элла и Бет думали об этом?

– Боже, когда их имена все вместе, это впечатляет. Четыре девушки.

– Три. Четвертую спасем. Она не умрет, – сказала Эрика.

Они замолчали. Мимо плыл второй буксир и дважды громко просигналил.

– Что? Где? – вздрогнул Питерсон и вскочил, ударившись головой об дверь.

– Храпящая красавица наконец проснулась, – сказала Мосс. – Или, скорее, храпящая и пердящая красавица.

– Отвали, Мосс. Пердеть – это по твоей части. Я с тобой в машине наездился.

– Ха-ха, – обернулась она и стукнула его по спине.

Он протер глаза и сел.

– Сколько времени?

– Без четверти шесть, – ответила Эрика.

– Скоро рассвет, – объявила Мосс. – Кто хочет еще кофе, пока не открылся офис?

Без нескольких минут восемь они вышли из машины и пошли по Боро-Хай-стрит к зданию «Генезиса», где работала Брайони Уилсон. Это было высокое коричневое кирпичное здание в трехстах метрах от уличной ярмарки. Они влились в группу сотрудников, которые, как сомнамбулы, поднимались по ступенькам к главному входу. У стойки ресепшен им пришлось пробиваться через сверхбдительного начальника охраны, но когда они предъявили удостоверения и объяснили, что расследуют убийство одного из сотрудников компании, он позвонил начальнику отдела персонала.

Им сказали ехать на шестой этаж, но по ошибке они вышли этажом ниже вместе с группой сотрудников. Увидев на стене цифру пять, они уже хотели было вернуться в лифт, но тут Мосс заметила коллаж с фотографиями персонала. Под некоторыми именами были золотые звезды. Брайони на фотографии сидела ссутулившись и изо всех сил улыбалась, обнажив десны. Под ее изображением сверкали три золотые звезды.

– Прошу прощения, – обратилась Эрика к проходящей мимо брюнетке. – Что означают эти звезды?

– Это бонусы, – ответила она, доставая из сумки пропуск. – За сверхурочную работу получаешь один бонус, и компания высылает тебе на мейл купон в «Айтьюнс» на 25 фунтов.

– Брайони Уилсон на этом этаже работает? – спросила Эрика.

Мосс и Питерсон насторожились. Все же им полагалось ехать на встречу с начальником отдела персонала.

– Она мой начальник, – ответила девушка, приложила пропуск к сканеру и открыла дверь.

Они вошли следом в большое общее помещение. Девушка подошла к длинному столу, поделенному на сектора.

– Вот ее рабочее место, если вы хотите подождать.

За столом Брайони был порядок. В стаканчике стояли ручки, на концах которых сидели тролли с разноцветными волосами. Рядом с компьютером улыбалась, подняв большой палец, пластиковая фигурка Желтого M&Ms. Под столом виднелась подставка для ног и сменная пара лодочек.

– Она ходит на работу пешком, – объяснила девушка, поймав взгляд Эрики. – Простите, а вы кто?

Эрика достала удостоверение и представила себя и коллег.

– А почему вы ищете Брайони? – спросила она и настороженно села на стул.

– Без ордера не обойтись, если не пойдут навстречу с компьютером, – заметил Питерсон, рассматривая стол Брайони.

– Это ее постоянное рабочее место? – спросила Мосс. Девушка кивнула. – А Вас как зовут?

– Катрина Болард, – ответила она, заправляя за уши длинную прядь волос.

Эрика, Мосс и Питерсон обошли соседние рабочие места, заваленные вещами, документами и семейными фотографиями. Эрика остановилась у стола, где к монитору была прикреплена фотография крупной собаки с белой мордой. Порода была необычная – широкая морда стаффордширского бультерьера сочеталась с белыми, как у далматинца, пятнами.

– Прошу прощения, – послышался громкий резкий женский голос.

Они подняли головы и увидели идущую к ним миниатюрную женщину с прямыми темными волосами в платье-сарафане.

– Меня зовут Майна Анвар, я менеджер по персоналу.

Она подошла ближе и пробежала взглядом по их лицам, пытаясь вычислить, что они здесь делают.

– Спасибо. Мы, наверное, не на том этаже вышли, – сказала Эрика с обезоруживающей улыбкой.

– Давайте пройдем ко мне в кабинет, – протянула она руку, словно собирая их всех с собой. Остальные сотрудники стекались на свои места и недоуменно смотрели на происходящее.

– Ведите, – согласилась Эрика.

Когда они вышли в общий коридор к лифтам, у Эрики зазвонил телефон. Это был Джон. Дверь лифта тем временем звякнула и открылась.

– Шеф, мы всю ночь отсматривали съемку с камер. Нашли эту синюю машину около Южного кольца, и теперь у нас есть полный номер: J892 FZD.

Эрика подняла руку, и все остановились перед лифтом.

– Джон, это фантастическая новость!

– Машина зарегистрирована на тридцатисемилетнего белого мужчину Мориса Картрайта. Он работает на ферме, и у него две судимости за нападение на женщин, в 2011 и 2013 годах. Живет под Лондоном в деревне Дантон-Грин. Это рядом с Севеноукс.

Эрика быстро передала информацию Мосс и Питерсону, и Мосс снова начала боксировать в воздухе, а Питерсон закрыл лицо руками.

– Да! – вырвалось у него.

Майна ждала около лифта, придерживая постоянно закрывающиеся двери.

– Господа, у меня много дел, вы можете объяснить, что здесь происходит?

– Босс, идите с Питерсоном, – сказала Мосс. – А я останусь и все разузнаю о Брайони.

Эрика и Питерсон сели в ожидающий лифт, и Мосс улыбнулась им на прощанье.

– Удачи и берегите себя! – сказала она.

Пока они ехали вниз, Эрика думала только о том, чтобы не оказалось слишком поздно. Чтобы Бет все еще была жива.

Глава 78

Дэрила начало рвать посреди ночи с субботы на воскресенье. Тупая головная боль шла от основания шеи до виска. В обед мать сделала ему бутерброд, но, не успел он его откусить, все тут же вышло обратно. Боль и ощущение обреченности не отпускали его весь день. Вечером он спустился в гостиную, где родители смотрели «Инспектора Морса».

– Мам, мне нехорошо, – сказал он.

– Скорее всего, ты болеешь. Тебе просто нужно хорошенько выспаться, – ответила Мэри, посмотрев на него поверх своего бокала.

– Валить тебе отсюда надо, вот что, – сказал Джон, не отрывая взгляд от экрана. – Мне утром на работу вставать, и твоя зараза тут не нужна.

Дэрил вышел. Ему пришлось держаться за перила, чтобы преодолеть лестницу. У него кружилась голова и начало колоть левую руку. Он лег в постель, но боль становилась все сильнее.

Под утро он уснул, и ему начал сниться один и тот же сон.

В нем он просыпался летним утром в своей комнате, залитой солнечным светом. Он вставал и радостно трогал простыню – она была сухая. А потом возникал этот звук – негромкий лязг из шкафа, как будто железная вешалка гремит о деревянную поверхность. Следом слышался скрип туго натянутой веревки. Он подходил к шкафу, ключ в замке поворачивался, дверь медленно открывалась, и внутри висел Джо с дрожащими в воздухе ногами.

– Ты описал постель, малыш, – говорил голос Джо.

При этом фиолетовое улыбающееся лицо оставалось недвижимым. И Дэрил начинал чувствовать на ногах теплую жидкость.

Этот сон повторялся снова и снова, и каждый раз он думал, что все это происходит наяву. И все начиналось заново – залитая светом комната, звон вешалки в шкафу...

Боль в боку нарастала даже во сне, и в конце концов Дэрил проснулся. Он поднялся с постели и дотронулся до простыни. Она была сухая. Он подошел к занавеске и увидел, что на улице темно и в ясном небе висит огромная яркая луна. Он снова лег.

«Я не сплю, – подумал он. – Мне нельзя спать».

Из шкафа доносились чьи-то хрипы. И сам шкаф как-то увеличился. Дверь медленно открылась, оттуда появилась крупная фигура и вошла в полоску лунного света. Это была Брайони. Ее лицо стало еще шире и почти почернело. На шее был туго затянут телефонный провод. Она шла на него. Дэрил повернулся, чтобы встать с постели, но рядом с ним, с окровавленным побитым лицом, лежала девушка, которая развозила кофе на велосипеде, Джанель. А по другую сторону от нее лежали Лейси и Элла. Они пытались открыть распухшие глаза и тянули к нему руки. Брайони начала разматывать провод на шее.

Дэрил проснулся весь в поту. На улице шел сильный дождь. Он осторожно одернул одеяло, и невыносимая боль прострелила всю левую сторону тела. Живот и грудь у него были покрыты странными пятнами. Их было очень много, и малейшее движение причиняло невероятную боль. Матрас был пропитан мочой.

– Дэрил, – из-за двери позвала его мать. – Дэрил, с тобой все в порядке? Ты кричал. Ты кричал про Джо?

Мать открыла дверь и вошла в комнату.

– Что со мной? – спросил он, морщась от боли.

Мать подошла и посмотрела на его сильнейшую сыпь.

– Лишай. Это опоясывающий лишай, – удивленно заключила она. – А почему ты выкрикивал имя брата?

Глава 79

Бет очнулась от беспокойного сна. Сквозь толстую железную решетку в потолке проникал бледный луч света. Металлические воздухопроводы гремели под тихий и протяжный вой ветра.

Ей было очень холодно, и она попыталась разжать замерзшие пальцы. Дотронувшись языком до руки, она почувствовала, что пластырь сухой и немного липкий. Сколько она уже здесь? Приходил ли этот псих, пока она спала? А может, он и сейчас здесь, прячется в темноте?

– Привет? – позвала она. Ее голос отзывался эхом в темноте и звучал необычно вежливо. Несмотря на весь ужас ситуации, она рассмеялась: – Хватит, Бет, он отъявленный псих, и на взаимную вежливость рассчитывать не приходится.

Похоже на утро, подумала она: сверху идет свет, и из-под двери видна белая полоска. Она вспомнила последнее утро перед похищением. Она спустилась на кухню, где тетя говорила по телефону с другом.

– Пока рано думать о сексе втроем, Дерек. Почему бы вам не заняться чем-нибудь вместе, каким-нибудь хобби. Вдруг оно вас объединит? Например, я всегда хотела научиться играть в бридж.

Тетя Мэри улыбнулась Бет и показала на кофе в кофейнике. Бет уселась на табурет, налила себе кофе и принялась за тост с маслом и джемом, со смехом слушая, как тетя сплетничает по телефону. Бет попыталась представить, что тетя Мэри делает в эту минуту. Сейчас ей очень ее не хватало!

Бет попробовала сесть прямее, чтобы цепь не впивалась ей в шею, и почувствовала, как в волосах что-то колет. Она дотронулась до головы, решив, что это паук или муха, и тут что-то упало ей на ногу. Обломок булавки! Когда она пыталась открыть замок, руки все время были над головой. Видимо, булавка сломалась, упала в волосы и запуталась в них, пока она так старательно ее искала. Бет приподняла угол одеяла у ног и достала вторую часть булавки.

Теперь в ее арсенале был тонкий металлический стержень с ушком на конце и закругленная головка с длинной иглой.

Она вспомнила сериал «CSI: Место преступления», который любила смотреть тетя. В одной из серий героиню заперли в шкафу под лестницей, и она открыла замок невидимкой: разломала ее на половинки, и одну часть вставила в верхнюю часть скважины, а вторую – в нижнюю. Бет не понимала, как это работает, но решила, что какой-то смысл в этих действиях быть должен.

Конечно, у той пленницы из CSI была идеальная укладка, а Бет провела здесь два дня и могла похвастаться лишь тем, что не описала джинсы. Она и представить себе не могла, как она сейчас выглядит. Эта мысль рассмешила ее, но смех перешел в слезы. Сетуя на недостаток света и скованные руки, она пробовала зажимать иголки разными пальцами, но холод словно парализовал их. Бет начала на них дуть, чтобы хоть немного согреть.

Если получится, это шанс на побег.

Глава 80

Эрика быстро ехала по Лондону с включенными сиреной и мигалкой. Питерсон вызвал подкрепление на адрес Мориса Картрайта. На Южном кольце их настиг ливень – он барабанил по крыше, и дворники еле-еле справлялись с потоками воды, но скорость Эрика не сбавляла.

Через сорок минут, около десяти утра, они подъехали к маленькой и тихой деревушке Дантон-Грин. За несколько минут они проехали ее всю. Церковь, железнодорожная станция, паб, маленький супермаркет – и вот уже дома поредели, и они снова ехали по проселочной дороге мимо полей. Дождь продолжал барабанить по крыше, дорога вдруг резко пошла вниз, и Эрика нырнула колесами в глубокую рытвину, заполненную водой.

– Ого, какие глубины, – удивился Питерсон, хватаясь за приборную панель, когда они погрузились в воду по самый капот.

Эрика подумала, что после такого заплыва двигатель откажется работать, но – о чудо! – они продолжали путь.

Посреди огромного поля в низине стояли два дома с общей стеной, и Эрика подъехала к первому из них. Огород за домом был обнесен забором из сетки рабицы, но на огороженной территории не было ни сарая, ни других построек. Один огород.

– Это оно? – спросила Эрика, заглушая двигатель.

– Адресу соответствует. В управлении подтвердили.

– Дом-клетушка.

Они вышли из машины под проливной дождь и направились к дому в обход огромной грязной лужи.

Дверь открыла молодая растрепанная женщина в спортивных штанах и растянутой футболке. К бедру она прижимала пухлого бледного малыша. Он напомнил Эрике зефирного человечка из «Охотников за привидениями». Малыш повернул голову и вытаращил на них большие голубые глаза. То же самое сделала и женщина, только ее глаза были маленькие и очень широко посаженные.

– В чем дело? – спросила она.

– Вы миссис Картрайт? – спросила Эрика.

– А кто спрашивает?

– Я – старший инспектор Эрика Фостер. Это – инспектор Питерсон, – представилась Эрика, часто моргая от заливающих глаз струй воды, и предъявила удостоверение. – Мы ищем Мориса Картрайта.

Женщина закатила глаза, повернула голову в дом и закричала:

– Морис! Снова мусора.

Морис вышел в коридор в джинсах, футболке и босой. В руках у него был йогурт, во рту – ложка.

– Я ничего не делал, – сказал он, вытащив ложку. Эрика заметила, что у него нет двух передних зубов.

В эту секунду к их машине подъехали еще две – с мигалками. Морису хватило одного взгляда на них, чтобы начать пятиться в коридор. Эрика и Питерсон метнулись за ним, мимо обшарпанной гостиной в грязную кухню, где находилась задняя дверь. Она была уже открыта, и они увидели, что Морис бежит босой по запруженному огороду. Он миновал маленький игровой комплекс и хотел было перемахнуть через рабицу, но поскользнулся и упал прямо в грязь. Эрика и Питерсон оказались рядом, как раз когда из задней двери появились еще два офицера.

Дождь так и лил, и ноги увязали в грязи. Морис все еще сопротивлялся, когда Эрика пыталась надеть на него наручники и зачитать права.

– Куда ты собираешься бежать без обуви? – закричал Питерсон и, поскользнувшись, упал. Встав, он прижал Мориса к забору и завел ему руки за спину. Эрика застегнула наручники.

– Я арестовываю вас по подозрению в похищении, незаконном лишении свободы и убийстве Джанель Робинсон, Лейси Грин и Эллы Уилкинсон, а также похищении и незаконном лишении свободы Бет Роуз.

Питерсон развернул его лицом к ним, и он сразу плюнул в Эрику. Его передали приехавшим полицейским, и те его увели. Эрика и Питерсон вымокли насквозь.

– Это он? Seriously? – спросил Питерсон, вытирая лицо.

– Да, он идиот, – согласилась Эрика, проведя рукой по волосам.

Глава 81

Дождь пошел еще сильнее и всюду гремел по крыше сушильни. Бет сидела, зажав обе руки между бедрами. Она попыталась открыть замок, но с отмороженными пальцами и скованными руками это было все равно что держать иглу в боксерских перчатках. Чувствительность немного вернулась, когда ей удалось немного стимулировать кровообращение. В пальцах закололо.

– Давай, давай, надо это сделать, – уговаривала она саму себя, поднимая и опуская руки и разжимая пальцы. Бет боялась, что он скоро вернется. Взяв в руки обломки булавки, она попыталась соорудить нечто напоминающее ключ. Все осложнялось тем, что замок был у нее за головой, и ей не было видно, что она делает.

Бет сделала несколько глубоких вдохов и села пониже, чтобы перевернутый вверх ногами замок лег на заднюю часть шеи. Цепь ограничивала движения рук, и свободы хватало ровно на то, чтобы завести их за голову. Взяв в каждую руку по обломку булавки, она вставила более длинный конец с головкой в верхнюю часть скважины, просунула его подальше и постаралась крепко удерживать его на месте. Вторую часть с острым концом она вставила пониже и, держа руки на весу, свободными пальцами попыталась обхватить замок.

«Черт, и что мне делать дальше – крутить ими? Да, успокойся. Вспомни, как было в CSI. Ты выберешься отсюда и еще сама попадешь в сериал, – подумала она, улыбаясь. – И даже если не попадешь, тебе точно будет что рассказать».

Зажав куски булавки большими и указательными пальцами, она начала их крутить. Получалось коряво и неуверенно, но она продолжала пытаться проталкивать иголки глубже и крутить активнее.

Вдруг замок открылся и с грохотом ударился об пол. Бет охнула от удивления и наклонила голову вперед, освобождая шею. Охваченная радостным возбуждением, она потянулась всем телом. Руки все еще были скованы, и замок от этой цепи был на противоположном конце клетки. Но сейчас она уже могла передвигаться. Размяв шею и тело, она подошла ко второму замку.

Тогда она увидела, что у нее в руках остался только один конец булавки. Второй согнутый конец так и остался в скважине открытого

замка, валявшегося теперь за клеткой. Она попыталась просунуть пальцы через прутья, но дотянуться не получалось.

«Цепь! Воспользуйся цепью!» – подсказал внутренний голос.

Используя цепь как лассо, через несколько попыток Бет умудрилась подтянуть замок к прутьям клетки. Раны на руках снова открылись и начали кровоточить. Пластырь снова промок насквозь. Она вытерла руки о нечто, что когда-то было ее футболкой, и дотянулась до замка. Вытащив из скважины половинку импровизированного ключа, она приступила ко второму замку. С ним удалось справиться за три попытки. Бет быстро освободила запястья от цепей и осторожно встряхнула руками.

Замок на двери клетки занял больше времени, но, в конце концов, получилось открыть и его.

От радости Бет засмеялась, быстро сняла замок с крюка и открыла дверь. Ее переполняло ощущение свободы, и она тут же принялась ходить по камере, тряхи затекшими ногами, восстанавливая кровообращение. Она открыла дверь и попала во внешнее помещение сушильни, где шум дождя слышался гораздо отчетливее. Там было совсем темно, но она могла видеть крышу. На лицо ей попало несколько капель дождя, и она ощутила холодное дуновение ветра, но была несказанно рада даже холоду. Обнаружив выключатель, она зажгла свет.

В углу она увидела маленький стол, на котором стоял черный рюкзак и маленькая пластмассовая коробка. Она подошла и открыла рюкзак. Внутри обнаружился шприц, несколько стеклянных бутылок с какими-то лекарствами и комплект скальпелей.

«О боже», – прошептала она.

Глупо было задерживаться там даже на несколько лишних секунд. Дверей было две: массивная раздвижная и маленькая деревянная. Она приложила все свои силы, чтобы открыть большую металлическую, но та и не думала двигаться с места. Тогда Бет попробовала вторую дверь, которая вела в большое смежное помещение наподобие сарая с тремя этажами. Но там, где должны быть этажи, были лишь голые балки, и крышу было видно с самого низа. Двери наружу не было – только малюсенькие окна над третьим уровнем балок.

Глава 82

Эрика и Питерсон ехали следом за машиной, которая везла Мориса Картрайта в участок Севеноукс. За рулем был Питерсон, а Эрика говорила по громкой связи с Джоном, находившимся в участке Вест-Энд.

– Мы подняли судимости Мориса Картрайта. Дважды его арестовывали и предъявляли обвинения в нападении и нанесении тяжких телесных повреждений. В первый раз в 2011 году – своей жене, но она решила не давать делу ход. Во второй раз в 2013 году, но до суда тоже не дошло. Пару недель назад его арестовывали за воровство и попытку сбыть удобрения с местной фермы, на которой он работал.

– А машина?

– Синий «Форд С-макс» он купил в 2007.

На линии начались помехи.

Дорога резко испортилась, и машина замедлилась, проезжая подтопленный участок.

– Джон, ты на связи? – спросила Эрика.

– Да, босс, – ответил Джон сквозь шум на линии.

По второй линии звонила Мосс.

– Джон, повиси пару секунд. Мне нужно взять вторую линию.

– Босс, я все еще в центре. По «Генезису» ничего ценного узнать не удалось. Они разрешили мне взглянуть на почту Брайони. Там нет ничего подозрительного. Видимо, она была очень ответственной и не смешивала работу и личную жизнь. Сейчас полиция перебирает ее дом. Буду держать тебя в курсе.

– Спасибо, – ответила Эрика и вернулась к Джону.

– Босс, еще новости по Морису Картрайту. Он арендует склад в деревне, на Фарэдей-уэй.

– Это ценная информация, Джон. Позвони еще в местную полицию, пусть проверят последнее место работы Мориса.

– Хорошо, шеф.

Машина с Морисом подъехала к перекрестку и повернула направо.

– Подожди, стой, – сказала Эрика Питерсону, который был готов повернуть за ними.

– Эрика, что ты задумала? Ты же сотрудник, который проводил арест. Ты должна проследовать за ними и передать Мориса Картрайта под стражу.

– Я все им скажу по рации, кто-нибудь выступит от моего лица. Часы Бет Роуз тикают, и я хочу проверить склад Мориса.

Она посмотрела на Питерсона, и он кивнул. Вбив адрес в навигатор, Питерсон развернулся под скрежет колес, и они уехали, изо всех сил стараясь не опоздать.

Глава 83

Дэрила мучили невыносимые боли, но он уже понял, что это не смертельно. Мать ушла, и он смог вытереться и одеться. Дождь барабанил по стеклу, и, выглянув в окно, он увидел почерневшее небо. Он включил свет, сел за компьютер и дрожащими руками начал загружать новости. На Би-би-си-Лондон не было ни слова об обнаружении тела Брайони, но мрачное предчувствие не покидало его. Он терял контроль над ситуацией. Почему мать не предложила вызвать врача? Ему нужно обезболивающее или антибиотик, чтобы он смог пойти в сушильню.

Он с трудом спустился вниз и нашел мать в гостиной перед телевизором, по которому транслировались помехи.

– Мам, – начал он.

– А как включить телетекст? – спросила она, разглядывая пульт управления и не обращая никакого внимания на его мертвенно-бледное лицо.

– Мне больно, мам, – застонал он.

– Хочу посмотреть погоду и не могу найти телетекст.

– У тебя в телефоне есть приложение для погоды.

– Я не знаю, как с ним обращаться, Дэрил. Мне нравится смотреть погоду через телетекст, – сказала она, направляя пульт на черно-белую рябь на экране. Вдруг экран почернел, и возникло изображение с главных ворот.

Дэрил схватился за стену и запаниковал. У ворот стоял полицейский автомобиль, и через лобовое стекло он смог рассмотреть двух сотрудников в форме. В жилах у него застыла кровь, и он встал как вкопанный. Мать пристально смотрела на него.

– Ну, давай, нажимай на кнопку и открывай ворота, – сказала она, протягивая ему пульт.

– Ты сама знаешь, какой кнопкой их открыть.

– Нажимай. А потом я вызову врача.

– Пожалуйста, не надо.

Она взяла у него пульт и нажала на кнопку.

– Мам. Ты же не знаешь, что они хотят?

– Они, наверное, хотят спросить что-нибудь о том непрошенном госте или о цыганах, которые сюда подъехали на той неделе... или, может, ты знаешь, что им нужно?

Она долго смотрела на него. Дэрил покачал головой. Мэри засунула пульт в карман халата и вышла из комнаты.

На экране, шурша гравием, к дому ехала полиция.

Глава 84

Дэрил спрятался в маленьком туалете рядом с прихожей и пытался подслушивать, о чем говорят в кабинете полицейские и мать. Подойдя к дому, они постучали в почти не используемую парадную дверь, и, когда Мэри открыла ее, Грендель как с цепи сорвалась. Ее пришлось запереть в гостиной и проводить полицейских в кабинет.

Дэрил отважился выйти из туалета и подойти поближе. Голоса слышались явственнее, и он задержал дыхание. Если они пришли за ним, разве сидели бы они сейчас в кабинете?

Дверь вдруг приоткрылась, и он отпрянул. Через щелку ему было видно мать и двух молодых полицейских. Не скрывая волнения, она доставала документы из двух больших шкафов, где у них хранились все бумаги по ферме.

– Вот и все, что у нас есть на Мориса Картрайта. Он хороший дояр, но у нас не было выбора, пришлось его отпустить. Доступа к строениям у него не было. Мы храним ключи здесь, на этой доске, и кабинет всегда заперт.

Дэрил перевел дыхание.

И все же, вдруг полиция на этом не остановится? Вдруг они захотят осмотреть постройки? В один миг решение было принято. Нужно убить Бет. Быстро и просто. Убить ее, избавиться от тела и все с себя смыть. И на этом он остановится. Пришло время положить конец этому сумасшествию. Он вернется на работу. Ферму он знает лучше, чем полиция. К тому же для осмотра им нужен ордер. Словом, время у него есть. Не пойдут же они напрямиком в сушильню! А до нее еще много других строений.

Дэрил забыл о боли и начал натягивать сапоги и куртку. В прихожей на высокой полке отец хранил ружье. Дэрил снял его и зарядил две обоймы патронов.

– Что ты делаешь?

Он повернулся на голос. В дверях стояла Мэри и смотрела на него. Он закрыл магазин и прислонился к стене.

– Что хотела полиция?

– Спрашивали про Мориса. Его машину видели в Лондоне. Но ведь это же ты на ней ездил?

– Ты сказала им, что машина стоит здесь?

– Нет.

Дэрил сглотнул и взял ружье.

– Мам, просто пусти меня. Пожалуйста, – сказал он не своим голосом.

Мэри подошла и положила руку на дверь.

– Ты ведь знал, что я не пойду туда, да? – с горечью спросила она. – Знал, что я буду держаться подальше от того места после того... что случилось с моим прекрасным мальчиком.

– С Джо, мам. С Джо. А знаешь что? Твой прекрасный Джо был всего-навсего маленьким садистом и извергом.

– Нет, – качала она головой.

– Твой сын был далеко не ангел.

– Ты! – плюнула она. – Ты мне не сын.

Дэрил подошел к ней ближе и тихо сказал:

– Джо и другие мальчики поджидали меня в лесу после школы, валили на землю и ссали на меня. А потом Джо заставлял меня делать им разные вещи...

– Нет! – заплакала Мэри и закрыла уши руками.

– Да! Да, да! – кричал Дэрил, отрывая ей руки от ушей. – Джо повесился, потому что он был болен. Он был само зло. И он мне сказал, что хочет уйти.

– Ты сказал, что ты его нашел.

Дэрил покачал головой.

– Нет. Я видел, как он это делал. Я мог бы его остановить. Но я не стал.

Мэри бросилась на него и вцепилась ему в лицо. Дэрил поднял ружье вверх и ударил ее по голове. Она упала на пол и больше не двигалась.

Сердце бешено колотилось. Дэрил протянул руку, чтобы дотронуться до нее, но тут же ее отдернул. Он подобрал с пола ружье и вышел из дома.

Глава 85

Когда Эрика и Питерсон подъехали к складу Мориса в самом конце длинной неровной колеи, все еще шел дождь. Посреди поля стояло большое здание из четырех огромных асбестных арок с большим деревянным каркасом. Оно выглядело очень странно, словно кусок восточной части Лондона перенесли на середину грязного поля.

Питерсон въехал на бетонную площадку, и они вышли из машины. В окнах в верхней части здания было темно. Питерсон положил Эрике руку на плечо.

– Эрика, если мы войдем внутрь, как мы потом докажем причастность Мориса к ней? Он может сказать, что не имеет никакого отношения к Бет, если она здесь. Скажет, что ничего не знал. У нас нет доказательств.

– Возможно, Бет и в самом деле здесь. И ей сейчас плохо. Разве может быть что-то важнее, чем спасение человеческой жизни?

Дождь лил как из ведра, волосы у Эрики облепили голову. Питерсон посмотрел на нее, вытер лицо и кивнул.

– Вызывай подкрепление: «скорую», полицию. Неизвестно, что мы там увидим, – сказала она.

Пока Питерсон вызывал подкрепление, Эрика достала из багажника болторез. Они подошли к дверям.

– Вначале откроем эту? – спросила она.

Питерсон кивнул. Эрика быстро перерезала цепь, и они размотали ее. Дверь со скрипом открылась.

Помещение было совершенно пустое. Только в центре, на бетонном полу, горкой лежали мешки. Через окно вверху проникал свет.

– Удобрения, – сказал Питерсон, пнув один из них.

– Надо их сдвинуть. Вдруг под ними дверь в погреб?

Они отодвинули в сторону маленькую кучку, но под ней ничего не было. Они открыли все остальные комнаты, но в них тоже было лишь садовое оборудование, старая машина, а в последней комнате лежал катер со снятым двигателем.

Они вернулись к машине, и в этот момент подъехали три полицейские машины с мигалками и сиренами, а с ними – «скорая»

и пожарные.

Последовало несколько неприятных минут объяснений с экстренными службами, после чего Эрика и Питерсон отправились в участок Севеноукс. Настроение было хуже некуда. Они слушали переговоры по рации и передали в управление, что вызов оказался ложным.

Они снова оказались в Дантон-Грин и проезжали мимо местного паба, когда один из офицеров начал рассказывать, что заезжал к работодателю Мориса Картрайта на ферму семьи Брэдли.

– Поговорил с забавной старушкой. И у них огромная собака, которая чуть не разорвала всех.

– Вы в порядке? Кого-то покусали? – осведомились из управления.

– Почти. И шансов бы у меня не было. Странная порода – большая широкая белая морда, как у бультерьера, но пятнистая, как далматинец.

Эрику будто ударила молния. Большой белый бультерьер с пятнами... Где она его видела? На фотографии в офисе «Генезис».

– Останови машину! – закричала она.

– Я на перекрестке, на светофоре.

– Разворачивайся, заезжай на парковку.

Когда они запарковались, Эрика вызвала по рации Мосс.

– Это я. Полицейские только что были на ферме Брэдли в Дантон-Грин. Скажи мне, кто там зарегистрирован.

– Мэри, Джон и Дэрил Брэдли, – ответила Мосс.

– Ты взяла в «Генезис» список сотрудников?

– Да, как раз прорабатываю его.

– В нем есть Дэрил Брэдли?

Секунды ожидания показались Эрике бесконечными.

– Да. Дэрил Брэдли. Живет на ферме и работает в «Генезисе», – подтвердила Мосс.

– Это там. Там он и держит Бет Роуз.

Питерсон дал по газам, и Эрика схватилась за приборную панель. Они спешили, надеясь, что еще не поздно.

Глава 86

Дэрил бежал сквозь дождь и слякоть, держа ружье под курткой. Он миновал нескольких рабочих, которые вместе с его отцом сидели под навесом, укрываясь от дождя и согреваясь чаем из термосов. С пластиковыми стаканчиками в руках они смотрели, как он бежит мимо, не замечая ничего.

– Что-то с ним не так, – сказал Джон и постучал себе по голове.

Дэрил подбежал к воротам и перемахнул через них, рискуя упасть в самую грязь с той стороны. Он спрыгнул и побежал дальше.

– Ты не думаешь, что он... м-м... из этих... – спросил один из работников, делая манерный жест рукой. Он был стар, непослушные седые волосы выпирали у него из-под кепки.

– Господи, надеюсь, что нет. Уж лучше пусть окажется убийцей, – ответил Джон, наливая себе чай из термоса.

Поля были затоплены, но Дэрил пробирался вперед, скользя по глине и утопая в воде. Когда он подошел к сушильне, дождь изо всех сил барабанил по крыше. Перед тем как открыть большую раздвижную дверь, он остановился перевести дыхание. Войдя, он увидел, что горит свет и дверь в камеру открыта. Вид пустой клетки шокировал его. Цепь лежала в центре на грязном ковре. Рядом валялись три замка. Он подошел и заметил две половинки булавки, все еще торчащие из одного из них. На замке была кровь. Он вышел из камеры и достал ружье.

Тут он засек движение и увидел, что на него идет Бет, вооруженная скальпелем. Он среагировал вовремя и отбил ее атаку дулом ружья. Бет врезалась в стену.

«Что за черт?? Как ей это удалось?»

Он навис над ней, когда она попыталась подняться на ноги, блокируя возможность убежать через дверь.

– Как ты это сделала? Где ты ее взяла? – спросил он, направив на нее ружье.

– В мотке пластыря, который ты мне дал.

Бет трясло, она была вся грязная, но в голосе сквозило презрение. Она запрокинула голову и плюнула ему в лицо. От неожиданности он

моргнул, и она убежала через деревянную дверь в соседнее помещение.

Глава 87

Джон закончил пить чай с работниками, и они уже собирались вернуться к работе, как вдруг послышался вой сирен. Когда он подбежал к дому, там уже стояло несколько машин. Грендель заходила лаем. Он пошел к задней двери. Дверь была распахнута.

У него на кухне стояли высокая блондинка и чернокожий мужчина. Мэри лежала на каменном полу. Она не двигалась, из раны у нее на голове шла кровь.

– Кто вы? – строго спросила блондинка. Она показала свое удостоверение и представилась старшим инспектором Эрикой Фостер. С ней был инспектор Джеймс Питерсон.

– Джон. Джон Брэдли. Это моя ферма. Мэри. Что случилось с Мэри? – спросил он. Он подошел и опустился на колени рядом с женой.

– Пульс есть, но у нее серьезная травма головы, – ответила Эрика. – «Скорая» уже едет.

Джон, казалось, не верил своим ушам. Он взял руку жены в свою – большую и мозолистую.

– Мистер Брэдли. Где сейчас ваш сын? – спросила Эрика.

– В поле. Я только что видел, как он побежал в поле, – и он снова перевел взгляд на Мэри. – Нас обокрали?

Эрика бросила взгляд на Питерсона.

– Куда побежал ваш сын?

– В поле. Я не знаю.

– Что значит в поле? – спросил Питерсон.

Джон плакал и гладил Мэри по лицу. Его лицо было красным от слез.

– Озеро, поля... старая сушильня.

– Оставайтесь здесь, – сказала Эрика одному из сотрудников в форме, а сама вместе с Питерсоном побежала к сушильне.

Они пронеслись мимо фермерских строений, подбежали к воротам и перелезли через них, приземлившись в глубокую грязную жижу.

– Старший инспектор Фостер, Эрика, вы слышите меня? – послышалось из рации.

– Да! – громко сказала Эрика, пытаясь перекричать дождь.

– Отец подозреваемого говорит, что из дома пропало ружье. Повторяю, пропало ружье. Подозреваемый может быть вооружен. Мы вызываем подкрепление. Не предпринимайте никаких действий без подкрепления. Не предпринимайте действий без подкрепления.

Эрика посмотрела на Питерсона.

– Принято, – сказала она в рацию.

Глава 88

Бет забила в угол самого большого помещения сушильни. Ее трясло, вся одежда была в крови. Сено кололо голые стопы, над ней тянулись деревянные балки. Дэрил стоял в метре от нее. Его ружье было направлено ей в голову. Так прошло несколько минут. Сначала она закрыла глаза, думая, что он сейчас нажмет на курок, но когда этого не произошло, она снова их открыла. Было заметно, что он весь вспотел, и лицо у него покрылось какой-то странной пылью.

– Просто покончи уже с этим, – прохрипела она.

– Заткнись. Заткнись! – заорал он.

Уткнув ружье в плечо, он смотрел на нее через прицел. Палец лежал на курке. Дождь громко барабанил по крыше.

Он стоял спиной к открытой двери, и Бет увидела, как позади него на пороге появляются вымокшие и перепачканные Эрика и Питерсон. Дождь заглушил их шаги. Бет не смогла сдержать удивления, и ее глаза распахнулись шире, но она заставила себя не реагировать.

Эрика мигом оценила ситуацию и посмотрела на Питерсона. Они огляделись, и Эрика приложила палец к губам и жестом попросила Бет занять Дэрила разговором.

– Что ты... м-м-м... для чего это помещение? – спросила Бет первое, что пришло на ум, и тем самым сбила Дэрила с толку.

– Что? – переспросил он.

Невольно взгляд Бет переключился на Питерсона, который стоял у двери.

Дэрил проследил за ее взглядом и повернулся.

– Какого черта? – закричал он и выстрелил.

Питерсон рухнул на сено, зажимая быстро разрастающееся красное пятно на животе.

– Нет! – закричала Эрика в ужасе и подбежала к нему. Дэрил направил ружье на нее.

– Отойди от него! – заорал он и заметался, целясь то в Бет, то в Эрику. – Ты стой там, а ты, слышишь, отойди от него!

Эрика села на колени на сено около Питерсона. Он был в шоковом состоянии. Пятно на белой рубашке становилось все больше.

– Боже, как... больно, – Питерсон корчился от боли, держась за живот.

– Нет. Этого не будет, – заявила Эрика. Дэрил шел на нее с ружьем, но ей было все равно. – Вот, нажимай сюда. Тебе нужно прижимать место кровотечения, – говорила она, взяв его руку и надавив на рану. Он закричал от боли.

– Отойди от него, – заорал Дэрил, подходя к ней и целясь в голову. Бет побежала на него сзади и даже сбила с ног.

Эрика со слезами на глазах давила Питерсону на живот поверх его руки. Между их пальцев появилась кровь. Она взяла рацию.

– Это Эрика Фостер. У меня ранен сотрудник. Повторяю. У меня ранен сотрудник. Он получил огнестрельную травму и быстро теряет кровь.

Дэрил встал на ноги и нацелился на Бет.

– Иди туда, к ним, – сказал он ей.

Бет перешла к Эрике и Питерсону.

Эрика ощущала полный контроль над ситуацией.

– Бет, я знаю, что ты прошла через ад, но помоги мне, пожалуйста.

Дэрил навел ружье на них, и Бет, несмотря на голод, холод и ужас, кивнула и подошла к Питерсону и нажала руками на его рану.

– Дави. Нужно давить, несмотря на его боль.

Питерсон лежал в состоянии шока, с широко раскрытыми глазами.

– Почему вы все не обращаете на меня внимания? – визжал Дэрил. – У меня же ружье!

– Отпусти их, – повернулась к нему Эрика. – Отпусти их обоих. А я останусь с тобой.

Дэрил покачал головой и навел на них ружье, не зная, в кого целиться. Питерсон стонал, Бет нажимала окровавленными руками ему на живот. На Эрику накатило невиданное спокойствие, и она встала.

– Все кончено, Дэрил, – пошла она на него, расставив руки. – Мы знаем обо всех: Джанель, Лейси, Элла, твоя мать.

– Моя мать? Нет.

– Да, твоя собственная мать. Дэрил, куда тебе идти?

Эрика услышала отдаленный звук вертолета. Подкрепление почти на месте. Она оглянулась на Питерсона, из которого на глазах вытекала

жизнь.

– Бет, продолжай давить на живот, – сказала она, пытаясь говорить ровным голосом. – Продолжай давить.

Бет кивнула и продолжала надавливать, хотя Питерсон уже лежал неподвижно и тихо. Эрика снова повернулась к Дэрилу. – Отпусти нас. Если отпустишь, я смогу все устроить, и с тобой будут обращаться хорошо.

– Заткнись! Заткнись, тупая сука! – закричал Дэрил и пошел на Эрику с ружьем, дуло почти уперлось ей в лицо.

Она стояла и смотрела на него.

– Дэрил. Все кончено. Какое будущее тебя ждет? Сдавайся. Если сдашься тихо, мы предложим тебе соглашение. К тебе отнесутся хорошо.

Дэрил замотал головой и положил палец на курок.

Глава 89

В центральном участке Джон, Крейн и Мосс затаив дыхание ловили оперативную информацию, приходившую из пункта управления в участке Мейдстоун. Они слышали, что два вертолета приближаются к сушильне: «скорая помощь» и вооруженный наряд полиции. Мелани вошла к ним в комнату, услышав о происходящем.

– Эрика и Питерсон вошли в сушильню без разрешения, – сказал Джон, чуть не плача. – Они нашли Бет Роуз, но подозреваемый, Дэрил Брэдли, выстрелил в Питерсона. И мы не знаем, жив он или... – его голос оборвался.

– Значит, он жив, – заявила Мосс, стараясь сохранять самообладание. – Пока мы не услышим о его смерти, он жив, слышишь?

Джон кивнул. Мелани сжала руку Мосс. Из рации послышалось, что вертолет «скорой помощи» попытает приземлиться, но земля слишком мягкая. Вооруженный наряд отрапортовал, что находится в состоянии ожидания.

– Подозреваемый вооружен и опасен. Повторяю, подозреваемый вооружен и опасен.

– Ну давай, – прошептала Мосс. – Пожалуйста, пусть все закончится хорошо.

Глава 90

Гул вертолета становился все ближе, но через маленькие высоко расположенные окна сушильни ничего невозможно было увидеть. Дэрил продолжал держать Эрику на прицеле. Половина его лица была покрыта красной сыпью.

Эрика посмотрела на Бет. Она плакала, ее руки были в крови. Питерсон не двигался. Судя по шуму, вертолет был совсем рядом.

– Дэрил. Пожалуйста. Все кончено.

– Нет, нет, нет, НЕТ, НЕТ, НЕТ! – повторял он, тряся головой. Вдруг он развернул ружье и засунул двойное дуло себе в рот, широко растянув губы и зажмурившись.

– Дэрил! Нет! – крикнула Эрика.

Раздался оглушительный хлопок. Одно из окон разбилось, Дэрил упал на пол. Эрика подбежала к нему. Пуля прошла через левое плечо. Она посмотрела вверх в окно, и увидела зависший вертолет и сидящего в нем сотрудника с ружьем. Она схватила ствол Дэрила и достала оставшиеся патроны. Дэрил был без сознания, весь в крови, но жизни его ничего не угрожало. Эрика схватила рацию.

– Подозреваемый ранен. У меня его ружье. Опасности нет. Повторяю, опасности нет.

Тут же послышался шум, и в сушильню ворвались три сотрудника вооруженной полиции. За ними влетели четверо медиков и разделились между Питерсоном, Бет и Дэрилом.

– Он жив, но еле-еле, – крикнул один из врачей, склонившись над Питерсоном. – Джеймс, Джеймс, ты слышишь меня?

Не дождавшись ответа, он начал подключать капельницу.

Эрика подошла к Дэрилу и стояла над ним, пока ему накладывали тугую повязку. На лице у него выступил пот и капли крови. Казалось, он в шоке.

– Дэрил Брэдли, – обратилась к нему Эрика, пока медик разматывал провод капельницы и устанавливал ее. – Арестовываю вас по подозрению в убийстве Джанель Робинсон, Лейси Грин, Эллы Уилкинсон, Брайони Уилсон, в похищении и попытке убийства Бет Роуз, нанесении телесных повреждений вашей матери Мэри Брэдли. Вы имеете право хранить молчание, но, если во время допроса вы

скроете информацию, на которую позднее будете ссылаться в суде, это может отрицательно сказаться на приговоре. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Его переложили на носилки, и медики подняли его, чтобы перенести в вертолет.

– Я все-таки тебя поймала, – сказала ему Эрика.

Она поняла, что никогда не забудет тот взгляд, которым посмотрел на нее Дэрил Брэдли, когда его уносили. Она словно заглянула в глаза дьяволу.

Позже Эрика и Бет, закутанные в одеяло, стояли у сушильни и смотрели, как Питерсона и Дэрила несут по траве, все еще местами покрытой снегом, и помещают в вертолет воздушной «скорой помощи». Они молча смотрели, как он взлетает, начинает удаляться, а затем медленно растворяется в небе.

– О боже, спасибо, спасибо вам! – заплакала Бет, понемногу отходя от шока.

Эрика посмотрела на бледную, перепачканную девушку и осторожно ее обняла. Через несколько минут на вершине холма они увидели полицейские машины, направлявшиеся к ним с включенными мигалками и сиренами.

Глава 91

Поздним вечером Эрика вернулась в центральный участок Вест-Энда. В лифте она увидела свое отражение и испугалась. Женщина, которую она увидела, напомнила ей о том, как она выглядела сразу после смерти Марка. В лице не было ни кровинки, не было эмоций. Она была вся в грязи, со следами сильного недосыпа, в одежде, которую не снимала несколько дней. А еще, хоть она сама этого не осознавала, она была в шоке. Выйдя из лифта, она на мгновение застыла перед надписью «Отдел по расследованию убийств» и вошла внутрь.

На всем этаже было темно и пусто – все разошлись по домам еще несколько часов назад. И только в дальнем углу горел свет. Дверь была приоткрыта, и Эрика постучалась и вошла в кабинет. Мелани подняла голову, и несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

– Входи, садись. Выпьешь?

Эрика кивнула. Мелани достала из тумбочки бутылку виски и нашла две кружки.

Эрика села напротив, Мелани налила им обеим щедрую порцию, и они выпили.

– Он пережил операцию, – сказала Мелани.

– Дэрил?

– Дэрил да, но он несерьезно ранен в плечо. Я про Питерсона. Мне только что сказали, что он перенес операцию.

Эрика застыла с кружкой у рта.

– Я думала... Я думала...

– Он потерял много крови, и пришлось удалить значительную часть желудка. И, конечно, есть риск инфекции... но при всем этом врачи обнадеживают. У него большой шанс выжить, – сказала Мелани, слабо улыбнувшись.

– О боже, – прошептала Эрика.

Чашка чуть не выпала у нее из рук. Она закрыла рот рукой и начала плакать. Мелани подошла и обняла ее за плечо.

– Ты сегодня совершила чудо, Эрика.

– Нет, – возразила она, вытирая лицо и пытаясь успокоиться. – Нельзя было входить туда без подкрепления. Питерсон...

– Не надо было входить, да. Но когда будут разбирать твое дело, они должны будут учесть результат. Я обязательно сделаю на этом упор в своем отчете.

Эрика кивнула. Мелани вернулась к столу и села.

– В комнате Дэррила нашли два компьютера, карты и планы расположения камер наблюдения в Лондоне. Машины тоже обнаружены: красный «Ситроен» и синий «Форд» стояли за домом. Криминалисты сейчас работают в сушильне, – Мелани замолчала и глотнула виски. – В камере, где он держал женщин, уже нашли зубы, кожу, образцы волос.

Эрика покачала головой.

– А как его мать?

– Она все еще в больнице с сотрясением мозга, но ее выпишут в ближайшие сутки. Допросим и ее, и отца.

– Не думаю, что отец знал.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. Просто что-то было наивное в том, как он смотрел на жену, когда она лежала на полу. Может, наивное – неправильное слово. Но кажется, что он прячется от реальной жизни. Живет в своем собственном мире... Может, мать знала. Посмотрим, что она скажет на допросе. А Дэррил – он не в одной палате с Питерсоном, нет?

Мелани покачала головой.

– Когда Дэррил поправится, а это случится достаточно скоро, его переведут.

– Куда?

– Он будет проходить психиатрическую экспертизу.

Эрика покачала головой.

– Наверняка уже сейчас под дверями его палаты дежурит дорогой адвокат, и психиатр ходит неподалеку. Будут строить дело на невменяемости и засунут его в итоге в какое-нибудь несерьезное психиатрическое учреждение.

Мелани положила руку Эрике на плечо.

– Ты его поймала, Эрика. Поймала. Он бы так и продолжал этим заниматься, я в этом уверена. Ты спасла жизни людей. Думай сейчас об этом. А об остальном подумаем позже.

Эрика допила остатки виски.

– Спасибо, – она уже собралась встать и уйти, но вдруг остановилась. – Слушай. Прости, что создавала тебе сложности, когда ты стала и.о.

– Я здесь ненадолго. Я не буду принимать официальное предложение занять должность.

– Нет? – удивленно переспросила Эрика.

– Нет. У меня двое детей, муж. Жизнь слишком коротка, и мне нужно сделать выбор. Я выбрала семью.

– Не знала, что у тебя есть семья.

– Мальчишки-двойняшки, – кивнув, сказала Мелани.

– Здорово.

– Я порекомендовала тебя на эту должность. Не знаю, имеет ли мое слово какой-то вес, но в свете произошедшего сегодня, если они тебя не вздернут за вход без подкрепления, у тебя есть шанс. Я пойду, – сказала Мелани и забрала куртку. – Посиди здесь, может, еще немного выпьешь. Прочувствуешь атмосферу кабинета.

Эрика кивнула, и Мелани вышла.

Эрика встала и пошла к окну, выходящему на крыши, а потом снова вернулась в кабинет. Аккуратные полки с документами, большая маркерная доска с названиями дел, написанными мелкими буквами. Эрика обошла стол и села в кресло. Ее взгляд упал на то место на ковре, где лежал Спаркс. У нее всегда была мечта – продвинуться, добиться успеха в полиции. Но стоила ли игра свеч?

Эпилог

Через неделю состояние Питерсона стабилизировалось, и его перевели из реанимации в обычную палату. Эрика пришла его навестить. Она и до этого приходила несколько раз, но он был без сознания.

Она волновалась и долго выбирала, что надеть. Еще больше времени занял выбор подарка. Наконец, она решила купить книгу.

Когда она зашла к нему в палату на последнем этаже больницы UCL в центре Лондона, у его кровати сидела Мосс. Он выглядел похудевшим, но ожившим, и сидел на постели.

– Привет, босс, – сказала Мосс, вставая, чтобы ее обнять. – А мы как раз думали, где ты.

– Я задержалась. Долго выбирала, что надеть, – стыдливо призналась она, решив быть честной. Они взглянули на ее джинсы и бежевый свитер. – Да, знаю. Не похоже, чтобы я что-то такое особенное выбрала.

– Мне нравится, – сказала Мосс, и повисла тишина. – Питерсон как раз рассказывал мне свои радостные новости. У него убрали катетер.

Он закатил глаза.

– Не очень приятное ощущение, должен признаться.

– Как ты? – спросила Эрика. Она подошла к нему и осторожно взяла за руку. На запястье был идентификационный браслет, а на тыльной стороне ладони было закреплено два провода для капельниц.

– Процесс будет долгий, но врачи говорят, что я восстановлюсь полностью. Кто бы мог подумать, что можно жить без сорока процентов желудка? – он попытался сменить положение и сморщился от боли.

– Я бы все отдала, чтобы у меня кто-нибудь сорок процентов желудка отрезал. Вы видели, какая у меня задница? – сказала Мосс. Снова повисла неловкая тишина. – Прости. Просто ты мой лучший друг, и я очень рада, что с тобой все будет в порядке. И я начинаю шутить, потому что не знаю, что еще сказать.

Она достала салфетку и вытерла глаза. Эрика потянулась и взяла Мосс за руку.

– Все нормально, – успокоила она Мосс.

– Хватит, я в порядке, – засмеялась та. – Так что ты ему принесла? Мне сказали, что виноград нельзя, желудочному соку теперь не хватит места.

– Я принесла свою любимую книгу, – ответила Эрика, доставая из сумки экземпляр «Грозового перевала».

– Спасибо, – поблагодарил Питерсон и взял книгу из рук Эрики.

– Знаю, что выбор может показаться странным, но это была первая настоящая книга, которую я прочитала, когда выучила английский, и она меня поразила. Любовная линия, сама атмосфера. Подумала, что немного эскапизма тебе не повредит. Мне бы точно не повредило. Думала перечитать ее снова.

– Тогда не хочу забирать у тебя книгу, – сказал он, возвращая ее Эрике.

– Нет, это новый экземпляр. Я тебе купила.

– Может, прочитаем ее вместе, параллельно. У нас будет клуб выздоравливающих читателей.

– Хорошая идея, – улыбнулась она.

Через какое-то время Питерсон устал, и Эрика и Мосс попрощались и пообещали прийти на следующий день. Выйдя из больницы на оживленную Гудж-стрит, они решили пройтись до Черинг-Кросс.

– Мне официально предложили пост суперинтенданта, – сказала Эрика, когда они проходили мимо кофейни. За столиком на улице курили несколько женщин, трясаясь от холода.

– Черт возьми! Это же круто!

– Да? Не знаю.

– Не знаешь? В прошлый раз ты уволилась в знак протеста против того, что тебя не повысили, а теперь ты не знаешь?

– Конечно, я хочу этого, но когда же жить?

– Что значит «когда жить»? Жизнь – это и есть то, что происходит вместо твоих планов. Принимай предложение. Станешь первым за долгое время немудакон, занимающим этот пост.

– Вдруг я тоже превращусь в мудака? – засмеялась Эрика.

– Я тебе об этом первая расскажу.

– Хорошо. Договорились.

– Ладно, раз с этим решили, давай выпьем. Хорошенько и старательно выпьем. Мы точно это заслужили.

Мосс взяла Эрику под руку и завела в ближайший паб.

– А поскольку ты мой новый суперинтендант, первый круг – за твой счет.

От автора

Во-первых, хочу сказать вам большое спасибо за то, что вы прочли «Последнее дыхание». Если вам понравилось последнее расследование Эрики, прошу вас написать небольшой отзыв. Всего несколько слов, которые помогут тем, кто еще не читал моих книг, выбрать для себя первую. Как и всегда, я начал эту книгу, имея лишь приблизительное представление о том, как дальше будет развиваться сюжет. Я не планировал упоминать соцсети, но, мне кажется, они так сильно изменили мир, что еще долго будут питать мое воображение. У соцсетей много достоинств: мы остаемся на связи с родственниками и друзьями, которые живут за тысячи километров, мы можем узнавать информацию, которая формирует наше мнение, а также это возможность выразить свои чувства. Но есть и темная сторона, которую, как мне кажется, мы еще только пытаемся понять. Будьте осторожны, выкладывая что-то на всеобщее обозрение. Вы не всегда знаете, кто на вас смотрит.

Кстати говоря, вы можете связаться со мной через мои аккаунты в «Фейсбуке», «Инстаграме», «Твиттере», «Гудридз» или через мой сайт. Ссылки на мои страницы есть на www.robertbryndza.com. Как вам кажется, что должно случиться с моей героиней дальше? Вы бы хотели, чтобы Эрика и Питерсон стали жить вместе долго и счастливо, пока смерть не разлучит их? Что вы думаете про прошлое Эрики? Должно ли оно как-то повлиять на нее в будущих книгах? Ведь что-то есть в нем не до конца понятное, согласны? Я с большим удовольствием читаю все ваши сообщения и комментарии и обязательно отвечу на каждое. Обещаю не копаться в ваших аккаунтах. По крайней мере постараюсь:)

Роберт Брындза

P.S. Если вы хотите получать уведомления о выходе моих новых книг по электронной почте, оформите подписку по ссылке ниже. Вашему электронному адресу гарантирована конфиденциальность, и отписаться возможно в любое время.

www.bookouture.com/robert-bryndza

Благодарности

Спасибо Оливеру Роудзу и всем сотрудникам издательства Bookouture. Работать с вами невероятно приятно. Спасибо Ким Нэш за продвижение книг наших авторов, за помощь всем нам, за любовь, доброту и хорошее чувство юмора. Особая благодарность моему замечательному редактору Клэр Борд. Мне очень нравится работать с тобой, а твои комментарии и предложения помогают мне на порядок улучшить книги и довести их до возможного идеала.

Спасибо Генри Стедману за невероятную обложку. Особая благодарность – старшему суперинтенданту в отставке Грэму Бартлету из www.policeadvisor.co.uk за консультации о тонкостях работы полиции, благодаря которым в моих книгах сохраняется тонкая грань между фактом и вымыслом. Все вольные обращения с фактами, которые я позволил себе, – на моей совести.

Благодарю свекровь Вьерку за любовь, поддержку и смех. Огромная благодарность моему супругу Яну, который занимается хозяйством, чтобы я мог концентрироваться на книгах. Рику и Лоле – за то, что не дают мне оторваться от земли и дарят свою теплоту. Без вашей любви и поддержки я бы ничего этого не смог.

И наконец, огромное спасибо всем моим удивительным читателям, книжным группам, блогерам и обозревателям. Я всегда повторяю эти слова, но это правда – рекомендации творят чудеса. Без ваших усилий, эмоций, обсуждений и постов о моих книгах у меня было бы гораздо меньше читателей.

Роберт Брындза

Холодная кровь

*Посвящается
маме и папе – со
всей моей любовью*

*«Ад пуст! Все
дьяволы сюда
слетелись!»*

*У. Шекспир.
«Буря» [\[101\]](#).*

Глава 1

Понедельник, 2 октября 2017 года

Лил дождь. Ладонью заслоняя глаза от хлещущих струй, старший инспектор Эрика Фостер торопливо шла рядом с инспектором Мосс по мощеной набережной, что тянулась вдоль южного берега Темзы. Было время отлива, и река сузилась до бурой ленты. Отступившая вода обнажила кирпичную кладку стенок набережной и часть илистого русла, усеянного мусором. В кармане длинной черной куртки Эрики затрещала рация, и сотрудница полиции, охранявшая место преступления, спросила, где они находятся. Эрика достала рацию и ответила:

– Старший инспектор Фостер. Через пару минут будем на месте.

Еще не окончился утренний час пик, а уже темнело: опускался мглистый туман. Они ускорили шаг, минуя представительство IBM и светлое приземистое здание ITV Studios. Здесь набережная резко поворачивала вправо, расширяясь в обсаженный деревьями бульвар, который вел к Национальному театру и мосту Хангерфорд.

– Это там, внизу, босс. – Тяжело отдуваясь, Мосс замедлила шаг.

Футах в десяти ниже, у того места, где набережная поворачивала вправо, на покрытом светлым песком пятачке насыпного пляжа, обнажившегося во время прилива, толпилась небольшая кучка людей. Эрика потеряла защитный бок. В ней было больше шести футов[102], и она возвышалась над Мосс; ее мокрые от дождя короткие белокурые волосы липли к голове.

– Курить надо меньше, – заметила Мосс, глядя на Эрику снизу вверх. Она откинула с глаз мокрые рыжие пряди. Ее пухлые щеки покраснелись от бега, само лицо было усыпано веснушками.

– А тебе – меньше увлекаться батончиками «Марс», – парировала Эрика.

– Я и не увлекаюсь. Один на завтрак, один на обед, ну и один на десерт после настоящего ужина.

– Вот и я так же с сигаретами, – улыбнулась Эрика.

Они подошли к каменной лестнице, спускавшейся к Темзе. На ней через определенные интервалы виднелись вьевшиеся отметины прилива; последние две ступеньки были скользкими от водорослей.

Пляж, четыре метра в ширину, резко обрывался там, где пенилась грязная бурая вода. Эрика с Мосс показали свои удостоверения, и люди расступились, пропуская их туда, где сотрудница службы специальных констеблей[103] стояла на страже большого потрепанного чемодана из коричневой ткани, наполовину утопавшего в песке.

– Я пыталась их отогнать, мэм, но не хотела оставлять находку без присмотра, – объяснила молодая женщина, глядя на Эрику сквозь пелену дождя. Она не отличалась ни ростом, ни крепким сложением, но взгляд у нее был твердый.

– Вы здесь одна? – осведомилась Эрика, посмотрев на чемодан. Из рваной дыры на боку торчали два раздутых белесых пальца.

Констебль кивнула.

– В одном из офисных зданий сработала сигнализация, и мой напарник, с которым я дежурила, пошел туда разбираться, – ответила она.

– Это не дело! – возмутилась Мосс. – Спецконстебли всегда должны дежурить по двое. То есть вы во время ночной смены в центральном Лондоне остались одна?

– Так, Мосс... – начала Эрика.

– Да что «так», босс? Не дело это. Они же добровольцы! Почему нельзя выделить средства на увеличение штата кадровых полицейских?

– Я пошла в специальные констебли, чтобы набраться опыта и стать сотрудником регулярной полиции...

– Нужно убрать отсюда посторонних, пока не затоптали все улики, – перебила ее Эрика.

Мосс кивнула и вместе с констеблем принялась оттеснять толпу зевак к лестнице. Эрика заметила у высокой стены на краю пляжа две небольшие ямы, которые выкопал одетый в цветастое пончо старик с длинными седыми волосами. Не обращая внимания на людей и дождь, он продолжал копать. Эрика взяла рацию и стала вызывать патрульных, которые могли бы находиться поблизости. Рация отвечала ей зловещим молчанием. Она увидела, что мужчина в цветастом пончо, игнорируя распоряжения Мосс, продолжает копаться в песке. Эрика отошла от чемодана и, приблизившись к мужчине, потребовала:

– Пройдите со всеми к лестнице.

Он взглянул на нее и снова занялся своим делом, теперь разравнивая кучу песка, которую поливал дождь.

– Прощу прощения, я к вам обращаюсь.

– А кто вы такая? – надменно спросил мужчина, смерив ее взглядом.

– Старший инспектор Эрика Фостер. – Она быстро показала удостоверение. – Это – место преступления. Вы должны покинуть его. Немедленно.

Мужчина перестал возиться в песке и с оскорбленным видом воззрился на Эрику. Выглядело это довольно забавно.

– Вам дозволено вести себя столь грубо?

– Да, если посторонние создают препятствия на месте преступления.

– Но это мой единственный источник дохода. Я имею полное право выставлять здесь свои песчаные скульптуры. У меня есть разрешение, выданное советом Вестминстера.

Мужчина порылся в пончо и извлек на свет ламинированную карточку со своей фотографией, на которой тут же осели капли дождя.

– Констебль Уорфорд и констебль Чарльз... – раздался голос из радиации Эрики. Она увидела двух молодых патрульных, спешивших к толпе, что топталась у лестницы.

– Скоординируйтесь с инспектором Мосс. Необходимо перекрыть набережную, на пятьдесят футов [\[104\]](#) с каждой стороны, – отдала она распоряжение по радиации и снова сунула ее в карман. Мужчина в пончо все еще протягивал ей свое разрешение. – Уберите.

– Вы не очень-то любезны, – заметил он, с прищуром глядя на Эрику.

– Не очень. И покажусь вам еще менее любезной, если мне придется вас арестовать. Лучше покиньте место преступления, поднимитесь наверх.

Мужчина неторопливо встал с песка.

– Значит, у вас так принято разговаривать со свидетелями?

– Что вы видели?

– Я откопал этот чемодан.

– Он был закопан в песок?

– Частично. Вчера его там не было. Я каждый день здесь рою. Прилив перемещает песок.

– Зачем вы здесь каждый день роете?

– Я художник, создаю скульптуры из песка, – напыщенно заявил мужчина. – Это мое обычное место. Я делаю русалку: она восседает на камне, а рядом выпрыгивают из воды рыбки. Эта скульптура очень популярна у...

– Вы трогали чемодан, перемещали что-нибудь? – осведомилась Эрика.

– Нет, конечно. Я остановился сразу, как увидел... Когда заметил, что чемодан разодран и из него... торчат пальцы...

Эрика видела, что он напуган.

– Хорошо. Поднимайтесь на набережную, нам надо будет взять у вас показания.

Патрульные и сотрудница службы специальных констеблей уже перегородили часть набережной. Старик заковылял к лестнице, а к Эрике вернулась Мосс. Теперь на пляже, кроме них, никого не осталось.

Обе надели латексные перчатки и подошли к чемодану. Пальцы, торчавшие из дыры в коричневой ткани, были раздутыми, с почерневшими ногтями. Мосс аккуратно счистила песок со швов и обнажила ржавую застежку-молнию. Эрика несколько раз несильно потянула за язычок, молния поддалась, крышка осела и перекосилась. Вдвоем с Мосс они медленно подняли ее. Из чемодана, в который было запихнуто тело голого мужчины, выплеснулась вода. Мосс отпрянула, ладонью зажав нос. На них дохнуло смрадом гниющего мяса и затхлой воды. Эрика на мгновение зажмурилась, потом открыла глаза. Белые мускулистые конечности. Плоть цвета сырого нутряного сала уже начала облезать, кости были местами оголены. Эрика осторожно приподняла туловище, под которым лежала голова с тонкими черными волосами.

– Боже, его обезглавили. – Мосс показала на шею.

– И отрубили ноги, чтобы уместить в чемодан, – добавила Эрика. Раздутое лицо было разбито до неузнаваемости. Из рта с большими фиолетовыми губами вываливался распухший черный язык. Эрика бережно опустила туловище на голову и закрыла чемодан. – Нужно вызывать криминалистов. Срочно. Не знаю, сколько осталось времени до начала прилива.

Глава 2

Час спустя на месте преступления уже работали эксперты-криминалисты. Дождь не затихал, туман сгустился, поглотив верхушки зданий вокруг. Несмотря на ненастье, по обе стороны от полицейского оцепления собрались толпы любопытных, глазевших на огромную белую палатку, которую установили над чемоданом с трупом. Она зловеще сверкала на фоне бурлящей темной воды.

Погода стояла холодная, но в палатке было жарко: от ярких ламп на небольшом замкнутом пространстве температура резко повысилась. Эрика и Мосс, переодевшись в синие комбинезоны, наблюдали за работой судмедэксперта Айзека Стронга, двух его ассистентов и фотографа, сидевших на корточках вокруг чемодана. Айзек был высокий стройный мужчина с бархатистыми карими глазами и тонкими ухоженными бровями, которые сейчас и позволяли определить, что это именно он прячется под капюшоном и маской, закрывающей лицо.

– Что скажешь? – спросила Эрика.

– Тело пролежало в воде довольно долго. Вон, видите желто-зеленые пятна на коже. – Айзек показал на цветовые изменения в области груди и живота трупа. – Холодная вода замедляет процесс разложения...

– Это вы называете «замедляет»? – фыркнула Мосс, ладонью плотнее прижимая маску к лицу. Вонь в палатке валила с ног. Они молча смотрели на изуродованное голое тело, которое было аккуратно уложено в чемодане: ноги – по бокам от туловища; коленный сустав одной упирается в верхний правый угол, второй – в нижний левый; руки скрещены на груди; отрезанная голова покоится под туловищем.

Помощница Айзека расстегнула маленький кармашек на внутренней стороне крышки чемодана и вытащила из него прозрачный пластиковый пакетик с золотым обручальным кольцом, часами и массивной золотой цепочкой. Она подняла пакетик к свету. Над маской виднелись ее широко раскрытые глаза.

– Допустим, это вещи жертвы. Но вот где его одежда? – задалась вопросом Эрика. – Судя по всему, тело аккуратно упаковали, а не

просто зачихнули в чемодан. Может, есть документ, удостоверяющий личность? – с надеждой добавила она.

Фотограф наклонился к чемодану и сделал два снимка. Ослепленные вспышкой, Эрика и Мосс поморщились. Ассистентка Айзека рукой в перчатке обыскала кармашек и покачала головой.

– Способ расчленения тела, аккуратность, пакет с драгоценностями – все это указывает на то, что преступление было заранее спланировано, – подчеркнул Айзек.

– Зачем класть вместе с трупом драгоценности? Почему их просто не забрали? Такое впечатление, что убийца решил поглумиться, – рассудила Мосс.

– Меня это наводит на мысль, что данное убийство – результат бандитских разборок или как-то связано с наркотиками, – предположил Айзек. – Но это вам выяснять.

Эрика кивнула. Другой ассистент судмедэксперта приподнял туловище, и фотограф сделал снимок отсеченной головы жертвы.

– Я закончил, – доложил он.

– Тело на вынос, – распорядился Айзек. – Начинается прилив.

Эрика опустила глаза и увидела, что один из следов на песке заполняется бурлящей водой. У палатки появился молодой парень в комбинезоне. Он принес носилки и новый черный мешок для трупа.

Эрика с Мосс отступили в сторону, наблюдая, как помощники Айзека расстегнули и раскрыли мешок, затем аккуратно взяли чемодан, собираясь положить его на носилки. Сделали четыре шага и чуть не завалились назад: чемодан не пускал.

– Стойте, стоп, стоп, стоп! – крикнула Эрика, возвращаясь в палатку. Осветив фонарем дно чемодана, с которого капала вода, они увидели, что он запутался в длинной светлой веревке. Под тяжестью тела матерчатое дно деформировалось и стало рваться.

– Ножницы, живо! – рявкнул Айзек. Ему быстро подали ножницы, взятые из стерильной упаковки. Он наклонился и аккуратно срезал веревку, устранив препятствие, которое держало чемодан. Когда его стали класть на носилки, он развалился. Айзек отдал ножницы и веревку, которые разложили по пакетам и промаркировали. Потом черный мешок застегнули, и чемодан исчез из виду.

– Как только закончу вскрытие, сообщу, – пообещал Айзек. И покинул место происшествия с двумя помощниками. Те толкали перед

собой носилки, которые вихляли на песке, колесами оставляя в нем глубокие борозды.

Эрика и Мосс, отдав свои комбинезоны, поднялись на набережную и увидели руководителя группы криминалистов Нилза Акермана, который только что прибыл к месту преступления с командой из пяти человек. Им предстояло найти на берегу вещественные доказательства. Глянув на реку, наползавшую на пляж, Эрика засомневалась, что им это удастся.

Нилз, высокий худой мужчина с пронзительными голубыми глазами, которые сегодня были немного воспалены, выглядел измученным и недовольным.

– Для уток погода в самый раз, – заметил он и, кивнув им, прошел мимо. Говорил он на безупречном английском с едва уловимым шведским акцентом. Эрике и Мосс вручили зонты. Они смотрели, как Нилз и его коллеги идут по сужающемуся пляжу. Вода в реке, плескавшаяся уже у самой палатки, быстро прибывала еще и из-за дождя.

– Никогда не понимала его чувство юмора, – буркнула Мосс. – Ты где-нибудь видишь уток?

– Наверно, он имел в виду, что уткам нравится такая погода. И кто говорит, что он шутил?

– Так он вроде произнес это в шутку. У шведов, я слышала, очень своеобразное чувство юмора.

– Ладно, давай-ка подумаем, – сказала Эрика. – Возможно, чемодан сбросили где-то выше по реке, и когда его понесло течением, он зацепился за веревку.

– Его могли скинуть где угодно, – рассудила Мосс. – Таких мест вдоль реки полно. Берег длинный, тянется на многие мили.

Эрика посмотрела на здания и обратила взгляд на Темзу. Мимо пыхтела, изрыгая черный дым, баржа; навстречу ей плыли, носами разрезая воду, два длинных низких речных трамвая.

– В этом месте избавляться от тела было бы глупо, – сделала вывод Эрика. – Оно просматривается из офисов, открытых двадцать четыре часа в сутки. К тому же сюда его нужно еще донести, а идти пришлось бы мимо баров, офисов, камер видеонаблюдения, свидетелей.

– Глупо, да не очень, – возразила Мосс. – Для рискового человека вполне себе подходящее местечко. Много отходных путей – переулков, в которых можно запросто затеряться.

– Да, начало не обнадеживающее.

– Босс, мы не должны недооценивать убийцу. Или правильнее сказать «перенедооценивать»?

Эрика повела глазами.

– Ладно, давай перехватим по сэндвичу и назад в отделение.

Глава 3

В отделение полиции Луишем-роу Эрика и Мосс прибыли ближе к вечеру. Дождь весь день лил не переставая, и обе вымокли насквозь. Строительство, что только-только развернулось вокруг полицейского участка, когда Эрика первый раз получила назначение в южный район Лондона, уже почти завершилось, и восьмиэтажное здание их отделения теперь затмевали несколько высотных элитных жилых многоквартирных домов.

В обшарпанной дежурной части за столом сидел сержант Вулф – крупный мордастый мужчина с голубыми глазами, в тщательно отутюженной белой сорочке, на которую свисал тройной подбородок. Перед ним стояла худая девица с лошадиным лицом. На руках она держала упитанного карапуза. Тот сжимал в руке большущий пакет с карамелью и, жуя конфеты, равнодушно наблюдал за перепалкой матери и Вулфа.

– Долго нам еще ждать? – возмущалась женщина. – У меня дел по горло.

– Это зависит от вашего дружка и трехсот граммов кокаина, что мы обнаружили в его заднице, – охотно отвечал ей Вулф.

– Сволочи. Это вы ему подкинули, – заявила женщина, наставив на него палец с длинным ногтем, покрытым розовым лаком.

– По-вашему, это мы ему туда порошок *засунули*?

– Пошел ты, – огрызнулась она.

– Зря ваша матушка в школу вас отправляла. Только деньги зря потратила.

Молодая женщина смешалась:

– Это вы о чем? Я школу окончила сто лет назад.

Дружелюбно улыбнувшись, Вулф показал ей на поблекшие зеленые пластиковые стулья, выстроившиеся в длинный ряд под доской со всевозможными объявлениями.

– Мэм, вы присядьте, пожалуйста. Как только у меня появится новая информация, я вам сообщу.

Женщина окинула оценивающим взглядом Эрику и Мосс, затем неспешно отошла к стульям и уселась под доской, увешанной информационными листками. Эрика вспомнила свой первый день в

Лондоне, куда ее перевели из полиции Большого Манчестера. Она сидела на этом же самом месте и донимала Вулфа, спрашивая, долго ли ей еще ждать, хотя обстоятельства у нее были другие.

– Дамы, добрый день. На улице дождь все льет? – уточнил Вулф, обратив внимание, что волосы у обеих мокрые и липнут к головам.

– Неа, брызгает, – улыбнулась Мосс.

– Шефиня на месте? – осведомилась Эрика.

– Да. Суперинтендант у себя в кабинете, там тепло и сухо, – ответил Вулф.

Женщина с ребенком сунула в рот горсть карамелек и зачавкала, сверля их сердитым взглядом.

– Осторожно, мэ, не подавитесь. А то я не очень хорошо помню прием Геймлиха[105], – сказал ей Вулф, пропуская Эрику и Мосс в закрытую часть отделения. Наклонившись к ним, он понизил голос и доложил: – До пенсии уже рукой подать.

– Сколько еще? – спросила Эрика.

– Полгода с небольшим, – ответил он.

Эрика улыбнулась Вулфу, и дверь за ними со щелчком захлопнулась. Они пошли по длинному коридору с низким потолком, мимо кабинетов, в которых разрывались телефоны и трудились сотрудники общественной поддержки полиции[106]. Отделение полиции Луишем-роу, крупнейшее по южную сторону от реки, обеспечивало правопорядок на большой территории Лондона до самых границ графства Кент, и здесь всегда царило оживление. Они торопливо шагали к раздевалке, по пути здороваясь с заступавшими на дежурство патрульными. Подойдя к своим шкафчикам, обе достали полотенца и принялись вытираться.

– Я займусь пропавшими без вести, – произнесла Мосс. Она посушила волосы, вытерла лицо, затем сняла мокрый свитер и расстегнула блузку.

– А я попрошу, чтобы нам дали еще людей, – сказала Эрика, нюхая белую сорочку, которую она вытащила из глубины шкафчика после того, как вытерлась.

Переодевшись в сухое, Эрика стала подниматься по лестнице к кабинету суперинтенданта. Отделение Луишем-роу размещалось в старом обветшалом здании, построенном в 1970-х годах, и, поскольку

бюджет полиции постоянно урезали, лифтами здесь лучше было не пользоваться: можно было на полдня застрять в одной из кабинок. Перескакивая сразу через две ступеньки, Эрика добралась до коридора восьмого этажа. Из большого окна открывался вид на южные предместья Лондона, простиравшиеся от Кольцевой дороги, которая проходила через самый центр Луишема и тянулась мимо домов ленточной застройки, до зеленых угодий на границе Кента.

Эрика постучалась и вошла. Суперинтендант Мелани Хадсон сидела за столом, на котором громоздилась, частично скрывая ее, гора документов. Это была миниатюрная стройная женщина с короткими белокурыми волосами, но внешность порой обманчива – Мелани умела быть жесткой, если того требовали обстоятельства. Эрика обвела взглядом кабинет – такой же обшарпанный, как и все остальное в этом здании. Полки до сих пор были пусты. Мелани возглавляла работу отделения уже несколько месяцев, но пока так и не удосужилась распаковать коробки, что стояли вдоль дальней стены. Ее пальто аккуратно висело на одном из крючков у двери.

– Я только что с места преступления на южном берегу Темзы. Жертва – мужчина. Был сильно избит, обезглавлен, расчленен и затем аккуратно упакован в чемодан.

Мелани закончила писать и подняла голову.

– Европейец?

– Да.

– Значит, это убийство не на почве расовой ненависти?

– Можно быть белым и все равно погибнуть от рук расистов.

Мелани посмотрела на нее.

– Мне это известно, Эрика. Я просто хочу четко понимать ситуацию. После референдума за выход из ЕС начальство держит на особом контроле дела о преступлениях, совершенных на почве расовой ненависти.

– Пока трудно сказать. Это может быть что угодно: гангстерские разборки, расизм, гомофобия. Убийство совершено с особой жестокостью. Его уложили в чемодан голым, вместе с трупом обнаружены часы, кольцо и цепочка. Мы не знаем, его ли это вещи. Я жду результатов вскрытия и криминалистической экспертизы. Как только появится новая информация, я сразу тебе сообщу, чтобы ты знала, в какую графу поставить галочку.

– Эрика, сколько у тебя сейчас дел?

– Только что закрыла убийство в ходе вооруженного ограбления. Ну и еще парочку других дел скоро скину. Нужно установить личность жертвы, но это будет непросто. Лицо избито до неузнаваемости, да и тело долго пробыло в воде.

Мелани кивнула.

– Чемодан большой?

– Да.

– Теперь большие чемоданы не купишь. Я пыталась достать семейный для отпуска, но такие больше не делают – не имеет смысла из-за установленных норм провоза багажа. Все, что свыше двадцати пяти кило, обходится в целое состояние.

– Хочешь принесу тебе тот чемодан, когда с ним закончат работать криминалисты?

– Очень смешно. Но я ведь не просто так сказала об этом. Не многие компании производят большие чемоданы, в которые можно уместить пляжную одежду на две недели, тем более взрослого мужчину.

– Мне необходимо усиление. Сколько человек ты готова мне выделить? Я бы хотела в свою группу Мосс и констебля Джона Макгорри. Сержант Крейн тоже хорошо работает в команде.

Надув щеки, Мелани рылась в бумагах на своем столе.

– Ладно. Даю тебе Мосс и Макгорри... и одного гражданского сотрудника. А там посмотрим, может этого хватит.

– И на том спасибо, – сказала Эрика. – Но дело это непростое. Сдается мне, что людей потребуется больше.

– Пока это все, что ты получишь. Держи меня в курсе. – Мелани вновь взялась за ручку.

Эрика встала и направилась к выходу.

– Куда едешь в отпуск? – спросила она, останавливаясь в дверях.

– В Екатеринбург.

Эрика вскинула брови.

– В Екатеринбург? В Россию?

Мелани возвела глаза к потолку.

– И не спрашивай. Мужу в отпуске непременно экзотику подавай, да еще такую, куда просто так не доберешься.

– Что ж, в октябре в Екатеринбурге крем от загара тебе не понадобится.

– Закрой дверь с той стороны! – рявкнула Мелани.

подавив улыбку, Эрика вышла из кабинета начальницы.

Глава 4

Эрика купила в торговом автомате кофе с шоколадным батончиком и по лестнице спустилась на четвертый этаж, где находился ее маленький кабинет – крошечный закуток со столом, заваленным бумагами, с компьютером и стеллажом. По окну с видом на парковку стучал дождь. Закрыв дверь, со стаканом кофе и шоколадкой в руках Эрика уселась за стол. Где-то звонили телефоны, в коридоре закрипел пол: кто-то прошел мимо ее кабинета. Она скучала по помещениям открытой планировки, в которых работала последние несколько лет в Бромли и Уэст-Энде. Четыре стены, которые, казалось, сдвигались вокруг нее, служили напоминанием о том, что вот уже полгода она не заходила в оперативный отдел и не занималась расследованием сложных дел.

Перед столом на стене висела старая карта Темзы, на которую она до сих пор не обращала внимания. Эрика разорвала обертку шоколадного батончика, откусила половину и, обойдя стол, встала перед картой, которая отличалась от тех, что используют оперативники, и представляла собой нечто вроде произведения графического искусства – черно-белое изображение реки от ее истока до устья. Темза, имеющая протяженность 215 миль [\[107\]](#), берет свое начало близ Оксфорда, протекает через Лондон и при впадении в море образует эстуарий. Эрика провела пальцем по ленте водного потока до Теддингтонской плотины, преграждающей путь приливам в верховья реки, и далее по извилистой линии, проходящей через Туикенем, Чизик и Хаммерсмит до Баттерси, затем через центр Лондона, и остановилась на точке, где был обнаружен чемодан с трупом.

– Где же выбросили чемодан? – произнесла она с набитым ртом. Эрика стала перебирать в уме места вдоль реки, где можно было бы незаметно сбросить в реку чемодан. Ричмонд? Чизик? Мост Челси? Парк Баттерси? Затем подумала про набережную, где обнаружили чемодан: это место просматривалось со всех сторон, в том числе и многочисленными камерами видеонаблюдения. Запихнув в рот остаток батончика, она отвернулась от карты и обвела взглядом свой крошечный кабинет. На полистирольных плитах потолка виднелись бурые разводы от воды, на узких полках – хлам, оставшийся от

прежних обитателей: небольшой мохнатый кактус; зеленый пластмассовый еж с пластмассовыми иголками, меж которыми торчали шариковые ручки; пыльные инструкции по использованию устаревшего программного обеспечения. «Может, зря я отказалась от повышения?» – пропищал в голове гаденький голосок. Все ждали, что она согласится на должность суперинтенданта, но тогда ей вдруг подумалось, что она обрекает себя на бумажную работу: представила, как будет сидеть за столом, ставить галочки, определять приоритеты, выполнять установки и, что еще хуже, заставлять других подчиняться требованиям. Эрика сознавала, что ей присуще здоровое честолюбие, но вряд ли она была бы удовлетворена расширением полномочий, новой должностью, более высокой зарплатой. Она предпочитала выезжать на места происшествий, лично расследовать запутанные дела и сажать за решетку преступников – именно это заставляло ее каждое утро подниматься с постели.

А еще она отказалась от повышения из чувства вины. Эрика подумала про своего коллегу – инспектора Джеймса Питерсона. Ей он приходился не просто коллегой; он был ее... *бойфрендом*? Нет. Ей уже сорок пять, слишком стара она для бойфрендов. *Партнером*? Партнеры – это в юридических фирмах. Впрочем, теперь это не важно, она сама все испортила. В рамках расследования их последнего громкого дела они проводили операцию по спасению похищенной женщины, в ходе которой Питерсон получил пулю в живот. Как старший по званию это она приняла решение действовать, не дожидаясь подкрепления. Они спасли молодую женщину и арестовали сумасшедшего серийного убийцу, но Питерсон был ранен, чудом выжил, и, естественно, это сказалось на их взаимоотношениях. Он потерял семь месяцев нормальной активной жизни, мучительно восстанавливался после ранения, и до сих пор не было ясно, когда он вернется к работе.

Эрика скомкала обертку от шоколадного батончика и бросила ее в мусорную корзину, что стояла в углу, но промахнулась, и та упала на ковер. Она хотела подобрать обертку и только нагнулась за ней, в кабинет постучали, а затем дверь отворилась и ударила ее по голове.

– Черт! – выругалась Эрика, хватаясь за лоб.

В кабинет заглянул констебль Джон Макгорри. В руках он держал папку.

– Простите, босс. Тесновато здесь, да? – Ему было едва за двадцать. Красивое лицо, гладкая чистая кожа. Темные волосы коротко острижены.

– Не то слово. – Эрика бросила обертку в корзину и выпрямилась, все еще потирая лоб.

– Мосс мне только что сообщила про труп в чемодане и сказала, что меня перевели в вашу бригаду.

Эрика обошла стол и села.

– Да. Поговорите, пожалуйста, с Мосс, она пытается установить личность жертвы. Где ты работал в последнее время?

– На втором этаже, с сержантами Лорной Миллз и Дейвом Буном.

– С Миллз и Буном? – Эрика вскинула брови.

– Да, – улыбнулся Макгорри. – И это никак не способствовало моей личной жизни. Засиживался допоздна, занимался классификацией преступлений на почве расовой ненависти в связи с выходом из Евросоюза.

– Да, звучит не очень сексуально, – усмехнулась Эрика.

– Я рад, что меня к вам направили. Спасибо, босс.

– Мосс занимается установлением личности убитого. Позже по электронке я сообщу, нужно ли тебе подключиться к ней в помощь.

– Я в том числе за тем и пришел. За последние недели я просмотрел кучу дел, и одно засело у меня в голове. Один собачник выгуливал своего питомца на набережной в Челси, как раз во время отлива, и нашел на берегу чемодан. В нем лежал труп женщины европейской внешности, лет тридцати пяти. Обезглавленный, расчлененный.

Эрика откинулась на спинку стула и уставилась на Макгорри:

– Когда это было?

– Чуть больше недели назад, двадцать второго сентября. Я принес это дело. – Он передал ей папку.

– Спасибо. Попозже я с тобой свяжусь, – сказала Эрика.

Она дождалась, когда дверь затворится, и раскрыла папку. Место преступления на фотографиях было такое же серое, какое она видела сегодня утром, но труп находился в куда лучшем состоянии, был лишь немного тронут разложением. Жертва – женщина, пепельная блондинка с длинными грязными волосами. Ноги отрублены до самого

таза и уложены по краям чемодана. Руки сложены на груди, так что создавалось впечатление, будто труп от стыда прикрывает обнаженные округлости. Отрезанная голова засунута под туловище. Как и у убитого мужчины в чемодане, что обнаружили сегодня утром, ее лицо было разбито до неузнаваемости.

Эрика обратила взгляд на карту Темзы, висевшую на стене. Столько мест, где можно сбросить в реку труп!

Или два трупа.

Глава 5

Август 2016 года

Восемнадцатилетняя Нина Харгривз узнала от своей лучшей подруги Кэт, что на лето можно устроиться на работу в кафе «У Сантино», предлагавшее посетителям традиционное меню – жареную рыбу с картофелем. Они только что окончили школу. Кэт намеревалась осенью приступить к учебе в университете, а Нина с планами на будущее еще не определилась. Симпатичная девушка с крупноватым резко очерченным носом, светлой веснушчатой кожей, длинными каштановыми волосами и чуть выпирающими передними зубами, она не имела ни склонности, ни тяги к учебе, и консультант по профориентации, к которой Нина обратилась, посоветовала ей попробовать себя в качестве конторской служащей или выучиться на парикмахера, но ее не прельщало ни то, ни другое. Ей претила сама мысль, что она целыми днями должна торчать в каком-нибудь офисе – ее мама, Мэнди, служила клерком в местной адвокатской конторе и вечно жаловалась на свою работу, а от идеи стать парикмахером и проводить время в кругу стервозных баб Нину и вовсе тошнило. Ей с лихвой хватило школы.

Нина злилась на весь белый свет, где она не могла найти свое место под солнцем. Ее любимый папочка десять лет назад скончался от сердечного приступа, а с матерью они, хоть и жили вместе, близки не были. Поэтому Нина опешила, когда Мэнди, постучавшись к ней в комнату, сказала, что в следующую субботу она должна пойти с ней на обед в ресторан.

– Хочу познакомить тебя со своим новым другом, Полом, – объяснила мать.

– С другом? – смешалась Нина. Мэнди, неловко переступив с ноги на ногу, опустилась на краешек кровати. Внешне они были похожи, но Нина жалела, что не унаследовала аккуратный носик и безупречные зубы матери.

– Да. Пол – *близкий* друг. Больше чем друг. Он – адвокат в той фирме, где я работаю. – Мэнди взяла дочь за руку.

– То есть это твой бойфренд? – уточнила Нина, отдергивая руку.

– Да.

– Твой босс?

– Он не мой босс. Я работаю с ним в одной фирме.

– Что? То есть он гонял тебя по всему офису, а теперь у тебя с ним любовь?

– Ну зачем ты так, Нина? С Полом мы встречаемся уже несколько месяцев. Просто я не хотела тебя знакомить с ним раньше, пока не станет ясно, получится у нас что-нибудь или нет.

Нина с ужасом смотрела на мать. Она годами подтрунивала над ней, убеждая завести бойфренда, даже советовала сходить на свидание с симпатичным почтальоном, который любил пофлиртовать, но Мэнди неизменно отмахивалась от ее предложений, говоря, что еще слишком рано.

– И что же у вас получается?

– Ну, надеюсь, скоро он переедет к нам.

– Что?

– Нина. Тебе уже восемнадцать. Ты же не будешь вечно жить дома.

– Почему?

– А ты сама этого хочешь? До скончания жизни сидеть в своей комнате, обклеенной обоями с Ханной Монтаной?

– Разумеется, нет.

– Тогда идем. Я ни в коем случае тебя не выпроваживаю – этого я никогда бы не сделала, – но ты должна сама строить свою жизнь.

Мэнди ушла, а слова матери, казалось, все висели в воздухе. И поэтому, не видя иных перспектив, Нина сходила на собеседование в кафе «У Сантино» и стала там работать.

Это было традиционное британское заведение общественного питания, притулившееся в самом конце оживленной центральной улицы в лондонском районе Крауч-Энд. Барная стойка с потрескавшейся поверхностью из «формайки», на ней – банки с маринованными яйцами; длинный ряд фритюрниц для жарки рыбы в кляре, сосисок и шкварок, которые затем перекладывали в тепловые витрины. В зале стояло несколько столиков, но здесь в основном торговали едой на вынос, и народу всегда толпилось много. Смены длились по восемь часов, и четыре девушки работали на износ, принимая заказы и упаковывая рыбу под бдительным оком пожилой

миссис Сантино – грозной женщины со скрипучим прокуренным голосом. В сравнении с ней мистер Сантино был тихий старичок, который постоянно жарил рыбу, и ему помогали еще два парня.

Макс впервые попался Нине на глаза, когда она отработывала свою третью смену. Она стояла за барной стойкой, принимая заказ, а он, пошатываясь, вышел из кухни с огромным чаном наструганного картофеля.

– Посторонись! – рявкнул он, вываливая во фритюрницу сырой картофель. Ей на руку брызнула капля кипящего масла, она вскрикнула от боли. – Я же сказал: посторонись! – буркнул он и с пустым чаном потопал на кухню.

Миссис Сантино, заметив, что на руке Нины вздувается огромный волдырь, сразу потащила девушку в кухню и сунула ее руку под кран с холодной водой.

– Я же предупреждала, чтоб ты не лезла в жаровню! – орала миссис Сантино. – По-твоему, у меня есть время заполнять бумажки, фиксируя производственные травмы таких дур, как ты?! Держи под холодной водой пятнадцать минут, это у тебя будет вместо перерыва!

Миссис Сантино вернулась в зал, а глаза Нины обожгли слезы. Взревела огромная картофелечистка, в которую Макс вывалил громадный мешок картофеля. Она смотрела, как Макс ворочает огромными мешками по пятьдесят фунтов [\[108\]](#) каждый, перекладывая их с тележки на пол возле картофелечистки. Внешне он сильно отличался от остальных работников, худых и прыщавых. Плотный и мускулистый, он был наделен грубой красотой, которую подчеркивал тонкий белый шрам, тянувшийся по скуле от левого уха до ямочки на подбородке. Его глаза необычного оранжево-карего цвета тоже вызывали восхищение. Рукава его рубашки были закатаны до самых плеч, на загорелой коже блестел пот. Заметив, что она наблюдает за ним, он наградил ее сердитым взглядом.

– Я не дура! Ты не дал мне возможности отойти от фритюрницы! – крикнула Нина сквозь рев картофелечистки, но Макс, не обращая на нее внимания, отошел к тележке, чтобы передохнуть.

Кончился июль, а Нина продолжала трудиться в кафе «У Сантино». Свою работу она ненавидела, но ее влекло к Максy. Она выяснила, что ему двадцать семь лет и что у него репутация хулигана: однажды он явился на работу с огромным синяком под глазом и

разбитой губой. Чем упорнее Макс ее игнорировал, тем упорнее она пыталась вызвать его на разговор. Фирменную футболку с эмблемой «У Сантино» она теперь носила меньшего размера, перестала надевать на работу бюстгальтер и старалась уходить на перерыв одновременно с ним. Но он по-прежнему не замечал ее, на все ее вопросы отделялся односложными ответами, не поднимая головы от газеты или от экрана телефона.

На исходе августа Нина и вовсе приуныла. За ужином в местном итальянском ресторане мама познакомила ее со своим новым приятелем – Полом. Внешне он был так себе – грузноватый, с проплешиной на голове, да и чувством юмора не блистал, но мать, Нина это видела, была по уши в него влюблена, и она поняла, что скоро Пол переселится к ним.

В первых числах августа – это была среда – Нина по окончании долгой смены в кафе села в машину и поехала домой. Масуэлл-Хилл, где она жила, от Крауч-Энда находился недалеко, дороги были свободные. На перекрестке в конце центральной улицы она остановилась на светофоре. Пока ждала, когда какая-то старушка с хозяйственной сумкой на колесиках – та тащила еле-еле – перейдет дорогу, увидела, как с тротуара на проезжую часть шагнула знакомая фигура. Это был Макс. Он встал перед ее автомобилем, посмотрел на нее через лобовое стекло, затем, оглядевшись, подошел к машине со стороны пассажирского кресла и постучал в окно, чтобы она открыла дверцу. Не раздумывая, Нина нажала кнопку центрального замка и разблокировала двери.

Макс залез в машину, сел рядом с ней. На нем были синие джинсы, белая футболка и коричневая кожаная куртка. Его русые волосы свисали до плеч, под левым глазом виднелся небольшой порез. От него несло пивом и потом.

Светофор на перекрестке вспыхнул янтарным светом и переключился на зеленый.

– Зеленый. Поехали, – произнес он.

Нина тронула машину с места и в заднее стекло увидела двух полицейских. Те выбежали из переулочка и стали оглядывать улицу во всех направлениях. Макс немного сполз в кресле, достал из кармана пачку сигарет и закурил. Нина посмотрела на него, хотела сказать,

чтобы он не дымил в салоне, ведь это автомобиль ее мамы, но у нее отнялся язык. Близость Макса ее необычайно волновала. Он взглянул на нее, затем опустил стекло и положил на нижний край окна локоть. Нина осознала, что не думает, куда едет, и только что пропустила поворот к своему дому. Она посмотрела по сторонам, пытаясь сообразить, что ему сказать. Он взглядом прочесывал дорогу. Она никогда не видела таких невероятных глаз. Они у него были бездонные и блестящие, словно где-то в их глубине пылали угольки.

– Куда едем? – нарушила она наконец молчание.

– Твоя машина. Ты за рулем. Какого черта спрашиваешь, куда мы едем? – Макс выбросил в окно окурок. Нина заметила, что он осматривает салон – скользнул взглядом по стопке компакт-дисков со старыми записями группы «Уэстлайф»[\[109\]](#), лежавших под магнитолой, по стикеру «Спокойствие и Акуна Матата» на приборной панели, – и внезапно смутилась, чувствуя себя неотесанной дурой. Макс открыл бардачок, стал в нем рыться.

– Куда полез? – возмутилась она.

Он извлек на свет розовую тряпочку в синий горошек и вскинул брови.

– Твое?

– Нет. Машина мамина. Это ее. – Нина наклонилась к нему, пытаясь выхватить у него находку, но Макс отвел руку с вещицей подальше от нее.

– Она держит в бардачке свои трусики?

– Это тряпка, чтоб стекло вытирать.

– По мне, так это трусики, – хохотнул Макс. – Она забыла их надеть после свидания с твоим папашей?

– Папа умер.

– О черт. Прости, – извинился он, снова убирая тряпку в бардачок.

– Ладно, проехали. А бойфренд у нее есть. Тот еще придурок.

Макс улыбнулся и покачал головой.

– На свете таких полно. Жвачка есть?

– Нет.

Он закрыл бардачок и стал смотреть в окно на бегущую мимо дорогу.

– Это случилось давно, – произнесла Нина.

– Что?

– Папа давно умер. От сердечного приступа.

Макс всматривался в уличные вывески. Нина чувствовала, что он теряет к ней интерес, и злилась на себя. Зачем она упомянула про отца?

– Высади меня здесь. – Макс показал на паб, что стоял на углу улицы. Нина затормозила у обочины, он взялся за ручку на дверце.

– Ты куда? – выпалила она.

– В паб.

– Я никогда не была в «Русалке». – На вид это было сомнительное заведение, с заколоченными окнами на фасаде.

– Девушки вроде тебя туда не ходят. – Он открыл дверцу.

– Откуда ты знаешь, какая я? На работе все пялишься на меня, оцениваешь, бросаешь непристойные взгляды, а потом запрыгиваешь в мою машину и считаешь, что я должна просто тебя подвезти!

– Но это же вроде машина твоей мамы?

– Мамы. Я просто хотела сказать, что не надо строить предположения насчет людей, они почти всегда ошибочны.

В возникшей тишине Нина почувствовала, что у нее горит лицо.

Макс криво усмехнулся, глядя на нее.

– Я на пару минут. Дело у меня там. Подождешь?

– Здесь?

– Да. А где же еще?

В ответ Нина лишь раскрыла рот и снова его закрыла.

– Ты куда-то торопишься? – спросил Макс.

– Нет.

– Тогда ладно. Посиди тут. Я мигом, и потом ты мне все про себя объяснишь. – Он снова одарил ее обольстительной улыбкой, от которой она ощутила слабость в ногах.

Нина дождалась, когда Макс войдет в паб, затем вытащила телефон, набрала номер Кэт и рассказала ей о том, что произошло.

– Думаешь, он убегал от полиции? – спросила Кэт с беспокойством в голосе.

– Не знаю.

– И что у него за дела в «Русалке»? Дурное заведение, полиция там вечно наркотики ищет.

– Пытаешься мне все испортить?

– Нет. Просто волнуюсь за тебя, я ведь твоя подруга. Позвонишь, когда домой доберешься?

Нина увидела, что Макс выходит из паба.

– Да, обещаю. – Она отключилась и убрала телефон.

Макс сел в машину и сунул в карман толстую пачку пятидесятифунтовых купюр.

– Я знаю, что обещал угостить тебя выпивкой, но мне нужно заскочить в «Ягненка с флагом» на Констительюшн-Хилл. Не возражаешь? – Он положил руку ей на колено и улыбнулся. Нину словно током ударило.

– Конечно, нет, – ответила она с улыбкой.

Нина довезла Макса до паба «Ягненок и флаг» и полчаса прождала его в машине. Вернулся он с двумя бутылками «Хайнекена». Она завела мотор.

– Прямо, – сказал он.

Она поехала вперед. Темнело, уличные фонари не горели.

– Держи. – Макс протянул ей бутылку, а сам глотнул из второй.

– Я не пью, когда веду машину, – отказалась Нина чопорным тоном, обеими руками вцепившись в руль.

– Тогда перестань вести машину, – хмыкнул он, приподняв брови. Нина видела, что впереди тупик, фонари не горят, дома по обе стороны от дороги тоже темные. Макс наклонился к ней, погладил ее по волосам. – Тормози. Давай выпьем, – сказал он, улыбаясь.

– Ладно, – улыбнулась она в ответ. От него исходил пьянящий запах – смесь лосьона после бритья и влажного пота. В V-образном вырезе его футболки поблескивала упругая кожа мускулистой груди. Нине казалось, что она сейчас взорвется от возбуждения. Она съехала к обочине и заглушила мотор. Макс дал ей бутылку, она глотнула пива, которое, пенясь, выплеснулось из горлышка. Нина опустила бутылку пол ноги и тыльной стороной ладони отерла губы.

– Черт, вся облилась.

– Ну, не знаю, мне нравится, когда девушка пахнет пивом.

Макс наклонился и притянул ее голову к своему лицу, их губы встретились. Он начал целовать ее – сначала нежно, потом более пылко, языком раздвинув ее губы. Бутылка выпала из ее руки, но она

не заметила. Забылась, одурманенная его страстью и вожделением. Опомнится она не скоро. А когда опомнится, будет уже поздно.

Глава 6

Вторник, 3 октября 2017 года

Рано утром Эрику разбудило сообщение от Айзека Стронга: результаты вскрытия убитого мужчины готовы; тело женщины, обнаруженное в чемодане, доставили в морг в Пендже.

Мосс выступала в суде – давала показания по делу об убийстве с использованием ножа, поэтому Эрика взяла с собой Макгорри. Он обрадовался, что увидит результаты аутопсии, но эйфория его мгновенно улеглась, едва они вошли в морг и его взору предстали блестящие секционные столы из нержавеющей стали, на которых лежали собранные тела расчлененных жертв.

Айзек сначала подошел к мужчине и осторожно повернул его голову:

– Обширные повреждения в затылочной части черепа, нанесенные большим тяжелым куском бетона. От ударов мозг частично вытек из черепной коробки, в мозговой ткани обнаружены крошки цемента. Обе скуловые кости сломаны, равно как и нос, а также в двух местах – челюсть. И опять-таки на коже найдены частички цемента, указывающие на тот же большой тяжелый кусок бетона. – Айзек чуть сдвинулся, переключив внимание на левую руку жертвы. – Как видишь, от долгого пребывания тела в воде кожа начала отслаиваться от кости. Лучевая кость сломана, локтевая имеет трещины в двух местах. На правой руке почти аналогичные повреждения.

Айзек заметил, что Макгорри в смятении морщит лоб.

– В предплечье человека две кости, – объяснил он и, закатав один рукав, стал показывать на себе. – Локтевая кость длинная, тянется от локтя к мизинцу. Вторая, лучевая кость, идет параллельно. Она крупнее и длиннее.

– То есть он руками пытался заслониться от ударов? – спросила Эрика. Она подняла обе свои руки, скрестив их перед лицом.

– Это ты должна установить, но характер повреждений соотносится с данным предположением, – ответил Айзек.

Макгорри кашлянул и, сделав глубокий вдох, ладонью накрыл рот.

– Вам плохо? – спросил Айзек.

– Нет, ничего, – выдавил он. Эрика видела, что в ярком освещении его кожа приобрела необычный зелено-серый оттенок.

– Не считая означенных повреждений, – продолжал Айзек, – это был здоровый молодой мужчина. Легкие чистые, он не курил, на печени очень мало жировых отложений, сердце крепкое, телесного жира тоже мало.

Айзек подошел ко второму секционному столу – к телу молодой женщины. Повернул ее голову. Длинные соломенные волосы жертвы были раздвинуты, обнажая раны в затылочной части черепа.

– Повреждения почти идентичны. Удары по затылку и в область темени тупым тяжелым предметом должны были привести к смерти. Лицо сильно разбито: челюсть, нос, скулы – все имеет множественные переломы и трещины. И опять-таки в порах кожи и прилегающих тканей найдены частички цемента, *но* в сравнении с убитым мужчиной есть одно отличие. Ей пронзили грудь длинным тонким лезвием.

– Это могло бы привести к смерти? – осведомилась Эрика.

– Да, но не уверен. Мы проведем сравнительную экспертизу частичек цемента с теми, что были обнаружены на мужчине, посмотрим, имеют ли они отношение к куску бетона, что нашли с ней в чемодане.

– Тот, кто это сделал, был безумно зол на них, – заметил Макгорри. – Обоим размозжил головы, ее зарезал.

– Хотя этот единственный удар колющим предметом был более точным, – указал Айзек.

Эрика кивнула. Мало того что обе жертвы обрекли на мучительную смерть, их еще и лишили личности.

– Убийца не хотел, чтобы их опознали. За две недели личность женщины так и не установили, – с содроганием промолвила Эрика.

Макгорри вдруг рыгнул и зажал ладонью рот.

– Туалет в коридоре, первая дверь налево, – спокойно произнес Айзек. Макгорри кинулся из секционной, обеими руками зажимая рот. Они услышали, как он хлопнул дверью туалета и затем стал давиться рвотой.

– У женщины левая рука сломана в пяти местах, – продолжал Айзек, – правая ключица – в двух. Также есть признаки того, что до

того – или даже после того, – как ее убили, она подверглась сексуальному насилию.

Эрика зажмурилась от яркого света, но все равно сквозь смеженные веки видела очертания двух изуродованных расчлененных тел, лежавших рядом на секционных столах. В голове ее роилось множество вопросов: «Эти двое знали друг друга? Их связывали любовные отношения? Если да, кто из них скончался первым? Были они вместе, когда это произошло?»

Она открыла глаза. Айзек уже отошел к хранилищу в глубине морга.

– В желудке убитого я также обнаружил пятьдесят презервативов с кокаином.

Он вернулся к Эрике с прозрачным полиэтиленовым пакетом и дал его ей. Пакет был забит маленькими свертками размером с крупный земляной орех в скорлупе каждый. Эрика в ошеломлении вытаращилась на Айзека.

– Это было в его желудке? Он все их проглотил? – спросила она.

– Да. Каждый содержит примерно десять граммов кокаина, его насыпали в презерватив, затем оборачивали в слой латекса – в данном случае в палец латексной перчатки. Упаковка герметичная, как и должно быть, чтобы порошок не просочился в желудок.

Эрика снова посмотрела на два трупа. На туловище каждого имелся зашитый Y-образный разрез.

– А у женщины что-нибудь было?

– Нет. В ее желудке ничего, кроме небольшого количества частично переваренной пищи.

– Думаешь, он был наркокурьером?

– Это тебе выяснять.

– Глупость какая-то, – покачала она головой. – Его убили, расчленили, а наркотики в животе оставили. Какой смысл? – Глядя на пакет с маленькими свертками, она быстро произвела в уме подсчеты. – Здесь кокаина на тридцать тысяч фунтов.

– Убийца про наркотики мог и не знать. Но это...

– Да знаю, Айзек, – сердито перебила его Эрика. – Это мне выяснять. Долго тела пробыли в воде?

– Трудно сказать. Мужчина, возможно, пару недель. У него налицо все признаки мацерации кожи – набухание эпидермиса на

пальцах, ладонях, подошвах ног; в области груди и живота наблюдаются цветовые изменения кожи. В случае с женщиной дело обстоит иначе. Она пробыла в воде самое большее несколько дней. Пальцы в хорошем состоянии, можно снять отпечатки; и их сняли и прогнали через систему – безрезультатно. В отчете о вскрытии указано, что в чемодане с телом был обнаружен большой осколок бетонной плиты; его отправили на экспертизу.

– Причина смерти?

– В обоих случаях – удар в затылочную часть головы. В легких была вода, но если жертва обезглавлена, вода заполняет полость тела.

Несколько мгновений они молча смотрели на трупы.

– Ладно, спасибо, – поблагодарила Эрика.

Они вышли в коридор, где ее ждал Джон. Он сидел на одном из пластиковых стульев, держа в руке стакан с водой из кулера. При их появлении он поднялся.

– Доктор Стронг, босс, простите. Вообще-то, я спокойно смотрю на трупы, но если они расчленены... – Макгорри снова зажал рукой рот.

– Иди на воздух. Встретимся на парковке, – распорядилась Эрика.

Склонив набок голову, Айзек взглядом провожал Макгорри, пока тот не дошел до конца коридора и не скрылся за дверью центрального входа. Та с лязгом захлопнулась за ним.

– Он натурал, Айзек. У него есть подружка. Кажется, тон у них задает именно она.

– Но он наверняка симпатичнее, – улыбнулся Айзек, усаживаясь на один из стульев. – Сколько ему?

– Двадцать четыре.

– Ох, где мои двадцать четыре... – Эрика кивнула с улыбкой, соглашаясь с ним. – Как Питерсон?

С переменой темы разговора лицо Эрики омрачилось.

– Поправляется, но очень долго и медленно.

– Поправится. Не всем удастся выкарабкаться, получив пулю в живот. Ему очень повезло, даже с учетом того, что у него после операции дважды возникали тяжелые инфекционные осложнения...

– Я в курсе, Айзек.

– А ты в курсе, что твоей вины в этом нет? Ты не виновата. Он не обязан был следовать за тобой на место преступления.

– Я его начальник... – Она умолкла, запрокинув голову к стене.

– Как он выглядит?

– Все еще очень худой. Мать его выхаживает. Меня она не очень жалует.

– Эрика. Ты же понимаешь, матери по-особому привязаны к сыновьям.

– Ну да. Если еще учесть, что познакомились мы с ней в реанимационной палате, где Джеймс лежал весь в проводах и трубках, подключенный ко всяким-разным аппаратам...

Айзек стиснул ее за плечо.

– Ты хоть спишь?

– Удастся за ночь забыться на несколько часов.

Айзек в озабоченности сдвинул тонкие брови. Потом встал, прошел к кулеру и наполнил водой один стаканчик.

– Может, выписать тебе что-нибудь? – предложил он, подавая ей стакан с водой.

– Исключено. Я не могу расследовать двойное убийство с глазами враскоряку, как у зомби.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

– Ладно. Только не замыкайся в себе. В ближайшее время приходи на ужин. Хорошенько поесть тебе не помешает.

– После того как установлю личности жертв. – Эрика допила воду и бросила стакан в урну. – Я позвоню.

Она пошла из морга. Айзек смотрел ей вслед, переживая за друга. Эрика работала на износ, не жалея себя, и он со страхом думал, что однажды настанет день, когда она не выдержит напряжения и сломается.

Глава 7

Макгорри вернулся в отделение Луишем-роу, а Эрика поехала в Воксхолл – к экспертам-криминалистам. Они размещались в одном из огромных стеклянных административных зданий на берегу Темзы. Она въехала на подземную парковку, затем на лифте поднялась на шестой этаж и позвонила в дверь, что вела в их лаборатории. В маленькое застекленное окошко Эрика увидела, как из двери в конце коридора появился Нилз Акерман. Она работала с ним по трем резонансным делам, каждое из которых увенчалось осуждением преступников, но он по-прежнему оставался для нее загадкой. Нилзу было под пятьдесят, кожа у него была почти прозрачная, а его обычно белые волосы сегодня имели ярко-голубой цвет. То немногое, что она знала о нем, оставляло впечатление двусмысленности: ему одинаково нравились как мужчины, так и женщины (Айзек говорил, что, по слухам, в родной Швеции у него есть ребенок), и Эрика понятия не имела, кто он по политическим убеждениям – правый или левый. Но, разумеется, все это не имело значения, поскольку Нилз зарекомендовал себя экспертом-криминалистом высочайшего класса.

– Доброе утро, Эрика, – поприветствовал он ее, открывая дверь. – Как продвигается следствие по делу убитого мужчины, труп которого обнаружили в чемодане? А мы сейчас занимаемся убитой женщиной, которую тоже нашли в чемодане.

– Да. Я как раз по этому поводу. Подумала, что личное общение всегда предпочтительнее электронной переписки, – объяснила Эрика.

– Конечно. Пройдемте в мой кабинет, – пригласил Нилз.

Эрика последовала за ним по коридору, мимо окон лабораторий, в которых трудились специалисты, и помещений поменьше, где сидели за компьютерами технические работники. Оперативные отделы в полицейских участках – это источники стресса, там стоит шум-гам, царит суета, висит тяжелый запах застоялого пота и фастфуда. Экспертно-криминалистический центр был полной противоположностью. Здесь властвовала атмосфера тишины и кропотливых исследований, и витал приятный аромат мятного дезинфектанта.

Кабинет Нилза отличали чистота и элегантность. Рабочий стол, длинный и широкий книжный шкаф, высокий холодильник. Под окном с видом на реку – два красивых фиолетовых кресла и журнальный столик с мраморной поверхностью. В центре стола – небольшое оранжево-черное папье-маше из крапчатого муранского стекла.

– Кофе хотите? С тортиком? – Нилз подошел к холодильнику, взял оттуда большой сочный морковный торт и с улыбкой повернулся к ней. Белоснежная сахарная глазурь на торте была сформована в виде мерцающих гор. Эрику раздирали противоречивые чувства: ей не терпелось продолжить расследование, но от душистого аромата глазури у нее засосало под ложечкой.

– Я целый день не ел, – сказал Нилз.

– Я тоже, – улыбнулась Эрика.

– Тогда решено. На голодный желудок трудно работать.

Нилз поставил торт на журнальный столик, отрезал два куска, разложил их на тарелки и убрал торт в холодильник.

– Эспрессо? Макиато? Капучино? *Аль Пачино?* – с каменным лицом добавил он, подходя к кофемашине, что стояла у него на столе.

– Капучино. Спасибо.

Нилз вытащил из выдвижного ящика две фарфоровые чашки и стал возиться с кофе. Эрика тем временем остановилась перед маленьким окном, которое было чуть приоткрыто, впуская в комнату холодный ветерок. Вверх по реке плыло против течения большое судно. Нилз приготовил кофе, и они сели. Эрика смотрела, как он уминает торт, отхватывая от торта солидные куски и один за одним отправляя их в рот. Кожа его на фоне голубых волос имела желтоватый цвет, нос сопливил. Нилз вытащил салфетку и высморкался.

– Простите, аллергия, – объяснил он с набитым ртом. – Даже в это время года.

– Моя сестра тоже мучается, – сказала Эрика. В нескольких словах она обрисовала обстоятельства дела и в заключение сообщила, что в том чемодане, где лежала женщина, обнаружен кусок бетона, которым, возможно, убили одну или обе жертвы. – Я знаю, что вы будете прогонять ДНК жертв через национальную криминалистическую базу данных, – добавила она.

– Да, мы взяли образцы и скоро их обработаем.

– Я приехала, чтобы узнать: можно что-то сделать с куском бетона? Я слышала, в отдельных случаях удается снять отпечатки пальцев с бетонной поверхности.

– Да, это трудно, но возможно, – подтвердил Нилз, проглатывая последний кусок торта. – Существует метод выявления отпечатков пальцев под названием «окуривание суперклеем». Прикасаясь к какой-либо поверхности, мы оставляем на ней отпечатки. – Нилз показал на свою вилку и затем слизнул с нее глазировку. – Отпечаток пальца состоит из различных компонентов: влаги, воды, аминокислот, жирных кислот и протеинов. На гладкой поверхности зафиксировать следы не составляет труда, а вот снять отпечатки с негладкой или пористой поверхности гораздо труднее, поэтому мы прибегаем к методу окуривания суперклеем, в частности с использованием химического вещества цианоакрилат, которое содержится в большинстве суперклеев. Мы помещаем предмет – в данном случае кусок бетона – а также небольшое количество суперклея в герметичный контейнер, который затем нагреваем. Пары суперклея вступают в реакцию с химическими веществами, содержащимися в отпечатках пальцев. В результате данной реакции образуется белый налет, который можно сфотографировать или скопировать на дактилоскопическую пленку. А цианоакрилат в составе суперклея вступает в реакцию с кислотами, оставленными пальцем на предмете, вследствие чего на гребнях отпечатка формируется видимое липкое белесое вещество. Полученный след мы затем фотографируем или делаем его более контрастным и изымаем.

– Суд примет это в качестве вещественного доказательства? – спросила Эрика, внезапно почувствовав, как в ней просыпается надежда.

– Сам метод надежный. Проблема в другом: мы имеем дело с предметом, который несколько дней находился в движущейся воде.

– Но ведь современные методы криминалистической экспертизы позволяют получать доказательства на основе минимального количества ДНК и улик?

– Да, – подтвердил Нилз, глотнув кофе. – Мы сделаем все, что от нас зависит. Обещаю.

– Спасибо. Теперь еще такое дело. У убитого мужчины в желудке были обнаружены капсулы с кокаином.

Нилз мгновенно оживился.

– Наркокурьер?

– Похоже на то. Капсул было примерно пятьдесят штук. Скажите, можно получить с них какие-то улики?

– Отпечатки?

– Вряд ли тот, кто упаковывал кокаин, оставил на капсулах отпечатки, но, возможно, на слоях упаковок сохранилась чья-то ДНК.

– Задача не из простых.

– Поэтому, Нилз, как я объясняла, я и приехала к вам сама. Возможно, это двойное убийство. Мне нужно установить связь между этими двумя преступлениями, найти подозреваемого. Ну и где-то есть наркоторговец, который ищет свой товар на тридцать тысяч. Дело сложное и, возможно, повлечет за собой не один арест.

– Ладно. Пожалуй, завтра начну процедуру окуривания суперклеем. – Нилз встал и подошел к компьютеру, стоявшему на его столе. – Что касается капсул с кокаином, сейчас посмотрим, когда сможем ими заняться... Не раньше пятницы, – сказал он, поворачиваясь к Эрике.

– Спасибо. Представляю, какая у вас здесь нагрузка.

– То, что вы представляете, умножьте на три.

– Спасибо за кофе и торт.

– В Швеции кофе с тортом почитают, как религию. Спасибо, что вместе со мной преклонили колени у алтаря! – Нилз улыбнулся, из носа у него опять потекло. Он вытер его салфеткой.

– Если у вас аллергия, окно лучше не открывать, – посоветовала Эрика. Она вышла от криминалистов и спустилась к своей машине, надеясь, что Нилз представит ей доказательства, которые помогут сдвинуть дело с мертвой точки.

Глава 8

В конце рабочего дня Эрика встретила со своей небольшой следственной группой в одном из конференц-залов на цокольном этаже отделения полиции Луишем-роу. Это было тусклое помещение с большим квадратным столом и грязной демонстрационной доской на подставке. Первой явилась Мосс – в элегантном костюме, который она обычно надевала на судебные заседания. Она сняла длинное пальто и бросила его на спинку одного из пластиковых стульев.

– Ну как? – поинтересовалась Эрика.

– Хреново. Он нанял хорошего адвоката, и тот его фактически отмазал. Слава богу, есть на что переключиться. Может, хоть теперь удастся засадить за решетку преступника.

– Возможно, и не одного. *Нескольких.*

В конференц-зал вошел Макгорри с подносом, на котором стояли стаканы с кофе из «Старбакса». Вместе с ним пришла худенькая женщина с седыми волосами до плеч, в огромных очках, в ярко-красном платье-рубашке с завернутыми рукавами. На вид ей было едва за пятьдесят.

– Говорят, в морге ты обеда своего лишился, – пошутила Мосс, обращаясь к Макгорри.

– Ха-ха. Это был мой завтрак, – ответил он, краснея. Макгорри угостил кофе Эрику и Мосс и один стакан поднес женщине, что пришла вместе с ним.

– О, спасибо. Вообще-то, я думала купить в автомате. – Она с улыбкой взяла стакан.

Эрика представила себя, Мосс и Макгорри.

– Марта Чапмэн, – назвалась женщина. Она села рядом с Макгорри и из большой сумки, что висела у нее на плече, достала блокнот и ручку. – Я пока еще новенькая в штате гражданских, что работают здесь, в Луишем-роу.

– Добро пожаловать в нашу команду, – сказала Эрика. Она и Мосс сели напротив. Мосс с улыбкой кивнула Марте. – Итак, в первую очередь мы должны установить личности обеих жертв – мужчины и женщины. – Эрика открыла папку и сдвинула ее на середину стола. –

Нилз Акерман скоро проверит их ДНК по национальной базе данных, но результат зависит от того, подвергались ли они аресту.

– У меня список пропавших без вести в Большом Лондоне за минувший месяц, – доложила Марта. – Список очень большой, но я могу сузить круг поиска до группы мужчин и женщин европейской внешности в возрасте от двадцати до сорока лет.

– Я связался с водной полицией, – начал Макгорри. – Тела сбросили в Темзу две – две с половиной недели назад. Попрошу, чтобы они внимательнее изучили таблицу приливов и отливов. Может, им удастся установить точно, где были сброшены чемоданы.

– В речную службу пока направить только предварительные запросы. На данный момент мы располагаем ограниченным бюджетом, так что в первую очередь нужно установить личности жертв. Я уже попросила криминалистов провести ряд экспертиз в ускоренном порядке, что, несомненно, обойдется дорого, а за превышение сметы меня по головке не погладят, – объяснила Эрика.

– Мне вот интересно: почему убийца, расчленяя жертву, не изъясил у него наркотики? – задалась вопросом Мосс.

– Совершенно верно. Это наводит меня на мысль, что его кто-то ищет одновременно с нами, – заключила Эрика. – И не будем забывать про стоматологические карты. Черт, забыла напомнить об этом Нилзу.

– Я это проконтролирую, – пообещала Марта.

– Нет, я сама. А вы сосредоточьтесь на изучении списка пропавших без вести.

Марта в смущении заерзала на стуле:

– Позвольте узнать про переработку. Я готова работать сверхурочно, но для гражданских сотрудников полиции оплата сверхурочных не предусмотрена.

– По окончании совещания я намерена решить все эти вопросы с суперинтендантом. Добьюсь, чтобы нам дали добро. – Эрика посмотрела на часы. – Давайте поработаем еще пару часов и завтра в девять снова соберемся. Спасибо.

Все встали, взяли свои вещи. Марта и Макгорри ушли, но Мосс задержалась, дожидаясь, когда Эрика сложит документы.

– Босс, от Питерсона ничего не слышно, а он обещал позвонить. Вы с ним...

– Что «мы с ним»? – спросила Эрика, беря под мышку кипу папок.

– Я хотела узнать, как он?

– Не знаю... Не то чтобы... – отвечала Эрика. – Он по-прежнему на лекарствах, плохо спит. Я стараюсь регулярно его навещать.

– Я тоже, – сказала Мосс.

– Когда ты видела его в последний раз?

– Неделю, дней десять назад. Занята была, – виновато объяснила Мосс. – Думала, к этому времени он уже вернется, будет хотя бы несколько часов сидеть в офисе. Ведь после ранения прошло уже полгода.

– Врачи говорят, ему нужно набрать еще восемь фунтов[110], прежде чем он сможет вернуться на службу. Он с трудом восстанавливается после операции на животе, тем более что возникали инфекционные осложнения. Но главное, что он никак не выйдет из депрессии. И то, что он торчит все время дома в четырех стенах... – Эрика прикусила губу и нагнула голову. Опасаясь, что сейчас заплачет, она попыталась отвлечься – принялась листать материалы дела. Воцарилось неловкое молчание.

– Жаль, что не в моих силах ему помочь. Сама я за один присест могу набрать восемь фунтов: села в воскресенье пообедать и готово, – сказала Мосс. – Ладно, я буду у себя. Если понадобится, звони или пиши.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Она дождалась, когда Мосс уйдет, и только потом подняла голову от документов, выключила свет и заперла конференц-зал. И в темноте дала волю слезам.

Глава 9

Август 2016 года

После того первого поцелуя в машине Нина начала регулярно встречаться с Максом, но он не хотел навещать ее дома и к себе тоже никогда не приглашал. Их свидания проходили вечерами или по окончании рабочей смены и всегда в ее машине.

Спустя несколько недель он согласился, чтобы она подъехала за ним к его дому, и тогда Нина поняла, что постепенно завоевывает его сердце. Макс жил в небольшом многоквартирном доме рядом с высотным жилым комплексом в не самом благополучном районе Крауч-Энда. Когда она подкатила к его дому, он уже ждал ее на улице, так что побывать в его квартире ей не довелось.

Время они всегда проводили одинаково. Сначала она подвозила его к пабу или клубу, где он исчезал минут на двадцать, решая какие-то свои дела. Она никогда не спрашивала, чем он там занимается, но подозревала, что чем-то незаконным. После они заскакивали в бар, где продавали спиртное навынос, или в китайский ресторан и ехали в Хампстед-Хит^[111], где, сидя в машине, любовались закатом.

Потом предавались плотским утехам. Безумно, с самозабвением. Ничего подобного Нина прежде не испытывала. У Макса было потрясающее тело, и он точно знал, что делает. В данный момент ее жизнь была полна неопределенности, и лишь эти вечера в обществе Макса помогали ей не падать духом, придавая некий волнующий смысл ее существованию.

Однажды вечером, в конце августа, они припарковались под сенью невысоких деревьев на краю пустоши, и после того, как утолили страсть, Макс спросил, нет ли у нее желания отправиться куда-нибудь. Его вопрос удивил Нину.

– Отправиться? В отпуск? Вместе? – Обнаженные, они лежали на заднем сиденье машины. Ее голова покоилась на его груди.

– Ну да, а куда еще отправляются? – произнес он.

– Не знаю. В монастырь, например, – ответила она, пальцами водя по его груди.

– Нет, в монастырь отправляют, – рассмеялся Макс. – И уж тебя туда точно не отправят.

– Ну ты и хам! Отправляют в тюрьму. Тебе что-нибудь известно об этом?

Ответом ей было злобное молчание. Он сбросил ее руку со своей груди и сел.

– Макс, я же пошутила!

– Неудачная шутка! – рявкнул он, хватая футболку и натягивая ее через голову.

– Прости. Я не думала, что ты... – начала она.

Он наклонился к ее лицу. Тусклый оранжевый свет уличного фонаря, стоявшего на некотором удалении, почти не добивал до машины, и его глаза, казалось, сияли в темноте.

– За кого ты меня принимаешь? По-твоему, я низкопробная шваль?

Нина съежилась под его взглядом, прикрыв руками обнаженную грудь.

– Нет! Нет! Ты великолепен... ты – лучшее, что подарила мне жизнь. У меня даже в мыслях такого не было! Я же просто пошутила!

Макс продолжал неотрывно смотреть на нее. От его холодных глаз, из которых ушло всякое тепло, у нее по коже побежали мурашки.

– Макс, не сердись, пожалуйста. Это была шутка. Правда.

Он вскинул руку, она вздрогнула. Но Макс просто перегнулся и поднял с пола ее футболку.

– Сядь, – велел он. Она села, не сводя с него глаз. – Подними руки. – Она повиновалась. По салону запрыгали тени, и Нина почувствовала, что атмосфера изменилась. Макс встряхнул футболку, просунул ее голову в горловину. – В пятнадцать лет я угодил в одну неприятную историю. – Она подняла руки, он пропустил их в рукава. Тяжело дыша, разгладил на ней ткань, вода ладонями по ее грудям, тиская их сквозь материю футболки.

– Это ничего, Макс. Ерунда... – Она была напугана, но виду не подавала. Он мял и сдавливал ее груди, а она, не мигая, смотрела ему в глаза.

– Я работал на Камденском рынке, торговал футболками с лотка, – продолжал Макс тихим ровным голосом. – Один парень попросил, чтобы я помог ему и его приятелям погрузить в фургон какие-то

коробки. Была суббота, раннее утро, народу мало, ну я и согласился. Двадцать пять коробок, не тяжелые, наверно, с одеждой. Только мы закончили, тут как тут полиция, всех арестовали – и тех парней, и меня. Оказалось, что этот товар украли с одного склада неподалеку.

– Но тебя отпустили? Ты ведь ничего не знал? – спросила Нина тонким голоском.

– Нет. Меня задержали, посадили в камеру. Прежде пару раз я уже попадал в полицию по глупости – за кражу из магазина, за разбитое окно в молодежном клубе, но тогда оба раза я отделывался предупреждением. Меня допрашивали в присутствии адвоката, и я рассказал все, как было: я ничего не знал, просто помогал. Оказывается, это был уже не первый случай кражи товара с того склада в Камдене, и дело передали в суд. И поскольку на допросе я сказал правду, мне посоветовали признать свою вину, так как в этом случае мне якобы присудят всего несколько часов общественных работ.

– Макс, мне больно, – тихо произнесла Нина, поскольку он все сильнее сжимал ее груди сквозь ткань футболки.

– Прости, – извинился Макс, отнимая от нее руки. Он откинулся на спинку сиденья и устремил взгляд в окно. Нина немного расслабилась, чувствуя, что он отвлекся от нее.

– И что потом? – спросила она.

– Меня осудили на два года с отбыванием срока в Фелтеме – тюрьме для малолетних преступников. Жестокое место: под замком двадцать три часа в сутки, бандитские группировки. Там были и такие, как я. Юнцы, из которых душу всю вытрясали. Один парень в парке умыкнул телефон у ребенка. Год тюрьмы получил. Разве это справедливо? А меня бросили туда гнить всего лишь за то, что я, как мне представлялось, просто помог ребятам... Говорю тебе, люди, что стоят у власти, мнят себя умниками. Им кажется, что они все понимают, что система правосудия работает, что они все держат под контролем. А моя цель – доказать им, что они заблуждаются. Они бросили меня в Фелтем в назидание другим. Но я хочу им показать, что они создали чудовище...

Макс надолго умолк. Нина сидела, почти не дыша. На ней была одна лишь футболка, и она сотрясалась мелкой дрожью от того, что ее голое тело соприкасалось с холодным сиденьем.

– Спасибо, что рассказал, – наконец произнесла она. – Я люблю тебя.

Макс взглянул на нее. В темноте она видела только контуры его лица.

– Любишь?

– Да.

– Наверно, я тоже тебя люблю. – Он обнял ее, и она прильнула к нему, наслаждаясь теплом, исходящим от его груди.

– Есть только я и ты, Нина. Я и ты.

– Да, я и ты, – повторила она. Вспышка Макса ее напугала, но она понимала, *что* ему пришлось пережить. И по своей наивности полагала, что сумеет ему помочь. Сумеет его изменить.

Глава 10

Вторник, 3 октября 2017 года

Эрика тихо постучалась в квартиру, где жил инспектор Джеймс Питерсон. В подъезде никого не было, и поскольку ей никто не открывал, она вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла, держа в руках два тяжелых пакета с продуктами. Темноту коридора немного рассеивал свет, исходящий от экрана включенного телевизора, по которому передавали вечерний прогноз погоды. Эрика прошла в комнату открытой планировки, часть которой занимала кухня. На карте погоды, что высвечивалась на телеэкране, было показано, что следующие несколько дней сильные дожди не прекратятся. Эрика поставила пакеты на кухонный стол и подошла к дивану. Питерсон крепко спал под старым синим одеялом. На его худом лице прыгали сине-зеленые отблески, отражавшиеся от телевизора. Его высокие скулы заострились, на лбу из-под туго натянутой кожи проступали очертания бугров. Только Эрика протянула к нему руку, собираясь его разбудить, как в кармане засигналил ее мобильный телефон. Питерсон шевельнулся под одеялом, но не проснулся. Эрика быстро вышла в коридор, ответила. Это был Нилз Акерман.

– Простите за поздний звонок, – извинился он.

– Ничего страшного.

– Я с неутешительными новостями. Мы сверили образцы ДНК мужчины и женщины с данными в национальной криминалистической базе. Совпадений не обнаружено.

– Черт, – выругалась Эрика.

– Я сообщу результаты окуривания суперклеем. Надеюсь, мы проведем экспертизу в ближайшие дни.

– А пораньше нельзя?

– Нет, – вздохнул Нилз. – Мне очень жаль, но мы сильно загружены. Я и так гоню как могу. Но вы первая на очереди.

– Хорошо. Спасибо, Нилз. Я вам очень признательна.

Только Эрика поговорила с Акерманом, в коридоре на столике, у которого она стояла, затрезвонил стационарный телефон Питерсона.

Опасаясь, что он проснется, Эрика поспешно схватила трубку и ответила.

– Эрика, это ты? – спросил женский голос. Звонила мать Питерсона, Юнис. Она говорила с едва уловимым вест-индским акцентом, придававшим ее тону теплоту. Но это была властная теплота.

– Да, я. Здравствуйте... – Пауза. Эрике казалось, она услышала, как пожилая женщина поджала губы.

– Пожалуйста, передай трубку Джеймсу.

– Он спит. Один. На диване.

– Он поел тушеную говядину, что я для него приготовила?

– Не знаю. Я только что вошла.

– Эрика. Сейчас половина десятого!

– Работы было много.

– Ему нужен отдых. А если ты там, значит, спать он не будет.

– Я заезжала в «Теско», купила ему кое-что из продуктов...

– Что ты купила?

– Картошку. Обезжиренное молоко. «Реди брек»[\[112\]](#). Врачи говорят, злаки и молоко полезны для его желудка. – Эрика слышала волнение в собственном голосе и недоумевала. Она не пасовала перед серийными убийцами и насильниками, а семидесятипятилетней Юнис Престон боялась как огня. Разве это нормально?

– Эрика, ему нужны витамины, в больших количествах, особенно витамин С. Я принесла ему апельсины. Видишь? – Эрика глянула в кухню. На столе в вазе для фруктов высилась гора апельсинов. – И еще, Эрика, – продолжала Юнис, – постарайся приходить пораньше. Джеймс в это время должен спать...

Эрика собралась было указать, что, звоня сыну в этот час, Юнис сама лишает его сна, но Питерсон, обернутый в одеяло, внезапно собственной персоной возник подле нее.

– Кто это? – одними губами спросил он.

– О, Юнис, Джеймс как раз проснулся. Он уже у телефона, – сообщила Эрика, передавая трубку Питерсону.

Она принялась разбирать продукты и увидела, что отделение для овощей-фруктов в холодильнике тоже забито апельсинами. Из трубки до нее доносился громкий голос Юнис:

– Скажи своей девице, чтобы не мешала тебе спать... Она вернула тебе ключи?

– Нет, – смущенно ответил он.

– Вот-вот, дать женщине ключи проще простого, куда труднее потом их у нее забрать.

– Эрика заботится обо мне, – сказал Питерсон.

– Восемь часов, Джеймс. Ты должен спать по восемь часов. Теперь считают, что можно спать и меньше, но я всегда сплю по восемь часов и сроду не обращалась к врачам. И ем много витамина С. У тебя кончаются апельсины?

– Нет, мама, – ответил Питерсон, глянув на гору апельсинов в вазе.

– Проследи, чтобы Эрика поела тушеного мяса. Я много приготовила, а она бледная и тощая.

– Да, непременно.

– А теперь быстро в постель. И да благословит тебя Господь.

– Спокойно ночи. Я люблю тебя. – Питерсон положил трубку на рычаг.

– Вот интересно, зачем твоей маме телефон? Она же орет так, что ее на другом конце Лондона слышно.

– Извини, что так вышло.

– Есть хочешь? – спросила Эрика, поднимая крышку с глиняного горшочка на плите, в котором томилось тушеное мясо, приготовленное в пряном томатном соусе. – Может, немного мяса с апельсиновым соком? Или навести тебе пойло с перекисью водорода? Чтоб лучше спалось.

– Очень смешно. – Питерсон насыпал в чашу зерновой завтрак, добавил молока и поставил кашу разогреваться в микроволновке.

– Почему ты не можешь объяснить маме, что тебе нельзя есть кислотную пищу вроде пряного тушеного мяса и апельсинов?

– Не хочу ее обижать.

– Очень по-английски.

Пикнула микроволновка. Эрика бросила Питерсону кухонное полотенце. Он обхватил им чашу и осторожно понес ее к дивану. Эрика разогрела себе тушеного мяса и села рядом с ним. По телевизору началась программа вечерних новостей.

– Так вернуть тебе ключи?

Питерсон мотнул головой и подул на кашу.

– Мосс про тебя спрашивала сегодня... Какие новости от врачей?

– Они пытаются восстановить у меня обмен веществ. Я по-прежнему теряю вес, – ответил он, не отводя глаз от телевизора. Несколько минут они ели молча, потом Эрика начала рассказывать ему про трупы в чемоданах, про кокаин, обнаруженный в желудке убитого мужчины. Питерсон слушал ее, качая головой. Печать задумчивости лежала на его исхудалом лице, озаряемом светом телеэкрана.

– У моего гастроэнтеролога вместе со мной лечится одна девушка, – произнес он. – У нее в желудке лопнула упаковка с кокаином. Она перенесла такую же операцию, что и я, с частичным удалением желудка.

– Занималась контрабандой наркотиков?

– Да.

– Британка?

– Да. Челночила между Англией и Кюрасао.

– Как ее зовут?

– Зада.

– Как она выглядит?

– Нормально, – пожал он плечами. – Симпатичная.

– И что дальше?

Питерсон перевел взгляд с телеэкрана на Эрику.

– По-твоему, я езжу в гастроэнтерологическую клинику цыпочек клеить? – с невозмутимым видом спросил он.

– Нет, – рассмеялась Эрика.

– Знаешь, там на эротику как-то не тянет.

– Так что эта Зада? Долго она занималась контрабандой?

– Не знаю.

– Ей предъявлено обвинение?

Питерсон покачал головой:

– Она успела скинуть товар, если ты понимаешь, о чем я. Но одна капсула разорвалась, вызвав тяжелое отравление организма. Так что формально ее классифицировали как жертву передозировки. – Заметив блеск в глазах Эрики, он добавил: – И ты, очевидно, хочешь с ней побеседовать?

– Ей известно, что ты полицейский?

– Да. Эрика, ты когда-нибудь отвлекаешься от работы?

– Я расспрашиваю тебя про Заду только потому, что это имеет отношение к тому делу, которое я сейчас расследую. Обычно я не говорю о работе, когда навещаю тебя.

– А-а, так ты *навещаешь*?

– Ты меня понял.

Питерсон поднялся с дивана и поставил чашу в раковину. Эрика последовала за ним.

– Ты почти не притронулся к каше. В одном твоя мама права: тебе необходимо есть.

– Не хочу я есть.

– Надо себя заставить, Джеймс, иначе не поправишься!

– Меня все время тошнит, постоянно. Едва удается сдерживать рвоту. Все, что в рот ни положу, имеет не тот вкус. Меня так и выворачивает наружу. Каша эта на вкус как лук, вареный лук, который уже начал портиться. Не заставляй меня жрать эту тухлятину! – заорал он.

Питерсон вернулся к дивану и лег. Эрика взяла из раковины чашу, вывалила в мусорное ведро ее содержимое. Несколько минут он ворочался под одеялом, потом затих. На цыпочках передвигаясь по квартире, она помыла посуду, прибрала всюду. Проверила, есть ли лекарства в маленькой таблетнице – его доза на следующий день. Затем сварила и почистила яйца, убрала их в холодильник вместе с упаковкой вареной курицы и батонном хлеба из непросеянной муки.

Освободившись, Эрика снова подошла к дивану. Питерсон уже заснул. Она опустилась на колени подле него. Они познакомились пять лет назад при расследовании одного убийства. Тогда он производил впечатление высоченного энергичного, жизнелюбивого человека. Питерсон был шести футов ростом, но сейчас, лежа под одеялом, казался маленьким и усохшим, ноги как палки. Эрика наклонилась, поцеловала его в лоб, но он не шелохнулся.

– Прошу Тебя, Господи, помоги ему стать таким, как прежде, – пробормотала она. Потом на цыпочках вышла в коридор и покинула квартиру.

Эрика подъехала к многоквартирному дому, в котором жила. Парковка пустовала, воздух был чистый и холодный. Дома она долго стояла под горячим душем, потом, обернувшись в полотенце, прошла в

гостиную, налила себе небольшой бокал вина и выдвинула ящик, где поверх стопки счетов за коммунальные услуги лежала фотография в рамке, с которой ей улыбался красивый светловолосый мужчина. На снимке он сидел в мягком кресле у окна, в которое светило солнце, оставляя блики на его волосах. Это был ее муж Марк, погибший шесть лет назад, когда группа полицейских, в которую входил и он, под ее началом проводила операцию по захвату нарколаборатории на окраине Манчестера. Информация, на основе которой проводилась операция, оказалась недостоверной, и в результате Марк погиб – наряду с еще четырьмя членами ее команды. Опасаясь, как бы ее не захлестнули чувства вины и раскаяния, Эрика надолго приникла к бокалу с вином. Прежде фото Марка стояло на комод в ее спальне, но, когда Питерсон стал ночевать у нее, она убрала снимок в выдвижной ящик на кухне.

«Вот и Питерсон тоже последовал за мной навстречу опасности».

Эрика задвинула ящик, взяла бокал и прошла к дивану. Гостиная была опрятная, функциональная. Перед диваном и журнальным столиком стоял маленький телевизор. Только она хотела взять одну из папок с материалами дела, как на журнальном столике засигналил ее телефон. Номер на дисплее не высветился. Она ответила на звонок. В трубке раздался голос молодой женщины, в речи которой явно прослеживался акцент, свойственный кокни.

– Это Эрика Фостер?

– Да. – Эрика слышала, что на другом конце линии где-то в глубине помещения работает телевизор.

– Мне только что звонил Джеймс. Он сказал, что вы хотите со мной поговорить. Что это поможет в расследовании дела, которое вы ведете... Да, кстати, я – Зада Ромеро.

– Что он сказал вам по поводу дела?

– Немного. Что вы нашли труп, набитый кокаином. Послушайте, я не хочу говорить по телефону, но готова встретиться с вами завтра утром, в половине десятого, в кафе «Неро» в Бекенэме.

– Да, это было бы здорово.

– Джеймс сказал, что вы обычно платите за информацию.

– Так и сказал?

– Да. Сказал, что я получу две сотни. А также кофе с пирожным.

– Хорошо.

– Отлично. Тогда до встречи.

Кладя трубку, Эрика не могла сдержать улыбки.

Глава 11

Утром следующего дня Эрика и Зада Ромеро, как и условились, встретились в кафе «Неро» в Бекенэме. Зада оказалась хрупкой миниатюрной женщиной двадцати восьми – двадцати девяти лет с коротко остриженными прямыми темными волосами.

– По виду не скажешь, что вы из полиции. Вы больше похожи на иностранную теннисистку, – заметила она, когда Эрика вернулась к столику с кофе и пирожным. Речь у нее была четкая, с характерным выговором, присущим кокни.

– Я родилась в Словакии, но уже двадцать пять лет живу в Великобритании.

Зада подула на кофе и глотнула из чашки. Они сидели у большого венецианского окна с видом на Бекенэм-Хай-стрит, по которой торопливо шли под дождем люди.

– Надеюсь, у нас неофициальная беседа, без протокола? – уточнила она.

– Разумеется, – подтвердила Эрика. Народу в кафе было много. Компания женщин за соседним столиком восхищалась сумкой «Биркин».

– Четыре тысячи такая стоит, – с завистью произнесла Зада.

– Знаю. На прошлой неделе мне из Словакии звонила сестра, Ленка. Хвасталась. Муж ей купил такую сумку.

Зада вскинула брови.

– Повезло вашей сестре. И кто же у нее муж?

– Мороженщик.

– Наверно, бойко у него торговля идет, раз заработал на такую сумку.

Эрика покачала головой:

– Мороженое – лишь прикрыtie. Он работает на мафию.

– А вы, значит, служите в полиции? – удивилась Зада. Чайной ложечкой она зачерпнула пенку с поверхности капучино.

– Но не в Словакии.

Зада втянула пенку с ложки в рот, затем склонила набок голову, глядя на Эрику, и, по-видимому, решила, что может ей доверять.

– Джеймс немного ввел меня в курс дела, рассказал, что мог. Кокаин на большую сумму. Его наверняка кто-то ищет.

– Это я уже поняла, – сказала Эрика. – Шесть лет занималась наркотиками в манчестерской полиции.

– Даже так? Лучше бы легализовали наркотики. В этой войне вам никогда не победить.

– Неужели? – оцетинилась Эрика. – Если бы это был легальный товар и его доставляли обычные грузовые фургоны, тогда люди вроде вас не смогли бы делать деньги.

Зада подалась вперед всем телом и ложечкой постучала по столу.

– Я не «делала деньги», Эрика. Я старалась выжить. В 2009-м мой салон красоты пошел ко дну, я потеряла дом и все свои сбережения. Мне удалось приобрести маленькую квартирку и добиться пособия. Но в моем жилище имелась лишняя крохотная комната, и мне пригрозили, что пособия меня лишат. Тогда я нашла квартирантку, которая от безысходности согласилась снимать тесную сушилку, только она в любое время дня и ночи водила к себе мужиков. Один из них чуть не изнасиловал меня в моей же собственной постели. С квартирантами было покончено, квартиру я потеряла, и мне пришлось переселиться в дешевую гостиницу. Перевозить наркотики я согласилась по одной простой причине: я оказалась в отчаянном положении. Выбор у меня был невелик: наркотики либо проституция. И я, как мне представлялось, выбрала меньшее из двух зол. Так что не судите меня строго. Никто не застрахован от неудачи, которая может поставить человека перед ужасным выбором.

Умолкнув, она откинулась на спинку стула и аккуратно смахнула с глаза слезу. Эрика вытащила влажную салфетку.

– Не надо, – отказалась Зада. С блюда, на котором стояла чашка с кофе, она взяла маленькую салфетку и промокнула глаза.

– Ладно. Я вас слушаю, – произнесла Эрика. Она дала Заде время успокоиться, затем спросила: – Сколько ходок вы сделали?

– Три. Проглотила товар, села в самолет, доставила в пункт назначения.

– Куда?

– Два раза в Испанию. Один раз в Кюрасао. Дьявольская работа. Мне еще никогда не было так страшно. Страшно, что меня поймают; страшно, что внутри меня тикает часовой механизм. И те капсулы

были огромные. Сначала я училась заглатывать толстые кольца моркови. Думала про себя: пусть я наркокурьер, зато хоть зрение улучшится, буду видеть в темноте. – Она улыбнулась, качая головой. – Первый раз все прошло как по писаному. Во второй раз меня стало тошнить от пищи, что я съела в аэропорту перед вылетом.

– И как вы поступили?

Зада сконфузилась, заелозила на стуле.

– Мне пришлось опустошить желудок на полочку в унитазе, потом я снова проглотила капсулы. – Она заставила себя посмотреть в глаза Эрике, но вид у нее был пристыженный.

Испытывая дурноту, Эрика поставила на стол чашку с кофе.

– Как вы в это ввязались?

– У центра занятости в Кэтфорде наткнулась на одного типа. Он сразу понял, что я на грани нищеты. Пригласил меня на обед. В «Уэзерспунс»[\[113\]](#), представляете? Бесплатно накормил роскошным обедом, на который мне не пришлось разменивать свой жирочек[\[114\]](#). Он объяснил мне механизм перевозки наркотиков, сказал, что за каждую ходку я буду получать десять кусков.

– В желудке нашей жертвы было обнаружено большое количество капсул с наркотиком. За какое время до отъезда он должен был их проглотить? Мне необходимо установить, покидал он Великобританию или только что прибыл.

– Товар заглатывают перед самым отъездом. Возможно, он только что прилетел. Но обычно курьер сразу отдает то, что проглотил.

– Что происходит, когда вы добираетесь до места назначения?

– Курьера встречает связной. Его отводят туда, где можно передать товар. Они проверяют, весь ли товар на месте, все ли капсулы целы. Когда я последний раз передавала товар, выяснилось, что одна капсула разорвалась у меня в желудке.

– Как они поступили?

– Забрали наркотики, меня бросили, – без всяких эмоций в голосе ответила Зада.

– Бросили. Где это было? – осведомилась Эрика.

– В том офисном здании, в старом офисном здании близ Хитроу. Я потеряла сознание в коридоре. Меня нашел уборщик.

– Сочувствую.

– Полиция забрала вторую половину денег, что мне заплатили. Пять кусков. Что бывает с этими деньгами?

– Они остаются в полиции.

– Это я знаю. Но что с ними делают?

– Деньги не трогают, пока дело не закрыто, а потом полиция через суд может получить разрешение на то, чтобы использовать их для реализации государственных проектов, для снижения государственного долга.

– Все против меня в этом мире, – покачала головой Зада.

– Что вы можете рассказать о тех, на кого вы работали?

– Мне известны только имена, да и те, наверно, вымышленные. Но они меня знают. У них есть мои паспортные данные.

– Обещаю, никто не узнает, что мы с вами встречались. Как они с вами связывались?

– Звонили, всегда с анонимного номера. Один парень – по голосу хиппи – представился Зутом, другой – Гэри.

– Вы согласитесь составить их фотороботы? Чтобы мы имели хоть приблизительное представление, как выглядят эти люди, занимающиеся контрабандой наркотиков?

– Я думала, у нас неофициальная встреча.

– Так и есть. Но я ищу убийцу. Возможно, ваша информация поможет следствию. Если хотите, приходите в отделение, или мы пришлем эксперта к вам на дом. Разумеется, на условиях конфиденциальности.

– Нет, простите. Не хочу рисковать. Я только что нашла себе приличное жилье в приличном месте.

Эрика кивнула и глотнула кофе.

– Того парня, что пытался вас изнасиловать, арестовали?

– Нет.

– Человек, которого мы ищем, убил двоих – это то, что нам пока известно.

Зада снова маленькой салфеткой отерла слезу и кивнула.

– Спасибо. Я все устрою. – Эрика достала телефон, сделала в нем пометку.

– Знаете, он ведь вас любит. Джеймс, – промолвила Зада.

Эрика взглянула на нее.

– Что?

– Джеймс.

Эрика опешила.

– В больнице он обсуждал свою личную жизнь?

– Когда в больнице знакомятся два человека и оба с калоприемниками, для них уже не существует запретных тем.

– Ох.

– Да нет, он не слишком откровенничал, ничего такого. Мы говорили о жизни. Что оба едва не погибли, что нам хотелось бы вести полноценную жизнь. Ему почти сорок. Он хочет остепениться... Детей он очень хочет, а вы – нет. Впрочем, вы, наверно, и сами это знаете.

– А вы готовы родить ему детей? – резко спросила Эрика.

– Я не могу иметь детей, – ответила Зада. – Так что вам бояться нечего.

Эрика достала из сумки конверт и пододвинула его по столу Заде.

– Здесь все. Двести фунтов. Надеюсь, вы сдержите слово – насчет фотороботов.

Зада взяла конверт.

– Я не хотела вас расстраивать.

– Спасибо, что согласились встретиться, – поблагодарила Эрика, стараясь говорить спокойно, и покинула кафе.

Машину она оставила за углом, у магазина «Маркс и Спенсер». Идти до нее было два шага, но Эрика успела насквозь промокнуть. Она села за руль, захлопнула дверцу. *Детей он очень хочет, а вы – нет.* Эти слова звенели в ушах, причиняя боль. Эрика откинулась на спинку кресла, глядя на дождь. Водяные струи заливали лобовое стекло, искажая и серое небо, и машины вокруг.

Засигналил телефон. Эрика увидела, что звонит Нилз. Она сделала глубокий вдох и ответила.

– Я не вовремя? – спросил он.

– Нет-нет, – ответила Эрика, а про себя подумала, что он попал в самую точку.

– Я установил личности обоих убитых из чемоданов! – торжествующим тоном сообщил Нилз.

– Что? Я думала, вы не обнаружили совпадений в национальной криминалистической базе.

– Не обнаружил. Но иногда я использую особый метод, несколько нетрадиционный. И последние года два он позволяет нам получать

прекрасные результаты.

– Что за метод?

– Я задал поиск в частной базе данных ДНК, которой пользуются несколько генеалогических вебсайтов. Люди, составляющие свое генеалогическое древо, теперь имеют возможность запросить тест-набор для самостоятельной сдачи анализа ДНК. Набор присылают по почте, с его помощью берется мазок слюны, который отсылается обратно. Генеалогическая база данных дала нам положительный результат по обеим вашим жертвам. Все подробности я сейчас направляю вам по электронной почте.

Глава 12

По возвращении в отделение полиции Луишем-роу Эрика поднялась в кабинет суперинтенданта Хадсон и сообщила, что личности обеих жертв убийства установлены. Мелани пролистала материалы дела, что сейчас лежали у нее на столе, внимательно рассмотрела фотографии на паспорт обеих жертв, которые у них теперь были.

– Это двойное убийство. Чтобы его раскрыть, необходимо увеличить состав следственной бригады. Мне нужно больше людей, – сказала Эрика.

Мелани взяла снимок, на котором были запечатлены похожие на лущеный арахис аккуратные маленькие упаковки в полиэтиленовом пакете – капсулы с кокаином, изъятые из тела Томаса Хоффмана.

– Эрика, здесь речь идет о кокаине, в больших количествах. Убитый мужчина занимался контрабандой наркотиков. Думаю, мы должны передать это дело в отдел по борьбе с наркотиками. Насколько я могу судить, наркодилер чем-то прогневил босса и был убит. – Мелани откинулась на спинку кресла.

– А женщина? – спросила Эрика.

– Его подружка, попала под раздачу, – пожала плечами Мелани.

– Нет! Его убили не за наркотики. Наркотики здесь совершенно ни при чем! – с жаром возразила Эрика. – И мы не вправе просто так утверждать, что она была его подружка. Оба убийства были тщательно спланированы. Убийце нужно было заманить жертвы в такое место, где он мог их убить и спокойно расчленить, не опасаясь, что его увидят. Их лица разбиты до неузнаваемости. И потом, убийца оставил наркотики. Будь это убийство из-за наркотиков, дилер-конкурент или организатор контрабанды наркотиков забрал бы кокаин.

Мелани вздохнула, глядя на два комплекта снимков с двух мест преступлений: на тела в чемоданах. Эрика взяла увеличенное фото на паспорт худенькой молодой женщины с зелеными глазами, маленьким острым носиком и длинными белокурыми волосами. Кожа у нее была чистая, сияющая.

– Убитая женщина – двадцатичетырехлетняя Шарлин Селби. Из состоятельной семьи, принадлежащей к среднему классу. – Эрика

взяла второе фото на паспорт – темноволосого мужчины с оливковой кожей, карими глазами и изрытым оспинами круглым лицом. Его редущие сальные темные волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб. – Убитый мужчина – тридцатичетырехлетний Томас Хоффман. Вдовец, к суду не привлекался.

– Эрика, я только что рассматривала эти фотографии...

– Оба европейской внешности, выходцы из среднего класса, трудолюбивые. Понимаете, наверно, как это обыграет пресса. Прямо так и вижу заголовки в «Дейли мейл».

– Ты угрожаешь обратиться в прессу?

– Нет. Я просто считаю, что нельзя смешивать это дело с сотнями других, которыми занимается отдел по борьбе с торговлей наркотиками. А то оно лягнет тебя под зад.

Мелани приподняла брови, еще раз посмотрела на фотографии и покачала головой:

– Ладно. Я выделю тебе несколько человек, помещение под оперативный отдел и, если потребуется, патрульных.

– Спасибо. – Эрика принялась складывать в папку фотографии.

– Но если что-то изменится, ты должна в ту же секунду меня уведомить. И если выяснится, что эти убийства все же связаны с наркотиками, ты беспрепятственно передашь дело в соответствующий отдел. Это ясно?

– Абсолютно. Я не стану чинить препятствия ни тебе, ни кому другому, – пообещала Эрика.

Мелани заметила, как заблестели глаза Эрики, как она мгновенно оживилась, и, когда та вышла из кабинета, хлопнув дверью, буркнула себе под нос:

– Твоими бы устами...

Часом позже расширенная команда Эрики в полном составе собралась в оперативном отделе Луишем-роу – большом помещении открытой планировки. Сержант Крейн, светловолосый полицейский тридцати пяти лет, разносил копии материалов, лавируя между столами, которые стояли почти вплотную один к другому. Макгорри сидел напротив констебля Рейчел Найт, темноволосой сотрудницы полиции двадцати пяти лет, с которой Эрике прежде уже случалось работать, и констеблем Брайаном Темплом, симпатичным молодым

шотландцем, новичком в ее команде. Трое сотрудников полиции из гражданских – двое молодых мужчин и молодая женщина – вместе с Мартой Чапмэн крепили фотографии и прочие материалы на большой демонстрационной доске, которая находилась в глубине комнаты. Мосс, сидя за компьютером, только что закончила говорить с кем-то по телефону. Эрика прошла к демонстрационной доске.

– Всем привет. Итак, один из убитых – мужчина тридцати четырех лет по имени Томас Хоффман, – начала она, показывая на фотографию, что была пришпилена рядом со снимком изуродованного лица убитого, сделанным на месте преступления. – Британский подданный, родился в Норидже. Ни семьи, ни братьев и сестер. Последний известный нам адрес его проживания – район Доллис-Хилл на северо-западе Лондона. Был дважды женат. Первая жена, Мариэтта Хоффман, до сих пор живет и здравствует, а вот вторая жена, Дебби, умерла два года назад. К суду не привлекался, ему даже штраф за нарушение правил парковки ни разу не выписали. Я хочу знать о нем все: финансовое положение, распечатки звонков с мобильного телефона, общение в соцсетях.

Эрика перешла ко второму фото.

– Вторая жертва – Шарлин Селби, двадцати четырех лет. Тоже британка. Ее родители, Джастин и Дафна Селби, зарегистрированы как акционеры компании «Авто Селби», которая вполне успешно торгует автомобилями в Слау.

– Они числились пропавшими без вести? – поинтересовалась Мосс.

– Нет. Об их исчезновении никто в полицию не заявлял – то-то и странно, – заметила Эрика, пальцем постукивая по обеим фотографиям. – Нужно выяснить, есть ли связь между Шарлин и Томасом. Были ли они знакомы? Имелись ли у них точки соприкосновения? Встречались ли они? Жила ли Шарлин Селби вместе с Томасом Хоффманом? Если она зарегистрирована по домашнему адресу родителей, почему те не забили тревогу?

Эрика подошла к большой карте Темзы в центре демонстрационной доски.

– На чемодан с телом Шарлин две недели назад наткнулся мужчина, выгуливавший собаку. Чемодан был обнаружен во время отлива под мостом Челси. Это жилой район, застроенный многоквартирными домами. Чемодан с телом Томаса мы нашли два

дня назад близ Национального театра, на удалении 2,8 миль ниже по реке. В обоих случаях чемоданы зацепились за что-то такое, что помешало течению унести их дальше. Макгорри, вы обещали, что попросите сотрудников речной службы проанализировать таблицы приливов и отливов.

– Да. Я жду сообщения от сержанта Лорны Крозье из подразделения водолазов. Вчера я отправил ей даты и координаты. Она сказала, что анализ таблиц займет пару дней.

– Хорошо. Мы ждем результатов токсикологической экспертизы по обеим жертвам. Нилз Акерман в своей лаборатории пытается снять отпечатки с бетона, что лежал в чемодане с телом Шарлин Селби. Думаю, это и есть орудие убийства, а также связующее звено между двумя жертвами. Мы должны отработать все возможные варианты, – сказала в заключение Эрика. – Хватайтесь за каждую зацепку и помните...

– ...глупых вопросов не бывает! – хором закончила ее команда.

– Рада, что вы меня внимательно слушаете, – улыбнулась Эрика.

– Думаю, надо бы закинуть удочку в отдел наркотиков. Не заметили ли они случаем какого шухера в сообществе наркоторговцев, – предложила констебль Найт. – Может, прошел слух, что кто-то ищет пропавший товар на тридцать тысяч.

– Согласна, – одобрила Эрика. – Вот вы этим и займитесь. Работу оперативного отдела координирует сержант Крейн.

Все мгновенно оживились. Крейн встал и принялся раздавать задания кадровым и гражданским сотрудникам полиции.

Эрика подошла к Мосс:

– Ты со мной. Хочу сегодня уведомить ближайших родственников.

– Так ведь у Томаса Хоффмана в живых из родственников никого нет, – напомнила Мосс.

– Зато есть бывшая жена, а бывшие жены, на мой взгляд, зачастую кладезь информации.

– Хэштег: язык без костей, – усмехнулась Мосс.

– Будем надеяться.

Глава 13

На электричке они добрались до вокзала Лондон-Бридж, там пересели в метро и по Северной линии доехали до станции «Олд-стрит». У глазной клиники «Мурфилдс» Эрику и Мосс ждал патрульный автомобиль, который повез их к муниципальному жилому комплексу «Пинкхерст». Ехали они недолго. Эрику всегда поражали контрасты Лондона: миновал несколько улиц, и из богатого района с домами и административными зданиями, где квартиры и офисы стоят по несколько миллионов фунтов стерлингов, попадаешь фактически в гетто.

Мариэтта Хоффман жила в серой многоквартирной высотке – одной из пяти башен, что образовывали жилой комплекс «Пинкхерст» на северо-востоке Лондона. Они въехали на изрытую выбоинами пустующую парковку, где вокруг сгоревшей машины ошивалась компания юнцов. Их яркие толстовки и спортивные штаны зловещим цветовым пятном выделялись на фоне серого неба и бетона.

– Я постараюсь высадить вас как можно ближе, – сказал сидевший за рулем патрульный – коренастый мужчина средних лет с седоватой бородкой. – Мне уже случалось здесь бывать. Обычно по выходе нужно ноги вытирать.

– Слава богу, что мы на автомобиле без опознавательных знаков, – произнесла Эрика, заметив, что юнцы поглядывают на них с любопытством.

Патрульный припарковался у стоявших в ряд трех мусорных баков. Мариэтта жила на втором этаже. Эрика и Мосс поднялись по лестнице и оказались в длинной открытой галерее, с одной стороны огороженной бетонными плитами. Из квартир, мимо которых они шли, доносились вопли и крики детей и взрослых. Сбоку от каждой двери находилось кухонное окно. Эрика замедлила шаг, увидев в одном маленькую девочку в розовом платье. Та сидела на сливной полке раковины, прижимая крошечную ладошку к грязному стеклу. За ней чуть поодаль курила молодая женщина. При виде Эрики и Мосс она поспешила опустить жалюзи.

– Приняла нас за работников соцслужбы, – тихо прокомментировала Мосс.

Они остановились у квартиры в конце коридора и постучались. Спустя мгновение дверь им открыла крупная неопрятная женщина с копной спутанных черных кудряшек на голове, в выцветшем красном спортивном костюме и желтых резиновых перчатках. На вид ей было едва за пятьдесят, в руке она держала пожелтевший ершик для унитаза. Рядом с входной дверью они увидели маленький замызганный туалет.

– Вам чего? – Женщина смерила гостей взглядом.

– Я – старший инспектор Эрика Фостер. Со мной инспектор Мосс, – представила себя и коллегу Эрика. Они обе показали удостоверения. – Можно войти?

– Зачем это? – Женщина рукавом отерла лоб.

– Мы пришли по поводу вашего бывшего супруга, Томаса Хоффмана, – объяснила Эрика.

– Неужто помер? Угадала? – спросила женщина, все еще сжимая в руке туалетный ерш.

– Вы позволите нам войти?

– Входите. Только ноги вытирайте. И обувь снимите, – отрывисто велела женщина. Она отступила в сторону, пропуская их в квартиру.

Снять обувь в тесном коридорчике было не так-то просто, тем более что за ними зорко наблюдала Мариэтта, державшая в руке грязный ерш для унитаза. Она ровно, словно по линейке выставила их туфли на коврик, занесла в туалет ерш и затворила туда дверь. Они последовали за ней по узкому проходу, миновали лестницу, закрытую дверь и оказались в небольшой гостиной. Здесь царил безупречный порядок, но мебель была старая. Низкий сервант из светлого дерева украшали затейливые салфеточки и безделушки. Один угол занимал телевизор, на котором восседала ваза с ракушками. Из окна, занавешенного белым тюлем, открывался вид на жилой комплекс. Выцветший истертый ковер, вероятно, недавно пылесосили, так как на нем виднелись следы, оставленные щеткой. И в комнате стоял резкий еловый запах освежителя воздуха. Над диваном висела на стене шляпа мажоретки [\[115\]](#) в военном стиле – блестящий черный козырек, высокая тулья из красного бархата, золотой шнур. Ниже на двух крючках располагался серебряный жезл.

– Присаживайтесь, – сказала Мариэтта.

Эрика и Мосс опустились на диван. Мариэтта осторожно присела на краешек небольшого кресла, что стояло рядом. Не снимая

резиновых перчаток, она достала из кармана спортивного костюма пачку сигарет, закурила и, выпустив дым, пару раз кашлянула с клокотанием в горле.

– Так в чем дело?

– Как это ни прискорбно, но я вынуждена довести до вашего сведения, что ваш бывший супруг был найден убитым, – сообщила Эрика.

– Это вы могли бы мне и на пороге сказать! – рявкнула Мариэтта.

– Вы как будто даже не потрясены?

– Неужели? Откуда вам знать, что у меня на уме или на душе? Или вы намекаете мне, что все, кому вы сообщаете о смерти близких, сразу же заливаются слезами?

– Нет.

– Тогда продолжайте.

– Как вы догадались, что мы пришли к вам с известием о гибели вашего бывшего мужа? – спросила Эрика.

– Предположила, естественно. Я же не экстрасенс. Иначе давно бы разбогатела и переселилась из этой вонючей дыры.

– Если вы это предположили, значит, вы, должно быть, подозревали что-то?

– Он говорил мне, что собирается провезти контрабандой какие-то наркотики. – Мариэтта стряхнула пепел в тяжелую стеклянную пепельницу на журнальном столике. – Как это случилось?

– Подробности нам неизвестны. Два дня назад его тело вынесло на берег Темзы. Оно было расчленено и уложено в чемодан, – ответила Мосс.

– В чемодан? – повторила Мариэтта.

– Да.

– Вы ничего не путаете?

– Нет, мы были на месте происшествия.

Мариэтта покачала головой:

– Он же такой крупный был. Большой должен быть чемодан, чтобы его в нем уместить.

Мосс посмотрела на Эрику, та кивнула и взяла инициативу на себя:

– Тело Томаса сначала расчленили, а потом уже уложили в чемодан. Мне очень жаль.

– Тогда понятно, – кивнула Мариэтта, стряхнув пепел в пепельницу. – Теперь большой чемодан не купить. В прошлом году я ездила в Бенидорм, так нам разрешили провезти с собой всего десять кило. Хочешь взять больше – плати бешеные деньги. – Она снова сделала затяжку и затушила окурочек в пепельнице. Эрика хотела задать ей следующий вопрос, но Мариэтта грузно поднялась с кресла:

– После таких новостей мне нужно чаю выпить. Вам налить?

– Да, спасибо, – поблагодарила Эрика.

Одергивая на спине кофту, Мариэтта пошла на кухню. Они слушали, как она возится с посудой. Закипел чайник.

– Что за черт? – тихо произнесла Мосс. – Ей сообщают, что ее мужа изрубили и запихнули в чемодан, а она думает только о том, как неудобно ездить за границу с маленьким багажом.

– Он – ее *бывший* муж.

– Да знаю я. Но хотя бы из приличия изобразила горе, как это делают многие.

– А что, и впрямь большие чемоданы так трудно купить? Суперинтендант говорила то же самое.

– Да, трудно.

– Вот что значит редко в отпуск езжу, – усмехнулась Эрика.

Спустя несколько минут в гостиную вернулась Мариэтта. Она принесла поднос с чаем и, ставя его на журнальный столик, заметила, что Мосс разглядывает шляпу мажоретки и жезл, висящие на стене.

– Я пять лет была мажореткой, – объяснила Мариэтта, разливая чай в фарфоровые чашки. – Потом вышла из возраста. В труппе держат до восемнадцати лет. Мне пошли навстречу – оставили до девятнадцати. Но потом я выросла из формы, а у них, как мне сказали, большего размера не было. Сволочи.

Она подала Эрике и Мосс по изящной чашке на блюдце. Они обе отпили по глотку, не зная, как реагировать на ее слова.

– Когда вы последний раз видели Томаса? – осведомилась Мосс.

Мариэтта снова закурила и с чашкой в руке опустилась в кресло, выдыхая дым.

– Три недели назад.

– Сегодня четвертое октября, значит три недели назад – это тринадцатого сентября, в среду?

Мариэтта задумалась.

– Нет, днем раньше, во вторник, потому что в этот день я получила жирочек и купила торт к его приходу. Жирочек мне выдают каждые две недели, во вторник.

– Итак, вы видели его во вторник двенадцатого сентября. Тогда он вам сообщил про наркотики? – спросила Эрика.

– Да. Он долго не мог устроиться на работу. Его заставили посещать один из клубов по профобучению.

– Какую профессию он осваивал? – поинтересовалась Эрика.

Мариэтта издала клопочущий смешок.

– Да никакую. Это правительство придумало такое громкое название – профобучение. На самом деле они платят бешеные деньги какой-нибудь частной компании, а та на три месяца запирает их в комнате якобы для поиска работы и всеми правдами и неправдами заставляет заключать с промышленными предприятиями нулевые договоры[116]... Там он и познакомился... с этим... э... – Она замялась.

– С кем? – допытывалась Эрика.

– С одним типом. Тот спросил у Тома, не хочет ли он быстро и легко заработать десять кусков. Кто ж от такого откажется? Том был в отчаянном положении, ему ужасно хотелось выбраться из дерьма, расплатиться с долгами. Последние годы ему приходилось туго.

– Он сказал, как звали того типа? – не унималась Эрика.

– Нет. Зачем бы он стал выдавать мне имена наркодилеров?

– Значит, тот тип был наркодилером? – уточнила Мосс.

– Очевидно.

– Зачем бы наркодилер стал наниматься на легальную работу?

– Из-за денег, наверное, ну и для прикрытия. Я подробностей не знаю.

– Значит, тот тип предложил Тому заработать десять тысяч фунтов контрабандой наркотиков?

– А я что говорю! – раздраженно воскликнула Мариэтта.

– Томас упоминал, куда он едет, как намерен перевозить наркотики?

Мариэтта выставила вперед ладони, и пепел с сигареты упал ей на ноги.

– Я не хотела об этом слышать! Ясно? Посмотрите, где я живу. Здесь наркуши на каждом шагу. Прямо у меня под дверью. Я не хотела,

чтобы он говорил об этом у меня дома.

Эрика почувствовала, что Мариэтта от них закрывается, и изменила тактику.

– Можно показать вам один снимок? – спросила она и, поставив блюдце с чашкой на коленку, полезла в карман. Чашка на блюдце задрезжала. Марианна подскочила с кресла, схватила ее.

– Не разлейте, пожалуйста. Диван очень светлый, каждое пятнышко на нем видно. – Она демонстративно опустила чашку с блюдцем на специальную подставку, что лежала на столике.

– Простите, – извинилась Эрика. Она достала блокнот, вытащила из него фотографию и передала ее Мариэтте.

– Симпатичная, – прокомментировала Мариэтта. – Кто это?

– Ее зовут Шарлин Селби. Ее тоже нашли мертвой. Она была убита, расчленена и уложена в чемодан.

Они пристально наблюдали за Мариэттой, но лицо той оставалось бесстрастным. Она вернула Эрике снимок.

– Какой ужас.

– Вы никогда не видели ее с Томасом? – спросила Эрика.

– Нет.

– И он о ней не рассказывал?

– Нет. Она занималась контрабандой наркотиков?

– Мы не вправе делиться информацией. У Томаса была подружка?

– Нет. Он бы мне сказал. Обязательно похвастался бы.

– Можно узнать, почему вы развелись?

– Одержимый он был. Я с ним задыхалась. Ревновал меня к каждому столбу, мог руку поднять. Я сочла, что достойна лучшей доли, – объяснила Мариэтта.

– Почему Томасу приходилось туго в последние годы?

– Он снова женился. Дебби ее звали. Хорошая девушка. Немного простоватая, бесхарактерная, но с ней он стал поспокойнее. Она работала в одной транспортной фирме в Гилфорде. Однажды вышла во двор, чтобы переговорить с кем-то из водителей, и не заметила, что едет грузовик. Бах-бабах. Умерла мгновенно, и ребенок тоже: она была беременна. Том расклеился. Один он ипотеку потянуть не мог. Потерял работу. Вернулся в Лондон в надежде, что сумеет начать все сначала. Я разрешила ему пожить у меня, но мы постоянно грызлись, и,

устроившись на работу, он приобрел квартиру в Доллис-Хилл. Потом работы не стало, и ему снова пришлось обратиться в центр занятости.

– Вас не удивило, что он три недели не давал о себе знать? – спросила Эрика.

– Мы друг перед другом не отчитывались.

– Вы знали его семью?

– Его родители умерли, когда ему было восемнадцать. Братьев и сестер у него не было.

Эрика и Мосс переглянулись.

– Я пытаюсь собрать о нем информацию. Нам ничего не удалось выяснить о родственниках Дебби. Родители ее умерли; она была единственным ребенком в семье, – сказала Эрика.

– Ничего не удалось выяснить, говорите? Вы-то сами обе, наверно, купаетесь в счастье и благополучии: денег куча, уютный дом в спокойном районе, да? Соседи, наверно, останавливаются у забора, чтобы поболтать с вами, когда вы косите газон. А вы полюбуйтесь, как живут другие – те, кто вырос в нищете. – Мариэтта постучала пальцем по подлокотнику кресла. – И хоть бы кто помог. У меня нет друзей, я не хожу на званые ужины, не посещаю литературные кружки. Я воспитывалась в детских приютах, время от времени попадала в приемные семьи.

– Я вам сочувствую... – начала Эрика.

– Ой, да не нужна мне ваша жалость. Я просто объясняю, почему вам не удалось получить представление о полноценной счастливой жизни Тома. Ее не существовало... Ну что, чай будете пить?

Эрика и Мосс осушили чашки и поставили их на блюдца.

– Вы согласитесь прийти в морг и официально опознать Томаса? – спросила Эрика.

– Что? Расчлененного?

– Да. Так положено.

– Ну, раз положено, – протянула Мариэтта.

– Спасибо. И возможно, у нас возникнут еще вопросы.

– В самом деле? Какого ответа вы от меня ждете? Если есть вопросы – задавайте!

Из занавешенного тюлем окна кухни Мариэтта смотрела, как Эрика и Мосс идут по парковке, где по-прежнему топталась компания

юнцов. Те, дымя сигаретами, наблюдали, как полицейские садятся в машину. Хотя они и приехали в обычном автомобиле и обе были в штатском, эти ребята сразу их раскусили: полицию они чуяли за версту. Когда автомобиль с полицейскими укатил, Мариэтта прошла в коридор, где стоял домашний телефон.

Она сняла трубку и набрала номер.

Глава 14

– Что ты думаешь о Мариэтте Хоффман? – спросила Эрика, когда они сели в машину и покатали прочь.

– Она была с нами правдива, бескомпромиссно правдива, – отвечала Мосс. – Но нас не должны обезоруживать ее кажущаяся правдивость и разговорчивость.

Эрика кивнула.

– Что любопытно, она оставила фамилию Томаса, хотя они состояли в браке всего год и расстались не самыми лучшими друзьями.

– А что тут такого? Может, испугалась бюрократической волокиты, особенно если давно сидит без работы: пока переоформляла бы документы, то да се, ей могли бы приостановить выплату пособия. А ты почему оставила фамилию мужа? – поинтересовалась Мосс.

Ее вопрос застал Эрику врасплох.

– Черт, прости, босс. Не подумала. Я без всякой задней мысли.

– Ничего. Моя девичья фамилия – Болдишова.

– Как-как еще раз?

– Бол-ди-шо-ва. Эрика Болдишова. Типичная словацкая фамилия.

– После пары бокальчиков рома с кока-колой фиг произнесешь.

Эрика улыбнулась:

– Мне было проще остаться Эрикой Фостер. Ну и я сохранила частичку Марка. А как у тебя с Силией?

– Она – Силия Грейнджер, я – Кейт Мосс. – Она заметила, что водитель смотрит на нее в зеркало заднего обзора. – Естественно, *не та* Кейт Мосс.

– Естественно, – рассмеялся патрульный.

– Вот нахал, – улыбнулась Мосс и продолжала: – Наверно, мы сохранили свои фамилии из-за работы, когда поженились. Джейкоб у нас Мосс-Грейнджер. По-моему, звучит круто.

– Надо бы покопать по Мариэтте, выяснить ее девичью фамилию. Посмотрим, куда это нас приведет. Возможно, она одна из последних, кто видел Томаса Хоффмана, – сказала Эрика.

Начинался вечерний час пик, поэтому до Аксбриджа на западе Лондона они добирались почти два часа. Родители Шарлин Селби жили на длинной широкой зеленой улице – это был другой мир в

сравнении с жилым комплексом «Пинкхерст». Они затормозили у черных железных ворот, и Мосс выбралась из машины. Рядом с воротами в кирпичной кладке был утоплен маленький домофон. Мосс позвонила, держа наготове свое удостоверение. Голос женщины, что ответила на вызов, наполнился подозрительностью. Она отказывалась их впускать, но потом уступила, и створы ворот распахнулись внутрь. Обсаженная деревьями длинная подъездная аллея привела их к особняку. Они припарковались у огромного орнаментированного фонтана, в котором лениво плавал у самого дна большой парчовый карп. Эрика разглядела его, даже несмотря на то что недавно зарядивший дождь покрыл водную поверхность рябью.

Дверь открыла женщина – крашеная блондинка с короткой стрижкой. Элегантная, загорелая и донельзя чопорная. Лет под шестьдесят.

– Добрый день. Вы Дафна Селби? – осведомилась Эрика. Женщина кивнула. – Я – старший инспектор Эрика Фостер, а это – инспектор Мосс. Вы позволите нам войти?

Эрика и Мосс показали свои удостоверения. Дафна внимательно изучила документы и кивнула. Они ступили в просторный двухъярусный холл с винтовой лестницей. Потолок представлял собой небольшой купол из витражного стекла, по которому барабанил дождь. Дафна провела их в просторную гостиную, где в камине слабо горел огонь. Они увидели обилие мебели из темного дерева, диван и кресла, обитые мебельным ситцем. Высокий мужчина средних лет отверткой отвинчивал со стены огромный съемный киноэкран. На нем были светло-коричневые брюки и свитер с V-образным вырезом цвета лосося. Как и у жены, кожу его покрывал глубокий загар.

– К нам пожаловала полиция, – доложила ему Дафна.

При виде незваных гостей мужчина помрачнел, пожал им руки.

– Что-то с Шарлин, да? – спросил он.

– Прошу вас, давайте мы все сядем, – предложила Эрика. – Позвольте уточнить: вы Джастин Селби?

Мужчина кивнул.

– Скажите сразу, в чем дело. Не юлите. Что-то с Шарлин, да? – Он покраснел, на глазах проступили слезы. Дафна взяла мужа за руку.

– Да. Как это ни прискорбно, но недавно был обнаружен труп вашей дочери, – сообщила Эрика.

Поддерживаемый Дафной, Джастин нетвердым шагом двинулся к дивану. Эрика и Мосс дождались, когда хозяева дома сядут, и после сами опустились в кресла. Дафна и Джастин долго плакали, обнимая друг друга, потом Эрика как можно деликатнее поведала им остальные подробности.

– Вы готовы ответить на несколько вопросов? – мягко спросила Мосс.

– Каких вопросов? – Тыльной стороной загорелой ладони Джастин отер слезы. Пальцы его были унизаны золотыми кольцами, запястье украшал золотой браслет из того же гарнитура. – Известно ли нам, кто мог убить нашу дочь? Нет!

– Позвольте узнать, почему вы не заявили об исчезновении Шарлин?

Джастин и Дафна горестно переглянулись.

– Мы не общались, – едва слышно объяснила Дафна.

– Почему? – допытывалась Эрика.

– Из-за наркотиков. Она была наркоманкой, – отвечал Джастин. – Нет ничего пагубнее, чем ребенок-наркоман, да еще с деньгами. Они разрушают себя, к ним липнут всякие прихлебатели. Она уже несколько лет принимала наркотики.

– Весной мы перестали давать ей деньги, – произнесла Дафна, тихо, но твердым голосом. – Она четыре раза проходила реабилитацию в клинике. Вы должны понять, мы так поступили... так поступили, чтобы помочь ей. Врачи сказали, чтобы исцелиться, она должна достичь самого дна. Мы даже не знали ее адреса... Вы сказали, что нашли ее тело на южном берегу Темзы?

– Да. К сожалению, мне не удастся пощадить ваши чувства, – начала Эрика. – Ее тело обнаружили в чемодане. Оно было расчленено.

Дафна заплакала.

– Когда вы последний раз видели Шарлин? – спросила Мосс.

– Три недели назад... В тот день, когда в автосалон доставили новые автомобили. Она пришла в магазин на Лав-лейн.

– Это ваш автосалон? – уточнила Эрика.

– Да. – Джастин обнял одной рукой жену.

– Прошу вас, расскажите, что тогда произошло?

Джастин с горечью рассмеялся.

– Она хотела взять одну из машин для пробной ездки. Уверен, это все тот тип, что был с ней, – сказал Джастин.

– Что за тип? – спросила Эрика.

Джастин судорожно вздохнул, всхлипнул, но сумел сохранить самообладание.

– Вместе с ней в салон явился какой-то тип. Здоровенный грязный мужик с темными волосами. Она свалилась как снег на голову, потребовала ключи. Я сказал, что не дам ей машину. Она стала убеждать, что трезва как стеклышко. Потом он подошел, устроил сцену.

– Что за сцену?

– Она кричала, он потрясал кулаком мне в лицо, орал, что ему все известно про нас, что нам плевать на Шарлин... Совершенно посторонний человек... неизвестно кто... какое он имел право... Я разобрался бы с ним, но в тот день у нас сидели два клиента. Они оба каждый год сдают нам старые автомобили и покупают новые. Речь шла о трехсоттысячной сделке. И все это разворачивалось у них на глазах... – Он умолк на несколько секунд. – В общем, я позволил им взять машину.

– В котором часу они пришли в салон? – спросила Мосс.

– В два, в два тридцать.

– Три недели назад. То есть двенадцатого сентября, во вторник, так?

Дафна подняла голову, отерла слезы и кивнула.

– Вам известно, как звали того мужчину? – осведомилась Эрика.

– Нет. Здоровенный такой, от него несло спиртным. А ведь у нее не такое воспитание, чтобы водиться со всякими уродами.

Эрика достала из сумки небольшую фотографию Томаса Хоффмана и показала родителям девушки.

– Да, это он, – подтвердил Джастин. – Вы его арестовали?

– Нет. Он тоже убит. Его тело тоже найдено в реке, в чемодане. Расчлененное, как и тело Шарлин, – тихо произнесла Эрика. Последовало долгое молчание.

– Шарлин говорила, зачем ей нужен автомобиль? – спросила Мосс.

– Сказала только, что хочет его испытать, – ответил Джастин.

– Она это часто практиковала? Часто обкатывала автомобили?

– У нее это было любимое занятие, когда она училась водить, в семнадцать лет... Конечно, тогда она не увлекалась ни спиртным, ни наркотиками.

– После того как они забрали «Ягуар», она не давала о себе знать. И машину не вернула ни в тот же день, ни на следующий. Автомобиль мы нашли три дня спустя. Его оставили перед автосалоном.

– То есть в пятницу, пятнадцатого сентября? – уточнила Мосс.

– Если она сказала спустя три дня, значит, именно тогда! – вспыхнул Джастин. Дафна положила руку ему на плечо.

– Ключи были в зажигании. Обивка вся в пятнах. В салоне грязь: кого-то стошнило на заднем сиденье.

– Вы вызвали полицию? – спросила Мосс.

– Нет! – расвирепел Джастин. – Я ни за что не стал бы доносить в полицию на собственную дочь. Мы знали, что она вернет машину.

– И вы понятия не имеете, почему она не возвращала ее так долго и куда они ездили?

Дафна покачала головой.

– Что вы сделали с «Ягуаром»? – полюбопытствовала Эрика.

– Вымыли, почистили, но толку от этого немного. Теперь ждем, когда поменяют обивку. Надеемся, что, может, потом удастся... – Голос Дафны сорвался, и она снова расплакалась. Джастин махнул рукой, словно предлагая им удалиться, а сам нагнул голову, чтобы скрыть слезы.

– Давай пока оставим их, – сказала Эрика.

Эрика и Мосс покинули гостиную, миновали лестницу и вошли в светлую просторную кухню. Из окна открывался вид на восхитительно ухоженный сад с песочницей, детскими качелями и горкой. Эрика налила в чайник воды из крана.

– Если они лишили Шарлин карманных денег, на что она жила? – задалась вопросом Эрика. – Каким образом в это уравнение вписывается Томас? Он употреблял наркотики? Жаль, что у нас еще нет результатов токсикологической экспертизы обоих тел. – Она включила электрочайник.

– Двенадцатого сентября Шарлин пришла в автосалон вместе с Томасом. По словам Мариэтты, в этот самый день Томас заходил к ней, – заметила Мосс.

– Он виделся с ней утром. Может, это и совпадение. Только я не верю в совпадения.

С минуту они молчали, слушая бульканье закипающего чайника. Эрика подошла к большому холодильнику из нержавеющей стали, в американском стиле. Он был облеплен листочками с напоминками и диетологическими таблицами и выкладками «весонаблюдателей»[\[117\]](#). Здесь же висели разные фотографии: Дафна играет с двумя малышами – мальчиком и девочкой – на качелях и на горке; Дафна обнимает детей в ресторане (выше стояла надпись «Бабушке 60!»). А еще они увидели одно свадебное фото мужчины с жидкими волосами и его невесты.

– Брат Шарлин, должно быть? И внуки? – предположила Мосс.

Внимание Эрики привлекла фотография, пришпиленная магнитом со смайликом к холодильнику в его верхнем левом углу. Эрика сняла ее. Снимок был сделан на каком-то торжестве. Семейное фото: Дафна, Джастин, малыши и Шарлин – с краю. Вид у нее был испитой, волосы взлохмачены, в руке – бутылка пива. Но даже неряшливая и неопрятная, она все равно выглядела вполне привлекательной женщиной. Магнит со смайликом был наклеен прямо на ее лицо.

– Такое впечатление, что они ждали известия о смерти Шарлин, – заметила Мосс. – Не представляю, как можно так жить. Все время ждать звонка или прихода полиции.

Чайник закипел, и они заварили чай для скорбящих родителей.

Глава 15

Август 2016 года

Нина и Макс сняли на ночь комнату над старинным пабом, что размещался в высоком узком здании из гранита в небольшой деревушке на краю Дартмура[118]. Нина проснулась рано. Она глянула на спящего рядом Макса, потом на окно, в которое струился солнечный свет, падавший на потертый красный ковер. Прижимая футболку к обнаженной груди, она подошла к окну, распахнула его. Местность вокруг она еще почти не видела: вчера они прибыли поздно вечером. Воздух был свежий, немного холодный, но солнце стояло уже высоко в безоблачном синем небе. Ее взору предстала зеленая холмистая ширь, простиравшаяся до самого горизонта. Внизу по дороге двигалась группа пеших туристов. Перестук их палок смешивался с гомоном невнятной болтовни. Удаляясь, они сошли с дороги на травянистый покров пустоши, стук палок прекратился, постепенно стихли и голоса. Красота природы ее потрясла. Нина родилась и выросла в Лондоне. Она была горожанкой до мозга костей, и сейчас ее поразило многообразие красок, обилие сочных оттенков зеленого, коими переливалась пустошь, раскинувшаяся на многие мили окрест, а вдалеке высились горы с серыми вершинами. Услышав свист, Нина повернула голову. С другой стороны, от деревни, шел молодой темноволосый парень, с которым они разговорились в пабе накануне вечером. Он был симпатичный, но очень худой и все время с ней флиртовал.

– Похмелье мучает? – спросил он. Прищурившись, парень смотрел на нее снизу вверх, обнажив в улыбке крупные зубы.

– Немного, – улыбнулась она в ответ, накручивая на пальцы прядь длинных волос.

– Ну что, на прогулку-то идете?

– Не знаю. Макс еще спит.

Она почувствовала, как чьи-то пальцы обхватили ее руку: у нее за спиной стоял Макс.

– С кем это ты там болтаешь? – резко спросил он.

– Смотри, это Дин, – показала Нина.

– Накинь на себя что-нибудь, – велел он, видя, что она прикрывает грудь футболкой, и рыком оттащил ее от окна. Потом, выглянув на улицу, сказал Дину: – Жди там. Мы скоро спустимся.

Макс захлопнул окно и потопал в коридор – пошел в ванную принимать душ. Нина в смятении опустилась на кровать. Вечер они провели весело. Сели ужинать в пабе. Потом Макс отправился за очередной порцией напитков и вернулся к столику вместе с Дином, с которым он познакомился у барной стойки.

– Это моя Нина. Шикарная, да? – сказал Макс, представляя их друг другу.

– Красавица, – согласился Дин, пялясь на груди Нины, проступавшие из-под футболки. Макс, заметив это, одобрительно кивнул. Подсев к ним за столик, Дин сообщил, что остановился в кемпинге, который находится на удалении нескольких миль, а еще через какое-то время, уже опьянев, признался, что приехал сюда продавать наркотики на местных народных гуляньях. Нина больше молчала, слушая, как парни, сдружившись, делятся воспоминаниями о своем детстве, проведенном в приютах и в семьях приемных родителей.

Они сидели в пабе до закрытия, а потом, когда все втроем вывалились в холл, произошло нечто очень странное. Макс стоял между ними, одной рукой обнимая ее, другой – Дина, а потом вдруг притянул их обоих к себе и к друг другу, так что они лицами прижались к его лицу. Дин, тяжело дыша, с вождением во взгляде, провел ладонью по груди Нины, затем – по груди Макса.

– Как же я хочу вас, обоих, – заплетающимся языком произнес он.

– Иди, дуй в свой кемпинг, – сказал Макс. – Хватит.

Теперь, в холодном свете утра, Нина подумала, не слишком ли далеко она зашла.

После завтрака, проходившего в атмосфере неловкости, которую Нина безуспешно пыталась разрядить, стараясь вызвать Макса на разговор, он решил, что все же хочет отправиться в поход. Велев Нине собрать рюкзаки, Макс вышел на улицу, где их ожидал Дин.

Спустя четверть часа, выйдя из гостиницы с двумя рюкзаками в руках, Нина увидела, что Макс и Дин ждут ее на скамейке. Они покатывались со смеху, но при ее приближении хохотать прекратили.

– Все нормально? – спросила она, отдавая Максиму тот рюкзак, что был больше и тяжелее.

– Конечно, все путем, – ответил он, надевая на плечи свою ношу. И парни снова загоготали.

– Все путем! Кто, черт возьми, говорит, что все путем! – крикнул Дин, хлопнув себя по ноге. Смеясь, он выставял напоказ свои крупные зубы и покрытые липкой слюной розовые десны. Макс нагнулся и поднял из-под скамейки бутылку виски. Она уже была наполовину пуста.

– Ну-ну, теперь понятно, почему у вас все путем, – улыбнулась Нина. Макс предложил ей глотнуть виски, но она мотнула головой.

Они двинулись от паба в сторону пустоши. Перешли по мосту небольшую речку, и Дартмур открылся им во всей своей красе. Макс сказал, что хочет показать им водопад в одном укромном местечке, до которого идти несколько миль. По дороге парни допили виски и вскоре завели разговор о сексе, в частности о том, как они развлекались с женщинами. Нина, испытывая неловкость, приотстала, любуясь пейзажами. Пустошь поражала красотой. Погода стояла жаркая, но легкий ветерок гнал по небу облака, и солнце то исчезало, то снова выглядывало, заливая все вокруг слепящим светом.

Сразу же после полудня они добрались до глубокой впадины на пустоши и по узкой тропке последовали к тому месту, где водопад, казалось, пробивался из камней и обрушивался в маленький глубокий водоем, окруженный огромными валунами.

Парни, раскрасневшиеся и потные от жары и алкоголя, прикикли к воде, утоляя жажду. Нина тоже напилась. Затем Макс повел их к расщелине в скале, находившейся на некотором удалении от того места, где низвергался водопад. С верхнего края впадины ее видно не было. Стряхнув с себя рюкзак, он исчез в высокой узкой бреши в скале примерно два фута[119] шириной.

– Идите сюда, – позвал Макс, высунув голову из проема.

Дин бросил рюкзак на камни и тоже исчез в скале. Нина неохотно последовала за ним.

Стоило сделать два шага вглубь расщелины, и ее окутал кромешный мрак. Ей пришлось пробираться на ощупь, плечами задевая каменные стены с обеих сторон. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела, что узкий проход ведет в большую сводчатую

пещеру, где было очень сухо и прохладно. Ее стены и пол были гладкими. Камень защищал пещеру от жары.

– Чувствуете? – спросил Макс, поднимая руку к отверстию в потолке. Нина подошла к парням и посмотрела вверх. Отверстие в своде было черным, она не видела, куда оно ведет, но ощущала исходящий из него поток воздуха, обдававший их холодом. – Наверно, тысячи лет назад отсюда поступала вода, которая и выдолбила эту пещеру. Видите, какой гладкий здесь пол и на нем как будто рябь.

– Да, классно, – произнес Дин.

– Если б мне когда-нибудь случилось быть в бегах, я бы спрятался здесь, – пошутил Макс.

Нина ушла из-под потока холодного воздуха и огляделась. В одном месте, где кто-то давно жег костер, громоздилась куча сучьев и пепла; с другой стороны, там, где гладкий камень выступал в пещеру, образуя платформу, стену украшали граффити. Нина поежилась. Макс, появившись рядом, обнял ее рукой за шею и привлек к себе на грудь. Дин, стоя на удалении нескольких шагов, таращился на них. Свободной рукой Макс притянул его к себе, и Нина оказалась между двумя мужчинами. Макс все крепче обнимал их. Она ощутила легкое волнение и потому не двигалась с места, оставаясь стиснутой между ними. Грудью она вдавливалась в Макса, сзади к ней прижималась высокая жилистая фигура Дина. Она чувствовала, как его твердеющая плоть впивается ей в ягодицы.

– Поплывать не хотите? – предложила Нина.

– Как скажешь, детка, – отозвался Макс.

Они разъединились и один за другим вышли из пещеры под слепящее солнце. Парни, без всякого стеснения раздевшись догола, встали на невысокий гладкий камень с одной стороны от водопада и сиганули в глубокий водоем, что голубел внизу. Нина стыдливо сняла брюки, оставшись в футболке и нижнем белье. Макс плыл на спине; из воды появилась голова Дина с прилизанными темными волосами.

– Нагишом ныряй, так приятнее! – крикнул Макс.

– В самом деле?

– Да, вода холодная, бодрящая, – поделился впечатлениями Дин.

Сделав глубокий вдох, Нина сняла футболку и затем нижнее белье. Она встала на край камня и глянула в воду. В прозрачной глубине голубого водоема она различила несколько больших валунов.

– Давай! Прыгай! – крикнул Макс, окатив ее обжигающе холодными брызгами.

Нина взвизгнула, затем зажала нос и прыгнула в озеро.

– Вода ледяная! – выдохнула она, мгновением позже выныривая на поверхность. Ее темные длинные волосы липли к голове. Она пособачьи поплыла к парням, но от холода начинало болеть все тело, поэтому она развернулась и поспешила к берегу. Подтянувшись, Нина выбралась на длинный плоский камень.

– Прыгай, не будь занудой! – крикнул Макс, вновь обдавая ее брызгами.

– Нет! Холодно. – Дрожа, она обхватила себя руками, затем взяла из рюкзака коврик, развернула его и накинула на плечи.

– В боковом кармане моего рюкзака есть еще виски. Глотни – согреешься! – крикнул Дин.

Нина нашла маленькую бутылку, отвинтила пробку и отпила большой глоток. Она лежала на солнце и, потягивая виски, наблюдала за парнями, резвившимися в озере. Глядя, как они, обнаженные, борются в воде, она почувствовала, что в ней всколыхнулось желание. Макс обхватил Дина ногами и бросил через спину захватом руки и шеи, а затем стал удерживать под водой, пока Нина не крикнула ему, чтоб прекратил. Макс отпустил Дина. Тот вынырнул и бросился на него.

Некоторое время спустя парни тоже выбрались из воды на камень, но одеваться не стали а, как были голые, легли подле нее в одну линию: Нина, Макс, Дин. На их плоских упругих животах капли воды слились в лужицы. Нина стряхнула с себя одеяло и запрокинула назад голову. Они молча смотрели друг на друга. Макс наклонился к ней, поцеловал. Поколебавшись, она нерешительно ответила на его поцелуй. В отличие от Макса, у Дина, она видела, иссечена крайняя плоть. Он опустил руку и принялся стискивать свой пенис.

– Стесняешься, да, Нина? – спросил Макс. Он погладил ее по животу и потом сунул пальцы ей между ног.

Она напряглась, увидев, что Дин мастурбирует.

– Не знаю... – Передернув плечами, Нина села, скрестила ноги и руками прикрыла грудь.

– Ладно. А если я сделаю вот так? – спросил Макс. Он наклонился к Дину и поцеловал его. Тот с готовностью отвечал ему. Нина

обалдела, а потом рассмеялась. Парни принялись ощупывать и ласкать друг друга, и это возбудило Нину. Макс одной рукой притянул ее к ним, уложив меж их извивающимися телами.

Глава 16

Нина и Макс занимались сексом, Дин похотливо наблюдал за ними. Когда Макс отстранился от нее, тела обоих покрывала испарина. Улыбаясь, он встал и, перепрыгнув через нее, нырнул в воду. Тяжело дыша, она легла на спину и смахнула с лица волосы. Дин по-прежнему не сводил с нее испуганного взгляда. Нина села и прикрылась уголком коврика.

– Нет, извини, было весело, но я не хочу, – сказала она.

С хищническим выражением в глазах он двинулся к ней. Его долговязая обнаженная фигура вдруг показалась ей непристойной. Нина посмотрела на озеро, но Макс ушел под воду. Только круги расходились на поверхности.

– Извини, Дин, нет. – Она выставила вперед ладонь, другой рукой прикрывая свое голое тело.

Яростно мастурбируя, он опустился на колени подле нее. Взгляд у него был безумный, расфокусированный. Острой коленкой он раздвинул ей ноги. Она успела заметить, что из пореза на его ноге хлещет кровь.

– Нет! – крикнула Нина, пытаясь подняться. Но он взгромоздился на нее, и Нину пронзила боль, так как он, овладев ею, принялся немилосердно бесноваться в ней. Выражение его худого лица изменилось. Куда делся тот забавный нескладный паренек? Губы раздвинуты в оскале, розовые десны обнажены, глаза вытаращены, на висках вздулись вены. Пальцы Дина впивались ей в руки, от его толчков она ударялась бедрами о твердую поверхность камня, на котором лежала. Нина устремила взгляд мимо него в водоем, надеясь увидеть Макса. Дин неистовствовал в ней все ожесточеннее. Она напряглась всем телом, но боль только усилилась. То, что казалось волнующим и дерзким каких-то несколько коротких минут назад, теперь повергало ее в ужас. Дин отнял одну ладонь от ее руки и начал сжимать ее горло. И вдруг давление его тела ослабло. Поначалу она подумала, что Дин смиловился над ней, но оказалось, что это Макс схватил его за волосы и, пропустив одну руку ему между ног, отшвырнул на камень. Дин вскочил на ноги – лицо красное, глаза выпучены – и кулаком заехал Макс в лицо. Макс пошатнулся, едва не

опрокинувшись в водоем, но сумел сохранить равновесие. В следующую секунду он уже сидел верхом на Дине и колошматил его что было мочи. Потом схватил камень и ударил его по голове.

Дин затих, из носа его текла кровь. Набрав полные легкие воздуха, Макс продолжал камнем бить Дина по голове, превращая его лицо в кровавое месиво.

Все произошло стремительно. Нина была в шоке. Она даже не вскрикнула. Оцепенев, она так и лежала с широко раздвинутыми ногами. Дин на камнях не шевелился. Его лица она не видела, так как оно было залито кровью. Макс, с камнем в руке, медленно выпрямился. Его лицо, руки, грудь были забрызганы кровью. Нина глянула на себя и увидела на своей коже капли крови. Шумел водопад, щебетали птицы.

Макс повернулся и бросил камень в глубокий водоем.

– Ты как? – Он опустился на колени подле нее, увидел на ней кровь. Нина хотела что-то сказать, но почувствовала спазм в желудке, и ее стошнило прямо на камни. Макс прыгнул в водоем, ополоснулся и вынырнул, потирая окровавленные костяшки пальцев. Снова выбрался на берег. С него стекала вода. Он помог Нине подняться, потом взял ее на руки, опустил в воду и вытащил, усадив на край каменистого берега. Она дрожала.

– Он надругался над тобой. Я тебя защищал, – спокойно объяснил Макс в свое оправдание.

– Нет, нет, нет, – прошептала Нина. Она посмотрела на Дина. Тот лежал неподвижно, и его тело, даже залитое кровью, выглядело как воск. Макс надел трусы, ботинки, схватил Дина за лодыжки и поволок его прочь по узкой тропинке. Голова Дина подпрыгивала на неровной земле. Нина согнулась в три погибели, и ее снова стошнило. То небольшое, что еще оставалось у нее в желудке, теперь расплывалось на поверхности прозрачной воды.

Когда Нина снова опомнилась, оказалось, что она уже одета и, пошатываясь, бредет за Максом. Он обгорел на солнце, и теперь спина у него была красная. Потом, очевидно, она на время отключилась и в сознание пришла от журчания воды. Макс остановился у древнего каменного лотка с питьевой водой, лежащего у высокой груды камней, из которых торчала металлическая труба. Вероятно, вода из источника,

что бил в камнях, поступала в трубу и оттуда стекала в глубокий лоток, переливаясь на траву. Макс наклонился к лотку, напился, затем пригнул к воде голову Нины, чтобы она тоже напилась.

– Ты как? – спросил он.

– Не знаю, – ответила она.

Он бережно убрал с ее потного лица длинные волосы, ласково ее поцеловал, потом взял на руки и опустил в каменный лоток, из которого тут же выплеснулась на землю вытесненная вода. Погрузившись в холод, она испытала облегчение. Когда ее ботинки коснулись дна лотка, вода доходила ей до плеч.

– Задержи дыхание, – велел Макс, заставляя ее с головой уйти под холодную воду.

Она открыла глаза, разглядывая лоток. В камне виднелись отметины, оставленные зубилом сотни лет назад. Она ощутила давление ладони Макса на затылке. Он поднял ее из лотка и посадил на траву. Рядом с лотком лежало нечто похожее на мшистый пончик. Он имел сочный зеленый цвет и казался мягким, почти съедобным. Нина перегнулась к нему, оторвала от него кусочек. Под слоем мха скрывался гладкий белый жернов.

– Где он? – спросила она. На нее накатила новая волна страха и тошноты.

– Там есть старый колодец, глубокая яма, чуть в стороне от водопада. Я сбросил его туда вместе с рюкзаком и завалил камнями. Его никто не найдет.

Макс опустил на корточки и посмотрел ей в глаза.

– Он насиловал тебя, Нина, мог убить... он рассказывал мне, что убил одного парня, когда его избили в колонии для малолеток.

Нина покачала головой.

– Но это же ты его убил.

Макс заключил лицо Нины в ладони, встряхнул ее.

– Это была самооборона. Он хотел убить тебя! Слышишь?! – Он убрал от нее руки. – Нина, пожалуйста. Я люблю тебя. Я сделал это ради тебя – чтобы спасти тебя.

Они на долгое время умолкли, потом Макс сказал, что им пора в путь: нужно вернуться в гостиницу до темноты.

Глава 17

Среда, 4 октября 2017 года

– А не может быть так, что это два человека – двое убийц, действующие сообща? – выдвинул предположение констебль Брайан Темпл. Шотландский акцент придавал мягкость его голосу. Эрика отвернулась от демонстрационной доски, на которой висели фотографии с места преступления. – Вы же сами сказали, что глупых вопросов не бывает, мэм, – добавил он. Из-за его своеобразного выговора слово «мэм» прозвучало почти как «мама».

– Я вам не мама, – заметила Эрика. – Лучше «босс».

– Слушаюсь, босс, – отвечал Темпл, ничуть не смутившись.

– Но вы правы, глупых вопросов не бывает. Почему вы решили, что убийц было *двое*? – Взгляды всех, кто находился в оперативном отделе, обратились на Темпла. Рослый парень, он выдвинулся вперед на стуле, шариковой ручкой показывая на снимки с места преступления.

– Одному человеку трудно одолеть двоих. Томас Хоффман был крупного телосложения; Шарлин Селби – женщина. Не обижайтесь, дамы, но в чем-то вы все-таки слабый пол.

Остальные женщины в комнате – Мосс, Марта, констебль Найт – наградили его холодными взглядами и презрительным фырканьем.

– Верно подмечено, – согласилась Эрика, жестом велев ему продолжать.

– Ни у Томаса, ни у Шарлин на теле нет следов, указывающих на то, что в них стреляли, или что они были связаны, или что им вкололи наркотик.

– Шарлин зарезали, но нам неизвестно, получила ли она удар ножом *до* того, как ее забили до смерти... Токсикологическая экспертиза выявила в ее крови высокое содержание кокаина и героина. Возможно, поэтому она и не оказала сопротивления.

– Она была наркоманкой. Ее родители это подтвердили, – вставила Мосс.

– А Томас Хоффман наркозависимостью не страдал. Да, в желудке у него обнаружены наркотики, но сам он их не употреблял, –

подытожил Темпл. – Что возвращает нас к моей версии о двух убийцах. Что, если двое неизвестных посадили их в машину, отвезли в тихое место и там быстро с ними разделались? Может, в каком-нибудь гараже?

– С какой стати они согласились бы поехать в какой-то там гараж? – возразила Мосс.

– Зада, женщина, с которой я беседовала, контрабандой провезла наркотики в Великобританию. По ее словам, дилеры рассчитывают, что курьеры сразу же по приземлении должны отдать товар, – объяснила Эрика. – Обычно их встречают и отвозят в какое-то уединенное место, где они и избавляются от груза. В ее случае это было арендованное помещение в офисном здании близ Хитроу.

– Возможно, поэтому они и согласились поехать в какой-то гараж, – предположил Макгорри.

– А кто говорит, что Томас Хоффман *привез* наркотики в страну. Может, он только собирался их вывезти? – заметила Мосс. – В этом случае убийца мог и не знать, что у него в желудке наркотики.

– По-моему, слишком много «если», «но» и «может быть». – Эрика вернулась к демонстрационной доске и обратила взгляд на большую карту Лондона и Темзы. – Нужно выяснить, были ли у Томаса и Шарлин билеты на самолет, прибывший в страну или вылетающий за границу.

– Я уже направила запрос, – доложила Мосс.

– Хорошо, – не сразу отвечала Эрика, вздохнув. – Что по поводу «Ягуара», который они позаимствовали на три дня? Нам известно, куда они ездили?

– Я также направила запрос в Национальный центр сбора данных по распознаванию автомобильных номеров. Камеры видеонаблюдения должны были зафиксировать номер машины на дорогах центральной части Лондона и вокруг. Ответ должны вот-вот прислать.

– Отлично. А кроме Мосс, никто больше не работает? – сердито спросила Эрика, обводя взглядом свою команду.

– Вообще-то, босс, только офицеры моего ранга и выше имеют доступ к базам РАН. А я сейчас в команде единственный инспектор, поскольку Питерсон...

Возникло неловкое молчание. Эрика посмотрела на фото Томаса Хоффмана, висевшее на демонстрационной доске. Он восстановил

свой паспорт полтора года назад, спустя полгода после смерти жены. На фотографии взгляд у него блуждающий, как у загнанного человека, который Эрике был хорошо знаком. Ей пришлось восстанавливать служебное удостоверение, когда она возвратилась на службу в полицию после гибели Марка. На фотографии в документе у нее был точно такой же взгляд. Затем она подумала про Питерсона. Чем он сейчас занят? Она представила, как он в своей квартире лежит на диване – груда костей под одеялом. Эрика изгнала эту мысль из головы и, отвернувшись от доски, осознала, что теперь докладывает Крейн.

– В «Фейсбуке» о Томасе Хоффмане информации очень мало, – говорил он. – Он лишь несколько раз обновлял свою страничку. В основном играл в онлайн-игры. Но эта ниточка привела нас к Шарлин Селби. Они познакомились на «Фейсбуке» три месяца назад, играли онлайн в «Кэнди Крэш Сагу». Начали общаться по мессенджеру. Судя по всему, сошлись на том, что оба пребывают в депрессии, не имеют работы и стимула к жизни. Потом выяснили, что они и живут довольно близко: Томас – в Доллис-Хилл, Шарлин – в Уиллесден-Грин, у какой-то подруги. Они обменялись телефонами, и их общение по мессенджеру прекратилось. Как только нам представят информацию по их мобильным телефонам, узнаем содержание SMS-сообщений.

– Что за подруга, у которой жила Шарлин? – осведомилась Эрика.

– Еще одна наркоманка – женщина и ее приятель, – ответил Крейн. – Кто-то из патрульных заходил к ним сегодня, но они ни черта не соображали, с трудом ее вспомнили. Там нашли кое-какие вещи Шарлин, их отправили криминалистам. Сначала они с ними поработают, а потом уж отдадим родным.

– Ясно. Что по Мариэтте Хоффман? Кто ею занимался?

Констебль Найт подняла руку:

– Родилась в 1963 году в Кембридже. Специальности не имеет. Почти все время живет на пособие. Бывало, устраивалась работать в магазины, пару раз – на заводы. В Министерстве труда и пенсий, где мы получили о ней всю информацию, досье на нее ведется с того времени, когда ей исполнилось двадцать один или двадцать два года. Однажды полиция задержала ее за нарушение общественного порядка в нетрезвом виде. Это случилось в 2004-м накануне Нового года, на Кингз-Кросс. Она подралась с Томасом Хоффманом на автобусной остановке и разбила витрину. Патрульные ее арестовали, но в итоге

она отделалась предупреждением. При этом она является владелицей квартиры в жилом комплексе «Пинкхерст». Сначала арендовала ее у муниципалитета, но потом в рамках программы выкупа социального жилья приобрела эту квартиру в собственность за 18 тысяч фунтов. На половину этой суммы она взяла ипотечный кредит, но погасила его еще семь лет назад. Хотя, по словам Мариэтты, последние двадцать лет у нее не было постоянной работы. Так что непонятно, где она взяла девять тысяч на погашение кредита. Она должна была заявить о них в МТП. Возможно, налицо мошенничество с целью незаконного получения пособия.

– Ясно. Будем иметь это в виду, если придется ее прижать, – сказала Эрика. Был поздний час. Она видела, что ее команда устала за долгий рабочий день. – Ладно. На этом остановимся. Завтра утром начинаем в девять.

Полицейские стали одеваться и, переговариваясь между собой, покинули оперативный отдел.

– Не желаешь пропустить бокальчик? – предложила Мосс, надевая пальто.

– Спасибо, но у меня еще здесь есть пара дел, – отказалась Эрика. – Попытаюсь выловить Нилза Акермана. Я по-прежнему возлагаю надежды на экспертизу окуривания суперклеем.

– Я еще поработаю сегодня вечером, когда получу материалы. Постараюсь выяснить, куда ездил тот «Ягуар».

– Отлично. – Эрика принялась разбирать папки на столе.

– Прости, что упомянула Питерсона.

– Тебе не за что извиняться. Замечание было по делу. Ты действительно сейчас единственный сотрудник в команде в ранге инспектора.

– Ладно, не засиживайся. Если передумаешь, мы в «Уэзерспунсе», – сказала Мосс.

– Хорошо. Доброй ночи, – попрощалась Эрика.

Оставшись одна в оперативном отделе, Эрика взяла телефон и позвонила Нилзу. Он ответил тотчас же.

– Нилз, здравствуйте. Я хотела узнать по поводу экспертизы того куска бетона, что вы собирались проводить методом окуривания суперклеем.

– А, Эрика, привет. – В голосе Нилза слышалось разочарование. – Как раз к ней приступаю. Моя ассистентка уже все готовит к началу процесса.

– Отлично. Когда, по-вашему, вы...

– Эрика, я же объяснял: это займет несколько часов, и еще не факт, что нам удастся получить четкие отпечатки, по которым о чем-то можно будет говорить! – заорал он.

Эрика опешила. Нилз всегда казался таким спокойным, собранным.

– О'кей, – произнесла она. – Позвольте напомнить, что я звоню только первый раз, и вы сами говорили...

– Я знаю, что я говорил, – бесцеремонно перебил он ее. В трубке возникла глухая тишина. Эрика с трудом сдержалась, чтобы не огрызнуться.

– Нилз, вы хорошо себя чувствуете?

– Да. Да. Отлично. Просто забот слишком много. Работы невпроворот, с бюджетом не все ясно. Простите, Эрика.

– О'кей. Надеюсь, экспертизу вы проведете удачно, – сказала она.

– Я свяжусь с вами в ту же минуту, как что-то станет известно, – пообещал он и повесил трубку.

Эрика положила телефон и обвела взглядом оперативный отдел. «Видать, ситуация и впрямь аховая, если даже спокойный, хладнокровный, непрошибаемый Нилз сорвался», – подумала она.

Она решила, что все-таки примет приглашение Мосс. Эрика схватила пальто, выключила свет и поспешила в паб, где отдыхали ее коллеги.

Глава 18

После звонка Эрики Нилз Акерман несколько минут стоял посреди своего кабинета. Держась за край стола, он старался дышать глубоко, пока не прошли головокружение и тошнота. Его била дрожь, кожу покрывала испарина. Из носа потекло. Он прошел к раковине в углу комнаты, выдернул из диспенсера салфетку и высморкался, морщась от боли. Собственное отражение в зеркале его потрясло: кожа желтушная, под глазами темные круги. В свете ламп поблескивал небольшой дозатор мыла из нержавеющей стали. Только он собрался открыть его, раздался стук в дверь.

В коридоре ждала одна из экспертов – Ребекка Марч. Невысокая женщина с длинными волосами мышиного цвета, уложенными в косу на затылке.

– Все готово к началу процедуры окуривания, – доложила она и нахмурилась. – Вам нездоровится?

– Нет, все нормально, – ответил Нилз.

– Аллергия так и мучает? – Кивнув, он взял со стола свой пропуск. – Вообще-то, странно, что у вас до сих пор симптомы сенной лихорадки. Период пыления давно закончился.

– У меня сверхчувствительная иммунная система. Реагирую в том числе и на загазованность. Только что принял еще одну таблетку антигистамина. – Нилз повесил пропуск на шею.

Они покинули кабинет и зашагали по коридору, минуя стеклянную стену, за которой находилась одна из лабораторий, где трудились члены его команды. В самом конце они остановились перед двупольной дверью, и Ребекка стала открывать ее своим пропуском. Нилз взглянул на помощницу, но она, казалось, была сосредоточена на предстоящей работе. Они вошли в следующий коридор, и теперь уже Нилз своим пропуском открыл дверь, что находилась слева. Она вела в маленькое помещение – препараторскую – с большой раковиной, шкафами и окном с видом на экспериментальную лабораторию, где в центре стояла огромная квадратная камера из органического стекла. Они вымыли руки, затем надели чистые защитные комбинезоны, маски и латексные перчатки. Когда они подготовились к проведению

экспертизы, Нилз кивнул, и Ребекка открыла дверь экспериментальной лаборатории.

Нилз прошел к лавке, что стояла вдоль боковой стены, и взял большой прозрачный пакет с куском бетона. Проверил, не нарушена ли герметичность. Ребекка открыла одну створку камеры из органического стекла и подготовила маленькую тарелочку из фольги, капнув в нее несколько капель суперклея. Тарелочку она поставила на передвижной столик, туда же поместила небольшой пластиковый контейнер с водой. Вскоре к ней присоединился Нилз. Возле тарелочки с суперклеем он установил треножную подставку с куском бетона, чтобы все его грани были подвержены воздействию паров суперклея. Сейчас на его пористой поверхности проступало несколько темных пятен в тех местах, где впиталась кровь.

– Будем надеяться, что удастся снять какие-нибудь следы, – сказала Ребекка.

– Бетон долго находился в воде, но надежда умирает последней, – согласился Нилз.

Они вышли из камеры, закрыли прозрачную панель. Нилз, нагнувшись, установил на тридцать минут таймер на боковой стенке камеры. Потом, выпрямившись, повернулся и поймал на себе прищуренный взгляд Ребекки, пристально смотревшей на него поверх маски.

– По-моему, у вас идет кровь. – Рукой в перчатке она очертила область носа на его маске. Они вышли из лаборатории в маленькую препараторскую. Ребекка сняла комбинезон, маску, перчатки и положила все это в полиэтиленовый пакет. Нилз стянул с лица маску и увидел на ней пятна крови. Он вытер нос рукавом комбинезона, на котором остались следы крови. Ребекка наблюдала за ним с тревогой во взгляде.

– Вам нехорошо?

– Это все аллергия, от нее, бывает, кровь носом идет, – объяснил он.

– Мне придется указать это в сопроводительной записке, когда мы будем сдавать наши комбинезоны, – предупредила она.

Нилз подошел к раковине, взял бумажное полотенце и вытер нос. Ребекка пристально наблюдала за ним, переводя взгляд с окровавленной бумаги на его лицо.

– Вид у вас нездоровый.

– Я же сказал, со мной все будет хорошо! – рявкнул Нилз, бросив салфетку в урну.

Ребекка раскрыла чистый прозрачный пакет, в который он, раздевшись, сунул использованный комбинезон, перчатки и окровавленную маску. Ребекка хотела запечатать пакет, но Нилз ее остановил:

– Дальше я сам здесь закончу.

– Но я должна составить отчет и сдать...

Нилз забрал у нее пакет.

– Ребекка, простите, что вспылел. Мы все очень много работаем. Вы даже не полностью использовали обеденный перерыв, так ведь? Я сделаю все сам, идите, отдохните минут двадцать. – Выражение беспокойства скользнуло по ее лицу. – Прошу вас, помогите мне быть хорошим боссом, – улыбнулся он, силясь сохранять спокойствие.

– Ладно, спасибо, – неуверенно произнесла она.

Нилз продолжал улыбаться, пока Ребекка не ушла. Услышав, как двупольная дверь зажужжала и со щелчком захлопнулась, он достал из пакета окровавленную маску и запихнул ее в карман брюк. Затем взял из пачки чистую маску, помял ее в руке, скомкал и сунул в пакет вместо грязной. После запечатал оба пакета, наклеил на них ярлыки, написав на обоих фамилию Ребекки.

По пустому коридору Нилз поспешил в свой кабинет. Он дрожал и обливался потом. Вернувшись к себе, он запер дверь, убедился, что шторка на узком окошке в двери опущена. Он ее зафиксировал и прошел к маленькой раковине, над которой висел дозатор мыла. Нилз поднял с него металлическую крышку. В емкости, предназначенной для жидкого мыла, лежал маленький бутылек с таблетками. Нилз взял его, а также листок бумаги из принтера и сел за мраморный журнальный столик. Трясущимися руками отвинтил крышку с бутылочки, завернул в листок две таблетки и раздавил их папье-маше из муранского стекла. Затем ссыпал порошок в две горки на тыльную сторону ладони, втянул его каждой ноздрей. После развалился в кресле и запрокинул назад голову. По телу разливалось знакомое блаженство. Головокружительная эйфория, грозившая захлестнуть его и затуманить сознание.

Глава 19

На следующий день рано утром Эрика, Мосс и Макгорри сидели в одном из специальных помещений в отделении Луишем-роу и смотрели запись с камеры видеонаблюдения возле автосалона «Авто Селби». На экране появилось черно-белое изображение главного входа. Камера висела высоко над воротами, показывая проволочное ограждение, которое украшали флажки. Забор тянулся вдоль обсаженной деревьями дороги. Она была пустынна.

– Итак, 15 сентября, 9:03 утра, на улице ни души, – произнес Макгорри. В следующее мгновение на дороге появился, петляя, небольшой «Ягуар». Перед самой камерой автомобиль въехал на небольшой газон, затем остановился у проволочного забора. Из-за руля выбралась Шарлин Селби в грязной длинной юбке. Неуверенно держась на ногах, она нагнулась и вытащила из салона большую дамскую сумку. Со стороны пассажирского кресла из машины вылез человек в шортах, кроссовках и толстовке с поднятым капюшоном. Головы он не поднимал.

– Черт, лица не видно. Это Томас Хоффман? – спросила Эрика.

– Нет, Хоффман выбирается с заднего сиденья, – ответил Макгорри. Словно по сигналу, из задней дверцы показался крупный неуклюжий мужчина, которому, видно, трудно было вылезти из маленького низкого автомобиля. Ветер трепал его тонкие волосы. Ногой он зацепился за ремень безопасности и чуть не растянулся на земле, но сумел удержаться на ногах. Он повернулся, оглядел дорогу в обоих направлениях.

– Так, это Томас Хоффман, – промолвила Эрика. В шортах и темной футболке, он нырнул головой в салон, забирая дорожную сумку.

– А это кто? – спросила Мосс, когда из задней дверцы вышла четвертая фигура – женщина в майке, саронге и низко надвинутой на лицо бейсболке, из-под которой струились длинные темные волосы. Она тоже не поднимала головы, и благодаря козырьку лицо ее оставалось в тени. Женщина обошла машину и бегом догнала мужчину в капюшоне, шагавшего по дороге. Он положил руку ей на поясницу, и они пошли дальше. Шарлин приотстала, дожидаясь

Томаса. Она направила ключи-брелок в сторону «Ягуара», фары дважды мигнули. Шарлин и Томас двинулись за женщиной в бейсболке и мужчиной в капюшоне, которые теперь ждали на дороге.

– Так, они стоят здесь две минуты, – сказал Макгорри. Втроем они смотрели запись.

– Только вот лиц не разглядеть, – заметила Мосс.

Макгорри покачал головой:

– Увеличивать изображение бесполезно, запись нечеткая.

– О, мы обожаем размытые изображения. Других никогда и не видели, правда, босс? – усмехнулась Мосс.

Кивнув, Эрика повела глазами.

На экране появилось микротакси. Оно промчалось мимо «Ягуара» и затормозило у ожидающей на дороге четверки. Фигура в капюшоне наклонилась к окну и как будто что-то сказала водителю, а потом села в пассажирское кресло. Шарлин поспешила к задней дверце, залезла в салон. Следом за ней в машину села женщина в бейсболке. Томас, прихрамывая, обошел микротакси и забрался на заднее сиденье с другой стороны.

– Пожалуйста, отмотай до того места, где Томас Хоффман выбирается из машины, и дай его лицо крупным планом, – попросила Эрика. Макгорри быстро перемотал запись. – Так, здесь останови и увеличь изображение.

Картинка получилась размытая, но на укрупненном кадре было заметно, что у Томаса Хоффмана на лице синяки.

– Кто те двое? – задалась вопросом Мосс.

– Молодая женщина и, возможно, даже скорей всего, молодой мужчина, – ответил Макгорри.

– Мы их видим впервые, – произнесла Эрика. – И по виду они как будто друзья Томаса и Шарлин.

– И это говорит в пользу версии Темпла о том, что замочили их двое, – заключила Мосс. Эрика многозначительно посмотрела на нее. – Простите, убили.

– Водитель микротакси наверняка должен был их хорошо рассмотреть, – сказала Эрика. – Проверьте все фирмы микротакси в том районе и выясните, кто был за рулем той машины.

Глава 20

На следующий день Нилз Акерман пришел на работу поздно, объяснив коллегам, что он был у врача по поводу своей аллергии. Они изобразили озабоченность, некоторые сочувственно покивали, но от дальнейших расспросов все воздержались. Неужели и впрямь поверили, что его нездоровый вид, дрожь в руках, испарина на лице – все это вызвано аллергией на растения – и это в центральном-то Лондоне, в октябре месяце? Не было у него никакой аллергии. Он вот уже несколько лет страдал наркозависимостью. Началось это десять лет назад, во время годичного отпуска, что он проводил в Америке. Тогда, занимаясь серфингом, он повредил спину, и доктор прописал ему наркотический анальгетик «викодин». Это стало началом его долгого сползания в ту яму, в которой он теперь находился.

Нилз напрямик прошел в свой кабинет, заперся и снял крышку с серебристого дозатора мыла. Он вытащил три таблетки и опустился в одно из мягких кресел у журнального столика. Раздавил таблетки и с тыльной стороны ладони втянул носом две большие горки белого порошка. После откинулся в кресле и вытер нос. Слизистая была сильно воспалена. Нилз встал с кресла. Его пошатывало. Он скомкал листок и швырнул его в урну. Убирая пузырек обратно в дозатор мыла, он увидел, что таблеток почти не осталось. Он схватил со стола телефон и позвонил парню, который уже несколько лет снабжал его наркотиками.

– Это Нилз. Я попозже подъеду? – спросил он.

– Чтобы расплатиться? – уточнил Джек.

– Не сегодня, – помедлив, отвечал Нилз. – Мне нужно еще. Деньги отдам в конце следующей недели, как договаривались...

– Ситуация изменилась. Деньги мне нужны сегодня. – В молодом голосе сквозила надменность.

– Джек, у нас с тобой уговор: я плачу понеделно.

– Мой босс в кредит больше не дает и собирает долги. После того как двое клиентов прекратили платежи. Точнее, откинулись от передозировки. С мертвых нариков долги не выбьешь, так что давай плати.

– Я тебе не нарик, – проскрежетал Нилз.

Джек хохотнул – издал глухой издевательский смешок.

– Ты должен мне две штуки.

– Я отдам, – сказал Нилз.

– Куда ж ты денешься...

– Джек!

– Нет, Нилз, послушай меня. Ты – конченный наркуша, а дела принимают серьезный оборот, так что деньги мне нужны к концу дня.

– Но...

– Нилз, я знаю, что ты хорошо зарабатываешь. Для тебя это не должно быть проблемой. Верно?

Джек повесил трубку, а Нилз, дрожа, смотрел на телефон. Он ощутил, как нос заливает тепло, и схватил из диспенсера одну из голубых салфеток, вовремя успев промокнуть кровь, заструившуюся из ноздрей. Он запрокинул голову, пытаясь остановить кровотечение, но через несколько минут был вынужден засунуть в нос бумажные жгуты.

Нилз взял пропуск, покинул кабинет и через подземную парковку вышел на холод. В лучах бледного солнца искрились спокойные воды Темзы. В считанные минуты он добрался до автовокзала Воксхолл, где было много народу, и встал в хвост очереди, выстроившейся к банкомату. Когда подошла его очередь, он попытался снять 500 фунтов. На экране появилась надпись, что на карте недостаточно средств. Он попробовал снять деньги с двух других кредиток, и оба раза ему было отказано. Услышав нетерпеливые вздохи и возгласы, Нилз обернулся и увидел, что за ним стоят двое строителей в грязных робах.

– Долго еще, приятель? – сердито спросил один, от холода убрав руки глубоко в карманы.

– Простите, еще минутку, – ответил Нилз. Строитель закатил вверх глаза. Нилз вставил банковскую карту, набрал пин-код и запросил 500 фунтов. Банкомат, казалось, надолго задумался. Вдоль стены свистел холодный ветер, мимо торопливо шли люди. Банкомат пикнул, и на экране вновь высветилось, что на счете недостаточно денежных средств.

– Что? – вскричал Нилз. Он проверил баланс. Со счета была списана 1000 фунтов, а также платеж по погашению ипотеки и минимальные платежи за обслуживание кредитных карт. Как мог он

забыть про то, что наступил срок погашения ссуды? Трясущимися руками Нилз забрал карту и поплелся на работу, не замечая обращенных на него взглядов: прямо на белую рубашку у него из носа капала кровь.

По возвращении в кабинет Нилз сменил рубашку, умылся холодной водой и забил нос новыми жгутами. Порылся в бумажнике: пусто. Прикинул в уме, сколько еще ждать до зарплаты. Впрочем, сообразил Нилз, солидная часть его жалованья уйдет на погашение кредитов. В кабинет постучали. Все еще прижимая к носу салфетку, он открыл дверь. В коридоре стояла Ребекка.

– Добрый день, сэр, – поздоровалась она и нахмурилась. – По-прежнему проблемы?

– Да, – выдавил он улыбку, промокая нос.

– Результаты по окуриванию суперклеем орудия убийства готовы. Экспертиза ничего не выявила. Отпечатков нет.

Глава 21

Оперативный отдел приуныл, когда Эрика сообщила, что Нилз не сумел снять отпечатки с осколка бетонной плиты.

– Шансов было мало, но я думала, им удастся выцедить что-нибудь, пусть и из столь ничтожного количества материала. Думала, остались следы... – Ее голос постепенно затих.

– А что с остатками крови на бетоне? – спросила Мосс.

– Они еще будут с ним работать, но кровь впиталась в пористую поверхность. Потребуется время. Сложный процесс. Что еще мы имеем?

– Томас Хоффман забронировал два авиабилета до Джерси – один на свое имя, другой – на Шарлин. Они должны были вылететь 17 сентября, в воскресенье, из Гатвика, – доложил Макгорри. – В самолет они, разумеется, не сели.

– Когда он купил билеты? – спросила Эрика.

– В четверг 14 сентября.

– То есть не исключено, что он намеревался доставить кокаин на Джерси или оттуда куда-то еще.

– Я тяну за каждую ниточку, босс. Отправил запрос на предоставление нам записей с камер видеонаблюдения в аэропорту. Вдруг они там объявлялись.

– Сомневаюсь, что кто-то решился бы похитить их из зала вылета – это было бы, по меньшей мере, безрассудно, но проверить не мешает, – мрачным тоном произнесла Эрика. – Мосс, что у нас с информацией по номеру машины из Национального центра сбора данных по РАН?

– Мне прислали огромную простыню с данными, которые я сейчас обрабатываю, – отвечала Мосс. – В этом свои плюсы и свои минусы. Плюсы: «Ягуар» исколесил всю центральную часть Лондона за те три дня, на которые его позаимствовали из автосалона Джастина Селби, и засветился на сотнях камер видеонаблюдения. Минусы: я должна провести сравнительный анализ данных, определить маршрут и схему его передвижений. И я над этим работаю.

Эрика обвела взглядом лица коллег, пытаясь придумать что-нибудь – что угодно, лишь бы их подбодрить, воодушевить, чтобы они

не опускали руки. И не могла. Состояние у нее было такое же подавленное, как и у них. По логотипу на дверцах микротакси, что подобрало Томаса с Шарлин, а также неизвестных мужчину и женщину близ салона «Авто Селби», они установили фирму, которой принадлежал автомобиль, а также личность водителя. Звали его Самир Гранта. Женщина-диспетчер сообщила, что он вместе с семьей уехал на отдых в Австралию и ей неизвестно, когда он вернется. Она также понятия не имела, куда он отвез четверых пассажиров, поскольку они не ведут учет адресов. Она дала им номер мобильного телефона Самира, но в Мельбурне, где он сейчас находился, была глубокая ночь, и на звонок он не ответил.

Эрика посмотрела на часы. Почти шесть вечера.

– Ладно, на этом сегодня закончим, – сказала она. – Идите по домам, отдыхайте. Завтра утром жду всех здесь в половине девятого.

Сотрудники оперативного отдела с куртками и пальто в руках пошли из комнаты, желая ей доброй ночи. Мосс остановилась у стола Эрики.

– Босс, раз мы сегодня рано закончили, может, зайдешь к нам на ужин?

Эрика глянула на часы.

– Спасибо, но я еще посижу. Через несколько часов в Австралии наступит утро, а этот Самир, возможно, приведет нас к той неизвестной парочке, которую мы видели с Томасом и Шарлин.

– Босс, вид у тебя измотанный. Пойдем. Перекусишь, ну а потом снова за работу. Мне самой нужно лопатить данные по номеру машины. Мы рано ужинаем, да и Джейкоб будет рад повидаться со своей тетей Эрикой.

– Он называет меня тетей Эрикой?

– Да. И все время про тебя спрашивает. На прошлой неделе в школе портрет твой нарисовал...

– Очень мило.

– Только ты ж понимаешь. У детей своеобразное чувство прекрасного. У тебя, например, по девять пальцев на каждой руке, и ты высоченная, как дом. Но он старался.

Эрика рассмеялась. Она снова посмотрела на часы. Велик был соблазн ненадолго прерваться, но Эрика понимала, что сегодня в

компании она будет не самой приятной собеседницей. Ведь все мысли ее занимала работа.

– Спасибо, может, как-нибудь в другой раз. А то, если приду, начну пить вино и вечер будет потерян! Но все же не будем откладывать в долгий ящик. Силии с Джейкобом от меня привет.

– Ладно, пока. Как только проанализирую список, дам тебе знать, – улыбнулась Мосс. Она взяла пальто и покинула оперативный отдел.

Эрика подошла к демонстрационной доске и с минуту упивалась тишиной. Смотрела на фотографии, на карты, и у нее снова возникло знакомое чувство бессилия. Если в ближайшее время расследование не сдвинется с мертвой точки, убийца или убийцы уйдут от наказания.

– Эрика, ты позволишь тебя отвлечь? – раздался чей-то голос. Она обернулась и увидела суперинтенданта Хадсон со стаканами кофе из «Старбакса». Та подошла к демонстрационной доске и один стакан протянула Эрике.

– Спасибо, – поблагодарила она.

– Я видела отчет Нилза Акермана. Ни отпечатков, никаких других следов на бетоне.

Эрика покачала головой и с наслаждением глотнула кофе.

– Я надеюсь чуть позже связаться с водителем микротакси. Может, хоть он расскажет что-то о той парочке, что была с Шарлин Селби и Томасом Хоффманом. Мы также по записям с камер видеонаблюдения пытаемся составить карту передвижений «Ягуара».

Мелани кивнула.

– Я знаю, что при расследовании преступлений ты во многом полагаешься на свое чутье, и я это уважаю, но нельзя, чтобы следствие стояло на месте. Как продвигается расследование по факту обнаружения наркотиков в желудке Томаса Хоффмана?

– Я по-прежнему убеждена, что убийца Хоффмана не был связан с наркотиками, – подчеркнула Эрика.

– Я общалась со старшим инспектором Стивом Харпером из отдела по борьбе с наркотиками... – Эрика хотела возразить, но Мелани жестом велела ей молчать. – Вчера вечером его команда совершила рейд в нарколабораторию в Нисдене. Они захватили оборудование и сырье для производства наркотиков, а также

материалы для упаковки и контрабанды. Отправьте криминалистам наркотики, обнаруженные в желудке Томаса Хоффмана. Пусть исследуют капсулы.

– Они их уже исследовали.

– Только по основным параметрам. А мне нужно, чтобы исследовали сами материалы, в которые были упакованы наркотики, и сравнили их на соответствие с теми, что изъяты из нарколаборатории. Группа Харпера вчера арестовала четверых. Эти люди сейчас содержатся под стражей. Мы теперь могли бы попробовать доказать, что это именно они произвели и упаковали наркотики, обнаруженные в желудке Томаса Хоффмана.

– Ты забираешь у меня это дело? – спросила Эрика.

– Нет, что ты, но нужно расширить зону следствия. Мы должны предоставить эти материалы отделу по борьбе с наркотиками, поскольку, возможно, наркотики имеют прямое отношение к вашему расследованию убийства.

– *Двойного убийства.*

Мелани сделала глубокий вдох, стараясь оставаться спокойной.

– Это спорный вопрос. Пожалуйста, организуй отправку наркотиков, найденных в желудке Томаса Хоффмана, в лабораторию криминалистов в Воксхолле. Я туда уже позвонила. Нилз Акерман и его люди в курсе, что они должны заняться ими в первую очередь.

– Если ты уже обо всем договорилась, зачем тогда меня спрашиваешь? – вспыхнула Эрика. – То-то я удивилась, с чего это вдруг ты заявила ко мне с хорошим кофе.

– Это называется профессиональной этикой, – парировала Мелани. – Тебе тоже не мешает взять ее на вооружение. Наслаждайтесь кофе.

Она ушла, и Эрика снова осталась одна в оперативном отделе.

Глава 22

Нилз уже несколько часов мерил шагами свой кабинет, в маленькое окно наблюдая, как садится солнце, как зажигаются над Темзой звезды.

Поведение Джека повергло его в шок. На первых порах, когда Нилз только начал покупать у Джека наркотики, его визиты к нему домой – тот жил в Камберуэлле – носили почти что светский характер. Они говорили о политике, о спорте. Случалось, Нилз выпивал чашку чая перед тем, как они производили обмен товара на деньги, а теперь вот этот юнец обозвал его наркушей.

Нилз еще раз позвонил Джеку, умолял дать ему отсрочку, но Джек стал ему угрожать:

– Нилз, я знаю, что ты сотрудник экспертной службы, работаешь в Темпл-Уорф, на четвертом этаже. Я знаю, кто твой босс, знаю его прямой телефон. Знаю, где ты живешь.

– Что? Ты намерен ворваться сюда и переломать мне ноги? – вскричал Нилз. Он был в ужасе. Откуда у Джека эта информация?

– Нилз, если не рассчитаешься, я поступлю еще хуже. Ноги твои ломать не стану, они понадобятся тебе, чтобы бежать как можно дальше от того кошмара, в который я превращу твою жизнь. Я уничтожу тебя. Уничтожу твою репутацию, – спокойно произнес он и положил трубку.

Нилз вышагивал по кабинету, а в голове все звучали последние слова Джека. Две тысячи фунтов – не бог весть какие деньги, но эту сумму он не мог достать за один день. Он и так задолжал двум своим друзьям. Обливаясь потом, слыша гулкий стук своего сердца, Нилз сел и осознал, что, скорей всего, этих своих друзей он потерял: он не отвечал на их звонки. Может, занять у кого-то из коллег? Исключено. У коллег, да и то у тех, кого хорошо знаешь, можно занять пятерку. Нилз открыл холодильник, вытащил остатки несвежего морковного торта. Сунул в рот кусочек, начал жевать, надеясь, что сахар ослабит мучительное влечение. Но стоило ему проглотить торт, он тут же кинулся к раковине. Его стошнило.

Пока он убирал за собой и приводил себя в порядок, зазвонил телефон. Это была Эрика Фостер. Она объяснила, что намерена

доставить для дальнейших исследований наркотики, изъятые из желудка Томаса Хоффмана.

– Когда вас ждать? – спросил он.

– Это срочно. Думаю, через час-полтора – в зависимости пробок, – ответила она.

Нилз крепче стиснул в руке телефон. Ему пришла в голову идея.

– Если успеете за два часа, лаборатория будет готова немедленно приступить к проведению экспертизы.

– Хорошо. Спасибо.

– Моя смена к тому времени закончится, – солгал он. – Но кто-нибудь из моей команды начнет проводить первую серию тестов. На подземной парковке сразу на въезде есть встроенный сейф. Контейнер опустите в него через прорезь.

– Спасибо, Нилз, – поблагодарила Эрика.

Когда он положил трубку, у него уже полностью созрел план. Чудовищный и дерзкий. Наркотики через лабораторию проходили каждый день. И при доставке, и при вывозе осуществлялся их строгий учет по всем параметрам. Однако если наркотики привозили в нерабочее время, их оставляли во встроенном сейфе внизу – это было в порядке вещей. Нилз посмотрел на часы. В скором времени Эрика должна доставить контейнер с кокаиновыми капсулами стоимостью 30 000 фунтов по «уличным» ценам. Она подъедет к сейфу. Что, если кто-нибудь на мотоцикле подскочит к ней, выхватит контейнер и умчится прочь? Местоположение экспертной службы широкой публике неизвестно, но по поводу самого сейфа уже отмечалось, что он находится слишком на виду.

Нилз опустил голову в ладони и издал тихий стон отчаяния. Неужели он пал так низко? Впервые Нилз осознал в глубине души, что он действительно наркоман и ему требуется профессиональная помощь. Но другого пути нет, рассудил он. Нужно отдать долг и жить дальше. Он закрывает страницу прежней жизни. Начнет новую. Нилз схватил телефон и позвонил Джеку.

– Наконец-то! Надеюсь, ты с хорошими новостями, иначе...

– Пожалуйста, выслушай меня, – срывающимся голосом произнес Нилз. – Если сделаешь в точности так, как я скажу, ты вернешь себе свои деньги с огромными дивидендами. Только пообещай, что никто не пострадает.

Глава 23

Был поздний час, когда Эрика спустилась в хранилище вещественных доказательств. Оно размещалось на цокольном этаже отделения Луишем-роу, в противоположной стороне от той, где находились камеры. Эрика служила в полиции уже много лет, но каждый раз, когда приходила сюда, ее бросало в дрожь.

Она обратилась к молодой сотруднице, работавшей за небольшим столом у двери. Та взяла у нее регистрационный номер и исчезла между стеллажами. Низкую комнату заливал с потолка яркий свет, отражавшийся от каштановых волос молодой женщины, которая ходила между полками, забитыми полиэтиленовыми пакетами разных форм и размеров. В них лежали ножи, испачканные в запекшейся крови; аккуратно свернутая одежда со следами выделений человеческого организма; куски веревки, тупые тяжелые предметы, изящные ювелирные украшения; даже детские игрушки. Игрушки вызывали у Эрики особенно острую реакцию. Игрушки и еще пакеты с женским нижним бельем: разных размеров и фасонов, порванное и грязное, оно производило жуткое впечатление. Хранилище вещественных доказательств таило разгадки множества преступлений, обеспечивало научно обоснованную связь между жертвой и преступником.

Женщина нашла прозрачный пакет с капсулами кокаина, лежащий на одной из полок в глубине помещения, и вернулась с ним к столу. Верхние края пакета скрепляли два ярлыка с подписями Эрики и Айзека Стронга, наложенными внахлест на заклеивающую ленту, так чтобы при несанкционированном вскрытии невозможно было заново запечатать пакет, имитировав неприкосновенность рукописной вязи.

Эрика убедилась, что пломбировка не нарушена, и принялась заполнять бланки, что заняло несколько минут, затем покинула хранилище.

Она вышла в центральный коридор, откуда вели двери в столовую, раздевалку и оружейную. На пути ей встретился сержант Вулф. Он вышел из столовой с чашкой горячего чая в руке.

– Вы случаем не за съедобным печеньем направляетесь? А то я последнее сцапнул. – Он кивнул на маленькую упаковку, что была у

него в руках.

– У меня есть кое-что посерьезнее. – Эрика приподняла пакет с кокаином.

Вулф посмотрел на наркотики.

– Я, пожалуй, удовольствуюсь печеньем.

Эрика миновала двоих патрульных, возвращавшихся со смены, и остановилась перед оружейной. Она позвонила в дверь и подняла лицо к камере видеонаблюдения, что была установлена выше. В следующую секунду дверь со щелчком отворилась. Показав удостоверение, она попросила, чтобы ей выдали полицейскую дубинку и тазер[120]. Как сотрудник полиции, обученный обращению с оружием, Эрика имела право на ношение тазера. Она расписалась в получении оружия, убедилась, что тазер заряжен, и закрепила его вместе с дубинкой на кожаном поясе.

Эрика ехала из Луишема через Пекам и Камберуэлл. На дорогах было относительно свободно. Она могла бы спокойно поручить доставку пакета с наркотиками кому-то из сотрудников младшего ранга, но предпочитала не передоверять другим важные дела. Эрика хотела еще раз лично встретиться с Нилзом, напомнить ему о себе. Она собиралась попросить криминалистов произвести полный и тщательный осмотр «Ягуара» из магазина «Авто Селби». Родители Шарлин сказали, что автомобиль отмывали и чистили, но не исключено, что где-то остались отпечатки. Проблема заключалась в нехватке времени и людей. Экспертная служба стонала от чрезмерной нагрузки и, не располагая достаточным количеством специалистов, не имела возможности быстро обрабатывать материалы. А если чаще мозолить глаза Нилзу, рассудила Эрика, может быть, это ускорит процесс.

На перекрестке близ Кеннингтона образовался небольшой затор, и она остановилась в хвосте вереницы машин. Проверила, активирован ли центральный блокиратор дверей и окон. Наркотики лежали на пассажирском кресле в продуктовой сумке «Теско» с веселеньким рисунком из фруктов и овощей, который никак не вязался с ее опасным содержимым. Зажегся зеленый свет, и Эрика тронулась с места, миновала станцию метро «Овал» и покатила по дороге, что тянулась вдоль высокого забора, который огораживал поле для крикета. Перед

въездом на шоссе с односторонним движением несколько машин перед ней свернуло в сторону, с тыла огибая железнодорожную станцию Воксхолл, чтобы выбраться на Найн-Элмз-лейн. Выехав на дорогу, что шла вдоль Темзы, она не обратила внимания на черный «Рейндж Ровер» с тонированными стеклами, который стоял под сенью высокой криволинейной стены, отделявшей Найн-Элмз-лейн от текущей внизу Темзы.

Эрика замедлила ход и мигнула левым поворотником, показывая, что намерена свернуть на подъездную дорогу, которая вела к подземной парковке здания, где размещалась экспертная служба, и встроенному сейфу криминалистической лаборатории.

Фары «Рейндж Ровера» вспыхнули. Он с визгом рванул вперед, пересек полосу встречного движения и пристроился за Эрикой, внезапно появившись в зеркале заднего обзора ее автомобиля.

– Что за черт? – воскликнула она. «Рейндж Ровер» поравнялся с бампером машины Эрики и ослепил ее фарами. Инстинктивно она надавила на газ и пропустила нужный поворот. «Рейндж Ровер» устремился за ней и врезался в ее задний бампер. Эрика вцепилась в руль, пытаясь справиться с управлением. Дорога скользила мимо с обеих сторон. Одной рукой она потянулась к рации, что лежала рядом на сиденье, но «Рейндж Ровер», поотстав, разогнался и ударил в задок автомобиля. Рация и тазер слетели на пол, в выемку для ног перед пассажирским креслом. По обеим сторонам мимо проносились склады, промелькнул забор из проволочной сетки, запруженная машинами улица, высокая стена, отделяющая дорогу от реки. «Рейндж Ровер» снова чуть отстал. Эрика давила на газ, надеясь от него оторваться, но когда стрелка спидометра перескочила с восьмидесяти на девяносто, «Рейндж Ровер» ее нагнал и опять ударил.

– Черт! – вскричала она. Впереди на перекрестке, где ждали машины, высветился ряд красных огоньков. «Рейндж Ровер» дал уйти Эрике вперед, а потом, сигналив, рванул за ней по встречной полосе и врезался в бок ее автомобиля, толкая его влево. Эрика до боли в пальцах сжимала руль, так как машина подпрыгивала и кренилась на ухабах. Она теперь ехала по односторонней дороге, тянувшейся между двумя заборами из проволочной сетки. Уличных фонарей здесь не было. «Рейндж Ровер» продолжал подталкивать ее сзади, и ей стоило

огромных усилий подчинять себе машину. Она судорожно соображала, пытаясь осмыслить то, что произошло за последнюю минуту.

Дорога резко повернула влево. На Эрику надвигалось большое рифленое здание с погрузочной площадкой и большими подъемными воротами, перед которыми находилась бетонная платформа около шести футов высотой. «Рейндж Ровер» сбавил скорость, отстал. Эрика надавила на тормоза. Машина с визгом остановилась в нескольких шагах от бетонной платформы. Она нагнулась за рацией под пассажирским креслом, но взять ее не успела. Взревел мотор, и «Рейндж Ровер» снова въехал в ее машину. Она головой ударилась о приборную панель. Капот от столкновения с низкой стенкой погрузочной площадки смялся в гармошку, как картон. Эрика была ошеломлена, с трудом могла двигать головой. Из раны над левой бровью текла кровь.

«Рейндж Ровер» остановился в нескольких футах позади нее. Мотор лениво гудел, погасли фары, погрузив Эрику в темноту.

– Черт, черт, – прошептала она. От боли стиснув зубы, Эрика пыталась действовать быстро. Ангары вокруг грузовой площадки заслоняли свет уличных ламп. Она похлопала рукой под пассажирским креслом, нащупала рацию, но когда хотела вызвать подмогу, оказалось, что сигнала нет. – Что?! – ужаснулась Эрика, лихорадочно давя на кнопки. Предприняла еще одну попытку, переключаясь с канала на канал, но эфир по-прежнему молчал. Она повернула голову и поморщилась. «Рейндж Ровер» выключил фары, и она не различала движения в его салоне. Эрика попробовала открыть дверцу, но в нее упиралось покореженное переднее крыло. Она снова попыталась счастья с рацией, другой рукой ища кожаный ремень с тазером и дубинкой.

– Дежурный, как слышите меня, прием? – прошипела она в рацию. Ее взгляд упал на кнопку сразу же под рулевым колесом. Эрика надавила на нее, включив мигалку и сирену своего автомобиля, на котором не было опознавательных знаков полиции. «Рейндж Ровер» был погружен в темноту и не подавал признаков жизни. Эрика неуклюже – мешали длинные ноги и длинное пальто – перебралась на пассажирское сиденье и попыталась открыть дверцу с той стороны, но ее тоже заклинило. Испытывая боль во всем теле, она навалилась на дверцу плечом. Та по-прежнему не поддавалась. Она хотела уже протиснуться назад, но вспомнила, что в задней части салона дверцы и

окна заблокированы, поскольку туда обычно сажают подозреваемых. Морщась от боли, Эрика дотянулась до ручки одной дверцы, потом до другой. Конечно же, она оказалась права.

Ее охватила паника, под теплым пальто с нее градом лил пот. Наклонившись вперед, она попыталась опустить на передних дверцах стекла. Тщетно: дверцы были вогнуты внутрь. Эрика оглянулась на заднее окно, которое стало запотевать. В голове мелькали одна мысль за другой. «Значит, кто-то знал, что она везет на экспертизу вещественные доказательства?» Местоположение лаборатории неизвестно широкой публике. «Иначе зачем кто-то стал бы сталкивать ее с дороги?»

Через запотевшее окно Эрика увидела, что дверцы «Рейндж Ровера» открылись и из машины неспешно выбрались две фигуры в черном. В балаклавах, полностью скрывавших их лица, с монтировками в руках, они приблизились к ее автомобилю. Эрика бросила взгляд вокруг и заметила пряжку кожаной портупеи с тазером и длинной дубинкой, выглядывавшими из-под пассажирского кресла. Машину качнуло. Это одна из фигур в черном попыталась открыть багажник монтировкой. Эрика опустила руку под пассажирское кресло, и в ту же секунду окно со стороны водителя разлетелось вдребезги, осыпав ее осколками стекла. В салон ворвались холодный воздух и вой сирены. Эрика повернулась к фигуре, появившейся в разбитом окне. В отверстиях балаклавы блестели глаза.

– Руки покажи, – потребовал он, направив на нее пистолет.

Глава 24

Октябрь 2016 года

То, что произошло на отдыхе в Дартмуре, изменило Нину. В тот вечер Макс помог ей добраться до гостиницы, отнял у нее телефон и напоил снотворным. Проснувшись поздно на следующий день, она по-прежнему хотела обратиться в полицию.

– Я ведь защищал тебя, – недоуменно произнес Макс. – Нина, он бы тебя убил. А в благодарность ты намерена меня посадить?

– Тебя не посадят, если мы скажем правду! – возразила она.

– И что же это за правда, Нина? Правду знаем только мы с тобой, ты и я. А полиция, по-твоему, что подумает, заглянув в мое досье? На нем осталась моя ДНК. Я сбросил в колодец его труп, и мы ушли. Разве судья и присяжные поверят в нашу правду? Для них я – просто убийца.

– Но... это же в порядке вещей, – лепетала она в ответ. – Ты говоришь правду, и все становится на свои места. Мама всегда говорит: скажешь правду – и сразу все образуется.

Качая головой, Макс привлек ее к себе.

– Нина, раскрой глаза. На нем не только моя ДНК – и твоя тоже. Думаешь, полиция тебе поверит? Не больше, чем мне.

– Он пытался изнасиловать меня.

– Ты занималась со мной сексом у него на глазах. А накануне вечером в пабе вешалась на него. Они узнают, что ты вела себя как шлюха. Судья и присяжные придут к единому мнению... – Нина зарылась лицом ему в грудь и заплакала. – Ты не представляешь, как приходится в тюрьме юным девушкам вроде тебя, – увещевал Макс, укачивая ее, словно ребенка. – А он – на дне глубокого-преглубокого колодца. Его никогда не найдут. Он был одиночка, наркоторговец и насильник. Помнишь его руки на своей шее, а, Нина? – С красным от слез лицом она отстранилась от Макса, посмотрела на него и кивнула. – Он убил бы тебя.

– Если б он убил меня, ты пошел бы в полицию?

– Конечно, пошел бы, черт побери! – вспыхнул Макс, отталкивая ее. – Я это сделал ради тебя, – зашептал он, снова наклоняясь к ней. –

Ради *тебя* я собственными руками убил человека, а *ты* хочешь сдать меня полиции, да еще спрашиваешь, сбросил ли бы я твое тело в тот колодец?

– Нет, Макс, я не говорила, чт...

– Ну ты и дура. Вот он я, стою перед тобой, человек, который тебя любит. Который готов умереть ради тебя. Который *убил* ради тебя...

– Макс, прости, – истерично рыдала Нина. Она кинулась к нему, стала хватать за одежду.

– Очевидно, тебе этого мало. Что ж, валяй, иди в полицию. Уходи. Удачи тебе в реальном мире. В тебе увидят только маленькую потаскушку.

– Никуда я не пойду! Клянусь, прошу тебя, я справлюсь. Ты мне нужен. Я люблю тебя. Давай просто как-то это переживем. Я справлюсь... – В горле у нее булькнуло. Она бросилась в ванную к раковине, ее стошнило. Макс пришел следом, и пока Нину рвало, он придерживал ей голову, убрав назад ее волосы.

– Все хорошо, – успокаивал он. – Сейчас все это вырвешь, и станет легче. И будем жить дальше. Такое случается, но это надо пережить. И идти дальше. Главное, что мы есть друг у друга, да?

Нина вытерла рот и посмотрела на него воспаленными глазами.

– Да, – ответила она.

– Только ты и я, Нина. Только мы с тобой вдвоем в целом мире.

Повтори.

Она кивнула.

– Только мы с тобой вдвоем в целом мире.

По возвращении домой Нине хотелось одного: свернуться клубочком у себя в комнате и отгородиться от всего мира. Однако мама сообщила, что Пол перевез к ним свои вещи и теперь будет жить с ними. Атмосфера в доме мгновенно изменилась. Прежде, сколько Нина помнила, здесь были только мама и она. Пол же вызывал у нее гадливость, и ей было неловко наблюдать, как мама отчаянно старается ему угодить. Дом ей казался чужим: всюду лежали его вещи, витал агрессивный запах его дешевого лосьона; к ней в комнату на верхнем этаже доносился его приглушенный голос.

В первое утро, когда Нина, обернувшись в маленькое полотенце, вышла из ванной, она едва не налетела на Пола. Тот, в трусах и старой

белой футболке, ждал под дверью, чтобы туда войти.

– Доброе утро, Нин, – улыбнулся он, задержав на ней взгляд.

– Доброе утро. – Она хотела пройти мимо, но он преградил ей дорогу.

– Ты же не против, что я зову тебя Нин, да? – спросил Пол, глазами ощупывая ее тело, едва прикрытое полотенцем.

– Да нет... – Она съежилась под его взглядом и прижала к себе полотенце, жалея, что оно не длиннее.

– Конечно, я не прошу, чтобы ты называла меня папой, – хохотнул он.

На верхней площадке лестницы появилась Мэнди со стопкой полотенец в руках. Пол тотчас же прекратил с ней заигрывать и отступил в сторону. Но Мэнди, увидев эту непристойную сцену, решила, что Нина специально соблазняет ее возлюбленного.

– Иди к себе комнату и надень что-нибудь! – сердито велела она. Нина поспешила наверх. Щеки ее пылали от стыда, будто она и впрямь была виновата.

В тот день Нина впервые переступила порог однокомнатной квартиры Макса. Она находилась на верхнем этаже старого дома ленточной застройки близ вокзала Кингз-Кросс, из окна открывался вид на железнодорожные пути. Квартирка была крошечная, но чистая. В одном углу кухня, в другом – малюсенькая ванная. Одну стену занимала его библиотека – книги по философии и истории. Макс сделал для них по тосту с яйцом и налил в чашки горячий чай. Они сели перед включенным обогревателем, тарелки поставили на коленки и стали есть, слушая стук дождя по крыше. Рядом с Максом ей было спокойно. Нину не покидало ощущение, что ее выпихнули в большой мир. В школу ходить больше не надо; дома она себя чувствовала как кукушка в гнезде; все ее близкие друзья учились в университетах. У нее остался один Макс.

В последующие недели погода испортилась, ночи стали длиннее. Нина почти все время проводила у Макса. Хоть события в Дартмуре по-прежнему не давали ей покоя, для нее то был благословенный период. Они с Максом заметно сблизились. Нина поражалась широте его знаний, его умению грамотно излагать свои мысли. Возможно, сама она была и более образованна, но в сравнении с ним жизни совсем не знала и ничего в ней не понимала. Макс говорил о

правительствах, об истории. О теориях заговора, о своей тяге к иллюминатам.

– Мы все – пешки в большой игре. На нас всем плевать, Нина. Никому нет дела до тебя... кроме меня. Мы – черви, копошащиеся в дерьме, а нами правит небольшая кучка людей – корпорации, элита.

Макс более подробно рассказал ей о своем детстве. Как его бросила мать, когда он был совсем малышом; о кошмарных годах, что он провел в детских приютах, где он, девятилетний мальчик, подвергнулся сексуальному насилию со стороны некоторых взрослых из числа персонала.

– В этой жизни за все приходится драться, – сказал Макс. – Я дрался за тебя, когда Дин накинулся на тебя и стал насилловать, и отнял у него жизнь. Так правильно я поступил или нет, убив его?

– Наверно, правильно, если смотреть на это так, как ты говоришь, – жалким голосом ответила Нина.

– Конечно, правильно. Возьми всех тех политиков, которые развязывают войны. Что такое войны?

– Это когда одна страна причиняет зло другой.

Макс тряхнул головой, встал и принялся мерить шагами комнату, распаляясь все больше:

– Нина. Войны всегда происходят из-за денег. Войны – это торговля оружием и борьба за власть. Тебе известно, сколько политиков владеет компаниями, которые производят продукцию для войн? Я могу назвать тебе кучу примеров, об этом написаны сотни книг. Эти самые политики объявляют войны из личных интересов. Они убивают тысячи, миллионы невинных людей, и их никто не призывает к ответу. Нам промывают мозги, заставляя думать, будто война – дело благородное. Солдаты, что берут в руки оружие и идут воевать, сражаются за свои страны. Олухи несчастные. Солдаты, конечно, люди благородные, но то, ради чего они проливают кровь, дело неблагородное... А я защищал тебя, Нина. Убил всего одного жалкого мерзавца, чтобы уберечь тебя. И за это я должен двадцать с лишним лет гнить в тюрьме? Ты представь, сколько еще женщин мог бы изнасиловать и убить Дин. Нет, для элиты одни законы, для нас, жалких червей, – другие. А я не желаю быть червяком. Не хочу пресмыкаться и раболепствовать!

В конце октября их обоих уволили из кафе «У Сантино» за то, что они несколько раз не вышли на работу. Нине эта ее работа давно уже опостылела, но она держалась за нее – отчасти потому, что мама потребовала, чтобы она вносила свою лепту за жилье.

В ее отношениях с Максом это стало еще одним поворотным моментом. Он предложил, чтобы она переселилась к нему, и они оба подали заявление на получение пособия по безработице. Впервые за многие месяцы Нина чувствовала себя свободной и счастливой. И она верила, что у них с Максом есть настоящее будущее, что он – ее вторая половина.

А потом они с Максом отправились в Блэкпул.

Глава 25

Пятница, 6 октября 2017 года

Эрика видела, что на нее нацелено дуло пистолета «Смит и Вессон» с самодельным глушителем. Сирена ее автомобиля продолжала завывать, а небольшую погрузочную площадку озаряли мигающие синие огни.

– Руки вверх! – крикнул нападавший. Его розовые губы отвратительно выпирали из прорези в балаклаве.

Эрика – она сидела в пассажирском кресле, согнувшись в три погибели, – медленно подняла руки.

– Открывай багажник! – крикнул голос. Мужской голос, четкая дикция. – А то пристрелю!

– Кнопка у колонки рулевого управления, – сказала Эрика, не сводя с него глаз. – Вам нужны наркотики?

– Да. Открывай багажник! – пронзительно заорал он.

«Они решили, что я положила их в багажник», – подумала Эрика. Она сидела в неудобном положении, сумка «Теско» с наркотиками находилась у нее под ногами. Раздался скрежет металла: второй нападавший монтировкой взламывал багажник. «Кто эти двое? – размышляла Эрика. – Партия-то мелкая, всего на тридцать тысяч. Даже если они разбавят ее питьевой содой, сверху выручат не больше нескольких тысяч. А они так рискуют». Нападавшие были в балаклавах, лиц их она не видела, и это означало, что, возможно, ее оставят в живых.

– Открывай, быстро. И выруби сирену! – орал парень, дулом пистолета дернув в сторону руля.

– Кнопка под колонкой рулевого управления. Я должна нагнуться, – сказала Эрика.

– Так нагибайся!

Скрежет монтировки по багажнику продолжался. И в ту же секунду, как нападавший, державший ее на прицеле, глянул на своего напарника и чуть опустил пистолет, Эрика вскинула тазер, который она прятала за спиной, и выстрелила ему в шею. Вой сирены заглушил хлопок и треск проводов, когда электроды впились в его тело. Он

застыл и рухнул на землю. Не выпуская из руки тазера, Эрика перебралась на водительское кресло и вылезла через разбитое окно. Нападавший лежал на земле. Она вытащила из его оружия магазин, убрала в карман, затем, прихрамывая, пошла вокруг машины туда, где второй нападавший, теперь уже в панике, все пытался монтировкой подцепить крышку багажника.

– Руки вверх! – крикнула Эрика. Он поднял голову, выронил монтировку. Его рука метнулась за спину.

– Руки! Чтоб я их видела! – велела Эрика, нацеливая тазер ему в грудь.

– Сучка гребаная! – выругался он.

Эрика чуть наклонила тазер, целясь ему в пах, и выстрелила. Он вскрикнул, замер и рухнул на землю.

– Это тебе урок. Не будешь язык распускать. – Эрика перевернула парня на живот, выдернула у него из-за пояса «Смит и Вессон», вытащила из пистолета магазин. Обыскав его карманы, она нашла маленький черный ключ-брелок. Это был глушитель сигнала ближнего действия для создания помех на частоты радио– и сотовой связи. Эрика подошла к задней дверце автомобиля, рукояткой оружия разбила стекло и достала из машины две пары наручников. Затем занялась первым нападавшим: надела наручники на одно его запястье, подтащила к длинным металлическим перилам у погрузочной площадки, пристегнула к нижней перекладине и стянула с него балаклаву. Светловолосый, с гладким круглым лицом, он смотрел на нее мутным взглядом. Ту же процедуру она повторила со вторым нападавшим: подтащила его обмякшее тело к перилам, пристегнула, сдернула с него балаклаву. Он оказался совсем юнцом, на вид – почти подросток.

Эрика нашла свою рацию, вызвала подкрепление, проверила, не остался ли кто в «Рейндж Ровере». Вытащив ключи из зажигания, она вернулась к задержанным.

– Вы оба арестованы. Вы имеете право хранить молчание, но вы можете повредить доводам защиты в вашу пользу, если во время допроса утаите факты, которые впоследствии могут быть использованы вами в суде. Все ваши показания могут быть представлены в суде в качестве доказательств.

И только потом, когда уровень адреналина в крови стал снижаться, она начала ощущать острую боль во всем теле и поняла, что сама серьезно травмирована.

Парень постарше, со светлыми волосами, попытался плюнуть ей в лицо, да сил не хватило. Эрика подавила порыв огреть его дубинкой. Знала: если один раз ударит, потом уже не сможет остановиться.

Глава 26

Март 2017 года

Нина поссорилась с матерью и в результате осталась без машины. От одного своего приятеля, проживавшего в Блэ KPUле, Макс узнал, что тот дешево продает автомобиль, и они решили купить его, а заодно устроить себе отпуск.

Как Нина и подзревала, в Блэ KPUле на исходе октября было очень холодно и ветрено. Гостиница, в которой они остановились, оказалась не самой комфортабельной, и даже при закрытых окнах в их ободранном номере гулял сквозняк, от которого колыхались занавески. Но это не имело значения. Они жили на «Золотой миле»[\[121\]](#), и по ночам ее огни через тюль освещали их комнату, разноцветными бликами переливаясь на потолке прямо над их кроватью. Нина была в восторге оттого, что они приехали к морю. В субботу они проснулись рано и целый день провели на Миле. Развлекались у игровых автоматов, ели прямо из бумаги горячую рыбу с жареной картошкой и даже отважились спуститься на пляж и помочить ноги в ледяном море.

Новый автомобиль они должны были забрать вечером, и перед отъездом Макс купил для них билеты на Блэ KPUлскую башню, где была смотровая площадка со стеклянным полом. Это было перед самым закрытием, и в лифте, который в тот последний раз поднимал посетителей, они ехали совсем одни. Площадка находилась почти на самом верху. Макс взял Нину за руку, и они вместе ступили на прозрачный стеклянный пол. Далеко внизу на променаде гуляли люди, до самого горизонта простиралось море, в которое с набережной врезался длинный причал.

– Мы как будто парим над городом, – выдохнула Нина. Держась за поручень, она присела на корточки, а потом легла на стекло лицом вниз. Она чувствовала, как о башню разбиваются порывы ветра; снизу доносился раскатистый гул прибоя. Макс опустился на колени, а потом растянулся рядом с ней. Они лежали, соприкасаясь головами. Внизу прямо под ними две женщины толкали перед собой пустые коляски, трое малышей бегали вокруг них, словно крошечные спутники.

– Посмотри на них всех, там внизу, – произнес Макс.

– Будто игрушечные, – отозвалась Нина.

Макс обратил к ней свое лицо.

– Копошатся, будто крошечные черви. Вот кого они мне напоминают. Дрыгаются, машинально извиваются, машинально размножаются. Просто выживают. Ничтожества. Они все понятия не имеют, что такое реальный мир... Возьми тех двух женщин. Будь у них представление о *реальном* мире, они ни за что не стали бы рожать. Ты когда-нибудь задумывалась о том, что, может быть, у твоей мамы возникала мысль об аборте?

Нина повернулась к нему.

– Нет! Хотя мы сейчас с ней и не общаемся, я знаю, что для нее я была желанным ребенком. Я знаю, что она меня любит.

– Ты уверена?

– Да.

– А моя мама хотела сделать аборт. Я уверен в этом на все сто. Просто когда она поняла, что беременна, срок уже был большой...

Нина смотрела на макушку Макса: его светлые волосы поблескивали в лучах неяркого солнца. Он породил в ней бурю эмоций: вождление, жалость... страх. Но все их затмевала, словно белый шум, любовь к нему, в сравнении с которой эти чувства казались несущественными.

– Ты мало рассказываешь о своей маме, – заметила Нина. – А мне хотелось бы побольше о ней узнать.

– Дрянью она была. Это все, что тебе нужно знать, – отвечал он. – Если б я знал, где ее могила, пошел бы помочился на нее.

– Макс, это можно выяснить, я уверена. Не для того, конечно, чтоб ты там помочился. Мы могли бы принести туда цветы...

Макс повернул к ней голову, так что они прижались друг к другу лбами.

– Нин, вот за это я и люблю тебя. Ты во всем видишь только хорошее. Ты, разумеется, ошибаешься, но приятно знать, что этот гнусный мир еще не испортил тебя.

– Мир не так уж плох, Макс, – сказала она, целуя его. Макс ответил на ее поцелуй, а затем, все так же прижимаясь к ней лбом, опустил глаза, глядя на мельтешащие толпы далеко внизу.

– Эх, была б у меня здесь большая красная кнопка, – произнес он. – Тогда бы я в любой момент мог нажать на нее и сбросить бомбу

на весь этот муравейник. Разом избавил бы людишек от их жалкого существования. Атомная бомба превратила бы их в пыль.

– А как же мы? – спросила Нина.

– Ты со мной, Нин. А красная кнопка у меня. Я правлю миром, а ты моя королева. – Он улыбнулся. Но это была злобная улыбка, холодная.

Нина начала что-то говорить, но ее перебил молодой парень. Он пришел уведомить их, что башня закрывается. Макс перевернулся на спину и посмотрел на часы.

– Через четыре минуты. Значит, у нас есть еще четыре минуты.

– Мои часы выставлены по GMT, – заявил парень. Он был молод, щеделушен, и у него выпирали крупные передние зубы.

Макс встал.

– По GMT, говоришь?

– Да, – подтвердил парень.

– И что такое GMT? – спросил Макс.

– Не знаю. Но вам обоим пора уходить. Мы закрываемся.

Нина поднялась со стеклянного пола.

– GMT, придурок, это среднее время по Гринвичу, – объяснил Макс.

– Пойдем. – Нина потащила его за руку.

Макс сверлил парня взглядом. Тот, заметив огонек безумия в его глазах, втянул голову в плечи и смущенно улыбнулся.

– Чё ты лыбишься?

– Да так, просто. – В лице парня теперь читался страх.

– Макс, идем...

– Тебя что-то рассмешило?

Парень покачал головой.

– Кстати, недоумок, мы сейчас живем по британскому летнему времени – BST, – указал Макс.

Если б Нина не боялась, что Макс рассвирепеет, она бы рассмеялась. Ну и что с того, что этот парень, которому наверняка платят мизер за его работу, не знает разницы между гринвичским временем и британским летним? А у Макса часы отстают, так что парень, скорей всего, прав. Наконец ей удалось увести Макса. На лифте они спустились вниз и смешались с толпами гуляющих.

Они вернулись в гостиницу, забрали свои вещи и на автобусе добрались до района, где жил приятель Макса. Нина нервничала в преддверии встречи с другом Макса, переживала, что тот о ней подумает, сочтет ее заносчивой или, напротив, неотесанной дурой. Но покупка автомобиля много времени не заняла. Высокий дохлый парень с желтыми зубами и нездоровой кожей, встретив их у одного из типовых домиков ленточной застройки, отвел покупателей к маленькому «Рено», который в темноте имел цвет патоки. Макс позаглядывал в окна, потом вместе с парнем сел в машину, завел мотор. В освещении салона лица обоих, на которые падали тени, казались вытянутыми. Потом они открыли капот, стали осматривать моторный отсек, который парень освещал фонарем. На том все и кончилось.

– Пока, лапочка. – Парень подмигнул Нине и вприпрыжку вернулся в дом, унеся с собой рулон пятидесяток.

– Сколько ты отдал? – спросила Нина. Они положили свои сумки в багажник.

– Полторы штуки.

Они сели в машину. В салоне было чисто, опрятно. Нина увидела CD-проигрыватель.

– Хорошая машина.

– Не только хорошая – еще и дешевая.

– А почему дешевая?

– Не спрашивай, и мне не придется лгать. – Сверкнув улыбкой, он наклонился и поцеловал ее.

Им предстоял долгий путь домой, а на шоссе М40 образовался затор, машины ползли еле-еле, поэтому они свернули с автострады и покатали по проселочным дорогам. Они ехали где-то близ Оксфорда. На дороге никаких других машин, ни уличных фонарей, даже кошачьи глаза не сверкали в темноте. Фары освещали лишь полосу асфальта, что бежала перед ними. Убаюканная мягким движением автомобиля, Нина дремала в кресле. И вдруг с обочины прямо под колеса им выскочила темная фигура. Они сбили ее на полном ходу. Она, словно мячик, подпрыгнула им на капот, от ветрового стекла отскочила на крышу автомобиля и скатилась сзади. Макс надавил на тормоза, колеса

завизжали. Машина резко остановилась на встречной полосе, почти у самой канавы.

– Милая, ты цела? – спросил он.

Нина сказала, что не уверена. Она врезалась лицом в приборную панель, и теперь у нее из носа шла кровь. Макс нижним краем своей футболки промокнул ей нос.

– У тебя тоже кровь. – Она показала на порез у него на подбородке.

Они выбрались из машины. Вокруг было темно и тихо, слышалось лишь урчание двигателя. Ни жилых домов, никаких других зданий, только деревья и кустарники вдоль дороги. В свете фар их фигуры отбрасывали длинные черные тени. В сотне ярдов от них на спине лежал человек. Макс вытащил свой телефон, включил фонарь. Мужчина был с бородой, в черной одежде – широкое пальто, мешковатые брюки, парусиновые туфли на резиновой подошве. Его тело было изогнуто под странным углом, правая рука завернулась за спину. Он дышал с присвистом, кровь заливала его лицо и брызгала изо рта. Нина хотела помочь ему, но Макс ее остановил.

– Ты меня слышишь? – спросил он.

Мужчина сдавленно сглотнул.

– Да, – наконец прохрипел он.

– Ждал, когда проедет машина, чтобы покончить с собой?

Мужчина кивнул и поморщился. В уголках его глаз скапливались слезы.

– «Скорую» нужно вызвать. – Нина достала свой телефон, но Макс выхватил мобильник у нее из рук и сунул к себе в карман. – Ты что? Ему же нужна помощь! Макс, ему нужно «скорую» вызвать!

Мужчина, лежавший на дороге, заскулил, издавая жуткие клокочущие звуки. Макс присел на корточки возле него, приложил два пальца к его шее.

– Пульс стабильный. – Он принялся похлопывать по телу мужчины, ища в складках пальто карманы. – Черт, кость торчит из брюк, – скривился Макс. Нина увидела в разорванных брюках мужчины блеск белого и красного. Макс сунул под него руку и извлек из заднего кармана потертый черный бумажник. Мужчина вскрикнул, изо рта его потекла кровь.

– Отдай мне мой телефон, мы должны вызвать помощь, – сказала Нина.

Макс выпрямился, обошел раненого. Тот взмолился клокочущим шепотом. Макс двинулся к поросшей травой обочине, пошерудил там с минуту и вернулся с большим плоским камнем.

– Ты можешь положить конец его страданиям. – Макс протянул камень Нине. – Он собирался покончить с собой, но наверняка этого сделать не сумел. Нам, конечно, ничего не стоит вызвать «скорую», но это не то, что он хочет. Он весь переломан. Наверно, никогда уже не сможет ходить. В нем будут поддерживать жизнь, но у него уже не останется сил, чтобы самому покончить с ней. Я уважаю его за то, что он решился свести счеты с жизнью. Жаль, что я не мчался быстрее... – Макс захохотал, перекладывая камень с руки на руку. – В кои-то веки ехал без превышения ограничения скорости!

Нина пребывала в смятении, нос и голова болели от удара. Она ощущала холод на окровавленном подбородке. Мужчина попытался сесть, но, путаясь в громоздком пальто, лишь как-то чужаковато дергался. Вытаращив налитые кровью глаза, он с ужасом смотрел на Макса. Вскрикнув, он повернулся на бок и стал отползать к травянистой обочине.

– Э, нет, нет. – Макс положил камень на дорогу, схватил мужчину за ногу и потащил его назад.

– Не надо, пожалуйста! НЕТ, НЕ-Е-ЕТ! – завопил мужчина, харкая кровью.

Макс достал из кармана сигареты, закурил, выпустил дым и принялся рыться в бумажнике мужчины. Извлек его водительские права и, пристально всматриваясь в них, прочитал:

– Дерек Уолтон. Уолтон, – повторил он. – Один из расплодившихся Уолтонов[122]? Интересно, у него большая семья? О нем есть кому беспокоиться? Вряд ли. – Макс продолжал рыться в бумажнике. – Денег нет, карточка диабетика. – Он убрал документы в бумажник и сунул его в свой карман. Нина словно приросла к земле. Мужчина снова отполз от них на несколько шагов. Макс подошел к нему и каблуком придавил лодыжку той самой ноги, из которой торчала кость. Мужчина взвыл.

– Макс, прекрати!

– Нина. Это – червяк, жалкий ничтожный червяк. Да ты и сама видишь. Ты сидела, слушала мои рассуждения про реальный мир, соглашалась со мной. Согласилась, что жить нужно, не придерживаясь правил, не пресмыкаясь, не перебиваясь с воды на хлеб. Так докажи, что ты готова жить по моим законам. Избавь этого беднягу от страданий. Считай, что для тебя это экзамен.

Макс снова протянул ей камень и сильнее надавил каблуком на лодыжку мужчины. Тот издал булькающий вопль.

– Нет, Макс, нет... Прошу тебя. Пойми, мир не так плох. Я согласна с тем, что ты говорил, но в мире есть свет и тьма. Без этого никак. Я люблю тебя, ты же знаешь.

– Любишь? Мы действительно с тобой *вместе* или ты мне просто голову морочишь? Так ведь я найду кого-то другого, другую девушку, которая захочет быть со мной...

– Макс, прошу тебя, – захныкала она, но он впился в нее взглядом своих горящих карамельно-оранжевых глаз и сунул ей в руки камень.

– Это секундное дело, Нина, и ты поможешь ему. Светом рассеешь тьму. Если б я сбил оленя, ты ведь, наверно, не раздумывая избавила бы его от мучений. Ты станешь его спасительницей. Он хотел умереть, Нина. Он хотел свести счеты с жизнью. И чем дольше ты тянешь, тем дольше *ты* заставляешь его мучиться и отчаиваться.

Нина взяла камень. Тяжелый и гладкий. Холодный и плоский. Она посмотрела на мужчину, отползавшего к обочине. Морщась, он обратил к ней измазанное кровью лицо. Его глаза наполнились страхом.

– Макс, я...

– Бей по лицу, в переносицу. Подними повыше и быстро опусти, – настойчивым тоном инструктировал ее Макс. Он подошел к ней, убрал с ее лица волосы. – Нельзя отделяваться одними разговорами. Нельзя быть просто зрителем, Нина. Я убил Дина, чтобы защитить тебя, и ты это приняла. Ты признала, что мы выше всяких правил и законов. Я рисковал ради тебя. Жизнь рисковал. Ты в это веришь?

– Конечно, верю.

– Прекрасно. Тогда взгляни на это с другой стороны. Я выпил перед тем, как сесть за руль. Если мы вызовем «скорую», придет и полиция. Меня проверят на алкоголь. Они увидят, что в крови у меня высокое содержание алкоголя. Проверят, с какой скоростью я ехал, а я мчался все же очень быстро. Вдруг неизвестно откуда появился этот

человек и использовал нас, чтобы свести счеты с жизнью. Во всяком случае, попытался. Нина, в твоей власти спасти его и спасти меня. – Нина теперь плакала, а мужчина отчаянно пытался вытащить ногу из-под каблука Макса. – Давай, Нина. Не тяни. Из сострадания, из гуманности. Из любви. Сделай шаг вперед. Будь со мной отныне и навсегда. – Макс заставил Нину опуститься на колени рядом со скулящим мужчиной, таращившим от ужаса глаза, и перевернул камень в ее руках. – Подними камень повыше и резко опусти. Перед тобой червяк, который знает, что он ничтожество, и пытается положить этому конец. Нина, не лишай его такой радости. Будь умницей, не разочаруй меня. Будь выше презренных законов. Прикончи его. ПРИКОНЧИ!

Внезапно крикнув от натуги, Нина высоко подняла камень и опустила его на лицо мужчины. Раздался хруст. Она снова вскинула камень и, издав вопль, еще раз с глухим шлепком опустила камень ему на голову. Мужчина затих. Макс убрал с него ногу и отступил в сторону.

– Взгляни на него, Нина. Видишь, ты его спасла.

Нина посмотрела на изуродованное лицо мужчины. В эту самую секунду из-за облаков выплыла луна, окрасив кровь в черный цвет. Макс забрал камень из ее трясущихся рук.

– Иди в машину, – тихо велел он.

Пошатываясь, Нина побрела по дороге. Один раз остановилась у обочины, и ее стошнило. Она вытерла рукавом рот и залезла в машину. Включила печку и несколько минут сидела в оцепенении, сотрясаясь всем телом. Смотрела на свое отражение в стекле, которое высвечивала горящая в салоне лампочка. Ее лицо казалось вытянутым и гротескным, словно она бродила между кривыми зеркалами в комнате смеха. Спустя несколько минут дверца отворилась, и в машину заглянул Макс. Его футболка, лицо и руки были забрызганы кровью.

– Где ты был? – прохрипела она.

– Позаботился о том, чтобы его никто не нашел. В канаве есть старая водосточная труба. Я запихнул его в эту трубу.

Макс помог ей выйти из машины, подвел к багажнику, в котором стояла огромная бутылка с водой. Он вытащил ее, снял футболку. Что-то заставило Нину высоко поднять бутылку и окатить водой Макса,

смывая с него кровь. Он встряхнул своими мокрыми длинными волосами и широко улыбнулся. Потом взял бутылку и бережно умыл Нину. Она сняла свою окровавленную футболку, и он тоже окатил водой ее тело.

– Я тебя покрестил, – с улыбкой произнес Макс.

В сумке они нашли полотенце и смену одежды. Когда они снова сели в машину, у Нины возникло странное тревожное чувство. Прилив радости, эйфория. Она оправдала доверие Макса. Доказала ему, чего она стоит. Доказала ему свою преданность. Он посмотрел на нее и улыбнулся.

– Теперь я люблю тебя еще больше, – сказал Макс. Он завел мотор, и они тронулись в путь.

Глава 27

Суббота, 7 октября 2017 года

Эрика понимала, что ей снится сон. Впервые она сознавала, что спит и видит себя во сне...

Она была в своем родном городе в Словакии. День клонился к вечеру. Жара немного спала, заходящее солнце светило ей прямо в глаза. Она козырьком приставила ладонь ко лбу, отгораживаясь от золотистых лучей, и чуть впереди перед собой увидела девочку, бежавшую по большой бетонированной площадке. Девочка остановилась и обернулась, улыбаясь. Она была не старше одиннадцати-двенадцати лет. Босая, в голубом летнем платье из тонкой материи, заляпанном грязью и пятнами от травы. Длинные светлые волосы заплетены в косу; черты лица красивые, выразительные. Сначала Эрика решила, что это ее сестра Ленка или племянница Каролина, но это была другая девочка, девочка, которую в последние годы она часто рисовала в своем воображении. Эрика ощущала боль во всем теле и отечность в лице, но когда она потрогала себя, оказалось, что кожа у нее молодая и гладкая, а белокурые волосы длинные и стянуты на затылке в хвостик.

Все так же улыбаясь, девочка поманила за собой Эрику, затем отвернулась и побежала. Солнце опустилось за большое здание, которое высилось напротив, и теперь Эрика разглядела, что они находятся на большой плоской крыше городского театра. Девочка подошла к краю крыши и села, спустив ноги. Внизу лежала городская площадь, вымощенная серо-белыми плитами, которые образовывали мозаичный узор. В центре у фонтана резвились дети. Площадь окружали красивые здания. Покрашенные в пастельные тона голубых, зеленых и розовых оттенков, они выглядели почти съедобными, как сахарные украшения на роскошном торте. Эрика и Ленка часто играли на крыше этого театра, который строился почти все годы их детства. Она дошла до края крыши и коснулась волос девочки, которые искрились на солнце.

– Мама, смотри, как я сейчас прыгну, – сказала девочка.

– Нет! – вскричала Эрика, но девочка, ухватившись за края свеса, уже оттолкнулась и устремилась вниз, к площади. Ее руки и ноги трепыхались в воздухе, волосы струились за плечами.

Эрика шагнула на самый край и глянула вниз. До земли восемьдесят футов[123] – головокружительная высота. Однако она не увидела на мозаичных плитах площади тела разбившейся девочки. Слышались только смех играющих детей и журчание воды в фонтане. Эрика обыскала взглядом площадь и нашла девочку. Та, целая и невредимая, плескалась в фонтане и махала ей рукой.

– Мама... она назвала меня мамой, – произнесла Эрика. Она признавала, что это сон, но, словно наяву, ощущала, как слова сорвались с ее языка, чувствовала запах лета. А эта девочка, ее улыбка... в ее лице сочетались черты Марка и самой Эрики.

Это был тот самый ребенок – та самая девочка, которую Эрика решила не сохранять. И хотя она знала, что скоро проснется, ей хотелось насмотреться на нее, столько всего ей сказать. Золотистый свет затуманился, глаза ее наполнились слезами, и из груди вырвался судорожный всхлип. Эрика поспешила к люку, что вел с крыши. Ей хотелось попросить у девочки прощения, обнять ее. Она торопливо спускалась по бетонной лестнице. Недостроенный театр оставался таким, каким она помнила его с детства, когда играла на стройке.

Эрика вышла на площадь, но оказалось, что теперь уже зима. Землю укрывал слой снега в фут толщиной, работала рождественская ярмарка. Эрика обернулась. Теперь театр был достроен, окна застеклены, на здании висела афиша рождественского представления. Она повернулась к фонтану. Тот был накрыт деревянным помостом, и на нем разместили вертеп. Рядом высилась огромная елка. Девочка, в ярко-красном зимнем пальто, стояла возле вертепа. Перед Эрикой встала группа людей, заслоняя вертеп. Она принялась проталкиваться через них.

– Я здесь! Мама здесь! – крикнула она, но ее голос потонул в шуме и гвалте толпы. Заиграла рождественская песенка «Холодную зимою»[124]. Толпа немного расступилась, и Эрика снова увидела девочку. Та растерянно озиралась по сторонам. Эрика протиснулась между веселящимися людьми, которые пили глинтвейн, и подошла к вертепу. Девочка, надев на голову капюшон своего красного пальто, теперь стояла спиной к Эрике.

– Не волнуйся, я здесь. Мама здесь, – сказала Эрика. Но когда она обняла девочку за плечи, пальто в ее руках смялось. Внутри него было пусто. Эрика крепче стиснула его, но в руках у нее было только пустое красное пальто. Она поднесла его к лицу, вдохнула, но от пальто исходил лишь запах антисептика. Все вокруг стало блекнуть – площадь, рождественская ярмарка, музыка, аромат горячей еды, – сменяясь холодным оцепенением.

Эрика открыла глаза. Обстановка маленького отгороженного больничного закутка постепенно обретала четкость. Боли она не чувствовала, лежала на мягкой постели и словно парила в воздухе. Зрение обострялось, слух начал улавливать традиционные шумы отделения неотложной помощи: топот снующих мимо шагов, тихие голоса, шуршание занавесей, дребезжание таблеток на подносе. Несколько минут она приходила в себя. Дыхание было тяжелым, из глаз текли слезы. Эрика понимала, что ей снился сон, но она была шокирована изощренностью собственного подсознания.

Занавеска отодвинулась, и в закуток вошла маленькая женщина-врач, наверно, не выше четырех футов [\[125\]](#) ростом. У нее были седые волосы, суровое лицо, она выглядела утомленной. Единственным цветовым пятном в ее внешности был ярко-розовый стетоскоп, висевший у нее на шее.

– Как самочувствие? – осведомилась она, снимая со спинки ближайшей к двери койки планшет с историей болезни.

Эрика поднесла к лицу руку, отерла с подбородка слезы.

– Это вы мне скажите, – прохрипела она и затем увидела на тыльной стороне ладони иголку от капельницы. – Черт, а это еще что?

– Морфин, – ответила доктор, листая записи.

Эрика заметила, что ее вторая рука в гипсе от ладони до локтя.

– У вас перелом правой кисти, сломано одно ребро, и, скорее всего, по окончании действия болеутоляющих средств вы начнете ощущать последствия хлыстовой травмы шеи. У вас также глубоко рассечен лоб над левым глазом. Но у меня громадный опыт накладывания хирургических пластырей, так что рубец сформируется по линии брови.

Эрика поднесла руку к шее, скованной фиксирующим воротником.

– Где я? – сипло спросила она, не узнавая собственный голос, и тронула свое лицо. Прикосновения она не почувствовала, но на ощупь кожа была вздутой и бесформенной.

– В больнице «Юниверсити-Колледж», в Лондоне.

– Я знаю, где находится «Юниверсити-Колледж».

– Я вижу, вы офицер полиции. Старший инспектор Фостер, – сказала доктор, глядя в историю болезни.

Эрика вспомнила свою покореженную машину и двух парней, что пытались забрать у нее сумку с наркотиками.

– Я должна поговорить со своим боссом. Где мой телефон? – спросила она, садясь в постели.

– Лягте, пожалуйста, – велела доктор, мягко беря Эрику за плечо. – Вы не сможете работать какое-то время, несколько недель. И вы должны оставаться под нашим присмотром... У вас тяжелое сотрясение мозга.

Занавеска снова колыхнулась. В закуток вошел медбрат. Он кивнул врачу и проверил капельницу.

– Вы никого не указали в качестве ближайших родственников, – заметила доктор.

– Моя семья... сестра живет в Словакии. Они не говорят по-английски.

– А в Великобритании у вас кто-нибудь есть? Кому мы могли бы позвонить?

Эрика подумала про Питерсона, но тут же отмела эту мысль.

– Да, Кейт Мосс.

Доктор и медбрат переглянулись. Медбрат взял планшет, просмотрел записи.

– Давление нормальное, температура чуть повышенная, – тихо сказал он.

– Нужно мониторить ее состояние, отслеживать любые признаки галлюцинаций, – согласилась с ним врач. Она снова обратила взгляд на Эрику. – Вы хотите, чтобы мы позвонили Кейт Мосс?

– Нет, не *той* Кейт Мосс. Инспектору Кейт Мосс. Она – моя коллега, служит в столичной полиции, – объяснила Эрика.

Доктор записала номер телефона, но в лице ее по-прежнему отражались сомнения.

– Прошу вас, дайте мне мой телефон. Я должна позвонить суперинтенданту. Я расследую убийство.

– Простите, но вы должны отдыхать, – сказал медбрат.

– Мне нужен мой чертов телефон! Я могу просто лежать здесь и смотреть на него!

Доктор склонила набок голову, глядя на нее.

– Мне не хотелось бы назначать вам седативные средства.

Эрика легла и поморщилась.

– Долго мне еще торчать здесь?

– Как минимум сутки. Мы переведем вас в палату, как только освободится место.

Занавески снова колыхнулись, зашуршали, когда доктор и медбрат покинули огороженный закуток. Эрика лежала и смотрела в потолок. Голова у нее кружилась. Несмотря на досаду, она провалилась в сон.

Глава 28

Пока морфин не прекратил действовать, Эрика спала беспокойно и урывками. Оставшиеся часы до выписки тянулись нестерпимо долго, поскольку компанию ей составляли только потолок да полная палата заторможенных пожилых женщин, которых пичкали седативными препаратами.

Перед выпиской доктор еще раз осмотрела ее и строго напомнила, что ей нельзя выходить на работу еще как минимум месяц. А потом в палату явилась Мосс.

– Бог мой, босс. Ну и видок у тебя, – прокомментировала она.

– Спасибо. – Морщась, Эрика взяла пальто и большой бумажный пакет с лекарствами. – Я уже видела себя в зеркало, когда ходила в уборную.

– Врать не стану. Правая сторона твоего лица совсем как у «невесты Вильденштейна»[\[126\]](#).

– Ну и язва же ты, – улыбнулась Эрика. – Уф-ф. Малейшее движение лицевых мышц – и сразу жуткая боль.

– Так и не старайся. Никто не ждет, что ты будешь улыбаться, – сказала Мосс, помогая ей надеть пальто. Попыталась просунуть в рукав загипсованную руку, но сразу поняла, что это бесполезно. – Наверно, лучше просто накинуть пальто на плечи.

Не торопясь, они вышли из палаты. В конце коридора Мосс распахнула одну створку двупольных дверей, и Эрика боком осторожно протиснулась в проем. Они остановились у лифта.

– Это из-за сломанного ребра, да?

Эрика кивнула. Двери лифта открылись. Они вошли в кабину и встали рядом с койкой, на которой перевозили пожилую женщину. Та, возлежав в подушках, неотрывно смотрела на них, пока они все молча спускались вниз. На одном из этажей лифт остановился, и санитар выкатил койку.

– Расскажи, что произошло, – попросила Эрика. – Я почти ничего не замечала, когда группа реагирования прибыла на место происшествия. Долго я здесь провалялась?

– Два дня. Сейчас утро понедельника. Завтра суперинтендант Хадсон придет к тебе кого-нибудь, чтобы у тебя взяли показания.

Тебе придется дать объяснения по поводу двух единиц огнестрельного оружия, что принадлежали нападавшим, и почему ты вытащила из них магазины. Ну и, разумеется, указать причины, побудившие тебя применить тазер.

Эрика, в шейном воротнике, осторожно повернула голову и посмотрела на Мосс.

– Шутишь? Эти две единицы были нацелены на меня, и, думаю, потому, что я везла наркотики на тридцать тысяч.

– Думаю, потому, что ты в нарушение установленного порядка выстрелила одному из них в яйца. Представляешь, чего стоило вытащить ему шипы из мошонки. Очень деликатная процедура.

– Надеюсь, делать это пришлось не тебе? – Эрика улыбнулась и опять поморщилась.

– Нет, я не спец по мошонкам.

Лифт остановился, они вышли на полутемную парковку и неторопливо двинулись к своей машине. Мосс помогла Эрике сесть в автомобиль. Эрика вскрикнула от боли, когда та пристегнула ее к сиденью ремнем безопасности. Мосс вела машину на небольшой скорости, но видела, что Эрика морщится, когда они переезжали «лежачие полицейские». Выехав на Уоррен-стрит, они покатали в Луишем. Мосс начала вводить Эрику в курс дела:

– Те двое, которых ты арестовала, – Эдуардо Ли и Саймон Дворац. Посредники в одной из наркосетей на территории центрального Лондона. Их предупредили, что ты везешь наркотики.

– Кто предупредил?

Мосс медлила с ответом. В ее лице читалось огорчение.

– Кейт. Кто?

– Нилз Акерман, – ответила она.

– Что? Не может быть. Нилз?

– Да, – кивнула Мосс. – Мне очень жаль. Мелани вцепилась в это дело, как собака в кость. Проверила всех, кто знал, что ты едешь к криминалистам в Воксхолл. За полтора часа до твоего отъезда Нилз сделал два звонка. Один – некоему Джеку Оуэну, студенту. Сегодня в его квартире – он живет в Камберуэлле – произвели обыск и нашли в больших количествах кокаин, смолу каннабиса и экстази. Он, в свою очередь, позвонил Саймону Двораку, которому ты всадила в яйца шипы. Саймон в цепочке поставок занимает более высокое

положение... занимал, пока не оказался под стражей и чуть не потерял прав...

– Ясно, Мосс, я поняла.

– Прости. В общем, они теперь все задержаны, и их допрашивают.

– Как Нилз оказался замешан во всем этом?

– Нам еще многое неизвестно, но после ареста его проверили на опиаты, кокаин и алкоголь, и все анализы дали положительный результат. Одна из его коллег сообщила об инциденте, имевшем место в лаборатории: он испачкал кровью маску для лица и подменил ее чистой. Кровь, естественно, взяли бы на экспертизу, дабы убедиться, что она не попала на исследуемый материал, ну и обнаружили бы в ней наркотики. У Нилза большие долги. Банк вот-вот отберет у него квартиру. Две тысячи фунтов он задолжал Джеку Оуэну. Джек снабжал его наркотиками последние два года...

Эрика была рада, что они въехали в туннель Блэкуолл: благодаря тусклому освещению ей удалось незаметно отереть слезы.

– Мне жаль, что так получилось.

Эрика покачала головой:

– Нилз участвовал вместе с нами в расследовании многих преступлений: исчезновения Джессики Коллинз, дела Даррила Брэдли... Я ему доверяла, считала ключевой фигурой в нашей большой команде.

– Знаю, – отозвалась Мосс. – Не хотелось бы сообщать дурные новости, но начальство в бешенстве. Его свидетельства и представленные доказательства сыграли решающую роль в раскрытии многих преступлений.

– В первую очередь благодаря именно его показаниям удалось поймать Симону Мэтьюз, черт побери! – вскричала Эрика. Морщась от боли, она снова прислонилась головой к спинке кресла.

По делу Симоны Мэтьюз Эрика и ее команда работали два года назад. Мэтьюз, скромная сиделка из гериатрического отделения одной из лондонских больниц, из мести устроила настоящее побоище в Лондоне: она проникла в дома четырех мужчин и задушила их с помощью полиэтиленовых пакетов. Несмотря на то что Симона призналась в совершении всех четырех убийств, ее адвокат представил доказательства, что она страдает параноидной шизофренией. Нилз и его команда экспертов-криминалистов совершили подвиг, обнаружив

улики, благодаря которым была установлена причастность Симоны Мэтьюз ко всем четырем преступлениям. В настоящее время Симона содержалась в психиатрической лечебнице «Бродмур», куда ее поместили на пожизненный срок.

– В любом случае, пока еще рано что-то говорить, – сказала Мосс. – Но есть и хорошие новости. Джек Оуэн, Саймон Дворак и Эдуардо Ли находятся под стражей. Мы изъяли их транспорт и мобильные телефоны и надеемся, что с их помощью удастся закинуть удочку на более крупную рыбу.

– Что с Нилзом?

– Он тоже под стражей, в Белмарше. Ему грозит десять-двенадцать лет, и, разумеется, больше он никогда не сможет работать криминалистом.

Эрика смотрела в окно. Мимо промелькнул залитый огнями Олимпик-парк, затем такой же сияющий в темноте стадион «Арена О2».

– Нилз наверняка понимал, что подвергает меня опасности. Понимал, что меня могут убить за те наркотики, – промолвила Эрика.

– Нам кажется, что мы хорошо знаем людей. Но люди в большинстве своем приходят на эту землю для того, чтобы разочаровывать друг друга, – рассудила Мосс.

– Но он, вероятно, был в отчаянии. Наркозависимость меняет людей. Они теряют себя как личности. Что с расследованием?

– Дело передали в Отдел по расследованию убийств Центрального Уэст-Энда. Им теперь занимается более крупная следственная группа. Старший инспектор Харпер проталкивает версию убийства Томаса Хоффмана на почве наркотиков.

– А ты что?

– Меня тоже отстранили от дела, как и всю остальную команду... – Мосс посмотрела на Эрику. – Долго ты будешь на больничном?

– Не знаю. Мне сказали, что я смогу приступить к работе не раньше, чем через пару недель.

– Босс, ты не обижайся, но, судя по твоему виду, на поправку у тебя уйдет куда больше, чем пара недель.

Эрика взглянула на свое лицо в зеркале. Одна сторона раздулась, нижняя губа вспухла, на коже уже начинал проступать синяк. Рана над

глазом была залеплена пластырем, на котором виднелась кровь; сам глаз покраснел от того, что в нем полопались сосуды.

– Ты не спеши. Уверена, тебе дадут на восстановление как минимум несколько недель. Наслаждайся свободным временем. Тебе нужен отдых.

– Отдых. – Эрика содрогнулась. Для нее это было чуждое понятие.

– Да, отдохни, познакомься с утренними телепередачами... Кстати, я Питерсону про тебя сообщила. Надеюсь, ты не против?

Эрика снова глянула на себя в зеркало.

– Нет.

– Он хотел приехать со мной, но я подумала, что сейчас тебе без него лучше.

Эрика почувствовала, как ее захлестнула усталость. Она запрокинула назад голову и смежила веки.

– Я просто хочу домой. Хочу спать. И мне нужно принять еще болеутоляющих, – сказала она.

Глава 29

Пятница, 11 августа 2017 года

Мы с Максом теперь живем вместе. Сожительствуем, как выразилась бы мама. Если б мы с ней общались.

Муниципалитет выделил нам квартиру на первом этаже высотного жилого здания в Кеннингтоне. Я никогда не жила на этом берегу реки. Стремный район. Полно всяких сомнительных типов, торгующих наркотой. Но с Максом мне не страшно. Может, он им что-то сказал или они его знают, но нас они обходят стороной. На окнах черные железные решетки. Во всех квартирах первого этажа решетки, но в нашей еще и сделан ремонт. Диван и кресла в гостиной новые, и в кухне все новое, и в ванной. Входная дверь открывается на парковку, и, моя посуда у окна, я вижу, как люди идут мимо по коридору. Окно спальни выходит на центральную дорогу, но из него немного виден Лондон – Биг-Бен, например. Правда, матрас у нас неновый. Непонятно, почему муниципалитет квартиру отремонтировал, а матрас дал нам чужой. На нем коричневое пятно. Надеюсь, от чая. Но Макс его перевернул, а обратная сторона идеально чистая.

После всего, что случилось, мы стали жить с ним одной семьей. Это очень серьезный шаг. Я счастлива. Наверно. Гостей у нас не бывает, поскольку я не общаюсь ни с мамой, ни с Кэт, ни с кем другим. Мне казалось, за то время, что мы с Максом встречались, я хорошо изучила его, но жить вместе – это совсем другое дело. Его почти не бывает дома с раннего утра до позднего вечера. «Дела делаю», – говорит он. Я никогда не спрашиваю, что у него за дела. Идиотизм, да? Даже сейчас, когда я пишу это и смотрю на написанное... В общем, дура я, что не спрашиваю. Когда мы вместе работали в кафе, я полагала, что именно этим он и зарабатывает на жизнь. Но там он был занят лишь частично. И у него всегда при себе есть деньги, немалые деньги, – как, например, тот рулон купюр, которыми он расплатился за машину в Блэмпле. От продажи наркотиков, не иначе. Он связан с наркотиками, но сам их не принимает. И гордится этим. По большому счету он и спиртное не употребляет. Его единственная слабость – книги. Мы пять раз гоняли машину туда-обратно, пока перевезли сюда

с прежней квартиры все его книги. И он не позволил, чтобы я вытащила их из коробок. Они все так и стоят по стенам в нашей спальне, с пола до потолка.

Когда мы въехали в новую квартиру, выяснилось, что от нее только один комплект ключей. Я попросила Макса, чтобы он сделал еще один, но он сказал, что ключи от квартиры никому не доверит. Сказал, что много лет стоял в очереди на муниципальное жилье и от одной квартиры уже как-то отказался. А эта ему понравилась из-за решеток на окнах.

Уходя из дома, ключи он забирает с собой. Я никуда не могу отойти. Мне приходится сидеть дома. Пустяки. Я знаю, что он меня любит.

Он хочет, чтобы я всегда ждала его дома.

Глава 30

Воскресенье, 20 августа 2017 года

Сегодня утром, когда я загружала в стиральную машину грязное белье, меня окликнул Макс. Я пришла на кухню. Смотрю, входная дверь открыта, а на пороге, держа руки в карманах, стоит маленький мальчик-мулат с одного из верхних этажей. На вид ему лет пять, не больше.

– Этот пацан почему-то требует, чтобы ему дали тост, – сказал Макс.

– Она угощала меня на днях. – Мальчик ткнул пальцем в мою сторону. У него были пухлые щечки и на голове – курчавая шапка сияющих волос сочного каштанового цвета. Вид самоуверенный, и для пятилетнего ребенка одет он был просто роскошно – джинсы, ярко-синяя футболка «Адидас», дорогие кроссовки. – Можно мне с тем джемом?

– То есть пацан, у которого обувь дороже, чем у меня, жрет мои продукты? – возмутился Макс.

– Вон у вас на столе целый батон. Жалко, что ли, отрезать кусочек?!

Мальчик, даром что маленький, не давал Максиму спуску. Они оба стояли набычившись – у каждого грудь выпячена, подбородок вызывающе задран, руки вытянуты.

– По-твоему, у меня тут столовка? Вали отсюда. – Макс пинком захлопнул дверь. Через матовое стекло с ледяным узором я видела силуэт мальчика. Он постоял еще немного и ушел. Макс, качая головой, снова сел и взял газету.

– Это было только раз, – объяснила я. – Дети из этого дома... они целыми днями слоняются на парковке. Среди них есть совсем малыши – по три-четыре года. Матери, наверно, выгоняют их с утра на улицу...

Макс поднял голову от газеты, и я, увидев злость в его глазах, умолкла на полуслове.

– Это потому что матери у них проститутки, Нина. По-твоему, они должны сидеть дома, смотреть по видео диснеевские мультики и

слушать, как их матерей трахают за стенкой? А я должен целыми днями надирать задницу, чтобы кормить их гаденышей?

Он откусил тост и сел, ожидая ответа. У меня затряслись поджилки.

– Просто я на днях выносила мусор, а он ждал под дверью, когда я вернулась. Попросил воды и заплакал, сказав, что голоден... – Я утаила от Макса, что я также дала по тосту одной девочке и еще одному мальчику.

Силуэт мальчишки снова появился за дверью, и его маленькие ладошки зашлепали по матовому стеклу.

– Пожалуйста, я хочу тост... ну пожа-а-алуйста, – захныкал он.

Макс отшвырнул газету и встал. Я отшатнулась, но он прошел мимо меня и рывком открыл дверь.

– Передумал? – спросил малыш, глядя на Макса с нагловатой ухмылкой.

Макс схватил из раковины миску для мытья посуды с грязной водой и вылил помой на голову мальчику. С того нахальство как рукой сняло, он заревел. К его волосам и футболке липли чайные и кофейные опивки, а также остатки лапши, что мы ели минувшим вечером. Макс бросил миску в раковину, наклонился и ударил мальчика по лицу. Тот с отвратительным глухим стуком упал на бетонный пол.

– Еще раз постучишься в мою дверь – убью. А потом убью твою шлюху-мать, – сказал ему Макс и захлопнул дверь. Он вытер руки о кухонное полотенце и сел за стол с газетой. Малыш плакал за дверью.

– За что ты меня так? – скулил он, и в его голосе слышалось столько недоумения и смятения, что мне хотелось открыть дверь, подхватить его на руки, прижать к себе. Но я словно одеревенела, боясь шелохнуться.

– Не стой, как истукан. Сделай мне еще чаю, – велел Макс угрожающе спокойным тоном.

Я повиновалась.

Плач наконец-то стих. Я налила Максиму чай. Хотела включить радио, но знала: когда Макс в плохом настроении, лучше ничего не делать, особенно резких движений. Безопаснее слиться с интерьером. В душе я испытывала облегчение, что он излил свой гнев на мальчика, а не на меня. Что это: трусость или инстинкт самосохранения? В последнее время я часто думаю, что это одно и то же.

Стул заскрипел. Макс встал из-за стола и, даже не глянув на меня, взял ключи, бумажник, телефон и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Я смотрела на его силуэт за матовым стеклом. Он повернул ключ в замке. Запер меня.

Глава 31

Вторник, 10 октября 2017 года

День был хмурый, небо почти черное, в окно хлестал дождь. Эрику навестила Мелани Хадсон. С ней был патрульный, который официально взял у Эрики показания. Потом патрульный уехал, а Мелани решила задержаться, чтобы побеседовать с ней в неформальной обстановке, выяснить, как у нее обстоят дела.

– Я гарантирую тебе свою абсолютную поддержку. – В элегантном костюме – юбке и пиджаке – Мелани присела на краешек дивана. Ее белокурые волосы, аккуратно уложенные на голове, отливали блеском. – Показания – это просто формальность, Эрика. Я знаю, что ты оказалась в ужасном положении, твоей жизни угрожала опасность. И я горжусь тем, как ты повела себя в столь непростой ситуации.

– Я просто выполняла свою работу. Я нахожусь под следствием? – спросила Эрика. Голос у нее был сиплый, речь не совсем четкая. Несмотря на то что до вечера было далеко, в комнате горели все лампы, и в ярком освещении синяк на ее лице казался еще более ядреным. Эрика неловко поменяла положение в кресле. Ей было трудно и сидеть, и лежать, и ходить, и вообще делать что бы то ни было.

– Нет, ты не под следствием, – ответила Мелани. – Начнем с того, что ты на месяц освобождена от работы. Ты должна уведомлять нас о том, что говорит врач. Но меня проинформировали, что, возможно, тебе понадобится больше времени на восстановление. Я просто хочу сказать: лечись спокойно. Мы не станем требовать, чтобы ты поскорее вернулась на службу, пока ты сама не почувствуешь, что готова приступить к работе. В общем, будем постоянно поддерживать контакт.

– Мне нужно всего пару недель. – Эрика приподняла загипсованную руку, отменяя предложение начальницы. Мелани сочувственно кивнула, но спорить не стала. Она обвела взглядом квартиру Эрики – спартанскую обстановку, беспорядок на кухне, горы

грязной посуды, переполненное мусорное ведро. – Тебе нужна помощь?

– Что? Прислуга? Какая-нибудь старая кумушка?

– Нет, я не о том...

– Сама хочешь помыть посуду?

Взгляд Мелани метнулся к раковине, и Эрика озорно подумала: неужели Мелани и впрямь возьмется мыть посуду, если она ее попросит?

– Не надо, я сама справлюсь. Вот разве что пленку сними, пожалуйста. – Эрика протянула ей запечатанную пачку сигарет, которая лежала подле нее у подлокотника кресла.

– Конечно. – Мелани взяла пачку, сняла с нее пленку, открыла и вернула Эрике.

– Закурить не желаешь? – предложила Эрика. Она вставила сигарету в уголок вспухшего рта и здоровой рукой поднесла к ней зажигалку. Несколько секунд Мелани как будто колебалась.

– Нет, спасибо, – наконец отказалась она. – Я бросила шесть лет назад. Твердое решение и сила воли.

– Повезло. – Морщась, Эрика выпустила дым. – Кто ведет это дело? О двойном убийстве?

– Его передали старшему инспектору Джексону. – Взгляд Мелани упал на полную чашку окурков на журнальном столике. Она встала и двинулась к кухне.

– Не знаю такого. Ты что делаешь?

– Пепельницу ищу.

– Посмотри в выдвижных ящиках.

Мелани открыла верхний ящик, где лежало фото Марка. Пару секунд она помедлила и быстро его задвинула, ничего не сказав. Затем продолжала поиски, пока в нижнем ящике не обнаружила хрустальную пепельницу; она принесла ее Эрике. Та поставила пепельницу на подлокотник кресла и стряхнула в нее пепел.

– Нужно передать Джексону все выкладки по РАН, которыми занималась Мосс. По камерам видеонаблюдения на дорогах... Нельзя, чтобы они затерялись.

– Все материалы по данному делу – все, что касается следствия, – готовится к передаче, – сказала Мелани. – Я лично прослежу, чтобы он получил все материалы в полном объеме.

– Хорошо... А еще такси... микротакси... – Эрика умолкла, потеряв ход мысли. Снова, морщась, затаилась сигаретой и схватилась рукой за лоб, пытаясь вспомнить, о чем она говорила. Мелани терпеливо ждала.

– Вы заказали микротакси? – задала она наводящий вопрос.

– Что? Нет. Таблетки, будь они прокляты, мозги туманят. Нет, я все еще по поводу расследования. Есть один водитель такси... микротакси... он подвозил Томаса Хоффмана и Шарлотту.

– Шарлин.

– Ну да, Шарлин. До этого я пыталась связаться с ним, но он укатил в отпуск... в Австралию. Пусть новая команда отыщет его. Возможно, он – единственный свидетель...

– Прошу тебя. Ты должна отдохнуть. Набираться сил. На тебя напали преступники, ты сильно пострадала. У тебя есть кто-то, кто мог бы прийти и помочь тебе? Друзья, родственники?

– Разумеется, – раздраженно произнесла Эрика.

Мелани кивнула. Она знала, что родных у Эрики не много и живут они в Словакии. Знала также, что у той нечто вроде романа с Питерсоном и что она дружит с Мосс, но в целом личная жизнь Эрики была для нее загадкой. Хотя, оглядывая безликую квартирку Эрики, она сомневалась, что у той есть какие-то интересы, помимо работы.

Эрика видела, что Мелани оценивает ее положение, и жалость в лице начальницы досаждала ей сильнее, чем боль.

– Ну что, все? – спросила она. Мелани взяла сумку и встала.

– Да, Эрика. Звони, если что будет нужно, в любое время. Если тебе срочно потребуется помощь: в больницу подвезти или в магазин сходить. Я могу быть тебе не только начальником, но и другом...

Эрика остановила на ней жесткий взгляд. Она ненавидела жалость.

– Но ты, кажется, на следующей неделе едешь отдыхать?

– Да, еду.

– На две недели.

– Да.

– То есть помощь свою ты мне предложила из вежливости? – Возникла неловкая пауза. Мелани хотела что-то сказать, но передумала. – И куда ты отправляешься? В Екатеринбург, в Россию?

– Да.

– Там холодно и противно. Лучше б свозила его в Диснейленд, как всякий нормальный родитель. – Эрика выпустила дым, холодно глядя на начальницу. Мелани взяла со спинки дивана пальто.

– Будем считать, что ты просто наглоталась таблеток и оттого сама не знаешь, что говоришь. – Она ушла, хлопнув за собой дверью.

Эрика запрокинула назад голову и вздрогнула, ударившись опухшим лицом о край спинки кресла.

– Черт, – выругалась она.

Глава 32

Понедельник, 28 августа 2017 года

Всю последнюю неделю Макс запирает меня в квартире. Мне следовало сразу воспротивиться, но я промолчала, а когда он вернулся домой, я принарядилась, наложила макияж, красиво прибрала волосы. Покормила его ужином, а потом мы занялись сексом, и я потонула во всепоглощающей страсти и любви к нему. Без него все не так. Он мне нужен. Внутренний голос со мной не соглашается, но с каждым днем он звучит все тише – голос, который нашептывает мне, что так быть не должно.

Я все пытаюсь найти объяснение тому, почему он меня запирает. Убеждаю себя, что у меня есть и продукты, и чистая одежда, телевизор, компьютер. У нас даже есть «Нетфликс».

Из окна я смотрю, как дети играют на парковке. Нашу дверь они теперь обходят стороной, а я скучаю по ним. Я ведь только раз покормила и попоила их, а общение с ними как целебное снадобье. Мир они видят в незамутненном правдивом свете. Я уверена, если бы Макс запер их, они стали бы кричать: «Почему ты запер меня в этой комнате?!» Как тот мальчик спрашивал Макса: «За что ты меня так?» Я слышала, как они стучали в дверь пожилой женщины, что живет в конце коридора. Она не очень приветливая, но воды им дала.

Вчера вечером Макс по возвращении домой отпустил шутку по поводу того, что он держит меня взаперти, шутку, которую я сначала не поняла. Он принес белую лилию и, сунув цветок мне за ухо, сказал: «Ты моя маленькая Аун Сан Су Чжи...»[\[127\]](#) Я не знала, кто это, и просто бессмысленно рассмеялась, надеясь, что отреагировала правильно. Позже, когда мы после секса легли спать и его дыхание постепенно приобрело медленный размеренный ритм, среди книг, наваленных вдоль стен, я заметила одну, посвященную Аун Сан Су Чжи. Она лежала между книгами о нацистской Германии. Я встала, осторожно вытащила ее, пролиставала и поняла, почему он сравнил меня с этой женщиной. Она была политзаключенной и долгое время провела под домашним арестом. Значит, Макс считает, что я опасна, могу проболтаться? Что он должен держать меня под замком? Он

шевельнулся в постели, и я быстро положила книгу на место и легла рядом с ним. Я много думаю о тех беседах, что мы ведем, и если мы ссоримся, я пытаюсь понять, почему это произошло. И что я сделала не так.

Я почти не сплю по ночам. Мне нравится смотреть на спящего Макса, нравится ощущать рядом его тело, но расслабиться я не могу. А еще меня мучают кошмары. Мне снится тот старик, который выскочил перед нами на дорогу. Старик, которого я убила. Ну вот. Я это написала. Я убила человека. Именно так. Убила. Он мог бы выжить, но, скорей всего, умер бы, однако в тот момент жизни его лишила я. И еще в кошмарных снах я вижу ту прогулку к водопаду в Дартмуре. Мне снится, что мы с Максом скрываемся от полиции и прячемся в его потайном убежище, в пещере под водопадом. В моих снах она такая же, какой я ее помню: гладкий узкий проход, высокий волнистый каменный свод. Только когда мы входим в пещеру, там нас встречает Дин. Он мертвый, разлагается, с него облезают ошметки плоти. Дин, со вздутыми венами на лбу, идет ко мне, но Макс крепко держит меня, не дает вырваться. К счастью, в этот момент я всегда просыпаюсь. Тело Дина, должно быть, все еще там, погребено в том колодце.

Все это я держу глубоко в себе и боюсь, что в один прекрасный день мои кошмары выплеснутся наружу. Многие месяцы после той злосчастной поездки из Блэ KPU я переживала, что ненароком сболтну о случившемся чужому человеку, или в магазине, или маме по телефону.

По крайней мере по поводу мамы теперь можно не волноваться. Именно поэтому я решила вести дневник. Мне необходимо записать на бумагу свой внутренний голос – голос, что постепенно слабеет.

Меня одолевает ужас, но я влюблена, и человек, в которого я вкладываю душу, без которого не могу жить, для меня загадка. Зачем-то он хочет держать меня при себе, как собственность.

В нашей спальне на стене висит огромное зеркало. Вот за него я и прячу свой дневник.

Глава 33

Среда, 30 августа 2017 года

Сегодня вечером Макс привел домой двух незнакомых людей. Мне он ничего не объяснил. Отпер дверь, и они проследовали за ним в кухню. Здоровый неопрятный темноволосый мужчина и симпатичная блондинка. Мужчина назвался Томасом. Женщина сказала, что ее зовут Шарлин. Томас, долговязый и немного потный, был наделен грубой красотой. Шарлин была мила и элегантно одета. Мое внимание привлекла ее сумка: по виду, «Малберри», но, вероятно, подделка. Макс пригласил их в гостиную, а мне велел заняться напитками.

– Какие напитки? Чай? – уточнила я.

– Нет. Покрепче. Намешай водки с кока-колой, в приличных бокалах.

Я сделала четыре коктейля, положила в них лед и принесла напитки в гостиную. Макс и гости смотрели по видео клип Леди Гаги «Каменное лицо». Томас сидел рядом с Максом, Шарлин – в кресле. Все трое курили. Я поставила бокалы и, нагнувшись за пепельницей, что стояла на полочке под журнальным столиком, ощутила запах ее сумки «Малберри». Насыщенный аромат натуральной мягкой кожи.

– Настоящая или подделка? – полюбопытствовала я.

– Настоящая, – ответила Шарлин, с рассеянным видом потягивая коктейль. Она сглотнула слюну и повела челюстью, как это делают наркоманы.

– Можно подержать? – попросила я.

Шарлин пожала плечами, кивнула, а потом ее глаза на мгновение закатились. Томас не был похож на наркомана. Он беседовал с Максом о своей бывшей жене, Мариэтте.

– Она помешалась на уборке. Я на днях виделся с ней, руки у нее стали красными от хлорки. Смотреть больно... – рассказывал он.

Я снова сосредоточилась на сумке Шарлин. Взяла ее в руки. Она была мягкая, роскошная, восхитительного густого синего оттенка, с подкладкой цвета сливочного масла.

– Я всегда мечтала о такой сумке. Но они баснословно дорогие.

– Ну да, дорогие... – подтвердила Шарлин, однако взгляд ее был прикован к Макс. Он поставил на журнальный столик длинный и широкий деревянный ларец. Старинный, с двуцветным узором из светлого и темного дерева.

Макс откинул крышку. В ларце аккуратными рядами лежали пакетики с белым порошком, таблетки, брикет чего-то коричневого, похожего на тростниковый сахар, но я знала, что это смола каннабиса. На экране Леди Гага теперь исполняла «Папарацци», но атмосфера в комнате была почти как в научной лаборатории. Макс вытащил из ларца восемь пакетиков кокаина.

– Мне нужна моя сумка, – резким тоном заявила Шарлин, выхватывая у меня свою сумку. Порывшись в кошельке, она достала кредитку и купюру достоинством 10 фунтов.

Макс вскрыл один из пакетиков и высыпал небольшое количество белого порошка на стеклянную поверхность стола. Шарлин опустила на колени и разделила порошок на две полоски. Свернув трубочкой банкноту, она втянула носом одну полоску и предложила купюру Томасу, но он отказался. Шарлин села на ковер, вытерла нос и всхрипнула.

– Я же говорил, что дурь качественная, – произнес Макс, с улыбкой наблюдая за ее реакцией. Томас большущей ладонью потер потное лицо.

– Все нормально, милая. – Он тронул ее за плечо. Лицо у него было добрее. Ее лицо, с заостренными чертами, хоть и симпатичное, оставляло неприятное впечатление.

– Вы давно вместе? – поинтересовалась я. Макс пристально посмотрел на меня.

– Пару месяцев, – с гордостью ответил Томас. Он встал с дивана и сел рядом с Шарлин на ковер. Она вращала глазами, голова ее завалилась назад. Томас привлек ее к себе. Она громко выпустила газы. По комнате разнеслась вонь. Через минуту я встала и открыла окно. Макс снова посмотрел на меня, но его глаза искрились весельем.

– Как нюхает, ее всегда пробирает, особенно если это качественный кокс, – объяснил Томас, спокойно так, по-деловому, будто она просто съела пару кусочков черного хлеба с высоким содержанием клетчатки. Было что-то отталкивающее в том, как он покровительственно обнимал Шарлин – будто она ему принадлежала.

Будто он считал ее своей собственностью. Прошло несколько минут, Леди Гага исполнила еще пару песен, и Шарлин, казалось, наконец очухалась.

– Отличный порошок, Макс, – похвалила она. Наклонившись, Шарлин смела в сумку со стола остальные пакетики с кокаином. – Буду тебе должна...

Последовала затяжная пауза. Макс долго смотрел на гостей.

– Макс, она отдаст, ты же знаешь, – сказал Томас, снова обнимая Шарлин. Но она стряхнула с себя его руку и поднялась с пола.

– Он знает, – уверенно заявила она.

– Конечно, – подтвердил Макс.

Шарлин облизнула палец, промокнула им остатки порошка на столе и втерла его себе в десны.

После ухода гостей я унесла бокалы, начисто вытерла стол.

– Давно ты торгуешь наркотиками? – спросила я, разбрызгивая на столе чистящий спрей и вытирая его насухо тряпкой. Макс убирал ларец в рюкзак.

– Извини. Я не люблю делать дела дома, – ответил он. Потом подошел ко мне, и я выпрямилась, встряхивая тряпку.

– Это опасно, – указала я, глядя ему в глаза, которые светились теплом.

Он покачал головой.

– Я занимаю достаточно высокое положение в организации. Но лучше тебе ничего об этом не знать, договорились?

Я кивнула.

– В последнее время бизнес идет хорошо. Я куплю тебе сумку «Малберри».

– Правда? – спросила я.

– У моей девочки должно быть все самое лучшее.

И, как это ни печально, я ему поверила.

Глава 34

Вторник, 12 сентября 2017 года

Сегодня вечером в начале седьмого на парковку вкатил «Ягуар». Маленький зеленый «Ягуар», как у Джеймса Бонда. Подпрыгивая на ухабах разбитой парковки, он миновал несколько стареньких задрипанных автомобилей и играющих детей и с визгом остановился под нашим окном. Из машины вышел Макс с заткнутыми за уши длинными светлыми волосами. В джинсах и коричневой кожаной куртке выглядел он чертовски сексуальным. Макс отпер дверь и улыбнулся во весь рот. Я давно не видела его таким веселым.

– Что случилось? – спросила я.

– Карета подана. Не желаешь прокатиться?

– Я собиралась ужин готовить...

– Забей.

Улыбаясь, он схватил меня за руку и потащил на улицу. Некоторые соседи повыскакивали на балконы и пятались на нас, а в лицах молодых девчонок, несовершеннолетних мамаш, бросавших на меня оскорбительные взгляды, читалась зависть.

Макс открыл дверцу со стороны пассажирского кресла, и я села в машину. Автомобиль был новенький – роскошные кожаные сиденья, приборная панель из лакированного дерева. Мы покатали по Кеннингтону, направляясь в центр Лондона. Меня поразил запах кожи. Дорогой мягкой кожи. Этот запах меня заводил, и Макса тоже. Я видела, что он возбуждается, но когда я ладонью накрыла его пах, он бережно переложил мою руку мне на ногу.

– Позже. Сначала надо кое-что сделать, – объяснил он.

Солнце клонилось к западу. Мы вкатили на вершину Примроуз-Хилл, с которого открывалась панорама Лондона, и остановились. Макс отстегнул ремень безопасности, прошел к багажнику и вернулся с плетеной корзиной.

– Что это? – спросила я.

Он помог мне сдвинуть назад мое кресло и поставил корзину у моих ног. В ней лежали бутылка шампанского, два высоких бокала из тонкого стекла, сыр, оливки, крекеры и картонная коробочка

лавандового цвета с пирожными – изысканными, увенчанными свежими фруктами и ягодами. У меня отвисла челюсть.

– Нин, мух, что ли, ловишь?

– Нет. Просто я потрясена... Приятно потрясена, – быстро добавила я.

Макс открыл бутылку шампанского, издавшую тихий хлопок, и наполнил два бокала. В одном стала быстро подниматься пена. Он наклонился, отхлебнул ее и затем рыгнул.

– Черт, не очень хорошее. Сразу видно, что официантом я никогда не был. – Он подал мне бокал. – За нас, Нин, за тебя. Встреча с тобой – самое лучшее, что случилось в моей жизни. – Я чокнулась с ним. – Нин, я знаю, что вел себя отвратительно. Но есть только ты и я. Ты и я. И я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. – Внутри у меня все сладостно трепетало. Я смотрела на него, на машину, на золотистый закат над Лондоном, что простирался перед нами.

– Мне всегда хотелось подняться сюда. Читала «101 далматинец»?

– Нет, – мотнула я головой. – Только фильм смотрела.

– Книга в сто раз лучше. Мне нравится сцена, когда собаки в сумерках прибегают на Примроуз-Хилл и начинают лаять – общаются между собой и с собаками, что находятся за много миль от них.

– Но ведь так не бывает?

– Мне нравится думать, что бывает. Мы понятия не имеем, что они лаем сообщают друг другу. А мне нравится думать, что они, когда лают, переговариваются. Глупость, да? – Макс провел руками по волосам.

– Вовсе нет. Волшебство. – Сейчас, когда я находилась здесь с ним, мне казалось, будто я попала в сказку. Мною владело такое же чувство, как в тот первый вечер, когда я остановилась на светофоре близ кафе «У Сантино» и он сел в мою машину. Макс улыбнулся и долил шампанского в мой бокал.

– В один прекрасный день у нас тоже будет автомобиль, как этот. Обещаю, Нин. – Я улыбнулась и кивнула, не рискуя вопросами портить ему настроение, но он сам утолил мое любопытство: – Помнишь ту парочку, что заходила к нам на днях? Шарлин и Томас?

– Ее пердеж забыть трудно. Прямо в мозг врезался.

По губам Макса скользнула улыбка, и он снова принял серьезный вид.

– Она еще не расплатилась со мной за дурь.

– Много должна?

– Достаточно. На ее имя оформлен трастовый фонд. Отец ее торгует автомобилями. Этот я взял в качестве гарантии: получит его назад, как только вернет мне мои деньги. Причем с большими процентами.

– Ты не...

– Что? Избил ее? Нет. Это была ее идея. Тупая корова. Богатенькие детки – хуже некуда. Папаша лишил ее карманных денег, но, видимо, ненадолго: он отходчив. В конечном итоге с этой тупой стервы я срублю еще больше бабок.

Я кивнула и попробовала оливку.

– Вкусная, – похвалила я.

– Еще бы. Они не слабо стóят. – Макс посмотрел на меня и языком провел по зубам.

– Что?

– Хотел попозже, но черт с ним. – Он открыл дверцу, вылез из машины, прошел к багажнику и вернулся с огромным магазинным пакетом, который он поставил мне на колени. Пакет был бархатистого серого цвета, с бантиком наверху и выпуклым золотистым логотипом «Малберри». – Открывай, – сказал Макс, видя изумление на моем лице.

Он забрал у меня бокал. Я развязала бантик. В пакете находилась коробочка. Я сняла с нее крышку, вытащила бумагу. Под ней лежала красная дамская сумка «Малберри». Я взяла ее в руки, пощупала материал, складки мягкой ткани. Поднесла сумку к лицу, вдохнула запах новой кожи; подкладка имела кремовый цвет.

– О, Макс. Настоящая? – спросила я.

– Конечно, – улыбнулся он. Млея от радости, я прижала сумку к груди. – Ты внутрь загляни, в кармашек. – Я посмотрела в сумку, рукой нащупала в подкладке кармашек и вытащила из него серебристый ключ. – От квартиры. Прости. В последнее время я немного свихнулся оттого, что ты вошла в мою жизнь. Мне не свойственно доверять людям, но тебе я доверяю.

Меня захлестнула волна любви и облегчения. Я бросилась ему на шею, стала осыпать его лицо поцелуями. Макс завел мотор. Мы съехали с холма, нашли тихую тупиковую улочку. Он велел мне раздеться и лечь на заднее сиденье. Прикосновение кожаной обивки к моему телу даровало невероятное ощущение. И когда теплое тело Макса слилось с моим, я искренне поверила, что все будет хорошо.

И пыталась как можно дольше сохранять это чувство.

Глава 35

Пятница, 15 сентября 2017 года

«Ягуар» стоял на нашей парковке несколько дней. Мы живем не в самом спокойном районе, но Макса все боялись. Каждое утро, просыпаясь, мы видели на стоянке «Ягуар» – все такой же сияющий и новенький, в безупречном состоянии. Шли дни. Я чувствовала, что настроение у Макса портится, он все больше мрачнел. Мне хотелось спросить, много ли денег задолжали ему Шарлин и Томас, но я не осмеливалась.

А потом однажды рано утром, когда мы завтракали, они сами появились на пороге нашей квартиры. Шарлин, как всегда, модно одетая, очевидно, уже успела принять дозу (зрочки у нее были расширенные), от нее исходил запах немытого тела. С Томаса градом лил пот, на его футболке с символикой клуба «Манчестер Юнайтед» под мышками темнели мокрые пятна.

Они сели за стол на кухне, а я встала и принялась заваривать чай. Макс слушал их, сложив на груди руки. Шарлин плакала. Томас объяснил, что родители Шарлин лишили ее карманных денег.

– Они всегда платили ей месячное содержание. Даже, когда заявляли, что не станут давать денег, это были просто угрозы...

– Ну, значит, «Ягуар» пока побудет у меня. Такой был уговор, – сказал Макс.

– Н-е-е-ет! – вскричала Шарлин. – Папа обратится в полицию.

– То есть от автомобиля, что вы оставили мне в качестве залога, толку никакого? – уточнил Макс.

– Он из автосалона моего отца! – взвизгнула Шарлин, тараща глаза и вода челюстью. – Он очень богат, миллионер! Макс, я могу взять у него деньги!

– Так тебя же лишили содержания... – Шарлин, не зная, что ответить, повернулась к Томасу, но тот смотрел в пол. – Есть шанс, что они дадут шесть тысяч фунтов?

– Шесть тысяч! – охнул Томас. – Мы взяли кокса всего на две тысячи!

Макс склонил набок голову, и они оба съежились. Он встал и полез в ящик со столовыми приборами. Я отодвинулась в сторону, а Макс вытащил большой нож, взял из вазы яблоко и вернулся за стол. Шарлин и Томас, словно зачарованные, смотрели на нож.

– Мне нужны мои деньги, – тихо произнес Макс, принимаясь чистить яблоко. Из-под сверкающего лезвия выползала длинная скрученная лента кожуры. – Не фигу сидеть тут и скулить. Ищите выход. И поскорее.

– Макс, мы затем и пришли. – Томас выдавил из себя улыбку. Его лоб покрывала испарина, руки тряслись. Он убрал их под стол. Шарлин порылась в сумке.

– Макс, у меня есть ключ от дома родителей, – сказала она, протягивая ключ. – Сегодня их там не будет. Они поедут к брату. Сидеть с детьми. Они всегда держат дома деньги... Я знаю код сейфа, там драгоценности. – Макс сунул в рот кусочек яблока и стал медленно его пережевывать. Тараща глаза, Шарлин раздвинула губы в идиотской улыбке. – А если я отдам Нине свою сумку «Малберри»? – добавила она, приподнимая сумку, уже поцарапанную и грязную. Я хотела что-то сказать, но Макс вскинул руку.

– Нина не возьмет твою драную сумку в счет оплаты долга. У нее своя есть.

– Да, – подтвердила я. – У меня своя есть такая. Красная. – Шарлин опустила голову. Вид у нее был как у побитой собаки. Она снова заплакала.

– Слезы наркоманов меня не трогают, – сказал Макс. – Но мы поедем и заберем шесть кусков, что вы мне задолжали.

– Поедешь? – оживился Томас, беря Шарлин за руку.

– Да. Прямо сейчас. Но если задумали какую пакость, клянусь богом, я вас убью! – пригрозил Макс. Он взглянул на меня, и я согласно кивнула, внезапно почувствовав себя могущественной.

Главный здесь Макс, ну а я при нем.

До Слау, где отец Шарлин держал автосалон, мы добирались несколько часов. «Ягуар» мы оставили у ворот магазина, а сами сели в микротакси и поехали к дому ее родителей. Я подумала, что мы очень рискуем, но Макс сказал, что в отношении богатых действуют другие правила. Ее родителей дома не будет, а мы откроем дверь ключом, и

поскольку ключ только у Шарлин, значит, вся ответственность лежит на ней.

– Какое ж это ограбление, если мы откроем дверь родным ключом? – объяснил он. – Я хочу, чтобы ты была со мной на тот случай, если что-то пойдет не так. Вдвоем мы сойдем за гостей. Парочка...

Он меня не убедил, но теперь мы жили душа в душу: он подарил мне сумку, я до сих пор тепло вспоминала тот пикник на Примроуз-Хилл.

Мы добрались до места. Оказалось, что дом родителей Шарлин – это настоящий особняк. Железные ворота, длинная подъездная аллея, огромный пруд, чудесный сад. Макс, я чувствовала, взбесился при виде такой роскоши.

– Представляешь, где она выросла? Имела столько возможностей! За это я ненавижу ее еще больше, – прошипел он мне в ухо. Мы подошли к входной двери. Шарлин вставила ключ в замочную скважину, но он не поворачивался.

– Наверно, замки сменили, – сказала она, обернувшись к нам.

– Детка, может, в заднюю дверь попробовать? – предложил Томас. Он обливался потом, волосы липли к лысине. – Подождите здесь, – добавил он, обращаясь ко мне и к Макс. Они исчезли за домом. Таксист, уткнувшись в свой телефон, ждал в машине, припаркованной у фонтана. Я подошла к фонтану и стала смотреть в пруд, где плавали огромные рыбы в красно-синих пятнах.

Внезапно включилась сигнализация. Ее пронзительный вой буквально прорезал тишину. Я подняла голову и увидела мигающую коробку на фасаде дома. Макс, придя в возбуждение, заглядывал в окна. Стал звонить по телефону, но ему никто не отвечал.

– Приятель, я поехал, – предупредил таксист, заводя мотор.

– Подожди! – крикнул Макс. Он взял меня за руку, мы обошли фонтан и сели в машину.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил водитель, давя на газ. Из-под колес летел гравий.

– Мы думали, у нее есть ключ. Это дом ее родителей, – объяснила я.

Мы мчались прочь от дома по подъездной аллее. Вслед нам несся звон сигнализации. По приближении к воротам таксист замедлил ход.

– Если ворота автоматически не откроются... – начал он, но после небольшой заминки ворота распахнулись внутрь. Мы уже ехали по красивому проспекту, когда навстречу нам промчались два полицейских автомобиля, но Макс не выглядел успокоившимся.

– Они по-прежнему должны мне шесть кусков! – прорычал он мне в ухо.

Глава 36

Понедельник, 16 октября 2017 года

Эрика сидела перед телевизором с чашкой кофе и сигаретой. На экран она смотрела краем глаза, все больше поглядывая в окно – на листья, которые слетая с деревьев, падали на парковку. Словно стыдилась признаться самой себе, что ей нравится смотреть телевизор утром в будний день. Показывали передачу о неудачных пластических операциях. На прошлой неделе она смотрела ее и сегодня, готовя себе кофе, вспомнила, что сейчас должны показывать очередной выпуск, который она не хотела бы пропустить. Эрика закурила новую сигарету и поморщилась. На экране какая-то женщина показывала двум пластическим хирургам, как ей неудачно сделали глютенопластику, так что теперь у нее одна ягодица больше другой.

Миновала неделя с тех пор, как Эрику выписали из больницы, и она постепенно приходила в себя. Отек лица спал, боль переносилась легче. Пару раз ее навещала Мосс, приносила продукты. Игнорируя протесты Эрики, она немного навела порядок в квартире, перестирала ей белье и даже сходила в магазин за фруктами, полуфабрикатами и сигаретами.

– Я рада помочь, но в душ я тебя не поведу. Прелести свои мой без меня – тут я пас, – заявила она в свой последний визит. Впервые Эрика рассмеялась, о чем ей тут же пришлось пожалеть, поскольку сломанное ребро отозвалось на смех резкой болью.

На экране хирурги готовились оперировать широкий деформированный зад женщины, и в это время раздался звонок в дверь. Эрика неуклюже поднялась с кресла и, морщась, потащилась в коридор. К ее удивлению, на пороге стоял Питерсон, с кастрюлькой в руках.

– Привет, – поздоровался он.

– Привет.

– Ого! Мосс сказала, что ты побывала в бою. – Он смотрел на синяк, обезображивавший ее черты, и Эрика в смущении подняла загипсованную руку, заслоняя лицо.

– Так и сказала?

– Да. Она держит меня в курсе событий. Запястье сломано?

– И ребро.

Питерсон пришел к ней в синих джинсах и элегантном черном зимнем пальто с красным шарфом. Его чисто выбритое лицо все еще поражало худобой, но сам он казался более энергичным, чем прежде.

– Входи, – пригласила Эрика, отступая в сторону.

– Куда-то уезжаешь? – спросил Питерсон: переступив порог, он увидел у двери чемодан.

– Да. В Словакию, к Ленке. Погощу у нее немного, с детьми повидаюсь. Малышка уже ходит... подросла. Меня освободили от службы на несколько недель, и я тут без дела начинаю с ума сходить. Подумала, что сейчас самое время съездить.

Они прошли в гостиную. На экране женщина лежала на операционном столе лицом вниз, а хирург вытаскивал из одной ее ягодицы большой силиконовый имплантат. Эрика взяла пульт и выключила телевизор. Квартиру окутала тишина. Они слышали, как свистит вокруг дома ветер и шуршат сухие листья, кружащиеся на парковке.

– Я никогда не проводила так много времени дома. Даже не представляла, насколько здесь глухо и тихо днем.

– А то я не знаю. Когда уезжаешь?

– Сегодня после обеда.

Питерсон поставил кастрюльку с рагу на кухонный стол.

– То есть это я зря принес?

– Положу в морозилку.

– Это мама приготовила. Шлет тебе привет... – Возникла неловкая пауза. – Кофе сделать?

– У меня есть. А ты сам будешь? – спросила Эрика.

– Пока нельзя... – Он слегка похлопал себя по животу. Они оба все еще стояли, и Эрика жестом предложила ему сесть.

– Я думала о тебе всю последнюю неделю... в тиши этой квартиры... – Она покачала головой. – Боже, как пафосно. Прости. В общем, я думала, представляла, как ты все это время – долгие недели, месяцы – был замурован в четырех стенах.

– Ну, теперь ты и сама понимаешь, каково это.

– Да. Я видела, что тебе тяжело, но в полной мере этого *не* признавала. Прости, Джеймс.

– Эрика, мы с тобой это уже обсудили.

– Но я хочу, чтобы ты знал: я сожалею, обо всем. – Она улыбнулась ему и поморщилась: часть лица все еще болела. Питерсон улыбнулся в ответ.

– Можно мне просто воды?

– Конечно.

Он встал, прошел на кухню, взял стакан и наполнил его водой. Эрика отметила, что он сильно изменился за последние недели. Его движения обрели былую естественность, шаг снова стал пружинистым. Питерсон опустился на диван, глотнул воды, затем сдвинул в сторону книги и журналы на столике, освобождая место для стакана.

– Тебе как будто лучше, – прокомментировала Эрика.

– Да. Доктор говорит, я пошел на поправку. Начал нормально есть. Несколько дней назад вернулся аппетит, да не просто аппетит – жор напал. И я сразу ощутил разницу. Нормализовался сон... Стул, – добавил он и, прикрыв рот рукой, скорчил шутливую гримасу. – Никогда не задумывался, сколь важны эти простые вещи для счастливого существования, пока не лишился их.

– Здорово. Когда возвращаешься на работу?

– Не раньше чем через несколько недель, но форму я стараюсь набирать постепенно. Надеюсь скоро возобновить тренировки в спортзале. Начну с легких нагрузок.

Его взгляд упал на ее загипсованную руку, покоившуюся на подлокотнике кресла.

– Впрочем, я пришел сюда не... злорадствовать... и вообще. Хотел оплатить услугой за услугу.

– За какую?

– Ну, ты же навещала меня, продукты приносила, не обижалась на мою раздражительность.

– Я не услугу тебе оказывала, Джеймс. Я приходила на правах... Впрочем, теперь это не важно.

– На правах моей возлюбленной.

– Да. Хотя, думаю, я давно перестала ею быть.

Ничего не ответив, Питерсон устремил взгляд мимо нее в окно. Эрика жалела, что выключила телевизор. На улице стонал и завывал ветер, бесновавшийся вокруг дома.

– Ты не хочешь... – начал он.

– Чтобы мы снова были вместе?

Питерсон проглотил комок в горле и в смущении потер ладони.

– Эрика. Я думал, мы просто друзья?

– Так и есть. Но спасибо за информацию. Теперь мне известно твое отношение, – сказала Эрика, съездившись от его тона, который подразумевал, что он мягко дает ей от ворот поворот.

– Ты думала, что мы снова будем вместе?

– Нет!

– Тогда что? – спросил он.

– Не знаю. Ты – британец. И я думала, что, как и все британцы, ты не склонен говорить о своих чувствах. Думала, что мы просто спустим все это на тормозах.

– О'кей. Хорошо, – кивнул он.

– О'кей. Хорошо? Ты пришел, чтобы официально положить конец нашим отношениям? Официально расстаться со мной?

– Нет! Но ты сама завела об этом разговор.

– Ничего подобного, – возразила она.

– Эрика, так и было. Я же просто принес тебе поесть, ну и хотел повидаться.

– Что ж, поесть ты принес. Повидался. Можно отваливать.

Питерсон покачал головой:

– Порой ты бываешь такая стерва.

– Да. Меня еще и не так называли.

Он встал, направился к выходу, но, не дойдя до двери, остановился.

– Эрика. Нам ведь работать вместе, и ты должна знать: я не виню тебя в том, что случилось. Просто в наших отношениях произошел перелом. Они изначально были обречены. Мы можем перевернуть эту страницу и быть друзьями?

– Ты только что обозвал меня стервой, а теперь хочешь, чтобы мы были друзьями?

– Я не обзывал тебя стервой. Сказал только, что ты порой ею бываешь.

– Что ж, откровенность за откровенность. С твоей стороны было непорядочно являться сюда и устраивать разборки, когда мне и без

того тошно! – Эрика почувствовала, как глаза обожгли слезы, и прикрыла лицо рукой. – Просто уйди... УХОДИ!

Питерсон постоял еще немного, хотел что-то сказать, но передумал и ушел.

Эрика посмотрела на часы, мысленно подгоняя время. Ей хотелось поскорее уехать, отдохнуть от того, что есть и что было. Ее душевные силы были на исходе.

Глава 37

Суббота, 16 сентября 2017 года

Шарлин и Томас не давали о себе знать. Минувшим вечером Макс вернулся домой поздно. Он был пьян. Потребовал, чтобы я накормила его ужином. Я поставила перед ним тарелку макарон, которые приготовила некоторое время назад. Они несколько часов пролежали в сковороде и стали суховатыми. Макс намотал их на вилку, сунул в рот и тут же выплюнул.

– Это что?

– На ужин приготовила. Не знала, когда ты придешь, – объяснила я, сидя за столом напротив него. Меня мучало знакомое тошнотворное чувство страха, которое возникало каждый раз, когда я была уверена, что он вот-вот сорвет на мне злость. Ощущение было такое, что в ушах жужжит воздух, а внутри все холодеет. Меня прошиб пот, стала бить дрожь, так как я знала: что бы я ни сделала, что бы ни ответила, его это не устроит.

– Этим только собак кормить! – рявкнул он, воткнув вилку в горку макарон. – По-твоему, меня можно кормить дрянью, которую даже собака жрать не станет?

На глаза навернулись слезы, и я пыталась затаить дыхание, чтобы не заплакать в голос.

– Чего нюни распустила?

– Ты меня пугаешь!

Макс швырнул тарелку с макаронами в стену, что находилась за мной. Я почувствовала, как в спину мне полетели брызги соуса.

– Что сидишь? Убирай.

Я отодвинулась от стола, ножками стула карябая пол, и медленно встала.

– УБИРАЙ!

Я вздрогнула. Макс подскочил ко мне, схватил меня за волосы и повернул лицом к стене, по которой стекала вниз красная струйка.

– Что это за дерьмо? Я тружусь как проклятый, задницу надрываю, а ты квартиру засираешь!

Я зажмурилась. Пыталась подавить свои эмоции, но не справилась, и слезы потекли по лицу. Я уже думала, что наша совместная жизнь налаживается, но потом Шарлин и Томас надули его, и теперь он вымещал свой гнев на мне.

– Ты сама стала бы это жрать? – спросил Макс. По-прежнему держа меня за волосы, другой рукой он загреб горсть холодных макарон.

– Я это ела... – Не дав мне закончить фразу, он запихнул часть макарон мне в рот, остальное растер по лицу. Я пыталась выплюнуть, но он одной рукой держал мою голову, второй заталкивал мне в рот склизкое месиво. Оно забивало мне горло, так что я не могла продохнуть. Я ничего не видела, потому что соус залепил мне глаза, и в них ощущалась резь. Макс внезапно меня отпустил, и я рухнула на пол, пытаясь отдышаться.

Хлопнула дверь, в замке повернулся ключ. Я привела себя в порядок, убрала на кухне и только потом увидела, что он забрал и мой ключ тоже.

Так не может продолжаться. Я должна уйти от него. Когда он вернется, я, держа наготове нож, вырвусь отсюда.

Глава 38

Понедельник, 18 сентября 2017 года

Всю ночь я просидела на кухне за столом, глядя на входную дверь. Передо мной лежал большой мясницкий нож. Макс не вернулся. Рано утром, едва выглянуло солнце, я встала, заварила себе чай, наблюдая в окно, как соседи расходятся по своим делам. Мимо с хозяйственными сумками прошла пожилая женщина, что жила дальше по коридору; на улицу выбежали дети. Паника немного отступила.

Воскресенье тянулось медленно. Наконец солнце начало садиться. Меня беспокоило, как я выберусь отсюда в случае пожара. На окнах железные решетки, привинченные с внешней стороны; задняя дверь из массивного дерева, окошко в ней из армированного стекла. Не квартира, а клетка – не убежать.

В три часа ночи я резко проснулась и нащупала в постели рукоятку ножа. В окно хлестал дождь. Гроыхнул гром, и я вздрогнула от неожиданности. Держа перед собой нож, я выскользнула из спальни. В гостиной и ванной было пусто. Я прошла на кухню, напилась воды и села за стол, прислушиваясь в темноте к шуму непогоды. Сверкнула молния, озарив стены.

Потом до меня донесся рокот автомобиля, въезжающего на парковку. Машина подпрыгивала, колесами попадая в выбоины, залитые дождевой водой. Лучи фар прорезали жалюзи, отбросив решетку света над моей головой, а затем поползли по стене. Желтый свет сменился тусклым красным. Автомобиль развернулся. Красный свет стал ярче, мотор затарахтел громче.

Я встала, испугавшись, что машина сейчас проломит кухонную стену. Пальцем я чуть раздвинула жалюзи и увидела, что автомобиль остановился и его багажник находится буквально в нескольких дюймах от двери черного хода. Из машины вышел Макс. Мокрый насквозь. Я отпустила жалюзи и приготовилась к встрече, вытянув перед собой нож. Рука моя задрожала, когда послышалось царапанье ключа, вставляемого в замок, и за непрозрачным стеклом появился силуэт Макса. Ключ повернулся, дверь распахнулась. Раздался

оглушительный раскат грома, по бетонному коридору эхом разносился стук дождя. Я двинулась к двери. Макс, стоя ко мне спиной, открывал багажник.

Он повернулся.

– Боже! Что с тобой, Нин? – прошептал Макс, увидев в моей руке нож. Казалось, он искренне не может взять в толк, почему я встречаю его с ножом. На нем нитки сухой не было; его длинные светлые волосы мокрыми плетями падали ему на плечи, на щеке темнела грязь. Взгляд его утратил холодный психопатический блеск, который я видела в его глазах предыдущим вечером; он выглядел напуганным.

– Что ты делаешь? – спросила я, по-прежнему направляя на него острие ножа.

– Мне нужна твоя помощь. Прошу тебя, – прошептал он, приложив палец к губам. – Надень пальто и подсоби.

Я была столь озадачена переменой в его настроении, столь рада его возвращению, что без лишних слов прошла вглубь квартиры и прямо на пижаму накинула длинное пальто, затянув на талии пояс. Потом надела бейсболку и, не выпуская из руки нож, вернулась на кухню.

В дверях я остановилась. Багажник машины был открыт, и Макс, взяв за подмышки тело какого-то мужчины, затаскивал его в кухню. Он бросил его на полу посреди комнаты и направился к машине. Голова мужчины подскочила на линолеуме, руки раскинулись в стороны. Я узнала грязные джинсы и футболку еще до того, как посмотрела на лицо. Это был Томас.

Макс выглянул за дверь. Снова громыхнул гром, сверкнула молния.

– Помоги, – сказал он мне, словно в машине лежали сумки с продуктами.

Я прошла мимо тела, шагнула в коридор. Окна остальных квартир на этаже были темные. Я подошла к Максиму. Он вытаскивал с заднего сиденья машины тело Шарлин.

– За ноги возьми.

– Нет, – тряхнула я головой и вернулась в квартиру.

Мгновением позже Макс приволок тело Шарлин и сгрузил его рядом с телом Томаса.

– Пойду поставлю на место машину. – Он закрыл дверь, оставив меня наедине с двумя трупами. За последние месяцы я видела смерть, пережила шок, но ничто не может подготовить к сюрреалистической ситуации, когда у тебя в кухне лежат два трупа. Меня распирает смех. Разумеется, это было не смешно, но я рассмеялась. Правда, звук, что я издала, мало походил на смех. Он скорее напоминал некий чудной панический клекот. Я увидела, что одежда Шарлин – длинная юбка и синяя блузка – порвана. Пуговицы на блузке расстегнуты, одна грудь вывалилась из чашечки бюстгалтера. Белокурые волосы в крови, нос расплюсчен. Лицо Томаса тоже представляло собой кровавое месиво, руки были изогнуты под неестественным углом.

Хлопнула дверь. Я вздрогнула и отвела взгляд от трупов. Макс вернулся с двумя огромными чемоданами, которые он прислонил к рабочему столу. Убедившись, что жалюзи плотно закрыты, он сцепил на затылке волосы в хвостик резинкой, которую снял с запястья. Потом прошел к раковине, достал большой рулон пакетов для мусора, оторвал один и, встряхнув его, раскрыл.

– Нин, поддержи, пожалуйста?

Я мотнула головой. Я по-прежнему стискивала в руке нож, но его как будто там не было. Макс лишь взглядом скользнул по нему и принялся снимать обувь – сначала с Томаса, затем с Шарлин. Их туфли он бросил в мусорный мешок. Когда Макс наклонился, я заметила, что из заднего кармана его джинсов торчит рукоятка пистолета. Я представила, как подхожу к нему, вытаскиваю это оружие и стреляю в него. На все про все ушло бы несколько секунд.

Макс теперь орудовал ножницами, которые со свистом разрезали ткань футболки Томаса – сначала на груди, потом на одной из рук. У правого плеча Томаса он ножницами зацепил кожу и выругался, но потом срезал с него всю футболку и обрывки материи запихнул в мусорный мешок. Грудь Томаса покрывала густая темная поросль, но кожа его имела неестественный цвет – бледно-желтый. Макс повернулся и начал срезать джинсы, которые поддавались труднее, чем футболка.

– Ты их убил? – спросила я.

– Да. Они собирались покинуть страну. Купили билеты до Джерси.

– Как ты узнал?

– У меня есть приятели. Я знаю людей, которые отслеживают такие вещи, если кто-то задолжал.

– Джерси? Почему именно Джерси?

– Не знаю. Это как-то связано с ее отцом. Сволочи. Смыться собирались, с концами...

Макс уже разрезал правую штанину джинсов. Тело Шарлин задвигалось на полу, она села. Я до того испугалась, что боялась пошевелиться, но, увидев, как она странно деформированной рукой дотянулась до Макса и выдернула из его кармана пистолет, наконец-то вскрикнула.

– Черт возьми! – воскликнул он.

Шарлин, сидя на полу, пыталась двигать ногами. Один ее глаз заплыл. Она переложила пистолет в другую ладонь и дрожащей рукой, которая не была сломана, нацелила дуло на Макса. Раздался оглушительный выстрел. Я никогда не слышала, как стреляет настоящее оружие. Сила отдачи была столь велика, что ее руку отбросило назад, но она, издав странный стон, трясущейся рукой снова навела пистолет на Макса, целясь ему в грудь. Он взглянул на меня, и я осознала, что по-прежнему держу нож. Я отпихнула ее руку и глубоко вонзила длинное лезвие ей между грудей. Она пыталась сопротивляться, но я толкнула ее на пол и всадила нож еще глубже, по самую рукоятку, а потом повернула в ней лезвие. И она снова затихла.

– Ну ты даешь, Нин! – С благоговением посмотрев на меня, Макс поднял пистолет, проверил патроны.

Я кинулась в ванную, меня стошнило в раковину. Я заперлась и залезла под душ. Долго стояла под водой, пока не окоченела от холода. Когда я вернулась на кухню, Макс вытирал огромную лужу крови на полу, а в раковине лежал нож для разделки мяса. Один мусорный мешок был забит одеждой Томаса и Шарлин, у входной двери стояли два раздутых чемодана. Из обоих сочилась кровь.

– Нужно здесь все убрать и до того, как рассветет, выбросить чемоданы в реку, – сказал Макс.

Меня поразило, что я абсолютно владею собой.

– Хорошо, – согласилась я. – А как же выстрел? Он был громкий...

– Полиция уже была бы здесь. А район этот беспокойный.

Я кивнула и забрала у него швабру. Я убила Шарлин, чтобы спасти жизнь Макса. Она выстрелила бы ему в грудь. Я больше не чувствовала себя жертвой. Я была хозяйкой положения и впервые ощущала себя ровней Максу. То, что случилось со мной, подвело черту под моей прежней жизнью. Назад ходу нет. Я должна идти только вперед, должна бороться за выживание.

– Я знаю одно место у реки. Укромное. Там нет камер, – сказала я.

Около четырех часов утра мы погрузили чемоданы в машину и поехали к заброшенной промзоне на территории парка Баттерси. Там размещалась старая типография, куда я наведывалась во время летних каникул вместе с отцом, когда он привозил туда товары. Он поставлял шипучие напитки по всему Лондону.

Мы припарковались с торца разрушающегося офисного здания и с трудом потащили два чемодана на небольшой причал у реки. В темноте перед нами чернела водная ширь.

Мы сбросили в реку чемоданы с телами Томаса и Шарлин, постарались закинуть их как можно дальше. Раздался всплеск, и чемоданы поглотила стремнина.

Макс обнял меня одной рукой, и мы долго стояли на причале, глядя на реку. Вода в ней была черная, как чернила.

Глава 39

Четверг, 2 ноября 2017 года

Ранним вечером Эрика выбралась с заднего сиденья джипа «Чероки», принадлежавшего ее зятю. Автомобиль имел высокий дорожный просвет, и когда она сходила с него, ребро, которое почти зажило, отозвалось болью. Здоровой рукой Эрика помогла спуститься на землю племяннице Каролине и племяннику Якубу. Уже стемнело, было холодно, однако на стоянке у кладбища толпилось много народу, и Эрика велела детям держаться рядом с ней.

Они были нарядно одеты, как и она сама. Мимо прошествовала группа пожилых женщин в элегантных черных пальто; все как одна в золотых украшениях, с красивыми прическами. У каждой в руке большой пластмассовый зеленый венок с яркими цветами. Они встали в хвост очереди, выстроившейся у кладбищенских ворот. Перед статуей Девы Марии в нише стены у входа пылали сотни свечей, а на территории кладбища Эрика увидела огромный ковер из свечей.

Второго ноября отмечали День всех святых – знаменательный праздник в Словакии, и в начале вечера люди толпами валили на кладбище. Из-за машины появилась сестра Эрики, Ленка. Она катила перед собой детскую коляску, в которой сидела двухлетняя Эвка в нарядном черном зимнем пальто и черной вязаной шапочке с помпоном.

– Какой же ты чумазый! – воскликнула Ленка, обращаясь к Якубу. У того подбородок был испачкан в шоколаде. Ленка достала носовой платок и поплевала на него.

– Ма-а-а-ама! – возмущенно крикнул мальчик, отбегая в сторону.

– А у меня лицо чистое, – добавила Каролина.

– Якуб, подойди ко мне! Нельзя идти на могилу бабушки с грязным лицом!

– Вот. – Эрика вытащила из кармана упаковку влажных салфеток. – На них нет слюны. – Она присела на корточки, и Каролина помогла ей вскрыть упаковку и извлечь из нее салфетку: правая кисть Эрики все еще была в гипсе. Она стала бережно вытирать ангельское

личико племянника. Якуб скосил глаза и высунул язык, чем вызвал у Эрики смех.

Из машины вышел, разговаривая по телефону, ее зять Марек – здоровый импозантный мужчина с бритой головой, но добрыми карими глазами. По случаю праздника он надел черный костюм и вообще привел себя в порядок, так что выглядел прямо-таки щеголем, отметила Эрика. Только он закончил говорить, телефон снова зазвонил. Торжественную кладбищенскую атмосферу прорезала задорная мелодия песни «Gangnam Style».

– *Ty si sedlak*[\[128\]](#), – шикнула на мужа Ленка.

– Это по делу! – объяснил Марек, закатив глаза, но, отвечая на звонок, отошел в сторону.

– Сегодня – один из главных церковных праздников в году, а он какие-то дела решает на кладбище!

– Ну да, в ноябре месяце на мороженое спрос большой, – буркнула себе под нос Эрика, глянув на сестру. Она вытерла Якубу лицо, и тот улыбнулся ей во весь рот, в котором отсутствовали два передних зуба.

– Не начинай, а, – одернула ее Ленка.

– Тетя Эрика, так хорошо, что ты здесь, – сказал Якуб. – А ты можешь остаться у нас навсегда?

Эрика гостила у сестры уже две недели, и ее принимали как родную. Разумеется, она и была им родная, просто забыла, как это бывает в семьях Словакии. Родственники тесно общаются, нередко ссорятся, но всегда честны друг с другом, и честность эта подкрепляется любовью и преданностью. Эрике вспомнились визиты родственников Марка. В такие периоды в их доме царили предельная корректность и чопорность, и это ужасно изматывало.

Якуб с Каролиной смотрели на нее, ожидая ответа.

– Навсегда остаться я не могу, но побуду здесь чуть дольше, пока полностью не исцелюсь. – Она улыбнулась.

– А расскажи, как ты победила тех бандитов с пистолетами! – крикнул Якуб, хватая ее за руку.

– А страшно было в них стрелять? – спросила Каролина.

– Я стреляла в них тазером. Это не огнестрельное оружие, а электрошоковое... – начала Эрика и осеклась, заметив, что идущие

мимо две пожилые женщины с удивлением смотрят на нее. – Давайте я потом расскажу, когда мы все пойдем пить горячий шоколад.

– А у папы есть пистолет. Он прячет его в коробке для завтрака, на которой нарисован Бэтмен, – доложил Якуб.

– Все, хватит болтать. Пойдемте. – Ленка достала из джипа венок и упаковку свечей. Она сунула венок Мареку, который все еще беседовал по телефону.

– Ты видела, какой у нее ремень? – одними губами спросила Каролина. Эрика глянула на ремень, перетягивавший в поясе пальто Ленки. Пряжку украшала надпись «GOLD DIGGA». – Она не знает, что означает «Gold Digger», – добавила Каролина.

– Держи свечи. – Ленка сунула дочери упаковку свечей. – Это бренд. Эксклюзивный бренд. Я купила ремень в Братиславе.

– *Gold Digger* – это женщина, которая спит с богатым мужчиной из-за денег, – пропела Каролина. Эрика подавила улыбку. Ленка Каролину не слышала. Она подошла к Мареку, велела ему отключить телефон, и они зашагали на кладбище.

В Нитре это было самое большое кладбище. Оно простиралось на несколько акров, и сейчас его из конца в конец устилал ковер из мерцающих свечей. Кладбище было заполнено людьми, ходившими меж надгробных памятников. Возле каждого могильного камня на их пути горели свечи в разноцветных вычурных металлических и стеклянных подсвечниках. На деревьях еще оставались осенние листья. От множества пылающих свечей кладбище обволакивало теплое оранжевое сияние. Они шли в молчании несколько минут, пока не остановились перед могилой родителей Эрики и Ленки. На ней лежала простая могильная плита из серого мрамора, на которой золотыми буквами было вытеснено:

Франтишек Болдиш

1950–1980

Ирэна Болдишова

1953–2005

Ленка положила на мрамор венок; дети принялись заменять старые догоревшие свечи новыми. Помогая Якубу зажечь маленькую свечу и опустить ее в один из подсвечников, Эрика смотрела на имена,

вытесненные золотом на камне. Ей было восемь лет, а Ленке – шесть, когда умер их отец. Она его помнила смутно. Его образ ассоциировался лишь с отдельными картинками детства: когда он возвращался домой с работы, с завода по производству пластмасс, и приносил детям полный карман сладостей; когда на какой-то праздник они всей семьей отправились на пикник у озера, и он, по очереди сажая дочерей на плечи, заходил на глубину.

Однако Эрика живо помнила тот вечер, когда полицейский и комендант дома постучались к ним в квартиру и сообщили, что отец погиб на фабрике в результате несчастного случая. Вопль матери до сих пор звучал у нее в ушах. Ленка была совсем крошкой, ничего не понимала, и Эрика увела ее в детскую, где они на протяжении многих часов играли в куклы, не зная, что им делать.

Следующие десять лет Эрика и Ленка наблюдали, как их мать постепенно превращается в законченную алкоголичку...

Эрика отмахнулась от неприятных воспоминаний и посмотрела на Ленку и Марека, державшихся за руки, на Якуба и Каролину, стоявших перед родителями рядом с маленькой Эвкой, которая в изумлении глазела на пылающие свечи. Счастливая семья, окутанная мягким сиянием.

Эрика покинула Словакию, когда ей исполнилось восемнадцать – сбежала от своего несчастливого детства, от ужасных отношений с матерью, и поехала искать лучшую долю – новую жизнь в Англии. Глядя на мерцающие свечи, она думала о том, как жила последние годы в Англии: как потеряла Марка, как усердствовала на работе каждый божий день. Потом подумала про преступление, которое она расследует, про последние встречи с Мелани и Питерсоном. Она знала, что между ней и Питерсоном все кончено, но, услышав это из его уст, поняла, что черта под их отношениями подведена. Да и что это были за отношения? Минное поле. Она – его начальник, они вместе работали, да и непросто ей было после Марка связать себя обязательствами с другим мужчиной. И она так и не сумела полностью отдаться своей новой привязанности – теперь она это понимала.

Эрика смотрела на Ленку, которая вместе со своей семьей вела счастливое существование в Нитре, и спрашивала себя: а стоило ли убегать? И от чего она бежала? Ленка осталась и устроила свою жизнь. Эрике уж скоро пятьдесят, а она бездетная вдова, карьера ее висит на

волоске. Предательство Нилза Акермана потрясло ее до глубины души, и вообще еще неизвестно, к чему это приведет. Да, в Лондоне у нее есть друзья: Айзек и Мосс. Но она всегда держала их на расстоянии вытянутой руки. Эрика старалась увидеть хоть какой-то позитив в своем будущем.

– Тетя Эрика, ты такая грустная, – заметил Якуб. Его карие глазки наполнились беспокойством.

– Это время года такое грустное, – ответила она, отирая слезу.

– Ты скучаешь по дяде Марку?

Эрика кивнула.

– Он хороший был. Все время улыбался, хотя я плохо его помню.

По щекам Эрики теперь текли слезы, и Ленка опустилась на корточки рядом с ней.

– Все хорошо, – промолвила она, обнимая сестру. Эрика всхлипывала у нее на плече. Она стиснула руку Ленки и зарылась лицом в мягкую ткань ее пальто. Марек поманил детей и повел их прогуляться, чтобы не мешать сестрам. Эрика долго плакала. Оплакивала тех, кого потеряла, оплакивала свою жизнь, которую, как ей казалось, она растратила впустую.

– Все хорошо, *moja zlata*[\[129\]](#), – утешала сестру Ленка, поглаживая ее по коротким волосам. – Все хорошо, ты не одна.

Слезы у Эрики наконец-то иссякли, она почувствовала себя лучше. На нее никто не смотрел, ведь кладбище – единственное место, где чужие слезы ни у кого не вызывают любопытства.

Ленка дала ей бумажную салфетку.

– Ты же знаешь, ты можешь жить у нас сколько хочешь.

– Знаю. Спасибо. Но моя жизнь теперь не здесь. Рано или поздно мне придется вернуться.

– Ладно, давай зажжем свечи и поедем в город пить горячий шоколад, – сказала Ленка. – А потом Марек заберет детей, и мы с тобой побалуем себя чем-нибудь покрепче.

Эрика кивнула, улыбнулась, и они зажгли остальные свечи.

Глава 40

Пятница, 17 ноября 2017 года

Я давно не брала в руки дневник. Наверно, мне требовалось время, чтобы привыкнуть к новым обстоятельствам, осмыслить то, что произошло. Когда я ударила Шарлин ножом, во мне что-то изменилось. Словно я выступила из себя и обратилась в другого человека. Не то чтобы меня не мучают чувство вины и ужас от содеянного. Но ощущение такое, будто я пробудилась от спячки, когда взяла инициативу в свои руки и сама стала контролировать ситуацию после того, как меня долго подавляли. Макс всегда об этом говорит. И теперь я его понимаю. Мир скроен не нам в угоду. Ты должен сам взять то, что тебе нужно; ты должен бороться за выживание. Словно я приняла решение, что больше не хочу быть жертвой. Внутренний голос прежде спрашивал: «За что ты меня не любишь? Почему поступаешь так со мной? Что я сделала не так?» Всаживая нож ей в грудь, я чувствовала, что имею на это право. Кто она такая? Лживая наркоманка, никчемная стерва.

По возвращении домой после того, как мы сбросили в реку трупы, у нас с Максом состоялся долгий разговор. Я спросила у него, чего он хочет от жизни и как это можно осуществить. Мой вопрос его ошеломил. Он сказал, что хочет уехать. Сказал, что его мечта – эмигрировать, навсегда покинуть эту дрянную страну. Накопить денег и осесть где-нибудь в Испании или в Марокко, стать владельцем бара или фермы.

– В этой стране я всегда буду быдлом, – объяснил он. – Всегда буду типом с криминальным прошлым. Здесь вся классовая система устроена так, что мне никогда не выбиться в люди. Можно слоняться и ждать, когда подфартит, но все равно в глазах общества я останусь недостойным плебеем. А можно самому взять быка за рога.

– Вот давай и возьмем быка за рога. Будем действовать сообща. Перестань видеть во мне врага. Мы теперь с тобой в одной лодке. Я совершила убийство. На моих руках кровь. Мы с тобой на равных. Не будем ждать милостей от судьбы, – сказала я.

Этот наш разговор имел коренное значение. Он полностью изменил природу наших отношений, мы более или менее достигли взаимопонимания. Избавившись от трупов Томаса и Шарлин, мы на несколько недель затаились. Их исчезновение не наделало большого шума. Через пару недель их тела вынесло на берег, но полиция пребывала в растерянности. По этому поводу был незначительный всплеск активности в интернете, в одной из газет появилась крошечная статейка, а потом все успокоилось. Мы тем временем строили планы. И чтобы претворить их в жизнь, нам требовались деньги.

Минувшим вечером мы пошли в Сохо. Макс снабжал наркотиками одного парня, работавшего в Сити, а тот недавно сболтнул, что у него пентхаус на Друри-лейн. Я подумала, что не мешало бы разведать обстановку. Пентхаус на Друри-лейн стоит, наверно, много миллионов, и не исключено, что несколько миллионов у него лежит где-нибудь дома.

Вечер мы начали с бара «Ку»[\[130\]](#), где заняли столик в углу. Макс пользовался успехом у мальчиков за стойкой бара, и я видела, что он действительно выделяется среди посетителей. На нем была новая рубашка, которую мы купили сегодня, и она плотно облегла его торс, подчеркивая красоту мускулатуры; на голове – новая бейсболка. Волосы у него красивые сами по себе. Хоть и длинные, они не требуют особого ухода, и сегодня он их просто распустил, так что они падали ему на плечи, сияли в разноцветных огнях бара. Зал постепенно заполнялся. Двое парней вызвались угостить Макса выпивкой, и он не отказался. Насколько мне известно, Макс вообще-то натурал, но он охотно решил поводить за нос этих парней – немного поболтать с ними в обмен на очень дорогие напитки. Для меня ситуация складывалась непривычная: обычно, бывая с Максом в клубах или пабах, я паниковала, стараясь не кокетничать и даже не встречаться взглядом с другими мужчинами из страха вызвать его ревность. Мы сидели в баре уже примерно с час, когда к нам подошел высокий красивый мужчина. Знакомя меня с ним, Макс представил его Дэниелом. Тот был исключительно учтив и одет дорого и элегантно. Дэниел отошел к бару и вернулся с бутылкой шампанского «Кристалл» в ведерке со льдом и тремя бокалами. Я дождалась, когда он разольет шампанское по бокалам, пригубила свой, а затем извинилась и

направилась в дамскую комнату, чтобы не мешать Максиму спаивать Дэниела. Когда я вернулась к столику, Макс уже опорожнял бутылку в их бокалы.

– Жажда замучила, мальчики? – улыбнулась я.

– Если хотите, можно взять еще бутылку, – предложил Дэниел.

– Черт, хотим. – Улыбнувшись, Макс одним глотком осушил бокал. Столь же быстро мы расправились с еще одной бутылкой, а потом Макс с Дэниелом пошли танцевать. Я была немного шокирована, увидев, как Макс прижимается к Дэниелу. Изнывая от ревности, я сидела и допивала свое шампанское. Через пару песен Дэниел удалился в туалет, а Макс вернулся за столик.

– Я смотрю, ты кайф ловишь, – заметила я.

– Есть только одно место, куда я хотел бы всадить свой член, – ответил он, сунув руку мне в промежность. Я чуть раздвинула ноги.

– Вот и помни об этом.

– Нин, он пригласил нас к себе. В свой чертов пентхаус!

– И как далеко ты намерен зайти? – осведомилась я. – Что ты собираешься с ним сделать? – Обычно я не столь прямолинейна, но меня раздражала ревность. Макс был мой. Он принадлежал мне. Я так долго чувствовала себя его собственностью, и ради разнообразия приятно было осознать, что я тоже могу предъявить на него свои права.

Макс нагнулся ко мне ближе за столом, взял мою руку и притянул к своему правому карману, где у него лежал пистолет, который на ощупь показался мне огромным. Я также заметила, что от прикосновения моей руки Макс возбуждается.

– Сегодня мы срубим хорошие бабки, – произнес он с улыбкой. – Речь только об этом.

– Не сходи с ума, Макс.

– Он будет жить, – все так же улыбаясь, пообещал Макс.

Мгновением позже из туалета вернулся Дэниел. Его пошатывало, взгляд немного остекленел. Он допил шампанское, что оставалось в его бокале, и мы покинули бар.

До дома Дэниела мы добрались на такси. Ехали недолго. Мне еще не доводилось бывать в столь роскошной квартире, которая больше смахивала на номер дорогого отеля. На меня Дэниел не обращал

внимания. Когда мы поднялись к нему и он налил нам выпить, я извинилась и удалилась в ванную. В коридоре на стенах висели фотографии в рамках, вероятно, его родных – внешне они все были смуглые и темноволосые. Одна женщина присутствовала почти на всех снимках, на нескольких она была запечатлена только с Дэниелом. Вероятно, это была его мать. Миниатюрная, элегантная, с прической, как у Имельды Маркос[131].

Ванная была просторной и красивой: белый мрамор, золотые краны. Над раковиной – огромное зеркало, на которое сверху прикреплена еще одна фотография той же женщины, только на ней она моложе и держит на руках темноволосого мальчика – должно быть, Дэниела. Я долго смотрела на фотографию и на свое отражение. Мне хотелось, чтобы у меня на коленях тоже сидел крошечный ребенок, и я скучала по матери. Она никогда не купала меня в своей нежности, мы никогда не были с ней близки, как это бывает в семьях уроженцев Средиземноморья, но я отдала бы что угодно за то, чтобы вернулось то время, когда еще ничего не изменилось, когда я была прежней.

Глядя на свое отражение в зеркале, я провела рукой по волосам, которые теперь опускались ниже плеч, падая мне на спину, поправила на себе бюстгальтер и топ. И подумала: как же она хороша, та женщина, что смотрит на меня из зеркала. В ней я больше не узнавала себя.

Вернувшись в гостиную, я увидела, что Дэниел лежит на полу возле огромного дивана L-образной формы, а Макс сидит на нем верхом. Оба были без рубашек, и я поначалу решила, что они предаются сексуальным забавам, но потом заметила, что нос у Макса в крови, а сам он обеими руками стискивает шею Дэниела. Они почти не производили шума, только из горла Дэниела изредка вырывались хрипы и бульканье.

– Черт, помоги мне, – попросил Макс. Я оцепенела. – Нин! Достань пистолет из моего кармана.

Я подошла ближе. Дэниел дрыгнул ногой и сшиб со стеклянного журнального столика огромную серебряную вазу с сухими духами. По голубому ковру рассыпались красные лепестки. Я вытащила пистолет из кармана Макса, и когда оружие оказалось в моих руках, у меня мелькнула мысль: а что, если я выстрелю в Макса? Что, если я его убью, а потом расскажу Дэниелу про свою жизнь, объясню, что я

жертва? У него есть деньги. Возможно, он вознаградит меня за то, что я спасла его от смерти.

– Чего ты ждешь?! – крикнул Макс. Дэниел сбросил его с себя и вскочил на ноги. Лицо у него было багровое, на шее висел ремень из брюк Макса. Он пошатнулся и задом повалился на стеклянный журнальный столик, который треснул под ним. Схватив большую пепельницу, Макс кинулся на Дэниела и ударил его по голове. Тот обмяк от первого же удара, но Макс продолжать его бить, снова и снова. Брызги крови полетели на стены и потолок, выписывая на них изящные дуги; на пепельнице тоже блестела кровь.

– Хватит! Прекрати! – крикнула я. Макс на мгновение застыл с занесенной над головой пепельницей. Обернулся ко мне. Я нацеливала на него пистолет. – Хватит. Теперь нужно действовать быстро. Положи пепельницу.

Макс послушно положил пепельницу на светлый ковер. Потом подошел ко мне, сомкнул ладонь на дуле пистолета и забрал оружие из моих рук.

– Найди мне нож.

Я пошла на кухню, достала из выдвижного ящика нож для разделки мяса и принесла Максу. Он стащил Дэниела на пол и стал его раздевать.

– Пойду искупаюсь, – предупредила я.

Я приняла душ в той изумительной ванной, но фотографию молодой матери с ребенком я положила на раковину лицом вниз. После душа я обмоталась огромным полотенцем. Из спальни был выход на балкон и террасу с видом на город. Я увидела гардеробную комнату с полированным деревянным полом, заполненную элегантными костюмами, обувью, пальто, шляпами и даже перчатками. Я принялась обследовать стенной шкаф, заглядывая в выдвижные ящики, раздвигая вешалки с одеждой. Туфли стояли в ряд вдоль одной стены, и я заметила, что под одной парой деревянная половица оттенком отличается от остального пола.

Она легко поддалась. Под ней находилась полость с маленьким черным сейфом, который оказался не заперт. В сейфе лежали пачки денег, с купюрами достоинством 50 фунтов – аккуратненькими, новенькими, перетянутыми банковскими бумажными лентами. На

каждой стояла цифра – 5000 фунтов. Всего было четыре пачки: 20000 фунтов.

В дверях появился Макс, весь в крови. Когда он увидел разложенные на полу пачки денег, взгляд его загорелся.

Глава 41

Воскресенье, 18 ноября 2017 года

В диспетчерском центре городской системы видеонаблюдения Вестминстера царила спокойная рабочая атмосфера. Одну стену помещения занимали огромные мониторы, на которые в реальном времени поступала информация с камер видеонаблюдения, размещенных по всему Лондону.

В 4:15 утра в районе Ковент-Гарден, расположенном в центральной части Лондона, появились два человека. Они направлялись в сторону метро. У обоих головы были опущены, их лица скрывали козырьки бейсболок. Шли они целеустремленно. Несколько пьяных, повстречавшихся им на пути, не обратили на них внимания. Человек повыше вез чемодан на колесах.

Первый раз они попали в зону видеокамеры близ магазина «Эппл» на самом краю Ковент-Гардена, когда та по дуге прочесывала участок от Кинг-стрит, по которой тащился какой-то сгорбленный бродяга с магазинной тележкой, до мощенной булыжниками площади перед колоннами церкви Святого Павла и гигантскими арками рынка со стеклянной крышей и затем Королевского оперного театра. В Ковент-Гардене никогда не бывает безлюдно, даже в 4:15 утра.

Когда эта парочка возникла на мониторе компьютера, за которым сидел молодой сотрудник диспетчерского центра, тот восторженно присмотрелся к ним: европейская внешность, не оборванцы, везут чемодан. На улице морозно, они идут быстро – явно не праздношатающиеся. Дежурный диспетчерского центра принял их за путешественников, спешащих на ранний авиарейс, и переключил внимание на другой видеоматериал.

Парочка шла по брусчатке к станции метро «Ковент-Гарден». Вход в зал билетных касс преграждали опущенные ставни, которые поднимут не раньше, чем через полтора часа. Рядом у решетки громоздились две бесформенные груды тряпья – спящие люди.

Дежурный видел, как в 2:30 там улеглись спать два человека. К этому времени пабы и клубы позакрывались, выпроводив последних посетителей, и бездомные, отыскав укромное местечко, могли

спокойно перехватить несколько часов сна. Дежурный постоянно приглядывал за ними, но они не шевелились. Всю последнюю неделю температура каждую ночь опускалась ниже нулевой отметки. Два дня назад он видел, как работница метрополитена вызвала «скорую», обнаружив замерзшую женщину в спальном мешке.

Дежурный откинулся на спинку стула. Двое с чемоданом, все так же с опущенными головами, по-прежнему быстро шли, приближаясь к станции метро. «Видать, торопятся», – подумал он, и затем переключил внимание на компанию парней, появившихся в нижней части экрана. Пьяные, они вихляли по Кинг-стрит. Дежурный пропустил тот момент, когда парочка избавилась от чемодана, оставив его возле спящего бомжа. Почти не замедляя хода, они бросили свою ношу и как ни в чем не бывало продолжали путь, двигаясь в сторону Чаринг-Кросс-роуд.

Пройдя половину улицы Лонг-Эйкр, парочка исчезла с монитора молодого дежурного, которого теперь больше беспокоила компания пьяных парней, двигавшаяся к станции метро «Ковент-Гарден». А те двое, уже без чемодана, возникли на мониторе другого оператора в диспетчерском центре. Потягивая кофе, она присмотрелась к ним, но увидела всего лишь двух человек, которые по холоду спешат домой. А потом ее окликнул молодой дежурный, так как парни теперь пытались вломиться в магазин «Эпл». Оператор встала из-за компьютера. А парочка тем временем дошла до Чаринг-Кросс-роуд и села на ночной автобус.

Глава 42

Кэт Маршалл шел всего лишь пятый десяток. Она бомжевала с лета. В это самое время в прошлом году она осталась без работы и не могла больше платить за жилье. Тогда она подумала, что настал ее черный час: она оказалась за гранью нищеты. Но худшее ждало ее впереди, когда она осталась без крыши над головой. Полгода она гостевала у друзей и пьянствовала, пока все, кого она знала, один за другим от нее не отвернулись. В конце июня одна знакомая неохотно позволила ей ночевать в своей старенькой подержанной машине, что стояла у дома. То была последняя ниточка, связывавшая ее с нормальной жизнью и с адресом, на который она могла сослаться, подавая заявление на получение пособия по безработице. Через несколько дней в доме случился пожар, и пламя перекинулось на машину. Санитары вытащили Кэт из автомобиля, где она успела надыхаться дымом, и ночь она провела в больнице. На следующий день ее выписали без ничего. Она утратила банковские карты, мобильный телефон, паспорт и почти все свои вещи. Несколько дней она ночевала в приютах для бездомных, но с каждым днем становилась все более неопрятной и мрачной. Прежде, идя по улице мимо бездомных, она часто недоумевала, зачем они пьют дрянной дешевый алкоголь. Теперь она узнала ответ. Это был способ забыть о проблемах. Однажды ее весьма зрелищно стошнило у стойки администратора в приюте, где она остановилась, и ее мгновенно выставили за дверь. С тех пор для нее началась уличная жизнь.

Кэт проснулась у запертого входа на станцию метро «Ковент-Гарден» и поняла, что она окоченела. Рядом кричали, но к крику она была привычна. Кэт продрала заплывшие гноем глаза и увидела полицейского в бронежилете, целившегося из пистолета ей в голову. Она шевельнулась. Тело пронзил холод. Она почувствовала, что промокла.

– Полиция! Встать, руки держать перед собой! – гремел голос, вырывавшийся из мегафона. – Резких движений не делать!

Кэт повиновалась, вытащив из теплого спального мешка обе грязные руки, которые тут же обжег холод. Оружия она не испугалась, да и полицейские автомобили, стоявшие на дороге, не вызвали у нее

страха. Участок вокруг станции метро был оцеплен. Кэт инстинктивно повела глазами, ища источник влаги. Однажды она по глупости улеглась спать у заднего фасада большого отеля, близ вентиляционной решетки, из которой дул горячий воздух, а один из гостиничных работников облил ее помоями. Это было в ноябре, и она тогда чуть не загнулась от холода.

– Встать. БЫСТРО! – прогремел голос из мегафона, разрубая неестественную тишину. Светало, но народу вокруг не было.

Кэт принялась выпрастывать свое ноющее тело из спального мешка. Тряпье, которым она обмотала голову, развязалось под подбородком. Потом она увидела рядом с собой большой черный чемодан. Из него натекала огромная красная лужа – и под сам чемодан, и под ее спальный мешок, и ей под ноги. Она подняла руки и издала пронзительный вопль.

Глава 43

Такси высадило Эрику у ее дома в Форест-Хилл. Она расплатилась с водителем и потащила чемодан по парковке. Уезжая в Словакию, она с трудом сумела открыть дверцу такси, теперь же была почти здорова. По крайней мере физически.

Она вернулась рано утром в воскресенье. Прилетела четырехчасовым рейсом из Братиславы, и поскольку дорога из аэропорта Лутон оказалась пустая, к девяти она уже добралась до дома. Последние осенние листья облетели с деревьев, и теперь все вокруг было серым. Эрика открыла входную дверь. На коврике ее ждала груда корреспонденции, в самой квартире было очень холодно. Она поставила чемодан у двери ванной и пошла по квартире, чуть приоткрывая окна, чтобы проветрить комнаты. Включила отопление. Распахнула дверь во внутренний дворик. В гостиную ворвался ледяной ветер. Эрика ступила на квадратный пяточок. В Лондоне воздух был другой, холод – лютый и сырой. Она вытащила сигареты, ключом от квартиры поддела пленку на пачке, содрала ее. Гипс на руке теперь имел не очень опрятный вид, зато на нем красовались подписи Якуба, Каролины, Эвки и Ленки. Эрика провела пальцем по отметинам, оставленным фломастером – по смайлику Якуба, по маленькому сентиментальному сердечку Каролины, по крошечной закорючке, выведенной ручкой Эвки. Впервые ей не хотелось возвращаться в Лондон, и у нее даже мелькнула безумная мысль досрочно выйти в отставку, купить небольшой домик с садиком в Нитре и доживать свой век на полицейскую пенсию – хотя бы раз отдаться на волю судьбы.

Но преступление, что она расследовала перед ранением, и трупы в чемоданах не давали ей покоя, и когда она начала выздоравливать, к ней вернулось хорошее самочувствие, неуемность охватила ее с новой силой.

Эрика выбила из пачки сигарету, закурила. Два небольших деревца в крошечном общем садике теперь стояли голые. Она услышала, как этажом выше отворилась балконная дверь, и быстро спряталась под сам балкон, опасаясь, что ее соседка Элисон с верхнего этажа, неизменно болтливая, замучает ее вопросами, которых у той накопилось множество за те несколько недель, что Эрика гостила у

сестры. До нее доносились шаги Элисон, которая ходила по балкону, двигала стульями, поставила сушку для белья. Нюх у Элисон был как у ищейки, и она, вероятно, уловила запах сигаретного дыма, но если и уловила, намек все же, видимо, поняла, так как в конце концов вернулась в квартиру. Эрика расслабилась, зажгла новую сигарету. Она выкурила ее лишь наполовину, когда раздался звонок в дверь.

– Черт, – пробормотала Эрика. Значит, Элисон все же решила зайти к ней и поболтать. Пока она раздумывала, открывать дверь или нет, звонок повторился. Затувив недокуренную сигарету о подошву туфли, Эрика убрал пачку в карман.

Каково же было ее удивление, когда она, открыв дверь, увидела на пороге командера Пола Марша. С головы до ног в одежде из магазина «Маркс и Спенсер», он протягивал ей коробку шоколада.

– Черт возьми! Так это ты! – воскликнула Эрика.

– Спасибо. Это все, что ты можешь сказать? – улыбнулся Марш. Эрика и Марк познакомились с Маршем в Манчестере, когда все трое проходили там подготовку для службы в полиции, только Марш всегда ставил себе целью дослужиться до высокого чина и потому быстро поднимался по служебной лестнице. Видный мужчина ростом шесть футов и три дюйма[132], он являлся одним из немногих представителей сильного пола, которые были выше Эрики.

– Извини. Думала, это моя болтливая соседка пришла.

Марш наклонился и смущенно чмокнул ее в щеку. Эрика отступила в сторону, пропуская его в квартиру.

– Выпьешь чего-нибудь? – предложила Эрика, забирая шоколад. – У меня есть черный кофе и вода из-под крана.

– А покрепче? – спросил Марш, проходя вслед за ней в гостиную.

– Водка. Только ведь еще утро, нет и десяти.

– Я к тебе с новостями, – сказал Марш. – Меня восстановили в должности.

Эрика перестала рыться в морозилке и выпрямилась.

– Суд состоялся?

– Нет. Доказательств не нашли... ничего конкретного. Так что мой вынужденный отпуск, который длился почти год, подошел к концу. Я восстановлен в должности. Все подозрения с меня сняты.

– Ура! Хоть раз деньги налогоплательщиков пошли на благое дело, – прокомментировала Эрика. Она достала из глубины морозилки

заиндевовшую бутылку водки, наполнила две стопки и одну протянула Маршу. Они чокнулись, она отпила маленький глоток. – Поздравляю.

От работы Марша отстранила новый помощник комиссара – Камилла Брейс-Козуорси, которая на многих наводила страх. Находясь на посту командера, он закрывал глаза на деятельность семьи Гадд, занимавшейся импортно-экспортным бизнесом в Лондоне. В обмен семья Гадд снабжала полицию информацией о криминальных организациях в столице. Марш попросту продолжил политику своих предшественников, которые считали такую сделку выгодной, но Камилла, вступив в должность, усмотрела в этом возможность продемонстрировать свою власть, и Марш был временно отстранен от работы.

– Я возвращаюсь в Луишем-роу. Буду работать оттуда. В моем ведении как командера теперь территории Луишема, Гринвича и Бромли, – сообщил Марш.

– Надо ж, как быстро все меняется. Очень рада за тебя.

– А ты как? – спросил он, глядя на ее загипсованную кисть.

– Не знаю. Завтра иду к врачу.

– Я слышал про Нилза Акермана... – Марш покачал головой. – Тебе просто повезло, что выбралась живой из той переделки с нападением на автомобиль.

– Повезло. И за это тоже надо выпить. – Эрика опрокинула в себя остатки водки, затем взяла бутылку и снова наполнила их стопки. Марш улыбнулся, они чокнулись, снова выпили.

– Отличный напиток... Эрика, почему ты отказалась от повышения? – спросил Марш. Ее удивило, что он так резко сменил тему разговора. – Ты в роли суперинтенданта меня бы больше устроила. Мелани Хадсон немного бесхребетная.

Эрика вспомнила свою последнюю встречу с Мелани, и ей стало стыдно.

– Она не бесхребетная.

– И все-таки: почему ты отказалась?

– В полицию я пошла служить не для того, чтобы заполнять бумажки и просиживать штаны в кабинете. В отличие от тебя.

Марш пропустил ее замечание мимо ушей.

– Эрика, нужно по полной использовать свой потенциал. Ты могла бы иметь по-настоящему большое влияние. Не все начальство –

коррупцированные убудки, каковыми ты нас считаешь.

– И это говорит человек, которого только что восстановили в должности из-за отсутствия доказательств.

– Уф-ф. – Марш опрокинул в себя стопку.

– Извини. Но это так и есть. Такова реальность. – Эрика приподняла загипсованную руку. – Я уже много лет пытаюсь что-то изменить, пытаюсь бороться с системой. И к чему это привело?

– То, что ты говоришь, совсем не похоже на ту Эрику Фостер, которую я знаю... и считаю своим другом.

– Очень скоро дела по убийствам, которые я вела, работая вместе с Нилзом, начнут пересматривать, и контролировать этот процесс я не смогу. А есть еще двойное убийство, которое я расследовала до нападения, и я больше чем уверена, что та следственная группа, которая теперь им занимается, не особо усердствует. В общем, от меня ничего не зависит.

Эрика глотнула водки и поверх стопки посмотрела на Марша. Казалось, он снова стал самим собой. В связи с отстранением он пережил массу неприятностей, да еще и жена от него ушла, забрав с собой двух маленьких дочек.

– Что у тебя с Марси?

– Решили снова сойтись, предпримем еще одну попытку, – расплылся в улыбке Марш. – И она хочет попробовать, и я. И для девочек, думаю, так лучше. Официально я возвращаюсь к ней завтра. Завтра мы заново начнем свою семейную жизнь. – Он протянул к Эрике свою стопку. – Давай еще по одной. По малюсенькой.

Она кивнула, плеснула им обоим еще водки и сказала:

– Я хочу покурить.

Они взяли водку и вышли во внутренний дворик. Эрика закурила и очень удивилась, когда Марш не отказался от предложенной сигареты.

– Не знала, что ты куришь.

– Хочу побаловать себя перед тем, как...

– Перед тем, как вернуться к жене?

Марш закрыл глаза.

– На самом деле ситуация хреновая. Я люблю Марси. Да ты и сама знаешь... – Эрика кивнула. – И дочки... в них вся моя жизнь. Но ведь это Марси ушла от меня к тому типу. А ему двадцать шесть лет.

Красавчик с этакой небрежной прической. Студент художественной школы. Будь это любой другой мужчина... Думаю, она возвращается ко мне из-за денег. Как только меня восстановили в должности, она тут же изъявила желание вернуться.

– Уверен, что именно из-за этого?

– Не знаю... Я не так молод, как он. Не умею смешить ее, как он. Он поощряет ее увлечение живописью. Они даже устроили совместную выставку.

– Пол, не хотелось бы, чтоб мои слова прозвучали некстати, но картины Марси – бездарная мазня, – сказала Эрика.

Марш удивленно посмотрел на нее.

– Правда?

– *Правда.* Как и все это современное искусство в кавычках, что экспонируется в галерее Саатчи – вроде грязных подгузников, степлером прицепленных к холсту, и дурацких селфи. Забрызгал краской холст и назвал это искусством. Чего проще? Ну и как, удалось ей продать хоть одну свою картину? Та, что она «написала» в красных тонах, напоминает мне место преступления.

– Как раз эту ее отец купил за пятьсот фунтов.

– За пятьсот фунтов? Ни фиги себе. Разве художники не должны сначала заслужить право заряжать землю позитивной энергией? А пока не заслужат, все это просто мура, хоть и с солидным ценником.

Марш расхохотался. Эрика взяла бутылку водки и наполнила его стопку. Они долго смотрели друг на друга, а потом Марш наклонился и поцеловал ее. Она поставила бутылку. Он привлек ее к себе. Она не воспротивилась – напротив, стала горячо отвечать на его поцелуи. Его ладони скользнули к ее талии, вытащили из джинсов футболку, пальцы побежали вверх по спине. У нее затвердели соски оттого, что он прижимался к ней мускулистой грудью. Не разжимая объятий, целуясь, они вернулись в гостиную и упали на диван. Эрика принялась расстегивать на нем ремень.

Тишину прорезал звонок в дверь. Марш отстранился от нее. Оба, шокированные, смотрели друг на друга, тяжело дыша. Снова звонок в дверь, более продолжительный. Эрика прикрыла рукой рот, ошеломленная тем, что произошло. Как она могла так забыть?

– Вот черт, – произнес Марш. Резко поднявшись, он застегнул брюки и пригладил волосы.

– Соседка, наверно. – Опять унылая трель звонка. – Пол, сама не понимаю, как это вышло...

– Мне пора. – Он двинулся в коридор. Эрика пошла следом, на ходу заправляя в джинсы футболку. Марш открыл дверь. На пороге стояла Мосс, в своем длинном черном пальто. Ее веснушчатые щеки покраснелись от холода.

– Босс, никогда не догадаешься, что сейчас случилось... – начала она и осеклась, увидев Марша. – О, сэр. Здравствуйте.

– Я как раз собирался уходить, – сказал Марш. – Пока, Эрика. – Он кивнул Мосс и зашагал прочь.

Мосс посмотрела ему вслед – он торопливо шел по общей парковке к своему автомобилю, – потом обратила взгляд на Эрику.

– Я так рада твоему возвращению.

– Я тоже рада тебя видеть, – ответила Эрика, пытаюсь успокоиться. – Войдешь?

– Я слышала, что ты вернулась. Потому и приехала за тобой.

– За мной?

– Да. Мне только что позвонили. У станции метро «Ковент-Гарден» нашли еще один чемодан с трупом.

Эрика вцепилась в дверной косяк.

– Что-о?

– Это, конечно, теперь не наше дело, но я подумала, что ты захочешь увидеть это своими глазами?

– Конечно.

– Отлично. Я на машине.

Взгляд Эрики загорелся. Она схватила пальто, и они вышли на улицу.

Глава 44

Машину Мосс, в которой они с Эрикой ехали, пропустили за оцепление, и им представилась редкая возможность проехаться по мостовой пустынного Ковент-Гардена. Перед крытым рынком покачивалась на ветру огромная рождественская ель. Они миновали небольшую толпу, собравшуюся за оцеплением у Королевского оперного театра, припарковались напротив магазина «Бутс»^[133] и двинулись к полицейскому кордону. На некотором удалении, у станции метро, они увидели микроавтобус судмедэксперта и большой фургон службы технической поддержки столичной полиции. Они подошли к полицейскому, который обеспечивал оцепление, отметились в его списке и зашагали ко второму кордону. Там их встретила молодая женщина, которая дала им бумажные спецкостюмы. Одеваясь, Эрика увидела, что это Ребекка Марч, одна из сотрудниц лаборатории, которую возглавлял Нилз. Они одновременно узнали друг друга.

– Как самочувствие? – поинтересовалась Ребекка, помогая Эрике натянуть рукав на гипс.

– Иду на поправку, – ответила Эрика.

– Я думала, он так странно ведет себя из-за аллергии, – объяснила Ребекка. – Вот идиотка, да?

– Вовсе нет, – возразила Эрика. – Вы – честный работник. А честные коллеги доверяют друг другу. Это Нилз не оправдал ваше доверие.

Ребекка кивнула, и Эрика с Мосс направились к месту преступления. У опущенной решетки, преграждавшей вход на станцию метро «Ковент-Гарден», с левой стороны стояла белая палатка, что обычно воздвигают на месте преступления. Их встретила сотрудница группы экспертов-криминалистов, которую они видели впервые. Она была маленького росточка и с пронзительными зелеными глазами.

– Кариад Хемсуорт, – прозвучал из-под маски ее веселый голос с ярко выраженным ирландским акцентом. От улыбки в уголках ее глаз собрались морщинки. – Я теперь вместо Нилза Акермана. Вы очень вовремя. Мы как раз собирались брать мазки у несчастной дамы, что оказалась замешана во все это.

– Бездомная женщина? – уточнила Эрика.

– Да. Мы проследим, чтобы ей выдали новую одежду и чтобы о ней позаботились. Все ее пожитки теперь упакованы в пакеты и уже на пути в лабораторию.

Кариад завела их в палатку. Там было тесно, под ногами – мозаичный пол вестибюля станции метро. Айзек работал вместе с фотографом, снимавшим место преступления. На плитке лежал раскрытый черный чемодан с жестким корпусом, а в нем – труп голого мужчины с отрезанными окровавленными конечностями. Голова жертвы была отделена от туловища и уложена ему под мышку. Лицо – кровавое месиво, черные волосы тоже в крови. Рядом с чемоданом – большая склизкая лужа крови, которая уже начинала густеть, поблескивая в ярком свете ламп, прицепленных к потолку палатки.

– Привет, – поздоровался Айзек, увидев Эрику и Мосс. Он выпрямился.

Фотограф сделал последний снимок и, обойдя по краю кровавую лужу, протиснулся мимо них из палатки.

– Только приехала и сразу в такое странное место. Не ожидал тебя здесь встретить.

– Да уж. Позже кофе выпьем, – сказала Эрика и с улыбкой добавила: – Рада тебя видеть.

Айзек улыбнулся в ответ и затем перевел взгляд на труп в чемодане.

– Мы полагаем, что жертва – двадцативосьмилетний Дэниел де Соуза.

– Как вам удалось так быстро установить личность? – спросила Мосс.

Айзек передал им два пакета с уликами. В них лежали заляпанные кровью водительские права с фотографией красивого смуглого молодого человека с черными как смоль волосами.

– Лицо разбито. Тело изрублено. И на этот раз убийца, кто бы он ни был, упаковал вместе с трупом документ, удостоверяющий личность, бумажник, ключи и мобильный телефон, – констатировал Айзек.

Кариад извлекла из прозрачного целлофанового пакета листок бумаги и протянула его Эрике.

– И еще он оставил записку, – сказала она.

Эрика забрала у нее одинарный листок бумаги, уголок которого был испачкан кровью. На нем неровным почерком психопата было написано:

«Это Наша пятая жертва. Вы КЛОУНЫ вообще знаете, что мы убили четверых? Вам известно про Томаса Хоффмана и Шарлин Селби, а что же остальные? Как же скучно с вами. Хоть бы попытались выследить нас. Или вы все просто сидите кружком и нюхаете дрянь, что я оставил в пузике Томми? Бай-бай».

– Вот так, – промолвила Эрика, глядя на Мосс. – Значит, их двое.

Глава 45

Перед самым обедом Эрика и Мосс прибыли в Луишем-роу. Они вошли в дежурную часть, где сержант Вулф помогал одной из сотрудниц общественной поддержки полиции наряжать небольшую искусственную елку, что установили у входа.

– Сколько лет, сколько зим, – улыбнулся он Эрике. – Как самочувствие?

– Вполне. В отличие от той красавицы. – Эрика кивнула на потрепанную куклу Барби, которой скотчем прилепили на голову серебряную звезду.

– Да, действительно, будто ее несколько часов продержали в камере, – ухмыльнулся Вулф. Раздвинув кукле ноги, он посадил ее на верхнюю лапу елки, потом обошел стол и нажал на кнопку, пропуская их в закрытую часть отделения. – Рад вашему возвращению. – Вулф подмигнул Эрике. Она стала подниматься по лестнице, прямоком направляясь к кабинету Мелани. Мосс спешила следом.

Эрика постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла. Мелани, сидевшая за столом, подняла голову от компьютера.

– Эрика? Ты откуда? – удивилась она. – Здравствуй, Кейт.

– Здравствуйте, мэм, – смущенно ответила на приветствие начальницы Мосс, вслед за Эрикой входя в кабинет.

– Мы только что с места преступления, – сообщила Эрика. – У станции метро «Ковент-Гарден» обнаружен чемодан с расчлененным телом двадцативосьмилетнего мужчины, и на этот раз убийцы оставили записку.

– Убийцы?

Эрика достала из кармана копию записки, разгладила ее и пододвинула по столу к Мелани. Та взяла записку, начала читать, затем перевернула обратной стороной.

– Ну и дела... Так, стоп, когда это ты вернулась? В принципе ты же еще на больничном... Я собиралась вводить тебя постепенно. И собиралась с тобой поговорить.

– Считай, что уже ввела. Я готова работать и прошу снова поручить это дело мне. Прошу тебя. – Эрика улыбнулась, с надеждой глядя на Мелани.

– Допустим. Где гарантия, что записку написали именно убийцы? – спросила та.

– В прессу мы не сообщали про наркотики, найденные в желудке Томаса Хоффмана, – пояснила Эрика. – Записка подлинная, и преступники по-прежнему нас опережают. Как идет следствие по данному делу? Далеко продвинулись наши коллеги из Центрального Уэст-Энда?

– Не знаю. Думаю, они запихнули его в долгий ящик.

Эрика закатила к потолку глаза.

– Что ж, я вернулась и хочу снова вести это дело. На свободе гуляют двое убийц.

Мелани снова посмотрела на записку и кивнула.

– Ладно. Изложи свои потребности.

Спустя несколько часов Эрика стояла у двери оперативного отдела на цокольном этаже полицейского участка Луишем-роу. Через стеклянную перегородку она видела, что вся ее команда в сборе. Когда она вошла в кабинет, разговоры мгновенно стихли.

– Добрый день, – поздоровалась Эрика. – Очень рада снова видеть вас всех.

– Мы тоже рады, что вы снова на ногах, босс, – сказал сержант Крейн. – Как самочувствие? – Взгляды всех, кто был в комнате, обратились на ее загипсованное запястье, она увидела в лицах жалость. Эрика сделала глубокий вдох и приподняла больную руку.

– Я так скажу: палками и камнями мне можно переломать кости, но ничто не заставит меня отказаться от поиска убийц.

– Отличный слоган, хоть на бампер вешай, – похвалил Крейн.

– Итак. Полагаю, про Нилза Акермана все слышали? Но жизнь продолжается. У нас нет времени предаваться переживаниям из-за предательства бывшего коллеги. И это не должно помешать нам выполнять свою работу в полную меру наших способностей. Каждый из вас – важное звено в данном расследовании.

Все с пониманием закивали головами, их лица стали серьезными.

– Что ж, приступим. В двух словах объясню, что мы имеем, – продолжала Эрика, почесав руку по краю гипсовой повязки. – Сегодня утром у входа на станцию метро «Ковент-Гарден» обнаружен чемодан с расчлененным телом двадцативосьмилетнего Дэниела де Соузы... –

Она показала на снимок с места происшествия, висевший рядом с фото Дэниела, запечатленного на пляже: он улыбался в объектив, фоном ему служили синее небо и песок. – В чемодане с трупом была записка. В ней преступники сообщили, что они убили Томаса Хоффмана с Шарлин Селби, а также Дэниела де Соузу и еще двоих.

– Красивый парень. Он был моделью? – спросил Макгорри, разглядывая фото Дэниела. Макгорри гулял в парке со своей девушкой, когда его срочно вызвали в отделение, поэтому одет он был не поделовому – в джинсы и фуфайку с эмблемой «Челси».

– Понравился, что ли? – пошутил Крейн.

– Нет, просто констатирую факт.

Крейн скорчил гримасу.

– Хорошо, хорошо. Это верное замечание, – вмешалась в их перепалку Эрика. – Мы обязаны учитывать каждую мелочь. Нет, он не был моделью. Работал в одном из фондов хеджирования в Сити.

– Я с самого начала говорил, что убийц, возможно, двое и действуют они в паре, – напомнил констебль Темпл со свойственным ему мягким шотландским выговором.

– Да, и ваше предположение было услышано. Вы молодец. Но мы не должны ограничиваться одними только верными догадками, – сказала Эрика. Она двинулась к другому снимку на демонстрационной доске. – Вот это мы получили с камеры видеонаблюдения на входе перед квартирой Дэниела де Соузы: впереди идет сам Дэниел, за ним – еще двое. Лицо женщины чуть размыто, но, думаю, она молодая. Мужчина у нее за спиной опустил голову, и поскольку на нем бейсболка, лица его не видно. Судя по метке времени, камера засняла их в начале одиннадцатого, вчера вечером... – Эрика показала на соседний снимок. – Спустя почти шесть часов, в 3:47 утра, мы видим, как мужчина и женщина покидают квартиру с большим черным чемоданом. Джон, погасите, пожалуйста, свет.

Макгорри подошел к двери и щелкнул выключателем. Эрика кивнула сержанту Крейну, и тот включил проектор. На демонстрационной доске замелькали черно-белые кадры видеозаписи с изображением Ковент-Гардена.

– Это снято четырнадцать минут спустя, в 4:01 утра. Здесь мы видим, как два человека с чемоданом направляются к станции метро

«Ковент-Гарден». Дом, где жил Дэниел де Соуза, находится от нее в нескольких минутах ходьбы.

Угол изображения изменился, на экране появился вход станции метро. Эрика указала на видео тот момент, когда парочка оставила чемодан возле спящих в ряд бомжей и прошествовала дальше, удаляясь из кадра. Изображение исчезло, и затем пошла запись с камеры видеонаблюдения возле магазина «Авто Селби».

– Теперь еще раз смотрим видеозапись от 12 сентября, когда Шарлин оставила «Ягуар» у автосалона родителей. Мы снова видим ту же неизвестную парочку. У мужчины такие же длинные светлые волосы и фигура, как и у того, что приходил к Дэниелу де Соузе, и женщины тоже во всем схожи.

– Они тщательно старались, чтобы мы не смогли установить их личности, – произнесла Мосс. – Но теперь зачем-то оставили в чемодане документы жертвы, да еще и записку.

Эрика подошла к выключателям и зажгла все лампы в комнате, полицейские поморщились от яркого света.

– Итак. Нужно собрать полное досье на нашу жертву, Дэниела де Соузу. Необходимо установить личности этих двух. Я свяжусь с компьютерщиками. Может, им удастся сделать более четким то размытое изображение женщины с видеозаписи, которую снимала камера у квартиры Дэниела де Соузы. Я также хочу, чтобы тот «Ягуар» из «Авто Селби» сверху донизу проверили на наличие ДНК. Экспертов-криминалистов теперь представляет Кариад Хемсуорт; давайте поставим своей целью добиться от нее предельного внимания к этому делу. А теперь за работу.

Остаток дня пролетел в деловой суматохе. Эрика и сама удивилась, как быстро она вошла в привычный рабочий ритм. Около пяти часов у стола Эрики возникла Мосс с папкой в руке.

– Есть минутка?

– Что такое?

– Я вводила данные по нашему расследованию в систему «Холмс»[\[134\]](#), и кое-что выплыло. Одно необычное дело. Десять дней назад в дренажной канаве на сельхозугодьях был обнаружен труп. В нескольких милях от Оксфорда, неподалеку от шоссе М40.

– Что в нем необычного? – спросила Эрика.

– Это тело мужчины лет под шестьдесят, частично мумифицированное.

– И какое отношение мумифицированное тело имеет к нашему расследованию?

– Система определила сходство в способе убийства. Ему лицо расплющили камнем. Не считая чемодана, эта особенность связывает Томаса Хоффмана, Шарлин Селби и теперь еще Дэниела де Соузу. Убийца в хлам разбил им лица, чтобы их нельзя было узнать. Тело, найденное в дренажной канаве, до сих пор не опознано, но нашим коллегам удалось вытащить из канавы несколько камней, испачканных кровью, и снять образцы волос с одежды жертвы. Одна моя давняя знакомая работает патологоанатомом в криминалистической службе Оксфорда. Я могу с ней связаться.

Эрика взяла у Мосс папку, пробежала глазами материалы.

– Возможно, это и есть четвертая жертва, – заключила она. – Да, позвоните ей.

Глава 46

Домой с работы Эрика вернулась поздно, но она по-прежнему не переставала анализировать известные подробности дела, которое расследовала. На улице было темно, сыро и вообще противно, как это зачастую бывает в ноябре. Отпирая входную дверь, она столкнулась со своей соседкой Элисон, крупной неухоженной женщиной с густыми кудрявыми темными волосами. На ней было длинное пальто камуфляжной расцветки, на поводке она держала огромного серого датского дога.

– О, милочка, то-то мне показалось, что я слышала, как вы приехали, – произнесла она с мягким валлийским акцентом.

– Я только что вернулась... – начала Эрика, вставляя ключ в замочную скважину.

– Из Словении?

– Из Словакии.

– А, ну да. А это не одно и то же?

– Нет. Словения – другая страна...

Эрика открыла дверь, но Элисон продолжала:

– Мне всегда хотелось попутешествовать, но Дейзи стареет, и я не вижу смысла тратить время на оформление ветеринарного паспорта. – Датский дог посмотрел на Эрику грустными глазами и со вздохом улегся на коврик.

– Понятно. Что ж, приятного веч... – стала прощаться Эрика, собираясь войти в дверь.

– Эрика, что-то давненько я не видела вашего парня. Того, что похож на Идриса Эльбу. Ах, какой красавчик!

Эрика пыталась придумать объяснение, которое не выдало бы лишней информации. К тому же она не знала, как теперь дела у Питерсона: они не общались несколько недель.

– Он... м-м-м... болен. Сейчас на больничном.

– Ой, какой ужас. А что с ним? Мой покойный муж страдал мочекаменной болезнью. Говорю вам, камни в почках кого хочешь с ног свалят. Уж как он мучился, когда ходил по маленькому. Прямо писал камнями. Бедняга. Один такой большой вылез, что даже унитаз треснул.

– Нет, у него не мочекаменная болезнь...

– Это хорошо. А сама вы как? Я вижу, кисть повредили. Как это случилось? В теннис играете?

– Нет. Гипс скоро снимут. – В их разговоре вышла крошечная заминка, и Эрика попыталась зайти в квартиру, но Элисон снова ее задержала:

– Пока вы были в отъезде, у нас тут возникла одна проблема. Фионе, домовладелице, нужно было попасть к вам в квартиру, чтобы прочистить трубы. А ключа у нас не было. Вы знакомы с Фионой?

– Нет.

– Мордастая корова. А сейчас похудела, вообще в страшилище превратилась. Представляете, ей с помощью гипноза внушили, что у нее бандажирован желудок.

– В самом деле?

– Да. На уровне подсознания она получила установку, что у нее сократился объем желудка, хотя сама она прекрасно знает, что никакого бандажа у нее нет. И она потеряла шесть стоунов[135]. Я и сама подумываю о том, чтобы сделать себе гипнотический бандаж желудка. Две недели сижу на «Райвите»[136] и хоть бы фунт сбросила.

– Элисон, мне нужно идти, – осадила ее Эрика.

– Ой, конечно, конечно. – Элисон растерянно заморгала, удивленная резким тоном Эрики. – Мне и самой пора, а то опоздаю на свое занятие по танцам на пилоне. – Эрика перевела взгляд с Элисон, стоявшей перед ней в зимнем пальто, на датского дога, лежавшего на полу. – Я посещаю такие занятия, на которые разрешено приходить с домашними питомцами. Для меня это – возможность выйти из дома. А то ведь мне не с кем ее оставить. Я одна в целом свете... – Улыбка, не сходявшая с губ Элисон на протяжении всего разговора, на мгновение погасла. – Пока, Эрика. До свидания. – И она пошла прочь. Дейзи вприпрыжку побежала за хозяйкой.

Эрика зашла в квартиру и закрыла за собой дверь. Потирая лицо, она двинулась в гостиную. На журнальном столике по-прежнему стояли две стопки, что она достала утром. Казалось, несколько дней миновало с тех пор, как к ней заходил Марш. Она вспомнила последние минуты их встречи и поморщилась, а потом подумала о том, что Элисон не постеснялась признать. Что она одна в целом свете. От

этой мысли Эрике стало неуютно. Она задумалась о себе, радуясь тому, что вернулась на службу. Работа была ее страстью, без которой она не могла жить, но внутренний голосок спрашивал: что она будет делать через десять лет, когда ее отправят на пенсию?

Она сняла пальто, налила себе выпить. Потом села на диван, достала телефон, собираясь позвонить Питерсону. Она долго смотрела на его номер, а затем положила телефон, открыла компьютер и продолжила изучать материалы дела.

Глава 47

На следующее утро будильник Эрики зазвонил в самом начале восьмого. Вскоре она вышла на парковку. Еще не рассвело, лужи в выбоинах покрывала ледяная корочка. Мосс ждала ее у своего автомобиля. Эрика поспешила к ней, села в машину, млея от наслаждения: в салоне было тепло.

– Терпеть не могу раннее утро в это время года, – призналась она. Они выкатили на пустынную темную улицу. – Как будто еще ночь. – Она почесала руку там, где кончалась гипсовая повязка.

– Когда снимут?

– Да сегодня должны были, но я отменила прием. Черт, так чешется!

– Обычно вязальной спицей под гипс подлезают, чтобы почесать.

– Я похожа на женщину, у которой дома есть вязальные спицы? – спросила Эрика.

– Тебе обязательно нужно к доктору.

– Я перезаписалась. Один день погоды не сделает.

Мосс пожала плечами:

– Здоровье – прежде всего.

Эрика взглянула на нее и заговорила о другом:

– Откуда ты знаешь этого патологоанатома? Как ее зовут?

– Пэтти Камински. Мы встречались одно время. Я тогда проходила подготовку для службы в полиции, она училась в медицинском, – объяснила Мосс.

– Расстались по-доброму?

– В принципе, да. По моей инициативе. Но это – дела давно минувших дней. Я договорилась, что мы сначала едем посмотреть место преступления.

– Идеальное место для встречи с бывшей возлюбленной, – пошутила Эрика.

Мосс улыбнулась, вращая глазами:

– К слову о бывших: Питерсон не объявлялся?

– Нет. Последний раз мы с ним общались перед самым моим отъездом.

Мосс избегала встречаться с ней взглядом, и Эрика подумала, что она неспроста завела разговор о Питерсоне.

– Ты с ним виделась?

– Да. Ты не против?

– Почему я должна быть против?

– Ну, ты – мой друг, он – мой друг. Я просто хочу, что мы все оставались друзьями. Во всяком случае, мне хотелось бы вас обоих сохранить в своих друзьях.

– И что тебе мешает? Я не из тех, кто ставит ультиматум: или я, или он, – сказала Эрика.

– Отлично, – улыбнулась Мосс. Было видно, что у нее отлегло от сердца.

– Не знаешь, когда он возвращается на службу?

– Да уж скоро, наверно. На этой неделе у него беседа с суперинтендантом. Он заметно прибавил в весе, хорошо выглядит. Я имела в виду, что вид у него здоровый... Может, радио включить?

– Давайте.

Мосс наклонилась вперед, включила радио. В эфире шла передача «Сегодня», и остаток пути они слушали новости.

Через пару часов они подъезжали к Оксфорду. Светало. Они съехали с автострады и завилили между лежащими вокруг деревнями. Окна многих домов уже украшали гирлянды, возле старинных церквушек стояли вертепы. Эрика всегда поражалась тому, как меняется Англия, стоит только выехать за пределы Кольцевой автомагистрали M25. Это был совершенно иной мир, далекий от шума и суеты Лондона.

– По-моему, подъезжаем, – произнесла Мосс, глянув на навигатор на приборной панели. – Ну да, вон церковь, про которую она упоминала.

Они съехали с дороги на маленькую парковку у древней каменной церкви с круглой башней. Красный «Порше», стоявший в углу, мигнул фарами. И тут же зазвонил телефон Мосс, настроенный на режим громкой связи. Она ответила.

– Рада, что вы вовремя! – раздался из трубки сочный голос. – Не выходите из машины, холод собачий. Следуйте за мной. – И женщина отключилась.

Мотор «Порше» взревел, и автомобиль проехал мимо них. Эрика успела заметить, что за рулем сидит женщина с белым как мел лицом и алой помадой на губах. Она оторвала один палец от руля, подняла его вверх.

– По голосу – аристократка, – прокомментировала Эрика.

– Она происходит из старинного богатого рода, – сообщила Мосс.

– Старинная аристократия, нувориши – ненавижу такое деление.

То есть тот, кто разбогател собственным трудом, – плебей, а тот, кто был рожден в праздности, но унаследовал состояние от какой-нибудь тетушки седьмая вода на киселе, считается элитой общества?

– Примерно так.

– Господи, что за страна! – буркнула Эрика, качая головой.

Мосс с трудом попевала за красным «Порше», который с ревом мчался по дороге. Они катили мимо полей, миновали два бесхозных нежилых строения. Потом дорога пошла под уклон, и, повернув за угол, они увидели простирающиеся вокруг поля, которые в лучах зимнего солнца переливались всеми оттенками бурого и черного цветов.

«Порше» ждал их у кювета под белым дорожным знаком старого образца. Мосс пристроилась сзади. Когда она заглушила мотор, они почувствовали, как ветер качнул машину.

Пэтти была миниатюрная, с черными как смоль волосами, которые она гладко зачесала назад и закрепила темно-зеленым бархатным ободком. Одета она была в черные легинсы, веллингтоны [\[137\]](#), объемную коричневую шубу и перчатки.

Эрике, которая была на две головы выше нее, приходилось кричать, чтобы перекрыть шум ветра, завывавшего в полях. Мосс и Эрика, надев высокие резиновые сапоги, вслед за Пэтти спустились по травянистому склону в глубокую канаву, которой с дороги не было видно. Ее дно устилал толстый слой листьев. В канаве было сухо и очень тихо: высокие стенки укрывали их и от самого ветра, и от его воя.

– Труп нашли двое дорожных рабочих, – сообщила Пэтти. Она шла впереди, за ней – Мосс, Эрика замыкала шествие. Они добрались до выходного отверстия огромной бетонной трубы. Пэтти вытащила фонарь, включила его. В трубе стоял запах сухого торфа, под ногами лежали листья, почва растрескалась.

– Я хотела показать вам нутро трубы. – Пэтти осветила фонарем округлые стены. – Ее проложили для отвода сточных вод с окружающих полей, но потом на поле в качестве обводного канала проложили еще одну трубу, в которую перенаправили все ливневые воды, и здесь соответственно стало очень сухо. Когда тело обнаружили, оно было почти полностью засыпано листьями. Труп пролежал в трубе несколько месяцев, но низкая влажность вкупе с азотом, выделяемым медленно гниющими листьями, существенно замедлили процесс разложения.

– Он мумифицировался? – уточнила Эрика.

– Нет, следы гниения присутствовали, но, в принципе, тело высохло. Вообще удивительно, сколь значительно замедляется процесс разложения в определенных условиях. Видите, здесь почти нет насекомых.

– Полиция обнаружила орудие убийства?

– Они тут долго ковырялись, ворошили листья и нашли вокруг тела несколько больших камней и обломков. Их взяли на экспертизу.

Эрика пошла по трубе длиной около пятидесяти футов[138]. Свет тускнел, голоса Мосс и Пэтти удалялись. Здесь царил странная атмосфера, словно воздух, невероятно сухой, давил на нее. Она пару раз сглотнула слюну и ощутила на языке металлический привкус. Эрика вытасила телефон и включила фонарь, освещая сухую торфяную почву. На земле у стенки трубы что-то лежало. Она присела на корточки, направляя на находку луч фонаря. Это был маленький обрывок коричневой нитки, туго намотанный на что-то. Эрика надела на одну руку латексную перчатку и осторожно потянула за нитку, извлекая ее из земли. Оказалось, что это прядь темных волос дюйма четыре[139] длиной, сцепленных на конце ниткой. Эрика положила находку в целлофановый пакетик и запечатала его.

С места преступления они отправились в морг, где Пэтти показала им останки человека, найденного в дренажной трубе. Она выдвинула металлический ящик и расстегнула черный мешок, в котором лежал труп. Его кожа на вид была жесткая и имела странный коричневый цвет, почти как вяленое мясо.

– Он европеец, – сказала Пэтти, обратив внимание на выражение лица Эрики. – Внутренние органы находились в кашеобразном состоянии, но я сумела определить, что они были повреждены. У него

также сломаны нога и ребра, имеется трещина в почечной лоханке. Если заметили, правая бедренная кость торчит из кожи. Судя по характеру повреждений, его сбила машина, и в пользу этой версии свидетельствует близость дороги. Однако по лицу, вот, посмотрите, несколько раз ударили камнем. Его фрагменты я обнаружила в коже. Скулы, нос, челюсть и череп имеют переломы в нескольких местах. Носовые хрящи вдавлены в мозг.

– И эти повреждения не могли появиться в результате столкновения с машиной? – уточнила Эрика.

– Нет. Сила удара пришлась на ребра и ногу, и это говорит о том, что он стоял на дороге, когда его сбил автомобиль. Лицо могло бы пострадать, если б его выбросили на дорогу, но на нем нет следов от наезда. Все повреждения получены в результате нескольких ударов по лицу твердым тупым предметом.

– И документов, удостоверяющих личность, при нем не было, – предположила Мосс.

– Нет. Никаких документов при нем не нашли. Бумажник оказался пуст.

Они смотрели на изуродованный труп, лежавший на металлическом столе.

– Полагаю, кто-то сбил его на машине, а потом добил, чтобы избавиться от мучений, – заключила Пэтти. Она неспешно застегнула молнию на мешке и задвинула труп в холодильник.

– Избавил от мучений, а потом запихнул в дренажную трубу, – добавила Эрика. – Что с криминалистической экспертизой?

– Все исследуется, в том числе несколько обломков бетона с брызгами крови, которые были обнаружены рядом с телом, – ответила Пэтти. – Если вы настаиваете, что эта жертва имеет отношение к тому преступлению, что вы расследуете, я уверена, что мы сумеем провести экспертизы в ускоренном порядке.

– Думаете, мы хватаемся за соломинку? – спросила Эрика по дороге в Лондон.

– Думаю ли я, что мы хотим увязать это убийство с остальными? Да. Тому несчастному раздробили лицо, и эта характерная особенность указывает на то, что, возможно, в данном случае действовали те же преступники. Если экспертиза вещественных доказательств по тому

преступлению установит совпадение с ДНК или биологическими жидкостями, обнаруженными в «Ягуаре» Джастина Селби, возможно, мы сорвем джек-пот.

Эрика кивнула и устремила взгляд в окно, глядя в темноту.

– Мужчина и женщина. Эта особенность тоже вызывает беспокойство. Фоном для совершения убийств служит динамика неблагополучных взаимоотношений.

– По-твоему, что заставляет их убивать?

– Желание поразвлечься, власть, месть, страсть... деньги. Любой или все из этих факторов. Повседневные эмоции пробуждают в человеке все самое худшее.

Глава 48

На следующее утро Эрику вызвали на совещание с суперинтендантом Хадсон и командером Маршем, которое проводилось в большом кабинете на верхнем этаже отделения. Она впервые видела Марша с того утра, когда он заявился к ней домой. Он поприветствовал ее сдержанным кивком. Эрика коротко обрисовала обстоятельства дела, затем поделилась новыми подробностями.

– Теперь у нас есть относительно четкое изображение женщины, приходившей домой к Дэниелу де Соузе. – Эрика показала снимок с камеры видеонаблюдения, на котором было отчетливо видно лицо молодой женщины.

– А кадров с лицом мужчины, с которыми можно работать, не нашлось? – спросил Марш.

– Нет. Айтишники сумели подчистить лицо женщины, но мужчина, видимо, очень осторожный, или ему просто повезло. Он вообще не поднимал голову. Так что подчищать нечего. Однако мы видим, что на нем та же синяя бейсболка «Вон Датч», в которой он засветился на записи с видеокмеры у салона «Авто Селби»: и когда он прибывает к дому де Соузы, и потом, когда они оставляют чемодан в Ковент-Гардене. После они прошли по Лонг-Эйкр и сели на ночной автобус № 155, который идет в Модерн через Вестминстер, Элефант-энд-Касл, Клапам и т. д. Мы попросили «Лондонский транспорт» в срочном порядке представить нам все возможные видеозаписи.

– Мы нашли кого-нибудь из родных Дэниела де Соузы, кто мог бы опознать его тело? С этим желательно бы разобраться до того, как мы выдадим информацию в прессу, – сказала Мелани.

– Да. Час назад тело Дэниела де Соузы опознала его мать. Она живет недалеко от его дома. Два года назад он купил ей квартиру поблизости, в Марилебон.

Марш взял снимки, сделанные на месте преступления: окровавленное расчлененное тело в чемодане; расплющенное лицо – сплошное кровавое месиво.

– Эрика, как мы можем быть уверены, что это именно Дэниел де Соуза?

– Его мать официально опознала тело сына.

– Тело изувечено, обезображено до неузнаваемости. Может, необходим анализ ДНК? Для полной уверенности? – предложил Марш.

– Вчера мы отправили к миссис де Соуза одного из сотрудников по связям с родными. Дэниел де Соуза – кубинец, и на внутренней стороне левой руки он вытатуировал себе марипосу[140]. – Эрика показала фото татуировки, сделанное уже после гибели жертвы. Белый цветок с четырьмя лепестками. Светлые чернила, использованные для окраски изображения, на фоне смуглой кожи создавали эффект призрачного сияния. – Его мать знала про татуировку, и эта примета сыграла ключевую роль при официальном опознании, – ответила Эрика чуть более резким тоном, чем следовало. – Далее. Я хотела бы предать огласке некоторые подробности его убийства. Мы выяснили, что Дэниел – гомосексуал, и я предлагаю разместить данную информацию в соцсетях, ориентируясь в первую очередь на гей-сообщество.

– Хорошо, – согласилась Мелани. – Давайте подключим Коллин Скэнлан.

– Думаете, это убийство на почве гомофобии? – спросил Марш.

– Не знаю. Прежние жертвы принадлежали к другим социальным группам. Просто, на мой взгляд, общество преступлениями не удивишь, о них постоянно говорят и пишут, и если мы сделаем акцент на гомосексуализме, это убийство сразу же выделится на общем фоне и получит более широкое освещение в прессе, – сказала Эрика. – Я отправила патрульных собирать информацию в барах Сохо, и мы рассматриваем несколько мест, где де Соуза был замечен в субботу вечером. – Она помолчала. – Также в поле моего зрения попал неопознанный труп, обнаруженный в дренажной трубе близ М40 и одного из селений в Оксфордшире. Он не был расчленен, но по некоторым характеристикам имеет сходство с расчлененными жертвами.

Марш и Хадсон переглянулись.

– То есть вы думаете, что у нас объявились Бонни и Клайд?

– Не знаю. Как раз об этом я предпочла бы пока не распространяться. Прежде чем публиковать какие-либо заявления, я должна убедиться, что могу связать воедино все эти убийства. И прессе я пока бы не говорила, что убийц двое. Я хочу начать с фотографии женщины. Сейчас я жду от экспертов результатов осмотра

«Ягуара», который Шарлин Селби взяла из автосалона родителей. Я также хочу побеседовать с водителем микротакси, который подобрал всю четверку в Слоу. Насколько я понимаю, в мое отсутствие, пока дело находилось в ведении старшего инспектора Харпера из Отдела по борьбе с наркотиками, ничего не предпринималось. Его попросту запихнули в долгий ящик.

– Но это дело позволило им выйти на широкую сеть наркоторговцев, – указала Мелани.

– Нет. На широкую сеть наркоторговцев им позволило выйти нападение на меня, совершенное двумя наркодилерами мелкого пошиба, – резко возразила Эрика, приподнимая загипсованную руку. Возникла неловкая пауза. Марш и Мелани делали вид, будто изучают материалы, разложенные на столе.

– Думаю, все это в совокупности сыграло свою роль, – примирительно произнес Марш. Эрика с трудом сдержалась, чтобы не закатить к потолку глаза. – И еще, Эрика, проследите, чтобы ваша команда не увлекалась прозвищами – Бонни и Клайд... Тельма и Луиза. Пресса это непременно подхватит.

– Вы плохо думаете о моих людях, сэр. В моей команде нет болтунов. И кстати, это ведь вы дали им прозвища. А журналисты и без нас прекрасно обойдутся, и, к сожалению, мы не можем заткнуть им рты, – возразила Эрика.

– Просто имейте в виду, что глупые прозвища быстро запоминаются, – произнес Марш. – Они разжигают панику в обществе и привлекают его внимание к полиции, и мы всегда предстаем перед гражданами в невыгодном свете.

Эрика посмотрела на него, понимая, что он прибегнул к своей испытанной тактике – уклоняется от удара, одновременно нападая.

– Если б полиция получала нормальное финансирование, меньше занималась саморекламой и меньше беспокоилась о том, что думают о нас граждане, нам было бы проще выполнять свой служебный долг...

– Эрика, – перебила ее Мелани, – позвольте напомнить, что командер сумел отыскать для нас окно в своем расписании фактически по первому требованию.

– И я крайне признательна ему за то, что он соизволил уделить нам время, – парировала Эрика с нотками сарказма в голосе. – А сейчас мне хотелось бы обратиться к общественности за помощью в

установлении личности этой женщины, если вы, конечно, не против, сэр.

Мелани переводила взгляд с Эрики на Марша. Те словно бросали вызов друг другу, и никто не собирался уступать.

– Вы хотели бы еще что-то добавить? – спросила Хадсон, обращаясь к Маршу. Он смотрел Эрике прямо в лицо, и она видела, что в глубине его глаз бушует буря эмоций. Он хотел бы многое ей сказать, но к работе это не имело отношения.

– Это все. Спасибо, Эрика. Держите нас в курсе, – произнес Марш.

И она вышла из кабинета.

Глава 49

После обеда, когда Эрика со своей следственной группой работала в оперативном отделе, Макгорри сообщил, что ее просят к телефону. Она попросила, чтобы звонок перевели на аппарат, который стоял на ее столе. Звонила Кариад Хемсуорт, руководитель группы криминалистов:

– Эрика, здравствуйте. Мы закончили осмотр «Ягуара». Выявлено пять наборов отпечатков пальцев: Шарлин Селби, Томаса Хоффмана, Джастина Селби, как я и ожидала, поскольку он является владельцем автосалона. Еще два набора, возможно, принадлежат той парочке, которая засветилась на видеокамере, когда они выходили из машины.

В оперативном отделе стоял гвалт, и Эрика жестом велела всем говорить тише.

– Эксперты также сняли отпечатки в квартире Дэниела де Соузы, – продолжала Кариад. – Среди них присутствуют те же два набора, принадлежность которых не установлена. Мы получили частичный отпечаток большого пальца и отпечаток указательного.

Эрика разрубила воздух рукой в гипсе, и все мгновенно умолкли, глядя на нее.

– Со мной также связалась по телефону Пэтти Камински, моя коллега из полиции долины Темзы в Оксфорде. Вы встречались с ней вчера по поводу неопознанного трупа.

– Да.

– Ее коллеги методом окуривания суперклеем исследовали два больших камня, что нашли в дренажной трубе рядом с телом, и им удалось снять один вполне пригодный отпечаток большого пальца. Он совпал с одним из отпечатков, обнаруженных в «Ягуаре» и в квартире Дэниела де Соузы.

Эрика стиснула в руке трубку телефона:

– Эти отпечатки будут приняты судом в качестве доказательств?

– По всем отпечаткам совпадение по двенадцати точкам. Мы также дополнительно проводим анализы ДНК генетического материала, оставленного на отпечатках пальцев, но это займет чуть больше времени.

– Спасибо... – начала Эрика.

– Это еще не все, – перебила ее Кариад. – Мы провели сравнительный анализ ДНК пряди волос, что вы обнаружили в дренажной трубе. Волосы принадлежат некоей Рейчел Тревельян. Она живет в Оксфорде, ей сорок пять лет, в 2009-м она была арестована за нанесение телесных повреждений. При аресте у нее взяли мазки для проведения анализа ДНК, но обвинение с нее было снято. Все вышеизложенные сведения я пересылаю вам по электронной почте. В том числе адрес ее проживания.

Положив трубку, Эрика поделилась информацией со следственной группой. Комната взорвалась радостными восклицаниями и возгласами.

– Вы оказались правы, босс! – вскричал Макгорри, расплываясь в улыбке. – Прямо как чувствовали, что все убийства связаны между собой.

Мосс выкинула вверх кулак. Крейн кивнул Эрике и поднял вверх два больших пальца – так держать!

– Да, это серьезный шаг вперед...

– Шаг вперед? Это чертовски блестящий успех! – поправил Эрику констебль Темпл. Его шотландский акцент слову «чертовски» придал особую смачность.

– Я говорю «серьезный шаг вперед», ведь нам еще предстоит установить личности двух главных подозреваемых, – напомнила Эрика.

– Коллин Скэнлан только что прислала сообщение по электронке, – доложила Мосс. – У нее все готово к тому, чтобы предоставить СМИ кадр видеозаписи, и, бог даст, его покажут в новостях уже сегодня вечером. Она также выкладывает в соцсети информацию о том, что Дэниел де Соуза был гей. В сообщениях не говорится точно, что это преступление на почве ненависти, но обстоятельства преступления указывают на это. Будем надеяться, что они привлекут внимание и заставят народ обсуждать и комментировать их в чатах и на форумах.

Эрика и ее команда оставались в оперативном отделе до тех пор, пока Лондонская служба Би-би-си в вечерних новостях не передала обращение полиции. В отделении Луишем-роу команда операторов была готова принимать звонки, но телефоны молчали.

Эрика решила дать себе короткую передышку и что-нибудь перекусить. Она спустилась в дежурную часть, где сержант Вулф, у которого заканчивалась смена, передавал дежурство другому полицейскому.

– Что случилось с рождественской елкой? – полубопытствовала Эрика, не увидев ее в углу. – Неужели кто-то пожаловался, что у нас здесь на всеобщем обозрении стоит религиозный символ?

– Нет, – мотнул головой Вулф, надевая пальто. – Тут на днях нарика одного привели на допрос и оставили в дежурке. А он начал жрать игрушки.

– Шутите?

Вулф покачал головой:

– Слупил две игрушки и полгирлянды мишуры, и я только потом заметил, и то потому, что он начал давиться. К счастью, я успел вырвать у него мишуру до того, как он потерял сознание.

Эрика прикусила губу.

– Простите. Это не смешно.

– Смешно, но обидно. С елкой было веселее, – сказал Вулф. – Такое впечатление, что все хорошее, что есть в этом мире, либо уничтожают, либо отнимают у нас. – Они вышли на крыльцо. Несмотря на колючий холод, небо было ясное. – Что ж, ладно. Доброй ночи, – попрощался Вулф.

– Вы разве не на машине?

– Нет, я общественным транспортом. На легком метро быстрее. – Он замотал шею шарфом и зашагал к станции.

Эрика пошла на парковку. Минуя большой синий «Спейс Крузер», стоявший на парковочном месте Марша, она глянула в его окно и увидела жену Марша, Марси. Эрика смущенно махнула ей рукой и двинулась дальше, но Марси опустила стекло и окликнула ее:

– Эрика, привет! Давненько не виделись. – Марси была одного возраста с Эрикой, но, обладая безупречно чистой кремовой кожей, длинными темными волосами и точеными чертами лица, она покоряла своей почти неземной красотой.

Эрика подошла к машине и увидела на заднем сиденье двух маленьких девочек, споривших из-за айпада.

– А вместе нельзя? Вы же обе хотите смотреть «Свинку Пеппу». Не пойму, из-за чего вы ссоритесь, – раздраженно бросила дочерям

через плечо Марси. Девочки были близняшками с длинными темными волосами, и уже сейчас было заметно, что они унаследовали красоту матери. – Прости, Эрика. У нас вечно сумасшедший дом. Как твои дела? Говорят, у тебя случилась стычка с какими-то подонками.

Эрику немного покорило, что нападение на нее Марси низвела до уровня сказок Энид Блайтон[141].

– Да, – натянуто улыбнулась она, – сломанное ребро, хлыстовая травма, швы, перелом кисти. – Эрика приподняла руку в гипсе.

– Тебе же вроде предлагали повышение. Нужно было соглашаться. Работать в кабинете куда безопаснее. – Марси повернулась к дочкам, которые в благоговении таращились на Эрику. – Девочки, помните тетю Эрику? Она – подруга нашего папы.

Обе малышки послушно воззрились на нее через стекло и затем в один голос ответили:

– Нет, мама.

– А я помню вас с тех пор, когда вы только родились. И несколько раз бывала у вас дома, – сказала Эрика.

– Девочки не помнят тебя, вероятно, потому, что обычно ты ломилась в дверь поздно ночью.

Последовала неловкая пауза. Они обе молча смотрели друг на друга. На крыльце отделения появился Марш. Он сбежал по ступенькам и направился к своей машине.

– Папа, папа, папа! – закричали девочки, завертевшись в своих креслах. Марш подошел к задней дверце, открыл ее и принялся отстегивать у дочек ремни безопасности.

– Привет, крошки! – Девочки, выбравшись из автокресел, обхватили отца маленькими ручонками. На обеих были одинаковые розовые пальтишки, синие брючки и розовые кроссовки.

– Ой-ой, как же крепко мама вас пристегнула.

– Не хочу, чтоб они привыкали лазать по салону, – объяснила Марси.

Эрика заметила, что, разговаривая с мужем, она от недовольства раздувает ноздри.

– Марси, ты могла бы воспользоваться детским замком на дверцах. Нужно отстегивать их, когда стоишь на парковке, – отчитал жену Марш и добавил: – Сообщите, если обращение даст какие-то результаты. – Эрике в лицо он не смотрел.

– Всенепременно, сэр. Я на минутку отлучилась, сэндвичем перекусить...

– Если ты за сэндвичем, давай мы тебя подбросим? – предложила Марси.

Вот этого Эрика в британцах не понимала: сначала они оскорбят тебя язвительным замечанием, а потом, чтобы загладить свою грубость, предложат подвезти.

– Нет, спасибо. Я сама за рулем, – отказалась Эрика. Полил дождь, и она подняла воротник пальто. – Рада была встрече, Марси. И с вами тоже, девочки.

Но на Эрику уже никто не обращал внимания: Марси и Марш пререкались, снова усаживая дочерей в автокресла. Эрика бегом кинулась к машине и села за руль, наслаждаясь тишиной. Она дождалась, когда Марси уедет, и только потом завела мотор. Проезжая мимо центрального входа, она увидела, что на крыльцо вышел Питерсон, в джинсах и черной зимней куртке. Лицо его уже не казалось худым и изможденным. Эрика замедлила ход и опустила стекло.

– Привет, как дела? – спросила она. – Ты здесь откуда?

– Встречался с суперинтендантом по поводу своего возвращения. На службу.

– Она об этом не упоминала.

– Наверно, это конфиденциальная информация, – пожал он плечами.

Эрика видела, что Питерсон мокнет под дождем.

– Ты не на машине?

– Нет. На поезде приехал.

– Давай подвезу до станции?

Питерсон поразмыслил с минуту, затем спустился с крыльца и сел в ее машину. Они оба с минуту мешкали, не зная, как себя вести. Потом Питерсон наклонился и смущенно чмокнул ее в щеку.

– Как ты сама? – спросил он, видя, что ее рука все еще в гипсе.

– На днях должны это снять, и я опять как новенькая, можно снова в бой. Ты тоже почти стал самим собой.

– Да, пошел на поправку, когда...

– Когда я уехала? – подхватила Эрика.

– Нет, я хотел сказать: когда мне правильно подобрали лекарства и я стал нормально есть и спать. Набрал почти два стоуна[142].

– Ты возвращаешься на полный рабочий день?

– Да, через пару недель.

– И куда ты попросился? В Отдел расследования убийств?

– Да. Тебя это не устраивает? Первые недели я все равно буду работать с документами, – ответил Питерсон.

– Если тебя это устраивает, меня – тем более. Ты, на мой взгляд, блестящий офицер, великолепно работаешь в команде, в любой команде.

– Отличная характеристика. Спасибо.

– Я не характеристику тебе давала.

Дождь теперь колотил по крыше автомобиля. Они подъехали к станции, Питерсон поблагодарил ее и вылез из машины.

– Джеймс, подожди, – выпалила Эрика. Стоя под проливным дождем, он нагнулся к дверце машины. – М-м... Мы можем быть...

– Мы можем быть друзьями, – закончил он за нее. Под дождем его пальто быстро темнело. – Ты это хотела спросить? Можем мы быть друзьями?

– Да. Думаю, так было бы проще. Пусть все идет своим чередом. И я знаю, Мосс будет рада.

Питерсон кивнул, смаргивая с ресниц капли дождя.

– Ладно, мне пора.

– Пока.

Он захлопнул дверцу и побежал под крышу станции «Луишем». Эрика проводила его взглядом. Ее радовало, что она видит в нем прежнего Питерсона, радовало, что они решили остаться друзьями. Легко сказать! Не так-то просто работать вместе, имея за плечами столь тяжелый багаж прошлых взаимоотношений.

Сигнал телефона заставил ее вздрогнуть. Звонила Мосс:

– Босс, ты где? Мы установили личность той девушки.

– Я здесь рядом, за углом. Кто она такая?

– Некая Нина Харгривз, девятнадцати лет.

– Ошибки быть не может? Источник надежный?

– Надежный. Девушку опознала ее мать. Она позвонила нам по горячей линии.

Глава 50

Было уже очень поздно, когда мать Нины Харгривз, Мэнди, приехала в Луишем-роу. Поручив одному из патрульных купить для них приличный кофе, Эрика и Мосс поднялись вместе с ней в большой кабинет для совещаний на верхнем этаже отделения.

– Миссис Харгривз, спасибо, что согласились приехать к нам. – Эрика жестом предложила ей устроиться на большом диване у окна в углу комнаты. Вдвоем с Мосс они развернули два стула из тех, что стояли вокруг длинного стола, и сели напротив. На данном этапе Эрика хотела, чтобы их беседа носила как можно более неофициальный характер. Она не исключала, что Мэнди располагает ценной информацией, а лучший способ разговорить человека – это создать ему такую обстановку, в которой он мог бы расслабиться. Патрульный принес капучино.

– Спасибо, – поблагодарила Мэнди, взяв один стакан, который она обхватила обеими руками. Миссис Харгривз была миниатюрная женщина лет пятидесяти пяти, очень красивая: чистая оливковая кожа, распущенные длинные темные волосы ниже плеч. В полицию она пришла в джинсах и облегающем черном свитере. Выглядела она моложе своего возраста.

– Что заставило вас позвонить нам? – спросила Эрика.

Мэнди отпила из стакана кофе.

– Мне кажется, что в тюрьме ей будет безопаснее.

Эрика и Мосс переглянулись.

– Вам известно, почему мы ее разыскиваем?

Мэнди кивнула:

– Соседка увидела в «Фейсбуке». Снимок с камеры видеонаблюдения. Постучалась ко мне. Я пошла к ней, и мы вместе посмотрели репортаж по лондонскому Би-би-си.

– Ваша дочь разыскивается в связи с убийством, нам необходимо ее допросить.

– Знаю.

– И вы подтверждаете, что на этом снимке именно она? – Эрика вытащила из папки распечатанный кадр видеозаписи.

Мэнди взяла распечатку и прикусила губу.

– Да. Похудела...

– Мы также считаем, что она причастна к гибели еще двух человек и, возможно, еще одного, или стала свидетелем его смерти.

Мэнди охнула и затем расплакалась. Ее руки тряслись так сильно, что кофе из стакана выплеснулся на пол.

– Ой, простите, простите.

– Пустяки. – Мосс схватила салфетки и помогла ей убрать за собой. Мэнди взяла одну салфетку и промокнула глаза. По лицу ее растекалась тушь.

– Я не общаюсь с Ниной уже почти год... Не то чтобы она пошла вразнос... Ее отец, мой муж, умер, когда ей было одиннадцать лет. Сердечный приступ. Он занимался доставкой товаров, много времени проводил за рулем, питался всухомятку, вот и... Нина была мне опорой. Это я пала духом, а она заботилась обо мне, поддерживала как могла... Она у меня одна.

– Почему между вами возникло отчуждение? – поинтересовалась Эрика.

– После школы все ее друзья продолжили учебу в университетах, а она растерялась. Не знала, как ей быть. Я хотела, чтобы она училась дальше, но университет нам был не по карману, да и она сама не горела желанием, и я подумала, какой смысл заставлять ее залезать в долги на следующие двадцать лет. Она устроилась на работу в местное кафе. А там работал один парень, старше ее, и она влюбилась в него по уши. Его зовут Макс Киркхэм. – Мэнди шмыгнула носом и затем вытерла его салфеткой.

– И они до сих пор вместе?

Мэнди взяла снимки, распечатанные с видеозаписи.

– Я абсолютно уверена, что это он. – Она показала на изображение мужчины в синей бейсболке «Вон Датч», прятавшего лицо от камеры видеонаблюдения.

Эрика посмотрела на Мосс. У той брови взлетели под самые волосы.

– Почему вы уверены, что это именно Макс Киркхэм? – спросила Эрика.

– По виду это он. Те же волосы, нос, хоть изображение и нечеткое. И потом, она смогла бы избавиться от него лишь в одном случае – если бы их поймали или один из них умер. Только тогда она вернулась бы

ко мне... – Мэнди покачала головой. По ее щекам снова заструились слезы.

– Что вам известно о Максе Киркхэме?

Мэнди взяла у Мосс еще одну салфетку и промокнула глаза.

– Очень мало. Родителей у него нет, насколько я знаю. По его словам, они оба умерли, и его определили в детский дом. Другой родни у него нет. У него какие-то жуткие увлечения: теории заговора, иллюминаты, оружие. Он пытался поступить на службу в армию, но его не взяли – по причинам психологического характера. Он коллекционирует охотничьи ножи. И я знаю, что он сам мастерил пневматические ружья.

– Сколько ему лет?

– Ему... ему исполнилось тридцать. Мы ходили к нему на день рождения.

– Мы?

– Я и мой бывший партнер. Мы с ним расстались шесть-семь месяцев назад. То торжество было весьма поучительным. Если, конечно, можно назвать торжеством пьянку в пабе, устроенную компанией злых молодых белых парней. В тот вечер между нами и началось отчуждение. Мне не нравилось, что она связалась с этим Максом, а потом пошло-поехало.

– В каком пабе это было? – спросила Мосс.

– По-моему, в «Белой лошади» на Каррадин-роуд, в Крауч-Энде. Это настоящая дыра – жуткое, отвратительное заведение. В тот вечер я попыталась увести ее с собой, забрать домой – хотела, чтобы она покинула это чудовищное место, и пусть бы Макс сам отсыпался и трезвел после всего, что он там выпил и наупотреблял... Но он, даром что пьяный, зорко следил за ней, словно глаза имел на затылке, хотя народу вокруг была тьма тьмушая. Протиснулся к нам с другого конца бара и стал меня оскорблять. Обозвал непотребным словом. – Мэнди покачала головой. – А Нина приняла его сторону, заявила, что это я нарываюсь на скандал. Сказала, чтобы я шла домой и успокоилась. Сказала, что я его расстроила. Я расстроила *его*. – Она снова покачала головой. – После той вечеринки они и съехались. Точнее, она переехала к нему.

– Вам известно, где они поселились?

– Нет.

– Вы не знаете ее адреса? – изумилась Мосс. Мэнди посмотрела на нее.

– У вас есть дети?

– Да, сын маленький.

– Стать чужим человеком для собственного ребенка – это очень страшно. Я не знаю, что может быть ужаснее. Я пыталась поддерживать с ней связь. Но она перекрыла мне доступ к своей страничке в «Фейсбуке», удалила мой номер из своего телефона. Отмежевалась от всех друзей. Исчезла с лица земли. Я наняла частного детектива, но он оказался никудышным и обошелся мне в целое состояние. Так и не смог ее найти. Подруга Нины, Кэт, сумела отыскать ее через какую-то подругу своей подруги и зайти на ее страничку в «Фейсбуке», но она перестала ее обновлять. Это убеждает вас в том, что я не законченная бессердечная стерва?

– Простите, – извинилась Мосс. – Могу только догадываться, как вам, должно быть, тяжело.

– Да, и мы очень благодарны вам за то, что вы согласились приехать к нам в столь поздний час. У вас есть фотография Нины? – спросила Эрика.

– Ее фотографий у меня много, и есть одна, где она с ним, – устало произнесла Мэнди. Она взяла свою сумку и достала из нее маленький фотоальбом в пластиковой обложке. – Его фото в самом конце. Я сохранила его лишь затем... подумала, что, возможно, придется отдать снимок полиции.

– Вы думали, что Макс может кого-то убить?

– Нет, я думала, что Макс убьет Нину.

Эрика и Мосс взяли альбом, быстро пролистали его. В нем были собраны фотографии Нины разных лет. На той, где ей десять, она позировала в костюме брауни [\[143\]](#) у рождественской елки. Лицо такое же милое, как у матери; обаятельно-дерзкая улыбка, руки в боки. Видимо, Нина была спортивным ребенком: на другой фотографии она была запечатлена с какой-то светловолосой девочкой в бассейне. Еще на одной она сидела на диване с кошкой на руках. Потом пошли ее фотографии позднего подросткового периода. На одном снимке она сидела в ресторане, рукой закрывая объектив; на подбородке были заметны угри. На самой последней фотографии, в конце альбома, Нина

стояла за барной стойкой кафе в белой униформе – куртке и колпаке; ее волосы были убраны под специальную сеточку.

– Этот снимок я сделала без ее ведома, – прокомментировала Мэнди. – В ее первый рабочий день в кафе «У Сантино». Там, где она познакомилась с Максом.

– Когда это было? – спросила Эрика, показывая на фото.

– В августе прошлого года.

– Долго она там проработала?

– Пару месяцев. Их обоих уволили за прогул. Потом они подали заявление на получение пособия по безработице, хотя Макс торгует наркотиками на стороне. Это и есть его настоящий доход.

Эрика нашла снимок, вложенный за клапан задней обложки. Он был сделан у машины на солнечной улице, вдоль которой стояли стандартные домики. Нина сидела рядом с симпатичным длинноволосым блондином. На ней были розовые шортики и белая футболка. Ноги голые, длинные волосы стянуты на затылке в хвостик. Она смотрела на Макса, держа его под руку. Он был в футбольных трусах, спортивной майке и бейсболке.

– Можно взять это фото? – спросила Эрика.

– Да. Затем я его и принесла.

С минуту они все молчали.

– Господа полицейские, что будет с Ниной? Она сама не своя, он задурил ей голову. Она напугана, и, думаю, выполняет его указания под принуждением. Я просто хочу, чтобы она была в безопасности. Вы примите это во внимание, если поймаете его и ее?

– Да. Это мы учтем, – ответила Эрика. Мосс посмотрела на нее. Они обе знали, что Эрика говорит Мэнди то, что та желает услышать.

В дверь постучали, и в кабинет вошла молодая женщина – сотрудник полиции.

– Мэнди, это констебль Кей Прайс, – представила вошедшую Эрика. – Она отвезет вас домой. Мы будем контактировать с вами через нее.

– Это все?

– На данный момент да. Как только у нас появится новая информация, мы свяжемся с вами.

– Рада знакомству, – с улыбкой произнесла Кей, пожимая Мэнди руку.

– Да, вот еще что, – сказала Мэнди, поднимаясь с дивана. – Во время одного из последних разговоров по телефону Нина сказала, что ездила с Максом отдыхать. Куда-то в Девон. Звонила она с таксофона. Не знаю, что случилось с ее мобильным телефоном. Она сообщила, что на нее напали и Макс как-то с этим разобрался.

– Что значит «как-то разобрался»?

– Она повесила трубку. Я перезвонила. Набрала «192», пытаюсь выяснить, с какого номера был совершен звонок. Оказалось, что с таксофона у шоссе, которое ведет в Оукгемптон. Вернувшись домой, она отшутилась по этому поводу и больше об этом никогда не говорила. Объяснила, что они тогда выпили. Но голос у нее был не пьяный. Казалось, она...

– Какой у нее был голос? – спросила Эрика, тронув Мэнди за плечо.

– В нем слышался ужас. Голый ужас... – Миссис Харгривз снова заплакала. – Вот уже многие месяцы я почти не сплю. Не живу, а существую. Личная жизнь полетела под откос... Я видела в новостях, что они сделали с тем парнем. Тут одно из двух: я увижу дочь либо по другую сторону стола в тюремной комнате для свиданий, либо в морге. В любом случае, это будет хоть какая-то определенность.

Эрика смотрела на Мэнди, думая про себя, что только крайняя безысходность и полнейшая обреченность могут заставить мать произнести такое.

Глава 51

На следующий день рано утром, в самом начале шестого, вооруженная опергруппа прибыла в Кеннингтон. Эрика и Мосс сидели в микроавтобусе службы технической поддержки, который поставили за углом от центрального входа в здание высотного многоквартирного дома – закоптелого сооружения эпохи 1970-х, втиснутого в лабиринт жилых построек, которые тянулись от станции метро и «Овала»^[144]. Через собес они установили, что Нина Харгривз и Макс Киркхэм проживают в однокомнатной квартире на первом этаже дома «Баден-Пауэлл». После чего Эрика быстро собрала вооруженную опергруппу для задержания обоих подозреваемых. Их имена не упоминались в сообщениях СМИ, подготовленных предыдущим вечером, но все равно существовала вероятность, что они видели репортажи и попытаются скрыться.

В микроавтобусе было очень холодно. Эрика и Мосс наблюдали по монитору, как группа захвата окружает здание, занимая позиции для штурма. Команду из двенадцати крепких бойцов возглавляла инспектор Паркинсон – решительная рыжеволосая женщина.

– Она – прямо копия меня, только худая и с ружьем, – пошутила Мосс после того, как Эрика в 3:30 утра провела инструктаж в отделении Луишем-роу.

– Мы на позиции. В квартире – никакого движения, свет нигде не горит, – зазвучал из рации голос Паркинсон.

– Будьте готовы к возможному нападению сверху, – ответила ей Эрика.

– Наши глаза всюду – и сверху, и снизу. Чертовски опасный квартал... – В эфире появились помехи, и рация замолчала.

Эрика не являлась непосредственным руководителем операции по задержанию подозреваемых – ее проводила инспектор Паркинсон. Но со времен Манчестера она впервые работала в составе вооруженной опергруппы и потому очень нервничала.

Рация снова затрещала, и сквозь помехи прорвался голос Паркинсон:

– Включаем камеры. – На мониторе, что стоял на столе перед Эрикой и Мосс, засветилось шесть экранов.

– Чудеса современной технологии, – прокомментировала Мосс.

На груди каждого бойца группы захвата был закреплен портативный видеорегистратор с функцией ночного видения, с которого в беспроводном режиме и передавалось изображение. Оно было зеленым и зернистым, но с трех разных ракурсов они ясно видели огромную освещенную парковку, на которой стояло несколько автомобилей. Еще одна видеокамера показывала бетонный коридор, в который выходили двери квартир на первом этаже. На пятом и шестом экранах они видели улицу и противоположную сторону здания.

В этой операции использовалась новая технология. Оперативников столичной полиции лишь полгода назад снабдили портативными видеокамерами, и Эрика с Мосс впервые наблюдали их в действии.

– Мы заходим, – доложила инспектор Паркинсон. Зернистое изображение на экранах верхнего ряда задрожало, поскольку группа захвата стала крадучись пробираться вперед.

На экранах крупным планом появилась дверь подъезда. Две другие камеры показывали бетонный коридор: два бойца заняли позиции по обе стороны от общей лестницы. Три бойца группы захвата, помимо видеокамер, были экипированы очками ночного видения.

По этому поводу возник спор на экстренном совещании с Маршем и суперинтендантом Хадсон.

– Это заселенный многоквартирный дом. Квартиры очень маленькие, подъезды освещены, – аргументировал Марш. – Парковку заливают свет прожекторов, весь Лондон переливается огнями.

И тогда Эрика сообщила начальству, что она беседовала с Мэнди Харгривз, от которой узнала, что Макс помешан на армии и оружии.

– Мы понятия не имеем, что обнаружим там, а ждать, когда рассветет, мы не можем, – указала она. – Вы, должно быть, в курсе, что приборы ночного видения разрешают использовать для всякой ерунды. Стаффордширский совет санкционировал их применение для слежки за собачниками, которые не подбирают дерьмо за своими питомцами. Полиция Суиндона с их помощью ловила банду воров, промышлявших на огородах. А мы проводим операцию по задержанию преступников, виновных в гибели нескольких человек!

Марш внял ее доводам и дал добро.

Эрика и Мосс наблюдали на мониторе, как группа захвата приближается к квартире подозреваемых. Продвигались они медленно, и потому изображение не прыгало. Но видеокамера, передававшая изображение от подножия лестницы, зафиксировала звук шагов, а затем из-за поворота появились два парня в спортивных костюмах и бейсболках. Совсем еще юнцы, при виде вооруженных людей они вытаращили глаза от страха.

– Назад, по домам, – шикнул на них оперативник. На экране мелькнула рука в перчатке, отсылавшая юнцов прочь. Те повернулись и припустили вверх по лестнице.

– О, начинается, – произнесла Мосс, показывая на экран, на котором один из оперативников стоял у окна квартиры.

– Кухня выходит сразу в общий коридор, – заметила Эрика. Изображение на экране потемнело, поскольку оперативник приблизился вплотную к окну, заглядывая в комнату. Последовала долгая пауза, затем рация разразилась треском и невнятным голосами. Четыре видеокамеры внезапно отпрянули от входной двери, и участки помещения стали стремительно исчезать с монитора.

– Что происходит? – спросила Эрика. – Вы меня слышите?

– Все назад, быстро, – зазвучал из рации голос инспектора Паркинсон. – Повторяю: все назад. Немедленно. Похоже, в кухне установлено самодельное взрывное устройство, на большом столе. На вид – маленькая граната, подсоединенная к проводу.

– Черт, – выругалась Эрика, поворачиваясь к Мосс.

– Необходимо эвакуировать весь дом и срочно вызвать саперов, – сказала Паркинсон.

Глава 52

Ранним утром, в половине восьмого, может, чуть позже, Мариэтта Хоффман пришла на кладбище Банхилл-Филдс и направилась к могилам. Солнце только-только всходило, расцветившая небо золотисто-голубыми красками. Высокие деревья стояли голые, и ее белые кроссовки казались грязными на фоне оранжево-багряных листьев, ковром устилавших траву. Мариэтта несла две хозяйственные сумки: в одной лежали купленные продукты, в другой, поменьше, – ветоши и чистящие средства. Сюда, на этот островок покоя среди бушующего хаоса, даже гул дорожного движения едва пробивался. Мариэтта любила раннее утро, когда день только нарождался, суля массу новых возможностей. Она купила билет моментальной лотереи с выскребным сектором, который сейчас лежал в сумке вместе с молоком, сливочным маслом и свежим хлебом из непросеянной муки. Мысль о нем наполнила ее надеждой. Она навестит могилы, а затем вернется домой, нальет себе чашку душистого крепкого чая, приготовит парочку горячих тостов со сливочным маслом. Потом попытает счастье в лотерею. В прошлом месяце в гастрономе «Теско Метро» на ее глазах одна женщина выиграла 500 фунтов по билету моментальной лотереи стоимостью в один фунт, – а та, между прочим, на вид была вполне обеспеченной. Теперь наступил следующий месяц, и наверняка кому-то еще должна улыбнуться удача. Лично для нее даже сто фунтов были бы подарком небес.

Кладбище находилось менее чем в миле, от жилого комплекса «Пинкхерст», где жила Мариэтта, в квартире на первом этаже. Она часто навещала сюда, ей нравилось бродить среди заросших мхом надгробий. Встречались даже изысканно украшенные могилы – с надгробными памятниками из декорированного резьбой мрамора, которые венчали ангелы и херувимчики. Она часто останавливалась возле них, читая надписи на могильных плитах, установленных аж в XIX веке. В этих могилах покоились молодые женщины, скончавшиеся от чахотки, и младенцы, которые умерли от желтухи через несколько дней после появления на свет.

Пару недель назад возле скамеек на лужайке она развеяла пепел Томаса. У нее не было средств на то, чтобы купить место на кладбище

или поставить могильный камень, и ей пришлось просить денег на кремацию у муниципалитета.

Лишь мельком глянув на те скамейки, Мариэтта свернула налево, на гравийную тропинку. В конце длинного ряда надгробий, там, где из-под земли выпирал толстый корень дуба, стояла квадратная могильная плита из простого черного гранита, на котором золотыми буквами были выбиты имена ее отца и матери. Родители купили место на кладбище незадолго до того, как его закрыли для новых захоронений. Оно было переполнено, как и весь остальной Лондон.

Мариэтта опустила на землю сумки, взяла совок для мусора, щетку и принялась за дело, подметая листья у основания надгробия. Потом достала тряпку, вытерла плиту, тщательно очистив от пыли и грязи золотую гравировку.

Мэй Джин Киркхэм

Умерла 1/02/1981

Дерек Киркхэм

Умер 23/03/1982

– Ну вот, теперь полный порядок. – Мариэтта выпрямилась и, на секунду положив тряпку сверху на плиту, полной грудью вдохнула холодный утренний воздух. Она полагала, что в столь ранний час будет на кладбище одна, но за деревом в соседнем ряду мелькнуло что-то цветное.

Из-за его ствола выступили Макс и какая-то девушка, шедшая за ним следом. На обоих были бейсболки с низко надвинутыми на лоб козырьками. Мариэтта отметила, что девушка выглядит тощей и изможденной. Лавируя между надгробиями, Макс поспешил к ней. Он нес рюкзак, девушка – тоже.

– Привет, мама, – поздоровался он.

Поджав губы, Мариэтта сунула тряпку в сумку.

– Это Нина, моя девушка.

– Я видела ее фото в новостях вчера вечером, – сказала Мариэтта, взглядом окинув Нину с ног до головы. – На фотографии ты полнее. Тебе так было лучше.

Нина не знала, что на это ответить.

– Здравствуйте. Рада знакомству. Я не знала...

– Не знала, что у него есть мать?

– Он мне не говорил.

– Я от него отказалась. Это он тебе сообщил? Отдала приемным родителям. А потом, через много лет, он меня отыскал... Хотя лучше бы не находил, если хочешь знать мое мнение. – Мариэтта подняла с земли сумки и зашагала прочь.

Нина с огорчением во взгляде посмотрела на Макса.

– И что нам теперь делать? – прошипела она.

Макс покачал головой, улыбнулся и кинулся догонять Мариэтту. Он поравнялся с ней и пошел рядом, отстегивая одну лямку на своем рюкзаке.

– Я дам тебе пять штук прямо сейчас, наличкой, и еще пять, когда мы будем уходить, – сказал он, вытаскивая из рюкзака одну из украденных пачек пятидесяток. Мариэтта остановилась. Медленно опустив сумки на землю, она взяла деньги, пальцами провела по краю пачки, перебирая купюры, понюхала их, что выглядело довольно комично. Потом бросила взгляд в сторону Нины, топтавшейся в конце тропинки.

– Что ей известно?

– Все. В том числе про Томаса и Шарлин. На самом деле Шарлин прикончила она.

Мариэтта поджала губы и, склонив набок голову, еще раз смерила взглядом Нину.

– По мне, так сопливая она. Избалованная цыпочка. Любительница острых ощущений, что ли?

Макс приблизил свое лицо к лицу Мариэтты.

– Слушай ты, старая карга. Деньги эти настоящие. И эти тоже. – Он показал ей еще одну пачку купюр достоинством пятьдесят фунтов. – Взамен мы хотим перекантоваться у тебя несколько дней. У меня есть план. Оглянуться не успеешь, как мы свалим с твоей облезлой башки.

Мариэтту, казалось, больше обидело не оскорбительное «старая карга», а то, что он назвал ее голову «облезлой башкой».

– Ладно, – согласилась она.

– Тебе не любопытно, где я достал эти деньги?

– Нет. – Она взяла пачку банкнот и спрятала ее в карман пальто. – Где твоя машина?

– Возле гаража.

Мариэтта вытащила из другого кармана связку ключей.

– Иди заведи машину в гараж. А я отведу ее домой. Встречаемся там.

Макс взял ключи и метнулся к деревьям.

– А ты бери сумки, – велела Мариэтта, протягивая Нине свою ношу. Та забрала у нее сумки. – Пойдем, я поставлю чайник.

Бросив взгляд вокруг, Нина нехотя последовала за Мариэттой.

Глава 53

Прошло несколько часов, прежде чем саперы обследовали весь дом и установили, что других взрывных устройств в нем нет. Маленькое взрывное устройство, найденное на столе в кухне, они обезвредили и унесли с собой для проведения более тщательной экспертизы. Незадолго до полудня Эрика и Мосс с командой экспертов-криминалистов вошли в квартиру, в которой жили Макс и Нина. Осматривая их крохотное жилище, Эрика была поражена тем, как мало здесь вещей. В холодильнике из продуктов – лишь просроченное молоко и небольшая баночка спреда. В ванной – только кусок мыла, бритва и пустая коробочка из-под тампонов. В гостиной – самая необходимая мебель и маленький телевизор. Ни журналов, ни DVD-дисков.

– Думаешь, они выбросили все свои вещи, когда СМИ показали фото Нины Харгривз? – спросила Мосс.

– Не знаю. Или же они – приверженцы минимализма, – предположила Эрика. В дверях в конце коридора появился один из криминалистов в защитном снаряжении.

– Взгляните сюда, – окликнул он их.

Эрика и Мосс пошли на его зов и оказались в спальне. Эрика не сразу сообразила, чем она отличается от других комнат. По всему периметру от пола до потолка громоздились книги – сотни книг самых разных форматов и толщины. Напротив кровати у стены стоял маленький шифоньер, а на нем и вокруг него тоже висели стопки книг. Стен вообще видно не было, не считая небольшого участка над дверью. Постель была не заправлена, в комнате пахло затхлостью.

– Прямо клуб книголюбов, – пошутила Мосс. Эрика услышала, как эксперт-криминалист, лицо которого скрывала маска, сдавленно фыркнул. Она подошла к шкафу, распахнула его. В нем висело кое-что из одежды: дешевое женское тряпье устаревших моделей, две пары стареньких джинсов. Эрика увидела также ворох нижнего белья, а внизу – порножурналы. Она натянула латексные перчатки и вытащила один из стопки. В нем демонстрировались жесткий секс, бандажные сцены. На одной фотографии была изображена привязанная к столу молодая женщина с шариковым кляпом во рту. Ее вытаращенные глаза

полнились страхом, на коже в области груди и живота, имевшей цвет свежей ссадины, проступали капельки крови. Возле нее стоял с плеткой обнаженный мужчина в кожаном шлеме. Эрика быстро пролистала журнал: каждая следующая фотография была страшнее предыдущей. Она насчитала двадцать семь журналов, рядом с которыми высилась стопка перезаписываемых DVD-дисков. У нее за спиной появилась Мосс.

– Босс. Тебе нужно на это взглянуть.

Эрика положила журналы на место и прошла к правому углу кровати. На первый взгляд казалось, что книги сложены по цвету обложек, но при более близком рассмотрении она заметила, что отдельные названия встречаются во множестве разных изданий.

– У него семнадцать экземпляров «Майн кампф», все в одной стопке. И двадцать пять «Врат Януса», – сказала Мосс.

Эрика вытащила одну из книг и, глядя на обложку, прочитала:

– «Врата Януса: серийные убийства и их анализ с точки зрения болотного убийцы Иэна Брейди»[\[145\]](#).

С обложки на Эрику смотрел рисованный портрет Иэна Брейди. От его гипнотического пристального взгляда ей всегда становилось не по себе.

– В каждом издании на каждой странице он делал пометки, – сообщил эксперт-криминалист, быстро пролистав две другие книги. – Здесь также книги о Холокосте, гипнозе, книги по психологии и философии. Вся стена с левой стороны от гардероба заложена разными изданиями Библии, Ветхого и Нового Завета, Танаха, Корана. Есть шестьдесят четыре экземпляра «Американского психопата»[\[146\]](#)...

Эрика обвела взглядом стены и увидела, что, несмотря на обилие книг, исходных названий здесь набралось бы чуть более сотни. Остальные представляли собой переиздания.

– Законом не запрещено коллекционировать разные издания одной и той же книги или читать религиозные тексты, – заметила она.

– Да. У моей жены, например, есть старое и новое издания «Великолепной пятерки»[\[147\]](#), – сказал криминалист.

– В первых книгах так явно подчеркиваются классовые различия, правда? – поделилась Мосс. – А когда я читала сыну новые романы, меня поразило, как сильно они отличаются от первых.

– Какое отношение это имеет к нашему расследованию? – спросила Эрика.

– Что ж, действительно, иметь и читать книги – не преступление, – заключил эксперт-криминалист. – Любой человек вправе читать разноплановую литературу и знакомиться с различными трактовками. Это не значит, что он обязательно согласен с ними. Несмотря на экстремистский характер этой своеобразной библиотеки... меня больше тревожит не печатный текст, а та жуткая порнография в шкафу. Те женщины – живые люди и в реальности пережили то, что запечатлела фотокамера. А все эти книги... это лишь нагромождения слов на бумаге.

– И то верно, – согласилась с ним Мосс. – Но как там говорится? Перо могущественнее меча?

Эрика уже хотела повернуть разговор в другое русло, но тут в дверях появилась коллега криминалиста.

– Мы нашли кое-что в коридоре, – доложила она.

Они проследовали к большому зеркалу, которое сняли со стены. Криминалист в резиновых перчатках протянула им маленькую тетрадку. Эрика взяла ее и стала листать страницы дневника с аккуратными записями, сделанными синими чернилами.

– Это ее дневник, – произнесла Эрика, пробегая глазами записи.

– Лежал в углублении за зеркалом, – сообщила криминалист.

В кухне на окне опустили жалюзи и выключили свет. В коридоре сразу потемнело.

– Закройте, пожалуйста, двери во все остальные помещения, – попросил чей-то голос. Женщина-криминалист, обнаружившая дневник, поспешила закрыть двери в гостиную, ванную и спальню. Их всех накрыла крошечная тьма.

С дневником в руке Эрика двинулась к выходу на кухню, которая тоже была погружена в темноту. Раздался щелчок, и комнату озарил ультрафиолетовый свет. Один из криминалистов опустился на корточки у черного хода. Держа в руке ультрафиолетовую лампу, он медленно вел ее луч от двери к тому месту, где стояли Эрика и Мосс. Свет рассеивался, пока луч не достиг центра комнаты и не выхватил люминесцирующие остатки огромной лужи крови, которая простиралась в поперечнике на несколько метров. Брызги крови также виднелись на шкафах, холодильнике и на свободном участке стены.

– Боже, – выдохнула Мосс. – Здесь, наверно, была жуткая резня.

Глава 54

Немного позже в тот же день Эрику вызвали на совещание в Скотленд-Ярд, расположенный в центральной части Лондона. Она прибыла одна, и ее сразу же провели в кабинет для совещаний на верхнем этаже здания.

Войдя туда, она увидела, что все уже собрались и ждут только ее. Во главе длинного полированного стола восседала помощник комиссара столичной полиции Камилла Брейс-Козуорси. В полном «боевом» облачении: красивый модный костюм пастельного голубого цвета, массивное золотое ожерелье; на ногтях красный лак в тон губной помаде. Недавно она очень коротко постриглась, и сейчас ее белокурые волосы были разделены на косой пробор. Мосс назвала ее прическу «макиавеллевским бобом». Подле Камиллы сидела ее референт, приготовившаяся делать записи. Слева и справа от Камиллы заняли места командер Марш и суперинтендант Хадсон; на встречу с высоким начальством они принарядились. За Мелани сидела Коллин Скэнлан. За Маршем – незнакомые мужчина и женщина, в очень дорогих костюмах. Эрике они показались одного возраста.

– Прошу прощения за опоздание. Меня только недавно уведомили о том, что я должна быть на этом совещании. Я приехала прямо с места преступления, – объяснила Эрика, глянув на свою гипсовую повязку, неопрятные черные брюки, мятую блузку и длинное черное пальто со следами дактилоскопического порошка. Пригладив волосы, она опустилась на стул подле Коллин и кивнула сидевшим напротив незнакомцам, но те проигнорировали ее приветствие.

– Не волнуйтесь, Эрика. Вы как раз вовремя, – успокоила ее Камилла с присущей ей снисходительностью в голосе. – Что ж, начнем.

Эрика посмотрела на мужчину и женщину, глазами ища на них бейджики с фамилиями, но таковых не было. Интересно, почему Камилла их не представила? Должно быть, важные особы, заключила она, ведь для чая и кофе подали фарфоровые чашки, а также кувшинчик с молоком и рафинад в сахарницах. Коричневый и белый. Эрика провела на ногах всю ночь и большую часть дня, у нее

пересохло в горле, и потому она налила себе горячий чай и положила в чашку два кусочка сахара.

Совещание открыла Мелани. В нескольких словах она обрисовала ситуацию, сложившуюся ранним утром, когда группа захвата прибыла в Кеннингтон, и подтвердила, что взрывное устройство, обнаруженное в квартире преступников, не имеет отношения к терроризму.

– Спасибо, – поблагодарила ее Камилла. – Прежде всего мне хотелось бы обратиться к событиям, которые привели к тому, что к операции была привлечена группа захвата... Насколько я могу судить, Эрика, вы отправились на задержание, не обладая достаточной информацией?

Удивленная, Эрика опустила на стол чашку.

– Мы заблаговременно поставили в известность отдел по борьбе с терроризмом...

– Здесь отдел по борьбе с терроризмом представляю я, – произнес мужчина, впервые подав голос – ровный и довольно резкий.

– Значит, вы должны быть в курсе, – ответила ему Эрика.

– И вас уведомили, что в настоящее время уровень террористической угрозы оценивается как «серьезный»[\[148\]](#).

– Позвольте узнать, кто вы?

– Я же сказал: я представляю отдел по борьбе с терроризмом.

– Думаю, – вмешалась Камилла, – мы все встревожены тем, что это устройство могло сдетонировать и привести к катастрофическим людским потерям. Нас беспокоит, Эрика, что процедура не была соблюдена должным образом. Вы представляете, какой это вызвало переполох? Что мы привлекли огромные ресурсы для эвакуации жильцов не только одного этого дома, а всего района? – Склонив набок голову, Камилла воззрилась на Эрику.

Та почувствовала, как в ней всколыхнулся гнев.

– Мэм, мы установили личности Нины Харгривз и Макса Киркхэма. Ничто не давало повода предположить, что они могут использовать взрывное устройство. Как я уже говорила, с отделом по борьбе с терроризмом мы связались, а в данном районе, насколько нам известно, не действуют никакие террористические группировки. Макс Киркхэм, будучи подростком, привлекался к суду за мелкую кражу; Нина Харгривз судимостей не имеет.

– Мать Нины Харгривз сообщила, что Макс Киркхэм помешан на пневматическом оружии, – напомнила Камилла, глядя в свои записи.

– Совершенно верно. Именно поэтому члены группы захвата были в бронежилетах и с боевым оружием. Эта операция была проведена по всем правилам. Но зачастую возникают непредвиденные обстоятельства. На мой взгляд, команда, возглавляемая инспектором Паркинсон, заслуживает наивысшей похвалы: они действовали надежно и эффективно... – Эрика посмотрела на женщину, что сидела напротив нее. – Позвольте узнать, а вы кто?

Та смущенно заерзала на стуле.

– Я представляю Министерство внутренних дел. Будь это теракт, нам пришлось бы созывать заседание Чрезвычайного комитета при правительстве. Но, разумеется, это уже не ваша компетенция.

Эрика улыбнулась, сиюсь сохранять самообладание.

– Прошу прощения, но я вынуждена повторить: это был не теракт.

– В центральной части Лондона обнаружено взрывное устройство, – указала женщина. Она развела руками, с насмешливым недоумением обведя взглядом присутствовавших за столом. – Кеннингтон – густонаселенный район столицы. А если б это было химическое оружие или ядерное устройство? Нам пришлось бы превратить в закрытую зону весь центр города, в том числе Вестминстерский дворец. *Пострадали бы миллионы людей.*

– Вы абсолютно правы, – ответствовала Эрика. – Только не пойму, зачем меня пригласили на это совещание?

– Эрика... – начал Марш, свирепо глядя на нее, но она продолжала:

– Оторвали от расследования тяжкого убийства нескольких лиц. Но если вы все хотите поговорить по существу того, что случилось минувшей ночью, что ж, прекрасно. Прошу занести в протокол, что мне пришлось буквально зубами вырывать приборы ночного видения для двух оперативников из группы захвата.

– Эрика, сейчас не время и не место диктовать свои требования относительно снаряжения и финансового обеспечения сотрудников полиции! – прикрикнула на нее Камилла.

– Прошу прощения, мэм, но именно сейчас и время, и место. Потому что офицеры, работающие «на земле», не имеют возможности донести до начальства эти проблемы. Приборы ночного видения стоят

по триста фунтов за штуку, а в полиции их не хватает. Если б те двое оперативников приступили к выполнению задания без приборов ночного видения, они взломали бы дверь в квартиру, тем самым приведя в действие взрывное устройство, и наверняка погибли бы. А, как верно заметила сидящая напротив безымянная дама, это устройство могло представлять собой что угодно: «грязную» бомбу[149], ядерный боеприпас. Это я все к тому говорю, что оперативники должны быть экипированы с учетом всех возможных обстоятельств. Наверно, никто не хотел бы прочитать в газетах, что центр Лондона превратился в радиоактивную запретную зону и более необитаем из-за нехватки шестисот фунтов. Но, разумеется, как здесь было заявлено, это отнюдь не моя компетенция.

Дрожа от возбуждения, Эрика откинулась на спинку стула. За столом повисла гнетущая тишина.

– Пол? Мелани? Вы – непосредственные руководители Эрики? Ваши соображения по этому поводу? – спросила Камилла, нарушая молчание.

Глава 55

Марш ехал в лифте вместе с Эрикой и Мелани. Он был вне себя от ярости.

– Простите. Но я отвечаю за каждое слово, что сказала там, – заявила Эрика.

– Ты подставила под удар мою задницу.

– Ты сам подставил свою задницу под удар!

– Эрика... – предостерегающе произнесла Мелани.

– Простите, нет. Я не намерена извиняться за то, что сказала правду. Не надо считать меня душой. Я знаю, что меня вызвали туда в качестве козла отпущения. Они искали стрелочника, на которого можно было бы возложить вину за то, что сегодня утром пришлось проводить дорогостоящую эвакуацию.

– Эрика, деятельность полиции напрямую зависит от выделяемых бюджетных средств. Как ты этого не понимаешь?! – негодовал Марш.

– Нет. Деятельность полиции напрямую зависит от того, как ею управляют люди! Полицейские! А кто были те два пиджака? Чиновники из МВД, верно? Почему они не сочли нужным представиться мне, хотя бы из приличия? Как же надоели все эти шпионские игры! Чего, спрашивается, приперлись на совещание, если сидите как надутые индюки! Почему мы не можем работать в одной связке? Почему обязательно нужно сталкивать лбами подразделения, провоцировать борьбу за власть? Сил уже нет.

– Тебя пригласили исключительно по рекомендации суперинтенданта Хадсон! – рявкнул Марш.

– Премного благодарна, Мелани, – сказала Эрика.

– Она – твой начальник, и будь добра обращаться к ней как положено! – заорал Марш.

– Спасибо, мэм, – поправилась Эрика. Она знала, что ее спокойствие злит Марша, и продолжала в том же духе: – У меня создалось впечатление, что из всех, кто был на совещании, только я одна искренне болею за это дело и заинтересована в поимке Нины Харгривз и Макса Киркхэма.

– Ты никогда не понимала, как функционируют правительственные ведомства и как нам приходится

взаимодействовать с госслужбами, – заметил Марш.

– Нет такого человека, который больше бы, чем я, стремился раскрыть это дело, – сказала Эрика. – А это совещание было пустой тратой времени. Лучше б я осталась в отделении. Та квартира вся была залита кровью. Эксперты определили четыре типа крови. Мы нашли дневник, принадлежащий, по-видимому, Нине Харгривз, и в нем описаны подробности их преступлений.

– Ты знаешь, где они могут находиться? Есть какие-то предположения? – спросила Мелани.

– Нет. Вот по этому поводу и следовало проводить совещание. Их жертвами стали как минимум четыре человека, и, думаю, узнали мы об этом лишь потому, что они сами так захотели. Мы имеем дело с очень опасными преступниками.

Они спустились на первый этаж, дверцы лифта открылись. Они вышли на улицу. Собирался дождь. Марш все еще кипел от злости:

– Мелани, контролируй процесс следствия, которое ведет Эрика. Похоже, ее, как обычно, надо держать в узде. И на будущее запомни: Эрика не должна бывать на совещаниях с участием высокого руководства.

– Слушаюсь, сэр.

Автомобиль Марша ожидал у обочины. Он подошел к нему, сел, не предложив им вместе с ним доехать до отделения.

Когда его машина тронулась с места, Эрика повернулась к Мелани:

– Ладно, я все сама слышала. Я буду работать вместе с тобой по этому делу. Мы всегда ладили, и я тебя уважаю.

– Все нормально, Эрика. Говоря между нами, мне очень понравилось, как ты отчихвостила их за урезание бюджета. Хотя с министерскими крысами нужно быть осторожнее. Они слишком далеки от реальности.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика.

– Марш вертелся как уж на сковородке, когда Камилла его отчитывала.

– Думаю, Марш скучает по прежнему помощнику комиссара. Он умел польстить Оукли, знал, как им манипулировать.

– Итак, каковы твои дальнейшие шаги, Эрика?

– Хочу поработать с результатами криминалистической экспертизы, покопаться в окружении Макса и Нины, в фактах их биографий. Их нужно найти во что бы то ни стало.

– Наверняка есть человек, который с ними заодно или укрывает их, – сказала Мелани.

– Мы заблокировали паспорт Нины Харгривз; у Макса Киркхэма паспорта вообще нет. Оповещены все аэропорты, порты и железнодорожные вокзалы. Их фотографии разосланы в правоохранительные органы по всей стране.

– Почему ты умолчала об этом на совещании? – спросила Мелани. – Голова-то на плечах у тебя есть, насколько я могу судить.

Эрика пожала плечами:

– Сглупила, знаю. Но меня всю воротит от высших чинов, которые не имеют ни малейшего представления о работе полиции.

– Ясно. Не знаю, куда сорвался Марш, но ему через час нужно быть здесь.

– Зачем?

– Вы вдвоем должны сделать официальное заявление для прессы, – ответила Мелани.

Глава 56

Вечерело. Нина и Макс находились в тесной ванной Мариэтты. Макс сидел на табурете перед зеркалом, Нина только что закончила возиться с его волосами, ножницами сделав ему стрижку почти под «ноль».

– Блин, башке сразу холодно стало. – Придвинувшись к зеркалу, он провел ладонью по короткой щетине.

– Тебе идет. У тебя идеальная форма черепа.

– А ты, дорогуша, идеально отсасываешь. – Он встал и расстегнул ширинку, заставляя ее опуститься на колени.

– Макс! Нет. Нет. Твоя мама то и дело шастает мимо ванной. А дверь не запирается.

– Ее это заведет, вот увидишь. – Он разделся догола и залез в крошечную душевую кабинку.

Нина принялась подбирать с пола длинные светлые волосы Макса. Убедившись, что он за ней не наблюдает, она улучила момент и украдкой сунула одну его прядь в карман. Потом обвела взглядом неопрятную ванную с раковиной и унитазом цвета авокадо и вязаными чехлами для туалетной бумаги в виде испанских сеньорит. Квартира Мариэтты ей показалась замызганной и немного жутковатой. Когда они только пришли, Мариэтта сделала ей чай с тостом и достала старые альбомы. Нина полагала, что она хочет показать ей фото маленького Макса, но все десять альбомов были заполнены снимками Мариэтты в ее бытность мажореткой, выступавшей на конкурсах и парадах.

– Будь здесь как дома, милая, – сказала она, слегка тронув Нину за коленку. – Но если я замечу, что ты прикоснулась к той шляпе или жезлу, ноги переломаю.

Нина ждала, что Мариэтта рассмеется или скажет, что пошутила, но та и не думала. Проследив за взглядом Мариэтты, Нина увидела над диваном висевшие на крючках шляпу и жезл и пообещала не прикасаться к ним.

– Вот и молодец. Думаю, мы с тобой нашли общий язык, – произнесла Мариэтта.

Нина посмотрела на себя в зеркало. Она уже коротко постригла свои волосы, прежде доходившие ей до плеч, обесцветила их и теперь выглядела совсем иначе. Склонив голову набок, она любовалась собственным отражением. Поразительно, как мгновенно преобразилась ее внешность. Макс принял душ и, открыв дверь кабинки, протянул руку за полотенцем. Получив его от Нины, он шагнул на коврик.

– Ну, как тебе мой план? – спросил он, глядя на нее в зеркало.

Нина смотрела на свое отражение, кусая губу.

– Ладно, давай попробуем. Только обещаю, что они не пострадают.

– Клянусь. Никто не пострадает, – пообещал Макс. Он раскрыл на себе полотенце и прижался к ней своей твердеющей плотью. Не устояв перед соблазном, она опустилась на колени и взяла в рот его член.

План начал формироваться у них немного раньше этим же вечером, когда два офицера полиции перед зданием Скотленд-Ярда выступили с заявлением относительно убийства Дэниела де Соузы, официально увязав его с двумя другими убийствами – Томаса Хоффмана и Шарлин Селби.

Макс поискал информацию об этих офицерах в Интернете и с интересом прочитал все, что нашел, о старшем инспекторе Эрике Фостер. Она потеряла мужа в ходе операции по захвату нарколаборатории, а несколько лет назад поймала серийного убийцу, Симону Мэтьюз, о чем написала «Дейли мейл». Вырисовывался портрет одинокой трудоголички, не имевшей ни детей, ни друзей, и Макс решил, что на нее делать ставку бессмысленно. Ей некого терять.

Он задал поиск на командера Пола Марша и нашел любопытную статейку, напечатанную в 2015 году в одной из районных газет южной части Лондона. В ней говорилось, что командер Марш принял участие в «Любительском забеге в Хилли-Филдс», который проводился в помощь благотворительной организации «Комик релиф»^[150]. В образе Леди Гаги он пробежал шесть миль и тем самым помог собрать на благотворительные цели 10 000 фунтов. Статья сопровождалась фотографиями. На одной Пол Марш был запечатлен вместе с женой Марси, которая сшила для него костюм. Но внимание Макса привлек снимок, помещенный под статьей. Как только он его увидел, у него сразу загорелись глаза.

На том фото Марш позировал с женой и двумя маленькими дочками. Макс сосредоточенно изучал снимок. Девочки были близняшками. Звали их Мия и Софи. Две миленькие куколочки.

– Готов поспорить, за них много дадут, если их украсть, – произнес Макс.

– Это ты о чем? – спросила Нина.

– Если похищают обычного ребенка, полиция всегда заявляет, что выкупы они не платят. У них правило такое: не платить за похищенных. Но если украсть ребенка или детей полицейской шишки, держу пари, они заговорят по-другому.

Глава 57

Утром следующего дня Нина и Макс приступили к осуществлению своего плана. Коммандер Пол Марш в «Фейсбуке» зарегистрирован не был. В отличие от Марси. Доступ на ее страничку был ограничен, но «лайки» были видны всем. В частности, Марси писала, что ей нравится детский сад «Желуди», расположенный в районе Хилли-Филдс на юге Лондона. Они задали в интернете поиск по именам и узнали адрес Пола и Марси. Те жили на Хилли-Филдс-роуд, то есть меньше чем в миле от детского сада «Желуди».

Они запросили сведения по детскому саду «Желуди», и оказалось, что его администрация ищет воспитательницу на неполный рабочий день. Макс знал, что приятная девушка европейского типа с произношением, свойственным представителям среднего класса, располагает к себе окружающих; он велел Нине позвонить в детский сад и задать несколько стандартных вопросов о предлагаемой работе. Присев рядом с ней, он внимательно слушал ее разговор. Первые несколько минут Нина рассказывала секретарю директора детского сада о своем «опыте работы» и, когда контакт был налажен, начала выуживать информацию.

– Ваш детский сад посещают дети одной моей подруги, – сказала Нина. – Я специально не упомянула это сразу, чтобы не ставить вас в неловкое положение. Это Марси Марш. Она говорит, ее близняшкам у вас очень нравится.

Секретарь на другом конце провода чуть замешкалась. Нина терпеливо ждала, когда та подтвердит или опровергнет ее предположение.

– Ой, да, такие славные девчушки, – наконец ответила секретарь. – Софи и Мия. Похожи друг на друга как две капли воды. Но вы, наверно, и сами знаете. Марси еще одевает их одинаково, так что зачастую малышей вообще не отличить!

Макс, сидевший подле Нины и слышавший все, что говорила секретарь, поднял вверх оба больших пальца.

– Да, всякий раз, когда мы идем в магазин, Марси, увидев что-то интересное из одежды для девочек, первым делом спрашивает, есть ли у них две одинаковые вещи одного размера!

– Не болтай лишнего! – одними губами произнес Макс. Нина кивнула.

– Что ж, ладно. Я была бы рада работать у вас. По каким дням вы принимаете заявления о приеме на работу?

– Понедельник, вторник, среда.

– Отлично. – Помедлив, Нина решила глубже прозондировать почву: – Значит, я и девочек тоже увижу.

– Да, они ходят каждый день, кроме четверга. Марси определила их на четырехдневку. Четверг она сама проводит с дочками.

– Да, да, она обожает с ними возиться... Ладно. Супер. Я скачала бланк заявления с вашего сайта. Теперь я должна его заполнить и отослать вам?

– Напомните, как вас зовут? – спросила секретарь.

– Келли. Келли-Луиза Тредуэлл, – ответила Нина.

– Именно так, Келли. Присылайте свое заявление. Желаю удачи!

Нина положила трубку. С минуту они оба молчали. Телефон они принесли наверх и теперь сидели на ковре перед ванной.

– Ты гений, – похвалил ее Макс.

– Сомневаюсь, – ответила Нина, испытывая дурноту. Ее потрясло то, с какой легкостью она выудила нужную информацию. – Даже если мы решимся на это, как, по-твоему, мы заявимся в детский сад и заберем с собой близняшек? Тем более что там будет Марси.

– Ее там не будет, – сказал Макс. – Об этом я позабочусь.

– Ты же обещал, что никто не пострадает?

– Никто и не пострадает. Но она, Марси, для нас – главное препятствие, которое нужно обойти. Мы найдем способ выдать тебя за новую няню, и ты заберешь детей. Просто надо придумать, как это сделать. Во-первых, мы должны завладеть телефоном Марси, а ты научишься имитировать ее голос. Типичные шпионские штучки.

Макс улыбнулся и наклонился к Нине, собираясь ее поцеловать, но она от него отодвинулась.

– Ты должен пообещать, что мы только похитим их. Но не причиним им никакого вреда. Я серьезно, Макс.

– Ну, конечно, Нин. Это же две маленькие девочки. Детей я никогда не обижу. Мы увезем их максимум на сорок восемь часов. Они будут в тепле и безопасности. Сколько им сейчас? Через несколько лет

они об этом уже и не вспомнят. Мы приготовим для них настольные игры, сладости.

Нина смотрела в глаза Макс. Они казались такими искренними. Он взял ее за руку.

– Это наш билет в новую жизнь. В новую совместную жизнь. Как только деньги будут у нас, мы сразу уедем. Надоело мне преступать закон и изворачиваться. Я хочу начать жизнь с чистого листа, подальше от этой дерьмовой страны с ее классовой системой, где все рассчитано на богатых. Разве ты не хочешь, чтобы мы уехали и вместе построили новую жизнь?

Нина стиснула его руки и кивнула.

– Хочу. Только пообещай еще раз, что никто не пострадает.

– Слово даю. Клянусь.

– Ты и впрямь думаешь, что у нас получится?

– Да. Нин, нам ведь с тобой нечего терять, и в этом наше преимущество. Это делает нас опасными.

Внизу из гостиной появилась Мариэтта, волоча за собой пылесос.

– Ну что, закончили трендеть по телефону? Могу я теперь почистить ковер? – спросила она, глядя на них снизу вверх.

– Да, ковер в полном твоём распоряжении, – ответил Макс.

Пылесосом собирая пыль у входа, его трубкой Мариэтта зацепила штору на двери, и та отодвинулась. Из внешнего коридора в квартиру хлынул поток света.

– Дверь, черт возьми! – заорал Макс, рывком оттащив Нину вглубь лестничной площадки.

– Да никому вас там не видно! – огрызнулась Мариэтта. Бросив пылесос, она с нарочитой тщательностью задернула занавеску. – Кому вы нужны!

Она потащила пылесос по лестнице и на верхней площадке остановилась, переводя дух. Макс подскочил к ней и тыльной стороной ладони ударил ее по лицу. Она ничком упала на пол.

– Я даю тебе десять штук, усекла? Так что не хрена раскрывать занавески, да и рот тоже! – Он пнул ее в живот. Мариэтта вскрикнула от боли. Макс скрылся в ванной, хлопнув за собой дверь.

Держась за живот, Мариэтта со стоном перевернулась на спину. Нина подошла к ней, помогла встать.

– Спасибо, милая, – поблагодарила Мариэтта, навалившись на перила. – Не знаю, что вы там задумали, но ничем хорошим это не кончится. Всегда что-то идет не так, как хочется.

Нина промолчала. Умышленно игнорируя слова Мариэтты, она старалась сосредоточиться на конечном результате.

Глава 58

В пятницу рано утром Нина и Макс поехали взглянуть на дом Марша на Хилли-Филдз-роуд.

В гараже Мариэтты стоял старенький белый фургон, который она купила у одного водопроводчика, и в нем лежала крепившаяся на магнитах эмблема водопроводной службы. Макс знал: чтобы претворить в жизнь задуманное, на начальном этапе особо мудрить не стоит. Они прилепили эмблему на боковину фургона, и оба облачились в рабочие комбинезоны. Конечно, они рисковали, выдавая себя за водопроводчика и его ученика, но Макс давным-давно усвоил: если спокойно играешь свою роль, не пытаясь прятаться, что угодно сойдет с рук.

Сразу же после половины восьмого они свернули на ту улицу, где жил Марш. Выходило солнце. Первые заспанные жильцы покидали свои дома, спеша на электричку, которая повезет их к месту работы. Макс с Ниной припарковались в сотне ярдов от дома Марша и сидели в фургоне с термосом чая, делая вид, будто заполняют какие-то документы. В начале девятого Марш вышел из дома, сел в свой автомобиль, стоявший у обочины, и проехал прямо мимо них. Нина пригнула голову, хватая с пола термос, но Макс открыто смотрел на Марша.

– Ну и ну. И он еще называет себя офицером полиции, командером, – присвистнул Макс. – Он даже не видел меня, даже не взглянул на нас, Нин. Наверно, думал, где бы ему с утра пораньше выпить чашечку кофе.

– Ты бы не светился так, Макс, – предостерегла его Нина. У нее самой дрожали руки.

– Дорогая, мы теперь выглядим совсем не так, как на тех фото. К тому же это богатенький район. А мы с тобой низкосортные работяги, которых никто не удостоивает вниманием.

Словно в подтверждение его слов, из дома, у которого стоял их фургон, вышла женщина. Кряжистая, в черном костюме типичного лондонского офисного работника, с виду уставшая от всего на свете, она заперла дверь и прошла мимо фургона, даже не глянув в их сторону.

– Убедилась? – спросил Макс.

Нина налила еще чаю, но дрожь в руках никак унять не могла.

Без четверти девять из дома вышла Марси с Мией и Софи. Девочки произвели на Нину неизгладимое впечатление. Миленькие, нарядные, в одинаковых розовых платьицах, толстых белых колготках и синих пальтишках, они без умолку щебетали, даже когда Марси усаживала их в машину. Сама Марси, отметила Нина, тоже прекрасна: длинные темные волосы, роскошная фигура. Благополучно пристегнув дочерей ремнями безопасности, Марси села за руль и тронула машину с места.

– Поехали, – произнес Макс, заводя мотор. Они последовали за ней, оставаясь сзади на расстоянии двух машин. Марси привезла дочек в детский сад, размещавшийся в большом здании, которое некогда являлось типичным жилым домом ленточной застройки.

– Совсем близко от дома... детский сад, – заметила Нина.

– Ну да. А эта ленивая шлюха все равно возит их на машине, – отозвался Макс.

Через несколько минут Марси вышла на улицу и села за руль. Она возилась со своим мобильным телефоном и, проезжая мимо фургона, даже не глянула на них.

– Еще одна в своем собственном мире, – прокомментировал Макс.

Они снова покатали за ней. У станции «Форест-Хилл» она остановилась, купила стакан кофе, хлеб в булочной и поехала домой.

Нина с Максом проводили Марси до поворота к ее дому, а потом развернулись и поехали в противоположном направлении – к Нью-Кросс.

– Ладно. Значит, в выходные делаем последние приготовления, репетируем, отрабатываем каждую деталь и в понедельник утром приступаем, – произнес Макс.

Нина молчала, глядя на дорогу через лобовое стекло. Когда она увидела двух маленьких девочек, когда увидела, как они любят свою маму, их план в ее представлении мгновенно обрел реальные очертания.

– Я наведу порядок в задке фургона, мы положим там одеяла, – сказал Макс, обратив внимание на выражение ее лица. – И ты поедешь с ними, будешь заботиться о них, угощать сладостями.

– Да, хорошо.

– Мы делаем это только ради денег, а не для того, чтобы кому-то причинить зло.

– Знаю.

– Будем надеяться, что к этой шлюхе в понедельник утром не заявятся на кофе ее подружки.

– На кофе обычно приходят чуть позже. Часов в одиннадцать.

– Я ни о чем таком не знаю. У нас в приюте не устраивали легкие завтраки в одиннадцать часов утра, – подчеркнуто произнес Макс.

Остаток пути до жилого комплекса «Пинкхерст» они ехали в молчании. Когда добрались до места, Макс загнал фургон в гараж, а затем запер ворота и поменял на машине номера.

Глава 59

Близилась к концу долгие удручающие выходные, которые не принесли нужного результата. В воскресенье поздно вечером Эрика сидела с Айзеком Стронгом в своей крошечной гостиной. Вдвоем они только что умяли кастрюлю карри. Несколько дней назад Айзек смотрел выступление Эрики в телевизионных новостях и обратил внимание, что вид у нее изможденный и осунувшийся от усталости и недоедания. Он звонил ей вечерами в пятницу и субботу, требуя, чтобы она отвлекалась от работы на пару часов – нормально поела и отдохнула, но Эрика оба раза заявила, что не может позволить себе такую роскошь. А в воскресенье наконец-то согласилась с ним поужинать.

– Ну вот, хоть щечки немного порозовели, – заметил Айзек. Он разломил на две половинки пападам[151] и одну окунул в горшочек с манговым чатни[152].

– Очень вкусно. Спасибо. У себя на родине, когда я там бываю, мне этого очень не хватает, – призналась Эрика, сделав большой глоток пива. – Индийских блюд.

– А что, в Словакии нет индийских ресторанов?

– Практически нет. У словаков своя кухня очень хорошая, и мы не развлекаем ее традиционными блюдами других народов.

– Когда ты приехала в Англию?

– В девяносто втором, – ответила Эрика.

– Значит, нашу национальную ужасную кухню ты застала на самом издохе. – Айзек рассмеялся. – Видела бы ты, что мне приходилось пихать в себя в детстве и юности. Рыбные палочки, дрянной картофель-фри, безвкусную тушеную говядину. Я впервые увидел авокадо, когда учился в мединституте... Мои родители были не шибко изобретательны по части еды, – со смехом заключил Айзек.

– Где ты вырос? – любопытно спросила Эрика.

– В Саффолке, в небольшом селении близ Нориджа.

– А моя мама жарила буквально все, и у нее так вкусно получалось. Но после смерти отца она с еды переключилась на спиртное, – сообщила Эрика.

– Стала алкоголичкой?

– Да. Хотя если кому и вредила, то только себе самой. В агрессию никогда не впадала и работу сумела сохранить... Ой, ладно. Давай о чем-нибудь другом.

– Покурить хочешь?

– Целый день об этом мечтаю.

Эрика взяла из кухонного ящика пачку сигарет с зажигалкой, они надели пальто и вышли во внутренний дворик. На улице было морозно; создавалось впечатление, что вот-вот пойдет снег. Огни города придавали низким облакам оранжевое свечение. Несколько минут они курили молча, глядя на здания, что убегали вдаль, мелькая меж деревьями.

– Будь ты серийным убийцей и полиция знала бы, кто ты, где живешь, куда бы ты подался? – спросила Эрика.

– Интересный вопрос. Как в игре.

– Я задала его сегодня в оперативном отделе. Мы в отчаянии: Макс Киркхэм и Нина Харгривз словно испарились... Мосс отреагировала, как и ты. Сказала, что это как в тест-игре: «С кем бы ты больше всего хотел переспать?»

– Разумеется, с Джейсоном Стейтемом, – ответил Айзек.

– Что?

– С ним я хотел бы переспать.

– Кто это такой?

– Ну ты даешь, Эрика! «Перевозчика», что ли, не смотрела? А «Перевозчика»-2 и 3? Бритоголовый, отменное тело.

– Нет. У меня обычно нет времени на кино.

– Ну хорошо, а с кем бы ты больше всего хотела переспать? Коллеги не в счет.

– Из моих коллег нет никого, с кем... – Она заметила, что Айзек насмешливо вскинул брови. – О'кей. Я хотела бы переспать... м-м... с Дэниелом Крейгом.

– Ой, ради бога. Совсем, что ли, чокнулась на госслужбе? Джеймса Бонда тебе подавай?

– Не Джеймса Бонда, а Дэниела Крейга. И вообще хватит об этом. Я же серьезно спрашиваю. Если б ты был убийцей в бегах, куда бы ты подался?

– Ну, к тебе бы я точно не пришел. Ты защелкнула бы на мне наручники быстрее, чем можно произнести «Осьминожка»[\[153\]](#).

Наверно, к родителям бы поехал или попытался смыться за границу.

– У Макса Киркхэма нет паспорта.

– Разве трудно изготовить поддельный?

– Да, пожалуй... Убив Дэниела де Соузу, они опустошили сейф в его квартире. Мать жертвы не знает, много ли у него было налички, но говорит, что он часто держал дома несколько тысяч фунтов. Это зависит от того, знает ли Макс людей, которые могли бы снабдить его качественной подделкой. И потом, им ведь нужны два паспорта, поскольку паспорт Нины мы заблокировали.

– Жить в бегах невероятно трудно. Всюду камеры видеонаблюдения, а страна у нас маленькая, и только в Лондоне народу тьма-тьмушая. Я непременно изменил бы внешность: перекрасился бы в блондина. Или в рыжего. Хотя в фильмах преступники, скрывающиеся от полиции, в рыжий цвет перекрашиваются редко.

Сверху раздался скрип, затем с балкона верхнего этажа зазвучал голос Элисон:

– Прошу прощения, дорогуши. Я тут пока вешала белье, слышала ваш разговор...

– Привет, Элисон, – поздоровалась Эрика.

– Я абсолютно согласна с вами, молодой человек с чудесным, приятным голосом, уж не знаю, как вас зовут.

– Здравствуйте, я – Айзек. – Он вышел на газон и помахал Элисон. Эрика встала рядом с ним и тоже помахала соседке, и затем они оба поспешили спрятаться под навес.

– Джейсон Стейтем *действительно* хорош собой, – подтвердила Элисон. – Но если б я кого-то убила, то поехала бы к маме в Гауэр. Она бы меня спрятала.

Эрика скорчила гримасу, глядя на Айзека.

– Я вас поняла, Элисон. Спасибо, – откликнулась она.

– Эрика, я видела вас по телевизору на прошлой неделе. Не знала, что это убийство расследуете вы. Надеюсь, вы их скоро поймаете. Не нравится мне, что двое убийц действуют заодно. Но сообщая им, наверно, легче. Пока-пока.

– Доброй ночи, – отозвались в унисон Эрика и Айзек. Они услышали, как балконная дверь над ними скрипнула и закрылась.

– Славная женщина, – заметил Айзек.

– Только потому, что она назвала тебя «молодым человеком с чудесным, приятным голосом», – улыбнулась Эрика.

В ответ он приподнял и опустил свои тонкие брови. Эрика предложила ему еще одну сигарету, они снова закурили. Эрика понизила голос:

– К нам приходила Мэнди Харгривз, она опознала дочь на видеозаписи, значит, Нина к ней не пойдет. Последние пару дней она находится под нашим наблюдением: дочь с ней не связывалась. У Нины нет ни братьев, ни сестер, ни других родственников. Мы также взяли под наблюдение ее бывшую подругу, но там тоже ничего.

– А Макс Киркхэм? – спросил Айзек, выпуская дым из уголка рта.

– Он сирота. Воспитывался в детском приюте в Уэст-Норвуде. Мать умерла.

– Вы это тщательно проверили?

– Мои ребята проверяли. Я им поручила.

Айзек шутливо погрозил пальцем.

– Эрика, которую я знаю, проверила бы сама и постаралась бы своими глазами увидеть свидетельство о смерти. У Макса, насколько я могу судить, богатое прошлое. И он ограничен в средствах. Но люди, выросшие в бедности, зачастую сохраняют более крепкие родственные узы... Так ты видела свидетельство о смерти?

– Нет, но я доверяю своей команде. Они все очень ответственные люди, – сказала Эрика.

– Ты и Нилзу Акерману доверяла.

– Там вопрос о доверии вообще не вставал. Это подразумевалось само собой. Как я доверяю тебе и твоему суждению.

– Что-нибудь еще слышно о нем? – спросил Айзек.

– Нет. У меня есть искушение навестить его в Белмарше. Посмотреть ему в глаза... Даже не знаю. Что я ему скажу? Он предал меня и еще очень многих. Но я долго работала в разных подразделениях по борьбе с наркотиками и видела, как эта дрянь губит людей. Меняет их сознание. Что-то уж больно великодушная я сегодня. Должно быть, слишком много выпила.

– Может быть, – улыбнулся Айзек. – Макс Киркхэм, конечно, жестокий убийца, но ведь сексуальный парень, да? Ты не находишь?

– Нет! По-моему, ты опьянел еще сильнее меня, – рассмеялась Эрика. Они затушили сигареты и вернулись в дом. – Но насчет

кончины матери Макса ты прав. Нужно проверить.

Глава 60

Остаток выходных Нина и Макс оттачивали свой план и готовились к понедельнику. Вымыли белый фургон, навели порядок в его салоне, заправили дизельным топливом, налили солярку в десятилитровую канистру, которую поставили в задок машины. Мариэтту дважды отправляли в супермаркет, и она накупила консервов и сухих продуктов питания на большой рюкзак. В воскресенье утром Макс в последний раз послал ее за покупками в центр Лондона с пачкой краденых денег. Она вернулась ближе к вечеру.

– Ковры мои не запачкайте, пожалуйста, – сказала она Макс и Нине, когда те занесли сумки в гостиную.

– Все купила? – спросил Макс.

– Да. И теперь я хочу получить свои вторые пять тысяч. – Несмотря на холодную погоду, Мариэтта обливалась потом, так что косметика на ее лице расплывалась.

– Завтра утром. Получишь завтра утром, как только рассветет, – пообещал Макс и принялся разбирать сумки – доставал покупки, а Нина вычеркивала их из списка:

– Походная плитка, четыре термоспальника...

– Зачем вам четыре? Вас же только двое, – удивилась Мариэтта. Салфеткой промокая лицо, она наблюдала за тем, как содержимое сумок выгружается на ее ковер. Макс проигнорировал ее замечание.

– Три незарегистрированных мобильных телефона, две запасные батареи. Нин, это все надо зарядить.

– Хорошо, – сказала она, записывая за ним.

– Господи, мне столько времени понадобилось, чтобы купить все это... И везде толпы народу, все затариваются к Рождеству. Хотя еще даже не декабрь.

– Слушай, отвалила бы ты. Иди лучше чайник поставь! – вспылил Макс, свирепо зыркнув на нее.

– Пять тысяч. Только ради этого и терплю. Пять тысяч, будь они прокляты, – пробормотала Мариэтта, покидая комнату и закрывая за собой дверь.

– Десять тысяч! – крикнул ей вслед Макс и снова повернулся к Нине. Она нервно грызла кончик ручки. Макс вытащил большой набор

«Харибо». – Смотри, специально для девочек. Им понравится. Чего здесь только нет: мармеладные мишки, бутылочки кока-колы...

Слабо улыбнувшись, Нина записала и это. Макс вытащил две запасные батареи к ноутбуку и затем – длинную желто-красную пластиковую коробку. И присвистнул:

– Ни фига себе. Даже не поленилась сходить в специализированный магазин походного снаряжения. – Он открыл коробку и извлек из нее два длинных желтых цилиндра с красными отвинчивающимися колпачками на каждом конце, как показалось Нине. – И купила что надо. Две парашютные сигнальные ракеты. Я бы не удивился, если б тупая корова вместо ракет притащила брюки-клеш [\[154\]](#).

Нина наблюдала, как он рассматривает длинные пластиковые цилиндры.

– Как они действуют?

– Держишь вот здесь. – Макс показал на стрелочку в верхней части корпуса. – Отвинчиваешь снизу это. – Он отвернул колпачок на одном конце цилиндра. Крышечка соскочила, из цилиндра выпал хвостик шнура. – И дергаешь. И огненная ракета взрывается в воздух на триста футов... – Макс аккуратно приставил колпачок к корпусу цилиндра и крепко его завинтил. – Это, Нин, наш путь к спасению. Вторая ракета – резервная. Теперь ясно?

Она кивнула.

– А твой приятель... На него можно положиться?

– Я ему доверяю. Он знает, что отхватит солидный кусок выкупа. А это самый верный залог доверия.

Нина обвела взглядом вещи, разложенные на ковре.

– Даже не верится, что мы на это решились.

Макс бережно уложил сигнальные ракеты в коробку и повернулся к ней.

– *Решились*, Нин, – сказал он. – И мы исполним свой план. Ради нас. Это наш шанс на достойную совместную жизнь. Шанс распрощаться с нашим нынешним жалким существованием – без денег, без надежды, без перспектив. И обстоятельства складываются в нашу пользу. Это наш звездный час. Мы должны вцепиться в представившуюся возможность обеими руками. Никто не пострадает.

Нина посмотрела Максу в глаза и на мгновение почти ему поверила.

В эту ночь Нине не спалось. Пару часов она смотрела на мирно похрапывавшего подле нее Макса, потом встала и бесшумно спустилась вниз, чтобы согреть себе молока. Ставя на газ маленькую кастрюльку, Нина краем глаза увидела стационарный телефон, стоявший на столике в коридоре. На цыпочках она вышла в коридор, прислушалась. Тикали часы, на плите шипел газ. Нина сняла трубку, поднесла ее к уху. Гудок на слух казался теплым и ободряющим. Телефон матери она знала наизусть. Он не менялся много лет. Она запомнила его еще в детстве, когда училась отвечать на звонки – брала трубку и говорила: «Алло, 0208 886 6466», как это обычно делала бабушка. С гулко бьющимся сердцем Нина начала набирать номер: 0, 2, 0, 8... 8, 8, 6... 6, 4, 6... Палец завис над последней «шестеркой»...

– Кинуть его хочешь? – раздался чей-то голос. Вздрогнув, она повернулась и увидела Мариэтту, сидевшую на диване в темной гостиной.

– Нет. – Нина опустила трубку на рычаг.

– Меня не проведешь.

– Что?

– Я сама кого хочешь проведу... – Мариэтта грузно поднялась с дивана и прошаркала в коридор. Яркий свет, лившийся с потолка, подчеркивал каждую морщинку на ее лице, мешки под глазами. На ней был застиранный белый махровый халат, из-под ткани кармана проступали очертания пачки сигарет и зажигалки.

– Боишься, да? – спросила Мариэтта. Она обняла Нину и поцеловала ее в макушку.

– Да.

– Вот что я тебе скажу, девочка. Я почти всю жизнь живу в страхе, и мне от этого одна только польза.

Нина заплакала. Мариэтта отстранилась от нее и отвесила ей пощечину.

– Прекрати. Тебе представилась возможность уехать из страны. Не упускай свой шанс, ясно?

Потрясенная, Нина поднесла руку к горящему лицу:

– Я думала, вы не хотите знать, что мы намерены сделать?

– По-твоему, я дура? Или глухая? Завтра ты поедешь с Максом, поняла? Не поедешь – я позвоню в полицию и все им расскажу. Знаешь, что бывает в тюрьме с такими девчонками, как ты? Думаешь, ты нужна такая кому-то из своих родных? Для них ты теперь современная Майра Хиндли.

– Я не такая, как она... – начала Нина.

– Вы убили четверых. У них твоя ДНК, твои фото. Они запросто установят твою причастность к этим преступлениям. Совсем, что ли, идиотка? Ты будешь сидеть пожизненно. Если только не решишь повеситься в камере на простыне.

– Стерва, – обругала Мариэтту Нина.

Та схватила ее за горло и приперла к стене. Теперь взгляд у нее был такой же холодный и безжалостный, как у Макса.

– Для чванливой маленькой бздюшки вроде тебя десять тысяч, может, и не деньги, – прошипела Мариэтта, почти вплотную приблизив к ней свое лицо. – Но я таких денег, наверно, в жизни больше не увижу. Сейчас ты поднимешься наверх, а завтра утром поедешь с моим сыном и сделаешь все, что потребуется для того, чтобы вы могли начать новую жизнь. Наши с вами пути больше не пересекутся... – Она пристально посмотрела на Нину, лицо которой приобретало синюшный цвет, и затем убрала руку с ее шеи. Хватая ртом воздух, Нина сползла по стене на пол, а потом медленно потащилась вверх по лестнице. Послышалось шипение, по квартире разнесся запах горелого. – Молоко твое убежало, – сказала Мариэтта.

Когда они проснулись, Мариэтты дома не было. После завтрака Макс оставил на кухонном столе пять тысяч фунтов, и они направились к фургону.

С новыми номерами на машине они поехали на Хилли-Филдс-роуд, припарковались в сотне ярдов от дома Марша и стали ждать. Сначала Марш уехал на работу, а спустя сорок пять минут появилась Марси с близняшками. На девочках были одинаковые зеленые платица, плотные синие пиджачки, шляпки, перчатки и теплые зеленые колготки. Марси посадила дочек на заднее сиденье «Спейс Крузера», пристегнула их, и они поехали. Нина глянула в задок фургона, где они положили старый матрас. Окно на задних дверях машины они затемнили.

– Макс, они же совсем крошки, – жалобно произнесла Нина.

– Сколько раз тебе говорить? Ничего с ними не случится. Если выполнят наши требования, через день получают назад своих детей. Нина, ты хоть понимаешь, что это не самое страшное из твоих деяний? Так какого черта строишь из себя мать Терезу?! Кого ты пытаешься обмануть?!

– Я знаю, что я совершила.

– Вот и отлично. Давай лучше думать о деле.

Следующие полчаса они провели в молчании. И только Нина начала терять надежду на то, что Марси вернется домой, в боковом зеркале появился ее автомобиль. Он пронесся мимо них и свернул на подъездную аллею. Они дождались, когда Марси войдет в дом, затем Макс отстегнул ремень безопасности.

– Ну что, приступим?

Нина посмотрела Максиму в глаза и кивнула.

– Да.

Глава 61

Марси Марш отвезла дочек в детский сад и теперь, по возвращении домой, перекладывала из хозяйственной сумки в холодильник продукты, купленные в местном магазине здоровой пищи. Она привезла чудесный зрелый «Бри», хрустящий хлеб и бутылку органического белого вина. Полу она не скажет, что вино органическое. Ее муж терпеть не мог «гомосекское вино», как он выражался. Марси содрогнулась при мысли, что его любимая марка – «Голубая монахиня». Марш тщательно скрывал это от своих друзей и коллег и всегда просил ее, чтобы одна бутылка стояла в холодильнике к тому времени, когда он приезжает с работы.

Марси стала ставить вино в холодильник, но увидела на дверце старую бутылку «Голубой монахини». Она взяла ее. Бутылка была почти пуста. Улыбаясь, Марси захлопнула холодильник и обе бутылки отнесла к раковине. Вылила остатки вина из старой, открыла новую. Все так же улыбаясь себе, она вставила в горлышко порожней бутылки воронку... В дверь позвонили.

Марси вытерла руки и пошла в коридор, по пути посмотревшись в небольшое зеркало. Отворив входную дверь, она увидела на крыльце молодого человека с бритой головой. На нем были очки в толстой черной оправе. Сверкнув дерзкой улыбкой, он показал ей свое удостоверение и кивнул на ящик с инструментами, который держал в руке.

– Доброе утро, красавица. Я должен снять показания с вашего счетчика на воду, – объяснил он. – Секундное дело.

Марси подумала, что его внешность ей немного знакома, но эта мысль мелькнула и исчезла.

– Хорошо, – улыбнулась она. Марси отступила в сторону, пропуская техника в дом. – Я вижу, обувь у вас красивая и чистая, но все же, будьте добры, разуйтесь, пожалуйста.

– Конечно, какие вопросы. Подпрыгивая на одной ноге, он снял сначала правый ботинок, затем – левый.

Марси увидела, что на нем носки с изображением Барта Симпсона.

– Симпатичные носочки.

– Нравятся?

– Нет, – рассмеялась она. – У моего мужа футболка с Бартом Симпсоном, и он никак не хочет с ней расстаться. Она уже расплзается, а он все носит ее и носит.

– Это жена мне подарила на Рождество. – Он поправил на носу очки и улыбнулся ей.

Марси окинула его оценивающим взглядом. Закрыв входную дверь, она повела его по коридору к чулану рядом с кухней, где находились счетчики. Отперла его, открыла дверь и, повернувшись, увидела, что мужчина подступил к ней вплотную и взгляд у него какой-то странный.

Он действовал стремительно, и Марси поняла, что ее ударили, лишь когда оказалась на полу. Лицо пронзила боль. Он схватил ее за волосы и поволок в кухню. Там ударил еще раз и еще, и она потеряла сознание.

Макс выпрямился и несколько раз глубоко вздохнул. Снял очки, которые затуманивали зрение. Теперь-то он рассмотрел, что она очень привлекательна. На ней были облегающие белые брюки, подчеркивавшие изгибы ее бедер, и уютный розовый пуловер по фигуре. Нос ее превратился в кровавое месиво. Жаль, конечно. Опустившись на корточки, он провел ладонями по ее плечам, потискал груди. Сдернул с нее свитер, растянул бюстгальтер и снял его, обнажив ее грудь. Погладил ее гладкий живот, заметив на нем шрам от кесарева сечения. Растянул на ней брюки, спустил их к лодыжкам вместе с трусиками. С минуту смотрел на ее наготу – большие розовые соски, темные лобковые волосы, растяжки на бедрах. Коснулся лобковых волос, засунул в нее палец.

– Эх, мамочка, мамочка, будь у меня чуть больше времени... – пробормотал он, понимая, что время действительно поджимает.

Макс вышел в коридор, открыл черный ящик для инструментов, взял оттуда синюю веревку. Возвратившись в кухню, связал ее ноги у щиколоток, перевернул на живот и связал за спиной руки. Лифчик засунул ей в рот вместо кляпа, на голову натянул колготки, завязав их на шее. Отступил от нее. Лицо Марси под прозрачной тканью колготок было перекошено. Заметив, что колготки врезаются ей в шею, он

нагнулся, чуть ослабил узел. Потом раздвинул ноги Марси, сфотографировал ее, распластанную и связанную, на кухонном полу.

Взяв Марси за лодыжки, он подтащил ее к чулану. Убедившись, что она крепко связана, Макс запихнул ее поглубже в чулан, к бойлеру. Затем закрыл и запер дверь, а ключ убрал в карман. Потом прошел к входной двери. Белый фургон теперь стоял возле дома. Дорога была пустынна. Нина выбралась из фургона и направилась к крыльцу.

– Все чисто. Сумочка ее в кухне. Найди ее телефон, – сказал Макс.

Глава 62

Детским садом «Желуди» заведовала Берил Донахью, его директриса и владелица в одном лице. Импозантная степенная темноволосая женщина с короткой стрижкой, она предпочитала яркие цветастые платья. Много лет она работала медсестрой, но затем из-за травмы спины была вынуждена сменить профессию. Ей повезло, что в начале 80-х, когда цены на жилье были еще доступными, она купила в районе Форест-Хилл этот просторный дом – крайний в цепочке типичных жилых домов на улице. И она решила рискнуть и устроить в своем доме детский сад.

В начале одиннадцатого утра Берил пила третью чашку кофе, жалея, что еще довольно рано и нельзя выпить что-нибудь покрепче. Сегодня она получила неприятное уведомление о том, что на следующей неделе в ее детский сад с проверкой заявятся представители Управления по стандартам в области образования – официального органа по надзору за работой школ и детских дошкольных учреждений. Только этого не хватало, тем более перед самым Рождеством. Детский сад «Желуди» во многих отношениях слыл образцовым учреждением, но в последнее время из самодовольства Берил кое-что пустила на самотек. Единственная штатная медсестра в ее заведении – дипломированный специалист по оказанию первой медицинской помощи – недавно уволилась, и в соответствии с действующими правилами Берил надлежало срочно нанять работницу с аналогичным уровнем квалификации. Не исключено, что инспектор проявит жесткость, вынесет неблагоприятное заключение, и тогда родители начнут забирать детей и переводить их в другие детские сады. Не будет детей – не будет и доходов, а не будет доходов – она не сможет выплачивать ипотеку. Кроме того, проверяющий наверняка попросит ее представить справку о состоянии противопожарной безопасности, а у Берил было гадкое чувство, что этот документ просрочен.

Все эти мысли роились у нее в голове, когда ей позвонила Марси Марш. Та, извинившись в многословных выражениях, сказала, что сегодня ей придется прислать за Мией и Софи домработницу.

– Строители в соседнем доме долбили стену и задели водопроводную трубу! У меня затопило кухню, – объяснила она с тревогой в голосе. Берил насторожила некая неестественность в ее аристократическом выговоре.

Она взглянула на экран телефонного аппарата: да, это номер Марси Марш.

– Подумать только, Марси, это ужасно! Как ее зовут? – спросила Берил.

– Эмма Поттер. Блондинка, с очень короткой стрижкой. Ее чуть за двадцать.

– Марси, вы же знаете наши правила, мы обязаны строго их соблюдать. Она должна предъявить удостоверение личности, и, разумеется, назвать пароль.

Возникло молчание.

– Марси? Вы меня слушаете? Что-то не так?

– Да нет. Все нормально. Пароль-то я ей скажу. А вот удостоверения личности у нее с собой нет. Машину она не водит, за девочками придет пешком... А что, если я дам ей свои права? Простите, но если она не сможет забрать девочек, я окажусь в безвыходном положении! Я не могу уйти из дома, здесь же рабочие...

Берил бросила взгляд на уведомление из Управления по стандартам, которое лежало на столе, подумала, что мешкать нельзя – до конца недели необходимо устранить все недостатки. Марси Марш она знала постольку-поскольку; плату та всегда вносила своевременно, ее муж занимал высокий пост в полиции. К тому же последние два года на Рождество супруги Марш жертвовали детскому саду 500 фунтов. Берил надеялась, что так будет и на этот раз.

– Хорошо, Марси. Пусть приходит. Раз вы дадите ей свои водительские права и она назовет пароль. Надеюсь, вам удастся решить ваши проблемы.

– И я надеюсь, – ответила Марси. – Придется вскрывать пол, да к тому же мы ждем в гости родственников мужа, черт бы их побрал!

– Ох, надо же. Ну пока. Да, и пришлите мне на телефон ее фотографию, ладно? Чтобы мы могли ее узнать, когда она придет за девочками.

Берил повесила трубку и стала просматривать сайт для подбора сотрудников. И сразу же забыла об этом разговоре.

Глава 63

В понедельник утром Эрика попросила следственную группу еще раз проанализировать все имеющиеся у них материалы о Максе Киркхэме и покопаться в его прошлом. Слова Айзека не давали ей покоя всю ночь, и теперь Эрика инстинктивно чувствовала, что она что-то упустила. Она взяла подлинник свидетельства о рождении, которое имелось у них в досье на Макса Киркхэма. Затем попросила всех отложить другие дела и тщательно изучить его прошлое.

Они позвонили в Национальный архив и получили подтверждение, что свидетельство настоящее. Дженис Элиз Киркхэм родила Максимилиана Киркхэма в 1983 году, в больнице Университета Северного Миддлсекса.

– В свидетельстве о рождении указаны ее имя и фамилия, – произнес Крейн, читая только что полученное электронное сообщение. – В графе об отце – прочерк. Я изучил сведения о матери. В 1986 году Дженис отдала трехлетнего Макса на усыновление. Передаю слово господину Макгорри. Он нашел на нее досье в нашей системе.

– Черт, так, значит, у нее имеется криминальное прошлое. – Эрика покачала головой.

Макгорри поднялся:

– Дженис Киркхэм почти все время жила на социальные пособия, время от времени устраивалась на работу, а в ноябре 1988 года была арестована за хранение кокаина с целью сбыта. Ее отпустили под залог. В то время она проживала в муниципальной квартире по адресу Вандсворт-стрит, 14, в восточной части улицы. Вскоре после того, как ее выпустили под залог, в квартире случился пожар. В спальне, на обгоревшей кровати, было обнаружено тело женщины, также сильно обгоревшее. Пожар произошел из-за короткого замыкания в обогревателе, и поскольку Дженис Киркхэм жила одна, в протоколе записали, что она погибла при пожаре.

Эрика взглянула на фотографию Макса.

– А об отце ничего не известно?

Крейн покачал головой.

– Вот черт! – выругалась Эрика, закрыв лицо руками.

Мосс сказала, что сходит и купит что-нибудь на обед для всех. Она возвратилась через полчаса, принесла бутерброды, а еще – пакет из магазина игрушек в торговом центре «Ван», который она попыталась незаметно сунуть под стол, но Макгорри, сидевший в другом конце комнаты, воскликнул:

– Ух ты! Спасательный вертолет из набора «Лего»!

– Ну да, – подтвердила Мосс под недовольным взглядом Эрики. – Сын очень просил такой набор, а его уже почти везде раскупили. А тут жена позвонила, сказала, что эти наборы еще остались в торговом центре «Ван».

– Мой племянник тоже такой хочет, – сообщил Макгорри. – Можно посмотреть?

Не дожидаясь разрешения, он вытащил красочную коробку из пакета. Мосс сбросила пальто и засучила рукава.

– Я работала во время беспорядков в Лондоне, в полном защитном снаряжении. И в этот чертов магазин игрушек тоже надо было идти в бронежилете. Эти милые мамы убиты готовы за игрушки.

Она стала раздавать бутерброды. Эрика взяла один, начала его разворачивать.

– Повезло же твоему сыну, – заметил Макгорри. – Я обожал играть с «Лего»!

– Только не говорите, когда это было. Должно быть, не так уж и давно, – отозвался Крейн, разворачивая свой бутерброд.

– Почему же? Целых двенадцать лет назад.

Некоторые из старших членов группы заулыбались, но Эрика сохраняла каменное лицо. Было видно, что эта болтовня ее раздражает.

– Боже мой. Двенадцать лет назад я отмечала свое пятидесятилетие, – сообщила Марта.

Макгорри, пожав плечами, продолжал:

– Я покупал человечков из наборов «Лего», раскрашивал их и продавал в школе. Делал из них панков, геев. В нарушение правил политкорректности.

– А я повесил на свой брелок человека-росомаху из набора сына, – отозвался Темпл, доставая фигурку из кармана. – И жена каждый день меняет ему волосы. Знаете, да, наверно, что у человечков «Лего» волосы можно снять и заменить на другие? Видите, сегодня у него

волосы черные, прическа «под горшок», а вчера были длинные, как у Гэндальфа. Лицо то же, а волосы другие.

– Вот бы мне так, – заметил Крейн, поглаживая лысину на макушке. – Правда, с длинными волосами я стал бы похож на свою сестру.

Эрика уже хотела вспылить, потребовать, чтобы прекратили треп, но в этот момент бросила взгляд на демонстрационные доски и внимательно присмотрелась. Она подбежала к стене, схватила фотографию Макса Киркхэма из карточки учета получателей пособий по безработице. Затем сняла с доски маленькую фотографию из водительского удостоверения Мариэтты Хоффман. Вернувшись на место, она положила обе фотографии рядом.

– И что? – спросила Мосс.

– Вы не замечали, что Мариэтта Хоффман очень похожа на Макса Киркхэма? Вот вы сейчас обсуждали фигурки из «Лего»... Представьте ее прическу на его лице и наоборот.

– Вот это да! – ахнула Мосс.

– Крейн, вы имеете доступ к программе распознавания лиц, которая сопоставляет лица по точкам. Можно сравнить фотографии Мариэтты и Макса?

Некоторое время Крейн загружал обе фотографии в программу распознавания лиц. Все остальные молча ели свои бутерброды, ожидая результатов.

– Ну вот, – наконец произнес Крейн, – полного совпадения, конечно, нет. Но выделены сходства в расстоянии между глаз, длине носа, форме скул.

– Это ничего не значит, они очень похожи, – заключила Эрика. – Вы сказали, что мать Макса, Дженис Киркхэм, погибла при пожаре, но тело сильно обгорело, так что подтвердить личность погибшей было невозможно, и все же в протоколе записали, что это она – на том основании, что в той квартире она жила одна?

– Да, – ответил Крейн.

– Мне нужны свидетельства о рождении Дженис Киркхэм и Мариэтты Хоффман, – распорядилась Эрика.

На то, чтобы определить, в какие отделения архива обратиться и разыскать требуемые свидетельства о рождении, ушло несколько

часов. Эрика чувствовала, как все притихли и с нетерпением ждут, когда принтер распечатает поступившие документы. Она разложила их на одном из столов, и все столпились вокруг.

– Итак, вот это свидетельство о рождении, которое Мариэтта Элиз Хоффман предъявляет при подаче заявлений на получение пособий на жилье и по безработице, а также при оформлении ипотеки, – сказала Эрика. – В нем говорится, что Мариэтта Элиз Макардл родилась 1 марта 1963 года в небольшой деревушке близ Кембриджа. Мать – Лора Макардл, отец – Артур Макардл... Оба родителя уже умерли, в 1979 году и в 1989-м. Из архива Кембриджшира поступило то же самое свидетельство о рождении. Видите – печать регистратора та же самая, подпись та же. И еще чернильное пятно в нескольких сантиметрах от печати... Но есть одно отличие: в этом свидетельстве указано, что Мариэтта Элиз Макардл умерла 4 марта 1963 года, через три дня после рождения.

– Посмотрите-ка: в свидетельстве о рождении, которое предъявляет Мариэтта, в графе, где указывается дата смерти, – едва заметный контур черного цвета.

В оперативном отделе повисло молчание.

– Итак, когда Дженис Киркхэм была отпущена под залог в ходе расследования дела о хранении наркотиков и ей светило длительное тюремное заключение, ее квартира сгорела, но при пожаре погибла не она, – размышляла Эрика.

– Кто там погиб, неизвестно, но полиция предположила, что это Дженис, и в протоколе записали, что ее нет в живых, – добавила Мосс.

– А Дженис, воспользовавшись удобным случаем, каким-то образом выправила себе поддельное свидетельство о рождении, свидетельство умершей новорожденной девочки и начала новую жизнь под именем Мариэтты Макардл. Впоследствии она сменила фамилию и стала Мариэттой Хоффман, – заключила Эрика.

Все в изумлении молчали.

– Нужно немедленно произвести обыск в ее квартире. Уверена, именно там отсиживаются Макс и Нина.

Глава 64

Вечер еще не наступил, но уже начинало смеркаться. Белый автофургон трясся на ухабах, катя по неосвещенным дорогам. Тишину нарушал только скрип «дворников» на лобовом стекле.

Нина сидела на матрасе в задней части машины. Рядом, свернувшись калачиками, спали девочки: Мия – под ее левой рукой, Софи – под правой. Все втроем они подпрыгивали на каждой выбоине. В маленькое окошко в перегородке она видела затылок Макса – в свете фар встречных автомобилей.

Нину поразило, что девочки так охотно пошли с ней, когда она явилась за ними в детский сад незадолго до обеда.

Конечно, им невольно помогла директриса Берил Донахью:

– Ах да, мама недавно позвонила и сказала, что вас заберет Келли, и прислала ее чудесное фото. – Она с улыбкой посмотрела на Нину. Нина улыбнулась в ответ. Девочки, похоже, благоговели перед директрисой и беспрекословно ей подчинялись. Они послушно взяли Нину за руки и пошли с ней по улице, свернули за угол. Больше всего их смущала необходимость идти пешком. Нина поняла, что они к этому не привычны: Марси всегда возила их на машине.

– Вот моя машина, – объявила Нина, когда они подошли к фургону.

– Такая маленькая, – заметила Софи, переминаясь с ноги на ногу.

– Это невежливо, – прошептала Мия, строго посмотрев на сестру. Из кабины вылез Макс, и его появление немного напугало девочек, хотя он улыбался во весь рот.

– Вот и хорошо, – произнес он и, осмотревшись по сторонам, добавил: – Черт, тут кругом столько домов. Давай, Нин, скорей сажай их в машину.

Нина открыла заднюю дверцу автофургона и попросила девочек лезть в кузов. Те медлили в нерешительности, но их угостили сладостями, а Макс сообщил, что они отправляются в увлекательную поездку к маме и папе. И тогда девочки забрались в машину и уселись на матрас.

Они ехали уже четыре часа, и в глубине души Нина начинала испытывать смутный страх.

– Я хочу в туалет, – прошептала Мия, уткнувшись ей в шею.

– Я тоже, – сказала Софи. Нина ощущала запах их волос – душистый аромат невинности.

Она взглянула на затылок Макса, темневший в свете фар встречных автомобилей.

– Макс, девочкам нужно в туалет, да и я бы сходила, – сказала она. Ответа не последовало.

– Макс!

Он на секунду обернулся.

– Сейчас останавливаться нельзя, надо отъехать подальше.

– Макс, ты же говорил, это будет... Ты же говорил... Черт возьми, Макс, дай им сходить в туалет. Останови машину.

Он бросил на нее злобный взгляд в зеркало заднего обзора, но через несколько секунд остановился на придорожной площадке, окруженной деревьями. Погода была холодная и сырая. Макс спрыгнул с кабины, подошел к задку фургона, подождал, пока проедут два грузовика, и только после этого открыл левую дверцу, встав так, чтобы девочек не было видно с дороги, пока они вылезали.

– Вон туда, в кусты, быстро, – скомандовал он.

Нина завела девочек за кусты. Они исчезли из виду, но Макс слышал треск сучьев и хныканье девочек, жаловавшихся, что нет туалетной бумаги, что вокруг грязно, что они замерзли. Мимо пронеслось несколько автомобилей, разрезая воздух так, что качался их автофургон. Макс закурил сигарету и стал ждать.

– Что можно делать так долго! – проворчал он, когда Нина вернулась, ведя девочек за руки. Он заметил, что у одной из них порвались колготки. Макс открыл левую дверцу, и в этот момент мимо пронесся грузовик, ярко осветив их светом фар. Макс подтолкнул Мию в фургон, подхватил Софи и швырнул ее на матрас.

– Эй, нельзя так обращаться с детьми, – отчитала его Нина. Она заглянула в фургон. Девочки, съежившись, лежали на матрасе. Кажется, они начинали понимать, что попали в беду.

– Нина, я тебя никогда раньше не видела, но ты сказала миссис Донахью, что ты мамина подруга, – проговорила Мия.

– Да, я ее подруга, подожди минутку..., – ответила Нина и захлопнула дверцу. Она повернулась к Максy, и он кулаком ударил ее в лицо, так что она упала прямо на мокрое шоссе.

– Не смей так со мной разговаривать, никогда! А этих двух говнюшек держи в узде!

Он пошел к кабине, сел за руль. Нина почувствовала, как сквозь джинсы просачивается вода, и быстро вскочила с асфальта. Вытерла руки о джинсы, потрогала лицо. Левая сторона онемела, но крови не было. Сделав глубокий вдох, она тыльной стороной ладони вытерла слезы и залезла в фургон.

Обе девочки в темноте протянули к ней руки. Автомобиль выехал на дорогу, и они прижались к ней. Нина снова ощутила запах их волос, почувствовала, как дрожат их теплые тельца. Ее захлестнули чувства вины, стыда и материнской любви, и в этот момент она решила: что бы ни случилось с ней самой, она должна попытаться исправить ситуацию. Сделать все, чтобы эти малышки остались в живых.

Глава 65

Эрика ждала у кофейного автомата, когда наполнится ее чашка. В этот момент она внезапно увидела Марша, он спускался по лестнице. Было уже почти шесть часов вечера.

– Пол, можно тебя на минутку? – обратилась она к нему.

– Эрика, я иду домой. Весь день пахал без перерыва.

– Мы арестовали Мариэтту Хоффман – мать Макса Киркхэма, – начала она. – Эксперты-криминалисты проводят тщательный обыск ее квартиры. В момент ареста она была дома одна, но мы считаем, что она прячет у себя Макса Киркхэма и Нину Харгривз. В ее помойном ведре обнаружили длинные каштановые и белокурые волосы. В квартире нашли большую сумму наличных – вероятно, это деньги с места убийства Дэниела де Соузы, как мы полагаем.

– У вас есть рычаги давления на Мариэтту Хоффман?

– Да, есть неисполненный ордер на арест за хранение кокаина, мошенническое использование чужих персональных данных, мошенничество с целью незаконного получения пособий. При приобретении квартиры в рамках программы выкупа социального жилья она внесла крупную сумму наличными. Формально эти деньги она обязана была декларировать.

– Не слабо, черт возьми! Ладно, держи меня в курсе. Я на мобильном...

– И еще. Я сожалею о том, что произошло на днях, – добавила Эрика, понизив голос.

Марш кивнул и опустил глаза.

– Я первый начал, – ответил он тоже тихим голосом.

– Ты о чем? Я имею в виду совещание в Скотленд-Ярде.

– Ах, ну да, – покраснел Марш. Возникло неловкое молчание. Он оглянулся по сторонам и продолжал: – Раз уж я заговорил об этом, м-м, хочу, чтоб ты знала: у нас с Марси теперь все по-другому – мы ничего не скрываем друг от друга. После нашего разрыва и ее романа мы решили, что будем более откровенны в общении, будем строить отношения на более открытой основе.

– А-а...

– Понимаешь, да?

– Ты имеешь в виду открытость в отношениях или свободные отношения?

Марш помолчал в нерешительности, не зная, как сформулировать следующую фразу.

– Неловко об этом говорить...

– И не говори. – Эрика выставила вперед ладони.

– Хочу, чтоб ты знала: я рассказал ей о нас с тобой, что мы целовались, что я обнимал тебя.

Эрика вытаращила глаза.

– С ума сошел?

– Да все нормально. Она... спокойно отреагировала... Я же сказал: у нас теперь нет секретов друг от друга. Оказывается, у нее были еще две-три интрижки, о которых я не подозревал... – Теперь красный, как рак, Марш опустил глаза.

– Пол, прекрати.

– Просто подумал, ты должна знать, что она не держит на тебя зла. Этого больше не повторится, и тебе незачем смущаться в ее присутствии.

– Не так уж часто мы с ней видимся.

– Когда вы с Марси на днях случайно встретились, на автостоянке, она уже все знала. Марси спокойно к этому отнеслась.

«Ах вот оно что! Значит, Марси отнеслась спокойно», – усмехнулась про себя Эрика.

– Послушай, глупо как-то все получилось и... – Она собиралась продолжить, но в этот момент к торговому автомату подошла одна из гражданских сотрудниц полиции – девушка в огромных очках.

– Добрый вечер, сэр, мэ, – поздоровалась она, бросая в автомат мелочь.

– Хорошо, значит, до завтра. Информировать меня о ходе допроса, – закончил Марш.

– Слушаюсь, сэр, – ответила Эрика. Марш зашагал прочь, а она, все еще потрясенная, проводила его взглядом и затем направилась в кабинет для допросов.

По пути домой Марш заехал в продовольственный магазин, из корзины с цветами у входа выбрал красивый букет лилий для Марси. На прилавке самообслуживания увидел мармеладные конфеты в виде

мишек Гамми и купил пару пакетиков для дочек. Без четверти семь он уже был возле машины, думая, что если в Сиднеме не будет пробок, он примчит домой еще до купания девочек.

Когда он подъехал, в доме было темно, хотя он ожидал увидеть свет в окнах холла и ванной на верхнем этаже. С цветами и конфетами Марш выбрался из машины и, хмурясь, направился к подозрительно затихшему дому. Девочкам пора было купаться, а Марси всегда строго соблюдала режим. Обычно в это время в водостоке шумела вода, но чаще он возвращался домой немного позже и редко слышал это.

Марш вставил ключ в замок, отпер дверь. В прихожей было очень холодно. Он включил свет, позвал Марси и дочек. Тишина. Марш положил цветы и конфеты на столик в холле и пошел по комнатам – заглянул в гостиную, затем в кухню, где на рабочем столе увидел две бутылки вина и воронку. В панике он кинулся вверх. Во всех комнатах было темно и пусто. На площадке второго этажа он вынул телефон, набрал номер Марси. И мгновением позже услышал звонок, тихий-тихий. Он спустился вниз и, прислушиваясь, пошел по коридору, проверяя комнату за комнатой, пока наконец не сообразил, что звук доносится из чулана под лестницей. Он дернул дверь: закрыто, ключа в замке нет.

– Марси, Марси, что случилось? Ты здесь? – закричал Марш, барабанив в дверь. Ее телефон умолк. Марш снова набрал номер жены и услышал ответный сигнал. Он бросился по лестнице в свой кабинет на верхнем этаже, в выдвижном ящике отыскал связку запасных ключей, снова сбежал вниз. Стал судорожно подбирать ключ – и тут услышал глухой стук и стон.

– Черт возьми, вот черт. Я здесь, любимая, я здесь. Проклятье! – крикнул он, роняя связку на пол. Наконец нашел нужный ключ, открыл дверь. И обомлел. Марси, раздетая догола, со связанными руками и нейлоновым чулком на голове, лежала ничком под бойлером. Он кинулся к ней, помог подняться, осторожно снял с головы чулок и вынул изо рта бюстгальтер.

– Девочки! – просипела она, давясь слюной, задыхаясь: – Где девочки?

Глава 66

В кабинете для допросов № 1 полицейского участка Луишем-роу не было ничего лишнего, только стол и стулья. Эрика и Мосс сидели напротив Мариэтты Хоффман и ее адвоката. В ярком освещении Мариэтта Хоффман выглядела ужасно. Длинные темные волосы в полном беспорядке, кожа сухая и бледная. На губе – герпес, под левым глазом – исчезающий синяк. От нее несло хлоркой и потом.

– Для протокола: сейчас 6:57 вечера, 26 ноября. В кабинете для допросов № 1 присутствуют: старший инспектор Эрика Фостер, инспектор Мосс, дежурный адвокат Дональд Фробишер и Мариэтта Хоффман.

Мариэтта поменяла положение на стуле и посмотрела на камеру в углу кабинета.

– Можно закурить? – спросила она.

– Нет, нельзя, – ответила Эрика, открывая папку.

– А электронные сигареты? У меня есть одна с собой...

– Тоже нельзя.

– А что можно-то?

– Можно подтвердить, что вас на самом деле зовут Дженис Элиз Киркхэм, что вы родились в 1963 году в Литл-Даншире, близ Кембриджа.

Мариэтта вскинула голову и с вызовом посмотрела на нее.

– Но Дженис Киркхэм погибла при пожаре 29 ноября 1988 года... – Эрика открыла папку и вытащила два документа. – Для видеозаписи: я показываю подозреваемой вещественные доказательства под номерами 1886 и 1887. Это свидетельства о рождении и смерти Дженис Киркхэм. Вот, взгляните.

Мариэтта наклонилась вперед и посмотрела на выложенные на стол бумаги.

– Никогда о такой не слышала, никогда ее не видела, никогда с ней не была знакома.

Эрика кивнула и достала из папки еще один документ.

– Для видеозаписи: я показываю еще одно вещественное доказательство, под номером 1888. Это ваше свидетельство о рождении?

Мариэтта взглянула на документ.

– Мое.

– Вы родились 1 марта 1963 года, при рождении вас звали Мариэтта Элиз Макардл, а через три дня после появления на свет, 4 марта 1963 года, вы умерли?

– Что? Постойте-ка.

– Только что вы подтвердили, что это ваше свидетельство о рождении, – сказала Эрика. – Это подлинный документ, из архива.

– Нет, нет, тут какая-то ошибка.

Тогда Эрика вытащила поддельное свидетельство и положила его перед Мариэттой.

– Так кто же вы на самом деле?

Мариэтта наклонилась к адвокату, который невольно отодвинулся от нее, пока они совещались приглушенными голосами.

– Я – Дженис, Дженис Киркхэм, – ответила она.

– Нам также известно, что Макс Киркхэм – ваш сын, – сказала Эрика. – Тот самый Макс Киркхэм, который вместе с Ниной Харгривз разыскивается за убийство вашего бывшего мужа Томаса Хоффмана, а также Шарлин Селби, Дэниела де Соузы и еще одного человека, труп которого обнаружен в дренажной канаве неподалеку от шоссе М40. Его личность скоро будет установлена...

– А в чем вопрос-то?

– Почему вы солгали, когда мы опрашивали вас в октябре? Вы сказали, что ничего не знаете о смерти вашего бывшего мужа. Вы никогда не пытались разыскать Макса?

Мариэтта покачала головой.

– НЕТ. Не пыталась.

– Почему?

– Он – плод насилия. Мне не нужен был ребенок, который появился на свет в результате изнасилования. Дьявол изнасиловал меня, и я выносила его отродье...

Эрика с Мосс переглянулись.

Мариэтта навалилась на стол, приблизив к ним лицо:

– О, простите! Я говорю не то, что вы хотите услышать? Это могло случиться с любой из вас. Говорят, материнский инстинкт может преодолеть любые преграды, но нет. Я хотела от него избавиться. И я отказалась от него. Это не преступление.

Эрика тоже подалась вперед за столом, так что их лица теперь разделяли лишь несколько дюймов.

– Но хранение кокаина, Дженис, – это преступление. Мошенничество с целью получения пособий – преступление. Как и укрывательство преступников. Вы с радостью приняли от Макса деньги, когда он вдруг объявился.

– Да, приняла, чтобы не сдохнуть с голоду, – прошипела Мариэтта, еще сильнее наваливаясь на стол. – Да что вы об этом знаете!

– Ой, только вот не надо этих соплей! – рявкнула Мосс, впервые подав голос за все время допроса.

Раздался стук в дверь, вошел Макгорри.

– Извините, босс. Мне нужно срочно с вами переговорить, – сказал он.

– 19 часов 5 минут. Допрос приостанавливается, – констатировала Эрика. Она и Мосс встали.

– Можно выкурить сигаретку? – попросила Мариэтта.

– Нельзя, – отрезала Мосс, и они вышли из кабинета.

В коридоре Макгорри кратко доложил о том, что обнаружил и узнал Марш по прибытии домой.

– Марси сильно пострадала? – спросила Эрика.

– У нее сломан нос, она очень напугана. Ее раздели догола, но, кажется, не насиловали – так она думает.

– Она так думает?

– По ее словам, в дом постучался молодой парень с бритой головой, сказал, что нужно снять показания счетчика воды. Он был в спецодежде, показал удостоверение работника водоканала...

– О боже, – охнула Мосс.

Макгорри продолжал:

– Самое ужасное – в обед их дочек-близняшек, Мию и Софи, забрала из садика какая-то молодая женщина – блондинка с короткой стрижкой. Директриса говорит, что сегодня утром, в начале одиннадцатого, ей позвонила Марси и сказала, что девочек заберет их домработница. Звонок был произведен с мобильного телефона Марси, а девушка, которая пришла за девочками, знала пароль, которые обязаны назвать родители или опекуны детей...

Мосс, со слезами на глазах, покачала головой.

– Марси сказала, что бумажка с паролем висит на холодильнике, потому что она постоянного его забывает...

– Мы с Силией тоже называем пароль, когда забираем Джейкоба из садика, – проговорила Мосс, вытирая слезы.

Эрика впервые видела, как Мосс плачет. Она придвинулась к ней, обняла ее.

– Женщина, забравшая детей, была на машине? Что говорят работники детского сада?

– Нет. Сказали, что она пришла пешком.

– И больше ни у кого никакой информации?

Макгорри помотал головой.

Эрика посмотрела на часы.

– Черт, с тех пор прошло почти восемь часов. У похитителей огромная фора. Итак, известно, что блондин с бритой головой напал на Марси, затем блондинка с короткой стрижкой похитила девочек...

– В квартире Мариэтты Хоффман обнаружены волосы двух типов, – напомнила Мосс. – Преступники изменили внешность.

– Найди суперинтенданта Хадсон. Необходимо подключить Управление по борьбе с похищениями людей, – распорядилась Эрика.

Глава 67

В половине одиннадцатого вечера Эрика постучала в дверь дома Марша. С ней пришли молодая сотрудница по связям с родственниками потерпевших и суперинтендант Пэрис, специалист из Управления столичной полиции по борьбе с похищениями людей и захватом заложников, которого, в свою очередь, сопровождали двое работников его управления, мужчина и женщина. На улице, несмотря на поздний час, работали полицейские, опрашивавшие соседей.

Суперинтенданту Пэрису было под шестьдесят. Седая шевелюра, представительная внешность, статная фигура. Невозмутимый и солидный, на первом совещании он произнес слова, которые до сих пор звенели в голове Эрики:

– Следует исходить из того, что похищение человека заканчивается убийством. Насилие для таких преступников, зачастую жесткое насилие – обычное дело. Часы тикают, и очень быстро. Чем больше времени мы тратим на поиски жертв похищения, тем ниже вероятность благоприятного исхода.

Дверь открыл загорелый мужчина лет семидесяти пяти с безукоризненно уложенными седыми волосами, в щегольской одежде для отдыха: свободные брюки песочного цвета, джемпер для игры в гольф, из открытого воротника рубашки выглядывал синий в горошек галстук-шарф.

– Добрый вечер, я – отец Марси, Леонард Монтегю-Кларк, – представился он и отступил в сторону, впуская их в дом.

Он провел их в гостиную. Марш сидел на диване рядом с Марси. У той на лице – синяки под обоими глазами, на носу – пластмассовая шина. Она безудержно рыдала. Молодой врач измерял ей давление. На диване напротив сидела крупная элегантная женщина лет под семьдесят. На ней – модный брючный костюм бледно-голубого цвета, множество ювелирных украшений. Короткие седые волосы, идеальная прическа.

– Дорогая, тебе надо в больницу. У тебя сломан нос, возможно, есть и другие травмы.

– Нет, мама, – хрипло отозвалась Марси. – Я никуда не поеду.

При появлении полицейских все подняли головы, обратили на них взоры. Эрика отметила, каким разбитым и угнетенным выглядит Марш – слабое подобие того человека, которого она видела лишь несколько часов назад.

– НЕТ! – вскричала Марси, увидев Эрику. – НЕТ! Этой стерве не место в моем доме.

Остальные полицейские с удивлением посмотрели на Эрику. Марш обхватил голову руками.

– Марси, это суперинтендант Пэрис, специалист из Управления столичной полиции по борьбе с похищениями людей... – начала Эрика.

– УБЕРИТЕ ЕЕ ОТСЮДА! – вопила Марси, указывая на Эрику. – Вон из моего дома! Она спит с моим мужем!

– Это неправда, – возразила Эрика, невзирая на сложившуюся ситуацию и подавляя закипающий внутри гнев. – Я пришла со своими коллегами, чтобы помочь. Это мой служебный долг...

– ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? – заорала Марси. Она вскочила с дивана и бросилась на Эрику, отпихивая ее в угол комнаты. Руку Марси обвивала манжета тонометра, и резиновая трубка от прибора взлетала, как кнут, с каждым ее ударом. Все оцепенели, раскрыв рты от изумления.

– Марси, прекрати. ПРЕКРАТИ! – крикнул Марш; он стремительно поднялся и попытался оттащить жену от Эрики. Молодой врач снова усадил Марси на диван. Эрика потрогала нос – крови не было – и попыталась успокоиться.

Суперинтендант Пэрис шагнул к Эрике.

– Думаю, вам лучше уйти, – тихо сказал он.

– Ее обвинения беспочвенны.

Он вскинул руки.

– Хорошо, принято к сведению, но вам лучше уйти. Ваше присутствие мешает расследованию.

– Да, конечно, – согласилась Эрика, приглаживая волосы. Она взглянула на Марша, но тот обнимал Марси, пытаясь ее успокоить. Родители Марси теперь смотрели на Эрику с любопытством и неприязнью, и даже суперинтендант Пэрис и остальные коллеги холодно взирали на нее. Эрика хотела еще что-то сказать, но передумала. Она вышла из гостиной в прихожую. У выхода она

задержалась, слушая Пэриса. Тот тихим голосом объяснял, что его группа создала оперативный штаб в отделении Луишем-роу и готова к активным действиям.

– Сколько раз вам удавалось спасти... спасти людей, которых похитили? – спросил Марш с волнением в голосе.

– У меня очень высокий процент успешных операций, – ответил Пэрис.

– У них мои девочки. Прошу вас, верните мне моих детей! – истерично рыдала Марси.

Эрика смахнула слезы и тихо вышла из дома.

Глава 68

В одном из кабинетов отделения Луишем-роу Мосс продолжала допрашивать Мариэтту Хоффман, которая сидела напротив нее по другую сторону стола вместе со своим адвокатом. Теперь уже был поздний вечер.

– Мариэтта, не советую вам отмалчиваться... – предупредила Мосс. Мариэтта, как и прежде, сидела с каменным лицом, внешне безучастная к происходящему. – Кого вы выгораживаете? Вашего сына Макса, который убил вашего бывшего мужа?

– Томас ему задолжал. Огромную сумму денег.

– Поэтому Макс его убил – его и Шарлин?

– Шарлин убила Нина.

– А, значит, вы все-таки решили заговорить?

– А что, не видно, черт возьми? Губы шевелятся, изо рта вылетают звуки... – Она повернулась к адвокату. – Может, вам пора вмешаться и сказать, чтоб она перестала задавать глупые вопросы? – Адвокат откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. – Я к вам обращаюсь, как вас там...

– Меня зовут Дональд Фробишер.

– Значит, так, Дональд. Я вам плачу, чтобы вы представляли мои интересы, а не просто делали умное лицо.

Он сидел как сидел, не желая вступать в перебранку, но своей неприязни к подзащитной не скрывал.

– Адвоката предоставило вам государство, – заметила Мосс.

– Правильно, а я плачу государственные пошлины. Раньше платила, – парировала Мариэтта, постучав грязным ногтем по краю стола.

– Пошлины или страховку? И под каким именем – Дженис или Мариэтта?

Мариэтта нахмурилась и откинулась на спинку стула.

– Да кто вы такая?

– Я – инспектор полиции, – ответила Мосс.

– И, судя по всему, лесба.

– Да, лесба, – подтвердила Мосс, наклоняясь к ней. – Здоровенная. Жирная. Лесба. Но вы, Мариэтта, не в моем вкусе. Меня

не привлекают гнусные бабы из грязных трущоб, не соблюдающие личную гигиену.

– Я убираюсь каждый день! – выкрикнула Мариэтта, впервые проявив хоть какие-то эмоции. – В квартире моей ни пятнышка, ни соринки. – Откинувшись на спинку стула, она пыталась успокоиться.

– Мариэтта, вы укрывали у себя двух преступников, убивших несколько человек. Вы утаили информацию от полиции, прятали краденое. Вы фальсифицировали собственную смерть; под другим именем вы разыскиваетесь по обвинению в хранении наркотиков категории А. Неудивительно, что у вас нет времени ухаживать за собой. Да и пылесосить тоже. Я помню, как выглядела ваша квартира, когда мы приходили в первый раз. Настоящая помойка.

– Неправда, черт возьми! – прорычала Мариэтта. – Квартира была в идеальном порядке! Скажи ей, Дональд, пусть прекратит!

Адвокат бросил на Мосс тревожный взгляд и покачал головой:

– Прошу вас задавать вопросы по существу данного дела.

– Да-да, конечно, – ответила Мосс, с трудом сдерживая ликование. Она подождала, пока Мариэтта успокоится. – Итак, как уже говорилось, в вашей квартире мы обнаружили чеки на походное снаряжение, консервы, сигнальные ракеты, три анонимных сотовых телефона, запасные батарейки, патроны для пистолета «Глок». Мы конфисковали 9 тысяч фунтов наличными. Мы также выяснили, что на ваше имя зарегистрирован автофургон «Берлинго» и оформлена аренда гаража, в котором обнаружено несколько поддельных автомобильных номеров. Самого автофургона нет. Где же он, Мариэтта? Куда они уехали? И что они собираются делать с тем, что вы для них купили?

Мариэтта уже полностью овладела собой.

– Клянусь богом, не знаю.

– Вам известно, куда они направляются?

– Нет.

– Автомобильные номера вводятся в систему автоматического распознавания автомобильных номеров, и если Макс и Нина использовали или используют один из этих номеров, их уже засекали бы камеры этой системы.

– Но вы не знаете, какие номера они используют сейчас, – заметила Мариэтта с хитрой улыбкой.

– Вам известны эти номера?

Мариэтта сложила руки на груди.

– Независимо от результатов этого допроса, Мариэтта, вас посадят в тюрьму, на длительный срок. Советую вам дать показания, и тогда, возможно, судья будет к вам более снисходителен. Скажите, куда Макс и Нина направляются с двумя девочками. Какие у них планы?

Мариэтта по-детски закрыла рот рукой.

Мосс хлопнула ладонью по столу:

– Черт возьми, Мариэтта, по крайней мере, вы могли бы сказать, куда они увезли Мию и Софи Марш!

Мариэтта склонила голову набок и одарила Мосс мерзкой улыбкой:

– Пожалуй, я хотела бы вернуться в камеру.

Мосс подала сигнал наблюдателям, вошли двое полицейских и увели Мариэтту. Ее адвокат собрал документы и тоже покинул допросную.

Оставшись одна, Мосс во весь голос завопила от досады и со всей силы пнула большой стол, так что он отлетел к противоположной стене.

Глава 69

Нина проснулась внезапно, словно от толчка. Она не сразу сообразила, какой сегодня день и где она находится, просто почувствовала, что она в тепле и ее немного покачивает. Потом одна из девочек пошевелилась. Нина открыла глаза: оказывается, она уснула – привалилась спиной к стенке автофургона и уснула, обхватив руками Мию и Софи; девочки спали, положив головки ей на грудь.

Она поняла, что ее разбудило. Машина остановилась. Внутри было очень темно; слабый свет пробивался только от дисплея автомагнитолы, через лобовое стекло она ничего не видела.

– Блин, – тихо выругалась Нина, неловко пошевелившись. Во сне она подогнула ногу под себя, и теперь та занемела. Снаружи что-то засветилось, сияние стало ярче. Открылась дверца со стороны водителя. В машину ворвался ветер со снегом. Макс просунул голову в дверцу. На нем была черная шерстяная шапка – одна из тех, что купила им Мариэтта.

– Давай буди этих, нам надо идти, – сказал Макс. Он швырнул ей баул, в котором лежали теплые шапки и перчатки, включил освещение салона и захлопнул дверцу. Теперь стали видны обшарпанные стенки автофургона. Одна из девочек заворочалась – Мия или Софи, Нина затруднялась определить. Малышка открыла глазки – и сразу вспомнила все, что произошло.

– Ой. Где мы? – спросила она. Ее глаза наполнились слезами.

– Не бойся, – ласково произнесла Нина. Она наклонилась и тронула ее сестренку. – Мия, Мия, просыпайся.

Девочка открыла глаза и, когда поняла, где она, испугалась, но повела себя более мужественно, даже протянула ручонку к сестре и стала ее успокаивать. Нина смотрела на малышей, которые старались поддержать друг друга, и у нее от жалости разрывалось сердце.

– Не бойтесь. На улице холодно и, по-моему, еще ночь. Посидите пока здесь, – сказала она. – Смотрите-ка, вот здесь есть теплые шапочки и перчатки, наденьте их, ладно? – добавила она, протягивая им баул. Ей удалось высвободиться от них и перебраться вперед через сиденья. Нога совсем занемела, и она стала шевелить пальцами, чтобы разогнать кровь. Девочки не сводили с нее глаз.

– Ты бросаешь нас? – спросила Софи.

– Нет. Просто выйду посмотрю, где мы. Я никуда не денусь, обещаю. А теперь, прошу вас, найдите в той сумке шапочки и перчатки и наденьте их... – Нина через силу улыбнулась, но, кажется, девочки ей не поверили. Она открыла дверцу, и в машину ворвался ветер, снежный вихрь. – Девочки, наденьте шапочки и перчатки, прошу вас. Я быстро.

Она вылезла из машины и захлопнула дверцу. Мела метель, завывал ветер. Темнотища – хоть глаз выколи. На небе ни звезд, ни луны. Она попятилась в направлении Макса, пытаясь «расходиться» онемевшую ногу, как вдруг услышала его крик:

– Осторожно! Здесь обрыв! – Макс стоял прямо за автофургоном, с фонарем в руках. Он осветил на землю прямо перед ней, и она отшатнулась, ухватившись за машину. В свете мощного фонаря она увидела, что стоит на узкой полоске покрытой травой земли, меньше трех футов шириной, а за ней – обрыв и внизу – заполненный водой карьер.

– Боже! Где мы? – взвизгнула Нина. Крепко держась за машину, она мелкими шажками пробиралась по узкой полоске травы к задней части фургона, где земли было больше.

– На краю пустоши. Милях в пяти от пещеры, – ответил Макс, указывая куда-то влево. Нина подошла к нему. Он стоял у задней дверцы фургона, перед ним на траве лежал рюкзак, из которого Макс вытаскивал теплую зимнюю куртку. После он достал еще одну и две маленькие курточки – для девочек. – Надевай.

Нина оделась, и ей сразу стало теплее.

– Это термокуртка, не какая-нибудь дешевка! – прокричал он.

– Который час?

– Начало четвертого. Мы должны поторчать здесь до рассвета, ладно? Можешь сделать так, чтоб они сидели тихо?

– Им нужна вода, и кажется, одна из них описалась.

– Разберись с этим, – сказал Макс. Он вынул пачку сигарет, присел на корточки и прикрыл зажигалку ладонями, пытаясь прикурить. – Нин, не стой как истукан. Помогите давай. – Она присела на корточки, распахнула куртку, загоразживая его от ветра, пока он не прикурил. Макс несколько раз глубоко затянулся сигаретой, на кончике

которой мерцал в ночи яркий огонек. – Иди в машину и постарайся поспать. До рассвета еще несколько часов.

Нина видела, что на земле вокруг лежит снег. Она взяла две детские курточки, медленно пробралась по краю обрыва до дверцы и залезла в машину.

Макс не появлялся еще несколько часов. Они сидели в темноте, автофургон качался от ветра, а Нина пела девочкам. Детские песенки, которые некогда пела ей мать. Говорила девочкам, что скоро все закончится и сегодня же они вернутся к мамочке и папочке.

– А зачем мы сюда приехали? – спросила Мия. Нина теперь различала их по голосам. У Мии голосок был более пронзительный, с вопросительными интонациями, у Софи – более твердый и уверенный.

– Мы приехали сюда, потому что у вас дома работают строители...

– А что они строят? – спросила Софи.

– Новую кухню и новую ванную.

– Но они у нас и так новые.

– А эти будут новее, самые современные, – ответила Нина.

– А кто тот сердитый дядя за рулем? – спросила Мия.

– Мой командир. Командиры все такие.

– Да, – сказала Мия. – Папа тоже, наверно, командир. А командиров так называют, потому что они командуют?

– Точно. Так и есть.

Нину поразило и в то же время как-то успокоило, что девочки поверили этому объяснению. Казалось, ночь никогда не кончится, но наконец она увидела через лобовое стекло, как черное небо понемногу синееет и светлеет.

Взошло солнце, над заснеженными болотами кружила метель. Нина какое-то время смотрела в окно, восхищаясь красотой этих мест. Вдруг резко открылась дверца, и в машину просунул голову Макс.

– Что ж, пора звонить, – сказал он.

Глава 70

Эрика и Мосс спали в кабинете оперативного отдела отделения полиции Луишем-роу. Рано утром они попытались еще раз допросить Мариэтту Хоффман, но безрезультатно. В конце концов ее адвокат сказал, что его подзащитной необходимо предоставить восьмичасовой отдых в камере и только после этого можно возобновить допрос.

Эрика открыла глаза. Ее тряс за плечо один из офицеров Управления по борьбе с похищениями людей, работавший в другом кабинете оперативного штаба на цокольном этаже. Она спала в кресле, укрывшись пальто.

– Через коммутатор поступил звонок, мы считаем, что это Макс Киркхэм. Звонок сейчас отслеживают, потом переведут на нас, – сообщил полицейский, молодой парень с добрым лицом.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарила Эрика. Она растолкала Мосс, спавшую в кресле напротив, и они последовали за полицейским в оперативный штаб.

Подчиненные Пэриса столпились вокруг нескольких столов, на всех наушники, в руках – чашки кофе. Сам суперинтендант Пэрис, надевая наушники, сидел за центральным столом. Эрике и Мосс тоже выдали наушники, и они их сразу надели. Один из полицейских, стоявший рядом с Пэрисом, поднял вверх оба больших пальца.

– Запись пошла, – произнес он.

Пэрис кивнул головой и нажал кнопку микрофона.

– С кем я говорю? – спросил мужской голос. Уверенный, принадлежащий, судя по выговору, человеку из низших слоев общества, который получил некоторое образование.

– С вами говорит суперинтендант Пэрис, – спокойным тоном представился Пэрис. – Я возглавляю Управление столичной полиции по борьбе с похищениями людей и захватом заложников. Позвольте узнать, кто вы?

– Макс Киркхэм, – ответил мужчина. Эрика и Мосс переглянулись: наконец-то они услышали голос подозреваемого. На другом конце линии возникла пауза, заполняемая шумовыми помехами и свистом ветра. Пэрис что-то написал на листке бумаги и показал его присутствующим:

«Местонахождение определяется?»

Один из полицейских прочитал и покачал головой.

Пэрис кивнул.

– Ты еще там, приятель? – продолжал Макс.

– Да, Макс, я вас слушаю.

– Хорошо. Итак, сразу к делу. Подтверждаю, что девчонки у меня.

– Можете назвать имена двух девочек, которые находятся с вами?

– Да, это... м-м-м... Софи Марш и Мия Марш, отпрыски вашего командера Пола Марша.

– Так, спасибо, – отозвался Пэрис.

– Как это «спасибо», черт возьми? – воскликнул Макс. – Я звоню вам не по поводу ошибки в платежке за свет, не фиг тут разводить любезности.

– Мне нужно только одно: чтобы эта ситуация разрешилась мирно. Моя задача – вести беседу, не выражая своего суждения.

– Насрать мне на ваше суждение. И я не собираюсь с вами болтать, пока меня не засекут. Хотя все равно это виртуальный номер, так что желаю удачи.

Эрика что-то начеркала на листочке бумаги и показала одному из полицейских:

«У нас есть квитанции на телефоны с виртуальными номерами. Проверьте их идентификационные коды».

Полицейский кивнул.

– Вы можете подтвердить, что Мия и Софи живы и что они в безопасности? – спросил Пэрис.

– Ответ положительный на оба вопроса. И они будут живы и в безопасности, если вы в точности выполните мои указания. А нужно мне вот что. Вы что-нибудь слышали о биткоинах?

Пэрис посмотрел на присутствующих.

– Да, мы имеем представление об этой платежной системе.

– Так вот, я только что открыл счет для средств в биткоинах, – продолжал Макс; его голос тонул в шуме ветра. – Вы должны в ближайшие двадцать четыре часа перевести на этот счет двести тысяч

фунтов. Да, я понимаю, родная британская полиция не сможет быстро достать деньги для выкупа. Но у командера Марша и его женушки наверняка деньжата водятся. Пусть перезаложит свой прекрасный домик или сдаст в аренду свою сексуальную мочалку. Замечу, кстати, она у нее просто бархатная; хорошо, что восковая эпиляция не получила распространения в южных пригородах Лондона. Несомненно, ей идет эта дикая красота.

Эрика зажмурилась и стиснула руками наушники. Однако суперинтендант Пэрис сохранял невозмутимость.

– Если Пол и Марси Марш примут решение выполнить ваши требования и переведут двести тысяч фунтов на указанный вами счет, вы вернете девочек родителям в целостности и сохранности?

– Да, конечно. Как только деньги поступят на счет, я сразу об этом узнаю и пришлю эсэмэску с информацией о том, где находятся девочки. Как вы, очевидно, уже поняли, человеческая жизнь не представляет для меня особой ценности, но мне не хочется убивать этих двух говнюшек. Я только хочу получить свои деньги, а потом пусть валят на все четыре стороны. Учатся в частных школах, вырастают буржуазными шлюшками. Даю вам шесть часов, после этого снова позвоню. Не пытайтесь звонить мне на этот номер, я не стану отвечать.

Киркхэм отключился. Все стали молча снимать наушники, глядя на Пэриса. Тот что-то писал на листочке бумаги.

– Итак, – начал он. – Необходимо установить местоположение этого телефона. Используем метод триангуляции по ближайшим базовым станциям. Это – главный приоритет. Далее. Объявить в общенациональный розыск все автофургоны белого цвета – модель и марка нам известны от задержанной. Это тоже главный приоритет. Кроме того, необходимо направить полицейских в район, где пропали девочки. Организовать поквартирный опрос жителей домов в непосредственной близости от детского сада, из которого похитили девочек. На выполнение этих задач привлечь всех людей со всех заданий, сейчас это самое главное.

– Фургон уже ищут и жителей опрашивают, – сказала Эрика. – Кроме того, у нас есть дневник Нины Харгривз, который был изъят из их квартиры. Эти записи могут оказаться полезными.

Суперинтендант Пэрис помолчал, как будто не очень довольный ее присутствием.

– Благодарю вас, старший инспектор Фостер. Но я подаю ходатайство об отстранении вас от дальнейшего участия в расследовании данного дела. Я не возражал против вашего присутствия в качестве наблюдателя, но после вчерашних событий, думаю, ваше участие затронуло сферу личных отношений.

– При всем уважении... – начала Эрика.

Пэрис поднял руку, не позволив ей продолжить:

– Это все, что я могу сказать по данному вопросу. Прошу вас покинуть помещение оперативного штаба.

Глава 71

Уже рассвело. Нина вместе с девочками, дрожавшими от холода, стояла у фургона. Они смотрели, как Макс достал из задней части машины последнюю из сумок и захлопнул дверцы. Всего он вытащил два больших рюкзака с одеждой и две сумки с продуктами.

Теперь, при свете дня, Нина увидела, что они находятся на гребне невысокого каменистого холма, покрытого вереском, и дороги здесь уже нет: она заканчивалась в сотне ярдов. С одной стороны простирался Дартмур. Погода прояснилась, но зеленую пустошь местами укрывал снег. Автофургон стоял прямо у скалистого края заполненного водой карьера, который был затянут коркой льда. По небу плыли низкие облака, будто нависавшие над землей, и девочки, теперь уже в куртках с поднятыми капюшонами, замороженно тарасились на них. При виде облаков, до которых, казалось, можно дотянуться рукой, они на время забыли о том, что с ними произошло.

Макс шагнул к дверце со стороны пассажирского сиденья и опустил стекло, затем обошел автофургон и опустил стекло со стороны водителя. Покрутив руль, он повернул колеса машины в сторону затянутого льдом карьера, снял фургон с ручника и захлопнул дверцу. Затем сзади приналег на машину и стал ее толкать. Нина и девочки приблизились к обрыву, наблюдая, как автофургон перевалился через край и, набирая скорость, устремился в карьер. Немного задержался на его поверхности, покачиваясь вверх и вниз, потом задняя его часть задралась кверху, и автомобиль замер.

– Ну, давай же, – произнес Макс. Они уже минуты две пристально смотрели на машину. Ничего. Наконец раздался треск, поначалу тихий. Послышалось бульканье, на поверхности появились пузыри. Машина медленно погружалась в пробитую ею полынью. Как только вода хлынула в открытые окна, фургон стал быстро тонуть и вскоре исчез под водой.

Макс подошел к Мие и Софи и сел перед ними на корточки. Из карманов пальто он вынул два пакетика с конфетами «Харибо» и протянул их девочкам.

– Вот, это вам, – сказал он. Малышки кивнули, глядя на конфеты широко раскрытыми глазами, и взяли по пакету. – Если и дальше

будете себя хорошо вести, скоро поедете к маме с папой. А если будете шалить... – Обернувшись, он указал на полынью, в которой все еще пузырилась вода. – Полетите вслед за машиной... И знаете что? – Он наклонился к ним и прошептал: – Если упадете туда – утонете. Будете погружаться все глубже, и глубже, и глубже, в полную темноту. И никто никогда вас не найдет.

Девочки заплакали, беззвучно, только слезы текли по щекам.

– Макс, ну зачем ты... – начала Нина.

– Заткнись! Все. Надо идти.

Макс надел на плечи большой рюкзак, второй дал Нине. Они пошли прочь от карьера, спускаясь к зеленой пустоши, на которой местами белел снег.

Глава 72

Пол и Марси сидели на диване в гостиной своего дома, выходящей окнами на улицу. Они всю ночь глаз не сомкнули, у обоих были безжизненные, изможденные лица. Мать Марси, не столь аккуратно причесанная, как накануне, принесла поднос с чаем. Она подала чашки Полу, Марси, отцу Марси Леонарду, сотруднице по связям с родными потерпевших, суперинтенданту Пэрису и двум патрульным полицейским. Пэрис только что сообщил о телефонном разговоре с Максом.

– Сколько у нас всего сбережений? Пятьдесят пять, шестьдесят тысяч? – обратился Марш к Марси, поднимаясь с дивана.

– Пятьдесят шесть тысяч, – ответила она, держа в ладонях чашку с горячим чаем. Нос у нее по-прежнему был перевязан, синяки под глазами стали ярче, приобрели фиолетово-зеленую окраску.

– Мы можем добавить недостающую сумму, – произнес Леонард.

– Да, у нас есть специальный счет на черный день, а это... – начала мать Марси. – Это и... – Она умолкла и закрыла рот ладонью. Лицо Марси сморщилось, и мать обняла ее.

– Позвольте напомнить: наша задача – разрешить эту ситуацию без перевода столь значительной суммы, – сказал Пэрис.

– Вам легко говорить! – вскричал Марш. – Вы видели наших девочек? Это же просто... ангелочки... они никогда не ночевали вне дома, а теперь... Где они? Черт возьми, вы же асы по борьбе с похищениями людей. А уже сутки почти прошли!

– Мы работаем. Ведем поиски в нескольких направлениях. Могу вас заверить, что наши сотрудники обладают высокой квалификацией и...

– Прекратите гнать эту лабуду! Я сам офицер полиции, черт возьми. К тому же старше вас по званию! Мне нужны конкретные факты.

Суперинтендант Пэрис, сохраняя невозмутимость, посмотрел на Марша:

– Пол, простите, но я не вправе посвящать вас в подробности расследования на данном этапе.

– Какой еще «Пол»? Вы не слышали, что я сказал? Я старше вас по званию... По званию я старше вас всех. Так что прошу обращаться ко мне как положено – «сэр» – и информировать меня о ваших действиях!

– Пол! – одернула мужа Марси. Она встала с дивана и пошатнулась. – Эта группа – наша единственная надежда, только они могут вернуть нам Софи и Мию целыми и невредимыми. Так что будь повежливей. Сейчас ты не полицейский начальник, а потерпевший.

В комнате воцарилось молчание. Марш как-то обмяк и вдавился в диван. Марси подошла к Пэрису:

– У меня есть знакомая в банке, в нашем местном филиале. У нас там счет, и у мамы с папой тоже. Мы можем довольно быстро собрать требуемую сумму...

– Повторюсь: я хочу попытаться разрешить эту проблему без передачи денег, – стоял на своем Пэрис.

– Если бы речь шла о вашем ребенке, о ваших детях, вы бы тоже вели себя так спокойно и уверенно? Ответьте мне, суперинтендант Пэрис! – Он молчал, и Марси продолжала: – Так что прошу вас, когда в следующий раз будете говорить с этим... человеком... передайте ему, что мы готовы заплатить. И заявляем это со всей ответственностью.

Пэрис взял Марси за руку и кивнул:

– Он сказал, что перезвонит через четыре часа. Так что у вас есть немного времени. Будьте на связи и сообщите, когда соберете требуемую сумму.

– Спасибо, – поблагодарила Марси. Он хотел выпустить руку Марси, но тут она спросила:

– А у вас дети есть?

– Была у нас дочка, она умерла, когда ей было девять лет. Ехала на велосипеде, и ее сбила машина. Это было давно.

– Простите, – промолвила Марси.

– Сообщите, когда у вас будет требуемая сумма, – сказал Пэрис. Полицейские покинули дом и поехали в отделение.

Глава 73

Они шли уже часа три, с тяжелыми рюкзаками на плечах. Из-за маленьких девочек они не могли идти быстро по пересеченной местности. Приходилось подниматься на холмы, спускаться по склонам и даже перебираться через ограждения на заброшенных полях, которые пару раз встретились им на пути.

Затем на горизонте появился деревенский домик, по мере приближения к нему он становился все больше. Они прошли на некотором расстоянии от него. Нина замедлила шаг, издали осматривая домик, – пыталась определить, живут ли в нем люди. Макс шел вперед, не сбавляя темпа. Нина не знала, заметил ли он этот дом.

– Там... – начала Мия, показывая на домик. Нина накрыла ее рот ладонью, но не достаточно быстро. Макс остановился, вернулся к ним.

– Ты про тот фермерский домик?

– Да, – ответила Мия. Щурясь, она смотрела на него снизу вверх. Софи метнула на сестру предостерегающий взгляд.

– Это заброшенный фермерский дом. В нем никто не живет, только привидения, правда, Нина?

– Да, правда, – подтвердила Нина, лихорадочно соображая. Прошлым летом, когда они приезжали в Дартмур и отправились в поход с Дином, этого дома она не видела.

Макс наклонился к ней, как будто собираясь поцеловать, и прошептал ей на ухо:

– Только без глупостей.

– Ну что ты! – ответила она. Когда он отстранился от нее, Нина заметила злобный блеск в глубине его глаз – и испугалась.

– Вот и хорошо. А теперь вперед.

Они поплелись дальше, фермерский дом остался далеко в стороне. Теперь Макс внимательно за ней следил. Нина держала девочек за руки, а на дом больше ни разу не взглянула.

Через некоторое время они подошли к впадине, к которой вел крутой спуск. При виде этого места Нина остановилась, силясь совладать с собой. Узкая тропка казалась менее зеленой, чем в прошлом году, а водопад – гораздо стремительней, вода имела грязно-бурый цвет. Озерцо в окружении скал вроде бы не изменилось, но она

заметила, что вода в нем поднялась, наполовину залив каменный выступ.

Нина крепче взяла девочек за руки и закрыла глаза. В памяти всплыл тот жаркий солнечный день, вспомнился запах Дина, когда он навалился на нее, вспомнилось, какой теплой была его кровь, так что она не сразу заметила ее брызги на своем обнаженном теле.

– Ты что там застряла? – крикнул Макс.

Нина открыла глаза и увидела, что он уже спустился к озеру и стоит почти у самой воды. Девочки выбились из сил, стали хныкать, и ей пришлось буквально тащить их вниз по склону. Они шли за Максом, а он вдруг исчез в какой-то расщелине в скале. Малышки остановились как вкопанные.

– Не бойтесь. Это будет наше убежище, – сказала Нина. Нарядные платица девочек совсем запачкались, под сопливыми носами налипла грязь. Нина достала салфетку и вытерла им носики. – Это пещера, в ней мы будем в полной безопасности, – объяснила она. – Согреемся, поедим.

Девочки с опаской последовали за ней.

В пещере ничего не изменилось. Здесь было сухо. Стены – такие же гладкие, температура внутри на несколько градусов выше, чем снаружи.

– Помнишь, я говорил тебе: если мне придется скрываться, я буду отсиживаться именно здесь? – сказал Макс.

– Да, помню.

Склонив набок голову, он снова воззрился на нее пристальным взглядом.

– В чем дело, Макс?

Будто очнувшись от своих мыслей, он снял рюкзак и предложил Нине сделать то же самое. Она подошла к каменному выступу, украшенному граффити, и стряхнула с себя рюкзак. И как же ей сразу стало легко и приятно оттого, что она наконец избавилась от тяжелой ноши.

Они вытащили одеяла и спальные мешки. Макс открыл консервные банки с фасолью, подогрел их на походной плите, нашел пластмассовые миски – желтую, синюю и красную, – которые купила для них Мариэтта, а также пластмассовые вилки, ножи и ложки. Он

даже немного побалагурил с девочками, спросив, из каких мисок они хотят есть бобы.

– Мне синюю, – ответила Софи.

– Мне тоже синюю, – сказала Мия.

– Хорошо, что мне не нравится синий цвет, – ответил Макс, и девочки нервно засмеялись.

Нина с радостью наблюдала, как девочки уплетают фасоль. Они постепенно согревались, их бледные щечки порозовели. За едой она судорожно размышляла. Скоро Макс уйдет, чтобы еще раз позвонить в полицию, и они останутся одни. Она взглянула на девчушек: милые невинные существа, сидят и уминают свой обед. Можно ли рассчитывать, что Макс не сотворит с ними ничего плохого?

– Нин, о чем задумалась? – спросил он.

Она вздрогнула и увидела, что он опять пытливо смотрит на нее.

– Ни о чем.

– Я бы не сказал.

– Да нет, я просто устала. Когда ты уйдешь, попробую немного поспать. Когда собираешься?

– Минут через пять, только ДАЙ МНЕ ДОЕСТЬ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ! – вдруг заорал он – и швырнул свою миску с фасолью о стенку пещеры. Вздрогнув, девочки отвлеклись от еды. В тишине пещеры брошенная миска грохотала особенно громко. Нина заметила, что их рты измазаны в оранжевом соусе.

– Прости, хочешь доесть мою фасоль? – предложила Нина.

– Нет... не хочу. – Макс поднялся. – Ты ведь не веришь, что все получится, да?

Нина чуть не подавилась, чувствуя, как съеденная пища зашевелилась в желудке. Все происходящее казалось ей каким-то жутким абсурдом, на который она уже не могла повлиять.

– Нет. В смысле: нет, это не так. Я правда считаю, что все получится.

– Нин, я владею ситуацией. У меня есть план, ноут и телефон. Я все устроил, мы все это планировали вместе, и если теперь ты все испортишь...

– Нет, не испорчу, обещаю! – воскликнула Нина; она быстро поднялась, подошла к нему, схватила его за руки. Мия и Софи теперь смотрели на нее с недоумением и страхом. – Прости. Я нервничаю, да

еще проголодалась. Если б не ты, такой возможности у нас вообще не было бы.

Он отбросил ее руки и, подойдя к рюкзаку, вынул из него мобильник, карту и пистолет.

– Ладно, я пошел на вторую точку – на вершину Питмана, отсюда я сделаю второй звонок со второго телефона, как мы и планировали, – сказал он.

– Да.

– Это займет часа два. Позволит нам выиграть время, так как запутает их, когда они попытаются отследить сигнал. На пустоши вышки сотовой связи расположены на большом удалении друг от друга, а мы укрылись вдали от антенн, и здесь нам ничего не грозит.

– Да, я знаю.

Макс вплотную подошел к Нине и посмотрел ей в глаза.

– Нин, ты ведь понимаешь, что назад пути нет. Это – улица с односторонним движением. Билет в один конец. Ты должна быть предана мне. Мне нужна твоя верность... – Он тяжело дышал и дрожал от напряжения.

Малышки, сидевшие на каменной площадке, таращились на него с раскрытыми ртами.

– Макс, я буду здесь, и девочки тоже. Мы будем тебя ждать, – пообещала Нина, пытаясь улыбаться и делать вид, будто ее все устраивает.

Он пристально посмотрел на нее и кивнул.

– Ладно. Пожелай мне удачи.

– Удачи, – сказала она и поцеловала его. Макс стал пробираться по узкому проходу, ведущему из пещеры. Нина проводила его взглядом, потом выдохнула, подождала минут десять. Малышки сидели не дыша. Она повернулась к ним.

– Так, девочки. Вы только не шумите. Через несколько минут мы пойдем в тот деревенский дом, посмотрим, есть ли там кто-нибудь... – Она умолкла. Мия и Софи неотрывно смотрели на вход в пещеру. Нина обернулась. В узком проеме стоял Макс с пистолетом в руках.

– Нина... – Казалось, он ошеломлен, просто убит горем.

– Макс, я просто хотела... – Нужные слова не шли на ум, не удавалось быстро придумать подходящую ложь. Она отступила на шаг, к девочкам.

– А ведь я доверял тебе, – произнес он, покачивая головой. – Я как чувствовал, только не хотел прислушиваться к себе...

– Макс, прошу тебя. Отпусти нас. И мы уйдем. Я никому ничего не скажу. Я просто не могу на это пойти. Я люблю тебя, ты же знаешь...

Он сощурил глаза и вдруг, наставив пистолет на ее левую ногу, выстрелил ей в бедро. По маленькой пещере прокатился оглушительный грохот; звонкое эхо дрожало, поглощая крики девочек. Макс приблизился к Нине еще на шаг и, направив пистолет ей в грудь, дважды спустил курок, снова наполнив пещеру гулом выстрелов.

Девочки закричали от страха и бросились к Нине. С широко открытыми глазами, в которых застыло изумление, она лежала на каменном полу, и на ее джинсах и в двух местах на одежде, прикрывавшей грудь, расплывались кровавые пятна. В полнейшем смятении она смотрела на Макса.

– Нина, Нина, – позвала Мия, крошечными ладошками накрывая щеки девушки. Софи, повернув голову, наблюдала за Максом. Тот подошел к одному из рюкзаков и вытащил черный чемоданчик, с которым он заявился в дом Маршей под видом техника водопроводной компании. Макс открыл чемоданчик, достал из него кабельные стяжки, вернулся к девочкам, рывком оттащил обеих от Нины и подвел к каменному выступу с граффити. В этом месте порода была мягче, и кто-то закрепил в скале металлическое кольцо для привязи животных. Он схватил девочек за запястья и кабельными стяжками быстро приковал их к кольцу. Малышки сидели рядом на корточках и плакали.

Нина все так же лежала на полу, с трудом дыша и неотрывно глядя на Макса. Она подняла руку к груди, и сквозь ее пальцы потекла кровь. Макс взял черный чемоданчик, рюкзак со снаряжением и остановился подле Нины.

– К моему возвращению тебя не будет в живых. Быстро умрешь. – Он наградил ее столь холодным и злобным взглядом, что она невольно разрыдалась.

Макс покинул пещеру.

Глава 74

Прошло почти пять часов после разговора суперинтенданта Пэриса с Максом. Суперинтендант Хадсон недавно прибыла в оперативный штаб, созданный Управлением по борьбе с похищениями людей в отделении Луишем-роу, и теперь проводила совещание с участием Пэриса и его группы.

– Хочу проинформировать вас о ходе расследования убийств и розыска подозреваемых, которые проводятся параллельно с операцией вашей группы по освобождению похищенных. Нам удалось засечь сигнал мобильного телефона, с которого сегодня утром звонил Макс Киркхэм. – Она подошла к большой карте, висевшей на стене. – Сигнал идет вот от этой базовой станции, установленной в северо-восточном углу Дартмурского национального парка.

– Какова дальность распространения сигнала от этой базовой станции? – спросил Пэрис.

– Площадь зоны обслуживания данной станции – двенадцать квадратных миль, – ответила Хадсон, показав на карте огромную территорию Дартмурского национального парка. – Дартмурский национальный парк – это 368 квадратных миль труднопроходимой пересеченной местности, холмов, долин, болот и, учитывая, что сейчас ноябрь, видимость плохая. Час назад я отдала приказ о проведении розыска с использованием воздушно-спасательной службы. Мы направили в этот район вертолеты из Лондона, они будут взаимодействовать с Управлением авиационной службы полиции Девона и Корнуолла.

– Он сказал, что перезвонит через пять часов, – промолвил Пэрис. – Не исключено, что подозреваемые разделились и женщина...

– Нина Харгривз, – напомнила Мелани.

– Нина Харгривз, возможно, находится в одном месте, и с нею девочки. А Киркхэм за это время может уйти далеко. К тому же у него есть автофургон, – продолжал Пэрис. В этот момент раздался телефонный звонок. – А вот и он. Всем внимание.

Мелани и все остальные заняли свои места и надели наушники. На звонок ответил Пэрис.

– Деньги мои готовы? – сразу спросил Киркхэм без всяких предисловий. Было слышно, что вокруг него опять беснуется ветер.

– Подтверждаю, что Пол и Марси Марш приготовили к переводу двести тысяч фунтов, – ответил Пэрис. – Вы по-прежнему гарантируете, что девочки живы-здоровы и будут возвращены в целости и сохранности?

– Да.

– Ладно. Как мы будем действовать?

– Я дам вам код от моего «кошелька» для средств в биткоинах. Чтобы вы не пытались его отследить, сразу предупреждаю: мой кошелек защищен программой TOR и действует через сеть TOR. Поразительно, чего можно добиться в наше время при помощи мобильного телефона и ноутбука. Вот я отдам вам распоряжение, и двести тысяч полетят ко мне. И вкалывать не надо, да?

– Пожалуйста, диктуйте код, – произнес Пэрис абсолютно невозмутимым тоном.

Макс продиктовал код, Пэрис его записал.

– Жду деньги в ближайшие три часа. Об их поступлении я узнаю сразу, мне придет SMS-сообщение. Тогда я снова вам позвоню и сообщу, где находятся Мия и Софи.

Он отключился. Все молчали.

– Не нравится мне его тон, – первой заговорила Мелани. – Что ему помешает просто убить девочек? Раньше я не занималась делами о похищении людей, но он не из тех, кому просто нужны деньги... – Помолчав, она добавила: – Я с самого начала слежу за ходом расследования. И знаю, на что способны Макс Киркхэм и Нина Харгривз. Одними деньгами они не удовольствуются. Они хотят посеять хаос.

Глава 75

Вертолет столичной воздушно-спасательной полицейской службы летел над плотным слоем облаков. Вращающиеся лопасти винта производили оглушительный шум. С обеих сторон в большие стеклянные двери хлестал дождь. Эрика, Мосс и вместе с ними один из работников санитарной авиации находились в задней части вертолета. Места было мало, сидели вплотную друг к другу, Мосс в середине. Перед ними на полу лежали носилки и спускоподъемное устройство, вокруг – необходимые средства и предметы медицинского назначения.

На всех были надеты массивные черные полицейские шлемофоны для переговоров с пилотом, так как в вертолете было очень шумно. Эрика посмотрела на Мосс: та сидела, прижав руки к шлемофону, лицо ее приобрело зеленоватый оттенок.

– Все нормально? – спросила она одними губами.

Мосс кивнула, но как-то неубедительно, и ухватилась за сиденье, так как вертолет накренился на вираже и стал спускаться к облакам.

– Мы летим в южном направлении, скорость – сорок узлов, – раздался в наушниках металлический голос пилота. – Мы достигли края Дартмура и спускаемся ближе к поверхности земли, там лучше видимость.

Мосс судорожно схватила Эрику за руку: на них надвигалось огромное облако, и вертолет нырнул прямо в нее, в иллюминаторах – только белая муть. Через некоторое время они почувствовали толчок, вертолет затрясся, выровнялся и поплыл над холмами и скалистыми вершинами.

Перед этой операцией Эрика беседовала с Мелани, объяснила, что ее отстранили от работы в составе группы по спасению похищенных людей, но попросила, чтобы ей позволили принимать активное участие в расследовании убийств. И вот теперь не знала, зачем Мелани отправила ее в Дартмур: чтобы не мешалась в Лондоне или чтобы помогла с поисками.

Они летели на небольшой высоте над бескрайними зелеными просторами, над замерзшими ручьями и речками, над полями, где паслись коровы и овцы, которые в ужасе разбегались от тархтенья

вертолета. Вместе с ними территорию Дартмурского парка прочесывали из конца в конец во всех направлениях еще шесть вертолетов, но докладывать было нечего. Людей не обнаружили. Ни души.

Глава 76

Нина лежала на спине. Каменный пол под ней, казалось, кренился и колыхался. Ногу раздирала мучительная боль, а в груди было странное ощущение: будто она наполнена водой и ноет. Нина пыталась вздохнуть, но воздух удавалось зачерпывать лишь крошечными глоточками. Было холодно и темно, она почти ничего не видела. Периодически она впадала в забытие, но внезапно сознание прояснилось, и она услышала плач девочек. Она силилась окликнуть их по именам, но из горла вырывался лишь клекот. А потом она кашлянула, и грудь взорвалась болью, словно в нее впились тысячи осколков стекла.

– Нина... Нина, ты где? – пискнул в темноте детский голосок. Она вытянула руки и нащупала под собой камень. Он был мокрый – холодный и мокрый. «Это моя кровь?» – подумала она. Локтем упираясь в пол, Нина приподнялась, на что ее тело отозвалось еще более одуряющей болью, и ей пришлось навалиться на один бок. Из рта хлынула кровь. Она сумела сплюнуть и вздохнуть, и прочистила горло.

– Все хорошо... девочки. Девочки! Я с вами, – прохрипела Нина. Она взмокла от пота. Или это не пот, а кровь? Откуда в ней столько крови? Она попыталась сесть, но боль была столь умопомрачительной, что она снова едва не потеряла сознание.

– Нина, мы не можем пошевелиться, нам больно, – пожаловался голосок. Нина затруднялась определить, кому он принадлежал: Мие или Софи.

Перед глазами проносились разные образы. Макс выстрелил в нее, три раза, в ногу и в грудь. Он хотел ее убить. Почему она до сих пор жива?

Она жалела, что нельзя повернуть время вспять. Лучше б ее выбор пал на человека, с которым ей было бы просто и весело. На что ей испепеляющая страсть? Ей нужен добрый скучный парень, который бы заботился о ней, валялся на диване, смотрел футбол, а она рожала бы от него детей. Нина поднесла руку к груди. Из нее хлестала кровь. Она ощущала биение своего сердца, ритмично выталкивавшего из нее

жизнь. Нога была словно охвачена огнем. Она попыталась дотянуться до нее и не смогла.

Снаружи донесся низкий рокот, и Нина поначалу не поняла, что это может быть, но потом воображение нарисовало вертолет. Рокот звучал все громче и громче, и на мгновение ей подумалось, что вертолет сядет у входа в пещеру, что полиция узнала, где спрятали ее и девочек... Рокот перерос в рев, который затем стал постепенно удаляться. Вертолет пролетел мимо, рокот смолк, и ее снова окутала тишина, нарушаемая лишь всхлипами девочек.

Глава 77

В отделении Луишем-роу весь оперативный штаб по спасению похищенных детей сгрудился у одного ноутбука. Один из подчиненных суперинтенданта Пэриса переводил 200 тысяч фунтов на закодированный счет для биткоинов. Операция эта была сложная и многоступенчатая: требовалось в определенной последовательности открыть несколько окон и ввести коды.

– И вот к чему все сводится: пятнадцать высокопрофессиональных офицеров полиции сосредоточенно смотрят на веб-сайт, – произнесла Мелани, стоя рядом с Пэрисом.

– Да, канули в Лету те дни, когда мы оставляли сумки с деньгами, – отозвался тот.

– Где гарантия, что он отпустит девочек?

– Гарантии нет.

Воцарилось молчание. На финальной стадии транзакции, когда деньги ушли на счет для средств в биткоинах, Мелани отвернулась от экрана. Не хотела, чтобы окружающие видели ее слезы.

Глава 78

Макс бродил по замерзшей пустоши. Он взобрался на вершину холма и стоял возле огромного нагромождения плоских камней. Они всегда напоминали ему башню из игры «Дженга». Воображение рисовало ему великанов, которые некогда гуляли по пустоши и перекидывались камнями, оставив после себя эту гигантскую груду. Над его головой низко опускалось облако, в воздухе мельтешила холодная морось. С южной стороны издалека доносился тихий рокот вертолета, но видимость была плохая. К тому же его закрывало облако.

В кармане пикнул мобильный телефон. Он вытащил его, открыл SMS-сообщение. Это был код. Деньги поступили на счет.

Макс издал торжествующий вопль, заулюлюкал и загинал, кулаком разрезая воздух. Его переполняло ликование. Он был уверен, что его план удастся, но в подсознании всегда сидела мысль, что, возможно, он останется ни с чем. На крайний случай он продумал запасной вариант – скрыться с десятью тысячами, хотя это существенно урезало бы его возможности... Но, черт возьми, двести штук. *Двести гребаных штук!*

Он решил сразу же отпраздновать успех и зашагал к пещере. Теперь, когда у него есть деньги, девчонки ему больше не нужны. Хватит сентиментальничать. Он преподаст урок этим сволочам. Те малышки – отродье полицейского и его шлюхи-жены. Он проверил свой пистолет. Осталось две пули. По одной на каждую.

Глава 79

Нина постепенно приходила в себя. Она не знала, долго ли пробыла без сознания. Она попыталась сесть, но невыносимая боль не дала ей приподняться. Где-то вдалеке рокотал вертолет. Она ощущала под собой холод каменного пола, голова кружилась.

– Нина? – окликнула ее Софи. – Нина?

– Она спит, – сказала Мия.

– Я не сплю, – глухо отозвалась Нина заплетающимся языком. – Не сплю. Просто мне больно, и я не могу пошевелиться.

– Папа однажды повредил спину, и ему пришлось лежать на деревяшке на полу в гостиной, – сообщила Мия.

– Только на самом деле это была не деревяшка, да? А доска от старого дедушкиного буфета. Он специально ее принес для папы, – объяснила Софи.

Нина улыбнулась и сглотнула кровь.

– Мой папа тоже как-то раз повредил спину, и он лежал на гладильной доске.

– А как же мама твоя гладила? – спросила одна из девочек, и Нина, несмотря на боль, рассмеялась.

– Она не стояла, а лежала на полу. С подоткнутыми ногами.

Нина на мгновение представила лежащего на полу отца и маму, которая пыталась подсунуть подушку ему под голову, покоившуюся на плетеной из проволоки подставке для утюга. Картина была такая ясная и живая... Запах гостиной, мать на коленях у головы отца, он стонет, просит принести еще подушки. Отец посмотрел на нее, улыбнулся, и она поняла, что снова погружается в мир грез.

Очнувшись, Нина внезапно ощутила прилив энергии. Она лежала на полу пещеры. Повернув голову, Нина увидела, что находится в двух метрах от входа в пещеру. Можно попытаться выползти наружу и помахать одному из вертолетов, но как преодолеть крутой склон, усеянный валунами?

Повернув голову в другую сторону, она не увидела рюкзака Макса со всеми инструментами и веревками. Он прихватил с собой и черный чемоданчик, в котором лежали спички, фонарь, ножницы и кусачки. В

пещере остался только рюкзак с походной плиткой и свернутыми спальниками. Если Макс вернется, как ей быть? Что она может? Разве что бросить в него пару банок консервированных бобов. Эта мысль вызвала у нее смех, прозвучавший как отвратительное бульканье.

– Ты смеешься? – спросил тоненький голосок. Софи.

– Да, – ответила Нина. Она поменяла положение и усилием воли заставила себя сесть. Пещерный мрак начал поглощать ее, из глаз посыпались искры, но она сумела отдышаться. Пощупала грудь. Где же сердце? Раз так, она должна быть уже мертва. Нина старалась не думать о том, что она потеряла много крови – крови, что вылилась из ее груди. Насколько она могла судить. У нее было странное чувство – ощущение некоей переполненности. И это наталкивало на мысль, что она исходит кровью внутри. А вот из ноги кровь по-прежнему хлестала. Чем бы ее перевязать? Если б удалось дотянуться до нижнего края штанины и туго закатать джинсы выше колена, возможно, кровотечение остановилось бы. Она наклонилась и почувствовала, как все ее хлюпающие внутренности опалило огнем. Пальцы коснулись нижнего края штанины, и она поняла, что не сможет их завернуть: джинсы слишком плотно облегли ногу. Если бы штанины были чуть шире, она, наверно, сумела бы их поднять.

«Жаль, что на мне не клеши, – подумала Нина. – Впрочем, в моем гардеробе их никогда и не было».

И вдруг она замерла.

Вспомнила.

Сигнальные ракеты.

В боковой карман рюкзака с плиткой и спальниками они положили сигнальные ракеты. «Только бы, только бы, – молилась она, – он их не забрал». Макс унес все, что я могла бы использовать для освобождения девочек, даже аптечку – забрал все, кроме моего рюкзака, в который мы положили спальники, карты и – в боковой карман – сигнальные ракеты с красным световым эффектом.

Вдохновленная, она поползла к рюкзаку.

– Нина, что с тобой? – пропищал тоненький голосок. Софи, определила она.

– Все хорошо, Софи, сидите тихо, я вытащу нас отсюда, – сказала она. Преодолевая адскую боль, Нина доползла по неровному каменному полу до рюкзака. Ощупала его, водя ладонями по

карманам. *Есть!* Ракеты лежали во внешнем кармане, она ощущала под руками их контуры. Нина расстегнула карман и вытащила две длинные сигнальные ракеты с красным световым эффектом.

Изначально они планировали по получении денег оставить девочек на пустоши и по телефону сообщить Маршу их точное местонахождение. Сами они намеревались дойти до городка на краю пустоши, близ Плимута, взять там такси и поехать в порт, находившийся на удалении нескольких миль. И там Макс должен был выпустить ракету. Он договорился с одним парнем, с которым познакомился еще в колонии для несовершеннолетних преступников, чтобы тот подобрал их на своем судне. За 25 тысяч фунтов он должен был переправить их в Европу. Привалившись к рюкзаку, Нина стала анализировать ситуацию. Нелепая затея. Их все ищут. Даже если Макс сумеет получить деньги, их шансы... *его* шансы перебраться за границу безнадежно малы.

«Он стрелял в меня. Стрелял и думает, что убил. С чего бы ему сюда возвращаться? Или все же он должен вернуться?»

Держа в руке обе сигнальные ракеты, Нина отвинтила в их основании колпачки. Из цилиндров выпали хвостики шнуров. Она думала доползти до того места у водопада, откуда ей будет видно небо, дожидаться, когда вертолет подлетит поближе, и выпустить в воздух ракету.

А потом ее осенила идея получше.

Глава 80

В небе клубились облака. Макс приблизился к тому месту, где начинался спуск к водопаду. Вертолет он не слышал, наверно, уже с полчаса, но облако поднималось, и ему придется ждать темноты, чтобы пешком преодолеть десять миль до края пустоши. Катер должен был подобрать их в три часа ночи.

Не *их* – *его* одного, поправился Макс. По его расчетам, вертолеты будут продолжать поиски до наступления ночи, так что он успеет убить. У него будет время и на это, и на кое-что другое.

Он остановился на вершине возвышенности и проверил оружие. Пистолет был заряжен; он ощущал в руке его тяжесть. Сейчас он покажет тому паскуде-командеру, кто здесь главный. При Нине он старался не причинять боль девочкам, но теперь ее нет в живых, и он волен потешиться в свое удовольствие. И убивать их он будет долго. Разденет догола, острижет и затем станет терзать длинным охотничьим ножом. Детьми он никогда особо не увлекался, но, пожалуй, ради командера сделает исключение.

Макс зашагал вниз по склону, топча вереск, миновал водопад. Было очень холодно, и он подумал, что, если температура еще немного упадет, водопад замерзнет и внезапно умолкнет.

Дойдя до расщелины в скале, он остановился и прислушался, держа на взводе пистолет. Из пещеры не доносилось ни звука. На несколько секунд он закрыл глаза, чтобы они привыкли к темноте пещеры. Потом поднял веки и шагнул в узкий проход.

Близняшки выглядели грязными и растрепанными и по-прежнему были привязаны к металлическому кольцу в каменном выступе. На полу разливалась большая лужа крови, но на том месте, куда упала Нина, когда он в нее выстрелил, никого не было. Макс проследил за дорожкой крови и увидел, что Нина сидит, привалившись к рюкзаку.

– Дерьмо собачье. На, жри! – крикнула она.

Макс сообразил, что она нацелила на него сигнальную ракету, лишь за долю секунды до того, как красная вспышка устремилась ему в лицо.

Мощь заряда, Нина знала, рассчитана так, что ракета взмывает на высоту 100 метров фактически мгновенно. Но и сила отдачи была

велика: ее саму отшвырнуло на каменную стену. Ракета влетела Макс в открытый рот. Раскаленная добела звездка прожгла его голову до самого мозга. В ту же секунду его отбросило назад, к выходу из пещеры, но он не вписался в узкий проход и ударился о стену. Нина крикнула девочкам пригнуться и сама закрыла лицо. Ракета взорвалась красным огненным факелом, воспламенив тело и одежду Макса и наполнив пещеру густым дымом. Нина схватила вторую сигнальную ракету, нацелила ее на выход из пещеры и дернула за шнур.

Глава 81

Вертолет столичной полиции с Эрикой и Мосс на борту уже два часа кружил над Дартмуром.

Надежды Эрики найти живыми Мию и Софи постепенно таяли. Они слушали по радиосвязи переговоры пилотов, обследовавших другие сектора пустоши. Все докладывали, что никого не нашли. Они уже собирались повернуть назад и лететь на авиабазу в Плимуте, чтобы заправиться, как вдруг Эрика заметила тонкую струйку густого черного дыма, а затем в небо взлетела ярко-красная звездка сигнальной ракеты, которая очертила дугу и начала падать.

– Там! – крикнула Эрика в переговорное устройство. – Нам нужно туда! Возвращаться рано.

Пилот резко повернул машину вправо. Струйка дыма приближалась. Проплывавшие мимо облака на мгновение поглотили их, а потом словно расступились, и они с высоты птичьего полета увидели на пустоши небольшую впадину, наполненную водой. Они стали снижаться к водопаду. Навстречу им неслась поросшая травой земля, где лежало окровавленное тело женщины.

Как только вертолет коснулся земли, Эрика, Мосс и врач санитарной авиации повыпрыгивали из машины и, пригибаясь под лопастями, кинулись вниз по склону к женщине. Та едва дышала, все еще сжимая в окровавленных руках желтый цилиндр сигнальной ракеты.

– В пещере. Он мертв, девочки там, – прохрипела она.

Эрика и Мосс оставили Нину с врачом и нашли вход в пещеру. Эрика подскочила к девочкам и увидела, что они привязаны к камню. Чумазые, грязные, малышки заходились истеричным плачем. Потом Мосс заметила в углу обугленную фигуру с выжженной дырой на месте лица.

– Он умер, это она его убила! – завизжала одна из близняшек.

– Помогите нам, пожалуйста, заберите нас отсюда! – завопила другая.

Острым концом ключа от квартиры Эрика сумела перерезать кабельную стяжку на руках одной девочки, потом – на второй.

– Все, берем их и уходим! – крикнула она. Они с Мосс подхватили малышей на руки, выбежали из пещеры и мимо врача помчались вверх по склону.

Эрика оставила девочек с Мосс и вернулась к врачу.

– Прошу вас, дайте мне умереть, – сиплым шепотом попросила Нина.

Эрика опустилась на корточки возле нее и посмотрела на врача. Тот покачал головой.

– Оставайтесь с ней. Я – за медикаментами. Держите здесь. – Он взял руку Эрики и прижал ее к тому месту на ноге Нины, откуда сочилась кровь, а сам бросился к вертолету.

– Там, в колодце, погребен один парень, – сообщила Нина, морщась от боли.

– Что? – переспросила Эрика.

– Его звали Дин. Прошу вас, загляните в колодец, найдите его тело. Похороните по-человечески.

Эрика кивнула.

– Мне столько всего не довелось сделать... того, что я хотела... Я так и не родила детей... Прошу вас, позаботьтесь о них, верните родителям... Мию... Софи.

Эрика видела, что Нина умирает. Она бросила взгляд в сторону вертолета. Мосс укутала девочек в одеяла и теперь поила их. Эрика чувствовала, как под ее рукой, зажимавшей рану, останавливается кровь. Дыхание Нины становилось рваным, прерывистым.

– Простите за все. Передайте маме, что я ее люблю... – Она посмотрела на Эрику. – Я никогда не хотела, чтоб так вышло... – Из горла Нины вырвался хриплый присвист, свет погас в ее глазах, белая кожа быстро приобретала восковую желтизну.

От вертолета бегом возвращался врач с резиновым жгутом в руке.

– Умерла, – тихо сообщила ему Эрика. – Скончалась.

Врач оглянулся на Мосс, ожидавшую у вертолета вместе с Мией и Софи.

– Девочек нужно срочно в больницу, на обследование, – сказал он. – Я вызову за вами другой вертолет.

Не дожидаясь от нее ответа, он помчался вверх по склону и помог девочкам и Мосс залезть в вертолет. Эрика зажмурилась от ударившего в лицо потока воздуха, когда вертолет оторвался от земли, приминая

траву и вереск вокруг. Машина взмыла ввысь, стала быстро уменьшаться в размерах, исчезла в облаках.

Эрика посмотрела на Нину, и все ее существо наполнила безмерная печаль. Как получилось, что эта молодая умная девушка ступила на столь ужасный путь? Эрика оглянулась на пещеру и в глубине прохода различила едва видимые очертания ног Макса Киркхэма. Было тихо, темнело. Эрика поежилась и свободной рукой закрыла глаза Нины.

На вересковой пустоши свистел ветер, колючий холод пробирал до костей. Эрика ходила туда-сюда, пытаясь согреться. Она думала о том, что очень долго гонялась за этими двумя убийцами, за которыми тянулся шлейф жестоких преступлений. И вот теперь она с ними одна, сторожит их тела. Она была рада, что их удалось остановить. Еще больше ее радовало, что Мия и Софи в безопасности и скоро воссоединятся с Полом и Марси. Но было бы куда лучше, рассудила она, если бы Макс и Нина сели в тюрьму на пожизненный срок. Смерть – слишком легкое для них наказание.

Наконец вдали появился вертолет.

Эпилог

Пятница, 18 декабря 2017 года

Прошло три недели. Эрика только что вернулась домой после долгого трудового дня, увенчавшегося визитом в поликлинику, где ей наконец-то сняли гипс. На улице стоял мороз, последние дни казалось, что вот-вот пойдет снег, но Эрика сомневалась, что у них будет снежное Рождество. Вставляя ключ в замочную скважину, она обратила внимание, что после долгих недель пребывания в гипсе ее рука выглядит усохшей. Она отперла дверь, шагнула через порог, подняла с коврика ворох открыток.

Пройдя в гостиную, она сняла пальто и первым делом открыла восемнадцатое окошко Рождественского календаря, который прислали ей Якуб и Каролина. Она вытащила из ячейки шоколадку и увидела в глубине Санту и миссис Клаус – толстых, веселых, улыбающихся. Санта держал веточку омелы над головой миссис Клаус, а та с кокетливой улыбкой наклонилась к нему, собираясь поцеловать.

– Главное помните, милые, что Санта приходит только раз в году. Не теряйте даром время, повеселитесь от души, – сказала Эрика календарю. Сунув шоколадку в рот, она прошла к холодильнику, налила себе водки, села с бокалом на диван и принялась распечатывать открытки.

Ее поздравляли с Рождеством Мосс, Крейн, Макгорри, и даже Питерсон прислал открытку с довольно двусмысленными «добрыми пожеланиями». Она каждый день видела их всех на работе, за исключением Питерсона – тот должен быть вернуться на службу в новом году, – и ей было непонятно, зачем они прислали ей поздравительные открытки по почте. Эрика почувствовала себя скрягой: рождественские открытки коллегам она разложила по ячейкам для служебной корреспонденции на работе.

Эрика собиралась заказать что-нибудь из еды на дом, но тут в дверь постучали. Она открыла ее и удивилась, увидев на пороге Марша. Они не общались со времени драматичных событий в Дартмуре.

– Привет...

– Привет, Эрика, – поздоровался Марш. Он заметно похудел.

– Входи. Выпьешь чего-нибудь? – предложила она, быстро добавив: – Чай, кофе?

Марш вошел, вытер ноги, но пальто не снял. Эрика провела его в гостиную.

– Нет, ничего не буду, спасибо, – отказался он, нервно барабанил пальцами по спинке дивана. Возникло неловкое молчание.

– Ну... ты как? – спросила она.

– Не знаю. Вроде ничего.

– А Марси?

– Пока не очень. Но постепенно выправляется.

– Софи с Мией?

– На удивление жизнерадостны. Счастливы, что снова дома. Все время льнут к нам, обнимаются. Мы думаем показать их психологу... как-нибудь, но они больше расстроены из-за Нины Харгривз... Она совершила тяжкие преступления, она убивала людей, и все же благодаря ей мои девочки живы.

– «Благодаря ей» твои девочки были похищены и вы потеряли двести тысяч... – Эрика нахмурилась. – Извини. Не то говорю.

– Ничего.

– Полиция Девона и Корнуолла достала тело Дина Гровера. Оно лежало там, где указала Нина – в колодце близ водопада на пустоши. Лицо было разбито камнем... А Мариэтта Хоффман в новом году предстанет перед судом.

Марш морщился, слушая эти подробности, а потом сменил тему разговора:

– А ты как сама? Я слышал, навещала Нилза Акермана?

– Да. Из эгоистических соображений. Чтобы поставить точку. Но я не уверена, что это помогло... Я могла бы простить его за то, что он предал меня, но из-за него теперь отправлены на пересмотр множество закрытых дел и приговоров. И самое смешное, что через четыре-пять лет его, скорей всего, выпустят – за хорошее поведение.

Марш кивнул, смущенно раскачиваясь на каблуках у дивана.

– Пол, может быть, все-таки выпьешь кофе?

Он покачал головой и сделал глубокий вдох:

– Марси просила узнать, будешь ли ты здесь на Рождество.

– Я? А что?

– Хочет пригласить тебя к нам на рождественский обед.

– К вам, на рождественский обед?

– Да. Я знаю, вы с ней не всегда сходитесь во взглядах...

– Мы с ней никогда не сходимся во взглядах, а после того, что произошло...

– Она так благодарна тебе за спасение девочек. Она очень эмоциональна по этому поводу... и насчет много другого... Но она говорит, что была бы рада видеть тебя у нас. И девочкам ты нравишься. Ты же понимаешь, что она пережила. Может, она хоть душу с тобой отведет. Ее родители тоже придут, но они всегда предпочитают, как говорится, заметать мусор под ковер. Если считаешь, что обед – это слишком торжественно, приходи на херес со сладкими пирожками... И она хотела бы извиниться перед тобой за то, что наговорила тогда перед всеми насчет тебя и меня...

– А ты сам хочешь видеть меня в своем доме на Рождество?

– Конечно. Эрика, мы ведь с тобой сто лет знаем друг друга.

– Ну да...

– Так придешь?

– Ладно, приду.

Они долго смотрели друг на друга.

– Бог мой, гляди! – воскликнул Марш, подходя к окну. – Снег пошел!

– А я уж думала, что в этом году нам снега не видать, – произнесла Эрика.

Она встала рядом с ним у окна. На улице падал снег. Огромные белые хлопья, кружась в воздухе, медленно опускались на сухую землю. Несколько минут они молча любовались снегопадом.

– Что ж, пойду, пожалуй. Девочек купать пора, – сказал Марш.

– Конечно.

Эрика проводила его к выходу. На прощание он легонько чмокнул ее в щеку и тихо проронил:

– Спасибо, за все. Ты много для меня значишь.

Эрика вернулась к окну. Марш шел по парковке сквозь снег, спеша к жене и дочкам.

К читателю

Прежде всего я хочу выразить огромную благодарность за то, что вы выбрали для прочтения мой роман «Холодная кровь». Разумеется, и над этой историей я работал с любовью и полной самоотдачей. Всегда волнительно, когда новый роман – итог твоего многомесячного труда – выходит в свет. Это книга – пятая в цикле романов об Эрике Фостер, и с каждой новой книгой я чувствую все большую ответственность перед читателем, понимая, что мой долг – изображать своих героев живыми людьми, соответствующими их первоначальным образам. Я серьезно отношусь к этой своей обязанности и тешу себя надеждой, что мое повествование доставляет вам удовольствие.

К этому добавлю лишь то, что в своих романах я предпочитаю в качестве мест действия использовать реально существующие районы и объекты Лондона, но наряду с этим беру на себя смелость придумывать новые улицы и кварталы. Не считая этих маленьких вольностей, Лондон Эрики Фостер столь же доподлинно настоящий, как и тот, в котором вы живете или который мечтаете посетить. И если где-то на улице вы случайно столкнетесь с Эрикой Фостер, остерегайтесь серийных убийц – они к ней так и липнут!

Ну а теперь мне хотелось бы узнать, понравился ли вам роман «Холодная кровь». Если понравился, напишите отзыв и поделитесь впечатлениями с друзьями и родными. Ваши отклики и устные рекомендации представляют для меня большую ценность. Они играют важную роль, помогая новым читателям открыть для себя одну из моих книг.

Мне самому тоже крайне интересно ваше мнение! Вы можете связаться со мной, написав на моей страничке в «Фейсбуке» или «Твиттере», а также через интернет-портал «Гудридз» или мой личный сайт www.robertbryndza.com. Я намерен издать еще много книг и надеюсь, что вы составите мне компанию в этом путешествии!

Роберт Брындза

Благодарности

Я крайне признателен замечательной команде издательства Bookouture и особую благодарность выражаю своему редактору Клэр Борд. Работать с вами – истинное удовольствие. Ваши замечания и рекомендации всегда существенно повышают качество моих книг. Спасибо, что предоставили мне творческую свободу, дав возможность писать эту серию романов так, как я хочу. Я благодарю своего блестящего агента Эми Таннебаум и, разумеется, Генри Стедмана – за потрясающую обложку. Спасибо вам, сержант Лорна Деннисон-Уилкинс, – за помощь и советы в описании человеческих останков, пролежавших какое-то время в воде.

Хочу сказать спасибо своей свекрови Вьерке – за любовь и поддержку в период работы над этой книгой. И тебе, Ян, мой удивительный муж, – за любовь и поддержку, за то, что всегда смешишь меня и защищаешь мои интересы. И за то, что выгуливаешь наших собак.

В обращении к читателям я упоминал про устные рекомендации, и в связи с этим хочу выразить особую признательность маме с папой, Пэт и Брайану Саттон. Ну вот, родители, теперь и вы попали на страницы печати! Спасибо, что рекомендуете мои книги многим и многим людям – друзьям, соседям, уличным прохожим, попутчикам в поезде. Спасибо, что одалживаете мои книги тем, кто не имеет электронных читалок. За то, что создали крупнейшую общедоступную библиотеку моих книг. Я очень люблю вас обоих!

И наконец, спасибо всем вам, мои дорогие читатели и блогеры. Спасибо, что обсуждаете мои романы и пишете о них. Без вас у меня было бы гораздо меньше читателей.

Роберт Брындза

Девять Вязов

Роман

© Казарова Е., перевод, 2019

© ООО «„Издательство АСТ“», 2019

Осень 1995

1

Детектив полиции Кейт Маршалл ехала на метро в сторону дома, когда у нее зазвонил телефон. Она не сразу нашла его в складках длинного зимнего пальто. Вытащив огромный, как кирпич, аппарат, она вытянула антенну и нажала на кнопку. Это был ее начальник, старший инспектор Питер Конуэй.

– Слушаю, сэр.

– Наконец-то! Она взяла трубку! – с ходу огрызнулся Питер. – Я пытался тебе дозвониться. Какой к черту толк от всех этих новых телефонов, если ты не отвечаешь?

– Простите. Я весь день провела в суде, по делу Трэвиса Джонса. Ему дали три года, я и не рассчитывала...

– Какой-то человек с собакой обнаружил в парке «Кристал Пэлас» тело молодой девушки, – оборвал он ее. – Голая, на теле следы от укусов, на голове – пластиковый мешок.

– Каннибал с Девяти Вязов...

– Операция «Цикута». Ты же знаешь, что мне не нравится это прозвище.

Кейт хотела было ответить, что это прозвище теперь прицепилось к убийце *намертво*, но Питер был не их тех начальников, которые ценят в подчиненных чувство юмора. Имя Каннибал с Девяти Вязов придумали газетчики. Два года назад на заброшенном дворе в районе Девяти Вязов, на юго-западе Лондона, недалеко от Темзы было найдено тело семнадцатилетней Шелли Норрис. Вообще-то убийца только кусал своих жертв, но пресса решила не отказываться от отличного прозвища для серийного убийцы и не вдаваться в тонкости. За эти два года были похищены еще две девочки-подростка, возвращавшиеся вечером домой из школы. Их тела обнаружили в лондонских парках несколько дней спустя. В конечном счете, ничто так не увеличивает газетные тиражи, как разгуливающий на свободе каннибал.

– Кейт, ты куда пропала?

За окном вагона было темно. Кейт посмотрела на табло с бегущей строкой.

– Еду на метро. Почти дома, сэр.

– Я захвачу тебя на станции, на нашем обычном месте, – не дожидаясь ответа, Питер повесил трубку.

Через двадцать минут Кейт уже стояла на узеньком тротуаре между туннелем и загруженным южным кольцом, по которому медленно тянулись машины. Большая часть территории вокруг станции еще только застраивалась, поэтому дорога до маленькой квартирке Кейт проходила через пустевшие на ночь строительные площадки. В таких местах по вечерам лучше не бродить. Пассажиры, вышедшие из вагона вместе с ней, перешли дорогу и растворились в темноте улиц. Кейт посмотрела назад на пустынный, сырой, утопающий во мраке туннель и покачнулась на каблуках. В ногах у нее стоял маленький пакет с продуктами для ужина.

Кейт почувствовала, как ей за шиворот упала капля, потом еще одна, начался дождь. Она подняла воротник и подошла ближе к освещаемой фарами автомобилей проезжей части.

Ей поручили это дело чуть меньше чем полтора года назад, когда число жертв Каннибала из Девяти Вязов уже дошло до двух. Участие в расследовании громкого дела, вместе с повышением по службе, которое давало возможность больше не носить полицейскую униформу, стало для Кейт большим успехом.

Через восемь месяцев после того, как нашли тело третьей жертвы, семнадцатилетней школьницы Карлы Мартин, дело заглохло. Расследование свернули, а Кейт и еще несколько молодых полицейских перенаправили в отдел по борьбе с наркотиками.

Кейт сквозь дождь вглядывалась в длинную вереницу машин. Из-за поворота то и дело появлялись новые огни, но звуков полицейской сирены не было слышно. Она посмотрела на часы и отступила назад от яркого света фар.

Она не видела Питера два месяца. Незадолго до ее перераспределения они переспали. Он мало общался с коллегами, но однажды во время одной из редких посиделок в баре после работы они разговорились, и Кейт сочла его общество и его рассуждения крайне притягательными. Они остались в баре после того, как все уже

разошлись по домам, а потом поехали к ней. А на следующий день, вечером, он пригласил ее к себе. Кейт горячо сожалела об этой интрижке с начальником, и в особенности о том, что это случилось даже не однажды. Это было какое-то минутное помутнение. Точнее, двухминутное, прежде чем они оба пришли в себя. У нее были строгие моральные принципы. Она была хорошим полицейским.

Я подберу тебя на нашем обычном месте.

Эта фраза заставила Кейт напрячься. Он два раза подвозил ее на работу, и оба раза он также подбирал по пути ее коллегу, инспектора Кэмерона Роуза, который жил неподалеку. Сказал бы он «на нашем месте» ему?

Холод начал забираться под ее длинное пальто, а в «хорошие сапоги», которые она берегла для походов в суд, затекла вода. Кейт повела плечами и переключила внимание на проезжавшие мимо автомобили. Почти все водители – белые мужчины ближе к сорока. Идеальная подборка хрестоматийных серийных убийц. Мимо проскользнул грязный белый фургон, сквозь мокрое лобовое стекло лицо водителя казалось размытым. В полиции были уверены, что Каннибал похищал и перевозил своих жертв в фургоне. Он просто не мог иначе преодолеть такие гигантские расстояния по всему Большому Лондону. Волокна, найденные на телах двух жертв, совпадали с волокнами коврового покрытия белых фургонов «Ситроен» 1994 года, а таких в самом Лондоне и окрестностях было зарегистрировано пятьсот тысяч. Кейт задумалась, проверяют ли еще полицейские, которые остались расследовать дело, тот список владельцев белых фургонов? И кто эта новая жертва? В газетах не было никаких упоминаний о пропавшем человеке. На светофоре загорелся красный и недалеко от Кейт остановился маленький синий «Форд». Внутри сидел типичный работник из Сити: лет пятьдесят с чем-то, лишний вес, костюм в тонкую полоску и очки. Он заметил Кейт, многозначительно вскинул брови и моргнул фарами. Кейт отвернулась. Синий «Форд» подкрался почти вплотную к машине впереди, так что пассажирская дверь оказалась напротив Кейт. Водитель опустил стекло и подался вперед.

– Привет. Ты, похоже, замерзла. Хочешь, я тебя согрею? – Он похлопал ладонью по сиденью и высунул тонкий язык.

Кейт остолбенела. Внутри нее начала подниматься паника. Она забыла, что у нее с собой удостоверение и что она – офицер полиции. Все вылетело из головы, и ее охватил страх.

– Ну же. Запрыгивай. Давай-ка тебя согреем, – сказал он и нетерпеливо похлопал по сиденью еще раз.

Кейт попятилась назад. В туннеле позади было темно и безлюдно. Водители соседних машин – все мужчины – пребывали в каком-то забвении и, казалось, не замечали ничего вокруг. Все еще горел красный. Дождь размеренно барабанил по крышам автомобилей. Потянувшись, мужчина открыл пассажирскую дверь. Кейт отступила назад еще на шаг, чувствуя себя в ловушке. Что, если он выйдет из машины и затолкает ее в туннель?

– Кончай ломаться. Сколько? – спросил он. Его улыбка исчезла, и Кейт заметила, что у него расстегнуты штаны, а под ними виднеются выцветшие серые трусы. Он оттянул резинку, выставляя наружу член и клочок седеющих волос.

Кейт не могла сдвинуться с места и ждала, когда наконец загорится зеленый.

Внезапно тишину пронзил звук полицейской сирены, а туннель и машины вокруг залило ярким светом синих мигалок. Водитель торопливо поправился, застегнул брюки и захлопнул дверь. Заблокировал все замки. На лице застыло безучастное выражение. Кейт пошарила в сумке и вытащила удостоверение. Она подошла к синему «Форду» и с силой прижала удостоверение к стеклу, злясь на себя, что не сделала этого раньше.

Служебная машина Питера без опознавательных знаков, с мигалкой на крыше, приближалась, объезжая пробку по обочине. Загорелся зеленый. Машины двинулись вперед, и Питер втиснулся на полосу. Водитель «Форда» в панике приглаживал волосы и поправлял галстук. Пристально посмотрев на него, Кейт убрала удостоверение в сумку и направилась к машине Питера.

2

– Прости, что пришлось ждать. Пробки, – сказал Питер, мельком улыбнувшись Кейт.

Он убрал назад стопку папок с пассажирского сиденья. Питер был привлекательным мужчиной ближе к сорока: широкоплечий, с темными густыми волнистыми волосами, высокими скулами и мягким взглядом карих глаз. На нем был дорогой, сшитый на заказ черный костюм.

– Да ничего, – с облегчением сказала Кейт и, поставив сумку и пакет с продуктами в ноги, плюхнулась на сиденье. Стоило ей закрыть дверь, как Питер тут же тронулся и включил сирену.

Козырек от солнца со стороны пассажирского места был опущен и, складывая его наверх, Кейт увидела свое отражение в зеркальце. Она была ненакрашена и одета достаточно сдержанно. Кейт никогда не считала себя красивой. Она не была утонченной. У нее были резкие черты, волосы, доходившие до плеч, убраны назад от лица и спрятаны под воротник зимнего пальто, будто в последний момент. Единственной отличительной чертой ее лица были необычные глаза удивительного василькового цвета со вспышками яркой рыжины вокруг зрачков – особенность, вызванная редко встречающейся секторальной гетерохромией, при которой радужка окрашена в два цвета.

Другой, временной, особенностью была рассеченная губа, только начавшая заживать, после того как пару дней назад буйный пьяный мужик заехал ей по лицу, оказывая сопротивление при задержании. Кейт не боялась иметь дело с пьяными и не стыдилась того, что он ее ударил. Это было частью ее работы. Почему же ей так стыдно от того, что ее клеил этот озабоченный на синем «Форде»? Ведь это у него унылые растянутые серые трусы и малюсенькое достоинство.

– Что там было? С той машиной сзади? – спросил Питер.

– Ой, да у него стоп-сигнал сломался, – ответила Кейт. Проще было соврать. Ей было неловко. Она отогнала от себя мысли о том мужике и его «Форде». – Ты всю команду вызвал на место преступления?

– Естественно, – сказал он, бросив на нее взгляд. – После нашего разговора мне позвонил помощник комиссара Энтони Эшер. Говорит, если это убийство связано с «Цикутой», то он предоставит мне все необходимые ресурсы – надо только попросить.

Он пронесся по кольцу и на четвертом съезде свернул в сторону парка «Кристал Пэлас». Питер Конуэй был карьеристом, и Кейт не

сомневалась, что, распутай он это дело – его повысят до суперинтенданта или даже до старшего суперинтенданта. Питер был самым молодым полицейским в истории Лондонской полиции, получившим звание старшего инспектора.

Стекла начали потеть, и Питер включил посильнее печку. Конденсат на лобовом стекле расплзся в стороны и испарился. Кейт бросила взгляд на освещенный огнями силуэт города, показавшийся между домов. Миллионы огоньков, точно булавки, воткнутые в черное полотно неба, – миллионы домов и рабочих кабинетов. Кейт задумалась, какой из этих огоньков принадлежит Каннибалу? *«Что, если мы никогда его не поймаем?»* – подумала она. – *«Джека-потрошителя полиция так и не смогла найти, а по сравнению с нынешним того времени Лондон был просто крохотным».*

– У вас есть что-нибудь новое по тому списку белых фургонов? – спросила Кейт.

– Мы вызвали на допрос еще шестерых, но их ДНК не совпали с нашим образцом.

– Он оставляет следы ДНК на телах жертв. Это не небрежность, и контроль над собой он не теряет. Он как будто метит территорию. Как пес.

– Думаешь, он хочет, чтобы мы его поймали?

– Да... Нет... Возможно.

– Он ведет себя так, как будто он неуловим.

– Он думает, что он неуловим. Но он допустит ошибку. Как все они.

Они свернули к северному входу в парк «Кристал Пэлс». Там стояла патрульная машина, и полицейский махнул им рукой, разрешая проехать на территорию парка. Они двигались вперед по длинной, прямой, посыпанной гравием аллее, обычно предназначенной для пешеходов. Вдоль аллеи росли большие дубы, с которых осыпались листья. С влажным шелестом они падали на лобовое стекло и налипали на дворники. Вдалеке, за стеклянным зданием старого выставочного центра, возвышалась похожая на Эйфелеву башню телевизионная станция.

Дорога спускалась вниз и заканчивалась небольшой парковкой возле широкой лужайки, тянущейся в сторону деревьев. Вся лужайка была оцеплена, а внутри стояло еще одно ограждение, в центре

которого виднелась белая палатка криминалистов. Вокруг внутреннего оцепления стояли четыре полицейские машины, фургон судмедэкспертов и большой белый автомобиль подкрепления.

В конце парковки, там, где начинался газон, ветер трепал ленту ограждения. Их встретили два полицейских в форме: мужчина средних лет с нависающим над ремнем животом и высокий, худощавый, молодой парнишка, который выглядел как подросток. Кейт и Питер показали удостоверения тому, что постарше. У полицейского были тяжелые нависшие веки, отчего он, просматривая документы, казался Кейт похожим на хамелеона. Полицейский вернул документы и потянулся, чтобы приподнять ленту ограждения, но замешкался, бросив взгляд на освещенную палатку.

– За всю свою жизнь я не видел ничего подобного, – сказал он.

– Вы прибыли на место первым? – спросил Питер. Ему не терпелось пройти, но он не хотел браться за ленту сам.

– Так точно. Констебль Стэнли Грэшем, сэр. А это констебль Уилл Строукс, – ответил он, указывая на молодого полицейского, который внезапно скривился, отвернулся от них и его стошнило. – Это его первый день на службе.

Кейт с жалостью посмотрела на парня, изо рта которого тонкими нитями свисала слюна, тот вздрогнул и его вывернуло еще раз. Питер достал из кармана чистый белый носовой платок, и Кейт подумала, что он собирается предложить его полицейскому, но вместо этого Питер зажал им себе нос.

– Я хочу, чтобы вы никого не пускали на место преступления. И ни с кем не разговаривали.

– Конечно, сэр.

Питер махнул в сторону ограждения. Стэнли приподнял ленту, и они прошли под ней. Лужайка шла под уклоном и вела вниз к внутреннему оцеплению, где их уже ждали детектив Кэмерон Роуз и инспектор Марша Льюис. Кэмерону, как и Кейт, еще не было тридцати, а Марша, крупная женщина в красивом черном костюме и длинном черном пальто, была старше всех: ей было лет пятьдесят с небольшим. У нее были коротко подстриженные серебристые волосы и голос заядлого курильщика.

– Сэр, – произнесли они одновременно.

– Ну, что тут, Марша? – спросил Питер.

– Все входы и выходы из парка перекрыты, местная полиция прочесывает окрестности и близлежащие дома. Судмедэксперт уже там и готова поговорить с нами, – сказала Марша.

Кэмерон, долговязый и неуклюжий, возвышался над всеми ними. Он не успел переодеться и в своих джинсах, кроссовках и зеленой зимней куртке был похож скорее на беспечного подростка, чем на детектива. На мгновение Кейт стало интересно, что тот делал, когда его вызвали на место преступления. Она предположила, что он приехал с Маршей.

– Кто у нас судмедэксперт? – спросил Питер.

– Леодора Грейвз, – ответила Марша.

В палатке было жарко, а лампы светили настолько ярко, что резало глаза. Судмедэксперт Леодора Грейвз – маленькая темнокожая женщина с пронизательными зелеными глазами – работала в окружении двух помощников. Голая девушка лежала лицом вниз на грязной траве. На голове у нее был пластиковый мешок, туго затянутый вокруг шеи. Ее бледная кожа, измазанная землей и кровью, была покрыта бесчисленными порезами и царапинами. На задней поверхности бедер и ягодицах виднелись глубокие следы укусов.

Кейт встала рядом с телом и почувствовала, что уже начинает потеть в толстом белом комбинезоне криминалиста. Дождь барабанил по натянутой крыше палатки, из-за чего Леодоре пришлось повыситься голос.

– Жертва расположена с наклоном в правую сторону, правая рука – под головой. Левая – прямо вытянута вперед. На поясице, ягодицах и бедрах шесть укусов. – Она указала на самую глубокую рану, где отсутствовал кусок плоти и виднелся позвоночник. Леодора подошла к голове жертвы и слегка приподняла ее: тонкий, туго затянутый шнур сильно врезался в распухшую шею. – Обратите внимание на особый узел.

– Обезьяний кулак, – впервые за все время подал голос Кэмерон. Судя по голосу, он был потрясен. Лица всех присутствующих были скрыты под масками, но в глазах у каждого читалась тревога.

– Да, – сказала Леодора, держа узел в руке, обтянутой перчаткой. Необычным этот узел, похожий на клубок пряжи, был из-за многочисленных переплетений, которые можно сделать только вручную.

– Это он. Каннибал из Девяти Вязов, – сказала Кейт. Слова вырвались прежде, чем она смогла сдержать их.

– Мне еще, конечно, нужно будет провести вскрытие, но... Да, – сказала Леодора. Дождь усилился и застучал по палатке еще громче. Она осторожно опустила голову девушки обратно на правую руку. – Найдены следы, указывающие на изнасилование. Имеются биологические материалы. И над ней издевались, наносили порезы острым предметом и прижигали кожу. Посмотрите на ожоги на руках и на внешней стороне бедер. Похоже на следы от прикуривателя автомобиля.

– Или белого фургона, – сказала Кейт.

Питер сурово посмотрел на нее. Кейт не была уверена, не воспринял ли он это как провокацию.

– Причина смерти? – спросил он.

– Необходимо провести вскрытие, но неофициально на данный момент я бы сказала, что это удушение пластиковым пакетом. У нее на шее и лице есть точечные кровоизлияния.

– Спасибо, Леодора. Я очень жду результатов вскрытия. Надеюсь, мы сможем быстро опознать эту несчастную.

Леодора кивнула своим помощникам, которые принесли складные носилки и новый блестящий черный мешок. Положив их рядом, они аккуратно перевернули тело девушки на носилки. Спереди все тело было покрыто маленькими круглыми ожогами и царапинами. Невозможно было описать ее внешность, под пластиковым мешком черты лица казались перекошенными и размытыми. У нее были большие светло-голубые глаза, затянувшиеся пеленой, и застывший взгляд, от которого Кейт пробрала дрожь. Взгляд, лишенный надежды, в котором как будто отразилась ее самая последняя мысль. Она знала, что умрет.

3

После и без того тяжелого дня вид изувеченного тела молодой девушки сильно растревожил Кейт и выбил ее из колеи, но действовать нужно было быстро. Как только они вышли из палатки криминалистов, Кейт поручили возглавить проверку всех домов на Тикет-роуд, которые тянулись вдоль длинной улицы в западной части парка.

Несмотря на то, что к ее группе прикрепили восемь полицейских, эта работа заняла у них пять часов, а дождь тем временем продолжал лить. Их первый вопрос «Не видели ли вы белый фургон и/или кого-нибудь, кто вел бы себя подозрительно?» пробуждал в обитателях Тикет-роуд страх и любопытство. О поисках белого фургона в свое время объявляли во всех новостях, но полицейским запретили давать комментарии по делу. Но даже несмотря на это, большинство людей, с которыми Кейт говорила, знали, что она расследует дело Каннибала из Девяти Вязов, и у всех у них было свое мнение, вопросы и подозрения. Так появлялось бесконечное количество версий, которые надо было проверить.

Сразу после полуночи Кейт и ее бригаду отозвали на место сбора на станции. Тело девушки увезли в морг для вскрытия, а прочесывать парк «Кристал Пэлас» в темноте и под проливным дождем было весьма затруднительно, поэтому им разрешили разойтись до утра.

Полицейский, с которым работала Кейт, сел в автобус, идущий в Северный Лондон, оставив ее на парковке одну. Она уже собралась вызвать такси, как в дальнем углу площадки моргнули фары автомобиля, и она увидела идущего ей навстречу Питера.

– Тебя подбросить? – спросил он.

Он тоже был уставший и промок насквозь, и Кейт отметила, что он не стал отсиживаться в полицейском фургоне со стаканчиком кофе, а вместо этого закатал рукава и принял участие в поисках вместе со всеми. Рядом стояли еще три полицейские машины, но Кейт полагала, что они принадлежали тем, кто на свою неудачу вытянул жребий на ночное дежурство.

Питер заметил, что она колеблется.

– Мне не сложно, да и ты оставила свои сумки у меня в машине, – сказал он. Питер настаивал на том, чтобы подвезти ее, слишком уж рьяно, и это подтолкнуло Кейт к тому, чтобы спокойно принять его предложение.

– Было бы здорово, спасибо, – сказала она, внезапно осознав, как ей сейчас нужен горячий душ, чай, тост с маслом и медом и теплая постель. Питер открыл багажник и достал из мешка для прачечной стопку полотенец.

– Спасибо, – Кейт взяла одно и, перекинув его через плечо, принялась выжимать завязанные в хвост волосы.

Она открыла пассажирскую дверь и увидела свои сумки, стоявшие внизу, где она их и оставила. Питер открыл дверь со своей стороны и полез в бардачок. Пошарив там, он достал руководство пользователя автомобиля, связку ключей и, наконец, коробку детских салфеток. Он быстро вытер руки и кинул салфетку под машину.

– В парке что-нибудь нашли? – спросила Кейт.

– Волокна ткани, окурки и ботинок, но это же парк, мало ли кому они принадлежат.

Он подоткнул полотенце под пассажирское сиденье, затем вытащил из подстаканника термос, передал его Кейт и постелил другое полотенце на водительское сиденье. Кейт с изумлением наблюдала за ним. Казалось, для него это было привычным делом, он суетился вокруг сиденья и обстоятельно поправлял полотенце, чтобы все выглядело аккуратно и точно никуда не съехало.

– Мне кажется, вы единственный из моих знакомых, кто застилает автомобильные сиденья – сказала она.

– Мы же мокрые, а машина новая. Ты не представляешь, чего мне стоило ее заполнить, – сказал Питер со вздохом.

Впервые за тот вечер он выказал хоть какие-то эмоции. Мысль об испачканных сиденьях по-настоящему его тревожила. Кейт задумалась, не стала ли причиной этого долгая работа в полиции. Ты утрачиваешь восприимчивость ко всяким жутким вещам и вместо этого начинаешь беспокоиться по пустякам.

В Детфорд они возвращались молча. Кейт смотрела в окно, разрываясь между желанием выбросить из головы образ девушки и в то же время удержать его там. Запомнить ее лицо, сохранить в памяти каждую деталь.

Квартира Кейт располагалась на первом этаже, позади длинной вереницы магазинов на главной улице Детфорда. Подпрыгивая на выбоинах, заполненных дождевой водой, машина въехала на парковку. Они остановились перед входной дверью, расположенной под провисшим навесом, по соседству с черным входом в местный китайский ресторан, возле которого стояли составленные друг на друга ящики с пустыми бутылками из-под газировки. Свет фар, отражаясь от бледной стены здания, осветил салон автомобиля.

– Спасибо, что подбросили, – сказала Кейт, выбираясь из машины и стараясь при этом не угодить в большую лужу.

Питер протянул ей пакет с продуктами.

– Не забудь свои сумки. Завтра в десять на станции.

– До встречи.

Кейт взяла пакет и захлопнула дверь. Пока она шарила в кармане в поисках ключей и открывала дверь, свет от автомобиля осветил парковку и погас. Обернувшись, Кейт увидела, как скрылись из виду габаритные огни. Она совершила ужасную глупость, переспав со своим боссом, но на фоне этой жуткой картины с телом мертвой девушки, убийца которой разгуливает на свободе, все стало казаться совершенно не важным.

4

В квартире было холодно. Окно кухни выходило на парковку, и, прежде чем включить свет, Кейт быстро задернула шторы. Она долго принимала душ, стоя под водой, пока в тело не вернулось тепло, затем накинула халат и пошла на кухню. По батареям с бульканьем неслась горячая вода, в комнате становилось теплее. Внезапно почувствовав, что умирает с голоду, Кейт полезла в пакет за упаковкой готовой лазаньи для микроволновки и увидела, что сверху лежит связка ключей и термос Питера. Она поставила термос на столешницу и подошла к телефону, висевшему на стене кухни, собираясь позвонить Питеру на пейджер, пока он не доехал до дома. Кейт уже было начала набирать номер, когда обратила внимание на ключи, которые держала в руке. Их было четыре: все большие и старые.

Питер жил в новом доме недалеко от Пекхэма. Там на входной двери стоял новый йельский замок, она запомнила его с той ночи, когда Питер пригласил ее поужинать. Тогда она в нерешительности мялась за дверью, уставившись на этот замок, думая: *«Что я делаю? Первый раз я была пьяная. А сейчас я трезвая и все равно я здесь»*.

Эти же ключи были старомодные, предназначенные для массивных замков, а к кольцу, на котором они висели, была привязана короткая веревочка. Тонкий шнур, состоящий из переплетенных между собой синих и красных нитей, – прочный, качественный. Кейт повертела в руке веревочную петлю, на свободном конце был завязан обезьяний кулак [\[155\]](#). Она повесила трубку на место и уставилась на ключи.

У Кейт возникло ощущение, что пол под ней закачался, а на затылке волосы встали дыбом. Она закрыла глаза, и перед ней яркими вспышками пронеслись фотографии мертвых девушек: пакеты, прилипшие к лицам и искажающие их черты, туго завязаны на шеях веревкой. На конце веревки – узел. Кейт открыла глаза и посмотрела на связку ключей и на обезьяний кулак.

Нет. Она вымоталась и хватается за соломинки.

Кейт отодвинула стул и уселась за кухонный стол. Что она знала о Питере вне работы? Его отец умер. До нее долетали какие-то слухи о том, что его мать страдает психическими расстройствами. Она лежала в больнице. У него было трудное детство, и он всеми силами старался от него отгородиться. Он был на хорошем счету у высшего руководства. У него не было ни жены, ни подружки. Он был женат на работе.

Что, если это ключи друга? Или матери? Они были от какой-то большой двери или от тяжелого навесного замка. В полиции предполагали, что убийце необходимо было место, где он мог бы держать фургон и своих жертв. Грузовой контейнер или большой гараж. Если у Питера был контейнер, он бы упомянул его. Кейт вспомнила, как он жаловался на то, что платит кучу денег за место на подземной парковке там, где он живет, и в эту стоимость не входит гараж.

Нет. У нее был долгий напряженный день, и ей надо поспать.

Кейт положила ключи на столешницу и достала из пакета лазанью. Сняв упаковку, она засунула маленький пластмассовый контейнер в микроволновку и установила таймер на две минуты. Руки у нее дрожали.

Она вспомнила, как они приглашали эксперта, вышедшего на пенсию вожатого скаутов, который, сидя в следственной комнате, рассказывал всем собравшимся про обезьяний кулак. Этот узел отличало то, что завязать его мог только человек, обладающий должными навыками. Процесс был непростой: сначала нужно было обмотать веревку вокруг четырех пальцев, затем снять получившиеся петли, поворачивая, продеть сквозь них свободный конец, а потом затянуть, чтобы получился затейливый круглый узелок.

Лазанья медленно крутилась в микроволновке.

Вожатый тогда сказал им, что в лагере все мальчишки-скауты учатся завязывать узлы. Практической пользы от обезьяньего кулака мало, и его вяжут в основном те, кто всем этим интересуется. Все, кто был в комнате, попытались завязать этот узел под чутким руководством специалиста, и справилась тогда только Марша. У Питера совсем ничего не вышло, и он шутил над тем, как он провалился.

– Да я шнурки до восьми лет не умел завязывать! – вскричал он. Все в комнате захохотали, а он, притворно стыдясь, закрыл лицо ладонями.

Ключи были старые, почти без ржавчины. Их смазывали, чтобы сохранить в хорошем состоянии. Веревка в некоторых местах лоснилась, и узелок выглядел старым, с въевшейся грязью и следами масла.

Кейт кусала ногти, не замечая, что микроволновка трижды просигналила, объявив о том, что все готово.

Она села за стол. Первыми тремя жертвами стали школьницы от пятнадцати до семнадцати лет. Все они пропали в четверг или пятницу, а их тела нашли в начале следующей недели. Все трое занимались спортом, и во всех трех случаях их похищали, когда они возвращались домой после тренировки. Все похищения проходили настолько гладко и тихо, что наверняка убийца заранее знал, где будут жертвы, и ждал в засаде.

Они опросили учителей физкультуры всех районов и вызвали некоторых на допрос, то же самое со всеми учителями мужского пола, за которыми числились фургоны белого цвета. ДНК ни одного из них не совпали. Тогда они начали проверять родителей жертв и их друзей. Круг поиска становился все шире, появлялось все больше теорий о том, как жертвы могут быть связаны с убийцей. Кейт вспомнила вопрос, написанный на белой доске в следственной комнате.

КТО ИМЕЛ ДОСТУП К ЖЕРТВАМ В ШКОЛЕ?

Внезапная мысль поразила Кейт, словно электрический разряд. У них был список учителей, их помощников, попечителей, работниц столовой и регулировщиц переходов у школы, а что насчет полицейских? Они часто ходят по школам и проводят с детьми беседы о наркотиках и асоциальном поведении.

Питер два раза таскал ее с собой в одну из центральных школ, чтобы рассказать детям о дорожной безопасности. Он также принимал участие в презентациях о вреде наркотиков, которые проводили в школах по всему Лондону. Сколько школ он посетил? Двадцать? Тридцать? Эти факты лежали на поверхности или она просто устала и была перегружена? Нет... Питер говорил, что он был в школе третьей жертвы, Трейси Пирс, за месяц до ее исчезновения.

Кейт встала и начала по очереди открывать шкафчики. Все, что она смогла найти, это бутылка сухого хереса, который она купила специально для матери в ее последний визит. Она щедро плеснула хереса в бокал и сделала глоток.

Что, если у них ничего не было на Каннибала из Девяти Вязов, потому что им был Питер Конуэй? У нее в голове всплыли воспоминания о той ночи, что они провели вместе, но она отогнала их подальше, не желая думать об этом. Она сидела и дрожала. Хватит ли у нее духу объявить своего босса серийным убийцей? Затем она внимательно посмотрела на термос Питера, стоящий рядом возле микроволновки. Он пил из него, сидя в машине. Там должны быть следы его ДНК. Кейт поднялась, не чувствуя ног. Ее сумка валялась на полу у двери. С трудом расстегнув замок, она нашла в одном из внутренних карманов новый пластиковый пакет для улики.

На бутылке есть следы ДНК Питера. И у нас есть ДНК Каннибала из Девяти Вязов. Я могу по-тихому послать запрос.

Кейт достала пару резиновых перчаток и приблизилась к термосу, словно к дикому зверю, которого необходимо было поймать. Она сделала глубокий вдох, подняла термос, уронила его в пакет, запечатала и поставила на крохотный кухонный стол. У нее было ощущение, что она предала все, во что верила. Несколько минут она простояла в тишине, слушая, как по крыше барабанит дождь, а затем, сделала еще один глоток хереса, от которого по телу разлилось тепло, и немного успокоилась.

Можно никому не рассказывать об этом. Ей нужен кто-то, кто сможет держать язык за зубами. Акбар из отдела криминалистики. Она однажды столкнулась с ним на выходе из гей-бара. Неловкий был момент. Она была с парнем, как и он. На следующий день он пригласил ее выпить после работы, и она заверила его, что если это была его тайна, то она ее сохранит.

Утром первым делом она позвонит ему и как можно раньше завезет термос, чтобы он взял образец. А может быть, утром после того как она поспит, все это покажется ей безумной теорией.

Раздался стук в дверь, и Кейт выронила бокал. По линолеуму во все стороны разлетелись осколки и брызги коричневатой жидкости. Затем, после короткой паузы, чей-то голос произнес:

– Кейт, это Питер. Ты в порядке? – она посмотрела на часы. Почти два часа ночи. Снова раздался стук. – Кейт? Я слышал, как стекло разбилось. С тобой все в порядке? – Он постучал сильнее.

– Да! Все отлично! – она взволнованно посмотрела на разбитый бокал.

– Что-то непохоже. Можешь открыть?

– Я просто уронила бокал на пол у двери. Что вы тут делаете?

– Мои ключи у тебя? – спросил Питер. – Кажется, я уронил их в твой пакет.

Повисла долгая тишина. Кейт переступила через осколки и, тихонько накинув на дверь цепочку, открыла ее. С той стороны стоял насквозь мокрый Питер, с поднятым воротником пальто. Он широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. *«Какие ровные, белые»*, – подумала Кейт.

– Отлично, а то я думал, что ты уже легла. У тебя мои ключи?

5

Кейт уставилась на Питера. На улице позади него было темно, и она не могла разглядеть его машину.

– Тут льет как из ведра. Я зайду на секундочку?

– Уже поздно. Сейчас, – сказала Кейт и потянулась через лужу из разбитого стекла, чтобы взять ключи со столешницы. – Держите, – когда она протянула ему ключи, их глаза встретились. Он посмотрел на веревочную петлю с обезьяньим кулаком в ее дрожащей руке, затем с ухмылкой посмотрел ей в лицо.

Позже Кейт будет думать, как еще она могла повести себя тогда. Если бы она пошутила по поводу того, что узел-то такой же, как у убийцы, может быть, он забрал бы ключи и уехал домой?

– С машиной проблема. Колесо пробил на дороге. Потом увидел, что ключей в бардачке нет, – наконец прервал молчание Питер,

вытирая с лица дождевую воду. При этом ключи он не взял, и Кейт так и продолжала стоять с вытянутой рукой. – Кейт, я мокрый весь. Можно я зайду?

Кейт колебалась, она попыталась сглотнуть, но в горле у нее пересохло.

Питер налег на дверь, и цепочка легко отлетела. Он переступил через порог, вынуждая Кейт отступить в кухню. Мокрый насквозь, он закрыл дверь и замер.

– Что?

Кейт потрясла головой.

– Ничего, простите, – в ее голосе раздались высокие дребезжащие нотки.

– Мне бы полотенце... Я весь мокрый.

Это все было похоже на дурной сон. Кейт вышла из кухни и направилась к маленькой сушилке за полотенцем. Мысли лихорадочно кружили в голове. Надо вести себя как обычно. Оглядевшись в поисках чего-нибудь для самозащиты, она схватила небольшое гладкое стеклянное пресс-папье – единственное, что можно было хоть как-то использовать в качестве оружия.

Кейт вернулась на кухню, и у нее перехватило дыхание. Питер стоял посередине комнаты, уставившись на термос, стоящий на столе в пакете для улик. Когда он обернулся, это был все тот же Питер, но его черты исказила злоба: глаза с огромными зрачками были широко раскрыты.

У Кейт в голове раздался вопль. *Сделай что-нибудь!* Но она не могла сдвинуться с места. Пресс-папье с глухим стуком упало на пол.

– Ох, дорогая Кейт. Кейт, Кейт, Кейт... – мягко сказал Питер. Осколки хрустели у него под ногами, когда он подошел к входной двери, повернул ключ и убрал его в карман.

– Питер, сэр, я ни минуты не думала, что... Моя работа – расследовать...

Он весь трясся, но двигался уверенно. Подойдя к телефону, он одним резким движением сорвал аппарат со стены вместе с металлическим креплением. Кейт вздрогнула, когда маленькие гвоздики, которыми крепился телефонный провод, повывлетали из стены и усыпали линолеум. Питер выдернул шнур питания из розетки и поставил телефон на столешницу рядом с холодильником.

– Забавно. Ты же говорила, что убийца допустит ошибку... Ключи... Гребаные ключи, – Питер сделал шаг ей навстречу.

– Нет, нет. Это всего лишь ключи, – сказала Кейт. Если он сделает еще шаг, то перегородит ей выход из кухни.

– Термос... – Он покачал головой и засмеялся. В его холодном смехе звучал металл.

Кейт бросилась в сторону гостиной, где заряжался ее мобильный, но Питер оказался быстрее. Он схватил ее за волосы, развернул и с силой впечатал в высокую дверь холодильника. Ее щеку и висок пронзила острая боль, а Питер навалился на нее, заломил руки за спину и рукой обхватил шею.

– Такой себе у вас тут район, – хладнокровно сказал он, боком прижимая ее тело к холодильнику и хватая правой рукой за горло. Кейт отбивалась, пинала его в ногу и пыталась вцепиться ему в лицо и шею, но Питер локтями прижимал ее руки. – Квартиру вскрыли. Ты напугала грабителя. Он запаниковал и убил тебя.

Его пальцы сильнее сдавили ей горло. Кейт задыхалась, и лицо Питера, нависающее над ней, начало расплываться. Она начала скрести пальцами и нащупала край столешницы.

Питер уперся локтем ей в грудь, выдавливая из нее последние остатки воздуха. Кейт почувствовала, как у нее треснуло ребро, и сдавленно вскрикнула.

– Я позабочусь о том, чтобы твое дело дали мне. Трагическая смерть восходящей звезды полицейской службы.

Кейт вывернулась и сумела немного освободить левую руку. Она нащупала телефон, который Питер поставил на столешницу. У нее не было сил, чтобы замахнуться как следует, удар пришелся ему в лоб и острый край металлического крепления рассек кожу прямо над глазом.

На мгновение его хватка ослабла, и Кейт смогла оттолкнуть его. Питер в изумлении отшатнулся, из раны на лбу текла кровь.

Держа телефон в руке, Кейт двинулась на Питера, не чувствуя осколков под босыми ногами. Он попятился, сплевывая кровь.

Питер бросился к стойке с ножами, стоявшей у раковины, и вытащил один.

«Ножи! Почему я сразу не схватила нож?» – подумала Кейт. Она развернулась и рванула в гостиную, но, споткнувшись, упала прямо на телефон, выбивший их нее дух. Она перекатилась на спину и

попыталась встать, но Питер навалился сверху. Он сильно ударил Кейт по лицу и, несмотря на ее попытки пинаться и изворачиваться, потащил в спальню и кинул на кровать. Она ударилась затылком об изголовье, из глаз посыпались искры. Под распахнувшимся халатом у нее ничего не было. Питер залез на нее, на лице у него блестела кровь, оттеняя красным белки глаз и придавая улыбке жутковатый розовый цвет. Он уперся коленями ей в тазовые кости, одновременно зажав руки. Подняв нож, он провел кончиком по соскам, спустился вниз к пупку, а затем вонзил лезвие. Острая сталь легко проскользнула сквозь мышцы живота. Неспособная пошевелиться, Кейт издала мучительный вопль. Кровь с пугающей скоростью заливала живот. Он методично проворачивал нож, продвигая его в сторону сердца. Лезвие уткнулось в одно из ребер.

Питер наклонился ближе и ослабил хватку, обнажив залитые кровью розовые зубы. Боль была невыносимой, но Кейт, собрав остатки сил, начала биться и выворачиваться и, освободив одну ногу, резко ударила коленом ему промеж ног. Питер взвыл и повалился на пол.

Кейт посмотрела на нож, торчащий у нее из живота. Кровь расплзлась по белому халату и простыням. *«Не вытаскивай нож, – произнес голос в голове. – Если вытащишь – умрешь от потери крови»*. Питер начал подниматься на ноги, глаза, залитые кровью из раны на лбу, обезумели от ярости. Кейт подумала обо всех его жертвах, обо всех молодых девушках, над которыми он измывался. От злости она ощутила всплеск адреналина и заряд энергии. Схватив стоявшую у кровати лавовую лампу, она обрушила стеклянную колбу с парафином и воском прямо ему на голову – один раз, второй, – и затем он затих, странным образом распластавшись на полу, с вывернутыми в стороны ногами.

Кейт выронила лампу из рук. Она чуть не отключилась от боли в животе, но тем не менее силой воли приказав себе не вытаскивать лезвие, прихрамывая поплелась через гостиную, нож двигался внутри в такт ее движениям. Она нашла мобильный и набрала 999. Назвав имя и адрес, она сказала, что старший инспектор Питер Конуэй и есть Каннибал из Девяти Вязов и что он только что пытался ее убить в ее собственной квартире.

В этот момент она выронила телефон и потеряла сознание.

Пятнадцать лет спустя

Сентябрь 2010 год

1

Пасмурным утром в начале сентября Кейт прокладывала свой путь через песчаные дюны. На ней был черный купальник, а в правой руке болтались очки для плавания. Сухой песок, покрытый тонкой соляной корочкой, похрустывал под ее босыми ногами, пока она стремительно шагала по песчаным холмам, поросшим бледно-желтой травой.

На пляже никого не было, а в море из-за утреннего отлива виднелись ряды черных скал, о которые разбивались волны. Жемчужная серость неба, спускаясь к горизонту, сгущалась и закручивалась в черный узел. Кейт открыла для себя плавание шесть лет назад, когда поселилась у залива Турлоу на южном побережье Англии, в пяти милях от университета Эшдин, где теперь читала лекции по криминологии.

Каждое утро в любую погоду Кейт плавала в море. Так она чувствовала себя живой. Плавание улучшало ее настроение и было спасением от черноты, которая окутывала ее изнутри. Разоблачение Питера Конуэя как Каннибала из Девяти Вязов чуть не стоило Кейт жизни, но последствия всего этого были еще более разрушительными. Про их с Питером интимные отношения узнала пресса, и в дальнейшем это сыграло большую роль во время судебного процесса. Она чувствовала, что спустя пятнадцать лет все еще продолжает собирать свою жизнь по кусочкам.

Кейт преодолела дюны и, ускорившись, направилась к самой кромке воды, чувствуя, что песок у нее под ногами стал влажным и тяжелым. Первая волна обрушилась в паре метров от того места, где она остановилась, чтобы надеть очки, и вода захлестнула ее ноги. В самые холодные дни, вода была – точно острый нож, но она продолжала двигаться вперед. Ведь и правда, в здоровом теле – здоровый дух. Это была всего лишь вода. Кейт знала, как режет нож.

Пятнадцатисантиметровый шрам у нее на животе всегда первым реагировал на холод.

Она опустила руки в воду и почувствовала, как отхлынувший поток слегка потянул ее вперед и оставил стоять на мокром песке с пучком водорослей, застрявших между пальцев. Кейт стряхнула их, завязала в хвост волосы, в которых уже немного проглядывала седина, и натянула на голову плавательные очки. Еще одна волна разбилась и окатила ее ноги до самых бедер. Небо становилось все темнее, и Кейт почувствовала, как на лицо упали теплые капли дождя. Она нырнула под волну. Вода поглотила ее, и она поплыла, активно работая ногами. Пронзая водяную толщу под обрушивающимися волнами, Кейт чувствовала себя обтекаемой и быстрой, точно стрела. Она могла разглядеть, как внизу песчаное дно резко обрывалось, превращаясь в каменистый мрак.

Шум прибоя то накатывал, то отступал, в то время как она выныривала на поверхность на каждый четвертый взмах, чтобы вдохнуть, и плыла дальше, навстречу шторму. Сейчас она была далеко, двигаясь как единое целое с потоками воды, катящимися в сторону берега. очередной раз вынырнув из воды, чтобы вдохнуть, она услышала глухой раскат грома. Она перестала грести и перевернулась на спину, раскачиваясь на волне. Гром грянул снова, громче. Кейт посмотрела на свой дом на вершине утеса. Уютный, ветхий домишко, расположившийся среди других, разбросанных далеко друг от друга домов, рядом с магазином для серферов и закуской, закрытыми на зиму.

Воздух был наэлектризован, надвигался шторм, но море было спокойно. Задержав дыхание, Кейт ушла под воду, чувствуя, как поверхностное течение ослабевает при приближении к песчаному дну. Ее окутали потоки холодной воды. Давление увеличивалось.

Питер Конуэй никогда не покидал ее мыслей. Иногда по утрам, когда необходимость встать с кровати казалась Кейт сродни подвигу Геракла, она задумывалась, а трудно ли ему встречать по утрам новый день? Он проведет в камере всю оставшуюся жизнь. Опасный преступник, монстр, живущий на попечении государства, никогда не отрицавший того, что совершил. Она же была героем, заплатившим за его поимку своей карьерой, своей репутацией, и до сих пор пыталась восстановить из руин свою жизнь. Она спрашивала себя, кто из них на

самом деле отбывает пожизненный срок? Сегодня она чувствовала себя еще ближе к нему. Сегодня она впервые будет говорить о нем в своей лекции.

Ее легкие уже готовы были разорваться, и Кейт в два резких толчка поднялась на поверхность и поплыла обратно. По небу прокатился раскат грома, когда она приближалась к берегу, двигаясь среди перекатывающихся волн, чувствуя стук собственного сердца и покалывание на коже от соленой воды. Сзади поднялась еще одна волна, и Кейт, поймав ее и испытывая пьянящий восторг от полета на гребне, стала перебирать ногами в воде, пока не почувствовала внизу песчаное дно и не ступила снова на твердую землю.

* * *

Университетская аудитория представляла собой большой, пыльный, ничем не примечательный зал с бесконечными рядами кривых сидений, уходящих под самый потолок. Кейт нравилось наблюдать за входящими студентами со своего, очень подходящего для этой цели, места на небольшой круглой сцене. Ее поражало, как мало они замечают вокруг себя, погруженные в свои мобильники, они едва смотрели, куда садятся.

На помосте к Кейт присоединился ее помощник Тристан Харпер – высокий, хорошо сложенный молодой человек немногим старше двадцати. У него были темные короткие волосы, а сильные предплечья были покрыты замысловатыми татуировками. Как и большинство мужчин в университетских кругах, он носил бежевые брюки чинос и клетчатую рубашку с закатанными рукавами. Правда он отказался от обычных светлых мокасин и темных ботинок и сегодня был в ярко-красных высоких адидасовских кедах.

Он проверил слайды, которые уже успел загрузить в ноутбук, чтобы вывести на экран рядом с кафедрой.

– Я очень ждал сегодняшнюю лекцию, – сказал он, протягивая Кейт пульт.

Улыбнувшись, он ушел со сцены. Через несколько секунд свет погас и вся аудитория погрузилась в темноту. Студенты бурно перешептывались, и Кейт могла разглядеть их лица, освещенные

экранами телефонов. Дождавшись, пока они замолчат, она щелкнула пультом от проектора.

На огромном экране вспыхнул заголовок «КАННИБАЛ ИЗ ДЕВЯТИ ВЯЗОВ».

Все дружно ахнули, когда на экране появилась фотография с места преступления. Она была сделана на автомобильной свалке. Тело молодой девушки, лежащее на боку в развороченной грязи, рядом с ржавеющими, полуразвалившимися машинами. Горы сваленных друг на друга автомобилей уходят вдаль, где виднеется силуэт окутанного туманом Лондона и возвышаются дымовые трубы электростанции Баттерси. На самой вершине одной из этих куч примостился ворон, глядящий сверху вниз на тело девушки. Из-за того, что она лежала в грязи, не защищенная от солнца, ее кожа приобрела ржавый металлический оттенок, точно она была какой-то маленькой нелепой вещицей, выброшенной хозяином за ненадобностью.

– Курс, на который вы записались, называется «Знаменитости преступного мира». Это название наглядно демонстрирует, как наше общество помешано на убийствах и маньяках. Логичнее всего начать с серийного убийцы, которого я знаю лично. Питер Конуэй, в прошлом старший инспектор Лондонской полиции, известный как Каннибал из Девяти Вязов. Молодая девушка на фото, Шелли Норрис, стала его первой жертвой... – Кейт подвинулась в сторону от экрана. – Если вам трудно смотреть на подобные фотографии – значит, все в порядке. Это нормальная реакция. Если вы хотите изучать криминологию, вам придется опуститься на самое дно и иметь дело с худшими представителями человечества. Этот снимок был сделан на автомобильной свалке в районе Девяти Вязов в марте девяносто третьего, – сказала Кейт.

Она переключила слайд. На следующем широкоформатном фото было видно снятое со спины женское тело, лежащее в высокой траве. Над деревьями вокруг повисла дымка.

– Второй жертвой стала пятнадцатилетняя Доун Брокхерст. Ее тело обнаружили в Кенте, в парке «Бекенхем Пэлас», – на следующем слайде был снимок передней части тела крупным планом. Лица не было, вместо него – кровавое месиво, лишь частично сохранилась часть нижней челюсти и зубы.

– В Кенте на границе с Лондоном обитает одна из наиболее крупных в Британии популяций диких лис. Тело Доун нашли не сразу, за эти несколько дней лисы в поисках пищи разодрали пакет и обглодали часть ее лица, – Кейт переключила на слайд, где был дан крупный план следов от укусов. – Каннибал из Девяти Вязов любил кусать своих жертв, а также удалять куски плоти и есть их, но поскольку имел место контакт с дикими животными, следы укусов сначала тоже приписали лисам. Это не позволило сразу связать первые два убийства.

Раздался глухой стук – в центре зала девушка резко вскочила, опрокинув деревянный стул, и выбежала из аудитории, зажимая рот ладонью.

Кейт пролистала фотографии третьей жертвы и остановилась на четвертой – Кэтрин Кэхилл. Она снова вернулась в ту дождливую ночь в парке «Кристал Пэлас». Жар от ярких ламп в палатке криминалистов усиливал запах разложения, но вместе с этим, под воздействием тепла и света, трава стала пахнуть как в солнечный летний день. Взгляд Кейт пронизывал пластиковый мешок на голове девушки. И после всего этого Питер накрывал сиденья своей машины полотенцами, потому что «они испачкаются».

Кейт переключила на слайд с фотографией Питера Конуэя, сделанной для удостоверения в 1993 году. Одетый в форму Лондонской полиции, с фуражкой на голове, он улыбался в объектив. Красивый и харизматичный.

– Питер Конуэй, уважаемый офицер полиции днем, серийный убийца ночью.

Кейт рассказала историю своей службы в полиции вместе с Питером, как она догадалась, что именно он был Каннибалом из Девяти Вязов, и как еле выжила, вступив с ним в борьбу.

На следующем снимке была квартира Кейт после нападения. Термос и связка ключей с пронумерованными маркерами для улик на кухонной столешнице. Старая, потертая мебель в гостиной, а дальше – спальня. Отходящие от стен из-за сырости и закручивающиеся по краям обои с узором их желтых, оранжевых и зеленых цветов, двуспальная кровать и ком пропитанных кровью простыней. Сгустки застывшего оранжевого воска с осколками лавовой лампы, которой она его ударила.

– Я могла бы стать его пятой жертвой, но отбилась. Врачи быстро среагировали и не дали мне умереть от удара ножом в живот. Они же промыли Питеру желудок и обнаружили уже частично переваренные мягкие ткани со спины Кэтрин Кэхилл.

В аудитории стояла тишина. Все студенты сидели как парализованные, и Тристан вместе с ними. Кейт продолжила.

– В сентябре 1996 года Питер Конуэй предстал перед судом и в январе 1997 по решению Ее Величества был заключен в Бландестонскую тюрьму в Саффолке. После ухудшения его психического состояния и нападения другого заключенного по закону об охране психического здоровья он был на неопределенный срок перемещен в психиатрическую лечебницу имени Баруэлла в Сассексе. Это дело до сих пор привлекает внимание общественности, и сама я всегда буду неразрывно с ним связана. Именно поэтому я решила начать с него этот курс.

Включили лампы, и студенты какое-то время моргали и щурились от яркого света.

– Так, теперь. У кого есть вопросы?

После продолжительной паузы молоденькая девушка с коротко подстриженными розовыми волосами и проколотой губой подняла руку:

– Вы успешно раскрыли дело, но тем не менее полиция сделала из вас козла отпущения, и в итоге вы одна отдувались за все. Как вы думаете, это как-то связано с тем, что вы – женщина?

– Тот факт, что самый блестящий офицер подразделения оказался убийцей в их самом громком деле, стал для Лондонской полиции большим позором. Эти убийства не сходили с первых полос почти два года. Скорее всего вы читали о том, что я однажды по глупости вступила с Питером Конуэем в интимные отношения. Когда это всплыло, журналисты решили, что я что-то знала, а это было не так.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Вы бы вернулись на службу в полицию? – спросил паренек, сидевший один в углу.

– Не теперь. Я всегда хотела работать в полиции, но, похоже, что моя карьера завершена. Поимка Каннибала из Девяти Вязов стала моим звездным часом. Она же сделала мою дальнейшую карьеру в полиции невозможной.

Парень кивнул и нервно улыбнулся.

– А ваши коллеги? Вам не кажется несправедливым, что многие из них смогли сохранить анонимность и продолжить работать? – спросила еще одна девушка.

Кейт замолчала. Ей так хотелось ответить: «Конечно, мать вашу, это было несправедливо! Я любила свою работу и могла еще столько всего сделать!». Но вместо этого, сделав глубокий вдох, она сказала:

– Я работала с превосходной командой полицейских. И я рада, что у них есть возможность продолжать делать свое дело – заботиться о нашей безопасности.

По аудитории прокатился приглушенный шепот, и девушка с розовыми волосами снова подняла руку:

– Эмм... Возможно, это слишком личное, но мне очень интересно... У вас от Питера Конуэя есть сын, да?

– Да, – ответила Кейт.

Студенты изумленно что-то забормотали. Похоже, не все были в курсе ее истории. Большинству из них было два-три года, когда все это попало в газеты.

– Ух ты... Ясно. Получается, ему сейчас четырнадцать?

Кейт не хотела говорить о сыне.

– Исполнилось четырнадцать пару недель назад, – подтвердила она.

– Он знает, кто его отец? Знает о его прошлом? Каково ему от этого?

– Эта лекция не о моем сыне.

Розоволосая девушка глянула на своих соседей: парня с длинными дредами мышиного цвета и стриженную под мальчика девчонку с черными волосами и помадой в тон – и закусила губу. Ей было неловко, но она непременно хотела узнать больше:

– А вы не боитесь что он станет типа серийным убийцей, как его отец?

Кейт закрыла глаза, и на нее нахлынула волна воспоминаний.

Больничная палата, похожая на номер в отеле. Толстый ковер. Бархатные обои. Цветы. На тарелке разложены свежие фрукты. На прикроватной тумбочке – меню с золотым тиснением. Там было так тихо. Кейт так хотела оказаться в обычном родильном отделении, бок о бок с другими матерями, кричать от боли, наблюдать радости и

горести других. Воды у нее отошли рано утром, когда она была у родителей. Она почти что обрадовалась схваткам, которые короткими острыми приступам боли вытеснили страх, подспудно точивший ее предыдущие пять месяцев.

Ее мать Гленда сидела рядом. Держала ее за руку. Напряженно, испуганно, скорее из чувства долга, не выказывая никакой радости от скорого появления на свет ее первого внука. Одна из бульварных газет оплатила отдельную палату. Как ни парадоксально, это была последняя возможность укрыться от посторонних глаз. В обмен на оплату счета газета получит возможность сделать эксклюзивный снимок Кейт с ребенком, через окно роддома в то время, которое выберет сама Кейт. Пока что шторы оставались опущенными, но Кейт заметила, как мать поглядывает в ту сторону, зная, что фотограф уже ждет у окна в офисном здании напротив.

В ночь, когда Кейт раскрыла дело, она не предполагала, что находится уже на пятом месяце беременности. В результате нападения ее внутренние органы оказались изрезаны, и она на несколько недель угодила в реанимацию с осложнениями и обширным заражением. К тому времени, когда она могла задуматься об аборте, предельно допустимый срок для прерывания беременности уже прошел.

Роды были долгими и сложными, а когда ребенок наконец выбрался наружу и издал свой первый крик, Кейт вся похолодела. Измученная, она откинулась назад и прикрыла глаза.

– У вас мальчик, здоровенький, – сказала акушерка. – Хотите поддержать?

Не открывая глаз, Кейт помотала головой. Она не хотела ни смотреть на него ни брать на руки и была признательна, когда его унесли и плач стих. Гленда ушла, оставив ее на пару часов, чтобы немного отдохнуть в отеле неподалеку, и Кейт осталась лежать в темноте. Она чувствовала себя как будто в параллельной вселенной. Этот ребенок был навязан ей судьбой. Она злилась на него и на всех вокруг. И он оказался мальчишкой. С девочкой она бы лучше справилась. Мальчики становятся серийными убийцами, девочки – очень редко. Она провалилась в беспокойный сон, а когда проснулась, в палате было темно. Рядом с ней поставили детскую кроватку. Мягкий, похожий на бульканье, звук потянул ее туда. В ее воображении ребенок появился на свет с рогами и красными глазами,

но, заглянув в кроватку, она увидела самого прелестного на свете малыша. Он открыл глазки, васильково-голубые, а на одном – оранжевое пятно, прямо как у нее. Младенец вытянул крошечную ручку. Кейт протянула палец, за который он сразу ухватился, улыбаясь и обнажая голые десны.

Кейт почувствовала, как к ней постучался материнский инстинкт, это было как разряд электричества, будто кто-то щелкнул выключателем. На нее обрушилась огромная волна любви. Как она могла подумать, что этот очаровательный кроха – злодей? Да, в нем есть гены Питера Конуэя, но ведь и ее собственные тоже есть. У них обоих одинаковый редкий цвет глаз, а это ведь должно о чем-то говорить. Наверняка это значит, что он скорее в мать, чем в отца. Кейт нагнулась и аккуратно взяла ребенка на руки. Она чувствовала, как его маленькое теплое тельце идеально повторяет все изгибы ее рук, как пахнет его головка. Этот божественный запах малыша... Ее малыша.

Кейт вернулась обратно в настоящее. Студенты заинтересованно смотрели на нее. В аудитории царил густая, давящая тишина.

Кейт щелкнула пультом и на экране появился последний слайд с газетной вырезкой, на которой была фотография Питера Конуэя в наручниках у здания суда Олд Бэйли в Лондоне. Заголовок выше гласил: УБИЙЦА-КАННИБАЛ ПРИГОВОРЕН К ПОЖИЗНЕННОМУ.

– Об этом мы будем говорить на протяжении курса. Природа против воспитания. Серийными убийцами рождаются или становятся? И в ответ на ваш вопрос... Я хочу, вернее, я должна верить, что все-таки – последнее.

2

После лекции Кейт поднялась в свой кабинет. Ее рабочий стол стоял рядом с большим остекленным эркером с видом на море. Сам кампус располагался на границе с пляжем, отделяемый от него лишь дорогой и дамбой.

Из-за прилива волны накатывали и разбивались о пирс, выстреливая в небо фонтаном брызг. Кабинет представлял собой уютную комнату с двумя заваленными всякой всячиной столами, потрепанным диванчиком и большим книжным шкафом у дальней стены.

– Вы как, в порядке? – спросил Тристан, сидевший за своим столом в углу, зарывшись в кучу писем. – Тяжело, наверное, заново переживать все это.

– Да, иногда напоминает день сурка, – сказала Кейт, с облегчением опускаясь в кресло. По дороге из аудитории они прихватили с собой кофе и теперь, сняв со стаканчика пластмассовую крышку, Кейт подумала, что было бы неплохо, окажись сейчас под рукой миниатюрная бутылочка виски, чтобы добавить в свой американо. Всего один «Джек Дэниелс», теплый и успокаивающий, чтобы «закруглить» обжигающую горечь кофе и забыться. Глубоко вдохнув, она прогнала мысли об алкоголе. Одной бутылочкой дело никогда не заканчивается.

Все на факультете знали историю Кейт и Питера – и Тристан в том числе, – но сегодня она впервые так подробно говорила об этом перед ним. Она не хотела быть заложницей своего прошлого, но стоит однажды предстать жертвой в глазах других – и ты застрял.

– Не думаю, что многие студенты, изучающие криминалистику, могут похвастаться, что их преподаватель реально поймал серийного убийцу, – сказал Тристан, подул на свой кофе и сделал глоток. – Это круто, – он включил компьютер и начал что-то печатать.

Он не начал смотреть на нее по-другому и не собирался углубляться в тему и задавать вопросы. Он хотел, чтобы все оставалось, как было, и Кейт была ему за это признательна. Одной из причин, почему ей нравилось иметь помощника мужского пола, было то, что парни гораздо более прямолинейные. Тристан усердно работал, но при этом не был зажат, и с ним легко было найти общий язык. Они могли работать в приятной тишине, не чувствуя необходимости поддерживать разговор. Кейт включила свой компьютер.

– Что-нибудь слышно от Алана Хэксама?

– Я писал ему в пятницу, – сказал Тристан, пролистывая свою электронную почту. – Пока не ответил.

Алан Хэксам был судмедэкспертом, с которым Кейт сотрудничала последние три года. Раз или два в семестр он приходил на ее занятия по нераскрытым делам в качестве приглашенного лектора.

– Свяжись с ним еще раз. Мне нужно, чтобы он подтвердил, что точно придет на следующей неделе на лекцию по протоколам судебно-медицинской экспертизы.

- Хотите, чтобы я ему позвонил?
 - Да, будь добр. Его номер есть в папке со всеми контактами на рабочем столе.
 - Сейчас займусь.
- Кейт открыла входящие. Она не узнала адрес отправителя первого письма и кликнула по нему.

Коттедж Клирвью

Чью Магна

Бристоль

BS40 1PY

21 сентября 2010 г.

Уважаемая мисс Маршалл, прошу прощения за то, что мое письмо, наверное, будет для вас как снег на голову. Меня зовут Малкольм Мюррей, и я пишу вам от своего имени и от имени моей жены Шейлы.

Наша дочь, Кейтли и Мюррей, пропала без вести в воскресенье 9 сентября 1990 года. Ей было всего лишь 16 лет. Она пошла встретиться с другом и не вернулась. У нас есть основания полагать, что она была похищена и убита Питером Конуэем.

Мы совсем в отчаянии. Сначала мы сотрудничали с полицией, а потом, когда дело заглохло, наняли частного детектива. Все это ни к чему не привело, такое впечатление, что наша любимая девочка просто исчезла с лица земли. В прошлом году мы были совсем на грани, когда экстрасенс, к которому мы пришли, сказал нам, что Кейтлин умерла и обрела покой и что ее жизнь оборвалась вскоре после того, как она пропала в 1990 году.

В начале года я случайно столкнулся с Меган Хибберт, школьной подружкой Кейтлин, она с семьей эмигрировала в Мельбурн незадолго до того, как Кейтлин пропала. В 1990-м интернета не было

и Меган не знала о деле Питера Конуэя (а Кейтлин пропала за пять лет до того, как дело Девяти Вязов попало в газеты).

Я разговорился с Меган, и она припомнила, что Кейтлин пару раз тайком ходила на свидание с полицейским. Меган говорит, что видела их вдвоем, и описывает этого мужчину как Питера Конуэя. Как вам известно, до перевода в Лондонскую полицию он служил инспектором в полиции Манчестера с 1989 по 1991 год.

Недавно я передал эту информацию полиции, они, как и положено, дополнили дело и обновили информацию о Кейтлин на своем сайте поиска пропавших, но заявили, что этой информации недостаточно, чтобы заново открыть дело.

Я хочу спросить, не согласитесь ли вы разобраться с этим?

Мы с женой уверены, что Кейт мертва. Мы просто хотим найти нашу девочку. Мне ненавистна сама мысль, что ее останки лежат забытые где-нибудь в канаве или канализации. Сейчас мы хотим лишь похоронить ее как положено, по-христиански.

Разумеется, мы заплатим. Ниже указан мой номер телефона. Можете также ответить письмом.

С наилучшими пожеланиями и надеждой,

Малкольм Мюррей

Кейт откинулась в кресле. Ее сердце стучало так громко, что она взглянула на Тристана, уверенная, что ему тоже слышно, но он в этот момент как раз оставлял сообщение на автоответчике Алана с просьбой перезвонить и подтвердить, что он придет на лекцию.

Она осушила свой стаканчик с кофе, как никогда чувствуя необходимость плеснуть себе «Джека». Слухи о том, что у Питера Конуэя, вероятно, были и другие жертвы, ходили и ранее, в том числе в

газетах. Все эти годы полицейские искали в разных направлениях, но так ни к чему и не пришли. Имя Кейтлин Мюррей она слышала впервые.

Кейт уставилась в окно, глядя на море. Закончится ли это когда-нибудь? Сможет ли она когда-нибудь убежать от тени Питера Конуэя и от всех тех ужасных вещей, которые он совершил? Перечитав письмо еще раз, она поняла, что не может проигнорировать его. Где-то внутри нее всегда будет жить полицейский. Кейт придвинула кресло поближе к столу и начала писать ответ.

3

В тридцати милях от кабинета Кейт судебно-медицинский эксперт Алан Хэксам под проливным дождем мчался в своей машине по петлявшей проселочной дороге, мимо густо растущих деревьев, сквозь которые проглядывали горы и широкий скалистый пейзаж. Мобильный телефон зазвонил и соскользнул на пассажирское сиденье, где лежал «МакМаффин» с яйцом и котлетой. Свободной рукой Алан схватил телефон, но, увидев номер университета Эшдин, сбросил звонок и кинул телефон обратно на сиденье. Вместо него он взял «МакМаффин», развернул бумагу и начал есть.

Алан не ожидал, что его в этот день вызовут на работу: накануне вечером он допоздна задержался в морге, и голова у него до сих пор была как в тумане. Ему было уже под шестьдесят, и он больше не мог, как раньше, работать всю ночь напролет.

Дождь усилился, сделав видимость еще хуже, и Алан включил дворники на полную скорость. Снова зазвонил телефон, и, видя, что это был один из его коллег, Алан взял трубку и заговорил с набитым ртом:

– Я буду через пять минут... Ты где?... Господи, ну давай быстрее! Этот дождь сейчас нам все улики нахрен смочет.

Он отключился и бросил телефон обратно, а дорога в это время сжалась до одной полосы и извивалась между высокими скалами, там, где сходились холмы. Алан включил фары, надеясь, что ему не попадется встречная машина. Когда скалы с обеих сторон расступились и дорога снова расширилась, он прибавил скорость.

Алан увидел патрульную машину, припаркованную у низкой каменной стены, рядом с открытыми воротами. Он остановился сзади и, с трудом преодолев сопротивление порывов ветра, открыл дверь и выбрался из машины, его седые волосы до плеч тут же отбросило назад. На мгновение он услышал голос матери: «Алан, с такой прической далеко не пойдешь. Тебе нужна нормальная стрижка – короткие виски и затылок!». Он снял с запястья одну из резинок, которые носил с собой, и завязал волосы в хвост, все еще чувствуя, будто бросает матери вызов, хотя она давно уже умерла.

Он увидел в патрульной машине двоих полицейских. Они вышли и тоже направились к воротам. Оба выглядели шокированными. С констеблем Таней Бартон он уже работал раньше, а вот парень с бледной, почти прозрачной кожей был ему незнаком.

Алан навис над молодыми полицейскими. Он всегда отличался высоким ростом, но с возрастом он раздался вширь, и теперь со своим обветренным лицом и густой бородой, такой же седой, как и волосы, он напоминал большого медведя.

– Доброе утро, сэр. Это констебль Том Барклай, – перекрикивая дождь представила коллегу Таня. Том протянул руку.

– Мне необходимо осмотреть место преступления, – прокричал Алан. – Дождь уликам не на пользу.

Таня повела их через ворота. Низко склонив головы, они быстро пошли по полю, густо поросшему травой и кустарниками, кое-где валялись кости овец, ветер ревел у них в ушах, а серое небо, казалось, давило сверху. У вздыбленной ветром реки берег резко обрывался. Бурая вода неслась между камней, увлекая за собой крупные ветки и плавучий мусор.

Тело лежало на берегу среди скал и кустов утесника, и Алан издали мог разглядеть, что оно было уже в поздней стадии разложения. Тело сильно раздулось, а на коже виднелись желтые и черные пятна. Длинные грязные волосы сильно спутаны. На спине и бедрах шесть открытых ран, в двух местах вырваны куски плоти и виднеется позвоночник.

Что-то в расположении тела сразу насторожило Алана. Он подошел к голове, чтобы посмотреть, женщина это или мужчина, и почувствовал, как его завтрак запросился наружу. Лица не было. Алан привык к виду крови и внутренностей, но иногда жестокость

преступления витала в воздухе и, казалось, была практически осязаемой. Все выглядело так, будто лицо было содрано, осталась только нижняя челюсть и ряд зубов.

Алан приблизился, натягивая резиновые перчатки.

– Вы трогали тело? – прокричал он. Направление ветра резко переменялось, и запах гнилого мяса ударил им прямо в лицо. Оба молодых полицейских вздрогнули и отступили на шаг назад.

– Нет, сэр, – сказал Питер, зажимая рот рукой.

Алан осторожно повернул тело и увидел, что это женщина. Ее голова лежала на плече, а рука была вытянута вперед. Алан заметил что-то на распухшей шее. Он приподнял голову одной рукой, другой придерживая тело за бедро, чтобы оно не скатилось с берега в мутный поток. Вокруг шеи была затянута тонкая веревка, из-под которой торчали обрывки пластового мешка. Стоило Алану поднять голову повыше, как из грязи вынырнул свободный конец веревки, на котором он разглядел узелок. Маленький шарик из перекрещиваний и переплетений.

– Твою ж мать, – произнес Алан, но ветер унес его слова. Он повернулся к Тане. Из них двоих у нее было больше шансов не выbleвать свои внутренности. – Мне нужен телефон. Он в левом кармане пальто! – кричал Алан, поддерживая голову жертвы.

Немного поколебавшись, Таня потянулась и начала робко перебирать складки длинного пальто Алана.

– Быстрее! – Таня достала телефон и протянула ему. – Нет, мне надо, чтобы ты сфотографировала веревку и узел, – сказал Алан. – Пин-код два, один, три, два, четыре, три.

Дрожащими руками она разблокировала телефон, отошла назад и приготовилась снимать.

– Ближе давай, это тебе не семейное фото! Мне нужна веревка на шее и узел крупным планом!

Пока Таня делала фотографии, Алан заметил у жертвы на поясице татуировку – китайский иероглиф. Уголок был откушен. Оставшееся изображение на раздувшейся коже расплылось и поблекло. Алан аккуратно опустил голову девушки и выпрямился. Он почувствовал облегчение, когда заметил фургон криминалистов, въехавший на поле через ворота. Сняв перчатки, он забрал у Тани свой телефон. Он пролистал фотографии и остановился на той, где крупным

планом была снята веревка и грязный узел. Алан приблизил участок снимка с узлом. Он бы не определил, что это обезьяний кулак, если бы не другие детали: укусы, расположение тела, содранное лицо.

Он поднял взгляд на полицейских. Они внимательно наблюдали за ним.

Алан убрал телефон и отогнал мысли о Каннибале из Девяти Вязов подальше. Он хотел сосредоточиться на том, чтобы сохранить как можно больше улик с места преступления.

4

После обеда Кейт осталась в кабинете одна. Ей нужно было проверить кучу работ, но она никак не могла собраться с мыслями и постоянно открывала электронную почту в ожидании ответа от Малкольма Мюррея.

Мы хотим найти нашу девочку... и похоронить ее как положено, по-христиански.

В своем ответном письме Кейт не стала ничего обещать. Что она могла сделать? Она больше не работает в полиции. У нее нет доступа к расследованию. Она предложила побеседовать, сказала, что свяжет его с кем-нибудь из полицейских, кто изначально занимался этим делом, но потом она подумала, что поторопилась с этим. Кейт не поддерживала связь ни с кем. Кэмерон завел семью, теперь он – старший инспектор. Живет на севере. Марша умерла от рака легких через четыре года после того, как Питера посадили, а остальных ее коллег разбросало кого куда.

Отложив работы студентов в сторону, Кейт открыла Гугл и начала искать информацию об исчезновении Кейтлин Мюррей. Электронных архивов местных газет от 1990 года было очень мало, и все, что она смогла найти, это малюсенькая заметка 1997 года о том, что полиция официально закрыла дела пропавших без вести. Затем Кейт вошла на сайт поиска пропавших по всей Великобритании. Сердце сжималось при виде тысяч пропавших людей, разыскиваемых их любимыми и членами семей.

Пришлось покопаться, но в итоге Кейт нашла Кейтлин в базе данных. Кто-то допустил в ее имени ошибку и написал его как Кетлин. На сайте было всего одно фото, на котором Кейтлин была запечатлена

в школьной форме: черные броги, короткая зеленая юбка, черные колготки, кремовая рубашка и свеху – зеленый блейзер. Фото было как будто вырезано из большой общей фотографии всего класса. Кейтлин сидит на пластмассовом стуле, а за ней виднеется серый пиджак ее одноклассника или учителя. Она была красивой девочкой, у нее было лицо в форме сердца и большие голубые глаза. Руки Кейтлин были сложены на коленях, она слегка горбилась. Светло-русые волосы убраны в хвост, а пряди у лица падают на одну сторону, отчего Кейт решила, что фотография была сделана на улице холодным ветренным днем. Ее поразило, с какой прямоотой девочка смотрела в камеру и криво улыбалась.

Крошечная статья 1997 года была из газеты «Эхо Олтринхэма». В ней говорилось, что Кейтлин была ученицей Олтринхэмской средней школы. Кейт зашла на сайт школы, но там не было фотографий старше 2000 года. Когда день подошел к концу, а солнце уже было готово опуститься в море, Кейт почувствовала, что зашла в тупик. Около шести она последний раз проверила почту и, не увидев ответа, отправилась домой.

* * *

В коридоре Кейт почувствовала, как уютно и тепло было дома. Система отопления была древняя, и теперь, когда погода начала портиться, Кейт переживала, выдержит ли она еще одну зиму. Повесив пальто, она услышала обнадеживающие щелчки и звяканье, которые издавал бойлер наверху, а затем – бульканье воды по трубам. Прихожая на первом этаже перетекала в большую гостиную и кухню. Панорамное окно, занимавшее всю дальнюю стену, выходило на сторону моря, а рядом стояло уютное кресло. В нем Кейт проводила большую часть своего свободного времени. Было что-то гипнотическое и умиротворяющее в том, чтобы наблюдать за морем. Оно постоянно менялось. Сейчас оно было спокойно, шторм, бушевавший днем, прекратился. Почти полная луна отбрасывала на поверхность воды серебристую дорожку.

Остальная мебель в комнате была старой и громоздкой: выдавший виды диван, кофейный столик, пианино у стены, на котором она не

играла. Дом шел впридачу с местом преподавателя, и все, что в нем было, принадлежало ее предшественнику. Остальные стены были спрятаны за книжными шкафами, беспорядочно уставленными романами и научными работами. Кейт прошла на кухню, положила сумку на маленькую стойку и открыла холодильник. Треугольник яркого желтого света осветил темную комнату. Она достала кувшин холодного чая и блюдец с нарезанным лимоном. Привычка выпить чего-нибудь после работы никуда не делась. Она достала бокал, до середины наполнила его льдом, добавила ломтик лимона и ледяной чай. Не включая свет, Кейт уселась в кресло у окна, откуда открывался вид на темные перекатывающиеся волны, поблескивающие в лунном свете. Она сделала глоток, наслаждаясь сладковато-горьким вкусом чая с сахаром и лимоном.

Кейт состояла в группе анонимных алкоголиков, и там такое не одобряли. В чае со льдом не было алкоголя, но зато был обычный для «стаканчика после работы» ритуал. «Да и черт с ним», – думала Кейт. Для нее это работало. Она посещала собрания, поддерживала связь с куратором и не пила уже шесть лет. Она всегда любила выпить. Пойти после работы в паб и надраться было частью особой культуры службы в полиции. И в хорошие, и в плохие дни выпить было просто необходимо, но когда из-за того дела вся ее жизнь перевернулась с ног на голову, это стало проблемой и начало негативно сказываться на ее материнстве.

Джейк ни разу не пострадал, но часто Кейт напивалась так, что была не в состоянии делать что-либо. Ее родители, Гленда и Майкл, забирали мальчика на выходные. Несколько раз они оставляли его у себя и дольше, чтобы дать Кейт возможность привести дела в порядок.

Как-то раз в пятницу вечером, когда Джейку было шесть, все стало совсем плохо. Он только начал ходить в начальную школу в южном Лондоне, а Гленда и Майкл уехали на все выходные. Кейт пила всю неделю, как она думала – умеренно, но вечером в четверг она рухнула без сознания прямо в супермаркете, и ее с алкогольным отравлением увезли в больницу на скорой. Когда она не пришла за Джейком в школу, позвонили сначала ей, потом ее родителям, никто не ответил. Наступил вечер, и в школу вызвали социальных работников. Гленда и Майкл примчались как только смогли, и Джейк успел провести в добродушной приемной семье всего несколько часов, но из-

за этого случая проблемы Кейт с алкоголем всплыли наружу. Она согласилась отправиться в реабилитационный центр, а Гленда и Майкл получили временную опеку.

Теперь, оглядываясь назад, Кейт понимала, что тогда она не совсем отдавала себе отчет в том, что происходит. Она не относилась к реабилитации серьезно. Она думала, что Джейк просто побудет у ее родителей, как раньше, и она заберет его, надо лишь оплатить все взносы и завязать. Ведь есть же и другие родители, которых увозят в больницу, и они не успевают к окончанию уроков. Выписавшись через три месяца из реабилитационного центра, она обнаружила, что Гленда и Майкл подали прошение о постоянной опеке и получили ее.

В последующие годы Кейт всеми силами старалась вернуться в колею. Она боролась с родителями за право видеться с сыном и подала несколько исков о восстановлении на службу в полицию. Адвокаты Питера Конуэя подали несколько апелляций, из-за которых дело не сходило с новостных заголовков и весь этот цирк продолжался.

Кейт смогла наконец завязать, когда ей предложили спасительную должность в университете Эшдин. К ней прилагался дом и полная смена обстановки, а работа в университете показалась Кейт вполне выполнимой и достаточно приятной. Она так долго стремилась воссоединиться с сыном, но к тому моменту ему уже было девять, он ходил в прекрасную школу, имел множество друзей и был счастлив. Кейт понимала, что Гленда и Майкл были с ним, когда она не могла, и в интересах Джейка было остаться с ними. С годами она наладила с ним отношения, она виделась с ним на каникулах и иногда по выходным, два раза в неделю, в среду и воскресенье, они созванивались по скайпу. Ее преследовало чувство вины и стыда за то, что у нее забрали сына, но она изо всех держалась за все хорошее, что у нее было, и не пила.

Джейк становился старше, и Кейт понимала, что лучше уж Гленда будет подвозить его в школу и на встречи с друзьями. С ней он не был сыном печально известной матери и отца – серийного убийцы. Живя вдали от Кейт, он мог вести относительно нормальную жизнь. Он просто был ребенком, живущим с бабушкой и дедушкой в большом доме с огромным садом и миленькой собачкой.

Джейк знал, что его отец – плохой человек и сидит за решеткой, но Питер Конуэй не играл в его жизни никакой роли. Ему запрещалось

вступать в контакт с Джейком, пока тому не исполнится шестнадцать. Но Кейт уже чувствовала надвигающиеся проблемы. Джейку исполнится шестнадцать через два года. Он уже сейчас пристаёт к Гленде с просьбами разрешить ему зарегистрироваться на «Фейсбуке» и приближается к возрасту, в котором проявляется подростковое самосознание и появляются вопросы.

Кейт всегда чувствовала, что это неправильно, что она приходит домой одна, а ее сын живет где-то там, но она должна ждать и верить, что самое лучшее еще впереди. У Джейка будет замечательная жизнь. Она была настроена сделать для этого все, даже если это значило отдалиться от него на начальном этапе его жизни.

На небольшом столике рядом с креслом стояли фотографии Джейка в рамках. Там была его последняя фотография с классом и еще та, на которой Джейк запечатлен со своим любимым лабрадором Майло в большом зеленом саду у родителей Кейт. Больше всего ей нравилась самая новая фотография, сделанная в конце августа внизу на пляже. Вода в море убыла, и они стояли рядом с гигантским замком из песка, на строительство которого потратили полдня. Джейк обеими руками обхватил ее за талию, и они оба улыбались. Солнце светило им в лицо, отчего одинаковые оранжевые пятна в их голубых глазах казались еще ярче.

Кейт взяла фотографию в руки и погладила его лицо через стекло. Сейчас Джейк уже доставал ей до плеча. У него были добрые глаза, темные волосы, падающие на лицо, как у ребят из *One Direction*. Он был красивым мальчиком, но у него был нос Питера, прямой и слегка заостренный.

– Естественно он будет похож на отца, это природа, – произнесла Кейт вслух. – А вот воспитание – это моя задача... точнее моих родителей. Он ведь счастлив. У него нет никаких причин становиться плохим.

Кейт почувствовала, как глаза у нее наполнились слезами. Поставив фотографию на место, она посмотрела в свой стакан с холодным чаем. *Это ведь так просто – налить себе чего-нибудь. Всего один стаканчик.* Она отмахнулась от этой мысли, и та ушла. Кейт осушила бокал и посмотрела на школьную фотографию Джейка, на которой дети сидят на скамейках в два ряда вместе с мисс Прентис, милостивой блондинкой чуть за двадцать. Джейк сидел в окружении

четырех лучших друзей, точно в составе нового маленького бой-бэнда, улыбался и щурился от солнца.

Мысли Кейт вернулись к школьной фотографии Кейтлин Мюррей. Она не выглядела счастливой, как Джейк. Как только Кейт встала, чтобы включить ноутбук и проверить, не ответил ли отец Кейтлин на ее письмо, зазвонил телефон. На кухне она вытащила телефон из сумки и увидела, что это был Алан Хэксам.

– Привет. Засиделся допоздна? – сказала она.

Ей нравился Алан. Он читал лекции ее студентам каждый семестр, и, помимо того, что он был блестящим судмедэкспертом, он стал ее другом.

– Кейт, ты занята? – спросил он без предисловий.

– Нет. Что-то случилось?

– Я хочу, чтобы ты приехала в морг. Мне нужно услышать твое мнение.

– Мое мнение? – спросила Кейт.

Судя по голосу, Алан, обычно очень жизнерадостный, был взвинчен. Почти напуган.

– Да, Кейт, пожалуйста. Мне бы очень пригодилась твоя помощь и твои знания.

5

Морг находился на окраине Эксмута, всего в нескольких милях от дома Кейт. Он занимал подвал большой викторианской больницы, на парковке было тихо и пусто. Из-за крыши здания возвышался длинный дымоход, из которого в безоблачное небо валил густой черный дым.

Вход в морг был через боковую дверь, затем, Кейт пошла по сырому туннелю, ведущему в подвал. Там пахло плесенью и дезинфекцией, а тусклые желтые лампочки, симметрично установленные вдоль коридора, моргали и издавали жужжащие звуки.

Туннель выходил в яркую приемную с высоким потолком, украшенным лепниной викторианской эпохи. Узор навел Кейт на мысль о перекрученных кишках или мозговой ткани. Она отметилась и ее проводили в анатомический театр. Покосившиеся деревянные сиденья по кругу расходились от центра зала наверх, где исчезали в темноте.

Большое голое тело лежало в центре зала, на столе для вскрытия из нержавеющей стали. Алан работал с двумя ассистентами. На всех были голубые медицинские костюмы и прозрачные маски из плексигласа. Распухший чернеющий труп был вскрыт от паха до грудной клетки, а оттуда выше шли два разреза по диагонали вокруг плеч и до самой шеи. Грудная клетка была распилена вдоль и раскрыта, напоминая крылья бабочки. На месте лица вызывающе зияла дыра, а из нижней челюсти торчал ряд зубов, похожих больше на растущие кучкой ядовитые грибы. Кейт в нерешительности остановилась у входа, вдыхая зловоние, смешанное с пыльным древесным запахом старой аудитории.

– Легкие здоровые, в хорошем состоянии, но уже практически разжижились, – говорил Алан, поднимая легкие запачканными кровью руками. Они водянисто повисли над вскрытым телом, напоминая Кейт мертвого осьминога. – Быстрее, они сейчас развалятся!

Алан заметил Кейт и кивнул, пока один из его помощников бросился за подносом из нержавеющей стали. Алан осторожно опустил на него легкие.

– Кейт, спасибо, что приехала. – сказал он, и его голос эхом отразился от высокого потолка. – Чистый костюм висит за дверью, и не забудь бахилы.

Кейт быстро натянула голубой медицинский костюм и вернулась, встав в нескольких шагах от тела. В помещении было настолько холодно, что она сложила руки на груди. Со своего места она могла разглядеть остальные органы девушки, аккуратно упакованные в раскрытом туловище. Кейт не понимала, какое отношение труп девушки имеет к ней. Она уже очень давно не присутствовала на вскрытии и надеялась, что ее желудок все еще в состоянии это выдержать. Алан, возвышающийся над своими ассистентами, ввел Кейт в курс дела, объяснив, где и когда они нашли тело.

– Несмотря на отсутствие лица, по которому ее можно было бы опознать, мы нашли у нее на теле кучу разных биологических материалов. Тут и сперма, и слюна и три разных типа волос: лобковые волосы во влагалище, ресница в одном из укусов на ноге...

– Укусов? – спросила Кейт.

– Да. Шесть, – сказал Алан, подняв на нее глаза.

Один из его помощников осторожно вытащил сердце и бережно понес его на весы.

– Лиам! Не гуляй по комнате с органом в руках! Самаира, дай ему посудину...

Лиам застыл на месте, держа сердце в руках, пока Самаира не принесла ему небольшую стальную миску. Кейт не обратила внимания на эту сцену и подошла поближе к телу, чувствуя запах разлагающейся плоти. На соседнем столике лежала хирургическая пила с присохшими следами крови. Вскрытия всегда проводились в атмосфере невозмутимого спокойствия. «Обходительно разорвать на куски» – как Кейт однажды услышала от кого-то.

– Ее задушили?

– Да, – ответил Алан. – Вот тут следы от веревки на шее и на горле и красные точки, похожие на сыпь, – говорил он, указывая пальцем. – Это указывает на то, что уровень кислорода в крови сначала резко упал, а затем так же резко поднялся. Ее душили, а за мгновение до смерти ослабили веревку.

– А расположение тела? Наклон на левую сторону, голова на вытянутой руке?

– Да.

– Тело нашли в парке?

– В вересковой пустоши. Дартмурский национальный парк, но вообще да, на природе.

– Ее опознали?

– Еще нет. Судя по зубам, ей всего около двадцати, – Алан подошел к каталке и взял оттуда пакет для улик, в котором лежали обрывки пластикового мешка и веревка с узлом. Он передал пакет Кейт. – А вот это было у нее на шее.

Второй раз за день осколок прошлого внезапно врезался в ее настоящее. По телу Кейт пробежали мурашки, когда она пощупала маленький тугой узелок сквозь толстый пакет. Она посмотрела на Алана.

– Черт возьми... Обезьяний кулак? – произнесла Кейт и снова перевела взгляд на тело, которое распухло и разложилось так сильно, что уже сложно было сказать, как девушка выглядела при жизни. – Что сказали в полиции?

– О том, что ты присутствуешь на вскрытии? Они не в курсе, – сказал Алан.

Кейт посмотрела на него, вздернув бровь.

– Я не это имею в виду.

– Этим делом занимается один из старших инспекторов, молодая женщина. Мне кажется, она еще в Барби играла, когда Питер Конуэй совершал свои преступления. Я еще ничего ей не сказал. Хотел, чтобы ты взглянула, перед тем как связывать это убийство с громким делом.

Кейт еще раз посмотрела на узел.

– У меня сомнений нет. Посмотри на это все. Это Каннибал из Девяти Вязов.

– Питер Конуэй не сбежал, если тебя это беспокоит. Он по-прежнему прекрасно проводит время в своей камере по решению Ее Величества.

– Я знаю. Если он сбежит, мне сообщат первой. Они примут меры, чтобы обеспечить безопасность мне и моему сыну, – Кейт заметила, как в глазах Алана мелькнула жалость. Они никогда не обсуждали то, что с ней случилось, но он, понятное дело, все знал. – Кто бы это ни был, похоже на подражателя. Я не тороплюсь с выводами, но это не простое совпадение.

– Согласен, – сказал Алан.

– Время смерти известно? Когда она умерла? – спросила Кейт, переключив внимание обратно на тело.

– Ее тело находилось на открытом пространстве, дождь, ветер, всякие ползучие твари. Тело распухло, личинки в тканях за левым ухом и на плече. Я б сказал, она умерла пять-шесть дней назад.

– То есть вторник или среда. Конуэй похищал своих жертв по четвергам или пятницам. У него были все выходные, чтобы поиздеваться над ними, убить и избавиться от тела в понедельник или вторник, – сказала Кейт и посмотрела на Алана. – Вы сделали оттиск зубов по укусам?

– Нет, кожный покров слишком сильно разложился.

– А что по поводу лица? Ты знаешь, как оно было удалено?

Алан вытащил из кармана медицинского халата пакетик с длинным зубом внутри.

– Левый верхний клык, – сказал он, держа пакет в руках. Зуб был белый и гладкий.

– Собака?

Алан кивнул.

– Доберман или немецкая овчарка. Для такого собаку надо было здорово растравить. Страшно подумать, что с ней делали. Этот зуб застрял в верхней челюсти, справа, но я не верю, что собака одна могла содрать лицо. Мы также обнаружили следы от порезов зазубренным лезвием.

– Как если бы собака напала, а потом, то, что осталось, срезали ножом?

– Да, – сказал Алан.

– Тебе попадались еще какие-нибудь убийства, похожие на работу Конуэя?

– Нет.

– Можешь проверить?

– Кейт, я хотел узнать твое профессиональное мнение по этому телу, и я тебе очень благодарен...

– Алан, у тебя есть доступ к полицейским базам данных. Если кто-то копирует убийства, совершенные Питером Конуэем, то это его *вторая* жертва. Вторая жертва Конуэя, Доун Брокхерст, была найдена у реки. Лисы разорвали мешок у нее на голове и съели часть лица. Первой жертвой была Шелли Норрис, и ее нашли на автомобильной свалке в районе Девяти Вязов...

Алан поднял руки.

– Да, я в курсе... Мое дело – предоставить факты, установить причину смерти.

– Ты можешь хотя бы посмотреть? Или направить полицию в ту сторону?

Алан устало кивнул. Его помощники уже осторожно закрывали грудную клетку, чтобы зашить длинный разрез в форме буквы «у».

Кейт опустила взгляд и заметила, что все еще держит в руках пакет с веревкой и обезьяньим кулаком на конце. Руки у нее задрожали, и она сунула пакет Алану, чувствуя, что если еще хоть сколько-нибудь продержит его в руках, то он заразит ее и снова утянет в бурлящий ад старого дела Каннибала из Девяти Вязов.

Кейт не помнила, как попрощалась с Аланом и ушла из морга. Она пришла в себя, уже когда вышла из сырого туннеля и двинулась на парковку. Она шагала на автомате, кровь неслась по венам и стучала так сильно, что было больно. Все казалось каким-то размытым и приглушенным: шум загруженной улицы, которую она переходила, легкая дымка, которая уже начала собираться в тусклом желтом свете фонарей. Страх, который она испытывала, было сложно объяснить. Это не был какой-то конкретный образ или мысль, но это чувство поглотило ее. *«Теперь этот ужас dokonает меня, на этот раз окончательно»*, – думала она. По шее и спине у нее струился пот, но от холодного воздуха она вся задрожала.

В следующий момент она уже стояла в винном магазине через дорогу от морга. Глянув вниз, Кейт увидела, что держит в руках бутылку «Джека Дэниелса».

Она выронила бутылку, и та разбилась, залив содержимым старый линолеум и ее ботинки. За стойкой сидел маленький индус, смотревший на ноутбуке фильм. Он услышал, как разбилась бутылка, и поднял глаза. Вытащив из ушей наушники, он взял в руки большой рулон голубых салфеток.

– Ты платишь, – сказал он.

– Конечно, позвольте вам помочь, – сказала Кейт, опускаясь на колени и поднимая с пола осколок стекла. Он блестел, покрытый коричневатой жидкостью. Она была так близко, что Кейт даже чувствовала запах.

– Не трогай ничего, – сказал продавец. Он посмотрел на нее с отвращением: еще одна пьяница. Кейт тут же опомнилась.

Порывшись в сумке, она извлекла оттуда двадцатифунтовую купюру. Мужчина взял ее, и Кейт пошла к выходу, стараясь не наступать на осколки бутылки.

Не оглядываясь, она поспешила через дорогу и чуть не угодила под фургон. Добравшись до машины, она забралась внутрь и заблокировала все двери. У нее тряслись руки, и она чувствовала запах виски, пролитого на штаны и ботинки. Какая-то часть ее хотела впитаться в ткань и высосать его. Сделав глубокий вдох, Кейт открыла окно, ощущая, как холодный воздух наполняет машину и уносит запах алкоголя. Она достала мобильник и написала сообщение Майре, своему куратору из общества анонимных алкоголиков: «Ты не спишь?»

Я чуть не выпила». Она почувствовала облегчение, когда тут же получила ответ: «Тебе повезло, детка. Я не сплю, и у меня есть торт. Поставлю чайник».

Майра жила по соседству с Кейт в маленькой квартирке над серферским магазином, которым сама и владела. Магазин был закрыт на зиму, и парковка перед ним пустовала, если не считать банкомат на стене и двухстороннюю вывеску с резными краями. Она быстро крутилась на ветру, с одной стороны «ХОЛОДНЫЕ НАПИТКИ», с другой – «МОРОЖЕНОЕ». Кейт подошла к боковой двери и постучала. Она посмотрела на светящийся в углу банкомат. Летом им пользовались серферы, а когда сезон заканчивался, Кейт была одной из немногих, кто продолжал его использовать, и то только когда ей лень было отправиться в город.

Майра открыла дверь, держа в руках две кружки с чаем, от которого валил пар.

– Подержи-ка, – сказала она, протягивая кружки Кейт. – Давай спустимся вниз и подышим воздухом.

Она натянула длинное черное пальто и надела резиновые сапоги. Она сутулилась, лицо было покрыто морщинами, но у нее была чистая кожа и копна белых волос, сияющих в свете лампы. Кейт никогда не интересовалась, сколько Майре лет, а та и сама не рассказывала. Она была человеком скрытным, но Кейт предполагала, что ей должно быть около шестидесяти. Скорее всего она родилась до 1965 года, потому что в том году были арестованы Майра Хинди и Йэн Брэди, известные как Болотные убийцы, после этого никто особо не горел желанием называть дочерей Майра.

Они вышли из дома и прошли через террасу с видом на море, где в темноте в три ряда стояли пустые столики для пикника.

К пляжу вели полуразрушенные бетонные ступеньки, и Кейт осторожно шла следом за Майрой, стараясь не расплескать чай.

Шум ветра и волн становился все сильнее, когда они спускались вниз, к паре стоявших на песке ржавеющих рабочих кресел. Когда женщины опустились в них, кресла скрипнули в унисон. Кейт с удовольствием отхлебнула горячий сладкий чай. Майра достала из кармана пальто коробочку с маленькими порционными кусочками торта «Баттенберг».

– Почему тебе захотелось выпить? – спросила она с серьезным выражением лица. Она никогда не осуждала Кейт, но была строгой, и вполне обоснованно. Шесть лет без алкоголя дались Кейт непросто. За чаем с тортом Кейт рассказала ей обо всех трех потрясениях прошедшего дня: о лекции, пришедшем по электронке письме и затем – о вскрытии.

– Я чувствую свою ответственность, Майра. Отец этой девочки, Кейтлин, ему не к кому больше обратиться.

– Но ты ведь не знаешь, действительно ли ее похитил Питер Конуэй. Что, если это просто совпадение?

– И потом эта девушка вечером, господи, она лежала там как отбитый кусок мяса... И эта мысль, что все начинается сначала.

– Что ты хочешь делать?

– Я хочу помочь. Я хочу сделать так, чтобы это больше не повторилось.

– Ты можешь помочь, поделиться тем, что ты знаешь, просто помни, Кейт, что твоя реабилитация не закончится никогда. У тебя есть сын, которому нужна мать. Тебе надо подумать о себе. Нет ничего важнее, чем твоя трезвость. Что случится, если ты окажешься в винном и не уронишь бутылку? Пойдешь на кассу, купишь ее, и все по новой?

Кейт смахнула слезу. Майра потянулась и взяла ее за руку.

– Питер Конуэй за решеткой. Благодаря тебе. Подумай о том, сколько жизней ты спасла, Кейт. Он бы не остановился. Пусть теперь полиция разбирается. Пусть Алан делает свою работу. А насчет этой пропавшей девочки... Что, по-твоему, ты можешь сделать, чтобы ее найти? Как вообще ее родители могут быть уверены, что ее убил Конуэй?

Кейт посмотрела на песок под ногами и зарылась в него носком ботинка. Разговоры с Майрой успокаивали ее. Адреналин уже не зашкаливал, и Кейт почувствовала, что вымоталась. Она глянула на часы. Почти одиннадцать. Она посмотрела на море и на полосу мерцающих в темноте огней Эшдина.

– Мне нужно отдохнуть и снять в конце концов эти джинсы. От них несет выпивкой.

Кейт видела, как пристально Майра на нее смотрит, но она не хотела давать обещаний, что оставит все как есть.

– Я с тобой схожу, помогу тебе засунуть их в стиральную машину, – сказала Майра. Кейт хотела было возразить, но кивнула. Она творила всякие безумные вещи, когда пила, а застоявшийся запах алкоголя уже спровоцировал ее однажды. – А завтра утром мы пойдем на собрание, – добавила она решительно.

– Да, – сказала Кейт. – И спасибо тебе.

7

Питер Конузэй шел по коридору психиатрической лечебницы Баруэлла в сопровождении двух санитаров, Уинстона и Террелла.

Долгие годы заключения и ограниченной физической активности подарили ему выпирающий живот и тощие слабые ноги, торчащие из-под слишком короткого банного халата. Руки закованы в наручники за спиной, а на голове – закрывающий лицо капюшон, похожий на тонкую металлическую кольчугу. Толстый прямоугольник из укрепленного пластика на передней стороне то подлетал вверх, то вытягивался обратно при каждом его вдохе и выдохе. Его пепельные волосы, влажные после душа, торчали из-под капюшона и свисали на плечи.

Со времени последнего эпизода прошел уже год. Тогда во время групповой терапии он укусил другого заключенного, Ларри, страдающего маниакально-депрессивным психозом. Причиной их разногласий была Кейт Маршалл. По отношению к ней Питер испытывал множество разных чувств и эмоций: ярость, ненависть, похоть и утрату. Перед тем сеансом групповой терапии Ларри нашел в газете небольшую заметку о Кейт. Ничего особенного или выдающегося, но Ларри начал насмехаться над Питером. Он первый начал, и Питер быстро прервал его, откусив кончик его толстого маленького носа. Он не дал согласия на промывание желудка, чтобы достать кусочек носа, и теперь должен был носить наручники и специальный капюшон, когда находился вне своей камеры, или «комнаты», как любили называть их продвинутые врачи.

До этого было еще несколько эпизодов, тогда Питер укусил санитаря, врача, двоих пациентов, на нем испробовали все средства защиты, в том числе хоккейную маску а-ля Ганнибал Лектер. Кусать ради удовольствия и для самозащиты значило для Питера не одно и то

же. Женская плоть – нежная, благоухающая, ей нужно наслаждаться, как изысканным вином. Мужская же – вонючая и с волосами, поэтому мужчин Питер кусал только для самозащиты.

Адвокаты Питера успешно добились отмены использования этих средств, ссылаясь на закон о правах человека. Капюшон, который в основном использовался при задержаниях, чтобы защитить полицейских от контакта с биологическими жидкостями, оказался для Питера единственным решением, удовлетворившим и клинику, и суд, и адвокатов.

Камера Питера находилась в конце длинного коридора. Двери из толстого металла с небольшими окошками можно было открыть только снаружи. Из-за дверей в коридор доносилась ругань, стук и, время от времени, оглушительные вопли, но для Питера и двоих санитаров эти звуки во время рутинной утренней прогулки в душ и обратно были не более чем фоном, как чириканье птиц в поле. Уинстон и Террелл были оба внушительные, здоровые детины, под два метра ростом, сложенные – как сказала бы мать Питера, – как кирпичный сортир. Несмотря на то, что со стороны это выглядело просто как прогулочка из ванной, на обоих санитарях были прочные кожаные ремни с пристегнутыми к ним шипованными дубинками.

Особо опасных заключенных держали отдельно друг от друга, в одиночных камерах, вне которых они практически никак не контактировали. Коридоры лечебницы были утыканы камерами видеонаблюдения: с одной стороны, в целях безопасности, с другой – для организации порядка передвижений в течение дня. Питер знал, что через несколько минут должен быть в камере, чтобы освободить дорогу в душ другому заключенному.

Последние шесть лет Питер провел в одной и той же камере. Когда они подошли к двери, Питер под присмотром Террелла встал у стены напротив, пока Уинстон открывал замок. Когда дверь была открыта, Террелл развязал ремни на задней стороне капюшона, и Питер вошел в камеру. Дверь закрылась, лязгнув замок.

– Сейчас я открою окошко, Питер. Мне нужно, чтобы ты просунул сюда руки, – сказал Уинстон.

Когда окошко открылось, Питер почувствовал сквозняк и высунул руки. Освобожденный от наручников, он убрал руки от окошка. Он ослабил капюшон, стянул его с головы и протянул санитарам.

– Спасибо, Питер, – сказал Уинстон, и окошко закрылось.

Питер сбросил халат и надел джинсы, синюю льняную рубашку и свитер. За шесть лет небольшим предметам роскоши было позволено пробраться к нему в камеру. У него было цифровое радио и стопка книг, на маленькой прикроватной тумбочке – несмотря на то, что много маленьких библиотек по всей Великобритании закрылось из-за сокращения финансирования, лечебница Баруэлла это не коснулось. Единственным, что его огорчало в той истории с нападением на Ларри, было то, что у него отобрали чайник. Заслужить эту привилегию было очень сложно, и ему не доставало возможности приготовить собственную чашку чая или кофе.

Стремление выйти на свободу никогда не покидало Питера. Последнее, что он прочитал, была книга о теории хаоса, которая захватила его, как и идея «эффекта бабочки». От свободы его отделяла куча дверей и колючая проволока, но он знал, что скоро взмах крылышек запустит цепь событий и подарит ему возможность выбраться.

Из коридора слышался скрип подошв и глухой грохот тележки. Питер давно уяснил, что в лечебнице все время было разбито на пятиминутные блоки. Однажды, когда он был на приеме у доктора, с одним из пациентов произошел какой-то инцидент, и обратно в камеру Питера уже вели каким-то замысловатым путем через незнакомые коридоры. Тогда через открытую дверь он успел заглянуть в комнату охраны, битком набитую мониторами камер видеонаблюдения, на которых был виден каждый проход и каждый коридор Баруэллской лечебницы. Несмотря на то, сколько времени Питер здесь провел, полного плана здания он не знал.

В его камеру постучали, окошко на двери открылось. Сквозь него просунулся длинный, практически до смешного длинный, нос и красные влажные губы, по кругу обсыпанные прыщами.

– Питер? – раздался похожий на кваканье голос. – Я тебе почту принес.

– Доброе утро, Нэд, – сказал Питер и подошел к окошку.

Нэд Дьюкс был в лечебнице долгожителем. Он провел здесь последние сорок лет за то, что изнасиловал и держал взаперти четырнадцать мальчиков. Он был мелкий и сморщенный, его длинный нос и крупный, усыпанный прыщами рот располагались в центре

широкого, круглого лица. Незрячие, затянутые пеленой глаза вращались из стороны в сторону, а руки шарили по тележке, уставленной письмами и пакетами. Неда сопровождала женщина постарше, санитарка, мрачно поджавшая тонкие губы.

– На полке ниже, – сказала она нетерпеливо.

Нэд был не самым расторопным почтальоном, но он начал разносить письма еще до того, как потерял зрение, и невероятно нервничал и расстраивался, если ритуал доставки почты нарушался. Когда в последний раз его попытались отстранить от этого занятия, в знак протеста он вылил кипяток себе на гениталии. Он лишился привилегии пить горячие напитки, но сохранил свою неофициальную должность почтальона. Шумно дыша носом, Нэд потянулся вниз, задел аккуратно сложенные стопки писем, развалив одну.

– В самом низу! Вот! – огрызнулась женщина, схватив его за запястье и положив его руку на стопку писем для Питера. Нэд взял их и протянул через окошечко.

– Спасибо, Нэд.

– Пока-пока, – сказал Нэд и ухмыльнулся, обнажив жутковатые поломанные коричневые зубы.

– Пока-пока... Пока, – пробормотал Питер, когда окошко захлопнулось.

Он вернулся на кровать и просмотрел письма. Они все, как обычно, были уже вскрыты сотрудниками лечебницы, проверены и неаккуратно засунуты обратно в конверты.

Пришло письмо от Сестры Ассумпты, монашки, которая уже несколько лет писала Питеру письма из монастыря в Шотландии. Она интересовалась, понравился ли ему халат, который она прислала, и спрашивала размер его ноги, потому что нашла на «Амазоне» тапочки в комплект. В конце письма она говорила, что помолится за его душу. Все остальные письма не вызвали в Питере никакого интереса: писатель просил его комментария для своей книги о реальных преступлениях, в двух других письмах мужчина и женщина писали о том, что они влюблены в него, и еще каким-то образом его имя попало в список подписчиков «Ридерз дайджест».

Кейт он написал лишь однажды. Длинное письмо, в минуту слабости, во время ожидания приговора. Питер узнал, что она ждет от

него ребенка, и просил ее оставить его. А еще он просил разрешения присутствовать в его жизни.

Кейт не ответила. Вся информацию он узнавал от своей матери Энид и из газет. Больше он ей не писал. То, что она проигнорировала его искреннее и, как ему казалось, написанное от всего сердца письмо, казалось Питеру большим предательством, чем его разоблачение. Согласно судебному запрету Питер и Энид не могли контактировать с Джейком и не должны были знать, где он живет. Энид, конечно, была знакома с разными людьми и узнала адрес Джейка, но не потому, что испытывала к мальчику какой-то интерес, а только лишь для того, чтобы продемонстрировать свое превосходство над органами власти.

Через два года Джейку исполнится шестнадцать, и судебный запрет перестанет действовать. Питер знал, что Кейт всегда будет против него, но каким же удовольствием будет однажды встретиться с сыном и настроить его против матери.

Питер подошел к двери и прислушался. В коридоре было тихо. Он подошел к батарее в углу, приваренной к стене. К батарее был прикреплен большой пластмассовый регулятор температуры, и, когда Питер пару недель назад повернул его, литая пластмассовая панель надломилась и выпала из гнезда. Заиметь тайник было настоящим подарком. Камеры каждый день тщательно обыскивали.

Питер осторожно повернул регулятор влево, покачал туда-сюда, и панель отошла. Он взял свои очки для чтения и пошарил в гнезде концом дужки. Он перевернул регулятор, и из глубины выпала маленькая капсула. Это была растворимая оболочка от огромной капсулы с витамином С. Он разъединил половинки и ногтем выковырял маленький тугой рулончик очень тонкой бумаги. Соединив обратно половинки капсулы, он положил ее на стопку книг. Питер улегся на кровать и прижался к стене, так, чтобы его не было видно через окошко в двери. Он осторожно развернул записку. Бумага тонкая, белая, немного восковая на ощупь, на такой обычно печатают кассовые чеки.

Узкая полоска была заполнена ровными черными строчками:

*Когда я в прошлый раз написал вам, что убил
девчонку в вашу честь, вы, наверное, приняли меня*

за одного из тех унылых, одиноких выдумщиков, которые вам пишут.

Я пишу снова, чтобы сказать, что я это не придумал. Это правда.

Я похитил и убил вторую. Ее звали Кейша Смит, я оставил ее тело у реки у Охотничьих Ворот в Дартмуре.

Очень скоро об этом напишут в газетах.

Я иду по вашим стопам и надеюсь стать достойным вас. Оставайтесь на связи. Вы не пожалеете. Я планирую продолжать ваше дело, но я также хочу сделать вас счастливым. Я помогу вам свести старые счета и в конце концов освобожу вас.

Фанат

За последние несколько дней Питер перечитал это письмо несколько раз. Его мать заверила его, что этот Фанат настоящий, она с ним встречалась. Питера раздражало, что люди за стенами лечебницы могли в мгновение ока передавать друг другу сообщения, а он был вынужден рассчитывать только на письма и мучительно долго ожидать ответа.

Он включил свое радио и, начав переключать станции, попал как раз на восьмичасовой выпуск новостей на BBC «Радио Девон». Он каждое утро переключался между местными радиостанциями и «Радио-4» в надежде услышать какое-нибудь подтверждение тому, что написал его «фанат». Он прослушал весь выпуск новостей, но там ничего не было.

Питер выключил радио и начал туго сворачивать письмо обратно в рулон, когда услышал тележку в коридоре. Он не нашел капсулу на стопке книг и за несколько секунд чуть с ума не сошел, пока не обнаружил, что она упала под кровать. Оболочка почти растворилась, когда он влажными от пота пальцами заталкивал бумажку внутрь. Он едва успел вернуть ручку регулятора на место, прежде чем распахнулось окошко.

– Кофе, – выкрикнула женщина, развозившая напитки и еду.

Питер подошел к двери и увидел в окошке огненно-красный пластмассовый стакан-непроливайку. Ему был разрешен один горячий напиток каждое утро, выдаваемый, в целях безопасности, в непроливаемом стакане. Хотя Питеру казалось, что этим его скорее хотят унизить, нежели обезопасить.

– С молоком и без сахара? – спросил он.

– Ммм, да...

– Как-то вы не очень уверены.

– Тебе нельзя открывать стакан, – резко сказала женщина. – Или пей, или мне придется его забрать.

Питер взял стакан.

– Спасибо, – сказал он, пробормотав себе под нос. – *Сука*.

– Что ты сейчас сказал?

– Я говорю, печеньки не найдется? – улыбнулся Питер, обнажив ряд коричневых зубов.

С написанным на угловатом лице отвращением женщина покачала головой.

– Я вернусь через час. Стакан вернешь...

– Пустой, перевернутый, со снятой крышкой... Да, я знаю, – сказал Питер.

Она резко захлопнула дверцу окошка. Он наклонил стакан и отхлебнул. Кофе с молоком, холодный и сладкий.

Он подошел к столу, достал листок бумаги и с помощью линейки аккуратно оторвал от него узкую полоску. Затем он сел писать ответ своему Фанату.

8

На следующее утро Кейт пошла с Майрой на собрание анонимных алкоголиков. Они всегда собирались в это время в церкви рядом с Эшдином. Кейт рассказала, как чуть не сорвалась, и, как обычно, получила заряд сил от людей, пришедших на собрание и рассказывающих о своем возвращении к трезвой жизни. Когда Кейт и Майра попрощались и разошлись на выходе из церкви, Кейт обрадовалась, что та не стала допытываться, что она собирается делать дальше.

Когда Кейт пришла в университет, Тристан уже работал за своим столом.

– Доброе утро, – сказал он. – Алан Хэксам ответил. Он прочитает лекцию на той неделе. Он еще спрашивал, как вы. Беспокоится, что вчерашнее вскрытие вас расстроило.

– Спасибо, я ему перезвоню, – сказала Кейт, усаживаясь за стол и включая компьютер.

Краем глаза она посмотрела на Тристана, который явно хотел узнать больше. Зачем Алан так открыто об этом упомянул? Он же не мог быть уверен, что Кейт все рассказывает своему помощнику. Она открыла почту и увидела ответ от Малкольма Мюррея, в котором он просил о встрече.

Кейт посмотрела на Тристана. Он занимался заданием для студентов к следующей лекции по одному зашедшему в тупик делу: перебирал полицейские документы и отчеты, собирал информацию, с которой студентам нужно будет ознакомиться. Кейт приняла решение.

– Ты не хочешь кофе? – спросила она.

– Да, конечно. Вам какой? – ответил Тристан, отодвигаясь от стола.

– Нет, я имела в виду, что мы вместе сходим и выпьем кофе. Мне нужно поговорить с тобой кое о чем.

– Ладно, – сказал он, нахмутив густые темные брови. – Я что-то не так сделал?

– О, господи, нет. Пошли, мне до зарезу нужно немного кофеина, там и поговорим.

Они спустились вниз, в новенький гляцевый «Старбакс», открывшийся на первом этаже их корпуса. Там было тепло и уютно, и когда они взяли кофе, им удалось занять место у окна с видом на побережье. Кейт обвела взглядом столики, за которыми студенты работали на своих новеньких блестящих ноутбуках, поглощали маффины и латте за три фунта, и вспомнила свои нищие студенческие годы: ужасно холодную студию и скромную чечевично-фруктовую диету. Сейчас латте и маффин в «Старбаксе» стоили больше, чем она тогда тратила на продукты за неделю.

– Большинство этих ребят, должно быть, детки богатых родителей, – сказал Тристан, точно прочитав мысли Кейт. – Видите того парня? – спросил он, показывая на симпатичного брюнета,

развалившегося в одном из кресел и разговаривающего по телефону. – У него адидасовские штаны из ограниченной коллекции «Лужники», их к чемпионату мира выпустили.

Кейт посмотрела на спортивное трико в красно-белую полоску.

– Серьезно? А выглядят как обычные штаны.

– Выпустили всего несколько тысяч пар, там вставки из кожи бизона и замши. Он за них не много сдачи получил с пятисот фунтов... Простите, о чем вы хотели поговорить?

– Не волнуйся, – сказала Кейт, улыбнувшись. Чем дольше она знала Тристана, тем больше он ей нравился. Она рассказала ему про письмо Малкольма Мюррея и о своей встрече с Аланом Хэксамом прошлым вечером. Она умолчала только о том, как едва не съехала с катушек. Показала Тристану письмо.

– Вы думаете, тут есть связь? Между убитой девушкой и этим письмом по поводу Кейтлин?

– Нет. Конечно, эта девушка умерла страшной смертью и все это очень похоже на работу Питера Конуэя, но он за решеткой, а этим делом занимается полиция. Я хочу, чтобы ты помог мне разобраться с исчезновением Кейтлин.

– Как? – спросил Тристан, глядя на письмо.

– Ты же готовил всякие материалы для моих лекций по нераскрытым преступлениям. Работал с материалами по громким делам. Я хочу, чтобы ты поехал со мной на встречу с Малкольмом и его женой, чтобы у меня было еще одно независимое мнение. Это дело ведь для меня очень личное, и я бы с удовольствием послушала, что ты думаешь об этом.

Тристан выглядел изумленным и взволнованным.

– Конечно. Мне очень понравилось работать со всеми этими заглохшими делами и все такое, читать там всякие старые полицейские отчеты. Это все так интересно.

– У тебя на завтра много работы? – спросила Кейт. Лекций по средам не было, но этот день обычно использовался для подготовки к занятиям и бумажной работы.

– Да я могу раскидать дела, сегодня подольше посидеть. Вы завтра хотите поехать?

– Да. Нам нужно будет выехать рано утром, и это, разумеется, зачтется как рабочий день, расходы я оплачу.

– Звучит здорово, – сказал Тристан, допивая кофе. Он снова посмотрел на письмо и на фотографию Кейтлин, которую Кейт нашла онлайн. – Для вас это, наверное, как незаконченное дело. Вы ведь вели дело Питера Конуэя, а теперь оказывается, что могут быть еще жертвы.

– Этого мы еще не знаем. Тела нет и, к сожалению, дело Питера Конуэя для меня всегда будет незаконченным.

Тристан кивнул.

– Каким он был? Питер. Я знаю, какой он сейчас, но тогда он ведь, наверное, казался нормальным? За все годы его никто ни разу не заподозрил.

– Он был моим начальником, и, хотя у нас и была интрижка, мы с ним общались не так чтобы по-дружески. Он производил впечатление приличного парня, пользующегося успехом у своих подчиненных. После долгого напряженного дня он всегда проставлялся. У нас работала женщина-детектив, и от нее ушел муж. Питер пошел ей навстречу и разрешил совмещать ее работу с заботой о сыне, из школы там его забирать, все такое, а в девяносто пятом если у женщины-полицейского появлялся ребенок или вообще какие-то связанные с детьми заботы, то ее отправляли в контору, бумажки перебирать, причем быстрее, чем она успевала даже заикнуться о равноправии.

– Вы думаете, где-то внутри него все же прятался нормальный человек?

– Да, как и во многих серийных убийцах, две стороны их личности находятся в постоянном конфликте. Добро и зло.

– И частенько зло побеждает.

– Я предпочитаю надеяться, что счет у них равный... – ее голос оборвался. Она уже не была в этом уверена.

Тристан снова кивнул.

– Спасибо. Обещаю, я больше не буду надоедать вам вопросами о нем... Это так классно, что я смогу увидеть вас снова в роли полицейского и как вы расследуете преступление.

– Придержи коней. Я просто хочу съездить к Малкольму и его жене, не более. Я им ничего не обещаю.

На следующий день Кейт и Тристан выехали рано утром и за два часа добрались до Чью Магна, маленькой деревушки милях в десяти от Бристоля.

Коттедж Малкольма и Шейлы располагался на окраине деревни, в конце короткой тропинки, которую развезло от дождя. Они припарковались рядом с воротами, и, чтобы не угодить в большую грязную лужу, Тристану пришлось выпрыгнуть с пассажирского сиденья прямо на поросшую травой обочину.

Причудливый коттедж оказался совсем не таким, каким его представляла Кейт. Она ожидала увидеть маленькую обшарпанную террасу в викторианском стиле или субсидируемую государством квартиру, что-нибудь похожее на дома других жертв.

По стене выбеленного коттеджа тянулась толстая плеть глицинии, вверх по водостоку и до самого карниза. Ветви были голые, только несколько желтоватых листьев танцевали на ветру. Они направились к входной двери, трава на лужайке перед домом была высотой по колено, а сквозь трещины в цементе проросли длинные сорняки.

Дверь открыл Малкольм. Он был полноват, невысокого роста, с покатыми плечами. Волосы у него на голове были очень тонкие, просто как детский пушок, приставший к испещренной венами голове. На нем были голубые джинсы со стрелками и джемпер с узором из красно-синих ромбов.

– Здравствуйте-здоровствуйте, очень рад вас видеть, – хрипло сказал хозяин, улыбаясь и пожимая им руки. Кейт заметила темные пятна на тыльной стороне обеих рук и предположила, что ему, должно быть, лет под девяносто.

– Мы добрались быстрее, чем рассчитывали. Надеюсь, мы не слишком рано? – спросила Кейт. Было только начало десятого.

– До обеда мы еще вполне ничего. Чем раньше, тем лучше, а то потом мы уже будем немножко «куку», – улыбнулся Малкольм.

Он отступил назад, пропуская их в дом. На полу тускло освещенного коридора с низким потолком лежал толстый бледно-лиловый ковер. Едва ощутимо пахло дезинфицирующими средствами и полиролью для мебели. Кейт разулась и повесила пальто. Малкольм наблюдал за Тристаном, пока тот развязывал шнурки на кроссовках и, осторожно сняв их, остался в безукоризненно белых спортивных носках.

– Боже, шикарные какие, – сказал Малкольм, дрожащей рукой поправив очки с толстенными стеклами.

– Спасибо, – ответил Тристан, поднимая кроссовки вверх. – Винтажные «Данлоп Гринфлэш».

– Нет, я имею в виду носки. Такие белые! Шейла никогда не разрешала мне надевать такие белые носки. На них, наверное, грязь очень видно.

Тристан рассмеялся.

– Да, немного, но все равно у нас дома я отвечаю за стирку, – сказал он, вешая пальто.

– Вы женаты?

– Нет. Я живу с сестрой. Она – повар. А я – посудомойка и носочная прачка.

Кейт улыбнулась. Этого о Тристане она не знала и сделала мысленную заметку расспросить его.

– Малкольм! Сквозит! Закрой дверь! – раздался из гостиной пронзительный женский голос. – И найди им какие-нибудь тапочки.

– Да. Мы не можем позволить вам заболеть, – сказал Малкольм, разворачиваясь и закрывая дверь. – Так, где же эти тапочки?

Кейт и Малкольм сказали, что обойдутся без них, но Малкольм настаивал, шаря в громадном сундуке под вешалкой для пальто, пока не нашел для них по паре пожелтевших отельных тапочек с надписью «Наслаждайся весельем, наслаждайся солнцем, наслаждайся Шератоном!». Он уронил тапочки прямо им под ноги.

– Ну вот. Мы ездили на Мадейру по случаю нового тысячелетия. Это был наш последний отпуск, перед тем как у Шейлы появилась боязнь высоты... Тогда... а, не важно. Запрыгивайте, вам в них будет уютно, и белые носки не запачкаются.

Когда Малкольм отвернулся, Тристан скорчил Кейт рожу. Малюсенькие тапочки, налезшие только на пальцы его большой ноги, выглядели нелепо. Они прошли по темному коридору, мимо больших громко тикающих напольных часов, прямо в гостиную, где было намного светлее. В комнате все было вверх дном: два кресла рядом с которыми гнездились столики, были придвинуты к окну, обеденный стол и стулья были составлены в другом конце комнаты, у окна, выходящего в заросший сад за домом. Когда Кейт увидела Шейлу, она поняла – почему. Центр комнаты освободили для большого кресла с

высокой спинкой, в котором сидела Шейла, укрытая подоткнутым по бокам ворсистым голубым пледом. У нее были длинные седые волосы, собранные в хвост, из которого выбились пряди, и темно-желтая кожа. Рядом жужжал и гудел, мигая лампочками, аппарат для диализа, а с другой стороны стоял высокий столик, заставленный пузырьками и упаковками с лекарствами, и желтый контейнер для утилизации игл и перевязочных материалов. На ковре, в местах, где раньше стояла мебель, виднелись прямоугольные следы от ножек.

– Малкольм! Ты бы их предупредил. Ты посмотри на этого бедолагу, – сказала Шейла, увидев слегка побледневшего Тристана.

Толстые трубки, по которым бежала кровь, тянулись из-под одеяла к аппарату, из которого потом кровь поступала обратно.

– Здравствуйте, я Шейла, – сказала она. Кейт и Тристан подошли поближе, чтобы пожать руки. – Ну, разве он не красавчик? – сказала Шейла, не выпуская руку Тристана. – Это ваш сын?

– Нет, он мой научный ассистент в университете.

– Интересная, наверное, работа. У тебя есть подружка?

– Да, интересная, а подружки нет, – ответил Тристан, стараясь не смотреть на кровь.

– А парень? Один из моих сиделок, Кевин – гей. Он недавно вернулся из круиза в Диснейленд.

– Нет, у меня никого нет, – сказал Тристан.

Шейла наконец отпустила его руку и указала им на диван. Кейт решила, что к Шейле не так часто кто-то приходит, потому что она говорила без умолку, пока не вернулся Малкольм с чайным подносом. Она объяснила, что находится в списке ожидания на пересадку почки:

– Мне очень повезло, что наши местные власти привозят этот аппарат три раза в неделю.

Кейт оглядела комнату и увидела полку над камином – единственное место, где все осталось на своих местах. Там стояло шесть фотографий Кейтлин, в том числе снимок, где она лежит в колыбели под синим одеялком и смотрит вверх широко раскрытыми глазами. На другой фотографии – совсем молодые Малкольм и Шейла на пляже, стоят на коленках рядом с Кейтлин, которой там лет пять или шесть. Похоже, то был восхитительно солнечный день, все трое улыбаются в камеру, держа в руках мороженое. Еще один снимок был, скорее всего, сделан в фотостудии несколько лет спустя. Это был

портрет, на котором они сидят в ряд на сине-белом пятнистом фоне и мечтательно смотрят вдаль. На двух других фотографиях Кейтлин уже подросток, на одной – стоит рядом с высоким подсолнухом, на другой – держит в руках дымчатого кота. Школьного фото, которое напечатали в газете, там не было. От того, как резко обрывалась череда фотографий, становилось не по себе. Кейтлин так и не выросла, чтобы быть снятой на собственной свадьбе или со своим первым ребенком.

* * *

Некоторое время спустя они уже пили по второй чашке чая, а Шейла все рассказывала о медсестрах, которые иногда к ней приходят. Малкольм вгромоздился на обеденный стул, который он притащил и поставил рядом с женой. Наконец, он поднял руку.

– Дорогая, они проделали долгий путь. Нам надо поговорить о Кейтлин, – мягко сказал он.

Шейла замолчала на полуслове, ее лицо исказила гримаса, и она начала плакать.

– Да, да, я знаю... – сказала она. Малкольм нашел для нее салфетку, она промокнула глаза и высморкалась.

– Я знаю, что это будет нелегко, – сказала Кейт. – Могу я задать несколько вопросов?

Они оба кивнули. Кейт достала записную книжку и глазами пробежала по страницам.

– Вы написали, что Кейтлин пропала девятого сентября 1990 года. Какой это был день недели?

– Это было воскресенье, – ответила Шейла. – Она пошла встретиться с подружкой, это было еще когда мы жили в Олтринхэме, рядом с Манчестером. Они собирались перекусить и сходить в кино. Я помню, в чем она была в то утро. Голубое платье с белыми цветами на подоле, белые сандалии и маленькая голубая сумочка. Она всегда выглядела прекрасно. Знала, как одеваться.

– Подруга, с которой она встречалась. Не та, что эмигрировала в Австралию?

– Нет, это была ее одноклассница, лучшая подруга Уэнди Сэмпсон, – сказал Малкольм. – Уэнди рассказала полиции, что в

воскресенье они сходили пообедать в итальянское кафе, а потом пошли в кино смотреть «Назад в будущее – 3». Они вышли оттуда в начале четвертого, прошли до конца главной улицы и там разошлись. День был чудесный, солнечный, а Кейт всегда возвращалась из города пешком, если погода была хорошая. Там идти-то было всего двадцать минут...

– Она так и не вернулась, – закончила Шейла. – Какая-то женщина сказала, что видела ее у газетного киоска, который стоял на полпути из города до нашего дома в Олтринхэме. Вроде как Кейтлин остановилась там и купила пачку мятных леденцов.

– Вы помните, как ее зовут?

– Нет.

– Через какое время ее там видели после того, как они попрощались с Уэнди в городе? – спросила Кейт.

– Полчаса или около того, та женщина не знала точного времени, – ответил Малкольм.

– Она как будто испарилась без следа. Я не хотела переезжать, даже через десять лет после ее исчезновения. Я все думала, что она может вернуться и постучать в дверь. Мне невыносимо было думать, что нас там не будет, если это случится, – сказала Шейла. На мгновение все замолчали, было слышно только, как гудит и сигнализирует диализатор.

– У вас есть какая-нибудь информация о Уэнди? Номер телефона или адрес? – спросила Кейт.

– Она умерла от рака груди два года назад. Она была замужем. Ее муж пригласил нас на похороны, – сказала Шейла.

– Я могу поискать его адрес, – предложил Малкольм.

– Чем Кейтлин любила заниматься вне школы? – спросила Кейт.

– Вечером по вторникам и четвергам она ходила в молодежный клуб, он был прямо за углом нашего дома, – сказал Малкольм. – Еще подрабатывала в видеосалоне в понедельник вечером и весь день в субботу. Салон назывался «Голливудские ночи», а молодежный клуб – «У Картера». Я не знаю, как он на самом деле назывался, но его смотрителя, никчемного старого козла, звали мистер Картер, так и приклеилось.

– У вас есть его адрес?

– Ой, он давно помер. Ему тогда уже стукнуло семьдесят. – сказала Шейла.

– Кейт занималась в школе каким-нибудь спортом или, может, в клубе каком-нибудь состояла? – спросила Кейт. Шейла потрясла головой и потерла салфеткой кончик носа. – А что насчет этой подруги из Мельбурна?

– Меган Хибберт, – сказал Малкольм. – Странная история. Мы ездим в Олтринхэм каждый год, на могилу к матери Шейлы. В этом году Шейла не смогла поехать и я поехал сам, а когда я пришел на кладбище, ко мне подошла женщина и спросила, не я ли отец Кейтлин. Мне стало не по себе от того, что посторонний человек упомянул ее имя. Как выяснилось, это была Меган, она приехала в Великобританию после стольких лет, чтобы повидаться с родственниками, и пришла на кладбище почтить память деда. Мы с ней выпили по чашечке кофе. Она узнала о том, что Кейтлин пропала, только через несколько лет, она же там, на другом конце земли, тогда была отрезана от местных новостей. Она упомянула, что Кейтлин говорила, что встречается с полицейским. Я был огорашен этим, потому что, мы... Скажем так, мы думали, что знаем о ней все.

– Меган хоть раз видела ее с этим полицейским?

– Она говорит, как-то раз, когда они вечером в клубе играли в настольный теннис, Кейтлин сказала, что ей надо в туалет, и вышла. Ее долго не было, Меган пошла ее искать и увидела Кейтлин на улице. Она стояла у машины, припаркованной перед входом, и через окно разговаривала с мужчиной...

– Кейт и Тристан заметили, как на эти слова отреагировала Шейла – ее лицо перекошило, она снова принялась вытирать глаза промокшей скомканной салфеткой.

– Ну-ну, милая, все хорошо, – сказал Малкольм и подал ей свежую салфетку.

– Как выглядел тот мужчина?

– Меган сказала, что не особо разглядела его, потому что было темно. Он был очень симпатичный, лет двадцать с чем-то. Темные волосы гладко зачесаны назад, ровные белые зубы. Машина была новая – темно-синий «Ровер», код регистрации – *H*. Она сказала, что Кейтлин смеялась и заигрывала с ним. Он высунул руку из окна и обхватил ее за талию. Потом она села в машину, и они уехали. Кейтлин

не назвала Меган его имени, но сказала, что он коп. Кейтлин пропала не в тот день. Меган сказала, что на следующее утро она пришла в школу и была в полном порядке. Счастливая.

– После этого Меган еще видела их вместе?

– Нет.

– Кейтлин ничего не рассказывала?

– Нет, они дружили, но лучшими подругами не были.

– Когда это было?

– Меган сказала, летом, в начале августа. Темнеть тогда начинало в районе девяти вечера. Это был вторник или четверг.

– А полицейское расследование ее исчезновения? Вы помните имена полицейских, которые этим занимались? – спросила Кейт.

– Мы встречались только с двумя. С женщиной и с мужчиной. Женщина была молодая. Констебль Фрэнсис Коэн и ее начальник старший инспектор Кевин Пирсон. Мы не знаем, где они сейчас, – сказал Малкольм.

– Они были с нами очень милы, но им было не за что ухватиться... – сказала Шейла. – К тому моменту, как Кейтлин пропала, Меган с родителями уже уехала. Они эмигрировали в конце августа. Она никому ничего не рассказала, и, похоже, сама Кейтлин ничего не говорила Уэнди об этом полицейском.

– Питер Конуэй служил в полиции Большого Манчестера с начала 1989-го по март 1991-го, после чего переехал в Лондон. Вы не знаете, он не занимался этим делом? – спросила Кейт.

– Мы отправляли запрос по закону о свободе информации пару недель назад, чтобы узнать, работал ли он над этим делом, но ответа пока нет, – сказал Малкольм. – Мы слышали, что он работал в отделе по борьбе с наркотиками, а Полиция Большого Манчестера – организация большая. Он ведь жил всего в нескольких милях от нашего дома в Олтринхэме. Снимал комнату в доме на Эйвондэйл-роуд в Стредфорде. Об этом написано в одной из этих книг о нем. Мы и фотографии его видели тоже, там, где он помоложе. Он и вправду выглядит так, как описала Меган: привлекательный, темные волосы, зачесанные назад, и очень ровные белые зубы. Знаем мы, что он этими зубами делал, – Шейла не выдержала и зарылась лицом в плечо мужа.

– Любовь моя, осторожнее, тут же трубки, – сказал он, поправляя зацепившуюся за его запястье трубку, по которой бежала кровь. Он

поднялся, подошел к каминной полке и, взяв оттуда большую папку, протянул ее Кейт. – Здесь все, что мне удалось собрать за эти годы... – Кейт открыла папку и увидела внутри стопку фотографий и бумаг. – Вырезки из газет, фотографии Кейтлин. Там есть подробности о том, где она была в тот день, когда пропала... Мы не думаем, что она еще жива, но, как я сказал, мы просто хотим найти ее и достойно похоронить.

– Я знаю, что это сложный вопрос, но не думаете ли вы, что она могла сбежать? Может быть, она была чем-то расстроена или вы из-за чего-то поссорились?

– Что? Нет! – вскричала Шейла. – Нет, нет, нет, она была счастлива! Конечно, подростковый возраст, но нет! Нет же? Малкольм?

– Мне ничего такого не приходит на ум. В субботу накануне ее исчезновения мы провели отличный вечер. Ели рыбу с жареной картошкой и смотрели «Битву поколений», а потом – фильм про Джеймса Бонда. Все вместе, абсолютная идиллия.

– Прошу прощения, но я должна была спросить, – сказала Кейт. Малкольм кивнул.

Шейла успокоилась.

– Мне кажется, Кейт, вы – наша последняя надежда. Вы были единственной, кто смог разглядеть, каков Питер Конуэй на самом деле. Вы его поймали, и вы упрятали его за решетку, – она потянулась к Кейт, и та, поднявшись, подошла ближе и взяла протянутую руку. Рука на ощупь была сухая, как бумага, а кожа отливала яркой желтизной. – Пожалуйста, скажите, что поможете нам.

Кейт заглянула в ее глаза, полные боли.

– Я вам помогу, – сказала она.

10

В девяноста милях от Лондона Энид Конуэй на такси приехала в Психиатрическую лечебницу Баруэлла. Она заплатила водителю точную сумму – чаевых она не признавала – и захлопнула дверь с гораздо большей силой, чем можно было ожидать от такой немолодой на вид женщины. Она была невысокая, худая, с маленькими глазами-бусинами, черными как смоль волосами, по форме напоминающими шлем, и угловатым лицом с подчеркнутым ярким макияжем. На ней

было пальто в гусиную лапку, а на плече висела розовая сумочка «Шанель». Она на секунду остановилась, чтобы полюбоваться своим отражением в окне такси, пока оно не уехало.

Лечебница располагалась рядом с вереницей симпатичных жилых домов, через дорогу от которых возвышался шестиметровый забор с колючей проволокой. У главных ворот стояла маленькая постройка, где отмечались посетители. Энид подошла к окошку, где за множеством мониторов сидела сурового вида женщина старше ее.

– Доброе утро, Ширли, – сказала Энид. – Как поживаешь?

– Такая погода не на пользу моим суставам, – ответила Ширли, протягивая руку.

– Это все сырость. Тебе бы в тепло... Я пришла к Питеру.

– Мне нужно разрешение на посещение, – сказала Ширли, все еще протягивая руку.

Энид положила сумочку на разделявшую их стойку так, чтобы был виден металлический логотип «Шанель», и начала деланно рыться в сумочке. На Ширли, казалось, это не произвело никакого впечатления.

– Вот он, – сказала Энид, протягивая разрешение.

Ширли проверила документ и просунула пропуск для посетителя через окошко. Энид засунула его в карман пальто.

– Ты знаешь правила. Пропуск должен быть приколот к одежде.

– Это новое пальто от «Джейгер». Ты, наверное, не слышала про «Джейгер», Ширли. Это очень дорогой бренд, – сказала Энид.

– Тогда прицепи пропуск на ремень.

Энид одарила ее гаденькой улыбкой и отошла.

– У кого-то завелись денежки. Но из дерьма конфетку все равно не сделаешь, – пробормотала Ширли, когда Энид направилась к выходу.

Лечебница представляла собой раскиданные на большой территории викторианские постройки из красного кирпича, на фоне которых новое, выдающееся вперед крыло для посещений выглядело футуристично.

– Новенький? – спросила Энид маленького тощего паренька, который стоял рядом с рамкой сканера, похожей на ту, что бывают в аэропортах. У него косил левый глаз, а копна очень тонких черных волос едва держалась на его непропорционально большой голове.

– Ага. Первый день, – нервно сказал он.

Он наблюдал, как Энид снимает пальто, под которым были элегантные слаксы и накрахмаленная белая блузка. Он протянул ей контейнер, Энид, сняла туфли на высоком каблуке и положила их внутрь вместе с золотым браслетом и сережками. Сумочку «Шанель» и пакет, набитый сладостями, она положила в другой контейнер. Она прошла через рамку, и та запищала.

– Да чтоб тебя... Я же все сняла. Надеюсь, мне не придется снимать слуховой аппарат? – сказала она, наклоняя голову, чтобы продемонстрировать левое ухо.

– Нет, все нормально. У вас есть металлическая пластина в черепе или штифты в костях? Простите, мы обязаны спрашивать.

Энид бросила взгляд на свои вещи, которые ползли по ленте в сторону рентгеновского сканера. Сквозь окно в стене ей была видна аппаратная, где за мониторами сидели двое сотрудников.

– Нет. Это, наверное, он на косточку в бюстгальтере сработал, – сказала Энид.

Лента конвейера остановилась, и контейнер, в котором лежала ее сумочка и пакет, пополз обратно в сканер. Оба охранника в аппаратной разглядывали изображение на мониторе, один пальцем показывал на что-то. Энид резко схватила руку паренька и прижала к груди.

– Вот тут! Проверь, пощупай, – сказала она, повысив голос. Парень попытался освободиться. Тогда она потянула его руку вниз и сунула его пальцы себе между ног.

– Мадам! Пожалуйста! – закричал он.

– Чувствуешь? Это я, только и всего, – сказала она, приближая к нему свое лицо.

Она глянула в сторону аппаратной и увидела, что ей удалось привлечь внимание сотрудников. Они оба уставились на нее со смесью изумления и отвращения. Контейнер с сумкой и пакетом прополз через сканер, и она отпустила руку парня. Она еще раз прошла через рамку, и та снова запищала.

– Видишь? Косточка, – сказала Энид.

– Да, хорошо, – дрожащим голосом сказал парень.

Энид взяла пальто и сумку с пакетом и направилась к толстой стеклянной двери, по пути подмигнув охранникам в аппаратной. Через мгновение она проскочила через дверь в маленькую квадратную

комнатку с зеркальным стеклом, где висела табличка: ПОСТАВЬТЕ НОГИ НА ШИРИНЕ ПЛЕЧ И ПОСМОТРИТЕ В КАМЕРУ.

На полу был нарисован желтый прямоугольник с потертыми отпечатками ног. Энид встала на прямоугольник и посмотрела в камеру. Раздалось чуть слышное жужжание, когда линза задвигалась, чтобы поймать Энид в фокус. Дверь на противоположной стене, пикнув, приоткрылась. За ней был еще один пропускной пункт, где ее сумку осматривал высокий чернокожий офицер, который ей не нравился. Он заглянул в пакет и достал оттуда упаковки конфет и шоколадки.

– Вы же знаете, я всегда приношу Питеру сладости, – сказала Энид, пока охранник проверял каждый пакетик. Энид опасалась, что он может вскрыть какой-нибудь. – У вас что, рентгеновское зрение? Они же прошли через чертов сканер!

Он посмотрел на нее, кивнул и подождал, пока она сложит все обратно в пакет. Затем он посветил фонариком ей в рот, она подняла язык. Проверил уши и слуховой аппарат. Наконец охранник махнул, разрешая ей пройти.

Питер Конуэй все еще относился к категории самых агрессивных преступников, и с ним обращались как с таковым, но Энид сумела добиться свиданий с сыном в комнате без стеклянной перегородки.

Они встречались дважды в неделю в маленькой комнатке. Их свидания записывались на камеру видеонаблюдения, а сквозь большое смотровое окно за ними постоянно наблюдали санитары. Комната была ярко освещена, а посередине стояли прикрученные к полу стол и два стула. Энид всегда запускали в комнату первой, а затем приводили Питера. Ей необходимо было подписать кучу бумаг, подтверждающих, что она встречается с Питером на свой страх и риск и не обратится в суд, в случае если он нападет на нее.

Она просидела в комнатке минут десять, пока Уинстон и Тэррелл не привели Питера, закованного в наручники и с капюшоном на голове.

– Добрый день, миссис Конуэй, – сказал Уинстон.

Он подвел Питера к стулу напротив Энид, развязал ремни на капюшоне и расстегнул наручники. Питер закатал рукава, не обращая внимания на санитаров, которые отступали в сторону двери: у одного

была дубинка, у другого – электрошоковый пистолет. Как только они вышли, раздалось жужжание и звук блокировки двери.

– Все в порядке, милый? – спросила Энид.

Питер потянулся к завязкам и рывком снял с головы капюшон. Он аккуратно сложил его и положил на стол так, будто только что снял свитер.

– Ага.

– Еще один новый охранник, – сказала она, указывая на санитаря, наблюдавшего за ними через стекло. – Они прямо в вакансии что ли указывают, что им нужен *сраный урод*?

Энид знала, что их разговор передается по камерам, и радовалась, что никто и понятия не имеет, что *на самом деле* происходит во время их встреч. Санитар за стеклом никак не отреагировал и продолжал безучастно наблюдать за ними. Они встали, Питер поцеловал Энид в щеку, и они обнялись. Он погладил мать по спине, спускаясь вниз к изгибу ягодиц. Энид прижалась к нему и испустила вздох наслаждения. Они простояли так несколько секунд, пока санитар не постучал по стеклу. Неохотно они выпустили друг друга из объятий и сели обратно.

– Я принесла тебе конфетки, – сказала Энид, подняв с пола пакет и передавая его через стол.

– Прекрасно. Спасибо, мам.

Питер достал из пакета пачку леденцов, три пакетика мармеладок и три упаковки шоколадных эклеров «Кэдбери».

– О, мои *любимые*, ириски с шоколадом.

– Самое то к чашечке чая, – сказала она, понимающе улыбаясь. – Удалось получить чайник назад?

– Нет.

– Ублюдки. Я свяжусь с Терренсом Лейном, чтобы он написал еще одно письмо.

– Мам, они мне его не вернут. Это будет просто еще один чек от адвоката на пятьсот фунтов.

– Это естественное право человека иметь возможность заварить себе чашку чая!

– Ну правда, мам, брось.

Энид откинулась на спинку стула и поджала губы. «*Ну подождите*, – думала она, глядя на охрану за стеклом. – *Вы все и*

глазом моргнуть не успеете». Она подняла розовую сумочку «Шанель» и бережно положила ее на стол между ними. Питер присвистнул.

– Господи, мам. Она настоящая?

– Конечно, блин, настоящая!

– Сколько же ты за нее отдала?

– Не бери в голову. Но она такая же настоящая, как и деньги, которые за нее заплатили, – Энид улыбнулась и закусил губу. Она не должна была ничего больше говорить, и она в тысячный раз пожалела о том, что они не могут говорить открыто.

– Ну правда, мам?

Раздался стук по стеклу, и они увидели, как санитар знаком показывает, что сумку надо поставить обратно на пол.

– Какая, хрен, разница, на столе она лежит или на полу? Меня же уже обыскали!

– Мам, мам, пожалуйста, – сказал Питер.

Энид скорчила гримасу и опустила сумку на пол.

– Не удивлюсь, если они вставят мне камеру в зад, чтобы посмотреть, что я ела на завтрак, – сказала она.

– Со мной они это и делают, – ответил Питер.

Энид потянулась и взяла его за руку. Она хотела было что-то сказать, но осеклась.

– Питер, шоколадные ириски. Как вернешься в камеру, открой их, ладно?

Она похлопала Питера по руке, и они переглянулись.

– Конечно, мам, – кивнул он. – Так и сделаю.

11

По дороге из Чью Магна после встречи с Малькольмом и Шейлой Кейт и Тристан остановились в придорожном автосервисе. Было рано, обеденный наплыв посетителей еще не начался, и они, заказав рыбу с жареной картошкой, нашли в зале тихий уголок. Несколько минут они ели молча. Тристан заглатывал еду, а Кейт туда-сюда перекачивала свою на тарелке. При виде жирной масляной рыбы ее начало подташнивать.

– Мне так их обоих жаль, – сказал Тристан. – Они кажутся сломленными.

– Когда ты отошел в туалет, я спросила их про экстрасенса, к которой они обращались и которая сказала им, что Кейтлин нет в живых. Она им зарядила счет на триста фунтов.

Тристан сглотнул и отложил вилку.

– И они ей поверили?

– Она первая дала им хоть какой-то ответ. Я сталкивалась с таким прежде, когда работала над другими делами. Когда пропадает кто-то любимый, это не только опустошает человека, это еще и играет с его разумом. Найденное тело сразу ставит точку. Ты слышал, что Шейла сказала: они не хотели переезжать, вдруг Кейтлин вернется домой, – сказала Кейт.

– Думаете, у вас достаточно информации, чтобы начать?

– Этот мужчина, с которым встречалась Кейтлин. Должна быть причина, почему она держала это в секрете. Может быть, просто потому, что он был старше, но она скрыла все даже от своей лучшей подруги.

– Жалко только, что она уже не может ответить на наши вопросы, – сказал Тристан.

– Ее муж может, – сказала Кейт, глядя на папку, лежащую на краешке стола.

Хотя там и были только бумажки, ей казалось неправильным оставлять папку в машине, зная, какую ценность она представляет для Малкольма и Шейлы. Кейт вытерла руки салфеткой и открыла ее.

Сверху лежало последнее школьное фото Кейтлин, то самое, которое обрезают и напечатывают в газете. Девочки расположились в два ряда. Девочки в первом ряду сидели – ноги вместе, руки на коленках. Их сфотографировали на травяной лужайке, а на заднем плане виднелись белые переносные футбольные ворота, где было сложено спортивное снаряжение: беговые барьеры, сетка с футбольными мячами и стопка матов. В классе было двенадцать девочек. Кейт перевернула фотографию. Внизу на обороте была наклейка с именами всех учениц, учителя и фотографа.

– Я хочу начать с поиска ее одноклассниц. Ты есть на «Фейсбуке»?

– Конечно! А вы? – спросил Тристан, катая кончиком вилки горошину у себя на тарелке.

– Нет.

Тристан замер, наколотая на вилку горошина зависла в воздухе на полпути ко рту.

– Серьезно?

Несмотря на мрачное настроение, Кейт рассмеялась над его изумлением.

– Я не хочу, чтобы люди знали о моей жизни, особенно прошлой. Сможешь помочь мне найти их?

– Не вопрос, – сказал он, отправляя в рот последний кусочек картошки.

– Еще я хочу поговорить с той подругой из Мельбурна. Шейла дала мне ее электронный адрес.

Тристан вытер руки, взял у Кейт фотографию и пристально в нее взгляделся.

– Она не выглядит счастливой, да?

– Я тоже так подумала. Но она ведь была в школе. Может быть, она просто злилась, что им приходится торчать на холоде без пальто?

Тристан вернул ей фотографию.

– Как вы думаете, может она быть еще жива?

– Возможно. Я в свое время сталкивалась со многими непонятными делами, когда пропавшие люди объявлялись через много лет, но Малкольм и Шейла сказали, что у них не было никаких сложностей с Кейт лин. Я допускаю, что она могла убежать, а потом с ней что-то случилось.

– Или ее убил Питер Конуэй.

– Такое тоже возможно. Он жил неподалеку. Возможно, это он и был тогда в машине, но высоких, симпатичных брюнетов много, тут не за что особо зацепиться. Это не его почерк. Он не встречался со своими жертвами. Он похищал их в середине недели, чтобы у него были целые выходные на то, чтобы мучать их и потом убить, но, опять же, серийные убийцы вырабатывают свой стиль с течением времени, – Кейт отложила фотографию и потерла уставшие глаза. – Тут целая куча вопросов и зацепок, которыми мы можем заняться.

У нее зазвонил мобильный, и она, пошарив в куртке, которая висела на спинке ее стула, достала его. Это был Алан Хэксам.

– Привет, Кейт! Есть минутка? – спросил он.

– Конечно.

– В полиции определили, что та девушка на вскрытии – местная школьница, шестнадцатилетняя Кейша Смит. Семью уже оповестили, и информацию передали в прессу. Еще я поискал дела, открытые за последние полгода, где фигурировал труп девушки на свалке. Ты была права. В среду двадцать восьмого июля было найдено тело Эммы Ньюман, его обнаружили на автомобильной свалке «Девять Вязов», недалеко от Тивертонна. Ей было семнадцать. Она только что вышла из детского дома, где провела большую часть жизни. Никто не заявил о ее пропаже. Кейт, она тоже была искутана, как и Кейша.

– Первую девушку нашли на свалке, которая называется «Девять Вязов»? – спросила Кейт, внезапно похолодев.

– Да. Жутковато, я знаю.

– Ты уверен?

– Да, я заглядывал в дело.

– Как далеко эта свалка от второго места преступления?

– Она находится сразу за Тивертонном, милях в двадцати.

Кейт подняла глаза и увидела, что Тристан подошел к телевизору, висящему на стене, над столиками напротив. В дневном выпуске новостей показывали снятые с воздуха кадры: река и прилегающий пейзаж – второе место преступления. Внизу был заголовок: «ОБНАРУЖЕНО ТЕЛО ПРОПАВШЕЙ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ДЕВУШКИ».

– Алан, это прямо сейчас передают в новостях. Я перезвоню. – Кейт положила трубку и подошла к Тристану. – Это та девушка, со вскрытия, – сказала она.

– Они, наверное, использовали дрон, – сказал Тристан, так как все кадры были сняты с большой высоты, камера кружила над пустынным местом преступления: скалистым, поросшим утесником пейзажем, где рядом с грязной перекачивающейся рекой стояла белая палатка криминалистов. Дрон запечатлел также и момент, когда два дня назад почерневшее тело переносили из палатки в фургон судмедэкспертов. Затем на экране появилась корреспондент, стоящая на возвышенности рядом с каменной стеной. Ее волосы разлетались от сильного ветра.

– Выяснилось, что жертвой стала шестнадцатилетняя Кейша Смит из Кредитона. Она училась в Хэтфорде, местной частной школе.

На экране появилась фотография юной девушки, одетой в школьную форму и улыбающейся в камеру. У нее были светлые, завитые волосы и прямая челка, а поверх рубашки с галстуком надет коричневый блейзер. Кейт вздрогнула. Яркая молодая девушка не имела ничего общего с распухшим, покрытым синяками и ссадинами телом в морге.

– Кейша была объявлена пропавшей двенадцать дней назад, после того как она не вернулась домой из школы. Местная полиция разыскивает свидетелей.

Начался следующий репортаж. В кафе стала прибывать обеденная волна посетителей. Кейт и Тристан вернулись за свой столик, где Кейт пересказала свой разговор с Аланом.

– Свалка «Девять Вязов»? – спросил Тристан. – Жутковатое совпадение.

Кейт кивнула. Совпадение было не просто жутковатое, оно приводило ее в ужас. Две девушки убиты в абсолютно такой же манере. Она посмотрела в свою тарелку с недоеденной рыбой, где кусочки желтого кляра плавали в жире, и подумала про желтоватую, разлагающуюся кожу Кейши. Кейт переставила тарелку на соседний столик. Тристан вытащил свой телефон, потыкал в экран и повернул его к Кейт.

– Что? – спросила она.

– Свалка «Девять Вязов» недалеко от шестого съезда с М5. По дороге домой мы как раз будем проезжать мимо.

12

Когда Питер вернулся в камеру, он включил радио и разложил на кровати в ряд три упаковки ирисок. Он искал пачку, которая была чуть короче остальных.

У Энид дома был аппарат для термоупаковки, но для того чтобы открыть и запечатать обратно пакетик конфет, приходилось отрезать узенькую полоску по краю. Он нашел укороченный пакет, открыл его и высыпал завернутые в фантики ириски на одеяло. Всего тридцать две штуки. Он начал открывать все подряд, проверять и заворачивать обратно. Открыв шестую, он увидел на конфете едва заметную белую полоску, которую искал. У ирисок Кэдбери была твердая карамельная

оболочка и мягкий шоколадный центр. Он ногтем надавил на белую полоску и ириска раскололась надвое. Шоколада в центре не было, вместо него внутри лежала прозрачная капсула. Он вытащил капсулу и закинул обе половинки карамели в рот. Осторожно вытерев капсулу салфеткой, он увидел внутри туго свернутую бумажку. Он подошел к двери и прислушался. По коридору грохотала почтовая тележка. Она замедлилась и проехала мимо.

Питер сел на кровать спиной к двери, открыл капсулу, достал бумажку и развернул. Она была исписана аккуратным почерком его матери:

Питер, этот человек, который называется себя фанат, он – настоящая находка. Я попросила у него десять штук в качестве доказательства, что он не выдумывает это все, – и он заплатил! Два дня назад на мой счет пришли деньги со счета какого-то общества с ограниченной ответственностью. Он назвал это «комплиментом», чтобы установить между нами доверие.

Я приложила еще одно его письмо. Сама не читала. Не хочу знать, что он делал с этими девочками. И я не хочу, чтобы ты упоминал это при мне. Мне интересны только его планы относительно нас с тобой. Он говорит, что может тебя вытащить. Говорит, у него есть план. Он поможет нам начать новую жизнь где-нибудь далеко.

Я разузнаю побольше.

Энид

Питер откинулся на кровати. Они с матерью тайно общались таким образом уже восемь лет, всегда тщательно продумывая, когда и как лучше все это проворачивать. Этот человек связался с Энид несколько месяцев назад, он подошел к ней в парке и дал ей понять, что он *Фанат* и хочет пообщаться с Питером. Такое и раньше случалось. Через нее люди передавали Питеру подарки или просили,

чтобы он расписался на чем-нибудь, но Энид всегда нужно было сначала удостовериться, что сама она при этом не останется в минусе. У Фаната же были грандиозные планы и деньги на их осуществление.

В камере фоном играло радио, но, когда начался выпуск новостей, первые же фразы заставили Питера выпрямиться.

– В Девоне, на берегу реки, у Охотничьих ворот было обнаружено изуродованное тело шестнадцатилетней Кейши Смит. Она училась в местной независимой школе Хэтфорд и двенадцать дней числилась пропавшей без вести. В полиции заявили, что смерть носила насильственный характер.

Питер встал и, подойдя к регулятору батареи, достал последнее письмо Фаната, от которого ему следовало бы избавиться. Трясущимися руками он развернул бумажку. Он знал, что там написано, просто хотел удостовериться. Да, девушку звали Кейша Смит и место то же. Питер обыскал оставшиеся на кровати конфеты и нашел вторую записку. С растущим азартом он прочел ее.

Он лег на узкую кровать и представил, будто солнце светит ему в лицо. Он с Энид сидит у моря, заваривает себе чай и пьет его из нормальной чашки. У них будут новые документы и деньги. Питеру нравилось видеть, как она радуется новой одежде, но он надеялся, что она не сменит духи. Его мать пользовалась одними и теми же духами, сколько он себя помнил: *Ma Griffe*.

Питер вспомнил как он, будучи маленьким, покачивался на краешке ее кровати, наблюдая, как она собирается развлекать кого-нибудь из многочисленных дядюшек, которые заходили к ним домой. Она брала флакончик с ночного столика и ватной палочкой наносила капли духов на шею и промеж голых грудей. Если он хорошо себя вел, то она разрешала ему сделать это при условии, что он ничего не расплескает. Она крепко держала флакон в руках, пока он опускал туда кончик ватной палочки, а потом дотрагивался им до ее затылка. Кожа у нее на шее тогда была такая гладкая, груди маленькие и упругие с большими темными сосками. Когда ему было четыре, ей было всего двадцать. Такая молодая.

Питер лежал на кровати и, задрвав футболку, поглаживал белый живот. Он всегда проглатывал все письма матери и теперь проглотил письма от Фаната. Переварившись, они все становятся частью его самого. Бумага и чернила превращаются в его плоть. Питер окинул

взглядом маленькую камеру, он пребывал в радостном возбуждении, но все равно опасался. Кто он такой? На самом ли деле он может вытащить его из лечебницы и обеспечить им с Энид новую жизнь?

Питер закрыл глаза и вызвал в памяти образ матери, еще молодой, расположившейся перед зеркалом на ночном столике, закинувшей голову назад, чтобы надушиться. Его рука скользнула вниз, под ремень брюк.

Снова вместе. Я и мама. Вдвоем. Новая Жизнь.

13

Кейт съехала с автострады и почувствовала, как сильно у нее забилося сердце. Она бросила взгляд на Тристана, прокладывавшего на мобильнике маршрут. Они быстро двигались через вересковую пустошь, дорогу с обеих сторон обступали толстые деревья.

– На следующем повороте – направо, – сказал Тристан, когда Кейт сбавила скорость и они проехали мимо красной телефонной будки, установленной рядом с пастбищем; при виде машины овцы разбежались в разные стороны. Через несколько минут справа они увидели указатель «АВТОСВАЛКА „ДЕВЯТЬ ВЯЗОВ“». Они свернули направо и, подпрыгивая на грязных выбоинах, поехали по дорожке, окруженной деревьями, полями и старыми заброшенными домами.

Внезапно Кейт почувствовала прилив адреналина и азарт. Она так много времени провела в уютном университетском мирке, а теперь снова возвращалась в реальность. Дорога, вильнув влево, вывела их к огромной грязной свалке, где в разные стороны тянулись горы сваленных вместе старых автомобилей. Грязь из луж фонтаном летела на лобовое стекло.

– Территория у них огромная, – сказала Кейт. Она услышала звук пожарной тревоги, который то затихал, то раздавался снова, остановилась и опустила стекло. – Готова поспорить, что это их контора.

Сирена продолжала гудеть, Кейт поехала на звук и на следующем перекрестке из автомобильных куч повернула налево. Дорожка шла вниз, вдоль длинного ряда ветхих грузовых контейнеров. Скелетопоподобная рождественская елка торчала на углу одной из крыш

в компании с надувной куклой, наряженной в костюм Санты, с сигарой, торчащей из неприлично широко раскрытого рта. Сразу за грузовыми контейнерами дорожка выходила на неухоженную парковку, рядом с которой стоял трейлер. Впереди висела выцветшая рыжеватая табличка «ТОЛЬКО НАЛИЧНЫЕ. КАРТЫ НЕ ПРИНИМАЕМ!!!».

Окна трейлера были заляпаны грязью, а изнутри доносилась игравшая по радио песня *Love Is All Around* шотландской группы *Wet Wet Wet*.

Кейт остановила машину.

– Что мы им скажем? – спросила она.

– Я ваш сын. Любитель быстрой езды, сдал сюда машину и забыл в бардачке свой оберег Святого Христофора. Скорее всего, его там уже нет, но мы бы хотели проверить, – сказал Тристан.

– Ты только что это выдумал? – спросила впечатленная Кейт.

– Я состряпал эту версию пока мы ехали, – ухмыльнулся он.

– Неплохо. Может, тогда ты им свою легенду и изложишь?

– Лады.

Кейт припарковалась рядом с замызганным трейлером. Они пробрались к конторе по дорожке, усыпанной соломой, которая была призвана впитывать грязь, и постучали.

Дверь открыл мужчина в возрасте, одетый в бледно-голубые, забрызганные грязью и краской треники и такой же зачуханный толстый свитер и жилет. У него были длинные всклокоченные волосы, свисающие на лицо, и густая седая борода. Он с прищуром поглядел на Кейт, осмотрев ее с ног до головы, а затем перевел взгляд на Тристана.

– Чем могу помочь? – спросил он с явным шотландским выговором.

Тристан скормил ему историю про разбитую машину.

– Да вы ниче не найдете, – сказал он, махнув в сторону автомобильных куч, тянущихся вдаль. – Цыгане на эти тачки кидаются как саранча. Моим ребятам под страхом смерти запрещено брать что-нибудь, а за этими не углядишь.

– А если мы номер машины дадим, чтобы вы в базе посмотрели? – спросила Кейт. Она была готова дать ему фейковый

номер, чтобы подкрепить их рассказ. Мужик достал из кармана сигареты и закурил.

– Вон моя база! – он выпустил сигаретный дым изо рта и ноздрей и мотнул головой, указывая на старый замусоленный проводной телефон и толстый желтый грессбук с закручивающимися страницами.

Кейт повернулась к Тристану:

– Это ты виноват, что машину угробил, черт бы тебя побрал! Оберег был бабушкин! – закричала она, надеясь, что он сориентируется.

– Да это случайно вышло! Я не видел ту машину на светофоре.

– Потому что ты пялился на эту девицу возле супермаркета! – голосила Кейт, наслаждаясь их небольшим представлением.

Старик наблюдал за ними, убрав с языка прилипший табачный листок.

– Я думал, что это Сара, мам, она же мне в тот день сказала, что болеет и никуда не пойдет.

– Небось из-за нее-то ты оберег и снял. Я говорила тебе, не давай ей его надевать!

Старик вскинул грязную руку.

– Ладно, ладно. Когда ваш малышок в тачку въехал?

– Недель пять назад, – сказала Кейт. – Он в грузовик врезался на светофоре. Весь перед всмятку. Красный «Фиат».

– Вот перед вами вся свалка. Тут все по секциям, – сказал мужик, указывая вытянутой ладонью. – Вон там все за последние два месяца. Может быть, ваша тачка там. И хотя вам нельзя лазить по машинам, которые в кучу свалены... Я ведь не только работы могу лишиться, за то, что пускаю...

Он облизнул губы и сверкнул глазами в сторону Кейт. Хитрый старый козел хотел денег. Кейт пошарила в сумке и достала двадцатку. Старик взял ее и радостно потер между пальцами.

– У вас есть час, пока мой начальник не вернулся. Если что-то случится, вы сами по себе. Если полезешь наверх и свалишься – в скорую пусть твоя мать звонит... Я не хочу, чтобы полиция опять приезжала.

– В смысле «опять»? Из-за цыган, что ли? – спросил Тристан.

– В конце июля девчонку, проститутку, нашли вон там в дальнем углу. Бедняжка. Если она клиентов искала, не знаю, как ее так далеко

занесло.

– А на камерах что-нибудь есть?

Он выпустил струйку дыма.

– Это вам не гребаный «Хэрродз»[156]! У нас тут автосвалка.

– Труп? Здесь? – спросила Кейт.

– Я сам ее нашел, – сказал старик, глубокомысленно кивнув. –

Там, где граффити с Бобом Марли.

– Кем она была?

– Мы не знаем. Полиция сначала всех допросила, а потом все утихло. Она сильно избитая была. В грязи вся.

– Ее ночью бросили?

– Скорее всего, – ответил мужик. – Тут по ночам никого не бывает.

И место такое, на отшибе. Когда, бывает, ветер между железками завывает, так мурашки бегут.

– Ясно. Спасибо, – сказал Тристан.

– Удачи в поисках вашего оберега, – старик хрипло вздохнул и бросил окурок в грязь. – И аккуратнее с железками. Если порежетесь, быстро делайте укол от столбняка.

Они заверили его, что так и сделают, и вернулись к машине.

– Отличная работа, – сказала Кейт, убедившись, что старик вернулся в контору, а затем повернулась к Тристану: – У тебя телефон ловит?

Он достал мобильник из кармана и поднял вверх.

– Ага.

– Загугли фото места, где нашли первую жертву Каннибала из Девяти Вязов.

Кейт завела машину, и они поехали в ту сторону, которую им указал старый смотритель.

– Окей, фотография есть, – сказал Тристан.

– Если кто-то подражает Питеру Конуэю, то выберет место на свалке, максимально похожее на изначальное место преступления.

– Но ведь отсюда до Девяти Вязов в Лондоне очень далеко, – сказал Тристан.

– В Лондоне все перестраивается. Автосвалку из Девяти Вязов убрали, как и мою старую станцию метро «Фэлкон-роуд», она там недалеко была. Там теперь будут роскошные офисы и элитные жилые дома.

Они проезжали мимо сваленных в кучу помятых и разбитых машин. На лобовых стеклах и внутренней обивке некоторых автомобилей виднелись брызги крови. В одних машинах пятна были почти коричневые, в других – посвежее.

– Нам нужны две кучи машин, и чтобы между ними была тропинка, – сказал Тристан, приблизив изображение на экране. – Кучи высотой машины в четыре.

Они выехали на небольшой пяточок, и Кейт, вытянув голову, посмотрела по сторонам. Она увидела огромное изображение Боба Марли, нарисованное из баллончика на стене фургона, всеми колесами увязшего в грязи. Вместе с тремя горами автомобилей фургон образовывал перекресток. Кейт заглушила двигатель и открыла дверь. Под ногами был глубокий слой вязкой грязи.

– У меня сзади веллингтоны есть, – сказала Кейт. Она вышла из машины, пробралась к багажнику и вернулась с двумя парами резиновых сапог. – Вот эти побольше, – сказала она, протягивая пару Тристану. – Это моего кура... моей подруги Майры. Мы иногда вместе ходим на прогулки.

Кейт прикусила язык, боясь прозвучать как алкоголичка, которая встречается со своим куратором. Тристан, ничего не сказав, взял сапоги, и они оба переобулись. Выйдя из машины, они уставились на автомобильные кучи. Было тихо, но легкий ветерок время от времени покачивал перекрученные листы металла, отчего те завывали. Тристан посмотрел в телефон.

– Что думаешь? Ее тело могло быть где-то здесь? – спросила Кейт, сравнивая окружающую картину с изображением в телефоне.

– Машины другие. Панорамы Лондона на горизонте нет, но, я думаю, свалка – она и есть свалка, – сказал Тристан.

– В том-то и дело, – согласилась Кейт. – Может, просто дать тому мужику еще двадцатку, чтобы он показал нам точное место... Нет, он сказал, рядом с Бобом Марли, – она посмотрела назад. Боб Марли скорбно взирал на них сверху. Кейт снова заглянула в телефон Тристана. – Черт. Смотри. – Она взяла телефон и увеличила картинку, приблизив фрагмент с верхушкой автомобильной кучи с правой стороны. Затем она посмотрела на сваленные в кучу машины справа от того места, где они стояли. – Твою мать.

– Что? – спросил Тристан.

– Вот тут на фото, на правой куче, наверху сидит ворон. Видишь? Я помню, криминалисты в отчете писали, что они с ним намучилась тогда. Пытались его спугнуть, а он все равно садился туда же. Они боялись, что он может начать клевать тело... Короче, смотри, вот ворон на крыше машины на фотографии и вот – прямо перед нами. – Кейт показала на самую верхнюю машину в куче справа.

На крыше старого желтого «Мини Купера» покачивался ворон.

– Черт, – сказал Тристан, вместе с Кейт разглядывая ворона.

Кейт свистнула, но птица не шевельнулась. Они хлопнули в ладоши, и звук эхом разнесся по всей свалке.

– Судя по всему, это чучело, – сказала Кейт. – Но кто его там установил? Не похоже это на совпадение.

14

Несколько минут они стояли посреди свалки, уставившись на птицу на куче машин. Перья птицы колыхались на ветру, но сама она была неподвижна.

– Может, нам в полицию позвонить? – спросил Тристан.

– И что мы скажем? Приезжайте быстрее, у нас тут чучело птицы на автомобильной свалке?

– Мда. Звучит странновато.

Тристан сделал снимок на телефон, и они, приблизив изображение, пристально в него вгляделись.

– Похоже, она чем-то привязана, – сказала Кейт. – Там могут быть образцы ДНК. Птица, конечно, под открытым небом была, шансов очень мало. Но возможность есть. Как у тебя со скалолазанием?

– Никак. Я жутко боюсь высоты: – Тристан глянул на нее и едва заметно улыбнулся. – Могу и обделаться.

Кейт обошла кучу машин по кругу. Куча была в четыре машины высотой, и у каждой отсутствовали двери и стекла. Она могла бы использовать их как ступени. Кейт вспомнила годы службы в полиции, как она много раз карабкалась по строительным лесам, деревьям, высоким стенам. Но она уже давно не в той физической форме. Конечно, она плавает, но это не то. Она никогда не преодолевает большие дистанции, всего-то пятнадцати или десятиминутный заплыв каждое утро.

– Может, позвать того мужика? – спросил Тристан.

– А он что, выглядел достаточно ловким, чтобы забраться на кучу машин?

– Нет. Черт. Простите, – сказал Тристан. Казалось, он пришел в нервное возбуждение от одной только мысли о том, что куда-то надо лезть.

– Все нормально. У тебя есть какой-нибудь пакет? Старый пластиковый мешок?

Тристан порылся в кармане, вытащил оттуда пакет и дал его Кейт.

Они подошли к куче машин, и Кейт схватилась за одну. Большой зеленый «Ровер». Она подергала машину. Вроде не шатается, и стекло нет.

– Вот, – сказал Тристан, выудив из грязи две старые покрышки и сложив их друг на друга перед дверью машины. – Ступенька.

Кейт встала на покрышки – они добавили ей немного роста – и смогла закинуть ногу в пустую раму.

– Осторожнее в этих сапогах, – сказал Тристан, поморщившись.

– Не делай такое лицо, это еще только первая машина, – сказала Кейт.

– Извините.

Кейт увидела, что между окном «Ровера» и окном стоящего сверху минивэна было приличное расстояние.

– Тристан, можешь меня подсадить?

– Хм, конечно...

В результате многих, лишенных изящества движений, – когда Тристану пришлось положить обе руки ей на задницу и подталкивать – Кейт вскарабкалась на оконный проем второй машины. Падать оттуда в грязь и кучи покореженного металла было чертовски высоко, а впереди были еще две машины. Кейт порадовалась, что у нее были с собой толстые кожаные перчатки, потому что в оконной раме второй машины остались осколки стекла.

– Вы в порядке? – снова поморщившись, спросил Тристан.

– Ага, дыхание перевозжу.

Выше громоздился низкий спортивный автомобиль, со смятым от удара капотом. Подтягиваясь вверх, Кейт старалась не смотреть в салон. Белая кожаная обивка была заляпана грязью и птичьим дерьмом, на подголовнике – брызги крови.

– Все нормально? – крикнул Тристан. Теперь он стоял с закрытыми глазами.

– Да! – соврала Кейт.

Сверху он казался таким маленьким. Это напомнило Кейт случай, как однажды на каникулах она залезла на высокий трамплин для ныряния. Ее брат Стив без проблем прыгнул вниз, а она глянула с этой ошеломительной высоты на маленький голубой квадратик воды внизу и пошла обратно к лестнице. «Ну давай, ты можешь», – сказала себе Кейт. Она ухватилась за раму четвертой машины, «Мини Купера», которому въехали в зад, сплющив его гармошкой. Как только Кейт оттолкнулась от спортивной машины и попыталась подтянуться вверх, дверь «Мини Купера» со скрипом распахнулась. Застигнутая врасплах, Кейт повисла на двери, болтая ногами в воздухе.

– Черт! – кричала она. – Вот дерьмо!

– Господи! – заорал Тристан. Он кинулся к нижней машине, запрыгнул на покрышки и начал карабкаться. Перчатки чуть не соскользнули с потных ладоней, и Кейт почувствовала, что ее хватка слабеет.

– Тристан, уйди с дороги! Я могу на тебя упасть! – сверху «Мини Купер» ничего не придавливало, и он начал раскачиваться, дверь повисла на петлях. Кейт сумела обхватить оконную раму руками и пыталась закинуть туда же ноги. – Твою мать! – завопила она, чувствуя, как в уголке рта повисла слюна, руки начали трястись.

Все произошло так быстро, и вот она висит в воздухе, в семи метрах свободного падения до вязкой грязи внизу. После всего, что случилось в ее жизни, она что, умрет на автосвалке?

– У вас в машине есть какой-нибудь плед? Чтобы смягчить падение! – голос Тристана дрожал.

Теперь он рылся у нее в багажнике. Кейт подтянула ноги, чувствуя, как загорелись давно не тренированные мышцы пресса, и закинула левую ногу в оконный проем «Мини Купера».

– Я в порядке! – сказала она. Ей удалось забраться внутрь, и теперь она, усевшись на пассажирское сиденье, выглядывала наружу. – Я в порядке, – повторила она, почувствовав, как расслабляются мышцы.

– Вы уверены? – спросил Тристан, глядя на нее.

Она сделала несколько глубоких вдохов и кивнула, думая о том, в какой плохой она на самом деле форме и какую нагрузку на хилые руки давал ее лишний вес. Сделав еще один вдох, она встала на подножку и высунулась из машины, извернувшись так, чтобы быть спиной к земле. Пятки висели в воздухе, и с сапог на землю падали ошметки грязи. К счастью, на крыше «Мини Купера» был установлен багажник, и Кейт, подергала его, одной рукой держась за машину. Убедившись, что багажник прикручен крепко, она ухватила за него и тогда смогла рассмотреть ворона. От непогоды чучело поистрепалось, перья промокли от дождя и торчали в разные стороны. Кейт вытащила телефон и сделала несколько фотографий, потом она достала из кармана пакет.

– Выглядит так, будто это самый настоящий ворон, набитый чем-то. Мне кажется, это настоящее чучело! – прокричала Кейт.

Лапки были примотаны к машине чем-то, похожим на куски кабеля. Кейт заглянула в машину и увидела осколки лобового стекла, которыми были усыпаны передние сиденья. Она осторожно нагнулась, подняла осколок и вернулась к кабелю. Ей пришлось пилить его несколько минут, прежде чем кабель лопнул. Каждая лапка была примотана к багажнику двумя кусками кабеля. Воздух был холодный, но Кейт потела в пальто и перчатках.

Наконец, ворон был освобожден. Кейт надела на руку пакет и взяла птицу. Она вывернула пакет так, чтобы ворон оказался внутри.

– Давайте, я поймаю, – сказал Тристан, встав под нее.

Кейт прицелилась и бросила птицу. Он поймал пакет. Затем Кейт начала медленно, неуверенно спускаться, что оказалось проще, чем карабкаться наверх.

Когда Кейт спустилась, они вернулись в машину и сидели там несколько минут, поедая купленные в автосервисе шоколадные батончики и запивая их колой. Кейт дрожала, но не могла определить от чего: от страха, от восторга или от того, что ей наконец пришлось напрячь давно не используемые мышцы.

– Большая птичка, – сказал Тристан, заглядывая в пакет. – У меня в школе учился пацан, его отец занимался таксидермией. Жили они очень хорошо. Вся эта хрень очень дорогая. Он рассказывал, что как-то раз его отец делал чучело из умершего немецкого дога для его хозяина.

Восемь штук стоило. Он сделал подходящие стеклянные глаза и даже искусственные «шарики»... Это кобель был.

– Это я уловила, – сказала Кейт.

– Набивка дорогая и чистка, а потом они все сшивают... – когда Тристан перевернул птицу вверх ногами, Кейт заметила что-то.

– А это что? – сказала она, указывая на спинку птицы. – Ты сказал, они сшивают все.

Кейт отряхнула руки, осторожно повернула чучело в пакете так, чтобы наружу выглядывала задняя часть.

– У нее что-то из задницы торчит. Похоже на бумагу, – сказал Тристан.

Бумага была прихвачена всего парой стежков. Кейт растянула шов и достала изнутри узкую полоску бумаги в обертке для сэндвичей.

– Записка? – спросил Тристан, стараясь не казаться очень уж взволнованным.

Кейт опустила пакет с птицей вниз и развернула пищевую пленку. Она знала, что ей следует позвонить в полицию и отдать это им, но любопытство взяло верх.

Бумага была толстая и туго скрученная. Текст, состоящий только из заглавных букв, был написан от руки черными чернилами.

Я НАЧИНАЮ С «ДЕВЯТИ ВЯЗОВ». ЭММА –
ПЕРВАЯ, НО НЕ ПОСЛЕДНЯЯ.
ДО СЛЕДУЮЩЕГО РАЗА.

ФАНАТ

– Господи, тут и имя жертвы есть, – сказал Тристан. – И эта записка была там, на крыше машины, все два месяца? Это же типа настоящая улика?

Кейт кивнула. Она испытывала знакомое старое чувство: азарт ищейки, напавшей на след, прорыв в расследовании, но это расследование, разумеется, было не ее.

– Я подержу, а ты сфотографируй записку и птицу, – сказала она.

Тристан вытащил телефон и сделал фотографии птицы и записки.

– Теперь мы должны позвонить в полицию, – сказала Кейт.

Ее руки все еще тряслись, но теперь уже от волнения.

– Они прислали местных констеблей, – сказала Кейт, когда на грязную дорожку вырулила, подпрыгивая, патрульная машина. Тристан и Кейт сидели в припаркованной машине, прямо перед въездом на свалку.

– Как вы поняли, что они местные? – спросил Тристан.

– На вызовы они всегда присылают ребят в форме из местного отдела. На случай, если просто кот на дереве застрял.

– Или птица на машине... Простите, не смешно, – сказал он, но Кейт улыбнулась. Патрульная машина остановилась в паре метров от них, и тут же загорелись проблесковые огни и раздался звук сирены. – У нас неприятности?

– Нет, – сказала Кейт. – Она случайно на кнопку нажала. Она там с рулем рядом.

Водитель выключила мигалку и сирену, медленно вышла из машины и надела на голову форменную фуражку с козырьком. Кейт она показалась очень молодой гладкая кожа молочного цвета, длинные рыжие волосы забраны назад. Следом за ней из машины вышел мужчина постарше, лысеющий, но с моложавым лицом, и надел фуражку поверх стриженных ежиком пепельных волос. Они двинулись к машине Кейт.

– Жди здесь, – сказала она и вылезла из машины, держа в руках пакет с птицей. – Доброе утро. Это я вам звонила.

Женщина подозрительно глянула на Кейт и на сидящего в машине Тристана. Кейт сжато объяснила, что они нашли, и показала птицу и записку, которая теперь лежала в отдельном пакете.

– Я думаю, эти улики относятся к делу об убийстве женщины по имени Эмма Ньюман. Видите, в записке указано имя жертвы, – закончила Кейт.

Полицейские стояли молча. Они переглянулись.

– И вы нашли эту птицу с запиской внутри? – спросила женщина.

– Да, – ответила Кейт, протягивая пакет.

Женщина достала из пакета записку и внимательно прочитала. Не говоря ни слова, она передала ее коллеге. Когда он читал, на лице у него отразилось неприятное удивление.

– Кто такая эта Эмма? – спросил он, помахав запиской.

– Наденьте пожалуйста перчатки. Это улика. Здесь говорится об Эмме Ньюман, ее тело нашли на этой свалке два месяца назад, – сказала Кейт.

– А вы кто такая?

– Меня зовут Кейт Маршалл, я служила в Лондонской полиции.

– Это ваш сын?

– Нет. Это Тристан Харпер, мой ассистент.

Полицейский постучал костяшками пальцев по стеклу машины, знаком показывая ему выйти. Когда Тристан, обойдя автомобиль, подошел к ним, было видно, что он сильно нервничает.

– И в чем он вам ассистирует? – спросила женщина.

– Я читаю лекции по криминологии в университете Эшдин. Тристан помогает мне с исследованиями.

– А сам за себя он говорить может?

– Да, – сказал Тристан, откашлявшись. Ему явно было не по себе.

– Я констебль Сара Хэлпин, а это – констебль Дэвид Бристол, – сказала женщина. Отточеным движением они оба показали удостоверения. – Почему вы вели поиски здесь?

– Вы слышали что-нибудь о деле Питера Конуэя? – оба полицейских выглядели озадаченно. – Лондонское дело Каннибала с Девяти Вязов?

– Да, что-то знакомое, – сказал Дэвид. Сара вскинула бровь, давая понять Кейт, чтобы она продолжала.

– Я раскрыла это дело.

– Хорошо. И что дальше?

– И я думаю, что этот человек, автор этой записки, копирует убийства. Убийства Питера Конуэя, Каннибала с Девяти Вязов... – Нервозность Тристана, казалось, передалась и Кейт, она услышала, что начала мямлить. – От коллеги-патологоанатома я узнала, что два месяца назад полиция обнаружила здесь тело Эммы Ньюман, а несколько дней назад на реке у Охотничьих ворот нашли тело молодой девушки по имени Кейша Смит. Сегодня в новостях показывали.

– Да, мы в курсе, – сказала Сара. – Но какое отношение к этому имеет чучело птицы и записка?

Следующие сорок минут Кейт потратила на объяснение деталей того дела и того, как они нашли птицу. Тристан показал им сделанные

на телефон фотографии. Сара взяла у них показания, но только потому, что Кейт сама на этом настояла.

Когда полицейские наконец уехали, забрав с собой подписанные показания, птицу и записку, уже темнело.

– И что теперь? – спросил Тристан, когда они вернулись в машину.

– Надеюсь, что они отнесутся к этому серьезно и птица с запиской не осядут где-нибудь в хранилище для улик и не будут несколько дней курсировать между отделами.

Они проехали по грязной дорожке, мимо указателя «Девять Вязов», затем Кейт повернула налево. Они выехали на главную дорогу и двигались в сторону автострады. Кейт посмотрела на часы и увидела, что был уже шестой час.

– Черт! – выпалила она. – Я обещала сыну, что в шесть позвоню ему по скайпу, – Кейт вдавила педаль газа в пол и они помчались по направлению к шоссе.

16

Кейт добралась до дома, когда на часах было без одной минуты шесть. Она вбежала внутрь, скинула пальто и, оставив его комом валяться в прихожей, устремилась на кухню, по пути включая свет. Чтобы найти ноутбук, ей пришлось разрыть кучу бумажек на кухонной стойке и, после того как ноутбук загрузился, что, казалось, заняло целую вечность, и на экране появились наконец все иконки, Кейт открыла скайп.

Страдая от алкоголизма, Кейт так много лет считалась ненадежной, пропускала встречи и вечно опаздывала, что теперь трехминутная задержка регулярного звонка Джейку по скайпу сильно ее беспокоила. Она немного успокоилась, когда увидела, что сын еще не пытался ее набрать. Она пригладила волосы, придвинула кресло и нажала «Позвонить».

Джейк появился в маленьком окошечке на экране. Он разговаривал с ней, сидя за кухонным столом, а позади него Кейт заметила свою мать у плиты, перемешивающую что-то в серебристой кастрюле. На Джейке была футболка «Манчестер Юнайтед», а его темные волосы были стильно взлохмачены.

– Привет, ма, – улыбнулся он.

– Привет, как ты? – сказала Кейт, развернув изображение на полный экран.

– Я нормально, – сказал Джейк, глядя на свое изображение и поправляя волосы.

– Добрый вечер, Кэтрин, – крикнула Гленда не отрываясь от плиты. Она была, как всегда, безукоризненно одета: безупречно белый фартук поверх пастельного цвета слаксов и блузки.

– Привет, мам! – крикнула Кейт. – Что готовишь?

Джейк поежился.

– Я делаю абрикосовый джем, – пророкотала Гленда, – для торта «Баттенберг».

Джейк закатил глаза. Он наклонился поближе к камере и понизил голос:

– Я ей сказал: ты можешь *купить* «Баттенберг» от Мистер Киплинг меньше чем за два фунта, но ей непременно надо *тратить* свое время.

В последние несколько недель Кейт обратила внимание на то, что Джейк больше не боготворит Гленду, как раньше, когда он был маленьким.

– Я уверена, что домашний будет гораздо лучше, – дипломатично заметила Кейт.

Джейк скорчил гримасу и скосил глаза в кучку.

– Вот напугает тебя кто-нибудь – навсегда таким останешься, – сказала Кейт, и Джейк рассмеялся.

– Мам, у тебя хорошо день прошел?

Кейт не думала, что имеет право и что ей вообще следует рассказывать о том, что случилось с ней в течение дня. Она сама еще не до конца осмыслила все произошедшее. Она была просто очень рада увидеть сына и при этом чувствовала вину за то, что вспомнила про традиционный звонок только в последнюю минуту.

– Я работала. Утром, как обычно, ходила поплавать... Море было очень беспокойное.

– Ты видела каких-нибудь прикольных медуз?

– Не сегодня.

– Если какую-нибудь вынесет на берег, пришлешь мне фотку?

– Конечно.

Джейк посмотрел вниз и взялся за белую М на своей футболке «Манчестер Юнайтед». Буква отслаивалась от ткани.

– Клево. Ты слышала про геокэшинг?

– Нет. Что это?

– Это очень прикольно. Люди закапывают всякие штуки типа монеты, значки или какие-то вещи вместе с журналом и GPS-трекером, а потом ты устанавливаешь себе приложение, регистрируешься и потом можешь находить эти штуки и откапывать их. А потом ты отмечаешь их в своем профиле онлайн. Я себе установил и нашел, что по всему Эшдину и на побережье куча этих штук. Мы с тобой пойдём геокэшить, когда я приеду на каникулы?

– Конечно! – сердце Кейт радостно подпрыгнуло при мысли, что Джейк с нетерпением ждет возможности приехать и побыть у нее в октябре.

– И вообще, прикольно, что это бесплатно.

– Как это пишется? – спросила Кейт. Джейк диктовал ей по буквам, пока она записывала. – А в Уитстейбле ты уже что-нибудь нашел?

– Да, мой друг Майк занимается этим. Его мама любит ходить везде пешком, не то что ба, она с асфальта не сойдет, чтобы туфли не замарать.

Кейт хотела улыбнуться, но вместо этого, сохраняя невозмутимое выражение, сменила тему, спросив Джейка, чем он занимался.

– Я ходил в школу, ходил на футбол, – он повел плечами и, надув щеки, выпустил ртом воздух. – Тоска вообще-то... даже хуже, потому что *кое-кто* не разрешает мне завести страницу на «Фейсбуке».

Гленда, слушавшая их разговор на заднем плане, с шумом бросила ложку и повернулась в сторону камеры, тыча пальцем в Джейка:

– Я уже говорила тебе, что я думаю насчет «Фейсбука», и мне не нравится, что ты все равно пытаешься залезть туда у меня за спиной!

– Остынь, Гленда... Я же просто с мамой разговариваю.

– И не надо мне вот этого! Я твоя бабушка, а не приятель из скейт-парка.

Джейк закатил глаза.

– У меня нет приятелей по имени Гленда, особенно таких, кто с таким именем заявится в скейт-парк.

Кейт видела, что ее мать стала пунцового цвета, казалось, она вот-вот взорвется.

– Джейк, не разговаривай так с бабушкой, – сказала Кейт. – И не закатывай на меня глаза.

– Мне будет пятнадцать в следующем году, а она управляет моей жизнью. Все есть на «Фейсбуке», все мои друзья! Тут есть парень, он нашел работу на фестивале через пост на «Фейсбуке», так что вы, возможно, рушите мою будущую карьеру! – кричал Джейк. Он вскочил и умчался. Они на пару секунд замолчали, Кейт услышала, как хлопнула дверь.

– Будущая карьера, – сказала Кейт. – Он знает, за какие веревочки тянуть.

Гленда отодвинула стул и присела.

– Переходный возраст превращает его в спорщика.

– Когда он начал называть тебя Гленда?

– На той неделе, мы тогда поссорились из-за того, во сколько он должен быть дома. Теперь «Остынь, Гленда» – его любимое выражение.

– Он и папу зовет Майклом?

– Нет, твой отец по-прежнему «дедушка». Это же я всегда – плохой полицейский.

– Где папа?

– Он играет в бильярд с Клайвом Бересфордом. Он передает привет.

– Клайв Бересфорд передает привет? – сказала Кейт, не удержавшись от соблазна поддразнить мать.

– Кэтрин, не начинай.

– Разве мы не должны радоваться, что Джейк становится обычным подростком с перепадами настроения?

– Тебе легко говорить.

Кейт вскинула бровь, но промолчала.

– Мам, надо разрешить ему зарегистрироваться на «Фейсбуке».

– Но...

– Выслушай меня. Если мы этого не сделаем, он может создать какой-нибудь анонимный профиль, о котором мы даже не узнаем. Скажи ему, что он может создать страничку, но он должен сказать нам пароль. И нам самим придется добавить его в друзья.

– Мне тоже нужно зарегистрироваться? – спросила Гленда.

– Да. И я зарегистрируюсь. Тогда мы сможем наблюдать за ним и, если нам что-то не понравится, прикроем это дело.

Гленда думала об этом.

– А что, если сама-знаешь-кто или его мать попытаются связаться с Джейком?

– Питеру и Энид запрещено по решению суда вступать с ним в любые контакты, в том числе через соцсети и по электронной почте.

– Что, если он сам узнает что-то?

– Мы не можем всю оставшуюся жизнь запрещать ему пользоваться интернетом, – сказала Кейт. Гленда сняла очки и потерла глаза. – Mam, меня тоже все это охренеть как пугает.

– Выбирай выражения, Кэтрин...

– Нам нужно быть умнее. Запреты никогда не работают. Только делают хуже. Нам надо оттачивать навыки слежки. Будем следить за ним онлайн.

Гленда улыбнулась.

– Пожалуй, ты в этом лучше моего разбираешься.

– Ну не знаю. Ты взломала замок на моем дневнике, когда мне было двенадцать. И не то чтобы я там писала что-то неприличное.

Гленда помотала головой, признавая поражение.

– Хорошо, ладно... Но мне нужна твоя полная поддержка. Я не хочу быть злодейкой, которая собирается следить за ним на «Фейсбуке».

– Если мы хотим, чтобы он согласился на наши условия, то мне самой придется ему сказать.

– Придется подождать до завтра. Мне еще надо доделать этот чертов «Баттенберг» для этого благотворительного вечера, и я не имею ни малейшего понятия, как регистрироваться на «Фейсбуке».

– Тебе придется стоять у него за спиной, пока он будет создавать профиль. Я могу попросить моего ассистента, чтобы он потом все проверил. Сама завтра тоже зарегистрируюсь, – сказала Кейт.

– Хочешь сказать ему? – спросила Гленда. – Я могу позвать его из комнаты.

– Нет. Скажи сама. Побудь хорошим полицейским.

– Спасибо... Ой, черт возьми, мой джем! – сказала мать, вскакивая на ноги. – Пока, дорогая!

– Завтра поговорим, поцелуй Джейка от меня, – сказала Кейт и завершила звонок.

Беседы с Джейком всегда поднимали ей настроение, но в то же время, когда она отключалась и оставалась одна, Кейт чувствовала ужасную пустоту. В тишине она слышала, как вокруг дома гуляет ветер. Она принесла из машины папку с информацией о Кейтлин и приготовила себе сэндвич и стакан чая со льдом.

Она толком не попрощалась с Тристаном, когда высадила его у дома, и, покончив с сэндвичем, набрала его номер.

– Удобно говорить? – спросила она.

– Да я тут ванну набираю, – сказал он. – Сейчас, – Кейт услышала скрип закрывающегося крана и плеск воды.

– Я тебя не задержу. Я просто хотела поблагодарить тебя за помощь. Я не предполагала, что все так обернется.

– Я знаю. Что теперь будет? Похоже, эта птица связала между собой убийства Эммы Ньюман и Кейши Смит.

Кейт думала об этом и испытывала куда меньше энтузиазма, чем Тристан. Она не хотела быть причастной к еще одному делу, так тесно связанному с Питером Конуэем.

– Теперь этим будет заниматься полиция, у них есть мой адрес на случай, если они захотят побеседовать с нами... – Кейт чувствовала себя подавленно от того, что она теперь находилась по другую сторону расследования и оставалась в неведении. Ее терзали одновременно и любопытство, и страх, но ей необходимо было сосредоточиться на том, что она в состоянии сделать, а именно – выяснить, что случилось с Кейтлин.

– У нас же не будет неприятностей? – спросил Тристан.

– С кем?

– С полицией.

– А почему они должны быть? Мы никуда не проникли незаконно. Конечно, объяснять, что мы делали, было довольно неловко, но по машинам ведь лазила я... Не самое изящное мое представление. У нас есть оправдание. И мы сразу же передали им улики.

– Вы думаете, они вызовут нас в участок для допроса?

– Нет. Мы дали письменные показания. Возможно, они захотят что-нибудь уточнить, но тогда они, скорее всего, позвонят или приедут сами, неофициально. Если они поймают того, кто это совершил, то нас,

возможно, вызовут в суд... – голос Кейт затих. Она не загадывала так далеко. – Ты завтра будешь? У меня две лекции после обеда, – сменила она тему.

– Да, я буду. Мне очень интересно разобраться с делом Кейтлин Мюррей, – сказал Тристан.

Судя по голосу, он все еще немного нервничал, но Кейт не стала приставать к нему с вопросами. Когда Малкольм и Шейла хотели поговорить с Кейт об оплате, Кейт и Тристан сошлись на том, что они не возьмут денег, а вместо этого попросили разрешения использовать материалы дела для будущих лекций по криминологии. Они чувствовали, что просто не могут взять с убитой горем пары ни одного пенни, зато они получают возможность искать информацию по делу в рабочее время, как они обычно поступают, готовясь к лекциям по нераскрытым делам. Это была небольшая лазейка, чтобы оправдать использование ресурсов университета, но Кейт думала больше о том, что такое решение будет одинаково удобно для всех Кейт положила трубку. Спать совершенно не хотелось, поэтому она открыла папку, которую ей передали родители Кейтлин, и начала просматривать содержимое.

17

День в психиатрической лечебнице Баруэлла начинался рано, в 6:30 утра, когда подавали сигнал к завтраку, а время, отведенное Питеру Коную для похода в душ, начиналось с 7:10.

Маленькая ванная комната в конце отделения постоянно напоминала ему пансионаты, в которых они с Энид жили во время его школьных каникул: потертые деревянные перегородки, постоянные сквозняки, капли воды, падающие в древние фарфоровые раковины, голые лампочки и невыветривающийся запах вареной еды с кухни.

Питер голый стоял перед заляпанным зеркалом, соскребая с лица пену дешевой одноразовой бритвой, и впервые за несколько месяцев внимательно разглядывал свое тело. В лучшие времена у него были широкие плечи, сильные руки, тонкая талия и накачанные ноги. А теперь он разжирел. Белый волосатый живот выдавался вперед и нависал над копной лобковых волос. Руки были хилые, бицепсы превратились в жир и стекли вниз, а ноги стали тощими, точно две

сигареты «Вудбайн», торчащие из пачки, как любила говорить Энид. Его член был вялым. Спящим. Как и все остальные части его тела, оглушенные коктейлем из успокоительных таблеток, которые он принимал.

Он несколько лет пользовался тренажерным залом, но после инцидента с откушенным носом лишился этой возможности. Дважды в день его выводили в прогулочный дворик, но это был просто позабытый Богом маленький клочок земли.

– Как у тебя там дела? – спросил стоявший в дверном проеме Уинстон, заглядывая в ванную через решетку.

Решетчатая дверь с небольшим квадратным окошком на уровне пояса была установлена так, чтобы Питер все время был под наблюдением, но Уинстон всегда позволял ему уединиться, за что Питер был ему благодарен.

– Нормально, насколько это возможно с дерьмовой бритвой, – сказал Питер. Он соскреб с подбородка остатки пены. Ополоснул бритву в раковине. Когда он повернул кран, Уинстон снова возник у окошка, и Питер передал ему станок, ручкой вперед.

– Спасибо, Питер.

Уинстон был накачанный, крепкого телосложения, и впервые за все время Питер сравнил себя с ним и подумал, что Уинстон сможет с легкостью его побороть даже без перцового баллончика, дубинки и электрошокера.

Пока Питер натягивал одежду, он позволил себе подумать, *помечтать* о том, как он покинет это место, точнее, о том, как его отсюда вытащат, если это вообще возможно. Может случиться так, что ему придется бежать или карабкаться наверх, и будет настоящей трагедией, если его дряблкое, слабое тело подведет его и план на этом провалится. Он был в отчаянии от того, что не было больше никаких вестей от матери. Прошлым вечером она не ответила на звонок, что было странно. Питер подумал об их последней встрече. Может, он сказал что-то, что ее разозлило? Он потряс головой, отгоняя эту мысль. В тюрьме у тебя есть куча времени, чтобы с одержимостью гадать, что происходит снаружи. Здесь очень легко поддаться паранойе. Он бы все отдал за возможность иметь электронную почту. Удовольствие от мгновенного обмена информацией с миром. Он прослушал по радио несколько выпусков новостей о мертвой девушке, Кейше Смит, но все

они были до невозможности скупы на подробности. В интернете он бы узнал больше, гораздо больше.

Питер надел капюшон и застегнул ремни на затылке, а затем спиной повернулся к двери. Уинстон через решетку надел на него наручники. Питер просунул сквозь решетку свой мешок, и только после того, как Уинстон осмотрел его содержимое и остался удовлетворен, дверь открылась. Они вышли из ванной и быстро прошли в небольшую кухню напротив, пока мимо них мыться провели следующего заключенного.

Они шли по коридору, окна которого выходили в прогулочный дворик. Бледный долговязый мужчина с темными редеющими волосами быстро ходил туда-сюда и возбужденно бил себя в грудь. Питер не знал его настоящего имени, все звали его Блуи. Он страдал шизофренией и был склонен к приступам паранойи.

– Я не пойду внутрь! Не пойду! – кричал он, мечась по крошечному дворику. Футболка на нем была разорвана.

Они свернули в коридор, где была камера Питера, и увидели группу санитаров, собравшихся у двери, ведущей во двор: шестерых здоровенных сильных мужчин и двух крепких женщин.

– Ты должен зайти внутрь. Твои пятнадцать уже минут прошли, – говорил один из них сквозь окошко в двери.

– Нахер вас всех! – визжал Блуи срывающимся голосом. – Нет! Нет! Нет!

Он продолжил ходить по кругу, бить себя в грудь и кричать. Палата Питера была в другом конце коридора, за дверью во двор. Засигналила рация Уинстона. Он рукой преградил Питеру дорогу.

– Подождите там с Питером, Вин, ладно? – затрещал голос по рации.

Уинстон снял рацию с пояса.

– Конечно. Питер, остановись, пожалуйста, на минутку.

Питер кивнул, наблюдая за Блуи, который нарезал круги, бил себя по голове и дергал за волосы.

Питер пытался вспомнить, когда у него было столько энергии, столько ярости, он пытался откопать их у себя внутри, но там все было как будто набито ватой. Там было пусто. Маленький прогулочный дворик был окружен трехметровыми стенами с колючей проволокой, между которыми была натянута сеть. Оттуда свисал дохлый голубь,

крыльями и лапками запутавшийся в сети. Несмотря на холод, по его глазам ползали мухи.

– Давно там этот голубь висит? – спросил Питер.

– Два дня. Они должны сегодня его убрать, иначе он будет представлять опасность для здоровья, – сказал Уинстон, переводя взгляд с Питера на санитаров и обратно.

Блуи кричал, и его вывернуло. Он кинулся к двери и начал биться головой об армированное стекло.

Санитары выстроились за дверью в два ряда по три человека и по одному с каждой стороны. Дверь открылась, и Блуи кинулся на них. Санитары двигались молниеносно, схватили его и перевернули на спину. По три человека с каждой стороны держали его за руки, за ноги и за туловище. Один поддерживал голову, удерживая ее в одном положении, и еще один держал за ступни. Кричащего, его унесли прочь.

Сейчас они оттащат Блуи в его палату, уложат на кровать и будут держать. Медсестра, наверное, даст ему успокоительное, и затем они все по одному плавной непрерывной цепочкой выйдут из комнаты. Тот, кто держал его голову, выбежит последним и захлопнет дверь. С Питером такое случалось несколько раз, пока ему правильно не подобрали таблетки. Он восхищался тем, как Блуи после стольких лет продолжал бороться. Когда коридор опустел, рация пиликнула, и они пошли дальше.

– Ты часто тренируешься? – спросил Питер.

– Два-три раза в неделю, – сказал Уинстон.

– С весами?

– Нет, только с собственным весом.

– Может, ты мне покажешь пару упражнений?

Они дошли до камеры Питера.

– Пациентам запрещено выполнять физические упражнения в камерах.

– Ходить в тренажерный зал мне запрещено. Прогулочный дворик с этимдохлым голубем и блевотиной Блуи – сплошная угроза для здоровья. Просто несколько советов... – Питер посмотрел на Уинстона. У него были огромные карие глаза. Глаза человека, который видел и понимал многое.

– Я могу тебе распечатку принести, только ты ее спрячь куда-нибудь, Питер. И если что, я тебе ничего не давал.

– Не вопрос. Спасибо.

Показалась медсестра с таблетками Питера в одном из пластиковых стаканчиков, которыми была уставлена ее тележка. На каждом стаканчике фломастером было написано имя.

– Как мы сегодня себя чувствуем? – проворковала она, как будто они случайно столкнулись, выйдя за покупками.

Видок у нее был жалкий, как-будто ее хорошенько отходили уродливой палкой: толстая, нос крючком, безвольный подбородок и крошечные близорукие глаза, увеличенные стеклами очков. Питеру было интересно, чему она так радуется, разнося таблетки сумасшедшим днями напролет.

– Посмотрим... Питер... Вот и Питер, – приговаривала она, доставая таблетки. Питер высыпал их в рот и запил водой из маленького стаканчика. – Открой-ка рот пошире, – сказала она. Питер открыл рот. – Чудесно. Прекрасного тебе дня и тебе тоже, Уинстон.

Она покатила скрипучую тележку дальше.

Уинстон открыл дверь его камеры, они провели ритуал снятия наручников и развязывания капюшона, и Питер остался один.

Он выплюнул таблетки в ладонь, бросил их в унитаз в углу комнаты и смыл.

Он надеялся, что Уинстон принесет ему упражнения, но он не хотел ждать. Он упал на пол и начал отжиматься. Его тело протестовало, но он не останавливался, решительно настроившись прийти в форму на случай, если придется драться.

18

Кейт проснулась в половине восьмого, было прекрасное солнечное утро. Море спокойное и ясное, только песчаное дно было взрыто прошедшим штормом, отчего Кейт практически ничего не видела под водой. К тому же, в море было полно водорослей, через которые ей приходилось продирааться. Выйдя из воды, она натянула халат, который оставила на берегу, и пошла по пляжу, где вдоль линии прибоя тянулась длинная полоса вымытых на берег продуктов морской жизни.

Кейт была настроена найти что-нибудь, что можно было сфотографировать и отправить Джейку. Она прошла мимо домов, выстроившихся в ряд на вершине утеса, мимо стоянки для трейлеров и остановилась у скал, показавшихся на поверхности из-за отлива. Обломки черной вулканической породы были точно острые лезвия, кое-где накрытые покрывалом из влажных ярко-зеленых водорослей. Кейт с восторгом обнаружила необычную раздутую рыбу с короткими острыми плавниками, выброшенную на берег рядом со скалами, между которых в поблескивающей на солнце воде лениво кругами плавал угорь. Раздувшаяся рыба была размером с большую тарелку, и у нее были огромные выразительные глаза. Кейт сфотографировала ее и отправила Джейку. Он тут же ответил.

КРУТЬ! СКУЧАЮ ПО ЭТОМУ ПЛЯЖУ. БАБУШКА ТЕБЕ УЖЕ СКАЗАЛА? Я МОГУ ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬСЯ НА «ФЕЙСБУКЕ»!!!

Кейт написала, что ему придется дать им свой пароль, но ответа не получила.

Когда через час Кейт приехала на работу, ответа от Джейка все еще не было. Она отложила телефон и решила, что надо позже спросить об этом у матери.

Через десять минут пришел Тристан и радостно протянул ей распечатку профиля с LinkedIn[157].

– Кто такая Вики О’Грейди? – спросила Кейт. Фотографии не было.

– У меня дома не было папки с бумагами, – сказал Тристан, – но я помню, как Малкольм и Шейла сказали, что в 1990-м Кейтлин работала в видеосалоне «Голливудские ночи» в Олтринхэме. Я попробовал проверить на сайте, работал ли там кто-нибудь, и выскочила эта Вики О’Грейди.

– Есть какие-нибудь контактные данные?

– Я написал ей вечером, и она мне сразу же ответила. Она работает визажистом на BBC Studios в Бристоле. Я ей прямо сказал, что мы расследуем исчезновение Кейтлин, и спросил, помнит ли она ее.

Тристан протянул Кейт распечатку их переписки. Сообщений набралось на шесть страниц.

Кейт просмотрела распечатки.

– Вот это да, а вы неплохо пообщались. Она говорит, что они были близкими подругами? Малкольм и Шейла не упоминали ее.

Кейт достала из папки школьное фото Кейтлин, перевернула и стала рассматривать.

– Так. Вот эта Вики О’Грейди.

Тристан подошел и посмотрел на изображение заносчивой с виду девчонки с длинными темными волосами и высокими скулами. Она пристально и уверенно смотрела в камеру.

– Она живет в Бристоле. Сказала, что может встретиться с нами сегодня после обеда или вечером.

– После обеда – не вариант, – сказала Кейт.

– А что насчет вечера?

– А у нее есть, что еще сказать? Мы можем проездить туда, а в итоге выяснится, что проще было позвонить.

– У нее есть фотографии, которые они делали, когда ходили в поход на выходные, и еще другие, из молодежного клуба. Еще она сказала, что Кейтлин тусовалась с парочкой подозрительных типов – это ее слова, не мои. Она говорила об этом в полиции.

– И что они?

– Записали показания, и все. Больше с ней не связывались.

– Что, если мы завтра съездим? В субботу попроще будет. Сегодня у меня есть дела.

– Конечно.

– Нам еще надо договориться с Меган Хибберт, подружкой из Мельбурна, насчет беседы по скайпу. Хорошо бы поговорить с ней до того, как мы поедem к Вики, узнать, слышала ли она про нее. Может, у нее получится созвониться сегодня в половине десятого по нашему времени.

– Я думал, вы заняты вечером.

Собрание анонимных алкоголиков было в шесть, но до семи она управится.

– Я к этому времени освобожусь, – сказала она, не желая вдаваться в детали. Она знала, что скоро придется ему рассказать. Она поражалась, как часто алкогольный вопрос всплывал в академических кругах. Постоянно проводились фуршеты и официальные обеды с речами и тостами. Кейт уже сбилась со счета, сколько раз ей приходилось просить заменить ее напиток апельсиновым соком.

– Хорошо, я постараюсь договориться на сегодня, – сказал Тристан.

– Нам нужно пойти прямо по школьному фото и найти всех ее одноклассников и учителя, можно поискать в LinkedIn и на «Фейсбуке».

– Вы же вроде говорили, что вас нет на «Фейсбуке»?

– Я собираюсь зарегистрироваться, – сказала Кейт. Она кратко объяснила ему ситуацию с Джейком.

– Мне было шестнадцать, когда я создал страничку на «Фейсбуке», – сказал Тристан.

– Вот же блин, я чувствую себя такой старой!

Они уселись каждый за свой стол и включили компьютеры. Кейт создала страницу на «Фейсбуке» и услышала, как пикнул компьютер Тристана через секунду после того, как она добавила его в друзья.

– Класс! Я ваш первый друг, – сказал он. – И *это* ваша аватарка? – Тристан засмеялся. Кейт поставила сделанную утром фотографию дохлой рыбы.

– Это я и есть, утром без макияжа, – сухо сказала Кейт.

– Я уверен, утром вы выглядите великолепно... То есть вы все равно не краситесь, да ведь? И выглядите отлично... – Его голос растворился в тишине, и он покрылся пунцовым румянцем. – Простите, вышло как-то коряво.

Кейт отмахнулась.

– Сочту это за комплимент! Я ведь тебе в матери гожусь.

Она увидела, что у Тристана на «Фейсбуке» в друзьях сто человек. Она набрала в поиске «Джейк Маршалл» – появился список людей. Третий по счету был ее Джейк.

«Вот же маленькая мартышка, не стал долго ждать», – подумала она. Джейк поставил фотографию с лабрадором Майло, сделанную в саду. Она увидела, что у него в друзьях уже двадцать четыре человека. Стена была завалена приветственными сообщениями от одноклассников. Она отправила ему запрос на добавление в друзья и переключилась на поиск одноклассников Кейтлин.

За два часа работы они нашли десять человек со школьной фотографии Кейтлин, а Кейт сумела отыскать еще и учителя, который жил неподалеку, в Саутхэмптоне.

– Не хочешь кофе? – спросила она. – Кто знает, через сколько они ответят.

Они спустились в «Старбакс», Тристан занял удачный уютный столик у окна, а Кейт пошла делать заказ. Когда она вернулась с кофе, Тристан глядел в телефон.

– Это на новостном сайте BBC, – сказал он.

Кейт взяла его телефон и посмотрела короткое видео.

Это было обращение родителей Кейши Смит, записанное у ворот их дома. Тэмми и Уэйн выглядели бледными и истощенными, казалось, они не спали несколько дней. Они оба были одеты в черное, а рядом с Тэмми была маленькая девочка в грязной розовой шубке из искусственного меха. Стоящий около родителей полицейский обращался к возможным свидетелям, а на экране висел номер горячей линии и адрес сайта. Они постоянно моргали от вспышек фотоаппаратов. Кейт видела, что родители Кейши были одеты бедно, а ее отец Уэйн смахнул слезу, когда полицейский зачитывал обращение. Кейт увидела, что на костяшках пальцев у него были набиты слова «LOVE» и «HATE»^[158], и она задумалась, как преподнесут эту историю журналисты. Из представителей рабочего класса обычно делали трагических героев, но, если интерес к истории начинал затухать, в ход пускались грязные приемчики. На экране снова появилась школьная фотография Кейши: искрящаяся надеждой улыбка, школьная форма – полная противоположность найденного изуродованного трупа. Когда видео кончилось, Кейт вернула Тристану телефон и сделала большой глоток кофе.

– В новостях нет ничего о том, что мы нашли на свалке, или о другой девушке, – сказал Тристан, листая страницы на экране.

– В полиции попридержат эту информацию. Лично я бы итак сделала, если бы работала в этом направлении.

Они допили кофе и пошли обратно в кабинет в надежде, что кто-нибудь уже ответил. Открыв дверь, они увидели внутри мужчину и женщину. Мужчина рылся в папке с фотографиями Кейтлин, а женщина сидела за столом Кейт, уставившись в ее компьютер.

– Я дико извиняюсь, но кто вы, черт возьми, такие? – спросила Кейт.

– Я старший инспектор Варя Кэмпбелл, – сказала женщина. – а это – мой коллега детектив Джон Мерси.

Оба встали и показали свои удостоверения.

– У вас есть ордер на то, чтобы рыться в наших личных документах? – спросила Кейт.

– Нет. А он нам нужен? – спросила Варя.

Она склонила голову набок и отвела назад плечи, точно готовилась к драке. На вид ей было лет тридцать пять, одета в синий брючный костюм. Гладкая кожа цвета капучино. Инспектор Джон Мерси – рослый, рыжий, пышущий здоровьем мужчина. Его широкие плечи и рельефные мышцы выпирали из-под стильного черного костюма.

– Да, нужен. Положите это на место, – сказала Кейт Джону, державшему в руках фотографию. Он положил ее обратно и закрыл папку.

– Нас интересует ваш вчерашний визит на автосвалку «Девять Вязов». Я хотела бы прояснить, каким образом вы наткнулись на чучело птицы и нашли внутри записку? – спросила Варя. – Мы присядем?

Кейт указала на небольшой диванчик перед книжным шкафом, они оба сели.

– Здравый смысл, – сказала Кейт. – Место преступления на автосвалке «Девять Вязов» повторяло оригинальное место преступления на свалке в Лондоне, в районе Девяти Вязов. Я говорю о деле Каннибала с Девяти Вязов... которое я раскрыла.

– Вы также состояли с Питером Конуэем в отношениях, и у вас есть от него сын, – сказала Варя. – Вы поддерживаете связь с ним?

Кейт сложила руки на груди. Этой Варе палец в рот не клади.

– Нет.

– Он вам пишет?

– Вы должны знать, что имеете право сами проверить, с кем он поддерживает общение. Вы можете увидеть, что с момента его ареста и заключения в тюрьму я ни разу не посещала его, не писала ему и мы ни разу не связывались по телефону. Сам он писал мне один раз.

– А ваш сын? – спросил Джон.

– Ему четырнадцать, и он не поддерживает никаких контактов с Питером Конуэем, – сказала Кейт. Полицейские пришли к ней в

кабинет и заставили ее оправдываться, но и Кейт в свое время сама использовала те же самые техники, когда работала в полиции. – На втором месте преступления, там, возле Охотничьих ворот, где нашли тело Кейши Смит, была записка?

Варя сложила руки и поджала губы.

– Вы, конечно, можете делать каменное лицо, – сказала Кейт. – Мне звонил Алан Хэксам, хотел услышать второе мнение относительно вскрытия тела Кейши Смит. Ее убийство и убийство Эммы Ньюман имеют те же отличительные черты, что и убийства, совершенные Питером Конуэем... – Кейт заметила, как в глазах Вари что-то мелькнуло. Джон посмотрел на нее. – А, так записка все-таки была, не так ли?

Варя глянула на Джона, а затем встала и достала из заднего кармана блокнот. Она вытащила ксерокопию и положила на стол Кейт. Тристан подошел посмотреть.

– В двадцати метрах вниз по реке от того места, где нашли тело Кейши Смит, есть приходская доска объявлений. Эта записка висела там. Ее обнаружили только вчера.

«БЛЮСТИТЕЛЯМ ЗАКОНА»

Я НА НЕСКОЛЬКО ШАГОВ ОПЕРЕЖАЮ
ВАС, КЛОУНОВ. КЕЙША БЫЛА БОЙКОЙ
ДЕВЧУШКОЙ. СКОЛЬКО ЕЩЕ СМЕРТЕЙ
НУЖНО, ЧТОБЫ ВЫ МЕНЯ ЗАМЕТИЛИ? ДЛЯ
ЭТОГО ПРИХОДСКАЯ ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ
ВИДИТСЯ МНЕ ВПОЛНЕ УМЕСТНОЙ.

ФАНАТ

– Он расстроен, что никто не замечает его работу, – сказала Кейт. – Он уже убил двоих, а в новостях ничего нет. Подражатели жаждут внимания. Как и в первой записке, он подписался здесь как Фанат, это говорит о нем больше, чем он может представить. Его засосал этот культ, сложившийся вокруг Питера Конуэя и дела Девяти Вязов.

– Первоначальное дело по-прежнему носит официальное название «операция „Цикута“», – сказала Варя. Кейт закатила глаза – *боже, да*

она формалист. – На данном этапе теория о том, что это подражатель, требует доказательств.

– Что вам еще нужно? Еще одно тело? Которое, я уверена, будет. Питер Конуэй убил четверых девушек до того, как я его поймала. Четверых, о которых мы знаем. Вам надо сосредоточиться на поимке этого подражателя... Они не так умны, как те, кого они копируют. Повторяя весь этот ужас, они надеются заработать такую же известность и славу. Он стремится к тому, чтобы попасть в заголовки новостей, чтобы его имя было на слуху, и вы можете это использовать.

– Эй! – сказала Варя, вскинув руку. Она явно злилась. – Не надо меня учить, как мне делать мою работу.

– Значит, вы приходите в мой кабинет и, не имея ордера, начинаете копаться в моих личных бумагах...

– У вас дверь была открыта, – сказал Джон.

– Я в свое время имела дело со взломщиком, который на допросе говорил то же самое, – сказала Кейт.

Джон сурово посмотрел на нее.

– Вам еще есть, что рассказать? – спросил он.

– Нет. Мы позвонили в полицию сразу же, как только нашли птицу и записку.

– Как вы вообще там оказались? Немного необычный маршрут для вас обоих.

Кейт кратко рассказала о поездке в Чью Магна и о письме отца Кейтлин.

– Малкольм Мюррей уже обращался в полицию Большого Манчестера с просьбой заново открыть дело, но ему отказали за недостаточностью улик, – закончила она.

После короткой паузы Варя повернулась к Тристану:

– А вы поехали на эту *экскурсию* в качестве научного ассистента? – спросила она.

– Да, – ответил Тристан нервно срывающимся голосом.

– Вы живете с сестрой. Она работает в банке «Барклайс»?

– Да.

– Какое это имеет отношение? – спросила Кейт.

– Он рассказывал вам о своем криминальном прошлом?

Он ничего не рассказывал, но Кейт не хотелось доставлять этим настырным грубым копам удовольствие. Она ничего не ответила и

посмотрела на Тристана.

– Мне было пятнадцать, и я напился с приятелями. Вообще-то, они и приятелями-то не были, – начал Тристан, краснея. – Я разбил стекло машины, припаркованной там внизу, с другой стороны набережной.

– Ты вскрыл машину, – сказала Варя. – Так написано в полицейском отчете.

– Нет. Я разбил стекло.

– А другой тип из твоей шайки украл магнитолау.

– Не был я ни в какой шайке. Когда полиция приехала, он дал деру. А я остался расхлебывать это все, – сказал Тристан, выпрямившись. – И мне не было предъявлено никаких обвинений, только вынесено предупреждение. А об этом я сообщать не обязан.

– Твоя начальница знает об этом? – спросил Джон с гаденькой улыбочкой.

Кейт встала.

– Подождите-ка, мне все это не нравится. Вы не можете заявиться сюда и начать нападать на ценного, пользующегося моим полным доверием сотрудника, – сказала она. – Мы поделились с вами всей информацией, которой располагали. И почему бы вам вместо того, чтобы шнырять тут без ордера, не пойти и не заняться своей полицейской работой?

Варя окинула ее холодным взглядом.

– Мы настаиваем на том, чтобы вы сообщали нам любую новую информацию и не общались с прессой, когда те к вам придут, а они придут, если мы свяжем это дело с Питером Конуэем...

– Никто из нас не заинтересован в общении с прессой, – сказала Кейт.

Варя и Джон повернулись к Тристану.

– Я не буду ни с кем разговаривать, – сказал он.

– Отлично. Пока что это все, – сказала Варя. Они вышли из кабинета, и Джон захлопнул за собой дверь.

– Черт, – сказал Тристан, обхватив голову руками. – Кейт, простите, мне так жаль. Мне было пятнадцать. Я был просто глупым...

– Не стоит извиняться. Я тоже вытворяла всякое, когда напивалась... Слушай. Я утром сказала, что у меня вечером есть дела, перед тем, как нам надо будет позвонить. Я иду на встречу анонимных

алкоголиков. Я пила по-черному, эм... много лет. Поэтому Джейк живет с моими родителями... Ты не считаешь, что у тебя есть проблемы с алкоголем?

Тристан выглядел ошарашенно.

– Нет.

– Тогда это все, что стоит сказать по этому поводу. Они хотели тебя запугать. Не давай им это сделать.

Тристан кивнул.

– Спасибо вам. Спасибо, что рассказали мне и что все так разрушили. Как вы думаете, они еще придут?

– Не знаю. Они в замешательстве, я это вижу. Ясное дело, на нее со всех сторон давят с поимкой этого подражателя, но когда все это появится в прессе, дело раздуют так, что полиции в любом случае не удастся предстать в хорошем свете.

Кейт схватила листок бумаги и начала писать.

– Что вы делаете? – спросил Тристан.

– Записываю, что было во второй записке, пока не забыла.

20

После того, как Кейт вернулась с собрания анонимных алкоголиков, к ней пришел Тристан. Она приготовила чай, и они, усевшись за маленький кухонный столик, по скайпу позвонили Меган Хибберт в Мельбурн. Она ответила сразу же. Загорелая кожа, зеленые глаза, длинные светло-пепельные волосы и широкая улыбка. Она сидела у себя в гостиной перед большим окном с видом на бассейн и огромный сад.

– Привет, Кейт и Тристан, правильно? – Она говорила со смесью австралийского и британского акцента.

– Спасибо, что согласились поговорить с нами в такую рань, – сказала Кейт. Она быстро пробежалась по тому, как прошла их встреча с Малкольмом и Шейлой.

– Я так им сочувствую. Когда я столкнулась с Малкольмом на кладбище, он был похож на собственную тень, на призрак человека, которым был когда-то. У меня сердце кровью облилось, когда он сказал, что хотел бы, чтобы и у Кейтлин была могилка. Представьте себе, дожить до момента, когда скажешь такое о своем собственном

ребенке... – Ее солнечные декорации погрузились в тень, она достала бумажную салфетку и промокнула глаза. – Вы думаете, вы сможете отыскать ее тело?

Кейт молчала, Тристан бросил на нее взгляд.

– Зачастую мне кажется, что для нераскрытых дел самое лучшее – это как раз частное расследование, – сказала Кейт. – У полиции, как правило, не хватает времени, и вообще британская полиция неохотно выделяет ресурсы на расследования заглохших дел, разве что появляются очень весомые основания.

– Они не посчитали нашу беседу с Малкольмом достаточным основанием для того, чтобы снова открыть дело?

– Нет.

– Я узнала о том, что случилось с Кейтлин, только через несколько месяцев. Мы уехали из Великобритании в конце августа 1990 года. Мы эмигрировали всей семьей: мама, папа, я и братишка, ему тогда было пять. У нас не было другой родни, а письма от друзей и соседей шли очень долго. Мы три месяца жили в молодежном общежитии. В общем-то, поэтому я и не знала ничего о Кейтлин.

– Вы были лучшей подругой Кейтлин? – спросила Кейт.

– Нет. Ее лучшей подругой была Уэнди Сэмпсон.

– Вы дружили с другими девочками из вашего класса?

– Во всей школе только мы трое учились по стипендиальной программе. Я, Кейтлин и Уэнди. Остальные учились за деньги, и не то чтобы все они были плохими, но большинство – заносчивыми сучками, извините за выражение. Отцы Кейтлин и Уэнди в их глазах заслуживали больше уважения, чем мой папа. Малкольм работал в городском совете, а Шейла следила за домом, домохозяйкой была, как вы говорите. Мой отец работал строителем, и в Британии мы считались рабочим классом. Я была низшей из низов. Вот мы и держались вместе.

– Над вами издевались? – спросил Тристан.

– Нет. Я была девочкой крупной, рослой, Кейтлин очень шустро соображала, а Уэнди была сильной спорт сменкой. Мы были в состоянии отразить их нападки. Но мы ведь учились в девчачьей школе. Когда травля есть, она ведь в основном психологическая, – сказала Меган.

– Значит, насколько вам известно, Кейтлин не общалась с другими девочками вне школы? – спросила Кейт.

– Нет, другие девочки никогда не приглашали нас в гости.

– Она, наверное, жутко расстроилась, когда вы уехали? – спросил Тристан.

Меган немного помолчала.

– Все было как-то странно. Мы были очень близки, но учебный год закончился, в августе я уезжала, и в этот последний месяц я стала видеть ее реже. Она все больше времени проводила с Уэнди. Я поняла это.

– Что вы имеете в виду?

– Ну мы просто перестали встречаться все вместе. По правде сказать, мне было не до этого. Мама таскала нас туда-сюда в Австралийское посольство в Лондоне, чтобы подготовить визы и документы к переезду. Мы не ссорились.

– Вы узнали о том, что случилось от Уэнди?

– Да. Но ее письмо дошло до меня только через несколько месяцев. Это было ужасно, но вы ведь должны помнить, интернета тогда не было. В Австралии эта история новостью не стала. Да и с чего бы? – Меган начала плакать и достала новую салфетку. – Простите.

– Вы помните девочку по имени Вики О’Грейди, которая с вами училась?

– Да.

– Вы дружили?

– Нет. Я терпеть ее не могла. Она стервозная была и постоянно прогуливала. На переменах ее ловили с выпивкой, – сказала Меган.

– Значит, никто из вас с ней не дружил?

– Нет.

Кейт посмотрела на свои записи.

– Но ведь Кейтлин работала вместе с Вики в видеосалоне? – спросила она.

– Да. По-моему, отец Вики владел сетью видеосалонов, и Кейтлин работала там по субботам. Вики тоже должна была там работать, но она в основном раздавала указания Кейтлин и заигрывала с покупателями.

– Завтра у нас назначена встреча с Вики, – сказала Кейт.

– Правда? Чем она сейчас занимается?

- Она работает визажистом на ВВС в Бристоле.
- Что ж, отлично, хорошо устроилась. А что она может вам обо всем этом рассказать?
- Мы не знаем. Она говорит, что они с Кейтлин были подружками. Меган казалась удивленной.
- Правда?
- Похоже на то, – сказала Кейт.
- Ничего не понимаю, но с тех пор ведь много воды утекло. Все это давно было. Удачи ей.

Повисла пауза, и Меган, казалось, впервые за время их разговора почувствовала себя не в своей тарелке.

– Хорошо, давайте поговорим про вечер, когда вы видели Кейтлин у молодежного клуба. Можете вспомнить? – спросила Кейт.

– Да, это было как раз в начале августа. Я запомнила этот день, потому что мама тогда с ума сходила от того, что наши визы еще не прислали, а у нас оставалось всего четыре недели. Было очень жарко, а этот молодежный клуб находился в старом большом зале, знаете, которые с окнами наверху. Мистер Картер, смотритель, не мог открыть окно, потому что потерял эту специальную длинную палку. За зданием бежал ручей, и большинство детей плескались там. Мы с Кейтлин играли в настольный теннис, и она вышла в туалет и не вернулась. Я нашла ее на улице у машины того парня постарше, полицейского. Она сказала, что познакомилась с ним в видеосалоне. Он зашел взять фильм напрокат, они разговорились, и он захотел показать ей свою новую машину. Как раз выпустили новую модель того года.

- Какую? – спросила Кейт.
- Синий «Ровер».
- Вы его видели?
- Да, но он сидел в машине, снаружи было темно, и машина стояла прямо под фонарем. Черные волосы зачесаны назад, выразительные черты лица, широкая улыбка и белоснежные зубы, я помню, как он высунулся из окна, улыбнулся и поцеловал ее.
- И что дальше?
- Кейтлин села в машину, крикнула «пока», и они уехали.
- Это было похоже на Кейтлин?
- Нет. Но ей было шестнадцать, мы все ходили на свидания с парнями. И я, и Уэнди встречались с парнями постарше. А сидя в

машине, можно было спокойно целоваться... да и в газетах не писали ни о каких извращениях, гуляющих по округе и убивающих молодых девушек. Мы просто подумали, что ей очень повезло, и на следующий день она пришла в школу, никаких проблем.

Тристан вытащил распечатку из своего блокнота и передал Кейт. Это была фотография Питера Конуэя с полицейского удостоверения. Кейт показала фото в камеру.

– Я могу по электронке отправить, если надо, но посмотрите, как вы думаете, не тот ли это парень? Это фото было сделано в 1993.

Меган склонила голову на бок и внимательно взгляделась в снимок.

– Я видела эту фотографию раньше, может быть, это и он, но это все было так давно... Его лицо было в тени.

21

Энид Конуэй жила в маленьком крайнем таунхаусе на захудалой улочке в Восточном Лондоне. Убогое местечко с выстроившимися в ряд грязными палисадниками, заваленными мусором, старыми машинами, холодильниками, собачьим дерьмом и осколками битого стекла.

В этом доме Питер вырос, и этот же дом он выкупил для нее, когда в 1991 году вернулся из Манчестера и начал работать в Лондоне.

В 2000 году Энид выпустила книгу-откровение «Не мой сын». Ей заплатили внушительный аванс и прислали писателя, чтобы взять у нее интервью. Он спросил ее в том числе, не собирается ли она переехать, теперь, когда она может позволить себе что-нибудь получше.

– Я бы и пяти минут не выдержала среди этих выскочек, – сказала она. – Люди на этой улице уважают меня. Здесь кого только не встретишь и днем, и ночью, главное – не лезть в чужие дела и никогда не разговаривать с полицией.

Она прокручивала в голове этот разговор, когда открыла входную дверь перед рыжим Фанатом, как она его называла. Имени его она не знала.

– Тебя кто-нибудь видел?

– Никто из тех, кого следовало бы опасаться, – сказал он.

Энид не боялась никого, но рядом с ним ей было не по себе. На вид ему было лет тридцать – высокий, широкоплечий, накачанный мужчина. Рыжие волосы длиной в пару дюймов и необычные черты лица. Точно в чрево матери кто-то сыпанул пищевой соды. Кожа у него была гладкая, но из-за огромных, похожих на кусок резины губ, набрякших век и носа картошкой его лицо казалось одутловатым. Он был некрасив, но одет хорошо: кожаные ботинки, стильные классические джинсы, рубашка и куртка – и от него всегда пахло так, словно он только что вышел из душа.

Они прошли на кухню – современную, сверкающую стеклом и нержавеющейкой, с кучей дорогой техники.

– Фотографии там, – сказала Энид, указывая на конверт на столешнице. – Хочешь чаю?

– Нет.

Он не снял куртку и не стал садиться. Энид, закулив сигарету, наблюдала, как он достал из конверта четыре маленькие – как на паспорт – фотографии. Там были две ее фотографии, она сделала их чуть раньше в тот же день в автомате на станции. И две фотографии Питера.

– Это что, шутка? – спросил он, держа фотографии в руках.

– Это самые свежие, что у меня есть. Их сделали за неделю до того, как его арестовали. Люди стареют, правда? – Она заметила, что Питер не очень сильно изменился, разве что теперь у него были длинные седеющие волосы и больше морщин.

– До конца срока действия паспортов должно быть шесть-восемь лет. Эти. Не. Пойдут, – сказал он, швырнув фотографии обратно на стойку.

– Он заключенный. У них там нет фотобудки в гребаной столовой! Мужчина повернулся к Энид, подошел ближе и направил палец ей в лицо:

– Не разговаривай со мной так, поняла?

Она закрыла глаза, затем снова открыла и потрясла головой.

– Что мне надо сделать?

Он подошел к холодильнику, достал пакет молока, открыл и начал пить. Молоко затекало в складки его влажных резиновых губ, и несколько капель потекло по подбородку. Он сделал последний глоток и поставил пакет обратно. Затем он оторвал от рулона бумажное

полотенце и аккуратно сложил его пополам, перед тем как промокнуть губы. Он звучно рыгнул.

– Какой у тебя телефон? – спросил он.

Энид подошла к столешнице, на которой лежала ее сумочка от «Шанель». От кислого запаха отрыжки ее замутило. Она достала свою «Нокию» и протянула ему. Он покачал головой.

– Не пойдет. Тебе надо купить самый последний «Айфон». У него камера пять мегапикселей.

– И что это значит? – спросила Энид.

– Это значит, что он делает фотографии высокого разрешения. Они дадут тебе сфотографировать Питера в следующий раз?

– Да. Я фотографировала его на телефон в прошлом году. Они заставили меня показать им фотографию...

– Хорошо. Я ее скачаю у тебя в следующий раз, – сказал он. Он вытащил из кармана два небольших коричневых конверта, тонкий и потолще. Он убрал ее фотографии в конверт потоньше, а тот, что потолще, положил на столешницу. – Где туалет?

Он никогда раньше не спрашивал, где туалет.

– Первая дверь от лестницы.

Когда он поднялся наверх, Энид заглянула в тонкий конверт. Там лежали ее фотографии и одна – его. Она прислушалась, в ванной наверху скрипнули половицы. Энид включила телефон, еле дождалась, пока он загрузится, и сняла его паспортную фотографию. Качество было не очень хорошее, но ей нужна была страховка. На случай, если что-нибудь пойдет не так. На фотографии он смотрел прямо. Взгляд холодный. Непропорциональные губы влажно блестят.

Услышав шум воды в бачке и скрип половиц, Энид положила фотографию на место. Она услышала, как он вышел из ванной и пошел по коридору, но вниз не спустился. Он прошел в старую комнату Питера. Энид поспешила из кухни наверх.

– Что ты делаешь? – спросила она.

Он лежал в темноте на односпальной кровати Питера, застеленной шерстяным пледом в сине-зеленую полоску. Энид включила свет в маленькой люстре. На стене висел постер с Дэвидом Боуи в образе Зигги Стардаста, а над кроватью – небольшая полочка со спортивными трофеями. На столе стояла фотография, на которой Питер и Энид были сняты после выпускного парада в полицейской

академии Хендона. Питер в своей форме, Энид – в синем платье и шляпке. Рядом был коллаж из фотографий, сделанных в годы его жизни в Манчестере: Питер сидит в своей первой патрульной машине, «Фиате Панда», Питер и Энид на траве перед домом, где он снимал квартиру, и еще три фотографии Питера с его тогдашними друзьями.

– Это была комната Питера? – спросил мужчина, глядя на нее с кровати.

– Да.

– Он тут спал?

– Да.

– Почему на окнах решетки? У него в детстве были проблемы с поведением?

– Нет. Решетки от тех, кто снаружи.

– Для многих людей эта комната – святилище, – сказал он. Сев на кровати, он вытянул руку. – Иди сюда.

– Зачем? – резко спросила она.

– Почему бы тебе не отблагодарить человека, который платит деньги за то, чтобы освободить твоего сына?

В прошлом, в трудные времена мужчины платили ей за секс. Приходили поздно вечером и стучали в дверь, самцы всех форм и размеров. Она подошла к нему и взяла за руку. Было в нем что-то, что ее отталкивало. Он уткнулся лицом ей в живот. Терся об ее кожу. Вдыхал. Скользнул рукой вниз к ее промежности. Погладил.

– Ты создала его. Он здесь вырос, – сказал он надломившимся голосом.

Энид старалась не отшатнуться. Он продолжал гладить ее и тереться. В этом не было ничего сексуального. Он ее боготворил.

– Да. Он моя плоть и кровь, а я – его, – сказала она.

Наконец, он отстранился, точно улитка, оставив у нее на свитере след от слюны. Он посмотрел ей в глаза, а затем резко встал и вышел из комнаты. Энид пошла за ним вниз. Он смотрел на фотографию, которую она оставила на кухонной столешнице.

– Мне надо было проверить мою фотографию. Подумала, вдруг я подписывала ее сзади, – выпалила она. – Если я собираюсь получать новые документы, у меня не может быть фотографии, на которой написано Энид Конуэй.

Он кивнул и засунул фотографии назад в конверт. Убрав конверт в карман, он слегка коснулся другого конверта.

– Тут инструкции для тебя. И новое письмо для Питера.

Он достал из кармана свернутую пачку купюр и положил ее рядом с конвертом.

– Выпьешь?

– Да.

Она достала из шкафчика два стакана для виски и на два пальца наполнила каждый «Чивасом». Она через стойку подтолкнула ему стакан и, взяв пачку сигарет, предложила ему. Он потряс головой. Энид достала одну и закурила.

– Зачем тебе это? Вытаскивать Питера?

– Я люблю хаос, – ответил он с ухмылкой, прикладываясь к стакану, виски заблестел на его больших губах.

– Это не ответ, – сказала Энид, откидывая голову назад и выпуская дым. Он наблюдал, как дым поднялся вверх и расползся вдоль по желтому потолку. – Я здесь неплохо живу. Мне много не нужно, это все – ради Питера. Если я уеду отсюда, то уже не смогу вернуться. Поэтому скажи мне, какой тебе в этом интерес?

– Я разрушаю надежды моего отца, – он улыбнулся.

– Кто твой отец?

Он покачал пальцем из стороны в сторону у нее перед носом.

– Не, не, не. Это не по правилам игры... – Он залез в карман, вытащил оттуда листок бумаги и протянул ей.

Развернув его, Энид увидела распечатку со страницы темноволосого мальчишки на «Фейсбуке».

– Кто это?

– Имя не видишь? Джейк Маршалл. Твой внук.

– Красивый мальчик, как его отец. Но мне от него толку нет, – сказала она, протягивая листок обратно.

– Ты не будешь по нему скучать, когда мы уедем?

– Нельзя скучать по тому, чего не знаешь. – Она еще раз посмотрела на фотографию, склонив голову набок. В мальчике она видела Питера.

– Питер видел?

– Нет. И я не хочу, чтобы видел. Сам он его никак не найдет. У него нет доступа к интернету, – сказала Энид.

Он прикончил виски и поднялся.

– Прочитай то, что в конверте, и достань мне фотографии. Я приду на той неделе.

– Мне это не нужно, – сказала Энид, протягивая распечатку с «Фейсбука» обратно.

После того как он ушел, Энид побродила по дому. Она родилась заложницей своего класса и обстоятельств. Она взяла карты, выпавшие ей при рождении, и разыграла их как смогла. Сражалась. Постоянно боролась за все в своей жизни.

Теперь у нее была возможность уехать и стать другим человеком в новой стране. Она хотела, чтобы они с Питером были только вдвоем. Мир вокруг был лучше, когда в нем были только они двое. Она не хотела знать о мальчишке. Она не сомневалась, что он вырос, веря в то, что Питер – монстр, а о ней ему, возможно, рассказывали вещи и похуже. Мальчишка может затуманить ему разум. Энид никогда ничего не боялась, но в тот момент она испытывала страх. Гадкое чувство.

Она вернулась на кухню и налила себе еще виски.

22

Ночью, после разговора с Меган Кейт долго не могла заснуть. Она все думала о полицейском, с которым Кейтлин уехала их молодежного клуба, чье лицо скрывалось в тени салона автомобиля. Мог ли это быть Питер?

Кейт вспомнила две ночи, которые она провела с Питером в 1995-м. Первый раз они поехали к ней после посиделок в пабе. Он казался ей таким притягательным и сексуальным, что она не смогла устоять. Долгие годы она пыталась отгородиться от пережитых тогда ощущений. Его крепкое накачанное тело, пряный запах тела и волос. Сила, с которой он подхватил ее, опустил на кровать и раздел. Он был страстным и нежным, и хотя у нее мурашки шли по телу от одной мысли, что она была так близка с человеком, который совершал такие мерзкие и неподдающиеся пониманию вещи, эти воспоминания никуда не девались. Их невозможно изменить. Она чувствовала, что это сближает ее с Кейтлин. Чувствовала ли она, что просто повелась на красивую внешность Питера Конуэя? Считала ли она его

соблазнительным, когда садилась к нему в машину, чтобы с ним уехать? Куда они поехали и что делали?

Кейт никогда не считала себя жертвой, но она, как и Кейтлин, попала на эту удочку, не разглядев под маской истинное лицо Питера Конуэя.

Фотография, которую она показывала Меган, лежала внизу, на кухонном столике. Она была спрятана между страниц блокнота, но пока Кейт лежала в кровати, ее сознание играло с ней. Она представляла, как лежащий в темноте блокнот медленно сам по себе поднимается, страницы начинают быстро перелистываться и останавливаются на фотографии Питера. Его глаза открыты, взгляд мечется по сторонам, уходя за пределы снимка. Затем его рот кривится, он скалился, обнажая зубы – прямые и белые – и кричит ей: «Кейт!».

Кейт проснулась в холодном поту, сердце готово было вырваться из груди. В комнате было темно, часы на прикроватной тумбочке показывали 2:11 ночи.

Она откинула одеяло и спустилась вниз, включая по пути все лампочки и громко топая по ступенькам. В гостиной было пусто и тихо. Закрытый блокнот лежал на кухонном столике – а куда бы он делся, – но она все равно достала фотографию Питера и сунула в измельчитель, наслаждаясь жужжанием машинки, делавшей свое дело. Только после этого она поднялась обратно и смогла заснуть.

* * *

На следующее утро они с Тристаном отправились в Бристоль, где договорились встретиться с Вики О’Грейди за ланчем в торговом центре на дамбе Крибз. Они приехали на полчаса раньше и отыскивали изысканный итальянский ресторан, который предложила Вики.

– Дорогое она выбрала местечко, – сказал Тристан, когда их усадили за столик у гигантского окна, выходящего на фуд-корт этажом ниже. – Там было бы в разы дешевле.

– У нас не получилось бы нормально поговорить, сидя на фуд-корте, – сказала Кейт. – А здесь хорошо. Тихо.

– Господи, четырнадцать фунтов за бокал красного вина! – присвистнул Тристан. – Хотите, я спрячу винную карту?

– Нет. Цель нашей встречи – получить информацию, – ответила Кейт.

– Вы хотите ее накачать, типа так она будет разговорчивей?

По большей части Тристан вел себя как вполне серьезный молодой человек, но время от времени наружу прорывалось его двадцатиоднолетнее «я».

– Нам нужно, чтобы она чувствовала себя спокойно, а дальше – посмотрим, – сказала Кейт.

В ту же минуту к их столику в сопровождении официанта подошла крупная дама в ярком платье с цветочным принтом. У нее были безупречно уложенные короткие темные волосы, броский макияж «смоки айз», на голове – дизайнерские солнечные очки.

– Здравствуйте. Кейт и Тристан? – спросила она. – Я Виктория.

У нее была хорошо поставленная речь, и держалась она уверенно. Кейт и Тристан поднялись, и они пожали руки.

– И все-таки Вики или Виктория? – спросила Кейт, когда они сели.

– Последний раз меня называли Вики, когда я училась в школе, – сказала она, налив в блюдце оливковое масло, добавив немного бальзамического уксуса и обмакивая в эту смесь одну из булочек, которые поставил перед ними в плетеной корзинке официант. Они обменялись парой фраз и сделали заказ. Кейт заметила, что Тристан вздохнул с облегчением, когда Вики не стала заказывать шампанское, выбрав вместо него тоник. Кейт и Тристан взяли то же самое.

– Итак, загадка Кейтлин Мюррей? – спросила она, когда официант принес напитки.

– В переписке с Тристаном вы сказали, что ожидали звонка от частного детектива по поводу Кейтлин? – спросила Кейт.

– Ну, может быть, я немного преувеличила... Просто потому, что полиция тогда делала так мало. Они как будто ни с кем не разговаривали. Через пару дней после того, как Кейтлин пропала, они пришли и сказали, что в школе целый день будет дежурить полицейский на случай, если кому-то из нас есть, что рассказать. Я не знаю, сколько девочек разговаривали с ними.

– А вы с ними разговаривали?

– Да. Я рассказала им то небольшое, что знала, и больше я от них ни слова не слышала, – сказала Виктория, взяв в руки еще одну булочку и разломив ее пополам. В том, как она сказала это, было что-то странное. «*Чувство вины?*» – подумала Кейт.

– Вы работали вместе с Кейтлин в видеосалоне вашего отца? – спросила Тристан.

– В одном из *шести* видеосалонов вообще-то. У папули была крупнейшая франшиза на севере Англии.

– У Кейтлин был парень?

– Никого особенного, – ответила она. – Было несколько ухажеров вперемежку. Как любая шестнадцатилетняя девчонка, Кейтлин любила погулять.

Кейт и Тристан переглянулись.

– Она встречалась с несколькими парнями?

– Ничего серьезного. Был один парень, который доставлял напитки в соседний киоск... Аппетитный такой блондин, пресс как доска для стирки – типичный «Эберкромби энд Фитч»[\[159\]](#). Надо признаться, мы обе с ним спали... Он был немного на тебя похож, – сказала Виктория, устремив на Тристана пристальный взгляд своих глаз-бусинок.

Почувствовав себя некомфортно, он поежился на стуле и налил себе еще воды. От нее исходила спокойная уверенность представителя высшего класса.

– Можно узнать, как Кейтлин познакомилась с этим парнем из доставки?

– Он привозил в видеосалон напитки и попкорн. Как-то раз в обед, когда Кейтлин вышла купить что-нибудь поесть, он начал заигрывать со мной. Я тогда была худенькой девчонкой с упругими сиськами. Все длилось-то минут десять, но было забавно... Через пару недель я рано вернулась с перерыва и застала их на том же самом месте... До этого я считала Кейтлин маленькой фригидной недотрогой, но в итоге нас сблизил горячий доставщик.

– Вы уверены, что хотите рассказывать об этом? – спросила Кейт; она была удивлена, что разговор принял такой откровенный оборот еще до первого блюда.

Виктория отмахнулась третьей булочкой.

– Конечно. Хотя, похоже, юный Тристан чувствует себя неловко.

– Я в порядке, – сказал Тристан, стараясь скрыть досаду. Казалось, он немного расслабился, когда принесли еду. Кейт и Виктория заказали спагетти карбонара, а Тристан – макароны с сыром и корочкой из хлебных крошек.

– Вкуснятина, – сказала Виктория, когда они приступили к еде. Кейт никак не удавалось ее раскусить. Вся такая бойкая, невозмутимая, уверенная в себе.

– Есть в исчезновении Кейтлин одна деталь, которая нас сильно беспокоит, – сказала Кейт. Она рассказала, что Меган Хибберт видела, как мужчина на новом синем «Ровере» забрал Кейтлин из молодежного клуба.

– Ну я ни разу не была в этом молодежном клубе Картера, – сказала Виктория с полным ртом спагетти. – Я помню, три девчонки из класса про него говорили – Уэнди, Меган и Кейтлин. Молодежный клуб – звучит ужасно, возможно, ее оттуда забрал Пол.

Кейт ногой почувствовала под столом колено Тристана.

– Прошу прощения. Пол? Какой Пол? – спросила Кейт.

– Пол Адлер. Он пару лет работал в полиции. Хороший был полицейский, но как-то ночью на дежурстве на него напали – какие-то два отморозка с ножами набросились на него, он тогда глаз потерял... Ему стеклянный сделали, очень хороший. Почти не отличить от настоящего.

Кейт и Тристан ждали, что она опишет им Питера Конуэя, но разговор повернул в другую сторону.

– Вы знаете этого Пола Адлера? – спросила Кейт, не в состоянии скрыть свое недоверие.

– Да, ну, я знала его. Он был владельцем аптеки «Адлерз» через два дома вниз по улице от «Голливудских ночей», где мы работали. Он открыл аптеку на деньги, которые получил в качестве компенсации за случившееся. Он выкупил здание, и все магазины платили ему аренду. Он тогда хорошо поднялся. Заходил иногда к нам, брал фильмы напрокат, – сказала Виктория.

– Вы до сих пор видите с ним?

– Господи помилуй, нет. У нас с ним все в прошлом.

– У вас были отношения?

– Нет!

Кейт подумала было надавить на нее, очень уж быстро и бурно та отреагировала, но решила все же сконцентрироваться на Поле Адлере и Кейтлин.

– Как долго Пол и Кейт были вместе? – спросила она.

– Не думаю, что они были вместе. Он был женат и женат до сих пор, но они частенько ездили «покататься», – сказала Виктория, изобразив в воздухе кавычки. – Завидная партия. Каждый год менял машины, покупал новую прямо в день выхода. В нашей округе он первый в том году купил машину с новым кодом регистрации, тогда это была *H*.

– Подруга Кейтлин сказала, что видела, как она разговаривала с каким-то типом на машине с регистрационным кодом *H*, – сказал Тристан. Он достал мобильник и нашел фотографию Питера Конуэя. – Вы когда-нибудь видели Кейтлин с этим мужчиной? – он показал фотографию.

Виктория чуть не подавилась своим тоником и закашлялась. Ей потребовалась пара секунд, чтобы прийти в себя.

– Простите, – сказала она, промакивая подбородок салфеткой. – Вы застали меня врасплох. Это же Питер Конуэй, как его там, убийца-каннибал... Зачем, скажите на милость, у вас его фотография? – она заговорщически посмотрела на Кейт. – Чьи еще фотографии у него там есть? Джека-потрошителя? Гадкий мальчишка!

– Я показал ее вам, потому что мы думаем, Питер Конуэй может быть причастен к исчезновению Кейтлин, – сказал Тристан.

– Он служил в полиции Большого Манчестера в 1990 году, – добавила Кейт.

Успокоившись, Виктория откинулась в кресле.

– Я все это знаю. Я читаю газеты... И я не нянчила Кейтлин. Я скорее просто подсказывала ей, как увереннее держаться с мужчинами. Только и всего. Все остальное она делала сама.

– Питер Конуэй никогда не приходил в видеосалон? – спросила Кейт.

– Я не могу помнить всех, кто туда приходил, я ведь и работала-то неполный день!

– Как вы думаете, Пол Адлер мог знать Питера Конуэя? – спросил Тристан.

– Ни в коем случае! Нет, нет и нет, – сказала Виктория. Она увидела, что в ее бокале ничего не осталось, подозвала официанта и заказала еще один.

– Вы сказали, что очень давно не видели Пола Адлера. Откуда такая уверенность? – спросила Кейт.

– Ну, мы как-то общались, и речь зашла об этом. Питер Конуэй работал в этих местах и ходили слухи, о том, были ли еще жертвы... Вы должны понимать, в полиции Манчестера работает много народу, и Пол сказал мне, что он никогда не сталкивался с Конуэем.

Официант принес ей еще тоника. Виктория уже немного опьянела и, пошарив в сумке, достала пузырек с таблетками. У нее никак не получалось открыть его, тогда Тристан взял у нее пузырек, раскрутил крышку и вернул ей.

– Спасибо. Таблетки от давления, забыла принять... – сказала она, закинула одну в рот и запила тоником. – Как бы я хотела вернуться назад к той молодой худенькой шестнадцатилетней себе, которая думала, что она толстая, и хорошенько встряхнуть ее.

– Ладно, значит, вы думаете, что из молодежного клуба в ту ночь Кейтлин забрал Пол Адлер? – спросила Кейт. – Это было в начале августа 1990 года. И это точно был «Ровер» с кодом регистрации *H*.

Виктория закатила глаза.

– У меня такое ощущение, что мы ходим кругами. Очень похоже, что это был именно Пол Адлер. Он есть на «Фейсбуке», я думаю, там есть его фотография в молодости. – Виктория вытасила из сумочки компактную пудру и начала подкрашивать губы, показывая своим видом, что с нее уже достаточно и она хочет уйти.

– У вас есть контакты Пола Адлера? – спросила Кейт. – Я бы хотела с ним связаться.

– Эмм, я не считаю правильным раздавать номера телефонов других людей без их согласия.

«Но зато ты с удовольствием заклеимила Кейтлин, которая пропала и которой уже, возможно, нет в живых, „маленькой фригидной недотрогой“», – подумала Кейт.

– Мы в любом случае будем его искать, я просто хочу задать ему пару вопросов. Возможно, он знает что-нибудь полезное, – улыбнулась Кейт, не переставая глядеть Виктории прямо в глаза.

Та повернулась, сняла сумку со спинки кресла и вытащила оттуда маленькую серебристую адресную книжку. Она долго листала страницы, пока не нашла нужный адрес.

– Вот. Пол Адлер, – она дала Кейт контакты. – Знаете, полицейские беседовали с ним по поводу исчезновения Кейтлин, и у него железное алиби. В день, когда Кейтлин пропала, он был с женой во Франции. У них там свое местечко, *Le Touquet*. Он примерный семьянин.

Кейт почувствовала, как сердце ухнуло в пятки.

– Почему вы раньше не сказали? – спросила она.

– Я не думала, что Пол Адлер будет подозреваемым.

– Вы не могли бы дать нам список всех мужчин, с которыми Кейтлин была связана?

– Я знаю о четверых. Доставщик напитков. Еще один парень, который каждую неделю привозил новые фильмы. Ему едва восемнадцать исполнилось, и тоже блондин. Я не знаю ни их имен, ни их адресов. Они были просто забавные, глупенькие мальчишки, – на секунду она поколебалась. – И... она спала с моим отцом... Именно поэтому мы в итоге и разбежались. Прыгать из постели в постель – это, конечно, весело и хорошо, но не надо гадить там, где ешь. А Кейтлин была настолько глупа, что подумала, будто я закрою на это глаза.

– Где был ваш отец, когда Кейтлин пропала? – спросил Тристан.

Виктория повернулась к нему, все ее показное радушие исчезло.

– На свадьбе, – ответила она, ее улыбка почти угасла. – Мы там были всей семьей, если вы захотите узнать, где была я. Моя двоюродная сестра Гэрриет Фэррингтон вышла замуж в Суррее. Церковь Лезерхед... – она увидела, как Кейт и Тристан обменялись взглядами. – Если вам нужны доказательства – у меня есть фотографии.

– Спасибо, если можно, пришлите их по почте, – сказала Кейт, изобразив на лице такое же подобие улыбки.

* * *

Возвращаясь домой, Кейт и Тристан ехали молча до самого пригорода Эшдина. Небо было серым, начался дождь.

– Не произвела эта Виктория на меня хорошего впечатления, – сказала Кейт. – Она сильно нервничала.

– Те таблетки, которые она принимает, не от давления. Это «Ксанакс». Я видел пузырек, – сказал Тристан.

– Может быть, она просто страдает от тревожного расстройства.

– В переписке она казалась совсем другой, – сказал Тристан. – Вживую она мне не понравилась. Было в ней что-то странное.

– Ну, знаешь, что-то странное – это не доказательство. Если у молодежного клуба с Кейтлин был этот Пол Адлер, – сказала Кейт, – и у него есть алиби, и у отца Виктории есть алиби, тогда кто еще это мог быть?

– Парни из доставки? Мы можем их найти, – сказал Тристан. – И надо показать фото Пола Адлера Меган из Австралии.

– Почему Малкольм и Шейла не знали ничего об этих ее парнях, о тех мальчишках? – мрачно спросила Кейт, сворачивая на дорогу, идущую вдоль побережья.

– А какие родители знают все о своих детях-подростках? – спросил Тристан.

– О, господи, мне все это предстоит с Джейком.

– Разве полицейские не рассказали бы об этом Малкольму и Шейле, если они знали?

– Наверное, не сказали. Должно быть, никому не поручили поддерживать с ними связь и сообщать информацию.

– И что у нас дальше?

– Будем делать, что должны. Надо проследить все ниточки, которые у нас есть. Найти учителя и других одноклассниц. И я хочу поговорить с этим Полом Адлером, даже если он просто подтвердит то, что сказала Виктория.

* * *

В течение следующих четырех дней Кейт и Тристан сумели отыскать учителя Кейтлин и других ее одноклассниц, но те не смогли добавить к расследованию никакой новой информации. Кейт также

попросила Алана Хэксама проверить информацию о Поле Адлере. Версия Виктории подтвердилась. Он служил в полиции и с почестями ушел в отставку в 1988 году после нападения, в результате которого потерял глаз. После исчезновения Кейтлин его допрашивала полиция – Кейтлин проходила мимо его аптеки, когда шла в кино, – но его не было в стране в день, когда она пропала.

Кейт зашла на страничку Пола Адлера на «Фейсбуке», нашла там его старое фото и отправила Меган Хибберт в Мельбурн. Та подтвердила, что он был тем самым парнем на «Ровере» с кодом регистрации *H*, с которым она видела Кейтлин у молодежного клуба Картера.

Утром в четверг, когда Малкольм прислал ей имэйл с вопросом, как идут дела, Кейт уже знала, что все их версии зашли в тупик.

Казалось, Кейтлин просто растворилась в воздухе.

23

Спортивная площадка средней школы Кармайкл располагалась прямо за основным зданием на окраине Дартмура. Вечером в четверг, часов в пять, было холодно и уже настолько темно, что тренеру хоккейной команды пришлось включить прожекторы, которые не зажигались с самой весны.

Лайла Джеррард, без сомнения, была лучшим игроком и самой популярной девочкой в команде. При своем невысоком росте она была, тем не менее, гибкой и сильной. По щекам и носу у нее были рассыпаны веснушки, а длинные светлые рыжеватые волосы заплетены в толстую косу. После тренировки девочки вернулись в теплую раздевалку, натянули свитеры и спортивные костюмы, собрали сумки и клюшки. Затем почти все девочки из команды направились к зданию школы, а Лайла и Джинни Робинсон, ездившие домой на автобусе, ушли с площадки через маленькие ворота, расположенные прямо за раздевалкой.

Обычно по дороге домой Лайла проходила часть пути вместе с Джинни, и та всегда немного рисовалась. Но Лайле она нравилась. Она хорошо играла, и их общая любовь к хоккею превосходила различия между ними.

Однажды они вышли с залитой светом прожекторов площадки прямым в темноту, которая поглотила тропинку, идущую вдоль железнодорожных путей и выходящую к главной дороге. Дни заметно сокращались вот уже несколько недель, но тогда они впервые проделывали этот путь после полного захода солнца. Вдвоем, неся в руках хоккейные клюшки, они чувствовали себя в безопасности. По дороге они жевали протеиновые батончики и обсуждали будущий субботний матч.

Когда они дошли до главной дороги, раздался сигнал, и железнодорожный шлагбаум опустился. Воспользовавшись тем, что горит красный, они перешли дорогу и там разделились. Джинни пошла вдоль главной дороги до автобусной остановки, а Лайла свернула на жилую улицу. Она ежилась в толстовке, чувствуя, как холодный воздух обдаёт голые лодыжки.

Идти по этой улице было приятно, это был один из фешенебельных районов города, в окнах домов, за занавесками горели огни. Лайла посмотрела на часы и, увидев, что автобус приедет меньше чем через пять минут, прибавила шаг.

По обочине стояли машины жильцов, и несколько человек парковались на свободные места. Мужчина в костюме вышел из машины с букетом роз и поспешил к входной двери с большими белыми колоннами, а из другой машины вышла женщина с двумя детьми: мальчиком и девочкой, которые хныкали, потому что им на полдник не дали рыбу с жареной картошкой.

– Получите их завтра, а сейчас закройте рты! – сказала женщина. Она пошла по тротуару следом за Лайлой, дети ныли и хватали ее за ноги.

– Я не хочу есть овощи на пару, – говорила девочка.

Лайла улыбнулась, вспомнив эту нудную пытку – как ее саму в детстве заставляли есть овощи. Она обернулась, и в этот момент мальчик уронил свой школьный рюкзак.

– Подними! Земля сырая! – прокаркала мать.

Лайла подумала о том, с каким нетерпением она всегда ждет пятниц, когда ее отец по дороге с работы покупает рыбу и жареную картошку.

К другой жилой улице, на которой была ее автобусная остановка, вел туннель, проходящий под железнодорожным мостом. Солнце село, и туннель впереди был плохо освещен, но в компании с семьей, идущей позади, Лайла чувствовала себя спокойнее.

Но как только Лайла зашла под мост, мать с детьми свернули направо, в калитку дома, и их голоса стихли. В туннеле шум окружающих улиц казался приглушенным, и шаги Лайлы отдавались эхом. Под мостом было сыро и воняло мочой, и она поспешила к выходу. Выйдя из туннеля, Лайла попала на другую жилую улицу, где справа сразу за аркой виднелась заросшая детская площадка и большой дом с темными окнами. Фонари не горели, и поначалу Лайла не заметила черный фургон, припаркованный на обочине. Когда она поравнялась с ним, боковая дверь открылась и человек, с ног до головы одетый в черное, высунулся из фургона и прижал к ее носу и рту кусок хирургической ваты. Другой рукой он крепко обхватил Лайлу за плечи и, сбив ее с ног, запихнул в машину. Все прошло гладко, словно он просто обнял ее и затянул в фургон. Разве что хоккейная клюшка зацепилась за дверь, но он ловко повернул ее.

Внутри фургон был пуст, не считая небольшого матраса. Они оба беззвучно приземлились на него. Мужчина всем телом навалился на Лейлу, чтобы обездвигнуть ее и дать возможность препарату, которым была пропитана вата, прижатая к ее носу, подействовать.

На улице никого не было, и в темноте ни одна душа не видела, как рука в перчатке, высунувшись из фургона, бросила телефон Лайлы в водосток.

Дверь с мягким щелчком закрылась, через несколько секунд заработал мотор, и фургон, проехав по тихой жилой улице, слился с потоком машин на главной дороге и двинулся в сторону Эксетера.

В пятницу, когда Кейт проснулась, было еще темно, и, пропустив свой обычный утренний заплыв, она очень рано выехала в Олтринхэм, расположенный на окраине Манчестера. Солнце силилось взойти

целый час, а когда время восхода наконец пришло, сквозь облака смог пробиться только мрачный сероватый свет. За светом пришел дождь и забарабанил по крыше машины, в которой Кейт проезжала по холмам и болотам. Она приехала в Олтринхэм почти в обед и умирала с голоду.

Накануне она созвонилась с Полом Адлером, который с готовностью и весьма дружелюбно ответил на все ее вопросы. Он даже предложил ей встретиться лично в аптеке, которой до сих пор владел, и передать несколько фотографий Кейтлин, которые у него были. Кейт с ужасом думала о встрече с Малкольмом и Шейлой, но решила все-таки напоследок посмотреть на место, где жила Кейтлин, и забрать фотографии. Лучше, чем ничего. По дороге домой она позвонит им и заедет в Чью Магна.

Тристан был на совещании отдела кадров Университета Эшдин по вопросу его аттестации. Он уже три месяца работал ассистентом у Кейт и теперь, по ее рекомендации, должен был стать постоянным сотрудником университета. Пропустить это совещание он не мог. Она пообещала позвонить ему, если будут какие-то новости.

Кейт купила сэндвич на заправке и проглотила его, сидя в машине. Затем она поехала к своей первой остановке, дому, где жили Малкольм и Шейла, когда Кейтлин пропала. Олтринхэм, довольно богатый и модный район, располагался на окраине Большого Манчестера. В их бывшем доме, маленьком с плоской крышей, теперь находилась адвокатская контора «Б. Д. и сыновья Лтд.». Его недавно отремонтировали, и теперь на больших подъемных окнах красовалось название фирмы. Покрытые сажей стены очистили струями песка, и они снова приобрели свой изначальный бежевый цвет, а небольшой садик перед домом превратился в маленькую парковку. Кейт вышла из машины и несколько минут стояла на тротуаре, глядя на дом и взывая к своей интуиции. Она пыталась представить Кейтлин, уходящую из дома или возвращающуюся из школы, но, так ничего и не увидев, села обратно в машину и поехала дальше.

Следующей остановкой на ее пути была церковь, где располагался молодежный клуб Картера. Здание снесли в 2001 году, и теперь на его месте находился распределительный центр, который занимал почти пол-улицы. Кейт наблюдала за въезжающими и выезжающими грузовиками и задавалась вопросом, что случилось с речкой, которая

бежала за молодежным клубом. Казалось, что склады растянулись на несколько гектаров.

Было уже почти два часа дня, когда Кейт подъехала к аптеке Пола Адлера, расположенной в нескольких километрах от старого дома Кейтлин и замыкавшей вереницу магазинов, среди которых затесалась кофейня «Коста» и два агентства по недвижимости. Красная флуорисцентная вывеска над дверью гласила «Аптека Адлера». В витрине стояли в ряд большие разноцветные покрытые пылью пузырьки.

Кейт вошла внутрь под звуки дверного колокольчика, почувствовала приятный запах антисептиков и услышала приглушенные, точно в библиотеке, голоса, которыми еще говорили в старых аптеках. Деревянный пол и стойки блестели полиролью. Две пожилые дамы стояли у стойки и тихо переговаривались с молоденькой девушкой за перегородкой, а из дальнего помещения доносился звон пузырьков, в которых смешивались рецептурные препараты.

В аптеке также продавали косметику, и Кейт в ожидании рассматривала тюбики на полках, пока пожилые дамы не ушли под звуки колокольчика. Тогда она подошла к девушке в белом халате и сказала, что у нее назначена встреча с Полом Адлером.

– Я проверю, свободен ли он, – сказала девушка.

Она была похожа на куклу: миниатюрная блондинка с огромными глазами. Говорила она тонким, почти что писклявым голосом. Она вышла и вернулась через несколько секунд в сопровождении высокого широкоплечего седоватого мужчины. Он набрал вес и немного сутулился, но Кейт, тем не менее, узнала в нем Пола Адлера.

– Здравствуйте, рад встрече, – сказал он, протягивая руку.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной, – сказала Кейт.

Он накрыл ее ладонь второй рукой. Когда он смотрел на нее, глаза у него были ясные и невероятно голубые. Кейт заметила искусственный глаз, только когда он глянул на девушку за стойкой.

– Тина, мы будем на кухне. Не беспокойте нас, пожалуйста.

– Конечно, мистер Адлер, – робко ответила девушка.

– Сюда, пожалуйста, – сказал он, выпустив руку Кейт.

Он повел ее к дальней двери и дальше вниз по тускло освещенному коридору, мимо одной закрытой двери и одной открытой,

за которой находился склад с ящичками, наполненными лекарствами.

Внутри работали две девушки, внешне похожие на Тину – маленькие и миловидные с длинными светлыми волосами. Они в полной тишине смешивали рецептурные препараты и отвернулись, когда Кейт прошла мимо. В конце коридора была небольшая кухонька для сотрудников, в которой стоял деревянный стол и стулья. Стеклопанная дверь выходила на маленькую погрузочную площадку.

– Присаживайтесь, – сказал Пол и закрыл дверь. Кейт выдвинула стул рядом со стекляннoй дверью и села. – Хотите кофе?

– Да, спасибо. Черный и без сахара, – ответила Кейт. С закрытой дверью комната казалась еще меньше. – Вы сохранили все эти старые детали снаружи. Напоминает аптеки, в которых я бывала в детстве.

– В следующем месяце все это уберут. Я заказал новую вывеску, проводку и электронную охранную систему. Камеры у кассы и в зале пишут еще на видеокассеты, – сказал он. – Вот фотографии.

Он взял конверт, лежавший рядом с капсульной кофемашиной. Шлепнув фотографии на стол, он начал суетиться у кофемашины. Кейт открыла конверт и достала оттуда шесть фотографий Кейтлин – все сделаны в ясный солнечный день. На фотографиях она позировала в поле среди лютиков. На ней было длинное белое платье и венок из ромашек.

– Она была красивая, – сказала Кейт, просматривая снимки.

Пол не ответил. Кофемашина, издав сигнал, отключилась, и он поставил на стол чашки. Выдвинул стул и сел напротив.

– Вы сохранили фотографии. Она для вас что-то значила? – спросила Кейт.

– Послушайте, я с радостью отвечу на любые ваши вопросы, но мне не нравится быть под подозрением, – в его мягком голосе затрепетала угроза.

– Вы не под подозрением. Я вам говорила, что меня наняли родители Кейтлин, чтобы прояснить несколько вопросов... Это скорее просто наблюдение. Так зачем вы хранили фотографии?

– В свое время я сам проявлял фотографии здесь, еще до того, как мир стал цифровым. Среди моих клиентов были актеры и модельные агентства. Они платили мне за то, что я хранил у себя их негативы для последующей печати. Я сохранил негативы снимков Кейтлин на память. Как сентиментальный тьюфяк, – сказал он.

Кейт подумала, что своим ровным немигающим, устремленным на нее взглядом он не производит впечатление «сентиментального тьюфяка».

Внезапно открылась дверь, и вошла Тина с полным мешком мусора.

– Ой, простите, мистер Адлер, – сказала она.

– Проходи, – сказал он.

Он не стал придвигаться к столу, и девушке пришлось протиснуться позади него. Она открыла стеклянную дверь и вышла на погрузочную площадку. Дверь за ней закрылась. Кейт наблюдала, как девушка пошла в сторону большого мусорного бака, заваленного пакетами. Она бросила мешок на кучу сверху и вернулась.

– Этого источника дохода мне сильно не хватает. От проявки фотографий, – сказал Пол, снова обратив свое внимание на фотографии Кейтлин. Тина подошла к кодовому замку на двери и одними губами произнесла цифры, которые набирала: *один, три, четыре, шесть*. Дверь со щелчком открылась.

Пол склонил голову набок, глядя на фотографию, на которой Кейтлин улыбается в камеру, облокотившись на дерево и выгнув спину.

Тина протиснулась к выходу, и Пол, дождавшись, пока она уйдет, развернул свой стул спинкой к двери в аптеку.

– Я только-только женился, когда у нас закрутилось с Кейтлин... Она была, э-э, аппетитная, скажем так... – Он улыбнулся, но его улыбка встревожила Кейт еще больше, потому что его правый глаз не изменил выражения.

– Где вы сделали эти снимки? – спросила Кейт.

– Недалеко от Сэлфорда. Приятное место, чтобы прогуляться и поплавать в озере. Мы там купались голышом. – Он многозначно вскинул бровь.

Кейт почувствовала сигнал тревоги. Она заперта в этой комнате в конце коридора. Дверь закрыта, и на полпути к ней сидит Пол.

– Когда это было? – спросила Кейт, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

Он раздул щеки.

– В июне 1990 года. Ничего этого уже не осталось. Там теперь новый жилой район.

Кейт кивнула.

– А видеосалон, где вы с Кейтлин познакомились?

– Он был с другой стороны, там, где сейчас «Теско», – он одним глотком допил свой кофе.

– Вы не замечали чего-нибудь или кого-нибудь странного или необычного рядом с Кейтлин.

– Когда?

– Во то время, когда вы встречались?

Он потряс головой.

– Я никогда не терял своего полицейского чутья. Должно быть, и ваше еще при вас?

Кейт кивнула. Он снова уставился на нее.

– Вы уверены, что я могу взять эти снимки? Родители Кейтлин захотят узнать, откуда они у меня.

– Может быть, стоит опустить тот факт, что у нас была интрижка... – он улыбнулся и покачал головой. – Пусть лучше это останется в прошлом. У меня благополучный брак.

– Разумеется. На фотографиях вас нет. Я рада, что нашла вас через Викторю. Это помогло прояснить одну из версий.

Больше всего Кейт хотела выйти из этой крошечной комнаты. Она чувствовала запах его пота, но знала, что следующий вопрос был самым важным.

– Вы когда-нибудь встречали Питера Конуэя? Он служил в полиции Большого Манчестера, когда Кейтлин пропала.

– Нет. Мы не были знакомы. Наши смены не пересекались. Ужасный человек. Делал ужасные вещи, – Пол покачал головой.

– А кто-нибудь из ваших коллег его знал?

Он шумно выдохнул и откинул назад голову.

– Я только слышал, как люди говорили о нем, когда вы его поймали, и они все, как и вы, были уверены, что он был великолепным полицейским. Судя по всему, он вас всех обвел вокруг пальца, – мгновение он смотрел на нее, на губах змеилась насмешливая улыбка. – Хотите еще кофе? Хотя вы и к этому не притронулись.

– Нет, спасибо, – Кейт встала. – Я, пожалуй, пойду.

Казалось, Пол был удивлен, что она уходит. Кейт обошла маленький столик и подошла к двери. На какой-то момент она подумала, что он не собирается двигаться, но в конце концов он поднялся со стула и, к облегчению Кейт, открыл дверь.

Когда они шли по коридору обратно, Кейт заметила, что дверь напротив склада теперь была открыта. Внутри была кладовая, где стояли картотечные шкафы, большой фотопринтер и стопка старых рекламных вывесок разных косметических брендов. Самая верхняя вывеска в форме секундомера гласила «ФОТО ЗА ЧАС».

– Спасибо вам, – сказала Кейт, когда они вышли в торговый зал.

Пол протянул руку, и Кейт пожалала ее.

– В случае чего звоните мне, не стесняйтесь, – сказал он, задержав ее руку в своей несколько дольше, чем следовало бы.

На улице шел дождь. Стоя на тротуаре, Кейт обернулась. Пол стоял у окна, рядом с вращающейся витриной с очками для чтения, и пристально смотрел на нее. Она кивнула и поспешила прочь. Ее лихорадило, но она не совсем понимала, от чего именно. Может быть, это из-за его стеклянного глаза? Или из-за того, что ему нравилось доминировать над женщинами? Все три молоденькие сотрудницы аптеки казались такими тихими и раблепными. Но он чист. У него есть алиби.

Кейт выехала из Олтринхэма в начале четвертого, и, когда она приехала в Чью Магна, было уже темно. Всю дорогу ее не покидало тревожное чувство. Практически все места из прошлого Кейтлин перестали существовать, за исключением жутковатой аптеки, которая точно застыла во времени.

Когда Кейт подъехала к концу грязной дорожки, ведущей к дому Малкольма и Шейлы, она увидела отражающиеся от соседних домов синие огни мигалок. Послышался рев сирены, следом за ним по дорожке пронеслась машина скорой помощи и, резко свернув, помчалась налево.

– Черт, – сказала Кейт.

Она поехала по дорожке и увидела пожилую женщину с белыми волосами, выходящую из дома Малкольма и Шейлы. Кейт опустила стекло, и женщина подошла к ней.

– Я приехала к Малкольму и Шейле. Они в порядке?

– Шейла... Она потеряла сознание и впала в кому, – сказала женщина.

– Меня зовут Кейт Маршалл...

– Ах, да. Вы частный детектив, они вас наняли, чтобы разобраться с исчезновением Кейтлин? У вас есть какие-то новости? – спросила

она, ее лицо немного просветлело. Кейт все еще чувствовала себя неловко, представляясь частным детективом, тем более что ее расследование, казалось, вело в никуда.

– Я собиралась отдать им вот это, – сказала Кейт, держа в руках папку, которую они с Тристаном собрали. – Боюсь, что мы зашли в тупик.

Женщина горестно покачала головой.

– Меня зовут Гэрриет Дент, я их соседка и приятельница. Если хотите, я могу передать бумаги Малкольму, – Кейт понимала, что женщина явно не горит желанием приносить дурные вести.

– Нет, спасибо. Я пока подержу их у себя. Могу я оставить вам свой телефон? Я бы хотела знать, когда Шейле станет лучше, – сказала Кейт. Она нацарапала номер на листочке и отдала Гэрриет.

– У Шейлы мало шансов. Она ждала донора три года. Мы и сами все проверились, но никто не подошел, – она покачала головой и сложила листок. – Я вам позвоню, когда узнаю что-нибудь.

Кейт проследила, как пожилая женщина пробралась по грязной дорожке к своему дому, а затем и сама отправилась в долгий обратный путь домой.

25

Лайла Джеррард чувствовала ломоту во всем теле, будто она страдала от похмелья и обезвоживания. Вокруг было темно, хоть глаз выколи, и она вглядывалась в темноту с такой силой, что казалось, глаза вот-вот выпадут из глазниц.

Несколько раз она просыпалась в крошечной темноте и пыталась осознать, что произошло. Она всегда думала, что достаточно сильна, чтобы постоять за себя в драке, но все случилось так быстро. Мужчина – а судя по запаху это был мужчина, – был весь одет в черное. Она успела заметить у него на голове шерстяную маску, сквозь прорези в которой были видны сверкающие глаза и толстые красные губы, но только мельком.

Она вспомнила, как шла по дороге, а за ней шли дети, и она думала, что они пойдут с ней и дальше. От этих узеньких дорожек между домами у нее всегда бежали мурашки, но в последнее время там всегда было светло.

Лайла не знала, сколько времени прошло. Она была в одном белье. Руки и ноги крепко связаны, и она чувствовала, что лежит на холодном сыром бетонном полу. Во рту у нее был кусок какой-то тряпки, сверху заклеенный скотчем. Она боялась возвращения незнакомца почти так же сильно, как и того, что просто задохнется от этого тряпья. Ее тошнило от препарата, которым он ее накачал, чтобы усыпить.

Паника накатывала на Лайлу волнами, и в моменты, когда она готова была полностью поглотить ее, огромная шишка на голове начинала пульсировать, точно готовая разорваться. Это он ее ударил? Или она ударилась обо что-то, когда он затаскивал ее в фургон?

Эхо какого-то отдаленного шума закружилось вокруг Лайлы, и она поняла, что лежит в каком-то большом помещении с высоким потолком. Трижды она просыпалась и слышала приглушенные далекие звуки катящегося по рельсам поезда.

Раздался звук, точно кто-то открыл большую раздвижную дверь, а затем последовал грохот. Внезапно наверху загорелся свет. Зрачки Лайлы резко сузились, и она зажмурилась. Кто-то шагал в ее сторону, и она почувствовала порыв ледяного воздуха.

– Открой глаза, – раздался мужской голос. Речь правильная, слышатся властные нотки. Судя по голосу, он был спокоен. – Будь добра, открой глаза.

Лайла почувствовала удар под ребра, боль заставила ее собраться и открыть глаза. Она лежала посреди большого склада, наверху под металлической крышей рядами висели лампочки. Пол бетонный, стены чистые, сложенные из старого красного кирпича. Вдоль одной из стен стояли шесть черных фургонов с логотипом *CM Logistic*. Это место не было похоже на сырое подzemелье, которое она представляла себе, долгие часы лежа в темноте.

Над ней стоял мужчина – высокий и широкоплечий, в элегантном синем костюме. У него были коротко остриженные рыжие волосы и отталкивающее, точно резиновое, лицо с толстыми влажными губами. На правую руку была надета перчатка. Левую руку он держал за спиной.

Мужчина подошел ближе и навис над ней. Из рта и носа у него шел пар. Он нагнулся и вытащил из-за спины левую руку. В ней был длинный острый нож. Лайла вздрогнула и захныкала, когда он

пододвинулся ближе и схватил ее за ноги. Она повернулась и начала скрести ногами и запястьями по бетонному полу, пытаясь отодвинуться.

Он склонил голову набок и заглянул ей в лицо, а затем резко отпустил ее ноги и отошел в тень. Он вернулся с упаковкой пластиковых бутылочек с водой. Ножом он разрезал упаковку и, достав одну бутылку, бросил оставшиеся в сторону. С ней он подошел к Лайле, которая теперь пыталась отползти к дальней стене.

– Лежи спокойно, – сказал он, положив ладонь ей на живот. Он поставил бутылку на пол около ее головы. – Если ты закричишь, я перережу тебе глотку.

Он отодрал скотч и вытащил тряпку у нее изо рта, не отводя нож от лица. Лайла начала глотать воздух и закашлялась.

– Я не шучу. Закричишь – я тебя прикончу, – голос у него был спокойный и ровный, как у ведущего новостей. Лайла кивнула, вытаращив глаза. Он взял бутылку и открыл ее. Поддерживая ее подбородок рукой, в которой был зажат нож, он поднес бутылку к ее губам. – Пей.

Он вливал воду ей в рот, а Лайла давилась и кашляла, но не сводила с него глаз. Он улыбался ей. Улыбка у него была широкая, добродушная, а в глазах была злоба. Зубы белоснежные. Как у голливудской звезды. Он подsunул ногу ей под бок и перевернул. Лайла вскрикнула от боли, приземлившись передом на холодный бетон.

– Простите, – сказала она, ненавидя себя за это, но понимая, что бороться с ним было бесполезно.

– Если ты закричишь... – тихо сказал он.

– Я не буду... Обещаю, – начала она, но он опять засунул ей в рот тряпку.

Сердце Лайлы готово было вырваться из груди. Что это за место? Похоже, что оно принадлежит какой-то службе доставки. Если здесь стоят припаркованные грузовики, значит, сюда могут прийти водители. Может, один из них услышит ее и спасет?

Какое-то время она не понимала, что он делает, когда он склонился над ней. Затем она ощутила на своем левом бедре его дыхание, почувствовала его влажные, похожие на резину губы на своей коже и зубы, пронзившие ее плоть. Боль была ужасной. Он

кряхтел, мотал головой из стороны в сторону, как собака, ухватившая кусок мяса. Вонзил зубы глубже. От боли Лайла почти отключилась, и в этот момент он дернул головой, выдрал кусок мяса. Он выплюнул его на пол, рядом с ней, и она почувствовала, как горячая кровь побежала по бедру. Она кричала и вырывалась, но он прижал ее к полу и переместился выше к ягодицам.

«Он знает, что никто не придет. Он знает, что может делать со мной все, что захочет», – в отчаянии подумала Лайла. А затем боль стала настолько нестерпимой, что все вокруг начало медленно погружаться в темноту, и она потеряла сознание.

26

В пятницу Кейт весь день была занята в университете: читала лекции и проводила семинары у студентов. Тристан на выходные уехал на свадьбу друзей, и Кейт потратила всю субботу и половину воскресенья на то, чтобы разгрести университетские дела, которые она, занимаясь расследованием, не сделала в течение недели. Ей было сложно настроиться на свою основную работу. У нее не было сил, да и расследование дела Кейтлин зашло в тупик. Она понимала, что, возможно, сделала Малкольму и Шейле только хуже. Ей вообще не следовало соглашаться на эту работу и подавать им надежды. От Малкольма за все выходные не было никаких вестей, и она начала предполагать самое худшее.

Вечер воскресенья украсили кофе, прогулка на пляж с Майрой и разговор с Джейком по скайпу. Кейт увиделась с Тристаном только в понедельник после обеда, когда они взяли кофе и она быстро пересказала ему все, что произошло в Олтринхэме.

– И Пол Адлер настаивает на том, что не знал Питера Конуэя? – спросил Тристан.

– Алан Хэксам уже проверил его и Кейтлин по моей просьбе. Он говорит правду. Он ушел из полиции до того, как туда попал Питер Конуэй. Конечно, это не значит, что они не были знакомы, – сказала Кейт.

Тристан состроил гримасу.

– Что?

Он закусил губу.

- А вы никогда не думали навестить Питера Конуэя?
- Нет. И ему в любом случае пришлось бы прислать мне приглашение на посещение. А он этого не сделает.
- Он хоть раз посылал его вам?
- Ни разу. Тристан, из-за меня он сидит за решеткой.
- Тристан кивнул.
- Ну да, это же вы та крутая дамочка, что упекла его в тюрьму.
- Кейт улыбнулась. Зазвонил ее телефон.
- Это Алан. Если он собирается отменить лекцию в четверг, я его убью... – Она взяла трубку и молча слушала. – Хорошо. Мы приедем, как только сможем.
- Что такое? – спросил Тристан, когда она положила трубку.
- Нашли еще одно тело, в Хай Торе, недалеко от Белстоуна. Молодая девушка, голая, со следами укусов и пакетом на голове.

* * *

Когда через сорок минут Кейт и Тристан подъехали к границе Дартмура, уже сгущались сумерки. Они проехали через маленькую деревушку Белстоун, а затем выехали к вересковой пустоши, где гравийную дорогу обступали каменные стены. В сумерках широко раскинувшаяся пустошь выглядела зловеще. Они проехали еще пару километров или около того, прежде чем показался скалистый холм Хай Тор, едва различимый на фоне темнеющего неба. У подножия стояло несколько полицейских машин и фургон.

Проехав сквозь разрыв в каменной стене, Кейт припарковала машину на неровном клочке земли. Пат рулевая машина стояла чуть поодаль от ворот. Кейт заглушила мотор, и они вышли.

Полицейский в патрульной машине был занят поеданием корнуэльского пирожка. Он поднял на них глаза и опустил стекло.

– Добрый вечер, – сказала Кейт. – Мы здесь по просьбе судебно-медицинского эксперта Алана Хэксама, – она надеялась, что Алан еще руководил на месте преступления и не передал контроль полиции. Сглотнув, полицейский нехотя отложил пирожок и утер рот.

– Мне нужен какой-нибудь документ, удостоверяющий личность, – сказал он. Кейт и Тристан нашарили в карманах

водительские удостоверения и сунули в окно. Полицейский взял документы и поднял стекло.

– Вы уверены, что Алан хотел, чтобы я тоже приехал? – спросил Тристан, пока полицейский разглядывал их права и что-то бормотал по рации.

– Да.

Окно полицейской машины с жужжанием открылось.

– Я не могу с ним связаться. У кого-нибудь из вас есть полицейское удостоверение? Я не могу понять, зачем вы здесь.

– Мы не из полиции, – сказала Кейт.

Он взглянул на ее заляпанную грязью машину, припаркованную у ворот, и его лицо приняло суровое выражение.

– Вы же не журналисты? А то я могу задержать вас за злоупотребление временем полиции.

– Мы частные детективы, – сказала Кейт. Очень непривычно было произносить это вслух. Она была университетским преподавателем, ученым. Между тем, чтобы консультировать полицейских, и тем, чтобы быть настоящим частным сыщиком, была большая разница, но последнее давало ей независимость. Как бы она хотела, чтобы у нее было удостоверение. – Я бывший детектив полиции. Я работала над делом Каннибала с Девяти Вязов. Доктор Хэксам попросил меня и моего коллегу поприсутствовать на месте преступления, потому что мы обмениваемся информацией по делам об убийстве Эммы Ньюман и Кейши Смит. Доктор Хэксам полагает, что это убийство с ними связано.

Полицейский снова посмотрел на их водительские удостоверения. Раздались помехи, и Кейт услышала голос Алана по рации:

– Это доктор Хэксам. Это я попросил Кейт Маршалл и ее помощника приехать. Пропустите их, пожалуйста.

– Тогда проходите, – сказал офицер, повесив рацию и вернувшись к недоеденному корнуэльскому пирожку. – Вам нужно будет отметитья около ограждения.

Кейт и Тристан направились к полицейским машинам. По бокам от них раскинулась пустошь, поросшая можжевельником и кустарниками, отбрасывающими длинные тени в наползающих сумерках.

– Как вы думаете, там будет вонять? – спросил Тристан, глядя на темные очертания холма.

Кейт посмотрела на него.

– Не знаю. Ты никогда раньше не видел труп?

Он покачал головой.

– Не хочешь в машине остаться?

– Нет, нет. Я в порядке, – сказал он.

Судя по голосу, он сам был в этом не очень-то уверен. Перед патрульными машинами было установлено полицейское ограждение, около которого их встретил офицер, отметивший их в журнале, и женщина из следственной группы.

– Вам необходимо надеть комбинезоны, – сказала она, протягивая им пару.

Тристан сглотнул. Кейт положила руку ему на плечо.

– Я не буду тебя осуждать, если ты решишь вернуться в машину.

– Нет, нет. Я пойду. Я уже решил.

Он собрался с духом, и они натянули комбинезоны. Когда они были готовы, офицер следственной группы повела их к скалистому склону холма. Они подошли ближе, холм навис над ними, напомнив Кейт горстку камешков, оставленных великаном. Справа от холма над кольцом, сложенным из камней, был установлен маленький квадратный навес. Алан сообщал информацию группе полицейских, в числе которых была Варя Кэмпбелл, чья команда уже прибыла на место преступления. Когда Кейт и Тристан подошли, она обернулась и по ее лицу пробежала тень. Среди других офицеров Кейт увидела Джона Мерси.

– Добрый вечер. Спасибо, что разрешили нам поприсутствовать, доктор Хэксам, – сказала Кейт.

– Я только начал, – сказал Алан, возвышаясь над всеми присутствующими в их белых комбинезонах.

Кейт и Тристан подошли ближе и увидели, что в каменном кольце было углубление. Там на боку лежало обнаженное тело молодой девушки. Она была вся в грязи и потеках крови. Рядом с телом работали три криминалиста: двое брали образцы почвы, а третий помогал фотографу.

– Господи Иисусе, – сказал Тристан, зажав рот рукой.

– Он что, тошнотик? – спросил Алан, резко повернув голову на звук. – Он нам тут удвоит работу, если наблюдает.

– Я в порядке, сэр, – сглотнув, сказал Тристан и вцепился в руку Кейт.

– Может быть, разумнее будет взять бумажный пакет? – сказала Кейт, положив руку ему на спину.

Один из криминалистов протянул Тристану бумажный мешок. Кейт увидела ухмылки на лицах некоторых мужчин-полицейских, и ей захотелось защитить Тристана. Алан продолжил.

– Так, специально для присоединившихся к нам бывшего детектива полиции Кейт Маршалл и ее помощника – это не официальное заключение, но я уверен, что смерть наступила в результате асфиксии. Мы имеем пакет на голове жертвы, на лице и шее множественные петехиальные кровоизлияния. Обратите внимание на тип пакета и на узел на конце веревки или шпагата. Затягивающийся пластиковый мешок с завязанным обезьяньим кулаком. Тело лежит на левом боку, правая рука вытянута, голова – на предплечье.

Фотограф-криминалист, точно желая подчеркнуть его слова, сделал снимок. Вспышка высветила тело в центре сложенного из камней круга и склон огромного холма.

– Если можно, переверните ее, пожалуйста, – сказал Алан.

Помощники криминалистов осторожно перевернули тело лицом вниз на черный пластиковый пакет. Еще одна вспышка фотоаппарата.

– И последняя деталь мозаики. Сзади мы видим один, два, три, четыре, пять, шесть – шесть следов от укусов. Два слева от позвоночника, два справа и два на верхней части правого бедра. След от укуса на правой стороне очень глубокий... – он подошел ближе к телу. – Относительно других жертв, смерть недавняя. Точное время смогу сказать только после того, как проведу вскрытие, но вот эти следы достаточно свежие, с них в лаборатории можно попробовать сделать оттиски.

Кейт посмотрела на Тристана. Он снова зажимал рот рукой.

Помотав головой, он пошел назад, вниз по склону. Фотограф сделал еще несколько снимков. Алан присел на корточки рядом с ногами девушки.

– Вопрос, *как* она попала сюда? Нет никаких следов, указывающих на то, что ее тащили босиком, на ступнях ничего нет, ни

травы, ни следов растений. Больше информации будет после вскрытия, – сказал он.

Криминалисты приступили к работе: им нужно было поместить тело в мешок и перенести из ямы в фургон. К Алану подошла Варя, держа в руках планшет с ручкой.

– Спасибо, что разрешил нам поприсутствовать, – сказала Алану Кейт.

– Это номер три. Надеюсь, теперь они начнут воспринимать все это всерьез, – ответил он.

– Я воспринимаю всерьез любое место преступления, – сказала Варя, протягивая планшет с ручкой. – А теперь, доктор Хэксам, не могли бы вы расписаться и передать руководство мне? – Алан взял планшет и стал просматривать бумаги. – После этого я попрошу вас уйти, – добавила она, обращаясь к Кейт.

– Кто обнаружил тело? – спросила Кейт.

– Парочка туристов, – сказал Алан, оторвав глаза от документов.

– Это же Хай Тор. Вроде это один из пунктов леттербоксинга, – сказала Кейт.

– Леттербоксинг? [\[160\]](#) – спросила Варя.

– Да, слышали что-нибудь об этом?

– Рискну только предположить.

– Вы ничего не слышали о леттербоксинге и работаете на этой территории?

– Меня направили сюда месяц назад, – сказала Варя. – Доктор Хэксам, если бумаги в порядке, распишитесь, пожалуйста.

– Я бы проверила почтовый ящик на случай если он оставил там еще одну записку, – сказала Кейт.

– Здесь нет почтового ящика, – сказала Варя, обводя рукой пейзаж.

– Они обычно спрятаны в скале, – сказал Алан, не отрываясь от бумаг.

Кейт понимала, что он нарочно тянет время. Варя не может спровадить ее, пока не получит подпись Алана.

Кейт пошла следом за Варей вокруг холма, мимо тела, которое уже убрали в черный мешок и погрузили на носилки. Варя достала фонарик и осветила им на гладкий камень в основании холма.

– Вот тут маленькая металлическая дверка в скале, – сказала Кейт.

Варя натянула резиновые перчатки, Кейт взяла у нее фонарик и светила на ящик, пока та поворачивала щеколду и открывала дверцу.

– Тут открытка, – сказала Варя, доставая ее наружу. На открытке был изображен знаменитый паб «Ямайка Инн» в Бодмин-Муре. Большое здание, расположившееся посреди болот, и изображение вывески крупным планом: смуглый пират с желто-синим попугаем на плече.

Паб «Ямайка Инн» показался Кейт знакомым, но ей не терпелось увидеть, что написано на открытке. Она обрадовалась тому, что Варя не отогнала ее, когда перевернула открытку.

ВОТ И ТЕЛО НОМЕР ТРИ, И НАКОНЕЦ-ТО
ВЫ, КЛОУНЫ, НАЧАЛИ ДОГОНЯТЬ.

Я ВИДЕЛ НОВОСТИ. КАК ПРЕКРАСНО, ЧТО
ДЕЛО ВЕДЕТ ЖЕНЩИНА. СЦЕНА ГОТОВА.
АКТЕРЫ СОБИРАЮТСЯ ВМЕСТЕ.

Я УЖЕ ПРИСМОТРЕЛ НОМЕР ЧЕТЫРЕ.

ФАНАТ

– Почерк, похоже, тот же, что и на предыдущих записках, – сказала Кейт.

– Проверьте на отпечатки пальцев и любые следы ДНК, – сказала Варя, убирая открытку в пластиковый пакет для улик и протягивая присоединившемуся к ним Джону.

– Если у нас есть какие-то сомнения в том, что это подражатель, то вот подтверждение, – сказала Кейт.

– Нет никаких «нас», – огрызнулась Варя. У нее в кармане запищала рация. – Слушаю.

– Тело увезли. Мы можем прислать группу утром, чтобы они с рассвета начали прочесывать территорию, – произнес голос по рации.

– Принято, – сказала Варя. Они вернулись назад, и полицейский передал Варе бумаги от Алана Хэксама. – Документы подписаны, а это значит, что вы должны уйти, – сказала Варя.

Кейт видела, что ей с трудом удастся сохранять спокойствие.

– У вас есть мой номер, если вдруг вам что-то понадобится, – сказала Кейт, но Варя проигнорировала ее слова и направилась к своей

команде.

Кейт пошла назад к полицейскому заграждению и сдала комбинезон. Она нашла Тристана у машины. Он весь дрожал. Кейт завела двигатель и прибавила обогрев на максимум. Холод и сырость пробрали ее до самых костей. Они двинулись в сторону дороги и нагнали фургон криминалистов, медленно двигавшийся по неровной земле. Внезапно загорелись стоп-сигналы, и фургон резко остановился, отчего Кейт пришлось дать по тормозам. Их машину слегка занесло, и они остановились всего в нескольких сантиметрах от фургона.

– Черт, еще бы немножко, и... – сказала Кейт, сдавая назад.

– Было бы не очень здорово въехать в зад криминалистам, которые везут тело, – сказал Тристан.

Пассажирская дверь фургона открылась, и оттуда выскочил Алан Хэксам. Он помахал рукой и подошел к машине со стороны Кейт. Она опустила стекло.

– Слушай, Кейт, один из моих коллег сказал мне, что слышал по радиации, будто ты прошла на место преступления как частный детектив.

– Прости, у нас с собой были только права. Мы не знали, что лучше сказать.

– Я не особенно в восторге от частных детективов как таковых. Многие из них просто извращенцы, которые ковыряются в чужом грязном белье и следят за неверными мужьями...

– Алан, я не из этих...

– Конечно, нет. Я имею в виду, что ты – идеальный кандидат на роль частного сыщика... Я просто хотел сказать: сделала бы ты себе визитки. Я понимаю, это просто бумажки, но на регистрацию уйдет очень много времени. И если я чем-то могу тебе помочь, в пределах моей профессиональной этики, разумеется – можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо, – удивленно сказала Кейт.

– Что ты думаешь по поводу этого старшего инспектора, Кэмпбелл?

– Сложно сказать. Она не знает местность, но она сообразительная – научится, – сказала Кейт, не желая прилюдно поливать грязью офицера, ведущего дело.

– Будем надеяться, что она научится быстро, – сказал Алан. – И как, еще раз, зовут твоего помощника?

- Тристан, – он перегнулся через Кейт, протягивая Алану руку.
- Рад встрече, – сказал Алан, пожимая ее. – Ты хорошо справился.

Не наблевал.

- Спасибо.

Алан поспешил к фургону, на прощанье помахав им рукой. Кейт подождала, пока они отъедут. Голова у нее шла кругом, но не только от вида мертвого тела той несчастной девушки, но и от того совета, что дал ей Алан, – это было озарение. Долгие годы она была объектом насмешек, для всех она была нечистым на руку копом, психически больной и плохой матерью. Даже в университете – она знала, что ее газетное прошлое сыграло свою роль, – ей давали только группы коммерческих студентов, которые не получили стипендию на обучение. Может, у нее есть шанс стать профессиональным частным детективом?

27

– Ты как, получше? – спросила Кейт, когда они остановились в Эшдине у дома, где была квартира Тристана, прямо на берегу моря.

Всю дорогу он ехал с открытым окном и периодически высовывался наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Да, я справлюсь, – сказал он, включив лампочку над зеркалом. Лицо у него было серое. – Я просто чувствую себя глупо.

– Когда я в свой первый день на службе поехала на вызов, там была старушка, которую ударили битой по лицу. Было полно кровищи, и меня вывернуло чуть ли не наизнанку, – сказала Кейт.

- Правда?

– Это было в Кэтфорде, в Южном Лондоне около рынка. Все продавцы хохотали надо мной и тыкали пальцами, так что не вини себя за свою реакцию на изуродованное мертвое тело.

Он снова закрыл рот ладонью.

- Просто я понимаю, что опять увижу ее, когда закрою глаза.

– И я, – сказала Кейт. – Налей себе чего-нибудь крепкого, как анонимный алкоголик советую.

Тристан улыбнулся.

- Спасибо.

– Хочешь утром зайти на завтрак? Можем встретиться перед утренней лекцией и все обсудить.

Тристан поднял вверх большой палец и ухмыльнулся.

– Не говорите ничего про еду. Мне пора, – сказал он, открыл дверь и рванул по ступенькам на второй этаж.

Кейт наблюдала за ним, пока он поднимался наверх, в надежде, что он не разукрасит коврик у себя в прихожей.

* * *

Добравшись домой, Кейт налила себе большой стакан холодного чая и прошла в гостиную. Усевшись на стул для фортепиано, она попыталась разобраться в своих ощущениях. За прошедшие годы ее чувства притупились. Она ужаснулась, узнав о еще одной найденной девушке, но вместе с тем у нее в груди заискрилось желание расследовать это дело и разгадать загадку.

Она слегка постукивала стеклянным стаканом о зубы. Было что-то в этой открытке, которую они нашли в ящике Хай Тора.

– «Ямайка Инн»... Где же я раньше о ней слышала? – произнесла Кейт вслух.

Она допила свой чай, почти что подсознательно желая, чтобы это был «Джек Дэниелс» со льдом, но эта мысль была мимолетной, пролетела фоном и тут же растворилась. Кейт поставила пустой стакан на фортепиано и, подойдя к книжному шкафу, пробежала глазами по полкам с романами, детективами и научными сборниками. В дальний конец одной из полок была заткнута книга в твердой обложке – «Не мой сын» Энид Конуэй.

Кейт достала книгу. На обложке был коллаж из фотографий. На правом снимке шестнадцатилетняя Энид держит на руках маленького Питера. Фотография была искусственно размыта, чтобы добавить ностальгическую нотку: маленький Питер смотрит в камеру, широко раскрыв глаза, и Энид глядит на него с обожанием. Позади Энид – молодой девушки с грубыми чертами, копной длинных темных волос, в длинном струящемся платье – виднеется вывеска «Дом для незамужних матерей г. Олдерн». Из окна на них смотрит монахиня в строгом черно-белом одеянии.

На другой стороне была фотография Питера Конуэя, сделанная в день, когда он давал показания на предварительном слушании. На снимке он был закован в наручники и ухмылялся в камеру. В глазах безумие. «Безумный, гипнотический взгляд» – как описали его тогда в одной из газет. На фотографии у него все еще были швы над левой бровью – даже будучи в полубессознательном состоянии в квартире Кейт в Детфорде, он яростно сопротивлялся при аресте.

Кейт открыла книгу и пролистала страницы. Ей на глаза сразу же попала подпись и трогательное посвящение от Энид: ГОРИ В АДУ, СУКА. ЭНИД КОНУЭЙ.

Кейт вспомнила, как однажды вечером показала книгу Майре, когда та только стала ее поручителем.

– Посмотри на это с другой стороны. Моя свекровь ни разу даже не купила мне ни одной книги! – съязвила тогда Майра.

Это помогло Кейт посмеяться над всей этой отвратительной историей. Она открыла алфавитный указатель, начала просматривать и наткнулась на заголовок «Ямайка Инн» на 118 странице. С колотящимся сердцем она нашла нужный параграф.

«Мы провели столько счастливых каникул в Дартмуре. Нет ничего лучше, чем свет божий, да и Питер очень любил проводить время на свежем воздухе, он ведь рос очень слабым, болезненным ребенком, постоянно мучился простудами и кашлем. У нашего местного vicария, Отца Пола Джонсона, были связи в нескольких пансионатах, принадлежавших Христианской общине, и нам было позволено останавливаться там, часто бесплатно, во время наших каникул. Нашей первой остановкой был „Брюэрз Инн“. Это был маленький уютный паб в глуши с видом на Хай Тор...»

Как громом пораженная от упоминания холма, Кейт чуть не выронила книгу. Она продолжила читать.

«В первый день мы собрали все для пикника и забрались на Хай Тор, потому что Питер очень

хотел попробовать найти ящик для лeттербоксинга. В нескольких местах в Дартмуре установлены почтовые ящики, где можно оставить открытку для следующего человека, который найдет ящик и откроет его. Когда мы дошли до вершины холма, то оказались слегка разочарованы, потому что в почтовом ящике ничего не было. В „Ямайка Инн“, одном из пабов, в которых мы останавливались, Питер купил открытку, и эту открытку, адресованную мне с милой подписью, он и положил в ящик. А потом, через пять недель после того как мы вернулись домой, открытка вернулась с почтовой маркой из Австралии, из Сиднея! Женщина, владелица приюта для собак, была в Британии на отдыхе и везла открытку с собой, всю дорогу до дома, чтобы отправить ее оттуда...»

Кейт открыла приложение с фотографиями в конце книги, напечатанными на глянцеваy бумажe, и на третьей странице она нашла две картинки, «Ямайка Инн» спереди и сзади и обратная сторона открытки, коряво подписанная Питером.

Дорогая мамочка.

Мы замечательно проводим время в Девоне, и я не хочу, чтобы оно заканчивалось. Я люблю тебя больше всего на свете.

Питер хххх

Кейт пошла на кухню, налила себе еще холодного чая и начала просматривать алфавитный указатель в поисках других мест, где были найдены жертвы: автосвалки «Девять Вязов» и Охотничьего холма у реки.

* * *

На следующее утро, двигаясь в сторону берега после заплыва, Кейт увидела, как по песку ей навстречу шагает Тристан.

– Доброе утро! – крикнул он, помахав в воздухе белым бумажным пакетом. – Я принес завтрак!

Когда Кейт вышла из воды, он отвел глаза, протягивая ей халат, который она оставила на песке вместе с полотенцем.

– Хотите есть? – спросил Тристан, когда она надела халат.

– Умираю с голоду, – сказала Кейт, завязав пояс и вытирая полотенцем мокрые волосы.

Они поднялись по песку вверх, зашли в дом, и Кейт поставила чайник. Тристан принес два здоровенных пшеничных ролла с жареным яйцом и беконом. Они начали есть, не дожидаясь чая.

– Боже, это здорово, – сказала Кейт, откусив большой кусок. Ролл был свежий, с растопленным сливочным маслом, мягким, но не жидким желтком и хрустящим беконом. – Где ты их взял?

– Придорожное кафе на съезде с главной улицы в городе.

Они расправились с роллами, и Кейт налила чай.

– Спасибо. Это прямо то, что надо, – сказала она, поставив на стол две дымящиеся кружки. – Ты как сегодня? – Тристан неловко кивнул, делая глоток. – Хорошо. Взгляни-ка вот на это.

Она через стол пододвинула к нему книгу. Он посмотрел на обложку и заглянул внутрь.

– Блин, мне кажется, это самое гадкое посвящение, которое я видел, – сказал Тристан.

– Мне показалась знакомой вчерашняя записка на открытке с пабом «Ямайка Инн». Летом 1965, когда Питер был маленьким, Энид возила его на каникулы в Девон. В книге она перечисляет места, где они были. Я их стикерами отметила.

Тристан открыл первую закладку. Кейт продолжила.

– Они выехали из Лондона на стареньком «Форде „Англия“», и у них лопнул ремень вентилятора. Они в этот момент были непонятно где и случайно наткнулись на автосвалку «Девять Вязов». Энид разговорилась с мужчиной, который там тогда работал. Он заменил им ремень и помог найти дорогу... – Кейт подалась вперед и перевернула страницы. – Потом они устраивали пикник на Охотничьем холме. Они сидели на берегу и ели сэндвичи с тушенкой. Гляди. – Кейт указала на фотографию маленького Питера на покрывале для пикника на берегу

реки, сверкающей в лучах солнца. Она снова перевернула страницы и указала на другое фото. – А вот тут Питер на Хай Торе, кладет открытку в почтовый ящик.

– Господи, сколько еще мест она упоминает?

– Котэхил Хаус, роскошное местечко, которым владеет Национальный фонд. Энид зашла в чайную комнату купить Питеру попить, но их проигнорировали. Отказались обслуживать. Они спускались в средневековые гробницы и ходили в Замок Дрого, он расположен на границе Дартмура, и у него огромная территория. На ночь они остановились на ферме в Лонстоне. На следующий день они должны были возвращаться домой. Энид услышала, как жена фермера назвала их «отребьем», и украла одну из их куриц. Она описывает, как они заталкивали ее на заднее сиденье машины, перед тем как уехать.

– Если убийца идет по книге, то он не совсем подражатель, – сказал Тристан. – Он скорее отдает ему дань или делает что-то типа ремейка на все его преступления... И что вы собираетесь делать с этим?

– Я отправила имэйл Варе Кэмпбелл и пересказала ей все это. Она ответила сразу же.

– Во сколько?

– В четыре утра. Она сказала, что теория интересная, но у нее нет столько людей, чтобы разослать их по всем этим местам. Они раскиданы больше чем на тысячу квадратных километров, так что я понимаю, о чем она говорит.

Тристан допил свой чай.

– Но это же бред. Вы дали ей мотив. План, где он может ударить в следующий раз.

– И, я уверена, она по нему пойдет, но кто знает, чем полиция еще сейчас занимается, – сказала Кейт.

– А что насчет Малкольма и Шейлы Мюррей? – спросил Тристан.

– Я оставила еще одно сообщение той соседке, но она не ответила. Слушай, что ты думаешь насчет того, что Алан вчера сказал? О том, чтобы заниматься всем этим легально, как частные детективы.

– Я думаю, это потрясающая идея. Мне было так интересно читать материалы всех этих старых дел, когда я готовился к вашим лекциям. Для нас это шаг вперед, но ведь это будет подработка, да? – спросил Тристан.

Кейт кивнула. Она видела, что Тристан переживает из-за денег, и вспомнила как он говорил, что, прежде чем попасть в университет, он долго сидел без работы, и хотя расследование исчезновения Кейтлин было делом очень увлекательным и захватывающим, оно не предполагало никакого заработка.

– Впереди неделя для самостоятельной подготовки, можем использовать ее, но иногда придется поработать и во внеурочное время. И я хочу оформить все официально, тогда я смогу платить тебе за переработку, помимо оплаты ассистентской работы, – сказала Кейт.

– Окей, – сказал Тристан.

Они пожали руки. Внезапно Кейт снова почувствовала, как ее охватывают сомнения. Когда они зарегистрируются официально, это больше не будет просто интересным хобби и способом проведения досуга.

– Мы уже попытались выяснить, что случилось с Кейтлин, – сказала Кейт. – Поначалу я думала, что Малкольм и Шейла просто цепляются за соломинки, а Кейтлин убил Питер Конуэй, и я знаю, что тут мы зашли в тупик, но все-таки есть кое-что, что меня беспокоит. Пол Адлер и Виктория О’Грейди.

– После нашей переписки что-то изменилось. Когда мы встретились с ней лично, она уже говорила по-другому. Вы думаете, она разговаривала с ним? Я знаю, мы никак не можем это доказать.

– Я тоже так подумала, – Кейт снова взяла в руки книгу. – Этот человек, кем бы он ни был, копается в прошлом Питера Конуэя в поисках вдохновения. А мы копаемся там же, чтобы понять, что случилось с Кейтлин. Здесь есть какая-то связь, и, мне кажется, нам нужно узнать больше о последних трех жертвах этого подражателя. Это может дать нам ответы о судьбе Кейтлин, и мы сможем понять, кто за всем этим стоит.

Кейт замолчала. Как только она произнесла все это вслух, ее уверенность начала улетучиваться. Она отогнала это ощущение подальше.

– Я хочу узнать об этих трех жертвах: Эмме Ньюман, Кейше Смит и об этой, самой последней. У нас нет доступа к полицейским файлам, но мы можем поговорить с людьми. У нас есть интернет. У нас есть доступ к университетским микрофильмам. У нас есть Алан Хэксам.

– А еще у вас по расписанию есть лекция через двадцать минут, – сказал Тристан, глядя на часы.

– Черт! Надо быстрее собираться. Давай встретимся после лекции и продолжим.

28

После лекции Кейт и Тристан вернулись в кабинет, вооружившись стаканчиками с кофе. Кейт удалось найти статью, опубликованную летом, после того как было обнаружено тело Эммы Ньюман. Статья была из местной газеты «Оукхемптон Таймз»:

«Бывшая воспитанница детского дома Манро-Дай найдена мертвой.

Эмма Ньюман (17), с шести лет проживавшая в „Детском доме Манро-Дай“ недалеко от Оукенхэмптона, была найдена мертвой на автомобильной свалке „Девять Вязов“ на границе Дартмура. Эмма числилась пропавшей без вести в течение двух недель, пока ее тело не обнаружил работник автосвалки. За несколько месяцев до ее исчезновения друзья Эммы начали беспокоиться за нее. Незадолго до этого она была арестована за хранение наркотиков и вымогательство. Дженис Рид, директор детского дома, говорит, что, живя в доме, Эмма была „прелестной маленькой кнопочкой“, но в последнее время они потеряли с ней контакт. В полиции смерть Эммы считают насильственной, но подозреваемых пока нет».

– Не хочешь поискать что-нибудь об Эмме на «Фейсбуке»? – спросила Кейт. – Я попытаюсь найти журналиста, который написал эту статью, и позвоню этой Дженис Рид, управляющей детским домом.

Перед обедом они снова встретились, чтобы поделиться тем, что успели найти. Кейт несколько часов просидела на телефоне и сделала кучу записей.

– Так, Эмма жила в детском доме Манро-Дай с шести лет, – сказала Кейт. – Ее мать-одиночка была наркоманкой и умерла при родах. Другой родни у нее не было. Я поговорила с Дженис Рид. Достаточно плодотворно. Эмма была счастливой активной девочкой. Когда она в шестнадцать лет ушла из детского дома, казалось, ее ждет хорошее будущее. Она хорошо сдала экзамены. У нее были друзья. Ей помогли найти небольшую квартирку в Оукенхэмптоне, она смогла получить пособие и найти подработку. Планировала поступить на подготовительные курсы.

– Она ушла из детского дома в шестнадцать? – спросил Тристан.

– Она уже официально считалась взрослой.

– Черт возьми, я вообще не представляю, как бы я один прошел через все это в шестнадцать.

Кейт подумала о Джейке. Меньше чем через два года ему тоже будет шестнадцать.

– Дженис сказала, что Эмма поступила на подготовительные курсы в местный колледж, но проучилась там только год и в июле бросила. Она сказала, что проблемы начались в феврале прошлого года, когда ее задержали за вымогательство. Дженис говорит, что Эмму не могли опознать две недели, в итоге использовали зубную карту. Никто не заявлял о ее исчезновении. Дженис сказала, что в последний раз видела Эмму в конце июля. Она была в плохом состоянии и очень подавлена, после того как ее парень Кир уехал на шесть недель в Штаты. Он перестал отвечать на ее сообщения. Больше Дженис ее не видела. Она пыталась дозвониться Эмме за две недели до того, как ее нашли, оставила сообщение, но Эмма не ответила. Это Дженис организовывала ее похороны, на средства благотворительного фонда детского дома.

– Так, ну, я думаю, я могу заполнить некоторые пробелы, – сказал Тристан, развернув монитор своего компьютера. – Я нашел ее страничку на «Фейсбуке». Она полностью открыта, никаких ограничений по конфиденциальности.

Он открыл вкладку с фотографиями Эммы, начиная с самых старых.

– Она зарегистрировалась в 2007 году. Постов не так уж много – вот она с котом, это некоторые друзья из приюта. Тут она с Санта-Клаусом. А тут она участвует в забеге в День спорта.

Тристан переключал фотографии, а Кейт наблюдала, как Эмма росла и превращалась в молодую женщину.

– А это кто? – спросила Кейт, когда они дошли до фотографии Эммы на музыкальном фестивале с высоким парнем старше ее.

Эмма и молодой мужчина, на котором она повисла, на фото выглядели пьяными. Парню было на вид лет тридцать. У него были рыжие волосы, крупные черты лица и ярко-красные выделяющиеся губы. Он не был некрасив, но на некоторых фото, где он был гладко выбрит, его лицо выглядело странно и было похоже на пластиковую маску.

– Эта фотография сделана в июне на пляже. Судя по отметке на фото, его зовут Кир Касл.

– Ее парень Кир, – сказала Кейт. Он внезапно появился на фотографиях в начале мая и с тех пор постоянно мелькал на снимках, сделанных в парках, на пляже, в квартире Эммы и на тусовках в пабах.

– Страничка Кира недоступна из-за настроек конфиденциальности. Информации очень мало. Он обучался индивидуально. Учился в Кембридже, в разделе «род деятельности» указал, что он – музыкальный промоутер.

– Это очень широкое понятие. Или мне кажется?

– Да, он может быть менеджером музыкальной группы или раздавать CD-диски на улице, – сказал Тристан.

– Есть еще какие-нибудь особо выделяющиеся друзья? – спросила Кейт.

– Нет. Она начала регулярно выкладывать фотографии, только когда сошлась с этим парнем, – сказал он, прокручивая фотографии дальше.

Кейт наклонилась поближе. Недели шли, Эмма на фотографиях становилась все худее, одевалась все более вызывающе, и ее взгляд постепенно потух. Дальше было еще несколько фотографий с вечеринок, на одной из которых и у Эммы, и у Кира были расширены зрачки.

– Они принимали наркотики, как думаешь? – сказала Кейт.

– Похоже на то.

– Ты не мог бы добавить его в друзья?

– Зачем? У него алиби – он был в Америке, когда Эмма пропала.

– Да, но он был с ней близок. Возможно, он что-то знает.

– Ладно.

– Ты ориентируешься в музыкальных группах?

– Немного.

– Можешь сделать вид, что ты играешь в какой-нибудь?

Тристан покачал головой.

– Он проверит. Что, если сказать, что я музыкальный рекрутер?

– А что, если сделать вид, что ты работаешь на крупном пивоваренном заводе? – сказала Кейт. – Как будто ты занимаешься поиском музыкальных групп для выступления в пабах, которыми управляет компания?

– Неплохо. Молодые группы на первых порах обычно устраивают концерты в небольших заведениях.

Кейт улыбнулась и кивнула.

– Замечательно.

Тристан написал короткое сообщение и отправил заявку на добавление в друзья, после чего они пошли вниз купить кофе.

– Бинго! – воскликнул Тристан, когда они вернулись в кабинет. – Он принял!

– Господи, люди вообще понимают, что такое «Фейсбук» на самом деле? Мне вот интересно, какая бы у меня была раскрываемость, если бы я в свое время могла рыскать по профилям на «Фейсбуке»? – сказала Кейт.

Она начали изучать его профиль. Судя по многочисленным постам, он был музыкальным промоутером и журналистом. У него на странице были ссылки на три заброшенных блога, ни один из которых не просуществовал долго. В первых двух были размещены короткие статьи о концертах, а третий был создан для того, чтобы зарегистрироваться на GoFundMe. Там Кир хотел собрать три с половиной тысячи фунтов на курсы лечебного массажа рейки, но собрал всего пятьдесят четыре фунта и бросил.

– Он скрыл своих друзей, – сказал Тристан.

– Должно быть, он из богатой семьи. Зовут Кир, частная школа, Кембридж, непонятная работа, но, тем не менее, на всех фото он очень хорошо одет, – сказала Кейт.

– Он мерзкий. Лицо такое мясистое, нависающие веки. Он выглядит необычно.

– Это не обязательная характеристика серийного убийцы. Вспомни, Тэд Банди был красавчик. Питер Конуэй, опять же...

– Да, но у него глаза такие холодные, даже на фотографиях, где он вроде бы улыбается, – сказал Тристан.

Кир выложил всего несколько фотографий с Эммой, а во время его поездки в Америку, за несколько недель до ее смерти, она исчезла из его новостной ленты. Кейт повернула монитор своего компьютера и загуглила его.

– Ага, – сказала она, прокручивая результаты поиска. – У него есть судимость. Вот статья из местной газеты 2009 года. Кир Касл обвинялся в том, что угрожал своей девушке ножом. Это была не Эмма. Имени нет. Он отделался штрафом и получил сто часов общественных работ.

– Думается мне, у него было на это время, – сказал Тристан, глядя в экран. – Должно быть, он мог себе позволить хорошего адвоката.

– Есть какая-нибудь информация о семье? – спросила Кейт. Они оба снова глядели в компьютер Тристана.

– Кир ходил в частную школу Кингс Йорк в Оксфордшире. Не похоже, что он выпустился из Кембриджа. У него есть две сестры: Мариетта Фенчерч и Поппи Анструдер. Звучит пафосно. Страницы сестер, похоже, полностью закрыты, но видно, что они ходили в ту же школу, – сказал Тристан.

Кейт, задумавшись, откинулась в кресле.

– Он был тесно связан с Эммой, – сказал Тристан.

– И если он часто был в разъездах, то мог связаться и с другими девушками, – сказала Кейт. – Что, если нам организовать встречу с ним?

– Где?

– Где-нибудь недалеко. Что, если ты ему напишешь, что ты, как представитель или как там его, отвечаешь за пабы на юго-востоке и ищешь группы для выступлений. Встретишься с ним где-нибудь на людях, конечно. Начнете с работы, а потом он, может быть, расскажет что-то еще, тем более если он будет думать, что может от тебя что-то получить. Нам нужно узнать имена других людей, с которыми общалась Эмма.

– Окей, – сказал Тристан, воодушевившись. – Я отправлю ему сообщение и разговариваю с ним.

Кейт поднялась и взяла сумку и пальто, висевшее на спинке стула.
– У меня тут появилась идея. Я вернусь через час и принесу обед.

29

– Вы уверены? Они же не станут с нами разговаривать, – сказал Тристан.

Они направлялись в сторону Кредитона, небольшого городка в пятнадцати милях от Эксетера. Кейт хотела поговорить с родителями Кейши Смит, девушки, чье тело нашли у реки на Охотничьем холме.

– Вот это должно помочь, – сказала Кейт, протягивая ему маленький конверт. Тристан взял конверт и вытащил оттуда две небольшие стопки визиток, перехваченные канцелярской резинкой. – Одни с твоим именем, а другие – с моим. Мне напечатали их внизу, в копировальной комнате. Я как-то тоже оказала им услугу. Здесь по двадцать штук.

– Мне нравится, как мое имя выглядит в этом роскошном серебряном тиснении, – сказал Тристан, вертя карточку в руках.

Кейт боялась, что он будет возражать против «помощника частного детектива» на своих визитках, но, увидев, что все в порядке, вздохнула с облегчением.

– Я думаю, что честность здесь лучше всего. Скажем, что мы расследуем исчезновение девушки и, по нашему мнению, эти два дела могут быть связаны, – сказала Кейт.

Дом, принадлежащий Тэмми и Уэйну Смит, стоял на вершине отвесного холма и замыкал вереницу домиков, ползущих вверх по склону. Кейт нашла парковочное место только в самом низу.

К тому моменту, когда они добрались до верха, дыхание у обоих сбилось, и Кейт хотела постоять пару минут, чтобы его перевести, но входная дверь распахнулась, и из дома, держа в руках черный мешок с мусором, вышла худая женщина, с темными кругами под глазами.

– Ну? – сказала она. – Если вы Свидетели Иеговы, то можете валить отсюда. Я не в настроении. Последний номер «Сторожевой башни», который вы засунули мне в ящик, я кинула в кошачий туалет. – Женщина прошла мимо них и направилась к черному контейнеру у ворот.

Кейт объяснила, кто они такие, и они показали свои визитки.

Женщина оглядела их с ног до головы, внимательно изучила их одежду: Кейт была в простых джинсах, свитере и длинном пальто, а Тристан – в джинсах, яркой красно-синей куртке и зеленых кроссовках.

– Вы не из газеты?

– Нет, – сказала Кейт.

– Входите, – сказала Тэмми.

Внутри дом был обставлен дешево, но уютно. В тесной гостиной стоял продавленный диван, кресла и гигантский плоский телевизор, по которому шло какое-то дневное кулинарное шоу и шеф-повар в очках с большим воодушевлением надрезал крест-накрест ногу ягненка.

Мужчина, в котором Кейт по новостным репортажам узнала Уэйна, сидел в кресле в потертом халате и безразлично пялился в телевизор. Тэмми объяснила ему, кто они такие, и мужчина в упор посмотрел на них. Кейт мгновенно заметила, что он был пьян.

– Это Руби, вторая наша... Наша дочь, – сказала Тэмми.

Тоненькая, печальная девочка, на вид лет семи или восьми, сидела рядом с телевизором и расчесывала розовую гриву игрушечного пони. Тристан и Кейт поздоровались и сели на диван. Тэмми заняла свободное кресло.

Кейт заметила, что и Тэмми и Уэйн были заядлыми курильщиками. Они оба сразу же закурили, а на кофейном столике стояла переполненная пепельница. Кейт не могла не осуждать их за то, что они дымили в присутствии Руби, устроившейся на подлокотнике кресла, где сидела Тэмми. Руби была милой маленькой, бледной девочкой с доходящими до плеч светлыми волосами, зачесанными на косой пробор над ухом. Несмотря на то, что она была одета в розовый комбинезон, прическа, которую она носила, придавала ей не по годам серьезный вид.

– Что вы хотите знать? – сказала Тэмми.

– Когда вы поняли, что Кейша пропала? – спросила Кейт.

– Мы с Уэйном работаем по сменам на складе садового центра, – начала Тэмми. – В день, когда Кейша пропала, мы оба работали. Она должна была забрать Руби из школы.

Тэмми сделала затяжку. В лице у нее не было ни кровинки, а под глазами залегли большие глубокие тени. Уэйн, такой же бледный, с

бульдोजьим прикусом, мрачно кивнул, глядя на газовый камин в углу комнаты.

– Кейше нравилось в школе? – спросила Кейт.

То, что она говорила о их дочери в прошедшем времени, похоже, шокировало Тэмми и Уэйна. Они оба выглядели так, как будто их ударили по лицу.

– Нравилось, – сказал Уэйн. Он потер небритое лицо. На пальцах у него было несколько золотых колец, и Кейт увидела татуировки: LOVE на одной руке и HATE на другой. – Она... Она ходила в Хэтфордскую школу на подготовительные курсы по математике и естественным наукам. Мы ума приложить не можем, в кого у нее такие мозги... – дальше он сказал что-то невнятное, его голос постепенно ослабевал, и он повернул к Тристану полное отчаяния лицо.

– Она пропала по дороге из школы?

– Угу. Она забирала Руби почти каждый день, – сказала Тэмми. – Кейша ездит в школу и обратно на автобусе, а начальная школа Руби здесь, внизу.

– Какое расстояние от школы до остановки?

– Она ходит от школьной спортплощадки и садится на шестьдесят четвертый автобус, он останавливается внизу, в конце дороги.

– Она занимается спортом по вторникам и четвергам, – сказала Руби, заговорив впервые за это время.

Глядя на нее, Кейт улыбнулась.

– Каким спортом?

Руби прижалась к Тэмми, которая переложила сигарету в другую руку, а свободной обхватила дочь.

– Хоккей. У нее здорово получалось. Она была в молодежной команде.

– Мне не нравилось, что она играет, – сказал Уэйн, поморщившись, и уставился на свои ноги. – Это не для девочек. Знаю, я не должен так говорить... Да ну и хер с ним, короче, там всякие типы приходят посмотреть на их тренировки. Я их видал, выстроятся у забора и подглядывают, – от переполняющих эмоций его голос зазвучал на октаву выше.

– Это частная школа? – спросил Тристан.

– Ага. У нее была стипендия. Если вас что-то смущает. – сказал Уэйн, сверкнув глазами.

– У Кейши не появлялся недавно какой-нибудь новый приятель? Парень в школе? Или кто-нибудь постарше? – спросила Кейт.

– Не было у нее парней. Хотя лучше бы были парни, – сказал Уэйн. Тэмми бросила на него резкий взгляд.

– О, у Кейши была подружка?

– Да твою мать, не было у нее никого, – сказал Уэйн. Кейт видела, что он завелся и начинает злиться.

– Вы оба работали в ночную смену, когда она пропала?

– Вы думаете, я это сделал с моей же чертовой дочерью?

– Уэйн, она должна задать эти вопросы, – сказала Тэмми, видя, что муж выходит из себя. Она повернулась к Кейт и Тристану: – Мы оба работали в ночь с шести вечера до шести утра. Но чтобы добраться на работу со всеми пересадками, нам приходится выходить из дома в четыре.

– Во сколько вы вернулись домой в пятницу?

– В начале девятого, – сказала Тэмми.

– Погодь-погодь, – сказал Уэйн, сдвинувшись на край кресла. – Кто вы на хер такие? Полицейские?

– Уэйн, я говорила – они частные детективы! – закричала Тэмми.

– Что ты сделала, когда Кейша не вернулась домой? – спросила Кейт Руби, видя, что их время, возможно, уже подходит к концу.

– Я ждала ее, потом позвонила ей, а потом маме. Потом пошла к нашей соседке миссис Тодд.

– Я так злилась на Кейшу, – начала Тэмми. – Я думала, она умотала куда-то. Я пожаловалась Уэйну и обругала ее... – Она замотала головой, и тут ее прорвало. Руби потянулась обнять мать, но Тэмми от нее отмахнулась, уронив сигарету на затертый ковер. Руби покорно подняла и затушила сигарету.

– Могу я спросить: вы видели когда-нибудь этого человека? – спросила Кейт.

Она показала им фотографию Кира Касла с «Фейсбука». Они оба уставились на изображение. На секунду в глазах Тэмми вроде бы что-то мелькнуло, но в итоге она замотала головой. Уэйн схватил фотографию и поднес поближе.

– Это один из тех ублюдков, что отираются у спортплощадки? – сказал он.

– Мы просто хотим спросить, узнаете ли вы его. Как видите, у него достаточно приметная внешность – ярко-рыжие волосы и крупные, четко очерченные черты лица... А как насчет тебя, Руби? – спросила Кейт.

Девочка потрясла головой.

– Это один из этих папаш, да? Один из этих самодовольных мудаков...

– Уэйн! – закричала Тэмми.

– А не пошла бы ты тоже на хер! Ты его знаешь? – сказал он, держа в руках фотографию. – Ты не посмотрела как следует. Посмотри на него! – Он сунул листок ей в лицо, смяв его о ее подбородок.

– Я посмотрела! – сказала Тэмми, ударив его по рукам.

Уэйн скомкал фотографию, бросил ей в лицо и, пошатнувшись, вынужденно схватился за кофейный столик. Кейт посмотрела на Тристана, который был готов встать и вмешаться. Она помотала головой. Успокоить пьяного человека невозможно практически ничем, она это знала по горькому опыту. Все может быстро принять дурной оборот. Она обрадовалась, когда по телевизору начался выпуск новостей, который отвлек Уэйна. Они увидели знакомые кадры с места преступления двухдневной давности. Тэмми встала, чтобы взять пульт, но Уэйн ее опередил.

– Я управляю пультом, – сказал он, тыча пальцем ей в лицо.

Переступив с ноги на ногу, он прибавил звук. Это был повтор ролика: место преступления, снятое дронами с высоты, и фотография Кейши в хоккейной форме, улыбающейся, с золотым кубком в руках.

– Полиция обнаружила тело еще одной девушки, которое, как они полагают, связано с убийством семнадцатилетней Кейши Смит, – сказал диктор. Камера переместилась к подножию холма Хай Тор, где полицейские при дневном свете прочесывали местность, выстроившись в шеренгу. – Тело только что было опознано. Жертвой стала шестнадцатилетняя ученица средней школы Кармайкл Лайла Джеррард, объявленная пропавшей в прошлый четверг.

Затем последовали кадры снятого сверху школьного стадиона и небольшого пятка земли у железнодорожных рельсов. Уэйн опустил на корточки. К нему подошел Тристан.

– Эй, приятель, тебе принести что-нибудь? – спросил он, усаживая Уэйна обратно в кресло.

Мужчина разрыдался, послышались всхлипы. Руби вышла из комнаты и вернулась со стаканом воды, которую Уэйн выпил, пролив половину на подбородок.

Кейт заметила, что Тэмми полезла в шкафчик под телевизором.

– Откуда они взяли эту фотографию Кейши в хоккейной форме? Я ее никому не давала. Эта женщина из полиции взяла ее? – сказала Тэмми.

– Может, она была на «Фейсбуке»? – сказала Кейт. – Ее могли скачать оттуда.

Тэмми была поглощена фотоальбомом, листала фотографии, на которых она была беременна и полна надежд.

У Кейт сердце облилось кровью.

– Уйдите, пожалуйста, уйдите, – сказал Уэйн, зарывшись лицом в ладони. Руби подошла и подняла с пола распечатанную фотографию Кира Касла.

– Я покажу им ее еще раз, когда они успокоятся, – сказала она.

Кейт кивнула, и они с Тристаном пошли из комнаты вслед за Руби.

– С тобой все будет нормально? – спросила Кейт, когда они подошли к входной двери. Руби кивнула.

– По вечером я уйду к миссис Тодд и ночую у нее. Она хорошая. Она работала у нас в школе, регулировала движение на дороге у входа. Мама с папой и не замечают особо. Они только пьют и ругаются.

Кейт вытащила еще одну визитку.

– Если у тебя будут какие-то проблемы или если тебе будет страшно – это мой номер. Я могу помочь, – сказала она, протягивая визитку девочке. Тристан дал ей и свою тоже.

Руби кивнула.

Вернувшись в машину, они какое-то время сидели в тишине.

– Господи, это было так ужасно, – сказала Кейт.

– Да уж, – ответил Тристан.

– Третью девочку быстро опознали. Посмотрим, поделится ли Алан с нами какими-нибудь деталями вскрытия, – сказала Кейт, роясь в сумке в поисках телефона. Тристан достал свой.

– Черт, – сказал он.

– Что такое? – спросила Кейт, доставая мобильный из недр своей сумки.

– Кир Касл только что удалил меня из друзей, – сказал Тристан, повернув телефон. – Его профиль опять для меня заблокирован.

– Думаешь, он что-то заподозрил? – спросила Кейт.

– У меня не указана никакая информация о работе... – он посмотрел на Кейт. – Люди в соцсетях ведут себя странно.

– Но зачем ему удалять из друзей кого-то, кто может помочь ему сделать карьеру? Твою фотографию уже повесили на сайте университета?

– Еще нет.

Кейт посмотрела в свой телефон.

– Я узнаю по поводу вскрытия и спрошу, может ли Алан подергать за нужные ниточки и проверить этого Кира Касла.

30

После обеда никакой новой информации не поступило, и к вечеру Кейт вернулась домой с чувством тревоги. Но, несмотря на это, она была очень рада поговорить с Джейком по скайпу, особенно потому, что их обычный разговор в четверг пришлось перенести из-за его тренировки по футболу.

Он скакал по кухне, держа в руках содержимое дорожной сумки, которую он уже начал собирать, чтобы приехать к Кейт на каникулы.

– Уже меньше двух недель! – он улыбнулся. – Я попросил бабушку купить мне аквашуги, потому что там же скалы, – он показал пару ярко-зеленых резиновых тапочек.

– Чудесные, – сказала Кейт.

– Не, мам, они клевые. Не говори «чудесные». Так бабушка говорит, а она намного старше тебя.

– Это кто тут «она»? – сказала Гленда, появившись за спиной у Джейка, держа в руках пакет с продуктами, который она поставила на столешницу. – Здравствуй, Кэтрин.

– Привет, мам. Что у вас сегодня? – спросила Кейт, почувствовав, как внутри нее вспыхнула зависть. Как бы она хотела сидеть там с ними со всеми за кухонным столом.

– Лосось en croute^[161], – сказала Гленда, подняв повыше коробку. – В «Маркс энд Спенсер» делают замечательные.

– Это выпендражное название для слоеного пирога с лососем, – тихо сказал Джейк в камеру, заставив Кейт улыбнуться.

– Он у нас будет со спаржей и молодым картофелем, – добавила Гленда.

– Сможешь взять мне гидрокостюм, когда я приеду? Море же холодное будет, да?

– Да, я спрошу у Майры из серферского магазина. Хотя я плаваю каждый день без костюма.

– Да это же дичь, – сказал Джейк, тряся головой. – Ты с ума сошла.

Гленда разложила покупки и, заметив что-то на кухонном столе, подошла туда.

– Джейк, это ты все съел? – спросила она, держа в руках пустую упаковку от мармелада Nabisco со вкусом колы. Джейк помотал головой. – Я надеюсь, что нет, молодой человек. Смотри, ты опять трясешь ногой! Джейк, я не могу справиться с твоей гиперактивностью. Давай не сегодня.

Засунув пальцы в рот, Джейк растянул губы и закатил глаза так, что остались видны лишь белки.

– Это бабушка, перед тем как накраситься, – сказал он.

– Джейк, прекрати, это некрасиво, – сказала Кейт.

– Он рассказал тебе про «Фейсбук»? – спросила Гленда.

– Нет, а что? – спросила Кейт. Джейк сложил руки, и вид у него стал виноватый.

– Он удалил меня из друзей.

– Ни у кого нет бабушек в друзьях, и ты вообще *видела* ее фотографии? Она там в купальнике! – закричал Джейк.

Кейт открыла «Фейсбук», поверх окна с видеозвонком. Нашла страницу Гленды. У ее матери все еще была прекрасная фигура, и на фотографии в профиле она сидела в шезлонге в темно-красном цельном купальнике. Она сидела прямо, покрытые лосьоном худые загорелые ноги блестели на солнце. На голове, поверх идеально уложенных светлых волос, был надет козырек от солнца, подходящего к купальнику красного цвета.

– Вот это фотография, мам! – сказала Кейт.

– Спасибо. Это мы на вилле в Португалии два года назад. Ты у Джейка все еще в друзьях? – спросила Гленда.

Кейт проверила и с удивлением обнаружила, что она тоже была удалена. Она могла видеть только имя и фотографию.

– Нет. Джейк! Мы же тебе сказали, что ты можешь сидеть на «Фейсбуке», только если добавишь нас в друзья и дашь пароль от своего аккаунта, – сказала Кейт.

– Мам, ты же знаешь, что я тебя люблю, – сказал он глупым, заискивающим тоном. – Но у меня есть репутация, которую я должен поддерживать. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, прости меня, – он молитвенно сложил руки и захлопал глазами. Кейт ясно видела, что это он съел весь пакет мармелада.

– Тебе четырнадцать, какая репутация?

– Я должен быть классным, – сказал он, продолжив ухмыляться. – Это не значит, что я тебя не люблю. Я тебя люблю, но просто не на людях.

Кейт не могла на него злиться, но тем не менее он должен был понять, что к чему.

– Ты добавишь нас обоих в друзья и вышлешь нам свой новый пароль, иначе нам придется заблокировать твою страницу, – сказала Кейт.

– Вы не сможете, – сказал Джейк.

– Я работала в полиции, и у меня остались там знакомые. Они вполне могут закрыть любой профиль на «Фейсбуке» и удалить все.

– Но у меня там фотки, и сообщения, и куча лайков! – кричал он.

– Добавь нас в друзья сейчас же, и все там и останется, – сказала Кейт.

Джейк сделал, как было велено, и умчался прочь из кухни. Был слышен только отдаленный грохот, с которым он взбежал вверх по лестнице, и стук захлопнувшейся двери. Гленда устало опустилась на стул и потерла глаза.

– Спасибо, милая, – сказала она.

– Теперь он меня ненавидит, – сказала Кейт.

– Это не так.

– Легко тебе говорить. Ты можешь подняться наверх и поговорить с ним.

Гленда улыбнулась.

– Я знаю, дорогая. Почему бы тебе не перезвонить ему попозже?

Кейт кивнула. Гленда поднесла палец к губам, а затем приложила его к камере.

* * *

Это был первый раз за долгое время, когда Джейк обиделся на Кейт. Разумеется, она была права, но пока она жарила яичницу, эта ситуация не шла у нее из головы. Когда она переложила яйца на тарелку и пошла есть в гостиную, солнце над морем только начало садиться.

Закаты всегда наполняли Кейт радостью, а с наступлением ночи она мрачнела и на нее накатывало одиночество. Она посмотрела в тарелку, но есть ей не хотелось. Вернувшись в кухню, Кейт выбросила яичницу в мусорку. Она выглянула в окно и увидела, как Майра, ссутулившись, спускается к пляжу и пытается закурить сигарету, а ее белые волосы раздувает ветер.

Кейт кинула тарелку в раковину и поспешила к задней двери.

– Майра! Есть минутка? – крикнула она, следуя за женщиной по песчаному склону.

– Здравствуйте, мы разве знакомы? – сказала она. – Я не видела тебя на двух последних собраниях.

– Прости.

– Не нужно извиняться передо мной. Это твоя трезвость.

– Все так завертелось. Мы можем поговорить? Ты можешь открыть магазин? Мне нужен гидрокостюм, – сказала Кейт.

– Конечно, я возьму ключи.

В магазине стоял затхлый запах, а длинные, выходящие в сторону моря окна были заколочены до следующего сезона. Майра включила свет, и длинная флуорисцентная лампа, поморгав, осветила помещение. На полках в зале стояли консервированные и сушеные продукты, походные плиты, газовые баллоны и несколько небольших палаток.

Майра провела Кейт в отдел для серферов, где стояли стойки с вешалками, на которых висели гидрокостюмы, ласты, трубки и выцветшие картонки с рекламой серферского снаряжения, где

накачанные парни стоят рядом с грациозными девушками в бикини. Снаружи завывал ветер.

– Какой у Джейка рост? – спросила Майра, перебирая детские гидрокостюмы с сигаретой во рту. – Когда я видела его на Пасху, он не доставал мне до плеча.

Она вытащила маленький черно-синий гидрокостюм с логотипом Rip Curl на спине.

– Я видела его в прошлом месяце, он был мне по плечо, – сказала Кейт.

Майра приложила костюм к Кейт.

– Он растолстел? Некоторых детей раздувает, когда у них начинается пубертатный период. Когда мне исполнилось четырнадцать, я стала очень толстой и заносчивой, – сказала Майра.

– Он не толстый.

– Тут есть еще цвета, можешь посмотреть, если хочешь, – сказала Майра. Она закурила новую сигарету от остатков старой и бросила окурки на грязный цементный пол. Кейт перебрала костюмы на стойке. – Теперь нельзя говорить «толстый». Как-то раз женщина, которая приехала на лето, пришла с девочкой, а та была натуральная свиноматка. Я ей сказала: море изумительное и теплое, а девочка и так хорошо теплоизолирована, можете не тратить деньги на гидрокостюм.

– Не может быть!

– Ну я не кричала это на весь магазин. Отвела мать в сторону, но все равно реакция была такая, что можно было подумать, что я начала Третью мировую!

– Вот этот возьму, Джейк любит зеленый, – сказала Кейт, сняв со стойки гидрокостюм с узором, похожим на потеки зеленой краски.

– Когда он приезжает?

– Во время каникул, через двенадцать дней. Я просто хочу отправить ему фотку.

– Бери, дорогая, – сказала Майра.

– Сколько?

– А сама как думаешь? Нисколько.

– Спасибо.

– Кейт, – сказала Майра, положив руку на плечо Кейт. – Не пропусти следующее собрание, ладно?

– Да это все дело, над которым я работаю.

– Нет ничего важнее твоей трезвости. Видишь этот костюм на вешалке? Через двенадцать дней он так и останется на ней висеть, если ты сорвешься. Твоя мать близко не подпустит к тебе сына, если ты начнешь пить, – сказала Майра.

– Я знаю. Это всегда будет так сложно? Оставаться трезвой.

Майра кивнула.

– Я не пью уже двадцать три года. Я все еще хожу на собрания и встречаюсь со своим куратором. Но зато я живу.

31

Кейт отправила Джейку фотографию гидрокостюма, но за весь вечер он так и не ответил. Она уже собиралась идти спать, когда ей позвонили с незнакомого номера.

– Здравствуйте, Кейт. Это доктор Бакстер из клиники Баруэлла.

– Я уже собиралась идти спать, – сказала Кейт.

Мередит Бакстер была психиатром Питера Конуэя в лечебнице Баруэлла. Кейт считала ее несколько слишком «прогрессивной». Она всегда говорила о Питере как о «пациенте», а не как о заключенном. Два года назад она позвонила Кейт и изъявила желание наладить контакт между Кейт, Джейком и Питером Конуэем, говоря, что это может помочь выздоровлению последнего. Во время этой их беседы Кейт, в весьма красочных выражениях, объяснила Мередит, куда той следует пойти.

– Я завтра буду в Лондоне. Я бы хотела встретиться с вами, – сказала она.

– Зачем? – спросила Кейт.

– Это касается Питера и Джейка.

– Я вам уже говорила: он не будет общаться с Джейком...

– Я не об этом. Я могу встретить вас на Паддингтоне. Туда ходит скорый поезд из Эксетера.

– Я знаю, что чертов поезд туда ходит.

– Пожалуйста, Кейт. Это важно.

На следующий день Кейт встала рано. Ей понадобилось полчаса, чтобы добраться до станции Сент-Дэвид в Эксетере, и она успела только на скорый семичасовой поезд до Лондона. У нее получилось занять место со столиком, но, хотя она и взяла с собой работу,

собраться с мыслями она не могла. Кейт то и дело проверяла, не ответил ли Джейк, но сообщений от него не было. Она прибыла на вокзал Паддингтон около девяти и нашла Мередит, ожидавшую ее за столиком в «Старбаксе».

Мередит была миловидной женщиной, чуть за сорок, с длинными светлыми волосами с рыжеватым отливом, собранными в высокий хвост. На ней были джинсы, красный шерстяной свитер и короткая джинсовая куртка, а рядом с ней лежал черный кожаный портфель. На шее у нее висело заламинированное удостоверение, подтверждающее ее врачебную квалификацию.

– Я позволила себе заказать вам капучино, – сказала Мередит. – Присаживайтесь, пожалуйста. – у нее был успокаивающий голос, и Кейт задумалась, была ли это просто манерность или она так разговаривала и дома, упрасывая мужа помыть посуду? Половина мест в «Старбаксе» была свободна, но у кассы выстроилась огромная очередь из пассажиров, ожидающих своих заказов навынос. Кейт была рада, что в зале стоял шум работающих кофемашин и гул объявлений по громкоговорителям.

– Вы меня заставили понервничать. Я почти не спала всю ночь, – сказала Кейт.

– Простите, но я правда хотела поговорить с глазу на глаз и решила, что вы не захотите приехать в лечебницу...

У Кейт зазвонил телефон, она достала его из сумки и увидела сообщение от Тристана.

– Вам надо ответить?

– Нет, – сказала Кейт, засовывая телефон обратно в сумку.

– Переписка моих пациентов конфиденциальна, но одно сообщение, адресованное Питеру, было изъято, потому что оно нарушает запрет на общение, который наложили по вашей просьбе, – Мередит вытащила из сумки письмо и положила на стол. Маленький коричневый конверт, надписанный от руки черными чернилами. В правом верхнем углу было написано

ОТ ФАНАТА

От одного вида этих слов Кейт замутило.

– Вы сняли отпечатки? – спросила она.

– Нет. Зачем нам это делать?

– Что внутри? – спросила Кейт. Она открыла конверт и достала листок бумаги. Это была распечатка страницы Джейка на «Фейсбуке» с его фотографией. Внизу тем же самым почерком было написано:

Я – ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ВЫ УВИДЕЛИ, КАК ОН ЖИВЕТ.
ЕМУ СКОРО БУДЕТ ПЯТНАДЦАТЬ! КТО ЗНАЕТ,
МОЖЕТ БЫТЬ, ОН ПОЙДЕТ В ОТЦА...

ФАНАТ

– Я понимаю, это ужасно и может шокировать, просто помните, что кто угодно может сделать эту распечатку и отправить. Страница Джейка в свободном доступе. Нет ничего незаконного в том, чтобы использовать ее в личной переписке, – сказала Мередит. Ее голос звучал раздражающе спокойно.

Стоило Кейт увидеть, что письмо было от Фаната, как у нее чуть сердце не вырвалось из груди и затряслись руки. Она подумала о Джейке, о его страничке и о том, как он удалил из друзей Гленду. Она достала телефон и набрала номер матери, но телефон был отключен, и звонок сразу ушел на голосовую почту.

– Мам, перезвони мне сразу, как только сможешь. Это срочно, – сказала Кейт.

Они сидели за столиком у большого окна, выходящего в вестибюль вокзала. Напротив был магазин, где продавали элитный алкоголь. В витрине возвышалась пирамида из бутылок с водкой «Абсолют», а перед магазином стояли два симпатичных молодых человека с полной тележкой маленьких дегустационных стаканчиков, заполненных прозрачной жидкостью.

– Кейт? Кейт? – сказала Мередит. Кейт повернулась к ней. – Вы в порядке?

«В порядке ли я? – подумала Кейт. – У тебя степень по психологии, и ты спрашиваешь, в порядке ли я? Да ты понятия не имеешь, как я зла и напугана!»

Кейт снова достала телефон и нашла фотографию записки, найденной на автосвалке «Девять Вязов». Она показала фото Мередит

и пересказала ей всю историю с погибшими девушками и найденными записками. Когда Кейт закончила, Мередит откинулась на спинку кресла.

– Выскажите, Кейт. Не стоит закупоривать свои чувства.

Кейт едва смогла устоять перед искушением схватить Мередит за волосы и приложить лицом о стол.

– Это первая подобная записка, которая пришла Питеру? От Фаната? – спросила Кейт, пытаясь говорить спокойно.

– Нет. Он получает столько писем из разных мест, от разных людей, и многие из них называют себя его фанатами.

– Нет, я имею в виду конкретно эту подпись «ФАНАТ»?

– Я не могу обсуждать содержимое его личных писем...

– Да господи ты боже мой! Вы вызываете меня сюда, показываете это письмо, а потом говорите, что не можете обсуждать его? – сказала Кейт, ударив по столу кулаком.

– Кейт, мне нужно, чтобы вы успокоились.

– Вы ведь психолог. Просить успокоиться кого-то, кто расстроен, вообще когда-нибудь помогает?

– Кейт, я на вашей стороне. Вы знаете, что все контакты Питера с внешним миром находятся под наблюдением. Все входящие, исключая то, что приходит от его адвокатов, проверяются. Как бывший полицейский вы должны это знать.

– Детектив полиции, – сказала Кейт. Она на секунду замолчала и сделала глубокий вдох. – Пожалуйста, взгляните на почерк на этом письме и на записках с мест преступлений. Это одна и та же рука.

Мередит глянула на распечатку и на фото.

– Не знаю. Похоже, но я не графолог. Конечно, я теперь сообщу об этом в полицию. Но вы должны понимать, Питеру приходит много необычных писем.

– Полиция хоть раз проверяла его почту? Просто скажите, да или нет?

– Да, они присылают запросы регулярно. Один или два раза в год, и они не обязаны объяснять нам причину проверки.

– Значит, есть вероятность, что этот человек поддерживает с Питером общение?

– Нет.

– К нему приходит много посетителей?

– Кейт...

– Господи боже, Мередит! Мой сын в опасности! Согласно судебному запрету Питер не может вступать с ним в контакт, а тут кто-то присылает ему это дерьмо! У вас ведь есть сын? Почему вы не можете проявить ко мне такое же сострадание, какое вы проявляете к этим своим педофилам и убийцам?

Несмотря на невозмутимую манеру поведения, Мередит сжала зубы и провела рукой по волосам.

– Питеру поступает очень мало звонков. Все прослушиваются и записываются. И приходит к нему очень мало человек. Он встречается со священником, с которым познакомился по переписке. Он приходит раз в полтора месяца, и во время встреч между ними всегда стекло. Если к Питеру приходит адвокат – то же самое, через стекло.

– Питер все еще агрессивен?

– Кейт, я уже и так сказала вам больше, чем должна была. Я не могу комментировать его психическое состояние... Лицом к лицу он встречается только с Энид. Они видятся дважды в неделю. Все время за ними пристально наблюдают, и до и после свидания их обоих обыскивают.

– Они обсуждали между собой это дело? Недавно найденные тела девушек?

– Нет.

– Когда он последний раз встречался с адвокатом?

– На прошлой неделе. Это было специальное посещение. Вы знаете, кто его представляет? Терренс Лэйн – очень уважаемый адвокат, специализирующийся на правах человека. Он не станет рисковать своей карьерой. Да и ради чего? У Питера на счету всего лишь несколько сотен фунтов... Но это – конфиденциальная информация.

– Посмотрите еще раз на эту записку. Похоже, что он продолжает диалог. Он не представляется... – Кейт потерла лицо. – Мне пора... – Она резко встала и сфотографировала письмо на телефон.

– Я могу еще что-нибудь сделать? – спросила Мередит. – Я передам это в полицию.

– Общитесь Питера Конуэя еще раз, по-настоящему. В смысле переверните всю его камеру. Общитесь всех, кто с ним общается. В том числе сотрудников лечебницы.

– У моих пациентов есть права и... – начала Мередит, в ее успокаивающем голосе зазвучали угрожающие нотки.

– Я только надеюсь, что вы никогда не столкнетесь лицом к лицу с вашими подопечными, – сказала Кейт. – Если бы вы хоть немного побыли в моей шкуре, вы бы по-другому относились к их гребаным правам человека!

Кейт схватила сумку и вышла из «Старбакса».

Она поспешила к ближайшему туалету, который находился под вестибюлем. В туалете было пусто, и Кейт закрылась в одной из кабинок. Там она дала волю слезам и почувствовала некоторое облегчение. Через мгновение она услышала скрип ведра на колесиках и стук в дверь.

– Что вы там делаете?

– Ничего. Уходите, – сказала Кейт, глотая воздух и не желая выдавать голосом свои эмоции.

Повисла пауза, а затем ведро покатило дальше. Кейт вытерла глаза и достала телефон. Сигнала не было. Она сделала несколько глубоких вдохов, а затем вышла из кабинки и направилась обратно на вокзал. Она пыталась дозвониться матери, Джейку, отцу, даже брату, но никто не отвечал. Она позвонила в школу Джейка, но секретарь довольно ханжеским тоном сообщила, что Джейк «занят на уроке».

Кейт поймала себя на том, что топчется внизу вестибюля, совсем рядом с магазином элитного алкоголя. Выставленные в витрине бутылки призывно переливались мягким светом, а перед входом в магазин стояли высокие темноволосые красавцы, предлагавшие попробовать напиток.

– Не желаете попробовать «Абсолют Эликс»? – спросил один из парней, наклонившись к Кейт через тележку, полную пластиковых стаканчиков. Прозрачная жидкость заблестела. Кейт взяла стаканчик. – Ее перегоняют через медный котел, очень мягкий вкус, – добавил он с улыбкой.

Он был само совершенство – гладкая кожа и растрепанные темные волосы. Маленький пластиковый стаканчик охлаждал ей руку. Водка была очень холодная, да и ее было так мало. Только глоточек. Мужчина и женщина, оба приятные и хорошо одетые, взяли по стаканчику и опрокинули содержимое в рот.

– Очень хорошо, – сказал мужчина. Женщина согласно кивнула. Они поставили пустые стаканчики обратно на тележку и пошли дальше.

Кейт отошла от них и пошла в сторону тихого местечка, где около столбов парковались фургоны. Там стоял большой темно-красный фургон Королевской почты. Все внимание Кейт было приковано к крошечному, все еще холодному стаканчику, и исходящему от него прохладному острому запаху по-настоящему хорошей водки.

Все происходило как будто в замедленной съемке. Кейт повернулась и увидела молодых парней, стоявших на своем месте с полными тележками. Она запросто могла взять еще.

Кейт уже начала подносить стаканчик ко рту и не заметила мужчину с коробкой, полной посылок. Он задел ее руку, маленький стаканчик упал на пол вестибюля, и крошечная порция водки разлетелась по полу крошечными брызгами.

– Осторожно! – буркнул мужчина, обходя Кейт, и она тут же пришла в чувство.

Попятившись в сторону от маленького, лежащего на боку стаканчика и растекающейся по полу водки, Кейт поспешила прочь, мимо алкогольного магазина на свою платформу. Она приняла за знак, что до отправления скорого поезда оставалась всего минута. Она побежала по платформе и запрыгнула в вагон, когда двери уже начали закрываться.

32

По дороге домой Кейт немного успокоилась. Она нашла тихий уголок, где смогла поговорить с Глендой, и та обещала связаться с полицейским, к которому они были прикреплены уже несколько лет.

– Кейт, он в безопасности. Школа охраняется, и они там знают о ситуации с Джейком.

– Держи меня в курсе, мам. И пусть Джейк ответит на мое сообщение, я хочу знать, что он думает по поводу гидрокостюма, который я ему отправила.

– Конечно. Милая, ты в порядке?

Кейт посмотрела на проносящийся за окном пейзаж. Она не хотела думать о том, что чуть было не сорвалась.

– Я в порядке, – сказала она и положила трубку.

Но телефон зазвонил снова. В этот раз это был Тристан. Кейт кратко пересказала ему все, что случилось, умолчав про то, что она чуть не выпила.

– Я успею приехать к трехчасовой лекции, – сказала она.

– Здорово. Слушайте, я только что увидел в интернете, что сегодня в семь часов вечера, в Топшеме, в городке, где жила третья жертва, Лайла, будет траурное шествие со свечами в память о ней. Это всего в десяти километрах от Эшдина. Там можно будет поговорить с людьми, узнать больше информации, тем более если городок маленький...

«У меня лекция с трех до четырех, в пять встреча с Майрой на собрании анонимных алкоголиков. Потом можно поехать в Топшем», – быстро прикинула Кейт.

– Хорошо, давай съездим, – сказала Кейт. Ей необходимо занять себя. Это поможет отвлечься от всего остального.

* * *

В тот же день вечером Питер отжимался у себя в камере, когда раздался стук в дверь. Уинстон открыл окошко.

– Питер, нам необходимо обыскать твою комнату, – сказал он.

– Зачем?

– Обычная проверка, – сказал Уинстон, бесстрастно глядя на него.

Питер подошел к окошку, на него надели наручники, капюшон и вывели в коридор. Уинстон стоял рядом с ним, пока Тэррелл натягивал свежую пару резиновых перчаток.

– Ничего не хочешь мне рассказать, перед тем как я войду? – спросил он.

– Нет, – ответил Питер. Тэррелл зашел в камеру и закрыл дверь.

Питер старался сохранять спокойствие. Он хранил письма от Энид и от Фаната в капсулах, в большом пузырьке с витамином С. Он решил, что рулончики белой бумаги, спрятанные внутри, выглядели просто как полные капсулы. Он надеялся, что Тэррелл не заметит, что ручка радиатора неплотно прилегает к стене. Жаль было бы лишиться этого тайника.

– С тобой все в порядке, Питер? – спросил Уинстон. – Ты вспотел.

– Я делал упражнения, – ответил Питер, радуясь, что в этот раз ответил правду. Он заметил, что одежда на нем стала сидеть намного лучше.

Рация Уинстона засигналила. Вызывали медиков в одиночную палату.

– Срочно. У нас тут пациент запутался в новой колючей проволоке... – Уинстон потянулся к колесу на рации и убавил громкость.

– Новая колючая проволока? – спросил Питер. – Кто-то пытался сбежать? Я не слышал, чтобы срабатывала сигнализация.

– На стенах во дворе для тех, кто находится в изоляторе, поставили новую колючую проволоку, – сказал Уинстон.

– Как он пробрался через сетку? – спросил Питер.

– Ее убрали, – сказал Уинстон. – Слишком уж много птиц в них попадает и умирает. Каждый раз доставать их оттуда очень дорого... – Уинстон понял, что сказал лишнего, и замолчал. Питер был одним из немногих вменяемых пациентов, а Уинстон – приятным парнем, и Питер заметил, что тот время от времени начинал разговаривать с ним, как с обычным человеком. Дверь открылась, и из камеры Питера вышел Тэррелл.

– Все хорошо, – сказал он. – Нам просто нужно тебя проверить, Питер.

Они зашли в камеру и провели личный досмотр, светя маленьким фонариком во все места, где он мог что-нибудь спрятать.

Питер услышал, как они пошли дальше по коридору, проверять другие палаты.

«Теперь во дворе нет сетки, – подумал он. – Это все меняет».

Он оторвал клочок бумаги и начал писать еще одну записку, чтобы при встрече передать Энид.

* * *

Мерedit ждала Уинстона и Тэррелла у входа в крыло G. Встреча с Кейт напугала ее, и по дороге обратно в лечебницу ее беспокойство по

поводу того, что Питер может каким-то образом тайно с кем-то общаться, только выросло.

– Во всех комнатах чисто, – сказал Уинстон. – Мы нашли несколько записок с едой, но это все. Никаких писем. Никакого оружия, и ничего запрещенного.

Мерedit кивнула и зашагала взад-вперед.

– Вы на сто процентов уверены, что проверили всех пациентов, кто вступал хоть в какой-то контакт с Питером? – спросила она.

– Он контактирует с другими пациентами только во время групповой терапии с вами каждую неделю, – сказал Уинстон. – И мы просмотрели все.

– А что насчет сотрудников? – спросила она.

– Мои ребята вне подозрений, – сказал Уинстон, помрачнев. – Мы проходим досмотр, когда приходим и уходим.

– Я хочу, чтобы вы проверили все помещения для сотрудников, и хочу поговорить со всеми, кто работает и работал в крыле G за последние три месяца. И хочу все это немедленно.

– Разумеется, – сказал Уинстон. – Только и я хочу сразу сказать, что у меня работают верные и порядочные ребята, они все – надежные люди. Иначе и быть не может. Я с уверенностью могу заявить, что никто из них не будет помогать заключенному, передавая ему сообщения или запрещенные предметы.

Мерedit посмотрела на Уинстона. Он сильно рисковал, говоря это.

– Я это учту. Пожалуйста, осмотреть все нужно сейчас же. Закройте все помещения. Никто никуда не уйдет, пока мы не закончим.

33

Кейт и Тристан приехали в Топшем в половине седьмого и припарковались на жилой улице на окраине городка. При себе у них были два маленьких фонарика, несколько свечек и спички они сложили все в рюкзак Тристана и пошли вниз в сторону главной улицы города. Кейт постаралась отодвинуть воспоминания об утренних событиях как можно дальше. Она сходила на собрание одна и сидела в дальнем ряду, слушая вполуха и размышляя о деле. Кейт понимала, что

надо поговорить с Майрой, но ей не хотелось упустить возможность присоединиться к шествию и собрать новую информацию.

Приблизившись к главной улице, они оказались в толпе. На рыночной площади стояли припаркованные фургоны *BBC* и нескольких местных телеканалов. Воздух был заряжен энергией, которую Кейт никак не могла объяснить. Складывалось ощущение, что у людей, у которых никогда не было голоса, он вдруг появился. Топшлем производил впечатление благополучного, приятного для жизни места, в городке было полным полно традиционных лавок, переживающих второе рождение: сырные и мясные лавки, пекарни пристроились рядом типичными для центральных улиц почтовыми и банковскими отделениями. Для автомобилей главная улица была перекрыта, дежурил полицейский патруль: небольшой полицейский фургон и шесть слоняющихся вокруг офицеров в форме.

Кейт и Тристан порадовались, что надели шерстяные шапки и перчатки, потому что воздух был морозный и по мере того, как чернело небо и зажигались уличные фонари, становилось только холоднее.

Шествие должно было пройти вверх по главной улице и завершиться у церкви.

– Все эти магазинчики должны были закрыться полшестого или в шесть, – сказал Тристан, когда они проходили мимо мясной лавки и пекарни.

– Не закрываются из-за собравшейся толпы, – сказала Кейт. – Не могу представить, что друзья или кто-то из членов семьи задержится здесь, после того как все закончится, если они вообще придут.

Глядя на это все, Кейт уже не была уверена, что у них будет возможность поговорить с кем-нибудь, а если она и представится, то начать допрашивать людей по поводу их алиби будет не очень уместно.

В начале центральной улицы репортер местного телеканала, пробившийся в центр толпы, брал интервью у мужчины и женщины. Они оба были хорошо одеты и стояли с грустными и подавленными лицами, по бокам от них были мальчик и девочка.

Пальто на них были расстегнуты, и внизу виднелись футболки с надписью «ВЫ ВИДЕЛИ ЛАЙЛУ? ПОЗВОНИТЕ 0845 951 237» и фотографией улыбающейся в камеру девушки.

– Мы хотим почтить память нашей дочери и хотим, чтобы расследование продолжилось, – сказал отец Лайлы. Он был очень привлекателен и вел себя весьма сдержанно. – Мы обращаемся ко всем, кто располагает какой-либо информацией, и просим этих людей связаться с полицией по этому номеру.

Мать Лайлы, неспособная говорить, жалась к мужу. Брат и сестра молчали и, казалось, до сих пор пребывали в шоке. Кейт почувствовала, как в груди у нее что-то перевернулось, Тристан опустил голову. Выше по улице рядом с тремя полицейскими в форме стояли старший инспектор Варя Кэмпбелл и детектив Джон Мерси. Они стояли в стороне, потому что не зажигали свечей и наблюдали за толпой.

– Давай не будем стоять у них на дороге, – сказала Кейт, вставая позади высокого мужчины и его жены.

Тристан опустил шапку на самые брови. За семьей Лайлы, несколькими друзьями и родственниками, взявшимися за руки и одетыми в футболки с изображением Лайлы, начала собираться толпа.

Кейт обхватила руками фонарик Тристана, пока он зажигал свою свечку, а потом помог зажечь свечку и ей. Процессия медленно двинулась вверх. Толпа разрослась до нескольких сотен человек, которые молча противостояли холоду. Когда Кейт и Тристан проходили мимо Вари, она их заметила и слегка удивилась, но ее отвлек один из полицейских, который наклонился к ней, чтобы сказать что-то.

Весь путь по главной улице занял полчаса. Дороги были перекрыты, а люди молчали. Свечи, вне всякого сомнения, горели красиво. Сотни золотых огоньков.

Когда они дошли до церкви, у ворот их встретил священник и, говоря в мегафон, призвал всех помолиться.

Затем одноклассница Лайлы акапелло спела «О, благодать». Это был очень запоминающийся момент. Кейт взглядела в толпу. Все люди выглядели очень печально, среди них кучкой стояла группа школьников в футболках с фотографией Лайлы.

* * *

Рыжеволосый мужчина, «самый преданный фанат» Питера Конуэя, прошел весь путь рядом с семьей Лайлы в футболке с ее изображением. Он испытывал кайф от того, что был в толпе скорбящих на рыночной площади и был к ним так близко, что мог практически унюхать их слезы. Его решению прийти поспособствовала холодная погода. На всех были толстые пальто, шерстяные шапки и закрывающие рот шарфы. Смешаться с толпой было нетрудно.

Он видел, как полиция пристально наблюдала за людьми. Их бдительность немного отдавала театральностью. Они сами не верили в то, что убийца появится. И они ничего не заметили. Он был очень осторожен. Для похищений он использовал разные фургоны с поддельными номерами. Он не попадал в камеры видеонаблюдения. Никто его не видел, ну, по крайней мере, никто из тех, кого стоило брать в расчет. Если бы у них был хоть какой-нибудь примерный фоторобот, они бы его обнародовали.

И в свете всего этого зачем там была полиция? Они надеялись вычислить преступника, по тому, что он выглядел бы как «плохой парень»?

Он прошел прямо перед старшим инспектором Кэмпбелл и ее подчиненными, и они все посмотрели на него, мимо него, продолжая искать и искать преступника глазами.

А затем у церкви он присоединился ко всеобщей молитве, склонив голову, пока камеры телеканалов снимали толпу. Он был поражен количеству людей, которые добросовестно молились у церковных ворот, и, проигнорировав приглашение священника посетить вечернюю службу, он двинулся назад на главную улицу, где все еще были открыты магазины и пабы.

Возможно, молиться имело смысл, только если тебя покажут по телевизору.

Большинство людей направились в паб, в том числе и родители Лайлы.

Постояв в очереди, он купил чизбургер в одном из фургончиков и как раз откусывал от него здоровый кусок, когда увидел Кейт Маршалл и какого-то высокого худого паренька. На ней была шапка, но он тут же узнал ее и, немного ошарашенный, с трудом проглотил огромный кусок чизбургера. Она была частью истории Каннибала с Девяти Вязов. И вот она – разгуливает среди людей.

Он обошел толпу и подошел чуть ближе. Она была старше, чем на фотографиях, которые он находил в интернете, и в своем красном зимнем пальто казалась толстоватой, хотя все еще была привлекательна. Она была *съедобна*. Он впился зубами в свой бургер, пытаясь представить, как он вгрызается в мягкую плоть на ее бедрах.

Он вообразил это, и отвратительный бургер у него во рту превратился в сухую массу... Казалось, они близки с пареньком, который был с ней. Они не были похожи на пару. Хотя, кто знает, она может оказаться той еще грязной сучкой. Может, у них ролевая игра? Может быть, потом он пойдет с ней домой и будет там сосать ее мамкины сиськи.

Все еще разговаривая с мальчишкой, Кейт подняла глаза и посмотрела прямо на него, но так его и не увидела. Посмотрела сквозь него: для нее он был безликой частью сборища.

Затолкав в рот остатки бургера и сделав вид, что тот ему понравился, он начал прокладывать себе дорогу в гуще людей.

34

На улице уже было совсем холодно, когда Кейт и Тристан вернулись к машине. Припаркованные по соседству автомобили разъехались, только их машина осталась стоять под деревьями, спрятавшимися в тени позади уличных фонарей.

Кейт заметила под дворниками записку – квадратик толстой бумаги кремового цвета. На секунду она подумала, что ее, должно быть, оставил кто-то из жителей соседних домов, но затем ей в глаза бросилось ее имя, написанное черными чернилами. Почерк был тот же, что и на записке, которую показала ей Мередит. Дрожащей рукой Кейт вытащила записку из-под дворников и развернула.

КЕЙТ, ТЫ СЕГОДНЯ ВЫГЛЯДЕЛА
ОПРЕДЕЛЕННО СЪЕДОБНОЙ В СВОЕМ
КРАСНОМ ПАЛЬТО. ТЫ БЫЛА ТАК БЛИЗКО.

ФАНАТ

Кейт вскинула голову и осмотрелась по сторонам, но на улице было пусто, за исключением мужчины и женщины, гуляющих с

маленькой девочкой, и дамы постарше, сражающейся с двумя пакетами с покупками. Кейт почувствовала себя так, точно ее выставили напоказ, точно за ней прямо сейчас кто-то наблюдает.

Тристан обошел машину и взял записку из ее трясущейся руки. Кейт оперлась рукой о капот, чувствуя, что сейчас потеряет сознание, Тристан открыл дверь с водительской стороны.

– Присядьте на секундочку, – сказал он.

Кейт почувствовала, как вся кровь отхлынула от головы. Мимо них по улице, ослепляя светом фар, проносились машины. Тристан посмотрел в начало и в конец улицы.

«Он подбирается ближе, он писал записки о Джейке, а теперь он пишет мне», – подумала Кейт. Она боялась не за свою безопасность. На самом деле ее пугало то, с какой легкостью этот тип может разрушить ее жизнь. Разрушить этот безопасный, адекватный мир, который она так усердно пыталась выстроить вокруг себя после первого дела. Тогда она впервые пожалела о том, что ответила на письмо от отца Кейтлин. Ей следовало передать его в полицию. Это письмо открыло перед ней дверь, на пороге которой она по собственной дурости и споткнулась.

Она подняла голову и увидела, что Тристан остановил черную машину, и к ним навстречу уже шли Варя Кэмпбелл и Джон Мерси. Тристан передал записку Варе. С озабоченным видом она прочитала ее и передала Джону, который инстинктивно начал оглядывать улицу. Машины шли мимо них сплошным потоком, и они все сгрудились на покрытой травой обочине вокруг сидевшей в машине Кейт.

– Когда вы пришли? – спросила Варя, повысив голос, чтобы перекричать шум машин.

– Пять минут назад, – сказала Кейт.

– Нет, в какое время вы прибыли на шествие?

– Мы припарковались здесь примерно в половине седьмого, – сказал Тристан. Кейт увидела, что записка была у Джона и он уже положил ее в пластиковый пакет для улики.

– Вы не заметили кого-нибудь подозрительного или чтобы кто-то вел себя подозрительно рядом с вами, – спросил Джон.

– Нет, – сказал Тристан. – Мы прошли всю дорогу, народу было много, все молчали, просто шли со свечами в руках.

– Кто бы ни оставил эту записку, он сделал это в течение последних трех часов, – сказала Варя, глядя по сторонам на увеличившийся поток машин. Она достала рацию. – Говорит старший инспектор Кэмпбелл. Я все еще в Топшеме, на этом шествии. Достаньте записки с камер наблюдения на Пулхэм-роуд – какие есть – и с камер на всем пути снизу и до церкви с четырех часов до этой минуты.

Варя подошла к водительскому сиденью и присела на корточки рядом с Кейт. Она взяла ее трясущуюся руку и сжала в своих.

– Вы в порядке? Выглядите так, как будто сейчас отключитесь.

У Вари были теплые руки, а на тонких пальцах красовалось несколько серебряных колец. У Кейт же руки были холодные как лед, и ее всю трясло.

– Он знает, кто я. Знает, в чем я была. Он упоминает моего сына, – сказала Кейт. – Он прислал Питеру Конуэю его фотографию... Сравните почерк письма, которое он прислал Питеру, и почерк с записок, найденных на месте преступления. Выглядит похоже, но надо проверить.

Мимо пролетел мотоцикл, рев двигателя пронесся между ними, заглушая разговор.

– Тут не самое удачное для разговоров место. Может, нам стоит проехать в участок в Эксетере? Это всего в паре километров отсюда, – спросила Варя. Кейт кивнула. – Вызвать вам врача? – добавила она, озабоченно нахмурившись. Она все еще растирала руку Кейт в своих ладонях. Это была совсем другая Варя, гораздо более сердечная, какой Кейт ее прежде не видела.

– Ей бы бренди налить. Помогает справиться с шоком, – сказал Джон Тристану. Кейт с ним согласилась. Отличное оправдание, чтобы выпить. Просто нырнуть в приятное забытие.

– Нет! Не надо алкоголя. Давайте лучше достанем ей горячего крепкого чая, – сказал Тристан.

* * *

В составе полицейской колонны они доехали до участка в Эксетере, где Варя и Джон заварили на всех чай. Кейт и Тристан

уселись на большой продавленный диван, и Кейт отхлебнула из кружки чай, который, к счастью, оказался сладким. Сделав глубокий вдох, она попыталась собраться с мыслями.

– Кто прикасался к письму? – спросила Варя.

– Я достала его из-под дворников, – сказала Кейт.

– Я тоже взглянул. Она передала его мне, – сказал Тристан.

– Нам нужно будет взять ваши отпечатки, чтобы мы могли исключить вас, когда будем исследовать эту записку, – сказала Варя.

Кейт кивнула.

– Мои отпечатки есть в базе, еще со времен работы в полиции, – сказала она.

– Я тоже сдавал отпечатки, – сказал Тристан.

– Когда вскрыл машину? – спросил Джон.

Варя повернулась к нему.

– Мне кажется, наши гости не откажутся от печенья. На кухне есть пачка овсяного, – сказала она. Джон насупился и вышел из комнаты.

Кейт объяснила Варе, что изъятую у Питера фотографию Джека с запиской ей показала доктор Мередит Бакстер из лечебницы Баруэлла.

– Я проверю, не поступала ли нам еще какая-нибудь информация по этому поводу, – сказала Варя.

– Я думаю, что этот человек, подписывающийся как «фанат», поддерживает связь с Питером, – сказала Кейт.

– Но вы сказали, что письмо было изъято. То есть Питер его не получил?

У Кейт в кармане зазвонил телефон. Она достала его, опасаясь, что это звонит ее мать, чтобы сообщить, что что-нибудь случилось с Джейком.

– О, это Мередит Бакстер, – сказала Кейт. Она подняла трубку и несколько секунд молча слушала. – Мередит, я тут как раз сижу со старшим инспектором Варей Кэмпбелл. Да, она ведет это дело, – Кейт протянула телефон Варе. – Она хочет поговорить с вами.

– Что она сказала? – спросил Тристан, когда Варя, взяв телефон, отошла в сторону.

– Сказала, что они обыскали все крыло в лечебнице. Все камеры, в том числе – камеру Питера, и всех сотрудников. И ничего. Никаких спрятанных писем.

– Это хорошие новости, – сказал Тристан.

– Мне все это не нравится... Что-то тут нечисто, я нутром чую.

Варя положила трубку и вернула телефон Кейт.

– Не зря с ней поговорили. Доктор Бакстер пришлет это письмо и все, что они найдут. Если еще что-нибудь появится, мы сообщим вам в первую очередь.

– Надеюсь, вы сможете найти образцы ДНК на записке, которую он оставил на моей машине, – сказала Кейт.

– Но это все равно не будет достаточным доказательством, что она – от него, – сказала Варя.

– Я уверена, что она от него.

– Вы ведь еще не дали в прессу никакой информации о записках на местах преступлений? – спросил Тристан.

– Нет. Но ведь очень много людей подписываются «фанатами», – сказала Варя.

– Да бросьте, это не просто совпадение, – сказала Кейт.

Варя поднялась на ноги, давая понять, что беседа окончена.

– Кейт, я пришлю патрульную машину к вашему дому, они подежурят там несколько дней, и мы отсмотрим все записи с камер в Топшеме, какие сможем достать. Хотя городок, конечно, небольшой.

– В Уилтшире, у дома моей матери, где живет мой сын, уже выставили патруль, – сказала Кейт.

– Я прослежу, чтобы у нас была с ними связь.

* * *

Когда Кейт и Тристан вышли из участка и направились к парковке, там уже ждал репортер и команда операторов. Они поспешили за ними, яркий свет осветительной аппаратуры преследовал Кейт и Тристана до самой машины.

– У нас есть информация, что вы получили послание от предполагаемого убийцы, – сказала журналистка – женщина с темными, очень короткими волосами. Она сунула микрофон под нос Кейт. Кейт увернулась и протиснулась к машине, пока Тристан отпихивал мужчину со звуковым оборудованием, загораживающего дверь с пассажирской стороны. – Вы можете рассказать, о чем

говорится в записке и правда ли, что все это связано с делом Каннибала из Девяти Вязов, которое вы раскрыли в 1995?

Кейт нажала кнопку разблокировки центрального замка и попыталась открыть дверь, но репортерша опустила на дверь руку.

– Вы посещаете Питера Конуэя? У вас от него сын. Джейк тоже видится с ним?

Упоминание имени ее сына было ударом ниже пояса.

– Почему бы вам не пойти на хер? – сказала Кейт, заехав журналистке дверь, отчего та потеряла равновесие и упала. – Тристан, залезай.

Когда они забрались в машину, Кейт тут же заблокировала двери и запустила двигатель. В это время репортерше помогали подняться на ноги члены ее команды, и Кейт, посигналив, поехала прямо на них, заставив всех разбежаться в разные стороны. Выезжая с парковки, Кейт и Тристан увидели фургон с надписью «*Местные новости ВВС*».

– Как они узнали про записку? – спросил Тристан.

– Информация быстро утекает из любого полицейского участка, – сказала Кейт. Ее больше беспокоило, что репортерша назвала Джейка по имени.

– Это будет выглядеть не очень хорошо, если они вас засняли, – сказал Тристан. – Хотя, это всего лишь местные новости.

– Это не важно. Один и тот же материал обычно разлетается по всем каналам, – сказала Кейт. – И теперь, когда я снова впустила их в свою жизнь, они получили, что хотели. Сумасшедшую Кейт Маршалл. Вот дерьмо!

Кейт ударила рукой по рулю. Она была напугала, а в голове крутилась навязчивая мысль. Она полностью контролировала свою жизнь и в последние годы смогла наконец вернуться к нормальному существованию, а теперь этот человек собирается все это у нее отнять.

35

На следующий день, в субботу, Кейт проснулась в семь утра после нескольких часов беспокойного сна и натянула купальник.

Она пропустила несколько последних утренних заплывов. На пляже было ветрено, волны поднимались высоко, и Кейт была вынуждена пробираться через них, когда они обрушивались на берег.

Вода стала холоднее, о чем Кейт сразу же просигналил шрам на животе. Она поплыла, мысли ее полностью растворились в шуме прибоя и криках чаек. Через несколько минут она остановилась и перевернулась на спину. Соленые брызги и размеренный ритм перекатывающих волн успокаивали Кейт.

Накануне вечером она опять разговаривала с Глендой и неохотно рассказала ей про записку. Мать напряглась и высказала сомнения о том, стоит ли Джейку приезжать к Кейт на каникулы. Мысль о приезде сына всегда помогала Кейт не падать духом, была той соломинкой, за которую она держалась, и то, что теперь она может не увидеть его до Рождества, не давало ей покоя. Кейт еще немного проплыла на спине, а затем, сделав глубокий вдох, ушла под воду.

Водоросли закручивались в воде, как конфетти, лениво покачиваясь на волнах. Кейт опустилась глубже и почувствовала, как вода начала давить на уши, а очки с силой прижало к лицу. Проникающий с поверхности свет придавал воде зеленоватое свечение. Кейт начала сильнее работать ногами, ее легкие готовы были разорваться, но она уходила все глубже под воду. Течение внизу было уже не таким сильным. Песок на дне лежал ровно. Она выдохнула из легких весь воздух, и ее тело начало погружаться еще глубже.

Вода давила ей на лицо. Кончиками пальцев ног она мягко коснулась дна. Вода была очень холодная, и Кейт чувствовала, как ее плавно огибает течение. Она посмотрела на водоросли, похожие на ленты, которые танцевали вверху в потоках воды. Легкие уже начинали болеть, а перед глазами поплыли звездочки. У нее слегка закружилась голова, и Кейт подумала о том, сколько времени она уже не пьет. Если бы только она могла «пить осознанно» – что бы это ни значило. Кейт хотела бы насладиться этим ощущением легкости и свободы, которые приносил ей стакан виски. Первый стакан после долгого дня был самым приятным, после него все ее проблемы становились незначительными. Она жаждала испытать это снова.

Теперь она в любой момент может сорваться и выпить. Вчера на вокзале ей помещала случайность.

Все начинало выходить из-под контроля. У нее перед домом теперь стояла полицейская машина. Над ней и Джейком нависла зловещая угроза быть разделенными до тех пор... А до каких пор?

Что, если этот человек не остановится или – еще хуже – просто исчезнет?

Холодное течение неслось мимо Кейт, намывая ледяной песок ей на ступни и обжигая кожу и шрам на животе. Звезды заполнили почти все пространство у нее перед глазами и уже не исчезали, когда Кейт моргала. Пульс ускорился, Кейт чувствовала толчки на шее и на запястьях.

А как же Джейк? Подумай о нем. Твоя мать не будет жить вечно. Когда-нибудь наступит время, когда ты станешь единственной, кто у него есть, и по закону уже через два года он будет взрослым. И ты просто сдашься? Не будь такой размазней, твою мать! За жизнь стоит бороться!

Кейт резко очнулась. Она оттолкнулась и изо всех сил устремилась к поверхности, подальше от песчаного дна, туда, где теплая вода колыхала похожие на конфетти водоросли, и, всплыв на поверхность, сделала глубокий вдох. Жизнь снова наполнила ее, окутав громким ревом волн и ветра, а подобравшаяся сбоку волна дала ей отрезвляющую пощечину.

Кейт глубоко задышала, пошевелила онемевшими пальцами на руках и ногах. Она почувствовала, как течение несет ее к берегу.

Никогда не сдавайся! Никогда! Жизнь стоит того, чтобы за нее бороться. Никогда больше не пей!

Волна подтолкнула Кейт в спину, и она устремилась к берегу.

Кейт долго стояла под горячим душем, позавтракала, а затем поехала с Майрой на субботнее собрание анонимных алкоголиков в церкви Эшдина. Они сидели рядом и слушали истории людей. Майра поднялась первой и рассказала всем собравшимся, что она не пьет уже двадцать девять лет, но до сих пор каждый день для нее – борьба. Она закончила свою речь словами: «Мое выздоровление должно стоять на первом месте, чтобы все, что я люблю в этой жизни, не ушло на последнее».

Когда настала очередь Кейт, она не сдержалась и рассказала всем, как она чуть не выпила и как сильно ей хотелось выпиться и забыться. Некоторые лица в зале были ей знакомы, кого-то она видела впервые, но она черпала силы в том, как сильно они все желали одного и того же. Трезвости.

Когда Кейт и Майра вернулись к дому Кейт, они увидели патрульную машину, а сидевший внутри офицер приветственно помахал им рукой.

– Хочешь чайку? – спросила Майра.

– Нет, спасибо. Мне надо поработать.

– Думай о сегодняшнем дне, – сказала Майра. – Ты же знаешь, как это работает, шагок за шагочком. Все, на чем тебе нужно сосредоточиться, – это на том, чтобы не выпить сегодня. До завтра еще далеко.

– Сплошной поток цитат.

– Я думала, ты скажешь, поток дерьма! – хохотнув, сказала Майра.

– Ну не без этого, – улыбнулась Кейт. Она подалась вперед и обняла женщину.

– Не вешай нос. Если бы тот офицер заметил какого-нибудь сумасшедшего в кустах, он бы не махал ручкой.

– Они не могут позволить себе круглосуточно держать здесь полицейских очень долго, – сказала Кейт.

– Я сделаю ему чашечку чая и отрежу кусочек торта, пусть взбодрится.

Когда Кейт зашла в дом, у нее зазвонил телефон. Она не хотела брать трубку, так как номер был ей незнаком, но в итоге рада была, что ответила. Это был Малкольм Мюррей.

– Здравствуй, дорогая. Я извиняюсь, что не выходил на связь, – сказал он.

– Как Шейла? – спросила Кейт. Она рассказала, как подъехала к их дому, когда оттуда отъезжала скорая.

– Ну, мы, конечно, натерпелись. Она несколько дней практически висела на волоске, но потом случилось настоящее чудо. Появился донор, и ей пересадили новую почку. Конечно, потребуется время на восстановление, но зато она теперь забудет про этот ужасный диализатор.

– Это замечательные новости, – сказала Кейт, радуясь, что хоть что-то начало налаживаться, но потом она вспомнила, о чем она собиралась им сказать, когда приехала в Чью Магна.

– Малкольм, мне очень жаль, но мы зашли в тупик Кейт обрисовала ему все, что случилось, и как тот мужчина оказался Полом Адлером, у которого есть алиби. Она не стала делиться с ним своими

личными впечатлениями от Пола Адлера, решив, что лучше ограничиться фактами. На другом конце провода повисло долгое молчание.

– Что ж, спасибо, милая... Мы оба очень ценим все, что ты постаралась сделать. Я думал, что потерял их обеих, и Кейтлин и Шейлу... Может быть, Кейтлин было суждено пробыть с нами так мало. Чем ярче звезда, тем быстрее сгорает.

Кейт было невероятно жаль Малкольма и Шейлу, и она бы очень хотела сделать для них больше. Затем она как будто со стороны услышала свой собственный голос, пообещавший продолжить поиски.

Она повесила трубку, ненавидя себя за то, что снова пообещала слишком много.

36

В понедельник утром, когда Кейт и Тристан сидели в кабинете и проверяли слайды и материалы для лекции, раздался стук в дверь. В кабинет вошел декан университета Лоренс Барнс, сидящий мужчина лет под пятьдесят. Он сменил на этом посту профессора Комби-Дэвиса, который скончался в прошлом году, но не разделял доброжелательной позиции своего предшественника по отношению к подчиненным. Он был мелочным, напыщенным и предпочитал стиль управления, основанный на страхе.

– Кейт, надо поговорить, – сказал он, шлепнув экземпляр «Новостей мира» ей на стол.

– Я пойду вниз настрою проектор, – сказал Тристан, собравшись уходить.

– Нет. Ты останешься. Это касается вас обоих, – отрезал декан, жестом приказывая Тристану сесть. – Видели это?

Он открыл сенсационный разворот, посвященный Кейт и ее участию в деле подражателя Каннибала с Девяти Вязов.

– По выходным я читаю *Observer*, – холодно сказала Кейт.

– А новости по телевизору вы смотрели?

Столкновение Кейт с репортершей Джэнет Моррисон, сотрудницей местного отделения ВВС, все выходные было главной темой новостных передач, и журналисты связали дело Каннибала с

Девяти Вязов с последними убийствами, совершенными подражателем.

– Смотрела.

– Вы знаете, это не очень хорошо отражается на репутации нашего факультета... – Он залез в карман и вытащил оттуда ксерокопию визитки Кейт. Он положил ее перед ней. – И это, кстати, тоже. Вы занимаетесь этим прямо из кабинета. У вас на карточке ваш университетский номер телефона и адрес университетской электронной почты.

– Откуда у вас эта карточка? – спросила Кейт.

– Мне дала ее старший инспектор Варя Кэмпбелл, когда ее по ошибке направили в мой кабинет. Ее беспокоит, что вы вмешиваетесь в расследование дела, которое она ведет.

То, что Варя сдала Кейт ее начальнику, было как удар под дых.

– Когда мы разговаривали с ней на прошлой неделе, ее не очень-то это беспокоило, – сказал Тристан. – Мы смогли поделиться с ней информацией по этому делу.

Казалось, Лоренс впервые за это время обратил внимание на Тристана.

– Мы?

– Эмм, мы... – начал Тристан, глядя на Кейт.

– Тристан – мой ассистент, и он также безвозмездно помогал мне в частном порядке, – сказала Кейт, силясь вспомнить детали трудового договора Тристана и надеясь, что она не впутала его в неприятности.

– Боюсь, что мне придется вынести вам официальное предупреждение. Тристан, а твой испытательный срок начнется сначала и продлится еще три месяца.

Тристан открыл было рот, чтобы возразить. Казалось, он был в отчаянии.

– Тристан, ты не оставишь нас на минутку? – Кейт бросила на него выразительный взгляд, и он неохотно вышел из кабинета. Кейт улыбнулась Лоренсу, подошла к шкафу с документами и достала из папки листок. – Вы читали доклад Ассоциации колледжей и университетов за 2011–2012 учебный год? – спросила она.

– Разумеется. А какое...

– Тогда вы знаете, что желающих поступить на мой курс «Криминология и Психология» было пятьсот человек на восемьдесят

мест. И вы также должны знать, что в августе, когда весь курс уже заполнен, большей части не попавших на него студентов предлагают на выбор другие курсы по криминалистике и психологии, которые тоже читаю я. Очень много аудиторий заполнено благодаря мне. А сейчас, конечно, в зависимости от того, кто победит на следующих выборах, но это вряд ли будут лейбористы, велика вероятность, что университетское образование подорожает и родители будут еще тщательнее выбирать, куда отправить своих детей, – сказала Кейт.

– Вы угрожаете, что уйдете?

– Нет. Я советую вам отцепиться от меня и от моего персонала. Я хорошо делаю свою работу, так же как и Тристан. Сейчас почти все мои коллеги совмещают вторую работу и научную деятельность.

– А теперь, Кейт, послушайте меня...

– Нет, это вы меня послушайте. Мне бы ужасно не хотелось писать на вас официальную жалобу с обвинением в домогательстве. Я уверена, газетчики будут в восторге от очередной смачной истории. Пресса сейчас особенно рьяно мной интересуется.

Лоренс мгновенно побледнел.

– Да бросьте, Кейт, зачем же вы так! Я просто зашел по дружбе перекинуться словечком. Неофициально.

– Здесь все всегда официально, – сказала Кейт. – И да, испытательный срок Тристана заканчивается сегодня. И если к концу дня он получит сообщение с хорошими новостями из отдела кадров, будет просто чудесно.

Лоренс бросил газету в мусорное ведро и, подойдя к выходу, толкнул дверь. Она не поддавалась, и он, разозлившись еще сильнее, толкнул ее снова.

– На себя, – сказала Кейт. Лоренс побагровел, дернул дверь и с силой захлопнул ее за собой.

Кейт надеялась, что она не зашла слишком далеко, но если последние годы и научили ее чему-то, так это тому, что нужно уметь постоять за себя. Она может не нравиться людям, главное – чтобы ее уважали.

Снова раздался стук в дверь, и вошел Тристан. В руках он держал телефон.

– Кейт, это во всех новостях, – сказал он. – Они арестовали человека, связанного с убийствами этого подражателя. Полиция взяла

его под стражу.

Он подошел к столу Кейт и показал ей запись, на которой человека в наручниках, с наброшенной на голову курткой заводят в полицейский участок Эксетера. Вокруг – толпа журналистов и зевак, выкрикивающих оскорбления.

– Когда это выложили на *BBC*? – спросила Кейт, разочарованная тем, что лица арестованного не было видно.

– Час назад. Если мы спустимся вниз в кафе, может, увидим какие-то подробности в выпуске новостей. Сейчас как раз без пяти двенадцать, – сказал Тристан.

Кейт схватила телефон, и они спешно вышли из кабинета.

37

В трехстах километрах от Эшдина, около Чилтернских холмов, располагался паб «Рука епископа». Это было старинное, крытое соломой здание, полностью выпотрошенное и превращенное в мишленовский гастропаб. Он располагался в одном из самых процветающих и богатых уголков английской провинции и был несомненно достоин внимания.

В этот понедельник парковка перед пабом была забита, а позади здания на траве, рядом со специально построенной взлетно-посадочной площадкой, стоял ряд вертолетов.

Рыжеволосый фанат Питера Конуэя допивал свою пинту в битком набитом баре. Он огляделся по сторонам.

«Горластые клоуны», – подумал он. Молодые, уверенные в себе мужчины, поднабравшись и покрасневшись, громко выкрикивали что-то в адрес друг друга. Женщины с блестящими глазами, одетые с иголочки, держались кучками и вели себя куда приличнее.

Он ходил в «Руку епископа» уже несколько лет. Сначала он приходил сюда с родителями, еще до того как они переехали в Испанию, а теперь – с братом.

Его брат, ветреный и любвеобильный, долгие годы гонялся за мечтой сделать карьеру в мире музыки, но его постоянно утягивало в круговорот наркотиков и вечеринок.

Он подумал об Эмме Ньюман, и в голове у него всплыла картинка, где она голая лежит на животе, со связанными вместе руками и ногами

и заклеенным скотчем ртом. Ее кожа на ощупь была мягкой и нежной, но вкус был непоправимо испорчен наркотиками, буквально сочившимися из ее пор.

Его внимание привлек висевший на стене телевизор, и он с изумлением увидел выпуск новостей. За совершение трех убийств был арестован человек. Его трех убийств. Он запаниковал. Кого именно арестовали, неизвестно. Его завели в участок с закрытым лицом.

Что, если этому идиоту выдвинут обвинения и он присвоит все лавры себе, когда его работа еще не завершена, когда еще не произошло его грандиозное разоблачение?

Он посмотрел на женщину, которую привел пообедать. Ее звали Индия Далтон, и она была весьма хороша собой. Их познакомила по электронной почте его сестра. Отец Индии владел элитным туристическим агентством и был в этой тусовке скорее просто богатым выскочкой, но красота дочери сполна возмещала этот недостаток.

Индия оживленно беседовала с Физзи Мартлшем, сурового вида женщиной, со стянутыми на затылке волосами. Семья Мартлшем владела значительной частью фермерских угодий в Оксфордшире и была главным поставщиком клубники[\[162\]](#), съедаемой во время Уимблдонского турнира.

Он снова глянул на экран телевизора, а затем, прикончив пинту, взял куртку и подошел к женщинам.

– Я жутко извиняюсь за то, что приходится прервать вашу беседу, – сказал он, беря Индию за локоть. – Но возникли срочные дела. Вам придется нас извинить.

– А как же ланч? – спросила Индия. – Я та-а-ак хотела попробовать этот малиновый сорбет с куркумой.

– В другой раз. Я могу подбросить тебя до вертолетной станции, и мы потом выберем другой день.

– Как вам не стыдно улетать так рано, причем в буквальном смысле, – сказала Физзи, подавшись вперед для прощального поцелуя в щеку.

– Передай, пожалуйста, мои извинения моему брату. Он, кажется, куда-то испарился.

– Да, конечно. Я недавно видела, как он шел в сторону ванной. Ах да, Индия хочет сделать селфи на фоне твоего вертолета, для соцсетей, – сказала Физзи, злорадно ухмыльнувшись.

Они вышли из паба и направились по мокрой траве к вертолетной площадке.

– Можно я сделаю фото, перед тем как мы взлетим? – спросила Индия, осторожно ступая по земле в сандалиях. На ее худые плечи была накинута его куртка.

– Нет, – сказал он, открывая дверь сине-зеленого вертолета. Стеклопанель кабины пилота сверкала на солнце. Индия надулась, раскапризничалась и все равно достала из сумочки телефон.

Он потянулся и накрыл телефон рукой.

– Я сказал «нет». Никаких фотографий...

– Да брось, ты же хозяин этой *роскошной штуковины*. Да она же просто требует, чтобы ее сфотографировали.

Улыбнувшись, Индия отняла руку и собралась сделать фото. Он схватил ее за запястье и выкрутил руку. Индия взвизгнула и выронила телефон.

– Я же сказал, никаких гребаных фотографий. Если я говорю «нет», это значит – нет.

Он наклонился и поднял с земли телефон, затем открыл для нее дверь. Со слезами на глазах Индия вскарабкалась в вертолет. Он захлопнул дверь.

У задней стены паба курила Физзи. Она улыбнулась и помахала рукой с сигаретой. «*Пронырливая сука*», – пробормотал он одними губами, помахав в ответ.

Он забрался в кабину пилота, надел наушники и запросил разрешение на взлет. Через минуту лопасти раскрутились, и вертолет с ревом поднялся в воздух. Индия отказалась надеть наушники, а перекричать грохот двигателя он не мог.

Полет до Оксфордшира, где они встретились, занял всего десять минут. Не заглушая двигатель, когда они приземлились, он повернулся к ней с улыбкой, помахал рукой и сказал:

– Пока-пока, Индия.

Она жестом показала ему, что не слышит, но он продолжал махать и улыбаться. Тогда она выскочила из вертолета на площадку, где ее встретил один из стюардов. Он посмотрел, как они удалялись от вертолета, их волосы раздувало потоком воздуха от вращающихся лопастей.

У него перед глазами вспыхнула картинка: Индия, голая, валяющаяся в грязи и умоляющая ее отпустить. Безупречные волосы прилипли к мокрому от слез и пота лицу.

Вертолет поднялся в воздух и направился за запад. Его беспокоило, что полиция арестовала кого-то. Они взяли не того человека. Им был нужен *он*, и скоро он обнаружит себя. Скоро, но не сейчас.

38

Добравшись до дома, Кейт увидела, что патрульная машина исчезла. Ей позвонила Гленда и сообщила, что машина, следящая за Джейком, тоже уехала.

Кейт попыталась позвонить Варю, чтобы узнать, что случилось, но та сказала, что перезвонит. Кейт не хотела ждать и поехала в Эксетер, зашла в полицейский участок и попросила разрешения подождать Варю внутри. Через час Варя наконец появилась.

– Что происходит? – спросила Кейт. – Вы кого-то арестовали, отозвали группу наблюдения от меня и моего сына. Вы его взяли?

– Давайте зайдём в мой кабинет, – сказала Варя.

Кейт пошла следом за ней по коридору, мимо кабинетов вспомогательного персонала. Повсюду звонили телефоны, сотрудники сновали туда-сюда и переговаривались. Непривычно было снова оказаться в большом полицейском участке – непривычно, но в то же время Кейт чувствовала себя там как дома.

– Хотите чаю? – спросила Варя, приглашая Кейт в маленький кабинет с видом на парковку.

– Нет, спасибо, – сказала Кейт, усаживаясь, пока Варя закрывала дверь.

– Ладно. Мы арестовали учителя, работавшего в школе, где училась Лайла. Его ДНК совпало с образцами по делу о краже со взломом в Манчестере в 1993. Тогда образцы крови взяли с места проникновения. Он разбил окно и порезался. Затем он жестоко избил пожилую пару и вынес все ценные вещи.

– Он подозреваемый?

– Нет, у него есть алиби. Когда Лайла пропала, он был во Франции. Я видела штампы в паспорте и записи с камер наблюдения.

Его арест не должен был стать достоянием общественности. Спасибо новым камерам.

– Вы собираетесь его отпустить?

– Мы предъявим ему обвинение в нападении и краже со взломом. Его не отпустят, но мне все равно не миновать гневных выпадов со стороны журналистов. Этим делом занимаются двадцать человек, и им всем приходится сложнее, чем вы думаете, у них практически не остается времени на семьи, – сказала Варя.

– Я в этом не сомневаюсь. Вы проверяете все школы, в которых учились девочки? Питер Конуэй к своим жертвам подбирался именно так.

– Да, мы проверили все три школы, в которых учились жертвы. Проверили всех учителей, вспомогательный и обслуживающий персонал. Практически все сотрудники мужского пола, контактировавшие с девочками, добровольно сдали образцы ДНК. Отсюда и этот арест. Мы также взяли образцы ДНК у всех членов их семей мужского пола и, в случае с Эммой Ньюман, проверили детский дом, где она жила, в том числе всех, кто там работал.

– И ничего?

– Образцы ДНК позволили нам произвести сегодняшний арест, и мы также вышли на сторожа в школе, где училась третья жертва, Лайла. Он оказался причастен к нападению в 1991 году. Напал на девочку, когда та возвращалась домой, и изнасиловал. Мы его допросили. Его алиби подтвердила жена, но сейчас его передвижения сильно ограничены – у него частичная слепота, и он не может водить. Учитывая маршруты между местами, где девочек похитили и где потом обнаружили, чтобы проверить подобное, ему бы пришлось возить их на автобусе. Ему будет предъявлено обвинение в прошлом преступлении, но он никак не может являться убийцей этих трех девочек.

– Вы что-нибудь обнаружили на записях с камер после траурного шествия?

– Кейт, у меня целая толпа людей обшаривает этот город. Места, где была припаркована ваша машина, нет ни на одной камере, так же как и первого километра пути, по которому тогда шли люди, а дальше – в основном поля и деревья.

– А как же спутники? Google Earth?[\[163\]](#)

Варя вскинула бровь.

– Я работаю в полиции Корнуолла и Девона, а не в МИ5. Если бы это было вопросом национальной безопасности, я бы могла запросить данные у Google Earth, но не из-за записки, оставленной возможным подозреваемым на лобовом стекле автомобиля. Кроме того, я об этом уже думала и попросила у ребят из Google Earth вообще проверить это место...

Она напечатала что-то на клавиатуре, несколько раз щелкнула мышкой и развернула монитор к Кейт.

– Видите, в месте, где вы припарковались, у дороги очень густо растут деревья – даже если бы на них не было листьев, все равно четкого изображения получить бы не удалось. Записи с камер, сделанные по ходу шествия, очень сложно расшифровать из-за плохой видимости, сотни горящих в темноте свечей затемняют картинку. И там практически все были в шерстяных шапках и с опущенными головами. Несколько камер установлены под слишком острым углом, и на записях не видно лиц.

– Ладно.

– Я также поддерживаю связь с доктором Бакстер. Она присылает мне все входящие и исходящие на имя Питера Конуэя. Письма от людей, записи его разговоров с матерью... – Варя потерла лицо. – Я делаю все, чтобы не терять надежды, но у нас нет свидетелей ни одного похищения. Как будто он хватал их и растворялся в воздухе... Я уговорила всех мужчин среди офицеров и вспомогательного персонала сдать образцы ДНК. Мне непросто далось это решение.

– Я представляю, как это было отвратительно, – сказала Кейт.

– И поэтому, когда вы приходите ко мне в участок и ведете себя так, как будто я тут ничего не делаю...

– На самом деле вы делаете, – закончила Кейт.

– Сравнительный анализ показал, что почерк на всех записках совпадает. Три записки с мест преступлений, письмо Питеру Конуэю и записка, оставленная на вашей машине. Я как раз собиралась позвонить вам и сказать, что мы продолжим наблюдать за вами и за Джейком, пока будет идти активное расследование.

– А что по поводу автобиографии Энид Конуэй?

– Я вам уже объяснила, у меня нет столько людей, чтобы проверять в Девоне и Корнуэлле каждое упомянутое место. Я

попросила полицейских быть особенно бдительными при патрулировании некоторых локаций. Вот, я все честно вам рассказала. И теперь уже я прошу *вас* поделиться со мной информацией, если она у вас появится.

– Хорошо, – сказала Кейт.

– А теперь прошу меня извинить, мне надо поймать убийцу.

39

Рыжеволосый Фанат сидел в темноте на балконе своей лондонской квартиры. Чистое небо, бодрящий воздух. На другом конце Риджентс Парка на фоне темного неба сверкал и переливался город. В его же квартире свет не горел, и он сидел в окружении теней.

Его семья владела колоссальным состоянием. Отец в прошлом был адвокатом, а мать сама была из богатой семьи. Она была наследницей крупной европейской транспортной компании. Благодаря родителям у него был обширный доступ к машинам и складам. А еще у него была квартира в центре Лондона и дом в пригороде.

Он любил Лондон. Гигантский плавильный котел. Шумный и живой город, где люди к тебе не приглядываются, их слишком сильно занимают собственные жизни и проблемы. Идеальное место, чтобы спрятаться и строить планы.

Его квартира располагалась на верхнем этаже величественного дома с колоннами. Его семье принадлежало все здание, и родители «подарили» по квартире каждому из четверых, когда им исполнился двадцать один год. Обе его сестры были замужем и жили в Нью-Йорке, а его брат, желая продемонстрировать всем свою независимость, взял кредит под залог жилья, но не смог его выплатить, и квартира отошла банку.

Было поздно, самолеты уже не летали. Издалека доносились едва различимые звуки полицейской сирены, и где-то тихо играла классическая музыка. Умиротворение. Ему будет этого не хватать.

Он вернулся в квартиру и зашел в кабинет. Это была комната, обшитая деревянными панелями, где стояла тяжелая кожаная мебель, но деревянные панели было едва видно из-под прикрепленных к ним вырезок из газет, фотографий и распечаток.

Он немного побродил по комнате, ему никогда это не надоедало. На стенах висели все статьи, когда-либо написанные о деле Каннибала с Девяти Вязов, начиная с самых первых, в которых говорилось о найденных телах девушек и о попытках выйти на след Каннибала, до статей о Питере Конуэе, звезде Лондонской полиции, с которого сорвали маску, и о его хорошенькой помощнице Кейт Маршалл.

Он протянул руку и дотронулся до фотографий Питера и Кейт, четверых убитых девушек – жертв Питера Конуэя, – а затем – до фотографий, сделанных в квартире Кейт, когда она чуть было не стала его пятой жертвой. Он знал об этом деле с самого детства, наблюдал эту шумиху в прессе, и долгие годы в его семье это дело было темой для бурных обсуждений.

Его родители, брат и сестры были убеждены в одном – Питер Конуэй был убийцей и злодеем, которого следует упечь за решетку. Но он всегда знал, что отличается от них. У него случались приступы жестокости, его посещали темные мысли, и он чувствовал, что никогда не сможет жить нормальной жизнью. Много лет он втайне сочувствовал Конуэю, чувствовал родство с ним. Только когда он повзрослел, только когда его родители наконец перебрались в Испанию, а сестер и брата раскидало по миру, он получил возможность думать самостоятельно. Навязчивая идея превратилась в одержимость. Он превратился в истинного Фаната.

Он подошел к столу, где оставил экземпляр «Новостей мира». Он вырезал оттуда последнюю статью, заметку об убийствах подражателя. Он был в восторге от фотографий, которые они использовали. Три круглых изображения, соединенные стрелочками: Питер Конуэй, Кейт Маршалл и пустой кружок с вопросительным знаком. Внутри было написано: КТО ПОДРАЖАТЕЛЬ?

– Я, я, я, я! – скандировал он, аккуратно вырезая заметку и намазывая обратную сторону клеем, затем прилепил ее на деревянную панель на стене и пригладил, чтобы бумага приклеилась ровно, как обои.

Он отошел назад полюбоваться. Когда он находился в этой комнате, у него захватывало дух. На всех стенах фотографии, статьи, изображения смерти. Он представлял себе, как полицейские вынесут дверь в его квартиру и ворвутся внутрь. Они обнаружат эту комнату, это святилище и начнут фотографировать, и эти снимки опубликуют в

газетах и в интернете, и однажды, очень скоро, о нем тоже напишут книгу.

Раздался тихий сигнал, с которым на электронную почту приходит письмо. Он подошел к компьютеру и щелкнул мышкой. Это было письмо от продавца с eBay. Он выиграл на аукционе винтажную простынь. Он улыбнулся, обнажив десны. Распечатал фотографию простыни и подошел с ней к фотографиями из квартиры Кейт Маршалл в Детфорде. Он сравнил фотографию простыни, которую купил, с изображением той, что была найдена в квартире Кейт, после того как Питер Конуэй напал на нее.

– Да, – сказал он, переводя взгляд с одного изображения на другое. – Подходит идеально.

40

В пятнадцати километрах от квартиры у Риджентс Парка Энид Конуэй сидела за столом у себя на кухне и готовилась передать Питеру последние сообщения от Фаната. Работа была грязная, ей приходилось резать ириски, чтобы выскоблить мягкую сердцевину. Вся ее одежда была покрыта пятнами, а к столу по всей поверхности прилипли застывшие потеки карамели и шоколада. Она работала хирургическим скальпелем – он помогал сделать идеально ровный разрез, – надев на руки резиновые перчатки. Работать с ирисками нужно было быстро, они таяли прямо в руках, поэтому она сначала их заморозила. Также она выключила отопление и открыла окна. Потoki холодного воздуха то и дело врывались в кухню и приносили с собой запахи уличной еды и выхлопных газов.

Обычно по ночам на улице было шумно, и за долгие годы она к этому привыкла, но в тот день уличный шум действовал ей на нервы. Двое детей на мопеде носились вверх-вниз по улице, и пронзительный звук, издаваемый двигателем, казалось, проходит прямо сквозь нее.

Энид взяла еще одну ириску и аккуратно развернула упаковку. Руки под перчатками вспотели, и ей было сложно держать конфету ровно, чтобы воткнуть в нее скальпель и разрезать по кругу. Разрез должен был быть ровным, чтобы, когда она снова соединит половинки, шов был незаметен.

В соседнем доме кто-то закричал, и от неожиданности Энид дернулась. Ириска, которую она держала в руке, выскользнула, и кончик скальпеля воткнулся прямо в подушечку большого пальца.

Мокрая от пота резиновая перчатка быстро начала наполняться кровью, и Энид поспешила к раковине.

– Черт! – закричала она, стягивая перчатку и подставляя палец под холодную воду. Боль была адская. Энид нажала на палец и посмотрела на порез. Он оказался глубоким. – Твою ж мать!

Она подержала палец под водой несколько минут, пока не перестала идти кровь. Затем, достав аптечку, она намазала палец антибактериальным кремом, туго замотала бинтом и сверху заклеила пластырем. Когда руки высохли, Энид достала из шкафа бутылку Teacher's, налила виски в бокал и запила им пару таблеток обезболивающего.

Она оглядела бардак на кухонном столе: комками застывшая карамель, скомканные резиновые перчатки и пристроившийся на краю столешницы аппарат для термосварки. Виски согрел ее изнутри, и Энид подошла к микроволновке, рядом с которой лежали два паспорта. Она проверила, не просочилась ли кровь через повязку, и, убедившись, что все чисто, открыла паспорта.

В первом была ее фотография, но паспорт был на имя Джун Мунро. Джун было столько же лет, сколько Энид, только день рождения в другой день.

Ее поразило качество подделки: бумагу на ощупь было не отличить от настоящей, а в конце паспорта была толстая пластмассовая страница с биометрическими данными. Паспорт был действителен еще девять лет. Для правдоподобности в конце стояло несколько отметок о поездках: двухнедельное путешествие в Хорватию в прошлом году, в Исландию и в Штаты. В паспорте также стояла действующая американская туристическая виза. Энид взяла второй паспорт. Внутри стояли такие же штампы из Хорватии и Америки. Фотография Питера, сделанная в комнате для свиданий, подошла хорошо. Энид было непривычно видеть в паспорте другое имя – Уолтер Кинг, – но со своими седеющими волосами Питер и так был практически неузнаваем. Новый паспорт сделал его на год моложе.

В микроволновке лежала пачка евро десятисантиметровой толщины: четыреста пятьдесят банкнот достоинством по пятьсот евро,

что в сумме составляло двести двадцать пять тысяч. У Энид было еще две пачки денег помельче: в одной было семь тысяч пятьдесят евро, а во второй – пять тысяч купюрами по двадцать евро.

Один вид этого всего заставлял ее дрожать от восхищения и страха одновременно. Она достала из пачки три случайно попавшиеся пятисотевровые банкноты и отнесла в банк. Это было рискованно, но она должна была проверить. В банке она успешно обменяла их на британские фунты. Деньги были настоящие. Паспорта выглядели кошерно. Он сказал ей, что взял их в надежном месте, отдав за каждый по пятнадцать тысяч. Но ничего из этого не досталось ей даром. Когда привезли деньги и паспорта, она подписала документы о передаче их дома неизвестному трастовому фонду. Они оценили дом почти в двести сорок тысяч фунтов. Он стоил больше, особенно учитывая такую пикантную деталь, как то, что в этом доме вырос серийный убийца.

Энид налила себе еще виски. Она сильно нервничала от того, что в доме хранилась такая сумма. Завтра она должна идти на встречу с Питером и ей надо будет запрятать эти деньги в каком-нибудь надежном месте.

Она убеждала себя, что это все стоит того. Она знала, что они преодолеют Ла-Манш на лодке и незамеченными проскользнут в испанский порт. Действие паспортов распространялось на всю Шенгенскую зону, покрывающую Европу. По данным, которые имелись в распоряжении властей, Джун Мунро и Уолтер Кинг находятся в Испании. После побега Питера все гавани, вокзалы и аэропорты будут переведены в режим повышенной безопасности, но стоит им добраться до Испании, и они могут залечь там на дно на месяцы или даже годы и спокойно ездить по Европе, избегая усиленного паспортного контроля.

Она беспокоилась о деньгах. Ей придется оставить все свои банковские счета и свою пенсию, но они, конечно, смогут сразу же купить себе небольшой домик и отложить какую-то сумму. И потом всегда есть способы заработать деньги.

Она так долго мечтала заключить сына в объятия, говорить с ним часами, как когда-то раньше.

Она не хотела думать ни о чем другом, в том числе о том, что Питеру придется сделать, чтобы обеспечить им свободу. Как всегда,

она затолкала эти мысли подальше, на задворки сознания.

Энид допила виски и достала из морозилки еще одну пачку конфет. В этот раз ее рука не дрогнула. Ириска поддалась и распалась на две половинки. Энид выковыряла шоколадную начинку кончиком скальпеля и засунула на ее место большую оболочку от капсулы, где уже лежала записка, в которой она написала обо всех последних изменениях. Соединив половинки, она покатала конфету между теплых пальцев, вернув ей изначальную форму. Она вскрыла еще одну ириску и спрятала в ней записку от Фаната, а затем завернула конфетки и сложила их обратно в пакет.

С облегчением она запаяла упаковку с помощью машинки и убрала пакетик с ирисками в морозилку.

Они уже так близко, так близко. Это будет последний раз, когда она тайно проносит записки в лечебницу Баруэлла. Это будет ее последний визит туда.

Энид налила себе еще виски и, хотя она и не была верующей, тем не менее помолилась за то, чтобы все прошло успешно.

41

Вечером Тристан зашел на ужин к Кейт, чтобы отметить свое вступление в ряды штатных сотрудников университета. Кейт не была заядлым кулинаром и поэтому угостила Тристана купленной навынос пиццей. Весь вечер они обсуждали дело, которое теперь везде стало новостью номер один.

– Есть несколько направлений, в которых, как мне кажется, нам надо двигаться, – сказала Кейт, наливая по второй чашке кофе и отрезая по второму куску малинового чизкейка, который принес Тристан. – И все они сходятся на книге Энид Конуэй.

Тристан взял в руки экземпляр книги, лежавший на кухонной столешнице.

– Как мы узнаем, где он оставит следующее тело? Энид и Питер кучу мест посетили во время этих каникул, – сказал Тристан, пробежав глазами алфавитный указатель.

– Бери шире, – сказала Кейт. – Мы знаем, что он делает это снова.

– Что, если его автобус собьет? Должны же быть серийные убийцы, которые вот так случайно встречают свою смерть, и поэтому убийства внезапно прекращаются, – сказал Тристан.

– Ну наверное, поэтому не поймали Джека-потрошителя. Он переходил дорогу, и его карета сшибла.

Они оба засмеялись.

– Вообще-то, мы не должны над этим смеяться, – сказал Тристан, отрезав еще один кусок чизкейка и пристроив его на тарелке. Он протянул тарелку Кейт.

– Не должны. Ну по крайней мере не так громко. Я уже съела огромный кусок... Иногда надо смеяться, или можно умом тронуться.

– Кстати говоря, как вы себя чувствуете, когда у вас полиция торчит под окнами?

– Это успокаивает, но я помню, как сама когда-то сидела в засаде и наблюдала за домами. Чем больше проходит времени, когда ничего не происходит, тем сильнее ты расслабляешься. Майра так и продолжает носить им чай с тортами.

– Надо бы дать им немного чизкейка. Он слишком большой.

– Возьми его домой.

– Моя сестра не любит сладкое... Разве вы не прониклись бы к людям, приносящим вам сладости, пока вы сидите в засаде? – спросил Тристан.

– Тоже верно. В любом случае, я уверена, что Варя перебросит их на другое задание, когда все немного уляжется, – сказала Кейт.

Она подошла к кухонному окну и посмотрела на улицу. Перед домом стояла патрульная машина, а внутри со скучающим видом сидел полицейский, пил чай и почесывал подбородок. Кейт стало интересно, выносит ли Гленда чай офицеру полиции, который наблюдает за Джейком, и она в очередной раз подумала, до чего же ее все это пугает. Джейк приедет на каникулы всего через неделю.

– Она больше не писала книг? – спросил Тристан, снова взявшись за экземпляр «Не мой сын» и глядя на обложку.

Внезапно Кейт поразила мысль, до того очевидная, что она не могла поверить, что это не пришло ей в голову раньше.

– И как же я сразу об этом не подумала! – сказала Кейт, подойдя к Тристану. – Энид не писала эту книгу. Это был нанятый профессиональный писатель, он взял у нее интервью и превратил ее

слова в прозу. Ну, в «прозу» в самом широком смысле этого слова... – Кейт взяла у Тристана книгу и заглянула внутрь, пытаясь вспомнить, где она видела имя писателя, когда книгу только опубликовали. – Вот, это он. Гэри Долман. Он писал книгу за Энид. Я помню, он прислал мне сообщение и просил дать ему интервью, чтобы он мог использовать его в работе над книгой. Нам надо с ним поговорить. Может статься, что он слышал что-то, что не попало потом в печать. Может, Энид говорила о чем-нибудь...

– Возможно, у него есть информация о том, как Питер проводил время в Манчестере. Это может быть связано с исчезновением Кейтлин Мюррей, – сказал Тристан.

– Может быть, но меня интересует порядок их передвижений во время тех каникул. В оригинальном деле было четыре убийства, подражатель совершил три. Нам также следовало бы задать вопрос «А что будет после четвертой жертвы?».

– Что вы имеете в виду? – спросил Тристан.

– Питер Конуэй остановился только потому, что я поймала его. Этот тип копирует Питера. И, по всей видимости, он хочет, чтобы его поймали, – подражатели, поэтому и появляются. Он собирается совершить четыре убийства и остановиться?

– Жить дальше и постараться не попасть под автобус прежде, чем его поймают, – сказал Тристан.

Кейт села.

– Это угнетает. Давай взглянем на все это еще раз. Тут замешано столько людей, между ними должна быть какая-то связь. Как он находит девушек? Почему он решил повторить эти убийства здесь, а не в Лондоне, где совершал свои преступления Питер?

– Камеры? В 1995 в Лондоне не было столько камер видеонаблюдения. Он тогда мог спокойно передвигаться по городу без всякого риска. Я никогда не был в Лондоне, но я читал, что там все утыкано камерами, в том числе в местах, где берут плату за въезд в город...

Кейт кивнула.

– Да, ты прав. Каждая машина, въезжающая и выезжающая из Лондона, фотографируется, и номера попадают в базу. По сравнению с Лондоном Девон и Корнуолл очень старомодные, здесь много маленьких городков и пустошей, здесь легче затеряться. Я вроде

говорила, что Варя не смогла получить записи с камер с того вечера в Топшеме.

– Вам не кажется странным, что он совершает убийства именно в той части страны, куда перебрались вы? – спросил Тристан. – Не думали об этом?

На мгновение они оба замолчали.

– Я могу связаться с этим писателем, – сказал Тристан. – Если он согласится поговорить, вы хотите с ним созвониться или встретиться лично?

– Я бы предпочла личную встречу, – сказала Кейт, отхлебнув кофе и выглянув из окна. Слова Тристана застряли у нее в голове.

Вам не кажется странным, что он совершает убийства именно в той части страны, куда перебрались вы?

42

Питер нервно мерил шагами камеру. Он отчаянно ждал следующего сообщения от матери. Когда в дверь постучали, он сразу же поспешил к окошку.

– Доброе утро, Питер, я пришел, чтобы отвести тебя на свидание с твоей матерью, – сказал Уинстон монотонным голосом свою обычную фразу. – Я передам тебе капюшон, надень его, пожалуйста, застегни и повернись спиной к окошку...

– Да-да, я сто раз уже все это делал. Давай уже его сюда, – сказал Питер.

Уинстон просунул защитный капюшон сквозь окошко, Питер схватил его и натянул на голову. Кожей он ощутил металлический холод сетки, почувствовал запах собственного пота и кислый запах засохшей слюны. Застегнув ремни, он подошел к двери и просунул в окошко руки, на которые Уинстон тут же надел наручники.

Раздался сигнал рации Уинстона, и ему дали разрешение открыть дверь в камеру Питера и отвести его в лифт.

* * *

Энид ждала Питера в той же самой комнате для свиданий с зелеными стенами и привинченной к полу мебелью, постукивая по столу кончиками пальцев. В ногах у нее стоял пакет с конфетами. Она посмотрела на часы. Питер опаздывал на две минуты. Она поерзала на стуле. Все передвижения в Баруэллской лечебнице производились с почти армейской точностью, минута в минуту. Где он? Она посмотрела на камеры наблюдения, висевшие во всех четырех углах комнаты.

«Что за игру вы тут ведете? – думала она. – Вы что, что-то узнали?»

Энид откинулась на спинку стула и скрестила на груди руки, делая вид, что совершенно не волнуется. На самом деле у нее скрутило живот.

* * *

Операторская комната лечебницы Баруэлла могла запросто посоперничать с диспетчерской любой станции лондонского метро. На дальней стене висел большой монитор, похожий на шахматную доску, на котором одновременно транслировались записи со всех камер клиники, которых всего было сто шестьдесят семь. Каждый коридор, дверной проем, комнаты для свиданий и групповой терапии – все было под наблюдением, в том числе прогулочный дворик, отделение для посетителей, а также каждый вход и выход. В операторской постоянно находилось шесть сотрудников. Они все сидели за мониторами поменьше, и за каждым был закреплен отдельный сектор.

Они могли связаться с любым работником по рации и прямо из диспетчерской удаленно закрыть и открыть двери в случае возникновения каких-то проблем.

Кен Уэрнер в тот день был на службе. Он сидел за ближайшим к двери столом. В лечебнице он был уже ветераном, так как работал еще с тех времен, когда нигде не было камер и каждый сотрудник должен был надеяться только на себя и постоянно быть на чеку. Он удивился, когда раздался звонок по домофону входной двери. Переключившись на камеру у входа в диспетчерскую, он увидел Мередит Бакстер, которая махала в камеру рукой.

– Доброе утро, доктор, – сказал Кен, открыв дверь.

– Здравствуйте, Кен. У вас есть минутка? – спросила Мередит, подойдя к его столу.

От нее всегда приятно пахло. Она предпочитала носить одежду мягких, пастельных цветов, в основном – шерстяные джемперы. Волосы ее тоже всегда пахли приятно. Каждый раз, когда Кен видел ее, он думал о том, как сильно изменилась лечебница с тех пор, когда он был тут санитаром. Тогда это была самая настоящая психушка, где все сотрудники носили накрахмаленную белую форму. Пациентов называли преступниками, и им можно было задать хорошую трепку, если они отказывались вести себя как подобает, что, по мнению Кена, зачастую работало лучше, чем несколько часов дорогостоящей терапии.

– Чем могу помочь? – спросил он.

Мередит одарила его ослепительной профессиональной улыбкой.

– Не могли бы вы вывести видео с камер в комнате для посетителей в крыле G? На большой экран, если можно.

– *Но проблема...* – Кен постучал по клавиатуре, и изображение Энид, ожидающей Питера в комнате для посетителей, заполнило весь огромный экран.

– Спасибо, – сказала Мередит.

Она подошла поближе к экрану и вгляделась в картинку, склонив голову набок. Энид на экране скрестила ноги, поежилась на стуле и посмотрела на часы.

Кен посмотрел на ряд изображений, мелькавших перед ним. Он увидел, что двоих пациентов ведут на групповую терапию. Другого санитар сопровождает по пути из ванной в камеру.

Уинстон вел Питера Конуэя вниз по коридору в сторону лифта.

Мередит повернулась к Кену.

– Кен, задержите Питера у лифта, пожалуйста.

По ее голосу он понял, что это была не просьба.

* * *

Питер в сопровождении Уинстона дошел до лифта, санитар нажал кнопку вызова и после короткого сигнала двери открылись.

– Уинстон, можешь подождать пока? – затрещал голос из рации.

Уинстон сделал шаг назад и снял рацию с пояса.

– Хорошо. Стою на месте, – сказал он. Раздался сигнал, и двери лифта закрылись. Уинстон повернулся к Питеру. – Нас попросили остановиться на...

– Знаю, слышал. Я стою рядом с тобой, – огрызнулся Питер. Лифт снова просигналил, открылись двери, внутри никого не было. Через пару секунд двери снова закрылись. Питер поднял глаза и увидел, что лифт никуда не поехал. Он заметил, как Уинстон посмотрел на часы. Было четыре минуты двенадцатого. Уинстон снова достал рацию.

– Ожидаю разрешения. Я сопровождаю Питера Конуэя на свидание в одиннадцать часов...

– Будьте добры, Уинстон, подождите, – раздался ответ.

«Я хочу провести полный личный досмотр», – сказал кто-то на заднем фоне. Голос был женский, и Питер узнал доктора Бакстер.

Питер почувствовал, как у него на лице под капюшоном выступила испарина. Что за задержка? Задержки случались, только если происходила какая-то нештатная ситуация, и все возможные происшествия имели свои кодовые обозначения. Драка шла под кодом 101, 102 – для попытки суицида, код 381 обозначал, что на кого-то из сотрудников было совершено нападение. Код 904, массовый беспорядок, он слышал всего один раз, несколько лет назад. Уинстону сказали подождать, но не назвали никакого кода. *Что-то происходит.*

* * *

В диспетчерской раздался еще один звонок в дверь. Кен увидел у входа доктора Раждая, заместителя доктора Бакстер в психологическом отделении.

– Впустите его, пожалуйста, – сказала Мередит, не отводя глаз от большого монитора.

Доктор сразу подошел прямо к ней.

– Как у нас дела? – спросил он, глядя на экран.

– Энид Конуэй прошла все проверки и полный обыск на входе. Все ее вещи и сладости, которые она принесла, прогнали через рентген. Все запечатано, – сказала Мередит. Она посмотрела на доктора Раждая, он кивнул в ответ.

– Я с радостью вас поддержу, но она может подать жалобу, – сказал он.

Мередит кивнула и вытащила рацию.

– Говорит доктор Бакстер. Пожалуйста, выведите Энид Конуэй из комнаты для свиданий и проведите полный личный и полостной досмотр.

– Принято, – донесся голос с другого конца.

Кен наблюдал, как Энид вывели из комнаты две сотрудницы. Он покачал головой. Доктор Мередит нравилось считать себя прогрессивной и сочувствующей, но на самом деле она была так же безжалостна, как и доктора старой школы.

* * *

Питера продержали в коридоре десять минут, которые тянулись словно несколько часов. Им не дали никаких объяснений. Наконец, Уинстон получил разрешение и провел Питера в комнату для свиданий номер один.

Когда он взглянул на мать, он увидел ее красные от слез глаза, и это потрясло и ужаснуло его. Он практически никогда не видел, чтобы она плакала. Питер дождался, пока Уинстон и Террелл выйдут, и обнял мать.

– Что происходит? – спросил он, усаживаясь напротив нее.

– Эти ублюдки, они устроили мне полный досмотр, латексные перчатки, все такое. Вели себя так грубо... Они сказали, что если я не соглашусь, то не смогу с тобой увидеться, – она достала из рукава скомканный платок и промокнула глаза.

Питер поднял глаза и уставился в одну из камер.

«Это все гребаная сука, доктор Бакстер, – подумал он. – Ты дождешься».

– Иди сюда, мам, – сказал он. Энид встала, и они обнялись. Питер прижал ее к себе, уткнувшись лицом в ее макушку и вдыхая аромат ее волос, а Энид прижалась лицом к его груди.

– Ты похудел, – сказала она, проводя по его груди рукой с ярко-красными ногтями.

– Да, привожу себя в форму для... ну, на будущее, – сказал он. Энид отстранилась и посмотрела на него. – А то я уже разжирел как свинья. – Энид улыбнулась, а потом засмеялась. – А вот это уже моя девочка. Ты выглядишь гораздо моложе, когда улыбаешься.

Санитар постучал по стеклу, знаками веля им разойтись.

* * *

В диспетчерской Мередит вместе с доктором Раждаем наблюдали за их объятиями на экране.

– Боже, да у нас тут закрытый показ «Царя Эдипа», – сказал Кен, стоя у Мередит за спиной. – Если хотите знать мое мнение, он не наркотики хочет ей присунуть...

Санитары за соседними мониторами хохотнули. Мередит обернулась и резко посмотрела на Кена.

– Если это непрофессиональное мнение, а оно, как мне кажется, таковым и является, то оставьте его при себе, – сказала она и повернулась к доктору Раждаю, который стоял рядом с ней и смотрел на экран: – Я хочу, чтобы на выходе Энид Конуэй еще раз полностью обыскали. Если будет возражать, скажите, что мы вообще запретим свидания. И я хочу, чтобы Питера обыскали тоже.

* * *

Когда свидание подошло к концу, Энид долго не выпускала Питера из своих объятий. Она пробежала пальцами по его спине и сжала ягодицы, чувствуя появившийся на его теле рельеф. Когда он прижался к ней, она почувствовала его возбуждение.

– Еще немного, мам, – прошептал он ей в ухо.

– Я люблю тебя, – зашептала она в ответ.

Раздался стук по стеклу, и санитар жестом показал, что ей пора уходить. Энид неохотно отстранилась и разорвала объятия.

– Не забудь свои сладости, – сказала она, поставив пакет на стол.

– Спасибо, мам. В следующий раз мы уже поговорим по телефону.

Энид кивнула.

«Он уже почти дома, – подумала она. – Если бы они знали про конфеты, то отобрали бы их у меня».

На обратном пути ее остановили у сканеров и отвели в соседний кабинет для личного досмотра.

После, когда Энид оделась, крупная сотрудница лечебницы, досматривавшая ее, проводила ее к выходу.

Энид все еще нервничала. *«Что они делают с Питером? Может быть, в этот самый момент они нашли записку от нее и от его Фаната?»* В записках был окончательный план их действий.

– Встаньте, пожалуйста, в очередь. Я оставлю вас здесь, – сказала женщина, указывая на очередь перед рентгеновскими рамками.

– После всего этого вам все еще надо, чтобы я прошла через эти рамки? – спросила Энид.

– Да, мадам, будьте добры, – ответила женщина.

– Ты зовешь меня «мадам», после того как посветила фонариком мне в жопу? Да иди ты на хер! – ощетинулась Энид.

– Вы бы попридержали свой язык.

– Отсоси, – бросила Энид, показав женщине средний палец.

Та смирила ее злобным взглядом и ушла.

Толпа сотрудников и посетителей, ждущих в очереди, расступилась, пропуская Энид. Молодой парень с жидкими волосами и головой странной формы оглядел ее.

– У вас слуховой аппарат не с той стороны, – сказал он.

– Что?

Он коснулся правой стороны своей головы.

– Он разве не в другом ухе у вас был в прошлый раз?

– Вы ошиблись, наверное, – сказала Энид.

Она взяла пальто и телефон из контейнера и поспешила уйти. От страха и возбуждения у нее перехватило дыхание. Она надеялась, что Питеру удастся достать записку и не попасться охране.

* * *

Питер понял, что что-то не так, когда увидел четверых санитаров, ждущих у входа в его камеру. Пакет с конфетами готов был

выскользнуть из его вспотевшей руки.

– Питер, нам нужно провести личный досмотр, – сказал Террелл. – Может быть, ты хочешь рассказать нам что-нибудь прежде, чем мы начнем?

Питер помотал головой.

Один из санитаров протянул руку, и Питер отдал ему пакет. Досмотр проводили четыре санитары, и он занял двадцать минут, но все это время пакет со сладостями лежал на кровати и к нему так ни разу и не прикоснулись.

Питер подождал еще двадцать минут, и только когда коридор снаружи опустел, он открыл пакетик с конфетами и нашел обе адресованные ему записки.

Его сердце бешено заколотилось, на этот раз от восторга. Пришло время ему самому начать действовать.

43

У обочины стоял припаркованный фургон с логотипом «Юго-западная электромонтажная компания». Это была тихая улица, окаймленная с одной стороны обветшалыми верандами, три из них были заколочены; а с другой стороны – кустами, за которыми в низком кирпичном здании без окон располагалась подстанция.

В сумерках моргал фонарь. Фанат наблюдал за пустой улицей из маленького тонированного окошка в задней части фургона.

Он готовился очень тщательно, свой метод выслеживания жертв он позаимствовал непосредственно у самого Каннибала с Девяти Вязов. Найти девчонку, у которой есть расписание. Это расписание и приведет ее напрямик к тебе. Тренировки после уроков, на которые ходили девушки, были особенно плодородной почвой. Разумеется, у многих были заботливые родители, которые забирали их после занятий, поэтому он нацеливался на девочек из семей победнее, тех, которые были на стипендии. У таких родители обычно работали, поэтому им приходилось ездить на автобусе.

Сейчас это была уже четвертая жертва, и хотя он любил все это: выслеживание, похищение, убийство, – он, тем не менее, был рад наконец с этим покончить. Он хотел разделаться с последней жертвой

побыстрее, чтобы уже перейти к финальной, самой волнительной части его плана.

Он позаимствовал фургон у семейной фирмы, а «Юго-западная электромонтажная компания» была одной из многих, арендующих машины у *СМ Logistic*. Он положил в фургон все необходимое: затягивающийся пластиковый мешок, дубинку, скотч, новую аптечку с подкожными шприцами и стерильными бинтами, черную балаклаву и кожаные перчатки. Он также надел новый комплект одежды – униформу сотрудника электромонтажной компании. Номера были фальшивые и по бумагам были закреплены за украденным фургоном. Он сам не угонял фургон, номера были выставлены на продажу на черном рынке. Если фургон попадет на камеры наблюдения, на него все равно не выйдут.

В довершение всего он положил в фургон два пузырька изофлорана. Его обычно использовали в ветеринарии, и доставку лекарств в ветеринарные клиники отслеживали не так тщательно, как в государственные и частные больницы.

Он заметил на улице какое-то движение и, приглядевшись, увидел старика, выходящего на дорогу с собакой на поводке.

– Твою мать, – выдохнул он.

Старик увидел фургон и остановился. Фанат специально открыл ворота, создавая видимость, что на подстанции ведутся ремонтные работы. Старик заглянул в ворота, а потом снова посмотрел на фургон. Его собака начала обнюхивать фургон, но старик подозвал ее назад. Затем он сам подошел к фургону и заглянул внутрь через лобовое стекло.

– Иди на хер отсюда, – прорычал Фанат. Он вытянул шею, чтобы увидеть другой конец улицы. Если она уже идет, то придется все свернуть. Недели подготовки пойдут коту под хвост.

Старик потоптался еще немного, переводя взгляд с фургона на ворота и обратно. Его собака подбежала к воротам и обнюхала какой-то сорняк, прежде чем задрать на него ногу. Наконец, старик свистнул собаку и пошел вверх по улице, а собака засеменила следом. Фанат проводил его взглядом через тонированное стекло. Старик казался дряхлым и был без очков, возможно, этого будет достаточно, чтобы он не запомнил никаких деталей.

Через пять минут, когда она возникла на тротуаре в поле его зрения, сердце у него ушло в пятки. Ее звали Абигейл Кларк, и она была *идеальна*. Высокая и достаточно поджарая, чтобы сопротивляться. Ему нравились девушки, готовые дать отпор, это делало момент торжества еще более волнующим. Абигейл обычно забирала длинные волосы в хвост и носила кепку. До этого он несколько недель наблюдал за ней при свете дня. На солнце ее волосы сияли как золото, а лицо полыхало после тренировки.

Она приближалась к фургону, опустив голову и уставившись в телефон. Поравнявшись с фургоном, она не услышала, как дверь на полозьях открылась, и тогда он одним отточенным движением высунул руки из фургона и схватил ее.

44

Абигейл не заметила фургон, пока оттуда не высунулись руки и кто-то не схватил ее. Человек был одет во все черное, а на голове у него была черная балаклава.

Она кричала и отбивалась, когда он поднял ее и затащил в фургон, а затем бросил на матрас.

Прямо перед самым падением она нащупала баллончик, который держала в кармане толстовки. Она лягалась и изворачивалась и, когда он перевернул ее на спину, нацелилась прямо в глаза и брызнула. Это был не газовый и не перцовый баллончик, а легальная альтернатива: ярко-красный гель, который на время ослеплял нападавшего и потом несколько дней оставался на коже – его для нее купила мать.

Он закричал, прижал руки к лицу, размазывая красную жижу, и сорвал с головы балаклаву. Его волосы были почти такими же красными, как и гель. Абигейл вывернулась и сумела встать, затем рванулась к раздвижной двери, которая все еще была открыта. Он умудрился схватить ее хоккейную клюшку, торчащую из рюкзака, но она выскользнула оттуда, и Абигейл вывалилась из фургона, больно приземлившись прямо на тротуар.

Она вскочила, но он уже был позади нее, отплевывался и корчился в рвотных позывах, как дикое животное. Тогда Абигейл совершила фатальную ошибку, она побежала через ворота на территорию

подстанции. Если бы она побежала направо или налево, то могла бы быстро попасть на более оживленную улицу и спастись.

Она обежала небольшое кирпичное здание и заметила маленькую дверь. Она дернула ручку, но дверь оказалась закрыта.

Он показался из-за угла и нагнал ее. Абигейл почувствовала хоккейную клюшку у своих щиколоток, он подцепил ее и дернул, отчего она потеряла равновесие и упала в траву.

Он прокричал что-то нечленораздельное и сильно ударил ее по голове. Абигейл пронзила резкая боль, и перед глазами поплыли звезды. Она почувствовала, как с головы сдернули бейсболку и что ее тащат по бетонной дорожке вдоль маленького кирпичного здания. Вокруг валялись осколки разбитой бутылки из-под вина, и Абигейл закричала, когда они вонзились в ее голые ноги.

Все произошло очень быстро. Она перевернулась, попыталась встать. Его лицо, зубы, белки глаз, покрытые красным гелем, блестели, а на резиновых губах выступила красная пена.

Он поднял хоккейную клюшку и, прежде чем она успела поднять руки, воткнул ее ей в глотку, разорвав трахею. Она затряслась и начала издавать булькающие звуки, а он начал избивать ее клюшкой. Удар за ударом. Она оцепенела и потеряла сознание под звуки ломающихся собственных костей.

* * *

Позже тем же вечером настоящий фургон «Юго-западной электромонтажной компании» подъехал к подстанции. Захудалая улица была пуста, и ни один техник не хотел задерживаться здесь после захода солнца. Какой-то старик позвонил в главный офис и спросил, когда закончатся работы и надолго ли он останется без света.

Его сообщение передали по цепочке, и в итоге выяснилось, что на подстанции не планировалось проводить никаких работ. Проникновение на подстанцию было нешуточным делом.

Техник припарковался, взял фонарик и инструменты и пошел к воротам. Они были закрыты, но он заметил, что замок был сломан. Он испытывал странные чувства, проходя сквозь ворота. Свет фонарика скользил по кустам, пока техник пробирался к задней части

подстанции. Он думал, что лежавшая на дорожке девушка была одета в красные штаны, пока не увидел, что ее ноги были покрыты следами красной запекшейся крови. Ее длинные рыжеватые волосы были сбиты в колтун, а вместо лица было кровавое месиво. Из-под тела на бетонную дорожку расползлась лужа крови. На траве валялась сломанная окровавленная хоккейная клюшка.

В теплом воздухе, окружавшем подстанцию, всегда собиралось много мух, и он заметил, что все они уже кружили вокруг ее лица. Техник выронил сумку с инструментами и едва успел добежать до ворот, прежде чем его вывернуло.

45

По дороге с работы домой Кейт остановилась на заправке. Она залила бак и изучала скудный набор замороженных полуфабрикатов, как вдруг по телевизору, висевшему над кассой, начался выпуск новостей.

На экране Варя Кэмпбелл отвечала на вопросы журналистов, стоя перед входом в полицейский участок в Эксетере. Рядом с ней стоял детектив Мерси, вид у которого был утомленный и мрачный.

– Не могли бы вы сделать погромче? – сказала Кейт кассиру, который со скучающим видом сидел за стойкой. Он взял пульт и выключил беззвучный режим.

– Девушка, о которой идет речь, была опознана как Абигейл Кларк. Ее тело со следами жестокого избиения было найдено на территории подстанции на Транмер-стрит, на окраине Кредитона, – говорила Варя.

К кассе подошел мужчина, чтобы заплатить за бензин, Кейт, не отрываясь от экрана, пропустила его вперед.

– Свидетель заявляет, что видел черный тонированный фургон с логотипом «Юго-западной электромонтажной компании» напротив подстанции на Транмер-стрит. Однако в электромонтажной компании сообщили, что вызовов с подстанции не поступало и никого из техников туда не направляли. Мы обращаемся ко всем, кто вчера вечером видел этот фургон в районе пяти-шести часов вечера. Мы полагаем, что это убийство связано с похищениями и убийствами Эммы Ньюман, Кейши Смит и Лайлы Джеррард. – На экране возникли

фотографии всех трех девушек, а затем появилось фото молодой блондинки. – Мы считаем, что преступник намеревался похитить Абигейл, когда та возвращалась домой из школы, но вместо этого он убил ее на месте.

Затем слово передали ведущему в студии, который повторил обращение ко всем возможным свидетелям.

– Полицейские хотят пообщаться с водителем или с любым человеком, который видел этот фургон, попавший на камеру видеонаблюдения в двухстах метрах от места преступления.

На экране появилось размытое изображение черного фургона «Юго-западной электромонтажной компании», а затем – карта с отмеченным на ней стадионом, где Абигейл тренировалась в тот вечер, и остановкой, куда она, вероятнее всего, направлялась.

Кейт заплатила за бензин, вернулась в машину, и у нее зазвонил телефон. Это был Тристан.

– Ты видел новости? – спросила Кейт.

– Да, – сказал он. – Они, наверное, совсем в отчаянии, раз вывалили столько информации в прессу.

– Я буду дома через пять минут. Подъезжай, обсудим.

* * *

Тристан приехал к Кейт, как раз когда она засовывала замороженную лазанью в духовку.

– Вы всегда едите полуфабрикаты? – спросил он.

– Да. У меня нет жены, которая бы мне готовила, – ответила Кейт, устанавливая таймер. – А у тебя с этим как?

– С женой? Нет, я на самом деле люблю готовить, правда, когда время есть.

– Тут хватит на двоих, если ты голодный, – сказала Кейт. Тристан сел за кухонную стойку, и они начали обсуждать, что у них есть по этому делу на данный момент.

– Это большой прорыв, – сказал Тристан. – У них есть свидетель, который видел фургон и который, судя по всему, заподозрил, что что-то не так.

– И у них есть точное место, где он хотел похитить ее, – сказала Кейт. Она взяла со столешницы ноутбук. – Они назвали место, это Транмер-стрит, Кредитон...

– Транмер-стрит, – повторил Тристан.

– Улица на окраине Кредитона...

– Кредитон не самый благополучный район. Какого черта она там шаталась одна?

Кейт открыла карту в Гугле и забила адрес. На карте появилась точка, и Кейт приблизила изображение.

– Вот стадион, про который говорили в новостях, – сказала она, указывая на карту. – А это остановка, где она собиралась сесть на автобус до дома. – Кейт поводила пальцем по экрану и нашла Транмер-стрит.

– Черт возьми, она почти дошла до этой остановки, – сказал Тристан. – Посмотрите на масштаб, ей всего четыреста метров оставалось. – Кейт увеличила карту. Тристан продолжал: – Мы не знаем, где была похищена Эмма Ньюман, так как у нее одной не было четкого распорядка дня. Остальные пропали по пути домой откуда-то...

– Я нашла место, где пропала Кейша Смит, – сказала Кейт, подойдя к сумке и достав оттуда записную книжку. – Она ездила на шестьдесят четвертом автобусе от ближайшей к школьному стадиону остановки.

– Нам осталось выяснить, где садилась на автобус Лайла Джеррард, – сказал Тристан.

– Я могу позвонить Алану Хэксаму и узнать, не может ли он посмотреть в полицейских отчетах. Давай проследим маршруты всех жертв и попытаемся размышлять как серийный убийца. Где удобнее всего устроить засаду и похитить кого-нибудь? – сказала Кейт.

Следующие несколько часов они дотошно изучали маршруты на «Гугл Картах», сравнивая, где жертвы жили и на каких автобусах ездили, и в каждом случае они смогли определить кратчайший путь.

– Я хочу взглянуть на эти места, – сказала Кейт. – Это самые короткие маршруты, которыми они с определенной долей вероятности пользовались. Жители этих районов, возможно, что-нибудь да видели, или кого-нибудь, но просто не придали этому значения.

Дорога до места, где, как предполагали Кейт и Тристан, была похищена Кейша Смит, заняла у них час. Исследуя маршрут, они обнаружили точку, где две жилые улицы Холстед-роуд и Мархэм-стрит соединялись небольшим проулком.

На Холстед-роуд было шумно, но в том месте, где проулок соединял ее с Мархэм-стрит, был тихий закуток, окруженный кустами и просматриваемый из окон только одного дома, который как раз пустовал и был выставлен на продажу.

– Вот это было бы идеальное место, – сказал Тристан. – Здесь он мог припарковаться и поджидать ее.

У дома, расположенного по диагонали, Кейт заметила женщину, выходящую из машины. Она открыла багажник и достала оттуда небольшую коробку с чистящими средствами.

– Похоже, это уборщица, – сказала Кейт и решила воспользоваться моментом. – Посмотрим, захочет ли она разговаривать.

Тристан пошел следом за Кейт, и они догнали женщину прямо у калитки, ведущей к большому белому дому. Кейт представилась и протянула свою визитку.

– Мы пытаемся узнать что-нибудь о пропавшей девушке. Мы полагаем, что она часто ходила по этой улице.

Женщина глядела на них с подозрением, пытаясь определить, какие отношения связывают Кейт и Тристана. У нее была очень светлая кожа, короткие волосы, выкрашенные в черный цвет, и большие глаза, обрамленные щедро накрашенными ресницами.

– Мы не из полиции, – добавила Кейт. – Мы работаем в частном порядке, и нам нужна помощь.

Казалось, после этих слов женщина немного смягчилась.

– Я убираюсь в шести домах на этой улице. Провожу тут много времени.

– Вы убираетесь по четвергам? Девочка пропала в этот день, – спросила Кейт. Тристан достал распечатанную фотографию Кейши Смит и показал женщине.

Та хмыкнула.

– Я слышала про нее в новостях! Вы думаете, ее украли здесь?

– Это рабочая версия, – сказала Кейт.

– Я вчера видела новости. Тип в черном фургоне – ну, они думают, что этот мужик – убил ту девчонку, – сказала она, качая головой.

– Можете припомнить, работали ли вы... – Кейт достала телефон и пролистала календарь, – в четверг шестнадцатого сентября. В этот день пропала Кейша.

Женщина призадумалась.

– Когда у нас в августе были банковские каникулы?[\[164\]](#) – спросила она.

– Тринадцатого августа, – ответил Тристан.

– Да, я работала. Это как раз была неделя перед тем, как я уехала.

– Вы работаете допоздна? – спросила Кейт.

– До четырех-пяти часов, – сказала женщина.

– Вы не помните, в тот день вечером не стоял ли фургон вон у того места? – Тристан вытащил телефон. – Например, похожий на этот, принадлежащий «Юго-западной электромонтажной компании»?

Женщина посмотрела на фотографию на экране.

– Такого не было. Этот дом выставлен на продажу уже несколько месяцев. Старушка, которая там жила, умерла, пролежала там несколько недель... В общем... В это время там стоял один из этих охраняемых фургонов. Я его запомнила, потому что он был вроде как бронированный, ну, вы знаете, на таких наличку из банков возят.

– А день помните? – спросила Кейт.

Женщина пережевывала вопрос, почти буквально, пошевелила губами, прикидывая что-то в голове.

– Я не уверена. Это было примерно в то время. Со временем все дни смешиваются, и невозможно отличить один от другого.

– Вы не помните, на машине был какой-нибудь логотип?

– Это точно был не *Securicor*, потому что я всегда хохочу над этим занудным женским голосом, который просит посторониться, когда машина сдает назад... *ONV* или *OMG*... Что-то такое. Написано золотыми буквами. Первая буква точно *O*.

– *OMG* часто расшифровывается как *Oh My God*[\[165\]](#), – сказал Тристан.

Женщина глянула на него так, словно он только что усомнился в ее умственных способностях, и продолжила:

– Фургон был тонированный и, я помню, еще подумала тогда «Какого черта он тут стоит?» Тут же нечего делать, дом очень долго

пустует. Разве что мусорщики приезжали один раз.

– Вы видели кого-нибудь в фургоне? Может, кто-нибудь выходил из него? – спросила Кейт.

– Нет.

– Полицейские с вами разговаривали?

Услышав эти слова, женщина прищурилась.

– Полицейские? Нет. Я не общаюсь с полицией. Только если выхода другого нет. Они, наверное, разговаривали с теми, кто тут живет, но я точно не знаю. Многие отсюда мотаются в Бристоль или даже в Лондон. А сейчас, простите, но мне пора.

После того как она ушла, Кейт и Тристан прошлись по проулку. Он представлял собой узкий, грязный и вонючий проход, с валяющимся на земле мусором и битым стеклом.

– Тут почти нет собачьих какашек, – сказал Тристан. – Значит, с собаками тут не гуляют.

– Выглядит так, будто люди вообще здесь особо не ходят, – согласилась Кейт. – Что думаешь по поводу фургона, который она видела?

– Она не сказала ничего конкретного. Ни точной даты, ни надписи на фургоне.

– Но что здесь мог делать инкассаторский фургон? Никакого банка рядом нет.

Они вернулись туда, где припарковали машину.

– Куда дальше? – спросил Тристан.

– Баттерворс-авеню, – сказала Кейт. – Туда, где, по нашим предположениям, похитили Лайлу Джеррард.

47

Фанат проснулся в темноте с пульсирующей болью в левом глазу. Он пошарил рукой рядом с кроватью и отдернул занавеску. Он был в своем загородном доме, спрятавшемся у меловых холмов на севере Уэссекса. В комнату через окно лился свет, и от неожиданной яркости он зажмурился. Он встал и пошел в ванную, где уставился на свое отражение в зеркале.

Кожа у него на лице и руках была покрыта красными пятнами. Особенно ярко они проступили вокруг левого глаза, который, к тому

же, посинел и заплыл – эта сука еще и ударила его туда. Гель просочился через балаклаву и окрасил часть лица и шеи.

Ему нравилось, когда девчонки отбиваются, но он не ожидал, что эта почти одолеет его. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он пришел в себя, стоя над ее безжизненным телом, из-под которого на бетон лужей растекалась кровь.

Он убедился, что вокруг было темно, на дороге никого не было, только уличный фонарь иногда моргал. Он вернулся в фургон и заперся там, пытаясь отчистить гель, но он был повсюду. На полу в фургоне он нашел ее темно-синюю бейсболку с красной найковской «галочкой» впереди. Он натянул кепку и опустил козырек прямо на глаза, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы прикрыть измазанное краской лицо.

План, который он разрабатывал для четвертой жертвы, пошел прахом.

Он несколько раз сходил в ванную и принял душ, стараясь отмыться, но следы краски оставались, похожие на красноватые родимые пятна. Он прочитал в интернете, что они исчезнут через несколько дней, но тогда он пропустит самую важную часть плана.

Окольными путями он доехал до распределительного центра «Юго-западной электромонтажной компании» и сразу же поменял номера на машине, но теперь ему нужно было отмыть от красных пятен фургон, и он не мог доверить эту работу никому. В полиции узнают, что это за красная краска. В новостях этого еще не было, но его беспокоил тот старик. Он видел фургон.

Он планировал выбросить тело Абигейл в следующий вторник вместе с запиской, но теперь так сделать не получится, и это было уже не то идеальное преступление, которое он так тщательно планировал.

Если старикашка поговорит с полицейскими и они узнают, что он использовал фургон, сколько времени им понадобится, чтобы добраться до него? Фальшивые номера задержат их ненадолго.

Он снял белье и зашел в душ. Красные пятна шли вниз по шее и доходили до груди. Он взял баночку промышленного очистителя и насыпал едко пахнущего порошка в ладонь. Смешав порошок с водой, он принялся натирать им грудь, шею и лицо. Кожу щипало и жгло. Он включил настолько горячую воду, насколько мог вытерпеть, и с удовольствием увидел, как с него потекла бледно-розовая вода.

Химический запах, какой бывает в бассейне от отбеливателя и моющего средства, забрался ему в нос и привел в чувство. Он потерпел неудачу, но не все было потеряно. Он растянул губы в улыбке и начал чистить зубы, которые тоже стали розовыми от краски. От очистителя его чуть не стошнило, но он продолжал тереть.

Как только пятна начали бледнеть, он почувствовал, что приходит в себя. Для того, чтобы его план сработал, он должен полностью контролировать свои эмоции.

48

Через сорок пять минут Кейт и Тристан подъехали к другому месту. Зеленая улица, окруженная роскошными домами, переходящая в грунтовую дорогу с железнодорожным мостом и туннелем. С одной стороны моста был заросший травой клочок земли, который когда-то был детской площадкой, а с другой – шла высокая кирпичная стена, соединенная с железнодорожным мостом.

Кейт и Тристан прошли по длинному туннелю – грязному неосвященному, воняющему мочой. С другой стороны тоннель выходил на шумную торговую улицу.

– Вы бы пошли здесь? – спросил Тристан. – Даже если бы это был кратчайший путь?

– Только если бы случайно сюда зашла, но район, в общем, кажется очень дорогим. Красивые дома. Не знаю. Здесь можно очень хорошо сократить дорогу до остановки, – сказала Кейт. Они прошли через туннель обратно и, выйдя на другой стороне, услышали, как у них над головами прогрохотал поезд.

– Тихое местечко, отлично подходит для того, чтобы поджидать кого-нибудь, – сказал Тристан, когда они остановились у заброшенной детской площадки.

Последний дом, после которого заканчивалась асфальтированная дорожка, представлял собой величественное старое здание в полном запустении. Кейт подумалось, что когда-то это был единственный дом в окрестностях, окруженный полями.

Они отошли подальше, чтобы рассмотреть дом с другого угла. По всей поверхности стен и вокруг большого эркера с окном висел плющ. В передней комнате на первом этаже горел свет, делая общую картину

значительно уютнее. Пожилой мужчина в очках с толстой оправой сидел в кресле с высокой спинкой и читал газету. К расположенной между колоннами входной двери с висящим на ней дверным молоточком вели ступеньки. Кейт приблизилась к дому и увидела, что из-под карниза что-то выглядывает. Старик заметил их, отложил газету и снял очки.

– Гляди, вон там, под карнизом маленькая камера видеонаблюдения, – сказала Кейт, указывая пальцем. – Ее не видно, пока близко не подойдешь.

Мужчина уже стоял у окна и махал рукой, показывая им, чтобы они уходили.

– Он как-то не очень доволен, – сказал Тристан.

– Посмотрим, не согласится ли он поговорить, – сказала Кейт. Она махнула мужчине рукой, и они поднялись по ступенькам к входной двери и позвонили. Никто не ответил.

– Может, это призрак? – ухмыльнулся Тристан.

Кейт позвонила еще раз. Через пару секунд дверь открылась. В проходе, опираясь на трость, стоял старик. Правая нога у него была в гипсе.

– Женщина, вы слепая? Не видите, что я ходячий раненый? – сказал он раздраженно. Из дома шел запах выпечки и свежесваренного чая, и теплый воздух, вырываясь наружу, смешивался с морозным осенним утром. Пожилой мужчина посмотрел мимо Кейт, прямо на Тристана и улыбнулся. – Чем могу вам помочь, молодой человек?

Кейт ткнула Тристана под ребра, и он, сделав шаг вперед, протянул старику визитки.

– Здравствуйте. Мы частные детективы. Меня зовут Тристан Харпер, а это Кейт Маршалл.

– Меня зовут Фредерик Уолтерс.

– Очень приятно, мистер Уолтерс. Мы расследуем похищение молодой девушки, и, по нашим предположениям, она была похищена на дороге у вашего дома.

– Господи боже! Когда?

– Пару недель назад, – ответил Тристан и рассказал о похищении и убийстве Лайлы Джеррард.

– Какой ужас, – сказал старик, схватившись за сердце. – Вы очень молодо выглядите для частного детектива. Сколько вам лет?

– Двадцать один, сэр, – сказал Тристан.

– Вы же не думаете, что это я ее похитил? – спросил мужчина. – Я только что вернулся из больницы, пролежал там несколько недель.

– Сочувствую вам. Мы решили зайти, потому что увидели, что у вас на доме установлена камера, смотрящая прямо на дорогу, – сказала Кейт. – С вами не общались полицейские? Вдруг что-то попало на запись.

– Нет, никого не было... – он выглянул на улицу, а затем перевел взгляд обратно на Тристана и улыбнулся. – Я как раз собирался заварить чай. Хотите чашечку?

– Да, спасибо, – сказал Тристан.

– Было бы чудесно, – добавила Кейт. Казалось, Фредерик адресовал свое приглашение только Тристану.

– Входите, – сказал он, отступая назад в коридор. – Может быть, вы не откажетесь помочь мне с чаем? – спросил он Тристана.

– Конечно.

– А вы, Карен, располагайтесь в гостиной, – добавил он, обращаясь к Кейт.

– Я Кейт, – сказала она, но он уже повел Тристана по коридору.

Кейт вошла в гостиную. Тяжелая деревянная мебель и бар в углу с сифоном для газировки напомнили ей дома 30-х годов. На серванте стоял старомодный граммофон, окна были отделаны свинцовыми вставками, а уголки стекол в нескольких местах потемнели. С потолка струился мягкий свет, оттеняя диван с узором из ракушек и такие же кресла. На низеньком комодe громоздился современный плоский телевизор, а позади него Кейт, приглядевшись, увидела мигающий интернет-модем.

Через несколько минут Фредерик вернулся вместе с Тристаном, на ходу расспрашивая его о татуировках.

– У вас только вот эти на руках? – спросил он.

– Есть еще на спине, и на плечах орел с распахнутыми крыльями, – сказал Тристан, ставя поднос на маленький столик у дивана.

– Боже мой, можно взглянуть?

Кейт выразительно посмотрела на Тристана, но он, уступив Фредерику, задрал футболку, обнажив сначала рельефный пресс и накачанные грудные мышцы. Он повернулся, чтобы показать распростертые по спине и плечам крылья. Кейт ожидала увидеть что-то безвкусное, но татуировка выглядела очень красиво.

– Ну и ну... Боюсь, что после вашего ухода мне придется прилечь, – пошутил Фредерик.

Тристан опустил футболку и уселся рядом с Кейт. Кейт была рада, что Тристан подыграл старику, но подумала, что ему все же не стоило начинать оголяться.

– Хотите, я разолью чай? – спросила она.

– Да, будете у нас за хозяйку, – сказал Фредерик. Кейт разлила чай и, дождавшись, когда Фредерик усядется в кресло напротив, подала ему чашку. Другую она подала Тристану и, сев рядом с ним, сделала глоток из своей.

– Когда на вашем доме установили камеру? – спросила она.

– Четыре месяца назад. Ее для страховки поставили, – сказал Фредерик, откинувшись в кресле и поправляя очки. Он подул на чай и сделал глоток.

– Вы не будете против, если мы посмотрим запись с того дня, когда пропала девушка? – спросил Тристан.

– Какая девушка?

Кейт еще раз кратко пересказала историю.

– Я не знаю, как это все работает. Камеру установила моя племянница, она же приходит и проверяет ее.

– А где находится сама система? – спросил Тристан.

– Цистерна?

– Нет, компьютерная система от камеры. Такая коробочка.

– Ой, да. Она в шкафу под лестницей. Посмотрите сами, не стесняйтесь. Я понятия не имею, как это работает.

Кейт и Тристан вышли в коридор. Им пришлось отодвинуть небольшой стол и лампу от двери чулана, и внутри, в пыли, среди старых сапог и ботинок, они нашли небольшую коробку с мигающими зелеными огоньками.

– Похоже, что видео с камеры записывается на жесткий диск, – сказал Тристан. – Здесь установлена система безопасности на базе приложения, мы можем получить доступ удаленно.

Он взял листок бумаги, лежавший на коробке, и протянул его Кейт. На листке была инструкция, как войти в систему, и пароль. Тристан достал телефон, сфотографировал бумажку и положил ее на место.

Они вернулись в гостиную, допили чай, и Тристан еще раз спросил разрешения посмотреть запись. Фредерик, ничего не смыслящий в работе камеры, сказал, что Тристан на них взглянуть.

– Надеюсь, вы найдете того, кто похитил эту девушку, – сказал Фредерик, провожая их до двери. Казалось, он был огорчен тем, что его неожиданные гости уходят.

– Спасибо вам, это может оказаться очень полезно, – сказал Тристан.

Когда они вернулись в машину, Тристан скачал на телефон приложение для просмотра записей с камер наблюдения.

– Мне так неудобно. Он не знает, что я сфотографировал пароль, – сказал Тристан.

– Нам нужна запись всего одного дня, и потом это может помочь нам найти убийцу Лайлы, – сказала Кейт. – И к тому же, ты продемонстрировал ему свой торс... Я думаю, он долго еще будет смаковать в воспоминаниях это зрелище.

Тристан засмеялся. На обратном пути в Эшдин Тристан вошел в приложение и начал искать нужную запись в видеофайлах.

– Так, я нашел запись со дня, когда была похищена Лайла Джеррард. Весь день разбит на часовые записи, я скачиваю только записи с трех до девяти вечера.

Когда записи загрузились, Тристан начал прокручивать их на высокой скорости. Кейт краем глаза тоже поглядывала на экран. Картинка не менялась: участок дороги, заросшая детская площадка и край туннеля. Тристан переключился на нормальную скорость, когда в кадре появился человек с собакой, а затем – почтальон на велосипеде. Когда начало темнеть, в кадре появился черный фургон и, медленно проехав в сторону туннеля, скрылся из виду.

– Черт, – сказал Тристан, перемотав запись назад и включив замедленную скорость.

Он заново проиграл отрывок записи, на котором в кадре появился фургон. На машине сбоку виднелась надпись *OMV Security*. Черный

тонированный фургон. Кейт накрыло давно забытое чувство покалывания в животе – восторг от сделанного открытия.

– Какое это время? – спросила она, пытаясь разглядеть крошечные цифры в углу экрана и одновременно смотреть на дорогу. Ей едва удавалось сдерживать волнение.

– Фургон проезжает мимо в 5:25... – Тристан прокрутил запись вперед. – Должно быть, он почти час прождал вне зоны видимости камеры. С другой стороны туннеля – тупик. Он развернул фургон и проехал в обратном направлении в 6:23.

Он прогнал запись назад и нажал на паузу. Буквы *OMV* просматривались и на другой сторону фургона.

– Он наверняка ждал у туннеля, а потом схватил Лайлу, и когда он уезжает оттуда, – она уже внутри, – сказала Кейт.

Тристан тут же загуглил название фирмы.

– *OMV* занимается доставкой наличных денег в банкоматы, – сказал он.

– Мы должны сообщить об этом Варе, – сказала Кейт.

Осознание того, что все, что они могут сейчас сделать, – это передать информацию, несколько притупило ее восторг. Тристан сделал скриншот обоих кадров и загрузил их в электронную почту.

Как только он отправил письмо, у Кейт зазвонил телефон. Это был Гэри Долман, писатель, который работал над книгой «Не мой сын».

– Он живет в Брайтоне, – сказала Кейт, положив трубку. – Говорит, мы можем встретиться с ним завтра у него дома. Он согласен ответить на любые наши вопросы и рассказать о своей работе с Энид.

– Как раз кстати, поможет занять голову, пока мы ждем ответа по этим записям с камеры. Похоже, что дело сдвинулось с мертвой точки, – сказал Тристан.

Кейт кивнула и начала стучать телефоном по зубам, разнервничавшись от перспективы предстоящей встречи.

– Что такое? Не хотите ехать? – спросил Тристан.

– Хочу, – сказала Кейт. – Он хотел побеседовать со мной, когда писал книгу. Я постоянно отказывалась, и потом получилось совсем некрасиво... Я вроде как послала его на три буквы. Я тогда пила.

– Как он держался во время звонка?

– Хорошо. Нормально.

– Он был журналистом в желтой газете, может быть, он просто потерял счет тому, сколько людей его туда посылали? – сказал Тристан.

Кейт засмеялась, но как член общества анонимных алкоголиков она знала, как извиниться перед Гэри и загладить свою вину.

49

Гэри Долман жил в Брайтоне, в доме с террасой и с видом на море. Открыв дверь Кейт и Тристану, он весь расплылся в улыбке и пригласил их войти. Ему было немного за пятьдесят. В носу и в брови торчал пирсинг, а серебристые волосы сверху были частично окрашены в розовый. Он провел Кейт и Тристана в заставленный книжными шкафами кабинет с большим панорамным окном, выходящим в сторону моря.

– Просто не верится, после стольких лет мы наконец-то с вами встретились, – сказал он, жестом приглашая их присесть на большой диван.

– Спасибо, – сказала Кейт. – Я должна извиниться перед вами за наш последний разговор, когда вы просили меня поучаствовать в вашей работе над книгой. Это было очень грубо с моей стороны. Прошу прощения.

Гэри отмахнулся.

– Все в порядке. Я знаю, как вас преследовали газетчики. Если это хоть немного вас утешит, книга в итоге мне не понравилась, – сказал он.

– Почему?

– Прежде чем мы начнем, хотите чаю или кофе? – спросил он. Кейт и Тристан попросили чаю, и Гэри вышел из кабинета.

Кейт огляделась по сторонам. На стене в рамках висело несколько передовиц *The Sun* и «Новостей мира». На двух из них красовались заголовки статей об известном актере, которого застукали нюхающим кокаин, и о супермодели, употребляющей наркотики в компании рок-музыканта, третий заголовок гласил «НЕ МОЙ СЫН». Сразу под ним была ставшая теперь известной фотография Энид Конуэй крупным планом, сделанная, когда она выходила из здания Верховного суда в Лондоне, после того как Питера признали виновным и приговорили к пожизненному заключению. На ней был элегантный темно-синий

костюм: юбка и пиджак, короткие темные волосы были идеально уложены, а по лицу бежали слезы, оставляя за собой дорожки потекшей туши, пока она прижимала к губам белый носовой платок. «Новости Мира» оказались единственной газетой, которая использовала фото Энид в сообщении о том, что Питера признали виновным, и от этого фотография стала еще эффектнее. Кейт подошла поближе.

– Я не знала, что это он написал, – сказала она, вглядываясь в мелкие буквы. – Интересно, почему он забросил это дело? Судя по всему, у него получалось неплохо, – Кейт услышала, как последнее предложение в ее устах приобрело какие-то горестные нотки.

– Давайте все же будем осторожны. Журналист всегда остается журналистом, – сказал Тристан.

– Тоже верно, – сказала Кейт.

Она посмотрела в окно, на море и на разворованные сгоревшие останки пирса, которые торчали над гладкой водяной поверхностью, как ноги гигантского скорчившегося паука. Кейт не могла определить, как она относится к Гэри Долману. Она извинилась перед ним, сделала то, что должна была сделать как примерный член клуба анонимных алкоголиков, но вместе с этим она вспомнила время, когда Питера арестовали и начались слушания в суде. Как он изводил ее просьбами дать комментарий, разрешить ее процитировать и рассказать ее историю. Он принял ее извинения, но не должен ли он был извиниться сам?

Через несколько секунд Гэри вернулся в кабинет, улыбаясь и неся поднос с чаем и печеньем.

– Вот так, – сказал он, усаживаясь в кресло у рабочего стола. – Я готов.

Кейт подробнее рассказала о том, что упомянула во время телефонного разговора, в том числе их предположение, что подражатель использует книгу «Не мой сын» в качестве вдохновения, в поисках мест, где оставить тела своих жертв.

– С вами связывалась полиция? – спросила Кейт в итоге.

– Нет. Еще нет, – сказал Гэри, обмакнув очередную печеньку в чай.

– Я бы ждала звонка, – сказала Кейт. – Я поделилась с ними своими подозрениями о том, что места преступлений связаны с книгой

Энид, или, точнее сказать, с вашей книгой.

– Если вы раскроете это дело, книга может получить второй тираж, – сказал он, осклабившись.

– Гибнут девочки-подростки, – холодно сказала Кейт.

Гэри поднял руки.

– Простите. Просто я – реалист. Ничто так не продает книги, как смерть... Я видел новости... Фух... жуткая история, – он покачал головой и вздрогнул, делая вид, что пребывает в ужасе.

– Почему вы стали писать книги за других, а не от себя, как настоящие писатели? – спросил Тристан. Кейт бросила на него взгляд. Гэри был ей так же неприятен, но если начать демонстрировать это, то он может отказаться разговаривать.

– Я был сыт по горло этой журналистской мясорубкой, – сказал он. – Мне поступило это предложение, после того как вышел мой материал про Девять Вязов и моя знаменитая статья. Мне заплатили сто тысяч. Я выплатил ипотеку. Думаю, это делает меня настоящим писателем.

– Энид хоть раз говорила о Питере «не мой сын» во время суда? – спросил Тристан.

– Нет... Вы хоть раз слышали подобное, Кейт?

– Я не присутствовала на заседаниях. Только дала показания, – сказала Кейт. Мысленно она вернулась в те четыре дня, когда она, униженная, стояла в суде перед адвокатами Питера Конуэя, которые рвали ее на части.

– Разумеется, ведь когда начался суд, у вас уже был от него ребенок, так?

– Да.

Повисла неловкая пауза, во время которой Кейт пристально посмотрела на Гэри.

– Но вы ведь используете эти слова в заголовке как цитату, – сказал Тристан.

Гэри повел плечами.

– Это журналистика. Этот заголовок отражает настроение публики, а это то, к чему всегда стремится любой хороший таблоид.

«Ага, а журналисты вроде тебя еще и понимают между делом всех, кто попадет на пути», – подумала Кейт. Она прилагала огромные усилия, чтобы абстрагироваться от своих эмоций.

– Так как же возникла идея для книги? – спросила Кейт, возвращая их разговор в нужное ей русло.

– Я познакомился с Энид Конуэй во время судебных заседаний, – сказал Гэри. – В перерывах между слушаниями она то и дело стреляла у меня сигареты. Болтала о том о сем, ничего особенно откровенного, но достаточно для того, чтобы наладить контакт. Я слышал, как она спрашивала другого журналиста, сколько она может получить за свою историю, и тогда я подумал, что на ее историю будет спрос. Я пошел к издателю с моей идеей, за пару недель до того как вынесли обвинительный приговор, и они достаточно быстро все устроили.

– Сколько раз вы встречались с Энид, когда работали над книгой? Гэри откинулся в кресле, поставив пустую чашку на колени.

– Раз шесть-семь.

– А где вы с ней встречались?

– Здесь. Как правило, писатель сам приезжает к рассказчику, но Энид хотела посмотреть Брайтон и пожить в Гранд-отеле. Издательство оплатило ей номер на неделю. Она хотела остановиться в том же номере, в котором жила Маргарет Тэтчер, когда в отеле случился взрыв![\[166\]](#) Но он был уже забронирован, поэтому ей дали соседний номер люкс. Несколько раз мы встречались там и несколько раз здесь, у меня... Интересная была работенка.

– В каком смысле? – спросил Тристан.

Гэри закатил глаза.

– Она же мать известного серийного убийцы, и, к тому же, во время нашей работы выяснилось, что книга получается немного не такой, как планировалось, – сказал он. – Исходя из моего заголовка издатель сделал вывод – и кстати, одобрил такое решение, – что «Не мой сын» будет своего рода раскаянием, что Энид отречется от своего сына. Но по ходу наших бесед я пришел к выводу, что она безумно его любит и все отрицает.

– Она отказывалась верить, что Питер убил тех девушек? – спросила Кейт.

– О, нет. Она знала, что это сделал он. Она была уверена в том, что он ничего не мог с собой поделать. Сказала, что ее саму изнасиловал злой человек, и из-за того, что отец Питера был злым, он был вынужден постоянно бороться с темной стороной собственной личности. Она говорила, что хорошего в нем гораздо больше, чем

плохого. Что он не виноват в том, что убил тех девушек. Что это все гены.

Кейт закрыла глаза, от этих слов ее замутило. Большую часть времени ей удавалось не думать о том, что Джейк был сыном Питера, и, хотя она понимала, что слова Энид – это следствие глубокого отрицания, она сильно беспокоилась за будущее Джейка. Она выронила чашку, и та, упав на пол, разлетелась на части.

– Ой, простите, – едва слышно сказала она, поднявшись и начав подбирать осколки.

– Не беспокойтесь, – сказал Гэри. Он подошел к Кейт и положил руку ей на плечо. – Вы в порядке?

– Она в порядке. Вы не оставите нас на минутку? – спросил Тристан, неодобрительно посмотрев на хозяина.

– Конечно. Я пойду схожу за тряпкой, – сказал он и вышел из комнаты.

– Вы можете продолжать? – спросил Тристан, заметив слезы в глазах Кейт. Он усадил ее обратно на диван и начал собирать осколки.

– Не знаю, – сказала она, вытирая лицо тыльной стороной ладони. – Я всегда стараюсь смотреть на все это объективно, но... – она расплакалась. – Питер – отец Джейка, и все это дерьмо в нем тоже есть. Мне так страшно, когда я думаю об этом. Джейк просто ребенок, который хочет жить нормальной жизнью, но будет ли она у него?

Тристан сложил осколки чашки на стол, а затем взял Кейт за руку.

– Я специально читал в интернете про серийных убийц. Знаете, у скольких из них дети оказались нормальными? Сын Чарльза Мэнсона живет себе тихо-спокойно со своей подружкой. Дочь Кита Джесперсона сейчас читает лекции и помогает детям серийных убийц... Не удивлюсь, если Энид Конуэй наплела все это дерьмо в погоне за тиражом.

– Ни один человек ведь не знает, какими вырастут его дети? – сказала Кейт.

– Именно, – ответил Тристан. – Когда меня взяли за то разбитое стекло в машине, моя мама так взбесилась, думала, что теперь я точно пойду по кривой дорожке, но гляньте на меня сейчас. Я работаю в университете Эшдина, а не чищу туалеты. Я работаю на вас, а этим можно гордиться.

Кейт посмотрела в его добрые карие глаза и порадовалась, что тогда, после собеседования, решила дать ему шанс. Он стремительно становился для нее вторым сыном.

– Спасибо тебе, – сказала она, улыбаясь и сжимая его руку. Гэри вернулся с тряпкой и замер в дверном проеме.

– Простите, если я вас расстроил, – сказал он.

– Нет, ничего. Я же сама задала вопрос, – сказала Кейт, вытирая лицо и собираясь с силами.

Гэри протянул ей коробку с салфетками, она взяла одну и высморкалась. Он вытер с пола остатки чая и уселся обратно в кресло.

– Хотите продолжить? – спросил Тристан Кейт.

– Да, это касается не только меня, – сказала Кейт. Она утерла нос салфеткой и посмотрела на Гэри: – Вы знали, что Питер Конуэй рассказывал своим коллегам-полицейским, что у его матери были проблемы с головой и она постоянно находилась в лечебнице?

– Я слышал об этом. Энид сказала, что это ложь...

– Питер говорил об этом мне и моим коллегам. Трижды.

– Энид не упоминала этого. Она страстно любила Питера, и, мне кажется, это было нечто большее, чем материнская любовь, – сказал Гэри. – Она рассказывала, как наряжалась для него во время слушаний. Чтобы его подбодрить. Вы, должно быть, помните, в чем она приходила в суд. Короткие юбки, чулки, подвязки. Сидела там, ноги ему показывала. Кружево... Я помню, мы еще шутили об этом, сидя на балконе для прессы.

Кейт снова почувствовала тошноту, но была намерена продолжать.

– Она рассказывала об отношениях с Питером, когда он рос? – спросила она.

– Она говорила о каникулах в Девоне, но там все вроде бы было нормально, не считая эпизода с фермерской женой и того, что она украдала у них курицу. Она много говорила о тех двух годах, что Питер жил и работал в Манчестере, когда сама она жила в Лондоне. Говорила, что безумно по нему скучала. В то время она работала в букмекерской конторе в Уайтчепеле и выходные у нее были раз в две недели. Они приезжали друг к другу по очереди. Как-то раз, когда она приехала в Манчестер, они выпивали в пабе, а потом пошли в квартиру, где жил Питер. Он показал ей свою новую камеру и начал ее

фотографировать. Она сказала, что они начали дурачиться, она позировала для него смеха ради, а потом он попросил ее сменить наряд, а сам в это время продолжил снимать. Кончилось все тем, что он фотографировал ее голой.

– Вот же блин! Свою собственную мать? – спросил Тристан.

Гэри кивнул.

– Энид говорит об этом так, как будто они просто забавлялись. Потом он сам разделся, чтобы она могла его пофотографировать, а потом, по ее словам, «пошло-поехало...». Это были ее слова, но затем она тут же сказала мне, что я не могу использовать это в книге.

– Она рассказала об этом во время интервью для книги? – спросила Кейт.

– Да, после пары стаканов в баре Гранд-отеля.

– Почему вы не написали об этом? – спросил Тристан.

– За ней было последнее слово, и когда я рассказал об этом редактору, она была возмущена. Сказала, что издателю не нужны такие измышления об отношениях между ними. Дескать, книга не та.

Кейт и Тристан несколько секунд перваривали его слова. Кейт не была удивлена, услышанное скорее ужаснуло ее.

– У вас есть еще какие-нибудь материалы, которыми вы можете поделиться, фотографии, которые не попали в книгу? – спросила она.

– Да. Есть много детских фотографий Питера, еще есть фотографии со времен его службы в Манчестере.

– Можно взглянуть?

– Конечно. Давайте-ка посмотрим, – сказал Гэри, вставая и пробегая глазами по заставленным книжным полкам. Он отыскал на одной из полок обувную коробку. Сняв крышку, он поставил коробку на кофейный столик. – Я сделал копии всех фотографий.

Кейт начала просматривать старые праздничные фотографии, на которых Питер еще ребенок.

– Я полагаю, никакими пикантными фотографиями она с вами не поделилась? Если то, о чем она рассказала, вообще имело место, – спросил Тристан, вытаскивая размытую фотографию шестнадцатилетней Энид, стоящей перед домом для одиноких матерей с Питером на руках.

– Нет. Она рассказала странную историю, – сказал Гэри. – У Питера в Манчестере был друг. Кажется, она говорила, что он жил в

Олтринхэме. У этого парня была своя аптека, но он между делом за плату проявлял в своей мастерской всякие сомнительные фотографии, так сказать, из-под полы.

Кейт и Тристан напряженно переглянулись.

– Она не сказала, как звали того друга? – спросила Кейт.

– Нет, но судя по всему, он был бывший коп. Они с Питером так и познакомились.

– Черт возьми, – сказала Кейт. – Это Пол Адлер. Владелец аптеки в Олтринхэме.

50

После визита Энид Питер начал приводить в исполнение очередную часть плана. Работающие в лечебнице санитары и врачи были очень умны и наблюдательны, все правила соблюдались очень строго. Все острые предметы или предметы, которые могли быть заточены или использованы в качестве оружия, были запрещены. Зубные щетки, расчески и бритвы выдавались строго для использования в ванной, а затем забирались и утилизировались. Все столовые приборы были пластиковыми и выдавались пациентам только на время приема пищи, а после их собирали вместе с тарелками и пересчитывали. Если чего-то недоставало, то комнату и самого пациента тщательно обыскивали, пока не находили пропавший предмет. Любая еда, упакованная в фольгу, тоже была запрещена, так же как и зубная паста, – после того, как один из пациентов заточил плоский край тубы и порезал санитаря.

За долгие годы заключения Питер, в награду за хорошее поведение, сумел получить разные мелкие поблажки: книги (в мягкой обложке без скрепок) и радио (помещенное в толстый формованный пластиковый корпус и регулярно проверяемое). В прошлом году его библиотека настолько разрослась, что он попросил установить в его комнате книжный шкаф. После долгой бумажной волокиты было принято решение, что Питеру дадут возможность выбрать небольшой шкаф и оплатить его со своего тюремного счета. Когда коробку с разобранным шкафом привезли, установить его пригласили сотрудника из отдела техобслуживания лечебницы. Как раз в это время техперсонал в лечебнице был внештатный.

Утром, когда пришел человек, чтобы собрать шкаф, Питера вывели из камеры. Он так и не узнал, кто делал работу, но вернувшись, увидел, что там его ждет собранный шкаф. Санитар проверил сам шкаф и обыскал камеру, чтобы убедиться, что сотрудник не оставил никаких инструментов. После этого Питера заперли в камере на ночь.

И только когда Питер попытался подвинуть шкаф, он обнаружил, что работник прикрепил его к стене металлической скобой.

Питер поставил свои книги на полки и на самый верх шкафа, вместе с разными бумагами. Скоба так и осталась незамеченной, даже в течение последних четырех-пяти проверок.

Питер снова начал курить. Спички были дешевле, чем зажигалка, поэтому он покупал сигареты и коробок спичек в магазинчике при лечебнице, и каждый раз, когда он решал покурить, ему выдавали несколько спичек. Он использовал две, и еще одну затыкал за ухо и незаметно проносил в камеру.

Зубные щетки выдавались по утрам вместе с завтраком. Пациенты использовали их, когда принимали душ, а когда заканчивали, санитары собирали щетки обратно. Три дня назад, когда Питеру принесли его зубную щетку, он достал ее из упаковки и убрал все вещи с верхушки книжного шкафа. Он открыл окно и чиркнул спичкой о подоконник. Несколько секунд подержал ручку зубной щетки над пламенем, потушил спичку, выбросил в окно и, подойдя к книжному шкафу, прижал размягчившийся пластик к головке винта, на котором держалась скоба. Через несколько минут пластик полностью застыл. Теперь у него была импровизированная отвертка.

Он оставил окно открытым, чтобы выветрился запах паленого пластика, а в это время быстро открутил скобу от книжного шкафа и спрятал ее в тайнике за ручкой от панели радиатора. Он зажег вторую спичку и нагрел конец щетки еще раз, расплющив оттиск винта о подоконник.

Затем он как ни в чем не бывало принял душ, побрился и почистил зубы. Когда он закончил, Уинстон забрал щетку, и она отправилась в мусорный бак для переработки пластика. Следующие трое суток Питер затачивал скобу о решетку за окном своей камеры, пока она не стала острой, как лезвие.

* * *

В воскресенье днем Питер, как обычно, отправился на сеанс групповой терапии с Мередит Бакстер. Сеанс проходил в маленькой комнатке, рядом с ее кабинетом. С Питером в группе было еще четверо его соседей по коридору, все заключенные на долгий срок: Нед, слепой педофил, разносивший почту, Генри, ужасно жирный детоубийца, пироман Дерек, которого таблетки превратили в пускающего слюни зомби, и Мартин, шизофреник.

Мартин считался среди них самым опасным, несмотря на свои параметры – он был мелкий и весил всего-то сорок пять килограмм, – сила у него была невероятная. Питер однажды видел, как во время очередного приступа около ванной комнаты Мартин засунул пальцы под ремень джинсов и одним движением разорвал их прямо на себе. Питер пытался повторить то же самое у себя в камере со своими старыми джинсами Levi's, но попросту не смог.

Их привели в комнату в одиннадцать утра, и каждого проверили три санитары. Питер спрятал скобу под капюшоном, за ухом, где ее фиксировали дужки очков с похожим изгибом. Кожей он ощущал прикосновение холодного острого металла.

Уинстон обыскал Питера, в третий раз за это утро и затем снял с него капюшон. Бегло осмотрев волосы и не обратив никакого внимания на очки, он сказал Питеру сесть на один из стульев, полукругом расставленных вокруг Мередит.

Сегодня на ней были светло-голубые джинсы и розовый шерстяной джемпер. Ее отличало от них только то, что она была женщиной и на шее у нее висел бейджик на шнурке. Санитары просили ее снимать его во время сеансов, на случай если кто-то из пациентов бросится на нее и попытается задушить, но Мередит любила делать вид, что все они были равны, что все они были друзьями, и игнорировала предупреждения.

Несколько раз Питер слышал, как Уинстон и Тэррелл обсуждали группу, сеансы с которой проводит Мередит, и как они были обеспокоены тем, что может на этих сеансах произойти. Только во время этих собраний самые опасные пациенты были собраны вместе в одном помещении и могли контактировать с друг другом. Во время

групповой терапии санитары всегда держали наготове дубинки, газовые баллоны и электрошокеры. Для Питера это все не имело значения. Он знал, что его поймают и накажут за то, что он собирается сделать. Он хотел, чтобы его наказали. Ему просто нужно было всего пару секунд, чтобы это случилось.

Комната была маленькой и тесной, санитары стояли так близко, что Питер не был уверен, что у него все получится. Он вызвался говорить первым и рассказал всем, как сильно он беспокоится о матери, которая осталась там, в большом мире, совсем одна и при этом отнюдь не молодеет. Мередит улыбнулась, и на ее сияющих щеках заиграли ямочки.

– Да, Питер, мы все жалеем тех, кого любим. Это очень человеческое чувство, – сказала она. – Нам посчастливилось жить в по большей части социальной стране, где заботятся о престарелых гражданах. Если хотите, я попрошу выдать вам дополнительную телефонную карточку, чтобы вы могли позвонить в офис социальной службы и узнать, какие возможности есть у вашей матери?

– Да, спасибо, – энергично закивал Питер.

Мередит улыбнулась в ответ, и вместе с этой несколько самодовольной ухмылкой у нее проступил второй подбородок. Затем она повернулась к сидевшему рядом с Питером Неду. Он рассказал группе, как его беспокоят колесики на его почтовой тележке. Они шатались и грозили совсем разболтаться. Он говорил в своей обычной манере, отрывисто и возбужденно.

– А что, если тележка перевернется кверху брюхом и все письма, которые я сортировал, разлетятся во все стороны? Я все аккуратненько раскладываю, чтобы, когда я иду по коридору, у меня уже для каждого была готова почта. Если тележка сломается, я не смогу разносить почту!

Питер посмотрел на Генри, жующего собственный рукав в попытках высосать из него хоть какой-то вкус. Его огромная задница свисала со стула. Дерек спал и пускал слюни, а Мартин дергался и тряс ногой.

Питер пытался рассчитать, когда настанет идеальный момент для броска, и в это время в коридоре внезапно поднялся шум. Тележка с едой врезалась в дверь, разбив стеклянную защитную панель, и окошко в двери оказалось полностью заляпано рагу. К этому грохоту

добавились еще и вопли одного из пациентов, оказавшегося в коридоре. Уинстон и Тэррелл кинулись к двери, чтобы проверить, что случилось.

В ту же секунду Питер вытащил заточенную скобу из-под дужки очков и зажал ее между большим и указательным пальцем правой руки.

Он встал и медленно двинулся в сторону Мередит. Она с любопытством посмотрела на него и не успела даже имени его произнести, как он схватил ее за волосы и чиркнул по шее заточенной скобой два раза, один за другим, слева направо. Он попал в яблочко. Кровь фонтаном брызнула из яремной вены, заливая Питера и остальных пациентов.

Мередит широко раскрыла глаза и рот, скребя руками воздух, захлебываясь и дрожа в агонии, а комнату наполнили чавкающие звуки, с которыми кровь хлестала у нее из горла, пропитывая одежду. В последний раз дернувшись, она соскользнула со стула на пол. Не обращая внимания на крики, Питер забрался на нее сверху и уперся коленом ей в живот.

Как только Питер вгрызся в ее левую щеку, целясь прямо в ямочку, он почувствовал резкую боль от удара электрошоком. От электрического разряда у него сомкнулись челюсти и к тому моменту, когда они оттащили его от Мередит, у него во рту был кусок ее мягкой, сияющей щеки с ямочкой.

51

Кейт и Тристан зашли в кофейню на набережной Брайтона, чтобы обсудить неожиданное открытие, которое они сделали.

– Мне казалось, вы говорили, что у Пола Адлера есть алиби на то время, когда пропала Кейтлин? – спросил Тристан.

– Есть, но он отрицал, что дружил или даже был знаком с Питером Конуэем, а здесь у нас прямая связь, если верить Энид, – сказала Кейт.

– Что вы хотите делать? Рассказать об этом Вару Кэмпбелл?

– Нет. Это не ее дело. Дело Кейтлин Мюррей полиция закрыла. Они считали, что у них недостаточно улик, чтобы продолжать расследование. Я хочу собрать больше доказательств, прежде чем идти

в полицию. Я рассказывала про мою поездку в аптеку Адлера. Этот гарем молоденьких девушек, работающих на него, произвел на меня жутковатое впечатление. И он сохранил фотографии Кейтлин. Они были не в альбоме, а на проявочной пленке, на них стоял номер и дата... Он сказал, что занимался в аптеке проявкой пленки. Еще он сказал, что у него сохранились негативы снимков, сделанных для модельных агентств и компаний. Я видела кладовую, когда ездила туда. Там все стены в полках и все уставлено папками.

– Хотите еще раз с ним встретиться? – спросил Тристан.

Кейт посмотрела на часы. Была почти половина третьего. Она вспомнила свой последний визит в аптеку Пола Адлера в Олтринхэме. Когда они сидели в маленькой кухне для персонала, рядом с погрузочной площадкой. Когда Тина вышла выбросить мусор, дверь захлопнулась, и она открыла ее, использовав код, произнося его одними губами. *Один, три, четыре, шесть.*

– Хотите? – повторил Тристан.

– Есть у меня одна смелая идея, – сказала Кейт, понизив голос.

– Какая?

– Смелая и рискованная, но мы будем делать это для общего блага. – Кейт наклонилась поближе к Тристану и рассказала о комнатке для персонала и кодовом замке. – Если поедем сейчас, будем в Олтринхэме часов через пять.

– Проникновение со взломом? Вы с ума сошли? – зашипел он, оглядываясь на людей, пьющих кофе за соседними столиками.

– Тристан, мне приходилось заниматься такими вещами, когда я была копом. Но тогда у меня был жетон и я могла получить ордер на обыск. Послушай, если мы пойдем в полицию, его могут предупредить, и, если он и прячет там какие-то фотографии, то успеет от них избавиться.

– А какие фотографии, по вашему мнению, он там хранит? – спросил Тристан. – Не снимки ли убитых девушек?

Кейт покачала головой.

– Нет. Если к Полу Адлеру обращались, когда нужно было напечатать какие-нибудь порнографические снимки, то он, возможно, и знал Питера Конуэя – во всяком случае, я думаю, что знал, потому что Энид сказала Гэри, что Пол Адлер проявлял их пикантные фотографии. Что, если Конуэй фотографировал других девушек? А

Адлер их проявлял? Там может быть больше фотографий Кейтлин. Пол говорил, что они с Кейтлин любили ходить к озеру, купались там. Он мог фотографировать другие места, в которых они бывали, других людей. Все это может привести к разгадке исчезновения Кейтлин. Видимо, он сильно забеспокоился, раз соврал мне, что не знал Питера Конуэя.

– Это же аптека. Там разве нет сигнализации? Люди пробираются в аптеки, чтобы украсть наркотики, – сказал Тристан.

– Он сказал, что у него только камеры стоят на складе, и над прилавком. Эта кладовая в конце коридора, далеко от аптечного склада.

– Все равно это проникновение со взломом.

– Мы там можем найти важные улики, относящиеся к исчезновению Кейтлин, а это может привести к уликам по делу подражателя. Если мы реально собираемся стать частными детективами, нам придется идти на риски. Я бы не пошла на это, если бы не знала код и у нас не было такой возможности, – сказала Кейт.

– Кейт, я смотрю полицейские детективы, – сказал Тристан. – Если мы... – Он замолчал и дождался, пока пожилая пара, протискивающаяся мимо них со стаканчиками кофе, окажется вне зоны слышимости. – Если мы выкрадем фотографии и захотим потом использовать их как доказательство, суд их не примет.

– Да, не примет, если обыск был проведен без ордера. Но что, если мы узнаем на фотографиях каких-нибудь людей или какое-то место? Возможно, мы сможем найти место, где находятся останки Кейтлин... Тристан, Шейла и Малкольм попросили нас найти ее, и мы сказали, что попытаемся. Представь, если мы всего-навсего пройдем через открытую дверь, а в итоге найдем ее тело? Они тогда смогут ее похоронить по-человечески.

Тристан молча потер лицо руками, глядя на море за окном.

– Ладно, давайте поедем.

52

Питер пришел в себя через несколько мгновений, после того как его ударили электрошоком. Он лежал лицом вниз в углу кабинета для групповой терапии, закованный в наручники. Сверху на нем сидел

Уинстон, всей своей массой прижимая его к полу. Одной рукой он прижимал голову Питера, а в другой держал рацию и вызывал подкрепление.

Питер покатал во рту кусочек кожи, пососал его, а затем проглотил. Он порадовался, что его голову не развернули к стене и он мог наблюдать поднявшуюся вокруг него суматоху. Белые стены, точно так же, как и пациенты, были покрыты мелкими брызгами крови. Неда, Дерек и Мартина держали санитары. Мартин извивался и выворачивался. Пускающий слюни Дерек совершенно не сопротивлялся, а Нед был слишком мелким и хилым, чтобы отбиваться, поэтому он просто орал бешено вращая белесыми глазами.

– Скажите мне, что происходит! Я чувствую кровь! Чья это кровь?

Жирный Генри свалился со стула, и двое санитаров тщетно пытались поднять его на ноги, то и дело поскользываясь на растекающейся из под тела Мередит луже крови.

Санитары делали все, что могли, чтобы спасти ее, но Питер видел, что она была уже мертва.

– Оружие! Где? – кричал Уинстон.

– На полу, рядом с ее стулом, гребаные идиоты! – заорал Мартин, продолжая отбиваться от державшего его санитаря. Изогнутый кусок металла лежал в луже быстро сворачивающейся крови.

– В шестую комнату, крыло G, срочно нужно подкрепление. Код триста восемьдесят один, повторяю, триста восемьдесят один, – проговорил Уинстон в рацию.

Питер видел, что никто не мог поднять скобу с пола, так как у всех были заняты руки.

Через пару секунд в комнату ворвались восемь санитаров и парамедик с медицинским чемоданчиком. Дерек, Неда и Мартина вывели из комнаты, а следом за ними выкатили и Генри, которого силами троих санитаров удалось усадить в инвалидное кресло, оставившее за собой кровавые следы на плитке.

Питера окружили четыре санитаря, Уинстон так и продолжал сидеть на нем сверху, и Питер почувствовал укол шприца, из которого ему вводили снотворное. Хаос, царящий в кабинете, растворился в белизне.

Очнувшись, Питер почувствовал, как в лицо ему подул холодный ветер. Он был прикован к каталке, которую везли от главного корпуса

Баруэллской лечебницы в сторону изолятора, отделенного от всех других оградой с колючей проволокой. Он не мог пошевелиться. На нем была смирительная рубашка и капюшон, а ноги были привязаны к каталке. Он поднял голову и, наклонив ее назад, увидел Уинстона, толкающего тележку с каменным, отрешенным лицом.

В месте, где дорожка огибала главное здание, напротив дальней стены ограждения, он увидел красный вертолет скорой помощи. Два парамедика загрузили в вертолет пустую каталку, а затем сами забрались внутрь, и двигатель тут же заработал.

Мередит Бакстер не понадобится скорая, думал Питер. Она не спеша отправится напрямиком в морг.

Изолятор отстоял от всех остальных корпусов лечебницы и располагался прямо напротив стены ограждения. Им пришлось какое-то время подождать у тщательно охраняемого входа, прежде чем входная дверь с жужжанием открылась. Питер услышал грохот вертолета, поднявшегося в небо, и увидел, как он закружил над лечебницей.

Уинстон, по-прежнему не проявляя никаких эмоций, оставался в изоляторе, пока Питера осматривал главный санитар – крупный лысый мужчина, лицо и руки которого были покрыты мелкой сыпью. Питера привели в маленькую комнату, где отвязали от каталки и предоставили самому снять одежду. Грубый лысый санитар полностью его досмотрел. Затем ему выдали кусок мыла и отправили в душ.

Питер долго стоял под душем, позволяя струям воды – сначала красным, потом розовым и наконец прозрачным – просто стекать вниз. Он намылился с ног до головы и почувствовал, как в его теле вибрирует каждое нервное окончание.

Последний раз он наведывался в изолятор восемь месяцев назад, когда произошел тот случай с Ларри, у которого Питер откусил кончик носа.

Питер знал, что его будут держать в одиночной камере без доступа к телефону, все посещения также будут запрещены. Кто-нибудь из лечебницы позвонит Энид и расскажет ей, что случилось. Ей сообщат о любых средствах правовой защиты и объяснят, что он будет содержаться в одиночной камере двадцать четыре часа в сутки с двумя пятнадцатиминутными прогулками во внутреннем двореке в день. По

закону они обязаны будут сообщить ей, какое время будет назначено для этих прогулок.

После того, как он принял душ, ему выдали синий комбинезон и поместили в камеру, в которой были только деревянная кушетка и унитаз из нержавеющей стали. Спустя какое-то время через окошко в двери просунули поднос с едой: серая желеобразная масса на пластмассовой тарелке, которую он полностью съел. Ему необходимо было копить энергию и сохранить силы. После того как пустую тарелку забрали из коридора, донесся голос Уинстона.

– Прогулочный двор.

Он швырнул капюшон в окошко и захлопнул его. Питер натянул капюшон на голову и затянул ремни. Окошко открылось снова.

– Встать у двери, руки за спиной. Не поворачиваться, – Питер почувствовал звучащую в голосе Уинстона злость: он был в нем разочарован. Питер встал и послушно подошел к двери, где у него на запястьях туго застегнулись наручники. – Отойти.

Он отошел. Окошко закрылось, открылась дверь. Рядом с Уинстоном стоял молодой блондинистый санитар.

Они вывели Питера из камеры и провели вдоль по коридору без окон, мимо дверей соседних камер. Изолятор, в котором располагалось всего шесть камер, представлял собой многоугольник, по центру которого был размещен прогулочный дворик. В двери, ведущей во двор, было небольшое мутное окошко из толстого защищенного стекла. Питер увидел, что на улице темно.

– Сколько сейчас времени? – спросил он. Тишина. – Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени?

– Девять вечера. Отойти в сторону, – сказал Уинстон. Блондин начал возиться с ключами: прежде, чем открыть дверь, надо было отпереть три замка. – У тебя пятнадцать минут.

Питер шагнул сквозь открытую дверь напрямик в прохладный свежий воздух. Прогулочный дворик был очень маленький и убогий: голые бетонные стены и крошечный водосток посередине. Стены возвышались почти на пять метров, а над ними было еще три метра колючей проволоки. Маленький многоугольный кусочек неба вверху сиял оранжевым. Как и говорил Уинстон – сетку убрали.

Питер закинул голову и посмотрел в небо, вдыхая свежий, холодный воздух. На лице под капюшоном сияла улыбка. Девять утра

и девять вечера. К этому моменту его матери уже должны были сообщить об убийстве доктора Бакстер, о его переводе в изолятор и о том, в какое время его будут выпускать на прогулку.

Теперь она передаст эту информацию его самому преданному фанату.

53

В семь часов, когда Кейт и Тристан приехали в Олтринхэм, было уже темно. Все магазины были закрыты, но пабы и клубы все еще работали, разноцветные вывески освещали улицы, на которых было полно молодежи.

– Около аптеки случаем нет паба? – спросил Тристан, когда они остановились на светофоре.

Через дорогу потянулся поток парней в модных рубашках и брюках и девушек в откровенных нарядах. Мимо, шатаясь, прошла толпа девушек в одинаковых розовых футболках и с пластмассовыми коронами на голове, явно отмечавших девичник. Одна девица заметила Тристана на переднем сиденье и, спотыкаясь, подошла к машине. Ни с того ни с сего она задрала футболку и прижалась к стеклу голой грудью.

Тристан несколько секунд просто пялился на нее, раскрыв рот. Кейт оцепенела и даже немного позавидовала девичьей упругости прижатой к окну груди.

– Да не пялься же ты так на нее, бога ради, – сказала она, перегнувшись через Тристана, чтобы постучать по стеклу.

Девица отступила назад. Загорелся зеленый, но компания подружек невесты начала обступать машину со всех сторон. Они все были в стельку пьяные и, раззадорившись примером первой, задрали футболки и чуть не ослепили Тристана. Кейт поразило то, что подавляющее большинство девиц было без лифчиков. Она посигналила. С глухим стуком одна из подружек вскарабкалась на капот и прижала лицо к лобовому стеклу.

– Привет, красавчик, – сказала она Тристану. – Это твоя мамаша?

– Это просто смешно, – сказала Кейт.

В принципе, она могла быть матерью Тристана, но презрительный голос девицы так и звенел у нее в ушах. Кейт включила дворники и

омыватели, окатив девушку водой. Та взвизгнула и, матерясь, прыгнула с капота. Кейт посигналила еще раз и начала медленно двигаться в сторону девичьей компании, которая все-таки расступилась, смеясь и улюлюкая.

– Ты как? – спросила Кейт.

– Отлично, – ответил Тристан, покраснев до корней волос.

– Нам надо сосредоточиться.

Они направились к аптеке Адлера. Толпа людей редела, по мере того как они отъезжали все дальше от веселого района, и в итоге улицы опустели совсем. В воздухе повисла тишина.

– Еще не поздно все бросить, – сказала Кейт, которая и сама уже начала думать, что все это – полное безумие.

– Нет. Если есть хоть какой-то шанс, что мы найдем там что-нибудь, что приведет нас к Кейтлин, то надо попробовать. – Кейт заметила, как Тристан начал нервно натирать колени вспотевшими ладонями.

Через несколько минут они подъехали к длинному ряду магазинов, среди которых располагалась аптека. В окнах двух агентств по недвижимости горел свет, чтобы с улицы было лучше видно фотографии квартир и домов, но в «Коста кофе» и в аптеке было уже темно.

Кейт пришлось сделать два круга, чтобы найти узкий проезд, ведущий к погрузочным площадкам с обратной стороны здания. Затем она развернулась и припарковалась в двух кварталах от той улицы, на обочине рядом с неосвещенными домами.

Кейт заглушила двигатель и выключила фары. Несколько секунд они просто сидели в темноте, слушая, как замолкает движок.

В ее последний вечер в качестве офицера полиции Питер Конуэй подбросил ее до дома, после того как они вместе съездили на место преступления. Казалось, что с тех пор прошла целая вечность. Она вспомнила, как ее осенило, когда она нашла принадлежавшие Питеру ключи и термос, и как страшно ей было принять какие-то меры. Она чувствовала нечто подобное по отношению к Полу Адлеру.

Тристан в это время шарил в своем рюкзаке. Он достал оттуда форму для бега и две старые бейсболки, одну из которых протянул Кейт.

– Наверное, это судьба. Вот что у меня тут есть, – сказал он.

Они натянули бейсболки, и Кейт посмотрела на свое отражение в зеркале. Вместе с джинсами и кожаной курткой бейсболка, конечно, выглядела достаточно глупо, но тень от козырька закрывала почти все ее лицо.

– Натяните пониже и не поднимайте голову, – сказал Тристан, поправляя кепку сначала на ней, а затем и на себе.

– Если вдруг что – бежим, – сказала Кейт.

Это, конечно, были не самые лучшие напутственные слова, но Тристан, тем не менее, кивнул. Они выбрались из машины и пошли по улице, вдоль задних фасадов магазинов. Вокруг было темно и безлюдно. Боковые лишённые окон стены домов, выходящие на дорогу, мрачно нависали над тротуаром, закрывая свет от уличных фонарей.

Когда они дошли до ворот, ведущих к погрузочной площадке аптеки, они оказались незаперты, но предательски громко заскрипели, когда Кейт открыла их.

На площадке было темно, и Тристан споткнулся о составленные друг на друга пластиковые мешки.

– Черт, – прошипел он в полете.

– Ты в порядке? – спросила Кейт, пытаясь на ощупь помочь ему подняться.

– Ага, – ответил он. По его голосу Кейт поняла, что он боится.

Они медленно добрались до двери с кодовым замком.

– Это здесь, – сказала Кейт, ощупывая руками воздух в поисках кнопок.

– Что, если тут сигнализация стоит? – спросил Тристан.

– Тогда приготовься бежать, – сказала Кейт.

Она достала телефон, включила подсветку и набрала комбинацию. Казалось, замок пикнул ужасно громко, затем раздалось жужжание, щелчок и дверь открылась.

– Сработало, – сказал шокированный Тристан.

– Я выключу подсветку, – сказала Кейт. Они погрузились в темноту. Кейт просунула голову в дверь. Она ничего особо не увидела, в том числе маленького красного огонька сигнализации. Внутри стоял запах старого кофе, чистящих средств и отдающий мятой запах антисептика – все это тут же воскресило в Кейт воспоминания о ее последнем визите.

Они вошли внутрь, и Кейт закрыла за ними дверь. Тристан налетел на стул, и Кейт чуть не вскрикнула в голос.

– Простите, – сказал он.

Кейт обошла небольшой столик и направилась к противоположной двери. Она дернула ручку и та поддалась. Они могли разглядеть длинный коридор, две двери: левая вела в аптечный склад, правая – в кладовую и торговый зал аптеки, куда с улицы проникал слабый свет уличных фонарей, немного освещавших коридор. Кроссовки Тристана скрипели по полу, когда они крадучись шли по коридору в сторону правой двери. Кейт посмотрела вверх, чтобы убедиться, что нигде не установлены камеры.

– Эта дверь, – прошептала Кейт, когда они дошли до кладовой.

Она подергала ручку, но дверь оказалась заперта. Посветив экраном телефона, она увидела на двери навесной замок.

– Вот дерьмо.

– И что мы будем делать? Искать ключ? – прошептал Тристан.

– Если он замок сюда повесил, то ключ уж точно не лежит где-нибудь просто так.

Кейт подумала, что запирать комнату на висячий замок просто глупо. Может быть, он и выглядит внушительнее, чем обычный, но его куда проще открыть.

– Мне нужна заколка для волос, – сказала она.

– Почему вы у меня спрашиваете? Мне нечего закалывать, – сказал Тристан, начиная паниковать. – Я думал, мы будем проходить через незапертые двери.

– А мы и будем, если найдем заколку или скрепку, – сказала Кейт. В аптеке продавались всякие аксессуары для волос, но в зале висела камера. Кейт подумала про девушек, работающих на Адлера. У них у всех были длинные светлые волосы. Она понимала, что все это уже похоже на абсурд, но она просто не могла упустить этот шанс. Они уже были внутри, были так близко. – Поищем в комнате для персонала или в туалете, – сказала Кейт.

Они прокрались назад по коридору и нашли маленький туалет прямо рядом с кухней. Над раковиной висел небольшой шкафчик с зеркальными дверцами, а внутри лежала упаковка тампонов и забитая светлыми волосами расческа. Ниже лежала резинка для волос, обмотанная вокруг нескольких заколок-невидимок.

– Превосходно, – сказала Кейт.

Когда она закрыла дверцу шкафчика, в зеркале на мгновение отразились их подсвеченные экраном телефона лица. Напуганные. Они вернулись обратно к двери с висячим замком.

– Это что, и правда так работает? – спросил Тристан, когда Кейт опустилась на колени и распрямила одну из заколок.

– Да. Когда я еще была констеблем, или как нас тогда называли «женщиной-констеблем», мы проходили подготовку вместе со слесарем и с профессиональным взломщиком, бывшим зэком. Они для тренировки использовали полностью прозрачный пластмассовый замок, чтобы видно было, как все устроено внутри. Там есть ряд штифтов, которые должны выстроиться на одном уровне. Обычно их выстраивает на нужном уровне ключ, когда ты его вставляешь в замочную скважину, а когда поворачиваешь – замок открывается.

Раздался громкий хлопок, заставивший из обоих подпрыгнуть от неожиданности, а затем послышался гул автомобильного движка.

– Черт, – сказал Тристан.

– Просто выхлоп, – сказала Кейт, чувствуя, как на спине выступил пот. – На, посвети на замок.

Тристан направил свет на замочную скважину. Кейт засунула в замок первую заколку и опустила ее вниз. Затем она разогнула еще одну, выпрямила ее и слегка загнула один конец. Засунув вторую заколку в замочную скважину, Кейт принялась двигать ей вверх-вниз.

– Мне бы видеть, поднимаются ли штифты... – она продолжала шарить в замке и проталкивать заколку глубже. – Ну вот и все. – Кейт одновременно повернула заколки, и замок открылся.

– Неплохо! – сказал Тристан, несколько слишком громко. – Простите.

Кейт сняла замок, положила его в карман и открыла дверь.

Внутри было темно. Они закрыли за собой дверь и включили фонарики на мобильниках. Половина комнаты была завалена всяким хламом – старыми плакатами с рекламой солнцезащитных кремов и косметики, составленными друг на друга стульями, а в углу под всем этим мусором проглядывал огромный старый фотопринтер. Вдоль стен от пола до потолка шли полки, на каждой из которых стояли картонные папки.

Дальняя стена была завешена толстой бархатной занавеской, запылившейся и грязной.

– Елки-палки, – сказал Тристан. – Вы только посмотрите на это все.

На картонных папках были наклеены стикеры: Налоги, Чеки, Конференции, Сотрудники, Зарплата.

– А как же вон те наверху? – сказала Кейт, указывая на полку под самым потолком с древними на вид папками.

Они оглядели комнату. Лестницы нигде не было.

– Фотопринтер же на колесиках, – сказал Тристан.

Они подошли к аппарату и сумели вытащить его из груды хлама и дотолкать до противоположного угла. Тристан залез на принтер и начал подавать Кейт папки с верхней полки, а она в это время составляла их на полу. Пока она открывала каждую папку по очереди, вся скопившаяся на них пыль поднялась в воздух. В первых двух были какие-то старые бумаги и банковские выписки, а вот в остальных были фотографии.

Внутри были портреты актеров и студийные фото для резюме. Кейт заметила, что на обратной стороне каждого пакета со снимками стоит дата. Она приняла у Тристана еще несколько папок и, быстро просмотрев их содержимое, нашла пакеты с фотографиями, датированными 1989–1991 годами. В первых двух пачках были портреты актеров, а в следующей обнаружили фотографии двух молоденьких девушек в школьной форме, позирующих в залитой солнцем спальне. Затем постепенно, снимок за снимком, девушки снимали с себя одежду, и на последних кадрах были уже полностью голые.

– Ну что там у вас? Ох, ты ж! – сказал Тристан, спускаясь вниз и присоединяясь к Кейт. Им оставалось просмотреть еще шесть или семь папок, и Тристан открыл первую попавшуюся. – У меня тут фотографии 1990–1991 годов, – сказал он. – В основном девчонки... И еще кое-что.

– Что там? – спросила Кейт.

В этот момент снаружи донесся звук подъехавшего автомобиля, и они оба похолодели. Затем они услышали, как хлопнула дверь.

– Тут же люди живут. В домах напротив, – сказала она. – Собирай все это, я там видела стопку старых рекламных пакетов.

Кейт подошла к бархатной занавеске и слегка оттянула ее. За занавеской было маленькое окно, в которое она увидела одетого в джинсы и куртку Пола Адлера в компании с Тиной, одной из его молоденьких сотрудниц. В коротком платье и на высоких каблуках она семенила по тротуару, держась за руку Адлера. Тина смеялась, они явно направлялись к дверям аптеки.

– Блин, нам надо уходить сейчас же, – сказала Кейт, сердце у нее заколотилось как бешеное. Она посмотрела на Тристана, стоявшего на фотопринтере и перекладывавшего пачки фотографий в фирменные пакеты Olay. – Передайте мне остальные! – сказал он.

Кейт подала ему папки, а затем подошла двери и приоткрыла ее. Она услышала приглушенное жужжание и увидела, что это поднимаются вверх решетки, закрывавшие витрину снаружи. Сначала из-под решетки показалась обувь Тины и Пола, затем постепенно – их ноги.

Кейт обернулась, Тристан прыгнул с принтера, и они откатили его на место.

– Беги! Держи сумку! – прошипела она, выталкивая его за дверь и устремляясь следом. Она вытащила из кармана замок, как раз когда решетка снаружи полностью поднялась. Кейт опустилась на колени, чтобы повесить замок на дверь, но случайно выронила его.

– Быстрее! Он заходит! – сказал Тристан.

– Иди, просто уходи, – сказала Кейт, в темноте шаря руками по полу.

Она услышала, как в замок входной двери вставили ключ. Она нащупала замок на полу, повесила его на дверь и защелкнула. Они услышали, как открылся второй замок на входной двери, и, когда она открылась, бросились бежать по коридору в сторону комнатки для персонала. Насколько могла бесшумно, Кейт закрыла за ними дверь. Тристан открыл дверь на улицу, а Кейт ее за собой закрыла, и они побежали через погрузочную площадку к воротам, миновав которые, они бежали не останавливаясь, пока не оказались на боковой улице.

– О господи, – улыбнулся Тристан, когда они, приближаясь к машине, перешли на шаг.

– Чуть не попались, – сказала Кейт. Быстрым шагом двигаясь к машине, они не переставали оглядываться, но их никто не преследовал.

Она открыла дверь и села в машину, Тристан – следом. Кейт завела двигатель, и они поспешили убраться.

Кейт глянула на Тристана, который сидел, вцепившись в пакет с фотографиями.

– Как вы думаете, что им там понадобилось в такое время? – спросил он.

Кейт вскинула бровь.

– Ну они точно не инвентаризацию приехали проводить.

– Мы ведь нарушили закон, да? Украли фотографии... – сказал Тристан, глядя на нее, его заметно трясло.

– Нет-нет, это отнюдь не безобидные фотографии.

– А что, если Кейтлин ни на одной из них нет?

– Давай просто пока отдышимся и успокоимся, – ответила Кейт, нервы ее все еще были как натянутая струна.

Это было очень рискованное предприятие, и они едва не попались. Кейт дождалась, когда они выехали на шоссе, и только тогда сняла бейсболку.

Она надеялась, что им удастся найти что-нибудь на этих фотографиях.

54

Когда они выехали на шоссе, Тристан заснул и Кейт вела машину, наслаждаясь покоем и тишиной. Ей казалось, что она впервые была в состоянии по-настоящему осмыслить все события предыдущих дней: фотография Джейка, присланная Питеру Конуэю его Фанатом; записка, оставленная на ее машине после шествия; встреча с Гэри Долманом, благодаря которому открылась связь, существовавшая между Питером Конуэем и Полом Адлером. И помимо всего этого, она чуть не слетела с катушек и не напилась.

Кейт не знала, что она должна чувствовать, пережив события последних дней, – страх или торжество. Вместо этого ее мучило чувство вины. Она чувствовала себя виноватой в том, что не может защитить Джейка, в том, что ей теперь придется в спешке носиться по дому, чтобы успеть подготовиться к его приезду, в том, что подвергла опасности Тристана.

Кейт стало любопытно, испытывают ли мужчины чувство вины так же остро? Они никогда особенно не терзались угрызениями совести за то, что не участвовали в жизнях своих детей. У Пола Адлера была его коллекция фотографий, и он спал по крайней мере с одной из своих молоденьких сотрудниц. Чувствовал ли он себя виноватым перед своей женой? Она глянула на спящего Тристана, сложившего голову на пакет с фотографиями. Как он мог просто взять и заснуть после всего, что произошло? Ее собственные нервы все еще были на пределе, а голова ломилась от мыслей, жаждавших быть высказанными.

Ее дальнейший путь терялся в темноте. Единственным источником света на горизонте маячил Джейк. Он придет к ней на четыре дня. Четыре дня без звонков по Скайпу, без необходимости считать оставшиеся до них часы. У них будет столько времени, чтобы общаться, наверстывать время, проведенное в разлуке, и веселиться.

Когда они подъехали к Эшдину, было уже чуть за полночь. Уровень адреналина упал, вместо него накатила усталость. Кейт с облегчением увидела, как вдалеке замаячили прибрежные огни.

Когда Кейт остановилась у дома, где жил Тристан, тот все еще спал. Она бережно потрясла его за плечо.

– Эй, мы приехали, – сказала она.

Он открыл глаза и вяло посмотрел на Кейт, а затем – на пакет с фотографиями.

– Значит, мне все это не приснилось? – сказал он.

– Нет. И спасибо тебе.

Он кивнул, улыбнулся и потер глаза.

– Ладно, во сколько завтра?

– Сейчас же неделя самостоятельной работы, – сказала Кейт.

– Здорово. Можно поваляться подольше.

– Во вторник приезжает Джейк, а сегодня уже понедельник, так что я, наверное, скажу завтра. Мне надо кучу дел переделать, но, если хочешь, можешь заскочить после обеда, и мы посмотрим фотографии и подумаем, что нам дальше делать.

Тристан кивнул и вылез из машины. Он помахал Кейт рукой, и она направилась в сторону дома. Патрульная машина перед домом исчезла, и Кейт подумала, что надо бы не забыть утром позвонить

Варе. Зайдя домой, Кейт налила себе стакан чая со льдом, чтобы устроиться с ним в кресле у окна.

Несмотря на усталость, она вытащила из пакета пачки фотографий и разложила их на ковре. В каждом конверте, помимо фотографий, также лежали негативы. Опустившись на колени, Кейт начала просматривать каждую пачку. Это все были фотографии периода между 1989 и 1991 годами. В это же время Питер Конуэй жил в Манчестере. На всех фотографиях были запечатлены молодые девушки, и все снимки выглядели как любительские попытки устроить модельную фотосессию. Всем девушкам было чуть меньше двадцати, и все как одна – худые, миниатюрные, с длинными волосами. Все снимки были сделаны летом или весной, на фоне солнечных пейзажей. На фотографиях девушки постепенно раздевались, пока не оставались совершенно голыми, сначала прикрывая грудь руками, а затем – раскинувшись на покрывале в лучах солнечного света или облокотясь на дерево, выгнув спину, прикрыв глаза, изображая томление.

На первый взгляд ничего не указывало на то, что кто-либо из них был в опасности, хотя угадать, о чем они думали в тот момент, только по фотографиям было невозможно. Может быть, Пол Адлер пообещал им что-то? Или заплатил? Или они просто купились на его харизму и готовы были сделать все что угодно, чтобы ему угодить?

Кейт взяла другую пачку фотографий и узнала в девушке на снимках Кейтлин. Она нашла среди других снимков те, которые показывал ей Пол. Все совпало. Это была Кейтлин. Эти фотографии, судя по всему, были сделаны в другой день. На них волосы Кейтлин были короче, и позировала она среди деревьев. На снимке Кейтлин голая лежала на пледе, положив голову на руку.

Следующий снимок был сделан с более дальнего расстояния. На нем обнаженный мужчина с темными волосами сидел спиной к камере, а Кейтлин сидела к нему лицом, обхватив ногами его торс. Таких кадров было несколько, все они были сделаны один за другим.

Дальше было фото крупным планом: Кейтлин с членом во рту. Она стояла на коленях на том же самом пледе. Что-то в мужских ногах, попавших в кадр, заставило Кейт остановиться и приглядеться. Обе ноги были покрыты темными волосами, но немного отличались пропорциями и принадлежали двум разным людям, по видимости, сидящим рядом. Один мужчина фотографировал Кейтлин с другим.

Они оба были голые.

Кейт быстро просмотрела оставшиеся фотографии и обнаружила, что в этом лесу побывали еще две девушки. В обоих случаях также участвовали двое мужчин, лиц которых не было видно ни на одном кадре.

Наткнувшись на снимки с темноволосой женщиной, Кейт замерла. Она поднесла одну из фотографий поближе к глазам и вгляделась в лицо женщины.

– Господи, – сказала она. – Да я тебя знаю.

55

Незадолго до девяти утра Кейт и Тристан постучались в дверь роскошного дома с террасой в пригороде Бристоля.

Они поспали всего пару часов, но выехали в шесть утра, чтобы миновать обычные для утра понедельник пробки.

– Что, если ее нет дома? – спросил Тристан.

Кейт не хотела об этом думать. К приезду Джейка ничего не было готово. Ей придется каким-то образом успеть за оставшееся время съездить за покупками, прибраться и перестелить постели. Она отодвинула эти мысли подальше, когда в витражном окне появился силуэт человека, движущегося по коридору.

Виктория О’Грейди открыла дверь. На ней были леггинсы и длинный розовый джемпер, она была совсем без макияжа, отчего казалась моложе и ранимее.

– Здравствуйте? – сказала она, на лице у нее читалось недоумение и досада. – Что вы здесь делаете?

– Мы можем поговорить? – спросила Кейт. – Это срочно.

– Нет, я собираюсь на работу. И вообще, откуда у вас мой адрес? – спросила Виктория.

– Загуглили, – сказала Кейт. – Пожалуйста, это важно. Это касается исчезновения Кейтлин.

– Я вам рассказала все, что знала. Нет, правда, уходите, – она начала было закрывать дверь, но Кейт поставила ногу в дверной проем. – Уберите ногу. – Виктория начала с силой тянуть дверь.

Тогда Кейт достала фото и сунула его в щель. Это был не самый показательный кадр. На снимке Виктория стояла на коленях на пледе

рядом с голыми ногами двоих мужчин. Она стояла к ним лицом, освещаемая солнечным светом, руки скрещены на груди, точно она готовится к тому, что сейчас должно произойти.

Виктория посмотрела на фото и затряслась. Она подошла ближе к входной двери и привалилась к стене.

– О нет, – сказала она, скривившись.

Прижав ладонь ко рту, она побежала по коридору вглубь дома и хлопнула дверью. Они услышали, как ее вывернуло. Входная дверь открылась и ударилась о стену.

– Не против, если я попрошу тебя подождать в машине? – спросила Кейт. – Не думаю, что она захочет разговаривать в присутствии мужчины.

Вздыхнув, Тристан кивнул.

– Ладно, – сказал он, беря у нее ключи. – Только телефон не выключайте.

Кейт вошла в коридор и закрыла за собой входную дверь. Подойдя ванной, где скрылась Виктория, она тихонько постучалась.

– Виктория? – сказала она.

– Уходите, – донесся сдавленный голос. – Пожалуйста.

– У меня есть другие фотографии. Они больше не у Пола Адлера. Если вы согласитесь поговорить со мной, думаю, я смогу вам помочь...

Последовала долгая пауза, а затем дверь приоткрылась. Глаза у Виктории опухли, она вся дрожала. Кейт просунула руку в щель и взяла ее за руку.

– Все в порядке.

Виктория кивнула.

Кейт заварила чай, и они устроились в уютной гостиной. Через пару минут Виктория заговорила:

– Другие девочки в школе всегда давали мне понять, что я – не красавица. Вы видели школьное фото. Это была школа для подающих надежды девочек из хороших семей, а вы знаете, какими бывают девочки-подростки. Пол Адлер начал иногда заходить в видеосалон, он флиртовал со мной и с Кейтлин. Однажды он пришел, когда я уже закрывалась, и спросил, не хочу ли я выпить. Он был очень красив и, знаете, прямо притягивал к себе. Такой весь опасный, волнующий, и он сказал мне, что я красивая. Мы начали встречаться, катались на его

машине, и как-то раз он организовал чудесный пикничок и отвез меня к озеру. Он вел себя как настоящий джентельмен, инициатива шла от меня, мы начали целоваться... Через пару недель он спросил, не хочу ли я поехать туда еще раз, сказал, что у него есть новая камера и он хочет ее опробовать. Мы пили вино. Я немного опьянела и почувствовала себя посмелее. Он меня фотографировал, говорил, как встать, я была полностью одета, и это был просто еще один приятный день. Он даже снимки мне потом отдал... – Она смахнула слезу. – Он казался таким милым парнем, но теперь я понимаю, что он просто...

– Обработывал вас, – сказала Кейт.

Виктория закатила глаза и схватила салфетку.

– Когда вы говорите об этом вот так, все кажется таким очевидным. Я была такая наивная и глупая... – она высморкалась.

– Вы кому-нибудь рассказывали об этих пикниках? – спросила Кейт.

– Нет. Он просил меня никому не говорить. Сказал, что потеряет лицензию, а у него больная мать, о которой надо заботиться. Он сказал, что дождетя, когда мне исполнится шестнадцать, и мы поженимся... Я тогда думала, что у нас серьезные отношения. Представляете, да?

– А что насчет Кейтлин?

– Я узнала, что она с ним тоже встречается. Я-то думала, что я такая одна. У нас с Кейтлин вышла жуткая ссора, и я упростила отца ее уволить. Потом я и с Полом сцепилась из-за этого. Я думаю, он был в шоке от того, в каком я была бешенстве... Он предложил мне поехать на пикник на следующий день и сказал, что приготовил кое-что для меня. На этот раз мы поехали в Джепсонский лес, он сильно отличался от всех мест, куда мы ездили раньше. Он сказал, что это особенное место, его любимое и что он хочет предложить мне кое-что.

– Выйти за него замуж? – спросила Кейт.

– Он на это намекал... – Виктория снова покачала головой и сделала глубокий вдох. – Он устроил прекрасный пикник, купил вино... Но я не помню, чтобы он сам много выпил. Он все подливал мне, и в итоге я почувствовала себя очень странно, как будто в оцепенении... Как будто я вылетела из собственного тела. Вторая половина дня прошла как в тумане. Внезапно откуда-то появился еще один мужчина, и я только помню, что они разговаривали со мной, а я

ничего не могла расслышать, а потом они оказались раздеты... Помню, как опустила руки на бедра, а мои шорты и белье исчезли... – тут Виктория сорвалась и разрыдалась, закрыв лицо руками.

Кейт подошла к ней и обняла.

– Я больше особо ничего не помню. Помню, как очнулась у себя дома в ванной и у меня кровь шла, ну сами знаете откуда, – сказала Виктория.

– Где были ваши родители?

– Их в тот вечер не было дома, они вернулись поздно ночью, когда я уже привела себя в порядок. На следующее утро Пол позвонил мне и сказал, что нам нужно поговорить. Он хотел встретиться в аптеке. Там он и показал мне фотографии. Все, что они со мной делали, они снимали. Он сказал, что если я хоть кому-нибудь расскажу об этом, он отправит эти фотографии моим родителям и в раздел «Жены читателей» всех порножурналов. Интернета тогда не было, многие мужчины заглядывали туда, даже мой отец. Если бы он меня там увидел...

– Виктория, мне так жаль...

– Даже просто знать, что эти фотографии есть, было как...

– Не хотите взглянуть на них? – спросила Кейт.

– Нет, я их уже видела однажды. Они мерзкие и унижительные...

После того случая я просто не могу получать удовольствие от секса.

– А вы знаете, когда с ними встречалась Кейтлин? У меня есть такие же фотографии Кейтлин, с теми же двумя мужчинами.

– Я не знаю. После того, как мы поссорились и она ушла из видеосалона, я больше ее не видела...

– Вы, наверное, думали обо всем этом, когда она пропала?

– Вы считаете, я не чувствую себя виноватой? Думаете, это не давит на меня? Этот постоянный страх, что он может что-то сделать с этими фотографиями. С годами ты просто начинаешь смотреть на все с точки зрения выживания. Я сумела прожить с этим столько лет, забыла обо всем, просто похоронила все эти вещи и не собираюсь говорить о них снова...

– Другой мужчина на фотографиях – Питер Конуэй? – спросила Кейт.

– Я не знаю. Спустя годы некоторые воспоминания ко мне вернулись, я помню, что смотрела на них снизу, но они стояли против

солнца, и лиц было не различить... Но у меня кое-что осталось, – сказала Виктория.

Она промокнула глаза и поднялась с кресла. Повернувшись к Кейт спиной, она начала приподнимать свой длинный джемпер и футболку под ним.

– Он с годами растянулся, когда я поправилась, но вот сюда кто-то из них меня укусил.

Показался шрам, по форме схожий с отпечатком зубов. Вокруг отметин на коже образовались рубцы.

– Питер Конуэй, – сказала Кейт.

Виктория повернулась и села обратно в кресло.

– Но я не видела его лица... Потом у меня на шее еще были синяки, я думаю, они пытались задушить меня.

– Да, на фотографиях это есть, – мягко сказала Кейт.

– И что будет дальше? – спросила Виктория, внезапно запаниковав. – Он знает, что эти снимки у вас?

Кейт рассказала ей, как фотографии оказались у нее, и пообещала, что позвонит в полицию, но Виктории необходимо будет составить заявление и использовать фотографии как доказательство.

– У нас есть и отпечатанные фотографии, и пленка, – сказала Кейт. – Пожалуйста, поговорите с полицейскими об этом. Заявите на него.

* * *

Кейт и Тристан уехали из дома Виктории только ближе к вечеру. Кейт связалась с Варей, которая прислала группу полицейских, занимавшихся этим делом, чтобы они поговорили с Викторией и взяли у нее показания. Ее история стала для Кейт еще одним шокирующим открытием.

– И что теперь? – спросил Тристан.

– Теперь, я надеюсь, они пообщаются с Полом Адлером. Вот бы мы с тобой были полицейскими. Я бы с удовольствием вышибла его входную дверь и увезла в участок на допрос.

По дороге домой на Кейт нахлынуло чувство вины. Она хотела продолжить расследование, но скоро должен был приехать Джейк, и

она ничего не желала так сильно, как провести время с ним.

Кейт высадила Тристана у его дома.

– Я дам тебе знать, как только появятся какие-то новости, – сказала она. – Мне надо домой, наводить порядок и готовиться встречать Джейка.

– Хорошо, на связи, – ответил Тристан.

Кейт заехала в супермаркет и закупила продукты на все время, что Джейк будет у нее. По дороге домой она несколько раз взглянула на свое отражение в зеркале заднего вида. Позади нее ехала машина, держась за двумя другими, и Кейт была уверена, что она следовала за ней и по дороге в супермаркет, но с другой стороны, она не особо приглядывалась. Может быть, это признаки тревожного расстройства? Или за ней следят?

Как только Кейт подумала об этом, машина свернула с дороги, и Кейт не успела посмотреть на водителя. Она отогнала от себя мысль о преследовании, но тревожное чувство, скрутившее живот, никуда не делось.

56

Кейт была безумно рада видеть Гленду и Джейка, когда они наконец приехали к ней в три часа следующего дня. Они провели весь день в машине, поэтому Кейт сразу же повела их прогуляться по пляжу.

День был солнечный и немного ветреный, но достаточно приятный для того, чтобы скинуть обувь и помочить ноги. Джейк умчался вперед, тыкая палкой в попадающиеся на пути небольшие бассейны, образовавшиеся меж скал.

– Он очень ждал встречи с тобой. Не спал всю ночь, – сказала Гленда, когда они шли вдоль берега по песку. – Думаю, он сегодня рано заснет.

Кейт было невероятно приятно услышать, что Джейк так ждал этой поездки. А он тем временем вытянулся вперед, чтобы заглянуть в широкий скалистый бассейн, и тут же отпрыгнул.

– Там такая здоровенная хреновина! Вот такая медуза с синими щупальцами! – прокричал он.

– Джейк! Выбирай выражения! – пригрозила Гленда. Джейк проигнорировал ее слова и начал тыкать в воду палкой. – Приглядывай за ним. Не разрешай уходить далеко.

– Я, по-твоему, дурочка, что ли? – ощетинилась Кейт. Джейк вглядывался в воду и делал фотографии на телефон. – Что ты ему сказала о полицейской машине?

Кейт связалась с местным отделением полиции в Уитчепеле и сказала им, что Джейк приедет к ней погостить, а они уже связались с полицией Девона и Корнуола. Сейчас возле дома Кейт стояла патрульная машина. Наверное, они думали, что когда Кейт и Джейк рядом, им грозит большая опасность.

– Я сказала ему, что с Питером Конуэем связан один нехороший человек, которого разыскивает полиция, и они находятся здесь просто для подстраховки, – сказала Гленда.

– И Джейк просто это съел? Не задавал вопросов?

– Задавал, но я ему не сказала ничего конкретного. Если честно, я хотела отменить его поездку сюда, учитывая, что сейчас творится. Но если здесь полиция, то мне будет немного спокойнее.

– Я за ним присмотрю, мам, – сказала Кейт, расстроившись из-за того, что мать все еще сомневалась, что она может позаботиться о сыне.

– Я знаю, дорогая. И за полицейскими тоже поглядывай, чтобы они не расслаблялись.

– Во время полицейского наблюдения никто не «расслабляется», – сказала Кейт. Она вспомнила, как сама была когда-то в группе наблюдения, и решила, что должна заступиться за свою прошлую работу.

Джейк уже стоял в центре бассейна по пояс в воде.

– Ааа! Вода холодная! – кривлялся он.

– Джейк! Ты же в чистых брюках. Единственная приличная пара! – закричала Гленда.

Кейт подавила улыбку, когда Джейк не обратил на ее слова никакого внимания.

– Мам, – сказала Кейт, взяв Гленду за руку. – Это просто морская вода, и потом, я не собираюсь водить его по роскошным ресторанам или идти с ним в церковь. Мы просто немного повеселимся, а у тебя есть время до субботы, чтобы расслабиться.

Когда Гленда собралась в обратный путь, Джейк совершенно не огорчился, его куда сильнее занимали мысли о возвращении на пляж и об огромном песчаном замке. Они вышли проводить ее до машины, и Гленда настояла на том, что хочет взглянуть на полицейского, сидящего в патрульной машине. Ему было всего немного за двадцать, и когда Гленда постучала по стеклу машины, он как раз был в процессе поедания сэндвича. Быстро проглотив кусок, он опустил стекло.

– Здравствуйте, меня зовут Гленда Маршалл. Как ваше имя? – спросила Гленда, буравя парня взглядом.

– Констебль Роб Мортон, – ответил он, вытирая руки салфеткой. Он достал удостоверение и протянул его Гленде, которая лишь мельком взглянула на документ.

– Я хочу, чтобы вы как следует приглядывали за моим внуком Джейком. А это моя дочь, Кейт. Она тоже была офицером полиции!

– Здравсьте, – сказал Джейк.

Он вертелся вокруг них в своих мокрых штанах, и, казалось, его совершенно не заботило, что к нему приставлена полицейская охрана. Кейт не знала, хорошо это или плохо. *«Он что, просто привык к этому безумию?»* – подумала она. Гленда вернула полицейскому удостоверение.

– Я просто хотела поздороваться и сказать, что мы очень ценим то, что вы делаете. Я попросила Кейт время от времени выносить вам кофе, чтобы вы оставались бодры и внимательны.

– Тут было спокойно. Здесь недалеко трейлерная стоянка, но она почти пустая. Только парочка автотуристов, которые здешнего ветра не боятся, – сказал Роб. Он забрал у Гланды удостоверение и, подняв стекло, вернулся к сэндвичу. Они подошли к машине Гланды.

– Так, Джейк, слушайся маму, хорошо? – сказала она.

– Да у нас все классно. Все будет отлично, – сказал он. Гленда наклонилась и поцеловала его в щеку. – Фу! – вскрикнул Джейк и вытер лицо рукой, испачканной в песке.

– Спасибо, мам. Хорошей дороги. Если вдруг что, я позвоню.

– Совсем скоро он уже будет сам решать, где он хочет быть, – сказала Гленда, и Кейт уловила горькие нотки в ее голосе. – Приглядывай за ним. Он – наше сокровище.

Кейт постоянно думала только о том, каково ей приходится без Джейка, но ни разу до этого она не задумалась о том, как сильно

Гленда была привязана к нему и как ей, должно быть, теперь тяжело, когда он становится взрослым.

– Буду беречь как зеницу ока, – сказала Кейт.

Она провожала взглядом машину матери, пока та не исчезла за поворотом.

– Я думал, она никогда не уедет. Теперь мы можем вернуться на пляж? – сказал Джейк.

– Да, пошли строить песчаный замок, – ответила Кейт.

* * *

На трейлерной стоянке рыжеволосый Фанат сидел в своей машине, припаркованной среди автомобилей немногочисленных туристов и выгульщиков собак. Сегодня в его распоряжении был старенький белый фургон, подходящий вариант для того, кто хочет остаться незамеченным. Оделся он так, как будто собирался в поход. Если кто-нибудь слишком сильно им заинтересуется, то он запросто сможет выйти из машины и отправиться вверх по склону с рюкзаком и картой в руках.

Когда мимо проехала Гленда, он сделал вид, что поглощен изучением огромной карты. Он видел, что несколько часов назад она привезла Джейка. Все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Кейт и пацан, одни дома. Он наблюдал за Кейт несколько дней и заметил несколько препятствий: сначала была старая тетка из серферского магазина, а теперь в машине рядом с домом торчал полицейский.

Ему придется немного изменить свой план, но он не против проявить немного креативности. Он подождал несколько минут, а затем завел двигатель и уехал. Все приготовления были почти закончены. Почти все декорации расставлены, и скоро он вернется.

* * *

Кейт пошла на пляж вместе с Джейком и, устроившись в кресле, наблюдала, как он строит замок из песка. Небо очистилось, и теперь их согревало солнце. У нее в кармане зазвонил телефон, она достала его и увидела, что звонит Тристан.

– Кейт, выяснилось кое-что еще по поводу Виктории О’Грейди, – взволнованно сказал он. – Полиция взяла у нее показания – она рассказала им все то же самое, что и вам, – и они изучили фотографии, которые мы взяли из аптеки Пола Адлера. Варя сказала, что теперь у них достаточно доказательств, чтобы заново открыть дело Кейтлин Мюррей, и они завтра хотят поехать в Джепсонский лес... Вы ведь, наверное, не сможете, да?

– Да, ты же знаешь, ко мне приехал Джейк, – сказала Кейт, глядя на сына, который уже по пояс зарылся в песок.

– Ладно, тогда я могу съездить. Вы не против?

– Конечно. Расскажешь мне потом, как прошло?

– Как только узнаю что-нибудь новое – позвоню.

Кейт положила трубку и почувствовала себя не у дел. Где-то в глубине души, хотя ей и стыдно было признаться в этом даже себе самой, она сожалела о том, что Джейк не мог приехать, скажем, в следующие выходные. Она отмахнулась от этих мыслей и присоединилась к нему. У них получился величественный замок с четырьмя башнями и рвом, но вскоре на замок, а заодно и на них, обрушилась гигантская волна.

Они вернулись в дом, и Кейт достала полотенца, чтобы они могли вытереться и согреться. Солнце уже было низко и то и дело пряталось за тучи, отчего на улице заметно похолодало.

– Мам, это был самый лучший песчаный замок на свете. Дома у меня не получается построить такой большой, потому что там на пляже одни камни.

Глядя на Джейка, в первый раз за многие месяцы стоявшего у нее в гостинной, Кейт заметила, как сильно он вырос.

– Встань у косяка, вот тут, – сказала она и, взяв ручку, поставила на откосе отметку в том месте, докуда доходила его макушка.

Он отошел, и они оба посмотрели на черточки, которые наглядно показывали, насколько он вырос со времени последнего приезда.

– Ну и ну, ты скоро будешь выше меня, – сказала Кейт.

Джейк провел пальцем по отметкам. Время пролетело так быстро, и совсем скоро его детство закончится. Кейт испытала резкое желание извиниться перед сыном за то, что она так усложнила ему жизнь. За то...

– Мам, я весь мокрый, и у меня вся задница в песке, – сказал он, скорчив рожу. Кейт метнулась к сыну и заключила его в объятия. – А это за что? – спросил он. – По идее мне должно влететь за то, что я пошел на пляж в хорошей одежде.

– Все в порядке, – сказала Кейт. – Мне просто очень захотелось тебя обнять.

– Женщины, – протянул Джейк, закатив глаза.

– Пошли, разместим тебя на втором этаже, и я дам тебе сухую одежду, – сказала она.

Кейт привела Джейка в спальню, располагавшуюся по соседству с ее собственной. Он всегда жил в этой комнате, когда приезжал в гости. На кровати лежало разноцветное полосатое покрывало, а книжные полки были забиты детскими книжками, из которых – Кейт вдруг пришло в голову – он уже давно вырос. Из окна открывался вид на пляж. Он провел пальцем по изголовью кровати, проверяя пыль.

– Кэтрин, полировать мебель можно и почаще, – до жути похоже изобразил он Гленду.

– Тебе помочь разобрать вещи? – смеясь, спросила Кейт.

Джейк положил сумку в изножье кровати.

– У меня все схвачено, – сказал он, отгоняя мать.

– Ладно. У нас сегодня камберлендские сосиски с картошкой и фасолью. Я сниму с сосисок шкурку, – сказала она.

– Супер!

– А на десерт я купила то шоколадное мороженое с рыбками-ирисками.

– И приз в номинации «Лучшая мама» достается тебе, – сказал Джейк и закрыл дверь в комнату.

Кейт пошла вниз, чтобы начать готовить еду, окрыленная тем, что сын здесь, с ней. Единственным, что омрачало ее радость, была патрульная машина, припаркованная у дома. Из-за нее Кейт не могла перестать думать о деле и о том, что Тристан поедет в Джепсонский лес без нее.

И вот опять ей приходится разрываться между материнством и работой. Вечная борьба. Кейт постаралась отвлечься от этих мыслей и взялась за готовку.

57

На следующее утро Тристан встретился с группой полицейских и Викторией О'Грейди в Джепсонском лесу. Он на день одолжил у сестры машину, клятвенно пообещав вернуть автомобиль в целости. За последние несколько лет лес несколько уменьшился в размерах и теперь представлял собой всего лишь небольшой клочок земли, со всех сторон окруженный недавно возведенными домами.

Участок, который должны были осмотреть полицейские, находился как раз на границе леса, там, где в него упирались ограды частных владений. Около забора стоял полицейский фургон и несколько патрульных машин. На место прибыл мужчина с двумя поисковыми собаками и теперь стоял и разговаривал с офицером. Тристан взял стаканчик с чаем у фургона сопровождения и подошел к Виктории. У нее были красные, опухшие от слез глаза, одета она была в массивное оранжевое меховое пальто.

– Спасибо, что приехали, – сказала она. – Не могу поверить, что это происходит.

– Я ожидал увидеть двух здоровых свирепых овчарок, – сказал Тристан, когда они увидели, как владелец собак открыл фургон и оттуда выскочили два пушистых королевских спаниеля и начали с лаем носиться вокруг. Их длинные, разлетающиеся в стороны коричневые уши резко контрастировали с пушистыми белыми головами.

Виктория засмеялась. Собаки подбежали к ним и тут же перекатились на спину, подставляя животы для почесывания. Следом подошел хозяин и представился.

– Меня зовут Гарри Грант, – сказал добродушный седой мужчина; ему было лет под шестьдесят. – А это – Ким и Хлоя.

– Такие милые, – сказал Тристан, когда Ким, которая была покрупнее, принялась задорно жевать воротник его куртки.

– Их милые мордочки – это еще не все. Они просто невероятные. Обе способны учуять запах разлагающихся тканей.

– Но ведь Кейтлин пропала двадцать лет назад. Даже если она похоронена где-то здесь, разве от нее что-то осталось после стольких лет? – спросил Тристан.

– Я их испытывал в самых разных случаях. Ким сумела учуять разлагающуюся плоть, когда мы занимались делом восемнадцатилетней давности. В полиции были уверены, что мужчина убил свою дочь, закопал в саду, а вскоре переместил тело куда-то. Они учуяли, где изначально было закопано тело, даже учитывая, что его оттуда убрали и что прошло уже восемнадцать лет. Когда полицейские начали рыть, они нашли в земле зуб и фрагменты черепа, принадлежавшие маленькой девочке.

– А на какой глубине они могут унюхать запах? – спросила Виктория.

– До двух с половиной – трех метров, – сказал мужчина, в то время как Хлоя вытянулась на спине перед Викторией, подставляя розовое пузо.

Когда они допили чай, полицейские вместе с Тристаном пошли за Викторией к тому месту, куда они с Полом Адлером ездили на пикник.

Они молча двигались вдоль границы леса: Виктория в своем огромном оранжевом пальто, четверо офицеров полиции и Тристан. Гарри с собаками остался ждать у фургона до тех пор, пока Виктория не определит место, где им нужно будет искать.

Она неуверенно ступала по неровной земле, тишину нарушал лишь приглушенный шум, доносившийся до них с шоссе. Они дошли до окраины леса и вышли на усыпанную сосновыми иголками поляну. Осеннее солнце светило сквозь ветки, отчего вся поляна оказалась покрыта пятнистым узором.

– Это место так изменилось, – сказала Виктория. Тристан заметил, что она дрожит, несмотря на солнечную погоду и толстое пальто. – Когда-то здесь были километровые поля.

– А где было озеро? – спросил он.

– Там было какое-то озеро, метров четыреста в ту сторону, – сказал один из полицейских, у которого в руках была карта. Он указал на место, где теперь рядами возвышались крыши. Виктория огляделась по сторонам и кивнула.

– Оно было где-то недалеко от поляны. Мы заходили глубже в лес, но не очень далеко, потому что лес был очень густой.

Полицейский с аккуратно подстриженной козлиной бородкой осмотрелся по сторонам.

– Вы так уверены? – спросил он без тени враждебности или недоверия.

– Я помню съезд с главной дороги. Там еще стоит старая телефонная будка, как раз около тупика, за которым начинаются поля. Деревья, конечно, стали выше, но я всю жизнь буду помнить эту дорогу и к чему она в итоге меня привела, – сказала Виктория.

– Исходя из того, что вы помните, вы можете примерно указать границы, в которых нам стоит искать?

– Вся эта поляна и немного глубже в лес вон там, – глаза у Виктории снова наполнились слезами, и она начала шарить по карманам пальто в поисках салфетки.

– Хорошо, – сказал полицейский и потянулся к рации. – Гарри, мы ждем Ким и Хлою.

Несмотря на всю серьезность ситуации, Тристан не смог сдержать улыбку. Сейчас все зависит от милых пушистых Ким и Хлои. Остается надеяться, что их не отвлечет какой-нибудь проезжающий по дороге фургон с бургерами. Он просто не мог себе представить, что собакам удастся учуять что-нибудь, кроме мха и гнилых листьев.

Сначала Гарри привел Ким. Когда он спускал ее с поводка, все отступили назад, и она побежала, уткнувшись носом в землю, вокруг участка, который обозначила Виктория.

Гарри направлял ее очень методично, следя за тем, чтобы собака ровно двигалась туда-сюда, как газонокосилка, через всю поляну. Примерно через десять минут она остановилась у высокого разросшегося дуба, начала бегать вокруг него кругами, усердно принюхиваясь и подметая листья и сосновые иголки длинными ушами. Затем она села и, задрвав голову, начала лаять.

Полицейский отметил это место, и собака побежала дальше, но через пятнадцать минут вернулась и залаяла снова. Тристан и Виктория молча наблюдали за собакой, но, когда она залаяла во второй раз, Тристан почувствовал повисшее в воздухе напряжение.

– Что, если она учуяла мертвую птицу или лису? – спросила Виктория надломленным голосом.

– Гарри сказал, она натренирована на поиск только человеческих останков, – сказал Тристан, чувствуя, как от волнения у него скрутило

живот.

Гарри дал Ким какое-то угощение и увел обратно в машину. Полицейские остались стоять по периметру поляны.

– И что дальше? – спросила Виктория офицера с бородкой.

– Он приведет вторую собаку, чтобы перепроверить... Но, я думаю, что мы попали в десятку. Так или иначе, собака учуяла человеческие останки.

58

Кейт, как обычно, проснулась в половине восьмого, но Джейк проспал почти до десяти. Это в очередной раз напомнило ей, что он уже подросток. Раньше он всегда просыпался в шесть утра, бодрый и болтливый.

Она побродила по дому, заварила себе и сидевшему в машине полицейскому по чашке чая, поговорила с Тристаном, который как раз направлялся в Джепсонский лес и пообещал отзвониться сразу же, как только узнает что-нибудь. Когда Джейк наконец-то проснулся, они пошли искупаться в море. Погода стояла прекрасная, на море был штиль. Джейк пришел в восторг от гидрокостюма и ласт, и они поплескались в воде около часа, ныряя в воду в плавательных очках.

Затем они съездили в Эшдин пообедать, а когда вернулись домой, к ним присоединилась Майра, и они все вместе отправились прогуляться по пляжу. Кейт нравилось, что Майра так хорошо ладит с Джейком. Когда они дошли до скалистых бассейнов, она смогла назвать всех морских жителей, которые прятались на дне, и рассказать о них все. Джейк был впечатлен.

* * *

Констебль Роб Мортон дежурил возле дома Кейт уже третий день, который обещал быть очень длинным и скучным. Его смена началась в семь утра и должна была закончиться в семь вечера. Он был благодарен Кейт и ее соседке Майре за чай и кофе, но от дерьмовой еды, которой ему приходилось питаться последние несколько дней, у

него уже кишки выворачивало наружу. С тех пор как Дэнни, его девушка, ушла от него, ему приходилось кормиться самому.

Он скучал по домашней еде и по обедам, которые она собирала ему на работу, даже больше, чем по ней самой. Он посмотрел на пассажирское сиденье, где лежал его сегодняшней обед, состоявший из отсыревшего сэндвича с луком и сыром, купленного на заправке. Дорогим и дерьмовым – вот каким будет его обед в третий день на посту.

Под звуки радио он замечтался о том, что будет есть на ужин. Подобная долгая слезка сильно выматывает, и единственное, чего ты хочешь вечером, – это добраться домой, принять душ и завалиться на диван. Он планировал побаловать себя суши из этого нового местечка, открывшегося в Эшдине. Он вытащил бумажник и обнаружил там лишь одну десятку. У серферского магазина стоял банкомат, и он, решив заодно размять ноги, направился туда.

После дома Кейт дорога заканчивалась тупиком, а по другую ее сторону тянулись поля. На таких дорогах, как правило, никогда ничего не происходит, но ему необходимо было оставаться настороже, потому что это было достаточно пустынное место и на улице был только он один.

Экран банкомата затянуло тонким слоем соли, поэтому полицейскому пришлось протереть его рукавом своей форменной рубашки. Он засунул карту в банкомат и снял пятьдесят фунтов, заметив, что ему придется заплатить пять фунтов комиссии. Позже он перекинется словечком с той старой женщиной и спросит у нее, куда ушла его пятерка.

Засовывая деньги в бумажник, он заметил небольшой белый фургон, остановившийся у обочины чуть вдалеке. Высокий рыжеволосый мужчина в походной одежде вылез из машины и начал переобуваться в трек кинговые ботинки.

Роб вернулся обратно в машину и увидел, как мужчина, вытащив из фургона большой рюкзак и карту, направился прямо к нему.

* * *

Подходя к патрульной машине, Рыжий Фанат огляделся по сторонам. Он уже прошелся по пляжу возле дома Кейт и видел ее с Джейком и со старухой из серферского магазина.

Подойдя к машине, он увидел худого бледного полицейского, выглядевшего весьма жалко. Добродушно улыбнувшись, он постучал по стеклу.

Констебль мрачно посмотрел на него и открыл окно.

– Привет. Извините, что отвлекаю вас, – сказал он, – но вы не подскажете, здесь выход к прибрежной тропе до Эшдина? – Он держал в руке сложенную карту местности и сунул ее в окно. Другой рукой он нащупал в кармане шорт выкидной нож и небольшой комок ваты.

Полицейский даже не взглянул на карту, а посмотрел прямо ему за спину.

– Ага. Мне кажется, это и есть та тропа, – сказал констебль, потянувшись рукой, чтобы закрыть окно.

Фанат положил край карты на стекло.

– Офицер, я вообще ни шиша не смыслю в картах. Это та тропа, которую покорежило эрозией? Я просто боюсь, что мне в итоге придется взбираться на утес, – он сунул карту в окно, вынуждая полицейского взять ее обеими руками.

Тот посмотрел на карту.

– Послушай, приятель, я тут при исполнении...

Резким движением Фанат вытащил из кармана нож и, прижав его к правому уху полицейского, нажал на кнопку. Двадцатисантиметровое лезвие вылетело вперед и вошло точно в мозг.

Все случилось так быстро, констебль в шоке посмотрел на Фаната, затем скорчился от боли и схватился за руку, державшую нож. Фанат провернул нож по часовой стрелке, глубже врезаясь в мозговую ткань.

Полицейский задрожал, начал задыхаться, изо рта пошла пена. Меньше чем через минуту он перестал шевелиться.

Фанат вытащил нож и заткнул ухо полицейского куском ваты, выровняв его тело на сиденье так, чтобы издали казалось, будто он просто спокойно сидит в машине.

Достав салфетку, он вытер подбородок полицейского, а затем – нож, после чего спрятал лезвие обратно и убрал нож в карман. Огляделся по сторонам. На дороге было тихо и безлюдно.

Теперь самое время забраться в дом Кейт и ждать.

59

Тристан стоял рядом с Викторией в Джепсонском лесу, когда вторая собака, Хлоя, бегала по поляне, опустив голову. Она остановилась у того же самого места, где до нее остановилась Ким, присела и залаяла.

В течение часа подъехали криминалисты. Тристан и Виктория подошли поближе и наблюдали, как три сотрудника очистили участок от листьев и иголок и начали копать. Через несколько минут пошел дождь и им пришлось срочно установить брезентовый навес, чтобы можно было продолжать. Тристану и Виктории вручили зонт, и Тристан держал его у них над головами, пока они стояли там под звуки барабнящего по брезенту дождя и вгрызающихся в землю лопат.

– Я с тех пор тут ни разу не была, – нарушила молчание Виктория. – Вы не против, если я подержу вас за руку? Меня так трясет.

– Конечно, – сказал Тристан и взял ее руку.

Она была холодная как лед. Прошел час, криминалисты копали все глубже, а гора земли рядом с ямой становилась все выше. Дождь продолжал барабанить по навесу, а небо затянуло густыми облаками, и поляна погрузилась во мрак.

От намоченных дождем земли и растений шел свежий запах, и чем глубже они опускались, тем более маловероятным казалось, что в итоге они вообще что-нибудь найдут. Когда яма стала уж совсем глубокой, Тристан подумал, что вот сейчас они сдадутся, но вдруг кто-то из криминалистов закричал:

– Тут есть что-то! – прозвучал голос. – Нам нужен фонарик!

Тристан вместе с Викторией подошли к краю ямы. Тристан увидел, что яма уходила вглубь на два метра, а из земли тут и там торчали корни деревьев.

– Я не могу на это смотреть, – сказала Виктория, уткнувшись лицом ему в плечо.

Криминалисты раскраснелись от работы, а их синие комбинезоны были заляпаны торфянистой землей.

Тристан увидел, что они начали копать осторожнее, слой за слоем соскребая почву. Теперь вместо лопат они использовали большие грубые щетки.

Полицейский встал на краю ямы и посветил фонариком вниз. Из темной земли выглядывал перемазанный грязью череп с зубами. Они продолжили работать щетками и откопали небольшой целиком сохранившийся скелет.

– О боже, – сказал Тристан, чувствуя, как у него заколотилось сердце.

Виктория заглянула в яму. Она резко вдохнула, и ее затрясло по-настоящему.

– Я никогда раньше не видела мертвого человека, – сказала она.

– Все хорошо, – ответил Тристан. Виктория попятилась и уселась прямо на сырую землю.

Тристан подошел ближе и увидел, что криминалисты теперь сметали землю с костей маленькими щеточками. Он мог разглядеть клочки волос у основания черепа и истлевшие обрывки ткани. Когда они добрались до ног, там была пара кожаных сандалий, а рядом – нечто, напоминающее узенькую квадратную сумочку с ремешком.

В первую очередь из ямы вытащили сандалии и сумку и запечатали их в прозрачные пакеты. Тристан попросил разрешения взглянуть на них и достал фотографию, которую прислала соседка Мюрреев. На ней Кейтлин была в тех вещах, в которых ушла в день исчезновения. На фотографии она была в тонком синем платье с узором из белых цветочков на подоле. Сандалии и сумка были сделаны из синей кожи, и на них тоже был узор из белых цветов.

– Я помню, она в таком виде как-то пришла на работу, – сказала Виктория, глядя на снимок.

– Мать Кейтлин сказала, что она была одета точно так же в день исчезновения, – сказал Тристан.

Он сравнил найденные сандалии и сумку с теми, что были на фотографии. Они были в грязи, и кое-где кожа приобрела коричневатый оттенок, но клапан сумки полностью сохранился, и на нем был четко виден выдавленный на коже узор из белых цветов.

Он вернул пакет полицейскому. Это должна быть она. Это должна быть Кейтлин.

– Нам нужно будет проверить зубную карту и сделать анализ ДНК, но есть большая доля вероятности, что это останки Кейтлин Мюррей, – сказал офицер.

– Боже мой, – сказала Виктория. – Я никогда не думала, что это окажется правдой... Я правда никогда не думала, что они на самом деле сделали это и зарыли ее здесь.

«Да! – подумал Тристан, чувствуя грусть, смешанную с ликованием. – *Мы ее нашли*».

60

Кейт была на пляже вместе с Майрой и Джейком, все вместе они пытались выманить из воды огромного краба, но тут у нее зазвонил телефон. Подумав, что звонит Тристан с какими-нибудь новостями, она вытащила телефон из кармана джинсов, но увидела, что это был Алан Хэксам.

– Здравствуй, Кейт, – сказал он.

По пляжу с ревом носился ветер, взбивая гребни волн в белую пену. Кейт отошла подальше от спрятавшегося между скал бассейна и поднялась немного повыше.

– Привет, а я как раз думала, куда ты пропал. Все в порядке? – спросила она.

– Прости, пришлось на неделю поехать на север по работе. Слушай, я получил протоколы вскрытия тела Абигейл Кларк, которые могу тебе показать. И у меня есть еще кое-что, что может тебя заинтересовать.

– Повиси секундочку, Алан, – сказала Кейт, помахав Майре и Джейку. – Мне надо ответить. Я поднимусь наверх, а то тут ветер.

Майра кивнула и повернулась обратно к Джейку, который был занят крабом. Кейт пошла по песчаным дюнам вверх, туда, где ветер был не такой сильный.

– Извини, Алан, продолжай, – сказала она.

– Я просматривал файлы всех жертв, потому что характер нападения на Абигейл Кларк никак не вяжется с убийствами других девушек, хотя в полиции и считают, что это все дело рук одного человека... Я заметил, что в случае с Эммой Ньюман тоже есть несколько несовпадений – ничего особенно, но я решил рассказать

тебе, прежде чем отправлю бумаги. Ей было восемнадцать, а не семнадцать, как заявили изначально. Она была объявлена пропавшей – в полицию позвонила женщина, с которой она работала, – и в полицейском отчете неправильно зафиксировали имя ее тогдашнего парня.

– Неправильно?

– Да, они записали имя Кир Касл, но его полное имя – Кир Касл-Мидс. Во всех соцсетях он фигурирует как Кир Касл, поэтому после того, как его обвинили в том, что он угрожал своей девушке, за что получил штраф и общественные работы, в газете и появилось это имя. Я заглянул в судебный архив и обнаружил, что на самом деле он – Кир Касл-Мидс. Я не знаю, не допустили ли в полиции ту же ошибку. И хотя больше за ним не числится никаких правонарушений...

Кейт посмотрела на Майру и Джейка, которые, закатав штанины, бродили между скал, создавая волны на гладкой поверхности воды. В мозгу у нее что-то щелкнуло, и Кейт уже не слышала, что говорил ей Алан.

– Кейт, ты еще там? Я сказал, что все пришлю тебе по электронке, но ты знаешь правила. Никому ни слова о том, что я делюсь с тобой этой информацией. Припрядь эти материалы там, где их нельзя будет найти.

– Да... Спасибо.

Алан положил трубку. Внезапно Кейт вспомнила, где она слышала это имя прежде, и ее точно обухом по голове ударили.

– Майра! Джейк! – закричала она. Они оба обернулись, Джейк – с комком водорослей в руке. – Мне надо забежать в дом! Вы тут справитесь?

– Конечно! – крикнула Майра, отмахнувшись, и снова уставилась с воду.

Кейт помчалась по песчаным дюнам в сторону дома. Мысль крутилась у нее в голове, и она не хотела ее упустить. *Кир Касл-Мидс, Касл-Мидс, Касл-Мидс...* В гостиной она пробежалась глазами по книжной полке и нашла ее – документальную книгу, одну из лучших среди написанных о деле Каннибала с Девяти Вязов.

Она открыла конец книги и начала просматривать вклейку с фотографиями. Где же был этот Касл-Мидс... Касл-Мидс. В конце книги было двенадцать страниц с фотографиями, она нашла нужную

посередине. Изображение Королевского адвоката, возглавлявшего обвинение в суде по делу Каннибала с Девяти Вязов, Торквина Касл-Мидса. На снимке был изображен крупный, внушительный и напыщенный мужчина с рдеющими, зачесанными на одну сторону ярко-рыжими волосами. Его отличительными чертами были тяжелые нависшие веки и двойной подбородок, придававшие ему сходство с бульдогом.

Рядом была фотография, сделанная у здания суда в день объявления вердикта. На ней победоносный Торквин Касл-Мидс стоял, обнажив в улыбке желтые кривые зубы, в компании своей жены Корделии, красивой темноволосой женщины с высоким лбом и серьезным взглядом. Рядом с ними стояли их дети, все четверо одетые как для воскресного похода в церковь. Все дети унаследовали от отца огненно-рыжие волосы и нависшие веки, отчего их лица выглядели несколько странно, точно вырезанные из куска резины. Кейт взгляделась в лица четырех детей: Поппи, Мариетта, Кир... и Джозеф.

– Господи, – сказала Кейт, глядя на фотографию. – У Кира было алиби, он был в Штатах, когда Эмма Ньюман пропала, а что насчет другого сына? Что, если он и есть связующее звено во всей этой истории?

Она вспомнила кое-что еще об этой семье, открыла алфавитный указатель и нашла упоминание о Торквиле Касл-Мидсе, Королевском адвокате, на страницах книги. Он получил образование в Королевском колледже в Оксфорде, и в очень раннем возрасте получил право на адвокатуру, а его жена в свое время помогла ему влиться в британское высшее общество. Она была наследницей транспортной компании *SM Logistic Ltd.*

– *SM Logistic...* – сказала Кейт, держа книгу в руках. – Я повсюду вижу их дурацкие фургоны и грузовики. У них куча складов по всей стране...

Она загуглила название компании на телефоне, и на экране появился красиво оформленный сайт с фотографией целой флотилии фургонов и грузовиков, выставленных на широкой автостраде.

– Торквил Касл-Мидс отошел от дел и перебрался вместе с женой в Испанию, а их дети начали войну за право управлять многомиллиардным бизнесом, – произнесла Кейт, припоминая

обрывки статей, на которые она натыкалась в последние несколько лет. – Как я могла этого не заметить?

Кейт затряслась от волнения и выброса адреналина и набрала номер Тристана. Звонок сразу ушел на голосовую почту.

– Тристан, позвони мне сразу же, как получишь это сообщение, я нашла связь... Подражателя, который совершает убийства. Это сын адвоката, который упрятал Питера Конуэя в тюрьму. Торквил Касл-Мидс был Королевским адвокатом, который возглавлял обвинение в деле, и выиграл. У него есть два сына Кир Касл-Мидс и Джозеф Касл-Мидс. У Кира есть алиби, но я думаю, что наш подражатель – это второй сын. Ему удавалось так легко проворачивать все это, потому что его семья владеет огромным состоянием и компанией *CM Logistic*, они занимаются грузоперевозками и доставкой... Они доставляют товары и могут также доставлять деньги в банкоматы. Это их инкассаторский фургон мы видели на записях с камеры у дома Фредерика Уолтерса...

– До чего же ты умная девочка, – произнес чей-то голос.

От неожиданности Кейт подпрыгнула и выронила телефон. Около книжного шкафа стоял высокий рыжеволосый мужчина. У него были такие же ярко-рыжие волосы и тяжелые нависшие веки, как на фотографии. Не сводя с нее глаз, он нагнулся и поднял телефон. Он поднес его к уху, а затем нажал куда-то, и механический голос произнес: «Сообщение удалено». Он нажал отбой.

– Джозеф Касл-Мидс, – сказала Кейт.

Один только вид этого человека, стоящего посреди ее гостиной, наводил ужас. Он был очень высокий и источал столько злости, что, казалось, даже что воздух вокруг него потрескивает. Он бросил ее телефон на пол и наступил ногой на экран.

– Мда, ни одна фотография не передает твоей красоты. В жизни ты выглядишь лучше, – сказал он.

Он начал наступать, и Кейт, сделав шаг назад, ткнулась спиной в книжный шкаф. Его бледная кожа блестела от пота. Несмотря на хорошее телосложение и высокий рост, выглядел он дико. Он улыбнулся и с силой ударил Кейт по лицу. Она услышала хруст, с которым сломался ее нос, и, ослепленная вспышкой боли, перелетела через кофейный столик и упала на пол.

Джейку нравилось вместе с Майрой вглядываться в воды скалистого бассейна. И хотя она и была уже старая – волосы у нее были абсолютно белые, а лицо усыпано глубокими морщинами, – она была классная и смешная и знала много чего о морских жителях.

Они нашли длинного угря, плавающего у дна одного из самых глубоких бассейнов, лениво пропуская воду через жабры, и Майра исхитрилась его поймать. Она держала угря в руках, пока Джейк его фотографировал, и рассматривала его огромные глаза и зубы. Единственное, что показалось Джейку отвратительным, так это предложение Майры попробовать мидию, которую она извлекла из ракушки, расколов ее о скалу.

– Что? Съесть вот это? – сказал он.

– Да! Свежее не найдешь... Когда я была девочкой, это было кульминацией любой поездки на море.

– Съесть вот этот комок соплей и ушной серы?

– Угу.

Майра поднесла ракушку ко рту и выпила содержимое.

– Фу! – закричал Джейк.

Майра улыбнулась.

– Уверен, что я не смогу тебя уговорить? – сказала она, извлекая еще одну мидию из кучи водорослей между скал. Она продолжала шевелиться у нее в руках, и Джейк, ухмыльнувшись, покачал головой.

– Давай на спор? – сказала Майра.

– Сколько ставите?

– Я вообще не азартная женщина, но ради тебя я поставлю парочку суфле от «Мистер Киплингз».

– Если я съем это, то ночью выблюю все ваши суфле обратно!

Он завопил, когда Майра съела моллюска и засмеялась, ополоснув руки в воде. Ветер усиливался, и Джейк увидел наплывающие с горизонта серые облака.

– Куда твоя мама делась? – спросила Майра. Джейк посмотрел на дом и пожал плечами. – Может, ты сбегашь и посмотришь, где она? А я пока схожу в магазин и проверю, есть ли у меня доска, на которой ты бы мог попробовать серфить.

– Окей! – сказал Джейк.

Он поспешил вверх по песчаному утесу к задней двери дома. Когда он вошел, в доме стояла зловещая тишина. На полу в гостиной были разбросаны книги и валялись осколки китайской вазы, стоявшей на кофейном столике. Он услышал какой-то странный звук у входной двери, как будто кто-то разматывает бобину скотча.

Он прошел через гостиную и вышел в коридор. Кейт, скорчившись, лежала на полу с окровавленным носом, руки замотаны скотчем. Над ней стоял высокий рыжеволосый мужчина и заматывал скотчем ее лодыжки. Джейк зажал рот обеими руками, чтобы не закричать. Мужчина замер и уставился на него. От страха Джейк не мог пошевелиться.

– Мальчишка, – хрипло прошептал мужчина.

Он улыбнулся, у него были огромные влажные губы и гигантские зубы. Он был похож на зловещего клоуна. Выпрямившись, мужчина навис над Джейком и достал из заднего кармана выкидной нож.

– Если заорешь, я отрежу сиськи твоей мамки и заставлю тебя их съесть, – сказал он низким ровным голосом. – Я убил полицейского снаружи. Приставил нож к уху и БАМ! – из рукоятки выскочило огромное лезвие, длинное, острое и блестящее. Джейк почувствовал, как у него неконтролируемо затряслись колени. – Так что помалкивай и делай, что я тебе скажу, ладно, Джейк?

У Джейка задрожала верхняя губа, он кивнул и расплакался.

– Не реви, – сказал мужчина и подался к нему навстречу. Джейк вздрогнул, когда тот провел лезвием по его волосам. – Ты золотой мальчик. Знаешь, сколько бы я отдал, чтобы быть тобой? Ты очень похож на отца и на мать, – мужчина провел лезвием по щеке мальчика, и Джейк почувствовал легкое прикосновение холодного металла. Внезапно страх и паника взяли верх, и он громко закричал.

Свободной рукой мужчина зажал ему рот и оттеснил к стене, приставив нож к горлу. Джейк почувствовал холод лезвия.

– Ты все усложняешь, маленький говнюк... Если ты заорешь, я сделаю с твоей матерью то, что сказал, я не шучу, понял меня? – спросил он.

Его спокойный, угрожающий голос окутал Джейка, как дым.

– Где старуха? Отвечай тихо.

– Она, она... Она пошла к себе домой, – прошептал Джейк. Краем глаза он увидел, как Кейт шевельнулась и у нее задрожали веки.

– У тебя такие же глаза, – сказал мужчина, разглядывая его лицо. – Тоже оранжевое пятно на радужке.

Джейк дернулся, когда мужчина убрал нож. Затем он засунул руку в карман и вытащил оттуда ровный квадратный кусочек ткани. Наклонился ближе. Джейка обдало запахом ужасного кислого дыхания. Его непреодолимо трясло, и он почувствовал, как по ногам потекла горячая моча.

– Джейк, ты не поверишь, как долго я планировал это. Я приготовил для тебя такой сюрприз, – сказал мужчина.

Он прижал ткань к носу и рту мальчика, оттеснив его обратно к стене. Джейк почувствовал едкий химический запах, и глаза у него заволокло сначала красным, потом черным, а потом он отключился.

* * *

Джозеф Касл-Мидс припарковал фургон прямо напротив входной двери дома Кейт. Он загрузил Кейт и Джейка в машину и на мгновение застыл над ними. Он поднес руку к лицу Кейт и почувствовал ее дыхание, затем прикоснулся к лицу мальчика. Мать и сын. Он видел их на пляже. Он завидовал тому, как они были близки.

Его собственная мать была холодной, вела себя отстраненно, когда он рос. Его родителей всегда куда больше заботило их положение в обществе и юридическая карьера отца, чем собственные дети. Его, совсем еще маленького мальчика, отослали в эту жуткую частную школу и забыли о нем. Когда он встречался с родителями, ему приходилось отвоевывать каждую толику их внимания.

– Мама, папа, теперь вам обоим наконец придется и обратить на меня внимание, – сказал он, заботливо накрыв Кейт и Джейка одеялом, и захлопнул дверь фургона. Убедившись, что его никто не видел, он помахал рукой мертвому полицейскому, чье тело по-прежнему находилось в той же позе на водительском сиденье патрульной машины, и отправился в дальнюю дорогу.

После того как он убил Мередит Бакстер, прошло уже три дня, и их Питер провел в изоляторе. Распорядок там был обычный: еда, таблетки, душ, прогулка.

Без часов и окна в камере Питеру было сложно ориентироваться во времени, но тем не менее время шло, и его начинала одолевать паранойя. Он был полностью отрезан от любых контактов с Энид. Что, если план провалился? Он заработал себе долгий срок в изоляторе, а что потом? Медленное превращение в престарелого серийного убийцу?

Питер каждый раз спрашивал, сколько времени, когда ему приносили еду или выпускали в прогулочный дворик. «Я как собака, – думал он. – Как собака, которую выпускают сделать свои дела два раза в день».

Накануне к нему приходил его адвокат Терренс Лейн, и на двадцать минут Питера отвели в маленькую, разделенную посередине стеклом комнату для свиданий. Терренс сказал, что Питеру предъявят обвинение в убийстве, но он может избежать суда, так как они будут настаивать на том, что он не может отвечать за свои действия. Когда их время истекло, Терренс встал и собрал бумаги.

– Я разговаривал с Энид. Она была ужасно расстроена, когда узнала, что вы сделали... Уже скоро вас могли бы перевести в колонию-поселение. Что вы затеяли, Питер? Доктор Бакстер ведь была на вашей стороне. Она старалась сделать так, чтобы вы провели свои оставшиеся годы в лучшем месте... У нее остался маленький сын... – Адвокат потряс головой, словно напоминая себе, что Питер был его клиентом и не ему было читать тому нотации.

– Спасибо вам за все, Терренс, – сказал Питер, вставая. – Жаль, что я не могу пожать вам руку и поблагодарить вас за все, что вы за эти годы для меня сделали.

– А вы куда-то собрались? – спросил Терренс, заталкивая последние листы в портфель.

– Конечно, нет.

– Тогда до встречи на следующей неделе, – сказал Терренс и вышел из комнаты.

Питер улыбнулся про себя.

– Провести оставшиеся годы в лучшем месте... Ну ничего, скоро вы дождетесь, – пробормотал он.

* * *

Энид сидела на краю своей кровати, глядя на небольшой открытый чемодан, где лежали аккуратно сложенные вещи. Чемоданчик был синего цвета и совсем неприметный на вид. Внутри лежало несколько нарядов на каждый день, парочка модных костюмов, туфли и новый купальник. Она также положила туда краску для волос и старые ножницы. Она планировала осветлить волосы и подстричься. От этой идеи она приходила в восторг. У нее появилась возможность стать кем-то другим. Теперь она будет Джун Мунро, а Питер – Уолтером Кингом.

Рядом с чемоданом на кровати лежала поясная сумка для денег телесного цвета. Энид взяла пачку пятисотевровых банкнот толщиной сантиметров двадцать и затолкала ее внутрь. В сумку только и влезло, что четверть миллиона евро. Она в сотый раз проверила паспорта: Джун Мунро и Уолтер Кинг. Засунув паспорта в сумку, она попробовала ее примерить. Ремень был очень короткий и больно врезался в кожу. Энид натянула поверх сумки блузку и посмотрела в зеркало. Под одеждой сумку было почти не видно, можно было подумать, что это просто слегка выпирает живот.

Зазвонил телефон, и она спустилась вниз, чтобы ответить. Звонил адвокат Питера. Терренс мрачно сообщил ей, что Питеру предстоит пройти экспертизу, на которой будет установлено, сможет ли он предстать перед судом за убийство Мередит Бакстер. Он также сказал, что Питер выглядит хорошо и что его продержат в изоляторе Баруэллской лечебницы следующие несколько недель.

Энид, окрыленная его словами, положила трубку. Они не догадывались об их плане. Она очень хотела бы сообщить Питеру, что все идет как надо. Она зашла на кухню и налила себе виски. У Энид Конуэй не было друзей, у нее были только знакомые, жившие на той же улице, где жила она. Жила своей простой жизнью, проводя время либо на работе, либо навещая Питера.

Энид не могла поверить, что скоро она оставит позади этот дом и свою прежнюю жизнь. Она осушила бокал с виски и налила себе еще один. Для храбрости.

Уже начало темнеть, когда Тристан выехал из Джепсонского леса, после того как скелет наконец-то достали из ямы, упаковали в черный пластиковый мешок и увезли в лабораторию судмедэкспертов.

Он увидел пропущенный звонок от Кейт, но она не оставила сообщения. Он пытался до нее дозвониться, но безуспешно. Тристан чувствовал себя виноватым за то, что уехал, оставив Викторию О'Грейди одну, но тот факт, что Кейт не отвечала на звонки, учитывая, как сильно она хотела узнать о результатах поиска, взволновал его, и поэтому он помчался домой настолько быстро, насколько позволяло ограничение скорости на шоссе.

Когда он вернулся в Эшдин, было совсем темно, и, свернув на дорогу, ведущую к дому Кейт, Тристан с удивлением увидел синие мигалки полицейских машин.

Майра стояла у входа в серферский магазин вместе с Варей Кэмпбелл, а вся парковка была заставлена патрульными машинами. Удивление Тристана сменилось тревогой, когда он увидел фургон криминалистов. Вокруг дома Кейт была натянута желтая лента. Он припарковался насколько мог близко и помчался к Майре и Варе Кэмпбелл.

– Что случилось? Я пытался дозвониться Кейт, – сказал он.

Словно в ответ на его вопрос из патрульной машины вытащили тело констебля и переложили на каталку с черным пластиковым мешком.

Варя объяснила Тристану, что случилось.

– Кейт и ее сын Джейк пропали. Мы полагаем, что кто-то проник в дом. Выбито стекло на входной двери и внутри есть признаки борьбы, – сказала она.

Тристан никогда прежде не встречался с Майрой, но Кейт рассказывала ему о ней, и сейчас он видел, что ее глаза покраснели от слез.

– Я была на пляже. Сначала в дом пошла Кейт, а за ней – Джейк, – сказала она. – Я думала, они вернуться обратно. Мы там ковырялись в воде... А потом я подошла и увидела, что бедняге офицеру проткнули голову... А я ведь только утром относила ему чай.

– Вы никого не видели? – спросил Тристан.

Майра помотала головой. Тристан посмотрел по сторонам, на полицейские машины и на мешок с телом, который уже застегнули и загружали в фургон. Он заметил торчащий из банкомата чек и вытащил его.

– Этот чек был напечатан за двадцать минут до того, как мне позвонила Кейт, – сказал он, протягивая чек Варе.

– И? – сказала она.

– Кейт все шутила, что кроме нее, никто не использует банкомат зимой. Вы им пользуетесь, Майра?

– Нет, тут комиссия пять фунтов, – сказала она. – Должно быть, им воспользовалась Кейт или тот полицейский. На стоянке-то почти никого и нет.

– На банкомате установлена камера, она начинает записывать всякий раз, когда кто-то снимает деньги. Возможно, на запись что-то попало, – сказал Тристан.

У Вари загорелись глаза. Она взяла у Тристана чек и, достав телефон, начала набирать номер.

64

Придя в себя, Кейт почувствовала, что лежит на твердой поверхности, а в уголке рта скопилась слюна. Она осторожно прикоснулась рукой к лицу. Дотрагиваться до носа было больно, судя по всему, он сильно опух. Над головой у нее светила лампочка, и Кейт с удивлением обнаружила, что у нее не связаны руки.

Она села. На ней все еще были джинсы, футболка и джемпер, в которых она была на пляже, а рядом с ней лежал Джейк. Он был очень бледен и не шевелился. Босые ноги все еще были в песке.

– Боже мой, Боже мой, – повторяла Кейт, ощупывая его с ног до головы.

Он был теплый, тогда она приложила руку к его шее. Пульс был. Через секунду он закашлялся и открыл глаза. Тут же, придя в себя, он закричал. Кейт зажала ему рот рукой.

– Нет, Джейк, пожалуйста! – прошептала она. – Прошу тебя, не кричи.

Джейк начал плакать, и Кейт почувствовала на своей руке горячие слезы. Она убрала руку от его лица, и сын тут же прижался к ней.

– Мам, что происходит? Кто этот человек? Где мы?

– Его зовут Джозеф Касл-Мидс, – Кейт не знала, что еще сказать. Она до сих пор не оправилась от потрясшего ее открытия, что сын адвоката, который посадил Питера Конуэя за решетку, оказался подражателем, которого они искали. Она попыталась восстановить в памяти, что случилось. Он проник к ней в дом. Напал на нее у нее в гостиной. Дальше – темнота. Она похлопала себя по карманам, но тут же вспомнила, что Джозеф разбил ее телефон. – Ты знаешь, как мы здесь оказались? Помнишь что-нибудь?

Сквозь слезы Джейк рассказал ей, как зашел домой и в коридоре увидел Джозефа, заматывающего ее ноги клейкой лентой.

– Он что-нибудь тебе сделал? – спросила Кейт, осматривая сына.

– Нет, но он напугал меня, и я... я... Я обмочился, – сказал Джейк и снова зарыдал. – Он прижал что-то мне к лицу. Оно пахло химикатами, а дальше я ничего не помню.

– Все хорошо, – сказала Кейт, прижимая его к себе. Она должна собраться и оставаться спокойной.

Кейт огляделась по сторонам. Они лежали на каменном полу в крохотной комнатке без окон. С потолка свисала голая лампочка. Стены были выкрашены в белый цвет. Под потолком висел короб из оргстекла, внутри которого находилась камера видеонаблюдения. Под каждым из них был тонкий спальный мешок, чистый и новый, судя по запаху. В углу стояла двухлитровая бутылка минеральной воды и ведро с лежащим рядом рулоном туалетной бумаги.

Кейт поднялась на ноги. Джейк встал следом, все еще цепляясь за ее руку. Голова у Кейт раскалывалась, а руки и лодыжки саднило в тех местах, где был скотч. Она провела руками вдоль стены и нащупала очертания двери. Они были заперты в какой-то кладовой или в отключенном холодильнике. Почему они не связаны? Зачем здесь камера? Их что, сейчас устанавливают во все камерные холодильники?

Они подошли к двери, и Кейт ударила по ней ладонью, но звук удара оказался едва слышен. Должно быть, очень толстый металл. Кейт приложила к двери ухо, но ничего не услышала.

К ней начали возвращаться чувства, и теперь она различала металлический, несвежий запах мертвечины. Кейт огляделась в поисках каких-нибудь признаков воздухообмена. Вентиляционных отверстий в комнате не было. На полу на расстоянии друг от друга

находились сливные отверстия. Если есть слив – есть канализация, если есть канализация – есть трубы. Через них и поступал воздух. У Кейт пересохло в горле, она чувствовала во рту привкус химикатов, которыми ее усыпили. Она посмотрела на Джейка, который, держа ее за руку, следовал за ее взглядом, пока она оглядывала помещение. Он стоял, вытаращив глаза, и выглядел ужасно напуганным.

– Хочешь пить? – спросила она. Джейк кивнул.

– Мам, мне кажется, эта комната сжимается, – сказал он.

– Да нет, точно тебе говорю. Все нормально.

Кейт подошла к ведру и подняла стоящую рядом бутылку. Она была запечатана. Тогда Кейт свернула крышку и принялась, а затем попробовала воду на вкус. Вода была свежая. Тогда она сделала несколько больших глотков и утерла рот рукой.

– На, попей, будет немного полегче, – сказала она, наклоня бутылку.

Джейк сделал несколько глотков. Теперь его трясло, и Кейт завернула его в один из спальных мешков.

Зачем Джозеф привез их сюда? Почему их обоих?

Она пыталась вспомнить хоть что-то, что могло бы подсказать ей, где они находятся или как долго они были в пути, но безуспешно. На мгновение сердце у нее ушло в пятки, когда она вспомнила, что звонила Тристану, но Джозеф удалил сообщение, которое она ему оставила. А как же Майра? Кейт надеялась, что Майра не столкнулась с Джозефом.

Прижав Джейка к себе, она оглядела комнату в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать как оружие. Когда он откроет дверь, она должна быть готова защищать себя и сына.

* * *

Перед тем как уехать, Джозеф проверил камеру и убедился, что Кейт и Джейк пришли в себя. Он боялся, что переборщил с дозой и что они умрут по дороге, поэтому он испытал большое облегчение, когда увидел, что они в порядке.

Вскоре после этого он вышел со склада и поехал вдоль Темзы по аллее Девяти Вязов. С 1995 года пейзаж изменился, район

перестраивали и обновляли. Он поглядывал за машинами вокруг, проезжая мимо строительных площадок, где подъемные краны тянулись вверх к ночному небу, в сторону вертолетной стоянки Баттерси, где он держал три вертолета. Формально они находились в собственности подставной фирмы, и для властей будет крайне затруднительно связать их с его именем. Они смогут опознать сами вертолеты, но на это уйдет какое-то время, а большего ему и не надо.

Это была частная стоянка, и в такое позднее время там никого не было. У него заколотилось сердце, когда он открыл ворота своей электронной картой и проехал в сторону посадочной площадки, расположенной у реки, где он и припарковался.

Два вертолета из трех он использовал для бизнеса и развлечений, и за прошедший год зарегистрировал множество полетных планов. Законы о передвижении в воздушном пространстве над Лондоном и шоссе М25 соблюдались очень строго из-за большого количества пересекающихся маршрутов, по которым летали частные и пассажирские самолеты. В других частях страны допускались небольшие отклонения от маршрута. Психиатрическая лечебница Баруэлла располагалась в ста пятидесяти километрах от Лондона.

Джозеф уже зарегистрировал маршрут, согласно которому он вылетит из Лондона в сторону Кембриджа и Баруэллской лечебницы. У него был один-единственный шанс, и, тщательно все спланировав, он был уверен, что все пройдет как надо.

Перед тем как выйти из машины, он протер руль и ручки дверей. Он всегда водил машину в перчатках, но, в случае чего, это позволит ему выиграть больше времени.

Он взял небольшой рюкзак и поставил машину на сигнализацию. На взлетной площадке его ждал красный вертолет скорой помощи. Он убедился, что топливный бак заполнен и все находится на своем месте. Затем он забрался внутрь. У компании *CM Logistic* было подписано огромное количество контрактов на хранение и обслуживание транспортных средств, в том числе – двух вертолетов скорой помощи, которыми пользовались лондонские больницы. Этот вертолет только что прошел ежегодное техобслуживание и в течение двух дней должен был быть возвращен в эксплуатацию. Уладить некоторые бумажные формальности оказалось нелегко, но зато теперь у него в распоряжении был ключевой элемент его плана.

Получив от диспетчера разрешение на вылет, Джозеф завел двигатель. Лопасты начали раскручиваться, и вертолет скорой помощи быстро поднялся в ночное небо.

65

Уинстона перевели в изолятор, чтобы он мог продолжить работать с Питером. Они провели в отделении бок о бок много лет, и Питер знал, что в Баруэллской лечебнице покой заключенного был в приоритете.

Когда Уинстон принес Питеру ужин, он задержался у окошка чуть дольше обычного. Взгляд у него был мрачный и вместе с тем пронизательный. Питер подошел, чтобы взять поднос.

– Что ты собираешься делать? – спросил Уинстон, не выпуская поднос из рук.

– Я собираюсь съесть эти помои, – сказал Питер.

– Я не об этом. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Ты нападал на врачей и других пациентов и раньше, но со злости. Ты не был зол в то утро. Ты это спланировал.

Питер наклонился поближе к окошку.

– Ты ведь умный человек, Уинстон. Как так вышло, что ты прозябаешь в этой поганой дыре с поганой почасовой оплатой?

– От умного человека слышу, Питер. Зачем ты это сделал?

– Мередит Бакстер в конце концов стала совсем невыносима. Я никогда не верил в это ее показное стремление что-то изменить к лучшему. Если бы я ее не убил, то попытался бы кто-нибудь другой.

– Ты по какой-то причине сам хотел оказаться в изоляторе, – сказал Уинстон, точно насквозь просвечивая Питера своим пронизательным взглядом. – Но по какой? – на мгновение Питера задумался, не умеет ли Уинстон читать мысли.

– Никогда не доверяй нам, Уинстон. Никому из нас. Нам нельзя помочь. Убийцы, насильники и совратители детей – мы все здесь одинаковые. Получаем удовольствие, причиняя людям боль.

Мгновение поколебавшись, Уинстон толкнул поднос сквозь окошко. Напоминающая сгустки клея еда разлетелась по полу камеры.

– Ты будешь гореть в аду.

– Ада не существует, Уинстон, а вот почасовая оплата – да. Подумай об этом, – прокричал Питер в захлопывающееся окошко.

Он был не в состоянии есть. У него бешено колотилось сердце, а по телу градом катился пот. Неужели это и правда случится? В Баруэллской лечебнице все было таким тихим и размеренным. Дорога до туалета казалась невероятно долгой. Он провел здесь столько времени. Неужели он покинет это место навсегда?

Когда Уинстон вернулся за подносом, его лицо снова приняло отсутствующее выражение. Он просунул в камеру капюшон, который Питер дрожащими руками натянул на голову.

Затем он подошел к окошку и протянул руки, на которые тут же были надеты наручники. Его адвокат выдвинул требование, чтобы ему не заковывали руки за спиной из-за травмы, которую он получил, когда его ударили электрошоком и связали. Когда наручники были надежно застегнуты, Уинстон открыл дверь и провел Питера вниз по коридору к выходу в прогулочный дворик. Он медленно и методично отпирал замки на двери.

– Ладно, Питер, у тебя пятнадцать минут, – сказал он и отступил назад.

Питер вышел в маленький дворик и вдохнул свежий вечерний воздух. Через небольшое стеклянное окошко в двери он увидел, как Уинстон запер дверь на все три замка. Затем он прицепил связку ключей к поясу и исчез из виду.

Питер походил по небольшому помещению, посмотрел вверх, на клочок темного неба, отсвечивающего оранжевым из-за уличных фонарей. Тихо. Слишком тихо. Он вздохнул, лицом ощутив прикосновение холодной металлической сетки.

* * *

Пролетая над Лондоном, Джозеф поддерживал контакт с диспетчерами, но, как только он начал удаляться от трассы M25, связь сошла на нет. Он передал данные о пункте назначения и полетел дальше. Он дождался, пока в поле зрения появится ограда, окружающая Баруэллскую лечебницу, и низкие здания корпусов, и

связался с наблюдательной башней, сообщив, что вертолет экстренной помощи запрашивает разрешение на посадку.

– Нам поступил вызов. Один из врачей клиники подвергся нападению, запрашиваем разрешение на посадку, – сообщил он по радиации. Ответа не было. Он знал, что они начнут проверять, но надеялся, что после недавней смерти доктора Бакстер они дадут ему посадку, чтобы не терять драгоценные минуты.

– Посадку разрешаем, – произнес голос по радиосвязи. Джозеф вскинул в воздух кулак и ослабилась. Убедившись, что звук в радиации отключен, он возбужденно закричал:

– Да! Да! Вот вам, сукины дети!

* * *

Питер подождал еще несколько минут, бродя туда-сюда, стараясь выглядеть так, будто он просто дышит воздухом. В окутавшей его тишине он гадал, где сейчас его мать, движется ли уже туда, где они должны встретиться?

Казалось, уже прошло так много времени от положенных ему пятнадцати минут. Он был напуган. Скоро вернется Уинстон.

Когда он услышал далекий звук летящего вертолета, его сердце забилось еще быстрее. Внезапно вертолет возник у него над головой, завис в небе и тут же начал резко снижаться. Питер почувствовал устремившиеся вниз потоки воздуха. Яркий свет залил дворик, освещая каждый уголок крошечной бетонной коробки, и Питер увидел, что пилот машет ему рукой. Он помахал в ответ закованными в наручники руками.

Питер видел, как из окна вертолета показалась веревочная лестница, которая начала раскручиваясь опускаться все ниже, едва не задев внизу его голову. Когда лестница полностью распрямилась, Питер поставил ногу на самую нижнюю перекладину и просунул руки в наручниках сквозь ступеньки. В окошке двери показался Уинстон. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что происходит, но он мгновенно среагировал и начал открывать дверь.

Когда лестница начала подниматься, Питеру в наручниках едва удалось удержаться за перекладину. Уинстон открыл последний замок,

ворвался внутрь и побежал к Питеру, но успел лишь кончиками пальцев коснуться его лодыжки, и в следующее мгновение Питер уже был вне досягаемости.

– Пока, Уинстон! – заорал Питер, перекрикивая рев вертолета.

С удивлением он отметил, что ему грустно оставлять Уинстона позади. Уинстон в ужасе смотрел вверх, казалось, глаза у него готовы были вылезти на лоб.

Прогулочный дворик становился все меньше, Питер увидел, как к Уинстону подбежали еще двое санитаров, но им ничего другого не оставалось, кроме как смотреть, как он, минуя колючую проволоку, поднимался в ночное небо. На секунду вертолет завис в воздухе, а затем понесся над корпусами лечебницы, и Питер изо всех сил вцепился в веревочную лестницу.

Обжигающе холодный ветер, дувший ему в лицо, был настоящим. Скользящий по небу и уносящий его прочь вертолет был настоящим. Питер не мог поверить, что все это происходит на самом деле. Когда они пролетали над главным входом, на улицу высыпали санитары и другие сотрудники, но все они могли только беспомощно наблюдать, как Питер Конуэй, Каннибал с Девяти Вязов, пролетел над натянутой по периметру колючей проволокой, а затем растворился в ночном небе.

66

Кейт не знала, сколько прошло времени, когда внезапно услышала звук открывающейся тяжелой двери. Джейк уснул у нее на коленях, и она аккуратно переложила его голову на спальный мешок, а сама встала и, подойдя к двери, прислушалась.

Раздался какой-то треск, Джейк открыл глаза и тут же запаниковал. Кейт метнулась к нему.

– Ш-ш-ш, все хорошо, успокойся, – сказала она, успокаивая и себя в том числе.

Она подняла с пола наполовину опустевшую бутылку и пошла к двери.

– Что ты делаешь? – спросил Джейк.

– Я кину бутылку ему в лицо. Как только я это сделаю, ты проскочишь мимо него и побежишь. Приготовься.

Помня о камере, Кейт повернулась боком.

– Мам?

– Что?

– Бей его по яйцам. Замахнись и дай прямо по шарам, – сказал Джейк.

– Хорошая идея, – сказала Кейт. Когда они услышали звук отпираемого замка и дверь начала медленно открываться, Кейт сгруппировалась и начала раскачивать бутылку в руке. Когда дверь открылась, ее точно парализовало. Бутылка выпала из руки.

В дверях стоял Питер Конуэй.

Он, не мигая, осмотрел ее с ног до головы. На нем были синие брюки, красный шерстяной свитер и кроссовки. Вещи выглядели абсолютно новыми. На брюках виднелись наглаженные стрелки, а на одном кроссовке еще висел ценник. Кейт увидела, что волосы у Питера отросли и поседели, теперь он заправлял их за уши. Он улыбнулся, обнажив ряд пожелтевших зубов.

– Здравствуй, Кейт, – сказал он. – Давно не виделись.

Кейт помотала головой и отступила назад. На мгновение она засомневалась, не сон ли это. Он просто не мог стоять здесь, прямо перед ней, он был в тюрьме.

– Как? Как?

Питер улыбался.

– Что «как», Кейт? Как мне удастся так молодо выглядеть? – он глянул на Джозефа, который стоял у него за спиной с безумной улыбкой на лице, как будто к нему в гости пожаловал сам Том Круз.

– Почему ты здесь? Где мы? – спросила Кейт, притягивая к себе Джейка.

– Джозеф тут придумал гениальный план. Самые удачные идеи всегда самые простые. Он использовал вертолет скорой помощи, – сказал Питер.

– В полиции узнают, что он украл вертолет, – сказала Кейт, переводя взгляд с одного на другого.

– Не узнают, – сказал Джозеф, продолжая благоговейно улыбаться. – Компания моих родителей *CM Limited* владеет вертолетами и сдает их аренду. Мы летали вне зоны действия радаров за пределы Лондона и приземлились в поле. Они, конечно, найдут вертолет, но не скоро.

– Это мой сын? – спросил Питер, внезапно заинтересовавшись Джейком.

Кейт не могла выдавить из себя ни слова, когда он начал двигаться в их сторону. Его карие глаза остались такими же, какими она их помнила. Не изменился и его голос.

– Неужели ты ничего не хочешь мне сказать после стольких-то лет?

Казалось, Питер заполнил собой всю крошечную комнату. Кейт посмотрела на Джозефа. Он улыбался и, упиваясь, смотрел на все происходящее сияющими глазами. Питер подошел ближе к Джейку. Джозеф бросился к Кейт и, схватив ее за волосы, выволок из комнаты, прижимая к горлу нож.

– Не смей прикасаться к нему! – кричала она, стараясь не терять сына из виду. Питер подошел к Джейку и протянул к нему руку.

– Ты красивый мальчик. У тебя глаза матери, – сказал он, указывая на оранжевое пятно на радужке. – Я твой папа.

Джейк явно был сбит с толку и, замешкавшись, пожал Питеру руку.

– Нет, Джейк! Нет! – кричала Кейт. Питер и Джейк смотрели друг на друга и последний, казалось, был впечатлен. Это было как раз то, чего так боялась Кейт, что они встретятся и между ними появится эта связь, какая бывает между отцом и сыном. Она боролась с Джозефом, но он крепко держал ее за волосы, обхватив другой рукой сзади.

– Покажи-ка мне свои зубы, – сказал Питер. Он наклонился и пальцами раздвинул губы Джейка. Тот в оцепенении смотрел на Питера, пока тот изучал его зубы. – Чистишь зубы два раза в день, м? – Джейк кивнул. – Молодчина.

Питер отпустил Джейка и повернулся к Кейт, выходя из крохотной комнатки. Кейт надеялась, что он захлопнет дверь и Джейк останется в безопасности, но он этого не сделал.

– Кейт, ты, наверное, в курсе, что Джозеф – большой почитатель моего творчества. Отдает дань моим заслугам. Прямо страстный фанат Питера Конуэя. А он оказался парнем с фантазией, ты так не считаешь? Только вот ему не повезло с номером четыре.

– Мне очень жаль, что так вышло, – прохрипел Джозеф прямо у Кейт над ухом.

– Как вы общались?

– Конфетки, – сказал Питер, улыбаясь. – Моя дорогая мама прятала записки в конфетах и проносила их мне, когда приходила на свидания. А я в свою очередь засовывал свои ответы в пустые капсулы от витаминов и прятал их глубоко за щеками. Когда приходила мама, мне разрешали обнять и поцеловать ее. Как раз в это время я выплевывал капсулу ей в ухо. Все чертовски просто.

– Как ей удавалось вынести их из здания?

– Она надевала фейковый слуховой аппарат. Она переставляла его с одного уха на другое, и капсула оставалась внутри. Они постоянно устраивали моей бедной матушке полный досмотр, светили своими фонариками во все щели, а проверить слуховой аппарат так и не додумались.

Питер улыбнулся и подошел к Кейт. Он поводит руками по ее телу, пожаткам грудь и засунул руку ей между ног.

– Оружие ищешь?

– Нет, просто хотел тебя полапать, – ухмыльнулся он. Рядом с ней рассмеялся Джозеф. Ей хотелось закрыть глаза и отвернуться, но она старалась поймать взгляд Джейка, который так и остался стоять в камере. Кейт вздрогнула, когда Питер задрал ее свитер и нащупал шрам на животе.

– Как хорошо зажил, – сказал он, проводя кончиком пальца по плотному рубцу. Растянув губы в улыбке, он опустил свитер. – Ну что, Джозеф, у меня плотный график, ты ведь и сам знаешь? Не пора ли нам начать?

– Пора, – голос по-прежнему звучал где-то над ухом Кейт.

Питер повернулся и, схватив за волосы Джейка, который сразу же закричал и начал отбиваться, потащил его из комнатки. Следом за ним последовал Джозеф.

– Не трогай его! – в панике закричала Кейт. – Ты и волоса с его головы не стоишь!

Питер вплотную подошел к Кейт.

– Не ори на меня, – сказал он и, размахнувшись, ударил ее по лицу. Джейк закричал. Удар был такой сильный, что Кейт чуть не потеряла сознание. – Мать года херова!

В паре метров от камеры стоял припаркованный фургон. Питер с Джозефом протащили их вокруг, и Кейт увидела, что они находятся на большом складе. В центре располагалась спальня, но не настоящая, а

выстроенная, точно для съемок фильма. Три панели играли роль стен, у каждой сзади была подпорка, что позволяло панелям стоять строго вертикально.

– Узнаешь, Кейт? – спросил Питер.

Джозеф подтащил ее поближе, а Питер притянул за руку Джейка. В ужасе Кейт не могла выдавить из себя ни слова. Это была точная копия ее старой спальни в той самой детфордской квартире. На стенах те же самые обои, окно с приклеенной сзади картинкой, в точности повторяющей вид из окна ее спальни на улицу с магазинами.

– Я полностью воссоздал ее по фотографиям с места преступления, все, что смог, – нашел онлайн, – сказал Джозеф. – Я даже сумел попасть в саму квартиру и сделать фото. Это реальный вид из окна.

Кейт переводила взгляд с Джозефа на Питера, ошеломленная тем, насколько все это было дико и безумно. Даже простынь была точно такая же, как у нее тогда, синяя с желтыми цветами. На прикроватной тумбочке стояла лавовая лампа, оранжевый воск медленно поднимался со дна по спирали. Там же был и небольшой телевизор, на котором стояла лампа с торшером – та самая жуткая лампа от Лоры Эшли, которую Гленда подарила ей на день рождения.

У Кейт кровь застыла в жилах. Все встало на свои места.

– Ты копировал преступления Питера, – сказала она. – А я все думала, что же ты собираешься делать после четвертой жертвы... Пятым номером ведь была я, да?

– Да, – прошипел Джозеф ей в ухо.

– Она очень умная, да ведь, Джозеф? – сказал Питер. – Да, ты чуть было не стала моей пятой жертвой. Или, лучше сказать, сегодня, ты точно станешь моей пятой жертвой.

В его голосе звучала такая непоколебимая уверенность, что-то сродни религиозному экстазу, отчего Кейт вся похолодела.

– Джозеф, зачем ты это делаешь? – спросила Кейт.

– Я столько лет прожил в тени так называемого блестящего адвоката, своего отца. Мой брат, Кир, был первенцем, наследником, а я стал для родителей запасным вариантом. Всю жизнь мне твердили, что мне не удастся войти в историю, что я никогда не сделаю ничего такого же великого, как мой отец. Но сегодня я им покажу, на что я способен. Мой отец думал, что упрятал Питера за решетку на всю

жизнь, а сегодня его ни на что не способный сын выпустил его на свободу.

Кейт почувствовала, что Джозеф весь затрясся и сжал ее еще сильнее.

– А тебе-то, Питер, что с этого? – спросила она. – Ты ведь знаешь, они снова тебя схватят.

Питер ослабился и пожал плечами.

– Вся моя жизнь в тюрьме делилась на черное и белое. «Да» и «нет». Снаружи и внутри. Правильно и неправильно. Все конкретно. Никаких полутонов. Это в любом случае риск, но я попробую хотя бы немного пожить в мире теней. Джозеф обеспечит мне и маме новую жизнь на континенте, а я в ответ помогу ему закончить его работу. Он отдал дань четверем моим первым жертвам, и ты сейчас станешь пятой. А я тут буду как бы в роли самого себя. Типа «перезагрузка».

– А Джейк? – сказала Кейт, лихорадочно соображая и хватаясь за соломинку. – Он тебе не нужен. Его ведь еще на свете не было, когда это все произошло. Он тут ни при чем, отпусти его.

– Нам нужен свидетель, который расскажет всем о том, что случилось. Перескажет эту легенду людям. Тебя уже не будет, а мы с Джозефом исчезнем. Нельзя полагаться на то, что полицейские сами додумаются, что к чему.

Питер рассмеялся, обнажив желтые зубы. Внезапно Кейт почувствовала, что теряет ощущение реальности, все происходящее казалось полным абсурдом. Она услышала смех, вырвавшийся из ее собственного горла.

– И что же тут, нахрен, такого смешного? – сказал Питер, нависая над ней. – Тебе не положено смеяться!

Двое мужчин обменялись взглядами, в которых промелькнула тревога.

– Да вы двое, – смеясь, сказала Кейт.

– Ты думаешь, я смешной, сука? – прокричал Джозеф и, дернув Кейт за волосы, развернул ее лицом к себе. – Тебе это кажется смешным?

Он отпустил ее и, подойдя к Джейку, одним движением отсек ножом кончик его уха. Рана была совсем небольшая, но Джейк закричал, зажав ухо рукой, и по пальцам у него потекла кровь.

– Нет! Пожалуйста! – прокричала Кейт, устремляясь к сыну и сожалея, что ее глупость обернулась против него. – Прости. Я не думаю, что ты смешной, – сказала она, обхватив Джейка руками и проверяя порез.

– *Не смей смеяться надо мной!* – орал Джозеф. – У меня столько денег, что я могу купить все, что захочу! А в наше время купить можно все! Можно купить паспорта и открытый проход куда угодно. Можно давать взятки, можно делать все что угодно, чтобы воплотить свои мечты в реальность. И мне жалко таких людишек, как ты. Ты ничтожество. *И ты не посмеешь надо мной смеяться!*

– Ладно-ладно, – сказал Питер, подняв в воздух руки. – Черт возьми, нам нужно заняться делом.

Кейт посмотрела на выстроенную посередине склада спальню. Лампа переливается, кровать аккуратно застелена. Посреди всего этого ужаса и сумасшествия она казалась такой уютной и удобной. Впервые в жизни Кейт пожалела, что не забыла свою сумку тогда в машине у Питера, когда он привез ее домой после вызова в парк Кристал Палас и уехал. Она бы тогда просто нырнула под одеяло и спокойно прожила свою жизнь.

Очнувшись от своих размышлений, Кейт увидела, что мужчины – и один и второй – пристально смотрят на нее.

– Где мы? – спросила Кейт. Ей в голову закралась мысль. – Что это за место?

Питер расхохотался, и Джозеф тут же к нему присоединился.

– А это, мне кажется, вообще самая замечательная часть всего плана.

Джозеф оттащил Джейка от Кейт, и Питер схватил ее за руку. Он потянул ее к большой раздвижной двери и нажал на кнопку. Питер крепко сжал ее запястье, когда дверь с жужжанием скользнула в сторону. Внутри ворвался ветер, откинув назад волосы Кейт. Она непроизвольно раскрыла рот, когда увидела открывшийся перед ней вид на Темзу и панораму Лондона, сверкающего в темноте яркими огнями. Над водой возвышались дымоходы электростанции Баттерси.

– Девять Вязов, – сказала Кейт.

– Не просто Девять Вязов, – сказал Питер прямо ей в ухо. – На этом месте была автомобильная свалка «Девять Вязов», а теперь это

место принадлежит *СМ Logistic*. Твоя жалкая комнатенка стоит как раз на том месте, где я выбросил тело Шелли Норрис в 1993-м...

Кейт попыталась отдернуть руку и освободиться.

– Ты же больной на всю голову, – сказала она.

– Да, – ответил Питер, разворачивая ее лицом к себе. – Ведь именно это тебе всегда и нравилось во мне.

На склад завывая врывается холодный ветер, и Кейт увидела, что к Джозеф направляется прямо к ним.

– Где Джейк? – спросила Кейт, но едва она произнесла эти слова, как раздался щелчок и она увидела, что Джозеф держит в руках электрошокер. Она посмотрела вниз и заметила два провода, зацепившихся крючками за ее свитер. Все ее тело пронзила невыносимая обездвиживающая боль, и Кейт провалилась во мрак.

* * *

Придя в себя, Кейт почувствовала сильный запах аммиака и резко открыла глаза. Джозеф отступил назад, держа в руках нюхательную соль, которую до этого сунул ей под нос. Она лежала на кровати в своей старой комнате, одетая в белый банный халат. Питер упирался коленями ей в грудь и держал ее руки прижатыми вдоль тела, в точности как он делал это много лет назад. В руке у него был длинный узкий нож.

На месте, где должна была быть четвертая стена, стоял Джозеф с видеокамерой и снимал происходящее. Рядом с ним на стуле со связанными руками и ногами сидел Джейк.

Несмотря на возраст и потерянную мышечную массу, Питер все еще был силен. Он навалился на Кейт всем телом, заставив ее вскрикнуть. События развивались слишком быстро, у Кейт не было времени думать. Питер один раз уже ударил ее ножом и собирался сделать это снова. На полу рядом с видеокамерой валялась бутылка воды, скотч и электрошокер.

– Работаем? – спросил Питер.

Джозеф поднял вверх два больших пальца. С широко открытыми от ужаса глазами Джейк извивался в кресле. Кейт посмотрела на него,

отчаянно надеясь, что он сможет дотянуться до электрошокера, но он был слишком далеко, и ноги у него были примотаны к стулу.

– Кое-что не так, – сказал Питер и, зажав нож в зубах, развязал на Кейт пояс. Когда он распахнул халат, под ним ничего не оказалось. Кейт взвыла от унижения, и у нее на глазах выступили слезы.

– Нет! Нет! – закричала она.

Питер провел кончиком ножа по ее груди, вокруг сосков и опустился туда, где был шрам.

– Они чертовски хорошо постарались, когда тебя зашивали, – сказал он. Джозеф засмеялся со своего места. Питер обернулся и увидел, что Джейк закрыл глаза. – А ну открой глаза, пацан! Открой свои гребаные глаза, или Джозеф возьмет ножик и тебе поможет!

Продолжая изворачиваться в попытках освободить руки и ноги, Джейк открыл глаза. Питер поднял нож и приставил кончик лезвия к шраму на животе Кейт.

– Помнишь эту боль? – спросил он. – Я слышал, что телесная память – короткая. – Он приготовился вонзить нож в Кейт.

– Питер, погоди! – закричала она, надеясь потянуть время.

– Что? – ответил он.

– Ты кое-что забыл. Джозеф же хочет, чтобы все было реалистично.

– Нет, я ничего не забыл, – сказал он.

Кейт в голову пришла идея, и она надеялась, что у нее хватит духа пройти через это.

– Нет! Это неправильно! Стой! Все не так, – сказала она.

– Погоди, погоди, – сказал Джозеф, выйдя из-за камеры и направляясь к ним. – Что не так?

Питер откинулся назад, коленями прижимая запястья Кейт к кровати. Несмотря на жуткую обжигающую боль Кейт старалась сохранить нейтральное выражение лица.

– Эм... Это так унижительно...

– Что? – спросил Джозеф.

– Питер знает, – сказала Кейт.

– Да? – Питер явно был в замешательстве.

– Я говорила кое-что тогда, ночью, когда ты ударил меня ножом. Я... Я умоляла тебя о пощаде.

Боль в запястьях стала невыносимой.

– Ладно, ладно, давайте начнем сначала, – сказал Джозеф, возвращаясь к камере. – Поехали.

Кейт подняла голову, приготовившись прошептать свою реплику. Питер наклонился ниже, еще сильнее надавив ей на руки. Казалось, ее кости вот-вот переломятся. Когда он склонился над ней, Кейт посмотрела на его шею, заметила, как она изменилась за годы: когда-то у него была молодая, гладкая кожа, которая теперь покрылась морщинами и была похожа на гофрированную бумагу. Под кожей виднелись сухожилия, и Кейт могла различить, как у него на шее под кожей бьется пульс.

– Ты сейчас умрешь, – сказал он, ухмыляясь и наклоняясь еще ближе к ее лицу.

Кейт потянулась губами к его уху.

– А ты сгниешь в сумасшедшем доме, больной ублюдок, – прошептала Кейт.

Она широко раскрыла рот и вонзила зубы прямо ему в глотку, вгрызаясь настолько глубоко, насколько могла. Она почувствовала, как рвется его кожа, а из сонной артерии начинает хлестать кровь. Питер выронил нож, и он, звякнув, приземлился на пол. Джейк закричал, а Кейт вонзила зубы еще глубже и начала мотать головой из стороны в сторону, как собака, ухватившая кусок мяса. Питер закричал и попытался освободиться.

– Пусти! Помоги мне! – он кричал, звал на помощь и в итоге вырвался, зажимая рукой рану на шее, из которой хлестала кровь, заливающая лицо и глаза Кейт.

Джозеф ошеломленно держался за камеру, но, поддавшись инстинкту, двинулся Питеру на помощь. Кейт соскочила с кровати и, в один прыжок долетев до камеры, схватила лежавший рядом электрошокер. Повернувшись на одной ноге, она прицелилась и выстрелила Джозефу в шею. Он вскрикнул, упал лицом вперед и начал извиваться на полу, путаясь в проводах.

Не теряя ни секунды, Кейт запахнула халат, схватила ножницы и кинулась разрезать скотч, которым были обмотаны руки и ноги Джейка.

* * *

Тристан с такой силой вцепился в ручку двери полицейской машины, что у него побелели костяшки пальцев. Вокруг завывали сирены и мигали проблесковые огни. По правую сторону от них пронеслась Темза, в темных водах которой отражались огни высоких подъемных кранов. За ними ехало еще четыре машины Лондонской полиции и скорая помощь. Машину вел Джон Мерси, Варя Кэмпбелл сидела на пассажирском сиденье. Тристан никогда прежде не бывал в Лондоне, и этот бешеный заезд до склада в Девяти Вязах был самой жуткой и самой извращенной ознакомительной экскурсией, которую только можно было представить.

– Следующий поворот направо, – скомандовала Варя, перекрикивая сирены.

На место, куда, по их предположениям, увезли Кейт и Джейка, им указали две вещи: запись с камеры в банкомате, на которой засветился высокий рыжеволосый мужчина, подъехавший к дому Кейт на белом фургоне, числившемся в угоне, и сообщение Алана Хэксама об ошибке в имени Кира Касл-Мидса.

Судя по камерам, белый фургон направился в Лондон. Остальное додумал Тристан. На полу в гостиной Кейт он нашел книгу с фотографией семьи Касл-Мидс. Как только они по фотографии опознали в водителе фургона Джозефа Касл-Мидса, пришло сообщение о том, что из психиатрической лечебницы Баруэлла сбежал Питер Конуэй, и тогда картинка сложилась. Тристан попросил Варю проверить все места преступлений Питера Конуэя в Лондоне, так они обнаружили, что на месте, где когда-то нашли первую жертву Каннибала, теперь был склад, принадлежащий компании *CM Logistic*.

Под визг покрышек они свернули на аллею Девять Вязов и влетели на пустую парковку около огромного ангара.

Когда они подъехали к погрузочной площадке, огромная раздвижная дверь начала открываться, и на улицу выскочила босая, перемазанная кровью женщина, держащая на руках мальчика со связанными руками и ногами.

– Это Кейт и Джейк! – закричал Тристан, когда патрульная машина остановилась, а за ней и все остальные, включая скорую. Тристан не стал ждать. Он выскочил из машины и бросился к ним навстречу. – Господи, боже мой, вы ранены? – закричал он.

– Не я, я в порядке, – сказала Кейт, вытирая с лица кровь. Она плакала так же, как и вцепившийся в ее халат Джейк. К ним подбежали врачи скорой помощи.

– Питер Конуэй и Джозеф Касл-Мидс, – произнесла Кейт, глотая ртом воздух. – Они внутри. Питер ранен... Я его укусила.

Тристан вместе с врачами и полицейскими побежал на склад. Он сразу увидел безумные декорации и камеру на треноге.

Возле кровати на бетонном полу лежал Питер Конуэй, прижимая руку к окровавленной шее. В свободной руке он держал нож. Рядом с ним на полу едва в сознании лежал Джозеф, запутавшийся в проводах электрошокера.

– Подойдете ближе, и я его убью. Зарежу как свинью! – закричал Питер, приставив нож к горлу Джозефа.

– Брось нож подальше от себя, или мы тебя пристрелим, – раздался голос, усиленный громкоговорителем.

Из-за спины Тристана возникли четверо полицейских из группы захвата в бронежилетах, касках и с пистолетами в руках. За ними появились Варя и детектив Мерси, которые оттащили Тристана обратно к двери.

– Я убью его! Я его нахер прикончу! – орал Питер, прижимая нож к горлу Джозефа. – А сам умру от потери крови!

Вооруженные полицейские обступили Питера и Джозефа со всех сторон. Кровь уже залила всю правую сторону тела Питера, сочась сквозь пальцы и стекая вниз по руке, которую он все еще прижимал к шее. Нож в его левой руке задрожал.

– Я... Я умру от потери крови! – сказал он дрожащим голосом.

– Брось нож, или мы тебя пристрелим, – снова раздался голос.

Питер посмотрел на группу захвата и на полицейские машины, припаркованные у склада.

– Да пошли вы все на хер! Все вы, – сказал он, убирая нож от лица Джозефа и отбрасывая его в сторону.

Нож со звоном упал на бетонный пол. Джозеф начал приходить в себя и попытался встать, но, поскользнувшись на луже крови, упал на спину и сдавленно застонал.

Двое вооруженных полицейских тут же отошли от Питера и схватили Джозефа.

– Мне нужна помощь! Я истекаю кровью! – закричал Питер, повалившись на пол.

Третий полицейский быстро его обыскал и поднял с пола нож. Убедившись, что опасности нет, полицейские позвали медиков, которые начали с того, что наложили Питеру на шею тугую повязку, чтобы остановить кровотечение.

Варя и детектив Мерси подошли к Джозефу, который уже полностью пришел в сознание.

– Джозеф Касл-Мидс, вы арестованы за убийство Эммы Ньюман, Кейши Смит, Лайлы Джеррард, Абигейл Кларк и констебля Роба Мортонна...

– Выключите камеру! – завопил Джозеф выпучив глаза, когда детектив Мерси защелкнул наручники у него за спиной.

– Вы также обвиняетесь в похищении Кейт и Джейка Маршаллов и в содействии осужденному преступнику. Вы имеете право хранить молчание, но вы не сможете в суде сослаться на то, о чем умолчите во время допроса. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас, – закончила Варя.

– Выключите камеру! – Джозеф уже рыдал. – Все должно было быть совсем не так!

Джон Мерси и двое полицейских вывели его со склада, а Питер к тому времени уже затих и теперь безучастно смотрел перед собой. Над ним кружили врачи скорой помощи. Наложив ему на шею повязку, они установили катетер в руку, на которой уже запеклась кровь, и начали грузить его на носилки.

Тристан подошел к установленной на треногу камере, к нему присоединилась Варя. Они окинули взглядом копию спальни Кейт.

– Боже мой, я никогда не видела ничего подобного, – сказала Варя. – Выглядит точно как на фотографиях с места преступления в 93-м. – Тристану захотелось взглянуть, что осталось на записи, и он потянулся к камере. – Нет, не трогай, – сказала Варя. – Сюда криминалистов надо.

– Извините, ошибки новичка, – сказал Тристан, убирая руку.

Варя улыбнулась.

– Отличная работа. Мы бы не нашли их без твоей помощи.

Тристан почувствовал, как его переполняет гордость, и вместе с тем испытал огромное облегчение. Он поспешил уйти со склада и

направился на парковку.

* * *

Кейт с Джейком стояли на парковке у склада, кутаясь в плед. Их уже осмотрели медики, и, хотя они и были в шоке, их здоровью ничего не угрожало. Кейт почувствовала, как трясется Джейк, и поплотнее закутала его.

Они наблюдали, как мимо них провели и загрузили на заднее сиденье полицейской машины закованного в наручники Джозефа Касл-Мидса. Он орал и выкрикивал ругательства, не заметив ни Кейт, ни Джейка. Сразу за ним появились врачи скорой помощи с каталкой, на которой на левом боку лежал Питер Конуэй. Огромная повязка у него на шее закрывала почти всю правую часть его лица. Когда его везли мимо Кейт и Джейка, он закричал:

– Погодите! Стойте!

Каталка остановилась. Питер одним глазом посмотрел на них и вытянул вперед свободную руку, к которой был присоединен катетер.

– Джейк, ты должен прийти навестить меня. Я твой отец, мы – одна кровь, – произнес он слабым голосом, угрожающе сверкнув единственным открытым глазом.

Кейт замерла и посмотрела на Джейка, который уставился на Питера так, словно видит его в первый раз.

– Отец? – сказал он.

– Да, я твой папа. – Питер улыбнулся. Они посмотрели друг на друга, точно признавая свое родство.

– Нам нужно доставить вас в больницу, – сказал один из медиков.

– Я люблю тебя, сынок, – сказал Питер перед тем, как его погрузили в машину скорой помощи.

Только когда двери скорой закрылись и она начала отъезжать от них, Кейт снова начала дышать. Она перевела взгляд на Джейка.

– Прости меня. Ты в порядке?

– Да, все нормально, – сказал Джейк, глядя на нее. – Я больше никогда не хочу его видеть.

Кейт поцеловала его в макушку и прижала к себе. Ее не успокоили его слова. Пусть это была их первая и весьма краткая встреча, через

несколько лет она уже ничего не сможет сделать, если Джейк захочет увидеться с отцом.

* * *

В ста двадцати километрах от склада *CM Logistic* Энид Конуэй сидела на деревянной лавочке на одном из маленьких причалов, спрятавшихся в тени Портсмутский бухты, и ждала. Она не сразу отыскала это место, расположенное в конце узкой гравийной дорожки, рядом с грязным, заросшим камышом берегом.

В ногах у нее стоял маленький дорожный чемодан. Ей приходилось сидеть прямо, иначе пояс с четвертью миллиона евро и документами начинал больно впиваться ей в живот. На ногах у нее были сандалии на пробковой подошве. Не самая практичная обувь, но они просто не влезали в чемодан. Рядом с ней на лавочке лежала маленькая шляпка. В Испании будет жарко, даже в октябре, и шляпка, сделанная из светлой соломы, должна была идеально сочетаться с ее будущим цветом волос.

Энид поежилась – она оделась для куда более теплой погоды, и холод уже начал забираться под тонкий кардиган. Ей было велено ждать местного моряка Карлоса с седой бородой, который приплывет на небольшой рыбацкой лодке около половины третьего ночи, но сколько Энид ни вглядывалась в темноту, различить ничего, кроме огромного, изрыгавшего дым танкера, не могла.

Она встала и походила немного туда-сюда, осыпая проклятиями пояс, который врезался ей в кожу. Они опаздывали уже на час, подумала она, глядя на часы. Ее предупредили, что может возникнуть задержка, но она уже начала нервничать и, несмотря на холод, пот заструился у нее по спине.

И тут она заметила маленький огонек на другой стороне порта, который начал двигаться к ней по воде. Огонек приближался очень уж быстро для рыбацкой лодки, но, несмотря на это, Энид обрадовалась и вздохнула с облегчением. Питера в лодке не будет, они с ним воссоединятся на другой лодке, побольше, которая будет ждать ее в нескольких милях от берега. Схватив чемодан и шляпку, Энид убедилась, что пояс надежно застегнут. Затем она ступила на узкий

деревянный пирс и начала пробираться вперед, осторожно передвигаясь по гниющим доскам в своих сандалиях на пробковой платформе.

Только когда она чуть ли не носом уткнулась в лодку, Энид заметила, что это была вовсе не лодка, а катер, на борту которого было написано «ПОЛИЦИЯ».

Энид запаниковала. Схватив чемодан, она побежала по пирсу в сторону берега, где надеялась уйти от них, скрывшись в зарослях камыша, но, случайно наступив на неровную доску, она покачнулась, замахала руками и, потеряв равновесие, с громким всплеском упала в мутную воду.

– Ублюдки! – закричала Энид, подумав о деньгах и паспортах, оказавшихся в воде.

Она попыталась было плыть, заглатывая грязную воду, но на нее тут же оказался направлен яркий свет прожектора, а на воду бросили большую пластмассовую петлю, прикрепленную к длинной палке.

Ее выловили из воды и затащили в катер, где ее уже ждали два офицера.

– Энид Конуэй, вы арестованы за участие в стоворе с целью совершения убийства и мошенничества... – начал один из полицейских. Когда второй офицер попытался снять пластмассовую петлю с плеч Энид, она размахнулась и ударила его по лицу. – А также за сопротивление при аресте и нападение на офицера полиции.

Когда ей зачитывали ее права и заковывали в наручники, Энид, промокшая насквозь, отвернулась и спрятала лицо. Она знала, что все кончено, но не желала, чтобы они видели ее слезы.

67

Две недели спустя

Церковный двор в Чью Магна в это морозное ноябрьское утро выглядел очень красиво. Кейт, Тристан и Джейк немного опоздали к началу службы и, тихонько проскользнув внутрь, присели на скамейку в последнем ряду. В церкви было полно скорбящих людей, а около входа за скамейками толпилась группка фотографов и журналистов.

Кейт заметила сидящих в первом ряду Шейлу и Малкольма, окруженных соседями и друзьями. Несмотря на весь этот кошмар, Шейла выглядела лучше, чем в день их первой встречи, когда она была подключена к диализатору. Кожа у нее была бледная, с легкой розовинкой, в обеих руках она сжимала руку Малкольма.

Гроб с останками Кейтлин стоял на постаменте у алтаря, а вокруг – настоящее буйство красок – розы, лилии и гвоздики.

– Я вижу наш букет, – прошептал Джейк на ухо Кейт, указывая на лилии, которые они отправили семье.

Останки Кейтлин удалось идентифицировать с помощью записей в стоматологической карте и сравнительному анализу ДНК, материалы для которого взяли и у Шейлы и у Малкольма. Новости им сообщила не Кейт, но она представляла, как они, должно быть, себя чувствовали, узнав, что их дочь спустя двадцать пять лет наконец-то нашлась. Теперь после стольких лет они могут ее оплакать.

Служба тронула Кейт. Последним гимном, исполненным во время церемонии, стала «Аве Мария». Кейт не была верующей, но когда услышала эти красивые, проникающие в самую душу строки, она поняла, как важно было для Малкольма и Шейлы, чтобы их дочь получила благословение и была похоронена под недремлющим оком высших сил.

Когда зазвучали последние строки гимна, гроб с останками медленно понесли по проходу в сторону кладбища. Кейт смахнула наворачнувшуюся слезу, заметив, что Тристан сделал то же самое.

Когда гроб предали земле, Шейла и Малкольм попросили оставить их наедине с дочерью, чтобы попрощаться. Прихожане разбрелись по сторонам, и Кейт услышала, как некоторые из них говорили, что поминальный обед состоится в местном пабе.

Они решили подождать Малкольма и Шейлу у выхода с кладбища.

– А что теперь будет с ним... с Питером? – нарушил молчание Джейк.

– Он сейчас в больничном крыле Баруэллской лечебницы, но он должен полностью восстановиться, – сказала Кейт. – Тогда проведут экспертизу, и станет ясно, сможет ли он ответить за убийство Мередит Бакстер в суде.

– И, я надеюсь, за убийство Кейтлин, – добавил Тристан.

Пол Адлер был взят под стражу вскоре после того, как были опознаны останки Кейтлин. Полицейские обыскали его дом и аптеку и нашли многочисленные подтверждения его знакомства с Питером Конуэем, а также фотографии других молодых девушек. Обнаружение тела Кейтлин, широко освещаемое по телевидению, поспособствовало тому, что многие женщины начали открыто рассказывать о том, как они сами подвергались насилию. Это был значительный шаг вперед, но тем не менее это было только начало.

– Джозефа поместят в тот же сумасшедший дом, что и Питера? – спросил Джейк.

Собирался ли Джейк назвать Питера «отцом», но в последний момент передумал? Нет, всякий раз, когда они были вынуждены говорить о нем, они называли его «Питер» и никак иначе.

– Нет. Сначала они хотели, но потом в полиции решили, что лучше держать их по отдельности, – сказала Кейт.

Она задумалась, признают ли Джозефа Касл-Мидса в достаточной степени вменяемым, чтобы предстать перед судом? Сейчас в дело вмешалась его семья, нанявшая лучших адвокатов и пустившая в ход все свои связи. Журналистам, решившим сделать себе имя на скандальной истории, связанной с известным в высших кругах Торквиллом Касл-Мидсом и его сыном, не удастся выйти сухими из воды.

Стоя у церковных ворот, они увидели приближающихся к ним мужчину и женщину. Им было лет по пятьдесят, и они оба были хорошо одеты. По фотоаппарату, висевшему на шее у мужчины, Кейт поняла, что они из местных новостей.

– Кейт Маршалл? Можно вас на минуточку? – спросила женщина, сжимая в руке крошечный диктофон.

– Нет, извините, – ответила Кейт.

– Мы просто хотим услышать ваш комментарий, – сказала журналистка. – Вы, наверное, слышали, что Королевский адвокат Торквилл Касл-Мидс и его жена вернулись в Великобританию, чтобы разобраться с новостями о том, что их сын – серийный убийца, ответственный за смерть четырех девушек и придумавший безумный план по воссозданию преступлений, совершенных Каннибалом с Девяти Вязов. Некоторые новостные агентства ссылаются на то, что Торквилл Касл-Мидс во время суда по делу Каннибала с Девяти Вязов

нелестно отзывался о ваших отношениях с Питером Конуэем. Вы считаете справедливым, что теперь ему самому придется столкнуться с тем, что его сын является серийным убийцей?

Она сунула диктофон прямо Кейт под нос, жадно выпучив глаза. Кейт вспомнила все те случаи, когда люди плохо отзывались о ней. Она могла бы скормить этой журналистке парочку смачных цитат и сравнять счет, но ей не хотелось. Ей хотелось просто жить дальше.

– Без комментариев, – сказала она.

– А как насчет Энид Конуэй? Полицейские пытаются найти доказательства ее причастности к этому делу. Вы знаете, как они с Питером обменивались сообщениями в Лечебнице Баруэлла? И как вы относитесь к тому, что ваша... эмм... свекровь может остаться на свободе?

Кейт едва удержалась от соблазна рассказать им историю о том, как Энид выловили из воды в Портсмутской бухте, точно тонущую крысу. Кейт испытала невероятное удовлетворение, и от души посмеялась над этой историей, но, тем не менее, решила повести себя достойно.

– Извините, без комментариев.

– И наконец, что вы чувствуете, зная, что Питер Конуэй, Каннибал с Девяти Вязов, будет жить дальше и, возможно, в дальнейшем совершит еще одну попытку сбежать? Ведь скоро его переведут из больницы обратно в лечебницу Баруэлла.

Кейт испытывала смешанные чувства по этому поводу: ужас, опасение и даже стыд. Она бы никогда и никому не пожелала смерти, но все-таки смерть Питера Конуэя стала бы для нее большим облегчением.

– Без комментариев, – ответила она, не заметив, как к ним подошли Малкольм и Шейла с заплаканными после прощания с дочерью глазами.

– Уходите, кыш, – сказал Малкольм журналистам, и те нехотя отошли, оставив всю компанию в покое.

– Я знаю, что мы уже тысячу раз это говорили, но спасибо вам, Кейт, и вам, Тристан, – сказала Шейла, заключая их обоих в объятия. – Для меня просто знать, что душа ее упокоилась и что я могу прийти к ней на могилу и поговорить с ней, это... – Она снова расплакалась.

– Если мы когда-нибудь сможем что-нибудь для вас сделать... – сказал Малкольм. – Что, эти журналисты из местной газетенки сильно вас достали?

– Нет, бывало и хуже, – сказала Кейт.

– Вам, должно быть, понравилась та статья в Guardian? Нам было сложновато ее прочесть, но там про вас все правильно написали, что вы – отличный частный сыщик. И вы тоже, – добавил он, посмотрев на Тристана.

Шейла открыла сумочку.

– Я бы хотела отдать вам вот это, – сказала она, протягивая Кейт конверт.

Кейт открыла его и обнаружила внутри чек на пять тысяч фунтов.

– Мы не можем принять эти деньги, – сказала она, протягивая конверт обратно.

– Это деньги из государственного фонда для жертв преступлений... Компенсация за смерть Кейтлин, – сказала Шейла. – Мы бы хотели, чтобы эти деньги были у вас, чтобы вы покрыли свои расходы и, я надеюсь, продолжили заниматься тем, чем вы занимаетесь. Вы были нашей последней надеждой, и ваша работа вернула нам нашу маленькую девочку.

– Пожалуйста, возьмите их и пустите на благое дело, – сказал Малкольм.

Они все еще раз обнялись, после чего Малкольм с Шейлой ушли, а Кейт, Тристан и Джейк остались стоять у церкви.

Выглянуло солнце, и они потихоньку пошли туда, где стояла их машина. Джейк взял Кейт за руку.

– Я подержу тебя за руку. Меня тут никто не знает, – сказал он.

– Ну, буду довольствоваться этим. Ты скоро станешь взрослым мужчиной и уже не захочешь держать меня за руку, – улыбнулась Кейт.

– Кто хочет рыбы с картошкой? – спросил Тристан.

– Я, я, я! – закричал Джейк. – Я обожаю картошку из этого магазина в Эшдине.

– Но до Эшдина ехать несколько километров, – сказала Кейт.

– Тогда давайте найдем что-нибудь поближе, – сказал Джейк. – Мы же сможем сходить в тот магазин, когда я вернусь на две недели?

– Конечно, – сказала Кейт, и они загрузились в машину.

Джейк попросился приехать к Кейт почаще, и Гленда согласилась.

– Так, давайте найдем ближайшее место, где продают рыбу с картошкой. Нам же еще надо отметить, что мы теперь стали профессиональными частными детективами, – сказал Тристан.

Кейт кивнула и улыбнулась. Она беспокоилась о будущем, о том, как Джейк в ближайшие годы будет справляться с полученной травмой. Но в тот момент он просто был счастливым ребенком, которому хочется пойти и поесть жареной картошки.

Кейт пообещала себе, что будет крепко держаться за это счастье и всегда помнить о том, что свет, так или иначе, в итоге всегда торжествует над тьмой.

notes

1

Музей имени Ф. Дж. Хорнимана – старейший и крупнейший этнографический музей в Великобритании, основанный в 1901 г. известным коллекционером Ф. Дж. Хорниманом. В настоящее время его собрание насчитывает около 350 тыс. экспонатов. В саду музея собрана огромная коллекция самых разнообразных растений. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Утопленный сад – зона в саду или в парке, которая располагается ниже уровня садового горизонта, то есть «утоплена» по сравнению с окружающим ландшафтом. По внешнему периметру утопленный сад обрамляют живой изгородью, внутри оформляют пышными цветниками, максимально подчеркивая линии перепада высот.

3

Фэнтези-футбол – игра, в которой участники формируют виртуальную команду футболистов, чьи прототипы принимают участие в реальных соревнованиях и в зависимости от актуальной статистики своих выступлений набирают зачетные баллы. Как правило, эти футболисты должны играть в одном дивизионе определенной страны, но существует и много других вариантов. Впервые концепция фэнтези-футбола была представлена широкой публике в 1991 г. британской компанией *Fantasy League Ltd.* Национальную известность игра приобрела в ходе первого сезона (1992/1993) английской премьер-лиги. В наши дни благодаря широкому доступу в Интернет фэнтези-футбол превратился из незамысловатого развлечения в серьезный бизнес.

4

Удлиненные выходные – обычно с пятницы по вторник.

5

«Формайка» – фирменное название прочного жаростойкого пластика одноименной компании; часто используется для покрытия кухонной мебели.

6

Careless Whisper (букв. в переводе с англ. «Неосторожный шепот») – первый сольный хит британского певца Джорджа Майкла (1963–2016), участника поп-дуэта *Wham!* Песня выпущена в 1984 г.

«Гравитация» (*Gravity*) – амер. камерный технотриллер мексиканского режиссера Альфонсо Куарона (род. в 1961 г.), открывал 70-й Венецианский кинофестиваль. Главные и единственные роли в картине исполняют амер. актеры Сандра Буллок (род. в 1964 г.) и Джордж Клуни (род. в 1961 г.).

8

Гордонстон (*Gordonstoun School*) – известная привилегированная частная средняя школа совместного обучения на севере Шотландии. Основана в 1934 г.

9

«Уэзерспунс» (*J. D. Wetherspoon*) – сеть пабов в Великобритании и Ирландии (в народе известна как *Wetherspoon's* и *Spoon's*). Основана в 1979 г. Тимом Мартином (род. в 1955 г.).

10

Мраморная арка (*Marble Arch*) – триумфальная арка, сооруженная в 1828 г. по проекту архитектора Джона Нэша (1752–1835). Поначалу была установлена на улице Мэлл и служила парадными воротами в Букингемский дворец. В 1851 г. была перенесена в Гайд-парк; сейчас находится за его пределами.

Сэр Джеймс Уилсон Винсент – Джимми Сэвил (1926–2011) – англ. диджей, телеведущий и благотворитель. Известен прежде всего как ведущий программы для детей *Jim'll Fix It* на Би-би-си, а также как ведущий музыкального чарта *Top of the Pops*. Пожертвовал ок. 40 млн. фунтов стерлингов на благотворительность. За свою деятельность в 1990 г. был удостоен рыцарского звания.

12

Лоун-боулз (*lawn bowls*, где *lawn* – лужайка, *bowls* – шары) – традиционная английская спортивная игра на газоне, популярная в странах Британского содружества. Цель игры – подкатить асимметричные шары как можно ближе к небольшому белому шару, который называется Джек (*Jack*) или Китти (*Kitty*).

Ширли Вероника Бэсси (род. в 1937 г.) – британская певица, получившая известность за пределами своей страны после исполнения песен к фильмам о Джеймсе Бонде. Удостоена звания Дамы-Командора ордена Британской империи. Релиз альбома *Performance* состоялся в 2009 г.

14

The Girl From Tiger Bay – музыкальная композиция из альбома Ширли Бэсси *Performance*.

Thames Water – водопроводная компания, обслуживающая юго-восточную Англию.

«Лютер» (*Luther*) – британский психологический детективный сериал, созданный Нилом Кроссом. Шел на телеэкранах в 2010–2015 гг.

17

Night Nurse – противопростудное средство, содержит парацетамол, прометазин, декстрометорфан.

«Отель “Трансильвания”» (*Hotel Transylvania*) – амер. комедийный анимационный фильм 2012 г., в российском прокате вышел под названием «Монстры на каникулах».

«Кошкина люлька» (игра «в веревочку») – игра, в которой нитью (шнурком, веревкой), надетой на пальцы, образуют различные узоры (фигурки). Иногда процессу помогают зубами, запястьем, ступнями.

Nando's – крупная африканская сеть заведений общественного питания, специализирующихся на блюдах из курицы. Первое кафе было открыто в 1987 г. В настоящее время имеет свои точки более чем в 30 странах мира.

Джей Ар (JR) – Дж. Р. Юинг, центральный персонаж амер. сериала «Даллас» (шел на канале CBS в 1978–1991 гг.) о состоятельной тexasской семье Юингов. *Who shot JR?* («Кто застрелил Джей Ара?») – рекламный лозунг сериала, который привлек к телеэкранам рекордное количество зрителей – 83 млн.

У. Шекспир. «Макбет». Акт III, сцена 2. Перевод М. Лозинского. –
Здесь и далее примеч. пер.

«Край надежды и славы» (*Land of Hope and Glory*) – название и первая строка английской патриотической песни композитора Э. Элгара на слова Ф. Бенсона. Исполняется в торжественных случаях.

Пробация – вид уголовного наказания в Великобритании и США, которое заключается в наложении определенных ограничений на осуществление осужденным своих прав и свобод и назначении специального надзора за его поведением. Пробация служит альтернативой лишению свободы и, как правило, назначается за совершение незначительных по степени тяжести преступлений. В России функцию probation выполняет условное осуждение.

Сотрудник по связям с родными – в британской полиции специально обученный сотрудник, через которого происходит всякое взаимодействие следственной группы с семьей потерпевшего в особо тяжелых случаях при расследовании убийств и похищений. Полиция Лондона также прибегает к помощи этих людей в случае терактов и стихийных бедствий.

В Великобритании по закону тот, кто претендует на получение пособия по безработице, обязан работать менее 16 часов в неделю. Это одно из условий. Другие: возраст соискателя – старше 18 лет и младше пенсионного возраста; соискатель не обучается по полной образовательной программе; соискатель проживает в Англии, Шотландии или Уэльсе.

«Грайндр» (*Grindr*) – приложение, обеспечивающее доступ к геосоциальной сети для геев и бисексуальных мужчин.

Alphaville – немецкая синтипоп-группа, имевшая большую популярность в середине 1980-х гг. Образовалась в 1982 г. Группа получила мировую известность благодаря двум хитам – *Big in Japan* и *Forever Young*, вышедшим в 1984 г.

Премия «Кинжал» (*Dagger Award*) – премия британской Ассоциации писателей-криминалистов, основанной в 1953 г. Джоном Криси.

На диалекте кокни *syrup of figs* (инжирный сироп, сироп из фиг, который также употребляется в качестве слабительного) рифмуется со словом *wig* и означает «парик».

* «Жители Ист-Энда» (*East Enders*) – британский популярный телесериал о повседневной жизни простых обитателей вымышленного округа Уолфорд в Ист-Энде (восточной части Лондона). Выходит с 1985 г.

Генеральный медицинский совет (*General Medical Council*) – в Великобритании государственный орган, который ведет реестр дипломов, выдает разрешение на врачебную практику и контролирует соблюдение врачебной этики. Учрежден в 1858 г.

«Ты мигай, звезда ночная» – детский стишок-песенка сестер-поэтесс XIX в. Энн и Джейн Тейлор. Пользовался такой популярностью, что перешел в устное бытование как анонимный. Начинается словами: *Twinkle, twinkle, little star; How I wonder what you are! Up above the world so high/ Like a diamond in the sky.* («Ты мигай, звезда ночная!/ Где ты, кто ты – я не знаю./ Высоко ты надо мной,/ Как алмаз во тьме ночной»). – Пер. О. Седаковой).

Ай-ти-ви (ITV) – независимое телевидение. Одна из лидирующих телевизионных корпораций Великобритании. Основана в 1955 г. Получает доходы от демонстрации рекламы промышленных и торговых компаний; абонементной платы с телезрителей не взимает.

Sky News – британский круглосуточный информационный телеканал. Начал вещание в 1989 г. Входит в группу каналов компании *BSkyB (British Sky Broadcasting)*.

* *The Jeremy Kyle Show* – провокационная программа британского телевидения в формате таблоидного ток-шоу. Транслируется на канале ITV с июля 2005 г. В передаче затрагиваются такие темы, как семейные конфликты, любовные драмы, выяснение отношений, секс, наркотики, алкоголь. Ведущий – Джереми Кайл (род. в 1965 г.).

The Jerry Springer Show – амер. телепередача в формате таблоидного ток-шоу производства телекомпании NBC. Выходит с сентября 1991 г. Ведущий – бывший амер. политик Джерри Спрингер (род. в 1944 г.). В передаче обсуждаются такие темы, как супружеская измена, гомосексуальность, трансгендерность, различные сексуальные девиации, психические расстройства и т. п. Гости часто устраивают потасовки прямо в студии, используется ненормативная лексика.

Флит-стрит (*Fleet Street*) – улица в Лондоне, на которой до 1990 г. находились редакции большинства крупнейших газет.

Чарлтон Хестон (1923–2008) – культовый амер. актер, лауреат премии «Оскар» (1960). Наиболее известен по фильмам «Бен-Гур», «Планета обезьян», «Печать зла», «Десять заповедей». Семь раз избирался президентом Гильдии киноактеров, долгие годы возглавлял Национальную стрелковую ассоциацию – влиятельное амер. лобби, защищающее право населения на стрелковое оружие.

«Оружие у меня отберут только через мой труп» – знаменитая фраза Ч. Хестона, которую он произнес на съезде Национальной стрелковой ассоциации (НСА) в мае 2000 г., обращаясь к кандидату в президенты Элу Гору. Этой фразой он завершал каждое заседание НСА, на котором председательствовал.

День отца – в Великобритании отмечается в 3-е воскресенье июня. По традиции в этот день дети делают подарки отцам.

ITN (Independent Television News) – агентство, поставляющее видеоматериалы о событиях дня во все телевизионные компании Управления независимого вещания (*Independent Broadcasting Authority*).

Плоский Стэнли (*Flat Stanley*) – герой одноименной детской книги (1964) амер. писателя Джеффа Брауна (1926–2003). Это история про мальчика, на которого упала доска. Она расплющила его и сделала плоским. Стэнли выжил, и с тех пор его жизнь изменилась. У него появились необычные возможности. Он мог проникать в запертые помещения, проскальзывая в щель под дверью, мог прикинуться воздушным змеем или картиной на стене. Но главное – он стал путешествовать, посылая самого себя в конверте друзьям.

* *Marmite* – пряная пищевая паста, изготовленная из концентрированных пивных дрожжей с добавлением витаминов, трав и специй. «Мармайт» – символ Великобритании наряду с овсянкой и чаепитием. Классический вид – дегтеобразная густая паста. Имеет специфический вкус и запах. Его едят, намазывая тонким слоем на хлеб, тосты или крекеры. Относится к категории продуктов, которые либо безусловно любят, либо ненавидят. *You love it or hate it* – слоган рекламной кампании «Мармайта», который остается неизменным не один десяток лет.

The Sun – ежедневная газета бульварного толка. Основана в 1963 г.

***Daily Mirror* – ежедневная малоформатная газета, рассчитанная на массового читателя. Публикует много развлекательных и рекламных материалов. Основана в 1903 г.

***Daily Express* – британский ежедневный таблоид. Основан в 1900 г.

***News of the World* – воскресная газета бульварного типа, часто публикует сенсационные материалы неполитического характера. Основана в 1843 г.

«Горящий человек» (*Burning Man*) – в США восьмидневный фестиваль современного искусства, который проводится в пустыне Блэк-Рок (штат Невада) в конце лета. Кульминацией является сожжение огромной деревянной статуи человека.

«Внимание, розыск!» (*Crimewatch*) – программа Би-би-си, в которой излагаются подробности нераскрытых преступлений и просьбы к телезрителям сообщать любую информацию, которая поможет в их расследовании. Выходит с 1984 г.

«Крейгслист» (*англ. Craigslist* – букв. «Каталог Крейга», по имени основателя Крейга Ньюмарка) – сайт электронных объявлений. Создан в США в 1995 г.

Дело из романа «Девушка во льду».

«Улица Коронации» (*Coronation Street*) – популярный англ. телесериал о повседневной жизни нескольких семей, живущих на одной улице в городке на севере Англии. На экранах с 1960 г.

Игра в боулз (игра в шары) – традиционная английская спортивная игра, популярная в странах Британского содружества. Цель игры – подкатить асимметричные шары как можно ближе к небольшому белому шару, который называется «Джек» (*Jack*) или «Китти» (*Kitty*).

Сотрудники общественной поддержки полиции (*Community Support Officers – PCSO*) – гражданские (не приведенные к присяге) сотрудники полиции во всех 43 управлениях полиции в Англии и Уэльсе. Имеют ограниченные полномочия в сравнении с кадровыми сотрудниками полиции. Впервые появились в 2002 г. Службу несут в форменной одежде, но их форма, согласно требованиям, должна отличаться от формы офицеров полиции. В обязанности входит патрулирование, предотвращение антисоциальных проявлений и мелких правонарушений, мониторинг криминогенной обстановки, поддержка полицейских патрулей.

Ann Summers – крупнейшая британская компания-ритейлер по производству нижнего белья и секс-игрушек.

Стихотворение американки Мэри Элизабет Фрай (1905–2004).

Ahoj zlatko! (слов.) – Привет, золотце!

«Очень голодная гусеница» (*The Very Hungry Caterpillar*) – детская книжка с картинками амер. писателя Эрика Карла. Вышла в 1969 г., затем многократно переиздавалась. Это история гусеницы перед ее превращением в бабочку. Книга издается на картонных листах, ее особенность – наличие дырок в картоне («проеденных» гусеницей).

«Щегол» (*The Goldfinch*) – третий роман амер. писательницы Донны Тартт (род. в 1963 г.), опубликованный в 2013 г.

«Панч и Джуди» – традиционное уличное представление, где главные действующие лица – горбун Панч с крючковатым носом (воплощение оптимизма) и Джуди, его жена, неряшливая и нескладная. Представление дается в шатре из полосатой ткани, часто на приморском курорте.

Фамилия Харт (*Hart*) созвучна с английским словом *heart* (сердце).

Children in Need – ежегодная телевизионная программа британского телевидения, призывающая жертвовать в фонд помощи детям слаборазвитых и др. стран мира. Длится несколько часов и включает эстрадные номера. Передается Би-би-си-1 с 1980 г.

У. Шекспир. «Ромео и Джульетта». Акт 4. Сцена 5. В переводе
Б. Пастернака. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

Роман «Девушка во льду».

Сиротка Энни – огненно-рыжая девочка, героиня одноименного комикса, созданного американским графиком Гарольдом Греем (1894–1968); дидактический комикс ежедневно печатался в 400 газетах с 1925 по 1968 г.

Роман «Ночной Охотник».

Заботливые мишки (Care Bears) – персонажи-мишки и герои одноименного мультсериала. Первоначально набор из десяти мишек был создан в 1981 г. американской художницей Еленой Кучарик (Клэр Рассел) для серии поздравительных открыток. В 1983 г. была выпущена серия мягких игрушек с этими персонажами, а начиная с 1984 г. Заботливые мишки становятся героями нескольких мультсериалов и полнометражных мультипликационных фильмов, выпущенных компаниями *Nelvana* в 1980-х гг. и *Sabella Dern* в 2000-х гг.

«Улица Коронации» (*Coronation Street*) – популярный британский телесериал о повседневной жизни нескольких семей, живущих на одной улице в городке на севере Англии. Стартовал в 1960 г.

Сотрудник по связям с родными – в британской полиции специально обученный сотрудник, через которого происходит всякое взаимодействие следственной группы с семьей потерпевшего в особо тяжелых случаях при расследовании убийств и похищений. Полиция Лондона также прибегает к помощи этих людей в случае терактов и стихийных бедствий.

Мисс Хэвишем – персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды», богатая старая дева, безумная старуха-затворница, расхаживающая по дому в истлевшем подвенечном платье.

Социально-реабилитационный центр – субсидированное жилье, предназначенное для социальной реадaptации лиц, освободившихся из-под стражи.

HOLMES (*Home Office Large Major Enquiry System* – Главная система дознания Министерства внутренних дел) – главная поисковая система Министерства внутренних дел Великобритании, призванная анализировать и сопоставлять множество разнохарактерных улик, обнаруживаемых на месте происшествия, сравнивать их с данными по другим преступлениям, точно фиксировать следственные действия и т. п.

Здесь имеется в виду женская шляпка – с широкими полями только спереди, стянутыми с боков лентами.

Идрисса Акуна «Идрис» Эльба (род. в 1972 г.) – британский актер кино и телевидения, наиболее известный по фильмам «28 недель спустя» (2007), «Рок-н-роллер» (2008), «Призрачный гонщик-2» (2012), «Прометей» (2012), «Тихоокеанский рубеж» (2013).

Перес Хилтон (настоящее имя – Марио Армандо Лавандейра Младший, род. в 1978 г.) – американский блогер. Его сайт известен публикациями новостей, касающихся личной жизни музыкантов, актеров и знаменитостей.

Роза Паркс (1913–2005) – американский общественный деятель, зачинатель движения за права чернокожих граждан США.

Приобретательная давность – один из способов получения права собственности на имущество в результате добросовестного пользования в течение определенного срока.

Ночь Гая Фокса (Ночь костров, Ночь фейерверков) – в Великобритании традиционное ежегодное празднование в ночь на 5 ноября. В эту ночь, пятую после Хеллоуина, отмечается провал Порохового заговора: 5 ноября 1605 г. во время тронной речи короля Якова I, являвшегося протестантом, группа католиков-заговорщиков предприняла попытку взорвать здание Парламента Великобритании. Названа по имени предводителя заговорщиков Гая Фокса. Раскрытие заговора отмечается фейерверками и сожжением чучела Гая Фокса. Накануне дети выпрашивают монетки «для отличного парня Гая», чтобы купить петард.

В Великобритании пятиступенчатая система оценки террористической угрозы (введена с 1 августа 2006 г.): низкий, умеренный, значительный, серьезный и критический.

В Великобритании адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в высших судах.

Кооперативное сообщество – самый крупный потребительский кооператив в Великобритании. Основан в 1844 г.

Достопочтенный/ая (Honourable) – в Великобритании титулование детей пэров; применяется также в отношении замужних дочерей баронов и жен лиц, имеющих титул Honourable.

«*Золотая лань*» (Golden Hinde II) – точная копия небольшого английского галеона, совершившего кругосветное плавание в XVI в. под управлением капитана сэра Фрэнсиса Дрейка. «Золотая лань II», воссозданная к 400-летию кругосветной экспедиции, была спущена на воду в 1973 г.

Британский еженедельный журнал о радио и телевидении.
Печатает телепрограмму. Основан в 1923 г.

Сеть пабов в Великобритании и Ирландии (в народе известна как *Wetherspoon's* и *Spoon's*). Основана в 1979 г. Тимом Мартином (род. в 1955 г.).

Dibble – «полицейский» на сленге в Манчестере, где Эрика Фостер служила в полиции много лет. По имени персонажа, мистера Диббла, американского мультсериала «Суперкот» (*Top Cat*), впервые выпущенного на экраны в 1961 г.

Роман «Девушка во льду».

Careless Whisper (букв. в переводе с англ. – «Неосторожный шепот») – первый сольный хит британского певца Джорджа Майкла (1963–2016), участника поп-дуэта *Wham!*. Песня выпущена в 1984 г.

Сеть супермаркетов в Великобритании. Основана в 1904 г.

Francúzske Zemiaky (словац.) – картофель по-французски.

Британский круглосуточный информационный телеканал. Начал вещание в 1989 г. Входит в группу каналов компании *BSkyB* (*British Sky Broadcasting*).

Мэдлин Бэт Макканн – трехлетняя девочка из Великобритании, пропавшая из номера отеля в Прайя-де-Луш (Португалия) 3 мая 2007 г.

Цельнозерновое бисквитное печенье.

Здесь, очевидно, ссылка на книгу Рэнди Тараборрелли «Называйте ее мисс Росс» (*Call Her Miss Ross*) об американской певице Дайане Росс; книга вышла в 1989 г.

Сеть супермаркетов в Великобритании, торгующая главным образом замороженными продуктами. Основана в 1970 г.

Deal or No Deal – британский аналог телеигры, разработанной в Нидерландах. Передача шла на телеэкранах в 2005–2016 гг. Русская телеверсия (показывали в 2006 г.) носила название «Сделка». Суть игры: есть 26 чемоданов, в которых находятся разные суммы денег от 1 до 1 000 000. Участник выбирает один чемодан, с которым он проведет всю игру, если не захочет его поменять. Затем участник открывает другие чемоданы, и суммы, находящиеся в них, выбывают из игры. Против участника играет банкир, перед которым стоит задача не дать игроку уйти из студии с большими деньгами и выкупить его чемодан за меньшую цену.

Британский телесериал о жителях вымышленного пригорода Честера под названием Холлиоукс. На телеэкранах с 1995 г.

В тюремной системе Великобритании категорией А обозначаются самые опасные преступники, а также тюрьмы или их отделения с самыми строгими условиями содержания правонарушителей.

Коржик (*англ. Cookie Monster*) – вымышленный кукольный персонаж в телешоу «Улица Сезам» (международная детская образовательная телепрограмма, впервые вышла в эфир в 1969 г.), обжора.

Второй Ватиканский собор (1962–1965) – XXI Вселенский собор Католической церкви (созван по инициативе Иоанна XXIII), в результате которого католицизм официально перешел на модернистские и экуменические позиции.

Холлоуэй (Holloway) – тюрьма в Лондоне, самая большая женская тюрьма в Англии. Основана в 1883 г.

У. Шекспир. «Буря». Акт 1. Сцена 2. В переводе Мих. Донского.
(Здесь и далее примечания переводчика.)

102

6 футов = 182,88 см.

Служба специальных констеблей (Special Constabulary) – добровольческое подразделение сил регулярной полиции. Специальный констебль работает в свободное время на безвозмездной основе. Обладает всеми правами сотрудника регулярной полиции, как находясь на дежурстве, так и вне его.

50 футов = около 15 метров.

Прием Геймлиха – применяется для удаления инородных тел из верхних дыхательных путей и особенно эффективен при их полной обструкции (закупорке). Назван именем его изобретателя, американского врача Генри Геймлиха (род. в 1920 г.).

Сотрудники общественной поддержки полиции (Community Support Officers – PCSO) – гражданские (не приведенные к присяге) сотрудники полиции во всех 43 управлениях полиции в Англии и Уэльсе. Имеют ограниченные полномочия в сравнении с кадровыми сотрудниками полиции. Впервые появились в 2002 г.

107

215 миль = 346 км.

108

50 фунтов = 22,7 кг.

Westlife – вокальная поп-группа из Ирландии (1998–2012). В период с 1999 по 2006 г. 14 раз выходила на первое место в британских чартах.

110

8 фунтов = 3,62874 кг.

Хампстед-Хит (Hampstead Heath) – лесопарк на северной окраине Лондона, самая высокая точка города.

Ready Brek – готовый завтрак на основе овсянки производства компании Weetabix Limited.

«Уэзерспунс» (J. D. Wetherspoon) – сеть пабов в Великобритании и Ирландии (в народе известна как «Wetherspoon's» и «Spoon's»). Основана в 1979 г.

Жирочек – чек, который получают те, кто имеет право на пособие по безработице (безработные матери, инвалиды и т. п.). Его можно обменять на деньги в почтовом отделении.

Мажоретки – девушки в военной или военизированной форме, участницы парадов.

Нулевой трудовой договор (договор с нулевым временем) – трудовой договор, по которому работодатель не гарантирует работнику ежедневную занятость и оплачивает только фактически отработанные часы.

Weight Watchers – американская компания, предлагающая различные системы питания для похудения. Основана в 1963 г.

Дартмур (Dartmoor) – холмистая болотистая местность площадью ок. 954 км² в графстве Девон на юго-западе Англии, а также одноименный национальный парк Великобритании.

119

2 фута = 60,96 см.

120

Тазер – электрошоковое оружие нелетального действия, стреляющий электрошокер, обезвреживающий правонарушителя с помощью двух электродов-гарпунов.

121

Golden mile – в Блэмпле бульвар вдоль набережной, где располагаются аттракционы, казино, кафе, гостиницы, магазины.

Аллюзия на семью Уолтон из Ливерпуля, в которой в 1983 г. родились одновременно шестеро детей, все девочки, все выжили и выросли.

123

Почти 25 метров.

«In the Bleak Midwinter» – стихотворение английской поэтессы Кристины Россети (1830–1894), которое позже стало рождественским гимном.

125

4 фута = 121,92 см.

Сравнение с Джослин Вильденштейн, богатой светской львицей, которая стала жертвой пластической хирургии. Журналисты прозвали ее «невестой Вильденштейна» по аналогии с невестой Франкенштейна.

Аун Сан Су Чжи (род. в 1945 г.) – бирманский и мьянманский политический деятель, лидер партии «Национальной лиги за демократию», оппозиционной хунте, лауреат Нобелевской премии мира (1991). С 2016 г. министр иностранных дел Мьянмы и государственный советник. Под домашним арестом по разным обвинениям провела 15 лет в 1988–2010 гг.

Ty si sedlak (словац.) – *здесь*: придурок.

Moja zlata (словац.) – *здесь*: ЗОЛОТЦЕ.

Ku Bar – один из крупнейших гей-баров в Лондоне, находится близ Лестер-сквер.

Имельда Ремедиос Виситасион Ромуальдес (род. в 1929 г.) – филиппинский политический и общественный деятель, вдова 10-го президента (1965–1986) Филиппин Фердинанда Маркоса (1917–1989). За силу и жесткость характера, в сочетании с красотой и изяществом, ее иногда называют «стальной бабочкой» или «железной бабочкой».

132

6 футов 3 дюйма = 190,5 см.

Boots – британская фармацевтическая компания, выпускает и продает через широкую сеть собственных аптек и магазинов аптекарские товары, предметы личной гигиены и косметики, некоторые предметы домашнего обихода, канцелярские принадлежности, книги и аудиозаписи. Основана в 1888 г.

HOLMES (Home Office Large Major Enquiry System – Главная система дознания Министерства внутренних дел) – главная поисковая система Министерства внутренних дел Великобритании, призванная анализировать и сопоставлять множество разнохарактерных улик, обнаруживаемых на месте происшествия, сравнивать их с данными по другим преступлениям, точно фиксировать следственные действия и т. п.

135

6 стоунов = 38,1 кг (1 стоун = 14 фунтов = 6,35 кг).

Ryvita – фирменное название хрустящих ржаных диетических хлебцев производства одноименной компании.

Резиновые сапоги.

138

50 футов = 15,24 м.

139

4 дюйма – 10,16 см.

Марипоса – белый цветок с сильным ароматом, символ Кубы. Символизирует чистоту, непокорность и независимость.

Энид Мэри Блайтон (1897–1968) – известная британская писательница, творившая в жанре детской и юношеской литературы. Произведения Э. Блайтон – это приключенческая детская литература, иногда с элементами фэнтези.

142

2 стоуна = 12,7 кг.

Брауни (brownie) – в мифологии Шотландии и северной Англии добрые домашние духи – подобные эльфам маленькие человечки с темными нечесаными волосами и голубыми глазами, выполняющие по ночам домашнюю работу.

«Овал» (The Oval) – стадион для крикета, расположенный в Кеннингтоне (Лондон). Построен в 1845 г.

«Врата Януса: серийные убийства и их анализ с точки зрения болотного убийцы Иэна Брейди» – книга, написанная серийным убийцей Иэном Брейди, который в начале 1960-х гг. вместе со своей сообщницей Майрой Хиндли похитил и убил по меньшей мере пятерых детей на северо-западе Англии. Парочку прозвали «болотными убийцами», потому что двое из ее жертв были обнаружены в могилах на верещатнике Сэдлуорт в Пеннинских горах.

«Американский психопат» (American Psycho) – роман известного американского писателя Брета Истона Эллиса (род. в 1964 г.), в котором повествование ведется от лица маньяка-убийцы.

«Великолепная пятерка» (Famous Five) – серия детских детективных книг английской писательницы Энид Блайтон. Первая книга из серии, «Тайна острова сокровищ» (Five on a Treasure Island), была опубликована в 1942 г.

В Великобритании пятиступенчатая система оценки террористической угрозы (введена с 1 августа 2006 г.): низкий, умеренный, значительный, серьезный и критический.

«Грязная» бомба – вид радиологического оружия.

Comic Relief (букв. «помощь от комиков») – английская благотворительная организация, основанная в 1985 г. профессиональными артистами-комиками.

Пападам – блюдо индийской кухни, жареная тонкая чечевичная лепешка, иногда с добавлением специй.

Чатни – традиционный индийский соус, оттеняющий вкус основного блюда. Обычно готовится из фруктов, реже – из овощей.

«Осьминожка» (Octopussy, 1983 г.) – 13-й фильм о Джеймсе Бонде.

В английском языке одно из значений «flare», помимо «сигнальной ракеты», – «клеш» (юбки и т. п.).

Обезьяний кулак – декоративный веревочный узел с основой в виде металлического шарика или любого подобного предмета. Название получил из-за схожести со сжатым кулаком. – *Здесь и далее примеч. пер.*

«Хэрродз» – роскошный лондонский универмаг, один из самых знаменитых торговых домов в мире.

LinkedIn – социальная сеть, направленная на поиск работы и создание деловых связей.

«Любовь» и «Ненависть» (*англ.*).

Американский бренд одежды.

Леттербоксинг – популярный в Европе и США способ проведения досуга, заключающийся в поиске тайников по специально составленному маршруту. В подобных тайниках часто оставляют открытку для следующего человека, который его обнаружит.

En croute (*фр.*) – *здесь*: запеченый в тесте с корочкой.

Клубника со сливками является традиционным угощением во время проведения Уимблдонского турнира по теннису.

Google Earth – проект компании *Google*, в рамках которого в сети Интернет были размещены спутниковые изображения всей земной поверхности.

Банковские каникулы – общественный праздник в Великобритании и странах Содружества.

165

О, боже мой (*англ.*).

В 1984 году в Гранд-отеле в Брайтоне членами Ирландской республиканской армии было совершено покушение на жизни премьер-министра Маргарет Тэтчер и нескольких представителей консервативной партии.

Table of Contents

[Роберт Брындза Девушка во льду.](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)
[Глава 34](#)
[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)
[Глава 42](#)
[Глава 43](#)
[Глава 44](#)
[Глава 45](#)
[Глава 46](#)
[Глава 47](#)
[Глава 48](#)
[Глава 49](#)
[Глава 50](#)
[Глава 51](#)
[Глава 52](#)
[Глава 53](#)
[Глава 54](#)
[Глава 55](#)
[Глава 56](#)
[Глава 57](#)
[Глава 58](#)
[Глава 59](#)
[Глава 60](#)
[Глава 61](#)
[Глава 62](#)
[Глава 63](#)
[Глава 64](#)
[Глава 65](#)
[Глава 66](#)
[Глава 67](#)
[Глава 68](#)
[Глава 69](#)

[Глава 70](#)

[Глава 71](#)

[Глава 72](#)

[Глава 73](#)

[Глава 74](#)

[Глава 75](#)

[Глава 76](#)

[Глава 77](#)

[Глава 78](#)

[Глава 79](#)

[Глава 80](#)

[Глава 81](#)

[Глава 82](#)

[Глава 83](#)

[Эпилог](#)

[К читателю](#)

[От автора](#)

[Роберт Брындза Ночной Охотник](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)
[Глава 21](#)
[Глава 22](#)
[Глава 23](#)
[Глава 24](#)
[Глава 25](#)
[Глава 26](#)
[Глава 27](#)
[Глава 28](#)
[Глава 29](#)
[Глава 30](#)
[Глава 31](#)
[Глава 32](#)
[Глава 33](#)
[Глава 34](#)
[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)
[Глава 42](#)
[Глава 43](#)
[Глава 44](#)
[Глава 45](#)
[Глава 46](#)
[Глава 47](#)
[Глава 48](#)
[Глава 49](#)
[Глава 50](#)
[Глава 51](#)
[Глава 52](#)
[Глава 53](#)
[Глава 54](#)
[Глава 55](#)
[Глава 56](#)

[Глава 57](#)

[Глава 58](#)

[Глава 59](#)

[Глава 60](#)

[Глава 61](#)

[Глава 62](#)

[Глава 63](#)

[Глава 64](#)

[Глава 65](#)

[Глава 66](#)

[Глава 67](#)

[Глава 68](#)

[Глава 69](#)

[Глава 70](#)

[Глава 71](#)

[Глава 72](#)

[Глава 73](#)

[Глава 74](#)

[Глава 75](#)

[Глава 76](#)

[Глава 77](#)

[Глава 78](#)

[Глава 79](#)

[Глава 80](#)

[Глава 81](#)

[Глава 82](#)

[Глава 83](#)

[Глава 84](#)

[Эпилог](#)

[К читателю](#)

[От автора](#)

[Роберт Брынτζа Темные воды](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)
[Глава 6](#)
[Глава 7](#)
[Глава 8](#)
[Глава 9](#)
[Глава 10](#)
[Глава 11](#)
[Глава 12](#)
[Глава 13](#)
[Глава 14](#)
[Глава 15](#)
[Глава 16](#)
[Глава 17](#)
[Глава 18](#)
[Глава 19](#)
[Глава 20](#)
[Глава 21](#)
[Глава 22](#)
[Глава 23](#)
[Глава 24](#)
[Глава 25](#)
[Глава 26](#)
[Глава 27](#)
[Глава 28](#)
[Глава 29](#)
[Глава 30](#)
[Глава 31](#)
[Глава 32](#)
[Глава 33](#)
[Глава 34](#)
[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)

[Глава 42](#)
[Глава 43](#)
[Глава 44](#)
[Глава 45](#)
[Глава 46](#)
[Глава 47](#)
[Глава 48](#)
[Глава 49](#)
[Глава 50](#)
[Глава 51](#)
[Глава 52](#)
[Глава 53](#)
[Глава 54](#)
[Глава 55](#)
[Глава 56](#)
[Глава 57](#)
[Глава 58](#)
[Глава 59](#)
[Глава 60](#)
[Глава 61](#)
[Глава 62](#)
[Глава 63](#)
[Глава 64](#)
[Глава 65](#)
[Глава 66](#)
[Глава 67](#)
[Глава 68](#)
[Глава 69](#)
[Глава 70](#)
[Глава 71](#)
[Глава 72](#)
[Глава 73](#)
[Глава 74](#)
[Глава 75](#)
[Глава 76](#)
[Глава 77](#)
[Глава 78](#)

[Глава 79](#)

[Глава 80](#)

[Эпилог](#)

[К читателю](#)

[От автора](#)

[Роберт Брындза Последнее дыхание](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)
[Глава 32](#)
[Глава 33](#)
[Глава 34](#)
[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)
[Глава 42](#)
[Глава 43](#)
[Глава 44](#)
[Глава 45](#)
[Глава 46](#)
[Глава 47](#)
[Глава 48](#)
[Глава 49](#)
[Глава 50](#)
[Глава 51](#)
[Глава 52](#)
[Глава 53](#)
[Глава 54](#)
[Глава 55](#)
[Глава 56](#)
[Глава 57](#)
[Глава 58](#)
[Глава 59](#)
[Глава 60](#)
[Глава 61](#)
[Глава 62](#)
[Глава 63](#)
[Глава 64](#)
[Глава 65](#)
[Глава 66](#)
[Глава 67](#)

[Глава 68](#)

[Глава 69](#)

[Глава 70](#)

[Глава 71](#)

[Глава 72](#)

[Глава 73](#)

[Глава 74](#)

[Глава 75](#)

[Глава 76](#)

[Глава 77](#)

[Глава 78](#)

[Глава 79](#)

[Глава 80](#)

[Глава 81](#)

[Глава 82](#)

[Глава 83](#)

[Глава 84](#)

[Глава 85](#)

[Глава 86](#)

[Глава 87](#)

[Глава 88](#)

[Глава 89](#)

[Глава 90](#)

[Глава 91](#)

[Эпилог](#)

[От автора](#)

[Благодарности](#)

[Роберт Брындза Холодная кровь](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)
[Глава 11](#)
[Глава 12](#)
[Глава 13](#)
[Глава 14](#)
[Глава 15](#)
[Глава 16](#)
[Глава 17](#)
[Глава 18](#)
[Глава 19](#)
[Глава 20](#)
[Глава 21](#)
[Глава 22](#)
[Глава 23](#)
[Глава 24](#)
[Глава 25](#)
[Глава 26](#)
[Глава 27](#)
[Глава 28](#)
[Глава 29](#)
[Глава 30](#)
[Глава 31](#)
[Глава 32](#)
[Глава 33](#)
[Глава 34](#)
[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)
[Глава 42](#)
[Глава 43](#)
[Глава 44](#)
[Глава 45](#)
[Глава 46](#)

[Глава 47](#)

[Глава 48](#)

[Глава 49](#)

[Глава 50](#)

[Глава 51](#)

[Глава 52](#)

[Глава 53](#)

[Глава 54](#)

[Глава 55](#)

[Глава 56](#)

[Глава 57](#)

[Глава 58](#)

[Глава 59](#)

[Глава 60](#)

[Глава 61](#)

[Глава 62](#)

[Глава 63](#)

[Глава 64](#)

[Глава 65](#)

[Глава 66](#)

[Глава 67](#)

[Глава 68](#)

[Глава 69](#)

[Глава 70](#)

[Глава 71](#)

[Глава 72](#)

[Глава 73](#)

[Глава 74](#)

[Глава 75](#)

[Глава 76](#)

[Глава 77](#)

[Глава 78](#)

[Глава 79](#)

[Глава 80](#)

[Глава 81](#)

[Эпилог](#)

[К читателю](#)

Благодарности
Роберт Брындыа Девять Вязов Роман
Осень 1995

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Пятнадцать лет спустя Сентябрь 2010 год

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28

[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)

66
67

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35

36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72

[73](#)

[74](#)

[75](#)

[76](#)

[77](#)

[78](#)

[79](#)

[80](#)

[81](#)

[82](#)

[83](#)

[84](#)

[85](#)

[86](#)

[87](#)

[88](#)

[89](#)

[90](#)

[91](#)

[92](#)

[93](#)

[94](#)

[95](#)

[96](#)

[97](#)

[98](#)

[99](#)

[101](#)

[102](#)

[103](#)

[104](#)

[105](#)

[106](#)

[107](#)

[108](#)

[109](#)

[110](#)

[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)

[148](#)

[149](#)

[150](#)

[151](#)

[152](#)

[153](#)

[154](#)

[155](#)

[156](#)

[157](#)

[158](#)

[159](#)

[160](#)

[161](#)

[162](#)

[163](#)

[164](#)

[165](#)

[166](#)